

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

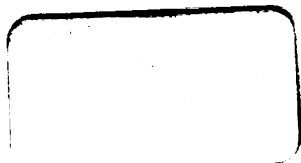
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and

First Director of This Library

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

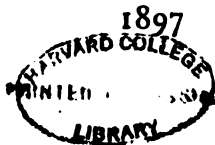
ТОМЪ LXX

1897

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ЦЕР., Д. 18

PSlav 381.10 (1897, 70)

A
~~PSlav 381.10~~
✓

6
HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
MEMORIAL CARY COOLIDGE FUND
381.10, 1897

КОНСТАНТИНЪ ПЕТРОВИЧЪ КАУФМАНЪ.

ДВѢ СУДЬБЫ.

Историческій разсказъ.

«Обычай у московскихъ князей издавна
желати крови братій своихъ и губити
ихъ убогихъ, ради окаянныхъ отчинъ,
песытства ради своего».

Курбскій.

I.

Подкопъ.

ЕКАБРЬ 1497 года былъ еще только въ началѣ; до рождественскихъ святокъ оставалось еще недѣли двѣ, а морозы стояли настоящіе, крещенскіе—трескучіе, такіе, что, по народному говору, птица на лету мерзла. Солнце съ утра вставало багровое, безъ лучей, среди густого полога тумана; воздухъ былъ наполненъ ярко блиставшими на солнцѣ морозными блестками и иглами инея; и мѣсяцъ вспывалъ вечеромъ на небо, окруженный тройнымъ кольцомъ, отливавшимъ цвѣтами радуги... А чуть только мѣсяцъ скрывался, на сѣверной сторонѣ неба загорался яркій спдохъ, вспыхивалъ то тутъ, то тамъ, свѣтлыми громадными столпами, мѣнялъ цвѣта и игру лучей, потухалъ разомъ и вновь вспыхивалъ яркимъ полымемъ...

— Не къ добру этакіе спдохи на небѣ бываютъ, — толковали московскіе старожилы:—охъ, не къ добру!

— Либо къ войнѣ, либо къ переставленію власти, — добавляли другіе.—Ни дать, ни взять такіе спдохи играли, какъ у Шемяки съ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ распря-то поднялась...

— Быть бѣдамъ! — вздыхали суевѣрные люди, со страхомъ и опасеніемъ поглядывая на величественное явленіе природы, и истолковывали его по-своему.— Да и мудроно добра ждать, когда на княземъ дворѣ растутъ два княжича—оба старшіе; а у нихъ за спиною двѣ матери, что двѣ волчицы, другъ на друга зубы точать... Долго ли тутъ до бѣды?

— Ну, что-жь, что волчицы? Небось, надъ ними князь великій, Иванъ Васильевичъ, грозой стоитъ! Забыли вы о немъ, что ли, что расхныкались?

— И грозенъ князь Иванъ Васильевичъ, и немилостивъ!—отвѣчали робкіе люди на эти утѣшенія.— Да въ томъ-то и бѣда, что тутъ онъ между матерями не судья! Ни сыну своему княжичу Василию онъ не врагъ; ни внуку своему—княжичу Дмитрію Ивановичу... А какъ онъ между ними правъ разсудить, какъ ему Богъ на душу положить? Невѣдомо...

— Да вѣдь внукъ-то у него отъ старшаго сына? Отъ любимаго, который ужъ и при жизни отцу соправителемъ былъ, и на грамотахъ свое имя рядомъ съ его именемъ писалъ... Ну, такъ по отчинѣ и по дѣдинѣ внуку и на столѣ великокняжескомъ быть надлежитъ...

— Да вѣдь и княжичъ-то Василій тоже, небось, ему не чужой? Хоть и отъ второй жены, да все же сынъ родной?

— Да! Тутъ и точно мудроно разобратъся... Замѣшка можетъ выйти немалая...

Такими и подобными толками гудѣла вся Москва, и шли эти толки всюду: и на боярскихъ подворьяхъ между челядинцами, и на базарахъ между сѣрымъ людомъ и бойкими московскими торговками, и по кружаламъ, въ которыя отовсюду стекались всякіе смутные слухи, сплетни и болѣе или мѣнѣе достовѣрныя разсказни о томъ, что происходило при дворѣ великокняжескомъ. А всѣ знали, что тамъ уже не первый годъ ведется ожесточенная борьба между Софьей Оминишной, второю женою великаго князя Иоанна Васильевича, и Еленой Степановной, вдовой старшаго сына Иоаннова, умершаго лѣтъ семь тому назадъ. Всѣ знали, что борьба эта зашла уже очень далеко, что весь дворъ великаго князя подѣлился на двѣ стороны, изъ которыхъ одна стояла за Софью Оминишну и ея сына Василя, а другая отстаивала права внука великокняжескаго и его матери, Елены Степановны. Ни для кого не было тайной, что гордая Софья, прирожденная царевна греческая, ненавидитъ Елену, дочь господаря молдавскаго Стефана, и что Елена платитъ Софьѣ такую же ненавистью, что онѣ обѣ, ради соблюденія интересовъ и поддержки правъ своихъ сыновей, готовы на все... И всѣ изумлялись тому спокойствію, съ которымъ грозный Иоаннъ Васильевичъ сносилъ эту борьбу, происходившую около него, передъ его глазами—и не склонялся ни на ту, ни на другую сторону.

— А вѣдь старѣеть ужъ и болѣть начинается! — толковали о немъ въ народѣ. — Не ровень часъ волѣ Божіей — да какъ его-то не станеть? Что тогда? Тогда чего ждать!

И всѣ съ смутною тревогой смотрѣли въ будущее, всѣ надѣялись на то, что при жизни великаго князя Іоанна Васильевича ни его 18-ти-лѣтній сынъ, ни внукъ, только-что выходившій изъ отрочества, не дерзнуть отстаивать своихъ правъ, и ждали, нетерпѣливо ждали, чтобы этотъ жгучій, давно назрѣвавшій вопросъ разрѣшился такъ или иначе державною волею Іоанна, которому всѣ издавна привыкли подчиняться безпрекословно. Никому и въ голову не приходило, что именно въ тѣ дни, когда сполохи, играя на небѣ и переливаясь всѣми цвѣтами радуги, вселяли робость и пробуждали опасенія въ сердцахъ москвичей, — роковой вопросъ объ отношеніяхъ и правахъ сына и внука великокняжескаго близился къ нежданному разрѣшенію...

Богатое и многолюдное подворье князя Івана Юрьевича Патрикѣва давно уже покоилось глубокимъ сномъ; не спали только собаки, снуещенныя съ цѣпей и громко отзывавшіяся на лай множества другихъ собачьихъ голосовъ, разомъ поднимавшійся и стихавшій въ отдаленіи; да еще боярскіе ночные сторожа, съ толстымъ дубьемъ бродившіе по двору около княжескихъ хоромъ и изрѣдка постукивавшіе въ доску, подвѣшенную у обширныхъ и высокихъ амбаровъ. Поскрипывая на ходу по мерзлому снѣгу, сторожа хлопывали въ рукавицы и въ плеча, и топтались на одномъ мѣстѣ, то потирая носы и уши, то нахлобучивая поглубже ушастыя шапки и ворча себѣ подъ носъ:

— Морозище какой завернулъ! Вторую недѣлю отъ него родыху нѣтъ... Сколько рожь на Москвѣ припятналъ: того и гляди, коли заѣднешися, либо безъ носу, либо безъ ушей останешься...

И тѣ же сторожа, изрѣдка пріостанавливаясь на ходу, съ немалымъ удивленіемъ поглядывали на окно въ боярской вышкѣ, въ которомъ сквозь темную занавѣсъ свѣтились два огня отъ свѣчей, и по временамъ видны были тѣни двухъ головъ, заграждавшія огоньки.

— Не спить сегодня что-то князь-то нашъ! — шепнулъ мимоходомъ одинъ сторожъ другому.

— Гдѣ ему спать!.. Онъ тамъ и не одинъ, на вышкѣ на своей... А кто тамъ у него? Не знаешь ли?

— Почему мнѣ знать! Небось, не сказывался мнѣ... А я бы, будь я князь, на теплую лежанку завалился бы, да такую-то выхراпку бы задалъ, что и-и-и!

Въ это мгновеніе собаки разомъ съ неистовымъ лаемъ метнулись къ воротамъ, заслышавъ скрипъ шаговъ за высокимъ заборомъ.

— Ну, что вы!—крикнулъ на нихъ сторожъ. — По мѣстамъ... Какого дѣлаго зачуяли?

Но собаки продолжали лаять и влобно рычать у воротъ, и, среди этого лая и рычанья, сторожа съ трудомъ разслышали, какъ кто-то легонько побрякивалъ воротнымъ кольцомъ о скобку...

— Кто тамъ?—окликнули они, подходя къ воротамъ и прислушиваясь у калитки.

— Къ князю Ивану Юрьевичу — съ вѣстями, — проговорилъ кто-то въ полголоса.

— Кой путь тебя по ночамъ носить... Князь-то Иванъ Юрьевичъ давно въ постели!...

— Ну, ври больше, холопье отродье!—громко проговорилъ тотъ же голосъ.—Не отворишь мигомъ, такъ завтра же подъ батогами околѣешь!

Сторожа ничего не нашлись отвѣтить на этотъ энергическій доводъ, и въ то время, какъ одинъ изъ нихъ отгонялъ собакъ къ амбару, другой отодвинулъ засовъ калитки и впустилъ въ нее высокаго мужчину, въ войлочномъ бѣломъ колпакѣ, нахлобученномъ на самыя брови, и въ нагольной шубѣ съ высоко-поднятымъ воротникомъ... Вошедшій въ калитку мужчина сверкнулъ изъ-за воротника большими черными глазами и приказалъ себя проводить къ крыльцу княжого дома.

Приказаніе было настолько опредѣленно и ясно, что тотъ, къ кому оно оносилось, не смѣя перечить, повелъ неожиданнаго гостя къ крыльцу. И едва только шаги его васкрипѣли по ступенямъ крыльца, тяжелая дверь княжескихъ хоромъ отворилась сама собою—гость вошелъ въ нее согнувшись и притворилъ ее за собою.

— Видно, ждали его,—шепнулъ одинъ сторожъ другому.— Въ эту дверь, небось, не спросясь, не сунешься!

— Ждали, вѣстимо! Не даромъ и самъ-то князь не спалъ— свѣчи о сю пору жегъ...

И они разошлись въ разныя стороны, поскрипывая на ходу мѣрзлымъ снѣгомъ и похлопывая рукавицей о рукавицу.

А на вышкѣ, тѣмъ временемъ, между старымъ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ и зятемъ его, княземъ Семеномъ Ряполовскимъ, шла оживленная тайная бесѣда. Сановитый и дородный князь Иванъ Юрьевичъ сидѣлъ, опершись на столъ локтями и опустивъ на руки свою сѣдую, кудластую голову. Нахмуривъ густыя брови и лишь изрѣдка перебирая свою окладистую бороду, опускавшуюся почти до пояса, онъ внимательно и вдумчиво вслушивался въ то, что говорилъ ему собесѣдникъ его, энергичный и живой красавецъ-мужчина, лѣтъ тридцати шести... Темноволосый, курчавый, съ большими карими глазами и небольшою курчавой русой бородкой, князь Ряполовскій, высокій ростомъ и стройный, отличался отъ всѣхъ остальныхъ бояръ московскихъ такою силою и убѣдительно-

ностью рѣчи, что всѣ любили его слушать, и самъ великій князь не разъ въ шутку называлъ его «гуслими звончатыми»... Сидя напротивъ тестя, по другую сторону стола, онъ не спускалъ глазъ съ стараго князя, и, то повышая, то понижая голосъ, говорилъ быстро, убѣдительно и смѣло, развивая свою мысль и ни одного слова не роняя даромъ...

— Такъ-то такъ!—замѣтилъ наконецъ, послѣ долгаго молчанія, князь Патрикѣвъ,—тебя послушай—вслушаешься! А только одно тебѣ скажу: ты и моею, и своею головою играешь, Сеня!

— Ну, такъ что же, тещюшка! Ужъ лучше головою поиграть, нежели дожить до такого срама, что насъ, прирожденныхъ князей и старинныхъ бояръ московскихъ, дѣяки да дѣти боярскія въ думѣ великокняжеской мѣстами посядутъ, Грекиня намъ рты замажетъ, посадивши князя Василья на столъ отцовскій...

— Грекиней ты не шути, Сеня! Хитра и изворотлива она... Гдѣ нашей Еленѣ Степановнѣ съ ней въ уловкахъ тягаться! Та коли не прямо, такъ околицей найдетъ дорогу къ господину нашему; а эта только хнычетъ да ноетъ, да о правахъ своего княжича сына твердить... А господинъ-то нашъ, знай, помалкиваетъ, да приглядывается къ княжичамъ, и никому о нихъ своей думы не выдаетъ...

— Приглядывается? А если усмотритъ измѣну какую, аль коварство и шапни вскрыетъ Васильевы, и мы ему докажемъ ихъ затѣю, и рукой дадимъ оцупать? Тогда что?

— Тогда?... Ну, тогда храни ихъ Богъ... Коли звѣрь въ немъ проснется—яхъ пособникамъ, дѣякамъ да дѣтямъ боярскимъ, не спосить будетъ головъ...

— Ну, то-то же! Да развѣ онъ станетъ розыски чинить? Станетъ допрашивать? Доискиваться—добиваться?... Онъ занкнутъ никому не дастъ! Самъ все, молъ, вижу! Самъ понимаю... И разомъ повернетъ на нашу сторону!

— Это-то, пожалуй, и такъ... Не любить господинъ напгъ, чтобы кто въ душу къ нему заглядывалъ, да и впередъ его воли забѣгалъ.

— А тутъ вѣдь дѣло все въ томъ, что онъ, быть можетъ, о вѣнчаньи княжича Дмитрія и въ мысляхъ своихъ не вмѣщаетъ, а они ужъ закопошились, ужъ ворошать дѣло, ужъ препоны хотятъ тому вѣнчанью ставить... А? Что онъ имъ на это скажетъ?..

— Вѣстимо что!—проговорилъ съ улыбкой князь Иванъ Юрьевичъ.—Скажетъ: кто мнѣ судья? развѣ я не воленъ свою внука вѣнчать? Знаемъ мы господина нашего! Не по первый годъ съ нимъ живемъ!

— Вотъ то-то и оно! А ихъ крамолу всю мы ему, какъ облупленное яичко, поднесемъ.... И какъ бѣжать княжича Василья подговаривали, и какъ казною во Владимірѣ и въ Вологдѣ завладѣть

собирались, и кто ему и матери его крестъ цѣловать на томъ, чтобъ за княжича стоять, и какъ княжича Дмитрія лихими бабами извести ладили... Все, все доведемъ...

— Охъ, говорить-то ты гораздъ, вятюшка! Да гдѣ-то у тебя послухи, гдѣ?..

— Да я же говорю тебѣ, что заручился я и видокомъ, и послухомъ. Руновъ Андрей изъ нашихъ же закупленъ мною и всѣхъ ихъ продалъ—всѣхъ! И запись крестоцѣловальную выкрасть у княжича изъ ларца взялся!.. Вотъ жду его—сюда и жду...

— Смотри, не промахнись! Плохія шутки—тутъ дѣло кровью пахнетъ!

Въ это время поднялся на дворѣ громкій лай собакъ, и послышались голоса сторожей у воротъ... Князь Семень Ряполовскій вскочилъ изъ-за стола съ сіяющимъ лицомъ.—«Не промахнусь! Вотъ онъ! Пообѣщаль до первыхъ пѣтуховъ здѣсь быть»...

Дверь хлопнула внизу въ сѣняхъ, и чьи-то медленные, тяжелые шаги слышались по лѣстницѣ, которая вела къ свѣтелкѣ. Минуту спустя, дверь отворилась, и вошелъ высокій, худощавый и черно-волосый мужчина, суроваго и сумрачнаго вида. Густые, черные усы широкими двумя прядями спускались на темную съ просѣдью бороду; большіе, темные глаза смотрѣли исподлобья изъ-подъ густыхъ черныхъ, изогнутыхъ бровей. Онъ поклонился молча, на обѣ стороны, и сталъ у двери, не проронивъ ни слова.

— Ну, что? Припелъ?—спросилъ его князь Ряполовскій, стараясь всѣми силами подавить свое нервное волненіе.

— Что выговорено, то и вымолочено,—проговорилъ Андрей Руновъ, многозначительно поднимая брови.

— А! Люблю молодца за обычай... Со взломомъ—силой взять, или инако?—допытывался князь Семень.

— Про то моя подоплека знаетъ, князь. А ты принесть ли? Я вѣдь только бангъ-на-бангъ съ тобою помѣняюсь...

— Съ чего ты вздумалъ, что я княжеское слово поломаю!?—вспыхнулъ князь Семень. И, сунувъ руку за пазуху, вытащилъ оттуда столбецъ, исписанный кругомъ дьяческими крюками и росчерками.—Вотъ она—данная на сельцо Козлово съ приселками и деревнями: Шерпею, Перервою и Скрябиной... съ угожьями и рыбными езами и бортевыми ухояжами...

Князь Иванъ Юрьевичъ, смотрѣвшій со стороны на эту сцену, увидѣлъ, какъ заблестали и загорѣлись алчнымъ огнемъ глаза Андрея Рунова при видѣ этой данной... Онъ полѣзъ за пазуху—долго рылся и вытащилъ оттуда небольшой, туго скрученный листокъ бумажки, подвязанный къ крестовому гайтану. Отвязалъ и, держа его въ правой, сжатой рукѣ, лѣвую протянулъ за княжескою данною, чуть слышно цѣдя сквозь зубы:

— Прочестъ бы надо, поразсмотрѣть...

— Итъ, ты прежде мнѣ свое-то покажи,—настаивалъ князь Семень и почти вырвалъ у него изъ рукъ завитый листокъ.

— Греческой цифирью писанъ?!—промолвилъ онъ, смущенный и озадаченный, вопросительно поглядывая на Рунова.

— А сзади ключъ къ рѣшеткѣ подклеенъ — разобрать не мудрено,— отвѣчалъ тотъ.— Вотъ видишь, тутъ всё они: Стромиловъ Федька, и Ванька Гусевъ, и Яропкинъ Аеонька, и Поярокъ Павша, и Палецкій, и Щавья Стровинъ... Всѣ! Дьяки тѣ руку приложили, а тѣ кресты поставили...

Князь Ряполовскій пробѣжалъ глазами цифирь и положилъ лоскутъ за пазуху, потомъ подалъ данную Рунову и проговорилъ въ волненіи:

— Столько же еще получишь, если въ отгвѣтъ устоишь... И службы твоей не позабуду...

— Если Богъ поможетъ голову на плечахъ сносить,— мрачно добавилъ Руновъ.— Понимаемъ!.. Ну, а какъ, князь, думаешь: пытать при спросѣ стануть?

— Кто жъ это знаетъ? Отстоимъ тебя, авось,— не совсѣмъ рѣшительно сказалъ князь Семень.— Бойшься, что-ль?

— Нѣтъ, не то, чтобы боялся,— спокойно и медленно проговорилъ Руновъ,— а только ужъ тогда, коль выживу, цѣна другая будетъ... Не прогибайтесь, князь-бояре...

— Тогда я отъ себя тебѣ съ своего плеча добавлю шубу и терликъ съ золотымъ плетеньемъ,— вступился князь Иванъ Юрьевичъ, пораженный смѣлостью и спокойствіемъ Рунова.

— И на томъ благодарю покорно... Да вотъ еще, чтобъ не забыть, князь-государь,— добавилъ Руновъ, наклоняясь къ Семену Ряполовскому.— Завтра бабы-ворожеи всѣ будутъ въ сборѣ у княгини Софьи, около вечеренъ... И если будетъ государь тамъ обыскъ чинить, ищени, чтобы норылись за печью, около стѣнки, да и въ образниці за иконы заглянули...

— Ладно, ладно!.. Ступай-ка внизъ да отдохни; тамъ въ повалупѣ тебѣ постель готова... А завтра чуть-свѣтъ — готовься!.. Вмѣстѣ ѣдемъ во дворецъ.

Руновъ молча поклонился князьямъ и, согнувшись, шагнулъ черезъ порогъ свѣтелки въ сѣни.

— Ну, теперь, что скажешь, тестюшка?—спросилъ Ряполовскій, притворивъ дверь за Руновымъ и останавливаясь передъ княземъ Иваномъ.— Чай, видишь теперь, что они всѣ у насъ въ рукахъ?

— Страшно, Сенюшка!.. Не забывай, что всѣ мы въ рудѣ Божіей,— проговорилъ глухо князь Патрикѣевъ, закрывая лицо руками.

— Ну, тестюшка, какъ хочешь... Мнѣ головы своей не жалко для такого дѣла! Подумай, что насъ ждетъ, когда нашъ княжичъ Дмитрій воссядетъ на дѣдовскомъ столѣ. Изъ первыхъ первыми мы

въ его думѣ будемъ; а не дерзнемъ,—тогда недолго намъ ждать придется своей доли... Не мы ихъ,—такъ они насъ сгубятъ!

Князь Иванъ Юрьевичъ вдругъ поднялъ голову и глянулъ зятю прямо въ глаза:

— Смѣлъ же ты, какъ посмотрю я, князь Семенъ! Съ тобою и на смерть идти не страшно... Дерзай же! Въ животъ и въ смерти я и сынъ Василій—оба мы съ тобою!

И князья ударили по рукамъ, и рукобитье скрѣпили крестнымъ цѣлованіемъ.

Вторые гѣтухи давно уже прогѣли, когда они закончили свою бесѣду и условились окончательно обо всѣхъ подробностяхъ своего способа дѣйствій наавтра.

II.

Звѣрь проснулся.

Въ великокняжескомъ дворцѣ, на половинѣ княгини Софьи Ѳомишишны, день начинался рано. Задолго до заутрени поднявшись съ постели, княгиня удалялась сначала въ отдѣльную уборную со своею любимую постельницей-гречанкой и тамъ проводила нѣкоторое время за своимъ зеркаломъ, въ заботахъ о внѣшности и нарядѣ, которымъ всегда придавала большое значеніе. Благодаря этимъ заботамъ и разнымъ, ей одной извѣстнымъ, снадобьямъ и притираньямъ, вывезеннымъ изъ Италіи, она умѣла придавать своему лицу такую свѣжесть и такія краски, которыя поддерживали ея давно поблекшую красоту и придавали ея лицу, несмотря на сорокъ лѣтъ, нѣкоторую молоджавость и привлекательность, хотя отъ невовратно минувшей молодости въ немъ сохранились только глаза—большіе, глубокіе, черные, какъ ночь. И этими глазами, какъ и всѣмъ лицомъ своимъ, Софья умѣла владѣть превосходно.

По окончаніи своего туалета, княгиня Софья Ѳомишишна выходила въ моленную и здѣсь слушала заутреню, которую приходилъ къ ней служить ея духовникъ-грекъ съ соборными пѣвчими дьяками. По выходѣ отъ заутрени изъ моленной въ комнату великая княгиня допускала къ рукѣ своей всѣхъ своихъ женщинъ и затѣмъ принимала спальника государева, который приходилъ справляться о ея государскомъ здоровьѣ; и тотчасъ послѣ того она посылала одного изъ старшихъ слугъ справляться о здоровьѣ княжича Василія, жившаго около дворца, на своемъ особомъ подворьѣ. Такъ изо дня въ день начиналось утро государынино и шло своимъ чередомъ до обѣда.

И вдругъ,—какъ странно!—пришелъ такой день, когда эта чередка нарушилась... Спальникъ государевъ не явился справиться о государскомъ здоровьѣ княгини Софьи Ѳомишишны... На ея вопросъ у

женщинѣ, подходившихъ прикладываться къ ея рукѣ, она услышала крайне смутившій ее отвѣтъ:

— Не бывалъ сегодня спальникъ государевъ, государыня все-милостивая...

— Боярыня Марѳа Ивановна,—обратилась государыня къ своей старшей боярынь,—отправь немедленно стольника Стрижева въ государевы покои о его государскомъ здоровьѣ справиться и какъ онъ, государь, почивать изволилъ.

Боярыня поклонилась и вышла, а Софья приказала подать себѣ греческую Псалтирь, по которой любила гадать, и стала открывать ее послѣдовательно въ трехъ мѣстахъ, читая ту строчку, на которую случайно попадала пальцемъ...

И, по странной случайности, гадалось на этотъ разъ не хорошо: отрывочныя фразы псалмопѣвца не сулили на тотъ день ничего добраго... То попадался ей стихъ: «враги мои всѣ предъ тобою», то: «окружили меня бѣды неисчислимыя», то: «онъ поразилъ первенцевъ Египта отъ человѣка и до скота». Софья закрыла Псалтирь, застегнула фигурныя застѣжки на ея переплетѣ и задумалась...

— Государыня,—раздался около нея голосъ боярыни Марѳы Ивановны,—стольникъ твой возвратился безъ отвѣта, очей государевыхъ не видѣвши... Изволилъ государь быть на сидѣньи, въ своей комнатѣ, съ боярами — княземъ Иванъ Патрикѣевымъ да княземъ Семеновъ Ряполовскимъ...

— Враги мои всѣ предъ тобою,—неволью мелькнуло въ умѣ Софьи, слушавшей этотъ докладъ боярыни.

— А впрочемъ стольникъ твой у государева постельничаго справлялся, и государь, надо быть, обрѣтается въ здравіи и ночь спокойно почивать изволилъ,—заклчила свой докладъ боярыня.

— Чтѣ бы это значило? — подумала Софья: — о чемъ они совѣщаются. Неужели они прознали о замыслѣ? И такъ старалась обречь отъ него Василья моего...

Потомъ она обратилась къ той же боярынь и проговорила:

— А къ сыну моему, князю Василю, посылаю ли о его здоровьѣ справиться?..

— Посылаю, государыня, да еще посланный обратно не бывалъ...

Но боярыня не успѣла еще договорить, какъ посланный явился на порогъ и съ низкимъ поклономъ доложилъ:

— Государь, князь Василій Ивановичъ, изволилъ обрѣтаться въ добромъ здравіи и тебѣ того же желаетъ, государыня! А для нѣкоего орудія своего прислалъ къ тебѣ дьяка Ѳедьку Стромилова, холопа твоего, твоихъ ясныхъ очей видѣти.

— Пускай войдетъ и доложитъ мнѣ съ очей на очи, въ чемъ его орудье ко мнѣ?—сказала Софья, съ трудомъ скрывая свое волненіе.

Всѣ бывшіе въ комнатѣ тотчасъ же удалились въ сосѣднія

теплым сѣни, а въ комнату послѣдшне вошелъ ближайшій довѣренный княжича Василія, дьякъ Ѳеодоръ Стромилловъ—худощавый, русоволосый, съ маленькою бородкой клиномъ. Волосы его были взъерошены, въ лицѣ кровинки не было, а глаза испуганно и дико блуждали изъ стороны въ сторону.

Въ три шага очутился онъ около рѣзнаго кресла съ подушкою, на которомъ возсѣдала княгиня Софья, и прямо бухнулъ ей въ ноги.

— Что ты? Что съ тобою? — испуганно проговорила княгиня, тревожно озираясь.—Встань, говори скорѣе, въ чемъ дѣло!

— Пропали наши головы, матушка государыня! — проговорилъ дьякъ, заикаясь отъ волненія и не поднимаясь съ колѣнъ.—Остатній часъ нашъ пришелъ!.. Пропажа у насъ конѣчь объявилась, государыня!

— Какая пропажа? Что ты говоришь—въ толкъ не возьму!

— Изъ кованаго ларца князь-Васильева запись нашу скрали! — пробормоталъ Стромилловъ, понижая голосъ почти до шепота и наклоняясь къ самому уху Софьи...

— Кто скралъ? Когда? Говори, злодѣй ты этакій! — чуть не вскрикнула Софья, сверкая глазами и набрасываясь на дьяка.

— Невѣдомо, государыня! Кабы вѣдали, государыня, въ ножи бы приняли, въ куски бы изрѣзали!

— Да какъ же вы не устерегли-то? Какъ дали время въ лаптецъ княжескій сходить! Вѣдь вы же всѣ тутъ, на лицо?

— Всѣ, окромѣ Андрюшки Рунова: тотъ позавчерась отъ княжича нашего въ Володимиръ посланъ...

— Да ключъ-то у кого же былъ?

— У княжича на поясѣ—и не сходилъ съ него; да помню ключа схожено: замокъ нѣмецкій, со звономъ, попорченъ—не звонить...

Софья откинулась на спинку кресла и закрыла лицо руками. Дьякъ, не поднимаясь съ колѣнъ, стоялъ передъ нею, растерянный, оторопѣлый, обезумѣвшій отъ страха.

— А что же княжичъ, сынъ мой,—спросила Софья.—Что онъ? смущенъ, испуганъ?

— Ей-ей, не знаю, государыня. Какъ только дѣло объявилось, онъ и сказалъ мнѣ: «къ матушкѣ бѣгомъ бѣги, проси совѣта!».

Софья насупила брови и, съ минуту подумавъ, быстро проговорила:

— Одинъ совѣтъ! для всѣхъ васъ! Коли потянуть къ отвѣту, пытатъ васъ коли стануть,—стойте на одномъ: знать ничего не знаемъ... Подвохъ, молъ, вражескій и только! Слышишь?

— Слышу, матушка!

— И если твердо будете стоять на этомъ, я васъ стану отстаивать... А теперъ бѣги скорѣе и княжича тотчасъ зови ко мнѣ.

Дьякъ поднялся съ колѣнъ и сталъ откланиваться, пятясь къ двери, и почти на порогѣ ея столкнулся съ другимъ дьякомъ княжича, Иваномъ Гусевымъ.

— Ты зачѣмъ сюда?—почти крикнула ему княгиня Софья, быстро поднимаясь съ своего мѣста.

— Охъ, матушка, не съ доброй вѣстью!—сказалъ Гусевъ, низко кланаясь княгинѣ:—сыну твоему, княжичу Василю Ивановичу, сказано на подворьѣ его указъ государевъ: никуда ему съ подворья ни сходить, ни сѣзжать. Ко всѣмъ входамъ и выходамъ стража приставлена... А насъ, дьяковъ княжъ-Васильевыхъ, государь великій князь къ отвѣту требуетъ...

— Къ отвѣту!—простоналъ Стромилонъ, хватаясь за голову.

— Къ отвѣту, пріятель, — съ грустною улыбкой проговорилъ Гусевъ.—Тутъ подъ крыльцомъ сѣней и ждутъ насъ пристава государевы.

— Ну, такъ прощенья просимъ, государыня,—сказалъ дрогнувшимъ голосомъ Стромилонъ.—Помяни насъ, вѣрныхъ слугъ твоихъ, какъ сложимъ мы за тебя да за княжича наши головы!

— Помни мой совѣтъ, — могла только проговорить Софья. — Я не отступлюсь отъ слова—буду просить за васъ...

— Прощай, государыня!—сказали дьяки въ одинъ голосъ, кланаясь княгинѣ въ поясъ и исчезая за дверью, какъ тѣни.

— Боже мой! Неужели все... все погибло?! — подумала съ ужасомъ Софья. — Неужели сынъ мой не будетъ княземъ великимъ? Неужели я должна уступить Еленѣ—преклониться передъ ней и ея мальчишкой!.. О, нѣтъ! Тогда ужъ лучше смерть...

И вновь опустившись въ кресло, княгиня погрузилась въ свои черныя, тревожныя думы, трепеща за сына и обдумывая заранѣе то, что она должна будетъ отвѣтить, при спросѣ, господину своему и супругу—судьѣ пронизательному и грозному.

Всѣ приближенныя къ княгинѣ женщины, которымъ, конечно, уже было извѣстно то, что происходило на подворьѣ княжича Василя, понимали душевное настроеніе княгини и хранили кругомъ ея глубокое молчаніе, не дерзая обратиться къ госпожѣ своей ни съ какимъ вопросомъ. И эта тишина, это молчаніе, воцарившееся въ теремѣ княгини, составляли такое рѣзкое противорѣчіе съ тою бурей, которая бушевала въ душѣ Софьи, что она себѣ мѣста не могла найти, не могла придумать ни такого дѣла, ни такого занятія домашняго, которое способно было бы отвлечь ее отъ неотвязной мысли о томъ, что долженъ принести ей сегодняшній день?

Одна изъ боярынь вздумала было подать ей работы, привезенныя изъ дальней женской обители монахинями — пелены, воздухи, убрusy, коврики; но княгиня Софья, даже и не взглянувъ на нихъ, велѣла ихъ убрать съ очей долой. Затѣмъ волостель пришелъ съ докладомъ о селахъ княгини и обо всякихъ хозяйственныхъ запа-

сахъ, доставленныхъ на житный дворцовый дворъ; княгиня сказала ему только:

— Не теперь, завтра твой докладъ выслушаю!

Подали обѣдъ—княгиня ни къ которому изъ яствъ и не при- тронулась.

Удалившись послѣ обѣда на отдыхъ въ свою опочивальню, Софья повзала къ себѣ боярыню Мароу Ивановну и попросила ее послать какогонибудь вѣрнаго и ловкаго человѣка поразвѣдать, что творится при дворѣ великокняжескомъ; но Марья Ивановна очень скоро вернулась и доложила не безъ смущенія, что съ княжяго двора никого во дворецъ ни за какимъ дѣломъ не пускаютъ...

— А только, видно, государыня, что всѣ во дворецъ въ большихъ попыхахъ... люди по переходамъ, что мураши, взадъ и впередъ снуютъ, а дѣяки изъ приказной избы во дворецъ и обратно то и дѣло перебѣгаютъ...

И опять Софья осталась въ полной невѣдѣнности и наединѣ съ своими думами, наединѣ съ сокрушеніями и сомнѣніями, которыя невыносимо терзали ея душу. Ей припомнилось все то, что она вынесла за эти послѣднія восемь или десять лѣтъ, когда ея супругъ сталъ колебаться и задумываться надъ вопросомъ, кому передать свой великокняжескій столъ. Сколько униженій, заискиваній, ласкательствъ, хитрыхъ уловокъ, горячихъ моленій, слезъ и женскаго коварства, сколько униженій и тонкихъ дипломатическихъ уловокъ было ею пущено въ ходъ, чтобы склонить суроваго Іоанна на сторону княжича Василья и его правъ на наследованіе! И все напрасно. Іоаннъ молчалъ и выжидалъ, наблюдая и никому не выдавая тайны своего рѣшенія... И вотъ теперь, когда она, только на случай его внезапной кончины, стала принимать свои мѣры, стала окружать своего сына вѣрными, на все для него готовыми людьми, — теперь, когда она была увѣрена, что, помимо воли Іоанна, никто не дерзнетъ отнять у ея сына правъ и власть, которыхъ онъ былъ вполне достоинъ, — теперь все вдругъ рушилось, все должно было погибнуть, рассыпаться прахомъ, какъ сказочное сокровище!

— Нѣтъ! Я этого не переживу, не вынесу! — шептала про себя Софья, тревожно ворочаясь на своемъ ложѣ. — Униженіе, поворъ, ничтожество — и сынъ мой, сынъ царицы византійской, долженъ будетъ преклониться передъ сыномъ этой глупой молдаванки, передъ этимъ полуграмотнымъ мальчишкой, который давно ли научился имя свое подписывать!.. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Этому не бывать — или пусть ужъ лучше меня зароютъ, и сына моего вмѣстѣ со мною опустятъ въ одну могилу!

Легкій стукъ въ дверь опочивальни заставилъ Софью вздрогнуть и быстро вскочить съ постели.

— Государыня! — послышался за дверью голосъ Марыи Ива-

новны. — Бабки-ворожейки къ тебѣ пришли, сказываютъ, что ты имъ прійти велѣла...

— «Не звала я ихъ!» — подумала Софья. — «Ну, да ужъ если пришли, такъ, можетъ быть, и кстати, пусть поворожатъ мнѣ, погадаютъ... Пусть дадутъ мнѣ заглянуть въ судьбу мою...».

И она приказала позвать ворожеекъ въ комнату и, оправивъ послѣшно одежду и повязку на головѣ, сама вскорѣ вышла изъ опочивальни.

Шесть знакомыхъ ей старухъ, въ темныхъ понявахъ, съ намотанными на головѣ и шеѣ темными лохмотьями, стояли у дверей, опираясь на свои костыли и клюки и переминаясь съ ноги на ногу.

— Здравіе и благоденствіе матушкѣ нашей и кормилицѣ! — заголосили бабы, кланяясь княгинѣ въ ноги. — Зачѣмъ изволила насъ звать къ себѣ? Приказывай!

— Звать не звала, — ласково отвѣтила Софья, — а коли ужъ пришли, такъ погадайте мнѣ... Вора ищутъ! Пропажа у меня большая, — такая, что и цѣны ей нѣтъ!.. Которая мнѣ вора указать возьмется — той нитку бурмитскихъ зеренъ не пожалѣю дать!

Ворожеи переглянулись между собою, какъ-то беззвучно шевеля своими обвислыми, морщинистыми губами; а затѣмъ старшая изъ нихъ, сгорбленная и кривая на одинъ глазъ, проговорила:

— Матушка-государыня! Дозволь намъ не гадать сегодня... Словно камень на душу намъ навалился всѣмъ: давить, душить... Смутно всѣмъ намъ таково, словно бы передъ бѣдой какой...

Софья невольно вздрогнула при этихъ словахъ старухи.

— Передъ какой бѣдой? — спросила она нерѣшительно.

— Не надъ твоей, надъ нашей головой виситъ, государыня! — пропamкала другая, такая же ветхая старушонка. — Вотъ и про снѣгъ, отпусти насъ се вечеръ.

Софья хотѣла имъ отвѣтить и собиралась сказать, что онѣ могутъ отложить свое гаданье, какъ вдругъ дверь въ комнату открылась настежь, и столѣникъ государевъ, ставъ на порогѣ, объявилъ громогласно:

— Государыня-княгиня! Государь великій князь Иванъ Васильевичъ къ тебѣ жаловать изволить!

Софья чуть не вскрикнула, но сдержалась и нетвердыми шагами пошла навстрѣчу супругу. Бабы-ворожейки метнулись въ сторону и сбились въ кучу, въ углу, у печи.

— Вотъ она... бѣда-то наша... сама къ намъ жалуетъ! — слышался между ними невнятный и трепетный шепотъ.

III.

Страшная расправа.

Иоаннъ Васильевичъ вступилъ въ комнату княгини Софьи Оми-нишны, окруженный своею свитою бояръ и стольниковъ. На пер-вомъ мѣстѣ около него видны были между боярами князь Патри-кѣевъ съ сыномъ Васильемъ и князь Ѳеодоръ Ряполовскій. На великомъ князѣ былъ темно-малиновый шелковый кафтанъ, оторо-ченный соболемъ и застегнутый напередѣ тремя крупно-плетеными золотыми застѣжками; голова его прикрыта была княжою шапкою съ жемчужнымъ низаньемъ. Въ его худощавомъ лицѣ, съ рѣзкими и крупными чертами, въ особенности въ его большихъ, сѣрыхъ гла-захъ и насупленныхъ бровяхъ, ясно выражалась сосредоточенная и глубокая дума. Онъ шелъ бодро и прямо, высоко держа голову и никому не отвѣчая на низкіе земные поклоны; въ рукѣ его была высокая трость, съ рѣзнымъ костянымъ набалдашникомъ, на ко-торую онъ степенно и твердо опирался на ходу.

Софья подошла къ рукѣ его и низко ему поклонилась. Онъ сухо и холодно поцѣловалъ ее въ лобъ и затѣмъ обвелъ такимъ суро-вымъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, что у всѣхъ на сердцѣ захолонуло.

— Что за бабѣ? — спросилъ онъ у княгини, указывая тростью на ворожеекъ, которыя сбились въ углу, у печки, и стояли на ко-лѣняхъ. — Черницы? Странницы? Кто такія?..

— Нѣтъ!.. Это такъ... для моей забавы, — проговорила княгиня въ смущеніи.

— Кто вы? — крикнулъ великій князь, оборачиваясь къ бабамъ.

— Во-во-ро-жейки! Знахарки, государь великій! — заголосили бабы, отвѣшивая земные поклоны.

— Ворожейки? Въ комнатѣ великой княгини? Знахарки?.. Такъ это вы-то людей портите, кѣрчи да болѣсти всякія по вѣтру пускаете, на водѣ нашептываете, шкуры идольскія?

— Мы, мы, батюшка! — завопили совершенно растерявшіяся ста-рушонки.

— Не вели казнить, государь, смилуйся.

— Эй! Кто тамъ? Приставы! Взять этихъ лиходѣекъ, обыскать, обшарить и приберечь изъ сѣняхъ, внизу, до моего приказа...

Нѣсколько дюжихъ молодцовъ метнулись въ уголь, къ печкѣ, и мигомъ исчезли за дверью, вмѣстѣ съ старушонками-ворожееми.

— Выйдите отсюда всѣ! — сказалъ Иоаннъ, обращаясь къ при-сутствующимъ и усаживаясь въ креслѣ, которое ему пододвинули княгинины боярыни. — Мнѣ надо побесѣдовать съ моею княгиней... Князь Иванъ Юрьевичъ и князь Ѳеодоръ, тѣмъ временемъ какъ буду здѣсь, все исполните по моему приказу...

Князья поклонились и вышли вслѣдъ за свитой великаго князя. Комната княгини опустѣла...

— Присядь, княгиня,—сказалъ Іоаннъ, указывая Софьѣ Оми-ничнѣ на кресло рядомъ со своимъ. — Не коротка бесѣда наша будетъ...

Софья Оминична почти машинально опустилась въ кресло: она едва могла стоять на ногахъ отъ волненія.

— Вѣрно-преданные мнѣ бояре мои, еще отцу моему служившіе, спасавшіе его и въ бѣдахъ, и въ напастяхъ, сослужили нынѣ мнѣ службу великую,—такъ началъ Іоаннъ, обращаясь къ супругѣ своей и не сводя съ нея глазъ.—Они открыли мнѣ крамолу, которую дерзнулъ противъ меня затѣять мой старшій сынъ,—твой сынъ, княжичъ Василій!..

— Василій мой передъ тобою невиновенъ! — твердо и смѣло произнесла Софья.

— Какъ невиновенъ?! Вѣжаты сбирался, завладѣть казною въ Володимирѣ и Вологдѣ, людей сбиралъ и подговаривалъ противъ меня идти и требовать, чтобъ я его назначилъ по себѣ великимъ княземъ, его, а не Дмитрія!.. И—не виновенъ? Такъ—по-твоему?

— Все это ложь одна! Одинъ обманъ! — горячо воскликнула Софья.—Тебѣ хотятъ глаза отвести—съ тобой лукавятъ лихіе наши вѣроги... И сынъ мой ни въ какой крамолѣ передъ тобою не виновенъ! Спасенъемъ души своей клянусь!

— Постой, постой!.. Лукавятъ, провести меня хотятъ, оплутовать, какъ малаго ребенка—такъ что ли? А я, вишь, старъ и глупъ сталъ: въ руки плутамъ самъ отдаюсь и довѣряю... Полно! Насквозь все вижу—не ослѣпъ еще, супруга милая, и не тебѣ бы другихъ винить въ коварствѣ! Нѣтъ! Не посмѣли бы ко мнѣ прійти доводчики, кабы не заручились вѣрными послухами, да не добыли бы вотъ этого рукописанья... А? Знакомо ли оно тебѣ, аль нѣтъ?

Іоаннъ сунулъ руку за пазуху, вынулъ оттуда грамоту, писанную греческою цифирью, и показалъ ее княгинѣ.

— Знакомо! — сказала Софья.— Вору вломалъ ларець у сына-княжича, выкралъ эту грамотку и продалъ моимъ врагамъ... И вору этому ты вѣришь на слово и ввыскъ чинишь на сынѣ, даже не спросивъ меня—жену твою и мать Василія.

— Вору! Вору! Ну, такъ чтожь, что воръ?.. А чѣмъ онъ хуже тѣхъ, кто называется мнѣ близкимъ, и ѣсть, и пьеть, и спитъ со мной, а самъ на меня ножъ точить?.. Этотъ воръ вѣдъ съ княжичемъ единомышленникъ—да вишь спокаялся, да спохватился, пока есть время, пока еще голова съ плечъ не слетѣла, и выдалъ васъ на мой судъ и правду! А что тебя я не спросилъ—въ томъ прошу прощенья... Не привыкъ я со спросомъ дѣйствовать: не нужны мнѣ ни спросы, ни совѣты, и въ сынѣ своемъ я волѣнъ. Какъ поверну его судьбу, такъ и быть должна!

— Ну, да, да! По вашему московскому обычаю, ты и въ женѣ своей волѣнъ—и въ животѣ, и въ смерти!—быстро и горячо заговорила Софья, вскакивая съ мѣста.—Такъ вотъ казни же меня! Я во всемъ виновна, я все затѣяла, я и эту грамотку писала!.. А княжичъ Василій тутъ ни при чемъ!

— Ты? ты? — съ изумленіемъ спросилъ Іоаннъ, недовѣрчиво взглядываясь въ лицо княгини.

— Да! я! Но только о крамолѣ противъ тебя я и не помыслила... И противъ воли твоей идти не думала... Вѣрными людьми, и мнѣ, и сыну преданными, я запасалась на тотъ случай, если бы часть воли Божіей для тебя внезапно настала, и ты бы скончался, никому вѣнца великокняжескаго не завѣщавши... О! тогда, тогда я никому бы его и не отдала, не уступила бы—онъ по праву былъ бы отданъ сыну моему...

— Какъ смѣешь ты моимъ вѣнцомъ распоряжаться?.. Тому давать — у этого отнимать; да и почему ты знаешь, что на случай смерти моей я не запасся завѣщаніемъ? Да знаешь ли, что если захочу, я завтра же свой столъ великокняжескій за внукомъ закрѣплю? И сыну твоему удѣла даже не назначу!

— Что-жъ! губи сына—твоя на то государская воля! Лишай его наслѣдства безъ вины; отнимай у него и честь, и жизнь!.. Потѣпись своей волей! Но неужели же ты думаешь, что ты меня, рожденную царевну, взялъ замужъ за себя, чтобы заставить принижаться передъ твоей невѣсткой? Передъ дочерью господаря молдавскаго, который лбомъ отбиваетъ въ землю поклоны турецкому султану? Нѣтъ, никогда! Лучше смерть приму отъ твоей руки, или сама на себя руки наложу, нежели до такого позора и униженья!

— Руки на себя наложишь?.. Вотъ какъ?.. Не потому ли ты и на внука моего Дмитрія хотѣла тоже руки наложить? Знаю, знаю! Не даромъ къ тебѣ со всей Москвы сзывали лихихъ бабъ и ворожеекъ... Снадобья и корешки у нихъ скупала, чтобы явести Дмитрія?

— Я? Извести Дмитрія? Да это клевета! Какой злодѣй могъ это выдумать?

— А! Такъ ты и въ этомъ тоже запираешься? Ты видишь, что я все знаю, все вижу... И лукавить смѣешь, и укрываться! — гнѣвно крикнулъ Іоаннъ, поднимаясь съ мѣста.—А хочешь ли я укажу тебѣ, гдѣ эти снадобья и корешки хранятся у тебя?

Онъ схватилъ Софью за руку, быстро повлекъ ее за собою въ моленную и, подойдя къ божницѣ, указалъ на Спасовъ образъ:

— Вотъ гдѣ хранишь ты злыя зелья на враговъ своихъ!—грозно проговорилъ Іоаннъ и, сунувъ руку за образъ, вытащилъ изъ-за него какой-то узелокъ.

— Знать не знаю и вѣдать не вѣдаю, — проговорила Софья, въ смущеніи поглядывая то на узелокъ, то на Іоанна.

— Знать не знаешь? — переспросилъ онъ съ презрительною улыбкою. — Ну, такъ вотъ же тебѣ моя воля: слушай! Всѣхъ соумышленниковъ твоихъ и княжича Василю — всѣхъ, кто въ этой записи рукоприкладствовалъ или крестъ ставилъ — я повершю!.. Заплечные мастера заставятъ ихъ ночью говорить въ застѣвкѣ, а завтра я съ ними порѣшу!

— Помилосердствуй, пощади ихъ! — заговорила Софья. — Меня казни — я повинилась передъ тобой...

— Нѣтъ, не коснусь ни тебя, ни сына твоего Василю! Обоихъ васъ велю держать за приставами на подворьѣ княжича... Ни входу къ вамъ, ни выходу чтобъ не было! И продержу васъ тамъ до той поры, когда увидите, какъ я свою волю исполню, и убѣдитесь, что я волѣнъ казнить и миловать, и никто не смѣетъ мнѣ переступить дорогу! Эй — кто тамъ есть? — крикнулъ Іоаннъ, выходя изъ моленной въ комнату княгини.

На порогѣ явился стольникъ.

— Обыскали-ль этихъ вѣдуній старыхъ? — спросилъ князь у стольника. — Что нашли?

— При двухъ бабахъ угли въ мѣшкѣ напла, кости лягушечьи, бобы сушеные, да зелье травное подвязано на шеѣ намѣсто креста.

— Все отобрать и сжечь — вотъ съ этими кореньями! — сурово проговорилъ Іоаннъ, бросая узелокъ къ ногамъ стольника.

Стольникъ опасливо и брезгливо поднялъ узелокъ и, держа его за концы тряпицы, спросилъ у великаго князя:

— А насчетъ самихъ-то бабъ какъ приказать изволишь, государь?

— Зашить въ мѣшки и въ полночь — всѣхъ въ прорубь утопить сегодня же въ Москвѣ-рѣкѣ, — спокойно проговорилъ Іоаннъ. — Ты передо мной за нихъ въ отвѣтъ будешь!

Стольникъ поклонился и вышелъ. Княгиня Софья Ѳоминышна, которая съ порога моленной все это слышала, хотѣла броситься къ ногамъ неумолимаго супруга, хотѣла просить его за несчастныхъ. Но тотъ, замѣтивъ ея движеніе и отстранивъ ее рукою, быстро повернулся къ дверямъ сѣней и вышелъ изъ комнаты, даже не удостоивъ Софью взглядомъ...

IV.

Торжествуютъ.

Минуло около полутора мѣсяца съ этого рокового дня. Толстымъ слоемъ льда затянулась та прорубь, въ которой, по приказанію Іоаннову, потоплены были несчастныя бабы-ворожейки; алыми вьюгами большіе и высокіе сугробы намело на томъ мѣстѣ Москвы-

рѣки, гдѣ долго темными лужами стояла кровь обезглавленныхъ здѣсь дьяковъ и дѣтей боярскихъ, приверженцевъ Софьи и Василія... Всѣ ужъ и позабыли о казняхъ, какъ позабыли и еще о полусотнѣ несчастныхъ, запутанныхъ по тому же розыску и томившихся въ темной, сырой и смрадной тюрьмѣ. Самъ княжичъ Василій и его мать, великая княгиня Софья, попрежнему сидѣли на Васильевомъ подворьѣ за приставами и стражею; но перемѣнъ, которыхъ всѣ ждали послѣ казней, никакихъ не произошло... Великій князь приблизилъ къ себѣ болѣе и внука, и невѣстку свою, Елену Степановну, относился къ нимъ ласковѣе прежняго, но молчалъ попрежнему упорно и не рѣшалъ вопроса о томъ, кто долженъ будетъ ему наследовать. Положеніе попрежнему оставалось неопредѣленнымъ и возбуждало по Москвѣ самыя разнообразныя и странныя толки. Даже и приближеннѣйшіе къ великому князю бояре, его думцы и совѣтники, князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ и князь Седоръ Ряполовскій, подоумывали и не разъ спрашивали другъ друга въ тайной бесѣдѣ:

— Что будетъ? За кѣмъ стоить великокняжескій останется?

И оба должны были признаться, что и для нихъ рѣшеніе этого вопроса все еще оставалось тайною.

Такъ прошелъ январь и наступилъ февраль 1499 года.

1-го февраля, княгиня Елена, мать княжича Димитрія, сидѣла подъ окномъ въ своемъ теремѣ и любовалась видомъ на Замоскворѣчье, ярко освѣщенное лучами солнца, горѣвшаго на крестахъ церковей, на крышахъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ ослѣпительно-бѣлаго снѣга, на группахъ деревьевъ, опущенныхъ инеемъ. Въ ея красивой и молодой головѣ, трижды обмотанной черной, какъ смоль, косою, прикритою парчевою кикою, роились мысли, о которыхъ она никому не смѣла словечка промолвить... Рожденная на югѣ, молдаванка по крови, она уже 7 лѣтъ вдовѣла и изнывала въ одиночествѣ, затрачивая всю страстность своей горячей природы только въ той борьбѣ за сына, которая захватывала все ея существо и отвлекала ея мысль отъ иныхъ громко говорившихъ въ ея сердцѣ вождельнѣй... Но, по временамъ, когда она оставалась одна въ своемъ теремѣ, ей чудилось, что рядомъ съ нею стоитъ высокій и стройный молодой красавецъ и наклоняется къ ней, и смотреть ей въ самыя очи своими большими, голубыми, умными глазами, и улыбается ей своею лукавою улыбкою а она беретъ обѣими руками его кудрявую голову и прижимаетъ къ груди своей...

И вотъ теперь, глядя вдаль, на раскидывавшуюся передъ нею картину Замоскворѣчья, княгиня Елена думала:

— Ахъ, если бы я вольною-то пташкой была, какъ бы я выпорхнула теперь изъ этихъ стѣнъ проклятыхъ, которыя и давятъ, и тѣснятъ меня!.. Въ легкія-бы саночки съ нимъ сѣсть рядышкомъ, да тройку бы лихую—и умчаться съ нимъ... По солнцу — дорога

скатертью бѣлой—а мы другъ къ дружкѣ прижавшись... и слышимъ, какъ сердце бьется, какъ...

Она откинулась отъ окошка, закрыла лицо руками и замерла въ золотомъ туманѣ своей мечты.

— Матушка! матушка!—раздался отъ двери радостный голосъ княжича Дмитрія, и мальчикъ, лѣтъ 14, чернявый и миловидный, вбѣжалъ въ теремъ матери и остановился, нѣсколько озабоченный.

— Ты опять плачешь?—сказалъ онъ, понижая голосъ и вглядываясь въ лицо матери.

— Нѣтъ! это такъ—это пройдетъ, мой голубчикъ! — отвѣчала мать, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы отогнать отъ себя свои грезы, и лаская сына.

— А я къ тебѣ съ великой радостью, матушка! Стольникъ государя пріѣзжалъ сейчасъ и объявилъ, что дѣдушка сейчасъ къ намъ пожалуетъ... Вотъ я тотъ же часъ и соколовъ и кречетовъ и всѣ забавы—въ сторону, да къ тебѣ и пріѣзжалъ...

Глена Степановна засуетилась тоже и заметалась по терему.

— Ахъ, не въ уборѣ онъ меня застанетъ... Въ безнарядѣ... И тутъ у насъ наряда тоже никакого нѣтъ! Половочники старые—ковры всѣ пыльные... Дѣвушки сѣнныя, боярыньки!—стала она кликать, выглядывая изъ двери терема въ сѣни.

Явились и сѣнныя дѣвушки, и боярыньки и тоже засуетились, и ничего прибрать не успѣли, и даже наряда никакого изъ сундуковъ и бауловъ княгининыхъ не успѣли еще добыть, какъ ужъ сани великаго князя заскрипѣли полами во дворѣ, передъ крыльцомъ княгинина терема.

— Матушка, я побѣгу дѣдушку на крыльцо встрѣтить! — весело крикнулъ княжичъ и бросился опрометью за двери. Всѣ бывшія въ теремѣ женщины княгинины стали по бокамъ ея, а она сама, выдвинувъ большое кресло на средину терема, въ большомъ волненіи оперлась о поручень его и застыла въ позѣ почтительнаго ожиданія.

Нѣсколько минутъ спустя, дверь отворилась настежь, и въ нее вошли сначала два стольника и два боярина, а вслѣдъ за ними, опираясь на внука, вступилъ и самъ Іоаннъ Васильевичъ, въ бархатной, расшитой золотомъ, шапкѣ, опушенной соболемъ и въ соболей шубѣ, надѣтой поверхъ малиноваго, суконнаго кафтана, съ большими сквовными золотыми пуговицами.

Привѣтливо отвѣтивъ на общій поклонъ всѣхъ присутствующихъ, Іоаннъ подошелъ къ невѣсткѣ и облобызался, приговаривая:

— Здравствуй, невѣстуська! Здравствуй, княгинюшка!

— Дѣдушка! Дозволь мнѣ подержать костыль твой!—проговорилъ, ласкаясь къ Іоанну, княжичъ Дмитрій.

— Подержи, внучекъ! Попробуй, по сядамъ ли тебѣ? — съ улыбкой отвѣчалъ Іоаннъ, скидая шубу на руки двоихъ стольниковъ и опускаясь въ кресло.

— Тяжелый, дѣдушка, твой костью!—наивно сказалъ княжичъ, взвѣшивая посохъ Іоанна въ рукахъ.

— Да, нелегокъ онъ, — замѣтилъ Іоаннъ мимоходомъ и, обращаясь къ бывшимъ въ теремѣ, сказалъ:

— Пусть выйдутъ всѣ отсюда... Князь Иванъ да князь Семенъ, вы одни останьтесь съ нами.

Всѣ поспѣшно вышли и плотно притворили дверь. Князь Иванъ Юрьевичъ и князь Ряполовскій въ почтительномъ отдаленіи стали у двери. Княгиня Елена и княжичъ Дмитрій стояли по обѣ стороны великокняжескаго кресла.

— Къ тебѣ теперь будетъ рѣчь моя, невѣстка моя, благовѣрная княгиня Елена,—сказалъ съ нѣкоторою торжественностью Іоаннъ.—Слушай и назидайся, и проникнись великостью къ тебѣ благоволенія Божія и моею сугубой къ тебѣ милостью! Изъ старины, отъ прародителей нашихъ, великихъ князей, такъ повелось, что они старшимъ сыновьямъ своимъ давали великое княженье... По ихъ примѣру и я сына своего первого, Ивана, мужа твоего покойнаго, при жизни своей уже благословилъ великимъ княженьемъ... Но Божіимъ изволеніемъ сынъ мой Иванъ не дожидъ до моей кончины... Мы съ тобою, благовѣрная княгиня, оплакали его и въ землю опустили!.. И вотъ теперь, по Божьему внушенію и по многихъ думаяхъ, заботахъ о томъ, чтобы мѣсто свято не пребыло пусто, я вспомнилъ, что у сына Ивана остался сынъ первый и единственный Дмитрій...

Елена при этихъ словахъ вся затряслась отъ волненія.

— И я рѣшилъ, — твердо и спокойно продолжалъ Іоаннъ,—рѣшилъ, ни съ кѣмъ не совѣщаясь, единою своею волею, благословить теперь твоего сына, а моего внука Дмитрія, при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ—владимирскимъ, московскимъ и новгородскимъ.

Елена вскрикнула и упала къ ногамъ великаго князя. Княжичъ Дмитрій, смущенный и даже нѣсколько испуганный, также опустился на колѣни передъ дѣдомъ, который положилъ ему руки на голову и повторилъ:

— Благословляю на великое княженіе!

Потомъ обратился къ невѣсткѣ и сказалъ:—Встань, княгиня Елена, осуши слезы свои передъ великимъ торжествомъ и радостью пресвѣтлой... И научи сына помнить и почитать паще всѣхъ того, кто его нынѣ возводитъ на высокій степенъ—на верхъ величія и власти!.. Сумѣетъ почитать и самъ почтенъ будетъ, и страхомъ облечется, какъ ривою, и власть, мною ему врученную, сумѣетъ поддержать.

— Великій государь! Всю жизнь свою онъ будетъ молить о тебѣ,—пролепетала Елена,—будетъ почитать... Дмитрій, цѣлуй руку государя! Боже мой! Боже мой! И не могу въ себя прійти...

И она должна была смолкнуть, утирая слезы, которыя неудержимо катились у нея изъ глазъ.

— Ну, полно! Я все сказалъ вамъ — и теперь готовьтесь... Ровно черезъ три дня я назначаю вѣнчанье внука великокняжескимъ вѣнцомъ въ соборѣ. Пусть его тамъ отецъ митрополитъ благословитъ на трудное и славное поприще — на страду великую... Пусть всѣ и знаютъ, и вѣдаютъ, кого я избралъ себѣ наслѣдникомъ по преданью отеческому и по своему изволенію...

Іоаннъ поднялся съ мѣста и взялъ посохъ изъ рукъ внука-княжича:

— Ну, прощай, невѣстушка княгиня! — ласково сказалъ Іоаннъ, цѣлуя Елену въ лобъ. — Въ знакъ моего къ тебѣ благоволенья, повременя немного, жди отъ меня подарка къ вѣнчанью сына твоего...

Елена еще разъ поцѣловала его руку, а внукъ попрежнему пошелъ проводить дѣда до нижней ступени крыльца; слѣдомъ за Іоанномъ, низко поклонившись Еленѣ, вышли и князья Патрикѣевъ и Ряполовскій. Княгиня поглядѣла имъ вслѣдъ и подумала:

— Знаю я, кому обязана я вѣнчаньемъ сына! И не забуду, не забуду этой службы.

Въ это время княжичъ Дмитрій вернулся къ матери и, ласкаясь къ ней, сказалъ:

— Матушка! Скажи, какъ это будетъ, когда я князь великій буду... Мнѣ кажется, это такъ страшно! Въ тюрьму сажать, наказывать... и воевать...

— Ахъ, милый! Что ты? Это такое счастье!.. Ты будешь всѣхъ больше во всемъ Московскомъ княжествѣ, великій князь! Что захочешь — все къ твоимъ услугамъ... Всѣ тебѣ въ поясъ будутъ кланяться...

— И всѣ будутъ бояться, какъ дѣдушки бояться? — перебилъ ее сынъ. — Ты знаешь, какъ я его боюсь... Я и люблю его, а все же боюсь... Глаза такіе у него недобрыя, такіе...

— Тсс! Что ты? Что ты говоришь! Онъ тебѣ такое великое сдѣлалъ благо... такъ любить онъ тебя... а ты...

— И я его люблю, а все-таки боюсь... Ну, вотъ скажи, за что онъ дядю Василья посадилъ подъ стражу? Что онъ ему сдѣлалъ?..

— Какъ, что сдѣлалъ?! — воскликнула Елена. — Онъ затѣвалъ крамолу. Хотѣлъ помимо воли государя ему наслѣдовать!.. И его мать, княгиня Софья, хотѣла тоже ему помочь и столъ великокняжескій за нимъ оставить!

— Да въ чемъ же тутъ крамола, матушка! — возразилъ ей княжичъ. — Не ты ли сама при мнѣ, и еще сколько разъ, говорила: «Ахъ, какъ бы я хотѣла видѣть сына въ вѣнцѣ великокняжескомъ!» Значить, и ты, какъ и княгиня Софья, желала того же для меня, что и она для сына?

— Да нѣтъ! Это совсѣмъ иное дѣло! — проговорила съ досадою Елена, сбитая съ толку наивною логикою княжича. — Ты этого понять не можешь! Я только желала, а они...

Княгиня не успѣла договорить, вошла боярыня и доложила:

— Къ тебѣ отъ государя присланъ князь Семенъ Ряполовскій съ дарами.

— Прости его сюда, — поспѣшно отвѣтила Елена, вся вспыхивая при имени князя...

Минуту спустя, красавецъ князь вопелъ съ большимъ кованымъ ларцемъ въ рукахъ.

— Государыня-княгиня, — произнесъ онъ звучно и громко, — я отъ государя къ твоей чести присланъ съ дарами тебѣ и сыну твоему, князь-Дмитрію, на случай предстоящаго вѣнчанія его... Въ ларцѣ положены алмазы, пѣручки и бармы къ его большому наряду; а въ теремкѣ къ ларцу тебѣ жемчужная повязка и ожерелье съ лаломъ...

— О! велика къ намъ милость государева! — проговорила Елена, опуская глаза и складывая руки на груди. — Передай господину нашему благодареніе за милости его.

— Дай, матушка, я это отнесу къ тебѣ въ опочивальню и посмотрѣть дозволь... Тутъ, кстати, и ключъ въ замкѣ!..

— Снеси, сыночекъ, и размотри! — сказала Елена, передавая ему ларецъ.

И въ то время, когда княжичъ Дмитрій, неся ларецъ, скрылся за дверью, она подняла очи на князя Семена и встрѣтилась съ его пламеннымъ, алчнымъ взоромъ.

— Довольна ли, княгиня? — спросилъ ее князь въ полголоса.

— Довольна и счастлива, и торжествую! — прошептала Елена, не спуская съ князя Семена своего страстнаго взгляда.

— И наградишь ли ты, какъ обѣщала, вѣрнаго слугу твоего?..

— Награжу, какъ обѣщала, и тогда еще счастливѣй буду! — прошептала княгиня, протягивая Ряполовскому обѣ руки.

Онъ быстро схватилъ ихъ, сжалъ крѣпко, до боли, и осыпалъ ихъ поцѣлуями...

Ключъ ларца звякнулъ за дверью, и раздались оттуда восклицанья княжича:

— Матушка! Взгляни-ка, что тутъ за чудеса!.. и какъ блестятъ!..

Елена быстро вырвала свои руки у князя Семена и, ласково кивнувъ ему, скрылась за дверью опочивальни.

V.

Неожиданное признаніе.

Вѣнчаніе княжича Дмитрія торжественно совершилось 4-го февраля 1498 года. Въ присутствіи всего своего великокняжескаго двора, всѣхъ бояръ, князей и вельможъ, въ Успенскомъ соборѣ Іоаннъ возложилъ на внука своего бармы и шапку великокняжескую и говорилъ при этомъ рѣчь.

Затѣмъ митрополитъ и высшее духовенство поздравляли Іоанна съ вѣнчаніемъ внука, и къ княжичу Дмитрію митрополитъ обратился съ такимъ поздравленіемъ:

«Божіею милостію здравствуй, господиный сынъ мой, князь великій Дмитрій Ивановичъ всея Руси съ государемъ своимъ дѣдомъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси на многая лѣта...».

Послѣ обѣдни Дмитрій вышелъ изъ собора въ шапкѣ и бармахъ, и въ дверяхъ осыпалъ его золотыми и серебряными деньгами его дядя, второй сынъ Іоанна и Софьи, княжичъ Юрій Ивановичъ, по приказу отца, котораго не дерзали послушаться...

Торжество Елены и Дмитрія, или, вѣрнѣе сказать, Ряполовскаго и Патрикѣевыхъ, было полное. Виновные были наказаны; крамола подавлена; невинный отрокъ, неспособный ни къ какимъ крамоламъ, возвышенъ до равенства съ великимъ княземъ. Имя его упоминается на эктеніяхъ и литіяхъ послѣ имени великокняжескаго. Щедро были награждены и всѣ сторонники Елены и Дмитрія: князю Ивану Юрьевичу и князю Семену Ряполовскому даны новыя и богатыя вотчины; Руновъ изъ боярскихъ дѣтей записанъ въ столыники. Три мѣсяца спустя, на Семена Ряполовскаго и на Патрикѣевыхъ изливаются новыя милости Іоанна: Семень Ряполовскій и старпій изъ сыновей Ивана Юрьевича, князь Василій Патрикѣевъ, назначаются послами ко двору князя Александра Литовскаго, съ большими полномочіями, для выполненія важнаго и деликатнаго дипломатическаго порученія. А Василій и Софія все еще сидятъ подъ стражею.

И долго, очень долго суровая воля Іоаннова и его жестокое сердце не могли примириться съ тѣмъ, что онъ называлъ «крамолой» и дерзновеннымъ неподчиненіемъ его волѣ, хотя въ данномъ случаѣ она и не была еще выражена точно и опредѣленно. Долго онъ пытался убѣдить себя, что поступилъ справедливо, что не могъ поступить иначе, что долженъ былъ выказать свою мощь во всей силѣ; въ некоторое время онъ даже испытывалъ извѣстнаго рода удовлетвореніе въ самомъ сознаніи своей мощи. Но затѣмъ въ его недовѣрчивую и сумрачную душу стало закрадываться очень тяжелое сомнѣніе.

— Не слишкомъ ли я поспѣшилъ поддаться этимъ моимъ доброжелателямъ! Разслѣдовать бы надо было дѣло поподробнѣй—не торопиться казнью.

И къ этому сомнѣнью постепенно, какъ капля къ каплѣ влаги, стали добавляться всякія мелочи, всякія дразги, всякія недомолвки и недоразумѣнія, способствовавшія тому, что сомнѣніе и недоувѣріе къ себѣ самому стало болѣе и болѣе возрастать въ Іоаннѣ.

Прежде всего онъ недоволенъ былъ и Еленой, и Дмитріемъ; въ думахъ своихъ онъ часто повторялъ:

— Дура-баба! Словъ своихъ у ней не жди... Что ни скажи, поклонится и твердитъ, какъ сорока: «какъ тебѣ угодно», да «пусть по твоей государской волѣ будетъ», да «я тебѣ перечить не смѣю»... А сыну трубить въ уши другое! А тотъ ужъ очень простъ, ребячливъ—ну, и выдастъ ее во всемъ...

И къ этимъ думахъ очень часто само собою добавлялось воспоминаніе о сынѣ Василии.

— Нѣтъ! Василий—не ему чета! Умень и языкъ умѣеть за зубами держать... А гордостью весь въ мать! Тотъ и съ людьми умѣеть обойтись... А у этого все только Патрикѣвы да Ряполовскій на умѣ!

Пытался Іоаннъ приблизить внука къ себѣ и приспособить его къ дѣламъ, но сразу увидѣлъ, что у него все больше забава на умѣ, да и грамота ему дается туго...

И тотчасъ же припомнился опять тотъ же Василий:

— Тотъ къ грамотѣ гораздъ! Мать сама его учила, сама смотрѣла, чтобъ и въ книжномъ дѣлѣ, и въ письменахъ онъ былъ искусенъ... Тотъ не дастся въ руки дьякамъ: самъ всѣ крики ихъ сумѣеть разобрать...

И противопологая Софью Еленѣ, онъ долженъ былъ, конечно, признать, что первая была и лучшею женою, и лучшею матерью...

— Отъ этой ни въ чемъ не жди совѣта... А съ тою, сколько разъ, и по дѣламъ я совѣщался и, помимо дѣлъ, бесѣдовалъ — и сладостна бывала бесѣда съ нею... И свѣту, и людей видѣла не мало: опытна во всѣхъ дѣлахъ! Жаль только, что туда совѣтаться стала, куда бы ей...

Іоаннъ не доканчивалъ своей мысли, потому что и самъ не могъ себѣ отдать отчета: слѣдовало ли Софіи заботиться о будущемъ своего сына и такъ горячо радѣть о его правахъ, или нѣтъ? Ему припомнились случан, когда Софія вступалась въ рѣшеніе вопросовъ государственныхъ, и онъ самъ слѣдовалъ ея совѣтамъ и указаніямъ...

Ко всему этому, и долгая разлука съ женою и сыномъ, которыхъ онъ привыкъ около себя видѣть, и полное одиночество среди людей, изъ которыхъ никто не дерзалъ къ нему приблизиться,—чень много способствовали тому, что, полгода спустя, Іоаннъ рѣ-

шилса смѣнить гнѣвъ на милость и послалъ сказать своей супругѣ, что онъ ей разрѣшаетъ возвратиться во дворецъ, на ея половину... Но такъ какъ въ этомъ милостивомъ словѣ онъ не упомянулъ о сынѣ Василии, то получилъ такой отвѣтъ:

— Готова исполнить повелѣніе господина моего; но если онъ дозволить мнѣ просить о милости, то буду молить о томъ, чтобы онъ меня не разлучалъ съ сыномъ. Мнѣ было бы больно пользоваться свободою и знать, что сынъ мой, виновный менѣе меня, остается въ заточеніи.

Іоаннъ нахмурился и даже готовъ былъ прогнѣваться... Но сдержавшись отъ перваго порыва и спокойно обдумавъ отвѣтъ Софьи, нашель, что любящая мать не могла отвѣтить ему иначе, и умный, тонкій отвѣтъ княгини-супруги показался ему вполне естественнымъ, и даже понравился ему... Но онъ этого не высказалъ: онъ это глубоко затаилъ въ душѣ и, напротивъ, даже показалъ видъ, что сердится на Софью, и еще цѣлый мѣсяцъ продержалъ жену и сына подъ стражею... Избавленіе имъ пришло съ той стороны, съ которой менѣе всего было возможно его ожидать.

Въ началѣ сентября 1498 года Руновъ былъ присланъ гонцомъ изъ Литвы къ государю отъ его пословъ Семена Раполовскаго да Василя Патрикѣева съ важными вѣстями и спросилъ: какъ поступать имъ, въ виду различныхъ, ноожиданно возникшихъ затрудненій?

Прямо съ дороги, ни съ кѣмъ не видясь и ни къ кому не заѣхавъ, запыленный, истомленный безсонными ночами и тяжкими затрудненіями нутя, Андрей Руновъ прибылъ во дворецъ и заявилъ на дворцовой площадкѣ, что долженъ, немедля, явиться предъ очи государевы и передать ему «вѣсти рубежныя и письма, и грамоты докладныя отъ пословъ его государскихъ». Засуетились жильцы, побѣжали докладывать стольникамъ, стольники бросились докладывать ближнимъ боярамъ, не смѣя сами сунуться въ ту пору въ комнату государеву, такъ какъ государь извоилъ опочивать послѣ обѣда... Ближніе бояре, по наряду сидѣвшіе въ передней государевой, позвали гонца Андрея Рунова въ переднюю и совѣтовали ему, если вѣсти у него спѣшныя и важныя, передать ихъ князю Ивану Юрьевичу Патрикѣеву, ближайшему государеву думцу и совѣтнику; а онъ молъ ужъ передастъ ихъ въ руки государевы.

— Нѣтъ, господа бояре,— сумрачно отвѣтилъ имъ Андрей Руновъ,— не затѣмъ я въ гонцахъ поѣхалъ, чтобы князю Ивану Юрьевичу докладъ держать да подъ отвѣтъ себя подводить... Что у меня за пазухой да въ сумѣ дорожной, то все одному государю отдамъ; а онъ ужъ пусть по своему высокому разуму въ руки дьяческія и боярскія передастъ.

Бояре переглянулись между собою и смѣрили смѣльчака съ ногъ до головы горделивымъ взглядомъ.

— Смѣль ты очень, господинъ стольникъ! Недавно въ стольники выскочилъ, а ужъ и передъ боярами носъ дерешы! Аль забылъ присловье: высоко соколъ валеталъ, да сверзился!

— Высоко валетать не собираюсь, господа бояре, — не боюсь и сверзиться! Всѣ мы равно подъ Богомъ ходимъ да подъ государственной милостью! Чѣмъ захочетъ, тѣмъ и пожалуетъ: того вотчиной, того шубой собольей, а того—двумя столбами съ перекладиной.

Бояре, пораженные дерзновенными рѣчами стольника, отшатнулись отъ него въ самый дальній уголъ передней и, весьма недружелюбно поглядывая на него оттуда, рѣшили о немъ государю не докладывать и продержатъ гонца на ногахъ еще добрыхъ часа два, до пробужденія государева.

Но, на счастье Рунова, Иоанну въ тотъ день не заспалось; жажда и изжога, которою онъ часто страдалъ подъ старость, стали его мучить, и онъ послалъ одного изъ спальниковъ за квасомъ, и когда спальникъ возвратился со жбаномъ холоднаго кваса съ погребницы, государь спросилъ его случайно:

— Кто тамъ есть въ передней?

— Бояринъ Хвостъ-Сабуровъ, да Мещерякъ-Прокудинъ, да Заболоцкихъ двое... Да никакъ еще гонецъ какой-то?

— Гонецъ?—всполошился Иоаннъ, быстро поднимаясь и спуская ноги съ постели.—Зови его сюда!

Черезъ минуту Руновъ, въ дорожномъ платьѣ, пыльный, всклокоченный и грязный, съ дорожной сумой у пояса, явился на порогъ и отвѣсилъ земной поклонъ.

— Съ вѣстями зарубежными да съ грамотами отъ твоихъ словъ изъ Литвы къ твоему государскому здоровью присланъ,—проговорилъ онъ, подавая государю все то, что у него было въ сумкѣ.

По знаку великаго князя, спальникъ вышелъ, и Иоаннъ остался съ Руновымъ съ глазу на глазъ. Пробѣжавъ глазами грамоты, государь подробно допросилъ гонца и о вѣстахъ, и о дѣйствіяхъ словъ, и о порядкахъ въ Литовскомъ княжествѣ, и о дочери своей, княгинѣ Литовской, и затѣмъ сказалъ, благосклонно выслушавъ отвѣты Рунова:

— Завтра велю дьякамъ на грамоты посольскія отвѣди писать, а ты съ дороги отдохни. А послѣзавтра побѣжай въ Литву обратно!

Иоаннъ ожидалъ, что Руновъ отвѣситъ ему низкій поклонъ и удалится; но, къ удивленію его, тотъ вдругъ опустился на колѣни и проговорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Государь, дозволю мнѣ передъ тобою въ своей винѣ показаться!.. А тамъ ужъ и верши со мной, что тебѣ Богъ на душу положитъ: хоть казни, не медля, хоть на вѣкъ въ тюрьмѣ замори...

— Что такое? Говори, въ чемъ твоя вина!—сурово проговорилъ Іоаннъ, поднимаясь съ постели.

— Загубилъ я свою душу! Согрѣшилъ передъ Господомъ, окаянный! Согрѣшилъ и передъ тобою! Невинно оклеветаны мною и сынъ твой, княжичъ Василій, и супруга твоя, великая княгиня Софья Ѳомишна...

— Какъ? Что ты смѣешь говорить? Они виновны въ томъ, что затѣвали на меня крамолу, что и другихъ противъ меня мучили, подговаривали, смутничали...

— Нѣтъ, государь! Изъ корысти я ихъ оговорилъ передъ тобою, подкупленъ Ряполовскимъ Семеномъ...

— Ряполовскимъ?! — почти вскрикнулъ Іоаннъ. — А запись? Запись?!

— На случай безвременной кончины твоей собирали насъ и уговаривали крѣпко стоять за княжича Василья, противъ княжича Дмитрія и старыхъ бояръ Патрикѣевыхъ и Ряполовскихъ...

— Злодѣи!—прошепталъ Іоаннъ, сжимая кулаки.

— И о побѣгѣ княжича и о казнѣ владимирской и вологодской, и о крамолѣ противъ тебя — все это князь Семень измыслилъ и меня училъ показывать... И я, окаянный, за вотчины да за прибитки, отъ него полученные, души своей не пожалѣлъ, и всѣхъ товарищей своихъ сгубилъ... И вотъ они-то мнѣ и не даютъ покоя: они меня и нудятъ всю правду до тебя довести! Ночей не сплю — все ихъ, кровавыхъ, обезглавленныхъ, передъ собою вижу... И силы-моченьки моей ужъ не хватаетъ! Казни меня лютою казнью — не то я самъ на себя руки наложу... Не вытерплю.

И онъ ударилъ земной поклонъ передъ великимъ княземъ, который и самъ стоялъ въ оцѣпенѣніи, съ ужасомъ помышляя о своемъ порывѣ, — о столькихъ невинно имъ казненныхъ несчастныхъ!

Мгновенье прошло въ молчаніи, — мгновенье тяжелой нравственной пытки для Іоанна, который и въ горячей исповѣди Рунова подозревалъ новый обманъ, новое коварство... и самому себѣ не довѣрялъ.

— Встань! — сказалъ онъ наконецъ Рунову. — Если ты мнѣ правду сказалъ и на злодѣевъ настоящихъ мнѣ глаза открылъ, я пощажу тебя... Я все подробно самъ выясню, все разрою, всѣхъ допрошу на очныхъ ставкахъ, самъ допытаюсь до правды! Но если ты солгалъ хоть слово единое, я такую казнь придумаю, что мертвые въ могилѣ затрепещутъ!

— Не боюсь я смерти, государь! Боюсь я окаянства своего, — проговорилъ чуть слышно Андрей Руновъ.

— Откуда я тебя не выпущу! — рѣшительно проговорилъ Іоаннъ. — Здѣсь, въ той палатѣ, что «Западной» у меня зовется, ты просидишь до поры... Никого къ тебѣ не допущу, и запрещаю тебѣ хоть словомъ съ кѣмъ нибудь перемолвиться: пусть никто не знаетъ, за

что я тебя въ «Западню» посадить... А къ нимъ въ Литву я отповѣдъ на грамоты съ другимъ отправлю!

Андрей Руновъ поклонился молча.

— Эй, кто тамъ есть?—крикнулъ Юаннгъ, и на порогѣ двери разомъ явились два столъника и дьякъ, давно ожидавшій въ передней.

— Запереть его сейчасъ же въ «Западню»,—сурово и спокойно проговорилъ Юаннгъ,—и тамъ держать до моего приказа! Чтобы ни въ чемъ онъ не нуждался и могъ бы отдохнуть съ дороги... Ключъ отъ «Западня» тотчасъ сюда принесть... Кто съ нимъ хоть слово скажетъ, тотъ мнѣ головой отвѣтитъ!

Рунова подхватили подъ руки и увели изъ опочивальни.

VI.

Колесо Фортуны.

Въ обширной и богато убранной палатѣ, увѣшанной по стѣнамъ пестрыми кизылбашскими коврами, шкурами звѣрей и охотничьимъ оружіемъ—рогатинами, копьями, луками въ налучьяхъ и саадаками ордынскаго дѣла—сидѣлъ около стола молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, въ простомъ домашнемъ терликѣ, подтянутомъ у пояса ремнемъ съ круглыми бляхами, серебряными съ чернью. Онъ былъ некрасивъ; высокій и плотно-сложенный, онъ не былъ ни строенъ, ни довокъ и гибокъ въ движеніяхъ; его полное и блѣдное лицо, только-что опушавшееся легкой темно-русой бородой, было непривлекательно и старообразно, но большіе темные глаза свѣтились умомъ и сильною волею, а въ узкихъ и сжатыхъ губахъ видны были и сдержанность, и умѣнье владѣть собою, столь мало свойственныя его возрасту. Онъ сидѣлъ, опирая голову на ладонь руки, запущенной въ густые волосы, и взоръ его, задумчивый и туманный, былъ устремленъ вдаль, черезъ небольшое косячатое оконцо съ слюдяною рамою, сквозь которую виденъ былъ клочекъ яснаго неба надъ оголенными вершинами деревъ сада. Книга твореній Ефрема Сирина, великолѣпная харатейная рукопись, писанная крупнымъ полууставомъ съ роскошными заголовками и цвѣтными заглавными буквами, давно уже лежала передъ нимъ на столѣ, открытая на той же самой не перевернутой страницѣ...

— Опять, небось, взгрустнулось, сынокъ мой милый?—сказала Софья Ѳомишна, поднимаясь съ своего мѣста у окна, и, подойдя къ княжичу Василию, ласково положила ему руку на плечо.

— Нѣтъ! не взгрустнулось... А такъ—все тѣ же думы съ души не сходятъ!—проговорилъ княжичъ, не иамѣняя положенія.

— Гони отъ себя весь этотъ сумракъ! Вѣдь ты еще такъ молодъ, а судьба такъ переиѣнчива... Не даромъ древніе греки и ла-

тины изображали ее воздушно-легкою богиней на вѣчно вращающемся колесѣ...

— Вотъ то-то, матушка, и тяготитъ меня, что она такъ ужасно пережвичива... что на нее положиться нельзя—нельзя въ нее увѣрять! Какъ хитро ни строй, какъ ни обдумывай лукаво и премудро—повернулось колесо, и все погибло, разлетѣлось прахомъ...

— Да, жизнь не всѣмъ легко дается,—сказала великая княгиня съ отгѣнкомъ нѣкоторой грусти въ голосѣ.—Но тѣ, кому она дается даромъ, не знаютъ и цѣны ей... Не умѣютъ пользоваться положеніемъ своимъ... А тѣ, которымъ удается съ судьбою совладать, послѣ борьбы, послѣ тревогъ, послѣ лишеній—о! тѣ идутъ твердо и неуклонно по пути къ опредѣленной цѣли...

— Такъ ты все еще надѣнешся, матушка?—сказалъ княжичъ, нѣсколько оживляясь...—Все еще думаешь, что мы одолѣемъ неволю нашу?

— Надѣюсь ли? Съ надеждою и въ гробъ лягу!—твердо и увѣренно проговорила Софья Ооминишна.—Мы съ тобою своимъ, а не чужимъ умомъ живемъ, Василій!.. Мы сами себя прокладываемъ дорогу къ великокняжескому столу, а не на князьяхъ да на боярахъ выѣзжаемъ... И государь великій князь отлично это знаетъ! Онъ человѣкъ суровый; онъ не богатъ княжной премудростью; но умъ у него великій и свѣтлый, и проницательный... Иногда вспылитъ и ужасъ наведетъ на всѣхъ жестокостью... слишкомъ поспѣшной... Но онъ не скроетъ отъ себя своей ошибки... И вѣрь мнѣ: все, что съ нами произошло, все это намъ на пользу...

— Охъ, матушка! Когда бы могъ я вѣрить твоимъ рѣчамъ, могъ бы на столько же быть твердымъ!.. Да неужели же ты думаешь, что вотъ и это заточенье въ четырехъ стѣнахъ, подъ стражей, въ моемъ подворьѣ, которое мнѣ такъ жестоко опостылѣло... И эта кровь, изъ-за насъ пролитая, и эти молодые жизни дорогихъ моихъ друзей и вѣрныхъ слугъ, изъ-за меня загубленные — все это намъ на пользу?

— Да! И не только это, сыночекъ мой милый! А и то, что онъ отъ тебя отрекся и отвернулся на время, что и меня отринуть... что приблизилъ къ себѣ Елену неразумную и сына ея, ничтожнаго и слабого ребенка, — все это должно его же, государя, образумить и заставить пожалѣть о насъ, и даже понуждаться въ насъ!..

— Онъ ли въ насъ понуждается?—съ грустью и досадою проговорилъ сынъ.—Все въ его власти! Все въ его рукахъ!.. Все ему доступно... Отринуть одного, другого приблизилъ, и будетъ думать, что самъ Богъ руководилъ его выборомъ... И полюбить своего избранника...

— Нѣтъ, ты заблуждаешься, мой сынъ! Не все въ его волѣ. Многого и онъ не можетъ достигнуть... Многого и его велѣніямъ непокорно!.. Хотѣлъ бы иногда и онъ вернуть минувшее—и не въ си-

лахъ; хотѣлъ бы и онъ подчасъ, вмѣсто лѣстцовъ и рабовъ, видѣть около себя близкихъ и преданныхъ ему друзей—и гдѣ они?.. Вотъ почти ужъ годъ, какъ мы съ тобою здѣсь, подъ стражей, а я все такъ же зорко и отсюда слѣжу за нимъ, и такъ же чутко прислушиваюсь ко всему, что и сюда доходить до ушей моихъ... И говорю тебѣ: отецъ твой неспокоенъ, несчастливъ и недоволенъ собою, и близко ужъ то время, когда наша звѣзда въ прежнемъ блескѣ взойдетъ на небеса...

Она произнесла послѣднія слова почти восторженно, и такъ ободрила ими сына-княжича, что тотъ не утерпѣлъ: всталъ со своего мѣста и обнялъ мать...

— Наша звѣзда, говоришь ты! — проговорилъ онъ съ волненіемъ.—А ихъ звѣзда... А Дмитрій и Елена?

— Не намъ съ тобою думать о нихъ, Василиій!—твердо сказала мать. — Намъ надо только одно и помнить: либо мы, либо они... Вдвоемъ съ ними нѣтъ здѣсь намъ мѣста! И если мы съ тобою будемъ подняты когда нибудь на колесо той вѣтреной и измѣнчивой богини—имъ мѣсто только...

— Подъ колесомъ?—быстро и порывисто перебилъ ее сынъ.

— Подъ колесомъ,—спокойно подтвердила мать и вдругъ обернулась къ окну, выходящему во дворъ, какъ бы прислушиваясь къ какому-то шуму и движенію, долетавшему до слуха ея съ подворья...

— Что это? Словно ворота отпираютъ?—проговорилъ княжичъ, быстро подходя къ окну и стараясь разглядѣть сквозь мерзлыя оконницы, что творилось на дворѣ.

— Да! да! въѣзжаетъ кто-то! — съ радостнымъ и торжествующимъ видомъ проговорила мать, и все лицо ея вдругъ просіяло надеждой.

— Государь великій князь изволить жаловать къ тебѣ на подворье,—доложилъ вошедшій въ палату стольникъ.

— Государь! Батюшка?—проговорилъ въ нѣкоторомъ смущеніи и нерѣшительности княжичъ.

— Пойдемъ къ нему навстрѣчу!—воскликнула Софья Омишишна.—Пойдемъ скорѣе!—и, быстро схвативъ сына за руку, почти потащила его за собою.

Они почти столкнулись въ дверяхъ сѣней съ входившимъ Іоанномъ. Онъ вступалъ въ сѣни одинъ, безъ всякихъ провожатыхъ; въ полуотворенную дверь сѣней были видны только двое молодыхъ стольниковъ, повсюду сопровождавшихъ его при выѣздѣ. Но и тѣ, очевидно, по приказу Іоанна остались у саней...

— Здравствуйте!—сказалъ онъ, распахивая шубу.—На силу-то я къ вамъ собрался...

Изъ голосъ его слышна была необычная ему нѣжность и ласка...

И жена, и сынъ бросились цѣловать его руки... У обоихъ на глазахъ блистали слезы искренней радости.

— Ну, ну, постойте... Послѣ,—почти съ смущеніемъ останавливалъ ихъ Іоаннъ, спѣша войти въ палату, мимо стараго столбника, который стоялъ у двера и отвѣшивалъ ему низкіе поклоны.

— Ступай, ты мнѣ не надобенъ,—сказалъ Іоаннъ и сбросилъ шубу на руки сына. Потомъ онъ обнялъ сначала жену, а затѣмъ и сына, который почтительно пододвинулъ ему тяжелое, рѣзное кресло, обитое кожей.

— Ну, други!—сказалъ Іоаннъ, опускаясь въ кресло. — Я къ вамъ съ повинной!

— Государь! Что ты изволишь говорить!—воскликнула Софья Оуминишна, всплеснувъ руками.—Ты ли это говоришь намъ... Своими ли ушами я это слышу?...

— Грѣшная, жена! Дай высказаться мнѣ... Не перебивай!.. Да, я не стыжусь сказать: я къ вамъ съ повинной! Я дозволяю правды—я ее всю узналъ... Я на васъ напрасно прогнѣвался—напрасно и загубилъ невинныхъ! Напрасно обвинилъ и ихъ, и васъ въ крамолѣ... Простите мнѣ, окаянному!

Онъ широко открылъ имъ объятія: и сынъ, и княгиня бросились къ нему на грудь, въ невыразимомъ волненіи и въ порывѣ нескрываемой радости.

Мгновеніе спустя, когда всѣ они поуспокоились, Іоаннъ сказалъ:

— Тотъ самый предатель, что васъ передо мною обнесъ,—выдалъ мнѣ головою вашихъ враговъ...

— Но вѣдь ихъ нѣтъ здѣсь? — сорвалось съ устъ Софьи Оуминишны.

— Да, ихъ здѣсь нѣтъ; но онъ былъ присланъ сюда гонцомъ отъ нихъ, съ рѣчами и вѣстями... и покаялся во всемъ! Все рассказалъ: и какъ, и чѣмъ князь Семень Ряполовскій подкупилъ его съ князь Иваномъ... и что ему сулили впереди и какъ съ нимъ заодно доносить свой измышляли...

— И что же? Что же... съ этимъ злодѣемъ... что съ нимъ будетъ?!—нетерпѣливо и порывисто проговорила Софья, у которой взоръ загорѣлся недобрымъ огнемъ.

— Съ нимъ ничего не будетъ... Его я долженъ пощадить,—спокойно проговорилъ Іоаннъ.—Совѣсть вишь его замучила (такъ онъ мнѣ сказывалъ): покою ни днемъ, ни ночью не давали ему напрасно имъ загубленные тѣ, что были казнены тогда... и онъ пришелъ ко мнѣ съ повинной головой, и всю правду мнѣ выложилъ...

— Награды, вѣрно, ждетъ и отъ тебя еще такой же, какую получилъ отъ нихъ?—злбно прошептала Софья.

— Нѣтъ, онъ молить, чтобы я его казнилъ скорѣе,—говорить, что жизнь ему постыла стала... И когда онъ больше мнѣ не ну-

женъ будетъ, я заточу его въ одной изъ дальнихъ, изъ глухихъ обителей. Но тѣхъ злодѣевъ я не пощажу О, нѣтъ, не пощажу!

Софья вдругъ схватила мужа своего за руку.

— Государи!—быстро проговорила она, сверкая глазами:—дозволь мнѣ слово молвить, дозвожь.

— Ужъ не о помилованьи ли Ряполовскаго и Патрикѣевыхъ ты собираешься просить?—съ чуть замѣтной усмѣшкой спросила ее Іоаннъ.

— О! нѣтъ! Хочу молить тебя о томъ, чтобы мщеніе твое на нихъ слетѣло, какъ Божья кара... Нежданно, негаданно!.. Вѣдь если они теперь же узнаютъ о томъ, что ждетъ ихъ здѣсь... Пожалуй, еще и не вернутся изъ Литвы, на службѣ у князя Александра останутся?. Такъ пусть же они не знаютъ; пусть имъ и во снѣ не снится то, что ихъ здѣсь ждетъ!.. Андрея Рунова сошли тотчасъ же и припрячь подальше... А старую лису, Ивана Юрьевича, ласкай и при себѣ держи попрежнему, и виду не подавай, что онъ тебѣ постылъ и гадокъ, какъ обманщикъ и клеветникъ... А когда и тѣ вернутся, тогда и призови ихъ всѣхъ къ отвѣту, всѣхъ разомъ...

— А что-жъ ты думаешь,—сказалъ Іоаннъ, внимательно прислушиваясь и соображая что-то:—вѣдь ты права! Придется гнѣвъ мнѣ затаить... Руновъ ни съ кѣмъ еще не видѣлся—въ «Западнѣ», въ моемъ дворцѣ посаженъ... Сегодня-жъ ночью вывезти отсюда велю подальше, а съ князь Иваномъ буду лицемѣрить и двоодушничать, какъ онъ со мною, проклятый!.. И когда тѣ вернутся, я ихъ, какъ подобаетъ, съ честью приму—и прямо изъ дворца въ тюрьму отправлю... Отольются имъ ваши слезы! А у васъ сегодня же велю снять стражу, и призову къ себѣ...

— Нѣтъ, государи! Не дѣлай этого!—горячо вступилась Софья.—Оставь насъ здѣсь до той поры, когда твои и наши лютые вороги будутъ у тебя въ рукахъ... Пусть до тѣхъ поръ никто не знаетъ о твоей къ намъ милости и даже стражи не вели снимать съ подворья! Иначе: всѣ и все тотчасъ поймутъ и не удастся гнѣвъ порадоваться, съ тобою вмѣстѣ, на смущенье и униженье нашихъ враговъ... Дозволь же, государь, до времени намъ здѣсь остаться...

— И ты опять права... Опять ты лучше меня обдумала и обсудила это дѣло,—сказалъ Іоаннъ.—Узнаю въ тебѣ мою совѣтницу, мою премудрую супругу! Пусть будетъ все по-твоему сегодня!

Съ этими словами онъ поднялся съ мѣста, собираясь уходить... И, когда онъ прощался съ сыномъ и женою, было замѣтно, что онъ самъ еще что-то хотѣлъ бы сказать имъ, да какъ будто ожидаетъ съ ихъ стороны вопроса, чтобы отвѣтить имъ. Но они ему этого вопроса не задали: они хорошо понимали, что онъ ужъ и безъ того сказалъ имъ слишкомъ многое, а остальное подумавалась уже само собою...

Когда же великій князь (сопровожаемый женою до выходной двери, а сыномъ—и до самыхъ саней) уѣхалъ съ подворья; когда скриптъ полозьевъ затихъ на дворѣ, и слышно стало, какъ захлопнулись за отъѣзжающимъ ворота, задвигаемые тяжелымъ расовомъ,—мать и сынъ въ молчаливомъ умиленіи взялись за руки и съ глубокимъ внутреннимъ довольствомъ взглянули другъ другу въ очи...

— Василий,—проговорила Софья Оминишна, не спуская глазъ съ сына,—помнишь ли нашу бесѣду передъ приходомъ отца?

— Помню, матушка!

— Колесо теперь въ нашу сторону оборачивается... И чтобы удержаться на немъ, чтобы снова подъ колесомъ не очутиться...

— Мы не должны щадить тѣхъ, кто подъ колесомъ!—договорилъ гнѣздица Василий, угадывая мысль матери.

Софья Оминишна порывисто и страстно обняла сына и прошептала ему на ухо:

— Да, ты угадалъ... Безъ жалости и до конца губи ихъ... Умный былъ тотъ князь Романъ, который говорилъ: не передавши пчѣль, меда не ѣсть...

Затѣмъ, выпустивъ сына изъ своихъ объятій, она какъ будто еще разъ, еще сильнѣе захотѣла утвердить въ немъ высказанное имъ убѣжденіе и, протягивая руку къ иконамъ, висѣвшимъ въ углу, проговорила торжественно:

— Поклянись же мнѣ, что съ того дня, когда ты власть почувствуешь въ рукахъ, Елена и сынъ ея не переступятъ за порогъ тюрьмы до самой смерти...

Василій сурово насупилъ брови, твердая рѣшимость мелькнула въ этомъ взглядѣ, который онъ бросилъ на мать, и, поднимая руку къ иконамъ, онъ произнесъ громко:

— Клянусь!

XIV.

Во мракѣ забвенія.

Въ темной и сырой тюрьмѣ, въ одной изъ баненъ новой каменной кремлевской ограды, на жалкой кровати, кос-какъ сколоченной на скорую руку, лежалъ на соломенникѣ юный княжичъ Дмитрій, изнуренный долгимъ тюремнымъ заключеніемъ и многими непрерывными лишеніями... Потухшій взоръ, блѣдное исхудалое лицо, опущенное жиденькой, свѣтло-русой бородкой, впалыя очи и безцвѣтныя губы слишкомъ краснорѣчиво гонорили о томъ внутреннемъ недугѣ, который медленно, но упорно подтачивалъ силы юноши и велъ его вѣрною стезею къ безвременной кончинѣ... Безсильно опираясь локтемъ на помятую и грязную подушку, несчастный юноша съ грустною улыбкою оглядывалъ свою убогую

келью, скупо освѣщенную небольшимъ, высоко пробитымъ рѣшетчатымъ оконцемъ...

Эти сырыя, темныя стѣны, эта небольшая, посрединѣ растрескавшаяся печь, такъ часто и такъ немилосердно дымившая, эта лавка въ углу, и этотъ толстый отрубокъ дерева, вѣнчавшій ему столъ,—какъ все это было давно ему знакомо... Ему казалось, что тѣ долги, страшныя, невыносимо-тяжкія шесть лѣтъ тѣснаго тюремнаго заточенія такъ и смотрятъ на него изъ этихъ темныхъ угловъ, съ этихъ мрачныхъ сводовъ его темницы! Сколько разъ за это долгое время онъ, оглашая темницу своими скорбными, отчаянными рыданіями, своими болѣзненными стопами, орошалъ ее горькими, неудержимыми слезами, переходя отъ отчаянья къ молитвѣ и отъ молитвы къ убійственной тоскѣ, лишавшей его сна и покоя, и раздражавшейся подъ конецъ озлобленнымъ ропотомъ противъ несправедливости судьбы, противъ невыносимой тягости того креста, который выпалъ ему на долю.

— Воже правый!—воскличалъ несчастный узникъ,—сжался же ты надо мною! Или я забыть тобою и навѣки осужденъ, невинный, страдать здѣсь и мучиться? Сжался и призри на меня, или пошли скорѣе конецъ моимъ мученіямъ!

Но годы шли и ложились новымъ, невыносимо-тяжкимъ гнетомъ на сердце несчастнаго юноши, и порывы отчаянья и ропота становились все болѣе и болѣе рѣдкими: мало-по-малу они смѣнились тихою грустью и горькимъ сознаниемъ того, что онъ забыть и Богомъ, и людьми, что для него не существуетъ въ грядущемъ ни надежды, ни избавленія... И вотъ постепенно шагъ за шагомъ, онъ переходилъ къ тому состоянію равнодушнаго ступенія, которое, рано или поздно, овладѣваетъ душою каждаго узника, и отъ этого тяжкаго душевнаго состоянія, въ рѣдкія, болѣе свѣтлыя мгновенія, княжичъ Дмитрій вспоминалъ о своемъ минувшемъ, о тѣхъ быстро мелькнувшихъ дняхъ блеска, величія и радости, которые остались единственною свѣтлою звѣздочкой среди безотраднаго и непригляднаго сумрака его молодой жизни.

— Да!—думалъ онъ въ такіе дни, съ горькою усмѣшкою обводя взоромъ свои лохмотья и свою жалкую изношенную обувь,—да, не въ такой одеждѣ я тогда ходилъ... Не такую постель мнѣ подвѣчеръ постилали, высоко забивая пуховики, растялая на нихъ собольи одѣяла... Не въ такомъ разбитомъ и грязномъ жбанѣ подносили мнѣ квасы ягодные и меду сыченые...

И передъ нимъ вдругъ, во всей своей соблазнительной прелести, вставала въ воображеніи картина роскошнаго княжескаго быта, какимъ онъ жилъ когда-то въ домѣ матери, въ краткій періодъ ихъ торжества и славы.

— И какъ все это быстро минуло, какъ по волшебству какому Разсѣялось, какъ дымъ... откуда пришло и какъ исчезло—и ска-

затѣ нельзя... Наважденье какое-то! И какъ страшно все это кончилось!

— Боже мой! Этотъ несчастный Семенъ Ряполовскій! За что его казнили—не знаю! Помню только, что мы съ матушкой такъ горько, такъ долго его оплакивали... Помню, какъ дѣдъ однажды у меня спросилъ, сурово глянувъ на меня: «о чемъ ты плачешь?». Я сказалъ ему, что было на душѣ: «о Семенѣ Ряполовскомъ плачу— жаль мнѣ его!»... А онъ вдругъ распалился, ногою топнулъ и крикнулъ на меня: «вонъ изъ дворца моего! Кто смѣетъ здѣсь объ измѣнникахъ моихъ и злодѣяхъ слезы лить!»... И съ той поры меня и матушку постигла опала и небреженье; и дѣда я больше не видалъ; и жили мы съ матушкой въ забвеньи и вдали отъ его великокняжескаго двора...

И вспомнилось ему потомъ, какъ послѣ долгой, трехлѣтней опалы, его вдругъ разлучили съ матерью и привели въ эту темницу... Онъ слышалъ, какъ кругомъ его шептали на ухо: великая княгиня Софья уговорила де государя, какъ была уже на смертномъ одрѣ, чтобы онъ не оставлялъ княжича Дмитрія и его мать на свободѣ... И государь будто поклялся ей, что исполнить ея завѣтъ...

— И вотъ я третій годъ томлюсь здѣсь, ни въ чемъ, ни передъ кѣмъ не виноватый, ни на кого не замышлявшій зла! Томлюсь забытый, покинутый всѣми—и Богомъ и людьми!...

И онъ опять унылымъ, слабымъ отуманеннымъ взоромъ обводилъ углы и своды своей тюрьмы, которая уже начиналъ окидывать сгуцавшійся сумракъ наступающаго вечера.

— Вотъ сейчасъ придетъ мой угрюмый, молчаливый сторожъ, и принесетъ мнѣ дымный жирникъ въ черепкѣ,—думалъ княжичъ Дмитрій, напрягая слухъ, чтобы уловить знакомые ему шаги тюремщика по каменнымъ ступенямъ лѣстницы.

Но что это? Тюремщикъ не одинъ къ нему идетъ?... По лѣстницѣ гулко раздаются шаги многихъ людей... и голоса... Вотъ приближаются, вотъ стучать засовы тяжелой двери, и изъ за-нея въ тюрьму вступаютъ нѣсколько людей, неясныхъ въ полусумракѣ. Князь Дмитрій, въ тревогѣ, вскакиваетъ со своего ложа и старается ихъ рассмотреть...

— Князь Дмитрій Ивановичъ!—почтительно кланяясь, говоритъ ему выступившій впередъ молодой стольникъ,—великій государь нашъ Иванъ Васильевичъ, тебѣ по крови дѣдъ, находясь близъ смерти, пожелать изволилъ тебя увидѣть и прислалъ насъ за тобою... Пожалуй съ нами тотчасъ!

Оторопѣлый, изумленный, встревоженный князь Дмитрій ушами своимъ не вѣритъ: ему все это представляется обманомъ сновидѣнья...

— Дѣдъ мой... князь великій... меня желаетъ видѣть?—съ недоумѣніемъ переспрашивалъ онъ у стольника.

— Да, князь! И я молю тебя—спѣши, коли его желаешь застать

въ живыхъ... Смерть уже блюдетъ надъ нимъ — часы его сосчитаны.

— Скорѣе, скорѣе! Къ нему! Къ нему! — вскрикиваетъ князь Дмитрій и, шатаясь, устремляется впередъ.

Кто-то накидываетъ на него шубу, нахлобучиваетъ шапку... Его подхватываютъ подъ руки, его ведутъ, почти несутъ съ лѣстницы къ выходу изъ башни и черезъ дворъ, къ ближайшимъ переходамъ великокняжескаго дворца... Въ туманѣ волненія, охватившаго все его существо, князь Дмитрій ничего кругомъ не видитъ и не замѣчаетъ и, машинально передвигая ноги, слышитъ только усиленное бѣеніе своего сердца, да творитъ про себя горячую молитву къ Всевышнему...

Вотъ наконецъ онъ и во дворцѣ, и трепетный, смущенный, проходитъ черезъ теплыя сѣни, черезъ переднюю государеву и черезъ комнату, за которою находится его опочивальня. Всюду тѣсятся князья, бояре, сановники — и всѣ ему почтительно кланяются, разступаясь и очищая дорогу недавнему узнику.

Всюду царитъ угрюмое молчаніе ожиданія и смутная тревога предъ наступающимъ рѣшеніемъ судьбы...

Онъ входитъ въ опочивальню — одинъ, уже поддерживаемый подъ руки своими провожатыми, и въ нерѣшительности, въ мучительной истомѣ волненія вынужденъ остановиться почти у самой двери. Къ нему бросаются въ глаза только кіотъ съ иконами, блестящими при свѣтѣ лампадъ, — въ углу большая и широкая кровать, подъ темнымъ пологомъ среди опочивальни и аналой, за которымъ духовникъ государя читаетъ отходную.

— Подойди, подойди... поближе, не бойся! — слышится ему слабый голосъ умирающаго Іоанна. — Дай мнѣ взглянуть еще разъ на тебя — проститься съ тобой!..

Князь Дмитрій переступилъ нѣсколько шаговъ и упалъ на колѣни около постели рядомъ съ тутъ же стоявшимъ княземъ Василюмъ...

Іоаннъ протянулъ къ нему исхудалую руку и опустилъ ее на голову Дмитрія.

— Прости меня... Жестокъ я былъ къ тебѣ... Наказалъ не по винѣ... и безъ вины твоей... Прости... Дай умереть спокойно, — чуть слышно лепеталъ умирающій.

Рыданія, тяжкія рыданія были отвѣтомъ Дмитрія, который нѣжно цѣловалъ руку дѣда, прижимая ее къ своимъ горячимъ устамъ.

— Живи счастливый... Дарую тебѣ въ удѣлъ... въ удѣлъ... дарую, — прошепталъ Іоаннъ, дѣлая страшное послѣднее усиліе надъ собою, и вдругъ смолкъ... Голова его приподнялась съ подушки, страданіе исказило черты его осунувшагося лица, глаза еще разъ сверкнули въ полутьмѣ, широко-раскрытые, и остановились... онъ медленно опустился на изголовье и захрипѣлъ...

Дмитрій, охваченный ужасомъ, сдержалъ на мигъ свои рыданія и опустилъ хладѣющую руку дѣда на одѣяло; въ головѣ его, какъ лучъ солнца во тьмѣ, свѣтились и звучали послѣднія, обращенныя къ нему ласковыя слова Іоанна... Онъ и не замѣтилъ, какъ предсмертное хрипѣніе смѣнилось порывистыми вздохами, и какъ потомъ окончилась борьба жизни со смертью...

Онъ все еще стоялъ на колѣняхъ, когда Василій Ивановичъ поднялся и повелительно махнулъ рукою двоимъ-троимъ боярамъ, стоявшимъ въ углу опочивальни, позади духовника...

Тѣ тотчасъ подошли къ нему.

— Преставился, — сказалъ имъ Василій, указывая на бездыханный трупъ отца.

— Здравъ буди великій князь московскій Василій Ивановичъ! — громко произнесли бояре, кланяясь Василію въ поясъ и касаясь перстами пола.

Дмитрій быстро поднялся съ колѣнъ и хотѣлъ броситься въ объятья дяди... Но тотъ отстранилъ его презрительнымъ движеніемъ руки и смѣрилъ съ головы до ногъ холоднымъ, пронизывающимъ взглядомъ.

— Князь Дмитрій, — сказалъ Василій твердо и рѣшительно, — покойному государю-батюшкѣ не доспѣлось тебѣ удѣлъ назначить... Смерть ему уста запечатлѣла! Видно, ужъ судьба твоя такая, что я тебѣ удѣлъ назначить долженъ... Бояре, прикажите отвезть князя Дмитрія въ ту же палату откуда привели его...

Дмитрій замеръ на мѣстѣ отъ ужаса при этихъ словахъ Василія... Какая-то ледяная волна прихлынула къ его сердцу и разлилась потомъ по всему тѣлу... Онъ хотѣлъ упасть къ ногамъ Василія, молить его о пощадѣ, молить о свободѣ... Но онъ не успѣлъ произнести ни слова: его быстро подхватили подъ руки и еще быстрѣе вывели изъ опочивальни... Какіе-то то свѣтлые, то темно-багровые круги пошли у него мелькать передъ глазами, голову затуманило, и онъ грузно опустился на руки людей, которые спѣшили вывести его на переходы.

— Бери... подхватывай... неси его скорѣе... Авось онъ тамъ очнется—шептали надъ самымъ ухомъ его чьи-то голоса, между тѣмъ какъ издали до него долетали громкіе клики:

— Здравъ буди, князь нашъ Василій Ивановичъ — московскій и всея Руси!..

Три года спустя, князь Дмитрій скончался въ тюрьмѣ, которая раскрылась только передъ всеильною властью смерти... Почти около того же времени въ одной изъ дальнихъ заонежскихъ обителей скончался смиренный инокъ Антоній—въ мірѣ Андрей Руновъ—и на крупный вкладъ, сдѣланный имъ при жизни, завѣщалъ построить церковь...

— Въ чье имя освятить ее прикажешь? — допрашивалъ умирающаго инока старый игумень.

— Во имя Димитрія Солунскаго — на кровѣхъ неповинныхъ, — прошепталъ чуть слышно умирающій.

И завѣтъ его былъ свято выполненъ: храмъ во имя великомученика Димитрія «на кровѣхъ неповинныхъ» былъ воздвигнутъ надъ прахомъ смиреннаго инока...

П. Полевой.

ЗАПИСКИ ГРАФА Е. О. КОМАРОВСКАГО ¹⁾.

VII.

Карпавалъ.—Маскарды.—Обращеніе Наполеона съ дамами.—Публичныя засѣданія въ законодательномъ собраніи и въ Institut de Franco.—Музей Наполеона.—Осмотръ художественной выставки и другихъ достопримѣчательностей.—Люксембургскій дворецъ.—Домъ инвалидовъ.—Артиллерійскій музей.—Монетный дворъ.—Агрономическій музей.—Ботаническій садъ.—Институтъ глухонѣмыхъ.—Церковь les petits Augustins.—Физикъ Вееръ.—Фабрика гобеленовъ.—Императорская консерваторія.—Пантеонъ.—Панорама тильзитскаго свиданія.—Версаль.—Трилоннъ.—Сентъ Клу.—Аббатство С. Дени.—Ожиданіе войны между Франціей и Австріей.—Выѣздъ изъ Парижа въ Вѣну.—Дорога.—Объявленіе войны.—Вѣна.—Возвращеніе въ Россію.—Милостивый отвѣтъ государя.—Лѣто въ Городищѣ.—Возвращеніе въ Петербургъ.

ИКОГДА, какъ говорили, такого веселаго карнавала не было, какъ въ тотъ годъ. Графъ Морескальки, министръ Итальянскаго королевства, далъ, между прочимъ, маскарадъ, для котораго королева Голландская составила кадрили изъ двѣнадцати дамъ, въ числѣ коихъ и сама находилась, въ русскихъ костюмахъ, и каждая изъ нихъ по очереди и всѣ вмѣстѣ интриговали графа Румянцова и князя Куракина. Наполеонъ на семь маскарадъ нѣсколько разъ переодѣвался. Камбасаресъ тоже давалъ маскарадъ премноголюдный и прекрасный. У Шампаньи было нѣсколько баловъ; на одномъ изъ нихъ я былъ свидѣтелемъ страннаго случая. Я стоялъ подлѣ жены Н. Н. Демидова; Наполеонъ, говоря прежде со многими, подходилъ къ ней; она сдѣлала пренизкій поклонъ и взяла веселый видъ, ожидая отъ него какого

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIX, стр. 647.

нибудь пріятнаго привѣтствія; она знала его генераломъ Бонапарте, первымъ консуломъ и наконецъ видала уже императоромъ. Наполеонъ, остановясь передъ ней, довольно долго смотрѣлъ ей въ лицо, переступая съ одной ноги на другую, понюхалъ табуку, ибо въ лѣвой рукѣ онъ держалъ всегда табакерку, наконецъ спросилъ:

— *Qui êtes vous, madame* ¹⁾?

Я взглянуть на мою сосѣдку и примѣгилъ, что она вся перебрѣнилась въ лицѣ и сквозь зубы сказала свою фамилію. Потомъ онъ, обратившись къ стоявшей на другой сторонѣ Демидовой, дочери Муравьева-Апостола, которая была съ нею на балѣ, сказалъ:

— *C'est une bien jolie personne et qui vous sert de chaperon ici* ²⁾.

Надобно знать, что Наполеонъ почти никогда не дожидался отвѣта, и, сказавши сіи слова, отошелъ прочь. Демидова, насилу опомнившись отъ такого грубаго вопроса, ей сдѣланнаго, сказала мнѣ:

— Онъ имѣетъ непостижимыя странности и разсѣянности, и онъ еще болѣе въ немъ увеличались съ тѣхъ поръ, какъ онъ императоромъ. Я увѣрена, что онъ сіе сдѣлалъ потому, что занятъ былъ другою какоюнибудь мыслию; можно ли ему было меня не узнать? Я была въ самомъ короткомъ знакомствѣ съ его женою, когда она была просто *m-me Bonaparte*, и съ нимъ очень часто видалась.

Это точно доказывало, что Наполеонъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о приличіяхъ въ обращаніи съ дамами, а, можетъ быть, и не хотѣлъ его имѣть. Мы довольно часто послѣ спектакля проводили вечера у Н. Н. Демидова, а по вторникамъ бывали у графа Сюзюра, бывшаго французскимъ министромъ при дворѣ императрицы Екатерины II. Мы бывали также у князя Метерниха.

Мнѣ случилось быть въ публичномъ засѣданіи законодательнаго собранія по случаю закрытія онаго. Предсѣдателемъ сего собранія былъ тогда Fontanes. Онъ по обыкновенію говорилъ предлинную рѣчь, наполненную похвалами и лестію ихъ законодателю Наполеону. Кончилось рукоплесканіемъ и продолжительнымъ крикомъ депутатовъ *«vive l'empereur»*. Засѣданіе въ *Institut de France*, въ которомъ я также находился, гораздо болѣе мнѣ понравилось. Онымъ предсѣдательствовалъ графъ Сегюръ; *Andrieux* читалъ при семъ случаѣ прекрасную басню его сочиненія: *La vache de Fénélon*, и нѣкоторыя другія сочиненія были читаны самими авторами. Я слушалъ два курса въ Парижѣ—въ *l'Athénée de France* за деньги, гдѣ лекціи преподавали знаменитые *Cuvier*, *Thénard* и другіе славные тогдашняго времени ученые; другой курсъ древностей *gratuit*, т. е. безденежно, преподаваемый профессоромъ *Melin*. Онъ былъ

¹⁾ Кто вы, сударыня?

²⁾ Это очень хорошеенькая особа, которая служитъ мнѣ здѣсь надирательницей.

вмѣстѣ директоромъ кабинета древностей публичной императорской библіотеки, въ которой, между прочими рѣдкостями, находится два глобуса необыкновенной величины, такъ что, невзирая на высоту комнатъ, они проходили во второй этажъ. Въ наше время въ Парижѣ находились всѣ изящныя произведенія древней Италіи, трофеи великой арміи, въ хранилищѣ, называемомъ Наполеоновъ музеумъ, въ Луврскомъ дворцѣ устроенномъ. Описывать красоты Аполлона Вельведерскаго, Венеры Медицейской, Лаокоона и проч. статуй было бы излишнимъ, и я не въ состояніи того сдѣлать; впрочемъ кому неизвѣстны сіи мастерскія произведенія изъ множества описаній, изданныхъ въ свѣтъ. Но достойно примѣчанія: то, чѣмъ славилась вся Италія, классическая страна Европы, и куда стекались отовсюду любители изящнаго, — здѣсь собрано въ одномъ мѣстѣ, и въ нѣсколько часовъ можно было видѣть лучшія произведенія рѣзца и кисти, ибо въ Наполеоновомъ музеумѣ находились не только всѣ лучшія статуи, но и картины перивѣщныхъ древнихъ итальянскихъ живописцевъ, даже преображеніе Христа Спасителя Рафаэлемъ, которое почитается единственнымъ въ свѣтѣ произведеніемъ живописи. Каково же было французамъ разставаться въ 1815-мъ году съ этими сокровищами, которыя, по Парижскому трактату, должны были быть возвращены прежнимъ ихъ владѣльцамъ. Въ Луврскомъ же дворцѣ, въ тотъ годъ, была выставка національныхъ произведеній искусства. Въ Парижѣ всѣ удобства придуманы: куда ни пріѣдешь видѣть любопытное, швейцарь или привратникъ при входѣ за нѣсколько су предлагаетъ купить описаніе того, что предстоитъ видѣть. Такимъ образомъ случилось и съ нами при входѣ на выставку; по сему подробному каталогу мы осматривали всѣ произведенія живописи и скульптуры. Тогда славилась, какъ живописцы, David Gérard, Girodet le Gros и нѣкоторые другіе.

Картина коронаванія Наполеона напою Пиемъ VII, кисти Давида, останавливала всѣхъ зрителей. Она представляла ту самую минуту, когда сей верховный святитель возлагалъ на Наполеона, сидящаго на тронѣ, императорскую корону; въ картинѣ находилось до тридцати фигуръ, во весь ростъ, и всѣ списаны были съ натуры. Одно, въ чемъ упрекали живописца, это то, что онъ всѣхъ принцессъ Наполеоновой фамиліи нарядилъ въ бѣлое платье и поставилъ почти на одной линіи, какъ фронтъ солдатъ, за то изображеніе папы сдѣлано было превосходно. Картина, представлявшая Марію Стюартъ въ темницѣ, написанная Girodet, получила всеобщую похвалу, равно какъ и портретъ генерала Лассала во весь ростъ, державшаго въ одной рукѣ ключи взятой имъ крѣпости, живописца Gérard. Въ сей же выставкѣ мы видѣли статую изъ бѣлаго мрамора, рѣзца знаменитаго Кановы, изображающую мать Наполеона, сидящую въ длинныхъ креслахъ, въ видѣ Агриппины. Странная мысль,

но неизвѣстно, кому она принадлежала—скульптору, или оригиналу статуи.

Сверхъ сего, мы старались употребить наше время, оставшееся отъ веселостей, на осмотръніе всего любопытнаго, какъ въ Парижѣ, такъ и въ окрестностяхъ онаго, сколько было возможно. Мы руководствовались книгою *Parisien*, дабы знать дни и часы, когда можно было видѣть какое либо заведеніе; а путеводителемъ нашимъ былъ одинъ французъ *m-r de la Bontgaye*.

Въ самомъ городѣ мы были въ Люксембургскомъ дворцѣ, гдѣ находится галерея картинъ славнаго фламандскаго живописца Рубенса, представляющая, во-первыхъ, портретъ Генриха IV, короля французскаго, и жены его Маріи Медичійской; во-вторыхъ, то время, когда ей сдѣлано было предложеніе о вступленіи въ бракъ съ Генрихомъ; въ-третьихъ, ихъ сговоръ; въ-четвертыхъ, ихъ бракосочетаніе; представлены и другія обстоятельства относительно сего случая; все сіе писано было съ натуры. Изъ семъ же дворцѣ, въ превосходныхъ живописныхъ картинахъ, изображена жизнь св. Юрѳона, и полное собраніе видовъ французскихъ гаваней славнаго Вернета.

Вѣдали въ инвалидный домъ и осматривали оный во всѣхъ подробностяхъ. Въ библиотекѣ, куда сходятся читать повѣствованія о дѣяніяхъ своихъ предковъ—героевъ, сіи изувѣченные воины на полѣ чести,—изъ коихъ часто видно у троихъ не болѣе двухъ ногъ,—находится портретъ Наполеона, верхомъ, въ плащѣ, обуреваемомъ вѣтромъ, когда онъ былъ на вершинѣ горы С. Бернарда, первымъ консуломъ, передъ баталіей при Маренго, за которой, какъ извѣстно, Наполеонъ завоевалъ вторично всю Италію. Умилительно было видѣть въ больницѣ, гдѣ, какъ раненые, такъ одержимые и другими тѣлесными недугами, сіи защитники отечества успокаиваются и ухаживаются сестрами милосердія. Мы видѣли сихъ благотворныхъ сестеръ, шьющихъ бѣлье и приготовляющихъ пищу для больныхъ инвалидовъ; мы были въ той столовой, гдѣ Петръ Великій, наливъ кубокъ вина, выпилъ за здоровье сихъ увѣчныхъ воиновъ. Куполь съ превосходною живописью, равно какъ и вся церковь инвалиднаго дома, почитается мастерскимъ произведеніемъ архитектуры; въ сей церкви сохраняются всѣ военные трофеи, взятые у непріятелей.

Въ артиллерійскомъ музеѣ, между прочими достопримѣчательностями, мы видѣли одинъ изъ боченковъ, начиненный порохомъ, принадлежащій къ *machine infernale*. Мы купили тамъ нѣсколько секретныхъ замковъ, видѣли изъ таковыхъ одинъ, который привинчивается къ двери. Къ сему замку придѣланъ небольшой пистолетъ; когда отворишь дверь, пистолетъ дѣлаетъ выстрѣлъ и искрами отъ кремня зажигаетъ маленькую свѣчку, подлѣ полки находящуюся, и такимъ образомъ хозяинъ разбуженъ и комната освѣщена. Сіи замки изобрѣтены противъ воровъ.

Въ монетномъ дворѣ мы видѣли родъ мѣдныхъ тумбовъ, на которыхъ выбивается монета; на сихъ тумбахъ была надпись: «сіи тумбы вылиты изъ мѣди пушекъ, взятыхъ у русскихъ подъ Аустерлицемъ». Какое непростительное самохвальство, тѣмъ болѣе, что я нарочно спросилъ у чиновника, который показывалъ намъ монетный дворъ: была ли въ ономъ какая перемѣна, и не сдѣлали ли нѣкоторыхъ прибавленій? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что какъ сей монетный дворъ былъ до революціи, въ такомъ положеніи и теперь находится. Чиновникъ видно не подозрѣвалъ, что я русскій. Какая разница между нашимъ монетнымъ дворомъ и Парижскимъ: у насъ видна опрятность, а тамъ ужасная нечистота; на нашемъ монетномъ дворѣ дѣйствующая сила есть паровая машина, а въ парижскомъ, по крайней мѣрѣ, какъ я его видѣлъ, употреблена была человѣческая сила, и работали на ономъ преступники.

Въ агрономическомъ музеумѣ я видѣлъ множество машинъ и орудій для хлѣбопашества, подобно какъ у насъ въ вольномъ экономическомъ обществѣ, но съ тѣхъ поръ сія часть сдѣлала во Франціи великіе успѣхи.

Мы съ великимъ любопытствомъ разсматривали всѣ растенія въ Jardin des Plantes (ботаническій садъ). Директоръ онаго m-г F. Jussieu ¹⁾, по знакомству своему съ de la Bontraye, который намъ предложилъ видѣть сіе рѣдкое въ своемъ родѣ заведеніе, принялъ насъ въ своихъ комнатахъ и приказалъ показать намъ садъ во всѣхъ подробностяхъ. Тогда находилось тамъ и большое собраніе рѣдкихъ звѣрей. Мы видѣли также и Шенбрунскій ботаническій садъ, но Парижскій кажется гораздо полнѣе. Въ первомъ мы видѣли бѣлыхъ орловъ, которые, сказываютъ, очень рѣдки.

Намъ случилось быть на публичномъ испытаніи знаменитаго института глухонѣмыхъ аббата Сикара ²⁾. Славный Malhio былъ тогда уже его помощникомъ. Въ комнатѣ, гдѣ происходило испытаніе, видны были два портрета, изъ натуральныхъ ростъ: одинъ изображалъ l'abbé de l'Épée, незабвеннаго изобрѣтателя снособа, служащаго къ образованію сихъ несчастно-рожденныхъ, и основателя сего института, съ тѣмъ изъ его воспитанниковъ, который служилъ сюжетомъ написать извѣстную комедію, а другой портретъ представлялъ аббата Сикара и Malhio, а внизу написанъ его удивительный отвѣтъ: *la reconnaissance est la mémoire du coeur* ³⁾.

¹⁾ Извѣстный того времени лучшій французскій ботаникъ.

²⁾ Я вспомнилъ, что въ то время сочинены были стихи и посвящены аббату Сикару:

Renonce désormais à ton art admirable
 Quel bien l'humanité peut elle en recueillir,
 Lorsque à tous les Français un tyran exécrable
 A défendu de voir, de parler et d'ouïr.

³⁾ Благодарность — память сердца.

Нельзя было безъ чувства состраданія о сихъ несчастныхъ и вмѣстѣ безъ удивленія видѣть, до чего можетъ дойти терпѣніе чело-вѣка, посвятившаго себя какой либо части. Между сими воспитанниками много было съ такими примѣтными дарованіями, что имъ недоставало только возможности объясняться, чтобы быть по-лезнѣйшими людьми въ обществѣ.

Во время революціи всѣ мавзолеи и гробницы, бывшіе въ *Abaye St. Denis*, истреблены и, не помню кѣмъ-то, остатки оныхъ собраны и помѣщены въ упраздненную церковь *les petits Augustins*. Сіи обломки древнихъ памятниковъ были расположены по вѣткамъ съ большимъ тщаніемъ и искусствомъ. Стекла въ окошкахъ даже были того же вѣка, котораго находились въ томъ отдѣленіи куски памятниковъ, ибо совершенно цѣлаго ни одного почти не было; сіе доказываетъ, до какого изступленія звѣрства доходилъ во время революціи народъ! Напримѣръ, видна была часть лошадиной головы отъ монумента Генриха IV, нѣсколько звеньевъ цѣпи, которою окнаны были четыре народа, побѣжденные Людовикомъ XIV, отъ памятника, въ честь сего короля воздвигнутаго, на площади, называемой *la place des Victoires*. На сей площади теперь находится, вѣжета, бронзовая статуя, изображающая генерала *Deshixs*.

Насъ возилъ г-нъ *de la Voutraye* къ славному тогда физику Бееру; онъ наиболѣе занимался отводами громовыхъ ударовъ, и у него сія часть такъ была усовершенствована, что въ саду его находилась бесѣдка на китайскій манеръ, вокругъ всей крыши коей было навѣшено множество колокольчиковъ, подобранныхъ звукомъ въ родѣ кариліона, и при малѣйшей электрической силѣ въ воздухѣ сіи колокольчики производили звонъ самый стройный и пріятный; онъ дѣлалъ сей опытъ въ бытность нашу у него. Бееръ, узнавши, что мы русскіе, и не изъ обожателей Наполеона, повелъ насъ въ свою спальню, снялъ со стѣны небольшую картину, подъ которой въ стѣнѣ сдѣлано было отверстіе, закрывавшееся небольшою жестяною дощечкой; онъ пожалъ пружинку, дощечка отскочила и сквозь стекло, какъ у небольшой зрительной трубки, видно было изображеніе Людовика XVI, освѣщенное яркимъ свѣтомъ, и онъ представлялся въ нѣкоторомъ отдаленіи, совершенно какъ живой.

Мы видѣли славную во всемъ свѣтѣ гобеленовую фабрику *aux Gobelins*; въ ней ткали тогда Наполеона верхомъ, во весь ростъ.

Посѣтили также *le Conservatoire Impérial*, гдѣ образуются музыканты, пѣвцы, пѣвицы, актеры, актрисы, танцоры и танцорки для всѣхъ національныхъ театровъ. Всѣ первые изъ французовъ таланты въ сихъ родахъ получили свое образованіе въ семъ превосходномъ заведеніи.

Изъ церкви *S-te Geneviève*, во время революціи, устроены пантеонъ, великолѣпнѣйшее зданіе во всемъ Парижѣ, посвященное для пріятія праха великихъ мужей, отличившихся на поприщѣ жизни.

Мы видѣли тутъ гробы, между прочими, Руссо и Вольтера. Видѣть съ пантеона представляетъ весь Парижъ, какъ въ панорамѣ.

Тогда любопытство всѣхъ парижанъ привлекаемо было тильзитскою панорамой, которая сдѣлана была съ большимъ совершенствомъ, особливо для тѣхъ, которые тамъ находились. На Нѣманѣ виденъ былъ тотъ павильонъ, въ которомъ встрѣтились оба императора. По улицамъ города представлены были, въ парадѣ, наши гвардейскіе полки, которые объѣзжали верхомъ Александръ и Наполеонъ съ многочисленною свитою.

Мы ѣздили въ Versailles; въ какомъ состояніи я нашелъ сіе всегдашнее и любимое пребываніе французскихъ королевъ! Видно было, что революція прошла черезъ царскіе чертоги, которые хотѣ нѣсколько возобновлены Наполеономъ, но уже нѣтъ и признака раззолоченныхъ ложъ въ королевскомъ театрѣ. Славные фонтаны совсѣмъ не существуютъ. Сказывали, что водопроводныя, свинцовыя трубы всѣ вытасканы изъ земли. Странно, что въ бывшихъ королевскихъ комнатахъ сохранились портреты m-lle de la Valière et m-me Pompadour. Большой Трианонъ отдѣланъ Наполеономъ; онъ ѣздилъ туда на охоту. Маленькій Трианонъ, любимое жилище королевы Marie Antoinette, совершенно почти разорепъ. Проводникъ нашъ, уроженецъ версальскій, показывалъ намъ въ саду то мѣсто, гдѣ будто королева имѣла тайныя свиданія съ кардиналомъ Роганомъ, чтобы получить отъ него извѣстное драгоценное ожерелье. Такъ поддерживалась еще молва, помрачающая честь сей несчастной принцессы.

На возвратномъ пути мы останавливались въ St. Cloud; сей дворецъ былъ въ весьма хорошемъ состояніи, ибо Наполеонъ часто въ немъ жывалъ. Мы были въ той оранжереѣ, изъ которой генералъ Бонапарте, по возвращеніи своемъ изъ Египта, введенными имъ гренадерами, принудилъ 500 членовъ національнаго собранія, имѣвшихъ засѣданіе въ сей оранжереѣ, для спасенія своей жизни, выскочить въ окошки.

Мимоѣздомъ въ Парижъ, мы осматривали главную фарфоровую фабрику въ Севрѣ. Она превосходнѣе Вѣнской (въ которой мы купили много фарфора для стола и для десерта) своими пріятными формами и имѣющимъ секретомъ наводить на фарфоръ синій цвѣтъ, которому ни одна фарфоровая фабрика подражать не можетъ; за то въ цѣнахъ вещамъ никакого нѣтъ сравненія.

Въ Abbaye de S-t Denis, гдѣ до революціи покоился прахъ толикихъ поколѣній французскихъ королевъ, въ наше время устроено было запасный магазинъ хлѣба для продовольствія парижскихъ жителей. Привратникъ соборной церкви, подъ сводами которой находились гробы королевъ, рассказывалъ намъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ пріѣзжалъ Наполеонъ съ кѣмъ-то самъ-другъ, чтобы осмотрѣть то мѣсто, которое онъ назначилъ для себя, велѣлъ за-

жечь свѣчу, взявъ ее въ руку и пошелъ одинъ въ темное под-земелье.

C'est un luron qui n'a pas peur ¹⁾,—прибавилъ привратникъ.

Мы любопытны были видѣть мѣсто, которое, по тогдашнимъ соображеніямъ, могло дѣйствительно вмѣщать въ себѣ останки сего великаго человѣка. Но сколь всѣ человѣческія предположенія ничтожны противу неисповѣдимыхъ судебъ Всевышняго!

Мы хотѣли воспользоваться пребываніемъ нашимъ въ Парижѣ, чтобы найти гувернантку для дочери нашей Анны; и хотя Витали очень хорошаго поведенія, но онъ былъ весьма слабаго здоровья и не могъ быть гувернеромъ при сынѣ нашемъ Егорѣ, то и для него намъ нужно было имѣть другаго человѣка. Для дочери мы нашли *m-lle Appé*, пожилую дѣвицу отъѣнной нравственности. Она воспитывала старшую дочь Лукьяна Бонапарте. Изъ представлявшихся во множествѣ, желающихъ опредѣлиться къ сыну нашему въ гувернеры, мы рѣшили взять *m-g Plase*, который былъ весьма ученъ, но оказался впоследствии неспособнымъ исполнить приятную имъ на себя обязанность. *M-lle Appé* должна была съ нами ѣхать въ Россію, а *m-g Plase*—весною пріѣхать въ Петербургъ моремъ.

Между тѣмъ война у австрійцевъ съ французами казалась неизбежною; положеніе всѣхъ русскихъ, находившихся тогда въ Парижѣ, сдѣлалось затруднительнымъ, ибо мы не знали, которую сторону возьметъ наше правительство; нейтральною же оставаться Россіи казалось невозможно. Въ такихъ обстоятельствахъ всѣ почти наши соотчичи вознамѣрились оставить Парижъ. Мы рѣшились въ концѣ марта мѣсяца, 1809-го года, ѣхать опять въ Вѣну.

Проѣзжая французскія владѣнія до рѣки Рейна, мы видѣли уже множество войскъ, идущихъ на границу. Я принялъ въ Вѣнѣ къ себѣ въ камердинеры одного изъ дезертировъ французской арміи, служившаго въ оной унтеръ-офицеромъ, по имени Лапіеръ. Когда мы поѣхали въ Парижъ, то я въ своемъ паспортѣ назвалъ его Штейномъ, уроженцемъ изъ Курляндіи, и такъ его всѣ и называли. На возвратномъ пути мы остановились въ городѣ Нанси, чтобы переѣхать лошадей; Лапіеръ сидѣлъ тогда на козлахъ четверомѣстной нашей кареты. Къ счастью, онъ купилъ еще въ Вѣнѣ для дороги шапку съ длинными наушниками, которыми онъ завернулъ себѣ все лицо и оставилъ только одни глаза. Покуда намъ закладывали почтовыхъ лошадей, Лапіеръ узнаетъ множество солдатъ того самаго эскадрона, въ которомъ онъ служилъ, ходящихъ вокругъ нашихъ экипажей. Каково же было его положеніе! Онъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, ибо если бы онъ кѣмъ нибудь изъ его сослуживцевъ былъ признанъ, то его бы взяли, и онъ былъ бы разстрѣ-

¹⁾ У этого молодца нѣтъ страха.

Прим. ред.

лянтъ. Въ Страсбургѣ мы ходили смотрѣть въ протестантской церкви мраморный монументъ фельдмаршала де Сакса. Фельдмаршалъ изображенъ во весь ростъ, у ногъ его открытый гробъ, куда уже онъ одною ногою вступилъ, и Франція, въ видѣ женщины, его останавливаетъ. Въ этой же церкви находится нѣсколько столѣтій въ стеклянномъ футлярѣ совсѣмъ почти не поврежденное тѣло какого-то графа Нассау. Въ Мюнхенѣ Баварскаго короля тогда уже не было, и все находилось въ большой тревогѣ; однако же намъ предложили осмотрѣть дворецъ; картины и прочія вещи были уложены въ ящики. По всей дорогѣ безпрестанный былъ проходъ войскъ. Въ городѣ Браунау, на австрійской границѣ, пришелъ ко мнѣ комендантъ и сказалъ, что декларація о войнѣ съ французами уже опубликована, и узнавши, что я русскій, весьма желалъ узнать, которую мы возьмемъ сторону. Я ему отвѣчалъ, что, такъ какъ я оставилъ давно Россію, мнѣ вовсе неизвѣстны намѣренія нашего правительства. Комендантъ меня предварилъ, что мы найдемъ большое затрудненіе и въ почтовыхъ лошадахъ, и въ самомъ проѣздѣ по дорогѣ, и, дѣйствительно, мы часто должны были на станціяхъ дожидаться по нѣскольку часовъ лошадей, а дорогомъ останавливаться, покуда пройдетъ колонна войскъ; особливо затрудняли насъ понтоны и тяжелая артиллерія. Мы, можно сказать, вояжировали по военнымъ этапамъ и окружены были съ обѣихъ сторонъ войсками, сперва какъ будто насъ провожающими, а потомъ идущими къ намъ навстрѣчу. За нѣсколько станцій до Вѣны, мы встрѣтили императора Франца и эрцъ-герцога Карла, идущихъ къ своей арміи на границу.

Какъ мы были рады, когда добрался до Вѣны! Мы остановились въ трактирѣ à l'Impératrice d'Autriche. Русскихъ мы нашли въ Вѣнѣ очень мало. Графъ П. А. Толстой находился тамъ съ своимъ семействомъ, и мы съ нимъ почти всякій день видались. Начали получаться бюллетени изъ арміи; первые были довольно благоприятны для австрійскихъ войскъ. Трогательно было видѣть молодую императрицу въ черномъ платьѣ и подъ таковымъ же вуалемъ, окруженную своимъ дворомъ, ходящую въ процессіи пѣшкомъ по разнымъ монастырямъ для богомолья. Миссіею нашею управлялъ тогда совѣтникъ посольства Амстетъ, чрезъ котораго я узналъ, что правительство наше скорѣе дѣйствовать будетъ противу австрійцевъ, нежели возьметъ ихъ сторону, и что на границѣ нашей собирается уже всеногательный корпусъ нашихъ войскъ французамъ, въ 30.000 человекъ, подъ командою князя С. Ф. Голицына.

Мы, пробывши въ Вѣнѣ около трехъ недѣль, разстались здѣсь съ Витали и отправились въ Россію. Выѣстъ съ нами выѣхалъ графъ Толстой, съ своимъ семействомъ; мы до самой нашей границы дѣлали дорогу почти выѣстъ. Въ началѣ мая мѣсяца

1809-го года, мы пріѣхали въ Городище. Достоинно примѣчанія, что въ этотъ годъ мы видѣли три весны: въ концѣ февраля мѣсяца, въ Парижѣ, на улицахъ, продавали уже букеты изъ фіалокъ, а въ мартѣ уже было зелено; выѣхали въ апрѣлѣ изъ Вѣны, гдѣ тоже деревья стали зеленѣть, а, пріѣхавъ въ Городище въ маѣ, черезъ нѣсколько дней равномѣрно увидѣли, что деревья начали распускаться.

Я привезъ съ собою, по совѣту Капеллини, нѣсколько кувшиновъ Егерской воды. Я донесъ государю о позвращеніи моемъ изъ Россію и просилъ позволенія пробыть нѣсколько времени въ нашихъ деревняхъ, гдѣ мнѣ нужно пить еще привезенныя со мною минеральныя воды. Его величество приказалъ мнѣ отвѣчать, что я хорошо дѣлаю, что не вдругъ возвращаюсь въ холодный петербургскій климатъ, а что остановился провести лѣто въ умѣренномъ, и тѣмъ пріучить себя постепенно къ перенесенію холоднаго сѣвернаго воздуха.

Черезъ нѣсколько недѣль пріѣхали къ намъ въ Городище зять мой, Алексѣй Николаевичъ Астафьевъ, сестрица Анна Федотовна, племянница Александра Алексѣевна, и привезли съ собой дочь нашу Анну, которой былъ тогда четвертый годъ. Я несказанно былъ радъ увидѣться съ моими родными, особливо съ нашей дочерью Анной. Когда мы ее оставили, она не могла еще на ногахъ держаться, а тутъ увидѣли, что она ходила и все говорила, только посвоему, и собой была прелестна. Мы поручили тотчасъ дочь нашу воспитанію *mademoiselle Anné*. Я далъ слово графу П. А. Толстому посѣтить его въ Тульской губерніи въ селѣ его Троицкомъ и исполнилъ свое обѣщаніе. Я пробылъ у него нѣсколько дней и возвратился въ Городище, куда пріѣхала графиня Марья Алексѣевна Толстая съ однимъ изъ своихъ сыновей и погостила у насъ съ недѣлю. Она не могла довольно налюбоваться красотой дочери нашей Анны и называла ее Грѣзовой картиной. Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же 1809 года Богъ даровалъ намъ сына Владимира. Скоро послѣ сего, зять мой, сестрица и племянница отправились въ Петербургъ, куда и мы возвратились, какъ скоро жена моя послѣ родовъ оправилась. Государь изволилъ меня принять весьма милостиво и долго со мной разговаривалъ, входя во всѣ подробности моего лѣченія, пребыванія въ чужихъ краяхъ и семейнаго моего положенія.

IX.

Назначеніе инспекторомъ внутренней стражи.—Засѣданіе по вопросу о внутренней стражѣ.—Ея организація.—1812 годъ.—Отъѣздъ съ государемъ въ Вильно.—Балъ въ Закреть.—Окрестности Вильно.—Государь отправляетъ Балашова къ Наполеону.—Начало кампаніи.—Балашовъ у Наполеона.—Укрѣпленный лагерь Пфуля.—Отступленіе.—Государь отправляется въ Москву.—Молобогъ въ Успенскомъ соборѣ.—Рѣчь государя московскому дворянству.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ.—Командировка въ Волинскую губернію.—Дорога.—Виццегороде.—Смерть Вагратиона.—Ямщики.—Дѣла по хозяйству въ Городницѣ.—Пріѣздъ въ Житомиръ.—Занятія по набору лошадей.—Пріѣздъ графини Комаровской.

Въ мое отсутствіе, для окончанія начатыхъ подъ моимъ распоряженіемъ казенныхъ строеній, учреждена была комиссія, которою управлялъ В. А. Пашковъ, бывший тогда членомъ военной коллегіи. Образъ жизни моей былъ единообразенъ до 1811 года, іюля 7-го, когда я, по высочайшему приказу, назначенъ былъ инспекторомъ вновь учреждаемой внутренней стражи и помощникомъ по сей части военнаго министра, которымъ былъ тогда Барклай-де-Толли. Государь, прежде назначенія моего, приказалъ мнѣ разсмотрѣть постановленіе внутренней стражи и ея обязанности, и съ моими замѣчаніями передать военному министру. Потомъ все сіе внесено было въ государственный совѣтъ и получило высочайшее утвержденіе. Барклай-де-Толли хотѣлъ, чтобы я носилъ званіе дежурнаго при немъ генерала по внутренней стражѣ, но государь на сіе не согласился, сказавъ:

— Графъ Комаровской мой генералъ-адъютантъ, и я хочу, чтобы онъ былъ между мной и вами.

Сначала послѣдняго образованія государственнаго совѣта и учрежденія комитета министерствъ, государь предсѣдательствовалъ самъ всегда, какъ въ совѣтѣ, такъ и въ комитетѣ министерствъ. Когда внесено было въ совѣтъ положеніе о внутренней стражѣ, императоръ приказалъ прочесть оное и самъ объяснялъ выгоды сего учрежденія, опорочивая прежнее постановленіе о губернскихъ и уѣздныхъ штатныхъ командахъ тѣмъ, что онѣ, будучи составлены изъ воинскихъ нижнихъ чиновъ, подчиняются статскимъ чиновникамъ, какъ-то: губернаторамъ и городничимъ, и что тѣ нижніе чины безпрестанно употребляются въ партикулярныя работы вмѣсто отправленія ихъ служебныхъ обязанностей; что въ команды сіи офицеры употребляются сенаторомъ, съ гражданскими чинами; что вообще въ тѣхъ командахъ нижніе чины имѣютъ одно только званіе солдата, а потому чтобы сіи команды, войдя въ составъ внутренней стражи, получили образованіе, соотвѣтствующее ихъ предназначенію; онѣ должны зависѣть отъ военнаго министерства. На сіе Балашовъ, бывший уже министромъ полиціи, просилъ и получилъ позволеніе

объяснить свое мнѣніе. Онъ старался доказать, что мѣстное гражданское начальство, лишась способа дѣйствовать по своему усмотрѣнію, часто не пропуская нисколько времени, военною силою, не будучи въ состояніи отвратить могущіе возникнуть важныя безпорядки и сохранить спокойствіе и тишину между обывателями, столь необходимыя въ благоустроенномъ государствѣ; что, по мнѣнію его, внутренняя стража должна быть подѣ непосредственнымъ распоряженіемъ мѣстнаго гражданского начальства. Сіе мнѣніе министра полиціи, какъ извѣстно, оставлено было безъ уваженія. Однако же преніе по сему предмету между государемъ и Паланинымъ, какъ говорили, продолжалось довольно долго, и сіе засѣданіе имѣло что-то конституціонное. Главный предметъ учрежденія внутренней стражи состоялъ въ томъ, чтобы при баталіонахъ оной формируемы были рекруты, чтобы посредствомъ оной препровождались въ случаѣ войны плѣнные, чтобы конвоированы были рекрутскія партіи, съ мѣста ихъ набора, въ назначенное рекрутское депо, куда прикомандированы должны быть офицеры изъ внутренней стражи. На сіи потребности прежде отряжались команды при офицерахъ изъ дѣйствующихъ войскъ; при самыхъ рекрутскихъ наборахъ находились прежде штабъ-офицеры изъ армейскихъ полковъ, которые должны были замѣнены быть штабъ-офицерами изъ внутренней стражи. Пересылка арестантовъ всякаго рода прежде возлагаема была на обывателей,—повинность самая отяготительная, особливо въ рабочую пору,—а, сверхъ того, за упуски на пути арестанта, сіи несчастные подвергались тюремному заключенію и часто невинному наказанію; названная повинность также вопля въ обязанность внутренней стражи.

Сія огромная инспекція сначала раздѣлена была на 8-мъ округовъ; каждымъ командовалъ генераль-майоръ, на правахъ дивизионнаго генерала, на бригады и на полубаталіоны, ибо они состояли тогда только изъ трехъ ротъ. Округъ составляли нѣсколько бригадъ, а бригаду два или три баталіона. Впослѣдствіи времени число округовъ, по представленію моему, увеличилось до 11-ти и прибавлено по одной ротѣ къ каждому полубаталіону, и оныя получили названіе баталіоновъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ назначенъ находится одинъ баталіонъ, который и носить имя того города; въ каждомъ уѣздномъ городѣ учреждена инвалидная команда. Принято было за правило, чтобы въ губернскіе баталіоны поступали изъ арміи нижніе чины, опредѣленные на службу изъ самыхъ тѣхъ уѣздовъ. Сіе соблюдалось, сколько было возможно. Для удобнѣйшаго препровожденія арестантовъ и пересыльныхъ потому учреждены по большимъ трактамъ эталныя команды.

По назначеніи меня инспекторомъ внутренней стражи, я часто имѣлъ счастье быть призываемымъ въ кабинетъ государя. Его величество весьма много занимался сею вновь учрежденною имъ частію.

Когда я представилъ императору первый мѣсячный рапортъ о вѣренности мнѣ сей обширной и по всей Россіи, кромѣ Сибири, разбросанной инспекціи, государь былъ чрезвычайно доволенъ. Какъ инспекторъ внутренней стражи, я имѣлъ при себѣ канцелярію, состоящую изъ одного секретаря, двухъ чиновниковъ, оберъ-аудитора и нѣсколькихъ писцовъ. По званію моему, я могъ имѣть 4-хъ адъютантовъ, но сначала находилось при мнѣ только три: Преображенскаго полка баронъ Швахгеймъ, Семеновскаго — Дохтуровъ и Измайловскаго — Храповицкій.

Насталъ для Россіи роковой 1812-й годъ; государь въ мартѣ мѣсяцѣ отправиться изволилъ въ Вильно, куда приказалъ и мнѣ ѣхать. За нѣсколько времени передъ отъѣздомъ у императора былъ обѣденный столъ, на которомъ, въ числѣ многихъ военныхъ чиновниковъ, и я находился. Послѣ обѣда государь подошелъ къ намъ и сказать изволилъ:

«Мы участвовали въ двухъ войнахъ противъ французовъ, какъ союзники, и, кажется, свой долгъ исполнили, какъ должно; теперь пришло время защищать свои собственные права, а не постороннія, а потому надѣюсь и уповаю на Бога, что всякій изъ насъ исполнитъ свою обязанность, и что мы не помрачимъ военную славу, нами пріобрѣтенную».

Я взялъ съ собой въ Вильно двухъ моихъ адъютантовъ: Швахгейма и Дохтурова и оберъ-аудитора Куликова, а адъютанта Храповицкаго оставилъ въ Петербургѣ управлять моею канцеляріей. Кому неизвѣстны военныя и политическія происшествія сей знаменитѣйшей эпохи въ лѣтописяхъ нашей имперіи? Впрочемъ, судьбѣ не угодно было, какъ впоследствии будетъ видно, чтобы я и въ сей войнѣ дѣятельнымъ образомъ на полѣ брани участвовалъ. Свѣдѣнія, которыя о ней имѣю, я почерпнулъ изъ реляцій и изъ другихъ источниковъ, а потому и говорить здѣсь о сей войнѣ я не намѣренъ. Въ Вильно, противъ всякаго чаянія, пріѣхалъ адъютантъ Наполеона le comte de Narbonne съ собственноручнымъ письмомъ отъ своего государя къ нашему императору. Содержание письма тогда никому извѣстно не было. Въ Вильнѣ и окрестностяхъ сего города стояла 3-я дивизія, которою командовалъ графъ Коновницынъ. Государю угодно было показать пріѣзжему гостю какъ наши войска маневрируютъ, и для сего собрана была вся 3-я дивизія, и всѣ движенія производила она превосходно. Незадолго передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, извѣстный шведскій уроженецъ, генераль графъ Армфельдъ, былъ назначенъ состоять въ свитѣ его величества; онъ находился въ Вильнѣ. Всѣ военные чиновники, бывшіе тогда при государѣ, какъ-то: генераль и флигель-адъютанты и прочіе, вознамѣрились дать праздникъ его величеству. Для сего назначенъ былъ замокъ не далеко отъ Вильно, называв-

пійся Закреть, въ которомъ во время Польши жили монахи, а послѣ оный пожалованъ былъ графу Бенигсену. Собрали деньги, и учредителемъ сего праздника избранъ былъ графъ Армфельдъ. Замокъ назначенъ былъ для бала, а для ужина положили выстроить деревянную галлерею, что поручено было лучшему архитектору изъ поляковъ, находившемуся въ Вильно. Наканунѣ того дня, какъ назначенъ былъ праздникъ, вся построенная галлерея обрушилась; къ счастію, что въ ней тогда никого не случилось, а больше еще, что не тогда, когда бы она была наполнена гостями. Архитекторъ, строившій сію галлерею, послѣ сего несчастнаго происшествія, безъ вѣсти пропасть: сказывали, что нашли его шляпу на берегу рѣки Виліи, и изъ сего заключили, что онъ бросился въ воду. Праздникъ, однако же, былъ данъ, который удостоилъ императоръ своимъ присутвіемъ.

Окрестности Вильны прелестныя. Государь всякій день изволилъ ѣздить верхомъ съ дежурнымъ генералъ-адъютантомъ; мнѣ случилось показывать императору загородный домъ, называемый Верки, принадлежащій одному изъ графовъ Потоцкихъ, гдѣ я былъ прежде съ Балашовымъ. Мѣстоположеніе Верки единственное; на превысокой горѣ, у подошвы которой извивается рѣка Вилія, окруженная зелеными лугами, съ разбросанными по оной кустарниками, по обоимъ ея берегамъ, это мѣсто представляло видъ очаровательный. Сею прогулкою, казалось, государь былъ очень доволенъ¹⁾.

По принятому тогда плану кампаніи, когда извѣстно сдѣлалось, что Наполеонъ перешелъ черезъ рѣку Нѣманъ съ многочисленною своею арміею, составленною изъ войскъ всѣхъ почти европейскихъ націй, приказано было нашимъ корпусамъ, расположеннымъ по прусской границѣ, отступать къ Дриссѣ. Часть главной квартиры, находившейся въ Вильно, отправлена уже была по тому же направленію. Государь разсудилъ послать съ отвѣтомъ къ Наполеону и избрать для сего изволилъ А. Д. Балашова. Поздно ввечеру, наканунѣ нашего отсюда выѣзда, приказываетъ ему явиться къ себѣ; отдавая письмо, повелѣваетъ ему тотчасъ отправиться къ Наполеону. Балашовъ доноситъ императору, что онъ уже свой обозъ съ прочими отправилъ, и что у него нѣтъ ни генеральскаго мундира, ни ленты. Государь приказываетъ ему у кого нибудь достать для себя мундиръ и все, что ему нужно, и чтобы онъ непременно черезъ часъ выѣхалъ, назначивъ находиться при Балашовѣ полковника М. Ф. Орлова, который былъ тогда причисленъ къ князю П. М. Волконскому. Я жилъ тогда вмѣстѣ съ Александромъ Дми-

¹⁾ Въ Вильнѣ князь В. С. Трубецкой жилъ вмѣстѣ съ П. В. Кутузовымъ. Виленскій полиціймейстеръ Вейсъ служилъ прежде подъ командою Кутузова, когда сей послѣдній былъ оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургѣ. Вейсъ приглашаетъ однажды къ себѣ на чай П. В. и князя Трубецкого, который увидѣлъ прекрасную дочь хозяйки, влюбился въ нее, а потомъ на ней обгнчался.

тріевичемъ. Онъ приходитъ домой въ отчаяніи, рассказываетъ мнѣ все, что съ нимъ случилось, говоря, что Александровскою лентою его ссудилъ графъ П. А. Толстой; къ счастью, мой обозъ еще не уѣхалъ, и я ему предложилъ мой генеральскій мундиръ. Надобно было оный примѣрять; насилу мундиръ мой влѣзъ на Балашова, но нечего было дѣлать; онъ рѣшился его взять и обѣщался во все время ѣсть на сколько можно менѣе, чтобы похудѣть. На другой день государь и вся его величества свита оставили Вильно.

Извѣстно, что нашъ арьергардъ, состоящій изъ однихъ гвардейскихъ казаковъ, подъ командою генераль-адъютанта графа Орлова-Денисова, былъ атакованъ французами въ Виленскихъ улицахъ. Сей генераль такъ славно защищался, что не только отретировался въ совершенномъ порядкѣ, но даже ранилъ и взялъ въ плѣнъ начальника непріятельскаго отряда, графа Сегюра, а полковникъ Ефремовъ самъ своею пикою нанесъ почти смертельный ударъ принцу Гогенлоэ, бывшему послѣ при дворѣ министромъ короля Виртембергскаго. Главная квартира императора пришла въ мѣстечко Видзы, сдѣлавши 6-ть переходовъ, а о Балашовѣ еще слуху не было, и начинали уже насчетъ его беспокоиться, не оставилъ ли его Наполеонъ военноплѣннымъ. Наконецъ, передъ выходомъ уже изъ сего мѣстечка, посланный отъ государя возвратился и привезъ собственноручное письмо къ его величеству отъ Наполеона. Всѣ обступили и начали спрашивать Александра Дмитріевича, что съ нимъ случилось во время его отсутствія. Вотъ что онъ рассказывалъ. Оставя Вильно, на другой день онъ пріѣхалъ на французскіе аванъ-посты; когда трубачъ его протрубилъ три раза, и Балашовъ объявилъ, что онъ россійской арміи генераль, присланный къ императору Наполеону, то непріятельскій офицеръ его остановилъ, а самъ послалъ получить приказаніе. Черезъ нѣсколько времени посланный возвратился. Балашову и Орлову завязали глаза и вели ихъ такимъ образомъ до главной квартиры маршала Давуста; тутъ имъ развязаны были глаза, и Балашова одного ввели къ маршалу, которому онъ объявилъ причину своего пріѣзда, и просилъ отправить его къ императору французовъ. Давустъ ему отвѣчалъ, что онъ не знаетъ точно, гдѣ находится теперь его величество, но если генераль Балашовъ желаетъ, то онъ пошлетъ письмо отъ россійскаго императора съ своимъ адъютантомъ къ императору Наполеону, на что Балашовъ возражалъ, что ему отъ государя своего повелѣно отдать письмо лично, и потому онъ никому онаго повѣрить не можетъ. Маршалъ ему сказалъ, что онъ тотчасъ пошлетъ извѣстить Наполеона о пріѣздѣ къ нему генерала отъ императора Александра. Посланный не возвращался четыре дня, между тѣмъ Балашовъ видѣлъ, что за всѣми его движеніями примѣчали; наконецъ, онъ рѣшился спросить у маршала Давуста, не считаютъ ли они его своимъ плѣннымъ, въ такомъ случаѣ онъ

просить его, чтобы онъ далъ ему способъ донести о томъ своему государю, ибо онъ не постигаетъ, какимъ образомъ, когда извѣстно, что императоръ Наполеонъ перешелъ черезъ наши границы, по сію пору посланный его адъютантъ не привозитъ никакого отвѣта. Маршалъ ему отвѣчалъ:

— Послушайте, генералъ, неужели намъ неизвѣстны права военныя, и что особа парламентаря есть по всѣмъ законамъ неприкосновенна и даже священна, замедленіе же сіе,—продолжалъ маршалъ,—происходитъ, вѣроятно, отъ того, что императоръ объѣзжаетъ многочисленныя корпуса своей арміи, расположенныя на большомъ пространствѣ, и что адъютантъ мой не успѣлъ его догнать.

Наконецъ, посланный возвратился съ повелѣніемъ къ Давусту препроводить русскаго генерала подъ приличнымъ конвоемъ въ настоящее мѣсто пребыванія императора Наполеона. Каково же было удивленіе Балашова, когда его привели въ Вильнѣ, въ тотъ дворецъ, гдѣ жилъ государь, и Наполеонъ принялъ его въ той самой комнатѣ, изъ которой отправлялъ его императоръ Александръ нѣсколько дней тому назадъ. Это Александръ Дмитріевичъ рассказывалъ всѣмъ любопытнымъ. Мнѣ же, такъ какъ мы жили вмѣстѣ, онъ сообщилъ всѣ подробности его пребыванія въ Вильнѣ. Когда ввели его къ Наполеону, и онъ подалъ письмо отъ нашего государя, императоръ французовъ, прочитавши оное, сказалъ:

— Насъ англичане поссорили; я удивляюсь,—продолжалъ онъ,— что вашъ императоръ находится самъ при войскахъ. Что ему тутъ дѣлать? Онъ природный государь, ему должно царствовать, а не воевать; мое дѣло другое: я солдатъ, и это мое ремесло. Я не могу согласиться на требованіи вашего императора. Когда я что занялъ,—считаю своимъ. Вамъ мудрено защищать вашу границу, столь обширную, съ такимъ малымъ числомъ войскъ.

Во все это время онъ ходилъ по комнатѣ, потомъ, подумавши немного, прибавилъ:

— Увидимъ, чѣмъ все это кончится.

Наполеонъ много еще говорилъ, но сіе составляетъ почти всю существенность разговора. Балашовъ былъ приглашенъ къ обѣденному столу, за которымъ находились, кромѣ него, Наполеонъ, Бертъ, Дюрокъ, Бесіеръ и Коленкуръ. За обѣдомъ Наполеонъ обращается къ Балашову и говоритъ:

— Вы думаете, генералъ, что сіи господа (показывая на Бертъ и Бесіера) что нибудь у меня значатъ; ничего не бывало: они только исполнители моихъ приказаній.—Потомъ продолжаетъ: Вы были, кажется, начальникомъ московской полиціи?—и не давши времени Балашову отвѣчать, спрашиваетъ у Коленкура: Вы знаете Москву? Большая деревня, гдѣ видно множество церквей,—и продолжая говорить: къ чему онѣ? Въ теперешнемъ вѣкѣ перестали быть набожными.

На сіе Балашовъ отвѣчалъ: я не знаю, ваше величество, набожныхъ во Франціи, но въ Гишпаніи и въ Россіи много еще есть набожныхъ.

Послѣ обѣда, который продолжался съ небольшимъ полчаса, Коленкуръ подошелъ осторожно къ Балашову и сказалъ:

—Зайдите, генераль, ко мнѣ.

Александръ Дмитріевичъ исполнилъ. Коленкуръ много говорилъ о милостяхъ, императоромъ Александромъ ему оказанныхъ, во время пребыванія его посломъ въ Петербургѣ, и о привязанности его къ нашему государю. Въ разговорахъ своихъ онъ былъ очень откровененъ и даже совѣтовалъ быть твердымъ въ своихъ предпріятіяхъ. Балашовъ сказывалъ, что тогда уже французская кавалерія очень много пострадала; вся дорога усѣяна была околѣвными лошадьми.

Черезъ нѣсколько переходовъ пришли мы въ знаменитый укрѣпленный лагерь, на правомъ берегу рѣки Десны, генераломъ Пфулемъ устроенный. Я поѣхалъ впередъ съ барономъ Толемъ, бывшимъ тогда оберъ-квартирмейстеромъ нашей арміи, чтобы онъ, какъ мастеръ сего дѣла, показалъ мнѣ сіе укрѣпленіе и объяснилъ выгоды и невыгоды онаго. Баронъ Толь математически мнѣ доказалъ, что если мы дождемся въ семъ лагерѣ Наполеона, то онъ насъ всѣхъ, какъ говорится, возьметъ живьемъ. Лагерь устроенъ былъ на высокомъ берегу въ утесѣ, а къ рѣкѣ внизу большая отмель. Для отступленія всей арміи находились три моста на рѣкѣ Деснѣ. Если бы мы атакованы были во фронтъ лагеря, и въ то самое время непріятель послалъ бы отрядъ внизу утеса отмелью, который легко могъ бы овладѣть хотя первымъ мостомъ, тогда бы никакой ретрады имѣть не могли ¹⁾. Къ счастью, Наполеонъ, видно, не зналъ, въ какомъ невыгодномъ положеніи находилась наша армія. Между тѣмъ мы никакого свѣдѣнія не имѣли о непріятелѣ. Корпусы, приходившіе въ соединеніе, не были при отступленіи имъ обезпечиваемы. При нашей арміи казаковъ, кромѣ гвардейскихъ, почти вовсе не было. Рѣшили командировать генерала Корфа съ регулярной кавалеріей сдѣлать сильное рекогносцированіе, чтобы открыть непріятеля, но онъ возвратился безъ успѣха. Графъ Мишо служилъ тогда полковникомъ въ свитѣ его величества; онъ составилъ записку о бѣдственномъ положеніи арміи и предлагалъ, чтобы немедленно оставить лагерь и идти по лѣвому берегу рѣки Десны къ Полоцку. Сія записка черезъ князя Волконскаго представлена была государю; учрежденъ былъ совѣтъ, чтобы разсмотрѣть мнѣніе

¹⁾ Никто такъ не надѣдалъ генералу Пфулю своими дерзкими насмѣшками, какъ маркизъ Паулуччи на счетъ укрѣпленнаго его лагеря. Мы всѣ ходили обѣдать за гофмаршальскій столъ; бѣдный Пфуль пересталъ за оный ходить, чтобы не быть предметомъ насмѣнія.

графа Мишо. При государѣ находился комитетъ для отправленія государственныхъ дѣлъ, состоящій изъ графа Аракчеева, Шишкова, государственнаго секретаря, и Балашова. Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ графа Мишо, и отступление арміи было рѣшено. Графъ Витгенштейнъ оставленъ былъ съ своимъ корпусомъ, чтобы обезпечивать ретраду арміи. Шишковъ и Балашовъ, съ которыми я жилъ вмѣстѣ, сказывали мнѣ, что рѣшено сдѣлать воззваніе къ Москвѣ и ко всей Россіи, чтобы собрать добровольное ополченіе, что они насилу могли убѣдить графа Аракчеева, чтобы онъ уприсилъ государя оставить армію, а самому императору ѣхать въ Москву, гдѣ присутствіе его величества произведетъ большое дѣйствіе въ сію критическую минуту. Когда Шишковъ и Балашовъ предлагали графу Аракчееву, что необходимо нужно государю, въ теперешнемъ ея положеніи, оставить армію и ѣхать въ Москву, и что сіе одно средство, чтобы спасти отечество,—графъ Аракчеевъ возразилъ на сіе:

— Что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ, не въ опасности ли государь, оставаясь при арміи.

Они ему отвѣчали:

— Конечно, ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ государемъ? А если онъ побѣдитъ Барклайя, то бѣда еще не велика.

Сіе заставило Аракчеева идти къ государю и уприсить его величество на отъѣздъ изъ арміи. Можно сказать, что душа и чувства графа Аракчеева, совершеннаго царедворца, были чужды любви къ отечеству. Съ нами жилъ также генераль-адъютантъ Винценгероде; онъ просился съ нѣсколькими гусарами сдѣлать поиски на непріятеля, но тоже никого не открылъ. Императоръ слѣдовалъ съ арміею до Полоцка, но еще изъ лагеря подъ Дриссой посланъ былъ генераль-адъютантъ князь Трубецкой съ воззваніемъ въ Москву. Государь, на другой день по прибытіи въ Полоцкъ, изволилъ отправиться въ Москву. Въ свитѣ его величества находились: оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Аракчеевъ, князь П. М. Волконскій, А. С. Шишковъ, А. Д. Балашовъ и я. Главную свою квартиру императоръ поручилъ генераль-адъютанту П. В. Кутузову.

Тогда главнокомандующимъ въ Москвѣ былъ графъ Ф. В. Растопчинъ. Государь повелѣлъ ему, чтобы никакой встрѣчи для его величества дѣлано не было, и нарочно пріѣхалъ въ Москву ночью; но отъ послѣдней станціи къ Москвѣ вся дорога была наполнена такимъ множествомъ народа, что отъ бывшихъ у сихъ желающихъ видѣть своего государя фонарей было такъ почти свѣтло, какъ днемъ. Въ слѣдующій день, поутру, императоръ назначить изволилъ быть молебну въ Успенскомъ соборѣ. Стеченіе народа на всей Кремлевской площади было такъ велико, что находившіеся при государѣ генераль-адъютанты принуждены были составитъ изъ себя

родъ оплота, чтобы довести императора съ Краснаго Крыльца до собора; всѣхъ насъ можно было уподобить судну, безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами; мы очутились почти у гауптвахты и оттуда уже кое-какъ добрались до церкви. Между тѣмъ громогласное ура заглушало почти колокольный звонъ. Сие шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время. На другой день приказано было сдѣлать изъ досокъ мостки съ перилами отъ Краснаго Крыльца до собора. Архіепископъ Августинъ встрѣтилъ государя съ крестомъ и съ св. водою и произнесъ весьма трогательное и краснорѣчивое слово.

Въ просторныхъ залахъ Слободскаго дворца назначены были собранія для дворянства и купечества; императоръ самъ поѣхалъ въ Слободскій дворецъ. Войдя въ залу, гдѣ собрано было все московское дворянство, коего губернскимъ предводителемъ былъ В.Д. Арсеньевъ, государь сказалъ:

— Вамъ извѣстна, знаменитое дворянство, причина моего приѣзда. Императоръ французовъ вѣроломнымъ образомъ, безъ объявленія войны, съ многочисленною арміею, составленною изъ поработанныхъ имъ народовъ, вторгнулся въ нашу границу. Всѣ средства истощены были, — сохраняя, однако же, достоинство имперіи, — къ отвращенію сего бѣдствія; но властолюбивый духъ Наполеона, не имѣющій предѣловъ, не внималъ никакимъ предложеніямъ. Настало время для Россіи показать свѣту ея могущество и силу. Я въ полной увѣренности взываю къ вамъ: вы, подобно предкамъ вашимъ, не потерпите ига чуждаго, и непріятель да не восторжествуетъ въ своихъ дерзкихъ замыслахъ; сего ожидаетъ отъ васъ ваше отечество и государь.

Все зало огласилось словами:

— Готовы умереть скорѣе, государь, нежели покориться врагу! Все, что мы имѣемъ, отдаемъ тебѣ; на первый случай десятаго человѣка со ста душъ крестьянъ напихъ на службу.

Всѣ бывшіе въ залѣ не могли воздержаться отъ слезъ. Государь самъ былъ чрезмѣрно тронутъ и добавилъ:

— Я многого ожидалъ отъ московскаго дворянства, но оно превзошло мое ожиданіе ¹⁾.

Потомъ императоръ изволилъ войти въ залу, гдѣ находилось московское купечество. Государь встрѣченъ былъ съ радостнымъ восклицаніемъ, и они объявили его величеству, что на нѣсколько милліоновъ рублей, которые они приносятъ въ даръ отечеству, уже сдѣланы подписки. Императоръ, окруженный толпой народа, который отовсюду стремился навстрѣчу его величеству съ безпрестаннымъ крикомъ «ура», — возвратился въ Кремлевскій дворецъ.

¹⁾ Весь сей разговоръ остался у меня въ совершенной памяти.

Многіе изъ первѣйшихъ московскихъ чиновниковъ и мы всѣ въ тотъ день были приглашены къ обѣденному столу государя. Императоръ нѣсколько разъ изволилъ повторять, что онъ этого дня никогда не забудетъ. Послѣ обѣда посланъ былъ орденъ 1 класса св. Анны губернскому московскому предводителю В. Д. Арсеньеву. Многіе изъ моихъ знакомыхъ, московскихъ дворянъ, мнѣ говорили: одни, что отдадутъ всѣхъ своихъ музыкантовъ, другіе — актеровъ, третьи—дворовыхъ людей, псарей, въ ратники, ибо ихъ скорѣе образовать можно для военнаго ремесла, нежели крестьянъ. Начальникомъ московскаго ополченія избранъ былъ дворянствомъ М. Л. Кутузовъ, а въ помощь ему графъ Ираклій Ивановичъ Морковъ. Въ Москвѣ уже получено было извѣстіе, что французами заняты Смоленскъ; съ симъ извѣстіемъ пріѣхалъ великій князь цесаревичъ. Государь вскорѣ послѣ сего изволилъ отъѣхать въ Петербургъ. Въ сей столицѣ петербургское дворянство собирало тоже ополченіе, и сіе дворянство подчинило своихъ ратниковъ тоже М. Л. Кутузову. Въ семъ качествѣ онъ пріѣхалъ явиться государю; это было въ Таврическомъ дворцѣ; я, увидѣвши сего славнаго генерала, подхожу къ нему и говорю:

— Стало быть, дворянство обѣихъ столицъ нарѣкло ваше высокопревосходительство своимъ защитникомъ и отечества!

Михаилу Ларіоновичу неизвѣстно еще было, что московское дворянство избрало его такъ же начальникомъ своего ополченія. Когда онъ узналъ отъ меня о семъ назначеніи, съ полными слезъ глазами сказалъ:

— Вотъ лучшая для меня награда въ моей жизни!—и благодарилъ меня за сіе извѣстіе.

Хотя Барклай-де-Толли и названъ былъ главнокомандующимъ 1 западною арміею, но онъ не переставалъ быть военнымъ министромъ; въ отсутствіе его управлялъ военнымъ министерствомъ князь А. И. Горчаковъ. Однажды я былъ дежурнымъ при государѣ на Каменномъ островѣ. Князь Горчаковъ, бывший ко мнѣ всегда чрезвычайно хорошо расположенъ, пріѣзжаетъ съ докладомъ къ императору и говоритъ мнѣ:

— Ахъ, любезный другъ, какую я имѣю ужасную комиссію къ государю! Я избранъ ходатаемъ отъ всего комитета гг. министровъ, чтобы просить его величество переимѣнить главнокомандующаго арміею и, вмѣсто Барклая, назначить Кутузова. Ты знаешь, какъ государь жалуется Барклаю, и что сіе—собственный выборъ его величества.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда князь Горчаковъ выйдетъ изъ кабинета императора. Дѣйствительно случай былъ рѣдкій, чтобы какое либо мѣсто, хотя составленное впрочемъ изъ первѣйшихъ государственныхъ чиновъ,—предложило государю нашему, противу воли его, переимѣнить лицо, и какое же?—главнокомандующаго арміею,

тѣмъ болѣе, что императоръ, какъ извѣстно было, не весьма благоволилъ тогда къ генералу Кутузову. Наконецъ я увидѣлъ князя Горчакова, выходящаго изъ кабинета государева; видно, что у нихъ былъ продолжительный и жаркій разговоръ, ибо князь имѣлъ лицо, какъ пламя. Онъ мнѣ сказалъ:

— Слава Богу, я успѣлъ. Нельзя не дивиться кротости и милосердію государя; представь себѣ, что я осмѣлился наконецъ сказать его величеству, что вся Россія желаетъ назначенія генерала Кутузова, что въ отечественную войну приличнѣе быть настоящему русскому главнокомандующимъ.

Государь приказалъ князю Горчакову дать знать генералу Кутузову, чтобы на другой день по утру онъ пріѣхалъ къ его величеству. Мое дежурство еще продолжалось, когда генералъ Кутузовъ прибылъ на Каменный островъ. Я съ нимъ былъ одинъ.

— Мнѣ предстоитъ великое и весьма трудное поприще, — сказалъ Михаилъ Ларіоновичъ, — я противу Наполеона почти не служилъ; онъ все шелъ впередъ, а мы ретировались; можетъ быть, по обстоятельствамъ нельзя было иначе. Скажите мнѣ, — продолжалъ онъ, — кто находится въ главной квартирѣ Барклая изъ чиновниковъ, занимающихъ мѣсто по штабу? Я никого не знаю.

Я назвалъ ему всѣхъ, и когда онъ услышалъ, что оберъ-квартирмейстерскую должность отправляетъ баронъ Толь, онъ мнѣ сказалъ:

— Я этому очень радъ, онъ мой воспитанникъ, онъ выпущенъ изъ первыхъ кадетскаго корпуса, когда я онымъ командовалъ.

Послѣ сего позвали его къ государю. Выходя изъ кабинета его величества, генералъ Кутузовъ мнѣ сказалъ:

— Дѣло рѣшено, — я назначенъ главнокомандующимъ обѣихъ армій, но, затворяя уже дверь кабинета, я вспомнилъ, что у меня ни полушки нѣтъ денегъ на дорогу; я воротился и сказалъ: «*Mon maître, je n'ai pas un sou d'argent*» ¹⁾. Государь пожаловалъ мнѣ 10.000 рублей.

Простясь со мной, генералъ Кутузовъ уѣхалъ, и мнѣ болѣе не случалось уже съ нимъ никогда видѣться.

Курьеръ съ извѣстіемъ о Бородинской баталіи пріѣхалъ по утру въ день св. Александра Невскаго; сначала казалось, что сей день былъ двойнымъ торжествомъ для Россіи, и по тезоименитству обожаемаго императора, и по одержанію надъ непріятелемъ знаменитой побѣды. Впослѣдствіи же, какъ извѣстно, сія баталія не представляла тѣхъ выгодъ, каковыхъ отъ нея ожидали. Положено было учредить, для скорѣйшаго образованія рекрутъ, пѣхотные и кавалерійскіе резервы. Первые поручены были генералу отъ инфантеріи князю Лобанову-Ростовскому, а вторые генералу отъ кавалеріи Коло-

¹⁾ Государь, у меня нѣтъ ни гроша денегъ.

гривову. Государь изволилъ призвать меня однажды къ себѣ въ кабинетъ и, объясняя всю важность учрежденія сихъ резервовъ, и что отъ нихъ зависѣтъ долженъ впредь весь успѣхъ дѣйствующихъ армій, сказать мнѣ изволилъ:

— Я хочу возложить на тебя весьма важное порученіе. Я имѣю донесеніе, что нѣкоторые повѣты Волинской губерніи заняты уже непріятелемъ; ты знаешь, какъ расположены къ намъ поляки! Хотя и обнародованъ указъ, чтобы съ тѣхъ губерній, которыя не даютъ ополченій, взимать рекрутъ, и въ томъ указѣ сказано такъ же, чтобы помѣщикамъ Подольской и Волинской губерній, вмѣсто рекрутъ, предоставить на волю ставить лошадей, но я не надѣюсь, чтобы мѣстнымъ начальствомъ сіе было исполнено. Тебѣ извѣстно, что сіи двѣ губерніи изобилуютъ лошадьми, и чтобы оными не воспользовался непріятель, то я посылаю тебя съ повелѣніемъ собрать съ тѣхъ губерній, вмѣсто рекрутъ, по сдѣланному расчету до 20.000 лошадей, которыя и отправлять въ кавалерійскіе резервы къ Кологривову; ибо и мы, и непріятель болѣе имѣемъ нужды въ лошадяхъ, нежели въ людяхъ. Ты бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, и духъ жителей тебѣ извѣстенъ. У тебя, во внутренней стражѣ, вѣроятно, много есть штабъ-офицеровъ, служившихъ прежде въ кавалеріи; возьми ихъ къ себѣ, сколько хочешь. Изъ сего ты видишь, что я никого другого, кромѣ тебя, не могу употребить въ семъ государственномъ дѣлѣ, а въ успѣхахъ я не сомнѣваюсь. Поди къ графу Аракчееву; ты получишь отъ него всѣ нужныя бумаги. Пиши обо всемъ прямо ко мнѣ.

Сіе порученіе, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, дѣйствительно было весьма важно. Получивъ бумаги отъ графа Аракчеева, послѣ обѣда, на другой день, по утру, я пріѣхалъ къ государю откланяться и получить послѣднія приказанія.

Когда я вошелъ въ кабинетъ государя, я нашелъ его величество въ чрезвычайномъ смущеніи; на большомъ столѣ лежала развернутая секретная маршрутная карта Россіи. Императоръ ее разсматривалъ и нѣсколько времени не примѣтилъ, что я былъ въ комнатѣ. Увидѣвши, сказать изволилъ:

— Здравствуй; что все получилъ?

Я отвѣчалъ, что я совсѣмъ готовъ къ отъѣзду и пришелъ получить послѣднія приказанія и спросить, какой дорогой мнѣ ѣхать, ибо на Смоленскъ невозможно, — равнѣ на Москву? Государь посмотрѣлъ на меня и, помолчавши немного, сказать изволилъ:

— Ну, конечно, на Москву; впрочемъ поѣзжай, какъ Богъ тебя пронесетъ, — и, обнявъ меня, прибавилъ: — прощай, Богъ съ тобой.

Съ Каменнаго острова я поѣхалъ откланяться къ цесаревичу; у его высочества я нашелъ П. Н. Озерова, который только-что пріѣхалъ изъ Москвы. Я спрашиваю у него, можно ли мнѣ проѣхать еще черезъ Москву. Онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Не знаю; когда я выѣхалъ оттуда, французы уже были на Воробьевыхъ горахъ.

Я тотчасъ догадался по смущенному виду государя, что получено было извѣстіе о занятіи непріятелемъ Москвы, и точно, въ тотъ самый день, по утру рано, пріѣхалъ курьеръ отъ Кутузова съ сею ужасною новостью, но въ публикѣ она не была еще извѣстна.

Я выѣхалъ изъ Петербурга 8-го сентября 1812 года, взявъ съ собою оберъ-аудитора Куликова и адъютанта моего, барона Швахгейма, и придворнаго берейтора Вольгеборна. Адъютанту моему Доктурову позволилъ служить при дядѣ его генералѣ Доктуровѣ, а адъютанта Храповицкаго оставилъ управлять дѣлами моей канцеляріи; князь Горчаковъ позволилъ ему, въ отсутствіе мое, ходить къ себѣ съ докладами. Я назначилъ изъ баталіоновъ внутренней стражи для пріема лошадей: полковника Куликовскаго, подполковника Вевера, маіора Фюрстенау и, рекомендованнаго мнѣ княземъ А. И. Горчаковымъ, подполковника Макарова; впоследствии времени я опредѣлилъ тоже для пріема лошадей маіора Дезописа, который находился тогда въ отставкѣ, и послѣ былъ моимъ адъютантомъ. Мы получили извѣстіе изъ Городища, что управляющій деревнями нашими Н. Н. Тагайчинъ чрезвычайно боленъ. Оберъ-аудиторъ Кулаковъ рекомендовалъ мнѣ П. М. Величина, котораго я взялъ съ собой. Пріѣхавъ въ Новгородъ, я напелъ въ трактирѣ князя С. Н. Долгорукова, который спрашивалъ меня объ участи Москвы. Я, видя, что онъ о занятіи ея ничего не знаетъ, не хотѣлъ ему вдругъ открыться; между тѣмъ слышимъ, что у почтоваго двора кто-то остановился съ колокольчикомъ. Князь самъ побѣждалъ узнать, не курьеръ ли ѣдетъ изъ арміи. Скоро потомъ возвращается и приводитъ съ собой унтеръ-офицера, ѣдущаго курьеромъ къ государю отъ генералъ-адъютанта Винценгероде; мы спрашиваемъ у него, кто въ Москвѣ. Курьеръ отвѣчалъ:

— Два дня были тамъ французы, а послѣ изъ оной вышли.

Князь Долгорукій догадался, что Москва уже въ непріятельскихъ рукахъ, и сіе извѣстіе его ужасно поразило. Въ Вышнемъ-Волочкѣ я увидѣлся съ Н. О. Лабой, тогдашнимъ генералъ-провіантмейстеромъ, я съ нимъ былъ очень друженъ со времени пребыванія моего комендантомъ въ Каменецъ-Подольскѣ. Лаба имѣлъ порученіе заготовлять провіантъ для Петербурга и для другихъ мѣстъ, куда изъ Вышняго-Волочка удобнѣе будетъ оный доставлять. Я напелъ его въ большомъ затрудненіи, особливо когда онъ узналъ, что въ Москвѣ непріятель; ибо если французы пойдутъ московскимъ трактомъ въ Петербургъ, то непременно должно провіантъ истребить, а его находилось на нѣсколько милліоновъ рублей; разрѣшенія онъ ниоткуда не получалъ, хотя послалъ курьеровъ и въ Петербургъ, и къ главнокомандующему арміей, и я бѣд-

наго Лабу оставилъ въ сей ужасной неизвѣстности. Въ Твери тогда былъ губернаторомъ Л. С. Кологривой, съ которымъ я былъ знакомъ прежде,— по женѣ своей онъ нѣсколько родня матушкѣ. Кологривой ко мнѣ тотчасъ пріѣхалъ и рассказалъ о всемъ, что съ Москвой случилось, что онъ отправилъ все свое семейство въ Ярославль, и всѣ дѣла изъ присутственныхъ мѣстъ, что тамъ находится принцъ Ольденбургскій и великая княгиня, что между Москвой и Тверью расположеннымъ отрядомъ войскъ командуетъ генераль-адъютантъ Винценгероде. Я тотчасъ послалъ курьера къ сему генералу; увѣдомляю его о моемъ пріѣздѣ, и, такъ какъ я имѣю важное порученіе отъ государя, то и прошу его увѣдомить меня, какимъ образомъ я могу продолжать дорогу до мѣстъ моего назначенія. Винценгероде предложилъ мнѣ пріѣхать въ городъ Клинь, гдѣ онъ будетъ имѣть со мной свиданіе. По пріѣздѣ въ сей городъ я нашелъ тамъ князя С. П. Волконскаго, который именемъ Винценгероде просилъ меня одного поѣхать въ деревню Давыдовку, куда генераль, по обстоятельствамъ, долженъ былъ перевести свою квартиру. Наше свиданіе было весьма трогательное; мы долго, обнявшись, оплакивали участь Москвы, и всѣ тутъ бывшіе то же дѣлали. Винценгероде развернулъ карту и показалъ мнѣ тѣ пункты, которые занимаютъ его форпосты; въ одной Московскои, до границы сосѣдственныхъ губерній, они всѣ расположены были на разстояніи отъ Москвы не болѣе 30-ти верстъ; хотя отъ начальника форпостовъ онъ часто получалъ донесенія, но ручаться, однако же, не могъ, чтобы они пробыли долго въ томъ же положеніи. Я, вмѣстѣ съ Винценгероде ¹⁾, составилъ для себя маршрутъ до города Тулы и съ нимъ расстался. Я поѣхалъ изъ Клина на города: Дмитровъ, Егорьевскъ, Зарайскъ, Покровъ, Коломну, Веневъ и Тулу; такимъ образомъ я сдѣлалъ три четверти круга Москвы. Выѣзжая изъ Клина ввечеру, я вижу вдали большое зарево, спрашиваю у ямщика, что это значитъ. Онъ со вздохомъ мнѣ отвѣчалъ:

— Москва горитъ уже пятый день.

У меня невольно полились изъ глазъ слезы; такъ эта столица для всякаго русскаго драгоцѣнна! Во все время, какъ я объѣзжалъ Москву, я видѣлъ бѣдныхъ жителей, укладывающихъ свои пожитки на телѣги; я спрашивалъ:

— Куда же вы хотите уѣхать?

— А куда глаза глядятъ, баринъ; теперь, покуда, въ лѣса, а тамъ куда Богъ приведетъ.

Когда я просилъ для своихъ экипажей лошадей, даже за двойныя прогоны, они мнѣ въ нихъ не отказывали, но говорили:

¹⁾ У сего генерала было правило, чтобы имѣть при себѣ особу, принадлежащую первымъ фамиліямъ, какъ-то: князи Волконскаго, Нарышкина, Бенкендорфа, и старался доставлять имъ чины и награды.

— Пожалуйста, не загоняй лошадей далеко, баринъ, чтобы намъ было на чемъ уѣхать.

Въ городѣ Покровѣ была квартира начальника Владимірскаго ополченія, которымъ командовалъ тогда князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ. Онъ всегда былъ друженъ съ княземъ П. И. Багратиономъ. Князь Голицынъ мнѣ рассказывалъ, съ большимъ прискорбіемъ, какъ привезли въ его деревню, недалеко отъ города Покрова, сего изъ первыхъ героевъ россійской арміи раненаго. Съ какимъ духомъ, свойственнымъ неустрашимому князю Багратиону, онъ перенесъ отнятіе ноги! Послѣднія его слова были: «спаси, Господи, Россію!»—и Богъ внялъ молитвѣ героя. Я весьма любилъ князя Багратиона; онъ имѣлъ отличныя свойства, а особливо необыкновенную доброту сердца,—и тронуть былъ до глубины сердца извѣстіемъ о его смерти, о которой я прежде не слышалъ. Богъ случайно привелъ меня въ знаменитую въ нашихъ мѣстностяхъ обитель св. Сергія Радонежскаго Чудотворца, поклониться его чудотворнымъ мощамъ. Нынѣшнее лѣто мы, бывшіе въ сей обители, узнали, что только одна ризница, драгоценнѣйшая во всей Россіи, была вывезена изъ лавры во время нашествія французовъ, а что всѣ богатые оклады на иконахъ оставались на своихъ мѣстахъ, и что непріятель не доходилъ только двадцати верстъ до монастыря. Въ Тулѣ, бывшій тогда губернаторомъ, Богдановъ показывалъ мнѣ конныхъ ратниковъ Тульскаго ополченія; я нашелъ ихъ въ отличномъ устройствѣ. Проѣзжая по Московскою дорогѣ, я на всѣхъ ямахъ слышалъ отъ ямщиковъ родъ негодованія, что государь собиравъ со всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ на службу ратниковъ, а съ нихъ никого не берутъ, что они охотно бы дали изъ двухъ сыновей одного и снарядили бы ихъ молодцами, и не пожалѣли бы дать имъ своихъ лучшихъ лошадей. Я счелъ обязанностію донести изъ Тулы государю, какъ о тульскомъ полку конныхъ ратниковъ, такъ и о изъясненномъ мнѣ желаніи отъ ямщиковъ Московскою дороги служить противу общаго врага Россіи. Вѣроятно, вслѣдствіе сего моего донесенія генераль-адъютантъ Кутузовъ назначенъ былъ скоро потомъ сформировать нѣсколько полковъ изъ вышепомянутыхъ ямщиковъ. Пріѣхавши въ Городище, я нашелъ Тагайчина почти при самомъ концѣ жизни, и онъ скоро послѣ сего умеръ, почему и водворилъ при себѣ П. М. Величина. Мы обязаны были, съ винокуреннаго завода нашего, поставлять 30.000 ведеръ вина въ Московскій откупъ ежегодно, въ теченіе четырехъ лѣтъ. Когда я былъ съ государемъ въ Москвѣ, въ началѣ іюля мѣсяца, комисіонеръ нашъ явился ко мнѣ и донесъ, что все количество вина нами поставлено, но денегъ онъ получить за оное не можетъ; сумма простиралась до 104.000 рублей. Я просилъ тогда, бывшаго московскимъ вице-губернаторомъ, А. Н. Арсеньева, который увѣрилъ меня, что откупщики непременно деньги намъ заплатятъ. Въ Городищѣ

я узналъ отъ нашего комиссіонера, что онъ денегъ ничего не получилъ и съ тѣмъ, за два дня до вступленія непріятели, долженъ былъ выѣхать изъ Москвы. Контракту оставался еще одинъ годъ, а потому я и писалъ къ матушкѣ, чтобы подать тотчасъ просьбу, что по неполученію нами денегъ за поставленное вино мы не въ состояніи на будущій годъ ставить вина. Отъ сего началось дѣло, которое продолжалось нѣсколько лѣтъ; наконецъ въ государственномъ совѣтѣ, въ 1819 году, опредѣлено взыскать съ бывшихъ московскихъ откупщиковъ слѣдующія намъ деньги; но мы и по сіе время съ графа Зубова, Лѣвнвцева и Перетца еще оныхъ не получали.

По пріѣздѣ моемъ въ Житомиръ, я объявилъ высочайшее повелѣніе и указъ изъ правительствующаго сената, чтобы вмѣсто рекрутъ собирать лошадей въ Волынской и Подольской губерніяхъ. Въ первой былъ губернаторомъ М. Н. Комбурлей, а во второй — графъ Сенпри. Я требовалъ отъ рекрутскихъ присутствій обѣихъ губерній, чтобы доставлены ко мнѣ были вѣдомости о числѣ принятыхъ уже рекрутъ и сколько еще поступить оныхъ имѣтъ. За всякаго рекрута положено было взимать или трехъ кирасирскихъ, или четырехъ драгунскихъ, или пять уланскихъ, или гусарскихъ лошадей. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что до моего пріѣзда въ обѣихъ губерніяхъ уже около половины собрано было рекрутъ натурою. Въ нѣкоторыхъ повѣтахъ Подольской губерніи оказалась чума; сіи мѣста были оцѣплены, а потому ни рекрутъ, ни лошадей собирать было съ оныхъ невозможно. Съ графомъ Сенпри я имѣлъ свиданіе на границѣ его губерніи. Назначенные мною для приѣма лошадей чиновники пріѣхали. Чтобы удостовѣриться, сколько есть на лицо годныхъ къ фрунтовой службѣ лошадей, и подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы напрасно не водили въ назначенныя мѣста для приѣма лошадей, негодныхъ къ употребленію, я отнесся къ обоимъ губернаторамъ, что отъ меня посланы будутъ во всѣ повѣты чиновники, прося содѣйствія земской полиціи, которые на мѣстахъ назначать лошадей, которыя могутъ быть приняты. Между тѣмъ, однако же, приѣмъ лошадей на назначенныхъ пунктахъ воспріялъ свое начало. Я немедленно отнесся къ князю Горчакову, чтобы мнѣ повелѣнно было, для провода лошадей, употреблять находящихся на мѣстѣ рекрутъ, которые тамъ поступятъ на службу; иначе сіе должно бы было дѣлаться посредствомъ обывателей. Въ Волынской и Подольской губерніяхъ оставались на непремѣнныхъ квартирахъ запасныя эскадроны квартировавшихъ тамъ кавалерійскихъ полковъ. Я представлялъ такъ же, чтобы я могъ и ихъ употребить для препровожденія партій лошадей; сіе имѣло ту выгоду, что служащіе въ кавалеріи офицеры и нижніе чины умѣютъ лучше обращаться съ лошадьми и сберечь оныхъ въ пути. Оба мои представленія съ похвалою были утверждены.

Меня несказанно утѣшала неожиданнымъ своимъ прїѣздомъ ко мнѣ жена моя, графиня Елизавета Егоровна, въ Житомиръ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, едва оправившись послѣ родовъ сына Павла; она мнѣ оказала въ семь случаевъ знакъ примѣрной привязанности, пренебрегая всѣ опасности по дорогѣ, гдѣ проходили безпрестанно войска, и по слѣдамъ почти непріятельскихъ мародеровъ, претерпѣвая ужасный недостатокъ въ пищѣ такъ, что въ Москвѣ она не могла найти купить для себя калача. Въ самую распутицу она принуждена была ѣхать въ перекладныхъ повозкахъ; подъ Кіевомъ проходила по льду рѣки Днѣпра, которая только-что стала. По прїѣздѣ въ Житомиръ оказалось, что у нея почти все лицо было отморожено. Проводникомъ ея былъ пьяный почталіонъ, котораго далъ ей министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ. Я желалъ, чтобы жена моя прїѣхала ко мнѣ, и при первой возможности отправилъ за нею одного офицера, но онъ встрѣтилъ ее уже подъ Кіевомъ. Я не могу довольно ее возблагодарить за ея, можно сказать, самоотверженіе для меня и за доставленіе мнѣ счастья въ моемъ почти уединеніи въ Житомирѣ, провести съ нею все время моего тамъ пребыванія.

Графъ Е. Комаровскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА НЕЛИДОВА (1758—1839).

(Историческая характеристика).

(Посвящается дорогой моей крестной).

I.

Дѣтство Нелидовой.—Пріемъ оя въ Смольный институтъ.—Характеристика институтскаго воспитанія вромѣхъ Екатерины.—Отношеніе смольнянокъ къ обществу и значеніе ихъ въ исторіи русской женщины.—Первый выпускъ Смольнаго института 1776 года.—Нелидова, какъ одна изъ пионерокъ русскаго просвѣщенія и «людскости» въ XVIII вѣкѣ.

ОСЕМНАДЦАТЫЙ вѣкъ есть попреимуществу женскій вѣкъ нашей исторіи: Екатерина I, Анна Іоанновна, Анна Леопольдовна, Елисавета Петровна, Екатерина II въ теченіе 70 лѣтъ управляли судьбами Россіи, почти безъ перерыва слѣдуя другъ за другомъ; наконецъ, царствованіе государя, закончившее собою этотъ богатый событіями вѣкъ,—царствованіе несчастнаго по своей судьбѣ императора Павла,—тѣсно связано, въ свѣтлыхъ своихъ сторонахъ, со скромнымъ именемъ Екатерины Ивановны Нелидовой, дочери простаго армейскаго поручика. Долгое время имя это окружено было таинственностію, которая, по словамъ единственнаго біографа Нелидовой, «быть можетъ, придавала нѣкотораго рода прелесть ея памяти»¹⁾. Но таинственность эта, въ

¹⁾ «Ю. И. Нелидова» «Русскій Архивъ», 1873, 2072.—Анонимная статья эта, какъ намъ достоверно извѣстно, принадлежитъ перу покойнаго князя Алексѣя Борисовича Лобанова-Ростовскаго.

концѣ концовъ, однако, должна была оказаться приврачною для такого крупнаго историческаго лица. Могущество вліянія Нелидовой на Павла Петровича, чистота ея репутаціи и безкорыстіе побужденій, оригинальная простота ея обстановки, служили предметомъ постоянныхъ, большею частію мало доброжелательныхъ, толковъ современниковъ. При распущенности нравовъ высшаго русскаго общества XVIII вѣка, благодаря обычному пошловатому его «умоначертанію», имъ легко было разгадать по-своему личность Нелидовой и характеръ ея отношеній къ Павлу I: имена Лавальеръ, Помпадуръ, Дюбарри и Елизаветы Воронцовой сами собою просились на языкъ каждому. Но простѣйшее объясненіе фактовъ, благодаря сложности жизненныхъ отношеній, не всегда бываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ вѣрнымъ, и при болѣе внимательномъ изученіи данныхъ, оставшихся намъ отъ Павловскаго времени, аналогія роли Воронцовой съ ролью Нелидовой является по меньшей мѣрѣ неполною. Уже теперь можно сказать съ увѣренностію, что фаворитизмъ Нелидовой при Павлѣ возбуждаетъ не фривольный, а чисто психологическій интересъ: нервная, надломленная и суровая натура Павла Петровича, въ естественномъ стремленіи своемъ къ душевному равновѣсію, находила себѣ, въ свойствахъ ума и характера Нелидовой, нѣкоторое успокоеніе и поддержку; съ своей стороны, въ сознаніи искренности своихъ отношеній къ Павлу, Нелидова, до конца своей жизни остававшаяся восторженно-сентиментальной смольнянкой, гордилась мыслью, что ей какъ бы суждено быть ангеломъ-хранителемъ государя, личныя свойства котораго, на ряду съ тяжелыми обстоятельствами его жизни, внушали ей живое участіе. И дѣйствительно, Екатерина Ивановна Нелидова долгое время была другомъ Павла Петровича, хотя, къ несчастью для него и для себя, не сумѣла остаться имъ навсегда.

О дѣтствѣ Нелидовой не сохранилось подробныхъ свѣдѣній. Извѣстно только, что она родилась 12 декабря 1758 года отъ брака поручика Ивана Димитріевича Нелидова съ Анной Александровной Симоновой, въ селѣ Климятинѣ, Смоленской губерніи, Дорогобужскаго уѣзда ¹⁾). Родители ея были люди весьма зажиточные, имѣя до 500 душъ крестьянъ въ Смоленской и Тверской губерніяхъ, но и семейство ихъ было многочисленное: у маленькой Кати Нелидовой, кромѣ сестры Натальи, было, кажется, шесть братьевъ: Феодоръ,

¹⁾ Свѣдѣнія эти заимствованы изъ хранящейся въ архивѣ Смольнаго института копій съ «Объявленія», сдѣланнаго матерью дѣвicy Катерины Нелидовой при опредѣленіи ея въ институтъ въ 1766 г. Имъ опровергается дата рожденія Екатерины Ивановны — 1756 г., встрѣчающаяся у Карабанова («Статьи-дамы» и проч.) въ «Русской Старинѣ» 1871 г., I, 463, а равно въ «Родословномъ Сборникѣ» Руммеля и Голубцова, II, 144, и въ «Русскомъ Архивѣ» 1873, 2160. На надгробномъ памятникѣ Нелидовой, какъ мы имѣли случай убѣдиться, вовсе не обозначенъ годъ ея рожденія, хотя для него и оставлено было мѣсто: 17 ( ) дня.

Андрей, Александръ, Аркадій, Алексѣй и Любимъ (по-семейному)¹⁾. Дѣтскіе годы Нелидовой протекли, безъ сомнѣнія, при одинаковыхъ условіяхъ съ дѣтствомъ всѣхъ помѣщичьихъ дѣтей того времени, среди нянюшекъ и мамушекъ, на лонѣ деревенской природы, мирныя впечатлѣнія которой навсегда отпечатлѣлись въ воспримчивой душѣ дѣвочки. Для питомцевъ нянюшекъ и мамушекъ природа не была бездушной: одухотворенная народной поэзіей, въ сказкахъ и преданіяхъ, она уже говорила уму и сердцу ребенка прежде, чѣмъ онъ могъ осмыслить ея явленія, и Нелидова впоследствии, среди роскоши придворной жизни, никогда не забывала родного ей Климатина, его рѣченки «Царицы-водицы»²⁾, струи которой осѣнены были густыми деревьями, пугавшими дѣвочку. Но тихая, уединенная жизнь въ Климатинѣ не могла благоприятствовать образованію дѣтей, а родители Нелидовой, очевидно, понимали пользу образованія даже для дѣвочекъ, о чемъ большинство дворянъ того времени и не думали. Едва только сдѣлалась извѣстна въ глухой провинціи новость объ открытіи въ Петербургѣ, подъ особымъ покровительствомъ императрицы Екатерины, воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ, какъ Анна Александровна Нелидова рѣшилась ѣхать вмѣстѣ съ дочерью своей Екатериной, едва достигшей 6 ти-лѣтняго возраста, чтобы ходатайствовать о приѣмѣ ея въ новое, дотошъ неслыханное по своимъ задачамъ и обстановкѣ учебное заведеніе. Нужно знать, что, желая создать посредствомъ воспитанія «новую породу людей», императрица Екатерина пробовала устранить отъ воспитываемыхъ дѣвицъ всякое постороннее вліяніе и потому поставила правиломъ, чтобы родители, при приѣмѣ дочерей ихъ въ воспитательное общество, давали подписку не брать ихъ изъ заведенія до окончанія курса, который продолжался 12 лѣтъ: тогда только поймемъ мы жертву материнской любви Анны Александровны, представившей свою дочь на первый приѣмъ воспитательнаго общества въ началѣ 1765 года. «По опубликованному о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ уставу видя ея импе-

¹⁾ Въ «Родословномъ сборникѣ» Руммеля и Голубцова не значится у Нелидовой ни одной сестры, а только первые четыре брата; но пятого, Алексѣя, называетъ сама Екатерина Ивановна, въ одномъ изъ своихъ писемъ («Русскій Архивъ», 1870 г., 828), а шестой, Любимъ, и сестра Наталья, по бумагамъ, сохранившимся въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи, имѣли роднаго брата, д. т. с. Аркадія Ивановича Нелидова, бывшаго роднымъ братомъ и Екатерины Ивановны. Наталья Ивановна, оставшаяся въ дѣвицахъ, въ концѣ жизни жила въ зданіи Смольнаго монастыря въ томъ же его фасѣ, гдѣ жила и Екатерина Ивановна, и скончалась чрезъ шесть лѣтъ послѣ нея, въ 1845 г.

²⁾ Еще въ 1797 г. Нелидова писала императору Павлу, проѣзжавшему въ то время Смоленскую губернію: «Selon mon calcul vous devez avoir passé déjà hier devant ce fameux Климатино dont vous me faisiez tant de peur à votre départ. Je suis sûre pourtant que vous aurez été sage et que Царица-водица n'aura point réfléchi Vos traits dans ses eaux si bien ombragées d'arbres touffus qui offraient mon enfance...». «Осмынацатый Вѣкъ», III, 481.

раторскаго величества воспитательнаго общества учрежденій и будущую отъ того пользу, желаю препоручить въ оное дочь нашу Екатерину, рожденную отъ мужа моего Ивана Дмитриевича Нелидова», такъ писала она въ своемъ, какъ выражались тогда, «Объявленіи».

Резолюціей императрицы на этомъ объявленіи: «слѣдуетъ принять», маленькая Нелидова оторвана была отъ родной семьи и, едва начавъ жизнь сознательно, попала въ иную семью, въ новую, совершенно чуждую ей обстановку. Она очутилась среди полусотни подобныхъ ей дѣвочекъ 4—6 лѣтъ, изъ которыхъ многія едва умѣли еще говорить; вмѣсто нянюшекъ, медлительно вязавшихъ свои чулки и еще медлительнѣе тянувшихъ нескончаемыя сказки объ Иванѣ-царевичѣ, появились образованныя французенки и нѣмки, не знавшія порусски и почти исключительно заботившіяся о томъ, чтобы ихъ маленькія питомицы поскорѣе усвоили себѣ французскую и нѣмецкую рѣчь и «благородныя манеры»¹⁾; о деревенскомъ просторѣ и свободѣ нечего было и думать: вся жизнь «благородныхъ дѣвицъ» протекала въ красивомъ каменномъ квадратномъ зданіи, окружающемъ нынѣ Смольный соборъ, на окраинѣ города, у берега Невы, и поставлена была въ строгія, опредѣленныя рамки. Короче, все было приспособлено къ тому, чтобы созданіе «новой породы людей» не могло встрѣтить затрудненій.

Цѣлью учрежденія Смольнаго института было воспитаніе дѣвицъ въ духѣ гуманности, путемъ развитія ихъ ума и сердца, чтобы сдѣлать ихъ впоследствии «отрадою семействъ» и способными не только смягчать «жестокіе» и «неистовые» нравы русскаго общества XVIII вѣка, но и воспитывать дѣтей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, императрица была противъ того, чтобы дѣвицы «умничали», и оттого обученіе ихъ въ Смольномъ носило попреимуществу свѣтскій характеръ: все направлено было къ тому, чтобы онѣ умѣли держать себя въ обществѣ, вести непринужденный разговоръ на французскомъ языкѣ, быть любезными и веселыми и отнюдь не проявлять жеманства или кокетства. Всѣ разнообразныя цѣли эти дѣйствительно достигались, благодаря особымъ заботамъ Екатерины, перваго попечителя института Ивана Ивановича Бецкаго и всего учебно-воспитательнаго персонала заведенія, во главѣ котораго стояла французенка, вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Софья Ивановна Делафонъ. Институтъ представлялъ изъ себя одну семью, такъ какъ дѣти были постоянно вмѣстѣ, и воспитательницы такъ же, какъ и Делафонъ, были при нихъ неотлучно: «это была, по словамъ одной изъ институтскихъ подругъ Нелидовой,

¹⁾ Уставъ заведенія предписывалъ наставницамъ неотлучно находиться при воспитанницахъ и главнымъ образомъ наблюдать за тѣмъ, чтобы онѣ не оставались одиѣ со служанками.

община сестеръ, подчиненныхъ однимъ общимъ для всѣхъ правилами; единственнымъ отличіемъ между воспитанницами служили достоинство и таланты; Деллафонъ была умной наставницею, замѣнявшей воспитанницамъ мать и служившая имъ руководительницей: всѣ институтки обращались къ ней за совѣтомъ и дорожили ея мнѣніемъ о томъ или другомъ своемъ поступкѣ¹⁾. Деллафонъ дѣйствительно не только хотѣла, но и умѣла посвятить себя своимъ воспитанницамъ, которыя, по выраженію устава Смольнаго института, «яко драгоцѣнный для нея, для государства и отечества, залогъ, были ввѣрены благоразумному ея попеченію». По уставу, всѣ надзирательницы должны были поступать съ воспитанницами во всемъ съ крайнимъ благоразуміемъ и кротостію, «соединяя онныя наипаче съ непринужденною веселостію, и сіе внушать молодымъ дѣвицамъ, дабы симъ способомъ отвращенъ былъ и самый видъ всего того, что скукою, грустью или задумчивостію назваться можетъ». Для достиженія этой цѣли надзирательницы обязаны были «скрывать отъ воспитываемыхъ ими дѣтей свои собственныя, домашнія огорченія» и всѣми мѣрами «не допускать у нихъ унынія и задумчивости». Самое преподаваніе не имѣло сухого, тѣмъ болѣе удручающаго для дѣтей характера. Уроки были бесѣдами ученицъ съ учительницами, которыя должны были особенно заботиться о томъ, чтобы дѣвицы «не привыкли излишне важничать и унылый видъ являть», имѣть въ виду свойства характера и способностей каждой воспитанницы, а въ случаѣ нерадѣнія или лѣности ограничиваться увѣщаніями виновной; высшей мѣрой наказанія было «присыженіе» предъ классомъ, что, впрочемъ, очень рѣдко встрѣчалось, а нераскаянныхъ ставили иногда на колѣни во время обѣдни. Уставъ института требовалъ также, чтобы «госпожи учительницы по окончаніи классовъ употребляли по нѣскольку времени вступать съ воспитанницами въ разговоры, дозволяя каждой сказывать и объяснять свои мысли съ пристойной вольностію». Учебныя занятія и сами по себѣ не были обременительны. За 12 лѣтъ пребыванія въ институтѣ дѣвицы должны были выучиться «исправно» читать, писать и говорить, кромѣ отечественнаго, на французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ, обучиться Закону Божію, ариметикѣ, исторіи, географіи и опытной физикѣ, въ элементарныхъ ихъ курсахъ, и пріобрѣсти нѣкоторыя свѣдѣнія изъ архитектуры и геральдики, которая въ то дворянское время считалась важной наукой для «благородныхъ дѣвицъ». Волѣ всего учебнаго времени тратилось ватѣмъ на занятія руководлемъ, музыкой и танцованіемъ; изъ искусствъ, кромѣ рисованія, воспитанницы изучали скульптуру и токарное дѣло. Въ свободное отъ учебныхъ занятій

¹⁾ Воспоминанія Ржовской въ «Русскомъ Архивѣ», 1871, I; Лихачева: Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи, I, 178.

время дѣти, подъ руководствомъ своихъ наставницъ, читали историческія и нравоучительныя книги, со строгимъ, впрочемъ, ихъ выборомъ, чтобы ничто не могло преждевременно и вредно дѣйствовать на воображеніе дѣтей или ихъ нравственность.

При такомъ строѣ жизни неудивительно, что смольнянки первыхъ выпусковъ о времени пребыванія своего въ институтѣ вспоминали, какъ о счастливѣйшемъ періодѣ своей жизни. Подруга Нелидовой, Ржевская (въ дѣвчествѣ Алымова), въ запискахъ своихъ объясняетъ, что «этого счастья нельзя сравнить ни съ богатствомъ, ни съ блестящимъ свѣтскимъ положеніемъ, ни съ царскими милостями, ни съ успѣхами въ свѣтѣ, которые такъ дорого обходятся. Скрывая отъ насъ горести житейскія и доставляя невинныя радости, насъ приучили довольствоваться настоящимъ и не думать о будущемъ... Между нами царило согласіе; общій приговоръ полагалъ конецъ малѣйшимъ ссорамъ. Обоюдное уваженіе мы цѣнили болѣе милостей начальницъ; никогда не прибѣгали къ заступничеству старшихъ, не жаловались другъ на друга, не клеветали, не сплетничали, потому не было и раздоровъ между нами. Въ числѣ насъ были нѣкоторыя, отличавшіяся такими качествами, что ихъ слова служили закономъ для подругъ. Вообще, большею частію, были дѣвушки благонравныя и очень мало дурныхъ, и то считались онѣ таковыми вслѣдствіе лѣни, непослушанія или упрямства. О порокахъ же мы и понятія не имѣли»¹⁾.

Эта трогательная простота и умиленіе, съ которыми уже въ старости рассказываетъ намъ Ржевская объ оранжерейной, тепличной обстановкѣ своего воспитанія, лучше всего доказываютъ ту истину, что пригодность воспитательныхъ теорій и сравнительное достоинство ихъ опредѣляется, главнымъ образомъ, лишь потребностями общества, среди котораго онѣ прилагаются. Нравы были «жестокіе», люди—«неистовые», жизнь, благодаря отсутствію общественныхъ задачъ и интересовъ,—пустая и безцвѣтная: что могло быть привлекательнѣе для задачъ воспитателей, какъ не развитіе внутренней жизни въ юныхъ питомцахъ, добродѣтели, основанной на чувствѣ и на незнаніи гнѣдывшагося повсюду порока,—того «прекраснодушія» (Schönseligkeit), которое въ то время даже въ образцовыхъ произведеніяхъ европейской литературы выставялось идеаломъ нравственнаго совершенства человѣка? Оттого смольнянки, въ томъ числѣ и Нелидова, видѣли свѣтъ и солнце только тогда, когда это вызывалось задачами ихъ воспитанія, и лишь настолько, насколько это входило въ его программу. Обыкновенно, знакомство смольнянокъ со свѣтомъ начиналось не ранѣе, какъ чрезъ 6 лѣтъ послѣ поступленія ихъ въ заведеніе, съ переходомъ ихъ въ 3-й возрастъ — сѣрыи, отличавшіяся отъ другихъ сѣрыми лентами на

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1871, I, 6, 9.

обычныхъ для всѣхъ институтокъ коричневыхъ платьяхъ,— и заканчивалось въ послѣднемъ, 4-мъ, бѣломъ возрастѣ, когда дѣвцамъ было 14—15 лѣтъ, и когда въ обществѣ, куда онѣ показывались, ихъ считали уже взрослыми дѣвушками. Для этой цѣли, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ Смольномъ устраивались ассамблеи, концерты и другія собранія, на которыя приглашались, по строгому выбору, дамы, кавалеры и другіе «почтительные» люди изъ высшаго общества, чтобы, приобрятая привычку къ обхожденію, дѣвицы «могли пользоваться разумными, острыми, замысловатыми и забавными разговорами, которые молодой благородной дѣвицѣ столь нужны къ достиженію необходимыхъ для нея познаній и для истиннаго воспитанія»; разговоры эти происходили, разумѣется, на французскомъ языкѣ, который смольнянки знали гораздо лучше природнаго, русскаго. Иногда давались балы, на которые приглашались кадеты изъ Шляхетнаго корпуса. Въмѣстѣ съ тѣмъ, воспитанницъ старшаго возраста возили иногда ко двору, на вечера къ Вецкому и къ директору Шляхетнаго корпуса. Въ особенности обращено было вниманіе на устройство въ Смольномъ театральныхъ представленій, на которыхъ всѣ роли исполнялись дѣвицами. Сама императрица выбирала пьесы для институтскихъ спектаклей и совѣтовалась по этому поводу даже съ Вольтеромъ: давались обыкновенно высокопарныя трагедіи ложноклассическаго стиля или оперы и балеты сентиментальнаго и пасторальнаго характера ¹⁾, причемъ тщательно выбрасывались изъ исполняемыхъ произведеній всѣ мѣста, которыя могли бы такъ или иначе оскорбить «чувствительность» дѣвицъ или сообщить имъ «ложныя» понятія. Такъ какъ каждому спектаклю предшествовало всегда много репетицій, то театральныя занятія дѣвицъ отнимали у нихъ много времени, мѣшая правильному ходу занятій учебныхъ, но на это не обращали вниманія, потому что именно устройство институтскихъ спектаклей и удовлетворяло всего болѣе задачамъ свѣтскаго воспитанія смольнянокъ, обнаруживая и изощряя ихъ свѣтскія и эстетическія способности: дѣвицы приучались держать себя на сценѣ, декламировали, исполняли въ балетахъ самыя трудныя хореографическія упражненія, пѣли, играли на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ,—и все это часто въ присутствіи двора и самой государыни, которая лично хорошо знала всѣхъ смольнянокъ, въ особенности перваго приѣма, постоянно ласкала ихъ и одной изъ нихъ, любимицѣ своей, Левшиной, писала даже письма, всегда приправленные ласковой шуткой, поручая ей «поклониться мелковгѣ коричневой, приласкать малютокъ голубыхъ, поцѣловать сѣрыхъ сестеръ

¹⁾ Типическимъ образцомъ такихъ оперъ и балетовъ для нашихъ современниковъ можетъ служить извѣстная поѣтическая интермедія Чайковскаго въ его «Пиковой дамѣ».

и обвитья руками вокругъ шеи пилигримокъ бѣлыхъ, моихъ старинныхъ пріятельницъ»¹⁾).

Въ концѣ концовъ, нельзя не признать, что, по условнымъ при-
вычкамъ и отчасти по складу своего міросозерцанія, смольнянки
были плодомъ чисто-аристократическаго воспитанія: занятія домаш-
нимъ хозяйствомъ, предположенныя программой обученія, являлись
простою декораціей, а введенныя г-жей Делафонъ для ста нищихъ
женскаго пола ежегодныя обѣды, которые устраивались 20 апрѣля,
наканунѣ дня рожденія императрицы, и за которыми должны были
прислуживать сами воспитанницы «въ знакъ челоуѣколюбія къ
ближнему и благодаренія къ бѣднымъ», также были, по своей исклю-
чительности, лишь красивымъ сентиментальнымъ спектаклемъ, гдѣ
дѣти играли въ добро. Не зная вовсе ни людей, ни жизни, невин-
ныя и простодушныя дѣвушки выходили, однако, изъ института во
всеоружіи свѣтскаго образованія—для дворцовъ и гостинныхъ выс-
шаго общества; оттого, усвоивъ себѣ идеальныя понятія о добродѣ-
тели, проникнутыя сознаніемъ своихъ обязанностей къ Богу и къ
людямъ, смольнянки, очутившись въ водоворотѣ дѣйствительной
жизни, оказывались черевчуръ наивными, прилагая свои прямоли-
нейныя институтскія воззрѣнія къ фактамъ повседневной жизни,
далеко не всегда давая имъ надлежащее значеніе и оцѣнку и почти
вовсе не умѣя отличать добродѣтели отъ красиваго порока, завер-
нувшагося въ тогу добродѣтели. Первая ученица, перваго выпуска,
Алымова, спустя много лѣтъ, писала въ своихъ запискахъ: «вполнѣ
развитый разумъ и твердо коренившіяся въ сердцѣ нравственныя
начала способны были охранить смольнянокъ отъ дурныхъ примѣ-
ровъ», но та же Алымова прибавляетъ ватѣмъ: «скрывая отъ
насъ горести житейскія и доставляя намъ невинныя радости, насъ
пріучили довольствоваться настоящимъ и не думать о будущемъ.
Увѣренная въ покровительство Божіе, я не вѣдала о могуществѣ
людей и навѣки бы въ немъ сомнѣвалась, если бы опытъ не дока-
залъ мнѣ, что упованіе на Бога не охраняетъ насъ отъ ихъ злобы»²⁾.
Однимъ словомъ, школа Смольнаго института не только не готовила
своихъ питомицъ для жизни, но умышленно оставляла ихъ въ не-
вѣдѣніи о ней. Оттого на воспитанницъ первыхъ выпусковъ Смоль-
наго института историкъ долженъ смотрѣть съ грустью и съ глу-
бокимъ сочувствіемъ: онѣ были, въ большинствѣ случаевъ, агнцами
искупленія, положенными на алтарь русской дикости,—исторической
жертвой, принесенной для развитія «лююдскости» въ русской семьѣ
и обществѣ, и, между тѣмъ, эти пионерки просвѣщенія, выступая
на предназначенное имъ поприще, были еще вполнѣ дѣтьми, въ
буквальномъ и переносномъ смыслѣ этого слова, не понимавшими са-

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1870, 1, 535—536.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1871, 1, 5—6.

маго главнаго: ни смысла готовившейся имъ роли, ни людей, съ которыми онѣ безсознательно должны были бороться, смягчая ихъ и перевоспитывая. Но современники первыхъ смольнянокъ смотрѣли на дѣло гораздо прощѣ и любили выставлять на видъ однѣ лишь смѣшныя стороны институтскаго воспитанія, даже преувеличивая ихъ. «Воспитанницы первыхъ выпусковъ Смольнаго монастыря»,— говоритъ одинъ изъ нихъ,— «набитыя ученостью (sic), вовсе не знали свѣта и забавляли публику своими наивностями, спрашивая, напримѣръ, гдѣ то дерево, на которомъ растетъ бѣлый хлѣбъ? По этому случаю сочинены были къ портрету Бецкаго вирши:

Иванъ Иванычъ Бецкій,
 Человѣкъ нѣмецкій,
 Носилъ мундиръ шведскій¹⁾,
 Воспитатель дѣтскій,
 Въ двѣнадцать лѣтъ
 Выпустилъ въ свѣтъ
 Шестидесятъ куръ,
 Набитыхъ дуръ²⁾.

Въ числѣ этихъ ученицъ перваго выпуска, вышедшихъ изъ Смольнаго въ 1776 г., была и Екатерина Ивановна Нелидова.

Изъ предыдущаго очерка институтской жизни можно себѣ представить, какъ она жила и чему научилась въ институтѣ. Индивидуальныя свойства Нелидовой и ея способности, выдвинувшія ее изъ ряда другихъ подругъ, проявились довольно рано, когда ей не было еще и 12 лѣтъ. «Появленіе на горизонтѣ дѣвицы Нелидовой,— писала императрица Екатерина Левшиной,— феномень, который я пріѣду наблюдать вблизи, въ моментъ, когда этого всего ментѣ будутъ ожидать, и это можетъ случиться скоро, скоро!»³⁾ Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка сдѣлалась феноменомъ, благодаря необыкновенной способности своей къ танцамъ и чрезвычайной граціи и живости движеній во время игры на сценѣ. Нелидова была некрасива, но умные глаза, выразительность лица и подвижной, веселый характеръ заставляли забывать этотъ ея недостатокъ; очевидно, еще въ институтѣ, Нелидова женскимъ чутьемъ поняла, чѣмъ она можетъ выдѣлиться изъ ряда своихъ подругъ. «Весьма умная, Нелидова была отвратительно нехороша собою»⁴⁾,—сообщаетъ о ней ея соученица, Алымова, и, между тѣмъ, эта отвратительно-нехорошая на видъ дѣвушка своимъ пѣніемъ, граціей и танцами возбуждала всеобщій восторгъ въ посѣтителяхъ смольныхъ спектаклей и сумѣла заинтересовать въ свою пользу даже императрицу. Послѣ представленія

¹⁾ Бецкій родился въ Швеціи, а получилъ образованіе въ Германіи.

²⁾ Гречъ, Записки о моей жизни, 106—107.

³⁾ «Русскій Архивъ», 1870, 532.

⁴⁾ «Русскій Архивъ», 1871, I, 41.

оперы «La servante-maitresse», гдѣ Нелидова исполняла роль Сербини, современный поэтъ привѣтствовалъ ее слѣдующими стихами:

Какъ ты, Полидова, Сербини представляла,
Ты маску Талин самой въ лицѣ являла
И, соглашая глазъ съ движеньями лица,
Пріятность съ дѣйствиємъ и съ чувствіями взоры,
Пандольфу дѣлая то ласки, то укоры,
Шлѣнила пѣніемъ и мысли и сердца.
Игра твоя жива, естествонна, пристойна,
Ты къ зрителямъ въ сердца и къ славы путьшла.
Идолствои славы ты, Нелидова, достойна
Иль паче пенкую хвалу ты приносила¹⁾.

Императрица подарила «феномену» брильянтовый перстень, а въ 1773 г. приказала Левицкому написать съ Нелидовой портретъ, гдѣ она изображена была танцующею менуэтъ²⁾. Сценическому своему таланту Екатерина Ивановна Нелидова обязана была, вѣроятно, и тѣмъ, что, при выпускѣ изъ Смольнаго, она получила, будучи восьмой по счету, шифръ и золотую медаль второй величины, а на актѣ произнесла благодарственную рѣчь отъ имени выпускныхъ на нѣмецкомъ языкѣ. Вслѣдъ затѣмъ опредѣлилась и дальнѣйшая будущность Нелидовой: она назначена была фрейлиной ко двору супруга наслѣдника престола Павла Петровича, великой княгини Наталіи Алексѣевны, вмѣстѣ съ подругами своими по выпуску: Левшиной (въ замужествѣ кн. Черкасской), Борщовой (въ 1-мъ бракѣ—Мусиной-Пушкиной и во второмъ—Ховенъ), Алымовой (въ 1-мъ бракѣ—Ржевской, а во второмъ—Москле) и Молчановой (въ замужествѣ—Олсуфьевой)³⁾. Оставляя мѣсто своего воспитанія, Нелидова навсегда, подобно прочимъ смольнянкамъ, сохранила къ нему и къ своей «тапан» Делафонъ самую теплую привязанность, соединенную съ воспоминаніемъ о самыхъ лучшихъ, дѣтскихъ годахъ жизни, вдали отъ заботъ и горестей свѣта⁴⁾, въ которомъ Нелидовой, одной изъ первыхъ, суждено было играть тяжелую роль, отказавшись отъ личныхъ радостей и личнаго счастья... Императрица, конечно, никакъ не воображала, что одной изъ созданныхъ ею смольнянокъ выпадетъ на долю исполнять свою миссію—смягчать «жестокіе» и «неистовые» нравы, прежде всего, по отношенію къ собственному ея сыну, великому князю Павлу.

¹⁾ Хроника Смольнаго монастыря, Нины Р—вой, 25.

²⁾ Лихачева, Матеріалы, I, 201, 202. Гравюра съ этого портрета будетъ приложена къ декабрьской книжкѣ «Историч. Вѣстника».

³⁾ Лихачева: Матеріалы, I, 200—204.

⁴⁾ «Прекрестныя воспоминанія! Счастливыя времена! Пріютъ невинности и мира! Вы были для меня источникомъ самыхъ чистыхъ наслажденій. Благоговѣю предъ вами!»—такъ восклицаетъ въ своихъ «Запискахъ» Алымова. Тѣковы были чувства и Нелидовой, какъ это видно изъ позднѣйшихъ ея писемъ и дѣйствій. Это лишний разъ доказываетъ, какъ тяжела была дѣйствительная жизнь для юныхъ идеалистокъ.

II.

Назначеніе Нелидовой фрейлиной ко двору великаго князя Павла Петровича.—Вліяніе придворной жизни на Нелидову.—Отношенія Нелидовой къ Павлу Петровичу и къ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.—Финляндскій походъ великаго князя и семейная опека надъ нимъ.—Нелидова и Марія Ѳеодоровна въ отношеніяхъ ихъ къ Павлу Петровичу.—Вліяніе Нелидовой на Павла; размолвка ея съ Маріей Ѳеодоровной.—Разладъ въ жизни великокняжеской четы.

Очутившись при дворѣ по волѣ императрицы, Нелидова съ самаго начала должна была окупиться въ омутъ придворныхъ интригъ и всевозможныхъ сплетенъ. Отчужденіе малаго, великокняжескаго двора отъ большаго, Екатерининскаго, не было ни для кого тайной, а внезапная кончина супруги Павла Петровича, великой княгини Наталіи Алексѣевны, знавшей Нелидову по институту и благоволившей къ ней, повлекла за собою, тотчасъ послѣ поступленія Нелидовой ко двору, второй бракъ Павла съ принцессой Виртембергской Софіей-Доротеей, въ православіи нареченной Маріей Ѳеодоровной; молодая фрейлина участвовала даже при встрѣчѣ новой своей повелительницы, при вѣздѣ ея въ Россію, сопровождая назначенную императрицей для этой цѣли статсъ-даму, графиню Е. М. Румянцеву. Положеніе 17-ти-лѣтней неопытной и несомнѣнно даже наивной дѣвушки, не имѣвшей среди придворныхъ ни родственниковъ, ни друзей, было бы при такихъ обстоятельствахъ не только затруднительнымъ, но даже и опаснымъ, если бы первые два года она не находилась подъ руководствомъ извѣстной по своимъ нравственнымъ достоинствамъ графини Е. М. Румянцевой, которая въ качествѣ гофмейстерины новой великой княгини завѣдывала ея фрейлинами, и если бы проницательный умъ и твердый, самостоятельный характеръ Нелидовой не помогли ей быстро освоиться съ новою обстановкой. Во всякомъ случаѣ, Нелидова должна была испытать много огорченій, прежде чѣмъ насторожилась и, утративъ институтскую свою наивность, основательно узнала «придворную науку», чувствительно доказавшую ей на практикѣ, что не всегда порокъ бываетъ наказанъ, а добродѣтель торжествуетъ. Иными глазами, чѣмъ въ институтѣ, начала она смотрѣть и на императрицу, свою благодѣтельницу, хотя Сѣверная Семирамида подверглась ея оцѣнкѣ по преимуществу съ женской точки зрѣнія. При видѣ натянутыхъ отношеній Екатерины къ сыну, симпатіи Нелидовой влекли ее на сторону Павла Петровича, этой, какъ ей казалось, жертвы материнской несправедливости: любезный, рыцарскій характеръ молодого, 24-лѣтняго великаго князя, его выпрєннїя стремленія къ правдѣ и народному благу, какъ нельзя болѣе отвѣчали институтскимъ воззрѣніямъ на жизнь, а его религіозность и тихая семейная жизнь представляли слишкомъ разительный контрастъ съ образомъ жизни большаго двора. Съ новою великою княгиней сближало Нелидову общее имъ обѣимъ

сентиментальное направлѣніе, любовь къ природѣ и постоянныя хлопоты по устройству маленькихъ придворныхъ праздниковъ, гдѣ Нелидова неизмѣнно блистала своими сценическими талантами. Но въ характерѣ Маріи Феодоровны было слишкомъ много нѣмецкой методичности, тогда какъ ея фрейлина отличалась чрезвычайно подвижностію и порывистостію,—тѣмъ, что она сама въ послѣдствіи называла «des bizarreries de caractère»; кругозоръ великой княгини ограничивался семейными и хозяйственными заботами, а строгое соблюденіе кодекса нравственныхъ правилъ уживалось у нея съ практичностью, умѣніемъ въ мелочахъ примѣняться къ обстоятельствамъ, тогда какъ Нелидова, поступивъ ко двору прямо изъ института, вынуждена была сама выработывать себѣ міросозерцаніе, внѣ круга семейныхъ и домашнихъ мелочей, и менѣе всего способна была, по свойствамъ своего характера, постоянно взвѣшивать свои слова и поступки; отъ того Павелъ Петровичъ считалъ ее сначала страшно злою¹⁾, а Марія Феодоровна вообще, слѣдуя наставленіямъ своего супруга, осторожно относилась къ своимъ фрейлинамъ²⁾, смотрѣла на Нелидову нѣсколько свысока, проводя свободное время съ выписанною изъ Монбельера подругой своего дѣтства, Юліаной Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, которую она выдала замужъ за маіора гатчинскихъ войскъ Бенкендорфа³⁾. Изъ лицъ, составившихъ маіоръ дворецъ, Нелидова всего болѣе сблизилась съ фрейлиной Борщовой, подругой своей по институту, и товарищемъ дѣтства великаго князя, княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, легкомысленный и тщеславный нравъ котораго искупался его преданностію Павлу Петровичу и веселымъ характеромъ.

Подробности жизни Нелидовой въ первое время пребыванія ея при дворѣ мало извѣстны, но несомнѣнно, что лучшей образовательной школой для нея послужило путешествіе за границу, которое совершила она въ 1781—1782 г. въ свитѣ Павла Петровича и Маріи Феодоровны, посѣтившихъ, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, Германію, Италію, Швейцарію и Францію. Лишь послѣ возвращенія великокняжеской четы изъ этого путешествія имя Екатерины Ивановны Нелидовой начинаетъ часто встрѣчаться въ запискахъ и письмахъ современниковъ, имѣвшихъ случай слѣдить за жизнью великокняжеской четы: о ней стали говорить, какъ о любимицѣ Павла Петровича, или, что казалось тогда однозначнымъ,

¹⁾ Записки Ржевской, «Русскій Архивъ», 1871 г., I, 41.

²⁾ «Instruction que le grand duc avait projeté pour moi avant qu'il m'eut connu» (рукопись). Наставленіе это написано было Павломъ Петровичемъ для своей невѣсты, вѣроятно, въ подражаніе извѣстному «Наставленію великимъ князямъ русскимъ», составленному Екатериной II. «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», XIII, 332—336.

³⁾ Князь П. А. Вяземскій. Сочиненія, VIII, 161: извлоченія изъ записокъ графини Хотопъ.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1897 г., т. I кк.

какъ о его любовницѣ. Черезъ шесть-семь дѣтъ послѣ выпуска своего изъ института, Нелидова сдѣлалась серьезнѣе, опытнѣе, а положеніе великаго князя значительно измѣнилось къ худшему: Екатерина, устраняя сына отъ дѣлъ правленія, относилась къ нему подозрительно и удалила отъ него лучшаго его друга, князя Александра Куракина, замѣшаннаго въ дѣло Бибикова¹⁾; въ то же время скончался графъ Никита Ивановичъ Панинъ, воспитатель Павла, имѣвшій огромное вліяніе на великокняжескую чету и, въ качествѣ опытнаго дипломата, умѣло руководившій ея поведеніемъ въ смыслѣ, враждебномъ Екатеринѣ²⁾. Лишившись людей, съ которыми онъ издавна привыкъ дѣлиться мыслями и чувствами, Павелъ Петровичъ сталъ находить особое удовольствіе въ обществѣ Нелидовой, которая живостію своего ума, характеромъ, искренностію и благородствомъ своихъ сужденій умѣла болѣе другихъ отвѣчать душевнымъ его запросамъ. Любезный, рыцарскій образъ дѣйствій Павла приданалъ его вниманію къ Нелидовой видъ ухаживанія, но первоначально ему не придавала никакого значенія даже супруга Павла, Марія Ѳеодоровна, такъ какъ Нелидова была очень некрасива лицомъ. Напротивъ того, Марія Ѳеодоровна даже пользовалась вліяніемъ Нелидовой на Павла для своихъ цѣлей и дорожила ею. Когда Павелъ Петровичъ, во время войны со шведами, находился въ 1788 г. при русскихъ войскахъ въ Финляндіи и, въ зашифрованныхъ письмахъ своихъ къ Маріи Ѳеодоровнѣ³⁾, выражалъ крайнее свое неудовольствіе на командовавшаго ими графа В. П. Мусина-Пушкина, Марія Ѳеодоровна дѣйствовала въ союзѣ съ Нелидовой, чтобы предупредить печальныя послѣдствія возникшихъ недоразумѣній, и съ этою цѣлію обѣ онѣ переписывались съ сопровождавшимъ Павла въ походъ товарищемъ его дѣтства полковникомъ Вадковскимъ. Переписка Нелидовой въ этомъ случаѣ ясно доказываетъ дружбу и довѣріе къ ней Маріи Ѳеодоровны.

«Скажу вамъ,—писала она Вадковскому,—что великая княгиня весьма довольна вашимъ письмомъ и всѣмъ тѣмъ, что вы сдѣлали. Въ особенности поручаетъ она вамъ поддерживать проектъ, который, по ея приказанію, сообщить вамъ и объяснить подробно майору Бенкендорфъ. Дай Богъ, чтобы неудовольствіе съ Пушкинымъ поскорѣе прекратилось и болѣе не возобновлялось. Искренно желаю этого для спокойствія и для истиннаго блага того, кому мы служимъ и кому мы преданы сердцемъ и душою. Какъ Штейнверъ (командиръ гатчинскихъ войскъ въ арміи Пушкина) болтливъ, тщеславенъ и неостороженъ! Вы знаете, что я всегда это замѣчала, но нужно, чтобъ онъ оставался въ должныхъ границахъ, чтобъ онъ

¹⁾ См. VII главу I тома нашего труда: «Императрица Марія Ѳеодоровна», Спб., 1892 г.

²⁾ См. IV главу I тома нашего труда: «Императрица Марія Ѳеодоровна».

³⁾ Шифрованная переписка эта находится до сихъ поръ еще въ рукописи.

не имѣлъ никакого вліянія, въ особенности вліянія вреднаго и превратнаго на вещи, превышающія его разумѣніе... Сообщаемое вами извѣстіе о томъ, что всѣ довольны нашимъ дорогимъ великимъ княземъ, несказанно меня радуетъ. Да благословитъ и впредь его Небо! Я хотѣла бы, чтобы всѣ любили и знали его такъ же, какъ и я... Прошу васъ не пожелать мнѣ ничего иного, какъ только того, чтобы при вашемъ возвращеніи мнѣ позволили вернуться въ мое убѣжище Смольный и насладиться на покойъ всѣми благами, въ немъ дарованными мнѣ Богомъ. Это единственное желаніе, которое я питаю для самой себя» (въ этомъ мѣстѣ письма рукою Маріи Θεодоровны написано сверху строки: *questo non sarà* (этого не будетъ), а рукою Нелидовой—будетъ!)... «Я здорова и постоянно при великой княгинѣ, которую люблю съ каждымъ днемъ болѣе за безграничную привязанность, питаемую ею къ мужу, къ этому дорогому Пáвлушкѣ, котораго я также люблю отъ всего сердца. Независимо отъ всѣхъ прочихъ соображеній, вы знаете, что достаточно видѣть живую любовь къ любимому лицу, чтобы тотчасъ полюбить это третье лицо, котораго чувства настроены на одинъ ладъ съ вашими»... Въ постскриптумѣ Нелидова прибавляетъ: «Вы видите, что мое письмо захотѣли прочесть и прочли (то-есть, Марія Θεодоровна). Великая княгиня поручаетъ мнѣ извинить ее предъ вами въ томъ, что она не отвѣчала вамъ на ваше послѣднее письмо. Она говоритъ, что въ настоящее время голова идетъ у нея кругомъ, и это—сущяя правда. Она проситъ васъ, какъ только осуществится проектъ, который будетъ сообщенъ вамъ маіоромъ Бенкендорфомъ, о возможно быстромъ и подробномъ донесеніи»¹⁾.

Письмо это какъ нельзя болѣе ясно характеризуетъ положеніе, занятое Нелидовой уже въ 1788 г. не только при великокняжескомъ дворѣ, но и въ великокняжеской семьѣ. Другъ мужа, Нелидова любить и его жену «за безграничную привязанность ея къ мужу, этому дорогому Пáвлушкѣ», котораго, очевидно, далеко не всѣ цѣнятъ, какъ слѣдуетъ: «я хотѣла бы», говоритъ Нелидова, «чтобы всѣ любили и знали его на столько же, какъ и я». Чувства Нелидовой къ Павлу Петровичу проистекали, конечно, изъ чистаго источника: положеніе Павла въ царствованіе Екатерины, даже независимо отъ личныхъ его свойствъ, несомнѣнно должно было вызывать сочувствіе; притомъ, лица, окружавшія великаго князя, видѣли, какъ впечатлительная, пылкая, порывистая натура Павла, подъ вліяніемъ окружавшихъ его тяжелыхъ условій, съ каждымъ годомъ измѣнялась къ худшему: горячность смѣнялась постепенно раздражительностію, доходившею до бѣшенства, осторожность—крайней подозрительностію; вѣчное недовольство своимъ положеніемъ выражалось въ сумрачномъ, суровомъ настроеніи духа, въ мысли, что ему

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1870 г., 827—829.

не оказывают и не хотят оказывать должнаго сану его уваженія, а боязнь, что онъ окруженъ шпионами и врагами, дѣйствующими по наущенію Екатерины и ея фаворитовъ, сдѣлала его до вѣрчивымъ къ сплетнямъ и наговорамъ интригановъ, желавшихъ заслужить вниманіе великаго князя и вкратъ въ милость къ нему. Отъ того психическая природа Павла Петровича начала постепенно показывать признаки разстройства: мозгъ и нервы его были слишкомъ утомлены отъ постояннаго напряженія въ одномъ направленіи. Образъ мыслей Павла, нравственный міръ его оставались возвышенны, благородны попрежнему, но его дѣйствія, какъ плодъ разстроенаго воображенія и испортившагося характера, начинали уже смущать окружающихъ своею рѣвкостію и непослѣдовательностію. Мало-по-малу, всѣ друзья Павла, какъ видно изъ вышеприведеннаго письма, стали, какъ будто сговорившись, смотрѣти на него, какъ на дорогаго больного, нуждающагося въ нѣкоторомъ присмотрѣ и опекѣ. Цѣль у опекающихъ была одна—счастье Павла, а такъ какъ, по сентиментальному воззрѣнію Нелидовой, «достаточно видѣть живую любовь кого либо къ любимому лицу, чтобы тотчасъ полюбить это третье лицо, котораго чувства настроены на одинъ ладъ съ нашими», то совмѣстныя дѣйствія опекающихъ, ихъ, такъ сказать, дружескіе заговоры, и увѣчивались часто успѣхомъ, временно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Но согласіе друзей не могло продолжаться долго, такъ какъ вскорѣ выдвинулся вопросъ о томъ, чье именно вліяніе на Павла должно было быть преимущественнымъ, притомъ самъ дорогой больной, почувствовавъ дружескіе тиски и узнавъ о заботливомъ присмотрѣ за собою, естественно, захотѣлъ избавиться отъ непрошенныхъ опекуновъ и показать себя самостоятельнымъ. Тогда-то, вслѣдъ за разрушеніемъ дружескаго союза, наступилъ удобный моментъ для дѣйствія разнаго рода интригановъ, и стала выростать въ своемъ значеніи едва замѣтная сначала фигура главнаго изъ нихъ, великокняжескаго камердинера и брандербера, Ивана Кутайсова.

Великая княгиня Марія Оеодоровна въ глубинѣ души едва ли могла быть довольна тѣмъ, что громадное вліяніе на супруга имѣетъ другая женщина, ея фрейлина. Прочитавъ противъ воли Нелидовой письмо ея къ Вадковскому, она не могла не почувствовать властнаго тона, съ какимъ Нелидова говорила объ отношеніяхъ своихъ къ «Павлушкѣ», и еще болѣе не могла не оскорбиться и какъ супруга, и какъ великая княгиня, что ея собственная фрейлина мотивируетъ свою любовь къ ней преданностію ея мужу, является по отношенію къ ней какъ бы судьей. Съ другой стороны, Нелидова естественно увлекалась своею ролью хранителя Павла Петровича: ея самолюбію льстило вліяніе, пріобрѣтенное ею надъ его умомъ, и она не замѣчала, сколько затаенной горечи должно было накопиться въ душѣ Маріи Оеодоровны всякій разъ, когда си-

ла вліянія Нелидовой какъ бы подчеркивала ея собственную слабость. Несомнѣнно, что такихъ случаевъ было очень много въ жизни великокняжескаго двора ¹⁾, въ особенности когда Павелъ Петровичъ уединялся на лѣтнее и осеннее пребываніе въ Павловскъ и Гатчину, и что письмо Нелидовой къ Вадковскому по своему содержанию вполнѣ отвѣчало существовавшимъ отношеніямъ между Павломъ и Нелидовой. При всемъ томъ, Марія Теодоровна, вѣроятно, сумѣла бы скрыть свое огорченіе по этому поводу и примѣниться къ обстоятельствамъ, если бы возлѣ нея не было по-други ея дѣтства, г-жи Бенкендорфъ, которая, играя сначала главную роль при великокняжескомъ дворѣ, обнаруживала нерасположеніе къ русскимъ фрейлинамъ ²⁾ и, конечно, не радовалась возвышенію Нелидовой. Недаромъ въ письмѣ къ Вадковскому Нелидова уже выражала свое желаніе удалиться отъ двора, хотя Марія Теодоровна, искренно или нѣтъ, противилась ему. Нелидова предчувствовала, что въ будущемъ ей предстоитъ борьба съ великой княгиней, и хотѣла заранѣе удалиться, зная хорошо, что успѣхъ будетъ не на ея сторонѣ; еще предъ отправленіемъ своимъ въ Финляндію, надѣясь участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, Павелъ прислалъ Нелидовой краткую, но многозначительную записочку на клочкѣ бумаги: «знайте, что умирая я буду думать о васъ» ³⁾. Но знаки вниманія великаго князя, его аффектація, проявлявшаяся на глазахъ у всѣхъ, также имѣла свою оскорбительную для Нелидовой сторону: уже съ 1785 г. при дворѣ и въ обществѣ, по замѣчанію современника, «Нелидова была любовницею Павла» ⁴⁾.

Какъ бы ни были убѣждены многіе современники въ справедливости этихъ слуховъ, но ложность ихъ можно считать доказанною. Привязанность Павла къ Нелидовой объясняется исключительно психологическими мотивами и той противоположностію, которая сказалась вполнѣ опредѣленно въ это время въ личностяхъ Маріи Теодоровны и ея фрейлины. Имъ обѣимъ было около 30 лѣтъ. Великая княгиня была очень красива, высока ростомъ, бѣлокура, склонна къ полнотѣ и близорука; обращеніе ея было крайне скромно, — до того, что она казалась слишкомъ строгою и степенною (по мнѣнію нѣкоторыхъ — скучною). Нелидова была маленькой брюнеткой, съ темными волосами, блестящими черными глазами, съ лицомъ весьма некрасивымъ, но выразительнымъ; по свидѣтельству современниковъ, она танцевала съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостію, а разговоръ ея, при совершенной скромности, отличался

¹⁾ Объ этомъ свидѣлствуютъ нѣсколько записочекъ Павла къ Нелидовой и обратно, сохранившихся въ рукописи.

²⁾ Ржевская-Алымова называла ее «заключенною своимъ врагомъ», «Русскій Архивъ», 1871, I, 41.

³⁾ Изъ неизданныхъ писемъ Павла къ Нелидовой.

⁴⁾ Князь Долгорукій, «Капище моего сердца», 231.

изумительнымъ остроуміемъ и блескомъ ¹⁾. По душевному своему настроенію и складу своего ума, Марія Ѳеодоровна постепенно расходилась съ своимъ супругомъ все болѣе и болѣе, тогда какъ въ бесѣдѣ съ Нелидовой Павелъ Петровичъ находилъ видимое себѣ удовлетвореніе. Бурный, мечтательный, отчасти мистическій умъ Павла, измученнаго въ его трудномъ положеніи нравственной борьбой, искалъ средствъ согласить дѣйствительность съ высшими идеальными воззрѣніями; вмѣстѣ съ тѣмъ, великій князь никогда не забывалъ, что онъ будущій русскій самодержецъ, и даже военнымъ своимъ занятіямъ, страсти своей къ мелочамъ военнаго дѣла, придавалъ серьезный характеръ подготовки къ будущимъ своимъ государственнымъ обязанностямъ. Между тѣмъ, Марія Ѳеодоровна, не умѣя владѣть умомъ своего супруга и обуздывая порывы его раздражительности лишь кротостію и терпѣніемъ, противопоставляла государственнымъ заботамъ Павла—хлопоты предъ императрицей о дѣлахъ нѣмецкой своей родни, его неудовлетвореннымъ стремленіямъ къ высшей правдѣ—возможно спокойное прозаическое отношеніе къ жизни, способность мириться съ обстоятельствами и даже примѣняться къ нимъ. Всего менѣе Павелъ [Петровичъ могъ успокоиться на сентиментализмѣ Маріи Ѳеодоровны, мало интересовался ея занятіями искусствами и хозяйствомъ и вовсе не находилъ себѣ утѣшенія въ тѣхъ театральныхъ зрѣлищахъ, литературныхъ чтеніяхъ и невинныхъ играхъ, которыми Марія Ѳеодоровна наполняла свои досуги и думала развлекать своего сумрачнаго, скучавшаго супруга ²⁾. Дѣти, являющіяся обыкновенно связующимъ звеномъ между родителями, даже мало симпатизирующими другъ другу, не могли играть этой роли въ жизни великокняжеской четы: Екатерина забрала къ себѣ своихъ внуковъ и внучекъ и давала имъ воспитаніе согласно собственнымъ своимъ воззрѣніямъ, не считая нужнымъ справляться о чувствахъ отца и матери. При всемъ томъ, Павелъ Петровичъ высоко цѣнилъ семейныя добродѣтели Маріи Ѳеодоровны и относился къ ней съ уваженіемъ и благодарностію. Тѣмъ не менѣе, послѣ Финляндскаго похода сдѣлалось совершенно ясно, что умомъ Павла и сердцемъ его владѣла Нелидова. Ея отношенія, юморъ, живость, даже ея «bizarreries de caractère», вполне отвѣчали характеру Павла, который въ обществѣ своей супруги находилъ наоборотъ развѣренную нѣмецкую аккуратность и методичность. Смѣлость, рѣшительность дѣйствій молодой фрейлины, не боявшейся откровенно выражать свои мнѣнія, внушали довѣріе къ ея искренности, тогда какъ покорность Маріи Ѳеодоровны всегда казалась Павлу пассивнымъ противодѣйствіемъ и имѣла видъ молчаливаго протеста. Набожность Павла была мечтательная и тѣсно

¹⁾ Записки Саблукова, «Русскій Архивъ», 1869 г., стр. 1875.

²⁾ Шумигорскій, «Императрица Марія Ѳеодоровна», I, 326—328.

связана съ мистицизмомъ, и въ этомъ отношеніи не могъ онъ не цѣнить выпренняго, склоннаго къ вѣрѣ во все таинственное ума Нелидовой¹⁾. Притомъ самолюбію цесаревича льстила самоотверженная, безкорыстная преданность молодой дѣвушки, идеализировать которую и платонически поклоняться ей было въ рыцарскихъ его видахъ. Зато Нелидова съ чисто женскимъ чутьемъ умѣла понять характеръ великаго князя и хорошо владѣла его темпераментомъ, что не далось его супругѣ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ къ Павлу Петровичу и Маріи Феодоровнѣ, уже занимавшимъ въ то время императорскій тронъ, сама Нелидова со свойственною ей искренностію нарисовала одну изъ тѣхъ бытовыхъ сценъ, которыя весьма часто, вѣроятно, происходили между царственными супругами.

«Каждый день, — пишетъ она, — меня радуетъ хорошая погода мыслію, что моя добрая и дорогая императрица пользуется прогулкою, столь нужною для нея, и что императоръ въ лучшемъ расположеніи духа, ибо, не въ гнѣвъ будь сказано его величеству, у меня есть маленькое подозрѣніе, основанное на маленькихъ доказательствахъ, что погода дѣйствуетъ на его физическое состояніе, физическое на нравственное, оно же въ свою очередь на нравственное состояніе другихъ, и т. д. и т. д., и вотъ добрые друзья спрашиваютъ его голосомъ не совсѣмъ твердымъ: «что съ вами, не разсердили ли васъ чѣмънибудь?» И вотъ онъ имъ отвѣчаетъ, съ видомъ и тономъ глубокаго убѣжденія: «ничего со мной не дѣлается. Это вы въ дурномъ расположеніи духа и стараетесь во всемъ мнѣ перечить». И вотъ мы начинаемъ оправдываться, а надъ нами разражается громъ словами: «О, если такъ, такъ я уѣду куданибудь». Поэтому-то, когда я вижу хорошую погоду, мое воображеніе рисуетъ мнѣ сцены иного рода, на которыхъ оно любитъ останавливаться, и я вижу ту фивіонію, которая такъ часто заставляла всѣхъ говорить: «у императора—прекрасная фивіонія, когда онъ спокоенъ». И вотъ тотъ пунктъ во всей исторіи, на которомъ я хочу остановиться²⁾.

Сама Нелидова иначе поступала съ Павломъ, даже послѣ восшествія его на престолъ: «въ характерѣ Павла, — замѣчаетъ Саблуковъ, — было истинное благородство и великодушіе, и хотя онъ былъ ревнивъ къ власти, но презиралъ тѣ лица, которыя слишкомъ подчинялись его волѣ въ ущербъ истинѣ и справедливости, а уважалъ тѣхъ, которые для того, чтобы защитить невиннаго, бесстрашно противились вспышкамъ его гнѣва»³⁾. Саблуковъ, бывшій на караулѣ въ Гатчинскомъ дворцѣ, былъ однажды свидѣтелемъ слѣдую-

¹⁾ Доказательствомъ этой духовной связи между Павломъ и Нелидовой является его письмо къ ней, напечатанное въ «Осмнадцатомъ Вѣкѣ», III, 448—449.

²⁾ «Осмнадцатый Вѣкъ», III, 451—452.

³⁾ Записки Саблукова, «Русскій Архивъ», 1869, 1919—1920.

щей сцены. «Около самой офицерской караульной комнаты, — пишет онъ, — была обширная прихожая, въ которой стоялъ караулъ, а изъ этой прихожей длинный, узкій корридоръ велъ во внутренность дворца, и тутъ поставленъ былъ часовой, чтобы вызывать караулъ каждый разъ, какъ императоръ шель оттуда. Вдругъ я услышалъ крикъ часового: «на караулъ!», выбжалъ изъ моей комнаты, и солдаты едва успели схватить свои ружья, а я обнажить свою шпагу, какъ дверь коридора отворилась настежь, а императоръ, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, при шляпѣ и шпагѣ, послѣдно вошелъ въ комнату, и въ ту же минуту дамскій башмакъ, съ очень высокими каблуконъ, полетѣлъ чрезъ голову его величества, чуть-чуть ея не задѣвши. Императоръ чрезъ мою комнату прошелъ въ свой кабинетъ, а изъ коридора вышла Катерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмакъ, надѣла его и вернулась туда же, откуда пришла. На слѣдующій день, когда я снималъ караулъ, его величество пришелъ и шепнулъ мнѣ: «Мон cher, у насъ вчера была ссора». — «Точно такъ, государь», — отвѣчалъ я¹⁾. Въ это время (1797 г.) Нелидовой было уже 39 лѣтъ, но отношенія ея къ Павлу, очевидно, не измѣнились ни на юту.

Конечно, весьма трудно, иногда даже невозможно, проникнуть въ тайники человеческой души, недоступные даже самопознанію, но, насколько можно думать, самолюбію и гордости Нелидовой должно было льстить вліяніе, пріобрѣтенное ею надъ Павломъ Петровичемъ, и неудивительно, что постепенно она сама въ своей восторженности пришла къ убѣжденію, что самъ Богъ предназначилъ ее охранять цесаревича и руководить имъ для общаго блага²⁾. Сознаніе чистоты своихъ отношеній къ нему укрѣпляло Нелидову, среди шума возникшихъ неблагопріятныхъ о ней толковъ, продолжать свои сношенія съ Павломъ. «Знаете ли вы, — писала она однажды Павлу, — почему вы любите ворчунью? это потому, что сердце ваше знаетъ ее лучше, чѣмъ вашъ умъ, и что, несмотря на всѣ предубѣжденія послѣдняго, первое отдаетъ ей справедливость». — «Гавѣ я когда либо, — писала она Павлу незадолго до его кончины, — смотрѣла на васъ, какъ на мужчину? Клянусь вамъ, что я не замѣчала этого съ того времени, какъ къ вамъ привязана; мнѣ кажется, что вы — моя сестра»³⁾. Чисто нравственный, даже религіозный характеръ связи Павла съ Нелидовой, отчасти на мистической подкладкѣ, неоднократно засвидѣтельствованъ былъ самимъ Павломъ, всегда искреннимъ, всегда глубоко-религіознымъ. Посылая Нелидовой одну книгу духовнаго содержанія, Павелъ писалъ ей:

«Въ комъ заключается высшее благо, если не въ Томъ, Кому

¹⁾ Тамъ же, 1915—1916.

²⁾ «Осьми. Вѣкъ», III, 443, 444.

³⁾ Тамъ же, 433, 435.

я полагаю свое счастье поручать васъ на каждомъ шагѣ моемъ въ теченіе дня? Смѣю это высказать: связи, существующія между нами, ихъ свойство, исторія этихъ отношеній, ихъ развитіе, наконецъ всѣ обстоятельства, при которыхъ и вы, и я, провели нашу жизнь,— все это имѣетъ нѣчто столь особенное, что мнѣ невозможно упустить все это изъ моей памяти, изъ моего вниманія, въ особенности же въ будущемъ... По моему мнѣнію, я своею книгою дѣлаю вамъ великій подарокъ, ибо заставляю васъ думать о Богѣ, чтобы еще болѣе васъ къ нему приблизить. Тѣмъ самымъ я и себѣ дѣлаю величайшій, истинный подарокъ. Таковъ мой способъ любить тѣхъ, которые мнѣ дороги; пусть отыскиваютъ во всемъ этомъ что либо преступное. Читайте, добрый другъ мой, открывая книгу по произволу и на удачу: не наблюдайте ни времени, ни правилъ, но когда явится на то желаніе. Простите мнѣ все это; будьте снисходительны къ человѣку, любящему васъ болѣе, чѣмъ самого себя, и въ этомъ духѣ примите все. Единому Богу извѣстно, насколько и во имя чего вы мнѣ дороги; призываю на васъ самія святія Его благословенія и остаюсь весь вашъ, слуга и другъ»¹⁾.

Въ началѣ 1790 г. уже послѣ возвращенія своего изъ Финляндіи, когда Павелъ былъ серьезно боленъ и думалъ о смерти, онъ, въ виду всеобщихъ нападокъ на Нелидову, которую считали его любовницею, написалъ императрицѣ трогательное письмо въ ея защиту, прося мать не оставить ея своимъ вниманіемъ въ случаѣ его смерти.

«Мнѣ надлежитъ,—писалъ онъ между прочимъ,—совершить предъ вами, государыня, торжественный актъ, какъ предъ царицею моею и матерью,—актъ, предписываемый мнѣ моею совѣстію предъ Богомъ и людьми: мнѣ надлежитъ оправдать невинное лицо, которое могло бы пострадать, хотя бы негласно, изъ-за меня. Я видѣлъ, какъ злоба выставляла себя судьейю и хотѣла дать ложныя толкованія связи, исключительно дружеской, возникшей между m-lle Пелидовой и мною. Относительно этой связи клянусь тѣмъ Судилищемъ, предъ которымъ мы всѣ должны явиться, что мы представимъ предъ нимъ съ совѣстію, свободною отъ всякаго упрека, какъ за себя, такъ и за другихъ. Зачѣмъ я не могу засвидѣтельствовать этого цѣною своей крови? Свидѣтельствую о томъ, прощаясь съ жизнью. Клянусь еще разъ всѣмъ, что есть священнаго. Клянусь торжественно и свидѣтельствую, что насъ соединила дружба священная и нѣжная, но невинная и чистая. Свидѣтель тому Богъ»²⁾.

Уже энергическій, отчаянный, если можно такъ выразиться, тонъ этого письма ясно указываетъ, какъ много накопѣло горечи

¹⁾ Тамъ же, 448—450.

²⁾ Тамъ же, 445.—Ср. Шумигорскій, «Императрица Марія Феодоровна», I, 366, примѣч.

и негодованія въ душѣ Павла, когда онъ увидѣлъ, что клевета стремилась загрязнить репутацію существа, которое онъ считалъ самымъ дорогимъ для себя на свѣтѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, существованіе этой клеветы, пустившей глубокіе корни въ общество, не только не сдѣлало его болѣе осторожнымъ, а, напротивъ, заставило его удвоить, утроить публичные знаки уваженія къ дѣвушкамъ, напрасно оклеветанной и униженной, по его мнѣнію, изъ-за него и терпѣвшей все ради него же. Нелидова не скрывала своего желанія удалиться отъ двора, гдѣ ея положеніе становилось невыносимымъ вслѣдствіе натянутыхъ отношеній къ ней Маріи Θεодоровны и ея наперсницы, г-жи Бенкендорфъ. Марія Θεодоровна не вникала, да и не хотѣла вникать, въ смыслъ дружбы Павла и Нелидовой: увѣренная въ платоническомъ ея характерѣ, она все-таки, съ женской точки зрѣнія, возмущалась близостью отношеній своего супруга къ своей фрейлинѣ, какъ бы чувствуя себя лишней въ ихъ продолжительныхъ бесѣдахъ, въ ихъ нескрываемомъ духовномъ единеніи: тяжело было ей думать, что душа великаго князя принадлежитъ другой женщинѣ. Естественно, она стала стремиться къ удаленію Нелидовой отъ двора и стала вооружать противъ нея окружающихъ, исполнѣ искренно приписывая ей самыя дурныя намѣренія.

«До меня дошли слухи,—пишетъ Ржевская-Алымова,—о частыхъ размолвкахъ, происходившихъ въ домашней жизни великокняжеской четы. Причиною этою была г-жа Нелидова, овладѣвшая умомъ великаго князя... Живя вдаль отъ двора, я не хотѣла вѣрить этимъ сплетнямъ. Мой заклятый врагъ, г-жа Бенкендорфъ (у которой я не бывала и которая не ѣдила ко мнѣ) подтверждала мнѣ вѣрность всего слышаннаго мною. Она явилась ко мнѣ съ порученіемъ передать мнѣ обо всемъ, завербовать меня въ приверженицы великой княгини и заставить противодѣйствовать ея врагамъ. Я неспособна была къ интригамъ и со свойственною мнѣ прямою искренно пожалѣла о великой княгинѣ, обѣщая быть ей преданнѣе, чѣмъ когда либо. Любя великаго князя, я сначала не хотѣла мѣшаться въ это дѣло. Однако я поговорила откровенно съ г-жей Нелидовой, высказавъ ей свой образъ мыслей. Она нисколько не разсердилась на меня, а великій князь, съ которымъ я встрѣчалась лишь въ обществѣ, продолжалъ оказывать мнѣ величайшее вниманіе¹⁾».

Цесаревичъ не остался, однако, равнодушнымъ къ дѣйствіямъ г-жи Бенкендорфъ и другихъ лицъ, сочувствовавшихъ Маріи Θεодоровнѣ, какъ, напримѣръ, Лафермьера, и удалилъ ихъ отъ двора. Вліяніе Нелидовой на Павла сдѣлалось тогда общепризнаннымъ фактомъ, и Марія Θεодоровна, какъ передаютъ современники, жаловалась тогда на свое несчастіе императрицѣ. Говорятъ, что Екате-

¹⁾ Записки Ржевской, «Русск. Арх.», 1871, 41.

рина вмѣсто отвѣта подвела Марію Теодоровну къ зеркалу и сказала: «посмотри, какая ты красавица, а соперница твоя *petit monstre*; перестань кручиниться и будь увѣрена въ своихъ престеляхъ»¹⁾. Но, въ сущности, раздоръ между Павломъ Петровичемъ и его супругою могъ быть только пріятенъ императрицѣ. Уже въ это время думала она о назначеніи Александра Павловича своимъ преемникомъ и объ отрѣшеніи отца его отъ престолонаслѣдія, и содѣйствіе Маріи Теодоровны для этой цѣли представлялось ей необходимымъ²⁾. Князь Ѳ. Н. Голицынъ, близко знавшій придворныя интриги того времени, утверждаетъ даже, что Екатерина, будто бы, сама заботилась поселить охлажденіе между сыномъ и невѣсткой и орудіемъ для этого избрала барона Сакена, который увѣрилъ великаго князя, что посредствомъ Маріи Теодоровны имъ управляетъ г-жа Бенкендорфъ и Лафермьеръ, и такимъ образомъ нанесъ страшный ударъ его самолюбію³⁾. Какъ бы то ни было, но жалоба Маріи Теодоровны императрицѣ не имѣла реальныхъ послѣдствій, и Нелидова оставлена была при Павлѣ, а Марія Теодоровна оказалась въ высшей степени тяжелою и труднымъ положеніемъ. «Фрейлина Нелидова,—говоритъ Ѳ. Н. Голицынъ,—вела себя похвально и не причиняла непріятностей великой княгинѣ, но не мѣняе ея высочество, лишась искренности и любви своего супруга, принуждена была вести себя совсѣмъ не попрежнему и въ обращеніи и въ рѣчахъ быть скромнѣе и осторожнѣе. Здѣсь можно безпристрастно сказать въ похвалу сей августѣйшей особѣ, что нельзя болѣе употреблять терпѣнія и снисхожденія, какъ она употребляла»⁴⁾.

III.

Душевное настроеніе великой княгини Маріи Теодоровны.—Партія, образовавшаяся при великокняжескомъ дворѣ.—С. И. Плещеевъ.—Значеніе личности Нелидовой для Павла Петровича.—Стремленіе Нелидовой удалиться отъ двора.—Порениска ея съ Куракинымъ.—Удаленіе Нелидовой въ Смольный монастырь.—Новое положеніе ея при великокняжескомъ дворѣ и его значеніе.

При всей сдержанности Маріи Теодоровны, душевное настроеніе ея въ это время, вслѣдствіе положенія, занятаго при дворѣ Нелидовой, было ужасное, и скорбь свою она изливала въ письмахъ своихъ къ старому, испытанному другу Павла, Сергѣю Ивановичу Плещееву, масону, руководившему религіознымъ чтеніемъ цесаревича.

¹⁾ Записки Мухановой, «Русск. Арх.», 1878, I, 308.

²⁾ Шумигорскій, Императрица Марія Теодоровна, I, 391—392, 484.

³⁾ Записки кн. Ѳ. Н. Голицына, «Русск. Арх.», 1874, I, 1287—1288. Графиня Головина въ своихъ «Запискахъ» (рукопись), вмѣсто Сакена, называетъ кн. Голицына, вовсе отрицая участіе Екатерины въ этомъ дѣлѣ.

⁴⁾ Записки кн. Голицына, «Русск. Арх.», 1874, 1289.

«Оъ маленькой (*la petite*, какъ презрительно называла она Нелидову) мы держимся весьма прилично, но, признаюсь, съ того времени, какъ мы сошлись съ нею такимъ образомъ, съ нею обращаются свободнѣе, ласкаютъ ее болѣе и даже передъ публикою. *Demoiselle* чрезвычайно фальшива: это проявляется во всемъ, что она рассказываетъ; но все это не смущаетъ меня; я буду слѣдовать своему пути въ убѣжденіи, что онъ угоденъ Богу». Въ началѣ 1792 года, великая княгиня, находившаяся въ то время въ ожиданіи родовъ, писала Плещееву: «Вы будете смѣяться надъ моею мыслию, но мнѣ кажется, что при каждахъ моихъ родахъ Нелидова, зная, какъ они бывають у меня трудны и что они могутъ быть для меня гибельны, всякій разъ надѣется, что она сдѣлается вслѣдъ затѣмъ второй *m-me de-Ментенонъ*. Поэтому, другъ мой, приготовьтесь почтительно цѣловать у ней руку и особенно займитесь вашей физиономіей, чтобы она не нашла въ этомъ почтеніи насмѣшки или злобы. Я думаю, что вы будете смѣяться надъ моимъ предсказаніемъ, которое, впрочемъ, вовсе не такъ глупо» ¹⁾.

Съ другой стороны, лица, составлявшія великокняжескій дворъ, отчасти недовольныя преобладавшимъ влияніемъ г-жи Бенкендорфъ, отчасти въ угоду великому князю и въ надеждѣ, въ свою очередь, достигнуть какихъ либо личныхъ выгодъ, или прямо стали поклоняться новому свѣтилу, или, по меньшей мѣрѣ, сторонились Маріи Ѳеодоровны. Такъ, ближайшій другъ и совѣтникъ Павла, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, имѣвшій позволеніе отъ императрицы прѣзжать лишь по временамъ изъ саратовскаго имѣнія своего Надеждино, куда онъ былъ посланъ на жительство, писалъ цесаревичу изъ деревенскаго своего уединенія: «Я всегда разумѣлъ васъ, какъ слѣдуетъ, мой дорогой повелитель (*mon cher maître*), всегда цѣнилъ значеніе и свойство того чувства, которое привлекаетъ васъ къ вашей пріятельницѣ; знаю, какъ много своимъ характеромъ и прелестью ума своего содѣйствуетъ она вашему благополучію, и поэтому желаю искренно, чтобы ваша дружба и довѣренность къ ней продолжались. Пчела, собирая медъ для улья своего, не садится на одинъ только цвѣтокъ, но всегда ищетъ цвѣтка, въ которомъ меду болѣе. Такъ поступаютъ пчелы. Не также ли должны дѣйствовать и существа, одаренныя разумніемъ, чувствительностію, съ истиннымъ достоинствомъ способныя направлять свои желанія и поступки къ лучшему и къ тому, что ихъ удовлетворяетъ и наиболѣе имъ пріличествуетъ?» ²⁾

Лица, приближенныя къ Павлу, думали только выиграть въ своемъ значеніи отъ соперничества между Нелидовой и Маріей Ѳе-

¹⁾ Шумигорскій. I, 372—373.

²⁾ Кн. Лобановъ-Ростовскій: Е. И. Нелидова, «Русск. Арх.», 1873, 2165.

одоровной: именно въ это время выросло могущественное вліяніе на Павла его камердинера и брдобрея, Ивана Павловича Кутайсова, котораго звали еще тогда просто Ивановъ: онъ ловко пользовался минутами, когда оставался глазъ-на-глазъ съ своимъ господиномъ, вкрадывался постепенно къ нему въ довѣріе и, помогая сначала вліянію Нелидовой, вслѣдъ затѣмъ, за ея спиной, самъ сдѣлался всемогущимъ фаворитомъ, вовсе отстранивъ отъ Павла и Нелидову, и Марію Ѳеодоровну. Даже медики, состоявшіе при великокняжескомъ дворѣ, раздѣлились на партіи: одного изъ нихъ, Фрейганга, поддерживала Нелидова, другого, Бека, — Марія Ѳеодоровна; изъ нихъ Фрейгангъ, по свидѣтельству Ростовчина, заботясь о физическомъ здоровьѣ Павла Петровича, простиралъ свои заботы и на нравственное его существо, одинаково отравляя то и другое. Главною поддержкою Нелидовой при дворѣ являлся, однако, любимецъ Павла, полковникъ Вадковскій, — тотъ самый Вадковскій, который сопровождалъ Павла въ финляндскомъ походѣ. Изъ новыхъ лицъ, находившихся при дворѣ Павла, потерпѣлъ за свое участіе къ положенію Маріи Ѳеодоровны графъ Н. П. Панинъ, если вѣрить его собственному разскаву о томъ¹⁾, тогда какъ секретарь Маріи Ѳеодоровны, Николай, держался въ сторонѣ отъ обѣихъ партій, стараясь только о томъ, чтобы не навлечь на себя гнѣва ни Павла ни его супруги.

Что же думала, какъ смотрѣла на свое положеніе сама Нелидова? Отвѣтъ на этотъ вопросъ представляютъ письма ея за описываемое время къ тому же князю Александру Борисовичу Куракину, который такъ краснорѣчиво сравнивалъ Павла съ пчелою и былъ въ то же время изъ дружеской переписки съ Нелидовой: въ письмахъ этихъ Нелидова только и говоритъ о тлости своего положе-

¹⁾ Арх. кн. Воронцова, IX, 70. Графиня Голопина въ своихъ «Запискахъ» (рукопись) иначе объясняетъ удаленіе графа Н. П. Панина отъ двора, обвиняя его въ интригахъ. «Замѣтивъ, — говоритъ она, — натянутость отношеній Екатерины къ своему сыну, онъ захотѣлъ окончательно повредить имъ, чтобы имѣть возможность удовлетворить своимъ честолюбивымъ и даже преступнымъ планамъ. Послѣ короткаго пребыванія въ городѣ, онъ возвратился въ Гатчину и испросилъ собѣ аудіенцію у великаго князя, чтобы сообщить ему чрезвычайно важныя новости. Панинъ вошелъ къ нему съ смиреннымъ видомъ, прикрылъ свое лукавство маской прямоты и, наконецъ, послѣ притворнаго колобанія, заявилъ, что онъ имѣетъ сообщить великому князю нѣчто ужасное, что дѣло идетъ о заговорѣ, составленномъ противъ него императрицей, его матерью, что эмпилируютъ на его жизнь. Великій князь спросилъ у него, знаетъ ли онъ заговорщиковъ, и, на утвердительный отвѣтъ, приказалъ ему написать ихъ имена. Графъ Панинъ составилъ ихъ списокъ, созданный его воображеніемъ. «Подпишитъ его», сказалъ великій князь. Панинъ сдѣлалъ это. Тогда великій князь, схвативши бумагу, сказалъ ему: «Убирайся, погоди, и никогда не появляйся предо мною снова». Онъ сообщилъ эту бумагу императрицѣ, своей матери, которая также возмущена была ею. Бумага эта осталась у великаго князя въ его шкапулкѣ, хранившейся всегда въ его спальнѣ».

нія при дворѣ и мечтаетъ о тихой жизни въ Смольномъ ¹⁾. Безъ сомнѣнія, она не разъ пробовала осуществить это свое желаніе еще съ 1788 года, когда она выражала его въ письмѣ къ Вадковскому, но постоянно встрѣчала противодѣйствіе, однако на этотъ разъ не со стороны Маріи Феодоровны, какъ прежде, а со стороны великаго князя. Въ этой рѣшимости поддѣрживалъ ее Плещеевъ, глубоко скорбѣвшій о несогласіяхъ въ жизни великокняжеской четы и еще въ 1790 году убѣждавшій Нелидову прекратить свои отношенія къ Павлу Петровичу.

«Вы сказали мнѣ, m-lle, — писалъ онъ ей, — что по мнѣнію, которое вы создали обо мнѣ, вы надѣетесь, что я не измѣню своей привязанности къ великому князю и не покину его при настоящихъ обстоятельствахъ. Въ чемъ же заключаются эти обстоятельства, и на какую поддержку съ моей стороны вы рассчитываете? Я думаю, что я доказалъ и свое усердіе, и вѣрность великому князю, объяснивъ ему, даже опасаясь навлечь на себя его немилость, неправильность его поведенія въ его несчастной связи съ вами. Мнѣ извѣстно, какъ и вамъ, что связь эта не имѣетъ сама по себѣ ничего преступнаго: я знаю васъ и слишкомъ уважаю васъ обоихъ, чтобы питать въ этомъ отношеніи хотя бы малѣйшее подозрѣніе. Воже, сохрани меня отъ этого! Но можете ли вы, m-lle, утаить отъ себя несчастіе, раздоръ и уныніе, которое связь эта породила въ великокняжескомъ семействѣ? Можете ли вы не замѣчать чудовищнаго пятна, которое наложила она на репутацію великаго князя и на вашу, а также тѣхъ несчастныхъ послѣдствій, которыя могутъ произойти отъ этого? Если вамъ не приходилось до сихъ поръ серьезно объ этомъ поразмыслить, я прошу васъ, какъ милости, принять въ соображеніе все, что здѣсь происходитъ: вникнуть въ ужасное недоразумѣніе, существующее между обоими супругами, поразмыслить надъ тѣми толками, которые одинаково вредятъ и вашей чести, и чести великаго князя, а между тѣмъ нераздѣльно связаны съ внѣшнимъ характеромъ и продолженіемъ вашей связи. Подумайте объ укоризнахъ, которыя вы навлекли на себя со стороны всѣхъ, нарушая миръ особъ, возбуждавшихъ до сихъ поръ удивленіе и почтеніе своимъ замѣчательнымъ единеніемъ. Вспомните, наконецъ, о томъ странномъ отчетѣ, который вы должны будете представить на Верхов-

¹⁾ Correspondance de sa Majesté l'Impératrice Marie Féodorovna avec mademoiselle de Nélidov, sa demoiselle d'honneur (1797—1801), suivie des lettres de m-lle de Nélidov au prince A. B. Kouzakoine, publiée par la princesse Lise Troubetzkoi. Paris. 1896. Изданіе это нельзя не привѣтствовать, такъ какъ только такимъ путемъ могутъ быть доступны для историковъ сокровища, хранящіеся въ частныхъ архивахъ. Само собою разумѣется, что отъ издателей этихъ сокровищъ невозможно требовать полноты изданія и всѣхъ его научныхъ приемовъ, часто для нихъ совершенно недоступныхъ по разнымъ причинамъ, а пужно только благодарить ихъ за подарки.

номъ Судилищѣ за то, что вы не приложили своихъ стараній для водворенія согласія между сторонами, которыя вы столь несчастно разъединили, хотя и не по своей винѣ. Я не сомнѣваюсь, что, размысливъ обо всемъ этомъ съ полнымъ вниманіемъ, вы воодушевитесь мыслию принять какую либо дѣйствительную мѣру, могущую водворить миръ въ возмущенныхъ сердцахъ и особенно въ сердцѣ великаго князя, который, кажется, очень въ томъ нуждается и въ которомъ вы принимаете участіе. Увѣряю васъ, что, сдѣлавъ это, вы лучше всего засвидѣтельствуете предъ великимъ княземъ свое участіе къ нему; это также есть лучший совѣтъ, который я могу предложить вамъ, и единственное средство, которымъ мнѣ возможно доказать свою вѣрность и привязанность къ великому князю и мою заботу о вашемъ истинномъ благополучіи»¹⁾. «Удаленіе Нелидовой,—говорилъ другой современникъ,—удовлетворитъ желаніямъ всѣхъ честныхъ людей и заставитъ забыть огорченія, которыя причинила великой княгинѣ эта исторія. Высокія добродѣтели великой княгини заставили всѣхъ сочувственно отнестись къ ней: нѣтъ женщины, которая болѣе ея заслуживала бы лучшей судьбы»²⁾.

Слушая всѣ эти рѣчи и читая ихъ въ глазахъ окружающихъ, Нелидова должна была желать удалиться отъ двора, хотя бы для того только, чтобы доказать всю ихъ неосновательность.

Въ дѣйствительности, друзья Павла сами не знали, чего хотѣли. Для нихъ, какъ мы имѣли случай уже замѣтить, истинный характеръ его отношеній къ Нелидовой не былъ тайной, и Плещеевъ, на примѣръ, лучше, чѣмъ кто либо, зналъ внутреннюю борьбу, происходившую въ глубинѣ души цесаревича, и вмѣстѣ съ другими скорбѣлъ о его необдуманныхъ поступкахъ, бывшихъ послѣдствіями его впечатлительнаго и раздражительнаго нрава. Но нельзя не видѣть, что дѣйствія Плещеева нисколько не могли улучшить положенія Павла. Ему онъ твердилъ о необходимости смиренія и самообладанія, Нелидовой писалъ, что великій князь нуждается въ душевномъ спокойствіи, а между тѣмъ старался удалить отъ него единственное существо, которое могло имѣть власть надъ умомъ и темпераментомъ великаго князя, и чистота намѣреній котораго, по собственному сознанію Плещеева, была внѣ всякихъ подозрѣній. Равновѣсіе въ душевномъ складѣ Павла Петровича уже давно было нарушено, его темпераментъ все чаще и чаще заставлялъ молчать его умъ и сердце; сама Марія Θεодоровна давнымъ давно, какъ мы уже видѣли, устраивала дружескіе разговоры противъ своего супруга, чтобы предотвратить печальныя послѣдствія его раздражительнаго и пылкаго нрава. Но уже тогда эти разговоры требовали участія Нелидовой, уже тогда стала ясной слабость вліянія на Павла его супруги:

¹⁾ Шумигорскій, I, 862—868.

²⁾ Арх. кн. Воронцова, VIII, 68.

воспримчивая, подвижная природа великаго князя, податливаго на чужія внушенія, не терпѣла, однако, надъ собою ничьего прочнаго, продолжительнаго господства, и внезапные переходы, иногда по самымъ ничтожнымъ поводамъ, отъ гнѣва къ милости, отъ крайней довѣрчивости къ самой мелочной подозрительности, замѣчались у него даже въ дѣтскіе его годы. Павелъ Петровичъ всегда находился подъ чьимъ либо вліяніемъ, но этимъ вліяніемъ опредѣлялся не образъ его мыслей, а характеръ его дѣйствій, которымъ легко было управлять. Поэтому довѣріе и предпочтеніе, оказываемое Павломъ умной, честной и просвѣщенной Нелидовой, должно было бы только радовать его друзей: при нервномъ отношеніи Павла Петровича къ революціонному духу времени, при нравственной лихорадкѣ, имъ переживаемой, Нелидова, пользуясь дружнымъ содѣйствіемъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ цесаревича, безспорно уже тогда была бы и другомъ Маріи Ѳеодоровны, какимъ она сдѣлалась нѣсколько лѣтъ спустя; при этомъ условіи не возникло бы и тѣхъ толковъ, которые ходили по поводу Нелидовой. Но характеръ цесаревича еще не проявлялся въ это время во всей его рѣзкости, Нелидова была дѣвушкой, и самые искренніе друзья великокняжеской четы въ возвышеніи Нелидовой видѣли униженіе Маріи Ѳеодоровны и своими якобы примирительными дѣйствіями сами обостряли отношенія между царственноими супругами¹⁾. Замѣчательно, что въ обществѣ, при всѣхъ неблагопріятныхъ для Нелидовой толкахъ, умѣли все-таки оцѣнить смыслъ ея вліянія. «Великая княгиня, — рассказываетъ Болотовъ, — не однажды не только говорила, но и просила еще сію госпожу, чтобы она связь сію разрушила, но что она будто всегда ей отвѣтствовала, что она можетъ, конечно, сіе сдѣлать и уговорить цесаревича сіе оставить, но опасается и боится, чтобы тогда для самой великой княгини не было хуже, и что сіе единое и почтеніе ея къ ней ее отъ того удерживаетъ»²⁾).

Въ началѣ 1792 года, произошли, однако, событія, которыя вынудили Нелидову, помимо великаго князя, обратиться къ императрицѣ непосредственно съ просьбой объ увольненіи: великій князь поссорился съ государыней, жестоко оскорбилъ Марію Ѳеодоровну, говоря, что она готовитъ ему участь Петра III, и вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ въ Гатчину, гдѣ находилась Нелидова. Ея вліянію и приписали всѣ эти выходы великаго князя. Вся эта исторія нашла себѣ мѣсто въ петербургской корреспонденціи парижской газеты «*Moniteur Universelle*» отъ 24-го апрѣля новаго стиля 1792 года, при чемъ передавались въ извращенномъ видѣ и слухи объ отношеніяхъ Нелидовой къ Павлу. Это и было, кажется, послѣдней каплей, переполнившей чашу ея терпѣнія. 25-го іюня, черезъ двѣ недѣли послѣ

¹⁾ Шумигорскій, I, 363—365.

²⁾ Болотовъ. Памятникъ протоковъ, 67—68.

рожденія великой княжны Ольги Павловны, Нелидова подала императрицѣ свою просьбу объ увольненіи отъ придворной должности и о дозволеніи жить въ Смольномъ монастырѣ, прибавляя съ удивленіемъ, что она возвратится туда съ сердцемъ столь же чистымъ, съ какимъ она его оставила ¹⁾. Великій князь, узнавъ объ этомъ, крайне огорчился и настоялъ на томъ, чтобы просьба Нелидовой взята была ею обратно. Марія Ѳеодоровна и на этотъ разъ не оцѣнила поступка своей фрейлины, утверждая, что ея просьба была лишь одною «комедіей», что Нелидова желала только «сдѣлаться болѣе интересною и заставить себя удерживать» ²⁾. Съ другой стороны Куракинъ писалъ великому князю: «Новость, которую вы изволили сообщить мнѣ, мой дорогой повелитель, озадачила меня. Возможно ли, чтобы наша пріятельница, послѣ столькихъ опытовъ вашей дружбы и вашей довѣренности, дозволила себѣ возымѣть намѣреніе васъ покинуть? И какъ могла она при этомъ рѣшиться на представленіе письма императрицѣ безъ вашего вѣдома? Мнѣ знакомы ея умъ и чувствительность, а чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ непонятнѣе для меня причины, столь внезапно побудившія ее къ тому. Во всякомъ случаѣ я радъ, что дѣло не состоялось, и что вы не испытали неудовольствія лишиться общества, къ которому вы привыкли. Чувствую, что вамъ тяжело было бы устраивать свой образъ жизни на новый ладъ, и вполне представляю себѣ, какъ въ первыя минуты этотъ неожиданный поступокъ долженъ былъ огорчительно подѣйствовать на васъ» ³⁾.

«Я читалъ ваше послѣднее письмо къ вашему другу (Павлу),— отвѣчала ему сама Нелидова,—и видѣла, какъ вы удивлены поступкомъ, въ которомъ нѣтъ ничего не совмѣстнаго съ тою привязанностію и глубокой благодарностію, которыя я питаю къ нашему другу и которыхъ ни разлука, ни время не могутъ ослабить... Я васъ прошу, однако, принять въ соображеніе, что согласно съ моимъ постояннымъ образомъ мыслей и моимъ постояннымъ желаніемъ окончить свои дни въ томъ мирномъ убѣжищѣ, гдѣ я получила воспитаніе,—я не могла найти болѣе удобнаго момента, чтобы привести свой планъ въ исполненіе, какъ тотъ, въ который я вижу единственнаго человѣка, привязывающаго меня къ моему мѣсту, въ спокойномъ состояніи, послѣ того, какъ онъ, такъ сказать, принудилъ другихъ признать, что онъ думалъ только о ихъ счастіи и спокойствіи, такъ что они не могутъ уже заподозрѣвать его мотивы или сомнѣваться въ его принципахъ. Впрочемъ, мой дорогой князь, присутствіе такой мало полезной подруги, какъ я, не важно ни для кого. Я слишкомъ хорошо себя знаю, чтобы не чувствовать,

¹⁾ Дневникъ Храповицкаго, 269.

²⁾ Письмо ея къ Плещеву (рукопись) безъ даты.

³⁾ Князь Лобановъ-Ростовскій: Е. И. Нелидова, «Русскій Арх.», 1873, 2164—2165.

какъ мало я значу во всѣхъ отношеніяхъ. Мои друзья могутъ придавать мнѣ нѣкоторую цѣну лишь вслѣдствіе искренности моихъ чувствъ къ нимъ» ¹⁾.

Въ дальнѣйшихъ письмахъ своихъ къ Куракину Нелидова дѣлается, однако, болѣе откровенною и находитъ новыя, неожиданныя причины жалѣть о неудачѣ своей попытки удалиться отъ двора: она замѣчаетъ, что характеръ великаго князя съ каждымъ днемъ становится хуже, и что постоянная борьба съ его раздражительностію ей становится не подъ силу. «Различныя сцены, которыя происходятъ у меня предъ глазами,— писала она,— для меня такъ непонятны, что я вижу, что сердце этого челоѣка — лабиринтъ для меня. Я не сдѣлаю ничего, чѣмъ бы я боялась скомпрометтировать своихъ друзей, но я рѣшилась, и даю въ томъ клятву предъ Богомъ, сдѣлать вторую попытку удалиться отъ двора» ²⁾. Въ началѣ 1793 года, Павелъ, по неизвѣстной причинѣ, какъ оказалось потомъ, подъ влияніемъ «Ивана», то-есть Кутайсова ³⁾, разгнѣвался на своего «тридцатилѣтняго друга», то-есть Александра Борисовича Куракина, пріѣхавшаго изъ своего имѣнія на короткое время въ Петербургъ, выставляя предлогомъ, что онъ не представился ему тотчасъ по пріѣздѣ. Усилія Нелидовой помирить друзей, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, были и ея друзьями, оставались безуспѣшны, и Марія Ѳеодоровна имѣла право писать Плещееву въ это время: «Скажите, мой добрый Плещеевъ, что такое происходитъ? Я вижу только печальныя лица. Маленькая (то-есть Нелидова) имѣетъ скорбный видъ и въ дурномъ настроеніи духа; супругъ мой также сумраченъ, и такимъ онъ является даже по отношенію ко мнѣ. Я замѣчаю, что есть нѣчто, что волнуетъ его внутренно. Онъ часто споритъ съ маленькой; все это наводитъ такое стѣсненіе и уныніе на наше общество, что никто не открываетъ рта. Я предполагаю, что великаго князя что-то мучитъ, но не сумѣла опредѣлить, что именно; сознаюсь, что это очень беспокоитъ меня, хотя я и стараюсь сохранить спокойный видъ. Мнѣ кажется, что Куракинъ на дурномъ счету; въ концѣ концовъ, мы уже не видимъ счастливыхъ» ⁴⁾. Съ своей стороны Нелидова писала тогда Куракину: «Ваше сердце не можетъ быть болѣе растерзано, чѣмъ мое. Я готова отказаться отъ всего, я не сумѣла проявить умѣренности, которой обстоятельства, быть можетъ, требовали отъ меня по отношенію къ характеру, столь живому и впечатлительному, какъ его (то-есть Павла)... Сердце мое возмущается, когда я представляю себѣ, что происходитъ въ душѣ его... Уже давно я стараюсь уничтожить въ сердцѣ моемъ все то,

¹⁾ «Correspondance» etc., 167—168.

²⁾ Тамъ же, 186.

³⁾ Тамъ же, 274.

⁴⁾ Шумигорскій, I, 369.

что заставляет меня входить въ его интересы ¹⁾... Но вы, дорогой князь, будьте къ нему снисходительны, окажите хладнокровіе, котораго не было у меня, и котораго, быть можетъ, я не должна была даже сохранять. Дѣло въ томъ, что онъ не отдалъ себѣ отчета въ чувствахъ, которыя породилъ въ немъ видъ небрежности по отношенію къ нему съ вашей стороны послѣ восьмилѣтняго отсутствія вашего. Покажите себя, дорогой князь, великодушнѣе, чѣмъ другіе... Ваша благородная снисходительность и мягкость заставятъ почувствовать свои ошибки душу, которая не лишена вовсе доброты и доступна угрызеніямъ совѣсти... Всѣмъ извѣстна его привязанность къ вамъ, знаютъ, что онъ умѣетъ беречь тѣхъ, которые для него дороги. Увы, всѣ думаютъ, что онъ меня любитъ, и въ то же время всѣ видятъ, что онъ поступаетъ со мной такъ же, какъ вчера съ вами. Это должно, по крайней мѣрѣ, успокоить васъ по отношенію къ мнѣнью, которое могли бы составить себѣ свидѣтели взаимной сцены ²⁾. Кончилось дѣло тѣмъ, что Куракинъ написалъ Павлу письмо, составленное Нелидовой, въ которомъ умолялъ его сохранить къ нему дружбу, которая продолжалась уже 30 лѣтъ. Замѣчательно, что уже въ этомъ случаѣ обращались къ услугамъ «Ивана», то есть Кутайсова. «Кутайсовъ только что пришелъ ко мнѣ,—писала Куракину Нелидова,—и я спрашивала у него объясненій о вашемъ дѣлѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что, прочитавши ваше письмо, онъ (то есть Павелъ) былъ тронутъ и приказалъ сказать вашему слугѣ, чтобы онъ передалъ вамъ, чтобы вы хорошо спали и провели ночь спокойнѣе... «Не думайте больше о своемъ отъѣздѣ,—прибавляла Нелидова,—это было бы хуже всего при данныхъ обстоятельствахъ» ³⁾.

Сама Нелидова, однако, не выдержала пытки своего положенія при дворѣ и въ сентябрѣ 1793 года исполнила свою клятву — добилась у императрицы увольненія отъ придворной должности съ доволненіемъ поселиться въ Смольномъ монастырѣ, убѣдивъ на этотъ разъ и великаго князя подчиниться своему рѣшенію. Нелидова съ понятнымъ облегченіемъ оставляла дворъ, гдѣ, по ея признанію, «она испытала гораздо болѣе печали, чѣмъ радостей» ³⁾. «Другъ нашъ (Павелъ),—писала она Куракину,—я не могу отрицать этого, былъ чрезвычайно взволнованъ и огорченъ моимъ поступкомъ и особенно его успѣхомъ въ болѣе сильной степени, чѣмъ я желала бы видѣть это; но это—для него случай показать ту твердость, въ которой онъ будетъ имѣть надобность при обстоятельствахъ, гораздо болѣе важныхъ, и я надѣюсь, что и въ настоящее время онъ ее выкажетъ: теперь онъ несравненно спокойнѣе. Я не могу еще опре-

¹⁾ Нелидова, незадолго предъ этимъ, сама убѣждала Куракина въ дружбѣ къ нему цесаревича и торопила его пріѣздомъ, увѣряя его въ самомъ тепломъ пріемѣ со стороны великаго князя. «Correspondance» etc., 181 — 782.

²⁾ «Correspondance» etc., 182—184.

³⁾ Тамъ же, 190.

дѣлать время окончательнаго своего отъѣзда, потому что другъ нашъ требуетъ, чтобы это время года (осень) я провела вмѣстѣ съ нимъ; онъ желалъ бы, чтобы такъ же точно поступала я каждое лѣто, а зимою каждый вечеръ у него ужинала. Хотя я уже получила нѣкоторыя уступки по этимъ двумъ пунктамъ, я, однако, не посмѣла и не захотѣла, въ виду наступленія празднествъ, въ теченіе которыхъ я желала бы видѣть его яснымъ и спокойнымъ,— выразить ему свой образъ мыслей о дальнѣйшемъ своемъ поведеніи, какъ мало я рассчитываю слѣдовать его приглашенію; пусть онъ думаетъ, что я съ нимъ согласна, и пусть въ этомъ смыслѣ истолкуетъ мое молчаніе. Завтра великая княгиня представитъ меня ея величеству, чтобы благодарить ее за изъявленную мнѣ милость и за приданое (le dot)¹⁾, которое мнѣ уже прислали сегодня вечеромъ, но котораго я не могла принять, будучи на вечернемъ собраніи. Приданое это состоитъ, я думаю, изъ 4.000 рублей. Великая княгиня также даетъ мнѣ приданое въ 6.000 рублей вмѣстѣ съ ежегодной пенсіей въ 600 рублей: это больше, чѣмъ я могу желать. Но такъ какъ нѣтъ добра безъ худа, то и независимость-которой я успѣла добиться, не свободна будетъ отъ узъ признательности, а, между тѣмъ, Богу извѣстно, какъ я была бы признательна всѣмъ, если бы не была обязана питать это чувство по отношенію къ кому либо. Надежда, которую я таила въ этомъ отношеніи въ своемъ сердцѣ, такимъ образомъ обманута, и въ особенности я недовольна тѣмъ, что великая княгиня сдѣлала для меня то, что не было бы удѣломъ другой (фрейлины). Какое бы удовольствіе я чувствовала тогда! Что касается нашего друга, то я очень беспокоюсь, но это совсѣмъ по другому чувству: я знаю, что у него мало средствъ. Онъ не объяснялъ своихъ намѣреній, но то, что вырвалось у него, даетъ мнѣ достаточно понять, что я буду однимъ изъ тѣхъ лицъ, на которыхъ онъ уже проявлялъ свою щедрость, и мое сердце сжимается при мысли, что его душѣ доставить удовольствіе то именно, что мучитъ мою душу. Я уже объясняла ему самымъ почтительнымъ образомъ, какъ мало нужды у меня въ его щедрости, особенно при томъ увольненіи, которое я избрала для себя и на которое я имѣла счастье получить разрѣшеніе. Вамъ, дорогой князь, не трудно будетъ понять, какъ отрадно было бы для меня не быть въ тягость его кошельку, хотя я ни на минуту не сомнѣваюсь въ его сердцѣ. Вотъ почти полное изложеніе всѣхъ моихъ здѣшнихъ огорченій въ настоящее время; что касается до удовольствій, то они заключаются въ надеждѣ быть счастливою и спокойною, не возмущая счастья и спокойствія другихъ. Сохраните, дорогой князь, свою столь чистую привязанность къ нашему другу, и мое сердце всегда будетъ радоваться при мысли,

¹⁾ Фрейлинское награжденіе при увольненіи отъ двора.

что такой достойный человекъ останется ему вѣренъ при всякомъ испытаніи... Я надѣюсь на это и со слезами молю объ этомъ Всевышняго для счастья нашего друга, потому что только въ подобныхъ вамъ людяхъ найдеть онъ свое счастье и покой (sic). Онъ искренно васъ любитъ и требуетъ отъ васъ, быть можетъ, только больше того, что вы можете исполнить, т. е. чтобы вашъ образъ жизни болѣе согласовался съ его жизнію. Вы увидите это, если вы сможете сдѣлать усиліе надъ самимъ собою и оправдать такимъ образомъ часть надеждъ, которые я питаю для васъ обоихъ. Что касается до моей жизни въ Смольномъ, то у васъ ложныя въ этомъ отношеніи представленія. Я найду себѣ тысячу радостей въ жизни съ людьми, которыя меня воспитали, которыхъ я безконечно уважаю и чувства которыхъ ко мнѣ никогда ничто не могло измѣнить. Если не могу имѣть счастья думать, что m-me Деллафонъ проживетъ довольно долго, чтобы сдѣлать меня на долгое время счастливою въ этомъ заведеніи, то я по крайней мѣрѣ питаю надежду, что меня переживутъ нѣкоторыя изъ дамъ этого чрезвычайно пріятнаго общества, которыя были моими воспитательницами и моими друзьями прежде выпуска моего изъ монастыря, который представляется вамъ гадкимъ и скучнымъ мѣстомъ. Вы забываете, что, благодаря добротѣ нашего друга, у меня прекрасная библіотека, у меня—моя арфа, мои карандаши—всѣ предметы, которые такъ хорошо служили мнѣ къ развлеченію въ моменты, когда мнѣ приходилось страдать. Я воспользуюсь тамъ еще совершенно новымъ для меня удовольствіемъ — видѣть выростающими на моихъ глазахъ юныхъ моихъ родственницъ, успѣхи которыхъ каждую минуту будутъ напоминать мнѣ благодѣяніе нашего друга, вносящаго плату за одну изъ нихъ. Я не буду такъ недовольна, какъ вы думаете, порвавъ нѣсколько связь съ свѣтомъ, который не умѣлъ или скорѣе не хотѣлъ отдать мнѣ справедливость. Я оцѣнила уже, чего онъ стоитъ, и мое сердце уже научилось не ставить своего счастья въ зависимость отъ его сужденій. Мнѣ хорошо извѣстно, что и при настоящемъ случаѣ я не избѣгну его злобы и толковъ, болѣею частью развращенныхъ (dérégavés), но я не хочу даже знать ихъ. Я чувствую себя настолько выше ихъ, что всего менѣе интересуюсь ими»¹⁾.

Эти прелестныя по чистосердечію и невинности строки Нелидовой невольно напоминаютъ намъ ту же восторженную смольнянку, которая 17 лѣтъ прежде вышла изъ своего монастыря съ глубокимъ сознаниемъ своихъ обязанностей предъ Богомъ и предъ людьми, съ высоко развитымъ чувствомъ собственного достоинства,

¹⁾ Correspondance etc., 190—194. На содержаніе Нелидовой въ Смольномъ изъ суммъ двора отпускалось ежегодно 400 рублей, какъ это видно изъ отчетовъ по Смольному монастырю за это время.

умѣніемъ и потребностію жить въ самой себѣ. Правда, Нелидовой было уже 35 лѣтъ,—возрость, для женщины весьма серьезный, но время не могло изгладить въ ея душѣ тихихъ, счастливыхъ для нея воспоминаній дѣтства, манявшихъ ее попрежнему непосредственностію чувства, свѣжестію впечатлѣній. вмѣстѣ съ тѣмъ, у Нелидовой, при всемъ ея умѣ, развитомъ чтеніемъ и наблюденіями,—очевидно, не хватало знанія жизни и людей, не было глубины ихъ пониманія. Читая ея письма, проникнутыя такою теплотою сердца, такимъ умѣніемъ различать самыя тонкія душевныя движенія человека, цѣнить человѣческое достоинство,—съ трудомъ вѣришь, что они писаны... тому князю Александру Борисовичу Куракину, который, по единогласному отзыву всѣхъ современниковъ, отличался своею надутостію, тщеславіемъ, душевною пустотою, а по страсти своей къ роскоши назывался «брильянтовымъ княземъ». Еще удивительнѣе, что крайне легкомысленная жизнь Куракина, навсегда оставшагося холостякомъ, едва ли была извѣстна Нелидовой, которая, жалѣя объ опальной жизни Куракина въ его саратовской деревнѣ и призывая его въ Петербургъ, не подозрѣвала, конечно, что ему тамъ жилось гораздо веселѣе и привольнѣе, чѣмъ ей самой въ угрюмой Гатчинѣ. Нелидова знала Куракина преимущественно съ виѣшней стороны, знала его свѣтскія способности, какъ веселаго, остроумнаго и добраго собесѣдника, цѣнила его дружбу къ великому князю и, къ несчастію для Павла и для себя самой, дѣйствительно вообразила, что его дружба къ Павлу будетъ опорой для цесаревича, ждавшаго престола. Наказаніе, впрочемъ, не заставило себя ждать бѣдную, не вѣдавшую того, дѣвушку: въ то самое время, когда она такъ откровенно писала ему свои милыя письма, онъ, какъ мы уже видѣли, сравнивалъ Павла съ пчелою, а Нелидову—съ цвѣткомъ... Вообще, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, что куракинскія письма въ этомъ отношеніи служатъ довольно вѣрнымъ образчикомъ свѣтской фразеологіи того времени, которую можно оправдать лишь тѣмъ соображеніемъ, что притворство есть дань уваженія къ добродѣтели, потому что, по справедливому замѣчанію князя Лобанова, «во всякомъ случаѣ не бывало еще такого полного несоотвѣтствія между словами, безпрестанно повторявшимися, и самымъ дѣломъ, которое они должны были выражать»¹⁾.

Какъ предполагала Нелидова, такъ и случилось; свѣтъ ея не повялъ, и ея дѣйствія подверглись снова злобнымъ толкованіямъ. Будучи въ сентябрѣ 1793 г. уже уволена отъ званія фрейлины, она должна была, по настоянію Павла, остаться при немъ на осень: сама Нелидова хотѣла этого, чтобы, какъ она писала Куракину, Павелъ былъ ясенъ и спокоенъ во время празднествъ, ожидавшихся

¹⁾ Князь Лобановъ-Ростовскій: «Е. И. Нелидова», «Русскій Архивъ», 1873, 2065—2166.

осенью по случаю бракосочетанія сына его Александра Павловича; мало того, сама Марія Θεодоровна чрезъ Плецеева вынуждена была умолять Нелидову повліять въ этомъ смыслѣ на Павла Петровича, такъ какъ Павелъ, въ гнѣвѣ на императрицу-мать, вовсе не предполагалъ даже выѣзжать изъ Гатчины въ Петербургъ¹⁾. Много горя пришлось испытать въ это время Нелидовой, а поселиться въ Смольномъ она могла лишь послѣ переѣзда великокняжеской четы въ Петербургъ, 23-го ноября, и то лишь послѣ упорнаго сопротивленія великаго князя. Между тѣмъ, еще въ октябрѣ, Ростопчинъ писалъ Воронцову: «1-жа Нелидова, вмѣсто того, чтобы оставить дворъ, получивъ увольненіе, остается при немъ и пользуется успѣхомъ, который наноситъ ущербъ достоинству великаго князя и подвергаетъ его всеобщему осужденію. Онъ удалилъ отъ себя Нарышкина, Александра Львовича, который былъ слишкомъ довѣрчивъ и привязанъ къ великому князю. Князь Александръ Куракинъ, котораго онъ звалъ «своею душою», претерпѣлъ жестокія обиды. Бѣдная великая княгиня остается въ одиночествѣ, не находя никого, кому она могла бы открыть свое горе, и не имѣя другаго утѣшенія, кромѣ добродѣтельной жизни». 1-го декабря, тотъ же Ростопчинъ извѣщалъ Воронцова: «По возвращеніи сюда (т. е. въ Петербургъ), несмотря на всѣ сцены, въ которыхъ, вмѣсто любви и нѣжности, проявлялся гнѣвъ и жестокость, все-таки принуждены были (т. е. Павелъ) разстаться съ m-lle Нелидовой». «Эта маленькая чародѣйка, — писалъ онъ позже, — пріѣзжаетъ, однако же, во дворецъ, и отшельничество ея незамѣтно»²⁾.

IV.

Придворныя интриги, окружавшія Павла Петровича. — Передомъ въ его характерѣ. — Горестъ Маріи Θεодоровны. — Сближеніе ея съ Нелидовой. — Кутайсовъ и чета Плецеевыхъ. — Размова Нелидовой съ Павломъ Петровичемъ. — Проккъ Екатерины объ устраненіи Павла Петровича отъ наслѣдованія престола. — Неудовольствіе Нелидовой поведеніемъ великаго князя.

Удаленіе Нелидовой отъ двора было первое время загадкой для публики. Для насъ теперь очевидно, что она добилаcь согласія Павла Петровича на удаленіе свое въ Смольный монастырь лишь на рапѣ предложенныхъ имъ условійхъ, то-есть обязавшись постоянно посѣщать его дворъ во время пребыванія его въ Петербургъ зимою,

¹⁾ Шумигорскій, I, 399. Заиѣчательно, какъ Марія Θεодоровна постоянно ошибалась въ объясненіяхъ мотивовъ поступковъ Нелидовой: «Je vous confie sous le secret du plus grand secret que la N. voulu donner une seconde lettre ces jours, mais on l'a retenu, et ce n'est pas tous: ce n'est pas celui qui y serait le plus interessé, mais d'autres». Тамъ же, письмо ея къ Плецееву, 407, примѣчаніе 13.

²⁾ Арх. князя Воронцова, VIII, 80, 84.

а весною и лѣтомъ гостить у него въ Павловскѣ и Гатчинѣ. Современники, въ томъ числѣ и Марія Ѳеодоровна, не знали этихъ подробностей отношеній Павла и Нелидовой и потому о дѣйствіяхъ уволенной фрейлины судили вкривъ и вкось, неясно понимая даже причины ея увольненія. Поэтому, когда весною 1794 года Нелидова явилась въ Павловскъ въ качествѣ гостыи, по желанію великаго князя, то никто не зналъ, чтѣ объ этомъ думать.

«Что скажете вы, другъ мой,—писала тогда Марія Ѳеодоровна Плещееву,—о возвратѣ фавора m-lle Нелидовой? Какое употребленіе она изъ него сдѣлаетъ? И какъ могъ допустить это великій князь послѣ того, какъ онъ былъ такъ раздраженъ противъ нея? Demoiselle—горделива и на верху почестей. Я удивляюсь ея неблагодарумію: въ качествѣ кого она явилась сюда и оставила свое скромное убѣжище? Ахъ, другъ мой, какъ свѣтъ нивокъ, и какъ ужасно все происходящее! Быть можетъ, Господь сотворить для насъ чудеса, и эта поѣздка, которая является триумфомъ для d-lle, обратится противъ нея».

Но уже въ маѣ произошло другое чудо: «великій князь,—писала Ростопчинъ,—теперь гораздо въ лучшихъ отношеніяхъ съ своею супругой, чѣмъ прежде, потому что она рѣшилась уступить г-жѣ Нелидовой и сблизиться съ нею». Разгадку этой неожиданной перемены легко найти отчасти въ томъ же письмѣ Ростопчина: «великій князь,—продолжалъ онъ,—находится въ Павловскѣ, постоянно не въ духѣ, съ головою, наполненной призраками, и окруженный людьми, изъ которыхъ наиболѣе честный заслуживаетъ быть колесованнымъ безъ суда». Горячо любя своего супруга, великая княгиня начинала бояться печальныхъ послѣдствій отъ его поведенія и какъ ни недовольна была неожиданнымъ и даже неприличнымъ, по ея мнѣнію, пріѣздомъ Нелидовой, но только въ ея вліяніи увидѣла она почти единственную возможность достигнуть главной своей цѣли—«помочь великому князю вопреки ему самому», руководя его дѣйствіями¹⁾. Оказалось, что удаленіе Нелидовой послужило къ выгодамъ лишь третьихъ лицъ, на примѣръ, Кутайсова и Линденера (поляка Липинскаго, изъ угожденія Павлу принявшаго нѣмецкую фамилію), заботившихся въ своихъ интересахъ не объ успокоеніи Павла Петровна, а напротивъ о большемъ его раздраженіи. Ближайшимъ поводомъ къ вѣдшему примиренію Маріи Ѳеодоровны съ Нелидовою было удаленіе весною 1794 г. послѣдняго, остававшагося еще при дворѣ, стараго друга великокняжеской четы, Плещеева, о которомъ донесено было Павлу, что онъ, вмѣстѣ съ Маріей Ѳеодоровной, «роетъ могилу (creusent une fosse)» Нелидовой, и что въ интригѣ этой принимаетъ участіе невѣста Плещеева, Наталья Ѳеодоровна Веригина, бывшая въ это время фрейлиною Маріи Ѳеодоровны.

¹⁾ Шумигорскій, «Императрица Марія Ѳеодоровна», I, главы XI и XII.

Но въ особенности заставили великую княгиню желать сближенія съ Нелидовой чрезвычайно обострившіяся отношенія между императрицей и ея наслѣдникомъ. Императрица, уже рѣшившаяся лишить Павла престолонаслѣдія, готовила въ тишинѣ средства къ достиженію своей цѣли—объявить великаго князя Александра Павловича своимъ преемникомъ, обратившись съ этою цѣлью за содѣйствіемъ къ любимому наставнику Александра, Лагарпу. Честный швейцарецъ, однако, не поддался увѣщаніямъ императрицы и, напротивъ, вѣдиль въ Гатчину, чтобы убѣдить Павла перемѣнить его суровыя, подозрительныя отношенія къ старшему сыну и стараться привлечь его къ себѣ. Неизвѣстно въ точности, знала ли Марія Теодоровна въ это время о намѣреніи Екатерины объявить своимъ наслѣдникомъ Александра Павловича въ ущербъ правамъ его отца, но она прекрасно сознавала, что дурныя отношенія Павла къ матери угрожаютъ для него въ будущемъ серьезными послѣдствіями; между тѣмъ, Павелъ Петровичъ все болѣе и болѣе уединялся въ своихъ загородныхъ дворцахъ, появляясь въ Петербургѣ на зимнее пребываніе къ 24 ноября, ко дню тезоименитства своей матери, и уѣзжая изъ него въ началѣ февраля. Натянутыя отношенія къ императрицѣ были тѣмъ болѣе тяжелы для великой княгини, что лишали ее удовольствія видѣть своихъ дѣтей, такъ какъ всѣ они жили при Екатеринѣ. Великой княгинѣ оставалось лишь просить Нелидову смягчить великаго князя.

«Ради Бога,— писала она Плещееву,— дайте почувствовать маленькой, какъ вредно удалаться отъ императрицы, отъ нашихъ дѣтей, которыхъ мы вовсе не видимъ, и вообще дайте ей понять, что это отчужденіе великаго князя отъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ значеніе (*de tous les grands*), это страшное уединеніе, отталкивая отъ него всѣ сердца, можетъ имѣть только самыя ужасныя послѣдствія. Въ особенности указывайте ей на императрицу и на дѣтей: первая сильно старѣетъ съ каждымъ днемъ и тѣмъ болѣе опасно удалаться отъ нея; что же касается дѣтей нашихъ, то и они дѣлаются намъ чужды, и мы имъ также. Вы сдѣлаете, мой другъ, чрезвычайно важное дѣло, открывъ глаза Нелидовой по этому предмету». «Признаюсь вамъ, другъ мой,— писала она позже,— что бесѣда ваша съ Нелидовой чрезвычайно меня поразила. Что касается ея опасеній за великаго князя, то не она одна питаетъ ихъ. Знаетъ Богъ, знаютъ также и мои друзья, что я дрожу за него, потому что онъ не умѣетъ создавать себѣ друзей, а, между тѣмъ, онъ погибнетъ когда либо, если не будетъ имѣть вѣрныхъ и усердныхъ слугъ. Въ то время, когда я осмѣливалась говорить, я тысячу разъ повторяла эти истины своему мужу, и мы знаемъ всѣ, что тогда его любили. Но, чтобы привлечь его къ себѣ, ему начали льстить, удалять его отъ истинныхъ друзей, и слѣдствіемъ этихъ низкихъ уловокъ была та порча его характера, которую мы видимъ теперь. Я очень хо-

рошо знаю, что порчу эту замѣчаютъ ежедневно, и что ее желали бы устранить, но я боюсь, что ничего не дѣлаютъ для этого. Нелидова употребляетъ фальшивую мѣру, рисуя великому князю будущность въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, потому что, не приучая его этимъ къ сдержанности въ поведеніи, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановляетъ его противъ всѣхъ. Тысячу разъ говорила я Лафермьеру: настоящее жестоко, но будущее внушаетъ мнѣ чрезвычайный ужасъ, потому что, если мужа моего постигнетъ несчастье, то не онъ одинъ подвергнется ему, но и я вмѣстѣ съ нимъ»¹⁾).

Переговоры, такимъ образомъ, открылись между враждующими сторонами, хотя сначала и чрезъ третье лицо, и мало-по-малу приводили ихъ къ соглашенію. Обѣ женщины любили Павла, каждая по-своему, но естественно, что разница въ характерѣ и свойствахъ ума ихъ, при неясномъ пониманіи и знаніи положенія дѣлъ при большомъ дворѣ, выражалась и въ томъ образѣ дѣйствій, котораго держались онѣ въ постоянной борьбѣ съ причудливымъ характеромъ Павла Петровича и въ совѣтахъ, которые онѣ подавали ему. Нелидова, подобно Маріи Феодоровнѣ, обуздывая порывы раздражительности своего друга, считала необходимымъ для великаго князя держаться по отношенію къ императрицѣ въ почтительномъ, осторожномъ, но въ то же время и гордомъ положеніи человѣка, сознающаго свои права, тогда какъ Марія Феодоровна видѣла спасеніе лишь въ полной покорности волѣ императрицы.

«Нелидова,—сообщала Плещееву великая княгиня,—съ дурнымъ сердцемъ соединяетъ и дурной разумъ, потому что, вѣрьте мнѣ, это она поддерживаетъ великаго князя въ его настоящемъ поведеніи, увѣряя его, что въ его власти самому поддержать лицъ, при немъ находящихся, и все это для того, чтобы напугать императрицу, а это только отдалить его отъ нея, тогда какъ единственное средство для великаго князя достигнуть своей цѣли заключается въ томъ, чтобы быть почтительнымъ и послушнымъ сыномъ: тогда только императрица не будетъ вооружена противъ него... Въ разговорахъ съ Нелидовой будьте очень осторожны въ выборѣ словъ»²⁾). Несогласіе во взглядахъ не мѣшало, однако, Маріи Феодоровнѣ уже дѣйствовать совместно съ Нелидовой въ обуздываніи горячаго нрава Павла и предупрежденіи вспышекъ его гѣва въ столкновеніяхъ съ разными лицами и по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Такъ, еще до сближенія великой княгини съ Нелидовой, 35 матросовъ изъ морскаго баталіона, имѣвшихъ семейства въ Павловскѣ, присуждены были къ отдачѣ во флотъ за небольшое уиущеніе.—«Что станется съ ихъ женами и дѣтьми?»—спрашивала Марія Феодоровна Плещеева.—Я желала бы, другъ мой, чтобы вы сдѣлали самую на-

¹⁾ Шумигорскій, I, 402—403.

²⁾ Тамъ же, 403, примѣчаніе.

стоятельныя представленія съ цѣлію помѣшать этой несправедливости, и въ этомъ случаѣ, чтобы оградить великаго князя отъ нареканій, я думаю даже, что Богъ и честь дозволяютъ даже прибѣгнуть къ вліянію маленькой, если она можетъ воспрепятствовать этому дѣйствію, которое произведетъ самое дурное впечатлѣніе для моего мужа. Вы увидите, другъ мой, что эти баталіоны доставятъ самому великому князю много огорченій и непріятностей, и подумайте о томъ, что императрица, раздраженная этимъ послѣднимъ поступкомъ (онъ, дѣйствительно, вполне носитъ характеръ плохой шутки: какъ отсылать отъ себя 35 человекъ и притомъ еще матросовъ и въ то же время просить себѣ 1.500 солдатъ!), отниметъ ихъ у него совершенно, и что будетъ тогда съ нами отъ дурнаго настроенія духа, которое на насъ обрушится?»¹⁾

Для предупрежденія подобныхъ исторій великая княгиня вмѣстѣ съ Нелидовой постоянно сопровождали Павла во время военныхъ его экзерцицій, которымъ онъ предавался со страстью, и которыя въ лѣтнее время начинались очень рано, съ восходомъ солнца и производились во всякую погоду. Но и Нелидовой стало уже трудно справляться съ характеромъ Павла, для подозрительности котораго явилась новая пища; напуганный ужасами французской революціи и возбуждаемый разказами о нихъ французскихъ эмигрантовъ, онъ всюду видѣлъ признаки свободомыслія, сознательное презрѣніе къ его желаніямъ и приказаніямъ. «Великій князь,— писалъ Ростопчинъ въ маѣ 1794 года,— вездѣ видитъ отпрыски революціи. Онъ всюду находитъ якобинцевъ, и на дняхъ четыре офицера арестованы за то, что косы ихъ оказались слишкомъ коротки — вѣрный признакъ революціоннаго духа»²⁾; тогда же началось преслѣдованіе Павломъ круглыхъ шляпъ и фраговъ, введенныхъ въ употребленіе французской модой и принятыхъ даже при дворѣ Екатерины³⁾. Въ концѣ концовъ, никто не зналъ, какиѣ именно неосторожными словомъ и дѣйствіемъ можно возбудить раздраженіе мнительнаго и суроваго цесаревича, и каждый заботился только о томъ, чтобы какъ можно рѣже попадаться ему на глаза. Переходы отъ крайней мпlosti къ ничѣмъ, повидимому, не вызванному гнѣву сдѣлались такъ часты у великаго князя, что даже приверженные къ нему люди начинали просто бояться его вниманія и расположенія. «Зная лучше, чѣмъ кто либо,— сообщалъ въ августѣ 1795 года Ростоп-

¹⁾ Тамъ же, 421.

²⁾ Арх. кн. Воронцова, VIII, 93.

³⁾ Masson, *Memoires secrets*, I, 319. Въ одномъ изъ неизданныхъ еще писемъ великаго князя Александра Павловича къ Салтыкову, молодой великій князь спрашивалъ своего воспитателя, какъ явиться ему на придворный балъ: во фракѣ онъ считалъ быть неудобнымъ, такъ какъ этотъ костюмъ прогибалъ бы его отца, хотя онъ и требовался этикетомъ. Юный дипломатъ предполагалъ явиться во французскомъ кафтанѣ и думать угодить этимъ одновременно и отцу, и бабушкѣ.

чинъ,—его характеръ, склонный къ измѣнчивости, я не придаю большаго значенія его настоящимъ чувствамъ ко мнѣ и сдѣлаю все возможное, чтобы его довѣрiе ко мнѣ не слишкомъ возросло. Самое лучшее, это—ни во что не вмѣшиваться»¹⁾. Другой современникъ, Массонъ, еще яснѣе обрисовалъ эту черту характера Павла Петровича: «Никто никогда не выказывалъ такихъ странностей и такого непостоянства въ выборѣ людей, какъ Павелъ. Къ человѣку, который казался ему подходящимъ, онъ относился сначала съ безпредѣльнымъ довѣрiемъ и прямою, затѣмъ, раскаинаясь въ этомъ своемъ увлеченiи (abandon), онъ начиналъ смотрѣть на него, какъ на человѣка опаснаго, какъ на креатуру своей матери или ея фаворита, предполагая, что онъ вкрался въ его довѣрiе для того только, чтобы предать его... Тотъ, кто былъ ближе всѣхъ къ нему, имѣлъ потомъ всегда наиболѣе причинъ на него жаловаться; кто былъ сначала болѣе всѣхъ осыпанъ имъ милостями, тотъ всегда затѣмъ считался самымъ опальнымъ изъ всѣхъ (le plus malheureux)»²⁾. Эту же участь готовилась испытать и Нелидова, лишившаяся, благодаря сближенiю своему съ Марiей Θεодоровной, поддержки всѣхъ тѣхъ новыхъ фаворитовъ Павла, которые извлекали для себя особья выгоды изъ супружескихъ несогласiй великокняжеской четы. Главнымъ изъ нихъ былъ «Иванъ» (Iwan), то-есть камердинеръ великаго князя, Иванъ Павловичъ Кутайсовъ.

Изъ писемъ Марiи Θεодоровны къ Плещееву за 1795 г. ясно видно, что влiянiе Нелидовой на Павла постепенно уменьшалось въ теченiе этого времени³⁾, и соотвѣтственно съ этимъ увеличивалось довѣрiе къ ней великой княгини, начинавшей видѣть въ Нелидовой свою союзницу. «Находите ли вы, другъ мой,—спрашивала она Плещеева,—что маленькая тронута моимъ вниманiемъ?.. Сегодня вечеромъ на лицѣ ея и великаго князя выражалась печаль. Я увѣрена, другъ мой, что мы не поѣдемъ завтра (въ Петербургъ). Я крайне встревожена этимъ, но мнѣ кажется, что получили отсюда дурныя новости». «Не желая посылать къ вашей маленькой», писала она въ другой разъ,—я прошу васъ увѣдомить меня, хотя двумя, тремя словами, о томъ, что произошло сегодня. Я знаю, что есть что-то новое, но не знаю, въ чемъ оно состоитъ, и могу узнать это лишь вечеромъ. Ради Бога поддержите ея мужество, пусть Господь благословитъ ея усилiя, и истина восторжествуетъ». Прося Нелидову употребить свое влiянiе на Павла, чтобы улучшить свое положенiе, Марiя Θεодоровна просила однажды своего друга передать «маленькой», что «она надняхъ испытала удовле-

¹⁾ Арх. кн. Воронцова, VIII, 104.

²⁾ Masson, *Memoires secrets*, I, 310.

³⁾ Письма Марiи Θεодоровны къ Плещеевымъ сохраняются еще въ рукописи. Часть ихъ, въ видѣ извлеченiй, напечатана во французскомъ подлинникѣ, въ примѣчанiяхъ къ первому тому моего труда: «Императрица Марiя Θεодоровна».

твореніе, какого не чувствовала уже три года», такъ какъ Нелидова, кромѣ другихъ своихъ добрыхъ поступковъ, очень поссорилась съ великимъ княземъ по поводу одной его выходки (*elle avait fait une scène active*), и что ей пріятно было выразить Нелидовой свое удовольствіе за это». «Я съ своей стороны,—прибавляла великая княгиня,—постараюсь быть къ ней какъ можно болѣе любезною: гордость и надменность ея дѣлали меня камнемъ, но выраженіе вниманія съ ея стороны наэлектризовало. Просите Нелидову употребить свои усилія, чтобы прекратили шпионство за мною рѣшительнымъ запрещеніемъ этого, и я скажу тогда, что это будетъ доброе дѣло Нелидовой, это будетъ въ моихъ глазахъ новой ея заслугой, за которую я буду ей признательна, и тогда такимъ образомъ водворится между нами миръ и согласіе (*le bonheur*)». Съ каждымъ днемъ ухудшавшійся нравъ великаго князя заставлялъ Марію Ѳеодоровну дорожить устанавливавшимися добрыми отношеніями Нелидовой, какъ ни страдало иногда отъ этого ея самолюбіе. «Должно быть, я очень дурно выразилась въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ вамъ,—сообщала она Плещееву,—или вы можете думать, что я сожалѣла объ образѣ дѣйствій, котораго я держусь въ своихъ отношеніяхъ къ Нелидовой. Нѣтъ, это невѣрно, потому что мое поведеніе съ ней основано и на сознаніи моихъ обязанностей, и на требованіяхъ совѣсти, и на Евангельскомъ ученіи. Но я вамъ признаюсь, другъ мой, я думаю, что мой образъ дѣйствій по отношенію къ маленькой сдѣлаетъ ее надменной (*Penogueilleira*) и еще болѣе заставитъ играть роль первенствующей дамы (*la grande dame*). Но пусть будетъ, что угодно Богу, я не измѣню своего поведенія»¹⁾.

Примиреніе Маріи Ѳеодоровны съ своей мнимой соперницей стало такимъ образомъ совершившимся фактомъ, и отъ совмѣстнаго дѣйствія этихъ двухъ женщинъ можно было ожидать благодѣтельныхъ послѣдствій для Павла. Но противная партія также не дремала и старалась съ одной стороны возбудить въ умѣ великаго князя подозрѣнія противъ Нелидовой, а съ другой—сдѣлать предметомъ его платоническаго, рыцарскаго поклоненія другую фрейлину Марію Ѳеодоровну, Наталью Ѳеодоровну Веригину (р. 1768), бывшую уже въ то время невѣстой Плещеева (р. 1752 г.). Интрига велась усердно и послѣдовательно, благодаря Кутайсову, и достигла своей цѣли: въ концѣ марта 1796 г. Нелидова окончательно оставила дворъ и уже не появлялась при немъ, поссорившись съ Павломъ Петровичемъ и удалившись въ Смольный монастырь. Въ письмѣ къ Куракину сама Нелидова такъ объясняла, въ маѣ 1796 года, свое удаленіе, чрезвычайно удачно и мѣтко характеризуя «друга», т. е. Павла Петровича:

¹⁾ Шумигорскій, I, 406, 421, 419.

«Вы знаете вашего друга, вы знаете, что когда новое чувство овладѣваетъ его сердцемъ, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, господствуетъ надъ всѣми его помыслами (de toutes ses facultés intellectuelles). Тогда все то, что раньше имѣло для него значеніе, все то, что могло быть полезно, дорого и пріятно, перестаетъ существовать для него и дѣлается даже тѣмъ болѣе для него неудобнымъ, что совѣсть подсказываетъ ему всю его нечестность (turpitude), и онъ можетъ забыться, лишь идя далѣе по пути зла. Теперь уже пять мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ, наскучивъ видѣть, что его господинъ продолжаетъ довѣрять безупречно честному лицу, котораго никогда не могли заставить войти въ придворныя интриги и мелкіе интересы каждаго, несомѣстные съ достоинствомъ великаго князя,—онъ (то-есть Кутайсовъ) поклялся передъ людьми, которыхъ считаетъ онъ своими клеветами, и сказалъ точно въ этихъ выраженіяхъ, что онъ сумѣетъ дать чувствамъ своего господина какое будетъ угодно ему направленіе. Я не знаю хорошо, какимъ путемъ онъ достигъ этого, но результатъ былъ тотъ, что мое поклоненіе и благоговѣйная привязанность къ той, съ которой я всегда желала и добивалась видѣть великаго князя въ добрыхъ отношеніяхъ,—съ его матерью,—эти чувства, столь понятныя, и это поведеніе, предписываемыя долгомъ и преданностію, сдѣлались для него подозрительны. Послѣ этого мнѣ стало невозможно никого защищать безъ того, чтобы не возбуждать подозрѣній въ нашемъ другѣ въ моемъ сообществѣ съ людьми, которыхъ я не видѣла съ того времени, какъ я оставила дворъ, и о которыхъ я слышала только отъ него самого. Какъ только установились подобныя отношенія, слуга (то-есть Кутайсовъ) заронилъ и укрѣпилъ мысль завести связи, совсѣмъ инныя, чѣмъ тѣ, которыя имѣлъ со мною и которыя должны были принести болѣе разнообразія и менѣе стѣсненія, стремясь воспалить воображеніе своего господина удовольствіемъ, не представлявшимъ, какъ казалось, затрудненій пользоваться нѣжностію В. (то-есть Веригной), о которой, правда, онъ не зналъ, что она уже невѣста. Господинъ, ни о чемъ не предувѣдомленный и не имѣя никакого понятія ни о добрыхъ, ни о дурныхъ свойствахъ дѣвицы, позволилъ вести себя въ ея комнату, куда слуга уже входилъ нѣсколько разъ, по собственному побужденію или нѣтъ—неизвѣстно. Дѣвица просила господина прервать свой визитъ, который, вслѣдствіе малаго знакомства между ними, могъ повести къ дурнымъ толкованіямъ. Женихъ (Плещеевъ), который воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы объявить о своихъ намѣреніяхъ относительно дѣвицы, не былъ выслушанъ, и его прекрасныя проповѣди (sermons) послужили только къ тому, что закусили удила. Я узнала обо всемъ этомъ слишкомъ поздно и считала свою обязанностію употребить все краснорѣчіе дружбы, чтобы, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать ему обезчестить себя такимъ образомъ дѣйствій, имѣвшимъ видъ грабежа чужаго

счастья, потому что начали уже бояться, что въ будущемъ никто не можетъ быть спокоенъ за свою жену. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что, кромѣ меня, никто не нашель въ его поступкѣ ничего достойнаго осужденія. Дѣйствительно, общепринятою политикою было заставлять другихъ дѣлать видъ, что они ничего не подозрѣваютъ; успѣли даже убѣдить жениха, что это могло бы содѣйствовать общему благополучію, уничтожая довѣріе, которое имѣли до сихъ ко мнѣ, и что, будучи мужемъ своей жены, онъ не будетъ имѣть никакихъ поводовъ бояться, если, въ видѣ уступки, поселится вмѣстѣ съ будущей своей женою въ Гатчинѣ и Павловскѣ, гдѣ дали бы имъ дома съ полною мебелировкой. Когда дѣла были устроены такимъ образомъ, всѣ письма, всѣ секреты стали сообщаться его женѣ (то-есть Маріи Ѳеодоровнѣ) и новой супружеской четѣ (Плещеевымъ), которые составили интимный кружокъ вашего друга, и кружокъ этотъ раскоидтся только на тѣ минуты, когда нужно показываться публикѣ. Жена, благодаря этой снисходительности, возвратила къ себѣ довѣріе своего мужа, и дай Богъ, чтобы оно никогда не находилось въ худшихъ рукахъ; вѣрно, по крайней мѣрѣ, то, что благо государства всегда близко ея сердцу и, будучи сама всегда доступна добрымъ совѣтамъ, она сумѣетъ внушить ихъ человѣку, всегда черезчуръ порывистому въ своихъ страстяхъ. Что касается меня, то, видя, что истинной дружбѣ не придается болѣе значенія, я поставила себя внѣ возможности повторенія какихъ либо выходовъ и теперь я спокойна, удаляя отъ себя всякое воспоминаніе и всякое занятіе, которое могло бы нарушить это спокойствіе»¹⁾.

Всѣ эти факты, рассказанные Нелидовой, вполне подтверждаются отрывочными показаніями современниковъ. 22-го апрѣля 1796 года, Протасовъ, воспитатель великаго князя Александра Павловича, писалъ Воронцову: «Г. Плещеевъ былъ представленъ вчера, какъ женихъ м-ле Веригиной. Оба они на самомъ лучшемъ счету у великаго князя цесаревича и у великой княгини. Для нихъ приготовляютъ домъ и вообще ихъ принимаютъ какъ нельзя лучше, и они лишь одинъ въ послѣобѣденное время допускаются въ кабинетъ ихъ императорскихъ высочествъ»²⁾. «Наталія Ѳедотовна Плещеева,—рассказываетъ Карабановъ,—была предметомъ кратковременнаго благорасположенія императора Павла, что возбудило крайнее неудовольствіе Екатерины Ивановны Нелидовой, бывшей тогда въ силѣ. Вниманіе это было причиною немаловажнаго смятенія»³⁾. Изъ публикѣ ходили слухи, что удаленія Нелидовой требовалъ отъ Павла, при

¹⁾ «Correspondance», 277—280. Письмо отъ 5 мая 1796 г.

²⁾ Архивъ кн. Воронцова, XV, 85.

³⁾ «Русская Старина», 1871 г., I, 279, 468. Карабановъ впадаетъ въ ошибку, относя это событіе къ «высылкѣ» Нелидовой изъ Петербурга въ 1798 г. Мы увидимъ далѣе, что «высылки» этой не было, и что Плещеевы подверглись тогда одновременно съ Нелидовой немилости Павла.

рожденіи великой княжны Анны Павловны, даже петербургскій митрополитъ Гавріилъ, въ интересахъ Маріи Ѳеодоровны ¹⁾. Ростопчинъ, находившійся въ то время при дворѣ, сообщалъ лишь кратко, что Нелидова «поссорилась» съ великой княгиней ²⁾. Наконецъ, сама Марія Ѳеодоровна, находившаяся въ дружеской перепискѣ съ Н. Ѳ. Плещеевой, которую почему-то называла она Chabrinka, уже въ октябрѣ 1796 года проницательно отзывалась о бывшей своей союзницѣ въ своихъ письмахъ ³⁾. Все это, однако, невольно вызываетъ удивленіе: съ одной стороны — Нелидова, съ другой — Кутайсовъ, Плещеевы и сама Марія Ѳеодоровна, уже сближавшаяся съ Нелидовой и радовавшаяся этому сближенію... Чѣмъ объяснить эту внезапную переѣну «дворской политики»?

Хроника придворныхъ интригъ XVIII вѣка отличается такою запутанностію и сложностію отношеній дѣйствующихъ лицъ, что на разстояніи столѣтняго промежутка времени, обладая массою рукописныхъ данныхъ, предполагавшихся быть уничтоженными, мы можемъ лишь постепенно открывать тайныя пружины событій, имѣвшихъ важное значеніе въ русской исторіи; во всякомъ случаѣ, многія изъ этихъ событій мы знаемъ и понимаемъ теперь гораздо яснѣе и всестороннѣе, чѣмъ судили о нихъ современники, взятые каждый въ отдѣльности. Можно съ увѣренностію сказать, что сама Нелидова, въ моментъ окончательнаго удаленія своего отъ великокняжескаго двора, не вполне понимала свое положеніе. Несомнѣнно, что Кутайсовъ давно уже подкапывался подъ вліяніе всемогущей, казалось, фаворитки, которой минуло уже 37 лѣтъ, и старался обратить вниманіе Павла на другую, болѣе молодую дѣвушку, но несомнѣнно также и то, что фаворъ Плещеевой былъ бы для Маріи Ѳеодоровны еще болѣе тяжелъ, чѣмъ фаворъ Нелидовой, и поэтому участіе великой княгини въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ супруговъ Плещеевыхъ по отношенію къ Павлу, а равно усиленіе довѣрія къ ней цесаревича, нужно объяснять другими причинами. И дѣйствительно, сама Нелидова даетъ ключъ къ разгадкѣ неудовольствія на нее Павла, говоря, что ее сдѣлали подозрительною въ его глазахъ ея усилія примирить его съ матерью.

Теперь уже доказано, что въ іюнѣ 1896 года, тотчасъ послѣ рожденія великаго князя Николая Павловича, Екатерина предложила Маріи Ѳеодоровнѣ подписать актъ, устранившій Павла отъ престола

¹⁾ Волотовъ, «Памятники протекшихъ временъ», 67.

²⁾ Арх. кн. Воронцова, VIII, 165.

³⁾ «L'ami Serge a-t-il déjà été à la Communauté?—спрашивала Плещееву Марія Ѳеодоровна.— Cette belle (Делафонъ), je crois, lui tiendra aussi de rigueur. Marquez moi tout ce que vous apprendriez, Chabrinka, et si un Dieu favorable fait rencontrer à l'ami Serge l'autre belle (Нелидову), préchez lui retenue, prudence, discrétion, enfin toutes les vertus pour ne pas s'en laisser engouer». Письмо отъ 10-го октября 1796 г. (Рукопись).

въ пользу Александра Павловича, и крайне раздражена была ея отказомъ ¹⁾, а въ сентябрѣ того же года вынудила у Александра притворное согласіе на устраненіе отца отъ престолонаслѣдія, несмотря на отказъ Маріи Ѳеодоровны ²⁾. Но, прежде чѣмъ обратиться къ своей невѣсткѣ, Екатерина должна была предварительно вступить въ переговоры по этому поводу съ самимъ Александромъ, который, быть можетъ, при извѣстной своей уклончивости, обусловилъ свое согласіе на планъ бабушки именно одобреніемъ матери, о чемъ и сообщала ей своевременно; по всей вѣроятности, переговоры эти происходили въ скоромъ времени послѣ свадьбы Александра, въ сентябрѣ 1795 года, такъ какъ императрица еще въ 1792 году мечтала о коронаціи Александра именно послѣ его свадьбы ³⁾. Марія Ѳеодоровна и Александръ Павловичъ, не желая раздражать императрицу, дѣйствовали уклончиво, слѣдуя заранѣе составленному ими плану. Но, зная характеръ своего супруга, Марія Ѳеодоровна не считала, конечно, удобнымъ передавать ему въ точности все происходившее между Александромъ и императрицей ⁴⁾, а пользуясь содѣйствіемъ Протасова и Плещеева, старалась примирить Павла Петровича съ его старшимъ сыномъ, который, для успокоенія подозрительности отца, даже при жизни бабушки, призналъ его императоромъ ⁵⁾. Лишь послѣ этого Павелъ, вѣроятно, получилъ отъ своей супруги нѣкоторыя болѣе положительныя свѣдѣнія о намѣреніи Екатерины лишить его престолонаслѣдія и заключить въ замокъ Лодѣ, о чемъ ходили слухи. Посредниками при переговорахъ Марія Ѳеодоровна съ Александромъ были Плещеевы ⁶⁾, и они же, совмѣстно съ Маріей Ѳеодоровной, руководили дѣйствіями и Павла Петровича, который не могъ не признать преданности къ себѣ какъ Плещеевыхъ, такъ и своей супруги. Этимъ объясняются постоянныя совѣщанія и бесѣды этихъ четырехъ лицъ, — бесѣды, на которыя такъ горько жаловалась Нелидова, и въ которыхъ она не могла прини-

¹⁾ Сборникъ И. Р. И. О., ХСVIII, 9—10, примѣчаніе.

²⁾ Шумигорскій, I, 434—435, примѣчаніе.

³⁾ Сборникъ И. Р. И. О., ХХIII, 574.

⁴⁾ Сборникъ И. Р. И. О., ХСVIII, 10, примѣчаніе.

⁵⁾ Шумигорскій, I, 436, примѣчаніе.

⁶⁾ Доказательствомъ этихъ сношеній можетъ служить слѣдующее письмо Маріи Ѳеодоровны, находящееся въ бумагахъ Плещеева: «Je ne pourrai vous voir que ce soir tard. Ainsi, mon enfant, dites par quelques mots ce qui vous arrive de nouveau. Tenez vous au nom de Dieu au plan arrêté, du courage et de la fermeté, mon enfant. Dieu n'abandonne l'innocence et la vertu. Berthoume vous enverra ceci de chez lui, comme une lettre vous est arrivé de la Grävenitz, et vous repondez moi en mettant sur le couvert l'adresse à mad. de Grävenitz, et envoyer là à Berthoume chez lui. Brulez mes billets, je brule les vôtres». Г-жа Гревеницъ—урожденная княжна Воронцова, бывшая фрейлиня Маріи Ѳеодоровны и вышедшая замужъ за Гревеница, виртембергскаго офицера, поступившаго, подъ покровительствомъ Маріи Ѳеодоровны, въ русскую службу. Вертомъ былъ довѣреннымъ камердинеромъ великой княгини.

мать участія, такъ какъ Марія Ѳеодоровна, очевидно, боялась до-
вѣрить ей тайну, касающуюся будущности всей ея семьи. Напро-
тивъ, стараясь примирить Павла съ матерью, Нелидова только во-
оружала противъ себя великаго князя, который уже зналъ о за-
мыслахъ Екатерины и лучше, чѣмъ когда либо, сознавалъ невоз-
можность примиренія: естественно было ему заподозрѣть, какъ пи-
сала о томъ сама Нелидова, что она была въ сообщничествѣ съ
его врагами, являлась безсознательнымъ ихъ орудіемъ... Дѣйствія
Маріи Ѳеодоровны, отнесшейся къ удаленію Нелидовой съ види-
мымъ удовольствіемъ и ничѣмъ не проявившей участія къ ея судьбѣ,
объясняются чувствомъ радости при возвратѣ къ ней довѣрія Павла
и надеждою, что довѣріе это и дружбу своего супруга она сумѣетъ
удержать навсегда: очевидно, что великая княгиня, въ опѣвкѣ ха-
рактера супруга, поддавалась минутному вліянію своихъ впечатлѣній,
весьма многое позабывши. Въ сущности Павелъ остался вѣрнѣ
самому себѣ: скоро ему наскучили и прекрасныя «проповѣди»
Плещеева, и общество Натальи Ѳедотовны, и сантиментальная
методичность великой княгини, и онъ вновь почувствовалъ по-
требность въ живой, умной бесѣдѣ Нелидовой, въ ея рѣзкихъ, но
сердечныхъ и всегда искреннихъ отзывахъ и сужденіяхъ. Уже въ
октябрѣ 1796 года, послѣ неудачнаго сватовства великой княжны
Александры Павловны, написалъ онъ Нелидовой письмо, въ кото-
ромъ приглашалъ ее посѣтить Гатчину, и получилъ отъ нея отказъ.

«Я объяснила ему,—писала она Куракину,—деликатно, но со
всю прямою честнаго сердца, которое никого не хочетъ держать
въ зависимости, что рѣшеніе мое непоколебимо. Пусть онъ прими-
рится съ нимъ разъ навсегда, я надѣюсь на это! Пусть онъ встрѣ-
титъ новаго друга, который могъ бы предложить ему сердце, подоб-
ное моему въ отношеніи къ нему! Его счастье будетъ всегда однимъ
изъ предметовъ самыхъ горячихъ моихъ молитвъ, но это все, чѣмъ
я могу и хочу ему содѣйствовать. Почему вы хотите, чтобы я ви-
дѣлась нимъ? Встрѣча съ нимъ возбудила бы во мнѣ только не-
пріятныя чувства, которыя онъ долженъ бы былъ желать потушить,
если бы имѣлъ самое маленькое уваженіе къ моимъ чувствамъ къ
нему: если бы какія либо непредвидѣнныя обстоятельства заставили
меня съ нимъ встрѣтиться, онъ не нашелъ бы во мнѣ того, что,
быть можетъ, надѣется найти... Думаете ли вы, что онъ не созна-
валъ, не предвидѣлъ всего того, что я должна бы чувствовать, когда
онъ предавался всѣмъ своимъ сумасбродствамъ, какъ человѣкъ безъ
сердца. Если бы это была только несдержанность, быть можетъ,
я могла бы возвратиться къ нему. Но въ его поступкахъ прояви-
лась нивость (*la bassesse*), предательство. Онъ унижился въ моихъ
глазахъ и въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, которые не находили своей вы-
годы въ его дурачествахъ, въ его недостойныхъ выходкахъ, на ко-
торыя я до того времени считала его неспособнымъ. Его угрызения

совѣсти, какъ бы искренни они ни были, не омоютъ его въ моихъ глазахъ и не заставятъ меня уступить или забыть, на что онъ при случаѣ бываетъ способенъ, и хотя бы я даже была увѣрена, что я не буду болѣе подвержена какой либо опасности, но впечатлѣніе уже произведено и не можетъ изгладиться. Пусть все то, что я вамъ говорю сейчасъ, не повліяетъ на ваше сердце и не удалитъ васъ отъ того, кто только въ васъ имѣетъ истиннаго друга! У васъ нѣтъ причинъ, ради которыхъ я должна была отказаться отъ его дружбы, и пусть Господь сдѣлаетъ его способнымъ цѣнить васъ всегда! Въ этотъ моментъ я получала цѣлую кучу извиненій и оправданій (отъ Павла), которыя прервали мою бесѣду съ вами, и я снова повторяю вамъ, что все это только усиливаетъ мое отвращеніе. Ахъ, дорогой князь, не говорите мнѣ ничего въ пользу вашего друга: я могу чувствовать склонность только къ благородному сердцу, и всѣ поступки, ему чуждые, внушаютъ мнѣ непреодолимое отвращеніе¹⁾.

Письмо это написано было Нелидовой изъ Смольнаго 1-го ноября, за четыре дня до апоплексическаго удара, прервавшаго жизнь ея благодѣтельница, императрицы Екатерины. 6-го ноября, оцальній великій князь Павелъ Петровичъ, «неблагородный» другъ Нелидовой, сталъ русскимъ самодержцемъ, и вслѣдъ затѣмъ никому ненужная отшельница-смольнянка явилась кумиромъ двора и властительницей думъ новаго императора.

Евгеній Шумигорскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Correspondance, 202—204.

НЕДАВНИЕ ЛЮДИ.

(Характеристики и воспоминанія).

I.

Московскій городской голова Алексѣевъ.

ВЪ ЧУДЕСНЫЙ мартовскій день 1893 года въѣзжаю я во дворъ «палаццо» одного московскаго издателя; дворъ огромный; песокъ сверкаетъ на солнцѣ. Издателевы дѣти кружатъ на велосипедахъ и кричатъ мнѣ на встрѣчу:

— Папы дома нѣтъ!

— Вотъ тебѣ разъ! куда же онъ уѣхалъ? Самъ назначилъ мнѣ этотъ часъ.

— И ждалъ васъ, да уѣхалъ — просить извинить, потому что очень любознѣтно: городского голову застрѣлили.

— Что такое?!

— Убили городского голову.

— Алексѣева?!

— Ну, да... одинъ у насъ городской голова.

— Быть не можетъ!

— Вотъ всѣ, кому ни скажемъ, такъ же удивляются.

— Да кто же? какъ? когда? гдѣ?..

Прямо — точно обухомъ по темени!.. Я не былъ знакомъ съ Алексѣевымъ лично, кромѣ какъ поклонами, но интересовался имъ больше, чѣмъ кѣмъ либо другимъ въ Москвѣ... И вдругъ его убили... зачѣмъ? за что? Я поверотилъ извозчика и помчался въ думу. Толпа народа: шумятъ, спорятъ, разводятъ руками... Кто-то выходитъ, глаза заплаканы, говорить:

— Умираєть...

Встрѣтилъ знакомыхъ репортеровъ,—разказали, какъ было дѣло. Ясно: застрѣленъ безъ надежды на выздоровленіе...

Толпа хмурилась, гудѣла и недоумѣвала.

На сердцѣ было у всѣхъ нехорошо. Я отправился на телеграфъ и по дорогѣ думалъ о покойномъ,—потому что, хотя онъ еще дышалъ, но, несомнѣнно, былъ уже зарегистрированъ покойнымъ,—Алексѣевъ, о томъ, что его убили въ мартѣ, что мѣсяць мартъ—самый несчастливый для талантливыхъ и полезныхъ людей, работающихъ на общественной нивѣ.

Алексѣевъ умеръ. Умеръ, застрѣленный въ самомъ сердцѣ Москвы, которую онъ такъ любилъ, которой такъ много благодѣтельствовалъ, за которую такъ долго лилъ онъ свой трудовой потъ, а потомъ и кровь пролилъ. Умеръ—въ зданіи, имъ же сооруженномъ: въ новой думѣ, въ центрѣ новой Москвы, имъ начатой, имъ создаемой. Если бы предъ кончиною у Н. А. Алексѣева хватило силы взглянуть изъ оконъ его смертнаго покоя на сиротѣющую Москву, онъ могъ бы почти съ такимъ же правомъ, какъ древній римлянинъ, воскликнуть:

— Я засталъ вашъ городъ деревяннымъ, а оставляю его каменнымъ...

Алексѣевъ умеръ смертью настолько неожиданною, нелѣпою, почти сверхъестественно дикою, что я, подобно большинству москвичей, долго не могъ опомниться отъ впечатлѣнія ужаснаго событія—преступленія или полоумной случайности,—такъ, правду сказать, и не рѣшило намъ толкомъ слѣдствіе, и приходится навсегда оставить совершившееся въ разрядѣ просто «событій».

Умеръ въ то самое время, когда рѣшался вопросъ, быть или не быть ему впредъ сердцемъ сердца Россіи, когда онъ готовился въ четвертый разъ стать на выборную очередь. Выборы ждались жестокіе: на кандидатуру въ гласные Н. А. Алексѣевъ прошелъ всего штыюдесятью четырьмя голосами. Противъ него была сбита большая оппозиціонная партія, сильная не настолько, быть можетъ, чтобы своротить вовсе на-прочь алексѣевское вліяніе, но все-таки способная отравить торжество «непогрѣшимаго» головы своимъ многоголосымъ протестомъ, компрометировать оцѣнку его общественной дѣятельности обиліемъ черныхъ шаровъ. Москва ждала съ глубокимъ и живымъ интересомъ большой междуусобной войны на баллотировочныхъ шарахъ.

Говорили, будто гордый глава московскаго городского хозяйства собирался самъ сложить съ себя свои обязанности и, какъ острили, «удалиться въ слободу Александровскую».

Вопросъ о выборѣ городского головы, такъ обостренный, именно, to be or not to be Алексѣева, былъ упрощенъ, разрубленъ, какъ гордіевъ увель, избирателемъ, на кого никто не рассчитывалъ, о

комъ никто не думалъ, не гадалъ, чьего вмѣшательства никто не чаялъ,—смертью.

Доктора Ротъ, Сербскій и Кожевниковъ признали убійцу психически аномальнымъ. Публика въ первое время плохо этому вѣрила, и хотя фактъ аномальности Адрианова давно уже несомнѣнно доказалъ докторъ Чечоттъ, и самъ онъ сидитъ на положеніи неалтѣчимаго въ больницѣ св. Николая, иной разъ, какъ слышимъ въ разговорахъ, недоумѣваетъ и теперь. Ужъ очень какъ-то чудно подтасовались факты. Человѣкъ приходитъ убивать не куданибудь въ частное мѣсто, а въ мѣсто общественной дѣятельности Алексѣева, въ думу, не когданибудь, а за часъ, за два, до начала выборовъ, бурныхъ, сомнительныхъ, спорныхъ, обостренныхъ конкуренціей партій, стрѣляетъ не въ когонибудь, а въ главнаго героя этихъ выборовъ, заявляетъ, что личной вражды къ Алексѣеву онъ не питаетъ, что ему надо было когонибудь убить,—и онъ выбралъ Алексѣева.

— Не держите меня,—говоритъ онъ полиціантамъ,—я все равно не убѣгу; я сдѣлалъ, что надо, и не стану скрываться.

Спокойно, не безъ рисовки, раскланивается съ публикой, смущенной и озлобленной. Совѣтуетъ не дѣлать обыска въ его квартирѣ:

— Все равно, всѣ бумаги сожжены!

И, дѣйствительно, въ печи адриановской квартиры находятъ массу пепла. Свидѣтели показываютъ, что Адриановъ по цѣлымъ днямъ шатался по думскимъ коридорамъ, какъ бы присматриваясь и приготавливая мѣсто для будущаго преступленія. Въ карманѣ его находятъ записку: «прости, жребій палъ на тебя!». Словомъ, всѣ признаки предумышленности на лицо. И публика, не соображая, что предумышленность предумышленности ровнь, что большую фиксированную на нелѣпой идеѣ волю надо различать отъ воли злой, смущалась этими признаками и искала внѣшнихъ объясненій факту. Сперва въ убійствѣ Алексѣева видѣли актъ выборной агитаціи; потомъ отъ этого черезчуръ американскаго и, слава Богу, совсѣмъ уже не въ русскихъ нравахъ толкованія перевели дѣло на почву политическую, объясняя его местию за участіе Алексѣева, въ качествѣ сословнаго представителя, въ одномъ изъ политическихъ процессовъ недавняго прошлаго: когда крутой московскій голова подалъ голосъ за смертную казнь подсудимыхъ. Потомъ прошелъ слухъ о какой-то старой романической исторіи... А Адриановъ тѣмъ временемъ плелъ ни съ чѣмъ несообразную и ничему неподобную чухъ, ежеминутно мѣняя показанія, прыгая мыслью отъ фразы къ фразѣ, болтая, какъ попугай, фантастическія бредни о какомъ-то электричествѣ, магнетизмѣ. Я уже тогда высказывалъ мнѣніе, что, всего вѣроятнѣе, это одинъ изъ злополучныхъ геростратиковъ, страдающихъ *mania grandiosa*, на отрипательной почвѣ. «Велика Діана Эфесская!»—стало быть, надо съечь ея храмъ.

Остаюсь при такомъ мнѣніи и теперь. Что вниманіе Адріанова фиксировалось именно на Алексѣевѣ, понятно. Онъ—мѣщанинъ и мелкій домовладѣлецъ. О комъ же больше толковъ и разговоровъ могъ онъ слышать въ своей средѣ, какъ не объ Алексѣевѣ? И толковъ, конечно, не въ пользу послѣдняго, такъ какъ многія изъ

Николай Александровичъ Алексѣевъ.

начинаній и улучшеній алексѣевского городского хозяйства ложились на домовладѣльцевъ хотя временнымъ, но тугимъ гнетомъ, и интересы частные, по теоріи «своя рубашка ближе къ тѣлу», ожесточались, возставали за себя и грызались зубъ за зубъ съ интересами общественными. Алексѣевъ, городской голова... эти слова

обратились въ бичъ памяти полоумнаго, уже охваченнаго инстинктами à la bête humaine, уже успѣвшаго проникнуться неодолимымъ тяготѣніемъ къ убійству. Беретъ онъ газету—Алексѣевъ; сидитъ въ трактирѣ—Алексѣевъ; дома — только и толку, что Алексѣевъ, Алексѣевъ, Алексѣевъ; одни хвалятъ Алексѣева, другіе—ругаютъ; всѣ изъ-за Алексѣева горячатся, никто къ нему хладнокровно не относится. А у полоумнаго руки зудятся:

— Коли необходимо мнѣ кого нибудь убить, семь-ка я пришибу именно этого героя толковъ цѣлой Москвы!

И безумный человекъ идетъ и безумно стрѣляетъ, самъ не понимая, зачѣмъ... И другимъ клянется:

— Вамъ никогда не понять цѣли, ради чего я долженъ былъ это сдѣлать...

У Винслова, Лемана, Гривингера, Крафтъ-Эбинга и другихъ судебныхъ психіатровъ вы найдете много Адриановыхъ. Всѣ они, сперва влюбившись въ безумную идею преступленія, потомъ сосредоточивали ее на какомъ нибудь выдающемся дѣятелѣ и уже не могли отъ нея отвязаться, пока не удовлетворяли голосу своей маніи. Это — еще съ пресловутаго маршала Gilles de Bais, основателя легенды о «Синей Бородѣ», который въ предсмертномъ письмѣ своемъ королю Карлу VII, раскаяваясь въ рядѣ отвратительныхъ преступленій, признавался, между прочимъ, что покинулъ королевскій дворъ исключительно, чтобы побѣдить мучившее его сверхсильное искушеніе е—убитьдофина и осквернить его трупъ. Свѣтлыя имена привлекаютъ къ себѣ нравственное зрѣніе этихъ несчастныхъ и гипнотизируютъ ихъ собою точно такъ же, какъ свѣтлые предметы гипнотизируютъ зрѣніе физическое.

Трагическая гибель Н. А. Алексѣева невольно приводитъ на память гибель дѣятеля, работавшаго на болѣе широкомъ поприщѣ, но сходнаго съ Алексѣевымъ и молодостью, и энергіей, и популярностью такъ же, какъ Алексѣевъ, окруженнаго тысячами друзей и сотнями враговъ, такъ же, какъ Алексѣевъ, претерпѣвавшаго нареканія за свои смѣлыя цѣли и предназначенія, за упрямство и не знающую ни усталы, ни пощады, энергію, и такъ же, какъ Алексѣевъ, неяснѣнно стяжавшаго лавры, когда предназначенія и цѣли приходили къ благополучному концу. Я говорю о Леонѣ Гамбеттѣ. Оба были остановлены судьбою въ своей дѣятельности на половинѣ путей, пройдя какіе обѣщали ихъ талантъ, общественный инстинктъ, честолюбіе, здравый смыслъ, сулила логика фактовъ и сумма прецедентовъ, какими избаловали они общественное сознаніе. Оба были здоровые, смѣлые, крѣпкіе люди съ тѣмъ чуткими и энергичными нервами, что даются природою въ удѣлъ едва ли не исключительно однимъ южанамъ. Гамбетта былъ провансалецъ. Мать Алексѣева была гречанка. И, въ заключеніе, къ обоимъ пришла удивительно схожая по типу, скорая и безвременная кончина. Къ обоимъ—

Какъ ярый витязь, смерть нашла.
 Какъ хищникъ, жертву низложила...
 Свой зѣвъ разинула могила
 И все житейское взяла!

Кругъ дѣятельности Н. А. Алексѣева заключенъ былъ въ границахъ московскихъ заставъ, но онъ сумѣлъ привлечь къ этимъ границамъ вниманіе положительно всей Россіи. Его слова, его поступки, обсуждались прессою и обществомъ, даже въ такихъ уголкахъ Руси, которымъ, по отдаленности, нѣтъ, не было, да, вѣроятно, и долго не будетъ никакого дѣла до того, какъ живетъ Москва въ своемъ городскомъ хозяйствѣ. И интересовались не фактами, а общимъ характеромъ дѣятельности и направленіемъ молодого головы, его безпримѣрной практической энергіей, настойчивостью и рѣшительностью въ борьбѣ, тѣмъ обиліемъ стыда настоящаго и отсутствіемъ стыда ложнаго, какими характеризуются только первоклассные общественные таланты. Онъ уважалъ общественное мнѣніе и презиралъ общественную болтовню. Онъ ненавидѣлъ партійность и беспощадно давилъ оппозицію своимъ начинаніямъ, но охотно давалъ свободу здравому, толковому слову, когда оно преслѣдовало не цѣли отвлеченныхъ бесѣдъ о сухихъ туманахъ и не праздные споры о правахъ въ то время, какъ надо было помнить только обязанности, а цѣли дѣйствительно практическія и насущныя.

Что, рано или поздно, энергія Н. А. Алексѣева вырвалась бы за предѣлы его московской дѣятельности,—несомнѣнно. Это былъ первый російскій купецъ, который проявилъ въ себѣ, вмѣстѣ съ практической смѣлкой торговаго коммерческаго человѣка, задатки государственнаго мужа. Не даромъ же, когда прошелъ первый слухъ объ учрежденіи министерства торговли, московскій vox populi—vox Dei называлъ Алексѣева кандидатомъ въ главы этого «министерства будущаго». Алексѣевъ, едва ли не первый изъ представителей русской земщины, заставилъ заговорить о себѣ европейскую политическую печать, вообще мало интересующуюся и дѣятельностью, и дѣятелями нашего самоуправления. Это было послѣ пресловутой рѣчи Алексѣева къ покойному государю императору Александру Александровичу, съ эффектною фразою о «крестѣ на св. Софіи»... Исполняя царскую волю, Алексѣевъ, въ голодный годъ, вѣстникомъ избавленія промчался по голодающимъ губерніямъ. Много труда положилъ онъ тогда—и труда безкорыстнаго, безразчетнаго, потому что онъ и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда въ своей жизни, работалъ не для наградъ. Отъ нихъ онъ даже уклонялся; такъ, онъ гордился своимъ купеческимъ званіемъ и не желалъ дворянства, которое получить было нетрудно. Старая логика: «королемъ быть не могу, принцемъ не хочу—Rohan suis!». Нѣтъ, онъ работалъ по чувству общественнаго долга и, можетъ быть, для славы, для популярности. Я въ послѣднемъ ничего дурного не вижу. Если чело-

вѣкъ самолюбивъ, честолюбивъ, славолубивъ и добивается чести и славы не геростратовымъ путемъ, но средствами благородными, похвальными, общепользными, дѣятельностью, которую можно поставить въ примѣръ всѣмъ и каждому, — въ чемъ тутъ грѣхъ? Можно ли порицать крупнаго честолюбца за то, что онъ желаетъ слышать всероссійское одобреніе своей блестящей дѣятельности, когда мы такъ охотно прощаемъ мелкое честолюбіе людшекъ, никогда ничего толковаго на своемъ вѣку не сдѣлавшихъ и объ одномъ лишь всю жизнь мечтавшихъ и мечтающихъ, какъ бы при помощи радѣющаго роднаго человѣка схватить какой нибудь орденъ или мѣстечко?

Смерть Алексѣева застала Москву врасплохъ. Враги его много шумѣли о томъ, что пора сломить Алексѣевскую гордыню, пора смѣстить его и посадить въ головы силу, болѣе скромную, какъ личность болѣе умѣренную, менѣе самовластную и болѣе склонную соблюдать до мельчайшихъ деталей букву, а не духъ только земской «конституціи». Но разговоры — разговорами, а на дѣлѣ кандидата въ преемники Алексѣеву не только не нашлось, не только не было кого выставить, но не было въ первое время, кого и предположить. Выборъ К. В. Рукавишника, какъ оказалось впоследствии, не слишкомъ-то удачный, былъ лишь результатомъ *faute de mieux*. Предложенные записками, — каждый очень незначительнымъ числомъ голосовъ, — кандидаты въ городскіе головы всѣ, одинъ за другимъ, отъ баллотировки отказались. Одинъ изъ кандидатовъ, И. И. Шаховской, при жизни Алексѣева постоянный и рьяный его оппонентъ, мотивировалъ свой отказъ гласно и опредѣленно. Онъ указалъ: нѣтъ никакого расчета самолюбивому человѣку идти въ московскіе городскіе головы, если онъ не хочетъ отдать всю свою частную жизнь общественной дѣятельности, запутать и разстроить свои личныя дѣла ради дѣлъ городскихъ, шикарно сорить своимъ капиталомъ тамъ, гдѣ даже ни законъ, ни совѣсть не имѣли бы резона воспрепятствовать обратиться къ общественнымъ суммамъ, — на примѣръ, въ случаяхъ представительства. Алексѣевъ дѣлалъ все это на такую широкую ногу, что послѣ него, какъ Шаховской справедливо отгнѣнилъ въ своей рѣчи, было страшно становиться на мѣсто, высоко поднятое имъ въ общественномъ мнѣніи и представленное на видъ, судъ и критику всей Россіи. Шаховской ставилъ думѣ довольно характерное предложеніе, при всей его виѣшней странности далеко недикое по существу. Пусть, — говорилъ онъ, — избиратели опредѣляютъ, какого рода и какихъ размѣровъ дѣятельности ждутъ они отъ Алексѣевского преемника. Продолжать веденіе городского хозяйства въ томъ же направленіи и духѣ никто не въ состояніи; одни и хотѣли бы, да не могутъ, другіе и не могутъ, и не хотятъ. Если будущему городскому головѣ поставлены будутъ условія, болѣе скромныя, — куда ни шло, можно идти на рискъ баллотировки. Иначе же, какая радость?! Чуть что не такъ, не поАлексѣевски, — и карлику,

принужденному надѣть на себя панцырь великана, придется быть мишенью для града нареканій, насмѣшекъ и непріятностей. Молъ, «нѣтъ великаго Патрокла, живѣ презрительный Терситъ». Кому же пріятно ни съ того, ни съ сего, попадать въ презрительные Терситы, стяжая это званіе, можетъ быть, и ни за что, и ни про что, исключительно по милости сосѣдства съ черезчуръ блестящимъ предшественникомъ! Предсказаніе это полностью сбылось на К. В. Рукавишниковѣ: будь головой онъ до Алексѣева, имъ бы не нахвалились; но послѣ-алексѣевскимъ требованіямъ онъ, при всей своей несомнѣнной добросовѣстности, удовлетворить не сумѣлъ.

Скептики, неохочіе видѣть въ своихъ современникахъ людей съ талантами, выдающимися выше ихъ собственнаго уровня, — такихъ всегда очень много, — возражали:

— Отчего такой переполохъ? Изъ Москвы-рѣки воды не выпити, въ Москвѣ-городѣ людей не выбити. Найдется человѣкъ! Богъ не безъ милости. Вѣдь и Алексѣевъ выдвинулся ярко лишь съ тѣхъ поръ, какъ сталъ головою. А раньше, кто его зналъ, и кто чего путнаго отъ него ждалъ?

Въ томъ-то и дѣло, что за блестящею дѣятельностью Алексѣева, какъ городского головы, позабыты энергическіе общественные труды его молодости.

Его будущіе успѣхи напророчилъ покойный московскій городской голова Сергѣй Михайловичъ Третьяковъ, — человѣкъ хорошій, но общественный дѣятель не изъ талантливыхъ.

— Вотъ будетъ вамъ голова—Алексѣевъ! — говорилъ онъ въ интимныхъ думскихъ кружкахъ, — голова, какого не бывало! не намъ чета. Дайте только ему войти въ лѣта и въ дѣло.

Двадцати пяти лѣтъ Н. А. Алексѣевъ былъ избранъ гласнымъ по московскому уѣздному земству. Дѣятельность его въ этомъ званіи до сихъ поръ памятна въ управѣ. Онъ, молодой человѣкъ, почти юноша, буквально, отъ а до зъ ворочалъ уѣздными дѣлами, облегчая трудъ тогдашняго предводителя, человѣка способнаго, но въ то время тоже слишкомъ молодого и неопытнаго. Еще болѣе блестящею страницею подготовительной къ «лордъ-жэрству» исторіи алексѣевскихъ трудовъ была его служба на посту санитарнаго попечителя отъ города Москвы.

Презрѣніе къ личнымъ интересамъ и строгое повиновеніе требованіямъ гражданскаго долга характеризовали первые шаги Алексѣева на общественномъ поприщѣ въ той же мѣрѣ, какъ и его шаги послѣдніе. Въ памяти москвичей еще жива одна исторія банковыхъ злоупотребленій. Я не хочу воскрешать ее въ деталяхъ и съ именами. Ее раскрылъ Алексѣевъ, заинтересованный въ этомъ банкѣ совѣмъ на пустяковую для него, миллионера, сумму, раскрылъ, не побуждаемый къ тому никакими иными мотивами, кромѣ одного—спасти сотни людей отъ грядущаго имъ на встрѣчу неминуемаго

разоренія. Раскрывая банковскій скандалъ, онъ былъ безпощаденъ къ его героямъ и дѣйствовалъ ужъ именно по тексту присяги, не увлекаясь ни дружбой, ни свойствомъ, ни даже родствомъ. Не пожалѣлъ ни своихъ, ни чужихъ.

Теперь, когда Алексѣевъ — уже человѣкъ прошлаго, но еще не человѣкъ исторіи, можно создавать летучія характеристики его личности и дѣятельности по нагляднымъ отъ нихъ впечатлѣніямъ, но критически разобратъ въ нихъ, дать оцѣнку ихъ сложному механизму, въ состояніи только будущее, и даже не близкое будущее. Матеріаль, оставленный Алексѣевымъ грядущему біографу, слишкомъ громаденъ по своимъ размѣрамъ и разнообразенъ по своему качеству. Для Москвы онъ былъ, такъ сказать «и академикъ, и герой, и мореплаватель, и плотникъ». Право, трудно указать отрасли общественной дѣятельности, какихъ прямо или косвенно не затронула бы его неутомимо-охочая до работы энергія. «Красный Крестъ», Русское музыкальное общество, санитарное попечительство, всероссійская художественно-промышленная выставка 1882 г., земство губернское съ десяткомъ комиссій, двигавшихся впередъ, чуть не исключительно благодаря Алексѣевскому вліянію и настойчивости, — таково начало карьеры Н. А. Алексѣева. Онъ и въ училищномъ совѣтѣ сидитъ, и въ воинскомъ присутствіи бунуетъ, и коронаціонныя празднества организуетъ, и въ земской управѣ оппозиціоннымъ фронтисментомъ занимается, и Николая Рубинштейна хоронитъ, смущая публику зажженными днемъ, на парижскій манеръ, уличными фонарями. Въ 1885 году, Алексѣевъ избранъ въ городскіе головы. Онъ ревизуетъ, реформируетъ, опекаетъ, поддерживаетъ сиротскій судъ, который было зачать въ Москвѣ, какъ ребенокъ въ англійской болѣзни, да еще оставшійся чуть ли не *à la lettre* безъ пищи и крова. Что сиротскій судъ былъ въ жалкомъ и смѣха и грусти достойномъ положеніи, давнымъ-давно всѣ знали, но только покивывали на него сожалительно головами и либо охали, либо остряли. Судъ прозябалъ, беспомощный и бесполезный. А Алексѣевъ съ обычной своей прямолинейной простотой и быстротой перетряхнулъ этотъ судъ, уже готовый превратиться въ труху и рухлядь, въ какіе нибудь два-три мѣсяца; самъ взялъ на себя строго отвѣтственную и сложную по обязанностямъ должность первоприсутствующаго въ сиротскомъ судѣ, и въ душу учрежденія, дряхлаго, какъ кости на мертвомъ полѣ, въ извѣстномъ хомьяконскомъ стихотвореніи, повѣяло жизнью и волей. *Ossa arida audite verbum magistris!* Десятки сиротъ нашли себѣ управу, защиту и опору тамъ, гдѣ раньше они находили только проволоочки. Если бы не вмѣшательство Алексѣева, вопросъ о психіатрической лѣчебницѣ московскаго губернскаго земства до сихъ поръ лежалъ бы еще въ пеленкахъ или, много-много, ходилъ бы подъ столъ пѣшкомъ. Алексѣевъ въ семь дней создалъ временную психіатрическую лѣчебницу на со-

колыницкой дачѣ Ноева и показавъ косной земскою массѣ, что значить по настоящему дѣлать земское дѣло, не увлекаясь цвѣтами краснорѣчія и партійными словопреніями. Онъ былъ весь быстрота, стремительность и натискъ, человѣкъ съ глубокою вѣрою въ себя, въ свою звѣзду и въ свой талантъ. Онъ, подобно Помпею, говорилъ:

— Лишь топну,—и изъ земли выростутъ легіоны...

Алексѣевъ воюетъ въ земствѣ за городъ, когда возникъ роковой вопросъ о городскомъ обложеніи, погубившій разъ навсегда доброе согласіе московскаго города съ московскою деревней; Алексѣевъ въ этомъ дѣлѣ побѣждаетъ; деревня одолѣла; но рѣдко какой либо побѣдитель выходилъ изъ боя съ такимъ почетомъ, какъ этотъ побѣжденный. Алексѣевъ, въ голодную пору, скупаетъ хлѣбъ на югѣ, раздаетъ на сѣверѣ. Все это, по обыкновенію, быстро, практично, цѣлесообразно, безъ дальнихъ словъ, безъ лишнихъ фразъ. Одною изъ замѣчательныхъ способностей Алексѣева было его умѣнье быстро примѣняться ко всякому дѣлу, за которое приходилось ему браться. У него сидѣлъ въ умѣ какой-то прозорливый демонъ, приспособленный къ тому, чтобы, по первому взгляду на вопросъ, хватать быка за рога, забираться въ самую житейскую суть дѣла, освѣщать его такъ ново, резонно, умно и оригинально, что сразу выяснялись для публики многіе темные уголки изнанки вопроса, до тѣхъ поръ остававшіеся незамѣченными. Ни къ какому дѣлу, за которое Алексѣевъ брался, онъ не относился равнодушно, спустя рукава. Формальное «отзвонилъ, и съ колокольни долой» было ему совершенно чуждо. Даже на должностяхъ полупочетныхъ, занимаемыхъ, такъ сказать, *honoris causa*, покойный городской голова ухитрился быть активнымъ лицомъ. Предсѣдательствуя въ городскомъ по воинской повинности присутствіи, онъ первый открываетъ злоупотребія, выражившіяся въ томъ, что масса лицъ въ Москвѣ уклонялась отъ воинской повинности, опираясь на учительскія свидѣтельства. Когда злоупотребленіе обнаружено, оно уже на полонину прекращено. Н. А. Алексѣевъ сумѣлъ истребить его вовсе и возстановить долго обманываемую государственную повинность въ ея нарушенныхъ правахъ на общество.

Когда скончался Н. А. Алексѣевъ, я недаромъ говорилъ полусуто, полусерьезно, что съ нимъ, для Москвы, въ миниатюрѣ, повторится та же исторія, какою Екатерина Вторая характеризовала значеніе Петра Великаго для Россіи. При каждомъ новомъ начинаніи Екатерина приказывала справиться въ архивахъ, не задумывалъ ли чего нибудь въ этомъ родѣ Петръ, и каждый разъ оказывалось, — что да, было, задумывалъ, предполагалъ и располагалъ. Такъ и съ Алексѣевымъ.

Долго еще москвичи при каждомъ своемъ дѣльномъ общественномъ предпріятіи будутъ наталкиваться на имя этого человѣка, прозорливо готовившагося работать на общественной нивѣ десятки

на это гордое, но справедливое желаніе. Онъ заслужилъ величавыя похороны всею Москвою, и трупу были оказаны почести, какъ живому триумфатору.

Николая Александровича Москва хоронила съ почестями, какія рѣдко выпадаютъ на долю общественныхъ дѣятелей не только у насъ въ Россіи, но и за границей, даже во Франціи, гдѣ публика на этотъ счетъ много отзывчивѣе нашей. Громадный бѣлый думскій залъ повеленъ былъ подѣланный вѣнками, которыми его увѣщали депутаты общественныхъ и частныхъ учрежденій и корпораціи города Москвы. Перечислять ихъ не къ чему, да и невозможно; подробные репортерскіе отчеты о маршрутѣ и порядкѣ похоронной процессіи, съ указаніемъ депутацій, занимали въ органахъ мѣстной печати по три, по четыре столбца мелкаго шрифта. Да и то, послѣ похоронъ оказывались пропуски, требовались пополненія. Такихъ похоронъ Москва не видала послѣ того печальнаго торжества, когда она всенародно переносила на Рязанскій вокзалъ прахъ безвременно погибшаго Скобелева. Говорятъ, будто толпа похоронной процессіи достигала до двухсотъ тысячъ человѣкъ,—то-есть, отдать долгъ усопшему явилась четвертая часть московскаго населенія. Рѣчей на могилѣ не было произнесено. Да и что было говорить? Факты и мертвое тѣло, готовое отойти въ землю отъ жизни и дѣятельности, еще недѣлю тому назадъ кипучей и много полезной, слишкомъ громко и наглядно говорили за себя, чтобы нужны были какіе либо къ нимъ комментаріи. У этой могилы надо было не разглагольствовать, а просто махнуть рукой на жестокій капризъ судьбы и молча отойти съ обидой и горемъ въ оскорбленной душѣ. Нужны были не слова, а слезы. И слезъ было много. И хорошихъ, искреннихъ отъ сердца идущихъ слезъ. Оплакивали Алексѣева дружно и пріатели его, и враги. Не даромъ же во время его болѣзни многіе изъ заклѣтыхъ принципіальныхъ оппозиціонеровъ алексѣевской «политики» проводили все свое время у постели больного, съ тревогой и надеждою слѣдя за ходомъ его рокового недуга.

Хорошо ли лѣчили Алексѣева? Не было ли возможности поднять его на ноги? Конечно, хорошо. Разумѣется, не было. Въ смыслѣ медицинской помощи для Алексѣева было сдѣлано все, что возможно. У постели больного стояли Склифасовскій, Остроумовъ, Чериновъ, Клейнъ, Клинь.

Но отъ такой раны никто еще никогда не выздоравливалъ. Такою раною, полвѣка тому назадъ, Дантесъ отправилъ на тотъ свѣтъ Пушкина. Единственное, за что, пожалуй, можно упрекнуть медицинскій персоналъ алексѣевской трагедіи, это за малочисленность въ немъ хирургическаго элемента. Н. В. Склифасовскій—высокоталантливый хирургъ; но умъ хорошо, а два—лучше, и, конечно, не пригласить ассистентами при роковой операціи чревосѣченія другихъ звѣздъ мѣстнаго медицинскаго міра, Кузьмина или Снегирева—

было оплошностью. Діи шипогеа, и въ медицинскомъ мірѣ лучшіе помощники старшимъ богамъ, чѣмъ добросовѣстная, можетъ быть, но мало талантливая мелочь. Впрочемъ, относительно самой операціи, въ медицинскомъ сонмѣ произошло разногласіе, надо дѣлать ее или не стоитъ, такъ какъ положеніе Алексѣева было все равно безнадежно. Тогда Склифасовскій рѣшилъ принять на себя отвѣтственность за дорогую для Москвы жизнь и обратился къ супругѣ покойнаго съ такими самоотверженными словами:

— Александра Владимировна! Какъ медикъ, я прямо говорю вамъ, что не надѣюсь на счастливый исходъ этой операціи. Но она—единственное, что мы можемъ еще испробовать на «панъ или пропагъ». И, какъ человекъ, какъ христіанинъ, я считаю своимъ долгомъ ее сдѣлать.

Что касается Клейна, онъ категорически отказался отъ участія въ операціи, по его мнѣнію бесполезной, такъ какъ безнадежности положенія она устранить не могла. Онъ даже принципиально не присутствовалъ въ комнатѣ, когда больного положили подъ ножъ—пройти передъ загробными мытарствами мытарство операціонное.

Остроумовъ былъ приглашенъ къ Н. А. Алексѣеву уже послѣ операціи. Говорятъ, онъ предсказалъ головѣ скорое выздоровленіе. Но, вѣроятно, это былъ обычный приемъ московскаго еауматурга—бодрить больного до послѣдняго издыханія, чтобы, какъ выразился однажды самъ А. А. Остроумовъ, «онъ хоть померъ-то въ свое удовольствіе».

Я не былъ знакомъ съ Алексѣевымъ въ его частной жизни и личныхъ впечатлѣній отъ него, внѣ залы засѣданій, не имѣю. Слуховъ было и есть множество, но слухи всегда—или сплетни враговъ, или безудержные диэирамбы друзей. Что Алексѣевъ былъ человекомъ очень добрымъ, за это ручается его широкая благотворительная дѣятельность. Черезъ его руки русская бѣднота получила свыше трехъ милліоновъ пожертвованій. Когда дѣло касалось благотворительности или общепользнаго предпріятія, Алексѣевъ умѣлъ обуздывать даже свое громадное самолюбіе. Ему нужны были 300,000 рублей на психіатрическую больницу.

— Я тебѣ, голова, ихъ дамъ; только ты мнѣ въ ноги поклонись...—говорилъ Алексѣеву самодуръ купчина, бывшій приказчикъ отца Алексѣева.

— Изволь, кланяюсь!—отвѣчаетъ Алексѣевъ—и поклонился.

Какъ хотите, смѣйтесь или не смѣйтесь надъ этимъ поклономъ, а онъ, по своему, похожъ на знаменитое «Парижъ стоитъ одной мессы», какъ сказалъ веселый французскій король Ганріо.

Алексѣевъ стоялъ слишкомъ на виду, какъ общественный дѣятель, чтобы до общества доходило много слуховъ о его частной и семейной жизни. Онъ на людяхъ жилъ и въ дѣлѣ точно въ котлѣ кипѣлъ. Жилъ широко, зналъ дѣлу время и потѣхъ часъ, слылъ

виверомъ на большую ногу... Но, когда роковая пуля безумца Адрианова поразила его, первая мысль Алексѣева была о семьѣ, о женѣ...

Н. А. Алексѣевъ былъ человѣкомъ болѣе, чѣмъ богатымъ—однимъ изъ крупнѣйшихъ московскихъ капиталистовъ. Своимъ собственнымъ коммерческимъ дѣломъ онъ распоряжался мастерски. Приемы веденія коммерческаго дѣла онъ отчасти переносилъ и въ дѣла общественныя. Городъ подъ его рукою сталъ какъ бы крупнымъ коммерсантомъ, положившимъ свои судьбы на страхъ и рискъ Алексѣева, какъ своего приказчика на отчетѣ, но съ полною довѣренностью отъ хозяина. И я думаю, что капиталъ и здравое веденіе личныхъ дѣлъ играли не послѣднюю роль въ томъ довѣрїи, съ какимъ шла за Алексѣевымъ купеческая и мѣщанская масса. «Моль, этого на кри-вой не объѣдешь... Человѣкъ коммерческій, солидный, всѣ пути и выходы знаетъ. Слово у него твердое, на репутаціи никакой «морали» нѣтъ, кредитъ—что у купческаго банка; стало быть, можно ему и въ дѣлѣ повѣрить, и деньжатами его на дѣло ссудить; потому ужъ эти денежки будутъ чистыя, никому oprичъ того, на что требуются, не попадутъ». Алексѣевъ былъ не изъ тѣхъ, кто гоняется за дешевой, но громкою и рекламною филантропіей. Онъ и въ благотворительности былъ, прежде всего, дѣлецъ и практикъ. Безтолковаго швыряня деньгами какъ своими, такъ и общественными, на дѣла, скрывающіяся подъ маскою благотворительности, онъ терпѣть не могъ. Онъ не понималъ грошовой милостыни, крохотныхъ подачекъ, которыхъ польза лишь въ одномъ, что несчастный человѣкъ продолжить на какія нибудь лишнія сутки агонїю своего несчастья, а затѣмъ долженъ впасть въ еще пущее прежняго отчаяніе предъ своею злополучной судьбой, впасть, къ удивленію и даже къ негодованію грошовыхъ филантроповъ: помилуйте! вѣдь только что помогли человѣку! чего же онъ, неблагодарный, жалуется?! Девизомъ алексѣевской филантропіи было: ужъ помогать, такъ помогать! Такъ помогать, чтобъ человѣка сразу на ноги поставить—«къ мѣсту его опредѣлить и счастье его составить». Словомъ, все, что на здравый взглядъ и практическую смѣтку Алексѣева стоило помощи, получало эту помощь въ размѣрахъ по-истинѣ грандіозныхъ. Въ такихъ случаяхъ Алексѣевъ не щадилъ своихъ собственныхъ средствъ и, кликнувъ кличъ по городу, собиралъ громадныя суммы, съ міру по ниткѣ... Масса, которая ему вѣрила въ словѣ и дѣлѣ, охотно вѣрила ему и въ рубляхъ. Городу былъ нуженъ домъ для умалишенныхъ, — и городъ оглянуться не успѣлъ, какъ Алексѣевъ преподнесъ ему миліонъ, точно роемъ пчель съ вѣтру налетѣвшій,—возникла Канатчикова дача. Съ какимъ упрямствомъ и изъ какихъ кражей умѣлъ Алексѣевъ выбивать деньгу, свидѣтельствуется лучше всего только что рассказанный мною анекдотъ о пресловутомъ поклонѣ Алексѣева въ ноги своему бывшему при-

кавчику за пожертвованіе въ 800,000 рублей. Алексѣевъ—и исключительно онъ одинъ—настоячивый виновникъ пожертвованія 750 тысячъ рублей, результатомъ котораго явился Боевскій домъ приврѣнія. Это—все рублями, преврѣннымъ металломъ; но подъ вліяніемъ и давленіемъ Н. А. Алексѣева городъ получилъ еще подарокъ, никакимъ преврѣннымъ металломъ не оцѣнимый; благодаря ему, Москва сдѣлалась центромъ русскаго искусства. Онъ, какъ душеприказчикъ С. М. Третьякова, настоялъ на томъ, чтобы пожертвованная покойнымъ городу Третьяковская галерея передана была въ городское вѣдѣніе теперь же, безъ всякихъ условныхъ отсрочекъ и промедленій. Я лишь одинъ разъ слышалъ, какъ умѣло Алексѣевъ призывалъ своимъ краснорѣчивымъ словомъ къ благотворительности внимающую ему толпу. Это было послѣ страшнаго пожара на Бабьемъ городкѣ. Хорошо говорилъ. Безъ всякихъ вычуръ, патетическихкихъ возгласовъ, сантиментальныхъ картинокъ, расчета на слезу слушателя, просто, кратко, дѣловито, но такимъ убѣжденнымъ тономъ и проникнутымъ недавними тяжелыми впечатлѣніями голосомъ, что каждому ясно становилось: бѣдствіе громадное; спорить о немъ нечего, Богъ помогъ не вовсе пропасть, стало быть, люди должны докончить помощь, указанную имъ Провидѣніемъ; а тутъ еще личный примѣръ: «жертвую пять тысячъ цѣлковыхъ!». Московскій купецъ довольно равнодушенъ къ общественной дѣятельности и гражданскимъ обязанностямъ, но ревнивъ къ чести своего капитала. «Али у насъ денегъ нѣтъ?» И тамъ, гдѣ Алексѣевъ клалъ тысячу, его капиталистическіе ровни старались либо идти вровень съ нимъ, либо перешибить его жертвенной деньгой. А мизинные торговые люди тоже раскошелялись болѣе пропорціонально состоянію, чѣмъ это дѣлалось обыкновенно при другихъ благотворительныхъ затѣяхъ другихъ менѣе авторитетныхъ филантроповъ.

Ставъ во главѣ города, Алексѣевъ восемь лѣтъ, можно сказать, буквально «съ Москвою жизнью одною дышалъ». Работалъ онъ совершенно безкорыстно,—больше того, въ огромный убытокъ своему купеческому карману. Его единственнымъ жалованьемъ была честь служить Москвѣ. Въ сущности говоря, алексѣевскіе капиталы были громадною кредитною кассою, откуда городъ въ затруднительныхъ случаяхъ могъ всегда черпать средства своей рукой-владыкой безъ отдачи. Алексѣевъ любилъ представительство. Пріѣзжаютъ французскіе моряки—банкѣтъ: фирма города, деньги изъ кармана Алексѣева; Вирховъ, конгрессисты, всякія высокаторжественныя открытія, все, что хоть сколько нибудь было связано съ именемъ города, и въ чемъ городъ обязанъ былъ принять праздничное участіе,—все это оплачивалъ Алексѣевъ. Празднества онъ понималъ не иначе, какъ на самую широкую и блестящую ногу. Не даромъ же, послѣ него, московскій городской голова Рукавишниковъ, состоятельный не менѣе Алексѣева, не выдержалъ сопряженныхъ съ этою

должностью тратъ и, отбывъ коронацію, отказался отъ должности; а дума, въ январѣ 1897 года, вотировала было крупный купъ городскому головѣ на представительство, отъ чего, въ свою очередь, отказался вновь избранный голова князь Голицынъ. Говорятъ, будто это было у Алексѣева популярничаньемъ, актомъ купецкаго самолюбія, старымъ «моему ндраву не препятствуй» и «чего моя нога хочетъ» въ новой цивилизованной версіи. Но вѣдь этакъ все и вся можно объяснять, включительно до миллионнхъ, собранныхъ, какъ я изложилъ выше, Алексѣевымъ для города. Что намъ до того, какими мотивами совидались дома для умалишенныхъ, больницы, богадѣльни, училища, разъ они совидаются? Лучше имѣть себялюбивые мотивы и совершать общепользные дѣла, чѣмъ, подобно раку на мели, сидѣть безъ осязательной радости для себя и другихъ, но съ самымъ возвышеннымъ и самоотверженно-альтруистическими началами гдѣ-то въ тайникахъ души. Вѣра безъ дѣла мертва есть, но дѣла жизнеспособны и безъ вѣры. Мы живемъ въ такое бѣдное благородствомъ время, когда приходится считаться съ фактами на лицо, а не съ призраками, предположительно стоящими за спиною этихъ фактовъ.

Фактъ есть вещь, а мотивы—беллетристика, говорилъ мнѣ по этому поводу одинъ умный думецъ, принципиальный и рьяный оппозиционеръ Алексѣева, въ теченіе всѣхъ восьми лѣтъ его лордъ-мерства.

— Я вашего Алексѣева не люблю, систему его градоуправленія считалъ и считаю тяжелою и для большинства стѣснятельною. Но что онъ принесъ городу массу пользы,—развѣ слѣпой и глухой будетъ спорить. А затѣмъ, кому онъ этою пользою хотѣлъ сдѣлать добро, себѣ или другимъ,—городу, собственно, рѣшительно безразлично.

— Алкивиадовщины въ немъ, пожалуй, былъ дѣйствительно значительный процентъ, — говорилъ мнѣ другой оппозиционеръ Алексѣева.—Любить таки покойникъ, чтобы о немъ кричали, и не одной собакой отрубилъ на своемъ вѣку хвостъ ради молвы. Но вѣдь, правду сказать, кто изъ людей, съ талантомъ почти магнетическаго вліянія на толпу, не страдалъ алкивиадовщиной? Алексѣевъ родился на свѣтъ съ задатками народнаго трибуна. Онъ, какъ говоритъ Пушкинъ, «въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесь»... У насъ... изъ него вышелъ боевой городской голова, превосходно приспособленный для всяческаго рода грызни, когда за городъ, когда надо—противъ. Человѣкъ—съ ртутью въ жилахъ вмѣсто крови, все толкающій, все будящій, предписывающій, словомъ, полно я широко живущій. Его пульсы бились въ тактъ съ пульсами общества, и этой заслуги у него никто никогда не отниметь.

Дума постановила увѣковѣчить память Алексѣева портретомъ въ стѣнахъ думскаго зданія, имъ воздвигнутаго. Его написалъ Савицкій и, къ сожалѣнію, не очень похоже: художникъ схватилъ только внѣшнюю щеголеватость покойнаго городского головы, не схвативъ души, жившей подъ его холенною внѣшностью. Но, ка-

ковъ бы ни былъ портретъ, онъ своего рода монументъ, которому трогательная надпись, возвѣщающая потомству о безвременной гибели «солдата, убитаго на своемъ посту», придаетъ особенно вѣское значеніе. Но памятниковъ по Москвѣ Алексѣеву и безъ того не занимать стать. Онъ самъ воздвигъ ихъ себѣ. О немъ кричитъ каждая московская улица въ каменномъ поясѣ Садовой. Онъ ее облагодобразилъ и украсилъ. Куда ни взглянешь — видишь зданіе, тѣсно связанное съ именемъ московскаго гражданскаго героя. О немъ напоминаютъ москвичу грандіозныя боины, одиѣ изъ лучшихъ, если не лучшихъ въ Европѣ, городскіе ряды, и разѣбрами, и красотою далеко оставившіе за собой петербургскій гостиный дворъ и съ невѣроятной быстротою выросшіе на мѣстѣ старыхъ, чуть не допетровскихъ развалинъ и гнилушекъ. Онъ оставилъ намъ въ наслѣдство водопроводъ; еще годъ—и это наслѣдство было бы увеличено канализаціей, тридцать новыхъ городскихъ училищъ, Канатчикова дача, Боевскій домъ призрачнѣя, новая дума... куда ни повернись,— Алексѣевъ, Алексѣевъ и Алексѣевъ. Точно тѣнь его невидимкою летаетъ по Москвѣ, ища пріюта въ созданіяхъ рукъ своихъ!..

Когда былъ убитъ Алексѣевъ, я за фельетоны о его смерти попалъ, во мнѣніи многихъ, читающихъ, но не дочитывающихъ, имѣющихъ уши слышати, но не слышащихъ, къ разрядъ врагомъ городского самоуправления, въ поклонники и проповѣдники системы «хозяйскаго кулака», которымъ покойный Николай Александровичъ временами сжималъ думу, такъ что она пищала.

Нѣтъ, это неправда. Поклонникомъ кулака я никогда не былъ. Но есть для общественнаго дѣятеля качество хуже деспотической склонности къ кулачной системѣ управленія: это — когда ему не хватаетъ той энергической смѣлости, что города беретъ и Алексѣевыхъ создаетъ, смѣлости, что можетъ втащить дѣятеля порою въ превышеніе власти, въ скачокъ за черту правъ и полномочій, но за то находить себѣ вѣчное и резонное оправданіе въ классическомъ «побѣдителей не судятъ». Есть два способа развязывать запутанные узлы: или терпѣливо сидѣть надъ ними чуть не цѣлые дни, теряя и золотыя силы, и золотое время на черную и мелочную работу, или, наоборотъ, рвать и рубить ихъ съ размаху. Алексѣевъ принадлежалъ къ людямъ послѣдняго типа. До него московскіе вопросы напоминали зданіе, окруженное столь сложною массою лѣсовъ, что изъ-за нихъ и самаго зданія не видать. Идетъ день за днемъ, лѣса все растутъ да растутъ, зданія за ними все не видать, да не видать, такъ что оно чуть ли не дѣлается въ представленіи публики миеомъ. Говорятъ, молъ, будто есть не только видимые лѣса, но и самое зданіе, а правда ли, нѣтъ ли, выстроится ли когданибудь зданіе, освободится ли отъ лѣсовъ, будетъ ли въ состояніи красоваться безъ нихъ,—кто его знаетъ! И, вотъ, не могу себѣ представить безъ лѣсовъ, строилъ и балокъ на какомънибудь углу петербургскаго Исаакіевскаго собора.

Такъ точно не могу себѣ представить и московскихъ думскихъ дѣлъ безъ массы мелочей, мелочишекъ, привязокъ, прицѣпокъ, проволочекъ, нужныхъ и не нужныхъ формальностей и ужъ бесспорно ненужной многоглаголивой болтовни. Со смертью Алексѣева, умѣвшаго тиранически сводить дебаты гласныхъ къ нулевому знаменателю, мелочная система толковъ, пересудовъ, переживаній и пережевываній возродилась въ лицѣ своихъ многочисленныхъ поборниковъ и сторонниковъ, имѣвшихъ удовольствіе уцѣлѣть въ думѣ, переживъ «алексѣевскій терроръ». У меня хранится карриатура на алексѣевскія засѣданія, набросанная однимъ изъ гласныхъ. Н. А. Алексѣевъ сидитъ, потрясая огромнымъ звонкомъ, и поминутно прерываетъ Н. И. Шаховского, Катилину тогдашней думской оппозиціи, ораторствующаго въ пользу какихъ-то пріютовъ.

Шаховской. Господа гласные! Слезы вдовъ и сиротъ...

Алексѣевъ (звонитъ). Пожалуйста, безъ меланхоліи-съ!

Шаховской. Городъ, какъ пеликанъ, питающій кровью своей птенцовъ своихъ...

Алексѣевъ. И безъ аллегоріи-съ!!

Шаховской. Но, г. голова, принципы городского самоуправления...

Алексѣевъ. И безъ конституціевъ-съ... въ особенностяхъ!!!

Не знаю, состоитъ ли г. Шаховской гласнымъ московской думы въ настоящее время. При Алексѣевѣ онъ былъ въ ней очень замѣтенъ. Въ качествѣ противника и систематическаго оппозиціонера покойный Алексѣевъ могъ узнать Шаховского лучше, чѣмъ кого бы то ни было, во время борьбы за канализаціонный заемъ. Тогда Шаховской остался едва ли не послѣднимъ бойцомъ оппозиціонной арміи послѣ того, какъ «иные погибли въ бою, другіе оппозиціи измѣнили и продали шпагу свою». Я живо помню, какъ на послѣднемъ засѣданіи, посвященномъ этому вопросу, Шаховской горячо говорилъ противъ отсрочки разсмотрѣнія протеста интеллигентной оппозиціи на конецъ засѣданія, тогда какъ обѣщано было поставить этотъ вопросъ первымъ на очередь. Алексѣевъ слушалъ Шаховского съ тѣмъ равнодушно смиреннымъ и нѣскольکو лукавымъ видомъ, съ какимъ выслушивалъ онъ всѣ вообще возраженія въ вопросахъ, имъ давнымъ-давно предрѣшенныхъ безповоротно и безапелляціонно. А выслушавъ хладнокровно, указавъ на законное основаніе своего поведенія и предоставилъ Шаховскому, если ему угодно, занести свое заявленіе въ протоколъ засѣданія.

Проживи Алексѣевъ еще нѣскольکو лѣтъ, и московское ховяйство, вѣроятно, было бы имъ налажено настолько, что и впрямь могло бы идти дальше по инерціи, путемъ самоуправления, на что не было въ состояніи ни до Алексѣева, ни при немъ, ни по немъ. Алексѣевъ смотрѣлъ на городское управленіе, какъ на огромное частное ховяйство, требующее безконечныхъ практическихъ нововведеній и улучшеній. Онъ переломалъ и заново выстроилъ полъ—

Москвы. Онъ умеръ на порогѣ къ исполненію грандіозныхъ плановъ; подъ многими изъ нихъ посейчасъ кряхтятъ его преемники, потому что смерть Н. А. Алексѣева, погасивъ его энергію, обезсилила думу. Это одна изъ печальныхъ сторонъ системъ правленія, опирающихся на одну талантливую личность. Раньше Алексѣева Москва имѣла уже такой опытъ съ Н. Г. Рубинштейномъ; послѣ него ея превосходная консерваторія сразу захудала на цѣлыя десять лѣтъ, и только въ послѣдніе годы, подъ энергичнымъ управленіемъ В. И. Сафонова, снова начала оживать и поднимать голову. Тѣмъ не менѣе, коллегія, конечно, вещь хорошая, но коллегія коллегіи ровня, и когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы наладить практическое общепольное дѣло, я, конечно, предпочту, чтобы во главѣ коллегіи стоялъ человѣкъ энергичный, хотя бы иной разъ и самовластный, чѣмъ безхарактерный мямля, какъ бы закономѣрны ни были его дѣйствія. Кулакъ — слово страшное, но... право, даже кулакъ лучше мямляныя и распущенности, какими ознаменовываются въ нашемъ отечествѣ почти всѣ общественныя дѣла и затѣи. Какъ ни дикъ и грубъ былъ Собакевичъ, а все же у него и народъ былъ сытъ, и мебель въ кабинетѣ стояла прочная, а у гуманнѣйшаго Манилова люди перебивались съ хлѣба на квасъ, и рядомъ съ вязаннымъ шандаломъ, украшеннымъ перламутровымъ цитомъ, ставился на столъ засаленный кухонный мѣдюкъ — инвалидъ. А то былъ еще такой полковникъ Кошкаревъ, что разорилъ и себя, и своихъ крестьянъ единственно потому, что задался цѣлью цивилизовать ихъ по всѣмъ правиламъ бюрократическаго прогресса съ «главными счетными экспедиціями», «комитетами сельскихъ дѣлъ», «комиссіями построеній» и т. д., что было ненавистно покойному Николаю Александровичу: онъ былъ равнодушенъ къ краснбайству, презиралъ бумагу и цѣнилъ только живое, быстро и непосредственно творимое дѣло. Вотъ точка зрѣнія, съ какой Алексѣевъ былъ и остается незамѣннымъ человѣкомъ, особенно въ думѣ своего времени, — вялой, пустословной, всецѣло развѣнявшей дѣятельность на болтовню о пустопорожнихъ общихъ мѣстахъ. До Алексѣева московская дума изобиловала Киеами Мокіевичами; ужъ и за то спасибо Алексѣеву, что онъ извлекъ изъ обращенія этихъ послѣднихъ, вмѣстѣ съ ихъ утомительными разглагольствованіями и умствованіями — не разбери о чемъ. Начнетъ, бывало, человѣкъ объ ассенизаціи, перескочитъ къ принципамъ самоуправленія, а кончитъ недоумѣніемъ, почему слонъ не родится изъ яйца. Именно ужъ — и аллегорія, и меланхолія, и невинный букетъ самоневиннѣйшихъ «конституціевъ».

Какъ было мудро и трудно уживаться съ ними, характеризуютъ распространившіеся передъ убійствомъ Алексѣева слухи о нежеланіи его оставаться на посту городского головы. Онъ ссылался именно на усталость и недовольство думскою оппозиціей, правда, пассив-

ною, но, бесспорно, вполне состоятельно до смерти надоѣсть энергическому, умному, живому человѣку, желающему добра и процвѣтанія города. Прежде чѣмъ онъ повертывалъ къ благу колесо городского хозяйства, ему каждый разъ ухитрялись подсунуть между спицами нѣсколько палокъ, которыя Алексѣеву приходилось сломать ранѣе, чѣмъ завертѣть колесо. Безцѣльные, нелѣпыя, тупые, близорукіе тормозы выплывали наружу, какъ масло сверхъ воды, буквально, при всякомъ благомъ начинаніи Алексѣева: при всѣхъ его стройкахъ, сооруженіяхъ и проектахъ, кончая оппозиціей канализаціонному городскому займу. Алексѣевъ всегда выходилъ изъ борьбы побѣдителемъ, но сколько энергии ему приходилось истрачивать непроизводительно въ этихъ схваткахъ. Не говорю уже о досадѣ, какую, естественно, долженъ былъ испытывать онъ, какъ человѣкъ умный, дальноворкій и практическій, возясь съ арміей кротовъ — метафизиковъ, которые, стоя предъ лицомъ насущныхъ запросовъ и злободневныхъ потребностей, наивно бросались въ теоретическія отвлеченности и рѣшительно никому ненужные споры о своихъ правахъ и обязанностяхъ. «Единовластіе», введенное Н. А. Алексѣевымъ въ думскія дѣла, было необходимо, такъ какъ надо же было кому нибудь дѣло дѣлать. А у насъ—либо спали, либо переливали изъ пустого въ порожнее въ безконечныхъ спорахъ «не объ томъ», какъ говорилъ кто-то изъ героевъ И. О. Горбунова.

Но алексѣевскіе порядки возможны и терпимы лишь при томъ условіи, чтобы въ ихъ формы влагалось и алексѣевское содержаніе. Кулакъ можетъ оправдывать себя лишь тѣмъ, что, разжимаясь, онъ приноситъ пользу, благотворить и благодѣетъ. Мы видѣли, что алексѣевскій кулакъ былъ именно таковъ; онъ никого не задавилъ, но многихъ осчастливилъ.

Помню, какъ разыгрывалась серія алексѣевскихъ инцидентовъ по вопросамъ о бояняхъ и канализаціонномъ займѣ. Засѣданіе 19-го мая 1892 года привлекло массу публики. Центромъ его программы предполагалось разбирательство протеста двадцати трехъ членовъ оппозиціи противъ черезчуръ произвольнаго разрѣшенія городскимъ головою вопроса о семи-милліонномъ городскомъ займѣ.

Члены оппозиціи играли въ этой исторіи, при всей благонамѣренности своихъ притязаній, довольно комическую роль. Наскучивъ безконечными и бесплодными преніями по канализаціонному вопросу, безрезультатно вращавшемуся въ области «съ одной стороны надо признаться, но съ другой нельзя не сознаться», городской голова въ одинъ прекрасный день воспользовался отсутствіемъ въ думскомъ засѣданіи членовъ оппозиціи, чтобы провести роковой вопросъ. Въ это самое время оппозиція совѣщалась въ трактирѣ большого Московскаго товарищества, насупротивъ думы, о средствахъ противодѣйствія займу, въ частности, и алексѣевской гордынѣ, вообще. Увы! возвратившись въ думу, они могли спѣть, какъ офенбаховскіе жандармы:

— Nous arrivons toujours trop tard, trop tard, trop tard... Канаваціонный вопросъ былъ уже раскушенъ Н. А. Алексѣевымъ, какъ орѣхъ; ядро вынута и съѣдено, скорлупа брошена въ уголъ. Оппозиція убѣдилась, что она прокушала на бутербродахъ семь милліоновъ рублей—во-первыхъ, а, во-вторыхъ, ее стали дразнить съ тѣхъ поръ «трактирной субъ-комиссіей».

Съ этого дня начались протестующія отдѣльныя мнѣнія и заявленія гласныхъ о самоуправствѣ городского головы, а также отказы отъ званія гласнаго. Ушли изъ думы М. П. Щепкинъ, А. Н. Маклаковъ, К. Ф. Одарченко; дума всѣхъ благодарила за прежнюю дѣятельность, но никого не удержала. Н. А. Алексѣевъ кланялся, говорилъ два-три прочувствованныхъ слова на тему «прощенья просимъ... ходите почаще, безъ васъ веселѣй», и тѣмъ дѣло кончалось, Газеты, хотя и не въ полномъ комплектѣ, но все-таки въ большинствѣ, высказались за оппозицію и порицали поведеніе городского головы. Но—«не страшили его грома газетные, а думскіе держалъ онъ въ рукахъ!». Многихъ изъ членовъ оппозиціи я зналъ, какъ людей умныхъ, честныхъ, благожелательныхъ и благонамѣренныхъ; самоуправство мнѣ принципиально антипатично, и потому явился я слушать думское засѣданіе, настроенный скорѣе противъ Алексѣева, чѣмъ за него, но вышелъ изъ засѣданія подъ совершенно другимъ впечатлѣніемъ. Не то, что Н. А. Алексѣевъ убѣдилъ меня, какъ и всю остальную публику, въ законмѣрности и справедливости своего поведенія. Онъ никого ни въ чемъ не убѣждалъ; напротивъ, снялъ острый вопросъ съ очереди, перевелъ его съ перваго мѣста на послѣднее, такъ что многіе гласные, наскучивъ ожидать преній, поразѣхались. Потребное для «постановки вопроса» число гласныхъ 90 оказалось въ недочетѣ. Пришлось перенести вопросъ на слѣдующее засѣданіе, чего предсѣдателю и хотѣлось. И. И. Шаховской потребовалъ:

— Объясните мнѣ, г. городской голова, на какомъ основаніи нарушили вы установленный порядокъ засѣданія? Законъ предписываетъ точное исполненіе предназначенной программы... Я протестую и прошу занести мои слова въ журналъ.

На это Алексѣевъ отвѣтилъ весьма хладнокровно:

— Занести въ журналъ можно. Отчего не занести? Что же касается до объясненія, то и объяснить можно. Порядокъ засѣданій устанавливается его предсѣдателемъ и есть его исключительно дѣло. Такъ я поступалъ, поступаю и намѣренъ поступать впредь. Объявляю засѣданіе закрытымъ.

Словомъ, человекъ бросилъ въ глаза почтеннѣйшей публикѣ свое «какъ хочу, такъ и дѣлаю!» Sic volo, sic jubeo! и подтвердилъ всѣ устные и печатныя рѣчи о немъ. И тѣмъ не менѣе, опять скажу, публика осталась на его сторонѣ, а не стала за «униженныхъ и оскорбленныхъ» думцевъ.

Обаяніе Н. А. Алексѣева на толпу строилось прежде всего на положеніи Шопенгауера: «кто ясно мыслить—ясно излагаетъ»; этотъ человѣкъ не мудрствовалъ лукаво и не любилъ цвѣтовъ краснорѣчія. Онъ былъ понятенъ массѣ, какъ никто другой въ думѣ, и производилъ впечатлѣніе человѣка, который одинъ во всемъ засѣданіи всегда точно знаетъ, какого отвѣта онъ хочетъ по тому или другому вопросу. Это придавало его рѣчи характеръ глубокой, даже страстной убѣжденности. У него былъ ясный, практическій умъ, свѣтлая голова, необыкновенно приспособленная къ тому, чтобы, отбросивъ отъ дѣла детали, загоразживающія его суть, выжать изъ вопроса сокъ, какъ изъ лимона, и въ краткой, энергической, порывистой формѣ резюмировать положенія, пригодныя иному словоохотливому оратору для двухчасовой рѣчи. Такимъ образомъ, масса все время слышала Алексѣева говорящимъ только дѣло и привыкла думать, что онъ попусту словъ не тратитъ. Съ подобными ораторами можно не соглашаться, но никогда не оставить ихъ безъ вниманія. Такъ какъ дѣла и вопросы, городскимъ головою выдвигаемые, были всегда полезны городу и симпатичны въ принципѣ, то, разъ они изъ области преній переходятъ въ реальное бытіе, массѣ, въ сущности, было безразлично, соблюдались ли при этомъ переходѣ права представителей городского самоуправления. Она видѣла больницы, школы, лечебницы, бойни, чудесныя новыя городскія зданія, это факты, а не сны. Наглядное дѣло заслонило умозрительныя отвлеченности. Москва знала, что безъ Алексѣева не удовлетворила бы многихъ своихъ потребностей еще долгіе годы и оставалась совершенно равнодушна къ вопросу о законности большинства, разрѣшившаго экстренно поднятые имъ насущные вопросы. То же самое и съ вопросомъ канализаціи. Однажды, у Н. А. Алексѣева вырвалась фраза въ томъ смыслѣ, что всѣ думскіе дебаты только пустая потеря времени, потому что рѣшать дѣло будутъ не говоруны, а молчаливые гласные, давно уже составившіе свое мнѣніе, и разрѣшать они вопросъ баллотировкой не болѣе какъ въ пять минутъ. Фраза опять довольно автократичная, если сообразить, что молчаливые гласные въ большинствѣ шли за городскимъ головою и составляли его боевую силу. Впечатлѣніе ума и талантливости Н. А. Алексѣевъ оставлялъ въ каждомъ, кто видалъ его во главѣ засѣданія. Онъ былъ очень эффектнымъ предсѣдателемъ, иногда, пожалуй, даже немножко театральнымъ. Онъ импонировалъ засѣданію своей молодецкой фигурой, мужественнымъ лицомъ чисто московскаго купеческаго, хотя и обкультуреннаго типа, своею нервностью, когда его отвлекали отъ дѣла пустяками, и выдержкою, когда на сценѣ проходили серьезныя темы. Затѣмъ онъ былъ лучшимъ ораторомъ думы, хотя между ея *langues bien pendues* были языки болѣе приспособленные къ источенію красивыхъ словъ, чѣмъ языкъ Н. А. Алексѣева. Но одна вещь—Цицеронъ съ языка, другая—Демосеенъ. Когда говорилъ Цицеронъ, римскій фо-

румъ щелкалъ языками отъ удовольствія и восклицалъ: нѣтъ въ мірѣ человѣка, который бы говорилъ лучше, чѣмъ этотъ Маркъ Туллій. Когда же говорилъ Демосеенъ, афиняне забывали выразить одобреніе краснорѣчію Демосеену, но кричали: война Филиппу!—что и требовалось доказать. Говорить ктонибудь изъ гласныхъ Цицероновъ,—молчаливое большинство частію позѣвываетъ, частію одобряетъ: хорошій штить: видно, что наукамъ обучался! Говорить Алексѣевъ,—никто о façon parler его не думаетъ, но когда онъ кончалъ рѣчь, молчаливое большинство гуртомъ шла къ баллотировочному ящику и клало шары за алексѣевское предложеніе.

Громовержцемъ ораторомъ я Н. А. Алексѣева не слыхалъ, хотя бывали случаи, когда, въ раздраженіи, онъ принимался «орать» на собраніе... и не находилось никого, кто бы дернулъ его за фалду съ историческимъ замѣчаніемъ:

— Сядь, Дантонъ, успокойся!

Юморъ, немножко грубоватый, но ѣдкій и мѣткій, также имѣлся въ его арсеналѣ. Помню какъ-то разъ рѣчь шла о холодильной машинѣ, приобретенной городомъ для боевъ и уже принятой отъ Доброва и Набгольца, исполнителей заказа. Между тѣмъ машина оказывалась негодною или, какъ говорили въ засѣданіи техники-спеціалисты, полугодною; она была не дурна для сжатія воздуха, но не годилась для охлажденія его. Говорено было на эту тему очень много и убѣдительныхъ, и горячихъ словъ, но всѣ эти слова не касались сути дѣла, скользили по его поверхности.

— Позвольте,—сказалъ Алексѣевъ,—я не техникъ и подробностей машиннаго дѣла не понимаю. Да засѣданіе не для подробностей и собрано. Господа члены технической комиссіи говорятъ, что машина негодна?

— Полугодна.

— Значитъ, негодна. Полугодную машину мы не заказывали. Заказывали годную. Вернуть ее Доброву и Набгольцу.

— Они не примутъ.

— А у насъ ихъ залогъ есть; мы изъ залога 6.000 рублей удержимъ.

— Я бы желалъ знать, зачѣмъ понадобилась эта машина?—уязвилъ кто-то изъ техниковъ.

— Зачѣмъ, что техникамъ свойственно увлекаться,—напоучительно замѣтилъ Алексѣевъ,—чего кажется проще: набить погребъ льдомъ и охлаждай телятину, сколько угодно. Но у техника явилась идея о холодильной машинѣ. Что же, опытъ интересный, смѣта позволяла,—заказали машину. Принимаемъ. Хороша машина? Техникъ въ восторгѣ. Онъ добился исполненія своей идеи и доволенъ. Приходятъ другіе техники съ другими идеями и говорятъ, что машина негодна или полугодна, что опять таки, повторяю, по моему, значитъ негодна. Въ концѣ концовъ мы, благодаря техническимъ

увлеченіямъ, принуждены или пріобрѣсти новую машину, или... все-таки набить погребъ льдомъ, когда Богъ зиму пошлетъ.

Н. А. Алексѣеву давало значительный перевѣсъ надъ большинствомъ его оппонентовъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что онъ всегда зналъ, къ какимъ выводамъ и какими путями будутъ гнуть его противники, строя практику по предвзятой теоріи; они же его путей и выводовъ предвидѣть были не въ состояніи, какъ нельзя вообще предвидѣть путей и выводовъ чловѣка, если его мысль работаетъ не по кодексу теоретическихъ отвлеченностей, но въ подчиненіи живымъ запросамъ насущныхъ практическихъ интересовъ, гибкихъ и легко измѣнчивыхъ по требованію обстоятельствъ. Алексѣевъ съ думою игралъ всегда навѣрняка, зная наизусть всѣ ея карты, а свою сдачу онъ держалъ закрытою и крѣпко зажавъ ее въ кулакѣ. Такъ игралъ и выигрывалъ. Итакъ слагалась думская эпоха, которую одни зовутъ «золотымъ вѣкомъ московскаго самоуправления», а другіе, наоборотъ, — «алексѣевскимъ терроромъ».

Александръ Амфитеатровъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ МЯТЕЖѢ 1863 ГОДА¹⁾.

VII.

И НА КОГО изъ насъ рассказы о звѣрствахъ поляковъ не произносили такого удручающаго впечатлѣнія, какъ на поручика Баумана, числившагося въ 4-мъ эскадронѣ нашего полка. Онъ былъ единственный сынъ старика доктора, долго прослужившаго на Кавказѣ и въ настоящее время проживавшаго въ своемъ имѣніи, въ Тульской губерніи. Поручикъ Бауманъ, прекрасный товарищъ, съ хорошими средствами и очень веселый, пользовался расположеніемъ офицеровъ. Послѣ рассказаннаго мною раньше покушенія на отравленіе четвертаго эскадрона, Бауманъ сталъ неузнаваемъ: веселость исчезла, и мрачныя предчувствія овладѣли всѣмъ его существомъ. Онъ каждому изъ насъ говорилъ, что его обязательно захватятъ въ плѣнъ и подвергнутъ самымъ ужаснымъ пыткамъ. «Хоть бы Господь мнѣ скорѣе смерть послалъ, а то предчувствіе положительно терзаетъ меня».

На второмъ переходѣ отъ Люблина весь отрядъ расположился въ большой деревнѣ, окруженной лѣсомъ. Во время перехода Бауманъ былъ какъ-то особенно задумчивъ, но когда мы слѣзали съ коней, онъ вдругъ оживился. Въ этотъ день я былъ дежурнымъ по полку. Вечеромъ къ нашему эскадронному командиру пришелъ Бауманъ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIX, стр. 726.

Онъ былъ въ хоропомъ расположеніи духа и, повидимому, страхнулъ съ себя такъ долго томившее его мрачное предчувствіе.

Въ девять часовъ вечера, я отправился съ рапортомъ къ командиру полка, причеиъ майоръ сказалъ мнѣ, что они сядутъ ужинать, а къ моему возвращенію мнѣ оставитьъ закусить.

Командиръ полка занималъ доиикъ въ концѣ деревни. Я уже почти подошелъ къ нему, какъ услыхалъ топотъ скачущаго коня; я оглянулся и увидѣлъ поручика Савицкаго, несущагося во весь духъ на неосѣдланной лошади.

— Бауманъ застрѣлился!—крикнулъ онъ, проскакавъ мимо меня.

Сообщеніе было такъ неожиданно, что у меня буквально ноги подкосились, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ я не могъ двинуться съ мѣста. Когда я собрался съ силами и пошелъ дальше, на встрѣчу мнѣ попался начальникъ отряда, генералъ Байговуть, командиръ полка, старшій полковой врачъ и Савицкій, ведущій въ поводу свою лошадь. Я такъ былъ потрясенъ, что забылъ подойти съ рапортомъ, но начальству было не до того.

Мы очень скоро дошли до мѣста происшествія.

На кровати эскадроннаго командира лежалъ въ крови несчастный молодой офицеръ, съ страшно обезображеннымъ лицомъ. Маленькій револьверъ лежалъ у его ногъ.

Нашъ майоръ Османовъ, блѣдный, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, сталъ докладывать генералу о происшествіи: «Когда мы стали садиться ужинать, то Бауманъ подъ предлогомъ, что уже закусилъ, не занялъ мѣста у стола, а, выпивъ рюмку водки, прилегъ на мою кровать. Не прошло и десяти минутъ, какъ раздался выстрѣлъ. Офицеры, въ полной увѣренности, что это стрѣлялъ часовой, выскочили на улицу. Увидѣвъ часовыхъ, спокойно стоявшихъ на посту, мы вернулись и тутъ только увидали, что застрѣлился Бауманъ, путивъ пулю въ ротъ.

Нашъ полкъ положительно составлялъ одну родную семью, и, прощансь съ покойнымъ товарищемъ, офицеры плакали навзрыдъ.

Дальнѣйшій нашъ походъ обошелся безъ приключеній, и, не доходя десяти верстъ до Варшавы, отрядъ остановился на ночлегъ.

На слѣдующій день мы вступили въ предмѣстье города и построились развернутымъ фронтомъ. Спустя полчаса, раздалась команда: «смирно, сабли вонъ, пики въ руку!», и къ намъ подѣхалъ намѣстникъ царства Польскаго, его императорское высочество великій князь Константинъ Николаевичъ, въ мундирѣ Гродненскаго гусарскаго полка.

Пропустивъ насъ поэскадронно, его высочество поблагодарилъ за молодецкій видъ полка и приказалъ идти въ назначенную намъ въ Варшавѣ стоянку. Намъ пришлось пройти весь городъ. Прежде столь оживленная Варшава, превратилась въ военный лагерь; на каждомъ шагѣ стояли пикеты и медленно двигались разѣзды. Точно

такъ же, какъ и въ Люблинѣ, жители бросали на насъ злобные взгляды, а женщины и здѣсь носили традиціонный трауръ.

Придя на мѣсто, полкъ размѣстился на тѣсныхъ квартирахъ, и офицерамъ было дозволено отлучаться съ мѣста своего расположенія, съ такимъ расчетомъ, чтобы половина всегда оставалась при своихъ частяхъ. Въ видѣ совѣта, намъ было предложено по одиночкѣ не ѣздить, а отправляться въ компаніи двухъ или трехъ товарищей.

Спустя нѣсколько дней, мы были приглашены на балъ къ его высочеству. Роскошь дворца и милостивый пріемъ, оказанный офицерамъ августѣйшими хозяевами, оставили о себѣ неизгладимое впечатлѣніе.

Три недѣли прошли незамѣтно, и мы съ большою неохотою прочитали приказъ о выступленіи полка въ городъ Плоцкъ.

Переходъ до Плоцка обошелся безъ всякихъ приключеній. Послѣ Варшавы, этотъ губернский городъ, расположенный на берегу рѣки Вислы, показался намъ довольно мизернымъ, но, присмотрѣвшись, мы увидѣли, что стоянка хорошая, и Плоцкъ самъ по себѣ очень чистенькій. Въ городѣ большой бульваръ, гдѣ по вечерамъ игралъ оркестръ Муромскаго полка.

Нашимъ главнымъ начальникомъ сталъ начальникъ Плоцкаго отдѣла, генералъ Семека.

Относительно начальниковъ нашему полку положительно везло. Хотя мы и были избалованы своими, но генералъ-лейтенантъ Семека былъ еще болѣе снисходительный. Офицеры пѣхотной дивизіи, которою онъ командовалъ, не могли имъ нахвалиться. Если кто изъ его подчиненныхъ имѣлъ въ чемъ бы то ни было нужду, прямо обращался къ генералу и никогда не получалъ отказа. Въ качествѣ начальника отдѣла, генералу приходилось утверждать конfirmaціи, и вотъ что объ немъ рассказывали адъютанты:

«Когда генералу подается на утвержденіе смертный приговоръ, то камердинеръ одновременно ставитъ на столъ графинъ воды и подбутылки краснаго вина. Генералъ въ тотъ день не ложится спать и всю ночь ходитъ по кабинету. Если въ дѣлѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ, то утромъ его превосходительство дрожащею рукою рѣшается подписать роковое слово «утверждаю». Совершивъ этотъ тяжелый подвигъ, генералъ въ теченіе нѣсколькихъ дней находится въ грустномъ настроеніи».

Нашъ командиръ очень скоро сошелся съ начальникомъ отдѣла, и мы пользовались всевозможными льготами. Особенно оживился нашъ кружокъ, когда въ Плоцкъ пріѣхала жена нашего полковника, баронесса Дризень,—хлѣбосольная и радушная, она широко раскрыла двери своего гостепріимнаго дома. На первыхъ порахъ мы ее считали за гордую аристократку, и офицеры, мало знакомые съ тонкостями большого свѣта, съ сердечнымъ замираніемъ, въ первый разъ

перешли порогъ ея гостиной. Баронеса отлично понимала ихъ душевное настроеніе и своимъ тонкимъ умомъ и непринужденною любезностью дѣлала то, что они, покидая аристократическій домъ, превозносили хозяевъ.

Шесть недѣль мы простояли спокойно. Разбитыя до нашего прихода банды, казалось, покинули губернію. Однако ожиданія наши не оправдались. Временное затишье произошло оттого, что поляки ожидали прибытія познанскихъ и галиційскихъ повстанцевъ.

Во время развѣдочь, наши доискіе казаки случайно захватили въ плѣнъ начальника польскаго отдѣла, бывшаго штабсъ-капитана гвардейской артиллеріи Подлѣскаго. Онъ блестящимъ образомъ окончилъ академію, былъ красавецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, а отецъ его, у котораго онъ былъ единственнымъ сыномъ, имѣлъ 50 тысячъ годового дохода. Какъ только началось возстаніе, Подлѣскій бѣжалъ въ Варшаву, и жондъ ввѣрилъ ему всѣ польскія банды плочкаго отдѣла, а равно и административную власть. Захваченный съ оружіемъ въ рукахъ, онъ былъ доставленъ въ Плочъ и преданъ военному суду, который приговорилъ измѣнника къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе. Когда его вели на казнь черезъ городъ, то польки бросали изъ оконъ букеты цвѣтовъ, такъ что весь путь его былъ усыпанъ розами и фіалками. Казнь была назначена за городомъ. Послѣ совершенія обычныхъ формальностей, Подлѣскій, сохранявшій все время полное присутствіе духа, обратился къ коменданту, генераль-майору Позняку, и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Ваше превосходительство, позвольте просить васъ оказать мнѣ послѣднюю милость. Дозвольте встрѣтить предназначенную мнѣ смерть съ открытыми глазами.

Генераль исполнилъ его просьбу, и унтеръ-офицеръ, державшій въ рукахъ платокъ, чтобы завязать имъ глаза осужденному, отошелъ въ сторону. Десять стрѣлковъ заняли мѣста. Солдаты, не разъ принимавшіе участіе въ битвѣ, были очень блѣдны. Я замѣтилъ, что руки, державшія ружья, сильно дрожали. Не смотря на то, что при исполненіи казни, кромѣ уланъ, было три роты пѣхоты, мертвая тишина царяла кругомъ. Казалось, что даже лошади понимали волненіе всадниковъ и стояли, понуря головы. Среди этой тишины, дежурный офицеръ махнулъ платкомъ. Стрѣлки приложились, а по второму взмаху—раздался залпъ. Я невольно закрылъ глаза. Когда я ихъ открылъ, ужасъ охватилъ меня. Осужденный былъ живъ, и только кровь текла изъ его ранъ. Пули отъ невѣрно взятаго прицѣла всѣ до одной попали въ ноги. Страданье искавило лицо красавца.

Моментально подбѣжавшій фельдфебель выстрѣломъ изъ пистолета въ упоръ, въ грудь, сразу прекратилъ его мученье.

VIII.

Народный жондъ всѣми силами старался вселить въ народъ убѣжденіе, что не сегодня-завтра вступить въ Польшу армія Наполеона III и прогнать москалей. Мятежники вѣрили этому вадору, но, наконецъ, не видя французовъ, стали сомнѣваться въ справедливости этихъ слуховъ, и очень многіе изъ нихъ являлись къ нашему начальству, съ повинною головой.

Изъ опасенія, что всѣ польскіе воины разбѣгутся по домамъ, жондъ придумалъ слѣдующій фортель. Въ мѣстечко Бижунь, Млавскаго уѣзда, было доставлено 500 мундировъ французскихъ зуавовъ. Эти мундиры были приготовлены для поляковъ, ожидаемыхъ изъ Познани. Импровизированные зуавы должны были поддержать ложь главныхъ заправиль и тѣмъ подогрѣть потухавшій огонь патріотовъ. Весьма возможно, что это и удалось бы имъ, но, къ счастью, объ этомъ узнали въ Плоцкѣ, и нашъ эскадронъ получилъ приказъ отправиться въ Бижунь и отобрать спрятанные въ подвалахъ костела мундиры.

Мы въ одинъ день прошли около 80-ти верстъ и внезапно явились въ мѣстечко, гдѣ въ подвалѣ костела и нашли мундиры. Исполнивъ порученіе, мы вернулись въ Плоцкъ; не прошло и недѣли, какъ полкъ получилъ приказъ раздѣлиться по отрядамъ, и нашему третьему эскадрону пришлось вступить въ сербскій отрядъ (въ заштатный городъ Млавскаго уѣзда), которымъ командовалъ лихой батальонный командиръ муромскаго полка, подполковникъ Набоковъ.

Сербецъ, маленькій городишко, скорѣе напоминавшій деревню, достался намъ въ постоянныя квартиры. Началась самая тяжелая аванпостная служба. Днемъ и ночью дальніе разбѣды, пикеты и почти ежедневныя командировки съ летучими отрядами. Развлеченій при этомъ ровно никакихъ. Въ свободныя отъ занятій минуты мы собирались въ грязную кондитерскую и за стаканомъ венгерскаго вспоминали Россію. Подполковникъ Набоковъ, москвичъ, оставившій въ первопрестольной столицѣ свою семью, постоянно раздѣлялъ нашу компанію. Онъ, по возможности, облегчалъ тяжелую службу, но кавалеріи такъ было мало, что ему не было возможности обойтись безъ насъ. Отъ постоянныхъ разбѣдовъ люди и лошади положительно выбились изъ силъ. Эскадронный командиръ приходилъ въ отчаяніе, что сытая лошадь стала напоминать одровъ. Онъ хотя и ворчалъ на начальство, но въ глубинѣ сердца вполнѣ сознавалъ, что ничего не подѣлаешь, и не по винѣ подполковника дали ему только одинъ эскадронъ. Наконецъ, судьба сжалась надъ нами, и къ намъ на помощь явилась сотня оренбургскихъ казаковъ. Славный народъ—эти оренбургскіе казаки: честные, выносливые, отлично понимаютъ значеніе военной дисциплины; они положительно казались для насъ кладомъ.

Однажды, послѣ обильнаго угощенія въ кондитерской, я хотѣлъ ложиться спать, какъ къ моему неудовольствію прибѣжалъ взводный вахмистръ.

— Ваше благородіе, чрезъ часъ эскадронъ неизвѣстно куда выступаетъ.

Хотя излишне выпитое венгерское клонило ко сну, но для разсужденія времени не осталось. Надѣвъ походную форму, я вышелъ на улицу. Было совершенно темно, и моросилъ дождь; сонные уланы выводили лошадей, слышалось ржаніе и лягъ оружія. Подѣхалъ эскадронный командиръ, и мы тронулись. Пройдя городъ, мы увидѣли стоявшую въ ружьѣ роту пѣхоты и взводъ казаковъ. По старшинству майоръ принялъ начальство. Мы были довольны, что отрядомъ командуетъ нашъ храбрый Османовъ, котораго мы не только любили, но и вполне довѣряли его доказанной опытности. Несмотря на дружескія отношенія, никто изъ насъ не позволилъ спросить его, куда мы идемъ. Майоръ понялъ наше желаніе, и, пройдя три версты, онъ подовалъ насъ къ себѣ и сказалъ:

— Мы безостановочно, господа, пройдемъ тридцать верстъ и остановимся въ одной усадьбѣ, гдѣ спрятанъ цѣлый складъ оружія, за которымъ завтра должны пріѣхать поляки. Владѣлецъ усадьбы— О...скій.

Объ этомъ помѣщикѣ намъ рассказывали массу анекдотовъ по поводу его скупости. Онъ былъ очень богатъ, но своею жадностью перещеголялъ Плюшкина.

Въ десятомъ часу мы подошли къ усадьбѣ, но никакого оружія не нашли.

Помѣщикъ насъ встрѣтилъ переконфуженный, и его длинная и сухая фигура какъ-то вся съежилась. Онъ призывалъ въ свидѣтели всѣхъ святыхъ, что онъ самый вѣрноподанный, и что именно за это поляки едва его не повѣсили.

Начальникъ отряда отправилъ 15-ть человѣкъ казаковъ, подъ командой пѣхотнаго офицера, вызвавшагося ѣхать охотникомъ, чтобы осмотрѣть окрестности, а уланы, разсѣлавъ лошадей, стали готовить пищу. Намъ всѣмъ страшно хотѣлось ѣсть, но такъ какъ выступленіе было экстренное, то у насъ не было никакихъ запасовъ. На наше счастье, помѣщикъ въ 12 часовъ пригласилъ насъ завтракать, и мы, конечно, очень обрадовались. Но каково было наше разочарованіе, когда, вмѣсто вкуснаго завтрака, насъ ожидалъ чай, ситникъ и сушенныя грибы.

Помѣщикъ чуть не со слезами на глазахъ просилъ извинить его за скромную трапезу, что, по его словамъ, произошло по внигъ загулявшаго будто бы повара. Все это оказалось вздоромъ, потому что, три часа спустя, тому же повару мы дали деньги, и онъ, купивъ провизію, приготовилъ хорошій обѣдъ.

Передъ вечеромъ повели лошадей на водопой. Обыкновенно ихъ ведутъ слѣдующимъ способомъ: одинъ уланъ въ поводу ведетъ своего коня и также и своего товарища. А если водопой далеко отъ стоянки, то на одну лошадь садится верхомъ, держа въ рукѣ поводъ другой.

Еще лошади не успѣли напиться, какъ въ дѣсу раздались крики и выстрѣлы. Пикеты подхватили, и пошла пальба. Кони шарахнулись, и болѣе чѣмъ половина бросилась въ дѣсъ. Кавалеристъ безъ лошади все равно, что пѣхотинецъ безъ ружья. Мы положительно опустили руки. Ясно, что непріятель грянетъ на насъ и воспользуется нашей немощью. Оставалась вся надежда на роту. Нашъ майоръ, сохранивъ полное присутствіе духа, живо приказалъ осѣдлать оставшихся лошадей и приготовился къ бою. Стрѣльба продолжалась, а поляки не показывались.

Вдругъ, вмѣсто банды, показался изъ дѣса скачущій во весь опоръ посланный въ летучій отрядъ пѣхотный офицеръ, а за нимъ три казака. На скаку онъ стрѣлялъ изъ револьвера и кричалъ «ура».

Подѣхавъ къ оторопѣвшему майору, онъ доложилъ, что ему удалось, послѣ упорной стычки, захватить польскій развѣздъ. Въ числѣ плѣнныхъ находились два бывшіе его товарища по полку, офицеры-поляки, измѣнившіе долгу чести и присяги. Во время перестрѣлки двое поляковъ были тяжело ранены, а одному казаку пуля попала въ руку навзлетъ. Выслушавъ донесеніе, майоръ за неумѣстную радость, выразившуюся стрѣльбой изъ револьвера, прочиталъ офицеру строгую нотацію, а потомъ уже поблагодарилъ за лихое исполненіе своей обязанности.

Теперь надо было подумать, какъ собрать лошадей. Майоръ вывел оставшіяся полурэскадронъ въ поле и приказалъ трубачу безостановочно играть сигналъ сбора. Скаканшіе по дѣсу безъ всадниковъ лошади, услышавъ знакомый призывъ, стали присоединяться къ оставшимся ихъ товарищамъ и черезъ полчаса всѣ до одной лошади уже находились въ рукахъ своихъ хозяевъ. Эскадронный командиръ вздохнулъ полною грудью: онъ избавился отъ тяжелой отвѣтственности. Когда казаки доставили раненыхъ и плѣнныхъ, мы тронулись обратно въ Сербець. Бѣжавшіе офицеры-поляки были очень юные. Они, окруженные конвоемъ, сидѣли въ повозкѣ, не смѣя взглянуть въ глаза окружающимъ. Ихъ лица были блѣднѣе полотна. Имъ была хорошо извѣстна ожидавшая ихъ участь.

Въ городѣ мы отдохнули только сутки. Было получено извѣстіе, что въ Млавскомъ уѣздѣ появилась большая банда, подъ командою француза Гаштова.

Цѣлую недѣлю мы преслѣдовали поляковъ, но въ открытый бой вступить не удавалось. На восьмой день похода, въ три часа утра, барабаны забили тревогу, подхваченную трубачами, и спустя четверть часа отрядъ уже былъ на сборномъ пунктѣ, и мы немедленно выступили.

Причиною тревоги было то обстоятельство, что Гаштовъ сдѣлалъ ночное нападеніе на небольшой отрядъ, высланный изъ Млавы для закупки фуража, и начальникъ прислалъ казака съ просьбой подержать его. Майоръ Османовъ повелъ эскадронъ на рысяхъ.

Чувство, которое овладѣваетъ человѣкомъ передъ вступленіемъ въ бой, не поддается точному описанію. Лично про себя скажу, что страха, въ полномъ смыслѣ этого слова, я не испытывалъ, но было какое-то щемящее чувство тоски и желаніе, чтобы все это испытаніе кончилось какъ можно скорѣе.

Полное молчаніе царило между уланами. Лица ихъ были серьезны и сосредоточенны. Старшій вахмистръ, получившій за турецкую кампанію два георгіевскихъ креста и поэтому, какъ говорится, нюхавшій порохъ, сердито ворчалъ на молодыхъ солдатъ, распускавшихъ поводья; но своихъ любимыхъ бранныхъ словъ теперь не произносилъ.

— Эй, Васильевъ! Чего сгорбился, спину собьешь лошади, аль со страху нагнулся, заморскій тюлень? А ты, Никитенко, зачѣмъ поводъ опустилъ, руки что ли задрожали? А еще уланы!—презрительно заканчивалъ фразу вахмистръ. Эта воркотня, повидимому, ободряющимъ образомъ дѣйствовала на солдатъ, и на ихъ сосредоточенныхъ лицахъ появлялась улыбка.

Пройдя пять верстъ, мы подъѣхали къ рѣкѣ и остановились. Мостъ оказался разобраннѣмъ, а между тѣмъ выстрѣлы отчетливо доносились до насъ. Проводникъ заявилъ, что въ трехъ верстахъ есть другая переправа. Лихой майоръ недолго оставался въ раздумьѣ. Отправивъ унтеръ-офицера съ приказаніемъ иѣхотѣ идти въ обходъ, онъ крикнулъ: «Ребята, съ Богомъ ва мной!» и пришипорилъ свою лошадь. Конь фыркнулъ и бросился въ рѣку. Эскадронъ, конечно, не отсталъ, и мы благополучно совершили переправу. Измокшіе мы снова пошли рысью.

Между тѣмъ храбрый французъ продолжалъ тѣснить небольшой Млавскій отрядъ. Онъ, гарцуя подъ выстрѣлами на своемъ красивомъ рыжемъ конѣ, собирался послѣднимъ рѣшительнымъ натискомъ раздавить непріятели, какъ вдругъ, въ тылу показался нашъ эскадронъ. Это столь неожиданное появленіе навело ужасъ на поляковъ, и они стали отступать къ лѣсу. Нужно было воспользоваться моментомъ. Майоръ, построивъ эскадронъ по-полуэскадронно, оставилъ два взвода въ резервѣ, а съ первымъ полуэскадрономъ пошелъ въ атаку. Раздался залпъ, но пули, свистнувъ надъ головами атакующихъ, понеслись въ пространство.

Нашъ полуэскадронъ находился въ резервѣ. Послѣ залпа и насъ повели въ атаку.

Поляки не выдержали натиска и бросились въ лѣсъ въ бѣгпорядкѣ.

Гаштовъ выбивался изъ силъ, чтобы остановить бѣглецовъ, но

ничего не помогало, они бѣжали, бросая свое оружіе. Такъ какъ въ лѣсу, кавалерія, вооруженная пиками, не въ состояніи дѣйствовать противъ пѣхоты, то мы и уступили мѣсто ротѣ Млавскаго отряда, перешедшей въ наступленіе. Въ лѣсу французу удалось остановить бѣглецовъ, и онъ захотѣлъ вновь испытать счастья. Завязалась сильная перестрѣлка, но подошедшія роты нашего отряда почти уничтожили банду.

Храбрый Гаптовъ, видя, что все потеряно, успѣлъ съ нѣсколькими всадниками благополучно ускользнуть и перешелъ границу.

Потери въ Млавскомъ отрядѣ были значительны. Въ нашемъ эскадронѣ оказались убитыми четыре лошади, считая въ томъ числѣ и офицерскую, да раненыхъ трое уланъ.

Начальникъ Млавскаго отряда сердечно благодарилъ майора за оказанную помощь и въ своемъ донесеніи высказалъ, что, только благодаря быстрому прибытію кавалеріи, онъ обязанъ уничтоженіемъ банды.

Тяжелую картину представляетъ поле битвы послѣ сраженія, и нужно обладать крѣпкими нервами, чтобы остаться хладнокровнымъ зрителемъ всѣхъ ея ужасовъ. Среди убитыхъ и раненыхъ я встрѣтилъ много юношей, далеко не достигшихъ двадцати лѣтъ. Большинство изъ нихъ, какъ выяснилось изъ допросовъ плѣнныхъ и раненыхъ, прибыли изъ Познани и Галиціи. Не чувство патриотизма заставило этихъ несчастныхъ взять въ руки оружіе, а голодъ и нищета, испытанная ими на своей родинѣ. Обѣщанные жондомъ два злата въ день казались такимъ богатствомъ, что за него стоило рискнуть жизнью, и вотъ они, голодные и оборванные, явились на пополненіе польской національной арміи.

Я уже говорилъ, что польская молодежь дралась превосходно, и прибывшіе изъ Галиціи и Познани поляки далеко не могли съ ними соперничать въ храбрости. Если бы у Гаптова подъ командой находились прежнія банды, онъ бы могъ надѣлать много хлопотъ, что онъ и доказалъ въ дѣлѣ подъ Вижунемъ.

Вскорѣ послѣ этой стычки я получилъ другое назначеніе. Новый намѣстникъ, графъ Бергъ, нашелъ необходимымъ подчинить мѣстную полицію, состоящую изъ поляковъ, военно-полицейскимъ властямъ. Главнымъ начальникомъ новаго учрежденія былъ назначенъ, съ званіемъ генераль-полицеймейстера, генералъ Треповъ, и учреждены должности военно-уѣздныхъ начальниковъ, а имъ въ помощь назначены военно-участковые начальники. Для пополненія штатовъ, изъ каждаго полка было назначено по одному офицеру, съ сохраненіемъ полковой формы. Приказомъ по полку я былъ откомандированъ для исправленія должности с...го участковаго начальника, въ Плоцкой губерніи.

IX.

Хотя юридически крѣпостное право давно уже не существовало въ царствѣ Польскомъ, но фактически крестьяне были въ полной зависимости отъ помѣщиковъ. Своего надѣла у нихъ не было, и всѣ они жили на барской землѣ. Провинился мужикъ передъ помѣщикомъ, и тотъ безъ всякаго состраданія выгонялъ его съ семьей на улицу.

Становыхъ приставовъ и волостныхъ старшинъ въ Польшѣ нѣтъ, и эти двѣ должности сосредоточены въ лицѣ гминнаго войта. Власть была настолько велика, что войтъ имѣлъ право подвергать тѣлесному наказанію лицъ непривилегированнаго сословія. На эту должность назначались мѣстные помѣщики, которые на законномъ основаніи творили судъ и расправу. Гминный войтъ былъ и судья, и администраторъ.

Высшая административная власть, за исключеніемъ губернатора, была въ рукахъ помѣщиковъ, и полный произволъ царилъ въ уѣздахъ.

Болѣе забытыхъ и униженныхъ личностей, какими были здѣшніе крестьяне, мнѣ нигдѣ не приходилось встрѣчать. Паны называли ихъ быдломъ, то-есть, скотомъ, и дѣйствительно имъ удалось довести ихъ до такого состоянія. Каждый помѣщикъ въ своемъ околоткѣ являлся какимъ-то удѣльнымъ князькомъ, передъ которымъ все трепетало. Въ свою очередь, эти же самые гордые паны обезличивались въ присутствіи магнатовъ. Подготовительныя работы къ мятежу начались за нѣсколько лѣтъ до момента вспышки, и для уѣздной администраціи это не составляло секрета. Организація тайной польской полиціи была доведена до совершенства, не было ни одного вѣдомства, въ которомъ не служили бы агенты жонда народоваго, члены котораго проживали въ Парижѣ и находились въ полной безопасности.

Очень часто случалось, что начальникъ отряда, получивъ секретное предписаніе отъ главнаго начальства о томъ, что въ такой-то мѣстности находится банда, немедленно выступалъ. О цѣли выступления даже не знали офицеры отряда, а начальникъ банды уже имѣлъ объ этомъ точныя свѣдѣнія. Взятые въ плѣнъ поляки говорили, что ихъ увѣдомляли о всѣхъ секретныхъ приказаніяхъ, полученныхъ частями войскъ. Ключи отъ шифрованныхъ депешъ мѣнялись ежедневно, но ничто не помогало, полякамъ все было извѣстно. Организація жандармовъ-вѣшателей была превосходна. Назначенные на эту должность люди отличались изумительной энергіей, расторопностью и преданностью дѣлу. Разъ жондъ приговаривалъ когонибудь къ смерти, то, какія бы онъ ни принималъ мѣры осторожности, казнь приводилась въ исполненіе. Количество

денегъ, собранныхъ для цѣлей возстанія, было такъ велико, что на эту сумму можно бы прекрасно вооружить собранныя банды, а между тѣмъ оружіе у нихъ было очень плохое. Это происходило оттого, что жондъ безконтрольно распоряжался деньгами, и, конечно, его члены не забывали себя, жуируя за границей. Польскіе помѣщики скоро убѣдились, что ихъ мечты о восстановленіи королевства лопнули, какъ мыльный пузырь, но они уже не могли ничего подѣлать, и приходилось платить и платить.

Назначеніе генерала Трепова на должность генераль-полицеймейстера и надѣленіе крестьянъ землею было самымъ сильнымъ подрывомъ неограниченной власти жонда. Полицейская власть также была вырвана изъ рукъ помѣщиковъ. При содѣйствіи участковыхъ начальниковъ, гминными войтами были выбраны крестьяне, а равно и гминные судья.

Это было тяжелымъ ударомъ для самолюбія пановъ.

Гминный войтъ имѣлъ право вызывать къ себѣ по дѣламъ службы всѣхъ, безъ исключенія, лицъ, проживающихъ въ его гминѣ. Тотъ, кого за нѣсколько дней до выборовъ панъ не иначе называлъ, какъ быдло, теперь требовалъ его къ себѣ для объясненій. Начальники участковъ были завалены жалобами объ оскорбленіи и ослушаніи гминныхъ войтовъ, но строгія взысканія образумили помѣщиковъ, и они, хотя наружно, какъ будто примирились съ новыми порядками.

Крестьяне съ большимъ уваженіемъ отнеслись къ назначеннымъ правительствомъ комиссарамъ, на обязанности которыхъ лежало устройство крестьянскаго быта и надѣленіе ихъ землею. Князь Черкасскій, какъ главный начальникъ этого новаго учрежденія, и его ближайшій сотрудникъ, Соловьевъ, горячо принялись за дѣло. Въ громадномъ большинствѣ, назначенные ими комиссары высоко держали русское знамя и отличались неподкупною честностью.

Такъ какъ возстаніе все еще продолжалось, хотя и въ самой слабой формѣ, то каждому изъ участковыхъ начальниковъ былъ данъ конвой изъ десяти казаковъ.

Въ числѣ первыхъ распоряженій генераль-полицеймейстера было запрещеніе носить трауръ. Виновный въ неисполненіи этого приказа подвергался слѣдующимъ взысканіямъ: 1) идущій пѣшкомъ—десять рублей штрафа, 2) ѣдущій въ бричкѣ—пятьдесятъ рублей и 3) ѣдущій въ рессорномъ экипажѣ—сто рублей. Если кто носилъ трауръ по умершимъ родственникамъ, тотъ получалъ письменное разрѣшеніе отъ участковаго начальника.

Богатыя помѣщицы довольно долго продолжали платить штрафъ за удовольствіе казаться ярими патриотками. Наконецъ, мужьямъ надобно платить за эту забаву, и ихъ супруги надѣли цвѣтныя платья.

Вскорѣ послѣ своего назначенія, генераль-полицеймейстеру удалось получить списокъ всѣхъ жандармовъ-вѣшателей, а равно и ихъ

примѣты. Копіи списковъ были препровождены участковымъ начальникамъ. Жандармы-вѣшатели находились подъ властью варшавскаго центральнаго комитета и мѣстнымъ польскимъ властямъ не только не подчинялись, но даже не были имъ извѣстны въ лицо. Генераль-полицеймейстеръ направилъ всѣ усилія къ тому, чтобы разузнать, изъ кого состоитъ варшавскій центральный комитетъ, и труды его увѣнчались полнымъ успѣхомъ: часть членовъ была арестована, а другая успѣла бѣжать за границу. Только благодаря аресту и удалось отыскать тотъ списокъ, копію котораго намъ прислали. Жандармы-вѣшатели наводили ужасъ на все населеніе, не исключая и польскаго начальства. Да оно и немудрено, потому что приговоры о смертной казни приводились въ исполненіе съ изумительною отвагой, среди бѣлаго дня, въ мѣстахъ расположенія нашихъ войскъ. Простой народъ при одномъ ихъ имени трепеталъ и по ихъ первому требованію отдавалъ послѣдній свой трудовой грошъ.

Благодаря списку, въ скоромъ времени шестьдесятъ жандармовъ находились уже въ рукахъ правосудія. Просматривая его, я нашель въ немъ фамилію Подгурскаго. Мнѣ тотчасъ припомнился разговоръ моего знакомаго офицера въ Люблинѣ объ убійствѣ Маруси. Къ сожалѣнію, рассказчикъ не наввалъ его имени, а въ списокѣ значилось: Францъ Подгурскій, на котораго возлагали самыя опасныя порученія, въ районѣ Плоцкой губерніи. Подъ его руководствомъ дѣйствовали еще пять жандармовъ. Мало ли фамилій Подгурскихъ, порѣшилъ я. Въ скоромъ времени мы получили дополнителныя свѣдѣнія, въ которыхъ значились ихъ примѣты.

— Странное совпаденіе,— сказалъ я себѣ,— тотъ Подгурскій рыжій, и нашъ рыжій.

Я получилъ приказаніе принять во временное завѣдываніе сосѣдній участокъ штабсъ-капитана К..., отправившагося въ госпиталь. Вскорѣ мнѣ дали знать, что въ этомъ участкѣ найденъ убитымъ въ своей квартирѣ ксендзь, причемъ на груди прикрѣплена традиціонная карточка: «такъ наказываются измѣнники». Прибывъ немедленно на мѣсто, я приступилъ къ дознанію, которое выяснило, что убитый пользовался большимъ расположеніемъ русскихъ властей, и что начальникъ участка, пріѣзжая въ селеніе, всегда у него останавливался. Этого было достаточно, чтобы заподозрѣть несчастнаго. Ксендзь жилъ въ небольшомъ домикѣ съ единственною прислугою, пожилою женщиною. По приказанію хозяина, она пошла въ сосѣдную деревню купить масла и, по возвращеніи, нашла его безъ признаковъ жизни. Изъ допросовъ оказалось, что подозрѣвать прислугу не имѣлось основаній, потому, что она служила ксендзу 28 лѣтъ, почти никогда не отлучалась и знакомства ни съ кѣмъ не вела. Одинъ только свидѣтель, парень лѣтъ 16-ти, показалъ, что онъ видѣлъ въ день совершенія преступленія какого-то человѣка

высокаго роста съ рыжей бородой. До этого времени онъ никогда его не встрѣчалъ.

— Куда же онъ отправился отъ ксендза? — спросилъ я.

— Онъ, когда вышелъ, то отвязалъ своего гнѣдого коня, сѣлъ на него и поѣхалъ очень быстро.

— Что, онъ молодой?

— Нѣтъ, не молодъ, лицо въ прыщахъ, дюже некрасивый.

На этотъ разъ примѣты совершенно совпали со спискомъ примѣтъ Франца Подгурскаго, а равно подходили и подъ примѣты вотчина Маруси. Я разослалъ гонцовъ по сосѣднимъ участкамъ, по ближайшимъ гминамъ и послалъ донесеніе военно-уѣздному начальнику.

Увы! Подгурскій точно въ землю провалился.

Когда выздоровѣлъ штабсъ-капитанъ К...ій, я передалъ ему его участокъ.

Однажды, меня разбудили ночью и сказали, что какая-то дама по экстренному дѣлу желаетъ меня видѣть. Я одѣлся и вышелъ въ приемную. Ко мнѣ подошла молодая и красивая брюнетка, лѣтъ 26-ти.

— Панъ начальникъ! — рыдая вскричала она. — Я жена помѣщика В..., его дочь отъ перваго брака, панна Викторія, покопчила жизнь самоубійствомъ, повѣсившись въ своемъ лѣсу. Безъ вашего приказанія гминный войтъ не дозволяетъ перенести тѣло въ усадьбу, а вѣдь это ужасно! Мой мужъ отъ горя близокъ къ помѣшательству. Умоляю васъ всѣмъ, что есть для васъ святого, дайте разрѣшеніе взять намъ трупъ несчастной.

— Простите меня, что я долженъ отказать вамъ въ этомъ. Но, будьте покойны, я сейчасъ приѣду съ докторомъ, и, послѣ составленія протокола, трупъ перенесутъ.

— Господи, какія ужасныя формальности! Въ такомъ случаѣ, пойдемте вмѣстѣ.

— Успокойтесь и поѣзжайте, ручаюсь вамъ, что мы прибудемъ вслѣдъ за вами.

Ваявъ съ собой доктора и писмоводителя, я тронулся въ путь. Когда мы вошли въ лѣсъ, то застали нѣсколько крестьянъ, караулившихъ трупъ. Никогда не забуду ужаснаго выраженія лица несчастной самоубійцы, повѣсившейся на шелковомъ кушакѣ. На немъ ясно можно было прочесть испугъ и отчаяніе. По соблюденіи формальностей, трупъ дѣвушки былъ перенесенъ въ усадьбу. Обойду молчаніемъ тяжелую сцену встрѣчи трупа единственной дочери старымъ родителямъ; достаточно сказать, что у всѣхъ присутствующихъ изъ глазъ полились слѣзы. О вскрытіи дочери несчастный и слышать не хотѣлъ, и мнѣ едва удалось убѣдить его, что это необходимо. По правдѣ сказать, былъ моментъ, когда я, тронутый горемъ отца, едва не изъявилъ согласіе оставить тѣло Викторіи

безъ вскрытія, но, къ счастью, докторъ этому воспротивился. Говорю «къ счастью», такъ какъ оказалось, что самоубійству предшествовало самое возмутительное изнасилованіе; царапины и отеки свидѣтельствовали объ упорной борьбѣ. Фактъ преступления былъ констатированъ, но прибѣгла ли опозоренная къ самоубійству или была повѣшена тѣмъ же самымъ злодѣемъ, осталось неразгаданнымъ.

Изъ разспросовъ домашнихъ и прислуги выяснилось, что въ день совершенія преступления Викторія была въ хорошемъ настроеніи духа, съ мачихой, повидимому, жила очень дружно, а въ десятомъ часу, по обыкновенію, отправилась гулять въ лѣсъ. Встреченный долгимъ отсутствіемъ дочери отецъ послалъ ее отыскивать. Посланные нашли ее повѣсившейся въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ дороги.

Вслѣдствіе моего донесенія, прибылъ въ усадьбу начальникъ убѣда и нѣсколько агентовъ полиціи. Несмотря на самое энергичное разслѣдованіе, нити преступления не были розысканы. Трупъ покойной былъ преданъ землѣ.

Когда я возвратился домой, то не прошло и часа, какъ ко мнѣ пришелъ юнкеръ уланскаго полка С.....ій. Прибывшій, высокаго роста, очень красивый шатенъ, былъ мертвенно блѣденъ и отъ волненія едва могъ говорить. Немного оправившись, послѣ двухъ выпитыхъ залпомъ стакановъ воды, онъ мнѣ сказалъ:

— Я только что пріѣхалъ изъ штаба полка, чтобы, перемѣнивъ лошадей, ѣхать къ моей невѣстѣ Викторіи, какъ мнѣ на постояломъ дворѣ сказали, что она лишила себя жизни. Правда ли это?

— Какъ, развѣ она была вашей невѣстой?! — спросилъ я, пораженный удивленіемъ.

— Совершенно вѣрно. Я самъ полякъ, и было рѣшено, какъ только я буду произведенъ въ офицеры, то сейчасъ же состоится наша свадьба. Но, ради Бога, отвѣтьте мнѣ на мой вопросъ.

Я передалъ всѣ извѣстныя мнѣ подробности.

Молодой человѣкъ во время моего разсказа рыдалъ, какъ ребенокъ. Потомъ онъ неожиданно вскочилъ со стула и, схвативъ меня за руку, вскричалъ:

— Я помогу вамъ открыть преступника! Клянусь всемогущимъ Богомъ, что я до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока злодѣй не будетъ открытъ. Я знаю, кто замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, и чья преступная рука руководила имъ. Я открою вамъ тайну, и тогда вы увидите, что я не ошибаюсь. Слушайте: пять лѣтъ тому назадъ, мнѣ шелъ девятнадцатый годъ. Я жилъ въ Варшавѣ у своей тетки. Въ домѣ одной моей дальней родственницы я познакомился съ гувернанткой ея дочерей. Это была очень умная дѣвушка, но страшная кокетка. Скоро я съ ней сблизился и сдѣлался ея любовникомъ, но, только клянусь вамъ, не первымъ. Гортензія, такъ звали дѣвушку, привязалась ко мнѣ и сильно полюбила. Она перестала кокетничать съ

другими, отказывалась отъ всѣхъ удовольствій, въ которыхъ я не принималъ участія, и, видимо, измѣнилась къ лучшему. Наша связь продолжалась два года и окончилась только тогда, когда я поступилъ въ полкъ и уѣхалъ изъ Варшавы. Боясь раздирающей сцены, я скрылъ свой отъѣздъ и уѣхалъ, не простившись съ нею. Мой пріятель мнѣ писалъ, что Гортензія была въ ужасномъ отчаяніи, и ее свезли въ больницу. Черезъ мѣсяцъ она изъ нея вышла, бросила мѣсто у моей родственницы и сошлась съ молодымъ евреемъ, сыномъ банкира. Когда началось возстаніе, случай привелъ нашъ эскадронъ на дневку въ усадьбу помѣщика Б... Представьте мое удивленіе, когда здѣсь я встрѣтилъ Гортензію, въ качествѣ не только гувернантки его единственной дочери, но и нареченной невѣсты старика.

— Какъ, — вскричалъ я, — г-жа Б... это и есть ваша прежняя любовница!

— Да, она.

— Продолжайте вашъ рассказъ, — сказалъ я, — можетъ быть, мы и найдемъ разгадку.

— Гортензія встрѣтила меня, какъ стараго знакомаго, и объяснила жениху, что жила въ качествѣ гувернантки у моихъ родственниковъ въ Варшавѣ. Во время нашего разговора вошла дочь ховлина, и я ей былъ представленъ. Когда нашъ эскадронъ выступилъ послѣ дневки, мое сердце мнѣ болѣе не принадлежало. Вскорѣ Б... съ дочерью и невѣстой пріѣхали на двѣ недѣли въ Плоцкъ, а пробыли мѣсяцъ. Въ это время я сдѣлалъ предложеніе Викторіи и получилъ полное согласіе. Мы условились объ этомъ никому не говорить, во избѣжаніе могущихъ произойти непріятностей со стороны польскихъ патріотовъ. Свадьба должна была совершиться, спустя нѣсколько недѣль, такъ какъ я уже представленъ къ производству въ корнеты. Отношенія мои къ Гортензіи не переходили отношеній хорошихъ знакомыхъ, и я всегда избѣгалъ оставаться съ ней съ глазу на глазъ. Послѣ того, какъ я получилъ согласіе на бракъ съ Викторіей ея отца, я замѣтилъ, что Гортензія сдѣлалась очень печальна и, видимо, искала случая переговорить со мною. Для достиженія своей цѣли, она рѣшилась на смѣлый поступокъ и пріѣхала ко мнѣ на квартиру. Я былъ страшно переконфуженъ, но она, не давъ мнѣ времени опомниться, бросилась мнѣ на шею. Между нами произошло очень бурное объясненіе; Гортензія на колѣняхъ умоляла меня отказаться отъ руки невѣсты, взаимнъ чего и она откажется отъ блестящей партіи. Когда эта женщина убѣдилась, что ея просьба не достигла результатовъ, она, не простившись со мною, вытѣсь себя отъ бѣшенства, оставила меня. Подъ предлогомъ служебныхъ обязанностей, я не поѣхалъ къ нимъ на свадьбу. Недѣли двѣ спустя, я заѣхалъ поздравить новобрачныхъ. Гортензія приняла меня очень любезно, и о прежнемъ разговорѣ не было и

помину. Моя невѣста была очень огорчена свадьбой родителя, такъ какъ ея сердце никогда не лежало къ мачихѣ. Мнѣ пришлось ее успокоивать, говоря, что не все ли равно ей, развѣ, что мы не будемъ жить вмѣстѣ. Можетъ быть, я сдѣлалъ величайшую ошибку, что не передалъ все мнѣ извѣстное ея будущему мужу, но развѣ я могъ на это рѣшиться? Во-первыхъ, я не смѣлъ разбивать будущность той, которая любила меня, а, во-вторыхъ, отецъ Вики до такой степени находился подъ вліяніемъ Гортенвіи, что и не повѣрилъ бы мнѣ. Онъ скорѣе могъ предположить, что я оклеветалъ его невѣсту, изъ боязни, что она вырываетъ изъ рукъ часть состоянія моей будущей жены. Горю я не помогъ бы, а себѣ и Викторіи надѣлалъ бы вредъ.

— Да, вы правы,—отвѣтилъ я.

— Теперь скажите мнѣ, господинъ начальникъ, не раздѣляете ли вы мое подозрѣніе, что въ этомъ преступленіи играла роль Гортенвіи?

— Ваше сообщеніе очень важно и, дѣйствительно, наводитъ на мысль, что госпожа Б... принимала участіе въ гнусномъ преступленіи. Вамъ во всякомъ случаѣ необходимо дѣйствовать съ крайней осторожностью, и нашъ разговоръ хранить въ тайнѣ. Позвольте вамъ дать добрый совѣтъ не ѣздить теперь къ отцу вашей невѣсты. Помолитесь на ея могилѣ вы всегда успѣете. При видѣ той, которую считаете виновницей въ разбитіи вашего счастья, вы позабудете всякую осторожность и испортите все дѣло.

Несчастный молодой человекъ, послѣ долгихъ колебаній, исполнилъ мой совѣтъ и въ тотъ же вечеръ уѣхалъ въ штабъ полка.

Х.

Не рѣшаясь ничего предпринимать, не посоветовавшись съ опытнымъ военнымъ уѣзднымъ начальникомъ, я поѣхалъ къ нему.

Онъ выслушалъ мой рассказъ внимательно и, когда я окончилъ докладъ, сказалъ:

— Я нисколько не сомнѣваюсь, что это преступленіе совершено по ея инициативѣ. Она сразу убила двухъ зайцевъ: отомстила любовнику и уничтожила конкурентку на наслѣдство мужа. Совершивъ преступленіе изъ мести, она вмѣстѣ съ этимъ отдала себя въ руки сообщника. Я убѣжденъ, что это простой наемникъ, который будетъ ее эксплуатировать. Необходимо учредить за ней самый тщательный надзоръ.

— Но вотъ вопросъ, г. молковникъ, какъ его учредить?

— Это мы устроимъ, у меня есть замѣчательно толковый агентъ изъ крещеныхъ евреевъ, которымъ я очень дорожу. Вотъ его-то я и передамъ въ ваше полное распоряженіе.

Сказавъ это, полковникъ позвонилъ и приказалъ гѣстовому позвать писца Захарова, который не заставилъ себя долго ожидать.

Онъ былъ небольшого роста, худощавый брюнетъ, съ умными, выразительными глазами, большимъ ртомъ и толстымъ красноватымъ носомъ.

— Захаровъ,—сказалъ полковникъ,—я поручаю вамъ важное дѣло. До сихъ поръ вы всегда хорошо исполняли мои порученія, надѣюсь, что и на этотъ разъ вы вполне оправдаете мое довѣрїе. Вы знаете, что я всегда вознаграждалъ ваши труды, а на этотъ разъ, если только будете имѣть успѣхъ, получите гораздо большую награду. Теперь слушайте внимательно то, что вамъ расскажетъ участковый начальникъ. Садитесь.

Я повторилъ докладъ, сдѣланный полковнику. Когда Захаровъ овнакомился съ его содержаніемъ, то, обратившись къ военному начальнику, сказалъ:

— Весьма возможно, ваше высокоблагородіе, что здѣсь замѣшаны жандармы-вѣшатели, и убійство имѣетъ политическую подкладку.

— Какъ, вы полагаете, что мачиха несчастной дѣвушки здѣсь не при чемъ?—спросилъ полковникъ.

— Я не говорю, что она не причастна, но только если она лонкая женщина, а въ этомъ я не сомнѣваюсь послѣ ея продѣлокъ, уличить ее будетъ трудно. Прибѣгнуть къ помощи частныхъ убійцъ ей было рискованно, потому что, дѣйствуя этимъ способомъ, она отдавала себя въ ихъ руки. Господинъ начальникъ сказалъ, что убитая—невѣста юнкера. Хотя онъ и полякъ, но все-таки служить въ полку и до ясу, какъ говорятъ мятежники, не ушелъ. Такихъ людей жондъ считаетъ измѣнниками. Въ качествѣ патриотки, мачиха могла увѣдомить польскія власти о желаніи дѣвушки вступить въ замужество съ врагомъ отечества, и дѣло готово. Ей не надо самой подкупать убійцъ. Комитетъ объ этомъ самъ позаботится.

Доводы Захарова своею логичностью поразили меня и, какъ я замѣтилъ по выраженію военнаго начальника, и его самого.

— Такъ-то оно такъ,—сказалъ полковникъ, кусая правый усь, что всегда доказывало его душевное волненіе,—но послѣ того какъ генераль Треповъ разгромилъ центральный комитетъ, уже некому подписывать смертныя приговоры.

— Осмѣлюсь не согласиться съ мнѣніемъ вашего высокоблагородія. Комитетъ еще не прекратилъ своего существованія; правда, что члены комитета сидятъ въ варшавской цитадели, но ихъ замѣнили кандидаты. Убійство корчмаря Ицки Зудермана Груйскимъ подтверждаетъ мое мнѣніе.

— Пожалуй, что вы правы,—согласился полковникъ и еще болѣе сталъ кусать свой усь.

— Какое это убійство?—полюбопытствовалъ я.

— Три недѣли тому назадъ, былъ убитъ въ 20-ти верстахъ отсюда зажиточный еврей. Ему перерѣзали горло, а на груди пришилили карточку, какъ это по обыкновенію дѣлаютъ исполнители приговора. Былъ онъ убитъ среди бѣлаго дня, въ то самое время, когда пошелъ на сѣноваль. Жена его видя, что онъ долго не возвращается, отправилась за нимъ и нашла своего мужа уже безъ признаковъ жизни. Его подозрѣвали въ томъ, что онъ открылъ намъ мѣсто, гдѣ хранился складъ оружія. Бѣдняга даромъ поплатился, — складъ открылъ Захаровъ. Да, доложу вамъ, этотъ жандармъ-вѣшатель Груйскій немало надѣлалъ намъ хлопотъ. Послѣ назначенія моего на должность, онъ привелъ въ исполненіе пять смертныхъ приговоровъ. Изъ-за него, скота, я едва не лишился мѣста. Начальникъ отдѣла приписывалъ это моему бездѣйствію. А по смотрѣли бы вы на этого вѣшателя. Не знаешь, въ чемъ и душа держится, маленький, плуговенькій. Да вотъ мой Захаровъ великанъ богатырь въ сравненіи съ этимъ убійцей. Груйскаго отыскалъ мой молодецъ Захаровъ. (При этихъ словахъ писецъ самодовольно улыбнулся).

— А все-таки, Захаровъ, — прибавилъ полковникъ, — я убѣжденъ, что вы чтонибудь пронюхаете.

— До сихъ поръ, господинъ полковникъ, мнѣ съ Божьей помощью всегда удавалось угодить вамъ, и теперь сдѣлаю все отъ меня зависящее. Одно меня еще утѣшаетъ, что у барышни не оказалось карточки. Можетъ быть, барыня, подъ вліяніемъ ревности, опростоволосилась, да и вошла въ прямое сношеніе съ убійцами.

— Такъ вы поѣзжайте, Захаровъ, съ участковымъ начальникомъ, я васъ отпускаю въ долгосрочную командировку.

— Позвольте мнѣ не ѣхать съ г-мъ начальникомъ, а я завтра вечеромъ самъ къ нимъ прибуду, а то если меня увидятъ съ ихъ благородіемъ, то можно все дѣло испортить.

— Ну, дѣлайте, какъ знаете. Вотъ вамъ на предварительные расходы пятьдесятъ рублей и отправляйтесь съ Богомъ.

Захаровъ взялъ деньги и вышелъ.

— Славный онъ малый, — сказалъ полковникъ. — Замѣчательно находчивый, любитъ опасныя порученія и очень храбрый, вотъ ужъ не похожъ на то, что происходитъ изъ евреевъ.

— Откуда вы достали такое сокровище?

— Я его давно знаю. Когда я былъ полковымъ казначеемъ, то онъ служилъ писаремъ. У насъ обокрали полковой ящикъ. Всѣ печати были цѣлы, поэтому, въ какое время совершено преступленіе, было неизвѣстно. Нѣсколько человекъ были посажены подъ арестъ. Захаровъ изъ любви къ искусству взялся обнаружить виновныхъ. Его труды увѣнчались успѣхомъ: оказалось, что кражу совершилъ вахтеръ, въ сообщничествѣ съ однимъ часовымъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ рублей, отыскалась вся похищенная сумма.

Ему за это выдали крупную награду. Когда я былъ назначенъ въ настоящую должность, то уговорилъ Захарова оставить въ полку сверхсрочную службу и поступить ко мнѣ. Я не ошибся въ немъ, и онъ мнѣ оказалъ очень много услугъ. Въ Захаровѣ есть еще одно неоцѣнимое достоинство; это—неподкупная честность.

Отобѣдавъ у полковника, я возвратился къ себѣ въ участокъ, съ нетерпѣніемъ ожидая рекомендованнаго мнѣ агента.

На другой день вечеромъ мнѣ доложили, что какой-то мужикъ желаетъ меня видѣть, и я приказалъ его привести ко мнѣ.

Ко мнѣ вошелъ мужчина, въ сѣромъ армякѣ, и, поклонившись по мѣстному крестьянскому обычаю до земли, сказалъ, что у него есть ко мнѣ большая просьба.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— А въ томъ, что вы не узнали Захарова, г-нъ начальникъ.

Я былъ просто пораженъ его искусствомъ измѣнить не только наружность, но и интонацію голоса. Положительно не вѣрилось, что передо мной стоялъ писецъ уѣднаго начальника. Да и могъ ли я узнать въ настоящемъ хлопѣ, шестидесятилѣтнемъ старикѣ съ бѣлою бородою, Захарова. Онъ былъ очень доволенъ, что я его не узналъ. Искусство, съ которымъ онъ гримировался, льстило его самолюбію.

— Теперь куда прикажите мнѣ отправляться?—спросилъ онъ.

Объяснивъ ему расположеніе усадьбы, я спросилъ, не нужна ли ему моя помощь.

— Пока мнѣ ничего не надо. Сначала мнѣ необходимо подробно ознакомиться съ мѣстностью. Сколько бы времени ни продолжилось мое отсутствіе, не извольте беспокоиться. Теперь попрошу васъ, г-нъ начальникъ, отправить меня на ночь подъ арестъ.

— Это для чего вамъ потребовалось?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Для отвода глазъ. У поляковъ вездѣ глаза и уши. Нужно даже стѣнѣ опасаться; такихъ шпионовъ, какъ у нихъ, во всемъ мірѣ не отыскать. Ночуя подъ арестомъ, я еще избавлюсь отъ лишняго расхода, а утромъ отправлюсь въ путь.

— Если вы желаете, я согласенъ. Скажите, Захаровъ, у васъ давно явилось призваніе къ сыскному дѣлу? Мнѣ про васъ полковникъ много рассказывалъ.

— Еще когда ребенкомъ былъ, то у меня ужъ эта страсть проявлялась. Бывало, если у когонибудь въ нашемъ городѣ совершится кража, то я, безъ всякой просьбы со стороны потерпѣвшаго, начинаю разнюхивать. Въ большинствѣ случаевъ мнѣ это всегда удавалось.

— Ну, а скажите, какъ вамъ удалось отыскать мѣстожителство жандарма-вѣшателя, о которомъ рассказывалъ полковникъ.

— Это вы про Груйскаго извольте спрашивать?

— Да, объ немъ.

— Нужно вамъ доложить, что я своего полковника, какъ отца родного, люблю. Когда я былъ писаремъ въ полковой канцеляріи, то меня нашъ адъютантъ просто переваривать не могъ. За малѣйшую провинность либо въ зубы, либо подѣ арестъ. Вѣрите ли, до того дошло, что я бѣжать хотѣлъ, ну, да, видно, Господь не допустилъ. Нашъ-то полковникъ въ то время былъ въ капитанскомъ чинѣ и правилъ казначейскую должность. Хотя они были строги по службѣ, но очень справедливы. Къ счастью моему, успелъ въ отставку ихъ писарь, я и упросилъ его рекомендовать меня казначею. Четыре года служилъ при немъ, а когда они попали въ майоры, то они меня рекомендовали новому адъютанту, и я въ старшіе писаря попалъ. Мнѣ такъ было хорошо, что я въ отставку не пошелъ, а на сверхсрочную остался. Оставилъ я полкъ по просьбѣ полковника, да съ ними сюда и попалъ. Груйскій своими разбоями едва нашего полковника не погубилъ. Отъ начальника отдѣла бумага за бумагой, а тутъ еще уже прямая нахлобучка отъ генераль-полицеймейстера. Вижу, дѣло плохо, нашъ полковникъ самъ не свой. Известно, человѣкъ женатый, пятеро дѣтей, а до пенсіи еще не выслужилъ. Вотъ я и отправился на поиски, вотъ въ этомъ самомъ зипунѣ, да прямо въ корчму, къ вдовѣ убитаго. Потребовалъ водочки, сталъ ее разспрашивать, кого она въ убійствѣ подозреваетъ. И рѣшительно, говорить, понять не могу, кто это сдѣлалъ. Сталъ я ей память пилифовать, наводилъ на разныя мысли. Вотъ она мнѣ и говоритъ, что за нѣсколько дней до убійства былъ у нихъ какой-то прохожій, маленькаго роста. Въ корчмѣ онъ захворалъ, да два дня у нихъ и пробылъ. За всѣ труды хорошо вознаградили, былъ такой ласковый и добрый. Узналъ я отъ нея примѣты прохожаго, хорошо ихъ запомнилъ, а когда вышелъ изъ корчмы, вынулъ изъ-за пазухи списокъ жандармовъ-вѣшателей, и примѣты одного какъ разъ совпали съ примѣтами Груйскаго. Сталъ я обходить селенія, всѣ корчмы обошелъ, да въ одной и столкнулся съ человѣкомъ, вполне подходящимъ подѣ примѣты того, кого разыскивалъ. Сталъ я за нимъ слѣдить и узналъ, что онъ проживалъ въ деревнѣ Малкахъ, хату тамъ занимаетъ. Вотъ на него злодѣи мы и нагрянули ночью. Защищался, что тигра люта, даромъ, что такой плюгавенькій. Изъ револьвера далъ три выстрѣла, только Господь миловать, никого не задѣли пули. А ужъ какъ полковникъ-то былъ радъ, просто и не зналъ, чѣмъ отблагодарить меня.

— Вотъ если бы вамъ теперь удалось, Захаровъ, отыскать преступника, то я и, съ своей стороны, наградили бы васъ за ваши труды.

— Очень вамъ благодаренъ, господинъ начальникъ, я и безъ всякой награды готовъ съ радостью служить. Мнѣ дорого вниманіе моего полковника, и что они моими способностями не гнушаются.

Пожелавъ ему полнаго успѣха, я отослалъ его, согласно желанію, подѣ арестъ въ домъ городской ратуши.

Утромъ я лично освободилъ Захарова, и онъ отправился исполнять возложенное на него порученіе.

Не знаю самъ почему, но я положительно былъ увѣренъ въ успѣхъ его предпріятія. Захаровъ даже своей фигурою внушалъ къ себѣ полное довѣріе. Организація сыскной части была болѣе чѣмъ необходима, но, къ сожалѣнію, у насъ ничего подобнаго не существовало. Правда, что въ каждомъ районѣ находилось нѣсколько человѣкъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, но, во-первыхъ, они не состояли въ нашемъ полномъ подчиненіи, а, во-вторыхъ, они всѣ, подобно намъ, были взяты прямо изъ фронта и поэтому житейской опытностью и знаніемъ полицейской службы не отличались.

XI.

Прошло три недѣли. О Захаровѣ не было ни слуху, ни духу. Я началъ не на шутку тревожиться за него. А тутъ еще уѣздный начальникъ чуть не черезъ день присылалъ узнавать объ его участи. Къ моей величайшей радости, въ одно прекрасное утро онъ явился ко мнѣ въ томъ же самомъ крестьянскомъ костюмѣ.

— Ну, мой милый, и напугали же вы меня своимъ долгимъ отсутствіемъ, — сказала я, пожимая его руку.

— Да вѣдь я просилъ васъ не тревожиться. Такія вещи не сразу открываются.

— Ну, есть что нибудь утѣшительнаго?

— Кажется, что намъ удастся звѣря поймать въ капканъ. Только надо дѣйствовать съ величайшей осторожностью. Малѣйшій промахъ, и всѣ труды мои пропали. Да вотъ сами судите о результатахъ моихъ дѣйствій.

Я попросилъ его присѣсть.

— Отъ васъ, — сказалъ онъ, — я прямо пошелъ въ усадьбу подлѣ предлогомъ отыскать себѣ мѣсто. Счастье мнѣ благоприятствовало. За нѣсколько дней до моего прихода за пьянство былъ уволенъ помощникъ садовника, и мнѣ управляющій предложилъ это мѣсто. Конечно, я съ радостью его принялъ. Мои обязанности заключались въ поливкѣ цвѣтовъ, чисткѣ дорожекъ и ношеніи дровъ въ оранжереи. Каждый день мы къ обѣду и ужину собирались въ людскую. Постоянно разговоръ сводился къ самоубійству барышни, которую всѣ очень любили за ея добрый и тихій нравъ. По общему мнѣнію, гнусное преступленіе могло быть совершено какимъ нибудь прохожимъ, не знавшимъ ея доброту, или какимъ нибудь мятежникомъ, бѣжавшимъ изъ банды. Новую барыню дворня не любила за ея гордость и грубое обращеніе со служащими. Ужъ на что, говорятъ, баринъ былъ добрѣющимъ человѣкомъ, а теперь она и его противъ всѣхъ вооружила. Горничная покойной барышни сказывала, что

передъ свадьбой она, сердечная, цѣлый часъ въ ногахъ у родителя валялась, умоляя его не вѣнчаться. Какъ ни любилъ баринъ единственную дочь, и хотя ранѣе ни въ чемъ ей не отказывалъ, а тутъ не посмотрѣлъ на ея слезы. Должно быть, гувернантка какимъ нибудь волшебнымъ зельемъ его опоила. А какъ вѣнчаться баринъ поѣхалъ, такъ барышня замертво и упала. Едва въ чувство привели. Всѣ эти разговоры ровно ничего мнѣ не открывали, и я уже началъ терять всякую надежду разузнать истину. Служба моя была очень тяжела, но я терпѣлъ. Вдругъ, сегодня ночью, я сдѣлалъ такое открытіе, какого и не ожидалъ. Видно, что само Провидѣніе пожелало отомстить за невинную жертву. Часовъ въ двѣнадцать ночи я направился спать въ свою будочку, какъ вдругъ увидалъ какую-то фигуру, перелѣзавшую черезъ заборъ, окружающій садъ. Полагая, что это простой ворюшка, забравшійся въ садъ за фруктами, я спрятался за дерево съ тѣмъ, чтобы поймать его съ поличнымъ. Къ моему удивленію, тотъ, кого я считалъ за вора, миновалъ фруктовую половину сада, вошелъ въ аллею и усѣлся на скамейкѣ. Я, какъ кошка за птичкой, слѣдовалъ за нимъ ползкомъ, притаявъ дыханіе. Ночь была лунная, и я разглядѣлъ черты лица ночного посѣтителя. Это былъ брюнеть, средняго роста, довольно тучный, съ окладистой бородой, одѣтый въ черное драповое пальто и въ пуховой шляпѣ. Прошло довольно много времени. Видно было, что онъ начиналъ терять терпѣніе и все время не сводилъ глазъ съ той стороны аллея, которая шла отъ барскаго дома. Наконецъ, я увидалъ нашу барыню, въ бѣломъ капотѣ, съ накинутымъ на плечи платкомъ, быстро приближавшуюся къ скамейкѣ, на которой сидѣлъ чернобородый. При видѣ ея, онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ ней навстрѣчу, при чемъ очень почтительно поклонился. Они сѣли рядомъ на скамейку. Онъ что-то тихо ей сказалъ, но словъ его я не разслышалъ.

— Но онъ требуетъ отъ меня невозможнаго!— вскричала она,— я и то ему заплатила гораздо больше условленной цѣны!

— Это ваше дѣло,— отвѣтилъ ей незнакомецъ,— но только онъ приказалъ мнѣ передать, что если его требованіе не будетъ исполнено, то мужъ все узнаетъ.

— Но вѣдь это будетъ низостью! Развѣ я виновата въ этомъ подломъ убійствѣ. Онъ покончилъ съ ней по собственному побужденію.

— Ну, ужъ извините, мы тутъ также не виноваты, она сама покончила съ собою. Мы только исполнили то, что намъ было приказано. За убійство мы бы не взяли такъ дешево.

— Хорошо, я исполню ваше требованіе, но кто мнѣ поручится, что это будетъ съ моей стороны послѣдняя жертва?

— Клятва моя и моего патрона будетъ за насъ порукою. Эти деньги намъ необходимы, чтобы бѣжать за границу. Проклятые мо-

скали намъ вздохнуть не даютъ, а члены нашего комитета въ крѣпости своею кровью клоповъ откармливаютъ.

— Завтра въ это время я вамъ вручу требуемую сумму, но отъ личнаго съ нимъ свиданія отказываюсь.

— Патронъ на этомъ свиданіи особенно настаиваетъ. Онъ говоритъ, что ему необходимо передъ отъѣздомъ лично объясниться по поводу очень важнаго дѣла.

— А вы не знаете, зачѣмъ я ему понадобилась?

— Не знаю.

— Такъ и быть, я исполню его желаніе, но только, клянусь вамъ, что это послѣдняя моя уступка. Скажите ему, что лучше я покончу съ собою, но ничьей рабой никогда не сдѣлаюсь.

Сказавъ это, она встала, кивнула головой и направилась къ дому.

Сегодня я отпросился въ мѣстечко и явился за приказаніями.

Поблагодаривъ Захарова, я спросилъ его, не можетъ ли онъ провести въ садъ двухъ казаковъ, чтобы совмѣстно съ ними можно было захватить злодѣевъ.

— Это сдѣлать легко, — отвѣтилъ онъ, — но только, чтобы они меня подождали въ лѣсу; какъ только явится возможность, я проведу ихъ. На всякій случай, нельзя ли будетъ еще одного лишняго казака прислать.

— Хорошо, я пришлю.

— А барыню прикажете арестовать?

— Нѣтъ, не надо, она никуда не убѣжитъ. Послѣ ихъ допроса, всегда успѣемъ ее задержать.

Когда ушелъ Захаровъ, я послалъ за урядникомъ, объяснилъ ему суть дѣла, и онъ, вечеромъ, въ сопровожденіи трехъ казаковъ, поѣхалъ въ усадьбу. Лишняго казака онъ взялъ съ собою, чтобы оставить при лошадяхъ.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ результата ночной экспедиціи. Въ шестомъ часу утра явился Захаровъ и торжественнымъ тономъ доложилъ, что два злодѣя имъ захвачены и находятся въ моей канцеляріи.

— Хорошо, что вы трехъ казаковъ прислали, а то съ ними, дьяволами, не совладать бы ни въ жизнь. Одного казака рыжебородый поранилъ ножомъ.

— Какъ же вамъ удалось ихъ захватить?

— Когда они пришли въ аллею, то барыня скоро къ нимъ вышла. Между нею и рыжимъ произошелъ бурный разговоръ; онъ требовалъ, чтобы она послѣдовала за нимъ. Получивъ отказъ, они оба бросились на нее. Барыня вскрикнула, а мы въ это время кинулись на нихъ изъ засады и послѣ продолжительной борьбы связали разбойниковъ. Воспользовавшись суматохой, ховяйка скрылась.

Я поспѣшилъ въ канцелярію.

Послѣ долгихъ заперательствъ, оба преступника, наконецъ, сознались. Рыжій оказался Подгурскимъ, а его товарищъ Скальскимъ.

Желая спасти свою жизнь, Подгурскій сдѣлался кротокъ, какъ ягненокъ, и своимъ чистосердечнымъ признаніемъ надѣялся избавиться отъ смертной казни. Оказалось, что это онъ исполнилъ приговоръ жонда надъ несчастнымъ ксендзомъ; кромѣ того, онъ принесъ повинную еще въ восьми убійствахъ. Относительно невѣсты С—го, онъ клялся, что на ея жизнь не покушался, и что она, послѣ совершеннаго насилія, сама покончила съ собою самоубійствомъ. Насиліе было ими учинено по уговору съ ея мачихой, за двѣ тысячи золотыхъ.

— Зачѣмъ вы требовали личнаго свиданія съ ней?—спросилъ я его.

— По правдѣ сказать, пани мнѣ очень приглянулась. Я желалъ сдѣлать ее своей любовницей и заставить обокрасть своего мужа. На эти деньги мы могли бы за границей вести безбѣдную жизнь. Если бы мнѣ не помѣшали ее похитить, я добился бы своей цѣли.

— А гдѣ ваша жена?—спросилъ я его.

— Развѣ вы знали ее?

— Не вы меня спрашиваете, а я васъ, отвѣчайте.

— Она умерла, съ годъ тому назадъ.

— Не покончили вы съ нею?

— Клянусь вамъ, что не я ее убилъ. Она была казнена, по приказанію жонда, Скальскимъ.

— За что?

— На нее былъ сдѣланъ доносъ, что она не благонадѣжна, и доносъ вполнѣ подтвердился.

— Не вы ли сами его сдѣлали?

— Нѣтъ, не я,—отвѣтилъ онъ, опустивъ глаза.

Скальскій призналъ себя виновнымъ въ исполненіи двухъ приговоровъ жонда, а именно: надъ женою Подгурскаго и надъ портнымъ Зелинскимъ.

По окончаніи допроса, оба жандарма-вѣшателя подъ усиленнымъ конвоемъ были отправлены къ военно уѣздному-начальнику.

Теперь мнѣ оставалось исполнить тяжелую миссію, а именно арестовать соучастницу преступленія—Гортевию В...

Въ сопровожденіи двухъ казаковъ, я отправился въ усадьбу ея мужа. Не доѣзжая двухъ перстѣ, я встрѣтилъ писаря гминнаго войта, который ѣхалъ ко мнѣ съ донесеніемъ, что супруга помѣщика В... отравилась. Когда я подѣхалъ къ дому, то ко мнѣ на встрѣчу вышелъ гминный войтъ и приглашенный докторъ. Несчастная, по словамъ врача, отравилась сильной дозой опиума. По всей вѣроятности, послѣ ареста ея соучастниковъ, она была увѣрена, что ея виновность будетъ обнаружена, и приняла мѣры, чтобы избавиться отъ земнаго правосудія. Не буду останавливаться надъ

отчаяніемъ старика помѣщика, сразу лишившагося двухъ самыхъ дорогихъ для него существъ.

Вскорѣ послѣ похоронъ Гортензіи, достойные друзья жандармовъ-вѣшатели, Подгурскій и Скальскій, были приговорены судомъ къ смертной казни черезъ повѣшаніе. Приговоръ былъ утвержденъ начальникомъ отдѣла и приведенъ въ исполненіе въ городѣ Плоцкѣ.

Усмиреніе мятежа пошло очень быстрыми шагами. Крестьяне, получившіе отъ правительства землю, выдохнули свободно. Избавившись отъ помѣщичьяго гнета, они всѣми силами старались оказать содѣйствіе мѣстнымъ властямъ.

По всѣмъ деревнямъ были учреждены сильные ночные караулы, и рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы изъ деревень не доставляли двухъ-трехъ вооруженныхъ повстанцевъ, которые, послѣ уничтоженія бандъ, въ одиночку занимались грабежами. Да и самимъ помѣщикамъ надоѣло изображать изъ себя дойныхъ коровъ и платить контрибуціи на проигранное безповоротнo дѣло. Жондъ продолжалъ еще нѣсколько времени разсылать приказы о внесеніи податей, но ихъ оставляли безъ вниманія. Грозная организація жандармовъ-вѣшателей уже была въ конецъ уничтожена, и некому было приводить приговоры въ исполненіе. Вдохновители возстанія—ксенды также пришли къ убѣжденію, что безъ помощи Европы борьба не мыслима, и посылали проклятыя по адресу Наполеона III, будто бы обѣщавшаго оказать полякамъ существенную поддержку. Благосостояніе помѣщиковъ такъ сильно пошатнулось, что необходимо было, отбросивъ въ сторону мечты, приняться за рациональное хозяйство.

Единственно, кто остался въ барышахъ отъ этой кровавой распри, такъ это евреи. Служа полякамъ и русскимъ, они набивали карманы, и большинство помѣщиковъ уже крѣпко сидѣло въ ихъ рукахъ.

По окончаніи мятежа, я снова вернулся во фронтъ и этотъ день считалъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ.

И. Н. Пономаревъ.

ИЗЪ ТАЙГОВОЙ ЖИЗНИ.

I.

СТЕКШІЕ сроки и манифесты вернули многихъ лицъ изъ Сибири въ Россію, и встрѣча съ ними взволновала меня теперь... Вѣдь 20 лѣтъ мы не видѣлись и думали никогда не свидѣться вновь. А молодость прошла вмѣстѣ, и какъ было не обрадоваться товарищамъ по судьбѣ! Вѣдь мы воспитались на однѣхъ и тѣхъ же традиціяхъ, разочаровались въ однѣхъ и тѣхъ же средствахъ, но сохранили одни и тѣ же идеалы. Прошлое воспитало изъ насъ братьевъ и, неудивительно, что намъ дорога наша семья... Стали прѣзжать и женщины, когда-то молодыя изъ зажиточныхъ и культурныхъ семей, съ дѣтства избалованныя родными и окруженныя въ обществѣ постояннымъ вниманіемъ и любезностями. А теперь онѣ были сѣдыми, съ короткими и плохо растущими волосами на головѣ, съ неровною походкой, вслѣдствіе продолжительныхъ заключеній въ одиночныхъ камерахъ, и только глаза сохранили свое честное и цѣломудренное выраженіе. Оживленный и умный разговоръ, одно интереснѣе другого воспоминаніе, пробуждали въ слушателяхъ участіе къ прожитой ими жизни.

— Тяжелаго я коснусь только вскользь,—начала моя знакомая изъ той же приполярной тайги.—Но не коснуться его и забыть со-всѣмъ мнѣ просто жаль...

Она говорила объ этомъ съ улыбкой и плѣняла меня примиренностью къ скорбнымъ годамъ своей жизни. Что съ воу упало — то пропало; а пропала молодость, красота и счастье...

— О, нѣтъ,—замѣтила она:—счастье не только во внѣшнемъ положеніи, но и во внутреннемъ ростѣ человѣка... Это тоже счастье чувствовать себя хорошо среди интеллигентнаго меньшинства и понимать его.

— Благородное существо — человѣкъ! — невольно вырвалось у меня.—Ничѣмъ его не обидишь, и все-то онъ воспоетъ во славу Божию.

— Я согласна! Съ этимъ только условіемъ я и вспоминаю минувшую жизнь. Какъ она ни тяжела, но ей я обязана многимъ... Очень многимъ. Я была привезена на каторгу съ самыми фантастичными представленіями о человѣкѣ и о своей родинѣ. Знаніемъ себя и людей я обязана Сибири.

Я попросилъ ее вновь въ краткихъ чертахъ рассказать свое прошлое.

— Комендантомъ нашимъ,—начала она:—былъ пожилой генералъ, желавшій установить хорошія отношенія съ ссыльно-каторжными, среди которыхъ было много хорошо воспитанныхъ людей, и жаловаться намъ на него было бы грѣшно... Я пріѣхала одной изъ первыхъ каторжанокъ, и онъ встрѣтилъ меня словами:

— Куда же я васъ дѣну? Мнѣ некуда васъ посадить.

— Это уже не мое дѣло заботиться о пріисканіи себѣ тюрьмы.

— Да, конечно,—согласился онъ и, пользуясь законнымъ предлогомъ, поселилъ меня на вольныхъ выселкахъ.

— Бѣжать вамъ не придется,—замѣтилъ онъ,—а казенныхъ работъ пока не предвидится.

На выселкахъ я прожила достаточно долгое время одна; но потомъ стали пріѣзжать на каторгу и другія женщины, жены осужденныхъ мужчинъ.

И онѣ размѣстились на вольныхъ выселкахъ, откуда приходили къ своимъ мужьямъ въ тюрьмы, приносили имъ обѣдъ и своею близостью смягчали ихъ тяжкую участь.

По прошествіи многихъ лѣтъ, всѣ стали дожидаться «сроковъ» и «манифестовъ». Многихъ переводили въ это время въ дальніе рудники, другіе выходили на поселеніе. Приходилось разлучаться очень близкимъ между собою людямъ и хлопотать вновь черезъ Петербургъ о совмѣстной жизни. Не одна слезинка была пролита всѣми нами при этихъ перемѣнахъ, но всѣ жили надеждой на лучшее будущее, и это многихъ успокоивало при переходѣ съ каторги на поселеніе пожизненно.

Она на минуту задумалась и потомъ стала продолжать рассказъ:

— Не радовало меня мое будущее на поселеніи, и мнѣ страстно хотѣлось вернуться въ Россію. Разговоры о ней были у насъ постоянные. Я стала хворать, мелкія непріятности и физическія не-

удобства портили характеръ и взаимныя отношенія между ссыльными. Терпѣнiе истощалось. Комендантъ не переставалъ быть внимательнымъ къ нашимъ нуждамъ, но ждать смерти на чужбинѣ было такъ мучительно... Новольно зарождалась мысль о побѣгѣ и преслѣдовала насъ при каждомъ крикѣ въ тайгѣ коростеля и кукушки. О, какой мучительницей каждаго поселенца и заключеннаго является эта кукушка изъ сосѣдняго сосноваго лѣса! Безъ волненія и грѣшной мысли о побѣгѣ и бродяжничествѣ нельзя ей внимать... «Генераль Кукушкинъ» зоветъ въ лѣсъ, говорятъ каторжники.

Она вынула у меня изъ книжнаго шкапа «Сибирь и каторгу» С. Максимова и прочла: «въ это время, у нѣкоторыхъ страсть къ бродяжеству принимаетъ форму какого-то особаго рода помѣшательства, со всѣми признаками настоящей серьезной болѣзни, которая требуетъ радикальныхъ средствъ, мучить и преслѣдуетъ больного, какъ какалъ нибудь перемежающаяся лихорадка, имѣя форму болѣзни периодической. Съ каждой весной такой заключенный начиналъ непремѣнно испытывать ея тяжелые, упорные припадки. Онъ начиналъ всѣхъ бояться, дѣлался задумчивымъ, молчаливымъ, равнодушнымъ ко всему, его окружающему; старался уходить куда нибудь въ уголь, прятался въ укромныя и темныя мѣста. На работахъ онъ испытывалъ тоску, которая доводила его до истерическихъ слезъ. Слезы эти и тоска разрѣшались обыкновенно тѣмъ, что онъ улучалъ таки время—и убѣгалъ. Больной пропадалъ обыкновенно все лѣто; къ осени появлялся въ заводѣ оборваннымъ, исхудалымъ, но веселымъ. Лицо его было исцарапано, руки и ноги въ синякахъ и въ занозахъ: знакъ, что больной гулялъ не просто, не жилъ въ наймахъ по занимкамъ (иначе принесъ бы мозоли), но совершая свои экскурси, прятался отъ людскаго глаза въ лѣсныхъ чащахъ. Отшельникъ этотъ на все лѣтнее время отвыкалъ отъ хлѣба и легко примирялся съ дикою пищею, употреблялъ ягоды: бруснику, малину и боярку, и разные корни и травы: черемшу, сарану, мангиръ и бѣлый корень, называемый ковымъ звѣробоемъ. Возвратившись на каторгу, онъ получалъ ровги и всю осень и зиму весело жилъ на работахъ; работалъ за двоихъ послушливо и безпрекословно, такъ что всѣхъ приводилъ въ удивленіе, но трудился такимъ образомъ только до весны, до кукушки.

— «Ваше благородіе!—молить онъ смотрителя.—Кукушка кукуетъ—уйду. Слышать не могу, соблазняетъ: уйду. Либо прикажите связать, либо на цѣпь къ стѣнкѣ приковать и лису наложить, либо сдѣлайте, что хотите. Не втерпѣжъ мнѣ это дѣло стало: я что нибудь самъ надъ собою сдѣлаю»¹⁾).

— Вотъ что значить «идти на вѣсти къ Кукушкину-генералу»,— прервала она чтеніе и продолжала:

¹⁾ «Сибирь и каторга», С. Максимова.

— Надо быть тутъ въ Забайкальѣ или «Якуткѣ», чтобы понять эту генеральшу-птичку въ тайгѣ, съ пѣснями которой здѣсь часто мѣняется жизнь всего ссыльно-каторжнаго населенія. Мы рѣшились бѣжать. Прежде въ Америку черезъ Владивостокъ, а оттуда въ Россію... Непремѣнно умереть на родинѣ и повидать хоть разъ покинутыхъ родныхъ и милыхъ намъ лицъ. До головокруженія эта мысль томила насъ, и трое изъ нашихъ рѣшились осуществить ее. Я была съ ними.

Она закашлялась и попросила дать ей отдохнуть. Черезъ нѣсколько минутъ она возобновила рассказъ.

— Вы хотите знать, — начала она: — какъ выслѣдили насъ съ тунгусами среди сибирскихъ пропастей и вернули съ солдатами обратно на каторгу? Эта исторія о томъ, какъ страшно трудно бѣжать изъ Сибири кому бы то ни было; какъ всѣ слѣдятъ тамъ за поселенцами: и крестьяне ¹⁾, и бурята, и начальство; какъ всѣ отлично узнають бѣглаго на дальнемъ разстояніи и рѣдко смѣшаютъ его даже съ золотопромышленниками. Сороки, вороны и тѣ каркають надъ его головой въ безлюдной тайгѣ и выдають его присутствіе полиціи. Эту исторію побѣговъ, съ облавами на бродягъ, мы знали отлично и долго готовились. Надо было прежде всего выбрать такой домъ на выселкахъ, въ которомъ не жили бы сами хозяева. Мы рассчитывали, что при хозяевахъ нельзя будетъ уйти изъ дому, чтобы утромъ они не замѣтили наше отсутствіе и не донесли бы о немъ. Долго ждали мы такого случая, и наконецъ онъ представился намъ. Мы поселились въ домѣ трое. Постепенно мы стали покупать лошадей и обрабатывать на нихъ какое-то поле, чтобы этимъ объяснить пріобрѣтеніе лошадей. Когда всѣ къ этому привыкли, стали изучать карту Сибири и тракты бѣглыхъ; пріучались узнавать дороги по звѣздамъ и компасу. Наконецъ, приступлено было къ розыску проводника-бывальщика. Надо сказать, что какъ ни обширна тайга, но всѣ проходы въ ней извѣстны наперечетъ въ мѣстныхъ административныхъ пунктахъ и, въ случаѣ побѣга важныхъ преступниковъ, эти проходы занимають исправники съ солдатами и бѣглецовъ ловять. Никто въ тайгѣ не пойдетъ новыми дорогами, а всѣ идутъ проторенными. Избави, Богъ, сбиться съ этихъ тропъ! Тотчасъ набредешь на обширныя рѣки, на рядъ отвѣсныхъ скалъ или на непроходимыя розсыпи изъ обломковъ откуда-то свалившихся горъ и разбившихся на огромные куски, разбросанные на протяженіи десятковъ верстъ. Горе бѣглымъ, у которыхъ нѣтъ проводниковъ, знающихъ броды въ рѣкахъ и окольныя дорожки кругомъ розсыпей. Затеряется здѣсь несчастный хуже, чѣмъ въ невылазной, лѣсной и болотистой тайгѣ; затрутъ его горы и рѣки въ такъ

¹⁾ Сибирякъ не любитъ бѣглаго. «Ильгый ѣсть прощное, посить брошеное и живеть крэдонимъ».

называемыя «щеки», изъ которыхъ часто нѣтъ выхода впередъ,—въ эти «пади» (горныя долины), которыя кончаются моремъ, пропастью, деревней или казеннымъ промысломъ. Во всѣхъ случаяхъ, бѣглому грозитъ поимка. Вотъ почему, очутившись въ такой «пади», бѣглецы испуганно восклицаютъ: «а мы вѣдь въ пади какой-то, и куда-то она насъ выведетъ?» Ничего нѣтъ легче облавнымъ образомъ выловить всѣхъ бѣглыхъ въ такихъ «падняхъ», и эти «пади» хорошо извѣстны каждой заводской командѣ, и миновать ихъ неопытному варнаку почти невозможно. Эти долины очень соблазнительны для бѣглаго, измученнаго на горныхъ кручахъ и переправахъ черезъ рѣки. Мы все это испытали на себѣ! Но не лучше и на тропахъ. Здѣсь бурята съ винтовкой, эти «таежные волки», или сибирскіе солдаты, устриваютъ засады на бѣглыхъ; первые убиваютъ ихъ, пронизывая на узкой тропѣ одной пулей двухъ и даже трехъ подъ рядъ, а вторые возвращаютъ обратно къ начальству. Тунгузы и бурята бевоншибочно выслѣдятъ всякаго преступника, котораго хотятъ поймать, несмотря на переходы бѣглымъ значительныхъ рѣкъ и безчисленные его спуски съ однѣхъ горъ на другія. Только опытный проводникъ и умѣнье опередить нѣсколькими днями распоряженіе о поимкѣ бѣглыхъ могутъ спасти послѣднихъ. Проводникомъ можетъ быть только бывшій «варнакъ». Это слово вотъ что значить. Побѣги въ Сибири всюду: и въ тюрьмахъ, и на каторгѣ; но между ними огромная разница. Изъ тюремъ бѣжить молкота, которая, прогулявъ въ лѣсу до заморозковъ, сама возвращается потомъ въ острогъ съ повинной.

«Не такъ бѣглый съ каторги,—говоритъ С. Максимовъ:—тертый калачъ, мятые бока, варнакъ—посибирски, чалдонъ—покаторжному. У этого другая цѣль и другая сноровка, иные пути, но пути намѣчены вѣрно и ладно и твердо изучены; онъ на нихъ не заблудится, его не спугаетъ никакой законникъ, не запутають никакія трупобы: ни географическія, ни юридическія. Варнакъ берется за дѣло побѣга, какъ за важное, политическое; онъ, какъ артистъ, смѣло постоять за свое искусство: и въ лѣсу онъ, какъ рыба въ водѣ, а въ ремеслѣ своемъ, какъ виртуозъ и мастеръ. Бѣглеца тюремнаго пощутъ два-три человекъ только для виду, ради службы и начальства, да и само начальство на такихъ невинныхъ гулякъ одной рукой машетъ, а другой вычеркиваетъ ихъ имена изъ списковъ содержащихся и помѣтитъ въ числѣ бѣжавшихъ. Но бѣжить варнакъ-бѣглець съ каторги: за нимъ для поимки сбивается и посылаются цѣлая облава конныхъ и пѣшихъ, отправляются впередъ и назадъ, во всѣ стороны, кучи повѣстоковъ и извѣщеній». Много разъ изловятъ «варнака», прежде чѣмъ онъ изучитъ въ Забайкальѣ, вблизи Карійскихъ промысловъ, «варнацкую дорогу» къ сѣверу отъ почтоваго тракта на село Торгинское и отъ него хребтомъ на Читу, съ Читы къ Баргузину, оттуда на рѣку Селенгу и въ Байкаль; пере-

плывъ его, войдетъ въ истокъ Ангары и по тайговымъ лѣсамъ, придерживаясь почтоваго тракта, подойдетъ къ Иркутску, Красноярску, Томску и за Уралъ... Не коротка «варнацкая» дорога. Труденъ побѣгъ изъ Сибири! Очень труденъ! Эта обширность лѣсовъ съ горными пропастями и многоводными рѣками не укрываютъ, а губятъ человѣка».

Мы ровыскали себѣ, наконецъ, проводника, который въ ранніе годы много разъ находился въ бѣгахъ и хорошо знаетъ въ свое время тайгу. Съ трудомъ намъ удалось подбить его за большія деньги вести насъ не къ Иркутску, а къ Владивостоку.

— Не берусь,—говорилъ онъ:—давно ходилъ на востокъ, а теперь забылъ дороги. Въ Китай събоюсь или въ безлюдную степь.

Мы его молимъ и просимъ, а онъ ссылается на свои годы и признается откровенно, что онъ не увѣренъ въ своихъ знаніяхъ проводника.

— Лѣса вырублены, зарубки и затесы погибли, а рѣки измѣнили теченье... Гдѣ былъ бродъ, теперь утонешь. Новыя горныя росыпи загораживаютъ путь, и мы не уйдемъ отъ погони.

— А, можетъ быть... Все Богъ! По зарямъ дойдемъ и не собьемся.

Но не Богъ, а деньги и отвага сдѣлали свое дѣло, и онъ далъ слово вести насъ. Лѣта его были не малые, но изъ себя онъ былъ сильнымъ старикомъ, и на слова его, казалось, можно было положиться.

— Я не обманываю васъ, господа,—сказалъ онъ.—Приготовляйтесь, а только твердо я не знаю тайгу... Забылъ. Давно это было... Теперь я вольный и давно не былъ въ тайгѣ. Бывало тянетъ послушать кукушку, а теперь отсидѣлъ срокъ и боюсь уходить отсюда. Никого изъ родныхъ у меня на родинѣ нѣтъ въ живыхъ, а послѣдній побѣгъ былъ чуть помню. Знаю, что надо идти къ Становому хребту, а за нимъ будетъ тайга, а тамъ во Владивостокъ по рѣкѣ дойдемъ. А что встрѣтимъ на пути—не знаю...

— Только ты не сбѣги отъ насъ въ дорогѣ, а вмѣстѣ какъ ни будь и выберемъ. Соглашаешься? Рѣшайся!

Щеки старика покраснѣли отъ волненія, и отвага загорѣлась въ его глазахъ. Онъ перекрестился на образъ и сказалъ, что черезъ двѣ недѣли будетъ готовъ идти съ нами.

Послѣдніе дни мы провели въ приготовленіи сухарей: пекли хлѣбъ, толкли его и порошокъ ссыпали въ кожаные мѣшка. Заготовили лѣкарство на всякій случай, пороху, дробы и ружья. Я достала себѣ также мужской костюмъ и выучилась ѣздить верхомъ на лошади. Къ концу второй недѣли все было готово... Мысль о комендантѣ сильно смущала насъ, но жить для его спокойствія мы тоже не могли и успокоивали совѣсть эгоистически. Получить онъ изъ-за насъ неприятную бумагу изъ Петербурга, и семья его на этотъ день не увидитъ его доброй улыбки на лицѣ; вотъ и все. А

мы, такъ уже много страдавшіе, хотѣли бы только умереть покойно у себя на родинѣ, а не здѣсь близъ рудниковъ и тюремъ.

Поздно ночью мы вышли изъ дому одни, а проводникъ увелъ лошадей съ вьюками впередъ. Съ ними онъ переплылъ рѣку, а мы перешли ее по мосту по очереди. Никто намъ не встрѣтился; ночь была темная, и всѣ спали на выселкахъ. Мы ѣхали день—другой по знакомой проводнику дорогѣ въ увѣренности, что наше отсутствіе еще не замѣчено. Скоро пришлось ѣхать напрямикъ, по отдаленнымъ примѣтамъ относительно направленія. Были уже пять сутокъ нашего ѳгства, и проводникъ сталъ задумываться относительно дороги. Узкими тропами ѣхали мы на лошадахъ, а иногда попадались горы съ такими крутыми спусками, что лошади наша обрывались и катились книзу кубаремъ, вмѣстѣ съ вьюками. Сколько разъ мы думали найти ихъ внизу разбитыми на смерть и сколько разъ находили ихъ въ обморочномъ состояніи. Подняться съ вьюками онѣ не могли и лежали ногами кверху. Мы ихъ разнуздывали, давали имъ перевести духъ и вновь тащили на кручи, иногда поддерживая ихъ сзади, иногда спуская ихъ на своихъ плечахъ. Благодарныя животныя были осторожны и понимали, какъ мы нужны другъ другу. Среди этихъ опасностей мы стали друзьями безъ увеличенія. На шестой и седьмой день, среди густаго лѣса, нашъ проводникъ нашелъ старыя зарубки на деревьяхъ и успокоилъ насъ относительно направленія. Но на десятый день онъ уже не могъ сказать, куда мы идемъ. Всюду тянулся лѣсъ и какой мертвый лѣсъ: ни птицы, ни звѣря не попадалось въ пути. За все время мы поймали въ одной рѣченкѣ двѣ форели, а впереди ничего не было видно, кромѣ пустыни. Скоро неизвѣстная намъ рѣка преградила намъ путь. На ея берегу мы поняли, какъ бесполезны въ подобныхъ странствованіяхъ и компасъ, и карты. Ничего нельзя было понять, и даже опытъ стараго бродяги ничего ему не подсказывалъ.

— Не былъ въ этой сторонѣ,—произнесъ онъ.—Видно, сбился. Не знаю бродовъ въ рѣкѣ, а переплыть ее страшно... Ишь, ревуть бѣляки-то между камнями. Ищите покояйнѣ мѣста.

Мы шли берегомъ, но съ каждымъ шагомъ рѣка становилась все грознѣе и грознѣе.

— Нужно ли переходить ее? — спросилъ кто-то въ отчаяніи.

Никто не отвѣтилъ. Проводникъ не рѣшался плыть на лошади.

— Я поплыву, — заявилъ одинъ изъ насъ. — Свяжите веревку отъ всѣхъ узловъ между собой и дайте мнѣ въ руку.

Онъ поплылъ на лошади, и скоро послѣдняя начала погружаться все глубже и глубже. Одна только морда виднѣлась, но умное животное продолжало плыть и, переплывъ быстрину, пошло легче. Веревки уже не хватало, но нашъ товарищъ добрался до другаго берега. Надо было слѣдовать его примѣру. Наши лошади были хуже

его, и намъ стоило большого труда переплыть рѣку. Проводникъ нѣсколько разъ срывался съ лошади, и мы думали, что онъ погибнетъ въ волнахъ. Онъ вышелъ на берегъ съ молитвой на устахъ.

Едва только мы обсохли и тронулись далѣе въ путь по равнинѣ, какъ вдругъ показались конные. То ѣхали бурята на одно изъ своихъ религиозныхъ празднествъ; они приняли насъ за золотопромышленниковъ. Мы, однако, побоялись распрашивать ихъ о дорогѣ и шли попрежнему наугадъ.

— Я сбился и веду, не зная куда, — повторялъ проводникъ. — Посидите здѣсь и ждите меня сутки. Я поѣду одинъ и разузнаю, куда лучше идти.

Мы дали ему лучшую лошадь, и онъ съ ней скрылся. Долго мы ждали его. Прошли сутки — онъ не показывался; въ концѣ другихъ сутокъ мы рѣшили, что онъ насъ покинулъ.

— Испугался отвѣтственности или голода... Но неужели мы сблизись съ дороги, и намъ грозитъ поимка? — думали мы.

II.

Въ слѣдующіе дни мы наткнулись на инородческіе улусы; но, рискуя быть схваченными и связанными, боялись зайти туда. Насъ, однако, замѣтили, благодаря нашей неосторожности. Уходя въ глубь лѣса и считая себя уже совершенно укрытыми, мы разложили костеръ и съ ужасомъ замѣтили, что затушить его нѣтъ силъ. Поднялся вѣтеръ, сосновые иглы вспыхнули, и лѣсной пожаръ готовился разыгаться и погубить насъ. Мы знали, что тушить лѣсные пожары въ Сибири бѣгутъ сибиряки и инородцы; огонь, опустошая лѣса, губилъ и скотъ, пасущійся тамъ. Поджоги караются самосудомъ, и намъ гровила опасность отъ огня и отъ людей. Мы бросились тушить пожаръ изъ всѣхъ силъ, развязавъ тюки и выбрасывая всю свою запасную одежду на огонь и преграждая ему путь къ высокимъ деревьямъ. Ногами топтали его, руками тушили, — словомъ, настоящая битва была съ огнемъ, и, наконецъ, намъ удалось погасить его.

— Теперь спасайся, — сказали мы. — Вѣроятно, бурята видѣли дымъ и прискачутъ сюда. На всякій случай ружья и револьверы слѣдуетъ имѣть наготовѣ. Мы поѣхали быстрѣе обыкновеннаго, но погони за собой не замѣтили и впоследствии узнали, что бурята этихъ улусовъ были на пожарищѣ, но за нами не погнались, и даже при опросѣ полицейскихъ чиновниковъ о бѣглыхъ ничего имъ не сказали о насъ, исключительно изъ боязни связываться съ представителями администраціи по какому бы то ни было дѣлу. Такимъ образомъ мы ѣхали долго тайгой безпрепятственно, но затѣмъ вновь наткнулись на широкую рѣку, совершенно безъ бродовъ. Ѣдемъ и

слышимъ издали, что гдѣ-то, за лѣсомъ, бурлятъ и шумятъ волны. Наконецъ, увидѣли и рѣку. Течетъ она въ непролазныя горы, и необходимо ее переплыть, чтобы не застрять въ ущельяхъ на нашемъ берегу. Страхъ овладѣлъ нашими душами. Хорошо, что между нами былъ не боящійся смерти товарищъ.

— Не все ли равно, — сказалъ онъ, — погибать въ рѣкѣ или съ голоду даже на обратномъ пути въ каторгу? Путь лежитъ черезъ рѣку, и напрямикъ нѣтъ дорогъ.

Мы это и сами сознавали. Опять связали ему веревки, и вновь онъ поплылъ на лошади. Видимъ, тонетъ онъ съ нею, а все плыветъ, плыветъ, но уже не поперегъ, а теченьемъ несетъ ихъ въ сторону.

— Потонешь! Потонешь! — вдругъ услышали мы съ того берега ломаный голосъ тунгуза.

Но уже мы не боялись этого дикаря, а псецѣло были поглощены спасеньемъ товарища. Онъ сорвался съ лошади и бился среди волнъ, а мы веревкой тащили его къ себѣ. Къ удивленію нашему, лошадь, почувствовавъ себя безъ сѣдока, вернулась къ намъ обратно, а не поплыла безъ него на тотъ берегъ. Мы ихъ вытащили къ себѣ, а тунгузъ продолжалъ стоять на противоположной сторонѣ и кричать:

— Потонешь! Не ходи въ рѣку! Лошадь тонетъ и человѣкъ тонетъ.

— Перевези, другъ, — взмолились мы. — Заплатимъ тебѣ.

— Постой, сбѣгаю за быками, — отвѣтилъ онъ и черезъ часъ пригналъ къ рѣкѣ двухъ огромныхъ быковъ.

На этихъ быкахъ онъ переплылъ къ намъ и перевезъ всѣхъ насъ. Лошадей мы едва-едва перетянули за поводъ: часто онѣ погружались совсѣмъ въ воду и вновь выныряли. Оборвисъ поводъ, каждая изъ нихъ неминуемо погибла бы, несмотря на то, что мы ѣхали верхомъ на быкахъ, а лошади были безъ сѣдоковъ. Быки давно привыкли къ этой рѣкѣ и переплывали ее легко. Видимо, дикарь-тунгузъ просто пожалѣлъ насъ и былъ счастливъ отъ подарковъ и небольшихъ денегъ. Мы простились съ нимъ и узнали отъ него, что здѣсь нигдѣ не виденъ Становой-Яблоновый хребетъ. Мы этимъ очень смутились, но пошли далѣе. Пришлось переплыть еще третью рѣку, и тогда только мы узнали издали вершины желанныхъ горъ.

— Перевалить только этотъ хребетъ, и тогда путь будетъ легче...

— Черезъ день-два мы будемъ по ту его сторону.

Разговаривая такимъ образомъ, мы шли впередъ, но путь становился все труднѣе и труднѣе. Встрѣчались отвѣсныя горы, на которыя подняться съ лошадьми не было силъ; тянулись расколотыя горы на мелкіе куски, и ихъ нельзя было перейти; отчаяніе овладѣвало самымъ неустрашимымъ изъ насъ. Провіантъ былъ уже на

исходѣ, а тайга оставалась все также безжизненною и мертвою. Мы скоро замѣтили, что и вершины дальнихъ горъ стали пропадать.

— Неужели это не Становой хребетъ, и мы блудимъ?

Никто не зналъ, что сказать на это, а двигаться впередъ было почти невозможно. Даже о возвращеніи назадъ нельзя было помыслить: и дорога была забыта, и исполнена такихъ опасностей, что вторично преодолѣть ихъ мы были бы не въ состояніи.

— Все впередъ и впередъ!

— Но и впереди смерть и, можетъ быть, отъ голода,— говорили мы между собой въ отчаяніи и упрекали другъ-друга за то, что выбрали путь на Владивостокъ, а не общую «варнацкую»: съ Кары по хребтамъ на Читы, съ Читы на рѣки Хилокъ, Чичу, Селенгу и въ Байкаль и къ Иркутску, въ тайговые лѣса, параллельно почтовому тракту къ Россіи.

— А бурята, эти «братскіе», перешедшіе на русскую сторону въ православіе... вѣдь убьютъ—попадись имъ на глаза.

При упоминаніи о «братскихъ» бурятахъ, мы невольно вспомнили описаніе ихъ у того же С. Максимова.

— Вотъ оно... Я его прочту,—сказала она и развернула книгу.

«Между бурятами ведутся такіе молодцы, которые иногда цѣлью жизни своей поставляютъ охоту за горбачами, а горбачъ—тотъ же бродяга съ неизмѣнною котомкою на спинѣ. Эти звѣри изъ монгольскаго племени отыскиваютъ жертву по огоньку, по костру, который разводятъ бродяги по сибирской привычкѣ, чаще для того, чтобы обогрѣться или сварить себѣ грибовъ, кашицу, или обогрѣть и дать отойти деревеньющимъ отъ ходьбы членамъ. Засвѣтился этотъ огонекъ въ сторонѣ, далеко отъ жилого мѣста, въ дикомъ лѣсу, и идетъ по этому мѣсту варнацкая дорога,— буряты налетаютъ, выстрѣломъ кладетъ одного; на всемъ лошадиномъ скаку заряжаетъ винтовку во второй разъ, кладетъ другаго и затѣмъ третьяго, если этотъ не успѣлъ бѣжать. Лопатина (носильное платье бродяги) награда буряту за выстрѣлы, а мертвыя тѣла уберетъ начальство земское, если натолкнется, или съѣдятъ волки, если на нюхаютъ. Случается иная расправа. Встрѣтитъ буряты бѣглыхъ безъ ружей, а самъ сидитъ на конѣ: либо захочетъ живыми взять и готовыхъ представить, тогда велитъ перевязать другъ дружку, третьяго спутаетъ самъ; либо велитъ сѣсть на колоду рядомъ, отбѣдетъ въ сторону да пулей изъ винтовокъ пронизаетъ всѣхъ троихъ разомъ. Въ его это волѣ».

Не менѣе страшны были для насъ и другія строки г. Максимова о бѣглыхъ на общей варнацкой дорогѣ: «многіе бѣглые, не доходя еще до Байкала, погибаютъ: кто заблудился въ глухихъ тайговыхъ мѣстахъ и умереть тамъ съ голода; кто, дерзко довѣрившись утлой лодкѣ, потонетъ на бурливомъ безпокойномъ Байкалѣ—морѣ, «отправится на дно омулей ловить»; иного наломаетъ медвѣдь въ лѣсу,

отоцавшаго и измученнаго тѣмъ болѣе, что горы и отроги Яблоноваго хребта такъ многочисленны, перевиты и перепутаны, такъ много въ нихъ фальшивыхъ падей, обманчивыхъ колковъ, что и самый опытный бродяга имѣеть полное право растеряться, прійти въ отчаяніе, потерять рѣшимость и твердость духа и заблудиться или провалиться. Нѣкоторые бродяги, счастливо одолѣвшіе лабиринтъ лѣсовъ и горъ, сейчасъ же за ними попадаютъ въ новыя опасныя мѣста съ правомъ умереть съ голоду на обширной Братской степи, гдѣ самъ буряты ѣсть плохо, живетъ разбросанно и все стремится встать жильемъ по окраинамъ степи поближе къ жильямъ русскимъ и къ лѣсамъ, а, стало быть, и къ водѣ. Не лучше и дальше, если попадетъ онъ на такъ называемую кругобайкальскую дорогу или кругоморской путь, идущій безлюдными мѣстами, съ которыми вотъ уже сколько лѣтъ не можетъ сладить искусство сибирскихъ инженеровъ и старанія подрядчиковъ! О многихъ бродягахъ высылаются только глухіе рапорты многихъ уѣздныхъ полицейскихъ властей, что вотъ найденъ въ такомъ-то «зимовѣ невѣстный бродяга замерзшимъ», на такой-то «заимкѣ, въ банѣ, столько-то умершихъ, вѣроятно, отъ угара». Великое множество бродягъ представляется въ заводъ и на судъ въ саняхъ и телѣгахъ съ отмороженными руками и ногами, окоченѣвшими на морозѣ до смертельной агоніи. Серьезныхъ ушибовъ и разныхъ вывиховъ бродяги уже въ счетъ не ставятъ: дѣло обыкновенное, каждому набѣжать приводится. Рѣдкій изъ вернувшихся не вывихнулъ либо руки, либо ноги; не зашибъ спины, либо боковъ и груди. Всѣ эти ужасы намъ пришлось теперь испытать на себѣ не за кнпгой въ теплой комнатѣ, а лицомъ къ лицу съ ними.

Мы продолжали идти наугадъ, запутываясь все болѣе и болѣе между рѣками и горными пропастями. Только что мы преодолѣли и переплыли рѣку и выбрались изъ ея каменистыхъ береговъ, какъ намъ предстояло опять подняться на кручи съ измученными лошадьми. Это былъ своего рода Ганнибаловскій переходъ Альпъ, и мы его совершили къ вечеру. Солнце было высоко, когда, поддерживая своихъ лошадей, мы подымались на горы и, поднявшись, уже застали его послѣдніе лучи. Но какое ужасное положеніе они освѣтили намъ! Мы поднялись на плоскогорье, которое черезъ полверсты оканчивалось прямо отвѣсною стѣной, а внизу бурлило, казалось, цѣлое море... Неизвѣстная намъ рѣка билась объ утесы съ страшною силой, и мы не могли сойти съ своего плоскогорья ни впередъ, ни назадъ.

— Вотъ положеніе! — воскликнули мы въ одинъ голосъ.—Сами попали въ ловушку, какъ Робинзонъ Крузо...

— Православные, отзовитесь!—пронеслось вдругъ въ воздухѣ.

Мы въ изумленіи посмотрѣли другъ на друга и замѣтили вдали на другихъ горахъ перебѣгающія тѣни.

— Это солдаты... Прятаться бесполезно,—сказали мы, оставаясь на открытомъ мѣстѣ подѣ лучами заходящаго солнца.

— Православные, отзовитесь!—опять раскатилось по горамъ.

— Насъ выслѣдили... да и хорошо! Здѣсь бы мы и погибли...

Голоса стали раздаваться съ разныхъ концовъ.

— Не стрѣляйте... Вы окружены. Ишь, забрались! Да васъ и не снятъ отсюда.

Мы узнали внизу по формѣ исправника, и солдаты уже приближались къ намъ. Было горько и досадно на неудачный побѣгъ, но въ минуту поимки мы встрѣтили солдатъ, какъ избавителей отъ неминуемой гибели. Теперь она казалась и намъ несомнѣнной.

— Ну, и помучили вы меня,—проивнесъ исправникъ.—Если бы не тунгусъ, мы бы не розыскали васъ; но онъ выслѣдилъ всѣ ваши переходы и ночлеги. Онъ даже удивлялся, какъ вы могли переплыть рѣки и перейти хребты. А теперь сдайте свое оружіе и вещи.

Мы стали спускаться обратно въ путь, и при спускѣ одна лошадь убила до смерти.

Жалѣли мы эту лошадь. Она была такъ понятлива и предана намъ, что владѣлецъ ея плакалъ о ней, какъ надъ человѣкомъ.

Исправникъ торопилъ насъ и все удивлялся, какъ можно было преодолѣть пройденный нами путь.

Обратная дорога съ проводникомъ тунгузомъ была прямѣе и безопаснѣе. Тѣмъ не менѣе мы такъ далеко углубились въ тайгу, что возвращеніе было продолжительно. Я успѣла простудиться и была оставлена въ одномъ изъ встрѣчныхъ по пути городковъ въ мѣстной больницѣ для сыльно-каторжныхъ. Она была переполнена... Я заболѣла сыпнымъ тифомъ, а служителей для ухода не было, и, пока я лежала, прибывали все новые больные и, между ними, много знакомыхъ и друзей. Мы сбивались въ одну кучу, безъ различія пола, и лежали въ безпамятствѣ рядомъ, приходя минутами въ себя и пользуясь ими, чтобы наколоть лѣду и положить его на голову сосѣда или сосѣдки. Босыми ногами бѣжишь бывало по полу колотъ ледъ и, оказавъ помощь, сваливаешься черезъ минуту тутъ же на койку. Другой больной замѣнялъ прежняго, и такъ въ полусовнаніи мы выходили самихъ себя. Часто, не имѣя силы шевельнуться, мы слышали голосъ доктора, увѣренно говорившаго о томъ, кто изъ насъ умретъ черезъ часъ, или шопотъ товарища, что ему холодно лежать уже съ окоченѣлымъ трупомъ сосѣда... А сальныя свѣчи въ палатѣ оплываютъ и чадятъ при аккуратномъ и всегда безъ результата окрикѣ проходящаго сторожа: «Сымай нагаръ!» Это повторялось въ теченіе ночи нѣсколько разъ, иногда въ одинъ голосъ съ раздраженнымъ больнымъ: «Пошелъ къ чорту!». Ко всему этому присоединялись голодь и холодь. Наступила зима и меня послали по этапу къ мѣсту назначенія. Этапы были холодные и, приближаясь къ нимъ, солдатъ кричалъ: «Затыкай окно со-

ломой... А не хочешь, тебѣ же будетъ холодно». Проѣдомъ черезъ тотъ или другой городишко кто нибудь, свой же братъ, бросить денегъ, одѣяло или пальто, и вотъ съ такими средствами я добралась наконецъ на свой заброшенный рудникъ. Я понимала, что за побѣгъ подлежу большой ответственности, и срокъ каторги будетъ продолженъ.

Комендантъ встрѣтилъ меня именно этими словами:

— Миѣ все равно,—иронически замѣтилъ онъ:—вы или другіе будете у меня на каторгѣ, или умрете вы въ бѣгахъ по таежнымъ лѣсамъ отъ голода и изнуренія. Не убудетъ и не прибавитъ меня, но на будущее время не рискуйте безъ надежнаго проводника покидать меня. Какъ ни худо жить здѣсь, но ухудшить положеніе вы можете, а исправить никогда. Не совѣтую вамъ рисковать жизнью, а другаго разговора на каторгѣ не можетъ быть. По закону, вы будете приговорены къ плетямъ за побѣгъ, но губернаторъ, обыкновенно, смягчаетъ такой приговоръ для интеллигентныхъ и плети отмиniająся имъ. Все однако въ его волѣ... На усмотрѣніе будетъ приговоръ посланъ.

Меня и моихъ товарищей по бѣгству посадили въ казематы въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Отъ другихъ заключенныхъ мы узнали, что комендантъ первое время придавалъ нашему бѣгству видъ самовольной отлучки и не увѣдомлялъ о томъ губернатора. Но, по наведеніи справокъ, когда оказалось, что мы брошены въ тайгѣ проводникомъ, онъ съ грустью, сказалъ: «теперь они все равно погибли... Дорога, выбранная ими, ведетъ на такія росыпи и «пади», что тамъ они и запутаются. Теперь уже нужно скорѣе увѣдомить губернатора, и пусть исправники ловятъ ихъ для ихъ же спасенія». Мы дѣйствительно были взяты наканунѣ гибели...

— Удивительный, право, этотъ комендантъ благородный!—перебилъ я ее.

— Просто добрый человѣкъ. Ну, чего ему ссориться съ ссыльно-каторжнымъ населеніемъ, когда оно и безъ того подъ надежной охраной среди непроходимыхъ лѣсовъ, горъ и рѣкъ. Онъ понималъ это и старался облегчить взаимныя отношенія, зная хорошо, что злоупотреблять ими мы не можемъ. Нашъ побѣгъ убѣдилъ его еще болѣе въ томъ, что мы безпомощны при самомъ добромъ и снисходительномъ къ намъ отношеніи администраціи; что здѣсь не нужны суровыя мѣры и гораздо лучше съ обезсиленными людьми познакомиться по-семейному.

— Это все благородно!

— Ну, конечно. Благородно и умно въ административномъ смыслѣ. Все у него на каторгѣ было спокойно, а побѣги кончались неудачами.

— Наконецъ,—спросилъ я ее:—кому опасенъ побѣгъ въ Америку и даже въ Россію, куда придетъ человѣкъ доживать остатокъ жизни

съ яснымъ разумѣніемъ своихъ малыхъ силъ и огромнаго могущества едва тронутой культурой родины? Не понимаю!... Вообще, по-моему, вашъ комендантъ былъ образцовымъ администраторомъ.

— Много хлѣба-соли пришлось намъ съѣсть вмѣстѣ,— отвѣтила она. — Наконецъ, я получила право вернуться въ Россію, и изъ всѣхъ администраторовъ по тюрьмамъ въ Сибири онъ одинъ не прибавилъ къ нашимъ страданіямъ новыхъ.... Я простилась съ нимъ при отъѣздѣ, глубоко признательная ему за то, что онъ ни разу не унижилъ меня за все время моего арестантскаго житья. Возвращеніе въ Россію было очень трогательно: съ каждымъ днемъ я была къ ней ближе, и чувства мои выливались взрывами радости и слезами. Я была особенно потрясена при приближеніи къ Екатеринбургъ, гдѣ, между деревнями Марково и Тугулинской, находится «граница» Азіи и Европы: это каменная колонна, болѣе сажени вышины, съ безчисленными надписями и фамиліями несчастныхъ лицъ, которыя не по своей волѣ переступали «границу». Невольно я вспомнила англійскаго путешественника, который трогательно говорилъ о колоннѣ.

— Я могу напомнить вамъ то, что онъ говоритъ...

— Сдѣлайте одолженіе, если у васъ есть его книги.

Я развернулъ англійскій журналъ и прочиталъ ей слѣдующія строки: «Это былъ сибирскій пограничный камень. Ни съ однимъ пунктомъ, отъ Петербурга до Тихаго океана, не связано въ Россіи столько печальныхъ воспоминаній, какъ эта маленькая лѣсная поляна и этотъ каменный столбъ, освященный печалью и людскимъ несчастьемъ. Сотни тысячъ человѣческихъ существъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, князей, дворянъ и крестьянъ, сказали здѣсь отечеству, родинѣ, друзьямъ и роднымъ послѣднее прости. Ни одинъ пограничный столбъ въ мірѣ не былъ свидѣтелемъ такого горя, такихъ тяжелыхъ невзгодъ, какъ этотъ: безчисленныя существа съ разбитыми сердцами миновали его. Такъ какъ столбъ этотъ находился почти на полпути между послѣднимъ европейскимъ этапомъ и первымъ сибирскимъ, то съ незапамятныхъ временъ существуетъ обычай дать ссыльнымъ здѣсь отдохнуть и сказать послѣдній привѣтъ родинѣ. Простой русскій крестьянинъ, будь онъ даже самый закоренѣлый преступникъ, проникнуть самою горячею любовью къ родинѣ; не удивительно, что здѣсь часто разыгрываются самыя душераздирательныя сцены. Одни предаются вполне обуревающему ихъ горю, другіе ищутъ утѣшенія въ слезахъ; третьи падаютъ ницъ и прижимаются лицомъ къ любимой родной землѣ или цѣлуютъ холодный каменный столбъ, какъ будто бы онъ былъ для нихъ символомъ всего дорогого, что они покинули».

— Да, все это вѣрно! все вѣрно!—воскликнула она.—Со слезами на глазахъ и я вступила въ Европейскую Россію, но на родинѣ скоро важнили мои раны, и воспоминанія о Сибири стали глубже и не-

разрывны съ признательностью ей за то, что она не сгубила во мнѣ ни любви къ людямъ, ни восторговъ къ ея богатѣйшимъ ландшафтамъ... А люди были хорошіе въ Сибири. Много было хорошихъ! Даже нашъ комендантъ... Такихъ людей административная и чиновная Сибирь ждетъ, и они должны быть у ней. Сибирь теперь страна неузнаваемая: университетъ, музеи, бібліотеки, школы и развитое общество. Было бы ужасно, если бы рядомъ съ этимъ въ Сибири не шло обновленіе въ административныхъ сферахъ. Вотъ куда бы вамъ ѣхать служить, — неожиданно закончила она рассказъ. — Много добра бы сдѣлали... А какъ тамъ нужны честные и благородные дѣятели въ официальномъ мірѣ! Какъ нужны! Страна съ большимъ будущимъ.

И былъ очень удивленъ тѣмъ, что она посылаетъ хорошихъ людей за Уралъ, гдѣ сама провела молодую жизнь въ неволѣ и страданіяхъ. А между тѣмъ она продолжала восторженно говорить объ этой странѣ:

— А какъ хороша сибирская природа! Какъ ее можно полюбить...

Рассказчица на минуту замолкла, мысленно переносясь «на край свѣта». Я посмотрѣлъ ей въ лицо, и въ эту минуту слѣдовъ каторги на немъ уже не было, а оно все сіяло добротой и тихой скорбью.

— Людей жаль, — произнесла она. — Ахъ, какъ жаль тѣхъ, что тамъ остались... Цинга, чахотка, сыпные тифы, голодь — всего и не перечесть. Жаль... Сама я уже не чувствую страданій за разбитую жизнь, а вотъ ихъ жаль... И даже полюбила свое прошлое и свои муки. У меня къ Сибири сохранились необыкновенно нѣжные чувства, и я ни разу не пожалѣла ихъ. Какъ-то все облагораживало ихъ, а не грязнило. Однажды, — воскликнула она, — мальчикъ моей подруги по каторгѣ игралъ на дворѣ съ собакой, а комендантъ, проходя, замѣтилъ ему:

— Послѣ того, какъ узнаешь людей, другъ мой, будешь любить собакъ..

— Неправда, комендантъ! Неправда! — закричала изъ окна тюрьмы мать ребенка. — Онъ видѣлъ уже много хорошихъ людей и не промѣняетъ ихъ на собакъ.

— Вотъ и мнѣ бы хотѣлось теперь закричать, вспоминая Сибирь: я видала тамъ много хорошихъ людей, и черезъ нихъ мнѣ открылось гораздо больше познаній жизни, чѣмъ при иной моей судьбѣ... Я не жалею на нее. Приходилось много читать, размышлять, присутствовать при потрясающихъ картинахъ на этапахъ и въ переполненныхъ больницахъ для ссыльно-каторжныхъ, но и здѣсь наткнуться на благороднѣйшія чувства людей и отвѣчать имъ тѣмъ же. А многіе ли знаютъ съ этой стороны себя и ближнихъ? А какая природа тамъ, — съ дѣтскимъ восхищеніемъ продолжала она: — ахъ, какая природа! Цвѣты какіе въ полѣ... У насъ въ саду только разводять

такіе. Ахъ, какіе цвѣты, какой запахъ!.. А тайга, а лѣса, а рѣки— то валонами льющіяся и огибающія горы, то шумящія, точно на одномъ мѣстѣ, между камнями; а горы—то отвѣсныя, или розсыпи непроходимыя... Не забыть мнѣ Сибири и ея хорошихъ людей! Никогда не забыть! — повторяла она съ волненіемъ въ голосѣ и украдкой отерла слезу на глазахъ.

— Испытанія ужь очень тяжки,—произнесъ я, чтобы чтонибудь сказать ей.

Она начала вспоминать ихъ и опять съ тѣмъ же восторженнымъ состояніемъ души отвѣчала:

— Можно было десять разъ уступить имъ и купить себѣ сравнительный покой и льготы. Но теперь я и имъ благодарна: тяжкія испытанія и дурные люди также нужны для лучшаго познанія благородныхъ людей. Никому мы такъ не обязаны болѣе, какъ тѣмъ, въ комъ мы обманулись.

Она произнесла горячій спичъ по ихъ адресу, и я также увлекся ея настроеніемъ, пославъ недоброжелателямъ отъ полноты сердца хоть частичку того сладкаго восторга, когда человекъ прощаетъ людямъ свои обиды и находитъ, что онѣ были ему нужны для высшаго разумѣнія собственнаго сердца.

Мы дѣтски хохотали, рассказывая другъ другу свои огорченія. Мнѣ также пришлось немало хлебнуть изъ общей съ ней чаши «испытаній», и потому у насъ нашлись и общія чувства, и общіе друзья.

— Многіе изъ нихъ,—продолжала она:—играютъ значительную роль въ культурныхъ теченіяхъ Сибири. Одни изъ нихъ, члены императорскаго географическаго общества, полезны Сибири, какъ экскурсанты въ экспедиціяхъ по изученію края, монгольскихъ надписей, памятниковъ былаго, геологи, палеонтологи, антропологи, этнографы, филологи и т. д. До смѣшнаго доходитъ эта отрѣшенность отъ жизни интеллигентныхъ таежниковъ, сибиряковскихъ и иныхъ экскурсантовъ... Есть даже кое-гдѣ и такіе, которые величаютъ въ мѣстныхъ изданіяхъ богатыхъ скопцовъ носителями культуры, а заѣзжающаго къ нимъ частенько какогонибудь «помпадура»—«талантливымъ иниціаторомъ» и авторитетомъ въ мѣстныхъ вопросахъ. Есть и такіе нравы въ нашихъ палестинахъ...

— Развѣ есть?—переспросилъ я.

Она не произнесла ни одной фамиліи, но всѣ онѣ вдругъ стали мнѣ ясны и извѣсны по одной улыбкѣ ея умнаго лица.

— Другіе изъ нашихъ,—продолжала она,—изучаютъ золотопромышленность и, наконецъ мечтаютъ на основаніи фактовъ о «приполярномъ земледѣліи». Въ іюльской книжкѣ «Сельскаго хозяйства и Лѣсоводства» вы найдете статью о земледѣліи въ Якутской области. Авторъ изъ тайги пытается укрѣпить мысль, что звѣроловство, скотоводство и рыбоводство на сѣверѣ все менѣе и менѣе обезнечи-

ваютъ жизнь инородцевъ, и что, для спасенія отъ вымирания, имъ необходимо земледѣліе. На собственномъ участкѣ, въ самой сѣверной части Якутскаго округа, на берегу рѣки Алдана, онъ развелъ собственное хозяйство и пытается доказать торжество земледѣльческой формы труда, но не владѣльческаго-промышленнаго, а лично-трудоваго, мелкаго... Онъ подбираетъ на своемъ опытномъ полѣ мѣстныхъ сѣмена, взвѣшиваетъ, вымѣряетъ ихъ; культивируетъ болѣе выносливые сорта полезныхъ растений, составляетъ опись препарированныхъ растений въ различные періоды ихъ развитія, таблицы измѣренія, рисунки—и все въ надеждѣ, что его мечта о приполярномъ земледѣліи обратитъ на себя вниманіе прессы, ученыхъ обществъ и специальныхъ учреждений. Бѣдный труженикъ! Его статью напечатали въ органѣ министерства земледѣлія, но общая пресса не замѣтила ея... Труженикъ-идеалистъ, согрѣвающійся «бузой» въ юртѣ якутки, съ четырьмя отъ него дѣтьми, прививаетъ земледѣльческіе корни въ тайговую почву и вѣритъ, что пароходное движеніе по рѣкѣ Алдану, съ намѣченными уже къ открытію золотыми пріисками по системѣ этой рѣки (въ верховьяхъ ея), общающа быструю ломку всѣхъ устьевъ у мѣстныхъ дикарей-таежниковъ, благоговѣнно преклоняющихся и передъ могучимъ Алданомъ, и передъ окаймляющимъ горизонтъ сибирскимъ верховьямъ хребтомъ. Тотъ и другой, изъ вѣжливости и боязни, никогда не называется по имени, а чтутся и именуются «дѣдушкой»... Эге.

Она засмѣялась и я спросилъ ее:

— Но вѣдь ни оживленіе торговли при усиленномъ пароходствѣ, ни открытіе пріисковъ въ приполярныхъ раіонахъ не смогутъ дать ничего хорошаго, если производительность труда инородца не будетъ удовлетворять новымъ потребностямъ и если фиктивная высота пріисковыхъ заработковъ оторветъ его отъ хозяйства? Едва ли кто можетъ пожелать обращеніе массы инородцевъ въ пріисковыхъ пролетаріевъ...

— А это неизбежный исходъ,—воскликнула она: какъ только остатки скота уплывутъ на пріиски, а земледѣльческое трудовое хозяйство не успѣетъ еще окрѣпнуть. Въ этомъ будущность приполярнаго края... Съ приближеніемъ культурнаго міра, весь экономическій укладъ приполярно-скотоводческаго края окончательно рухнетъ. Ужъ недалеко то время, когда уйдутъ отсюда послѣдніе остатки мяса, масла, шкуръ и другихъ мѣстныхъ продуктовъ, а инородцы обратятся въ звѣроподобныхъ тварей, такъ какъ даже въ роли рабовъ они не смогутъ выдержать рыночной конкуренціи съ пріѣзжими, которыхъ желѣзная дорога и пароходы не замедлятъ сюда доставить. И вотъ, подъ 64° с. шир., интеллигентный таежникъ говоритъ и свидѣтельствуетъ фактами о культурѣ разныхъ полезныхъ растений; требуетъ изученія соотвѣствующихъ краю системъ земледѣлія и въ вопросахъ о немъ нашель для себя и радость, и

горе... Не мало отягчаетъ его дѣло и эти экскурси въ Монголію и область прошлаго. Чтобы отмѣтить нѣкоторыя измѣненія въ остеологии инородцевъ, подъ вліяніемъ смѣшенія съ русскими, не жалѣются тысячи и не находится сотенъ рублей, чтобы содѣйствовать не пустовонному, а насущному вопросу о земледѣліи. Предполагаютъ найти ключъ къ возвышенію инородческихъ производительныхъ силъ въ антропометрическихъ, этнографическихъ работахъ, а со стороны администраціи—во вліяніи богатыхъ скопцевъ на край, кулаковъ изъ якутовъ (тойеновъ), въ увеличеніи числа ветеринаровъ, въ устройствѣ ссудныхъ кассъ, скотоводческихъ фермъ, специально агрономическаго училища... Но кто же не знаетъ сибирскія пространства, и что значать тамъ «штаты» ветеринаровъ; специалисты скотоводы и агрономы найдутъ также приложеніе своихъ познаній только въ сильныхъ капиталомъ хозяйствахъ, а кредиты разберутся бѣдняками не иначе, какъ на уплату кабалныхъ долговъ ихъ тойенамъ... Вопросъ о приполярномъ земледѣліи вовсе не въ техникѣ, а въ томъ, чтобы оно было не подспорнымъ промысломъ къ убыточному скотоводству, а обратно. Вотъ куда гнетъ этотъ вопросъ неутомимый нашъ другъ, отдавая ему десятки лѣтъ своего приполярнаго житія. Колумбъ безъ Америки!.. Но тѣмъ трогательнѣе его образъ въ тайгѣ, когда съ книгами и фактами въ рукахъ онъ доказываетъ, что тамъ, гдѣ растутъ въ дикомъ видѣ прядильныя и масляничныя растенія, гдѣ мѣстное населеніе употребляетъ въ пищу богатые сахаромъ и бѣлковиной дикорастущіе корни, нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ земледѣльческой культуры, и просить иркутскій отдѣлъ географическаго общества провѣрить его показанія на собственномъ участкѣ съ падалкой ярицы, гречихи, овса, конопли и даже огурцами. Его объ этомъ статьи и записки печатаются въ специальныхъ журналахъ, въ «сферахъ» выражаютъ имъ сочувствіе, ему самому удивляются, о немъ говорятъ, при личныхъ свиданіяхъ любезно извиняются, сожальютъ о недостаткахъ средствъ, времени, и, конечно любя, упрекаютъ его тѣмъ, что онъ «ретроградъ»... И онъ признаетъ за собой эту слабость: не оставлять колею честныхъ культуртрегеровъ и не сбиваться съ нея во вкусъ мѣстныхъ помпадуровъ и загнипотивированныхъ «Монголіей» ученыхъ.

— Удивительный человѣкъ,—тихо произнесъ я и вспомнилъ его, когда онъ былъ помѣщикомъ Пензенской губерніи, мировымъ судьей, съ университетскимъ образованіемъ и съ рѣдко доброй, довѣрчивой душой. Если изъ его трудовъ не останется практическихъ результатовъ, то нравственный обликъ борящагося интеллигента у полюсовъ за благосостояніе тайговаго обывателя волнуется сердце и воспитываетъ въ насъ лучшее представленіе о людяхъ.

— О, да!—горячо поддержала она.—Такихъ людей и въ тайгѣ уже мало осталось. Въ Сибири было много хорошихъ людей, любящихъ и вѣрящихъ въ человѣчество. Но многіе изъ стариковъ,

заброшенные туда бурею 60—70 годовъ, или отошли ad patres, или удачно эмигрировали, или получили право возвратиться въ Европейскую Россію. Съ удаленіемъ оттуда культуртрегеровъ и инициаторовъ на почвѣ реальныхъ интересовъ жизни, «якутка» окончательно обратится къ канцеляріи и къ наукѣ о мертвыхъ. А жаль практическихъ дѣятелей, умѣвшихъ и въ приполярной тайгѣ сдѣлать себѣ имя и прійти на помощь къ отдаленному, почти вымирающему, вмѣстѣ съ скотоводствомъ, инородцу. Сохрани имъ Богъ силы вынести извѣстіе о предоставленіи имъ правъ вернуться въ Россію! Какъ ни подготовлены они къ этому, но переходъ отъ надежды и это право забудоражать ихъ радостью до потери сна, аппетита и здоровья... Здѣ я сама все это испытала на себѣ! Вы тоже... Ждать и мечтать столько лѣтъ о родинѣ... Легально жить и трудиться на родной нивѣ! Не пройдетъ и года, какъ многіе по закону вернуться въ дорогую имъ всегда Россію, жизнью которой пришлось жить такъ долго лишь по слухамъ... Дай Богъ имъ силы и на радость, и на горе здѣсь въ кругу «присныхъ», и тамъ, гдѣ они заслужили довѣріе и право вернуться домой своими многолѣтними испытаніями изъ тайговой жизни.

— На этомъ и кончаются ваши воспоминанія о самой себѣ и друзьяхъ?—спросилъ я.

— Да, кончаются... Многого я не успѣла вамъ сказать, и словами не передать того, что чувствовала человѣкъ; но если настроеніе мое вы поймете, я буду довольна... Когда меня спрашиваютъ, что мы сдѣлали хорошаго въ жизни? Я отвѣчаю: «самихъ себя», но для этого нужно понять наше настроеніе и тогда судить насъ...

Подъ вліяніемъ живыхъ воспоминаній и поэтического отношенія къ страданіямъ, я невольно воскликнулъ, что если душа раскрыта высокимъ впечатлѣніемъ, то не надо завидовать тѣмъ людямъ, которыхъ воспитывали для счастья.

А. Фаресовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О К. П. ФОНЪ-КАУФМАНЪ

БЫЛЪ назначенъ въ 1855 г. въ гренадерскій резервный саперный батальонъ, стоявшій въ Новгородѣ и только что сформированный. Севастопольская осада въ то время была въ полномъ разгарѣ, и во всѣхъ частяхъ войскъ чувствовался громадный недостатокъ въ офицерахъ. Такъ было и въ батальонѣ, въ который меня закинула судьба. Кромѣ батальоннаго командира, тамъ было всего шесть офицеровъ, изъ которыхъ четыре нужны были для командованія ротами, а два служили адъютантомъ и канцеляремъ. Въ число первыхъ четырехъ попалъ и я, но батальонный командиръ не рѣшался дать мнѣ роту, такъ какъ мнѣ въ то время шелъ только двадцать первый годъ жизни, и я былъ совершенно несвѣдущъ въ службѣ, недавно оставивъ школьную скамейку.

О своихъ сомнѣніяхъ по отношенію ко мнѣ батальонный командиръ рапортовалъ въ инженерный штабъ, прося прислать какого нибудь офицера постарше и поопытнѣе меня. Но офицеровъ лишнихъ не было, и начальникъ штаба, Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ утвердилъ меня командиромъ четвертой роты.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того я поѣхалъ въ Петербургъ, безъ всякой особенной цѣли, а просто чтобы повидаться кое съ кѣмъ изъ старыхъ знакомыхъ. Тутъ встрѣтился я съ нѣкоторыми товарищами по училищу, и мы, на радостяхъ свиданія и чтобы спрыснуть мое назначеніе ротнымъ командиромъ, нѣсколько дней порядочно покутили.

Офицерское содержаніе въ то время было крайне скудно: такъ, напримѣръ, я, какъ прапорщикъ, получалъ всего семьдесятъ пять рублей въ треть, да кое-какіе прибавочные гроши на содержаніе денщика, что все вмѣстѣ составляло менѣе трехъ-сотъ рублей въ годъ. Понятно, что при такихъ средствахъ (а своихъ у меня не было) я не могъ много взять на поѣздку въ Петербургъ и скоро остался безъ гроша, такъ что не на что было вернуться къ мѣсту своего служенія. Занять было не у кого, и я, по совѣту одного изъ товарищей, рѣшился поѣхать къ Кауфману съ повинной головой.

Онъ жилъ тогда въ одномъ изъ павильоновъ, стоящихъ передъ Инженернымъ замкомъ.

Надѣвъ мундиръ, я каску взялъ въ руки и держалъ ее подъ шинелью, а голову прикрылъ фуражкой. Сдѣлалъ я это потому, что каска вообще была неудобнымъ головнымъ уборомъ, а въ Новгородѣ мы всѣ, офицеры, постоянно ходили въ фуражкахъ.

Подѣхавъ къ павильону, я вошелъ во второй этажъ, оставилъ въ передней фуражку, каску же взялъ по формѣ въ лѣвую руку и приказалъ денщику доложить о себѣ.

Кауфманъ немедленно меня принялъ.

— Скажите, пожалуйста, — спросилъ онъ, когда я представился: — съ вами сейчасъ никто не подѣхалъ ко мнѣ?

— Никто, ваше превосходительство.

— Я стоялъ у окна, — продолжалъ онъ, — и мнѣ показалось, что подѣхалъ еще одинъ офицеръ, но въ фуражкѣ.

При этихъ словахъ я вспыхнулъ, какъ ракъ.

— Это былъ я, ваше превосходительство. Я ѣхалъ въ фуражкѣ, а каску имѣлъ въ рукахъ.

— А-а! — протянулъ онъ, улынувшись. — Чѣмъ же я могу вамъ служить?

— Прежде всего, ваше превосходительство, позвольте поблагодарить васъ за утвержденіе меня командиромъ роты...

— Ахъ, да-да, помню! Ну, какой же вы будете ротный командиръ, когда у васъ еще и усы чуть замѣтны? Справитесь ли вы съ дѣломъ?

— Постараюсь, ваше превосходительство.

— Большая у васъ рота?

— Триста человѣкъ...

— Вотъ видите ли! Это большой составъ, дѣла будетъ много. Надѣюсь, вы оправдаете мое назначеніе.

Я молча поклонился.

— Имѣете чтонибудь еще сказать мнѣ?

Я снова покраснѣлъ, но, скрѣпивъ сердце, въ короткихъ словахъ объяснилъ свое положеніе и просилъ выдать мнѣ въ счетъ жалованья пятьдесятъ рублей изъ штабныхъ суммъ.

— Видите, я такъ и не трогалъ,— обратился онъ ко мнѣ.— Да какъ же это вы не догадались хоть два слова написать мнѣ въ объясненіе?

— Виноватъ, ваше превосходительство. Я хотѣлъ лично передать вамъ, но, не заставъ васъ дома...

— Ну-ну, Богъ съ вами!—перебилъ онъ меня.—Благо, теперь вы вывели меня изъ недоумѣнія. Спасибо вамъ, что заѣхали объяснить.

Онъ дружески протянулъ мнѣ руку, и мы разстались самыми лучшими пріятелями...

Пріятелями!—насмѣшливо и презрительно скажутъ мнѣ скептики. Экое фанфаронство, экое нахальство! Прапорщикъ и генераль-лейтенантъ—пріятели! Безусый офицеришка и начальникъ штаба—пріятели! Комаръ и слонъ—пріятели!

А между тѣмъ это было такъ, и я ни на волосъ не злоупотребилъ этимъ словомъ. Благодаря рассказанному случаю, К. П. фонъ-Кауфманъ дѣйствительно сталъ относиться ко мнѣ совершенно по-пріятельски и даже потоварищески, несмотря на разницу лѣтъ, на разницу въ общественномъ положеніи, на разницу въ служебныхъ отношеніяхъ и пр. Со временемъ, когда въ 1861 году я вышелъ изъ отставку и пересталъ быть его подчиненнымъ, наши отношенія еще улучшились, такъ какъ служебная дисциплина отошла въ сторону, и между нами рухнула главнѣйшая преграда къ болѣе дружескому сближенію.

Какъ всѣмъ извѣстно, К. П. фонъ-Кауфманъ былъ назначенъ виленскимъ генераль-губернаторомъ послѣ графа Муравьева, усмирившаго польское возстаніе. Однажды, пріѣхавъ по дѣламъ въ Петербургъ, онъ встрѣтилъ меня на Невскомъ проспектѣ и просилъ зайти къ нему, поговорить о старинѣ, подъ которою онъ разумѣлъ свою службу въ инженерномъ корпусѣ.

— Приходите утромъ,—прибавилъ онъ,— между девятью и десятью часами. Въ это время я всего свободнѣе.

На другой же день, нарядившись во фракъ, я поѣхалъ къ нему.

— Ну!—воскликнулъ онъ.— Къ чему это такія церемоніи? Я ожидаю васъ къ себѣ запросто. Садитесь. Вы курите?

— Курю, ваше превосходительство.

— Такъ вотъ сигары и папиросы, берите, что вамъ понравится.

Съ этими словами онъ позвонилъ и велѣлъ вошедшему лакею подать намъ чаю.

Сначала онъ меня разспросилъ о моемъ житьѣ-бытьѣ, а потомъ разговоръ неволью перешелъ на политическія событія даннаго времени и преимущественно на его труды въ Вильнѣ.

— Скажите, пожалуйста, Константинъ Петровичъ, какое впечатлѣніе

это я могъ лишиться роты и вообще испортить себѣ карьеру. Онъ посоветовалъ мнѣ возвратить деньги какъ можно скорѣе, для чего черезъ недѣлю нарочно отпустилъ меня въ Петербургъ.

На этотъ разъ я уже не надѣвалъ фуражки, а подѣхалъ къ навильону Кауфмана въ полной парадной формѣ, съ каскою на головѣ. Но, къ моему сожалѣнію, его не было дома. Такъ какъ я имѣлъ намѣреніе передать ему деньги лично, то вложилъ ихъ въ чистый конвертъ, безъ всякой надписи и не заклеенный.

Двери мнѣ открыла молодая горничная, очень изящно одѣтая въ ситцевое свѣтленькое платье, съ бѣлымъ передникомъ.

Мнѣ не было времени заѣхать другой разъ, и потому, заклеивъ конвертъ, я отдалъ его этой горничной, съ просьбой передать генералу отъ такого-то.

Но, вернувшись въ Новгородъ, я впалъ въ сомнѣніе на счетъ судьбы моихъ денегъ. Во-первыхъ, горничная могла перевернуть или и вовсе забыть мое имя, а, во-вторыхъ, я не догадался сдѣлать надписи на конвертъ, такъ что эта передача денегъ имѣла очень неряшливый и невѣжливый видъ. Батальонный командиръ, которому я высказалъ свои сомнѣнія, совершенно согласился со мною и посоветовалъ въ первый же разъ, что я буду въ Петербургѣ, заѣхать къ Кауфману и объясниться.

Я такъ и сдѣлалъ.

На этотъ разъ Кауфманъ былъ дома, и я засталъ его среди зала бесѣдующимъ съ командиромъ гвардейскаго конно-піонернаго дивизіона, учрежденнаго императоромъ Николаемъ I и упраздненнаго въ началѣ царствованія императора Александра II.

— Что прикажете, молодой человекъ?—спросилъ Кауфманъ, въ отвѣтъ на мой поклонъ у дверей.— Подойдите сюда!

Я приблизился и объяснилъ, что недавно возвратилъ ему деньги, передавъ ихъ въ конвертъ горничной, а теперь заѣхалъ собственно для того, чтобы лично поблагодарить его за оказанную мнѣ большую услугу.

Едва дослушавъ меня, Кауфманъ расхохотался чуть не до слезъ.

— Ну, что прикажете дѣлать съ этой молодежью!—сказалъ онъ, среди смѣха, командиру конно-піонернаго дивизіона.— Возвращаюсь, я однажды домой, и горничная передаетъ мнѣ конвертъ съ деньгами, безъ всякой надписи—кому и отъ кого! Говоритъ только, что въ конвертъ пятьдесятъ рублей, которые привезъ какой-то офицеръ, фамилію котораго она забыла. А я, въ свою очередь, совершенно забылъ, что далъ вотъ этому молодому человѣку деньги. Какъ ни ломалъ голову, ничего не могъ придумать, откуда онѣ и зачѣмъ. Порѣшилъ спрятать конвертъ не распечатывая и ждать объясненій отъ времени. Вотъ онъ, вашъ конвертъ.

Сказавъ это, Кауфманъ прошелъ въ кабинетъ и вернулся оттуда съ моимъ конвертомъ въ рукахъ.

Кауфманъ улыбнулся и махнулъ рукою.

— Даже къ наиболѣе палліативнымъ, — сказалъ онъ. — При этомъ вопросѣ надо уже говорить цифрами. Возьмите карандашъ и считайте на досугѣ сами, сколько это будетъ стоить и сколько времени потребуется, чтобы эта мѣра принесла хоть скольконибудь чувствительные результаты. Притомъ мы, русскіе, не умѣемъ исполнять такія мѣры. Возьмите хотя бы раздачу секвестрованныхъ, во время возстанія, польскихъ земель русскимъ. Ихъ раздаютъ чиновникамъ, которые менѣе когонибудь способны сдѣлать чтонибудь на пользу русскаго дѣла: они не ѣдутъ туда сами, а отдаютъ приобрѣтенныя земли тѣмъ же полякамъ или, что еще хуже, евреямъ.

— А я знаю, Константинъ Петровичъ, одного статскаго совѣтника Максимова, который приобрѣлъ такимъ способомъ имѣніе и самъ поселился въ немъ. Онъ и меня соблазнялъ обратиться къ вамъ съ просьбою о томъ же.

— И я бы вамъ ничего не далъ, — сказалъ Кауфманъ, засмѣявшись.

— Отчего?

— Не для васъ это дѣло. Чтобы жить тамъ, надо быть сильнымъ кулакомъ, такъ какъ приходится вести нескончаемую войну съ поляками и евреями, на что вы не способны. А дать вамъ имѣніе, чтобы вы его передали полякамъ или евреямъ, — я, по совѣсти, не могу. Притомъ же такихъ имѣній немного и было, и теперь уже почти не осталось. Объ этомъ болше накричали въ иностранныхъ газетахъ, чѣмъ въ дѣйствительности было.

— Такъ что ваше положеніе тамъ не изъ легкихъ?

— О, да! Даже очень тяжело! Много мѣшается дѣлу также и то, что нѣтъ людей, нѣтъ исполнителей. Часто не знаешь, кому поручить то или другое дѣло, а бываетъ даже и такъ, что совсѣмъ отказываешься отъ исполненія какойнибудь полезной мѣры, за немѣніемъ людей, которымъ можно бы было ее поручить.

Вообще, Кауфманъ смотрѣлъ очень скептически на польское дѣло и неохотно принималъ тѣ мѣры, которыя ему совѣтовались изъ Петербурга людьми, не знавшими положенія вещей на мѣстѣ и руководившимися не общегосударственными интересами, а чисто своими личными расчетами.

Въ Петербургѣ Кауфмана упрекали въ излишней строгости по отношенію къ полякамъ, что и послужило поводомъ къ тому, что потомъ его переѣстили изъ западныхъ губерній на такой же постъ въ Туркестанъ.

Но, во всякомъ случаѣ, какъ онъ и самъ это сознавалъ, постъ виленскаго генераль-губернатора въ то бурное время былъ совершенно не по его характеру и склонностямъ, и онъ съ большою радостью уѣхалъ въ глубину нашихъ азіатскихъ владѣній.

Однажды, я заѣхалъ въ Маринскій театръ, гдѣ имѣлъ мѣсто въ пятомъ ряду кресель. Во время антракта зрители, занимавшіе первый рядъ кресель, встали, оперлись о барьеръ, отдѣлявшій ихъ отъ оркестра, и лорнировали залъ. Оглядѣвъ ихъ, я, къ величайшему своему удовольствію, нашелъ между ними Константина Петровича. Хотя о пріѣздахъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургъ публикуется почти во всѣхъ газетахъ, но я, должно быть, провѣвалъ сообщеніе о пріѣздѣ Кауфмана, и потому увидѣть его въ театрѣ было для меня большимъ сюрпризомъ. Немедля я всталъ и подошелъ къ нему.

Онъ, по обычаю, дружески пожалъ мнѣ руку.

— Давно вы въ Петербургѣ, генераль?—спросилъ я.

— Вотъ уже третья недѣля,—сказалъ онъ.

— Не знаю, какъ это я просмотрѣлъ о вашемъ пріѣздѣ, а то бы давно заѣхалъ къ вамъ. Надѣюсь, вы не завтра уѣзжаете обратно?

Онъ засмѣялся.

— Пріѣхать сюда изъ Ташкента—это не то, что изъ Царскаго Села,—сказалъ онъ.—Я пробуду здѣсь по крайней мѣрѣ три мѣсяца, если не больше. Очень радъ, что мы съ вами столкнулись, такъ какъ эти дни я думалъ о васъ и хотѣлъ послать за справкой въ адресный столъ. У меня есть просьба до васъ. Вы не откажетесь ее исполнить?

— Если она возможна, то уже исполнена, если же не возможна, то будетъ исполнена,—отвѣтилъ я, пародируя слова министра финансовъ де-Колоннъ, сказанныя имъ Маріи-Антуанеттѣ, когда она просила у него достать деньги для покупки брильянтоваго ожерелья.

Мой отвѣтъ разсмѣшилъ Кауфмана, и, пожалвъ мнѣ руку, онъ сказалъ:

— Здѣсь о дѣлѣ неудобно говорить, да и мало времени. А если васъ не очень затруднить, то заѣжайте ко мнѣ завтра утромъ.

— Въ какомъ часу прикажете?

Онъ подумалъ немного.

— Часу въ десятомъ... Это удобно для васъ?

— О, хотя бы ночью. Вы не должны забывать, Константинъ Петровичъ, что всегда и во всякое время можете располагать мною, какъ вамъ угодно.

— Благодарю, мой другъ. Такъ завтра я буду васъ ждать.

На другой день, къ десяти часамъ, я подѣхалъ къ дому на Большой Морской, въ которомъ онъ остановился, и, войдя въ залъ, крайне удивился, найдя въ немъ человѣкъ тридцать просителей, начиная отъ военныхъ генераловъ и кончая бѣдными вдовцами или отставными солдатами. Всѣ они стояли кругомъ стѣнъ и терпѣливо ожидали выхода Кауфмана. Вчера, назначая мнѣ часъ для свиданія, онъ, вѣроятно, забылъ, что въ это время у него будетъ пріемъ, мелькнуло у меня въ головѣ. Въ первую минуту я хотѣлъ уйти,

чтобы захватить въ другое время, но потомъ передумалъ и остался, помѣстившись въ самомъ хвостѣ публики.

Минуть черезъ десять лакей во фракѣ отдернулъ портьеру со-сѣдней комнаты, и въ залъ вошелъ Кауфманъ. Разумѣется, всѣ присутствующіе глубоко поклонились ему. Онъ отвѣтилъ на общій поклонъ и обвелъ глазами кругомъ. Я стоялъ спокойно, надѣясь, что онъ начнетъ пріемъ съ генераловъ, и до меня очередь дойдетъ еще не скоро; но, къ моему, а, вѣроятно, и къ общему изумленію, онъ быстро прошелъ чрезъ весь залъ прямо ко мнѣ и, взявъ подъ руку, повелъ въ свой кабинетъ.

— Очень радъ,—говорилъ онъ дорогою,—что вы не измѣнили своему обѣщанію. Пойдемте, мнѣ крайне нужно и спѣшно съ вами поговорить.

Приказавъ лакею задернуть портьеру, онъ предложилъ мнѣ кресло у стола, передъ которымъ сѣлъ.

— Мнѣ помнится,—началъ онъ,—что вы занимались одно время жалѣнными дорогами?

— Да, ваше превосходительство, занимался.

— Голубчикъ!—воскликнулъ онъ,—такъ вы можете оказать мнѣ большую услугу...

— Все, что прикажете,—отвѣтилъ я, поклонившись.

— Видите, въ чемъ дѣло. Я вѣдь пріѣхалъ сюда не для прогулки, какъ вы можете понять, а для того, чтобы передать правительству, во-первыхъ, о своихъ впечатлѣніяхъ, которыя произвелъ на меня этотъ совершенно новый для насъ край, а, во-вторыхъ, чтобы ходатайствовать о главнѣйшихъ нуждахъ его. Самое же главное, въ чемъ онъ нуждается, это въ проведеніи жалѣзной дороги, безъ чего не мыслимо развитіе края, ну... да и политическія соображенія побуждаютъ къ тому же. Наднихъ я говорилъ объ этомъ съ военнымъ министромъ, который вполне раздѣляетъ мой взглядъ и предложилъ мнѣ представить ему проектъ и расчетъ дороги.

— У васъ сдѣланы какія нибудь изысканія?—спросилъ я.

— Ничего нѣтъ, милый вы мой, ровно ничего нѣтъ! Вотъ въ томъ-то и бѣда теперь. У меня есть только карты, и то, конечно, не геодезическія, такъ какъ триангуляція до насъ еще не доведена.

Онъ взялъ съ бокового стола большой свертокъ и развернулъ его передо мною.

— Вотъ видите, это все, что мы имѣемъ пока. Такъ какъ я проѣхалъ по этимъ землямъ два раза, то могу вамъ сдѣлать нѣкоторыя объясненія и дополненія. Начнемъ дорогу отсюда...

И онъ началъ мнѣ объяснять по памяти о свойствахъ той мѣстности, по которой предполагалъ провести линію дороги, дѣлая иногда кое-какія отмѣтки на картѣ. Я, въ свою очередь, вынувъ записную книжку, записывалъ его замѣчанія.

— Вѣдь теперь, конечно, нельзя требовать точнаго и подробнаго

проекта,—сказалъ онъ, когда мы прошли всю линію.—Сдѣлайте, если можете, схематическій проектъ, чтобы хотя приблизительно можно было составить расчетъ стоимости дороги. Вы понимаете меня?

— Понимаю, ваше превосходительство.

— Сколько времени понадобится вамъ для этого?

— А вы очень спѣшите съ этимъ дѣломъ?

— Каждый часъ дороги!

— Все-таки я попрошу васъ дать мнѣ недѣлю времени...

— Недѣлю?—переспросилъ онъ, подумавъ.—Хорошо, идетъ на недѣлю.

Затѣмъ, естественнымъ образомъ, нашъ разговоръ перешелъ на Туркестанскій край, о которомъ Кауфманъ говорилъ съ большимъ увлеченіемъ. Онъ подробно описывалъ мнѣ его настоящее состояніе, говорилъ о богатствахъ земли, объ орошеніи, о торговлѣ, образованіи и т. д. Ничего тамъ не было, все надо было заводить, начинать, создавать. Работы было много, но работы созидательной, плодотворной, которая, такъ сказать, горѣла въ рукахъ...

Между прочимъ я спросилъ его: имѣетъ ли онъ понятіе объ азіатскихъ владыкахъ, что это за люди и чего отъ нихъ можно ожидать?

— О!—сказалъ онъ,—къ нимъ совершенно непримѣнима наша европейская мѣра. Да вотъ, чтобы не долго распространяться, расскажу вамъ слѣдующій анекдотъ. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда хивинскій ханъ прислалъ ко мнѣ своего племянника привѣтствовать меня съ прибитіемъ. Въ собственноручномъ письмѣ онъ, между прочимъ, просить меня оказать ему, по доброму сосѣдству, маленькую услугу именно: оставить племянника у себя, а ему, то-есть хану, возвратитъ только голову его, полученіе которой онъ почтетъ за видимый знакъ моего расположенія къ нему... Какъ вамъ это понравится?

— Вотъ-то чудакъ! Да развѣ самъ онъ не могъ казнить племянника, если это было нужно?

— Вѣроятно, не могъ или боялся. Какъ видите это совершенные дикари, разбойники, и ханъ ничѣмъ не отличается отъ своего послѣдняго подданнаго, кромѣ дорогого халата. Также необразованъ, также грязень и также дикъ.

— Но все-таки я не могу понять: какъ онъ могъ додуматься до такой нелѣпой просьбы къ вамъ?

— Я думаю, очень просто. Наслышавшись о могуществѣ бѣлаго царя, онъ по-своему рассудилъ, что этотъ бѣлый царь, имѣя много милліоновъ подданныхъ, только и дѣлаетъ, что рубить имъ головы. Вѣдь въ глазахъ подобнаго дикаря могущество выражается единственно въ возможности рубить головы. Откуда ему не далеко было дойти до мысли, что и генералы бѣлаго царя пользуются такой же властью, и что я, какъ вновь прибывшій, не откажусь, для начала

знакомства, оказать ему эту маленькую пріятельскую услугу. Вѣдь всакий иѣрится на своей аршинъ.

Я случайно взглянулъ на часы, стоявшіе на каминѣ, и замѣтилъ, что было уже одиннадцать часовъ. Для провѣрки я вынулъ свои карманные: они тоже показывали одиннадцать.

— Ахъ, Боже мой! — спохватился Кауфманъ. — Вѣдь въ залѣ меня ждутъ. Простите, голубчикъ, мнѣ надо принять всѣхъ ожидающихъ меня. Такъ возьмите эту карту и сдѣлайте, что будетъ возможно. Черезъ недѣлю я жду васъ.

Сказавъ это, онъ быстро вышелъ въ залъ и началъ пріемъ. Признаюсь, что я давно думалъ объ ожидавшихъ въ залѣ, но, во-первыхъ, не считалъ приличнымъ напоминать о нихъ, а, во-вторыхъ, вся бесѣда Кауфмана была такъ любопытна, что я съ жадностію его слушалъ, хотя, какъ говорится, сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Поэтому, когда я проходилъ черезъ залъ и видѣлъ устремленные на меня глаза измученныхъ долгимъ ожиданіемъ просителей, то мнѣ казалось, что я виноватъ передъ ними тѣмъ, что не простился съ генераломъ тотчасъ же, какъ мы окончили дѣловой разговоръ, и позволилъ себѣ слушать его рассказы, уже не нѣвшіе дѣлового характера.

Черезъ нѣсколько дней Кауфманъ сообщалъ мнѣ, что онъ показывалъ мой проектъ военному министру, и что это дѣло, вѣроятно, въ скоромъ времени осуществится.

Въ теченіе своей жизни я никогда не встрѣчалъ человѣка по-живого, при томъ администратора, занимавшаго высокіе посты, который сохранилъ бы такую юношескую свѣжесть, какъ К. П. фонъ-Кауфманъ. Это былъ чрезвычайно живой человѣкъ, живой не въ смыслѣ быстроты движеній, а въ смыслѣ такомъ, что его не заѣла служебная рутинна, что до конца своихъ дней онъ сохранилъ способность увлекаться всѣмъ новымъ и увлекаться съ чисто юношескимъ пыломъ.

Однажды, мы разговорились о путяхъ сообщенія, именно о томъ, какой громадный переворотъ совершили въ человѣческой жизни желѣзныя дороги и пароходы.

— А что будетъ, Константинъ Петровичъ, — замѣтилъ я, — когда изобрѣдутся подводныя суда и летательные аппараты? Вѣдь тогда весь строй нашей жизни совершенно измѣнится и болѣе кореннымъ образомъ, чѣмъ его измѣнили желѣзныя дороги.

— А знаете ли, — сказалъ онъ, — что вѣдь это время очень недалеко.

— Почему вы такъ думаете?

— Да я уже плавалъ въ подводной лодкѣ.

— Можетъ ли быть?

— Увѣряю васъ. Вы, можетъ быть, слышали о подводной лодкѣ, изобрѣтенной В.? ¹⁾

— Какъ же, я даже лично знаю его.

— Ну, такъ вотъ, когда она была построена на средства морского министерства, и надо было ее испробовать, то я имѣлъ возможность плавать въ ней.

— Ну, право же, Константинъ Петровичъ, я не повѣрилъ бы этому, если бы не вы сами мнѣ рассказывали, — замѣтилъ я.

— Развѣ вы меня считаете такимъ трусомъ? А это что? — прибавилъ онъ шутя, указывая на свой георгиевскій крестъ.

— Это совсѣмъ другое дѣло: на людяхъ, какъ говорится, и смерть красна; кромѣ того, рискуя жизнью въ бою, васъ поддерживаетъ сознание великаго дѣла, которымъ вы служите государству. А рисковать жизнью, довѣряя ее неизвѣстному еще механическому аппарату, за который и самъ изобрѣтатель не могъ отвѣчать, надо имѣть особое мужество, которое для меня трудно постижимо...

— И вотъ у меня наплось это мужество, — весело сказала Кауфманъ. — Я съ удовольствіемъ поднялся бы также на воздухъ, — прибавилъ онъ, — да, къ сожалѣнію, нѣтъ еще такого инструмента... Вы не занимаетесь воздухоплаваніемъ?

— Занимаюсь.

— То есть, какъ именно?

— Читаю все, что возможно, и пробую иногда проектировать. Дѣлаю даже маленькіе опыты.

— Можете мнѣ показать какія нибудь ваши работы?

— Есть у меня одинъ проектъ управляемаго азростата, но только я самъ привношу его неудобнымъ...

— Почему?

— Во-первыхъ, потому, что исполненіе его потребуетъ большихъ денегъ, которыхъ никоимъ образомъ не достать, а, во-вторыхъ, это азростатъ, а всякіе азростаты не могутъ служить практическимъ цѣлямъ.

— Все-таки покажите мнѣ вашъ проектъ.

— Извольте.

Нужно замѣтить, что этотъ разговоръ происходилъ въ шестидесятихъ годахъ, когда еще не появились на свѣтъ управляемые азростаты Дюпюи де Ломе (Dupuy de Lôme), Ренара и Кребса и другихъ. Какъ впоследствии оказалось, мой проектъ очень близко подходилъ къ проектамъ этихъ французскихъ инженеровъ. Я проектировалъ азростатъ удлиненной формы, съ подвѣшенной къ нему

¹⁾ Я не помню хорошенько фамиліи этого изобрѣтателя, что-то въ родѣ Барановскаго или Баронецкаго, техника морского вѣдомства, съ которымъ я встрѣчался въ клубѣ художниковъ.

лодкой, въ которой находилась машина, приводившая въ движеніе винтъ, сообщавшій всему аппарату поступательное движеніе.

Когда, на другой день, утромъ, я показалъ Кауфману чертежи и объяснилъ всѣ подробности устройства, онъ нашолъ мой проектъ осуществимымъ.

— Знаете ли что? — сказалъ онъ, взглянувъ на часы. — Я сейчасъ долженъ ѣхать къ военному министру. Поѣдѣте со мною!

— Но, Константинъ Петровичъ, я не во фракъ, а успѣю ли заѣхать переодѣться?

— Нѣтъ, не успѣете, такъ какъ я поѣду черезъ десять минутъ. Да это ничего! Сюртукъ у васъ вполне приличный, а я объясню министру, что захватилъ васъ врасплохъ. Притомъ Дмитрій Алексѣевичъ далеко не педантъ въ этихъ случаяхъ.

Мы поѣхали. Кауфманъ просилъ меня обождать въ приемномъ залѣ, а самъ прошелъ въ кабинетъ министра, взявъ съ собою мой проектъ. Минутъ черезъ двадцать онъ позвалъ меня.

Милютинъ стоялъ у окна, около стола, на которомъ были разложены мои чертежи. Кауфманъ представилъ меня.

По желанію министра я объяснилъ устройство аппарата.

— Да, — сказалъ онъ, когда я кончилъ: — очень возможно, что этотъ аппаратъ и будетъ дѣйствовать. Во всякомъ случаѣ любопытно было бы испытать его. Какая сумма потребуется для устройства его? — спросилъ онъ меня.

Къ отвѣту на этотъ вопросъ я совершенно не былъ подготовленъ.

— Не знаю, ваше высокопревосходительство, — отвѣтилъ я. — Смѣты я не составлялъ, такъ какъ никогда не думалъ осуществлять этотъ проектъ.

— Ну, да какъ вы думаете хоть приблизительно?

Что было дѣлать? Не отвѣчать нельзя.

— Тысячъ пятьдесятъ, — сказалъ я на удачу.

Министръ слегка нахмурился и покачалъ головою.

— Это слишкомъ много, — сказалъ онъ. — Такой суммой, я не могу располагать на подобный опытъ. На десять тысячъ я бы рискнулъ.

Положеніе мое сдѣлалось крайне неловкимъ: я испугался, чтобы министръ и Кауфманъ не заподовѣли меня въ желаніи воспользоваться казенными деньгами для своихъ личныхъ надобностей, такъ была велика разниа между суммой, которую я назвалъ, и тою, которую предлагалъ мнѣ министръ.

— Позвольте мнѣ быть посредникомъ между вами, — сказалъ Кауфманъ. — Вы, Эвальдъ, убавьте, ну ..... хоть бы до двадцати пяти тысячъ, а министръ, можетъ быть, согласится прибавить до двадцати пяти тысячъ?..

Военный министръ ничего на это не сказалъ, но внимательно смотрѣлъ на меня, ожидая отвѣта. Изъ этого я заключилъ, что,

пожалуй, онъ и согласился бы на предложеніе Кауфмана. Но какъ мнѣ было согласиться на двадцать пять тысячъ, когда я понималъ, что и пятидесяти-то тысячъ будетъ слишкомъ не достаточно. А кромѣ того, соглашаясь на половинную сумму, не показавъ ли бы я этимъ, что хотѣлъ другую половину присвоить себѣ? Я чувствовалъ, что кровь приливаетъ у меня къ головѣ, и рѣшительно не зналъ, что отвѣчать. Между тѣмъ и медлить съ отвѣтомъ тоже было неудобно.

— Что же вы задумались?—спросилъ Кауфманъ.—Право, двадцать пять тысячъ—прехорошенькія деньги,—прибавилъ онъ шутя.

Къ счастью, въ эту страшно тяжелую минуту меня осѣнила по истинѣ гениальная мысль.

— Позвольте мнѣ двѣ-три минуты,—сказалъ я, поклонившись Милютину,—и мы сейчасъ увидимъ, сколько можетъ понадобится.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣтилъ министръ.

Я вынулъ изъ кармана записную книжку съ карандашемъ и началъ считать. Самая дорогая часть аппарата была, конечно, шелковая оболочка аэростата, и потому я началъ съ нея. Производя вычисленія, я нарочно говорилъ вслухъ, чтобы министръ и Кауфманъ могли слѣдить за правильностью выкладокъ. Вычисливъ приблизительно поверхность аэростата и предположивъ, что шелковая матерія будетъ имѣть ширины одинъ аршинъ, мы получили число аршинъ.

— Сколько можетъ стоить аршинъ такой матеріи?—спросилъ я, ни къ кому не обращаясь.—Рубля три?

— Ну, нѣтъ, гораздо дороже,—перебилъ меня Кауфманъ.—Тутъ потребуется очень плотная матерія, которую надо будетъ специально заказать на фабрику. Меньше десяти рублей нельзя положить.

— Возьмите пять рублей,—продолжалъ я, дѣлая умноженіе:—и то выходитъ, какъ изволите видѣть, гораздо болѣе пятидесяти тысячъ. Это только на оболочку аэростата. Затѣмъ на рубашку его надо прибавить половину этой суммы, потомъ сѣтку, челнокъ, машину, всѣ другія принадлежности...

— Дальше ужъ нечего и считать,—замѣтилъ Кауфманъ, засмѣявшись.

— Да,—сказалъ министръ,—теперь я вижу, что меньше двухъ сотъ тысячъ нельзя обойтись, но такую сумму я никакъ не могу затратить на опытъ. Очень жаль, такъ какъ любопытно было бы испытать подобный аппаратъ. Вы не бросайте этого дѣла,—прибавилъ онъ, протягивая мнѣ на прощанье руку.—Можетъ быть, со временемъ мы и найдемъ средства сдѣлать опытъ.

Я поклонился обоимъ генераламъ и, собравъ чертежи, направился къ выходной двери.

— Обождите меня въ залѣ,—сказалъ Кауфманъ.—Я сейчасъ выйду.

Минуть черезъ десять онъ вышелъ изъ кабинета и, взявъ меня подъ руку, повелъ къ выходу, предложивъ захватить къ нему.

— Напрасно,—говорилъ онъ дорогою, когда мы ѣхали въ его каретѣ,—напрасно вы не согласились взять двадцать пять тысячъ. Вы, конечно, замѣтили что министръ согласился бы ихъ дать?

— Замѣтилъ. Но какъ же, Константинъ Петровичъ, я могъ бы согласиться на эту сумму, когда, какъ вы сами видѣли, ея не хватило бы даже на четверть оболочки, не говоря уже о всемъ прочемъ?

— Ахъ, какой вы непрактичный человѣкъ! Вотъ возьмите примѣръ съ Б., въ подводной лодкѣ котораго я ѣздилъ. Онъ просилъ сначала у морского министра всего штинадцать тысячъ. Ему дали. На эти деньги онъ сдѣлалъ кое-что и представилъ свои работы съ подробнымъ счетомъ ихъ стоимости. Тогда ему дали еще пятнадцать тысячъ. Ихъ опять не хватило, онъ просилъ еще прибавить. Прибавили. Такимъ путемъ онъ довелъ постройку до конца, и его лодка обошлась около ста пятидесяти тысячъ! А проси онъ эти деньги выдать ему сразу,—навѣрное получилъ бы отказъ.

— Вѣрю вамъ, Константинъ Петровичъ, но между мною и этимъ Б. безконечная разница.

— Зачѣмъ же вы составляли свой проектъ?

— Я составлялъ его, когда еще вѣрилъ въ возможность управляемыхъ аэростатовъ. Но именно во время составленія проекта, когда поневолѣ приходилось глубже изучать всѣ физическія явленія, связанныя съ подобнымъ аппаратомъ, я убѣдился въ его неосуществимости, оттого и держалъ свой проектъ подъ спудомъ. А развѣ возможно создавать что нибудь безъ вѣры въ свое дѣло?

— Совершенно вѣрно! Такъ вы нисколько не огорчены нашей неудачной поѣздкой къ министру?

— Нисколько! Напротивъ, я вышелъ изъ его кабинета въ восторгѣ отъ того, что мнѣ посчастливилось вывернуться изъ крайне затруднительнаго положенія.

— Изъ какого это?—съ удивленіемъ спросилъ Кауфманъ.

— А когда вы предложили мнѣ уступить изъ пятидесяти тысячъ—двадцать пять? Если бы я согласился на это, то развѣ министръ и даже вы не могли бы подумать, что другія двадцать пять тысячъ я намѣревался присвоить себѣ? Хорошо, что я догадался сдѣлать расчетъ...

— О!—перебилъ меня Кауфманъ,—повѣрьте, что ни министръ, ни тѣмъ болѣе я, никогда бы не заподозрѣли васъ въ такомъ поступкѣ! Если я предложилъ вамъ уменьшить сумму, то только потому, что у васъ не было смѣты, и вы назвали пятьдесятъ тысячъ наугадъ. Кромѣ того, я рассчитывалъ на то, что если бы двадцати пяти тысячъ не хватило, то министръ впоследствии не отказалъ бы дополнить сумму, чтобы окончить аппаратъ. А я вовсе не имѣлъ въ головѣ, чтобы вы запросили лишнее, какъ апраксинскій лавочникъ. Нѣтъ, въ этомъ всегда можете быть покойны.

Такъ мы доѣхали до резиденціи Кауфмана, и онъ пригласилъ меня позавтракать у него.

Увы! это было мое послѣднее свиданіе съ нимъ.

Я не имѣю данныхъ для того, чтобы сдѣлать оцѣнку административной дѣятельности Кауфмана, уже потому одному, что во время знакомства со мною онъ дѣйствовалъ въ дали отъ Петербурга, и я видался съ нимъ только урывками, когда онъ прїѣзжалъ въ столицу по дѣламъ. Но, судя о немъ по тѣмъ немногимъ обсѣдамъ, которыя онъ велъ со мною, и по тѣмъ немногимъ фактамъ, которые мнѣ приходилось наблюдать, я долженъ думать, что и въ исполненіе своихъ обязанностей онъ вкладывалъ ту же живую душу, которая пробивалась у него въ каждомъ словѣ, при бесѣдахъ со мною. Какъ я уже говорилъ выше, онъ принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ не заѣдаетъ служебная рутина, и которые чрезъ всю свою жизнь проносятъ неугасимый свѣточъ юношеской вѣры въ лучшее.

Пройдя большую служебную карьеру, достигнувъ высшихъ почестей, доживъ до преклонныхъ лѣтъ, онъ остался болѣе юнымъ, чѣмъ бываютъ многіе молодые люди въ двадцать лѣтъ. Ради науки онъ смѣло садился въ подводную лодку, которой еще никто не испытывалъ; ради прогресса человѣческой мысли онъ хлопочетъ у военнаго министра объ осуществленіи проекта летательнаго аппарата, хотя это дѣло не входитъ въ кругъ его прямыхъ обязанностей. Итакъ онъ поддерживалъ и поощрялъ всякое новое начинаніе, всякую свѣжую мысль, въ какой бы области науки онъ ни проявлялись. Къ нему многіе обращались за поддержкою въ своихъ работахъ, и никогда и никому онъ не отказывалъ въ своемъ покровительствѣ. Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ изъ себя рѣдкое явленіе въ административныхъ сферахъ, и имя его не должно умереть въ потомствѣ.

А. В. Эвальдъ.

ЯЗЫКЪ МОЙ—ВРАГЪ МОЙ.

(Три разсказа изъ слѣдственныхъ дѣлъ Тайной канцеляріи)¹⁾.

III.

Недовольные.

В ПЯТНИЦУ, 25 января 1768 года, утромъ, часу въ одиннадцатомъ, графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ занимался въ своемъ кабинетѣ, въ Петербургѣ, разборомъ писемъ, полученныхъ съ послѣднею почтою. Нѣкоторыя изъ нихъ, узнавая по почерку — отъ кого, фаворитъ откладывалъ къ сторонѣ; многія разрывалъ, прочтя лишь первыя строки и взглянувъ на подписи; на иныхъ дѣлалъ помѣтки карандашомъ. Такъ прошло чрезъ руки графа десятка три конвертовъ, и, наконецъ, дошла очередь до увѣсистаго пакета присланнаго за № 98 изъ Москвы, по нѣмецкой почтѣ. При чтеніи этого письма, съ первыхъ же строкъ, красивое лицо графа нахмурилось, и онъ съ возрастающимъ интересомъ дочелъ посланіе до конца, потомъ — призадумался...

Было надъ чѣмъ: несмотря на нескладное и неграмотное изложеніе и признаки ума далеко невысокаго, безыменный авторъ письма сообщалъ могучему временщику извѣстія, заслуживавшія

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIX, стр. 768.

вниманія. Это былъ, просто-на-просто, доносъ слѣдующаго содержания:

«Ваше сіятельство! Вы по нынѣшнему состоянію моему не взыщите, батюшка, что я такъ глупо и безыменно вамъ доношу; но когда изслѣдуемо будетъ, то предъ вами явлюсь, а нынѣ именъ моихъ не могу доносить: первое—опасаясь строгости; второе—не подумали бы изъ домогательства какого нибудь; всего того лишаясь, вамъ, милостивому государю, доношу въ осторожность, по пословицѣ деревенской: «сверчка... не будетъ, а мѣсто поганить»; умышляеть на ваше сіятельство, захватя допросить и убить до смерти, и допрашивать вамъ, государь, ихъ умыселъ: гдѣ находятся Ивана Антоновича братъ и сестра; ей-ей, не знаю, были ли у него братъ и сестра, или не были, и толкуя безсовѣстно во вредъ всему отечеству и къ пагубѣ, будто беззаконно Елисавета Петровна была императрица, потому что она и Анна Петровна будто до вѣнца прижиты, а отъ Ивана Алексѣевича Анна Ивановна была законная наслѣдница отъ большаго брата Петра Алексѣевича, такъ извольте рассудить, куда подвергнетъ могущество своими такими пустыми (?) и злымъ умысломъ и будто бы восемь человѣкъ погубили и бывшаго правителя... чортъ знаетъ, что болтають; истинно, батюшка, дрожить рука, какъ пишу, изъяснить не въ силахъ; если же по сему моему доносу, предлага нашей всеобщей матери учинить строгій распросъ Ивану Васильеву сыну Еропкину, то можете узнать его сообщниковъ; ибо онъ и меня призывалъ къ тому беззаконно подъ пьяную руку—конецъ всему заградящія уста глаголющимъ неправду—пусть оно такъ, пустое, однако, злое болтанье; однако предупреждая въ осторожность вамъ сіе должное ея величества вѣрному рабу, принужденнымъ себя нахожу упредить злой умыселъ и пустое оскорбленіе въ болтанья; а вы, батюшка, ходите и ѣдите поосторожнѣе».

Умыселъ на жизнь графа Григорія Орлова не былъ для него новостью. Въ самый годъ восшествія Екатерины на престолъ, вскорѣ послѣ коронаціи, въ октябрѣ 1762 года, возникло дѣло Хруцова и Гурьевыхъ: темою этого дѣла было убіеніе Орлова. Въ маѣ 1763 года, открытъ былъ заговоръ Ласунскаго, Рославлева и Хитрово, имѣвшій ту же цѣль. Эти господа, бывшіе пособники Екатерины, принадлежали къ партіи «недовольныхъ»: сотни двѣ душъ крестьянъ, нѣсколько тысячъ рублей, могли превратить ихъ не только въ вѣрнѣйшихъ подданныхъ царицы, но даже въ прислѣшниковъ и добровольныхъ клеветовъ того же Григорія Орлова. Оговоренный теперь въ безыменномъ доносѣ Иванъ Еропкинъ принадлежалъ къ той же категоріи второстепенныхъ дѣятелей въ переворотѣ 28 іюня 1762 года. Сыскать и допросить его не долго; разжаловать въ солдаты и отправить куда нибудь въ линейные баталіоны тоже не трудно... Но стоитъ ли о подобную дрянъ руки марать? Да и

доносчикъ, какойнибудь приказный или кутейникъ, хотя и заявляетъ о своемъ безкорыстїи, что де онъ чуждъ «какого либо домогательства», очевидно рассчитываетъ на щедрую благостыню...

Графъ съ негодованїемъ бросилъ письмо въ ящикъ изыщнаго своего бюро, или, какъ тогда называли, «секретера». Не счелъ онъ за нужное сообщить о безъименномъ письмѣ государынѣ; не хотѣлъ въ ея глазахъ показаться трусомъ, боящимся заговорщиковъ или хотя бы тайныхъ убійцъ. Есть дѣла поважнѣе: въ февралѣ назначенъ въ Петербургъ новый съѣздъ депутатовъ прошлагодней комисіи для обсужденія проекта Уложенія; война съ Турціей на волоскѣ виситъ, со всѣхъ концовъ Россіи приходятъ печальныя извѣстія о свирѣпствующей оспѣ: цѣлыя деревни вымираютъ... До того ли графу Григорію Орлову, наперснику Екатерины, правой рукой государыни, чтобы беспокоить ее нелѣпыми, безъименными доносами?

Проживалъ въ то время въ Москвѣ отставной подполковникъ Николай Ивановичъ Колышкинъ. Будъ онъ покрасивѣе собою, по статкѣ, поздоровенкѣе, могъ бы составить себѣ блестящую карьеру. Но съ Орловымъ либо съ Потемкинымъ мудрено ему было тягаться, и потому карьера Колышкина пресѣклась въ самомъ своемъ началѣ. Происхожденіемъ потомственный дворянинъ, Колышкинъ началъ свою службу при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Въ февралѣ и мартѣ 1758 года въ чинѣ гвардіи сержанта онъ былъ приставленъ начальникомъ стражи при брильянтичикѣ Бернарди, арестованномъ вмѣстѣ съ В. Е. Ададуровымъ и И. П. Елагинымъ по дѣлу канцлера А. П. Вестужева-Рюмина; потомъ, вскорѣ, тому же Колышкину было поручено охранять самого арестованнаго канцлера. Екатерина, тогда супруга наследника престола, имѣла тайныя сношенія и съ канцлеромъ и съ другомъ его, графомъ С. Ѳ. Апраксинимъ. Канцлеръ сообщилъ ей свой проектъ объ отстраненіи отъ престола ея супруга и провозглашеніи ее регентшею, а преемникомъ Елисаветы Петровны малолѣтняго Павла Петровича. Она продолжала споспѣситься съ арестованнымъ при содѣйствіи камердинера своего Шкурина и надзирателя за Бестужевымъ, Колышкина. Послѣдній помогъ ей спастись отъ страшной бѣды ¹⁾. Тотчасъ послѣ переворота 28-го іюня, Колышкинъ, тогда офицеръ Преображенскаго полка, былъ посланъ съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Екатерины въ село Горетово къ Бестужеву. Впослѣдствіи онъ былъ капитаномъ кавалергардскаго корпуса: чинъ не маловажный, если принять во вниманіе, что на эту должность выбирались самые благонадежныя штабъ-офицеры арміи, и что сама императрица именовалась полковникомъ кавалергардскаго корпуса. Это было нѣчто въ родѣ «лейбъ-кампаніи» Елисаветы Петровны. Въ 1767 году, Колышкинъ, вмѣстѣ съ штабъ-офицерами Жилинымъ и Найбутомъ, былъ однимъ изъ

¹⁾ Mémoires de Catherine II, p. p. 817—828.

трехъ ординарцевъ императрицы въ бытность ея въ Москвѣ, но, именно состоя въ этой должности, навлекъ на себя чѣмъ-то неудовольствіе государыни, и осенью того же года ему было предложено выйти въ отставку. Въ бытность свою на службѣ, Колышкинъ познакомился въ Москвѣ со многими извѣстными барами, у которыхъ онъ часто обѣдывалъ и игрывалъ въ карты; злые языки называли его пьяницею и картежникомъ, можетъ быть, и не безъ основанія. Чтобы не оставаться передъ ними въ долгу, Колышкинъ тоже любилъ повлословить, посудить и порядить о дворѣ и государственныхъ дѣлахъ, какъ бы лицо близкое къ правительственнымъ сферамъ и извѣстное съ самой выгодной стороны самой государынѣ. Въ числѣ его московскихъ благопріятелей былъ и знаменитый богачъ-самодуръ Прокофій Акинѣевичъ Демидовъ, въ домѣ котораго Колышкинъ игралъ незавидную роль прихлебателя и вѣстовщика, часто являясь къ нему незванный и непрошенный. Такъ, во вторникъ, 29-го января 1768 года, утромъ, пріѣхалъ онъ къ Демидову подвыпивши и, заставъ у него въ кабинетѣ явившагося къ нему по дѣлу камердинера московскаго главнокомандующаго графа Салтыкова, Ивана Бѣлаго, пустился въ разговоры о правительствѣ, заявляя, что нынѣшнимъ правленіемъ многіе недовольны, надобно ожидать очень важныхъ перемѣнъ и не случилось бы чего худого... Пріѣздъ новыхъ гостей прервалъ болтуна, и онъ отъ Демидова уѣхалъ, а Иванъ Бѣлый по возвращеніи домой доложилъ о странныхъ рѣчахъ Колышкина сыну Салтыкова, а тотъ сообщилъ о нихъ отцу. Главнокомандующаго эти рѣчи заинтересовали, и онъ немедленно послалъ за Колышкинымъ. Это приглашеніе нимало не удивило и не встревожило отставного подполковника; онъ явился къ графу Салтыкову.

— Скажи, пожалуйста,—спросилъ тотъ,—о какихъ такихъ перемѣнахъ ты говорилъ у Демидова и чего худого опасаться должно...

— Это я, ваше сіятельство, говорилъ по поводу того, что недовольныхъ очень много... вамъ же, какъ отцу родному, скажу: правительству необходимо принять мѣры къ предупрежденію великихъ непріятностей...

— Да говори, братецъ, толкомъ, что такое!

Колышкинъ осмотрѣлся, откашлялся и началъ:

— Нынѣшняго мѣсяца въ разныя числа пріѣзжалъ ко мнѣ знакомый, отставной гвардіи поручикъ, Иванъ Васильевичъ Еропкинъ, когда пьяный, а когда и трезвый, и говаривалъ мнѣ наединѣ про умыселъ на графа Григорія Григорьевича Орлова, чтобы его, схватя, допросить, гдѣ находятся братъ и сестра Ивана Антоновича, а когда онъ скажетъ, то убить его, графа Орлова, до смерти, а принца и его сестру изъ-подъ ареста освободить и объявить наслѣдниками...

— Старая погудка на новый ладъ! — усмѣхнулся главнокомандующій.—Знать, про Василія Мировича Еропкинъ не слыхивалъ. Дальше!

— Дальше онъ говорилъ, что буде отъ графа Орлова ничего нельзя будетъ узнать, тогда схватить князя Вяземскаго и съ нимъ поступить, какъ съ Орловымъ. Кромѣ того, Еропкинь имѣлъ дерзость во вредъ всему отечеству и къ пагубѣ говорить, что блаженной памяти императрица Елисавета Петровна беззаконно на престолѣ была; что де и она и цесаревна Анна Петровна до вѣнца были прижиты; что Иванъ Антоновичъ былъ прямой, законный государь, а братъ и сестра ему преемники...

Графъ Салтыковъ вскочивъ съ креселъ, преважно заходилъ по комнатѣ; всталъ и Колышкинъ съ своего мѣста и переминался, не рѣшаясь продолжать.

— Ну, батюшка, договаривай! Дальше что?

— И выговорить страшно, ваше сіятельство! Говорилъ Еропкинь, будто графы Орловы восемь человекъ загубили, а государя покойнаго Петра Федоровича... — Колышкинъ шепнулъ что-то на ухо графу Салтыкову. Тотъ съ ужасомъ отъ него отшатнулся.

— Единомышленниковъ у Еропкина до тридцати человекъ, — продолжалъ Колышкинъ, — онъ мнѣ предлагалъ къ нимъ пристать, да я отказался...

— Отказался? А зачѣмъ мнѣ того не сообщалъ по долгу присяги? — строго спросилъ графъ.

— Я хотѣлъ, ваше сіятельство, что нибудъ поболѣе вызнать; искалъ случая чаще видѣться съ Еропкинымъ, но онъ послѣ тѣхъ рѣчей видимо сталъ избѣгать меня...

— Да самъ-то ты, сударикъ, надежный ли человекъ? Знаю, что прошлымъ лѣтомъ ты состоялъ ординарцемъ при государынѣ, а осенью тебя фукнули!

— Уволили меня, ваше сіятельство, по собственному прошенію, но императрицѣ я лично извѣстенъ съ самой выгодной стороны уже болѣе десяти лѣтъ... Ея величество поручала мнѣ многія повѣренности. О злыхъ умыслахъ Еропкина я писалъ письмо графу Григорію Григорьевичу недѣлю тому назадъ; отвѣтъ вѣрно будетъ...

— Резоннѣе было бы мнѣ сообщить, чѣмъ такимъ путемъ идти. Ну, такъ ты, г. Колышкинъ, не плошай, заварилъ кашу, такъ и расхлебывай: развѣдывай объ Еропкинѣ, не откроется ли еще чего о его сообщникахъ, а я сей же часъ по эстафетѣ пошлю рапортъ императрицѣ.

Добровольный фискаль съ поклонами удалился.

«Сего числа, — доносилъ Салтыковъ императрицѣ, — пришедъ ко мнѣ въ домъ, бывшій при нашемъ императорскомъ величествѣ ординарцемъ, что нынѣ отставной подполковникъ, Николай Ивановъ сынъ Колышкинъ, объявилъ, что нынѣшняго мѣсяца въ разные числа по знакомству пріѣжалъ къ нему, Колышкину, въ квартиру отставной гвардіи поручикъ Иванъ Васильевъ сынъ Еропкинъ иногда пьяный, а иногда будучи трезвый, наединѣ говаривалъ ему,

Колышкину, про умыселъ на графа Григорія Григорьевича Орлова, чтобъ его, схвата, допрашивать, гдѣ находятся братъ и сестра Ивана Антоновича ¹⁾, и когда бы онъ сказалъ, гдѣ они находятся, тогда бы убить его, Григорія Григорьевича, до смерти, а ихъ бы изъ того мѣста, гдѣ они есть, вывести и объявить наследниками, а еслибъ отъ него, Григорія Григорьевича, о томъ не узнали, тобъ схватить князя Вяземскаго и съ нимъ то же бы учинить, и, толкуя ему, Колышкину, во вредъ всему отечеству и къ пагубѣ, говаривалъ, будто беззаконно покойная государыня императрица Елисавета Петровна на престолѣ была, и будто она и цесаревна Анна Петровна до вѣнца прижиты, а отъ царя де Іоанна Алексѣевича по колѣну слѣдовалъ къ престолу ближе помянутой Иванъ Антоновичъ, почему и братъ и сестра его имѣютъ къ російскому престолу право, и будто восемь человѣкъ, а какихъ—не выговорено, графами Орловыми погублено напрасно, а бывшаго де императора они, Орловы, задушили или уморили, и при всемъ томъ объявилъ ему, Колышкину, партіи своей человѣкъ до тридцати, а поименно никого не сказалъ, а къ тому злому умыслу и его, Колышкина, онъ приглашалъ, и хотя онъ обстоятельнѣе о томъ еще хотѣлъ отъ него, Еропкина, развѣдать, чего для и случая искалъ съ нимъ видѣться, но онъ уже отъ него сталъ отбѣгать и болѣе того онъ его не видѣлъ; чего ради, не желая отнюдь сего безъ донесенія оставить и предупреждая такой злой замыселъ, сего жъ января 21-го дня писалъ онъ, Колышкинъ, о томъ чрезъ нѣмецкую почту подъ № 98, не упоминая своего имени, къ графу Григорію Григорьевичу, но когда на то въ отвѣтъ и по сіе время ничего не получилъ, то, не теряя времени, мнѣ о томъ объявилъ. А какъ онъ, Колышкинъ, объявилъ, что и прежде ему отъ вашего императорскаго величества поручаемы были нѣкоторыя повѣренности, то въ разсужденіе сего и отъ меня ему приказано далѣе въ помянутомъ Еропкинѣ развѣдывать, не откроется-ль чего о его сообщникахъ и о прямомъ какомъ зломъ намѣреніи, и ежели далѣе ничего не откроется, то не изволите-ль указать онаго Еропкина, сыскавъ, спрашивать; о чемъ и имѣю ожидать высокомонаршаго вашего императорскаго величества повелѣнія».

Рапортъ графа Салтыкова императрица получила на четвертый день (2-го февраля) и того же числа отвѣчала:

«Графъ Петръ Семеновичъ, письмо ваше, или рапортъ, отъ 29-го января о доносѣ Колышкина я сейчасъ получила, на что имѣю отвѣтствовать: 1) доноситель, Колышкинъ, хотя и служилъ мнѣ, но человѣкъ весьма не состоятельный, пьяница и игрокъ и мотъ и ничѣмъ никогда не доволенъ; знакомства же его—обыкновенно съ людьми ему подобными; но, однако-жъ, какъ сіе дѣло касается до безопасности, то извольте прежде отъ него требовать, имѣеть ли онъ сви-

¹⁾ Императоръ Иванъ Антоновичъ.

дѣтелей; онъ—въ четвертый разъ въ доносителяхъ; 2) прикажите Еропкина призвать и допросить его, если же свидѣтелей нѣтъ, то посадить доносителя сперва на двое сутокъ безъ пищи и питья; когда же, по прошествіи сего, еще доносы свои утверждать будетъ, то тогда равнымъ образомъ имѣете поступить съ Еропкинымъ; между тѣмъ же Колышкина спросить обстоятельно, когда именно Еропкинъ съ такими словами къ нему пріѣзжалъ, не былъ ли кто при томъ, и для чего онъ ему говорить началъ и въ разговорахъ, когда точно не сказывалъ своихъ сообщниковъ, то по крайней мѣрѣ не давалъ ли какимъ образомъ по примѣтамъ о томъ знать; если же съ Колышкина стороны представляется о слышаніи упомянутыхъ о томъ словъ, всѣхъ или хотя нѣкоторыхъ, только бы оныя заключали важность, свидѣтели, то уже не сажая безъ пищи, а призвавъ Еропкина и онаго допрося, спросить: шлетъ ли на тѣхъ свидѣтелей; что оныя покажутъ, на томъ и утвердиться слѣдуетъ, и если по допросамъ оказываться станетъ подобное показаніе, то вы не оставите съ своей стороны, какъ нужныхъ съскивая, далѣе слѣдовать, такъ и тѣхъ, до которыхъ дѣло касаться будетъ, содержать въ такой безопасности, которая при семъ дѣлѣ нужна; однако-жъ при всемъ семъ дѣлѣ употребите стараніе, чтобы о всемъ, сколько возможно, миновать слуховъ и толковъ, а что открываться будетъ, намъ по часту увѣдомлять; известно же, что и Еропкинъ—человѣкъ къ пьянству и мотовству и ко всякимъ шалостямъ и продерзостиамъ склонный, тѣмъ болѣе, что уже приходитъ по мотовству своему до крайности. Колышкина безыменное письмо, присланное къ графу Григорію Григорьевичу, при семъ прилагается, дабы сличить иногда оное съ допросами; всего мнѣ удивительнѣе, что разговоры Колышкина съ Еропкинымъ были въ бытность двора на Москвѣ, а въ дняхъ Колышкинъ выбралъ время моего отъѣзда, хотя велѣно не болѣе трехъ дней, по законамъ, мѣшкать. (Подпись) Екатерина. Февраля 2-го дня 1768 года. С.-Петербургъ». (Получено февраля 6-го дня 1768 г.).

Къ письму императрицы приложенъ былъ безыменный доносъ, недѣлю тому назадъ полученный графомъ Григоріемъ Орловымъ.

Аттестация, данная Екатериною Колышкину, разочаровала графа Салтыкова, и онъ иными глазами взглянулъ на отставного полковника. Онъ отнесся было къ нему, какъ къ благонадежному помощнику, теперь же видѣлъ въ немъ лукаваго проходимца и интригана... И Еропкинъ и Колышкинъ—одного поля ягоды.

Немедленно, по полученіи письма отъ государыни, графъ Салтыковъ, не дожидаясь прихода доносчика, послалъ за нимъ. Приемъ оказанный Колышкину, и тонъ разспросовъ были на этотъ разъ совсѣмъ иные, нежели въ первый.

— Извольте мнѣ подробно рассказать,—началъ графъ очень сухо и строго:—давно ли знакомы съ Еропкинымъ?

— Лѣтъ съ десять, когда мы оба служили сержантами, я — въ Преображенскомъ полку, а онъ — въ Семеновскомъ. Кромѣ того, мы съ нимъ сосѣди по деревнямъ въ Кинешемскомъ уѣздѣ. Еропкинь прѣѣзжалъ ко мнѣ, въ бытность свою въ Москвѣ, въ декабрѣ прошлаго года, одинъ, нѣсколько пьянъ и, посидѣвъ немного, зачалъ говорить, что нынѣ дворяне почти всѣ недовольны правленіемъ и дѣла въ приказахъ судятъ по своимъ прихотямъ. Спрашивалъ меня, зачѣмъ я въ отставку вышелъ. Я ему говорю: по собственной просьбѣ. Затѣмъ сталъ онъ говорить о правахъ Ивана Антоновича на російскій престолъ: прямой потомокъ старшаго брата Петра Великаго...

— Слышали мы уже это, — перебилъ графъ Салтыковъ. — Какъ рѣчь объ Орловыхъ зашла?

— Какъ я вашему сіятельству уже докладывалъ. «Насъ, — говорилъ Еропкинь, — человекъ тридцать; многіе, именно съ цѣлью погубить Орловыхъ, изъ отставки опять на службу идутъ». Предлагалъ и мнѣ сдѣлать то же. По имени никого не называлъ и всѣ свои разговоры со мною велъ съ глаза на глазъ. На второй или на третій день Рождества пригласилъ меня Еропкинь обѣдать въ домъ своего вятя, гдѣ проживалъ... Зять его — статскій дѣйствительный совѣтникъ Николай Давыдовъ... Кромѣ меня, обѣдало еще нѣсколько человекъ, незнакомыхъ мнѣ гостей. Послѣ обѣда Еропкинь, нѣсколько подвыпившій, отоввалъ меня въ сторону и тихо спросилъ, что я думаю о его предложеніи. «До тѣхъ поръ ничего не могу сказать, — отвѣчалъ я, — покуда не назовешь поименно, кто да кто въ вашей партіи. «Только денегъ надо», — сказалъ онъ мнѣ и отошелъ. Я, погодя не много, уѣхалъ.

— Этого вы мнѣ, государь мой, прошлый разъ не говорили...

— Запомнилъ, ваше сіятельство. За то могу сообщить самыя новыя, недавнія свѣдѣнія, которыя я припомнилъ послѣ того...

— Извольте разсказывать...

— Дня за два или за три предъ Богоявленіемъ, вечеромъ, Еропкинь прѣѣхалъ ко мнѣ вмѣстѣ съ отставнымъ подполковникомъ Григоріемъ Бердяевымъ. Оба были нѣсколько пьяны. У меня тогда сидѣлъ въ гостяхъ мой домохозяинъ, артиллеріи контролеръ Иванъ Арцыбашевъ, а когда о чемъ-то разговорился съ Бердяевымъ, тогда Еропкинь, взявъ меня за руку и ходя по комнатѣ, шепнулъ мнѣ: «что ты думаешь о томъ, что я тебѣ говорилъ?» — Что же мнѣ думать, — отвѣчалъ я, — если ты мнѣ самъ о себѣ ничего не говоришь?

Онъ отошелъ отъ меня, легъ на постель и уснулъ, или притворился, будто спитъ. Его поднялъ Бердяевъ, напомнивъ, что пора домой. Оба выпили по стакану пива и уѣхали. Послѣ того, я замѣтилъ, что онъ догадался, что я хочу отъ него вывѣдать, и сталъ избѣгать меня. Приглашалъ я его нѣсколько разъ къ себѣ черезъ слугъ; онъ грубо отвѣчалъ посланнымъ и съ тѣхъ поръ у меня не бывалъ.

— Все? Ну, государь мой, — сказалъ графъ Салтыковъ, взявъ со стола письмо къ Григорію Орлову и показывая его Колышкину — это вы писали?

— Точно такъ, ваше сіятельство, это моя рука.

— Съ Еропкинымъ вы ватажались съ осени? Почему же въ бытность государыни у насъ въ Москвѣ вы не рѣшились сдѣлать устнаго или письменнаго доноса ни самой государынѣ, ни кому либо изъ ея приближенныхъ?

— За немѣніемъ вѣрныхъ свидѣтельствъ, ваше сіятельство. Я видѣлъ въ генераль-прокурорской инструкціи о сочиненіи уложенія, что на доносы одного свидѣтеля не достаточно. Кромѣ того, опасался доносить въ избѣжаніе несчастія... Однако же, опасаясь алаго умысла, я наканунѣ отъѣзда ея величества въ Петербургъ приходилъ къ камердинеру государыни, Александру Сахарову, и сообщилъ ему о покушеніи на жизнь графа Григорія Григорьевича на спокойствіе императрицы. Спросилъ Сахарова, какія принять мѣры; онъ отвѣчалъ, что теперь мой доносъ можетъ сдѣлать остановку въ отъѣздѣ двора; намѣреніе же мое отписать графу съ первою почтою одобрилъ...

— Въ вашемъ письмѣ самой сущности дѣла вы и не изложили а выразались какъ-то обвиняками?... Почему?

— Это, ваше сіятельство, потому, что отъ заботы я былъ въ забвеніи...

— Такъ. Ссорились вы когда нибудь съ Еропкинымъ? Злы на него?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство; мы съ нимъ никогда не ссорились; я единственно по усердію...

— Ладно, государь мой, усердіе — такъ усердіе. Это похвально. Законы-то вы, какъ я вижу, знаете, и потому я вамъ напомию оставленную въ полной силѣ инструкцію покойнаго императора Петра III о доносителяхъ. Вотъ благоволите прочесть въ манифестѣ 21 февраля 1762 года сіи строки...

Графъ указавъ, и Колышкинъ не совѣмъ твердымъ голосомъ прочелъ:

«Если отъ доноса не отречется, посадить на два дня подъ караулъ безъ пищи и питья»...

— Такъ вотъ, государь мой, придется и вамъ попоститься. На сей конецъ изволите отправиться въ Преображенское, подъ караулъ, въ свѣтлицу конторскихъ покоевъ... Помѣщеніе хорошее, приличное... Оно, конечно, непріятно на масляной, но заговѣніе у насъ черезъ четыре дня, 10-го числа, такъ блинны-то вы еще захватите...

Отправивъ Колышкина «по принадлежности», графъ Салтыковъ послалъ въ Петербургъ новый рапортъ императрицѣ, въ которомъ, желая засвидѣтельствовать и свою дѣятельность, изложилъ о встрѣчѣ своего слуги съ доносчикомъ въ домѣ Демидова. Теперь же, принимая присланное государынею письмо Колышкина за формальный

доносъ, онъ приступилъ къ слѣдствію, и если доносчикъ отъ всѣхъ словъ не отступится, то графъ «сыщеть» Ивана Еропкина.

8-го февраля, графъ отправился въ Преображенское, гдѣ арестованный Колышкинъ, послѣ двухдневной діеты нѣсколько осунувшійся, съ постной миной подтвердилъ графу Салтыкову прежнія свои показанія. Обязавъ его строжайшею подпискою о соблюденіи тайны, графъ выпустилъ его до времени на волю «блинковъ покупать» и по возвращеніи своемъ въ Москву распорядился приглашеніемъ къ себѣ отставнаго гвардіи поручика Ивана Васильевича Еропкина. Приводимъ подлинныя его отвѣты графу Салтыкову:

«Колышкина знаеть со времени службы ихъ обоихъ въ гвардіи и какъ сосѣда по имѣнію. Особенно короткой дружбы съ нимъ никогда не имѣлъ. Въ Москву онъ, Еропкинъ, пріѣхалъ изъ Конотопской своей деревни въ октябрѣ прошлаго 1767 года и находится въ ней для поправленія собственныхъ своихъ нуждъ, по судному приказу вотчинной коллегіи для подачи прошенія на отставнаго капитана Андрея Феодоровича Шишкина, въ неуплатѣ ему, Еропкину, по поручительству имъ на томъ Шишкинѣ 1650 рублей. Въ Москвѣ проживаетъ въ домѣ своего зятя, статскаго дѣйствительнаго совѣтника Николая Давыдова, за Мясницкими воротами, на Чистомъ прудѣ. Въ послѣднихъ числахъ декабря 1767 года, былъ онъ въ гостяхъ у Колышкина (на Шаболовкѣ, домъ Арцыбашева) совершенно трезвый и просилъ его помочь ему въ поимкѣ должника Шишкина. Колышкинъ далъ ему четырехъ своихъ людей, которые, вмѣстѣ съ посланными изъ суднаго приказа, ходили въ квартиру Шишкина, неподалеку отъ дома Арцыбашева, но, за укрывательствомъ Шишкина, его не отыскали. Ни о судахъ, ни о правительствѣ и т. п. никакихъ словъ онъ не говорилъ. На жизнь графовъ Орловыхъ не могъ умышлять потому, что они всегда были ему благодѣтелями. На второй или на третій день Рождества, онъ, Еропкинъ, обѣдалъ у зятя своего Давыдова вмѣстѣ съ Колышкинымъ, но пьянъ не былъ, а послѣ обѣда съ нимъ и съ другими гостями игралъ въ ломберъ»...

Словомъ сказать, Еропкинъ совершенно отрицалъ доносъ Колышкина. Послѣдпяго сыскали опять: доносчику и обвиняемому даны были очныя ставки, но каждый оставался при своихъ показаніяхъ. Того и другого опять отправили въ Преображенское при слѣдующемъ предписаніи графа Салтыкова:

«Безъизвѣстныхъ двухъ арестантовъ содержать вамъ въ ихъ мѣстахъ, въ которыхъ они нынѣ находятся, подѣ крѣпкимъ карауломъ, порознь, и другъ съ другомъ видѣться и ни для чего не пускать; также и собственныхъ ихъ людей и постороннихъ никого и ни для чего къ нимъ не допускать и о именахъ ихъ вамъ у нихъ не спрашивать и объ нихъ никому и ни подѣ какимъ видомъ не сказывать; писемъ же ни къ кому и ни о чемъ писать имъ не

давать и со словесными приказаніями никому не посылать; смотрѣть же накрѣпко, чтобъ они утечки имѣть и поврежденія надъ собою какого не учинили, чего за ними и за караульными смотрѣть вамъ недреманнымъ окомъ, подѣ опасеніемъ — если хотя малаго чего противъ вы не исполните — военного суда. Данъ февраля 12 дня 1768 года.

Черезъ недѣлю графъ Салтыковъ получилъ отъ императрицы слѣдующую инструкцію, свидѣтельствующую, какъ сильно интересовалась государыня этимъ дѣломъ.

Секретно.

«Графъ Петръ Семеновичъ! Реляцію вашу отъ 7-го числа сего мѣсяца о Колышкинѣ и Еропкинѣ и записку изъ допроса Колышкина мы получили; но какъ Еропкинъ еще не допрашиванъ, то теперь и никакой резолюціи дать нельзя, а какъ уже характеры Еропкина и Колышкина вамъ предъ симъ описаны, то вы того держаться не оставите; о Бердяевѣ же за нужное почитаю потому же дать вамъ свѣдѣніе: онъ — человекъ наполненъ ябедой и дерзновеніемъ, смѣшаннымъ съ глупостію; какъ же теперь по многимъ его ябеднымъ дѣламъ отъ губернатора Голицына происходятъ разныя взысканія, то и вѣроятно, что онъ правленіемъ недоволенъ; онъ помѣщикъ вологодскій, гдѣ всѣ правящіе отъ ябеды его страдали, и имѣетъ себѣ во всемъ подобнаго брата; изъ отвѣта Колышкина видно, что Еропкинъ сказывалъ ему, что графами Орловыми восемь человекъ уже задавлены, то не оставьте приложить изысканіе отъ Еропкина, Колышкина и отъ кого слѣдовать будетъ: 1) кто именно графами Орловыми восемь человекъ погублены, и какъ и когда отставные, кто именно, идутъ опять въ службу для исполненія показаннаго намѣренія, и кто именно тридцать человекъ сей партіи; и потомъ, какъ Еропкинъ допрошенъ будетъ и окажется сомнѣніе или подозрѣніе по сему дѣлу на Бердяева, то и ихъ всѣхъ допросить, и что открываться будетъ, [почасту насъ увѣдомлять не оставьте. Впрочемъ съ нашею милостію благосклонны вамъ пребываемъ Екатерина. Февраля 14-го дня 1768 года» (въ Москвѣ получено 19-го февраля).

О Бердяевѣ графъ Салтыковъ донесъ, что онъ по именному указу государыни отпущенъ въ чужіе края и дано ему 50 рублей; «а уѣхать ли онъ туда, того знать не могу»...

Черезъ четыре дня по отправленіи предыдущей инструкціи, императрица снова писала:

«Графъ Петръ Семеновичъ! Последнюю реляцію вашу, отъ 12-го сего мѣсяца получа, за нужное почитаю: 1-е) что какъ Еропкинъ ни въ чемъ противъ доноса Колышкина не признается, а отъ послѣдняго никакого доказательства не представлено, а мнѣ же извѣстно, что находящійся при васъ по такимъ дѣламъ коллеж-

скій совѣтникъ Хрущевъ съ Еропкинымъ обязанъ не дальнимъ свойствомъ ¹⁾, то и прикажите собственно ему, чтобъ онъ съ своей стороны постарался употребить всѣ силы и домогательства уговорить Еропкина къ открытію истины: кто именно въ его партіи состоитъ и кто изъ нихъ въ службу вступаетъ, и иногда не всклепалъ ли онъ для хвастовства въ компаніи на себя, что у него шайка; такая, хотя ея и не бывало; между тѣмъ, полезно бы было навѣдаться непримѣтнымъ образомъ и о друзьяхъ Еропкина во время онаго ареста, не примѣчено-ль было въ нихъ какого смущенія или же робости, и не было-ль какихъ подозрительныхъ сѣздовъ, о чемъ кажется и безъ всякой огласки развѣдать возможно; 2-е) Колышкину прикажите объявить, что какъ по доносу его Еропкинь во всемъ запирается, и онъ его въ томъ ничѣмъ еще не изобличалъ, то и сыскивалъ бы вѣроятное, къ уликѣ Еропкина, доказательство; къ чему на размышленіе и дайте время, подтвердя при томъ, чтобъ онъ, конечно, таковыя доказательства представилъ, въ противномъ случаѣ доносъ его, по силѣ законовъ, признанъ будетъ не только ложнымъ, но имъ составленнымъ, почему и по-ступлено будетъ съ нимъ по всей строгости законовъ; 3-е) спросить Колышкина и въ томъ, что въ бытность мою еще въ Москвѣ онъ о чемъ говорилъ съ камердинеромъ моимъ, Сахаровымъ, сказывая ему, что его въ сообщество свое приглашаютъ Еропкинь и Бердяевъ; въ доносѣ же отъ него къ вамъ и въ исполнительныхъ отвѣтахъ въ уговорѣ показанъ одинъ Еропкинь, а о Бердяевѣ умолчано,—такъ для чего онъ о семъ умолчалъ и изъ сего и оказывается важное разнорѣчіе, которое тѣмъ болѣе доносъ его повергаетъ сомнѣнію, почему и надлежитъ ему въ томъ себя совершенно очистить; если же изъ сего выйдетъ что касательно до Бердяева, то можете онаго, по тому же порядку взявъ, допросить, и чтобы не пропустить ничего такого, что бы могло разрѣшать въ семъ дѣлѣ сомнѣніе, то можете при первомъ допросѣ Бердяева употребить, сверхъ прочаго, возможнаго къ изысканію истины, и то, что якобы Еропкинь и еще нѣкоторые изъ нихъ, согласниковъ, уже противъ доноса Колышкина признались и на него, яко на своего сообщника, во всемъ показываютъ; въ случаѣ же и по сему заперательства можно сказать, что съ Еропкинымъ и съ прочими даны будутъ очныя ставки и что если на оныхъ тѣ утвердятся, то тогда подвергнетъ онъ себя вѣщному осужденію и что теперь уже сіе вранье, которое теперь большаго уваженія не заслуживаетъ, почтется прямымъ злымъ намѣреніемъ, примѣчая при семъ допросѣ

¹⁾ Странное обмѣненіе фамилій. Въ 1740 году Хрущевъ и Еропкинь были казнены вмѣстѣ съ Волинскимъ. Здѣсь, въ новомъ уголовномъ дѣлѣ, сходятся ихъ же однофамильцы, или, можетъ быть, потомки. Еропкинь не былъ ли въ родствѣ съ Петромъ Дмитриевичемъ—спасителемъ Москвы во время чумнаго бунта 1771 года?

на душевныя его дѣйствія; не удастся ли спмъ или же таковымъ же вымысломъ узнать истину сего происшествія; 4-е) спросить же Колышкина и о томъ, кому онъ именно, кроме васъ, о семъ дѣлѣ еще сказывалъ и для чего, ибо мнѣ извѣстно, что отъ него многимъ сообщено было, въ томъ числѣ и генераль-рекетмейстеру Козлову; убѣгая при производствѣ всего вышеписаннаго, могущаго произвести въ Москвѣ разные толки и распространить непристойныя слухи; что же по сему происходить будетъ, насъ, какъ и до сего, почасту увѣдомлять не оставьте, а между тѣмъ же употребите ваше примѣчаніе и на то, не происходили ли, или же не будутъ ли и впредь равнымъ сему происходить разглашеніевъ. Впрочемъ остаюсь къ вамъ съ непремѣннымъ доброжелательствомъ—Екатерина. Февраля 18-го дня 1768 года. (Собственноручная приписка): Что же Колышкинъ лживъ, то и изъ того видно, что онъ сказывалъ Козлову, будто бы онъ ко мнѣ отправилъ штафетъ, что однако не бывало; и будто бы онъ на Москвѣ живетъ, для того, что ему отъ меня повѣрены всякія развѣдыванія, а я на его и никого отъ роду не употребляла на подобныя людей убійства, ибо я ненавижду всякія сплетни и пустяки отъ нихъ происходящія». (Получено февраля 22-го дня 1768 года).

Всѣ старанія графа Салтыкова къ раскрытію истины оставались тщетны. На новомъ допросѣ, 22-го февраля, Колышкинъ припомнилъ еще нѣсколько ничтожныхъ подробностей, прибавивъ къ прежнимъ показаніямъ оговорки: «бывалъ выинвши», «запамятовалъ», «не могу припомнить» и т. д. Такимъ образомъ, вмѣсто одного явились два отвѣтчика, подлежашіе оба одинаково строгому выисканію, если только правдивѣйшій судья не встрѣтилъ бы затрудненій къ ихъ обвиненію. Колышкинъ и Еропкинъ продолжали сидѣть подъ строжайшимъ арестомъ въ Преображенскомъ, въ бевсильной другъ на друга злобѣ... А дни уходили за днями, приближалась и четвертая недѣля великаго поста. (Пасха была ранняя—30-го марта).

Относясь къ дѣлу съ должною строгостью и глубокимъ вниманіемъ, Екатерина медлила его рѣшеніемъ; пощада «вралей и болтуновъ» въ данномъ случаѣ была бы неумѣстна: время было смутное; заговоры и самозванцы дѣлались явленіями чуть не обыденными. Рѣшеніе дѣла по доносу Колышкина на Еропкина послѣдовало 4-го марта, и приговоръ Екатерины былъ слѣдующій:

Секретно.

«Графъ Петръ Семеновичъ! О содержащихся въ Москвѣ отставныхъ: подполковникъ Николаѣ Колышкинѣ и гвардіи поручикѣ Иванѣ Еропкинѣ, повелѣваемъ учинить слѣдующее: 1) хотя Колышкинъ о говореніи Еропкинымъ и показанныхъ по дѣлу дерзостныхъ словъ и показываетъ, но Еропкинъ въ допросѣ, и въ очной съ

нимъ, Колышкинымъ, ставкѣ, въ говореніи тѣхъ словъ не признался, а онъ, Колышкинъ, кромѣ одного своего показанія, не только свидѣтельствомъ, но и никакими неоспоримыми доказательствами (sic) не улучилъ (не уличилъ?), къ тому же въ настоящее время надлежащимъ образомъ не доносилъ, не имѣвъ въ доносѣ никакого препятствія; сверхъ же сего, камердинеру Сахарову и другимъ разглашала о семъ своемъ доносѣ совсѣмъ инаково, нежели какъ въ первомъ своемъ допросѣ показывала, при разглашеніи жъ сообщникомъ Еропкину (sic) называла и подполковника Бердяева, а въ допросѣ въ томъ отрекся; всего жъ болѣе, что и на Еропкина доносить началъ не изъ доброй своей воли и должности, но въ то время, какъ онъ вами о говореніи имъ самимъ у Демидова въ домѣ дервскихъ словъ былъ спрашиванъ, и когда онъ у Демидова тѣ слова говорилъ, тогда о Еропкинѣ, чтобъ онъ тѣ слова слышалъ отъ него, не упоминалъ; а если онъ, Колышкинъ, по доносу объ ономъ вами спрошенъ не былъ, то бѣ отъ него на Еропкина никогда донесено не было, и такъ, по всѣмъ симъ обстоятельствамъ, онъ, Колышкинъ, остался въ семъ своемъ доносѣ и говореніи имъ у Демидова дервостныхъ словъ—виновенъ, за что, по законамъ, достоинъ онъ, Колышкинъ, тяжкому осужденію, но какъ изъ существа сего дѣла видно, что хотя тѣ дервостныя слова и кажутся быть вымышленныя, но того утверждать не можно, ибо и Еропкинъ, съ своей стороны, ничего такого къ оговоренію своему, кромѣ одного заирательства, не представилъ, что бы выводило его совершенно изъ подозрѣнія, то посему и надлежало бы въ силу настоящихъ законовъ доходить до истины истязаніемъ, но какъ сіе болѣе сумнительное, нежели вѣрное средство, то мы, по природному нашему о родѣ человѣческомъ сожалѣнію, отъ того истязанія, равно и отъ тяжкаго осужденія, его, Колышкина, избавляемъ, а дабы онъ впередъ отъ такихъ неосновательныхъ и глѣры недостойныхъ доносовъ себя воздержалъ и не (по) меньше по распутной своей жизни подобныхъ дервостныхъ словъ вымышленно разглашать не отважился, повелѣваемъ ему жить въ деревняхъ своихъ и изъ оныхъ ни подъ какимъ видомъ во всю жизнь свою никуда не отлучаться, равно и въ тѣ мѣста, гдѣ мы присутствовать будемъ, не вѣзжать; буде же деревень своихъ онъ не имѣеть, то, въ такомъ случаѣ, послать его въ Тобольскъ, гдѣ тамошнему губернатору опредѣлить его въ службу, въ какую онъ по усмотрѣнію его способнымъ найдетъ, однако же съ тѣмъ, чтобы его, Колышкина, оттуда внутрь Россіи ни для чего не отпускать и въ отставку, безъ нашего указа, не отставлять; равно и доносовъ отъ него никакихъ не принимать; 2) показанный поручикъ Еропкинъ, хотя противъ показанія Колышкина въ дервостныхъ словахъ и не признается, но однакожъ никакимъ неоспоримымъ обстоятельствомъ, кромѣ заирательства своего, доноса Колышкина не опровергнулъ и его, какъ бы ложнаго

на него доносителя, ничѣмъ не уличило, да и Колышкинъ доноса своего не отрицаетъ же; почему и состоитъ между ими споръ, который, какъ выше сказано, если бы не защищало наше челоуѣколюбіе, то-бъ и паче онъ, Еропкинъ, отъ сего на него доноса оправдать себя не могъ, какъ посредствомъ розыска, но какъ сіе дѣло слѣдствіемъ оставляется безъ кровопролитія ¹⁾, то и остался онъ, Еропкинъ, въ оговореніи показанныхъ по дѣлу словъ сумнителенъ, почему и дабы никогда впредь отъ него никакихъ вредныхъ обществу словъ произойти не могло, наикрѣпчайше ему, Еропкину, нашимъ указомъ подтвердить, чтобъ въ тѣ мѣста, гдѣ наше пребываніе будетъ, отнюдь ни для чего, ни подъ какимъ видомъ не выѣзжать. А притомъ, какъ совѣтникъ Хрущевъ съ нимъ обязанъ недалнымъ свойствомъ, то и велѣтъ оному, чтобъ онъ на всегдашнее время имѣлъ за нимъ, Еропкинымъ, непримѣтнымъ образомъ примѣчаніе, не откроется ль отъ него иногда впредь какихъ либо предосудительныхъ и вредныхъ обществу поступокъ, и что имъ примѣчено будетъ, то бы къ генераль-прокурору князю Вяземскому рапортовалъ секретно; 3) Колышкину и Еропкину нанстрожайше подтвердить съ подписками, чтобы они о семъ слѣдующемъ о нихъ дѣлѣ во всю жизнь свою никому не сказывали и содержали секретно. Впрочемъ, мы съ нашею милостію благосклонны вамъ пребываемъ. Екатерина. (Собственноручная приписка). Что же Колышкинъ къ графу Орлову писалъ письмо, то оное за доносъ почестъ нельзя, ибо письмо безъ имени, слѣдовательно болѣе похоже на посмѣшеніе. Подлинный его сіятельство извоилилъ взять къ себѣ. Марта 4-го, 1768 года».

По объявленіи указа государыни Колышкину, онъ мѣстопробываніемъ своимъ выбралъ свое село Соколово, Кинешемскаго уѣзда. Еропкинъ, отданный подъ поручительство совѣтника Хрущова, точно также уѣхалъ въ свое помѣстье... Дѣло, казавшееся сначала такимъ важнымъ, окончилось пустяками.

Однако же, Колышкинъ, какъ видно, былъ челоуѣкъ непокорный и крайне наглый. Въ мартѣ 1770 года, онъ самовольно пріѣзжалъ въ Москву и проживалъ на прежней своей квартирѣ въ домѣ Арцыбашева. Узнавъ, что объ этомъ извѣстно графу Салтыкову, изгнанникъ поспѣшилъ уѣхать въ свое село. Графъ рапортовалъ объ этомъ императрицѣ отъ 25 марта 1770 года, и она собственноручно написала на рапортѣ:

«Прикажете ему объявить, что если онъ еще разъ дерзнетъ куда нибудь отлучиться изъ своей деревни, то онъ будетъ сосланъ туда, гдѣ и воронъ костей его не сыщеть. Марта 31-го дня 1770 года».

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, кинешемскій воевода обязалъ Колышкина подпискою никуда не выѣзжать съ мѣста своего жительства.

¹⁾ То-есть безъ пытокъ, но не всѣ пытки бывали кровопролитныя.

Послѣднее слово о Еропкинѣ было сказано лѣтомъ 1775 года, когда Россія, торжествуя миръ съ Турціею, отдыхала на лаврахъ послѣ чумы, пугачевщины и недавней войны. Приводимъ этотъ любопытный документъ:

«1775 года іюля 25-го дня, генераль-аншефъ сенаторъ князь Волконскій, дѣйствительный тайный совѣтникъ генераль-прокуроръ князь Вяземскій, во исполненіе высочайшаго ея императорскаго величества соизволенія объ отставномъ гвардіи поручикѣ Еропкинѣ, въ противность объявленнаго ему въ Тайной экспедиціи высочайшаго ея императорскаго величества указа, осмѣлился въѣхать не только въ Москву, куда ему тѣмъ указомъ въѣзжать запрещено, но еще имѣлъ дерзновеніе и во дворцѣ ея величества быть,—по законамъ достоинъ тягчайшему осужденію; но, какъ изъ взятаго его отвѣта усмотрѣно, что онъ сіе преступленіе сдѣлалъ не изъ дурнаго намѣренія, а къ тому же имѣлъ законныя нужды, то изъ единаго ея императорскаго величества матерняго милосердія, для торжественнаго съ Портою Оттоманскою мира, оную вину его простить, но съ тѣмъ, чтобы онъ, Еропкинъ, впредь во всю жизнь свою во дворецъ являться не дерзалъ, подъ опасеніемъ за неисполненіе сего ссылки, о чемъ ему и объявить подпискою». (Подписали) Князь Волконскій, князь Вяземскій, оберъ-секретарь Степанъ Шешковскій. По силѣ сего высочайшаго соизволенія ону Еропкину съ подпискою объявлена, которая и сообщена къ дѣлу о немъ же, Еропкинѣ, произведенному въ петербургской тайной экспедиціи» (подпись) «Быть по сему».

П. Каратыгинъ.

ПОЪЗДКА ВЪ КОРНИЛЕВО-КОМЕЛЬСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

(Наброски изъ записной книжки).

I.

ВЫ СОБИРАЕТЕСЬ въ Корнилевскій монастырь?— обратилась ко мнѣ съ вопросомъ знакомая дама, недавно приѣхавшая въ Вологду. — Думаете пожить лѣто?

— Да. А что?

— Я тоже хочу тамъ поселиться. Но надо сначала все осмотрѣть и узнать.

— И съ этой цѣлью и ѣду завтра туда, — сказала я.

— И въ тотъ же день назадъ?

— Если можно будетъ.

— Не поѣдемъ ли мы вмѣстѣ?

— Отлично.

Мы условились встрѣтиться на вокзалѣ.

Спрашиваю у коридорнаго гостиницы:

— Отъ Грязовецкой станціи ходятъ до монастыря линейки?

— Должно быть... а въ точности особливо сказать не могу-съ.

— Рано ли начинается купанье? Есть поварь?

— Опять-таки по этой части ничего неизвѣстно-съ... Потому какъ они монахи, обитель, стало... ну, и не даютъ о себѣ знать публикованьемъ... Извѣстно, Бога для все, а не то, чтобы такое...

Доводы малоубѣдательныя. Было бы лучше, если бы монастырь «давалъ о себѣ знать» какимъ нибудь образомъ.

Почтово-пассажирскій поѣздъ отправляется изъ Вологды въ 9 часовъ 45 минутъ утра по мѣстному времени. Въ 9 часовъ я былъ уже на станціи. Вокзалъ выглядѣлъ полупустымъ. Скоро пріѣхала знакомая дама съ дочерью.

— Надо скорѣе брать билеты, чтобы захватить мѣста!..

Ея тревога была напрасна: въ вагонѣ 1-го и 2-го классовъ — просторно. Мы заняли отдѣльное купе. Поѣздъ идетъ не быстро, но покойно. Васъ приятно покачиваетъ. До Грязовца всего 42 версты. Вологда, Бурдуково и Грязовець. Въ Бурдуковѣ деревенскія дѣвочки предлагали незатѣйливые букеты изъ фіалокъ и черемухи, по баснословно-дешевой цѣнѣ: двѣ и одна копейка за букетъ.

Вотъ и Грязовець: маленькая игрушечная станція. Зало для пассажировъ 2-го и 1-го классовъ величиною съ «письменный столъ», по остроумному выраженію моей спутницы. Это бы еще ничего, но сразу непріятно поразила масса комаровъ, которые тотчасъ же принялись осаждать насъ. Они кусали лицо, руки, лѣзли въ ротъ, въ глаза, падали въ тарелки.

— Боже мой! Здѣсь комариное царство! — съ ужасомъ воскликнула дама.

Любезный буфетчикъ предложилъ для защиты отъ комаровъ березовыя вѣтки.

— Поѣдемъ скорѣе въ монастырь! Здѣсь нельзя даже завтракать! — промолвила въ отчаяніи моя спутница.

У вокзала стояло нѣсколько извозчичьихъ линеекъ невзрачнаго вида. Это — душу вытрясающіе экипажи даже при хорошей дорогѣ. А если дождь? Васъ пробьетъ до костей, потому что линейки безъ верха.

— Мы вѣдь живо, — убѣждалъ извозчикъ. — Помилуйте, сколько публики ѣздитъ!.. Я вчера тещу исправника возилъ... не охалал!

— Не слушайте его, баринъ: у исправника и тещи-то нѣту! И какая у него лошадь, гляньте... У меня спокойная линейка и лошадка добрая... Земскаго завсегда вожу... Баринъ начальственный, сами знаете...

— Нѣтъ ли ресорнаго экипажа и съ верхомъ? — спросилъ я.

— Гдѣ намъ!

— У стойщика на станціи есть... и карета даже!

— Эво! Да онъ меньше красненькой не повезетъ!

Я удивился.

— Пять верстъ всего?

— Дорога плохая... И опять коляска... На ухабѣ рессора хряснетъ, вотъ тебѣ и въ карманъ!

Я не повѣрилъ извозчикамъ и самъ поѣхалъ на станцію.

— Есть у васъ коляска?

— И коляска и карета... что угодно.

И та и другая—удобныя. Лошади—сытыя, бодрья.

— Сколько до Корниліева?

Запросилъ пять рублей въ одинъ конецъ; начали мы торговаться. Согласился взять два рубля съ половиной въ оба конца. Это совсѣмъ не дорого. Однако, какой прогрессъ: двадцать лѣтъ тому назадъ въ Грязовцѣ ни за какія деньги нельзя было достать коляски, тѣмъ болѣе—кареты.

Позавтракавъ и напившись кофе (а въ Грязовцѣ кормятъ прекрасно и дешево), мы отправились въ монастырь.

II.

Дорога отъ вокзала до города мощеная, равно какъ и главная улица въ Грязовцѣ. Большинство улицъ въ городѣ не мощеныя.

— Осенью и весною грязно навѣрпое?—спрашиваю ямщика.

— Извѣстно!.. Одно слово—значить: Грязовица!

Это скорѣе—большое село по виду. Главная улица еще имѣетъ претензію казаться городской: на ней и дома больше и лучше, и лавки, гостиницы. Снаружи все прилично. Вотъ и соборъ. Онъ какъ-то сдавленъ съ одной стороны подступившими къ нему ларями базара, съ другой—постройками главной, очень длинной улицы. Это лишаетъ соборъ всякаго вида.

До 1780 года Грязовецъ былъ торговымъ селомъ и назывался Грязовицей. Теперешній городъ находится на землѣ, входившей нѣкогда въ составъ Авнежскаго княжества. Древнѣйшее письменное свидѣніе о Грязовцѣ встрѣчается въ грамотѣ царя и великаго князя Іоанна Васильевича IV, пожалованной въ 1538 году Корниліево-Комельскому монастырю: въ этой грамотѣ упоминается Грязовецкій починокъ, принадлежавшій уже ранѣе монастырю. Дальше въ грамотѣ царя Феодора Іоанновича, жалованной въ 1585 году Спасо-Нуромскому монастырю, значится: «Грязовица, а въ ней пашни 26 четвертей въ полѣ, а въ дву потому-жь, сѣна сто пятьдесятъ копенъ, лѣсу пашеннаго двѣ десятины». Впослѣдствіи образовалось торговое село Грязовица, въ которомъ учрежденная Введеніевская ярмарка имѣла большое мѣстное значеніе. Въ 1780 г. село превратилось въ уѣздный городъ.

Его изъ конца въ конецъ можно проѣхать въ нѣсколько минутъ. Повернувъ отъ собора вправо, мы скорѣе очутились на спольѣ. Недавніе дожди размыли глинистую дорогу, наступившіе затѣмъ жары сковали грязь, и она засохла повсюду неровными буграми и колдобинами. Дорога наѣжена довольно широко. Ямщикъ старался выбирать мѣста получше, и все-таки ежеминутно насъ встряхивало и подбрасывало. Можно себѣ представить, что ожидало бы насъ на безресорной трясучкѣ-линейкѣ.

Мѣстность, открывшаяся передъ нами, отличалась однообразіемъ: плоская, безлѣсная, кругомъ поля и сѣнокосные луга. Изъ деревень, мимо которыхъ приходилось проѣзжать,—одна, называющаяся Крестъ, довольно большая. Деревня получила такое названіе отъ крестообразнаго расположенія. Три, четыре красивые домика терялись среди поразительно-ужасныхъ избъ, похожихъ на собачьи конуры. Какъ только ухитряются люди жить въ нихъ! Глядя на такія избы, невольно повторяешь слова малоизвѣстнаго вологодскаго поэта:

Ютятся, какъ звѣрье въ трущобахъ...
Уже ли это также жизнь?

А солнце золотило все своими жгучими лучами, грѣло и ласкало насъ, смотрящихъ на ужасныя избы, босыхъ ребятъ, бѣгавшихъ около избъ, и домашній скотъ, бродившій тутъ же, на жалкой вытопанной муравѣ.

— Какіе дома!—вырвалось невольное восклицаніе у моей спутницы... Отчего же... нѣкоторые хорошіе?..

— То богатѣи,—отвѣтилъ ямщикъ.

— Но какъ много бѣдныхъ!

— Не съ чего богатымъ быть, барыня... которые если по торговлѣ, либо по водочному промыслу, ну—тѣмъ способно. Али опять кто въ старшинахъ если... А вообще бѣднота.

— Пьютъ, видно, много,—замѣтила дама.

— Съ чего пить-то? Не до жиру, быть бы живу!

— А вѣдь вашу Грязовицу пьяной зовутъ,—сказалъ я:—«Пьяная Грязовица...».

— Это, баринъ, напраслина. Нешто прѣжде такъ... а теперь...

— Кабаковъ не меньше и теперь?

— Гдѣ меньше!.. Что рази больше!

— И пьютъ, значитъ, не меньше!

— Всяко бываетъ... иной съ горя хватить... тоже—хрестьянская душа, а не паръ, на манеръ, какъ у собаки... Тянетъ, тянетъ жилы, ну, и хряснетъ! Эхъ, вы, сонныя, чего заслушались!—вдругъ прикрикнулъ онъ на лошадей, ударилъ по нимъ вожжами, и наша коляска быстро покатила по неровной дорогѣ.

III.

Показались вдали постройки Корнилевскаго монастыря, окруженные зеленью. Издали видъ монастыря очень красивъ. Дорога начала спускаться въ ложбину и свернула вправо. На поворотѣ внизу стоятъ двѣ часовни. Отъ нихъ до монастыря не больше версты. Внутри одной часовни находится колодезь, выкопанный преподобнымъ Корниліемъ.

За часовнями дорога поднимается, и на пригоркѣ, уже вблизи монастыря, стоятъ два деревянныхъ дома, отдаваемые дачникамъ.

— Теперь въ одномъ изъ нихъ земскій съ женой живетъ,—объявилъ ямщикъ и добавилъ:—въ эфтихъ не въ примѣръ способнѣе стоять...

— Почему?

— А: на пригоркѣ... глянь: тамъ опять низина... Какъ зачнется туманъ, такъ и монастыря, порой, не видать, весь окутаетъ... потому низъ... сырость.

— Ну, это не особенно хорошо!

— Ужъ извѣстно... потому топъ... а здѣсь хорошо... И внутри чисто... Гулять тоже удобно, сыр-то такая не подходитъ... Для здоровья куда лучше!

Съ вершины холма открывается красивый видъ на монастырь и его окрестности. Бѣлое кольцо каменной ограды окружаетъ монастырь; направо отъ него расположены еще два дома, это тоже дачи; затѣмъ—лавка и другія постройки; у подножя монастыря извивается лентой рѣчка Нурма, черезъ которую ведетъ мостъ, — отъ него вправо же идетъ широкая аллея, въ видѣ бульвара, а влѣво и вокругъ монастыря—необозримыя поля, съ раскинутыми окрестъ деревнями; одна изъ нихъ близко подходитъ къ монастырю. Виднѣются рощица и лѣсъ.

— Совсѣмъ сельскій ландшафтъ! — сказала моя спутница.—Я люблю это.

— А комаровъ не боитесь?

— Неужели и здѣсь ихъ много?

— Кумарей страсть!—обрадовалъ ямщикъ.—Кумарь любить низъ да сыр... А тутъ и зеленъ эта... Ему въ сласть!

— Это ужасно! Какъ же тутъ живутъ?

— Что съ нимъ барыня подѣлаешь! Тоже тварь божья... Господомъ, значитъ, создана... Про что нибудь да и она годна... Но зря же на свѣтъ произведена...

— Ну, какая польза отъ комара? что ты!—улыбнувшись, промолвила барыня.

— А кто его знаетъ!—философствовалъ ямщикъ:—можетъ, для того, чтобы терпѣннѣе наше испытать... тутъ монахъ былъ... старичокъ и праведной жизни... Такъ онъ насчетъ клоповъ и блохъ такъ говорилъ: это, говорить, для искушенья созданы... ты на молитвѣ, а онъ кусаетъ... Терпи!.. Либо опять: спишь, а онъ кусаетъ... Значить, не спи, а молись... У Создателя Господа все умудрено... И онъ, монахъ-то этотъ никогда не билъ и не ловилъ блохъ и клоповъ: цуцай, говорить... надо терпѣть!..

Моя спутница улынулась пренебрежительно и произнесла въ гололоса:

— Наивные люди!.. Впрочемъ, въ этомъ, кажется, счастье и есть!..

Корнилієво-Комельскій монастирь.

Мы миновали лавку, въ которой торговля производится только лѣтомъ, проѣхали мостъ и остановились у крыльца гостиницы въ «монастырской стѣнѣ» по мѣстному выраженію.

Не малаго труда стоило намъ отыскать женщину, прислуживающую въ номерахъ. Пока искали ее, а потомъ она—ключъ, чтобы отпереть дверь на верхъ, я осмотрѣлъ низъ. Направо шла большая кухня со замазаннымъ въ печь кубомъ для самоваровъ. Здѣсь живутъ прислужницы, и здѣсь же помѣщаются богомольцы изъ просто-народья, посѣщающіе монастырь по праздникамъ. Налѣво — узкій коридоръ, изъ котораго двери ведутъ въ номера. Номера маленькіе, стѣны, заново замазанныя известкой, пачкаютъ; въ номерахъ — холодно и сыро, словно въ погребѣ.

— Здѣсь нельзя жить!—сказалъ я.

— Для че нельзя?—промолвила сидѣвшая женщина:—а люди-жъ живутъ!

«Ну, и въ Крестѣ, въ труппахъ тоже живутъ»,—подумалъ я.

— Камень—понятное дѣло,—произнесла баба:—вверху лучше... верхъ деревянный.

Нашли ключъ, повели насъ на верхъ.

Въ деревянномъ этажѣ нѣтъ сырости, и воздухъ совсѣмъ другой. Но, кромѣ двухъ номеровъ, всѣ комнаты маленькія, бѣдно обставленныя и производящія собою невыгодное впечатлѣніе.

— Почему же онѣ ходятъ въ мѣсяцъ?—спросилъ я у прислужницы.

— Эти по 10 рублей.

— Съ бѣльемъ?

— Ни! Бѣлье, одѣяло, подушки — все вапо... жильцовъ, стало быть.

Большіе номера по 20 рублей. Это—«веселенькія» комнаты, съ лучшей обстановкою, хотя, строго говоря, и она—только сносная: двѣ узенькія желѣзныя кровати, съ топкими мочальными матрацами, два дивана — жесткіе и малоудобные, два стола, кресло, стулья, кривое зеркало и мѣдный рукомыльникъ да платяной шкафъ. Все-таки въ большомъ номерѣ вы чувствуете себя недурно, тогда какъ маленькіе—дѣйствуютъ на васъ прямо угнетающимъ образомъ.

— А какія перегородки?—полюбопытствовала моя спутница.—Спокойно ли будетъ?

Малые номера отдѣляются другъ отъ друга лишь досчатою перегородкою, пропускающею всякій малѣйшій шумъ. Это, конечно, крайне неудобно для больныхъ и желающихъ покоя.

Моя спутница рѣшила взять большой номеръ, въ который намъ подали самоваръ. Но ей сказали, что этотъ номеръ, да и сосѣдній, такой же большой—уже наняты.

— Кѣмъ?

— А не знаю. Изъ Питера, должно... мы безъ о. настоятеля не можемъ знать.

— А можно видѣть настоятеля?

— Его гѣту. Опъ уѣхалъ въ Грязовицу, а оттуда, надо думать, проѣдетъ напрямки въ Вологду.

— Но вѣдь можно и безъ него нанять, дать задатокъ?

— Безъ него никакъ нельзя!

— Развѣ онъ не оставляетъ уполномоченнаго или кого нибудь, кто бы зналъ дѣло?—спросилъ я.

— Келейникъ тутъ... Показать номера онъ можетъ, а только отдать безъ настоятеля онъ права не имѣетъ...

— Какъ это неудобно!—замѣтила моя спутница.

— Знаете, барыня: если бы дѣло мірское, либо какая торговля, а то монастырь, обитель... Хозяинъ всему настоятель!..

Нужно было все-таки осмотрѣть отдѣльные домики. Я отправился за келейникомъ. Онъ охотно согласился показать, но заявилъ, что «безъ настоятеля ничего нельзя рѣшить».

Въ домики на горѣ мы не пошли. Во-первыхъ, въ обоихъ въ верху уже были жильцы, а это неудобно: будутъ стучать въ потолокъ,—дѣти станутъ бѣгать... какой это дачный отдыхъ... А, во-вторыхъ, туда далеко носить купанья изъ гостиничной кухни.

— Придется все холодное ѣсть,—резонно замѣтила моя спутница.

— Самимъ готовить!—сказалъ келейникъ.

— Возиться съ нашей прислугой?—съ ужасомъ воскликнула дама.—Благодарю! Да это не лѣчиться, а мучиться значить все лѣто. И гдѣ брать провизію?

— Въ лавкѣ...

— Ну, какой здѣсь выборъ! Бери, что найдется. Нѣтъ, вы покажите эти домики, которые поближе къ монастырю.

Оба домика расположены въ низинѣ, вблизи рѣчки. Одинъ изъ нихъ называется Бѣляковскимъ, потому что выстроены купцомъ Бѣляковымъ, семья котораго и занимаетъ часть дома. Остальныя комнаты отдаются. Меблировка и здѣсь убогая: кровати деревянные, плохонькія, диваны грубые. Но все-таки комнаты въ этомъ домикѣ лучше, чѣмъ въ другомъ.

— И сюда вѣдь не близко носить купанья,—сказалъ я.

— Конечно, не такъ удобно, какъ въ гостиничномъ корпусѣ. Тамъ—рукой подать до кухни.

— А какъ цѣны?

— Да двѣ комнатки—60 р. въ лѣто.

— Прислуга?

— Прислуживаетъ женщина... Одна на оба домика.

— Какъ же она успѣваетъ?

— Ничего, успѣваетъ... Снисходятъ... Здѣсь не торговое дѣло... не заведенье, а монастырь... обитель... Бога для сносятъ все!

— Но вѣдь квартиранты за все платятъ деньги,—замѣтила моя спутница.

— Не иначе... Да мы не дорого... попросту у насъ все...

Я ничего не отвѣтила келейнику, но подумалъ: «однако, нельзя сказать, чтобы дешево».

— Еще повара нѣтъ?

— Нѣту... Перваго іюня будетъ... Освятятъ воды... молебствіе, значить, и откроется лѣченіе... И поваръ къ этому времени будетъ.

— Почему за обѣдъ?

— А это по картѣ порціонно... что угодно... у насъ дешево! Впрочемъ, это его дѣло... онъ отъ себя!..

— Посуды никакой брать съ собой не надо?

— Не надо... Оно, конечно, не мѣшаетъ... удобнѣе, если своя...

— Развѣ случается недостатокъ?

— Всяко... Дѣло не торговое... обитель, извѣстно!

— Вы безъ настоятеля ничего не можете рѣшить?

— Ничего... Онъ изъ Грязовецъ уѣхалъ, а оттуда на Вологду...

— Знаете, мы его лучше повидаемъ сами тамъ,—сказалъ я спутницѣ.

— Да,—согласилась она.

Мы поблагодарили послушника и пошли въ номеръ пить чай.

Самоваръ уже кипѣлъ на столѣ. Баба принесла кришку густого молока.

— Сколько за него?

— Пяточекъ.

Это, дѣйствительно, дешево.

Къ чаю были поданы оловянные ложечки.

— Другихъ нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... гдѣ же: развѣ здѣсь гостиница? монастырь... какъ есть просто... а потому какіе форсы въ обители!.. Это всѣ понимаютъ и снисходятъ... а кто если любитъ иначе,—тотъ съ собой привозитъ...

Мы пили чай, а комары роями кружились около насъ, напѣвая свои монотонныя пѣсни.

— Необходимы сѣтки... Послушайте,—обратился я къ бабѣ:—у васъ есть въ окна сѣтки?

— Нѣту... какія сѣтки!.. Почто?

— Да отъ комаровъ!

— А ихъ подавить можно... А то верескомъ... Ну, и отъ дыму папироснаго пропадаютъ... Да они только до Петрова дня... опосля всѣ пропадутъ!

— Вотъ такъ утѣшеніе! —смѣясь, промолвила моя спутница.— А до Петрова дня какъ же?

— Ужъ коли что—такъ свои надоть. Купите, стало, марли... У насъ не заведено.

— Не хорошо, что так!

— Гдѣ же это!.. Нешто въ гостиницѣ... другіе терпѣливы... Вона какъ отцы святыя...

— То, матушка, святыя... А мы грѣшныя и не на подвигъ ѣдемъ, а отдохнуть, полѣчиться...

— Это извѣстно... гдѣ намъ... грѣшнымъ!

— Прачка есть у васъ?

— Нѣту, барыня... Въ деревни отдають... А то и инако дѣлають.

— Какъ же?

— А столько привезутъ съ собой, что на все время хватить. А опосля у себя и вымоють...

— Все это неудобно. Отчего бы не держать прачки при номерахъ?

— Не наше дѣло... какъ отецъ настоятель. Да оно и неспособно, надо такъ думать... потому—обитель...

— Ахъ, Господи!—невыдержавъ, воскликнула дама:— что вы все: обитель да обитель! Вѣдь мы не постригаться прѣзжаемъ.. чѣмъ меньше хлопотъ, тѣмъ лучше...

— Оно такъ, конечно... а все-таки, какъ обитель...

Очевидно, разсуждать съ бабой было бы напрасно.

— Когда же мы въ церковь пойдёмъ?—спросила меня барыня.

— Можно сейчасъ...

— Раньше бы слѣдовало... А то пьемъ, ѣдимъ, а хозяина и забыли. Пойдемте! Кто можетъ провести въ церковь?

— Къ келейнику надоть обратиться,—сказала баба.

Я отправился опять къ келейнику, который показывалъ намъ дачи.

IV.

Прежде чѣмъ описывать храмъ, гдѣ покоятся мощи угодника перенесемъ въ прошлое и ознакомимся хотя слегка съ личностью и жизнью основателя обители.

Монастырь основанъ преподобнымъ Корниліемъ ¹⁾. Изъ его житія мы узнали, что онъ по мѣсту рожденія—ростовецъ. Домъ его родителей, какъ говорится въ старинномъ описаніи монастыря, былъ первымъ по богатству въ Ростовѣ. Братъ отца, Лукіанъ, служилъ дьякомъ при московскомъ дворѣ. Отецъ Корнилія, отправившійся также на службу въ Москву, взялъ съ собою и юнаго сына. Скоро Лукіанъ оставилъ службу и ушелъ въ Кирилло-Бѣловерскій монастырь; съ нимъ отправился въ глухую обитель и племянникъ, которому въ то время было всего 13 лѣтъ. На 19 году Корнилія посѣтилъ Ростовъ, убѣдилъ брата Іакинаеа также поступить въ мона-

¹⁾ Корниліевскій монастырь находится въ Комельской волости, получившій свое названіе отъ р. Комелы, черезъ нее протекающей. Вотъ почему и монастырь именуется Корниліево-Комельскимъ.

стырь и вернулся обратно въ Бѣлозерскую обитель. Здѣсь, спустя годъ, онъ принялъ монашество. «Ревность его къ подвижничеству простиралась до того, что не только свою, но и за другихъ охотно исправлялъ чреду тяжкаго послушанія въ пекарнѣ многолюдной въ то время обители Бѣлозерской, — притомъ обложилъ себя тяжкими веригами. Кромѣ монастырскихъ трудовъ, послушанія, келейнымъ его занятіемъ было списываніе церковныхъ книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя донныя хранятся въ Кирилловскомъ монастырѣ». Спустя нѣкоторое время, Корнилій предпринялъ странствованіе по монастырямъ и пустынямъ, чтобы научиться и утолить духовную жажду въ бесѣдахъ съ подвижниками. Онъ посѣтилъ Новгородъ, гдѣ снискалъ любовь къ себѣ архіепископа Геннадія, потомъ перешелъ въ область Тверскую. Здѣсь вблизи Савватіевской пустыни онъ поселился для подвиговъ и молитвы. Когда къ нему начали стекаться массы народа, онъ оставилъ и это мѣсто, и опять пошелъ странствовать, «ища глубокаго уединенія и безмолвія». Наконецъ, въ 1497 году, онъ пришелъ въ Комельскіе лѣса Вологодской губерніи и поселился въ оставленной разбойниками хижинѣ.

Основаніе монастыря стоило Корнилию большихъ трудовъ. Лишь только успѣлъ онъ выстроить себѣ маленькую келью и расчистить около нея мѣсто, какъ на него напали разбойники, надѣявшіеся поживиться отъ подвижника. Но у него ничего не было, кромѣ книгъ. Разбойники, уходя, взяли книги, но заблудились и снова пришли къ кельѣ Корнилія. Въ этомъ они увидѣли персть Возій, покаялись передъ пустынникомъ во грѣхахъ и удалились. Къ Корнилию стали стекаться ищущіе спасенія и подвига... По благословенію митрополита Симона, Корнилій соорудилъ съ братіей малую церковь во имя Богородицы и принялъ санъ священника. Такимъ образомъ 1501 года 1-го февраля возникла обитель, первымъ настоятелемъ которой былъ ея основатель—Корнилій.

Братство росло, и скоро церковь оказалась тѣсною. Тогда было приступлено къ основанію новой. Одни строили стѣны, другіе писали образа; кто переписывалъ книги; всякій дѣлалъ то, что могъ. Въ 1515 году, возникъ новый большой храмъ, какъ и первый, во имя Пресвятой Богородицы.

Сообразно учрежденіямъ многолюднаго монастыря, преподобный Корнилій назначилъ чреды служенія, введя чинъ, какой держится въ лаврахъ. Онъ устроилъ еще трапезную церковь во имя Антонія Великаго и занялся полнымъ благоустройствомъ обители. «Онъ далъ монастырю видъ четырехугольника, стороны котораго составляли вповь устраиваемыя кельи, а въ срединѣ находились церкви. Внутри же монастыря устроилъ больницу, пекарню и поварню; внѣ монастыря—богачельню для принятія странныхъ и упокоенія нищихъ».

Заботу о бѣдныхъ мірянахъ подвижникъ вмѣнялъ въ обязан-

ность братіи и самъ всегда подавалъ этому добрый примѣръ. Какъ-то постигъ голодъ всю «вологодскую страну». Четверть ржи продавалась по рублю и дороже. Даже и за эту цѣну трудно было достать иногда хлѣба. Въ обитель со всѣхъ сторонъ стекалось множество голодныхъ; родители приносили дѣтей, кидали ихъ у стѣнъ монастырскихъ и удалялись. Святой Корнилій всѣхъ ихъ бралъ, кормилъ, ласкалъ, какъ родной отецъ. Никто не уходилъ изъ обители обдѣленнымъ. Благодаря заботамъ святого, тысячи людей спаслись отъ голодной смерти. Обитель нисколько не оскудѣла, потому что люди достаточные и богатые, зная отношеніе Корнилія къ нуждающимся, считали своимъ долгомъ помогать монастырю вкладами и пожертвованіями.

Однажды въ праздникъ Антонія Великаго, когда святой Корнилій раздавалъ нищимъ хлѣбъ, деньги, просфоры и калачи, многіе подходили къ нему по нѣскольку разъ. Послушники сообщили объ этомъ настоятелю. Онъ отвѣтилъ: «не трогайте ихъ, они за тѣмъ пришли». Вечеромъ того дня, стоя на обычномъ правилѣ, Корнилій почувствовалъ усталость въ ногахъ, сѣлъ отдохнуть и забылся. Въ легкомъ снѣ онъ видитъ вошедшаго къ нему благолѣпнаго старца, украшеннаго сѣдиною, какимъ пишется на иконахъ Антоній Великій; старецъ взялъ его за руку, вывелъ на ровное мѣсто и показалъ на одной сторонѣ просфоры, а по другой калачи. «Вотъ, говоритъ, твои просфоры и калачи, которые ты подаль нищимъ. Распрости твою одежду». Когда Корнилій сдѣлалъ это, то старецъ началъ накладывать въ одежду просфоры и калачи. Пробудившись Корнилій разсказалъ сонъ братіи и завѣщалъ «нескудно подавать милостыню».

Устроивъ монастырь и составивъ для него уставъ, Корнилій вручилъ начальство надъ обителью 12 старѣйшимъ монахамъ и удалился на Сурское озеро, за 70 верстъ отъ монастыря. Здѣсь, вблизи Костромы, онъ поселился въ лѣсу и снова отдался подвигамъ и молитвѣ.

Братія стала просить его вернуться въ обитель, но онъ отказался. Однако, спустя нѣсколько лѣтъ, когда на томъ же началъ настаивать и великій князь, Корнилій покорился его волѣ и вернулся въ Комельскій монастырь; здѣсь онъ занялся рубкой лѣса и улучшеніемъ хлѣбопашества. Всѣ разказы о Комельскомъ подвижникѣ, дошедшіе до насъ, рисуютъ его, какъ челоуѣка, чуждаго всякаго тщеславія, желанія отличить себя чѣмъ либо отъ братіи. Такъ однажды пришелъ къ нему чернецъ Закхей въ мантіи, шитой лыкомъ, и просилъ, чтобы ему было дано одѣяніе получше. Настоятель снялъ мантію съ себя, отдалъ ее Закхею, а его мантію надѣлъ на себя и долгое время ходилъ въ ней.

Достигнувъ глубокой старости, отягченный болѣзнями, преподобный Корнилій снова удалился въ Кирилловъ монастырь. Здѣсь

онъ въ юности принялъ постриженіе, здѣсь намѣревался и окончить свой иноческій подвигъ, въ полной тишинѣ. Онъ затворился въ кельи и никого не принималъ къ себѣ. Но братія Корниліевского монастыря не переставала упрашивать праведника вернуться въ основанную имъ обитель. Онъ оставался непреклоннымъ. Тогда иноки обратились къ игумену Ълзоверскаго монастыря и старѣйшимъ изъ его братіи, прося и ихъ склонить Корнилія къ возвращенію. Общая просьба подѣйствовала наконецъ на старца, онъ согласился вернуться, но съ условіемъ, чтобы братство Комельской обители выбрало себѣ игумена. По указанію самого Корнилія, былъ избранъ нѣкій Лаврентій. Сдавъ ему все управленіе Комельскаго монастыря, святой старецъ затворился въ кельѣ, «устремивъ весь умъ свой къ Богу, къ соверпанію жизни небесной».

Будучи уже 82 лѣтъ, святой Корнилій заболѣлъ горячкою и скончался 19-го мая 1538 года, въ пятую недѣлю по Пасхѣ, во время воскресной заутрени. Услыхавъ о его кончинѣ, въ обитель прибыли всѣ настоятели ближайшихъ монастырей, собственноручно выкопали могилу для почившаго и, отпѣвъ его соборнѣ, предали его тѣло землѣ на правой сторонѣ храма.

V.

Монастырскій дворикъ, въ которой вы входите черезъ широкія ворота, съ изображеніемъ преподобнаго Корнилія, — очень уютный и чистенькій. Вправо — калитка въ садъ, а прямо — дорога къ храмамъ.

Мы вступили въ длинный узкій притворъ съ живописью по стѣнамъ и вошли въ холодный храмъ, гдѣ покоятся мощи угодника. Эта церковь — во имя основателя обители. Надъ мощами святого подъ балдахиномъ устроена деревянная рака, съ двухъ сторонъ — сѣверной и южной — обложенная мѣдными и серебряными деками, а сверху покрытая образомъ угодника во весь ростъ; образъ украшенъ серебряною чеканною ризою съ такимъ же позлащеннымъ вѣнцомъ. На поляхъ ризы вычеканено: «1821 года, марта 25-го, сдѣлана сія риза Вологодской епархіи въ Корниліево-Комельскій монастырь при державѣ благочестивѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго государя нашего императора Александра Павловича всея Россіи и при супругѣ его благочестивѣйшей государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Алексіевнѣ и т. д. По благословенію преосвященнаго Онисифора, епископа вологодскаго и устюгскаго, стараніемъ монастыря игумена Владиміра съ братіею, вѣсу въ ризѣ 3.029 золотниковъ».

Въ церкви невыносимо холодно и сыро, точно въ погребѣ. Но храмъ свѣтлый, съ яркою живописью по стѣнамъ, блестящею позолотой...

— Боже, какъ холодно!—промолвила моя спутница.—Какъ же здѣсь служить?

— Еще не начинали служить,—отвѣтилъ келейникъ:—вотъ окна отворили, провѣтриваемъ... нагрѣветъ солнышко...

— Будутъ здѣсь служить?..

— Да, будутъ... Это вѣдь холодная церковь. А есть и зимняя, та—теплая...

— А рядомъ какая?

— Это Введеневская церковь. Тоже — холодная... Не передѣлываютъ... Еще студенѣе тамъ, въ ней-то!

Мы приложились къ мощамъ и поспѣшно вышли изъ храма. Не было возможности оставаться дольше. Холодъ и сырость пронизывали насквозь... Намъ, только-что напившимся чаю, особенно была чувствительна холодная атмосфера храма... Мнѣ хотѣлось осмотрѣть все достойное вниманіе, но, боясь простудиться, я поборолъ въ себѣ желаніе. По словамъ келейника, совпадающимъ съ тѣмъ, что говорится въ старинномъ описаніи монастыря, въ Корнилевской церкви сохранились слѣдующіе достопримѣчательные предметы: 1) часть власницы святого Корнилія; 2) его рива или фелонь. Ея матерія шолковая, бѣлая, съ камчатнымъ краснымъ оплечьемъ, по которому изрѣдка вытканы золотые цвѣты; покрой ея отличается отъ нынѣшняго тѣмъ, что передъ ея не болѣе, какъ на одинъ вершокъ, выше задней стороны. Рива очень ветха и покрыта заплатами, по цвѣту, подходящему къ самой матеріи. Часть власницы и фелонь хранятся въ ящикѣ подъ стекломъ. 3) Образъ чудотворца Корнилія, писанный на золотѣ; онъ стоитъ на южной стѣнѣ, подлѣ иконостаса. Кругомъ его въ два ряда написаны нѣкоторые дѣянія и чудеса преподобнаго. Объ этомъ образѣ упоминается въ описи 1643 года. 4) Ставленная грамота преподобнаго съ печатью митрополита Симона. 5) Подлинная жалованная грамота на имя преподобнаго Корнилія, данная отъ великаго князя Василія Іоанновича. 6) Старинный покровъ на раку преподобнаго, съ его образомъ во весь ростъ, вышитый шелками; вѣнецъ въ два ряда обложенъ жемчугомъ, на краяхъ по зеленой камкѣ вышиты золотомъ тропарь и кондакъ угоднику.

Теплая церковь, во имя Воскресенія, двухъэтажная; ея построеніе относится къ началу XVII вѣка... Колокольня каменная, четырехъярусная.. Строить ее начали въ 1599, а кончили въ 1604 году. Самый большой колоколъ вѣситъ 108 пудовъ.

— А книгъ замѣчательныхъ нѣтъ?—спросилъ я.

— Никакихъ нѣтъ,—отвѣтилъ послушникъ... А вотъ есть еще митра старинная. Это отъ тѣхъ временъ, когда здѣсь были настоятелями архимандриты.

Я уже потомъ узналъ, что въ монастырской библиотекѣ находятся двѣ небезынтересныя рукописи: 1) Служба и житіе преподоб-

наго Корнилія, древняго письма, полуустановнаго, и 2) старинный синодикъ, переплетенный по приказанію преосвященнаго вологодскаго Евгенія Болховитянова (впослѣдствіи кievскаго митрополита). Слѣдуетъ еще упомянуть объ евангеліи, находящемся въ ризницѣ: оно напечатано въ 1779 году.

Братія размѣщается въ двухъ корпусахъ. Монастырь—одинъ изъ небогатыхъ въ Вологодской епархіи. Любопытна роспись 1855 года, которую привожу:

Монастырь получаетъ на содержаніе:

1) По штату положеннаго оклада . . .	466 р. 62 к.
2) Процентовъ по билетамъ до . . .	300 » — »
Итого . . .	766 р. 62 к.

Непостоянные:

3) Оброчныя деньги съ мельницы до . .	90 р. — к.
4) Доходовъ съ мельницы подмонастыр- ской, за помоломъ на монастырскій обиходъ, около	200 » — »
5) За рыбную ловлю	75 » — »
6) Доходовъ денежныхъ до	300 » — »
Итого . . .	665 р. — к.
Всего	1.131 р. 62 к.

7) Разнаго хлѣба вымолачивается	220 пудовъ.
8) Сѣна накашивается до	35 возовъ.

Со времени росписи прошло сорокъ лѣтъ. Теперь доходы увеличились, но, безъ сомнѣнія, незначительно. «Цѣлебныя воды», которыми славится монастырь, сорокъ лѣтъ назадъ, какъ видно, не давали никакихъ доходовъ, или онѣ были очень ничтожны, потому что о нихъ особо не упомянуто въ росписи. Да и теперь эти доходы гораздо меньше, чѣмъ могли они быть. Это объясняется, помимо равныхъ причинъ, невѣрною постановкою дѣла и климатическими условіями мѣстности.

VI.

Такова, значитъ, наша доля: быть въ одолженіи у иноземцевъ.

За море мы послали просить князя, признаваясь, что «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ»; иностранецъ открылъ и указалъ намъ на цѣлебность старорусскихъ водъ; безъ иностранца не обошлось дѣло и съ корнилевскимъ минеральнымъ источникомъ.

«Минеральный колодезь» находится въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ монастыря. Онъ расчищенъ и сдѣланъ пригоднымъ для цѣлеб-

ныхъ цѣлей сербскимъ генераломъ Иваномъ Хорватомъ, въ 1765 году. Когда сербъ указалъ на «колодезь», тогда и мы обратили вниманіе на него. Въ 1827 году, какой-то аптекарь произвелъ анализъ воды, а въ 1846 году игуменомъ Арсеніемъ устроены ванны и котель для нагрѣванія воды. Въ недавнее время инспекторъ врачебной управы въ Вологдѣ, докторъ-медицины А. В. Соколовъ, произвелъ новый анализъ воды и нашелъ, что вода въ 10 ф. содержитъ:

1) Сѣрнокислой извести	1,880	грана.
2) Хлористаго кальція	2,120	»
3) Хлористаго натрія	0,470	»
4) Углекислаго натрія	18,711	»
5) Углекислой извести	7,000	»
6) » закиси желѣза	2,095	»
7) » магневіи	2,500	»
8) Глинозема	1,500	»
9) Органическихъ веществъ	3,787	»
10) Кремневой кислоты	}	слѣды.
11) Иода		
12) Сумма твердыхъ составныхъ частей	40	гранъ.
13) Свободной углекислоты	5,250	»
14) Полусвязанной углекислоты	9,950	»
15) Сѣрводорода	5,2	»

Источникъ даетъ до 14,000 ведеръ въ сутки.

Докторъ Орнатскій, изслѣдовавшій также воды и писавшій о нихъ, говоритъ, что воды Корнилевскія полезны: при малокровіи, блѣдной немочи, при истощеніи послѣ болѣзней, не сопровождавшихся существенными поврежденіями необходимыхъ для жизни органовъ (сердца, легкихъ и др.), при застарѣломъ ревматизмѣ мышцъ и сочлененій, при застарѣвшихъ воспалительныхъ процессахъ въ области женскихъ органовъ, при параличахъ, особенно ревматическаго происхожденія безъ важныхъ измѣненій въ органахъ центральной нервной системы, при нейрастеніи и отчасти при золотухѣ и цингѣ.

Надъ ключемъ построено зданіе съ 5-ю ваннами для теплаго купанья и 2-мя для холоднаго. Первая — цинковья, вторья — деревянная.

— Почему ванны? — спросилъ я.

— Холодная по 5-ти копеекъ, а теплая по 15-ти копеекъ.

— Это не дорого.

— А есть такіе, которые жалуются на дороговизну.

— Ну, это уже ни на что не походить! — замѣтила моя знакомая.

— Всякіе бываютъ... Извѣстно, которые бѣдны, тѣмъ и это дорого...

— Я думаю, холодное купанье избираютъ не многіе?—спросилъ я у послушника.

— Да, надо привычку приобрѣсть, а то опасно.

— Простудиться легко?

— Одна барышня прѣѣхала, да сразу и покупайся въ холодной водѣ...

— И что же?

— Умерла-съ!

— Умерла? Здѣсь же?—съ испугомъ воскликнула дама.

— Нѣтъ-съ, а воспаленіе схватила; уѣхала и умерла.

— Вотъ какъ!.. Значить, холодное купанье вредно.

— Безъ привычки—потому. А если привыкнуть, такъ оно полезно: сразу ожжетъ, а потомъ и чудесно!.. Укрѣпляетъ здоровье!

— Жаль, что доктора нѣтъ здѣсь!

— Да, оно такъ... Но гдѣ же... у насъ попросту!

— А все-таки много сѣѣжается народу?

— Бываетъ-съ!.. Только не всѣ живутъ здѣсь.

— А гдѣ же?

— Въ деревняхъ кои... по близости... Повыше, не такъ сыро... Да и насчетъ купанья дешевле... А всего удобнѣе въ домахъ, на горѣ... извѣстно, на своихъ харчахъ способнѣе тамъ...

— Но скажите, пожалуйста: есть же доходы вамъ?

— Этого не могу знать-съ... Это не наше дѣло... все отецъ настоятель.

— А какъ насчетъ почты?—спросила моя спутница.

— Каждый день можно получать.

— Откуда ѣдятъ?

— И ѣдятъ, и такъ, пѣшкомъ ходятъ... потому отецъ настоятель за газетами посылаетъ... у насъ и ящикъ свой особый на почтѣ, на ключѣ...

— Это удобно и не удобно,—сказала барыня.

— А то можете сами-съ... только это хлопотно и накладно... А вотъ одинъ тутъ жилъ, такъ онъ самъ пѣшкомъ ежедневно ходилъ на почту...

— Таковую даль?

— Пять верстъ всего. Это, говорить, для моціона пользительно...

— Да, но не по такой дорогѣ!..

— Не все же такая. Какъ установится погода, и дорога лучше.

— Мамочка, гляди, какія тамъ тучи!—промолвила дѣвочка.

— Гдѣ?.. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Надо ѣхать! Мы еще успѣемъ на поѣздъ?

— Вполнѣ.

— Надо ѣхать... Фу, эти комары!

Мы поспѣшили въ гостиницу, чтобы до дождя попасть на станцію.

— Въ коляскѣ ништо,—успокоительно произнесъ ямщикъ:—вѣрху подыметь да фартухъ, и чудесно дѣло... Что намъ и гроза!

— А ты самъ?

— Мы — привыкли! Ономясь, намокъ, что губка: всю одѣжу выжми... ничаво! Вѣрху-то поднять?

— Подними, конечно!

И хорошо сдѣлали, что подняли. Не отгѣхали мы и версты, какъ поднялся холодный, рѣзкій вѣтеръ, а потомъ пошелъ дождь въ перемѣшку съ градомъ. Въ воздухѣ сразу стало холодно, словно май обмѣнялся съ сентябремъ... Струи вѣтра сдѣлались, такъ сказать, ледяными. Даже «вѣрхъ» и фартухъ защищали мало.

Но скоро наступила перемѣна.

Когда мы подъѣхали къ станціи, выглянуло солнце и облило землю ласковыми лучами. Черезъ какія нибудь 10—15 минутъ опять сдѣлалось жарко, какъ утромъ.

VII.

На станціи мы встрѣтили настоятеля монастыря, отца Антонія, съ которымъ я ѣхали вмѣстѣ въ Вологду. По порученію владыки, онъ отправился на ревизію въ Кадниковскій уѣздъ. Отецъ Антоній—еще не старый человѣкъ, очень любезный, хотя и довольно сдержанный, не словоохотливый. Онъ совѣтоваль намъ взять помѣщеніе внизу одного дома на горѣ.

— Тамъ удобнѣе вамъ и для здоровья лучше, потому что суше. Нѣтъ такихъ тумановъ, можно гулять поздно вечеромъ, когда внизу холма все уже подернуто сырой пеленой.

Моя спутница все-таки предпочитала взять большой номеръ въ гостиницѣ, который оказался свободнымъ.

— Намъ сказали, что занять.

— Не знаютъ безъ меня...

— А сколько вамъ дохода приносятъ ванны?—спросилъ я у настоятеля.

— Очень мало... Я ихъ даже прикрыть хотѣлъ.

— Что вы! Онѣ же полезны!

— Много хлопотъ.

«И надо потрудиться для ближняго», хотѣлось мнѣ сказать, но я промолчалъ.

Отецъ Антоній продолжалъ:

— При Израилѣ это можно было сдѣлать, а настоящій владыка не дозволяетъ. Я, говоритъ, буду развивать дѣло.

— И прекрасно! Хвала владыкѣ!

— Если не выгодно, отчего не отдадите въ аренду?—сказала моя знакомая.

— Не угодно ли?

— Какія условія?

— Поддерживайте дома, развивайте дѣло... Только едва ли владыка доволить...

Я поставилъ иначе вопросъ:

— Но, отецъ Антоній, вѣдь воды полезны?

— Несомнѣнно. Пріѣзжаютъ такіе, что едва ходятъ, а потомъ откуда прыть берется... Отъ ревматизма очень помогаютъ.

— Значить, нельзя закрывать, нужно развивать дѣло, столь полезное. Монастырь долженъ служить на пользу ближняго.

— Это такъ! — коротко произнесъ настоятель.

Въ Вологдѣ мы встрѣтили знакомаго врача, которому и сообщили о своемъ намѣреніи ѣхать въ Корниліевъ монастырь.

— А что же не въ Руссу? — спросилъ онъ.

— Для разнообразія. А по-вашему какъ?

— По-моему вамъ лучше ѣхать въ Руссу.

— Развѣ здѣшнія воды бесполезны?

— Нѣтъ, очень полезны. Но это не все. Разберемте. Сочтемъ плюсы и минусы. Если бы вы жили въ Вологдѣ, то близость Корниліевскихъ водъ уже являлась бы плюсомъ. Для васъ это безразлично. А между тѣмъ громадная разность въ удобствахъ. О Руссѣ вамъ нечего говорить, вы ее отлично знаете. Будемъ говорить о Корниліевомъ. Мѣсто — крайне низкое, сырое, густые туманы, такъ что рано надо забираться въ комнаты, слѣдовательно крадется время у прогулокъ. И гдѣ гулять? Почва болотистая, глинистая, мѣстность однообразная. Гулять и скучно и неудобно: росы, туманъ, какъ потянетъ сырость отъ болота — бѣда!

— И въ Руссѣ не сухая мѣстность.

— Все-таки не такая, какъ здѣсь. Сколько тамъ положено труда! А паркъ? Онъ и въ описаніи нашемъ — заманчивъ, но я его самъ видѣлъ... онъ стоитъ многого!

— Это правда, — согласился я.

— Вотъ, видите. А врачъ? Здѣсь нѣтъ врача — и это очень неудобно.

— Врачи въ Грязовцѣ.

— Это не то, что на мѣстѣ. Изъ Грязовца звать врача — чего стоитъ? Самому ѣхать — хлопотно. И дорого время: надо врача, а вы ждите. Для совѣта же, для правильнаго лѣченія врачъ необходимъ. Большая ошибка, что нѣтъ своего врача. Впрочемъ, можетъ быть, и нельзя имѣть: я не знаю причинъ. Да и не только врачъ: такой чистоты и порядка здѣсь не найдете, это уже внѣ сомнѣнія. И, кромѣ ваннъ, ничего нѣтъ.

— То есть?

— А дүши? А паровыя ванны? А электричество? И такъ далѣе,

и такъ далѣе! Ничего! Въ Руссѣ пьютъ воду, и она приноситъ пользу.

— Желѣзистая вода полезна при наружномъ пользованіи.

— Да, но не всякой кожей всасывается желѣзо. Все его дѣйствіе часто ограничивается нѣкоторымъ раздраженіемъ кожныхъ покрововъ. Между тѣмъ естественная желѣзистая вода, да еще при наличности поваренной соли, усваивается организмомъ превосходно.

— Какъ и пилюли?

— Лучше. Но нѣтъ врача, и никто не обращаетъ на это вниманія. Дальше: скука. Вы думаете, это все равно: скучно или весело больному, особенно неврастенику?

— Конечно, не все равно.

— То-то и есть. А въ Корнилевомъ вы заскучаете на третій день. Какое развлеченіе? Пѣсни комаровъ или мужиковъ-косцовъ?

— Деревенская тишина пріятнѣе шума.

— Затѣмъ шумъ? Но развлеченіе, разнообразіе впечатлѣній поддерживаетъ бодрое настроеніе. Напримѣръ, музыка. Прекрасно... Здѣсь ея нѣтъ. И что вы насчетъ деревенской идилліи упомянули... Это больше въ книжкахъ хорошо. Деревенская идиллія на Руси отошла въ вѣчность. Можетъ быть, она и вернется, въ другомъ нѣсколько видѣ, но для нея пока нѣтъ условій. Что теперь въ деревнѣ? Комары, блохи, клопы, духота въ избахъ, грязь кругомъ и невозможность жить почеловѣчески со стороны питанія... Вѣдь у насъ «не заграница», батюшка!.. И развѣ удобно послѣ ванны брести въ деревню? Ну, а дождь?

— Въ монастырскомъ корпусѣ жить.

— Такъ тутъ объ идилліи и говорить нечего. Шумъ, безпокойство отъ косцовъ, богомольцевъ, обѣды — не важные, если вы привыкли къ хорошему столу «во градахъ столичныхъ»... Столько наберется мелочей, что вы, нервный челоуѣкъ, просто сбѣжите безъ оглядки! Тутъ хорошо не привыкшему къ комфорту.

— Зато здѣсь все дешево.

— Будто? А вотъ сосчитаемъ. Номеръ 20 рублей. (Въ десять не возьмете же, это — конурка). Обѣдъ порціями обойдется рублей 20 — 22, а то и всѣ 24! Итого ровно 40 рублей или 44. Ну, прислуга... на нее и молоко рублей пять. Затѣмъ булки. А завтракъ, чай, кофе, прачка... глядишь около 63-хъ-65-ти и готово. А ванны? Рублей пять по-вашему? Хорошо. Прибавьте на «чай» прислугѣ при ваннѣ... Словомъ, рублей 75 непременно. А поѣздки изъ городъ? А врачъ? Разныя мелочи?.. Положимъ, въ Руссѣ выйдетъ все-таки больше, но и другія условія, не забудьте!..

— Значить, ѣхать въ Руссу?

— Совѣтую вамъ. Вологжанамъ другое дѣло... Но, по-моему, монастырь долженъ развить дѣло, поставить на положеніе курорта свои воды и обставить всѣми удобствами... Воды стоятъ того, чтобы

о нихъ позаботиться. А то: скука, нѣтъ врача, сообщенія неудобныя, ваннъ мало и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Мнѣ кажется, что есть иной исходъ для всего: поставить дѣло на почву христіанской помощи, дѣйствовать по завѣщанію основателя обители, св. Корнилія, повелѣвшаго «всѣхъ одѣлать нескучно». Дорогихъ водъ много, и кто имѣетъ средства—поѣдетъ въ Липецкъ, Руссу, на Кавказъ и даже за границу. Но гдѣ лѣчиться неимущимъ и бѣднякамъ? Пусть имъ откроетъ пріютъ Корниліевъ монастырь и пусть воды его будутъ новой Виеводой, то-есть домою милосердія. Какая плата? А пусть пріѣзжаютъ бѣдный человекъ и пользуется всѣмъ: и водами, и пищею отъ трапезы, и жилищемъ, и платитъ, сколько можетъ. Имѣющіе не захотятъ обидѣть монастырь, а съ неимущаго и нельзя брать, помня завѣтъ Корнилія. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Поставь обитель такъ дѣло — найдутся и помощники ей въ мѣрѣ. Тогда бы исполнилась воля святого. А если не это, такъ, дѣйствительно, надо сдѣлать все на манеръ курорта. Пѣтъ ничего хуже — быть между двумя стульями, какъ теперь.

Алекс. Кругловъ.

СВЯТОЙ КЛЮЧЪ.

(Около города Семипалатинска).

I.

ВЪ СЕМНАДЦАТИ съ половиною верстахъ отъ Семипалатинска и въ полутора верстахъ отъ Старой крѣпости ¹⁾, недалеко отъ праваго берега когда-то многоводнаго, а нынѣ обмелѣвшаго Иртыша, раскинулась группа небольшихъ, разнообразной формы, горъ, покрытыхъ лиственничнымъ лѣсомъ.

На вершинѣ одной изъ этихъ возвышенностей изъ-за густой кроны зелени виднѣется бѣленькая миниатюрная церковь ²⁾. Освѣщаемая солнцемъ, она какъ-то особенно привлекаетъ взоръ путника и принѣтливо манитъ къ себѣ. Внизу, въ ущельи, скромно, едва замѣтно, ютится неболь-

¹⁾ Правильнѣе—Старо-Семипалатинская крѣпость, но въ общекити болѣе извѣстна подъ упрощенными названіями: «Старо-Семипалатна» и «Старой крѣпости».

²⁾ Это собственно часовня съ алтаремъ, гдѣ совершается литургія на походномъ антимпнѣ. Построена она на средства семипалатинскаго купца О. П. Плещева, извѣстнаго своей благотворительностью: имъ построена въ городѣ Александровская церковь, устроены двѣ церковно-приходскія школы, которыя содержатся на $\frac{1}{2}$ съ капитала, имъ положеннаго на школы. Зданія для нихъ такъ же были построены имъ же. Кромѣ того, многимъ нуждающимся онъ помогаетъ негласно.

шая, довольно изящной архитектуры, деревянная часовня ¹⁾. Внутри ея—незатѣйливое убранство: нѣсколько простенькихъ недорогихъ иконъ, изъ которыхъ выдѣляется лишь копія со святой чудотворной иконы Абалакской Божіей Матери; два-три металлическихъ церковныхъ подсвѣчника и лампада—вотъ и все, что имѣется въ часовнѣ. Она стоитъ надъ самымъ ключемъ, бьющимъ изъ большого отверстія, похожаго на чело обыкновенной русской кухонной печки. Вовлѣ часовни—небольшой резервуаръ, гдѣ скопляется святая вода, а изъ него течетъ сначала по узкому деревянному жолобу, а затѣмъ далѣе въ видѣ канавки, постепенно расширяющейся. На самомъ широкомъ разливѣ этого образовавшагося ручья стоитъ купальня съ двумя отдѣленіями. Здѣсь купаются мужчины и женщины, старые и молодые, совершенно здоровые и немощные, желающіе укрѣпить свое брѣнное тѣло или исцѣлиться отъ застарѣлыхъ и тяжкихъ недуговъ ²⁾.

Вода въ ключѣ удивительно чиста и прозрачна до того, что, несмотря на значительную глубину, на днѣ ключа совершенно ясно видны разные предметы. Съ цѣлью посмотрѣть черезъ воду на дно нерѣдко бросаютъ серебряныя монеты, дѣлая такимъ оригинальнымъ способомъ вкладъ въ часовню. Температура воды необычайная: лѣтомъ — неизвѣрно холодна, а зимою совершенно теплая. Вкусъ воды—замѣчательный; такой воды для питья не всякому приходится встрѣчать.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ деревянной часовни водруженъ простенькій деревянный крестъ. Здѣсь мѣсто, гдѣ на тополѣ была найдена глубоководная святая икона. Въ сторонѣ отъ ключа стоятъ: бревенчатый домикъ, тесовые бараки и выѣстительный навѣсъ для приюта отъ зноя и непогоды, для отдыха и ночлега массы богомольцевъ, съ разныхъ сторонъ издалека стекающихся сюда на поклоненіе чудотворной иконѣ и святому ключу—мѣсту явленія.

II.

Явившаяся на ключѣ икона—точная копія съ знаменитой иконы Знаменія Пресвятой Богородицы, прославившейся своими чудесами и извѣстной подъ именемъ—Абалакской Божіей Матери ³⁾. Мѣсто-

¹⁾ Преданіе говоритъ, что въ 1840-хъ годахъ на этомъ мѣстѣ былъ построенъ какимъ-то военнопольникомъ, получившимъ исцѣленіе отъ св. иконы,—навѣсъ. Отъ времени этотъ навѣсъ обветшалъ. Въ мѣсто него наводарскимъ купцомъ А. П. Доровымъ была построена эта хорошеенькая часовня.

²⁾ Водѣ приписываютъ цѣлебное свойство. Рассказываютъ много случаевъ исцѣленія. Богомольцы глубоко вѣрятъ въ это, но и слишкомъ злоупотребляютъ своимъ здоровьемъ: съ жару, испотѣвшіе, опускаются въ студеную воду купальни... Результаты—воспаленіе легкихъ и т. п. неизбѣжны въ такихъ случаяхъ, довольно серьезныхъ болѣзней.

³⁾ Явилась эта икона въ Тобольскѣ 20 іюля 1687 года.

нахожденіе ея—Абалакскій Тобольскій монастырь. Эта икона имѣеть много списковъ. Нѣкоторые изъ нихъ точно также прославились чудотвореніями и составляютъ великія и дорогія святыни для тѣхъ мѣстъ, гдѣ пребываютъ. Самый извѣстный и наиболѣе чтимый списокъ съ иконы находится въ Семипалатинскомъ городскомъ соборѣ, построенномъ въ честь св. иконы Знаменія Божіей Матери. Копія эта была написана по слѣдующему случаю ¹⁾.

Когда прославленная въ Абалакѣ икона получила громадную извѣстность не только въ Тобольской епархіи, но и далеко за предѣлами ея, то ее стали часто уносить на слишкомъ далекое разстояніе: въ города Тюмень, Верхотурье, Туринскъ и др.

Уносили же икону потому, что религіозное усердіе жителей названныхъ городовъ искренно желало видѣть святыню въ своихъ родныхъ мѣстахъ и поклониться ей. Разумѣется, многіе богомольцы, стекавшіеся въ Абалакъ за сотни и даже тысячи верстъ на поклоненіе св. иконѣ,—не заставляли ея... Конечно, это огорчало ихъ и возбуждало въ нихъ неудовольствіе и ропоть... Чтобы устранить разъ навсегда такое неудобство, рѣшено было написать списокъ съ Абалакской иконы. Вскорѣ копія была исполнена тѣмъ же благочестивымъ протодіакономъ Тобольскаго Софііискаго собора Матвѣемъ, которымъ писана и подлинная икона. Списокъ—точный, только величина его уменьшена. Даже составъ красокъ былъ съ подлинною одинаковъ. Съ этого времени подлинная икона уже всегда оставалась въ Абалакѣ, а копія носилась богомольцами по городамъ, селамъ, деревнямъ и поселкамъ обширной въ то время Тобольской епархіи.

Вскорѣ и отъ этой иконы стали истекать чудеса: сила Божія почилла и на ней.

III.

Является вопросъ: какимъ же образомъ эта копія со св. иконы оказалась въ Семипалатинскѣ и навсегда осталась въ немъ? Нѣкоторые архивныя данныя ²⁾ отвѣчаютъ на это слѣдующимъ образомъ.

Императоръ Петръ I, 20 мая 1720 года, отправилъ изъ Петербурга въ Сибирь небольшой отрядъ, состоявшій изъ 500 человекъ съ нѣсколькими пушками. Начальникомъ отряда былъ назначенъ генералъ-майоръ Лихаревъ. Ему было приказано открыть Устькаменогорскую крѣпость, а также занять богатѣйшія золотоносныя мѣста ³⁾, на-

¹⁾ Такъ говоритъ «Сказаніе о Семипалатинской иконѣ Знаменія Божіей Матери, именуемой Абалакскою, и о святомъ ключѣ».

²⁾ Старинная рукописная книжка, хранящаяся въ архивѣ Семипалатинскаго Знаменскаго собора. Эта книжка — нѣчто въ родѣ записи священника-современника событію, а, можетъ быть, даже и очевидца-участника этого плаванія, такъ какъ духовенство вмѣстѣ съ иконой плыло на судахъ Лихарова.

³⁾ Въ окрестностяхъ города Устькаменогорска и по настоящее время прекрас-

ходящіяся въ предѣлахъ одного вліятельнаго камиыцкаго владѣльца. Добравшись съ отрядомъ до Тобольска, Лихаревъ снарядилъ 34 досчаника и поплылъ на нихъ вверхъ по рѣкѣ Иртышу, рассчитывая воднымъ путемъ достигъ большого озера Зайсана. Доплывъ до Абалака, Лихаревъ высадившись со своимъ отрядомъ и съ глубоководно-религіознымъ чувствомъ пожелалъ отслужить напутственный молебенъ передъ чтимою иконою Абалакской Божіей Матери, чтобы съ ея святою помощью пуститься въ опасное и дальнее плаваніе по совершенно неизвѣстной ему обширной рѣкѣ и глухой, дикой мѣстности. Съ этой цѣлью онъ просилъ мѣстное духовенство принести св. икону на его суда. Духовенство просьбу его уважало, и вскорѣ на суда была принесена копія съ св. иконы, которая воспроизведена протодіакономъ Матвѣемъ. Началось молебствіе. Люди отряда, вмѣстѣ съ начальникомъ своимъ, горячо и усердно молились. Наступило время чтенія евангелія... Едва старичекъ-священникъ произнесъ слова: «Вовставши же Маріамъ во дни тыя, иде горняя...»¹⁾, какъ неожиданно для всѣхъ суда Лихарева невидимою силою снялись съ якорей и безъ всякой человѣческой помощи тихо поплыли вверхъ по Иртышу, противъ быстрого теченія... Плователи были поражены совершившимся чудомъ и съ глубокой вѣрой и благоговѣйной молитвой въ души и на устахъ предоставили себя волѣ Небесной Путеводительницы, которая благополучно и довела ихъ до Старо-Семипалатинской крѣпости²⁾. Тутъ суда также неожиданно для всѣхъ остановились. Не желая на этомъ мѣстѣ имѣть остановку и, кромѣ того, думая, что суда остановились отъ какойнибудь естественной причины: мели, каряги, камня и т. п.,—Лихаревъ приказалъ сдвинуть суда и продолжать плаваніе. Команда дружно принялась за работу; но, несмотря на всѣ усилія людей, судно, на которомъ находилась св. икона, не двигалось съ мѣста. Лихаревъ понялъ, что и тутъ сказывается воля Божія, и распорядился благоговѣйно поднять св. икону съ судна и отнести ее въ храмъ св. Антонія и Θεодосія печерскихъ, находившійся въ крѣпости.

Лихаревъ отплылъ дальше, а св. икона осталась въ крѣпости, сдѣлавшись предметомъ поклоненія не только ближайшихъ жителей, но и отдаленныхъ селъ и деревень.

IV.

Однажды³⁾ среди глубокой темной ночи икона вдругъ исчезла изъ храма. Послѣ долгихъ поисковъ она была найдена въ полтора

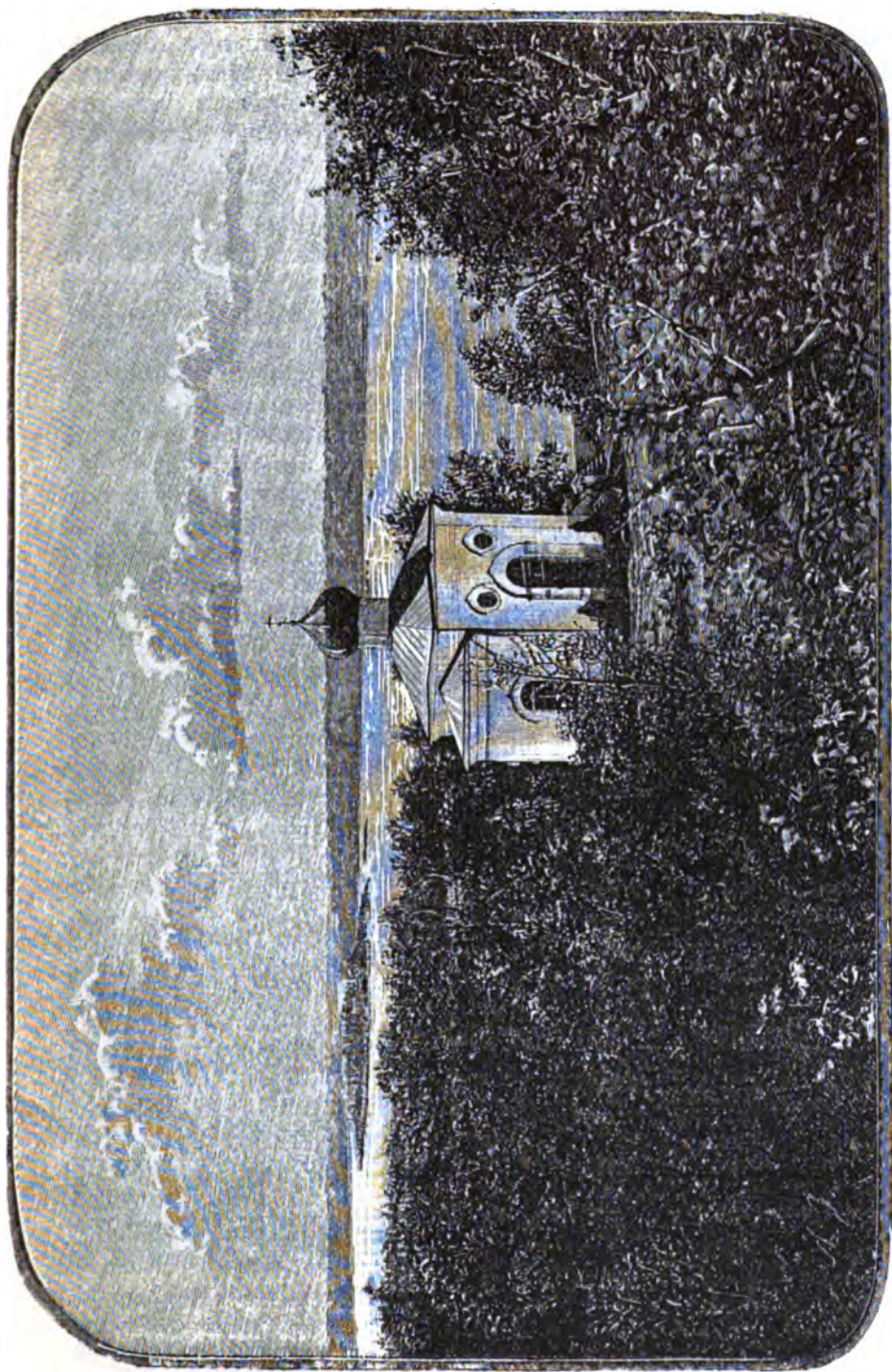

ная золотоносныя мѣста. Ежегодно мѣстными золотопромышленниками добывается значительное количество золота.

¹⁾ Евангеліе отъ Луки, 1 глава, 39 ст.

²⁾ Эта крѣпость была построена незадолго передъ этимъ чудеснымъ событіемъ.

³⁾ Заимствовано изъ «Сказанія о Абалакской чудотворной иконѣ».

Црковь на горѣ.

верстахъ отъ крѣпости, на отдѣльномъ тополѣ, съ ярко-горящей передъ нею свѣчей. У корней дерева билъ ключъ чистой, прозрачной и холодной воды. Святую икону сняли съ дерева и снова отнесли въ храмъ. Ключъ съ этого времени въ народѣ сталъ называться святымъ.

Есть любопытное устное преданіе, которое считаю не лишнимъ привести здѣсь.

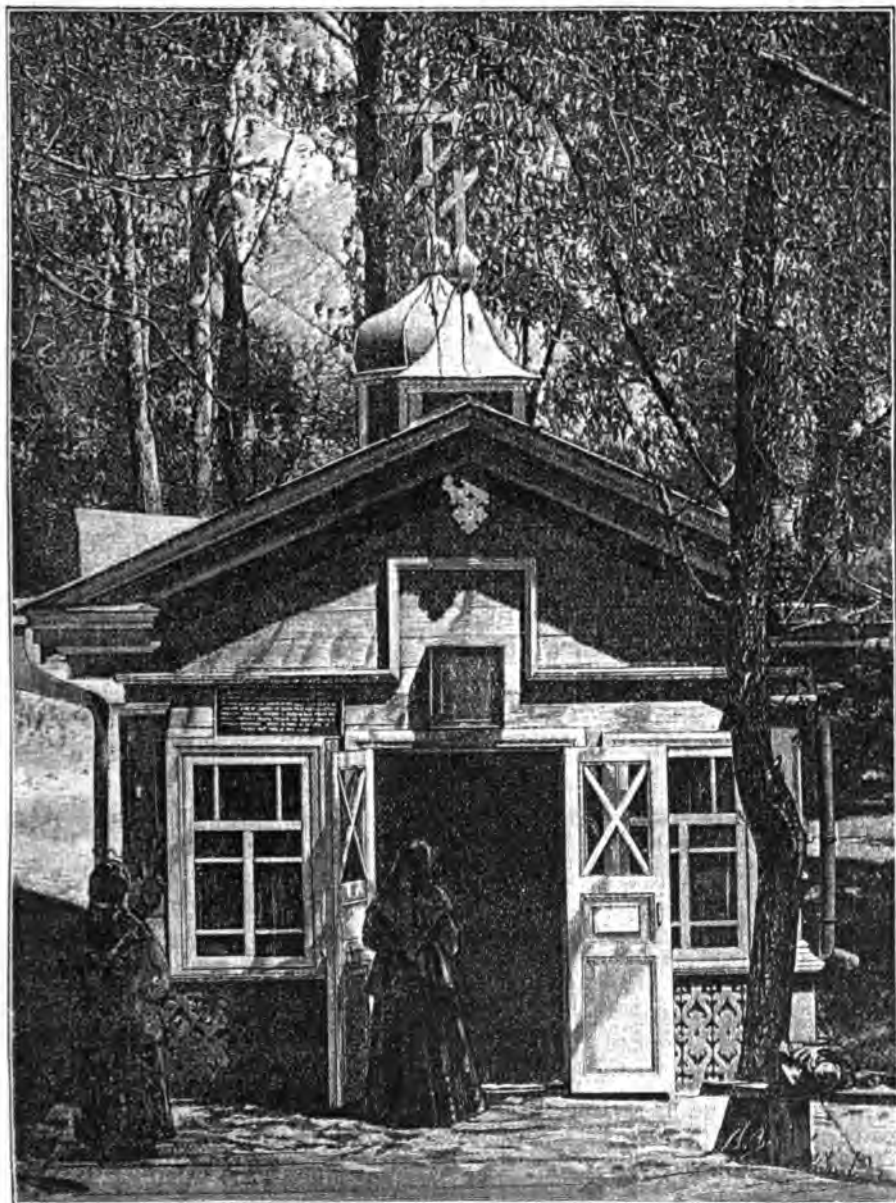
Одинъ бѣднякъ изъ мѣстныхъ татаръ поѣхалъ въ боръ за дровами. Провозившись долгое время съ рубкой и укладкой дровъ на воза, онъ заповдалъ и, когда поѣхалъ домой, было уже совсѣмъ темно, и онъ заблудился. Сознавая, что совершенно сбился съ дороги, которую найти въ дремучемъ лѣсу въ такую глухую, непроглядную ночь—невозможно, татаринъ въ отчаяніи упалъ на колѣни и сталъ призывать на помощь Аллаха и его пророковъ... Вдругъ замѣтилъ онъ, что въ сторонѣ отъ него, въ ущельи небольшихъ горъ, мигалъ огонекъ. Татаринъ, облегченно вздохнувши, довѣрчиво пошелъ на огонекъ, оставивъ своихъ лошадей съ дровами. Подойдя къ отдѣльно стоявшему тополю, на которомъ горѣла восковая свѣча, онъ различилъ ликъ иконы... Страхъ и отчаяніе прошли; на душѣ его стало легко. Оглядѣвшись кругомъ, онъ радостно увидѣлъ и узналъ дорогу, по которой ему нужно уѣхать. Возвратившись къ лошадямъ, татаринъ направилъ ихъ на дорогу и спокойно отправился дальше. Несмотря на темноту ночи, дорогу видѣлъ онъ отчетливо, какъ будто бы ему кто-то ее освѣщалъ. Доѣхавъ до крѣпости, татаринъ разбудилъ «русскаго муллу» (священника) и рассказалъ ему все видѣнное имъ. Священникъ умилился, собралъ прихожанъ и тотчасъ же направился къ указанному мѣсту, имѣя проводникомъ того же татарина. Икона продолжала стоять на тополѣ, а передъ ней горѣла свѣча. Священникъ, помолившись, началъ снимать икону, но, къ всеобщему удивленію, она не отдѣлялась отъ дерева. Священникъ заставилъ поднять ее одного мужичка-казака, затѣмъ другого, третьяго, но никто не могъ отдѣлить иконы отъ дерева. Кромѣ того, лишь только руки ихъ прикасались къ иконѣ, какъ пламя свѣчи колыхалось и обдавало руки горячимъ воскомъ, дѣлая страшные ожоги. Священникъ помолился еще и попросилъ татарина поднять икону. Татаринъ умылъ руки въ ключѣ, что билъ изъ-подъ дерева, снялъ свой «аракчинъ» и... поднялъ икону.

Послѣ этого икона съ пѣніемъ перенесена была въ крѣпостную церковь ¹⁾.

Въ 1776 году, крѣпость была переведена на 16 верстъ выше

¹⁾ Съ тѣхъ поръ во многихъ русскихъ и татарскъ живетъ убѣжденіе, что свѣтъ Христовой вѣры освѣтитъ всѣхъ блуждающихъ во тьмѣ, вдали отъ Христа. На появленіе киргизской миссіи смотрятъ, какъ на исполненіе преданія, что восьма безпокоитъ и тревожитъ татаръ, въ особенности ихъ духовныхъ лицъ.

Часовня надъ ключомъ.

по Иртышу на то мѣсто, гдѣ нынѣ расположенъ областной городъ Семипалатинскъ. Сюда же перенесена и св. икона: храмъ, гдѣ находилась она, сгорѣлъ. На новомъ мѣстѣ, съ разрѣшенія епископа тобольскаго Варлаама, построили деревянный трехпрядѣльный храмъ. Главный прядѣль освященъ — въ честь иконы Знаменія Божіей Матери, правый — св. Антонія и Θεодосія Печерскихъ, а лѣвый — св. великомученика Георгія Побѣдоносца. Но и этотъ храмъ не долго простоялъ и пострадалъ отъ пожара. Вмѣсто него построены были обширный каменный, также трехпрядѣльный храмъ, который благополучно стоитъ и понынѣ. 31-го іюля 1893 года, исполнилось столѣтіе со дня освященія этого собора.

V.

Духовенство Абалакскаго монастыря не разъ добивалось возврата св. иконы обратно въ Абалакъ, но семипалатинцы отстаивали свои права на нее и не отдавали.

Продолжительная тяжба изъ-за этого была прекращена митрополитомъ сибирскимъ Филовеемъ Лещинскимъ, который оставилъ икону семипалатинцамъ, но приказалъ послѣднимъ написать съ нея копію и послать въ Абалакъ. Такъ и было сдѣлано ¹⁾.

Икона изображаетъ собой Божию Матеръ съ младенцемъ-Богочеловѣкомъ во чревѣ. По сторонамъ ея съ правой стороны — св. чудотворецъ Николай, съ лѣвой — преподобная Марія Египетская. Величина иконы: вышиною 6 вершк., шириною же 5. На ней риза червоннаго золота; корона украшена брильянтами. Кіотъ тяжелый, литого серебра и вызолоченный. Поверхъ него надѣвается толстое зеркальное стекло, оправленное серебряно-вызолоченной рамой. Въ этомъ видѣ икона вставлена въ середину большой мѣстной иконы по лѣвую сторону царскихъ вратъ. На мѣстной иконѣ изображены событія изъ жизни Богоматери: Рождество, Введеніе во храмъ, Благовѣщеніе, Успеніе и Покровъ — все подъ серебряно-вызолоченной ризой. Передъ иконою виситъ массивная, съ тремя стаканчиками, цѣнная серебро-злаченная ломпада, которая зажигается во время каждаго богослуженія. На большомъ, красивой работы подсвѣчникѣ, что противъ иконы, поставлена неугасимая лампада. Масломъ этой лампады пользуются какъ мѣстные жители, такъ и приходящіе богомольцы для излѣченія различныхъ болѣзней, въ особенности глазныхъ. Многие, говорятъ, получали исцѣленіе ²⁾. Любопытно, что это

¹⁾ «Сказаніе о Абалакской иконѣ Божіей Матери».

²⁾ Рассказываютъ старожилы, что въ прежнее время въ часовнѣ на св. ключѣ хранилась книга, въ которую аккуратно записались исцѣленія, полученные какъ отъ самой иконы, масла изъ лампады, такъ и отъ воды ключа. Къ сожалѣнію,

Абалацкая икона Божіей матери.

масло всѣми силами стараются достать мусульмане-татары, жители города и окрестностей, признающіе его цѣлебное свойство отъ болѣзней глазъ.

40 лѣтъ тому назадъ, во время пожара, вмѣстѣ съ другими вещами, сгорѣла и эта любопытная книга — документъ. Съ тѣхъ поръ записи чудесъ почему-то не ведутся. Но масса разсказовъ паломниковъ, а также и многочисленные приклады къ иконѣ въ видѣ миниатюрныхъ человѣческихъ ножекъ, ручекъ, головокъ, глазъ краснорѣчиво говорятъ о чудесной силѣ и благодати св. иконы.

VI.

Ранней весной, лишь только сойдетъ снѣгъ, обвѣгутъ съ горъ ручьи, повѣетъ тепло, покажется первая зелень,— отовсюду тянутся длинными вереницами паломники. И старъ и младъ, и здоровый и калѣка, плетутся съ глубокой вѣрой въ душѣ на поклоненіе св. чудотворной иконѣ. Семипалатинскъ въ эту пору положительно наводняется пестрыми толпами православнаго люда. Большая часть богомольцевъ говѣютъ и приобщаются св. тайнъ въ Знаменскомъ соборѣ ¹⁾, затѣмъ, отслуживъ молебенъ передъ иконою, идутъ, неѣвши, на св. ключъ. Поклонившись мѣсту явленія, богомольцы только тутъ закусываютъ, запивая водой изъ ключа, и купаются.

Съ давнихъ поръ заведенъ обычай ежегодно совершать накануне 8-го іюля крестный ходъ изъ города на ключъ, служить тамъ всенощное бдѣніе, а 8-го утромъ—литургію и молебеніе.

Утромъ послѣ обѣдни св. икона въ походномъ кюлѣ на носилкахъ выносятся изъ собора, окруженная множествомъ хоругвей и другихъ иконъ, сопровождаемая духовенствомъ, во главѣ котораго или архимандритъ, начальникъ киргизской миссіи, или протоіерей мѣстнаго Знаменскаго собора. Отъ собора вдоль по линіи пути слѣдованія выстроенныя шпалерами войска гарнизона отдають честь, а военная музыка играетъ «Коль славеиъ». Когда иконы минуютъ войска, то эти послѣднія заходятъ отдѣленіями и слѣдуютъ за процессіей. Музыка, чередуясь съ пѣніемъ духовенства и пѣвчихъ, продолжаетъ стройно-торжественно играть гимнъ «Коль славеиъ», мотивъ котораго такъ и вкрадывается во всѣ тайники человѣческой души и вселяетъ въ нихъ легкость, бодрость, силу, надежду и спокойствіе. Народъ густою массою прикрываетъ это шествіе. Красивая картина представляется съ горы, когда крестный ходъ пройдетъ лагери и спустится внизъ къ Иртышу... Пестрая, разнообразная толпа и цѣлое море непокрытыхъ головъ... Впереди этой живой массы движутся иконы, хоругви и духовенство въ облаченіи—все это ослѣпительно-ярко играетъ и переливается на солнцѣ. Сзади длинною, нескончаемою вереницею медленно тянутся экипажи. Войска провожаютъ иконы до горы и, еще разъ отдавъ честь, возвращаются въ свои лагери. Подъ горой пѣніе пѣвчихъ и духовенства и игра военной музыки смѣняется пѣніемъ многоголоснаго народнаго хора ²⁾, который неустанно поетъ: «Пресвятая Богородица, спаси

¹⁾ Духовенство собора едва успѣваетъ выполнять таинства—исповѣди и причастія.

²⁾ Поетъ сначала женскій, а затѣмъ мужской хоръ, чередуясь на всемъ протяженіи 17½ верстъ.

насть!». Этотъ видъ нескончаемой духовной процессіи и это возбужденно-радостное пѣніе народнаго хора производятъ сильное впечатлѣніе, которое остается надолго. Чудотворную икону заносятъ на хутора и заводы, лежащіе на пути, и служатъ на нихъ молебны. Когда процессія подходитъ къ Старой крѣпости, ее встрѣчаетъ другая многочисленная толпа съ иконами—это крестьяне и казаки изъ ближайшихъ поселковъ и деревень. Двѣ толпы, сливаясь, двигаются къ ключу. Передъ самымъ ключемъ крестный ходъ встрѣчается еще толпою... То—горожане, заблаговременно уѣхавшіе на ключь. Такимъ образомъ народу набирается несмѣтная масса.

Всенощная начинается тотчасъ же по приходѣ на ключь и продолжается до часу ночи. Народъ остается ночевать: кто въ крѣпости, кто въ баракахъ, подъ навѣсомъ ¹⁾, а кто и просто подъ открытымъ небомъ... Время теплое—каждый Божій кустикъ ночевать къ себѣ пустить, по выраженію скромныхъ богомольцевъ. Словно изъ земли, вырастаютъ торговцы съ своими переносными лавченками и усиленно предлагаютъ свои услуги продать что нибудь изъ съестнаго. Разумѣется, деруть цѣны невѣроятныя. Бѣда, если пойдетъ дождь ночью... Нечего и пробовать въ такую сырую ночную пору сунуться въ Старую крѣпость за присканіемъ ночлега: невозмутимые, всегда безпечные, казаки, никогда не выпускающіе изъ рта трубку съ «тютюномъ» (это, кажется, ихъ единственное занятіе и наслажденіе въ мирное время), заломятъ такія деньги за три какихъ нибудь аршина пространства въ своей избѣ, что забудетъ богомольецъ всякую охоту искать сухого и теплаго ночлега. Не даромъ паломники говорятъ про нихъ: «совѣсть у казаковъ—подъ каблучкомъ, а стыдъ—подъ подошвой». Оно, пожалуй, и вѣрно: лѣнивѣ казакъ, но падохъ до легкой наживы. Воспользоваться случаемъ гдѣ бы то ни было, даже и на богомольи, казакъ не задумается—это для него въ порядкѣ вещей. «Святыня святыней, а коли ты, поштенный, пришелъ къ ней помолиться, такъ и не скупись—знай, выкладывай денежки, а мы ужъ подобрать ихъ сумѣемъ, да еще и припросимъ». Такова логика сибирскаго заскорузлага казака.

На другой день, 8-го іюля, къ позднему вечеру икону несутъ тѣмъ же порядкомъ обратно въ городъ. Вмѣстѣ съ крестнымъ ходомъ возвращается и народъ, съ тѣмъ же религиознымъ пѣніемъ. Только толпа ужъ жиже: многіе съ ключа развѣзжаются на лошадахъ.

А. Скандинъ.

¹⁾ Въ бревенчатомъ домикѣ ночуетъ духовенство.

ПЕРЕЯСЛАВСКІЙ БОТИКЪ.

ВАДЦАТЬ перваго января настоящаго 1897 года, исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени передачи, по высочайшему повелѣнію императора Николая I-го, петровскаго ботика, находящагося въ городѣ Переславль-Залѣскомъ и имѣющаго историческое значеніе, связанное съ именемъ преобразователя Россіи, владимирскому дворянству, изъявившему готовность приобрести покупкою въ свое вѣдѣніе петровскій ботикъ. Въ виду исполнившагося пятидесятилѣтія со дня историческаго акта—высочайшаго повелѣнія о передачѣ ботика

дворянству, въ настоящее время не безъинтересно ознакомиться съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находится царственное жилище Петра нынѣ, не повторяя подробной исторіи «ботика», въ общемъ извѣстной.

На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ деревянный домъ Петра, нынѣ выстроено каменное зданіе въ два этажа,—нижній состоитъ изъ одной комнаты въ 20 аршинъ длины и въ 10 ширины, имѣетъ 6 большихъ оконъ, двѣ двери; стѣны зданія снаружи окрашены красной, а внутри голубой краской. Войдя внутрь зданія, вы получаете то же впечатлѣніе, какое производитъ на васъ церковь, когда въ ней нѣтъ богослуженія и народа. Вдоль комнаты стоитъ барказъ, устроенный, при помощи мастера Бранта, руками Петра, съ надписью золочеными буквами на желѣзной доскѣ: «Fortuna». На другой сторонѣ баркаса прибито слѣдующее печатное поясненіе: «Ботикъ (яхта Фортуна), на которомъ императоръ Петръ I-й плавалъ по озеру Плещееву, спущенный на воду въ 1690-мъ году». По стѣнамъ дворца

развѣшаны портреты государей: императора Александра I-го во весь ростъ, поясной императора Николая и два небольшихъ портрета императора Александра II-го. Въ переднемъ углу помѣщаются двѣ иконы въ вызолоченныхъ ризахъ—въ одномъ кивотѣ; одна во имя святаго апостола Петра съ слѣдующею надписью: «икона сія во имя ангела блаженныя памяти его императорскаго величества Петра I-го пожертвована отъ усердія гражданъ города Переяславля-Залѣскаго, для поставленія въ зданіи, устроенномъ на берегу озера Плещеева при селѣ Веськовѣ, что близъ города Переяславля, въ коемъ сохраняются остатки флотиліи его величества. 1852 года августа 17 дня». Другая икона, во имя святителя и чудотворца Николая, также въ вызолоченной ризѣ, имѣетъ такую надпись: «Икона сія во имя ангела нынѣ благополучно царствующаго, отца отечества, его императорскаго величества Николая I-го пожертвована отъ усердія гражданъ города Переяславля-Залѣскаго, для поставленія въ зданіи, устроенномъ на берегу озера Плещеева, при селѣ Веськовѣ, что близъ города Переяславля, въ коемъ сохраняются остатки флотиліи императора Петра I-го. 1852 года, августа 17-го дня».

Подъ лѣстницей, ведущей въ верхній этажъ дома, лежатъ котлы отъ временъ Петра. На задней стѣнѣ устроены полки, на которыхъ разложены разнаго рода предметы, оставшіеся послѣ царя. Всѣ эти вещи, несмотря на ихъ простоту, имѣютъ несомнѣнную цѣнность въ смыслѣ характеристики великаго царя. На каждой вещи наклеенъ печатный съ № ярлычекъ, съ названіемъ вещи. Всѣхъ предметовъ, оставшихся послѣ Петра въ его переяславскомъ дворцѣ, насчитывается до сорока.

Подъ № 1-мъ, поставленъ фуганокъ, плотническій инструментъ въ родѣ нашего большаго рубанка. Этимъ фуганкомъ царь строгалъ мачты для своей флотиліи.

№ 2. Футляръ отъ подзорной трубы, которую, надо думать, какъ рѣдкость въ то время, Петръ увезъ изъ Переяславля съ собой, а футляръ оставилъ какъ нибудь случайно.

№ 3. Скобель—очень узенькая, съ желѣзными рукоятками, мало похожа на скобель, употребляемую въ настоящее время.

№ 4. Вантепиль обыкновенный.

№ 5. Три изразца.

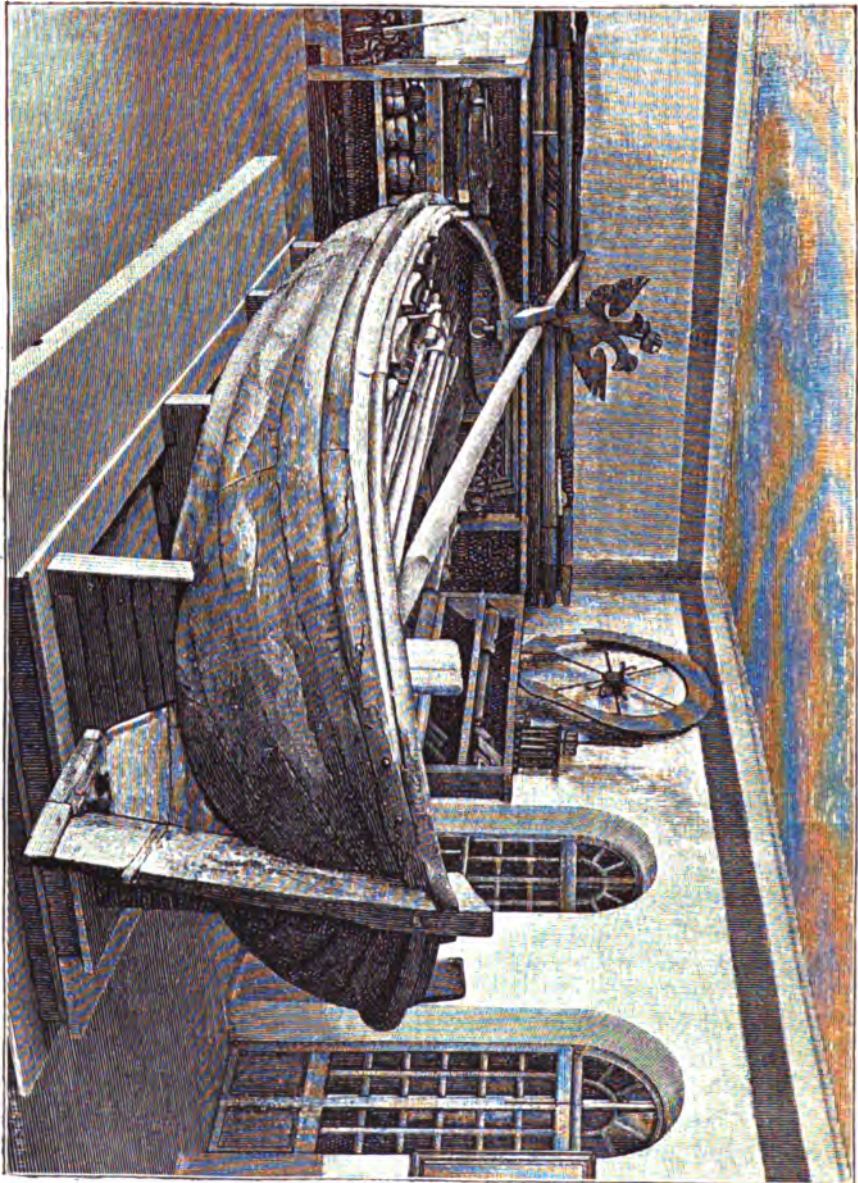
№ 6. Кочадыкъ въ видѣ желѣзной ложки.

№ 7. Двѣ колодки для плетенія лаптей.

№ 8. Стеклянная посуда. Собственно два штофа зеленого стекла. Одинъ обмазанъ по краямъ замазкой, а другой разбитъ съ одной стороны.

№ 9. Доски образцовъ изъ дворца Петра I-го. Число этихъ досокъ весьма значительно—20; изображенія ликовъ святыхъ стерлись, и самыя доски погнили.

№ 10. Пазовникъ. Инструментъ, употребляемый для паза стѣнъ.

Ботка Петра Вайнаго «Фортуна» въ Петербургъ-Зарвскомъ.

№ 11. Долого. Толще и длиннѣе нынѣ употребляемыхъ.

№ 12. Два топора. Топоры безъ топорищъ, въ видѣ нынѣшнихъ колунговъ.

№ 13. Гвозди для обивки дверей изъ дворца Петра, — небольшіе, съ обыкновенными мѣдными шляпочками.

№ 14. Желѣзный ковшъ, наполненный пулями.

№ 15. Кошка морская и ножницы.

№ 16. Глиняный горшокъ со жжеными костями, найденный въ 1853-мъ году въ курганахъ близъ Петровскаго дворца.

№ 17. Жогало.

№ 18. Шпора желѣзная, гораздо большаго размѣра нынѣ употребляемыхъ съ зубчатымъ колесикомъ.

№ 19. Разное желѣзо изъ дворца Петра I-го.

№ 20. Пушечныя ядра.

№ 21. Желѣзное ведро, въ видѣ лейки съ ручкой съ боку.

№ 22. Гинь-блоки.

№ 23. Блоки галетъ съ яхты Анна.

№ 24. Блоки галетъ съ яхты Fortuna.

№ 25. Блоки и дранки.

№ 26. Юнвирь.

№ 27. Деревянный ящикъ, небольшой, раздѣленный на двѣ половины съ ручкой въ срединѣ, въ видѣ судка.

№ 28. Колья отъ палатки.

№ 29. Рѣзныя украшенія изъ дворца императора Петра I-го частью деревянныя, частью каменныя, женскія фигуры и миеологическія изображенія.

№ 30. Кузнечные мѣхи.

№ 31. Рѣзной левъ. Превосходная работа самого царя.

№ 32. Слюдные рамы изъ дворца императора, имъ лично расписанныя.

№ 33. Циферблатъ отъ часовъ.

№ 34. Колеса отъ башенныхъ часовъ. Сохранился рассказъ, что часы эти работаны самимъ Петромъ.

№ 35. Мачты.

№ 36. Россійскій гербъ, бывший надъ входомъ дворца императора Петра.

№ 37. Такелажъ разнаго рода и стеньвенты.

№ 38. Паруса съ яхты Fortuna.

№ 39. Большая морская кошка.

№ 40. Деревянная ступа.

Всѣ перечисленные предметы, оставшіеся послѣ императора Петра и по большей части имъ самимъ сдѣланные, очень мало говорятъ о царственной роскоши русскаго царя.

Сохранилось преданіе о томъ, что Петру давалось всякое ремесло и всякое дѣло очень скоро, за исключеніемъ совершенно не

хитраго рукодѣлья—шести лапти. Сколько разъ царь ни принимался за эту работу, но дѣло никакъ не ладилось, и вотъ, однажды разсердившись на такую неудачу, Петръ забросилъ кочедыкъ, которымъ плетутъ лапти. Въ 1853 году при раскопкѣ одного кургана близъ ботика Петра Великаго при Переславѣ найдены кочедыкъ въ землѣ. Этотъ кочедыкъ хранится въ коллекціи другихъ вещей въ Переславскомъ ботикѣ (№ 6),² и нѣкоторые предполагаютъ, что это тотъ самый, который былъ въ рукахъ царя и заброшенъ былъ имъ, по неудачной работѣ лаптей. Кромѣ выше исчисленныхъ древностей, оставшихся отъ Петра, въ стеклянномъ ящикѣ хранятся слѣдующіе документы: 1) въ бархатномъ перешлетѣ книга, заключающая въ себѣ собственноручный указъ Петра I-го; вотъ этотъ указъ:

«Указъ воеводамъ Переславскимъ.

«Надлежитъ вамъ беречь остатки кораблей, яхтъ и галеры, а буде опустите, то взыскано будетъ на васъ и на потомкахъ вашихъ, яко пренебрегшихъ сей указъ. Петръ. Въ Переславѣ въ 7-й день февраля 1722 года».

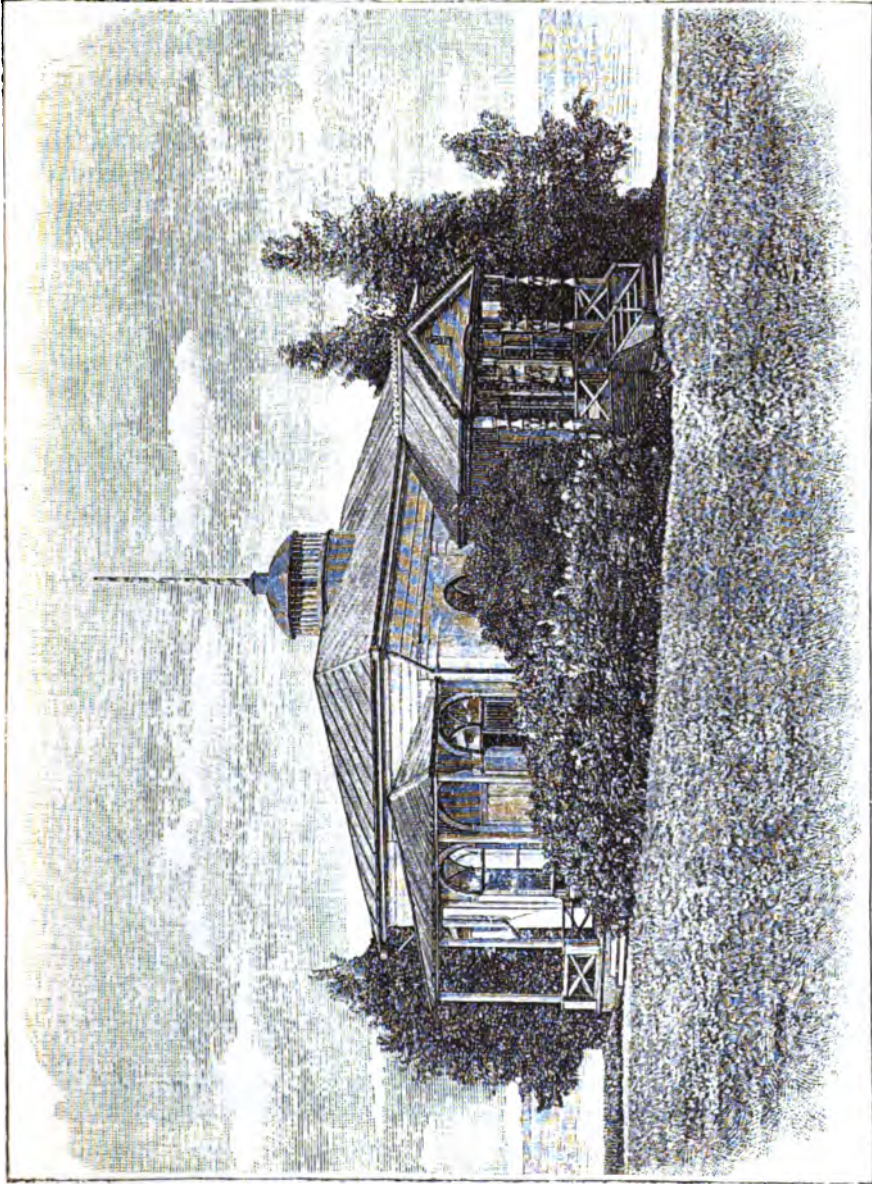
Изъ этого указа видно, что Петръ уже при концѣ своего царствованія, чрезъ тридцать два года послѣ своего пребыванія въ городѣ Переславѣ, посѣтилъ этотъ городъ, и нужно думать, дворецъ свой и флотилію нашелъ не въ блестящемъ состояніи и тотчасъ, по обычаю, самъ по сему предмету написалъ короткій и ясный указъ переславскимъ воеводамъ. Кромѣ этого Петровскаго указа, въ бархатной книгѣ находится слѣдующій указъ императрицы Елисаветы Петровны.

«Господа Воеводы.

«Объявляемъ Вамъ, что Всемилостивѣйшій Богъ войну нашу со шведами прекратилъ благополучнымъ миромъ и онымъ Васъ поздравляемъ, а обстоятельства онаго увидите изъ приложеннаго при семъ объявленія, и за сію Божию милость надлежитъ благодареніе Господу Богу учинить молебнымъ пѣніемъ и о томъ въ народъ для извѣстія публиковать, по отправленіи же того, звонъ при церквахъ въ колокола производить три дня, съ сямъ напомнимъ Всемилостивѣйшимъ объявленіемъ посланъ отъ насъ Л... (не разобрано) Гренадерскаго полка капитанъ Левъ Пушешниковъ, которому велѣли мы и въ городахъ, принадлежащихъ къ переславской провинціи Залѣсскаго объявить, и для того надлежитъ вамъ объ ономъ съ нимъ, Пушешниковымъ, въ тѣ города указы наши отправлять изъ Переславской провинціальной канцеляріи Залѣсскаго.

«Елисавета».

«Въ 22-й день іюля 1743 года».

Домъ, построенный императоромъ Николаемъ I близъ поселенія Ботика.

«Въ Санктъ Петербургѣ».

Въ ящикѣ, за стекломъ, находится книга въ кожаномъ переплетѣ, напоминающая свою внѣшнюю формой употребляющуюся въ церквахъ псалтирь. Книга эта озаглавлена такъ: «Книга уставъ морской о всемъ, что касается доброму управленію въ бытности флота на морѣ».

«Напечатана повелѣніемъ Царскаго Величества въ Санктъ петербургской типографіи лѣта Господня 1720 Апрѣля въ 13-й день».

Царь Петръ, строя собственноручно корабли, нашелъ нужнымъ издать уставъ, какъ обращаться съ этими кораблями во время плаванія. Нужно думать, что Петръ во время своего посѣщенія Переяславля въ февралѣ 1722 года привезъ съ собою морской уставъ и, давъ воеводамъ переяславскимъ указъ о храненіи кораблей, оставилъ уставъ о всемъ, что касается добраго управленія въ бытности флота на морѣ.

Вторая въ бархатномъ переплетѣ книга заключаетъ въ себѣ собственноручныя записи посѣтителей Петровскаго ботика въ Переяславлѣ.

Въ этой книгѣ мелкимъ, но четкимъ почеркомъ написано: «Николай, 17-го августа 1850 года».

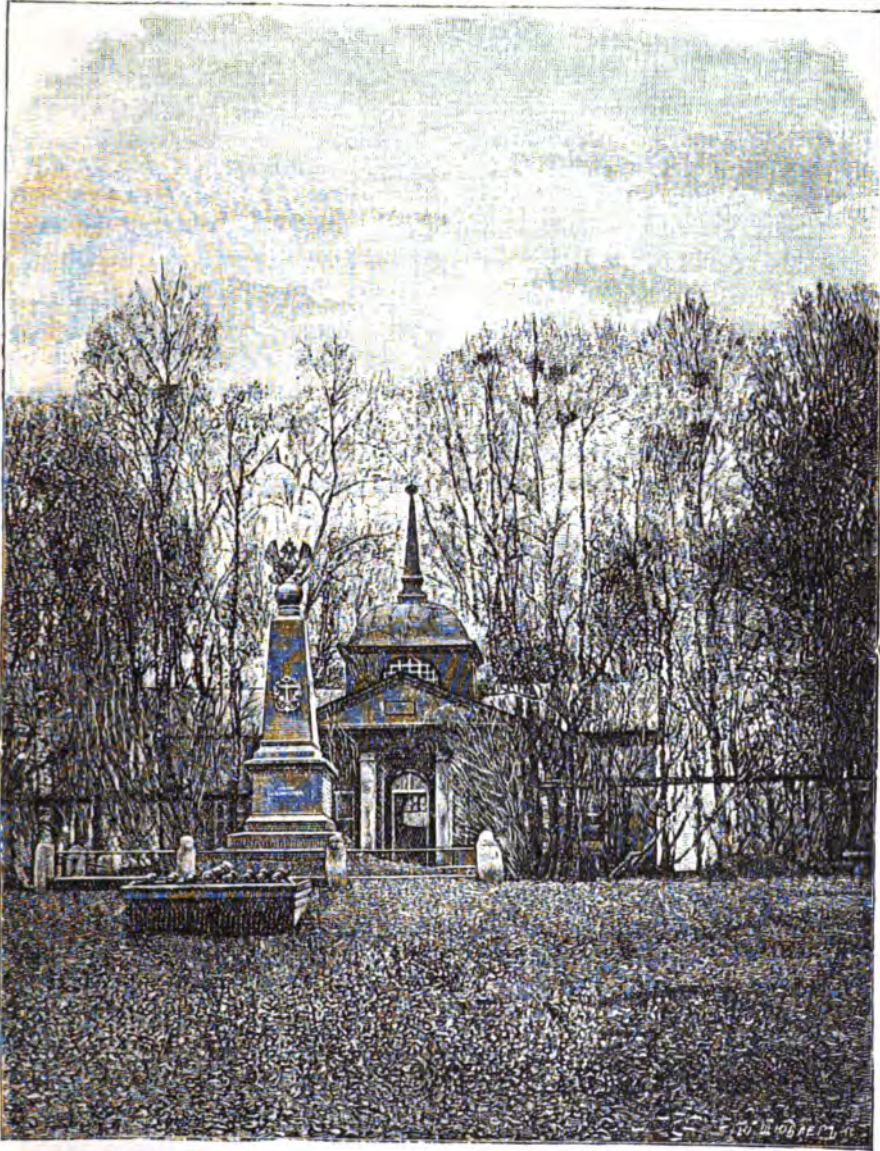
Николай Павловичъ, извѣдившій всю Россію, побывавшій на Кавказѣ, не забылъ посѣтить и ботикъ своего великаго прадѣда!

Въ томъ же ящикѣ находится списокъ штабъ и оберъ-офицеровъ 4-го баталіона Угличскаго егерскаго полка, бывшихъ въ парадѣ при открытіи памятника императору Петру I-му, 17-го августа 1852 года въ селѣ Веськовѣ.

Верхній этажъ дворца устроенъ въ видѣ мезонина, состоящаго изъ трехъ равныхъ комнатъ. Эти комнаты устроены въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ былъ выстроенъ домикъ Петра. Комнатки небольшія, окна полукруглыя. Это верхнее отдѣленіе напоминаетъ квартиру провинціального маленькаго чиновника, или еще скорѣе квартиру болѣе или менѣе зажиточнаго столичнаго мастераго, который въ своей квартирѣ имѣетъ мастерскую. Такъ, вѣроятно, было и при царѣ: въ одной комнатѣ онъ почивалъ, въ другой обѣдалъ, а въ третьей работалъ—столярничалъ, плотничалъ, ковалъ, пилилъ, точилъ и обдумывалъ дѣла государственныя...

На наружной сторонѣ дворца, обращенной къ озеру, сдѣлана слѣдующая надпись: «Великому Петру—усердный Переяславль».

На этой же сторонѣ, рядомъ съ дворцомъ, на берегу озера поставленъ прекрасный мраморный монументъ Петру, на которомъ съ одной стороны написано: «Заложень государями великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами 1850 года августа 17 дня, при обзорѣни ихъ императорскими высочествами хранящихся здѣсь остатковъ бывшей флотиліи императора Петра I-го».

Зданіе, въ которомъ хранится ботикъ «Fortuna».

Съ другой—указъ воеводамъ Петра о храненіи кораблей, нами выше приведенный.

Съ третьей—открытъ 17 августа 1852 года.

Съ четвертой—1847 года января 21 дня.

«Его императорское величество государь императоръ Николай Павловичъ на изъявленное владимирскимъ дворянствомъ желаніе и готовность приобрести покупкою село Веськово соизволилъ удостоить дворянство высочайшимъ отзывомъ, что поступокъ этотъ вполне достоинъ чувствъ владимирскаго дворянства, какъ его величество всегда разумѣлъ оное».

Близъ монумента поставлены восемь маленькихъ пушекъ Петровскаго времени. Рядомъ съ дворцомъ устроенъ домъ въ видѣ лѣтняго барака для приѣма посѣтителей. Домъ этотъ холодный—безъ печей, но отдѣланъ очень чисто и своей обстановкой напоминаетъ лагерные офицерскіе клубы. Въ этомъ домѣ обращаетъ на себя вниманіе портретъ Петра Великаго, написанный масляными красками. Государь изображенъ стоя, подперши лѣвую руку въ бокъ; во всей фигурѣ видна энергія, неустрашимость и строгость. Портретъ этотъ несомнѣнно весьма давняго происхожденія. Здѣсь же стоитъ небольшой алебастровый, окрашенный подъ мраморъ, монументъ Петру, сооруженный Екатериной, съ надписью: «Петру Первому Екатерина Вторая». Монументъ этотъ копія съ извѣстнаго петербургскаго монумента. Далѣе отъ этого дома стоитъ изящный бѣлый каменный домъ, прекрасно отдѣланный внутри, съ бельведеромъ въ верху,—отсюда открывается восхитительный видъ на озеро. Домъ этотъ необитаемъ, выстроенъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, для какой цѣли—сказать не можемъ. Въ этомъ домѣ нѣтъ ни мебели, ни чего либо замѣчательнаго въ историческомъ отношеніи.

Перечисливъ достопримѣчательности, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ ботикѣ.

Временное мѣстопробываніе Петра близъ города Переяславля при озерѣ Плещеевѣ устроено было, такъ сказать, на скорую руку въ 1689 году. Устроивъ флотилію, юный государь 1-го мая 1690 года уже плавалъ на этой флотиліи по Переяславскому озеру. Затѣмъ дѣла государственныхъ отвлекли Петра отъ Переяславскаго озера, и мы въ послѣдствіи уже видимъ царя на Балтійскомъ морѣ. Свое юношеское мѣстожительство и первую флотскую школу при озерѣ Плещеевѣ Петръ не забылъ, и несмотря на массу дѣлъ, его тяготившихъ, посѣтилъ ботикъ въ 1722-мъ году, въ февралѣ мѣсяцѣ, т. е. уже въ послѣдніе годы своего царствованія. Здѣсь, въ Переяславлѣ, государь далъ указъ воеводамъ переяславскимъ о храненіи кораблей.

По смерти Петра [Великаго, ботикъ его началъ приходиться въ упадокъ, деревянныя постройки разрушались, а потому въ 1803-мъ году ботикъ былъ поправленъ. Разумѣется, время дѣлало свое дѣло, царскія постройки снова приходили въ ветхость, и вотъ дворяне

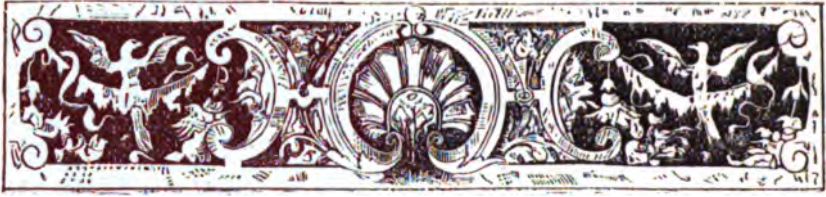
Владимирской губерніи обратились къ государю Николаю Павловичу съ изъявленіемъ готовности приобрести покупкою ботикъ въ свое вѣдѣніе, на что воспослѣдовало 21 января 1847 года высочайшее его императорскаго величества соизволеніе.

Приобрѣти въ свое вѣдѣніе ботикъ, дворяне Владимирской губерніи въ 1850 году заложили монументъ императору Петру I-му и 17 августа 1852 года торжественно открыли этотъ царскій памятникъ въ присутствіи генераль-губернатора, владимирскаго гражданскаго губернатора, архіерея и другихъ особъ. Граждане же города Переяслава устроили каменный дворецъ вмѣсто Петровскаго деревяннаго и помѣстили въ него всѣ остатки изъ дворца Петра. Такимъ образомъ, ботикъ съ 1847 года состоитъ въ вѣдѣніи дворянъ Владимирской губерніи и ими поддерживается.

У ботика бываетъ разъ въ годъ, 29 іюня, народное гулянье.

Н. Соловьевъ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ СПОСОБЪ ПРИВЕДЕНІЯ ВЪ ПОРЯДОКЪ АРХИВОВЪ.

(Страничка изъ исторіи архивнаго дѣла въ Россіи).

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ время, благодаря горячей пропагандѣ покойнаго сенатора Н. В. Калачова и его дальнѣйшихъ преемниковъ, признана, кажется, настоятельная потребность въ упорядоченіи у насъ архивнаго дѣла по примѣру западныхъ государствъ, признано громадное значеніе архивовъ и хранящихся въ нихъ сокровищъ, какъ для государства, такъ и для самого общества.

Благодаря неусыпнымъ заботамъ того же Калачова, основанъ и достигъ нынѣ значительнаго развитія Археологическій институтъ, одною изъ прямыхъ задачъ котораго является подготовленіе знающихъ и опытныхъ архивистовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность этого института съ теченіемъ времени еще болѣе усилится, количество штатцевъ его значительно возрастетъ, и такимъ образомъ станетъ возможнымъ осуществленію любимой мечты покойнаго профессора о томъ, какъ все наше обширное отечество покроется густою сѣтью незамѣтныхъ тружениковъ, посвящающихъ свои силы и время на отысканіе, сохраненіе и изученіе памятниковъ прошлаго, слѣдovъ былой старины. И всѣ, кому дороги это прошлое, эта старина,—соединятся, мы увѣрены, съ нами въ пожеланіи, чтобы указанное осуществленіе произошло какъ можно скорѣе, такъ какъ, говоря словами упомянутаго ученаго, памятники эти все болѣе и болѣе исчезаютъ, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ! Виновниковъ такого исчезновенія много; невѣ-

жество, корысть и, главнымъ образомъ, всеокрупающее время истребили безвозвратно множество драгоценнѣйшихъ свидѣтельствъ минувшей жизни русскаго народа и государства. Вотъ и нужны опытные борцы съ этими злѣйшими врагами русской исторической науки.

Здѣсь мы намѣрены предложить вниманію читателей одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ гибели историческихъ матеріаловъ, какъ нельзя болѣе ярко иллюстрирующій выше приведенныя слова сенатора Калачова. И, что всего поразительнѣе, произошелъ описываемый случай не очень давно: какихъ нибудь тридцать лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ того времени, когда онъ имѣлъ мѣсто ¹⁾.

20-го сентября 1865 года, члены Чебоксарскаго городского магистрата сдѣлали нѣсколько неприятное для нихъ открытіе: обнаружена была значительная растрата старыхъ дѣлъ изъ магистратскаго архива. Сейчасъ же, разумѣется, увѣдомили о событіи подлежащее начальство, т.-е. уѣднаго исправника, который и прибылъ въ магистратъ для собранія болѣе точныхъ свѣдѣній и производства дознанія о случившемся. Выходя, въ сопровожденіи должностныхъ лицъ городского управленія, изъ помѣщенія, занимаемаго магистратомъ, исправникъ совершенно неожиданно для себя и своихъ спутниковъ встрѣтилъ сторожа «градской» думы, несшаго мѣшокъ съ старыми дѣлами изъ архива. На вопросъ властей, откуда досталъ онъ эту бумагу, сторожъ объяснилъ, что дня три тому назадъ онъ слышалъ отъ мальчиковъ, служащихъ при магистратѣ въ качествѣ рассыльныхъ, что писарь изъ архива даетъ имъ ненужную бумагу; имѣя какъ разъ нужду въ таковой для оклейки оконъ, онъ обратился къ добряку писарю съ просьбой дать ему старой бумаги, а тотъ сейчасъ же наложилъ нѣсколько тюковъ дѣлъ въ мѣшокъ.

Ободренный первой удачей, исправникъ направился къ лавкамъ торговаго ряда, рассчитывая найти здѣсь еще болѣе богатую добычу. Дѣйствительно, надежда его не обманула: цѣлыми пудами были открыты старыя архивныя дѣла. Торговцы, выдавая обратно свои приобрѣтенія, показали, что при покупкѣ они освѣдомлялись у магистратскихъ мальчиковъ, откуда бумага, но послѣдніе будто бы успокоивали ихъ—«изъ архива, негодная», а продаетъ де ее приставленный для этого (!) писарь, который годную оставляетъ, а негодную продаетъ»; торговцы продолжили свои показанія, сообщивъ и цѣны, заплаченныя ими за ихъ покупки: оказалось, одинъ купилъ пудъ, давъ за него 39 коп.; другой—5 пудовъ за 2 рубля 16 коп.; третій—4 пуда за 1 рубль 20 коп.; четвертый 36 фунтовъ

¹⁾ Данныя для настоящаго очерка извлечены нами изъ архива казанскаго окружнаго суда; см. дѣла каз. палаты уголовного суда, № 1456.

за 60 коп. и т. д. Такса, слѣдовательно, была различна, смотря по товару! Всего распродано было въ лавки около 29 пудовъ, да, кромѣ того, при дальнѣйшихъ розыскахъ нашли еще подъ двумя мостами около 16 пудовъ «товара», приготовленнаго, очевидно, къ сбыту. На этомъ поиски ограничились: ничего болѣе не находилось. Тогда принялись за «архивиста», которымъ оказался вольнонаемный писецъ, государственный крестьянинъ Казанской губерніи, деревни Ковалей, Ив. Ив. Прозоровъ.

Онъ сообщилъ, что былъ приглашенъ общимъ присутствіемъ магистрата для приведенія въ порядокъ дѣлъ магистратскаго архива и приступилъ къ занятіямъ съ 11-го августа, съ платою за труды по усмотрѣнію; продажи дѣлъ не производилъ, что же касается до думскаго сторожа, попавшагося слѣдователямъ съ поличнымъ, то онъ дѣйствительно далъ ему ветхой бумаги, но потому лишь, что тотъ пришелъ за ней отъ имени секретаря думы.

Потребовали къ допросу мальчиковъ-разсыльныхъ. Приводить показаній всѣхъ ихъ мы здѣсь не будемъ, ограничимся лишь однимъ, именно показаніемъ 13-лѣтняго крестьянскаго сына Ефима Евдокимова, какъ наиболѣе интереснымъ. Поступая на службу въ магистратъ, Евдокимовъ засталъ уже тамъ Прозорова, занимавшагося разборомъ архива; первоначально Прозоровъ помѣщался тамъ же, гдѣ жили сторожа, но потомъ, съ 14 сентября, началъ спать и постоянно жить въ архивѣ, а также съ этого дня сталъ продавать дѣла, говоря: «до новаго года весь архивъ приведу въ порядокъ—очищу». И эта страшная угроза, несомнѣнно, приведена была бы имъ въ исполненіе, если бы на первыхъ же порахъ не положено было veto такой странной и своеобразной системѣ приведенія архива въ порядокъ!

Но неужели фигурирующій здѣсь вольнонаемный писарь, бывшій, вѣстятъ сказать, на самомъ дѣлѣ непомнящимъ родства бродягой и сфабрикованшій, какъ выяснилось, паспортъ, являлся въ данномъ случаѣ полномочнымъ хозяиномъ архива и безконтрольнымъ распорядителемъ его судебъ? Нѣтъ, архивъ имѣлъ своего спеціального завѣдующаго, назначеннаго магистратомъ,—ратмана Визгина, но, по словамъ свидѣтеля Евдокимова, растрату дѣлъ легко было скрыть отъ бдительнаго ока начальника архива, потому что онъ почти постоянно находился подъ вліяніемъ Бахуса. Визгинъ, въ свою очередь, оправдывался тѣмъ, что, посѣщая архивъ, онъ не обращалъ вниманія, всѣ ли полки съ дѣлами, или же нѣкоторыя пустѣютъ (?).

Разсказаннаго довольно. Дальнѣйшая судьба виновныхъ насъ не интересуетъ. Членамъ магистрата объявлено отъ губернскаго правленія замѣчаніе, ратману Визгину—строгое замѣчаніе, Прозоровъ

же приговоренъ къ арестантскимъ ротамъ, но это, повторяемъ, для насъ не интересно. Для насъ въ данномъ случаѣ важны тѣ условія, та обстановка, при которыхъ произошли преступныя дѣянія указанныхъ лицъ, а эти условія находились, конечно, въ зависимости отъ другихъ причинъ, притомъ, болѣе общаго характера. Наконецъ, еще одно замѣчаніе: Прозоровъ виновенъ предъ закономъ, какъ посягнувшій на чужую собственность; члены магистрата и ратманъ Вивгинъ, какъ не исполнившіе возложенныхъ на нихъ тѣмъ же закономъ обязанностей; но, спрашивается, виноватъ ли Прозоровъ предъ исторической наукой, и могла ли бы послѣдняя сказать по его адресу свое слово осужденія, если бы неблагоприятныя послѣдствія его поступка не были устранены, т.-е. документы и дѣла архива исчезли безслѣдно, уйдя на завертку соленыхъ огурцовъ и ваксы въ мелочныхъ лавкахъ? Въ точности отвѣтить на такой вопросъ мы затрудняемся, что зависитъ отъ глухо составленной описи отысканнымъ въ лавкахъ и подъ мостами 956 дѣламъ, которыя «архивистъ» успѣлъ «принести въ порядокъ» въ теченіе семидневнаго хозяйничанья своего въ злополучномъ архивѣ. Дѣло въ томъ, что большинство изъ дѣлъ, включенныхъ въ эту опись, означены или по номерамъ, подъ которыми они хранились до сихъ поръ въ архивѣ, или же — по фамиліямъ лицъ, которыхъ касались; нѣкоторыя же, несмотря на приведенное краткое указаніе объ ихъ содержаніи, остаются непонятными настолько, чтобы можно было судить относительно ихъ важности и, слѣдовательно, цѣнности для науки ¹⁾. Впрочемъ, значительное количество упоминаемыхъ въ описи «собраній писемъ», «бумагъ», «указовъ», «доношеній», «промеморій», «журналовъ», «протоколовъ», «секретныхъ дѣлъ», «явочныхъ челобитій», «столновъ» тѣхъ же документовъ, заключающихъ въ себѣ по нѣсколько сотъ, а иногда и тысячъ, листовъ, книгъ и бумагъ, относящихся до разнообразныхъ сторонъ финансоваго управленія и администраціи, — заставляеть предполагать, что при помощи всѣхъ этихъ матеріаловъ, обнимающихъ своимъ содержаніемъ періодъ времени съ 1716 по 1797 г., возможно возстановленіе, въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, прошлой жизни такого глухого и захолустнаго уголка Россіи, какимъ былъ въ XVIII столѣтіи городъ Чебоксары, да какимъ, пожалуй, остается онъ и въ наши дни, насколько, по крайней мѣрѣ, допускаеть подобное заключеніе только что приведенный фактъ изъ его недалекаго прошлаго. А, вѣдь, если поискать, то найдется не одинъ, а цѣлыя десятки, сотни такихъ же глухихъ уголковъ, повсюду разсѣянныхъ по широкому лицу земли Русской, гдѣ, быть можетъ, сейчасъ даже творятся исторіи, ничѣмъ не отличающіяся отъ разсказанной...

В. Борисовъ.

¹⁾ Такъ, напримеръ, укажемъ дѣло № 5—«О рукахъ и европеяхъ», 1716 г. (?).

ТЕРНОВСКІЕ ИЗУВЪРЫ И ИХЪ УЧЕНІЕ.

(По даннымъ III-го миссіонерскаго съѣзда).

ИРАСПОЛЬСКОЕ дѣло о 29-ти замуравленныхъ въ Терновскихъ плавняхъ возбудило умы почти во всѣхъ слояхъ общества. Интересъ къ этому дѣлу не пропадаетъ до сихъ поръ. Но наша повременная печать, отмѣчая этотъ прискорбный фактъ фанатичности и загрубѣлости терновскихъ старо-вѣровъ и въ то же время указывая на темноту и дикость простого люда, на основаніи наскоро написанныхъ корреспонденцій, всецѣло приписывала явленіе его вліянію прошедшей всенародной переписи. Между тѣмъ, какъ это выясняется изъ собранныхъ херсонскимъ миссіонеромъ М. А. Кальневымъ свѣдѣній¹⁾, дѣло представляется нѣсколько иначе. Перепись была лишь послѣднимъ толчкомъ укрѣпленныхъ въ своемъ фанатизмѣ изувѣровъ, проповѣдывавшихъ и жаждавшихъ уже давно «принять за Христа мученическую кончину». По своей дикости и по своимъ религіозно-нравственнымъ воззрѣніямъ, ученіе ихъ было настолько ново и необычайно, что даже опытные въ сектантствѣ о.о. миссіонеры III-го съѣзда не могли рѣшить окончательно, къ какой сектѣ причислить этихъ фанатиковъ. Поэтому мы и рѣшаемся дать нѣкоторое понятіе объ этой видимо новой сектѣ.

¹⁾ Свѣдѣнія эти были представлены на III-й миссіонерскій съѣздъ въ Казани и въ выдержкахъ доложены въ засѣданіи 29-го іюля. Благодаря любезности г. Кальнова, мнѣ удалось прочесть ихъ цѣликомъ и одѣлать необходимыя выписки.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что югъ Европейской Россіи вообще обилень раскольниками разныхъ сектъ. На Кавказѣ свили себѣ прочное гнѣздо духоборы, молокане, хлысты, скопцы. Въ Екатеринославской губерніи преобладаетъ штунда и баптизмъ, занесенные сюда изъ Германіи нѣмцами-колонистами. Херсонская губернія, какъ ближайшая къ Черному морю и обильная устьями рѣкъ, дала пріютъ въ укромныхъ мѣстахъ Днѣпровскихъ, Бугскихъ и Днѣстровскихъ лимановъ послѣдователямъ сектъ бѣгуновъ, поповщины, безпоповщины, австрійской ереси и т. д. Особенно сильно зараженъ расколомъ Тираспольскій уѣздъ послѣдней губерніи. Въ немъ насчитывается до 11.500 раскольниковъ, составляющихъ третью всего числа старовѣровъ этой епархіи, переселившихся сюда изъ центральныхъ областей Россіи только въ началѣ текущаго столѣтія.

Въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ Херсонской губерніи раскольники разбросаны небольшими обществами среди православнаго населенія, здѣсь же, въ Тираспольскомъ уѣздѣ, они живутъ только въ четырехъ мѣстахъ. Въ Дубоссарахъ и Григоріополѣ ихъ насчитываютъ лишь 150 душъ, зато въ Тирасполѣ числится 3,830 раскольниковъ, а въ селѣ Плоскомъ (того же уѣзда) свыше 7½ тысячъ душъ. При этомъ въ послѣднемъ селеніи, кромѣ урядника и писаря, нѣтъ ни одного православнаго.

Вслѣдствіе своей зажиточности и захвата лучшихъ земельныхъ участковъ, старовѣры Тираспольскаго уѣзда держатся совершенно обособленно отъ православнаго населенія. Принадлежа къ поповщинскому толку противоположниковъ, особенно враждебно настроенному противъ св. церкви, они относятся вообще ко всему православному съ чувствомъ отвращенія и вражды. Не только ѣсть или пить, но даже говорить съ православнымъ считаютъ грѣхомъ. И православные поселенцы такъ боятся ихъ, что, напрямѣръ, чрезъ село Плоское никто не рѣшается проѣхать въ ночную пору: «того и гляди—убьютъ». Плоскіе старовѣры не трусятъ даже властей и, вопреки законоположеній, устроили у себя въ селѣ двѣ моленныя на подобіе церквей съ колоколами. Подлежащее начальство нѣсколько разъ предписывало снять ихъ, но раскольники знатъ ничего не хотятъ, и колокола попрежнему, къ соблазну прочаго населенія, висятъ на ихъ часовняхъ.

Самымъ сильнымъ средствомъ отчужденія и вражды старовѣровъ ко всему православному служатъ тайные монастыри и скиты. Первые, существующіе, обыкновенно, при главныхъ молельняхъ, представляютъ собой небольшія малороссійскія хаты-мазанки, скученныя въ одномъ мѣстѣ и раздѣленныя каждая перегородками на три-четыре комнаты. По преимуществу, такія обители заводятся богатыми старовѣрами, которые потомъ отдають ихъ «инокамъ» и «инокинямъ», живущимъ на средства раскольническихъ благодѣтелей.

Скиты же, такъ называемые въ отличіе отъ первыхъ, устрои-

ваются вдали отъ селъ, городовъ и даже проѣзжихъ дорогъ, въ глухихъ мѣстахъ, рѣдко посѣщаемыхъ людьми. Это — или маленькія, низенькія, довольно своеобразныя постройки, со множествомъ отдѣльныхъ также небольшихъ помѣщеній, каждое съ потайными входами, замаскированными какими либо естественными предметами, или же едва замѣтныя, вырытыя въ скалахъ, пещеры. Въ нихъ уже живутъ не простые монахи и черницы, а «схимники» и «схимницы».

Такихъ раскольническихъ монастырей въ Тираспольскомъ уѣздѣ въ настоящее время существуетъ два: одинъ въ г. Тирасполѣ при главной моленной изъ 18 хижинъ, другой въ с. Плоскомъ изъ 30 хатъ. Но сколько въ томъ и другомъ помѣщается иноковъ и инокинь, узнать нѣтъ никакой возможности, вслѣдствіе скрытности старовѣровъ. Скитовъ же — три: одинъ на хуторѣ Дѣвка (близъ с. Плоскаго), существующій, какъ говорятъ, около 25 лѣтъ и имѣющій шесть схимниковъ и семь схимницъ; другой въ саду Федора Ковалева ¹⁾ въ Терновскихъ плавняхъ, и, наконецъ, третій, представляющій восемь высѣченныхъ въ скалахъ пещеръ, находится въ пяти верстахъ отъ с. Тей въ малодоступной мѣстности надъ Днѣстромъ, гдѣ живетъ восемь схимниковъ и столько же схимницъ.

Всѣ эти скиты и монастыри населялись исключительно поповцами противокружницкаго толка, причѣмъ большинство были выходцы изъ Куриневскаго мужскаго и женскаго монастыря Подольской губерніи, извѣстнаго въ исторіи своею фанатическою преданностію расколу. Монастырь этотъ и до сей поры пользуется особеннымъ почитаніемъ среди окружающихъ старовѣровъ. Изъ него вышли почти всѣ раскольническіе попы и архіереи, наводившіе потомъ югъ Россіи и Поволжье. Изъ него же вышла и схимница Виталія, ярая проповѣдница раскола и главная виновница замуравленія въ Терновскихъ плавняхъ 29-ти несчастныхъ старовѣровъ. Судя по жизни ея и дѣятельности, она представляется выдающейся личностію, которую нельзя пройти молчаніемъ при описаніи тернопольскихъ старовѣровъ.

Будучи по происхожденію дочерью херсонскихъ мѣщанъ, по профессіи мясоторговцевъ, Виталія (въ мірѣ Вѣра Степанова Мокѣва), живя въ семьѣ, не обнаруживала никакихъ особенныхъ качествъ, которыя выдѣляли бы ее изъ мѣщанской среды. Она, какъ и всѣ раскольническія дѣвушки, занималась домашней работой, помогала матери въ торговлѣ и даже не училась грамотѣ, какъ это въ обычаѣ у старовѣровъ. Но вотъ ей минуло 16 лѣтъ, и она должна была пойти той же дорогой, по какой идуть всѣ дѣвушки ея среды: ей предстояло замужество. Родители нашли жениха. То былъ никопольскій мясникъ Гусевъ, также завзятый раскольникъ. Вѣра, хотя въ душѣ не питала къ своему жениху никакого влеченія, но подъ вліяніемъ

¹⁾ Того самаго, конѣмъ были замуравлены 29 раскольниковъ.

родительской власти безпрекословно дала свое согласіе на бракъ. Уже назначили и день свадьбы: вѣнчать долженъ былъ пріѣзжіи попъ, и все приготовили къ предстоящему торжеству. Вдругъ въ самый день бракосочетанія Вѣра незамѣтно скрывается изъ дома. Всѣ поиски ея остаются напрасными.

Чтобы избѣгнуть родительскаго гнѣва съ одной стороны и замолить смертный грѣхъ «непослушанія» съ другой, Вѣра бѣжала въ Куриневскій монастырь, куда потомъ поступили и двѣ ея тетки, можетъ быть, способствовавшія побѣгу ея изъ родительскаго дома.

Принявъ монашество съ именемъ Виталія, юная инокиня съ большой ревностью предалась подвигамъ монастырской жизни, добровольно налагала на себя испытанія. Въ постѣ, молитвахъ и трудахъ она шла дальше остальныхъ монахинь и ни на юту не отступала отъ правилъ и уставовъ, завѣщанныхъ строгими старообрядческими наставниками. Ревность ея къ вѣрѣ была такъ сильна, что она часто ложилась на порогъ моленной и просила проходящихъ ступать на нее, топтать ее ногами, а сама въ это время шептала благодарственныя молитвы. Пытливый умъ ея не ограничился этимъ. Въ монастырѣ она научилась славянской грамотѣ и, чтобы познакомиться съ подвижническою жизнью святыхъ, глубже вникнуть въ ученіе св. отцовъ, жадно читала душеспасительныя книги и книги священнаго писанія. Духъ въ ней окрѣпъ, выработалась твердость характера и желѣзная сила воли. Строгая къ самой себѣ, она также строго относилась и къ дѣланіямъ другихъ. Такъ, напримѣръ, когда противоокружницкій лже-епископъ Кириллѣ, жившій въ Куриневскомъ мужскомъ монастырѣ, былъ заподозрѣнъ братіей въ расхищеніи монастырскихъ суммъ и отрекся вслѣдствіе этого отъ своего сана, потомъ перешелъ въ женскій монастырь и снова сталъ именоваться епископомъ, то Виталія первая возстала противъ него: «что епископу, отрекшемуся отъ сана, не довлѣетъ быть пастыремъ, и не должно быть ему мѣста въ монастырскихъ стѣнахъ, пбо онъ сдѣлался мірянниномъ». Среди монахинь произошла смута. Большинство, однако, держало сторону Кирилла. Поэтому, не имѣя возможности съ своей малочисленной партіей вести борьбу противъ остальныхъ скитницъ, Виталія рѣзко прервала съ ними всякія сношенія: лѣтъ 10—12 тому назадъ она ушла изъ монастыря въ Терновскія плавни и поселилась тамъ въ скитѣ Ковалевыхъ.

Здѣсь своей строгой подвижническою жизнью и знаніемъ священнаго писанія она скоро пріобрѣла всеобщій почетъ и уваженіе. Въ сущности ей не представляло большаго труда повліять и нравственно воздействовать на семью Ковалевыхъ (состоящую изъ двухъ братьевъ и ихъ женъ), отличавшуюся крайне ограниченными умственными зачатками. Виталія пріобрѣла первенствующее значеніе въ скитѣ и сдѣлалась въ семьѣ Ковалевыхъ полновластною хозяйкой. Скитники видѣли, что Виталію не рѣдко посѣщаютъ начетчики и

расколыническіе попы и даже архіереи, съ которыми она подолгу бесѣдуетъ. Въ это время она еще принадлежала къ поповщинскому толку, и тогдашній бессарабскій лже-епископъ Тарасій, а потомъ его преемникъ Симеонъ, пользовались особеннымъ ея уваженіемъ, благодаря больше тому, что оба также не признавали Кирилла за епископа.

Но, вотъ спустя года два, Симеонъ примиряется съ Кирилломъ. Виталія не могла хладнокровно перенести такого соблазна и круто порвала съ Симеономъ всякія сношенія. Въ міровоззрѣніяхъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ ея дѣлается рѣзкій переворотъ. Съ этого времени среди терновскихъ скитниковъ она начинаетъ проводить новыя мысли, совершенно противоположныя тѣмъ, какими они жили доселѣ. Съ этого времени она проповѣдуетъ, что «поповщинская вѣра — хуже жидовской, истиннаго священства нѣтъ: оно всякю, церкви и священнослужители не нужны больше, ибо человекъ самъ себѣ церковь», — и смѣлой рукой на почвѣ поповщины насаждаетъ другую секту — безпоповщину, но безпоповщину съ особыми отличительными свойствами вновь придуманнаго ученія. Скитники поддаются ея вліянію и слѣпо вѣрятъ ей во всемъ.

Уничтоживъ, такимъ образомъ, однимъ своимъ властнымъ словомъ разомъ все священство, Виталія сама дѣлается единственною руководительницей скита и въ іерархическомъ отношеніи не только управляетъ общиною, но совершаетъ для нея службы: читаетъ акаѣисты, каноны, часы, «неугасимыя», служитъ панихиды, вечерни и проч. Если же не дѣлаетъ этого сама, то всегда она «замолиствуетъ», то-есть положить службѣ начало.

Сообразно съ ея воззрѣніями и по ея настоянію, скитъ Ковалевскій былъ приспособленъ такъ, что ни одинъ посторонній глазъ не могъ замѣтить, что тамъ творится. Молитвеннымъ мѣстомъ была просторная келія, гдѣ жила Виталія, болѣе обширная, чѣмъ у другихъ скитянь. Келія эта была устроена такъ, что выходы изъ нея въ прилегающія комнаты маскировались двойными стѣнами, представляющими собой два небольшіе коридорчика, совершенно незамѣтные для чужаго человека. Коридорчики эти соединяли моленную съ другими келіями, а послѣднія—съ слѣдующими комнатами. Кромѣ того, было устроено два тайника, — крошечныя комнаты, въ которыя вели небольшія въ $\frac{3}{4}$ аршина величины дверки. Въ одной изъ этихъ комнатъ, стоя, могли помѣститься не болѣе семи человекъ, въ другой—человекъ 10-ть. Скитники и скитницы прятались въ эти тайники при всякомъ посѣщеніи подозрительныхъ людей. Стоило только надъ дверью тайника повѣсить какую либо одежду, чтобы замаскировать входъ. И у каждой келіи на верхнемъ косякѣ двери была прибита одна и та же надпись для всѣхъ:

«Христосъ съ нами уставися вчера и днесъ той же и во вѣки».

Взявъ въ управленіе Ковалевскій скитъ, Виталія прежде всего постригла въ иночество всѣхъ жившихъ въ немъ, и послѣ приняла въ число братіи и сестеръ только людей съ иноческимъ саномъ. Неимѣвшихъ же этого сана она сама постригала въ таковой, для чего, помимо особой, похожей на монашескую одежду, она снимала съ постригаемаго носимый имъ «натѣльный» крестъ и давала новый, особаго образца, изъ кипариса. И при этомъ ставила въ непремѣнное условіе полное послушаніе ей всѣхъ скитскихъ жителей. Они какъ бы отрекались отъ своей воли и дѣлали лишь то, что приказывала имъ «матушка».

Пользуясь правомъ этимъ, Виталія ревниво оберегала членовъ скита отъ общенія съ посторонними, да и сами скитники чуждались людей. Вели они жизнь въ полномъ смыслѣ аскетическую. Воздержаніе въ пищѣ доходило у нихъ до голода. Нѣкоторыя изъ монашествующихъ, впрочемъ, ѣли иногда мясное, но сама Виталія и другія изъ старыхъ скитницъ не употребляли въ пищу даже рыбу и только на первый день Пасхи разговлялись яйцами и молокомъ.

Вся жизнь скитянь проходила въ продолжительныхъ моленіяхъ, совершавшихся нѣсколько разъ въ сутки. Многочасовыя молитвенныя стоянія сопровождались множествомъ поклоновъ, для счета коихъ недостаточно было уже одной лѣстовки, а для этого Виталія придумала особый приборъ, въ видѣ жолоба съ косточками на подобіе счетовъ, на которыхъ суммировались тысячи положенныхъ поклоновъ: «исполнять» одну тысячу—на жолобѣ передвинуть одну косточку, исполнять другую—отложить еще косточку и т. д., пока не прекратится моленіе и не выполнится назначенное «матушкой» на каждый день число поклоновъ. Кроме того, для обузданія плоти Виталія и нѣкоторыя изъ старыхъ скитницъ носили на тѣлѣ вериги.

Отвергая священство, церковь и таинства и продолжая въ то же время молиться и морить себя голодомъ, Виталія попрежнему не переставала читать «боговдохновенныя» книги, непрестанно ища въ нихъ ключъ къ спасенію. Она не брезговала и свѣтскими книгами, даже газетами. Прочитавъ, однажды, въ «Томскихъ Вѣдомостяхъ» о сектѣ бѣгуновъ¹⁾, проповѣдующихъ пришествіе антихриста и упо-

¹⁾ Секта бѣгуновъ, или странниковъ, выродилась изъ Филипповской секты. Она дерзко утверждаетъ, что антихристъ царствуетъ въ лицѣ російскихъ государей, начиная съ Петра I-го. Поэтому странники отвергаютъ подчиненіе всякой власти; требуютъ отъ своихъ членовъ уклоненіе отъ всякихъ государственныхъ и общественныхъ повинностей; чтобы избѣжать власти антихриста, считаютъ грѣхомъ записываться въ ревизію, брать паспорта и отбывать воинскую повинность, удаляются отъ населенныхъ мѣстъ и видятъ возможность спасенія въ постоянномъ странствованіи, такъ какъ «все въ государственной и общественной жизни подчинено антихристу, и потому спастись и можно только внѣ міра». Вѣрба съ міромъ и стремленіе освободиться отъ сѣтей антихриста доходитъ въ этой сектѣ до такого фанатизма, что изъ среды ея послѣдователей образуется особый сортъ ревнителѣй, которые прибѣгаютъ къ вадушенію своихъ престарѣлыхъ или заболѣ-

требляющихъ для спасенія своей души такъ называемую «красную смерть», она въ нѣсколькихъ экземплярахъ списала эту статью и раздавала ее для прочтенія своимъ послѣдователямъ.

Проникаясь все больше и больше убѣжденіемъ, что въ настоящее время «въ міру» спастись нельзя, Виталія гдѣ-то отыскала одну старообрядческую печатную книгу, подъ названіемъ: «Слово отъ старчества инока Захарія ко ученику своему Стефану», и вычитала въ ней такое изреченіе, которое какъ разъ подходило подъ ея воззрѣнія:

«Станетъ мерзость запустенія на мѣсте святе, исполнится число звѣрино 1666 и разсыпится рука людей освященныхъ, священнической и иноческой чинъ отнюдь истребится, пѣнія и чтенія яснаго нигдѣ ни услышится, тогда будетъ царство антихристо ясно и полное, и будутъ брани ратныя на земли... будетъ оружіе огненное, о нихъ же страшно рещи, и не будетъ воинства его нарицаться воинствомъ, но названіе страшно, имя сатана—солдатъ, брады не имуще, яко жены, усты же яко львовы, изъ устъ у нихъ исходитъ дымъ смердящъ... одѣяніе имутъ носить короткое, обтянутое и хвостъ имущее, на главахъ орлы... мужіе имутъ носить одѣяніе короткое выше колѣну, штаны натянуты чрезъ рамены, и не могутъ колѣнопреклоненіе творити, жены же будутъ имѣть образъ бѣсовски... главы не покровенны имутъ и на главахъ имутъ носить скотскія рога и зміямъ уподобля бѣсамъ; лица будутъ мазати вапами и власы вонями на прелесть поганскую, одѣяніе имутъ носить необычное, подобно бѣсовскому мѣчтанію, блудническія обычая проклятыхъ нѣмецъ съ перетяжками на погубительную блудную прелесть, и возлюбятъ конскія ристанія и бѣсовскія игры, и пѣсни и плясаніе сатанинское... еще же возлюбятъ несытное лакомство, безвременное нитіе отъ травы и листвія идождертвеннымъ кропленіемъ и зміиннымъ жиромъ, изыдетъ отъ племени Китая...».

Послѣ этого для Виталіи уже не было никакого сомнѣнія, что царство антихристо настало и существуетъ. Слѣдуя «слову инока Захарія», она стала проповѣдывать скитницамъ скорую кончину міра и убѣждала, что для спасенія своей души остается принять мученическую кончину, чтобы только избѣжать печати антихристовой. Уже съ ноября 1896 года среди скитниковъ стали замѣчаться необычайныя явленія. Ковалевы и ихъ сосѣди, подъ влияніемъ «матушки», начали раздавать и распродавать все свое имуществу, сады,

---

шихъ членовъ для списанія ими мученическаго вѣнца. Такая смерть называется у нихъ «красной», и сектанты эти именуются еще «красносмертами» или «душителями». Предварительно, заболѣвшаго члена особый рядъ ревнителей, такъ называемые «страннопримцы», или пристанодержатели, относятъ въ поле (или въ хѣсъ), порекрещиваютъ его во всякое время года, съ нареченіемъ новаго иноческаго имени, а потомъ задушаютъ. (См. Существенныя признаки и стипеніи вредности сектъ—В. М. Скворцова, Кіевъ, 1896, стр. 17—18).

землю. Нѣкоторые изъ скитниковъ еще брали деньги за это, но сама Виталія и ея ближайшія наперстницы отказывались отъ денегъ, потому что на нихъ имѣлась печать антихристова. Когда же разнеслась вѣсть о всенародной переписи, то Виталія окончательно заявила своему кружку, что «сіе есть печать антихриста», ибо оба слова (и печать и перепись) начинаются съ одной буквы «П».

На требованіе полицейскихъ властей назвать себя хоть какимъ нибудь именованиемъ, лишь бы заполнить рубрики переписного листа, она истолковала это требованіе въ томъ смыслѣ, что «врагъ ловить ихъ крючками». И вотъ, вмѣсто объявленія своего имени, скитницы даютъ счетчику такое оправданіе своихъ дѣйствій особой запиской:

«Г. І. Х. С. Б. П. Н. Г'. Мы христіане; намъ нельзя никакого новаго дѣла принимать, и мы не согласны по новому записывать свое имя и отечество. Намъ Христось за всѣхъ есть и отечество и честь и имя, А вашъ новый уставъ и метрики отчуждаютъ насъ отъ Христа и отъ истинныхъ христіанскія вѣры и приводятъ въ самоотверженіе отечества. А наше отечество Христось. Нашъ Господь глаголетъ во святомъ евангеліи своемъ (Матв. зач. 38):

«Рече Господь своимъ ученикамъ: всяко убо иже исповѣсть мя предъ чловѣки, исповѣмъ его и азъ предъ отцомъ моимъ, иже на небесѣхъ; а еже отвержется мене предъ чловѣки, отвергуся и азъ предъ отцомъ моимъ, иже на небесѣхъ». Посему отвѣщаемъ вамъ вкратцѣ окончательно, что мы отъ истиннаго Господа нашего Іисуса Христа отверженія не хотимъ и отъ православныхъ вѣры и отъ святыхъ соборныхъ апостольскія церкви отступити не желаемъ и что святіи отцы соборами приняли, то и мы принимаемъ. А что святіи отцы и святіи апостолы проклинали и отринули, то и мы проклинаяемъ и отрѣцаемъ, а вашимъ новымъ законамъ повиноваться не можемъ. Но желаемъ паче за Христа умерети».

Съ этого времени скитники энергичнѣе стали готовиться къ смерти. Виталія искала по раскольническимъ писаніямъ указаній, какою смертью надлежало умереть для вѣчнаго спасенія души, и, наконецъ, обрѣла изреченіе: «заложать досками, засыплютъ песками». Это послужило указаніемъ свыше, что слѣдуетъ замуровать себя въ могилы.

Но тутъ передъ послѣднимъ концомъ жизни произошло странное явленіе, совершенно противоположное ученію Виталіи. Проповѣдуя ранѣе своимъ пасомымъ, что можно спастись безъ церкви, священства и таинствъ, она передъ смертью отрѣшается отъ этихъ взглядовъ сама и приглашаетъ къ тому же своихъ послѣдователей. Въ концѣ того же 1896 года ее видѣли посѣтившей керженскаго (Нижегородской губерніи) лже-епископа Іосифа (австрійскаго толка), отъ котораго она имѣла даже разрѣшительную (отпускную грѣхамъ) грамоту. Послѣ смерти въ ея бумагахъ нашли еще нѣсколько такихъ грамотъ, изъ коихъ одна была за подписомъ бессарабскаго

архіерея Симеона (см. выше), а у другихъ грамотъ епископская подпись была стерта. Наконецъ, передъ отходомъ въ вѣчность Виталія сама какимъ-то снадобьемъ причащала своихъ послѣдователей, и въ могилѣ ея потомъ были найдены чаша и лжица. Ясно, что передъ смертью она сильно поколебалась въ прежнихъ своихъ убѣжденіяхъ, но, какъ женщина съ упорнымъ характеромъ, не могла засвидѣтельствовать этого открыто.

Она торопила скитягъ принять кончину мученическую, иначе де «за отказъ принять печать антихристову¹⁾ ихъ сотрутъ въ порошокъ».

Замуравленіе, какъ извѣстно, производилось Ѳеодоромъ Ковалевымъ въ присутствіи самой «матушки». Она причащала и напутствовала отправляющихся въ могилу, которые всѣ были одѣты въ бѣлые саваны, женщины съ особыми повязками на головахъ, въ видѣ «кльча», и на всѣхъ были надѣты схимническія епитрахили съ вышитыми осмьмиконечными крестами и адамовой головой.

Въ числѣ первой партіи Ковалевъ замуравилъ свою жену, дочь, брата. Въ послѣдней партіи была замуравлена Виталія. Отправляясь въ могилу, она взяла съ Ковалева клятву, что и онъ замуруется, а до того времени не откроетъ имена замуравленныхъ.

Провожая скитниковъ въ могилы, Ковалевъ твердо безъ содроганія дѣлалъ дѣло и лишь говорилъ отходящимъ сестрамъ и братьямъ: «поклонитесь на томъ свѣтѣ отцу, дядѣ» и т. д.

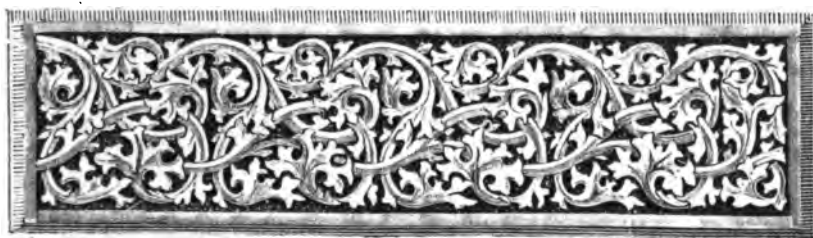
Замурованные помѣстились въ нѣсколькихъ особо устроенныхъ погребкахъ, нарочито сдѣланныхъ на подобіе выходовъ, съ хрящеватыми стѣнами. Передъ смертью, видимо, они еще долго молились: около нихъ валялись огарки восковыхъ свѣчей и кусочки ладона. Потомъ ложились спиной на землю, вытянувшись во весь ростъ и скрестивъ на груди руки.

Въ этомъ положеніи застала ихъ смерть, но уже осунувшимися, истомленными, съ почернѣвшими лицами и съ растрескавшимися отъ удушливаго воздуха губами...

П. Юдинъ.

¹⁾ Надо понимать за отказъ отъ переноси.

РЕФОРМА НА ОЧЕРЕДИ ¹⁾.

VI.

В ВВЕДЕНІЕМЪ въ жизнь уѣзда института земскихъ начальниковъ, въ разработкѣ вопросовъ крестьянскаго самоуправленія наступило ватишье, и даже отмѣченное въ предыдущей главѣ сочиненіе г. Свѣшниковъ не имѣло своимъ назначеніемъ какихъ либо ближайшихъ практическихъ задачъ. Назначеніе его было академическое — дать научную разработку столь недавняго животрепещущаго вопроса, отошедшаго со сцены текущаго дѣйствія за кулисы. Публицистика уже рѣдко задается вопросомъ: что слѣдуетъ предпринять для упорядоченія соціальной жизни крестьянской массы? а предпочитаетъ вращаться въ кругу вопросовъ экономическихъ, съ одной стороны, и, съ другой, критически слѣдить на проявленіяхъ дѣйствительности, къ какимъ слѣдствіямъ и результатамъ повлекла реформа гр. Д. А. Толстого. Матеріаль, накопленный періодическою пресою въ этихъ двухъ областяхъ, а въ особенности въ первой, представляетъ громадный научный и практическій интересъ, но касаться его въ текущемъ очеркѣ не составляетъ моей задачи. Отмѣчу лишь, что каждый разъ, какъ публицистика подходитъ къ обсужденію этого матеріала, она принимаетъ необыкновенно страстный

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIX, стр. 544.

тонъ и ставить вопросы, куда входящiе, ребромъ. Изъ эпизодовъ, относящихся къ категорiи страстныхъ дебатовъ, напомнимъ лишь о недавнихъ громкихъ полемикахъ по поводу известной книги «О влiянiи неурожаевъ» г.г. Чупрова и Посникова, расколовшей наши интеллигентныя силы на столько враждебныхъ кружковъ и партiй. Въ значительной степени къ той же категорiи должна бытъ отнесена и борьба около русскаго марксизма въ его примѣненiи къ нашей сельской жизни и ея экономическимъ ингредиентамъ.

Въ настоящую минуту, когда только-что нѣсколько стихли полемикн въ указанныхъ направленiяхъ, выступаетъ снова, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ затишья, вопросъ о крестьянскомъ самоуправленiи по нестложной реформѣ въ этой сферѣ народной жизни. Поводомъ, пробудившимъ общественное вниманiе къ этому вопросу, явились попавшiе сначала въ печать отрывочные слухи относительно предпринятаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ опроса мѣстныхъ силъ, черезъ посредство губернскихъ совѣщанiй, относительно разныхъ сторонъ народной жизни; впослѣдствiи эти слухи, главнымъ образомъ циркулировавшiе въ провинциальной прессѣ, получили въ большой столичной печати нѣкоторое подтвержденiе; наконецъ, въ настоящее время мы имѣемъ передъ собою три объемистыхъ тома изданiя земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ имѣется обстоятельный «сводъ губернскихъ совѣщанiй по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ». Вопросы эти, предложенные на обсужденiе губернскихъ совѣщанiй, расположены въ упомянутомъ изданiи по восьми рубрикамъ и группируются въ слѣдующемъ порядкѣ: вопросы 1—25 относятся къ сельскому и волостному управленiю (т. I); вопросы 25—46 относятся къ а) приему новыхъ членовъ и увольненiю изъ общества, б) семейнымъ раздѣламъ, в) опекамъ, г) общественному призрѣнiю, д) мiрскимъ сборамъ и капиталамъ (т. II); вопросы 47—66 относятся къ а) землепользованiю, б) нотарiальной части въ селенiяхъ.

Уже изъ одной этой поменклатуры статей, подлежащихъ обсужденiю собранiй, мы видимъ, что земскiй отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ ставитъ на очередь реформы немало сторонъ сельской жизни, страдающихъ обще-признанными недугами, явившимися слѣдствiемъ недостаточности нѣкоторыхъ сторонъ «Общаго Положенiя» 19 февраля, а также равногласiя этого Положенiя съ позднѣйшими узаконенiями и административными циркулярами и мѣрами. Вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе обстоятельное ознакомленiе съ предложенными къ обсужденiю вопросами, съ построенiемъ, такъ сказать, программы этихъ вопросовъ, внѣ всякаго сомнѣнiя, свидѣтельствуешь, что министерство внутреннихъ дѣлъ никоимъ образомъ не имѣеть въ виду ставить въ связь современный опросъ свѣдущихъ людей съ тѣми опросами, кои были предприняты гр. Лорнс-

Меликовымъ въ 1880 г. Матеріалъ, собранный 17 лѣтъ тому назадъ, бракуется, надъ нимъ, какъ я уже говорилъ въ началѣ статьи, ставится крестъ, и современная мысль въ области обсуждения и разсмотрѣнія крестьянской жизни и необходимыхъ здѣсь преобразованій старательно связывается съ тѣми теченіями, которыя возникли въ русской жизни второй половины прошлаго десятилѣтія.

Какъ уже было мною выяснено въ гл. IV и V настоящаго очерка, кореннымъ желаніемъ всѣхъ лицъ прогрессивнаго направленія было видѣть сельскую волость и ея управленіе всесловными, или, иначе и правильнѣе, безсловными. Къ такому же желанію склонялись и многія изъ опрошенныхъ въ 1880 году земскихъ собраній. Казалось, можно было ожидать, что и теперь вопросъ о всесловной волости долженъ бы быть поставленъ на первое мѣсто и обслѣдованъ съ тѣхъ сторонъ, которыя почему либо были опущены въ прошломъ десятилѣтіи. Но, увы, ожиданіямъ не суждено было сбыться; этотъ животрепещущій вопросъ совершенно не вспылъ наружу и является въ настоящее время похороненнымъ въ пыли историческаго архива. Насколько главная идея восьмидесятихъ годовъ заключалась въ сліяніи сословія, настолько въ наши дни рѣзко подчеркивается сословная разрозненность классовъ населенія. Отсюда и проистекаетъ строгая и послѣдовательная тенденція вопросовъ министерства внутреннихъ дѣлъ свести всю очередную реформу къ одному лишь крестьянскому населенію, не смѣшивая его съ остальными и тѣмъ болѣе съ дворянскимъ сословіемъ. Объ общей реорганизаціи всѣхъ мѣстныхъ учрежденій нѣтъ рѣчи; на очереди стоятъ лишь частичныя измѣненія въ дѣйствующемъ крестьянскомъ самоуправленіи—сельскомъ и волостномъ, безъ всякаго посягательства на ихъ сословный характеръ.

VII.

Ознакомившись съ общей тенденціей программы вопросовъ, перейдемъ къ ея частностямъ и тѣмъ главнымъ мнѣніямъ, которыя были высказаны въ губернскихъ совѣщаніяхъ по поводу этихъ частныхъ.

Первые четыре вопроса обнимаютъ собою построеніе сельскихъ обществъ по числу входящихъ сюда единицъ населенія, и возможность дробленія этихъ обществъ на болѣе мелкія единицы или наоборотъ соединенія ихъ въ болѣе крупныя волости. На эту сторону жизни было обращено серьезное вниманіе еще сенаторомъ Ковалевскимъ, и ей же посвящено въ настоящихъ губернскихъ совѣщаніяхъ не мало обширныхъ и мотивированныхъ заключеній. Одни собранія не находятъ серьезныхъ недостатковъ въ существующемъ распредѣленіи сельскихъ обществъ и волостей, дру-

гія—наоборотъ старательно подчеркиваютъ эту сторону дѣла и предлагаютъ здѣсь равныя мѣропріятія, не отличающіяся особеннымъ однообразіемъ. Во всякомъ случаѣ, преобладающей тенденціей является оппозиція слишкомъ малымъ сельскимъ общинамъ, въ виду излишней тягости по отбыванію мірскихъ повинностей, какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ. Мнѣ сдается, что эта часть, которая, повидимому, должна бы была по своей важности особенно интересовать правительство, наиболѣе слабо разработана совѣщаніями и врядъ ли позволяетъ прійти къ какому нибудь опредѣленному практическому заключенію. Поэтому я считаю совершенно правильнымъ уклончивый отвѣтъ, напримѣръ, Орловскаго губернскаго совѣщанія, формулировавшаго такъ свое мнѣніе относительно желательнаго размѣра сельскаго общества и волости: «Неудобство слишкомъ мелкихъ обществъ (менѣе 20 душъ) заключается въ затруднительности для этихъ обществъ пользоваться правомъ, предоставленнымъ крестьянамъ ст. 46 и 112—119 общ. пол., то-есть имѣть свое отдѣльное сельское управление, по недостаточности денежныхъ средствъ на его содержаніе; невыгода же слишкомъ большихъ обществъ выражается въ невозможности для сельскихъ должностныхъ лицъ успѣшно выполнять лежація на нихъ обязанности (ст. 58—68 общ. пол.). Тѣ же самыя неудобства замѣчаются и по отношенію слишкомъ малыхъ и слишкомъ большихъ волостей».

Такой неопредѣленный отвѣтъ, не налагающій на совѣщаніе никакой отвѣтственности за послѣдствія, для меня въ настоящемъ случаѣ гораздо болѣе понятенъ въ практическомъ отношеніи, нежели тѣ широко мотивированные, которые имѣютъ исключительное значеніе для данной губерніи, но изъ которыхъ рѣшительно невозможно извлечь общаго принципиальнаго указація для всей Россіи.

Вопросы 5—10 относятся къ одной общей категоріи и настолько одинъ вытекаютъ изъ другаго, что достаточно остановиться на формулѣ 5-го вопроса, обнимающаго собою принципиальную сторону дѣла. Вопросъ поставленъ такъ: въ чемъ заключаются замѣченные недостатки дѣйствующихъ постановленій: 1) о сельскихъ и волостныхъ сходахъ, и 2) о положеніи, правахъ и обязанностяхъ должностныхъ лицъ?

Недостатками дѣйствующихъ постановленій о сходахъ, по мнѣнію совѣщаній, являются: 1) отсутствіе указаній на возрастъ, дающій право голоса; 2) отсутствіе постановленій, лишающихъ права участія на сходахъ опороченныхъ по суду потерю нѣкоторыхъ личныхъ правъ и преимуществъ; 3) допущеніе недоимщиковъ къ обсужденію мѣръ взысканія недоимокъ; 4) допущеніе на сходы завѣдомыхъ пьяницъ и сутягъ; 5) отсутствіе сроковъ на обжалованіе приговоровъ; 6) міроѣдство, вліяющее на справедливость приговоровъ, хотя съ формальной стороны и кажущихся правильными; 7) требованіе участія на сходѣ всѣхъ домохозяевъ, отчего (главнымъ обра-

вомъ зимою) постановляются фиктивные приговоры; 8) необязательность занесенія въ книгу всѣхъ безъ исключенія приговоровъ; 9) неграмотность большинства десяти дворовыхъ выборныхъ; 10) неплатимая служба старостъ, необеспеченность волостныхъ писарей, зависимость волостныхъ старшинъ отъ крестьянъ и недостаточность власти у старшинъ; 11) недопущеніе на сходы кривуновъ и вообще лицъ, вредно вліяющихъ на крестьянъ.

Таковы недостатки, указанные большинствомъ губернскихъ совѣщаній. Меньшинство или, правильнѣе, единичныя совѣщанія указали на нѣкоторые еще добавочные изъяны въ дѣйствующихъ постановленіяхъ, не составляющіе, однако, особенной язвы крестьянской жизни. Большаго вниманія заслуживаютъ мѣропріятія, указанныя нѣкоторыми изъ совѣщаній, нужныя для упорядоченія дѣйствующихъ постановленій. Послѣднія сводятся къ слѣдующему: 1) установленіе закономъ права участвовать на сходахъ женщинамъ по всѣмъ вообще дѣламъ въ качествѣ самостоятельныхъ домохозяекъ; 2) опредѣлить возрастъ самостоятельныхъ домохозяевъ и ихъ замѣстителей; 3) установить норму представителей отъ двора, хотя бы многотягольнаго, ограничивъ ее однимъ человекомъ; 4) допустить, чтобъ дѣла на сходѣ рѣшались не простымъ большинствомъ, а $\frac{2}{3}$ собравшихся; 5) лишить права передачи голоса отлучившагося изъ общества и не передавашаго голоса, въ тѣхъ случаяхъ, когда отлучка длится болѣе года; 6) не допускать на сходахъ лицъ, подвергавшихся наказанію за кражи, мотовство, мошенничество, оскорбившихъ на сходѣ должностныхъ лицъ (на опредѣленное время), а также содержащихъ питейныя и трактирныя заведенія, уличенныхъ въ ростовщичество.

Какъ читатели легко могутъ убѣдиться изъ всего приведеннаго относительно §§ 5—10, какъ съ точки зрѣнія констатированія недостатковъ дѣйствующихъ постановленій о сходахъ и о должностныхъ лицахъ, такъ равно и съ точки зрѣнія проектируемыхъ мѣръ; то по каждому пункту, конечно, можно бы было сказать не мало любопытнаго, живо затрогивающаго укладъ нашей сельской жизни. Но я не считаю этой категоріи вопросовъ особенно существенною, могущею какъ нибудь вредно видоизмѣнить общую систему, созданную Положеніемъ 19-го февраля. Болѣе принципиальное значеніе имѣеть, по-моему, постановка вопросовъ 11—17, посягающихъ на коренныя основы этой системы и стремящихся радикально видоизмѣнить ея архитектуру.

Здѣсь идетъ рѣчь о замѣнѣ нынѣшнихъ сходовъ домохозяевъ сходами выборныхъ, и пространно формулируется эта совершенно новая мысль въ § 12 такъ: на какихъ основаніяхъ слѣдовало бы образовать сходы выборныхъ: на подобіе волостныхъ сходовъ или прежнихъ сельскихъ сходовъ у государственныхъ крестьянъ, то-есть установленіемъ представительства отъ извѣстнаго числа дворовъ

(ст. 4996, т. II, ч. 1 св. зак., изд. 1857 года), или же установленіемъ въ законѣ опредѣленнаго числа представителей въ зависимости отъ имѣющагося въ обществѣ числа наличныхъ душъ, либо домохозяевъ? Въ первомъ случаѣ: на какое число дворовъ слѣдовало бы допустить одного представителя (выборнаго); во второмъ: какую установить зависимость числа выборныхъ отъ числа наличныхъ душъ или домохозяевъ даннаго общества? Какъ производить избраніе представителей (выборныхъ) въ томъ и другомъ случаѣ? Какія условія избираемости (цензъ) слѣдуетъ установить для выборныхъ, и должны ли эти условія совпадать съ упомянутыми въ вопросѣ восьмомъ опредѣляющими права на участіе въ общихъ сходахъ, или же послѣднія условія требуютъ нѣкоторыхъ ограниченій въ примѣненіи къ выборамъ? Если ограниченія необходимы, то достаточно ли повысить для сего возрастныи цензъ или же надлежитъ ввести въ законъ дальнѣйшія ограниченія? Въ чемъ могли бы заключаться послѣднія?

Такая обстоятельная разработка общаго основнаго вопроса (§ 11) о замѣнѣ сельскаго схода изъ всѣхъ домохозяевъ сходомъ выборныхъ, со включеніемъ сюда остальныхъ сторонъ дѣла, заключающихся въ слѣдующихъ вопросахъ по § 17 включительно, возбудила, какъ и можно было ожидать, весьма оживленнѣи обмѣнъ мнѣній и вызвала категорическіе отвѣты всѣхъ совѣщаній. Большинство изъ нихъ обстоятельно мотивировало свои мнѣнія и представило министерству обстоятельные доклады.

Какъ оказывается, число какъ противниковъ, такъ и защитниковъ сельскихъ сходовъ почти одинаково. Противъ сходовъ домохозяевъ и за замѣну ихъ сходами выборныхъ высказались: архангельское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, губернская совѣщанія: екатеринславское, херсонское, бессарабское, витебское, вологодское, калужское, оренбургское, орловское, пермское, подольское, самарское, петербургское, саратовское, тульское, тамбовское и нижегородское. Послѣднее находитъ необходимымъ возстановить тотъ органъ, которымъ управлялись крестьяне въ дореформенное время—сходъ стариковъ. При этомъ совѣщаніе указываетъ на то обстоятельство, что сходы стариковъ до сихъ поръ живы еще въ памяти населенія, и во многихъ мѣстахъ сельскіе приговоры называются приговорами стариковъ.

Мотивы всѣхъ совѣщаній, высказавшихся противъ сельскихъ сходовъ, въ общемъ сводятся къ слѣдующему: 1) при общихъ сходахъ большее число лицъ отрывается отъ сельскихъ работъ; 2) въ рабочее время созывъ сходовъ въ законномъ числѣ затруднителенъ; 3) многочисленное собраніе служитъ поводомъ къ безобразнымъ крикамъ, шуму и брани; 4) на многочисленныхъ сходахъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является кабатчикъ или кулакъ и его послушнымъ орудіемъ—всѣ пьяницы, люди, неоднократно судившіеся

за разныя преступленія, словомъ, вся та голытьба, завистливо смотрящая на благосостояніе людей трезвыхъ и трудолюбивыхъ, которая своимъ нахальствомъ и безшабашностью импонируетъ всѣмъ благомыслящимъ членамъ схода, вслѣдствіе чего люди трудолюбивые и скромные избѣгаютъ сходовъ, не желая подвергаться какимъ либо скандаламъ и дракамъ; б) многолюдные сходы склонны вершить дѣла за водку, такъ какъ удобнѣе, пассивно подчиняясь крикунамъ, сообща прокутить общественное достоиніе, чѣмъ употребить это достоиніе на какую нибудь общественную пользу, ради осуществленія чего приходится сражаться съ самыми буйными элементами схода. Указывая на такіе недостатки, совѣщанія увѣрены, что недостатки эти уничтожатся съ замѣною сходовъ домовыми сходами выборныхъ, а пермское губернское совѣщаніе видитъ въ такой замѣнѣ даже воспитательное значеніе. Правильно организованные сходы, говорится въ протоколѣ этого совѣщанія, будутъ служить воспитательною школой для крестьянъ и сдѣлаютъ неизмѣримо больше для развитія началъ самоуправления, чѣмъ этого можно ожидать при нынѣшнемъ устройствѣ общественнаго крестьянскаго управления.

Объективнѣе отнеслось къ вопросу о замѣнѣ сельскихъ сходовъ сходами выборныхъ тамбовское губернское совѣщаніе. Совѣщаніе это, хотя и высказалось за замѣну сельскихъ сходовъ, но замѣтило, что мѣра эта имѣетъ не только хорошія, но и дурныя стороны. Несомнѣнно, говорить совѣщаніе, собрать сходъ выборныхъ и легче, и проще, чѣмъ общій сходъ, да и правильное разсмотрѣніе дѣла на многолюдномъ сходѣ невозможно, поэтому общество въ правѣ ожидать отъ схода выборныхъ трезваго и толковаго отношенія къ дѣлу. При сходѣ выборныхъ устраняются и вредные элементы, но ждать упорядоченія суда можно только при томъ условіи, если въ составъ выборныхъ попадутъ лучшіе и болѣе зажиточные люди деревни.

Если же допустить, что въ число выборныхъ попадутъ люди неблагонадежные, продажные, то дѣло пойдетъ хуже, чѣмъ идетъ теперь; при такомъ условіи кулаку-міроѣду легче будетъ склонить въ свою пользу или купить сходъ выборныхъ, чѣмъ полный сходъ. Есть еще одно обстоятельство, говорящее не въ пользу схода выборныхъ: одно изъ цѣнныхъ качествъ сельскаго схода — это его самостоятельность и сознаніе своей независимости, и крестьяне отлично это понимаютъ, выработавъ даже поговорку: «міръ—великъ человѣкъ». При учрежденіи схода выборныхъ это качество схода совершенно пропадаетъ: не всегда рѣшится сходъ выборныхъ сдѣлать такое постановленіе, которое непринужденно сдѣлаетъ сельскій сходъ.

Высказавъ эти опасенія, тамбовское совѣщаніе все-таки останавливается на сходахъ выборныхъ (въ особенности въ большихъ селеніяхъ) и, чтобы обезопасить эти сходы отъ неблагонадежныхъ элементовъ, рекомендуетъ установленіе для выборныхъ ценза.

Категорически противъ упраздненія сходовъ домохозяевъ высказываются слѣдующія губернскія совѣщанія: волынское, вятское, минское, ковенское, новгородское, олонекое, полтавское, рязанское, симбирское, таврическое, тверское, ярославское. Остальныя же совѣщанія хотя и не высказывались противъ схода выборныхъ, но находятъ, что сельскіе сходы имѣютъ громадныя достоинства и нуждаются только въ упорядоченіи.

Возражая противъ сходовъ выборныхъ, всѣ эти совѣщанія указываютъ на то, что сходы выборныхъ противорѣчатъ возрѣвнью народа на міръ, какъ на высшій авторитетъ, объемлющій всѣ частныя интересы. Совѣщанія указываютъ и на то, что волостные сходы, состоящіе тоже изъ выборныхъ, легче подкупаются, чѣмъ сельскіе сходы. Далѣе эти совѣщанія говорятъ, что: 1) законодательство о крестьянахъ стремилось къ тому, чтобы предоставить каждому крестьянскому двору возможность защищать на сходѣ свои жизненные интересы лично или черезъ представителя, и потому оно установило сходы всѣхъ домохозяевъ; 2) существенный недостатокъ учрежденія выборнаго схода заключается въ легкости составленія партій; горавдо труднѣе достигается это на полномъ сходѣ. Партійность же въ неразвитомъ необразованномъ классѣ ведетъ къ неурядицамъ, подкупности и особой сплоченности въ пользу прикрытія алоунотребленій; 3) выборные легко могутъ стать послушнымъ орудіемъ въ рукахъ старшинъ, старостъ и мироѣдовъ; 4) многолюдіе, правда, затрудняетъ созывъ схода, но нисколько не мѣшаетъ отчетливо отобразить голоса за то или другое рѣшеніе и нисколько не мѣшаетъ правильно рѣшить дѣло, тѣмъ болѣе, что сложныхъ вопросовъ, требующихъ дебатовъ, на сходѣ бываетъ мало. Всѣ вопросы, требующіе голосованія на сходахъ, близко касаются жизненныхъ интересовъ населенія, обсуждаются долго и подробно ежедневно по домамъ до схода, такъ что каждый крестьянинъ, по большей части, идетъ на сходы съ готовымъ мнѣніемъ, при чемъ въ своихъ кровныхъ дѣлахъ членъ схода никогда не ошибается и не подаетъ голоса противъ своихъ интересовъ.

Совсѣмъ не то со сходами выборныхъ. Если теперь и при многолюдности схода мироѣды могутъ имѣть мѣсто и вредное вліяніе, то, войдя путемъ партійнымъ въ составъ малочисленнаго схода, они легче будутъ вносить тѣ рѣшенія такого схода личныя цѣли въ ущербъ лишенныхъ возможности защищать свои интересы избирателей, что особенно вредно можетъ отразиться на дѣлахъ земельныхъ.

Дѣйствительно, вникая въ идею о сходѣ выборныхъ или о сокращенномъ представительствѣ, гдѣ дѣло общественное передается изъ рукъ всѣхъ заинтересованныхъ въ руки ограниченнаго кружка, нельзя не согласиться по настоящему предмету съ мнѣніемъ тѣхъ совѣщаній, въ особенности рязанскаго, которыя отнеслись

отрицательно къ поставленному министерствомъ вопросу. Въдѣ если въ собраніяхъ лицъ интеллигентныхъ наблюдается партійность, силошъ и рядомъ направленная къ осуществленію личныхъ и мелкихъ интересовъ, то тѣмъ болѣе на эту партійность придется на-талкиваться въ собраніяхъ выборнаго схода изъ людей неразвѣ-тыхъ и подчасъ совсѣмъ неграмотныхъ. Благодаря этой партійности и по другимъ случайнымъ обстоятельствамъ, въ составъ схода мо-гутъ войти элементы, стремящіеся къ корыстной и легкой наживѣ тѣмъ или другимъ способомъ, или же люди съ слаборазвитою во-лею и со взглядами безучастнаго отношенія къ общественнымъ инте-ресамъ вообще и въ частности — къ интересамъ своихъ избирателей.

Правда, съ учрежденіемъ схода выборныхъ, достигается упоря-доченіе его внѣшней стороны; чѣмъ меньше сходъ, тѣмъ легче его созвать и тѣмъ удобнѣе имъ руководить. Собраніе выборныхъ, по-мимо того, что оно противорѣчитъ исторически сложившемуся убѣ-жденію простаго русскаго народа о святомъ значеніи міра и неру-шимости его постановленій, помимо этого, успѣхъ его функцій мо-жетъ найти мѣсто только тамъ, гдѣ, во-первыхъ, разрѣшенію под-лежатъ вопросы, такъ сказать, нейтральные, вопросы, не затроги-вающие непосредственно личныхъ кровныхъ интересовъ каждаго из-бирателя, какъ, напримѣръ, на волостномъ сходѣ, и, во-вторыхъ, тамъ, гдѣ собраніе выборныхъ дѣйствуетъ внѣ обыденной, ежедневной обстановки, а не у себя дома, въ родномъ селѣ, гдѣ каждый выбор-ный ежедневно сталкивается съ своими избирателями, изъ которыхъ одинъ грозитъ ему местию за подачу голоса противъ его личной выгоды, другой соблазняетъ бутылкой водки за подачу голоса въ пользу личныхъ цѣлей угощающаго и въ ущербъ обществу, третій проситъ poradѣть о его интересахъ по родству и т. д. Поэтому, въ виду всѣхъ приведенныхъ доводовъ, нельзя не согласиться съ ка-тегорическимъ мнѣніемъ ковенскаго губернскаго совѣщанія, глася-щимъ: «Передача всѣхъ дѣлъ теперешнихъ сельскихъ сходовъ сходу выборныхъ нежелательно, такъ какъ установленіе схода выборныхъ поведетъ несомнѣнно къ усложненію хода дѣлъ. Сходъ выборныхъ будетъ во всякомъ случаѣ въ три раза малочисленнѣе теперешняго сельскаго схода (иначе не достиглась бы цѣль преобразованія), а до-вѣрять малочисленной группѣ крестьянъ имущественные интересы цѣлаго общества или рѣшеніе такого важнаго вопроса, какъ вы-сылка порочныхъ членовъ, было бы неосторожно. Въ этомъ отно-шеніи дѣйствующій порядокъ представляетъ больше гарантій спра-ведливаго отношенія къ дѣлу. Измѣненіе нежелательныхъ сторонъ сельскаго устройства слѣдуетъ ждать исключительно отъ улучшенія нравовъ».

А это улучшение нравовъ скорѣе всего будетъ достигнуто рас-пространеніемъ просвѣщенія въ крестьянской средѣ, насажденіемъ здѣсь школъ и привлеченіемъ къ обсужденію и вершенію дѣлъ и

нуждѣ сельскихъ обществъ всѣхъ интеллигентныхъ силъ деревни, начиная съ дворянъ-помѣщиковъ и священниковъ и кончая народными учителями, вліяніе которыхъ, какъ лицъ безпристрастныхъ, несомнѣнно, отразится благотворно на общемъ подъемѣ культуры деревни.

VIII.

Къ слѣдующей категоріи чрезвычайно важныхъ вопросовъ, имѣющихъ дѣлю внести еще болѣе характерную перемѣну въ современномъ устройствѣ крестьянской жизни, должны быть отнесены вопросы §§ 18 — 25, гдѣ проводится мысль о возможности опредѣленія сельскихъ лицъ не по выбору, какъ это установлено Положеніемъ 19-го февраля, а по назначенію отъ уѣздной администраціи.

Обсуждая эту новую мысль въ ея принципиальной постановкѣ и въ детальномъ приложеніи къ практикѣ жизни и многочисленнымъ сторонамъ этой жизни, одни совѣщанія высказались за сохраненія *status'a quo*, а многія пришли къ слѣдующему заключенію: 1) служба выборнаго признается обязательною повинностью для всѣхъ крестьянъ, отвѣчающихъ установленному цензу. Срокъ обязательности ея три года, послѣ чего отбывшій можетъ отказаться отъ новаго избранія; 2) цензъ для выборныхъ двадцатипятилѣтній возрастъ и принадлежность къ домохозяевамъ, осѣдло живущимъ въ обществѣ и занимающимся ховяйствомъ; установленіе жалованья старосты и расширеніе правъ и власти волостныхъ старшинъ.

Отрицательное отношеніе мѣстныхъ силъ къ допускаемой земскимъ отдѣломъ возможности административнаго назначенія сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ и обращенія еще недавнихъ избирателей въ пассивную массу—явленіе въ высшей степени любопытное. Касаясь того же вопроса, извѣстный вѣнокъ дѣла, г. Воропоновъ, помѣтившій въ «Вѣстникѣ Европы» (февраль, 1897 г.) небольшую замѣтку по поводу слуховъ о предстоящемъ пересмотрѣ «Положеній о крестьянахъ» и тоже ополчившійся на выдвинутый принципъ замѣны выборныхъ сельскихъ властей назначеніемъ ихъ отъ администраціи, говоритъ:

«Чѣмъ вызывается предположеніе о невыборномъ, административномъ назначеніи сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ? Ни въ матеріалахъ для выработки крестьянскихъ положеній, ни въ долговременной практикѣ нельзя найти для подобнаго нововведенія какихъ либо серьезныхъ основаній. Оно могло бы отвѣчать возрѣніямъ какихъ нибудь отдѣльныхъ лицъ, вкусомъ сравнительно немногихъ администраторовъ, но никакъ не дѣйствительнымъ потребностямъ сельскаго быта или крестьянскимъ интересамъ. Стоитъ только поставить вопросъ этотъ, и выступятъ самыя различныя предположенія: можно назначить старостою или старшиною кого

либо изъ землевладѣльцевъ, причемъ за послѣднимъ на практикѣ останутся собственно права безъ обязанностей, безъ черной работы; можно назначить и лихого отставного унтера, при которомъ власть будетъ не представительницею общества, а лишь придиричивымъ командиромъ, и сельскій сходъ обратится въ сельскій стонъ, причаемый не къ обсужденію, а лишь къ безпрекословному повиновенію; можно назначить и крестьянина, по внѣшнему набранію, но онъ тогда, чувствуя опору уже не въ обществѣ, скорѣе станетъ заботиться объ угожденіи сторонѣ, о выслугѣ наружнымъ усердіемъ собственности, а не общественной выгодѣ. Если ни въ матеріалахъ для выработки положеній, ни въ данныхъ слишкомъ тридцатилѣтней практики не усматривается никакихъ основаній въ пользу административнаго назначенія должностныхъ лицъ, то еще меньше можно сказать въ оправданіе его на основаніи знакомства съ сельскими нравами и вообще дѣйствующими въ сельскомъ быту условіями. Предметъ этотъ представляется до того яснымъ, что даже нѣтъ надобности особенно распространяться о немъ. Подобное назначеніе ввело бы въ мірскую жизнь новую ровнь интересовъ, новый матеріалъ для раздраженія, тогда какъ міръ этотъ требуетъ теперь, напротивъ, возможно большаго успокоенія, умиротворенія и фактической охраны общественнаго права. Если старшина или староста тянутъ въ одну сторону, а міръ—въ другую, причемъ первый пользуется внѣшнею поддержкою, то чтó тутъ можетъ выйти, кромѣ усиленія несогласій, обостренія внутренней борьбы и т. п.? Если теперь общественное право нерѣдко подвергается нарушеніямъ, и общественный элементъ сильно стѣсняется, то чего можно ожидать, когда въ самомъ составѣ мірскаго схода явятся новыя силы, чуждыя солидарности съ общественнымъ желаніемъ или общественными интересами, а иногда даже заинтересованныя въ противорѣчій имъ? Не съ этой стороны нужна поправка...».

Уже ревизовавшіе губерніи сенаторы обращали вниманіе правительственной власти на несоотвѣтствіе личнаго состава должностныхъ лицъ съ требованіями, предъявляемыми къ нимъ жизнью и интересами населенія; къ этому же убѣжденію склонялась и наша такъ называемая земская литература семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Извѣстна неудавшаяся попытка покойнаго нашего писателя Астырева быть полезнымъ крестьянству въ должности волостного писаря, при чемъ изъ его записокъ по настоящему предмету, напечатанныхъ въ свое время въ «Вѣстникѣ Европы», достаточно выяснилось все значеніе въ жизни деревни начала власти и тѣ ненормальныя условія, въ какія эта власть поставлена и среди которыхъ она функционируетъ.

Такой установившійся печальный порядокъ вещей неизбѣжно подсказываетъ безпристрастному наблюдателю и изслѣдователю сельской жизни, куда и въ какую сторону должны быть направлены

міропріятія правительственной власти. Уничтожьте унивательныя наказанія, налагаемыя полицейскими чиновниками на старость и старшинъ, деморализирующія крестьянскій людъ, поднимите тѣмъ нравственный авторитетъ власти, и, можно быть увѣреннымъ, множество печальныхъ сторонъ современнаго самоуправленія исчезнетъ само собою. Поднимите общую культуру деревни введеніемъ въ ея самоуправляющійся механизмъ новыхъ интеллигентныхъ силъ, уничтожьте сословныя преграды, и врядъ ли тогда придется поднимать рѣчь о доманіи коренныхъ принциповъ мірской жизни и о посягательствѣ на ея вѣковые устои. Нѣтъ, не въ административной регламентаціи путь нашего спасенія: регламентація даже не упроститъ средствъ контроля, не говоря уже про способы отправленія должностей! Можетъ быть, административная система съ точки зрѣнія ея бумажнаго изображенія и теоретическаго построенія получить болѣшую стройность и доступность недалекимъ умамъ; но врядъ ли центръ заботъ долженъ быть положенъ въ этомъ. Нужно заглянуть глубже въ корень вещей и думать не объ упрощеніи теоретическихъ построеній, а о созданіи такихъ условій, при которыхъ живанъ, не выходя изъ вѣкового историческаго своего русла, получить естественную возможность прогрессивно развиваться въ ширь и глубь.

Сказаннымъ я полагаю ограничиться въ разсмотрѣніи вопросовъ, поставленныхъ земскимъ отдѣломъ на обсужденіе губернскихъ совѣщаній и изложенныхъ въ I т. «Свода заключеній», обнимающаго собою главныя и существенныя основы «сельскаго и волостного управленія». Вопросы, поставленные вслѣдъ за симъ, хотя и не отмѣчены такою первостепенною важностью, тѣмъ не менѣе заслуживаютъ также вниманія читателей.

IX.

Вопросы 26 — 32 программы имѣютъ детальный характеръ и обнимаютъ собою слѣдующія стороны жизни: 1) пріемъ новыхъ членовъ и увольненіе изъ общества, 2) семейные раздѣлы. Къ какому нибудь единому категорическому заключенію совѣщанія здѣсь не пришли, да оно и понятно: эти вопросы, по моему мнѣнію, слишкомъ тѣсно связаны съ иною гораздо болѣе сложною категоріей вопросовъ—недостаточностью надѣловъ и недостаткомъ вообще свободной къ покупкѣ земли и общиннымъ вопросамъ. Пока такъ или иначе не будетъ улажена эта сторона крестьянской жизни и не разрѣшены благополучно входящія сюда вопросы, первые врядъ ли нуждаются въ старательной регламентаціи и врядъ ли причиняютъ съ соціальной точки зрѣнія много безпокойствъ и заботъ. Это подтвержденіе настоящей мысли всего лучше рѣшается отвѣтами на вопросъ: оказалъ ли замѣтное вліяніе на сокращеніе семейныхъ

раздѣловъ законъ 18-го марта 1886 года? Большинство губернскихъ совѣщаній пришло по настоящему предмету къ отрицательному выводу, основанія котораго довольно удачно сформулированы екатеринославскимъ губернскимъ совѣщаніемъ. Здѣсь было рѣшено: «Законъ 18-го марта 1886 года замѣтнаго вліянія на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ не оказалъ. Семейные раздѣлы, несмотря на девятилѣтнее существованіе ограничивающаго ихъ закона, совершаются такъ же часто, какъ и прежде. Контроль по этому предмету, лежавшій прежде на обязанности губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, не усилился и со введеніемъ института земскихъ начальниковъ. Причиной такого явленія слѣдуетъ считать необходимость и неизбежность семейныхъ раздѣловъ въ крестьянской жизни. Въ виду этого, назначеніемъ определенной нормы движимаго имущества, наличность которой была бы необходимымъ условіемъ раздѣла, а также и всякими другими мѣрами, едва ли удастся положить предѣлъ стремленію къ семейнымъ раздѣламъ».

Легче поддается урегулированію другая сторона жизни — дѣло опеки, обнимающее собою вопросы §§ 33 — 36, и дѣло общественнаго призрѣнія — вопросы 36 — 39.

За весьма немногими исключеніями, губернскими совѣщаніями признано, что постановленія опекунскаго дѣла и общественнаго призрѣнія составляютъ большое мѣсто крестьянской жизни. Губернскія совѣщанія утверждаютъ, что дѣло опеки среди крестьянъ не только дурно у насъ поставлено, но во многихъ случаяхъ непонятно населенію, а потому и не имѣетъ даже никакой организаціи. Такъ, напримѣръ, саратовское губернское совѣщаніе заявляетъ, что опека надъ сиротами, какъ необходимый институтъ гражданской жизни, до сихъ поръ не вошла еще въ сознаніе народа и, какъ это постоянно обнаруживается при ревизіяхъ, совершенно пренебрегается. Встрѣчаются волости, въ которыхъ въ теченіе многихъ лѣтъ не было установлено ни одного опекунскаго управленія. Въ такихъ волостяхъ сиротъ обыкновенно разбираютъ родственники, и затѣмъ о дальнѣйшей судьбѣ этихъ сиротъ ничего больше неизвѣстно.

Въ противоположность Саратовской губерніи является Симбирская, гдѣ въ настоящее время учреждено 3.052 опеки, что говорить за утвержденіе здѣсь института опеки. Но зато здѣсь, какъ и повсемѣстно, институтъ этотъ оставляетъ желать весьма многого.

Нижегородское губернское совѣщаніе, не вдаваясь въ перечисленіе недостатковъ дѣйствующаго положенія объ опекахъ, говоритъ, что опека, въ томъ смыслѣ, какъ она опредѣляется законодательствомъ, является учрежденіемъ совершенно чуждымъ крестьянскому быту. У большинства крестьянъ опека выражается въ призрѣніи малолѣтнихъ и получаетъ характеръ благотворенія со стороны лица призрѣвающаго, такъ какъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ доходовъ съ оставшагося сиротскаго имущества хватаетъ на ихъ содержаніе.

При такихъ условіяхъ всякая регламентація можетъ только повредить дѣлу. При этомъ совѣщаніе замѣчаетъ, что въ рѣдкихъ случаяхъ, когда сиротское имущество составляетъ цѣнность,— должна быть устанавливаема опека регламентируемая.

Остальныя же совѣщанія отвѣчаютъ прямо на поставленный имъ вопросъ и указываютъ на слѣдующіе недостатки въ опекуномъ дѣлѣ: 1) въ законѣ не опредѣлена отвѣтственность для сельскихъ сходо́въ за неправильное распоряженіе имуществомъ опекаемыхъ, 2) назначаема, на основаніи указовъ правительствующаго сената, сельскими сходами опеки надъ сиротами, проживающими внѣ селеній, и надъ принадлежащимъ имъ имуществомъ, находящимся внѣ предѣловъ сельскихъ обществъ и даже въ городахъ, являются фиктивными, такъ какъ назначенные сходомъ опекуны не имѣютъ способовъ къ надзору за малолѣтними; 3) сельскими сходами назначаются въ опекуны лица, безъ разбора ихъ нравственныхъ качествъ и ценза; 4) сходы относятся поверхностно къ учету и повѣркѣ дѣйствій опекуновъ, что влечетъ за собою утверженіе несообразныхъ отчетовъ. 5) Затруднительность порядка, соблюденіе котораго требуется при продажѣ имущества (земли, скота, продуктовъ) малолѣтнихъ на уплату казенныхъ и мірскихъ повинностей, а также частныхъ взысканій, въ виду необходимости каждый разъ испрашивать разрѣшеніе на то схода. 6) Въ положеніи объ опекахъ нѣтъ точныхъ указаній относительно дѣйствій должностныхъ лицъ по охранѣ имущества, остающагося послѣ умершихъ, а потому часто охрана не производится. 7) Въ законѣ объ опекахъ нѣтъ указанія на возрастъ, по достиженіи котораго сироты освобождаются отъ опеки; не опредѣлено также, должна ли быть опека снимаема постепенно или же одновременно, по достиженіи совершеннолѣтія опекаемаго; 8) не указано, подлежатъ ли назначенію опекуны лишь къ круглымъ сиротамъ или и живущимъ при матеряхъ-вдовахъ или вторично вышедшихъ замужъ; 9) не выяснено, подлежатъ ли имущественной отвѣтственности опекуны, растратившіе имущество опекаемыхъ; если подлежатъ, то въ какомъ порядкѣ и какой мѣрѣ; 10) подчиненіе опеки не селеннымъ сходамъ, а сельскимъ, которые къ опекуному дѣлу относятся, какъ къ чужому, слишкомъ равнодушно и формально, не давая себѣ труда живого руководительства дѣлами опеки; 11) слабый надзоръ за опеками и т. п.

Въ мѣрахъ къ устраненію указанныхъ недостатковъ мнѣнія губернскихъ совѣщаній расходятся. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію однихъ совѣщаній, опеки должны быть изъяты изъ вѣдѣнія волостныхъ и сельскихъ сходо́въ и переданы въ вѣдѣніе волостного суда, который при участіи волостного старшины и сельскаго старосты подлежащаго общества долженъ составить опекуное присутствіе; другія же совѣщанія, какъ, напримѣръ, пермское, изъятіе опеки изъ вѣдѣнія сельскаго схода находятъ цѣлесообразнымъ, въ

виду бытовыхъ и экономическихъ условій крестьянъ, круговой поруки и права общины учреждать опеки надъ своими даже правоспособными членами. Совѣщанія эти предлагаютъ, оставивъ опеки въ вѣдѣніи сходовъ, установить матеріальную ихъ отвѣтственность въ случаяхъ растраты сиротскаго имущества, явившихся слѣдствіемъ слабого надзора со стороны схода за опекунами. Для послѣднихъ же установить обязательность представленія земскому начальнику для передачи на утвержденіе схода ежегодныхъ отчетовъ по опекѣ.

Затѣмъ предлагается: 1) установить въ вознагражденіе опекуновъ 10% съ дохода опекаемаго; 2) приемъ и храненіе сиротскихъ денежных суммъ и цѣнностей предоставить волостному старшинѣ, который обязанъ хранить таковыя въ сберегательной кассѣ при мѣстномъ казначействѣ, а книжки кассы при волостномъ правленіи; 3) сельскаго старосту обязать постояннымъ наблюденіемъ за сиротами, живущими въ районѣ его вѣдѣнія, и за всѣми дѣйствіями опекуна съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неправильности ихъ доносить земскому начальнику; 4) допустить въ качествѣ опекуновъ — женщинъ (нѣкоторыя совѣщанія); 5) установить въ законѣ обязанность со стороны сельскихъ властей учреждать охрану имущества немедленно послѣ смерти родителей сиротъ; 6) допустить назначеніе опекуномъ старшаго изъ сиротъ по достиженіи имъ совершеннолѣтія; 7) обязать земскихъ начальниковъ ежегодно доставлять въ административное отдѣленіе уѣзднаго сѣзда подробный отчетъ о состояніи опекунскаго дѣла въ его участкѣ; 8) время освобожденія сиротъ отъ опеки должно совпадать съ достиженіемъ ими восемнадцатилѣтняго возраста; 9) предоставить земскимъ начальникамъ и мировымъ посредникамъ предавать опекуновъ суду, независимо отъ схода; 10) подвергать отвѣтственности опекуновъ не только за недобросовѣтность, но и за бездѣятельность; 11) предоставить назначеніе опекуновъ не сельскимъ, а селеннымъ сходамъ; 12) совѣщанія губерній, въ которыхъ находится магометанское населеніе, считаютъ необходимымъ устранить отъ опеки магометанское духовенство.

Кромѣ упорядоченія опеки надъ малолѣтними, всѣ совѣщанія, безъ исключенія, заявили, что давно уже назрѣла потребность въ изданіи закона объ опекахъ надъ расточителями. Случаи пьянства и мотовства до совершеннаго разоренія хозяйствъ и обреченія семействъ на голодное существованіе съ милостынею отъ міра и значительными долгами за хлѣбныя ссуды изъ казенныхъ и сельскихъ банковъ — сдѣлались явленіемъ зауряднымъ. Опека надъ расточителями, по мнѣнію совѣщаній, вытекаетъ уже изъ тѣхъ положеній закона, коими сходамъ поставляется въ обязанность принятіе мѣръ къ предупрежденію недомокъ и предоставляется право опредѣлять къ недомощнику опекуна или назначить вмѣсто неисправнаго хозяина старшимъ въ домѣ другого члена той же семьи, а отъ сельскаго старосты требуется охраненіе того имущества неисправныхъ

плательщиковъ, коимъ обеспечивается взысканіе недоимокъ. Такія обязанности и права совершенно уподобляются опекаѣ, но, къ сожалѣнію, по отношенію къ расточителямъ осуществляются уже поздно, когда хозяйство разорено до несостоятельности къ платежу повинностей. Поэтому совѣщаніе находитъ необходимымъ принятіе мѣръ надъ общезвѣстнымъ расточителемъ заблаговременно. Въ виду лежащей на обществѣ круговой поруки и обязанности призрѣнія немощныхъ, совѣщанія предлагаютъ предоставитъ сходамъ право наложенія опеки надъ расточителями; въ огражденіе же отъ какого нибудь незаконнаго посягательства на имуществонное право домохозяина установить, что приговоры сельскихъ сходоѣ по этимъ дѣламъ должны быть составляемы въ собраніи не менѣе $\frac{2}{3}$ домохозяевъ, большинствомъ голосовъ изъ нихъ, подробно мотивированы съ указаніемъ на факты, затѣмъ провѣрены земскимъ начальникомъ или замѣняющимъ его мѣсто и представлены въ уѣздный съѣздъ. Учрежденіе опеки надъ расточителями, по мнѣнію нѣкоторыхъ совѣщаній, должно быть допускаемо не прежде, какъ по заявленію о расточительности домохозяина однимъ изъ членовъ его семьи, или по заявленію старшины или старосты и по признаніи волостнымъ судомъ, въ порядкѣ его компетенціи, виновности домохозяина въ пьянствѣ и мотовствѣ.

По вступленіи приговора волостнаго суда въ силу, таковой долженъ передаваться земскимъ начальникомъ на разсмотрѣніе сельскаго схода для разрѣшенія вопроса объ устраненіи подобнаго домохозяина отъ веденія хозяйства и для выбора опекуна преимущественно изъ числа членовъ той же семьи. Лицамъ, надъ которыми будетъ установлена опека, по мнѣнію этихъ совѣщаній, должно быть предоставлено право обжалованія приговора схода черезъ земскаго начальника въ уѣздный съѣздъ.

Наиболѣе жгучій интересъ съ экономической точки зрѣнія имѣло обсужденіе губернскими совѣщаніями вопроса о мѣрскихъ сборахъ и капиталахъ.

Мѣрскимъ сборамъ и капиталамъ губернскими совѣщаніями удѣлено особенное вниманіе. Хотя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ положеніе этой отрасли крестьянскаго хозяйства и удовлетворительно, тѣмъ не менѣе въ большинствѣ мѣстностей оно требуетъ упорядоченія. Существенными недостатками принятой системы сбора этихъ капиталовъ и повинностей являются крайне разнообразныя основанія, допускаемыя при составленіи раскладокъ мѣрскаго сбора. За единицу обложенія берется иногда дворъ, иногда рабочая сила семьи, рабочей скотъ и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ соединеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ основаній вмѣстѣ. Есть и такіе примѣры, что всѣхъ плательщиковъ дѣлятъ на три разряда: состоятельныхъ, среднихъ и бѣдныхъ, но что служатъ мѣрою для отесенія ихъ къ тому или другому разряду,—трудно установить. Немаловажнымъ недостаткомъ

системы мірскихъ сборовъ является отсутствіе грамотности въ населеніи.

Многія совѣщанія полагаютъ самымъ справедливымъ началомъ къ составленію раскладокъ мірскаго сбора принятіе въ основаніе обложенія цѣнности главныхъ предметовъ, которыми опредѣляется благосостояніе каждаго пахаря-земледѣльца, и рабочей силы, которою обладаетъ каждая семья сельскаго обывателя. При такомъ основномъ положеніи, если не достигается при раскладкѣ безусловная непогрѣшимость, положительно немыслимая на практикѣ, то все-таки соблюдается такая относительная равномѣрность обложенія, при которой нарушеніе принципа справедливости составляетъ крайне рѣдкое и притомъ несущественное явленіе, а потому въ основаніе обложенія предлагается принимать:

1) Цѣнность полевой земли и другихъ надѣльныхъ угодій, состоящихъ во владѣніи подлежащаго раскладкѣ домохозяина, записанныхъ за нимъ по уставной грамотѣ или отведенныхъ ему по приговору въ мѣстностяхъ общиннаго владѣнія землею.

2) Цѣнность рабочаго и гулевого скота, а также овецъ (въ районахъ овцеводства) у каждаго плательщика.

3) Цѣнность наличной рабочей силы въ семьѣ плательщика, считая мужчинъ, годныхъ къ физическому труду, отъ 12 до 18 лѣтъ за полурабочаго и отъ 18 до 60 лѣтъ за рабочаго и женщинъ всѣхъ отъ 12 до 60 лѣтъ за полурабочаго.

4) Цѣнность каждаго жилого дома, въ смыслѣ жилого помѣщенія отдѣльной семьи, опредѣляемая волостнымъ сходомъ по даннымъ, доставленнымъ ему по каждому сельскому обществу.

Оцѣнку этихъ четырехъ предметовъ обложенія долженъ производить одинъ разъ въ три года волостной сходъ сообразно: а) дѣйствительной цѣнности десятины земли; б) цѣнности разнаго рода скота по дѣйствительности стоимости его въ данное время; в) стоимости рабочей силы по существующей годовой цѣнѣ на рабочаго и полурабочаго. Оцѣнки сходовъ могутъ быть обсуждаемы въ установленномъ порядкѣ черезъ земскихъ начальниковъ.

Кромѣ этого, предлагается: 1) составленные сходомъ смѣты представлять на разсмотрѣніе земскаго начальника. Послѣдній, если ему поставленный въ смѣтѣ расходъ покажется неправильнымъ или непредусмотрѣннымъ въ законѣ, или же выходящимъ по своимъ размѣрамъ изъ предѣловъ дѣйствительной надобности, долженъ разъяснить сходу, что извѣстный расходъ не обязателенъ по закону или можетъ быть уменьшенъ до размѣра дѣйствительной надобности; въ случаѣ, если разъясненія сходу не будутъ имѣть благопріятныхъ результатовъ, то приговоръ можетъ быть представленъ уѣздному сѣзду для отмѣны; 2) никакіе общественные расходы изъ мірскихъ суммъ безъ смѣтныхъ назначеній не должны быть допускаемы; 3) плательщики мірскихъ сборовъ должны лично приносить деньги въ волостное пра-

влёне, для чего сельскіе старосты заранѣе объявляютъ по своимъ обществамъ о назначенномъ въ волостномъ правленіи времени для пріема денегъ. Впрочемъ, нѣкоторыя совѣщанія предлагаютъ возложить взиманіе мірскихъ сборовъ на старостъ, съ тѣмъ, чтобы они взимали ихъ при свидѣтеляхъ, другіе же считаютъ присутствіе свидѣтелей обременительнымъ и рекомендуютъ выдачу плательщикамъ расчетныхъ книжекъ или цвѣтныхъ марокъ; 4) обложеніе на обязательныя административныя волостныя и сельскія потребности распространить и на землевладѣніе другихъ лицъ въ предѣлахъ общества и волостей, а также занимающихся торговлею и промыслами; 5) раскладку сбора по волости, то-есть между обществами, установить подесятинно.

На вопросъ министерства, слѣдуетъ ли обложить мірскими сборами внѣнадѣльное имущество, большинство совѣщаній дали утвердительные отвѣты, мотивируя предлагаемое обложеніе, что всякое внѣнадѣльное недвижимое имущество члена общества, если оно находится въ предѣлахъ его волости, пользуется покровительствомъ волостныхъ и сельскихъ общественныхъ учрежденій одинаково, какъ и коренной надѣль. Но вмѣстѣ съ тѣмъ большинство совѣщаній находятъ возможнымъ облагать внѣнадѣльныя имущества только на волостныя надобности той волости, въ предѣлахъ которой находятся. Меньшинство совѣщаній высказалось за освобожденіе внѣнадѣльныхъ имуществъ отъ мірскихъ сборовъ. Совѣщанія, высказавшіяся за обложеніе внѣнадѣльныхъ имуществъ, ограничиваютъ размѣръ обложенія однимъ процентомъ съ оцѣнки и допускаютъ освобожденіе такихъ имуществъ отъ обложенія по малоцѣнности, но не иначе, какъ по свидѣтельству земскаго начальника о бѣдности владѣльца. Такъ какъ мірскими капиталами распоряжаются сходы, то совѣщанія губерній, въ которыхъ имѣются штундисты и другіе сектанты, указываютъ на необходимость отстраненія штундистовъ отъ участія въ составленіи приговоровъ о поддержаніи и устройствѣ церквей и школъ, для чего должна быть соотвѣтственно измѣнена ст. 178 общ. положенія.

Большинство совѣщаній высказалось за привлеченіе къ обложенію мірскими сборами всѣхъ лицъ податнаго сословія, проживающихъ въ волости, хотя бы и не принадлежащихъ къ мѣстному крестьянскому обществу, но владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ или занимающихся торговлею и промысломъ. Основаніемъ для обложенія предлагается принять тѣ же основанія, которыя будутъ установлены для крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы лицамъ этимъ было предоставлено наравнѣ съ крестьянами право обжалованія приговоровъ схода. Въ заключеніе высказано положеніе, чтобы смѣты расходовъ изъ мірскихъ капиталовъ составлялись въ опредѣленный срокъ, чтобы на три года составлялись смѣты только постоянныхъ расходовъ, для расходовъ же переменныхъ — ежегодно.

Къ постояннымъ расходамъ отнесены: жалованье волостному старшинѣ и вообще членамъ волостнаго правленія, расходы на канцелярскія принадлежности, отопленіе и освѣщеніе волостнаго управленія, наемъ квартиры полицейскому уряднику, содержаніе народныхъ училищъ, обывательской почты и, наконецъ, жалованье сельскому старостѣ, вообще сельской администраціи и на содержаніе сельскаго управленія.

Губернскими совѣщаніями, кромѣ того, выяснено, что мірскими капиталами русскія деревни очень небогаты. Въ Бессарабской губерніи они имѣются только въ 20 земскихъ участкахъ, въ Волинской же, Воронежской, Гродненской и Калужской губерніяхъ ихъ не имѣется; въ Казанской губерніи — не много и не вездѣ, въ Костромской губерніи въ нѣкоторыхъ земскихъ участкахъ никакихъ капиталовъ не имѣется, въ нѣкоторыхъ же существуютъ только суммы, образовавшіяся отъ штрафовъ; въ Новгородской губерніи мірскіе капиталы представляютъ рѣдкое исключеніе; въ Оренбургской губерніи капиталовъ со специальнымъ назначеніемъ нѣтъ; въ Пермской губерніи они имѣются у весьма немногихъ обществъ; въ Подольской губерніи — почти отсутствуютъ; въ Симбирской губерніи общественные капиталы имѣются далеко не повсемѣстно, въ Саратовской губерніи специальныхъ капиталовъ не существуетъ, точно также и въ Смоленской губерніи. Въ Тамбовской губерніи мірскіе капиталы сохранились только у бывшихъ государственныхъ крестьянъ. То же явленіе наблюдается и въ Тверской губерніи.

Такое отсутствіе общественныхъ крестьянскихъ средствъ объясняется не столько бѣдностью населенія, сколько отсутствіемъ контроля за правильнымъ расходованіемъ мірскихъ суммъ, послѣдствіемъ чего во многихъ мѣстностяхъ явилась полная растрата ихъ. Большинство губернскихъ совѣщаній хотя и признаютъ существенное вмѣшательство власти въ распоряженіе общественными капиталами непослѣдовательнымъ, такъ какъ мірскіе капиталы представляютъ общественную собственность, а собственника нельзя ограничить въ правахъ своею собственностью, тѣмъ не менѣе правильственный контроль за этими капиталами признается всѣми совѣщаніями существенно необходимымъ. Но устанавливая провѣрку или удостовѣреніе для болѣе цѣлесообразнаго расходованія мірскихъ капиталовъ, совѣщанія находятъ необходимымъ имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства.

Мірскіе капиталы образуются почти исключительно изъ разныхъ статей общественнаго дохода, но въ законѣ нѣтъ указанія на то, чтобы всѣ общественные доходы обязательно поступали въ составъ тѣхъ капиталовъ, а потому на дѣлѣ нерѣдко случается, что такіе доходы вовсе не достигаютъ мірской кассы, но, попадая въ руки міршдвовъ или кружка крестьянъ, произвольно распорядившихся какимъ либо общественнымъ достояніемъ, тутъ же поступаютъ въ

ихъ карманы или на общее угощеніе; словомъ, отсутствіе такого закона, производить то, что отъ произвола нѣсколькихъ вліятельныхъ крестьянъ, зависитъ, что отдать, въ кассу, а что израсходовать безгласно. Поэтому большинство совѣщаній предлагаетъ установить для завѣдыванія, мірскими капиталами слѣдующее:

1) Мірскими капиталами называются и въ нихъ обязательно поступаютъ всѣ мірскіе доходы, какъ, на примѣръ: съ отдаваемыхъ въ аренду, угодій постоянныхъ или временныхъ, суммъ отъ продажи излишковъ, общественнаго хлѣба за наполненіемъ магазиновъ установленною пропорціею, отъ продажи ветхихъ и другихъ общественныхъ, строеній и вообще всѣ доходы съ предметовъ, имѣющихъ значеніе общественнаго достоянія; выморочные капиталы и имущества крестьянъ, штрафы, налагаемые волостными судами и крестьянскими учрежденіями, суммы, взимаемыя за свидѣтельствованіе сдѣлокъ и договоровъ въ волостныхъ правленіяхъ, и, наконецъ, пожертвованія, если они не имѣютъ опредѣленнаго назначенія. 2) Мірскіе капиталы, представляя общественный запасъ на случай не предвидѣнныхъ потребностей, могутъ быть расходуемы только съ согласія $\frac{2}{3}$ имѣющихся на сходѣ голосовъ и только на предметы общественныхъ польвъ и нуждъ, а также на пособіе бѣднымъ, богоугодныя и благотворительныя дѣла. 3) Каждый, пользующійся статьями общественнаго достоянія за условную или назначенную плату, обяванъ вносить ее не кому другому, какъ сельскому старостѣ или волостному старшинѣ, подъ опасеніемъ за передачу денегъ въ другія руки вторичной платы. Должностныя же лица за сокрытіе общественныхъ доходныхъ статей или за попусценіе расходованія доходовъ съ нихъ не въ установленномъ порядкѣ подвергаются отвѣтственности, какъ за преступленія по службѣ. 4) Приговоры о расходованіи мірскихъ капиталовъ или копій съ нихъ представляются земскому начальнику, который, если не замѣтитъ въ нихъ нарушенія закона, увѣдомляетъ немедленно старшину или старосту для приведенія въ исполненіе.

Кромѣ этого, такъ какъ въ разныхъ обществахъ есть спеціальныя капиталы, то въ отношеніи ихъ предлагается: 1) училищныя капиталы должны быть переданы въ завѣдываніе волостнаго правленія для употребленія по назначенію; 2) въ отношеніи сиротскаго капитала, чтобы таковой, какъ не принадлежащій крестьянскимъ обществамъ, на составленіе имущества малолѣтнихъ, находящихся въ опекуновскомъ управленіи, и сохраненіе впредь до совершеннолѣтія подопечныхъ, всегда былъ свободенъ къ выдачѣ по первому востребованію опекуновъ и опекаемыхъ, по достиженіи ими совершеннолѣтія, до вмѣстѣ съ тѣмъ, для увеличенія этого же капитала—отдавать его въ ссудо-сберегательныя кассы при уѣздныхъ казначействахъ.

Для упорядоченія распоряженія мірскими вспомогательными капиталами, которые имѣютъ весьма важное значеніе для крестьян-

сваго хозяйства, предлагается установить слѣдующія правила: 1) касса вспомогательнаго капитала должна находиться въ завѣдываніи волостного правленія; 2) производство дѣлъ и отчетность должны быть возложены на волостного писаря; 3) суммы вспомогательнаго капитала должны храниться въ волостномъ сундукѣ особо отъ остальныхъ суммъ; 4) на случай пожара, падежа скота, градобитія и другихъ бѣдствій должно быть оставлено налицо не менѣе 10 процентовъ всего капитала, остальная же часть капитала должна находиться въ сберегательной кассѣ при уѣздномъ казначействѣ; 5) ссуду слѣдуетъ выдавать только принадлежащимъ къ волости и имѣющимъ въ ней осѣдлость крестьянамъ; 6) лицамъ, предавшимся пьянству и разоряющимъ свое хозяйство на сутяжничество и другія дѣла, вредящія ихъ благосостоянію, ссуда не должна выдаваться; 7) ссуда можетъ быть выдана цѣлому селенію при солидарности заемщиковъ, о чемъ предварительно полученія ссуды долженъ быть составленъ семейный ручательный приговоръ; 8) сдѣлавшій заемъ до окончательной уплаты ссуды не можетъ просить о новой; 9) въ ссуду можетъ быть выдано на одно лицо не болѣе 30 рублей; 10) заемъ можетъ продолжаться не болѣе 2-хъ лѣтъ; 11) ссуда должна производиться по 6 проц. годовыхъ, если же заемъ будетъ сдѣланъ погорѣльцемъ или вообще лицомъ, потерпѣвшимъ отъ бѣдствія, то заемщикъ на первый годъ вовсе освобождается отъ процентовъ, а на второй платитъ только 4 проц.; 12) ссуды выдаются подъ поручительство двухъ благонадежныхъ крестьянъ одной съ заемщикомъ волости (ручательство должно быть письменное); 13) никто изъ членовъ волостного правленія, а равно изъ должниковъ въ капиталъ, не могутъ быть поручителями, точно также никто не можетъ ручаться по двумъ займамъ; 14) какъ ссуда, такъ и отказъ въ ней производятся по постановленіямъ волостного правленія; 15) книги и наличность кассы должны провѣряться ежемѣсячно; 16) волостной писарь въ концѣ каждаго года получаетъ за свои труды вознагражденіе въ размѣрѣ 10 проц. отъ годовой прибыли съ оборотнаго капитала.

Нѣкоторые же совѣщанія, соглашаясь съ остальными въ необходимости надзора за расходваніемъ общественныхъ суммъ, не устанавливая для этого особой инструкціи, составленіе ея предлагаютъ поручить уѣзднымъ съѣздамъ. Наконецъ, три губернскихъ совѣщанія нашли ненужнымъ чѣмъ либо дополнять дѣйствующія правила объ общественныхъ капиталахъ, такъ какъ надворъ за ними земскихъ начальниковъ, по мнѣнію этихъ совѣщаній, въ достаточной мѣрѣ гарантируетъ правильное расходваніе мірскихъ капиталовъ.

Устраняя отъ себя и по недостатку мѣста, и по недостаточной компетентности въ настоящемъ дѣлѣ, обсужденіе спеціальнаго вопроса о мірскихъ капиталахъ, считаю долгомъ въ дополненіе къ изложеннымъ мнѣніямъ губернскихъ совѣщаній, приведеннымъ мною,—

говору это во избѣжаніе какихъ либо нареканій на меня,—согласно прекрасно составленному тексту въ «Новомъ Времени» (22 и 25 февраля с. г.); указать для лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ, на очень недурное изслѣдованіе г. М. А. Скабинскаго «Крестьянское мірское хозяйство. Мірскіе капиталы, денежные сборы и взысканія, продовольственные запасы». Здѣсь почтенный авторъ дѣлаетъ попытку создать нормальную инструкцію для завѣдыванія и распоряженія мірскимъ хозяйствомъ и его доходами, побуждаемый къ тому желаніемъ создать гарантію для правильного образованія мірскихъ капиталовъ и тѣмъ сократить случаи растраты послѣднихъ и случаи разоренія общественнаго хозяйства.

V.

Третій томъ «Свода заключеній» содержитъ въ себѣ разсмотрѣніе губернскими совѣщаніями вопросовъ, относящихся къ 1) землепользованію (§§ 47—65), и 2) нотаріальной части въ селеніяхъ (§ 66). Оставляя послѣдній вопросъ, какъ узко-спеціальныи и относительно маловажныи, въ сторонѣ, ознакомимся съ ходомъ разсужденій по первому вопросу нашихъ губернскихъ совѣщаній.

Во главѣ предложенныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по этому предмету вопросовъ находятся слѣдующіе:

Какія мѣры надо принять для упорядоченія землевладѣнія въ мелкихъ земельныхъ общинахъ? возможно ли сохранить форму общиннаго землепользованія при всякомъ числѣ владѣльцевъ? какъ оградить при малочисленности владѣльцевъ интересы отдѣльныхъ домохозяевъ? не представляется ли лучшимъ выходомъ въ подобномъ положеніи переходъ отъ общиннаго землепользованія къ подворно-наслѣдственному и т. д.?

Мнѣнія совѣщаній по этимъ вопросамъ подѣлились. Одни, хотя и находятъ, что въ мелкихъ земельныхъ общинахъ отдѣльные домохозяева могутъ подвергаться крупнымъ нарушеніямъ въ остальномъ, тѣмъ не менѣе считаютъ желательнымъ сохранить у нихъ общинную форму землепользованія, если сами общества не пожелаютъ перейти къ подворно-наслѣдственной, такъ какъ первая форма землевладѣнія вполнѣ охраняетъ отъ обезземеленія и впаденія въ нищету и, уравнивая землепользованіе при крупныхъ переѣнахъ въ семейномъ составѣ, не доводитъ однихъ до избытковъ за счетъ обѣдненія другихъ. Огражденія же отдѣльныхъ домохозяевъ, по мнѣнію этихъ совѣщаній, возможно достигнуть, во-первыхъ, требованіемъ единогласія въ приговорахъ о передѣлахъ земли; во-вторыхъ—установленіемъ обязательнаго передѣла въ случаяхъ значительной переѣны въ семейномъ составѣ; въ-третьихъ, когда единогласнаго передѣла состояться не можетъ,—производствомъ обязательнаго третей-

скаго суда и, въ-четвертыхъ, когда стороны будутъ отказываться отъ избранія частныхъ посредниковъ, предоставить посредничество учреждениямъ по крестьянскимъ дѣламъ.

Другія же совѣщанія, исходя изъ тѣхъ соображеній, что въ обществахъ съ незначительнымъ составомъ населенія интересы меньшинства или отдѣльныхъ членовъ гораздо чаще нарушаются, чѣмъ въ многочисленныхъ обществахъ, находятъ необходимымъ установить въ самомъ законѣ требованіе, чтобы въ мелкихъ земельныхъ общинахъ, въ коихъ менѣе 30 домохозяевъ (у нѣкоторыхъ совѣщаній цифра эта колеблется), земля была обязательно раздѣлена на подворно-наслѣдственные участки.

Меньшинство совѣщаній нашло, что дѣйствующій законъ въ достаточной мѣрѣ охраняетъ интересы отдѣльныхъ домохозяевъ, такъ какъ приговоры сельскихъ сходовъ о передѣлахъ представляются на утвержденіе земскаго начальника и сѣзда.

На вопросъ министерства, достигаетъ ли своей цѣли законъ о передѣлахъ 8 іюня 1893 г., отвѣты всѣми губернскими совѣщаніями даны удовлетворительные, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ сочли необходимымъ указать на желательность нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій.

При общинной формѣ землепользованія всѣ способные къ веденію хозяйства должны быть обеспечены землею, на практикѣ же новоженцы и прибылыя души могутъ достигнуть этого только при передѣлахъ, которые въ большинствѣ случаевъ рѣдко могутъ состояться, такъ какъ законъ требуетъ согласія на передѣлъ не менѣе $\frac{2}{3}$ домохозяевъ, которые обыкновенно болѣе или менѣе землею обеспечены и передѣловъ не желаютъ.

Совѣщанія находятъ нужнымъ замѣнить $\frac{2}{3}$ простымъ большинствомъ. Помимо того, совѣщанія предлагаютъ установить въ законѣ основанія для передѣловъ по наличнымъ душамъ въ каждой семьѣ, полагая на работника мужского пола свыше 14 лѣтъ по душевому надѣлу, на каждую женщину и малолѣтняго—по половинному и въ то же время разрѣшить сходамъ принимать при передѣлахъ въ соображеніе размѣръ и качество усадебной земли, сады, виноградники и другія угодья.

Далѣе, исходя изъ тѣхъ соображеній, что въ теченіе 12 лѣтъ предѣльнаго срока для передѣловъ трудолюбивый домохозяинъ могъ настолько улучшить свой участокъ удобреніемъ ли, разведеніемъ садовъ и виноградниковъ или иными искусственными насажденіями, что съ отнятіемъ отъ него этого участка по передѣлу онъ можетъ быть разоренъ, — совѣщанія (главнымъ образомъ бессарабское и екатеринославское) находятъ необходимымъ, въ интересахъ справедливости, ст. 8 закона 8 іюня 1893 г. измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы улучшенные каждымъ домохозяиномъ земельные надѣлы при новыхъ передѣлахъ обязательно отводились имъ или ихъ на-

слѣдникамъ и правопреемникамъ. Въ случаѣ же полной невозможности достигнуть этого — опредѣленіе суммы вознагражденія предоставить обоюдному соглашенію общества съ владѣльцемъ улучшеннаго участка.

Если же согласія не послѣдуетъ, и если вслѣдствіе этого не можетъ состояться передѣлъ, предоставить земскому начальнику проинвестировать осмотръ мѣстности въ присутствіи понятыхъ изъ сосѣдняго села, опредѣлять цѣнность улучшеннаго участка и затѣмъ внести дѣло съ своимъ заключеніемъ и приговоромъ общества о новомъ передѣлѣ на разсмотрѣніе уѣзднаго сѣзда, который, въ случаѣ спора, посылаетъ на мѣсто комиссію изъ трехъ членовъ и на основаніи данныхъ ею заключеній опредѣляетъ съ общества въ пользу владѣльца улучшеннаго участка вознагражденіе. Однако, по мнѣнію тѣхъ же совѣщаній, въ видахъ осторожности, такіа постановленія сѣздовъ не слѣдуетъ дѣлать безапелляционными, и недовольной сторонѣ должно быть предоставлено право обжалованія въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе.

Затѣмъ, имѣя въ виду, что минимальный срокъ для передѣловъ установленъ 12 лѣтъ и что въ теченіе этого періода передѣлы могутъ дѣлаться лишь съ особаго разрѣшенія губернскаго присутствія, совѣщанія предлагаютъ установить въ законѣ требованіе, чтобы при передѣлахъ отводились всегда особыя запасныя, хотя и незначительныя, участки для надѣленія новоженцовъ и прибылыхъ душъ, если это по степени обеспеченности данной общины землею и при принятіи при передѣлѣ нормы душевого надѣла окажется возможнымъ.

Наконецъ, имѣя въ виду, что община въ ближайшемъ будущемъ, вслѣдствіе прироста населенія, окажется не въ состояніи предоставить всѣмъ своимъ членамъ достаточное для обезпеченія быта ихъ семей количество земли, или же, уступая настоятельнымъ требованіямъ безземельныхъ, должна будетъ допустить въ обходъ закона дробленіе полосъ до минимума (что уже и теперь во многихъ мѣстахъ замѣчается), то въ интересахъ охраны общиннаго землепользованія отъ искусственнаго разрушенія нѣкоторыя совѣщанія предлагаютъ обязать сельскія общества, вмѣсто дробленія полосъ, образовать спеціальныя капиталы для выдачи пособій безземельнымъ своимъ членамъ для переселенія ихъ на свободныя казенныя земли Сибири, Степного и Примурскаго генералъ-губернаторствъ.

Кромѣ того, нѣкоторыя совѣщанія предлагаютъ дополнить ст. 10 закона 8-го іюня 1893 г. положеніемъ, въ силу котораго дѣйствія и распоряженія домохозяина въ дѣлѣ землепользованія должны признаваться законными только тогда, когда они обусловлены согласіемъ всѣхъ взрослыхъ членовъ семьи и не нарушаютъ интересовъ малолѣтнихъ членовъ, и предоставить сельскому сходу право, съ разрѣшенія мѣстнаго уѣзднаго сѣзда, не отбирая въ свою

пользу, только снимать цѣлые или части надѣловъ съ однихъ дворовъ и передавать ихъ другимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда семейный составъ этихъ дворовъ значительно измѣнился послѣ послѣдняго передѣла, съ видимымъ упадкомъ благосостоянія двора.

Обсуждая вопросъ о переходѣ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному, губернскія совѣщанія представили по настоящему вопросу чрезвычайно интересныя данныя.

Значительнымъ большинствомъ совѣщаній замѣчено, что стремленій къ переходу отъ общиннаго къ подворно-наслѣдственному землепользованію не замѣчается, такъ какъ крестьяне сознаютъ, что первая форма землевладѣнія въ большой мѣрѣ обезпечиваетъ не только ихъ матеріальные интересы, но и будущность ихъ вдовъ и сиротъ. Стремленіе къ переходу къ подворно-наслѣдственному владѣнію замѣчается только отчасти въ губерніяхъ Бессарабской, Екатеринославской, Витебской и Костромской. Относительно результатовъ такого перехода только витебское губернское совѣщаніе категорически высказалось въ томъ смыслѣ, что при подворно-наслѣдственномъ владѣніи благосостояніе крестьянъ выше, чѣмъ при общинномъ, что и побуждаетъ ихъ переходить къ этой формѣ землепользованія. Остальныя же совѣщанія замѣчаютъ, что сказать съ увѣренностью, какіе далъ результаты переходъ къ подворно-наслѣдственному владѣнію, — нельзя, такъ какъ опыты дали различныя результаты, въ одномъ мѣстѣ хорошіе, въ другомъ — печальныя, въ смыслѣ скопленія подворныхъ участковъ въ однихъ рукахъ по незаконнымъ сдѣлкамъ. Въ общемъ же, большинство губернскихъ совѣщаній довольно категорически высказывается противъ перехода къ подворно-наслѣдственному владѣнію, за исключеніемъ общинъ съ чрезмѣрно малочисленнымъ населеніемъ. Меньшинство же признало желательнымъ допустить такой переходъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ того будутъ требовать мѣстныя экономическія условія. Совѣщанія эти признаютъ необходимымъ изданіе закона, болѣе точно опредѣляющаго порядокъ и условія перехода отъ общиннаго землепользованія къ подворно-наслѣдственному.

Изложеніемъ результатовъ совѣщаній по вопросу о землепользованіи я заключаю все наиболѣе существенное и интересное, что представляетъ собою «Сводъ», изданный земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Какъ читатели легко могутъ убѣдиться изъ всего сказаннаго, на очередь разрѣшенія поставлена масса чрезвычайно существенныхъ вопросовъ жизни, отъ исхода которыхъ всецѣло зависитъ благоденствіе русской многомилліонной громады сельскаго населенія, или, иначе говоря, благополучіе всего нашего отечества. Земскій отдѣлъ ограничился лишь формальнымъ сводомъ мнѣній губернскихъ совѣщаній, безъ указанія, какимъ образомъ и кѣмъ была составлена программа вопросовъ, и какое будетъ сдѣлано дальнѣйшее

употребленіе изъ «Свода». Полагая, что опубликованіе для всеобщаго употребленія цѣннаго матеріала, образовавшагося изъ хода губернскихъ совѣщаній по кардинальнымъ вопросамъ русской жизни, есть своего рода косвенное приглашеніе всѣхъ наличныхъ общественныхъ элементовъ, подать по настоящему предмету свои голоса, я не считъ себя въ правѣ оставаться глухимъ къ такого рода приглашенію.

Въ этихъ видахъ мною указано въ началѣ статьи, какія теченія принимали нѣкоторые изъ возбужденныхъ нынѣ вопросовъ въ ихъ постановкѣ, развитіи и рѣшеніи передовыми дѣятелями прошлаго десятилѣтія; а также слѣдуя тексту третьяго тома «Свода» и компановкѣ этого текста, чрезвычайно удачно сдѣланной «Новымъ Временемъ», я представилъ наиболѣе существенныя мнѣнія, выяснившіяся изъ хода губернскихъ совѣщаній по наиболѣе важнымъ вопросамъ. Позволяю себѣ думать, что въ такомъ видѣ моя работа, не претендующая никоимъ образомъ на подачу личнаго мнѣнія по предмету, поставленному на очередь реформы, не будетъ совершенно излишнею и бесполезною среди немногочисленныхъ до сихъ поръ голосовъ, раздавшихся въ настоящемъ случаѣ. Читатели, и въ особенности провинціальные, которыхъ главнымъ образомъ и имѣю въ виду, найдутъ здѣсь указаніе важнѣйшихъ источниковъ; если это обстоятельство послужитъ для нихъ поводомъ къ ознакомленію съ этими источниками въ подлинникѣ, я буду считать задачу настоящей статьи исчерпанною и свой трудъ вознагражденнымъ.

Б. Глинскій.

АЛЕКСАНДРЪ I И ЕГО ЭПОХА.

Періодъ первый.

(1801 — 1810).

Преобразовательныя и политическія колебанія ¹⁾.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЭПОХА ²⁾, по справедливому замѣчанію ея новаго историка, Н. К. Шильдера, можетъ быть раздѣлена на три опредѣленные, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга періода. Первый изъ нихъ, отъ 1801 года до 1810, обыкновенно называютъ временемъ преобразованій, но г. Шильдеръ полагаетъ, что слово «преобразованій» вѣрнѣе замѣнить словомъ «колебаній», такъ какъ съ этимъ десятилѣтіемъ царствованія Александра совпадаетъ полная неустойчивость взглядовъ и постоянные переходы отъ одной системы къ другой во внутренней и внѣшней политикѣ, но еще логичнѣе назвать эти года періодомъ преобразовательныхъ и политическихъ колебаній, какъ и сдѣлано въ настоящемъ очеркѣ. Точно также второму періоду отъ 1810 до 1815 болѣе подходитъ названіе «перелома», чѣмъ борьбы съ Франціей, какъ окрещиваетъ его г. Шильдеръ, потому что борьба, представляющая единственное въ жизни Александра явленіе непоколебимаго, рѣши-

¹⁾ Императоръ Александръ I: его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Томъ II. 1897.

²⁾ Прологъ Александровской эпохи. «Историческій Вѣстникъ», июнь — июль, 1897 г.

тельного преслѣдованія одной идеи въ продолженіе пяти лѣтъ до ея конечнаго торжества, составляетъ крутой переворотъ всей его дѣятельности, подготовившій послѣднее десятилѣтіе. Конечно, въ отношеніи названія третьяго періода отъ 1815 до 1825 не можетъ быть и тѣни сомнѣнія или спора: это было царство реакціи, въ полномъ смыслѣ слова, и если въ первой его половинѣ еще замѣтны проблески юношескихъ либеральныхъ мечтаній, то они объясняются обычно двойственностію Александра и быстро ступеваются передъ грозно надвигающимся политико-мистическимъ мракомъ, гдѣ исчезли всѣ идеалы, къ которымъ онъ такъ долго и пламенно стремился.

Посвященный первому періоду Александровской эпохи, второй томъ почтеннаго труда Н. К. Шильдера отличается его прежними достоинствами: обиліемъ новыхъ матеріаловъ, осмысленнымъ сводомъ всего, что писано до сихъ поръ о томъ же предметѣ, добросовѣстной группировкой отличительныхъ чертъ Александра, какъ государя и человѣка, объективностію и глубокимъ интересомъ изложенія, а также изяществомъ изданія, придающимъ ему характеръ историческаго альбома. Въ послѣднемъ отношеніи къ этому тому приложено 9 автографовъ и 87 портретовъ и рисунковъ, въ томъ числѣ 3 хромофотографіи, 2 фототипіи, 4 ксилографіи и 3 большія фотоцинкографіи.

Что касается до самаго содержанія второго тома «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе», то его текстъ по-прежнему читается легко и представляетъ живую картину внутренней преобразовательной дѣятельности «человѣка на тронѣ», по выраженію поэта, и внѣшней политики въ первое десятилѣтіе Александровской эпохи а многочисленныя примѣчанія и новыя очень цѣнные историческіе документы, напечатанные въ приложеніяхъ, бросаютъ яркій свѣтъ на рассказываемыя въ текстѣ событія. Хотя внутреннимъ дѣламъ отведено менѣе мѣста, чѣмъ внѣшнимъ, около одной трети всей книги, но разсказы о нихъ и относящіяся къ нему примѣчанія и приложенія наиболѣе интересны и важны въ историческомъ отношеніи, потому что представляютъ много новыхъ, невѣдомыхъ свѣдѣній о преобразовательныхъ замыслахъ Александра, въ особенности о работахъ комитета, состоявшаго изъ друзей его юности: Чарторижскаго, Строганова, Новосильцева и Кочубея, которымъ было поручено къ 1801 году подготовить «реформу безобразнаго зданія администраціи въ имперіи» и «о планѣ государственнаго образованія», представленнаго Сперанскимъ въ 1809 году. Естественно, что о внѣшней политикѣ: о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Европой, войнахъ, мирныхъ трактатахъ, союзахъ съ иностранными государствами и въ особенности о центрѣ тогдашней политики—объ отношеніяхъ Александра къ Наполеону то дружественныхъ, то явно враждебныхъ, то снова искрено дружествен-

Императоръ Александръ I въ 1802 году.

Съ портрета, писаннаго Вуалемъ,

ныхъ, то снова враждебныхъ подъ маской дружбы,—г. Шильдеръ не могъ сообщить ничего новаго, неизвѣстнаго. Политическая исторія этой эпохи такъ подробно разработана въ европейской литературѣ, особенно въ последнее время, и даже въ русской существуетъ столько о ней матеріаловъ, между прочимъ въ сборникахъ Русскаго Историческаго общества, что почтенному историку оставалось только

сдѣлать добросовѣстный сводъ всего, что писано и переписано о Наполеонѣ и Александрѣ. Эту полезную работу онъ и сдѣлалъ съ полнымъ успѣхомъ, рѣдкимъ безпристрастіемъ и знаніемъ дѣла.

Поставивъ себѣ цѣлю собрать въ одно цѣлое хоть бѣглыми штрихами все, что разбросано новаго и интереснаго въ обширномъ трудѣ г. Шальдера, какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ и прибавленіяхъ, возбуждающихъ иногда наибольшій интересъ, мы, конечно, обратимъ главное вниманіе на преобразовательныя колебанія въ первомъ періодѣ Александровской эпохи, а относительно политическихъ колебаній того времени скажемъ лишь насколько это необходимо для общей характеристики эпохи и того, кто, по словамъ поэта, «презираетъ человѣка, а человѣчество любитъ».

I.

«Мы воспріяли наследственно императорскій всероссійскій престолъ, воспріемлемъ кудно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Божѣ почившей августѣйшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великія, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да и по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ возвести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ, которыхъ чрезъ сіе призываемъ запечатлѣть вѣрность ихъ къ намъ присягой передъ лицомъ всевидящаго Бога, прося Его, да подастъ Онъ намъ силы къ снесенію бремени, нынѣ на насъ лежащаго».

Вотъ что говорилось въ манифестѣ о вступленіи на престолъ Александра I, и, читая эти слова, написанныя Дмитріемъ Прокофьевичемъ Трошинскимъ, однимъ изъ дѣятелей Екатерининской эпохи, который былъ удаленъ при Павлѣ и немедленно вызванъ Александромъ въ Зимній дворецъ по смерти отца, — вся Россія вдохнула свободно. Не только прекратилась мрачная година, которую одинъ изъ современниковъ, графъ Завадовскій, мѣтко назвалъ «вадами Иоанна Грознаго», но, по словамъ Вигеля, «воскресла изъ гроба Екатерина въ прекрасномъ юношѣ». «Всѣ умы и сердца успокоились, — пишетъ А. Шишковъ: — восторгъ былъ всеобщій, искренній и даже выходилъ изъ предѣловъ благопристойности; общество какъ бы возрождалось къ новой жизни, очнувшись отъ терроризма человѣка, который четыре года, не вѣдая что творить, мучилъ Богомъ вѣренное ему царство». Всѣ ликовали, всѣ радовались, всѣ обнимались даже на улицахъ, какъ въ день свѣтлаго воскресенія, всѣ другъ друга поздравляли, словно, замѣчаетъ Л. Энгельгардтъ, бывшій тогда въ Нижнемъ-Новгородѣ: «Россія была угрожаема нашествіемъ

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій въ 1806 году.

Съ портрета, писаннаго въ 1806 г. Ивановымъ.

варваровъ и освободилась». И никто не вспоминалъ о страшномъ кошмарѣ, отъ котораго только что всѣ очнулись, никто не говорилъ ни слова о прошедшемъ, чтобъ не омрачить сердечной радости, а всѣ думали лишь о свѣтломъ настоящемъ, объ еще болѣе свѣтломъ будущемъ.

Только самъ Александръ былъ мраченъ, печаленъ и походилъ, по выраженію г. Шильдера, «на человѣка, растерзаннаго ударомъ рока».

Событіе 12-го марта такъ потрясло его, что, по словамъ императрицы Елисаветы Алексѣевны въ письмѣ къ ея матери, маркиграфинѣ Ваденской, «его чувствительная душа навсегда останется растерзанной». Онъ самъ впоследствии говорилъ графинѣ Едлингъ, что долженъ былъ тогда скрывать свои чувства отъ окружающихъ, но «нерѣдко запирался въ отдаленномъ покоѣ и тамъ, предаваясь скорби, выпускалъ глухіе стоны, сопровождаемые потоками слезъ». Когда, спустя четыре мѣсяца, вернулся въ Петербургъ, князь Адамъ Чарторижскій, вызванный Александромъ изъ Италіи, то первыми словами его царственнаго друга были: «Еслибъ вы находились здѣсь, то ничего бы не случилось; имѣя васъ при себѣ, я никогда не поддаюсь бы». Въ отвѣтъ на утѣшенія Чарторижскаго онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, этому не поможешь. Я долженъ страдать. Какъ хотите вы, чтобъ я пересталъ страдать? Это невозможно». И тотъ же Чарторижскій, описывая коронаціонныя празднества въ концѣ этого года, указываетъ, что они только усилили печаль Александра, и на него находили минуты упадка силъ, когда боялись за него. «Я тщетно старался, — прибавляетъ Чарторижскій, — ослабить его самоукоры; гложущій червь остался въ немъ на вѣки». По словамъ императрицы Елисаветы, «только мысль о возвращеніи своему отечеству утраченнаго благосостоянія могла поддержать его; ничто другое не могло придать ему твердости». «Дѣйствительно, Александръ, — говоритъ г. Шильдеръ, — уповалъ, что онъ сдѣлаетъ Россію счастливою, что онъ отдастъ ей лучшіе годы, лучшія силы, замолитъ грѣхъ, совершенный чужими руками, а вѣтъ, благословляемый народомъ, исполнитъ завѣтныя мечты, сойдетъ съ выпавшаго на его долю блестящаго поприща и разстанется съ царскимъ вѣнцомъ, который сдѣлался для него источникомъ скорби и сожалѣнія».

Въ такомъ настроеніи приступилъ къ тяжелому дѣлу управленія государствомъ, всѣ отросли котораго были приведены въ неописанный безпорядокъ за истекшее четырехлѣтіе, «воспитанникъ Лагарпа, другъ просвѣщенія и свободы». Первымъ его шагомъ было освобожденіе изъ заточенія и возвращеніе изъ ссылки невинныхъ жертвъ павловскаго времени, и въ первые десять дней его царствованія было помиловано 482 человекъ; Петропавловская крѣпость опустѣла, и на дверяхъ одного изъ ея казематовъ появилась надпись: «Свободенъ отъ постоя». Когда же узналъ объ этомъ Александръ, то онъ, говорятъ, сказалъ: «желательно, чтобъ навсегда». вмѣстѣ съ тѣмъ массы военныхъ и гражданскихъ чиновъ, выключенныхъ изъ службы и лишенныхъ правъ, были возвращены на службу, или получили прежнія права; по свидѣтельству А. Стурдзы, такихъ лицъ оказалось болѣе 12.000. Общія мѣропріятія первыхъ трехъ мѣсяцевъ александровской эпохи отличались тѣмъ же гуманнымъ, освободительнымъ характеромъ. Укажемъ на главнѣйшія изъ нихъ: была уничтожена тайная канцелярія, такъ какъ, по словамъ

высочайшаго манифеста, «всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общей силой закона»; облегчена участь преступниковъ и сложены казенныя взысканія до 1.000 рублей; восстановлены жалованныя дворянству и городамъ грамоты, а также городское положеніе; снято запрещеніе съ вывоза за границу россійскихъ произведеній и привоза въ Россію разнаго иностраннаго товара; допущенъ свободный пропускъ лицъ, ѣдущихъ въ Россію и отъѣзжающихъ за границу; отмѣнено запрещеніе ввоза изъ-за границы книгъ и нотъ, а закрытымъ типографіямъ разрѣшено вновь печатать книги и журналы; повелѣно ни отъ кого не принимать о припечатаніи въ вѣдомостяхъ объявленій о продажѣ людей безъ земли, и предоставлено казеннымъ крестьянамъ пользоваться лѣсами. Первымъ административнымъ преобразованиемъ Александра была закрытіе существовавшего при дворѣ совѣта и замѣна его новымъ совѣтомъ, которому поручено пересмотрѣть законы и постановленія, а равно напечатать проекты перемѣнъ и улучшеній, но, по свидѣтельству Сперанскаго, который былъ экспедиторомъ въ канцеляріи совѣта по гражданскимъ и духовнымъ дѣламъ, «это установленіе не достигло предполагаемой цѣли» отъ бездѣйствія его членовъ, неудовлетворительнаго его состава или отъ недостатка его внутренняго устройства, а вѣроятнѣе отъ совокупности всѣхъ этихъ причинъ. Гораздо важнѣе былъ указъ сенату о представленіи доклада насчетъ его правъ и обязанностей для утвержденія оныхъ силою закона на неизбѣжномъ основаніи, какъ государственнаго закона.

Это первое гласное заявленіе о задуманныхъ Александромъ широкихъ преобразовательныхъ реформахъ сопровождалось рескриптомъ на имя графа Завадовскаго, которому было поручено управленіе комиссіей о составленіи законовъ подъ личнымъ вѣдѣніемъ государя. Въ этомъ рескриптѣ говорилось: «Поставляя въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостоенъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ на вѣки, съ самыхъ первыхъ дней царствованія моего и при первомъ обобрѣніи государственнаго управленія признать я необходимымъ удостовѣриться въ настоящей части сего положенія. Я всегда зналъ, что съ самаго уложенія до дней нашихъ, т.-е. въ теченіе почти одного вѣка съ половиной, законы, истекая изъ законодательной власти различными и часто противоположными путями и бывъ издаваемы болѣе по случаямъ, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, не могли имѣть ни связи между собою, ни единства въ ихъ намѣреніяхъ, ни постоянства въ ихъ дѣйствіи. Отсюда всеобщее смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго, мракъ, облегающій равно судью и подсудимаго, безсилье законовъ въ ихъ исполненіи и удобность перемѣнять ихъ по первому движенію прихоти, или самовластія». Насколько Александръ тогда

искренно стремился водворить законъ и справедливость вмѣсто прихоти и самовластия, доказываетъ его письмо отъ 7-го августа 1801 г. къ княгинѣ М. Г. Голицыной, просившей остановить взысканіе долговъ ея мужа. «Коль скоро я дозволю себѣ нарушить законы,—писалъ онъ:—то кто тогда почтетъ за обязанность наблюдать ихъ? Быть выше ихъ, если бы я могъ, но, конечно, не захотѣлъ бы, ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала; напротивъ, я чувствую себя обязаннымъ первѣе всѣхъ наблюдать за исполненіемъ его и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, а я могу быть только правосуднымъ». Такимъ образомъ и теоретически и практически Александръ ставилъ себѣ цѣлью, по словамъ его современника Шторха, «приближеніе къ законно-монархической формѣ правленія», и женевецъ Дюмонъ, другъ Мирабо и ученикъ Бентама, посѣтившій Россію въ 1802 году, былъ такъ пораженъ искренностью преобразовательной дѣятельности юнаго монарха, что писалъ: «это не одни фейерверки, не газетныя слова, и если въ чемъ есть недостатокъ, то въ исполнителяхъ, чтобъ выполнить то добро, которое хотять сдѣлать; люди должны быть откопаны или созданы, а въ этомъ главная трудность».

Дѣйствительно, многіе изъ окружавшихъ Александра государственныхъ людей относились враждебно къ задуманнымъ имъ реформамъ: это были представители такъ называемой старой партіи, состоявшей изъ равношерстныхъ элементовъ, и въ которую входили и всемогущій Павловскій временщикъ, графъ Паленъ, прозванный «ливонскимъ великимъ визиремъ», и вызванный ко двору, опальный при Павлѣ, графъ Н. П. Панинъ, и возвращенные къ власти Екатерининскіе дѣятели: Трощинскій, Беклешевъ, Завадовскій, гр. А. Р. Воронцовъ. Но молодой государь, хотя и принужденъ былъ въ первые мѣсяцы своего царствованія по силѣ обстоятельствъ терпѣть присутствіе этихъ лицъ въ высшемъ управленіи, но мало-по-малу при первой возможности онъ освобождался отъ нихъ, и прежде всего подвергся опалѣ Паленъ, а затѣмъ подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья былъ удаленъ отъ дѣлъ Панинъ, политическіе взгляды котораго совершенно расходились съ намѣреніями Александра, и который позволилъ себѣ въ письмѣ къ Воронцову, доведенномъ до свѣдѣнія императора, сказать, что не ожидаетъ ничего хорошаго отъ государя, какъ молодаго человѣка легкомысленнаго, любящаго танцы и болѣе заботящагося нравиться женщинамъ, чѣмъ вникать въ государственныя дѣла. Естественно, что содѣйствія и помощи въ своихъ смѣлыхъ начинаніяхъ державный реформаторъ искалъ въ молодой партіи, къ которой принадлежали друзья его юности: Чарторижскій, Кочубей, гр. П. А. Строгоновъ и Новосильцевъ, быстро овладѣвавшій его довѣріемъ Сперанскій и такіе неожиданные сторонники его преобразованій,

какъ, напригѣръ, В. Н. Каразинъ. Этотъ пламенный юноша написалъ государю анонимное письмо наканунѣ похоронъ Павла и высказалъ въ немъ такія мысли, которыя вполнѣ соответствовали задушевнымъ планамъ Александра. Между прочимъ, онъ прямо писалъ, что молодой государь, конечно, не «пожертвуетъ созданному

Николай Николаевичъ Новосильцовъ.

Съ портрета, находящагося въ Академіи Наукъ.

для душъ обыкновенныхъ самовластью надеждою народовъ и безсмертной славой, а раскроетъ напоследокъ великую ту книгу судьбы нашей и потомковъ нашихъ, которую лишь указалъ перстъ Екатерины, дать намъ непреложные законы, клятвою многочисленныхъ племенъ своихъ подданныхъ утвердить онъ ихъ въ роды родовъ и скажетъ Россіи: се предѣлъ самодержавія моего и моихъ наслѣд-

«истор. вѣстн.», октябрь, 1897 г., т. LXX.

20

никовъ, нерушимый во вѣки». Прочитавъ это письмо, Александръ пришелъ въ восторгъ, приказалъ розыскать его неизвѣстнаго автора, и когда ему представили молодого Каразина, служившаго въ канцеляріи Трошинскаго, то государь обнялъ его и сказалъ: «Дай мнѣ поблагодарить тебя за твои благія пожеланія мнѣ и чувства истиннаго сына отечества. Продолжай всегда такъ чувствовать и дѣйствовать сообразно съ этими чувствами. Продолжай всегда говорить мнѣ правду. Я желалъ бы имѣть побольше такихъ подданныхъ».

Что масса этихъ подданныхъ раздѣляла чувства Каразина къ молодому государю, котораго онъ называлъ въ своемъ любопытномъ письмѣ, напечатанномъ въ приложеніи къ книгѣ г. Шильдера, «любомцемъ народа» и «гениемъ-благотворителемъ любовной родины», Александръ могъ вполне убѣдиться въ Москвѣ во время своей коронаціи, въ сентябрѣ того же года. Общая радость была написана на всѣхъ лицахъ; несмѣтныя толпы восторженно окружали его на улицахъ, гдѣ онъ показывался часто одинъ, и, по образному выраженію очевидца Вигеля, «народъ прижималъ его къ своему сердцу такъ сильно и осторожно, какъ страстная мать прижимаетъ въ объятіяхъ младенца своего, называя его и батюшкой, и родимымъ, и краснымъ солнышкомъ, и всѣмъ, что въ простомъ родномъ языкѣ есть нѣжно-выразительнаго». Въ среднихъ и высшихъ классахъ царили тѣ же восторги, а что причиной ихъ были не только, сводившія всѣхъ съ ума, внѣшняя красота и привѣтливость юнаго государя, не только, какъ увѣряли злые языки въ родѣ Рунича, дозволеніе снова подражать западной модѣ и носить запрещенныя при Павлѣ круглыя шляпы, фраки, панталоны, жилеты, большіе галстуки и т. д., а надежды на свѣтлое будущее,—можно убѣдиться по характерному разсказу Бутенева въ его воспоминаніяхъ о молодомъ преображенскомъ офицерѣ, который среди общихъ похвалъ, расточаемыхъ Александру, и общаго восхищенія по поводу коронаціонныхъ торжествъ сказалъ: «для полноты дѣла недоставало одного; молодому государю на пути въ соборъ для воспріятія царскаго вѣнца, слѣдовало бы обратиться къ собравшимся зрителямъ и спросить ихъ, желаетъ ли русскій народъ имѣть его своимъ государемъ; это было бы тѣмъ легче сдѣлать, что въ отвѣтъ не могло быть сомнѣнія». Поэтому вполне правъ С. Ковалевскій, говоря въ своей книгѣ: «Графъ Плудовъ и его время», что на московскихъ празднествахъ каждый, радостно смотря на государя, мысленно ободрялъ его: «Смѣлѣе, смѣлѣе! Вѣрь, что господство дикой власти мнѣе надежно, чѣмъ господство разума, что проявленіе благотворнаго добра въ нравственной жизни народа такъ же необходимо, какъ проявленіе солнечной теплоты въ царствѣ растительности. Смѣлѣе, смѣлѣе, Богъ милостивъ, мы съ тобой!».

И Александръ смѣло шелъ впередъ. Среди обычныхъ корона-

ціонныхъ милостей обратили на себя вниманіе три рѣшительные на избранномъ пути шага, которые подтвердили слова высочайшаго манифеста, что сдѣланными уже постановленіями къ общему благу «не достигнуто еще совершенно великаго нашего предустановленія». Прежде всего Александръ никому не пожаловалъ крестьянъ, какъ это дѣлалось прежде, а одному сановнику, прямо про-

Князь Адамъ Чарторижскій.

Съ гравированнаго портрета начала нынѣшняго столѣтія.

сившему о дарованіи ему помѣстья, онъ многозначительно сказалъ: «Большая часть крестьянъ въ Россіи рабы; считаю лишнимъ распространяться объ униженіи чловѣчества и о несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ и потому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность». Потомъ уничтожены пытки, которыя слѣдовало, по словамъ указа сенату, «какъ укорязну и стыдъ чловѣчеству ивгладить изъ па-
20*

мяти народной», и учреждена комиссія для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ политическаго свойства, съ цѣлью облегчить судьбу страждущаго человѣчества безъ нарушенія закона. Что уваженіе закона лежало въ основѣ всѣхъ начинаній Александра, лучше всего выражалось медалью, выбитой по случаю коронаціи: на одной сторонѣ ея былъ портретъ императора, а на другой колонна съ надписью: «законъ», съ короной на верху и надписью вокругъ: «за-логъ блаженства всѣхъ и cadaго».

Повидимому, молодой государь не хотѣлъ удовольствоваться этими доказательствами своихъ преобразовательныхъ стремленій, и былъ составленъ проектъ «всемиловѣйшей грамоты, русскому народу жалуемой». По неизвѣстнымъ причинамъ эта грамота не была подписана и не увидала свѣта, по она подвергалась долгому обсужденію самого Александра и его друзей юности: Кочубея, Новосильцева, Чарторижскаго и графа П. А. Строганова, составившихъ по его желанію особый негласный, келейный совѣтъ, прозванный имъ въ шутку «комитетомъ общественной безопасности», а потому заслуживающій полнаго вниманія, какъ знаменіе времени. Хотя, по словамъ г. Шильдера, трудно рѣшить, кто составилъ проектъ грамоты, но въ запискахъ графа П. А. Строганова о засѣданіяхъ негласнаго комитета этотъ проектъ прямо называется воронцовскимъ, а по имѣющимся на немъ поправкамъ, сдѣланнымъ рукою Сперанскаго, можно заключить, что и онъ принималъ въ немъ участіе. Такимъ образомъ это было чѣмъ-то въ родѣ компромисса между молодой партіей и старой, къ которой принадлежалъ графъ А. Р. Воронцовъ, пропитанный англійскими идеями и екатериненской политикой, а потому, вѣроятно, онъ и не осуществился.

Грамота начиналась съ заявленія, что въ основѣ управленія должны лежать законы, такъ какъ «не народы сдѣланы для государей, а сами государи промысломъ Божиимъ устанавлены для пользы и благополучія народовъ, подъ державою ихъ живущихъ», а потому государь обѣщалъ императорскимъ своимъ словомъ за себя и преемниковъ, что кореннымъ закономъ будутъ упомянутыя въ слѣдъ затѣмъ 26 статей. Въ числѣ этихъ статей первыя подтверждали и возстановляли дворянскую грамоту и городовое положеніе, право свободнаго выѣзда за границу, общія права собственности, личную безопасность и какъ гражданскую, такъ и уголовную давность, уничтоженіе конфискаціи, переходъ имѣнія наказанныхъ гражданской смертію къ законнымъ наследникамъ, обращеніе всякихъ исковъ сначала къ имѣнію, а потомъ къ лицу и право послѣдняго владѣльца въ родѣ свободно располагать своимъ имѣніемъ. Затѣмъ, по словамъ г. Шильдера, шли новыя постановленія: 1) что обвиняемый въ преступленіи, пока онъ не объявленъ по законному приговору виновнымъ, долженъ сохранять неприкосновенно всѣ свои права; 2) что каждому подсудимому дозволяется

избрать себѣ защитника и, сверхъ того, въ дѣлахъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, отвергнуть по законнымъ причинамъ своихъ судей; 3) что тотъ, кто, бывъ задержанъ въ теченіе трехъ сутокъ, не былъ представленъ въ судъ для допроса, можетъ требовать отъ ближайшаго начальства немедленнаго освобожденія; 4) что наказанія за оскорбленіе величества должны быть прилагаемы къ однимъ

Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей.

Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу.

только прямымъ дѣяніямъ, но отнюдь не къ словамъ и сочиненіямъ; 5) что никто не можетъ быть вторично потребованъ къ суду за такое преступленіе, за которое уже былъ однажды судомъ оправданъ; 6) что казна по тяжбамъ съ частными лицами подчиняется въ порядкѣ судопроизводства совершенно одинаковымъ съ послѣдними правилами; 7) что впредь никакія подати и налоги не могутъ быть учреждены иначе, какъ по именному указу, обнародованному

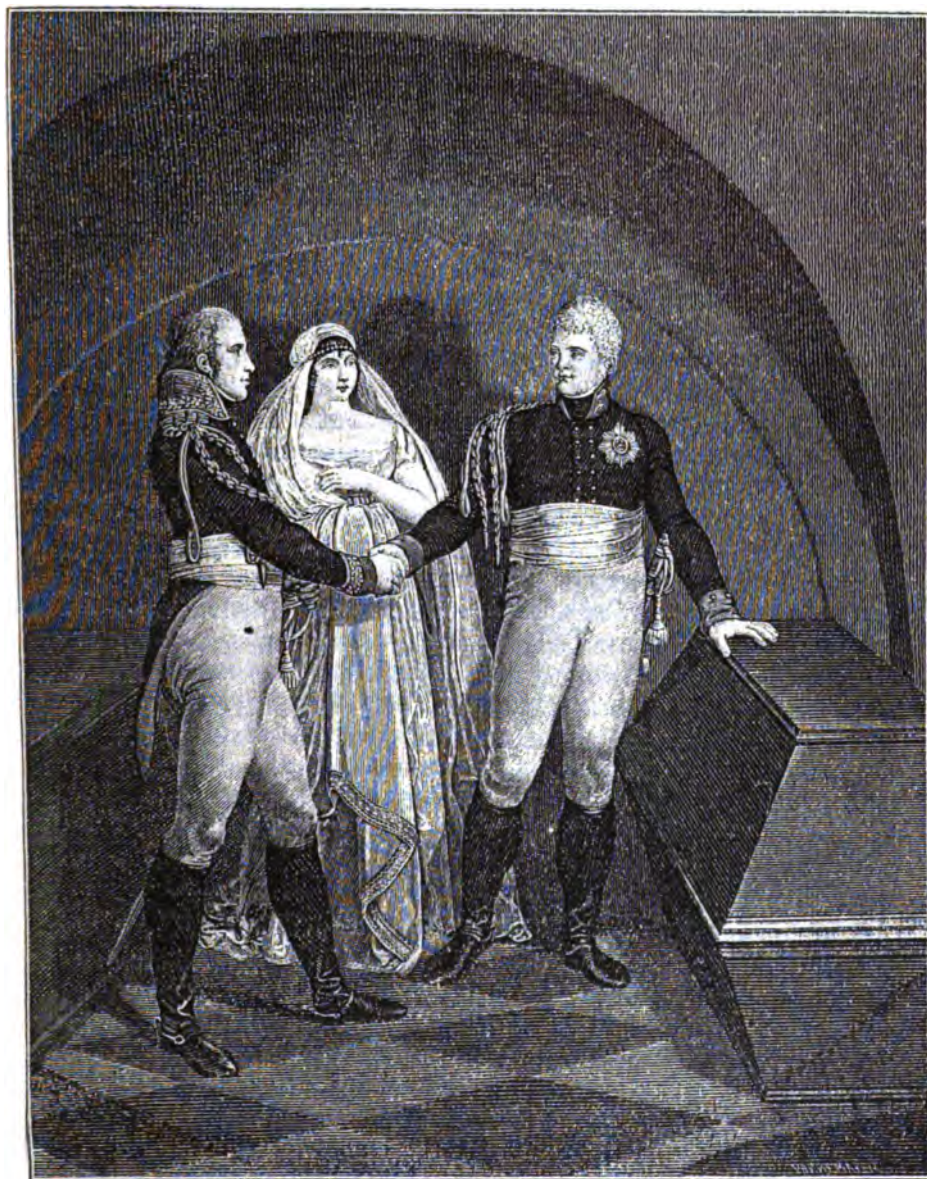
черезъ сенатъ. Наконецъ, правительство обѣщало усовершенствованіе вообще законовъ, покровительство торговлѣ, устройство удобныхъ путей сообщенія, свободу вѣры, мысли, слова, письма, дѣянія, поколику они законамъ государственнымъ не противны, усовершеніе правила о томъ, что всякъ судится не иначе, какъ равными себѣ. При обсужденіи проекта грамоты въ негласномъ комитетѣ нѣкоторыя его статьи, въ особенности касавшіяся дворянства, крестьянъ, и примѣненіе къ Россіи англійскаго «Habeascorpus» подверглись критикѣ между прочимъ со стороны самого государя, и наконецъ было рѣшено возвратить проектъ Воронцову для переработки его согласно замѣчаніямъ членовъ комитета. Что случилось послѣ съ этой попыткой привить Россіи чувство законности,—неизвѣстно, и она канула въ воду; вѣроятно, въ этомъ фіаско грамоты русскому народу играло не малую роль неблаговоленіе Александра къ ея автору. По крайней мѣрѣ Строгановъ прямо говоритъ, что на замѣчаніе въ комитетѣ Чарторижскаго о желательности болѣе частыхъ свиданій и совѣщаній государя съ Воронцовымъ, который хотя и старъ, но не держится старыхъ предразсудковъ и высказываетъ новыя идеи, Александръ возразилъ, что «онъ съ нимъ видается, но что хотя Воронцовъ кажется свободнымъ отъ старыхъ предразсудковъ, однако упорно держится своихъ идей, однимъ словомъ, что онъ не имѣетъ о графѣ Воронцовѣ того понятія, какого отъ него желаютъ». Поэтому г. Шильдеръ имѣетъ полное право сказать, что «Александръ питалъ непреодолимое отвращеніе къ Воронцову; все было ему антипатично къ старикѣ: устарѣлыя приемы, звукъ голоса, протяжный и гнусливый, привычныя тѣлодвиженія, и когда онъ въ 1804 году удалился отъ дѣлъ по болѣзни, то государь, по замѣчанію очевидца, радовался, какъ ребенокъ».

Если негласный комитетъ съ императоромъ во главѣ забраковалъ проектъ Воронцова, то онъ энергично трудился надъ выработкой общей системы реформъ. При восшествіи на престолъ Александра, при немъ находился изъ четырехъ друзей его юности только графъ П. А. Строгановъ, и ему первому онъ сообщилъ свои мысли о преобразованіяхъ. «Первая бесѣда между ними,—рассказываетъ г. Шильдеръ,—происходила 23-го апрѣля 1801 года, и графъ Строгановъ высказалъ мнѣніе, что сперва надлежитъ устроить внутреннее управленіе, а потомъ уже приступить къ разработкѣ, собственно говоря, конституціи, и что она должна проистекать изъ сдѣланныхъ предварительно преобразованій. Императоръ съ этимъ вполне согласился, прибавивъ, что главнымъ основаніемъ предстоящей работы должно служить опредѣленіе правъ гражданина. Строгановъ на это замѣтилъ, что, по его мнѣнію, всѣ эти права заключались въ обезпеченіи имущества и въ неограниченной свободѣ каждаго дѣлать все, что не можетъ быть вредно для прочихъ. Императоръ сказалъ, что къ этому нужно присовокупить одно условіе, чтобы открытъ былъ

свободный путь заслугамъ. Изъ этого перваго разговора Строгановъ вынесъ, однако, впечатлѣннѣе нѣкоторой туманности или неопредѣленности мнѣній государя относительно исполненія предстоявшаго государственнаго преобразованія. Подобное же мнѣніе высказать Строганову нѣсколько позднѣе и Кочубей, который былъ пораженъ тѣмъ, что въ проектахъ императора недоставало порядка, и что онъ еще не составилъ себѣ никакого плана, а, такъ сказать, стучался во всѣ двери, не очень увѣренный въ томъ, чего хотѣлъ». Чтобъ перейти съ почвы бесѣды къ дѣлу, Строгановъ предложилъ государю образовать тайный, негласный совѣтъ и такимъ образомъ, при возвращеніи въ Петербургъ изъ-за границы Чарторижскаго, Новосильцева и Кочубея возникъ знаменитый комитетъ общественной безопасности. Однако его засѣданія начались только послѣ удаленія отъ дѣлъ графа Палена, а до тѣхъ поръ происходили лишь постоянныя совѣщанія между этими лицами и государемъ о работахъ комитета для осуществленія задуманныхъ реформъ. Всѣ разсужденія по этому поводу записаны Строгановымъ на французскомъ языкѣ и впервые напечатаны въ подлинникѣ г. Шильдеромъ въ приложеніяхъ ко второму тому «Императоръ Александръ I». Нечего и говорить о томъ, какое важное значеніе для характеристики перваго періода Александровской эпохи имѣетъ этотъ драгоценный историческій матеріалъ, и остается только пожалѣть, что г. Шильдеръ не могъ напечатать также и записокъ, веденныхъ Строгановымъ день за днемъ о засѣданіяхъ самого комитета. Но по объясненію почтеннаго автора, какъ ни важно ознакомиться съ французскимъ подлинникомъ записокъ графа Строганова о негласномъ комитетѣ во всемъ его объемѣ, ему удалось сдѣлать это, къ сожалѣнію, лишь относительно той части записокъ, которая касается совѣщаній, предшествовавшихъ открытію комитета. Изъ разсказовъ же Строганова о засѣданіяхъ новаго комитета были сдѣланы только извлеченія въ русскомъ переводѣ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1856 г. и въ сочиненіи Богдановича объ императорѣ Александрѣ I. Какъ ни скудны послѣдніе источники, но все-таки можно вывести изъ нихъ совмѣстно съ обнародованнымъ матеріаломъ въ книгѣ г. Шильдера общую характеристику цѣлей и работъ комитета. Согласно уже указаннымъ задачамъ, комитетъ раздѣлилъ свою работу «на три части: 1) изученіе дѣйствительнаго состоянія государства въ тогдашнемъ его видѣ; 2) введеніе затѣмъ административныхъ реформъ по различнымъ частямъ управленія и, наконецъ, 3) увѣнчаніе всѣхъ этихъ преобразованій конституціей, которая ругалась бы за прочность административныхъ реформъ». Порядокъ занятій комитета состоялъ въ томъ, что послѣ обѣда за царскимъ столомъ негласные совѣтники Александра тайно удалялись въ небольшую туалетную комнату, смежную съ внутренними императорскими покоями, и тамъ въ присутствіи и при участіи государя происходили горячія пренія о реформахъ, долженствовавшихъ по выраже-

нію самого императора, «обуздать деспотизмъ правительства». Всѣ члены комитета выказывали одинаковую энергію, но Строгановъ, Новосильцовъ и Чарторижскій составляли между собою такой тѣсный союзъ, что ихъ называли триумвиратомъ. При этомъ, если вѣрить мемуарамъ Чарторижскаго: Строгановъ былъ самый пылкій, Новосильцовъ—самый разсудительный, Кочубей—самый осторожный, а онъ, Чарторижскій,—самый безкорыстный, старавшійся всегда успокоить чрезмѣрное нетерпѣніе. Что касается до Александра, то онъ выслушивалъ всѣ мнѣнія, обдумывалъ ихъ, взвѣшивалъ и рѣдко высказывалъ свои заключенія. Строгановъ замѣчаетъ, что хотя императоръ иногда возражалъ неосновательно, но съ нимъ было неудобно спорить, такъ какъ онъ тогда упрямялся, а лучше было отлагать доводы до другого, болѣе удобнаго случая, когда упорство его проходило, и онъ спокойно выслушивалъ возраженія. Былъ еще одинъ членъ этого негласнаго комитета, Лагарпъ, явившійся въ Петербургъ, чтобы поздравить своего ученика съ восшествіемъ на престолъ, но онъ лично не участвовалъ въ его засѣданіяхъ, хотя тамъ постоянно ожидалъ его пустой стулъ, и только передавалъ въ комитетъ черезъ императора подробныя записки о вопросахъ, подлежащихъ обсужденію. Замѣчательно, что въ этихъ запискахъ и разговорахъ съ императоромъ, Лагарпъ уже не являлся прежнимъ якобинцемъ, а напротивъ предостерегалъ своего ученика отъ либеральныхъ увлеченій, совѣтовалъ охранять твердую, непоколебимую власть и указывалъ на примѣръ Пруссіи, которая будто бы мудро соединяла абсолютизмъ съ законностью и порядкомъ.

Первымъ практическимъ результатомъ реформаціонной дѣятельности негласнаго комитета было учрежденіе министерствъ въ 1802 году. Эта мѣра вполнѣ соответствовала программѣ комитетской работы, которая поставила во главѣ реформы преобразование администраціи. Въ манифестѣ по этому поводу опредѣлялись лишь въ общихъ чертахъ отношенія министерства къ верховной власти, къ совѣту, къ сенату и между собой. Всѣхъ министерствъ было сначала учреждено восемь: военное, морское, иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, коммерціи и народнаго просвѣщенія. Для совмѣстнаго обсужденія общихъ государственныхъ дѣлъ былъ установленъ комитетъ министровъ, а сенату былъ порученъ верховный надзоръ надъ министрами, которые представляли ему ежегодно свои отчеты. Что же касается до прежнихъ коллегій, то онѣ вошли въ составъ министерствъ, въ видѣ департаментовъ, а совѣтъ, или, какъ онъ назывался съ начала царствованія Александра, непремѣнный совѣтъ, хотя и существовалъ до 1810 года, но мало-по-малу потерялъ всякое значеніе и совершенно ступовался передъ министерскою властью. Во главѣ министерствъ, какъ и слѣдовало ожидать, были поставлены отчасти представители старой партіи и отчасти молодой: такъ министромъ иностранныхъ дѣлъ

Клятва въ вѣчной дружбѣ императора Александра и короля Вильгельма III
у гроба Фридриха Великаго.

Гравюра Мейера съ картины Кателли.

былъ назначенъ графъ А. Р. Воронцовъ, но товарищемъ его князь А. Чарторижскій; министромъ внутреннихъ дѣлъ—Кочубей, а товарищемъ—графъ П. А. Строгановъ. Такимъ образомъ всѣ члены негласнаго комитета вошли въ министерскую комбинацію, за исключеніемъ Новосильцева, который также, спустя годъ, былъ сдѣланъ товарищемъ министра юстиціи, при замѣнѣ первого главы этого министерства Державина княземъ Лопухинымъ. Сначала Александръ былъ очень доволенъ этимъ нововведеніемъ и писалъ Лагарпу 26-го октября 1802 года: «министерство образовано и идетъ довольно хорошо уже болѣе мѣсяца; дѣла отъ этого приобрѣли болѣе ясности и методичности, и я знаю тотчасъ, съ кого требовать, если что нибудь идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ». Тому же Лагарпу государь откровенно объяснилъ, что графъ Завадовскій былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія только для того, чтобъ онъ не имѣлъ возможности кричать объ устраниніи отъ дѣлъ, а его значеніе ничтожно. По всей вѣроятности, графъ А. Р. Воронцовъ и Державинъ были обязаны своими портфелями такимъ же соображеніямъ, и при первомъ удобномъ случаѣ были удалены. Но если Александръ былъ доволенъ образованіемъ министерствъ, то нельзя сказать того же о большинствѣ старыхъ государственныхъ дѣятелей, которые сожалѣли объ исчезновеніи стараго коллегіальнаго порядка и считали министерства пагубной ватѣей молодежи, окружающій юнаго государя. «Конечно, замѣчаетъ Шильдеръ, нельзя отрицать, что первое образованіе министерствъ, даже если смотрѣть на него безъ предубѣжденія въ пользу прежняго совѣщательнаго порядка, было произведеніемъ мало обдуманномъ, не зрѣлымъ, не соглашеннымъ ни съ образованіемъ учрежденнаго ранѣе непремѣннаго совѣта, ни съ правами и властію сената и коллегій, еще остававшихся на первое время въ прежнемъ своемъ составѣ и дѣйствіи».

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ министерствъ были расширены права сената, которому подчинены всѣ присутственныя мѣста и власть котораго ограничена единственною властію императорскаго величества. Въ числѣ правъ и обязанностей сената, перечисленныхъ въ указѣ, данномъ по этому случаю, была внесена статья, позволявшая сенату представлять государю о такихъ указахъ, которые въ исполненіи сопряжены съ великими неудобствами, или несогласны съ прочими узаконеніями, или же не ясны, но когда по такому представленію не будетъ учинено перемѣны, то указъ остается въ своей силѣ. Эта статья, повидимому, очень скромная въ сравненіи съ широкими задуманными Александромъ преобразованіями, повела, однако, къ первому колебанію его двойственной природы на почвѣ реформъ. Въ началѣ 1803 года, одинъ изъ сенаторовъ, графъ Северинъ Потоцкій, предложилъ своимъ товарищамъ воспользоваться даннымъ имъ правомъ и войти къ императору со всеподданнѣйшимъ докладомъ о новомъ разсмотрѣніи высочайшаго указа по докладу военнаго ми-

нистра, прошедшаго чрезъ общее собраніе сената безъ всякихъ замѣчаній, объ обязательномъ двѣнадцати-лѣтнемъ срокѣ службы дворянъ унтеръ-офицерскаго званія, не дослужившихся до оберъ-офицерскаго чина, что, по мнѣнію графа Потоцкаго, было нарушеніемъ правъ дворянства. Державинъ испугался и, прежде чѣмъ докладывать сенату записку Потоцкаго, доложилъ объ этомъ государю, спрашивая, что ему дѣлать: вносить ли въ сенатъ или нѣтъ? Александръ отвѣчалъ рѣзко: «что-жь, мнѣ не запретить мыслить, кто какъ хочетъ? Пусть его подаетъ, и сенатъ разсудитъ». На замѣчаніе же Державина, что подобный прецедентъ можетъ быть вреденъ, императоръ прибавилъ: «сенатъ это и разсудитъ. Прикажете доложить». Въ сенатѣ произошло бурное засѣданіе, и большинство высказалось за предложеніе графа Потоцкаго. Узнавъ объ этомъ, Александръ пришелъ въ негодованіе и сказалъ: «я имъ дамъ себя знаты!» Но все-таки онъ дозволилъ явиться къ нему депутаціи сената для объясненія этого дѣла, на основаніи даннаго сенату права, молча выслушавъ прочитанныя представителями большинства, графомъ А. С. Строгановымъ и Трощинскимъ, бумаги по дѣлу и, сухо сказавъ, что онъ дастъ указъ, откланялся. Этотъ указъ былъ составленъ въ самой рѣзкой формѣ и въ сущности ставилъ на видъ сенату, что онъ вмѣшался не въ свое дѣло. Конечно, этотъ выговоръ былъ прикрытъ пышными фразами въ честь сената и дворянства, но прямо указывалось, что сенатъ не имѣлъ основанія входить къ государю съ представленіемъ по данному вопросу, такъ какъ предоставленное ему право касалось старыхъ указовъ, а не новыхъ.

Такимъ образомъ при первомъ столкновеніи съ логическимъ результатомъ своихъ реформъ, Александръ возсталъ противъ своего же собственнаго плана ограничить правительственный произволь. Князь Чарторижскій, печально слѣдившій за этимъ первымъ колебаніемъ своего державнаго друга въ дѣлѣ преобразованій, говоритъ въ своихъ мемуарахъ по означенному случаю: «великіе помыслы объ общемъ благѣ, великодушныя чувства, желаніе принести имъ въ жертву собственныя удобства и часть своей власти, отказаться наконецъ отъ неограниченнаго могущества, дабы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить въ будущемъ счастье людей, подчиненныхъ его волѣ,—все это нѣкогда занимало императора, все это продолжало занимать его и теперь, но это былъ юношескій порывъ, а не твердое рѣшеніе вѣлаго человѣка. Императоръ любилъ наружныя формы свободы, подобно тому, какъ увлекаются вѣллицемъ. Ему нравился призракъ свободнаго правительства, и онъ хвастался имъ; но онъ домогался однихъ формъ и наружнаго вида, не допуская обращенія ихъ въ дѣйствительность. Однимъ словомъ, онъ охотно даровалъ бы свободу всему міру при томъ условіи, чтобы всѣ добровольно подчинялись исключительно его волѣ». Еще характеристичнѣе отзывается

объ этомъ печальномъ фактѣ Вигель. «Родившись въ Россіи и никогда дотолѣ ее не покидавшій, напитанный русскимъ воздухомъ самодержавія, Александръ любилъ свободу, какъ забаву ума; въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно русскій человѣкъ: въ жилахъ его, вмѣстѣ съ кровью, текло властолюбіе, умѣряемое только лѣтностью и безпечностью». Какъ справедливы были эти два мнѣнія, доказыается, кромѣ столкновенія съ сенатомъ, словами Александра, сказанными однажды на докладѣ Державину: «ты всегда хочешь меня учить; я самодержавный государь и такъ хочу!» Еще ранѣе, въ своихъ отношеніяхъ къ Каразину, онъ обнаружилъ также ясно свои колебанія въ либеральномъ направленіи, но этотъ фактъ не обратилъ на себя такого общаго вниманія, какъ выговоръ сенату. Дѣло было въ томъ, что молодой идеалистъ, котораго императоръ просилъ всегда говорить ему правду, сталъ буквально исполнять эту просьбу, а хитрые придворные, уже шептавшіе съ опасеніемъ, что нашелся въ Россіи маркизъ Поза, сумѣли подготовить охлажденіе къ нему государя, «отличавшагося довѣрчивымъ характеромъ и привыкшаго къ противочувствіямъ».

Совершенно естественно, что въ томъ же году, когда Александръ проявилъ такіа рѣзкія противочувствія своимъ либеральнымъ стремленіямъ прекратились засѣданія негласнаго комитета, которыя болѣе уже никогда не возобновлялись, и возвратился къ власти Аракчеевъ, заслужившій отъ современниковъ и потомства прозваніе «вреднѣйшаго человѣка въ Россіи». Извѣстно, что Александръ въ самую свѣтлую эпоху своей юности, когда онъ мечталъ со своими друзьями о самыхъ человѣчныхъ и прогрессивныхъ реформахъ, умѣлъ примирять свои либеральныя стремленія съ привязанностью къ такому человѣку, какъ Аракчеевъ, но въ первое время своего царствованія онъ не считалъ возможнымъ возвратити изъ опалы гатчинскаго капрала, одинаково ненавистнаго старой и молодой партіямъ. «Но теперь, говоритъ г. Шильдеръ, личная власть императора настолько окрѣпла, что онъ не имѣлъ болѣе причинъ отказать себѣ въ удовольствіи видѣть снова Аракчеева въ Петербургѣ, на покинутомъ имъ столь внезапно служебномъ поприщѣ». Дѣйствительно, Аракчеевъ былъ по-прежнему назначенъ инспекторомъ всей артиллеріи, и мало-помалу не только достигъ прежней силы, но сдѣлался правой рукой императора. Послѣ Тильзитскаго мира окончательно распался и персоналъ негласнаго комитета; Чарторижскій, бывшій недолго министромъ иностранныхъ дѣлъ, добровольно удалился ранѣе всѣхъ, оставшись только попечителемъ Виленскаго учебнаго округа; Кочубей уступилъ свое мѣсто князю А. Б. Куракину, Новосильцевъ былъ уволенъ за границу, а графъ П. А. Строгановъ перешелъ на военную службу генераль-адъютантомъ. Параллельно возвышался Аракчеевъ: въ 1807 году высочайшія повелѣнія, объявляемыя имъ, было предписано считать именными указами, а черезъ годъ онъ былъ

Свадчаніе императора Александра I съ Наполеономъ на Нѣманѣ въ 1807 году.

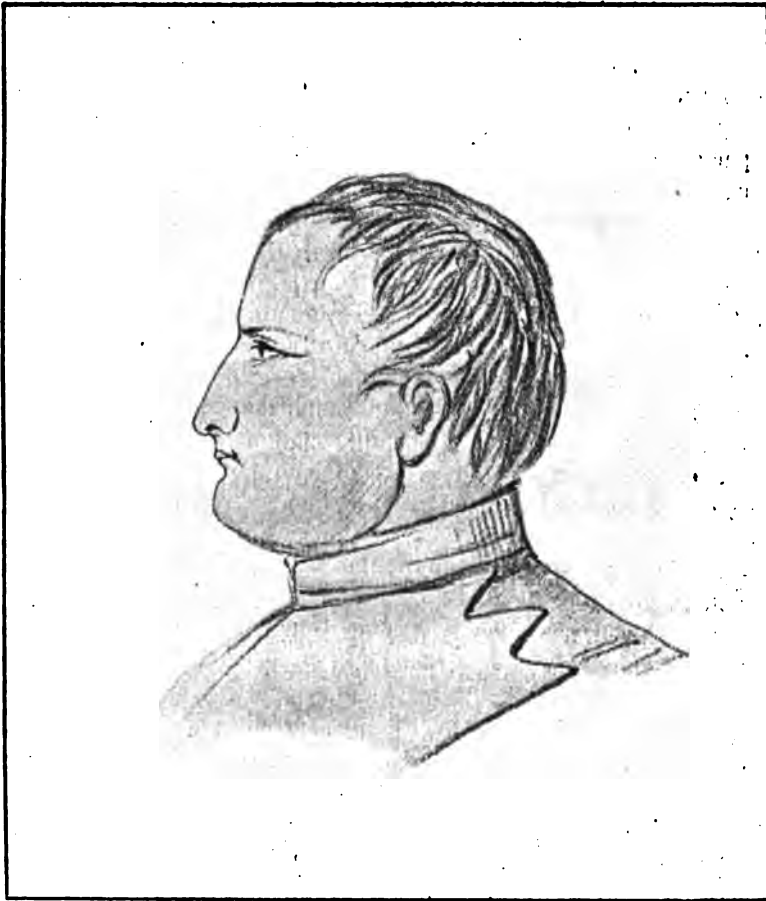
Съ гравюру Ливо, сдѣланной съ рисунка съ натуры Лорсе.

назначенъ военнымъ министромъ, причеиъ власть его была такъ расширена, что главнокомандующіе арміями должны были повиноваться его приказаніемъ. Это необыкновенное усиленіе ненавистнаго всей Россіи человѣка, въ шутку прозваннаго Силой Андреевичемъ, набрасываетъ мрачную тѣнь на преобразовательный періодъ Александровской эпохи.

Впрочемъ, преобразовательный характеръ все-таки остался отличительною чертой перваго десятилѣтія царствованія Александра, несмотря на всѣ его колебанія. Не только во времена, когда еще Кочубей стоялъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, а М. Муравьевъ, бывшій учитель Александра, какъ товарищъ министра, а Чарторижскій и Новосильцевъ, какъ попечители учебныхъ округовъ, завѣдывали министерствомъ народнаго просвѣщенія, былъ изданъ указъ о свободныхъ земледѣльцахъ, какъ названы были крестьяне, уволенные помѣщиками съ землей по обоюдному соглашенію, составленъ самый либеральный, когда либо существовавшій въ Россіи, цензурный уставъ, имѣвшій цѣлью «не стѣсненіе свободы мыслить и писать, а единственно принятіе пристойныхъ мѣръ противъ злоупотребленія оной», открыты университеты въ Казани и Харьковѣ, организованы учебные округа, выработана система высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и т. д., но даже въ эпоху удаленія другаго юности, но совершенно иного пошиба, Аракчеева, Александръ не вполне разстался съ своими возвышенными идеалами и чувствовалъ необходимость просвѣщенныхъ сотрудниковъ. Но тогда является его помощникомъ по части преобразованій Сперанскій, занимавшій должность статсъ-секретаря, а потомъ товарища министра юстиціи, но въ сущности мало-по-малу сосредоточивавшій въ своихъ рукахъ не только все законодательство, но и почти все высшее управленіе. «Благоразумный Сперанскій, по выраженію одного современника, мѣняясь съ обстоятельствами, потихоньку, непримѣтнымъ образомъ перешелъ изъ почитателей Великобританіи въ обожатели Наполеона; изъ англичанина сдѣлался французомъ, это еще болѣе приблизило его къ государю, который послѣ Тильзита сдѣлался поклонникомъ и союзникомъ Наполеона. Въ Эрфуртѣ, куда его сопровождалъ Сперанскій, онъ спросилъ у него: «Какъ нравится тебѣ заграницей?» и тотъ отвѣчалъ: «У насъ люди лучше, но здѣсь лучше учрежденія». Императоръ замѣтилъ: «Это и моя мысль. Мы еще поговоримъ съ тобой объ этомъ, когда воротимся». Плодомъ этого разговора было порученіе Сперанскому составить планъ всеобщаго государственнаго образованія».

Мысль даровать Россіи внутреннее политическое бытіе не покидала Александра при всѣхъ его колебаніяхъ и несмотря на преобладаніе въ эти годы его царствованія внѣшней политики. Несмотря на прекращеніе засѣданій негласнаго комитета, было поручено въ концѣ

1803 года барону Ризенкамфу, лифляндцу по происхожденію, окончившему образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ и служившему въ комиссіи составленія законовъ, написать проектъ конституціи. Сначала добросовѣстный баронъ отказывался отъ этого труда, ссылаясь на то, что еще не сдѣланы необходимыя подготовительныя

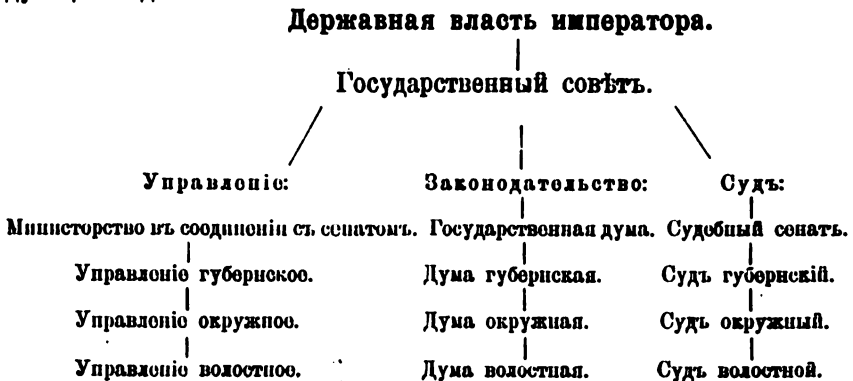
Наполеонъ въ 1808 году.

Съ портрета, нарисованнаго во время эрфуртскаго свиданія съ натуры карандашемъ адъютантомъ великаго князя Константина Павловича Килемъ.

работы по изученію тогдашняго устройства имперіи и условій ея разнородныхъ частей но когда всѣ его доводы были оставлены безъ уваженія, и ему повторено высочайшее повелѣніе, то онъ принялся за работу. Вскорѣ былъ готовъ «кадръ конституціи», но столь не полный, что, напримѣръ, объ устройствѣ крестьянъ вовсе ничего

не говорилось, а предоставлялось это коренное дѣло устроить послѣдующимъ узаконеніямъ. Кадръ Рязенкамфа былъ переданъ на разсмотрѣніе Новосильцева и Чарторижскаго, но, въ виду послѣдующихъ политическихъ событій и распадѣнія триумвирата, выработанный проектъ на этомъ основаніи былъ совершенно забытъ. Времена и настроенія перемѣнились. Явился новый законодатель Сперанскій, и его «Планъ всеобщаго государственнаго образованія» напечатанъ впервые въ пространномъ изложеніи и съ обширными извлеченіями г. Шильдеромъ въ приложеніи ко 2 тому «Императоръ Александръ Первый». Хотя Сперанскій и увѣрялъ, что его планъ не содержитъ въ себѣ ничего новаго и только далъ систематическое расположеніе идеямъ, занимавшимъ вниманіе Александра съ 1801 г., но съ перваго же взгляда на этотъ проектъ видно, какъ глубоко онъ разнился отъ идей императора Александра въ его юности и даже въ эпоху негласнаго совѣта. Правда, по словамъ Сперанскаго, «сила всѣхъ предложенныхъ преобразованій состояла въ томъ, чтобъ постановить управленіе имперіи на непремѣнномъ законѣ», но идеалы измѣнились и новый реформаторъ, въ сущности, руководствовался уже не англійскимъ самоуправленіемъ, а французской системой централизаціи, наполеоновскимъ государственнымъ совѣтомъ, его же кодексомъ и французской конституціей VIII года, а если и заимствовалъ что изъ англійской конституціи, то самую неблагоприятную ея черту—преобладаніе аристократическаго элемента.

Указавъ въ предварительныхъ къ своему плану разсужденіяхъ на ослабленіе моральной власти правительства, происходящее отъ совершенной противоположности образа мыслей того времени съ образомъ правленія, на всеобщее неудовольствіе и пресыщеніе отъ существовавшего порядка вещей, и наконецъ на невозможность частныхъ исправленій, Сперанскій считаетъ единственнымъ выходомъ постановить все управленіе на непремѣнномъ законѣ и притомъ не словами, а дѣломъ. Составленное имъ государственное уложеніе создавало государственныи порядокъ, который должно было имѣть слѣдующій видъ:

Державной власти по плану Сперанскаго принадлежит предположеніе и утвержденіе закона; въ порядкѣ исполнительномъ она и состоящій при ней государственный совѣтъ не отвѣтственны, а отвѣчаютъ за всѣ административныя дѣйствія министры; въ порядкѣ судебномъ она передаетъ всю власть по существу свободному выбору подданныхъ, а сама лишь устанавливаетъ власти, охраняющіе судебныя обряды. Законодательному сословію подлежитъ составленіе законовъ, то-есть постановленій, коими вводится перемѣна въ отношеніяхъ силъ государственныхъ между собою или въ отношеніяхъ частныхъ людей и равно всѣхъ постановленій о налогахъ и общихъ народныхъ повинностяхъ, какъ временныхъ, такъ и всегдашнихъ, о продажѣ и залогѣ государственныхъ имуществъ и о вознагражденіи частныхъ лицъ за имущества, для общей пользы необходимыя. Все прочее остается на отвѣтственности и въ распоряженіи правительства. Законодательное сословіе можетъ дѣйствовать собственнымъ починомъ только въ двухъ случаяхъ: когда правительство не представитъ въ установленное время узаконенныхъ отчетовъ и когда какой либо правительственной мѣрой нарушенъ коренной государственный законъ. Права подданныхъ раздѣлены на гражданскія, особенныя и политическія. Первые заключаются въ слѣдующемъ: 1) никто безъ суда не можетъ быть наказанъ; 2) никто не обязанъ отправлять личную службу по произволу другаго, но по закону, опредѣляющему родъ службы по состояніямъ, 3) всякій можетъ пріобрѣтать собственность движимую и недвижимую и располагать ею по закону; 4) никто не обязанъ исправлять вещественныхъ повинностей по произволу другаго, но по закону или по добровольнымъ условіямъ. Права особенныя состоятъ въ изъятіи отъ службы и въ пріобрѣтеніи населенной недвижимой собственности. Наконецъ къ правамъ политическимъ отнесены выборы и право представительства. Гражданскія права предоставлены всѣмъ тремъ сословіямъ: дворянству, среднему классу, состоящему изъ купцовъ, мѣщанъ, однодворцевъ и поселянъ, имѣющихъ недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ, и рабочему народу, къ которому причисляются всѣ помѣстные крестьяне, мастеровые, ихъ работники и домашніе слуги. Особенными правами только пользуются одни дворяне, которые, однако, должны отправлять гражданскую или военную службу не менѣе 10 лѣтъ по своему выбору. Политическія права дарованы дворянамъ и среднему сословію, но на основаніи собственности.

Вся Россія раздѣлена проектомъ Сперанскаго на губерніи, округа и волости, между которыми и распредѣлены власти: законодательная, судебная и административная. Каждые три года собираются волостныя, окружныя и губернскія думы. Первые состоятъ изъ всѣхъ мѣстныхъ владѣльцевъ недвижимой собственности и предметъ ихъ занятія составляютъ: выборъ членовъ волостнаго правленія, отчетъ въ сборахъ и употребленіи суммъ, вѣренныхъ этому

правленію, выборъ депутатовъ въ окружную думу, число которыхъ не можетъ превышать двухъ третей всего числа владѣльцовъ, составленіе списка 20-ти опытнѣйшихъ обывателей волости и представленіе окружнымъ думамъ о волостныхъ нуждахъ. Къ дѣятельности окружныхъ думъ отнесены: выборъ членовъ окружнаго суда и окружнаго совѣта, выборъ депутатовъ въ губернскія думы, число которыхъ не должно превышать двухъ третей окружной думы, указаніе изъ списковъ, представленныхъ волостными думами на 20 отличнѣйшихъ обывателей округа, отчетъ прежняго начальства въ общественныхъ суммахъ и представленіе губернской думѣ объ общественныхъ нуждахъ, основанное на рассмотрѣніи представленій волостныхъ думъ. Губернскія думы вѣдаютъ: выборомъ членовъ губернскихъ совѣтовъ и судовъ, выборомъ членовъ государственной думы изъ обихъ имѣющихъ политическія права состояній въ законномъ для каждой губерніи числѣ, указаніемъ по окружнымъ спискамъ на 20 отличнѣйшихъ въ губерніи обывателей, отчетомъ губернскаго управления въ общественныхъ суммахъ и передаютъ объ общественныхъ нуждахъ, сообразно окружнымъ представленіямъ. Покончивъ съ этими дѣлами, губернскія думы представляютъ въ государственный совѣтъ на имя канцлера юстиціи списки членовъ, избранныхъ въ волостныя правленія и въ суды окружныя и губернскіе; на имя канцлера государственной думы—списки членовъ, избранныхъ въ совѣты окружныя и губернскіе, а въ государственную думу—списки отличнѣйшихъ въ губерніяхъ обывателей и представленія объ ихъ нуждахъ. Изъ депутатовъ, представленныхъ отъ губернскихъ думъ, составляется государственная дума, равная по значенію сенату и министерству; она избирается по коренному закону и безъ всякаго созыва ежегодно въ сентябрѣ, а срокъ ея дѣйствія опредѣляется количествомъ предлагаемыхъ ей дѣлъ. Отсрочка до будущаго года думы и увольненіе всѣхъ ея членовъ производится державною властью въ государственномъ совѣтѣ. Въ послѣднемъ случаѣ означаются новые чины изъ лицъ, назначенныхъ послѣднимъ выборомъ губернскихъ думъ, а въ случаѣ смерти, приговора верховнаго суда, или опредѣленія въ совѣтъ, сенатъ или министерство замѣняютъ члена государственной думы кандидатомъ по списку послѣдняго выбора. Предсѣдатель государственной думы выбирается изъ ея членовъ и утверждается державной властью съ титуломъ канцлера государственной думы. Дѣла государственной думы предлагаются отъ имени державной власти однимъ изъ министровъ, или членовъ государственнаго совѣта, за исключеніемъ представленій о государственныхъ нуждахъ, объ уклоненіи отъ отвѣтственности и о мѣрахъ, нарушающихъ коренныя государственныя законы, о чемъ можетъ быть внесено предложеніе самими членами думы.

Суды, такъ же какъ и думы, имѣютъ четыре степени: волостнымъ

судамъ принадлежитъ преимущественно примирительное разбирательство чрезъ посредниковъ и высканіе за маловажные полицейскіе проступки; они состоятъ изъ главнаго судьи, его товарища и судей, пребывающихъ въ станахъ. Въ опредѣленныхъ закономъ дѣлахъ главный волостной судья приглашаетъ двухъ депутатовъ изъ волостного совѣта, представляющихъ въ этомъ случаѣ присяжныхъ. Окружной судъ представляетъ первую инстанцію и состоитъ изъ двухъ отдѣленій, гражданскаго и уголовнаго, число членовъ которыхъ зависитъ отъ густоты населенія. Предсѣдатель выбирается изъ двадцати отличнѣйшихъ обывателей округа и утверждается министромъ юстиціи; въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ онъ обязанъ требовать депутатовъ для составленія суда присяжныхъ. Губернскіе суды составляются на тѣхъ же началахъ, какъ окружные; только предсѣдатель ихъ избирается министромъ юстиціи по губернскимъ спискамъ и утверждается государственнымъ совѣтомъ. Сенатъ — верховное судилище для всей имперіи; онъ состоитъ изъ лицъ, назначенныхъ державной властью по губернскимъ спискамъ, и дѣлится на четыре департамента, изъ которыхъ по два, уголовный и гражданскій, засѣдаютъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Каждый департаментъ выбираетъ черезъ три года трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ одинъ въ предсѣдателя утверждается державною властью. Сужденіе и рѣшеніе сената публичныя. Для особенно важныхъ дѣлъ устанавливается въ самомъ сенатѣ верховный уголовный судъ, открывается онъ актомъ державной власти, изданнымъ въ сенатѣ, и состоитъ изъ одной трети сенаторовъ, извѣстнаго числа депутатовъ государственной думы, всѣхъ министровъ и всѣхъ членовъ государственнаго совѣта.

Администрація одинаково дѣлится на управленія: волостное, окружное, губернское и государственное, или министерство. Вся власть сосредоточена въ министерствѣ, и нижнія инстанціи должны насколько возможно сообразоваться съ высшей. Министерствъ учреждено семь: иностранныхъ дѣлъ, военное, морское, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, полиціи и юстиціи: кромѣ того, организовано на правахъ министерствъ два департамента: просвѣщенія и путей сообщенія, а также два вѣдомства: государственнаго казначейства и государственнаго контроля. Составъ и компетенція каждаго министерства строго опредѣлены и регулированы. Что касается губернскаго управленія, то оно состоитъ изъ губернскаго правительства, находящагося подъ надзоромъ губернатора, и совѣта изъ депутатовъ отъ всѣхъ состояній, имѣющихъ собственность. Управленія окружное и волостное составлены въ меньшемъ видѣ на тѣхъ же правилахъ. Надъ всѣмъ этимъ сложнымъ законодательнымъ, судебнымъ и административнымъ зданіемъ поставленъ государственный совѣтъ, который разсматриваетъ въ послѣдней инстанціи всѣ законы, уставы и учрежденія, представляя ихъ затѣмъ на утвержденіе державной

власти, которая назначаетъ его членомъ и имѣетъ еще при себѣ негласное учрежденіе въ видѣ кабинета, постоянно сопровождающаго императора, гдѣ бы онъ ни былъ.

Планъ государственнаго образованія былъ представленъ его авторомъ Александру въ октябрѣ 1809 года и два мѣсяца разсматривался ими вдвоемъ, исправлялся и пополнялся. Зная нерѣшительность и колебанія императора, Сперанскій предложилъ вводить въ дѣйствіе свой проектъ не вдругъ, а по частямъ, именно начать съ государственнаго совѣта и открыть его 1-го января 1810 года, а затѣмъ постепенно осуществлять другія части государственнаго уложенія. «Если Богъ благословитъ всѣ сіи начинанія, — писалъ онъ въ концѣ своей записки о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе выработанной имъ системы реформъ, — то въ 1811 году къ концу десятилѣтія настоящаго царствованія Россія восприметъ новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразуется».

«Но, по словамъ г. Шильдера, Богъ не благословилъ; все казалося рѣшеннымъ, законченнымъ, и чтобъ еще болѣе обезпечить успѣхъ выработаннаго преобразованія, были назначены для исполненія сроки, избранные усмотрѣніемъ самого Сперанскаго. И что же? Важнѣйшія части его плана не были никогда приведены въ исполненіе; осуществилось лишь то, что онъ самъ считалъ внѣ прямой связи съ задуманными реформами. Намѣренія Александра измѣнились, государственное уложеніе осталось однимъ сокровеннымъ планомъ, его творцу пришлось многіе годы провести въ ссылкѣ, а Россія сохраняетъ и донынѣ прежнее свое бытіе». Вышнія политическія событія, надрывавшій разрывъ съ Наполеономъ, а главное нерѣшительность и неустойчивость характера, боязнь практическаго примѣненія своихъ заветныхъ идей, роковое противочувствіе, наконецъ двойственность натуры, снова удержали Александра на полъ-пути, и 1-го января 1810 года, конечной грани перваго преобразовательнаго періода его эпохи, открылся только государственный совѣтъ, предсѣдателемъ одного изъ департаментовъ котораго назначенъ Аракчеевъ, этотъ заклятый врагъ всякаго прогресса.

II.

Во вышней политикѣ колебанія Александра съ самаго начала его царствованія были гораздо значительнѣе, сильнѣе и рѣзче, чѣмъ въ области внутреннихъ преобразованій. Въ первые мѣсяцы по вступленіи на престолъ онъ въ одно и то же время велъ переговоры съ Англіей о взаимной дружбѣ, увѣнчавшіеся конвенціей 5-го іюня, и очень любезно принялъ присланнаго въ Петербургъ Наполеономъ, тогда еще консуломъ, Дюрока, для поздравленія новаго императора и выясненія намѣреній новаго русскаго правительства. «Я

всегда желалъ поддержать согласіе между Франціей и Россіей,—сказалъ онъ прямо Дюроку:—это двѣ могущественныя и великія націи, которыя обмѣнялись доказательствомъ взаимнаго уваженія и должны войти между собою въ соглашеніе, чтобы прекратить мелкіе раздоры на континентѣ. Я бы очень желалъ сговориться непосредственно съ первымъ консуломъ, честный характеръ котораго мнѣ хорошо извѣстенъ, не прибѣгая къ помощи многихъ посредниковъ, всегда опасныхъ». Когда же Дюрокъ началъ указывать государю о тѣхъ выгодахъ, которыя Россія можетъ извлечь изъ дружбы съ Франціей, императоръ отвѣчалъ: «мнѣ, лично, ничего не нужно, и я желаю только содѣйствовать спокойствію Европы». вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Панинъ, руководившій внѣшней политикой, врагъ Франціи и другъ Англіи, устроилъ дѣло такъ, и Александръ ему въ этомъ не помѣшалъ, что Дюрокъ удалился, не солоно хлебавъ, и даже отказался отъ присутствія на коронаціи. Въ то время еще существовалъ негласный совѣтъ, и при обсужденіи на немъ вопросовъ иностранной политики было рѣшено, съ согласія императора, что Россіи нѣтъ надобности въ союзахъ съ иностранными государствами, и что слѣдовало быть искренними во внѣшней политикѣ, но не связывать себя никакими договорами; относительно же Франціи—искать возможности наложить узду на ея властолюбіе, не компрометируя, однако, себя; съ Англіей быть въ согласіи, потому что эта нація естественный другъ Россіи. Такъ какъ, говоря въ этомъ совѣтѣ о первомъ консулѣ и его министрѣ Талейранѣ, Александръ прямо называлъ ихъ мошенниками, то нельзя не указать, сравнивая эти слова съ увѣреніями Дюрока, что ему извѣстенъ честный характеръ перваго консула, на странное понятіе, которое уже тогда имѣлъ юный императоръ объ искренней политикѣ.

Послѣ удаленія отъ дѣлъ графа Панина его мѣсто занялъ одинъ изъ молодыхъ друзей императора и членовъ негласнаго комитета, Кочубей, и политика Россіи приняла новый характеръ. Онъ придерживался системы невмѣшательства, такъ какъ, по его мнѣнію, Россія не было рѣшительно никакого дѣла до европейскихъ войнъ и дипломатическихъ интригъ. Державный его другъ на это вполне согласился, и Кочубей полагалъ, что во внѣшнемъ отношеніи Россіи предстояло отдохнуть отъ постоянного вмѣшательства въ европейскія дѣла за послѣднее время; но ему пришлось вскорѣ разочароваться, такъ какъ оказалось, что Александръ у него за спиной велъ тайную переписку съ прусскимъ дворомъ и даже условился о свиданіи съ королемъ въ Мемелѣ. «Кто повѣритъ,—писалъ Кочубей,—что министръ иностранныхъ дѣлъ не знаетъ ничего объ этой проделкѣ, а между тѣмъ это суцая правда». Конечно, онъ сопровождалъ императора въ этой знаменательной поѣздкѣ, которая, несмотря на обѣщанія Александра, данныя имъ въ негласномъ совѣтѣ, что въ Мемелѣ онъ не коснется политическихъ дѣлъ, — придала надолго

опредѣленное направленіе политической роли Россіи. Дѣйствительно, въ Мемелѣ началось между императоромъ и королевой Луизой платоническое кокетство, и, по словамъ графини Фоссъ, «бѣдный Александръ былъ совсѣмъ увлеченъ и очарованъ королевой». Проницательный князь Чарторижскій тотчасъ предугадалъ пагубное значеніе для внѣшней политики Александра мемельскаго свиданія и впоследствии, въ 1806 году, писалъ императору: «я смотрю на это свиданіе, какъ на одно изъ самыхъ несчастныхъ происшествій для Россіи, какъ по своимъ непосредственнымъ послѣдствіямъ, такъ и по тѣмъ, которыя оно имѣло и будетъ еще имѣть. Интимная дружба, которая связала ваше величество съ королемъ, послѣ нѣсколькихъ дней знакомства, привела къ тому, что вы перестали разсматривать Пруссію, какъ политическое государство, но увидѣли въ ней дорогую вамъ особу, по отношенію къ которой признали необходимымъ руководствоваться особыми обязательствами».

При переходѣ Кочубея, не любившаго дипломатическихъ дѣлъ, въ министерство внутреннихъ дѣлъ, наступила новая фаза въ политическихъ колебаніяхъ. Его замѣнилъ графъ А. Р. Воронцовъ, а товарищемъ къ нему былъ назначенъ князь Чарторижскій, который въ 1804 году сдѣлался самъ министромъ. Въ то время Александръ, возмущенный установленіемъ пожизненнаго консульства, а затѣмъ имперія въ лицѣ Наполеона, стала открыто выражать къ нему враждебныя чувства. «Завѣса упала,—писалъ онъ Лагарпу,—Бонапартъ самъ лишилъ себя лучшей славы, какой можетъ достигнуть смертный и которую ему оставалось стяжать,—славы доказать, что онъ безъ всякихъ личныхъ видовъ работалъ единственно для блага и славы своего отечества, и, пребывая вѣрнымъ конституціи, которой онъ самъ присягалъ, сложить черезъ десять лѣтъ власть, которая была въ его рукахъ. вмѣсто того онъ предпочелъ подражать дворамъ, нарушивъ вмѣстѣ съ тѣмъ конституцію своей страны. Нынѣ это—знаменитѣйшій изъ тирановъ, какихъ мы находимъ въ исторіи». Въ разговорѣ съ австрійскимъ полковникомъ барономъ Стузергеймомъ онъ пошелъ еще далѣе и сказалъ между прочимъ: «этотъ человекъ дѣлается безумнымъ по мѣрѣ возрастанія малодушія французовъ; я думаю, что онъ еще сойдетъ съ ума». Принявъ на себя руководство внѣшней политикой, Чарторижскій рѣшилъ воспользоваться этимъ настроеніемъ Александра для образованія новой коалиціи противъ Наполеона и восстановленія Польскаго королевства съ возвращеніемъ ему областей, отошедшихъ, къ Австріи и Пруссіи во времена польскихъ раздѣловъ. Онъ убѣждалъ Александра поднять знамя высшихъ принциповъ и, сдѣлавшись королемъ возстановленной Польши, явиться охранителемъ международного права, порядка и свободы. По его словамъ, тогда, стоя во главѣ Европы, ему не трудно было бы низложить Наполеона, поправшаго и династическіе интересы, и независимость народовъ. Легко увлекаю-

щемуся молодому государю понравился этот планъ идеальной политики, и онъ не только заключилъ союзъ съ Англiей и Австрiей противъ Наполеона, но въ виду несогласiя Пруссiи присоединиться къ коалиции рѣшилъ объявить ей войну. Чарторижскiй ликовалъ; русскiя войска двинулись на два фаса: одна армiя пошла на соединенiе съ австрiйцами, а другая противъ Пруссiи; самъ же Александръ поѣхалъ въ Польшу и провелъ нѣсколько дней въ Пулавахъ, помѣстѣ родителей Чарторижскаго. Въ Варшавѣ, принадлежавшей тогда Пруссiи, прямо говорили прусскимъ властямъ, что русскiе придутъ, и мы васъ выгонимъ. Вдругъ все измѣнилось: Александръ поѣхалъ въ Берлинъ, и пулавскую идиллию, по замѣчанiю г. Шильдера, замѣнила потсдамская мелодрама. Пруссiя прикнудила къ коалиции, и Александръ у гроба Фридриха Великаго ночью поклялся королю и королевѣ въ вѣчной дружбѣ, залогомъ которой должно было служить освобожденiе Германiи.

Эта необыкновенная по своей рѣзости метаморфоза въ политикѣ Александра привела къ самому печальному результату. Наполеонъ разгромилъ союзниковъ при Аустерлицѣ; Австрiя заключила съ побѣдителемъ отдѣльный унижительный миръ, а Пруссiя, обманувъ своего великодушнаго союзника, подписала оборонительный и наступательный союзъ съ Наполеономъ, который ей подарилъ за это Ганноверъ, принадлежавшiй Англiи. Разочарованный, униженный, Александръ вернулся въ Петербургъ, и, по словамъ Л. Н. Энгельгардта: «аустерлицкая баталiя сдѣлала великое влiяние надъ характеромъ Александра, и ее можно назвать эпохой всего правленiя. До того времени онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а тогда сдѣлался подозрителенъ, строгъ до безвѣрности, неприступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду. Къ одному графу Аракчееву онъ имѣлъ полную довѣренность, который, по жестокому своему свойству, приводилъ государя на гнѣвъ и тѣмъ отвлекъ отъ него людей, истинно преданныхъ ему и любящихъ Россiю». Несмотря на роковыя послѣдствiя своихъ сердечныхъ отношенiй къ Пруссiи, императоръ все-таки не хотѣлъ нарушить тѣсной дружбы съ обманувшей его Пруссiей, и когда Чарторижскому не удалось уговорить своего державнаго друга не довѣряться этой странѣ и не вести Россiю къ неминуемой гибели, ради своей личной прiязни, то онъ подалъ въ отставку и во главѣ внѣшней политики явился новый руководитель, баронъ Будбергъ, при которомъ Россiя не только предоставила въ распоряженiе Пруссiи всѣ свои военныя силы, но и въ новой войнѣ съ Наполеономъ потерпѣла пораженiя подъ Эйлау и Фриландомъ. За послѣдней битвой слѣдовало тильзитское свиданiе и новыя, еще болѣе крутыя, чѣмъ когда либо, перемѣны въ политикѣ Александра.

Посреди Нѣмана, на плоту, произошла первая встрѣча бывшихъ враговъ, сдѣлавшихся неожиданно друзьями-союзниками. Первыми

словами Александра было: «Я ненавижу англичанъ не менѣе васъ и готовъ поддерживать васъ во всемъ, что вы предпримете противъ нихъ». На это Наполеонъ отвѣчалъ: «если такъ, то все улажено, и миръ упроченъ». Александръ былъ бесспорно очарованъ и увлеченъ гениемъ Наполеона, а потому не удивительно, что онъ подвергся, быть можетъ, и искренно, его вліянію, хотя, по всегдашней двойственности своей натуры, онъ, послѣ заключенія тильзитскаго мира, говорятъ, сказалъ королю и королевѣ прусскимъ: «потерпите, мы свое возьмемъ, онъ сломитъ себѣ шею. Несмотря на всѣ мои наружныя демонстраціи, я въ душѣ вашъ другъ и надѣюсь доказать вамъ это на дѣлѣ». Какъ бы то ни было, обстоятельства и кромѣ внезапнаго увлеченія Наполеономъ заставили Александра сдѣлаться союзникомъ Франціи. До втораго свиданія съ новымъ своимъ другомъ въ Эрфуртѣ въ 1807 году, онъ оставался вѣрнѣе этому союзу, несмотря на то, что вся Россія, по словамъ Вигеля, вся отъ знатнаго царедворца до малограмотнаго писца, отъ генерала до солдата, вся, повинувась, роптала съ негодованіемъ. Причины этого страннаго общаго недовольства были многообразны: высшее общество съ императрицей во главѣ возставало противъ союза съ Наполеономъ, благодаря интригамъ Англіи и французскихъ эмигрантовъ, разжигавшихъ ненависть къ узурпатору, средніе классы были встревожены финансовыми и торговыми затрудненіями, происшедшими отъ разрыва съ Англіей, а народъ, возбужденный проповѣдью святѣйшаго синода передъ войной противъ Наполеона, какъ антихриста, не понималъ, какъ православный царь могъ сойтись съ окаяннѣвшимъ нехристомъ. Какъ бы то ни было, тильзитская дружба даже поколебала привязанность общества и народа къ еще такъ недавно обожаемому государю. «Нѣжнѣйшая любовь, по выраженію Вигеля, превратилась вдругъ въ нѣчто худшее вражды, въ чувство какого-то омерзѣнія. Лѣтъ пятнадцать послѣ того наказаніе Божіе постигло насъ за эту неблагодарность нашу къ Александру: онъ былъ долготерпѣливъ и мстителенъ и все вспомнилъ во дни славы своей. Когда вмѣстѣ съ счастьемъ возвратилось къ нему обожаніе подданныхъ, на распростертый передъ нимъ народъ взглянулъ онъ съ досаднымъ презрѣніемъ, и не было словъ его потомъ, не было дѣйствія, которое бы его не выражало. Онъ думалъ, что съ нимъ можно все сдѣлать».

Почти одиноко и съ помощью, быть можетъ, только новаго министра иностранныхъ дѣлъ, гр. Румянцова, пришлось поддерживать Александру союзъ съ Франціей, который при умѣломъ веденіи дѣла могъ принести столько пользы Россіи, и дѣйствительно, по выраженію Наполеона, подѣлить весь свѣтъ между двумя союзниками. Въ этомъ отношеніи онъ даже выказалъ сначала необычайную стойкость и выдержку, тѣмъ болѣе, что ему приходилось бороться съ его собственными государственными людьми, между прочимъ,

съ посломъ въ Парижѣ, гр. П. А. Толстымъ, который всячески старался разстроить дружбу съ Наполеономъ. Ему удалось возбудить столько недоразумѣній, что Наполеонъ для укрѣпленія расшатанныхъ узъ потребовалъ новаго свиданія съ Александромъ. Оно состоялось въ Эрфуртѣ и имѣло совершенно иныя послѣдствія, чѣмъ ожидалъ Наполеонъ. Александръ уже начиналъ выходить изъ-подъ обаянія своего новаго друга и подовѣрвать его въ скрытыхъ замыслахъ, а хитрый, коварный Талейранъ окончательно возвратилъ его на прежній путь вражды къ Наполеону. «Государь, сказалъ этотъ измѣнникъ, зачѣмъ мы пріѣхали сюда? Вамъ предстоитъ спасти Европу, и вы можете достигнуть этого не иначе, какъ только не поддаваясь Наполеону. Французскій народъ цивилизованъ, а его государь—нѣтъ, русскій государь цивилизованъ, а его народъ нѣтъ; поэтому русскому государю надлежитъ быть союзникомъ французскаго народа». Результатомъ Эрфуртскаго свиданія, по внѣшности, очень дружественнаго и крайне блестящаго, было начало разлада между союзниками, хотя Александръ, по всегдашней своей привычкѣ, старался прикрыть возникавшую перемѣну своего настроенія усиленіемъ наружнаго проявленія прежнихъ чувствъ. Такъ онъ демонстративно на парадномъ спектаклѣ въ Эрфуртѣ всталъ и пожалъ руку Наполеону при рукоплесканіяхъ собраннаго сонма королей, когда на сценѣ были произнесены слова: «дружба великаго человѣка благодѣянье неба», а королю саксонскому онъ сказалъ, что «чувствуетъ себя лучшимъ послѣ всякой бесѣды съ императоромъ Наполеономъ, и что часъ разговора съ этимъ великимъ человѣкомъ обогащаетъ его болѣе, нежели десять лѣтъ жизненнаго опыта».

Съ Эрфурта и до окончанія перваго періода александровской эпохи происходитъ то, что можно назвать разложеніемъ франко-русскаго союза подъ маской внѣшней дружбы. Никогда колебанія въ иностранной политикѣ Александра не достигали такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ въ эту эпоху. Съ одной стороны при новой войнѣ объявленной Наполеономъ Австріи, ознаменованной Ваграмскимъ погромомъ, Александръ говорилъ Коленкуру: «Я сдѣлалъ все, чтобъ избѣжать войны, но такъ какъ австрійцы вызвали и начали ее, то императоръ найдетъ во мнѣ союзника, который будетъ дѣйствовать открыто: я ничего не буду дѣлать въ половину», а въ то же время онъ объяснилъ австрійскому послу князю Шварценбергу: «мое положеніе странное, но хотя мы находимся въ противныхъ лагеряхъ, однако же я не могу удержаться отъ выраженія пожеланій въ пользу вашихъ успѣховъ, и ничего не будетъ забыто, что только человѣчески возможно придумать для ослабленія нанесенныхъ вамъ ударовъ». Дѣйствительно, онъ послалъ противъ Австріи въ силу союза съ Наполеономъ, армію въ 70.000, но эта армія вела безкровную войну и постоянно уклонялась отъ столкновенія съ врагами и отъ совокуп-

наго дѣйствія съ другими союзниками Франціи—поляками великаго герцогства Варшавскаго. Наполеонъ имѣлъ полное право сказать съ неудовольствіемъ Куракину: «Вы дѣйствовали безцвѣтно и ни разу не обнажили сабли». Но еще болѣе убѣдило его въ непрочности союза съ Россіей и дружбы Александра, съ которымъ онъ намѣревался подѣлать міръ, комедія по поводу его брака съ великой княжною Анной Павловной. Разговоръ объ этомъ начался уже въ Эрфуртѣ, и Александръ отнесся къ нему сочувственно, но когда Наполеонъ въ декабрѣ 1809 года приказалъ Коленкуру официально просить руки великой княжны и потребовать категорическаго отвѣта въ два дня, то русскій императоръ заявилъ, что эта идея ему улыбается, и онъ немедленно далъ бы слово, но дѣло зависитъ всецѣло отъ императрицы-матери. На ея согласіе потребовалось десять дней, потомъ была назначена новая отсрочка въ двѣ недѣли и, какъ извѣстно, дѣло кончилось тѣмъ, что Наполеонъ, не дожидаясь окончательнаго отвѣта, женился на австрійской принцессѣ, Маріи-Луизѣ. «Хотя, по словамъ Рамбо, франко-русскій союзъ и сохранился еще два года послѣ этого, но онъ былъ уже лишень основного своего элемента—довѣрія и дружбы».

Послѣ столькихъ колебаній, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, надвигался грозный переломъ, который выразился гигантской борьбой съ Наполеономъ и окончился мрачной реакціей, отуманившей столь свѣтло начавшуюся александровскую эпоху.

В. Тимирязевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Къ исторіи западно-русскаго просвѣщенія (вильнская братская школа, въ первые полвѣка ея существованія). Соч. К. В. Харламповича. Вильна. 1897.

ВЪ ЭТОМЪ сочиненіи авторъ прослѣдилъ, по многочисленнымъ историческимъ документамъ, судьбу вильнской братской школы и ея отношенія къ другимъ православнымъ школамъ западной Россіи, со времени возникновенія братской школы до начала правленія польскаго короля Владислава IV.

Вильна изстари являлась просвѣтительнымъ центромъ, распространяя свое вліяніе далеко за предѣлы нынѣшняго Сѣверо-Западнаго края. Но такъ какъ въ старину почвой для просвѣщенія служили вѣроисповѣдныя принципы, то возникавшія здѣсь разновѣрныя школы вели между собою борьбу, оспаривая одна у другой воздѣйствіе на молодыя поколѣнія.

Ранѣе другихъ, именно въ 1387 г., открылась въ Вильнѣ католическая кафедральная школа при костелѣ св. Станислава. Въ 1513 г. возникло при костелѣ св. Яна приходское католическое училище. При томъ же костелѣ въ 1566 г. заведено было юридическое училище. Съ 1570 г. появилась въ Вильнѣ іезуитская коллегія, возведенная впослѣдствіи на степень академіи. Спустя немного (1582 г.), въ Вильнѣ были открыты и отданы въ завѣдываніе отцовъ іезуитовъ двѣ семинаріи — одна такъ называемая епархіальная, другая папская, для приготовленія апостоловъ униі среди православнаго населенія. Наряду съ этими учебными заведеніями возникаютъ: въ 1551 г. лютеранская школа, въ 1568 г. кальвинская. Приблизительно около того же времени появилось низшее униатское училище, а въ 1601 г. униатскій митрополитъ Ипатій

Потѣй, отнявъ у православныхъ Троицкій монастырь, основалъ въ стѣнахъ его уніатскую семинарію «для обученія молодымъ людямъ какъ монашествующихъ, такъ и свѣтскихъ побожности и наукамъ».

Всѣ эти виленскія учебныя заведенія служили какъ бы метрополіями по отношенію къ низшимъ училищамъ своихъ исповѣданій, разсѣянныхъ по всему литовско-русскому краю. Въ Вильну стремилась учиться молодежь изъ отдаленныхъ мѣстностей. Виленскія школы старались насаждать одновѣрные училища въ разныхъ мѣстностяхъ края, посылали туда своихъ учителей, снабжали эти школы учебными книгами, поддерживали ихъ денежными средствами. Все это, въ связи съ процвѣтаніемъ въ Вильнѣ нѣсколькихъ типографій, создавало этому городу положеніе крупнаго культурнаго центра.

Выѣстъ съ тѣмъ Вильна является очагомъ самой дѣятельной пропаганды уніи съ Римомъ среди православно-русскаго народа и, благодаря съ одной стороны привилегіямъ, приобретаемымъ съ переходомъ въ уніатство, а съ другой притѣсненіямъ и насиліямъ, унія дѣлала все большія и большія завоеванія. Когда же крѣпкіе поборники православія увидѣли, какая опасность угрожаетъ староотеческой вѣрѣ, то рѣшились принять съ своей стороны мѣры для огражденія Христова стада своей церкви отъ расхищенія. Съ этою цѣлью было учреждено въ 1584 г. при Троицкомъ монастырѣ извѣстное виленское братство, сослужившее въ свое время великую службу русской народности и православно-русской вѣрѣ. Въ томъ же самомъ году братство учредило въ означенномъ монастырѣ православную школу, въ которой на ряду съ древними языками и свѣтскими науками преподавались и церковныя, имѣвшія цѣлью закрѣплять въ своихъ воспитанникахъ твердость въ отстаиваніи праотеческой вѣры.

Историческія свидѣтельства показываютъ, что братства существовали въ западной Россіи и прежде; было ихъ нѣсколько и въ самой Вильнѣ. Но первоначально они были корпораціями, сосредоточивавшими свою дѣятельность только около приходскихъ церквей и богадѣленъ, и носили церковно-филантропическій характеръ. Но вслѣдъ за новообразовавшимся троицкимъ братствомъ, поставившимъ себѣ задачей, кромѣ благотворительныхъ, и просвѣтительныхъ цѣли, всѣ другія западно-русскія братства уже выходятъ за черту приходовъ, намѣчаютъ себѣ болѣе широкую программу и распространяютъ свои дѣйствія на церковную жизнь своего города, епархіи и даже государства.

Въ 1592 г. виленское братство уже владѣетъ собственнымъ обширнымъ домомъ, куда перевело изъ монастыря свою школу. Это благопріятное обстоятельство дало возможность значительно увеличить пріемъ учениковъ и лучше обставить школу необходимыми пособиями.

Не мало горя приходилось испытывать виленскому братству и его школѣ на попріцѣ просвѣтительной ихъ дѣятельности, ибо хотя православные состояли гражданами польскаго королевства, но на дѣлѣ совершенно лишены были покровительства законовъ. Упомянемъ лишь о нѣсколькихъ эпизодахъ въ этомъ родѣ. Прежде всего тяжелый ударъ братству былъ нанесенъ виленскимъ магистратомъ, который самовольно отнялъ у него древнеправославный Троицкій монастырь и передалъ въ вѣдѣніе уніатовъ. Жалобы православныхъ остались втуне. Послѣ этого братство сгруппировалось при Свято-Духовскомъ

монастырѣ. Зѣтъмъ, когда братство приступило къ построению деревянной церкви, то Сигизмундъ III, этотъ іезуитъ и фанатикъ, нашелъ, что братство дѣлаетъ это «не для отравленія въ церкви хвалы Божіей, но для наибольшаго распространенія ереси и возбужденія бунтовъ въ Рѣчи Посполитой», почему постройку запретилъ.

Такое отношеніе короля къ братству дало понять латино-уніатской партіи, что всякое самоуправство съ православными останется безнаказаннымъ. Такого рода фактъ, случившійся въ 1598 г., рассказанъ въ разсматриваемой книгѣ. Въ великую субботу, вечеромъ, толпа іезуитскихъ студентовъ шумно ворвалась въ храмъ и произвела всяческія безчинства. А въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, во время литургіи, католики и, преимущественно, іезуитскіе студенты толкали и кололи въ церкви богомольцевъ, не допуская ихъ къ св. причастію, произносили непристойныя слова, били по шеѣ кадившаго діакона, а «боколара грецкаго» (учителя греческаго языка) Демьяна Капишовскаго, за его замѣчаніе «панове, уступитесь», ударили по губамъ, рвали на немъ платье и выволокли изъ церкви. Послѣ этого толпа бросилась къ братской школѣ и прежде всего изранила понавнагося на крыльцѣ слугу, потомъ выбила въ школѣ стекла, поломала оконные переплеты, испортила крышу, переранила «челядь школьную». Одновременно эта дикая толпа разгромила и братскую типографію. Жалобы братства на причиненныя ему обиды, принесенныя въ городской судъ и потомъ въ трибуналъ (высшая инстанція), остались безъ послѣдствій.

Много бы понадобилось мѣста, чтобы, хоть вкратцѣ, перечислить тѣ гоненія, которыя приходилось испытывать братству и его воспитанникамъ отъ фанатизма католиковъ. И тѣмъ не менѣ эта почтенная корпорація, не падая духомъ, возстановляла разрушенное и всѣми мѣрами делѣла свое дѣтище — школу, которая продолжала процвѣтать. По свидѣтельству современника, тѣмъ болѣе православные виленцы были преслѣдуемы, тѣмъ больше проявлялась къ нимъ милость Божія: «братство множилось, школа росла, людей изъ нея ученыхъ много и казнодѣевъ (проповѣдниковъ) мудрыхъ выходитъ» (Юрій Рогатинецъ).

Мало-по-малу виленское братство дѣлается руководителемъ религіозной и просвѣтительной дѣятельности среди русской народности на пространствѣ не только всей Литвы, но и въ некоторыхъ областяхъ Польши. Благопріятнымъ условіемъ для такой роли служило и то, что многіе иногородные помѣщики «фундовали» братству построенные ими монастыри, церкви, школы, общественные дома, помѣстья, а братство, въ свою очередь, заводило школы, гдѣ только было возможно и удобно.

Благотворная дѣятельность братства продолжалась до лѣта 1749 г., когда огромнымъ пожаромъ были истреблены всѣ монастырскія постройки, и монахи вынуждены были искать себѣ убѣжища въ другихъ мѣстахъ. Это несчастье имѣло роковое влияніе и на судьбу братской школы, которая, пострадавъ отъ огня и лишившись учителей, въ лицѣ ученыхъ монаховъ, приостановила ученіе на нѣсколько лѣтъ. Для возстановленія многочисленныхъ зданій Свято-Духовскаго монастыря нужны были большія средства, а ихъ у братства не было.

Правда, на этотъ предметъ поступали частныя пожертвованія, а также было отпущено отъ щедротъ русскаго императорскаго двора 6.000 рублей, но собранныхъ средствъ хватило только на ремонтъ церкви, нѣкоторыхъ строеній и отчасти (не вполнѣ) школы, другія же монастырскія зданія продолжали лежать въ развалинахъ.

Это послѣднее обстоятельство породило у латино-уніатовъ мысль отнять у православныхъ Свято-Духовскій монастырь съ церковью и школой, подъ тѣмъ предлогомъ, что развалины, не возстановляемыя въ зданія по немѣннѣю у православныхъ средствъ, безобразяютъ городъ. Въ виду этой опасности, старшій монахъ монастыря Доруминъ, съ согласія братства, продалъ спасенныя отъ пожара церковныя драгоценности и, выручивъ 750 талеровъ, приступилъ въ 1755 г. къ окончательному возведенію остальныхъ монастырскихъ зданій и къ ремонту школы, которая была готова къ концу означеннаго года. Но когда открылось въ ней ученіе, какъ долго продолжалось и при какихъ условіяхъ, объ этомъ историческіе памятники молчатъ. Извѣстно только, что братство въ посланіи своемъ къ епископу переяславскому Виктору Садковскому въ 1793 г. выразилось относительно своей школы, что она носитъ на себѣ печать полнаго опустошенія.

На этомъ оканчиваются изысканія автора о древней виленской братской школѣ. Но очевидно, что, при окружавшихъ ее неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, она не могла продолжать своей дѣятельности въ дальнѣйшее время, и нѣтъ ничего невѣроятнаго предположить, что этотъ распадникъ просвѣщенія, вскорѣ послѣ указанной въ письмѣ даты, прекратилъ свое существованіе вмѣстѣ съ братствомъ. Иначе и быть не могло, если принять во вниманіе, что во второй половинѣ XVIII вѣка польско-католическая сила въ западной Руси достигла своего апогея, а противъ напора такой силы трудно было отстаивать свое достоинствѣ оскудѣвшему люду и средствами и притомъ *de facto* безправному православно-русскому обществу ¹⁾.

Нельзя не отнестись съ уваженіемъ къ труду молодого ученаго, который для освѣщенія интересной эпохи изъ исторіи западно-русскаго просвѣщенія долженъ былъ кропотливо черпать матеріалъ изъ разныхъ архивовъ и библиотекъ, судя по ссылкамъ на тѣ многочисленныя историческія данныя, на основаніи которыхъ составлена его книга. Отдавая должное этому историческому труду, укажемъ лишь на нѣкоторую неточность въ томъ, что авторъ предположилъ прослѣдить судьбу виленской братской школы въ первые полвѣка ея существованія, какъ значится въ заголовкѣ книги, но рассказалъ исторію ея на пространствѣ болѣе 2-хъ вѣковъ (1585—1793 г.), то-есть, далъ больше, чѣмъ сколько обѣщаль, хотя то, что сверхъ программы, рассказано вкратцѣ; во всякомъ случаѣ, по существу дѣла, такая щедрость (какъ послѣдствіе неточности) едва ли можетъ быть поставлена автору въ укоръ, ибо чѣмъ больше читатели получили свѣдѣній по данному предмету, тѣмъ—разумѣется—лучше.

¹⁾ Виленское братство возродилось къ жизни въ позднѣйшее время, при общемъ возрожденіи западно-русской народности, въ шестидесятыхъ годахъ.

Авторъ.

Сочиненіе г. Харламовича появилось кстати, теперь именно, когда въ польскомъ народѣ столь ярко обрисовалась симпатичная тенденція къ духовному единенію съ русскимъ обществомъ и государствомъ, — тенденція, нашедшая отголосокъ и за «кордономъ», въ большей части галицко-польской печати. Стародавнія гоненія со стороны католиковъ и ихъ тогдашнихъ приспѣшниковъ — униатовъ, на православный народъ въ XVI—XVIII вѣкахъ вполне понятны. То было время односторонняго направленія умовъ на почвѣ религиозной нетерпимости, которая подвигала на неправды не только толпу, но и образованныхъ руководителей ея, — и потомки не отвѣчаютъ за грѣхи предковъ. Но прискорбно то, что и въ наши дни творится нѣчто подобное въ восточной Галичинѣ, гдѣ правящій польскій класъ угнетаетъ мѣстный русскій народъ на всѣхъ путяхъ его жизни. Какъ извѣстно, тамъ, въ нетерпѣливомъ стремленіи извести «русскую вѣру» — это священное достояніе народа, — стараются истребить остатки греко-восточной обрядности, а польскій помѣщикъ, какъ юридическій «патронъ» церкви въ своемъ имѣніи, не принимаетъ на приходъ такого священника, который подозрѣвается въ народолобіи и приверженности къ дорогимъ національно-русскимъ завѣтамъ. Тамъ нарочито готовятъ такіе учителя, которые, будучи поставлены въ русскія школы, внушаютъ дѣтямъ пренебреженіе къ ихъ народности и вводятъ польскую азбуку вмѣсто кириллицы, не смотря на неудобство латинскихъ буквъ для выраженія славянскихъ звуковъ, — неудобство, ясно отражающееся на транскрипціи польскихъ словъ¹⁾. Въ восточной Галичинѣ насильно навязываютъ русской письменности фонетику съ цѣлью постепеннаго поглощенія мѣстнаго русскаго нарѣчія польскимъ языкомъ. Тамъ униатско-русскій интеллигентъ, если не исповѣдуетъ польской политической вѣры, построенной на отжившей Ягеллонской идеѣ, не можетъ имѣть хода ни на служебномъ, ни на общественномъ поприщѣ. Въ случаѣ же, онъ зацѣпитъ гдѣ либо, напримѣръ, въ учебномъ или судебномъ вѣдомствѣ, въ банкѣ или страховомъ обществѣ, то поляки подъ благовидными предлогами лишаютъ его родины, ссылая «на Мазуры». Тамъ, въ этой конституціонной странѣ, обездоленный русскій галичанинъ не имѣетъ возможности заявить громко о своихъ нуждахъ, о своей горькой участи, потому что вліятельный польскій слой програждаетъ ему пути въ сеймѣ, за исключеніемъ отдѣльных случаевъ въ пользу полякующихъ «русиновъ».

Въ настоящее время наше русское общество съ открытымъ сердцемъ откликнулось на призывъ поляковъ къ братству и единенію. Согласная и дружная дѣятельность двухъ близкихъ и родственныхъ народностей на общемъ культурномъ поприщѣ (съ сохраненіемъ обѣими этнографическихъ обликовъ) — что можетъ быть счастливѣе такого положенія! Но пусть галицкіе поляки облегчатъ нашимъ ближайшимъ сосѣдямъ путь къ братскому единенію съ нами,

¹⁾ Для выраженія многихъ звуковъ въ польскомъ языкѣ, какъ славянскомъ потребовалось соединять вмѣстѣ по 3 и даже по 4 буквы латинскаго алфавита и испещрять, кромѣ того, письменность условными знаками; тогда какъ для каждаго славянскаго звука есть въ кириллицѣ или русской гражданкѣ соответственная буква.

Авторъ.

пусть они докажут искренность польскихъ чувствъ и намѣренной измѣненіемъ притѣснительной политики въ русской части Галичины, и тогда не останется мѣста для задней мысли въ одномъ лагерѣ и для сомнѣній въ другомъ...

И. Любарскій.

А. П. Энгельгардтъ. Русскій Сѣверъ. Путевыя записки. Спб. 1897.

Есть книги, которыя больше обѣщаютъ, чѣмъ даютъ. Это книги съ кричащими и широковыщательными заглавіями. И наоборотъ, есть книги съ очень скромными заглавіями, но съ богатымъ и интереснымъ содержаніемъ. Настоящее сочиненіе, принадлежащее перу архангельскаго губернатора А. П. Энгельгардта, относится къ книгамъ второго разряда. Написанная интересно, хорошимъ литературнымъ языкомъ, она крайне содержательна, сообщаетъ много любопытнаго и новаго о край очень богатомъ, но долгое время совершенно забытомъ, только за послѣдніе годы обратившемъ на себя должное вниманіе. О русскомъ сѣверѣ писали не мало. Достаточно назвать Максимова, Сидорова, Латкина, Данченко и Носилова. Серьезное изслѣдованіе Максимова нѣсколько устарѣло. Письмо Данченко ярко и колоритно, но его цѣнность главнымъ образомъ художественная. Конечно, картины имѣютъ большое значеніе, но необходимо и то глубокое знаніе, которое дается близкимъ знакомствомъ съ краемъ и тѣмъ исключительно выгоднымъ положеніемъ, въ какое поставленъ авторъ разбираемой книги. И онъ сообщаетъ не только впечатлѣнія, но и такія цѣнныя данныя, которыя придаютъ книгѣ г. Энгельгардта солидную авторитетность и выдающееся значеніе.

Г. Энгельгардтъ не скрываетъ правды — горькой и неприятной, но и не называетъ тенденціозно свѣтлое мрачнымъ, отмѣчаетъ все, что есть свѣтлаго и хорошаго. Это еще больше придаетъ значенія всему, о чемъ онъ рассказываетъ. Васъ подкупаетъ безпристрастіе, и вы съ полною довѣрчивостью относитесь къ фактамъ, цифрамъ и рассказамъ автора, въ которомъ видите чловѣка дѣла, знанія, опыта и трезваго патріотизма, т. е. того патріотизма, который понуждаетъ къ работѣ на пользу отечества, а не къ шаблонному чиновническому рапорту: «все благополучно». Авторъ начинаетъ свои очерки слѣдующими строчками: «при первомъ, даже поверхностномъ знакомствѣ съ мѣстными условіями и вуждами русскаго Сѣвера, обнимающаго огромное пространство отъ границъ Норвегіи до Тобольской губерніи вдоль Сѣвернаго океана и Вѣлаго моря, нельзя не замѣтить, что экономическая и промышленная жизнь этого обширнаго края находится въ полномъ застоѣ и какъ бы въ летаргическомъ свѣ». Между тѣмъ Сѣверъ имѣетъ громадное значеніе для Россіи. По своему географическому положенію и по своимъ природнымъ богатствамъ сѣверный край обладаетъ всѣми данными, чтобы не только развитъ и упрочить благосостояніе мѣстнаго населенія, но и служить на благо всей странѣ. Сѣверный океанъ у береговъ Мурманъ и Вѣлаго моря (говорить арторъ) представляетъ богатую мѣстность для рыбной промышленности: уловы трески на Мурманѣ, сельдей въ Вѣломъ морѣ, наваги въ Мезенскомъ заливѣ и проч. столь

обильны, что могли бы снабжать всю среднюю и восточную часть Россіи и объѣстолицы превосходною дешевою рыбою; между тѣмъ, русскіе потребители уплачиваютъ ежегодно иностранцамъ нѣсколько милліоновъ рублей за рыбу, которая привозится въ порты Балтійскаго моря. Печорскій край, острова Колгуевъ, Вайгачъ и Новая Земля изобилуютъ пушными звѣрями, окружающіе же эти острова Ледовитый океанъ и Карское море кишатъ тюленями всякихъ породъ и прочими морскими животными. Огромныя минеральныя богатства края—нефть, соляные источники, серебро-свинцовыя, мѣдныя, желѣзныя руды, еще не тронуты, а эксплуатація обширныхъ казенныхъ лѣсовъ, занимающихъ площадь въ нѣсколько десятковъ милліоновъ десятинъ, можетъ быть значительно расширена и должна составить крупную постоянную статью государственнаго дохода и русской отпускной торговли. Обиліе поемныхъ луговъ по С. Двинѣ, Мезени, Печорѣ и другимъ рѣкамъ представляетъ всѣ условія для развитія здѣсь въ широкихъ размѣрахъ скотоводства. Въ то же время Архангельскій портъ по природнымъ удобствамъ находится въ рѣдкихъ благоприятныхъ условіяхъ: С. Двина у Архангельска представляетъ отличную гавань, а произведенныя недавно работы по углубленію фарватера сдѣлали его доступнымъ для самыхъ большихъ судовъ. Наконецъ, замѣчаетъ г. Энгельгардтъ, нельзя упускать изъ виду, что изъ всѣхъ морей, омывающихъ русскіе берега, только въ Гѣломъ морѣ и въ Сѣверномъ океанѣ Россія можетъ считать себя полнымъ хозяиномъ, и что только изъ незамерзающихъ водъ Мурмана съ его прекрасными гаванями, окруженными неприступными гранитными скалами, русскій флотъ во всякое время можетъ имѣть свободный выходъ на просторъ открытаго океана и во всѣ страны міра». По что же крайне нужно для поднятія Сѣвера? Настоятельная потребность въ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, въ расширеніи пароходныхъ сообщеній и въ устройствѣ телеграфовъ. Все это возродитъ промышленную дѣятельность края и вызоветъ къ жизни его природныя богатства. Особенно, по мнѣнію автора, нужна дорога къ Екатерининскому порту, который г. Энгельгардтъ мѣтко называетъ широкимъ окномъ не только въ Европу, но и на весь міръ. «Однако, прибавляетъ онъ, пока и къ этому окну нельзя будетъ подойти во всякое время изъ дома, т. е. съ материка, пока къ Екатерининскому порту не будетъ проложенъ рельсовый путь, до тѣхъ поръ хозяину трудно будетъ дышать, несмотря на даже на открытое настѣжь окно». Не скрывая горькой правды, авторъ отмѣчаетъ и то, что у насъ доселѣ нѣтъ правильныхъ картъ сѣвера, и сѣверныя моря наши не обследованы.

Но на Сѣверъ обращено вниманіе, и дѣло обновленія начато. Богатая восточная окраина Архангельской губерніи соединена нынѣ телеграфомъ и почтовою дорогою до с. Усть-Цильмы и пользуется пароходными сообщеніями по р. Печорѣ и отъ р. Печоры до Архангельска. Также вся мурманская телеграфная линія отъ границы Норвегіи на Печенгскій монастырь, Рыбачій островъ, Екатерининскую гавань, Колу до Кеми—окончена въ 1896 г., и тогда же открыты телеграфныя станціи съ приѣмомъ денешъ въ Печенгскомъ монастырѣ, Вайдугубѣ, въ Екатерининской гавани, въ Колѣ, Керети и Ковдѣ. Устройство телеграфной линіи между главными колоніями и становищами по Мурманскому берегу полезно потому, что рыба приплываетъ къ берегамъ не всегда къ однимъ

и тѣмъ же мѣстамъ, не въ одинаковомъ количествѣ и не въ одно и то же время. Въ одномъ мѣстѣ ея много, въ другомъ сидѣть надо безъ дѣла. Телеграфъ даетъ возможность быстро сообщать о количествѣ рыбы и передвигаться партиями...

Открывая свою книгу общимъ обзоромъ экономической промышленной дѣятельности Сѣвера, далѣе авторъ рассказываетъ о своихъ поѣздкахъ по Сѣверу и даетъ рядъ историко-этнографическихъ очерковъ Кореліи, Поморья, Лапландіи, Мурмана, Новой Земли и Печорскаго края. Всѣ эти очерки очень интересны и изобилуютъ фактами, доселѣ мало извѣстными или вовсе неизвѣстными публикѣ. Авторъ освѣщаетъ многіе вопросы совсѣмъ иначе и приходитъ къ выводамъ, противоположнымъ тѣмъ, какіе сдѣлали прежніе изслѣдователи Сѣвера. Такъ, напримѣръ, авторъ говоритъ въ очеркѣ Лапландіи: «намъ кажется нѣсколько непонятнымъ тотъ тонъ о лопаряхъ, который слышался нерѣдко въ литературѣ, въ ученыхъ изслѣдованіяхъ и даже въ административныхъ распоряженіяхъ — объ ихъ жалкой, полной лишенія жизни, объ эксплуатаціи ихъ сосѣднимъ населеніемъ. Въ дѣйствительности же, къ ихъ услугамъ, въ ихъ распоряженіи необятныя тундры и лѣса; паси оленей — гдѣ знаешь, лови рыбу — гдѣ хочешь, промысляя авѣрой и птицъ безпрепятственно, на пространствѣ многихъ милліоновъ десятинъ свободныхъ казенныхъ земель». И врядъ ли поморь считаетъ себя такимъ несчастнымъ, какъ думаютъ о немъ пишущіе. Установилось также мнѣніе, что на Мурманѣ нельзя жить, и что вслѣдствіе суровости климата невозможна колонизація. И это разбиваетъ авторъ въско. Крайне интересенъ очеркъ Новой Земли и колонизаціи на ней. Благодаря стараніямъ правительства, колонисты поставлены въ хорошія условія; тамъ выстроена церковь, создана медицинская помощь, промыслы приносятъ самоѣдамъ большую выгоду. За покрытіемъ расходовъ по содержанію самоѣдовъ, изъ вырученной суммы отъ продажи ихъ промысловъ получается значительный остатокъ, который за отчисленіемъ 10 проц. валовой выручки на образованіе капитала, предназначеннаго для нуждъ колонизаціи, — идетъ всецѣло въ собственность самоѣдовъ. У нихъ сбереженія лежатъ въ архангельскомъ отдѣленіи государственнаго банка. Такіе результаты достигнуты потому, что прекращена всякая эксплуатація промышленниками, которые платили самоѣдамъ, напримѣръ, за шкуру бѣлаго медвѣдя 5—10 р., а теперь имъ платятъ—60—70 р. Это дѣлается такъ. По распоряженію губернатора два раза въ годъ на Новую Землю командировается чиновникъ, которому вмѣняется въ обязанность забирать у самоѣдовъ въ первый пріѣздъ, по особой описи, весь годовой ихъ промыселъ, продавать его въ Архангельскѣ по существующимъ цѣнамъ и на вырученные деньги заготовлять все необходимое для колонистовъ (по ихъ требованію) и отвозить имъ. На фельдшера возложено завѣдываніе продовольственной частью и надзоръ за содержаніемъ въ порядкѣ построекъ. Въ очеркѣ авторъ сообщаетъ нѣсколько комическихъ и трогательныхъ эпизодовъ изъ жизни самоѣдовъ на Новой Землѣ и знакомитъ насъ съ свѣтлой личностью и дѣятельностью о. Іоны, котораго обожаютъ самоѣды. Насколько еще патриархальны нравы въ сѣверной глуши, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ, рассказанный г. Энгельгардтомъ. Въ отдаленныхъ мѣстахъ губерніи, гдѣ на лѣто всѣ мужчины уходятъ на промыслы, служебныя обязанности въ селахъ исполняютъ бабы. Одна изъ нихъ,

узнавъ, «что я губернаторъ»,—говорить г. Энгельгардтъ,—обратилась ко мнѣ съ просьбой, нельзя ли освободить ее отъ дальнѣйшаго сопровожденія арестанта, объясняя, что вѣдь арестантъ и самъ знаетъ дорогу». Такъ какъ арестантъ оказался маловажнымъ, то губернаторъ и разрѣшилъ просьбу въ желательномъ смыслѣ для бабы-конвоира. И отправился арестантъ одинъ, неся съ собой бумагу. — Гдѣ арестантъ? — спросили его въ полицейскомъ управленіи, куда онъ явился, и гдѣ его приняли за сотскаго. «Я самый и есть»,—отвѣчалъ арестантъ. Г. Энгельгардтъ сообщаетъ, что помимо казеннаго парохода «Мурманъ» еще военный крейсеръ охраняетъ русскія воды отъ вторженія иностранныхъ промышленниковъ. Но это еще не положило конца норвежскимъ наѣздамъ, какъ видно изъ недавней корреспонденціи въ «С.-Петербургскіе Вѣдомостяхъ». Наглость норвежцевъ не имѣетъ предѣловъ, и нужно принять болѣе энергичныя мѣры противъ иностраннаго своеволия въ русскихъ водахъ.

Если излагать подробно содержаніе прекрасной книги г. Энгельгардта, или даже отмѣтить все, что заслуживаетъ вниманія, — надо написать большую статью. Поэтому, ограничиваясь отмѣченными, я еще разъ рекомендую книгу читателямъ, которые почерпнутъ изъ нея много полезнаго, любопытнаго. Написана она такъ, что, разъ начавъ ее читать, не хочется оторваться. Конечно, авторъ не художникъ, но въ своихъ разсказахъ онъ даетъ картинки и сценки, полныя жизни, колорита и нерѣдко поэзіи. Это вмѣстѣ съ серьезностью остальнаго матеріала и дѣлаетъ сочиненіе цѣннымъ. Книга прекрасно и богато иллюстрирована. Вмѣстѣ съ г. Энгельгардтомъ ѣздилъ и ходилъ фотографъ, который захватилъ своимъ аппаратомъ все, что было достойно вниманія и имѣло значеніе. Приложенныя карты — также очень полезны при чтеніи книги, широкое распространеніе которой крайне желательно, равно какъ желательно, чтобы русскіе капиталисты перестали являться авторами «аномалій» и не уступали пассивно дорогу иностранцамъ, готовымъ быть хозяевами на югѣ и сѣверѣ Россіи. Въ заключеніе нельзя не высказать желанія, чтобы Сѣверъ скорѣе получилъ возможность заявлять о своихъ нуждахъ посредствомъ самостоятельнаго органа печати, чего тщетно и давно добиваются люди, которымъ близки интересы этого края.

А. Кругловъ.

М. Н. Катковъ. Собраніе передовыхъ статей „Московскихъ Вѣдомостей“. Изд. С. П. Катковой. Томы 1—4. Москва. 1897.

Имя Каткова достаточно извѣстно и его значеніе въ нашей политической жизни достаточно признано, чтобы приходилось о немъ особенно распространяться въ настоящей рецензіи; но другое дѣло — умственный характеръ и главныя основы политическихъ воззрѣній знаменитѣйшаго изъ русскихъ публицистовъ: это святая святыхъ его идеаловъ и дѣятельности для многихъ остается донныѣ какъ бы въ тѣни. Отношеніе Каткова къ тѣмъ или другимъ безсмѣнно волнующимъ нашу государственную и общественную жизнь вопросамъ, отрывочные взгляды его на великія и малыя историческія событія, постоянно упоминаются въ печати, но почти всегда въ передачѣ «своими словами» или при помощи столь искусно процѣженныхъ выписокъ, что словами Каткова чита-

телямъ преподносятся мысли, которыхъ онъ вовсе не высказывалъ,—а чаще того,—взгляды, противъ которыхъ онъ боролся всею силою своего таланта и энергій. Однако, провѣрять эти былины о Катковѣ до сихъ поръ было нерѣдко еще труднѣе, чѣмъ повѣрить имъ,—по крайней мѣрѣ, для тѣхъ младшихъ поколѣній нашего общества, которыя застали Каткова уже сложившимся дѣятелемъ, окруженнымъ цѣлою тучею предразсудковъ, предвзятыхъ похвалъ и порицаній, восхищенія и вражды, причемъ порицаній и вражды было неизмѣримо болѣе, чѣмъ похвалъ и восхищенія, такъ что до самого Каткова приходилось съ трудомъ пробиваться сквозь дремучій лѣсъ разнорѣчивыхъ о немъ сужденій. Кромѣ того, сознательное, отчетливое и полное знакомство съ его взглядами было чрезвычайно затруднено фактически: старыя газеты почти никогда не сохраняются, иногда даже въ общественныхъ библиотекахъ, а тамъ, гдѣ онѣ сохраняются, пользованіе ими обставлено сложными условіями, гарантирующими цѣлость и сохранность столь легко разрозниваемыхъ газетныхъ листовъ; съ другой стороны, необходимо страшно много времени, терпѣнія и доброй воли, чтобы обречь себя на пересмотръ тысячъ этихъ листовъ, не руководясь никакими указателями, не зная, гдѣ чего искать, гдѣ о чемъ справиться; передъ такимъ трудомъ позволительно отступить даже самымъ горячимъ почитателямъ, не только врагамъ, и ужъ тѣмъ болѣе — равнодушнымъ читателямъ, желающимъ просто уяснить себѣ по безпристрастнымъ подлиннымъ даннымъ, что такое былъ Катковъ въ цѣломъ, отдать себѣ общій отчетъ въ системѣ его взглядовъ и характерѣ его дѣятельности. Наконецъ, самая природа журнальнаго дѣла такова, что въ непрерывной ногонѣ за безчисленными и быстро смѣняющимися разнообразными событіями публицисту приходится разбрасываться, разрознивать механически свои взгляды безъ всякой заботы о ихъ идеальной связи и единствѣ. Органическая цѣльность и систематичность возрѣвѣй, живущая въ умѣ публициста, какъ единое при всей своей развѣтвленности «древо мысленное», на газетныхъ столбцахъ превращается въ капризный и подвижной хаосъ осенняго листопада. Публицисту некогда высказываться, подобно мыслителю или поэту; чтобы его слушали, онъ долженъ говорить не больше того, чего требуетъ минута. Нерѣдко цѣлыми годами приходится ему ждать событій, которыя дали бы ему возможность выяснить ту или другую промежуточную въ его системѣ мысль, связать необходимымъ звеномъ неубѣдительныя въ отдѣльности начала. Потому позднѣйшій читатель, не захваченный волненіемъ тѣхъ минутъ, къ которымъ относилось журнальное слово, скользнуть вниманіемъ по безразличнымъ для него мелочамъ прошедшаго и, теряясь въ ихъ подавляющемъ обиліи, пропускаетъ отдѣльныя руководящія мысли, очаги убѣдительности въ статьѣ, необходимыя составныя звенья мировоззрѣнія публициста. Впечатлѣнія разсѣиваются, не сливаются въ единый цѣльный образъ,—и утомленный читатель окончательно предается какому нибудь готовому чужому приговору, становясь нрѣдка почитателемъ, а гораздо чаще порицателемъ дѣятеля, котораго, въ сущности, знаетъ только по имени. Между тѣмъ, роль, сыгранная Катковымъ, была столь значительна, его время такъ близко отъ насъ и такъ тѣсно связано съ текущими злобами современности, что знакомство съ его руководящими идеями представляется зачастую поло-

жительно необходимымъ даже для людей, къ нему равнодушныхъ, не только для его сторонниковъ и враговъ. Кроме того, и время идетъ, подростаютъ новыя поколѣнія, вовсе не знавшія Каткова при его жизни, и которыя рады отнестись къ нему съ полнымъ безпристрастіемъ, но совершенно лишены къ тому возможности. Въ виду сказаннаго, нельзя не привѣтствовать въ общественномъ интересѣ изданія, начатаго вдовою Каткова, — полнаго собранія передовыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей», съ первоначальнаго перехода ихъ въ руки Каткова до его смерти. Обширность изданія и при всей дешевизнѣ огромная стоимость, — 25 огромныхъ томовъ, изъ которыхъ каждый по приближительному расчету включаетъ отъ 63 до 108 печатныхъ листовъ «Историческаго Вѣстника», стоятъ по подпискѣ 62 р. 50 к., а въ отдѣльной продажѣ по 3 р. томъ, — предназначаютъ его для неширокаго круга покупателей; но зато, благодаря этому собранію, Катковъ впервые попадетъ въ частныя и общественныя бібліотеки. Изданіе это, конечно, только сводъ сырого матеріала; но разъ матеріалъ собранъ, то уже сдѣланъ значительный шагъ къ выясненію общихъ взглядовъ и міровоззрѣнія Каткова. Разумѣется, на этомъ первомъ шагѣ нельзя остановиться: за собраніемъ статей «Московскихъ Вѣдомостей» должны быть изданы и другія статьи Каткова, появившіяся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и другихъ журналахъ, его научныя работы, наконецъ, его обширная переписка. Все это должно быть и, надѣемся, будетъ издано: въ успѣхъ такого изданія едва ли можно сомнѣваться, въ виду его огромнаго общественнаго значенія. Только на основаніи такого полнаго свода возможно будетъ обрисовать современному обществу и умственный обликъ, и міровоззрѣніе знаменитаго публициста, то есть, извлечь изъ груды матеріаловъ проникающій ихъ духъ писателя, выяснить и сопоставить общія руководящія идеи и идеалы его продолжительной и громкой дѣятельности. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, то собраніе статей, первые четыре тома котораго дали поводъ къ настоящей замѣткѣ, является основнымъ матеріаломъ для разрѣшенія этой задачи, такъ что, по его окончательномъ выходѣ въ свѣтъ, читателямъ «Историческаго Вѣстника» будетъ предложенъ опытъ общей характеристики воззрѣній Каткова.

В. Никольскій.

Описаніе Маньчжуріи (съ картой). Составлено въ канцеляріи министра финансовъ, подъ редакціей Дмитрія Пондичева. Въ двухъ томахъ. Спб. 1897.

Если бы Нансенъ вмѣсто полярныхъ странъ избралъ цѣлью своей экспедиціи глухія азіатскія области, входящія въ составъ Китая, ему, безспорно, не собрать бы и десятой доли тѣхъ овацій, какими сопровождался его возвращеніе на родину и путешествіе по Европѣ. Таковъ ужъ капризъ публики: экспедиціи въ страну льдовъ и холода, гдѣ ничего нѣтъ, и ничего быть не можетъ, приковываютъ надолго вниманіе общества, газеты кричатъ о нихъ и толкуютъ на всевозможные лады, не взирая на то, что плодотворныхъ научныхъ результатовъ здѣсь немного. Совсѣмъ другая участь постигала тѣхъ не менѣе смѣлыхъ и серьезныхъ работниковъ науки, которые не останавливались

предъ трудностями хотя менѣе эффектнаго, за то болѣе полезнаго путешествія по областямъ поднебесной имперіи: объ этихъ экспедиціяхъ знали только въ тѣсныхъ ученыхъ кружкахъ, а общая публика почти ими не интересовалась. Неудивительно поэтому, что у насъ о Китаѣ господствуютъ самыя сбивчивыя и невѣрныя понятія, а большинство не имѣетъ вовсе никакого представленія объ этомъ любопытномъ краѣ.

Теперь русскому обществу волей-неволей приходится побѣдить свое равнодушіе къ Китаю и, кромѣ пресловутыхъ китайскихъ церемоній, узнавать какъ о странѣ, такъ и о народѣ много кое-чего другаго. Сибирская желѣзная дорога, какъ растянутая резина, непреодолимой силой влечетъ два великія государства одно къ другому; съ основаніемъ же русско-китайскаго банка и началомъ русской желѣзной дороги на китайской территоріи, связь между Россіей и Китаемъ становится еще тѣснѣе, и мы думаемъ, что «Описаніе Маньчжуріи» есть только первый выпускъ цѣлой серіи изданій, которыя придется предпринять нашему министерству финансовъ, въ видѣ настольнаго руководства для своихъ агентовъ, кои въ поручены обязанности по непосредственнымъ сношеніямъ съ Китаемъ. Такимъ образомъ, первоначальная цѣль настоящаго изданія—чисто практическая, и—какъ это ни страннымъ покажется—благодаря такому назначенію, научная цѣнность «Описанія» стоитъ на надлежащей высотѣ: оно не представляетъ собою простаго пересказа двухъ-трехъ болѣе достовѣрныхъ сочиненій о Маньчжуріи. Желая дать своей книгой твердаго и надежнаго совѣтника всѣмъ тѣмъ, кому придется быть пионеромъ въ области непосредственныхъ сношеній съ этой страной, г. Позднѣвъ долженъ былъ не упустить изъ виду ни одной строчки, откуда можно было почерпнуть относящіяся сюда свѣдѣнія. И дѣйствительно, литература предмета представлена здѣсь въ той полнотѣ, какая встрѣчается въ заправскихъ диссертаціяхъ (одинъ перечень сочиненій занимаетъ 26 стр.; см. т. II, прил. X), такъ что «Описаніе» представляетъ собою хорошо провѣренный и съ строгою точностью выведенный итогъ всего того, что было доселѣ сказано учеными и путешественниками объ этой малозвѣстной странѣ. Правда, г. Позднѣву не по всѣмъ вопросамъ пришлось дать категорическія разъясненія: въ повѣствованіяхъ путешественниковъ существуетъ немало пробѣловъ и даже противорѣчій, разъяснить которыя оказалось невозможнымъ, за отсутствіемъ строгаго критерія; но и въ этомъ отношеніи за сочиненіемъ г. Позднѣва остается весьма важное значеніе,—здѣсь выдвинуты всѣ разногласія и неточности «съ цѣлью обратить на нихъ вниманіе будущихъ изслѣдователей страны и помочь такимъ образомъ дѣлу выработки точныхъ строго-научныхъ знаній». Надобно замѣтить, что доселѣ въ дневникахъ путешественниковъ совсѣмъ не встрѣчалось указаній на предварительное ознакомленіе ихъ авторовъ съ литературою предмета,—очень вѣроятно,—потому именно, какъ говоритъ г. Позднѣвъ, что отчеты о поѣздкахъ помѣщались въ малодоступныхъ изданіяхъ. Въ общемъ, помимо практическихъ цѣлей, изслѣдованіе г. Позднѣва оказываетъ немалую услугу и цѣлямъ чисто-научнымъ.

Обращаясь къ положительной сторонѣ настоящаго сочиненія, слѣдуетъ прежде всего указать на полноту какъ плана, по которому составлено опи-

саніе, такъ и того матеріала, который уложенъ въ книгѣ. Послѣ историческаго (I гл.) и географическаго (II и III гл.) очерка Маньчжуріи, г. Позднѣвъ въ послѣдовательномъ порядкѣ описываетъ: геологическое строеніе страны (IV гл.), климатъ, растенія и животныхъ (V гл.), даетъ подробныя свѣдѣнія о составѣ населенія (VI гл.), объ администраціи и ея органахъ (VIII гл.), о городахъ (VIII гл.), о путяхъ сообщенія (IX гл.), о добывающей и обрабатывающей промышленности (X гл.) и, наконецъ, о торговлѣ (XI гл.). Въ заключеніи авторъ перечисляетъ тѣ вопросы, которые подлежатъ выясненію при послѣдующемъ изслѣдованіи этой страны, и намѣчаетъ тѣ способы, путемъ которыхъ можно бы внести струю оживленія въ сферу торговыхъ сношеній Россіи съ Маньчжуріей, къ обоюдной выгодѣ обѣихъ странъ.

Нѣкоторые отдѣлы книги (напримѣръ, рассказъ о разработкѣ знаменитыхъ желтугинскихъ пріисковъ и объ оригинальной организаціи разноплеменной артели, охваченной жаждой наживы) читаются съ большимъ интересомъ. Конечно, значительная часть книги замѣщена чисто-дѣловыми данными (напр., перечень путей сообщенія и дорожныхъ станцій), которые имѣютъ интересъ не для читателя, а лишь для стоящаго непосредственно у дѣла лица. Намъ, поэтому, кажется, что г. Позднѣвъ прекрасно сдѣлалъ бы, если бы для общей публики издалъ популярный очеркъ Маньчжуріи, гдѣ помѣстилъ бы лишь свѣдѣнія общаго характера, выпустивъ всѣ тѣ подробные перечни, которые имѣютъ справочный характеръ.

Приложенная къ «Описанію» карта исполнена роскошно.

К-хъ.

Система и текстъ XII таблицъ. Изслѣдованіе по исторіи римскаго права В. Никольскаго. Спб. 1897.

Автора настоящаго изслѣдованія не приходится усиленно рекомендовать читателямъ «Историческаго Вѣстника», какъ начинающаго писателя. Статьи и рецензіи его, появляющіяся отъ времени до времени на страницахъ нашего журнала, лучше всего говорятъ сами за себя; кромѣ того, пишущій эти строки, нѣсколько времени тому назадъ въ политической статьѣ «Литературная молодежь», указалъ на нѣкоторые общіе недостатки его литературной фizioноміи, относя ихъ исключительно насчетъ молодости и неопытностисвоего товарища по журналу. Но рядомъ съ кое-чѣмъ неприятнымъ, сказаннымъ съ полною откровенностью по адресу г. Никольскаго, тогда же было отмѣчено, что онъ «нарождающаяся сила», съ которой такъ или иначе придется въ будущемъ считаться. И въ настоящее время намъ приходится отъ души порадоваться, что мы не ошиблись въ своемъ предсказаніи, въ своей аттестаціи. Молодой писатель выступилъ съ серьезнымъ и обширнымъ изслѣдованіемъ по римскому праву, которое, безъ сомнѣнія, привлечетъ къ себѣ вниманіе научныхъ силъ литературы и высшихъ учебныхъ заведеній. Мы сугубо радуемся появленію изслѣдованія г. Никольскаго: и какъ прекрасному дару, вносимому въ сокровищницу русской науки, и какъ наглядному повороту въ дѣятельности даровитаго и образованнаго писателя. Его обращеніе на путь серьезной и кро-

потливой работы, требующей от автора сосредоточения силъ и анализа своихъ познаній, вѣроятно, нѣсколько отвратитъ его отъ злоупотребленія своими природными дарованіями, позволявшими ему, чуть ли не сейчасъ со школьной скамьи, рѣзко и съ апломбомъ судить на весь міръ о всевозможныхъ сторонахъ общественной русской жизни, требующихъ на самомъ дѣлѣ большого жизненнаго опыта, знанія людей и немалыхъ наблюденій. Да не подумаютъ читатели, чтобы авторъ настоящей замѣтки былъ сторонникомъ изолированія молодыхъ нашихъ дѣятелей печатнаго слова отъ соприкосновенія съ улицей и типами повседневной жизни. Нѣтъ, упаси насъ, Боже! Но г. Никольскій обнаруживалъ въ своихъ газетныхъ работахъ такую бойкость и развязность, такую непогрѣшимую докторальность, что вчужѣ неловко становилось. Вступленіе въ наши дни на отвѣтственный и серьезный путь научной критики и серьезныхъ академическихъ изслѣдованій послужить, конечно, поворотомъ въ его дѣятельности, дастъ надлежащее направленіе его богатымъ силамъ и способностямъ. Пусть же книга «Система и текстъ XII таблицъ» явится въ его жизни своего рода «бѣгствомъ изъ Мекки въ Медину».

Ученый трудъ г. Никольскаго заслуживаетъ по всей справедливости серьезнаго вниманія и является въ нашей скудной русской литературѣ о римскомъ правѣ явленіемъ чрезвычайно утѣшительнымъ. Наши университеты, соотвѣственно съ общимъ пониженіемъ отечественной образованности и серьезныхъ интересовъ за послѣдніе два десятка лѣтъ, все рѣже и рѣже видятъ представляемые имъ на ученыхъ стени диссертаций, которыя бы оставляли серьезный и заслуженный слѣдъ въ наукѣ. Въ большинствѣ случаевъ, это или компиляція чистѣйшей воды, писанная со словъ «великихъ учителей», или обслѣдованія крохотныхъ и второстепенныхъ вопросовъ, обнаруживающія въ авторахъ, можетъ быть, много старанія и прилежанія, но во всякомъ случаѣ весьма недалекой полетъ мысли, а еще менѣе наличность того, что обыкновенно именуется «искрою Божіею». Г. Никольскій, къ чести его будь сказано, по нашему искреннему мнѣнію, свободенъ отъ послѣднихъ изъ отмѣченныхъ недостатковъ и дѣлаетъ смѣлую попытку пойти самостоятельнымъ путемъ, намѣтивъ для своихъ работъ трудную и отвѣтственную задачу. Дѣло въ томъ, что вопросъ о XII таблицахъ, этомъ великомъ памятникѣ законодательства римскихъ децемвировъ, — вопросъ очень мало выясненный въ исторической и историко-юридической литературѣ; плотная пелена историческихъ непровѣренныхъ извѣстій, преданій, а еще болѣе отсутствіе въ древней литературѣ опредѣленныхъ указаній и описаній, накопившіяся по сему предмету научныя произвольныя толкованія и гипотезы, все въ совокупности вмѣстѣ взятое окутываетъ знаменитый памятникъ древней жизни таинственностью и туманомъ. Если еще западно-европейскимъ изслѣдователямъ — преимущественно Гнейсту, Фойгту, Брунсу и другимъ — удалось внести въ этотъ вопросъ нѣкоторые лучи свѣта, то наши отечественные ученые остались совершенно непричастны такой работѣ, и ихъ въ данномъ случаѣ не приходится поминать похвальнымъ словомъ. Сложность ли задачи, неувѣренность ли въ своихъ силахъ, или отсутствіе совершенныхъ и разностороннихъ орудій знанія препятствуютъ нашимъ романсистамъ критически изучать этотъ важный памятникъ, трудно сказать, но во всякомъ слу-

чаѣ фактъ останется фактомъ, и г. Никольскому, приступившему къ этой задачѣ, нечѣмъ было позаниматься по настоящему предмету въ родной литературѣ. Онъ выступастъ одинокомъ на отечественномъ полѣ науки, и отсюда простекаетъ и выгода и невыгода его положенія. Выгода заключается въ томъ, что, какова бы ни была официальная судьба его труда, послѣдній все-таки остается единственнымъ въ нашей литературѣ и съ нимъ такъ или иначе придется считаться и его отмѣчать. Невыгода же можетъ простечь, даже помимо строгаго суда знатоковъ дѣла, специалистовъ, изъ чисто-субъективныхъ соображеній, играющихъ, какъ извѣстно, нерѣдко рѣшающую роль въ нашемъ ученомъ муравейникѣ.

Г. Никольскій не связываетъ своего имени ни съ какими родными традиціями, ни съ какою школою, и не снѣшитъ заблаговременно съ почтительнымъ поклономъ къ своимъ будущимъ судьямъ. Это обстоятельство можетъ быть занесено въ графу ученыхъ продерзости и непочтительности. Къ категоріи же невыгоднаго легко можетъ быть отнесена живость научнаго изложенія и оригинальность приемовъ автора. Искусившись достаточно въ журнальной и газетной работѣ, г. Никольскій сумѣлъ извлечь для даннаго случая изъ этой полосы жизни все лучшее, а именно стремленіе къ художественности, отвращеніе къ тому академизму, который дѣлаетъ ученаго недоступнымъ для массы, а сохраняетъ всѣ его прелести и достоинства лишь для избраннаго круга лицъ, приобщившихся официальной, часто заправской учености. Эти качества почтеннаго изслѣдователя особенно наглядно отразились на переводѣ текста знаменитыхъ таблицъ. Употребивъ въ дѣло свои обширныя познанія по филологіи, исторіи и правовѣдѣнію, г. Никольскій въ предѣлахъ возможнаго и доступнаго, конечно, возстановляетъ текстъ законодательнаго памятника децемвировъ и присоединяетъ сюда переводъ его на русскій языкъ стилемъ и выраженіями «Русской Правды» и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ нашего отечественнаго законодательства, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ дополняя ихъ выраженіями простонародной рѣчи. Въ объясненіе такого оригинальнаго и вполне справедливаго приема, авторъ говоритъ: «Языкъ справедливости вездѣ одинъ и тотъ же; но различіе быта нерѣдко погубительно вліяетъ на взаимное пониманіе; а между тѣмъ бытъ воинственной и земледѣльческой Руси временъ дѣтей Ярослава несомнѣнно ближе къ быту предковъ Катона, чѣмъ бытъ современныхъ ученыхъ романистовъ — вѣрующихъ или скептическихъ учениковъ нѣмецкой науки права». Возстановленный текстъ таблицъ, сводъ его отрывковъ и вариантовъ, съ его оригинальнымъ древне-русскимъ переводомъ, съ обильными подстрочными ссылками и съ богатымъ справочнымъ указателемъ выдѣлены г. Никольскимъ въ особую брошюру и изданы отдѣльно главнымъ образомъ для учащейся на юридическихъ факультетахъ университетовъ молодежи. Это первое у насъ изданіе памятниковъ, приравненное для университетскаго преподаванія по римскому праву, чрезвычайно доступное по цѣнѣ и вполне добросовѣстно обработанное.

Не менѣе искусства и знанія въ дѣлѣ сведенія отрывковъ памятника обнаруживаетъ молодой ученый и въ анализѣ его текста. Разбирая его исторически и филологически по преимуществу, г. Никольскій возстановляетъ его любо-

пытную исторію, разъясняетъ время его появленія, указываетъ немало существенныхъ ошибокъ со стороны комментаторовъ памятника, глоссаріевъ и лицъ, научно имъ занимавшихся. Специалисты, суду которыхъ подвергнется работа г. Никольскаго, въ свое время, конечно, отмѣтятъ достоинства и недостатки его работы, что не входитъ въ задачи краткой рецензіи, писанной для массы читателей, для которыхъ специальная область римскаго права почти недоступна. Наше дѣло было лишь обратить на этотъ трудъ вниманіе, какъ на явленіе очень отрадное въ современной научной литературѣ, обнаруживающее оригинальность приемовъ разработки предмета и новизну самостоятельность избраннаго г. Никольскимъ научнаго пути. Въ предисловіяхъ и къ книжкѣ, и къ брошюрѣ авторъ даетъ понять, что настоящая работа является какъ бы первымъ камнемъ въ томъ научномъ зданіи, которое онъ со временемъ собирается возвести. Такое указаніе было очень пріятно узнать, потому что, судя по первому опыту, обнаружившему богатые силы автора, мы вправѣ отъ него ожидать немало пользы и богатыхъ результатовъ въ будущемъ. Кому много дано, съ того и много взыщется.

Г. Д. И.

А. Ярушевичъ. Ревнитель православія князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (1461—1530) и православная литовская Русь въ его время. Смоленскъ. 1897.

Въ трудахъ православно-русскихъ историковъ, налагавшихъ судьбы западной Россіи подъ владычествомъ Польши, съ давнихъ поръ установилась своеобразная традиція какъ въ методѣ изслѣдованія, такъ даже въ приемахъ изложенія. За немногими счастливыми исключениями, изслѣдованія нашихъ ученыхъ по исторіи Западно-Русскаго края въ сильной мѣрѣ грѣшатъ тѣмъ самымъ недостаткомъ, за который такъ охотно и такъ несправедливо мы бросаемъ укоръ польскимъ ученымъ, при этомъ иногда въ тонѣ рѣчи звучитъ такая запальчивость, какую не часто можно встрѣтить въ газетной полемикѣ по живымъ вопросамъ минуты. Мы не будемъ говорить о цѣломъ морѣ брошюръ и небольшихъ очерковъ юбилейнаго характера, съ исторической начинкой весьма сомнительнаго качества и еще болѣе сомнительной свѣжести, состряпанныхъ въ провинціальныхъ захолустьяхъ мѣстными историками; гораздо печальнѣе, что такое же пренебреженіе къ исторической правдѣ и слишкомъ большая развязность въ обращеніи съ первоисточниками зачастую встрѣчается и у патентованныхъ историковъ. Въ результатъ получается извѣстное удивительное явленіе: польскіе и русскіе ученые, оперируя надъ однимъ и тѣмъ же историческимъ матеріаломъ, по однороднымъ вопросамъ даютъ діаметрально противоположный отвѣтъ. А такъ какъ истина, несомнѣнно, одна (что хорошо извѣстно ученымъ того и другаго лагеря), то, заранее предполагая естественное изумленіе у читателя, ученые стараются убѣдить его, что истина—то, что мы говоримъ, а что проповѣдуютъ другіе, это есть ложь, фальшь и искаженіе. Польскіе ученые убѣждаютъ въ этомъ своихъ читателей, русскіе—своихъ; читатель,—надо полагать,—умиляется, вѣритъ и благодаритъ.

Конечно, дѣло не можетъ оставаться въ такомъ положеніи на-вѣки; той и другой сторонѣ, хотя и невольно, приходится дѣлать уступки и шагъ за ша-

гоме приближаться къ болѣе безпристрастному взгляду на прошлыя судьбы Западнаго края. Въ польской исторической литературѣ блестящій примѣръ полнаго отрѣшенія отъ всякаго и безцѣльнаго пристрастія далъ Казиміръ Стадницкій, монографія котораго о Гедиминовичахъ пользуется самою почетною извѣстностью и притомъ общепризнаннымъ авторитетомъ. Нѣкоторые признаки такого поворота можно наблюдать и у насъ—въ трудахъ молодыхъ ученыхъ кievской школы. Диссертация г. Ярушевича, заглавіе которой приведено выше, должна быть тоже причислена къ весьма успѣшнымъ попыткамъ стать на прямую дорогу въ томъ лабиринтѣ разногласій и противорѣчій, которыя накопились въ сферѣ традиціоннаго представленія о судьбахъ православія и русской народности въ литовско-польскомъ королевствѣ. Начать съ того, что авторъ нигдѣ не позволяетъ себѣ впадать въ тотъ медорѣчивый, но бездушный и приторный лиризмъ, который такъ неприятно поражаетъ насъ въ яко-бы «ученыхъ» издѣліяхъ извѣстнаго пошиба. Отъ первой до послѣдней страницы рѣчь ведется строго дѣловымъ тономъ, который для серьезнаго читателя, конечно, гораздо убѣдительнѣе и краснорѣчивѣе, чѣмъ самыя «потрясательныя» восклицанія. Гдѣ можно и нужно, авторъ призываетъ на помощь цифровой подсчетъ, и у читателя исчезаетъ послѣдняя тѣнь сомнѣнія, при томъ — безъ всякихъ киваній по адресу «тенденціозности» польскихъ историковъ. Даже въ заключительныхъ стр. (212—224), посвященныхъ общей характеристикѣ кн. К. И. Острожскаго, г. Ярушевичъ съ значительнымъ научнымъ тактомъ не удѣлялъ въ своей книгѣ мѣста обычной въ такихъ случаяхъ полемикѣ съ дѣятелями давнопрошедшихъ временъ по вопросамъ національной и вѣроисповѣдной политики.

Такимъ же характеромъ строгой научности и высокаго безпристрастія отличаются и выводы автора. Встрѣчаясь съ явленіемъ, которое рисуетъ положеніе православно-русскаго элемента въ королевствѣ съ неблагоприятной стороны, авторъ всего менѣе склоненъ сейчасъ же свалить вину на «фанатизмъ», «ополяченіе» и т. д., а старается искать болѣе разумныхъ и убѣдительныхъ оснований. Такъ, коснувшись извѣстнаго столкновенія Сигизмунда съ радой по поводу назначенія кн. К. И. Острожскаго воеводою трокскимъ, авторъ подробно объясняетъ, что это столкновеніе вызывалось лишь «желаніемъ рады удержать свой рѣшающій голосъ въ вопросѣ о замѣщеніи высшихъ должностей и происшедшей отсюда оппозиціи противъ монархическихъ попытокъ Сигизмунда» (стр. 168). Это разъясненіе очень важно, если припомнить, что «нѣкоторые изъ авторовъ на основаніи этого факта говорятъ о преслѣдованіи православныхъ (М. О. Кояловичъ) въ то время, а другіе—о стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ ихъ правъ за религиозныя убѣжденія» (стр. 164), такъ что, въ общемъ, традиціонный взглядъ «даетъ неправильную окраску всей эпохѣ». А ларчикъ просто открывался... Равнымъ образомъ, едва ли не первымъ г. Ярушевичъ имѣетъ мужество признать, что первая четверть XVI вѣка была «въ практически-жизненно-номъ отношеніи золотымъ вѣкомъ западно-русскаго православія» (стр. 174).

Нѣкоторымъ диссонансомъ звучатъ только отдѣльныя фразы предисловія о «полной драматизма глухой борьбѣ за религиозную и политическую равноправность», о «жаждѣ пронаганды» со стороны латино-польскаго элемента,

объ «общей нивеллировкѣ по латино-польскимъ образцамъ», составлявшей задачу польскаго правительства, и т. д. Здѣсь, повидимому, авторъ сдѣлалъ уступку (и совершенно напрасную) традиціи. Впрочемъ, предисловіе, но имѣя особеннаго значенія (основные выводы автора приведены не здѣсь, а въ самомъ изслѣдованіи), нисколько не уменьшаетъ важныхъ достоинствъ диссертациі и не ослабляетъ благопріятнаго впечатлѣнія. Не всегда также можно согласиться съ аттестациями источниковъ и пособій, раздаваемыхъ г. Ярушевичемъ въ обзорѣни литературы вопроса (стр. 9.—20 особенно, о хроникѣ Стрыйковскаго).

Изъ приложеній особенно цѣнны: № 1 (родословная таблица кн. Острожскихъ и Заславскихъ, составленная г. Ярушевичемъ по первоисточникамъ) и № 6 (списки должностныхъ лицъ литовско-русскаго государства за періодъ 1460—2530 г.г.); послѣдній номеръ, очевидно, потребовалъ громаднаго труда и самаго зоркаго вниманія. Приложенъ также алфавитный указатель и карта, исполненная очень тщательно и изящно. Такимъ образомъ, диссертациія обставлена рѣдкимъ по полнотѣ и богатству научнымъ аппаратомъ.

К. Х.

О. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ V. Спб. 1897.

Громадный трудъ почтеннаго нашего критика и библиографа, г. Венгерова, вызывавшій еще не такъ давно сомнѣнія любителей русской словесности въ возможности его благополучнаго когда нибудь доведенія до конца, повидимому, организуется въ настоящее время по такому плану и при такихъ условіяхъ, когда предпріятію перестаютъ грозить всякія случайности и особенныя затрудненія. Этому пельзя отъ души не порадоваться—порадоваться и за неутомимаго составителя «Словаря», и за нашу библиографическую литературу, которая по непостижимому какому-то року чрезвычайно несчастлива именно въ отношеніи русскихъ писателей и ученыхъ. «Словарь» г. Венгерова пережилъ въ настоящее время слѣдующее преобразование: онъ выходитъ, такъ сказать, въ трехъ видоизмѣненныхъ изданіяхъ. Первое носитъ заглавіе «Русскія книги» и издается Г. В. Юдинымъ изъ Красноярска, второе — «Списокъ русскіхъ писателей и источниковъ для ихъ изученія» и будетъ издано академіей наукъ. Оба эти изданія должны явиться какъ бы подготовительными работами къ «Словарю» и облегчить его скорѣйшее появленіе въ свѣтъ.

«Русскія книги», уже вышедшія первымъ томомъ, пополняютъ въ нашей литературѣ одинъ изъ существеннѣйшихъ пробѣловъ библиографическаго свойства. Извѣстные труды Пекарскаго и А. Θ. Вычкова тщательно описываютъ только книги Петровскаго времени; въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» за послѣднія лишь 20 лѣтъ книги и новыя изданія полно описываются главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати; для громаднаго же періода съ 1725 года и до начала семидесятыхъ годовъ нѣтъ мало-мальски удовлетворительныхъ пособій: и «Роспись» Анастасевича, и «Опытъ» Сопкиова не удовлетворяютъ своему назначенію и не всегда удобны для пользованія. Что касается

работъ Губертт, Геннаді, Н. Лихачева и Остроглазова, то онѣ обнимаютъ всего какихъ нѣбудь тысячу книгъ. Такимъ образомъ, мы убѣждаемся, что по части описанія русскихъ книгъ дѣло обстоитъ чрезвычайно печально. Г. Венгеровъ, при меценатской поддержкѣ извѣстнаго провинціального «книголюба», Геннадія Васильевича Юдина, энергично выступилъ на помощь давно-соврѣвшей надобности. Взявъ для начала описанія русскихъ книгъ работы Пекарскаго и Вычкова по отношенію Петровскаго времени и опубликованія главнаго управленія по дѣламъ печати для послѣднихъ лѣтъ, онъ не затруднился по подлинникамъ описать всѣ книги за періодъ полутораста лѣтъ (съ 1725 по 1870 годы); даже сочиненія второй категоріи, то-есть уже отиѣченныя на страницахъ «Правительственнаго Вѣстника» и зарегистрированныя на карточкахъ Публичной бібліотеки, онъ тщательно провѣрилъ и внесъ сюда соответствующія его задачѣ дополненія. Слѣдуя такому пути, онъ къ началу текущаго года выпустилъ уже первый томъ своихъ «Русскихъ книгъ», гдѣ имѣются свѣдѣнія о всѣхъ писателяхъ, въ ихъ отдѣльныхъ изданіяхъ и работахъ, съ буквы А до первыхъ слоговъ буквы В, причемъ не огра ничился библиографіей въ тѣсномъ смыслѣ, но далъ и краткія біографическія свѣдѣнія о каждомъ упоминаемомъ дѣятелѣ русскаго печатнаго слова. Послѣднее чрезвычайно цѣнно, такъ какъ многіе изъ упомянутыхъ дѣятелей не могли бы найти себѣ мѣста въ «Критико-біографическомъ словарѣ». Не представляя собою съ точки зрѣнія задачи «Словаря» значительнаго литературнаго и научнаго интереса, они бы были обречены на пропускъ и забвеніе. Таково первое видовзмѣненіе въ судьбѣ «Словаря» г. Венгерова, обещающее нашей справочной литературѣ плодотворныя слѣдствія. Дабы не было сомнѣнія въ медленности движенія въ изданіи «Русскихъ книгъ», составитель и издатель выпускаютъ ихъ отдѣльными «выпусками», по 3 листа каждый, и уже къ настоящему времени, когда пишется эта рецензія, на книжныхъ прилавкахъ магазиновъ можно видѣть въ выпускахъ благополучное продолженіе библиографической обработки буквы В. Вторымъ чрезвычайно важнымъ моментомъ въ жизни «Словаря» было соглашеніе съ его составителемъ нашей академіи наукъ, которая изъявила желаніе, воспользо-вавшись громаднымъ карточнымъ каталогомъ г. Венгерова, издать за свой счетъ и за очень умѣренное вмѣстѣ съ тѣмъ вознагражденіе составителя— «Списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и источниковъ для ихъ изученія». Списокъ этотъ еще не появился въ печати, но, судя по нѣкоторымъ указаніямъ въ предисловіи къ пятому тому «Словаря», въ него должно выйти то, что до сихъ поръ помѣщалось г. Венгеровымъ петитомъ вслѣдъ за каждой біографіей и литературной характеристикой. Судя по заключенному съ почтеннымъ составителемъ договору, академія ниѣтъ намѣреніе всего въ нѣсколько лѣтъ осуществить это полезное предпріятіе и уже въ текущемъ году приступила къ печатанію представленныхъ ей матеріаловъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что «Словарь» г. Венгерова обезпеченъ въ своемъ появленіи на свѣтъ въ существенныхъ справочныхъ его частяхъ. Что бы тамъ ни было, сконлектованный трудолюбивымъ собирателемъ карточный архивъ гарантируетъ выходъ «Русскихъ книгъ» и «Списка русскихъ писателей и ученыхъ и источниковъ для ихъ изученія». Остается дѣло такимъ

образомъ за печатаніемъ тѣхъ критико-біографическихъ характеристикъ, ради которыхъ и предпринятъ первоначально главнымъ образомъ «Словарь». Вышедшая пятая часть даетъ по этому предмету, какъ и предыдущія части, немало интереснаго, но рядомъ съ этимъ она является и нѣсколько преобразованною, въ зависимости отъ предпринятыхъ отмѣченныхъ выше изданій. Обезпеченный въ послѣдовательности выпусковъ «книгъ» и «списка», г. Венгеровъ уже не чувствуетъ себя во что бы то ни стало связаннымъ систематическою алфавитностью, почему и рѣшилъ дѣлиться съ читателями тѣмъ матеріаломъ критико-біографическаго характера, который уже вполне подготовленъ и можетъ въ обработанномъ видѣ появиться въ печати. По этимъ соображеніямъ составъ дѣателей литературы и науки, вошедшихъ въ настоящій томъ, носить въ алфавитномъ отношеніи смѣшанный характеръ: тутъ нашли себѣ мѣсто фамиліи на букву Б, и на букву В, и даже на Д.; это лишаетъ, конечно, въ значительной мѣрѣ трудъ его алфавитно-словарнаго характера и нѣсколько затрудняетъ пользованіе имъ, понуждая постоянно наводить справки въ «оглавленіяхъ», но суть дѣла отъ того не мѣняется; вмѣстѣ съ тѣмъ такой оборотъ печатанія общааетъ скорѣйшій конецъ «Словаря» или во всякомъ случаѣ появленіе его значительной части. Этими словами я никоимъ образомъ не имѣю въ виду набросать какую нибудь тѣнь сомнѣнія на предпріятіе г. Венгерова и довѣріе къ нему публики. Наоборотъ, я нарочно остановился подробно въ началѣ замѣтки на описаніи достигнутой нынѣ «Словаря» судьбы, въ надеждѣ или по крайней мѣрѣ въ желаніи обратить на нее вниманіе многочисленныхъ читателей «Историческаго Вѣстника», изъ коихъ весьма многіе, вѣроятно, не чужды интересовъ и успѣховъ русскаго книжнаго дѣла. Г. Венгеровъ по своей энергіи, трудолюбію и стремленію быть полезнымъ, какъ публикѣ, такъ и собратьямъ по литературной и ученой профессіи, заслуживаетъ самой горячей общественной признательности. Труженикъ, не имѣющій стороннихъ обезпеченныхъ доходовъ, потому и кровью добывающій насущный кусокъ хлѣба многочисленной семьѣ, онъ мужественно кладетъ на свои рабочія плечи громадное бремя и приступаетъ за свой рискъ и страхъ къ исполненію одного изъ существеннѣйшихъ пробѣговъ нашей литературы—составленію «Словаря русскихъ писателей и ученыхъ». Многолѣтними усиліями, потребовавшими значительныхъ матеріальныхъ и духовныхъ затратъ, онъ, несмотря на все неблагоприятное въ нашей общественной жизни для такого предпріятія, все же усильно подвигаетъ дѣло впередъ; и не его вина, если это движеніе не столь быстро, какъ то хотѣлось бы видѣть и читателямъ и самому автору. Одному человѣку, безъ помощи учрежденій, богатаго издателя или щедрого мецената такого дѣла не осуществить. Почтенный г. Юдинъ, съ одной стороны, и академія наукъ—съ другой, явились въ настоящее время на помощь энергичному работнику. Двѣ составныя части «Словаря» такимъ образомъ обезпечены. Неужели русская земля такъ скудна просвѣщенными дѣателями, часто не знающими, кромѣ банка, куда положить свои избытки, что не явится никого въ помощь г. Венгерову для осуществленія главнѣйшей части «Словаря»? Вѣдь, пришелъ же московскій богачъ г. Мамонтовъ во время на подкрѣпленіе г. Барсукову въ его трудномъ положеніи по печатанію «Погодина». Отъ души желаю, чтобы и на жизненномъ пути г. Венгерова на-

шелся какой нибудь дѣятель въ родѣ Мамонтова, который пожелае бы послужить русской наукѣ и литературѣ на подобіе г. Юдина. Почетной награды изъ капитула орденовъ онъ, конечно, за это не получитъ, но общественная признательность за нимъ останется на вѣки—безусловно.

Я уже замѣтилъ, что 5-й томъ «Словаря», подобно предыдущимъ, составляетъ тщательно и интересно. Изъ числа критико-біографическихъ статей здѣсь обращаютъ на себя вниманіе статьи: профессора Собичевскаго о лѣсоводѣ фонъ-Бодѣ, профессора Булича объ извѣстномъ славистѣ Бодуэнъ-де-Куртена, профессора Сумцова о Бодянскомъ, профессора Кирпичникова и самого Венгерова о покойномъ Буслаевѣ, В. Латышева о педагогѣ Н. Бунаковѣ, С. А. Венгерова о писателѣ А. Дружининѣ, В. Лесевича о кавказскимъ дѣятелѣ печати Ѳ. Бобылевѣ и, наконецъ, графа Л. Толстого о крестьянинѣ-сектантѣ Т. Вондаревѣ.

Наиболѣе обширную изъ перечисленныхъ статей является біографія Дружинина, гдѣ г. Венгеровъ удачно полемизируетъ противъ статьи профессора Кирпичникова «Забитый талантъ», напечатанной на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Задавшись цѣлью опровергнуть главныя положенія работы профессора, новый біографъ автора «Полиньки Саксъ» приводитъ въ подлинникъ немало любопытныхъ выдержекъ какъ изъ беллетристическихъ произведеній Дружинина, такъ и изъ его фельетоновъ, при помощи которыхъ ему удается установить на критика пятидесятихъ годовъ ту тучку зрѣнія, что «успѣхъ и вліяніе, которымъ онъ пользовался въ тѣ нѣсколько лѣтъ, когда онъ занялъ мѣсто «перваго критика», можетъ служить только отрицательною характеристикою любопытнаго и малоислѣдованнаго промежутка, который отдѣляетъ Вѣлинскаго отъ Добролюбова». Дружининъ, по мнѣнію г. Венгерова, «совсѣмъ недюжинная фигура въ исторіи русской критики, у него дѣйствительно много было вкуса и эстетическаго пониманія, но всѣ эти качества свои онъ развернулъ отнюдь не въ годы своего вліянія, а тогда, когда оно кончилось и когда пришлось вступить въ борьбу съ бравшими верхъ новыми литературными теченіями». Статья о Дружининѣ, помимо ея спеціальнаго назначенія — характеристики Дружинина, имѣетъ еще и тотъ интересъ, что ясно опредѣляетъ направленіе критической дѣятельности самого г. Венгерова. Въ заключеніе своей характеристики Дружинина г. Венгеровъ говоритъ: «Вотъ уже болѣе полустолѣтія, какъ русская литература, а въ особенности русская критика, учитъ русскаго читателя, какъ жить, не утрачивая образа человѣческаго. Уже болѣе полустолѣтія главнымъ качествомъ, уловляющимъ сердца русскаго читателя, является энтузіазмъ въ исканіи новыхъ путей жизни, способность поднимать читателя на высоту основныхъ вопросовъ разумнаго человѣческаго существованія, чисто-мистическое исканіе правды, безъ котораго въ Россіи не можетъ обойтись даже такое, повидимому, трезвое ремесло, какъ ремесло критика и литературнаго аналитика. Что бы тамъ ни говорили проповѣдники «трезвой» и не «тенденціозной» критики, время для нея еще не наступило, мы не настолько культурно богаты, чтобы позволить себѣ роскошь раздѣленія умственнаго труда. Въ Россіи всякій писатель воинъ той небольшой арміи пионеровъ, на долю которой выпало расчистить путь свѣту и правдѣ.

Въ Россіи, гдѣ весь запасъ общественныхъ чувствъ всецѣло уходитъ въ литературу, всякій индифферентный къ этимъ чувствамъ писатель поневолю становится общественнымъ вождемъ, и потому въ основѣ лучшихъ литературныхъ произведеній нашихъ лежатъ проповѣди тѣхъ или иныхъ общественныхъ взглядовъ и воззрѣній. У насъ писатель долженъ пойти направо или налево, а писатель индифферентный къ «политикѣ» не имѣетъ у насъ ни вліянія, ни успѣха въ должной мѣрѣ. Дружининъ не захотѣлъ быть такимъ «учителемъ жизни», да и сказать ему было нечего, потому что онъ не имѣлъ интереса къ тому, что переходило за тѣсныя границы непосредственно-литературной жизни. И оттого его написанныя очень тонко и изящно, но лишеныя общественнаго значенія статьи никого не волновали ни при жизни, ни послѣ смерти. Вотъ почему онъ и попалъ такъ скоро въ разрядъ «забытыхъ талантовъ».

Заслуживаетъ вниманія въ 5-мъ томѣ «Словаря» и очеркъ г. Лесевича о Ѳ. Ѳ. Вобылевѣ, почти совсѣмъ неизвѣстномъ провинціальному дѣятелѣ печатнаго слова. Въ настоящемъ случаѣ любопытенъ не Вобылевъ, самъ по себѣ, какъ лицо, не оставившее по себѣ виднаго слѣда, сколько положеніе даровитаго провинціальнаго литератора-редактора, оказавшагося, съ одной стороны, въ тискахъ условій мѣстной жизни и среды, съ другой—испытывающаго на себѣ вѣяніе бурнаго періода интеллигентной столичной жизни пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ. Провинціальная пресса, ея наростаніе и наслоеніе здѣсь тѣхъ или иныхъ идей—область еще мало изслѣдованная въ исторіи нашей литературы. Поэтому и свѣдѣнія, касающіяся этой области, заслуживаютъ самаго тщательнаго вниманія и тѣмъ лучше, если эти свѣдѣнія даются изъ источника непосредственнаго знакомства и близости съ тѣмъ или другимъ изъ провинціальныхъ дѣятелей. Свѣдѣнія эти несомнѣнно послужатъ хорошимъ матеріаломъ для будущей исторіи нашей провинціальной журналистики и прессы.

Въ очеркѣ о Бондаревѣ, графъ Левъ Николаевичъ Толстой въ дополненіе къ тому, что имъ сказано въ 13-мъ томѣ его «сочиненій» по поводу этого писателя-сектанта изъ народа, еще разъ усиленно подчеркиваетъ свою теорію о необходимости физическаго труда и о святости библейскаго завета: «въ потѣ лица съѣси хлѣбъ твой». Заветъ этотъ, по мнѣнію нашего гениальнаго писателя, есть великая истина, нашедшая свое яркое выраженіе въ наивномъ произведеніи сектанта Бондарева, «потому что люди самой жизнью будутъ все больше и больше приводиться къ тому, что онъ, то есть Бондаревъ, говоритъ». Последній не требуетъ того, утверждаетъ графъ Толстой, «чтобы всякій непременно надѣлъ лапти и пошелъ ходить за сохою, хотя онъ и говоритъ, что это было бы желательно и освободило бы погрязшихъ въ роскоши людей отъ мучащихъ ихъ заблужденій (и дѣйствительно, кромѣ хорошаго, ничего не вышло бы и отъ точнаго исполненія даже и этого требованія), но Бондаревъ говоритъ, что всякій человѣкъ долженъ считать обязанность физическаго труда, прямого участія въ тѣхъ трудахъ, плодами которыхъ онъ пользуется, своей первой, главной, несомнѣнно священной обязанностью, и что въ такомъ сознаніи этой обязанности должны быть воспитываемы люди. И не могу себѣ представить, какимъ образомъ честный и думающій человѣкъ можетъ не согласиться съ этимъ».

Замѣткой графа Толстого заканчивается интересный томъ «Словаря», обнимающій собою въ совокупности до 60-ти біографій, изъ коихъ нѣкоторыя являются цѣннымъ вкладомъ въ исторію нашей словесности.

В. Глинокій.

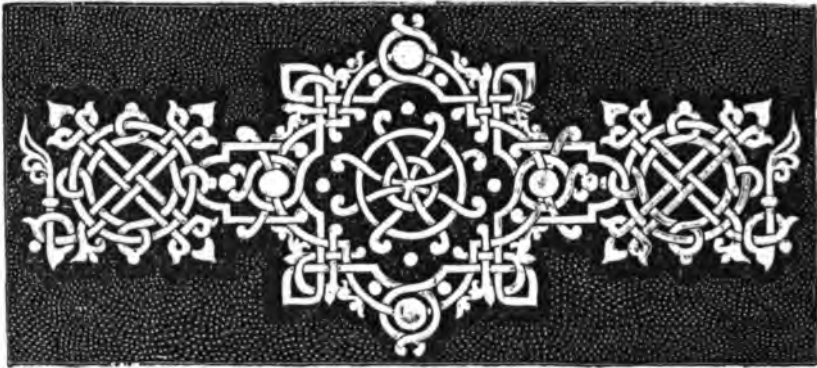
Пѣснь о Роландѣ (La chanson de Roland). Переводъ размѣромъ подлинника графа Ф. де Ла-Бартъ. Съ предисловіемъ академика А. Н. Веселовскаго, введеніемъ и примѣчаніями переводчика. Спб. 1897.

Народныя произведенія принадлежатъ къ тѣмъ немногочисленнымъ, избраннымъ созданіямъ человѣческаго духа, которыя никогда не старѣются. Причины этого явленія кроются въ той доступности и непосредственности, которыя характеризуютъ всякое народное произведеніе. Мы, живущіе въ концѣ XIX вѣка, кажется, далеко ушли отъ тѣхъ идеаловъ, которыми жили наши предки много сотенъ лѣтъ тому назадъ, и которые они отразили въ своихъ произведеніяхъ; а прочтите Илиаду, Одиссею, Каловалу, Пѣснь о Роландѣ, и вы несомнѣнно подпадете подъ вліяніе безличнаго автора; впрочемъ уже въ то время, когда вы читаете, вы чувствуете себя, какъ дома, несмотря даже на то, что эпосъ-то не вашъ родной, а чужой, напр., французскій, новый переводъ котораго лежитъ передъ нами. Графу де Ла-Барту удалось дать хорошій, художественный переводъ «Пѣсни о Роландѣ», а дать хорошій, художественный переводъ народнаго произведенія—дѣло крайне трудное.

Къ переводу присоединено небольшое введеніе, заключающее въ себѣ характеристику поэмъ, ея внутренняго содержанія и ея внѣшняго строенія.

Щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АРИЦА Зиновія и развалины Пальмиры. Стипендіаты французской академіи художествъ въ Римѣ, по отдѣлу архитектуры, обязаны для послѣдней своей работы сдѣлать то, что называется реставраціей какого нибудь древняго памятника, то-есть, составить подробные его чертежи съ рисунками и описаніемъ. Обыкновенно довольствуются воспроизведеніемъ избитыхъ классическихъ зданій, но иногда бываютъ исключенія, и молодые художники выбираютъ себѣ новую, оригинальную тему. Такимъ образомъ въ прошедшемъ году Эмиль Вертонъ задумалъ реставрировать Пальмиру и для этого провѣлъ около шести мѣсяцевъ среди развалинъ столицы знаменитой Зиновіи. Плодомъ его личныхъ изслѣдованій на мѣстѣ будетъ полная реставрація Пальмиры, во всемъ ея древнемъ блескѣ, на всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1900 г., но, не дожидаясь этого образнаго возстановленія пальмирскихъ развалинъ, французскій академикъ Эженъ Гильомъ представляетъ на страницахъ *Revue des deux mondes*¹⁾, на основаніи сообщенныхъ ему самимъ Вертономъ данныхъ, картину Пальмиры какъ въ теперешнемъ положеніи, такъ и во времена ея славы. Для большою же ясности и рельефности своего этюда онъ начинаетъ его съ краткаго очерка историческихъ судебъ Пальмиры и, главнымъ образомъ, царствованія Зиновіи. Первоначальная исторія Пальмиры, или Тад-

¹⁾ Les ruines de Palmyre et leurs récent explorateur. Par Eugène Guillaume. *Revue des deux mondes*. 15 juillet.

мора, по мѣстному названію, очень мало извѣстна; только Плиній Старшій упоминаетъ впервые о существованіи этого богатаго оазиса среди Сирийской пустыни, который сталъ обращать на себя вниманіе со времени Селевкидовъ. Благодаря своему положенію, Пальмира долго сохраняла независимость между Римомъ и Персіей, но въ отношеніи памятниковъ искусства она совершенно подчинялась греческому вліянію. Самой славной эпохой въ исторіи ея было царствованіе Зиновіи, которая довела свою страну до апогея величія и низвергнула ее въ бездну, т. е. при ней она была покорена Римомъ. Происходя отъ египетскихъ Птолемеевъ и гордясь тѣмъ, что ея прародительницей была Клеопатра, Зиновія вышла замужъ за Одейпата, царя пальмирскаго, храбраго воина и страстнаго охотника. Римскій императоръ Галліенъ назначилъ Одейпата консульскимъ легатомъ и поручилъ ему охранять Сирию отъ постояннаго угрожавшихъ ей персовъ. Зиновія принимала участіе во многихъ его походахъ, и въ виду одержанныхъ имъ побѣдъ Галліенъ кончилъ тѣмъ, что далъ ему титулъ императора; но онъ вскорѣ былъ убитъ, и Зиновію заповѣрили въ участіи въ этомъ преступленіи, такъ какъ она овладѣла престоломъ и приняла даже титулъ императрицы. Галліенъ послалъ противъ нея сильную армію, которую она разбила на голову, а его преемникъ Клавдій, занятый войной съ Галліей, оставилъ въ покоѣ Зиновію, которая распространила свои владѣнія присоединеніемъ части Средней Азіи. Господствуя такимъ образомъ въ громадномъ царствѣ, которое съ одной стороны граничило съ Персіей, а съ другой, Средиземнымъ моремъ, она окружила себя всею роскошью восточныхъ государей, что не мѣшало ей предводительствовать арміей на войнѣ; а въ мирное время занималась литературой и читала погречески, полатыни и на египетскихъ нарѣчіяхъ. Все шло хорошо для этой восточной царицы до вступленія на престолъ Авреліана, который, поставивъ себѣ цѣлью возстановить единство Римской имперіи, не могъ допустить, чтобы на границѣ ея существовала такое могущественное государство, какъ царство Зиновіи. Но, уважая эту замѣчательную женщину, достоинство которой онъ выхвалялъ даже римскому сенату, Авреліанъ предложилъ ей подчиниться Риму. Она отвѣчала гордымъ отказомъ, рассчитывая на помощь персовъ, сарацинъ и армянъ; однако союзники ей измѣнили, и послѣ мужественной защиты Пальмира была взята римлянами, а Зиновія, по словамъ однихъ историковъ, украсила триумфъ Авреліана, при его возвращеніи въ Римъ, а, по словамъ другихъ, наложила на себя руки, чтобы не подвергнуться подобному униженію. Хотя большинство жителей Пальмиры было перебито, но Авреліанъ пощадилъ ея прекрасныя зданія и даже приказалъ на золото и серебро, найденное въ казнѣ Зиновіи, возстановить съ древнимъ блескомъ полуразрушенный храмъ солнца. Послѣдующіе римскіе императоры также заботились о Пальмирѣ, какъ о важномъ стратегическомъ и коммерческомъ центрѣ; но съ Зиновіей, собственно, кончается исторія и легендарная слава этого города, за реставрацію котораго взялся теперь французскій художникъ.

— Откуда происходятъ румыны? Виродолженіе пятнадцати лѣтъ бухарестская академія объявляетъ ежегодно конкурсъ на премію Кузы въ 20,000 фр. за исторію румынъ въ Дакіи, отъ Авреліана до образованія ва-

лахских княжествъ, и до сихъ поръ ни одинъ ученый не представилъ сочиненія по этому предмету. Это странное явленіе объясняется тѣмъ простымъ фактомъ, что молодые историки и филологи Румыніи знаютъ очень хорошо всю невозможность говорить ученымъ образомъ о дакійскомъ происхожденіи румынъ. Не смотря на то, что вопросъ, откуда произошли румыны, давно обсуждается въ вѣнской, буда-пештской и бухарестской академіями, онъ до сихъ поръ остается не разрѣшеннымъ, но въ послѣднее время пзвѣстный венгерскій ученый Гунфальви и молодые румынскіе ученые: Гастеръ, Тиктинъ, Надежда и Алекси, доказали окончательно, что римское происхожденіе румынъ ничѣмъ не подтверждено. По этому же предмету и въ томъ же смыслѣ написаны двѣ статьи молодымъ венгерскимъ ученикомъ Гунфальви, Ладисласомъ Рети, изъ которыхъ одна помѣщена въ запискахъ венгерской академіи ¹⁾, подъ заглавіемъ: Румынизмъ въ Илирійской провинціи, а другая—въ венгерскомъ журналѣ «Budapesti szemle», подъ заглавіемъ: Итальянское происхожденіе валаховъ ²⁾. Основательно изслѣдовавъ вопросъ о происхожденіи румынъ, съ этнографической и лингвистической точекъ зрѣнія, молодой ученый приходитъ къ тому заключенію, что самая суть вопроса состоитъ въ опредѣленіи, гдѣ сформировался румынскій языкъ, а несомнѣнно, что онъ не могъ сформироваться въ Дакии, по тремъ причинамъ. Во-первыхъ, въ Дакии не существовало такого народа, который бы говорилъ тѣмъ народнымъ нарѣчіемъ, отъ котораго произошелъ румынскій языкъ. Обитатели Дакии не были пришельцами изъ Италіи или изъ другой оримлянившейся страны, а переселенцами изъ средней Азіи, греками, кельтами и илирійцами; при томъ появленіе этихъ поселенцевъ произошло въ такую эпоху, отъ 107 по 271 гг. послѣ Р. Х., когда Италія не могла посылать многочисленныхъ колонистовъ въ такую отдаленную провинцію. Во-вторыхъ, по своей конструкціи, румынскій языкъ образовался гораздо позже того времени, когда Дакия находилась подъ римскимъ владычествомъ, а потому невозможно предполагать, подобно нѣкоторымъ ученымъ, чтобы римскіе поселенцы удалились въ горы на десять столѣтій и тамъ ожидали появленія легендарнаго Раду-Негру въ XIV вѣкѣ. Въ этомъ отношеніи фонетика служитъ лучшимъ доказательствомъ, чѣмъ всѣ гипотезы историковъ, которые считаютъ возможнымъ писать исторію народовъ, не справляясь съ его языкомъ. Такъ Момзенъ, въ своей Римской исторіи, прямо утверждалъ, что римляне придали Дакии римскій характеръ, и отъ этого оримлянивагося населенія возникъ румынскій народъ, а Синкай и Майоръ, создавшіе дакійскую легенду, предполагали даже, что дако-румынскій языкъ былъ древнѣе латинскаго. Благодаря этимъ патріотамъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были плохими филологами, румынскій языкъ въ настоящемъ столѣтіи былъ подвергнутъ фальсификаціи, и его основные элементы, славянскій и мадьярскій, замѣнены латинскимъ. Третья причина, по которой румынскій языкъ не могъ происходить изъ Дакии, заключается въ терминахъ румынской церковной службы. Если дакійцы удалились въ горы при Аврелианѣ въ 271 году и потомъ сдѣлались праотцами

¹⁾ Ladislas Rethy—A Romanismus Illyricumban.

²⁾ Ladislas Rethy—Az ola'hok italiai eredete.

румынь, то откуда они взяли христіанство? А между тѣмъ языкъ ихъ церковной службы напоминаетъ эпоху полного развитія христіанства на территоріи Римской имперіи. Такимъ образомъ, по мнѣнію Рети, слѣдуетъ искать иного происхожденія для румынскаго языка и народа. Если тотъ и другой не происходятъ изъ Дакіи, то не считать ли ихъ родиною Иллирію, гдѣ населеніе совершенно оримянилось и дало даже Риму одного императора, въ лицѣ Діоклетіана? Но венгерскій ученый отвергаетъ и эту гипотезу на хронологическомъ основаніи. Доказавъ такимъ образомъ, что румыны не происходятъ отъ римлянъ Дакіи и Иллирии, Рети предполагаетъ, что гораздо основательнѣе можно считать ихъ помѣсью славянъ, грековъ и итальянцевъ, переселившихся на Балканскій полуостровъ въ VIII вѣкѣ. Свою гипотезу онъ подтверждаетъ этнографическими и лингвистическими доводами, которые, конечно, слишкомъ спеціальны, чтобы ихъ здѣсь приводить.

— Настоящая Іоанна д'Аркъ. Подъ этимъ заглавіемъ французскій патеръ Айроль предпринялъ монументальную исторію легендарной героини, и недавно вышелъ третій томъ его основательнаго труда, который посвященъ ея дѣятельности, какъ освободительницы родины ¹⁾. Авторъ начинаетъ свой рассказъ въ этомъ томѣ съ картины Франціи въ моментъ появленія Дѣвственницы весной 1429 года. Онъ подробно знакомитъ читателя съ дѣйствующими лицами послѣдующей драмы: съ дофиномъ, Тремулемъ, Жилемъ Де-Рэ, Ла-Гиромъ и т. д., а также съ военными силами національной партіи, съ мѣстной милиціей и чужестранными союзниками. Затѣмъ онъ описываетъ предводителей англійской и бургундской партій, укрѣпленія Орлеана и первые дни осады. Остальная часть тома наполнена всѣми современными хрониками о военныхъ дѣйствіяхъ Іоанны, а также письмами современниковъ, съ критическою оцѣнкой каждаго изъ этихъ документовъ. Среди старыхъ, но иногда выставляемыхъ въ новомъ свѣтѣ матеріаловъ, попадаются у почтеннаго автора и новые, драгоцѣнные источники. Такъ онъ нашелъ въ венеціанскомъ и вѣнскомъ архивахъ не напечатанную до сихъ поръ хроникю Морозини. Эта хроника главнымъ образомъ состоитъ изъ писемъ одного венеціанца, Джустиніани, жившаго въ Брюгелѣ во время подвиговъ Іоанны д'Аркъ и подробно писавшаго о нихъ въ Венецію, отъ 10 мая 1429 года до іюня 1431 года. Хотя онъ самъ не былъ очевидцемъ описываемыхъ событій, но онъ передаетъ все, что слышалъ о нихъ съ бургундской стороны, благодаря чему его свѣдѣнія тѣмъ драгоцѣннѣе, что происходятъ изъ враждебнаго Іоаннѣ источника. Конечно, въ сообщаемыхъ имъ извѣстіяхъ попадаются неточности. Такъ онъ говоритъ, что при взятіи Туреля, Толботъ попался въ плѣнъ, чего въ дѣйствительности не было, и что Іоанна обѣщала ввести короля въ Парижъ въ Ивановъ день, чего также никогда не было, но вообще его свѣдѣнія вѣрны, изложеніе ихъ очень картинно, а извѣстія онъ получаетъ чрезвычайно скоро, именно, описываетъ снятіе осады Орлеана черезъ два дня, а Турельскую битву—черезъ три. Наконецъ, въ его рассказѣ встрѣчаются очень любопытныя и новыя черты для характеристики французской героини. Такъ, онъ упоминаетъ, что, съ

¹⁾ La vraie Jeanne d'Arc, par F. Ayroles, Paris, 1897, vol. III.

помощью Иоанны, королю явилось видѣніе, о чемъ она сама говорила на судѣ, но о чемъ до сихъ поръ не было другого свидѣтельства, кромѣ ея словъ. Поэтому Джустиниани очень картинно выражается, что Иоанна рассуждаетъ такъ мудро, какъ будто бы она была вторая св. Екатерина. Приводимое имъ свидѣніе о томъ, что Иоанна обѣщала послѣ освобожденія Франціи освободить и Святую Землю, быть можетъ, и справедливо, а то обстоятельство, что она отгадала неосвященные дары, уже извѣстно было по другимъ источникамъ, но въ его рассказѣ передается болѣе подробно. То же можно сказать и о предсказаніи ею, что она будетъ ранена подѣ Орлеаномъ, что, впрочемъ, записано за три недѣли до совершившагося факта. Наиболѣе интересны тѣ мѣста изъ писемъ Джустиниани, въ которыхъ онъ говоритъ о святости Дѣвственницы и объ ея стараніяхъ поднять нравственный уровень французской націи и арміи. О томъ же, какъ она была взята въ плѣнъ, онъ ничего не говоритъ, а въ послѣднемъ своемъ письмѣ лаконически выражается: «и французы сожгли святую дѣву».

— Дворъ Кромвеля. Англійскій историкъ Фиртъ представляетъ въ сентябрьской книжкѣ *Cornhill Magazine* любопытный очеркъ двора лорда-протектора ¹⁾. Повидимому, странно говорить о существованіи двора во время республики, но мало-по-малу во время его протекторства возстановились внѣшнія формы монархіи, особенно послѣ того, какъ онъ отказался отъ королевскаго титула, и въ сущности Кромвель умеръ настоящимъ королемъ, за исключеніемъ одного названія. Роялисты и республиканцы это замѣчали и комментировали по-своему. «Онъ,—пишетъ сэръ Филиппъ Варвикъ,—придалъ своему дому внѣшность двора, а служащихъ одѣлъ въ придворныя ливреи». Республиканцы видѣли въ этихъ нечестивостяхъ источникъ развращенія для націи и доказательство измѣны со стороны Кромвеля. Но, по словамъ Фирта, даже самые ярые изъ республиканскихъ противниковъ Кромвеля не могли не признать, что внѣшній блескъ былъ необходимъ для поддержанія достоинства страны, и что такъ называемый дворъ Кромвеля не отличался тѣми безнравственными качествами, которыя составляли главную особенность двора Стюартовъ. Такимъ образомъ, оказывается изъ рассказовъ Фирта, что Кромвель сумѣлъ удалить изъ монархическаго двора всѣ неблагопріятныя его стороны и сохранилъ то, что въ глазахъ народа необходимо для поддержки національной чести. Первая основная черта всякаго двора—дворецъ, и при постепенномъ переходѣ Кромвеля изъ частнаго человѣка въ главу государства, онъ перемѣнялъ нѣсколько разъ свое жилище. По окончаніи парламентской войны, онъ занималъ частный домъ въ Дрюри-Лэнъ, а затѣмъ такое же помѣщеніе въ Вестминстерѣ, въ Королевской улицѣ, и наконецъ, въ 1650 году парламентъ отвелъ ему Сентъ-Джемсъ-Гаузъ въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ. Когда же онъ былъ назначенъ лордомъ-протекторомъ, то Кромвель переехалъ въ Вайттолъ, жилище древнихъ англійскихъ королей, а послѣ побѣды подѣ Вурстеромъ парламентъ отдалъ ему въ пользованіе Гамптонъ-Кортъ. Всю остальную свою жизнь Кромвель провелъ въ этихъ двухъ королевскихъ жилищахъ, которыя были украшены художественными предметами, нѣкогда принадлежавшими Карлу I. Съ

¹⁾ The courtot Cromwell. By C. Firth. Cornhill magazine. September.

измѣненіемъ мѣста пребыванія, естественно, измѣнился штатъ лицъ, окружавшихъ лорда-протектора, и на содержаніе всего его двора сначала отпускалось 16,000 ф. стерлинговъ, а потомъ до ста. По словамъ даже враговъ Кромвеля, его жена была очень экономная и хорошая хозяйка, строго слѣдившая за всѣми счетами и расходами. Столъ его былъ самый скромный, и онъ придерживался обыкновенной здоровой пищи и пилъ домашнее пиво, никогда не употребляя крѣпкихъ напитковъ. Каждый понедѣльникъ онъ давалъ обѣдъ всѣмъ военнымъ чинамъ, выше капитана, и въ торжественныхъ случаяхъ устраивалъ банкеты, съ чисто царственнымъ великолѣпіемъ. Самыя блестящія процессіи во времена лорда-протектора совпадали съ открытіемъ парламента, и онъ открывались большой кавалькадой знатныхъ особъ и тѣлохранителей Кромвеля, а затѣмъ онъ самъ ѣхалъ въ четырехмѣстной каретѣ съ генераломъ Ламбертомъ и первымъ министромъ. Съ обѣихъ сторонъ кареты шло по офицеру, а за ней вели богато убранную лошадь лорда-протектора. Шествіе замыкалось двумя экипажами, въ которыхъ сидѣли комиссары государственной печати и казначейства. Наконецъ, шолъ новый отрядъ тѣлохранителей. Эти тѣлохранители были ишіе и копные, и въ числѣ ихъ исключительно находились джентльмены въ офицерскихъ чинахъ. Тѣхъ и другихъ было отъ сорока до шестидесяти, и эта почетная стража стоила 14,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Всей церемональной частью завѣдывалъ особый церемоніймейстеръ, назначенный парламентомъ, серъ Оливеръ Флемингъ, и онъ старательно поддерживалъ старинный придворный этикетъ. Впрочемъ и самъ Кромвель настаивалъ, чтобы иностранные посланники обращались съ нимъ точно такъ же, какъ съ королемъ, доказывая, что его власть, какъ главы государства, одинакова съ королевской. Онъ долго требовалъ, чтобы Людовикъ XIV называлъ его братомъ, а когда тотъ упорно продолжалъ обращаться къ нему, какъ къ двоюродному брату, то Кромвель придумалъ компромиссъ, и уже французскій король потомъ никогда не называлъ его иначе, какъ «господинъ протекторъ». Но если Кромвель сдѣлалъ уступку, относившуюся лично до него, то онъ настоялъ, чтобы въ трактатахъ, по старинному англійскому обычаю, французскій король назывался не королемъ Франціи, а королемъ французовъ, и, послѣ долгихъ споровъ, Людовикъ XIV долженъ былъ подчиниться этому требованію. Что касается одежды, то Кромвель, по удостовѣренію современниковъ, всегда одѣвался просто, скромно, хотя, въ торжественныхъ случаяхъ, появлялся въ богатой одеждѣ, шитой золотомъ, что, конечно, возбуждало негодованіе республиканцевъ, но это объяснялось той же необходимостью поддержать внѣшній блескъ, которая заставила Кромвеля окружить себя дворомъ.

— Среди американскихъ историковъ. Молодая школа американскихъ историковъ, органомъ которой служитъ *Historical Review*, не ограничиваетъ своихъ послѣдованій предѣлами Новаго Свѣта, а отъ времени до времени заглядываетъ и въ старыи. Видное мѣсто среди такихъ историческихъ трудовъ, конечно, займетъ только что вышедшее сочиненіе профессора іальской коллегіи Ричардсона о національномъ движеніи въ царствованіе Генриха III ¹⁾. Хотя

¹⁾ The national movement in the Reign of Henry III. By O. Richardson. New-York, 1897.

объ этой эпохѣ англійской исторіи писано уже было много, и Стубсъ, повидному, сказалъ о ней все, что только возможно, при существующихъ матеріалахъ, но молодой американскій ученый составилъ очень рельефный и далеко небезполезный очеркъ народной борьбы съ королевскою властью въ XIII вѣкѣ, которая во многихъ отношеніяхъ походила на англійскую революцію XVII столѣтія. Это сходство очень искусно указано Ричардсономъ, и, дѣйствительно, подъ его характеристикой Генриха III можно смѣло подписать имя Карла I. Изучивъ рассказываемый имъ эпизодъ англійской исторіи не только по новѣйшимъ источникамъ, но и по многочисленнымъ сочиненіямъ современниковъ, Ричардсонъ рисуетъ замѣчательно вѣрную и любопытную картину народнаго движенія, связаннаго съ именемъ Симона де-Монфора. При этомъ онъ приводитъ подробный анализъ и важнѣйшія мѣста знаменитой политической поэмы неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ «Пѣснь Люиса», на которую до сихъ поръ историки не обращали достаточно вниманія, хотя она лучше всего выражаетъ цѣли и желанія національной партіи того времени. Въ этомъ замѣчательномъ произведеніи народной англійской литературы говорится прямо: «прежде всего въ государствѣ народная община, и законъ долженъ быть руководителемъ короля, а отсутствіе этого губить королевство. Изреченіе, что *ut rex vult lex vadit*, — несправедливо, и его слѣдуетъ замѣнить: *nam lex stat rex cadit*. Вся суть этого общаго господствующаго надо всѣмъ закона заключается въ правдѣ, милосердіи и ревностномъ стремленіи къ спасенію своей души; пусть всѣ королевскія постановленія будутъ согласны съ этимъ принципомъ, и тогда народъ будетъ блаженствовать, а король будетъ, дѣйствительно, воплщать законъ». По мнѣнію Ричардсона, Симонъ де-Монфоръ, въ своей борьбѣ за народныя права, вполне придерживался теоріи, высказанной невѣдомымъ народнымъ поэтомъ, и въ этомъ отношеніи молодой американскій историкъ высказываетъ оригинальный взглядъ на извѣстный вопросъ англійской исторіи.

Несмотря на вниманіе, обращаемое молодыми американскими историками на европейскія темы для своихъ трудовъ, все-таки большинство выходящихъ въ Америкѣ историческихъ книгъ посвящено изслѣдованію прошедшаго Нового Свѣта и, преимущественно, эпохѣ борьбы за независимость. Первое мѣсто въ числѣ недавно вышедшихъ подобныхъ книгъ занимаетъ «Литературная исторія американской революціи» Мозеса Коита Тайлора ¹⁾. Хотя много уже писано и переписано объ американской революціи, но профессоръ Тайлоръ сумѣлъ придать своему труду, котораго появился еще только первый томъ, интересъ новизны и, главнымъ образомъ, рисуетъ картину, какъ отразилась великая борьба зарождавшейся республики съ метрополіей въ литературѣ обихъ странъ. Такъ какъ многія изъ сочиненій и, преимущественно, брошюръ, а также журнальныхъ и газетныхъ статей, которыя онъ приводитъ въ отрывкахъ, или подробно изложены, составляютъ библиографическую рѣдкость, то этотъ историческій матеріалъ имѣетъ глубокое значеніе и возбуждаетъ значительный интересъ. Что касается собственно взгляда ученаго профессора на американскую

¹⁾ The literary History of the american revolution 1768 — 1788. By Moses Coit Tyler. Vol I, Boston. 1897.

революцію, то онъ высказываетъ своеобразныя и характерныя мысли; такъ, по его словамъ, причиной французской революціи было зло, претерпѣваемое народомъ, а американцы, напротивъ, не дожидались, пока зло приметъ угнетающій характеръ, а, такъ сказать, уничтожили его прежде, чѣмъ оно успѣло дойти до своего апогея. «Съ рѣдкимъ политическимъ чутьемъ, говоритъ онъ, американцы сознали возможность зла, прежде чѣмъ оно вполне развилося, и въ сущности встали противъ несуществовавшей, а могущей существовать тирани; они произвели революцію не въ виду нестерпимаго ига, тяготѣвшаго надъ ними, а потому, что, отличаясь удивительной политической логикой, они предвидѣли, что привилегированныя условія власти надъ ними метрополии должны были со временемъ подчинить нестерпимому игу, если не ихъ самыхъ, то ихъ дѣтей». Къ эпохѣ революціи относятся также двѣ біографіи замѣчательныхъ американокъ въ серіи: «Женщины колониальной и революціонной эпохъ въ Америкѣ». Героини этихъ біографій Элиза Пинкней¹⁾ и Мерси Ворренъ²⁾ были типичными американками своего времени, и первая изъ нихъ является достойной представительницей женщинъ южныхъ штатовъ, а послѣдняя — новой Англии. Мистрисъ Пинкней была дочерью губернатора одного изъ округовъ Южной Каролины, и, выйдя замужъ за полковника Пинкнея, она до революціи была извѣстна энергичной дѣятельностью относительно развитія производительныхъ силъ юга, такъ что ея трудамъ многимъ обязаны успѣхи въ Южной Каролинѣ производства индиго и шелководства. Экономическая дѣятельность, однако, не помѣшала ей принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ, а главное воспитать двухъ сыновей достойными гражданами новой республики, которой они служили: одинъ посланникомъ въ Лондонъ, а другой — въ Парижъ. Послѣдній прославилъ себя знаменитымъ отвѣтомъ на вопросъ, что Америка намѣрена заплатить за мирное окончаніе борьбы: «милліоны для защиты и ни гроша въ видѣ дани». Мистрисъ Ворренъ была замѣчательной писательницей, сочиняла патріотическіе стихи, составила одну изъ первыхъ, по времени, исторій борьбы за независимость и вообще энергично отстаивала въ литературѣ и печати республиканскіе идеалы. Изъ новыхъ сочиненій объ этой же эпохѣ заслуживаетъ вниманія еще сжатый мастерской рассказъ о столѣтіи Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, отъ 1765 по 1865 гг., профессора гарвардскаго университета, Эдуарда Чанинга: *History of the United States, by Ed. Channing, Boston, 1897.* Кромѣ безпристрастныхъ взглядовъ, этотъ краткій обзоръ столѣтняго существованія американской республики отличается картинностью и живостью изложенія.

— Рафаэль и Фарнарина. Недавно открытъ въ Урбино, родинѣ Рафаэля, красивый памятникъ этому первому въ свѣтѣ живописцу, и по поводу урбинскихъ празднествъ въ итальянской прессѣ появилось много очерковъ и этюдовъ о виновникѣ торжества. Наиболѣе интересна статья Антоніо Валери въ

¹⁾ *Women of colonial and revolutionary times in America.—Eliza Pinkney. By Harriatt Ravenel. New-York. 1897.*

²⁾ *Women of colonial and revolutionary times in America.—Mercy Warren. By Alice Brown. New-York. 1897.*

Vita italiana о Фарнаринѣ ¹⁾). Прежде всего авторъ указываетъ на то обстоятельство, что жизнь Рафаэля неизвѣстна во всѣхъ ея мелочахъ, какъ, напримѣръ, Микель-Анжело и Леонардо-да-Винчи. Многие характеристичные факты его биографіи ускользаютъ отъ насъ, благодаря недостатку безспорныхъ свидѣтельствъ, или изуродованы невѣроятными легендами. Напримѣръ, ничего, или почти ничего неизвѣстно, о предметахъ его любви, которыхъ, должно быть, было не мало; всѣ свѣдѣнія въ этомъ отношеніи ограничиваются тѣмъ, что онъ былъ женихомъ племянницы кардинала Бернардо Довизио-де-Вибіена, и что его невѣста умерла прежде свадьбы, которую онъ откладывалъ изъ года въ годъ, благодаря своей любви къ красивой трансверинкѣ, служившей ему оригиналомъ для многихъ его лучшихъ произведеній. Эта трансверинка была знаменитая Фарнарина, то-есть, булочница, или дочь булочника, имя которой неразрывно связано съ знаменитымъ художникомъ; но объ ней сохранилось мало свѣдѣній, и даже спорный вопросъ, который изъ многочисленныхъ и совершенно различныхъ ея портретовъ, писанныхъ Рафаэлемъ, походить на нее. Разрѣшенію этого вопроса, а вмѣстѣ, и свѣдѣніямъ жизни Фарнарины посвящена статья Антонио Валери. Изъ всѣхъ портретовъ Фарнарины, принадлежащихъ кисти Рафаэля, наиболѣе извѣстны два: одинъ въ галлерей Уфичи, во Флоренціи, а другой въ галлерей Барбарини, въ Римѣ; но, по словамъ Валери, въ послѣдніе годы безусловно доказано, что первый писанъ не Рафаэлемъ, а Себастьяномъ Дель-Піомбо, и изображаетъ извѣстную куртизанку временъ папъ Адриана VI и Климента VII, Беатрисы Феррарской, а послѣдній, хотя и снабженъ подписью Рафаэля, все-таки возбуждаетъ сомнѣніе въ томъ, что онъ, дѣйствительно, представляетъ Фарнарину. По мнѣнію многихъ художественныхъ критиковъ, съ которыми соглашается и Валери, это портретъ не Фарнарины, а простой уличной куртизанки. Настоящій же портретъ Фарнарины находится во Флоренціи, въ галлерей Питти, и извѣстенъ подъ названіемъ «Женщины подъ вуалью». Достаточно взглянуть на прекрасное идеальное выраженіе этой женщины, чтобы признать ее за образецъ рафаэлевскихъ мадоннъ, и къ тому же недавно найденъ безспорный документъ, удостоверяющій этотъ фактъ; именно, въ завѣщаніи одного флорентинскаго вельможи, которому принадлежала эта картина, прямо говорится, что она писана Рафаэлемъ и изображаетъ Фарнарину. Однакоже и относительно личности Фарнарины найдены два новые документа, на основаніи которыхъ Валери строитъ рядъ очень вѣроятныхъ предположеній. Три дома въ римскомъ кварталѣ Трансверѣ оспариваютъ славу быть жилищемъ Фарнарины. Одинъ изъ нихъ, въ улицѣ Санта-Доротея, снабженъ надписью *Fagno della Fagnagina*, но, несмотря на это, не подлежитъ сомнѣнію, что тутъ не могла жить Фарнарина, такъ какъ въ первой половинѣ XVI вѣка на этомъ мѣстѣ были пустыри. Второй домъ, въ улицѣ *Del Cedro*, согласно легендѣ, построенъ самимъ Рафаэлемъ для предмета своей любви, но послѣдующія передѣлки его такъ измѣнили, что въ теперешнемъ его видѣ нельзя отличить и слѣда постройки XVI вѣка. Права третьяго дома на жилище Фарнарины болѣе основательны: онъ находится въ улицѣ *Del Gaverno Vecchio*, дѣйствительно,

¹⁾ Farnarina, di Antonio Valeri. Vita italiana. 1897. Aug.

принадлежить, по архитектурѣ, къ началу XVI вѣка, и на немъ находится надпись, хотя и новая, но списанная со старой: «та, которую прославилъ любовь Рафаэля, говорятъ, жила въ этомъ домѣ». Къ тому же Валери нашелъ подлинный актъ о переписи жителей Рима въ 1518 году, и въ немъ обозначено, что въ этомъ домѣ была булочная одного Франческо изъ Сіены. Такимъ образомъ, теорія почти достоверно, что въ этомъ домѣ увидѣлъ Рафаэль впервые красавицу Фарнарину, у которой и купилъ маленькій хлѣбецъ. Что касается до имени и фамиліи Фарнарины, которыя до сихъ поръ оставались неизвѣстными, то Валери признаетъ, что фамиліи ея, дѣйствительно, невозможно возстановить, но, по всей вѣроятности, ее звали Маргаритой, такъ какъ существуетъ экземпляръ «Жизни живописцевъ», Вазари, на которомъ рукою одного современника сдѣлана надпись: «портретъ Маргариты, женщины Рафаэля». Кроме того, извѣстно, что Фарнарина, послѣ смерти Рафаэля, поступила въ монастырь Santa Apollonia въ Транстеверѣ, а Валери нашелъ въ старинныхъ спискахъ этого монастыря надпись, гласящую, что 18 августа 1520 года принята въ обитель госпожа Маргарита, вдова, дочь Франческо, изъ Сіены. Такимъ образомъ оказывается, что, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Рафаэля, поступила въ этотъ монастырь Маргарита, дочь Франчески изъ Сіены, по всей вѣроятности, булочника въ улицѣ Del Governo Vecchio. Въ виду всего этого, Валери основательно предполагаетъ, что эта Маргарита и была Фарнарина, а если ее называютъ вдовой, то, можетъ быть, это сдѣлано изъ приличія наслѣдниками Рафаэля, которымъ онъ въ своемъ завѣщаніи поручилъ озарботиться о приличномъ существованіи Фарнарины.

— Переписка Станислава Понятовскаго. Профессоръ исторіи въ нверденской коллегіи въ Швейцаріи, Эженъ Моттазъ, напечаталъ переписку послѣдняго польскаго короля Станислава Понятовскаго, найденную имъ у потомковъ швейцарца Мориса Глэра, бывшаго другомъ и ближайшимъ совѣтникомъ Понятовскаго¹⁾. Эта переписка состоитъ изъ писемъ короля, Мориса Глэра, графа Монэ, графа Бравицкаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, во время трехъ раздѣловъ Польши, и они бросаютъ новый свѣтъ на нѣкоторыя стороны событий и дѣйствующихъ лицъ того времени. Главнымъ корреспондентомъ короля Станислава былъ Морисъ Глэръ, любопытную характеристику котораго представляетъ швейцарскій профессоръ въ предисловіи къ своей книгѣ. Эта почти невѣдомая личность швейцарскаго гражданина, сдѣлавшагося ближайшимъ совѣтникомъ польскаго короля, заслуживала, повидимому, вниманія историковъ, которые, однако, совершенно ее игнорировали. Происходя изъ кантона Ваада и окончивъ курсъ въ богословскомъ факультетѣ Лозанской академіи, Морисъ Глэръ двадцати одного года отъ роду былъ приглашенъ королемъ Станиславомъ въ личные секретари, по рекомендаціи одного знатнаго поляка, случайноознакомившагося съ нимъ въ Швейцаріи. Онъ прибылъ въ Варшаву при самомъ началѣ царствованія Станислава и сразу попалъ въ водоворотъ политическихъ интригъ, борьбы партій и чужеземныхъ вліяній, которыя

¹⁾ Stanislas Poniatovsky et Maurice Glayre. Correspondance, relative aux partages de la Pologne. Par Eugène Mattaz. Paris. 1897.

составляли главные элементы этой печальной эпохи польской истории. Быстро снискавъ довѣріе короля, Глэръ всячески старался поддержать энергію и твердость въ этомъ слабохарактерномъ человѣкѣ, который постоянно, по словамъ Эжена Моттаза, колебался между любовью къ своей родинѣ и преданностью Екатерины II, съ которой онъ былъ связанъ нѣжными узами. Несмотря на свою молодость, Глэръ былъ отправленъ посланникомъ въ Петербургъ, спустя четыре года послѣ прибытія его въ Варшаву и сумѣлъ не только сохранить на этомъ трудномъ постѣ довѣріе короля, но приобрѣлъ уваженіе императрицы и главныхъ государственныхъ людей Россіи. «Эта эпоха была интересная;—писалъ онъ впоследствии къ швейцарскому историку Цшоке,—и я видѣлъ воочию народженіе той системы союза между Вѣной, Берлиномъ и Петербургомъ, которая потомъ вычеркнула Польшу изъ списка націй и послужила предлогомъ, даже измѣненіемъ къ современнымъ территориальнымъ захватамъ». Проживъ въ Петербургѣ два года, онъ вернулся въ Варшаву съ собственноручнымъ нисымомъ императрицы, въ которомъ она просила вознаградить его за примѣрное исполненіе своихъ дипломатическихъ обязанностей, вслѣдствіе чего король произвелъ его въ тайные совѣтники, а сеймъ пожаловалъ ему польское дворянство. Тогда наступило смутное время Варской конференціи, и король нѣсколько разъ хотѣлъ отказаться отъ престола, но Глэръ каждый разъ его отговаривалъ отъ этого намѣренія, которое могло совершенно погубить Польшу. Несмотря на всѣ усилія короля и совѣты Глэра, состоялся первый раздѣлъ Польши, и, по словамъ Глэра, права, предъявленныя Австріей, Пруссіей и Россіей на приобрѣтенныя ими провинціи, были таковы, что если бы признать ихъ законность, то въ Европѣ не осталось бы ни одного государства, имѣвшаго законнаго государя. «Въ эту печальную эпоху,—писалъ Глэръ,—политическая карьера мнѣ совершенно опротивѣла, и послѣдующія семнадцать лѣтъ, отъ перваго раздѣла до моего удаленія изъ Польши, были безконечною борьбой между моимъ отвращеніемъ къ коварной политикѣ кабинетовъ и моею преданностью къ ихъ несчастнымъ жертвамъ». Во время втораго періода своего пребыванія въ Польшѣ, Глэръ ѣздилъ нѣсколько разъ съ дипломатическими порученіями въ Вѣну, Берлинъ и Парижъ. Въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ онъ оставался недолго, такъ какъ русское правительство обидѣлось этой макіавелевской интригой, по словамъ графа Штакельберга, и король долженъ былъ его немедленно отозвать. По возвращеніи въ Варшаву, Глэру поручено было разобратъ очень непріятное судебное дѣло по обвиненію нѣсколькихъ лицъ въ заговорѣ противъ князя Адама Чарторижскаго, и по этому случаю выяснилось, какъ всѣ въ Польшѣ уважали этого чужеземца, потому, что ни одинъ голосъ не возвысился противъ произведеннаго имъ слѣдствія. Однако Глэръ все болѣе и болѣе убѣждался, что при тогдашнемъ своемъ положеніи Польша не можетъ долго существовать, и онъ пришелъ къ заключенію, что единственнымъ спасеніемъ для нея было избраніе младшаго внука Екатерины въ наследники польскаго престола, такъ какъ у короля не было дѣтей. Этотъ проектъ, по его мнѣнію, избавлялъ Польшу отъ новыхъ интригъ и борьбы партій, въ случаѣ неожиданной смерти короля, а вмѣстѣ съ тѣмъ обязывалъ русское правительство въ настоящемъ и будущемъ охранять интересы государства, въ которомъ долженъ

былъ бы царствовать, или уже царствовалъ русскій великій князь. Этотъ вполне разумный и логичный при тогдашнихъ обстоятельствахъ проектъ; однако, не былъ принятъ королею, такъ какъ онъ считалъ его противорѣчающимъ польской конституціи, гарантированной Россіей. Тогда Морисъ Глэръ призналъ невозможнымъ больше стоять празднымъ и безпомощнымъ у кормила погибавшаго корабля, отказался сопровождать Станислава въ Каневъ, на свиданіе съ Екатериной, и добился столъ давно просимаго имъ разрѣшенія вернуться на родину, а тамъ женившись упорно отказывалъ Станиславу возобновить свою службу въ Польшѣ. Это, однако, не помѣняло ему исполнить временное дипломатическое порученіе въ Парижѣ и поддерживать постоянную переписку съ королею въ тяжелыя времена второго и третьяго раздѣла. То, что Глэръ давно предсказывалъ, случилось, и, вѣрный своей любви къ Станиславу, онъ горько оплакивалъ его паденіе и скоро послѣдовавшую затѣмъ смерть. Что касается самого Глэра, то остальную свою жизнь онъ провелъ въ своемъ родномъ кантонѣ Ваадѣ и принималъ энергичное участіе въ политическихъ дѣлахъ Швейцаріи.

— Наполеоніана. Хотя въ послѣднее время количество новыхъ книгъ и журнальныхъ статей о Наполеонѣ значительно уменьшилось, но за то качества выходящихъ трудовъ увеличилось. Такъ недавно вышли девятый томъ Всеобщей исторіи отъ IV столѣтія до нашихъ дней ¹⁾, подъ редакціею Лависа и Рамбо, исключительно посвященный событіямъ отъ 1800 по 1815 годъ, и Собраніе неизданныхъ писемъ Наполеона I ²⁾, въ двухъ томахъ. Изъ числа же журнальныхъ статей обращаютъ на себя вниманіе въ «Nouvelle Revue» шестидесять пять, нигдѣ еще не напечатанныхъ, писемъ Наполеона ³⁾, въ «Macmillan's Magazine» — рассказъ англійскаго капитана Сенсауза о пребываніи Наполеона на Беллерофонѣ, послѣ того, какъ онъ сдался Англіи ⁴⁾, и въ «Revue Occidentale» — характеристика Наполеона, сдѣланная главою теоретическихъ позитивистовъ, Шьеромъ Лафитомъ ⁵⁾. Громадный томъ исторіи Лависа и Рамбо, трактующій о Наполеонѣ и его эпохѣ, можно назвать послѣднимъ словомъ историческихъ изслѣдованій по этому предмету. Такъ же, какъ предыдущіе томы этой образцовой всеобщей исторіи, и настоящій выпускъ составленъ цѣлымъ рядомъ французскихъ историковъ, преимущественно молодыхъ; каждый изъ нихъ избралъ себѣ предметомъ наиболѣе извѣстную ему тему, и потому всѣ разнообразныя очерки политической, общественной, административной, экономической, научной, литературной и художественной сторонъ наполеоновской эпохи, не только во Франціи, но и во всемі свѣтѣ, отличаются одинаковымъ интересомъ и знаніемъ дѣла, хотя, конечно, нѣкоторые изъ нихъ отличаются болѣею картинностью и болѣе талантливимъ изложеніемъ,

¹⁾ Histoire générale du IV siècle à nos jours, ouvrage publié sous la direction de E. Lavisse et A. Rambaud. Vol. IV. Napoleon. Paris. 1897.

²⁾ Lettres inédites de Napoleon I, 2 vol. Paris. 1897.

³⁾ Lettres inédites de Napoleon I. Nouvelle Revue. 15 août.

⁴⁾ The Surrender of Napoleon. By sir Humphrey Sengause. Macmillan's Magazine. 1 sept.

⁵⁾ Bonaparte. Par P. Laffite. Revue Occidentale. Sept.-oct.

чѣмъ другіе. Первое мѣсто безспорно слѣдуетъ отвести одному изъ редакторовъ этого почтеннаго изданія, теперешнему министру народнаго просвѣщенія и извѣстному знатоку русской исторіи, А. Рамбо, который мастерски изложилъ главы, посвященныя Россіи, отъ 1801 до 1812 г., кампаніи 1812 года, Турціи и Азіи въ ту же эпоху. Рядомъ съ нимъ слѣдуетъ упомянуть о другихъ двухъ замѣчательныхъ изслѣдователяхъ русской исторіи, графѣ Вандаль и Л. Леже, изъ которыхъ первый блестяще описалъ русско-французскій союзъ отъ Тильзита до пятой коалиціи, а послѣдній — судьбы великаго герцогства Варшавскаго. По картинности изложенія отличаются очерки кампаніи 1814 года и Ста Дней—академика Генри Гуссе. Одинъ изъ первыхъ, если не первый экспертъ, по исторіи французской революціи, профессоръ Сорбонны, Аларъ, широкой кистью набросалъ картину внутренней исторіи Франціи во время консульства; трудолюбивый публицистъ и экзаменаторъ въ Сентъ-Сирской школѣ, Г. Вастъ, добросовѣстно исполнилъ взятую на себя задачу написать большую часть главъ о политическихъ событіяхъ; извѣстный критикъ и профессоръ парижскаго университета Эмиль Фагэ представилъ искусную характеристику французской литературы того времени, а профессора Танери, Арнонэ и Шенонъ сдѣлали то же относительно наукъ въ Европѣ, экономическаго состоянія во Франціи и гражданскихъ учрежденій консульства и имперіи. Конечно, при такомъ разнообразіи авторовъ нельзя требовать отъ этой книги общаго взгляда на Наполеона, или цѣльной его характеристики, но какъ сводъ всего, что извѣстно до сихъ поръ о немъ и его эпохѣ, при томъ изложенный съ объективнымъ безпристрастіемъ и снабженный подробнымъ библиографическимъ указателемъ о наполеоновской литературѣ на всѣхъ языкахъ, девятый томъ «Исобщей исторіи» Лависа и Рамбо займетъ видное мѣсто въ библиотекѣ каждаго образованнаго человѣка.

Какъ извѣстно, при изданіи тридцати трехъ томовъ переписки Наполеона I, во время декабрьской имперіи, комиссія, подъ предѣлительствомъ принца Наполеона, которой поручено было это дѣло, исключила изъ сборника многочисленныя письма Наполеона, которыя она считала несовмѣстными съ достоинствомъ основателя императорской династіи. Долго эти письма находились подъ спудомъ, и только теперь Леонъ Лессетреръ издалъ ихъ въ двухъ томахъ. Дѣйствительно, эти 1225 писемъ не дѣлаютъ чести Наполеону, но зато служатъ драгоцѣннымъ матеріаломъ для его настоящей характеристики. Онъ тутъ является рѣзкимъ, грубымъ тираномъ, не знающимъ никакихъ предѣловъ своей власти и неостанавливающимся ни передъ чѣмъ для достиженія своей цѣли. Своихъ братьевъ онъ прямо ругаетъ дураками, папу называетъ сумасшедшимъ, кардиналовъ — болванами, Венжамена Констана — канальей, госпожу Стаадъ — мошеницей, министра торговли — пустымъ болтуномъ, Камбасереса — сочинителемъ дурацкихъ докладовъ и т. д. О прусскомъ посланникѣ онъ писалъ въ 1809 году къ Фуше: «выбросьте вонъ изъ Парижа эту скотину»; объ аристократахъ, которые не явились въ Бордо на пріемъ префекта, онъ выражается такъ: «разгоните во всѣ стороны этихъ бессмысленныхъ дворянчиковъ»; съ журналистами онъ обращался совершенно безцеремонно, называя ихъ всѣхъ ослими, смѣнялъ редакторовъ по своему усмотрѣнію и при-

казывалъ имъ печатать такія статьи, какія ему были удобны. Въ политикѣ онъ велъ себя также круто. Своему брату Іосифу, королю испанскому, онъ со-вѣтовалъ повѣсить человѣкъ двадцать недовольныхъ и тѣмъ водворить порядокъ; изъ Шенбруна въ 1808 году онъ писалъ къ Фуше, приказывая ему устроить въ Парижѣ фабрикацію фальшивыхъ австрійскихъ денегъ на десять милліоновъ въ мѣсяць, для распространенія ихъ въ Австрію. Этихъ немногихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какимъ драгоценнымъ историческимъ матеріаломъ служить этотъ сборникъ, невѣдомыхъ доселѣ, писемъ Наполеона. Впрочемъ Леонсъ де Бретонъ въ «Nouvelle Revue» доказываетъ, что 373 изъ этихъ писемъ уже были ранѣе напечатаны въ различныхъ сочиненіяхъ, и, съ своей стороны, даритъ читателямъ, по его словамъ, дѣйствительно неизданныхъ 65 наполеоновскихъ писемъ, но они далеко не имѣютъ такого интереса, какъ документы, обнародованные Лессетромъ. Въ сущности историческій интересъ представляетъ только письмо Наполеона къ Ожеро во время кампаніи 1814 года, въ которомъ онъ между прочимъ говоритъ: «я какъ нельзя болѣе доволенъ поселянами; они идутъ массами на враговъ и ежедневно дерутся, правда союзники, а въ особенности русскіе и казаки, производятъ такіе ужасы, что волосы становятся дыбомъ».

Къ появившимся въ послѣднее время многочисленнымъ рассказамъ о томъ, какъ Наполеонъ велъ себя на «Валерофонѣ», когда онъ сдался англичанамъ послѣ Ватерло, присоединился еще одинъ, именно письма капитана Сенгауза къ его женѣ. Рисуемый имъ портретъ императора чрезвычайно характеристиченъ: «я очень жалалъ его увидѣть, но, признаюсь, былъ разочарованъ,—у него фигура прескверная: ноги коротки, голова большая, а животъ до безобразія выдается. Особенно придаетъ ему карикатурный видъ слишкомъ короткій назадъ мундиръ. Его профиль хорошъ и совершенно похожъ на всѣ его портреты и бюсты, но пухлое лицо далеко некрасиво. Глаза свѣтло-голубые, съ желтоватымъ оттѣнкомъ бѣлка и очень мутны, зубы у него крайне дурны и общее выраженіе лица мѣняется каждую секунду, согласно настроенію: то оно отличается добродушіемъ, то мрачнымъ недовольствомъ. Онъ говоритъ очень скоро и быстро перебѣгаетъ съ одного предмета на другой. Знанія его немнѣрно громадны и разнообразны, а память поражаетъ всѣхъ».

Слѣдующимъ примѣромъ Огюста Конта, который ненавидѣлъ Наполеона и считалъ его шарлатаномъ и преступникомъ, теперешній глава французскихъ позитивистовъ, Лафитъ, началъ въ своемъ органѣ «Revue Occidentale» цѣлый рядъ статей о Наполеонѣ. Въ первой изъ нихъ онъ старается доказать, что это былъ просто авантюристъ, который велъ безконечныя войны изъ любви къ искусству и принесть Франціи только одно несчастіе за другимъ. Свое враждебное отношеніе къ Наполеону Лафитъ основываетъ не на томъ, что онъ былъ диктаторъ, но ненавидитъ его потому, что онъ былъ дурнымъ тираномъ, а не основателемъ величія и могущества своей родины, какъ, напримѣръ, Кромвель.

— Прототипъ героя романа «Подъ тѣнью меча». Англійскій романъ Роберта Вуканана «Подъ тѣнью меча», напечатанный въ переводѣ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1894 годъ, считался до сихъ поръ художествен-

ной фантазіей на исторической почвѣ, съ цѣлю представить пламенный протестъ противъ войны. Но теперь оказывается, что его герой былъ живымъ существомъ и дѣйствительно не только отказался отъ рекрутчины, но и успѣшно скрывался въ таинственной пещерѣ, которая въ такихъ блестящихъ краскахъ описана романистомъ. Это открытіе сдѣлано Габріелемъ Ферри на страницахъ *Revue Bleue* ¹⁾, но онъ не подозрѣваетъ о существованіи романа Вуканана, а просто рассказываетъ любопытную исторію Ромена Виссона, которымъ до сихъ поръ гордится его родина Этрета и о которомъ, по его словамъ, впервые говорилъ во французской литературѣ Альфонсъ Каррь, въ своемъ сочиненіи *Fugace maritime*. Въ 1812 году, Этрета, теперь модный морской курортъ, былъ маленькимъ прибрежнымъ селеніемъ, и Вукананъ совершенно вѣрно описалъ его подъ названіемъ Кромле. Его герой, Роанъ Гвенфернъ, назывался въ дѣйствительности Роменомъ Виссономъ. Сынъ бѣднаго рыбака, онъ отличался любовью къ одиночеству, къ своей семьѣ и родному селенію, такъ что, когда онъ вынулъ жребій въ рекрута, то рѣшилъ, вмѣстѣ со своими родителями, уклониться отъ военной службы. Дѣйствительно, въ день, назначенный для сбора рекрутовъ, Роменъ не явился и пропалъ безъ вѣсти. Всѣ думали, что бѣжалъ въ Англію, и мало-по-малу въ Этрета забыли о немъ. Но неожиданно одинъ рыбакъ, возвращаясь ночью съ моря, замѣтилъ огонекъ въ прибрежномъ ущельѣ и сказалъ объ этомъ полицейскому, который, подозрѣвая, что не скрываются ли въ пещерѣ контрабандисты, сталъ слѣдить, что дѣлалось въ пещерѣ. Вскорѣ онъ увидалъ, что отецъ Ромена Виссона осторожно пробрался по вершинѣ утеса къ отверстию пещеры и опустилъ туда карзинку съ съѣстными припасами. Онъ тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, и далъ знать въ Гавръ, что найденъ бѣглый рекрутъ. Мѣстныя власти послали отрядъ солдатъ, начальникъ которыхъ, прежде чѣмъ начать правильную осаду пещеры, обратился къ Ромену съ предложеніемъ сдаться. Тотъ отвѣчалъ, что онъ не хочетъ быть солдатомъ и лучше умереть, чѣмъ сдаться. Началась осада, а затѣмъ приступъ; и снизу старались валѣть по лѣстницамъ въ пещеру и сверху пытались опуститься туда по веревкѣ, но все тщетно: Роменъ ломалъ лѣстницы, обрывалъ веревки и закидывалъ камнями штурмующихъ. Наконецъ гаврскій префектъ приказалъ открыть канонаду, но и ружейные залпы ни къ чему не привели. Однако черезъ четыре дня осады Роменъ пришелъ въ отчаяніе отъ жажды и, пользуясь приливомъ, который заставилъ осаждающихъ ретироваться, на ихъ глазахъ выбрался изъ пещеры и исчезъ за утесами. На другой день море прибило на берегу его одежду, и всѣ предположили, что онъ потонулъ. Но въ 1814 году по возвращеніи бурбоновъ на французскій престолъ была объявлена амнистія, и снова въ Этрета появился Роменъ, который до тѣхъ поръ скрывался въ Англіи. Послѣ этого онъ жилъ десять лѣтъ въ своемъ родномъ селеніи, но кончилъ трагически, бросившись въ море съ того самаго утеса, въ ущельѣ котораго онъ такъ успѣшно защищался отъ полиціи и жандармовъ. Причина его смерти осталась никому неизвѣстна: по словамъ однихъ,

¹⁾ Romain Bisson, le refractaire. Par Gabriel Ferry. *Revue Bleue*. 21 août.

онъ наложилъ на себя руки отъ несчастной любви, а по увѣренію другихъ— въ порывѣ мистическаго фанатизма.

— Эдгаръ По. Французская писательница, скрывающаяся подъ псевдонимомъ Арведъ Баринъ, съ нѣкоторыхъ поръ помѣщается въ *Revue des deux Mondes* цѣлый рядъ очерковъ о патологической литературѣ. Последній изъ нихъ представляетъ любопытную характеристику извѣстнаго американскаго писателя Эдгара По ¹⁾. Этотъ талантливый поэтъ, гениальный рассказчикъ и несчастный алкоголикъ происходилъ изъ почтенной англійской семьи, переселившейся въ Ирландію при Кромвелѣ. Его прадѣдъ эмигрировалъ въ началѣ XVIII вѣка въ Америку, но не сумѣлъ устроить своей судьбы, а его дѣдъ, начавъ жизнь простымъ телѣжникомъ, былъ однимъ изъ героевъ борьбы за независимость, что не мѣшало ему отличаться любовью къ крѣпкимъ напиткамъ. Старшій сынъ его, Давидъ, имѣлъ болѣзненную натуру, страдалъ съ молодости чахоткой, предавался пьянству и велъ разнузданную жизнь провинціального актера. По несчастью онъ еще женился на такой же чахоточной, какъ самъ, молодой дѣвушкѣ, и у этой-то патологической четы родилось трое дѣтей, изъ которыхъ старшій снулся съ кругу и умеръ въ юности, дочь была почти пѣтукомъ и также рано умерла, а второй сынъ Эдгаръ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ американскихъ писателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательнымъ примѣромъ наследственнаго алкоголизма. Трехъ лѣтъ онъ остался круглымъ сиротой и былъ взятъ на воспитаніе богатымъ табачнымъ торговцемъ Джономъ Алланомъ. Хорошенькій мальчикъ получалъ блестящее, но чисто внѣшнее воспитаніе, при чемъ не было обращено никакого вниманія на то, чтобы развить нравственную сторону несчастнаго представителя патологической семьи. Переселившись на нѣсколько лѣтъ въ Англію, Алланъ взялъ съ собою своего воспитанника и помѣстилъ его въ одинъ изъ модныхъ лондонскихъ пансіоновъ, жизнь въ которыхъ блестяще описана Эдгаромъ По въ одномъ изъ лучшихъ его рассказовъ Вильямъ Вильсонъ, имѣющемъ автобіографическій характеръ. Двѣдцати лѣтъ онъ возвратился съ Алланами въ Америку и поступилъ въ школу въ г. Ричмондѣ, гдѣ онъ отличался блестящими успѣхами, ловкостью въ физическихъ играхъ и загадкой для своихъ товарищей, благодаря капризной, мрачной и повелительной натурѣ. Семнадцати лѣтъ онъ перешелъ въ Виргинскій университетъ, и тамъ впервые въ немъ проснулась страсть къ крѣпкимъ напиткамъ и къ картамъ. По словамъ французскаго писателя Боделера, читавшаго къ По пламенный культъ, онъ студентомъ былъ не какъ мальчишка, а какъ дикарь, хладнокровно лишаящій себя жизни. Такимъ дикимъ пьяницей онъ и продолжалъ быть во всю свою кратковременную жизнь. Онъ былъ не для удовольствія, не для самозабвенія, а по какой-то внутренней необходимости, отличающей всѣхъ наследственныхъ алкоголиковъ. Ведя въ университетѣ самую разгульную жизнь, По оставался тамъ только годъ, а когда его покровитель Алланъ взялъ его домой и помѣстилъ въ свою контору, то онъ бѣжалъ. Последующій періодъ его жизни долго оставался темнымъ, и мало кто вѣрилъ его собственнымъ рассказамъ о томъ,

¹⁾ Essais de litterature pathologique. III. L'alcool — Edgar Poe. Par Arvede Barine. *Revue des deux Mondes*, 5 juillet—1 août.

что онъ служилъ волонтеромъ въ Греціи и нѣсколько времени весело жилъ въ Парижѣ, гдѣ имѣлъ драматическую дуэль и пользовался попеченіями знатной аристократки. Въ послѣднее время найдены достовѣрные документы, свидѣтельствующіе, что всѣ эти рассказы были только плодомъ его романтической фантазіи, а что въ дѣйствительности онъ поступилъ въ солдаты и нѣсколько времени былъ образцовымъ и замѣчательно трезвымъ рядовымъ, писавшимъ въ свободное время стихи. Узнавъ объ этомъ, Алланъ помогъ ему поступить въ военную школу въ Вестпойнтѣ, но, вмѣсто того, чтобы спасти его, онъ окончательно погубилъ. Эдгаръ По снова запылъ, сталъ на каждомъ шагѣ нарушать школьную дисциплину и, въ концѣ концовъ, его исключили изъ училища, а его покровитель окончательно отъ него отказался. Очутившись на улицѣ безъ гроша денегъ, онъ долго искалъ случая выказать свой литературный талантъ. Наконецъ случайно онъ узналъ, что одинъ бальтиморскій журналъ назначилъ премию въ сто долларовъ за лучший рассказъ, и послалъ въ редакцію цѣлую кучу рассказовъ, изъ которыхъ одинъ и получилъ премию. Затѣмъ послѣдовалъ длинный рядъ его знаменитыхъ сказокъ, или рассказовъ, въ которыхъ онъ далъ полный просторъ своей болѣзненной фантазіи, которая почти исключительно создавала мрачныя, эксцентричныя, чудовищныя исторіи. Хотя его крупный талантъ никѣмъ не оснаривался, но онъ долго не имѣлъ успѣха на своей родинѣ, и только послѣ Квроны Америка стала отдавать справедливость одному изъ своихъ величайшихъ и оригинальныхъ писателей. Что касается до его жизни, то она до самой смерти была очень несчастная, и ее можно резюмировать въ трехъ словахъ: онъ писалъ, пылъ и нищенствовалъ. Женитьба на молодой дѣвушкѣ удивительной красоты только причинила несчастье этому бѣдному существу, но не удержала на краю гибели патологическаго беллетриста. Много разъ, изъ любви къ женѣ, онъ старался исправиться и принималъ на себя серьезный литературный трудъ, или редакцію какого нибудь журнала, даже однажды самъ основалъ собственный журналъ, но всѣ эти попытки были тщетны, и его злой врагъ, алкоголизмъ, снова и снова овлаждалъ имъ. Когда же умерла его бѣдная жена, то онъ совершенно пропалъ и дошелъ до *delirium tremens*. Въ одномъ изъ припадковъ этого роковаго недуга онъ умеръ въ 1849 году, на сороковомъ году своей несчастной жизни. Хотя поздно, но въ настоящее время Америка гордится литературнымъ талантомъ Эдгара По, поставила ему статую въ Балтиморѣ и недавно выпустила великолѣпное, полное собраніе его сочиненій, но въ Англіи, Франціи и Германіи онъ уже давно пользуется громадной популярностью, какъ оригинальный рассказчикъ въ области таинственнаго, страшнаго и чудовищнаго.

— Генрихъ Гейне и новыя его письма. Нѣмецкій журналъ *Deutsche Rundschau* помѣстилъ цѣлый рядъ неизданныхъ писемъ Генриха Гейне, съ примѣчаніями Эрнеста Эльстера ¹⁾. Эти письма были адресованы знаменитымъ поэтѣ одному курьезному искателю приключеній, Дерингу, редактору *Allgemeine Zeitung* Кольбу, Ласало и брату Гейне, Максимилиану, а такъ какъ

¹⁾ Ernst Elster. Boitrag zu Heinos Biographie. Auf Grund ungedruckter Briefe des Dichters. Deutsche Rundschau, juni—juli.

почти каждая ихъ фраза обнаруживаетъ остроуміе, юморъ и скептицизмъ автора *Reisebilder*, то они представляютъ не только любопытное чтеніе, но и драгоценный матеріалъ для характеристики одного изъ самыхъ оригинальнѣйшихъ поэтовъ нашего времени. Что касается до писемъ къ Деривгу, то они возбуждаютъ любопытство только по тому, что показываютъ, какъ Гейне легко дружился съ самыми подозрительными личностями, а письма къ его брату Максимилиану выясняютъ мало извѣстныхъ отношеній поэта къ его семьѣ. Но болѣе интересны письма къ Кольбу, въ которыхъ Гейне рассказываетъ свои отношенія къ *Allgemeine Zeitung*, постояннымъ парижскимъ корреспондентомъ которой онъ состоялъ, къ Людвигу Берне, съ которымъ Гейне былъ прежде въ дружбѣ, а потомъ въ пламенной враждѣ, наконецъ къ Листу. Всего же любопытнѣе изъ этой невѣстной до сихъ поръ переписки Гейне его письмо къ Фердинанду Ласалю, основателю германскаго социализма. Оно писано 7-го марта 1846 г. въ Парижѣ, и касается извѣстнаго романческаго эпизода въ жизни Ласалья, именно его отношеній къ графинѣ Гацфельдъ. Въ это время каждый изъ нихъ исключительно занимался процессомъ; Ласаль всячески старался помочь графинѣ Гацфельдъ въ ея процессѣ съ мужемъ, а Гейне волгъ процессъ о наслѣдствѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ Карломъ Гейне. Случайно встрѣтившись въ Парижѣ, Гейне и Ласаль быстро подружились, и каждый съ своей стороны старался оказать содѣйствіе другому въ занимавшихся ихъ процессахъ. Ласаль поднималъ на ноги многихъ выдающихся личностей въ Германіи, какъ Мейербергера, Варнгагена и Александра Гумбольдта, въ пользу Гейне, а потому имѣлъ право рассчитывать на его содѣйствіе въ своихъ хлопотахъ о дѣлѣ графини Гацфельдъ. Дѣло было въ томъ, что мужъ графини Гацфельдъ хотѣлъ передать баронессѣ Мейендорфъ, съ которой онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ, по нотаріальному акту, права на часть своего имущества, которое должно было составить единственное состояніе его младшаго сына, любимца матери. Молодой Ласаль, сдѣлавшись рыцаремъ и защитникомъ графини, поставилъ себѣ цѣлью, во что бы то ни стало, открыть козни враговъ графини и добыть самый актъ, если онъ существовалъ. Для этого онъ придумалъ романическій планъ похищенія баронессы Мейендорфъ и желалъ, чтобы Гейне принялъ участіе въ осуществленіи этого плана. Въ отвѣтъ на это и было написано, теперь впервые напечатанное, письмо Гейне, въ которомъ онъ очень остроумно отказывается отъ роли соучастника въ курьезномъ заговорѣ. «Я получилъ вашъ оба письма, — пишетъ онъ, — и содержаніе ихъ меня очень удивило; ваша неопытность заставила меня широко открыть глаза, но, обдумавъ суть дѣла, я не могу его не одобрить. Что же касается до меня, то я не способенъ разыграть роль, которая скорѣе входитъ въ область романа Евгенія Сю, чѣмъ подходитъ къ моимъ личнымъ способностямъ. Къ тому же я очень нездоровъ и не могъ даже изучить театра предполагаемой драмы. Впрочемъ, никто на моемъ мѣстѣ не могъ бы ничего сдѣлать въ этой исторіи. Всего было бы лучше обратиться къ содѣйствію какой нибудь особы высшаго свѣта, и это вамъ не трудно было бы сдѣлать при вашей ловкости, если при томъ не жалѣть денегъ. Во всякомъ случаѣ, пріѣзжайте сюда сами, и тогда усилъхъ возможенъ; но такъ, какъ вы предполагаете, сдѣлать ничего нельзя». По по-

воду этих новых писем Гейне знаменитый испанский оратор и публицист, Эмилио Кастеляр, высказывает на страницах *Nouvelle Revue Internationale*, от 15-го августа, красноречивый и оригинальный взгляд на великого поэта. По его словам, Гейне загадочен до последней степени, и он, для собственной забавы, играет с теми мыслями, за которые вквали боролось человечество, принося тысячи жертв. «Часто, говорит он, Гейне называют немцем Вольтером, тогда как Вольтер смѣялся только над идеями реакционными и клерикальными, а Гейне поднимал на смѣх всѣ идеи. Онъ скорѣе можетъ считаться ученикомъ древнихъ греческихъ софистовъ, но съ тѣмъ только различіемъ, что софисты представляли доказательства за и противъ всякаго вопроса, а Гейне одинаково остроумно и зло смѣялся надъ доказательствами за и противъ всякаго вопроса. Его гений если не умѣлъ вѣрить, то за то умѣлъ говорить и любить, а голова его представляется вѣчно дѣйствующимъ вулканомъ. Его воображеніе было одарено крыльями, которыя уносили его на седьмое небо поэтического вдохновенія. Его сердце было чрезвычайно чуткое, а способность владѣть всѣми литературными формами—по истинѣ поразительна. Онъ не только былъ поэтомъ, но и предвидѣлъ будущее; такъ, не считаясь государственнымъ человѣкомъ, онъ предсказалъ единство Германіи, нашествіе пруссаковъ на Францію и конечное горжество республики въ его второмъ отечествѣ. Душа Гейне, оставаясь душою поэта, была одарена самыми разнообразными качествами и понимала все высокое. Онъ цѣнилъ народную испанскую поэзію и удивительный испанскій театр, какъ испанецъ. Онъ говорилъ о Шекспирѣ, какъ самый пламенный англичанинъ; онъ восторгался стихами Комоенса, какъ писатель Лузитаніи, и сознавалъ туманную философію Германіи, какъ немецъ. Отличаясь этими объективными способностями, которыя могли бы дать ему возможность написать, подобно Гете, философскую эпопею, онъ былъ самымъ субъективнымъ лирикомъ и хотя всегда смѣялся надъ идеей, самъ, въ своей поэзіи, возбуждалъ массу идей. Германія не любитъ Гейне, потому что онъ оскорблялъ ее сатирой, такъ, какъ Англія не любитъ Байрона, который возставалъ противъ ея традицій и старомодныхъ обычаевъ. Но зато эти два гения принадлежатъ человечеству потому, что, вообще не вѣря ни во что, они вѣрили въ свободу».

— Листъ и княгиня Зайнъ-Витгенштейнъ. Сентябрьскіе французскіе журналы неожиданно обратили вниманіе на Листа, о которомъ уже столько писано, и въ *Nouvelle Revue* помѣщена его характеристика, какъ человѣка и музыканта, составленная его ученикомъ А. де-Берта ¹⁾, а въ *Revue de Paris* появились личныя воспоминанія Д. Мелегари о другѣ Листа, княгинѣ Зайнъ-Витгенштейнѣ ²⁾. Несмотря на все уваженіе, которое авторъ первой статьи питаетъ къ своему учителю и знаменитому соотечественнику, онъ прямо и категорически заявляетъ, что пора разобраться въ многочисленныхъ легендахъ, сложившихся о великомъ пианистѣ и баловнѣ свѣтскаго общества. По его словамъ, нѣтъ сомнѣнія, что Листъ былъ первымъ пианистомъ въ свѣтѣ, но болѣе

¹⁾ Franz Liszt. Par A. de Bertha. *Nouvelle Revue*. 15 septembre.

²⁾ Une amie de Liszt, la princesse de Sajn Wittgenstein. Par D. Molegari. *Revue de Paris*. 1 septembre.

ничего. Какъ композиторъ, онъ далеко не первоклассный, и замѣчательны только его переложенія для фортепіано чужихъ произведеній, а, какъ человѣкъ, онъ не возбуждаетъ полнаго сочувствія. «Такимъ образомъ,—говоритъ Берта,—про него нельзя повторить слова Наполеона о Гете: вотъ человѣкъ!—а можно только воскликнуть: вотъ пианистъ!». Переходя отъ общей характеристики къ біографіи своего героя, нашъ авторъ указываетъ прежде всего, что, венгерецъ по происхожденію, Листъ родился при необыкновенныхъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, его рожденіе совпало съ появленіемъ кометы въ 1811 году, а, во-вторыхъ, по странной игрѣ природы, онъ былъ единственный сынъ родителей, семьи которыхъ отличались въ прошедшемъ замѣчательной плодовитостью, такъ что у дѣда съ отцевской стороны было 26 дѣтей, а у дѣда съ материнской—14. Сосредоточивъ въ себѣ такимъ образомъ замѣчательныя жизненныя силы двухъ семействъ, будущій великій пианистъ съ дѣтства привыкъ къ музыкѣ, такъ какъ отецъ его былъ пламенный любитель и хорошо игралъ на фортепіано. Замѣтивъ въ ребенкѣ музыкальныя способности, отецъ пожертвовалъ своимъ мѣстомъ управляющаго помѣстьями князя Эстергази и переселился въ Вѣну, гдѣ употребилъ всѣ свои деньги на уроки сына. Успѣхъ былъ полный, но не съ тѣмъ было продолжать музыкальнаго образованія талантливаго мальчика, и вся семья кончила бы самымъ плачевнымъ образомъ, если бы ихъ не выручилъ князь Эстергази, обязавшись платить за дальнѣйшіе уроки. На первомъ концертѣ Листа публика пришла въ неописанный восторгъ, и Бетховень объялъ четырнадцатилѣтняго пианиста. Затѣмъ началось путешествіе отца и сына по Германіи и Франціи; слава и деньги ожидали ихъ всюду, а когда отецъ скоропостижно умеръ въ Булони, то семнадцатилѣтній Листъ остался на попеченіи матери съ порядочнымъ уже капиталомъ. Онъ поселился въ Парижѣ и жилъ концертами, а также уроками въ свѣтскихъ домахъ, пока необыкновенный успѣхъ Паганини не возбудилъ въ немъ ревности. Онъ рѣшилъ, что будетъ производить на фортепіано такія же чудеса, какъ Паганини—на скрипкѣ, и, послѣ долгихъ усплій, дѣйствительно достигъ того, что впервые фортепіано, подъ руками артиста, замѣнило цѣлый оркестръ, о чемъ и понятія не имѣли великіе пианисты, какъ Моцартъ, Шопенъ и Шуманъ. Зато и торжество Листа было неописанное: его буквально носили на рукахъ во всемъ свѣтѣ, и онъ одерживалъ повсюду не только музыкальныя, но и свѣтскія побѣды. Женщины сходили по нему съ ума, а коронованныя особы считали за честь принимать его при дворѣ. Естественно, что самолюбивый, красивый, музыкальный левъ дозволялъ себѣ всякаго рода эцентричности. Наконецъ ему надоѣло быть только пианистомъ, хотя и первымъ въ свѣтѣ, и онъ задумалъ сдѣлаться композиторомъ. Съ этой цѣлью онъ добился назначенія канцельмейстеромъ двора великаго герцога Веймарскаго, что было соединено съ титуломъ камергера. Но если онъ великолѣпно исполнялъ со своимъ оркестромъ великія произведенія другихъ композиторовъ, то его собственныя имѣли только минутный успѣхъ, благодаря модѣ на Листа. Это не мѣшало ему, однако, вѣрить въ диэпранбы своихъ поклонниковъ, и онъ не только считалъ себя великимъ музыкантомъ, но даже посягнулъ на литературныя лавры, но, конечно, его брошюра Фридрихъ Шопенъ и книга Цыгане были ниже всякой кри-

тики. Несмотря на свои легкія и безконечныя побѣды надъ женскими сердцами, Листъ находился въ продолженіе долгаго времени подъ влияніемъ двухъ женщинъ: сначала графини Дагу, навѣстной французской писательницы, подъ псевдонимомъ Даниель Стеригъ, а потомъ княгини Елисаветы Зайнг-Виттенштейнгъ. Пока онъ находился въ сѣтяхъ ловкой блестящей француженки, Листъ былъ веселымъ кутялой и вольтеріанцемъ, а когда онъ попалъ въ руки мистической католички, то сдѣлался набожнымъ католикомъ и даже пошелъ въ патеры. Его отношенія къ княгинѣ Виттенштейнгъ, урожденной Ивановской, очень образованной, женщины, питавшей къ великому артисту пламенный культъ, отличались довольно страннымъ характеромъ. Пока княгиня была замужемъ и вела долгій процессъ о разводѣ съ мужемъ, Листъ съ первой встрѣчи съ нею въ Кіевѣ не разлучался съ нею, пользовался ея крупными денежными средствами, жилъ цѣлыми зимами въ ея великолѣпномъ подольскомъ имѣніи и годами обиталъ въ замкѣ, который княгиня нанимала для него и себя въ Веймарѣ; но какъ только послѣ пятнадцатилѣтнихъ ожиданій бѣдная женщина добилаься развода и, кромѣ того, ея мужъ умеръ, Листъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, сдѣлался патеромъ. Хотя его поклонники и старались объяснить этотъ, болѣе чѣмъ сомнительный, шагъ его жизни предложеніемъ Листу со стороны папы преобразовать духовную католическую музыку, но это предпріятіе никогда не было исполнено, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Римѣ патеромъ, безъ исполненія духовныхъ требъ, Листъ удалился въ Венгрію и въ послѣдніе годы своей жизни былъ директоромъ музыкальной академіи въ Вуда-Пештѣ. Во все это время вѣрная и глубоко преданная ему княгиня Виттенштейнгъ не покидала его, постоянно окружала самымъ трогательнымъ вниманіемъ, терпѣла всѣ его частыя измѣны и пережила его только на семь мѣсяцевъ, исполнивъ тѣмъ его слова: «ея душа такъ тѣсно связана съ моею, что если я умру первымъ, то она вскорѣ послѣдуетъ за мной».

— Воспоминанія славянофила. Подъ этимъ заглавіемъ въ сентябрьской книжкѣ «Cosmopolis» напечатанъ любопытный разсказъ извѣстнаго французскаго знатока и профессора славянскихъ литературъ Люи Лежэ, о томъ, какъ онъ сталъ заниматься славянскими языками ¹⁾. По его словамъ, идея объ этомъ пришла ему въ голову впервые въ 1863 году, по выходѣ его изъ лица. Въ то время во Франціи очень интересовались Польшею, и онъ жадно принялся изучать польскій языкъ и литературу, но вскорѣ по врожденному безпристрастію нашелъ необходимымъ прислушаться и къ голосу пророчившей стороны, а потому сталъ изучать Россію. Когда же онъ познакомился теоретически съ этими обѣими націями, то пришелъ къ убѣжденію, что онѣ составляли только двѣ отрасли общей славянской семьи, и увидѣлъ необходимость распространить область своихъ изслѣдованій на Чехію, Трансильванію и славянскія страны Балканскаго полуострова. Спустя годъ, онъ уже захотѣлъ практически ознакомиться хоть съ однимъ изъ славянскихъ народовъ и выбралъ чеховъ. Довольно продолжительное пребываніе въ Прагѣ окончательно утвердило въ немъ рѣшимость посвятить себя изученію славянскихъ языковъ,

¹⁾ Souvenirs d'un slavophile. Par Louis Legur. Cosmopolis, septembre.

и первымъ плодомъ этой рѣшимости были двѣ диссертациі, представленныя имъ въ парижскій университетъ, о первыхъ славянскихъ апостолахъ и о Пестеровой лѣтописи. Факультетъ удостоилъ эти сочиненія своимъ одобреніемъ, но замѣтилъ, что, допуская къ своему разсмотрѣнію предметы, столь чуждые его обычнымъ занятіямъ, онъ выказываетъ замѣчательную терпимость. Даже нашлся одинъ французскій ученый, который публично упрекнулъ Лежэ въ томъ, что онъ обвинялъ нѣмцевъ въ вѣковой несправедливости къ славянамъ и, по злой ироніи судьбы, спустя три года, этотъ профессоръ, родомъ эльзасецъ, былъ лишился своей родины тѣми самыми нѣмцами, за которыхъ онъ заступался. Только одинъ деканъ факультета, почтенный гуманистъ Леклеркъ, не испугался новизны изученія, повидимому, варварскихъ національностей и сказалъ молодому Лежэ: «о, вы взялись за славянъ! Я очень этому радъ. Я объ нихъ ничего не знаю, но люблю ихъ, потому что они, во-первыхъ, говорятъ хорошо пофранцузски, и, во-вторыхъ, не любятъ нѣмцевъ, которыхъ я не терплю. Наконецъ мнѣ извѣстно, что между славянами есть очень почтенные ученые, и одного изъ нихъ, Шафарика, я старался провести въ корпорацию нашей академіи надписей, но безъ всякаго успѣха». Вслѣдъ за своими диссертациями, Лежэ издалъ двѣ книги о чехахъ, которыя имѣли большой успѣхъ въ Прагѣ, но были запрещены въ Вѣнѣ. Жалая расширить свой кругозоръ, онъ въ 1867 году, по поводу этнографической выставки въ Москвѣ, которую посѣтили представители славянскаго міра, просилъ министерство народнаго просвѣщенія послать его въ Россію съ ученой цѣлью. Но ему отвѣчали, что на это нѣтъ денегъ и къ тому же нечему учиться въ Россіи. Пошеволъ Лежэ обратилъ свое вниманіе въ другую сторону и по приглашенію епископа Стросмейера посѣтилъ южныхъ славянъ и побывалъ въ Аграмѣ, Кроации, Славоніи и Бѣлградѣ. Возвратясь въ Парижъ, онъ старался въ печати высказать все, что переносили славяне отъ австрійскаго гнета, но не только *Revue des deux Mondes* перомъ Клачко протестовало противъ несправедливыхъ и бессмысленныхъ притязаній австрійскихъ славянъ, но его самого, чуть не официально, называли русскимъ агентомъ, а въ то время Россія не пользовалась сочувствіемъ французовъ, которые даже вѣрили теоріи одного польскаго историка, доказывавшаго, что русскій народъ происходилъ не отъ аріицевъ, а отъ турапцевъ, почему не достоинъ былъ занимать мѣста въ Европѣ. Несмотря на подобное презрѣніе во Франціи къ славянамъ вообще и къ русскимъ въ особенности, Лежэ, наконецъ, добился въ 1868 году открытія при Сорбоннѣ свободной катедры славянскихъ языковъ. Однимъ изъ первыхъ ученыхъ на его курсѣ былъ Альфредъ Рамбо, теперешній министръ народнаго просвѣщенія и авторъ многихъ трудовъ о Россіи. Послѣ франко-прусской войны правительство Тьера поняло всю пользу сближенія съ Россіей, и когда Лежэ въ 1872 году снова просилъ ученой командировки въ Россію, то его желаніе было тотчасъ уважено, хотя тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Жюль Симонъ объявилъ ему, что въ совѣтѣ министровъ ему говорили о невозможности дать эту командировку Лежэ, такъ какъ онъ былъ агентомъ польской эмиграціи. Такимъ образомъ бѣднаго Лежэ то обвиняли въ шпіонствѣ въ пользу Россіи, то въ шпіонствѣ въ пользу поляковъ. Конечно, ему легко было опровергнуть эту

вторую клевету, такъ же, какъ первую, и онъ благополучно отправился въ Петербургъ. «Я посѣтилъ, говоритъ онъ, главные интеллектуальные центры Россіи и убѣдился въ происшедшемъ въ этой странѣ социальномъ и научномъ прогрессѣ, о чемъ изъ книгъ я не могъ получить никакого понятія. Я имѣлъ исключительно сношенія съ литературнымъ и ученымъ міромъ, а потому всѣ увѣренія нѣмецкихъ газетъ о политическомъ характерѣ моей командировки не имѣли никакого основанія. Въ томъ же году, кромѣ меня, Россію посѣтили другіе два француза: Альфредъ Рамбо и Анатоль Леруа-Вольѣ, труды которыхъ впоследствии много содѣйствовали интеллектуальному сближенію обѣихъ націй». Однако враждебныя отношенія къ Россіи были такъ сильны во Франціи, что, по возвращеніи въ Парижъ, Лежэ встрѣтилъ со всѣхъ сторонъ препону къ распространенію своихъ мыслей о сближеніи съ Россіей. *Revue des deux Mondes* не приняла отъ него заказанной статьи потому, что онъ въ ней слишкомъ хвалилъ русскихъ и Александра II, а тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Вадби строго предупредилъ его, чтобы онъ не проповѣдывалъ на кафедрѣ панславизма. Однако Лежэ не складывалъ оружія и въ 1873 году напечаталъ сборникъ своихъ статей, появившихся въ различныхъ журналахъ, подъ заглавіемъ *Славянскій міръ: путевыя впечатлѣнія и литературныя этюды*. Эта книга была встрѣчена очень враждебно польскою эмиграціей и нѣмцами, которые обвиняли автора въ томъ, что онъ занимался славянами лишь съ цѣлью «реванша». Въ концѣ своей статьи Лежэ указываетъ, что какъ тридцать лѣтъ тому назадъ Франція была гипнотизирована поляками, такъ въ настоящее время ее гипнотизируетъ Россія. «Но, говоритъ онъ, отдавая справедливость Россіи, не надо забывать и другихъ народовъ. Полякамъ, чехамъ, словакамъ, словенцамъ и крѣтамъ вовсе не нужно исчезнуть въ сліяніи съ Россіей. Сербы и болгары ничего не выиграютъ, освободившись отъ турокъ, если они подпадутъ подъ господство Россіи. Сегодня, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ, я готовъ выставить на своихъ трудахъ эпитафию строки Колара: «Тотъ достоинъ свободы, кто уважаетъ свободу другихъ; тотъ, кто готовитъ другимъ цѣпи, самъ не что иное, какъ рабъ...».

С М Ъ С Ъ.

ОЗЛОЖЕНІЕ французами вѣнка на памятникъ Пушкина.

19-го августа, депутація отъ французскихъ туристовъ, прибывшихъ въ Москву въ количествѣ около 80 человекъ, торжественно возложила вѣнокъ къ подножію памятника Пушкина. Около 10 часовъ утра, на площади Страстнаго монастыря и на Тверскомъ бульварѣ, у монумента поэта, собралось до тысячи человекъ публики, только въ это утро узнавшей изъ газетъ о готовящемся торжествѣ. Среди публики находились французскіе туристы, какъ мужчины, такъ и дамы, на сюртукахъ и платьяхъ которыхъ выдѣлялись красныя ленточки съ надписью «Revue générale des sciences», обозначавшею названіе журнала, организующаго во Франціи поѣздки по разнымъ странамъ съ образовательными цѣлями. Ровно въ 10 часовъ утра къ памятнику пріѣхалъ, въ сопровожденіи членовъ депутаціи, профессоръ славянскихъ языковъ въ Collège de France г. Лежэ съ изящнымъ металлическимъ вѣнкомъ, украшеннымъ лентами французскихъ національныхъ цвѣтовъ, на одной изъ которыхъ значились слова: «Французы Пушкину, 19-го августа 1897 г.». Вѣнокъ состоитъ изъ розъ, сирени, лилій, паноретниковъ и другихъ цвѣтовъ, и растеній, художественно исполненныхъ изъ металла и фарфора. По возложеніи вѣнка на пьедесталъ памятника со стороны, обращенной къ Тверскимъ воротамъ, проф. Лежэ обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью на французскомъ языкѣ, въ которой высказалъ приблизительно слѣдующее. Мы, французскіе туристы, прибыли въ Россію, чтобы познакомиться съ духовными особенностями русскаго народа, съ его гениемъ, какъ онъ проявляется въ исторіи и

скаывается въ современной жизни. Мы побывали въ Петербургѣ, гдѣ удивлялись могучему генію Петра Великаго, «прорубившаго окно въ Европу», сквозь которое пролился свѣтъ общечеловѣческой культуры въ обширную русскую страну. Затѣмъ отправились въ Нижній Новгородъ, гдѣ насъ поражаело широкое развитіе русской торговли и промышленности. Послѣдняя наша поѣздка была въ Москву, въ центръ русской образованности и русскихъ историческихъ памятниковъ, въ древнюю столицу, гдѣ завершился ростъ великаго русскаго государства. Отсюда мы посѣтили Троице-Сергіевскую лавру, бывшую разсадникомъ просвѣщенія для Сѣверной Россіи и много сдѣлавшую для укрѣпленія русскаго государства. Въ своемъ путешествіи мы повсюду удивлялись прогрессу русскаго народа за послѣдніе годы. Теперь, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы, желая почтить память великаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина, имя котораго, несмотря на его непродолжительную жизнь, останется навсегда въ памяти народной, мы возлагаемъ къ подножію его монумента нашъ вѣнокъ. Затѣмъ проф. Лежэ повторилъ свою рѣчь на русскомъ языкѣ, начавъ ее словами: «А вамъ, русскіе друзья, позвольте сказать нѣсколько словъ по-русски», и окончивъ ее провозглашеніемъ вѣчной памяти А. С. Пушкину. Раздались громкіе клики: «Vive la France», «ура», «Vive la Russie». По отъѣздѣ французской депутаціи, публика толпами подходила къ памятнику и любовалась возложеннымъ на него вѣнкомъ. Въ теченіе пяти часовъ множество народа перебивало у монумента. Въ три часа дня къ памятнику снова прибылъ проф. Лежэ въ сопровожденіи депутаціи отъ французскихъ туристовъ, снялъ вѣнокъ съ монумента и отправился съ нимъ въ коляскѣ въ Императорскій Историческій музей. При снятіи вѣнка раздались клики многочисленной публики, окружавшей памятникъ: «Да здравствуетъ Франція», «ура». У входа въ Историческій музей, украшенный французскими и русскими флагами, проф. Лежэ съ вѣнкомъ встрѣченъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при августѣйшемъ предсѣдателѣ музея, кн. Н. С. Щербатовымъ, ученымъ секретаремъ В. И. Сизовымъ, смотрителемъ зданія Ф. А. Піотровскимъ и другими чинами музея, французскими туристами и множествомъ публики. Военный оркестръ исполнилъ сначала «Марсальезу», затѣмъ русскій народный гимнъ, снова французскій и русскій гимны, при одушевленныхъ кликахъ: «Vive la France», «Vive la Russie». Проф. Лежэ передалъ вѣнокъ администраціи музея, и когда онъ былъ внесенъ въ вестибюль зданія, устланый бархатными коврами, В. И. Сизовъ обратился къ проф. Лежэ съ слѣдующею рѣчью: «Давно знакомый и уважаемый Павелъ Павловичъ! Мнѣ, какъ одному изъ представителей Историческаго музея, предстоитъ честь сказать вамъ здѣсь въ музеѣ нѣсколько словъ по поводу возложеннаго вами и вашими товарищами вѣнка на памятникъ нашему дорогому поэту. Много лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, когда вы были свидѣтелемъ и участникомъ незабвеннаго для насъ торжества — открытія этого самаго памятника, и тогда вы уже могли замѣтить, съ какою сердечностью русское общество привѣтствовало вашу рѣчь, какъ рѣчь представителя Франціи, пріѣхавшаго въ Москву на нашъ національный интеллигентный праздникъ. Теперь, въ эпоху болѣе тѣснаго сближенія Франціи съ Россіей, вы съ вашими соотечественниками, явившись въ Москву, украсили вѣнкомъ

памятникъ нашего любимаго поэта. Это чествованіе Пушкина является для насъ въ настоящую минуту трогательнымъ фактомъ, потому что оно совершилось такъ просто и такъ сердечно. Оживляя память великаго поэта своими сердечными симпатіями, вы этимъ самымъ находите притимные пути къ сердцу русскаго интеллигентнаго общества, которое видитъ въ Пушкинѣ великаго носителя лучшихъ европейскіихъ идеаловъ, оживившихъ и оживляющихъ интеллектуальную жизнь нашего общества. Историческій музей имени императора Александра III, того императора, которымъ положено начало нашему прочному сближенію съ Франціей, съ живѣйшей благодарностью будетъ хранить въ своихъ стѣнахъ вашъ вѣнокъ, какъ вещественный, весьма знаменательный памятникъ, выражающій искренній интересъ и симпатіи французскаго общества къ нашему умственному и художественному прогрессу, который для насъ въ своихъ лучшихъ проявленіяхъ неразрывно связывается съ именемъ Пушкина. Позвольте же вамъ и вашимъ товарищамъ, уважаемый профессоръ, низко поклониться и сказать хорошо понятное вамъ русское слово «спасибо». *Vive la France, vive la Russie*. Клички эти повторены были нѣсколько разъ всѣми присутствовавшими на торжествѣ. Затѣмъ кн. Н. С. Щербатовъ на французскомъ языкѣ выразилъ проф. Лежэ и французскимъ гостямъ глубокую благодарность за принесеніе вѣнка въ даръ музею. Проф. Лежэ отвѣчалъ, что, видя французскіе флаги и слыша звуки «Марсельезы», онъ настолько тронутъ радушнымъ приѣмомъ, оказаннымъ депутацин, что не находитъ словъ для выраженія своей признательности; онъ тронутъ также еще и тѣмъ, что въ числѣ лицъ, привѣтствующихъ его, видитъ своего стараго друга В. И. Сязова. Съ послѣднимъ профессоръ поцѣловался. Вѣнокъ при звукахъ параднаго гимна внесенъ былъ въ первый этажъ музея и помѣщенъ въ Христіанской залѣ. Затѣмъ французскіе туристы осматривали коллекціи музея. Въ Суздальской залѣ для нихъ сервированъ былъ столъ съ чаемъ, шампанскимъ, винами, прожатыми и фруктами. Изъ музея французскіе гости отбыли въ 4^{1/2} ч. дня при звукахъ «Марсельезы» и кликахъ «Vive la France» и «Vive la Russie».

Памятники императорамъ Александру II и Александру III. 30 августа, въ Черниговѣ, какъ сообщаетъ «Кіевлянинъ», состоялось открытіе памятниковъ государямъ императорамъ Александру II царю - освободителю и Александру III митровицу. Открытіе памятниковъ было торжественно и привлекло массу публики. На торжествѣ присутствовали: командующій войсками генералъ-адъютантъ М. II. Драгомировъ, произведшій смотръ войскамъ, курскій губернаторъ графъ А. Д. Милютинъ и многіе другіе. Послѣ торжественнаго молебствія, отслуженнаго на особо устроенной эстрадѣ въ Екатерининскомъ скверѣ, вблизи собора, преосвященными Антоніемъ, епископомъ черниговскимъ и вѣжинскимъ, и Евфиміемъ, викарнымъ епископомъ новгородсѣверскимъ, въ сослуженіи соборнаго и городского духовенства, памятники были освящены и окроплены св. водою, подъ неуможаемый грохотъ орудій Донской казачьей конной батареи и подъ ружейные залпы Острожскаго пѣхотнаго полка. На бюсты императоровъ возложено множество вѣящихъ вѣнковъ: отъ города, гимназій, сиротскаго дома, дворянства и т. п. По открытіи памятниковъ, генералъ-адъютантомъ Драгомировымъ былъ произведенъ парадъ войскамъ. Послѣ парада,

войскамъ было предложено угощеніе отъ города. Первую чарку подвигъ М. И. Драгомировъ за здоровье государя императора и государынь императрицъ. Долго раздавалось громкое и единодушное «ура» войскъ и массы народа. Въ 6 часовъ вечера состоялся обѣдъ въ залѣ дворянскаго собранія.

Музей императора Александра III-го. Отдѣлка помѣщенія русскаго историческаго музея императора Александра III близится къ концу. Въ настоящее время уже почти всѣ залы художественнаго отдѣла музея совершенно реставрированы, за исключеніемъ двухъ большихъ залъ, находящихся въ верхнемъ этажѣ: здѣсь на воздвигнутыхъ доверху лѣсахъ заканчивается лѣнная отдѣлка комнатъ. Въ отдѣланныя уже комнаты начали доставлять картины изъ императорской академіи художествъ и коллекціи разныхъ произведеній искусства; картины начнутъ на-дняхъ развѣшивать; большое количество предметовъ даетъ Императорскій Эрмитажъ, весь русскій отдѣлъ картинъ котораго будетъ перевезенъ въ новый музей. Изъ императорскихъ дворцовъ также будутъ перевезены въ національный музей многія произведенія русскаго искусства. Въ одномъ изъ залъ верхняго этажа будетъ размѣщена бібліотека. Въ центрѣ верхняго этажа три роскошно отдѣланныхъ большихъ зала будутъ специально посвящены эпохѣ въ Россію почивающаго императора Александра III; здѣсь будетъ собрано все, что можетъ характеризовать важнѣйшіе моменты жизни и царствованія императора. Общій характеръ отдѣлки залъ строго выдержанъ въ стилѣ *empire*; въ такомъ же стилѣ будетъ отдѣлана и обстановка комнатъ. Бывшее зданіе Михайловскаго дворца, отведенное подъ музей, подверглось капитальной перестройкѣ, послѣ которой отъ стараго помѣщенія остались только стѣны; вся живопись и, вообще, художественныя украшенія реставрированы, окна украшены массивными мраморными подоконниками, двери всѣхъ комнатъ выведены въ одну линію, такъ что черезъ первую дверь видна вся амфилада комнатъ. Отопленіе всего зданія будетъ водяное внутреннее; вопросъ объ освѣщеніи еще не рѣшенъ. Дворъ будущаго музея предположено соединить съ городскимъ скверомъ, находящимся на Михайловской площади. Всѣ работы по окончательной отдѣлкѣ художественнаго музея предполагается закончить къ концу этого мѣсяца, но открытіе его, назначенное на 14-е ноября настоящаго года, придется отложить до февраля будущаго года, такъ какъ только къ этому времени можетъ быть закончено размѣщеніе коллекцій. Изъ другихъ отдѣловъ національнаго музея наиболее близокъ къ осуществленію этнографическій отдѣлъ, надъ планомъ котораго работаетъ особая коммиссія изъ представителей науки и искусства.

Вологодское епархіальное древлехранилище. Первая мысль объ устройствѣ въ Вологдѣ древлехранилища принадлежитъ извѣстному археологу Вологодскаго края покойному Николаю Ивановичу Суворову. Еще въ 1888 году Н. Ив. Суворовъ обратилъ вниманіе епископа на то, что иные изъ священниковъ сбываютъ разнымъ туристамъ, странствующимъ подъ видомъ археологовъ или командированныхъ какимъ нибудь ученымъ обществомъ, иногда очень цѣнные въ археолого-историческомъ или въ художественномъ отношеніи вещи и даже цѣлыя архивы старыхъ документовъ XVI и XVII столѣтій, если эти вещи и архивы не внесены въ церковныя описи бывшими настоятелями церквей

и монастырей, что потому эти вещи попадают нерѣдко въ частныя коллекціи, доступъ въ которыя часто зависить отъ личнаго усмотрѣнія владѣльца коллекціи, что при пустыхъ архивахъ скоро станетъ невозможно изучать край, напримѣръ, въ историческомъ отношеніи, такъ какъ старыя документы продаются безъ пристрастія знающими толкъ людьми на вѣсь пудами, а оставляются бумаги, нужныя только для канцеляріи. Въ настоящее время при древлехранилищѣ находится постоянная археологическая коммиссія; въ число обязанностей ея входитъ, между прочимъ, пополненіе древлехранилища рукописями, рисунками, печатными произведеніями и др. предметами, имѣющими отношеніе къ изученію исторіи края, составленіе каталоговъ книжныхъ. Кроме того, коммиссія собираетъ и библиографическія свѣдѣнія о журнальныхъ статьяхъ и газетныхъ корреспонденціяхъ, относящихся къ Вологодскому краю, и вообще всю литературу объ этомъ краѣ, какъ мѣстнаго, такъ и не мѣстнаго происхожденія.

† В. Е. Румянцевъ. 2-го сентября, въ Москвѣ, скончался извѣстный археологъ Василій Егоровичъ Румянцевъ. Покойный родился въ 1822 году, воспитывался въ московской семинаріи и московской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса въ 1846 году со степенью кандидата онъ былъ назначенъ преподавателемъ калужской семинаріи, но чрезъ пять лѣтъ покинулъ педагогическую дѣятельность; съ 1851 года ему пришлось служить въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, съ 1856 года состоять помощникомъ начальника московской сенатской типографіи, а съ 1864 года перейти на службу въ московскую синодальную типографію, гдѣ онъ занималъ должность инспектора до увольненія въ отставку по болѣзни (14-го февраля 1890 г.). В. Е. Румянцевъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго московскаго археологическаго общества (съ 22-го октября 1868 года), а затѣмъ его почетнымъ членомъ (съ 15-го апрѣля 1888 года), товарищемъ секретаря (съ 26-го апрѣля 1870 года) и секретаремъ (съ 14-го марта 1872 года), товарищемъ предсѣдателя (1883—1888 г.) и редакторомъ «Трудовъ» названнаго общества. Изъ его послѣдованій извѣстны: «Древнія изданія Московскаго Печатнаго Двора» (1869 г.); «О гравированіи и граверахъ при Московскомъ Печатномъ Дворѣ» (1870 г.), «Сборникъ памятниконъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи» (М., 1872 г.), удостоенный Уваровской преміи, — «Домъ Археологическаго Общества на Борсеневахъ» (1875 г.), «Видъ Московскаго кремля въ самомъ началѣ XVII вѣка» (М., 1886 г.), «Объ иконѣ съ изображеніемъ монастыря и предъ нимъ Христа въ образѣ нищаго» («Древности Московскаго археологическаго общества» 1887 г., XI, вып. 3). («Моск. Вѣд.» №№ 242 и 244; «Нов. Вр.» № 7733).

† И. И. Шимко. 7-го августа, въ Москвѣ, скончался редакторъ описей и изданій Московскаго архива министерства юстиціи Иванъ Ивановичъ Шимко. Покойный, сынъ московскаго врача, родился 22 іюня 1863 года. Онъ воспитывался въ московской VI-й гимназіи (1878—1882 гг.) и на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета (1882—1886 годы). По окончаніи курса предъ нимъ, съ 1 октября 1886 года, открылась служба въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, гдѣ скоро (съ 1 декабря 1888 года)

ому пришлось занять мѣсто старшаго помощника редактора описей и изданій этого архива, а потомъ, до дня неожиданной кончины, исполнять должность и редактора въ томъ же учрежденіи. Кромѣ служебной дѣятельности, И. И. Шимко занимался учено-литературными трудами, помѣщенными въ «Описаніи документовъ и бумагъ Московскаго архива министерства юстиціи», какъ, напри- мѣръ: государственный архивъ старыхъ дѣлъ съ 1783 по 1812 годъ (кн. 5), московскіе департаменты сената и подвѣдомственные имъ архивы въ 1802—1803 годахъ (кн. 6), очеркъ дѣятельности комитета, учрежденнаго въ 1835 году для описанія московскихъ сенатскихъ архивовъ (тамъ же) и Патриаршіи казенный приказъ (кн. 9)—большая монографія, награжденная въ прошломъ году половиною Макарьевскою преміей. Вмѣстѣ съ тѣмъ покойнымъ напеча- таны: Дѣло о допущеніи въ 1834 году камеръ-юнкера А. С. Пушкина къ заня- тіямъ въ московскихъ архивахъ (Русск. Старина, 1889 г., кн. 1), Некрологъ директора архива Н. А. Попова (Московскія Вѣдомости, 1891 г., № 354) и новыя данныя къ біографіи князя Антиоха Дмитріевича Кантемира и его бли- жайшихъ родственниковъ (Спб., 1891 г., 155 стр.)—трудъ, удостоенный почет- наго отзыва отъ императорской академіи наукъ («Моск. Вѣд.» № 217; «Нов. Вр.» № 7707).

† А. М. Свѣчинъ. Въ концѣ августа скончался въ Кисловодскѣ Але- ксандръ Михайловичъ Свѣчинъ, авторъ нѣсколькихъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ, изъ которыхъ многія были исполнены на сценѣ Александринскаго театра. Его комедія «Воля за гробомъ» шла въ Александринскомъ театрѣ въ 1854 году, въ 70-хъ годахъ были поставлены на той же сценѣ пе- реведенныя имъ съ польскаго комедіи Фредро «Биржевая эпидемія» и «Споръ изъ-за пограничной стѣны». Имъ переведены стихами драмы Виктора Гюго «Ruuy-Blas» и «Le roi s'amuse». А. М. не переставалъ работать до послѣдняго времени. Года три назадъ имъ сдѣланы, между прочимъ, передѣлки для сцены изъ романа Ф. М. Достоевскаго «Идіотъ» и изъ его повѣсти «Село Степанчи- ково». Покойный кончилъ курсъ въ училищѣ Правовѣдѣнія, затѣмъ служилъ болѣе 30 лѣтъ по судебному вѣдомству, будучи при введеніи судебной реформы мировымъ судьей въ Варшавѣ. Въ 70-хъ годахъ онъ вышелъ въ отставку и долго жилъ въ Іерусалимѣ, откуда посылалъ корреспонденціи въ различные періодическія изданія, подписывая ихъ псевдонимомъ «Старый паломникъ». («Нов. Вр.» № 7731).

† В. Г. Апшелъротъ. 23 августа, скончался, въ Москвѣ, молодой филологъ, Владиміръ Германовичъ Апшелъротъ. Покойный воспитывался въ 3-й Москов- ской гимназіи, при выпускѣ изъ которой (1883 г.) былъ награжденъ золотою медалью. Затѣмъ онъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Мо- сковскаго университета, гдѣ также былъ удостоенъ преміи за особые успѣхи по древнимъ языкамъ и золотой медали за сочиненіе по римской словесности. По окончаніи курса со степенью кандидата (1887 г.), покойный былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ преподавателемъ классическихъ языковъ въ 5-й московской гимназіи. Удостоенный званія при- вать-доцента (1890 г.), онъ получилъ степень магистра по теоріи и исторіи

визначних искусствъ (1893 года) и по этому предмету читалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ. Изъ-подъ пера В. Г. Аппельбота вышло нѣсколько изслѣдованій и статей, посвященныхъ древне-классической литературѣ и античному искусству. Изъ такихъ трудовъ извѣстны: «Нѣсколько словъ о переводѣ Гомера на русскій языкъ» («Гимназія», 1890 г., № 7), «Арей въ мифологіи и памятникахъ искусства» (№ 10), «Изображенія божествъ въ древней Греціи» (1891 г., № 7), «Зевсъ въ мифологіи и искусствѣ» (1893 г.), «Великіе греческіе ваятели IV вѣка до Рождества Христова. Пракситель», магистерская диссертація (М., 1893 г.), «Аристотель. Объ искусствѣ поэзій», греческій текстъ съ переводомъ и объясненіями (М., 1893 г.), «Гера» (Гимназія, 1895 г.), «Русскія иконы въ Римскомъ музеѣ» («Русское слово» 1895 г.) и «Древне-греческая религіозная скульптура» («Богословскій Вѣстникъ», 1896 г., кн. 4). Крімъ того, покойный вмѣстѣ съ А. В. Адольфомъ издавалъ и редактировалъ публичный журналъ «Филологическое Обзорніе», гдѣ помѣстия рядъ статей, замѣтокъ и рецензій («Моск. Вѣд.», № 233; «Нов. Вр.», № 7722).

† А. П. Гемиліанъ. 2-го сентября, въ Москвѣ, скончался Алексій Петровичъ Гемиліанъ. Покойный принадлежалъ къ старѣйшимъ преподавателямъ французскаго языка въ Москвѣ и почти тридцать пять лѣтъ состоялъ лекторомъ при Московскомъ университетѣ. Онъ родился 13-го апрѣля 1826 года, въ 1851 году получилъ свидѣтельство на званіе учителя французскаго языка и съ тѣхъ поръ занималъ должность преподавателя этого предмета въ московскихъ мужскихъ гимназіяхъ—первой (1851—1854) и третьей (1854—1866 гг.). Съ февраля 1863 года А. П. Гемиліанъ былъ опредѣленъ лекторомъ французскаго языка въ Московскій университетъ, гдѣ и продолжалъ свою преподавательскую дѣятельность до кончины. Покойному принадлежали слѣдующіе труды: «Критическій разборъ произведеній Альфреда де-Мюссе» («Московское Обзорніе» 1858 г.), «Общительность литературы во Франціи» («Отечественныя Записки», 1859 г.), «О преподаваніи французскаго языка въ казенныхъ заведеніяхъ» («Современная Лѣтопись», 1863 г., № 8), «Христоматія» (Москва, 1864 и 1865 гг., младшій и старшій курсы) и «Учебникъ французскаго языка» (Москва, 1869—1870 гг., пять частей), «Французская передвижная азбука» (Москва, 1874 г.) и «Международный корнесловъ французскаго языка» (Москва, 1881 г.). Какъ любитель природы и, въ частности, ботаники, А. П. Гемиліанъ издалъ брошюру, подъ названіемъ: «Собраніе древесныхъ породъ русскихъ и заграничныхъ» (Москва, 1872 г., съ картинами), «Садовый календаръ» за 1885 годъ, и «Справочную садовую книгу» (Москва, 1887 г.), печаталъ статьи по техническимъ вопросамъ въ «Газетѣ Гатцука» (1875—1878 гг.), а съ 1883 года до дня смерти состоялъ редакторомъ-издателемъ газеты «Русское Садоводство». Крімъ того, покойный былъ однимъ изъ учредителей «Московского бібліографическаго кружка» и членомъ «Общества распространенія полезныхъ книгъ», для котораго написалъ два школьные разсказа: «Алеонъ—богатырь» (Москва, 1873 г.) и «Холера 1830 года» (Москва, 1875 г.). Московскій университетъ, въ уваженіе къ трудамъ покойнаго и въ виду недостаточнаго его состоянія, принялъ на себя участіе въ расходахъ по погребенію заслуженнаго лектора. («Моск. Вѣд.» № 242; «Нов. Вр.» № 7732).

† **И. О. Готвальдъ.** 7-го августа, въ Казани, скончался известный ориенталистъ **Иосифъ Федоровичъ Готвальдъ.** Покойный, по происхожденію славянинъ изъ прусской Силезіи, родился въ 1813 году въ Ратиборъ и высшее образованіе получилъ въ Вреславльскомъ университетѣ. Прибывъ въ Россію, съ 1838 года, онъ поступилъ въ Императорскую Публичную бібліотеку и служилъ тамъ бібліотекаремъ въ отдѣленіи восточныхъ рукописей и книгъ до 1849 года, когда былъ назначенъ въ Казанскій университетъ профессоромъ арабскаго и персидскаго языковъ. Позже покойный состоялъ бібліотекаремъ Казанскаго университета до 1894 года, когда вышелъ въ отставку. Изъ главныхъ ученыхъ трудовъ Готвальда особенно известны: «Описаніе арабскихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекѣ Казанскаго университета» (Казань, 1854 г.) и «Опыты арабско-русскаго словаря на Коранъ» (Казань, 1861 г.). («Моск. Вѣд.», № 220).

ГРАФІНЯ ЕКАТЕРІНА ВАСИЛЬЄВНА ЛІТКА.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ.

(Посвящается гостепримнымъ хозяйкамъ Драготина).

И вторично воззвалъ съ небось ангель Господи къ Аврааму и сказалъ: «Собою клянусь, говоритъ Господь, такъ какъ ты сдѣлалъ сіе дѣло и не пожалѣлъ единственнаго сына своего, то Я благословлю тебя и умножу сѣмя твою, какъ звѣзды на небѣ, какъ песокъ на берегу моря, и сѣмя твою покорить врата непріятелей своихъ и всѣ народы земли будутъ благословлять себя твоимъ именемъ, въ награду за то, что ты слушался гласа Моего». (Кн. Бытія, гл. XXII, ст. 15, 16 и 17).

I.

ЕБЪ Пинхось Местрегерь былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости передъ огромнымъ письменнымъ столомъ, на которомъ въ замѣчательномъ порядкѣ были разложены дѣловыя бумаги. Сигара его давно уже потухла, но ребъ Пинхось не замѣчалъ этого и отъ времени до времени продолжалъ неистово сосать ее. Красивый лобъ ребъ Пинхоса морщился, и сѣрые, выпуклые, близорукіе глаза его то и дѣло щурились. Ребъ Пинхось, очевидно, обдумывалъ сложную дѣловую комбинацію и былъ весь погруженъ въ свои думы. Нѣсколько разъ уже повторился стукъ въ двери, а онъ его не слышалъ.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1897 г., т. LXI.

— Пинхось, что съ тобой?—раздался надъ самымъ его ухомъ голосъ жены.—Стучала я, стучала и никакого отвѣта. Прости, если помѣшала тебѣ, но мнѣ, право, очень нужно...

Ребъ Пинхось даже вздрогнулъ отъ неожиданности, тѣмъ же менѣ весьма быстро овладѣлъ собой и ласково произнесъ:

— Садись, Ривочка, и поговоримъ.

— Какой у тебя тревожный видъ... У тебя вѣрно непріятности,—участливо проговорила м-ме Местрегеръ, подсаживаясь къ мужу.— Пинхось, дорогой мой, ты, право, себя не жалѣешь: въ твои годы развѣ такъ много работать можно? Право, дажь бы себѣ немного отдыха, а то, смотри, на тебѣ лица нѣтъ... Ты совсѣмъ старикъ...

Ребъ Пинхось тряхнулъ головой, дружелюбно улыбнулся женѣ и шутливо произнесъ:

— И что это пришло тебѣ въ голову?.. Развѣ люди въ шестьдесятъ лѣтъ бываютъ молодые?.. Дѣлать нечего, Ривочка, хочешь, не хочешь, а должна мириться съ старымъ мужемъ...

Онъ пытливо посмотрѣлъ на жену и продолжалъ серьезно:

— Кажется, и ты, Ривочка, чѣмъ-то встревожена? Ну, что случилось?..

— Ничего новаго. Все одна и та же старая исторія: ты знаешь, какъ я терпѣлива съ твоей матерью, какъ молча переношу всякія ея обиды, какъ подчиняюсь ея волѣ, но то, что она вздумала теперь отъ меня требовать я исполнять отказываюсь... Господи!—заволновалась м-ме Местрегеръ.—И когда же будетъ этому конецъ? Когда же она перестанетъ отравлять мнѣ жизнь?... Мало ей, что испортила Натана... что единственный нашъ сынъ, благодаря ей, выросъ дикаремъ; что она вселила въ Натанѣ ненависть и къ тебѣ и ко мнѣ...

— Это ты ошибаешься,—перебилъ ребъ Пинхось жену...—Мальчикъ нашъ дѣйствительно дикарь, но онъ насъ любитъ и даже очень...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Ты самъ сознаешь, что я права... У насъ нѣтъ сына, у насъ есть врагъ... Слушай, Пинхось, надо этому положить конецъ!...

Послѣднюю фразу м-ме Местрегеръ произнесла съ большей энергіей.

— Но что же именно случилось?—спросилъ ребъ Пинхось.

— Представь себѣ,—запальчиво заговорила м-ме Местрегеръ,—что выдумала твоя мать!—она уставилась глазами на мужа въ упоръ и замолчала.

— Ну,—нетерпѣливо произнесъ ребъ Пинхось.—Расскажи все толкомъ.

— Твоя мать заявила, что не позволитъ больше Эсеири посѣщать гимназію...

— Это и все?—хладнокровно произнесъ ребъ Пинхось, повидному, ничуть не встревоженный извѣстіемъ.

— Что же тебѣ еще нужно? Дѣвочкѣ остался одинъ только годъ, она такъ хорошо учится, я такъ горжусь ея успѣхами, и вдругъ по капризу свекрови она должна оставить гимназію. На что это похоже? Мнѣ и Эсоири жаль: она такъ любитъ свои книжки, своихъ подругъ... А главное, какое до этого дѣло твоей матери? Эсоирь наша дочь, а не ея, и мы имѣемъ право распоряжаться ея судьбой, а не она!..

М-ме Местрегеръ произнесла послѣднія слова крикливымъ голосомъ, сердясь и волнуясь.

— Какъ по твоему, Ривочка,—мягко заговорилъ ребъ Пинхось,—Эсоирь наша очень образована?

— По своему образованію наша Эсоирь первая среди еврейскихъ дѣвушекъ всего города, и даже среди христіанокъ не найдешь съ такимъ большимъ образованіемъ,—съ счастливою улыбкой материнской гордости отвѣтила м-ме Местрегеръ.

— Вотъ какая у насъ Эсоирь!—Ребъ Пинхось въ свою очередь тоже улыбнулся.—Если это такъ, то скажи мнѣ, жена, зачѣмъ же ей въ самомъ дѣлѣ продолжать ученье? Сама знаешь, въ послѣднемъ классѣ ничему новому она не научится, тамъ вѣдь только одно повтореніе пройденнаго курса, а дочь наша въ этомъ повтореніи не нуждается—она все прекрасно помнитъ... Ты вѣдь у меня, Ривочка, умница. Сама понимаешь, что я правъ. Такъ неужели изъ-за такого пустяка мы станемъ затѣвать исторію съ матерью, будемъ огорчать старуху и превратимъ нашъ домъ въ адъ? По моему, игра не стоитъ свѣчь, и изъ-за пустяковъ не надо ссориться...

М-ме Местрегеръ слушала своего мужа и ушамъ своимъ не вѣрила. Что же это такое? Надсмѣхается онъ надъ ней, что ли? Или же считаетъ ее отпѣтою дурой за ея постоянную покорность и повиненіе свекрови и на этотъ разъ, какъ и всегда, беретъ сторону своей матери, жертвуя будущностью любимой дочери. Внутри ея поднялась цѣлая буря негодованія противъ мужа, и во что бы то ни стало она рѣшила—не поддаваться и постоять за себя.

— Я сама врагъ всякихъ ссоръ и непріятностей,—произнесла она почти покорно, стараясь не обнаруживать волновавшія ея чувства.—Тридцать лѣтъ живемъ съ тобой—срокъ не маленькій. Можешь пожаловаться, чтобъ я обнаруживала нехорошія качества?..

— Нѣтъ, не могу... И всегда и постоянно благодарю Бога, что надѣлилъ Онъ меня такимъ сокровищемъ, какъ ты.

— Если я такое сокровище и ты такъ меня любишь и я такъ тебѣ дорога, то зачѣмъ отдаешь меня на постоянное пожираніе своей матери? Отчего ты за меня никогда не заступишься? Да что я; ты, вотъ, сына погубилъ, а теперь и дочь не хочешь пожалѣть, когда ей грозить такое несчастіе...

— Я никакого несчастія не вижу въ томъ, если наша Эсоирь оставитъ гимназію. Ты сама говоришь, что она самая ученѣйшая дѣвушка въ городѣ. Зачѣмъ же ей еще учиться?

— Да пойми ты! Ей не дадутъ диплома, если не окончатъ ученья, и всё ея труды пропадутъ... Дѣвочка такъ много трудилась и вдругъ, по капризу бабушки, должна лишиться диплома. Нѣтъ, этому не бывать... Слышишь, Пинхось, этому не бывать!.. Я заступлюсь за Эсеирь, я маты! Я должна за нее заступиться!.. Въ угоду бабушкѣ она не останется безъ диплома!..

М-ше Местрегеръ сердито посмотрѣла на мужа, встала съ мѣста и, возвышая голосъ до крикливости, безапелляціонно закончила:— У моей дочери будетъ дипломъ!..

На ребѣ Пинхоса крикливый голосъ жены подѣйствовалъ весьма неприятнымъ образомъ. Въ его присутствіи она себѣ этого никогда не позволяла. Тѣмъ не менѣе, онъ ничѣмъ не обнаружилъ предъ ней своего неудовольствія и спокойнымъ голосомъ произнесъ:

— Такъ это ты главнымъ образомъ изъ-за диплома волнуешься?

— Разумѣется.

— Хе, хе, хе... добродушно засмѣялся ребѣ Пинхось.— Стоитъ ли изъ-за этого волноваться?

— Какъ же не стоитъ?.. Разумѣется, стоитъ!..

— Нѣтъ, Ривочка, не стоитъ. Что такое дипломъ? Кому онъ нуженъ? Дипломъ—печатная бумажка, которой вся цѣна два двугривенныхъ, и нуженъ онъ только бѣднымъ дѣвочкамъ, которымъ приходится добывать кусокъ хлѣба. Нашей же дочери никакіе дипломы не нужны. Съ ея приданымъ мы ей такого жениха найдемъ, который не будетъ справляться, есть ли у нея дипломъ. Но, чтобы вознаграждать Эсеирь за потерю ничего не стоящей бумажки, я прибавлю десять тысячъ къ предполагаемому ея приданому, а чтобы утѣшить тебя въ твоемъ горѣ матери, разрѣшаю поѣздку за границу, на которую ассигную пять тысячъ... Ну, развѣ это не лучше всякихъ дипломовъ, хе, хе, хе... Повѣрь мнѣ, Ривочка, всякая дѣвушка откажется за такую сумму отъ диплома...

— О горе мнѣ, горе!.. всплеснула руками м-ше Местрегеръ и заплакала.—Ты насъ не любишь, ни меня, ни дочь свою... Мать твоя тебѣ дороже всего на свѣтѣ, и для нея ты готовъ нами пожертвовать!..

Тутъ ужъ спокойствіе оставило ребѣ Пинхоса. Онъ тоже всталъ, строго посмотрѣлъ на жену и, медленно отчеканивая каждое слово, произнесъ:

— Матери за 80 лѣтъ и намъ съ нею воевать и отравлять ей послѣдніе годы, а, можетъ быть, только мѣсяцы—грѣшно! Если ты забыла, то напомни тебѣ, что сказано въ св. Торѣ: «чти отца и мать свою»... Твоихъ глупыхъ словъ мнѣ больше не повторять... Завтра возьму документы Эсеири изъ гимназіи... Я сказалъ!..

II.

Наступила довольно продолжительная пауза. Мужъ и жена стояли другъ противъ друга, и каждый изъ нихъ внутренно волновался. Ребъ Пинхось чрезвычайно любилъ жену и весьма цѣнилъ ее за уступчивый характеръ. Онъ понималъ, какъ трудно было ей ужиться съ его властительною и деспотичною матерью, которая не признавала ничьей воли, во все вмѣшивалась и всѣхъ и каждаго заставляла себѣ повиноваться. Самъ онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ поступалъ ей наперекоръ. Вообще же, авторитетъ ея въ домѣ былъ неограниченный. Несмотря на свои 80 лѣтъ, старуха держала бразды правленія въ своихъ слабыхъ рукахъ весьма крѣпко. Она, конечно, любила свое потомство, но по своему, и ея своеобразная любовь не мѣшала ей мучить и тиранить близкихъ ей людей, въ особенности невѣстку. Все это было хорошо извѣстно ребъ Пинхосу, и онъ сочувствовалъ женѣ, но открыто брать ей сторону въ борьбѣ съ матерью не желалъ, онъ считалъ это дѣломъ невозможнымъ и грѣховнымъ.

— Не мѣшай мнѣ, Ривочка,—мягко произнесъ ребъ Пинхось.— У меня весьма серьезное дѣло и, признаюсь, весьма неприятное... Надо его обдумать хорошо, обмозговать... Своими жалобами на мать ты меня совершенно съ толку сбила, разстроила... Иди же, иди, моя дорогая, дай мнѣ успокоиться и сама успокойся...

М-ме Местрегеръ съ опущенною головою направилась было къ двери, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановилась въ нерѣшительности.

— Я забыла тебѣ сказать,—начала она, не глядя на мужа, унылымъ голосомъ.—Я забыла тебѣ сказать...

— Ну, что тамъ еще?.. нетерпѣливо перебилъ ребъ Пинхось.— Говорилъ я тебѣ—мнѣ некогда!..

— Мать твоя приказала не принимать больше Леонида Михайловича.

— Что? Неужели она это приказала?

На этотъ разъ ребъ Пинхось не могъ скрыть отъ жены тревогу; она, эта тревога, сказала въ голосъ.

— Развѣ тебѣ это такъ неприятно?

— Разумѣется, неприятно. Леонидъ Михайловичъ мнѣ нуженъ, чрезвычайно нуженъ...

— Въ такомъ случаѣ докажи, что ты хозяинъ въ своемъ домѣ...

— И докажу!—рѣзко произнесъ ребъ Пинхось.

М-ме Местрегеръ внутренно торжествовала. По голосу мужа она догадалась, что на этотъ разъ онъ не уступитъ матери. Она приблизилась къ мужу, сочувственно заглянула ему въ лицо и подзадаривающе произнесла:

— Боюсь, ты все-таки уступишь ей въ этомъ, какъ и всегда во всемъ ей уступаешь...

— Нѣтъ!—рѣшительно произнесъ ребъ Пинхосъ.—Не уступлю!.. Не могу уступить ей, даже еслибъ и хотѣлъ!—Онъ глубоко вздохнулъ, словно большую тяжесть навалили на его плечи, и опустился въ кресло. М-ше Местрегеръ сѣла рядомъ съ мужемъ и устремила на него взоръ, полный любопытства.

— Я не могу ей уступить,—послѣ довольно продолжительнаго молчанія произнесъ ребъ Пинхосъ.—Рѣшительно не могу!.. Видитъ Богъ, что на этотъ разъ она требуетъ невозможнаго!..

— Однакожь, въ чемъ дѣло?... спросила м-ше Местрегеръ.

— Дѣло въ томъ,—произнесъ, востепенувшись, ребъ Пинхосъ,—что наше благосостояніе въ настоящее время подвержено опасности... Только при содѣйствіи Леонида Михайловича эта опасность можетъ быть устранена... Черезъ два-три мѣсяца, когда торги въ военномъ округѣ состоятъ, я, конечно, ничего не буду имѣть противъ желанія матери отказать отъ дома Леониду Михайловичу... Но теперь... теперь это невозможно!.. Ты знаешь, состояніе наше выросло за послѣднія 15 лѣтъ, благодаря исключительно военному округу, въ которомъ мнѣ удалось монополизировать всѣ постройки... Моими официальными конкуррентами до сихъ поръ были только Хаимзонъ и Идиксонъ, которые, подобно мнѣ, получали приглашенія на торги, но ни тотъ, ни другой не мѣшали мнѣ и довольствовались тѣми ничтожными процентами, которыми я ихъ надѣлялъ. Разумѣется, многіе мнѣ завидовали и изъ всѣхъ силъ старались добиться въ округѣ приглашенія на торги, но при моей силѣ и при моихъ связяхъ мнѣ никто не былъ страшенъ, пока не появился Брайнесъ... Съ нимъ борьба будетъ трудна: тутъ процентами не отдѣлаешься... Онъ даже не согласится вступить со мной въ компанію, а о стачкѣ и говорить нечего... Все спасеніе заключается въ томъ, чтобъ ему не было прислано приглашеніе на торги. Но устроить это чрезвычайно трудно: онъ извѣстенъ въ Петербургѣ и при его милліонахъ, разумѣется, имѣетъ связи почище моихъ...

Ребъ Пинхосъ проговорилъ все это возбужденнымъ голосомъ, и при послѣднихъ словахъ огромный лобъ его покрылся частыми морщинами. Поднявшись съ кресла, онъ молча зашагалъ, погруженный въ думы.

— Такъ никакого тутъ ужъ выхода нѣтъ?—спросила м-ше Местрегеръ послѣ довольно продолжительной паузы.

Ребъ Пинхосъ ничего не отвѣтилъ. Она повторила вопросъ.

— Ты спрашиваешь, есть ли выходъ?—Ребъ Пинхосъ опять усѣлся рядомъ съ женой и продолжалъ:—я тебѣ говорилъ, вся моя надежда на Леонида Михайловича... Пока, онъ представляется мнѣ единственнымъ козыремъ, при помощи котораго возможна побѣда

надъ Брайнесомъ... Надо только, чтобъ онъ захотѣлъ мнѣ помочь, и Урайнесу не видать приглашенія на торги, какъ ушей своихъ...

— Конечно, Леонидъ Михайловичъ тебѣ поможетъ,—горячо перебила м-те Местрегеръ,—только нельзя же ему отказать отъ дома, какъ этого желаетъ твоя мать... Я всѣ силы употреблю, чтобъ еще больше расположить его къ нашему дому, и, надѣюсь, мнѣ это удастся...

— Дѣло не въ этомъ... не въ тебѣ...

— Въ чемъ же оно?..

— Не въ чемъ—надо было тебѣ спросить, а въ комъ?

М-те Местрегеръ сдѣлала большіе глаза.

— Не понимаю,—произнесла она.

— Удивляюсь я тебѣ, Ривочка. Неужели ты ничего не замѣтила? По-твоему, почему Леонидъ Михайловичъ за послѣднее время такъ зачастилъ къ намъ? Почему онъ бываетъ у насъ почти ежедневно? Какой магнитъ его притягиваетъ?..

— Тутъ нѣтъ никакого магнита: онъ привязался ко всѣмъ намъ, полюбилъ тебя, меня, нашу дочь...

— Хе, хе, хе...—засмѣялся ребъ Пинхось.—За что ему полюбить тебя и меня? Ты моя, Ривочка, была красива и даже очень. Я хорошо помню твою красоту, и въ моихъ глазахъ ты осталась такою, какою была въ молодости... Леонидъ Михайловичъ тебя молодую не зналъ, а теперь ты у меня старушка, и полюбить тебя онъ не могъ... Не могъ онъ полюбить и меня... Что общаго между мною, старымъ жидомъ, и имъ, блестящимъ молодымъ христіаниномъ?.. Онъ несомнѣнно меня презираетъ, какъ я его... Другое дѣло, наша дочь... Эсиръ онъ дѣйствительно любитъ... И какъ ему не любить ее—она такая красавица, а христіане такъ падки на женскую красоту.

— Развѣ Эсиръ женщина?... Она еще ребенокъ... Ей всего семнадцать лѣтъ...

— Однакожъ, въ ея годы ты была уже матерью...

— Но это было когда?.. Теперь дѣвушки такъ рано замужъ не выходятъ...

— И весьма дурно поступаютъ,—перебилъ ребъ Пинхось.— Ранніе браки спасали еврейскихъ дѣвушекъ отъ грѣховныхъ увлеченій. Онѣ не знали любви на христіанскій манеръ и были хорошими женами и матерями. Въ этомъ заключалась тайна крѣпости еврейской семьи. Теперь же, когда наши дочери вкусили съ древа христіанской цивилизаци, онѣ перестали быть тѣмъ, чѣмъ были, и близокъ день, когда еврейская семья будетъ также расшатана, какъ и христіанская... И во всемъ этомъ будетъ виновата любовь, то-есть не та любовь, которую слѣдуетъ отождествлять съ беззавѣтною преданностью обязанностямъ матери и жены, которую только и знали еврейскія женщины, а та любовь, которая вытекаетъ исклю-

чительно изъ взаимнаго влеченія половъ и которой всецѣло поклоняются христіане... Впрочемъ, что намъ за дѣло до христіанъ... Намъ нечего скорбѣть за ихъ пороки. Напротивъ, въ ихъ порокахъ наша сила, пока сами имъ не подражаемъ въ нихъ. Порочность христіанъ намъ даже на руку... Возьмемъ хоть Леонида Михайловича. Онъ увлеченъ нашей дочерью — это должно приносить намъ пользу и выгоду... Не такъ ли, жена?

Морщины на лбу ребъ Пинхоса исчезли, и на лицѣ его появилась улыбка.

— Неужели мы пожертвуемъ дочерью для какихъ-то выгодъ? — съ явною тревогой въ голосѣ произнесла м-ме Местрегеръ.

— О какихъ жертвахъ ты говоришь, Ривочка!.. Какъ могло прійти тебѣ на умъ, что я способенъ уступить христіанину мою дочь изъ-за выгоды!.. Нѣтъ, жена. Богатства всего міра меня бы не прельстили, еслибъ дѣло шло о томъ, чтобъ жертвовать дочерью... Чтобъ отдать ее христіанину!.. Царство небесное я не отдамъ ни за какія земныя сокровища!.. Но отчего не подурачить «гою», когда намъ это выгодно?..

Ребъ Пинхосъ посмотрѣлъ на жену въ упоръ и встрѣтился съ ея недоумѣвающимъ взглядомъ. Онъ замѣтно смутился.

— Ты, какъ будто, собираешься спорить со мной, Ривочка? — произнесъ онъ, искусственно улыбаясь.

— Спорить съ тобой я не намѣрена, — потупивъ глаза, отвѣтила м-ме Местрегеръ.—Я хочу только сказать тебѣ, что не хорошо платить обманомъ за искреннее расположеніе... Леонидъ Михайловичъ несомнѣнно расположенъ къ намъ искренно... Онъ не похожъ на другихъ христіанъ... Я тебѣ ручаюсь за это!..

Послѣднюю фразу м-ме Местрегеръ произнесла убѣдительно, съ удареніемъ.

— И ты, чего добраго, даже готова отдать ему дочь? Породниться съ нимъ? — Ребъ Пинхосъ саркастически улыбнулся и, возвысивъ голосъ, продолжалъ: — Я думалъ, жена, ты умнѣе. Теперь же съ сокрушеніемъ сердца вижу, что моя старая мать относительно тебя права — тебѣ нельзя довѣрять: несмотря на твои годы, ты также способна увлечься, какъ и малолѣтняя... Какъ ты могла такъ довѣрять «гою»?.. Скажи, пожалуйста. Ты даже готова за него ручаться!.. Нѣтъ, Реввека! Миѣ твоего ручательства не надо! Если этотъ христіанинъ дѣйствительно составляетъ исключеніе, то тѣмъ хуже!.. Его надо избѣгать, отъ него надо отдѣлаться!.. Намъ друзей христіанъ не нужно!..

— Я... я... откажу ему отъ дома хоть сегодня, — чуть слышно, произнесла м-ме Местрегеръ.

— Вижу, ты поняла меня, Ривочка, — спокойно заговорилъ ребъ Пинхосъ и дѣловито продолжалъ: — Но зачѣмъ торопиться! Надо сначала извлечь изъ него пользу, а потомъ и отказать ему можно

будеть... Онъ теперь можетъ мнѣ пригодиться, и было бы глупо имъ не воспользоваться... Теперь больше, чѣмъ когда нибудь, надо за нимъ ухаживать, надо такъ дѣйствовать, чтобъ онъ потерялъ голову и былъ способенъ на всякія глупости...

Ребъ Пинхось прошелся нѣсколько разъ по кабинету, повидимому, что-то обдумывая.

— Сегодня же переговорю съ матерью, — произнесъ онъ послѣ довольно продолжительной паузы. — Объясню ей, въ чемъ дѣло. Она умная и пойметъ меня. Пожалуй, придется еще Эсоиръ оставить въ гимназін, пока не обдѣлаю дѣла, а то, чего добраго, по глупости своей она загрузитъ, затоскуетъ, а это въ мои планы не входитъ...

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди m-me Местрегеръ въ отвѣтъ на слова мужа. Она не сочувствовала его плану, и ей было больно за любимую дочь, которую ребъ Пинхось собирался сдѣлать орудиємъ къ достиженію своихъ цѣлей. Свой протестъ она формулировать не была въ состояніи, да еслибъ и могла его формулировать, то у ней не хватило бы смѣлости открыто возстать противъ мужа, который умѣлъ настоять на своемъ и воля котораго была непреклонна. Съ стѣсненнымъ сердцемъ она удалилась изъ кабинета, благо мужъ не удерживалъ ее больше.

III.

Ребъ Пинхось Местрегеръ принадлежалъ къ старинному еврейскому роду: цѣлый рядъ его предковъ стоялъ во главѣ «хевре кадише» (священнаго погребальнаго братства) въ городѣ В. Фамилія его — Местрегеръ, означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ: носитель покойниковъ. Въ прежнее время, когда евреи крѣпко держались своего ученія и жили жизнью обособленною, замкнутою, — профессія носителей покойниковъ считалась весьма почтенною, и представители этой профессіи пользовались уваженіемъ среди своихъ единовѣрцевъ. Оно и понятно. Предать покойниковъ землѣ дѣло святое, богоугодное, а потому люди, посвятившіе себя этому занятію, должны отличатся святостью своей жизни и нравственною чистотою. Таковыми всегда бывали «местрегеры» и «греберы» (гробкопатели). И тѣ и другіе считались у евреевъ представителями духовенства, наравнѣ съ раввинами, «даіонами» (судьями) и «хазонами» (канторами). Занятія «местрегеровъ» и «греберовъ» были наследственны и переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ. Ребъ Пинхось, подобно цѣлому ряду своихъ предковъ, родился на В-скомъ кладбищѣ. Онъ выросъ среди могилъ и, вѣроятно, подобно своимъ предкамъ, по сіе время продолжалъ бы заниматься наследственною профессіей, еслибъ случай не толкнулъ его на другую дорогу. Местре-

геры, какъ люди касты, набѣгали родниться съ чужими посредствомъ браковъ. Когда ребъ Пинхосу пошелъ пятнадцатый годъ, родители его пришли къ заключенію, что пора женить его. Невѣста нашлась тутъ же, на родномъ кладбищѣ. Это была дѣвушка немножко кривобокая, немножко подслѣповатая и къ тому еще преляющая. Она была старше жениха лѣтъ на шесть. Но все это въ глазахъ родителей ребъ Пинхоса не могло считаться препятствіемъ къ браку ихъ сына. Жена нужна еврею для продолженія рода и если она способна родить евреевъ, то чего же больше требовать съ нея. Вѣроятно, съ такимъ взглядомъ своихъ родителей согласился бы и ребъ Пинхосъ, еслибъ у него не были свѣжи въ памяти удары, которыми надѣляла его кривобокая Дина (имя невѣсты) безъ всякаго повода, просто со злости, всякій разъ, когда, будучи маленькимъ мальчикомъ, онъ попадался ей на глаза. Перспектива получить въ жены злоую Дину ему не улыбалась. На его протестъ родители вниманія не обратили и его таки обручили съ ней, но повѣнчать его съ злою Диной имъ не удалось. Наканунѣ свадьбы, ребъ Пинхосъ убѣжалъ изъ дому и пропалъ безъ вѣсти. Возвратился онъ въ родной городъ, долгое время спустя, чуть ли не послѣ восемнадцатилѣтняго отсутствія. Отца въ живыхъ онъ ужъ не засталъ, а мать его продолжала еще жить на кладбищѣ, ожидая возвращенія пропавшаго сына, чтобы передать ему наслѣдственное занятіе, которое сохранить за нимъ удалось ей съ большимъ трудомъ, такъ какъ она, какъ женщина, не могла сама заниматься профессіей покойнаго мужа и вынуждена была взять себѣ въ помощники богобоязненнаго еврея, съ которымъ должна была дѣлиться доходами. Но ребъ Пинхосъ возвратился въ родной В. не для того, чтобы взяться за наслѣдственное занятіе; къ великому горю своей матери онъ наотрѣвъ отъ этого отказался. Тогда в—скій кагалъ постановилъ: «Такъ какъ Пинхосъ, сынъ Гилеля, возвратился и заявилъ, что не желаетъ пользоваться принадлежащимъ ему по наслѣдству занятіемъ «местрегера», то таковое (занятіе) навѣки должно быть изъемлемо изъ рода его, и вдова покойнаго Гилеля должна быть выселена изъ кладбищенскаго помѣщенія, такъ какъ она, какъ женщина, только временно допускалась къ занятію мѣста «местрегера», дабы сохранить это занятіе для сына, которому оно по наслѣдству законно принадлежало».

Где Местрегеръ была такимъ образомъ вынуждена разстаться съ насиженнымъ мѣстомъ на кладбищѣ и переселиться къ сыну. Не смотря на то, что она была выселена оттуда по постановленію кагала, тѣмъ не менѣе, отъ своего преемника она получила одновременно порядочный кушъ въ видѣ отступного и обязательство на пожизненную пенсію въ размѣрѣ двухъ рублей въ недѣлю. Такимъ образомъ она вполнѣ была обезпечена въ матеріальномъ отношеніи и не зависѣла отъ сына, что и давала послѣдному чув-

ствовать на каждомъ шагѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ. Съ первыхъ же дней своего переселенія къ сыну она забрала въ руки бразды правленія въ его домѣ и подчинила себѣ молодую невѣстку (ребѣ Пинхось возвратился женатымъ). Всякій разъ, когда ребѣ Пинхось пробовалъ протестовать противъ деспотизма матери, послѣдняя грвила ему своимъ переѣздомъ изъ его дома и выступала ему на видъ свое обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи положеніе. Старуха завела въ домѣ свои порядки и не выпускала изъ рукъ «связку ключей». Режимъ кладбища водворился, благодаря ей, въ домѣ ея сына. Она мало интересовалась дѣлами сына, и его богатство и большіе заработки вызывали въ ней чувство неудовольствія и пренебреженія. «Наши отцы и дѣды были бѣдны, святая профессія ихъ не давала богатства,— постоянно повторяла она,— но это не мѣшало имъ жить въ святости и денно и ночью о Богѣ думать... Свое богатство съ собой не возьмешь, а добрыхъ дѣлъ твоихъ не вижу». Ребѣ Пинхось пожималъ плечами и не спорилъ съ матерью. Да и что могъ онъ сказать ей въ отвѣтъ! Роскошь, которую онъ давалъ ей взамѣнъ бѣднаго существованія на кладбищѣ, тяготила старуху. Долго она не могла свыкнуться съ новою обстановкой. Живя въ богатомъ домѣ сына, она скучала по своему тихому кладбищу...

Долгое время у ребѣ Пинхоса не было дѣтей. Это послужило старухѣ лишнимъ поводомъ ненавидѣть невѣстку. «Засохшій корень напрасно бременить землю; кому отъ него польза, когда онъ не можетъ давать ростковъ»,—говорила она сыну и требовала отъ него, чтобъ онъ развелся съ женой бесплодной и взялъ себѣ другую жену, плодливую. Но вотъ, Реввека доказала, что она не «засохшій корень»: пять лѣтъ подрядъ она рожала; первые и вторые роды не примирили старуху съ невѣсткой. Реввека пронаводила на свѣтъ дѣвочекъ. Старуха была въ отчаяніи послѣ вторыхъ родовъ и еще больше возненавидѣла невѣстку. Оно и понятно. Потова къ разводу сына съ женой ужъ больше не существовало: Реввека доказала, что она не бесплодна. Старуха считала свою невѣстку чуть ли не преступницей. Ей не нужны были дѣвочки, ей нужно было потомство мужскаго пола, чтобы у ея сына былъ «кадишъ» (сыновья у евреевъ называются «кадишами», такъ какъ послѣ смерти сыновья въ теченіе цѣлаго года по три раза въ день читаютъ молитву «Кадишъ» (святъ) въ память родителей)... Внуки ее поэтому не только не интересовали, но она ихъ также не влюбила, какъ и мать ихъ. Наконецъ, Реввека искупала свою вину предъ свекровью. Въ третій разъ она разрѣшилась отъ бремени двойней: дѣвочкой и мальчикомъ. Дѣти оказались слабыми и хилыми. Дѣвочка не выдержала и умерла на третій день по рожденіи, а мальчикъ былъ до того слабъ, что пришлось отсрочить почти на два

иъсяда обрядъ его обрѣзанія. Операцию онъ вынесъ благополучно и остался живъ, къ великой радости своей бабушки.

Съ появленіемъ на свѣтъ внука, который былъ названъ Натаномъ, въ честь отца его бабушки, старая Годе, какъ будто, преобразилась. Она всецѣло овладѣла столь долго ожидаемымъ сокровищемъ и вся ушла въ воспитаніе внука. Бабушка, какъ будто, на половину выпустила изъ рукъ вожжи, и Реввека и мужъ ея стали свободнѣе дышать. На внучекъ старуха не обращала никакого вниманія: онѣ, словно, не существовали для нея. Какъ было сказано, Реввека въ теченіе пяти лѣтъ рожала каждый годъ, но мужскаго потомства она больше на свѣтъ не производила, а изъ шести дѣвочекъ осталась въ живыхъ только одна старшая—Эсфирь, остальные умерли, не доживши до года.

Да простить намъ читатель это нѣсколько пространное отступление. Оно необходимо для яснаго пониманія разыгравшейся драмы въ семействѣ ребъ Пинхоса, которая составляетъ предметъ нашего разсказа.

IV.

Домъ ребъ Пинхоса Местрегера считался однимъ изъ лучшихъ въ В. Самъ хозяинъ занималъ весь его бель-этажъ. Квартира была огромная, богато, даже роскошно меблирована. Каждый членъ семьи имѣлъ свои особыя комнаты. Главнымъ образомъ отличались роскошью своей обстановки комнаты m-me Местрегеръ и такъ называемыя «парадныя» комнаты, въ которыхъ устраивались приемы и вечера. Ребъ Пинхосъ въ сущности не любилъ общества, и сталъ онъ жить открыто исключительно потому, что, по его мнѣнію, этого требовали дѣла. Другое дѣло его жена—та искренно увлеклась ролью, выпавшей на ея долю. Ей нравилось принимать людей и веселиться, и въ расчеты мужа она не входила, она даже не подозрѣвала, что эти расчеты существуютъ. Ее только удивляло, почему мужъ такъ рѣдко показывается гостямъ и, когда она обращалась къ нему за разъясненіями, ребъ Пинхосъ обыкновенно отдѣлывался шуткой, а изъ свои мысли жену не посвящалъ. Впрочемъ, она и не наставляла и оставляла мужа въ покоѣ. Старуха Годе только въ началѣ была противъ пріемовъ и гостей; въ особенности она властно выразила свой протестъ, когда среди гостей Местрегеровъ впервые стали появляться христіане. Она не на шутку угрожала сыну, что переѣдетъ изъ его дома, но ребъ Пинхосъ выказалъ въ данномъ случаѣ необыкновенную твердость и заявилъ матери, что въ такомъ случаѣ она никогда не увидитъ Натана, котораго онъ отдастъ въ гимназію. Это подѣйствовало. Старуха была побѣждена, но не смирилась. Она появлялась на вечера въ «парадныя» комнаты раньше гостей. Мрачная фигура ея сначала всѣхъ смущала, потомъ гости привыкли и

не обращали на нее вниманія. Зачѣмъ было старухѣ появляться на вечера и приемы, которые доставляли ей одно только горе? Она это дѣлала, разумѣется, для того, чтобы охранять домъ сына отъ великаго несчастія, которое, по ея глубокому убѣжденію, непременно должно было на него обрушиться. Она за всѣмъ наблюдала, ко всему прислушивалась, и отъ воркихъ, подслѣповатыхъ глазъ ея ничего не ускользало, а отъ старческихъ ушей ни одного звука не пропадало. Отличаясь удивительною для своихъ лѣтъ подвижностью, она была вездѣсуща, всѣмъ мѣшала, всѣмъ отравляла веселіе. Въ особенности угнетающе она дѣйствовала своимъ присутствіемъ на гостей евреевъ, съ которыми она мало церемонилась; гости же христіане обращали мало вниманія на старуху и игнорировали ее. За послѣднее время старуха главнымъ образомъ сосредоточила свои наблюденія на вечерахъ на внучкѣ Эсоири, которою раньше совсѣмъ не занималась. Она слѣдила за нею неотступно, и по временамъ на сморщенномъ лицѣ ея появлялось угрожающее выраженіе. Слѣдствіемъ ея наблюденій за внучкой было то, что въ одно прекрасное утро она заявила м-ме Местрегеръ, что Эсоиръ необходимо немедленно взять изъ гимназіи.

Быль вечеръ. Старая Годе сидѣла на жесткомъ креслѣ въ своей комнатѣ предъ большимъ, некрашеннымъ, дубовымъ столомъ и провѣряла счета по хозяйству. Обстановка ея комнаты ничѣмъ не напоминала роскоши остальной квартиры. Здѣсь царствовала необыкновенная простота и безпритязательность. Вся обстановка комнаты производила впечатлѣніе своей простотой, и не удивительно: начиная съ дубоваго, некрашеннаго стола и жесткаго кресла и оканчивая старинными шкапами изъ краснаго дерева и громаднымъ, неуклюжимъ и тоже стариннымъ комодомъ изъ ясени, — вся эта мебель была наслѣдственная и перевезена сюда съ кладбища. Сколько ни настаивалъ ребъ Пинхось, чтобы этотъ хламъ былъ замѣненъ болѣе удобною и приличною мебелью, старуха не соглашалась. На этомъ жесткомъ креслѣ она сидѣла десятки лѣтъ, привыкла къ нему, и оно было ей дорого по воспоминаніямъ; тоже дорога была ей по воспоминаніямъ и остальная мебель. Только здѣсь, въ этой комнатѣ, старуха чувствовала себя дома: всѣ окружающіе ее предметы напоминали ей о дорогомъ прошломъ и о миломъ ея сердцу кладбищѣ... Единственная уступка, которую она сдѣлала сыну, была та, что она согласилась разстаться съ костюмомъ, который носила во времена оны на кладбищѣ. Но уступку эту она сдѣлала не потому, что черное платье изъ шелка было ей больше по душѣ, чѣмъ дешевенькое шерстяное, а потому, что въ кладбищенскомъ одѣяніи сынъ съ твердостью запретилъ ей являться въ парадныя комнаты, когда тамъ бывали гости.

Старая Годе была чрезвычайно углублена въ свои хозяйственные счета. Вся ея маленькая фигурка утопала въ жесткомъ креслѣ

съ высокими спинками. Миниатюрная головка ея какъ будто была выдвинута изъ ящика и торчала надъ дубовымъ столомъ. Ея почти дѣтское лицо съ маленькимъ, остренькимъ, птичьимъ носикомъ, было сплошь покрыто частыми морщинами. На этомъ маленькомъ носикѣ торчали огромные очки въ стальной оправѣ. Трудно было опредѣлить ея возрастъ: какъ предписываетъ законъ, сѣдые волосы ея были запрятаны подъ огромный черный парикъ, который спускался надъ ея лбомъ до того мѣста, гдѣ предполагались брови, которыя у старухи совершенно отсутствовали. Все было миниатюрно въ этой старухѣ: рука ея, вооруженная карандашомъ, которымъ она торопливо подводила итоги на счетахъ, поражала своей миниатюрностью. Царствовавшая тишина въ комнатѣ была нарушена появленіемъ ребъ Пинхоса. Дверь открылась безъ предварительнаго увѣдомленія стукомъ и, войдя въ комнату, ребъ Пинхосъ тихо, нацѣпочкахъ, подошелъ къ матери и почтительно произнесъ:

— Можно тебѣ помѣшать, мама?

— Сейчасъ кончу,— отвѣтила старуха, не поднимая головы.

Ребъ Пинхосъ чуть замѣтно улыбнулся, обѣими руками уперся на заднюю спинку кресла матери и, опустивъ на нихъ свою голову, сталъ молча и сосредоточенно, черезъ голову матери, наблюдать за быстрымъ движеніемъ карандаша въ ея рукѣ. Такъ прошло минутъ десять; но вотъ старуха кончила свою работу, отодвинула отъ себя бумаги, сняла съ носа очки и приподняла голову.

— Что же ты стоишь, Пинхосъ? — произнесла она пѣвучимъ голосомъ.— Садись, и потолкуемъ...

Ребъ Пинхосъ придвинулъ табуретъ и сѣлъ.

— Ну, что скажешь? — пытливо оглядывая сына, спросила старуха.

— Мнѣ кажется,— началъ ребъ Пинхосъ послѣ нѣкотораго молчанія,— что ты ужъ очень много трудишься... Ну, стоитъ ли такъ старательно провѣрять эти глупые счета... Право, я такъ богатъ, что если даже никакой экономіи не будетъ соблюдено по расходамъ на домъ, то это никоимъ образомъ не могло бы отозваться на моемъ благосостояніи... Мнѣ чрезвычайно больно видѣть, какъ ты изъ-за ничтожныхъ копеекъ утомляешь свои старые глаза...

— Затѣмъ ты и пришелъ, чтобы сказать мнѣ это?—спросила старуха, и саркастическая улыбка появилась на ея лицѣ.

— Положимъ, пришелъ я по дѣлу, но, заставъ тебя за этою утомительною провѣркой счетовъ, не могъ не замѣтить тебѣ, что мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, если бы ты меньше соблюдала мои денежные интересы и больше думала о покоѣ, который въ твои годы такъ необходимъ... Неужели, мама, ты не чувствуешь утомленія?..

— Къ чему ведешь ты рѣчь свою, Пинхосъ?.. — перебила старуха, и на томъ мѣстѣ лица ея, гдѣ предполагались брови, появилась грозная складка.— Не прикажешь ли мнѣ передать ключи и

хозяйство Ривкѣ?..—Старуха встала съ кресла, въ подслѣповатыхъ глазкахъ ея появился огонекъ, и, возвысивъ голосъ до писка, продолжала:—Скажи своей женѣ, Пинхось, что этому не бывать!.. Слышишь, не бывать!.. Пока я жива, не выпущу изъ рукъ хозяйства... Не отдамъ ключей!..

— Что ты, что ты, мама?.. Ни Реввека, ни я и не помышляемъ посягать ни на твое хозяйствованіе въ домѣ, ни на ключи твои... Ты не такъ меня поняла...—Ребъ Пинхось тоже привсталъ и взялъ мать за обѣ руки. Онъ бережно усадилъ ее опять въ кресло, ближе придвинулъ къ ней свой табуретъ, самъ усѣлся и продолжалъ:— Я пришелъ къ тебѣ, мама, по весьма важному дѣлу. Выслушай меня, прошу тебя, терпѣливо до конца и, ради Бога, не вздумай опять сердиться... То, что я тебѣ скажу, чрезвычайно важно, и никакимъ образомъ нельзя иначе дѣйствовать, какъ я рѣшилъ...

— Значить, ты не совѣтоваться ко мнѣ пришелъ, а объявить свое безповоротное рѣшеніе?..

— Именно такъ! — твердо отвѣтилъ ребъ Пинхось, не спуская глазъ передъ испытующимъ взлядомъ матери.

— Ну, говори, а я послушаю...

— Только, повторяю мою просьбу, не перебивай меня до конца...

— Зачѣмъ перебивать? Въ твоёмъ домѣ я достаточно научилась быть терпѣливой...

Слова «въ твоёмъ домѣ» старуха язвительно подчеркнула, но ребъ Пинхось на это не обратилъ вниманія и заговорилъ дѣловымъ тономъ:

— Я нахожусь теперь въ крайне затруднительномъ положеніи. Моимъ дѣламъ грозитъ большая опасность: появился весьма сильный конкурентъ въ лицѣ извѣстнаго петербургскаго миллионера Брайнеса, ты, вѣроятно, слыхала о немъ?..

— Ну, слыхала, что же дальше?..

— А дальше слѣдуетъ то, что мнѣ, во что бы то ни стало, надо побѣдить Брайнеса. Въ противномъ случаѣ, потерплю громадныя убытки, и все сооруженное мною съ громадными усиліями въ теченіе всей жизни зданіе моего благосостоянія рухнетъ!..

— Неужели ты станешь нищимъ?—перебила старуха.

— Нищимъ?.. О, нѣтъ,—успокоительно произнесъ ребъ Пинхось.— Я не могу сдѣлаться нищимъ: состояніе мое довольно велико. Но не могу же я безъ борьбы отказаться отъ десятковъ и даже сотенъ тысячъ заработка...

— Такъ борись, кто же тебѣ мѣшаетъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что мнѣ мѣшаютъ... Или, по крайней мѣрѣ, хотятъ мѣшать...

— Кто же?..

— Вы, мама...

— Я?.. Развѣ я когда нибудь въ твои дѣла вмѣшивалась? Я

даже ихъ не знаю и знать не хочу... Я только смотрю за твоимъ домомъ... Какъ же я могу мѣшать тебѣ въ дѣлахъ?..

— Казалось бы, что такъ, а между тѣмъ мѣшаете...

— Чѣмъ же?—спросила старуха, и на лицѣ ея изобразилось не-притворное удивленіе.

— А хоть бы и тѣмъ, что совершенно не во время вздумали потребовать, чтобы Эсоиръ взяли изъ гимназіи, а затѣмъ, чтобы двери моего дома закрыли предъ Наумовымъ... И то и другое невозможно теперь сдѣлать...

Старуха съ недоумѣніемъ посмотрѣла на сына, пожала плечами и спросила.

— Какое же отношеніе это имѣетъ къ твоимъ дѣламъ?

— О, большое!.. произнесъ съ убѣжденіемъ ребѣ Пинхосъ.

— Такъ объясни...

Ребѣ Пинхосъ хотя и приготовился къ объясненію съ матерью, тѣмъ не менѣе почувствовалъ теперь нѣкоторую оторопѣлость. Взглядъ старухи пронизывалъ его насквозь, и онъ сознавалъ, что она не пойметъ его, что она не можетъ и не должна его понять. Холодный потъ выступилъ на его лбу, и онъ не зналъ, въ какой формѣ передать ей, что ему было нужно сказать ей. И странно показалось бы со стороны при видѣ этого крупнаго мужчины, почти гиганта, съ сѣдыми волосами, въ положеніи школьника предъ миниатюрною старушкой. А между тѣмъ именно такое впечатлѣніе производилъ онъ и на старуху своей боязливою наружностью.

— Я жду объясненія загадки,—произнесла старуха, продолжая пронизывающе, въ упоръ, смотрѣть на сына.

Ребѣ Пинхосъ опустилъ глаза и заговорилъ. Сначала сбивчиво, а потомъ все яснѣе и яснѣе рисовалъ онъ ей положеніе своихъ дѣлъ. Главнымъ образомъ онъ напиралъ на то, что только Наумовъ можетъ ему помочь въ борьбѣ съ Брайнесомъ, что безъ его содѣйствія онъ погибъ, ибо долженъ сдать безъ боя: Брайнесъ всемогущъ—въ Петербургѣ у него такія связи: онъ съ министрами знакомъ. И какое для него будетъ торжество, когда побѣдитъ такую силу! Онъ отступить не можетъ, онъ долженъ побѣдить, и для этого необходимо пустить въ ходъ всякія средства, которыя имѣются въ его, ребѣ Пинхоса, распоряженіи. Онъ самъ увлекся своимъ краснорѣчіемъ и кажущейся ему убѣдительностью своихъ доводовъ даже для матери.

— Не правда ли, мама,—продолжалъ онъ съ несвойственнымъ ему увлеченіемъ, — ты не будешь мѣшать мнѣ? Сама понимаешь, Наумовъ влюбленъ въ нашу дурочку, и такимъ образомъ онъ весь въ моихъ рукахъ... О, я заставляю его послужить моимъ интересамъ, а при его помощи побѣда надъ Брайнесомъ несомнѣнна! Какъ же можно отказать ему отъ дома въ такой важный моментъ, когда онъ такъ нуженъ?.. И Эсоиръ взять теперь изъ гимназіи тоже

нельзя... Это ее опечалить, и она будет плакать, грустить... Она, пожалуй, подурнѣетъ, а это можетъ помѣшать... Все дѣло теперь въ ней, въ Эсэри, и ее теперь огорчать нельзя... Пускай моя дурочка теперь веселится, цвѣтетъ и хорошѣетъ... Теперь заставить ее плакать и огорчаться нельзя... Это могло бы скверно подѣйствовать на Наумова...

— Ты ли это говоришь? И кому? Мнѣ, своей матерѣ? — преврала его старуха съ отчаяніемъ въ голосъ.—Опомнись, сынъ мой! Неужели ты выросилъ дочь, чтобы выгодно продать ее «гою»?...

Ребѣ Пинхось вздрогнуль. Онъ понялъ, что увлекся и хватилъ черезъ край, что съ матерью нельзя было такъ грубо откровенничать, что ее не слѣдовало посвящать во всѣ подробности. Но такъ какъ отступить отъ задуманнаго плана ради спокойствія матери онъ не могъ, да и не хотѣлъ, то рѣшилъ идти на проломъ и не выказывать слабости.

— Напрасно ты такъ смотришь на это дѣло, — произнесъ онъ съ искусственнымъ спокойствіемъ. — И напрасно ты меня подозреваешь въ такомъ скверномъ помышленіи... Будь прокляты всѣ «гои» всего міра, въ томъ числѣ и Наумовъ... Я моей дочерью не торгую и проклятому «гою» ея не уступлю... Скорѣе увидѣлъ бы ее трупомъ, задушилъ бы ее своими собственными руками, чѣмъ отдалъ бы ее «гою»... Но изъ этого не слѣдуетъ, если при содѣйствіи дочери могу сдѣлать большое дѣло, чтобы я его не сдѣлать... Тѣмъ болѣе, когда ей это повредить не можетъ...—И видя, что старуха хочетъ ему возразить, онъ прибавилъ скороговоркой: — Конечно, если строго судить, тутъ, пожалуй, есть маленькій грѣхъ... Моя дочь, дочь еврея, не должна быть допущена даже къ временной близости съ христіаниномъ... Но, мама, съ этимъ грѣхомъ надо мириться... Время теперь такое!... Самъ Богъ-Цавоотъ поставилъ насъ въ такое положеніе, что мы должны сдѣлать уступки «гоямъ», что мы должны притворяться, прикидываться ихъ друзьями...

— Зачѣмъ ты клеветьешь на Бога? Какъ смѣешь ты богохульствовать?... перебила его старуха.

— Нѣтъ, мама... Я не богохульствую... Пускай лучше отсохнетъ языкъ мой, если онъ дерзнетъ произносить хулу противъ Бога!... Ты вспомни, мама, исходъ нашихъ предковъ изъ Египта... Развѣ не по повелѣнію Бога Израиль притворился другомъ египтянъ, чтобы выманить у нихъ всѣ ихъ сокровища?... Развѣ наши предки ушли изъ страны рабства съ пустыми руками?... Видишь, сама святая Тора даетъ намъ примѣръ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать съ нашими врагами... Все ихъ богатство—наше богатство!... Все ихъ достояніе — наше достояніе!... Такъ было во времена Библии, такъ должно быть и теперь!... Если мои предки, по указанію Самого Бога, притворялись друзьями египтянъ, чтобы выманить у нихъ ихъ богатства, то почему я не долженъ такъ дѣйствовать въ данномъ

случаѣ относительно Наумова?... Почему я не имѣю права прикидываться его другомъ, обмануть его, чтобы получить богатство?...

— Все это такъ,—перебила его мать.—Наши предки ушли изъ Египта не съ пустыми руками; притворившись друзьями своихъ порабитителей, они выманили у нихъ золото и драгоценныя камни... Но развѣ взаимнѣ они оставили имъ на поруганіе своихъ дочерей?... Ты же готовъ жертвовать Эсѣрью за золото... Ты готовъ отдать на поруганіе дочь свою за богатство!...

— Мама, не говорите такъ!... Не обвиняйте меня въ такомъ преступномъ помышленіи... Ни одинъ волосъ съ головы моей дочери не достанется иновѣрцу!... Клянусь вамъ въ этомъ св. Торой и Богомъ-Адонаемъ!... И если я желаю допустить кажущуюся временную близость между Эсѣрью и Наумовымъ (именно временную, ибо, какъ только дѣло будетъ устроено, я сумѣю удалить иновѣрца изъ моего дома навсегда), то за этотъ маленькій грѣхъ не останусь въ долгу предъ Богомъ... Я выстрою синагогу, которая своимъ великолѣпіемъ превзойдетъ всѣ существующія въ нашемъ городѣ, и rozdамъ нищимъ богатую милостыню... Я подѣлюсь будущими заработками съ Богомъ и моими бѣдными единовѣрцами... Сама знаешь, мама: «цдоке тацилъ мимовесъ» (милостыня спасаетъ отъ смерти, т.-е. отъ смертнаго грѣха). Это сказано въ св. Торѣ. А то, что я желаю сдѣлать, ужь не такой большой грѣхъ, чтобъ богатая милостыня не покрыла его, не спасла меня отъ Божьяго гнѣва и Его наказанія!...

Произнося послѣднія слова, ребъ Пинхось устремилъ взоръ на мать. Онъ сознавалъ, что доводы его довольно слабы, и врядъ ли старуха съ нимъ согласится. Но что еще можетъ онъ ей сказать въ оправданіе своихъ дѣйствій? Его жажда къ приобрѣтенію, къ наживѣ, ей чужда. Богатство она считаетъ тлѣннымъ; роскошь, которую даютъ деньги, ей не нужна; власть, могущество, силу богатства она не признаетъ: это даже не доступно ея пониманію. Развѣ не даромъ онъ потратилъ и свое время и свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить мать? Все равно: не только ея одобренія, но и вынужденнаго согласія отъ нея не получить. Старые люди не умѣютъ разсуждать, не желаютъ принимать резоны и на уступки не способны. Глядя почти въ упоръ на мать и замѣчая, какъ морщины на ея птичьемъ лицѣ все болѣе и болѣе сгущаются, ребъ Пинхось внутренно затрепеталъ.

«А ну,—подумалъ онъ,—если старуха рѣшится на крайность?... Если она не только выразитъ намѣреніе оставить мой домъ, чѣмъ вызоветъ ужасный скандалъ въ городѣ и покроетъ меня позоромъ, но, чего добраго, еще вздумаетъ громогласно и публично проклинать меня?»...—Онъ впился глазами въ лицо матери. Оно ему показалось до того зловѣщимъ, что предположеніе его перешло въ увѣренность: съ затаеннымъ страхомъ онъ ждалъ, что вотъ от-

кроются старыя уста, и онъ услышитъ проклятiе родной матери. Ребѣ Пинхось вдрогнулъ и, продолжаясь зловѣщее молчаніе матери еще минуту или двѣ, онъ бы не выдержалъ этой пытки, и отказался бы отъ борьбы съ матерью. Но старуха предупредила его.

— Слушай, Пинхось, — заговорила она какимъ-то особеннымъ, несвойственнымъ ей торжественно-тихимъ голосомъ. — Слушай, что я тебѣ скажу!... Ты умышленно обманываешь самого себя и сознательно желаешь обмануть меня, мать свою!... Но хуже всего то, что дерзнулъ ты обмануть и Бога!... — Старуха глубоко вздохнула. — Какое накопленіе смертныхъ грѣховъ!... Пришелъ ты ко мнѣ съ ложью на устахъ: все мое благосостояніе рухнетъ, а потомъ проговорился, что рѣчь идетъ о приумноженіи твоего богатства, а не о потерѣ уже пріобрѣтеннаго!... Сознывая, какою преступною цѣной хочешь приумножить свое благосостояніе, ты дерзнулъ заявить мнѣ, что построишь синагогу и подѣлишься съ Богомъ своимъ заработкомъ, чтобы умиловитъ Его! Но развѣ можно входить въ сдѣлки съ Богомъ? Развѣ Ему нужны грѣховныя жертвы?... «Гагейневъ минъ гагановъ—потерьъ» (обкрадывающій вора свободенъ отъ наказанія)!... Пріобрѣтенное при посредствѣ грѣха—тоже, что ворованное!... Оно свободно, т.-е. нашъ святой законъ не охраняетъ подобнаго имущества—и всякій, кто его у тебя отниметъ или уворуетъ, не отвѣтственъ предъ закономъ за свой проступокъ, не совершаетъ никакого грѣха... И вотъ ты осмѣливаешься сулить Богу въ даръ, что не тебѣ принадлежитъ, что законъ признаетъ свободнымъ — не твоимъ!... Такой жертвой не умиловитъ Богъ!... Такой жертвой ты возбудишь справедливый гнѣвъ Его, и будетъ Онъ мстить тебѣ, твоимъ дѣтямъ и дѣтямъ твоихъ дѣтей, до четвертаго поколѣнія!... Неужели ты объ этомъ не подумалъ?... Что же теперь сдѣлать мнѣ, твоей матери?... Конечно, мнѣ остается только отречься отъ тебя... проклясть тебя...

— Мама! ты этого не сдѣлаешь!... болѣзненнымъ крикомъ вырвалось изъ груди ребѣ Пинхоса.

— Разумѣется, не сдѣлаю, — отвѣтила старуха прежнимъ торжественно-тихимъ голосомъ. — Я не имѣю права сдѣлать этого! Если я, слабая старуха, не имѣю силъ удержать тебя отъ первоначально задуманнаго грѣха, послѣдствія котораго мнѣ такъ ясны, то отъ нихъ, отъ этихъ послѣдствій, которыхъ ты не хочешь видѣть, — я спасу тебя и домъ твой помимо твоей воли. Обуреваемый жаждой къ наживѣ, ты ни предъ чѣмъ не можешь остановиться, лишь бы увеличить свои богатства! Но я остаюсь на стражѣ въ твоемъ домѣ, и когда настанетъ рѣшительная минута, то разрушу тебя, твой домъ и огражду свое потомство отъ смѣшенія съ иновѣрцами...

— До смѣшенія твоего потомства съ иновѣрцами весьма далеко, мама, — успокоительно проаннесъ ребѣ Пинхось. — Во всякомъ слу-

чаѣ, я очень радъ, что ты не задумала мѣшать мнѣ, и что пока у меня въ домѣ не будетъ скандаловъ, и все остается попрежнему.

Старуха ничего не отвѣтила и, отвернувшись отъ сына, нетерпѣливо махнула рукой, давая этимъ знать, что аудіенція кончена, и она не желаетъ больше разговаривать. Ребѣ Пинхосъ незамѣтно усмѣхнулся. Онъ былъ весьма доволенъ рѣшеніемъ матери и не придавалъ никакого значенія ея угрозамъ въ будущемъ...

V.

Семья Пинхоса Местрегера не была многочисленна. Она, какъ читателю уже извѣстно, состояла изъ пяти человѣкъ: его самого, его жены, старой матери его и двухъ дѣтей — дочери Эсэири и сына Натана. Но, кромѣ того, въ домѣ ребѣ Пинхоса жилъ еще дальній родственникъ его жены—Михель Магидъ. Этотъ послѣдній былъ человѣкъ очень еще молодой, только что вышедшій изъ юношескаго возраста. Невысокаго роста, тонкій и худой, съ удивительно голубыми глазами, съ маленькою свѣтлою, шелковистою бородкою, онъ отличался замѣчательно блѣдностью лица и тихою рѣчью. Юноша этотъ пользовался въ домѣ общей любовью. Къ нему благоволила даже старая Годе. Несмотря на его малые года,—ему пошелъ всего двадцать третій годъ,—онъ уже заявилъ себя выдающимся талмудистомъ и общался сдѣлаться красой израиля. Онъ былъ ваять въ домѣ ребѣ Пинхоса въ качествѣ учителя и воспитателя его единственнаго сына Натана. Михель Магидъ постоянно сидѣлъ надъ своими книгами, но не избѣгалъ общества: онъ любилъ жизнь и людей; онъ любилъ молча присматриваться къ окружающимъ и многое интересовало его, помимо огромныхъ старинныхъ фоліантовъ, изученіемъ которыхъ онъ занимался. Онъ былъ чрезвычайно скромнъ и весьма рѣдко высказывался, но стоило ему заговорить,—сужденія его отличались ясностью, убѣдительною и равнообразіемъ аргументацій.

— Михель говоритъ, какъ книга, — громко высказывалъ ребѣ Пинхосъ.—И откуда онъ все знаетъ?..

— Изъ нашихъ святыхъ книгъ, въ которыхъ все написано,—съ благоговѣніемъ бывало отвѣтить старуха Годе и устремляла при этомъ съ любовью свои подслѣповатыя глаза на Михеля.

На блѣдномъ, изможденномъ лицѣ Михеля въ подобныхъ случаяхъ появлялась чуть замѣтная краска, и онъ опускалъ dolu свои голубые глаза.

Дѣйствительно ли все, что зналъ Михель, было написано въ старинныхъ фоліантахъ? И правы ли евреи въ своей увѣренности, что все человѣческое знаніе собрано въ талмудѣ? Врядъ ли. Старый талмудъ и по формѣ своей и по своему содержанію скорѣе запутываетъ умъ еврея, односторонне изощряя его и прививая ему от-

жившій, схоластическій способъ мышленія. Михель испыталъ это на себѣ и зналъ, что своимъ развитіемъ онъ обязанъ не талмуду, и что свои знанія онъ перенялъ не изъ одного талмуда. Но это было его великою тайной, которую высказывать громко, вслухъ, онъ не отваживался. Вотъ почему онъ избѣгалъ много разговаривать: онъ боялся проговориться и обнаруживать такія знанія, которыя могли выдать его тайну... Но не изъ трусости онъ такъ поступалъ. У него хватило бы смѣлости заявить, что талмудъ потерялъ въ его глазахъ прежнюю цѣнность, еслибъ не страхъ быть удаленнымъ изъ дома ребѣ Пинхоса. Старая Года устранила бы его отъ воспитанія и обученія ея внука, и онъ вынужденъ былъ бы уйти. А бѣдный юноша чувствовалъ, что уходитъ ему изъ дома ребѣ Пинхоса тяжело, даже невозможно. Къ этому дому онъ чувствовалъ себя прикованнымъ... Счастіе всей его жизни заключалось для него въ этомъ домѣ: онъ любилъ Эсєирь. И вотъ для того, чтобъ онъ могъ ее видѣть, слушать ея рѣчи, любоваться ея личикомъ, — все это было для него такъ необходимо и онъ не могъ себѣ представить, какъ будетъ существовать вдали отъ нея, — вотъ для этого онъ старался скрывать свою тайну...

Въ послѣднее время Михелю Магиду стало труднѣе жить въ домѣ. Ученикъ его Натанъ, или Носонъ, какъ называла его бабушка, началъ относиться къ нему съ недоверіемъ. Онъ буквально не спускалъ глазъ съ своего учителя и слѣдилъ за нимъ съ ревностью профессиональнаго ищѣйки. Михель Магидъ былъ увѣренъ, что Натанъ ищетъ случая погубить его во мнѣніи бабушки и выжить его изъ дома...

Причина разлада между учителемъ и ученикомъ была та, что Натанъ нашелъ въ комнатѣ Михеля Магида «Брисъ-Ходоше» (Новый Заветъ), на древне-еврейскомъ языкѣ. Это случилось въ отсутствіе Михеля, который уходя забылъ спрятать запрещенную книгу. Натанъ ждалъ возвращенія Михеля, чтобы объясниться съ нимъ съ поличнымъ, то-есть съ книгой въ рукахъ. Разузнется, фанатически набожный мальчикъ держалъ въ своихъ рукахъ Новый Заветъ не голыми руками, а предварительно обернувъ руки полотенцемъ, дабы не осквернить себя прикосновеніемъ къ Новому Завету...

— О горе тебѣ!.. Горе дому нашему!.. Ты осквернилъ нашъ домъ!.. Ты отступникъ!..

Этими восклицаніями встрѣтилъ Натанъ своего учителя и бросилъ къ ногамъ его Новый Заветъ.

Михель Магидъ былъ ошеломленъ неожиданнымъ открытіемъ его очевиднаго отступничества. Что могъ онъ сказать въ свое оправданіе! Онъ уже мысленно прощался съ дорогимъ для него домомъ...

— Что же молчишь ты?.. Оправдывайся!.. — раздался между тѣмъ голосъ его ученика.

— Въ чемъ?.. — чуть слышно произнесъ Михель. — Мнѣ не въ

чемъ оправдываться... Никакого грѣха я не совершилъ?.. Ты, мальчикъ, не понимаешь...

.. Михель хотѣлъ продолжать свои объясненія въ защиту Новаго Завѣта. Онъ хотѣлъ сказать своему ученику, что эта книга, которую онъ изучилъ, если не священна, то во всякомъ случаѣ заслуживаетъ уваженія и изученія, что въ книгѣ этой проповѣдуется нѣчто такое, что людямъ знать не мѣшаетъ; что, наконецъ, эта книга проповѣдуетъ любовь, которая такъ нужна людямъ, чтобы достигнуть счастливаго существованія.

Все это хотѣлъ онъ высказать Натану, хотя зналъ, что ученикъ не пойметъ его, и каждымъ своимъ новымъ словомъ онъ станетъ въ его глазахъ еще преступнѣе... Но зачѣмъ скрывать и таиться ему, когда все равно репутація его погибла и домъ Местрегеровъ оставить придется... Но Натанъ не далъ ему договорить...

— Ты говоришь, я не понимаю?..—горячо перебилъ онъ его.—Дѣйствительно, я не понималъ, но теперь я понялъ...

— Что же ты понялъ?..

— Ты, какъ великій ученый, хотѣлъ провѣрить, какъ нагло проклятые «гои» извращаютъ факты святаго талмуда... Ты хотѣлъ узнать, какъ врутъ они, передавая исторію рожденія «Юшуи-гансури» (Христа)...

Михель хотѣлъ было протестовать: ложь была ему противна. Но образъ Эсеири предсталъ предъ нимъ, и, сдѣлавъ надъ собой невѣроятное усиліе, онъ чуть слышно прошепталъ:

— Ну, да... ну, да... Я хотѣлъ провѣрить...

— Въ такомъ случаѣ,—опять заговорилъ Натанъ, и черные глазки его засверкали,—въ такомъ случаѣ ты все-таки совершилъ грѣхъ: ты не долженъ былъ осквернять нашъ домъ чтеніемъ этой книги въ комнатахъ... Ты могъ перечитать нужныя страницы на открытомъ воздухѣ, въ полѣ... Я не желаю, чтобы она продолжала осквернять домъ нашъ...

Мальчикъ опять обернулъ руки полотенцемъ, поднялъ съ пола Новый Завѣтъ и унесъ его.

Гроза такимъ образомъ прошла. Тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ въ душѣ Натана зародилось подозрѣніе, и онъ сталъ усиленно слѣдить за своимъ учителемъ. Михель это видѣлъ и съ своей стороны еще больше ушелъ въ себя и сдѣлался гораздо сдержаннѣе, молчаливѣе прежняго...

VI.

Натанъ и Михель Магидъ сидѣли за столомъ. Предъ ними лежало по огромному фоліанту талмуда. Натанъ громко читалъ пискливымъ голосомъ, а Михель прислушивался къ его чтенію и объяснялъ своему ученику мѣста, казавшіяся Натану темными, непонятными.

Рядомъ съ своимъ учителемъ Натанъ производилъ впечатлѣніе отталкивающее, онъ казался еще безобразнѣе. Несмотря на его пятнадцать лѣтъ, все лицо у него было испещрено морщинами, точно у старика. Природа совершенно обидѣла его. Маленькаго роста, худой, съ огромнымъ горбомъ и длиннымъ, изможденнымъ лицомъ, онъ обладалъ толстыми мясистыми губами и широкимъ, приплюснутымъ, мясистымъ же носомъ. Рѣдкіе, рыжіе волосы торчали изъ-подъ его ермолки, и маленькіе черные глазки безпокойно бѣгали по сторонамъ, какъ у мышенка. Бровей у него не было. При свѣтѣ лампы лицо Натана казалось еще болѣзненнѣе и болѣе старческимъ, чѣмъ днемъ. Зато глаза его теперь не бѣгали во всѣ стороны. Они были устремлены въ книгу, въ которую Натанъ весь ушелъ.

— «Шнаимъ ейхвимъ беталотъ»... Двое держатся за платье... Тотъ говоритъ: я его нашелъ, и оно все мое; а тотъ говоритъ: я его нашелъ, и оно все мое!.. «Яхлеку!»... Они должны дѣлить платье пополамъ... Такъ рѣшаетъ Мишна. Но съ этимъ не можетъ согласиться «гемера». Ибо, если каждый изъ нихъ утверждаетъ, что онъ его нашелъ, и что оно все его, то несомнѣнно одинъ изъ нихъ говоритъ неправду... Съ другой стороны, тотъ изъ нихъ, который лжетъ, можетъ быть неповиненъ въ своей лжи, ибо ему такъ хотѣлось приобрести даромъ платье, потребность его въ этомъ платьѣ была такъ велика, что, ухватившись за него въ то время, когда оно уже поднято съ земли счастливецемъ, нашедшимъ его,—ему казалось, что онъ самъ поднятъ его съ земли, что онъ самъ его нашелъ... Могло быть и такъ: оба были одинаково счастливы, оба одновременно увидели платье, оба одновременно набросились на него и оба одновременно подняли его съ земли, и каждому изъ нихъ казалось, что другой не имѣетъ права на находку, и что «куле-шели» оно цѣликомъ его... Дѣло это чрезвычайной сложности, и рѣшеніе его затруднительно...

Талмудическая премудрость до того увлекла и учителя и ученика, что они не слыхали, какъ давно уже въ комнату безъ малѣйшаго шума вошла старая Года и, приблизившись къ самому столу, благоговѣнно устремила потухающій взоръ свой на внука и словно застыла съ блаженною улыбкой на устахъ, не смѣя громко дышать. Голосъ внука раздавался въ ушахъ ея, какъ небесная музыка. Она внимала святымъ словамъ, стараясь вникнуть въ ихъ смыслъ, и по временамъ одобрительно кивала головой...

— Добрый вечеръ, «балебосте» (хозяйка)...—произнесъ Михель Магидъ, замѣтивъ, наконецъ, старуху.

— Добрый вечеръ, дорогой... Добрый вечеръ, Натанъ...

И тотъ и другой моментально закрыли свои фоліанты. Уваженіе къ святымъ книгамъ такъ велико у евреевъ, что о постороннихъ предметахъ не принято разговаривать, когда онѣ лежатъ открытыми на столѣ.

Натанъ поднялся съ мѣста съ недовольнымъ видомъ и подошелъ къ бабушкѣ. Старуха положила ему на голову обѣ руки и благословила его.

— Зачѣмъ такъ рано пришла, бабушка? — произнесъ Натанъ, когда старуха отняла руки съ его головы. — Ты намъ помѣшала... Мы еще не кончили занятія...

— Но тебѣ, дорогой мой, необходимъ отдыхъ... Ты себя очень много изнуряешь... Надо беречь себя... думать о здоровьѣ.

— О нашемъ здоровьѣ думаетъ Господь, а изученіе святой Торы меня укрѣпляетъ... — Черные глазки Натана засверкали... — Неужели, бабушка, ты не вѣришь въ то, что самымъ укрѣпляющимъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней мы должны считать изученіе святой Торы и молитву!... — Натанъ строго посмотрѣлъ на бабушку.

— Я это знаю; я этому вѣрю, — произнесла старуха. — Но все-таки нуженъ и сонъ, нуженъ и отдыхъ... Тѣло немощно — оно требуетъ укрѣпленія, а ты о своемъ тѣлѣ мало думаешь... Смотри, какой ты худой: кожа да кости...

— Меньше достанется червямъ на съѣденіе!... — угрюмо отвѣтилъ Натанъ.

— И то, — улынулась старуха, — такъ именно долженъ разсуждать истый еврей... — Она вздохнула. — Михель, — обратилась она къ учителю, — я тебѣ многимъ обязана: это ты сдѣлалъ моего внука такимъ благочестивымъ, ты передалъ ему свою любовь къ ученію, къ молитвѣ... Да вознагради тебя Господь-Цавоотъ... Я же, бѣдная старуха, ничѣмъ тебя вознагради за это не могу... Ну, иди, иди съ Богомъ въ свою комнату, а мнѣ еще нужно поговорить съ внукомъ.

Михель пожелалъ имъ спокойной ночи и вышелъ. Бабушка и внукъ остались вдвоемъ. Наступило продолжительное молчаніе.

— Старымъ ногамъ больно, — прервала, наконецъ, молчаніе бабушка. — Я сяду... Сядись и ты, Нотеле...

— Ты хочешь мнѣ передать что нибудь неприятное?.. — произнесъ Натанъ, усаживаясь рядомъ со старухой.

— Конечно, неприятное... Развѣ въ нашемъ домѣ что нибудь пріятное можетъ случиться?..

Старуха вздохнула, вдохнула и Натанъ.

— Говори!.. — пискливо произнесъ внукъ.

— Отвернулся Господь отъ дома нашего, — начала старуха. — Совершенно отвернулся... Отецъ твой не хочетъ знать Его, а про твою мать и сестру и говорить нечего: онѣ давно отказались отъ Бога...

— Это для меня не ново... я это знаю...

— Да, это ты знаешь. И мудрено было бы тебѣ этого не знать, когда они не скрываютъ своего отступничества, не прячутся отъ насъ... Но нельзя же намъ допускать ихъ гибели: тебѣ вѣдь при-

дется расплачиваться за ихъ грѣхи... Ты знаешь, Господь мститъ до третьяго и четвертаго поколѣнія... Своими поступками они накликаютъ гнѣвъ Божій на тебя и на твоихъ будущихъ дѣтей...

— О горе мнѣ!.. Горе!..—вырвался крикъ изъ груди Натана.

— Горе намъ обоимъ,—продолжала старуха. — Я теряю голову и не знаю, чѣмъ помочь въ несчастіи...

— Какая же тутъ помощь?.. Что можемъ мы сдѣлать?.. На Бога вся надежда... Молиться надо, бабушка, много молиться...—Натанъ всталъ, прошелся по комнатѣ и, опять усѣвшись, продолжалъ:— «Любящихъ Его испытываетъ Господь!»... Мы роптать не смѣемъ!..

Въ голосѣ Натана послышались одновременно и покорность волѣ Божіей и убѣжденность фанатика. Старуха это почувствовала, и на сморщенномъ ея личикѣ появилась счастливая улыбка. Но это продолжалось недолго.

— Да, конечно, мы не смѣемъ роптать,—произнесла она уныло.— Но все-таки сидѣть сложа руки и не помѣшать совершиться великому грѣху тоже нельзя... За это мы предъ Богомъ будемъ въ отвѣтъ!..

— Что случилось?

Старуха подробно передала ему разговоръ съ сыномъ.

— Теперь ты видишь,—окончила она,—насколько мы безсильны. Отецъ твой обуреваемъ жаждой къ наживѣ, и для этой наживы онъ готовъ всѣмъ жертвовать... Твоей матери и сестрѣ это на руку... Бѣжать бы мнѣ съ тобой изъ этого дома грѣха, чтобы глаза наши не видѣли, что здѣсь происходитъ...

— Да, намъ надо бѣжать!..—перебилъ Натанъ.

— Но если мы уйдемъ отсюда, убѣжимъ, то дадимъ совершиться еще большому грѣху!.. Твоя сестра, дочь еврея, достанется «гою»!..

— Этому не бывать!..—крикнулъ Натанъ.—И собственными руками задушу Эсеир!..

— Ты истый еврей! Слова твои, точно цѣлительный бальзамъ, дѣйствуютъ на меня. Такъ, именно такъ долженъ поступать вѣрующій въ Бога-Адоная благочестивый еврей... Если Онъ, многомилостивый и грозный, наказалъ меня, рабу свою, въ сынѣ моемъ, то вознаградилъ меня и утѣшилъ, давъ такого внука, какъ ты...

Старуха положила правую руку на голову внука, съ любовью устремила на него свой взоръ и продолжала съ чувствомъ:

— Не совсѣмъ удалился отъ меня Господь!.. Не допустить Онъ совершиться грѣху!.. Вразумить и укрѣпить Онъ насъ, и при Его помощи отвратимъ мы несчастіе отъ дома нашего!.. Мы будемъ стоять на стражѣ въ нашемъ домѣ и заставимъ отца твоего познать Бога и исполнять Его законы!.. Не такъ ли, мой дорогой Нотеле?..

— Такъ оно и будетъ!—Глаза мальчика блеснули.— Не желаю я дать отвѣта Богу за грѣхи отца моего... Не желаю я изъ-за него

подвергнуться на томъ свѣтѣ гнѣву Бога-Адоная!.. За что будутъ мучить меня въ аду, поджаривать на медленномъ огнѣ, терзать мое тѣло желѣзными прутьями?!.. Я боюсь ада!.. Я весь трепещу предъ грознымъ Богомъ моимъ!.. О бабушка, защити меня!.. Спаси меня отъ ада!..

Произнеся послѣднія слова, Натанъ весь задрожалъ и безпомощно склонилъ голову на плечо бабушки.

— Успокойся, внучекъ, — произнесла старуха, любовно поглаживая костлявою рукой его голову. — Успокойся, дорогой мой. Мы исполнимъ долгъ нашъ, какъ надлежитъ боящимся Его, и Онъ вознаградитъ насъ Своими милостями... Грозенъ Богъ Израиля, но Онъ же и милостивъ!.. Вотъ что намъ нужно сдѣлать, — продолжала она дѣловымъ тономъ. — Намъ нужно за всѣмъ слѣдить, въ особенности же за сестрой твоей Эсэирью и за «гоемъ», и если у насъ будутъ въ рукахъ неопровержимыя доказательства, что она готова идти на грѣхъ, — я заставлю моего сына и твоего отца вспомнить, что онъ еврей... Будь увѣренъ, у меня хватитъ на это силъ, мнѣ дастъ ихъ Богъ... Теперь же, помни, надо только хорошенько слѣдить, чтобы ничего не ускользало отъ глазъ нашихъ... Ты долженъ теперь оставить на время свое ученіе и, какъ тебѣ это ни противно, выходить въ парадныя комнаты, когда будутъ гости... Если я чего либо не увижу, ты доглядишь... Впрочемъ намъ и Михаль Магидъ поможетъ...

— Только не онъ... — перебилъ Натанъ и зло улыбнулся.

Старуха удивленно посмотрѣла на внука и съ тревогой въ голосѣ произнесла: — Что это значитъ?..

— Это значитъ, — началъ было Натанъ. — Это значитъ... но нѣтъ... — Онъ перевелъ духъ и тихо кончилъ: — не хочу брать грѣха на душу: не буду клеветать на еврея, когда у меня нѣтъ увѣренности въ его винѣ...

— Но ты его подозрѣваешь?..

— Да, подозрѣваю... — И Натанъ подробно рассказалъ бабушкѣ, какъ нашелъ въ комнатѣ Михеля Магида «Брисъ-Ходоше» (Евангеліе), и какое объясненіе онъ ему далъ по этому поводу. — Съ тѣхъ поръ, — окончилъ онъ свой рассказъ, — я за нимъ слѣдилъ, слѣдилъ неотступно и хотя больше ничего за нимъ не замѣчалъ (онъ никогда не пропускалъ молитвы, изученіемъ святой Торы занимался ревностно), но все-таки попрежнему довѣрять ему не могу... Въ душѣ моей вселилось великое сомнѣніе въ преданности его къ нашимъ святымъ законамъ, къ нашей святой вѣрѣ...

Рассказъ внука подѣйствовалъ на старуху ошеломляющимъ образомъ.

— Ты все мнѣ рассказалъ?.. Ты ничего отъ меня не скрылъ?.. — спросила она подавленнымъ голосомъ.

— Ничего, бабушка... Зачѣмъ я буду скрывать отъ тебя?..

— Да, да... Я знаю... Ты не способенъ скрывать чего либо отъ своей бабушки... Но неужели твои подозрѣнія вѣрны? Неужели Господь настолько отдалился отъ меня, что сдѣлалъ меня слѣпою и и не далъ мнѣ возможности различать овцу отъ волка?.. Если Михель Магадъ, эта краса Израиля, не то, чѣмъ онъ кажется, если онъ отступникъ, то это значитъ, что порча коснулась самаго корня стараго древа... Это значитъ, что Израиль разлагается, и нѣтъ ему спасенія!.. Но,—старуха востепенулась,—я этому вѣрить не хочу!.. Не могу!.. Богъ-Адонай опредѣлялъ народу Своему существовать вѣчно, и такъ оно и будетъ!..

— Такъ оно и будетъ!..—восторженно повторилъ послѣднія слова бабушки Натанъ. — И развѣ не сказалъ Господь, что Онъ отдастъ намъ весь міръ, и мы будемъ владычествовать надъ всѣми царствами?!.. Слово Его, какъ и Онъ Самъ, неизмѣнно и не намъ съ тобой, вѣрующимъ въ Него, грѣшить предъ нимъ своими сомнѣніями!..

— Не будемъ грѣшить,—подхватила старуха,—и возложимъ надежды наши на Бога-Адоная!..

Нѣкоторое время и бабушка и внукъ, подъ вліяніемъ фанатическаго экстаза, охватившаго ихъ, молча сидѣли другъ противъ друга. Старуха первая пришла въ себя и прервала наступившее молчаніе.

— Однако, дорогой мой, тебѣ пора отдыхать,—произнесла она.— Ну, прощай, Натанъ. Только прошу тебя, сейчасъ ложись въ постель и не вздумай до утра заниматься...—Она положила свои руки на голову внука и, воздвѣвъ очи вверхъ, съ чувствомъ докончила:— Да охраняйтъ тебя на ночь святые ангелы Михаелъ и Гавріелъ и разныя серафимы, въ томъ числѣ и Касріель...

— Спасибо, бабушка,—отвѣтилъ Натанъ и поцѣловалъ ея руку.

Старуха въ свою очередь поцѣловала внука и вышла изъ его комнаты.

По уходѣ бабушки, Натанъ опять усѣлся за столъ и раскрылъ толстый фоліантъ. На старческомъ лицѣ мальчика появились глубокія морщины. Сколько онъ ни старался сосредоточиться и углубиться въ ученіе, ему это не удавалось — мѣшали постороннія мысли... Онъ съ горечью закрылъ книгу, поцѣловалъ ее и поставилъ на полку.

— Буду молиться... Молитва успокоитъ меня...—произнесъ онъ шепотомъ.

И долго, очень долго раздавался шепотъ молитвы Натана, сопровождаемый крѣпкими ударами въ грудь молящагося... Святотатственная была на этотъ разъ молитва мальчика. Онъ не просилъ, а требовалъ отъ Бога, дабы Онъ покаралъ виновныхъ предъ Нимъ: его отца, мать, сестру, и не обрушился на него, Натана, Своимъ гнѣвомъ.

VII.

Въ домѣ Местрегеревъ царствовало необычайное оживленіе. Парадные комнаты приводились въ порядокъ и чистились. Парадная гостиная была превращена въ столовую. Многочисленная прислуга суетилась по всѣмъ угламъ и спѣшно выполняла приказанія м-ше Местрегеръ, которая съ самаго утра была уже на ногахъ и лично всѣмъ распорядилась. Было около двухъ часовъ дня, когда м-ше Местрегеръ въ послѣдній разъ тщательно осмотрѣла всѣ комнаты. Все оказалось въ порядкѣ. Она самодовольно улыбнулась и, обратившись къ старшей горничной Малкѣ, весело произнесла:

— Теперь, милости просимъ, пусть увидитъ петербуржець, что и мы умѣемъ жить, какъ слѣдуетъ. Какъ думаешь, Малка, не ударимъ мы предъ нимъ лицомъ въ грязь?..

— Что вы, что вы, мадамеле,—отвѣтила горничная.—О томъ, чтобы ударить лицомъ въ грязь, и рѣчи быть не можетъ!.. Петербургскій «гвиръ» (богачъ) ахнетъ отъ изумленія, когда увидитъ, какъ все у насъ прекрасно... Слава Богу, насмотрѣлась я довольно, какъ живутъ петербургскіе «гвиры», и безъ лести могу вамъ сказать, что вамъ беспокоиться нечего... Посмотрите сами... — Горничная обвела глазами столовую и съ воодушевленіемъ продолжала:—Развѣ у насъ не красиво? Даже двѣты на обѣденномъ столѣ имѣются... Все у насъ какъ слѣдуетъ, на самый что ни на есть петербургскій манеръ...

М-ше Местрегеръ не безъ удовольствія прислушивалась къ словамъ горничной и самодовольно улыбалась.

— Вотъ, развѣ только насчетъ прислуги...

— А что?

— Въ Петербургѣ къ столу подаютъ лакеи съ бакенбардами и во фракахъ, а у насъ...

— Знаю,—перебила ее со вздохомъ м-ше Местрегеръ. — Но гдѣ же намъ ввать такихъ лакеевъ? Къ тому и свекровь не допуститъ, чтобы «гой» подавали къ столу...

—М-ше Годе чловѣкъ старый и ничего не понимаетъ въ этихъ дѣлахъ...

— А ты, дурище, много понимаешь? — раздался визгливый голосъ старухи, которая неслышными шагами, точно подкравшись, вошла въ комнату.—Пошла вонъ, модница!..

И когда горничная ушла, старуха обвела глазами столовую и, уставившись на невѣстку, презрительно произнесла:

— Ты, очевидно, готовишься принимать у себя если не самого царя, то, по крайней мѣрѣ, принца.

— У насъ сегодня обѣдаетъ Брайнесъ...

— Скажите на милость, самъ Брайнесъ... Что же онъ генералъ какой нибудь?..

— Во-первыхъ, онъ очень богатъ?.. Богаче его еврея въ Петербургѣ нѣтъ... Онъ сколько желѣзныхъ дорогъ выстроилъ... Во-вторыхъ, онъ въ самомъ дѣлѣ генераль... Ему всѣ говорятъ, ваше превосходительство...

— И ты гордишься тѣмъ, что этотъ еврейскій генераль будетъ у тебя обѣдать?..

— Не буду лгать: мнѣ это чрезвычайно пріятно... Весь городъ будетъ намъ завидовать...

Старуха впилась глазами въ невѣстку и крикливымъ голосомъ перебила ее:

— Нечего сказать, есть чему позавидовать!.. Еслибъ моя власть!.. Еслибъ я была хозяйкой въ домѣ... я бы этого «трефняка» на порогъ свой не пустила. Нашему дому онъ не сдѣлаетъ никакой чести... Своимъ присутствіемъ онъ осквернитъ нашъ домъ!.. Развѣ тебѣ не извѣстно, что Брайнесъ открыто пренебрегаетъ нашими святыми законами, что онъ не исполняетъ предписанія нашей святой религіи?... Развѣ онъ чтитъ субботу?.. Развѣ у него «кошерная» (дозволенная) кухня?.. Нѣтъ, онъ хуже «гоя»... Онъ хуже «месумеда» (перекрещенца)... Онъ прямо таки—«коферъ-беикеръ, (отвергающій сущность Божества)!.. И вотъ, чтобы принять такую цацу въ свой домъ, ты дѣлаешь такія приготовленія!.. Чего добраго, ты, быть можетъ, и «трефной» обѣдъ ему приготовила?..

— Что вы?.. Что вы, «швигеръ» (свекровь)?..

— Что я?.. Ты спрашиваешь?.. что я? — еще болѣе возвысила свой голосъ старуха.—И, слава Создателю, какъ быть должно—еврейка... Истая еврейка!.. Ну, а ты кто такая?.. Скажи мнѣ, кто такая ты?..

— И я, слава Богу, еврейка.

— Нѣтъ, лжешь, не еврейка ты!.. Будь ты настоящая еврейка, не думала бы такъ много о земномъ...

— Я исполняю волю моего мужа!.. Живу такъ, какъ онъ хочетъ...—перебила старуху m-me Местрегеръ.

Отвѣтъ этотъ, точно громъ, поразилъ старуху. Реввека живетъ такъ, какъ хочетъ ея мужъ. Что можетъ она противъ этого возразить? Она сама знаетъ, что это правда. И если такъ, то имѣетъ ли право нападать на невѣстку? Развѣ законъ не предписываетъ еврейской женщинѣ подчиняться во всемъ мужу, безъ разсужденій? Развѣ мужъ не имѣетъ права повелѣвать женой? И развѣ жена можетъ протестовать и оказать неповиновеніе даже въ томъ случаѣ, если мужъ приказываетъ ей нарушить самый законъ? Та роль, которую талмудисты на основаніи Библии отвели женщинѣ въ семьѣ, была извѣстна старухѣ. Она знала, что женщина—жена не должна имѣть ни своего ума, ни своей воли, что мужъ, отвѣчающій предъ Богомъ за всѣ ея грѣхи и проступки, имѣетъ право повелѣвать ею и держать ее въ повиновеніи. Старуха внутренне затрепетала, когда мысли

эти промелькнули въ ея головѣ. Она совершила смертный грѣхъ, возстановляя жену противъ законнаго ея владыки—мужа.

— Да,—произнесла она упавшимъ голосомъ.—Къ сожалѣнію, ты права—исполняешь волю своего мужа, какъ повелѣваетъ законъ...

— Разумѣется, права,—вызывающе отвѣтила м-ше Местрегеръ,—ибо свято исполняю законъ, а потому, надѣюсь, вы не будете на меня сердиться, если немедленно оставлю васъ... Мужъ приказалъ мнѣ нарядиться въ лучшее платье, чтобы достойно принять желаннаго гостя... Да, гость для меня желанный, ибо онъ желанный для моего мужа... Времени осталось весьма мало, едва успѣю одѣться...

— Я тебя не удерживаю...—чуть слышно произнесла старуха и проводила невѣстку злостью взглядомъ.

Нѣкоторое время послѣ ухода м-ше Местрегеръ, Годе простояла на одномъ мѣстѣ съ опущенною головой. Мысли одна другой безотраднѣе волновали ее. Какая трудная задача выпала ей на долю! Желая быть угодною Богу, она чуть-чуть не совершила великій, смертный грѣхъ: пыталась возстановить жену противъ мужа! И остановила ее во время эта ненавидимая ею женщина! Вся накипѣвшая въ ней злость противъ невѣстки забушевала въ груди старухи. Она почувствовала себя униженною и оскорбленною. Она, эта ничтожная женщина, не только одержала надъ нею побѣду, но еще предостерегла ее отъ грѣха!.. Это, съ одной стороны, а съ другой,—какъ трудно показалось ей теперь выполненіе того, что считала она своимъ долгомъ! И какъ это она раньше не сообразила, что дѣйствовать должна на сына, исключительно на него, и что нападать на жену, если послѣдняя дѣйствуетъ согласно желаніямъ мужа, она права не имѣть? Но если это даже такъ, унывать все-таки не слѣдуетъ. Въ союзѣ съ внукомъ (Натанъ уже «баръ-мицво» — совершеннолѣтній, и законъ предоставляетъ ему право выступать противъ отца, ибо кому же, если не ему, придется отвѣчать Богу за грѣхи отца) она сумѣетъ охранить домъ сына отъ окончательной гибели...

VIII.

Наступилъ часъ обѣда. Все семейство сидѣло за столомъ. Петербургскаго гостя ждали съ нетерпѣніемъ. Ребѣ Пинхось распорядился, чтобы домашніе заняли свои мѣста до появленія гостя потому, что желалъ, чтобы обрядъ омовенія рукъ передъ трапезой былъ совершенъ въ его отсутствіе, ибо зналъ, что петербургскій гость будетъ смотрѣть на выполненіе этого обряда, какъ на дикость. Было извѣстно, что Брайнесъ не придерживается религіи и не любитъ выполнять обряды. Ему оставили за столомъ почетное мѣсто. Въ столовой царствовала тишина, и на лицахъ присутствовавшихъ за столомъ виднѣлась напряженность. Одна только старая Годе не обна-

руживала любопытства и не волновалась. Она на этотъ разъ добровольно уступила первое мѣсто невѣсткѣ и, усѣвшись въ концѣ стола, устремила глаза на любимаго внука.

— Пора ужъ ему быть, — произнесъ ребъ Пинхось. — Онъ обѣщаль прїѣхать ровно въ четыре, а теперь ужъ три минуты пятого...

— Сейчасъ вѣрно будетъ, — успокоительно произнесла м-ше Местрегеръ.

Не успѣла она произнести послѣднее слово, какъ въ столовую стремительно вбѣжала горничная Малка и задыхаясь проговорила: Бдетъ!... Прїѣхаль!...

Ребъ Пинхось пошелъ гостю на встрѣчу, а всѣ присутствовавшіе приподнялись съ своихъ мѣсть.

Прошла томительная пауза. Но вотъ на порогѣ столовой показался петербургскій гость. Глаза всѣхъ присутствовавшихъ устремились на него. Даже старая Года впилась въ него своими подслѣповатыми глазами. Брайнесь, въ свою очередь, обвелъ всѣхъ глазами. Это былъ еврей невысокаго роста, кругленькій, съ брюшкомъ. Толстый подбородокъ его былъ чисто выбритъ, также и верхняя толстая губа. Одѣтъ онъ былъ во фракъ и въ лѣвой рукѣ держалъ цилиндръ. Онъ сдѣлалъ общій поклонъ и элегантно шаркнулъ правой ногой, причеъ на его широкомъ лицѣ изобразилось нѣчто въ родѣ самодовольной улыбки.

— Позвольте мнѣ имѣть великую честь познакомить васъ съ моимъ семействомъ, — подобострастно произнесъ ребъ Пинхось.

— Жажду чести быть представленнымъ вашимъ домашнимъ, — отвѣтилъ гость, опять улыбаясь.

Ребъ Пинхось подвелъ его къ матери. Старуха чуть-чуть приподнялась.

— Маменька, — торжественно произнесъ ребъ Пинхось, — ты видишь предъ собой знаменитѣйшаго среди Израиля «гвира» (богача)... Предъ тобой не кто иной, какъ его превосходительство, господинъ генералъ Аркадій Павловичъ Брайнесь...

Гость любезно подаль старухѣ руку, но послѣдняя, не подавая ему своей, впилась въ него долгимъ взглядомъ.

— Какъ ты сказалъ, сынъ мой? — произнесла она медленно, нараспѣвъ. — Какъ имя твоего гостя?.. Повтори...

— Аркадій Павловичъ Брайнесь... — смущенно отвѣтилъ ребъ Пинхось.

— Аркадій Павловичъ Брайнесь... Аркадій Павловичъ?... Вы, стало быть, не еврей?.. обратилась она къ гостю.

— Ошибаетесь, — я еврей...

— Такъ неужели при обрѣзаніи вамъ дали имя Аркадій?... старуха продолжала пронизывать его своимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, — добродушно усмѣхнулся гость, съ любопытствомъ

оглядывая, въ свою очередь, старуху.— При обрѣзаніи меня наименовали Айвикомъ...

— Хорошее, славное имя... А вашего отца какъ назвали при обрѣзаніи?

— Пейсахъ....

— Тоже славное имя... Очень даже красивое?.. Ну, Айвикъ, сынъ Пейсаха, займи мѣсто за столомъ благочестивыхъ евреевъ и будь нашимъ дорогимъ и желаннымъ гостемъ...

— Маменька, — шепнулъ ей ребъ Пинхось, — какъ вы можете такъ разговаривать съ нимъ, вѣдь онъ генералъ и большой «гвиръ»...

Старуха перевела свой взглядъ съ гостя на сына и сейчасъ же опять усталилась глазами на Брайнеса.

— Сынъ упрекаетъ меня за то, что я разговаривала съ вами, какъ съ евреемъ... Неужели вы стѣсняетесь своего еврейства?..

— Помилуйте... Какъ это можно?.. Я горжусь именно тѣмъ, что я еврей и генералъ, ибо генераловъ «гоимъ» много и цѣна имъ грошъ, а нашъ братъ, еврей, добившись генеральскаго чина, непременно персона большая, крупная и непременно при большихъ капиталахъ... Намъ этотъ чинъ даромъ не даютъ... хе, хе, хе...

Старуха одобрительно кивнула ему головой и опустила на свое мѣсто.

— Вы, ради Бога, простите моей маменькѣ, — шепнулъ ребъ Пинхось на ухо гостю, когда они отъ нея отошли. — Она очень стара и придерживается старины... Очень мы отъ этого страдаемъ, но нельзя же посадить на ея старыя плечи молодую голову... Нельзя же ее передѣлать на новый ладъ...

Гость въ отвѣтъ сочувственно улыбнулся ему.

Дальнѣйшее представленіе Брайнеса семейству Местрегера прошло довольно благополучно. Аркадій Павловичъ, какъ человѣкъ свѣтскій, поцѣловалъ руку м-ше Реввеки и похвалилъ ея обстановку.

— Съ той минуты, какъ переступилъ порогъ вашего милаго дома, — сказала онъ ей, любезно раскланиваясь, — я почувствовалъ себя точно въ дорогомъ миѣ Петербургѣ... И такъ ненавижу провинцію и такъ привыкъ къ комфорту, что только у себя дома могу дышать полною грудью... Гостиницы не переношу... Провинціальный комфортъ — тоже... Но у васъ все такъ хорошо, такъ мило... Я чувствую себя точно дома...

— Вы миѣ льстите, — произнесла м-ше Местрегеръ, вся зардѣвшись отъ внутренняго удовольствія. — Развѣ нашъ скромный домъ можетъ сравниться съ вашимъ петербургскимъ дворцомъ? Говорять, вашъ дворецъ даже тамъ одинъ изъ первыхъ...

Брайнесъ весь расцвѣлъ и, прикладывая лѣвую руку къ сердцу, горделиво процѣдилъ сквозь зубы:

— Первый въ Петербургѣ—это ужъ много будетъ... Оно вѣрно хата моя не изъ послѣднихъ...

Когда Брайнесъ очутился передъ Эсеирью, то невольно залюбовался ею. Какъ котъ, прищурилъ онъ глаза и осматрѣлъ стоявшую передъ нимъ молодую дѣвушку съ головы до ногъ. Она несомнѣнно, какъ и прочіе члены семьи, была заинтересована появленіемъ важнаго гостя, и потому личико ея было оживленнѣе обыкновеннаго. Но въ то же время она ничуть не смутилась отъ устремленнаго на нее его взгляда. Напротивъ: ея большіе, синіе глаза смотрѣли на него дружелюбно и весело, причѣмъ вся ея тоненькая, изящная фигурка выдѣлялась своей граціей.

— Завидую вашему будущему жениху; ему достанется удивительно красивая невѣста,—сладкимъ голосомъ, нараспѣвъ, проговорилъ Брайнесъ, продолжая щурить глаза и не выпуская руку дѣвушки изъ своей руки.— Вамъ бы царствовать въ петербургскомъ салонѣ, а не прозябать въ такомъ ничтожномъ городишкѣ, какъ вашъ... М-ме,—обратился онъ къ Реввекѣ,—вотъ сокровище, которому даже я, Аркадій Брайнесъ, завидую...

— Моя Эсеирь хорошая дѣвочка,—радостно согласилась съ нимъ м-ме Местрегеръ.

— Надѣюсь, она у васъ обучена языкамъ и музыкѣ?.. Такой драгоценный камень необходимо тщательно отшлифовать... — Брайнесъ вздохнулъ.— Эхъ, кабы у меня, да такая дочь...

— Ребъ Айзикъ,—прервала его старуха Годе.— У насъ сушь перестоятся.

Лицо Брайнеса вытянулось. Не безъ сожалѣнія выпустилъ онъ руку Эсеири и занялъ мѣсто за столомъ.

М-ме Реввека и ребъ Пинхось смутились выходкой старухи, но послѣдняя не обратила на нихъ никакого вниманія и готовила имъ скурпизъ еще болѣе неприятный. Лишь только успѣлъ Брайнесъ встать за ложку, она громко произнесла: — Ребъ Айзикъ, остановитесь... Вы забыли совершить омовеніе рукъ передъ трапезой... Развѣ не сказано: «къ Божіимъ дарамъ слѣдуетъ прикасаться чистыми руками»...

— Я моюсь съ утра, и руки мои чисты,—отвѣтилъ гость съ явнымъ раздраженіемъ въ голосѣ.— Къ тому, я ношу перчатки, которыя предохраняютъ мои руки отъ грязи.— И гость насмѣшливо посмотрѣлъ на старуху.

— Охотно вѣрю, что у васъ чистыя руки, но убѣждена, что послѣ омовенія онѣ станутъ еще чище, что будетъ для васъ же лучше, а для Бога угоднѣе... Малка! — обратилась она къ горничной.— Подай ребъ Айзику кружку воды и тазъ для омовенія рукъ...

И когда приказаніе ея было исполнено, и Брайнесъ, помывъ руки, сталъ вытирать ихъ полотенцемъ, старуха встала отъ стола, отыскала его цилиндръ и собственноручно надѣла его на голову Брайнеса.

— Теперь, какъ подобаетъ благочестивому еврею, вы, ребъ Ай-

вникъ, громко произнесите «гамойце» (молитву предъ вкушеніемъ хлѣба) и дадите мнѣ возможность лишній разъ произнести «аминь», чѣмъ премногимъ меня обяжете и приобретете мою благодарность на вѣчныя времена...

При этой выходкѣ старой Годе ребъ Пинхось поблѣднѣлъ. А вдругъ Брайнесь, извѣстный своимъ пренебреженіемъ къ религіи, забылъ молитву и не сумѣлъ произнести ее. Гость будетъ тогда униженъ въ его домѣ и не проститъ ему обиды. Это будетъ большое несчастіе. Брайнесь непременно отомститъ.

Отъ старухи не укрылась блѣдность сына, и она очень хорошо понимала, какую тяжелую минуту онъ, благодаря ей, переживаетъ. Тѣмъ не менѣе, она не отошла отъ Брайнеса, который продолжалъ вытираніе руки полотенцемъ, и, пронизывая его насковъ своими подолѣповатыми глазами, ждала, чтобы онъ помолился.

— Борухъ ато Адонай (благослови Ты, Адонай)...—вдругъ раздался громко и торжественно голосъ Брайнеса. Старуха набожно возвела очи вверхъ, а ребъ Пинхось издалъ вздохъ облегченія.

— Аминь! — тоже громко и торжественно произнесла старуха, когда молитва была окончена.

— Аминь!.. — точно эхо, повторилъ за бабушкой изъ другого конца стола Натанъ.

Старуха ласково улыбулась гостю.

— Ну, ребъ Айзикъ,—произнесла она:—развѣ это такой большой трудъ отдавать Божіе Богу?.. Или это сопряжено съ расходомъ?.. У васъ такой славный голосъ... Точно музыка, онъ раздавался въ моихъ ушахъ...

Старуха отошла отъ него и усѣлась на своемъ мѣстѣ, рядомъ съ Натаномъ.

Начатый, благодаря старой Годе, при такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ обѣдъ обѣщаль кончиться весьма скучно. Дѣйствительно, всѣ сидѣли молча, съ опущенными головами. Ребъ Пинхось прямо боялся посмотрѣть гостю въ лицо. М-ше Местрегеръ украдкой поглядывала на мужа и мучилась за него. Одна только старуха была въ отличномъ расположеніи духа. Суежилась она больше обыкновеннаго и какъ будто забыла про свою обычную степенность. И хотя сама она ѣла мало, но все время подкладывала на тарелку Натану и Михелю и настойчиво уговаривала ихъ кушать побольше.

Петербургскій гость, между тѣмъ, обнаружилъ прекрасный аппетитъ. Онъ кушалъ хотя медленно, степенно, но смаковалъ съ наслаженіемъ каждый кусокъ. Особукъ честь оказалъ онъ уткѣ, нафаршированной яблоками.

— У васъ прекрасно готовятъ, — произнесъ онъ одобрительно, обращаясь къ м-ше Местрегеръ. — Давно не ѣлъ съ такимъ аппетитомъ. Можно попросить у васъ еще кусочекъ этой удивительно вкусной утки?..

— Конечно, можно,—радоство отвѣтила хозяйка и положила гостю на тарелку жирный кусокъ.

Эти первые слова, произнесенныя гостемъ, послѣ неприятнаго инцидента въ началѣ обѣда ободрили все общество. Ребъ Пинхось вздохнулъ съ облегченіемъ и, обращаясь къ Брайнесу, спросилъ:

— А что слышно въ Петербургѣ? Какія тамъ новости?..

— Васъ собственно что интересуеть?—въ свою очередь спросилъ Брайнесъ.

— Разумѣется, больше всего желалъ бы знать, нѣтъ ли какихъ новостей насчетъ насъ, евреевъ?..

— На этотъ счетъ могу вамъ сообщить многое...

Брайнесъ, не спѣша, вытеръ салфеткой свой ротъ, обвелъ всѣхъ глазами и не безъ важности продолжалъ:

— Стараются насъ ограничить, да поздно спохватились: мы теперь сила и большая сила!.. Всѣ комиссіи при различныхъ министерствахъ выѣденнаго яйца не стоятъ и ничѣмъ не кончатся. Что могутъ съ нами подѣлать, когда уже все находится въ нашихъ рукахъ? Къ тому, самый могучій двигатель нашего времени—деньги, а ихъ у насъ достаточно, и съ ними мы пропасть не можемъ.. Скажите сами, развѣ можетъ быть кому нибудь худо, если у него нѣбуются деньги?..

— Что и говорить, съ деньгами жить можно,—усмѣхнулся ребъ Пинхось.

— То-то... А потому я и пришелъ къ тому убѣжденію, что существуетъ только одинъ пунктъ къ разрѣшенію еврейскаго вопроса въ Россіи... И когда этотъ пунктъ осуществится, все будетъ обстоять благополучно...

— Въ чемъ же дѣло?—съ явнымъ любопытствомъ перебилъ его ребъ Пинхось.

Брайнесъ хитро прищурился и авторитетно произнесъ.

— Дѣло въ томъ, что среди насъ не должно быть бѣдняковъ... Когда у самаго бѣднаго еврея будетъ не меньше ста тысячъ капитала, намъ не будутъ страшны никакія ограниченія... Ну, скажите сами, развѣ для богатаго человѣка существуютъ ограниченія!..

— Неужели вы серьезно думаете, что настанетъ такое время, что у бѣднаго еврея будетъ не меньше ста тысячъ капитала?.. съ явнымъ любопытствомъ въ голосѣ спросилъ ребъ Пинхось.

— Убѣждены!—отвѣтилъ недопускающимъ сомнѣнія тономъ въ голосѣ Брайнесъ. — Нужно только, чтобы всякій еврей къ этому стремился... чтобы всякій еврей поставилъ это единственною задачей своей жизни, и тогда это такъ и будетъ!.. Скажите, ребъ Пинхось, вы большое получили наслѣдство отъ вашего покойнаго папеньки?.. Вѣдь никакого. А между тѣмъ, развѣ у васъ одна сотня тысячъ?.. А я родился развѣ «гвиромъ» (богачемъ)?.. До сихъ поръ помню, какъ мой отецъ, царство ему небесное, торговалъ старымъ

платежъ и ѣтъ мясо только по субботамъ и праздникамъ... Отъ него я наслѣдства не получилъ и, когда онъ умеръ, его хоронили на общественный счетъ въ рваномъ «талисѣ» (молитвенная простыня съ священными нитями) и самыхъ дешевыхъ «тахрихимъ» (саванахъ)... Я не захотѣлъ жить бѣднякомъ и умереть нищимъ, чтобъ и меня хоронили на общественный счетъ... И вотъ, вы сами знаете, у меня миллионы...

И Брайнесъ обвелъ присутствовавшихъ за столомъ торжествующимъ взглядомъ горделиваго побѣдителя.

— А когда вы умрете, вы возьмете ваши миллионы съ собой?— раздался среди наступившей тишины вопросъ старой Годе.— И неужели вы думаете, что когда къ вамъ въ могилу явится «малахъ Дейма» (ангелъ Дейма) съ своимъ тяжелымъ посохомъ и ударить васъ по спинѣ, вамъ въ дорогомъ «талисѣ» и дорогихъ «тахрихимъ» не будетъ больно?... Неужели на вопросъ грознаго ангела: «каковы были твои дѣла, Айзикъ?» вы ему отвѣтите: «я нажилъ миллионы»!...

Брайнесъ добродушно усмѣхнулся и послѣ нѣкотораго молчанія отвѣтилъ:

— Конечно, если, какъ говорятъ, у «малаха Дейма» посохъ тяжелый, то не сладкимъ покажется мнѣ его ударъ по спинѣ... Но это когда еще будетъ?... Я еще думаю пожить и совершенно не желаю заглядывать въ даль загробной жизни...

— Денно и ночью ты долженъ думать о смертномъ часѣ, сказано въ Писаніи,—раздался пискъ Натана.

Брайнесъ перевелъ свой взглядъ отъ старухи на ея внука и съ прежнею насмѣшливостью въ голосѣ спросилъ:

— Тебѣ сколько лѣтъ?

— Пятнадцать.

— И уже думаешь о смертномъ часѣ?

— Да, думаю, ибо такъ повелѣваетъ писаніе...

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ тебя очень жаль, и я понимаю, почему ты такой хилый и безжизненный... Послушай моего совѣта: думай поменьше о смертномъ часѣ и постарайся окрѣпнуть и поздоровѣть. Это будетъ гораздо лучше для тебя.

— Держите при себѣ ваши совѣты,—дерзко отвѣтилъ Натанъ.— Я въ нихъ не нуждаюсь...

Старая Годе съ любовью поглядывала на внука и, одобрительно кивнувъ ему головой, произнесла:

— Не смущайте его, ребѣ Айзикъ, вашими совѣтами и предоставьте еврею жить и думать поеврейски...

— Помилуйте, какой же онъ еврей? Онъ еще совершеннѣйшій мальчикъ.

— Я не мальчикъ,—вспыхнувъ отвѣтилъ рѣзко Натанъ:—св. законъ признаетъ меня совершеннолѣтнимъ...

— Въ 15-то лѣтъ?

— Вы, очевидно, великій «амъ-горець» (невѣжда), когда даже не знаете, что религиозное совершеннолѣтіе еврея наступаетъ въ 13 лѣтъ и одинъ день, и что съ этого времени еврей надѣваетъ «теффинъ» (филантеріи) и лично отвѣчаетъ предъ Богомъ за свои грѣхи... Что съ наступленіемъ 13 лѣтъ и одного дня еврей имѣетъ право послушаться отца, если онъ совѣтуетъ ему поступить противъ закона, ибо отецъ за него ужъ не отвѣчаетъ предъ Богомъ, а отвѣчаетъ онъ самъ... Буду ли послѣ этого слушаться вашихъ нечестивыхъ совѣтовъ, когда не послушаюсь и отца, если его совѣты не будутъ согласоваться со святыми нашими законами?...

Глаза мальчика сверкали, и щеки его покрылись румянцемъ, когда онъ говорилъ. Брайнесь смотрѣлъ на него въ упоръ скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ раздраженіемъ. Когда Натанъ замолчалъ, онъ перевелъ свой взглядъ на ребѣ Пинхоса, который сидѣлъ съ опущенною головою, не смѣя въ присутствіи матери прервать сына, чтобы не вызвать заступничества старухи, и этимъ самымъ еще больше не обострить спора.

— А вы, милая барышня,—произнесъ Брайнесь, обращаясь къ Эсеири,—тоже придерживаетесь взглядовъ брата?

— Зачѣмъ же?—отвѣчала Эсеири и засмѣялась.—Вѣдь я только женщина, и предъ Богомъ за меня теперь отвѣчаетъ отецъ, а потомъ будетъ отвѣчать мужъ... Ну, и пусть ихъ отвѣтять, а я постараюсь весело прожить на Божьемъ свѣтѣ и не думать постоянно о смертномъ часѣ.

— Bravo, bravo, m-lle!—произнесъ Брайнесь, одобрительно улыбувшись.—Вы очень умно рассуждаете, очень умно. Если вѣчно думать о смертномъ часѣ, то и родиться не стоило бы: вся жизнь была бы сплошнымъ и продолжительнымъ мученьемъ... А всю жизнь мучиться было бы весьма непріятно... Согласны вы со мной, m-elle?

— Очень бы желала съ вами согласиться, но что скажетъ на это бабушка?...

Эсеири весело и лукаво улыбнулась. Улыбнулся тоже и Брайнесь, и оба одновременно посмотрѣли на старуху, которая молча ихъ слушала съ опущенною головою.

— Такъ вы хотите жить весело?—спросилъ Брайнесь послѣ нѣкотораго молчанія.

— Въ мои годы, я думаю, всякая дѣвушка хочетъ весело жить,—отвѣтила Эсеири.

— А удается вамъ осуществлять ваше желаніе?...

— Иногда удается.

— Иногда—это нехорошо; надо, чтобы постоянно удавалось... Впрочемъ, въ вашемъ скучномъ городѣ врядъ ли кто либо имѣетъ понятіе о томъ, какъ надо жить и веселиться... Другое дѣло у насъ, въ Петербургѣ.

— Что же у васъ, въ Петербургѣ?..—спросила Эсєирь, видя, что Брайнесъ затрудняется продолжать.

— У насъ, въ Петербургѣ... Впрочемъ, зачѣмъ мнѣ смущать васъ рассказами про петербургскую жизнь? Вамъ тогда ваша собственная жизнь покажется весьма незавидною и скучнѣе прежняго... Вы будете завидовать намъ, столичнымъ жителямъ.

— Завидовать?... Съ чего вы взяли, что я завистлива?... Живите вы себѣ весело по-своему, а мы, провинціалы, будемъ жить, какъ умѣемъ, по-нашему, и тоже весело.

— А въ Петербургъ не захотите? Не будете стремиться туда, когда узнаете, какъ тамъ хорошо жить?

— Если мнѣ суждено, я туда попаду, но особенно стремиться не стану...

— Почему же?

— Потому что мнѣ и здѣсь хорошо... Это вамъ Петербургъ кажется такимъ милымъ городомъ,—вы къ нему привыкли, вы его хорошо знаете, а я по однимъ рассказамъ, даже самымъ краснорѣчивымъ, его все-таки знать не буду, и онъ будетъ мнѣ чуждъ...

— И онъ даже не возбуждаетъ вашего любопытства?

— Я не была бы женщиной, если бы не была любопытна...— Эсєирь засмѣялась.—Но этимъ недостаткомъ моего пола я обладаю въ гораздо меньшей степени, чѣмъ вы думаете.

Брайнесу Эсєирь стала все больше и больше нравиться. Ея бойкая рѣчь его очаровывала. Все время разговора съ ней онъ не сводилъ глазъ съ своей собесѣдницы и, какъ человѣкъ, знающій толкъ въ женщинахъ, оцѣнилъ по достоинству ея красоту. Въ головѣ его возникла мысль, что она вполне подходитъ въ жены его единственному сыну, наслѣднику его милліоновъ. «Конечно,—промелькнуло въ его головѣ,—она немножко дика, отъ нея пахнетъ провинціализмомъ, но стоитъ только чуть-чуть отшлифовать ее, и выйдетъ то, что мнѣ нужно»... И тутъ же онъ сталъ соображать, подходящая ли будетъ она партія для его единственнаго сына въ другихъ отношеніяхъ, и прилично ли будетъ ему породниться съ Местрегеромъ? И въ этомъ отношеніи ему показалось, что все обстоитъ благополучно: Местрегеръ хоть и не такъ богатъ, какъ онъ, но изъ хорошаго и уважаемаго рода, и породниться съ нимъ можно. Къ тому, и для дѣла это будетъ хорошо: какъ съ будущимъ родственникомъ, онъ можетъ вступить съ нимъ въ компанію по постройкамъ мѣстнаго инженернаго округа, и тогда хлопотъ будетъ меньше, и никто не скажетъ, что онъ былъ вынужденъ такъ поступать, благодаря связямъ и силѣ Местрегера.

Брайнесъ былъ человѣкъ рѣшительный въ дѣлахъ, и онъ самъ былъ убѣжденъ и другіе думали, что тайна его успѣха заключается именно въ этомъ его качествѣ. И такъ какъ женить сына въ его глазахъ было дѣломъ весьма серіознымъ, то и въ этомъ случаѣ, какъ

и всегда, онъ рѣшилъ не откладывать дѣло въ долгій ящикъ и приступить къ его осуществленію немедленно.

— Милая Эсэирь,—произнесъ Брайнесъ, лукаво прищурившись,— а я вѣдь рѣшилъ испытать васъ... Въ скоромъ времени буду имѣть случай и возможность ближе съ вами познакомиться и тогда увижу, дѣйствительно ли вы менѣе любопытны, чѣмъ другія представительницы вашего пола...

— Развѣ вы думаете переѣхать на жительство въ нашъ городъ?—спросила Эсэирь.

— О, нѣтъ... Что я буду дѣлать въ вашемъ скучномъ городѣ? Мы это иначе устроимъ. Мы васъ въ скоромъ времени переселимъ къ намъ.

Произнеся послѣднія слова, Брайнесъ обвелъ глазами всѣхъ присутствовавшихъ за столомъ и не безъ удовольствія замѣтилъ, что на лицахъ ихъ выразилось удивленіе, смѣшанное съ любопытствомъ.

— Ну, это будетъ, должно быть, не такъ скоро,—произнесла Эсэирь съ улыбкой.

— Это будетъ весьма и очень скоро,—серіозно отвѣтилъ Брайнесъ.—И дѣла не люблю откладывать, это извѣстно всѣмъ... Мой вамъ совѣтъ,—окончилъ онъ съ улыбкой,—начните немедленно готовиться въ путь...

На лицѣ Эсэири выразилась тревога, она даже чуть-чуть поблѣднѣла.

— Но если я не захочу уѣхать отсюда?—произнесла она съ легкою дрожью въ голосѣ: она поняла, что разговоръ теряетъ прежнюю шутиливую сторону и становится серіознымъ.

— И какъ еще захотите... Впрочемъ, мы васъ и спрашивать не будемъ... Не правда ли, ребъ Пинхось?—перевелъ онъ глаза съ дочери на отца.—Вы, надѣюсь, ничего не имѣете противъ переѣзда вапей дочери въ Петербургъ?

— Смотря, при какихъ обстоятельствахъ это случится,—отвѣтилъ Местрегеръ, застигнутый врасплохъ и рѣшительно не понимавшій, въ чемъ дѣло.—Впрочемъ, я такъ думаю, что вы шутите, Аркадій Павловичъ.

— Нѣтъ, не шучу, и послѣ обѣда мы съ вами объ этомъ подробно и серіозно переговоримъ.

Эффектъ за столомъ отъ послѣднихъ словъ Брайнеса вышелъ чрезвычайный. Кромѣ старой Годе и Натана, слова его всѣхъ взволновали. На лицѣ m-me Местрегеръ выразилась тревога; Эсэирь стала блѣднѣе полотна, поблѣднѣлъ и Михель Магидъ. Какъ-то особенно серіозенъ и молчаливъ сталъ ребъ Пинхось. Что дѣло идетъ о замужествѣ Эсэири, догадались всѣ, въ томъ числѣ и сама Эсэирь. Но спрашивать Брайнеса никто не сталъ, такъ какъ Брайнесъ категорически заявилъ, что переговорить объ этомъ съ ребъ Пинхосомъ послѣ обѣда. А между тѣмъ виновникъ этого

переполоха, словно наслаждаясь произведеннымъ эффектомъ, самодовольно улыбаясь, подперъ свой жирный подбородокъ обѣими руками на столѣ, такъ что голова его приняла наклоненное въ правую сторону положеніе, и тоже упорно молчалъ. Когда же онъ остановилъ свой взглядъ на Эсеири и замѣтилъ ея страшную блѣдность, онъ мягко, словно воркующе, произнесъ:

— А вѣдь вижу по лицу твоему, милая дочь моя, что сгораешь любопытствомъ узнать, въ чемъ дѣло... Но имѣй чуточку терпѣнья, скоро все разъяснится.

Если раньше и было еще нѣкоторое сомнѣніе насчетъ истиннаго значенія словъ Брайнеса, то теперь, послѣ его обращенія къ Эсеири на «ты» и послѣ того, какъ онъ назвалъ ее милою дочерью, — ужь не осталось никакого сомнѣнія въ томъ, что рѣчь идетъ о ея замужествѣ, и что Брайнесъ прочтетъ ее въ жены своему единственному сыну.

С. Литвинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ГРАФА Е. О. КОМАРОВСКАГО¹⁾.

Х.

Жизнь въ Житомирѣ.— М. И. Комбурлей.— Графъ Ильинскій.— Провѣдь черезъ Житомиръ великой княгини Екзатеринны Павловны.— Софьевка графини Потоцкой.— Казнь Ржевусскаго.— Вердичевская ярмарка.— Доносеніе государю объ исполненіи всажденнаго порученія.— Орденъ св. Владиміра и новое порученіе.— Городище.— Смерть сыновей.— Пероселеніе въ Орелъ.— Визитъ въ Курскъ къ Нелидовымъ.— Коропная ярмарка.— Исполненіе возложеннаго порученія и возвращеніе въ Поторбургъ.— Князь Горчаковъ.— Назначеніе командиромъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи.— Производство въ генералъ-лейтенанта.— Посѣщеніе государемъ Варшавы.— Смерть сестры.— Приобрѣтеніе Охтенской суконной фабрики.— Смерть А. Н. Астафьева.— Наводненіе 1824 года.— Помощь пострадавшимъ государя Александра I.

ИЗНЬ НАША въ Житомирѣ была довольно пріятна, и мы обязаны были въ томъ Михаилу Ивановичу Комбурлею и женѣ его Аннѣ Андреевнѣ; они всѣ средства употребляли, чтобы доставлять намъ всякаго рода удовольствія, и мы ежедневно почти были вмѣстѣ. Комбурлей, по женѣ и по себѣ, былъ очень богатъ и умѣлъ пользоваться своимъ богатствомъ. Овъ жилъ прекрасно, поступалъ и дѣйствовалъ вообще, какъ прилично было въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда во вѣрренной ему губерніи былъ театръ войны. Всѣ подати и повинности взимаемы были, какъ слѣдуетъ, и буй-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXX, стр. 48.

ныхъ поляковъ умѣлъ держать въ порядкѣ. Комбурлей наконецъ управлялъ Волынской губерніею на правахъ генераль-губернатора; его погубили, и М. Н. Комбурлей умеръ, находясь подъ судомъ правительствующаго сената. Желая отвратить всякое подозрѣніе въ притѣсненіяхъ, которое бы могло возникнуть на назначенныхъ мною военныхъ приѣмщиковъ лошадей, я отнесся къ губернскимъ маршаламъ обѣихъ губерній, чтобы они изъ дворянъ, въ видѣ депутатовъ, опредѣлили по одному къ каждому военному приѣмщику. Волынской губерніи маршалъ отнесся ко мнѣ, что ко всѣмъ военнымъ приѣмщикамъ, по желанію моему, депутаты изъ дворянъ опредѣлены, и приложилъ именной имъ списокъ, но все дворянство просить, чтобы къ подполковнику Макарову депутата не назначать, ибо они увѣрены въ совершенной его честности и безпристрастіи. Общество наше нѣсколько оживилось въ Житомирѣ, когда пришли туда ополченія: Нижегородское, Пензенское и Рязанское, всѣ подъ командою графа П. А. Толстого. П. Ф. Козловъ командовалъ полкомъ конныхъ ратниковъ Нижегородскихъ и жилъ у насъ въ домѣ. Начальниками ополченій были: Нижегородскаго — генераль-маіоръ Муромцевъ, Пензенскаго — генераль-маіоръ Титовъ, а Рязанскаго — генераль-маіоръ Измайловъ. Графъ Ильинскій пригласилъ насъ въ свое помѣстье Романово, которое назвалъ Романиува по великолѣпнымъ убранствамъ всякаго рода, которыя онъ большими деньгами пріобрѣлъ въ Петербургѣ, дабы украсить сіе мѣсто своего пребыванія. Насъ поѣхало въ Романово: М. Н. Комбурлей съ женой и свояченицей своей Рахмановой, жена подполковника Макарова, одна дѣвица Емельянова и я съ моею женой. Мы нашли каменный домъ преогромный, а хозяинъ насъ увѣрялъ, что это одинъ изъ флигелей будущаго замка. Комнаты внутри превысокія, наполнены множествомъ зеркаловъ, и, большею частію, изъ цѣльныхъ стеколъ. Вездѣ видно было множество бронзы; въ одной комнатѣ мезель, обитая шелковой французской матеріей, по словамъ графа Ильинскаго, изъ маленькаго Трианона, принадлежавшая королевѣ Маріи-Антуанетѣ. Словомъ домъ его скорѣе похожъ былъ на магазинъ, нежели на принадлежащій частному человеку. Мы пріѣхали къ позднему обѣду, послѣ котораго хозяинъ отвелъ дамъ въ назначенныя для нихъ комнаты и спросилъ у нихъ, что имъ угодно: чтобы ввечеру была музыка, или театръ? Дамы отдали на его произволъ. Въ восемь часовъ вечера всѣ гости приглашены были на чай. Жена моя чрезвычайно была удивлена, увидя даму, наряженную въ шелковое платье съ хвостомъ и перьями на головѣ, которой лицо ей казалось очень знакомо; это была madame Стасе. Она торговала въ Петербургѣ дамскими головными уборами¹⁾. Графъ Ильинскій ее представилъ потомъ Аннѣ Андреевнѣ Комбурлей и

¹⁾ Магазины ея былъ подъ выѣской: Au temple du bon goût.

моей жёнѣ, какъ хозяйку его дома. Въ большой залѣ заиграла ро- говая музыка, и мы всё пошли ее слушать съ большимъ удоволь- ствіемъ. На другой день мы были угощены оперой и балетомъ. Графъ Ильинскій выписывалъ изъ Одессы итальянскихъ пѣвцовъ и балетмейстера, и одна изъ его актрисъ имѣла превосходный го- лось, равно какъ было и нѣсколько танцовщицъ весьма порядоч- ныхъ. Костюмы были пребогатые, но мы видѣли сихъ несчастныхъ послѣ спектакля почти въ рубищахъ. За нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, онъ учредилъ въ Романовѣ институтъ глухонѣмыхъ, и за сіе филантропическое заведеніе, по представленію мѣстнаго начальства, графъ Ильинскій получилъ орденъ св. Владиміра 1-го класса. Мы видѣли зданіе, въ которомъ должно было быть институту, безъ сте- коль и въ совершенномъ разрушеніи. Выписанный имъ изъ Вѣны учитель для сего предмета жилъ безъ всякой должности и по кон- тракту не получалъ даже жалованья. Графъ Ильинскій весьма на- боженъ; мы нашли у него одного изъ іезуитовъ, бывшихъ въ Пе- тербургѣ. Домовая его церковь отдѣлана съ величайшимъ вкусомъ и богатствомъ, равно ризница и вся утварь церковная превелико- лѣбныя. Въ комнатахъ служилъ человекъ, чрезвычайно богато одѣ- тый арнаутомъ. Въ день нашего отъѣзда онъ пришелъ просить Хри- ста ради ко всемъ намъ дать ему денегъ, говоря:

— Не судите по блестящему моему платью,— оно господское, я его только надѣваю, когда гости, а самому мнѣ почти ѣсть нечего.

Такъ во всемъ у графа Ильинскаго видны были роскошь и тщеславіе подлѣ скупости и нищеты.

Черезъ г. Житомиръ проѣзжала тогда великая княгиня Екате- рина Павловна, на пути своемъ къ минеральнымъ водамъ за гра- ницу, послѣ кончины супруга ея принца Георгія Ольденбургскаго. Здоровье ея высочества весьма было въ то время разстроено отъ сей потери; у нея безпрестанно дѣлались обморочные припадки.

Мы любопытны были видѣть, извѣстный по описанію въ сти- хахъ однимъ лучшимъ польскимъ поэтомъ, славный садъ, наывае- мый Софьевка. То же самое общество, которое было въ Романовѣ, отправилось въ путь, кромѣ М. Н. Комбурлея, поелику сей садъ находился въ Кіевской губерніи. Софьевка находится подлѣ мѣ- стечка Умань, принадлежавшаго графу Станиславу Потоцкому, пер- вѣйшему богачу бывшей Польши. Мы нашли въ Умани героиню и тогдашнюю помѣщицу Софьевки, графиню Потоцкую, бывшую гра- финю Виттъ. Тамъ находился такъ же князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Онъ назначенъ былъ государемъ предсѣдателемъ комис- сіи, учрежденной по случаю существовавшей тогда чумы въ тѣхъ губерніяхъ. Хозяйка сама намъ показывала сей прелестный садъ; онъ расположенъ въ оврагѣ, а потому аллеи устроены въ три этажа; богатство водъ удивительное; при самомъ вѣздѣ, на большомъ прудѣ, бьетъ фонтанъ не ниже Самсона, что въ Петергофѣ; нѣ-

сколько каскадь падають съ высокихъ скалъ, а всего примѣчательнѣе это подвѣнный каналъ. На довольно большомъ разстояніи, гуляя по саду, онъ вовсе не примѣтенъ, ибо на поверхности посажены деревья и сдѣланы дорожки, только видны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдушины для доставленія свѣта и воздуха въ подвѣнный каналъ, по которому мы ѣздили въ большой лодкѣ. Въ концѣ канала устроенъ резервуаръ, который помощію насосовъ наполняется водою, и лодка поднимается до поверхности воды, находящейся въ большемъ прудѣ; тогда отворяются ворота, и лодка входитъ въ тотъ прудъ. Сей механизмъ похожъ на устроенный въ Вышнемъ Волочкѣ для поднятія барокъ въ каналѣ. Въ семъ саду находится множество рѣдкихъ растеній, которыя видны только въ самыхъ жаркихъ климатахъ. Въ то время случился въ Умани отставной, прежней польской службы поручикъ, Мецель, основатель и учредитель Софьевки; онъ имѣетъ большія познанія въ гидравликѣ. Мецель рассказываетъ мнѣ, что, находясь при графѣ Потоцкомъ, который былъ главнымъ командиромъ всей польской артиллеріи, онъ пріѣхалъ однажды съ графомъ въ Умань, гдѣ они и пошли съ ружьями на охоту; войдя случайно въ сей оврагъ и видя множество источниковъ воды, графъ Потоцкій, остановясь, сказалъ Мецелю:

— Нельзя ли сдѣлать изъ сего оврага гулянье? Мнѣ хочется подарить его моей женѣ и назвать ея именемъ; чтобы издержки тебя не останавливали, я готовъ все, что ни потребуешь, на оное употребить, только чтобы Софьевка была изъ первыхъ садовъ въ Европѣ.

Имѣвши въ распоряженіи своемъ такіе неограниченные способы, Мецель хотѣлъ и свое имя сдѣлать извѣстнымъ. Выписавъ лучшаго изъ чужихъ краевъ садовника, принялись за работу, на которой, по словамъ Мецеля, нѣсколько лѣтъ находилось по 800 человекъ каждый день и ассигнованы были на издержки доходы со всего староства Уманскаго, въ которомъ находилось нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ. Мы провели три дня въ Умани и были какъ нельзя лучше угощаемы графинею Потоцкою.

По возвращеніи нашемъ въ Житомиръ, полковникъ Зелепуга, командовавшій тогда Житомирскимъ баталіономъ внутренней стражи, представилъ мнѣ при рапортѣ предписаніе главнокомандующаго арміею адмирала Чичагова, чтобы разстрѣлять доставленнаго къ полковнику Зелепугѣ измѣнника Ржевусскаго, бывшаго смотрителемъ провіантскихъ нашихъ магазиновъ, которые онъ передалъ непріятелю. Сіе произвело большое волненіе между поляками, тѣмъ болѣе, что за нѣсколько времени предъ тѣмъ полученъ былъ милостивый манифестъ государевъ, которымъ дарована была амнистія въ неважныхъ случаяхъ. Многіе изъ поляковъ обратились ко мнѣ съ просьбами, хотѣли послать эстафету къ государю и чтобы экзекуція отсрочена была до полученія рѣшенія. Я отвѣчалъ имъ, что

сіе до меня вовсе не касается, что полковникъ Зеленуга знаетъ, чему онъ можетъ себя подвергнуть, не приведя въ исполненіе предписанія главнокомандующаго арміею. Въ назначенный день для экзекуціи, сверхъ Житомирскаго баталіона, которому я приказалъ всему зарядить ружья пулями, приведены были по моему распоряженію три запасные эскадрона для сохраненія порядка. Когда поляки увидѣли такую военную силу, ничего предпринять не осмѣлились; Ржевусскій былъ разстрѣленъ безъ всякаго со стороны ихъ помѣшательства. Однако же поляки послѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ зарыто было тѣло разстрѣляннаго Ржевусскаго, поставили памятникъ.

Мы ѣздили на славную Бердичевскую ярмарку, гдѣ бываетъ большой съѣздъ купцовъ съ товарами изъ-за границы, и поляки пріѣзжаютъ изъ всѣхъ губерній, принадлежавшихъ прежде Польшѣ; особливо сія ярмарка знаменита великимъ множествомъ лошадей, на оную приводимыхъ со всѣхъ нашихъ южныхъ губерній, и ремонтеры не только русскіе, но австрійскіе, прусскіе и другихъ государствъ пріѣзжаютъ покупать сюда лошадей. Мы были приглашены на обѣдъ къ князю Радзивилу, бердичевскому помѣщику. Сіе мѣстечко ему приносило ежегоднаго дохода до 25.000 червонцевъ.

Собравши до 13.000 лошадей съ Волынской и Подольской губерній, изъ которыхъ въ сложности обошлась казнѣ съ небольшимъ въ 25 рублей каждая лошадь съ мѣстнымъ и путевымъ удовольствіемъ, и получивши квитанціи въ пріемъ оныхъ отъ генерала Кологривова, бывшаго тогда въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, я отправилъ съ отчетомъ въ Петербургъ подполковника Макарова, а подпоручика Умецкаго съ донесеніемъ послалъ къ государю въ армію о совершенномъ окончаніи возложеннаго на меня порученія, прося позволенія пріѣхать въ главную квартиру его величества. Посланный мой къ государю привезъ высочайшее повелѣніе, объявленное мнѣ графомъ Аракчеевымъ, что его величество очень доволенъ исполненіемъ возложеннаго на меня порученія и жалуется меня за оное, при весьма милостивомъ рескриптѣ, кавалеромъ ордена св. Владиміра 2-й степени большаго креста; при томъ возлагать на меня изволить другое порученіе, по манифесту объ общемъ рекрутскомъ наборѣ, отъ 21-го августа 1813 года обнародованному, коимъ предоставлено на волю 22-хъ губерній, обязанныхъ рекрутскою повинностію, поставлять вмѣсто людей лошадьми, то и сей сборъ лошадей и отправленія ихъ въ кавалерійскіе резервы должны найдтись подъ моимъ распоряженіемъ. Графъ Аракчеевъ присовокупляетъ, по волѣ государя, что сіе порученіе гораздо полезнѣе для службы императора и отечества, нежели пребываніе мое въ главной квартирѣ. Мнѣ предоставлено было на волю выбрать мѣсто моего пребыванія, которое бы находилось въ центрѣ губерній, въ коихъ, по назначенію комитета гг. министровъ, сборъ лошадей долженъ быть производимъ. Губерніи Курская и Орловская одинаково на-

ходился по сему назначенію центральнымъ. Я избралъ послѣднюю. Получивъ сіе новое порученіе, я немедленно съ женою моею изъ Митовиці отправился въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1813 года въ Городище, въ ожиданіи послѣдующихъ распоряженій, которыя возложены были на комитетъ гг. министровъ и на предсѣдательствующаго оный, князя Н. И. Салтыкова. Я увѣдомилъ о мѣстѣ моего пребыванія князя Горчакова. Въ теченіе сего времени мы нѣмало несчастіе лишились двухъ сыновей, Александра и Владиміра, отъ бывшей тогда въ Петербургѣ повальной болѣзни на дѣтяхъ, крупа; а равноѣрно мы огорчены были потерю ма-ше Аннѣ, которая умерла отъ водяной болѣзни. Не найдя въ г-нѣ Пласе человѣка, способнаго къ воспитанію, мы его отказали, а сына нашего Егора отдали въ институтъ Іезуитовъ. Подполковникъ Макаровъ привезъ мнѣ въ Городище всѣ дополнителныя распоряженія касательно новой моей операціи. Я переѣхалъ тогда въ г. Орелъ, назначивъ три пункта, черезъ которые должны были проводиться партіи лошадей; въ одномъ изъ нихъ я самъ находился, а въ другіе два отрядилъ надежныхъ чиновниковъ. Военныхъ пріемщиковъ, при рекрутскихъ наборахъ находящихся, снабдилъ я самыми строгими и подробными инструкціями. По положенію комитета гг. министровъ назначено было за одного рекрута взимать или по 4 кирасирскихъ, или по 6-ти драгунскихъ, или по 7-ми гусарскихъ или уланскихъ лошадей. По приглашенію меня бывшимъ тогда курскимъ губернаторомъ А. И. Нелидовымъ, я поѣхалъ зимою съ женою моею къ нему погостить. На границѣ губерніи мы встрѣчены были чиновникомъ. Въ Курскъ мы пріѣхали поудно вечеромъ; у заставы насъ дождался полицейскій офицеръ, который проводилъ въ назначенный для насъ домъ; мы нашли его освѣщеннымъ, и нѣсколько офицантовъ, весьма хорошо одѣтыхъ, для нашей услуги, потчевали насъ чаемъ, потомъ прекраснымъ ужиномъ. Я никогда не забуду того пріема и тѣхъ обязательныхъ привѣтствій и ласкъ, которыя намъ оказали въ Курскѣ во время шестидневнаго тамъ нашего пребыванія Софья Федоровна и Аркадій Ивановичъ Нелидовы; они во все это время озабочены были только тѣмъ, чтобы доставить намъ всякаго рода удовольствія: спектакль, очень порядочный, нѣсколько баловъ,— словомъ ничего не было упущено ими для угощенія насъ самымъ лучшимъ и пріятнымъ образомъ.

Въ Орлѣ мы жили тоже довольно пріятно, но я простудился и получилъ жесточайшій кашель, который продолжался нѣсколько недѣль.

Въ слѣдующее лѣто мы ѣздили въ Коренную ярмарку; она бываетъ въ девятую пятницу послѣ святой недѣли. Къ сему дню изъ Курска въ монастырь, гдѣ бываетъ ярмарка, разстояніемъ до 30-ти верстъ, переносятъ чудотворную икону Курской Божіей Матери. Мнѣ никогда не случалось видѣть такого множества народа, вмѣстѣ

соединившагося изъ разныхъ странъ Россіи, какъ при перенесеніи сей чудотворной иконы. Вокругъ нея несутъ нѣсколько превеликихъ фонарей на длинныхъ палкахъ; всякому хочется хотя дотронуться, если не удастся быть въ числѣ несущихъ, до сихъ палокъ. Сія приверженность народа къ священной сей процессіи и теплая его вѣра къ чудотворной иконѣ можетъ почитаема быть совершеннымъ торжествомъ нашей религіи. Курскій гражданскій губернаторъ долженъ впереди сей процессіи ѣхать верхомъ во всю дорогу. Икону вносятъ прямо въ церковь монастыря; она тамъ обыкновенно остается до сентября мѣсяца, а потомъ опять переносятъ ее въ Курскъ. Мѣстоположеніе монастыря прелестное. Онъ стоитъ на превысокой горѣ, внизу течетъ рѣка, на противоположащемъ берегу видны на большомъ пространствѣ дуга, лѣса и селенія. Коренная ярмарка считается въ Россіи второю; ея гостиный дворъ преобширный, весь каменный и прекрасной архитектуры. Намъ опять случилось на ярмаркѣ увидѣться съ Софьею Федоровною и Аркадіемъ Ивановичемъ Нелидовыми. Стеченіе покупателей и купцовъ было тотъ годъ премногочисленное. При семъ случаѣ были публичныя театры и балы, и мы провели тамъ время очень весело.

Второе порученіе было для меня гораздо затруднительнѣе и хлопотливѣе перваго, которое находилось, такъ сказать, у меня подъ руками: я видѣлъ всякую лошаадь, принятую моими пріемщиками, которыхъ я всѣхъ зналъ лично. Во второй операціи, хотя вся отвѣтственность возложена была на баталіонныхъ командировъ, бригадныхъ начальниковъ и окружныхъ генераловъ, гдѣ они находились, состоявшихъ подъ моимъ начальствомъ; но все я не могъ быть совершенно увѣренъ, чтобы въ 22-хъ губерніяхъ соблюдена была строгая справедливость и непоколебимое безпристрастіе; впослѣдствіи и открылось, что нѣкоторые баталіонные командиры за злоупотребленіе подверглись военному суду. Изъ полученныхъ мною квитанцій отъ генерала Кологривова было видно, что поступило въ кавалерійскіе резервы до 40 тысячъ лошадей, и по такому большому количеству оказалось не слишкомъ много къ службѣ не способныхъ, которые впрочемъ могли прійти въ сіе состояніе и отъ дальняго пути, который лошади сіи должны были сдѣлать. Такимъ образомъ окончилось и второе порученіе, на меня возложенное.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1814 года, я съ женою моею возвратился въ Петербургъ. Государь находился тогда на конгрессѣ въ Вѣнѣ. По возвращеніи императора въ Петербургъ, князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, не предваривъ меня, сдѣлалъ о мнѣ докладъ къ генералъ-лейтенантскому чину, основываясь на томъ, что представленные мною отчеты по послѣдней операціи найдены въ совершенномъ порядкѣ, и что вообще вся она произведена была весьма успѣшно. Къ несчастію моему, государь былъ недоволенъ княземъ Горчаковымъ, и докладъ его обо мнѣ возвращенъ былъ съ замѣчаніемъ, что

его величество предоставляет одному себѣ цѣнить службу своего генераль-адъютанта, а не другому кому. Съ небольшимъ черезъ годъ потомъ, а именно 7-го февраля 1816 года, вышло образованіе дежурства главнаго штаба его императорскаго величества; въ сѣмъ образованіи внутренняя стража получила названіе отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, и я назначенъ командиромъ онаго. Князь Горчаковъ по болѣзни отпущенъ былъ въ чужіе края, и я далъ ему своего адъютанта, графа Кошкуля. Князь былъ со мной въ безпрестанной перепискѣ. По возвращеніи его, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ Петербургъ, болѣзнь его усилилась, и онъ скоро умеръ. Послѣ смерти его, по нѣкоторымъ подрядамъ провіанта для арміи, найдены были упущенія, и онъ преданъ былъ суду: случай весьма необыкновенный, чтобы мертваго судить; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ онъ былъ оправданъ. 30-го августа 1816 года, я произведенъ былъ, какъ сказано въ приказѣ, за отличіе по службѣ въ генераль-лейтенанты, пробывъ безъ двухъ мѣсяцевъ и нѣсколькихъ дней 17 лѣтъ въ генераль-маіорскомъ чинѣ. У императора Александра принято было за правило, чтобы въ генеральскихъ чинахъ не производить по старшинству, а за отличіе; отъ сего сколько младшихъ въ чинѣ произведены были прежде меня. Вся моя вина была въ томъ, что я не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ послѣдней кампаніи, но по прихоти ли я сіе дѣлалъ? Не имѣлъ ли я важныхъ и полезныхъ для службы, по словамъ самаго императора, порученій? Однажды, будучи наединѣ съ государемъ, я далъ почувствовать его величеству, какъ много я потерялъ по службѣ тѣмъ, что не находился въ арміи, что не могу даже участвовать въ празднествахъ, учрежденныхъ для воспоминанія незабвенныхъ военныхъ подвиговъ нашей арміи, каковы суть Лейпцигская баталія, входъ въ Парижъ, и проч., и лишень права носить медаль 1812 года, которою украшены почти всѣ, имѣющіе военный мундиръ. На сіе императоръ мнѣ отвѣчалъ:

— Что дѣлать; это зависитъ отъ обстоятельствъ, ноты себя ничѣмъ упрекнуть не можешь ¹⁾.

До 1819 года я безвыгвдно изъ Петербурга занимался устройствомъ ввѣреннаго мнѣ корпуса, а съ сего года я началъ дѣлать мои инспекціи.

Въ половинѣ лѣта государь поѣхалъ въ Варшаву, куда позволилъ и мнѣ такъ же прибыть. Осмотрѣвъ Псковскій, Митавскій, Виленскій, Гродненскій и Бѣлостокскій баталіоны, я пріѣхалъ въ Варшаву, прежде императора. Подалъ его высочеству, цесаревичу, рапортъ о состояніи командуемаго мною корпуса, чѣмъ великій князь

¹⁾ 1-го іюля 1814 года, въ день бракосочетанія нынѣ царствующаго государя императора Николая I-го, жена моя графиня Елизавета Егоровна пожалована была дамою меньшаго креста ордена св. великомученицы Екатерины.

былъ очень доволенъ. Вся польская армія собрана была въ окрестностяхъ Варшавы. Государь дѣлалъ оной смотръ по полкамъ, потому они маневрировали. Удивительно было видѣть, до какого совершенства во всѣхъ своихъ движеніяхъ сія армія доведена была великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, и въ такое короткое время. Самъ городъ Варшава, по словамъ знавшихъ оный прежде, много былъ украшенъ. Дворецъ, въ видѣ замка, довольно обширный, стоитъ на утесѣ превысокаго берега рѣки Вислы; видъ изъ онаго прекрасный. Въ большой залѣ онаго, въ медаліонахъ, находятся портреты всѣхъ польскихъ королей. Въ кабинетѣ послѣдняго короля Станислава видны портреты современныхъ ему государей, какъ-то: императрицы Екатерины, императора Іосифа II, французскаго короля Людовика XVI, англійскаго Георга III, прусскаго Фридриха II и папы. Лежащее на противоположномъ берегу рѣки Вислы, предмѣстье Прага, имѣвшее доселѣ значительныя укрѣпленія, находится въ томъ же положеніи, какъ его оставилъ Суворовъ послѣ славнаго своего штурма. Варшавскій дворъ довольно великолѣпенъ, много придворныхъ чиновъ составляютъ оный. У государя нѣсколько было большихъ столовъ. Я находился на званныхъ обѣдахъ: у Заіончика, графа Замойскаго и другихъ первыхъ чиновъ Польскаго царства. Н. Н. Новосильцевъ давалъ премноголюдный балъ, который удостоенъ былъ посѣщеніемъ государя и цесаревича. Большую часть моего времени въ Варшавѣ я проводилъ у Н. Н. Веревкина, бывшаго послѣ московскимъ комендантомъ; онъ командовалъ тогда гвардейскою пѣхотною бригадою. Н. Н. меня ознакомилъ со всѣми варшавскими окрестностями; онъ былъ чрезвычайно гостепріименъ, равно и жена его Графена Ѳеодоровна. Я къ нимъ обоимъ сохранилъ чувства признательности за ихъ ко мнѣ пріятельность и ласковый пріемъ.

Я выѣхалъ изъ Варшавы на другой день послѣ отбытія изъ оной императора. На возвратномъ пути въ Петербургъ я осматривалъ: Минскій, Могилевскій и Витебскій баталіоны. Съ сего времени жизнь моя была единообразна. Каждое почти лѣто я осматривалъ нѣсколько баталіоновъ и дѣлалъ по нѣсколько тысячъ верстъ. Всякій разъ я отдавалъ лично государю отчетъ о всемъ, что я видѣлъ, кромѣ установленнаго по формѣ донесенія объ инспекторскихъ смотрахъ. Хотя должность моя была весьма хлопотлива, но она доставила мнѣ случай ознакомиться почти со всей Россіей, не выключая и знойной Астрахани, кромѣ Сибири и Грузіи ¹⁾). Особливо вояжъ мой по всему Крыму и по южному онаго берегу оставилъ во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Я сохранилъ всѣ мои маршруты, и любопытные могутъ оныя видѣть.

¹⁾ Я совершилъ въ 8 лѣтъ до 82 т. верстъ.

«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1897 г., т. LXX.

1821 года, марта 16, скончалась сестра моя Анна Федотовна; сия потеря была для меня весьма чувствительна; она въ молодости моею имѣла о мнѣ самыя нѣжныя попеченія и раздѣляла свою привязанность между всѣмъ моимъ семействомъ ¹⁾).

Я намѣренъ здѣсь упомянуть о сдѣланномъ мною приобрѣтеніи Охтенской суконной фабрики въ 1822 году. Сопровождавшія обстоятельства при покупкѣ сего огромнаго заведенія, которое должноствовало или совсѣмъ меня разорить или составить мою fortuna, были слѣдующія: случайно ѣдиль я осматривать сію фабрику, принадлежавшую тогда барону Ралю. Бывшій на оной директоръ Гильо, родомъ изъ Вербье, видя, что я съ любопытствомъ входилъ во всѣ подробности сего заведенія, ибо я уже имѣлъ небольшую суконную фабрику въ селѣ Городищѣ, по окончаніи мною осмотра фабрики, вдругъ предлагаетъ мнѣ купить оную, говоря, что я могу приобрѣсти ее на весьма выгодныхъ кондиціяхъ, что дѣла барона Раля пришли въ великое разстройство, и что жаль будетъ, если такое заведеніе, которое можетъ быть первымъ въ Россіи, придетъ въ совершенный упадокъ. Я ему отвѣчалъ, что не имѣю ни малѣйшихъ средствъ одѣлать такую большую покупку. Гильо просилъ позволенія на другой день ко мнѣ пріѣхать, на что я согласился; онъ привозитъ составленное имъ исчисленіе, изъ котораго представлялись великіе барыши. Я его отпустилъ съ прежнимъ отвѣтомъ. На другой день мнѣ случилось быть дежурнымъ при государѣ. Послѣ обѣда пріѣзжаетъ съ докладомъ къ императору министръ финансовъ графъ Гурьевъ: Мануфактуры и внутренняя торговля уже составляли часть его министерства, и графъ Гурьевъ былъ тогда большой покровитель фабрикамъ. Я въ разговорѣ ему сказалъ, что былъ на Ралевской суконной фабрикѣ, и о сдѣланномъ мнѣ предложеніи, присовокупя къ тому, что я въ помысленіи не имѣю, чтобы фабрику купить, ибо не имѣю никакой къ тому возможности. Графъ Гурьевъ вдругъ сталъ меня уговаривать сдѣлать сіе приобрѣтеніе, увѣряя меня, что онъ доставитъ мнѣ всѣ возможные къ тому способы, что фабрика по разстроеннымъ дѣламъ Раля неминуемо придетъ въ совершенный упадокъ, въ то время когда она должна быть образцовою въ Россіи, что онъ завтра увидится съ Ралемъ и будетъ посредникомъ между мною и имъ. Я признаюсь, что сіе нѣсколько меня поколебало, и я отдался на волю графа Гурьева. Выхода послѣ доклада отъ государя, онъ мнѣ сказалъ:

— Его величество очень доволенъ вашимъ намѣреніемъ купить у Раля фабрику.

¹⁾ 30-го августа, того же года, въ день тезоименитства государя императора, старшая дочь моя, графиня Анна Евграфовна, пожалована во фрейлины. Сіе тѣмъ пріятнѣе для насъ было, что, по молодости своихъ лѣтъ, она не была еще представлена ко двору. Примѣръ довольно тогда рѣдкій.

На другой день императоръ мнѣ сказать изволилъ:

— Я слышалъ отъ Гурьева о намѣреніи твоёмъ купить суконную фабрику у Раля, мнѣ это весьма пріятно. Пора намъ обратить вниманіе на сію важную часть и не платить столько денегъ иностранцамъ; суди, какимъ это будетъ служить поощреніемъ для прочихъ, когда увидятъ, что приближенная ко мнѣ особа, мой генераль-адъютантъ, занимается мануфактурной частью, а о пособіяхъ ты не сомнѣвайся.

Что мнѣ оставалось послѣ сего дѣлать? Я рѣшился и положился на промыслъ Всевышняго. Дѣйствительно я получилъ впоследствии отъ императора Александра 200 тысячъ¹⁾ и отъ нынѣ царствующаго государя 100 тысячъ рублей въ пособіе для моей Охтенской суконной фабрики. Между тѣмъ, года черезъ два директоръ фабрики Гильо умираетъ. Я думалъ, что съ его смертью совершенно разорился. Всевышнему Создателю благоугодно было устроить это со всѣмъ иначе. При жизни еще Гильо, я, видя его небрежливость и даже расточительность по экономической части, просилъ племянника моего, Романа Сергѣевича Шуленикова, принять оную на себя, но онъ не могъ дѣйствовать, какъ бы хотѣлъ, при жизни Гильо. Послѣдствіе ясно удостовѣрило, что если бы Гильо былъ живъ, то тогда бы мое разореніе было неминуемо, и смерть его была, такъ сказать, благодѣяніемъ отъ Бога для моей фабрики.

По смерти Гильо, Романъ Сергѣевичъ въ особенное и въ незабвенное для меня одолженіе, принялъ фабрику въ полное свое управленіе и переѣхалъ жить на оную. Дѣла фабрики все были не въ лучшемъ положеніи, невзирая на неусыпныя попеченія Романа Сергѣевича; сему была причиною искусственная часть. Наконецъ, мы рѣшились принять мѣру, можно сказать, отчаянную; въ 1828-мъ году выписали изъ Англіи всѣхъ лучшихъ мастеровъ для фабрики, а находившихся на оной нидерландцевъ сослали. Сія перемѣна послѣдствіи оказывается для меня спасительною, ибо сукна, на Охтенской моей фабрикѣ выдѣланныя, теперь приобрѣли уже совершенную довѣренность публики и становятся почти на ряду съ лучшими иностранными фабриками. На бывшей въ 1829-мъ году выставкѣ въ Петербургѣ російскихъ мануфактурныхъ издѣлій, сукна Охтенской моей фабрики знатоками найдены были лучшими, и я получилъ за оныя золотую медаль большого достоинства. 1828-го года, марта 28-го, я огорченъ было потерю зятя моего А. Н. Астафьева; онъ, какъ видно изъ сихъ записокъ, взялъ меня къ себѣ, какъ круглаго сироту, на восьмомъ году моего рожденія и пекся обо мнѣ, какъ

¹⁾ Сія сумма мнѣ выдана была подъ находящіяся уже въ взаимномъ банкѣ мои залоги и, чтобы ихъ болѣе обезпечить, государю угодно было объявлять себя по мнѣ порукою.

самый чадолюбивый отецъ. Благодарность моя къ сему первому благотворителю моему сохранится во всю мою жизнь.

1824-го года, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда Петербургъ подвергся небывалому доселѣ наводненію, я былъ употребленъ дѣятельнымъ образомъ. 8-го числа того мѣсяца, на другой день наводненія, я получаю записку отъ бывшаго тогда начальникомъ главнаго штаба его величества, генераль-адъютанта Дибича, чтобы я въ третьемъ часу послѣ обѣда явился въ комнаты государя. Послѣ меня скоро пріѣхали генераль-адъютанты: Депрерадовичъ и Бенкендорфъ. Намъ позвали немедленно въ кабинетъ императора. Государь намъ сказалъ: — Я призвалъ васъ, господа, чтобы вы подали самую дѣятельную и скорую помощь несчастнымъ, пострадавшимъ отъ ужаснаго вчерашняго происшествія, — и у него пріѣхали слезы на глазахъ. — Я увѣренъ, что вы раздѣляете мои чувства состраданія, — и продолжалъ говорить съ такимъ чувствительнымъ краснорѣчіемъ, что мы сами были чрезмерно тронуты. — Я назначаю васъ, — присовокупилъ императоръ, — временными военными губернаторами зарѣчныхъ частей города, что вы увидите изъ сегодняшняго приказа. Вотъ вамъ инструкція, наскоро составленная; сердца ваши ее дополнять. Поѣзжайте отсюда къ министру финансовъ, который имѣетъ повелѣніе выдать каждому изъ васъ по 100 тысячъ рублей на первый случай.

Мы вышли изъ кабинета государя, восхищенные тѣмъ, что мы слышали, и сказали:

— Жаль, если разговоръ сей не сохранится для потомства, ибо онъ изобразилъ бы императора Александра таковымъ, каковымъ онъ точно былъ, и послужилъ бы лучшимъ панегирикомъ его небесной души.

Но останется памятникомъ, начертанная собственною его величества рукою, инструкція, государемъ намъ данная, въ коей видна его иѣжная и отеческая попечительность о несчастныхъ, пострадавшихъ отъ наводненія, и въ коей ничего не упущено было къ услажденію ихъ плачевной участи. Генераль-адъютантъ Депрерадовичъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Выборгскую часть, я — на Петербургскую сторону, а Бенкендорфъ — на Васильевскій островъ. Мы въ тотъ же вечеръ получили опредѣленную намъ сумму. Мое мѣстопробываніе назначено было въ домъ крѣпостнаго коменданта, куда я и отправился ночевать. Мы подчинены были военному генераль-губернатору, графу Милорадовичу, которому и должны были дѣлать наши донесенія, но находящаяся мѣстная полиція и квартирующія въ той части города войска состояли подъ нашимъ непосредственнымъ начальствомъ. Между тѣмъ учреждены были и на Адмиралтейской сторонѣ частные комитеты, которыхъ предсѣдатели были г.г. сенаторы. Сии частные комитеты были

подчинены центральному комитету подъ предсѣдательствомъ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Мы также учредили при себѣ комитеты, составленные изъ особъ, наиболѣе пользующихся уваженіемъ обывателей той части города. На другой день моего прѣзда на Петербургскую сторону, къ которой присоединены были Каменный и Аптекарскій острова, я поѣхалъ осмотрѣть оную и никакъ не могъ себѣ представить такого опустошенія, каковое я нашелъ повсемѣстно. Всѣ заборы были снесены, всѣ мосты, даже и мостики черезъ канавы, раздѣляющія улицы, сорваны, такъ что никакого сообщенія между оными не было. Множество фонарей и нѣскольکو будокъ были истреблены водой. По сдѣланному послѣ счету, до 160 барокъ разной величины и нѣскольکو галіотовъ находились на улицахъ. Извѣстно, что на Петербургской сторонѣ всѣ почти обывательскіе дома деревянные и въ одинъ этажъ, кромѣ большого проспекта. Во всѣхъ сихъ домахъ вѣтромъ разбило стекла, а вода разрушила печи, особливо въ слободѣ, называемой Колтовскою; на берегу взморья вода была вышнюю слишкомъ на три аршина. Тамъ многіе ветхіе дома совсѣмъ были снесены. Жителей, по самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, погибло на Петербургской сторонѣ до 90 душъ обоого пола. Я не зналъ сначала, за что приняться. Прѣхавъ въ Колтовскую и увидя множество жителей безъ приюта и безъ пищи, я приказалъ, на первый случай, кое-какъ ихъ размѣстить по сосѣдямъ и роздалъ лично болѣе нуждающимся до двухъ тысячъ пяти сотъ рублей денегъ.

Призвалъ къ себѣ священниковъ и церковныхъ старостъ и далъ имъ деньги, чтобы, по ихъ усмотрѣнію, они подавали всякій день милостыню самымъ бѣднымъ и нищимъ. Послалъ отыскивать стекольниковъ и печниковъ, но, къ несчастію, такъ какъ это было уже въ глубокую осень и всѣ мастерские разошлись по своимъ деревнямъ, то и посланы были нарочные, чтобы воротить ихъ всѣхъ назадъ, и въ оныхъ не было уже послѣ недостатка. Комитетъ, при мнѣ находящійся, состоялъ изъ шести членовъ: четверо были изъ дворянъ, а двое изъ купцовъ. Петербургская сторона раздѣлена на четыре квартала: 1-й кварталъ порученъ былъ сначала коллежскому ассессору Львову, а потомъ Мельяну, 2-й коллежскому совѣтнику Агаѣонову, 3-й купцу Шубину, 4-й купцу же Шульгину. Дѣйствительному статскому совѣтнику Кремковскому поручены были Каменный и Аптекарскій острова, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Лагода находился въ комитетѣ и получалъ иногда отъ меня особыя порученія. Сверхъ того, въ каждомъ кварталѣ учреждены были особые комитеты, въ которыхъ членами находились извѣстные своимъ хорошимъ поведеніемъ изъ мѣщанъ и изъ ремесленниковъ; сіи квартальные комитеты назначены были въ помощь члену частнаго комитета, которому ввѣренъ былъ кварталъ. Изъ обывателей избраны были надежные и честные люди, которые раздавали въ каждомъ

квартиръ пищу, состоящую въ скромные дни изъ щей съ говядиной, а въ постныи изъ кашицы съ снѣтками, гречневой каши и хлѣба съ солью. При всякомъ изъ сихъ раздавателей пищи находилъ офицеръ изъ внутренней стражи съ двумя рядовыми для порядка. Сначала раздавалось до 2 тысячъ порцій ежедневной пищи, а когда устроены были въ домахъ бѣдныхъ печи, то отпускали имъ и дрова и муку. При гарнизонномъ баталіонѣ, расположенномъ на Петербургской сторонѣ, учреждена была швальня, въ которой шили армяки, тулупы, и раздавалась и прочая одежда и обувь, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Симъ завѣдывалъ баталіонный командиръ полковникъ Елистратовъ. Строительная часть поручена была находившемуся при штабѣ моемъ квартирмейстерской части поручику барону Корфу и архитектору Беретти, жившему на Петербургской сторонѣ. Восстановленіе фонарей, будокъ и заборовъ возложено было на бывшаго при мнѣ по особымъ порученіямъ, маіора Кальчевскаго. Канцелярію мою управлялъ дежурный штабъ-офицеръ Репешко; равно и адъютанты мои: Жеребцовъ, графъ Толстой и Воронковскій, были употреблены по разнымъ предметамъ. Обязанность членовъ комитетовъ была всякій день, по утру, обходить кварталы и во всякомъ домѣ осмотрѣть поврежденіе, сдѣланное водою, и войти въ положеніе хозяина дома и находящихся въ ономъ жильцовъ и, соразмѣрно потерѣ ихъ, назначить вспомошествованіе, сначала самое нужное, ибо сіе вспомошествованіе возобновлялись нѣсколько разъ, сообразно суммѣ, находившейся въ распоряженіи комитета. Всякое послѣ-обѣда всѣ члены собирались у меня, и мы въ общемъ засѣданіи рассматривали представленныя членами комитета списки и назначали денежныя пособія, которыя члены получали подъ свои росписки тотчасъ, и на другой день раздавали по принадлежности, и такимъ образомъ это повторялось каждый день. Мнѣ казалось, что сей былъ самый скорѣйшій способъ, чтобы доставлять пособія. На третій день (т. е. 10-го ноября) моего пребыванія на Петербургской сторонѣ посѣтилъ меня государь. Наканунѣ того дня присланы были дрожки въ одну лошадь съ кучеромъ съ императорской конюшни, чтобы находиться въ нанятой у самаго перевоза квартирѣ. Я встрѣтилъ государя, какъ онъ изволилъ выходить изъ катера. Его величество началъ рассказывать мнѣ, что наканунѣ былъ свидѣтелемъ зрѣлища ужаснаго. На четвертой верстѣ, по Петергофской дорогѣ, находился казенный литейный чугунный заводъ; оный стоялъ на самомъ взморьѣ; деревянныя казармы были построены для жительства рабочихъ людей, принадлежащихъ заводу. Въ 9 часовъ утра, 7-го ноября, вѣтеръ сталъ подниматься, вода прибывать, ударили въ колоколь, чтобы распустить съ работы людей; всѣ бросились къ своимъ жилищамъ, но уже было поздно; вода съ такою скоростію прибыла, что симъ несчастнымъ невозможно уже было достигнуть казармъ, гдѣ находились ихъ жены и

дѣти; и вдругъ большую часть сихъ жилищъ понесло въ море. Каково же было положеніе сихъ бѣдныхъ людей, видящихъ погибающими ихъ семейства и не имѣющихъ способа подать имъ ни малѣйшей помощи! Примѣтно было, что государь внутренно страдалъ, рассказывая о семъ ужаснѣйшемъ происшествіи, и присовокупить изволилъ:

— Я бывалъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, видалъ мѣста послѣ баталій, покрытыя бездушными трупами, слышалъ стоны раненыхъ, но это неизбежный жребій войны; а тутъ увидѣлъ людей, вдругъ, такъ сказать, осиротѣвшихъ, лишившихся въ одну минуту всего, что для нихъ было любезнѣе въ жизни; сіе ни съ чѣмъ не можетъ сравниться.

Потомъ государь сѣлъ на дрожки, и я поѣхалъ впередъ. Сначала я повезъ его величество къ Тучкову мосту; тутъ посреди проспекта стоялъ преогромный галіотъ, такъ что мы принуждены были сойти съ дрожекъ и идти пѣшкомъ; государю хотѣлось видѣть второй кадетскій корпусъ, но когда мы вышли на берегъ рѣки Невы, то все парадное мѣсто корпуса покрыто было барками, бревнами и такимъ множествомъ дровъ, что и пѣшкомъ шагу впередъ сдѣлать было невозможно. Между тѣмъ императоръ у меня разспрашивалъ; что я успѣлъ сдѣлать въ сіе короткое время и, кажется, отчетомъ моимъ былъ доволенъ. Его величество приказалъ, чтобы я ничего не щадилъ для призрѣнія бѣдныхъ. Потомъ кое-какъ мы пробрались на Каменноостровскій проспектъ; тутъ открылось намъ необозримое поле огородовъ, и могли доѣхать только до Карповки, ибо мостъ черезъ оную былъ сорванъ, а мостъ на Каменный островъ уцѣлѣлъ. Государь сошелъ съ дрожекъ и сказалъ мнѣ:

— Какое ужасное опустошеніе! Ну, братъ, тебѣ предстоитъ много труда. Я почти не узнаю,—продолжалъ его величество,—тотъ проспектъ, по которому я столько лѣтъ безпрепятственно ѣздилъ.

А что болѣе всего удивило государя, это двѣ преогромныя барки съ угольями, въ коихъ находилось нѣсколько тысячъ четвертей онаго, которыя, за нѣсколько дней до наводненія, приведены были для монетнаго двора. Сіи барки стояли подлѣ ограды деревянной церкви св. Троицы и вышиною своею почти равнялись съ нею. Государь, осыпавъ меня по обыкновенію милостивыми привѣтствіями, изволилъ на катерѣ возвратиться во дворецъ, обѣщавъ еще скоро меня посѣтить. Мнѣ сказывали послѣ, что священникъ служилъ обѣдню въ церкви св. Троицы, при чемъ находилось нѣсколько молещниковъ; когда вѣтеръ усилился и понесло барки съ угольями прямо на ограду, вдругъ сдѣлалось темно; между тѣмъ вода начала уже входить въ церковь; священникъ предложилъ всѣмъ находившимся въ оной, чтобы ихъ исповѣдать и причастить, пола-

гая, что сіи барки, ударясь объ церковь, разрушатъ оную, и что ихъ смерть ненабѣжна; но, къ счастью, въ оградѣ было нѣсколько большихъ березъ, которыя, вѣроятно, остановили стремленіе барокъ до тѣхъ поръ, какъ начала вода убывать. Въ день посѣщенія меня императоромъ я получилъ отъ августѣйшей его матери, покровительницы всѣхъ несчастныхъ, незабвенной императрицы Маріи Феодоровны, 10 тысячъ рублей для вспоможенія потерпѣвшимъ отъ наводненія. Меня болѣе всего затрудняло начальное учрежденіе больницы; хотя я распорядился тотчасъ, чтобы лѣкаря, находящіеся при второмъ кадетскомъ корпусѣ, при дворянскомъ полку и при крѣпости, завѣдывали каждый однимъ кварталомъ и посѣщали всякій день случающихся въ оныхъ больныхъ; но, къ несчастію, открылись между обывателями жестокія горячки, и сихъ больныхъ должно было помѣщать въ особое мѣсто. На случай прекращенія сообщенія съ главнымъ госпиталемъ въ Петровскихъ казармахъ, гдѣ квартировалъ лейбъ-гренадерскій полкъ, очищались всегда нѣсколько покоевъ для помѣщенія больныхъ, а солдаты разиѣщались по прочимъ покоямъ и въ кухняхъ нижняго этажа; но кухни сіи были наполнены водой, а потому не только тамъ жить, но и пищи варить было невозможно. Однако же я нашелъ средство учредить больницу на двадцать кроватей. Мои товарищи Денрерадовичъ и Бенкендорфъ имѣли противъ меня выгоды въ разсужденіи помѣщенія больныхъ: у перваго была вся главная госпиталь въ распоряженіи, на Выборгской же сторонѣ только два квартала подверглись наводненію, что составляло половину всей части; а у втораго отведено было все биржевое строеніе, какъ для помѣщенія безпріютныхъ, такъ и для больныхъ; тѣ и другіе снабжены были всѣмъ нужнымъ пожертвованіями, сдѣланными богатыми жителями Васильевскаго острова и купечествомъ. Однако же и на бѣдной Петербургской сторонѣ нашлись благотворные люди. Наслѣдники подполковника Иванова, четыре брата, его сыновья, пожертвовали домомъ своимъ для помѣщенія лишившихся пріюта жителей Петербургской стороны. Они послѣдовали въ семь случаевъ благотѣльнымъ намѣреніемъ ихъ отца, который за нѣсколько лѣтъ до смерти своей учредилъ въ семь домѣ пенсіонъ, гдѣ за самую умѣренную цѣну воспитывалось безпрестанно до 50 юношей. Самъ г. Ивановъ былъ содержателемъ сего полезнаго заведенія, отъ котораго онъ не только не приобрѣлъ ничего, но даже разстроилъ себѣ состояніе. Надобно было заключить, что воспитаніе, которое получали учащіеся въ пенсіонѣ г-на Иванова, было хорошее, ибо находилась довольно большая бібліотека и физическій кабинетъ. Я могъ помѣстить въ домѣ гг. Ивановыхъ до 40 семействъ и, по мѣрѣ, какъ жилища ихъ исправляемы были починкою, другія семейства заступали ихъ мѣста. Впослѣдствіи въ семь же домѣ устроенъ былъ лазаретъ на 100 кроватей. Большая часть рогатаго скота бѣдныхъ жителей по-

тонула; мнѣ стоило большихъ хлопотъ, чтобы сей утопшій скотъ собрать вмѣстѣ, нагрузить на барки и отправить на Голодай островъ, гдѣ назначено было оный сжечь. На Петербургской сторонѣ такъ называемыхъ домовыхъ извозчиковъ очень мало, а потому я долженъ былъ заставлять солдатъ лейбъ-гренадерскихъ и учебнаго карабинернаго полковъ, чтобы таскать скотъ на пристань. Когда рѣвки покрылись льдомъ, для освобожденія улицъ отъ барокъ, галіотовъ, бревенъ и разнаго хламу, ко мнѣ присылаемы были, сверхъ находящихся въ распоряженіи моемъ войскъ, рабочія команды гвардейскихъ полковъ съ Адмиралтѣйской стороны. Всякій почеръ я посылалъ записку о моихъ дѣйствіяхъ къ графу Милорадовичу. Для государя составляема была общая вѣдомость въ канцеляріи военнаго генераль-губернатора, и его величество на другой день видѣлъ, что наканунѣ по всѣмъ комитетамъ было сдѣлано. Въ теченіе всего времени, по представленію центральнаго комитета государю, чтобы потребовать мнѣнія отъ всѣхъ предсѣдателей частныхъ комитетовъ о нѣкоторыхъ предметахъ, касающихся до пособій потерпѣвшимъ отъ наводненія, его величество повелѣлъ, чтобы всѣ предсѣдатели частныхъ комитетовъ собрались у меня и въ общемъ собраніи, и по общему совѣщанію, представили черезъ комитетъ требуемое отъ нихъ мнѣніе, для доклада государю; всего было три засѣданія, и сдѣланныя въ оныхъ постановленія удостоились высочайшаго утвержденія. Въ день рожденія императора, 12-го декабря 1824 года, его величество пожаловалъ мнѣ табакерку съ своимъ портретомъ, осыпанную бриллиантами. Весной 1825 года, императоръ отправился въ Варшаву; возвратясь оттуда, въ іюлѣ мѣсяцѣ, проѣхалъ прямо на Каменный островъ; я встрѣтилъ государя въ качествѣ военнаго губернатора у самага дворца. Скоро императоръ приказалъ меня позвать къ себѣ. Его величество сказать мнѣ изволилъ, что онъ столько же пріятно былъ удивленъ теперь, найдя все восстановленнымъ и въ лучшемъ, нежели прежде, видѣ, и въ такое короткое время, какъ онъ былъ опечаленъ опустошеніемъ, причиненнымъ водою, когда со мною объѣзжалъ тѣ же самыя мѣста, и изъяснить мнѣ изволилъ совершенное свое благоволеніе. Я на сіе донесъ государю, что еще много остается дѣлать, ибо есть жители, не совсѣмъ водворенные въ ихъ прежнія жилища. Государь зналъ почти всѣхъ коренныхъ обывателей Каменнаго острова, особливо изъ отставныхъ, служившихъ при дворѣ. Мнѣ пріятно было слышать послѣ, что они самому императору отзывались весьма моими распоряженіями довольными. Въ началѣ сентября мѣсяца, государь изволилъ отправиться въ Таганрогъ, и такъ рано выѣхалъ изъ Каменнаго острова, что я пріѣхалъ въ 4 часа поутру во дворецъ и его величество уже тамъ не засталъ. Я самъ чрезмѣрно былъ огорченъ, и какъ будто предчувствовалъ, что мнѣ не суждено будетъ болѣе увидѣть обожаемаго мною государя и бла-

годѣтеля. Занятія моя, какъ временнаго военнаго губернатора Петербургской и Выборгской сторонѣ, — ибо на мѣсто генераль-адъютанта Десперадовича назначенъ былъ генераль-адъютантъ Паскевичъ, а по полученіи имъ въ командованіе 1-го армейскаго корпуса мнѣ поручено было начальство и надъ Выборгскою стороною, — продолжались цѣлый годъ. Изъ представленныхъ мною отчетовъ въ центральный комитетъ видно было, что израсходовано по Петербургской сторонѣ: хозяевамъ домовъ, снесенныхъ водою—1.600 рублей; хозяевамъ домовъ разоренныхъ — 19.878 рубля, хозяевамъ домовъ менѣ потерпѣвшихъ — 198.977 рублей 50 коп., людямъ, недвижной собственности неимущимъ—76.819 руб. 50 коп., людямъ торгующимъ—61.997 руб. 50 коп., промышленникамъ—17.155 руб., ремесленникамъ—11.895 руб., выдано разнымъ лицамъ въ Колтовской—2.448 руб., священниками роздано въ церквахъ—6.700 руб., куплено одежды на 15.768 руб. 80 коп., на продовольствіе пищею—39.429 руб., порцій — 9.005 руб. 9 коп., снабжено коровами на 6.440 руб., на лѣченіе больныхъ—15.235 руб. 48¹/₄ коп.¹⁾, на продолжительныя пособія—4.422 руб., за опариваніе въ банѣ 150 руб., на исправленіе домовъ и заборовъ поврежденныхъ — 51.810 руб. 96 коп., сверхъ того, изъ пожертвованныхъ матеріаловъ и собраннаго лѣса — 1.578 руб., на желѣзныя печи для сушки домовъ — 1.096 руб. 80 коп., за означеніе линій возвышенія воды — 57 руб. 80 коп., на уборку утонувшаго скота—2.054 руб., за очищеніе улицъ отъ нанесеннаго водою лѣса 2.071 руб. 69 коп.; на канцелярскіе и прочіе расходы и на разѣзды чиновникамъ 9.081 рублей, а всего 684.351 руб. 86¹/₄ коп. Денежныя пособія по Выборгской сторонѣ были незначительныя, и не простирались даже до 100 т. руб., и оныя уже были почти окончены, когда я вступилъ въ командованіе сею частію города. По представленію моему, всѣ чиновники, которые были употребляемы, и члены комитета получили награды.

¹⁾ Больныхъ съ 18-го ноября 1824 по 1-е июля 1825 года состояло 1.986; выздоровѣло 1.511, умерло 98; затѣмъ 827 человекъ поступило подъ надзоръ учрежденнаго смотрителя надъ больницей.

XI.

Кончина императора Александра I.—14-е декабря 1825 года.—Командировка въ Москву съ объявленіемъ о востшествіи на престолъ Николая I.—Присяга въ Москвѣ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Награды.—Прибытіе тѣла покойнаго государя въ столицу.—Кончина вдовствующей императрицы Елисаветы Алексѣевны.—Поздравленія иностранныхъ державъ съ востшествіемъ на престолъ.—Эрцгерцогъ Фердинандъ въ Петербургѣ.—Верховный судъ надъ преступниками.—Коронація императора Николая I.—Замужество дочери.—Кончина императрицы Маріи Феодоровны.—Прошеніе объ увольненіи отъ званія командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи.—Волѣны и отпускъ.—Женитьба сына и рожденію внучатъ.—Дѣла семейныя.

Когда о болѣзни государя сдѣлалось извѣстно, я всякій день ѣздилъ въ Зимній дворецъ, чтобы узнавать о получаемыхъ о томъ свѣдѣніяхъ. Въ одно утро я пріѣзжаю во дворецъ и, при входѣ въ первую комнату, вижу фельдъегеря съ сумкой на груди; я спрашиваю у него, откуда онъ пріѣхалъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ:

«Изъ Таганрога».

Я продолжалъ: «каковъ государь?»

Фельдъегеръ тихо мнѣ сказалъ: «скончался».

Я не могу изобразить, что я почувствовалъ, услышавши сію ужаснѣйшую вѣсть. Я перваго встрѣтилъ флигель-адъютанта Дурново, который въ слезахъ мнѣ говоритъ:

— Не угодно ли вамъ, графъ, идти вмѣстѣ со мною въ большую церковь присягать императору Константину Павловичу; великій князь Николай Павловичъ уже присягнулъ.

Въ большой придворной церкви находился священникъ и поставленъ былъ аналой, на которомъ лежалъ крестъ, Евангеліе и присяжный листъ; и я присягнувъ на немъ подписался. Въ день востшествия на престолъ императора Николая Павловича, 14-го декабря 1825 года, послѣ присяги, я возвратился домой съ тѣмъ, чтобы въ часъ по полудни ѣхать опять во дворецъ къ молебну. Желая имѣть обнародованный по сему случаю манифестъ, я послалъ купить одинъ экземпляръ онаго въ сенатскую типографію старшаго адъютанта штаба моего, поручика Жукова. Онъ черезъ нѣсколько времени возвращается и съ встревоженнымъ видомъ говоритъ мнѣ:

— Бунтъ! Вся площадь Сенатская наполнена солдатами, которые кричатъ: ура, Константинъ! и множество еще со всѣхъ сторонъ бѣгутъ туда и солдатъ и народа.

Я тотчасъ же приказалъ заложить себѣ карету и поѣхалъ къ Зимнему дворцу. Площадь уже вся была наполнена народомъ; я вышелъ изъ кареты и, видя государя верхомъ передъ первымъ баталіономъ Преображенскаго полка, удивился, что никого изъ генераловъ при немъ не было; когда я подошелъ къ его величеству, онъ мнѣ сказалъ:

— Представь себѣ, есть люди, которые, къ несчастію, носятъ одинъ съ нами мундиръ и называютъ меня самозванцемъ. Ты слышишь этотъ крикъ и выстрѣлы, но я имъ покажу, что я не трушу.

Скоро послѣ того я увидѣлъ генераль-адъютанта князя Трубецкаго, Кутузова, Васильчикова, Левашева и Бенкендорфа, приѣхавшаго донести, что полкъ конной гвардіи идетъ, и дѣйствительно оный началъ выстраиваться спиной къ дому князя Лобанова. Между тѣмъ, крики и выстрѣлы на Сенатской площади продолжались. С.-петербургскій военный губернаторъ графъ Милорадовичъ, узнавши о семъ возмущеніи, поѣхалъ верхомъ, чтобы вразумить сію бунтующую толпу, но получилъ двѣ тяжелыя раны, отъ которыхъ черезъ нѣсколько часовъ умеръ. Народъ такъ тѣснилъ взводы перваго Преображенскаго баталіона, что ему нельзя было подаваться впередъ, и мы должны были уговаривать толпу, чтобы дали мѣста. Государь приказалъ привести для насъ верховыхъ лошадей. Вдругъ подходитъ къ его величеству одинъ офицеръ въ драгунскомъ мундирѣ, превысокаго роста, у коего голова завязана платкомъ. Государь спрашиваетъ:

— Кто вы?

— Я штабсъ-капитанъ Якубовичъ, — отвѣчалъ онъ, — пришелъ къ вашему величеству съ повинной головой; я сдѣлался измѣнникомъ противъ воли. Идучи по Вознесенской улицѣ, я вижу, что нѣсколько взводовъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка бѣгутъ и кричатъ: ура, Константинъ! Они окружили меня и заставили кричать то же; я не слышалъ о восшествіи вашего величества на престолъ и думалъ, что войска собираются для присяги Константину Павловичу; но, придя съ ними на Сенатскую площадь, я примѣтилъ въ войскахъ неустройство; не видя ни одного генерала и узнавъ, что ваше величество находится здѣсь, я пришелъ предстать предъ вами.

Государь на сіе сказалъ Якубовичу:

— Такъ какъ вы уже тамъ были, то я приказываю вамъ возвратиться опять къ нимъ и сказать отъ моего имени, что если всѣ находящіеся на площади войска положатъ ружья и сдадутся, то я ихъ прощаю.

Якубовичъ на сіе отвѣчалъ:—Я пойду и ручаюсь, что исполню приказаніе вашего величества, но только знаю, что живой не возвращусь.

Нѣкоторые изъ слышавшихъ сіе сказали: прекрасно! Но государь возразилъ:

— Погодите, господа, хвалить; увидимъ, чѣмъ это кончится.

Стоявшій тутъ флигель-адъютантъ Дурново просилъ позволенія у его величества пойти вмѣстѣ съ Якубовичемъ, на что государь

согласился ¹⁾. Митрополитъ Серафимъ, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ, посланъ былъ увѣщевать бунтовщиковъ, но сіе не имѣло никакого успѣха. Всѣ бывшіе при государѣ и пріѣхавшіи въ то время генералъ-адъютантъ Толь просили его величество послать за артиллеріей и для скорости приказать пріѣхать конной артиллеріи. Императоръ отвѣчалъ, что онъ въ ней не увѣренъ; и съ великимъ трудомъ согласился наконецъ послать за пѣшей артиллеріей, которая сначала пришла съ холостыми зарядами; но послѣ уже привезли боевые. Принцъ Евгенийъ Виртембергскій предложилъ государю, чтобъ лейбъ-гвардіи конный полкъ сдѣлалъ атаку на бунтовщиковъ; они встрѣтили полкъ ружейнымъ огнемъ. Извѣстно, какъ неудачны были всѣ произведенныя тѣмъ полкомъ атаки на бунтующую толпу, на некованныхъ лошадахъ и по гололедицѣ. Въ сіе время пріѣхалъ изъ Варшавы великій князь Михайлъ Павловичъ. Нѣсколько офицеровъ гвардейскаго экипажа пришли просить великаго князя, который былъ подѣтъ государя, чтобы его высочество пріѣхалъ и вразумилъ бы нижніе чины экипажа, которые вышли изъ повиновенія. Государь, великій князь и всѣ бывшіе тутъ поѣхали къ гвардейскому экипажу. Люди держали ружья у ноги и говорили, что они присягнули Константину Павловичу, и если онъ самъ пріѣдетъ и скажетъ, что онъ освобождаетъ ихъ отъ присяги, то они готовы присягнуть Николаю Павловичу. Великій князь Михайлъ Павловичъ имъ на сіе сказалъ, что онъ только сейчасъ пріѣхалъ изъ Варшавы, что великій князь Константинъ Павловичъ самъ присягнулъ императору Николаю Павловичу, что они знаютъ привязанность его къ цесаревичу, и его именемъ онъ приказываетъ имъ присягнуть законному ихъ императору Николаю Павловичу. Но солдаты все одно говорили. Я подѣхалъ къ одному изъ нихъ и сказалъ:

— Что вы еще упорствуете, вы знаете, что вамъ за это будетъ худо.

Онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Вамъ, измѣнникамъ генераламъ, нужды нѣтъ всякій день присягать, а мы присягой не шутимъ.

Изъ сего отвѣта видно, какъ сильно они были злоумышленниками настроены. Между тѣмъ пришли Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій, Павловскій, оставшаяся часть Московскаго и Егерскій полки и заняли всѣ улицы, ведущія на Исаакіевскую площадь. Государь послалъ меня привести 1-й баталіонъ Финляндскаго полка, который только что смѣнился съ караула, и занять имъ Исаакіевскій мостъ. Недоѣзжая казармъ Финляндскаго полка, я встрѣтилъ одного изъ офицеровъ, служащихъ въ ономъ, и приказалъ ему

¹⁾ Мнѣ сказывалъ послѣ Дурново, что лишь только они подошли къ бунтовщикамъ, и Якубовичъ началъ говорить, какъ по нимъ сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, и Якубовичъ въ толпѣ отъ него скрылся.

позвать ко мнѣ баталіоннаго командира, которому я объявилъ данное мнѣ высочайшее повелѣніе и спросилъ, увѣренъ ли онъ въ людяхъ, и что онъ головой своей отвѣчаетъ, если что противное случится. Баталіонный командиръ мнѣ на сіе сказалъ:

— Позвольте спросить ротныхъ командировъ, но батальонъ еще не присягалъ.

Я приказалъ ихъ позвать къ себѣ; они всѣ мнѣ объявили, что въ своихъ солдатахъ совершенно увѣрены; особливо 4-й роты капитанъ Вяткинъ сказалъ:

— Люди рады со мной умереть.

Тогда я приказалъ вывести весь баталіонъ съ ружьями, въ шинеляхъ; фуражкахъ, въ сумкахъ съ боевыми патронами. Мнѣ сказали, что бригадный командиръ, генераль-майоръ Головинъ, дома; я послалъ его просить. Когда баталіонъ построился поротно, я сказалъ солдатамъ:

— Императоръ нашъ Николай Павловичъ приказалъ мнѣ вести васъ противъ измѣнниковъ, готовы ли вы за него умереть?

Весь баталіонъ отвѣчалъ: рады умереть!

— И въ томъ клянетесь?—продолжалъ я.

Всѣ повторили: клянемся!

Между тѣмъ пришелъ генераль-майоръ Головинъ; я приказалъ командовать справа по отдѣленіямъ, и баталіонъ пошелъ. Не доходя до Исаакіевского моста, я приказалъ баталіонъ остановить и зарядить ружья. У самаго моста построились въ полувзводы, чтобы занять всю ширину моста. Я ѣхалъ передъ карабинернымъ взводомъ, передъ нимъ же шли генераль-майоръ Головинъ и баталіонный командиръ. Когда дошли до конца моста, я приказалъ остановиться, полагая, что весь баталіонъ идетъ за нами. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что стрѣлковый взводъ и всѣ послѣдующіе взводы остановились на половинѣ моста и держали ружья у ноги. Я послалъ къ стрѣлковому взводу, приказывая взять ружья на плечо, идти впередъ, называя ихъ измѣнниками; но нѣсколько голосовъ мнѣ отвѣчали:

— Мы не присягали, худою ничего не дѣлаемъ, по своимъ стрѣлять не будемъ.

Тутъ былъ и генераль-майоръ Головинъ, и баталіонный командиръ,—я обратился къ нимъ, чтобы они привели людей въ повиновеніе, но всѣ угрозы ихъ были тщетны. Впослѣдствіи открылось, что семь взводомъ командовать поручикъ Розенъ, который былъ въ числѣ бунтовщиковъ, и онъ оказался виновнымъ въ семь неповиновеній стрѣлковаго взвода. Я съ досадою поѣхалъ, чтобы донести о семъ государю. Приѣхавъ на Исаакіевскую площадь, я нашелъ, что пушки, поставленныя противъ бунтовщиковъ, уже сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ картечью, и толпа ихъ начала разсыпаться и скоро вся исчезла. Такъ какъ все уже почти кончилось,

то я не разсудилъ огорчить государя донесеніемъ о случившемся въ 1-мъ Финляндскомъ баталіонѣ; но я сказалъ о томъ командіру полка Воропанову и требовалъ, чтобы люди стрѣлковаго взвода выписаны были въ армію. Мнѣ сказывалъ адъютантъ мой, графъ Толстой, который во все время находился при лейбъ-гвардіи Павловскомъ полку, занимавшемъ Галерную улицу, что, стоя почти противъ картечныхъ выстрѣловъ, отъ коихъ нѣсколько гренадеръ были ранены, не только сіе людей не поколебало, но когда бунтовщики были сбиты съ мѣста, то весь полкъ пустилъ по нимъ баталіонный огонь ¹⁾. Когда смерклось, войска распожены были на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ на бивуакахъ; на первой командовалъ генералъ Воиновъ, а на второй генералъ-адъютантъ Васильчиковъ. Государь приказалъ мнѣ учредить цѣпь, поставивъ одинъ Преображенскій баталіонъ у арки, что въ Луговой Милліонной, и отъ онаго давать часовыхъ по Невскому проспекту до Полицейскаго моста и по Мойкѣ, и изъ одного егерскаго баталіона, который долженъ былъ находиться при началѣ Большой Милліонной, давать тоже часовыхъ по всей той улицѣ и по Мойкѣ, соединя ихъ съ преображенскими часовыми. Изъ кавалеріи учреждены были сильныя патрули, которые должны были забирать всѣхъ разбѣжавшихся бунтовщиковъ. Когда я донесъ государю объ учрежденіи мною цѣпи, его величество приказалъ мнѣ поѣхать на Васильевскій островъ къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу, который командовалъ тамъ войсками, чтобы всѣхъ захваченныхъ патрулями бунтовщиковъ онъ отсылалъ къ генералъ-адъютанту Васильчикову. Это былъ уже 8-й часъ вечера; государь далъ мнѣ сіе приказаніе, идя во дворецъ, чтобы присутствовать при молебнѣ.

Жена моя и старшая дочь были во дворцѣ; каково же было ихъ положеніе, когда онѣ не видѣли меня между генералъ-адъютантами, находившимися при императорѣ. Кто-то ихъ успокоилъ, сказавъ имъ, что я живъ и посланъ государемъ. Я нашелъ Бенкендорфа въ квартирѣ генералъ-адъютанта Кутузова, который былъ тогда командиромъ 1-го кадетскаго корпуса. Я не могу изобразить моей радости, когда Катерина Петровна Кутузова предложила мнѣ отобѣдать; я чрезвычайно оголодалъ, усталъ и озябъ, ибо въ одномъ мундирѣ пробылъ 8-мь часовъ верхомъ, и лошадь моя насилу таскала уже ноги. По возвращеніи съ отвѣтомъ объ исполненіи порученія, государь приказалъ мнѣ, когда всѣ плѣнные собраны будутъ у генералъ-адъютанта Васильчикова, то чтобы я взялъ одинъ баталіонъ Семеновскаго полка и дивизіонъ кавалергардовъ, и подъ симъ конвоемъ привелъ бы ихъ ко дворцу. Пріѣхавши на Исаакіевскую площадь, къ счастью моему, я нашелъ тутъ дежурнаго штабъ-офицера

¹⁾ Вѣроятно, въ награду за сей подвигъ вѣрности и неустрашимости лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, государь назначилъ наследника шефомъ онаго.

моего штаба Репешку и адъютанта моего Жеребцова, которые весь день меня искали. Они были для меня большими помощниками, чтобы всёх плѣнныхъ собрать вмѣстѣ и принять ихъ счетомъ. Известно, что въ числѣ бунтовавшихъ войскъ было нѣсколько ротъ Московскаго полка, почти весь лейбъ-гренадерскій полкъ, кромѣ первой и стоящей въ крѣпости въ караулѣ роты, и весь гвардейскій экипажъ. Когда всё плѣнные приведены были въ известность, я изъ каждой роты Семеновскаго полка построилъ карре и плѣнныхъ помѣстилъ въ средину оныхъ, а изъ двухъ эскадроновъ кавалергардскаго полка одѣлалъ аванъ-арьергарды. Плѣнныхъ было до семи сотъ человекъ. Приведя мой отрядъ на Дворцовую площадь, я остановилъ оный и пошелъ донести о семъ государю, подавъ записку его величеству о числѣ плѣнныхъ. Хотя уже былъ первый часъ по полуночи, его величество былъ еще въ мундирѣ¹⁾. Императоръ, поблагодаривъ меня, сказалъ:

... Я прикажу отвести ихъ въ крѣпость.

... Я прибавилъ: если вашему величеству угодно, то я сіе исполню.

... Мнѣ право совѣстно, любезный графъ, — продолжалъ государь, — вы такъ устали; но если вы хотите сіе сдѣлать, то, отвѣдя плѣнныхъ въ крѣпость, сдайте ихъ тамъ коменданту Сукину, и если ему будетъ нужно, то оставьте для караула въ крѣпости Семеновскій баталіонъ, который конвоируетъ теперь плѣнныхъ. Потомъ отправьтесь домой.

... Дойдя до спуска на Невѣ, что противъ крѣпости, я остановилъ мой отрядъ и, хотя было 14 декабря, но морозовъ большихъ еще не было, а я боялся, что ледъ недовольно толстъ, дабы поднять и кавалерію и пѣхоту, при мнѣ бывшіе, и потому дивизиону кавалергардовъ приказалъ ѣхать къ полку. Плѣнныхъ я выстроилъ по четыре человека въ рядъ, а по обѣимъ сторонамъ шли солдаты Семеновскаго полка. Тѣ, которые нѣсколько часовъ тому назадъ, назадось, были такъ храбры и отважны, тутъ шли смирно, какъ овцы; правду сказать, они были обезоружены; изъ нихъ многихъ везли на саняхъ, раненыхъ. Сдавъ всёхъ плѣнныхъ коменданту Сукину, который не имѣлъ надобности оставлять въ крѣпости семеновскій баталіонъ, я возвратился домой почти въ 4 часа по полуночи.

... На другой день площади Дворцовая и Исаакіевская, обѣ Милліонныя и Адмиралтейская улицы и Большая набережная до Эрмитажнаго моста имѣли видъ военнаго бивака, ибо войска на нихъ провели всю ночь. Много стояло пушекъ, курились дрова, видны были кучи соломы и сѣна. Государь обѣзжалъ всё войска верхомъ, слѣзая съ лошади, ходилъ по рядамъ, и не только всёхъ офицеровъ и солдатъ благодарилъ за ихъ вѣрность, но даже нѣко-

¹⁾ Сказывали, что государь, какъ въ сію ночь, такъ и въ предыдущую не ложился въ постель.

торыхъ ему знакомыхъ гренадеръ цѣловаль. Всѣхъ полковыхъ командировъ, имѣвшихъ генераль-майорскіе чины, назначилъ къ себѣ въ генераль-адъютанты, а полковничьи—во флигель-адъютанты, въ которые назначены были также баталіонные и дивизионные командиры полковъ кавалергардскаго и лейбъ-гвардіи коннаго. Сверхъ того, назначены были въ генераль-адъютанты: командовавшій тогда гвардейскимъ корпусомъ, генераль-отъ-кавалеріи Войновъ, коменданты Сукинъ и Башупцій, начальникъ гвардейскаго штаба генераль-майоръ Нейтгардъ и командиръ гвардейской артиллеріи генераль-майоръ Сухованетъ. Въ сіе же утро на Адмиралтейской улицѣ выстроены были гвардейскій экипажъ, который принесъ чистосердечное раскаяніе въ своемъ заблужденіи, и послѣ освященія знамени оно было ему возвращено. Возвратясь во дворець, государь повалъ меня къ себѣ и сказать мнѣ изволилъ:

— Я ожидаю отъ васъ, любезный графъ, большой себѣ услуги.

На изъявленіе моеи совершенной готовности исполнять всегда священную его для меня волю, его величество продолжать изволилъ:

— Я хочу послать васъ въ Москву съ объявленіемъ о моемъ восшествіи на престолъ.

Я отвѣчалъ: готовъ, хоть сейчасъ отправиться.

— Пріѣзжайте же ко мнѣ въ 3 часа по полудни,—прибавилъ государь,—и все приготовлено будетъ къ вашему отправленію.

Принимая пакетъ къ московскому военному генераль-губернатору, я спросилъ у государя:

— Ваше величество прикажете мнѣ тотчасъ возвратиться?

Императоръ со вздохомъ мнѣ сказалъ: желалъ бы, но какъ Богу будетъ угодно.

Государь поручилъ мнѣ удостовѣриться въ духѣ поселенныхъ войскъ и донести его величеству по эстафетѣ въ собственныя руки, но не изъ Новгорода, а изъ перваго удобнаго мѣста. Я просилъ, чтобы мнѣ данъ былъ фельдъегерь, что и было исполнено. При отправленіи государь приказалъ мнѣ захватить къ бывшему тогда военнымъ министромъ, графу Татищеву, чтобы получить отъ него бумаги, которыя слѣдовало отправить въ Москву, но графъ Татищевъ мнѣ сказалъ, что онѣ уже посланы съ нарочнымъ курьеромъ. Сіе произвело въ Москвѣ большое недоумѣніе, ибо я никакъ не могъ догнать курьера, отправившагося нѣсколько часовъ прежде меня.

Я выѣхалъ изъ Петербурга во вторникъ, въ 8 часовъ вечера, 15-го декабря; со мной были адъютанты: Новосильцовъ—князя Голицына, и мой—Жеребцовъ. Очень поздно, уже 14-го числа, вспомнили, что нужно запретить выѣздъ изъ города черезъ заставы безъ

записки отъ коменданта ¹⁾. Хотя сей послѣдній и предваренъ былъ мною, что я отправляюсь по высочайшему повелѣнію въ Москву, но, видно за суетами, г. Башуцкой не выслалъ на заставу билета, и я долженъ былъ дожидаться, пока фельдъегерь не привезетъ мнѣ онаго. Въ Новгородѣ явился ко мнѣ съ рапортомъ генераль-майоръ Угрюмовъ, отрядный командиръ поселенныхъ войскъ. Я спросилъ у него, приведены ли къ присягѣ всѣ военные чины, находящіеся подъ его начальствомъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ не успѣлъ еще сего сдѣлать, потому что къ нему присланъ былъ изъ Петербурга одинъ только экземпляръ присяги, а такъ какъ войска его расположены въ разныхъ мѣстахъ, то и нужно списать нѣсколько съ онаго копій. Я продолжалъ спрашивать, доволенъ ли онъ повиновеніемъ ввѣренныхъ ему войскъ, и извѣстно ли имъ всѣмъ о восшествіи императора Николая Павловича на престолъ? Генераль-майоръ Угрюмовъ на сіе мнѣ отвѣчалъ, что сія переменна въ царствованіи войскамъ извѣстна, и что онъ головой своей отвѣчаетъ за вѣрность поселенныхъ войскъ. Сверхъ того, я спрашивалъ у баталіоннаго командира внутренней стражи, который подтвердилъ мнѣ, что извѣстіе о восшествіи на престолъ нынѣ царствующаго императора не произвело никакого неприятнаго дѣйствія, и что, по замѣчанію его, всѣ поселенныя войска готовы будутъ присягнуть. Я замѣтилъ, что о бывшемъ происшествіи въ Петербургѣ, 14-го декабря, въ Новгородѣ не было еще извѣстно. Во исполненіе высочайшаго повелѣнія я послалъ изъ города Крестецъ по эстафетѣ донесеніе мое къ императору, въ которомъ я старался совершенно успокоить его величество на счетъ духа поселенныхъ войскъ. Я ѣхалъ не такъ скоро, какъ бы желалъ, по причинѣ недостатка въ снѣгѣ, особливо по шоссе, — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ голый песокъ, — а чтобы сіе вознаградить, я не выходилъ почти изъ повозки, выключая нѣсколькихъ минутъ, чтобы выпить чаю. Ёдущій впередъ фельдъегерь приготовлялъ для меня лошадей и платилъ прогоны. Остановясь на одной станціи, не доѣжая Вышняго Волочка, я вижу кибитку, у которой стоялъ человекъ въ форменной шинели. Я спросилъ:

— Кто ѣдетъ?

Онъ мнѣ отвѣчалъ: кавалергардскаго полка поручикъ Свистуновъ за ремонтомъ ²⁾.

Я пріѣхалъ въ Москву въ ночь съ четверга на пятницу и остановился у военнаго генераль-губернатора князя Голицина. Онъ мнѣ

¹⁾ Послѣ извѣстно было, что двѣ тройки проѣхали черезъ Московскую заставу, прежде нежели сіе распоряженіе было сдѣлано.

²⁾ Мнѣ сказывалъ послѣ генераль-адъютантъ князь Трубецкой, что выѣздъ Свистунова изъ Петербурга очень беспокоилъ государя, и когда его величество узналъ отъ одного пріѣзжаго, что я Свистунова объѣхалъ до Москвы, то сіе его величеству было очень пріятно.

сказалъ, что ожидалъ меня съ большимъ нетерпѣніемъ, ибо въ Москвѣ уже разнесся слухъ о восшествіи императора Николая Павловича на престолъ, а между тѣмъ officialнаго извѣстія онъ не получалъ. Князь Голицынъ послалъ за старшимъ оберъ-прокуроромъ правительствующаго сената московскихъ департаментовъ, княземъ Гагаринымъ, чтобы повѣстить гг. сенаторовъ собраться въ сенатъ для выслушанія манифеста о восшествіи на престолъ императора Николая I-го, и къ архіепископу Филарету—для приведения къ присягѣ въ Успенскомъ соборѣ въ восемь часовъ утра. Мы поѣхали съ княземъ Голицынымъ въ одной каретѣ въ сенатъ, гдѣ мнѣ данъ былъ стулъ. По прочтеніи манифеста и всѣхъ приложений, отправились въ Успенскій соборъ. На Кремлевской площади стеченіе народа было неимоверное. Когда всѣ собрались въ соборъ, архіепископъ Филаретъ началъ священнослуженіе тѣмъ, что, предшествуемый московскимъ духовенствомъ, вынесъ на головѣ изъ алтаря серебряный ковчегъ, въ которомъ хранится хартія о наслѣдствѣ на престолъ, императоромъ Павломъ I-мъ изданная и въ день коронаціи его читанная. Въ семъ ковчегѣ находилось завѣщаніе императора Александра I-го и отреченіе цесаревича великаго князя Константина Павловича отъ всероссійскаго престола ¹⁾. Преосвященный Филаретъ съ благоговѣніемъ поставилъ ковчегъ на приготовленный аналой, покрытый золотымъ глазомъ, на амвонѣ противъ царскихъ дверей, отворилъ ковчегъ, вынулъ изъ него пакетъ съ завѣщаніемъ и, показавъ всѣмъ, что печать цѣла, произнесъ прекрасное и трогательное слово; потомъ пакетъ распечаталъ и прочиталъ завѣщаніе и отреченіе. Прежде нежели приступить къ присягѣ, Филаретъ, осыная всѣхъ, громогласно сказалъ:

— Разрѣшаю и благословляю.

Сіе неожиданное изреченіе архипастыря произвело удивительное дѣйствіе, особливо когда оно разнеслось между народомъ. Послѣ сего началась присяга, и все кончилось молебномъ съ многолѣтіемъ. Я хотѣлъ было въ тотъ же самый день отправиться въ Петербургъ, но князь Голицынъ предложилъ мнѣ остаться до другого дня, дабы принять депутатовъ отъ московскаго дворянства и купечества. Господинъ генераль-отъ-инфантеріи Обольяниновъ, какъ губернский предводитель, со всѣми уѣздными предводителями и другими почетными московскими дворянами удостоили меня своимъ посѣщеніемъ и вручили мнѣ золотую табакерку, осыпанную брилліантами, на коей стравами написано было: отъ московскаго дворянства 1825-го года 20-го ноября. Московское купечество, въ сопровожденіи городского головы Куманина, поднесло мнѣ вызолоченный ку-

¹⁾ Извѣстно, что находилось сихъ документовъ три экземпляра: одинъ въ Успенскомъ соборѣ, другой въ государственномъ совѣтѣ, а третій въ сенатѣ петербургскихъ департаментовъ.

бокъ на блюдѣ, весьма древней работы, съ тысячкою червонцами и съ надписью: Вѣстнику о всерадостнѣйшемъ восшествіи на престолъ императора Николая Павловича отъ московскаго купечества. Господинъ Оболяниновъ просилъ меня отъ имени всего московскаго дворянства повергнуть всеподданнѣйшую ихъ просьбу къ стопамъ императора объ оказаніи монаршаго милосердія, елико возможно, князю Оболенскому, котораго престарѣлый отецъ весьма уважаемъ въ столицѣ. Князь Меншиковъ, находившійся тогда въ отставкѣ, просилъ меня отвезти отъ него пакетъ генералъ-адъютанту Васильчикову, какъ предсѣдателю комитета военныхъ конскихъ заводовъ, въ которыхъ князь Меншиковъ былъ членомъ.

Я выѣхалъ изъ Москвы въ ночь на воскресенье 19-го декабря 1825 года, а въ Петербургъ пріѣхалъ въ часъ по полудни, во вторникъ, 22-го числа того жъ мѣсяца. Я менѣе нежели въ семь сутокъ съѣздилъ взадъ и впередъ въ Москву, пробывши два дня въ сей столицѣ. Государь былъ очень доволенъ моимъ скорымъ возвращеніемъ. Я нашелъ его величество вмѣстѣ съ царствующею императрицею, которая также была ко мнѣ весьма милостива; они оба осыпали меня вопросами. Имъ очень пріятно было слышать отъ меня, что московскіе купцы называютъ наследника престола—своимъ кремлевскимъ, ибо его высочество дѣйствительно родился въ стѣнахъ сего знаменитаго и древняго жилища нашихъ царей. При донесеніи моемъ ихъ величествамъ о дѣйствіи, которое произвели надъ всѣми бывшими въ Успенскомъ соборѣ, особливо надъ народомъ, произнесенныя архіепископомъ Филаретомъ слова: разрѣшаю и благословляю, я примѣтилъ, что они оба слушали сіе съ большимъ вниманіемъ, и были довольны, казалось, догадкою Филарета. Я донесъ ихъ величествамъ о полученныхъ мною подаркахъ въ Москвѣ; они изъявили высочайшую свою волю ихъ видѣть. Потомъ я былъ принятъ вдовствующею императрицею. Я нашелъ ея величество чрезвычайно пораженною печалью. Видно было, что скорбь отъ потери августѣйшаго ея сына Александра Благословеннаго была еще во всей своей силѣ. Когда она, спрашивала меня о Москвѣ, безпрестанно на глазахъ ея появлялись слезы; слабость ея величества была такъ велика, что, говоря со мною стоя, она придерживалась за стулъ. Я былъ тронутъ тоже ея печалію до глубины сердца, насилу могъ воздержаться отъ слезъ и доволенъ былъ, когда ея величество отпустить меня изволила. На другой день я привезъ во дворецъ и табакерку и кубокъ, полученные мною въ Москвѣ. Государь изволилъ меня принять въ комнатахъ императрицы Александры Θεодоровны. Ихъ величества съ любопытствомъ рассматривали сіи вещи; я имъ доложилъ, что въ кубкѣ находилась тысяча червонцевъ. Государь на сіе изволилъ сказать:

— Эту сумму всегда дарятъ пріѣзжающимъ съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ.

Отпуская меня, пресовокупилъ:

— Я сей службы твоей никогда не забуду.

А императрица мнѣ пожаловала милостиво поцѣловать свою руку.

Въ день Рождества Христова, 1825-го года, государь пожаловать мнѣ изволилъ орденъ Св. Александра Невскаго, при весьма милостивомъ рескриптѣ. На другой день послѣ моего возвращенія изъ Москвы, посланы были андреевскія ленты: князю Голицыну, московскому военному генераль-губернатору, и графу П. А. Толстому, который командовалъ тогда въ Москвѣ 5-мъ армейскимъ корпусомъ; архіепископу Филарету брильянтовый крестъ на черный клубокъ—отличіе, какого прежде его никто въ санѣ архіепископа не имѣлъ.

Я ѣздилъ на встрѣчу тѣла покойнаго, незабвеннаго моего благодѣтеля императора Александра Павловича до станціи Чудово и имѣлъ счастье нѣсколько разъ стоять при его гробѣ, когда на ночь тѣло вносимо было въ случающіяся по дорогѣ церкви. Лейбъ-медикъ Виліе присланъ былъ осмотрѣть тѣло покойнаго императора; снята была крыша съ гроба, и при семъ случаѣ я удостоился приложиться къ образу, который его величество носилъ всегда на себѣ, и поцѣловать его руку. Въ церкви Чесменскаго дворца тѣло императора Александра I-го переложено было въ свинцовый гробъ; сіе переложеніе дѣлали одни только генераль-адъютанты, бывшіе при его величествѣ, въ числѣ которыхъ и я находился. Во все время, какъ тѣло императора стояло въ Казанскомъ соборѣ одни только генераль и флигель-адъютанты покойнаго государя были дежурными при его гробѣ.

Скоро потомъ Россія погружена была въ новую печаль кончиною императрицы Елисаветы Алексѣевны, супруги достойной Александра Благословеннаго, на дорогѣ ея величества изъ Таганрога въ Петербургъ, въ городѣ Бѣлевѣ, Тульской губерніи.

Всѣ европейскіе дворы, можно сказать, наперерывъ старались присылать съ поздравленіемъ императора Николая Павловича о восшествіи на престолъ все, что у нихъ было знатнѣйшаго. Австрія прислала эрцъ-герцога Фердинанда, Пруссія принца Вильгельма, Нидерланды принца Оранскаго, Англія герцога Веллингтона, Франція фельдмаршала герцога Рагузскаго, Баварія фельдмаршала Вреде.

Государю угодно было назначить меня находиться при эрцъ-герцогѣ Фердинандѣ съ флигель-адъютантомъ Апраксинымъ. Свиту эрцъ-герцога составляли: генераль-майоръ Дефуръ, полковникъ Кламъ, два гусарскіе офицера полка его имени, князь Лихтенштейнъ, ландграфъ Фюрстенбергъ и камергеръ Вольтерсдорфъ. Эрцъ-герцогъ Фердинандъ былъ принятъ при дворѣ нашемъ съ большимъ уваженіемъ и имѣлъ комнаты въ Зимнемъ дворцѣ, а услугу придворную. Его высочество обходился со мной весьма учтиво и ласково. Я сопровождалъ его высочество во всѣхъ его обзрѣніяхъ учебныхъ и прочихъ любопытныхъ заведеній, находящихся въ

Петербургѣ. Эрцъ-герцогъ Фердинандъ пробылъ въ нашей столицѣ шесть недѣль; въ сіе время государь назначилъ его шефомъ Пякомскаго гусарскаго полка, который получилъ имя эрцъ-герцога Фердинанда, пожаловалъ ему андреевскій орденъ съ алмазными знаками и наградилъ его высочество многими другими богатыми подарками. Генераль-майору Дефуру пожалованъ былъ аннинскій орденъ 1-го класса съ алмазными знаками, и всѣ прочія особы, свиту эрцъ-герцога составлявшія, получили ордена. Я проводилъ его высочество до Царскаго Села, гдѣ онъ осматривалъ дворець. Отъ эрцъ-герцога я получилъ въ подарокъ табакерку съ портретомъ императора Франца, осыпанную брильянтами.

Между тѣмъ, учреждена была слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ бывшаго тогда военнаго министра графа Татищева. Въ числѣ членовъ оной находился великій князь Михаилъ Павловичъ. Засѣданія сей комиссіи были въ крѣпости, въ домѣ коменданта Сукина. Всѣхъ подозрѣваемыхъ въ заговорѣ приводили прямо въ Зимній дворець, гдѣ первые допросы съ нихъ снималъ генераль-лейтенантъ Левашевъ. Сказываютъ, что многихъ изъ нихъ видѣлъ самъ императоръ, и съ ними разговаривалъ, а потомъ уже отвозили ихъ въ крѣпость. Когда слѣдственная комиссія окончила свои дѣйствія, то 1-го іюня 1826 года учрежденъ былъ верховный уголовный судъ. Предсѣдателемъ онаго былъ князь Лопухинъ. Сей судъ составленъ былъ изъ членовъ святѣйшаго правительствующаго синода, государственнаго совѣта, всѣхъ сенаторовъ и особъ прикомандированныхъ, въ числѣ коихъ и я находился. Всѣхъ членовъ, сей судъ составлявшихъ, было до 70-ти; засѣданія онаго были въ залѣ общаго сената собранія. Члены собирались въ полныхъ мундирахъ, а военные въ лентахъ и шарфахъ. Для караула отряжалась рота отъ одного изъ гвардейскихъ полковъ и два взвода кавалергардскаго, или лейбъ-гвардіи коннаго полка, которые давали конныхъ часовыхъ къ воротамъ сената. Засѣданіе началось чтеніемъ допросовъ и показаній преступниковъ; ихъ числомъ было до 180-ти человекъ. Положено было, послѣ прочтенія снятыхъ допросовъ съ преступниковъ, отправить въ крѣпость нѣсколько членовъ, выбранныхъ изъ присутствующихъ въ верховномъ уголовномъ судѣ, для вторичнаго допроса каждаго преступника: точно ли каждымъ изъ нихъ сдѣлано было показаніе, добровольно ли онъ сіе исполнилъ, и не имѣлъ ли чего прибавить или убавить къ прежнему его показанію. Не многіе изъ нихъ сдѣлали нѣкоторыя дополненія, большая же часть подтвердили прежнія показанія своею подписью. Между прочими правилами, которыми долженъ былъ судъ руководствоваться, вѣщено ему было въ обязанность, по выслушаніи показаній преступниковъ и по утверженіи оныхъ ихъ подписью, какъ выше сказано, выбрать изъ среды своей 9 членовъ, изъ коихъ одинъ долженъ былъ предсѣдателемъ, для составленія комитета,

который обязанъ опредѣлить степень преступленія каждаго преступника и мѣру заслуженнаго имъ наказанія. Въ члены сего комитета избраны были изъ государственнаго совѣта: графъ П. А. Толстой, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ, И. В. Васильчиковъ и М. М. Сперанскій; изъ прикомандированныхъ особъ: графъ Г. А. Строгоновъ, я и С. С. Кушниковъ; изъ сенаторовъ: Ф. И. Енгель, Д. О. Барановъ и графъ П. И. Кутайсовъ; производителемъ дѣлъ — оберъ-прокуроръ Журавлевъ. Къ комитету прикомандированъ былъ, для нужныхъ поясненій, статсъ-секретарь Блудовъ. Онъ былъ производителемъ дѣлъ въ слѣдственной комиссiи. Пока нашъ комитетъ продолжался, засѣданія въ судѣ были прекращены, и мы собирались два раза въ день. Намъ должно было прочесть опять всѣ документы слѣдственной комиссiи, и, чтобы скорѣе въ томъ успѣть, мы раздѣлили по себѣ допросы всѣхъ преступниковъ. По существующимъ нашимъ узаконеніямъ, всѣ они подвергались смертной казни, ибо кто умышляетъ, не болѣе виноватъ, какъ и тотъ, который объ умыслѣ знаетъ и не донесъ, а преступники почти всѣ были въ этой категорiи. Государю угодно было, чтобы сколько можно ослаблены были преступления и сообразно тому и наказанія. Для сего комитетъ сдѣлалъ разряды, которыхъ находилось четырнадцать; всякій разрядъ означалъ степень преступленія и мѣру наказанія, и мы вставляли, по общему совѣщанію, въ разряды, какъ въ рамы, имена преступниковъ, съ краткимъ объясненіемъ ихъ преступленій. Но пять преступниковъ, а именно: Пестель, Муравьевъ-Апостолъ, Рыльевъ, Бестужевъ-Рюминъ, и Каховскій, были внѣ разрядовъ по роду ихъ преступленій. Наши занятія продолжались двѣ недѣли. Потомъ они внесены были въ верховный уголовный судъ, который открылъ свои засѣданія ¹⁾. Приговоръ преступниковъ для размѣщенія ихъ по разрядамъ дѣлился по большинству голосовъ. Сначала судъ находилъ, что комитетъ сдѣлалъ слишкомъ много подраздѣленій; однако же кончилось тѣмъ, что всѣ разряды болѣе или менѣе были наполнены. Назначено было нѣсколько членовъ для составленія доклада государю отъ верховнаго уголовного суда; оный былъ читанъ въ полномъ собраніи и съ нѣкоторыми перемѣнами принятъ. Черезъ нѣсколько дней докладъ, съ высочайшимъ утвержденіемъ, былъ возвращенъ въ судъ. Государь много ослабилъ мѣру наказаній всѣхъ преступниковъ вообще, а о пяти, не вошедшихъ въ разряды, повелѣлъ суду сдѣлать приговоръ и привести въ исполненіе. Судъ приговорилъ ихъ повѣсить. Наконецъ настало время объявить каждому преступнику его приговоръ. Для сего надлежало или ихъ привозить изъ крѣпости въ верховный уголовный

¹⁾ Я долженъ здѣсь отдать справедливость способностямъ ума и быстрому соображенію М. М. Сперанскаго; онъ много способствовалъ къ скорому окончанію возложенной на насъ обязанности.

судъ, или суду отправиться въ крѣпость и тамъ сіе исполнить. Сія послѣдняя мѣра признана была удобнѣйшею. Въ домѣ коменданта Сукина устроена была зала засѣданія. Въ назначенный день всѣ члены суда собрались въ сенатъ и оттуда отправились въ крѣпость, гдѣ для порядка находился одинъ баталіонъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Засѣданіе суда открылось тѣмъ, что крѣпостной плацъ-майоръ ввелъ въ присутствіе пять главныхъ преступниковъ, имѣя двухъ гренадеръ съ однимъ унтеръ-офицеромъ впереди ихъ и двухъ гренадеръ позади. Секретарь сената, стоя у аналоя, называлъ по имени каждаго преступника, потомъ читалъ о содѣянномъ имъ преступленіи и къ чему онъ приговоренъ съ высочайшаго утвержденія. Такимъ образомъ вводимы были въ залу засѣданія всѣ преступники по разрядамъ. Они имѣли на себѣ тѣ же самыя платья, въ которыхъ они были взяты, только, натурально, безъ шпагъ; многіе изъ нихъ были даже въ полныхъ мундирахъ. Сіимъ засѣданіемъ окончился судъ, которому едва ли есть много примѣровъ въ лѣтописяхъ нашего отечества.

1-го іюля, того же года, было торжественное благодарственное молебствіе на Исаакіевской площади, въ устроенномъ для сего павильонѣ, въ родѣ палатки, какъ на мѣстѣ, гдѣ происходили преступленія, о счастливомъ окончаніи сего ужаснаго происшествія. Черезъ нѣсколько времени послѣ сего государь и весь дворъ отправились въ Москву для коронаціи. День сего событія долго былъ откладываемъ, по причинѣ большой слабости, которую чувствовала императрица Александра Феодоровна, и сей священный обрядъ былъ совершенъ 22-го августа 1826 года съ обыкновеннымъ величіемъ и торжествомъ. Внезапный пріѣздъ его высочества цесаревича къ сему всерадостному дню восхитилъ, какъ всю императорскую фамилію, такъ и жителей Москвы, равно и всѣхъ бывшихъ при семъ великомъ случаѣ. Цесаревичъ во время коронаціи былъ въ генераль-адъютантскомъ мундирѣ, а посему и намъ всѣмъ приказано было имѣть тотъ же мундиръ. Его высочество находился во время церемоніи въ качествѣ ассистента при государѣ и принялъ у его величества шпагу, когда императоръ подходилъ къ святому причастію. Въ самый день коронаціи государю угодно было послать меня съ возвѣщеніемъ жителямъ Петербурга о семъ счастливомъ для Россіи происшествіи. Изъ всѣхъ торжествъ и праздниковъ, бывшихъ по сему случаю въ Москвѣ, мнѣ удалось видѣть только перваго дня иллюминацію Кремля, которая великолѣпнѣе своимъ и красотою превосходила бывшія при коронаціяхъ императоровъ: Павла I и Александра I. Меня ожидали въ Петербургѣ съ великимъ нетерпѣніемъ, и жители сей столицы изъявили живѣйшую радость, когда пушечная, съ Петропавловской крѣпости, пальба извѣстила ихъ о благополучномъ окончаніи сего вождѣннаго событія. Со мной посланы были нѣкоторыя награжденія; между про-

чими, мнѣ пріятно было почтеннѣйшей и всѣми уважаемой графинѣ Ливенѣ самому вручить браслеты съ портретомъ императора, осыпанные крупными брилльянтами, и объявить ей, что она и все ея потомство возведены на степень князей, съ титуломъ свѣтлости, ибо грамоту на сіе достоинство не имѣли времени еще изготovitъ. Петербургское купечество поднесло мнѣ золотую табакерку, осыпанную брилльянтами. Я приглашенъ былъ на обѣдъ членами англійскаго клуба и на другой, иностраннымъ купечествомъ данный. Итакъ государю угодно было возложить на меня два важныя и пріятныя порученія, и содѣлать свидѣтелемъ восторга жителей обѣихъ столицъ имперіи.

1828 года, 8-го апрѣля, совершилось бракосочетаніе дочери моеѣ, графини Анны Евграфовны, съ Сергіемъ Павловичемъ Шиповымъ, въ которомъ я нашель нѣжнаго и любезнаго для сердца моего сына ¹⁾).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, того же года, вся императорская фамилія, а вмѣстѣ съ нею и вся Россія, осиротѣла. Неукротимая смерть похитила благодѣтельнѣйшую и добродѣтельнѣйшую изъ бывшихъ доселѣ вѣнценосныхъ женъ, императрицу Марію Теодоровну. Ея панегрикъ живетъ въ сердцахъ вдовъ, сиротъ и всѣхъ тѣхъ матерей, женъ и дочерей, которыя воспитаны и образованы были подъ материнскимъ ея покровомъ, и молва о ней пройдетъ изъ рода въ родъ.

Между тѣмъ, сопряженные съ званіемъ командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи разныя непріятности, мнѣ сдѣланныя, которыя основаны были на однихъ только слухахъ, принудили меня наконецъ просить государя объ увольненіи отъ сего званія. При производствѣ меня, 25-го іюня 1828 года, въ генералы отъ инфантеріи, въ приказѣ сказано было, чтобы мнѣ остаться только въ званіи генераль-адъютанта; а 13-го октября, того же года, повелѣно присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ. 6-го декабря 1828 года, назначенъ въ корпусные командиры внутренней стражи генераль-отъ-инфантеріи Капцевичъ, а до сего времени я все командовалъ корпусомъ. Послѣ жестокой болѣзни, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ, по просьбѣ моеѣ, государю угодно было, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1829 года, отпустить меня до излѣченія болѣзни, съ получаемымъ мною содержаніемъ, которое состоитъ въ 4.000 рублей жалованья, по чину генерала отъ инфантеріи, 5.000 рубльяхъ въ годъ столовыхъ денегъ по званію генераль-адъютанта и въ провіантѣ на 12 денщиковъ. Я воспользовался симъ отпускомъ и пріѣхалъ съ матушкой тещей, съ женою и съ дочерью моею, графиней

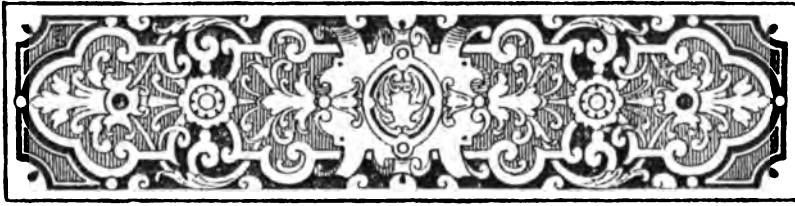
¹⁾ Того же года, 21-го апрѣля, въ день именинъ императрицы Александры Теодоровны, дочь моя графиня Софья Евграфовна, пожалована была въ фрейлины къ ней императорскимъ величества императрицамъ.

нею Софьей Евграфовной, сюда въ Городище, 21-го іюля 1829 года. Старшій сынъ мой, графъ Егоръ Евграфовичъ, обрадовалъ меня своею женитьбою на дѣвицѣ Софьѣ Владиміровнѣ Веневитиновой, что послѣдовало въ Москвѣ 9-го февраля 1830 года. Я изъ Городища ѣздилъ въ Москву, чтобы быть свидѣтелемъ сего счастливаго для семейства и потомства моего событія. Мы уже испытываемъ плоды сего событія тѣмъ, что приобрѣли премилую и прелюбезную для насъ невѣстку. Богу угодно было утѣшить все мое семейство дарованіемъ старшему моему сыну графу Егору Евграфовичу, родившагося 26-го апрѣля 1831 года, сына, который и нареченъ Евграфомъ. Воспріемникомъ, вмѣсто меня, былъ сынъ мой Павелъ съ Анною Николаевною Веневитиновою. 1832 года, іюля 14-го, невѣстка наша графиня Софья Владиміровна благополучно разрѣшилась отъ беременности дочерью Анною. По сему случаю пріѣзжала сюда въ Городище изъ С.-Петербургa Анна Николаевна съ сыномъ своимъ Алексѣемъ Владиміровичемъ; она была воспріемницею, вмѣстѣ со мною, сей новорожденной нашей внучки.

Второй сынъ мой графъ Павелъ Евграфовичъ, послѣ нахождения его три года и 4 мѣсяца въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, произведенъ былъ 7-го сентября 1832 года прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ. Въ бытность мою въ Москвѣ, по моимъ дѣламъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1833 года, я отдалъ третьяго сына моего графа Алексѣя Евграфовича въ пансіонъ къ профессору Московскаго университета г-ну Погодину.

Графъ Е. Ѡ. Комаровскій.

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА НЕЛИДОВА (1758-1839).

(Историческая характеристика) ¹⁾.

(Посвящается дорогой моей крестной).

V.

Воцареніе императора Павла.—Первыя его дѣйствія.—Письмо Нелидовой къ Павлу.— Милости Павла къ Нелидовой.—Сближеніе съ нею императрицы Маріи Ѳеодоровны.— Характеристика вліянія Нелидовой на образъ дѣйствій Павла Петровича.—Заступничество Нелидовой за опальныхъ.

ОЦАРЕНІЕ императора Павла Петровича сопровождалось безпощадною и быстрою ломкою порядковъ, существовавшихъ при Екатеринѣ, и замѣной ихъ новыми. Устраняемый въ царствованіе Екатерины отъ всякаго участія въ дѣлахъ правленія, Павелъ привыкъ скептически относиться къ дѣятельности державной своей матери, видѣлъ въ положеніи дѣлъ однѣ лишь дурныя стороны и въ тиши опальной своей жизни выработалъ себѣ до мельчайшихъ подробностей новую правительственную программу, осуществитъ которую онъ намѣревался по восшествіи своемъ на престолъ. Сдѣлавшись императоромъ лишь на 42-мъ году своего возраста, Павелъ точно боялся, что не успѣетъ совершить всѣхъ задуманныхъ имъ переимѣнъ: каждый почти день его правленія приносилъ съ собою крупныя новости, и, казалось, скоро вся жизнь

¹⁾ Продолженіе См. «Историческій Вѣстникъ», т. IXX, стр 70.

Россія должна была получить иное направление. Въ сферахъ, ближайшихъ къ престолу, военной и придворной, перемѣны начались сразу. Не прошло и мѣсяца, какъ екатерининская гвардія превратилась уже въ гатчинскую, надъ которой прежде такъ усердно смѣялись, а екатерининскіе вельможи уступили свои мѣста гатчинскимъ придворнымъ, не смѣвшимъ зачастую даже появляться при большомъ дворѣ: братья Куракины, Плещеевъ, Донауровъ, Ростопчинъ, Кушелевъ, Аракчеевъ, и др. были призваны занять высшія должности въ имперіи, составляя ближайшій къ престолу кружокъ лицъ, на преданность и усердіе которыхъ особенно полагался Павелъ. Тѣмъ чувствительнѣе было для него отсутствіе Нелидовой, которая, несмотря на свои 38 лѣтъ и восьмимѣсячное пребываніе въ Смоленѣ, сохранила свою власть надъ его умомъ и темпераментомъ: въ ней видѣлъ онъ единственнаго стараго друга, умѣвшаго говорить ему правду и отвѣчать его душевному настроенію. Ссора съ ней лежала у него на сердцѣ тяжелымъ камнемъ, и, только что получивъ отъ нея вторичный отказъ посѣтить его въ Гатчинѣ, Павелъ искалъ средствъ вновь примириться съ старымъ другомъ. Въ день кончины Екатерины, 6 ноября, на разсвѣтѣ, когда императрица была еще въ агоніи, Павелъ нашелъ время, по разсказу Ростопчина, разговаривать съ четверть часа съ камеръ-пажемъ Нелидовымъ, «вѣроятно, замѣчаетъ Ростопчинъ, о теткѣ его Катеринѣ Ивановнѣ»¹⁾. Камеръ-пажъ этотъ былъ, впрочемъ, не племянникъ ея, а родной братъ, Аркадій.

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало немовѣрно быстрое повышеніе по службѣ счастливаго брата упрямой фрейлины: 7 ноября, въ день восшествія Павла на престолъ, камеръ-пажъ Аркадій Нелидовъ произведенъ былъ прямо въ майоры, съ назначеніемъ быть адъютантомъ при его величествѣ, а чрезъ день, 9 ноября, тотъ же Нелидовъ, ко всеобщему изумленію, пожалованъ былъ подполковникомъ²⁾. Никто не могъ сомнѣваться, и всѣхъ менѣе сама сестра, Екатерина Ивановна, ради кого изливались такія милости. Когда именно произошло первое свиданіе Павла съ Нелидовой — указать трудно; но всего вѣроятнѣе, что во время печальныхъ церемоній, сопровождавшихъ погребеніе Екатерины и Петра III. Но еще 23 ноября, наканунѣ именинъ Нелидовой, Павелъ прислалъ ей дорогой подарокъ, который она, однако, отказалась принять. «Вы знаете, государь, — писала она, — что, цѣня по достоинству дружбу, которую вы уже такъ давно мнѣ оказываете, я умѣла цѣнить лишь это чувство, и что ваши дары всегда были мнѣ болѣе тягостны, чѣмъ пріятны. Позвольте же мнѣ умолять васъ не принуждать меня къ принятію

¹⁾ «Послѣдній день императрицы Екатерины II и первый день царствованія Павла». Арх. кн. Воронцова, VIII, 165.

²⁾ Высочайшіе приказы 1796 г.

того подарка, который я осмѣливаюсь возвратить вашему величеству. Вы должны быть спокойны на счетъ чувства, заставляющаго меня такъ дѣйствовать, потому что я въ то же время съ благодарностію принимаю фарфоровые дежне»¹⁾. Зато, 5 декабря, подполковнику Аркадію Нелидову пожаловано было 1000 душъ²⁾.

Миръ между друзьями, такимъ образомъ, возстановился, тѣмъ болѣе, что о немъ стали хлопотать тѣ именно лица, которыя прежде радовались удаленію Нелидовой: новая императрица Марія Ѳеодоровна, и Плещеевъ, жена котораго Наталія Ѳеодоровна, уже перестала пользоваться вниманіемъ Павла Петровича: поставленныя лицомъ къ лицу съ причудливымъ нравомъ государя, дѣйствія котораго не ограничивались на этотъ разъ райономъ Гатчины и Павловска, а распространялись на всю имперію, приближенныя къ Павлу лица сознали необходимость попрежнему вступить въ союзъ съ Нелидовой. Для Маріи Ѳеодоровны существовала полная возможность завязать съ ней постоянныя сношенія, такъ какъ 12 ноября императрица назначена была «начальствовать воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ», гдѣ жила отставная ея фрейлина, и почти ежедневно посѣщала это учрежденіе и начальницу его Делафонъ, у которой могла видѣться съ Нелидовой.

Первыя дѣйствія Павла Петровича по его воцареніи произвели вообще благопріятное впечатлѣніе на общество: забвеніе старыхъ обидъ, облегченіе народныхъ тягостей и прощеніе многихъ осужденныхъ Екатериной неволью привлекали къ нему сердца; даже суровости военной службы, вводимыя Павломъ, частью въ уродливой формѣ, и совмѣстительство похоронъ Екатерины и Петра III объяснялись добрыми свойствами новаго государя, любившаго порядокъ и питавшаго сыновнее уваженіе къ памяти своего несчастнаго отца. «Дворъ и столица, — говоритъ одинъ изъ влѣйшихъ порицателей Павла, Массонъ, — остолебенѣли отъ удивленія... Начинали думать, что не знали его характера, и что продолжительная и печальная опала не измѣнила его совершенно. Всѣ видѣли себя счастливо обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ, и поведеніе императора заставляло въ это время забыть о поведеніи великаго князя»³⁾. Но приближенные къ императору люди, Марія Ѳеодоровна и Плещеевъ, хорошо знали, что такое положеніе дѣлъ было только затишьемъ передъ бурей, что отъ Павла, склоннаго дѣйствовать по первому впечатлѣнію, можно было ожидать поступковъ, которыхъ не всегда можно было предвидѣть, тѣмъ болѣе остановить. Дѣйствительно, занятый преобразованиемъ екатерининской арміи по образцамъ арміи Фридриха II, Павелъ захотѣлъ уничтожить и военный орденъ св. Георгія,

¹⁾ «Осьмнадцатый Вѣкъ», III 424.

²⁾ Сенатскій архивъ, I, 28.

³⁾ Маззон. *Memoires secrets*, I, 189.

установленный Екатериной за военные отличія, и чтобы яснѣе выразить свое намѣреніе увнзвать этотъ символъ славы войскъ Екатерины, предположить не чествовать его праздника 26 ноября. Очевидно, что усилія Маріи Феодоровны и Плещеева удержать Павла отъ этого шага, который глубоко оскорбилъ бы всѣхъ екатерининскихъ ветерановъ, заслужившихъ этотъ орденъ своею кровью на поляхъ сраженій,—оказались напрасны, такъ какъ они въ концѣ концовъ должны были обратиться за содѣйствіемъ къ Нелидовой, которая, будто бы по собственному почину, написала Павлу красно-рѣчивое письмо, умоляя его отказаться отъ своего намѣренія.

«Узнаете ли вы,—писала она императору въ самый день своихъ именинъ 24-го ноября,—голосъ той, которая всегда была другомъ вашей славы, и отвергнете ли вы ея усердіе въ обстоятельствахъ, которыя она считаетъ къ ней прикосновенными? Я побоялась, чтобы то, что я слышала на счетъ ордена, единственнаго утѣшенія и награды столькихъ людей; столько разъ пролившихъ кровь свою за отечество, было правдою, и я попросила челоуѣка, которому я довѣряю, словомъ г. Плещеева, заѣхать ко мнѣ: я хотѣла чрезъ него передать вамъ мои желанія, и сердце мое, кромѣ того, внушило мнѣ написать къ вамъ. Именемъ Бога, государь, да не выкажетъ ваше величество неуваженія, да не обнаружите вы пренебреженія къ ордену, установленному для того, чтобы награждать усердіе и храбрость вашихъ подданныхъ. Подумайте, государь, о томъ, что въ теченіе долгаго времени этотъ знакъ отличія былъ наградою за пролитую кровь, за члены, истерзанные на службѣ отечеству. Сжальтесь надъ столькими несчастными, которые утратили бы все, увидѣвъ, что ихъ государь оказываетъ презрѣніе тому, что составляетъ ихъ славу, свидѣтельствуя о ихъ мужествѣ. Если вы, государь, имѣете намѣреніе упразднить этотъ орденъ,—вы, переставая возлагать его на вашихъ подданныхъ, тѣмъ самымъ упраздните его, но до того времени удостойте почета носящихъ его, становясь при случаѣ во главѣ ихъ. Ваше величество можете найти равные предлоги, чтобы самому имъ не украшаться, какъ, напримѣръ, тотъ, что вы не успѣли его заслужить, такъ какъ обстоятельства не дали вамъ къ тому случая, при чемъ вы, умѣя цѣнить заслуги тѣхъ, которые его носятъ, все-таки можете поставить въ удовольствіе доказать имъ ваше уваженіе вашимъ присутствіемъ. Простите меня, государь, если мое усердіе нескромно; но пока я буду принимать къ сердцу вашу славу, и пока любовь къ вамъ вашихъ вѣрноподданныхъ будетъ предметомъ моихъ желаній для васъ, я буду считать своимъ долгомъ раскрывать вамъ мое сердце на счетъ всего, что можетъ касаться лично вашего императорскаго величества. Въ такихъ чувствахъ относительно моего государя считаю я долгомъ жить и умереть»¹⁾.

¹⁾ Осьмнадцатый Вѣкъ, III, 425—426.

Письмо Нелидовой произвело свое дѣйствіе: Павелъ уступилъ старому своему другу въ томъ, въ чемъ не хотѣлъ уступить ни Маріи Ѳеодоровнѣ, ни Плещееву, а затѣмъ 30-го ноября посѣтилъ Смольный институтъ, вмѣстѣ съ Маріей Ѳеодоровной, великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и его супругой Елисаветой Алексѣевной ¹⁾. 11-го декабря, наканунѣ дня рожденія своей любимицы, Павелъ, стремясь излить на нее свою щедрость и не смѣя дарить ей лично, именнымъ указомъ сенату пожаловать ей матери двѣ тысячи душъ крестьянъ въ родномъ ей Дорогобужскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи ²⁾. Новая милость императора къ роднымъ Нелидовой, какъ видно, сильно смутила ее, и она писала ему:

«Ради Бога, государь, позвольте мнѣ просить у васъ, какъ милости, чтобы вы уменьшили этотъ даръ, слишкомъ щедрый, на половину. Моя мать всегда бы сочла за великое и неожиданное для себя богатство тысячу душъ, отъ которыхъ я не смѣю отказаться за нее, потому что она мнѣ мать. Вы понимаете, государь, все то, что въ этихъ обстоятельствахъ можетъ связать мнѣ языкъ. Но смѣю завѣрить васъ всѣмъ тѣмъ, что есть для меня священнаго, что я сочла бы истиннымъ благодѣяніемъ, если бы вы имѣли милость дать ей 500 душъ, и моя мать сочла бы себя весьма счастливою и щедро награжденною, между тѣмъ какъ 2.000 душъ тяготятъ мою совѣсть: ни моя мать, ни кто либо изъ моихъ близкихъ еще не служилъ вамъ; есть еще время уменьшить вашъ даръ на половину, и я повергаюсь къ вашимъ стопамъ, чтобы просить васъ объ этомъ; можно сказать, что 2.000 душъ были выставлены по ошибкѣ: сдѣлайте это, государь, ради Бога, пока на это есть еще время, снимите съ моего сердца тяжесть». Благодаря затѣмъ Павла за присланный ей лично фарфоръ, Нелидова заключила свое письмо словами: «я была бы счастлива, если бы у меня не было ни дня рожденія, ни именинъ» ³⁾. Пожалованіе матери Нелидовой, конечно, уменьшено не было, а 1-го января 1797 г. Павелъ Петровичъ доказалъ безкорыстно-скромной своей любимицѣ, что, кромѣ дня рожденія и именинъ, существуетъ для раздачи милостей еще и новый годъ: въ этотъ день тотъ же счастливый, очевидно любимый, братецъ Нелидовой произведенъ былъ въ полковники съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта ⁴⁾.

Примиреніе между Павломъ и Нелидовой, очевидно, состоялось: Нелидова не устояла въ своемъ рѣшеніи, объявленномъ ею Александру Куракину за четыре дня до восшествія Павла на престолъ,—только молиться о счастіи своего непостояннаго друга. И дворъ,

¹⁾ Камеръ-фурьерскій журналъ 1796 г.

²⁾ Сенатскій архивъ, 80.

³⁾ Осьмнадцатый Вѣкъ, III.

⁴⁾ Высочайшіе приказы 1797 г., Спб. Вѣдомости, № 2.

и вся официальная Россія знали уже, кто является властительницей сердца императора, въ чьихъ рукахъ находится гибель и милость самодержца, не привыкшаго разбираться въ своихъ впечатлѣнiяхъ и дѣйствовавшаго быстро и рѣшительно. Всѣ, искавшiе милости Павла Петровича, группировались около всемогущей, какъ казалось, фаворитки, положенiе которой было тѣмъ прочтѣе и почетнѣе, что сама супруга Павла, новая императрица, всячески выказывала ей свое вниманiе и уваженiе.

«Вамъ прiятно будетъ узнать,—писалъ Воронцову придворный докторъ Рожерсонъ 14-го декабря 1796 года,— что миръ и согласiе царствуютъ въ императорскомъ семействѣ. Императрица, которая, безъ сомнѣнiя, есть самая добродѣтельная женщина въ мирѣ, пользуется влиянiемъ, но не злоупотребляетъ имъ... Она занята тѣмъ, что дѣлаетъ добро. Она часто ѣздитъ въ Смольный монастырь, который ввѣренъ ей попеченiямъ. Она прилагаетъ всѣ старанiя, чтобы побудить m-lle Нелидову возвратиться ко двору, но та до настоящаго времени остается непоколебимою въ этомъ отношенiи. Дѣвица эта ведетъ себя такимъ образомъ, что возбуждаетъ всеобщее удивленiе и почтенiе: она изрѣдка появляется на придворные обѣды, но не хочетъ ни во что вмѣшиваться, хотя ей ни въ чемъ не было бы отказа. Г-жа Делафонъ назначена статсъ-дамой, и я думаю, что честолюбивыя цѣли Нелидовой заключаются въ томъ, чтобы послѣ этой престарѣлой своей подруги получить начальство надъ Смольнымъ» (sic)¹⁾.

Одна изъ придворныхъ дамъ того времени, извѣстная графиня Головина, еще подробнѣе уясняетъ значенiе, прiобрѣтенное тогда Нелидовой. «Въ первый визитъ свой въ Смольный, — рассказываетъ она, — императоръ примирился съ Нелидовой и велъ себя такъ хорошо, что сама императрица вынуждена была смотрѣть на нее, какъ на лучшаго своего друга, и сообразно съ этимъ относиться къ ней. Съ этого момента единенiе самое полное (*l'intimité la plus parfaite*) видимо установилось между императрицей и m-lle Нелидовой. Императрица этимъ союзомъ съ новою своею подругой укрѣпила свое влиянiе, и обѣ онѣ вмѣшивались во всѣ дѣла и во всѣ назначенiя и въ особенности поддерживали другъ друга. Единенiе это было бы для всѣхъ удивительнымъ, если бы вскорѣ не стало яснымъ, что оно основывалось на личномъ интересѣ: безъ m-lle Нелидовой императрица не могла рассчитывать имѣть какое либо влиянiе на своего супруга, какъ это и было потомъ доказано; точно также и Нелидова безъ императрицы, въ стремленiи своемъ вести себя всегда прилично, не могла бы играть при дворѣ той роли, которою она пользовалась, и нуждалась поэтому въ расположенiи императрицы, бывшемъ какъ бы защитой для ея репутацiи. Посвѣщенiя Смольнаго

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, XXX, 84—85.

дворомъ сдѣлались весьма часты. Императрица была чрезвычайно рада видѣть дворъ въ учрежденіи, которымъ она управляла, а м-ше Нелидовой пріятно было доказать публикѣ, что именно ея присутствіе влекло туда императора, и что онъ охотно являлся туда потому, что м-ше Нелидова въ особенности любила это мѣсто. Вслѣдствіе всего этого, всѣ три заинтересованныя лица находили свои вечернія собранія прелестными, проводя ихъ часто исключительно въ бесѣдѣ другъ съ другомъ. Но остальная часть двора присутствовала тамъ лишь потому, что императоръ пріѣзжалъ всегда въ Смольный не иначе, какъ съ большою свитой. Великіе князья и великія княгини проводили тамъ время смертельно скучно. Иногда молодыя воспитанницы давали концерты, иногда онѣ танцевали, но часто время проходило въ полномъ ничегонедѣланіи».

Сама Нелидова также ѣздила иногда въ Зимній дворецъ, гдѣ отведены были для нея особые апартаменты, долгое время и послѣ называвшіеся Нелидовскими ¹⁾, но не захотѣла переселиться туда на постоянное жительство, зная хорошо перемѣнчивый характеръ государя и не желая вторично ставить себя въ ложное положеніе.

Въ чемъ же выразилось вліяніе Нелидовой въ то время, когда ея царственный поклонникъ сдѣлался повелителемъ обширнѣйшей и могущественнѣйшей имперіи въ свѣтѣ? Можно сказать положительно, что въ новомъ своемъ значеніи наша героиня оказалась тою же сентиментально доброю и благонамѣренною институткой, какою была она и ранѣе при дворѣ Павла. У Нелидовой не было и признаковъ государственнаго ума и политическаго образованія, не было даже твердыхъ политическихъ убѣжденій, которыя могли бы выработаться у нея даже чисто практическимъ путемъ въ теченіе 20-ти-лѣтняго пребыванія среди дѣльцовъ вѣка Екатерины въ водоворотѣ крупныхъ политическихъ перемѣнъ въ судьбахъ Россіи и Европы, рѣзко характеризующихъ собою вторую половину XVIII вѣка. Вмѣсто какихъ либо теорій, Нелидова, подобно большинству женщинъ того времени, создавала себя не продуманныя политическія симпатіи, вызванныя на свѣтъ Божій преимущественно какими либо нравственными и сердечными мотивами: все доброе, прекрасное, великодушное или все казавшееся таковымъ встрѣчало участіе и поддержку Екатерины Ивановны, какъ бы мало ни согласовалось это «доброе» съ государственными соображеніями и цѣлями; точно также, по чисто женской логикѣ, всѣ симпатичные почему либо люди или казавшіеся таковыми признавались людьми достойными и полезными для государства, и, наоборотъ, самые искренніе и дѣловитые государственные люди не возбуждали къ себѣ никакого уваженія, если отталкивали отъ себя несимпатичною внѣшностью или какимъ либо мнѣніемъ, мало согласовавшимся съ «вели-

¹⁾ Русскій Арх., 1878, 2168.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1897 г., т. LXX.

кoduшiemъ», «доброtoю» и т. д. Короче, политическія мнѣнія Нелидовой и единомысленныхъ съ ней приближенныхъ Павла говорили болѣе сердцу, чѣмъ уму. Вотъ почему въ области теоретическихъ государственныхъ соображеній Павелъ Петровичъ былъ всегда сильнѣе Нелидовой и дѣйствовалъ, какъ и прежде, въ этомъ отношеніи самостоятельно: измѣнялся всегда не образъ его мыслей, а характеръ его дѣйствій, которымъ легко было управлять и Нелидовой, и Маріи Ѳеодоровнѣ, въ первое время его царствованія.

Удерживать императора отъ вспышекъ гнѣва и отъ рѣзкихъ необдуманныхъ распоряженій, вызывавшихъ недовольство войскъ и общества, ходатайствовать за опальныхъ, назначать на высшія придворныя и государственныя должности людей, благонамѣренныхъ и преданныхъ государю, — вотъ чего главнымъ образомъ добивались новая императрица и ея довѣренная фрейлина. Въ особенности легко было имъ содѣйствовать выбору должностныхъ лицъ. Павла Петровича всегда преслѣдовала боязнь заговоровъ или дворцоваго переворота: событія 1762 года всегда живо представлялись его воображенію. Поэтому онъ стремился окружить себя такими людьми, на которыхъ могъ бы вполне разчитывать. Оттого онъ, по свидѣтельству современниковъ, возвышалъ на высшія должности часто недостойныхъ людей, менѣе всего способныхъ къ исполненію возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Такихъ людей онъ выбиралъ изъ числа своихъ гатчинцевъ, такихъ онъ отыскивалъ среди приверженцевъ своего отца, которые когда-то дали ему доказательство своей вѣрности, среди ихъ потомковъ или родственниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ преслѣдовалъ и удалялъ тѣхъ, которые пользовались вниманіемъ его матери и которые уже по одному этому были для него подозрительны. Боязнь какой либо измѣны была постояннымъ, всегда дѣйствующимъ мотивомъ его поступковъ и его милостей ¹⁾. Старые друзья Павла, братья Куракины, сразу получили высшія мѣста въ имперіи: Александръ, другъ Нелидовой, назначенъ былъ вице-канцлеромъ, а Алексѣй — генералъ-прокуроромъ, Ростопчинъ и Аракчеевъ завѣдывали военною частію, Плещеевъ, Лопухинъ, Нелединскій-Мелецкій, двоюродный братъ Куракиныхъ, состояли при особѣ императора для докладовъ, Кушелевъ по морской части и др. Изъ екатерининскихъ дѣльцевъ пользовался дѣйствительнымъ влияніемъ лишь Безбородко, умѣвшій доказать свою преданность и выдвинувшій тогда же и Трошинскаго. Было бы утомительно перечислять всѣхъ лицъ, которымъ, по личнымъ соображеніямъ, покровительствовала сама Нелидова: достаточно указать на графа Ѳ. Ѳ. Буксгевдена, женатаго на ея интимной институтской подругѣ, Наталіи Александровнѣ Алексѣевой ²⁾, и получившаго,

¹⁾ Czartoryski, Memoires, I, 182.

²⁾ Князь Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», I, 6, 421. — По

по восшествіи Павла на престолъ, извѣстный эстляндскій замокъ Лоде, предполагавшійся, какъ думали, мѣстомъ ссылки самого Павла, съ принадлежащими къ нему мызами, и затѣмъ графское достоинство¹⁾, а также барона Гейкинга, женатаго на дочери г-жи Делафонъ, изъ предсѣдателей курляндской гражданской палаты пожалованнаго сначала сенаторомъ и въ этомъ званіи употреблявшаго всѣ усилія къ возобновленію уничтоженныхъ Екатериной остзейскихъ привилегій, а затѣмъ и президентомъ юстицъ-коллегіи. «Вызванный внезапно въ Петербургъ,— рассказываетъ самъ Гейкингъ,— я послѣдшилъ въ Смольный институтъ, къ своей тещѣ, у которой нашель дамъ изъ нашихъ пріятельницъ. Мы уже отобѣдали, когда изъ дворца пріѣхала фрейлина Нелидова. Самымъ любезнымъ образомъ выразила она радость свидѣться со мною у «Guten Mama» (такъ продолжали называть мою тещу всѣ бывшія воспитанницы института, какое бы положеніе въ обществѣ онѣ ни занимали). Поцѣловавъ у своей «тата» руку, она сказала ей: «ихъ величества поручаютъ мнѣ поздравить васъ съ удовольствіемъ видѣть у себя господина барона. Государь милостиво разрѣшилъ привѣтствовать его завтра вечеромъ». Затѣмъ, оборотясь ко мнѣ, госпожа Нелидова внушительно замѣтила: «Вы не дурно сдѣлаете, если завтра поутру заѣдете къ генераль-прокурору (Алексѣю Куракину); но ранѣе восьми часовъ», замѣтила она, улыбаясь. «Да», сказалъ кто-то изъ присутствующихъ: «все въ Петербургѣ измѣнилось: поднимаются очень рано, а въ 11 часовъ вечера всѣ—по домамъ». Оказалось, что генераль-прокурору уже повелѣно было спросить у Гейкинга, какое ему угодно будетъ занять мѣсто въ Петербургѣ, и скромный баронъ выбралъ себѣ только мѣсто сенатора; вмѣстѣ съ тѣмъ, еще до представленія государю, Гейкингу даровано было рѣдкое право присутствовать на малыхъ вечернихъ собраніяхъ во дворцѣ и ужинать съ государемъ. Гейкингъ и впоследствии пользовался поддержкой Fräulein Nelidow²⁾.

Заступничество Нелидовой за опальныхъ повело къ тому, что она не имѣла враговъ; напротивъ, она всѣмъ внушала къ себѣ расположеніе своимъ поведеніемъ. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей революціи 1762 года, оберъ-гофмаршалъ князь Ѡ. С. Барятинскій, первый испыталъ заслуженный, хотя и поздній гнѣвъ императора: въ день кончины Екатерины на его мѣсто оберъ-гофмаршаломъ назначенъ былъ графъ Н. П. Шереметевъ; самъ же Барятинскій быть уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ на другой день, 7-го ноября³⁾. «Въ день

свидѣтельству Гельбига, она была дочерью графа Григорія Орлова, у котораго Вуксговдонъ былъ адъютантомъ.

¹⁾ Сенатскій Архивъ, I, 58, 142.

²⁾ «Aus den Tagen Kaiser Pauls», Leipzig, 1886, 8 et seq.

³⁾ Сенатскій Архивъ, I, 1. Любопытно, что одновременно съ этимъ другой по мнѣнію виновный дѣятель 1762 года графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій под-

праздника св. Георгія, — рассказывает графиня Головина въ своихъ запискахъ, — дочь князя Барятинскаго, княгиня Долгорукова, просила императора о прощеніи отца, но Павелъ отказалъ ей. Тогда Долгорукова обратилась за помощію къ Нелидовой, которая и обѣщала ей свое покровительство. Я находилась позади нихъ обѣихъ, когда княгиня настаивала предъ м-ше Нелидовой, чтобы она ходатайствовала за нее предъ императоромъ. Въ это время государь приблизился къ м-ше Нелидовой, которая стала говорить ему о княгинѣ Долгоруковой, какъ о дочери, страдающей при видѣ несчастія отца. Императоръ отвѣтилъ: «Я также имѣлъ отца, сударыня». По крайней мѣрѣ, ходатайству Нелидовой Барятинскій одолженъ былъ, вѣроятно, тѣмъ, что избавленъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Не менѣе любопытный случай рассказываетъ Шишковъ, состоявшій въ то время при особѣ императора. «Мнѣ, — говоритъ онъ, — случилось однажды на балѣ, въ день бывшаго правдства, видѣть, что государь чрезвычайно разсердился на гофмаршала и приказалъ позвать его къ себѣ, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ему великую непріятность. Катерина Ивановна стояла въ это время подлѣ него, а я — за ними. Она, не говоря ни слова и даже не смотря на него, заложила руку свою за спину и дернула его за платье. Онъ тотчасъ почувствовалъ, что это значило, и отвѣтилъ ей отрывисто: «Нельзя воздержаться!» Она опять его дернула. Между тѣмъ, гофмаршалъ приходитъ, и хотя Павелъ изъявилъ ему свое негодованіе, но гораздо кротчайшимъ образомъ, нежели какъ по первому гнѣвному виду его ожидать надлежало. О, если бы при царяхъ, и особливо строптивыхъ и пылкихъ, — заключаетъ Шишковъ, — всѣ были Катерины Ивановны!»¹⁾ Письма Нелидовой къ Павлу вообще были наполнены просьбами за опальныхъ²⁾. Доброе сердце, боязнь за безопасность государя, желаніе, чтобы царственный ея другъ возбуждалъ своими дѣйствіями чувства восхищенія, радости, а не вражды и страха, — вотъ что руководило Нелидовой въ ея ходатайствахъ за лицъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ ей даже совершенно неизвѣстныхъ. Настойчивость Нелидовой оправдывалась иногда и личными соображеніями; всѣмъ было извѣстно вліяніе ея на государя, и она имѣла основаніе бояться, что многія изъ его жестокихъ распоряженій лягутъ на ея совѣсти, вывонуть въ обще-

---

вергся опалѣ значительно позже, а первое время Павелъ, вопреки распространеннымъ рассказамъ, относился къ нему довольно благосклонно. Такъ, изъ камеръ-фурьерскаго журнала 1796 года видно, что Орловъ въ теченіе ноября мѣсяца былъ два раза, въ числѣ немногихъ, приглашаемъ къ высочайшему столу. Намъ сдается, что опала графа Орлова-Чесменскаго послѣдовала послѣ находки Павломъ письма, напечатаннаго въ «Архивѣ князя Воронцова», XXI, 98. Павелъ показалъ его Маріи Феодоровнѣ и Нелидовой (тамъ же, 94).

¹⁾ Шишковъ, Записки, 81 — 82, примѣчаніе.

²⁾ Осьмнадцатый Вѣкъ, III, passim.

ствѣ, не знавшемъ истинныхъ предѣловъ ея воздѣйствія, дурные о ней толки. «Мнѣ невозможно, государь,— писала она однажды Павлу,— воспротивиться голосу состраданія, которое заставляетъ меня показать вамъ это раздражающее письмо. Мое заступничество не повело бы тутъ ни къ чему, я это знаю; поэтому я не прошу васъ сдѣлать что нибудь для меня, но для Бога. Сжальтесь надъ 80-ти-лѣтнимъ старцемъ! Если бы вы знали, что мнѣ стоитъ говорить, и чего мнѣ стоитъ молчать въ подобныхъ случаяхъ, вы бы поняли всю тяжесть моего положенія» ¹⁾. Но и государственныя соображенія, хотя въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, также имѣли для Нелидовой свою долю значенія при ея стремленіи умолять неводержнаго на гнѣвъ императора. Всеобщая перетасовка даже высшихъ должностныхъ лицъ въ имперіи, послѣдовавшая вслѣдъ за воцареніемъ Павла, замѣна старыхъ, опытныхъ екатерининскихъ дѣльцевъ людьми, правда, преданными новому государю, но вовсе еще не знакомыми съ дѣлами управленія,— не могли не вызывать опасеній и Нелидовой, и Маріи Ѳеодоровны, въ особенности при склонности Павла къ опрометчивымъ, необдуманнымъ рѣшеніямъ. Извѣстный правитель канцеляріи Потемкина, Василій Степановичъ Поповъ, завѣдывалъ послѣ его смерти дѣлами императорскаго кабинета. Узнавъ о многихъ противозаконныхъ и корыстныхъ дѣйствіяхъ Попова, совершенныхъ имъ во время службы его при Потемкинѣ, Павелъ уволилъ его безъ прошенія, назначивъ на его мѣсто бывшего своего бібліотекаря Донаурова ²⁾. По этому поводу Нелидова писала императору: «Я не знаю лично Попова, но полагаю, что было бы жаль лишиться человѣка, извѣстнаго по своему трудолюбію и порядливости (*vraiment d'ordre*). Если то, что вамъ въ немъ не нравится, не такого свойства, что могло бы повредить дѣламъ, то ради Бога, государь, будьте снисходительны: удерживайте ихъ какъ можно долѣе, эти свѣтлыя головы. Но если совершенно необходимо дать ему преемника, то посоветуйтесь объ этомъ съ Безбородко. Его честности можетъ послужить вамъ ручательствомъ, что онъ укажетъ вамъ на человѣка способнаго; что касается до меня, то я не смѣю положиться на свое сужденіе. Во всякомъ случаѣ, молю Бога, чтобы онъ руководилъ вами» ³⁾. Слѣдствіемъ этого письма было назначеніе Попова уже 8-го февраля членомъ мануфактуръ-коллегіи ⁴⁾. Платонъ Зубовъ, также навлекшій на себя немилость Павла и уволенный 3-го февраля по прошенію за границу для поправленія здоровья ⁵⁾, обязанъ былъ этой легкой формой

¹⁾ Осьмнадцатый Вѣкъ, III, passim, 439. Мы не могли опредѣлить, по какому случаю написано было это письмо.

²⁾ Сенатскій архивъ, I, 92.

³⁾ Осьмнадцатый Вѣкъ, III, 438.

⁴⁾ Сенатскій архивъ, I, 104.

⁵⁾ Тамъ же, 98.

своей опалы также Нелидовой. «Благодарю васъ, государь,—писала она,—за вашу милость къ князю Зубову, ибо всѣ страждущіе имѣютъ право на мое сочувствіе, и я всегда тронута вашимъ великодушіемъ къ нимъ. Да благословитъ васъ Богъ»¹⁾. Нелидова хлопотала также и за Суворова, чѣмъ, конечно, не мало содѣйствовала облегченію его печальной участи²⁾. Вообще, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что первый годъ царствованія Павла отличался бы гораздо большею суровостью, если бы нравъ государя не умѣрялся въ это время мягкимъ вліяніемъ его друга.

VI.

Смерть г-жи Бенкендорфъ.—Торжества коронаціи.—Анна Петровна Лопухина и Кутайсовъ.—Проявленія дурныхъ свойствъ характера императора.—Николай Петровичъ Архаровъ.—Назначеніе императрицы Маріи Ѳеодоровны начальствовать надъ Воспитательными домами.—Въ какой мѣрѣ Нелидова содѣйствовала благотворительной дѣятельности Маріи Ѳеодоровны?

Въ мартѣ 1797 года, среди приготовленій къ коронаціи, Марія Ѳеодоровна потеряла стараго друга своего, г-жу Бенкендорфъ, которая умерла за границей, куда поѣхала лѣчиться. По воцареніи Павла, г-жа Бенкендорфъ вызвана была вмѣстѣ съ мужемъ ко двору и осыпана милостями государя, старавшагося забыть неудовольствія великаго князя, но, наученная горькимъ опытомъ, она уже ни во что не вмѣшивалась и держала себя, по отзыву современниковъ, очень скромно³⁾. Съ своей стороны, Нелидова отнеслась къ Бенкендорфъ дружелюбно, чѣмъ приобрѣла новыя права на расположеніе Маріи Ѳеодоровны, которая, помѣстивъ двухъ дочерей Бенкендорфъ въ Смольный, поручила ихъ особому вниманію Нелидовой и вновь назначенной помощницы Деллафонъ, г-жи Пальменбахъ⁴⁾. Пока императорская чета готовилась въ Москвѣ къ коронаціи, смольнянки съ Нелидовой во главѣ, угождая военнымъ вкусамъ Павла Петровича, вышивали девять воинскихъ знаменъ⁵⁾. Повезла ихъ въ Москву сама Нелидова, пріѣхавшая туда къ самому торжеству коронаціи, которая произошла въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Торжество это сопровождалось несслыханными дотоле милостями вновь вѣнчаннаго императора: чины, ордена, громадныя имѣнія, десятки тысячъ дунгъ крестьянъ розданы были съ невѣроятною

¹⁾ Осьмнадцатый Вѣкъ, III, 106.

²⁾ «Correspondance», 362.

³⁾ Письма Николаю къ Воронцову, Архивъ князя Воронцова, XXII, 30.

⁴⁾ Письма Маріи Ѳеодоровны къ Плещеву (ркн.). Варонъ Бюлеръ: «Императрица Марія Ѳеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ монастырѣ», Русск. Стар., 1890.

⁵⁾ Correspondance, 372.

расточительностію лицамъ, пользовавшимся его расположеніемъ, особенно въ гатчинскій періодъ его жизни. Львиная доля этихъ милостей досталась друзьямъ Нелидовой, князьямъ Александру и Алексію Куракинымъ, пожалованія которымъ, по миллионной стоимости ихъ, можно было бы сравнить лишь съ пожалованіями, сдѣланными въ это же время Безбородко ¹⁾). Несомнѣнно, что одно лишь личное желаніе, хорошо извѣстное Павлу Петровичу, было причиною того, что Нелидова не получила въ день коронаціи ничего, кромѣ званія камеръ-фрейлины, вполнѣ соотвѣтствовавшего ея исключительному значенію при дворѣ.

Впрочемъ, уже въ Москвѣ, среди коронаціонныхъ празднествъ, на горизонтѣ царственной четы и Нелидовой появилось легкое облачко, впоследствии превратившееся въ грозовую тучу. Изъ московскихъ дѣвицъ, явившихся ко двору, особенное вниманіе Павла обратила на себя молодая, 19-ти-лѣтняя Анна Петровна Лопухина, дочь одного изъ московскихъ сенаторовъ, Петра Васильевича Лопухина. Это была красавица-брюнетка, съ чудною бѣлизною лица и глубокими выразительными глазами; красота Лопухиной носила, по отзыву современниковъ, кроткій, меланхолическій характеръ, и была тѣмъ болѣе поразительна, что Лопухина отличалась необыкновенною скромностію. По словамъ современника, Павелъ нѣсколько разъ говорилъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Анной Петровной, и это повело къ безпокойству императрицы и Нелидовой, постаравшихся ускорить отъѣздъ императора изъ Москвы. Но, разумѣется, это обстоятельство не скрылось и отъ другихъ придворныхъ, въ особенности отъ Ивана Павловича Кутайсова, только что произведеннаго въ гардеробмейстеры, но продолжавшаго исполнять свои обязанности брэдоброя при государѣ ²⁾). Кутайсовъ считалъ себя обиженнымъ при раздачѣ коронаціонныхъ наградъ и винилъ въ этомъ исключительно императрицу и Нелидову, вліаніе которыхъ на Павла онъ жаждалъ замѣнить своимъ или чьимъ либо другимъ въ личныхъ своихъ цѣляхъ. Замѣчательно, что императрица и Нелидова именно въ это время спасли отъ гнѣва Павла этого злѣйшаго и самаго опаснаго своего врага. «Имѣніями и орденами (во время коронаціи),— рассказываетъ Гейкинъ, — вообще не скупелись. Пользуясь этимъ, г. Кутайсовъ, хотя и получилъ уже чинъ статскаго совѣтника, вдумавъ попросить у государя еще орденъ св. Анны 2-го класса. Сильно разгнѣвавшись, Павелъ выгналъ его и, войдя къ императрицѣ, у которой засталъ фрейлину Нелидову, объявилъ имъ, что Кутайсовъ

¹⁾ Вѣроятно, что именно, эти пожалованія, въ связи съ дружескими отношеніями Нелидовой къ князю Александру Куракину, и вызвали въ Москвѣ слухъ, что «камеръ-фрейлина Нелидова идетъ за вице-канцлера князя Куракина». Архивъ князя Воронцова, XIV, 484.

²⁾ Aus den Tagen Kaiser Pauls (Heyking), 46

уже уволенъ за его безстыдство. Усилия государыни успокоить своего супруга, въ которомъ еще кипѣла кровь, были напрасны; только послѣ объѣда удалось г-жѣ Нелидовой испросить прощенье Кутайсову. Тотъ въ изъявленіе благодарности бросился къ ея ногамъ, но послѣдствія показали, какова была его признательность къ обѣимъ его благодѣтельницамъ»¹⁾. Во всякомъ случаѣ, непосредственность чувствъ рыцарскаго государя, на проломъ стремившагося къ водворенію «порядка и правды» въ Россіи, измѣнчивость его настроенія, боязнь измѣны и заговоровъ, подавали интриганамъ, наполнявшимъ дворъ, увѣренность въ томъ, что вліянію Марии Оеодоровны и Нелидовой на императора, рано или поздно, положенъ будетъ конецъ. Передавая графу Воронцову подробности происходившихъ въ Москвѣ событій, лейбъ-медикъ Рожерсонъ писалъ ему 10-го іюня 1797 года о характерѣ дѣйствій Павла: «Все производилось здѣсь случайно, по минутному впечатлѣнію. Когда онъ (Павелъ) чего либо хочетъ (курсивъ въ подлинникѣ), не осмѣливаются дѣлать ему возраженія, такъ какъ на каждый совѣтъ или представленіе онъ смотритъ, какъ на ослушаніе (rebellion). Иногда на слѣдующій день императрица, и еще чаще Нелидова, въ особенности когда онѣ дѣйствуютъ совмѣстно, успѣваютъ пріостановить его рѣшеніе, но это случается очень рѣдко»²⁾. Нелидова въ настоящее время очень дружна съ императрицей, и нужно сознаться, что по своимъ качествамъ, по своему характеру, по своей умѣренности, она стоитъ выше всѣхъ прочихъ фаворитовъ и министровъ»³⁾.

Дѣйствительно, въ Москвѣ Павелъ Петровичъ не всегда сдерживалъ себя, видя на происходившихъ смотреахъ войскъ недостаточную, по его мнѣнію, исправку солдатъ по новому образцу, имъ только что установленному, и приписывая это «потемкинскому духу» офицеровъ: военные приказы того времени наполнены рѣзкими выговорами и даже исключеніями офицеровъ изъ службы»⁴⁾. Хуже всего

¹⁾ Aus den Tagen Kaiser Pauls (Hoyking), 45—46.

²⁾ 18-го апрѣля, въ Успенскомъ соборѣ въ высочайшемъ присутствіи было молебствіе и засимъ торжественное чтеніе новаго статута орденовъ, въ число которыхъ, однако, не былъ внесенъ орденъ св. Георгія. Но во время этого чтенія, «государь изустно съ престола ирочи соизволилъ тако: «А орденъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія остане на прежнемъ своемъ основаніи такъ, какъ и статутъ его». Спб. Вѣдом., 1797 г., № 69. Несомнѣнно, что это одинъ изъ случаевъ, указываемыхъ Рожерсономъ.—П. С. З., 17.917.

³⁾ Архивъ князя Воронцова, XXX, 86—87.

⁴⁾ Изъ приказовъ этихъ выдѣляется особенно приказъ отъ 27 марта: «Государь объявляетъ свое удовольствіе генералъ-адъютанту Архарову за сегодняшній разводъ его полка.—Екатеринославскаго кирасирскаго полка шефу, генералу-отъ-кавалеріи князю Волконскому—выговоръ за неисправность его полка. Онаго же полка майору Ермолинъ выключенъ изъ службы.—Его императорское величество, замѣтивъ, что офицеры Екатеринославскаго кирасирскаго полка не прилежатъ и не радѣютъ къ службѣ, сдѣлалъ таковымъ выговоръ, а впредь принужденъ будетъ взять другія мѣры и всѣхъ лѣнивыхъ и неприлежныхъ выключитъ изъ службы.

было то, что, дѣйствуя по первому впечатлѣнію и не давая себѣ труда разобрать дѣло, Павелъ весьма часто наказывалъ людей, равно ни въ чемъ неповинныхъ, и, наоборотъ, выражалъ иногда свое благоволеніе именно людямъ, которые, угождая его слабостямъ, думали только о личныхъ своихъ выгодахъ. Однимъ изъ такихъ фаворитовъ Павла былъ въ это время петербургскій генераль-губернаторъ, Николай Петровичъ Архаровъ, человѣкъ весьма хитрый и проницательный, снискавшій себѣ извѣстность въ царствованіе Екатерины, какъ отличный полицейскій сыщикъ. При Павлѣ Архаровъ задумалъ играть другую, болѣе важную роль: пользуясь подоврительностію императора и его боязнію измѣны и заговоровъ, онъ старался съ одной стороны держать Павла въ постоянномъ безпокойствѣ своими доносами, чтобы сдѣлаться необходимымъ для него человѣкомъ, а съ другой—доказать ему свое усердіе, поддѣлываясь подъ его вкусы, самовольно усиливая значеніе и смыслъ его распоряженій и часто, даже сознательно, искажая ихъ; такъ, напримѣръ, на другой же день по кончинѣ Екатерины, онъ приказалъ будочникамъ срывать съ проходящихъ по улицамъ круглыя шляпы и фраки, не нравившіеся Павлу, какъ признакъ революціоннаго духа времени: онъ же принималъ дѣятельное участіе въ раскрытіи мнимаго заговора Дмитріева и Лихачева. Всѣ сами по себѣ мелочныя распоряженія Павла Петровича по полицейской части: о ношеніи одежды, объ обзорѣ наружнаго благочинія петербургскихъ обывателей, приводились имъ въ исполненіе отъ имени императора съ придирчивостію и неумолимою жестокостію, вызывавшими всеобщее негодованіе, донося о которомъ онъ вновь имѣлъ случай увѣрить Павла въ своей преданности и полезности. Императрица и Нелидова не любили Архарова, считали его человѣкомъ низкимъ по характеру и, по случаю пребыванія его въ Москвѣ на торжествахъ коронаціи, содѣйствовали назначенію временнымъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ графа Ѳ. Ѳ. Буксгевдена, женатаго на Наталіи Александровнѣ Алексѣевой, подругѣ Нелидовой. Съ этого времени Архаровъ чувалъ опасность для себя въ будущемъ и бралъ свои мѣры.

2-го мая, наканунѣ выѣзда императорской четы изъ Москвы, императрица Марія Ѳеодоровна назначена была главноначальствовать надъ воспитательными домами въ обѣихъ столицахъ. Едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ, что Нелидова имѣла какое либо вліяніе какъ на это назначеніе, такъ и вообще на всю широкую просвѣтительную и благотворительную дѣятельность своей царственной подруги¹⁾. Нелидова интересовалась Смольнымъ только лишь, какъ

О таковыхъ шефъ этого полка, замѣчая немедленно, долженъ прислать списокъ его величеству». Засимъ слѣдуетъ цѣлый списокъ уже исключенныхъ офицеровъ. Спб. Вѣдом., № 80. Ср. рассказъ А. М. Тургенева, Русск. Стар., 1886, X, 66.

¹⁾ Русскій Архивъ, 1886, I, 206.

мѣстомъ своего воспитанія, въ дѣла же воспитательныхъ домовъ никогда не вмѣшивалась, и о нихъ въ перепискѣ ея съ императрицей не упоминается ни однимъ словомъ, кромѣ обычныхъ фразъ о великодушій императрицы и о ея добротѣ; стремленіе проявить свою личность дѣлами благотворенія на широкомъ поприщѣ было пріусуще духовной природѣ императрицы, тогда какъ Нелидова, при всей своей сердечности, лишена была всякихъ организаторскихъ талантовъ и даже въ пору наибольшаго своего вліянія ничѣмъ не проявила своихъ склонностей на поприщѣ общественной дѣятельности въ какой либо доступной для женщинъ сферѣ.

VII.

Отъѣздъ императорской четы изъ Москвы.—Архаровъ и императрица Марія Ѳеодоровна.—Правительственная система императора Павла Петровича и личныя его особенности.—Мелочность и строгость управленія.—Вредныя ихъ послѣдствія и неудовольствіе дворянства и общества.—Дѣятельность Архарова въ Петербургѣ.—Недовольство ею императрицы и Нелидовой.—Замѣна Архарова гр. Вуксгевденомъ.—Строгость и мелочность военныхъ порядковъ при Павлѣ.

Императоръ Павелъ выѣхалъ изъ Москвы 3-го мая, направляясь по Смоленской дорогѣ, чтобы проѣздомъ въ Петербургъ посмотреть литовскія губерніи; въ тотъ же день прямой дорогой черезъ Тверь отправилась въ Петербургъ и Марія Ѳеодоровна. Ее сопровождалъ, по приказанію государя, Архаровъ, возвращавшійся къ своей должности и помѣщавшійся въ восьмимѣстной каретѣ ея величества. «Прости, Господи, прегрѣшенія раба твоего Николая,—пишетъ Тургеневъ,—но этотъ Николай (Архаровъ) былъ хитрѣе самого бѣса. Ястребинныя большіе его глаза, казалось, пронизывали землю. Онъ умѣлъ незамѣтнымъ образомъ склонить разговоръ о быломъ при вступленіи Екатерины II на тронъ, возбудилъ любопытство, но, какъ говорятъ, на всякаго хитреца бываетъ много простоты: Архаровъ не распозналъ, что это было одно любопытство, и понялъ подъ видомъ любопытства скрывающіяся желанія—знать, какъ дѣйствовать въ потребномъ случаѣ, желаніе имѣть примѣръ въ руководство, распространился и, какъ объяснилось послѣдствіемъ, распространился въ разсказѣ черезъ мѣру наивно! Описывая блистательное время царствованія великой Екатерины, Архаровъ сказалъ, что «благословенные дни счастья, славы и благоденствія могутъ мгновенно возникнуть въ Россіи, слѣдуетъ только поступать по стопамъ въ Божѣ почившей мудрой повелительницы Сѣвера». По возвращеніи государя, благовѣрная супруга его,—добавляетъ Тургеневъ,—пересказала императору слышанное ею на пути отъ Архарова. Черезъ 24 часа было повелѣно Архарову отправиться на безвыѣздное его житіе въ село Разбѣгаевку (Разсказово), Тамбовской

губерніи, которое ему принадлежало» (пожаловано было въ день коронаціи ¹⁾).

Разсказъ этотъ, не исполнѣ, быть можетъ, достовѣрный въ подробностяхъ, въ высшей степени характеристиченъ для эпохи и дѣйствующихъ лицъ, и въ правдивости его нѣтъ поводовъ сомнѣваться. Искренно ли говорилъ Архаровъ Маріи Ѳеодоровнѣ или, что гораздо вѣроятнѣе, желалъ вывѣдать ея мысли, чтобы затѣмъ предать ее, — во всякомъ случаѣ слова Архарова должны были возмутить императрицу ²⁾. Любя своего супруга и вовсе не желая повторять событій 1762 г., Марія Ѳеодоровна въ то же время могла бояться, что Павелъ узнаетъ объ этомъ разговорѣ отъ самого Архарова въ извращенномъ видѣ, а она уже испытала нѣсколько разъ, что подозрѣнія Павла, боявшагося за свой престолъ и безопасность, обращались совершенно неосновательно и на нее: императрицѣ оставалось только, ограждая Павла отъ слугъ, подобныхъ Архарову, позаботиться о скорѣйшемъ удаленіи Архарова изъ столицы.

Марія Ѳеодоровна возвратилась изъ Москвы 7-го мая и поселилась въ любимомъ лѣтнемъ своемъ мѣстопребываніи, въ Павловскѣ, за 20 дней до прибытія Павла Петровича изъ поѣздки его по Россіи. Въ этотъ относительно спокойный промежутокъ времени она имѣла полную возможность обсудить вмѣстѣ съ Нелидовой положеніе дѣлъ въ имперіи при новомъ государѣ и тѣ мѣры, которыми онѣ могли бы предотвратить печальныя послѣдствія крутого нрава императора. Павелъ царствовалъ уже болѣе полугода, правленіе его уже возбуждало общественное неудовольствіе, въ особенноти въ кругу дворянства, которое было тогда единственнымъ культурнымъ и политически сильнымъ классомъ общества. Правительственная система Павла Петровича, оставшаяся въ главныхъ чертахъ неизмѣнною при его преемникахъ, заключалась въ ослабленіи значенія дворянскаго сословія, въ уничтоженіи его привилегій, сословныхъ и экономическихъ, въ облегченіи тягостей крестьянства и въ водвореніи порядка и законности въ Россіи; короче, въ его сознаніи, въ основѣ его правительственныхъ мѣропріятій, лежала мысль о равноправности всѣхъ предъ закономъ, источникомъ котораго являлась власть монарха; щедрая раздача крестьянскихъ душъ въ день коронаціи произведена была исключительно

¹⁾ Записки А. М. Тургенева, «Русская Старина», 1885 г. X, 78—74.

²⁾ Извѣстно, что въ іюнѣ 1796 г. императрица Екатерина предложила Маріи Ѳеодоровнѣ подписаться подъ акты, лишавшіе Павла правъ престолонаслѣдія, но получила отъ нея рѣзкій отказъ. Казалось бы, этотъ поступокъ Маріи Ѳеодоровны долженъ былъ внушить Павлу довѣріе къ ней. На самомъ же дѣлѣ, когда послѣ смерти Екатерины онъ узналъ объ этихъ переговорахъ, то, по свидѣтельству его дочери, королевы нидерландской Анны Павловны, онъ измѣнилъ отношенія къ своей супругѣ и сталъ относиться къ ней подозрительно. Сборникъ Имп. Р. И. О., XC, 1411, 10.

съ административными цѣлями: «у меня,—говорилъ Павелъ,—столько же полицеймейстеровъ, сколько помѣщиковъ», и одновременно съ этимъ объявленъ былъ манифестъ объ обязанности крестьянъ работать въ пользу помѣщиковъ лишь три дня въ недѣлю ¹⁾, мѣра, на которую изъ боязни обидѣть дворянство не рѣшилась сама Екатерина во все 34-лѣтнее свое царствованіе. Стѣсняемое при дворѣ, откуда Павелъ изгналъ всѣхъ праздныхъ царедворцевъ для опредѣленія въ военную службу, вынужденное нести дѣйствительную военную службу со всѣми ея тягостями, лишившись всѣхъ особуныхъ привилегій, связанныхъ съ зачисленіемъ младенцевъ въ списки гвардейскихъ полковъ и съ переходомъ изъ гвардіи въ армію, — дворянство увидѣло себя ограниченнымъ и въ сферѣ чисто помѣщичьей власти, въ отношеніяхъ своихъ къ «крѣпостнымъ», которыми оно, по мысли Павла, должно было управлять, а не держать ихъ въ кабалѣ. Быстрота рѣшеній Павла, неумолимая строгость въ ихъ исполненіи, дѣлали положеніе еще болѣе невыносимымъ. Павлу недоставало умѣнія достигать своихъ цѣлей исподоволь, постепенно, выбирая для этого средства болѣе мягкія, менѣе обидныя; напротивъ того, онъ спѣшилъ, какъ будто боясь не успѣть во всемъ задуманномъ, и, проникшись сознаніемъ полноты своей власти, предпочиталъ дѣйствовать мѣрами суровыми, вовсе не заботясь о выгодахъ и мнѣніи отдѣльныхъ личностей. Привыкнувъ распоряжаться у себя въ маленькомъ хозяйствѣ, Гатчинѣ и Павловскѣ, гдѣ ему извѣстна была вся подноготная и гдѣ ни одна мелочь не ускользала отъ его зоркаго глаза, Павелъ Петровичъ полагалъ возможнымъ приемы этого хозяйства примѣнить и къ жизни громадной имперіи, управляя ею самолично, не оказывая довѣрія ни одному изъ своихъ сотрудниковъ, которыхъ онъ мѣнялъ по малѣйшему подозрѣнію въ чистотѣ ихъ дѣйствій или даже по капризу. Съ цѣлію добиться правды, желая открыть къ себѣ доступъ всякому обиженному и слабому, Павелъ велѣлъ установить у Зимняго дворца знаменитый желтый ящикъ для прошеній, жалобъ и доносовъ, которые всѣ лично прочитывалъ, полагая на нихъ всегда, по обыкновенію, быстрыя, рѣшительныя, но именно потому далеко не всегда обдуманная резолюція. Не было впрочемъ чиновника въ Россіи, который бы не боялся этого желтаго ящика, не было такого преступленія или такой несправедливости, которыя не могли бы быть извѣстны чрезъ этотъ ящикъ грозному государю, не знавшему предѣловъ ни въ своемъ гнѣвѣ, ни въ своей милости. Поэтому, насколько любили Павла Петровича низшіе классы населенія, на-

¹⁾ П. С. З., 17.906.—Саблуковъ («Русскій Архивъ», 1869, 1893) пишетъ: «Павелъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ... Несомнѣнно, что крестьяне считали милостію и преимуществомъ переходъ въ частное владѣніе».

столько же трепетали его классы высшіе, дворянство и чиновничество, а между тѣмъ они-то и окружали особу монарха, наполняя собою дворъ, гвардію и столицу и составляя единственный культурный классъ общества. Прямого противодѣйствія государю въ то время еще не могло быть, но существовало глухое недовольство правительственною системою, стремленіе унижить ее, дѣлать смѣшною. Въ этомъ отношеніи Павелъ Петровичъ оказался легко уязвимъ. Не ограничиваясь важными, коренными преобразованиями въ строго народной и государственной жизни, онъ задумалъ установить, такъ сказать, патріархальную опеку надъ частною жизнью своихъ подданныхъ, стремясь повсюду къ ея простотѣ, порядку и единообразію: изданы были распоряженія противъ роскоши, опредѣленъ былъ часъ, когда въ Петербургѣ должны были быть потушены огни въ частныхъ домахъ, указаны были формы одежды, угодной государю, приняты были мѣры даже противъ употребленія многихъ словъ въ русскомъ языкѣ въ официальныхъ бумагахъ и даже въ разговорѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что эти мѣры, касавшіяся мелочей жизни каждаго, были болѣе отяготительны, чѣмъ какія либо крупныя реформы, такъ какъ, примѣняясь ежедневно, ежечасно, и ломая укоренившіяся привычки, онѣ вызывали постоянное озлобленіе въ обществѣ, въ особенности при дѣятельности усердной не по разуму петербургской полиціи, находившейся подъ начальствомъ пронырливаго и загадочнаго по своимъ дѣламъ и намѣреніямъ Николая Петровича Архарова. Въ особенности тяжело было для жителей столицы предписаніе всѣмъ выходить изъ экипажей, при встрѣчѣ съ государемъ; дамы обязаны были въ этихъ случаяхъ становиться на подножку экипажа. Распоряженіе это повело къ тому, что при проѣздѣ Павла улицы пустѣли. Страсть императора къ мелочамъ военной службы, крайняя чуткость къ театральнымъ и смѣшнымъ экзерциціямъ ежедневнаго вахтъ-парада временъ Фридриха II, отъ правильнаго исполненія которыхъ, при страшной вспыльчивости Павла Петровича, зависѣла судьба солдатъ и офицеровъ, также усиливали всеобщее неудовольствіе. Все это создавало крайне нервное напряженное состояніе духа въ служиломъ классѣ всей Россіи, особенно же въ жителяхъ Петербурга и въ лицахъ, приближенныхъ къ особѣ государя. Эта нервность отражалась въ усиленной степени и на ея виновникѣ, самомъ Павлѣ Петровичѣ, который, чувствуя глухую оппозицію своимъ мѣрамъ и будучи напуганъ ужасами французской революціи, сталъ бояться бунта и заговоровъ, въ каждой случайной ошибкѣ и неточномъ исполненіи его приказаній видѣлъ умышенное неповиновеніе, признакъ революціоннаго духа... Какая обильная почва для недоразумѣній всякаго рода и интригъ злонамѣренныхъ людей!

Ожидая въ Павловскѣ возвращенія Павла, Марія Θεодоровна до такой степени привыкла обмѣниваться мыслями съ Нелидовой, что

въ тѣ дни, когда Нелидова не прїѣзжала въ Павловскъ, она писала ей, сообщая различныя новости и изливая предъ ней свои чувства. Обѣ относились къ положенію дѣлъ въ государствѣ довольно тревожно, но источникъ тревоги видѣли не въ направленіи внутренней политики государя, а исключительно въ его характерѣ и аномальности его совѣтниковъ.

«Я узнала о новой подлости Архарова,—писала Марія Феодоровна 20 мая. — Говорятъ, что онъ принуждаетъ всѣхъ окрасить двери своихъ домовъ ромбами въ черный и желтый цвѣта, и что хозяинъ одного изъ лучшихъ домовъ, гдѣ двери украшены рѣзною работою, также принужденъ обезобразить ихъ такимъ образомъ. Архаровъ простираетъ свою подлость такъ далеко, что приказалъ объявить хозяевамъ, которые исполнить его требованія отказываются, что онъ пришлетъ къ нимъ маляровъ, и они разрисуютъ имъ двери на ихъ счетъ. Все это падаетъ на нашего добраго императора, который несомнѣнно и не думалъ отдавать подобнаго приказанія, существующаго, какъ я знаю по отношенію къ заборамъ, мостамъ и солдатскимъ будкамъ, но отнюдь не для частныхъ домовъ. Архаровъ—негодяй (*un vilain monsieur*). Я больше не довѣряю ему своихъ писемъ, потому что онъ мало берегетъ ихъ, а посылаетъ ихъ прямымъ путемъ чрезъ почту. Этотъ толстый господинъ разсердится, будетъ имѣть двойное горе—разсердится и затѣмъ утihnуть. Прощайте, дорогое дитя, я пишу вамъ, какъ и говорю вамъ,—языкомъ сердца, вамъ преданнаго¹⁾».

Для замѣны Архарова былъ уже намѣченъ испытанный кандидатъ, графъ Буксгевденъ, женатый на подругѣ Нелидовой и ко всеобщему удовольствію умѣло исполнявшій должность Архарова, во время пребыванія его въ Москвѣ на коронаціи. «Въ это время,—писалъ Рожерсонъ Воронцову,—городъ былъ очень доволенъ графомъ Буксгевденомъ, но, съ возвращеніемъ Архарова, притѣсненія всякаго рода возобновились. Человѣкъ этотъ имѣлъ много вліянія съ самаго начала нынѣшняго царствованія. Онъ приобрѣлъ себѣ значеніе своею хитростію (*souplesse*), угодничествомъ и качествомъ, которое особенно теперь цѣннѣе, это — шпионствомъ. Я замѣтилъ, однако, еще до прїѣзда сюда императора, во время 8-ми-дневнаго пребыванія своего въ Павловскѣ, что императрица и Нелидова—очень дурного о немъ мнѣнія²⁾. Дѣйствительно, Архарову пришлось уgomониться тотчасъ по прїѣздѣ Павла Петровича. 27 мая, объявлено было высочайшее удовольствіе генералъ-лейтенанту графу Буксгевдену за хорошее управленіе въ С.-Петербургѣ въ отсутствіе генерала отъ инфантеріи Архарова³⁾; 17 іюня, Архаровъ уволенъ

¹⁾ *Lettres de S. M. l'Impératrice Marie Feodorowna à m-lle Nélidow, publiées par Eugène Choumihorsky, 14—15.*

²⁾ Арх. кн. Воронцова, XXX, 89—90.

³⁾ Гейкинъ прибавляетъ, что одновременно съ этимъ въ ознаменованіе осо-

былъ отъ должности с.-петербургскаго военнаго губернатора, а 19-го іюня графу Буксгевдену повелѣно было быть военнымъ губернаторомъ въ С.-Петербургѣ, подъ начальствомъ великаго князя Александра Павловича. Объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ увольненіе Архарова, вѣрнѣе всѣхъ рассказываетъ Гейкинъ. «Думая приготовить,—говоритъ онъ,—пріятный сюрпризъ возвращающемуся государю, Архаровъ приказалъ всѣмъ безъ исключенія обывателямъ столицы окрасить ворота своихъ домовъ и даже садовые заборы полосами черной, оранжевой и бѣлой красокъ, по образу шлагбаумовъ. Это смѣшное приказаніе надо было исполнить немедленно, и это повлекло за собою огромные расходы, такъ какъ маляры воспользовались удобнымъ случаемъ и запрашивали, сколько вздумается. Со всѣхъ сторонъ раздались крики негодованія. Императрица, поспѣшавшая на встрѣчу своему августѣйшему супругу, была сильно поражена этимъ приказаніемъ, о которомъ ей ничего не было сказано. Она ли обратила вниманіе государя, или самъ Павелъ пораженъ былъ количествомъ и однообразіемъ казенныхъ и частныхъ построекъ, но онъ, при въѣздѣ своемъ, спросилъ, что означаетъ эта странная фантазія. Ему отвѣчали, что полиція принудила обывателей безотлагательно исполнить волю монарха». — «Такъ что-жъ я дуракъ, что ли, чтобы сталъ отдавать такія повелѣнія?» — гнѣвно воскликнулъ Павелъ. Этотъ самъ по себѣ маловажный случай повлекъ за собою паденіе Архарова ¹⁾. «По пріѣздѣ въ Гатчину,—рассказываетъ другой современникъ, В. С. Хвостовъ,—государь отъменно былъ милостивъ къ Архарову, даже, обнимая, цѣловалъ его и таковымъ былъ съ нимъ до развода караула и во все время, пока не пошелъ къ императрицѣ и отъ нея къ фрейлинѣ Нелидовой. Возвратясь въ кавалерскую, съ гнѣвнымъ видомъ приказалъ Архарову, чтобы тотчасъ уѣхалъ въ Петербургъ и никогда бы ему не казался» ²⁾).

Прусскій посланникъ, графъ Брюль, донося своему правительству о предполагаемомъ назначеніи Буксгевдена на мѣсто Архарова, сообщалъ, однако, и о болѣе важныхъ послѣдствіяхъ причинахъ общественнаго неудовольствія, связанныхъ съ дѣйствіями и распоряженіями Павла: «Неудовольствіе, особенно недовольство войскъ,—писалъ онъ,—увеличивается со дня на день. Отнимая у полковыхъ командировъ возможность грабить, имъ не даютъ средствъ къ жизни,

---

баго благоволенія государя пожалована была графу Буксгевдену брилліантовая табакерка съ портретомъ Павла, а его супругѣ орденъ св. Екатерины 2-го класса. Heuking, 50.

¹⁾ Heuking, 49—50. Гречъ приводитъ и другую причину увольненія Архарова—сильное видорожаніе сына: «Записки о моей жизни», 119. Уже 16 іюня издано было повелѣніе объ установленіи цѣнъ на съѣстные припасы. П. С. З., № 18.008.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1870 г., 592—595.

потому что у нихъ остается не болѣе 800 рублей жалованья; вмѣстѣ съ тѣмъ, солдата угомяютъ до невѣроятной степени, и онъ получаетъ такое отвращеніе къ службѣ, что вздыхаетъ свободно, лишь сдѣлавшись дервертиромъ. Неудовольствія знати нельзя выразить словами. Безпрестанныя нововведенія, неувѣренность, что можно сохранить занимаемое мѣсто на завтрашній день, доводятъ всѣхъ до отчаянія. Императора любятъ только низшіе классы городского населенія и крестьяне. Субалтернъ-офицеры всѣ въ нащѣтѣ. Непрерывныя экзерциціи, о которыхъ они не хотятъ и слышать, доходятъ до мелочей, уничтоженныхъ вездѣ въ другихъ странахъ. Богъ знаетъ, къ чему все это приведетъ». Дѣйствительно, порядокъ, быстрота и точность вахтпарадныхъ движеній слишкомъ дорого обходились войскамъ: по свидѣтельству очевидцевъ, солдатамъ приходилось вставать въ полночь, чтобы приготовиться къ вахтпараду, завивая другъ другу букли и косы и осыпая ихъ мукою, и не выпускать ружья иногда по 36 часовъ сряду, а главный экзерцирмейстеръ, Аракчеевъ, прибѣгалъ къ самымъ суровымъ взысканіямъ; рассказывали, напримѣръ, что онъ за упущеніе билъ одного солдата палкой по головѣ до тѣхъ поръ, пока тотъ не упалъ мертвымъ. Морскіе маневры, произведенные Павломъ въ началѣ іюля у Красной Горки, дали ему случай проявить свою требовательность и запальчивость и по отношенію къ флоту. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, Маріи Феодоровнѣ и Нелидовой пришлось и здѣсь смягчать гнѣвъ императора на окружавшихъ его лицъ. Заступничеству Нелидовой обязаны графъ Кушелевъ и состоявшій при особѣ императора эскадръ-майоромъ знаменитый впоследствии Шишковъ тѣмъ, что Павелъ не подвергъ ихъ взысканію за неисполненіе его приказанія, невозможнаго для моряковъ: «она, — говоритъ Шишковъ, — представила ему, что онъ напрасно сердится, потому что мы не отъ упрямства ему противорѣчили и, безъ сомнѣнія, служба долго на морѣ, должны лучше знать, какъ это бываетъ, и что можно или чего не можно сдѣлать» ¹⁾).

¹⁾ Шишковъ, «Записки», 81—82.

VIII.

Лѣтное пребываніе Павла Петровича и Маріи Теодоровны въ Павловскѣ. — Маневры и парады въ Павловскѣ. — Пребываніе Нелидовой въ Петербургѣ и боязнѣ императора по этому поводу. — Военныя тревоги въ Павловскѣ. — Подозрительность императора и печаль императрицы Маріи. — Вторая тревога въ Павловскѣ и ея послѣдствія.

Послѣ морскихъ маневровъ императорская чета поселилась сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Павловскѣ, куда прѣвѣжала отъ времени до времени и Нелидова, жившая попрежнему въ Смольномъ весьма уединенно, но, несмотря на то, окруженная всеобщимъ поклоненіемъ ¹⁾. «Забавы наши въ Павловскѣ были единообразны и скучны, — пишетъ Шишковъ. — Послѣ обѣда обыкновенно степенными и мѣрными шагами ходили мы прогуливаться по саду. Послѣ прогулокъ, отдохнувъ нѣсколько, ежедневно собирались мы на бесѣду, весьма утомительную. Тамъ государь и государыня, съ великими князьями и великими княжнами, садились рядомъ и проводили время въ разговорахъ, а мы сидѣли вокругъ комнаты, на стульяхъ, какъ бы прикованные къ нимъ истуканы, потому что ни разговаривать между собою, ни вставать съ нихъ не смѣли. Достопримѣчательнаго тутъ было только то, что на простирившемся на полу шлейфѣ платья императрицы лежала всегда дворная, паршивая собака, которая нигдѣ иначе не ложилась и которую императрица никогда не сгоняла» ²⁾. Другой очевидецъ, Саблуковъ, дополняетъ это описаніе болѣе веселыми подробностями. «Павловскъ, личная собственность императрицы Маріи, былъ разукрашенъ весьма князочно, и всякій клочекъ земли въ немъ, мало-мальски къ тому способный, былъ ярко запечатлѣнъ ея вкусомъ, ея наклонностями, ея воспоминаніями о заграничныхъ путешествіяхъ... Каждый вечеръ происходили здѣсь сельскіе праздники, поѣздки, запуски, театральныя представленія, импровизаціи, разные сюрпризы, балы и концерты, а императрица, ея прелестныя дочери и невѣстки своею привѣтливостію и изяществомъ придавали этимъ увеселеніямъ характеръ восхитительный. Самъ Павелъ предавался имъ съ увлеченіемъ» ³⁾. Настроеніе духа императрицы было, какъ это видно изъ писемъ ея къ Нелидовой за это время, очень мрачное: строгость и запальчивость императора по отношенію къ гвардейцамъ, проявлявшаяся постоянно на ежедневныхъ вахтпарадахъ, признаки неудовольствія

¹⁾ M-lle Nelidow est extrêmement respectée de tout le monde. Le roi de Pologne même a beaucoup d'attention pour elle. Elle loge toujours à la Communauté ne faisant que des courses pour paraître à la cour. Протасовъ—Воронцову въ августѣ 1797 г. въ Архивѣ кн. Воронцова, XV, 96.

²⁾ Шишковъ, 40.

³⁾ Русскія Арх., 1869, 1824.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1897 г., т. LXX.

въ обществѣ наполняли ея душу страхомъ за безопасность императора. Прежде она какъ бы довольна была необыкновеннымъ рвеніемъ Павла къ водворенію порядка въ управленіи: «высокое мнѣніе, которое имѣютъ о бдительности нашего дорогого императора, — писала она еще въ іюнѣ Нелидовой, — послужить самою побудительною причиною для господъ чиновниковъ быть точными въ исполненіи ихъ обязанностей» ¹⁾. Но мелочность императора, его суровыя и жестокія взысканія, возбуждали озлобленіе, и его-то она боялась, особенно въ войскахъ, такъ какъ Павелъ Петровичъ все болѣе и болѣе обнаруживалъ склонность заниматься исключительно военными упражненіями. Назначеніе Буксгевдена военнымъ губернаторомъ Петербурга успокоило императрицу немного: «Слава Богу, что гвардія хорошо настроена, — писала она 29-го іюля, — безъ Буксгевдена дѣло не пошло бы такимъ образомъ: это очень достойный и обходительный человекъ» ²⁾. Постоянные выговоры и наказанія, производимые государемъ, тѣмъ не менѣе, продолжали ее волновать. «Читатель не долженъ думать, — пишетъ Саблуковъ, — что пока въ Павловскѣ происходили увеселенія и праздники, поэтому прекратились тамъ дисциплинарныя строгости, введенныя въ Гатчинѣ и въ столицѣ. Напротивъ того, ихъ было столько же, если не болѣе, ибо такъ какъ ежедневно происходили смотры не надъ большими корпусами, какъ на маневрахъ, но надъ мелкими отрядами, то всякая погрѣшность становилась замѣтна. Въ Павловскѣ также была, такъ называемая, цитадель, или фортъ, Бигъ, куда офицеровъ при случаѣ сажали подъ арестъ» ³⁾. Между тѣмъ, Нелидова, удерживаемая въ Смольномъ предсмертною болѣзнію состарѣвшейся Делафонъ, не могла часто посѣщать Павловскъ и воздерживать Павла, а въ ея отсутствіе Марія Ѳеодоровна чувствовала для этого себя безсильною. «Вы прійдете 27-го іюля, — писала она ей, — ожиданіе это внушаетъ намъ пріятное чувство потому, что васъ всегда желаютъ видѣть тѣ, которые нѣжно васъ любятъ» ⁴⁾.

Между тѣмъ, въ Павловскѣ произошли событія, усилившія тревогу Маріи Ѳеодоровны. «Однажды вечеромъ (это было 2-го августа), — рассказываетъ современникъ, — когда государь, окруженный дворомъ и своимъ обычнымъ обществомъ, прогуливался въ саду Павловска, услышали вдругъ звуки барабана, на которые обратили вниманіе, такъ какъ для вечерней зори было еще рано. Изумленный государь остановился. Звуки барабана раздавались уже повсюду. «Да это — тревога!» — вскричалъ Павелъ и быстрыми шагами возвратился ко дворцу, сопровождаемый великими князьями и военными. Императрица съ остальною частію

¹⁾ Lettres, oct, 30.

²⁾ Correspondance, 38.

³⁾ Изъ записокъ Саблукова, Русскій Архивъ, 1869, 1925.

⁴⁾ Correspondance, 37.

общества слѣдовала за нимъ издали. Приблизившись ко дворцу, нашли, что одна изъ ведущихъ къ нему дорогъ занята была частію гвардейскихъ полковъ; кромѣ того, со всѣхъ сторонъ и со всевозможною поспѣшностію стекались ко дворцу и кавалерія и пѣхота. Спрашивали, куда нужно было идти, сталкивались, и на дорогѣ, недостаточно широкой для скопленія войскъ, кавалерія, пожарный обозъ, военныя повозки прокладывали себѣ путь съ ужасными криками. Императрица, опираясь на руку одного придворнаго, пробиралась чрезъ эту толпу, спрашивая объ императорѣ, котораго она потеряла изъ виду. Безпорядокъ, наконецъ, сдѣлался такъ великъ, что нѣкоторыя дамы, именно великія княгини, принуждены были перескочить заборъ, чтобы не быть раздавленными. Вскорѣ войскамъ данъ былъ приказъ раздѣлиться. Повернули ко дворцу. Императоръ былъ взволнованъ и въ дурномъ расположеніи духа. Аллей было много, и войска продолжали прибывать къ дворцу въ теченіе всего вечера. Подобное и безъ всякой уважительной причины скопленіе войскъ, имѣвшихъ репутацію безпокойныхъ (*reputée inquiette*), коими были гвардейцы, могло только встревожить такой подозрительный и недовѣрчивый характеръ, какимъ былъ характеръ императора. Послѣ долгихъ розысковъ открыли, что вся эта суматоха произведена была трубою, на которой играли въ конногвардейскихъ казармахъ. Въ ближайшихъ казармахъ вообразили, что это—сигналь къ тревогѣ, повторили его, и такимъ образомъ тревога распространилась отъ одного полка къ другому. Войска думали, что это была дѣйствительно тревога, испытаніе ¹⁾. Чрезъ день, почти въ тотъ же часъ, когда дворъ прогуливался въ другой части сада, прилегающей къ большой дорогѣ и отдѣленной отъ нея лишь оградой, вдругъ услышали звукъ трубы, и нѣсколько кавалеристовъ во всю прыть прискакали по тропинкѣ, прилегавшей къ большой дорогѣ. Императоръ въ гнѣвѣ бросился на нихъ съ поднятою палкой и принудилъ возвратиться назадъ. Великіе князья и адъютанты торопились послѣдовать его примѣру. Всѣ были очень удивлены этой второй сценой. Императрица въ особенности потеряла голову. Она закричала, обратившись къ камергерамъ: «бѣгите, господа, спасайте вашего государя!». Затѣмъ, увидѣвъ возлѣ себя графа Феликса Потockаго, добраго малаго, но довольно неуклюжаго толстяка, пытавшаго смѣшную боязнь къ императору, она схватила его за руку и толкнула впередъ. Рѣдко можно видѣть смѣшнѣе фигуру, чѣмъ фигура, которую изображалъ собою въ это время бѣдный графъ Феликсъ, не понимавшій, чего отъ него хотѣли, и болѣе

¹⁾ Не сочли нужнымъ вывести войска изъ этого заблужденія. Въ приказѣ отъ 8-го августа объявлено было «удовольствіе за вчерашнее усердіе и исправность во время тревоги», за первое благодарность, за второе—удовольствіе. Спб. Вѣд., № 18.

испуганный криками императрицы, чѣмъ опасностію, которой подвергался императоръ. На этотъ разъ войскамъ помѣшали собраться, но никогда не узнали достовѣрно истинной причины этой второй суматохи: никто не могъ или не хотѣлъ объяснить ее. Говорили, что убѣжденные въ томъ, что суматоха, происшедшая за день до того, была тревогой, произведенной по приказанію императора, — гвардейцы были ежеминутно наготовѣ ко второй, и что легкій шумъ показался имъ сигналомъ; другіе утверждали, что сигналъ данъ былъ дурнымъ шутникомъ съ цѣлію произвести смятеніе, подобное предыдущему. Въ концѣ концовъ, нѣкоторые были наказаны, и затѣмъ ничего подобнаго болѣе не повторялось».

Въ сущности все это дѣло, само по себѣ, не имѣло серьезнаго значенія: смятеніе было несомнѣнно только результатомъ нервнаго состоянія гвардіи и всѣхъ лицъ, бывшихъ при особѣ государя, который военныя забавы и упражненія считалъ самымъ важнымъ дѣломъ монарха и весьма часто подвергалъ опасности свое достоинство самодержца, превращаясь въ самаго зауряднаго и мелочнаго экзерцирмейстера. Императрица Марія Теодоровна ясно видѣла крайность, въ которую впадалъ въ этомъ отношеніи ея супругъ, и жаловалась на него Нелидовой.

«Между нами будь сказано, — писала ей о первой тревогѣ Марія Теодоровна 4-го августа, — до сихъ поръ еще не удалось выяснитъ, что было причиной смятенія. Отъ дѣтей своихъ я узнала вчера, что въ нѣкоторыхъ полкахъ ожидали тревоги еще съ утра, и что офицеры нашли солдатъ послѣ обѣда уже вполне готовыми. На вопросъ, что это значитъ, они объяснили, что говорили, что будетъ тревога; тогда офицеры приказали имъ раздѣться. Говоря по правдѣ, дорогое мое дитя, это мнѣ не нравится. Я боюсь, чтобы какой либо безразсудный не вздумалъ позабавиться. Это вызываетъ на размышленія. Не должно приучать солдатъ къ мысли о тревогѣ. Не слѣдуетъ никогда допускать, чтобы дворецъ былъ мѣстомъ сбора, потому что кто можетъ поручиться, что въ подобный моментъ не произойдутъ безпорядки. Напримѣръ, я знаю, что они взошли на гору со стороны трельяжа съ примкнутыми штыками. Если бы они не увидѣли императора, сидѣвшаго верхомъ, они проникли бы въ садъ, думая, что произошла бѣда во дворцѣ. Не слѣдуетъ приучать ихъ къ мысли, что можетъ произойти бѣда во дворцѣ. Были офицеры сброшенные, опрокинутые, двое ранены, ранено также нѣсколько солдатъ. Все это слѣдствіе усердія, но все-таки это — случаи, которые могутъ быть опасными, и я желала бы, чтобы было строго воспрещено, даже въ случаѣ пожара, производить когда либо тревогу иначе, какъ по непосредственному приказанію императора, потому что безъ этой предосторожности пожаръ можетъ послужить предлогомъ для подобныхъ сборищъ войскъ. Семеновскій полкъ былъ въ наибольшемъ порядкѣ, затѣмъ Измайловскій, но Преобра-

женскій полкъ пришелъ вразсыпную. Конногвардейцы — были превосходны, кавалергарды — также. Войска въ массѣ — прекрасны, вѣрны, преданы, но въ отдѣльныхъ случаяхъ кто можетъ поручиться, что не было злоумышленниковъ? Всѣ эти размышленія пусть останутся между нами, моя добрая подруга, но они меня очень занимаютъ, потому что я нахожу ихъ важными. Императоръ держалъ себя чудесно, хвала войска, ихъ вѣрность и преданность; гласно онъ не доискивается причинъ тревоги, но должно избѣгать ихъ на будущее время» ¹⁾.

Послѣ второй суматохи, происшедшей 4-го августа, Марія Теодоровна писала на другой день Нелидовой: «Добрая и дорогая моя подруга, предметъ моего письма не позабавитъ васъ, дорогое мое дитя. У насъ была вторая тревога въ одинъ и тотъ же часъ съ прежней. Мы спокойно прогуливались, когда услышали крики и страшный шумъ. Такъ какъ это было подъ горою, то мы думали, что это везуть камни, но шумъ увеличивался, и услышали шумъ ѣдущихъ повозокъ. Обойдя вокругъ озера, мы увидѣли мостъ занятымъ артиллерійскими солдатами, и въ это же время казаки и гусары шли вокругъ озера, направляясь ко дворцу. Императоръ и дѣти (Александръ и Константинъ Павловичи) возвращаются назадъ и быстрыми шагами идутъ къ мѣсту, мы слѣдуемъ за ними, какъ можно скорѣе. Императоръ громкимъ голосомъ приказалъ возвратиться назадъ артиллеріи, Преображенскому полку и гусарамъ. Мы уже всѣ были тамъ, и наши лица выражали неудовольствіе. Дѣти побѣжали къ площади, предназначенной со времени послѣдней суматохи быть мѣстомъ тревоги, и тамъ нашли уже всю гвардію. Они послѣпно отослали ее назадъ. Въ какіе нибудь полчаса все водворено было на свои мѣста. Императоръ произвелъ разслѣдованіе, и оказалось, что почтовый рожокъ былъ принятъ за сигналъ къ тревогѣ ²⁾. Два барабанщика Преображенскаго полка начали бить тревогу, часть солдатъ побѣжали, не ожидая приказанія своихъ офицеровъ, а тѣ показали поразительную глупость, не только не остановивъ ихъ, но даже послѣдовавъ ихъ примѣру». По разсказу Гельбига, Павелъ Петровичъ имѣлъ при себѣ, въ Павловскѣ, большой отрядъ гвардіи, который онъ весь день обучалъ, и чтобы испытать бодрость и военную выправку солдатъ, будилъ ихъ по ночамъ тревогами и выводилъ въ строй къ походу. Въ этихъ случаяхъ онъ самъ вставалъ, одѣвался, шелъ на дворцовый дворъ и въ казармы, чтобы трубить тревогу и судить о готовности войскъ; по его объясненію, тревога 4-го августа вызвана была приказомъ Павла выдать всѣмъ почтальонамъ нѣмецкіе рожки, которыми они должны были оповѣщать о времени своего прибытія. Приказъ этотъ не былъ

¹⁾ Lettres etc., 25—26.

²⁾ Тамъ же, 27—28.

еще всѣмъ извѣстенъ. Между тѣмъ, одинъ изъ почтальоновъ, снабженный уже рожкомъ, привезъ кого-то съ экстреннымъ мальпостомъ изъ Петербурга въ Павловскъ и сталъ трубить по всему городу и у гвардейскихъ казармъ. Гвардейцы приняли рожокъ за тревогу ¹⁾. Ближайшимъ ея послѣдствіемъ было высочайшее повелѣніе отъ 6-го августа, объявленное жителямъ Павловска, о соблюденіи обычаями, особенно изъ простонародья, строжайшаго благочинія на улицахъ и въ дворцовомъ саду, «чтобы во время высочайшаго присутствія въ городѣ не было ни отъ кого произносимо: свистовъ, криковъ и недѣльныхъ разговоровъ» ²⁾.

IX.

Размолвка Нелидовой съ императоромъ.—Крутыя и суровыя дѣяствія императора по отношенію къ войскамъ.—Увѣщанія Нелидовой.—Объясненіе императора.—Тревоги императрицы и письма ея къ Нелидовой.—Пріѣздъ Нелидовой въ Гатчину.—Гатчинскіе маневры.—Новыя строгости Павла.—Неудовольствіе офицеровъ.—Отзывы о дѣяствіяхъ Павла и вліяніе на него Нелидовой.

Военныя тревоги въ Павловскѣ не могли, однако, побудить Нелидову пріѣхать въ Павловскъ, такъ какъ она удержана была въ Петербургѣ болѣзнію и смертію г-жи Деллафонъ и собственнымъ недорозумѣемъ; въ это же время тамъ готовилась свадьба брата ея, Аркадія, съ дочерью графа Буксгевдена, вновь назначеннаго петербургскаго военнаго губернатора. Марія Феодоровна переписывалась съ нею ежедневно длинными письмами, на которыхъ и Павелъ Петровичъ дѣлалъ свои короткія приписки, оговариваясь: «человѣкъ, который весь день работаетъ, не имѣетъ много времени, чтобы писать такъ длинно» ³⁾. Оба они приглашали Нелидову пріѣхать скорѣе къ нимъ; послѣ пріѣзда императорской четы въ Гатчину, 20-го мая, приглашенія эти сдѣлались еще болѣе настойчивы ⁴⁾. Между ней и Павломъ видимо существовала именно тогда размолвка, вызванная, вѣроятно, крутыя мѣрами Павла. Изъ военныхъ приказовъ того времени видно, что за время съ 1-го мая 1797 года по 24-е августа того же года исключено было изъ службы за пьянство, нерадѣніе и т. д. 117 офицеровъ ⁵⁾. Нѣкоторые изъ приказовъ этихъ были даже оскорбительнаго содержанія для лицъ, къ дѣлу неприкосновенныхъ; такъ, въ приказѣ отъ 14-го августа было объявлено: «лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку поручикъ Шенелевъ выключается въ Клецкій муш-

¹⁾ Русская Старина, 1887, III, 420.

²⁾ «Павловскъ. Очеркъ исторіи и описанію», 95—96.

³⁾ Correspondance, 42.

⁴⁾ Тамъ же, 48, 51—52, 55—56.—«Осьмнадцатый вѣкъ», 461, 466.

⁵⁾ Высочайшіе указы 1797 г.—Русск. Стар., 1878, III, 974.

катерскій полкъ за незнаніе своей должности, за лѣнь и нерадѣніе, къ чему онъ привыкъ въ бывшей должности его при князьяхъ Потемкинѣ и Зубовѣ, гдѣ, вмѣсто службы, обращались въ передней и въ пляскѣ»¹⁾. Нѣсколько ранѣе исключены были изъ службы камергеры Олешевъ и Балкъ за маловажныя провинности; той же участи должны были подвергнуться еще четверо, въ томъ числѣ два князя Голицына, которымъ былъ уже объявленъ указъ объ исключеніи, но вслѣдъ за тѣмъ они были прощены съ угрозою, что указъ этотъ будетъ приведенъ въ исполненіе при первой ихъ оплошности²⁾. Изъ Смольнаго Нелидова посылала Павлу просьбы о помилованіи многихъ изъ этихъ лицъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были исполнены, но на другія она получала отказъ.

«Помиловать несчастнаго Олешева,—писала Нелидова императору 8-го августа. — Богъ благословилъ уже васъ за Рата (полковника, прощеннаго по просьбѣ Нелидовой), заслужите еще благословеніе, дорогой государь. Когда я вижу глубоко прочувствованное горе, я жду васъ, и пока я буду видѣть подданныхъ, почитающихъ за счастье служить вамъ, я буду васъ мучить для того, чтобы вы не отвергали ихъ службы. Прощайте, будьте добры, будьте собою, ибо истинное расположеніе ваше—доброта»³⁾.

«Я раздѣляю скорбь вашу, прошу отпустить мнѣ мои грѣхи,—писалъ ей Павелъ 14-го августа,—но... не въ моей власти уничтожать то, что было разъ. Прощайте»⁴⁾.

Даже Нелидовой не легко было имѣть вліяніе на Павла Петровича: «Считая себя всегда правымъ,—говоритъ Саблуковъ,— онъ весьма упорно держался своихъ мнѣній»⁵⁾. Въ этихъ случаяхъ онъ не хотѣлъ уступать, изъ чувства правды и самолюбія, кому бы то ни было, особенно женщинѣ и особенно въ той области своей дѣятельности, которой онъ придавалъ чрезвычайно важное значеніе и въ которой женщина, по его мнѣнію, не могла быть судьей. Сохранилась въ рукописи слѣдующая записка Павла къ Нелидовой, безъ обозначенія года и числа, но, насколько можно судить по ея содержанію, относящаяся къ описываемому времени.

«Вы въ правѣ сердиться на меня, Катя (въ письмѣ на французскомъ языкѣ это слово написано порусски). Все это правда, но правда также и то, что съ теченіемъ времени, со дня на день, сдѣлаешься, пожалуй, слабѣе и снисходительнѣе. Вспомните Людовика XVI: онъ началъ снисходить и былъ приведенъ къ тому, что долженъ былъ уступить. Всего было слишкомъ очень мало и, между

¹⁾ Высочайшіе приказы, 1797 года, 108.

²⁾ Архивъ князя Воронцова. Письма Протасова.

³⁾ «Осьмнадцатый Вѣкъ», III, 434.

⁴⁾ Lottres etc., 81.

⁵⁾ «Русскій Архивъ», 1860, 1902.

тѣмъ, достаточно для того, что въ концѣ концовъ его повели на эшафотъ. Во всемъ этомъ нѣтъ женщины, хотя здѣсь хотятъ только женщинъ». (Намекъ на предыдущее царствованіе, когда былъ возможенъ упадокъ дисциплины) ¹⁾.

Въ настоящую минуту, однако, отсутствіе Нелидовой и ссора съ ней для Павла были тѣмъ тягостнѣе, что на предстоящихъ маневрахъ онъ надѣялся доказать все превосходство своей военной системы сравнительно съ прежней; съ другой стороны, именно маневры заставляли Марію Теодоровну желать, чтобы въ это время добрый геній Павла былъ возлѣ него, тѣмъ болѣе, что исторія съ тревогами въ Павловскѣ не выходила у нея изъ головы. Поэтому на другой день послѣ переѣзда Павла въ Гатчину Нелидова получила отъ императорской четы новое приглашеніе, сдѣланное въ самыхъ ласковыхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ.

«Вы—нашъ добрый, нашъ истинный другъ,—писала ей Марія Теодоровна,—и всегда имъ будете: любить васъ для насъ благо. Пріѣзжайте къ намъ, заклинаю васъ всѣми благородными чувствами вашей души, которыя, по совѣсти, предписываютъ вамъ это сдѣлать. Нашъ дорогой императоръ искренно сожалѣетъ о томъ, что огорчилъ васъ, клянусь вамъ. Гатчинскія удовольствія утрачиваютъ свою цѣну, потому что васъ тутъ нѣтъ. Онъ это чувствуетъ и говорить, и я говорю это вмѣстѣ съ нимъ, потому что желательно это ежеминутно. Послушайте голоса дружбы, повѣрьте мнѣ, добрый другъ мой, что болѣе продолжительное отсутствіе ваше было бы дѣствительнымъ зломъ, которое вы причинили бы мнѣ, оно было бы даже жестокииъ для васъ, такъ какъ ваше сердце было бы въ правѣ упрекать васъ за то, что вы истинно огорчили меня. Пріѣзжайте на свиданіе съ друзьями, нѣжно любящими васъ. Мы ждемъ васъ завтра навѣрное. Все готово, чтобы принять васъ, и васъ встрѣтятъ и обнимутъ очень, очень нѣжно». «Если я утратилъ право уговаривать васъ,—прибавлялъ въ этомъ письмѣ Павелъ,—то я не могъ бы найти лучшаго ходатая, чѣмъ та, которая пишетъ къ вамъ. Наше пребываніе здѣсь началось при столь счастливыхъ предзнаменованіяхъ, и ихъ нарушаетъ лишь ваше отсутствіе. Недостаетъ лишь васъ для моего счастья въ этомъ мѣстѣ, гдѣ Господь Богъ дозволилъ мнѣ предначертать то, что я теперь исполняю. Пріѣзжайте, васъ ждутъ—не нарушайте предзнаменованій. Я васъ жду» ²⁾.

¹⁾ Приводимъ это замѣчательное письмо въ подлинникѣ со всѣми особенностями правописанія Павла: «Vous avez bien raison Kati de me gronder tout cela est vrai et il est aussi vrai que de moment en moment on permettra plus de chose devant soi rappelle vous de Louis XVI il commença par devoir coudescendre et fut réduit à descendre, tout fut trop peu et rien ne fut assez que quand on le mena à l'échafaud. Il n'y a pas de femme dans tout ceci sinon qu'on ne veut ici que des hommes» (ркп).

²⁾ Осьмнадцатый Вѣкъ, III, 466.

И Нелидова должна была прїѣхать и присутствовать на всѣхъ парадныхъ маневрахъ, которые происходили въ Гатчинѣ осенью 1797 года. Безъ сомнѣнія, и Павлу, и ей живо представлялись минувшіе, казавшіеся уже столь далекими дни, когда въ той же Гатчинѣ опальный великій князь производилъ также маневры съ нѣсколькими ничтожными баталіонами. Сравнительно съ настоящими то были не маневры, а простыя военныя потѣхи: до такой степени все казалось мизерно и безцѣльно. Теперь, выражаясь словами Павла, Господь Богъ дозволилъ ему исполнить то, что онъ предназначалъ этими потѣхами и ради чего въ первые 10 мѣсяцевъ своего царствованія преобразовывалъ екатерининскую армію цѣною всевозможныхъ усилій и жертвъ. «Это были первые маневры по восшествіи на престолъ императора, — пишетъ участник Лубяновскій, — командовали: авангардомъ — наслѣдникъ цесаревичъ, аррьергардомъ — фельдмаршалъ графъ Каменскій; фельдмаршалъ князь Репнинъ былъ главнокомандующимъ. Не проходило дня безъ дождя; невзирая на то, все шло превосходно. Государь оттого былъ еще довольнѣе и веселѣе... За послѣднимъ маневромъ и за приказомъ у развода велѣно собраться всѣмъ генераламъ и полковымъ командирамъ; адъютанты, въ томъ числѣ и я, прїютились за начальниками. Окруженный побѣдоносными и побѣжденными вождями, императоръ, извустно повторивъ все то, что отдано было въ приказѣ, особенное всѣмъ войскамъ благоволеніе и удовольствіе, потомъ изволилъ сказать (такъ у меня записано): «Я зналъ, Господа, что образованіе войскъ по уставу было не всѣмъ прїятно; ожидалъ осени, чтобы сами увидѣли, къ чему все клонилось. Вы теперь видѣли плоды общихъ трудовъ въ честь и славу оубіа руссійскаго». Маневры заключились парадомъ, на которомъ, проходя мимо императрицы, никто не салютовалъ эспантономъ такъ легко, такъ искусно и ловко, какъ императоръ и главнокомандующій фельдмаршалъ, оба по званію баталіонныхъ командировъ, въ штиблетахъ»¹⁾. Но другой современникъ — очевидецъ, Саблуковъ, ближе стоявшій къ особѣ императора, рисуетъ событія и съ иной стороны. «Въ Гатчинѣ, — говоритъ онъ, — происходили большіе маневры и смотры и, пока они продолжались, большія увеселенія: концерты, балы, театральныя представленія непрерывно слѣдовали одни за другими; казалось, что всѣ удовольствія Версаля и Санъ-Суси сосредоточились въ Гатчинѣ. Но, увы! эти празднества часто помрачались строгостями всякаго рода, какъ, напримѣръ, арестомъ офицеровъ или мгновенной ссылкой ихъ въ отдаленныя полки. Случались также несчастія, какія бываютъ нерѣдко на большихъ кавалерійскихъ маневрахъ, и это весьма раздражало императора. Но хотя онъ всегда приходилъ въ гнѣвъ отъ такихъ случаевъ, однако, постоянно выказывалъ много человѣко-

¹⁾ Воспоминанія Ф. П. Лубяновскаго — Русскій Архивъ, 1872, 165—166.

любія, когда кто либо былъ серьезно раненъ»¹⁾. Очевидно, что Павелъ, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, не желалъ показать въ себѣ слабость. Нелидова тщетно писала ему: «Вотъ, любезный другъ, что вы только что прочли, и что я нахожу, открывъ книгу на удачу; это подтвержденіе нашего разговора: государи еще болѣе всѣхъ прочихъ людей должны упражняться въ терпѣніи и умѣренности. Чѣмъ выше поставлены, тѣмъ болѣе имѣемъ мы необходимыхъ отношеній къ людямъ, и тѣмъ чаще приходится намъ оказывать терпѣніе и умѣренность, ибо всѣ люди несовершенны»²⁾. Дѣло, впрочемъ, не ограничивалось однимъ увѣщаніемъ Нелидовой: споры ея съ Павломъ доходили иногда до крайней рѣзкости, гдѣ она обнаруживала свой пылкій характеръ.

Саблуковъ именно къ этому времени относитъ одну изъ такихъ сценъ, которой онъ былъ свидѣтелемъ; мы уже привели раньше эту сцену, а теперь позволимъ себѣ повторить ее болѣе подробно: «Однажды,—рассказываетъ онъ,—когда я былъ на караулѣ во дворцѣ, произошла забавная сцена. Офицерская караульная комната была у самаго кабинета государя, въ которомъ я часто слышалъ его молитвы. Около самой офицерской комнаты была обширная прихожая, въ которой стоялъ караулъ, а изъ этой прихожей длинный, узкій коридоръ велъ во внутренность дворца, и тутъ былъ поставленъ часовой, чтобы вызывать караулъ каждый разъ, какъ императоръ шель оттуда. Вдругъ я услышалъ крикъ часоваго: «на караулъ!», выбѣжалъ изъ своей комнаты, и солдаты едва успѣли схватить свои ружья, а я обнажилъ свою шпагу, какъ дверь коридора открылась настежь, а императоръ въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, при шляпѣ и шпагѣ, поспѣшно вошелъ въ комнату, и въ ту же минуту дамскій башмакъ, съ очень высокимъ каблучкомъ, полетѣлъ черезъ голову его величества, чуть-чуть ея не завадѣвши. Императоръ чрезъ мою комнату прошелъ въ свой кабинетъ, а изъ коридора вышла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмакъ, надѣла его и вернулась туда же, откуда пришла. На слѣдующій день, когда я снималъ караулъ, его величество пришелъ и шепнулъ мнѣ: «Мой милый, у насъ вчера была ссора». «Точно такъ, государь», отвѣтилъ я. Меня очень позабавилъ этотъ случай, и я не сказалъ о немъ никому, ожидая, что за нимъ послѣдуетъ что либо не менѣе забавное, и въ этомъ ожиданіи я не былъ обманутъ. Въ тотъ же день, вечеромъ на балѣ, императоръ подошелъ ко мнѣ, словно къ близкому другу и повѣренному, и сказалъ: «Мой милый, потанцуйте что нибудь хорошенькое». Я тотчасъ понялъ, что его величеству угодно, чтобы я потанцовалъ съ Е. И. Нелидовою. Что она могла протанцовать, кромѣ менуэта,

¹⁾ Изъ записокъ Н. А. Саблукова. Русскій Архивъ, 1869, 1916.

²⁾ Осмнадцатый Вѣкъ, III, 439.

гавота сороковых годовъ? Я спросилъ дирижера оркестра, можетъ ли онъ сыграть менуэтъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, я велѣлъ ему начать его и тотчасъ пригласилъ Нелидову, которая отличалась своими танцами въ Смольномъ монастырѣ. Мы начали танцевать. Какую грацію выказывала она, какъ великолѣпно выдѣлывала на и производила обороты, какая плавность была во всѣхъ движеньяхъ прелестной крошки—точь въ точь знаменитая Латини, учившая ее. Да и я не забылъ уроковъ Канциани, моего танцовальнаго учителя, и, при моемъ кафтанѣ à la Frédéric le Grand, мы, должно быть, имѣли точь въ точь видъ двухъ старыхъ портретовъ. Императоръ былъ въ восторгѣ и слѣдилъ за нами въ теченіе всего менуэта, поощряя насъ восклицаніями: «C'est charmant, c'est superbe, c'est délicieux!»¹⁾

Въ то время, какъ всѣ эти сцены происходили во дворцѣ, среди маневрировавшей арміи появлялись признаки дурнаго настроенія. Очевидно, нашлись люди, которые по-своему хотѣли истолковать выскательность и мелочную придирчивость государя къ гвардіи. Въ особенности недоволенъ былъ Преображенскій полкъ, которымъ командовалъ главный и самый жестокій экзерцирмейстеръ, Аракчеевъ, по своей неразвитости точнѣе другихъ исполнявшій самыя суровыя предписанія Павла и менѣе всего способный постигнуть духъ ихъ и беречь имя государя. Въ томъ же сентябрѣ Павелъ писалъ Аракчееву: «Доходитъ до меня, что нѣкоторые офицеры преображенскіе, какъ Чирковъ и Рахмановъ, распускаютъ слухи, что я, гвардіи не влюбя, хочу корпусъ иностранный для моей безопасности заводить и послать за французскимъ принцевымъ корпусомъ»... Другая записка Павла Аракчееву, тогда же написанная, еще важнѣе по своему содержанію: «Свѣдалъ я,—писалъ онъ,— что офицеры ваши разглашаютъ вездѣ, что они не могутъ ни въ чемъ угодить, забывая, что если бы они дѣлали, что — другихъ полковъ дѣлаютъ, то они равно имъ угождали; то и извольте имъ сказать, что легкій способъ сіе кончить—отступитья мнѣ отъ нихъ и ихъ кинуть, предоставя имъ всегда таковыми оставаться, каковы мерзкіе (sic) они прежде были, что я и исполню, а буду и безъ нихъ заниматься обороной государственнаго»²⁾. Легко понять теперь, почему въ ошибкахъ офицеровъ Павелъ склоненъ былъ видѣть оппозицію себѣ. 6-го октября въ высочайшихъ приказахъ уже отдано было: «Его императорское величество соизволилъ указать выбрать изъ Преображенскаго полка рядовыхъ, которые не хотятъ въ ономъ полку служить, для отсылки въ Томскъ въ гарнизонный Пелагинова полкъ»; вслѣдъ затѣмъ послѣдовало увольненіе отъ службы нѣкоторыхъ офицеровъ этого полка и массы

¹⁾ Русскій Архивъ, 1860, 1910.

²⁾ «Русская Старина», 1878, I, 488—489.

унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ ¹⁾). Другимъ полкамъ было нелегче: очевидно, что и послѣ прекрасныхъ маневровъ, доставившихъ удовольствіе государю, взыскательность не уменьшилась. «Часто,—говоритъ Саблуковъ,—за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ офицеры, прямо съ похода, отсылались въ другіе полки на большія разстоянія, и это случалось до того часто, что когда мы бывали на караулѣ, мы имѣли обыкновеніе класть нѣсколько сотъ рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться безъ копейки на случай внезапной ссылки. Три раза случалось мнѣ давать взаимны деньги товарищамъ, забывшимъ эту предосторожность. Такое обращеніе держало офицеровъ въ постоянномъ страхѣ и безпокойствѣ, и многіе, вслѣдствіе его, совсѣмъ оставляли службу и удалялись въ свои помѣстья, между тѣмъ, какъ другіе, оставивъ армию, переходили въ гражданскую службу... Легко себѣ представить, что эта система держала семейства, къ которымъ принадлежали офицеры, въ состояніи постояннаго страха и тревоги, и почти можно сказать, что Петербургъ, Москва и вся Россія были погружены въ постоянное горе» ²⁾). Нелидова, въ этой чисто военной сферѣ, не могла всегда и во всемъ руководить дѣйствіями Павла, окруженнаго людьми, подобными Аракчееву, хотя многое узнавала и дѣлала чрезъ своего брата Аркадія Нелидова, генераль-адъютанта государя. Этому генерала Нелидова Саблуковъ называетъ «прекраснымъ молодымъ человекомъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ на императора и, въ союзѣ съ Екатериной Ивановной (Нелидовой), прилагавшимъ всѣ старанія къ тому, чтобы смягчать невзгоды этого времени, обращать царскую милость на людей достойныхъ и облегчать участь тѣхъ, которые попадали въ опалу» ³⁾).

Между тѣмъ, интрига противъ императрицы и Нелидовой уже зрѣла среди лицъ, ближайшихъ къ Павлу, при главномъ участіи Ивана Кутайсова.

Евгеній Шумигорскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Высочайшіе приказы 1797 г. и слѣд.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1889, 1915.

³⁾ Тамъ же.

БЕЗЪ РУЛЯ И ЯКОРЯ.

(Похожденія русскаго въ Америкѣ).

I.

Желанію сдѣлаться актеромъ. — Борьба изъ-за этого съ матерью. — Отъѣздъ за границу и поступленіе въ пансіонъ. — Исключеніе оттуда и опредѣленіе въ театральную школу въ Берлинѣ. — Разрывъ съ матерью и отъѣздъ въ Америку. — Шароходъ «Гамонія» и дорожныя впечатлѣнія.

РАНО лишился отца и, оставшись единственнымъ сыномъ у матери, былъ избалованъ и извѣженъ ею до крайности: прихотямъ моимъ не было конца, при чемъ всякое мое желаніе было для матери закономъ и непремѣнно выполнялось. Въ одномъ только я встрѣтилъ ея рѣшительное противодѣйствіе, которое и повело насъ, страстно любившихъ другъ друга, къ печальному разрыву.

Дѣло въ томъ, что театръ былъ для меня тѣмъ храмомъ славы, счастья, а актеры тѣми его священнослужителями, которые съ юношескаго возраста приковывали къ себѣ все мое вниманіе, когда я еще былъ на гимназической скамейкѣ, и которымъ я пламенно мечталъ посвятить всю мою жизнь. Эта театральная манія не позволила мнѣ окончить гимназическаго курса, она же прекратила мои занятія въ коммерческомъ училищѣ, куда я былъ отданъ въ надеждѣ, что пойду современемъ по стопамъ своего родителя, т. е. сдѣлаюсь коммерсантомъ. Матушка была въ отчаяніи отъ моихъ артистическихъ наклонностей и, приписывая мою настойчивость недостатку правильнаго воспитанія, взяла меня

изъ коммерческаго училища и перевезла за границу, гдѣ и помѣстила въ частный пансіонъ одного нѣмецкаго профессора, откуда я и долженъ былъ посѣщать тамошнюю коммерческую академію. Но, увы! и эта радикальная мѣра не помогла: профессоръ чрезъ полгода обратился къ матушкѣ съ рѣшительнымъ требованіемъ взять отъ него несуразнаго воспитанника. Оказывалось, что я своей маніей театра заразилъ все его учебное заведеніе, начиная съ моихъ товарищей пансіонеровъ и кончая хозяйкой дома, горничной и кухаркой. Въмѣсто уроковъ, ученики только и дѣлали, что зубрили распредѣленные мною между ними роли изъ Шиллеровскихъ и Шекспировскихъ пьесъ; горничныя и кухарки, вмѣсто заботъ по дому, упражнялись въ фигурахъ мазурки; а сестра профессора, старая дѣвственница, стала распѣвать веселыя и пикантныя шансонетки.

Мать моя, испуганная и возмущенная, пріѣхала сама въ Берлинъ въ надеждѣ урезонить меня, но ничто не помогало: угрозы и увѣщанія остались тщетными, и я твердилъ одно: «хочу быть актеромъ!».

Въ горѣ своею она стала искать силъ и утѣшенія въ молитвѣ. И вотъ, когда она, въ первое воскресенье по пріѣздѣ въ Берлинъ, отправилась въ соборъ, къ обѣднѣ, приключился эпизодъ, заставившій ее вдругъ отрѣшиться отъ настойчиваго желанія сдѣлать меня коммерсантомъ. Рядомъ съ нею, въ церкви, стоялъ молодой человѣкъ. Когда пасторъ началъ свою проповѣдь, этотъ юноша вдругъ навелъ на него револьверъ и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ. Легко себя представить весь переполохъ въ церкви и испугъ моей матушки, подлѣ которой произведены были выстрѣлы. Потомъ выяснилось, что несчастный былъ сыномъ другого пастора и хотѣлъ, подобно мнѣ, сдѣлаться актеромъ. Отецъ противился этому и, желая, чтобы сынъ его былъ, какъ и онъ, пасторомъ, помѣстилъ его въ семинарію. Упорство отца довело сына до отчаянія, и онъ задумалъ преступленіе, сказавъ, что если ему угрожаютъ путь прославить себя искусствомъ, то онъ прославитъ себя убійствомъ; а потому, питая ненависть къ духовенству, онъ избралъ своею жертвою несчастнаго пастора.

Я сидѣлъ въ это утро дома и поджидалъ возвращенія матери изъ церкви. Она вернулась потрясенная, взволнованная и, безмолвно опустившись въ кресло, долго о чемъ-то думала. Наконецъ, подзвавъ меня, видимо, послѣ долгой внутренней борьбы, она поразила меня словами: «Ну, я тебѣ позволяю быть актеромъ».

Но непремѣннымъ и безповоротнымъ условіемъ ея, однако, было, чтобы я сдѣлался актеромъ нѣмецкимъ, потому что ей наши всѣ русскіе актеры казались нравственно распущенными. Это условіе было принято мною безъ возраженій. Я съ дѣтства владѣлъ иностранными языками такъ же хорошо, какъ и русскимъ, и мнѣ было безразлично, гдѣ и какимъ артистомъ я буду, лишь бы только непременно быть артистомъ!

Послѣ испытанія моихъ сценическихъ способностей покойнымъ королевскимъ актеромъ Берндалемъ, я поступилъ въ театральную школу бывшаго режиссера вѣнскаго Бургъ-театра, д-ра Шварца, гдѣ, подѣ руководствомъ разныхъ именитыхъ артистовъ, сталъ усердно заниматься театральнымъ искусствомъ, благодушно поощряемый такимъ свѣтиломъ, какъ Фридрихъ Гаазе. Но эти поощренія вскорѣ вскружили мнѣ голову. Я сталъ воображать себя совсѣмъ уже готовымъ артистомъ, и меня начала все сильнѣе и сильнѣе мучить мысль, что я не могу быть украшеніемъ и славою своего отечества: отсюда родилась тоска по родинѣ.

Вскорѣ все нѣмецкое опротивѣло мнѣ до того, что я обратился къ матери съ настойчивою просьбой позволить мнѣ вернуться домой для приготовленія себя къ сценѣ русскаго театра.

Матушка и слышать объ этомъ не хотѣла, я же упорно настаивалъ и даже въ концѣ концовъ самовольно прекратилъ свои занятія въ школѣ. Между мною и матерью начались недоразумѣнія, и въ результатѣ содѣлались чуть ли не враждебныя отношенія, которыя постарался раздуть своимъ вмѣшательствомъ и сплетнями тотъ нѣмецкій филистеръ, который былъ надо мною поставленъ въ видѣ ментора-опекуна.

Результатомъ всего этого было то, что мать моя, подѣ давленіемъ лживыхъ наѣтовъ о моемъ упрямствѣ, необузданности и легкомысліи и совѣтовъ того же опекуна передала мнѣ слѣдующій, не требующій отвѣта приговоръ: «на возвращеніе мое въ Россію, съ цѣлью готовиться въ актеры, она не дастъ согласія, и мнѣ предоставляется на выборъ: или продолжать безпрекословно мои занятія въ Берлинѣ; или, если я не желаю признавать ея авторитета и родительской власти и хочу свободы и самостоятельности, то отправляться въ Америку, въ такъ называемую страну свободы, гдѣ я буду воленъ поступать, какъ мнѣ угодно, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ всякія родительскія попеченія обо мнѣ она съ себя слагаетъ и за мое упорство предоставляетъ меня на волю судьбы». Передавая мнѣ этотъ ультиматумъ, она, конечно, не ожидала, что я выберу послѣднее, т. е. поѣду въ Америку. Рѣшеніе ея было получено мною въ субботу; а въ понедѣльникъ вечеромъ я былъ уже въ Гамбургѣ, въ сопровожденіи опекуна, который, во вторникъ утромъ, отвезъ меня въ гавань, гдѣ, уплативъ за мой переѣздъ на пароходѣ во второмъ классѣ и вручивъ мнѣ остатокъ денегъ, предоставилъ меня самостоятельной будущности.

Часъ отъѣзда приближался. На мгновеніе мной овладѣло серьезное настроеніе, но только на одно мгновеніе; я нетерпѣливо ждалъ, чтобы корабль скорѣе поплылъ и вынесъ меня въ открытое море. Мои дорожныя деньги заключались въ 70-ти долларахъ, и, кромѣ маленькаго чемоданчика съ бѣльемъ и платьемъ, онѣ составляли все то состояніе, съ которымъ я уходилъ въ новую невѣдомую мнѣ жизнь.

Насталъ часъ отъѣзда; клики «до свиданья!» слышались до тѣхъ поръ, пока ввѣвшихъ билеты на проѣздъ не пригласили сойти на маленькій пароходъ, который долженъ былъ перевезти насъ на большое паровое судно, находившееся по случаю ледохода ниже на Эльбѣ. Холодно попрощавшись съ опекуномъ, я тоже сошелъ на маленькій пароходъ. Какъ муравьи, кишѣла толпа на этомъ пароходѣ, махая платками оставшимся на берегу роднымъ и знакомымъ, посылавшимъ прощальный привѣтъ: «помоги вамъ Богъ!» «до свиданья». По тогдашнимъ обычаямъ, раздалось нѣсколько пушечныхъ салютовъ, и при звукахъ торжественнаго марша на пароходѣ мы снялись съ якоря. Оркестръ игралъ попеременно всѣ народные гимны, и, когда очередь дошла до нашего, я такъ былъ растроганъ, такое торжественное умиленіе овладѣло моею душою, что несмотря на скудные мои средства, я одарилъ музыкантовъ столь щедро, что они сыграли для меня русскій гимнъ вторично.

Капитанъ Майфъ на пароходѣ «Гамонія», на коемъ намъ предстояло совершить свой дальній путь, со всей командой на палубѣ встрѣтилъ пассажировъ. Послѣ того, какъ всѣ размѣщены были по каютамъ, и все пришло въ порядокъ, подавъ былъ роскошный обѣдъ; а затѣмъ вскорѣ мы двинулись въ открытое море. Я глядѣлъ на все окружающее, начиная съ устройства корабля и кончая пассажирами, съ чисто дѣтскимъ любопытствомъ.

Общество пассажировъ было самое разношерстное и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне интересное. Классные пассажиры были по большей части богатые американцы, англичане, нѣмцы, шведы. Я единственный русскій и, должно быть, самый бѣдный изъ всѣхъ. Палубные пассажиры принадлежали къ горожанамъ, ремесленникамъ, крестьянамъ и шли въ Новый Свѣтъ искать счастья и золота. Если бы они могли знать, что на сто человекъ только одинъ бываетъ счастливъ, шестьдесятъ должны кое-какъ перебиваться, десять возвращаются разоренными въ свое отечество, а двадцать девять окончательно погибаютъ въ борьбѣ съ нищетою!

Жизнь на кораблѣ приходилась мнѣ по сердцу. Въ первый день чувствуешь себя обыкновенно еще всѣмъ чужимъ; но въ самое короткое время пассажиры сплываются въ одну семью, изъ которой потомъ выбываетъ съ большимъ сожалѣніемъ. Время проводится въ бесѣдахъ, въ чтеніи, въ музыкѣ, а болѣе всего въ карточной игрѣ, въ которой преобладаютъ, конечно, азартныя игры. Съ нами бѣхалъ, какъ потомъ объяснилось, заправскій шуллеръ, который постоянно развѣзжалъ на разныхъ пароходахъ между Европой и Америкой и опоражничалъ карманы своихъ легковѣрныхъ попутчиковъ. Я попался тоже на его удочку. И не успѣлъ я опомниться, какъ ужъ половина моихъ денегъ перенпла въ его руки. Къ счастью, я не попытался вернуть потерянное. Я оставилъ игру и искалъ другихъ развлеченій. Выборъ былъ, однако, крайне ограниченъ: ѣсть,

пить, читать, прохаживаться по палубѣ, слушать пѣсни матросовъ, или уйти въ самого себя и мечтать, глядя въ необъятную водную даль, или, наконецъ, смотрѣть на танцы палубныхъ пассажировъ, составляющіе главное ихъ развлеченіе. Цѣлый день играетъ шарманка, и пары безъ усталы крутятся въ полькѣ или вальсѣ, такъ какъ недостатка въ кавалерахъ не бываетъ: ихъ замѣняютъ матросы корабля. Отъ однообразія времяпровожденія я скоро впалъ въ меланхолію и все чаще сталъ задавать себѣ вопросъ: зачѣмъ я стремлюсь въ Америку? что надѣюсь я найти въ невѣдомой странѣ? И когда вѣтры ревѣли, бушевали волны и широкая даль таинственно и угрожающе смотрѣла мнѣ въ очи, въ умѣ моемъ мелькали мысли одна грустнѣе другой. Я думалъ о моей матери, о моихъ сестрахъ. Какъ уютно, вѣроятно, сидѣли онѣ за работой, за чайнымъ столомъ, при мягкомъ свѣтѣ лампы; какъ тепло, удобно имъ сидится въ покойныхъ креслахъ! Увижу ли я ихъ когда нибудь? Отъ этихъ мыслей слезы выступали у меня на глазахъ, и чѣмъ дальше корабль уносилъ меня отъ моей родины, тѣмъ больнѣе ощущалъ я свое одиночество. Въ такомъ состояніи стоялъ я въ одну прохладную лунную ночь на палубѣ, когда на пароходѣ все уже спало. Небо отвѣчало настроенію моей души—обликъ луны проглядывалъ по временамъ сквозь темныя тучи, но тотчасъ же опять скрывался за облаками, которыя въ беспорядочномъ нагроможденіи неслись съ страшною быстротою по черному небу.

Въ одну изъ такихъ минутъ душевной тоски и тревоги, когда я одиноко стоялъ на палубѣ, взоръ мой случайно упалъ на стоявшую ко мнѣ спиною стройную женскую фигуру. Длинное бѣлое платье придавало незнакомкѣ обликъ таинственнаго свѣтлаго духа, безплотнаго призрака.

Что это такое?—спрашивалъ я себя, — дѣйствительность или плодъ разстроеннаго воображенія?

Неслышными шагами приблизился я къ поразившему меня видѣнію, и глазамъ моимъ представилась очаровательная дѣвушка въ красной матросской кофточкѣ съ прелестнымъ личикомъ и съ развѣвающимися на вѣтрѣ прядями золотисто бѣлокурыхъ волосъ. На взглядъ ей было не болѣе 18-ти, 19-ти лѣтъ. Черты лица ея дышали добротой и спокойствіемъ; широко раскрытыя глаза казались окнами ея чудной души. И когда она на мое извиненіе, что я обезпокоилъ ее, отвѣтила простодушно: «нисколько», ея голосъ заставилъ трепетать всѣ струны моего юнаго сердца. Я постарался вступить съ нею въ разговоръ и скоро узналъ, что ее зовутъ Агнессою, что на съ дѣтства боролась съ нуждою и нищетою и, рано осиротѣвъ не имѣя никакихъ надеждъ, рѣшилась испытать счастье въ чужихъ краяхъ, для чего и воспользовалась свободнымъ мѣстомъ стюардессы (т. е. смотрительницы дамскихъ каютъ) на пароходѣ, совершающемъ рейсы между Европой и Америкой.

Мы встрѣтились съ ней, такимъ образомъ, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ въ своемъ положеніи: она, подобно мнѣ, вся жила будущимъ и юными, еще не развитыми провою жизни мечтами. Мы такъ долго заболтались съ ней въ эту ночь, что только наступающее утро заставило насъ разойтись, при желаніи скорѣе встрѣтиться снова.

На слѣдующій день пароходъ прибылъ въ Гавръ, гдѣ долженъ былъ остаться цѣлыя сутки. Я предложилъ прелестной Агнессѣ осмотрѣть вмѣстѣ со мной городъ. Интереснаго было мало: одна порядочная кондитерская, въ которой Агнесса позволила мнѣ предложить ей мороженого, да еще ювелирные магазины. Этихъ — было пропасть. Передъ однимъ изъ нихъ мы остановились, и по смущенному личику Агнессы мнѣ показалось, что я понялъ ея мысли. Она думала: «есть же на свѣтѣ такіе счастливыя, которымъ вся эта роскошь доступна!» И мнѣ захотѣлось дать ей возможность вступить въ разрядъ этихъ счастливецъ хоть одною ногой. Я вошелъ въ магазинъ и купилъ очень изящное колечко, цѣною въ двадцать долларовъ. Послѣ покупки у меня оставалось всего въ карманѣ лишь десять долларовъ; но я полагалъ, что этой суммы мнѣ вполне достаточно до того времени, какъ Америка откроетъ предо мною свои неизсякаемыя золотыя росыши. Поднося Агнессѣ колечко, я просилъ принять его на память о нашемъ первомъ знакомствѣ, обѣщая при этомъ ей въ будущемъ украшенія большей цѣнности изъ того самаго золота, которое ожидаетъ меня въ такомъ изобиліи въ Америкѣ. Она была въ неописанномъ восторгѣ и, удивленная моею любезностью, наградила меня тутъ же на улицѣ звучнымъ поцѣлуемъ. Жизнь еще не научила ее придавать особенную цѣну поцѣлуямъ наединѣ!

Невыразимо счастливъ моментъ, когда, послѣ двухнедѣльнаго пребыванія между водою и небомъ, увидишь наконецъ землю. Въ одно прекрасное утро послышался знаменательный возгласъ «земля видна!» и всѣ бросились на палубу съ биноклями, трубами; все оживилось, ликовало, а земля между тѣмъ еще была въ туманной дали. Понемногу стали выступать изъ тумана Нью-Йоркъ съ противолежащимъ ему городкомъ Гобокеномъ, у порта котораго останавливались тогда всѣ корабли Гамбургскаго и Бременскаго Ллойда. Боже, какія мечты охватили меня въ эту минуту! Мнѣ представлялось мое будущее въ золотѣ, почетѣ, могуществѣ. То видѣлъ я себя богатѣйшимъ владѣльцемъ Калифорнскихъ росышей, то величайшимъ трагикомъ, у ногъ котораго, въ умиленіи и восторгѣ, валяется въ пыли вся Америка; то представлялся я себѣ сидящимъ на тронѣ, всемогущимъ владыкой дикихъ народовъ, то торжествующимъ героемъ въ кровавомъ бою, побѣда въ которомъ одержана только благодаря моему храбрости и неустрашимости.

Одна картина смѣнялась другою, и каждая вызывала на глаза слезы восторженнаго предчувствія. Я, видно, не даромъ поглощалъ

романы Майнъ-Рида, и недаромъ же мнѣ было всего шестнадцать лѣтъ.

Пароходъ тяжело остановился на почтительномъ разстояніи отъ земли. Къ намъ подъѣхали таможенные чиновники и, по исполненіи разныхъ формальностей, намъ данъ былъ установленный пропускъ. Мы вошли въ Гобоконскую бухту и стали у пристани. Начались обычныя прощанія, раздались поцѣлуи, пожеланія всякаго благополучія. Я стоялъ подлѣ Агнессы и давалъ ей тысячи обѣщаній, что при слѣдующемъ ея возвращеніи изъ Европы встрѣчу ее со всѣми подобающими ей почестями и окружу ее тою роскошью, для которой она рождена.

Наконецъ, съ палубы на пристань былъ брошенъ трапъ, и всѣ слѣшили оставить корабль. Я тоже, собравъ свои пожитки, двинулся за толпой и, только ужъ пройдя нѣкоторое разстояніе, остановился и спросилъ самъ себя: куда же идти?

II.

Пріѣздъ въ Нью-Йоркъ.—Hôtel Lievgo.—Превращеніе изъ берлинскаго щеголя въ лакея.—Служба въ лакеяхъ.—Напикротство хозяина и работа въ гавани.—На китобойномъ суднѣ.—Путешествіе въ сѣверный Ледовитый океанъ.—Возвращеніе.

Недалеко отъ гавани я увидалъ небольшой домикъ съ надписью «Hôtel Lievgo», куда и отдалъ распоряженіе отнести свои вещи. Бѣдная обстановка комнатъ и незатѣливый номеръ, который мнѣ отвели, нѣсколько шокировали меня, привыкшаго къ' первокласснымъ гостиницамъ. Однако, дальнѣйшихъ неудобствъ я пока не замѣчалъ, такъ какъ слѣшилъ, какъ можно скорѣе, облачиться въ свой лучший костюмъ, рассчитывая поразить американцевъ изяществомъ своего европейскаго туалета. Я бы теперь пришелъ въ ужасъ отъ этого костюма; но тогда я былъ отъ него въ восторгѣ: брюки—цвѣта невѣлаго апельсина съ тремя черными лампасами, обхватывавшія въ обтяжку мои тонкія и длинныя, какъ у аиста, ноги, рейтфракъ вишневаго цвѣта, съ бѣлыми и желтыми крапинками, очень похожими на птичій пометъ; лиловый бархатный жилетъ съ золотыми пуговицами, ярко красный галстухъ, завязанный большимъ узломъ, и такого же цвѣта перчатки; на головѣ послѣдняго фасона цилиндръ, низенькій съ широкими, сильно выгнутыми полями. Къ довершенію всего съ ногъ-сшибательнаго эффекта—кудри по плечи: ни дать ни взять, настоящій берлинскій щеголь!

Окончивъ туалетъ, я бросилъ послѣдній взглядъ въ зеркало и, оставшись собою доволенъ, сошелъ въ ресторанъ гостиницы, не столько для утоленія голода, сколько съ цѣлью убѣдиться, какое я произведу впечатлѣніе на американцевъ. Въ ресторанѣ было до-

волью много публики, и всё съ удивленіемъ принялись меня оглядывать. Занявъ мѣсто за отдѣльнымъ столикомъ и заказавъ себѣ обѣдъ, я погрузился въ чтеніе газетъ, въ которыхъ, однако, ни слова не понималъ, такъ какъ всё онѣ были англійскія, а въ этомъ языкѣ я рѣшительно ничего не смыслилъ. Помѣщеніе ресторана и посѣтители его разочаровали меня. Простой, неаппетитный буфетъ, за стойкой два буфетчика и самъ хозяинъ гостиницы. Это былъ мужчина громаднаго роста съ клинообразной бородкой, заплывшимъ краснымъ лицомъ и вспухшимъ, зеленофіолетовымъ носомъ, глазъ не было видно, но въ общемъ на лицѣ лежалъ отпечатокъ добродушія. Въ концѣ обѣда я услышалъ за сосѣднимъ столомъ нѣмецкую рѣчь и, обрадованный этимъ обстоятельствомъ, попросилъ у говорившаго позволенія присѣсть къ ихъ столу. Пошли разспросы, и два моихъ собесѣдника (мясникъ и механикъ), узнавъ, что я только что пріѣхалъ изъ Стараго Свѣта, любезно предложили мнѣ осмотрѣть Нью-Йоркъ и Гобокенъ. Такой большой городъ, какъ Нью-Йоркъ, нельзя осмотрѣть въ одинъ день, но, тѣмъ не менѣе, благодаря случайнымъ знакомымъ, я получилъ о немъ нѣкоторое представленіе.

Они же положили первое начало моему разочарованію, разъяснивъ мнѣ, что вся американская жизнь покоится на одномъ неизбѣжномъ началѣ—на личномъ трудѣ. Къ вечеру я вернулся домой усталый отъ далекой ходьбы. Первую ночь въ Новомъ Свѣтѣ я проспалъ какъ убитый. Поутру я сошелъ внизъ, въ ресторанъ, и за кофе сталъ раздумывать о своемъ положеніи, которое становилось критическимъ: оказывалось, что оставшихся у меня денегъ не хватало и на сегодняшній день. Въ ресторанѣ, по случаю ранняго времени, никого, кромѣ меня, не было, и мой грустный видъ обратилъ на себя вниманіе хозяина гостиницы. Это былъ нѣмецъ, прожившій въ Америкѣ уже 30 лѣтъ.

— Ну-ка, молодой человекъ, — сказалъ онъ, подсаживаясь ко мнѣ, — что привело васъ въ Америку? Есть ли у васъ деньги?

И отвѣтилъ отрицательно.

— Ну, значитъ нужно работать, — произнесъ онъ уже болѣе строгимъ тономъ.

Затѣмъ онъ посоветовалъ мнѣ какъ можно скорѣе отыскать себѣ какойнибудь заработокъ, такъ какъ въ Америкѣ никто, а онъ паче всѣхъ другихъ, не имѣетъ обыкновенія кормить даромъ желяющихъ ѣсть.

Меня ужасно смутила перемѣна его тона. Какъ провинившійся школьникъ, я рассказалъ ему вкратцѣ объ обстоятельствахъ, приведшихъ меня въ Америку, и просилъ смиренно совѣта. Хозяинъ очевидно былъ тронутъ моимъ повѣствованіемъ и съ полнымъ сочувствіемъ къ моему положенію началъ бесѣдовать со мною, обращаясь, однако, уже на «ты».

— А ты, какъ я вижу, шустрый мальчишка, ты мнѣ понравился, — такъ вотъ слушай, что я тебѣ скажу: никакихъ у насъ тутъ нѣмецкихъ, а тѣмъ болѣе русскихъ театровъ не полагается, и у тебя сама собой выйдетъ вся эта дурь изъ головы. Что же касается до насущнаго куска хлѣба, то чтобъ доказать тебѣ мое расположеніе, я на твой сегодняшний день ужъ не покушусь, а съ завтрашняго дня я принимаю тебя къ себѣ въ гостиницу лакеемъ.

Всѣ мои представленія о моемъ нѣжномъ, деликатномъ и элегантномъ «я» были повержены въ прахъ однимъ этимъ словомъ. Не находя словъ для возражанія на убѣдительно-благодушно-строгое слово хозяина, я смотрѣлъ на него молча, чуть не со слезами на глазахъ. Мнѣ казалось, что я очень низко падаю, и мысль объ обѣщаніяхъ Агнессы залила яркой краской мои щеки.

Тогда я еще не зналъ, что въ Америкѣ нипочемъ скачки изъ одного положенія въ другое, и что вчерашній богачъ здѣсь сегодня волею рока можетъ улицы мести. Критическое положеніе мое не оставляло мнѣ, однако, времени на размышленія и, чтобы не остаться безъ пріюта, я принялъ предложеніе хозяина, разсчитывая не безъ основанія, что не вѣкъ же я буду лакеемъ. Хозяинъ былъ въ восторгѣ отъ моего согласія и тотчасъ же представилъ меня гостямъ, какъ новаго слугу его заведенія. Я долженъ былъ выслушать отъ гостей разныя шутивыя замѣчанія на счетъ предстоящей мнѣ перемѣны туалета, но болѣе всего они потѣшались надъ моею эксцентричною куафюрой и, по общему убѣжденію, мнѣ слѣдовало быть остриженнымъ подъ гребенку. Усматривая мою наклонность къ сопротивленію въ дѣлѣ стрижки, нѣкоторые шутники, съ хояиномъ во главѣ, предложили мнѣ уступить свою гриву за вино, и прежде, чѣмъ я успѣлъ дать отвѣтъ, вынесены были три бутылки рейнвейна, которыя тутъ же и были распиты. Послѣ обѣда хозяинъ, показавъ мнѣ помѣщеніе гостиницы, познакомилъ меня со своими двумя племянниками, бывшими у него въ буфетчикахъ, и съ сыномъ, мальчикомъ моихъ лѣтъ. Вечеромъ мнѣ пригнали куртку, фартукъ и на слѣдующее утро я, въ костюмѣ гарсона съ остриженными волосами и лакейскимъ проборомъ, съ салфеткой подъ мышкой, стоялъ уже въ помѣщеніи ресторана, въ ожиданіи гостей.

Вопель какой-то грубый субъектъ, осмотрѣлъ меня съ удивленною улыбкой и презрительно приказалъ подать кружку эля. Кровь бросилась мнѣ въ голову: мнѣ, привыкшему съ дѣтства отдавать приказанія, — и вдругъ подавать пиво какому-то остолону! Меня потянуло размовжить ему голову кружкой, но я вспомнилъ, что вѣдь мнѣ нечего ѣсть, и, кинувъ на него злобный взглядъ, смиренно пошелъ къ буфету и принесъ требуемую кружку эля. Первый шагъ такимъ образомъ былъ сдѣланъ, и я одержалъ побѣду надъ своимъ барскимъ самолюбіемъ.

Я словно переродился и, будучи очень ловкимъ отъ природы

скоро сумѣлъ усвоить всѣ техническіе пріемы гарсона. Я такъ искусно, чуть не бѣгомъ, носилъ одновременно въ одной рукѣ десять кружекъ пива, а въ другой пять, шесть тарелокъ съ горячими блюдами, что, глядя на меня, никто бы не могъ и подумать, что это не та самая специальность, къ какой я готовился съ дѣтства. Хозяинъ былъ отъ меня въ восторгѣ, а гости всѣ непременно хотѣли, чтобы именно я имъ прислуживалъ.

Я скоро сжился съ своею должностію отличнѣйшимъ образомъ и сдѣлался въ гостиницѣ общимъ любимцемъ. Племянники хозяина сдѣлались моими пріятелями, а сынъ просто во мнѣ души не чаялъ и, сознавая превосходство моего воспитанія, старался постоянно держаться моего общества. Онъ также мечталъ быть актеромъ и нашелъ во мнѣ покровителя и учителя. Кромѣ декламациі, я преподавалъ ему и пластику, въ которую входило, между прочимъ, фехтованіе, крайне ему полубившееся. Заставивъ его купить себѣ пару флоретовъ, я давалъ ему ежедневно въ свободные часы уроки. Это развлеченіе поселило, однако, вскорѣ между нами недоразумѣніе. Онъ вѣчно хотѣлъ оставаться побѣдителемъ, чтобы имѣть возможность надо мной потѣшаться. Въ первое время я уступалъ этому капризу, но однажды, выведенный изъ терпѣнія, я его исколотилъ такъ сильно, что онъ съ горючими слезами пошелъ на меня жаловаться отцу. Отецъ ввдулъ его съ своей стороны, а мнѣ посоветовалъ не вести больше дружбы съ глупымъ мальчишкой. Флореты, впрочемъ, онъ отъ насъ отобралъ и припряталъ. Этотъ инцидентъ не нарушилъ, однако, нашей дружбы, и мы попрежнему оставались съ «глупымъ мальчишкой» пріятелями. Каждую недѣлю я имѣлъ по одному свободному вечеру; въ этотъ вечеръ мы отправлялись вмѣстѣ въ театръ, стараясь попасть на спектакль съ участіемъ знаменитаго въ то время трагика Эдвина Бузса.

До сихъ поръ не было болѣе талантливаго исполнителя шекспировскаго репертуара. Я видѣлъ его въ «Шейлокѣ» и «Макбетѣ», и эти созданные имъ образы не померкнутъ во мнѣ никогда. Онъ былъ роднымъ братомъ актера Бузса, гораздо болѣе извѣстнаго во всемъ мірѣ, чѣмъ онъ, но только не талантомъ, а тѣмъ, что онъ убилъ президента Линкольна. Кромѣ театра, въ свой свободный на недѣлѣ день я старался подробнѣе ознакомиться съ Нью-Йоркомъ, описаніе котораго, однако, опускаю здѣсь, такъ какъ тема эта уже достаточно исчерпана множествомъ лицъ, писавшихъ объ Америкѣ.

Какъ уже сказано было, я скоро свыкся съ положеніемъ гарсона и, живя въ гостиницѣ, не мечталъ даже о присканіи какого либо другого занятія. Но дѣла моего хозяина, какъ скоро обнаружилось, были крайне разстроены. Кредиторы допрашивали его со всѣхъ сторонъ. Къ тому же скоростижно скончалась его сестра, которая и была собственно хозяйкой гостиницы и держала въ рукахъ всѣ бразды правленія. Съ ея смертію рупилось окончательно благо-

состояніе моего хозяина, и недалеко былъ тотъ день уже, когда все его имущество должно было быть продано за долги съ молотка. Хозяинъ призвалъ сына, племянниковъ, меня и дворника, прослужившаго у него слишкомъ двадцать лѣтъ, и обратился къ намъ съ слѣдующими словами:

— Дѣти, вы молоды и здоровы и всегда найдете возможность заработать себѣ кусокъ хлѣба. Я же старъ, немощенъ, въ конецъ разоренъ. Если вы не можете мнѣ спасти хоть часть имущества отъ злыхъ кредиторовъ, я останусь нищимъ на улицѣ, а потому во избѣжаніе этого несчастья запасъ вина, сигары и болѣе цѣнная посуда должны быть въ эту же ночь перенесены въ укромное мѣсто, которое я вамъ покажу, иначе я погибъ.

И дѣйствительно, онъ нашель въ насъ вѣрныхъ слугъ и друзей. Мы проработали безъ устали цѣлую ночь, и указанное имъ имущество было все перенесено въ надежное мѣсто.

Гостиницу съ оставшимся имуществомъ продали, и снова предомной всталъ неизбежный вопросъ, вопросъ: куда дѣваться и что предпринять?

Гобокенъ былъ ничтожный городишко, съ десятью, пятнадцатью тысячами жителей, изъ которыхъ добрая половина работала днемъ въ Нью-Йоркѣ. Главная приманка этого города состояла въ томъ, что по воскреснымъ днямъ всѣ рестораны имѣли право въ немъ торговать, тогда какъ въ Нью-Йоркѣ это закономъ воспрещалось. Каждый американскій штатъ имѣетъ особенные законы. Нью-Йоркъ, находящійся по другую сторону рѣки, принадлежитъ къ штату Нью-Йорку, а Гобокенъ находится въ штатѣ Нью-Джерси. Поэтому по воскреснымъ днямъ тысячи жителей Нью-Йорка прѣзжали въ Гобокенъ утолять свою жажду и веселиться, и это было доходнѣйшей статьей безчисленныхъ ресторановъ и гостиницъ, помѣщавшихся въ этомъ городѣ.

Въ Гобокенѣ, какъ и въ Нью-Йоркѣ, я цѣлые дни искалъ подходящихъ занятій, но нигдѣ не имѣлъ удачи. Небольшія деньги, скопленные во время моей службы въ гостиницѣ, быстро таяли, и день, въ который мнѣ пришлось вынуть изъ кармана послѣдній центъ, не заставилъ себя долго ждать. Я не мало смутился и рѣшился отправиться въ гавань, гдѣ всегда можно добыть грузовую работу. Хотя это не легкій трудъ, но онъ оплачивается въ избыткѣ первыя потребности сущестованія. Мнѣ, здоровому и широкоплечему малому, бояться было нечего, и я дѣйствительно тотчасъ же нашель работу. Правда, носильное платье сильно страдало отъ носки тяжестей, но зато этотъ трудъ имѣлъ три хорошихъ стороны: онъ развивалъ силы, возбуждалъ аппетитъ и надѣлялъ такимъ сномъ, которому никакія насѣкомыя не могли помѣшать. Однажды, когда я въ роли носильщика бодро и весело вошелъ на только что прибывшій изъ Европы пароходъ, чтобы предложить

пассажирамъ свои услуги по переноскѣ багажа на берегъ, я вдругъ услышалъ за собою знакомый женскій голосъ и, обернувшись, увидѣлъ Агнессу. Я испугался встрѣчи съ нею въ этомъ поношенномъ, грязномъ костюмѣ и, пользуясь тѣмъ, что она меня не видитъ, сгорбился, съезжился и поспѣшилъ исчезнуть въ толгѣ. Послѣ этой встрѣчи я пересталъ ужъ ходить на работу въ гавань, опасаясь встрѣчи съ той, которой я такъ щедро наобѣщаль воздушныхъ американскихъ замковъ.

Въ это время я случайно свелъ знакомство съ однимъ проходивцемъ, искавшимъ тоже работы. Онъ посоветовалъ мнѣ обратить свое вниманіе на китовый промыселъ, такъ какъ, по его словамъ, служба тамъ не тяжела и хорошо оплачивается. Оказалось, что и мой случайный знакомый былъ тоже не прочь совершить путешествіе на китобойномъ суднѣ.

У гавани были извѣстные кабачки, посѣщаемые исключительно матросами. Туда же приходили и капитаны китобоевъ набирать охотниковъ. На китобоѣ, кромѣ капитана и рулевого, рѣдко бываютъ дальные матросы, такъ какъ каждый серьезный матросъ легко находитъ службу на хорошемъ кораблѣ, и ему не нужно идти на дряненькое китобойное судно. Поэтому команда китобоя состоитъ обыкновенно изъ людей разнузданныхъ и деморализованныхъ. Среди нихъ зачастую скрываются даже преступники, успѣвшіе попасть на китобой въ моментъ отплытія корабля.

Капитаны китобоевъ чаще всего грубые жестокосердные ирландцы. Какъ полновластные повелители во время плаванья, они не стѣсняются въ обращеніи съ матросами и своевольно милуютъ или уродуютъ, въ какой часъ имъ подѣ руку попадешь.

Кабачки, куда заглядываютъ для вербовки команды капитаны китобоевъ, по большей части помѣщаются въ погребахъ, гдѣ матросы, величайшіе любители азартной игры, опорожняютъ свои карманы. Они развлекаются здѣсь, кромѣ азартной игры, также пьянствомъ и дракой.

Карточная игра почти всегда кончается недоразумѣніями, доводящими до ссоръ, кулачныхъ боевъ и даже иногда до убійства. Матросы вообще грубы, а подѣ влияніемъ виновныхъ паровъ дѣлаются отчаянными, неукротимыми и, не задумываясь, въ азартѣ и гнѣвѣ, хватаются за ножи, которые носятъ всегда при себѣ. Раненаго или даже убитаго выносятъ преспокойно на улицу и предоставляютъ полиціи дальнѣйшую о немъ заботу. Хозяинъ кабачка окачиваетъ оставшія послѣ боя на полу кровавыя пятна нѣсколькими ведрами воды, и игра продолжается, какъ ни въ чемъ не бывало. Для развлечения гостей есть въ этихъ кабачкахъ музыканты, разные своеобразные куплетисты и другіе артисты по вкусу публики. Тамъ устраивается дикая пляска съ присутствующими дѣвушками, и въ этомъ общемъ хаосѣ, въ воздухѣ, зачумленномъ всевозможными испареніями, матросъ счастливъ, матросъ веселится.

Намъ съ пріятелемъ скоро удалось отыскать въ одномъ изъ описанныхъ кабачковъ подходящаго капитана съ китобоя. Послѣ краткихъ переговоровъ, которые велъ мой товарищъ, капитанъ согласился принять насъ. Ко мнѣ онъ отнесся болѣе скептически, нежели къ моему спутнику. Во-первыхъ, я зналъ тогда всего лишь нѣсколько словъ поанглійски; а, во-вторыхъ, я показался ему чрезвѣчайно извѣженнымъ для китобойнаго дѣла. Но, видя мое пламенное желаніе поступить къ нему на службу и почему-то почувствовавъ ко мнѣ симпатію, онъ рѣшился принять меня и назначилъ мнѣ должность *captain steward*, т. е. опредѣлилъ меня въ качествѣ лакея при своей особѣ, при чемъ жалованья опредѣленнаго мнѣ не было назначено. Вознагражденіе было поставлено въ зависимость отъ его будущаго личнаго усмотрѣнія. Вступленіе мое въ эту новую должность было тутъ же освящено возліаніемъ Бахусу, и затѣмъ я былъ отпущенъ дозавтра. Корабль долженъ былъ выйти въ море дня черезъ три. Явившись въ слѣдующее утро на корабль, я былъ встрѣченъ капитаномъ очень любезно; въ доказательство своего расположенія онъ угостилъ меня такимъ ударомъ подъ ребра, что я вскрикнулъ отъ боли и чуть не свалился. Это привело его въ самое веселое настроеніе, и онъ, ухвативъ меня руками, сталъ мять и тормошить, желая между прочимъ убѣдиться, какъ велика моя сила. При этомъ онъ хохоталъ во все горло, довольный своей причудливой выдумкой нанять себѣ камердинера, да еще вдобавокъ русскаго, и увѣрялъ, что онъ или сдѣлаетъ изъ меня отчаяннаго головорѣза; или, въ случаѣ разочарованія, вышвырнетъ меня попросту за бортъ. Такое обращеніе меня нѣсколько смутило, и я началъ уже было расканваться, но прирожденная съ дѣтства страсть къ приключеніямъ побудила и въ настоящемъ случаѣ примириться съ оригинальными манерами хозяина китобоя. Остальные служащіе на суднѣ были по виду настоящіе разбойники и несомнѣнные кандидаты на висѣлицу. Ветхій корабль тоже не внушалъ довѣрія. Капитанъ замѣтилъ, что мнѣ необходимо запасться кое-какимъ теплымъ платьемъ, такъ какъ мы отправляемся въ Сѣверный океанъ, и, выдавъ мнѣ на расходы немного денегъ авансомъ, отправилъ со мной приближеннаго матроса за покупками.

Лучшимъ помѣщеніемъ на нашемъ китобой была, конечно, капитанская каюта; рядомъ съ ней находилась каютка, которая и должна была служить для меня комнатой. Изъ этой каюты велъ закрытый люкъ въ трюмъ, гдѣ помѣщался винный погребъ капитана. Кромѣ цѣльныхъ бочекъ съ виски и джиномъ, тамъ было много коньяку и разныхъ другихъ винъ, а также огромный запасъ всевозможныхъ съѣдобныхъ консервовъ.

Служба моя при капитанѣ заключалась въ томъ, что я вставалъ раньше его, а ложился позже; ночью же равъ десять вставалъ по вову хозяина для откупориванья бутылокъ вина или коньяку, такъ

какъ онъ имѣлъ обыкновеніе пить и днемъ и ночью, почти безъ перерыва и усталы. Иногда я помогать при работѣ на палубѣ, получая за неловкость весьма часто подзатыльники отъ матросовъ.

Вѣда была отвратительная. Пить я могъ изъ запаса капитана все по желанію, но не пользовался этимъ, не чувствуя пристрастія къ крѣпкимъ напиткамъ. Грубое обращеніе со мной матросовъ сильно меня возмущало, особенно въ первое время. Часто безъ всякой причины тотъ или другой угощаль меня шутки ради такимъ кулачнымъ ударомъ въ бокъ, спину или лицо, что у меня носъ и зубы бывали въ крови, и все тѣло ныло отъ боли. Защищаться противъ бокса, не постигнувъ еще этого искусства, я не былъ въ силахъ, а жаловаться было не въ моемъ характерѣ. Но всякому терпѣнію бываетъ конецъ, и вотъ разъ, получивъ отъ одного матроса сильный ударъ въ грудь, я такъ освирипѣлъ, что, забывъ всякое снисхожденіе, бросился на него и, сбивъ его моментально съ ногъ, въ совершенномъ безпамятствѣ, принялся наносить ему такіе жестокіе побои, что ужъ другимъ пришлось выручать его отъ такой расправы. Послѣ этой драки всѣ стали относиться ко мнѣ съ уваженіемъ и смотрѣли на меня, какъ на равнаго.

Послѣ продолжительнаго плаванія мы наконецъ бросили якорь у какого-то голаго и крайне неживописнаго берега. Вдали видѣлась деревушка, изъ которой къ намъ вскорѣ вышли какіе-то звѣробразные люди. Это были лапландцы въ ихъ одеждахъ изъ оленьихъ шкуръ. Они предлагали стирку бѣлья и другія услуги. Послѣ трехдневной стоянки тутъ мы снялись, чтобы вновь остановиться спустя полъ-сутокъ у другого такого же берега. Я, не говорившій еще свободно поанглійски, былъ лишенъ возможности принимать участіе въ бесѣдахъ моихъ товарищей и понимать всѣ распоряженія моего капитана.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ скучной и однообразной жизни, когда наконецъ мы стали торопиться въ обратный путь, чтобы уйти отъ наступавшей суровой зимы и не рисковать попасть въ льдины и замерзнуть въ нихъ. Намъ уже и безъ того за это время пришлось какъ-то три недѣли просидѣть въ льдинахъ, и счастье только помогло намъ изъ нихъ высвободиться. Путешествіе это мнѣ страшно надоѣло, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія въ Нью-Йоркъ. Самое интересное изъ видѣннаго за это время были частыя сѣверныя сіянія—точно свѣтящіяся божьи руки протягиваются надъ тобой по небу, и ты перестаешь чувствовать себя одинокимъ и заброшеннымъ.

Къ концу плаванья я уже успѣлъ сдѣлаться вліятельнымъ человекомъ на нашемъ кораблѣ и пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ капитана и неоднократно спасалъ товарищей отъ его грубыхъ выходокъ и жестокихъ наказаній. Его дружбѣ я, однако, обязанъ приобрѣтенною мною привычкою къ спиртнымъ напиткамъ, крѣпость которыхъ я переносилъ, для моего возраста, удивительно.

Но вотъ мы опять наконецъ вернулись въ Нью-Йоркъ. Послѣ общаго расчета, капитанъ высказалъ мнѣ свое полное удовольствіе и наградилъ меня слишкомъ двумястами долларовъ—все золотыми монетами. Мы разстались большими друзьями, и я сопелъ на берегъ самодовольный и гордый полученіемъ такой большой суммы денегъ.

Въ продолженіе сутокъ я съ товарищемъ по китобою справляли свое возвращеніе на берегъ, переходя изъ одного трактира въ другой, пока, наконецъ, не порѣшили сдѣлать продолжительный привалъ въ Нью-Йоркъ, въ «Атлантикъ-Гаалъ»¹⁾). Тамъ кутежъ разгорѣлся, и каждый старался, соразмѣряясь со своими средствами, угощать другъ друга. Тутъ кто-то сказалъ, что находящійся въ залѣ громадный органъ играетъ всѣ національные гимны и между ними напѣ, русскій. Я усомнился; одинъ изъ товарищей сейчасъ же предложилъ мнѣ пари на вино. Я принялъ это пари, чтобы доставить ему удовольствіе. Онъ пошелъ справиться и возвратился съ довольно кислой миной, такъ какъ вальца съ русскимъ гимномъ не оказалось. Подано было проигранное вино. Пиръ пошелъ горой; меня поздравляли, надъ моимъ противникомъ подшучивали. Но вдругъ неожиданно-негаданно раздаются могучіе родные аккорды: «Боже, царя храни!». Нужно находиться вдали отъ родины, быть отрѣзаннымъ отъ нея, какъ я, и такъ долго не слышать родного звука; чтобы понять, въ какое восторженное настроеніе привела меня эта неожиданность. Я былъ внѣ себя отъ радости, я былъ счастливъ, что проигралъ пари и сталъ ставить бутылки въ такомъ изобиліи, что вскорѣ мы всѣ пирующіе перестали понимать и узнавать другъ друга.

На другой день я не могъ припомнить, когда и какъ мы окончили нашъ вечеръ, но понялъ только одно, что больше половины моихъ денегъ было потрачено. Я чувствовалъ себя скверно и въ сугубо подавленномъ настроеніи духа снова задавалъ себѣ вопросъ: что же будетъ дальше?

III.

Жизнь въ гостиницѣ Румлера.—На мебельной фабрикѣ.—На службѣ въ ресторанѣ полковника. — Шампанское сгубило! — Театральная антреприза въ Гобокенѣ. — Успѣхъ и ликвидація дѣла.—Ровный антрепренеръ и роковой пистрѣлъ.—«Мороженое, мороженое, господа!» — Съ метлой въ рукѣ.—Изъ дворниковъ сразу въ гуввернеры.—Ковни кухарки и мое изгнаніе.—Ювелирное дѣло и новая неудача.

На первыхъ порахъ я рѣшилъ поселиться вновь въ Гобокенѣ, гдѣ у меня уже было нѣсколько человѣкъ знакомыхъ. Я переѣхалъ туда въ маленькую гостиницу съ нѣсколькими номерами и ресто-

¹⁾ Atlantic Hall.

раномъ. Хозяинъ гостиницы — прежде богатый нѣмецъ, по имени Румлеръ, оказался человѣкомъ весьма симпатичнымъ и образованнымъ. Потерявъ въ Германіи въ торговыхъ предпріятіяхъ свое состояніе, онъ переселился въ Америку и, не находя ничего болѣе подходящаго, открылъ свое небольшое дѣло, имѣя въ женѣ своей дѣловитаго помощника.

Я вскорѣ съ нимъ очень подружился и не сталъ скрывать отъ нихъ того часа, когда пришлось развѣнять свой послѣдній долларъ. Сочувствуя моему положенію, онъ предложилъ мнѣ столъ, квартиру и даже, на случай крайности, кое-какую мелочь, но при условіи, чтобы я былъ помощникомъ его въ его небольшомъ хозяйствѣ: прислуживалъ, по мѣрѣ надобности, гостямъ, замѣнялъ его за буфетомъ, исполнялъ нѣкоторыя порученія и т. п. Я живо вошелъ въ новую роль и скоро привлекъ къ себѣ симпатію всѣхъ нашихъ гостей-завсегдатаевъ. Безчисленные анекдоты, монологи, стихотворенія, которыми я всегда готовъ былъ развлекать всѣхъ и каждого, расположили ко мнѣ посѣтителей, и я сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ душой гостиницы.

Ежедневно по вечерамъ собиралась одна и та же компанія, и я постоянно возсѣдалъ среди этого почтеннаго общества бюргеровъ, занимая ихъ разсказами. Торговля усиливалась, и хозяинъ довольный и сіяющій самъ прислуживалъ гостямъ. Такъ шли дни за днями, пока одинъ изъ гостей, узнавъ о моей способности къ рисованію, не предложилъ доставить мнѣ занятіе по этой части. Я съ удовольствіемъ принялъ предложенное мнѣ мѣсто рисовальщика въ одной изъ величайшихъ мебельныхъ фабрикъ Нью-Йорка, такъ какъ положеніе мое у Румлера въ сущности тяготило меня. Жить я остался тамъ же, и каждый вечеръ, когда я возвращался съ работы, меня попрежнему встрѣчала съ радостью старая компанія въ ресторанѣ.

Какъ рисовальщикъ на фабрикѣ, я былъ чуть не самымъ послѣднимъ, потому что тамъ рисовало до тридцати человѣкъ, и между ними находились настоящіе художники. Такіе, какъ я, имѣли задачей только увеличивать по масштабу наброски настоящихъ художниковъ. Механическая работа, которую я тотчасъ постигъ, давала мнѣ 18 долларовъ еженедѣльнаго заработка, т. е. вполне достаточную сумму, чтобы содержать себя прилично. Но эта въ высшей степени скучная работа до того вскорѣ мнѣ надоѣла, что я уже черезъ нѣсколько недѣль былъ радъ переимѣнить ее на что нибудь иное.

Въ Гобокенѣ былъ между прочими ресторанами извѣстный ресторанъ Амсберга, полковника въ отставкѣ, въ которомъ помѣщался рейтъ-клубъ, т. е. собраніе любителей верховой ѣзды. Полковникъ, прослышавъ, что я составлялъ приманку въ гостиницѣ Румлера, задумалъ переманить меня къ себѣ, и вотъ къ одинъ прекрасный

день я получилъ приглашеніе занять у него мѣсто буфетчика съ содержаніемъ въ 50 долларовъ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ. Предложеніе было настолько заманчиво, что я сейчасъ же принялъ его, несмотря на сожалѣніе моего добраго друга Румлера.

Помѣщеніе ресторана и обстановка въ немъ были весьма элегантны, а потребители—все больше члены рейтъ-клуба, уничтожавшіе безчисленное количество шампанскаго и дорогихъ ликеровъ. Главною приманкой впрочемъ здѣсь была легкомысленная и хорошенькая жена хояина. Самъ полковникъ былъ величайшій оригиналь; съ утра до вечера онъ не переставалъ рассказывать о своихъ геройскихъ подвигахъ во время войны сѣверныхъ штатовъ съ южными. И его лживымъ рассказамъ могло положить конецъ только напоминаніе о подаренной ему его товарищемъ саблѣ. Это была изящная кавалерійская сабля, на клинкѣ которой красовалась надпись: «не убій». Полковникъ пользовался извѣстностью величайшаго труса. Это былъ довольно красивый мужчина, хотя и съ зеленеватымъ, нѣсколько вздутымъ отъ пьянства лицомъ и радужнымъ носомъ. Подагра была у него во всѣхъ оконечностяхъ, но тѣмъ не менѣе онъ, возставъ отъ сна, каждое утро выпивалъ бутылку шампанскаго, а для компаніи разрѣшалъ мнѣ тоже откупоривать и для себя поль-бутылки. Это обратилось у меня въ такую привычку, что я и не въ условный часъ откупоривалъ себѣ еще поль-бутылки. Весь день полковникъ пилъ, переходя отъ одного напитка къ другому, и къ ночи, въ 12 часовъ по стрѣлкѣ, четыре лакея торжественнымъ маршемъ уносили его въ постель. Такой порядокъ нарушался разъ въ двѣ недѣли — въ мой выходной день. Тогда полковникъ замѣнялъ меня у буфета отъ полудня до закрытія ресторана. Выходной день былъ для меня настоящимъ праздникомъ, ибо, по американскимъ обычаямъ, я долженъ былъ обойти всѣ рестораны и гостиницы, хояева и буфетчики которыхъ въ свои выходные дни тратились на угощеніе въ ресторанѣ, гдѣ я служилъ.

Для вѣщаго представительства полковникъ давалъ мнѣ *carte blanche* на расходы; я впрочемъ старался все-таки соблюдать экономію. Вообще мнѣ жилось въ эти дни хорошо, если бы не постоянное принужденіе пить съ нимъ шампанское. Оно меня подчасъ опьяняло и, благодаря ему, я въ одинъ прекрасный день лишился своего мѣста. Шампанское сгубило меня! Разъ я уснулъ съ горящей папирсой въ зубахъ, и не войди случайно въ мою комнату дворникъ, весь верхній этажъ, въ которомъ я жилъ, сгорѣлъ бы со мною вмѣстѣ. Дымъ наполнилъ уже всю комнату, матрацъ подо мною тлѣлъ, одно колѣно обгорѣло, а я спалъ себѣ, ничего не чувствуя, въ изобиліи насладившись передъ тѣмъ шампанскимъ. На утро полковникъ, несмотря на всю свою любовь ко мнѣ, отказалъ мнѣ отъ мѣста. Мы разстались друзьями, но все-таки разстались.

Я имѣлъ кое-что про запасъ и до новаго мѣста вновь поселился у моего пріятеля Румлера, принявшаго меня съ распростертыми объятіями.

Румлеръ, всегда мнѣ сочувствовавшій и считавшій меня способнымъ малымъ, продолжалъ соболѣзновать, что судьба не наталкиваетъ меня на путь, къ которому я всегда стремился и ради котораго я расстался съ матушкой. И вотъ въ одинъ прекрасный день онъ предложилъ мнѣ устроить въ Гобокенѣ нѣчто въ родѣ театра для живущихъ тамъ нѣмцевъ, вызываясь пополнить все, что у меня будетъ недоставать для осуществленія этого плана. Я ухватился за это предложеніе, пришедшееся мнѣ какъ нельзя болѣе по душѣ. Городъ былъ достаточно великъ и, кромѣ ресторановъ, не имѣлъ другихъ развлеченій. Кстати находилось и свободное помѣщеніе—большой залъ съ нѣсколькими комнатами подъ названіемъ Sommer's Halle. Условившись съ его хозяиномъ, чтобы залъ былъ за мной три вечера въ недѣлю, я принялся за устройство сцены. Декорація комнатъ изъ шпалеръ и подозрительный тропическій лѣсъ были мной скоро изготовлены; зало было подчищено, убрано гирляндами и разноцвѣтными бумажными флагами. Въ то же время я въ нѣсколькихъ газетахъ пустилъ объявленіе слѣдующаго содержанія:

«Ищутъ концертнаго скрипача».

«Ищутъ комика куплетиста».

«Ищутъ шансонетную пѣвицу».

«Ищутъ драматическую актрису».

«Ищутъ пианиста-аккомпаниатора и вмѣстѣ съ тѣмъ тапера».

(Спросить тамъ и тамъ, въ такіе-то часы).

Приглашались артисты, конечно, въ гостиницу Румлера, гдѣ я вмѣстѣ съ хозяиномъ сидѣли въ назначенные часы, за подходящей закуской, въ качествѣ антрепренеровъ. Первымъ явился концертный скрипачъ, голландецъ, по имени де-Бѣръ, оборванецъ и пропойца, со вдутымъ лицомъ. Подъ мышкой онъ держалъ скрипку, завернутую въ грязный цвѣтной платокъ. Вышность его не внушала нималѣйшаго довѣрія; но, открывъ передъ нами нѣсколько грустныхъ страницъ своей жизни, онъ очень расположилъ насъ къ себѣ и привелъ въ самый необузданный восторгъ, когда, выпивъ нѣсколько стакановъ водки, нервно схватилъ свою скрипку и сыгралъ съ величайшимъ бріо и съ неподдѣльнымъ артистическимъ чувствомъ седьмой концертъ Беріо. Затѣмъ еще нѣсколько великолепно сыгранныхъ имъ вещей убѣдили насъ, что это великій падшій геній, въ которомъ алкоголь взялъ верхъ надъ искусствомъ. Съ нимъ я тотчасъ условился: за два номера 10 долларовъ въ вечеръ.

Послѣ него явился комикъ-куплетистъ, съ женою, которая рекомендовалась каскадной пѣвицей—оба также въ весьма поношенныхъ нарядахъ. Послѣ испытанія они были приняты съ платою по 15 долларовъ въ вечеръ обомъ.

На слѣдующій день пришелъ пианистъ, очень веселый малый и, какъ послѣ оказалось, удивительный штукарь. Каждый, близко къ нему подходившій, лишался часовъ, цѣпи, кошелька и проч. Драматическая актриса тоже не замедлила объявиться. Это было старое, поношенное, разруженное существо, съ хроническимъ катаромъ горла и носа. При декламации она сопѣла, какъ старая лошадь, отплевывалась и шепелявила. Для разнообразія программы я все-таки ее прихватилъ за шесть долларовъ въ вечеръ.

Когда труппа была скомплектована, надъ дверями вновь устроеннаго зала появился разрисованный мною амплагъ: что такого-то числа въ этомъ роскошно отремонтированномъ залѣ состоится первый невиданный и неслыханный высоко-художественный, вокальный, инструментальный и литературный вечеръ съ благосклоннымъ участіемъ такихъ-то знаменитостей. Послѣ исполненной программы имѣеть быть балъ.

День открытія пришелся въ воскресенье. За два дня до этого я попросилъ скрипача помочь мнѣ и, подѣлившись афишами и билетами, мы отправились по улицамъ города, одинъ по правой, другой по лѣвой сторонѣ, и, расклеивая афиши по заборамъ, заходили въ дома и лавки, предлагая билеты. Всѣ съ удовольствіемъ принимали насъ, и поутру въ день концерта не было уже ни одного свободного мѣста. Одинъ только полковникъ Амсбергъ отказался купить предложенный ему мною билетъ, объяснивъ, что онъ никогда не поощряетъ комедіантовъ, считая ихъ негодяями и бездѣльниками.

Наступилъ ожидавшійся вечеръ. При освѣщеніи, убранный зеленью залъ казался довольно пригляднымъ. У входныхъ дверей стоялъ я и съ директорскимъ величіемъ, несмотря на довольно поношенный черный фракъ, висѣвшій на мнѣ, какъ на вѣшалкѣ, привѣтствовалъ поклонами входившую публику. Тутъ былъ собранъ весь цвѣтъ Гобокена, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали начала. Программа была составлена разнообразно. Мое участіе въ вечерѣ, въ качествѣ серьезнаго чтеца, состояло изъ двухъ номеровъ: «Охота на тигра» графа Штрахвица и «Первая и послѣдняя картина художника» — не припомню какого автора. Всѣ, за исключеніемъ драматической актрисы, имѣли огромный успѣхъ, въ особенности скрипачъ и куплетистъ. Я произвелъ особенную сенсацію, прочитавъ на bis давно уже составленную мной пародію на «лѣснаго царя» героемъ которой былъ всѣмъ извѣстный полковникъ Амсбергъ съ его балагурною храбростью и съ его неубійственной саблей.

«Wer reitet so spät durch Nacht und Nebel?
Es ist ein Ritter mit seinem Säbel:
Er liest mit Erstaunen drauf eine Schrift:
Du sollst nicht tödten, du armer Wicht».

Пародія эта крайне распоѣшила гобокенскихъ обывателей, а полковнику была отместкой за его неуваженіе къ артистамъ. Послѣ

концерта стулья вмѣгъ были разставлены вдоль стѣнъ, и веселые танцы кончились только подъ утро. Степенная гобокенская публика была въ восторгѣ отъ такого развлеченія и всѣ просили повторенія моихъ вечеровъ. Ресторанъ при залѣ торговалъ на славу, и хозяинъ въ благодарность угощалъ меня шампанскимъ. Мнѣ лично, за покрытiемъ всѣхъ расходовъ по угощенiю артистовъ, оплатѣ помѣщенiя за слѣдующiй вечеръ и т. п., осталось чистыхъ восемьдесятъ долларовъ. Это было болѣе чѣмъ удачно!

Замѣнивъ драматическую актрису двумя шансонеточными, очень интересными, я устроилъ, спустя пять дней, второй вечеръ. Этотъ вышелъ еще удачнѣе. Билетовъ я уже никому не предлагалъ; за билетами всѣ шли сами и всѣ спѣшили, ибо такъ и вышло, что половина желающихъ не достала себѣ мѣстъ и записалась на третiй вечеръ. Полковникъ Амсбергъ прислалъ за билетъ 10 долларовъ съ запиской, въ которой выражалъ надежду, что за такую цѣну мой юмористическiй талантъ можетъ нѣсколько угомониться. За вторымъ вечеромъ слѣдовало еще четыре, равно успѣшныхъ. Я вполне оперился, привелъ въ порядокъ свой гардеробъ, завелъ все необходимое, и затѣмъ у меня оставалась еще достаточная сумма денегъ, чтобы жить пригвѣваючи. Я думалъ, что такому царствiю не будетъ конца; но, увы! ничто не вѣчно подъ луною.

Дѣло шло къ лѣту; наступила жара, и съ нею появились москиты (большия комары), немилосердно жалящiе. Одна лишь темнота спасаетъ отъ нихъ. Въ освѣщенномъ залѣ и духотѣ нѣтъ возможности высидѣть вечеръ, и вотъ изъ-за этихъ москитовъ я остался безъ публики. Ни новыя программы, ни новые исполнители, ничто не могло привлечь посѣтителей, и пустующая зала, при увеличенныхъ расходахъ, не только поглотила весь прошлый заработокъ, но втянула меня еще въ долги. Такъ печально окончилось это вначалѣ столь блестящее предпрiятiе.

Преемникомъ моимъ сдѣлался мой скрипачъ де-Бѣръ, промѣнявъ, однако, Гобокенъ на близъ лежащее мѣстечко Нью-Джерси, гдѣ онъ рассчитывалъ на успѣхъ. Мнѣ пришлось помѣняться съ нимъ ролями: онъ сдѣлался антрепренеромъ, а я служащимъ у него исполнителемъ, получавшимъ 12 долларовъ въ вечеръ.

Но антреприза его на новомъ мѣстѣ кончилась въ первый же вечеръ. Дѣло въ томъ, что у него была очень хорошенькая жена, съ которой онъ не спускалъ глазъ. Во время представленiй она должна была стоять такъ, чтобы онъ всегда могъ ее видѣть за кулисами. Въ торжественный вечеръ открытiя заведенiя онъ, конечно, не могъ оставаться на мѣстѣ, чтобы присматривать за ней; ему нужно было поспѣвать всюду. И вотъ, при внезапномъ возвращенiи на сцену, скрипачъ-антрепренеръ засталъ подлѣ своей жены злосчастнаго куплетиста, хотѣвшаго, въ силу закулисныхъ обычаевъ, любезно обнять г-жу де-Бѣръ. Скрипачъ вскипѣлъ, не помня себя отъ ревно-

сти, и выстрѣлялъ изъ имѣвшагося при немъ револьвера въ куплетиста и положилъ его на мѣстѣ. Случилось это какъ разъ въ то время, когда я декламировалъ что-то на сценѣ. Занавѣсъ, разумѣется, опустили, произошелъ общій переполохъ, явилась полиція, составили протоколъ. Такойъ былъ финалъ антрепризы несчастнаго ревнивца!

Я вернулся въ Гобокенъ и, два дня спустя, чисто поамерикански, въ томъ самомъ городѣ, гдѣ стяжалъ столько артистическихъ и антрепренерскихъ лавровъ, сталъ—чѣмъ бы вы думали? — мороженщикомъ! Да, и въ добавокъ—американскимъ, аксессуары котораго интереснѣе, нежели кадки, носимыя на головахъ папими мороженщиками. Случилось это такъ: денегъ у меня не было, любовностями Румлера я не хотѣлъ болѣе пользоваться, а ближайшій заработокъ представлялся въ главной кондитерской Гобокенъ, куда требовался мороженщикъ съ громкимъ голосомъ.

Такой человѣкъ сидитъ въ изящномъ крытомъ экипажѣ, въ видѣ платформы съ навѣсомъ, предъ нимъ стоятъ кадки съ различнымъ мороженымъ. Экипажъ запряженъ осликомъ. Съ полудня до вечера мороженщикъ разъѣзжаетъ по улицамъ, звонитъ въ колокольчикъ и громогласно выкрикиваетъ «Ice cream's! Ice cream's! Ladies and gentlemen, ice cream's!» (Мороженое, мороженое, господа, мороженое!). На этотъ призывъ спѣшатъ покупатели со стаканами, блюдами и чашками, и всѣ заискиваютъ расположенія мороженщика, чтобы получить хорошую порцію. Вотъ на эту-то должность я и явился претендентомъ и былъ тотчасъ же охотно принятъ, плата была самая ничтожная—нѣсколько долларовъ въ недѣлю, отвратительная ѣда, но ужаснѣе всего была работа на ледникѣ: обязанность замораживать въ пушкахъ приготовленную кондитеромъ жидкость лежала на мнѣ. Съ утра до полудня, сидя въ ледникѣ, я вертѣлъ эти пушки руками въ кадкахъ со льдомъ, подсыпая туда по минутно соль. Кругомъ меня образовывалась вѣчно лужа соленой воды, вѣдавшей въ тѣло и безжалостно разрушавшей мою обувь. Послѣ нѣсколькихъ дней такого занятія руки мои покрылись ранами, брюки стали негодными, а сапоги оказались безъ подошвъ. Тѣмъ не менѣе я продолжалъ вертѣть пушки и, разъѣзжая ежедневно на моемъ осликѣ, выкрикивалъ «мороженое, господа, мороженое!» съ такимъ усердіемъ, что вечеромъ возвращался домой совсѣмъ безъ голоса.

Послѣ двухнедѣльной работы, однако, трудъ этотъ сталъ мнѣ просто непосилень, особенно когда я убѣдился, что онъ не окупаетъ даже того платья, которое при этомъ истребляется. Поэтому я былъ безконечно радъ, когда одна изъ моихъ клиентокъ—кухарка дома, у котораго меня каждый день останавливали, высылая ее за мороженымъ, сообщила мнѣ въ разговорѣ, что въ домѣ ихъ требуется дворникъ на хорошее жалованье.

Не медля, я предложилъ хозяину дома свои услуги и на другой день уже вмѣсто торговли мороженымъ старательно чистилъ ручки входныхъ дверей. Новые мои хозяева были интеллигентные американскіе евреи, побывавшіе не одинъ разъ и во Франціи и въ Германіи. Обязанности мои состояли въ слѣдующемъ: вставая утромъ въ домъ раньше всѣхъ, я поливалъ изъ водопроводной кишки улицу съ тротуаромъ и потомъ тщательно выметалъ ихъ метлою; отполировавъ мѣдныя ручки парадныхъ дверей суконкой, я принимался за уборку великолѣпнаго сада; затѣмъ слѣдовала чистка всѣхъ болѣе или менѣе нужныхъ мѣстъ, а въ заключеніе я производилъ старательное самоомовеніе съ мыломъ, порошками и щетками. Только послѣ этого я пилъ на скорую руку кофе, потому что надо было спѣшить на работу въ кухнѣ. Мытье и рубка говядины, чистка картофеля и топка плиты входили тоже въ число обязанностей дворника, который долженъ былъ помогать кухаркѣ. Кромѣ ежедневныхъ комиссій по закупкамъ въ городѣ, я долженъ былъ еще каждый день вымыть и вычесать двухъ комнатныхъ собаченочекъ. Только послѣ вечерней поливки цвѣтовъ, часамъ къ девяти вечера, я становился совершенно свободенъ и могъ раздѣлять общество кухарки, сидя съ нею на скамейкѣ передъ воротами. Мы скоро стали большими пріятелями. Она заставляла меня рассказывать о моихъ приключеніяхъ, и эти рассказы вызвали въ сердцѣ ея ко мнѣ симпатію, выражавшуюся главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что на мою долю приходились самые лучшіе куски изъ всего, что приготавлилось къ столу хозяевъ. Я былъ весьма доволенъ своимъ положеніемъ и не спѣшилъ искать лучшаго мѣста, какъ вдругъ оно само отыскало меня. Въ одинъ прекрасный вечеръ, когда я поливалъ въ саду цвѣты, ко мнѣ подошелъ хозяинъ. Начавъ со мной бесѣду, онъ своею любезностью развязалъ мнѣ языкъ. Затѣмъ, поговоривъ со мной понѣмецки и пофранцузски, онъ замѣтилъ, что этими языками я владѣю лучше, нежели онъ. Коснувшись послѣ этого слегка въ разговорѣ литературы и искусства, онъ вдругъ оборвалъ разговоръ замѣчаніемъ:

— Мнѣ кажется, вы занимаете въ моемъ домѣ мѣсто, не соответствующее вашимъ способностямъ; дворника мнѣ будетъ подыскать нетрудно, но мнѣ гораздо нужнѣе домашній учитель для моихъ четырехъ шалуновъ; я полагаю, что вы мнѣ для этой работы будете пригоднѣе.

И вотъ я изъ дворника прямо поамерикански превратился въ учителя и гувернера.

Мы условились относительно программы преподаванія; затѣмъ онъ мнѣ далъ денегъ на приведеніе въ порядокъ туалета, и на другой день мое недавнее мѣсто занималъ уже новый человекъ, а я введенъ былъ въ семью моего хозяина, который, представляя мнѣ четырехъ своихъ шалуновъ и вручая мнѣ широкій ремень, съ лентой шириною, сказалъ:

— Съ этимъ я передаю вамъ мою власть и надѣюсь, что вы будете пользоваться ею по совѣсти.

Кромѣ мальчугановъ, въ семействѣ была еще дочь, молоденькая, хорошенькая пятнадцатилѣтняя дѣвушка, съ которой я долженъ былъ заниматься нѣмецкимъ языкомъ и рисованьемъ цвѣтовъ; о послѣднемъ я, однакожъ, и самъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Меня помѣстили въ одной комнатѣ съ старшимъ сыномъ. Кромѣ меня, за дѣтми наблюдала еще бонна, которая въ первое время относилась ко мнѣ съ большою симпатіей. Дѣти и родители были мной чрезвычайно довольны, въ особенности радовались отецъ съ матерью, видя успѣхи дѣтей, которыя въ нѣсколько недѣль были прямо неузнаваемы. Для меня же самую большую радость составляла моя ученица. Могло ли быть иначе? За урокомъ мы всегда были наединѣ. Только ширина стола отдѣляла меня отъ этой изящной формирующейся дѣвичьей фигурки. Прелестное личико съ черными глазами, глядѣвшими на меня какими-то видѣніями ночи, съ воспритительно раскрытыми пурпурными губками, за которыми застѣнчиво прятались два ряда жемчужныхъ зубовъ. Ея ножка, никогда не знавшая подъ столомъ покоя, вѣчно искала чего-то, а потому поминутно задѣвала и мою ногу. На урокъ рисованья мнѣ невольно приходилось наклоняться надъ ученицей, и тогда щека моя чувствовала близкое прикосновеніе ея восхитительныхъ волосъ. Мнѣ всего было 17 лѣтъ, сомнительныя мысли не приходили въ голову, счастье казалось полнымъ, и я не чувствовалъ, что надъ моею головой собирается гроза, и подъ меня ведутъ искусною рукою подкопы! Искусная рука эта принадлежала кухаркѣ, моей бывшей союзницѣ и другу, превратившейся въ моего отчаяннаго врага. Она не могла взять въ толкъ, какимъ это образомъ дворника возводятъ въ должность учителя, тогда какъ не было въ ея жизни примѣра, чтобы кухарку сдѣлали гувернанткою! Вдобавокъ еще, перейдя на ампула гувернера, я набѣгалъ визитовъ на кухню и липалъ ея внимательныхъ бесѣдъ. Тогда она рѣшилась погубить меня и нашла себѣ союзницу въ лицѣ нашей бонны, которая сначала очень благоволила ко мнѣ, но потомъ меня возненавидѣла, такъ какъ дѣти, со времени моего вступленія въ должность учителя и воспитателя, окончательно смѣшали ее съ прислугою. Жестокосердная ирландка (кухарка) и влоязычная старая дѣва-нѣмка дружно сплотились и, оставивъ въ сторонѣ хозяина, стали дѣйствовать на хозяйку. Онѣ обѣ преисполнились самыхъ нѣжныхъ опасеній за мою ученицу и стали нашептывать дурное обо мнѣ ея матери. Результатомъ было то, что почтенный старикъ-хозяинъ, пригласивъ меня въ одно прекрасное утро къ себѣ въ кабинетъ, объявилъ мнѣ слѣдующее: «Я лично противъ васъ ничего не имѣю и крайне сожалѣю, что намъ такъ скоро приходится разстаться; но жена моя находитъ, что вы для занимаемой должности слишкомъ молоды; при томъ въ домѣ

у меня дочь, молодая экзальтированная дѣвушка... вы понимаете, женщины...» и т. д.

Затѣмъ онъ наградилъ меня весьма щедро, и на слѣдующій день я покинулъ этотъ для меня столь пріятный домъ, при слезахъ ребятшекъ, искренно ко мнѣ привязавшихся. Изъ кухоннаго окошка провожали меня самодовольными взглядами и язвительными усмѣшками торжествующія ирландка и нѣмка. Тутъ я въ первый разъ понялъ, что такое женщины!

Въ послѣднее время моего пребыванія въ Гобокенѣ я подружился съ владѣльцемъ одной табачной лавочки, гдѣ покупалъ табакъ и сигары. Въ его лавкѣ, за шкафомъ, отдавался свободный уголокъ, который я и нанялъ себѣ. Въ этотъ разъ я недолго ожидалъ заработка, благодаря блестящей идеѣ, пришедшей мнѣ въ голову. Вудучи съ дѣтства знакомъ съ ювелирнымъ дѣломъ, я зналъ, какъ требуются для фабрикантовъ ювелирныхъ издѣлій рисунки, и какъ часто между ними одинъ пользуется красивымъ рисункомъ другаго, увидавши новую вещицу въ окнѣ магазина, на выставкѣ. «Пусть-ка я рисовать модели для ювелировъ», сказалъ я себѣ и немедленно купилъ необходимые матеріалы — бумагу, карандаши, акварельныя краски, и сталъ бродить каждый вечеръ по улицамъ Нью-Йорка, останавливаясь передъ безчисленными богатыми ювелирными магазинами и срисовывая все, что мнѣ больше нравилось. Дома я передѣлывалъ всѣ эти рисунки на новый ладъ, внося въ комбинаціи цвѣтовъ собственный вкусъ и собственную изобрѣтательность. Въ концѣ концовъ рисунокъ получалъ весьма отдаленное сходство съ тою вещью, которая мнѣ послужила моделью. Работа у меня кипѣла. Просидѣвъ нѣсколько дней надъ рисунками, я заготовилъ ихъ до сотни, наклеилъ каждый на изящный картонъ и отправился съ этимъ товаромъ по фабрикамъ и магазинамъ, не боясь входить даже и въ тѣ самые магазины, изъ оконъ которыхъ я бралъ для своихъ рисунковъ модели. Счастье хлынуло ко мнѣ — точно прорвало плотину. Вездѣ принимали меня съ необыкновенною любезностью, охотно брали рисунки, хвалили работу, просили заходить и впередъ, когда будетъ что новенькое. Цѣны мои всѣми признавались настолько умѣренными, что никто со мною не торговался. Рисунки я цѣнилъ отъ 25 центовъ до одного доллара и помню, что въ одномъ мѣстѣ купили у меня даже разомъ десять рисунковъ. Такимъ образомъ первый мой шагъ въ этомъ новомъ и совершенно нечаянно задуманномъ дѣлѣ далъ мнѣ сразу довольно крупную сумму, такъ какъ я продалъ болѣе семидесяти рисунковъ. Въ восторгѣ отъ такого успѣха я тутъ же задумалъ расширить дѣло. Сообразивъ, что работа пойдетъ успѣшнѣе, если я, имѣя больше свободнаго времени, буду собирать матеріалъ и займусь пересочиненіемъ моделей, я для механической работы свелъ знакомство съ однимъ молодымъ человѣкомъ, оказавшимся техникомъ

изъ Германіи, котораго тоже погоня за счастьемъ привела въ Америку, и тутъ же предложилъ ему службу у меня, обѣщая впослѣдствіи сдѣлать его моимъ компаніономъ. Предложеніе было принято, и мы поселились вмѣстѣ въ болѣе удобной комнатѣ. Подмастерье мой оказался дѣйствительно искуснымъ рисовальщикомъ и, кромѣ того, остроумнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ былъ на два года старше меня, но былъ существомъ крайне непрактичнымъ и потому совершенно безпомощнымъ. Работу мы распредѣлили поровну, и трудъ нашъ оплачивался великолѣпно. Мы начали уже строить воздушные замки, какъ вдругъ дѣло наше рухнуло. Мы сочиняли безъ устали, до притупленія умственныхъ способностей, и покупателей я такъ усердно снабжалъ рисунками, что вскорѣ всѣ они, одинъ за другимъ, имѣя на долгое время запасъ, стали отказываться отъ принятія моихъ новыхъ фантазій, и скоро я не находилъ уже сбыта своимъ рисункамъ. Но я никогда не унывалъ и, чувствуя всегда влеченіе къ странствіямъ, рѣшился отправиться въ глубину Соединенныхъ Штатовъ *per pedes apostolorum*. Мой помощникъ такъ ко мнѣ привязался, что не могъ себѣ даже представить существованія въ Америкѣ безъ меня и непременно хотѣлъ идти вмѣстѣ со мною. Я не противился: вдвоемъ веселѣе.

IV.

Per pedes apostolorum.—Голодь и холодъ.—Ограбленіе, и мы изъ коробейниковъ превращаемся въ нищихъ.—Въ каменщикахъ.—Путешествіе въ Штутбургъ.—Безплатно, но съ великими опасностями по желѣзной дорогѣ.—Неудобства и оказавшіяся вѣтвѣмъ выгоды хлѣбніи.—Въ свиномъ вагонѣ.

Мы продали все наше небольшое, но въ путешествіи обременительное имущество, на вырученные деньги приобрѣли разнаго товара и рѣшили двинуться въ дорогу въ образѣ коробейниковъ.

Мы отправились въ одинъ изъ безчисленныхъ Нью-Йоркскихъ магазиновъ, представляющихъ нѣкоторое подобіе аукціонныхъ залъ, гдѣ можно достать всякой дряни, оптомъ и въ розницу, по баснословно дешевымъ цѣнамъ, и закупили тамъ нитокъ, булавокъ, иглокъ, шпилекъ, цвѣтныхъ лентъ, бусъ, письменныхъ принадлежностей, косметическихъ товаровъ и разнаго другого хлама, на всѣ имѣвшіяся у насъ деньги. Дома мы подѣлили весь купленный товаръ поровну и уложили его въ два крѣпкихъ картонныхъ ящика, которые шнурками и ремнями приспособили для ношенія за плечами.

Распростившись съ нашей уютною комнатою, вскинувъ на плечи наши картонки и съ длинными съ острыми наконечниками посохами въ рукахъ, специально приобретенными для странствія, мы двинулись въ путь.

Платья въ нашемъ распоряженіи было всего лишь по парѣ, въ которую мы и были облечены; толстыя подошвы сапогъ обѣщали долгую службу; въ картонкахъ, сверхъ товара, находилось только бѣлье въ минимальномъ количествѣ.

Были уже сумерки. Въ какой-то убогой тавернѣ предмѣстья мы нѣсколько подкрѣпились пищей, и на землю спустилась полная ночь, когда мы вышли за городъ, направляя свой путь на удачу, примѣрно къ Нью-Арку, ближайшему маленькому городку. Почти непрерывнымъ маршемъ дошли мы къ разсвѣту до этого города и почувствовали такое утомленіе, что рѣшились на оставшуюся мелочь отыскать себѣ какой либо пріютъ для отдыха. Мы выспались досыта въ какой-то грязной тавернѣ и вполдень отправились дальше.

Такъ шли мы до вечера, пока усталость, а главное жестокій голодъ, не заставили насъ подумать о пристанищѣ. Недалеко отъ дороги мы замѣтили маленький домикъ, гдѣ, какъ оказалось, жилъ какой-то художникъ. На наше предложеніе купить чтонибудь изъ мелкаго товара онъ отвѣтилъ отказомъ, но, узнавъ изъ разговора, что мы страшно голодны, радушно предложилъ намъ свою хлѣбъ-соль; голодъ нашъ такимъ образомъ былъ утоленъ. Мы разсыпались въ благодарностяхъ и чувствуя, что этимъ нѣсколько смущаемъ добраго хозяина, поспѣшили откланяться, пожелавъ ему и дому его отъ всего сердца всею лучшаго.

Нѣсколько часовъ спустя, мы почувствовали себя, однако, снова утомленными и голодными. Весенняя ночь вступила въ свои права, ночь душистая, лунная, но холодная. Рѣзкій вѣтеръ сталъ дуть злыми порывами. Продрогши до костей и еле передвигая ноги, добрались мы наконецъ до какого-то большого селенія. У одного дома мы остановились, какъ вкопанные: изъ оконъ ярко освѣщенной комнаты намъ представился уставленный яствами столъ, и какая-то счастливая семья въ полномъ составѣ собиралась сѣсть за ужинъ.

Оставивъ товарища у воротъ, я вошелъ во дворъ и направился къ кухнѣ, которую замѣтилъ сквозь открытую дверь. Тамъ у плиты суетились двѣ женщины. Ставъ на порогъ и снявъ почтительно шляпу, я произнесъ: «не найдется ли у великодушныхъ хозяевъ лишняго куска хлѣба для двоихъ продрогшихъ отъ холода и ничего цѣлый день не ѣвшихъ странниковъ?» Мнѣ не было даже стыдно просить милостыню — такъ хотѣлось ѣсть! Одна изъ женщинъ направилась тотчасъ въ комнаты и вышла оттуда минуту спустя, очевидно, съ хозяйкой дома, которая, разспросивъ меня подробно, «кто мы, куда идемъ, по какимъ дѣламъ и откуда», сухо разрѣшила отпустить намъ по тарелкѣ какого-то довольно отвратительнаго супу и по ломтю хлѣба. Когда мы съ товарищемъ на крыльцѣ кухни уплетали полученное, вышелъ къ намъ молодой человекъ, вѣроятно, сынъ и далъ каждому изъ насъ по сигарѣ. Поблагодаривъ за ласковый пріемъ, мы удалились. Такъ какъ угощеніе было донельзя

скромное, то вмѣсто утоленія голода мы ощутили только разыгравшійся аппетитъ и рѣшили обратиться съ подобною же просьбой въ слѣдующемъ домѣ. На наше несчастье къ какому бы дому мы ни подошли, всюду оказывалось, что огни уже были погашены. Покрутившись влѣво и вправо по узкимъ переулкамъ, мы наконецъ увидѣли въ саду освѣщенный домъ, изъ оконъ котораго ясно былъ виденъ такой же накрытый столъ, какъ въ первомъ домѣ. На усиленный нашъ стукъ во входную дверь послѣдняя наконецъ открылась и, о ужасъ! передъ нами въ освѣщенной передней появилась та же самая хозяйка, и съ тѣмъ же молодымъ человѣкомъ, съ которыми мы уже повнакомились, и еще двое новыхъ мужчинъ. Оказалось, что мы, не будучи знакомы съ мѣстностью, попали опять таки въ первый домъ, но только съ противоположной стороны. Никакія извиненія не помогли. Насъ обоввали ворами, бродягами, негодяями; кто-то приказалъ звать полицію, поднялся общій шумъ, и мы еле-еле убрали ноги подобру-повдорову. Эта неудача такъ насъ обезкуражила, что мы на эту ночь отказались отъ всякихъ дальнѣйшихъ поисковъ и предпочли остаться голодными.

Но гдѣ же отдохнуть, гдѣ хоть на одинъ — другой часокъ протянуть усталые члены? Въ селеніи вездѣ потухли огни, и послѣ одной неудачи мы уже не рѣшились на новый скандалъ. Наконецъ я замѣтилъ на одномъ пустопорожнемъ мѣстѣ какое-то строеніе въ родѣ амбара, выходящее одной стороною къ улицѣ. Въ крышѣ не хватало нѣсколькихъ досокъ, и выбивавшееся оттуда сѣно ясно показывало, что тутъ былъ сѣноваль. Прояснившаяся луна дала возможность разглядѣть все какъ слѣдуетъ и, убѣдившись, что зданіе это совершенно уединено отъ прочихъ строеній, мы рѣшились провести здѣсь ночь, чтобы хотя подъ сѣномъ спастись отъ холода.

Не тутъ-то было. Холодъ пробиралъ насъ попрежнему, такъ что мой товарищъ сталъ объяснять мнѣ, что вся бѣда происходитъ отъ того, что это именно сѣно, а не солома; что грѣеть солома, а отъ сѣна никакого нѣтъ прока.

Вторымъ сюрпризомъ было то, что сѣноваль оказался надъ свиннымъ хлѣвомъ, откуда несло неимоверною вонью, и разбуженные и переполошенные произведеннымъ нами шумомъ свиньи подняли неистовое хрюканье на всѣ лады.

Третья неприятность и, можетъ быть, самая жестокая состояла въ охватившемъ насъ обоихъ несноснѣйшемъ насморкѣ, который за немнѣишемъ лишникъ платковъ намъ пришлось унимать тѣмъ же сѣномъ, раздражая еще пуще носы и причиняя имъ лишнюю боль. Промучившись до вари, мы пустились въ путь форсированнымъ маршемъ и въ быстротѣ этого движенія, оставивъ въ короткое время далеко за собою село, такъ разогрѣлись, что не ощущали даже сырости утренней прохлады. Недалеко по пути намъ встрѣтился

хуторокъ, на дворѣ котораго мужчина и женщина доили коровъ. Просьбу нашу угостить насъ молокомъ и хлѣбомъ взаимно какойнибудь вещи они охотно приняли и за кусокъ душистаго мыла въ разрисованной бумажкѣ щедро надѣлили насъ требуемымъ.

Въ такого рода нестыдящихъ особеннаго вниманія приключеніяхъ прошло много дней. Поля, лѣса, селенья, смѣнялись одни за другими, и такъ, безцѣльно шествуя, мы каждому встрѣчному предлагали нашъ товаръ, который убавлялся, будучи вымѣниваемъ на ѣду и питье, такъ какъ людей, покупавшихъ на деньги, мы почти не встрѣчали. Дни кое-какъ проходили; но по ночамъ, за рѣдкими исключеніями, всѣ отказывали намъ въ убѣжищѣ, и много прошло ночей, которыя мы въ своихъ легкихъ костюмахъ провели подъ открытымъ небомъ, прислонившись къ заборамъ, постройкамъ, деревьямъ и камнямъ. Почти всѣ обращались съ нами грубо и вмѣсто участія осыпали насъ за наши просьбы насмѣшками и безцеремоннѣйшимъ образомъ гнали прочь.

Но бывали исключенія, чаще всего со стороны бѣднаго люда, который трогательно уступалъ намъ подчасъ совсѣмъ безвозмездно послѣдній въ домѣ кусокъ хлѣба. Кромѣ голода и холода, приходилось испытывать на своей шкурѣ и непріятности болѣе крупныя, граничащія съ опасностями. Такъ, однажды, ища дароваго ночлега, мы увидѣли недалеко отъ рельсоваго пути огромное каменное зданіе, гдѣ хранятся локомотивы. Заставъ тутъ нѣсколькихъ рабочихъ, мы получили отъ нихъ разрѣшеніе на ночлегъ здѣсь, при чемъ, услышавъ про товары, хранившіеся въ нашихъ коробахъ, они выразили желаніе кое-что купить. Я охотно развязалъ одинъ изъ ящичковъ и при свѣтѣ факеловъ, которыми освѣщалось зданіе, каждый по своему усмотрѣнію выбралъ себѣ подходящія вещи. Мы были въ восторгѣ, опорожнивъ такимъ образомъ большую половину ящика. Но каково же было наше удивленіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и горе, когда всѣ эти наши покупатели, ушедшіе будто за деньгами, болѣе не возвращались, оставивъ насъ въ полнѣйшей темнотѣ, такъ какъ факелы были ими тоже взяты съ собой. И каковъ былъ нашъ испугъ, когда вдругъ кто-то, выхвативъ изъ-подъ головы моего товарища его почти еще не початый ящикъ, съ громкимъ злораднымъ смѣхомъ потерялся въ непроницаемой тьмѣ огромнаго зданія. Я въ отчаяніи бросился инстинктивно въ сторону убѣжавшаго, но впотѣмахъ, сдѣлавъ два шага, упалъ въ глубокой провалъ подъ рельсами, разбивъ себѣ до крови колѣно и лицо. Еле выбравшись оттуда, я кое-какъ ощупью добрался до выхода. Въ это время успѣлъ подойти ко мнѣ мой перепугавшійся товарищъ, и мы вмѣстѣ въ совершенномъ безпамятствѣ бросились впотѣмахъ искать похитителя. Нигдѣ не было видно ни души. Недалеко отъ локомотивнаго сарая находилась телеграфная станція. Замѣтивъ свѣтъ въ ея окнахъ, мы быстро дошли туда, ожидая совѣта и помощи. Но бывшіе тамъ чи-

новняки ничѣмъ не могли намъ помочь и только посмѣялись надъ нашей неосмотрительностью. Вышедши оттуда, я никакъ не могъ успокоиться. О каждомъ встрѣчномъ мнѣ думалось, что вотъ онъ-то и есть похититель нашего имущества. Возлѣ стрѣлочнаго фонаря стоялъ какой-то человѣкъ, беззаботно курившій трубку. Мнѣ показалось, что онъ улыбнулся, когда мы проходили мимо него. Я бросился на него и исколотилъ такъ, что онъ упалъ на землю прежде, чѣмъ успѣлъ понять, что съ нимъ дѣлается, и закричать. Когда раздались его крики, наши молодые ноги умчали насъ уже далеко. Долго я не могъ успокоиться, но это дѣлу не помогало, и дальнѣйшее путешествіе наше пришлось совершать уже не въ качествѣ коробейниковъ, а попросту нищими. Съ голодомъ, холодомъ и бездомностью мы вскорѣ такъ свыклись, что даже не ощущали особенныхъ отъ этого мукъ.

Мы подходили къ какому-то небольшому мѣстечку, когда мой товарищъ настолько серьезно занемогъ, что рѣшительно не въ состояніи былъ идти дальше. Я оставилъ его подъ первымъ попавшимся мостомъ, уложивъ насколько возможно удобнѣе, а самъ отправился на удачу въ мѣстечко въ надеждѣ, не найду ли себѣ какой работы. Къ счастью, тутъ же близко увидалъ я нѣсколько строящихся каменныхъ зданій. Оказалось, что тамъ требуется нѣсколько каменщиковъ. И не имѣя никакого понятія объ этой работѣ, я все-таки предложилъ свои услуги. Меня сейчасъ приняли и общали, если я окажусь годнымъ, дать болѣе продолжительную работу. Кладка первыхъ кирпичей затрудняла меня нѣсколько, но часа черезъ два я настолько подвинулся впередъ, что могъ уже быть причисленъ не къ послѣднимъ исполнителямъ этого не особенно мудраго дѣла. Мнѣ назначили поденную плату въ полтора доллара и этого было достаточно, чтобы пріютиться съ товарищемъ моимъ на постояломъ дворѣ. Черезъ нѣсколько дней спутникъ мой настолько поправился, что былъ тоже произведенъ въ каменщика, и мы не только получили возможность каждый день ѣсть и пить до отвала и спать каждую ночь въ теплой комнатѣ, но приобрѣли себѣ даже по парѣ сорочекъ, купили полотна на остальное бѣлье и ремонтировали свою обувь.

Недѣли черезъ три, работы на постройкахъ были почему-то приостановлены, и рабочіе распущены. Никакихъ другихъ заработковъ въ этомъ мѣстѣ не представлялось, и потому мы рѣшили скорѣе добраться до главнаго города штата, въ которомъ мы находились, рассчитывая тамъ пристроиться на долгое уже время. Мы находились въ штатѣ Пенсильванія и направили нашъ путь по рельсамъ прямо въ лучший и оживленнѣйшій городъ этого штата—Питсбургъ. Путь нашъ не ознаменовался никакими интересными приключеніями. Шли мы пѣшкомъ, питаясь по дорогѣ подачками, но часть дороги совершили и на баржѣ съ кирпичемъ и землею, на которую насъ

пустили послѣ сдѣланныхъ нами подарковъ погонщику баржи. Кромѣ этого способа передвиженія, намъ скоро представилась возможность ознакомиться, что называется ѣздить и по желѣзной дорогѣ на даровщину и съ опасностью для жизни. Для такого рода путешествія слѣдовало выжидать къ ночи у какой нибудь изъ маленькихъ станцій товарный поѣздъ. Поѣзда эти длинныя, а прислуги при нихъ бываетъ мало, такъ что всегда можно незамѣтно на нихъ примоститься и проѣхать даромъ, что, конечно, ускоряло переходы. Этотъ планъ передвиженія былъ намъ рекомендованъ однимъ встрѣтившимся человѣкомъ, и мы рѣшились имъ воспользоваться.

Было уже совершенно темно, когда къ одной изъ такихъ станцій подошелъ длинный товарный поѣздъ, онъ простоялъ болѣе часа, и мы имѣли достаточно времени, чтобы осмотрѣться и сообразить, какъ намъ удобнѣе здѣсь устроиться. При такихъ поѣздахъ кондукторы въ Америкѣ ходятъ поверхъ вагоновъ, а чтобы перейти съ одного на другой, они спускаются съ одной крыши и поднимаются на другую по желѣзнымъ лѣсенкамъ, прикрѣпленнымъ къ наружнымъ стѣнамъ вагона.

Для болѣе безопаснаго перехода къ вагонамъ пристроены небольшія платформы, какъ и въ нашихъ русскихъ пассажирскихъ поѣздахъ. Мы убѣдились, что самымъ удобнымъ было для насъ помѣститься сзади лѣсенокъ, на платформѣ и сидѣть, имѣя спину плотно прижатою къ стѣнѣ одного вагона, а ноги вытянутыми къ платформѣ другаго, такъ какъ разстояніе между вагонами незначительное. Но занять намѣченные мѣста можно было только уже въ то время, когда поѣздъ двинется со станціи; иначе насъ могли замѣтить бродящіе около него служители и кондукторы. Предпріятіе было весьма рискованное, тѣмъ не менѣе мы выполнили его безъ особенныхъ затрудненій. Какъ только поѣздъ двинулся съ мѣста, мы ухватились каждый за платформы сосѣднихъ другъ другу вагоновъ, со стороны противоположной отъ станціи, и, приближавъ съ поѣздомъ нѣсколько десятковъ шаговъ, удачно вскочили на намѣченные мѣста. При такомъ прыжкѣ несомнѣнно грозитъ нѣкоторая опасность, особенно если онъ сразу не удался, такъ какъ поѣздъ постоянно ускоряетъ ходъ; но ко всему нужна сноровка. Мы впоследствии въ такихъ головоломныхъ прыжкахъ достигли акробатической ловкости.

Сначала мы восторгались нашими даровыми мѣстами, но вскорѣ ощутили всю непріятность своего положенія. Во-первыхъ, толчки получали мы невыносимые и нигдѣ не имѣли точки опоры, чтобы ухватиться на случай потери баланса; вторую непріятность представлялъ непрерывный сквозной вѣтеръ въ промежуткахъ вагоновъ, и, въ-третьихъ, насъ тревожило постоянное опасеніе, что вдругъ появится кондукторъ и, конечно, безъ всякаго стѣсненія, просто по-американски, на всемъ ходу столкнетъ съ поѣзда.

Передъ станціями, гдѣ дѣлалась остановка, мы спрыгивали за-благовременно и выжидали въ сторонкѣ, когда поѣздъ тронется снова. За все время переѣзда, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, кондукторы не показывались ни разу, и такимъ образомъ мы проѣхали большое пространство, не будучи никѣмъ потревожены, пока поѣздъ не остановился наконецъ у какой-то станціи, дальше которой уже не пошелъ. Опять началось наше путешествіе пѣшкомъ, съ неизбѣжными голодовками, холодомъ и усталостью. У одной фермы мы бросили якорь. На смиренную просьбу о ночлегѣ хозяинъ отвѣтилъ недонускающимъ никакихъ разговоровъ отказомъ, но былъ не прочь накормить насъ и для этого позволилъ идти за собой. Какимъ тепломъ и какою уютностью обдало насъ въ простой, но ярко освѣщенной и чистой комнаткѣ, въ которую мы вошли за хозяиномъ. За столомъ сидѣли надъ книгами его жена и молодая дѣвушка, оказавшаяся его дочерью.

Угостили насъ очень радушно, хотя все время я чувствовалъ на себѣ подозрительно устремленные взгляды хозяевъ, которые накормить накормили, но на ночь оставить опасались, извиняясь немѣлкимъ во всемъ домѣ свободнаго мѣста. Съ грустною перспективою холодной темной ночи подъ открытымъ небомъ, если не встрѣтимъ товарнаго поѣзда, мы, вполне насыщенные, направились къ выходу, поблагодаривъ за хлѣбъ-соль. Передъ домомъ мы остановились, обдумывая, гдѣ бы намъ переночевать. Тутъ я замѣтилъ, что входная парадная дверь дома имѣла навѣсъ съ боковыми стѣнками и представляла собой нѣкоторое подобіе будки. Въ этой будкѣ переночевать было во всякомъ случаѣ удобнѣе, нежели подъ открытымъ небомъ; въ ней мы были все-таки сколько нибудь защищены отъ разгулявашагося рѣзкаго вѣтра. Мы выждали нѣкоторое время, желая убѣдиться, что никто въ домъ не слѣдитъ за нами, и затѣмъ, войдя въ будку, расположились на ночь: сняли съ себя сюртуки и усѣлись, плотно прижавшись другъ къ другу и прислонившись спинами къ двери. Грудь, плечи и лица мы прикрыли своими сюртуками. Уснули мы, конечно, мгновенно, но затѣмъ мгновенно же были и разбужены крикомъ испуга. Мы проснулись лежащими навзничъ на полу. Надъ нами стоялъ человекъ съ фонаремъ въ дрожащей рукѣ и упавшимъ отъ страха голосомъ взывалъ о помощи. То былъ хозяинъ фермы, а случился весь инцидентъ потому, что хозяинъ имѣлъ обыкновеніе каждый вечеръ, до отхода ко сну, убѣждаться, что всѣ двери въ домъ заперты. На этотъ разъ за парадною дверью онъ услышалъ человѣческій храпъ. Удивленный этимъ и желая изслѣдовать причину такого явленія, онъ повернулъ ключъ и едва дотронулся до ручки двери, отворявшейся внутрь дома, какъ дверь быстро распахнулась подъ тяжелымъ напоромъ нашихъ спинокъ, и у ногъ его съ шумомъ распростерлись два прижатыхъ другъ къ другу другу человѣческихъ тѣлъ. Разъясненіе всего этого

вызвало общій хохоть, какъ хозяина, такъ и сбѣжавшихся на его зовъ людей, и расположило его къ намъ настолько, что онъ предложилъ намъ для ночлега болѣе удобное въ его домѣ помѣщеніе. Долго потомъ не проходило веселое настроеніе во всемъ домѣ, и на другой день утромъ насъ угостили прекраснымъ завтракомъ, за которымъ я рассказалъ нѣкоторые эпизоды изъ нашего странствованія. Рассказы мои такъ заинтересовали всю семью, что хозяйка просила насъ отобѣдать у нихъ, а въ концѣ концовъ продержали насъ цѣлыхъ три дня, которые мы провели въ непрерывномъ весельи. Я, для упрощенія дѣла, назвалъ своею специальностью рисованіе, а специальностью моего товарища—музыку, что онъ и подтвердилъ, доставляя всѣмъ удовольствіе своею прекрасною игрою на имѣвшемся въ домѣ плохомъ піанино и аккомпанируя мнѣ разные романсы, имѣвшіе такой же успѣхъ, какъ и его музыка. На прощанье я нарисовалъ хозяйинѣ фасадъ его дома, раскрасивъ его насколько было возможно имѣвшимися у дочери дѣтскими акварельными красками.

Эти три дня были намъ наградою и утѣшеніемъ за перенесенныя нами страданія. На дорогу любовная семья снабдила насъ еще разными запасами и между прочимъ засунули въ нашу картонку цѣлую половину свѣже испеченнаго окорока.

Въ небывало веселомъ настроеніи мы двинулись дальше. Въ слѣдующую ночь намъ вновь посчастливилось взобраться на товарный поѣздъ, перевозившій специально свиней, и проѣхать довольно значительное разстояніе съ немалымъ, по нашему положенію, удобствомъ. Вагоны оказались раздѣленными горизонтально на два отдѣленія, свиньи помѣщались въ нижней половинѣ; для чего же служила вторая, я не могъ догадаться.

Въ томъ вагонѣ, куда залѣзъ я съ пріятелемъ, нижняя половина была пуста, и полъ здѣсь былъ устланъ соломою. Мы переважно развалились на свинныхъ ложахъ и отлично совершили порядочный таки переѣздъ. Но страшный запахъ, начинавшій насъ душить и шедшій снизу, побудилъ насъ разстаться раньше конечной цѣли съ нашимъ своеобразнымъ помѣщеніемъ. Да и Питсбургъ былъ недалеко, о чемъ свидѣтельствовали часто встрѣчавшіяся намъ по пути каменноугольныя копи и насыщавшая атмосферу каменноугольная пыль, которая обыкновенно немилосердно вбивается въ поры кожи и легко обращаетъ европейца въ чернокожаго негра.

Въ Питсбургъ мы прибыли въ воскресенье, почему городъ и имѣлъ праздничный веселый видъ.

Э. Бостуновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ГРАФИНЯ ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА ЛИТТА, УРОЖДЕННАЯ ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.

I.

ОЧУ НЕПРЕМЪННО быть архіереемъ или министромъ», — говаривалъ Григорій Александровичъ Потемкинъ, когда былъ еще мальчикомъ. — «Такъ, такъ начну военной службой, а не такъ, такъ стану командовать полами».

Крестный отецъ Потемкина, Григорій Матвѣевичъ Козловскій, только головой покачивалъ на такія рѣчи крестника.

— Грицу моему либо быть въ чести, либо не сносить головы, — не безъ страха помышлялъ онъ.

Но страхъ Козловскаго оказался напраснымъ: Грицъ дѣйствительно попалъ въ такую честь, какой не достигалъ ни одинъ изъ подданныхъ Екатерины Второй, и, въ противоположность прочимъ фаворитамъ, сумѣлъ сохранить свое вліяніе до самой смерти.

20-го марта 1774 года, Александръ Семеновичъ Васильчиковъ, бывшій почти три года самымъ близкимъ къ Екатеринѣ лицомъ, получилъ щедрыя доказательства монаршаго къ нему благоволенія и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе уѣхать въ Москву. На мѣсто его въ Зимнемъ дворцѣ поселился Потемкинъ. По этому поводу государыня писала своему другу Гримму: «je me suis éloignée d'un certain excellent, mais très ennuyeux, citoyen, qui a été tout de suite remplacé, je ne sais trop comment, par un des plus drôles et plus amusants originaux de ce siècle de fer» (я удалилась отъ извѣстнаго пре-

восходнаго, но весьма скучнаго гражданина, который тотчасъ же, сама не знаю какъ, былъ замѣщенъ однимъ изъ самыхъ смѣшныхъ и забавныхъ оригиналовъ сего желѣзнаго вѣка).

Этотъ смѣшной и забавный оригиналъ черезъ два года былъ уже свѣтлѣйшимъ княземъ и признавалъ выше себя только Бога и Екатерину, а равнаго себѣ — никого не имѣлъ. Вознесенный на такую высоту, Потемкинъ не забылъ своей родни. Была у него, между прочимъ, сестра Марѳа Александровна, вышедшая замужъ за полковника Василя Андреевича Энгельгардта. Ко времени возвышенія своего брата Марѳа Александровна уже овдовѣла и, обремененная многочисленной семьей, скромно проживала въ смоленскомъ имѣньицѣ. Пять барышень Энгельгардтъ, Александра, Варвара, Надежда, Екатерина и Татьяна, выросли въ провинціальной глуши, и къ 1775 году старшей шель уже 21-ый годъ, а младшей — еще седьмой. Потемкинъ выписалъ племянницъ въ Петербургъ, ввелъ ихъ въ высшее общество, а послѣ смерти Марѳы Александровны объявилъ себя ихъ отцомъ и покровителемъ.

Переѣздъ въ Петербургъ произвелъ полный переворотъ въ жизни Энгельгардтовъ. Изъ скудной и скучной обстановки мелкопомѣстныхъ дворянъ того времени онѣ, какъ бы волшебствомъ, были внезапно брошены въ водоворотъ великосвѣтскаго общества и окружены всею роскошью, которая только была возможна тогда.

Выросшія въ провинціи барышни, конечно, не получили никакого образованія, и Потемкинъ не щадилъ средствъ, чтобы придать имъ внѣшній лоскъ, столь необходимый въ большомъ свѣтѣ. Старапія его не пропали даромъ: племянницы скоро освоились съ новымъ положеніемъ, и неизмѣнный успѣхъ сопровождалъ ихъ выѣзды. Помимо всѣхъ другихъ причинъ, этому успѣху содѣйствовало то обстоятельство, что сестры Энгельгардтъ были всѣ чудно хороши, всѣ, за исключеніемъ одной Надежды, которая была дурна собой и заслужила отъ дядюшки прозвище: «Надежда безнадежная».

Страсть къ женщинамъ была одною изъ отличительныхъ чертъ великолѣпнаго князя Тавриды: списокъ его любовныхъ интригъ безконеченъ. Отношенія его возлюбленныхъ къ нему заставляютъ предполагать, что не одинъ внѣшній блескъ ослѣплялъ женщинъ, но что самъ Потемкинъ обладалъ качествами, заставлявшими его любовницъ искренно привязываться къ нему. Однако, сердечныя побѣды слишкомъ легко давались ему, а потому понятно, что предметы его минутныхъ увлеченій столь же легко забывались имъ. Онъ мѣнялъ любовницъ, какъ перчатки, и даже въ самыхъ этихъ перемѣнахъ не находилъ развлеченія. Надо было что нибудь необыкновенное, изъ ряду вонъ выходящее, для того, чтобы воспламенить чувства этого баловня фортуны.

Какъ тонкій знатокъ и цѣнитель женской красоты, Потемкинъ не могъ не замѣтить обаятельной прелести своихъ племянницъ. Но

люди XVIII вѣка менѣе всего были склонны къ платоническому обожанію, и Потемкинъ въ этомъ отношеніи былъ вполнѣ сыномъ своего времени; по мѣткому замѣчанію князя И. М. Долгорукаго, «влюбитъся на языкѣ Потемкина значило наслаждаться плотію». И вотъ страстное желаніе поселилось въ душѣ сластолюбиваго временщика. Конечно, онъ сознавалъ, что посягнуть на родную племянницу — противно всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ, но это его не остановило.

Первою его жертвой была старшая изъ сестеръ Энгельгардтъ, Александра. Съ одной стороны, ослѣпленная могуществомъ дяди, съ другой — поддалаясь собственному страстному темпераменту, Александра Васильевна не устояла противъ соблазна и отдалась названному отцу.

Есть пламенные натуры, которыя до самоабвенія привязываются къ первому овладѣвшему ими. Такія натуры безропотно переносятъ оскорбленія, униженія, самую измѣну любимаго человѣка; онѣ готовы на всякія жертвы, лишь бы не потерять окончательно того, въ комъ онѣ видятъ единственный источникъ своихъ наслажденій, и не умѣютъ всего этого скрывать. Несчастливая женщина часто сама не понимаетъ, что такую преданностью она уничтожаетъ всякое уваженіе къ себѣ, что, чувствуя свою силу, мужчина перестаетъ цѣнить ея любовь и скоро совершенно отворачивается отъ беззавѣтно любящаго сердца. Къ такимъ именно натурамъ принадлежала Александра Васильевна Энгельгардтъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что она скоро потеряла прелесть новизны для Потемкина, который отвергъ ее и обратилъ свои взоры на вторую сестру, Варвару.

Не менѣе страстная, чѣмъ старшая сестра, Варвара Васильевна не способна была на такое самоотреченіе, какъ Александра. Наоборотъ, она могла въ минуту гнѣва сдѣлать страшную сцену Потемкину и прогнать его съ глазъ долой, но вслѣдъ за ушедшимъ посылала записку, въ которой нѣжно просила его вернуться. Она терзала его невозможными капризами и безумною ревностью. Она доводила его до отчаянія и затѣмъ заставляла все забывать въ своихъ пламенныхъ объятіяхъ. Ея возлюбленный мучился и, можетъ быть, не разъ проклиналъ ввбалмошную женщину, но во всякомъ случаѣ не скучалъ, а боязнь потерять ее постоянно поддерживала пламя страсти. Стоитъ только заглянуть въ переписку Варвары Энгельгардтъ съ Потемкинымъ, чтобы убѣдиться во всемъ этомъ.

Больше года продолжалась эта связь. Но въ 1778 году Варвара познакомилась съ молодымъ княземъ Сергѣемъ Ѳеодоровичемъ Голицынымъ, безумно влюбилась въ него, добилась вѣнчанности, въ январѣ 1779 года вышла за него замужъ и превратилась въ нѣжную жену и заботливую мать. Это было полнѣйшею неожидан-

ностью для Потемкина, и измѣна коварной племянницы повергла его въ глубочайшую грусть. Его самолюбіе было уязвлено. Но ничто не вѣчно подъ луной; влюбчивый Потемкинъ скоро успокоился: минуя Надежду-безнадежную, онъ занялся четвертою племянницей—Катенькой.

Екатерина Васильевна Энгельгардтъ родилась въ 1761 г., а лѣтомъ 1776 года, пятнадцатилѣтней барышней, пріѣхала въ Петербургъ и тотчасъ была сдѣлана фрейлиной. Всѣ современники единогласно свидѣтельствуютъ, что Екатерина Васильевна далеко превосходила красотой своихъ сестеръ и была обворожительно хороша собой. Такъ, французскій посолъ графъ Сегюръ, выдавшій на своемъ вѣку не мало красавицъ, утверждаетъ, что головка ея могла бы служить для художника образцомъ головы амура; князь П. Д. Цициановъ, немножко влюбленный въ Екатерину Васильевну, съ восторгомъ писалъ своему другу Зиновьеву, что она, какъ ангелъ во плоти, хороша, молода и прекрасна; то же самое говоритъ и знаменитая портретистка Виже-Лебрень, на эстетическое чутье которой мы можемъ вполне положиться; Г. Р. Державинъ, лира котораго не разъ восхваляла сестеръ Энгельгардтъ, награждаетъ Екатерину Васильевну слѣдующими эпитетами:

...въ женахъ о милый ангелъ,
Магнитъ очей, варя безъ тучи!

И, дѣйствительно, эта русокудрая головка была чудно хороша, но зато не выдавалась умственными способностями, хотя сердце у Екатерины Васильевны было безусловно доброе и кроткое. Съ другой стороны, въ противоположность старшимъ сестрамъ, Катенька Энгельгардтъ отличалась флегматическимъ темпераментомъ и на пылкія чувства не была способна. Когда громадная фигура великолѣпнаго князя Тавриды со страстными мольбами склонилась къ ея ногамъ, недалекая и добрая дѣвушка дѣйствительно повѣрила страданіямъ своего дяди и, не желая быть причиной чьей либо муки, отдалась въ его волю, можетъ быть, сама не понимая вполне, какой гибельный шагъ она дѣлаетъ. Но пылкія ласки Потемкина не возбуждали въ ней отвѣтнаго огня. Самъ Потемкинъ далеко не такъ увлекался Екатериной Васильевной, какъ ея старшими сестрами. Это видно изъ его писемъ.

Варваръ онъ писалъ посланія такого рода: «Варинька, другъ мой любезный, жизнь моя, красавица, хочется цѣловать тебя. Голубушка, пишу къ тебѣ для того, что мнѣ пріятно заниматься тобою; ручки твои безцѣнныя. Для чего я не могу ихъ имѣть всегда при себѣ?». Или другое письмо ей же: «Варинька, душа моя, мнѣ упомянуть имя твое пріятно. Красавица моя любезная, цѣлую тебя всю съ ногъ до головы. Мой ангелъ, для чего шуба счастливѣе меня!». Совсѣмъ инымъ тономъ отличается единственное, имѣющееся въ

нашемъ распоряженіи, письмо Потемкина къ Екатеринѣ Васильевнѣ: «*Oui, mon cher coeur, soyez persuadé que mon attachement pour vous ne finira qu'avec ma vie; et encore plus, je le porterai dans mon ame. Je vous le repète, soyez persuadé, cela est si vraie comme il y a un Dieu, et qui est temoin de mes sentiments. Votre cher et tendre papa Rinco*») Р(отемкин) Тавричен. (Да, мое дорогое сердце, будьте увѣрены, что моя привязанность къ вамъ кончится только съ моею жизнью; и даже болѣе, я буду носить ее въ моеи душѣ. Повторяю вамъ, будьте увѣрены, что это также справедливо, какъ то, что есть Богъ, который да будетъ свидѣтелемъ моихъ чувствъ. Вашъ милый и нѣжный папа к(нязь) П(отемкинъ) Таврическій). Писнишь, душа моя, вашъ большой яхонтъ; онъ не мой, а твой, моя сударка. Я немношко за его осердился».

Насколько первыя письма дышатъ страстью, настолько отъ послѣдняго вѣетъ дѣланностью.

II.

Сама Екатерина относилась не только снисходительно, но какъ бы сочувственно съ любовнымъ похожденіемъ своего фаворита. Такъ, Екатерина Васильевна Энгельгардтъ была постояннымъ членомъ эрмитажныхъ собраній, въ которыя допускались только самыя приближенныя къ государынѣ лица; во время поѣздки императрицы въ Бѣлоруссію (въ началѣ 1780 года) въ числѣ четырехъ фрейлинъ, сопровождавшихъ ее, мы видимъ Александру Васильевну и Екатерину Васильевну. Онѣ же состояли въ свитѣ государыни и въ 1787 году, во время знаменитаго путешествія въ Тавриду.

Уже слишкомъ полтора года продолжалась связь Потемкина съ младшей его племянницей, когда въ Петербургъ пріѣхалъ изъ-за границы графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, внучатный братъ императора Петра III, молодой человекъ лѣтъ двадцати четырехъ. Его мало знали въ Петербургѣ, такъ какъ онъ долго прожилъ въ Италіи, которую очень полюбилъ. Эта его страсть къ Италіи вообще и къ итальянскому искусству въ частности дала поводъ злымъ языкамъ распространить по столицѣ цѣлую серію злыхъ шутокъ, въ которыхъ графъ Скавронскій выставленъ былъ глупцомъ и самодуромъ. Такъ, наприимѣръ, говорили, что онъ не признавалъ никакихъ странъ, кромѣ Италіи, и ничего, кромѣ музыки; что самъ онъ сочинялъ «какую-то ералашь», которую считалъ за геніальныя мелодіи, давалъ концерты, мучившіе слушателей; доходилъ наконецъ до такого абсурда, что истязалъ своихъ слугъ, требуя, чтобы они не иначе говорили съ нимъ, какъ речитативами, и тому подобное. Надо полагать, что все это было просто сплетней. Лица, ближе знавшія графа, свидѣтельствуютъ, что это былъ человекъ безусловно добрый и сердечный, въ высшей степени деликатный и готовый

всѣмъ служить, тѣмъ только могъ; онъ былъ остроумнымъ и интереснымъ собесѣдникомъ и хорошимъ цѣнителемъ не только музыки, но и другихъ изящныхъ искусствъ. Черты лица его были правильны, и на нихъ лежала печать благородства. Выдающихся дарованій за Павломъ Мартыновичемъ не водилось, какъ и за всѣми его предками; кромѣ того, онъ былъ натурой мягкой, увлекающейся, женственной, легко поддающейся чужому вліянію, иногда дурному. Эти недостатки, и въ особенности послѣдній, вполне объясняютъ, какимъ образомъ имя графа Скавронскаго, несомнѣнно порядочнаго человѣка, иногда не безъ основанія связывалось съ довольно неприглядными исторіями.

Вернувшись изъ Италіи въ Петербургъ, Скавронскій сразу занялъ въ великосвѣтскихъ салонахъ одно изъ видныхъ мѣстъ, какъ богатый и образованный человѣкъ. На одномъ изъ вечеровъ встрѣтился онъ съ Екатериной Васильевной Энгельгардтъ, увлекся ея блестящей красотой и во что бы то ни стало рѣшилъ добиться ея руки. Но, зная про ея связь съ Потемкинымъ, робкій графъ сомнѣвался, чтобы она промѣняла свѣтлѣйшаго князя на него, и, не смѣя дѣйствовать лично, онъ поручилъ устроить это дѣло своему фактотуму Гурьеву (впослѣдствіи министру финансовъ). Врядъ ли Гурьевъ встрѣтилъ особыя препятствія въ выполненіи этого порученія. Потемкинъ, безъ сомнѣнія, былъ непрочъ отъ того, чтобы его племянница сдѣлала приличную партію, тѣмъ болѣе, что, на его взглядъ, бракъ вовсе не обязывалъ его прекратить связь съ ней. Какъ бы то ни было, исканія графа Скавронскаго были встрѣчены вполне сочувственно, и бракъ сладился. Восхищенный женихъ подарилъ Гурьеву 3.000 дупъ.

Около того же времени состоялась помолвка Александры Васильевны Энгельгардтъ съ польскимъ короннымъ великимъ гетманомъ Ксаверіемъ Петровичемъ Браницкимъ. Императрица приняла близкое участіе въ судьбѣ своихъ любимицъ. Обѣ свадьбы были совершены въ церкви Зимняго дворца, въ ноябрѣ 1781 года, съ великою пышностью, а послѣ церковнаго обряда состоялся въ залахъ дворца балъ и затѣмъ ужинъ, который былъ удостоенъ присутствіемъ самой государыни.

Мать графа Скавронскаго была женщина практическая и, зная вліяніе своей невѣстки на Потемкина, старалась извлечь изъ этого выгоды для своего сына. Она заставляла молодую графиню выпрашивать мужу чины и ордена, и наконецъ, по протекціи супруги, Павелъ Мартыновичъ въ 1784 г. назначенъ былъ русскимъ посломъ въ Неаполѣ. Онъ немедленно уѣхалъ съ матерью въ Италію, но жена осталась въ Петербургѣ, къ крайнему огорченію влюбленнаго супруга: Потемкину жаль было отпустить отъ себя «ангела во плоти», и онъ продолжалъ съ нею связь до 1786 года. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что именно въ этомъ году, 17 августа, графиня

Скавронская была въ спальнѣ своего дяди, увидала у него на столикѣ портретъ императрицы, пожалованный для пошениа на груди, и, подойдя къ зеркалу, манинально приколола его себѣ къ лифу.

— Катенька, поди благодарить императрицу,—ты статсъ-дама!— вскричалъ вдругъ Потемкинъ, увидя это.

— Что вы со мной дѣлаете?—испуганно взмолилась графиня.

— Я тебѣ приказываю!—заявилъ упрямо Потемкинъ, не любившій, чтобы препятствовали его фантазіямъ. Онъ тутъ же написалъ записку государынѣ и велѣлъ графинѣ отнести ее наверхъ (Потемкинъ жилъ въ нижнемъ этажѣ дворца).

Съ сердечнымъ замираніемъ исполнила графиня приказаніе дяди. Императрица встрѣтила ее съ неудовольствіемъ, котораго даже не могла скрыть, несмотря на все умѣнье владѣть собой, но просьбы Потемкина не могла не исполнить. Впрочемъ, этотъ эпизодъ не нарушилъ расположенія Екатерины къ новой статсъ-дамѣ.

Окончательно близость Скавронской съ Потемкинымъ должна была прекратиться съ отъѣздомъ его на театръ дѣйствій второй турецкой войны. Скоро, 5-го октября 1791 года, этотъ человекъ, великій при всѣхъ своихъ недостаткахъ, въ пустынной молдаванской степи испустилъ послѣдній вздохъ на рукахъ преданной графини Браницкой. Около того же времени графъ Скавронскій сталъ жалобно умолять свою жену пріѣхать въ Неаполь: упорный недугъ, не поддававшійся лѣченію, давно уже подтачивалъ его силы и медленно, но вѣрно приближалъ графа къ безвременной могилѣ. Грустно было Павлу Мартыновичу умирать вдали отъ любимой жены. Екатерина Васильевна вняла его мольбамъ и, кинувъ веселую петербургскую жизнь, поѣхала въ Неаполь.

Болѣзнь графа препятствовала ему вести открытую жизнь, а жена его, по свойственной ей флегматичности, не хотѣла сама искать развлеченій и, какъ говорится, совершенно распустилась. Виже-Лебрень, писавшая въ это время портретъ графини Скавронской, такъ описываетъ ея обычное времяпрепровожденіе въ Неаполѣ:

«Ея высшимъ счастьемъ было лежать на канapé безъ корсета, закутавшись въ огромную черную шубу. Ея свекровь выписывала для нея изъ Парижа цѣлыми сундуками самые изысканные наряды, которые изготовляла тогда придворная модистка королевы Маріи-Антуанеты, m-lle Vertin. Я не думаю, чтобы графиня когда нибудь открыла хотя одинъ изъ этихъ сундуковъ, и когда ея свекровь выражала желаніе видѣть на ней прелестныя платья, лежавшія въ сундукахъ, молодая графиня лѣниво отвѣчала:

— «Да для чего? Для кого? Зачѣмъ?»

«То же самое говорила она и мнѣ, показывая свой рѣдкостный по цѣнѣ ящикъ: въ немъ лежали груды брильянтовъ, которые ей подарилъ Потемкинъ, и которыхъ я никогда на ней не видала. Помню, она мнѣ говорила, что, ложась спать, она сажала возлѣ своей постели

крѣпостную дѣвушку, которая ей рассказывала каждый вечеръ одну и ту же сказку. Днемъ графиня постоянно пребывала въ праздности; она была безъ всякаго образованія и вела самый безцвѣтный разговоръ, но, несмотря на это, обладая прекрасной фигурой и ангельской красотой, была положительно неотразима. Графъ Скавронскій былъ страстно влюбленъ въ нее».

По вечерамъ графиня играла въ карты съ мужемъ и аббатомъ Бертраномъ, который былъ тогда французскимъ консуломъ въ Неаполѣ. Такъ скучно и однообразно, въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, тянулась жизнь графини Скавронской вплоть до 1794 года, когда графъ наконецъ умеръ. Молодая вдова поплакала и потужила по мужѣ, котораго впрочемъ никогда не любила, а затѣмъ вернулась въ Петербургъ и снова предалась прежней разсѣянной жизни.

Черезъ два года графинѣ пришлось оплакивать смерть императрицы, которая всегда сочувственно относилась къ ней. Но и императоръ Павелъ не лишилъ графини Скавронской своей благосклонности: по крайней мѣрѣ, въ день своей коронаціи онъ пожаловалъ ее орденомъ св. Екатерины.

Павелъ Петровичъ по своему характеру былъ склоненъ сочувствовать всему романтическому и рыцарскому. Еще съ дѣтства прислушиваясь къ толкамъ о мальтійскомъ ордени, единственномъ остаткѣ средневѣковаго рыцарства, дожившемъ до XIX вѣка, Павелъ относился къ нему съ большимъ сочувствіемъ. Поэтому неудивительно, что, ставъ императоромъ, онъ оказалъ ордену цѣлый рядъ милостей, и когда Мальта была захвачена Вонапартомъ, русскій царь взялъ орденъ подъ особое свое покровительство и даже принялъ званіе великаго магистра Мальтійскаго ордена. Главнымъ дѣятелемъ въ доставленіи мальтійскимъ рыцарямъ покровительства императора Павла былъ графъ Юлій Ренаръ Литта, или, какъ его звали въ Россіи, Юлій Помпеевичъ, балъи и командоръ ордена. Литта происходилъ изъ миланскаго аристократическаго рода, который вмѣстѣ съ домомъ Висконти занималъ по знатности первое мѣсто въ родномъ городѣ. Молодымъ челоукомъ онъ вступилъ въ Мальтійскій орденъ, а затѣмъ въ 1789 г., не снимая съ себя духовно-рыцарскаго обѣта, поступилъ на службу въ русскій флотъ капитаномъ 1-го ранга. Война съ Швеціей дала ему случай выказать военные таланты и заслужить чинъ контръ-адмирала, георгиевскій крестъ и золотую шпагу съ надписью за храбрость. Богатый и знатный иностранецъ былъ принятъ во всѣхъ лучшихъ петербургскихъ домахъ. Отличаясь колоссальною фигурой, геркулесовскимъ сложеніемъ и величественною осанкой, графъ Литта обладалъ тою южною эффектною и мужественною красотой, которая особенно нравится женщинамъ. Заглядывалась на него подолгу и графиня Скавронская, и красивый итальянецъ произвелъ на нее такое сильное впечатлѣніе, что эта женщина, остававшаяся холодною и безстрашною въ моло-

дости, теперь, когда ей было уже 37 лѣтъ, безумно влюбилась и почитала за величайшее счастье стать женою Литты. Графъ тоже былъ непрочь отъ этого брака, такъ какъ Скавронская и въ пожилыхъ лѣтахъ не утратила свой красоты, а по богатству и связямъ она была вполне подходящею женой для итальянскаго графа, желавшаго попрочнѣе войти въ кругъ русской знати.

Бракъ Литты со Скавронской состоялся 31-го октября 1798 года и сопровождался пышными торжествами. Какой-то итальянецъ сочинилъ по этому поводу драматическую кантату, которая и была разыграна во дворцѣ новобрачныхъ, а Державинъ посвятилъ графинѣ слѣдующіе стихи:

Диана съ голубого трона,
Въ полукрасѣ своихъ лучей,
Въ объятіи Эндимиона
Какъ сходитъ скромною стезей,
Въ хитонъ воздушный облочонна,
Чело вокругъ въ звѣздахъ горить,—
Въ безмолвной тишинѣ вселенна
На лунный блоскъ ея глядитъ;
Иль виноградна вѣтвь младая,
Когда опоры лишена,
Поблекнетъ, долу упадая,
Но, вѣтеркомъ оживлена,
Вкругъ столба новаго среди лѣта
Обвившись листьями, встаетъ,
Цвѣтеть и, солнцемъ обогрѣта,
Румянцомъ взоры всѣхъ влочитъ:
Такъ ты, въ жонкахъ о милый ангель,
Млгннть очей, вая безъ тучь,—
Какъ бракъ твой вновь позволилъ Павель
И кпнуть на тебя свой лучь,—
Подобно розѣ развернувшись,
Люви душою расцвѣла.
Ты—Красота, что, улыгнувшись,
Свой поясъ Марсу отдала.

Но у нѣкоторыхъ современниковъ этотъ бракъ вызвалъ ироническую улыбку. Такъ, Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ графу С. Р. Воронцову: «графиня Скавронская вышла замужъ за Литту: еще одной глупостью больше въ ея жизни»... Во всякомъ случаѣ графъ и графиня Литта жили согласно. Графъ пользовался большимъ почетомъ и при дворѣ и въ обществѣ, а его супруга попрежнему продолжала получать знаки высочайшаго расположенія: 14-го декабря 1798 года, она была пожалована кавалерственною дамою державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, великаго пріорства греко-россійскаго, 18-го апрѣля 1809 года, получила орденъ св. Екатерины перваго класса, а 1-го января 1824 года была возведена въ достоинство гофмейстерины императорскаго двора.

Скончалась графиня Литта въ Петербургѣ 7-го февраля 1829 года. Отъ брака Екатерины Васильевны съ графомъ Скавронскимъ

родились двѣ дочери: Екатерина и Марія. Старшая влюбилась въ сына графа Палена, но, по настоянію императора Павла, должна была выйти замужъ за князя Петра Ивановича Багратиона. Этотъ насильственный бракъ имѣлъ плачевныя послѣдствія: молодые не сошлись характерами, и княгиня Екатерина Павловна жила почти все время отдѣльно отъ мужа. Къ этому присоединились еще денежныя затрудненія, въ которыхъ княгиня обвиняла тоже мужа, жалуясь на его крайнюю расточительность и неумѣніе вести дѣла. Только громадное состояніе графа Литты, который не отказалъ въ помощи падчерицѣ, помогло Багратионамъ распутаться съ долгами. Князь Петръ Ивановичъ палъ геройскою смертію подъ Бородинымъ, послѣ чего его вдова вступила во второй бракъ съ лордомъ Гауденомъ. Но дѣтей отъ этого брака, какъ и отъ предыдущаго, не осталось.

Графиня Марія Павловна Скавронская также была дважды замужемъ: сперва за графомъ П. П. Паленомъ, съ которымъ развелась въ 1804 году, а затѣмъ за графомъ А. П. Ожаровскимъ. Отъ перваго брака у нея была дочь, Юлія Павловна, которая пережила трехъ мужей и осталась бездѣтною, такъ что съ ея смертію преклосось потомство Екатерины Васильевны¹⁾.

С. Адриановъ.

¹⁾ Биографическія свѣдѣнія о всѣхъ сестрахъ Энгельгардтъ есть у Карабалова. О смерти Марьи Александровны говоритъ Рибоньеръ (Русск. Арх. 1877 г., т. I, стр. 479). О Варварѣ Васильевнѣ много есть въ Русск. Стар. 1875 г., т. XII, стр. 512—522 (ея переписка съ Потемкинымъ и отношенія къ кн. Голицыну), а также въ сочиненіяхъ Державина, изданныхъ подъ редакціей Грота (I, 161); о началѣ ея интриги съ дядей говорится въ письмѣ Н. К. Загряжской къ А. К. Разумовскому (Семейство Разумовскихъ, А. А. Васильчикова, т. V, стр. 27. Надпись неправильно думаетъ, что тутъ подразумѣвается Екатерина Васильевна—и дата письма и упоминаніе о *jealousie dont rien n'argroche* ясно указываютъ на Варвару). Подлинникъ письма Потемкина къ Екатеринѣ Васильевнѣ хранится у П. Я. Дашкова. Согоръ упоминаетъ о гр. Скавронской на 42 и 269 стр. своихъ Записокъ. Синскіи лицъ, сопровождавшихъ Екатерину Великую въ обомъ ея путешествіяхъ, напечатаны въ «Сборникѣ» Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 218 и 231. Свѣдѣнія о сомѣ Скавронскихъ собраны у Михеевича («Любимцы», Спб., 1886), который, однако, относится ко всѣмъ выводимымъ имъ лицамъ слишкомъ ужъ отрицательно. О меломаніи и о женитбѣ гр. Скавронскаго говоритъ Вигель (III, 85—86); болѣе симпатичные отзывы о немъ находимъ у Долгорукаго («Капище моего сердца», стр. 189 и 271—272), Vigée-Lebrun (Souvenirs, t. I, Paris, 1869, p. 190—193) и А. Я. Измайлова (письмо отъ гр. С. Р. Воронцову о смерти Скавронскаго; см. «Архивъ князя Воронцова», т. XX, стр. 271). Свадьбы Скавронскаго и Враницкаго описаны въ письмѣ Никара къ кн. А. В. Куракину (Русск. Стар., 1870 г., стр. 309—310). Князь Цициповъ говоритъ объ Е. В. въ письмахъ къ Зиновьеву (Русск. Арх., 1872, стр. 2151). О Литтѣ см. въ вышеуказанномъ изданіи Державина (т. II, стр. 121—149). Письмо Ростопчина помѣщено въ Русск. Арх., 1887 г., т. I, стр. 162—164. О бракѣ Е. П. Скавронской съ Багратиономъ писалъ П. В. Чакаговъ графу С. Р. Воронцову («Архивъ князя Воронцова», т. XIX, стр. 80). О денежныхъ затрудненіяхъ и неладахъ Багратионовъ говорится въ письмахъ В. Ф. Боголюбова къ князю А. В. Куракину (Русск. Арх., 1893 г., т. III, стр. 279—289 и 297—298).

ВОСПОМИНАНІЯ О С. И. МАЛЬЦОВѢ.

ВСТРѢЧАЮТСЯ личности, дѣятельность которыхъ, хотя и не имѣвшая официального характера, тѣмъ не менѣе оставляетъ прочный слѣдъ въ развитіи страны. Къ такимъ крупнымъ личностямъ, безспорно, можно отнести скончавшагося, года два тому назадъ, отставного генераль-маіора Сергѣя Ивановича Мальцова. Послѣ его кончины въ нѣкоторыхъ газетахъ помѣщены были краткія о томъ сообщенія, съ упоминаніемъ о покойномъ, какъ объ извѣстномъ дѣятелѣ на поприщѣ отечественной промышленности; затѣмъ еще, кажется, въ ежемѣсячныхъ прибавленіяхъ къ журналу «Нива» появилась небольшая замѣтка съ болѣе подробнымъ изложеніемъ дѣятельности Сергѣя Ивановича, но и въ этой замѣткѣ нѣтъ ничего, что могло бы привлечь къ этому дѣйствительно замѣчательному человѣку и остановить на немъ вниманіе современнаго общества. Справедливо замѣчено кѣмъ-то, что жизнь каждаго человѣка, правдиво изложенная, представляетъ интересъ; тѣмъ болѣе это справедливо по отношенію къ такой выдающейся личности, какъ покойный Сергѣй Ивановичъ, этотъ истинный труженикъ на пользу родной земли. Сергѣй Ивановичъ не клалъ печей, не тачалъ сапогъ, не пахалъ самолично землю, не раздавалъ землю и прочее имущество, предавшись аскетическому образу жизни, — хотя человѣкъ этотъ былъ воплощеніе труда и притомъ труда не изъ узкихъ видовъ личнаго прибытка, а исключительно для широко понимаемой общественной пользы. Я далекъ отъ того, чтобы взять на себя непосильную задачу изобразить эту жизнь во всѣхъ подробностяхъ наполнявшей ее безустанной, многосторонней дѣятельности; у меня нѣтъ и достаточнаго для этого матеріала; я руководюсь только желаніемъ воздать должное замѣчательному русскому человѣку, изо-

бравивъ его, насколько это въ моихъ силахъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, достойнымъ подражанія образцомъ просвѣщеннаго, любящаго не на словахъ, а на дѣлѣ, свою страну, русскаго дворянина.

Я имѣлъ возможность, проживая въ продолженіе полутора года въ имѣніяхъ Сергѣя Ивановича, ежедневно видясь съ нимъ, наблюдать тотъ трудовой образъ жизни, который онъ велъ.

Одинъ мой родственникъ завѣдывалъ его московской конторой, самой главной по торговымъ оборотамъ. Разказы о Мальцовѣ, его кипучей дѣятельности, его многочисленныхъ заводахъ, фабрикахъ, пробудили во мнѣ желаніе познакомиться со всѣмъ этимъ воочію, примкнуть къ этой дѣятельности, и я рѣшился оставить государственную службу и поступить къ Мальцову. Я жилъ тогда въ Петербургѣ. Заручившись рекомендаціей родственника и узнавъ о пріѣздѣ въ Петербургъ Сергѣя Ивановича, я отправился въ собственный его домъ на Моховой, гдѣ онъ остановился. Меня ввели въ небольшую комнату, съ довольно скромной обстановкой; почти тотчасъ же изъ сосѣдней комнаты вышелъ человекъ средняго роста, лѣтъ пятидесяти, сильнаго сложенія, нѣсколько сутуловатый; несмотря на совершенно сѣдые волосы на головѣ, усахъ и бакенбардахъ, какъ бы нѣсколько его старившіе, онъ имѣлъ чрезвычайно бодрый и оживленный видъ; въ нѣсколько выпуклыхъ, голубыхъ глазахъ свѣтился умъ съ нѣкоторой примѣсью добродушно-веселой насмѣшливости; одѣтъ онъ былъ въ сѣрое генеральское пальто безъ погоновъ, какъ у отставныхъ, и синія брюки съ широкими лампасами. Это былъ генералъ Сергѣй Ивановичъ Мальцовъ. Я не помню, конечно, теперь подробностей этого перваго свиданія моего съ Сергѣемъ Ивановичемъ. Помню, что вообще пріемъ его былъ очень любезенъ; съ первыхъ же словъ онъ изъявилъ согласіе принять меня на службу и на мое откровенное признаніе, что я ничего не знаю въ фабрично-заводскомъ дѣлѣ, сказалъ, что необходимыя знанія придутъ со временемъ сами собою, было бы только искреннее желаніе трудиться, что главное—въ этомъ желаніи, а пріѣненіе ему найдется. Генералъ, въ соотвѣтствіе съ своей подвижной фигурой, говорилъ очень живо, короткими фразами. Аудіенція кончилась очень скоро, и не далѣе, какъ черезъ мѣсяць, получивъ отставку, я уѣхалъ изъ Петербурга и катилъ по варшавскому шоссе въ почтовомъ дилижансѣ (такъ называемомъ мальпостѣ,—железной дороги еще не было) отъ Москвы до станціи Александровскій хуторъ, съ которой уже надобно было сворачивать въ помѣстья Мальцова. Это было въ ноябрѣ 1864 года, черезъ три года послѣ освобожденія крестьянъ.

Сергѣй Ивановичъ Мальцовъ.

Обширныя владѣнія Сергѣя Ивановича, перешедшія нынѣ къ Мальцовскому торгово-промышленному товариществу, занимали въ одной окружной межѣ громадную площадь, пространствомъ въ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ, захватывавшую части сопредѣльныхъ уѣздовъ: Рославльскаго — Смоленской, Живдринскаго — Калужской и Брянскаго — Орловской губерній. Главная резиденція

владѣльца—с. Дядьково одной половиной лежало въ Живдринскомъ уѣздѣ, а другой—въ Брянскомъ. Большая часть этого пространства находилась подъ лѣсомъ, который заботливо охранялся и эксплуатировался для фабрично-заводскаго производства по системѣ правильной рубки. Руда большею частью добывалась въ самомъ имѣніи, частью пріобрѣталась изъ дачъ сосѣднихъ владѣльцевъ. По имѣнію протекала нѣсколько рѣчекъ, изъ которыхъ главная Болва, впадавшая у Радицкаго завода въ рѣку Десну—притокъ Днѣпра. По этой Болвѣ ранней весной сплавлились въ Десну и далѣе по Днѣпру съ заводовъ небольшія суда, по мѣстному названію, «байдоки», поднимавшія до четырехъ тысячъ пудовъ груза. По описанной нами площади, на удобныхъ расчищенныхъ изъ-подъ лѣса мѣстахъ, раскинуты были многочисленныя хутора, со всѣмъ необходимымъ инвентаремъ для веденія правильного сельскаго хозяйства: плугами, сѣялками, молотилками, вѣялками и проч. При удобреніи употреблялась костяная мука. Сельское хозяйство на всемъ этомъ огромномъ районѣ велось, впрочемъ, только самимъ владѣльцемъ, все же населеніе фабрикъ и заводовъ исключительно было занято тѣми работами, которыя на нихъ производились. Всѣ эти фабрики и заводы находились въ большихъ, многолюдныхъ селеніяхъ; такъ, въ с. Песочномъ— фабрика фаянсовой и эмальированной посуды; въ с.с. Ресета, Радица, Сукремль—чугунно-литейные заводы; въ с. Людиновѣ—чугунно-литейный, желѣзодѣлательный заводъ, мастерскія сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій, экипажей и желѣзнодорожнаго подвижнаго состава; въ с. Любахнѣ—свеклосахарный заводъ; въ с. Дядьковѣ—резиденціи владѣльца и всей центральной администраціи—хрустальная фабрика; въ с.с. Ивотъ, Знеберъ, Чернятино—заводы оконнаго, бемскаго и зеркальнаго стекла. Были и еще чугунно-литейные и стеклянные заводы, но ихъ названія не удержались въ моей памяти. Кромѣ всего этого, было нѣсколько мукомольныхъ мельницъ, винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводовъ, маслобоенъ для потребностей мѣстнаго заводскаго населенія. Между главными населенными пунктами, а именно: с.с. Песочнымъ, Любахной, Людиновымъ и Дядьковымъ, на протяженіи около ста верстъ, было устроено прекрасно содержавшееся шоссе, съ правильно организованнымъ почтовымъ сообщеніемъ: станціонными домами, лошадьми и покойными, крытыми тарантасами. Впослѣдствіи, когда я уже оставилъ заводы, отъ Людинова чрезъ Дядьково до с. Радицы, при впаденіи Болвы въ Десну, была устроена узко-колейная желѣзная дорога, и главные заводы соединены телеграфною проволокой. Кромѣ этого имѣнія, Мальцову принадлежало еще двадцать тысячъ десятинъ въ Крыму. Часть этого имѣнія находилась на южномъ берегу, гдѣ была выстроена вилла, облицованная хрустальными плитами. Говорятъ, видъ на эту виλλу съ моря, при солнечномъ освѣщеніи, былъ поразительный. Имѣніе

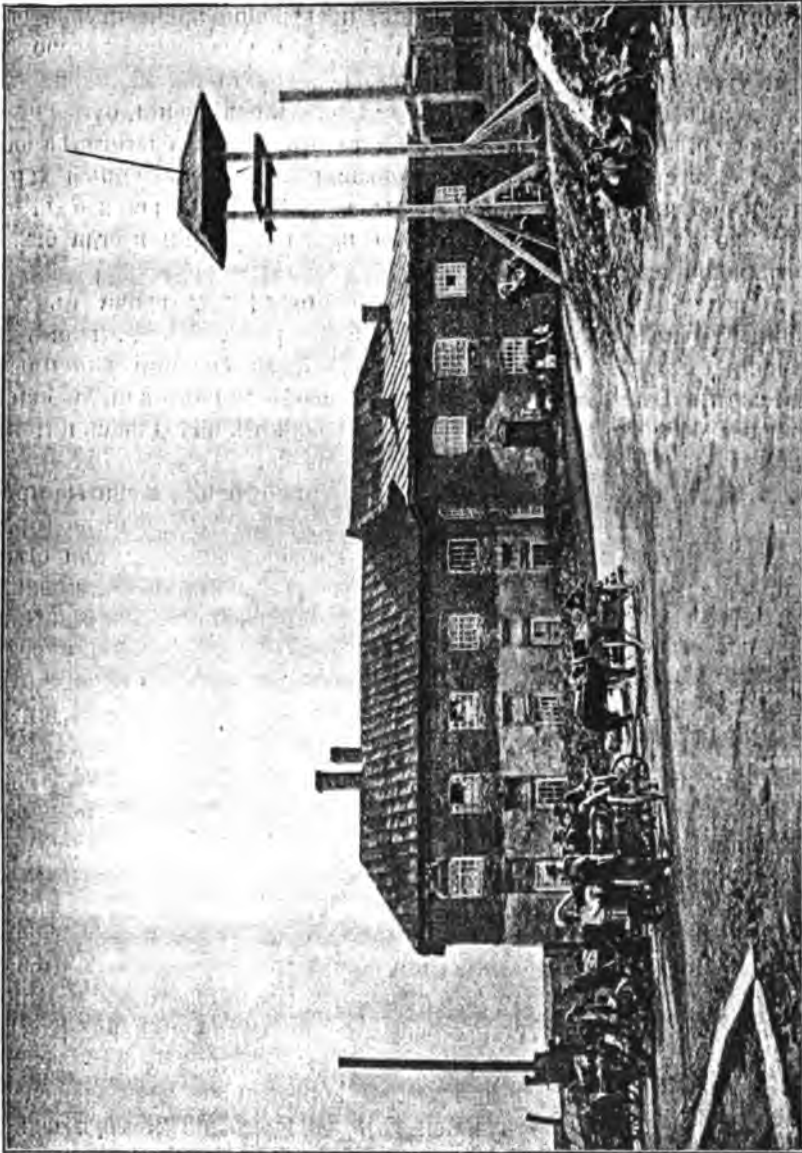

Господскій домъ въ селѣ Дядьковѣ.

называлось Симензъ. Здѣсь, по инициативѣ Сергѣя Ивановича, готовились изъ мѣстныхъ лозъ первое на Руси русское шампанское «Simeis moussoux» и другія виноградныя вина. Были тамъ и многочисленныя стада овецъ, шерсть съ которыхъ отправлялась въ Марсель.

Почва мѣстности, гдѣ находилось главное ижѣнне, не принадлежить къ хлѣбороднымъ, и хлѣбныхъ продуктовъ, получаемыхъ съ хуторовъ владѣльца, далеко не хватало для заводскаго населенія. Хлѣбъ въ зернѣ покупался владѣльцемъ, главнымъ образомъ, въ Орлѣ, гдѣ постоянно находился особый состоящій на жаловань комиссіонеръ; въ Карачевѣ и другихъ мѣстахъ были поставщики хлѣба, уже много лѣтъ ведшіе это дѣло съ администраціей заводовъ. Все для себя необходимое заводское населеніе находило въ складахъ и магазинахъ владѣльца, устроенныхъ при каждомъ заводѣ. Кромѣ заводскаго населенія, числомъ свыше двадцати пяти тысячъ человекъ, находившаго себѣ средства къ существованію, около заводовъ кормилась еще, находила себѣ заработокъ масса всякаго народа: вся администрація съ ея многочисленными развѣтвленіями, хуторскіе рабочіе по вырубкѣ и вывозкѣ лѣса, рабочіе по добыванію руды и ея возкѣ, возчики товара, хлѣба, строители судовъ, судовые рабочіе при сплавѣ; однимъ словомъ, населеніе трехъ уѣздовъ находило себѣ постоянную вѣрно оплачиваемую работу; по конторскимъ даннымъ, это кормившееся отъ заводовъ населеніе представляло ежегодно почтенную цифру свыше двухсотъ тысячъ душъ, тѣмъ болѣе выразительную, что это населеніе проживало въ мѣстности, далеко не отличающейся, какъ я сказалъ, плодородіемъ.

Заводскіе рабочіе проживали бесплатно въ построенныхъ владѣльцемъ просторныхъ, крѣпкихъ, бревенчатыхъ, крытыхъ тесомъ домахъ, отдѣлявшихся одинъ отъ другаго промежутками въ нѣсколько сажень; дома эти представляли двѣ и никогда не болѣе трехъ связи, раздѣлявшихся сѣнями; въ каждой связи помѣщалось не болѣе одной семьи, такъ что смѣшенія разныхъ семей и постороннихъ лицъ разныхъ половъ и возрастовъ не было; каждый рабочій съ семьей жилъ вполне самостоятельнымъ хозяиномъ; у каждой семьи была непременно, а у многихъ и не одна, корова; для коровъ были отведены, при крѣпостномъ правѣ, безвозмездно, а затѣмъ по надѣлу, луга и пастбища. Все мужское и женское населеніе заводовъ было въ большинствѣ грамотное; еще при крѣпостномъ правѣ, когда повсемѣстно царилъ въ крестьянствѣ безпросвѣтная умственная тьма, Сергѣемъ Ивановичемъ въ заводахъ устроены были школы, которыя онъ и послѣ освобожденія поддерживалъ исключительно на собственные средства, и на дѣлѣ доказалъ, что грамотный рабочій лучше безграмотнаго, такъ какъ рабочіе его заводовъ,

Фаянсовая фабрика Мальлова въ Песочнѣ.

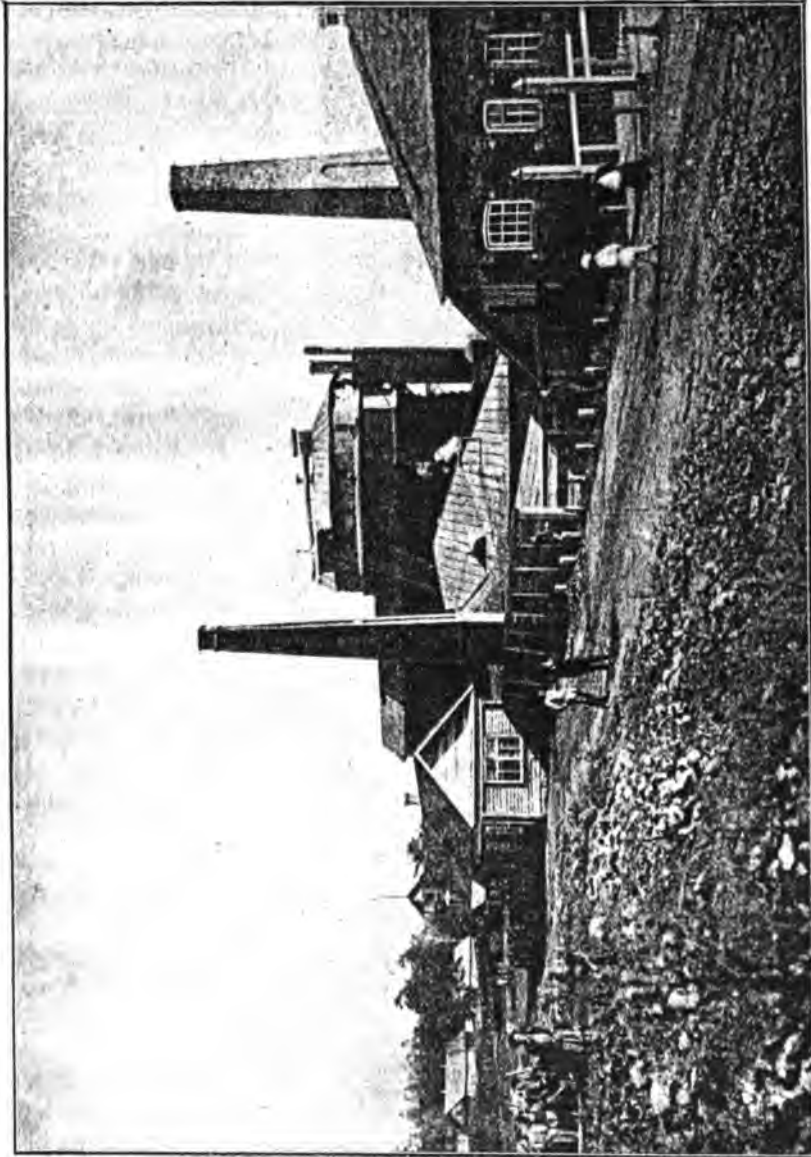
по умственному развитію, стояли неизмѣримо выше окружавшей ихъ массы неграмотнаго крестьянства. Въ главныхъ селеніяхъ: Дятьковѣ, Людиновѣ, Любахѣ, Песочномъ, Радицѣ, воздвигнуты были красивые хорошо содержимые храмы. Особенно хорошъ былъ храмъ въ Дятьковѣ. Выстроенный на площади, прекрасной архитектуры, обширностью не уступающій иному собору въ губернскомъ городѣ, внутри украшенный хорошей живописью, хрустальными иконостасами, храмъ этотъ, особенно при вечернемъ освѣщеніи, буквально имѣлъ ослѣпительный видъ. Прибавьте къ этому благоговѣйное, истовое служеніе духовенства, прекрасный, многочисленный хоръ пѣвчихъ, обучаемыхъ особо нанятымъ знающимъ регентомъ, и станетъ понятно, что храмъ этотъ во время служенія всегда былъ полонъ молящимися.

Для поданія медицинскои помощи состояли три врача съ достаточнымъ числомъ фельдшеровъ и акушеровъ. Въ Дятьковѣ и Людиновѣ были устроены больницы; это были большія каменные двухэтажныя зданія, снабженныя всѣмъ необходимымъ для удобнаго помѣщенія больныхъ. При дятьковской больницѣ находилась аптека съ лабораторіей подъ управленіемъ провизора.

Изъ лицъ, входившихъ въ составъ администраціи, женатые проживали частію въ домахъ, построенныхъ владѣльцемъ, частію (преимущественно изъ мѣстныхъ жителей) въ собственныхъ; холостые помѣщались въ большомъ каменномъ, трехэтажномъ домѣ; нижній этажъ его былъ занятъ конторой, во второмъ находились помѣщенія для временныхъ посѣтителей: представителей власти, поставщиковъ-покупателей; въ третьемъ—помѣщенія для холостыхъ; помѣщенія эти представляли отдѣльную для каждаго лица, достаточной величины, комнату со всею необходимою, но скромною обстановкой.

Рабочій день на заводахъ и въ конторѣ начинался въ шесть часовъ утра и заканчивался въ восемь часовъ вечера, прерываясь промежутками для обѣда, утренняго и вечерняго чая. Впрочемъ, на заводахъ работа не прерывалась и ночью, но работала другая смѣна рабочихъ.

Собственно, на мѣстѣ, въ заводахъ, сбывалась пріѣзжимъ оптовымъ покупателямъ сравнительно незначительная часть всей массы вырабатываемыхъ произведеній. Для сбыта заведены были конторы съ необходимымъ персоналомъ служащихъ въ Ригѣ, Минскѣ, Пинскѣ, Петербургѣ, Москвѣ, Трубчевскѣ, селѣ Кладьковѣ на Деснѣ, Коропѣ, Черниговѣ, Кіевѣ, Кременчугѣ, Екатеринославѣ, Херсонѣ, Одессѣ и Ростовѣ на Дону. Для торговли на нижегородской ярмаркѣ, куда товаръ доставлялся изъ заводовъ по рѣкѣ Москвѣ и Окѣ, выѣзжалъ управляющій московскою конторой. Изъ поименованныхъ мною конторъ въ главную дятьковскую контору поступали требованія на разнаго рода товаръ, и заказы эти раздавались по заводамъ съ такимъ расчетомъ, чтобы для южной торговли были выполнены непременно ко вскрытію рѣкъ.

Ресетинский чугуно-плавильный заводъ Мальцова.

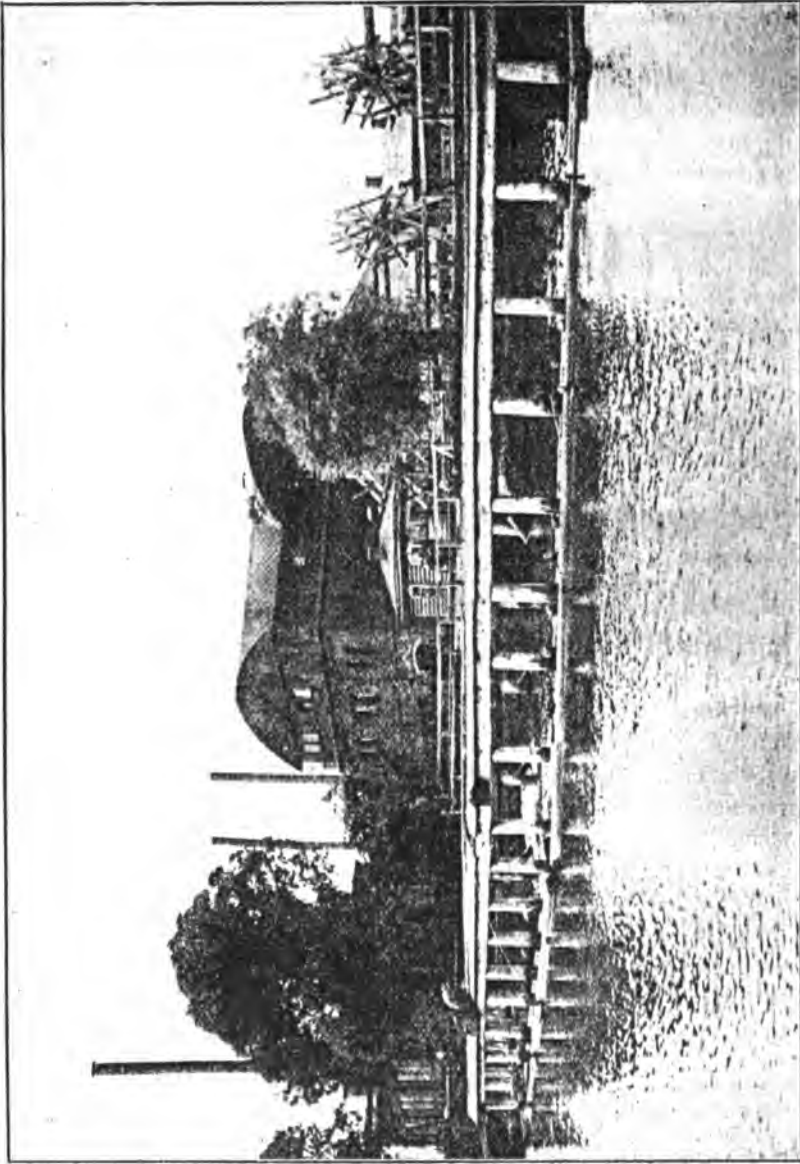
Описавъ ту арену, на которой кипѣла оживленная, разнообразная дѣятельность, перехожу теперь къ той личности, которая была главнымъ, такъ сказать, моторомъ всей этой дѣятельности.

Сергѣй Ивановичъ Мальцовъ родился въ 1810 году; послѣ смерти брата, онъ остался единственнымъ сыномъ отставного секундъ-майора Ивана Акимовича Мальцова, владѣтеля обширныхъ земельныхъ пространствъ, которыя перешли потомъ къ Сергѣю Ивановичу и которыя онъ увеличилъ покупкой сосѣднихъ участковъ.

Сергѣй Ивановичъ получилъ хотя и домашнее образованіе, но, какъ сынъ богатаго человѣка, имѣлъ возможность пользоваться уроками хорошихъ преподавателей. Онъ прекрасно владѣлъ языками французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ; основательная научная подготовка, чтеніе, частыя путешествія за границу, не для удовольствій, а съ исключительною цѣлью познакомиться на мѣстѣ по лучшимъ образцамъ съ фабрично-заводскою промышленностью, дали возможность Сергѣю Ивановичу приобрести обширныя свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ знанія, имѣющимъ связь съ этой промышленностью; онъ въ совершенствѣ зналъ химію, физику, металлургію, механику; это были, такъ сказать, основныя его познанія; но вся вообще область его свѣдѣній, по своей обширности, представляла нѣчто поразительное: кажется, не было ни одной отрасли естественныхъ свѣдѣній, которая не была бы ему настолько знакома, чтобы въ примѣненіи ея къ дѣлу онъ не могъ составить себѣ самостоятельнаго понятія о правильности или неправильности этого примѣненія и указать, въ случаѣ надобности, въ чемъ ошибка. Въ продолженіе того короткаго времени, которое мнѣ пришлось быть при Сергѣѣ Ивановичѣ, мнѣ не разъ случалось видѣть примѣры, когда Сергѣю Ивановичу приходилось проявлять свои познанія и находчивость при разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ по устройству разныхъ заводскихъ приспособленій, въ родѣ, на примѣръ, газовыхъ печей, или по поводу недостатковъ въ какихъ либо машинахъ, или несовершенствъ химическихъ составовъ, на примѣръ, хрусталя и стекла—вопросовъ, предъ которыми затруднялись специалисты, и которые счастливо разрѣшались Сергѣемъ Ивановичемъ.

По достиженіи требуемаго для вступленія въ государственную службу возраста, Сергѣй Ивановичъ, какъ это было въ обычаѣ нашего дворянства, поступилъ въ военную службу въ Кавалергардскій полкъ. Произведенный въ офицеры, онъ быстро достигъ высшихъ чиновъ, состоялъ адъютантомъ при его высочествѣ принцѣ Петрѣ Георгіевичѣ Ольденбургскомъ и молодымъ тридцатилѣтнимъ полковникомъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-майора, чтобы по случаю кончины отца вступить въ непосредственное управленіе доставшимися ему имѣніями. Служба адъютантомъ, оставляя Сергѣю Ивановичу много свободнаго времени, позволяла ему совершать частыя поѣздки за границу и оставаться тамъ продолжительное время

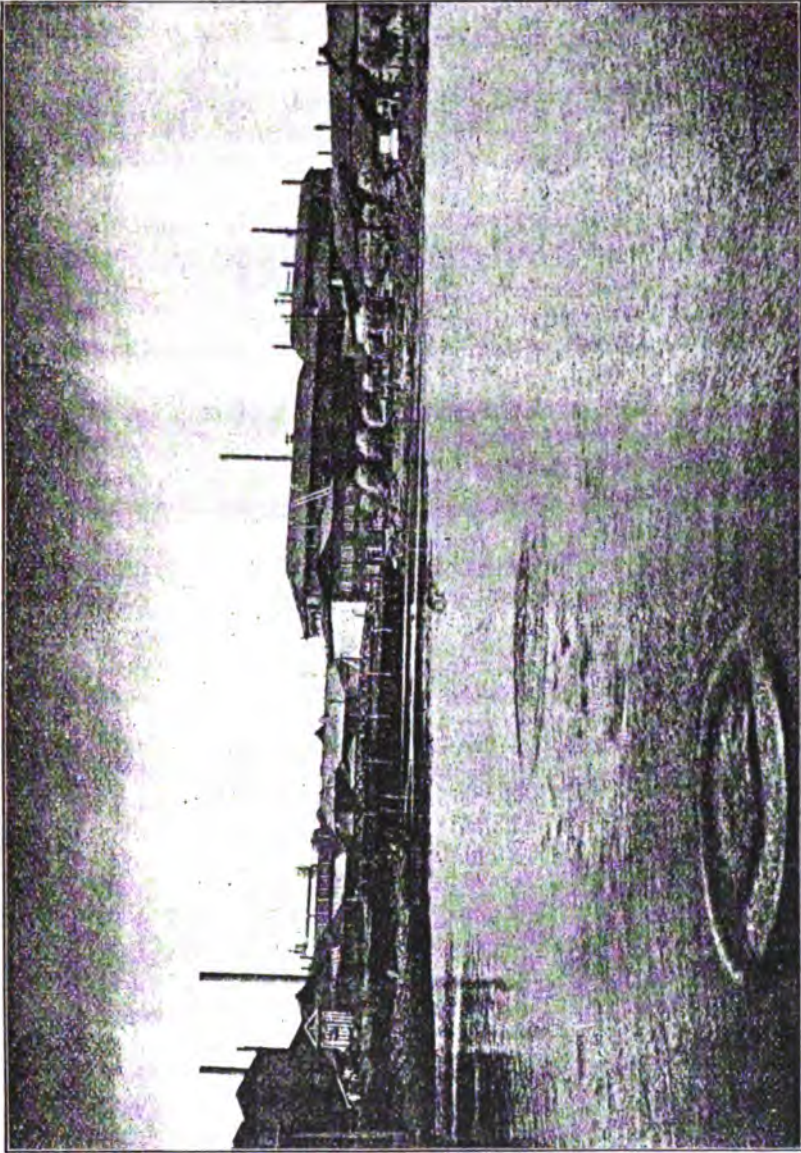

Сукрененскій чугуно-плавильный заводъ Мальцова.

съ цѣлью, какъ я сказалъ, изученія фабрично-заводскаго дѣла. При этомъ Сергѣй Ивановичъ не ограничивался простымъ наблюденіемъ; по своей живой натурѣ онъ не могъ оставаться пассивнымъ зрителемъ и, для лучшаго усвоенія дѣла, самъ принимался за него въ качествѣ простаго рабочаго, чѣмъ однажды вызвалъ не малое удивленіе одного иностраннаго коронованнаго лица, случайно увидавшаго его за такимъ дѣломъ и узнавшаго, что это офицеръ блестящаго гвардейскаго полка и единственный наследникъ многомилліоннаго состоянія.

Совершенно свободный послѣ смерти отца располагать собой, Сергѣй Ивановичъ не увлекся ни жизнью въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, ни возможностью дальнѣйшихъ служебныхъ успѣховъ. Надобно замѣтить, что онъ былъ лично извѣстенъ императору Николаю Павловичу и пользовался его особеннымъ благосклоннымъ вниманіемъ. Всему этому, и свѣтскимъ и служебнымъ успѣхамъ, Сергѣй Ивановичъ предпочелъ дѣятельность въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ предстояло ему создать и развить фабрично-заводское дѣло. При отцѣ его были только хрустальная фабрика въ Дятьковѣ, нѣсколько стеклянныя фабрики и основанный, уже въ послѣдніе годы его жизни, свеклосахарный заводъ въ с. Любахнѣ. Всѣ остальные многочисленныя заводы и фабрики были устроены Сергѣемъ Ивановичемъ. Опишу теперь его ежедневный обиходъ, порядокъ его трудового дня и тѣ черты, которыя удалось мнѣ собрать по разсказамъ и собственнымъ наблюденіямъ для характеристики этой личности. Обыкновенный, ежедневный костюмъ Сергѣя Ивановича состоялъ изъ русскаго покроя казакина сѣраго сукна и такихъ же панталонъ въ сапоги, на головѣ военная фуражка съ краснымъ околышемъ; зимой, сверхъ этого костюма надѣвался дубленый, ничѣмъ некрытый полушубокъ, а на него, при дальнихъ поѣздкахъ, сильно-поношенная, военная, на ватѣ, шинель съ капюшономъ. Сѣрый казакинъ и такіе же панталоны были какъ бы обязательнымъ мундиромъ для всѣхъ конторскихъ служащихъ изъ крѣпостныхъ; онъ еще удерживался нѣкоторое время и послѣ освобожденія. Простыя рабочіе были обязаны носить обыкновенное крестьянское платье, а женщинамъ, какъ дворовымъ, такъ и заводскимъ, не дозволялось измѣнять сарафаны и головныя повязки на городское одѣяніе. Послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, видя, какъ быстро сарафаны начали замѣняться неуклюжими платьями съ лифами, панье, и прочими модными приспособленіями, Сергѣй Ивановичъ нерѣдко говорилъ: «пропадаетъ моя милая простота!». Въ праздники и при поѣздкахъ въ Москву и въ Петербургъ сѣрый казакинъ замѣнялся генеральскими пальто и брюками. Сергѣй Ивановичъ не курилъ и никогда не пилъ никакого вина. Обѣдъ его состоялъ изъ умереннаго числа блюдъ, изготовленныхъ хорошимъ поваромъ, но обѣдъ легкій, необременительный, заключавшійся большею частью фрук-

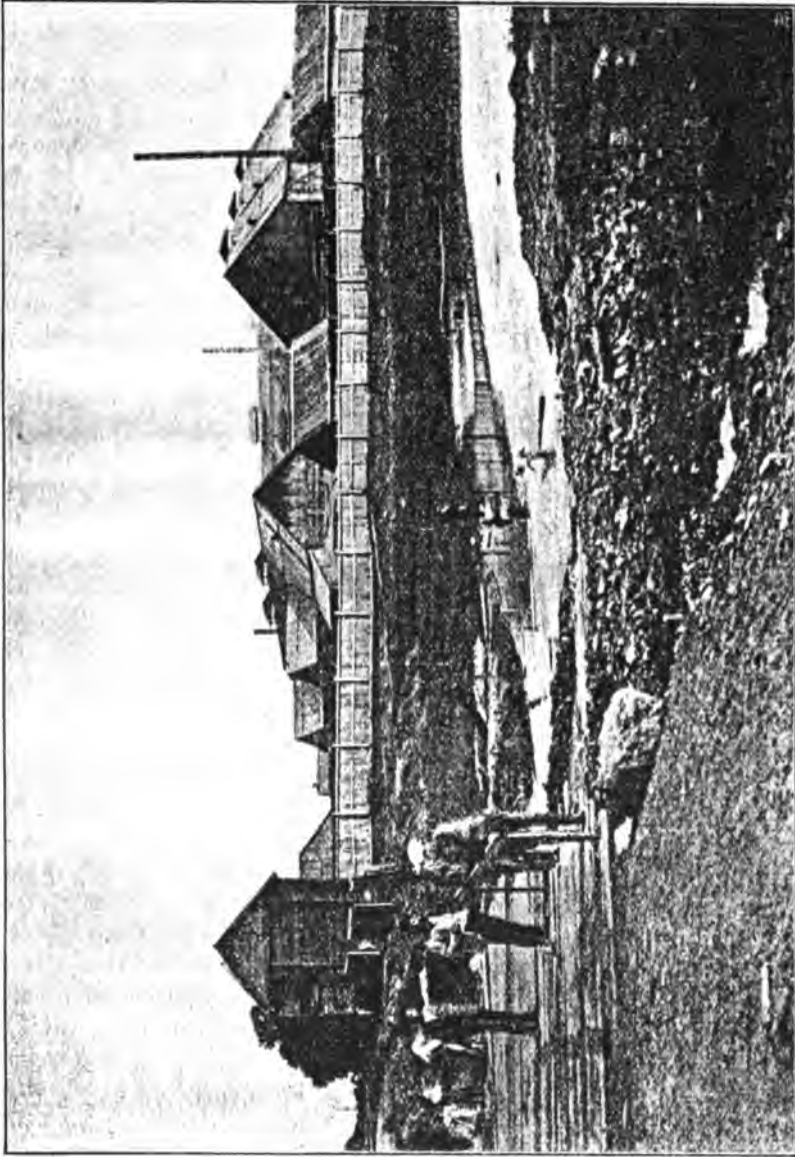

Людновскій чугуно-плавильный заводъ Мальцова.

тами. Личное содержаніе Сергѣя Ивановича, по конторскимъ счетамъ, по которымъ все поставляемое въ господскій домъ, какъ-то: дрова, разнаго рода продукты, показывалось деньгами, исчислялось, включая и расходы на заграничныя поѣздки, въ шесть тысячъ рублей въ годъ. И такой умѣренный для этого богатаго человѣка образъ жизни происходилъ не отъ скупости, а просто оттого, что Сергѣй Ивановичъ не чувствовалъ потребности пользоваться всѣми тѣми удовольствіями, которыя могла бы предложить жизнь человѣку съ его средствами. Всѣ его помышленія были на сторонѣ страстно любимаго имъ дѣла, и не потому, что успѣхи этого дѣла увеличивали его личное благосостояніе, а единственно потому, что въ этихъ успѣхахъ онъ видѣлъ условія для благосостоянія населенія тѣхъ мѣстностей, гдѣ проходила его дѣятельность. Этимъ и объясняется то неутомимое стремленіе основывать и заводить все новыя и новыя отрасли труда, которое составляетъ выдающуюся черту его, какъ дѣятеля. Всѣ выручаемыя деньги шли на поддержаніе существующихъ производствъ, а если образовывался значительный остатокъ, то немедленно употреблялся или на какія либо цѣнныя улучшенія, или на основаніе новыхъ производствъ. Я уже указалъ на результатъ этой дѣятельности, выразившійся въ доставленіи заработка нѣсколькимъ стамъ тысячъ человѣкъ. Никогда, ни при крѣпостномъ правѣ, ни послѣ, Сергѣй Ивановичъ не унижалъ себя ручною расправой; тѣлесныя наказанія, какъ сѣченіе розгами, даже и при крѣпостномъ правѣ никогда не производились по его распоряженію; я слышалъ, что одинъ изъ его управляющихъ во время одной болѣе продолжительной отлучки за границу Сергѣя Ивановича позволялъ себѣ жестокія расправы розгами, но, повторяю, по личному распоряженію владѣльца или по его уполномію такихъ наказаній не бывало. Наказанія ограничивались болѣе или менѣе продолжительнымъ арестомъ, постановкой на нѣсколько часовъ въ кочегары, смѣщеніемъ съ высшей должности на низшую и, при несправности, какъ это водилось тогда, отдачи безъ очереди въ солдаты.

Рабочій день Сергѣя Ивановича начинался очень рано, ранѣе даже обычнаго начала заводскихъ работъ и конторскихъ занятій. Какъ только утромъ раздавался привычный къ занятіямъ колоколь, Сергѣя Ивановича уже можно было видѣть или въ конторѣ, или въ гутѣ ¹⁾, или въ шифоньяхъ, или въ какомъ либо другомъ изъ многочисленныхъ, находившихся въ Дятьковѣ заведеній. Утренній чай онъ по большей части пилъ въ конторѣ, гдѣ принималъ въ это время всѣхъ имѣющихъ къ нему надобность, обѣдалъ дома; домъ только и служилъ ему для ночлега и обѣда; отдыха послѣ обѣда

¹⁾ Зданію, гдѣ варится составъ для хрустала, и гдѣ первоначально получаютъ изъ него издѣлія.

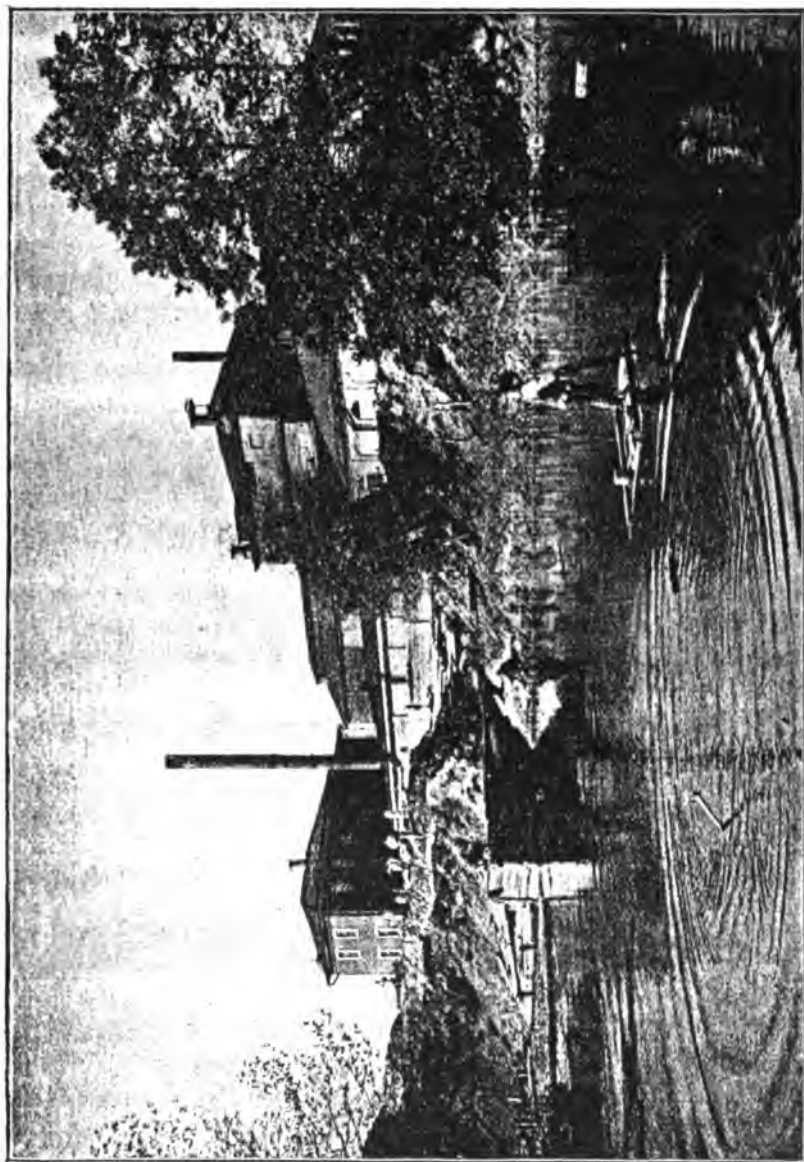

Староская стекольная фабрика Мальцова.

не полагалось, а тотчасъ же начиналась та же дѣятельность, что и утромъ: повсюду свой личный надзоръ, совѣты, указанія, совѣщаніе со специалистами, испытаніе новыхъ приѣмовъ и способовъ того или другого производства, а новинки въ этомъ родѣ Сергѣй Ивановичъ постоянно или привозилъ изъ-за границы, или получалъ отъ тамошнихъ своихъ корреспондентовъ. Рѣдкій день не отправлялся онъ изъ Дяткова въ который либо изъ другихъ своихъ заводовъ, но любимымъ и чаще другихъ посѣщаемымъ имъ заводомъ былъ людиновскій; это было, такъ сказать, его дѣтище; все здѣсь вело свое начало отъ него: здѣсь были приготовлены первые, вышедшіе изъ русской мастерской пароходы для Волги и Днѣпра; здѣсь устроено было пудлингованіе желѣза, первая русская мастерская сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій и мастерская локомотивовъ и вагоновъ; тутъ онъ оставался иногда по нѣсколько дней.

Въ праздничные дни Сергѣй Ивановичъ неукоснительно присутствовалъ въ храмѣ у заутрени и обѣдни, становясь всегда на клиросѣ съ пѣвчими и присоединяясь къ ихъ хору; за обѣдней апостолъ читался всегда имъ. Послѣ обѣдни Сергѣй Ивановичъ являлся въ контору, куда собирались пѣвчіе, управляющіе заводами, завѣдывающіе разными отдѣлами. Пѣвчіе, исполнивъ какой нибудь духовный концертъ, получали угощеніе чаемъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, а мальчики, кромѣ того, одѣлялись пряниками и орѣхами. Остальные собравшіеся также угощались чаемъ, при чемъ дѣлали Сергѣю Ивановичу свои доклады и получали отъ него распоряженія. Отдыхомъ для Сергѣя Ивановича было только праздничное послѣобѣденное время, но и то большею частью онъ уѣзжалъ тогда въ Людиново, чтобы переночевать тамъ, съ утра приниматься за дѣло, или же приходилъ въ контору, гдѣ занимался своею обширною корреспонденціей, совѣщаніями съ главноуправляющимъ и приѣмомъ имѣвшихъ къ нему надобность лицъ, недостатка въ которыхъ никогда не было.

Мѣстное крестьянское и заводское населеніе любило и уважало Сергѣя Ивановича. Доказательствомъ того вліянія, какимъ пользовался онъ среди этого населенія, можетъ служить слѣдующее: рабочіе людиновскаго завода всегда отличались угрюмымъ и грубымъ нравомъ. Когда объявленъ былъ манифестъ объ освобожденіи, въ Людиново между рабочими началось волненіе, вызванное, какъ это обыкновенно бывало, непониманіемъ манифеста и выразившееся въ прекращеніи работъ. Не прибѣгая къ мѣстнымъ властямъ, Сергѣй Ивановичъ одинъ явился въ Людиново, сумѣлъ успокоить, уговорить, и все дѣло ограничилось арестованіемъ, по его приказу, нѣсколькихъ главныхъ крикуновъ. Все обошлось безъ вооруженной силы и безъ розогъ. Чувство любви и уваженія проявлялось не въ лстивыхъ въ глаза заявленіяхъ, а въ такихъ разговорахъ, которые мнѣ приходилось слышать совершенно случайно, при чемъ

Хотьковский чугуно-плавильный заводъ Мальцова.

бесѣдующихъ нельзя было заподозрѣть въ неискренности. Имя Сергѣя Ивановича произносилось всегда съ уваженіемъ; съ нѣкоторою даже гордостью рабочій или служащій, бывшій крѣпостной, заявлялъ, что онъ «мальцовскій»; постигнутый какой либо бѣдой, горемъ, всегда выражалъ горячія упованія на милость и защиту Сергѣя Ивановича и, дѣйствительно, не ошибался. Престарѣлые и увѣчные рабочіе получали ежегодныя, въ опредѣленномъ размѣрѣ, пособія.

Такъ проходила эта жизнь въ неустанныхъ заботѣ и трудѣ на пользу родной земли, которую Сергѣй Ивановичъ искренно и горячо любилъ, высказывая это и въ бесѣдахъ своихъ, а болѣе всего показывая на дѣлѣ. Много на Руси богатыхъ вельможъ, состояніе которыхъ превосходитъ мальцовское: многіе изъ нихъ основали и поддерживали разнаго рода фабрики и заводы, но не думаю, чтобы кого либо изъ нихъ можно было поставить рядомъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ по живому, непосредственному участию въ дѣлѣ и служенію ему съ забвеніемъ собственныхъ выгодъ.

Случилось мнѣ видѣть Сергѣя Ивановича и внѣ обычныхъ условій, при обстоятельствахъ, совершенно исключительныхъ, потребовавшихъ усиленнаго проявленія его энергической дѣятельности.

Ранней весной 1865 года, оттого ли, что заводы запоздали исполненіемъ заказовъ для южной торговли и тѣмъ замедлили грузку товара, или отъ естественныхъ причинъ, но только, когда суда, съ грузомъ, такъ называемые байдоки, начали сплавлять по Болвѣ, вода въ этой рѣчкѣ стала быстро убывать, а это угрожало тѣмъ, что караванъ судовъ съ значительнымъ грузомъ для южной торговли не выйдетъ изъ Болвы въ Десну, а останется въ обмелѣвшей Болвѣ; пока товаръ стали бы доставлять гужомъ съ замелѣвшихъ байдоковъ на пристань р. Десны, прошло бы немало времени; между тѣмъ, въ днѣпровскихъ порогахъ, чрезъ которые предстояло проходить байдокамъ съ товаромъ для Одессы, Херсона и Ростова на Дону, вода настолько бы упала, что имъ съ грузомъ нельзя было бы пройти; пришлось бы разгружать, байдоки сплавлять пустыми чрезъ пороги, сгруженный товаръ везти семьдесятъ верстъ гужомъ, а затѣмъ опять грузить на байдоки; все это грозило огромными убытками! Какъ только дошли вѣсти о печальномъ положеніи каравана, закипѣла горячая дѣятельность. Вѣрно было, насколько только можно, ускорить движеніе судовъ увеличеніемъ на нихъ числа рабочихъ; въ случаѣ надобности, для облегченія судовъ сгружать часть товара на берегъ, и только въ послѣдней крайности съ такого байдока, который никакъ нельзя снять съ мели, производить полную сгрузку. Берега Болвы, большею частью покрытые лѣсомъ, оживились; повсюду видны были люди, лошади; слышались

громкіе голоса судовыхъ рабочихъ, старавшихся снять съ мели байдокъ, сгрузчиковъ, таскавшихъ на берегъ литье, желѣзо, ящики стекла и проч. Въ лѣсу отъ мѣстъ выгрузокъ дѣлались просѣки для проложенія временныхъ, такъ сказать, подѣздныхъ путей отъ Болвы къ пристани, у впаденія ея въ Десну, при радицкомъ заводѣ; тонкія мѣста въ лѣсу загружались фашинникомъ; вездѣ кипѣла работа. Сергѣй Ивановичъ поспѣвалъ всюду; съ самаго ранняго утра и до наступленія темноты, онъ появлялся верхомъ то на берегахъ Болвы, то въ лѣсу при проложеніи дорогъ, то на радицкой пристани, гдѣ шла спѣшная грузка на суда привозимаго съ береговъ Болвы товара; нерѣдко, чтобы одушевить работавшихъ, онъ самъ принималъ участіе въ ихъ трудахъ: рубилъ деревья, готовялъ фашинникъ, перетаскивалъ сгружаемый и нагружаемый товаръ; и въ самомъ дѣлѣ примѣръ его дѣйствовалъ, и работа спорилась. Вечеромъ ему долго приходилось выслушивать отъ разныхъ лицъ донесенія о положеніи дѣла на разныхъ пунктахъ, дѣлать соотвѣтствующія распоряженія, такъ что за это время—около недѣли—ему приходилось спать не болѣе трехъ, четырехъ часовъ въ сутки. Наконецъ, большую часть байдоковъ, которые съ полнымъ грузомъ, а которые съ незначительной отгрузкой, удалось вывести изъ Болвы, сгруженный на берегъ товаръ опять быстро погрузить на выведенные пустыми байдоки, и вся эта флотилія была поручена моему надзору съ тѣмъ, чтобы она, какъ можно, поспѣшнѣе шла къ днѣпровскимъ порогамъ, съ цѣлью пройти ихъ до спада воды. Для меня данъ былъ двѣнадцатисильный пароходикъ съ командой, на которомъ я долженъ былъ слѣдить за караваномъ, подгонять отстающія суда и оказывать имъ всякую помощь для скорѣйшаго и безпрепятственнаго плаванія.

Стояла прелестная весенняя погода, суда слѣдовали безъ задержки, и намъ удалось подойти къ порогамъ въ то время, когда воды на нихъ оказалось столько, что можно было проходить съ полнымъ грузомъ. Немного ниже Екатеринославля, на берегу Днѣпра, находится слобода Кичкусь, жители которой лоцмана, пользующіеся исключительно имъ принадлежащимъ правомъ проводить суда чрезъ пороги. Монополія эта предоставлена имъ съ тѣхъ поръ, какъ предки ихъ проводили чрезъ пороги императрицу Екатерину Вторую во время знаменитаго путешествія ея въ Новороссійскій край. Въ лоцманской конторѣ за лоцмана, а ихъ на такое судно, какъ байдокъ, требовалось по одному, надобно было внести пять рублей, а послѣ благополучнаго плаванія судовладѣльцы еще платили лоцману, въ видѣ благодарности, не менѣе десяти рублей. Лоцмана эти были дюжіе матросы, живо напоминавшіе и обличьемъ, и костюмомъ запорожцевъ, какъ изобразилъ ихъ Гоголь; длинныя усы, высокія барашковыя шапки съ краснымъ верхомъ, бѣлыя вышитыя рубашки, запущенныя въ синіе широчайшіе шаровары, опоясанные широ-

кимъ краснымъ кушакомъ. Лоцмана во время плаванія пьютъ только по большому стакану водки передъ обѣдомъ и ужиномъ, за то уже на обратномъ пути вознаграждаютъ себя почти въ каждомъ встрѣчномъ шинкѣ.

Вскорѣ за сл. Кичкусомъ начинаются и Днѣпровскіе пороги; числомъ ихъ двѣнадцать; они идутъ въ болѣе или менѣе значительныхъ одинъ отъ другого разстояніяхъ на протяженіи семидесяти верстъ; каждый имѣетъ особое названіе, изъ которыхъ у меня остались въ памяти Лахонный, Гадючій и Ненасытець, самый большой и опасный порогъ, имѣющій въ длину версту съ четвертью. Днѣпровскіе пороги изображаютъ собой слѣдующее: ложе рѣки вдругъ переходитъ въ замѣтную наклонную плоскость, имѣющую на каждомъ порогѣ разную длину; дно въ этомъ мѣстѣ усѣяно значительной величины камнями; переходя на такую наклонную плоскость, вода до чрезвычайности усиливаетъ свою быстроту и волнуется и пѣнится, встрѣчая препятствіе въ камняхъ. На порогахъ во всю ихъ длину устроены изъ гранита какъ бы коридоры, достаточной для прохода судовъ ширины; въ коридорахъ этихъ для болѣе покойнаго плаванія дно очищено отъ камней; но лоцмана, когда вода на порогахъ, высока, предпочитаютъ идти прямо, а не по этимъ коридорамъ увѣряя, что въ нихъ трудно попасть, и можно легко разбить судно о гранитную стѣну коридора.

Какъ я сказалъ, мы подошли къ порогамъ, когда вода на нихъ стояла достаточно высоко. Былъ ясный, тихій совершенно безвѣтренный день. Это тоже чрезвычайно важное для благополучнаго плаванія условіе. Въ сильный вѣтеръ суда черезъ пороги не идутъ. Можетъ случиться такъ: пока стояли за вѣтрами, вода на порогахъ настолько упала, что съ полнымъ грузомъ идти уже нельзя, и часть товара, а иногда и весь, приходится везти сухимъ путемъ семьдесятъ верстъ. Пароходикъ мой я оставилъ въ Екатеринославлѣ, сѣлъ на одинъ изъ байдокъ, и флотилія моя, всего около двадцати судовъ, пользуясь благопріятною погодой, въ одинъ день благополучно прошла всѣ пороги. Быстрота теченія на порогахъ настолько сильна, что самый большой изъ нихъ, Ненасытець, въ версту съ четвертью, мы пролетѣли менѣе, чѣмъ въ минуту. Вспоминается мнѣ эта минута: байдокъ подплываетъ къ порогу; по командѣ лоцмана рабочіе перестаютъ грести ¹⁾; на байдокъ воцаряется мертвая тишина; вдругъ, сразу, байдокъ измѣняетъ свой плавный ходъ на необыкновенно быстрый, кругомъ его шипятъ и пѣнятся водовороты, байдокъ треплетъ и толкаетъ во всѣ стороны; рабочіе испуганно переглядываются и взоры всѣхъ устремляются на лоцмана, который съ своей неизмѣнной люлькой въ зубахъ и со столь же неизмѣнной малороссійской

¹⁾ Байдоки хотя и идутъ по теченію, но для ускоренія движенія на нихъ работаютъ веслами.

флегмой, спокойно, хотя и усиленно работаетъ правиломъ ¹⁾, и подъ его искуснымъ управленіемъ байдокъ минуетъ счастливо всѣ эти Сциллы и Харибды и какъ-то радостно вступаетъ въ тихія воды. Вдоль берега бѣжитъ народъ въ ожиданіи, не разобьется ли судно и не дастъ ли этимъ заработка при вытаскиваніи товара. Благополучный проходъ сопровождается этимъ людомъ весьма нелестными пожеланіями.

Сергій Ивановичъ остался чрезвычайно доволенъ благополучнымъ исходомъ этого дѣла начавшагося въ Болвѣ и закончившагося переходомъ пороговъ.

Для лѣтняго сезона мнѣ еще были даны нѣкоторыя порученія: закрытіе торговли въ Черниговѣ и ускореніе хода плотовъ, тоже шедшихъ съ товаромъ.

Вскорѣ по обстоятельствамъ, домашняго свойства, мнѣ пришлось съ сожалѣніемъ расстаться съ Сергѣемъ Ивановичемъ, но время, проведенное мною у него на службѣ, и по его личнымъ достоинствамъ, и по характеру дѣятельности, осталось навсегда однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни воспоминаній.

М. П. Межецкій

---

¹⁾ Руль, въ видѣ огромнаго весла.

СЕЛО ТАТИЩЕВЪ-ПОГОСТЬ (РОСТОВСКАГО УЪЗДА) И ЗАБЫТАЯ МОГИЛА ПРИ СЕЛЬСКОМЪ ХРАМЪ.

ЕЛО Татищевъ-погость (Ярославской губерніи) находится въ 18-ти верстахъ на сѣверо-востокъ отъ г. Ростова и въ 1¹/₂ верстахъ отъ границы Ярославскаго уѣзда. Въ немъ числится 81 дворъ при 235 ревизскихъ душахъ и 236 надѣлахъ. Въстарину здѣсь пролегалъ путь на Ярославль; но уже въ половинѣ прошлаго столѣтія трактъ былъ перенесенъ, а съ проведеніемъ сначала шоссе, и затѣмъ—желѣзной дороги, село осталось совершенно въ сторонѣ. По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что до XVI вѣка, т. е. ранѣе появленія въ свѣтъ древнѣйшихъ изъ сохранившихся переписныхъ книгъ Ростовскаго уѣзда, здѣсь стояла или одинокая пустынь, или какая нибудь кладбищенская церковь безъ всякаго поселенія, съ жилищами для однихъ только священно—и церковно-служителей. Большинство существующихъ теперь «погостовъ» подтверждаетъ это мнѣніе: всѣ они вообще имѣютъ только приходскія церкви и дома мѣстнаго духовенства; такимъ образомъ—они тѣ же кладбища, только уединенныя, на которыхъ впослѣдствіи были построены церкви для поминовенія усопшихъ. Существующіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ погосты на мѣстѣ упраздненныхъ монастырей не требуютъ объясненій въ настоящемъ случаѣ. Обращаясь къ толкованію возникновенія самаго термина «погость» въ различ-

ныхъ его значенійхъ, мы видимъ, что «погость» въ принятомъ у простонародья значеніи кладбища (получившемъ свое начало, безъ сомнѣнія, уже послѣ принятія восточными славянами христіанства) имѣеть, кажется, переносное значеніе отдыха въ вѣчной жизни по совершеніи земного странствованія. Во всякомъ случаѣ терминъ этотъ возникъ ранѣе принятія христіанства славянами. И до сихъ поръ слово «погость» употребляется въ народной рѣчи въ разныхъ значеніяхъ. Этими терминомъ объединяются между прочимъ слѣдующія понятія: а) извѣстнаго размѣра и разстоянія, дѣленіе населенныхъ мѣстностей, подчиненное мѣстному управленію, соотвѣтственно уѣзду, округу, волости, пятинѣ и т. п.; б) станція, постоялый дворъ, гостиница, перепутье, мѣсто отдыха, покоя, корма вообще; в) путина, разстояніе отъ извѣстнаго пункта до другаго, проходимое водою или сухимъ путемъ безостановочно, безъ отдыха, «не кормя»; г) пространство церковной ограды; д) кладбище—«мѣсто упокоенія»; е) церковь безъ селенія, при однихъ лишь домахъ мѣстнаго духовенства; ж) село, образовавшееся впослѣдствіи при обычной погостинской церкви (какъ, напримѣръ, въ Ростовскомъ уѣздѣ село Пречистенскій погость, с. Татищевъ-погость и др.); з) деревня, образовавшаяся изъ села, возникшаго при погостинскомъ храмѣ,—по закрытіи прихода и упраздненіи церкви (напримѣръ, деревни: Кривой погость, Михайловскій погость, въ Ростовскомъ уѣздѣ). Кстати мы приведемъ здѣсь любопытное объясненіе слова «погость», помѣщенное въ довольно рѣдкомъ московскомъ изданіи М. Н. М—к—р—в—а 1830-го года «Журналъ пѣшеходцевъ отъ Москвы до Ростова и обратно въ Москву»: «Селеніе съ славянскимъ именемъ «погость», въ которомъ мы назначили свой роздыхъ,—говоритъ рассказчикъ,—по обыкновенію обратило на себя особенное вниманіе С—ва, онъ съ жаромъ толковалъ мнѣ, что всѣ погосты и погостища суть коренное достояніе славянское, что до христіанства славяне, отводивши особенныя мѣста для усопшихъ, ѣзжали туда совершать свою тризну по кости и тамъ плакали по костямъ умершихъ, что отъ того произошло по-кость, перемѣнившееся напослѣдокъ въ погость. «Батюшка» красавецъ! полно, такъ ли?—воскликнулъ купецъ:—у насъ по Рязани и особенно по Мещорѣ очень много погостовъ, но тамъ рѣчь о томъ другая. Старики говорятъ, что въ прежніе годы храмовъ Божіихъ было еще немного, и что будто бы на людяхъ ставить храмы святыя при грѣхахъ человѣческихъ считалось неприличнымъ, да и священству жить на міру соблазнительно, тогда народъ былъ еще дикарь-дикаремъ, и отъ того-то святыя храмы сооружали поодаль отъ жила, и туда жители христіане съѣзжались на богомолье погостить. У насъ по Мещорѣ, доложу оянь вамъ, еще и теперь очень много такихъ погостовъ, гдѣ, кромѣ священства да ихъ причта, нѣтъ другихъ жителей, и туда ѣзжаютъ погостить всѣ дальніе жители—прихо-

жане церкви». Надобно также замѣтить, сказалъ я, что всѣ погосты располагались большею частію въ мѣстахъ лѣсныхъ, что ихъ приходы весьма велики, и что прихожане ѣздятъ туда точно погостить, ибо очень часто случается, что прихожанинъ живетъ отъ погоста верстъ за двадцать и далѣе. «Ваша правда, — сказалъ купецъ, — въ степныхъ мѣстахъ нѣтъ погостовъ, ихъ встрѣтишь по Рязанской, Владимірской, Московской и по другимъ, болѣе или менѣе лѣснымъ губерніямъ». — И это вещь не послѣдняя! — воскликнулъ С—въ: — у васъ по Рязани есть Славянскій лѣсъ; у васъ и не такъ далеко отъ того же Славянскаго лѣса есть болѣе или менѣе славянскихъ погостовъ; но какіе бы это славяне такъ долго оставались лѣсными славянами?»...

Названіе свое «Татищевъ» описываемый нами погостъ получилъ отъ фамиліи дворянъ Татищевыхъ, издавна адѣсь проживавшихъ. Изъ рода послѣднихъ Михаилъ Юрьевичъ Татищевъ въ XVII вѣкѣ былъ ростовскимъ воеводою.

Въ писцовой ростовской книгѣ 1685 г., за ростовскимъ воеводой за окольнічимъ Михаиломъ Юрьевичемъ Татищевымъ 1) село Погостъ, безъ четверти, въ немъ 20 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 68 человекъ, бобыльскихъ 13 дворовъ, людей въ нихъ 30 человекъ: 2) деревня Искрено на суходолѣ, въ ней 3 двора крестьянскихъ, людей — 7 человекъ. За нимъ же пустошь безъ чети и безъ двухъ жеребьевъ.

За думнымъ дворяниномъ Иваномъ Михайловичемъ Татищевымъ въ вотчинѣ: четь села Погоста, въ ней 3 двора крестьянскихъ и людей — 12 человекъ. Деревня Васильево 10 дворовъ крестьянскихъ, людей 36 человекъ.

Въ писцовой книгѣ 1629 года церковнымъ землямъ село Татищевъ-погостъ значилось за недорослемъ Михаиломъ Юрьевичемъ Татищевымъ. Здѣсь было двѣ деревянныя церкви: св. Николая чудотворца да Сергія чудотворца, строенія вотчинниковъ. Эти церкви уже ветхія упоминаются и въ писцовыхъ книгахъ 1685 года.

Изъ всѣхъ владѣльцевъ этого села особенною извѣстностью и среди народа, и въ мѣстныхъ преданіяхъ пользуется имя Дмитрія Павловича Татищева, погребеннаго на кладбищѣ погоста.

Дмитрій Павловичъ Татищевъ ¹⁾, сынъ совѣтника правленія Владимірскаго намѣстничества Павла Сергѣевича и жены его Маріи Яковлевны, рожденной Аршоновской, внукъ капитанъ-командира Сергія Даниловича и жены его Прасковьи Иларіоновны, рожденной Воронцовой, родной сестры канцлера графа Михаила Иларіоновича Воронцова, родился онъ въ 1767 году. По бабкѣ своей онъ приходился внучатымъ племянникомъ вліятельнымъ въ то время

¹⁾ Биографическія свѣдѣнія о Д. П. Татищевѣ любезно сообщены намъ помощкомъ его Сергѣемъ Спиридоновичемъ Татищевымъ.

братьямъ Воронцовымъ, графамъ Александру и Семену Романовичамъ, и сестрѣ ихъ, знаменитой княгинѣ Е. Р. Дашковой, родство съ которыми содѣйствовало его быстрой и блестящей карьерѣ.

Начавъ службу сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, Дмитрій Павловичъ на двадцатомъ году перешель на службу въ конную гвардію и въ турецкую войну 1789 — 1791 гг. посту-

Дмитрій Павловичъ Татищевъ.

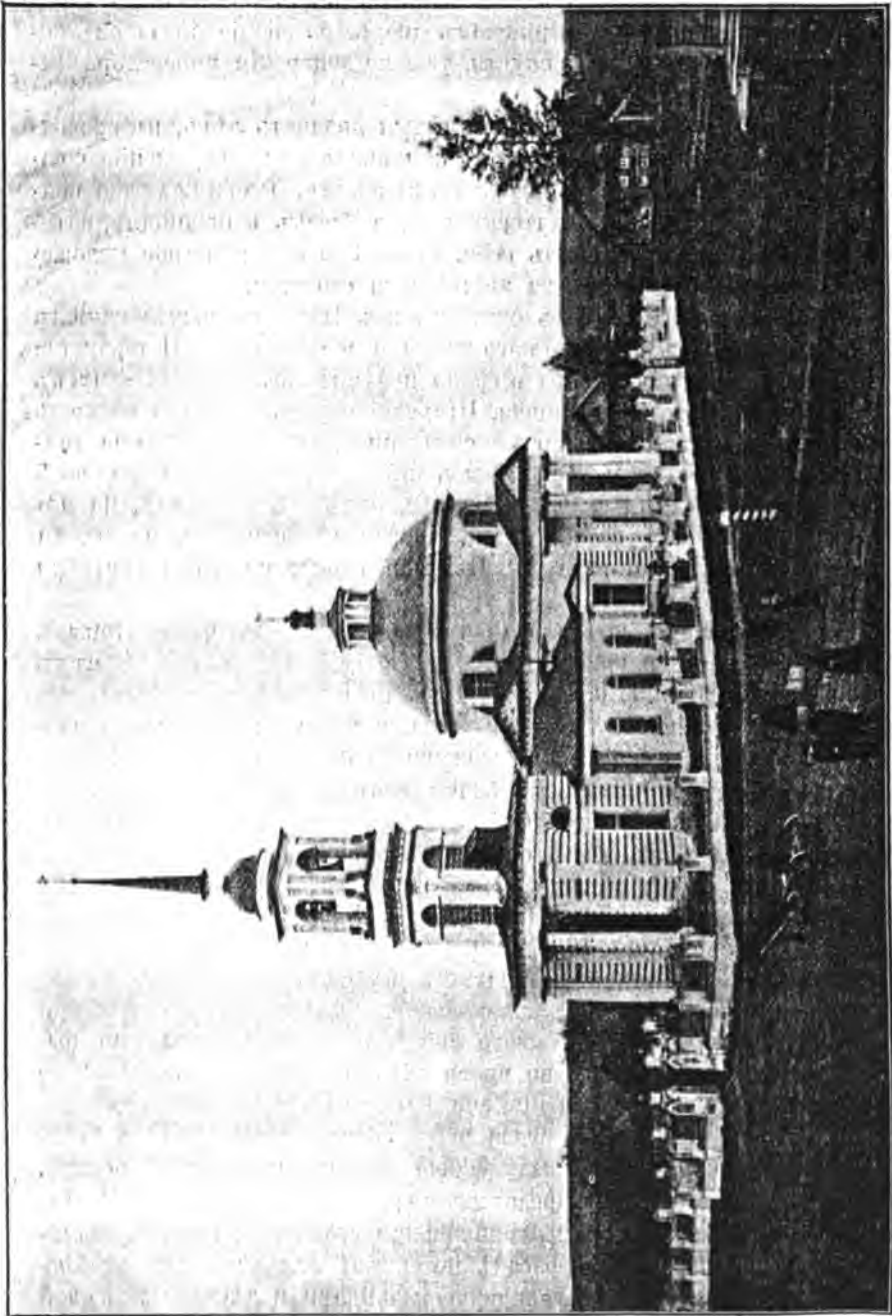
пилъ волонтеромъ въ дѣйствующую армію, которою начальствовали князь Потемкинъ. Во время мирныхъ переговоровъ, приведшихъ къ Ясскому миру, онъ состоялъ при первомъ нашемъ уполномоченномъ графѣ Безбородко и по заключеніи мира посланъ имъ въ Константинополь, гдѣ исправлялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Оттуда молодой офицеръ осенью

1792 года отправился по собственному желанію въ главную квартиру союзной австро-прусской арміи, въ рядахъ которой совершилъ походъ во Францію, окончившійся отступленіемъ союзниковъ, встрѣтившихъ энергическій отпоръ. Два года спустя, мы видимъ его волонтеромъ же въ арміи Суворова, дѣйствовавшей въ Польшѣ. При взятіи Праги онъ начальствуетъ одною изъ штурмовыхъ колоннъ, за что и получаетъ георгіевскій крестъ 4-й степени.

Императрица Екатерина пожаловала ему званіе камеръ-юнкера, а императоръ Павелъ въ первые дни по воцареніи произвелъ его въ дѣйствительные камергеры. Тогда же Дмитрій Павловичъ перешелъ изъ военной въ дипломатическую службу и въ 1799 году назначенъ третьимъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ званіи онъ оставался нѣсколько лѣтъ, переходя послѣдовательно подъ главное начальство завѣдывавшихъ коллегіею графа Ѳ. В. Ростопчина, графа Н. П. Панина, графа В. П. Кочубея, наконецъ дяди своего, государственнаго канцлера графа А. Р. Воронцова, а по удаленіи послѣдняго въ 1804 году на покой служилъ посредникомъ между нимъ и замѣстившимъ его товарищемъ министра княземъ Чарторыйскимъ, вмѣстѣ съ которымъ подписалъ въ качествѣ второго русскаго уполномоченнаго союзный договоръ съ Австріею, положившій начало такъ называемой «третьей» коалиціи монархическихъ державъ старой Европы противъ наполеоновской Франціи.

Когда вспыхнула война, Татищева отправили посланникомъ въ Неаполь, откуда онъ по занятіи этого города и всего королевства французами въ 1806 году удалился съ неаполитанскимъ дворомъ въ Палермо. Тамъ засталъ его тильзитскій миръ, послѣдствіемъ коего былъ союзъ Россіи съ Франціей и разрывъ съ королемъ обѣихъ Сицилій, повлекшіе за собою его отозваніе. Какъ ревностный сторонникъ политической системы, полагавшей задачу Россіи въ восстановленіи на западѣ алтарей и престоловъ, потрясенныхъ революціею, Дмитрій Павловичъ, не получивъ новаго дипломатическаго назначенія и проведя за границею два года, въ 1810 году вернулся въ Петербургъ и возведенъ въ званіе сенатора. Къ прежней своей дѣятельности онъ вернулся лишь въ 1812 году, по вторженіи Наполеона въ Россію. Договоромъ, подписаннымъ въ Великихъ Лукахъ въ іюль этого года, восстановлены дипломатическія сношенія съ испанскими кортесами, и Татищевъ назначенъ представителемъ при нихъ русскаго правительства. Въ томъ же званіи остался онъ въ Мадридѣ по возвращеніи туда короля Фердинанда VII, при дворѣ котораго онъ скоро пріобрѣлъ преобладающее вліяніе. Въ 1821 году состоялось назначеніе его посланникомъ при нидерландскомъ дворѣ, но въ Гагу Татищевъ не поѣхалъ, а въ слѣдующемъ году отправленъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ въ Вѣну, по греческимъ дѣламъ. Полное согласіе, установившееся по этимъ дѣламъ между рус-

Церковь во имя преподобнаго Сергія Радонежскаго въ селѣ Татшчевѣ

скимъ и австрійскимъ правительствомъ при его посредствѣ, привело Дмитрія Павловича тогда же къ занятію поста постоянного представителя Россіи при австрійскомъ дворѣ, но званіе посла онъ получилъ лишь четыре года спустя, уже по воцареніи императора Николая I.

Должность эту онъ занималъ цѣлыя двадцать лѣтъ, въ продолженіе которыхъ всю свою заботу направлялъ къ скрѣпленію союзомъ связи петербургскаго двора съ вѣнскимъ. Тѣсная дружба связывала его съ княземъ Меттернихомъ, а блескъ и пышность, которыми онъ любилъ окружать себя, приобрѣли ему почетное положеніе среди высшаго общества австрійской столицы.

Въ 1841 году, онъ былъ отозванъ изъ Вѣны съ пожалованіемъ оберъ-камергеромъ высочайшаго двора и переѣхалъ въ Петербургъ, но оставался здѣсь недолго и скоро получилъ безсрочный отпускъ съ правомъ жить за границею. Широкій образъ жизни и роскошь посольскаго представительства совершенно разстроили нѣкогда значительное его состояніе. Лишившись врѣнія въ послѣдніе годы своей жизни, онъ провель ихъ въ положеніи, близкомъ къ нуждѣ, на попеченіи преданнаго своего слуги, дворецкаго-француза, по имени Прево, въ домѣ котораго въ Вѣнѣ и скончался 16-го сентября 1845 года.

Д. П. Татищевъ имѣлъ всѣ русскіе ордена, до брилліантовыхъ знаковъ св. Андрея включительно. Онъ былъ кавалеромъ многихъ высшихъ иностранныхъ орденовъ, въ томъ числѣ австрійскаго св. Стефана и испанскаго Золотого Руна, и всегда гордился полученнымъ отъ великаго магистра державнаго ордена св. Іоанна іерусалимскаго почетнымъ званіемъ бальи этого ордена.

Отъ брака своего съ Юліею Александровною Безобразовою, рожденною Конопка, дѣтей онъ не имѣлъ.

Усердіемъ Д. П. Татищева былъ построенъ въ погостѣ сельскій одноглавый храмъ, во имя преподобнаго Сергія, вмѣсто ветхаго деревяннаго, по плану, высланному изъ Италіи. Эта церковь представляла собою круглую ротонду съ четырьмя портиками, колоннадой и отдѣльно стоящей колокольней. Въ виду того обстоятельства, что здѣсь не было теплаго придѣла и самый храмъ, по выраженію посѣтившаго его во время объѣзда епархіи ярославскаго преосвященнаго Евгенія, «напоминалъ греческій языческій храмъ»,— эта церковь въ 1848 году была перестроена. Самый храмъ и колокольня были соединены между собою пристройкою теплой церкви, такъ что всѣ эти зданія представляютъ собою одно цѣлое ¹⁾. Вслѣдствіе этой перестройки, первоначальная архитектура храма значительно пострадала, и его фасадъ потерпѣлъ значительныя измѣненія. Внутренность храма украшена колоннами и лѣпною гипсовой

¹⁾ См. рисунокъ.

работой—арабесками, гирляндами и т. п. Иконы частію живописныя, частію—греческаго письма.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ погость было переведено нѣсколько крестьянскихъ дворовъ изъ села Кременки Нижегородской губерніи (Ардатовскаго уѣзда) и изъ села Вичуги Костромской губерніи. Это переселеніе состоялось по волѣ С. П. Татищева, занимавшаго губернаторскій постъ въ Костромѣ. Всѣ эти крестьяне переселенцы были старовѣры и притомъ разныхъ толковъ. Вѣроятно, было не мало причинъ, способствовавшихъ тому, что они увлекли въ расколъ не только старожиловъ погоста, но и большинство окрестныхъ крестьянъ. Однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ здѣсь толковъ, перенесенныхъ изъ Вичуги, является такъ называемое «Аристово согласіе» (аристовщина). Послѣдователи этой секты утверждаютъ, что истинная христіанская церковь разрушена, какъ древній храмъ Соломона, и какъ израильяне были отведены въ плѣнъ Вавилонскій, такъ нынѣ послѣдователи Аристовы находятся въ плѣну діавола; видимая же, какъ они называютъ, православная церковь есть царство Вавилонское, гдѣ господствуетъ антихристъ, уже припедшій; онъ въ видѣ власти управляетъ всѣмъ царствомъ Русскимъ, употребляя всѣ гоненія противъ истинныхъ христіанъ, которые остались только въ послѣдователяхъ Аристова: они теперь соблюдаются особою благодатію Божіей, какъ были сохранены три отрока въ раскаленной печи Вавилонской. Аристовцы не дозволяютъ даже своимъ безпоповщинскимъ единомышленникамъ молиться на свои иконы, ибо всякое поклоненіе имъ, кромѣ Аристова послѣдователя, возданное, по ихъ мнѣнію, есть порицаніе святыни, даже ея поруганіе; почему они, если застанутъ въ своихъ домахъ, не только православныхъ, но даже кого либо изъ едосѣвцевъ, филипповцевъ или поморянъ, молящихся ихъ иконамъ, то, воспретивъ это, обмываютъ иконы чистою водою и обтираютъ новыми полотнами. Лакомъ иконы не покрываютъ, не мажутъ масломъ, какъ то дѣлаютъ прочіе послѣдователи безпоповщинскаго согласія, ибо все это они считаютъ порицаніемъ святыни, равно какъ и не молятся образамъ, въ домахъ не ихъ секты находящимся. Всякое сообщеніе даже въ лицѣ съ другими послѣдователями безпоповщинскаго толка они строго воспрещаютъ, а въ случаяхъ преступленія подвергаютъ виновныхъ очищенію и покаянію. Послѣдователи Аристова ученія сильнѣе, чѣмъ Кондратьевскаго согласія, порицаютъ православную церковь, равно и таинство св. Евхаристіи, называя его куринымъ кормомъ. Браки они отвергаютъ, говоря, что церковь христіанская разрушена и находится въ плѣну у діавола, почему они существовать не могутъ, ибо и израильяне въ плѣну вавилонскомъ не отправляли жертвоприношеній; тѣхъ изъ безпоповщинской секты, которые, овдовѣвъ, поступаютъ въ ихъ согласіе, подвергаютъ семилѣтнему покаянію, руководясь правиломъ патріарха Филарета, по-

становившаго: «русскихъ, возвращавшихся къ православнымъ церквамъ изъ Польши, причащавшихся опрѣсноками въ костелахъ, подчинять семилѣтнему посту». Аристово согласіе основалось въ С.-Петербургѣ въ царствованіе государя императора Александра I-го. Основателемъ его былъ купецъ Аристовъ, долго не имѣвшій послѣдователей, чему причиною было дурное поведеніе его дѣтей, нарушавшее довѣріе къ его ученію, но дерзость Аристова превозмогла эти затрудненія, и зараза новаго раскола разлилась съ успѣхомъ ¹⁾. Основатель этой секты, Василій Козьминъ Аристовъ, какъ видно изъ «Историческаго словаря старовѣрческой церкви», собраннаго Павломъ Любопытнымъ и напечатаннаго въ «Чтеніяхъ» Общества Исторіи и Древностей ²⁾,—«петербургскій купецъ, родился 1763 года, умеръ 1819 года, отщепенецъ еоодосіанской церкви, тонкій буквалистъ и основатель новой церкви подъ именемъ своей фамиліи Аристова; человекъ былъ порабощенный глубокимъ суевѣріемъ и непокорностію духа просвѣщеннымъ мужамъ. Онъ имѣлъ строгую жизнь и преобширный умъ, не разъ обращавшій на себя взоры изумленія еоодосіанъ, толпы буквалистовъ и черни. Человекъ былъ самонаправленный, надѣявшійся самъ на себя и уклоненный отъ обстоятельствъ сужденія, презритель ближнихъ и евангельскаго мира, тщетный святоша. Впрочемъ, онъ былъ благочестивъ, твердаго духа и честнаго сердца, украшенный нищелюбіемъ и скромностію. Онъ, горя любовію къ благочестію, былъ ревностный любитель священныхъ предметовъ древностей и рѣдкій тщатель оныхъ собиранія, словомъ, былъ хранилище рѣдкостей вѣры. Онъ былъ роста средняго, остовъ имѣлъ мало наклоненный, лицо бѣлое, постное и мало продолговатое, брану окладистую, долгую и русую, украшенную сѣдинами; взоръ у него былъ пріятный и скромный, смѣянный съ благоговѣніемъ и важностію. Скончался честно, въ Петербургѣ, въ своей церкви, 1819 года, января 19, отъ рожденія своего 56 лѣтъ».

Крестьяне Татищева-погоста занимаются на мѣстѣ сельскимъ хозяйствомъ, а на сторонѣ въ столицахъ промышляютъ по трактирной части, огородничествомъ и лавочной торговлей. Рѣзкая особенность погоста—огромное катанье по селу въ мясное предѣ масленицей заговѣнье. Молодой народъ, въ нарядныхъ саняхъ съ щегольской упряжью, разряженный, съѣзжается сюда верстъ за 20. Татищевъ погостъ находится въ 1½ верствъ отъ р. Устья; черезъ самое село протекаетъ мелководная, зимой вымерзающая, а лѣтомъ пересыхающая, рѣчка, съ каменистымъ дномъ. Покося по берегамъ Устья въ окрестностяхъ погоста принадлежитъ послѣднему съ одновотчинными деревнями. При погостѣ и въ его окрестностяхъ нѣтъ

¹⁾ Сущность ученія аристовцовъ налагается адѣсь по сборнику Липранди — рукоп. моего собр. № 2290, л. 178.

²⁾ «Чтенія», 1863 г., I, стр. 119—178.

замѣчательныхъ урочищъ и урочныхъ гульбищъ, прежде народъ собирался на гулянье по весеннимъ и лѣтнимъ праздникамъ къ такъ называемой Высоцкой фабрикѣ, когда тамъ жили сами гг. Высоцкіе; но, съ переселеніемъ ихъ на житье въ Ярославль, тамошнія гульбища прекратились. Теперь татищевцы гуляютъ весной и лѣтомъ, по воскресеньямъ, у Исадской мельницы, на лугу, между ею и шоссею дорогою, въ Троицынъ день—у Огарева холма, а въ Петровское заговѣнье, которое здѣсь называютъ «Петровошное», за селомъ Приимковымъ, при деревнѣ Головинѣ и у Акакіевой пустыни. Въ этой послѣдней увеселительное народное гульбище въ Петровошное заговѣнье господствуетъ вокругъ пустыни на большое пространство въ окружности. Пустынь эта была монастыремъ, который упраздненъ, кажется, въ XVIII вѣкѣ. Чудотворная икона Казанской Божіей Матери была перенесена отсюда въ Бѣлогостицкій монастырь, отстоящій въ 7 верстахъ отъ г. Ростова; при пустынской церкви живетъ нынѣ только одно мѣстное духовенство. Отъ бывшаго монастыря остались только слѣды сада, пруда и аллей. Между монастыремъ и сосѣднимъ съ нимъ селомъ Воскресенскимъ протекаетъ рѣчка Сотьма. Изъ числа мѣстныхъ вѣрованій особенно сильно распространено въ Татищевомъ погостѣ убѣжденіе, что въ мясное, предъ масленицу, заговѣнье будетъ свѣтопреставленіе, и потому день этотъ у бабъ пользуется особеннымъ почетомъ, который строго воспрещаетъ имъ братья тогда за иглу для шитья и даже для починки заплать, въ противномъ случаѣ — уколешь иглой палецъ, привяжется ноготѣда и скоро ее не залѣчишь. Вѣроятно, приуроченіе кончины міра къ мясному масляничному заговѣнью произошло отъ того, что въ церкви въ этотъ день читается евангеліе о страшномъ судѣ. Любопытенъ также способъ лѣченія лихорадки, практикующійся въ погостѣ, рассказанный намъ одной крестьянкою. Пекутъ 12 пирожковъ или пряженцовъ, начиненныхъ разнообразными лакомыми начинками, и пирожки эти въ сумерки или ночью кладутъ за селеніемъ на перекресткѣ. Это—жертва или даръ 12-ти сестрамъ, завѣдывающимъ лихорадкой, которыя наносятъ ее и имѣютъ власть снять съ больнаго. Вынесенныхъ на перекрестокъ пирожковъ, по народному вѣрованію, ни птица не клюетъ, ни домашнее животное не ѣстъ, ни звѣрь не уноситъ. То же было и съ опытомъ лѣкарки-рассказчицы: пирожки остались на перекресткѣ до утра и были замѣчены сотнею лицъ, проходившихъ тутъ, которые говорили послѣ, что пирожковъ этихъ они видѣли тамъ до двухсотъ. Вѣрованіе объясняетъ при этомъ, что если такіе пирожки къ утру исчезнуть съ мѣста жертвоприношенія, то это значить, что жертва принята сестрами, и лихорадка будетъ снята съ больнаго. Сестры эти, какъ указано выше, принимаютъ жертву внѣ селенія на перекресткѣ, а допускаютъ къ себѣ жертвователя ночью, въ темнотѣ. Играющій здѣсь не послѣднюю роль перекрестокъ на-

поминаетъ господствовавшій въ нѣкоторыхъ селеніяхъ обычай ставить на перекресткахъ за селеніями столбы и увѣшивать ихъ, въ знакъ религіознаго чествованія, полотнами, платками и доскутками; также—обычай вѣдушихъ въ вѣнцу дѣвицъ бросать съ себя на перекресткѣ булавку; далѣе,—описанный ярославскимъ архіепископомъ Ниломъ обычай сибирскихъ шаманистовъ хоронить покойниковъ близъ проѣзжихъ дорогъ, гдѣ проходящіе на поминъ ихъ души кладутъ на могилѣ какую нибудь вещицу въ качествѣ жертвы, затѣмъ — господствовавшій у славянъ-язычниковъ обычай: урны съ пепломъ сожженныхъ покойниковъ выставлять на шесть или на столбѣ на перекресткахъ за селеніями; наконецъ,—обычай молиться на перекресткѣ на всѣ четыре стороны. Не въ связи ли всѣ эти вѣрованія съ таинственнымъ значеніемъ перекрестка? Вотъ, еще другой испытанный народный рецептъ противъ той же болѣзни: берутъ десять лоскутковъ бумаги, надписываютъ на нихъ, по усмотрѣнію и выбору больного лихорадкою, имена церквей городскихъ или сельскихъ, опускаютъ эти записки въ шапку, картузь или какой нибудь сосудъ, и закрывши перетряхиваютъ, какъ жеребья въ урнѣ, потомъ больной вынимаетъ оттуда наудачу билетикъ, который попадется подъ руку, и какой церкви имя окажется на вынудомъ номеркѣ, въ ту церковь онъ долженъ принести какой либо даръ: пожертвованіе, деньги на свѣчу или самую свѣчу — и лихорадка пройдетъ. Этотъ способъ лѣченія въ погостѣ носитъ наименованіе «десяти церквей».

До 1882 года село Татищевъ-погостъ представляло собою богатую барскую усадьбу прошлаго столѣтія. Обширный господскій домъ въ два этажа (нижній—каменный, а верхній—деревянный, изъ крупнаго дубоваго лѣса), оштукатуренный въ то время, какъ строилась церковь (около 1808 г.), съ рамами въ переплетахъ мелкаго зеленоватаго стекла, высокой тесовой крышей,—представлялъ собою полную чашу. Домъ этотъ стоялъ противъ зданія, въ которомъ въ настоящее время помѣщается земское училище. Мебель была старинная, домашней «крѣпостной» работы, только въ одной комнатѣ, называвшейся барскимъ кабинетомъ, мебелировка была краснаго дерева съ мѣдными украшениями (владѣлецъ села Д. П. Татищевъ прислалъ эту мебель изъ Петербурга). Въ залѣ, довольно длинной, но узкой, въ простѣнкахъ между окнами висѣли узенькія зеркала въ полированныхъ деревянныхъ рамахъ съ фольговыми украшениями. Ихъ было пять, а на противоположной стѣнѣ, у которой стоялъ диванъ и круглый столъ, висѣло множество фамильныхъ портретовъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ были очень древніе, на нихъ были изображены предки Татищевыхъ въ боярскихъ костюмахъ. Многіе изъ этихъ портретовъ сильно пострадали отъ времени, такъ что краски мѣстами потрескались и обвалились. Особеннымъ уваженіемъ въ роду пользовался портретъ предка Игна-

тія Петровича. Въ слѣдующей комнатѣ по стѣнамъ висѣли картины кисти иностранныхъ художниковъ и стояли два шкафа съ серебромъ и рѣдкими вещами. Люстры и канделябры были стеклянные. Въ спальней барыни помѣщалась огромная старинная кровать, съ пологомъ, спускавшимся съ мѣднаго кольца, подъ которымъ былъ повѣшенъ серебряный голубокъ, держащій голубенькій цвѣточекъ въ клювъ и письмо въ лапкѣ; тутъ же стояли три старинныхъ комода. Около господскаго дома помѣщались деревянные и каменные «службы» и прочія хозяйственные и жилыя постройки; дворъ былъ обнесенъ заборомъ съ большими каменными воротами противъ церкви. Въ этой усадьбѣ жила тогда владѣлица села, Марія Яковлевна Татищева съ дочерью Елизаветой Павловной. Сынъ ея Дмитрій Павловичъ прѣвѣжалъ въ усадьбу изъ-за границы всего одинъ разъ въ двадцатыхъ годахъ и пробылъ здѣсь около трехъ дней. Какъ мы уже сказали выше, въ погостъ были переселены крестьяне изъ Нижегородской и Костромской губерній. Одинъ изъ нихъ въ тоскѣ по родинѣ рѣшился поджечь усадьбу въ 1832 году и выполнилъ свое намѣреніе. Отъ этого поджога сгорѣла не только усадьба, но и почти все село; пострадала отъ огня и церковь. Владѣлица усадьбы переехала тогда въ свое имѣніе—село Вичугу Костромской губерніи, къ сыну Сергѣю Павловичу, а Елизавета Павловна переехала въ Ростовъ. Вскорѣ послѣ этого, Д. П. Татищевъ прислалъ изъ Вѣны распоряженіе, чтобы усадьбу отстроить вновь, а домъ весь сдѣлать каменный, употребляя на расходы оброкъ, платимый крестьянами. По его же распоряженію были устроены два кирпичныхъ завода и приступлено къ усиленной выдѣлкѣ кирпича. Но исполненіе этихъ распоряженій затянулось надолго. Оброки, должно быть, поступали медленно; кирпичъ хотя и выдѣлывали, но постройку дома все откладывали. Когда же наконецъ начали накладывать второй этажъ барскаго дома и приступили къ перестройкѣ уцѣлѣвшихъ каменныхъ службъ,—владѣлецъ села Дмитрій Павловичъ Татищевъ умеръ (въ сентябрѣ 1845 г.). О его смерти въ погостѣ узнали только зимой, а въ январѣ 1846 году было получено новое извѣстіе, что гробъ съ тѣломъ покойнаго будетъ привезенъ въ родовую усадьбу. По рассказамъ старика-крестьянина Татищева-погоста, Павла Николаевича Тюнина, которому въ то время было 18 лѣтъ, и который хорошо все помнить,—дѣло происходило такъ. Тѣло Дмитрія Павловича провезли изъ-за границы сначала въ Новгородъ, а затѣмъ въ Петербургъ и уже оттуда на 32-й день доставили въ Ростовъ. Это было въ мартѣ на пятой недѣлѣ великаго поста, около Благовѣщенія. Гробъ сопровождали чиновникъ и лакей покойнаго крѣпостной Иванъ Савельевъ. Сельскій бурмистръ Леонтіи Ивановъ Лувиновъ съ нѣсколькими крестьянами встрѣтили гробъ около села Песочни Ростовскаго уѣзда (въ 4-хъ верстахъ отъ города по Московскому шоссе); а у московской заставы встрѣтилъ и ростовскій полицеймейстеръ Берсенева, въ па-

радной формѣ. Онъ провожалъ процессію чрезъ весь городъ до ярославской заставы. Здѣсь процессія, свернувъ съ шоссеиной дороги, двинулась на д. Псады. На 12-й верстѣ вслѣдствіе распутицы лошади завязли. До погоста оставалось около 10 верстѣ. Послали верхового за крестьянами, а такъ какъ уже была ночь, то крестьяне пришли съ фонарями и, отложивъ лошадей, до самаго погоста везли гробъ на себѣ. Прибывши на мѣсто, они поставили гробъ у церкви.

Сначала бурмистръ распорядился похоронить останки Дмитрія Павловича, какъ строителя храма въ церкви, на правой сторонѣ, но сопровождавшій тѣло чиновникъ отсовѣтовалъ, говоря, что надъ прахомъ усопшаго будетъ поставленъ памятникъ, котораго въ церкви никто не увидитъ. Тогда вырыли могилу на кладбищѣ, противъ алтаря. Изъ приготовленнаго для отстройки дома кирпича былъ сдѣланъ склепъ; гробъ вынули изъ ящика. Онъ былъ металлическій и, кромѣ него, въ ящикѣ находился еще желѣзный сосудъ, въ формѣ герметически-закупореннаго и запечатаннаго ведра, въ которомъ были помѣщены внутренности покойнаго, такъ какъ тѣло его было подвергнуто за границей вскрытію (бальзамированію). Денегъ на погребеніе на-лицо не оказалось, и бурмистръ собралъ ихъ съ крестьянъ въ счетъ оброка. Погребеніе совершалось торжественно; усопшаго отпѣвали въ церкви архимандритъ ростовскаго Спасо-яковлевскаго монастыря Поликарпъ, протоіерей ростовскаго успенскаго собора Андрей Тихвинскій и 12 священниковъ. Поминальный обѣдъ состоялся въ избѣ бурмиистра Леонтія Лузинова. Сумма, затраченная на погребеніе, была возвращена бурмистру наследницею покойнаго, которая простила крестьянамъ два оброка, приказавъ поверстать изъ причитающихся денегъ всѣ расходы по погребенію. Это распоряженіе вышло отъ уполномоченнаго наследницы и управляющаго имѣніемъ Сергѣя Ивановича Плаксина, который жилъ въ Царскомъ Селѣ.

Послѣдняя владѣтельница села Татищевъ-погостъ, Марія Сергѣевна Эйхлеръ, приходилась племянницею Д. П. Татищеву. Покойный, какъ сказано выше, былъ женатъ за границей на Юліи Александровнѣ Безобразовой. Она въ погостѣ никогда не бывала. Старожилы-татищевцы рассказываютъ, что будто бы она однажды предприняла съ мужемъ путешествіе въ родовую усадьбу. Но на дорогѣ, при пореправѣ чрезъ какую-то большую рѣку, она утонула; на берегу этой рѣки въ память погибшей былъ поставленъ памятникъ съ обозначеніемъ событія и фамиліи Татищевыхъ.

Послѣ смерти Дмитрія Павловича, постройка новаго барскаго дома остановилась совершенно. При перестройкѣ храма въ 1848 г., на эту работу пошелъ не только весь заготовленный кирпичъ, но и уцѣлѣвшіе остатки стараго господскаго дома, а также — всѣхъ каменныхъ построекъ. Могилы прежнихъ владѣльцевъ Татищева-погоста — бояръ Игнатія Петровича, Михаила Юрьевича и всѣхъ

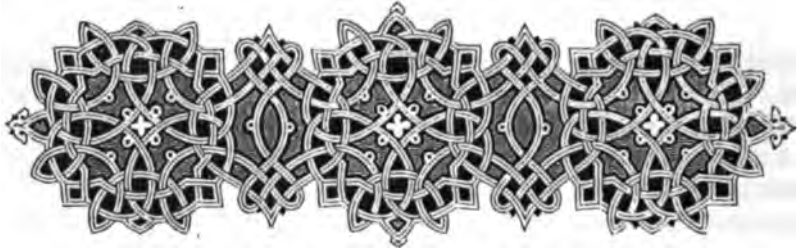
другихъ, погребенныхъ въ родовой вотчинѣ, находятся, по рассказамъ старожиловъ, подъ сводами этого храма, а могильныя плиты уничтожены. Эти могильныя плиты изъ бѣлаго камня, съ высѣченными на нихъ вязью надписями XVII вѣка, еще встѣчались кое-гдѣ въ началѣ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія. Тогда же въ погостѣ еще сохранялись липовый паркъ, часть сада и кое-какіе остатки построекъ. Вся остальная занадѣльная земля Татищевыхъ была куплена крестьянами.

Сестра Дмитрія Павловича, Елизавета Павловна, была женщина болѣзненная и религіозна. Изъ всѣхъ святыхъ она особенно чтила святителя Дмитрія Ростовскаго. Переселившись послѣ пожара въ Ростовъ, она выстроила въ Петровскомъ переулкѣ, вблизи Яковлевскаго монастыря (гдѣ почиваютъ мощи названнаго святителя) деревянный домъ, уцѣлѣвшій и до настоящаго времени. Живя въ Ростовѣ, Елизавета Павловна пользовалась, повидимому, большою популярностью, такъ какъ переулокъ, гдѣ она жила, и теперь часто называется «Татищевскимъ». Она умерла въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и погребена въ Спасо-Яковлевскомъ монастырѣ передъ алтаремъ монастырскаго храма. На мраморномъ памятникѣ, имѣющемъ форму гроба, сбоку высѣчена слѣдующая надпись: «Подъ сямъ камнемъ погребено тѣло дочери надворнаго совѣтника дѣвицы Елизаветы Павловны Татищевой, скончавшейся 1854 года 11-го февраля на 76 году отъ рожденія. Господи, приими духъ ея съ миромъ». Въмѣстѣ съ покойной жила въ качествѣ компаньонки дочь неважнаго ярославскаго чиновника, Анна Алексѣевна Кондратьева, вышедшая еще при жизни Елизаветы Павловны замужъ за ростовскаго уѣднаго лѣкаря Деидеріева. Ей послѣ смерти Елизаветы Павловны достался домъ и все имущество. Домъ этотъ г-жа Деидеріева, будучи уже вдовой, продала въ 1865 года гг. Златоустовскимъ, которые проживаютъ въ немъ и до настоящаго времени. Говорятъ, что послѣ Елизаветы Павловны осталось не мало фамильныхъ бумагъ, документовъ, писемъ, и будто бы всѣ они поступили къ г-жѣ Деидеріевой, а послѣ смерти послѣдней—ея дочери, вышедшей въ шестидесятыхъ годахъ за полковника первой гренадерской артиллерійской бригады Богданова. Живъ ли г. Богдановъ—не знаю, но его жена, какъ мнѣ пришлось слышать, еще жива, и, конечно, отъ нея можно узнать о судьбѣ этихъ фамильныхъ документовъ.

Надъ могилой Дмитрія Павловича Татищева—оберъ-камергера, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера орденовъ св. Андрея и Золотоу Руна—нѣтъ не только памятника или простой рѣшетки, но и слѣдовъ самой могилы почти незамѣтно. Нѣсколько кирпичей валяются противъ алтаря—«ихъ моютъ дожди, покрываетъ ихъ пыль»... Это-то и есть самая могила. Если не принять никакихъ мѣръ, дѣтъ чрезъ 10 и эти послѣдніе признаки забытой могилы исчезнуть съ лица земли.

Андрей Титовъ.

ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ И ЕЯ ПРЕДАНИЯ.

«И кто напоитъ одного изъ малыхъ
сихъ только чашей холодной воды, но
потеряетъ награды своей».

Маттеѣй, гл. X, стихъ 42.

В ПРОДОЛЖЕНІЕ лѣта настоящаго года министерствомъ замедѣлія и государственныхъ имуществъ были подвергнуты спеціальному обсужденію вопросъ объ орошеніи Голодной степи, составляющей восточную часть такъ называемаго Туркестанскаго междурѣчья, образуемаго теченіемъ рѣкъ Сыра и Аму-Дарьи. Совѣщанія учрежденной по этому поводу комиссіи не имѣли, однако, рѣшительныхъ результатовъ за недостаткомъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ свѣдѣній и данныхъ, главнымъ образомъ, геологическихъ и геоботаническихъ, для собранія которыхъ на мѣстѣ министерство распорядилось командировать въ Туркестанскій край особаго чиновника по отдѣлу земельныхъ улучшеній, г. Меликъ-Саркисова.

Орошеніе огромной средне-азиатской пустыни, извѣстной подъ именемъ Голодной степи, составляетъ грандіозную задачу, выполненіе которой на дѣлѣ будетъ имѣть обширные экономическіе результаты не только въ частности для Туркестанскаго края, но и для всей Россіи, подаривъ ее десятками милліоновъ десятинъ превосходной по качеству земли (лѣсъ) и открывъ новыя обширныя площади для ея переселенческаго движенія. Мы считаемъ не безынтереснымъ привести въ настоящемъ очеркѣ дошедшіе до насъ объ этихъ мѣстахъ историческіе факты, легенды и преданія.

У Беговатскихъ пороговъ Сыръ-Дарьи, тамъ гдѣ рѣка прорѣзываетъ скалистый кряжъ Моголь-Тау и, какъ бы заграждаемая природной плотиной, приобретаетъ очень сильное паденіе (до аршина на версту), на лѣвомъ, бывшемъ бухарскомъ, берегу ея возвышается величественный утесъ Ширинъ-Фархатъ.

Возвышенностью этой замыкается та часть обработанной и обильной водами долины верхней Сыръ-Дарьи, которая еще въ древности славилась своимъ плодородіемъ и населенностью подъ именемъ Счастливой Ферганы.

Далѣе, на западъ отъ нея, между цвѣтущими оазисами Самарканды и Ташкента, на пространствѣ нѣсколькихъ сотенъ квадратныхъ верстъ, тянется къ Мурва-Рабату пустынная желтовеленая равнина, такъ называемая Голодная степь. Степь эта, сливаясь на западѣ съ безконечными песками Кызыль-кумъ, вмѣстѣ съ этими послѣдними образуетъ то огромное междурѣчье Сыра и Аму-Дарьи, которое считалось нѣкогда житницей Средней Азіи, въ настоящее же время является бесплоднымъ, почти недоступнымъ для человѣка.

Дикой, мертвенно-пустынной представляется Голодная степь взгляду путешественника въ продолженіе большей части года. Повсюду, куда на ея огромномъ протяженіи можетъ достигнуть глазъ, виднѣтся лишь выжженная солнцемъ пепельно бурая почва, покрытая саксауломъ и дикой степной колючкой. Ни одного живого деревца, ни одной травки не видно здѣсь, и лишь разбросанные кое-гдѣ степные колодцы (рабаты), да двѣ-три лишеныя растительности почтовые станціи между Джизакомъ и Чиназомъ, являются единственными признаками жизни на этой печальной, какъ бы испеченной огромнымъ пожаромъ почвѣ.

Весной, съ наступленіемъ періода дождей, Голодная степь оживаетъ и на короткое время одѣвается роскошной растительностью. Густой зеленый коверъ, усыпанный мириадами цвѣтовъ самыхъ прихотливыхъ очертаній и красокъ, покрываетъ тогда ея, еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ, голую, выжженную солнцемъ, почву. Огромныя стаи птицъ слетаются сюда со всѣхъ сторонъ средней Азіи, чтобы въ густыхъ заросляхъ и тайникахъ степной растительности вить свои гнѣзда и выводить дѣтенышей, а съ сосѣднихъ предгорій спускаются стада дикихъ козъ, мараловъ и другихъ животныхъ, привлекаемыхъ тучными пастбищами. Нерѣдко въ это время изъ прибрежныхъ зарослей и камышей сосѣдней Дарьи дѣлаетъ свои кровавые набѣги на Голодную степь и грозный царь пустыни—туркестанскій тигръ.

Вслѣдъ за царствомъ животныхъ спѣшнѣе въ Голодную степь и человѣкъ. Кочевые киргизы и узбеки стекаются сюда со своими стадами, занимая временныя стойбища у колодцевъ и въ низинахъ обширной равнины, образующихъ естественныя водохранилища. За ними появляются въ степи всевозможные промышленники, охот-

ники, купцы, ведущіе мѣновую торговлю съ кочевниками, и равный другой людъ. Мертвая и почти недоступная Голодная степь дѣлается въ этотъ краткій періодъ времени привольной и гостеприимной. Легко и привольно живетъ человѣку и животному въ ея безконечномъ просторѣ, легко дышится ея напоеннымъ ароматами воздухомъ, освѣжаемымъ нерѣдко перепадающими дождями.

Но вотъ, въ первой половинѣ апрѣля мѣсяца, дожди выпадаютъ все рѣже и рѣже; одновременно съ этимъ замѣтно увеличиваются жары, почвенной и атмосферной влаги становится меньше, и растительность начинаетъ умирать. Къ концу апрѣля Голодная степь представляетъ уже довольно жалкій видъ, а черезъ мѣсяць еще она буквально обращается въ пустыню. Ея колодцы и заводи пересыхаютъ, растительность сгораетъ подъ палящими лучами солнца, а раскаленный воздухъ становится невыносимо удушливымъ. Все живое спѣшитъ покинуть тогда умирающую степь и тамъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ кипѣла жизнь, гдѣ все какъ бы справляло праздникъ природы, водворяется мертвая тишина. Тарантулы, змѣи и скорпионы являются единственными обитателями этого царства солнечнаго зноя, гдѣ все дико и пусто, и гдѣ лишь сухой, горячій степной вѣтеръ гуляетъ на просторѣ, поднимая клубы ѣдкой, удушливой пыли.

Но не такой была Голодная степь въ ея историческомъ прошломъ. Въ преданіяхъ народа эта мѣстность является однимъ изъ наиболѣе культурныхъ и плодородныхъ оазисовъ средней Азіи съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Остатки разбросанныхъ въ ней тамъ и самъ сооруженій весьма древняго происхожденія, и рядъ научныхъ изысканій и археологическихъ находокъ подтверждаютъ эти преданія, являясь несомнѣнными признаками того, что обширное междурѣчье Сыра и Аму представляло собой наиболѣе культурную полосу Турана еще задолго до Рождества Христова. Существуетъ, между прочимъ, предположеніе, что извѣстное сказаніе пророка Іезекіиля въ XXXI главѣ его книги о кедрѣ необыкновенной красоты и силы, разросшемся отъ множества водъ, паденіемъ котораго былъ омраченъ и потрясенъ весь міръ, написанное имъ въ назиданіе египтянамъ, подразумеваетъ тогдашній Туркестанъ и его древнюю коммуникаціонную систему, разрушенную персами, при первомъ завоеваніи ими Турана ¹⁾.

По свидѣтельству Геродота, въ концѣ VI вѣка до Р. Х., эта мѣстность, входившая въ составъ 14 и 16 сатрапій Персидской

¹⁾ Пророкъ Іезекіиль, послѣ разрушенія Іерусалима Навуходоносоромъ, въ 587 г. до Р. Х., въ числѣ другихъ іудеевъ, былъ выселенъ въ Халдею, лежащую на востокъ нынѣшняго Ирана, въ близкомъ сосѣдствѣ Туркестана. Книга пророка Іезекіиля заключаетъ въ себѣ обширный историческій матеріалъ, доказывающій, что онъ основательно зналъ современную ему исторію. См. Чайковскій, «Туркестанъ и его рѣка по Библии и Геродоту», 1884 г., стр. 9, 10, 13—17.

монархія, была настолько богата, что платила Дарію Гистаспу ежегодно 900 талантовъ серебра, то-есть на 200 талантовъ болѣе Египта. Около половины IV вѣка до Р. X. здѣсь было основано великолѣпное греко-бектрійское царство, просуществовавшее до 125 года, когда оно было разрушено скинами или саками. Въ эпоху великаго переселенія народовъ эта страна, раздѣляя общую участь Турана, не имѣла ни постоянныхъ границъ, ни прочнаго государственнаго устройства и испытывала переходное состояніе, объясняемое ея географическимъ положеніемъ въ началѣ того огромнаго пути, по которому совершалось движеніе варваровъ съ востока на западъ. Первые разрушительные удары дикихъ варварскихъ ордъ падали на нее; здѣсь они совершали свой первый ровдыхъ и уходили далѣе, оставляя по себѣ неизгладимый слѣдъ.

При всемъ томъ эпоха владычества арабовъ (672—874 по Р. X.) застала эти страны еще въ цвѣтущемъ состояніи. Три магистральные арыка изъ Дарьи и одинъ изъ Аму, вливавшіе свои воды у Кокче въ Хареземское озеро арабскихъ географовъ¹⁾, впоследствии высохшее, отдѣляли отъ себя цѣлую сѣть малыхъ и большихъ арыковъ, щедро снабжавшихъ водой всю площадь теперешнихъ Кызыль-кумовъ и Голодную степь. Восточный и, какъ можно думать, самый большой арыкъ былъ проведенъ отъ Беговатскихъ пороговъ Сыръ-Дарьи по направленію къ городу Нурату и далѣе къ Каракуму, снабжая водой всю Голодную степь и сѣверо-западную часть теперешняго Бухарскаго ханства. Арыкъ этотъ, носившій въ древности названіе Кызыль-Дарьи, замѣненное впоследствии, при реставраціи его Тимуромъ (1402—1405 г.), названіемъ Шааръ, или Бухара-арыкомъ, служилъ магистралю, по которой производились оросительныя работы въ Голодной степи въ продолженіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ (1885—1897 г.г.). Въ лѣтописяхъ Туркестанскаго края существуютъ многочисленныя указанія на то, что до начала XIII столѣтія какъ этотъ, такъ и другіе арыки, орошавшіе Голодную степь, были хорошо канализованы и представлялись вполне доступными не только малому, но и большому судоходству.

Въ эти патріархальныя времена все обширное междурѣчье Сыра и Аму представляло собой густо заселенный сплошной оазисъ, покрытый цвѣтущими городами и селеніями, и роскошно растительностію. Страна была настолько богата, что стотысячныя арміи могли свободно проходить по ней безъ обозовъ, находя повсюду на пути хорошо содержимыя дороги, удобныя квартиры, воду и обильное продовольствіе. Здѣсь же пролегалъ съ востока на западъ одинъ изъ тѣхъ великихъ торговыхъ путей, посредствомъ которыхъ про-

¹⁾ Теперешняя Хива составляетъ часть древняго Ховарезма. Принято писать «Ховарезмъ», выговаривается же «Харезмъ». Названіе это до сихъ поръ изображается на хивинскихъ червонцахъ.

изводились торговля сношенія Европы съ богатѣйшими странами восточной Азіи—Китаемъ и Индіей.

Не подлежить сомнѣнію, что этимъ цвѣтущимъ состояніемъ оазисъ былъ обязанъ, главнымъ образомъ, обилію проведенной въ немъ воды. Съ проведеніемъ воды производительность создавалась, такъ сказать, сама собой, и человѣку не стоило особаго труда поднять ее на этой плодородной почвѣ до наивысшей для того времени точки культурнаго развитія. Каждая капля пропущенной сюда воды несла за собой жизнь, богатство, изобиліе. Обитатель средней Азіи отлично понималъ это и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ эксплуатировалъ воды Сыра и Аму въ пользу своихъ экономическихъ интересовъ. Существуетъ вѣроятное предположеніе, что въ періоды полевыхъ работъ воды этихъ обвѣихъ рѣкъ цѣликомъ расходовались въ Голодной степи и Кызылъ-кумахъ, и что въ это время ни одной капли изъ нихъ не попадало ни въ Каспій, ни въ Араль.

Наиболѣе жизненную артерію въ общей комунікаціонной системѣ Сыра и Аму составлялъ Бухара-арыкъ, проведенный, какъ мы указали это выше, отъ Беговатскихъ пороговъ Дарьи по направленію къ Кара-куму. Объ основаніи этого арыка среди мусульманъ Ходжентскаго округа сложилась слѣдующая интересная легенда, которую, въ 1875 году, сообщилъ императорскому русскому географическому обществу полковникъ Кушакевичъ, въ запискѣ своей о Ходжентскомъ уѣздѣ.

Нѣкогда, на высококомъ берегу Дарьи, въ роскошномъ дворцѣ, жила красавица царевна, по прозванію Ширинъ-кызъ, что значитъ «сладкая дѣвица». Между многими искателями ея руки, особенно нравились ей два жениха: могучій Фархатъ и красавецъ Хозрой. Не зная, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе, она рѣшила предложить имъ трудную задачу.—«Тому изъ васъ,—сказала Ширинъ-кызъ,—суждено мной владѣть, кто ороситъ всю Голодную степь водами Великой Дарьи».

Фархатъ, отважный сынъ степей, долго не думая, взялся за желѣзный китмень и приступилъ къ работамъ. Могучими ударами по скаламъ откалывалъ онъ большія каменные глыбы и запружалъ ими Дарью. Онъ хотѣлъ поднять воду рѣки и заставить ее хлынуть на обширную равнину. Работа спорилась въ сильныхъ рукахъ степного богатыря, но что было дѣлать слабому, изнѣженному питомцу города, Хозрою. Мрачный вернулся онъ домой, разсуждая, какъ поступить, и ничего не приходило ему въ голову.

— Я дамъ тебѣ хорошій совѣтъ,—сказала Хозрою старушка-колдунья.—Купи побольше плетеноекъ изъ свѣтлаго камыша, а темной ночью разстели ихъ ровной полосой по степи, которая видна изъ башни царевны. Завтра увидишь, что будетъ».

Рано утромъ, до зари, оба соперника были уже на работахъ. Фархатъ оканчивалъ свою плотину, а Хозрой разстилалъ плетенки.

Какъ только первые лучи скользнули по гладкой поверхности земли и позолотили вершины снѣговыхъ горъ, царевна вышла изъ дворца купаться на Дарью. Каково же было ея удивленіе, когда съ высоты утеса она увидала, что внизу вся степь какъ будто покрыта водою, въ которой блестятъ нисходящее снѣгило. То солнце сверкало по камышевому ковру Хозроя.

Не вѣря своимъ глазамъ, царевна воскликнула: — «Кто это сдѣлалъ, кто провелъ эту воду?» — «Я», — отвѣчалъ лукавый Хозрой. Тогда царевна повзвала его во дворецъ и приказала начать свадебный пиръ.

Тѣмъ временемъ злая колдунья съ такими словами обратилась къ неутомимому Фархату: — «Зачѣмъ напрасно тратишь ты здѣсь свой трудъ? Красавица невѣста тебя обманула. Она уже теперь въ объятіяхъ счастливца Хозроя». Съ досады и горя Фархатъ подбросилъ свой китмень высоко въ воздухъ, наклонился подъ нимъ, и острое, тяжелое желѣзо, падая, отскло ему голову.

Во время праздничнаго пира, среди ликующихъ гостей, Ширинъ-кызъ вспомнила о Фархатѣ, и захотѣлось ей еще разъ взглянуть въ ту сторону, гдѣ онъ работалъ и куда она часто ходила смотрѣть его удивительные труды. Было уже за полдень, и солнце высоко стояло надъ землей, когда царевна приблизилась къ Дарьѣ. Прежде спокойная и тихая рѣка теперь бѣшено рвалась, шумя и пенясь, черезъ обломки скалъ, преграждавшихъ ея теченіе. Тутъ же, на обрывганныхъ кровью камняхъ, у бушующаго потока, лежалъ обезглавленный трупъ богатыря. Вдали ясно виднѣлись разостланные по степи плетенки и наглый обманъ былъ обнаруженъ во всей своей наготѣ. Солнечные лучи, падая отвѣсно, не блестѣли уже на жесткомъ, сухомъ камышѣ.

Прекрасная Ширинъ-кызъ вдругъ поняла, что она жестоко и смѣшно обманута коварнымъ Хозроемъ. Жаль стало ей смѣлаго, честнаго, трудолюбиваго Фархата. Въ порывѣ отчаянія, она схватила отрубленную голову, поцѣловала ее въ холодныя уста и, разивъ себя кинжаломъ, упала мертвая на трупъ Фархата.

Съ тѣхъ поръ протекли вѣка. На высокомъ холмѣ, гдѣ погибла Ширинъ-кызъ, насыпанъ могильный курганъ и, кромѣ того, никакой памяти не осталось ни о ней, ни о Хозроѣ. Но память о Фархатѣ дошла и до нашего времени. Пороги Дарьи (Шальдракъ), между Ходжентомъ и Беговатомъ, остались въ преданіи народа памятниками его работъ.

Кому именно суждено было ближайшимъ образомъ воспользоваться мыслью Ширинъ-кызъ и трудами Фархата, остается до сихъ поръ невыясненнымъ. Извѣстно только, какъ мы упомянули это выше, что древній арыкъ-Бухара существовалъ еще во времена владычества арабовъ, то-есть въ VII—IX столѣтіи.

Въ 1220 году, арыкомъ этимъ воспользовался для своего спасе-

нія гарнизонъ Ходжента, во время осады этого города арміей Чингисъ-хана. Вамбери, въ своей «Истории Бухары», говоритъ, что во время этой осады мѣстный губернаторъ, видя невозможность защищаться далѣе, посадилъ гарнизонъ города на суда и уплылъ съ нимъ къ Ховарезму по западному рукаву Дарьи.

Извѣстно, какое гибельное вліяніе имѣло на всю Среднюю Азію нашествіе монголовъ и эпоха ихъ владычества здѣсь, продолжавшаяся почти полтора столѣтія (1226—1363 г.). «Они пришли, разрушили, сожгли, умертвили, ограбили и ушли»,—такъ характерно описываетъ монгольской погромъ одинъ изъ очевидцевъ этого событія, успѣвшій спастись бѣгствомъ въ Хорасанъ. Но этимъ дѣло не ограничилось. Шестисотъ-тысячная армія Чингисъ-хана, сокрушительной лавиной промчавшаяся по всему огромному Турану, на обратномъ пути изъ Европы частію осѣла здѣсь на постоянную осѣдность, чтобы довершить начатое ею дѣло уничтоженія тысячелѣтней культуры и обращенія въ мертвыя пустыни цѣлыхъ громаднхъ провинцій, которыя и по сіе время остаются непризванными къ жизни.

Въ особенности пострадало отъ монгольскаго погрома описываемое нами средне-азиатское междурѣчье. Оно быстро обезлюдило, а покрывавшая его сѣть водопроводовъ, никѣмъ не поддерживаемая, вскорѣ пришла въ упадокъ, переставъ пропускать сквозь себя живительныя воды Сыра и Аму, которыя съ тѣхъ поръ, безъ всякой пользы для человѣчества, потекли къ пустыннымъ берегамъ Арала.

Съ исчезновеніемъ человѣка и воды исчала и растительность, умѣрявшая знойный климатъ Турана и парализовавшая дѣйствіе летучихъ песковъ, уже тогда непрерывно надвигавшихся на него съ сѣверо-запада въ юго-восточномъ направленіи. Природа усердно помогала монголамъ въ дѣлѣ разрушенія культурной жизни по берегамъ Сыра и Аму, и въ какіе нибудь полтора ста лѣтъ огромный, богатѣйшій оазисъ, считавшійся житницей Средней Азіи, обратился въ голодную пустыню, почти сплошь засыпанную пескомъ, похоронившимъ подъ своей наносной почвой многовѣковые труды таджика по пути культурнаго усовершенствованія.

Результаты этихъ событій ощущаются въ Средней Азіи и по сіе время, ибо движеніе песковъ изъ Кызыль-кумовъ по направленію къ культурнымъ площадямъ Туркестана непрерывно. Обитателю мѣстностей, прилегающихъ къ Кызыль-Кумамъ, приходится вести отчаянную борьбу съ надвигающейся на него пустыней. Пограничныя съ Кызыль-кумами поля заносятся пескомъ не только постепенно, но иногда вдругъ, во время бурановъ, песокъ, на нѣсколько вершковъ разомъ, покрываетъ воздѣланное и орошенное поле. Примѣромъ губительнаго вліянія сосѣдства пустыни можетъ служить бухарскій тумень Варданзи, еще недавно густо населенный, значительная часть котораго, уже на глазахъ живущаго по-

колѣнія, засыпана пескомъ. Такая же участь, по мнѣнію туземцевъ, грозитъ и столицѣ Бухарскаго ханства, если вскорѣ не будутъ приняты мѣры къ проведенію новыхъ источниковъ для орошенія прилегающихъ къ ней мѣстностей и насажденія растительности; это и только можетъ удержать пески отъ дальнѣйшаго движенія.

Эпоха появленія въ Средней Азіи колоссальной личности Тимура (1369—1405 года) застаётъ Голодную степь уже совершенно пустынной. Извѣстно, что онъ самъ и его талантливое потомство сдѣлали все возможное, чтобы воскресить погибшую подъ монгольскими саблями культуру Туркестана.

У жителей Беговата до сихъ поръ сохранилось преданіе, что сынъ одного изъ древнихъ царей востока (падша-задѣ) воспользовался заброшеннымъ русломъ древняго арыка Кызыль-Дарьи, чтобы по дну его провести воду отъ Беговатскихъ пороговъ къ Бухарѣ и Хивѣ. По словамъ туземцевъ стариковъ, воды въ арыкѣ было такъ много, что она, во время половодья, доходила до крѣпостныхъ воротъ столицы Бухары.

Объясненіе этого преданія имѣется на поляхъ древней арабской рукописи, заключающей въ себѣ родословную бухарскихъ эмировъ, которая написана въ 979 году гиджире и составляетъ собственность ташкентскаго имама Хашина-хаджи. Вотъ что значитъ въ этой рукописи.

Однажды Тамерланъ осматривалъ Голодную степь, и приходилось ему пить горькосоленую воду изъ колодцевъ. Щедро одаривъ своего сына Мирза-Шахъ-Руха и воздавъ ему почести, онъ собралъ къ нему лучшихъ людей и велѣлъ имъ провести большой арыкъ изъ Сыръ-Дарьи въ Голодную степь.

Когда арыкъ былъ выкопанъ до города Нурата, Тимуръ приказалъ вести воду далѣе въ пустыню къ Ховарезму и далъ царскій указъ (могарабнамѣ), чтобы къ возвращенію его обратно изъ Китая въ Туранъ дѣло было окончено.

Шахрухъ немедленно приступилъ къ работамъ. Изъ всѣхъ городовъ люди были собраны силою поголовно, осѣдлые и кочевые, отъ семи лѣтъ до семидесяти, отъ Сыра до Аму-Дарьи. Съ трудомъ и жаждой они копали, но провели воду въ пустыню, и явились тамъ пашни, сады и цвѣтники.

Около половины XV столѣтія, знаменитый внукъ Тимура, Улугъ-Бегъ ¹⁾ провелъ изъ Сыръ-Дарьи черезъ Голодную степь воду для орошенія юго-западной части тогдашняго Бухарскаго ханства. Полковникъ Ивановъ въ своей статьѣ «Древній арыкъ въ Голодной

¹⁾ Улугъ-Бегъ, эмиръ бухарскій, царствовалъ съ 1409—1449 годъ. Составитель знаменитыхъ астрономическихъ таблицъ, лингвистъ и математикъ.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1897 г., т. LXX.

степи», въ 1873 году, указываетъ направление этого канала, который, начинаясь въ срединной части Дарьи, шелъ съ слабымъ отклоненіемъ къ югу, перерѣзывалъ теперешнюю большую почтовую дорогу между колодцами Малекъ и Мурза-Рабатъ, постепенно приближался къ горамъ Кара-Тау и, оставляя влѣво отъ себя городъ Нуратъ, огибалъ горы, поворачивалъ къ юго-востоку и, мимо города Вардави, доходилъ до Каракуля.

Среди туземцевъ стариковъ существуетъ преданіе, что воды Заравшана расходовались въ эту эпоху цѣликомъ между городомъ Самаркандомъ и Бухарой, и что мѣстностямъ къ югу отъ этой послѣдней разрѣшалось брать воды Золотоносной рѣки ¹⁾ только тогда, когда въ нихъ былъ избытокъ.

Вообще можно съ увѣренностью сказать, что въ періодъ времени съ XV столѣтія до конца XVI Голодная степь опять закипѣла былой жизнью, и производительность возродилась въ ней подобно тому, какъ она существовала до нашествія монголовъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ и нашъ русскій научный источникъ того времени «Книга Большому чертежу», 1627 года, на 75-й страницѣ которой помѣщается слѣдующее указаніе: «А къ Бухарѣ городу и во всю землю Бухарскую, изъ Сыра-рѣки проведены воды по пашнямъ, потому что тамъ безводно» ²⁾.

Дальнѣйшій ходъ историческихъ событій сдѣлалъ изъ Голодной степи то, чѣмъ она теперь представляется. Съ возникновеніемъ Коканскаго ханства степь эта обратилась въ спорную территорию между Бухарой съ одной стороны и Ташкентомъ и Коканомъ съ другой. Постоянныя войны и ссоры между этими государствами опять обратили ее въ пустыню.

Л. Н. Соболевъ, въ замѣткѣ своей о постепенномъ движеніи песковъ къ Бухарѣ, въ 1873 г., приводитъ записанное имъ со словъ бухарцевъ преданіе, что главный магистральный арыкъ «Бухара», начинавшійся у Беговата, былъ уничтоженъ по приказанію бухарскаго эмира Абдуллахъ-хана (1557—1597 г.). «Киргизы, кочевавшіе къ сѣверу отъ Бухары, — рассказываетъ это преданіе, — постоянно тревожили ханство своими набѣгами. Выведенный изъ терпѣнія Абдуллахъ-ханъ рѣшилъ ихъ наказать. Собралъ большое войско,

¹⁾ Заравшанъ, въ буквальный смыслъ слова, значитъ Золотораздатель, Золотоносный.

²⁾ А. Макшеевъ, «Географическія свѣдѣнія Книги Вольшого Чертежа о киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ», Спб., 1870 г., стр. 88.

Необходимо замѣтить, что покойный Макшеевъ, желая исправить это мѣсто «Книги Вольшого Чертежа», самъ впадалъ въ видимую ошибку. Рѣка Заравшанъ орошала только мѣстности, лежація къ югу отъ Самарканда; что же касается сѣверной и сѣверо-западной части тогдашняго Бухарскаго ханства, то какъ это видно изъ приведенныхъ нами свѣдѣній и данныхъ, — эти части ханства получали воду изъ Сыръ-Дарьи.

онъ отправился къ Сыръ-Дарьѣ и завалилъ на протяженіи полуверсты начало арыка»¹⁾.

Съ водвореніемъ въ Туркестанскомъ краѣ русской власти и русскаго могущества Средняя Азія перестала быть театромъ тѣхъ безконечныхъ смутъ, кровопролитій и междоусобій, которыя непрерывно раздирали ее въ продолженіе послѣднихъ пяти сотъ лѣтъ ея самостоятельнаго политическаго существованія. Всему этому разъ навсегда былъ положенъ конецъ, и ея одичавшіе народы обращены на путь мирнаго преуспѣянія въ области торговли, земледѣлія и промышленности.

Уже вскорѣ послѣ занятія Ташкента отрядомъ М. Г. Черняева (15-го ноября 1865 года) и образованія Туркестанскаго генералъ-губернаторства (15-го іюня 1867 года), въ научной туркестанской литературѣ начали появляться весьма вѣскія указанія на необходимость обводненія и заселенія огромныхъ заброшенныхъ пространствъ земли, бывшихъ нѣкогда плодородными оазисами, но ко времени занятія края русскими обращенныхъ въ безлюдныя пустыни²⁾. Въ числѣ такого рода мѣстностей преимущественное вниманіе обращала на себя Голодная степь, превосходная почва которой и ея географическое положеніе въ самомъ сердцѣ Средней Азіи заставляли въ особенности желать образованія изъ нея культурной площади, достойной, въ рукахъ нашихъ колонистовъ, сдѣлаться царствомъ хлопка и шелка. Все это побудило мѣстную туркестанскую адми-

¹⁾ Воспроизводи здѣсь это народное преданіе, мы считаемъ необходимымъ оговориться, что оно требуетъ подтвержденія, такъ какъ намъ кажутся не вполне вѣроятными, чтобы мужественный и талантливый Абдуллахъ-ханъ, справедливо прозванный за огромныя заслуги, оказанныя имъ странѣ въ области торговли, промышленности и земледѣлія, благодѣтелемъ своего народа, рѣшился употребить такой варварскій способъ для защиты своихъ владѣній отъ вторженія кочевниковъ.

²⁾ «Извѣстно,— писалъ въ 1872 году по этому поводу секретарю императорскаго русскаго географическаго общества одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ изслѣдователей Средней Азіи, Л. Н. Соболевъ,—какую роль играть въ Туркестанскомъ краѣ искусственно проведенная вода. Гдѣ нѣтъ возможности провести ее, тамъ полное запустѣніе: лѣтомъ нѣтъ растительности, а челоѣкъ съ своими стадами кочуетъ только весной и осенью, да и то не вездѣ. Видъ такой пустыни не привлекателенъ и если уровень ея такъ возвышенъ, что не допускаетъ возможности обводненія, то и будущее ея не блестяще».

Другой, столь же авторитетный знатокъ Туркестана, П. А. Сѣрцевъ, въ результатъ своихъ изслѣдованій и наблюденій различныхъ мѣстностей Средней Азіи, пришелъ къ категорическому убѣжденію, что истинная экономическая будущность нашихъ средно-азиатскихъ владѣній заключается не столько въ развитіи судоходства и желѣзныхъ дорогъ, сколько въ развитіи орошенія и производительности.

Того же мнѣнія были и остаются всѣ наиболѣе выдающіеся изслѣдователи и знатоки Туркестана: Н. В. Ханыковъ, Торонтьевъ, Ивановъ, М. Г. Черняевъ и многіе другіе.

нистрацію и центральное правительство обратить особое вниманіе на развитие ирригаціоннаго дѣла въ Средней Азіи.

Въ 1872 году, высочайшей властью былъ утвержденъ первый проектъ водопроводнаго канала для орошенія Голодной степи. Почти полтора года спустя, въ 1874 году, были произведены начальныя работы по осуществленію этого предпріятія. Затѣмъ онѣ возобновились въ 1875—1878 годахъ, но безуспѣшно, и въ 1883 году были совершенно оставлены.

Это была первая попытка, предпринятая Россіей въ Средней Азіи по орошенію земель въ широкихъ размѣрахъ, попытка неудачная, самымъ нагляднымъ образомъ доказавшая, что ирригаціонное дѣло для насъ совершенно новое, весьма мало знакомое и еще не усвоенное. (Опытъ этотъ обошелся казнѣ въ 700.000 рублей).

Въ 1884 году, идея орошенія Голодной степи опять вышла изъ области архивнаго вопроса на почву практическаго осуществленія, приобрѣта себѣ горячаго сторонника въ лицѣ одной высокопоставленной особы, трудамъ которой Туркестанскій край уже обязанъ обращеніемъ въ цвѣтушіе оазисы многихъ тысячъ десятинъ пустынныхъ, заброшенныхъ земель, посредствомъ проведенія на нихъ арыковъ (Искандеръ, Ханымъ, Урумбай и проч.). Въ 1890 году, императоромъ Александромъ III была пожалована единовременная субсидія въ 100.000 рублей на продолженіе этихъ работъ, которыя за послѣднія двѣнадцать лѣтъ подвигались хотя медленно, но успѣшно.

Идея возрожденія къ бывшей культурной жизни огромной средне-азіатской пустыни составляетъ одну изъ выдающихся экономическихъ идей нашего времени. Осуществленіе ея на дѣлѣ, какъ мы указали это выше, будетъ имѣть обширные экономическіе результаты не только въ частности для Туркестанскаго края, но и для всей Россіи, подаривъ ее десятками миллионовъ десятинъ превосходной по качеству земли (лесъ) и открывъ новыя площади для ея переселенческаго движенія.

Въ настоящее время эта идея перестаетъ быть дѣломъ частной инициативы и становится на почву обще-государственнаго предпріятія. Пожелаемъ же, чтобы предпринятое при этихъ новыхъ условіяхъ грандіозное дѣло, достойное служить величественнымъ памятникомъ владычества Россіи въ Средней Азіи, безостановочно и съ неизмѣннымъ успѣхомъ подвигалось по пути своего практическаго осуществленія.

П. П. Шубинскій.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСѢВНА ЖУКОВСКАЯ.

(1821 р.—1856 †).

(Изъ воспоминаній протоіерейя Базарова)¹⁾.

Ъ СЕНТЯБРЬ 1852 года, я провелъ нѣсколько дней во Франкфуртѣ на Майнѣ, приготовляя вдову покойнаго В. А. Жуковскаго ко вступленію въ нѣдра православной церкви. Здѣсь только въ первый разъ узналъ я, какую теплую душу послалъ Богъ въ спутницы послѣднихъ годовъ жизни доброму Василю Андреевичу. Съ нею только онъ и могъ быть такъ счастливъ, какъ онъ того былъ достоинъ. Смѣло можно сказать, что трудно было бы избрать для Жуковскаго, какъ истиннаго поэта по душѣ и по сердцу, другую супругу, которая такъ согласовалась бы въ своихъ чувствахъ съ его душою, какъ это было на самомъ дѣлѣ въ его бракѣ съ дѣвницею Рейтернъ. И дѣйствительно, нужно было, чтобы Самъ Богъ устроилъ этотъ союзъ, который принесъ столько добра для нихъ обохъ. Вотъ что мнѣ рассказывала объ этой связи душъ ихъ сама Е. А. Жуковская, и что мною тогда же было записано въ моей памятной книжкѣ:

«Я полюбила Жуковскаго, когда мнѣ было только 12 лѣтъ отъ роду. Это было на Женевскомъ озерѣ, гдѣ Жуковскій проводилъ лѣто для поправленія своего здоровья. Мысль, что я только съ нимъ

¹⁾ Небольшой отрывокъ изъ этой статьи былъ напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 г. (стр. 2023); здѣсь она помѣщается въ полномъ видѣ по подлинной рукописи о. Базарова, сообщенной намъ его сыномъ.

могла быть счастлива, поселилась во мнѣ съ первой минуты, какъ я его узнала. Мысль эта была ребяческая, и даже теперь я стыжусь, когда подумаю, что я въ 12-ть лѣтъ могла имѣть подобную мысль! Но это было какое-то непреодолимое предчувствіе, что-то невольное, чего себѣ объяснить не умѣешь, тѣмъ болѣе, что самъ Жуковскій не подавалъ никакого повода къ тому. Онъ ласкалъ меня, какъ ребенка, и больше ничего. Но вотъ онъ уѣхалъ отъ насъ въ Россію. Я осталась и чувствовала, что осталась одна безъ него. Шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и шесть лѣтъ не могли изгладить изъ души моей этой странной мысли. Я сама сознавала недѣльность моего чувства. Я старалась увѣрить себя, что это наконецъ смѣшно, потому что совсѣмъ невозможно... Мой разумъ былъ совершенно согласенъ съ этимъ; но сердце говорило другое, — даже и не сердце, — но, опять повторю, что-то такое непостижимое для меня самой, какъ будто какое-то предназначеніе свыше, которое разъ, но ясно, сказало мнѣ: ты должна быть его! Шесть лѣтъ я боролась всѣми силами души противъ этой мысли, которая часто представлялась мнѣ какимъ-то искупленіемъ. Не разъ, сидя одна, я силилась повторять вслухъ самой себѣ: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! это невозможно!» Но вмѣстѣ съ звукомъ словъ моихъ разлеталась и увѣренность въ невозможности надеждъ моихъ.

«Наконецъ, въ 1840 году, Жуковскій снова пріѣхалъ за границу съ государемъ цесаревичемъ. Одинъ слухъ объ этомъ и о томъ, что онъ будетъ у насъ, потрясъ меня до глубины души. Я ожидала отъ этого пріѣзда рѣшенія судьбы моей. Наконецъ, онъ былъ и у насъ! Мнѣ было тогда 18-ть лѣтъ, но онъ попрежнему ласкалъ меня, какъ дитя: онъ мнѣ дарилъ конфеты. Между тѣмъ въ это посѣщеніе онъ разъ сказалъ отцу моему: «Знаешь, что я думаю? Мнѣ кажется, что я былъ бы счастливъ, если бы дочь твоя стала моей женою!» Эти слова такъ удивили отца моего, что онъ принялъ это почти за неумѣстную шутку и потому сухо отвѣтилъ: «какая странность такъ думать о ребенкѣ!» На эти слова Жуковскій замолчалъ. Я объ этомъ ничего не знала. Съ тѣмъ мы и опять разстались. Теперь только я почувствовала, что борьба моя съ собой кончилась. Я была побѣждена моею неотступною мыслию! Одно чувство наполнило теперь все мое существо, — это то, что душа моя принадлежитъ ему навѣки, хотя бы то оставалось ему неизвѣстнымъ. Во мнѣ поселилось убѣжденіе, что мнѣ суждено или жить съ нимъ или умереть. Я видѣла въ этомъ задачу моей жизни, мое назначеніе на землѣ, безъ осуществленія котораго мнѣ не оставалось ничего болѣе на этомъ свѣтѣ. Внутренняя борьба моя не могла болѣе скрываться и отъ вниманія моихъ родителей, и я должна была сознаться въ моихъ чувствахъ передъ моею матерью. Ея добрыя совѣты и убѣжденія немного помогли моему горю. Ей удалось только убѣдить меня въ невозможности исполненія моихъ мечтаній. Съ

тѣхъ поръ во мнѣ поселилась надежда на соединеніе моей души съ его душою въ вѣчности. Часто, глядя на небо, говорила я самой себѣ: моя душа живетъ уже съ нимъ тамъ.

«Но вотъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Жуковскій снова посѣтилъ насъ. Его приняли и на этотъ разъ, какъ стараго друга нашего семейства. Разъ вечеромъ, какъ это часто случалось, попросилъ онъ меня принести ему перо и чернилъ. Это было въ сумер-

Елизавета Алексѣевна Жуковская.

кахъ, и я увѣрена, что только вечерній полумракъ позволилъ ему произнести при этомъ никогда мною неожиданное отъ него слово: хочу ли я быть его женою? — Но тутъ же, какъ бы испугавшись самъ, онъ прибавилъ: «однако не отвѣчай мнѣ тотчасъ ни да, ни нѣтъ; потому что это такой важный шагъ въ жизни, что объ этомъ надо сперва крѣпко подумать». Каково же было его удивленіе, когда я тутъ же отвѣчала, что мнѣ нечего больше думать, потому

что эта дума росла со мной шесть лѣтъ сряду и созрѣла до того, что во мнѣ давно уже на этотъ счетъ живетъ одно только да! Здѣсь онъ позвалъ отца моего, и тотъ возложилъ на насъ обоихъ свою единственную руку¹⁾. Мы были помолвлены!.. Вслѣдъ за тѣмъ Жуковскій уѣхалъ въ Петербургъ и цѣлую зиму пробылъ тамъ. Здѣсь началась наша переписка съ нимъ, и что это были за письма!.. Въ нихъ излилась вся душа его вполне, какъ она есть»...

Елизавета Алексѣевна родилась въ 1821 г., 19-го іюня. Родители ея, отставной полковникъ Гергардъ Рейтернъ и жена его Шарлота, рожденная Шверцель, давно жили въ Дерптѣ, гдѣ Жуковскій такъ часто бывалъ и такъ много мечталъ о несбывшемся для него счастья еще задолго до рожденія своей будущей супруги. Здѣсь онъ сошелся съ семействомъ Рейтернъ, въ которомъ онъ нашелъ отголосокъ своей поэтической душѣ, слушая пѣніе хозяйки, исполнявшей для него нѣмецкіе стансы Вейрауха, и бесѣдуя съ хозяиномъ о произведеніяхъ искусства. Всегда вѣрный своимъ чувствамъ, Жуковскій оставался вѣрнъ и этой дружбѣ съ семействомъ Рейтернъ, даже во время своихъ занятій воспитаніемъ наследника престола, въ которое онъ положилъ всю свою душу. Поэтому, встрѣчаясь случайно съ Рейтернами за границею, какъ въ 1826 году въ Эмсѣ, или въ 1833 году на Женевскомъ озерѣ, онъ всегда чувствовалъ себя въ этой семьѣ роднымъ, почти своимъ. Г. Зейдлицъ въ своей біографіи Жуковскаго (*Ein russisches Dichterleben*) такъ между прочимъ описываетъ пребываніе его въ семьѣ Рейтерна на Женевскомъ озерѣ: «Тамъ, въ семействѣ своего друга Рейтерна, онъ предавался совершенно наслажденію природою и тихою жизнію въ обществѣ своихъ хозяевъ». «Оъ 5 часовъ утра, — писалъ Жуковскій, — до 4-хъ послѣ обѣда я сижу въ моей комнатѣ или прогуливаюсь одинъ на воздухѣ. Потомъ мы собираемся къ обѣду и весь вечеръ проводимъ вмѣстѣ». — «Елизавета, продолжаетъ Зейдлицъ, которой въ то время было лѣтъ 11—12, смотрѣла на любезнаго добраго старичка, какъ на члена своей семьи, которую родители ея такъ уважали и вмѣстѣ баловали, какъ больного. Она прислушивалась къ серьезнымъ разговорамъ старшихъ, она слышала, какое участіе принималъ отецъ ея въ поэтическихъ произведеніяхъ Жуковскаго, какъ самъ Жуковскій судилъ объ искусствѣ и картинахъ отца ея. Воспоминаніе обо всемъ этомъ молодая дѣвочка увезла съ собою въ Дюссельдорфъ, гдѣ ими Вернейскаго друга дома такъ часто проносилось съ любовью, такъ какъ съ отъѣдомъ его не прекращался обмѣнъ мыслей и художественныхъ изліяній въ письмахъ.

¹⁾ Рейтернъ потерялъ правую руку въ сраженіи при Лейпцигѣ и былъ вслѣдствіе этого уволенъ отъ службы въ чинѣ полковника. Оставившись ому лѣвою рукою онъ началъ рисовать масляными красками и оказалъ большой талантъ въ живописи, такъ что впослѣдствіи, по ходатайству Жуковскаго, картины Рейтерна покупались государемъ для Эрмитажа.

Какъ было маленькой Елизаветѣ не вспоминать съ любовію о своемъ старомъ другѣ съ Мсневскаго озера, какъ не привязаться къ нему сердечно, особенно когда ей приходилось сравнивать тѣ прожитыя въ солнечномъ свѣтѣ дни въ Вернѣ съ мрачными днями въ Дюссельдорфѣ!»

Мое личное знакомство съ Е. А. Жуковскою началось только въ 1845 году при крещеніи сына ея Павла во Франкфуртѣ. Но это первое знакомство было то, что называется шапочное, состоявшее въ томъ, что при частыхъ посѣщеніяхъ моихъ Василія Андреевича я встрѣчался съ нею, раскланивался, послѣ чего она обыкновенно оставляла насъ, не желая мѣшать намъ разговаривать порусски. Въ первые годы до самой революціи 1848 года, заставившей Жуковскихъ оставить Франкфуртъ, никогда не было и рѣчи о намѣреніи супруги Жуковскаго перейти въ православіе. Только послѣ революціи, когда семейство Жуковскихъ поселилось въ Баденъ-Баденѣ, самъ Василій Андреевичъ сталъ заговаривать со мною объ этомъ, но съ такою осторожностію, какъ будто онъ боялся возбудить во мнѣ ревность пропаганды. «Дѣло это, говаривалъ онъ, такое святое, что тутъ никто не долженъ вмѣшиваться, кромѣ Бога».

Биографъ Жуковскаго, докторъ Зейдлицъ, приписываетъ это настроеніе супруги Василія Андреевича вліянію семейства Радовицъ, перешедшаго изъ протестантства въ католичество. Судя по дружескимъ отношеніямъ этого семейства къ Жуковскимъ, можетъ быть, и нельзя совсѣмъ отвергать этого вліянія; но не то было главною причиною расположенія Е. А. Жуковской къ переимѣнн въ роисповѣданія. Наклонность къ этому лежала гораздо глубже въ душѣ ея. Она тѣсно связывалась съ тѣмъ сердечнымъ сочувствіемъ ко внутреннему міру любимаго человѣка, которымъ была проникнута ея душа, когда она еще была молодой дѣвушкой, къ знаменитому уже и тогда поэту. Если уже и тогда, по ея собственнымъ словамъ, она мечтала быть соединенною съ нимъ въ небѣ, то послѣ того, какъ эта мечта сдѣлалась дѣйствительностію, всѣ симпатіи души ея были всецѣло сосредоточены на немъ одномъ. Его мысль, его чувство, его религіозныя вѣрованія стали для нея святынею, предъ которою она благоговѣла и которую она стремилась усвоить и себѣ. Впрочемъ, это было пока внутреннимъ сочувствіемъ, которое находило себѣ удовлетвореніе въ полномъ согласіи идеальныхъ стремленій. Но вотъ являются на свѣтъ дѣти и съ ними необходимое проявленіе этихъ чувствъ въ осязаемыхъ подробностяхъ жизни. Василій Андреевичъ былъ не только глубокой христіанинъ, но и христіанинъ православный, уважавшій всѣ постановленія церкви. Не разъ, живя еще во Франкфуртѣ, онъ былъ озабоченъ тѣмъ, что въ этомъ городѣ не было православной церкви, и что поэтому онъ не могъ такъ часто, какъ ему хотѣлось, причащать дѣтей своихъ святыхъ таинъ. Для этого нужно было ѣхать въ Висбаденъ, отстоящій на полтора часа

ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Франкфурта. И вотъ, напримѣръ, 6-го (18-го) августа 1845 года ¹⁾ онъ пишетъ мнѣ изъ Швальбаха: «Обращаюсь къ вашему высокопреподобію съ покорною просьбою. Я былъ въ Швальбахѣ, теперь возвращаюсь во Франкфуртъ, оттуда въ будущую пятницу, 10-го (22-го) августа, поѣду опять въ Швальбахъ и поѣду черезъ Висбаденъ. Я желаю бы привезти дѣтей, чтобы ихъ причастить святыхъ таинъ. Прошу васъ покорнѣйше благоволить приготовить въ этотъ день отслужить обѣдню. Если дѣти будутъ здоровы и жена тоже, то я привезу ихъ. Если же вѣтъ, то хотя самъ отслушаю обѣдню. Мы будемъ въ Висбаденѣ къ 11 часамъ, отправившись изъ Франкфурта по желѣзной дорогѣ. Благоволите написать ко мнѣ во Франкфуртъ отвѣтъ на это письмо. Еще прошу, если можно, чтобы мы были одни у обѣдни». Эти заботы о причащеніи дѣтей продолжались и послѣ, пока не настало наконецъ церковное совершеннолѣтіе дѣтей, и имъ нужно было готовиться къ исповѣди. Это было уже въ Баденъ-Баденѣ.

При такихъ случаяхъ не одна Жуковская, но каждая мать, не принадлежащая по вѣроисповѣданію къ той же церкви съ своимъ мужемъ и дѣтьми, должна почувствовать свое отчужденіе отъ своихъ самыхъ близкихъ сердцу и притомъ въ такомъ священномъ актѣ христіанства, какъ причащеніе святыхъ таинъ, и какъ бы ни было глубоко убѣжденіе въ правотѣ своихъ вѣроисповѣдныхъ воззрѣній, ни одна инославная мать не можетъ оставаться равнодушною въ торжественную минуту приближенія ея православныхъ дѣтей, ея православнаго мужа къ Чашѣ Господней, отъ участія въ которой она остается удаленной только потому, что по своему рожденію и воспитанію она должна принадлежать къ группѣ христіанъ, ей менѣе близкихъ по сердцу или вовсе чужихъ по сочувствію. Вотъ это-то и было главною причиною, почему Е. А. Жуковская стала склоняться къ единенію въ одномъ вѣроисповѣданіи съ своимъ семействомъ. «Какъ грустно и больно сердцу бывало, говорила она мнѣ, присутствовать при приобщеніи моихъ дѣтей и не смѣть раздѣлить съ ними этой священной радости! Правда, у меня были родители, съ которыми я приступала къ трапезѣ Господней въ ихъ церкви, но тѣмъ сильнѣе чувствовала я, что ихъ церковь не церковь моей семьи, въ которой сосредоточивались теперь всѣ мои симпатіи!»

Послѣ этого ей, казалось, стоило сдѣлать только шагъ, чтобы переступить порогъ православной церкви и успокоить свою волнующуюся душу въ полномъ союзѣ вѣры съ ея дорогимъ семействомъ. Но, воспитанная вдали отъ Россіи, внѣ той сферы православной жизни, среди которой протестанты такъ скоро и удобно

¹⁾ Въ это время младшему изъ дѣтей еще не было году, а старшей могло быть около 3-хъ лѣтъ.

сживаются съ церковностію, она была совсѣмъ чужда понятія объ этой жизни и не имѣла никакого представленія ни объ историческомъ значеніи православной церкви, ни о внутреннемъ содержаніи ея догматовъ. Протестантство знаетъ одну только католическую церковь, борьбу съ которою она обязана и своимъ существованіемъ. О восточной православной церкви протестантскіе богословы, несмотря на свою всеобъемлющую ученость, знаютъ только то, что это какая-то отставшая отъ всѣхъ семья христіанства, которая не заявила себя ничѣмъ въ общемъ движеніи христіанскихъ идей. Поэтому, когда Е. А. Жуковская, по совѣту своего мужа, обратилась за совѣтомъ къ извѣстному въ то время доктору богословія, суперъ-интенденту Штиру ¹⁾, прося разрѣшить ея сомнѣнія на счетъ выбора между тремя христіанскими вѣроисповѣданіями, то онъ отвѣчалъ ей, во-первыхъ, что, разъ поколебавшись въ убѣжденіяхъ протестантскихъ, она тѣмъ самымъ прервала общеніе съ этою церковнію; во-вторыхъ, что римско-католическая церковь столько сдѣлала вреда христіанству, что вступать въ нее по убѣжденію было бы грѣхомъ совѣсти, и, наконецъ, въ-третьихъ, что касается православной церкви, то онъ такъ мало ее знаетъ, что слыхалъ только объ ней, когда нѣмецкія принцессы, выходя замужъ за великихъ князей русскихъ, обязательно переходили въ эту церковь.

Такого рода отвѣтъ ученаго и знаменитаго протестантскаго богослова могъ бы размѣшнить, если бы самый вопросъ не былъ такъ важенъ и самъ по себѣ и особенно по тому состоянію души, въ которомъ находилась вопрошающая. Поколебавшаяся въ своихъ протестантскихъ убѣжденіяхъ, бѣдная искательница христіанской истины стала на распутіи, не зная, въ какую сторону направить стопы свои. Уже года два она не приступала болѣе къ причащенію св. таинъ въ своей протестантской церкви, которая все болѣе и болѣе становилась ей чужою. Къ католической церкви она чувствовала влеченіе и по дружескимъ сношеніямъ съ семействомъ Радовицъ и по болѣе близкому и наглядному знакомству съ этою церковнію. Но перейти въ католичество значило еще больше отдалиться въ религіозномъ отношеніи отъ семьи своей, такъ какъ протестантство отличается особенно уваженіемъ къ религіознымъ убѣжденіямъ каждаго, между тѣмъ какъ католичество вноситъ нетерпимость разномыслія въ самую семью, поселяя раздоръ и отчужденіе между самыми близкими по сердцу людьми. А между тѣмъ со стороны мужа, этого любимаго существа, съ которымъ она слилась душой еще съ дѣтства, Елизавета Алексѣевна не имѣла въ

---

¹⁾ Автору извѣстной книги: «Die Reden des Herrn Jesu», которую съ такимъ удовольствіемъ читалъ Василій Андреевичъ съ моею помощію, такъ какъ текстъ этой книги исполненъ греческими и еврейскими словами и выраженіями, и которую онъ такъ совѣтовалъ мнѣ перевести порусски.

эти минуты не только поддержки, но даже еще болѣе была смущаема его настоятельною просьбою напередъ испытать себя, хорошенько взвѣсить всѣ стороны рѣшительнаго шага въ столь важномъ дѣлѣ. И это происходило не отъ собственной его холодности къ родной церкви или отъ нежеланія привлечь свою супругу къ присоединенію къ православію; напротивъ, что это было его искреннимъ желаніемъ, доказательствомъ тому служатъ его предсмертныя слова, сказанныя мнѣ на смертномъ одрѣ по поводу рѣшимости его супруга присоединиться къ православію ¹⁾. Онъ уносилъ эту радостную вѣсть, какъ сердечное утѣшеніе, въ загробную жизнь. Причина, заставлявшая, можно сказать, такъ мучить любимое существо, заключалась въ излишней добросовѣстности, въ опасеніи повліять на колеблющуюся душу своимъ авторитетомъ, своею любовію въ дѣлѣ, въ которое, по словамъ Жуковского, никто не долженъ былъ вмѣшиваться, кромѣ Бога. Поэтому, извѣщая уже не задолго до смерти своего друга Зейдлица о намѣреніи своей супруги перейти въ православную церковь, Василій Андреевичъ писалъ ему: «не говори ни слова о томъ, что происходитъ съ моею женою. Я считаю это дѣло еще не конченнымъ. Если это состоится, я извѣщу тебя, какъ оно состоится. Ея убѣжденіе еще не совершенно; она должна совершенно свободно рѣшиться на это; или собственно какъ будетъ Богу угодно» ²⁾. Вскорѣ затѣмъ онъ и мнѣ писалъ, не могу ли я пріѣхать дня на четыре въ Баденъ-Баденъ, чтобы заняться съ его супругой не столько изложеніемъ ученія православной церкви, сколько, какъ онъ выражался, «показаніемъ ей превосходства нашей церкви предъ всѣми другими»; причемъ онъ прибавилъ: «я ей ничего не говорилъ объ этомъ письмѣ моемъ, и не хотѣлъ бы, чтобы она знала объ этомъ, иначе она можетъ подумать, что я насилую ея намѣреніе».

Въ то же время онъ писалъ къ А. Стурдѣѣ по поводу его брошюры «Le double parallèle», въ которой онъ выставилъ въ ясномъ свѣтѣ превосходство православія предъ другими вѣроисповѣданіями. Въ этомъ письмѣ онъ между прочимъ такъ выражался насчетъ церкви вообще и православной въ особенности: «наша греко-восточная христіанская литература не такъ богата, какъ католическая и протестантская. Сколько удивительно прекраснаго есть въ этихъ послѣднихъ, хотя онѣ продолжаютъ созидать, не имѣя, однако, основанія. Имъ не приходитъ на умъ, что право свободнаго изслѣдованія въ христіанствѣ ниспровергаетъ стоящую выше всякаго изслѣдованія власть, т. е. церковь, точно такъ, какъ въ политическомъ мірѣ *souveraineté du peuple* подкапываетъ общественный по-

¹⁾ См. мое письмо о послѣднихъ дняхъ жизни В. А. Жуковского, напечатанное въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за 1852 г.

²⁾ Ein russisches Dichterleben, von Dr. Carl Zeidnitz, p. 218.

рядокъ. И все-таки сколько есть чистыхъ христіанъ и между протестантами! Многое читаю съ большимъ назиданіемъ и переношу истинное на мое крѣпкое основаніе православія. Что наша церковь постановила разъ навсегда, то и мы должны безусловно принять съ вѣрою также разъ навсегда, т. е. такъ исповѣдывать и согласно съ тѣмъ поступать». Эту крѣпкую вѣру въ церковь, какъ безпрекословный авторитетъ, Жуковскій успѣлъ внѣдрить въ совнаніе и своей супругѣ.

И такъ Жуковскій умиралъ и на смертномъ одрѣ слышалъ отъ жены своей, что она рѣшилась присоединиться къ православной церкви. Рѣшимость эта соверѣла въ ней въ ту минуту, когда умирающій супругъ ея, напутствуемый св. тайнами, пожелалъ, чтобы и дѣти его приобщались вмѣстѣ съ нимъ у его смертнаго одра. Легко понять то горестное чувство отчужденія отъ любимаго, отходящаго въ вѣчность, супруга, какое должна была испытать эта, горячо любившая своего мужа, жена и мать, не смѣвшая участвовать въ такомъ священномъ и торжественномъ актѣ, потому только, что она не принадлежала къ той же церкви съ своею семьею! При этомъ мысль, что теперь она остается одна при дѣтяхъ, сразу поразила ее великостію той задачи, которая предстояла ей при воспитаніи дѣтей ея. «Я чувствовала, говорила она, что теперь мое мѣсто быть при дѣтяхъ не только въ ихъ спальнѣ и въ учебной, но и въ ихъ церкви».

Между тѣмъ, послѣдовавшія за кончиною В. А. Жуковского хлопоты и затѣмъ переѣздъ вдовы его на житье во Франкфуртъ не дали времени мнѣ заняться съ нею преподаваніемъ православнаго вѣроученія, и я долженъ былъ пока ограничиться сообщеніемъ ей для чтенія всего, что только можно было найти на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ касательно нашей церкви и ея догматовъ. Главнымъ образомъ я просилъ ее изучать нашъ катихизисъ, останавливаясь вниманіемъ на тѣхъ пунктахъ, которые покажутся ей новыми или трудно пріемлемыми по ея прежнимъ убѣжденіямъ. Но она была уже такъ готова къ воспріятію православной истины, что у ней не оказалось ни сомнѣній, ни колебаній насчетъ принятія всего, что было исключительно православнаго въ вѣроученіи нашей церкви; поэтому, когда мнѣ пришлось приготовить ее во Франкфуртъ къ присоединенію къ нашей церкви, мнѣ оставалось только объяснить ей самый обрядъ присоединенія и пройти съ нею вѣроисповѣданіе, произносимое при семъ въ церкви присоединяемымъ. Вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ должно было совершиться самое присоединеніе, былъ рѣшенъ такъ, что самый обрядъ со всѣми молитвами будетъ совершенъ послavianски, вопросы же, обращаемые къ присоединяемому, и отвѣты на оныя, будутъ произносимы понѣмецки.

Время присоединенія, которое теперь съ такимъ нетерпѣніемъ

и жаждою ожидалось Жуковскою, не могло быть назначено съ точності потому, что восприемницею при миропомазаніи соблаговолила быть великая княгиня цесаревна Марія Александровна, и надо было обождать прибытія ея высочества съ государемъ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ въ Дармштадтъ. Наконецъ, назначено было 25-е сентября днемъ, въ который должно было совершиться это присоединеніе, а мѣстомъ избрана Висбаденская церковь, какъ ближайшая къ Дармштадту и Франкфурту. Совершеніе обряда поручено было мнѣ; въ церкви, кромѣ родственниковъ Жуковской, никого не было. Государь наслѣдникъ съ цесаревною присутствовали лично безъ всякой свиты.

Какое блаженство должна была испытать новоприсоединенная къ православной церкви, можно понять, читая ея письма ко мнѣ. Наконецъ она сподобилась и давно ожидаемой благодати приобщенія святыхъ таинъ! Для нея теперь стало истиннымъ наслажденіемъ даже присутствовать только при совершеніи таинства за литургіею. «Оъ настоящею жаждою,—писала она мнѣ, спустя нѣсколько дней послѣ ея присоединенія къ православію,—стремлюсь я присутствовать чаще—ахъ!—по крайней мѣрѣ каждое воскресенье при совершеніи божественной литургіи, такъ какъ ничто не можетъ насъ такъ возвышать надъ всѣмъ земнымъ, какъ всесвятая жертва Іисуса Христа! Но для этого нужно пережить длинную, часто трудную недѣлю!» Къ сожалѣнію, ея здоровье и отдаленность отъ русской церкви не позволяли ей даже и каждонедѣльнаго наслажденія этимъ религіознымъ утѣшеніемъ. Поэтому она начала тѣмъ сильнѣе желать переселенія своего съ дѣтьми въ Россію. Но и тутъ разстроенное здоровье заставило ее еще прождать до іюля слѣдующаго 1853 года, пока наконецъ исполнилось ея давнишнее желаніе возвратиться въ Россію. Мѣстомъ жительства она избрала Москву и писала мнѣ оттуда: «очень хорошо, что мы здѣсь. Я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что Москва самое лучшее мѣсто для воспитанія дѣтей. Здѣсь они учатся любить и знать свое отечество». Но недолго пришлось ей пользоваться семейнымъ счастіемъ на родной землѣ. Здоровье ея годъ отъ году становилось слабѣе, пока наконецъ 27-го ноября 1856 года она не переселилась въ обители вѣчныхъ на соединеніе съ родной ей душою возлюбленнаго супруга. Тѣло ея, прослужившее всего только 35 лѣтъ земною оболочкою души ея, было перевезено въ Петербургъ для погребенія въ Александро-Невской лаврѣ рядомъ съ могилою ея супруга.

Елизавета Алексѣевна была истинно Богомъ дарованная спутница конца жизни Василія Андреевича Жуковскаго. Поэтъ по призванію, христіанинъ въ душѣ, добрый сердечно, онъ нашелъ въ юной душѣ своей супруги все то, чего недоставало ему для выраженія въ жизни его природныхъ качествъ. Даже мелочи семейной жизни и соединенныя съ ними непріятности благодѣтельно дѣйство-

вали на его, какъ онъ самъ выражался, «избалованную» предшествовавшую жизнью душу. «Конечно,—писалъ онъ А. О. Смирновой въ 1845 году по поводу рожденія его сына,—въ лучшіе годы моей жизни я не почивалъ на розахъ, но все-таки жизнь меня избаловала и испортила. Промысль Божій нашель, однако, средство спасти меня, возложивъ на мое беззаботное, почти до старости дѣтски-свѣтлое чело вѣнецъ семейной жизни, прекрасный вѣнецъ, какого только я могъ желать себѣ во снѣ или наяву. Но этотъ вѣнецъ отъ Бога, слѣдовательно въ немъ должны быть вплетены и тернія изъ того вѣнца, передъ которымъ обращаются въ ничто всѣ другіе земные вѣнцы. И отданъ въ школу терпѣнія — мнѣ это и трудно и не ловко, но я понимаю теперь ученіе Господа! Къ сожалѣнію, миръ Божій еще не проникъ въ мою душу. Причина моего земнаго счастья, а вмѣстѣ и страха лишиться небснаго блаженства — это моя жена, это чистое, любящее и вѣрующее существо, и двѣ колыбели съ дочерью и сыномъ». Съ своей стороны и Жуковская, извѣщая Елагину о рожденіи ея дочери, такъ выражается о своемъ мужѣ: «Вы знаете моего ангела, вы знаете, какъ онъ умѣетъ дѣлать счастливыми всѣхъ его окружающихъ; вы знаете также, какъ я его люблю, какъ я молю Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ его такъ любить, для него такъ жить, какъ онъ того стоитъ!» Такая связь двухъ душъ на землѣ не могла иначе и выразиться, какъ во взаимномъ полномъ сочувствіи стремленій и желаній.

Елизавета Алексѣевна была благочестивою христіанкою по воспитанію. Перешедши въ православіе, она сдѣлалась таковою по убѣжденію. Промыслу Божію угодно было въ слѣдъ за принятіемъ ею православія переселить ее въ сердце православной жизни, въ Москву, гдѣ она была со всѣхъ сторонъ окружена новою для нея сферою религіозной жизни. Нужно было, чтобы въ домъ ея къ ея дѣтямъ вошелъ человѣкъ глубокаго убѣжденія въ православіи, самъ недавно оставившій протестантство, извѣстный Зедегольмъ, сынъ протестантскаго пастора, кончившій тѣмъ, что принялъ монашество и изъ глубины своего монастырскаго уединенія увѣщевалъ и отпа своего послѣдовать его благу примѣру. Общеніе съ такою личностію могло только утвердить новообращенную въ истинѣ той церкви, въ которой оба они нашли полное удовлетвореніе своимъ религіознымъ потребностямъ. Все болѣе и болѣе ослабѣвавшее здоровье приковало ее наконецъ къ постели, и она въ этомъ положеніи горюетъ только о томъ, что не можетъ ходить къ божественной литургіи, и утѣшается тѣмъ, что отецъ ея духовный разрѣшаетъ ей чаще причащаться св. таинъ на дому. Такъ теперь всѣ ея помысленія сосредоточены на одномъ утѣшеніи, которое подаетъ церковь въ своихъ таинствахъ.

Чтобъ окончить этотъ неполный очеркъ личности, бывшей достойною носить на себѣ имя и званіе подруги жизни нашего зна-

ментаго поэта и наставника одного изъ великихъ государей текущаго столѣтiя, приведемъ здѣсь прощальное письмо Жуковскаго въ своей супругѣ, написанное имъ въ предчувствiи близкой кончины и врученное ей послѣ его смерти, какъ оно сообщено докторомъ Зейдлицемъ въ его биографiи В. А. Жуковскаго на французскомъ языкѣ. Вотъ это письмо:

«Думая, что мой послѣднiй часъ можетъ быть близокъ, пишу тебѣ, желая сказать тебѣ нѣсколько словъ утѣшенiи. Прежде всего благодарю тебя изъ глубины души за то, что ты захотѣла сдѣлаться моею женою. Время, проведенное мною въ единенiи съ тобою, было самое счастливое, самое лучшее въ моей жизни. Несмотря на многiя печальныя минуты, зависѣвшiя отъ внѣшнихъ обстоятельствъ или вызванныя нами самими, которыя неизбежны въ жизни, какъ благотворныя испытанiя, я наслаждался съ тобою моимъ бытiемъ въ полномъ смыслѣ этого слова; я лучше понималъ его значенiе, я болѣе и болѣе укрѣплялся въ сознанiи цѣли жизни, которая состоитъ только въ томъ, чтобы умѣть повиноваться волѣ Господа нашего. И этимъ я обязанъ тебѣ! Прими же здѣсь мою благодарность и въ то же время увѣренiе, что я любилъ тебя, какъ самое дорогое сокровище души моей. Ты будешь оплакивать потерю меня, но не отчаивайся! Любовь крѣпка, какъ смерть—въ царствѣ Божiемъ нѣтъ разлуки, и я вѣрую, что я буду еще искреннѣе связанъ съ вами, чѣмъ при жизни. Въ этомъ убѣжденiи, чтобы не возмущать покоя души моей, сохрани миръ въ твоей душѣ, которой и радости и скорби будутъ болѣе моими, чѣмъ при жизни земной. Живи въ Богѣ и въ заботахъ о нашихъ дѣтяхъ! Въ ихъ сердцахъ я тебѣ завѣщаю мое собственное,—остальное въ рукахъ Божiихъ. Благословляю тебя; думай обо мнѣ безъ скорби и утѣшай себя въ нашей разлукѣ мыслию, что каждую минуту я съ вами и что я раздѣляю все, происходящее въ вашей душѣ».

И. Базаровъ.

„ВѢЧНЫЕ СПУТНИКИ“ Г. МЕРЕЖКОВСКАГО.

ОВЫЙ СБОРНИКЪ критическихъ статей г. Мережковскаго¹⁾ послужилъ поводомъ къ довольно оживленному обмѣну мнѣній въ нашей журналистикѣ, который придаетъ этой книгѣ особенный интересъ сравнительно съ другими произведеніями того же автора и тѣмъ объясняетъ наше намѣреніе ознакомиться съ нею нѣсколько подробнѣе читателей «Историческаго Вѣстника». По своему содержанию «Вѣчные спутники» — сборникъ эстетическихъ статей, преимущественно критическихъ очерковъ и литературныхъ характеристикъ. Начинается книга небольшимъ наброскомъ «Акрополь», описывающимъ посѣщеніе авторомъ Аѳинъ. Этотъ очеркъ служитъ какъ бы лирическимъ введеніемъ къ книгѣ. Затѣмъ идутъ статьи «Дафнисъ и Хлоя», «Маркъ Аврелій» и «Плиній Младшій», касающіяся древняго міра, пять очерковъ, посвященныхъ писателямъ Европы — Кальдерону, Сервантесу, Монтаню, Флоберу и Ибсену, — и четыре очерка, занимающихся писателями русскими — Достоевскимъ, Гончаровымъ, Майковымъ и Пушкинымъ.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что «онъ желалъ только рассказать со всей доступной ему искренностью, какъ дѣйствовали на его умъ, сердце и волю любимыя книги, вѣрные друзья, тихіе спутники жизни. Это — записки, дневникъ читателя въ концѣ XIX вѣка.

¹⁾ Д. С. Мережковскій. Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. 8°. Спб. 1897.

Субъективный критикъ долженъ считать свою задачу исполненной, если ему удастся найти неожиданное въ знакомомъ, свое въ чужомъ, новое въ старомъ». Иными словами, это вовсе не критика, но лирика читателя, которая по намѣренію автора должна въ гораздо большей степени характеризовать его самого, чѣмъ тѣ предметы, которымъ посвящена. Потому отзывъ объ этой книгѣ по необходимости долженъ превратиться въ характеристику самого г. Мережковского.

Откровенно сознаю, что эта характеристика представляетъ большія трудности. Г. Мережковский выступалъ въ печати, какъ лирическій поэтъ, переводчикъ, романистъ и критикъ. Во всемъ, имъ написанномъ, онъ обнаруживалъ несомнѣнное и крупное образованіе, хотя и одностороннее, — образованіе художественно-литературное. Онъ знаетъ много языковъ, читалъ чуть ли не всѣхъ истинно замѣчательныхъ писателей древняго и новаго міра, изучалъ художниковъ всѣхъ странъ и вѣковъ въ ихъ лучшихъ произведеніяхъ. Во всякой строкѣ, имъ написанной, видно уваженіе, видна любовь къ художественному слову, видна добросовѣстная работа искренней мысли. Даже самые горячіе порицатели его отдають справедливость его безкорыстному, чуждому всякой предвзятости и заднихъ мыслей служенію тому призванію, которому онъ себя посвятилъ. Словомъ, какъ литературный дѣятель, г. Мережковский имѣетъ полное право на безусловное уваженіе. Онъ съ какою-то трогательною, можно сказать, благоговѣйною любовью преданъ своему дѣлу, какъ истинный литераторъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

И однако же г. Мережковский окруженъ въ нашей печати такою тучею недоброжелательства, какъ едва ли кто другой изъ современныхъ писателей. Порицанія и глумленіе — вотъ все, что является ему наградою за его руководимую благороднѣйшими побужденіями дѣятельность. О другихъ писателяхъ иной разъ хоть молчать, — о г. Мережковскомъ непремѣнно пишутъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и пишутъ непремѣнно въ недоброжелательномъ духѣ. Результаты этихъ нападокъ на лицо: въ массѣ читателей укоренилось какое-то предвзятое недовѣріе къ произведеніямъ г. Мережковского, какое-то враждебное предубѣжденіе противъ всего, что имъ написано.

Какъ объяснить эту странную несправедливость? Одною завистью, личными счетами и ненавистью толпы ко всякому благородству было бы смѣшно разрѣшать такую загадку. Несомнѣнно, и самъ г. Мережковский отчасти является причиною всеобщаго недоброжелательства. И на самомъ дѣлѣ, всякое его произведеніе дѣйствительно оставляетъ читателя не вполне удовлетвореннымъ. Одному онъ кажется холоднымъ, другому восторженнымъ; одному безцвѣтнымъ, другому напыщеннымъ. Читатель не чувствуетъ себя увлеченнымъ, не можетъ раздѣлить въ полной мѣрѣ ни мыслей, ни на-

строеній автора. Изложеніе г. Мережковскаго перевертываетъ передъ нами причудливый и пестрый калейдоскопъ отрывочныхъ мнѣній, отдѣльныхъ взглядовъ, множество неустойчивыхъ орнаментальныхъ узоровъ мысли, множество частности, которыя не сливаются въ одно стройное цѣлое, объединенное какимъ нибудь планомъ или хоть центромъ,—говоря, конечно, не о вѣншемъ планѣ, но о внутренней концепціи, которая раскрывала бы передъ нами душу писателя. Въ читателѣ все время сохраняется впечатлѣніе, что авторъ самъ не знаетъ хорошенько, чего хочетъ.

Справедливость требуетъ сказать, что это впечатлѣніе и не такъ ужъ далеко отъ истины. По моему крайнему разумѣнію, г. Мережковскій—человѣкъ, еще до сихъ поръ не установившійся, не нашедшій себя самого, и въ то же время постоянно развивающійся, постоянно идущій впередъ, хотя, къ сожалѣнію, слишкомъ часто окольными и невѣрными путями. Насколько я его понимаю, онъ вовсе не мыслитель, способный самостоятельную работою сомнѣнія приходить къ самобытнымъ выводамъ и возвращеніямъ, выстраивать оригинальную и цѣльную систему міровоззрѣнія. Складъ его ума совсѣмъ не такой: онъ склоненъ восторгаться, увлекаться, благоговѣть и вѣрить, вѣрить безусловно и непоколебимо, съ чисто-сердечнѣйшимъ и прямолинейнымъ догматизмомъ. Въ его натурѣ нѣтъ ничего рѣзко своеобразнаго, протестующаго, демоническаго; совершенно напротивъ, весь строй его души примирителенъ, религіозенъ. Если бы г. Мережковскій, чего я ему отъ души желаю, пришелъ наконецъ къ полному и ясному самосознанію, онъ убѣдился бы, какъ мнѣ кажется, что его душа склонна къ простой, дѣтской вѣрѣ, къ тихой и скромной жизни, къ самой смиренной и простодушной идилліи. Если бы онъ ограничилъ свои стремленія этимъ тѣснымъ кругомъ, то, безспорно, при его образованіи, трудолюбіи и чистотѣ намѣреній, онъ нашелъ бы въ немъ достаточно темъ и матеріала для теплой сердечной поэзіи, для скромной любви къ родной жизни, для эстетическаго и религіознаго чувства. Тогда, быть можетъ, въ его стихахъ, кромѣ рѣзкихъ, разнѣра и добрыхъ намѣреній, послышался бы голосъ дѣйствительной поэзіи, проявилась бы его не глубокая и не самобытная, но привлекательная индивидуальность; тогда онъ не переводилъ бы титаническихъ созданій великихъ трагиковъ, красоты которыхъ онъ, какъ немногіе, можетъ цѣнить и чувствовать, но которыя онъ менѣе, чѣмъ кто либо, способенъ переводить; тогда онъ оставилъ бы въ покоѣ первоначальное христіанство, эпоху возрожденія, Петра Великаго, но обратился бы къ скромной, простой жизни людей одного съ собою закала,—людей смиренныхъ и добрыхъ; наконецъ, онъ оставилъ бы тогда всякій демонизмъ, всякое ницшіанство и декадентчину и оказалъ бы нашей литературѣ дѣйствительную услугу, разбирая простымъ и

полнымъ скромнаго достоинства слогомъ произведенія лучшихъ ея представителей, которыхъ онъ умѣетъ любить такъ искренно и свято.

Къ сожалѣнью, какой-то алой геній, повидимому, совершенно затмилъ самосознаніе г. Мережковского. Его развитіе началось въ пору самой горячей борьбы между нигилизмомъ и классицизмомъ образованіемъ, когда нигилизмъ общей оторванностью молодежи отъ родной жизни стремился пользоваться въ цѣляхъ анархическаго бессмысленнаго разрушенія, а классицизмъ, преслѣдуя обезсиленіе нигилизма, окончательно отклонялъ молодые умы не только отъ родной, но и отъ всякой жизни вообще, уводя ихъ изъ совершенно не культурной дѣйствительности въ отвлеченности высшаго знанія, въ утонченности высшей культуры, и такимъ образомъ равно связывалъ и затруднялъ не только разрушающія, но и созидающія силы. Изъ раннихъ стихотвореній г. Мережковского ясно видно, какъ онъ искренно гамлетствовалъ на распутьи между нигилизмомъ и классицизмомъ, т.-е. варварскою анархіей и утонченною культурою. Не будучи достаточно самобытенъ и силенъ, чтобы не оторваться въ этомъ состояніи отъ родной жизни и остаться ей вѣрнымъ сквозь всякій нигилизмъ и классицизмъ, г. Мережковскій наконецъ отдался со всѣми своими неразрѣшенными сомнѣніями природному влеченію къ искусству и весь ушелъ въ сферу художественно-литературныхъ интересовъ. Не имѣя твердаго міровоззрѣнія и не будучи въ силахъ разрѣшать охватившія его разногласія, онъ весь проникся и пропитался отвлеченными, чуждыми текущей жизни, интересами и понятіями, точно отказавшись отъ надежды примирить ихъ когда либо.

Оторванный аристократически-утонченною западною культурой отъ нашей дѣйствительности, г. Мережковскій остался въ какомъ-то духовномъ одиночествѣ среди всего человѣчества. Религиозно увлекающійся, беззавѣтно преданный искусству, онъ ни съ чѣмъ не былъ связанъ духовными традиціями ни въ исторіи, ни въ дѣйствительности, ни даже въ самомъ искусствѣ. Въ области духа ему не оставалось ни родства, ни отечества. И вотъ онъ пустился въ какое-то умственное паломничество ко всѣмъ святымъ мѣстамъ культуры. Онъ изучалъ всѣ литературы, всѣ отрасли искусства; онъ читалъ Гомера, Эсхила, Софокла, Вергилія, Данте, Боккаччо, Сервантеса, Лопе-де-Вегу, Кальдерона, Шекспира, Байрона, Мопсана, Гюте, Шиллера; онъ ѣздилъ по всей Европѣ, посѣщалъ всѣ ея галереи и музеи. Но вездѣ онъ оставался какимъ-то поверхностнымъ зрителемъ, воспринимающимъ внѣшнія формы, но не проникающимъ въ воплощенный ими духъ. Тѣмъ не менѣе вѣра его въ искусство требовала осмыслить для его любознательности эти мертвыя формы, и для этого г. Мережковскій старался оживить и наполнить ихъ своими собственными, совершенно и завѣдомо имъ чуждыми, впечатлѣніями. Оттого въ концѣ концовъ и допустилъ

онъ возможность «субъективной критики», которая занимается не авторомъ, а читателемъ, не произведеніями искусства, но случайными отъ нихъ воспріятіями. «На столѣ у меня лежатъ два маленькихъ осколка настоящаго древняго камня изъ Пароенона,—пишетъ онъ.—Благородный пептеллконскій мраморъ все еще искрится при свѣтѣ лампы... И я смотрю на него съ суевѣрною любовью, какъ благочестивый паломникъ на святыню, привезенную изъ далекой земли». Въ этомъ отрывкѣ ясно видно, какъ близко соприкасается съ хожденіемъ ко святынямъ культуры какой-то слѣпой эстетической фетишизмъ. Читателю до очевидности понятно, какъ г. Мережковскій чититъ форму въ убѣжденіи, что духъ къ ней и придумать не трудно.

Такимъ же точно вѣчнымъ паломникомъ, зрителемъ формъ, слѣпымъ къ ихъ духу, остался онъ и въ области болѣе высокой, чѣмъ область искусства и знанія,—въ области религіи. Не сохранивъ родной вѣры, онъ наблюдалъ всѣ вѣрованія міра, наблюдалъ опять таки въ ихъ формахъ, въ ихъ культѣ и риторикѣ, приискивая свой смыслъ этимъ образамъ суевѣрія. Въ концѣ концовъ, всякая вѣра стала для него лишь своеобразнымъ обрядомъ суевѣрія, подборомъ пестрыхъ формъ, и хаосъ суевѣрій, ставшихъ риторическими средствами, вытѣснилъ въ немъ всякую вѣру. Въ стихотвореніяхъ и романѣ г. Мережковского дѣйствуютъ чуть не всѣ божества древняго и новаго міра, но всегда какъ какіе-то условные внѣшніе образы, ничѣмъ не связанные съ сердечною вѣрою. То же самое замѣтно и въ его отношеніи къ жизни. Ко всякой жизни, ко всѣмъ красотамъ природы, готовъ онъ отнестись съ восторгомъ, сочувствіемъ и благоговѣніемъ, но вездѣ видитъ только формы, не разоблачающія ему своего духа, своего внутренняго содержанія. Во всемъ мірѣ онъ чувствуетъ только свое одинокое существованіе. Міръ становится для него какимъ-то калейдоскопомъ символовъ, хаосомъ механическихъ явленій, никакой общей идеи не выражающихъ, никакимъ внутреннимъ единствомъ не связанныхъ. То же самое, наконецъ, видно и въ его поэзіи. Онъ пробуетъ всѣ рѣшительно формы, изощряется во всѣхъ механическихъ тонкостяхъ выраженія, но ему нечего выразить, и онъ не идетъ дальше формальной ретирики. Никакого устойчиваго міровоззрѣнія не раскрывается въ этихъ произведеніяхъ. Напротивъ, мы видимъ въ нихъ слѣды умственнаго паломничества по всевозможнымъ системамъ и настроеніямъ, мы уловляемъ въ нихъ отголоски всевозможныхъ школъ и ученій, видимъ автора погружающимся во всѣ роды и приемы творчества—и всегда чувствуемъ, что ни одно его стихотвореніе не выразило намъ его души, ни одно его настроеніе не возникло въ ней органически, самостоятельно, какъ внутренняя живая потребность. Читатель внимаетъ въ выраженія чувствъ и мыслей, которыя сами по себѣ возможны, но не вѣрять ни паэосу, ни чувствамъ автора и въ его

увлеченіяхъ видить только модничанье ума, наивное фатовство мысли.

Мало всего этого. Безпочвенный любитель культурныхъ формъ, не проникая въ воплощаемый этими формами духъ, г. Мережковскій постепенно впалъ въ то состояніе эстетическаго безразличія къ жизни, которое составляетъ характернѣйшую особенность декадентства. Восхищаясь формами, онъ равно восхищался и добромъ, и зломъ, и Ормуздомъ, и Ариманомъ, и Олимпомъ, и титанами, и культурой, и анархіей. Это заблужденіе было уже гораздо опаснѣе всѣхъ другихъ и не привело г. Мережковского къ самымъ прискорбнымъ послѣдствіямъ только потому, что, восхищаясь, напримѣръ, всякимъ демоническимъ протестомъ, онъ, видимо, совершенно не зналъ, на что этотъ протестъ направить, въ чемъ его осуществить. Да и дѣйствительно, какой демонизмъ, какія титаническія проявленія страстей возможны для добродушнѣйшаго изъ молодыхъ петербургскихъ поэтовъ? При всей серьезности и искренности своей, г. Мережковскій зачастую бывалъ по истинѣ смѣшонъ въ минуты наибольшей торжественности, когда, напримѣръ, воспѣвалъ демона, созерцающаго міръ, или предсказывалъ «день великаго крушенья», которое смететъ жизнь съ ея основъ. Еще курьезнѣе впечатлѣніе, производимое его стихотвореніемъ о семи нищихъ и статуѣ Будды, — стихотвореніемъ, которое въ свое время даже нравилось петербургской публикѣ. Въ этой пьесѣ съ паосомъ рассказано, какъ голодные нищіе хотѣли украсть алмазъ со статуи Будды. Вихрь и громовой ударъ «далеко отбросилъ ихъ назадъ». Тогда одинъ изъ нищихъ обратился съ упреками къ Буддѣ, который «мститъ имъ за ничтожный камень», пользуясь тѣмъ, что они, хотя и одарены бессмертною душою, но безконечно слабѣе «владыки неба». Пристыженное въ жадности этими упреками, изваяніе Будды само становится на колѣни передъ нищими, чтобы они могли снять алмазъ съ его вѣнца. Это стихотвореніе невозможно принять за «пріемъ ироніи»; но въ такомъ случаѣ поэтъ, выходитъ, самъ позабылъ, что громъ (если грянулъ) грянулъ не вслѣдствіе жадности Будды, а потому, что нищіе затѣвали воровство, да еще квалифицированное. Такая моральная развѣянность ради «красоты слога» уже граничитъ съ декадентствомъ. II на самомъ дѣлѣ, г. Мережковскій принесъ обильную дань этому дикому повѣтрію, хотя, надо отдать ему справедливость, не доходилъ при этомъ до крайнихъ предѣловъ изступленія.

Спрашивается, однако, чего ради подвизался г. Мережковскій, чего ради кидался онъ во всѣ стороны свѣта, углублялся и въ великихъ поэтовъ, и въ продѣлки плоскаго шарлатанства, пробовалъ всѣ религіи, всѣ формы жизни, культуры, поэзіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: вся эта риторическая игра образами не удовлетворяла автора. Успокоенія не находилъ онъ ни

нѣ Буддѣ, ни въ дьяволѣ, ни въ поэзіи благаго слона и скачущихъ павлиновъ, ни въ изображеніи Леды, которая лежитъ въ болотѣ среди тростниковъ «вся преступная, вся обнаженная». Свое постоянное недовольство г. Мережковскій старался объяснить себѣ и читателямъ всевозможными причинами, которыя долго было бы перечислять на этомъ мѣстѣ. Последнее по времени объясненіе сводилось къ исканію «новой красоты», ради которой поэту, будто бы, понадобилось пуститься въ декадентщину. Въ сущности же, какъ мнѣ кажется, все дѣло объясняется гораздо проще: г. Мережковскій хотя и не глубокій мыслитель, но человѣкъ искренній и серьезный; если онъ и не сознавалъ съ полной ясностью своей беспочвенности, своей оторванности и культурнаго одиночества, то все же онъ не могъ и не ощущать ихъ въ видѣ постоянного умственнаго недовольства, доходившаго до самоотрицанія, до самоубійственнаго невѣрія въ себя самого и во все свое поколѣніе, до прославленія смерти и призванія «новыхъ пророковъ» и «новыхъ пѣвцовъ» на смѣну себѣ самимъ. Никакая реторика, никакая игра мертвыми формами не можетъ исчерпать безпокойство одинокаго духа, не знающаго въ мірѣ своей родины. Умственныя скитанья г. Мережковскаго не могли разсвѣять той потребности въ любви и вѣрѣ, которою были внушены, а, напротивъ, лишь обострили ее. И вотъ, блуждая по всему міру, онъ не могъ, наконецъ, не попасть на родину. Перебирая всѣ формы жизни, онъ не могъ не встрѣтиться съ формами, ему кровно родными, съ формами, къ которымъ ему нечего было присочинять «новый» смыслъ, такъ какъ онъ съ удивленіемъ и восторгомъ долженъ былъ найти и почувствовать ихъ «старый» смыслъ внутри себя самого, какъ свою собственную душу. Финалъ исторіи о блудномъ сынѣ долженъ былъ повториться и съ нимъ, къ его собственному душевному благу. И мнѣ кажется, что этотъ благодѣтельный переломъ начинается въ г. Мережковскомъ, а признакомъ такого перелома я считаю ту книгу, которая дала поводъ къ настоящей замѣткѣ. Уже на одной изъ вступительныхъ страницъ этой книги встрѣтилъ я знаменательныя слова: «тутъ понимаешь, что значить не любить своего народа, какое безуміе надѣяться что нибудь создать внѣ его и безъ него».

Книга весьма неравна своими достоинствами. Слабѣ всего, за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мѣткихъ замѣчаній, этюды о западно-европейскихъ писателяхъ. Таковъ скучнѣйшій этюдъ о несносномъ и хлыщеватомъ болтунѣ Ибсенѣ, блѣдный полукомпилятивный этюдъ о Кальдеронѣ. Остальные три лучше, хотя переводы цитируемыхъ въ нихъ отрывковъ совершенно не передаютъ духа подлинниковъ. Тщательная, гладкая и немного манерная, немного высокопарная проза г. Мережковскаго слишкомъ монотонна и однообразна, чтобы уловлять особенности слога великихъ мастеровъ. Впрочемъ, если не ошибаюсь, не всѣ переводы сдѣланы самимъ

критикомъ. Живѣе, лучше написаны, хотя полны фактическихъ ошибокъ, порою довольно неловкихъ, этюды, посвященные античному миру. Само собою разумѣется, что ни намекъ на историческую вѣрность дѣйствительности въ нихъ нѣтъ; но въ нихъ всего ярче страніе г. Мережковскаго начинать «старыя» формы «новымъ», совершенно неподходящимъ и неумѣстнымъ, содержаніемъ. Тщету стремленій автора они характеризуютъ какъ нельзя лучше. Самая же интересная и привлекательная часть книги — ея конецъ, т. е. этюды о русскихъ писателяхъ. На нихъ я считаю необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

На меня эти очерки произвели странное впечатлѣніе. Передо мною какъ будто человѣкъ безъ роду и племени вдругъ попалъ, самъ того не ожидая и не предполагая, на свою родину: какъ сѣвостъ сонъ, начинается онъ постепенно узнавать мѣста, гдѣ провелъ свое дѣтство, и смущенныя, тревожныя воспоминанія, случайно пробужденныя неожиданнымъ пейзажемъ, вдругъ возвращаютъ одинокому скитальцу родную землю, родную рѣчь, родныя могилы, родной храмъ... Еще онъ спрашиваетъ на чужомъ языкѣ, еще онъ думаетъ чуждыми понятіями, но изъ-подъ этихъ наслоеній безродной жизни уже пробиваются заглохшія кровныя воспоминанія. Такъ точно и критика г. Мережковскаго. Онъ относится къ нашимъ писателямъ еще точно иностранецъ, онъ еще мѣрять ихъ чуждыми породившей ихъ жизни понятіями, но постепенно все глубже проникается ихъ произведеніями, все живѣй и теплѣе чувствуетъ въ нихъ «душу живу». Паломникъ ко святымъ мѣстамъ культуры, онъ пришелъ на поклонъ и къ русскимъ художникамъ,—и вдругъ увидѣлъ въ нихъ нѣчто большее, чѣмъ во всѣхъ другихъ, и благодаря этому неожиданному для него открытію возвысился до истинно серьезныхъ и вѣрныхъ мыслей.

«Вѣчные спутники» вызвали въ журналахъ цѣлый рядъ статей и рецензій, сплошь недоброжелательныхъ и почти сплошь направленныхъ на характеристику Пушкина. И дѣйствительно, эта характеристика—наиболѣе интересная часть книги. Я думаю, что именно въ ней выразился всего острѣе рѣшающій все дальнѣйшее развитіе г. Мережковскаго кризисъ. Перекати-поле умственной жизни остановилось на удобной почвѣ: если не укатится дальше, то здѣсь и пустятъ корни, здѣсь почерпнетъ жизненныя силы и обновится къ органическому развитію; а если укатится, то его судьба рѣшена, у него больше нѣтъ будущаго. Сущность кризиса въ томъ, что, мѣрять Пушкина совершенно къ нему не подходящимъ аршиномъ западныхъ понятій, г. Мережковскій сдѣлалъ великое для себя открытіе: онъ убѣдился въ мировомъ величій Пушкина, въ томъ истинномъ величій, которымъ Пушкинъ равняется со всѣми истинно великими людьми человѣчества. Сама по себѣ эта мысль и не нова, и несомнѣнна; но съ той точки зрѣнія, на которой стоялъ г. Мереж-

ковскій, она — величайшая ересь, какую только можно себя представить. Оттого и навлекъ онъ ея на себя такіе громы всеобщаго порицанія. Одни указывали на неприложимость къ Пушкину той мѣрки, которою пользовался г. Мережковскій, другіе же, ничего въ сущности не имѣя противъ его мѣрки, вознегодовали на его еретическій выводъ и, ради пуцаго развѣичанія Пушкина, не только усиленно занялись нареканіями на память великаго поэта по поводу книги г. Мережковского, но за одно постарались дискредитировать и самые приемы этого послѣдняго. Никто не захотѣлъ увидѣть безотносительнаго значенія статьи, то-есть, новой побѣды Пушкина, а въ его лицѣ и русской культуры. Бевночвенный питомецъ западныхъ идей преклонился предъ величіемъ Пушкина, и тѣмъ самымъ — предъ величіемъ своего народа, съ его религіей, съ его исторіей, съ его просвѣщеніемъ. Пускай онъ пока еще преклоняется точно иностранецъ, пускай мотивы его преклоненія пороку забавны, пороку даже нелѣпы: самое преклоненіе уже есть нѣкоторое отреченіе отъ этихъ мотивовъ. Высокое и чистое раскаяніе блуднаго сына началось съ сознанія, что лучше быть слугою въ домѣ его отца, чѣмъ питаться со свиньями на чужбинѣ. Если передъ величіемъ Пушкина г. Мережковскій откажется отъ своего декадентства и нищіанства, то русская литература станетъ не количественно только, но и качественно богаче однимъ именемъ, а развитіе нашего самосознанія должно будетъ принять сдѣлавшимъ еще одинъ успѣхъ. *Der gute Mann in seinem dunklen [Drange ist sich des rechten Weges wohl bewusst*: такъ и г. Мережковскій въ своихъ культурныхъ паломничествахъ попалъ таки на надлежащій путь, выведенный на него своею безкорыстною и возвышенною любовью къ своему призванію.

Не берусь быть пророкомъ; но мнѣ сильно сдается, что передъ г. Мережковскимъ открывается лучшее умственное будущее. Ему снова сталъ доступенъ цѣлый утраченный имъ когда-то міръ—вся духовная жизнь его народа, съ его религіей, государственностью, исторіей. Въ этой величественной жизни есть, что полюбить, чему послужить, предъ чѣмъ преклониться. Не довольно ли увлекаться чужимъ,—не увлечься ли своимъ, роднымъ, не вернуться ли домой? Быть можетъ, въ формахъ этой жизни, простой, смиренной и кроткой, и найдетъ нашъ культурный паломникъ тотъ духъ примиренія ту гармонию, которыхъ онъ не находилъ и которыя такъ тщетно пытался вложить усиліями «субъективной критики» въ формы другой культуры, величавой, пышной и гордой, но чуждой его доброй и смиренной природѣ.

В. Никольскій.

БАЙОНСКАЯ ТРАГИКОМЕДИЯ 1808 ГОДА.

ЕДАВНО во Франціи вышло сочиненіе г. Дюсере, посвященное пребыванію Наполеона въ Байоннѣ въ 1808 году и, главнымъ образомъ, событіямъ, приведшимъ къ вынужденному отреченію Бурбоновъ отъ правъ на испанскій престолъ и къ возведенію на него брата Наполеона, Іосифа. Событія эти полны такими драматическими положеніями, вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ пробивается столько комическаго элемента, участвующія въ нихъ лица столь необыкновенны, каждый въ своемъ родѣ, ихъ взаимные интересы столь противоположны, дѣйствіе развивается съ такою быстротою, что простое изложеніе этихъ событій читается съ захватывающимъ интересомъ. Передъ читателемъ разыгрывается настоящая трагикомедія, драматизмъ которой возрастаетъ отъ сознанія, что герои ея — настоящіе короли, живые люди, дѣйствительно существовавшіе, что все, что они говорятъ, не измышленіе творческой фантазіи, а историческая правда, что борьба ихъ страстей и интересовъ должна привести къ событіямъ міровой важности. На заднемъ планѣ байонской трагикомедіи движется не жалкая толпа театральныхъ подмостковъ, а чувствуется могучій своею гордостью народъ, возставшій за свою независимость и способствовавшій паденію такого колосса, какъ Наполеонъ. Авторъ ея — величайшій знатокъ человѣческихъ страстей, ихъ борьбы и вождѣлнй, потому что только во всеоружіи подобнаго знанія онъ могъ достигнуть осуществленія своихъ самыхъ смѣлыхъ замысловъ при той обстановкѣ, которую создала французская революція. Впечатлѣніе усиливается еще болѣе отъ того, что главную роль въ ней

исполняетъ самъ же Наполеонъ, безспорно, гениальнѣйшій актеръ вселенной.

Байонскія событія имѣютъ большое значеніе и для обрисовки необыкновенной личности Наполеона: во время своего пребыванія въ Байоннѣ онъ является въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, подчасъ совершенно новыхъ для читателя.

Мрачный тонъ общаго фона, на которомъ разыгрывается байонская трагикомедія, представляющая картину событій мірового значенія и борьбы самыхъ низкихъ страстей человѣческой природы, со всей ея непривлекательностью, смягчается отчасти комическими чертами въ характерѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и анекдотическими подробностями пребыванія Наполеона въ Байоннѣ.

I.

Главными дѣйствующими лицами байонской трагикомедіи являются Наполеонъ, король испанскій Карлъ IV, его жена королева Марія-Луиза, и ихъ сынъ Фердинандъ, принцъ астурийскій, на престолѣ Фердинандъ VII. Колоссальная личность «маленькаго капрала», въ общихъ чертахъ, слишкомъ хорошо извѣстна всѣмъ и каждому, и бесполезно знакомить съ ней читателя; но мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о Карлѣ IV, Маріи-Луизѣ и Фердинандѣ, объ «этой достойной, чудной семьѣ: отцѣ-шутѣ, матери-безстыдницѣ, сынѣ-палачѣ, надѣленныхъ, всѣ трое, сердцами дикихъ звѣрей, смертельно ненавидящихъ другъ друга»¹⁾.

Какъ извѣстно, Карлъ IV, второй сынъ Карла III, наследовалъ своему отцу только потому, что его старшій братъ былъ признанъ неспособнымъ къ правленію по своему слабоумію. Въ своей юности онъ обнаружилъ раздражительный и буйный характеръ, становившійся особенно опаснымъ въ виду поразительной силы, которою былъ надѣленъ будущій Карлъ IV. Нѣкоторые изъ грандовъ неоднократно имѣли случай испытать на себѣ его грубость еще въ бытность его принцемъ астурийскимъ. Онъ укрощалъ самыхъ горячихъ лошадей, разламывалъ самые твердые предметы и часто мѣрялся силою съ крестьянами, конюхами и носильщиками. Подобныя наклонности, казавшіяся многимъ неблагородными и зловѣщими, заставляли ихъ опасаться за будущее Испаніи, какъ вдругъ обнаружившаяся водянка въ груди принудила Карла обратиться къ привычкамъ болѣе мирной и спокойной жизни.

Карлъ, сдѣлавшись королемъ, вставалъ ежедневно въ пять часовъ утра въ какое бы то ни было время года. Это обыкновеніе не могло стѣснять королеву, такъ какъ съ давнихъ поръ они стали

¹⁾ L. Labat: «Le chateau de Marrac». Revue Hebdomadaire. 1897.

спать въ отдѣльныхъ комнатахъ, и фактически она перестала быть женою для него. Когда-то ему было доказано, что брачная жизнь вредитъ его здоровью, и, выслушавъ подобное рѣшеніе, онъ разъ навсегда подчинился ему.

Какъ только онъ вставалъ съ постели, онъ молился, а затѣмъ выслушивалъ двѣ обѣдни, которыя, одна вслѣдъ за другой, служились въ его апартаментахъ. Потомъ онъ спускался въ свои мастерскія, приспособленныя такимъ образомъ, что онѣ могли перемѣщаться вслѣдъ за дворомъ. Рабочіе, которыхъ онъ постоянно держалъ при себѣ, были столяры, краснодеревцы, токари и очень искусные оружейники, непрерывно занимавшіеся чисткой и починкой его охотничьихъ ружей. Среди нихъ онъ чувствовалъ себя особенно хорошо. Какъ только онъ входилъ въ свои мастерскія, то снималъ верхнее платье и, засучивъ до плечъ рукава рубашки, работалъ съ своими мастерами. Въ теченіе часа онъ занимался десятью различными ремеслами.

«Этотъ государь,—говорить о немъ въ своихъ мемуарахъ Люсьенъ Бонапартъ,—не чуждъ искусствамъ. Онъ достаточно силенъ въ механикѣ, понимаетъ также толкъ въ картинахъ и прекрасно умѣетъ цѣнить свою обширную и прекрасную коллекцію, быть можетъ, столь же богатую, какъ наша».

Изъ мастерскихъ онъ прямо переходилъ въ конюшни, занимаясь своими лошадьми и лаская ихъ, фамильярно разговаривая съ конюхами или осыпая ихъ ударами, такъ какъ съ лѣтами его сила и грубость нисколько не уменьшились.

Затѣмъ онъ садился на лошадь, чтобы ѣхать на охоту, а если погода была слишкомъ скверная, то отправлялся «вторично плотно позавтракать» и провести нѣкоторое время въ одномъ изъ небольшихъ загородныхъ домовъ. Туда же къ нему отправлялась королева, и они вмѣстѣ возвращались во дворецъ къ одиннадцати съ половиною часамъ. Нѣсколько мгновеній спустя, къ нему допускалась для принесенія привѣтствій королевская семья, послѣ чего происходила церемонія «baise-mains», повторившаяся впоследствии и въ Байоннѣ при особо драматическихъ обстоятельствахъ. Карль IV, поцѣловавъ своихъ дѣтей, отпускалъ ихъ. Свиданіе продолжалось не болѣе десяти минутъ. Ровно въ полдень онъ садился за столъ, обѣдалъ одинъ, пилъ одну воду, но за то ѣлъ невѣроятно много.

Въ часъ, несмотря ни на какую погоду, король отправлялся на охоту, повторяя это изо дня въ день, за исключеніемъ среды, четверга и пятницы страстной недѣли, когда происходили традиціонныя процессіи, обусловленныя этикетомъ.

Карль IV ѣздилъ постоянно въ сопровожденіи двѣнадцати тѣлохранителей и двухъ полицейскихъ, скакавшихъ у дворецъ экипажа. Подставныя лошади заранѣе выставались каждыя четыре версты. Иногда онъ бралъ съ собою своего брата, инфанта дона Антоніо,

человѣка крайне безцвѣтнаго, а чаще своего зятя, принца Пармскаго, «не смѣвшаго произнести ни одного слова».

Охоты стояли громаднхъ денегъ, такъ какъ, помимо потерь мулами и лошадьми, число людей, употреблявшихся для охоты, простиралось свыше пятисотъ человѣкъ, требуя для себя до семисотъ лошадей.

Король прѣѣзжалъ съ охоты передъ самымъ наступленіемъ вечера и отправлялся къ королевѣ, совершавшей въ это время свою обычную прогулку. Вскорѣ королевская семья, предшествуя ему, собиралась во дворецъ, и, когда онъ, въ свою очередь, возвращался въ него, всѣ уже были на лицо. Разговоръ не продолжался и четверти часа, и всѣ разставались. Тогда-то являлись министры. При ихъ докладахъ присутствовала королева. Министры никогда не собирались у короля вмѣстѣ, но каждый изъ нихъ докладывалъ особо въ назначенный для него день.

Доклады не брали много времени, и черезъ полчаса дѣла государственнаго управленія оказывались вполнѣ законченными. Послѣ этого король отдавался своей страсти къ музыкѣ, такъ какъ онъ недурно игралъ на скрипкѣ; но онъ мало заботился о томъ, чтобы играть въ тактъ съ лицами, акомпанировавшими ему. «Онъ до того любилъ это искусство, что ежедневно въ зимнее время, когда дурная погода мѣшала ему охотиться, устраивалъ у себя концертъ ранѣе семи часовъ утра».

По окончаніи музыки, король садился за партію ломбера съ двумя престарѣлыми вельможами, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ составлявшими его партнеровъ. По примѣру короля, утомленнаго охотой, они регулярно каждый день засыпали за игрой, и все общество просыпалось лишь тогда, когда метръ-д'отель являлся доложить, что ужинъ поданъ. Послѣ ужина отдавались приказанія на слѣдующій день, и король ложился въ одиннадцать часовъ.

Такъ проходилъ день Карла IV.

По отзыву современниковъ, характеръ короля былъ открытый, добрый, чистосердечный. Онъ былъ честнымъ человѣкомъ и строгимъ блюстителемъ церковныхъ предписаній, соблюдавшимъ всѣ посты. Не обладая обширнымъ и просвѣщеннымъ умомъ, онъ тѣмъ не менѣе не былъ лишенъ способности усвоивать сущность дѣла и принимать вѣрное рѣшеніе. Онъ былъ очень чувствителенъ по природѣ и никогда не могъ подписать безъ содроганія смертнаго приговора. У него никогда не было ни друзей, ни довѣренныхъ людей, потому что Годой, князь Мира, замѣнялъ для него всѣхъ и все.

Въ глазахъ Карла всѣ его подданные были равны для него. «Онъ не придаетъ никакого значенія знатности происхожденія,—пишетъ о немъ Люсьенъ Бонапартъ.—Онъ не замѣчаетъ ея. Мединацели, Альбуркверки, Альтамиры, Оссуны, всѣ эти гранды, столь гордящіеся своимъ происхожденіемъ, имѣютъ въ его глазахъ не

больше значенія, чѣмъ любой конюхъ. Его тонъ одинаковъ для всѣхъ. Предпочтеніе, которое онъ, повидимому, оказывалъ иногда публично лицамъ своего двора, проявляется въ обидныхъ шуткахъ, въ ударахъ, наносимыхъ со всей силой и заставляющихъ его сгибаться до слезъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти грубыя свидѣтельства высочайшей фамильярности привѣтствуются съ очаровательною веселостью».

У короля не было официального духовника, но возлѣ него, въ передней или въ комнатѣ, рядомъ съ тою, въ которой онъ находился, постоянно помѣщался священникъ, и когда у Карла являлось желаніе поговорить съ нимъ, онъ свистѣлъ, какъ свистать, призывая собаку. Духовникъ тотчасъ же являлся на этотъ зовъ и слѣдовалъ за королемъ, ощутившимъ потребность покаяться, въ амбразуру окна. Здѣсь онъ высказывалъ все, что мучило его совѣсть, получалъ разрѣшеніе грѣховъ и затѣмъ отпускалъ духовника, впродъ до новаго призыва свистомъ.

«Карлъ IV никогда не зналъ иной женщины, кромѣ своей жены, и эта воздержность тѣмъ болѣе необычайна, что онъ былъ надѣленъ погучимъ и пылкимъ темпераментомъ, и, подъ этимъ жгучимъ небомъ и среди красивѣйшихъ и самыхъ развращенныхъ въ Европѣ женщинъ, это можно объяснить лишь своего рода традиціонною добродѣтельностью».

Что особенно поражало иностранцевъ, имѣвшихъ доступъ къ испанскому двору, это—то ослѣпленіе, съ которымъ относился король къ поведенію королевы. Ни предупрежденія, ни интриги, ни постоянныя ухаживанія, ни даже поразительное сходство обонхъ его дѣтей съ княземъ Мира, не могли побороть его привычки хорошо думать о другихъ, такъ какъ онъ не вѣрилъ въ возможность прелюбодѣянія, въ особенности, со стороны принцессъ. «Королева,—разсказываетъ Люсьенъ Бонапартъ,—доказала ему, въ дружескихъ и веселыхъ разговорахъ, что блескъ, которымъ она окружена, вполне достаточенъ, чтобы удалить всякое искушеніе, если бы она могла испытать его. Наконецъ, чтобы доказать вамъ избытокъ его легковѣрія, я прибавлю лишь слѣдующее: онъ разсказывалъ направо и налево, что его братъ, король неаполитанскій,— дуракъ, позволяющій своей женѣ руководить собою».

«Король,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ д'Абрантесъ,—крайне своеобразенъ по своему лицу и манерамъ; онъ высокъ ростомъ, съ бѣлыми и рѣдкими волосами; носъ, очень длинный, но украшалъ лица, на которомъ отражалось мало выразительности». Этотъ отпечатокъ доброты на лицѣ Карла IV отмѣченъ и Сегуромъ, видѣвшимъ его въ 1808 году и сказавшимъ про него, что это «государь, правда, цѣломудренный, благочестивый, честный и любезный, но лишенный всякаго образованія». Его туалетъ, по словамъ д'Абрантесъ, не отличался изысканностью. «Когда я имѣла честь увидѣть его,—пишетъ она,—на немъ былъ голубой камзолъ, въ

формѣ фрака, изъ довольно поношеннаго драпа, съ заходящими одна за другую лапами, на подобіе того, какъ теперь носятъ юные республиканцы, лосиные панталоны и голубые чулки, подогнутые на колѣняхъ, какъ носили, сто лѣтъ тому назадъ, наши прадѣды. Это былъ его костюмъ для охоты, занятія, которому онъ отдавался съ любовью, не поддающеюся никакому описанію».

II.

Королева Марія-Луиза была второю дочерью инфанта дона Филиппа, герцога пармскаго, и родилась въ Пармѣ 9-го декабря 1754 г. Она отличалась необыкновенною гордостью и, рассказываютъ, что, узнавъ, что вопросъ объ ея бракѣ съ наслѣдникомъ испанскаго престола рѣшенъ въ окончательной формѣ, потребовала, чтобы ей были воздаваемы всѣ почести, присвоенныя ея новому положенію. Сотвѣтствующихъ внѣшнихъ знаковъ почтенія она требовала даже отъ своего брата Фердинанда, съ которымъ часто ссорилась. Однажды, повздоривши съ нимъ, Марія-Луиза сказала молодому герцогу: «я научу васъ обращаться со мною съ почтеніемъ, которое вы обязаны оказывать мнѣ, такъ какъ я буду испанскою королевой, а вы навсегда останетесь ничтожнымъ герцогомъ пармскимъ». «Въ такомъ случаѣ,—возразилъ тотъ,—ничтожный герцогъ пармскій будетъ имѣть честь дать пощечину королевѣ испанской». Такъ какъ инфантъ привелъ свою угрозу въ исполненіе, онъ былъ арестованъ по приказанію своего отца, но будущая королева тотчасъ же вступилась за него.

Королева прибыла къ испанскому двору очень юной, и на ея счетъ не замедлили распространиться оскорбительные для нея слухи. Поразительное вліяніе, которое она сумѣла приобрести надъ мужемъ, сдѣлало ее неоспоримою повелительницею королевства. Не будучи красивою, она была граціозна въ своей первой молодости, но къ тому времени, когда ее увидѣла д'Абрантесъ, она сильно измѣнилась. «Королева показала мнѣ еще красивою,—читаемъ въ воспоминаніяхъ супруги французскаго посла,—но она уже начала полнѣть, и ея подбородокъ двойлся, какъ у Екатерины II, что придавало ей видъ матроны». Въ тотъ день, когда д'Абрантесъ была представлена ей, она носила греческую прическу съ жемчугомъ и брилліантами, вплетенными въ ея волосы или, вѣрнѣе сказать, въ ея парикъ. Ея голая грудь была открыта очень низко, равно какъ и плечи. Ея руки, отличавшіяся большою красотою, были голы и украшены браслетами изъ великолѣпныхъ рубиновъ.

Въ восемь часовъ утра королева принимала гувернантокъ дѣтей, являвшихся къ ней для доклада, и назначала время и продолжительность прогулокъ. Затѣмъ она посвящала часть писанію пи-

семь, причѣмъ каждый день посылала письма и своему фавориту князю Мира.

Во время обѣда короля, первый государственный секретарь совѣщался съ нею о дѣлахъ и долженъ былъ увѣдомлять ее о докладахъ, которые предполагалось представить королю. Этотъ знакъ уваженія неизмѣнно оказывался ей, потому что министр, — говорить Люсьенъ Бонапартъ, — который отступилъ бы отъ этого, не продержался бы на мѣстѣ болѣе двадцати четырехъ часовъ.

Послѣ обѣда короля подавался обѣдъ королевѣ, которая садилась за столъ одна, въ присутствіи нѣсколькихъ камеристокъ. Подобные обѣды въ одиночку вошли въ обычай съ тѣхъ поръ, какъ королева была вынуждена къ особому режиму вслѣдствіе потери своихъ зубовъ, и ей приходилось прибѣгать къ помощи искусственныхъ, изготовлявшихся для нея тремя мастерами, входившими въ составъ ея свиты. Послѣ обѣда королева принимала лицъ, имѣвшихъ доступъ къ ней, и тогда-то наступалъ для нея самый блестящій моментъ ея повседневной жизни.

«Никто лучше ее не говоритъ пустяковъ, которые принято говорить на аудіенціяхъ. Она придаетъ безукоризненнаго изящества и ласковости своимъ вопросамъ о здоровьѣ, интересахъ и удовольствіяхъ тѣхъ, кого удостоиваетъ разговоромъ. Трудно соединить столько благородства съ такою непринужденностью».

Королева не имѣла ни друзей, ни наперсницъ, ни общества; она никогда не ѣздила на балы, не присутствовала при представленіяхъ. Этого требовалъ неумолимый этикетъ испанскаго двора, опутывавшій членовъ королевскаго дома своими желѣзными цѣпами. Исключеніе дѣлалось лишь въ пользу боя быковъ, зрѣлища, для присутствованія на которомъ король совершалъ переѣзды въ пять, шесть лье.

«Собственно говоря, царствуетъ она, — пишетъ Люсьенъ Бонапартъ о королевѣ, — а между тѣмъ она далеко не обладаетъ ни однимъ изъ качествъ, которые могли бы оправдать подобный захватъ власти... Признано, что у нея нѣтъ ни ума, ни знаній, ни твердости, и что, постоянно принося въ жертву своимъ причудливымъ наклонностямъ и позорнѣйшимъ капризамъ самые священныя интересы монархіи, она роняетъ и дѣлаетъ ненавистнымъ царствованіе Карла IV, лучшаго изъ людей и наиболѣе слабохарактернаго изъ королей».

«Ввѣренная въ своей первой молодости попеченіямъ аббата де-Кандильяка, воспитавшаго ея брата, она усвоила отъ этого знаменитаго наставника лишь привычку говорить довольно правильно пофранцузски. Одаренная однимъ талантомъ — безпрестанно возмущать мелкими интригами окружавшихъ ее людей, она способна, въ дѣйствительности, царить надъ одними лакеями».

«Необходимость въ продолженіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ скрывать

Испанскій король Карлъ IV.

отъ короля безпорядочность своей жизни приучила ее къ большой скрытности. Нѣтъ женщины, которая лгала бы съ большей увѣренностью и отличалась бы болѣе скрытымъ вѣроломствомъ. Совершенно ненабожная и даже невѣрующая, но слабохарактерная и боязливая до крайности, она при малѣйшей призрачной опасности поддавалась всѣмъ ужасамъ суевѣрнаго страха, а когда разражалась гроза, накрывалась четками и разными реликвіями».

Будучи уже въ лѣтахъ, она отличалась неумѣстной кокетливостью, а ея манера одѣваться граничила съ неприличіемъ. Ея расходы на туалеты достигали необычайныхъ размѣровъ, и каждый курьеръ, пріѣзжавшій изъ Парижа, привозилъ для нея по два, по три платья. Она всевозможными способами старалась сглаживать на своемъ лицѣ слѣды, которые оставляло на немъ время, и изысканіе средствъ для достиженія этой цѣли было поручено особому придворному аптекару.

Королева ни къ кому и ни къ чему не чувствовала привязанности: князь Мира былъ единственнымъ человѣкомъ, сумѣвшимъ подчинить ее себѣ. Объясненіе его необычайнаго вліянія на королеву мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ Люсьена Бонапарта: «Это порабощеніе слѣдуетъ приписать не любви и не привычкѣ. Князь прекрасно зналъ эту коварную женщину и все, чего можно опасаться съ ея стороны. Поэтому онъ до того опуталъ ее своими сѣтями, что навсегда предохранилъ себя отъ ея преслѣдованій, и она постоянно должна была страшиться его мести».

Для обрисовки личности королевы характерны ея столкновенія съ герцогиней Альба.

Герцогиня Альба, занимавшая въ Испаніи первое мѣсто послѣ членовъ королевской семьи, хотѣла соперничать съ королевой своею роскошью, экипажами и т. д. Это соперничество до того волновало и сердило королеву, что нѣсколько разъ, когда высококѣрная герцогиня подѣзжала къ парку въ одномъ изъ своихъ блестящихъ экипажей, ей передавали повелѣніе отказаться отъ предполагаемой прогулки. «Король Карлъ IV, быть можетъ, для того, чтобы не сердиться, смѣялся надъ тѣмъ, что онъ называлъ мелкими женскими дрязгами; однако, герцогиня и ея друзья, вполнѣ справедливо возмущенные подобными мелочными проявленіями женской тиранинн, не всегда ограничивались невинными шутками по этому поводу; до свѣдѣнія короля дошли колкія и даже оскорбительныя замѣчанія, и, переставъ смѣяться, онъ ссылая герцогиню въ ея имѣнія». Однако, мирная жизнь вдали отъ двора скоро наскучивала герцогинѣ, и она приносила повинную и получала прощеніе, съ тѣмъ, чтобы потомъ опять приняться за старое.

Повидимому, зависть королевы къ своей соперницѣ иногда заходила слишкомъ далеко.

Дворецъ, въ которомъ герцогиня принимала своихъ друзей,

являлся верхомъ изящества и хорошаго вкуса; къ ней съѣзжались тѣмъ болѣе охотно, что каждый былъ увѣренъ, что встрѣтитъ великолѣпный приемъ. Два раза этотъ дворецъ былъ подожженъ неизвестною рукою, и оба раза герцогиня восстанавливала его. Когда во второй разъ онъ былъ окончательно отдѣланъ и украшенъ, герцогиня устроила въ немъ большое празднество, окончившееся ранѣе обыкновеннаго. «Разъѣзжайтесь,—говорила она своимъ приглашеннымъ.—И не могу доставить другимъ удовольствія съечь мой дворецъ; я сама позабочусь объ этомъ». Вслѣдъ затѣмъ она приказала поджечь его.

Вскорѣ послѣ этого она умерла отъ неизвестной причины.

Для лучшаго ознакомленія читателя съ личностью Маріи-Луизы мы приведемъ мастерскую характеристику ея, сдѣланную г. Лаба въ статьѣ, посвященной имъ Марракскому замку. «Она не покидала короля и всецѣло управляла имъ. Несчастьемъ его и несчастьемъ Испаніи было то, что, до такой степени управляя своимъ мужемъ, она не управляла лишь самой собою. Когда Наполеонъ увидѣлъ ее въ первый разъ въ Байоннѣ, онъ былъ готовъ отшатнуться отъ ужаса. Ей съ юности не доставало свѣжести, пріятности въ лицѣ. Съ годами ея сухія, грубыя черты стали напоминать мегеру. Чувствуется, что она создана для борьбы, пригодна для того, чтобы командовать, оспаривать, оскорблять. Крупная по размѣрамъ, краснолицая, съ толстою и чувственною губою, съ рѣзкимъ голосомъ, съ рѣзкими движеніями, съ отпечаткомъ уличной смѣлости на лицѣ,— вотъ ея портретъ, по которому легко понять впечатлѣніе, которое она произведетъ на императора въ 1808 году. Рѣдко лицо женщины обнаруживало болѣе вождѣлннй, и при томъ самыхъ грубыхъ. Ея жизнь—лишь непрекращающійся развратъ. Выданная замужъ ребенкомъ, за глаза, она съ самаго своего прибытія въ Мадридъ возбудила недовѣріе въ своемъ тестѣ, благочестивомъ и суровомъ Карлѣ III. Онъ велитъ наблюдать за нею. Ею накрываютъ въ то время, когда она вечеромъ, одна, переодѣтая, бродитъ по улицамъ въ погонѣ за приключеніями. Въ какой бы ранній періодъ ея жизни ни разсматривать ее, въ ней не видно никакого удержу, никакого уваженія къ самой себѣ, къ своему достоинству, къ своему полу, никакихъ добродѣтелей, общественныхъ или семейныхъ. Позднѣе, одинъ испанскій, якобы офиціозный, историкъ будетъ вправѣ написать про нее, что она обратила испанскій дворъ въ грязную яму. Она столь же мало мать, какъ и жена, столь же мало королева какъ мать и жена. Итальянка по наружности и по душѣ, она соединяетъ въ себѣ худшія особенности этой расы. Она отличается полнѣйшимъ отсутствіемъ религіи, но она суевѣрна. Ея туалетъ соотвѣтствуетъ ея лицу. Она одѣвается съ полнѣйшимъ отсутствіемъ хорошаго вкуса, какъ экстравагантная молодая женщина, какъ дѣвка. Если Карлъ любитъ, чтобы дамы были въ перчаткахъ, у нея

какъ разъ обратный вкусъ. Она знаетъ, что у нея красивыя руки, и хочетъ, чтобы это всѣмъ было извѣстно. Анахронизмъ и откровенность ея туалетовъ доходятъ до безстыдства. Въ пятьдесятъ лѣтъ эта потаскуха обнаруживаетъ невоздержность Мессалины. Ей мало одного Годоя: она открываетъ свою постель каждому желающему. Годой является для нея поставщикомъ. Когда всѣ милости, чины, должности, титулы, ордена, ленты исчерпаны ею для Годоя, она устраиваетъ его бракъ съ донной Маріей-Луизой Бурбонской, своей двоюродной сестрою, дочерью инфанта дона Луи. Такимъ образомъ, верхъ скандала, она связываетъ его официальными узамн съ королевскимъ домою. Но Годой женатъ, женатъ на Жозефѣ Тюдо, у него есть дѣти? Пустяки, онъ подѣлитъ себя между обѣими своими женами. Сама Марія-Луиза мало требовательна».

III.

Фердинандъ,¹ принцъ астурийскій, на престолѣ Фердинандъ VII родился въ 1784 году, и, слѣдовательно, ко времени, когда разыгралась байонская трагикомедія, ему было двадцать четыре года. Онъ былъ уже вдовъ, такъ какъ его жена, дочь короля неаполитанскаго, пала въ 1802 году жертвою гнуснаго преступленія: она умерла въ страшныхъ мученіяхъ, нѣсколько часовъ спустя послѣ выпитой ею чашки шоколада. Придворный аптекаръ, на котораго падало подозрѣніе, что ядъ былъ добытъ черезъ его посредство, былъ найденъ въ своей комнатѣ удушеннымъ, черезъ нѣсколько дней послѣ смерти принцессы. Фердинанду не было даже позволено находиться при женѣ въ послѣдніе моменты ея жизни, и почти тотчасъ послѣ ея кончины его хотѣли принудить жениться на одной бурбонской принцессѣ, младшей сестрѣ жены Годоя, князя Мира.

Вотъ въ какихъ яркихъ краскахъ рисуетъ Фердинанда г. Лаба, блестящую характеристику котораго Маріи-Луизы мы привели выше.

«Посмотрите на него на портретѣ, оставленномъ Карницero, а Карницero, художникъ королевской семьи, безъ сомнѣнія, хорошій царедворецъ, не могъ быть склоненъ преувеличивать недостатки своей модели. Взглядъ фальшивъ, губа отвисаетъ, придавая лицу выраженіе бессмысленности; одинъ лишь носъ еще чуть-чуть напоминаетъ о происхожденіи отъ бурбоновъ. И обратите вниманіе на эти признаки вырожденія: ухо толстое и короткое, съ почти приросшей лопастью; прогнатизмъ нижней челюсти говоритъ о чемъ-то звѣрскомъ и жестокомъ. Нижняя часть его лица безобразна и дѣлаетъ его отвратительнымъ». Въ своей «Исторіи XIX столѣтія», сочиненіи, внушенномъ антинаполеоновскою страстью, Мишле, въ моментъ одного изъ тѣхъ молніеносныхъ просвѣтлѣній генія, которыя прорывають иногда мракъ ненависти, признаетъ Фердинанда отвратительнымъ, пагубнымъ. Никогда еще природа не изображала

преступленія въ болѣе ужасномъ видѣ, чѣмъ на лицѣ Фердинанда. Уже въ молодости онъ напоминалъ своими чертами стараго осужденнаго преступника. Позднѣе, насчетъ Фердинанда сложилась поговорка; она рисуется его такимъ же, какъ и его портретъ, но съ какою силою, съ какою жесткою, ужасающею вѣрностью дѣйствительности! «Отъ макушки головы до лба—невинный, отъ лба до носа—непріятный, отъ носа до сердца—Неронъ, отъ сердца внизъ—огромный Пріапъ» (выраженіе смягчено). Для того, чтобы царствовать, Фердинандъ хочетъ всего, готовъ на все. Трудно сомнѣваться, чтобы онъ не думалъ и объ отцеубійствѣ. По крайней мѣрѣ, его отецъ, имѣвшій свою полицію, знаетъ, какого взгляда держаться на этотъ счетъ. Карлъ хотѣлъ предать своего сына суду инквизиціи по обвиненію въ желаніи лишить его престола. Но онъ не осмѣлился дойти до этого. Опекуну Наполеона Фердинандъ готовъ переносить покорно, готовъ быть королемъ на отчетѣ, но лишь бы только быть королемъ. Онъ подлѣ: арестованный за годъ передъ байонскими событіями, вслѣдствіе открытія компрометировавшихъ его документовъ, онъ выпутывается изъ бѣды, губя своихъ друзей. Онъ хитеръ: онъ ходитъ въ сношенія съ Наполеономъ тайкомъ, подпольными путями, точно сговариваясь съ соумышленникомъ насчетъ чего либо дурнаго. Испанія является для него лишь двадцатью милліонами подданныхъ, надъ которыми можно изощрять свои капризы и презрѣніе. У него нѣтъ ни національнаго самосознанія, ни патриотизма: неслыханная низость, которой никто не требовалъ отъ него,—онъ первый будетъ привѣтствовать воцареніе Іосифа, будетъ выпрашивать у новаго короля ленту его ордена! Крайне глупый, онъ не умѣетъ вести разговора, а если и заговоритъ, то быстро переходитъ отъ непристойностей къ благовестивымъ темамъ, поочередно являясь то ханжой, то распутникомъ. Пріапъ, да, но Пріапъ, въ высшей степени проникнутый католицизмомъ. Герцогъ Равиго рассказывалъ, какъ онъ былъ пораженъ, когда однажды Фердинандъ спросилъ его, воздастъ ли Наполеонъ особое поклоненіе Пресвятой Дѣвѣ Маріи, и бываетъ ли принцесса Зинаида, на которую онъ смотрѣлъ уже, какъ на свою жену, каждый день у обѣдни и хорошо ли она читаетъ молитвы. Дурной сынъ, онъ ненавидитъ своихъ родителей, платящихъ ему тѣмъ же, скротою и дикою несправедливою. Какимъ образомъ испанцы, великодушные, склонные къ облагораживающимъ душу чувствамъ, могли ввѣряться ему? Только изъ ненависти къ Годю. А «онъ не лучшаго стоитъ»—сказалъ про него Шатобрианъ. Не многого не доставало, чтобы Фердинандъ подошелъ подъ опредѣленіе, которымъ д'Абрантесъ хочетъ изобразить его: «мягкій въ бѣдѣ, наглый и жестокий въ счастьи, онъ является олицетвореніемъ дурнаго во всемъ томъ, что есть въ человѣческой природѣ постыднаго».

Кромѣ короля, королевы и принца астурийскаго, королевская семья состояла еще изъ дона Карлоса, младшаго брата Фердинанда, королевы эсрурійской и ея сына и инфанта дона Антонио.

IV.

Но если всѣ члены испанскаго королевскаго дома производили грустное впечатлѣніе на иностранцевъ, видѣвшихъ ихъ, то какъ разъ обратное впечатлѣніе выносили всѣ путешественники отъ посѣщенія налюбленной резиденціи испанскаго двора—Аранжуеца. «Это—не Швейцарія, не Франція, не Италия, однимъ словомъ, это—Аранжуецъ, земной рай, пишеть въ своихъ воспоминаніяхъ герцогиня д'Абрантесъ.—Гдѣ найти эти бьющіе фонтаны, питаемые двумя рѣками, омывающими своими волнами островъ, на которомъ солнце оплодотворяеть самые чудные цвѣты, самые рѣдкіе плоды всѣхъ странъ и климатовъ, деревья такіа, какими намъ ихъ рисуетъ воображеніе въ той обѣтованной странѣ, гдѣ гроздія винограда могутъ поднять лишь два человекъ. Когда видѣлъ Аранжуецъ, хочеться описать его, а это положительно невозможно, въ особенности, тогда, когда, подобно мнѣ, пришлось увидѣть его въ моментъ, когда природа пробуждается отъ своего зимняго сна, когда все ея великолѣпіе, вся ея пышность наперерывъ развертываются въ этихъ безплоднѣйшихъ и неблагодарнѣйшихъ мѣстахъ. Въ Аранжуецѣ встрѣчаешь самую ослѣпительную роскошь, достигшее предѣльнаго блеска великолѣпіе; но это великолѣпіе, эта роскошь—твореніе самой природы, даваемая чудными рощами изъ вѣковыхъ деревьевъ, лугами съ короткой и расцвѣченной цвѣтами травой, столь же густой, какъ и эластичной. Какъ наслаждаешься этой роскошью природы и въ то же время спокойствіемъ, ощущаемымъ съ такою нѣгою въ чудные дни, когда солнце еще усиливаетъ пышность зрѣлища! Громадныя широко вѣтвистыя деревья, вода на каждомъ шагу, высокія стѣны зелени, лишеныя однообразной правильности,—вотъ въ чемъ заключается великолѣпіе сада на островѣ. Я не думаю, чтобы рука человекъ могла прибавить что нибудь къ нему, не испортивъ его. Calle de la Reупа, великолѣпная аллея вязовъ, которымъ, какъ говорятъ, свыше пяти сотъ лѣтъ, протянувшаяся болѣе чѣмъ на половину испанской мили, уже сама по себѣ является однимъ изъ лучшихъ украшеній Аранжуеца. Тамъ-то, въ одинъ прекрасный вечеръ, я снова увидѣла королеву и королевскую семью; принцессы прогуливались въ экипажахъ, каждая отдѣльно, и никогда вмѣстѣ; такимъ-то образомъ, очень медленно, нѣсколько разъ въ одинъ вечеръ, онѣ проѣзжаютъ взадъ и впередъ, съ одного конца Calle до другого; каждый разъ, когда онѣ встрѣчаются, онѣ раскланиваются съ вѣжливостью, которая можетъ быть признана безупречною, но только ужъ не привѣтливою. Какъ лamy, такъ и мужини, встрѣчавшіеся съ ними,

тотчасъ же останавливались; дамы кланялись, а мужчины мгновенно спускали съ себя свою сара, которою, за мгновенье передъ этимъ, драпировались во множество изящныхъ складокъ. Что же касается королевы и принцессы, то когда онѣ проѣзжали мимо дамы, къ которой были расположены, и которая по своему положенію, происходя отъ грандовъ Испаніи или titulados Кастиліи, могла удостоиться публичнаго проявленія милости, то принцесса, желавшая оказать ей вниманіе, дѣлала ей рукою или вѣеромъ дружескій знакъ, какъ бы призывая ее къ себѣ. Подобнаго знака милости крайне добиваются.

«Когда королева проѣзжала мимо мѣста, у котораго я остановилась, она, улыбаясь, въ высшей степени граціозно наклонила голову и присоединила къ этому привѣтствіе рукою. Какъ можно видѣть, милость была полная. Когда инфанты, братья короля, возвращались достаточно рано съ злополучной охоты, дѣйствительно, приближавшейся къ маньячеству, они, чтобы развлечься, садились верхомъ и сопровождали принцессу во время ихъ катанія».

Сквозь вѣтви каштановъ и акацій, росшихъ въ паркѣ, виднѣлся окруженный садомъ-цвѣтникомъ небольшой дворецъ; его крыша едва достигала верхушекъ деревьевъ. «Это casa del labrador, хижина земледѣльца; это зданіе, представляющее по своей внѣшности изящную простоту, заключаетъ въ себѣ все, что можно видѣть самаго роскошнаго и отличающагося безукоризненнымъ вкусомъ. Все въ этомъ дворцѣ миниатюрѣ пропорціонально его размѣрамъ; художники Франціи, Италіи и Испаніи работали надъ украшеніемъ его. Въ этой-то casa del labrador собиралась иногда для завтрака королевская семья. Сюда же являлась королева, чтобы блистать своими поблекшими прелестями и наслаждаться разговоромъ съ гитаристомъ Годоемъ или же присоединять звуки своего голоса къ аккордамъ новаго Рицціо. Намъ показывали бесѣдку изъ боярышника, неоднократно служившую пріютомъ для этой влюбленной пары».

Разразившаяся вскорѣ война не пощадила и Аранжуеца. При проходѣ арміи маршала Сульта, послѣ эвакуаціи Андалузіи, дворецъ былъ пустъ, и топоръ саперовъ опустошалъ роши Аранжуеца. Правда, были разставлены часовые въ мѣстахъ, которыя хотѣли пощадить, но это было сдѣлано слишкомъ поспѣшно. Расположившіяся лагеремъ войска въ одну ночь сожгли болѣе чѣмъ на полмилліона франковъ хинныхъ деревьевъ, фунтъ которыхъ, по тогдашнимъ цѣнамъ, стоилъ болѣе ста франковъ. Великолѣпныя фортепяно Урара послужили матеріаломъ для топлива, и солдатъ очень забавляло, когда струны звенѣли, разрываясь подъ вліяніемъ огня. Громадныя зеркала разбивались вдребезги. Солдатъ, проникнувъ въ пышные покои дворца, видѣлъ свое отраженіе въ этихъ зеркалахъ, съ ногъ до головы. «Ахъ, такъ вотъ ты гдѣ, гнусный грабитель», — говорилъ онъ, обращаясь къ своему двойнику въ зеркалѣ. — «Обожди,

разбойникъ, я сведу съ тобою счеты, и ты получишь то, чего заслуживаешь!» За этими словами слѣдовалъ ударъ саблею или прикладомъ въ свое же собственное изображеніе, и зоркало разсыпалось. Не лучшая участь постигла книги и картины.

V.

Враждебность, обнаруженная Испаніей незадолго до іенскаго сраженія, не могла не обратить на себя серьезнаго вниманія Наполеона. Онъ не могъ не сознавать всей опасности, которую, въ случаѣ малѣйшей его неудачи, должна была представить для него Испанія, въ особенности, тогда, когда всѣ его силы, всѣ его помыслы были отвлечены на сѣверъ. А разъ онъ созналъ это, разъ мысль о необходимости оградить себя съ этой стороны запала ему въ голову, онъ уже не далъ усыпить себя льстивыми завѣреніями въ дружбѣ, которыя испанскій дворъ сталъ расточать передъ нимъ послѣ іенскаго погрома. Онъ твердо усвоилъ себѣ, что Испанія съ тѣмъ правительствомъ, которое стояло во главѣ ея, являлась для него постоянною опасностью, могущею разразиться тогда, когда онъ менѣе всего ожидалъ этого. Поэтому онъ тогда же задался намѣреніемъ, подъ благовиднымъ предлогомъ движенія къ португальской границѣ, наводнить Испанію французскими войсками, вошедшими въ эту страну и проникшими до самаго Мадрида.

Твердо рѣшивъ въ своемъ умѣ тѣмъ или другимъ путемъ вырвать корону Испаніи изъ рукъ Бурбоновъ, онъ первоначально остановился на планѣ, который менѣе всего могъ бы возмутить противъ него общественное мнѣніе Европы,—онъ рѣшилъ цѣлымъ рядомъ искусныхъ мѣръ подтолкнуть членовъ испанскаго королевскаго дома бѣжать изъ Испаніи и такимъ образомъ очистить нужный ему престолъ. Всѣ дѣйствія Наполеона были такъ хорошо рассчитаны, что бѣгство королевской семьи было окончательно рѣшено, всѣ приготовленія сдѣланы, и назначенъ день отъѣзда изъ Аранжуеца. Но въ своихъ расчетахъ Наполеонъ не принялъ во вниманіе одного—вражды между королемъ и королевой и ихъ сыномъ и наслѣдникомъ Фердинандомъ. Послѣдній объявилъ своимъ приверженцамъ, что предположенное бѣгство является насиліемъ надъ его волей, и въ нѣкоторомъ родѣ просилъ ихъ заступничества. Такимъ путемъ вѣсть о малодушномъ бѣгствѣ королевскаго дома быстро разнеслась по всему Аранжуецу и вызвала негодованіе народа, рѣшившаго воспротивиться ему. Слѣдствіемъ этого явилась революція 20-го марта 1808 года; она разразилась, главнымъ образомъ, подъ влияніемъ ненависти испанцевъ къ всемогущему князю Мира, котораго, между прочимъ, обвиняли въ томъ, что онъ предалъ Испанію въ руки Франціи, и, какъ извѣстно,

Испанская королева Марія-Луїза.

привела къ отреченію Карла IV отъ престола въ пользу сына своего Фердинанда. Со вступленіемъ на престолъ Фердинанда VII, врага Франціи, опасность, грозившая Наполеону со стороны Пиринейскаго полуострова, лишь усиливалась. Поэтому, въ виду неудачи, постигшей первоначальный планъ, нужно было принять самыя энергическія мѣры, чтобы оградить себя отъ возможныхъ случайностей; тогда-то у Наполеона зародился новый предательскій замыселъ, служащій основною темою трагикомедіи, которой суждено было разыгратъ въ Байоннѣ: воспользоваться отцомъ, какъ орудіемъ противъ сына, завлечь къ себѣ сына, принудить его, въ свою очередь, отречься отъ престола въ пользу отца и склонить отца уступить свои права на престолъ Испаніи ему, Наполеону, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ простымъ декретомъ назначить королемъ Испаніи одного изъ своихъ братьевъ, — вотъ въ чемъ Наполеонъ увидѣлъ возможность разъ навсегда покончить съ испанскимъ вопросомъ и избавится отъ необходимости дѣлать свое вниманіе и силы между сѣверомъ и югомъ Европы. Планъ этотъ, создавшійся подъ вліяніемъ хода событій, многія подробности котораго, весьма вѣроятно, выяснились для самого Наполеона лишь тогда, когда онъ началъ приводить его въ дѣйствіе, блестяще удался ему. Можно сказать даже, что достигнутый имъ успѣхъ превзошелъ его ожиданія: Фердинандъ VII самъ отдался въ его власть и тѣмъ облегчилъ ему достиженіе задуманной цѣли. Наполеонъ не призналъ Фердинанда королемъ Испаніи, и вотъ, Фердинандъ, при всеї своей ограниченности, ясно сознававшій, какого врага онъ можетъ имѣть въ Наполеонѣ, самъ рѣшается явиться на французскую территорію, чтобы просить Наполеона о признаніи его королемъ Испаніи и о разрѣшеніи ему искать руки одной изъ принцессъ его дома. — «Что за вѣрлище! — восклицаетъ г. Лаба въ своей статьѣ, посвященной байонскимъ событіямъ, — вотъ принцъ, принцъ по божественному праву, вознесенный на престолъ революціей, а императоръ, вышедшій изъ рядовъ революціи, отказывается признать законность его воцаренія! Этотъ Бурбонъ является снискать инвеституру Бонапарта, а вмѣстѣ съ инвеститурою и руку одной изъ принцессъ его рода!».

Съ своей стороны Карлъ IV съ Маріей-Луизой, узнавъ о поѣздкѣ Фердинанда и опасаясь, какъ бы онъ не повредилъ имъ въ мнѣніи Наполеона, тоже послѣшили вслѣдъ за сыномъ, еще ранѣе выразивъ свое согласіе, изъ вражды къ нему, объявить свое отреченіе вынужденнымъ.

Такимъ образомъ, Наполеонъ получалъ въ свои руки и отца, и сына. Повидимому, сама судьба покровительствовала осуществленію его коварныхъ замысловъ...

VI.

Для приведенія своего плана въ исполненіе Наполеонъ увидѣлъ себя вынужденнымъ приблизиться къ испанской границѣ. Съ этой цѣлью онъ рѣшилъ отправиться въ Байонну. Предпринятое имъ путешествіе было возвѣщено официально подѣ видомъ поѣздки для посѣщенія южныхъ департаментовъ. Онъ увѣзжалъ одинъ, а Жозефина должна была присоединиться къ нему въ Бордо.

2-го апрѣля 1808 года, Наполеонъ выѣхалъ изъ Сентъ-Клу. Хотя поѣздки императора предусматривались заранѣе, однако, никогда не были извѣстны ни часъ отъѣзда, ни дорога, по которой онъ поѣдетъ; поэтому оберъ-гофмаршалъ, оберъ-штальмейстеръ и оберъ-камергеръ высылали заблаговременно все необходимое для путешествія на различные дороги, которыя онъ могъ включить въ свой маршрутъ. Личная прислуга Наполеона во время путешествій состояла изъ камердинера и человѣка, завѣдывавшаго гардеробомъ. Констанъ никогда не покидалъ его, и его экипажъ слѣдовалъ за экипажемъ Наполеона въ очень близкомъ разстояніи. Въ экипажѣ Констана помѣщались желѣзная кровать со всѣми принадлежностями и необходимый запасъ бѣлья и платья. Экипажи съ переносною плитой, кухонною посудой, запасомъ провизіи и винъ, лично для Наполеона съ запасомъ Шамбертена, опережали императорскій поѣздъ на нѣсколько часовъ. Оберъ-гофмаршалъ заранѣе намѣчалъ мѣсто, гдѣ долженъ былъ состояться завтракъ. При путешествіяхъ по Франціи останавливались въ архіепископскихъ домахъ, въ ратушахъ, у супрефектовъ или, наконецъ, за неимѣніемъ административныхъ властей, у мэра. Какъ только пріѣзжали къ назначенному мѣсту, изъ экипажа доставалась плита, разводился огонь, начиналось приготовленіе. Иногда случалось, однако, что императоръ, найдя, что завтракать рано, или желая сдѣлать большій переѣздъ, приказывалъ не останавливаться. Тотчасъ же все снова укладывалось, и походная кухня продолжала свой путь. Иногда императоръ вдругъ останавливался среди поля, выходилъ изъ экипажа, садился подѣ деревомъ и требовалъ завтракать. Мамелюкъ Рустанъ съ лакеями доставали изъ экипажей закрытыя серебряныя кастрюльки съ ци-плетами и куропатками, вино и прочее; метръ д'отель служилъ императору, остальные ѣли стоя. Разводился огонь, чтобы подогрѣть кофе, и менѣе чѣмъ въ полчаса все было кончено; экипажи снова катились въ томъ же порядкѣ, какъ и до остановки.

Въ нѣсколькихъ лье отъ Шательро комендантъ дворца (*com-mendant du palais*) Боссе, предшествовавшій Наполеону на цѣлыя сутки, встрѣтилъ графа Фернана-Нунеса, гранда Испаніи, послан-

наго Фердинандомъ VII на встрѣчу къ Наполеону. Между прочимъ, онъ сообщилъ Боссе, что онъ «адъютантъ короля, посланный привѣтствовать императора, возвѣститъ ему о восшествіи на испанскій престолъ Фердинанда VII и собственными глазами увидѣтъ племянницу императора, на которой долженъ жениться его государь». Боссе съ трудомъ пришлось разувѣрить его въ этомъ, и онъ даже показалъ ему списокъ лицъ, слѣдовавшихъ въ свитѣ императора, и тѣхъ дамъ, которыя должны были сопровождать императрицу Жозефину, изъ котораго ему пришлось убѣдиться, что среди нихъ нѣтъ принцессы, которую онъ долженъ былъ увидѣтъ собственными глазами.

Фернанъ-Нуñezъ встрѣтилъ Наполеона въ Турѣ, но не былъ принятъ имъ и письмо Фердинанда VII къ Наполеону передалъ Дюроку. Въ то же самое время Наполеонъ узналъ, что два другіе гранда пріѣхали въ Байонну, и что князь Массерано, находившійся въ Парижѣ, облеченъ полномочіями новаго короля; однако, онъ не хотѣлъ рѣшиться на что либо опредѣленное, въ особенности, не переговаривъ съ княземъ Мира, котораго ожидалъ въ Байонну. Къ тому же, письмо Мюрата указывало ему на возможность прибытія туда самого Фердинанда.

Несмотря на уклончивый образъ дѣйствій Наполеона по отношенію къ посланцу Фердинанда, въ мысляхъ императора испанскіе Бурбоны, повидимому, уже перестали существовать, потому что еще 27-го марта 1808 года письмомъ, помѣченнымъ изъ С.-Клу, онъ предлагалъ испанскій престолъ своему брату Лудовику, королю голландскому. Послѣдній, однако, отказался отъ него въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «я не какой нибудь губернаторъ провинціи; для королей нѣтъ другого повышенія, какъ переходъ на небо; они всѣ равны. По какому праву я могъ бы требовать присяги въ вѣрности отъ другого народа, если я не останусь вѣрнымъ той, которую далъ Голландіи при моемъ вступленіи на престолъ». «Людвикъ,—прибавляетъ Дюсеръ,—уже позабылъ, что онъ былъ обязанъ своимъ вѣнцомъ лишь одной полѣ своего брата Наполеона».

Послѣ нѣсколькихъ дней остановки въ Бордо, куда между тѣмъ прибыла Жозефина, Наполеонъ продолжалъ свой путь къ Байоннѣ. Туда же, нѣсколько времени спустя, отправилась и императрица.

14-го апрѣля, вечеромъ, Наполеонъ прибылъ въ Байонну. Ему была устроена великолѣпная встрѣча. Суда были распѣвлены флагами, дома роскошно иллюминированы; радостные крики безчисленной толпы, собравшейся привѣтствовать Наполеона, звуки военной музыки, колокольный звонъ, пушечные выстрѣлы,—все это сливалось въ одинъ немолчный гулъ, стоявшій надъ городомъ. Восторгъ толпы дошелъ до того, что, несмотря на запрещеніе Наполеона, выпрягли лошадей у его экипажа и повезли его на себѣ.

Первоначально Наполеонъ остановился въ «правительственномъ

дворцѣ» (palais du gouvernement); хотя дворецъ былъ омеблированъ съ достаточнымъ изяществомъ, но Наполеону онъ крайне не понравился, и, нѣсколько дней спустя, 17-го апрѣля, онъ писалъ Жозефинѣ: «Мое помѣщеніе здѣсь ужасно. Черезъ часъ я мѣняю его и расположусь, въ полулье отсюда, въ одномъ загородномъ домѣ. Здѣсь находятся инфантъ донъ-Карлосъ и пять или шесть грандовъ Испаніи; принцъ астурійскій въ двадцати лѣтъ отсюда; прѣзжаютъ король Карлъ съ королевой. Не знаю, гдѣ я размѣщу ихъ всѣхъ».

Загородный домъ, о которомъ упоминаетъ Наполеонъ, это историческій замокъ Марракъ. Имѣніе, въ которомъ онъ былъ построено, было куплено нѣкогда королевой Маріей-Анной Нейбургской, вдовою Карла II, проведеншей въ Байоннѣ, послѣ своего удаленія отъ испанскаго двора, цѣлыхъ тридцать два года. Избранное ею сначала мѣсто-пребываніе въ Лиссагѣ оказалось тѣснымъ для нея, и она приказала построить въ Марракѣ, въ живописной мѣстности, замокъ, извѣстный подъ тѣмъ же наименованіемъ. Однако, она не могла рѣшиться поселиться въ немъ, такъ какъ узнала, что одна изъ ея придворныхъ, безъ ея вѣдома, занимала въ немъ квартиру въ то время, когда всѣ работы не были еще окончены. Она такъ и не жила въ Марракѣ, а для своего лѣтняго пребыванія избрала имѣніе С. Мишель. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Марракъ принадлежалъ нѣкому байонскому еврею Марфуа, у котораго и былъ купленъ Наполеономъ за 60.000 франковъ. Нѣкоторые находятъ эту цѣну слишкомъ дешевой и ставятъ это въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что сынъ прежняго владѣльца марракскаго замка былъ первымъ евреемъ, допущеннымъ во французское военное училище. За такую же цѣну было куплено и имѣніе Сенъ-Мишель, предназначавшееся для Жозефины. Замокъ былъ наскоро приспособленъ для пребыванія Наполеона, а его садъ превращенъ въ лагерь для императорской гвардіи. Наполеонъ переселился въ него 17-го апрѣля, предназначивъ свое байонское помѣщеніе для членовъ испанской королевской семьи, которыхъ онъ надѣялся скорѣе собрать всѣхъ въ Байоннѣ.

Въ Марракѣ былъ «созданъ своего рода временный городъ; деревянные бараки послужили помѣщеніемъ для императорской гвардіи, которая должна была содержать караулы въ замкѣ попеременно съ почетной стражей изъ гражданъ Байонны; прекрасная дорога въ Байонну была быстро проведена безчисленнымъ множествомъ рабочихъ и солдатъ, и Марракъ, какъ бы превратившись въ блестящую и оживленную часть Байонны, наполнился офицерами, всѣсками, должностными лицами и экипажами. Всѣ занятія и работы были, такъ сказать, прерваны, и все населеніе города, радостное и разодѣтое по-праздничному, каждый день направлялось въ Марракъ, чтобы любоваться этимъ новымъ кварталомъ, такъ сказать, съ импрови-

вированнымъ присутствіемъ Наполеона и дѣятельностью, которую онъ разливалъ вокругъ себя».

Императорская гвардія расположилась лагеремъ противъ дворца.

Кавалерія была размѣщена въ окрестностяхъ. Часть Маррака, позади парка, превратилась въ плацъ для маневровъ, и тамъ-то Наполеонъ производилъ смотры и воодушевлялъ голосомъ и взглядомъ войска, направлявшіяся въ Испанію.

Впослѣдствіи утверждали, что войска, предназначенныя для дѣйствій на Пиринейскомъ полуостровѣ, обнаруживали неудовольствіе. Но, по словамъ Дюсере, это не правда, такъ какъ французскіе солдаты не имѣли обыкновенія быть недовольными, выступая въ походъ, и, къ тому же, они рассчитывали на скорое возвращеніе: по ихъ мнѣнію, дѣло шло лишь о подавленіи мятежа. По поводу байонскихъ смотровъ одинъ очевидецъ пишетъ слѣдующее: «Большимъ удовольствіемъ для Наполеона было производство смотровъ въ Марракскомъ паркѣ. Тамъ, среди солдатъ, его лицо расцвѣтало; его взглядъ, его жесты, его голосъ, вплоть до его капризовъ, все принимало воинственный характеръ. Одно его присутствіе разжигало храбрость, одно его слово будило въ сердцахъ всѣхъ славолюбивыя стремленія».

Въ Байоннѣ Наполеона ожидала португальская депутація, представившаяся ему нѣсколько часовъ спустя послѣ его приѣзда. Наполеонъ не далъ времени главѣ депутаціи, графу Лима, начать пріѣзженную рѣчь, которую тотъ, безъ сомнѣнія, приготовилъ для этого случая, и неожиданно для всѣхъ заговорилъ первый.

— Я не знаю,—проговорилъ онъ,—какъ я поступлю съ вами; это будетъ зависѣть отъ того, что произойдетъ на югѣ. Къ тому же, можете ли вы образовать государство? Представляете ли вы достаточную величину для этого? Вы покинуты вашимъ государемъ, онъ позволилъ англичанамъ увести себя въ Бразилію. Этимъ онъ совершилъ великую глупость, и онъ раскается въ ней.

Повернувшись при этомъ къ де-Прадту, онъ замѣтилъ весело:

— Съ государями то же самое, что и съ епископами: необходимо, чтобы они имѣли резиденцію.

Обратившись затѣмъ къ графу Лима, онъ спросилъ его, какъ велико населеніе Португаліи, и, точно отвѣчая на свой собственный вопросъ, прибавилъ:—Два милліона?

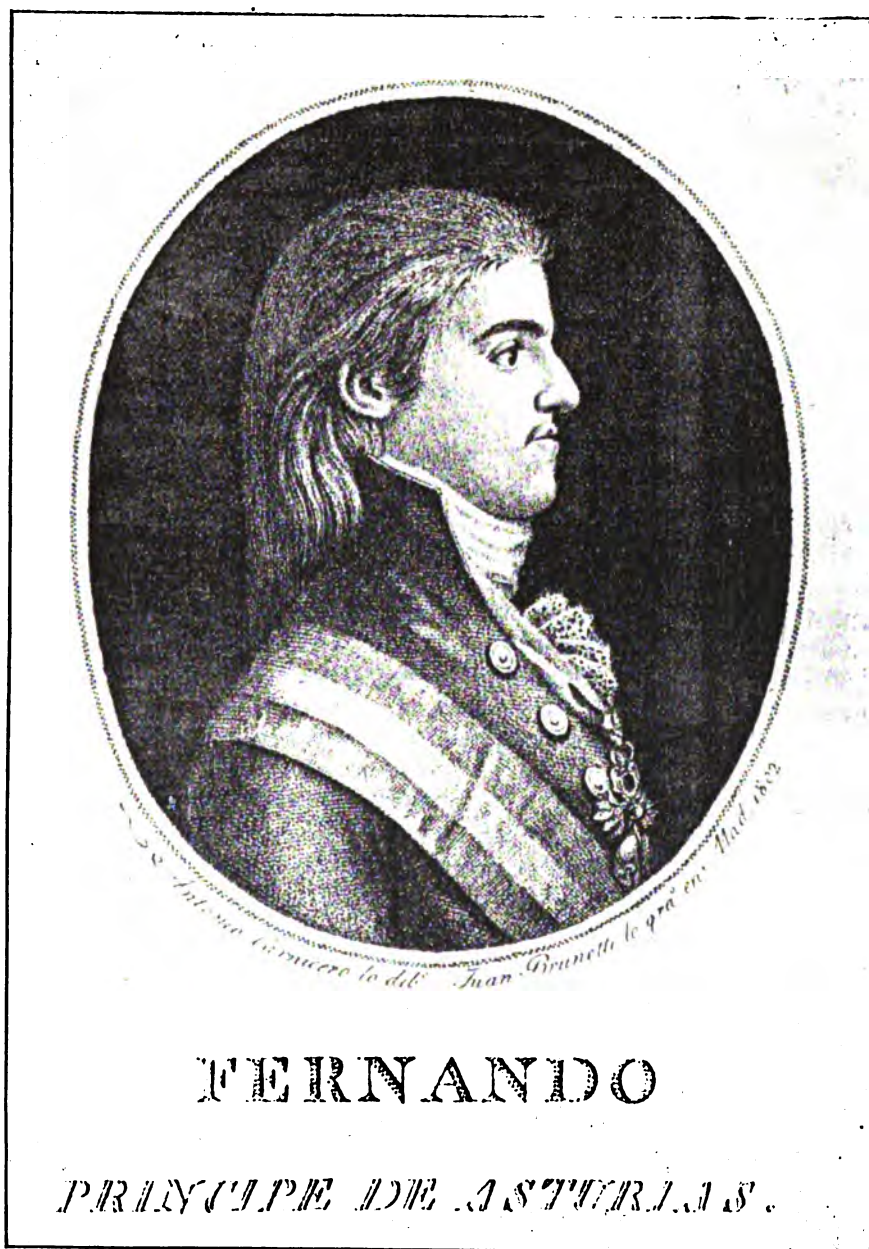
— Болѣе трехъ,—отвѣчалъ графъ.

— А, я не зналъ этого!—возразилъ Наполеонъ.—Ну, а въ Лиссабонѣ—150.000 душъ?

— Болѣе чѣмъ вдвое,—невозмутимо отвѣчалъ графъ.

— А! я не зналъ этого!—продолжалъ Наполеонъ.—Такъ чего же вы хотите, португальцы?—въ концѣ концовъ отрывисто проговорилъ онъ,—хотите быть испанцами?

«При этихъ словахъ я увидѣлъ,—пишетъ де-Прадтъ,—какъ графъ

FERNANDO

PRINCE DE ASTURIAS.

Фердинандъ, принцъ астурийскій.

Лима, точно выросши на шесть футовъ и застывъ въ принятой позѣ съ рукою, занесенною на эфесъ шпаги, проговорилъ голосомъ, потрясшимъ своды комнаты: «Нѣтъ!». Португальскіе герои прежняго времени не сказали бы лучше».

Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ обѣщалъ уменьшить размѣръ военной контрибуціи, обратился съ милостивыми словами къ самымъ вліятельнымъ членамъ депутаціи, и она удалилась и успѣшила обратиться къ Португаліи съ письменнымъ посланіемъ, полнымъ довѣрія къ намѣреніямъ императора. Безспорно, что энергическое «нѣтъ» графа Лима очень понравилось Наполеону.

VII.

Братъ Фердинанда, инфантъ донъ-Карлосъ, пріѣхалъ въ Байонну въ сопровожденіи нѣсколькихъ грандовъ и офицеровъ еще 12-го апрѣля, за нѣсколько дней до пріѣзда Наполеона. Императоръ ожидалъ, что онъ встрѣтитъ его, но донъ-Карлосъ былъ боленъ и не могъ выходить. Наполеонъ немедленно приказалъ послать къ нему одного изъ своихъ докторовъ и затѣмъ нѣсколько разъ въ день посылалъ справляться о здоровьѣ инфанта, который, по общему мнѣнію, лишь притворялся больнымъ. Въ то же время Наполеонъ писалъ своему брату Іосифу: «я ожидаю принца астурийскаго, назвавшагося Фердинандомъ VII; онъ на границѣ. Я ожидаю также несчастнаго Карла IV и королеву».

Однако Фердинандъ еще не находился на границѣ. Выѣхавъ изъ Мадрида въ сопровожденіи Савари, онъ на третій день прибылъ въ Бургосъ. Когда, наконецъ, они пріѣхали въ Витторію, совершенно приблизившись къ французской границѣ, Савари въ тотъ же вечеръ явился къ нему узнать, когда онъ рассчитываетъ выѣхать на слѣдующій день, но король не принялъ его. Тогда Кавалосъ рѣзкимъ тономъ сказалъ Савари, что они подождутъ императора, и что имъ неприлично являться къ нему въ Байонну. «Къ тому же,—прибавилъ онъ,—мы не нуждаемся въ императорѣ; мы прекрасно устроимся и безъ его помощи; мы не хотимъ имѣть съ нимъ никакого дѣла.

— «Милостивый государь,—сурово возразилъ ему Савари,—вотъ скверный отвѣтъ, потому что въ этомъ мѣрѣ дѣлаешь не то, что хочешь; и если императоръ желаетъ имѣть дѣло съ вами, помимо вашего желанія, придется имѣть дѣло съ нимъ».

Савари успѣшилъ отправиться въ Байонну, чтобы извѣстить Наполеона о колебаніяхъ Фердинанда. Императоръ зналъ уже, что нѣкоторые изъ совѣтниковъ послѣдняго прилагали всѣ усилія, чтобы остановить его въ его намѣреніи, и поэтому 16-го апрѣля написалъ ему письмо, въ которомъ называетъ его своимъ братомъ, предлагаетъ ему удержать во Франціи его смертельнаго врага князя Мира и въ

то же время какъ бы прельщаетъ его возможностью въ будущемъ союза съ нимъ. «Бракъ вашего королевскаго высочества съ французскою принцессою отвѣчаетъ, по моему мнѣнію, интересамъ моихъ народовъ, а въ частности является обстоятельствомъ, которое связало бы меня новыми узами съ домою, которымъ съ тѣхъ поръ, какъ я вошелъ на престоль, я имѣлъ основанія быть лишь довольнымъ».

Что Фердинандъ безъ особыхъ затрудненій рѣшится пріѣхать въ Байонну и такимъ образомъ всецѣло предасть себя во власть Наполеону, попавъ въ разставленную ему ловушку, представлялось послѣднему до того невѣроятнымъ, что онъ опасался, что Фердинандъ одумается, и боялся предаваться ложной радости. Онъ, очевидно, не надѣялся овладѣть особою Фердинанда съ такою легкостью, потому что, читая письмо Фердинанда, въ которомъ тотъ извѣщалъ его о своемъ намѣреніи пріѣхать въ Байонну, онъ не вѣрилъ тому, что читалъ, что слышалъ. — «Я слышалъ, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Констанъ, — и нѣкоторыя другія лица слышали такъ же, какъ и я, какъ онъ (Наполеонъ) восклицалъ: «Какъ, онъ ѣдетъ сюда? Но вы ошибаетесь; онъ обманываетъ насъ. Это невозможно...». Я могу удостовѣрить, — прибавляетъ Констанъ, — что удивленіе императора не было притворно».

Послѣ разговора съ Савари, Наполеонъ немедленно принялъ мѣры предосторожности, чтобъ какой либо капризъ со стороны Фердинанда не измѣнилъ его первоначальнаго намѣренія. Онъ тотчасъ же отослалъ Савари обратно, зная, что такимъ образомъ Фердинандъ будетъ находиться въ вѣрныхъ рукахъ.

По словамъ Дюсере, тотъ, котораго Тэнъ, въ своей непрерывной обвинительной рѣчи противъ Наполеона, называетъ «жандармомъ, способнымъ на все» (*gendarme à tout faire*), обладалъ качествомъ, неопѣнимымъ для каждаго всемогущаго государя — исполнять безъ малѣйшихъ разсужденій полученныя приказанія. Императоръ, передавая Савари письмо къ Фердинанду, сказалъ ему:

— Отправляйтесь къ нему и передайте ему это письмо отъ меня. Дайте ему возможность подумать; нечего прибѣгать къ тонкостямъ, — это болѣе въ его интересахъ, чѣмъ въ нашихъ.

Впослѣдствіи, въ разговорѣ съ м-ше де-Ремюза, Савари сказалъ ей: «Одно мгновеніе я думалъ, что мой плѣнникъ ускользнетъ отъ меня, но я припаялъ свои мѣры; я напугалъ его».

— Но если бы онъ оказалъ сопротивленіе, — спросила м-ше де-Ремюза, — развѣ вы убили бы его?

— О, нѣтъ! — возразилъ тотъ, — но увѣряю васъ, я бы не допустилъ его вернуться.

Въ то же время, 17-го апрѣля, Наполеонъ писалъ Бессіеру, командовавшему императорскою гвардіею въ Бургосѣ: «Если принцъ астурийскій направился въ Байонну, это очень хорошо; если онъ

станетъ возвращаться въ Бургось, то велите арестовать его и доставить въ Бургось». Затѣмъ, нѣсколько далѣе, онъ снова касается этого вопроса, столь занимавшаго его: «Если принцъ астурийскій покинетъ Витторію и пройдетъ за Бургось, чтобы направиться въ Мадридъ, вы пошлете вслѣдъ за нимъ и велите арестовать его всюду, гдѣ бы его ни нашли, потому что, если онъ откажется отъ свиданія, которое я предлагаю ему, это будетъ значить, что онъ сторонникъ англійской партіи, и тогда уже нечего стѣсниться. Въ случаѣ, если эти чрезвычайныя событія произойдутъ, чего, я надѣюсь, не будетъ, и если вы признаете это удобнымъ, то двадцать четыре часа спустя послѣ того, какъ принцъ астурийскій будетъ арестованъ, вы прикажете напечатать мое письмо къ принцу и протестъ короля Карла».

Затѣмъ онъ прибавляетъ: «Дѣло не въ томъ, чтобы дѣйствовать оцупью, а нужно поступать энергично. Или принцъ астурийскій пріѣдетъ въ Байонну, и тогда все можетъ уладиться, или онъ откажется отъ этого и, значить, сходитъ съ англичанами, и необходимо немедленно помѣшать ему».

Въ это время величайшая нерѣшительность царилъ въ Витторіи, мѣстопробываніи Фердинанда. Одинъ изъ старыхъ министровъ Карла IV, Луи де Уркиджо, особенно настаивалъ на опасности, которую представлялъ переходъ черезъ границу. Онъ указывалъ совѣтникамъ Фердинанда, что если желательно, чтобы свиданіе состоялось, то можно избрать для этого островъ Фэзанъ, расположенъ на берегахъ Бидассоа по равному количеству войскъ французскихъ и испанскихъ. Опасность, угрожавшая Фердинанду въ случаѣ его поѣздки въ Байонну, сознавалась весьма многими и вызвала цѣлый рядъ предложеній, имѣвшихъ цѣлью обезпечить неприкосновенность его особы. Такъ, между прочимъ, главный начальникъ таможенъ на рѣкѣ Эбро явился въ Витторію къ министрамъ Фердинанда и предлагалъ имъ похитить его съ помощью двухъ тысячъ человекъ, имѣвшихъ въ его распоряженіи. Но ему было отвѣчено, что Фердинандъ знаетъ, что дѣлаетъ, что подданнымъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла, и что ему остается повиноваться приказаніямъ, исходящимъ отъ кюнты, преобладающей, по приказанію короля, въ Мадридѣ.

Тѣмъ временемъ въ Витторію прибылъ Савари съ письмомъ Наполеона. Когда онъ вѣхалъ въ городъ, то нашелъ его переполненнымъ вооруженными крестьянами, а французскія войска стоящими подъ ружьемъ. Савари тотчасъ же отправился къ дому, занимаемому Фердинандомъ. «Домъ, въ которомъ, четыре дня тому назадъ, я оставилъ его почти одинокимъ,—пишетъ Савари въ своихъ воспоминаніяхъ,—превратился въ настоящую гаунтвахту. Площадь, на которой онъ стоялъ, преобразилась въ бивакъ вооруженныхъ испанскихъ крестьянъ; передняя, равно какъ и лѣстницы дома, были

усѣяны солдатами, людьми, вооруженными кинжалами, такъ что просто некуда было ступить, и вплоть до комнаты, въ которой находился принцъ, приготовленія къ оборонѣ были такъ велики, что стѣны совсѣмъ не было видно».

Савари вручилъ письмо Наполеона, и совѣтники Фердинанда остались недовольны тѣмъ, что императоръ называлъ его лишь «высочествомъ». По словамъ Торено, Савари, чтобы склонить Фердинанда къ поѣздкѣ въ Байонну, будто бы сказалъ ему: «Пусть мнѣ отрубятъ голову, если, четверть часа спустя послѣ прибытія вашего величества въ Байонну, императоръ не привнастъ васъ королею Испаніи и Индіи!».

На слѣдующій день Фердинандъ объявилъ, что онъ готовъ отправиться въ Байонну. Около того времени, когда король долженъ былъ садиться въ экипажъ, наводнившая городъ вооруженная толпа произвела возмущеніе. Вскорѣ всѣ площади и улицы были заняты ею, и если бы французскимъ войскамъ не было приказано оставаться въ своихъ казармахъ, дѣло могло бы имѣть самыя печальныя послѣдствія.

Несмотря на возраставшую съ каждымъ мгновеніемъ толпу, экипажи для короля и свиты удалось подать къ дому къ назначенному часу. Экипажъ, предназначенный для самого короля, уже стоялъ у лѣстницы, какъ вдругъ ярость толпы усилилась. Савари, снявшій форменное платье и затерявшійся среди толпы, могъ видѣть все происходившее.

«Пока я наблюдалъ это возмущеніе,—пишетъ онъ,—мой экипажъ стоялъ у меня, готовый послѣдовать за королевскимъ поѣздомъ; я былъ увѣренъ, что все обойдется спокойно, какъ вдругъ какой-то человѣкъ, страшнаго вида, соотвѣтственно одѣтый и вооруженный съ ногъ до головы, приблизился къ каретѣ короля, схватилъ одной рукою постромки отъ восьми запряженныхъ въ экипажъ муловъ, а другую, въ которой держалъ кривой ножъ, напоминавшій серпъ, однимъ взмахомъ перерѣзалъ ихъ. Каждый отгоняетъ муловъ, толпа кричитъ «браво», и смятеніе усиливается; прочіе экипажи удалены, и такимъ образомъ отъѣздъ короля встрѣчаетъ открытое сопротивленіе».

Король показался у окна, улыбаясь толпѣ, кричавшей «да здравствуетъ Фердинандъ!», и у Савари зародилось подозрѣніе, что все происшедшее было заранѣе подготовленной комедіей, такъ какъ вблизи находились подъ ружьемъ испанскія войска, и толпу было бы легко разсѣять. Но Фердинандъ, конечно, не былъ недоволенъ показатъ французамъ, насколько онъ любимъ народомъ, выражавшимъ ему сочувствіе во все время его переѣзда до Витторіи. Въ нѣкоторыхъ городахъ, черезъ которые онъ проѣзжалъ, многіе разстилали на дорогѣ свои плащи, чтобы ихъ коснулись колеса королевскаго экипажа.

Герцогъ Инфантадо, прилагавшій всѣ усилія, чтобы успокоить волненіе, просилъ Савари удалиться и не прибѣгать къ содѣйствию французскихъ солдатъ, говоря, что онъ уладитъ все. Наконецъ, король рѣшился и, попрежнему въ сопровожденіи Савари, отправился въ путь по направленію къ Байоннѣ.

Можно сказать, что въ это время его судьба была уже почти окончательно рѣшена въ умѣ Наполеона, такъ какъ 18-го апрѣля, наканунѣ отъѣзда Фердинанда изъ Витторіи, онъ писалъ своему брату Іосифу, королю неаполитанскому: «Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что черезъ пять или шесть дней я напишу вамъ отправиться въ Байонну. Вы поручите командованіе войсками маршалу Журдану, а регентство надъ вашимъ королевствомъ—кому вамъ угодно. Ваша супруга останется въ Неаполѣ. Впрочемъ, до настоящаго времени вопросъ остается еще невыясненнымъ».

Для встрѣчи Фердинанда Наполеономъ были назначены принцъ Невшательскій, герцогъ Фриульскій и одинъ камергеръ; они должны были привѣтствовать Фердинанда при его вѣздѣ въ Байонну, такъ какъ то обстоятельство, что Наполеонъ не признавалъ въ немъ короля Испаніи, не позволяло послать встрѣчать его на границѣ обоихъ государствъ.

VIII.

Выѣхавъ изъ Витторіи 19-го апрѣля, Фердинандъ на слѣдующій день переправился черезъ Бидассоу и нѣсколько встревожился, увидѣвъ, что никто не явился привѣтствовать его отъ имени Наполеона. Де-Прадтъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что, при вѣздѣ Фердинанда въ С. Жанъ-де-Люкъ, произошла сцена, мало извѣстная въ публикѣ и заслуживающая быть рассказанной. Какъ только Наполеонъ убѣдился, что Фердинандъ находится на французской территоріи, и, слѣдовательно, въ его власти, то потому ли, что онъ подумалъ, что ему нечего стѣсняться, или въ силу естественнаго нетерпѣнія, или же потому, что долго сохраняемую тайну трудно удержать, но только онъ призвалъ испанскихъ грандовъ, посланныхъ Фердинандомъ привѣтствовать его, и объявилъ имъ о своихъ намѣреніяхъ. Послѣдніе тотчасъ же выѣхали изъ Байонны на встрѣчу къ своему королю, чтобы предупредить его объ ожидающей его участи, и Наполеону пришлось пожалѣть о своей нескромности. Опасаясь, какъ бы его откровенность не повлекла за собою измѣненія намѣреній Фердинанда, онъ послалъ вслѣдъ за грандами принца Невшательскаго съ приказаніемъ задержать ихъ, но было уже поздно: они успѣли соединиться съ Фердинандомъ и все открыли ему. Однако, возвратиться обратно въ Испанію было уже невозможно.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Байонны Фердинандъ былъ пріѣтствованъ отъ имени Наполеона назначенными для этого лицами и встрѣченъ почетнымъ конвоемъ, присоединившимся къ королевскому кортежу. Многочисленность этого конвоя невольно обратила на себя вниманіе испанцевъ и еще разъ заставила ихъ глубоко призадуматься.

Ровно въ полдень Фердинандъ въѣхалъ въ Байонну при салютѣ изъ артиллерійскихъ орудій. Онъ направился къ дому, въ которомъ было приготовлено помѣщеніе для него и для его брата, дона Карлоса, уже поселившагося тамъ. Помѣщеніе это, по свидѣтельству Дюсере, конечно, было бы не важно для Парижа, но для Байонны оно было превосходно. Тѣмъ не менѣе, оно не понравилось Фердинанду: какъ говорили, онъ сдѣлалъ гримасу, входя въ него, но открыто жаловаться не осмѣлился. Цевалось пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что «это помѣщеніе показалось всѣмъ и дѣйствительно было мало отвѣчающимъ достоинству августѣйшаго гостя, который долженъ былъ занимать его».

А между тѣмъ этотъ домъ былъ самый красивый въ городѣ, построенный въ новѣйшемъ вкусѣ, въ лучшей части города. Находившаяся въ немъ мебель во всѣхъ отношеніяхъ была лучше той, которая имѣлась въ Марракѣ, гдѣ жилъ Наполеонъ. Де-Прадтъ, нѣсколько рѣзъ посѣтившій его, пишетъ по этому поводу: «или Цевалось воображаетъ, что дворцы можно возить за собою? Только ограниченный умъ можетъ обращать такое вниманіе на ничтожныя вещи среди столь серьезныхъ интересовъ, на мелкія упущенія при подобныхъ потеряхъ. Заниматься домою въ Байоннѣ, когда теряешь Испанію и Америку!».

Въ то время, когда Фердинандъ совершалъ свой въѣздъ въ Байонну, Наполеонъ производилъ ученіе только что прибывшему въ Байонну пѣхотному полку. Съ того мѣста, гдѣ происходило ученіе, онъ видѣлъ, какъ экипажи королевскаго кортежа въѣхали въ городъ. Приказавъ, чтобы ученіе не прерывалось, онъ въ сопровожденіи трехъ жандармовъ, направился верхомъ къ дому, въ которомъ остановился Фердинандъ. Онъ ѣхалъ медленно и въ этотъ день особенно любезно отвѣчалъ на привѣтствія толпы, не сгоняя съ своего лица улыбки удовольвенія. «Я видѣлъ,—пишетъ одинъ изъ байонцевъ-современниковъ,—какъ онъ подъѣхалъ къ дому, въ которомъ расположилась испанская королевская семья. У входныхъ дверей находились его величество Фердинандъ и всѣ принцы, только что выпешдіе изъ экипажей. Тамъ-то ихъ засталъ Наполеонъ, когда онъ сошелъ съ лошади. Я видѣлъ, какъ Фердинандъ выступилъ впередъ на четыре шага, чтобы обнять обѣими руками и поцѣловать Наполеона, хладнокровно стоявшаго со шляпою въ рукѣ и поворачивавшаго голову, подставляя свои щеки. Весь дворъ былъ пораженъ этимъ холоднымъ приѣмомъ со стороны На-

полеона, равно какъ и всѣ присутствовавшіе, оказавшіеся свидѣтелями его.

«Я замѣтилъ, что, какъ только Фердинандъ поцѣловалъ Наполеона, къ нимъ приблизился одинъ изъ придворныхъ, и когда Фердинандъ обратился къ Наполеону со словами, на которыя тотъ ничего не отвѣтилъ, этотъ придворный явился посредникомъ и перевелъ Наполеону сказанное королею. Мнѣ показалось, что изъ этихъ двухъ монарховъ одинъ не зналъ французскаго, а другой—испанскаго языка. Когда Фердинандъ взялъ за лѣвую руку Наполеона, все еще продолжавшаго держать въ другой рукѣ свою шляпу, и они, въ сопровожденіи того же придворнаго, прошли въ коридоръ западной части дома, я потерялъ ихъ всѣхъ изъ виду. Помѣстившись затѣмъ противъ дома, я снова увидѣлъ ихъ, когда они вошли въ большую гостиную перваго этажа. Тамъ они прошли два или три раза по комнатамъ, начиная отъ передняго балкона, двери котораго были раскрыты, что позволяло народу видѣть ихъ. Наполеонъ, какъ рассказываютъ, пригласилъ его обѣдать въ замокъ Марракъ; затѣмъ они разстались. Я видѣлъ, какъ Наполеонъ сѣлъ на лошадь и тотчасъ же отправился продолжать ученіе, которое передъ тѣмъ производилъ на гласисѣ».

Когда Наполеонъ разстался съ Фердинандомъ, у послѣдняго былъ нѣсколько озабоченный видъ. Тотчасъ же, какъ императоръ вернулся въ Марракъ, онъ поручилъ оберъ-гофмаршалу отправиться пригласить къ обѣду отъ его имени Фердинанда, его брата, донна Карлоса, и нѣкоторыхъ лицъ изъ ихъ свиты. Когда Фердинандъ подѣхалъ къ замку, Наполеонъ вышелъ встрѣтить его внизу крыльца. Этимъ и ограничились всѣ почести, оказанныя Наполеономъ своему августѣйшему гостю. «Я удивился, — говоритъ Боссэ, — искусству, съ которымъ императоръ избѣгалъ необходимости назвать Фердинанда «величествомъ» или «высочествомъ». Онъ вознаградилъ его за это вѣжливостью, болѣе изысканной и любезной, чѣмъ это входило въ его обыкновеніе, вѣжливостью, которую онъ простеръ и на лицъ, сопровождавшихъ принца».

Этотъ обѣдъ въ особенности способствовалъ пробужденію въ Фердинандѣ недовольства, потому что во все продолженіе обѣда, имѣвшаго массу свидѣтелей, Наполеонъ ни разу не назвалъ его величествомъ, а, разставаясь съ нимъ, проводилъ его только до первыхъ дверей гостиной.

Какъ только Фердинандъ вернулся къ себѣ, къ нему явился генералъ Савари, прямо, не щадя его, объявившій ему о желаніи Наполеона, чтобы онъ отказался отъ своихъ правъ на испанскій престолъ, получивъ въ замѣнъ, въ видѣ вознагражденія, королевство Этрурійское. Бѣшенство и ярость, овладѣвшія испанскими принцами при извѣстіи о намѣреніяхъ Наполеона, не поддаются

описанію. Одинъ современникъ сообщаетъ слѣдующія подробности объ этомъ.

«Около девяти часовъ вечера того же дня, 20-го апрѣля, я былъ у себя дома, въ улицѣ Поръ-Нэфъ, какъ вдругъ услышалъ какой-то шумъ. Я тотчасъ же вышелъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и направился къ дворцу Фердинанда, передъ которымъ стояла толпа, человѣкъ въ 200, среди которой можно было замѣтить капитановъ испанскихъ кораблей, стоявшихъ на рейдѣ. На балконѣ, надъ входными дверьми, я увидѣлъ короля Фердинанда и его брата; первый изъ нихъ держалъ въ лѣвой рукѣ бѣлый платокъ, которымъ махалъ въ воздухѣ, сопровождая это маханіе неоднократнымъ крикомъ: «*Jo soy trahido!*» (мнѣ измѣнили). Тотчасъ же изъ группы испанцевъ раздался голосъ, воскликнувшій: «*enleve nous à todos y los hereiros evodar, si quieren*» (если хотите, мы отнимемъ васъ ото всѣхъ и дадимъ вамъ возможность бѣжать). Этотъ крикъ повторялся очень долго. Фактъ былъ бы возможенъ въ то мгновеніе, когда не было никакой стражи. Но Наполеонъ тотчасъ же былъ увѣдомленъ о происшедшемъ, и немедленно явился французскій офицеръ, изъ высшихъ чиновъ, заставившій принцевъ удалиться съ балкона и закрывшій стеклянные двери. Одновременно съ этимъ съ обѣихъ концовъ улицы показалось человѣкъ тридцать какихъ-то людей, вмѣшавшихся въ самую середину толпы. Я узналъ нѣсколькихъ изъ нихъ, оказавшихся переодѣтыми жандармами, и одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что они получили приказаніе окружить домъ и арестовать всѣхъ тѣхъ, которые захотѣли бы выйти изъ него. Когда я вернулся домой, было около одиннадцати часовъ».

22-го апрѣля, Наполеонъ приказалъ Шампаньнъ запретить редактору издававшейся въ Байоннѣ испанской газеты называть Фердинанда королемъ. Въ тотъ же день онъ писалъ Мюрату, что, хотя и принялъ Фердинанда приличнымъ образомъ, но не призналъ его королемъ. Въ письмѣ къ Бессіеру отъ того же числа онъ высказался еще болѣе положительнымъ образомъ: «Я не призналъ его королемъ и, какъ полагаю, и не признаю». Талейрану же онъ писалъ 25-го апрѣля: «Прусскій король—герой въ сравненіи съ принцемъ астурийскимъ. Онъ еще ни слова не сказалъ мнѣ; онъ равнодушенъ ко всему, въ высшей степени матеріалистъ, ѣстъ четыре раза въ день и ни о чемъ не имѣетъ никакого представленія».

«Принцъ астурийскій,—писалъ Наполеонъ Талейрану нѣсколько позднѣе,—крайне глупъ, волю и враждебенъ Франціи. Вы прекрасно поймете, что при моей привычкѣ обращаться съ людьми онъ не могъ импонировать мнѣ своей двадцати-четырёхъ-лѣтней опытностью; все это до того очевидно для меня, что потребовалась бы долгая война, чтобы принудить меня признать его королемъ Испа-

ни. Къ тому же, я велѣлъ поставить ему на видъ, что, такъ какъ король Карлъ находится на моей территоріи, то я не долженъ болѣе имѣть съ нимъ никакихъ сношеній. Въ зависимости отъ этого, я приказалъ перехватывать его курьеровъ, у которыхъ находили его письма, дышавшія злобою и ненавистью къ французамъ, которыхъ онъ неоднократно называетъ проклятыми».

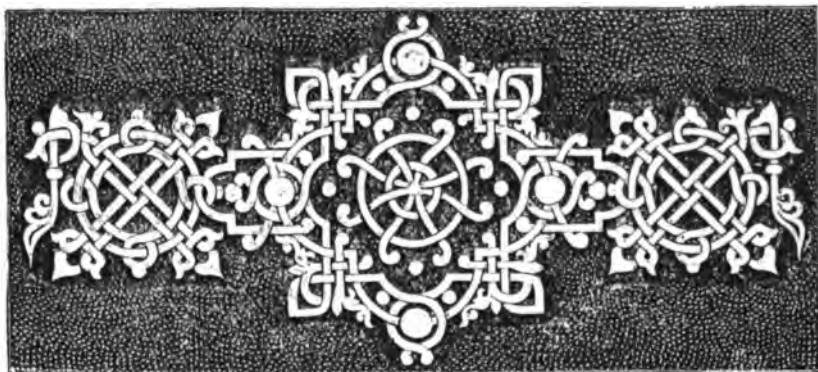
Съ теченіемъ времени презрительное отношеніе Наполеона къ Фердинанду лишь усиливалось.

Н. К. Шильдеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

РАСШИРЕНІЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХЪ ПРАВЪ ЖЕНЩИНЪ.

I.

СЕННИЙ сезонъ печати открылся при обстоятельствахъ чрезвычайно благоприятныхъ для обсуждения вопросовъ русскаго просвѣщенія. Изъ правительственныхъ сферъ послышались громкіе и бодрые голоса, которые быстро, сочувственно и единодушно были подхвачены періодическою пресою — и вотъ столбцы газетъ и страницы журналовъ заперстрѣли статьями, посвященными школьному дѣлу съ самыхъ разнообразныхъ точекъ освѣщенія и въ разнообразной постановкѣ вопросовъ.

Особенно посчастливилось дѣлу технического и профессиональнаго образованія, такъ что вопросы, сюда входящіе и съ нимъ неразрывно связанные, обратились въ постоянную тему общественныхъ бесѣдъ.

Мнѣ хочется ознакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ проектомъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, относящимся къ «вопросу о женскомъ сельско-хозяйственномъ образованіи» и изложеннымъ въ № 23 «Извѣстій» означеннаго министерства. Моя задача на этотъ разъ повѣдать литературную исторію этого проекта, прослѣдить, какъ нѣкоторыя положенія его

возникали и развивались въ нашей журналистикѣ, какъ отражалась судьба этого вопроса на фактахъ русской дѣйствительности, и какъ эти положенія постепенно оформились въ любопытный проектъ министерства земледѣлія. Такимъ образомъ характеръ настоящей статьи носить на себѣ явные признаки литературно-библиографическаго изслѣдованія, краткаго резюме того, что въ то или другое время умные люди говорили и что, наконецъ, стало содержаніемъ имѣющагося у меня оттиска любопытнѣйшей статьи изъ спеціальныхъ и малораспространенныхъ «Извѣстій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ». Поэтому, надѣюсь, я могу на этотъ разъ считать себя свободнымъ отъ упрека нѣкоторыхъ слишкомъ строгихъ моихъ читателей, неоднократно въ письмахъ и въ устной бесѣдѣ ставившихъ мнѣ на видъ, будто я мокаю свое перо въ такую чернильницу, которой не полагается быть въ обиходѣ редакціи «Историческаго Вѣстника».

Предметъ статьи—вопросъ о сельско-хозяйственномъ образованіи женщинъ, поскольку онъ вытекаетъ изъ проекта министерства земледѣлія, и поскольку онъ отразился въ литературѣ, посвященной интересамъ русскаго просвѣщенія. Общая пресса за послѣднее время собственно не выдвигала этого вопроса, такъ какъ предметъ его былъ исчерпанъ достаточно добросовѣстно въ минувшіе дни. Такимъ образомъ, пресса, какъ это и всегда бываетъ относительно явленій общественной жизни, значительно опередила событія дня и, слѣдуя этой привычкѣ, въ настоящее время продолжаетъ вести себя въ томъ же направленіи. Она, успѣвъ уже достаточно обстоятельно намѣтить будущіе пути движенія женскаго профессиональнаго образованія и убѣдившись въ недостаточности этихъ путей, начала искать ихъ въ иныхъ подходящихъ для того областяхъ жизни. И въ этихъ своихъ поискахъ печать пришла въ самое послѣднее время къ очень любопытнымъ выводамъ.

«Новое Время», которое никомъ образомъ, по многимъ обстоятельствамъ, не подлежитъ подозрѣнію въ «заигрываніи» съ «женскимъ вопросомъ», въ дѣльной статьѣ «Женщины и адвокатура» (№ 7750) прямо ставитъ требованіе необходимости предоставить женщинамъ право ходатайства по дѣламъ въ судебныхъ учрежденіяхъ. Газета говоритъ: «Въ опубликованномъ проектѣ будущаго устройства нашей адвокатуры всѣ виды адвокатской дѣятельности женщинамъ строго возбраняются. При обсужденіи вопроса о присяжной адвокатурѣ никто изъ членовъ комиссіи, составлявшей проектъ, не поставилъ даже вопроса о томъ, къ какому полу могутъ и должны принадлежать присяжные повѣренные. Уже само собою предполагается, что присяжными повѣренными могутъ быть только лица мужскаго пола. Повидимому, такое предположеніе признается вполне «естественнымъ» потому, что у насъ нѣтъ женщинъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, которое является безусловно необходимымъ для

присяжнаго повѣреннаго. Конечно, у насъ теперь не имѣется женщинъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, но отсюда не слѣдуетъ, что онѣ не объявятся въ ближайшемъ будущемъ. Раньше у насъ не было и женщинъ съ высшимъ медицинскимъ образованіемъ, а теперь онѣ чуть ли не сотнями получаютъ это образованіе въ иностранныхъ университетахъ. Заручившись дипломами за границей, онѣ держатъ окончательные государственные экзамены при испытательныхъ комиссіяхъ нашихъ медицинскихъ факультетовъ. Заручившись русскимъ университетскимъ дипломомъ, онѣ ведутъ практику наравнѣ съ мужчинами. Вполнѣ возможно, что завтра же объявится русская женщина прямо докторъ правъ какого либо заграничнаго университета. Нельзя же ей отказать въ правѣ держать окончательный экзаменъ въ испытательной комиссіи нашего юридическаго факультета. По окончаніи этого экзамена, она наряду съ окончившими курсъ студентами будетъ добиваться себѣ пропуска къ карьерѣ присяжнаго повѣреннаго. Ей откажутъ на томъ основаніи, что женщина закономъ не предусмотрена въ рядахъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. Такое рѣшеніе вопроса будетъ вполнѣ законнымъ, но будетъ ли оно говорить что либо въ пользу того закона, на которомъ оно будетъ основано?».

Разбирая вопросъ дальше, «Новое Время» въ заключительной части приходитъ къ выводу, что трудно думать, «чтобы дамы попытались пробовать свои силы въ рядахъ неприсяжной адвокатуры, то-есть въ роли частныхъ повѣренныхъ. Для частныхъ повѣренныхъ въ проектѣ будущаго устройства нашей адвокатуры не требуется аттестата объ окончаніи курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, а требуется выдержать испытаніе при судѣ въ комиссіи, состоящей изъ трехъ судей и представителя прокурорскаго надзора. Несомнѣнно, многія изъ образованныхъ дамъ, которыя вынуждены жить своимъ трудомъ, пошли бы въ частные повѣренные. Второй отдѣлъ комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, разработавшій проектъ положенія объ адвокатурѣ, предвидя это обстоятельство, серьезно занялся обсужденіемъ вопроса о допущеніи женщинъ въ ряды частныхъ повѣренныхъ. Въ данное время, согласно ст. 406¹⁹ учр. суд. уст., женщины ни въ какомъ случаѣ «не могутъ получать званіе частнаго повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ». Эта 406¹⁹ статья не имѣетъ никакой органической связи съ началами судебныхъ уставовъ и представляетъ собою одно изъ позднѣйшихъ добавленій основной 406 ст. «Учрежденія судебныхъ установленій»; она внесена въ силу Высочайше утвержденнаго постановленія совѣта министровъ 14-го января 1871 года. Этимъ постановленіемъ предписывается воспретить приѣмъ женщинъ даже и по найму на канцелярскія и другія должности во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ мѣста предоставляются по назначенію отъ начальства и по выборамъ. По-

этому комиссія рѣшила дополнить проектъ положенія объ адвокатурѣ статьей 121¹, въ которой кратко, но прямо сказано, что «женщины не могутъ получать званіе частнаго повѣреннаго».

«Къ этому рѣшенію общаго собранія комисіи приложено особое мнѣніе одного изъ ея членовъ, который сжато, но ясно отгвѣнилъ всѣ его слабыя стороны. Онъ указываетъ на то, что «общая государственная мѣра», въ силу которой теперь возбраняется доступъ женщинамъ въ ряды частныхъ повѣренныхъ принята 25 лѣтъ тому назадъ, и что «она не коренится въ какихъ либо непреложныхъ и устойчивыхъ положеніяхъ». Четверть столѣтія—такая давность, которая погашаетъ виды и намѣренія правительства и открываетъ дорогу новымъ взглядамъ. Въ теченіе этого времени взглядъ правительства «на степень допустимости для женщинъ дѣятельности общественной не только могъ значительно измѣниться, но и измѣнился въ дѣйствительности... Между тѣмъ, единственно невозможностью подобнаго рода перемены оправдывалось бы молчаніе комисіи по разсматриваемому вопросу. Во всякомъ другомъ случаѣ это молчаніе лишало бы законодательное учрежденіе необходимаго матеріала, исходящаго изъ вполнѣ компетентнаго совѣщанія». Комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ рѣшила лишить государственный совѣтъ этого «необходимаго матеріала», вѣря въ неподвижность взглядовъ и намѣреній правительства и возрѣній законодательства. Вѣра нѣсколько своеобразная и едва ли отвѣчающая взглядамъ правительства на собственную дѣятельность и на роль законодательства въ дѣлѣ усовершенствованія разныхъ сторонъ общественной жизни.

«По мнѣнію самой комисіи, личный составъ частныхъ повѣренныхъ, однако, не стоитъ на высотѣ своего назначенія. Сюда попадаютъ люди разныхъ категорій, не представляющіе особыхъ гарантій по своему моральному и образовательному цензу. Отсюда уже само собою слѣдуетъ, что допущеніе женщинъ въ ряды частныхъ повѣренныхъ для очищенія «вольной адвокатуры» представляется весьма желательнымъ и практически весьма полезнымъ. Безспорно, въ частные повѣренные пошли бы женщины съ высокимъ образовательнымъ и моральнымъ цензомъ въ виду того, что и такимъ женщинамъ у насъ пути почти всюду заказаны».

Возвращаясь съ тому же вопросу черезъ нѣсколько дней, «Новое Время» въ отдѣлѣ «Маленькой хроники» снова ставитъ вопросъ о пользѣ для общества допущенія женщинъ къ адвокатской практикѣ и говоритъ: «На процессѣ Зеленко и Меранвила одна уголовная дама внимательно отгвѣчала всѣ касационные поводы, будучи, очевидно, знакома съ уголовнымъ судопроизводствомъ. Во время перерывовъ, въ коридорахъ суда, она спорила съ адвокатами, энергически защищая свои «касаціонныя» умоваключенія. Почему эта дама или подобныя ей не могли бы быть

адвокатами? Изъ нихъ навѣрное вышли бы очень хорошіе, а, можетъ быть, и хорошенкіе адвокаты. Если женщины могутъ быть практикующими врачами, то подавно онѣ могутъ быть практикующими адвокатами или даже судьями, прокурорами и присяжными засѣдателями. Судебная практика не потребуетъ отъ женщины той ломки и жертвъ, безъ которыхъ на первыхъ порахъ почти не обходится дѣятельность врача. Единственное пожертваніе, приносимое адвокатомъ на алтарь, если не правосудія, то гонорара,— это пожертваніе своей совѣстью, но, во-первыхъ, у большинства адвокатовъ совѣсть атрофирована, а, во-вторыхъ, это пожертваніе требуется лишь въ исключительныхъ случаяхъ, то-есть при исключительно большомъ гонорарѣ... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ уѣздовъ Петербургской губерніи, пользовалась извѣстностью одна женщина-адвокатъ, которая ухитрилась взыскивать полностью по такимъ документамъ, по которымъ адвокаты мужчины ничего взыскать не могли. И не думайте, что она прибѣгала къ какимъ нибудь «особеннымъ» мѣрамъ, совсѣмъ нѣтъ: она была только удивительно дѣятельной и ловкой, недосыпала, недоѣдала, ночи проводила въ дорогѣ, падая неисправному кредитору, какъ свѣгъ на голову, или какъ Наполеонъ, благодаря быстротѣ своихъ переходовъ, нападалъ на непріятеля. Для адвоката особенно важна подвижность, а въ этомъ отношеніи женщина не только не уступаетъ мужчинѣ, а даже его превосходить, особенно если есть въ виду хорошее матеріальное вознагражденіе. Будучи въ этомъ отношеніи избалована меньше мужчины, женщина за одинаковое съ мужчиной вознагражденіе, или даже меньшее, способна на большую сумму работы, что если не для адвокатовъ, то для ихъ кліентовъ не лишено нѣкотораго значенія. Я вполне понимаю, что адвокаты высказываются объ этомъ уклончиво или даже враждебно, но вѣдь они тутъ заинтересованная сторона и, слѣдовательно, слушать ихъ не приходится. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы сдѣлать опытъ—на первыхъ порахъ допущенія женщинъ хотя бы въ число частныхъ повѣренныхъ».

Я радъ, что самая распространенная и вліятельная газета, свободная отъ подозрѣнія въ союзахъ съ разными «измами» и въ покровствѣ шаржированнымъ либеральнымъ вѣяніямъ времени, взяла подъ свою защиту юридическое образованіе женщинъ и ихъ натуральное, естественное право, наравнѣ съ сильной половиной рода человѣческаго выступать передъ лицомъ суда на защиту поправныхъ юридическихъ правъ общества. Несомнѣнно, какъ только женщина будетъ допущена къ участию въ судебной защитѣ, произойдетъ къ лучшему кое-какая общественная, социальная перестройка, и исчезнутъ въ силу конкуренціи кое-какія ненормальныя явленія жизни. Очевидно, будетъ нанесенъ сильный ударъ пресловутымъ адвокатскимъ гонорарамъ, качественно поднимется составъ

частныхъ ходатаевъ по дѣламъ, и все наше судопроизводство, подъ энергичнымъ и молодымъ натискомъ свѣжихъ силъ, приобрететъ большую живость и, пожалуй, оригинальность. Кроме этого, здѣсь есть еще одна сторона дѣла и, по-моему, наиболее существенная: выиграетъ деревня, выиграетъ обездоленный крестьянскій людъ.

Мы, мужчины, въ силу многихъ условій исторической, социальной и экономической русской жизни, позорно бѣжали изъ деревни и предоставили послѣ реформы 19-го февраля впервые—свободныхъ гражданъ Русской земли—многомилліонное крестьянство, его собственному усмотрѣнію, воздѣйствію на него такихъ силъ, съ которыми справиться было не по плечу и болѣе опытнымъ и искушеннымъ въ жизненной борьбѣ элементамъ, нежели младенчески-неопытнымъ, невѣжественнымъ составнымъ частямъ крестьянскаго села. Но вотъ понемногу, но рѣшительно это село заявило, что ему собственными силами не сладить съ жизненной борьбой, и послышался душу раздирающій крикъ: дайте намъ школу, дайте просвѣщеніе, дайте просвѣтительныя орудія борьбы! И какъ только общество и государство приступили къ мобилизаціи нужной помощи и какъ только женщина оказалась не устраненною отъ дѣла, она явилась во главѣ сельскаго просвѣтительнаго движенія и героически ринулась въ борьбу съ невѣжествомъ, борьбу, которая со временемъ будетъ золотыми буквами записана на скрижаляхъ нашей исторіи. Но я уже объ этомъ достаточно въ свое время говорилъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и повторять сказанное не имѣю времени.

Женщина — народная учительница, женщина — земскій врачъ сдѣлали чудеса въ русской деревнѣ, и я увѣренъ, что ей предстоитъ совершить не мало чудесъ, какъ только откроется передъ ней доступъ къ юридическому образованію. Въ силу современныхъ условій борьбы за существованіе, въ силу переполненія состава городскихъ дѣятелей, она со свойственной ей энергіей и любовью, со свойственнымъ ей самоотверженіемъ ринется въ деревню и положить тамъ конецъ всѣмъ тѣмъ юридическимъ безобразіямъ, справиться съ которыми не пожелалось или оказалось не подъ силу ея братьямъ, мужьямъ и сыновьямъ.

II.

Но какъ бы тамъ дѣло юридическаго образованія женщинъ и ихъ права на общественные гастроли въ ампула адвокатовъ или частныхъ ходатаевъ въ судебныхъ инстанціяхъ ни сложилось, самъ по себѣ этотъ вопросъ еще мало разработанъ въ печати: намѣтились лишь общіе принципы, детали же остались не выясненными. Такимъ образомъ, статья и замѣтка «Новаго Времени», при всей ихъ содержательности и мѣткости, должны быть разсматриваемы въ

качествѣ аванпостной перестрѣлки, предвѣщающей будущій бой, гдѣ примуть, несомнѣнно, участіе ежемѣсячная журналистика, спеціальныя юридическія органы печати, а также, — что очень желательно въ интересахъ успѣха дѣла! — «Русское женское взаимно-благотворительное общество въ С.-Петербургѣ». Оно должно разработать вопросъ всесторонне въ рядѣ сезонныхъ рефератовъ и уже послѣ того явиться вполне освѣдомленнымъ ходатаемъ дѣла предъ общественнымъ мнѣніемъ и сильными міра сего.

Уже самое появленіе въ «Новомъ Времени» цитированныхъ выше мнѣній и желаній по расширенію образовательныхъ правъ женщинъ служитъ несомнѣннымъ и благопріятнымъ показателемъ того, какъ далеко подвинулась мысль въ этой области, по сравненію съ тѣмъ, что имѣло мѣсто какихъ нибудь 25—30 лѣтъ тому назадъ. Можетъ быть, мнѣ укажутъ на литературныя работы и сочиненія, гдѣ авторы выступали съ еще болѣе рѣзкими мнѣніями и пылкими желаніями, чѣмъ нынѣ, но я этой категоріи печатнаго матеріала трогать не буду, такъ какъ они носятъ характеръ безпощадныхъ социальныхъ мечтаній и явились въ свое время продуктомъ модныхъ утопій, къ которымъ уже никто болѣе не возвращается. Наше время — время дѣловой разработки вопросовъ со всѣми отличительными чертами дѣловитости: концентричностью мысли, ея сухостью и практической прямолинейностью. По внѣшнему виду, съ точки зрѣнія «чувствительнаго сердца», оно какъ будто и не совсѣмъ симпатично — согласенъ съ этимъ! но съ другой стороны оно скорѣе и ближе приводитъ насъ къ желаннымъ результатамъ, къ намѣченнымъ цѣлямъ. А такъ какъ вопросы, которые я нынѣ обсуждаю, вопросы практической жизни, реальнаго дня, который не за горами, а на глазахъ, то я и мечтательныхъ сочиненій и доктринерскихъ утопій трогать не стану, а буду лишь касаться того, что носитъ характеръ дѣла.

Но извлекая тѣмъ не менѣе изъ-подъ спуда литературныхъ архивовъ сочиненія, которыя нѣкогда являлись передъ публикою въ формѣ дѣловыхъ программъ, я долженъ помянуть книгу А. Дауля (въ переводѣ П. Н. Ткачева и съ его предисловіемъ) «Женскій трудъ въ примѣненіи къ различнымъ отраслямъ промышленности дѣятельности», изданную въ періодъ разгара такъ называемой «женской эмансипаціи» фирмой «Трубниковой и Стасовой». Надательницы прекрасно понимали, какъ важна практическая программа Дауля, почему и сочли нужнымъ присоединить сюда предисловіе Ткачева, которое и должно было явиться для своего времени *profession de foi* женскаго вопроса, сводомъ тѣхъ общихъ принциповъ, которые въ наши дни уже завоевали себѣ всеобщее право гражданства. Гвоздь же книги, во всякомъ случаѣ, лежалъ, съ точки зрѣнія «печатнаго матеріала» и пракческаго документа, не въ предисловіи Ткачева, а въ самой книгѣ Дауля, которая, по свидѣтель-

ству современниковъ, и явилась настольной практической книгой по женскому вопросу.

Какой же путь дѣятельности указываетъ Дауль женщинамъ? О, очень ограниченный—простыхъ чернорабочихъ, которымъ суждено пѣтомъ физическаго труда и силою мускуловъ добывать себѣ собственный и самостоятельный кусокъ хлѣба. Онъ не мечтаетъ о предоставленіи женщинамъ должностей бухгалтеровъ, кассировъ, контролеровъ въ промышленной жизни страны—онъ только стремится указать тѣ разнообразныя колеса сложной машины индустриальной техники, гдѣ легче и скорѣе всего приладить женскій трудъ. Отсюда и его бесѣды по вопросу о домашней прислугѣ и домашнихъ работахъ, о промыслахъ, въ видѣ чистки кисен, глаженья, о швейныхъ работахъ и производствахъ, связанныхъ съ шитьемъ, и прочее и прочее. Темы бесѣдъ о подобныхъ невинныхъ занятіяхъ, конечно, въ наши дни никого не удовлетворяютъ, да и не представляются особенно нужными. Никто права на занятія означенными Даулемъ промыслами въ настоящее время не станетъ отрицать за женщинами, и отмѣченныя имъ рубрики отходятъ уже въ область программы низшихъ школъ домоводства, вслѣдствіе чего можетъ быть рѣчь не о принципѣ, а о наиболѣе цѣлесообразной организаціи этихъ школъ, которыхъ, кстатн сказать, у насъ меньше, чѣмъ мало, но которыхъ, если бы и было вполне достаточно, то все же не настолько, чтобъ поглотить всѣ сферы современныхъ женскихъ стремленій и домогательствъ.

Дѣло въ томъ, что русская жизнь складывается по предъявляемымъ ею запросамъ на интеллигентный трудъ крайне непланомерно, вслѣдствіе чего въ то время, какъ нѣкоторыя области явно страдаютъ отъ переполненія ихъ интеллигентными тружениками, другія влачатъ жалкое существованіе отъ недостатка такового. Быстрый ростъ капиталистическаго и бюрократическаго строя потребовалъ большаго запаса дешевыхъ работниковъ, каковому запросу интеллигентные мужчины-работники удовлетворить не были въ состояніи. Рядомъ съ этимъ, другіе факторы соціальной и экономической жизни послѣднихъ 30-ти лѣтъ создали такое положеніе вещей, что на рынкѣ оказалась громадная толпа интеллигентнаго женскаго пролетаріата, обреченнаго на снисканіе себѣ трудового куска хлѣба. Очевидно, что эта масса и наполнила собою тѣ пустыя пространства, которыя остались свободны отъ мужскаго постоа. Но въ то время, какъ спросъ съ теченіемъ времени понемногу сокращался, ростъ продолжалъ, подъ воздѣйствіемъ равныхъ причинъ, усиливаться. Отсюда—значительное паденіе цѣны на трудъ и глухая упорная конкуренція между трудомъ мужскимъ и женскимъ, гдѣ естественно побѣда остается пока на сторонѣ сильной половины рода человеческого. На выручку послѣднимъ явился тотъ громко-сказавшійся опытъ, что женскій трудъ въ нѣкоторыхъ профессіяхъ по своей

быстротѣ и качеству стоитъ ниже мужского. Но такой печальный результатъ не испугалъ женщинъ; онѣ не забыли отбоя, да и куда же отступать, когда онѣ всюду стѣснены въ своемъ движеніи? а заявили: «а коли мы недостаточно подготовлены, то подготовимся!».

Отсюда, какъ неизбежное слѣдствіе всѣхъ отгнѣченныхъ противорѣчій жизни и ея борьбы, родилось движеніе въ пользу коммерческаго образованія женщинъ, которое въ качественномъ отношеніи должно сравнять и интеллигентныхъ работниковъ и интеллигентныхъ труженицъ. Женщины, не ставя креста на элементарной программѣ Дауля, пошли далѣе и съ полнымъ сознаниемъ своей профессиональной равноправности поставили свою кандидатуру на такія отвѣтственныя должности и мѣста въ капиталистическихъ учрежденіяхъ, банковскихъ, желѣзнодорожныхъ и иныхъ, которыя донинѣ считались своего рода наслѣдственными должностями мужского пола. Кандидатуры покамѣстъ еще только поставлены жизнью, но ею не выбаллотированы, но смѣю увѣрить, что рано или поздно господамъ бухгалтерамъ, контролерамъ, кассирамъ, ревизорамъ, дѣлопроизводителямъ и помощникамъ оныхъ грозитъ печальная катастрофа, которая жестоко посмѣется падѣ ихъ былою гордостью, самомнѣніемъ и самонадѣянностью.

Вѣдь, правда, будемъ безпристрастны и отвѣтимъ съ полной откровенностью на слѣдующій вопросъ: развѣ нормально то явленіе, которое мы наблюдаемъ каждый день, входя въ любое учрежденіе, когда видимъ за желѣзными рѣшетками здоровенныхъ мужчинъ, нѣжно шелестящихъ бумажными денежными знаками, акціями и облигаціями или звякающими звонкой монетой? Конечно, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Мнѣ, по крайней мѣрѣ, всегда хочется крикнуть этимъ почтеннымъ дѣятелямъ: «Господа! довольно посидѣли на нашихъ выгодныхъ мѣстахъ! Встаньте, освѣжитесь и поищите какогонибудь иного примѣненія вашимъ здоровымъ мускуламъ! Уступите теперь ваши выгодныя мѣста интеллигентнымъ труженицамъ, которыя не знаютъ, гдѣ найти сносный кусокъ хлѣба и которыхъ вы такъ долго держали въ непозволительно черномъ тѣлѣ!». Такъ оно рано или поздно и сбудется: уйдутъ отсюда мужчины, а денежные бумажки и металлическіе знаки будутъ исправно, не хуже прежняго, шелестѣть и звякать въ работѣ болѣе нѣжныхъ пальцевъ. И женщины это прекрасно предвидятъ, жалѣя только, что еще приходится долго ждать и терпѣть. А подождать придется, такъ какъ, хотя приступъ къ основанію у насъ коммерческихъ школъ для женщинъ и сдѣланъ, но это только приступъ, и притомъ очень короткій.

Дѣло школьнаго образованія, и общаго, и спеціальнаго, и высшаго и низшаго, какъ извѣстно, стоитъ у насъ по всѣмъ статьямъ чрезвычайно неудовлетворительно; мы все еще прилаживаемся, дѣлаемъ эксперименты и горимъ «благими порывами», но во всякомъ

случаѣ «горимъ», и въ этомъ, какъ я уже сказалъ въ началѣ статьи, я усматриваю добрые симптомы будущаго вѣдра въ школьной атмосферѣ. Вопросы технического, профессиональнаго и въ частности коммерческаго образованія въ текущіе дни выдвинуты съ особенною силою и взяты подъ покровительство такими вліятельными и сильными людьми, какъ министръ финансовъ С. Ю. Витте, товарищъ министра путей сообщенія, генералъ-лейтенантъ, Н. П. Петровъ, директоръ департамента мануфактуръ и торговли, В. П. Ковалевскій, проф. Д. И. Менделѣевъ и другіе. Можно поэтому надѣяться, что вопросъ въ этой области не замретъ, и всякіе случайные тормазы здѣсь благополучно будутъ устранены. Къ организациі правильной постановки коммерческаго образованія уже съ годъ времени приступлено, и слухи, исходящіе по настоящему предмету изъ учебнаго отдѣла департамента мануфактуръ и торговли, обѣщаютъ многое доброе.

Въ Западной Европѣ, конечно, картина состоянія коммерческаго образованія много отраднѣе, нежели у насъ, и то, что сообщаетъ по настоящему предмету г. Александръ Острогорскій въ своей любопытной книжкѣ (вышла пока 1 часть) «Коммерческое образованіе, его современная организациа на западѣ и возможная постановка въ Россіи», можетъ служить для нашего отечества полезнымъ указаніемъ и примѣромъ, достойнымъ подражанія. Авторъ обрисовываетъ коммерческое школьное обученіе, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ, въ Австріи, Венгріи, Франціи, Германіи и Швейцаріи и ведетъ свою работу по слѣдующему плану: каждую главу, гдѣ идетъ описаніе той или другой страны, онъ начинаетъ краткимъ очеркомъ, сопровождаемымъ статистическими данными организациа существующихъ въ данной странѣ начальныхъ и среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Затѣмъ въ главѣ слѣдуетъ сжатое изложеніе исторіи развитія коммерческаго образованія въ данной странѣ и возможно полное, но безъ излишнихъ подробностей, ознакомленіе читателей съ различными типами коммерческихъ учебныхъ заведеній, ихъ учебными планами и программами. Книга г. Острогорскаго посвящена заграничному коммерческому образованію вообще, безъ выдѣленія отсюда специально-женскаго, но и въ этомъ видѣ она легко можетъ быть приурочена къ занимающему насъ вопросу, такъ какъ и для данной цѣли отсюда можно почерпнуть немало полезныхъ указаній. Къ сожалѣнію, второй части интересной работы г. Острогорскаго еще не имѣется пока въ продажѣ, почему я не въ состояніи, по неимѣнію иного хорошаго источника, воспользоваться опредѣленными и систематическими данными, относящимися до русской жизни. Но, судя и по случайнымъ разбросаннымъ въ повременной печати указаніямъ, можно утвердительно сказать, что до послѣдняго времени, до поступленія этого дѣла въ энергичное вѣдѣніе нынѣшняго управленія департамента торговли и мануфактуры, вопросъ

этотъ стоялъ очень неудовлетворительно, и русская жизнь въ этомъ отношеніи представляла собою буквально голую степь. Иначе теперь: дѣлу данъ сильный толчекъ и, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, оно должно принести въ недалекомъ уже времени осязательные результаты.

Что касается частнаго почина въ настоящемъ дѣлѣ, то, имѣя въ виду спеціально-женское коммерческое образованіе, онъ выражается въ учрежденіи съ января 1896 г. «профессіональной школы для образованныхъ женщинъ» А. Н. Прокопе, гдѣ имѣется спеціальныи курсъ бухгалтеріи, на коемъ къ концу учебнаго семестра слушали лекціи 84 ученицы, изъ коихъ 24 окончили полный курсъ со свидѣтельствомъ; 17 изъ нихъ уже получили подходящія мѣста. Къ величайшему удивленію, изъ числа окончившихъ здѣсь курсъ никто не пожелалъ ѣхать на предложенныя должности въ провинцію, несмотря на то, что оттуда былъ спросъ. Мотивами отказа, какъ свидѣтельствуеть въ своемъ отчетѣ г-жа Прокопе, было нежеланіе «взять мѣсто въ отъѣздѣ». Въ томъ же 1896 году были утверждены министерствомъ финансовъ «женскіе коммерческіе курсы» П. О. Ивашинцевой съ цѣлью «дать теоретическое и практическое коммерческое образованіе, необходимое для занятій въ торгово-промышленныхъ и финансовыхъ учрежденіяхъ». Предметы преподаванія раздѣляются на: а) обязательные и б) необязательные.

Обязательные предметы суть: коммерческія вычисленія, счетовѣдѣніе, коммерческая корреспонденція русская, политическая экономія, коммерческая географія, очеркъ исторіи торговли, законовѣдѣніе и каллиграфія.

Необязательные предметы суть: 1) коммерческая корреспонденція на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, 2) коммерческая корреспонденція на другихъ языкахъ, преподаваемая за особу плату, и 3) товаровѣдѣніе.

Сверхъ обязательныхъ и необязательныхъ предметовъ на курсахъ, съ разрѣшенія министерства финансовъ, могутъ быть вводимы, по мѣрѣ надобности и по указанію опыта, дополнительные предметы, какъ-то: черченіе, стенографія, упражненіе на печатной и пишущей машинахъ и проч. Полный курсъ ученія продолжается два года.

Недурно поставлено дѣло на «счетоводныхъ курсахъ» фирмы «Счетоводъ» Езерскаго, радушно открывающихъ свои двери, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. «Курсы» эти ставятъ своею задачею быть практическою конторою, въ которой занимающіеся могутъ получать практическую подготовку по всѣмъ отраслямъ счетоводства, именно: торговаго, земскаго, сельско-хозяйственнаго, фабричнаго, заводскаго, банкаго, ремесленнаго, винной монополіи и т. д. По свидѣтельству «отчета» курсовъ, «самыми внимательными и аккурат-

ними въ посѣщеніи лекцій курсовъ были учителя и учительницы начальныхъ городскихъ и техническихъ училищъ».

Къ сожалѣнію, ни изъ отчетовъ «Счетовода», ни изъ личныхъ разспросовъ мнѣ не удалось почерпнуть указаній, поскольку «аккуратныя и внимательныя» слушательницы курсовъ Езерскаго нашли приложеніе своимъ знаніямъ въ практикѣ жизни; но мнѣ важно въ данномъ случаѣ для моего обѣлаго очерка отмѣтить лишь, что женщина ищетъ уже коммерческаго образованія и не остановилась передъ затратой труда, чтобъ явиться на арену конкурентной борьбы съ мужчиной во всеоружіи необходимаго профессиональнаго знанія. Нѣтъ сомнѣній, что по мѣрѣ того какъ мужчины стануть, уступая требованіямъ времени, усовершенствоваться въ области коммерческаго образованія, разовьется и женская инициатива въ той же области, разовьется и количество женскихъ коммерческихъ курсовъ. Такимъ образомъ, изъ самаго факта обнаруженія инициативы, изъ нѣсколькихъ примѣровъ, подтверждающихъ ея существованіе, мы несомнѣнно убѣждаемся, что развитіе «женскаго вопроса» въ его реальной постановкѣ, въ его фактическихъ проявленіяхъ сдѣлало по сравненію съ элементарной программой Дауля значительные успѣхи, обнаружило серьезное прогрессивное развитіе. Но вотъ вслѣдъ за стремленіемъ къ коммерческому образованію въ наши, сегодняшніе, дни проявилось и стремленіе женщинъ къ полученію серьезныхъ юридическихъ познаній, послышалось требованіе о предоставленіи женщинамъ правъ ходатаевъ по судебнымъ дѣламъ. Да такъ оно и должно было случиться.

Я уже говорилъ о переполненіи разныхъ учреждений капиталистическаго характера съ промышленными цѣлями интеллигентными труженицами. Все труднѣе и труднѣе становится тутъ найти себѣ мѣсто и заработокъ, все плотнѣе и плотнѣе затворяются здѣсь двери подъ напоромъ голодной толпы, состоящей одинаково и изъ мужчинъ и женщинъ, и все чаще красуются на этихъ дверяхъ многозначительныя надписи: «свободныхъ вакансій не имѣется». И если мужчины, въ чьихъ распоряженіяхъ, подъ сильнымъ покровительствомъ общества и правительства, есть многоразличные пути къ выходу изъ тяжелаго положенія, то куда же идти предоставленной собственному усмотрѣнію женщинѣ? Старый строй жизни дореформенной патріархальной Россіи рухнулъ безвозвратно, а съ нимъ вмѣстѣ исчезъ и вѣрный достатокъ привилегированныхъ классовъ. Теперь всей наличности семьи приходится изыскивать средства къ жизни для мало-мальски обезпеченнаго существованія; теперь о дѣвушкѣ перестаютъ, даже по простой невозможности, заботиться близкіе ей люди, и она силою обстоятельствъ вынуждена сама трудиться. Пусть мнѣ не указываютъ не тѣ случайные факты, когда дѣвушки ищутъ жалованья исключительно «на туалетъ», «на лишнюю элегантную шляпку» и «лишнюю пару перчатокъ» — такія не-

сомнѣнно есть, какъ равно, если не больше, имѣются и мужчины, обладающіе приличными доходами съ имѣній и тѣмъ не менѣе жадно хватающіеся за казенные и иные оклады. Несправедливости жизни всегда и вездѣ были, есть и будутъ, но онѣ должны быть равсма-триваемы, какъ исключенія. А если ужъ будутъ настаивать на парадоксѣ о «тоалетахъ» и «перчаткахъ», то тутъ по всей справедливости можно будетъ отвѣтить такъ: въ томъ, что дѣвушка даже изъ обезпеченной семьи ищетъ себѣ трудной и честной работы и не желаетъ обременять своими капризами семью, дурного по существу ничего нѣтъ; но что мужчина, имѣющій и безъ того свободный достатокъ, цѣпляется за 20-е число—это дурно.

Итакъ, женская служба въ канцеляріяхъ разныхъ учрежденій не можетъ уже удовлетворить всѣхъ ея ищущихъ—спросъ разошелся съ предложеніемъ, а отсюда является логическимъ слѣдствіемъ исканіе новыхъ сферъ дѣятельности. Юридическая уже намѣтилась; намѣчается еще и иная, оригинальная, но вполне законная и естественная, о которой сегодня и должна идти рѣчь. Я разумѣю сельско-хозяйственную.

III.

Вопросъ о рациональномъ сельскомъ хозяйствѣ въ Россіи, какъ я уже не одинъ разъ говорилъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника»,—больной вопросъ, имѣющій свою длинную исторію. Возвращаться къ ней я не стану, какъ равно не буду пересчитывать всего нынѣ предпринимаемаго для уврачеванія болѣзни. Отмѣчу лишь, что однимъ изъ главныхъ средствъ къ выходу изъ запутаннаго и тяжелаго положенія всѣми единодушно признана необходимость правильной постановки дѣла сельско-хозяйственнаго образованія и значительнаго увеличенія учебныхъ заведеній, низшихъ, среднихъ и высшихъ, вѣдающихъ означенную отрасль русской жизни. Естественно поэтому, что когда эта истина была признана и правительство приступило къ организаціи сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, явился самъ собою вопросъ, уже давно искавшій своего рѣшенія въ практикѣ жизни, какъ же быть съ женщинами, которыя играютъ у насъ такую крупную роль въ качествѣ землевладѣлицъ среди привилегированныхъ сословій и въ качествѣ простыхъ рабочихъ въ крестьянской средѣ? Вопросъ потребовалъ отвѣта, а отвѣтъ сказалъ: надо наравнѣ съ мужчинами позаботиться и о сельско-хозяйственномъ образованіи женщинъ и создать для нихъ въ тѣхъ видахъ потребныя сельско-хозяйственныя школы. Отвѣтъ этотъ по существу такой естественный, простой и несложный считается многими, какъ мнѣ не разъ самому приходилось слышать, смѣшнымъ, вадорнымъ, смахивающимъ на «глупую бабью затѣю». И говорятъ въ такомъ духѣ люди интеллигентные, образованные, стоящіе близко

къ руководителству русскимъ просвѣщеніемъ. Происходить это, конечно, по недоразумѣнію, по нежеланію съ ихъ стороны вникнуть хорошенъко въ дѣло и уяснить себѣ, въ чемъ суть. А суть эта очень несложная.

Профессоръ А. И. Стебуть посвятилъ настоящему вопросу чрезвычайно интересную статью въ «Объверномъ Вѣстникѣ» (1891 г., №№ 4—5) подъ заглавіемъ «Нуждается ли русская интеллигентная женщина въ специальномъ сельско-хозяйственномъ образованіи?», гдѣ даетъ очень обстоятельный отвѣтъ на поставленный вопросъ.

Выяснивъ сначала значеніе вообще сельско-хозяйственнаго образованія и ту крупную роль, которая ему суждена въ судьбахъ русской жизни, почтенный ученый переходитъ къ разсмотрѣнію положенія женщины въ крестьянской средѣ и говоритъ: «Въ крестьянскомъ хозяйствѣ играетъ весьма важную роль женщина; положеніе крестьянки большею частію труднѣе положенія крестьянина: она обременена нерѣдко круглый годъ весьма тяжелой, иногда непосильной работой. Она должна вскормить и вынянчить дѣтей, истопить печь, прибрать избу, испечь хлѣбы, сготовить себѣ пищу, обшить себя и дѣтей, сшить бѣлье мужу, изготовить нужный для семьи холстъ, спрясть шерсть, соткать сукно, постирать и починить бѣлье, накормить коровъ и овецъ, подонть первыхъ и постричь вторыхъ, выходить телятъ и ягнятъ, вести птицу, справить работы по огороду, жать и вязать хлѣбъ, молотить и раздѣлывать его, убирать сѣно, брать лѣнъ, коноплю, полоть, убирать картофель, а иногда въ отсутствіи мужика пахать землю и косить хлѣбъ». Многія изъ этихъ занятій по условіямъ настоящаго времени требуютъ уже не только одного опыта, но и знанія, которое отсутствуетъ въ крестьянской средѣ и о пополненіи котораго въ наши дни хлопочетъ государство и общество; знаніе, приобрѣтенное школой, подниметъ всю культуру среды и уничтожитъ, смягчитъ всѣ тѣ многочисленныя аномаліи, которыми страдаетъ деревня. Но крестьянство, — утверждаетъ профессоръ Стебуть, — «для того, чтобы устроиться лучше, должно не только стать грамотнымъ, умственно развитымъ, но должно воспитаться въ другихъ понятіяхъ, потому что только соответствующее образованію воспитаніе можетъ улучшить дѣятельность человѣка. Въ воспитаніи же первенствующую роль, и по времени, и по силѣ, имѣетъ мать; а потому необходимо привлечь въ школу крестьянскую дѣвочку. Но матерью и школой съ школьнымъ учителемъ не исчерпывается для крестьянина воспитывающая его среда; ее составляютъ далѣе духовенство, судъ, администрація, полиція, сельскій хозяинъ, частный землевладѣлецъ, съ которыми крестьянство приходитъ постоянно въ соприкосновеніе. Для того же, чтобы эта среда могла содѣйствовать перевоспитанію крестьянина къ лучшему, необходимо, чтобы она была по возможности близко знакома со всѣми сторонами крестьянской жизни

и съ сельскимъ хозяйствомъ, какъ главной промышленностью нашего крестьянства; чтобы ей при воспитаніи была внушена любовь къ сельской жизни и сельскому обывателю; чтобы она была умственно, а главное нравственно, на высотѣ своего призванія выполнить такую задачу; чтобы она сама стала лучше; чтобы она, какъ болѣе интеллигентная часть населенія, не только словомъ, но и дѣломъ, всей своей жизнью, могла вліять хорошо на крестьянство, служить ему достойнымъ подражанія примѣромъ, такъ чтобы крестьянство могло у нея перенять что либо лучше теперешняго стремленія къ вѣшнему щогольству. Въ этомъ отношеніи особенно высоко призваніе сельскаго хозяина—частнаго владѣльца, стоящаго ближе всего къ крестьянству и имѣющаго самыя частыя сношенія съ нимъ». Но чтобы этотъ землевладѣлецъ могъ дѣйствительно вoadдѣйствовать на крестьянскую массу и личнымъ примѣромъ и примѣромъ своего образцоваго хозяйства, онъ долженъ быть самъ образованъ и надлежаше воспитанъ, долженъ вернуться въ деревню и снова прочно и крѣпко осѣсть на мѣстѣ.

Очертивъ въ яркихъ чертахъ бѣгство помѣстнаго дворянства, г. Стебутъ замѣчаетъ, что «въ этомъ бѣгствѣ изъ деревни несетъ большую отвѣтственность наша интеллигентная женщина, которая, въ силу полученнаго ею воспитанія, не могла мириться съ деревенской жизнью, съ сельскимъ хозяйствомъ, оставлявшими пустоту въ ея духовномъ мірѣ и неспособными удовлетворить привоспитаннаго ей тщеславія. Конечно, съ уменьшеніемъ мѣстнаго интеллигентнаго населенія уменьшился спросъ на извѣстныя удобства жизни: на школу, медицинскую помощь, пути сообщенія, почтовые учрежденія, а слѣдовательно замедлилось развитіе средствъ удовлетворенія спроса на такія удобства. Поэтому не помѣстное дворянство бѣжало изъ деревни, вслѣдствіе отсутствія въ деревнѣ удобствъ жизни, а наоборотъ — развитіе этихъ послѣднихъ замедлилось вслѣдствіе бѣгства изъ деревни перваго. Оставшіеся затѣмъ все еще въ имѣніяхъ частныя землевладѣльцы продолжали вести хозяйство съ тѣмъ запасомъ знаній, который имѣлся отъ временъ крѣпостнаго права и обогащался изученіемъ вѣдомаго ими дѣла, и съ тѣми денежными средствами, которыя добывались банковыми ссудами подъ залогъ имѣній. Но наступившее пониженіе цѣнъ съ половины 80-хъ годовъ подвергло самому строгому испытанію знанія и силы этихъ хозяевъ, и часть этихъ послѣднихъ, не выдерживая испытанія, должна была также покинуть свои помѣстья». Такое положеніе дѣлъ почтенный г. Стебутъ считаетъ неестественнымъ и вреднымъ во всѣхъ отношеніяхъ: земля, землевладѣлецъ не можетъ оставаться безъ образованной интеллигенціи; помѣстное дворянство должно снова вернуться назадъ, и починъ такому возвращенію должна положить женщина, которая этимъ самымъ отвѣтитъ на великій спросъ деревни интеллигент-

ныхъ силъ». Итакъ, спросъ на интеллигентныя силы съ сельскохозяйственнымъ образованіемъ, со стороны улучшенія положенія нашего сельскаго хозяйства, громаденъ!—воскликаетъ г. Стебуть. «Неужели же, въ виду его, русская интеллигентная женщина, которая даже безъ сельскохозяйственнаго образованія, а съ однимъ лишь сельскохозяйственнымъ воспитаніемъ и кое-какою опытностью, вела во многихъ случаяхъ хозяйство и доказала самымъ блестящимъ образомъ свою способность къ научному образованію, не найдетъ болѣе обширнаго и плодотворнаго примѣненія своего труда въ сельскомъ хозяйствѣ, получитъ сельскохозяйственное образованіе? Множество частновладѣльческихъ хозяйствъ, принадлежащихъ женщинамъ, или такихъ, которыя не могутъ вестись почему либо своими или наемными мужскими силами, найдутъ себѣ прекрасныхъ хозяевъ въ женщинахъ съ высшимъ сельскохозяйственнымъ образованіемъ. Съ болѣе широкимъ развитіемъ женскаго сельскохозяйственнаго образованія, женскому вѣдѣнію могутъ быть поручены, кромѣ поручаемыхъ ему теперь отраслей сельскаго хозяйства, какъ-то: молочнаго хозяйства, маслодѣлія, сыроваренія, воспитанія молодаго скота, птицеводства, огородничества, еще и садоводство и, что я желаю бы особенно подчеркнуть въ этомъ мѣстѣ, счетоводство и конторская часть, не находящія себѣ въ настоящее время, особенно въ среднихъ хозяйствахъ, подходящихъ лицъ. Неужели нельзя будетъ считать въ высшей степени полезнымъ для общества, если съ развитіемъ женскаго сельскохозяйственнаго образованія женщина, затрудняющаяся теперь въ пріисканіи себѣ куска хлѣба, найдетъ себѣ хорошій заработокъ въ сельскомъ хозяйствѣ; если женщина, не знающая теперь къ чему приложить руки, найдетъ для этихъ послѣднихъ занятія въ сельскомъ хозяйствѣ; если женщина, сосредоточивающая теперь, свою благотворительную дѣятельность въ городахъ, перенесетъ эту дѣятельность въ нашу обездоленную деревню; если она, наконецъ, внесетъ въ деревенскую жизнь нравственно-эстетическое чувство и согрѣетъ и ободритъ ее своею любовью».

Развивая въ строгой логической послѣдовательности свою главную мысль о роли женщины въ судьбахъ сельскаго хозяйства и въ качествѣ собственницы-управительницы имѣніемъ и въ качествѣ друга-помощницы мужа, г. Стебуть въ конечномъ выводѣ приходитъ къ заключенію, что пора уже въ интересахъ русскаго благосостоянія приступить къ организаціи у насъ рациональнаго сельскохозяйственнаго образованія женщинъ. «Итакъ,—говоритъ онъ,—сельскохозяйственное образованіе женщины есть первая мѣра, по моему убѣжденію, къ тому, чтобы создать у насъ хорошаго хозяина и удержать его на мѣстѣ въ хозяйствѣ. Конечно, эта мѣра, отъ которой мы не можемъ ждать такихъ быстрыхъ плодовъ, но именно поэтому и необходимо снѣшить ея принятіемъ, чтобы тѣмъ раньше

дождаться ея результатовъ. Не могу не замѣтить въ этомъ мѣстѣ, что и распространеніе сельскохозяйственныхъ знаній въ нашемъ духовенствѣ слѣдовало бы начать не съ семинарій, а съ епархіальныхъ женскихъ училищъ». Такимъ образомъ, профессоръ приходитъ къ неизбежному отвѣту, что сельскохозяйственное образованіе женщинъ должно быть не только ремесленнымъ, низшимъ, но и среднимъ, и въ особенности научнымъ, высшимъ.

Бросивъ нѣсколько мыслей по вопросу объ организаціи низшаго, средняго и высшаго сельскохозяйственнаго образованія для женщинъ, г. Стебуть внимательно останавливается на послѣдней категоріи, переходя отъ общихъ соображеній къ указаніямъ практическаго свойства, онъ говоритъ: «Научное сельскохозяйственное образованіе труднѣе достижимо. Оно предполагаетъ изученіе научныхъ основъ сельскаго хозяйства, слѣдовательно, естественныхъ наукъ, политической экономіи и спеціальныхъ сельскохозяйственныхъ и вспомогательныхъ дисциплинъ. Имѣя въ виду, что изученіе первыхъ требуетъ извѣстныхъ спеціальныхъ учебныхъ пособій, которыхъ устройство въ деревнѣ стоило бы дорого; въ городѣ же можно воспользоваться готовыми, да и легче имѣть здѣсь преподавателей этихъ предметовъ, я предполагалъ бы, что естественно-научныя и политико-экономическія основы сельскаго хозяйства, въ видѣ введенія въ соотвѣтствующія сельскохозяйственныя дисциплины, какъ-то: ботаника, въ видѣ введенія въ земледѣліе общее и частное, зоологія, въ видѣ введенія въ общую и частную зоотехнику (скотоводство), минералогія съ геогнозіей и геологіей, въ видѣ введенія въ почвовѣдѣніе; политическая экономія, въ видѣ введенія въ сельскохозяйственную экономію, могли бы быть изучаемы въ зимніе мѣсяцы въ городѣ—для начала въ Москвѣ. Здѣсь въ то же время могли бы излагаться основы химіи и физики и нѣкоторыя сельскохозяйственныя дисциплины, какъ-то: почвовѣдѣніе, ученіе объ удобреніи, общая зоотехнія и сельскохозяйственныя дисциплины: ученіе объ обработкѣ почвы, уходъ за растеніями, полеводство, луговоеводство, садоводство и огородничество, лѣсоводство, частная зоотехнія, маслодѣліе, сыровареніе, домашнее хозяйство, землемѣріе— въ деревнѣ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, теоретическое преподаваніе должно сопровождаться соотвѣтствующими практическими занятіями. Курсъ долженъ продолжаться 2½ года: два зимнихъ семестра (1-й и 3-й) въ городѣ, два лѣтнихъ (2-й и 4-й) и одинъ зимній (5-й) въ деревнѣ. Лѣтній семестръ начинается примѣрно съ 1 апрѣля и продолжается до 10 октября; зимній же съ 1 октября до 1 апрѣля, съ соотвѣтствующими промежутками времени въ каждомъ изъ нихъ для каникулъ. Къ изученію сельскаго хозяйства въ предполагавшемся женскомъ учебномъ заведеніи, назовемъ его женскимъ сельскохозяйственнымъ училищемъ, могутъ быть допускаемы всѣ желающія, которыхъ подготовка для прохожденія учебнаго

курса училища будетъ найдена педагогическимъ совѣтомъ училища достаточной; въ случаѣ же тѣсноты преимущество должно быть отдано тѣмъ, которыя, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, будутъ представлять больше ручательства въ успѣшномъ прохожденіи курса училища. Преподаваніе должно обеспечиваться достаточнымъ числомъ преподавателей, изъ которыхъ одни, преимущественно специалисты, должны посвятить свои силы по возможности исключительно этому училищу и вести какъ въ городѣ, въ зимніе семестры, такъ и въ деревнѣ, въ лѣтніе семестры, теоретическое преподаваніе и, кромѣ того, руководить соответствующими практическими занятіями. Учебной частью школы долженъ завѣдывать педагогическій совѣтъ подѣ предсѣдательствомъ одного изъ специалистовъ, наиболѣе посвятившихъ себя дѣлу школы; хозяйственной же частью школы можетъ завѣдывать особый комитетъ при участіи одного предсѣдателя педагогическаго совѣта».

Таковы главныя положенія обстоятельной и сильной статьи г. Стебута въ защиту женскаго сельско-хозяйственнаго образованія, статья, которая въ настоящіе дни обращаетъ на себя особенное вниманіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и которой, повидимому, принадлежитъ вліятельная роль въ рѣшеніи вопроса объ учрежденіи указанныхъ учебныхъ заведеній для женщинъ.

IV.

Работа проф. А. И. Стебута, изслѣдовавшая всесторонне вопросъ и намѣтившая даже конспективный планъ къ его осуществленію, была напечатана въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» въ 1891 г., сброшюрована въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ и разослана авторомъ его ученикамъ-агрономамъ и дѣятелямъ русскаго сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ, это былъ первый шагъ къ серьезной агитации по интересовавшему профессора вопросу, почему и означенной статьѣ въ лѣтописяхъ женскаго просвѣщенія должно быть отведено почетное и заслуженное мѣсто. Но еще раньше на 5 лѣтъ г. Стебута по тому же вопросу выступилъ въ «Областномъ отдѣлѣ» того же «Сѣвернаго Вѣстника» времени г-жи Евреиновой нѣкто г. А. А., оказавшійся впоследствии г. Армфельдомъ, съ небольшою замѣткой подѣ заглавіемъ «Замѣтка о женскомъ сельско-хозяйственномъ образованіи», гдѣ, предвосхищая общія соображенія, развитыя впоследствии г. Стебутомъ относительно значенія въ жизни сельскаго хозяйства просвѣщенной дѣятельности интеллигентной женщины, онъ тогда же въ сжатыхъ положеніяхъ прямо подступилъ къ составленію самого проекта организаціи женскаго спеціального сельско-хозяйственнаго образованія. По мнѣнію автора «Замѣтки», «школа должна быть соединена съ сельско-хозяйственной фермой, хозяйству которой

должно быть достаточно разнообразно, обширно и типично для частновладельческих хозяйств нечерноземной полосы. Въ виду экономических соображеній и гарантіи большей сознательности выбора профессіи поступающими, желательно ограничиться преподаваніемъ однихъ лишь естественныхъ наукъ и специальныхъ предметовъ, не тратя времени и средствъ на общеобразовательные предметы. Потребность въ такой школѣ столь велика и ощутительна, что смѣло можно требовать отъ поступающихъ окончанія курса въ гимназіяхъ, институтахъ, лучшихъ епархіальныхъ училищахъ, учительскихъ семинаріяхъ и подобныхъ имъ заведеніяхъ; такія могутъ быть принимаемы безъ экзамена, равныя же имъ по образованію, но получившія его дома, подвергаются приѣмному экзамену. Самый родъ профессіи, требующей здороваго и сильнаго организма, обусловливаетъ возможность приѣма лишь вполне здоровыхъ и хорошо физически-развитыхъ дѣвушекъ. Возрастъ поступающихъ будетъ неминуемо соответствовать обычному для окончанія гимназическаго курса возрасту; желательно бы, хотя бы на первое время, не лишать возможности поступать въ заведеніе и старшихъ возрастомъ, хотя бы на правахъ вольнослушательницъ. Наиболее цѣлесообразная продолжительность курса три года. Не предрѣшая вопроса о разрядѣ такой школы, такъ какъ для женскаго учебнаго заведенія это не имѣетъ существеннаго значенія, все-таки желательно наиболее практическое направленіе преподаванія, желательно, чтобы ученицы всѣ доступныя ихъ силамъ работы продѣлали собственными руками, чтобы теоретическій курсъ продолжался лишь, пока не оживутъ поля, луга, сады и лѣса, а затѣмъ книги въ столъ и идти учиться на лоно природы. Такой образъ жизни, да и самый характеръ пракческаго преподаванія специальныхъ предметовъ, отличны отъ общеобразовательной школы и преподаванія; поэтому, чтобы нѣсколько свыкнуться съ ними, желательно увеличить трехлѣтній курсъ еще на $\frac{1}{4}$ года (то-есть одно лѣто) подготовительнаго, переходнаго времени. Окончившія экзамены гимназистки, институтки и т. д. поступали бы въ школу весною, за лѣто въ деревнѣ поотдохнули бы, набрались силъ, пользуясь воздухомъ, купаньемъ, отдыхомъ, а выѣстѣ съ тѣмъ понемногу втягивались бы и въ условія новой жизни, умѣренно работая въ саду, огородѣ, на учебномъ полѣ и т. д., въ присутствіи и по указаніямъ учителей, наставниковъ, мастеровъ, специалистовъ, которые давали бы нужныя объясненія и обучали технику. Такимъ образомъ, осенью, въ классы ученицы вступили бы уже нѣсколько, въ желательномъ видѣ, имѣнными. Придавая большое воспитательное значеніе физическому труду и умѣнію и не упуская изъ виду будущее назначеніе ученицы, я считалъ бы необходимымъ требовать отъ каждой ученицы въ лѣтнее время по 6 часовъ физическаго труда въ день, въ двѣ смѣны, то-есть три часа до и три часа послѣ обѣда, такъ, чтобы двѣ спа-

ренныя и взаимно черезъ каждыя три часа смѣняющіяся ученицы составили полный 12-ти часовою рабочій день, въ зимнее же время три часа классовыхъ занятій, три часа практическихъ и три часа работы. При достаточномъ числѣ ученицъ желательно обходиться въ фермерскомъ хозяйствѣ по возможности совсѣмъ безъ постороннихъ рабочихъ, принимая таковыхъ лицъ въ экстренныхъ случаяхъ и для непосильныхъ для ученицъ работъ и производя всѣ остальные работы ученицами. Степень развитія, уровень образованія, возрастъ и близость будущей самостоятельной дѣятельности ученицъ заставляютъ желать, чтобы онѣ сами считали себя вполне взрослыми людьми, такъ ихъ и надо поставить. Отъ школы онѣ должны имѣть лишь помѣщеніе, необходимую мебель, отопленіе, освѣщеніе; столъ же, бѣлье и платье—свое. Для будущей небогатой деревенской хозяйки, поневолѣ остающейся въ деревнѣ часто совсѣмъ безъ прислуги, весьма важно умѣнье, въ случаѣ нужды, и обойтись безъ таковой, и знаніе домашнего хозяйства вообще и кулинарнаго искусства въ особенности; считать бы поэтому необходимымъ держать при школѣ хорошую кухарку-наставницу подъ руководствомъ и по указаніямъ которой ученицы поочередно сами бы и стряпали себѣ кушанье; желательно также, чтобы ученицы шили и чинили себѣ платье и мыли бѣлье сами. Помѣщеніемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ ученицы пользуются въ школѣ бесплатно, за ученіе же взимается съ нихъ опредѣленная плата. Пробывшія въ школѣ не менѣе полугода и оказавшія значительные успѣхи недостаточныя ученицы могутъ быть освобождаемы отъ взноса платы за ученіе, а лучшія по успѣхамъ и наиболѣе бѣдныя могутъ, кромѣ того, пользоваться и стипендіей. За производимыя ими въ фермерскомъ хозяйствѣ работы ученицамъ выплачивается средняя мѣстная поденная плата по расчету отработанныхъ часовъ. Въ жизни каждой молодой дѣвушки, бывають минуты, когда ей дорогъ и близокъ совѣтъ хорошей, честной, любящей, пожившей уже на свѣтѣ женщины; поэтому желательно имѣть при школѣ четырехъ женщинъ, опытныхъ и любящихъ молодежь надзирательницъ, которыя бы помѣщались, столовались и проводили все время съ ученицами, относясь къ нимъ не какъ начальницы, а потоварищески, какъ старшія и болѣе опытыя подруги. Изъ мелкихъ женскихъ слабостей значительное неудобство, особенно при совмѣстной жизни, представляетъ страсть къ нарядамъ, по терпней модѣ, часто слишкомъ уродливымъ, а нерѣдко и излишне откровеннымъ; далѣе, различіе наряда слишкомъ рѣзко выдѣляетъ болѣе или менѣе въ матеріальномъ отношеніи состоятельныхъ женщинъ. Для устраненія этихъ неудобствъ желательно, чтобы впослѣдствіи все дѣло веденія такой школы и преподаваніе въ ней всецѣло перешло въ женскія руки. Подготовить преподавательницъ можно будетъ изъ тѣхъ же женщинъ-врачей, которыя прошли медицинскіе курсы изъ жажды знанія и не чув-

ствують призванія къ медицинской практикѣ. Какъ знающимъ уже основательно естественныя науки, имъ не трудно будетъ подготовиться по сельскохозяйственнымъ специальностямъ. На первое же время по необходимости придется имѣть управляющаго школою и фермою, часть преподавателей и мастеровъ-мужчинъ. Желательно преподаваніе слѣдующихъ предметовъ: химія и физики, геогнозіи, ботаники, зоологія, анатоміи и фивіологіи животныхъ и растений, земледѣліи и растеніеводства, скотоводства и молочнаго хозяйства, сельскохозяйственной экономіи и счетоводства.

Таковъ любопытный проектъ г. Армфельда, имѣющій, какъ читатели легко могутъ убѣдиться сами, кое-что общее съ проектомъ профессора Стебута, но содержащій нѣчто и типическое, отличительное. Въ то время, какъ послѣдній строитъ свои *ria desideria*, исходя болѣе всего изъ соображеній экономическихъ, соціальныхъ, первый болѣе всего хлопочетъ о самой женщинѣ, имѣя главнымъ образомъ въ виду цѣли практическія—ея здоровье и физическое довольство.

И историческое значеніе обоихъ проектовъ, поскольку они являются отраженіемъ литературныхъ теченій, разное: работа г. Стебута, отпечатанная оттисками, не поступавшими, однако, въ продажу, и разосланная въ громадномъ числѣ «ученикамъ» и свѣдущимъ лицамъ, должна быть отнесена къ разряду орудій могущественной общественной агитаціи; работѣ же г. Армфельда, напечатанной въ скромномъ отдѣлѣ «областныхъ» корреспонденцій и свѣдѣній, прошедшей почти незамѣтно въ печати и забытой, въ наши дни суждено всплыть на поверхность жизни и явиться въ нѣдрахъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ фактическимъ рычагомъ, практически двинувшимъ вопросъ о сельскохозяйственномъ образованіи женщинъ. Г. Армфельдъ представилъ нынѣ свой проектъ, какъ свидѣтельство само министерство, на его одобреніе, и типъ сельскохозяйственной школы съ намѣченной имъ выше программой подлежитъ, вѣроятно, скорому обсужденію.

Кромѣ г. Стебута и Армфельда обратилъ свое вниманіе на тотъ же вопросъ и г. Бирюковичъ, безызывѣстный экономистъ, журналистъ, сотрудникъ многихъ спеціальныхъ и общихъ журналовъ. Имъ помѣщена по настоящему предмету въ «Русской Школѣ» г. Гуревича (1894 г., № 4) небольшая, но содержательная статья подъ заглавіемъ «Сельскохозяйственное образованіе для женщинъ», основанная, съ одной стороны, на свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ имъ отъ лицъ, стоящихъ нынѣ во главѣ немногихъ уже существующихъ нынѣ сельскохозяйственныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, и на ст. проф. Стебута, съ другой.

Выступая въ печать горячимъ поборникомъ дѣла женскаго сельскохозяйственнаго образованія, г. Бирюковичъ въ самомъ началѣ такъ остроумно подходитъ къ дѣлу: «у насъ до сихъ поръ ведутся довольно оживленные дебаты о такъ называемомъ «естествен-

номъ» назначеніи женщинъ. При этомъ одни доказываютъ, что женщина должна быть допущена къ участию въ трудѣ мужчинъ, другіе же отстаиваютъ принципъ, по которому естественное назначеніе ея быть женой и матерью, тогда какъ все бремя обезпеченія семьи средствами къ существованію слѣдуетъ оставить исключительно за мужчиной. Въ подобнаго рода пререканіяхъ заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что сторонники расширенія трудовыхъ правъ женщинъ признаются какими-то новаторами, тогда какъ ихъ противники стояли якобы на почвѣ «естественнаго» порядка вещей, сложившагося вѣками. На самомъ же дѣлѣ, если мы обратимся къ одной изъ древнѣйшихъ профессій человѣка—земледѣію, то увидимъ, что въ этой области роль женщинъ далеко не ограничивается веденіемъ домашняго хозяйства и воспитаніемъ дѣтей. Въ сельскохозяйственномъ быту едва ли не въ высшей формѣ осуществляется принципъ раздѣленія труда между женщиной и женщиной. Здѣсь, по мѣткому выраженію Глѣба Успенскаго, мужъ и жена играютъ въ четыре руки одну и ту же пьесу. Дѣйствительно, не говоря уже о средѣ крестьянъ-землевладѣльцевъ, гдѣ женщина выполняетъ цѣлый рядъ внѣдомашнихъ работъ по хозяйству—жнеть, убираетъ сѣно и т. д., даже въ кругу крупныхъ землевладѣльцевъ, не обрабатывающихъ своей земли личнымъ трудомъ, въ вѣдѣніи женщины находятся весьма обширныя отрасли хозяйства, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ сдѣлаться и источникомъ крупнаго дохода; сюда относятся скотный дворъ съ молочнымъ хозяйствомъ, птичникъ, огородъ. Такимъ образомъ, въ примѣненіи къ нашему отечеству, гдѣ огромная часть населенія занимается земледѣіемъ, менѣе является справедливою доктрина о «естественномъ» назначеніи женщины, при которомъ трудъ ея не долженъ выходить изъ сферы заботъ о домашнемъ очагѣ, а продукты его одинаково не должны представлять собой какой нибудь рыночной цѣнности наравнѣ съ продуктами мужскаго труда. Не менѣе страннымъ нужно признать и то обстоятельство, что не подлежащій сомнѣнію фактъ весьма широкаго участія женщинъ въ земледѣльческомъ трудѣ не выдвинулъ вопроса о необходимости сдѣлать для нихъ доступнымъ сельско-хозяйственное образованіе».

Сдѣлавъ далѣе краткое резюме основныхъ положеній работы А. Стебута, г. Бирюковичъ выдвигаетъ прекрасное состояніе сельскаго хозяйства въ Финляндіи, гдѣ по настоящему предмету имѣется уже достаточное количество профессионально земледѣльческихъ школъ, гостепріимно открывающихъ свои двери, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Далѣе авторъ даетъ описаніе двухъ высшихъ земледѣльческихъ школъ—Мустіаласскаго и Кронборгскаго земледѣльческихъ институтовъ, а также вкратцѣ очерчиваетъ программы низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ, изъ числа которыхъ особенно выдѣляются школы по молочному хозяйству. Въ дальнѣйшей своей

работѣ онъ рисуетъ положеніе и учебный обиходъ въ нашей русской школѣ г-жи Гриневой, о коей рѣчь ниже, и заканчиваетъ статью указаніемъ на проектъ программы проф. Стебута, уже знакомый читателямъ.

IV.

Статьями гг. Армфельда, Стебута, Бирюковича исчерпывается все существенное и обстоятельно-разработанное, что было до послѣдняго времени написано по вопросу о рациональной организаціи у насъ женскаго сельскохозяйственнаго образованія. Все остальное, помѣщавшееся по данному вопросу даже въ специальныхъ журналахъ, какъ, напримѣръ въ «Хозяинѣ», «Земледѣліи», «Вѣстникѣ русскаго сельскаго хозяина» и др., является разработкою той же темы и того же матеріала въ ихъ частностяхъ и деталяхъ, или въ ихъ варіаціяхъ.

Такъ «Вѣстникъ» въ самое послѣднее время помѣстилъ не-безынтересную замѣтку объ устройствѣ въ недалекомъ будущемъ княгинею Урусовой въ Новгородской губерніи низшей женской школы садоводства, плодоводства и огородничества для крестьянокъ, съ краткимъ описаніемъ программы обученія здѣсь. Въ томъ же «Вѣстникѣ» въ № 38 — 39 имѣется любопытное воззваніе «Вниманію интеллигентныхъ женщинъ» извѣстнаго дѣятеля по молочному хозяйству, Н. В. Верещагина, гдѣ почтенный и неутомимый поборникъ интеллигентнаго труда убѣждаетъ женщинъ, не дожидаясь открытія «специальныхъ женскихъ сельскохозяйственныхъ школъ... учиться сельскому хозяйству въ тѣхъ образцовыхъ хозяйствахъ, которыми завѣдуютъ женщины». Тутъ же заодно и попутно г. Верещагинъ поднимаетъ и новый вопросъ, спрашивая: «Если женщины добились совмѣстной работы съ мужчинами на медицинскомъ поприщѣ, то отчего бы имъ не попытаться работать на архитектурномъ поприщѣ? Въ Америкѣ уже много женщинъ архитекторовъ, и на Чикагской выставкѣ нѣкоторые отдѣлы были выстроены женщинами-архитекторами. Архитектура только несомнѣнно выиграетъ отъ приложенія женскаго ума и воображенія. Ужь не говоримъ объ искусствѣ и наружномъ видѣ построекъ, самое расположеніе комнатъ въ смыслѣ большаго удобства для жизни, наконецъ подчиненіе построекъ гуманитарнымъ требованіямъ, лучшее помѣщеніе при-слуги, дворниковъ, швейцаровъ, уничтоженіе вредныхъ подвальныхъ помѣщеній, — на все нужна смѣлая рука женщины, разъ это под-сказывается справедливостью».

Интересуясь такимъ образомъ развитіемъ женскаго профессиональнаго образованія на всевозможныхъ поприщахъ, и преимущественно земледѣльческомъ, специальные журналы поѣтому радостно привѣтствовали появленіе въ печати слуха о томъ, что министерство ве-

мледѣлія также съ своей стороны поставило на очередь своего вниманія этотъ вопросъ и выработало даже въ этой области кое-какія практическія положенія. Но прежде, чѣмъ перейти къ этой послѣдней части моей статьи, необходимо отмѣтить, чѣмъ же заявила себя въ наши дни въ томъ же направленіи практика жизни, что успѣла она создать, отвѣчая назрѣвшей потребности времени.

Намъ безызвѣстно, что въ отношеніи низшихъ школъ для народа кое-что уже предпринимается для насажденія здѣсь элементарныхъ свѣдѣній по сельскохозяйственнымъ знаніямъ; этимъ интересуются нынѣ земства, вѣдомство духовное, народнаго просвѣщенія и т. д. Извѣстно также, что на нѣкоторыхъ курсахъ и въ образцовыхъ хозяйствахъ уже идетъ ревностное стремленіе приурочить сюда женскій трудъ, женское образованіе; но все это носить на себѣ случайный характеръ и не оформлено въ профессиональную задачу. На всемъ пространствѣ нашего громаднаго отечества можно указать только всего на три специально-женскихъ учебныхъ заведенія, подвѣдомственныхъ министерству земледѣлія, гдѣ дѣйствительно женское образованіе поставлено относительно недурно въ тѣхъ предѣлахъ, которые были доступны частной инициативѣ и частнымъ средствамъ. Вотъ обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ школахъ, которыя въ надеждѣ, что кто нибудь изъ многочисленныхъ читателей «Историческаго Вѣстника» ими заинтересуется, и они имъ могутъ пригодиться въ качествѣ справочныхъ пособій, привожу въ томъ видѣ, какъ они изложены въ недавно вышедшемъ «Указателѣ» министерства земледѣлія.

Зозулинская женская практическая школа сельскаго хозяйства и домоводства.

Общія свѣдѣнія. Существуетъ съ 31-го марта 1888 года въ имѣніи вдовы генералъ-майора Анны Ивановны Червоной. Цѣль школы — обученіе взрослыхъ дѣвушекъ домашнему хозяйству, а равно и тѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, знаніе которыхъ необходимо для деревенской хозяйки, въ особенности птицеводству, свиневодству, огородничеству, молочному хозяйству и пчеловодству. Кроме того, школа имѣетъ цѣлью подготовить недостаточныхъ дѣвушекъ къ службѣ по сельскому и домашнему хозяйству, какъ въ частныхъ домахъ и усадьбахъ, такъ и въ пріютахъ, гдѣ онѣ могутъ обучать дѣтей различнымъ работамъ по сельскому и домашнему хозяйству.

Средства школы состоятъ изъ суммъ, доставляемыхъ учредительницей школы, владѣлицей имѣнія, изъ платы за обученіе частныхъ пансіонерокъ и изъ ежегоднаго пособія отъ департамента земледѣлія по 3.000 рублей.

Адресъ. Школа находится при селѣ Зовулинцы-Червонныя, Киевской губерніи, Бердичевского уѣзда. Адресъ для почтовой корреспонденціи: почтовое отдѣленіе — мѣстечко Самгородокъ (въ 6 верстахъ). Ближайшая станція юго-западной желѣзной дороги Казатинъ (17 верстъ).

Администрація. Попечительница школы — жена генераль-майора Марія Николаевна Мариуца-Гринева.

Учащіяся. Съ 1897 года предполагается имѣть 16 стипендіатовъ, при чемъ десять изъ нихъ, кромѣ обученія, помѣщенія и продовольствія, получаютъ еще и рабочую одежду и обувь, а шесть должны имѣть одежду свою. Съ того же года предполагается имѣть шесть пансіонерокъ, вносящихъ половинную плату. Затѣмъ школа можетъ принять платныхъ ученицъ: зимой 15—20, лѣтомъ 30 и болѣе ученицъ.

Учебный курсъ. Полный учебный курсъ въ школѣ продолжается 8 мѣсяцевъ, съ первыхъ чиселъ марта по 1-е ноября, но учредительницѣ предоставляется право, въ случаѣ надобности, оставлять нѣкоторыхъ ученицъ, по ихъ желанію, въ школѣ и на болѣе продолжительное время, съ цѣлью усовершенствованія въ той или другой изъ изучаемыхъ отраслей сельскаго хозяйства и домоводства. Сверхъ всего, для частныхъ пансіонерокъ и приходящихъ ученицъ могутъ быть устраиваемы и болѣе кратковременные курсы, въ видахъ практическаго одного или нѣкоторыхъ предметовъ, коимъ обучаютъ въ школѣ. Установленіе приѣма таковыхъ ученицъ предоставляется усмотрѣнію учредительницы.

Въ полный курсъ обученія входятъ слѣдующіе предметы:

а) По сельскому хозяйству: 1) молочное хозяйство (доеніе коровъ, сепараторъ, ледяной отстой, масло и сыръ различныхъ сортовъ, творогъ и другіе продукты изъ молока); 2) краткій уходъ за домашнимъ крупнымъ и мелкимъ скотомъ (коровы, овцы); 3) свиноводство (уходъ, откормъ); 4) птицеводство (уходъ за птицей различныхъ породъ, искусственный выводъ, откормъ); 5) пчеловодство (рамочные ульи); 6) прудовое рыбоводство; 7) важнѣйшія свѣдѣнія по огородничеству и уходъ за коноплей; 8) важнѣйшія свѣдѣнія по плодовому садоводству; 9) краткія свѣдѣнія по комнатному цвѣтоводству; 10) нѣкоторыя свѣдѣнія по сельскохозяйственнымъ полевымъ работамъ (уборка сѣна, жатва, вязка сноповъ изъ-подъ машины, молотьба и очистка хлѣба на усовершенствованныхъ машинахъ, уходъ и выкопка сахарной свеклы, сохраненіе кормовой свеклы на зиму); 11) веденіе простыхъ сельскохозяйственныхъ книгъ и записей; 12) веденіе дневниковъ.

б) По домашнему хозяйству: 1) приготовленіе кушаній (простыхъ и болѣе изысканныхъ); 2) приготовленіе чернаго и бѣлаго тѣста (простаго, слобнаго и сладкаго); 3) приготовленіе запасовъ различнаго рода (вареніе, маринаваніе, вяленіе, сушеніе, соленіе,

копченіе, квашеніе); 4) приготовленіе ягодныхъ винъ и наливокъ; 5) сохраненіе припасовъ (мяса, овощей и тому подобное); 6) выдача припасовъ; 7) приготовленіе домашнимъ образомъ крахмала, свѣчей и другихъ предметовъ; 8) уходъ за помѣщеніемъ, мебелью, посудой, одеждой, обувью, бѣльемъ и содержаніе ихъ въ чистотѣ и порядкѣ, уходъ за комнатными птицами, животными, комнатная служба; 9) сервировка стола и столовая служба; 10) рукодѣлья — пряжа вала и нитокъ для дратвы и переплета на кушакъ и самопрялкѣ, починка платья, бѣлья, обуви, узорчатая штопка, французскія и нѣмецкія заплатки, шитье на ножной и ручной машинкѣ, простое вязанье крючкомъ рукавицъ, шапочекъ, надвязыванье на спицахъ чулковъ, кройка и шитье бѣлья, болѣе простыхъ платьевъ, шляпокъ, шапочекъ, изготовленіе матъ для парниковъ, соломенниковъ и корзиночекъ для сыровъ; 11) машинное и паровое мытье бѣлья, простое и глянцевое глаженье; 12) простой переплетъ книгъ и тетрадей; 13) изготовленіе матрацовъ и тюфяковъ; 14) веденіе болѣе необходимыхъ книгъ по домашнему хозяйству (приходъ, расходъ денегъ и припасовъ, инвентарь); 15) краткія необходимыя свѣдѣнія по уходу за больными и выздоравливающими людьми, домашними животными и птицами; кромѣ того, ученицы могутъ обучаться: 16) шитью, обуви; 17) приготовленію корзинъ изъ лозы, соломы и др.; 18) тканью персидскихъ ковровъ; 16) приготовленію изъ жесты формъ для сыровъ, кормушекъ для пчелъ, птицъ и луженію мѣдной домашней посуды. Обученіе практическое. Сверхъ указаннаго, всѣ ученицы обучаются хорошему пѣнію. Въ отдѣльный курсъ входятъ обученіе: 1) одной какой либо отрасли сельскаго хозяйства; 2) домашнему хозяйству и 3) болѣе необходимому рукодѣлью. Можно обучаться лишь одному домашнему хозяйству и рукодѣлію.

Ученыя пособія. Школа неразрывно связана съ хозяйствомъ имѣнія, заключающаго около 1500 десятинъ земли. Есть молочная ферма съ 40 коровами, телятами, 50 овцами со свиньями, различными принадлежностями молочнаго хозяйства; есть птичная съ 600 птицами, инкубаторомъ и прочее; имѣется 50 десятинъ прудовъ и племенные сажалки; заведены огородъ (образцовый и простой полевой), питомникъ на $\frac{1}{2}$ десятины и плодовые сады: 1) старый на 5 десятинахъ; 1) садъ на 2 десятинахъ (съ 1877 года); 3) садъ на 2 десятинахъ (съ 1887 года); 4) садъ на $2\frac{1}{2}$ десятинахъ (съ 1890 года); 5) садъ на 5 десятинахъ (съ 1896 года), всего 16 десятинъ. Кухня и прачешная снабжены принадлежностями, выписанными изъ-за границы, также есть принадлежности обученія рукодѣльямъ и различнымъ работамъ.

Условія приѣма учащихся. Приѣмъ ученицъ преимущественно весной. Возрастъ поступающихъ на общехозяйственное отдѣленіе или курсъ долженъ быть не менѣе 15 лѣтъ и въ исключительныхъ

случаяхъ, при хорошемъ физическомъ развитіи,—13—14 лѣтъ; для отдѣльнаго курса отъ 19 до 25 лѣтъ (не моложе 17 лѣтъ); лишь на курсъ домашняго хозяйства и домашней службы могутъ поступить 15—16 лѣтъ.

При поступленіи представляются документы: метрическое свидѣтельство, видъ отъ полиціи, свидѣтельство о нравственности отъ духовника (приходскаго священника).

Ученицы обязаны исполнять всѣ порученныя имъ работы безъ отговорокъ. Поступающія на годъ платятъ за полгода впередъ, поступающія помѣсячно платятъ впередъ за одинъ или три мѣсяца. Временныя ученицы и посвѣтительницы принимаются лишь въ лѣтнее время.

Понемунская женская школа домоводства и сельскаго хозяйства.

Общія свѣдѣнія. Существуетъ съ 1889 года въ имѣніи баронессы А. I. Будбергъ. Цѣль школы—сообщеніе молодымъ дѣвѣцамъ всѣхъ сословій, замужнимъ женщинамъ и вдовамъ практическихъ свѣдѣній по домоводству и нѣкоторымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, каковы: птицеводство, молочное хозяйство, огородничество и др. Средства школы состоятъ изъ правительственнаго пособія въ 2.000 рублей въ годъ, изъ суммъ, отпускаемыхъ учредительницей, и суммъ, получаемыхъ съ учащихся.

Адресъ. Поневѣжъ, имѣніе Мурованный-Понемунъ, Ковенской губерніи.

Администрація. Попечительница — А. I. Будбергъ.

Учащіяся. Всѣхъ ученицъ въ школѣ 52, всѣ онѣ пансіонерки, причемъ на казенный счетъ содержатся 10 ученицъ.

Учебный курсъ. Курсъ обученія въ школѣ—2 года; для тѣхъ же, которыя желаютъ изучить какую либо специальную отрасль, какъ-то: кулинарное искусство, молочное хозяйство и т. п.,—продолжительность курса можетъ быть сокращена до 6-ти мѣсяцевъ. Ученицы школы принимаютъ непосредственное участіе во всѣхъ работахъ по домоводству и по изучаемымъ въ школѣ отраслямъ хозяйства, каковы: уходъ за скотомъ, птицами и пчелами, приготовленіе масла и сыровъ, работы по кухнѣ, мытье бѣлья, глаженіе, тканіе и занятія въ огородѣ.

Учебныя пособія. Главнѣйшими пособіями для практическихъ занятій ученицъ служатъ всѣ хозяйственныя отрасли въ имѣніи Мурованный-Понемунъ; затѣмъ мастерскія, садъ и огородъ.

Выпускъ ученицъ. Выпускъ окончившихъ курсъ ученицъ около 10-го мая и 10-го сентября. Окончившія полный курсъ получаютъ о томъ особыя свидѣтельства.

Условія приѣма учащихъся. Приѣмъ ученицъ производится ежегодно 10-го мая и 10-го сентября; принимаются взрослые, всякаго возраста, окончившія по крайней мѣрѣ народное училище. Желающія поступить въ школу подаютъ попечительницѣ прошеніе на простой бумагѣ, съ приложеніемъ: метрическаго свидѣтельства, письменной рекомендаціи извѣстныхъ попечительницѣ лицъ или свидѣтельства о хорошемъ поведеніи отъ лицъ и учреждений, имѣющихъ право таковыя выдавать. Плата за обученіе и содержаніе въ годъ отъ 150 до 200 рублей.

На казенныя стипендіи (числомъ 10) принимаются лучшія ученицы по мѣрѣ освобожденія вакансій.

Преображенская женская сельскохозяйственная школа.

Общія свѣдѣнія. Существуетъ съ 1891 года въ имѣніи Н. Н. Неплюева. Школа имѣетъ цѣлью воспитать молодыхъ дѣвушекъ въ сознательной вѣрѣ, приучить ихъ къ добрымъ христіанскимъ отношеніямъ другъ къ другу и сообщить имъ, преимущественно путемъ практическихъ занятій, наиболѣе полезныя для жены и матери земледѣльца познанія по сельскому хозяйству вообще и, въ частности, по молочному хозяйству, садоводству, огородничеству, по кройкѣ и шитью, а также по домоводству—приготовленію кушаній, соленій, стиркѣ бѣлья и т. д.

Школа существуетъ на средства учредителей съ пособіемъ отъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ размѣрѣ 2.000 рублей въ годъ. Ежегодный расходъ учредителей отъ 6 до 7 тысячъ рублей.

Адресъ. Школа находится въ хуторѣ Воздвиженскомъ, Черниговской губерніи, Глуховскаго уѣзда; въ 7 верстахъ отъ ж. д. ст. «Горѣлые Хутора», вѣтвь «Ворожба-Буда» Кіево-Воронежской ж. д. Почтовый адресъ: М. Ямполь, Черниговской губерніи, Преображенская школа.

Администрація. Попечительница школы — вдова тайнаго совѣтника Александра Николаевна Неплюева. Управляющій школою — Иванъ Андреевичъ Цѣплодубъ.

Учащіяся. Всѣхъ ученицъ въ школѣ 45, и всѣ онѣ пансіонерки учредителей школы.

Учебный курсъ. Курсъ ученія продолжается 4 года и раздѣляется на 4 класса, изъ коихъ три класса специальныхъ и одинъ подготовительный. Предметы обученія: законъ Божій, русскій языкъ, русская исторія и географія; ариметика, русскій языкъ и географія въ подготовительномъ классѣ и физика; скотоводство, скотовращеніе и анатомія, сельское хозяйство, огородничество и птицеводство; химія, кройка и шитье; молочное хозяйство, садоводство, бо-

таника, энтомологія и пѣніе; гигиена. Практическія занятія состоятъ въ слѣдующемъ: ученицы самостоятельно обрабатываютъ огородъ въ 6 десят.; исполняютъ нѣкоторыя работы по полеводству; ими же исполняются—уходъ за птицей, доеніе коровъ, обработка молока; кромѣ того, онѣ занимаются кройкой, шитьемъ, вязаньемъ, стиркой бѣлья, приготовленіемъ кушаній и т. д.

Учебныя пособія. Въ качествѣ учебныхъ пособій для практическихъ занятій при школѣ имѣются огородъ въ 6 десятинъ и птичникъ. Для занятій по садоводству школа пользуется экономическимъ садомъ, а для занятій по молочному хозяйству—экономическою же молочною фермою, гдѣ содержится 80 штукъ дойныхъ коровъ.

Выпускъ ученицъ. Выпускъ ученицъ производится 6 августа. Окончившія курсъ могутъ исполнять обязанности экономки въ небольшихъ хозяйствахъ, заниматься руководѣниемъ, молочнымъ хозяйствомъ, птицеводствомъ и огородничествомъ.

Условія приѣма учащихся. Въ школу принимаются ученицы всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, по конкурсному испытанію, 31-го іюля. Отъ поступающихъ въ приготовительный классъ требуется знаніе общеобразовательныхъ предметовъ въ объемѣ курса начальныхъ народныхъ училищъ. Дѣвочки должны быть совершенно здоровы, безъ физическихъ недостатковъ, могущихъ мѣшать практическимъ занятіямъ; должны имѣть не менѣе 12, лучше 13 лѣтъ, и не болѣе 17 лѣтъ отъ роду. При поступленіи должны быть представлены: метрическое свидѣтельство и, если есть, свидѣтельство объ окончаніи школы. Съ частныхъ пансіонерокъ вимагается плата по 120 рублей въ годъ. Выдержавшія конкурсное испытаніе принимаются пансіонерками учредителей.

Ежегодно бываетъ отъ 15 до 20 вакансій.

Вотъ все то немного, что пока выработала частная инициатива въ области женскаго сельскохозяйственнаго образованія. Сознывая всю недостаточность и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніи послѣдняго, министерство земледѣлія и государственныхъ выступило на страницахъ своихъ «Извѣстій» въ текущемъ году (№ 23) съ любопытнымъ проектомъ по настоящему предмету, гдѣ сжато излагаетъ свои *ria desideria* и намѣчаетъ мѣры къ осуществленію ихъ, которыя и излагаю ниже въ ихъ существенныхъ частяхъ.

V.

Министерство полагаетъ, что въ вопросѣ о женскомъ сельскохозяйственномъ образованіи необходимо установить, какъ исходную точку зрѣнія, тотъ общій принципъ, что въ дѣлѣ организаціи этого образо-

ванія не можетъ быть существенныхъ различій противъ сельскохозяйственнаго образованія для мужскаго пола и что возможныя и даже необходимыя различія въ томъ и другомъ случаяхъ должны обуславливаться, по преимуществу, только содержаниемъ преподаванія или обученія, то-есть преобладаніемъ въ немъ той или другой отрасли сельскохозяйственнаго знанія, примѣнительно къ способностямъ и роду дѣятельности учащихся того или другого пола. Главное затрудненіе при устройствѣ, напримѣръ, сельскохозяйственныхъ курсовъ совместно для учителей и учительницъ народныхъ школъ заключается, обыкновенно, въ большой трудности организовать и нормировать для тѣхъ и другихъ практическія занятія, такъ какъ несомнѣнно, что рабочія способности женщинъ должны быть направлены нѣсколько иначе, нежели силы мужчинъ. Поэтому въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ учительницъ-курсистокъ образуютъ особую группу, съ которою ведутъ практическія занятія отдѣльно отъ группы учителей; теоретическій же курсъ остается общимъ какъ для учителей, такъ и для учительницъ, потому что образовательная подготовка ихъ большею частію одинакова.

Сдѣланныя попытки по устройству низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ для обоого пола не привели къ ожидаемымъ результатамъ (напримѣръ, въ Уткинской школѣ). Поэтому наряду съ системою существующихъ мужскихъ учебныхъ заведеній могли бы имѣть мѣсто и соответственныя школы для женщинъ, но съ преобладаніемъ въ ихъ курсѣ чисто женскихъ отраслей труда. Вообще говоря, къ такимъ отраслямъ должны быть отнесены: усадебное хозяйство—огородничество, садоводство, уходъ за скотомъ и молочное хозяйство, птицеводство, пчеловодство и т. п., затѣмъ, домоводство въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, куда могутъ входить содержаніе жилищъ, одежды и бѣлья, гигиена, уходъ за больными людьми, воспитаніе дѣтей, шитье и др.

Обращаясь ближе съ вопросомъ о типахъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній для женщинъ, министерство признаетъ, что заведенія эти могутъ быть не менѣе разнообразны по устройству, чѣмъ соответственныя мужскія школы, въ зависимости отъ разнообразія какъ потребностей въ томъ или другомъ обученіи, такъ и условій преподаванія сельскаго хозяйства. Но такъ какъ и система мужскихъ школъ еще не выработана вполне, то было бы преждевременно устанавливать напередъ опредѣленныя нормы въ указанномъ отношеніи, и на первыхъ порахъ слѣдовало бы только обсудить степень примѣнимости существующихъ типовъ сельскохозяйственныхъ школъ для женскаго сельскохозяйственнаго образованія.

Едва ли можно сомнѣваться, читаемъ мы въ «проектѣ», что наша сельская жизнь нуждается въ самомъ широкомъ распространеніи среди женщинъ познаній по домоводству, равно какъ и по сельскому хозяйству вообще. Знанія этого рода не менѣе необходимы, какъ для хозяйки

простой крестьянской семьи, такъ и для женщинъ болѣе интеллигентныхъ слоевъ деревенскаго населенія, на примѣръ, для учительницъ, духовнаго и дворянскаго сословія. Болѣе крупное землевладѣніе, кромѣ того, предъявляетъ весьма значительный спросъ на профессиональныхъ труженицъ, какъ-то: на старшихъ прислугъ, экономокъ, ключницъ, скотницъ, птичницъ, мастерицъ молочнаго дѣла и т. п. Затѣмъ, въ жизни нерѣдки случаи, когда женщины становятся въ роль самостоятельныхъ хозяекъ и управительницъ небольшими имѣніями, на примѣръ, въ положеніи вдовъ, опекуншъ дѣтей и даже лицъ, служащихъ по найму въ должностяхъ управляющихъ.

Министерство предполагаетъ далѣе, что женщины управительницы, за недостаткомъ свѣдущихъ и добросовѣстныхъ мужчинъ-управляющихъ, во многихъ случаяхъ явились бы желательнымъ для деревни элементомъ, тѣмъ болѣе, что женщины привыкли на разныхъ отрасляхъ дѣятельности довольствоваться сравнительно малымъ вознагражденіемъ. Если же принять, при этомъ, во вниманіе, что для приарѣнія и воспитанія безпріютныхъ дѣвушекъ учреждаются повсемѣстно дорого стоящія благотворительныя учрежденія и что даже женщины изъ болѣе обеспеченныхъ классовъ населенія остаются нерѣдко безъ куска хлѣба и возможности приобрести его своимъ трудомъ, то едва ли можно сомнѣваться въ полезности учрежденія цѣлой сѣти профессиональныхъ сельскохозяйственныхъ школъ и курсовъ для женщинъ, поставленныхъ въ необходимость изучить ту или другую часть сельскаго хозяйства.

Въ этомъ отношеніи министерство ставитъ на первый планъ такія учебныя заведенія, которыя давали бы профессиональную подготовку дѣвицамъ, уже прошедшимъ курсъ среднихъ общеобразовательныхъ школъ: женскихъ институтовъ, гимназій и епархіальныхъ училищъ. Въ заведеніяхъ этого рода можно бы было ввести, при дополнительномъ курсѣ математики (изучаемой въ названныхъ среднихъ школахъ въ довольно ограниченномъ объемѣ), изученіе вспомогательныхъ естественныхъ наукъ и сельскохозяйственныхъ ученій, при соответствующихъ цѣлямъ обученія практическихъ занятій. Конечно, такое заведеніе едва ли будетъ готовить тѣхъ научныхъ и практическихъ дѣятелей, которые выпускаются мужскими сельскохозяйственными институтами высшаго разряда: напротивъ, по размѣрамъ предварительной общеобразовательной подготовки ученицъ и по характеру преподаванія, которое желательно сдѣлать возможно болѣе практическимъ, означенная школа будетъ вполне подходить къ типу среднихъ сельскохозяйственныхъ училищъ, отличаясь отъ нихъ менѣе продолжительнымъ курсомъ (отъ исключенія общеобразовательныхъ предметовъ). Но при этомъ такое заведеніе могло бы явиться разсадникомъ свѣдущихъ въ сельскомъ хозяйствѣ и достаточно образованныхъ учительницъ для женскихъ сельскохозяйственныхъ школъ и курсовъ низшихъ типовъ,

а также руководительницъ въ хозяйствѣ: въ качествѣ ли женъ землевладѣльцевъ и управляющихъ или наемныхъ завѣдывающихъ хозяйствами, конторщиковъ и т. п. служащихъ.

Низшія сельскохозяйственные училища или школы I и II рядовъ служатъ большею частію для подготовки второстепенныхъ низшихъ агрономическихъ дѣятелей на частной службѣ—въ качествѣ старостъ, приказчиковъ и управляющихъ мелкими имѣніями—и являются въ этомъ отношеніи дополненіемъ къ среднимъ земледѣльческимъ училищамъ, приготовляющимъ болѣе научно-подготовленныхъ и дорогихъ дѣятелей. Если такого рода низшія учебныя заведенія оказываются полезными для мужчинъ, то не менѣе того, полагаетъ министерство земледѣлія, они желательны и съ точки зрѣнія женскаго образованія. Нужно принять во вниманіе, что образованіе въ среднеучебныхъ заведеніяхъ получаетъ, сравнительно, весьма ограниченное число дѣвушекъ, большинство же не доходитъ вовсе до послѣднихъ классовъ по невозможности или нежеланію продолжать образованіе. Признаніе этого факта привело уже къ учрежденію низшихъ общеобразовательныхъ училищъ, съ болѣе простымъ, чѣмъ въ гимназіяхъ, но законченнымъ курсомъ и, притомъ, съ профессиональнымъ характеромъ. Безъ сомнѣнія, устройство сельскохозяйственныхъ училищъ такого же типа облегчитъ возможность для многихъ родителей средняго класса давать своимъ дочерямъ элементарное образованіе въ связи съ изученіемъ полезныхъ въ жизни сельскохозяйственныхъ занятій.

Относительно училищъ этого типа слѣдуетъ вообще замѣтить, сказано въ проектѣ, что изученіе въ нихъ сельскохозяйственныхъ отраслей, преимущественно практическимъ путемъ, могло бы съ успѣхомъ сопровождаться довольно основательнымъ, хотя и элементарнымъ общеобразовательнымъ курсомъ, напрямѣръ, въ объемѣ хотя бы двухклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

Съ такимъ же смѣшаннымъ характеромъ преподаванія могли бы быть созданы и училища нѣсколько высшаго типа, соответствующаго среднимъ общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніямъ, въ тѣхъ губерніяхъ, въ коихъ нѣтъ или недостаточно этихъ послѣднихъ заведеній.

Къ слѣдующему разряду женскихъ сельскохозяйственныхъ школъ составители проекта относятъ исключительно практическія учебныя заведенія, примѣромъ которыхъ могутъ служить существующія школы: Едимоновская, Зозулинская и Понемунская. Въ такихъ практическихъ школахъ, имѣющихъ исключительно цѣлью подготовку мастерицъ молочнаго дѣла, или же дешевыхъ экономокъ и даже прислугъ, нѣтъ никакой необходимости ни въ общеобразовательномъ курсѣ въ дополненіе къ той грамотности, которою ученицы уже обладаютъ при поступленіи въ школы, ни даже въ особомъ классномъ преподаваніи

сельскохозяйственныхъ предметовъ въ общепринятомъ школьномъ смыслѣ такого преподаванія, вслѣдствіе простоты задачъ самого обученія. Число такихъ школъ можетъ быть значительно увеличено, такъ какъ устройство и содержаніе ихъ не требуетъ большихъ средствъ и возможно вообще во всякомъ хорошо и соответственно устроенномъ хозяйствѣ. При этомъ слѣдовало бы лишь стремиться къ тому, чтобы дѣло обученія не усложнялось чрезмѣрнымъ количествомъ изучаемыхъ отраслей, а направлялось бы, главнымъ образомъ, на обученіе отдѣльнымъ и, притомъ, немногимъ занятіямъ, но въ связи съ воспитаніемъ въ учащихся дѣвушкахъ тѣхъ качествъ, которыя составляютъ необходимое условіе для частной сельскохозяйственной дѣятельности. При такомъ ограниченіи курса, самый срокъ пребыванія въ школахъ можетъ быть сокращаемъ до двухъ лѣтъ и даже до одного года, въ зависимости отъ тѣхъ отраслей хозяйства, которыя будутъ поставлены въ программу той или другой школы.

Независимо отъ профессиональныхъ школъ, правительствомъ предпринимается рядъ мѣръ къ распространенію сельскохозяйственныхъ знаній среди той части сельскаго населенія, которая лишена возможности получать эти знанія въ специальныхъ школахъ, въ качествѣ постоянныхъ учениковъ. Съ этою цѣлію, между прочимъ, предположено устраивать курсы и чтенія на подобіе курсовъ для народныхъ учителей и учительницъ, а также разрѣшенъ приемъ въ означенныя заведенія практикантовъ для практическаго изученія нѣкоторыхъ отраслей и приемовъ сельскаго хозяйства. Кромѣ того, уже два года устраиваются публичныя чтенія-бесѣды въ городахъ при помощи особо командировуемыхъ специалистовъ.

Подобныя же мѣры могли бы быть предприняты современемъ и для женщинъ, нуждающихся въ соответственныхъ сельскохозяйственныхъ познаніяхъ, особенно когда устроится больше женскихъ сельскохозяйственныхъ школъ. При этомъ главное отличіе курсовъ и чтеній для женщинъ состояло бы, какъ и въ профессиональныхъ женскихъ школахъ, главнымъ образомъ, въ содержаніи обученія примѣнительно къ отраслямъ женскаго труда.

Наконецъ, министерство ожидаетъ весьма существенной пользы отъ введенія практическихъ курсовъ домоводства вообще или отдѣльныхъ сельскохозяйственныхъ занятій въ существующихъ учебныхъ заведеніяхъ для воспитанія дѣвицъ, равно какъ и въ различныхъ пріютахъ для бѣдныхъ дѣтей, въ тѣхъ случаяхъ, когда это представится возможнымъ по условіямъ того или другого заведенія.

Для постепеннаго исполненія высказанныхъ предположеній по части низшаго сельскохозяйственнаго образованія для женщинъ необходимо было бы, прежде всего, независимо отъ учрежденія того или другого средняго сельскохозяйственнаго училища или института, открыть одну или двѣ женскихъ сельскохозяйственныхъ семинаріи,

на подобіе учительскихъ школъ, съ тою цѣлію, чтобы снабжать предполагаемыя низшія практическія школы и курсы подготовленными къ дѣлу руководительницами занятій, надзирательницами и т. п. Такая семинарія должна бы находиться въ сельской обстановкѣ, при соотвѣтственно устроенномъ казенномъ хозяйствѣ, и пользоваться достаточными средствами для надлежащей постановки учебнаго дѣла.

Учрежденіе женской сельскохозяйственной семинаріи дало бы возможность приступить, съ большею увѣренностію въ успѣхъ, къ открытію сѣти другихъ профессиональныхъ школъ и курсовъ для женщинъ по сельскому хозяйству и домоводству, а потому вопросъ о семинаріи нужно поставить на первую очередь.

«Такимъ образомъ,—читаемъ мы въ заключеніи проекта министерства земледѣлія,—можетъ быть намѣченъ цѣлый рядъ разсадниковъ полезныхъ сельскохозяйственныхъ знаній для женщинъ. Не слѣдуетъ забывать, что женщины составляютъ половину всего населенія, весьма вліятельную въ русской жизни, и что, по положенію своему, онѣ во многихъ случаяхъ болѣе мужчинъ бываютъ прикованы къ дому и къ хозяйству. Поэтому, распространеніе между ними удобными путями сельскохозяйственныхъ знаній и соотвѣтственнаго воспитанія можетъ принести огромную пользу сельскому хозяйству».

Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ предложило разработать болѣе подробно вопросъ о женскомъ сельскохозяйственномъ образованіи, при участіи свѣдущихъ лицъ. Можно надѣяться, что сельскохозяйственныя общества и земства, съ своей стороны, отнесутся къ вопросу съ должнымъ вниманіемъ и помогутъ хотя бы опредѣлять размѣры потребностей нашей жизни по части сельскохозяйственнаго образованія и ассигнуютъ современемъ свои средства на это дѣло.

Послѣ приведеннаго проекта министерства земледѣлія по вопросу о сельскохозяйственномъ образованіи женщинъ, гдѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточились взгляды, мнѣнія и пожеланія въ этой области печати, въ лицѣ ея видныхъ, перечисленныхъ выше, представителей, мнѣ не приходится болѣе распространяться въ защиту основныхъ положеній настоящей статьи. Само правительственное учрежденіе, руководимое такимъ просвѣщеннымъ дѣятелемъ, какъ дѣйствительный тайный совѣтникъ А. С. Ермоловъ, беретъ женщинъ подъ свое покровительство и тѣмъ, понятно, кладетъ предѣлъ всякой пустой оппозиціи дѣлу женскаго просвѣщенія въ сельскохозяйственной области. Господа поклонники стараго уклада жизни должны смолкнуть и примириться съ фактомъ, а женщинамъ, которымъ въ настоящее время все труднѣе приходится снискивать себѣ обезпеченный кусокъ хлѣба, какъ я это постарался выяснитъ въ

началъ статьи, остается только порадоваться, что въ душевой атмосферѣ ихъ существованія властная рука просвѣщеннаго савовника открываетъ широкую отдушину, черезъ которую улетятъ современемъ многія нынѣшнія горести и невзгоды. Имъ остается только просить и добиваться, чтобъ открылась еще новая подобная отдушина, черновой чертежъ которой намѣтился въ статьяхъ «Новаго Времени», съ которыхъ я началъ свою сегодняшнюю бесѣду.

Б. Глинскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и за границей.
Биографическіе наброски В. Д. Смирнова. Спб. 1897.**

ЮГРАФИЧЕСКІЕ «наброски» г. Смирнова о Герценѣ даютъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія о его дѣтствѣ, юности, домашнемъ образованіи, дружбѣ съ Огаревымъ, университетскихъ годахъ, пребываніи въ ссылкѣ, о женитьбѣ на Натальѣ Александровнѣ и ея религіозно-благородномъ характерѣ, о возвращеніи Герцена въ Москву и Петербургъ въ кружокъ Вѣлинскаго, Грановскаго, Вакунина и, наконецъ, его литературной дѣятельности дома и за границей. Въ живомъ наложеніи г. Смирнова, Герценъ рисуется не только крупнымъ писателемъ въ русской литературѣ, но и глубокострадающимъ человѣкомъ, вслѣдствіе сердечныхъ утратъ (бѣгство жены съ Гервегомъ) и разочарованій въ русскую эмиграцію и европейскія республики съ «мѣщанскимъ большинствомъ»... Дни одиночества и скорби въ жизни Герцена могли бы послужить для романа отличнымъ матеріаломъ. Не будучи свободенъ внутри себя отъ семейныхъ мукъ, Герценъ тѣмъ съ большимъ воодушевленіемъ отдается борьбѣ съ романтизмомъ и метафизическимъ идеализмомъ 30-хъ годовъ во имя позитивной философіи Ог. Конта, принциповъ 1848 года и освобожденія русскихъ крестьянъ съ землею. Онъ первый изъ русскихъ мыслителей вышелъ на практическій путь изъ отвлеченныхъ, идеалистически-нѣмецкихъ теорій Шеллинга и Гегеля, увлекшись принципами Фейербаха о единствѣ матеріи и духа, русской народностью съ мощною мыслью Запада, способною оплодотворить патриархальность и индійско-азіатскую мертвечину нашихъ общинъ, артелей, мірской сходки и всесословной волости. Онъ расходится на религіозной почвѣ въ ссылкѣ

съ мистикомъ Витбергомъ, въ Москвѣ съ Грановскимъ, у себя дома — съ женой; на политической — съ Вѣлинскимъ въ Москвѣ, съ славянофилами и поклонниками Оптиной пустыни, съ католицизмомъ Чаадаева, доктринерствомъ Чичерина, безалаберностью Кетчера и т. д. Нѣтъ такого проявленія русской мысли, съ которымъ бы Герценъ въ свое время не боролся для торжества собственныхъ идей въ «Письмахъ объ изученіи природы», «Нѣтъ записокъ доктора Крупова», «Кто виновать?», «Капризы и раздумье», «Сорока-воровка» и т. д. Во всѣхъ спорахъ Герцена съ москвичами звучитъ вѣра въ науку и увѣренность въ обновленіе родины черезъ уничтоженіе рабства и солидарность съ европейскимъ прогрессомъ безъ тарифныхъ и бюрократическихъ стѣнъ. «Освобожденіе крестьянъ по манифесту 19 февраля 1861 г., — говоритъ составитель жизнеописанія Герцена, — было для нашихъ отцовъ призывомъ къ полному обновленію жизни и прощаніемъ со всѣмъ старымъ, что тревожило, мучило и возбуждало отвращеніе и даже ненависть. Манифестъ былъ прочитанъ по всей странѣ при самой торжественной обстановкѣ, при звонѣ колоколовъ, священниками въ полномъ облаченіи, и крѣпостная Россія исчезла съ лица земли: пока она переводилась въ разрядъ временно-обязанныхъ. Во многихъ мѣстахъ народъ праздновалъ, но въ сущности это былъ праздникъ не сѣрой мужицкой Россіи, а главнымъ образомъ интеллигенціи, которая увидѣла въ манифестѣ свою побѣду и прочла въ немъ призывъ къ политической жизни».

Эту «побѣду» надъ крѣпостнической партіей Герценъ проповѣдывалъ еще ранѣе эмигрированія за границу и долгое время не сомнѣвался въ могуществѣ своихъ идей надъ соотечественниками. Съ той же вѣрой въ побѣдоносный ходъ событій онъ встрѣтилъ въ Европѣ 1848 годъ, пока не увидѣлъ, что смѣна Гизо Одиллономъ Барро и Ламартинномъ, а послѣднихъ — Кавеньякомъ, Шангарнье и Бонапартомъ не ослабила могущества мѣщанскаго строя... Его книга «Съ того берега» исполнена скорби за Европу.

Въ 1856 году онъ переехалъ съ европейскаго континента въ Лондонъ и сталъ издавать «Колоколъ». «Кажется, — пишетъ г. Смирновъ, — еще и теперь многіе держатся мнѣнія, что «Колоколъ» былъ революціоннымъ органомъ, чѣмъ-то въ родѣ подпольнаго изданія съ проповѣдью насилія и утопій. Это — взглядъ совершенно ошибочный, который не разъ уже получалъ достойное и энергичное опроверженіе, но продолжаетъ держаться по рутинѣ, а, можетъ быть, и почему либо другому. Дѣло обстоитъ значительно проще. Въ первый періодъ броженія на главномъ планѣ стоитъ крестьянскій вопросъ. Общество было исполнено смутныхъ тревогъ. Люди самыхъ противоположныхъ партій ждали, что этотъ вопросъ разрѣшится потрясеніемъ всего общественнаго строя. Между тѣмъ Герценъ въ это время съ свѣтлымъ энтузіазмомъ пріивѣтствовалъ въ своемъ «Колоколѣ» начинанія правительства. Онъ доказывалъ, что разрѣшеніе этого вопроса правильно, т. е. освобожденіе съ надѣломъ земель, и не только не можетъ повести къ революціи, а еще болѣе привяжетъ народъ къ правительству. Со всѣхъ сторонъ сыпался къ нему письма, обвинявшія его въ умѣренности. Отъ него ждали какой нибудь революціонной программы. Но Герценъ отвѣчалъ на всѣ эти обвиненія и ожиданія, что, увидѣвши, что на знамени новаго движенія въ Россіи стоитъ не конституція, не республика, не

парламентъ, не муниципальная свобода, не война съ Австріей, не завоеваніе Турціи, а освобожденіе крестьянъ съ землей, — онъ бросилъ все и пригнѣлся къ этому жизненному вопросу для Россіи, и въ этомъ причина всего успѣха «Колокола».

Торжество «Колокола» продолжалось, однако, не долго, и ослабленіе его возникло съ той стороны, съ которой Герценъ всего менѣе могъ его ожидать. Прежде всего реформы застали насъ беззаконниками, и неудивительно, что ихъ тотчасъ же приспособили къ правамъ большинства. Въмѣсто неизбежнаго, по разуму, послѣ 19 февраля, всеобщаго образованія массы, ее предоставили во власть кабаку, а «молодое поколѣніе» — чехамъ съ латинскою грамматикой. Въ результатѣ явилось матеріальное и умственное оскудѣніе. Разочарованіе охватило Герцена за собственную родину и, приставъ къ недовольнымъ въ ней элементамъ, онъ скоро протянулъ руку Бакунину и сталъ въ печати поддерживать польское возстаніе.

Это погубило популярность Герцена на его родинѣ. По окончаніи польскаго возстанія, Герценъ, въ 1864 году, переселился изъ Лондона въ Женеву. «Это была для него тяжелые годы, — говоритъ биографъ. — «Колоколъ» продолжалъ выходить, но ясно было, что его вліяніе пропало: одни считали его слишкомъ умѣреннымъ, другіе — чересчуръ краснымъ. Въ Россіи наступала новая эпоха, начиналась реакція, а вмѣстѣ съ этимъ партія движенія, вышедшая изъ массы общества, образовала кружки съ исключительными цѣлями и исключительною проповѣдью. Въ Женеву то и дѣло назъжали молодые эмигранты, но между ними и Герценомъ было слишкомъ мало общаго, не только для того, чтобы столкнуться, но даже и для того, чтобы просто разговаривать. Воспоминаніе объ этой молодой эмиграціи осталось очень тяжелымъ для Герцена. Онъ говорилъ о ней не иначе, какъ съ раздраженіемъ и даже отвращеніемъ». Самыя простыя отношенія съ ними Герценъ находилъ затруднительными: «у нихъ не было ни воспитанія, ни научной подготовки».

Послѣ «Колокола» онъ началъ издавать «Полярную Звѣзду» и написалъ свои знаменитыя «Взлѣты и думы». Неумѣнье лицъ удержаться на высотѣ событій, всеобщая профанация невоспитанной массой дорогихъ ему началъ и личныхъ страданія все болѣе и болѣе привязываютъ Герцена къ мрачнымъ мыслямъ о прогрессѣ вообще и горькой судьбѣ покинутой имъ родины. Въ «Посмертномъ сборникѣ» его статей онъ уже не вѣритъ ни въ какія революціи XIX вѣка и полагаетъ его спасеніе въ развитіи научныхъ и гуманитарныхъ идей въ безконечномъ рядѣ вѣковъ. Онъ умеръ 9 января 1870 года въ Парижѣ и похороненъ, согласно его желанію, въ Ниццѣ. Перечисляя важнѣйшіе моменты жизни Герцена, г. Смирновъ освѣщаетъ ихъ достаточно ясно и обстоятельно.

А. Фаресовъ.

Описаніе рѣдкихъ руссійскихъ книгъ. Оставилъ Александръ Вурцевъ. 5 частей. Спб. 1897.

А. Е. Вурцевъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, собралъ обширную, въ нѣсколько тысячъ томовъ, бібліотеку, преимущественно рѣдкихъ и замѣчательныхъ руссійскихъ книгъ. Въ настоящее время онъ издалъ, въ пяти томахъ, описаніе своихъ

книжныхъ сокровищъ; но, къ сожалѣнiю, по слабости, свойственной всѣмъ библиоманамъ, сразу же придавъ ему значенiе библиографической рѣдкости, напечатавъ всего въ количествѣ 100 экземпляровъ, не для продажи, и такимъ образомъ сдѣлавъ свое изданiе недоступнымъ множеству любителей и собирателей книгъ, число которыхъ умножается съ каждымъ годомъ и которымъ «Описанiе» г. Бурцева могло бы служить прекраснымъ руководствомъ для разнообразныхъ справокъ и свѣдѣнiй.

«При выборѣ рѣдкихъ русскихъ книгъ, внесенныхъ мною въ описанiе, — говоритъ г. Бурцевъ въ предисловіи, — я руководствовался, какъ извѣстными мнѣ данными и указанiями о безусловной или относительной рѣдкости этихъ книгъ, такъ и собственнымъ опытомъ и глубокою любовью къ библиографіи, усвоенными мною за время моего многолѣтняго собиранiя русскихъ книжныхъ рѣдкостей. Я старался указать только такія книги, коихъ рѣдкость опредѣлена была болѣе или менѣе точными признаками и свѣдѣтельствами нашихъ почтенныхъ библиографовъ».

Всѣхъ рѣдкихъ книгъ въ изданiи г. Бурцева 1078 названiй; но составитель не ограничился однимъ лишь перечнемъ заглавiй; каждая книга описана имъ весьма обстоятельно; кромѣ обычнаго указанiя на годъ изданiя, форматъ, типографію, количество частей и т. п., вездѣ приведено, болѣе или менѣе подробное содержанiе, съ библиографическими примѣчанiями и поясненiями и не рѣдко съ существующей на книжномъ рынкѣ цѣной. Сверхъ того, 32 наиболее рѣдкія сочиненiя перепечатаны вполнѣ, хотя мы не понимаемъ, зачѣмъ понадобилось включать въ число ихъ «Вадима Новгородскаго», трагедію Княжнина, и «Ганца Кюхельгартена», идиллію В. Алова, такъ какъ трагедія уже была напечатана въ «Русской Старинѣ», а идиллія вошла въ полное собраніе сочиненiй Гоголя. Къ пятому тому приложены оглавленiе и «указатель» именъ авторовъ и переводчиковъ, упомянутыхъ въ «Описанiи», что значително облегчаетъ пользованiе имъ.

Изъ сказаннаго намъ ясно, какую пользу могло бы принести изданiе г. Бурцева всѣмъ начинающимъ собирателямъ библиотекъ по разнымъ отраслямъ знанiй. Мы не принадлежимъ къ числу библиографовъ; но, занимаясь много лѣтъ русской исторiей, составили довольно полную библиотечку, главнымъ образомъ изъ сочиненiй, относящихся къ исторiи Россіи XVIII вѣка. Естественно, что мы обратили особенное вниманiе на историческія сочиненiя, приводимыя въ «Описанiи» г. Бурцева, и должны сказать, что этотъ отдѣлъ весьма не полонъ и въ немъ не упомянуто о множествѣ рѣдкихъ изданiй. Дѣлать дополненiя къ нему потребовало бы слишкомъ много мѣста. Но чтобы не быть голословнымъ, приведемъ названiя нѣсколькихъ рѣдкихъ книгъ, отсутствующихъ въ «Описанiи» г. Бурцева.

1) Приклады како ишшутся комплименты разные на нѣмецкомъ языкѣ то есть писанiе отъ потентатовъ къ потентатамъ поздравительныя, сожалительныя и пныя. Такожде между сродниковъ и прiателей. Переведены съ нѣмецкаго на руссiйскiй языкъ и напечатаны повелѣнiемъ всепресвѣтлѣйшія великія государыни, ея императорскаго величества Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссiйской. Въ царствующемъ градѣ Санктпетербургѣ 1725 года, въ сен-

табрѣ мѣсяцѣ. (237 стр. и «Реестръ комплиментамъ, обрѣтающимся въ книгѣ сей»). 2) Меморіалъ каковъ по указу его царскаго величества подать англійскому двору 1719 году и противъ того данныя отъ онаго двора изъ нѣмецкой и англійской канцеляріи отвѣты и учиненной на оныя отъ страны его царскаго величества сего 1720 насупротивной отвѣтъ. Напечатана повелѣніемъ Царскаго Величества въ Санктпетербургской типографіи 1720 году сентября въ 18 день (204 страницы). 3) Высочайшія повелѣнія по придворному вѣдомству 1723—1730 годовъ. С.-Петербургъ. 1886. (102 страницы и «Указатель»). Это изданіе въ продажу не поступало. 4) Краткій російскій гѣтописецъ съ родословіемъ. Сочиненіе Михайла Ломоносова. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 1760 года. (75 страницъ). Посвящено великому князю Павлу Петровичу. Въ началѣ, на двухъ страницахъ, стихотворное посвященіе, а за тѣмъ вступленіе и перечисленіе русскихъ великихъ князей отъ Рюрика до Павла Петровича. 5) Жизнь привѣссы Анны, правительницы Россіи. Издвненіемъ П. Я. Москва. Въ типографіи Селивановскаго. 1814. (42 страницы). 6) Описаніе историческое столичнаго города Москвы, собранное въ 1775 году и изданное въ свѣтъ для удовольствія общества издателемъ «Описанія Санктпетербурга» Г. Н. С. В. Г. Рубавомъ. Печатано при Артиллерійскомъ и Инженерномъ Шляхетномъ корпусѣ у содержателя типографіи Х. Ф. Клезна. Въ Санктпетербургѣ. 1782. (159 страницъ). 7) Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ, бывшихъ въ Санктпетербургѣ. Санктпетербургъ, въ Морской типографіи. 1826. Напечатано по указу Государственнаго Адмиралтейскаго департамента. (86 стр.). 8) Кавалерскій свитокъ, въ коемъ показаны всѣ ордены въ Европѣ, при чемъ и время ихъ учрежденія, знаки и торжественныя одежды. Изд. А. И. Въ Санктпетербургѣ, 1794 года. Печ. съ дозв. указн. по Невской перспективѣ у Аничкова мосту въ домѣ г. Зубова. (37 стр.). 9) Журналь гѣшеходцевъ отъ Москвы до Ростова и обратно въ Москву. Издалъ М. Н. М. к. р. в. Москва. 1830. Въ Университетской типографіи. (226 стр.). 10) Расколъ въ низу и расколъ въ верху. Очерки современнаго сектантства. А. С. Пругавина. С.-Петербургъ. 1882. Изданіе А. С. Суворина. (428 стр). Въ продажу не поступало и все изданіе уничтожено. 11) Книгиня Катерина Романовна Дашкова. Изслѣдованіе А. А. Суворина. Часть первая. С.-Петербургъ. Типографія А. С. Суворина. (193 стр.). Напечатано всего 50 экз. 12) Переключка альманахамъ. Матеріалы для библиографіи русскихъ литературныхъ альманаховъ и сборниковъ конца XVIII и первой половины XIX столѣтій. (1794—1850). Составилъ въ селѣ Глѣбовѣ, Подольской губерніи, графъ Е. Путятинъ. Новая Ушица. Типографія Генриха Чаровскаго. 1893. (75 стр.). Въ томъ же 1893 г. напечатано «Дополненіе къ переключкѣ альманахамъ». Изданіе въ продажу не поступало. 13) Очеркъ моей жизни. М. Пещурова. (154 стр. безъ означенія типографіи и года). Изданіе въ продажу не поступало. 14) Для немногихъ. Сборникъ статей П. Н. Петрова. Въ «Описаніи» г. Бурицевъ указалъ только одинъ томъ, а ихъ вышло три тома; второй томъ напечатанъ въ 1873 г., а третій въ 1875 г. Изданіе не поступало въ продажу.

Ограничиваемся этими немногими дополненіями, хотя могли бы привести ихъ въ нѣсколько разъ болѣе. Но всѣ эти пробѣлы, неизбѣжныя въ такомъ

издашіи, какъ «Описаніе рѣдкихъ книгъ», нѣсколько не умаляютъ значенія труда г. Бурцева, который, заслуживаетъ самой искренней благодарности всѣхъ любителей и собирателей книгъ.

О. Ш.

Натанъ Мудрый—драматическое стихотвореніе Г. Э. Лессинга, переводъ съ нѣмецкаго Виктора Крылова. Новое изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1897.

Драма «Натанъ Мудрый», напечатанная впервые въ Германіи въ 1779 году, была лебединою пѣсней великаго реформатора германской литературы, Лессинга. Это произведеніе, вызванное полемикой, въ минуты самыхъ горькихъ испытаній автора, тѣмъ не менѣе сосредоточило въ себѣ всѣ главныя черты тѣхъ стремленій, за которыя ратовалъ Лессингъ всю свою жизнь. Въ основѣ драмы прежде всего лежатъ принципіи широкой гуманности и вѣротерпимости, составлявшій первую отличительную черту всѣхъ выдающихся ученыхъ и литературныхъ трудовъ проплагаго, такъ называемаго, вѣка просвѣщенія. На этомъ общемъ фонѣ Лессингъ въ своемъ «Натанѣ» тронулъ множество сторонъ общественной жизни: вопросы родства, воспитанія, дружбы, благотворительности, милитаризма и проч.—и на всѣ эти вопросы драма откликается съ такой яркостью и законченностью, что надо удивляться, какъ послѣдующія поколѣнія отъ нея отстали. Вотъ причина, почему «Натанъ Мудрый», несмотря на свою дидактичность, остался донынѣ вѣчно новою книгой, изъ которой большое, увлекающееся человѣчество долго будетъ черпать уроки мудрости и проповѣдь честности, любви, труда, добронорядности. Вліяніе этой проповѣди тѣмъ болѣе сильно, что она является въ формѣ занимательной драмы, полной интересныхъ характеровъ, художественныхъ драматическихъ положеній, живаго колоритнаго, поэтическаго діалога. Г. Крыловъ помѣстилъ въ своей книгѣ громадную библиографію всего, что написано о «Натанѣ» въ Германіи и отчасти и въ другихъ странахъ, и не съ одной номенклатурой, а и съ краткимъ изложеніемъ содержанія и направленія каждаго сочиненія. Последнія изъ этихъ сочиненій помѣчены девяностыми годами нынѣшняго столѣтія. Уже это одно показываетъ, въ какой мѣрѣ драма дастъ матеріалъ для обсужденія философскихъ и общественныхъ сторонъ человѣческой жизни. Почти двадцать лѣтъ прошло сверхъ столѣтія драмы, а эти небольшіе пять актовъ афоризмовъ, сентенцій, наглядныхъ поученій сохранились во всей своей первобытной свѣжести, служа исходною точкой для цѣлой массы самыхъ разнообразныхъ исследованийъ.

Нельзя не порадоваться, что такое произведеніе нашло у насъ въ Россіи талантливаго и образцоваго переводчика и издателя, не пожалѣвшаго средствъ, чтобъ придать этому солидному труду роскошную внѣшность. Переводъ г. Крылова драмы Лессинга «Натанъ Мудрый» извѣстенъ уже почти 30 лѣтъ. Переводъ этотъ былъ напечатанъ впервые въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» въ 1868 году и тогда уже, но особенно по изданіи отдѣльной книгой (1875 г.), обратилъ на себя вниманіе, какъ одна изъ выдающихся литературныхъ ра-

богъ. Еще тогда, сверхъ газетныхъ отчетовъ, всѣ большіе журналы посвящали книгѣ подробныя, обстоятельныя статьи. Вызваны эти статьи были не только самимъ переводомъ, но и обширнымъ предисловіемъ къ нему г. Крылова, выясняющимъ значеніе Лессинга и его драмы въ германской литературѣ.

Новое изданіе труда г. Крылова, уже давно сдѣлавшагося библиографической рѣдкостью, исполнено превосходно. Уже и прежде переводъ г. Крылова отличался своей близостью къ подлиннику и въ то же время красивымъ стихомъ поэтически передавалъ твореніе Лессинга. Но переводчикъ не ограничился простой перепечаткой перевода; онъ тщательно пересмотрѣлъ его и придалъ еще болѣе тщательную отдѣлку. Множество комментариевъ, приложенныхъ къ переводу, поясняютъ болѣе трудныя мѣста подлинника. О библиографическомъ указателѣ уже сказано; мы не знаемъ такого подробнаго старательно просмотрѣннаго каталога о «Шатанѣ Мудромъ» даже на нѣмецкомъ языкѣ. Литератору, ученому, преподавателю литературы, этотъ указатель можетъ быть очень полезенъ при разработкѣ вопросовъ, поднятыхъ Лессингомъ. Статья г. Крылова о жизни Лессинга и его «Шатанѣ» тоже подверглась разработкѣ и добавленіямъ и, въ сущности, представляетъ историко-литературный очеркъ, крайне поучительный, ярко изложенный и читающійся легко, какъ романъ.

Издана книга г. Марксомъ роскошно; это большой томъ, крупно отпечатанный на толстой веленовой бумагѣ и украшенный множествомъ иллюстрацій, какъ въ текстѣ, такъ и отдѣльно вложенныхъ, гравированныхъ на стали. Къ книгѣ приложенъ замѣчательный, художественный портретъ Лессинга.

О—іі.

Библиографическій указатель переводной беллетристики въ связи съ исторіей литературы и критикой. Съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. Опб. 1897.

Русская литература, хотя и слабо, но все же понемногу и исподволь пополняется столь долго отсутствовавшими въ ней справочными указателями и словарями. Въ прошлой книгѣ «Историческаго Вѣстника» мы указывали на послѣднія нововведенія въ «Критико-біографическомъ» словарѣ г. Венгерова, благодаря которымъ родилось нѣсколькихъ два самостоятельныхъ справочныхъ пособия. Въ настоящее время нами получены «указатель» нѣсколько иного характера, но также заслуживающій самого лестнаго вниманія, составленный при непосредственномъ участіи извѣстнаго работника на поприщѣ общественнаго просвѣщенія, П. Рубакина, и выпущенный съ его предисловіемъ. «Библиографическій указатель переводной беллетристики» представляетъ собою очень удачную попытку разобраться въ наличности переводной беллетристики, существующей на русскомъ языкѣ. Составитель взялъ на себя тяжелый трудъ пересмотрѣть по возможности всѣ существующіе на отечественномъ языкѣ библиографическіе указатели и словари, какъ-то труды В. Межова, С. Венгерова, бр. Ламбонныхъ, Соникова и др., каталоги книжныхъ магазиновъ, частныхъ и общественныхъ библиотекъ, указатели разныхъ періодическихъ изданій и т. д. и выбралъ изъ нихъ произведенія тѣхъ авторовъ, которые играли извѣстную роль въ исторіи человѣческой мысли съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ.

Никакого иного критерія къ избираемымъ авторамъ, кромѣ критерія историческаго, составитель не предъявлялъ, ирпчемъ, главнымъ пособіемъ при составленіи списковъ этихъ авторовъ ему служили наиболѣе обширные обзоры всемірной литературы, существующіе на русскомъ языкѣ. Несмотря на такое тщательное отношеніе къ дѣлу, нѣкоторые авторы, и притомъ весьма многіе, все же совсѣмъ не могли попасть въ «Указатель», такъ какъ произведеній этихъ авторовъ совсѣмъ не существуетъ въ русскомъ переводѣ.

«Указатель» составленъ по слѣдующему плану: онъ распадается на 9 отдѣловъ, изъ коихъ каждый посвященъ литературѣ того или другого народа или известныхъ группъ народовъ. Передъ каждымъ отдѣломъ указаны главнѣйшія сочиненія, посвященныя болѣе или менѣе общимъ обзорамъ литературы данной страны. Краткій списокъ ихъ, напечатанный болѣе крупнымъ шрифтомъ и въ одинъ столбецъ, представляетъ какъ бы историческое введеніе въ исторію литературы данного народа; какъ введеніе еще болѣе общаго характера, въ началѣ «Указателя» данъ списокъ главныхъ сочиненій по исторіи языка и письменности и списокъ общихъ обзоровъ литературы всемірной. Этотъ списокъ даетъ возможность читателю познакомиться съ тѣмъ, какою мѣсто занимаетъ литература данного народа въ исторіи человѣчества, во всей ея сложности и преемственности идей, стремленій и настроеній. Этимъ указаніемъ приданъ описательный характеръ, съ каковою цѣлью выписаны не только подробныя названія указанныхъ сочиненій, но и оглавленія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ два столбца и болѣе мелкимъ шрифтомъ (петитомъ) напечатаны самые списки произведеній той или другой литературы, имѣющихся въ русскомъ переводѣ. При тѣхъ авторахъ и ихъ произведеніяхъ, при какихъ это оказалось выполнимымъ, напечатаны еще болѣе мелкимъ шрифтомъ (нон-парелью) указанія на относящіяся къ нимъ статьи критическія и биографическія. Такимъ образомъ, читатель, желающій приступить къ знакомству съ иностранной беллетристикой, съ помощью «Указателя» г. Рубакина можетъ сдѣлать это осмысленно. Онъ можетъ не только ознакомиться съ тѣмъ или другимъ его произведеніемъ, но и вдуматься въ него, выкинуть въ его историческія, эстетическія и другія детали; не только познакомиться съ тѣмъ, чему учить или чему можетъ научить это произведеніе, но и съ авторомъ его, съ его жизнью и дѣятельностью, съ его положеніемъ и только въ исторіи литературы родной его страны, съ этой исторіей литературы, съ ея отношеніями къ литературѣ всемірной.

Таково содержаніе «Указателя», составленнаго тщательно, умѣлою рукою и значительно отлпчествующаго отъ подобныхъ ему заданій идейностью своей программы, выгодно выдвигающей въ сонмѣ справочныхъ литературныхъ пособій вложенной въ него мыслью. Къ «Указателю» приложено любопытное «Предисловіе», гдѣ г. Рубакинъ, между прочимъ, отстаиваетъ существующій порядокъ вещей въ области нашихъ «переводовъ», отношеній къ западнымъ сосѣдямъ и высказывается, въ интересахъ широкаго пространства задачъ просвѣщенія русскаго народа, противъ проектовъ конвенцій, имѣющихъ назначеніемъ сузить наши права въ отношеніи литературныхъ произведеній старшихъ народовъ.

В. Г.

10*

Бутин. Развитие конституции и политического общества въ Англии. Пер. съ фран. М. Карова. (Общепользная библиотека для самообразованія, изд. М. В. Клюкина). Москва. 1897.

Касательно происхожденія и причинъ блестящаго развитія английской конституціи, съ которою въ настоящее время врядъ ли сравнится какая либо изъ конституцій другихъ государствъ, въ исторической литературѣ существуетъ очень много теорій, одна другую исключаютъ, а потому, конечно, непримиримыхъ между собою. Взглядъ, наиболѣе распространенный въ обществѣ, а въ литературѣ особенно яро защищаемый Фриманомъ, — тотъ, что зародышей происхожденія нынѣшняго политическаго устройства Англии надо искать въ самой глубокой древности, въ особыхъ расовыхъ отличіяхъ англо-саксонскаго племени. Но взглядъ этотъ, вообще говоря, не выдерживаетъ серьезной критики уже по одному тому, что въ древнія времена мы можемъ найти у всѣхъ народовъ германскаго происхожденія учрежденія, тождественныя съ английскими, но въ постепенномъ развитіи давшія результаты совершенно противоположнаго характера. На этомъ основаніи многіе другіе послѣдователи английской исторіи стараются отыскать начатки нынѣшней политической свободы Англии въ позднѣйшихъ перипетіяхъ ея исторической жизни. Къ разряду такого типа ученыхъ относится и авторъ подлежащей нашему разбору книги.

Бутин, какъ французъ, не увлекается въ своемъ изложеніи патріотизмомъ, поневолѣ затемняющимъ ясность взгляда английскихъ изслѣдователей, и, слѣдя шагъ за шагомъ за каждымъ новымъ фазисомъ въ проявленіяхъ политической свободы въ Англии, приходитъ къ весьма поучительнымъ выводамъ, полная передача которыхъ заняла бы слишкомъ много мѣста и не соответствовала бы задачамъ нашей библиографической замѣтки, почему интересующихся ими мы отсылаемъ къ самой книгѣ, а здѣсь постараемся лишь въ общихъ чертахъ указать, въ чемъ видитъ Бутинъ главнѣйшую ошибку такихъ изслѣдователей, какъ Фриманъ.

Онъ утверждаетъ именно, что исторія английской конституціи никогда не будетъ соответствовать истинѣ, разъ, излагая ее, мы будемъ исходить изъ той отпиривной точки, что великое норманское завоеваніе было лишь случайнымъ событіемъ, слегка столкнувшимъ англо-саксонскій народъ съ пути развитія политической свободы, послѣ чего народъ этотъ скоро оправился и вновь вернулся на прежній путь, по коему неуклонно стремился и до настоящаго времени. Бутинъ находитъ, напротивъ, что какъ разъ ко времени нашествія норманновъ английское политическое общество находилось уже въ состояніи полнѣйшаго разложенія, въ которомъ угасали всѣ его живыя силы. Такимъ образомъ, норманскій режимъ не только не могъ идти въ разрѣзъ съ англо-саксонскими политическими идеями того времени, но скорѣе даже довелъ ихъ развитіе до нес plus ultra и упрочилъ ихъ господство. Только внослѣдствіи, спустя очень много времени, английское общество «встрѣтилось съ великой военной, экономической и административной революціей, закалилось въ ней и получило прочность и форму, сохранившуюся въ существенныхъ чертахъ до нашихъ дней; оно обязано этой формѣ не столько самому событію, сколько медленно дѣйствовавшему гнету его послѣдствій, не столько качествамъ, присущимъ каждой

пъзъ расъ, сколько физическимъ и моральнымъ условіямъ, въ которыхъ находился весь народъ» (стр. 8-я и 9-я).

Бутми не признаетъ, чтобы до нынѣшняго столѣтія англійскій «народъ», въ полномъ значеніи этого слова, то-есть вся масса англійскихъ гражданъ, шель по пути увеличенія своей политической свободы; напротивъ того, народъ этотъ все болѣе и болѣе лишался своихъ правъ, приходя все въ большую зависимость отъ привилегированныхъ классовъ — лордовъ и джентри, обладавшихъ поземельною собственностью, единственнымъ имуществомъ, дававшимъ право въ древней Англій на участіе въ государственномъ управленіи. Но именно, — утверждаетъ Бутми, — благодаря тому, что только известное количество фамилій съ почти одинаковыми интересами участвовало въ верховномъ управленіи, фамилія эти могли утвердить свое право представительства на такомъ твердомъ основаніи, на какомъ никогда не установитъ его демократія, представляющая, вообще говоря, изъ себя крайне неустойчивый конгрегатъ людей съ весьма разнообразными интересами. «Возможно думать, что при народномъ режимѣ разнообразіе мнѣній, различіе интересовъ, взрывы страстей въ массахъ породили бы въ палатѣ общинъ неорганизованное и нестройное положеніе, родъ двигающагося хаоса, изъ котораго возникало бы на мгновеніе множество мелкихъ группъ, чтобы затѣмъ разсѣяться, и который не могъ бы послужить основаніемъ никакому простому дѣленію, никакой продолжительной классификаціи партій. Наоборотъ, наследственные родственныя связи обѣихъ ограниченныхъ группъ, происходящихъ изъ крупныхъ фамилій, взаимно соединенныхъ для завоеванія власти и доходныхъ мѣстъ, дѣлали почти достовернымъ то, что не будетъ болѣе двухъ большихъ партій, имѣющихъ значеніе, и что сочетаніе этихъ партій, виговъ или торп, должно быть замѣчательно устойчивымъ» (стр. 149).

Трудно не согласиться съ такими взглядами, особенно потому, что Бутми обосновываетъ ихъ на многочисленныхъ примѣрахъ. Сверхъ того, онъ далеко не первый, ихъ высказавшій; въ отдѣльности каждый изъ этихъ взглядовъ можно встрѣтить у различныхъ ученыхъ, въ родѣ Стеббса, Огюстена Тьерри, капитальные труды которыхъ не могутъ быть даже сравниваемы съ небольшою книжкой Бутми. Но это обстоятельство нимало не умаляетъ заслуги послѣдняго: онъ первый свелъ отдѣльные взгляды воедино и изложилъ въ живой, увлекательной и, главное, вполне популярной формѣ. Для лицъ, мало знакомыхъ съ исторіей Англій, книга его можетъ служить прекраснымъ руководствомъ къ уразумѣнію постепеннаго хода развитія англійской конституціи.

Поэтому нельзя не привѣтствовать съ удовольствіемъ появленіе этой книги въ русскомъ переводѣ, особенно такъ тщательно обработанномъ, какъ переводъ г. Карова. Переводчику можно сдѣлать только одно замѣчаніе: книга «Различіе конституціи и политическаго общества въ Англій» предназначается не для специалистовъ-ученыхъ, а «для самообразованія» читателей-дилетантовъ; между тѣмъ въ средѣ таковыхъ у насъ далеко не такъ распространено знаніе англійскаго языка, чтобы встрѣчающіяся въ книгѣ Бутми англійскія слова и фразы могли быть поняты всѣми безъ перевода; такія выраженія, какъ

«water-frame», «spinning jenny», «self-acting-mule», слѣдовало бы хоть въ примѣчаніи передать въ ихъ русскомъ значеніи.

Е. Лооскій.

Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ. Съ приложениями къ «Исторіи вселенскихъ соборовъ». Изданіе второе. А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Москва. 1897.

Настоящая книга составляетъ вторую часть «Исторіи вселенскихъ соборовъ» («Истор. Вѣстн.», 1896, декабрь) в четвертый томъ втораго издаванія полнаго собранія церковноисторическихъ сочиненій извѣстнаго московскаго профессора А. П. Лебедева. Книга посвящена обзору вселенскихъ соборовъ VI—VIII вѣковъ и является продолженіемъ и завершеніемъ докторской диссертациі почтеннаго профессора, рассматривающей исторію вселенскихъ соборовъ IV и V вѣковъ. Такимъ образомъ, догматическая дѣятельность восточной церкви, въ теченіе пяти вѣковъ проявлявшаяся въ разработкѣ и установленіи основныхъ положеній христіанскаго ученія, съ выходомъ указаннаго тома, представляется болѣе или менѣе обстоятельно раскрытой въ новомъ изданіи трудовъ профессора Лебедева. Рассматриваемая книга состоитъ изъ введенія, трехъ особыхъ отдѣловъ, каждый изъ которыхъ дѣлится на главы, и приложений. Въ введеніи (стр. 1—9) сообщаются краткія свѣдѣнія о распространеніи монофизитской ереси послѣ халкидонскаго, четвертаго вселенскаго собора, осудившаго эту ересь; несмотря на это, въ различныхъ мѣстахъ восточной церкви, именно — въ Палестинѣ, Египтѣ, Сиріи и Константинополѣ, возникло противодѣйствіе халкидонскому собору, устранялись безпорядки и даже открыты возмущенія, противъ которыхъ вынуждена была энергично бороться свѣтская власть. Но монофизитство не скоро исчезло, и пятый вселенскій соборъ (553 г.) имѣлъ дѣло, главнымъ образомъ, съ этою ересью.

Первый отдѣлъ книги профессора Лебедева и рассматриваетъ исторію пятаго вселенскаго собора. Онъ состоитъ изъ трехъ главъ. Глава первая (стр. 10—33) обозрѣваетъ происхожденіе спора о такъ называемыхъ трехъ главахъ или трехъ лицахъ, умершихъ еще въ V вѣкѣ, но своею прежнею дѣятельностью и ученіемъ производившихъ соблазнъ въ церкви; лица эти — Теодоръ, епископъ мопсуестскій, Теодоритъ, епископъ кирскій, и Ива, епископъ едесскій. Дѣло въ томъ, что всѣ они принимали рѣшительное участіе въ проявленіи и развитіи ереси несторіанской и въ борьбѣ этой ереси противъ православія, однако ихъ не осудили ни третій вселенскій соборъ, на которомъ рѣшался вопросъ о несторіанскомъ ученіи, ни четвертый халкидонскій, имѣвшій поводъ выразить о нихъ свое сужденіе. Это обстоятельство послужило для монофизитовъ основаніемъ укорять церковь въ скрытой приверженности къ несторіанству, а для несторіанъ — средствомъ къ распространенію своей ереси. Поэтому церкви надлежало пронавести осужденіе указанныхъ трехъ лицъ за то, что ими было написано и сдѣлано въ пользу несторіанства. За это дѣло и принимается церковь, по внушенію императора Юстиніана. Послѣдній, около 544 года, издалъ указъ, которымъ подвергали анаемѣ Теодора, Теодорита и Иву. По указу Юстиніана, вмѣсто того, чтобы произвести умиротвореніе въ

церкви, имѣлъ совершенно обратное дѣйствіе: онъ вызвалъ смятенія и споры въ церкви касательно указанныхъ лицъ, такъ какъ въ жизни и дѣятельности ихъ можно было находить основанія и для ихъ защиты, и для обвиненія. Споры возгорѣлись съ большою силою и охватили не только востокъ, но и западъ, а послѣ вызвали даже необходимость созванія новаго вселенскаго собора. Подробности споровъ о трехъ главахъ изложены профессоромъ Лебедевымъ во второй главѣ (стр. 34—53) перваго отдѣла, а о пятомъ вселенскомъ соборѣ рѣчь идетъ въ главѣ третьей (стр. 54—72). Здѣсь сообщается о составѣ собора, отношеніи къ нему западныхъ епископовъ, о соборномъ изслѣдованіи дѣятельности трехъ главъ и соборномъ о нихъ опредѣленіи, которое состояло въ томъ, что соборъ, осудивъ лицо и сочиненія Феодора, не осудилъ лица Феодорита и Ивы, пощадилъ ихъ, а осудилъ только нѣкоторые сочиненія одного и одно письмо другаго (стр. 71).

Второй отдѣлъ книги профессора Лебедева разсматриваетъ исторію монофелитской ереси и дѣятельность шестаго вселенскаго собора. Отдѣлъ содержитъ двѣ главы, въ первой изъ коихъ (стр. 73—98) обозрѣвается происхожденіе монофелитства (заключавшагося въ признаніи въ Иисусѣ Христѣ одной воли и одного дѣйствія божескаго и въ отрицаніи въ Немъ воли и дѣятельности челоувѣческой) и дѣятельность въ его пользу Ираклія, Сергія и Кира, а также борьба съ монофелитами со стороны св. Максима Исповѣдника и св. Мартина. Глава вторая (стр. 99—125) своимъ предметомъ имѣетъ константинопольскій шестой вселенскій соборъ (680 г.) и сообщаетъ свѣдѣнія о внѣшней его исторіи и внутренней дѣятельности, направленной противъ монофелитства. Въ заключеніи главы разсказывается о такъ называемомъ пято-шестомъ или Трулльскомъ соборѣ, состоявшемся въ царствованіе императора Юстиніана II, въ 691 или 692 году, въ залѣ императорскаго дворца Труллы, и составившемъ правила касательно положенія церкви и христіанской жизни, въ дополненіе къ догматическимъ опредѣленіямъ V и VI вселенскихъ соборовъ.

Третій и большій отдѣлъ разсматриваемаго сочиненія занятъ описаніемъ иконоборческой эпохи въ исторіи грековосточной церкви и состоитъ изъ четырехъ главъ. Глава первая (стр. 126—151) знакомитъ съ происхожденіемъ иконоборства. Здѣсь выясняется исторія иконопочитанія и иконоупотребленія въ церкви, раскрываются воззрѣнія первыхъ иконоборцевъ и иконоборческая дѣятельность императора Льва Исаврянна (717—741 гг.), описывается дѣятельность православныхъ въ защиту иконъ и ихъ общія воззрѣнія по предмету спора. Глава вторая (стр. 152—172) изображаетъ самую бурную эпоху иконоборства, именно при императорѣ Константинѣ Копронимѣ (741—775 гг.), въ царствованіе коего ересь достигла самаго высшаго развитія и силы, а православные подвергались всевозможнымъ бѣдствіямъ. При Копронимѣ былъ созванъ въ 754 году лже-вселенскій соборъ, который и осудилъ иконопочитаніе. Постановленіе собора вызвало сильное протнводѣйствіе со стороны православныхъ, особенно монаховъ, которые подверглись за это жестокому гоненію и преслѣдованію, а также имѣло и другія неблагопріятныя для церковной жизни послѣдствія. Глава третья (стр. 173—205) посвящена дѣяніямъ седьмого вселенскаго собора (787 г.), бывшаго въ Никейѣ и возстановившаго

иконопочитаніе; здѣсь, въ частности, характеризуется дѣятельность въ пользу православія императрицы Ирины и описывается участіе въ созваніи собора патріарха Тарасія, приводятся разсужденія собора объ иконопочитаніи и утвержденное имъ вѣроопредѣленіе, опредѣляется отношеніе собора къ бывшимъ иконоборцамъ и прочее. Наконецъ, въ четвертой главѣ (стр. 206—228) описываются послѣднія времена иконоборства, поддерживаемаго императорами Львомъ Армяниномъ (813—820 гг.), Михаиломъ Косноязычнымъ (820—829 гг.) и Теофиломъ (829—842 гг.) и опровергаемаго главнымъ образомъ св. Теодоромъ Студитомъ. Въ 842 году, при императрицѣ Иринеѣ состоялся съѣздъ для возстановленія иконъ, въ память чего и учреждена недѣля православія.

Въ предложеніяхъ къ «Исторіи вселенскихъ соборовъ» помѣщены слѣдующія статьи: 1) Первый никейскій соборъ по тексту коптскому (стр. 231—245), гдѣ критически разсматривается книга по этому вопросу французскаго ученаго Ревилью; 2) Константинопольскій соборъ 448 года противъ Кетихія (стр. 246—265), гдѣ предлагается разсказъ о немъ на основаніи актовъ четвертаго вселенскаго собора; 3) Соборъ разбойничій 449 года, руководимый Діоскоромъ (стр. 266—286), гдѣ также сообщается разсказъ на основаніи актовъ того же IV-го вселенскаго собора; 4) Соборъ разбойничій 449 года, въ сирскомъ текстѣ (стр. 287—296), гдѣ критически разсматривается сочиненіе по этому вопросу ученаго Гофмана, и 5) Халкидонскій IV-й вселенскій соборъ 451 года (стр. 287—332), гдѣ представленъ разсказъ на основаніи актовъ этого собора объ обстоятельствахъ его созванія, о судѣ надъ соборомъ разбойничимъ и догматическихкихъ его вѣроопредѣленіяхъ.

Второе изданіе «Вселенскихъ соборовъ VI, VII и VIII вѣковъ» вышло въ свѣтъ почти безъ всякихъ перемѣнъ сравнительно съ первымъ (1876 года), лишь съ немногими дополненіями въ приложеніи, также раньше напечатанными. Но это нисколько не умаляетъ цѣнности новой книги почтеннаго ученаго, и въ настоящемъ своемъ видѣ представляющей (строго) научное, серьезное и основательное произведеніе, написанное къ тому же популярнымъ языкомъ. Впрочемъ, нѣтъ нужды распространяться о достоинствахъ разсматриваемаго труда: профессоръ А. П. Лебедевъ давно извѣстенъ за весьма крупнаго представителя церковно-исторической науки преимущественно древняго ея періода. Пожелаемъ лишь, чтобы русскій ученый благополучно продолжилъ и возможно скорѣе закончилъ предпринятое имъ второе изданіе его церковно-историческихъ сочиненій.

O.

Корнетъ Отлетаевъ. Повѣсть кн. Кугушева. Спб. 1897.

Несмотря на чисто художественный сюжетъ повѣсти кн. Кугушева, она вполне историческаго характера. Въ ней нѣтъ героевъ и государственныхъ событій, но «времена и нравы», незадолго до Крымской кампаніи, воспроизведены въ высшей степени образно и художественно. Въ свое время эта типично-бытовая повѣсть была замѣчена критикой и читателями, но затѣмъ, мало-по-малу, забылась. Новое изданіе ея какъ нельзя болѣе своевре-

менно. Помню типовъ московскихъ баръ и самодуровъ (домъ графини Буриме), ихъ жертвъ, въ родѣ крѣпостной дѣвушки Фепи, воспитанной въ графскомъ домѣ «ни павой, ни вороной», самъ «корнетъ Отлетаевъ» — тишиный продуктъ своего времени: мотъ, эстетикъ, безразсудный, своевольный, горячій и честный малый среди развращенныхъ хлыщей и гослюдь Скотининныхъ, — остается глубокооучительнымъ и для нашего времени. Все, что природа дала ему, было въ немъ прекрасно и прямодушно. Это цѣльный человѣкъ, которому не доставало воспитанія и приимѣра. Между тѣмъ и тогда, и теперь. Большинство людей, ничего не имѣющихъ въ себѣ «цѣlostнаго» и все съ расцетцемъ, готовы пожертвовать своимъ достоинствомъ всякую минуту. Среди этихъ безличныхъ и ничтожныхъ людей живетъ безобразникъ Отлетаевъ, съ деньгами въ карманѣ, готовностью умереть за любимую женщину и въ то же время съ хлыстомъ въ рукѣ противъ нея, если она, по его мнѣнью, этого стоитъ; щедрый и разоряющійся, увлекающійся даже тогда, когда у него не было крѣпкихъ сапоговъ и бросающій послѣднїя деньги на покупку сеттера — Трезора. «Мнѣ нуженъ былъ другъ, и я его нашелъ. О мой Трезоръ!»

— Ну, а какъ же сапоги? — крикнулъ Мальвининъ и залился громкимъ смѣхомъ.

— На что мнѣ сапоги, когда я купилъ сокровище!

Хозяинъ продолжалъ хохотать, а корнетъ цѣловалъ Трезора...

Это было уже тогда, когда за долги у него отвяли состоянїе, и на сапоги даны были деньги тѣмъ же Мальвининымъ. Среди мертвыхъ душь онъ одинъ имѣетъ живой характеръ, да и тотъ вполне испорченъ безнаказанностью. Въ наше время характеръ людей портится подчиненностью изъ-за положенїя, связей и т. д.; люди теряютъ всякій темпераментъ и, по выраженїю Н. С. Лѣскова, превращаются въ «безнатурныхъ людей». «Корнетъ Отлетаевъ» испорченъ своеволиемъ и все-таки симпатичнѣе первыхъ въ приниженомъ обществѣ. Бываютъ времена, когда очень и очень нуженъ «корнетъ Отлетаевъ» для большаго отгнѣненїя общественной деморализаціи. Слѣдуетъ замѣтить, что онъ выписанъ авторомъ превосходно, такъ же какъ вся среда, гдѣ онъ безчинствуетъ и задаетъ всему обществу тонъ. Кромѣ того, повѣсть кн. Кугушева, по классической образности всѣхъ персонажей и лицъ, могла бы послужить прекраснымъ руководствомъ для современныхъ беллетристовъ, не умѣющихъ создать скольконибудь живыхъ и яркихъ типовъ изъ текущей жизни.

А. Фаресовъ.

Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность. Составилъ И. И. Малышевскій. Спб. 1897.

Задача этого изящно изданнаго томика вполне опредѣляется заглавіемъ. Покойный профессоръ Кіевской духовной академіи И. И. Малышевскій хотѣлъ, очевидно, представить въ простомъ и общедоступномъ разсказѣ судьбу западно-русской церкви, положенїе которой въ Польскомъ государствѣ дастъ не мало матеріала для высоко-патріотическаго одушевленїя, если взять во вниманїе, съ какою твердостью вынесла она всѣ нелегкія испытанїя. Мы не ставемъ указы-

вать, какъ трудно бываетъ примирить два различныхъ требованія — строгой научности и популярнаго изложенья, а тѣмъ болѣе въ трактатѣ о такомъ щекотливомъ, не утратившемъ своей первоначальной остроты, вопросѣ, каковъ данный: непрѣнно одно изъ требованій должно потерпѣть нѣкоторый ущербъ, быть выполненнымъ только на половину. Такъ оказалось и здѣсь. Прямую свою задачу — дать очеркъ популярный — покойный профессоръ выполнилъ съ полнымъ совершенствомъ, съ тщательною отдѣлкой всѣхъ деталей, такъ что впечатлѣнiе получается цѣлостное. Но другое требованiе, полной законности котораго не станеть, конечно, отрицать никто, именно — требованiе научности — оказалось если не въ вагонѣ, то все же въ нѣкоторомъ пренебреженiи. И. П. Малышевскiй включилъ въ число истинъ, такъ сказать, законоположительныхъ много такого, что имѣеть характеръ только гипотезы и то весьма хрупкой и хилой! Затѣмъ, многiя извѣстiя, источникъ которыхъ лежитъ только въ мѣстномъ преданiи (а это, какъ извѣстно, фундаментъ очень ненадежный), возведены на степень несомнѣнныхъ, твердо-обоснованныхъ историческихъ фактовъ. А съ однимъ изъ мѣстныхъ покойнаго профессора ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться: перечисляя борцовъ за православiе противъ унии, И. П. Малышевскiй почетное мѣсто въ ряду ихъ отводитъ высшему дворянству, говоря: «въ борьбѣ съ унией и латинствомъ не были одиночными православные архипастыри, не были безпомощны ни монастыри, ни духовенство. Въ борьбѣ живое и сильное участiе принимали мiряне, каковы прежде всего православные князья и дворяне» (стр. 242—243), и дальше слѣдуетъ описанiе дѣятельности одного только князя К. Острожскаго. Между тѣмъ, кому неизвѣстно, что наивысшiе дворяне были первыми отступниками отъ православiя, такъ что вся тяжесть борьбы легла на низшее духовенство и мiрянъ нетитулованныхъ, проще говоря, на крестьянскую среду. А ему-то, сѣрому крестьянству, отстоявшему своей народный обликъ, несмотря на ровность своихъ владѣльцевъ, неопитовъ католичества, — ему-то и не оказалось мѣста въ перечисленiи борцовъ противъ унии; авторъ, правда, говоритъ о казачествѣ (ч. II, гл. 16), но это только часть той среды, о заслугахъ которой въ печальную годину унии принято почему-то упреждать только фигуру умолчанiя.

Несмотря на указанные недочеты, книга проф. Малышевскаго займетъ все же почетное мѣсто въ ряду популярныхъ сочиненiй по исторiи Западной Россiи: по сравненiю съ предшествующими однородными изданiями (напримѣръ, извѣстными изданiями Батюшкова) она является замѣчательнымъ шагомъ впередъ, къ свѣтлой точкѣ болѣе правдиваго, спокойнаго и безпристрастнаго изложенья тѣхъ событiй, которыми положенъ камень бѣдственнаго раздора между двумя вѣтвями славянскаго племени.

К — чъ.

Культурно-историческая библиотека, изд. О. Н. Поповой. Эдуардъ Чаннингъ. Исторiя Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки (1765 — 1865). Переводъ съ англ. А. Каменскаго. Спб. 1897.

Русская литература вообще очень небогата книгами, по которымъ было бы возможно ознакомиться съ исторiей Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; нельзя, впрочемъ, не сознаться, что тѣ изъ иностранныхъ сочиненiй по этой исторiи, которыя существуютъ въ русскомъ переводѣ, могутъ быть при-

званы каждый въ своемъ родѣ шедеврами; таковы труды Лабуле («Исторія Соединенныхъ Штатовъ»), Токвилля («Демократія въ Америкѣ»), Неймана (Исторія Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ), въ особенности же Брайса (Американская республика). Несмотря, однако, на выдающіяся достоинства поминovanýchъ трудовъ, всѣ они, за исключеніемъ книги Неймана, занимаются исключительно развитіемъ американской конституціи и социальныхъ отношеній американскаго народа, оставляя исторію, такъ сказать, внѣшнюю, исторію фактовъ, почти безъ вниманія. Положимъ, нельзя и требовать отъ серьезныхъ ученыхъ перечисленія фактовъ, даже и наиважнѣйшихъ: послѣдніе предполагаются извѣстными читателямъ изъ учебниковъ. Но въ томъ-то и дѣло, что въ нашихъ учебникахъ исторія Штатовъ стоитъ всегда на второмъ планѣ, а часто и совсѣмъ замалчивается. Поэтому русскому человѣку бываетъ иногда очень трудно ориентироваться въ трудахъ вышеназванныхъ ученыхъ изъ-за незнакомства съ фактическими данными. Можно изучить послѣднія подробно по книгѣ Неймана; но, къ несчастью, только первый томъ этого прекраснаго труда существуетъ въ русскомъ переводѣ. Поэтому появленіе на русскомъ языкѣ краткой, но составленной очень толково и обстоятельно «Исторіи Соединенныхъ Штатовъ» Чаннинга нельзя признать лишнимъ или несвоевременнымъ.

Книга эта обнимаетъ исторію Сѣверо-Американской республики за столѣтіе, съ 1760 по 1865 годъ, то-есть со времени возникновенія первыхъ несогласій и столкновеній англійской метрополіи съ ея заокеанскими колоніями до великой войны за освобожденіе негровъ отъ рабства. Дѣлится она на слѣдующія десять главъ: 1) Колонисты, 1760—1765 гг.; 2) Конституціонная оппозиція, 1760—1774 гг.; 3) Революція; 4) Конституція; 5) Новая нація; 6) Господство республиканцевъ эпохи Джефферсона, 1801—1809 гг.; 7) Вторая война за независимость и эра добрыхъ чувствъ; 8) Демократія; 9) Распространеніе невольничества, 1849—1861 гг.; 10) Война за сохраненіе Союза, 1861—1865 гг.

Съ фактической стороны книга Чаннинга не оставляетъ желать ничего лучшаго и можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для первоначальнаго ознакомленія съ исторіей Соединенныхъ Штатовъ. Но она можетъ удовлетворить и значительно высшимъ требованіямъ, какъ трудъ научный: авторъ изучилъ по возможности всю литературу по исторіи Штатовъ и ихъ культуры, и проверилъ показанія этой литературы по подлиннымъ документамъ, такъ что выводы его носятъ характеръ строго обдуманнаго и серьезнаго. Онъ не ограничивается однимъ изложеніемъ фактовъ, а старается, насколько позволяли ему рамки его сочиненія, представить передъ читателями картину умственнаго и политическаго роста страны. При этомъ особенно хорошее впечатлѣніе производитъ безпристрастіе Чаннинга; въ немъ никогда не чувствуется американецъ, даже въ томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ правильно указываетъ въ сноскахъ предисловіи переводчикъ, онъ трактуетъ «о причинахъ, которыя повели къ отдѣленію отъ Англій ея американскихъ колоній, во время администраціи лорда Порта, когда англійскою политикою руководила клика бездарныхъ невѣждъ, съ попомымъ королемъ Георгомъ III во главѣ».

Замѣтимъ, однако, что именно эти разсужденія Чаннинга о причинахъ отдѣленія колоній отъ Англій въ научномъ отношеніи должны быть признаны

единственнымъ безусловно слабымъ мѣстомъ въ его трудѣ. Авторъ здѣсь какъ будто запутывается въ своихъ выводахъ: то, на стр. 43 и 44, онъ утверждаетъ, что причины американской революціи крылись только въ недостаточно умѣломъ способѣ дѣйствій англійскаго правительства, и что будь послѣднее болѣе толково, не раздражай оно безъ причины колонистовъ, «агенты колоній и до сихъ поръ засѣдали бы, дебатировавъ по разнымъ вопросамъ, въ Вайтгоулѣ»; то, на стр. 55-ой и сл., онъ же указываетъ на то, что между колоніями и метрополіей существовала такая глубокая рознь интересовъ, что всѣ мѣропріятія англійскаго правительства, какими бы благими они ни являлись для Англій, должны были казаться колонистамъ посягательствомъ на ихъ права и вызвать возмущеніе. Пельза не согласиться именно съ послѣднимъ взглядомъ Чаннинга, такъ какъ въ исторіи такіе перевороты, какъ образованіе свободной американской республики, подготовляются всегда задолго до ихъ осуществленія и случайными причинами могутъ лишь быть ускорены, а никакъ не обусловлены.

Русскій переводъ книги Чаннинга выполненъ съ всевозможнымъ тщаніемъ; къ книгѣ приложено нѣсколько подлинныхъ актовъ изъ исторіи американской конституціи, очень хорошій библиографическій указатель, дополненный въ отношеніи русскихъ книгъ переводчикомъ, и три географическія карты. Вообще говоря, книга издана прекрасно, и ей можно пожелать широкаго распространенія въ средѣ русскихъ читателей.

Е. Лосскій.

И. Андреевъ. Св. Германъ, патріархъ константинопольскій (715—730 гг.). Сергіевъ посадъ. 1897.

Г. Андреевъ, авторъ книги о константинопольскихъ патріархахъ («Историческій Вѣстникъ», 1896, мартъ), продолжаетъ свою работу по этому вопросу и теперь издалъ небольшую брошюру о вселенскомъ патріархѣ Германѣ. Въ ней авторъ излагаетъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности этого патріарха и знакомитъ съ его литературными произведеніями. Св. Германъ занималъ патріаршій престолъ въ эпоху сильнаго оживленія и возбужденія церковной жизни, именно при возникновеніи иконоборческой ереси, и былъ однимъ изъ первыхъ борцовъ противъ этой ереси и защитниковъ православія. Онъ былъ и одною изъ первыхъ жертвъ, павшихъ въ этой сильной и ожесточенной борьбѣ, такъ какъ въ 730 году былъ удаленъ съ патріаршей кафедры императоромъ Львомъ Исавріаниномъ, и послѣдніе годы своей жизни провелъ въ уединеніи. Онъ скончался въ глубокой старости. И литературная дѣятельность св. Германа находится въ связи съ его борьбою съ ересями, главнымъ образомъ съ иконоборствомъ. Г. Андреевъ подвергаетъ анализу и оцѣниваетъ значеніе слѣдующихъ его трудовъ: трехъ посланій къ разнымъ епископамъ, державшимся иконоборческихъ воззрѣній, посланій къ армянамъ и къ римскому папѣ Григорію, сочиненія «о ересяхъ и соборахъ», толкованія на литургію, проповѣдническихъ словъ и другихъ. Брошюра г. Андреева составлена довольно старательно и снабжена немалымъ запасомъ аргументальныхъ, въ пользу его воззрѣній, данныхъ, заимствованныхъ отъ византійской и иной литературы. Въ научномъ отношеніи она — не безъ значенія.

Σ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АЛЕКСАНДРЪ Македонскій и Ганнибалъ. При всей обширности и разнообразіи англійской исторической литературы, нѣкоторые изъ героевъ челоѳчества служили предметомъ очень немногихъ изслѣдованій, какъ, напримеръ, Александръ Македонскій и Ганнибалъ. Поэтому недавно появившіяся монографіи Давида Гогарта о великомъ македонянинѣ¹⁾ и Вильяма Окнора Морриса о славномъ кароагенянинѣ²⁾ пополняютъ этотъ пробѣлъ. Изъ немногихъ англійскихъ историковъ, писавшихъ объ Александрѣ, Гротъ, долго пользовавшійся наибольшимъ авторитетомъ, старательно умалялъ значеніе, какъ македонскаго героя, такъ и его отца, Филиппа, вѣроятно, изъ пристрастія къ греческимъ государственнымъ людямъ, а профессоръ Магаффи, хотя и отдалъ тому и другому бѣольшую справедливость, но представилъ ихъ характеристику въ очень бѣглыхъ штрихахъ, а сосредоточилъ все свое вниманіе на преемникахъ Александра. Поэтому англійская критика сочувственно приѣтствовала намѣренію Давида Гогарта, пзвѣстнаго знатока древности, лично посѣтившаго бѣольшую часть тѣхъ странъ, въ которыхъ воевалъ македонскій полководецъ, написать исторію побѣдителя Дарія. Но оказалось, что почтенный ученый не далъ того подробнаго, основательнаго труда, котораго всѣ ожидали и который могъ сдѣлаться классическимъ по данному предмету, а удовольство-

¹⁾ Philip and Alexander of Macedon. By David Hogarth. London, 1897.

²⁾ Hannibal. By William O'Connor Morris. London, 1897.

вался nobilissimus, блестящимъ очеркомъ, скромно названнымъ имъ биографическимъ опытомъ. Для болѣе же полноты его характеристики Александра, онъ прибавилъ къ ней такой же этюдъ объ его отцѣ, безъ знакомства съ дѣятельностью котораго дѣйствительно трудно понять подвиги одного изъ четырехъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ. Хотя нельзя сказать, чтобы Гогартъ вполне ясно очертилъ личность великаго македонянина, такъ какъ онъ, съ одной стороны, слишкомъ его расхваливаетъ, находя его совершенствомъ изъ людей, а рядомъ выставляетъ неблаговидныя черты его характера, каковы, напримеръ, убійство въ пьяной ссорѣ своднаго брата, Клята, и собственная смерть отъ послѣдствій презрѣнной оргіи. Но онъ чрезвычайно картинно изобразилъ не только походъ своего героя и его побѣды, но и знаменитыя планы Александра о завоеваніи всего міра, которые не были такими безумными, какъ кажется съ перваго взгляда, если принять въ соображеніе ложныя географическія понятія того времени, и которые, въ сущности, проложили путь будущему всемірному распространенію Рима.

Представляя мастерскую характеристику Ганнибала, Моррисъ очень оригинально сравниваетъ своего героя съ Наполеономъ, который одинъ, по его мнѣнію, превосходилъ славнаго карагенянина, въ качествѣ полководца. По его словамъ, все искусство военачальника дѣлится на стратегію и тактику; въ первомъ отношеніи Наполеонъ, какъ стратегъ, превосходилъ Ганнибала, но онъ болѣе надѣялся на судьбу, чѣмъ Ганнибалъ, планы котораго были всегда основательно обдуманы, благодаря чему карагенскій полководецъ никогда не предпринялъ бы похода въ Россію и не составилъ бы проекта о вторженіи въ Англію. При этомъ Моррисъ замѣчаетъ, что Ганнибала напрасно упекаютъ въ томъ, что онъ одинъ предпринялъ войну противъ Рима. Онъ никогда не имѣлъ намѣренія вести одну борьбу противъ такого могущественнаго врага, а рассчитывалъ составить союзъ съ подчиненными Риму и недовольными его игомъ народами. Если ему это, въ концѣ концовъ, не удалось, то объясняется подобная неудача не отсутствіемъ благоразумія въ его планѣ, а удивительной внутрѣнной силой римской системы, предоставлявшей подчиненнымъ народамъ извѣстную долю самоуправленія. Что касается до тактики, то Ганнибалъ, по мнѣнію Морриса, былъ, безспорно, выше Наполеона. Онъ никогда не увлекался, оставался хладнокровенъ въ самыя критическія минуты и обнаруживалъ угрѣнность въ побѣдѣ; однимъ словомъ, онъ велъ себя на полѣ брани безупречно. Хотя для неспеціалистовъ кажется, что побѣда при Каннахъ одержана кавалеріей Газдрубала, но, въ сущности, все придумалъ и рассчиталъ заранѣе Ганнибалъ. Оцѣнивая военный гений своего героя, Моррисъ указываетъ на то важное обстоятельство, что личность его не является передъ нами въ легендарномъ блескѣ, какъ личность Наполеона, а главный источникъ нашихъ свѣдѣній о Пуннцескихъ войнахъ, Титъ Ливій, отзываясь о врагѣ своего отечества съ горькой злобой; къ тому же не надо забывать, что за спиною Наполеона стояла вся Франція съ ея громадными средствами и всеобщимъ культамъ къ нему, а Ганнибалъ оставилъ на родинѣ многочисленную, враждебную ему партію, и его армія состояла изъ представителей различныхъ расъ. Кроме того, хотя корсиканецъ восвалъ со всѣмъ свѣтомъ, но никогда не имѣлъ передъ собой

такого могучаго врага, какъ римская республика, которая была въ апогее своей силы, когда съ ней тягался Ганнибалъ. Наконецъ, по мнѣнію англійскаго историка, Ганнибалъ показалъ все свое превосходство надъ Наполеономъ въ битвѣ подъ Замой, которую часто сравниваютъ съ Ватерлоо. Онъ былъ разбитъ на-голову и далеко не равнымъ себѣ противникомъ, но онъ не потерялъ головы, не бѣжалъ съ поля битвы, а хладнокровно вступилъ въ переговоры съ Циціономъ и умѣло выговорилъ наивозможно выгодныя условія мира. «Этотъ подвигъ, замѣчаетъ Моррисъ, дѣластъ его величайшимъ изъ полководцевъ, гораздо болѣе, чѣмъ переходъ черезъ Альпы и блестящая стратегія при Каннахъ.»

— Папа-философъ. Одинъ изъ парижскихъ лекторовъ, Ф. Пикаве, издалъ очень любопытную біографію малоизвѣстнаго французскаго дѣятеля XI вѣка, Гербера, бывшаго папой подъ именемъ Сильвестра II¹⁾. По словамъ ученаго автора, Герберъ былъ одною изъ тѣхъ рѣдкихъ личностей, которыя, играя видную роль среди современниковъ, возбуждаютъ цѣлый рядъ легендъ и служатъ предметомъ долгихъ споровъ и, наконецъ, сохраняютъ въ непристрастной исторіи почетное мѣсто. Родомъ изъ Аквитаніи и очень скромнаго происхожденія, онъ былъ сначала монахомъ въ Орильякской обители, а затѣмъ три года учился въ Испаніи, подъ руководствомъ епископа Гаттона. Когда же онъ явился въ Италію, то папа Юванъ XIII пришелъ въ восторгъ отъ его знаній, а императоръ Оттонъ I поручилъ ему обучать математикѣ его придворныхъ. Мало-по-малу слава объ его учености распространилась повсюду, даже до Адриатическаго и Тирренскаго морей. Оттонъ II часто слушалъ его умныя рѣчи и пожаловалъ ему одно изъ богатѣйшихъ итальянскихъ аббатствъ въ Боббіо. Не имѣвъ возможности, однако, удержаться въ этомъ аббатствѣ, онъ вернулся въ Реймсъ и въ качествѣ архіепископа, а также канцлера Франціи, онъ успѣшно отстаивалъ Карловнгоръ отъ присконъ Капетинговъ и заслужилъ прозвище «человѣка, ставящаго и низвергающаго королей». Но когда король Робертъ пошелъ противъ него, то онъ покинулъ Францію и удалился въ Германію, гдѣ сдѣлался ближайшимъ совѣтникомъ Оттона III, который сначала сдѣлалъ его архіепископомъ Равенскимъ, а потомъ папой, подъ именемъ Сильвестра II. Сдѣлавшись намѣстникомъ св. Петра, Герберъ поставилъ себѣ цѣлью достигнуть единства всего католическаго міра, соединеніемъ въ лицѣ папы власти духовной и свѣтской. Онъ распространилъ церковныя владѣнія, заслужилъ отъ современниковъ прозвище папы-философа и умеръ въ 1003 году, оставивъ по себѣ славное имя. Вскорѣ послѣ его смерти народныя легенды овладѣли папой-философомъ и придали ему значеніе кудесника, союзника демона и какого-то Фауста. Эти легенды царили въ продолженіе пяти вѣковъ и даже въ настоящее время не совершенно утратили свое вліяніе на народныя массы Италіи. Французскій ученый въ своемъ интересномъ трудѣ именно задался цѣлью отдѣлать, что было легендарнаго, отъ историческихъ фактовъ въ жизни папы-философа.

¹⁾ Gerbert. Un pape-philosophe d'après l'histoire et d'après la légende. Par F. Picavet. Paris. 1897.

— Дѣтство Шекспира и его отецъ. Хотя только что вышедшая книжка Вильяма Ральфа, подъ заглавіемъ «Шекспиръ въ дѣтствѣ»¹⁾, предназначена, главнымъ образомъ, для юношества, но въ ней собрано столько интересныхъ подробностей о домашней и школьной жизни того времени, что се прочтутъ съ удовольствіемъ всѣ поклонники великаго драматурга. Она пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что о дѣтствѣ и юности Шекспира очень мало извѣстно, и потому Ральфу пришла счастливая мысль, съ одной стороны, выбрать изъ его пьесъ и стихотвореній все, что только можетъ бросить свѣтъ на дѣтство и юношество его современниковъ, а съ другой, нарисовать рядъ картинъ по имѣющимся достовѣрнымъ источникамъ о томъ, какъ дѣти въ его эпоху жили дома, учились въ школахъ, играли, веселились и т. д. Конечно, въ этой компиляціи нѣтъ новыхъ взглядовъ на Шекспира, но она можетъ служить полезной иллюстраціей къ его биографіи. Болѣе самолюбивую задачу поставилъ себѣ пасторъ Картеръ, который посвятилъ цѣлый томъ на уясненіе спорнаго вопроса о томъ, къ какой религіи принадлежалъ Шекспиръ²⁾. Но такъ какъ онъ не разрѣшилъ этого вопроса, а только представилъ много вѣсскихъ доказательствъ о томъ, что отецъ Шекспира былъ пуританиномъ, то и его трудъ можно поставить рядомъ съ книгой Ральфа. Объясняя многое, что оставалось темнымъ въ жизни отца великаго поэта, Картеръ вмѣстѣ съ тѣмъ проливаетъ свѣтъ на его дѣтство и юность. Какъ извѣстно, ни одинъ изъ комментаторовъ Шекспира не могъ вывести изъ его безсмертныхъ произведеній яснаго вывода о томъ, какихъ онъ придерживался религіозныхъ убѣжденій, и, въ сущности, вопросъ совершенно правдннй: былъ ли онъ католикъ или протестантъ, потому что въ своихъ пьесахъ онъ выражаетъ такое широкое, гуманное и человѣчное міросозерцаніе, что споры о церковныхъ догматахъ совершенно блѣднѣютъ и отходятъ на задній планъ. Поэтому Картеръ вполне правъ, видоизмѣняя вопросъ и ставя цѣлью своего изслѣдованія: въ какой религіозной атмосферѣ, католической или протестантской, росъ и воспитывался Шекспиръ? Конечно, чтобы дать отвѣтъ на подобный вопросъ, ему необходимо было заняться личностью отца Шекспира, и онъ представляетъ очень подробную его характеристику. Въ своихъ заключеніяхъ онъ не только расходится съ мнѣніемъ тѣхъ шекспировскихъ комментаторовъ, которые представляли отца поэта пламеннымъ католикомъ, и длиннымъ рядомъ фактовъ и логическихъ аргументовъ доказываетъ, что онъ былъ протестантъ, но старается выставить его ярымъ пуританиномъ. Въ подтвержденіе своего взгляда онъ ссылается на факты, которые дѣйствительно дѣлаютъ вѣроятнымъ эту гипотезу; но если несомнѣнно, что въ дѣтствѣ и въ юности творца «Гамлета» окружала протестантская атмосфера и подготовила въ немъ почву для его будущаго міросозерцанія, то нельзя признать доказаннымъ принадлежность не только его отца, но и его самого къ пуританамъ, а этого авторъ, очевидно, добивался, забывъ, что онъ совершенно правильно избралъ себѣ другую задачу, т. е. уясненіе религіозной атмосферы, окружающей Шекспира въ дѣтствѣ и юности, что имъ и успешно исполнено.

¹⁾ Shakespeare, the Boy. By William Ralfe. London. 1897.

²⁾ Shakespeare, Puritan and Recusant. By T. Carter. London. 1897.

— Одинъ изъ строителей Бѣльшой Англіи. Въ послѣдніе годы, съ легкой руки сэра Чарльза Дилке, стали называть англійскія колоніи, разбросанныя по всему свѣту, Бѣльшой Англіей, и, пользуясь тѣмъ, что колоніальный вопросъ теперь интересуетъ всѣхъ англичанъ, Генри Вильсонъ предпринялъ цѣлую серію монографій о главнѣйшихъ дѣятеляхъ колоніальнаго развитія Англіи подъ общимъ заглавіемъ: «Строители Бѣльшой Англіи». Еще появился только первый томъ, посвященный сэру Вальтеру Ралею ¹⁾ и представляющей новый трудъ Мартина Юма, уже много писавшаго объ эпохѣ королевы Елизаветы. Нѣсколько ранѣе появилась о томъ же Ралеѣ диссертация Джона Букана, удостоенная преміи Оксфордскимъ университетомъ ²⁾; такъ какъ первая книга имѣетъ преимущественно біографическій характеръ, а послѣдняя задается цѣлью критически и психологически изучить сложную личность своего героя, то вмѣстѣ онѣ дадутъ богатый матеріалъ для всесторонняго знакомства съ блестящей фигурой этого любимца Елизаветы, совмѣщавшаго въ себѣ война, царедворца, путешественника, ученаго, историка, поэта и афериста. По словамъ Букана, именно эта разношерстная дѣятельность, эта погоня за многими цѣлями, помѣшала Ралею достигнуть великихъ результатовъ, и онъ оставилъ послѣ себя неизгладимую память только въ литературѣ своими лирическими стихотвореніями и сатирами, а также какъ пионеръ англійскаго владычества въ Новомъ Свѣтѣ. Этой послѣдней отрасли его разнообразной карьеры отведено главное мѣсто въ сочиненіи Юма, хотя онъ подробно описываетъ и другіе эпизоды въ драматической жизни своего героя, а относительно его долгой борьбы съ Испаніей, окончившейся его казнью, Юмъ представляетъ нѣсколько новыхъ драгоценныхъ документовъ, найденныхъ имъ въ архивахъ Симанки и Мадрида, между прочимъ письма испанскаго посланника при дворѣ Іакова I, Гандомара. При картинномъ изложеніи Юма блестящая разнообразная карьера Ралея приобретаетъ интересъ настоящаго романа. Не окончивъ университетскаго курса въ Оксфордѣ, онъ семнадцати лѣтъ принялъ участіе волонтеромъ въ борьбѣ гугенотовъ за свободу вѣры во Франціи, а затѣмъ оказалъ помощь голландцамъ въ ихъ волнѣ съ испанцами; наконецъ, въ 1579 году, онъ впервые отправился въ Новый Свѣтъ съ цѣлью основать тамъ колонію, но экспедиція не удалась, и онъ вернулся въ Англію, гдѣ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе королевы Елизаветы, которая сдѣлала его своимъ любимцемъ. Нѣсколько лѣтъ онъ пользовался ея милостями и достигъ славы и могущества, но любовь къ странствованіямъ его не покидала, и въ 1584 году онъ снова отправился въ Америку, снарядивъ для этой цѣли два корабля на свой счетъ. Въ этотъ разъ счастье ему улыбнулось: онъ открылъ и занялъ Виргинію, названную такъ въ честь дѣвственницы-королевы. Вернувшись на старую родину, онъ принялъ участіе въ борьбѣ съ Испаніей, ознаменовавшейся пораженіемъ Армады, но въ 1593 году онъ тайно женился на Елизаветѣ Трокмортонъ и тѣмъ заслужилъ гнѣвъ королевы. Во время своей опалы, онъ снова отправился въ Новый Свѣтъ и, высадившись въ Гвіанѣ, долго и безуспѣшно искалъ басно-

¹⁾ Builders of Greater Britain, edited by H. Wilson. — I vol. — Sir Walter Raleigh, by Martin Hume. London. 1897.

²⁾ Sir Walter Raleigh, by John Buchan. The Stanhope Essay. London. 1897
«истор. вѣстн.», ноябрь, 1897 г., т. LXX. 20

словнаго Эль-Дорадо. Вскорѣ затѣмъ Клизавета вернула его ко двору, и тутъ наступаетъ самый неблагоприятный эпизодъ его жизни, именно интриги противъ графа Эссекса и торгъ своимъ влияніемъ у королевы. Хотя подобные поступки были въ нравахъ того времени, но они набрасываютъ позорную тѣнь на имя Ралея, также какъ его отношенія къ Испаніи; онъ то упорно боролся съ нею, то получалъ отъ нея денежные подарки. Со смертію Клизаветы начались несчастія Ралея, и онъ провелъ тринадцать лѣтъ въ тюрьмѣ по обвиненію въ заговорѣ противъ короля Іакова. Это время онъ посвятилъ научнымъ занятіямъ, историческимъ трудамъ и поэзіи. Въ 1615 году онъ былъ выпущенъ на свободу и предпринялъ послѣднюю экспедицію въ Новый Свѣтъ, гдѣ ему не повезло и, разбитый испанцами, онъ вернулся въ Англію, чтобы умереть на плахѣ, на 66 году отъ роду. Разсказъ объ его драматической смерти составляетъ самую блестящую страницу въ книгѣ Юма, и дѣйствительно во всей англійской исторіи трудно найти болѣе позорнаго политическаго эпизода, какъ эта казнь патріота по интригамъ Испаніи, въ угоду которой король Іаковъ приказалъ исполнить надъ Ралеемъ смертный приговоръ, постановленный шестнадцать лѣтъ передъ тѣмъ и замѣненный по его же приказанію тюремнымъ заключеніемъ, срокъ котораго истекъ.

— Рубенсъ, какъ дипломатъ. Французскій художественный критикъ Эмиль Мишель помѣстилъ во второй сентябрьской книжкѣ *Revue des deux Mondes* любопытную статью о мало извѣстной дипломатической дѣятельности знаменитаго живописца Рубенса¹⁾. Оказывается, что инфанта Изабелла австрійская, управлявшая Нидерландами, нѣсколько разъ воалагала на Рубенса дипломатическія порученія. Самое важное изъ нихъ состояло въ заключеніи мира между Испаніей и Англіей въ 1627—1630 годахъ. Замѣчательно, что и съ англійской стороны тайнымъ дипломатическимъ агентомъ Вукингама, любимца Карла I, былъ также живописецъ Вальтазаръ Герберъ. По словамъ Мишеля, эти импровизированные дипломаты знали, что они дѣйствовали на свой страхъ, и что во всякое время англійское и испанское правительства могутъ отъ нихъ отказаться, но все-таки они дѣйствовали очень ловко и осторожно, къ полному удовольствію обоихъ правительствъ. Когда же Филиппъ IV съ обычной своей гордостью задумалъ выговаривать инфантѣ Изабеллѣ за то, что она набрасывала тѣнь на его королевское достоинство порученіемъ дипломатическихъ дѣлъ живописцу, то она правильно отвѣчала, что и съ англійской стороны живописецъ игралъ роль дипломата, а потому Рубенсъ былъ какъ нельзя болѣе у мѣста. Конечно, подобное таинственное веденіе международныхъ переговоровъ представляется чѣмъ-то страннымъ и необыкновеннымъ, а объясняется этотъ фактъ только тѣмъ, что Филиппъ IV, желая заключить сепаратный миръ съ Англіей, обнаруживалъ самое позорное двоедушіе. Его министръ, Оливарецъ, сторонникъ союза съ Франціей и войны съ Англіей, только что заключилъ въ Мадридѣ съ французскимъ посланникомъ союзный трактатъ, по которому обѣ страны обязывались вести на общій счетъ войну съ Англіей, и въ случаѣ успѣха подѣлить между собою

¹⁾ Les missions diplomatiques de P. P. Rubens (1627—1630). Par E. Michel *Revue des deux Mondes*, 15 septembre.

Англию, съ цѣлью снова водворить въ ней католическую вѣру. Поэтому, чтобы прикрыть себя на случай, если Франція узнаеть о его переговорахъ съ Англіей, Филиппъ IV помѣтилъ заднимъ числомъ, на пятнадцать мѣсяцевъ, данное имъ полномочіе инфантъ Изабеллѣ о заключеніи мира. Въ виду этого обстоятельства становится понятнымъ, почему переговоры велель живописцами. Эти импровизованные дипломаты сошлись въ Дельфтѣ, куда каждый прибылъ тайкомъ, словно заговорщикъ. Что касается до Рубенса, то онъ проѣхалъ чрезъ Утрехтъ, подъ предлогомъ повидаться тамъ съ знакомыми живописцами, а оттуда уже тайно пробрался въ Дельфтъ. Однако эти переговоры не увѣнчались успѣхомъ, и агентъ Вуклингама ни съ чѣмъ вернулся въ Англию, а Рубенсу было поручено инфантой отправиться въ Испанію, чтобы войти въ личныя сношенія съ королемъ и Оливарецомъ. Живопись также послужила маской и для этого дипломатическаго порученія. Рубенсъ отвезъ королю восемь картинъ, написанныхъ по заказу инфанты, и, кромѣ того, онъ долженъ былъ написать для нея портреты нѣкоторыхъ членовъ королевской семьи. Въ Мадридѣ великаго художника ждалъ самый любезный приемъ: испанскіе живописцы, съ Веласкецомъ во главѣ, носили его на рукахъ, а Филиппъ IV не только заказалъ ему нарисовать свои портреты, но забывъ свое прежнее недовѣріе къ его дипломатическимъ талантамъ разрѣшилъ Оливарецу послать его въ Лондонъ съ тайными инструкціями для продолженія переговоровъ. Кромѣ того, онъ увѣдомилъ свою тетку, инфанту Изабеллу, что, въ виду оказанныхъ услугъ Рубенсомъ, онъ назначилъ его секретаремъ своего тайнаго совѣта, съ сохраненіемъ этой должности за его старшимъ сыномъ и, въ ознаменованіе своей особой милости, подарилъ ему бриллиантовый перстень въ 2.000 дукатовъ. По дорогѣ въ Англию, Рубенсъ заѣхалъ въ Брюссель, переговорилъ обо всемъ съ инфантой и 5-го іюня 1629 года прибылъ въ Лондонъ. Тамъ онъ жилъ у своего друга, Гербьера, открыто водилъ дружбу съ живописцами и рисовалъ многочисленныя картины, а въ тайнѣ велъ переговоры. Последніе увѣнчались такимъ успѣхомъ, что посланному въ слѣдующемъ году изъ Испаніи официальному дипломату, дону Карлосу Колоннѣ оставалось только подписать готовый трактатъ. Однако, несмотря на все оказанныя имъ услуги, когда вопросъ пошелъ о томъ, чтобы назначить Рубенса посланникомъ въ Лондонъ, то графъ Олате заявлялъ въ испанскомъ королевскомъ совѣтѣ, что человекъ, работающій своими руками, не можетъ быть представителемъ короля. Такимъ образомъ Рубенсу пришлось вернуться къ своимъ картинамъ, что, конечно, принесло ему болѣе славы и богатства, чѣмъ могла бы ему доставить самая счастливая дипломатическая карьера.

— Воссюзятъ и смерть герцогини Генриеты Орлеанской. Всѣмъ извѣстно надгробное слово знаменитаго французскаго проповѣдника, Воссюэта, передъ прахомъ герцогини Генриеты Орлеанской; оно считается образцомъ духовнаго витійства, и особенно цѣнять его вступительныя слова: «о ночь роковая, о ночь странная, когда, словно громъ, раздалась изумительная вѣсть: принцесса умираеть, принцесса умерла! Въ теченіе одного дня исчезла эта принцесса, какъ блекнуть полевые цвѣты; утромъ она блистала красотой и граціей, а вечеромъ увяла. Въ девять часовъ совершилось дѣло смерти». Какъ авторъ этой исторической проповѣди, такъ и его героиня, сдѣ-

лались надняхъ предметомъ общаго вниманія французской журналистики, благодаря появленію ненаданнаго сочиненія Воссюэга о христіанской проповѣди ¹⁾, оригинальной статьи въ «Revue Bleue», Поля Стапфера, подъ заглавіемъ: осудилъ ли бы Воссюэтъ Иисуса Христа на смерть? ²⁾ и обстоятельнаго очерка Франца Функъ-Бронтано о смерти герцогини Генриэты Орлеанской ³⁾. Ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ вышла первая часть большого труда Воссюэга Наставленіе о христіанской проповѣди, въ которомъ критически разсмотрѣны ложный мистицизмъ и неправильные богословскіе принципы духовныхъ витій его времени. А только теперь напечатанъ второй томъ объ основныхъ принципахъ христіанскаго краснорѣчія; что же касается до трехъ остальныхъ томовъ которые должны были, по намѣренію автора, исчерпать предметъ его изслѣдованій, то они нѣкогда не были написаны. Кромѣ религіознаго значенія неизвѣстнаго до сихъ поръ сочиненія Воссюэга, его паданіе, подъ редакціей Левека, снабжено предисловіемъ, въ которомъ разсказана исторія этого потеряннаго и вновь найденнаго произведенія перваго французскаго проповѣдника.

Пользуясь шумомъ, который надѣлало во французской литературѣ и журналистикѣ открытіе невѣдомаго произведенія Воссюэга, Поль Стапферъ задался, повидимому, страннымъ, но вполнѣ логичнымъ вопросомъ: что бы сдѣлалъ этотъ столбъ католической церкви, если бы онъ находился въ числѣ членовъ еврейскаго синагога, во время Понтія Пилата, когда его суду подлежалъ Иисусъ Христосъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, какъ прежде извѣстныхъ, такъ и въ новомъ, невѣдомомъ его трудѣ, Воссюэтъ являлся всегда стойкимъ охранителемъ церкви и государства, пламеннымъ защитникомъ преданій и почтительнымъ, вѣрнымъ слугою установленныхъ властей. Поэтому смѣлый французскій публицистъ, путемъ строгихъ логичныхъ аргументовъ, приходитъ къ тому убѣжденію, что этотъ великій христіанскій витія долженъ былъ бы принципиально высказаться за крестную смерть Иисуса Христа, если бы онъ находился въ числѣ его судей.

Гораздо интереснѣе этого литературнаго парадокса этюдъ Функа-Бронтано, навѣянный модой на Воссюэга. Ученый публицистъ, задавшись вопросомъ объяснить таинственную причину неожиданной и скоропостижной смерти герцогини Генриэты Орлеанской, обратился не только къ изученію всѣхъ существующихъ историческихъ матеріаловъ, но, такъ сказать, произвелъ экспертизу заднимъ числомъ, именно отобралъ мнѣнія у знаменитыхъ современныхъ свѣтлыъ медицинскій науки: профессора Бруарделя и доктора Поля Ле-Жандра. Фактически извѣстно о смерти этой сестры англійскаго короля Іакова II и жены брата Людовика XIV только то, что она вернулась 18-го іюня въ Севъ-

¹⁾ Oeuvre inédites de Bossuet. Instruction sur les états d'oraison. Second traité. Principes communs de l'oraison chrétienne, précédé d'une introduction, par E. Levesque. Paris. 1897.

²⁾ Bossuet aurait-il condamné à mort Jésus Christ? Par P. Stapfer. «Revue Bleue». 25 septembre.

³⁾ La mort de Madame, par F. Funck-Brentano. «Revue Encyclopedique». 25 septembre.

Жерментъ изъ поѣздки въ Авлію, откуда привезла дуврскій трактатъ о союзѣ Франціи съ Англіей противъ Голландіи, и неожиданно занемогла 29-го утромъ, а къ ночи въ тотъ же день умерла. Вообще понятно, что при такихъ странныхъ обстоятельствахъ ея смерти, распространились слухи объ отравѣ, въ справедливости которыхъ было вообще увѣрено общественное мнѣніе не только во Франціи, но въ Англіи, Испаніи и Голландіи. Даже Людовикъ XIV долгое время подозрѣвалъ, что его невѣстка была отравлена, а заступившая ея мѣсто вторая жена герцога Орлеанскаго, нѣмецкая принцесса, была твердо убѣждена въ этомъ. Спорнымъ только оставался вопросъ, кто былъ убійцей несчастной герцогини: одни обвиняли въ этомъ голландцевъ, противъ которыхъ она заключила союзъ съ англичанами, а другіе — ея мужа и любимца послѣдняго, котораго она удалила отъ двора. Точно также ученые и историки, занимавшиеся вопросомъ о таинственной смерти герцогини Орлеанской, раздѣлялись на три лагера: одни, какъ Велькверъ, Поль Лакруа и Францискъ Равесонъ, поддерживали гипотезу объ отравѣ, другіе съ Лэромъ во главѣ, доказывали, что смерть была случайная, а третьи: Минье, Луазелеръ и Лигре склонялись въ пользу естественной болѣзни. Наконецъ, Аргюръ де-Буалль, посвятившій подробное изслѣдованіе данному предмету, воздержался отъ всякаго опредѣленнаго заключенія, а докторъ Леге, въ своей книгѣ: Доктора и отравителя, увѣряетъ, что герцогиня Орлеанская умерла отъ отравленія судомой. При подобномъ положеніи вопроса взялся за его разрѣшеніе Функъ-Брентаво и съ помощію мнѣвій Бруарделя и Ле-Жандра, основательно обсудившихъ сохранившійся актъ о вскрытіи тѣла герцогини пятнадцатью докторами, приходитъ къ заключенію, что смерть герцогини Орлеанской произошла отъ перитонита. «Если допустить, какъ прямо видно изъ акта вскрытія, что существовали язвы въ кишкахъ, — говоритъ профессоръ Бруардель, — то всѣ симптомы ея болѣзни, замѣченные и описанные современниками, развѣваются съ классической послѣдовательностью».

— Жанъ-Жакъ Руссо и его литературное завѣщаніе. Въ Германіи вышли двѣ книги о Жанъ-Жакъ Руссо: одна на нѣмецкомъ, а другая на французскомъ языкахъ. Первая подъ заглавіемъ Руссо и его философія принадлежитъ перу профессора Гаральда Гофдингга и составляетъ одинъ изъ томовъ бібліотеки Фромана: Классики въ философіи¹⁾, а послѣдняя представляетъ перепечатку литературнаго завѣщанія Руссо, найденнаго въ берлинской бібліотекѣ профессоромъ университета въ Галле, Шульце-Гора²⁾. Трудъ Гофдингга не подробная біографія и не обстоятельное философское изслѣдованіе теорій Руссо, а ловко составленный эскизъ самыхъ важныхъ и выдающихся чертъ, какъ жизни, такъ характера и литературной дѣятельности его героя. При этомъ, авторъ относится къ Руссо очень сочувственно, рисуетъ широкой кистью общую картинну его теорій и, хотя остроумно указываетъ на противорѣчія, въ которыхъ впадалъ Руссо, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ его

¹⁾ Höfding, Harald, prof.—Rousseau und seine Philosophie. Stuttgart. 1897. Fromman's Klassiker der Philosophie. IV.

²⁾ Un testament littéraire de Jean-Jacques Rousseau, publié avec une introduction et des notes. Par O. Schultz-Gora. Halle. 1887.

громадные достоинства и съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ сопоставляетъ со слабыми сторонами его ученія то великое значеніе, которое имѣла проповѣдуемая имъ теорія поклоненія природѣ. Совершенно иной характеръ имѣетъ книга профессора Шульца-Гора, который не только перепечаталъ найденную имъ литературную диковицу, но и снабдилъ ее любопытными примѣчаніями и предисловіемъ на французскомъ языкѣ. Изъ всѣхъ писателей, изучавшихъ литературную дѣятельность Руссо, одинъ только нѣмецкій ученый, Альбертъ Янсень, видѣлъ рапѣ Шульца-Гора это Завѣщаніе Жанъ-Жака Руссо напечатанное въ 1771 году, на французскомъ языкѣ, безъ обозначенія издателя, или типографа, и снабженное латинскимъ эпиграфомъ: *Qui notus nimis omnibus, ignotus motibus sibi* (тотъ, кто слишкомъ извѣстенъ всѣмъ, умираетъ невѣдомымъ самому себѣ), въ 1882 году обратилъ вниманіе на эту брошюру, находившуюся въ Берлинской библіотекѣ, какъ на бесспорно подлинный трудъ знаменитаго философа. Но до сихъ поръ означенное сочиненіе не вошло ни въ одно изъ французскихъ, или заграничныхъ изданій Руссо, а теперь впервые перепечатано цѣликомъ. Въ своемъ предисловіи Шульца-Гора говорить, что другія экземпляры брошюры, кромѣ берлинскаго, не существуетъ нигдѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ Парижѣ, а въ подлинности этого завѣщанія Руссо нѣмецкій ученый нимало не сомнѣвается. Нѣмецкая критика волигъ соглашается съ аргументами Шульца-Гора и считаетъ вопросъ о литературномъ завѣщаніи Руссо окончательно рѣшеннымъ. Но французская печать относится къ нему совершенно иначе, и Бюфенуаръ въ *Revue Bleue*, отъ 16 октября, доказываетъ, что, напротивъ, это сочиненіе нимало не принадлежитъ Руссо и составлено какимъ нибудь невѣдомымъ, второкласснымъ писателемъ. Во-первыхъ, онъ считаетъ невозможнымъ, чтобы друзья Руссо не знали о существованіи такого важнаго его труда; во-вторыхъ, анонимность изданія прямо говоритъ противъ его подлинности и, наконецъ, въ-третьихъ, по самому своему содержанію, это завѣщаніе не напоминаетъ Руссо ни по идѣ, ни по наложенію. Извѣстно, что Жанъ-Жакъ отличался оригинальнымъ, могучимъ, пламеннымъ языкомъ, а въ этой брошюрѣ нѣтъ и слѣда тѣхъ особенностей его слога, которыя извѣстны всѣмъ лицамъ, близко знакомымъ съ его сочиненіями. Напротивъ, брошюра написана очень плохимъ, смутнымъ и неяснымъ языкомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ манерой автора Эмиля и Новой Элоизы. Содержаніе берлинскаго завѣщанія заключается въ обзорѣ всѣхъ сочиненій Руссо, составленномъ довольно ловко, и въ защитѣ ихъ отъ нѣкоторыхъ нападокъ. Но прежде всего говорить противъ подлинности этого завѣщанія то обстоятельство, что оно написано въ 1771 году, а въ немъ не упоминается ни слова объ его Исповѣди, которая была уже тогда написана, хотя не напечатана. Если писалъ эту брошюру не Руссо, а кто либо другой, то этотъ пропускъ является понятнымъ, а для него самого онъ немислимъ, такъ какъ онъ придавалъ своей Исповѣди самое важное значеніе; наконецъ, является непонятнымъ, къ чему потребовалось ему написать это завѣщаніе, когда все, что онъ хотѣлъ сказать о себѣ, такъ обстоятельно выражено въ Исповѣди, составляющей настоящее его завѣщаніе, и въ другомъ его сочиненіи, имѣющемъ характеръ послѣдней пѣсни лебедя: Размышленія

одинокаго странствователя. Всѣ эти доводы приводятъ Ипполита Бюфенуара ¹⁾ къ тому заключенію, что напечатанное нѣмецкимъ ученымъ завѣщаніе не что иное, какъ поддѣлка, и притомъ не очень ловкая.

— Франція въ 1789 году. Обширная литература французской революціи обогатилась двумя новыми основательными трудами: А. Бреттъ напечаталъ сборникъ документовъ, касающихся собранія Генеральныхъ Штатовъ въ 1789 году ²⁾, а Едмѣ Шампіонъ составилъ на основаніи знаменитыхъ «Записокъ», въ которыхъ высказывались желанія избирателей Генеральныхъ Штатовъ, — картину тогдашняго положенія Франціи ³⁾. Обѣ эти книги представляютъ богатый матеріалъ для изученія Франціи передъ самымъ началомъ революціи. Бреттъ собралъ и напечаталъ всѣ сохранившіеся акты, относительно подготовительныхъ работъ къ созванію Генеральныхъ Штатовъ и агитаціи передъ выборами, а Шампіонъ наложилъ въ популярной формѣ, чего желала и требовала Франція въ 1789 году, насколько эти желанія и требованія выражены въ знаменитыхъ Запискахъ (Cahiers), которыя были составлены избирательными собраніями въ видѣ руководства своимъ кандидатамъ. Конечно, сборникъ Бретта можетъ интересовать только спеціальныхъ изслѣдователей революціи, но книга Шампіона представляетъ общій интересъ, и ея значеніе очень характерно указаво извѣстнымъ французскимъ публицистомъ и критикомъ, Эмилемъ Фагэ, въ «Revue Bleue», отъ 9-го октября ⁴⁾. По его словамъ, всѣ историки всегда говорили съ великимъ уваженіемъ объ этихъ Запискахъ, какъ о важнѣйшихъ матеріалахъ для выясненія причинъ революціи, но не многіе ихъ читали. Даже такіе знатоки дѣла, какъ Токвиль и Тэнъ, только отчасти и очень поверхностно были знакомы съ ними. Главной причиною этого недостаточнаго распространенія основнаго источника для серьезнаго изслѣдованія столь важной исторической эпохи служила до сихъ поръ трудность прочесть всѣ Записки, разбросанныя въ различныхъ архивахъ, и хотя напечатанныя въ «Archives parlementaires», но мало доступныя для обыкновенныхъ читателей и пзданныя самымъ веряшливымъ образомъ, безъ всякой критики. Поэтому нельзя не оставить въ большую заслугу Шампіону, что онъ не только прочелъ всѣ Записки и все, что писано о нихъ, но привелъ ихъ въ порядокъ и напечаталъ сводъ ихъ въ популярной, легкой для чтенія, формѣ. Насколько трудъ Шампіона основателенъ и добросовѣстенъ, доказываетъ уже одно его заявленіе, что его работа все еще не полна, такъ какъ ему достовѣрно извѣстно, что существуютъ такія Записки, которыхъ онъ не видалъ, и что для полнаго знакомства съ этими важными историческими документами, необходимо отыскать недостающую ихъ часть, что, по его мнѣнію, возможно, если прияться за дѣло не одному человѣку, а многимъ, ревнивымъ изслѣдователямъ старины. Какъ бы то ни было, по совершенно справедливому

¹⁾ Un testament littéraire de J.-J. Rousseau, par H. Buffenoir. Revue Bleue, 16 octobre.

²⁾ Recueil de documents relatifs à la convocation des États Généraux de 1789. Par A. Brette. Paris. 1897.

³⁾ La France d'après les Cahiers de 1789. Par Edmè Champion. Paris, 1897.

⁴⁾ La France en 1789, par Émile Faguet. «Revue Bleue», 9 octobre.

замѣчанію Фагэ, новый историкъ французской революціи сдѣлалъ то, чего никто не дѣлалъ до него, то-есть просто и безпристрастно свелъ въ одно цѣлое всѣ, дѣйствительно выраженные Франціей, желанія и требованія въ 1789 году. Замѣчательно, что фактическая подкладка его труда и приводимыя имъ выписки изъ всѣхъ записокъ волея подтверждають слова Мирабо: «Каждый сознаеть, что нація была подготовлена къ революціи гораздо болѣе сознаниемъ своего бѣдственнаго положенія, чѣмъ прогрессомъ идей». Какъ вполнѣ исторически ни увѣряли, что великіе писатели XVIII вѣка были основной причиной революціи, но достаточно прочесть книгу Шампіона, чтобы согласиться съ Мирабо и прійти къ убѣжденію, что авторы Записокъ, то-есть люди, создавшіе революцію, были не идеальные теоретики, а трезвые практики, не заботившіеся о свободѣ, о равенствѣ и другихъ такъ называемыхъ принципахъ 1789 года, а просто — они умирали съ голода и хотѣли, чтобы этотъ голодъ прекратился. Вотъ все, что можно найти въ Запискахъ 1789 года, и ничего другого въ нихъ нѣтъ. О конституціи и о парламентскомъ правленіи нигдѣ не упоминалось ни слова, хотя то и другое подразумевалось подъ требованіемъ, чтобы никакая власть, даже королевская, не могла накладывать налога безъ разрѣшенія Генеральныхъ Штатовъ. Народъ страдалъ отъ голода, но отчего происходилъ голодъ? Это ясно выражено въ Запискахъ: все зло происходило отъ существованія феодальныхъ привилегій, отъ административной анархіи и отъ отсутствія опредѣленныхъ и равныхъ для всѣхъ законовъ. Такимъ образомъ становится яснымъ, что французская революція, въ самомъ ея началѣ, была не политическимъ явленіемъ, а экономическимъ и административнымъ. Желанія французскаго народа были очень скромны: онъ хотѣлъ ѣсть, а для этого работать спокойно, безъ всякихъ препятствій отъ администраціи и привилегированныхъ классовъ. Все это какъ нельзя болѣе ясно вытекаетъ изъ чтенія Записокъ или ихъ блестяще составленнаго свода въ книгѣ Шампіона; а что касается до великихъ принциповъ 1789 года, то они уже придуманы вполнѣ, когда стали факты прикрывать идеями и политическими философствованіями.

— Гошъ на сценѣ и въ исторіи. Извѣстный французскій поэтъ и пламенный сторонникъ національнаго реванша, т. е. возмездія Германіи за отнятіе у Франціи Эльзасъ-Лотарингіи, Поль Деруледъ, поставилъ на сценѣ парижскаго театра Сентъ-Мартенскихъ Воротъ новую свою драму въ стихахъ: Смерть Гоша, которая уже и напечатана отдѣльнымъ изданіемъ¹⁾. Написанная громкими, звучными стихами, эта пьеса, однако, не имѣла успѣха и по двойной причинѣ: во-первыхъ, въ ней нѣтъ никакого драматическаго движенія, и это просто біографія Гоша въ длинномъ рядѣ картинъ, а съ другой, по странной прихоти поэта, Гошъ является не идеальнымъ ресубликанскимъ героемъ, какимъ его чтитъ до сихъ поръ вся Франція, а страннымъ неудачнымъ кандидатомъ въ диктаторы, чѣмъ-то въ родѣ Вуланже, сторонникомъ котораго, какъ извѣстно, былъ Деруледъ. Для чего ему потребовалось такъ бессмысленно унижить славный образъ одной изъ чистѣйшихъ личностей французской револю-

¹⁾ La mort de Hoche, drame en vers, par Paul Deroulède. Paris. 1897.

ции — сказать трудно, но вся передовая французская печать одинаково высказалась против новой пьесы Деруледа, которая оканчивается вполне великой сценой, где Гошг отравляется, чтобы не помешать 18 брюмеру и с крикомъ на устахъ: «да здравствуетъ Бонапартъ!» Иллише говорить, что какъ въ этой сценѣ, такъ и въ большей части пьесы Деруледа нѣтъ никакого историческаго основанія, что ясно выставлено въ длинномъ рядѣ статей, появившихся въ парижскихъ газетахъ и журналахъ. Наибольше интересны опроверженіе легенды, повторенной Деруледомъ, о враждѣ Сентъ-Жюста съ Гошемъ въ газетѣ *La Justice* ¹⁾ и подробное изслѣдованіе доктора Кабанеса о томъ, былъ ли отравленъ Гошг, въ первой октябрьской книжкѣ *Revue des Revues* ²⁾. Авторъ статьи въ *Justice*, Жюль Труба, на основаніи безпристрастной біографіи Сентъ-Жюста-Эрнеста Гамеля, доказываетъ фактическими данными, что Сентъ-Жюстъ никогда не былъ врагомъ и безжалостнымъ преслѣдователемъ Гоша, какъ составила о томъ легенда, и какъ изображается въ пьесѣ Деруледа. Переписка этихъ двухъ лицъ ясно доказываетъ, что они находились въ дружескихъ отношеніяхъ, и ярый республиканецъ, Сентъ-Жюстъ, чрезвычайный комиссаръ Конвента при арміи, находившейся подъ начальствомъ Гоша, искренно выражаетъ въ дописаніяхъ Конвенту и письмахъ къ Гошу свое уваженіе къ молодому генералу и нимало не ставитъ ему въ укоръ случайныя неудачи на полѣ брани. Подобную же несправедливую легенду объ отравленіи Гоша опровергаетъ съ своей стороны докторъ Кабанесъ. Извѣстно, что молодой, двадцати девяти-лѣтній Гошг умеръ неожиданно, находясь во главѣ арміи, дѣйствовавшей противъ Германіи, и вся Франція горько оплакивала единственнаго генерала, который могъ быть соперникомъ Наполеона, и пользовавшагося общей любовью не только за свои побѣды, но и за примиреніе Ванден и стойкую преданность республикѣ. Естественно, что неожиданная смерть такого человѣка подала поводъ къ предположеніямъ, что онъ былъ отравленъ, и одни приписывали это преступленіе роялистскимъ эмигрантамъ, другіе — директоріи, а третьи — Наполеону. Первое обвиненіе наибольше распространено, такъ какъ роялисты имѣли полное основаніе ненавидѣть примирителя Ванден. Что же касается до директоріи, то не всѣ ея члены подвергались подозрѣнію въ убійствѣ Гоша, а главнымъ образомъ, Барра, на котораго даже Наполеонъ вваливалъ со своихъ плечъ это преступленіе, а въ *Memoir* онъ указываетъ, что хотя его самого обвиняли въ отравленіи Гоша, но серьезная исторія никогда этому не повѣритъ. Съ своей стороны, враги Наполеона указываютъ, что хотя Барра и директорія, задумавъ государственный переворотъ, имѣли основаніе отдѣлаться отъ такого вѣрнаго слуги республики, какъ Гошг, но Наполеону было еще важнѣе удалить со своей дороги такого соперника, тѣмъ болѣе, что ходили слухи о прежнихъ близкихъ отношеніяхъ Гоша къ Жозефинѣ. Но всѣ эти гипотезы не имѣютъ никакой исторической подкладки, и докторъ Кабанесъ теперь доказываетъ, на основаніи сохранившихся документовъ о вскрытіи тѣла Гоша и мнѣнія профессора Дерово, что Гошг умеръ естественной смертью отъ чахотки.

¹⁾ La legende de Hoche et de Saint-Just, par Jules Troubat. La Justice, 10 octobre.

²⁾ Hoche est-il mort empoisonné? Par le Dr Cabanés. Revue des Revues, 1 octobre.

Этой ученой экспертизой, хотя и произведенной ровно сто лѣтъ послѣ смерти Гоша, происшедшей въ 1797 году, повидному, навсегда покончена легенда объ его отравѣ.

— Юбилейная біографія Борнса. Съ нѣкоторыхъ поръ англійскимъ писателямъ повезло въ отношеніи біографій и комментариевъ. Такъ, недавно вышелъ мастерской критико-біографическій очеркъ Лили о Шекспирѣ, а теперь появился въ послѣднемъ томѣ юбилейнаго изданія сочиненій Борнса такой же образцовый этюдъ Генлея о великомъ народномъ поэтѣ Шотландіи¹⁾. Авторъ этой новой и наилучшей характеристики Борнса, какъ поэта и человека, исполнилъ свою задачу вполне безпристрастно и добросовѣстно. Онъ собралъ всѣ нѣкоящіяся данныя о своемъ героѣ, критически оцѣнилъ ихъ, отбросилъ все, что въ нихъ отличается легендарнымъ характеромъ, и вполне выяснилъ любопытную личность поселанина-поэта, со всеми ея блестящими сторонами и недостатками. По мнѣнію англійской критики, Генлей сказалъ послѣднее слово о Борнсѣ, какъ поэтѣ, и вполне справедливо указалъ на мѣсто, занимаемое имъ на англійскомъ Парнасѣ, среди его первыхъ свѣтилъ, послѣ Чесера, Мильтона и Шекспира. Что же касается до Борнса, какъ человека, то новый его біографъ и комментаторъ нарисовалъ его литературный портретъ, хотя вполне сочувственный, но реальный и вѣрный дѣйствительности. Онъ не ступсвалъ неблаговидныхъ сторонъ его жизни, но объяснилъ ихъ вліяніемъ среды, а потому Робертъ Борнсъ вышелъ изъ критическаго горнила Генлея если не обѣленнымъ, то зато такимъ, какимъ онъ въ дѣйствительности былъ, и, конечно, даже его самые пламенные поклонники не возмалютъ, что, наконецъ, этотъ великій народный поэтъ оцѣненъ по достоинству, и его личность освобождена отъ всѣхъ легендарныхъ наслоеній, что нимало не уменьшило ея симпатичности. Вся характеристика Борнса, написанная съ такимъ блескомъ и знаніемъ дѣла Генлеемъ, сводится къ тому, что его героѣ былъ гениальнымъ поселаниномъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, а потому все, что въ немъ было талантливаго, вся масса юмора и поэзіи, бывшихъ ключемъ въ его балладахъ и пѣсняхъ, принадлежала ему, а всѣ грубыя черты, которыя встрѣчаются въ его стихотвореніяхъ и омрачаютъ его жизнь, принадлежали сельской средѣ, которая даже и теперь, спустя сто лѣтъ, сохранила въ Шотландіи свой прежній, далеко неблаговидный, характеръ.

— Сумасшествіе Огюста Конта. Жоржъ Дюма написалъ для «Revue Philosophique» подробное изслѣдованіе объ умственныхъ силахъ основателя позитивизма и до появленія въ свѣтъ своего труда напечаталъ во второй сентябрьской книжкѣ «Revue de Paris» одну изъ его главъ, въ которой разсказывается временное сумасшествіе Огюста Конта²⁾. Оказывается, что это потемненіе блестящихъ умственныхъ способностей главы позитивистской школы, отъ котораго онъ совершенно оправился, отличалось драматическимъ интере-

¹⁾ The Centenary Burns. Edited by William Ernest Henley and Thomas J. Henderson. Volume IV. With an essay on the Life, Genius and Achievements of Burns. By W. E. Henley. Edinburgh. 1897.

²⁾ La folie d'Auguste Comte. Par G. Dumas. «Revue de Paris», 15 septembre. 1897.

сомъ. Въ мартѣ 1826 года, Контъ, имѣвшій тогда двадцать лѣтъ отъ роду и пользовавшійся уже большою извѣстностью, благодаря вышедшимъ до того времени пяти трудамъ, излагавшимъ его позитивистскую систему, устроилъ частный курсъ, въ которомъ собирався развить свои идеи въ болѣе полномъ видѣ. Хотя цѣль этихъ лекцій заключалась, главнымъ образомъ, въ распространеніи его теорій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ руководило и желаніе заработать хотя небольшую сумму денегъ, такъ какъ онъ недавно женился и былъ въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Аудиторія составила самая избранная, и въ числѣ слушателей находились Александръ Гумбольдтъ, Вленвилъ, Пуансо, много докторовъ и бывшихъ учениковъ политехнической школы. Въ первой лекціи, составившей потомъ первую главу курса позитивистской философіи, Контъ впервые развилъ планъ своей философіи, объяснилъ ея цѣль, внутренній духъ и значеніе. Вторую лекцію онъ посвятилъ іерархіи наукъ, а третью — общимъ началамъ математики. Но когда слушатели явились на четвертую лекцію, то имъ объявили, что Контъ боленъ. Въ сущности онъ сошелъ съ ума и пробылъ до 2 декабря въ лѣчебницѣ доктора Эскироля для душевно-больныхъ. Онъ вышелъ изъ больницы, еще не совершенно оправившись, но мало-по-малу его блестящій умъ совершенно вернулся къ нему: онъ сталъ попрежнему писать и заниматься научными изслѣдованіями, а спустя три года, 4-го января 1829 года, онъ возобновилъ прерванный курсъ, и на первой его лекціи, среди прежнихъ выдающихся слушателей, занялъ мѣсто докторъ Эскироль, который съ видимымъ любопытствомъ слѣдилъ за полнымъ выздоровленіемъ своего пациента. Причина этого страннаго и временнаго помраченія столь свѣтлыхъ умственныхъ способностей была тройная: съ одной стороны онъ наследовалъ отъ матери невропатическій темпераментъ, съ другой — въ теченіе двухъ мѣсяцевъ чрезмѣрной умственной работы, онъ переутомился, а съ третьей — на него повліяла измѣна жены и удаленіе ея изъ дома. Хотя въ некоторые біографы Конта отрицаютъ послѣднюю причину и доказываютъ, напротивъ, что жена Конта очень ревностно ухаживала за нимъ во время его болѣзни, но семейныя ссоры несомнѣнно подѣйствовали на умственные способности Конта, и въ то время, какъ онъ сошелъ съ ума, жена не находилась дома; но, узнавъ объ этомъ плачевномъ обстоятельстве, она вернулась къ мужу, по какому мотиву — судить трудно, но дѣйствительно она съ замѣчательнымъ усердіемъ ухаживала за нимъ во все время, протекшее между выходомъ его изъ больницы и совершеннымъ выздоровленіемъ, такъ что Жоржъ Дюма имѣетъ основаніе сказать, что Контъ былъ спасенъ отъ окончательнаго сумасшествія той самой женщиной, которая своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ довела его до болѣзни. Дѣйствительно, самъ Контъ писалъ къ Литре, что поведеніе его жены только въ эту эпоху его жизни заслуживало полнаго уваженія, и объяснялъ это странное обстоятельство раскаяніемъ въ прежнихъ поступкахъ. Какъ бы то ни было, благодаря уходу жены, Контъ сталъ попрежнему пользоваться своими умственными способностями, и одною изъ первыхъ его заботъ по выздоровленіи было написать краснорѣчивый протестъ противъ системы доктора Эскироля и другихъ психіатровъ, которыхъ онъ упрекалъ въ томъ, что они не находились на высотѣ своей задачи съ интеллектуальной и

правственной сторонѣ. Впослѣдствіи, на основаніи своего личнаго опыта, Контъ мастерски анализировалъ сумасшествіе, и высказанныя имъ идеи можно встрѣтить у Тэна, Рибо и у болыной части современныхъ психіатровъ.

— Фридрихъ Нитше и его дружба съ Вагнеромъ. Если трехъ лѣтъ было достаточно для Конта, чтобы выздоровѣть отъ умственнаго разстройства, то врядь ли другой современный философъ Нитше, уже давно страдающій такимъ же роковымъ недугомъ, когда либо оправится и по примѣру своего французскаго собрата станетъ развивать въ новыхъ трудахъ свое ученіе. Поэтому его поклонники должны довольствоваться сочиненіями, написанными до его болѣзни, и полное собраніе которыхъ издаетъ его сестра г-жа Ферстеръ. Въ прошедшемъ году вышелъ уже X томъ, въ которомъ заключаются опыты и этюды Нитше, а недавно появилась первая часть II тома біографіи Фридриха Нитше, написанная его сестрой и бросающая новый свѣтъ на его жизнь и философскую систему¹⁾. Новый выпускъ этой книги представляетъ любопытный рассказъ о дружбѣ Нитше съ Вагнеромъ, которая, по словамъ г-жи Ферстеръ, была и счастьемъ и трагедіей юныхъ лѣтъ ея брата. Конечно, исторія отношеній между философомъ и композиторомъ изложена въ этой книгѣ съ точки зрѣнія Нитше, но факты и документы приведены авторомъ въ такомъ изобиліи и съ такимъ добросовѣстнымъ безпристрастіемъ, что можно составить себѣ вполне справедливое понятіе о томъ, почему вначалѣ такъ пламенно любили другъ друга эти выдающіеся представители современной Германіи, семь лѣтъ поддерживали свою дружбу и наконецъ разстались врагами. Г-жа Ферстеръ приводитъ между прочимъ очень характерный разговоръ своего брата съ однимъ изъ его учениковъ, который утверждалъ, что любовь, какъ единственная человѣческая страсть, обуславливающая трагическую борьбу, естественно служитъ обязательнымъ предметомъ всѣхъ романовъ. «Какое заблужденіе! — воскликнулъ Нитше: — основывать каждый романъ на любви устарѣло и надоѣло всѣмъ. Напримѣръ, дружба производитъ въ душѣ такую же борьбу, но гораздо высшей степени. Сначала друзья сходятся, привлекаемые общностью идей, потомъ они ощущаютъ счастье принадлежать другъ другу и питаютъ взаимное уваженіе, общую любовь, а наконецъ возникаетъ мало-по-малу съ одной стороны недобѣріе, а съ другой сомнѣніе въ качествахъ друга, что ведетъ къ болѣзненному чувству, необходимости разлуки, какъ бы та ни была тяжела, и къ тысячѣ другимъ страданіямъ, которыя я даже не могу опредѣлить». Произнося эти слова, Нитше говорилъ на основаніи горькаго опыта и, конечно, имѣлъ въ виду исторію своей дружбы съ Вагнеромъ, которая и въ книгѣ его сестры рассказана именно съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ Нитше на дружбу, въ своемъ разговорѣ съ ученикомъ. Первое знакомство между ними произошло въ 1869 году, когда двадцатипятилѣтній Нитше, еще не окончивъ университетскаго курса, получилъ кафедру классическихъ языковъ въ Вазельскомъ университетѣ, а пятидесятилѣтній Вагнеръ находился если не въ апогеѣ своей славы, то въ водоворотѣ той пламенной борьбы, которая возбуждала неистовую вражду и страстный

¹⁾ Das Leben Friedrich Nietzsches, von Elisabeth Förster-Nietzsche. II Band I theil. Leipzig. 1897.

культъ. Сразу молодой студентъ прикинулъ къ числу ревностныхъ поклонниковъ стараго музыканта, и первое его сочиненіе «Начало трагедіи» было посвящено подъ маской исторіи возникновенія греческаго театра—прославленію новаго искусства, проповѣдуемаго Вагнеромъ. Этимъ прославленіемъ искусства будущаго, на почвѣ филологіи, философіи и поэзіи, Нитше оказывалъ громадную услугу Вагнеру, который считалъ его первымъ своимъ другомъ послѣ жены и писалъ ему, что, для продолженія своихъ музыкальныхъ композицій, ему необходимо почитать книгу друга, такъ какъ лишь она одна вдохновляла его музыкальное творчество. Недовольствуясь этимъ, Вагнеръ написалъ въ «Северогерманской Газетѣ» горячій диэврамбъ сочиненію Нитше, а когда онъ явился въ Барейтъ для закладки знаменитаго театра, то старый музыкантъ носилъ его на рукахъ и не зналъ, какъ достаточно ублажить своего юнаго друга. Затѣмъ обоюдный культъ все усиливался, и съ одной стороны Нитше писалъ одну философскую книгу за другой, а Вагнеръ создавалъ свои оперы. Но когда наступила минута торжества для творца музыки будущаго и произошло торжественное открытіе его театра, Нитше не выразилъ никакой радости и мрачно бродилъ среди ликующей толпы поклонниковъ своего друга. Дѣло было въ томъ, что философъ сталъ сомнѣваться въ художникѣ, съ помощью котораго онъ мечталъ открыть свой идеалъ, своего высшаго человѣка. Онъ никакъ не могъ помириться съ католически-реакціоннымъ духомъ Parsifal'я и узкимъ патриотизмомъ Золота Рейна. Мало-по-малу они перестали видѣться, а когда Нитше сталъ въ своихъ сочиненіяхъ открыто возставать противъ того, что Вагнеру казалось святымъ, и гордо отрицать всѣ идеалы, то послѣдній печатно возражалъ противъ ученія своего друга, называя его сатурналией человѣческой мысли. Дружбѣ наступилъ конецъ, и Вагнеръ только пожалѣлъ, что стало однимъ вагнеристомъ меньше, но Нитше глубоко страдалъ отъ измѣны друга и въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ цѣлыя двѣнадцать лѣтъ онъ преслѣдовалъ самыми жестокими сарказмами того, котораго онъ когда-то такъ пламенно прославлялъ. Въ сущности ихъ дружба должна была окончиться такъ печально, потому что въ основѣ ея лежало глубокое недоразумѣніе. Нитше, какъ мыслитель, дорожилъ только идеей, служенію которой онъ посвятилъ всю свою жизнь, а Вагнеръ думалъ только о своей славѣ и усиѣхалъ своихъ музыкальныхъ произведеній, которыя для Нитше были лишь мостомъ, чтобы проникнуть въ область высшаго мышленія. Въ музыкѣ онъ видѣлъ лишь средство къ достиженію всеобщаго прогресса и превращенія человѣка въ высшее существо, а когда выразитель этой музыки оказался слугою реакціи, да еще религіозной и политической, то онъ, незадумавшись, проклялъ его.

— Письма Тургенева. Въ сентябрьской книжкѣ Cosmopolis окончена вторая серія писемъ И. С. Тургенева, которая печаталась Гальперинъ-Каминскимъ въ пяти номерахъ съ марта мѣсяца ¹⁾). Наибольшее число этихъ писемъ адресовано Эмилю Золя, съ которымъ Тургеневъ находился въ постоянной дѣловой перепискѣ, такъ какъ онъ хлопоталъ о помѣщеніи произве-

¹⁾ Lettres d'Ivan Tourgenoff, publiés et annotés par E. Halporine-Caminsky. Cosmopolis—mars, avril, mai, août, septembre.

деній Зола въ русскихъ журналахъ. Онъ, какъ извѣстно, свелъ автора «Ругоновъ» съ Стасюлевичемъ, и въ «Вѣстникѣ Европы» долго помѣщались его «Парижскія письма», рассказы и романы, причѣмъ первыя вовсе не появлялись на французскомъ языкѣ, а нѣкоторые изъ послѣднихъ произведеній были напечатаны въ Россіи ранѣе, чѣмъ на родинѣ автора. Тогда Зола еще не пользовался славой и находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, такъ что, по его собственнымъ словамъ «онъ умиралъ съ голода, служилъ предметомъ всеобщей брани и всѣ журналы и газеты отворачивались отъ него». «Въ такомъ-то ужасномъ положеніи находился я, говоритъ онъ, когда Тургеневъ свелъ меня въ Россію, гдѣ меня очень полюбили». Дѣйствительно усилъ статей Зола въ русскомъ журналѣ былъ громадный, и самъ Тургеневъ писалъ ему отъ 24-го января 1876-го года, что «его фельетоны имѣютъ безумный усилъ въ Россіи, такъ что онъ, Тургеневъ, былъ вполне правъ, направивъ его дѣятельность въ эту страну». Недовольствуясь ролью посредника между своимъ французскимъ другомъ и Стасюлевичемъ, Тургеневъ, какъ видно изъ его писемъ, старался его сдѣлать также постояннымъ сотрудникомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и уже заключилъ съ Салтыковымъ условіе о томъ, что Зола будетъ писать въ этомъ журналѣ по четыре статьи въ годъ съ оплатой по 300 франковъ за листъ, но Стасюлевичъ не хотѣлъ допустить, чтобъ такой блестящій парижскій корреспондентъ помѣщалъ письма въ другомъ журналѣ, кромѣ «Вѣстника Европы», а потому возвысилъ цѣну за статьи Зола, и сдѣлка съ Салтыковымъ не состоялась. Кромѣ того, Тургеневъ помѣстилъ переводъ «Assommoir» въ «Новомъ Времени», гдѣ онъ однако прекратился на срединѣ, и хлопоталъ о продажѣ въ Москву за 3,000 франковъ одного изъ его другихъ романовъ. Кромѣ подробностей объ отношеніяхъ Зола къ русской печати, письма къ нему Тургенева, несмотря на то, что ихъ напечатано 51, имѣютъ мало интереса, и, быть можетъ, слѣдуетъ только остановиться на отзѣвахъ Тургенева о смерти Флобера и о французской пьесѣ Корвина-Крюковскаго «Княгиня Воровская». О кончинѣ Флобера, съ которымъ онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, Тургеневъ, жившій тогда въ своей деревнѣ, Спасскомъ, узналъ случайно изъ русскихъ газетъ и писалъ Зола отъ 11-го мая 1880 года: «мнѣ нечего вамъ говорить о моемъ горѣ; Флоберъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ я любилъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ; мы лишились въ немъ не только великаго таланта и замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, но и существа, служившаго для всѣхъ центромъ». Что касается до пьесы Корвина-Крюковскаго, то Тургеневъ называетъ ея сквернымъ французскимъ надѣлемъ и проситъ Зола опровергнуть въ одномъ изъ его драматическихъ фельетоновъ распространенный въ французскихъ газетахъ слухъ, что Корвинъ-Крюковскій былъ представителемъ русскаго театра во Франціи. По словамъ Тургенева, «его первая пьеса, надѣлавшая столько шуму въ Парижѣ, «Данишевы», не могла бы выдержать и одного представленія въ Россіи, и умерла бы подъ громомъ свистковъ, а самъ авторъ не имѣетъ никакой извѣстности въ Россіи и въ русской драматургіи меньше поля». Письма Тургенева къ Жоржъ Зандъ, которую онъ очень любилъ и считалъ своей литературной родительницей, какъ родителемъ онъ признавалъ Гоголя, мало любопытны и лишь свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ находилъ помѣстье, въ которомъ жила знамо-

нитая романистка, самым прелестнымъ уголкомъ на свѣтѣ и постоянно поддерживалъ съ нею тѣсныя дружескія отношенія, именно: посылалъ ей въ подарокъ боченки съ устрицами и дичь, убитую имъ на охотѣ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ только заключается характеристическая фраза: «я не умѣю выражать ни словесно, ни письменно того, что касается меня лично; происходитъ ли это отъ застѣчивости, или неловкости, я не знаю, но, напримѣръ, поѣхавъ къ вамъ, въ Ноанъ, я твердо рѣшился объяснить вамъ, какое вы имѣли громадное вліяніе на меня, какъ на писателя, но, увидавъ васъ, я остался почти нѣмымъ». Въ перепискѣ съ Сень-Вѣвомъ, Теофиломъ Готье, Шарлемъ Эдмонномъ, Тѣномъ и Ренаномъ, также трудно найти хоть фразу, обращающую на себя вниманіе, кромѣ отзыва въ письмѣ къ Ренану о книгѣ послѣдняго «L'Eglise Chrétienne»: «Я оканчиваю вашъ послѣдній томъ, писалъ онъ, и чтеніе его приводитъ меня въ восторгъ. Вы освѣщаете въ моемъ умѣ всѣ эти трудные и щекотливые вопросы; право, я не знаю, чѣмъ больше восхищаться: тонкостью, или точностью вашего психологическаго анализа — если я могу такъ выразиться — организаціи христіанской церкви». Изъ переписки Тургенева съ Мопасаномъ, котораго онъ очень любилъ и цѣнилъ, напечатано только шесть малозначащихъ записокъ, изъ которыхъ интересна только первая, такъ какъ въ ней онъ возражаетъ противъ намѣренія Флобера начать съ его характеристики серію статей въ газетѣ «Gaulois» о великихъ иностранныхъ писателяхъ и совѣтуетъ начать этотъ рядъ очерковъ съ Пушкина или Гоголя для Россіи, съ Диккенса для Англіи и Гете для Германіи, а о немъ уже поговорить впоследствии въ своемъ мѣстѣ. Еще менѣе любопытны письма къ композитору Тома, къ Жюлю Кларти, Терье, Бюрти и Рейнаку. Послѣдній былъ частнымъ секретаремъ Гамбетты, и по случаю смерти послѣдняго Тургеневъ просилъ Рейнака возложить на могилу знаменитаго человѣка, котораго лишилась Франція, вѣнокъ отъ имени многочисленныхъ русскихъ, въ знакъ ихъ глубокаго сожалѣнія. Въ найденномъ Гальперинъ-Кампинскимъ письмѣ Тургенева къ неизвѣстному лицу, затрогивается любопытный вопросъ о передѣлкѣ романовъ въ пьесы; повидимому, этотъ неизвѣстный французскій литераторъ спрашивалъ позволенія у Тургенева сдѣлать пьесу изъ его «Рудина», и тотъ отвѣчалъ: «я не могу отъ васъ скрыть, что въ принципѣ я встаю противъ передѣлокъ всякаго романа въ пьесу, а тѣмъ болѣе въ этомъ случаѣ, такъ какъ «Рудинъ» — психологическій этюдъ, и его уже старались въ Россіи передѣлать для сцены, но пришлось отказаться отъ этой попытки». Послѣднія письма Тургенева, напечатанныя въ «Cosmopolis», адресованы къ переводчикамъ его романовъ, именно: къ Дюрану-Гревиллю, который перевелъ много произведеній Тургенева, между прочимъ, «Ночь», къ князю Голицыну, переводчику «Дыма», и къ итальянской графинѣ Губертисъ, которая помѣстила въ журналѣ «Rivista Europa» переводъ «Вешнихъ водъ». Всѣ онѣ, конечно, отличаются дѣловымъ характеромъ, но попадаются изрѣдка любопытныя мѣста; такъ въ одномъ изъ писемъ къ Дюрану Тургеневъ предлагаетъ ему перевести рассказы Гаршина, который, по его словамъ, подаетъ всего болѣе надеждъ изъ молодыхъ писателей, а князю Голицыну онъ пишетъ, по поводу вставленныхъ имъ въ текстъ «Дыма» пропусковъ, сдѣланныхъ Катковымъ при печатаніи этого романа въ «Русскомъ

Вѣстникъ»: «я все-таки полагаю, что я лучше патріотъ, чѣмъ тѣ, которые обвиняютъ меня въ недостаточной любви къ отечеству». Въ своихъ отдѣльныхъ предисловіяхъ и общемъ послѣсловіи, надатель писемъ Тургенева, Гальперинъ-Каминскій, сообщаетъ нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Тургенева къ его французскимъ друзьямъ. По его словамъ, онъ далеко не надалъ всѣхъ писемъ Тургенева, а именно: ему была недоступна, по различнымъ причинамъ, переписка русскаго романиста съ Викторомъ Гюго, Просперомъ Меримэ, Жюлемъ Симономъ, Эдмономъ де-Гонкурромъ, Альфонсомъ Додэ, Эмилемъ Ожье, Эдмономъ Абу, Максимомъ дю-Канъ и госпожей Адавъ. Что касается до обвиненія, заявленнаго въ нѣкоторыхъ газетахъ въ недостаточномъ выборѣ при печатаніи этихъ писемъ, которыя большею частью неинтересны и имѣютъ характеръ простыхъ записокъ, то онъ защищается аргументами самаго Тургенева, который, задавая интимныя письма Пушкина къ его женѣ, настаивалъ на важности изданія цѣлкомъ и въ полномъ составѣ подобныхъ драгоценныхъ документовъ. Конечно, Гальперинъ-Каминскій не могъ не упомянуть о знаменитой посмертной ссорѣ Додэ съ Тургеневымъ. Какъ извѣстно, авторъ «Набоба» былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ русскимъ романистомъ и написалъ о немъ очень сочувственную статью для одного американскаго журнала, но потомъ онъ узналъ стороной, что Тургеневъ отзывался о немъ очень рѣзко въ письмахъ къ Захеръ-Мазоху, и то же подтвердилъ анонимный авторъ «Souvenirs de Tourgeneff». Додэ воспыпалъ злобой и сталъ печатно кастить Тургенева, обвиняя его въ измѣнѣ всѣмъ своимъ французскимъ друзьямъ; онъ даже увѣрялъ, что видѣлъ письма Тургенева, въ которыхъ послѣдній отзывался о немъ хуже, чѣмъ объ убійцѣ. Но теперь оказывается, по словамъ Гальперинъ-Каминскаго, что Тургеневъ не зналъ Захеръ-Мазоха и никогда къ нему не писалъ, а потому если Додэ, или кому другому, показывали эти письма, то они были поддѣльными. Что же касается до разоблаченія писемъ, напечатанныхъ въ анонимныхъ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ, то ихъ авторъ не заслуживаетъ никакого довѣрія. Въ сущности, какъ справедливо замѣчаетъ Гальперинъ-Каминскій, подкрѣпляя свои слова выпиской изъ письма друга Тургенева, Я. Полонскаго, Тургеневъ никогда не клеветалъ на французскихъ писателей, а всегда гордился ихъ любовью и уваженіемъ. Если же онъ говорилъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Салтыкову, отъ 25-го ноября 1845 г., что «отъ романовъ Гонкура и Зола слишкомъ несетъ литературой, въ чемъ главный ихъ недостатокъ», то это не значило, что онъ клеветаетъ на нихъ, а просто было выраженіемъ его личнаго мнѣнія. По этому вопросу Гальперинъ-Каминскій приводитъ еще отрывокъ изъ письма къ нему Салтыкова, отъ 14-го ноября 1887 г., и словами Салтыкова можно было бы навсегда покончить съ надѣлавшей столько шуму во французской журналистикѣ посмертной ссорой Додэ съ Тургеневымъ: «Я не вижу ничего обиднаго и коварнаго для его друзей въ оцѣнкѣ Тургеневымъ современныхъ французскихъ реалистовъ. Можно сохранять самыя дружескія отношенія и не всѣмъ восторгаться въ своихъ друзьяхъ. Тургеневъ выразился немного грубо, говоря, что отъ литературы Золя и Гонкура слишкомъ несетъ литературой, но вотъ и все. Это мнѣніе онъ высказалъ въ отвѣтъ на мое письмо, въ которомъ я гово-

риль, что эти писатели не реалисты, какъ Гоголь, Диккенсъ и т. д., но психологи, называвшіе себя реалистами. Къ тому же, я никогда не замѣчалъ въ Тургеневѣ ни малѣйшаго слѣда лицемѣрія».

— Посмертное сочиненіе А. Врикнера о Павлѣ I. Хотя вышедшая въ Штуттартѣ книга, подъ заглавіемъ: «Кончина императора Павла I»¹⁾, подписана только двумя буквами Н. Р., но германская критика узнала по литературнымъ приемамъ въ авторѣ недавно умершаго русско-нѣмецкаго историка А. Врикнера. Этотъ посмертный трудъ плодовитаго ученаго раздѣляется на двѣ части: въ первой онъ представляетъ сжатый обзоръ всѣхъ дворцовыхъ переворотовъ, происшедшихъ въ Россіи въ прошедшемъ столѣтіи, а во второй подробно рассказываетъ событія, ознаменовавшія переходъ престола отъ Павла къ Александру, на основаніи существующихъ показаній современниковъ и выдающихся дѣятелей того времени. Всего интереснѣе въ новой книгѣ автора біографіи Петра Великаго и Екатерины II указаніе на всѣ собранные имъ историческіе матеріалы и приводимые имъ отрывки изъ мемуаровъ Ланжерона, напечатанныхъ въ «Revue Britanique», за іюнь 1895 г., воспоминаній Саблукова, появившихся впервые на англійскомъ языкѣ въ августовской и сентябрьской книжкахъ «Fraser's Magazine», за 1865 г., а потомъ переведенныхъ по-французски и по-русски въ сокращенномъ видѣ въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 г., мемуаровъ кн. А. Чарторижскаго и записокъ Беннгсена, которыя еще не вышли до сихъ поръ въ подлинникѣ, но извѣстны по подробному извлеченію въ трудѣ Бернгарди. Насколько возможно, Н. К. Шильдеръ, въ первомъ и во второмъ томахъ «Александръ I, его жизнь и царствованіе», уже воспользовался этими рассказами очевидцевъ о томъ, что происходило въ Михайловскомъ замкѣ въ послѣдніе дни царствованія Павла I, но, конечно, Врикнеръ имѣлъ возможность войти въ большія подробности, особенно, налагаю по Ланжерону показанія Палена, Беннгсена и великаго князя Константина Павловича. Что же касается до впечатлѣнія, произведеннаго на Александра I кончиною отца, то объ этомъ достаточно сказано въ разныхъ мѣстахъ у Шильдера, а потому въ этомъ отношеніи читатель найдетъ мало новаго у Врикнера. Еще слѣдуетъ упомянуть, что нѣмецкая критика обвиняетъ почтеннаго историка въ чрезмѣрной строгости его сужденій и сожалѣетъ, что онъ не обратилъ вниманія на хорошія качества Павла I и на ихъ практическія примѣненія, несмотря на то, что ему были хорошо извѣстны отзывы Гейкинга объ этомъ государѣ.

¹⁾ Kaisers Paul's Ende, 1801. Von N. R. Stuttgart. 1897.

«ИСТОР. ВѢСТН.», ноябрь, 1897 г., т. LXX.

СМѢСЬ.

ПРИСУЖДЕНІЕ премій митрополита Макарія. 19 октября, въ маломъ конференцъ-залѣ Императорской Академіи Наукъ, въ часть дня, непремѣннымъ секретаремъ академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ былъ прочитанъ отчетъ о седьмомъ присужденіи премій митрополита Макарія. На соисканіе въ текущемъ году было представлено 18 сочиненій и 3 отложенныхъ отъ прежняго конкурса. Для разсмотрѣнія ихъ была назначена, подъ предѣдательствомъ непремѣннаго секретаря Н. Ѳ. Дубровина, особая коммиссія, въ составъ которой вошли: вице-президентъ Академіи Л. Н. Майковъ, и академики: А. Н. Веселовскій, Ѳ. Ѳ. Вейльштейнъ, В. Г. Васильевскій, Ѳ. А. Бредихинъ, бар. В. Р. Розенъ и адъютантъ кн. В. В. Голицынъ. Полной преміей въ 1.500 р. увѣнчано сочиненіе А. А. Измаильскаго: «Влажность почвы и грунтовая вода, въ связъ съ рельефомъ мѣстности и культурнымъ состояніемъ поверхности почвы». Полтава, изданіе 1894 г., разсмотрѣнное по порученію Академіи докторомъ геологіи Н. А. Соколовымъ. По отзыву рецензента, огромная площадь черноземныхъ степей южной Россіи, при чрезвычайномъ плодородіи почвы и изобиліи солнечнаго тепла, страдаетъ однимъ крайне существеннымъ для сельско-хозяйственной культуры недостаткомъ — слишкомъ малою влажностью климата и почвы. Этотъ важный недостатокъ черноземной области Россіи, являющійся нерѣдко причиною полныхъ неурожаевъ, давно уже обратилъ на себя вниманіе всѣхъ заинтересованныхъ въ успѣхѣ культуры въ этой естественной житницѣ Россіи и даже цѣлой Европы. Поэтому нельзя не признать очень своевременнымъ и важнымъ появленіе труда г. Измаильскаго, посвященнаго именно изслѣдованію влажности почвы и выясненію условій залеганія и питанія грунтовыхъ водъ. Чрезвычайно важною и заслуживающею

исключительнаго вниманія особенностью изслѣдованій г. Измаильскаго является то, что всё свои опыты онъ старается поставить въ условія, наиболѣе близкія къ естественнымъ, а главнѣйшія свои наблюденія въ полѣ онъ производилъ систематически въ теченіе круглаго года. Въ заключеніе своей рецензій Н. А. Соколовъ характеризуетъ это сочиненіе такъ. «Весь этотъ многолѣтній тяжелый трудъ авторъ произвелъ совершенно самостоятельно по собственному почину, почти безъ всякой сторонней помощи, въ обстановкѣ, далеко не вполне благоприятствующей научнымъ изслѣдованіямъ, и движимый лишь исключительно горячею любовью къ научнымъ изслѣдованіямъ и стремленіемъ принести посильную пользу сельскому хозяйству черноземной Россіи». Неполныхъ премій въ 1,000 р. присуждено двѣ. Первой изъ нихъ увѣнчанъ трудъ покойнаго заслуженнаго профессора Н. А. Любимова: «Исторія физики. Опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи». Три части: часть I. С.-Петербургъ, 1892 г.; часть II издан. 1894 г. и часть III издан. 1896 г. Разсмотрѣніе этого сочиненія комиссія поручала своему сочлену адъюнкту Академіи князю Б. В. Голицыну. Исторія физики Н. А. Любимова, нынѣ уже умершаго, представляетъ собою сочиненіе еще неоконченное. Въ настоящее время вышло лишь три его части. По мнѣнію рецензента, разсмотрѣнное имъ сочиненіе «представляетъ собою замѣчательный трудъ какъ по основному своему замыслу, такъ и по содержанію и необычайно ясному, обстоятельному изложенію. Авторъ отводитъ первенствующую роль историческому элементу, но не ограничился узкими рамками одной физики, а захватываетъ въ своемъ изложеніи всю исторію философіи природы, въ широкомъ значеніи этого слова. По своему замыслу, этотъ необычайно обширный трудъ выполненъ съ замѣчательною добросовѣстностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла, свидѣтельствуя о громадной эрудиціи автора». Въ заключеніи своей рецензій кн. Б. В. Голицынъ говоритъ: «сочиненіе Н. А. Любимова представляетъ собою капитальный трудъ, существенно обогащающій нашу научно-историческую литературу». Вторая неполная премія въ 1,000 руб. присуждена бывшему російскому посланнику при дворѣ бразильскаго императора А. С. Юнину, который совершилъ большое путешествіе по южно-американскому матеріку и посѣтилъ, между прочимъ, южную виѣтроническую Бразилію, область пампасовъ въ Уругваѣ и Аргентинской республикѣ. Результатами этого путешествія явилось въ свѣтъ увѣнчанное академіей сочиненіе: А. С. Юнинъ. «По южной Америкѣ». С.-Петербургъ, изд. 1892—1893 г. Разсмотрѣніе этого путешествія принялъ на себя профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета А. И. Воейковъ. Подробное разсмотрѣніе труда А. С. Юнина приводитъ рецензента къ тому заключенію, что въ книгѣ «По южной Америкѣ» наша литература приобрѣла обширное сочиненіе, написанное прекраснымъ языкомъ, — сочиненіе, дающее, помимо правдиваго и въ высшей степени талантливаго описанія видѣннаго авторомъ, еще множество свѣдѣній по исторіи, политическому положенію, этнографіи, сельскому хозяйству, колонизаціи, торговлѣ, горному дѣлу, народному образованію и духовной жизни южно-американскихъ странъ». Почетныхъ отзывовъ удостоены сочиненія: 1. Ал. Ан. Мануиловъ. «Аренда земли въ Ирландіи». Спб. 1896 г. Для разсмотрѣнія этого труда академія обраца-

лась къ содѣйствію профессора Императорскаго Московскаго университета А. И. Чупрова. Авторъ разсматриваемаго сочиненія задался мыслью изобразить исторію развитія арендныхъ формъ въ Ирландіи, съ тѣмъ, чтобы изученіемъ исторіи прошлаго осмыслить современныя нужды землевладѣнія и оцѣнить разнообразныя попытки къ его преобразованію. При исполненіи задуманной задачи г. Мануиловъ весьма добросовѣстно разработалъ обширный матеріалъ парламентскихъ изслѣдованій и изданій, коими его предшественники мало пользовались въ литературѣ, а равно изучалъ и записки путешественниковъ. А потому рецензентъ признаетъ эту книгу однимъ изъ крупныхъ вкладовъ въ нашу экономическую литературу за послѣдніе годы. 2. М. И. Михальсонъ—«Ходичія и мѣткія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ цитатъ, пословицъ, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдѣльныхъ иностранныхъ». Второе пересмотрѣнное и значительно пополненное изданіе. Сиб. Изд. 1896 г. Трудъ этотъ былъ разсмотрѣнъ проф. А. И. Кириичниковымъ, который призналъ, что сочиненіе это заслуживаетъ поощрительной преміи, но что въ общемъ для слѣдующихъ изданій г. Михальсону необходимо ближе ознакомиться съ памятниками русскаго народнаго творчества (сказками, быльями, пѣснями и пр.) и ихъ наиболѣе солидными и наименѣе субъективными объясненіями. 3. В. Истрингъ—1) «Александрія русскихъ хронографовъ». Москва. 1893 г. и 2) «Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ». Москва, изд. 1893 г. Разсмотрѣнію этихъ сочиненій коммиссія возложила на своего сочлена, академика Ал. Н. Веселовскаго. Въ своемъ трудѣ г. Истрингъ задался тѣмъ, чтобы установить взаимныя отношенія славяно-русскихъ текстовъ Сказанія, опредѣлить оригиналъ древняго перевода и заглянуть, насколько возможно, въ первоисточникъ, и выполнилъ эту задачу настолько удачно, что, по мнѣнію рецензента, и по богатству новаго матеріала, и по качеству критическихъ приемовъ труды г. Истрина представляютъ явленіе почтенное, несомнѣнно заслуживающее преміи. 4. Э. Энгманъ — «Оборона современныхъ сухопутныхъ крѣпостей». Сиб., изданіе 1895 г. Для разсмотрѣнія этого сочиненія коммиссія обращалась къ содѣйствію инженер-ген.-лейт. А. И. Савельева. Въ представленномъ отзывѣ рецензентъ указываетъ на отдѣльныя упущенія, промахи и погрѣшности, допущенныя авторомъ, но находитъ, что замѣченныя погрѣшности, допущенныя авторомъ, отнюдь не умаляютъ достоинства сочиненія. «Трудъ Энгмана, — пишетъ ген.-лейт. Савельевъ, — по своему содержанию и наложенію принадлежитъ къ числу такихъ сочиненій, достоинства которыхъ даютъ имъ видное мѣсто въ ряду спеціальныхъ знаній и опредѣляютъ ту пользу, которую они могутъ принести въ практическомъ примѣненіи». 5. Ив. Ивановъ — «Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII вѣка». Москва. 1895 г. Оцѣнку этого сочиненія произвелъ профессоръ П. П. Дашкевичъ; по его мнѣнію, русскіе читатели приобрѣли въ трудѣ г. Иванова полезное пособіе для изученія весьма интересной части литературнаго движенія прошлаго вѣка, и это пособіе достигнетъ, вѣроятно, тѣмъ большаго распространенія, что читается легко и отличается занимательностью. 6. М. В. Везобразова: «Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи» (рукопись). При оцѣнкѣ этого труда Академія воспользовалась содѣйствіемъ профессора С.-Петербург-

ской духовной академіи А. Пономарева. Въ своемъ изслѣдованіи г-жа Безобразова разсматриваетъ нѣкоторые древне-русскіе литературные памятники философскаго и богословско-философскаго содержанія. Рецензентъ находитъ въ высшей степени симпатичною мысль автора — заняться изученіемъ философскихъ памятникъ древне-русской литературы и, отправляясь отъ нихъ, исторически прослѣдить наше философское развитіе и аттестуетъ сочиненіе, какъ заслуживающее преміи. 7. В. Н. Витевскій — «И. И. Пеплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года». Выпуски I—V. Академія въ своемъ сужденіи объ этомъ сочиненіи имѣла возможность опереться на авторитетный отзывъ покойнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина, по мнѣнію котораго сочиненіе это представляетъ собою въ сущности біографію Пеплюева, въ которой, благодаря обилію матеріаловъ, обширно изложена дѣятельность его въ Оренбургскомъ край, причемъ для болѣе яснаго пониманія дѣла составлены очерки положенія края предшествовавшаго описываемому времени. Такой трудъ собиранія матеріала заслуживаетъ поощренія, но достоинство труда, какъ произведенія ученаго, оставляетъ желать многого. Въ заключеніи, за труды по оцѣнкѣ сочиненій получили признательность Академіи: профессору императорскаго университета св. Владимира Н. П. Дашкевичъ, Т. Д. Флоринскій и П. В. Владиміровъ, Н. А. Бородинъ; профессоръ Ѳ. Ѳ. Витрамъ, генералъ-майоръ А. Ѳ. Редигеръ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи Пономаревъ, профессоръ императорскаго Московскаго университета А. И. Чуиловъ, профессоръ императорскаго Новороссійскаго университета А. И. Кириичниковъ, дѣйстви. статск. совѣтн. К. К. Арсеньевъ, инженеръ генералъ-лейтенантъ А. И. Савельевъ, докторъ геологій Н. А. Соколовъ и профессора императорскаго С.-Петербургскаго университета В. В. Докучаевъ и А. И. Воевоковъ.

Присужденіе Уваровскихъ премій. Въ малой конференцъ-залѣ императорской Академіи Наукъ былъ прочитанъ 25-го сентября, въ 12 часовъ дня, отчетъ о тридцати девяти присужденіи наградъ графа Уварова. Предсѣдательствовалъ академикъ В. В. Радловъ. Отчетъ прочитанъ былъ непремѣннымъ секретаремъ академіи Н. Ѳ. Дубровиннымъ. На соисканіе наградъ графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено 15 сочиненій, изъ коихъ три, за недоставленіемъ рецензій, отложены до слѣдующаго конкурса. Для разсмотрѣнія и оцѣнки этихъ сочиненій была назначена коммиссія, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ вице-президента академіи Л. Н. Майкова и гг. академикъ: А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, В. Г. Василевскаго, А. А. Кунника и А. А. Шахматова. Первая премія въ 1.000 рублей присуждена разсмотрѣнному академикомъ А. Н. Веселовскимъ сочиненію члена-корреспондента академіи Ив. Ник. Жданова «Русскій былевой эпосъ». Сиб., изд. 1895 года. Въ книгѣ профессора Жданова, — говоритъ рецензентъ, — соединены пять этюдовъ, появившихся одновременно въ нашихъ ученыхъ изданіяхъ («Живая Старина», «Журналъ Минстерства Народнаго Просвѣщенія») и посвященныхъ, каждый, разбору одной какой нибудь былинны или былевого сюжета. Въ предисловіи высказано нѣсколько взглядовъ на отношенія эпической пѣсни къ ея историческимъ, бытовымъ, сказочнымъ и литературнымъ источникамъ; отдѣльные этюды являются какъ бы доказательствомъ общихъ положеній, а

вѣстѣ и матеріаломъ, изъ которыхъ они извлечены. Объ этихъ положеніяхъ, выраженныхъ ясно, но нѣсколько лаконично, можно спорить, опираясь отчасти на книгу самого автора, но это—вопросъ частной критики; въ общемъ новый трудъ проф. Жданова отличается тѣми же достоинствами метода, какъ и его первая диссертация «Къ литературной исторіи русской былевой поэзи». Сдѣлавъ подробный разборъ этого труда и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не вполнѣ соглашаясь съ авторомъ, рецензентъ тѣмъ не менѣе заключилъ свой отзывъ тѣмъ, что работа въ области былевого эпоса заслуживаетъ полной преміи графа Уварова. Неполная премія въ 500 рублей присуждена сочиненіямъ: I. Аполл. Семен. Кроткова, генераль-майора, — «Ваятіе шведской крѣпости Нотебургъ на Ладожскомъ озерѣ Петромъ Великимъ въ 1702 году». С.-Петербургъ, изд. 1896 года. Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя Стен. Федор. Огородниковъ. Основанное на изученіи печатныхъ источниковъ и на критическомъ къ нимъ отношеніи, сочиненіе г. Кроткова составляетъ весьма обстоятельный историческій трудъ, несмотря на то, что автору, при его изслѣдованіяхъ, не пришлось ни разу прибѣгать къ непосредственному источнику, т.-е. къ архивамъ. Въ нашей морской исторической литературѣ, — говоритъ рецензентъ, — сочиненіе г. Кроткова представляетъ совершенно новый взглядъ на дѣятельность Петра при завоеваніи Нотебурга, такъ какъ предшествующіе писатели ваятіе этой крѣпости приписывали неожиданности появленія Петра съ русскими войсками, перешедшими черезъ топи и болота Корелии на берега Невы въ такое время, когда шведы, видимо, не ожидали этого нападенія. Посѣщеніе же Петромъ Великимъ Архангельска въ 1702 году ставилось въ связи съ этою блестяще исполненною военною операціею. «Изслѣдованіе г. Кроткова, — говоритъ въ заключеніе С. Ф. Огородниковъ, — по полнотѣ приведенныхъ свѣдѣній, составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу историческую науку, не усматривавшую, до настоящаго времени, видимой связи между предпринятымъ въ 1702 году Петромъ путешествіемъ въ Архангельскъ и ваятіемъ шведской крѣпости Нотебурга. Неотъемлемая заслуга автора состоитъ именно въ доказательствѣ существованія этой связи, почему и нахожу справедливымъ рекомендовать благосклонному вниманію императорской Академіи Наукъ сочиненіе г. Кроткова, и полагаю, что оно вполнѣ заслуживаетъ преміи». II. Григорій Александровичъ Воскресенскій: 1) «Характеристическія черты, четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка по сто-двѣнадцати рукописямъ Евангелія XI—XVI вв.». Москва, изд. 1896 г. 2) «Древне-славянскій апостолъ. Посланія св. апостола Павла по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго апостольскаго текста съ разночтеніями изъ пятидесяти одной рукописи апостола XII—XVI вв.». Сергіевъ посадъ, изд. 1892 г. 3) «Древне-славянское Евангеліе. Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго евангелскаго текста съ разночтеніями изъ ста-восьми рукописей Евангелія XI—XVI вв.». Сергіевъ посадъ, изд. 1894 г. Рецензія на эти сочиненія составлена профессоромъ Пѣжинскаго историко-филологическаго института М. П. Сперанскимъ. Въ то же время Академія, усмотрѣвъ немаловажныя достоинства въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, представленныхъ на преміи графа Уварова, положила, за

ограниченнымъ числомъ денежныхъ наградъ, присудить имъ почетные отзывы. Сочиненія эти слѣдующія: I. Васил. Тимоф. Георгіевскій. «Флорпцева пустынь». Историко-археологическое описаніе съ рисунками. Вязники, издан. 1896 года. Оцѣнку этого сочиненія обязательно принялъ на себя профессоръ С.-Петербургской духовной академіи Н. В. Покровскій. Г. Георгіевскій собралъ какъ рукописный, такъ и печатный матеріалъ, привелъ его въ стройный порядокъ и, такимъ образомъ, далъ вѣрное понятіе о Флорпцевой пустыни. II. Влад. Георг. Щегловъ. «Государственный совѣтъ въ царствованіе императора Александра I». Историко-юридическое изслѣдованіе. Выпускъ I, изд. 1895 г. Для разсмотрѣнія вышеозначеннаго изслѣдованія коммиссія обращалась къ содѣйствію приватъ-доцента императорскаго С.-Петербургскаго университета М. И. Свѣшнікова. Историко-юридическое изслѣдованіе государственнаго совѣта въ царствованіе императора Александра I-го, сдѣланное проф. Щегловымъ, по отзыву рецензента, «есть только часть работы, предпринимасмой почтеннымъ профессоромъ и посвященной изслѣдованію государственнаго совѣта въ Россіи. Разсмотрѣніе труда проф. Щеглова приводитъ рецензента къ заключенію, что вышеозначенное сочиненіе представляетъ собою не столько историко-юридическое изслѣдованіе, сколько «собраніе различныхъ, весьма интересныхъ и добросовѣстно приведенныхъ свѣдѣній о нашихъ высшихъ учрежденіяхъ XVIII и первой четверти XIX вв.». Въ виду того, что, по признанію проф. Свѣшнікова, «трудолюбіе автора, тщательное изученіе первоисточниковъ литературы въ всякаго сомнѣнія», Академія признала возможнымъ удостоить трудъ проф. Щеглова почетнымъ отзывомъ. III. Евг. Вяч. Пѣтуховъ: 1) «Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и воспитаніи чадъ». Спб. 1893 г. 2) Очерки изъ литературной исторіи Синодика: а) Судьбы текста чина православія на русской почвѣ до половины XVIII вѣка и б) Литературные элементы Синодика, какъ народнои книги въ XVII и XVIII вв. Изд. 1895 г. Для оцѣнки этого сочиненія академія обращалась къ содѣйствію проф. А. И. Соболевскаго. По присужденіи премій, коммиссія, во изъявленіе своей глубокой признательности за понесенные ими труды, положила благодарить гг. рецензентовъ: проф. В. А. Вильбасова, проф. императорскаго С.-Петербургскаго университета А. И. Соболевскаго и приватъ-доцента М. В. Свѣшнікова; проф. С.-Петербургской духовной академіи П. П. Покровскаго и Пл. П. Жуковича; секретаря императорскаго русскаго археологическаго общества В. Г. Дружинина, проф. императорскаго Харьковскаго университета П. Θ. Сумцова; подполковника С. Θ. Огородникова; проф. императорскаго Александровскаго лицея П. А. Шляпкина; отдѣльнаго цензора въ Ревелѣ Г. Г. Труссмана; проф. Нѣжинскаго историко-филологическаго института кн. Безбородка М. И. Сперанскаго. Въсѣтъ съ тѣмъ, на основаніи § 15 Положенія о наградахъ графа Уварова, коммиссія положила назначить отъ имени академіи золотыя Уваровскія медали: С. Θ. Огородникову, А. И. Соболевскому, В. Г. Дружинину, М. И. Сперанскому, П. Θ. Сумцову и П. А. Шляпкину.

Преміи императора Петра Великаго. Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія въ нынѣшнемъ году присуждены слѣдующія преміи имени императора Петра Великаго, учрежденныя при этомъ министерствѣ:

большая премія въ 2,000 руб.— преподавателю одесской Ришельевской гимназій, А. П. Флерову, за книгу, подъ заглавіемъ «Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ», и малая премія въ 500 руб.— ординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета, Н. Н. Ланге, за рукописное сочиненіе, подъ заглавіемъ «Учебникъ логики».

С.-Петербургское археологическое общество. 19-го сентября, состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія подъ предѣлательствомъ С. Ѡ. Платонова. Н. К. Рерихъ прочиталъ рефератъ о произведенныхъ имъ нынѣшнимъ лѣтомъ раскопкахъ въ Царскосельскомъ уѣздѣ, на мызѣ Извара, гдѣ обнаружены были неизвѣстныя каменные фигуры, сходныя нѣсколько съ каменными мѣтками древнихъ востовъ; референтъ высказалъ предположеніе, не имѣютъ ли его находки отношенія къ древностямъ Води, погребенія которой пока неизвѣстны, такъ какъ курганы у Пюхтицы и Мануйсова, о которыхъ прежде думали, что они принадлежатъ Води, едва ли не славянскаго происхожденія. Затѣмъ С. Ѡ. Платоновъ прочиталъ рефератъ: «Къ исторіи опричнины XVI вѣка». Референтъ точно опредѣлилъ постепенно нарастающую территорію опричнины и затѣмъ остановился на цѣляхъ, которыя преслѣдовалъ Іоаннъ Грозный при введеніи этого страшнаго учрежденія. Опричнина не была удаленіемъ главы государства отъ государства, какъ выражался С. М. Соловьевъ, она дѣйствовала не противъ лицъ, какъ говоритъ В. О. Ключевскій, а именно противъ порядка, и потому опричнина была гораздо болѣе орудіемъ государственной реформы, чѣмъ простымъ полицейскимъ средствомъ пресѣченія и предупрежденія государственныхъ преступленій: она имѣла въ виду создать новое дворцовое хозяйство, лишить политическаго авторитета потомство удѣльныхъ князей и сосредоточить въ непосредственномъ вѣдѣніи царя главнѣйшіе доходы государства. А. А. Сивцынъ представилъ нѣсколько соображеній по вопросу о мѣстоположеніи Стараго Сарая. Старый Сарай долженъ находиться близъ гор. Царевѣ, а Новый — близъ с. Селитренаго. Въ заключеніе, кн. П. А. Путьинъ ознакомилъ собраніе съ предметами древности, видѣнными имъ въ музеѣ г. Намюра, особенно богатомъ собраніемъ древнихъ эмалей.

Московское археологическое общество. 21-го сентября, состоялось первое послѣ каникулярнаго перерыва засѣданіе, посвященное памяти недавно скончавшихся членовъ Ѡ. И. Вуслаева и В. С. Румянцова. Передъ открытіемъ засѣданія, въ присутствіи предѣлателя общества, гр. П. С. Уваровой, многочисленнаго собранія членовъ и постороннихъ посѣтителей, преимущественно студентовъ университета, была отслужена панихида по Ѡ. И. Вуслаеву и В. Е. Румянцову, а затѣмъ, открывая засѣданіе, предѣлатель въ краткомъ, но прочувствованномъ словѣ перечислилъ заслуги, оказанныя обществомъ скончавшимися почетными членами. Профессоръ В. Ѡ. Миллеръ обрисовалъ Ѡ. И. Вуслаева, какъ замѣчательнаго ученаго и какъ человѣка, посвятившаго свою жизнь исключительно горячо любимымъ имъ наукамъ и искусству, и перечислилъ многочисленныя и многосторонніе труды покойнаго. В. П. Сивцовъ прочелъ воспоминаніе, посвященное памяти В. Е. Румянцова, втеченіе многихъ лѣтъ трудившагося въ обществѣ въ званіи секретаря, позже — товарища предѣлателя и затѣмъ какъ редактора ученыхъ трудовъ общества. Ре-

ферентъ привелъ цѣлый рядъ ученыхъ работъ покойнаго. Закрывая засѣданіе, гр. П. С. Уварова сообщила, что ею за послѣднее время получено было нѣсколько писемъ, въ которыхъ выражается неодобреніе обществу за согласіе послѣдняго перестроить и исказить древнюю церковь Успенія, что въ Печатникахъ. Чтобы свѣсть съ общества незаслуженныя нареканія, она заявила, что перестройка названной церкви производится безъ разрѣшенія общества, которое, напротивъ, не соглашалось на искаженіе церковнаго памятника, а по разрѣшенію святѣйшаго синода и археологической комиссіи.

С.-Петербургское историческое общество. 24-го сентября, состоялось первое, послѣ лѣтнихъ каникулъ, собраніе членовъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Н. П. Карѣва. Назначенный по программѣ рефератъ предсѣдателя общества «о современномъ состояніи социологій» привлекъ многочисленную публику. Начавъ съ историческаго обзора развитія социологій, профессоръ Карѣвъ отмѣтилъ общіе принципы и организацію общественныхъ наукъ, останавливаясь при этомъ на борьбѣ, имѣющей и имѣвшей мѣсто среди ихъ инициаторовъ, вслѣдствіе разногласія во взглядахъ и мнѣніяхъ. Упомянувъ нѣкоторыхъ наиболѣе извѣстныхъ социологовъ, г. Карѣвъ охарактеризовалъ ихъ дѣятельность и перечислилъ ихъ научные труды. Далѣе профессоръ ознакомилъ слушателей съ ходомъ организаціи и учрежденія социологическихъ обществъ, члены которыхъ дали имъ извѣстное направленіе и движеніе. Переходя отъ характеристики французскихъ социологовъ къ нѣмецкимъ и т. д., проф. Карѣвъ, между прочимъ, остановился и на русскомъ Новиковѣ и Ковалевскомъ. Г. Карѣвъ разсмотрѣлъ существованія и существующія школы: органическую и экономическую, психологическую и др. Въ заключеніе, въ рефератѣ было указано на социологическіе журналы, съѣзды, на значеніе ихъ въ развитіи социологій. По болѣзни докладчика, второй докладъ не состоялся. Объявивъ объ единогласномъ выборѣ въ число членовъ общества А. М. Ловягина и М. А. Поліевкова, предсѣдатель объявилъ собраніе закрытымъ.

Географическое общество. 17-го сентября, въ день столѣтія рожденія основателя географическаго общества, адмирала графа Ф. П. Литке, состоялось торжественное собраніе, посвященное чествованію памяти покойнаго. Въ залѣ собранія былъ помѣщенъ портретъ основателя общества, украшенный вѣнкомъ изъ живыхъ цвѣтовъ, а вокругъ него были уставлены тропическія растенія. Открывая собраніе, генераль Тилло обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой указалъ на цѣль собранія — почтить память того, кому географическое общество обязано своимъ возникновеніемъ. Хотя идея учрежденія общества собственно принадлежитъ не графу Литке, но онъ первый оцѣнилъ значеніе этой мысли, приложилъ всѣ старанія для ея осуществленія, благодаря характеризующей его энергіи, провелъ ея въ жизнь при исключительныхъ условіяхъ и явился, такимъ образомъ, отцомъ географическаго общества. Канцелярскія дѣла архива общества доказываютъ, сколько заботился объ обществѣ и сколько потрудился на его пользу покойный. Для характеристики отношенія графа Литке къ дѣлу учрежденія общества генераль Тилло прочелъ рѣчь покойнаго въ день открытія общества въ 1845 г., въ которой графъ намѣтилъ программу будущей дѣятельности, указавъ, что ака-

демія сдѣлала все, что могла; но сдѣлать можно было больше: это «больше», по его мнѣнію, и осталось додѣлать учреждаемому обществу. Заканчивая свою рѣчь, генералъ Тилло предложилъ присутствовавшимъ выслушать докладъ дѣйстви-гельнаго члена императорскаго географическаго общества, крестника покой-наго графа Литке, барона Ф. Ф. Врангеля, который подробно описалъ жизнь и указалъ научныя заслуги графа Литке.

Посѣщеніе Вильны Петромъ Великимъ. Въ фальетонѣ «Виленаго Вѣстника» помѣщенъ,—на основаніи одной старинной рукописи, хранящейся въ виленакомъ музеѣ,—разсказъ о первомъ посѣщеніи Вильны Петромъ I. Это было въ 1705 году, въ разгаръ борьбы Петра съ Швеціею и, вмѣстѣ, въ разгаръ борьбы двухъ претендентовъ за польскій престолъ. Петръ засталъ Вильну съ 50 тысячнымъ войскомъ и встрѣтилъ радушный пріемъ отъ сторонниковъ Августа II. Государь благодарилъ ихъ и угощалъ медомъ, виномъ, водкою, заставляя пить за здоровье короля Польши и свое. Епископъ виленакій Вржостовскій, съ епископами-суфраганами и цѣлымъ кликушествомъ, явился тоже съ почтеніемъ. Петръ вышелъ къ нему навстрѣчу, указавъ ему мѣсто за столомъ около себя и вообще былъ весьма любезенъ; но вдругъ Вржостовскій имѣлъ неосторожность напомнить Петру о жестокомъ будто бы его обращеніи съ полоцкими базилианами. Петръ вспыхнулъ и насильно заставилъ епископа пить. Только просьбы Огинскаго, бросившагося къ ногамъ государя, спасли Вржостовскаго, которому Петръ велѣлъ выйти. Петръ Великій, живя въ Вильнѣ, не только изучалъ городъ, но и посѣщалъ все учрежденія. Съ особеннымъ вниманіемъ осматривалъ онъ иезуитскую академію, присутствовалъ на экзаменахъ и былъ на диспутѣ, рѣшеніе котораго онъ слушалъ въ главномъ трибуналѣ. Императоръ Петръ, дождавшись окончанія преній, происходившихъ на польскомъ языкѣ, принялъ угощеніе иезуитовъ. Въ Пятницкой церкви Петръ служилъ благодарственное молебствіе за одержанную побѣду и подарилъ этой церкви знамя, отнятое у шведовъ. Въ этой же церкви Петръ крестилъ африканца Гавнибала. Выступивъ въ походъ по направленію къ Гродно, онъ остановился на пути въ имѣніи нѣкоего шляхтича Ильдевича, со словъ котораго и его сородичей и написана виленакая рукопись. Петръ жалалъ сохранить свое инкогнито, но вступилъ въ бесѣду съ хозяиномъ дома. «Есть ли въ твоёмъ домѣ тараканы?—такой вопросъ слышалъ я уже нѣсколько разъ и, не зная, зачѣмъ имъ нужно этихъ противныхъ животныхъ, отвѣтилъ: «Къ несчастью, ни у насъ, ни въ цѣлой Литвѣ не водятся эти звѣри, развѣ только въ тѣхъ парафіяхъ (приходахъ), гдѣ поселились русины». — Засмѣявшись на это, онъ сказалъ: — «Но вѣдь это, другъ мой, не звѣри, а отвратительныя и вредныя жуки». —Быть можетъ, замѣтилъ я, но мы ихъ не знаемъ. — «Къ чему ты отдалъ москалямъ корову? Можетъ быть, она была тебѣ нужна», — спросилъ опять высокій мужчина. — Нисколько; я ее откармливалъ подъ ножъ, п очень доволенъ, что пригодилась на вашу кухню, тѣмъ болѣе, что за все забранное у меня заплачено выше стоимости. Я несказанно радъ имѣть счастье и честь видѣть въ своемъ домикѣ такихъ высокихъ гостей. «А кого? знаешь ли?» —спросили оба. — «Я не имѣю чести знать вашихъ фамилій»,—сказалъ я,—но по всему, что вижу, долженъ судить, что вы занимаете высокіе посты. Изви-

няюсь, если не умѣю ихъ титуловать по достоинству, но прошу вѣрить, что душевно радъ видѣть такія высокія особы. Толстый господинъ заливался смѣхомъ, а высокій взялъ меня за руку, пожалъ се крѣпко и сказалъ:— «Я вижу, господинъ Ильцевичъ, что ты не только по названію благородный, но имѣешь и благородное сердце». Затѣмъ онъ началъ разспрашивать о разныхъ мѣстныхъ предметахъ. Послѣ трехдневнаго отдыха Петръ и армія двинулись дальше. Петръ передъ самымъ отъѣздомъ велѣлъ меня позвать и, поблагодаривъ вѣжливо за гостепрѣимство, спросилъ, не имѣю ли я къ нему какойнибудь просьбы. — Ничего болѣе не желаю, какъ воспоминанія на бумагѣ о посѣтившемъ меня счастьи, воспоминанія, которое могло бы обезнечить спокойствіе и безопасность моего дома въ настоящее военное время. — «Хорошо», — отвѣтилъ Петръ. Садясь же въ экипажъ, онъ велѣлъ мнѣ приблизиться, пожалъ мою руку и, вручая мнѣ бумагу съ печатью, произнесъ при этомъ пріятыя на русскомъ языкѣ прощальныя слова». Затѣмъ Петръ выдалъ Ильцевичу охранный листъ, который въ то смутное время имѣлъ особенное значеніе тѣмъ, что охранялъ владѣльца хотя бы отъ реквизицій русскихъ войскъ, безпрестанно то уходившихъ, то приходившихъ въ край, смотря потому, какой оборотъ принимала война со шведами, и кто одерживалъ верхъ.

Къ біографіи Н. С. Мочалова. Въ нѣсколькихъ газетахъ напечатано слѣдующее заявленіе А. А. Ярцева: «Приготовляя къ печати (для «Ежегодника Императорскихъ театровъ») біографію знаменитаго русскаго актера Н. С. Мочалова, со дня смерти котораго въ будущемъ году минетъ пятьдесятъ лѣтъ, имѣю честь обратиться къ тѣмъ лицамъ, у которыхъ сохранились какія либо воспоминанія, документальныя данныя, рукописи сочиненій Мочалова, письма и т. п., касающіяся Мочалова, съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ сообщеніи мнѣ упомянутыхъ свѣдѣній (не бывшихъ въ печати) или въ указаніи лицъ и мѣстъ, гдѣ можно получить эти свѣдѣнія. Настоящее письмо вызывается воиной понятнымъ желаніемъ придать біографіи гениальнаго артиста наибольшую полноту и тѣмъ обстоятельствомъ, что бумаги Мочалова, его переписка, рукописи и проч., по свидѣтельству его дочери, пачезали куда-то вскорѣ послѣ его смерти, и отыскать слѣды всего этого возможно только путемъ широкаго оглашенія вышеупомянутой просьбы. Адресъ для сообщеній: Москва, Малая Бронная, д. Воскресенской церкви, А. А. Ярцеву. Другія столичныя и провинціальныя газеты покорнѣйше прошу не отказать въ перепечаткѣ этого письма».

Десятилѣтіе журнала «Игрушечка». 31-го октября, исполнилось десятилѣтіе со времени заданія дѣтскаго журнала «Игрушечка» А. Н. Толливѣровой-Пѣшковой. Журналъ этотъ былъ основанъ въ 1880 году извѣстной писательницей Т. П. Пассекъ и сначала имѣлъ большой успѣхъ; но преклонный возрастъ и затѣмъ тяжкая, продолжительная болѣзнь г-жи Пассекъ явились одной изъ главныхъ причинъ упадка журнала, который сталъ выходить неаккуратно, сдѣлался безцвѣтнымъ, неинтереснымъ и едва влачилъ свое существованіе. Видя невозможность продолжать заданіе журнала, г-жа Пассекъ передала его А. Н. Толливѣровой-Пѣшковой, взгляды которой на дѣтскую литера-

туру она вполне раздѣляла. Новая издательница приняла журналъ всего съ 200 подписчиками. Нужно было имѣть много энергій, увѣренности въ своихъ силахъ и любви къ дѣлу, чтобы взяться за него при такихъ условіяхъ. Пользуясь симпатіями въ литературной и художественной средѣ, г-жа Толнѣврова-Пѣшкова нашла горячую поддержку со стороны многихъ выдающихся писателей и художниковъ, и теперь, послѣ десятилѣтнихъ, неутомимыхъ трудовъ, ей удалось сдѣлать изъ «Игрушечки» одинъ изъ самыхъ видныхъ и распространенныхъ журналовъ для дѣтей младшаго возраста. Подъ новой редакціей онъ пополнился отдѣлами «Для малютокъ» и педагогическимъ изданіемъ «На помощь матерямъ». Кромѣ русскихъ, въ немъ помѣщаются рассказы на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, даются иллюстрированныя црѣмїи и образцы ручныхъ работъ, что дѣлаетъ журналъ весьма разнообразнымъ и увеличиваетъ его педагогическое значеніе. По мѣрѣ успѣха журнала, г-жа Толнѣврова-Пѣшкова расширяла и улучшала его. Наконецъ, съ нынѣшняго года начала издаваться иллюстрированная библіотека «Игрушечки». Пока выпущено шесть изящныхъ книжекъ, составленныхъ приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго университета Ю. Н. Вагнеромъ, гдѣ въ популярномъ, доступномъ для дѣтей, изложеніи описаны: вода, воздухъ, огонь, небо, земля и міръ животныхъ и растеній. Лучшей рекомендаціей журнала и подтвержденіемъ приносимой имъ пользы можетъ служить полученное «Игрушечкой» одобреніе министерства народнаго просвѣщенія, вѣдомства императрицы Маріи и святѣйшаго синода.

† А. Л. Зиссерманъ. 4 сентября, въ восемь Тульскомъ мѣстѣ, висзанно скончался отъ несчастнаго случая Арнольдъ Львовичъ Зиссерманъ, заслуженный «старый кавказецъ», авторъ многихъ военно-историческихъ трудовъ, давнишній сотрудникъ «Новаго Времени», «Московскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Вѣстника» и другихъ періодическихъ изданій. Покойный, сынъ дворянина Подольской губерніи, родился 23 ноября 1824 года и, послѣ домашняго образованія, поступилъ съ 1842 года на гражданскую службу въ Тифлисъ. Тогдашняя безпрерывная война съ горцами скоро увлекла его въ ряды славной кавказской арміи: по высочайшему повелѣнію онъ былъ прямо произведенъ въ корнеты и съ той поры почти двадцать пять лѣтъ (1842—1865 гг.) прослужилъ въ разныхъ частяхъ кавказскихъ войскъ, принимая живое участіе во многихъ экспедиціяхъ и походахъ, особенно подъ знаменемъ Кабардинскаго полка и подъ начальствомъ князя А. И. Барятинскаго. Какъ непосредственный участникъ и зоркій наблюдатель этой долгой борьбы съ горцами, покойный, еще находясь на службѣ, съ 1846 года, началъ печатать свои первыя статьи, посвященные тогдашней боевой кавказской жизни: то были «Письма съ линіи», помѣщенные въ газетѣ «Кавказъ». Затѣмъ, въ пятидесятихъ годахъ, кромѣ постоянныхъ корреспонденцій съ мѣста военныхъ дѣйствій, изъ-подъ пера его вышелъ рядъ статей, напечатанныхъ въ «Современникѣ», какъ, напримѣръ: «Десять лѣтъ на Кавказѣ» (1854 г., кн. 9—11), «Современное состояніе Кавказа» (1857 г., кн. 11), «Военныя дѣйствія на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи» (1858 г., кн. 1; 1859 г., кн. 11) и «Очеркъ послѣднихъ военныхъ дѣйствій на Восточномъ Кавказѣ» (1860 г., кн. 7). По выходѣ въ отставку съ чиномъ полковника, А. Л. Зиссерманъ особенно отдался изученію военной исторіи Кавказа и воспо-

минаніямъ о своей жизни, проведенной на этой окраинѣ среди боевой дѣятельности. Къ такимъ трудамъ покойнаго относились: «Осада Казы-Муллой Бурной и Дербента въ 1831 году» («Русскій Вѣстникъ» 1864 г., кн. 12), «Матеріалы для исторіи Кавказской войны (1872 г., кн. 10; 1873 г., кн. 10), «Полемика о кн. Воронцовѣ и Муравьевѣ» (1874 г., кн. 11) «Поѣздка на Кубань» (1875 г., кн. 12), «Путевыя замѣтки» («Московскія Вѣдомости» 1874 г., № 313 и «Русскій Вѣстникъ» 1876 г., кн. 11), «Отрывки изъ моихъ воспоминаній» («Русскій Вѣстникъ» 1876 г., кн. 3, 4, 12; 1877 г., кн. 1—7; 1878 г., кн. 2—4, 6 и 7), «О первомъ походѣ за Балканы» (1878 г., кн. 3), «Военно-историческіе очерки» (1877 г., кн. 4, 7, 8; 1879 г., кн. 6), «Памятники кн. А. И. Барятинскаго» («Московскія Вѣдомости» 1879 г., № 53) и «Кавказскія воспоминанія» («Русскій Архивъ» 1884 и 1885 гг.). Наиболее же важными и обширными трудами покойнаго явились: «Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ» (1842—1867 гг., двѣ части, Спб., 1879 г.), «Исторія 80 пѣхотнаго Кабардинскаго князя Барятинскаго полка» (Спб., 1881 г., три тома) и «Біографія фельдмаршала кн. А. И. Барятинскаго» (М., 1889 — 1891 г., три тома). Въ послѣднія восемь лѣтъ (съ 1889 года) А. Л. проживалъ почти безвыѣздно въ своей усадьбѣ при селѣ Лутовиновѣ (Тульской губерніи) и горячо заботясь о мѣстныхъ крестьянахъ, уже парѣдка печаталъ свои небольшія статьи въ «Русскомъ Архивѣ» и «Русской Старинѣ». Одною изъ послѣднихъ его литературныхъ работъ оказались «Дрезденскія письма» — плодъ наблюденій покойнаго надъ современнымъ сельскимъ бытомъ — помѣщенныя въ «Русскомъ Обзорѣніи» (1893 г., кн. 9; 1894 г., кн. 3 и 4). («Моск. Вѣд.» № 248, «Нов. Вр.» № 7737).

† Бар. В. В. Штейнгель. 8-го сентября, въ С.-Петербургѣ, скончался, послѣ продолжительной болѣзни, членъ военно-учебнаго комитета главнаго штаба генералъ-отъ-инфантеріи баронъ Вячеславъ Владиміровичъ Штейнгель. Покойный родился 12-го мая 1823 года. По окончаніи курса въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ началъ службу въ 1842 году въ л.-гв. Егерскомъ полку, въ которомъ онъ былъ репетиторомъ математики и воспитателемъ, затѣмъ съ 1850 года по 1858 годъ инспекторомъ въ императорскомъ Александровскомъ лицей. Въ 1858 году покойный былъ назначенъ редакторомъ «Россійской военной хроники». Въ это время имъ составлены цѣнныя хронологическія таблицы всѣхъ частей войскъ Россіи съ 1550 до 1890 г. Въ этомъ изданіи помѣщены краткія біографіи каждой военной части полка. Затѣмъ В. В. издалъ альбомъ всѣхъ формъ Россійскихъ военныхъ частей. Когда редакція «Россійской военной хроники» слилась съ магазиномъ образцовыхъ вещей въ одно учрежденіе — «Музеумъ главнаго интендантскаго управленія», В. В. былъ назначенъ управляющимъ этого музеума. Одновременно онъ принималъ участіе во многихъ специальныхъ военныхъ комиссіяхъ и комитетахъ. Вскорѣ послѣ уничтоженія должности управляющаго музеумомъ, В. В. былъ назначенъ членомъ военно-учебнаго комитета главнаго штаба и трудился въ этомъ званіи въ продолженіе 15-ти лѣтъ. Покойный считался однимъ изъ знатоковъ исторіи военныхъ костюмовъ. Послѣ него осталось много цѣнныхъ бумагъ, въ числѣ которыхъ находятся воспоминанія его дѣда, бывшаго въ числѣ декабристовъ. За полезную и ревностную службу В. В. имѣлъ много наградъ («Нов. Вр.» № 7736; «Моск. Вѣд.» № 252).

† Ки. Е. С. Горчакова. 5-го сентября, въ Москвѣ, скончалась фрейлина, княжна Елена Сергѣевна Горчакова, бывшая въ продолженіе тридцати двухъ лѣтъ главной надзирательницей третьей московской женской гимназіи. Она была, кромѣ того, учредительницею общества вспоможенія нуждающимся ученицамъ и болѣе 15-ти лѣтъ предсѣдательницей этого общества. Свои досуги Е. С. посвящала литературной дѣятельности. Ею написано нѣсколько стихотвореній, изданныхъ въ 1879 году отдѣльною книжкою; напечатаны «Воспоминанія о Кремлѣ» и рядъ описаній монастырей и церквей. Свои небольшія статьи она помѣщала въ журналахъ: «Воскресный день» и «Кормчій». Покойная издала, между прочимъ, сочиненія съ біографическимъ очеркомъ своего родственника князя Д. П. Горчакова. Умерла Е. С. на 74-мъ году отъ роду. («Нов. Вр.» № 7735).

† А. К. Саврасовъ. 26-го сентября, скончался въ Москвѣ одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ пейзажистовъ, академикъ живописи Алексѣй Кондратьевичъ Саврасовъ. Покойный родился въ 1830 году. Онъ былъ сыномъ богатаго московскаго торговца. Образование получилъ въ московскомъ училищѣ живописи и важенія, въ которомъ проявилъ блестящія усилія по рисованію. Въ 1850 году онъ представилъ одну изъ первыхъ своихъ картинъ «Видъ московскаго Кремля при лунѣ» въ академію художествъ и получилъ за нее званіе художника. Затѣмъ въ 1854 былъ удостоенъ званія академика живописи за виды изъ окрестностей Ораніенбаума. Блестящимъ періодомъ художественной дѣятельности покойнаго были 70 годы, когда на академическихъ выставкахъ появились его замѣчательные пейзажи: «Грачи прилетѣли», «Лосиный островъ», «Печерскій монастырь въ Нижнемъ Новгородѣ», «Лѣсъ». Не менѣе извѣстны также произведенія покойнаго, относящіяся къ этому же періоду его дѣятельности, изъ которыхъ назовемъ: «Весна», «Зима», «Бурлаки на Волгѣ», «Послѣ мятели», «Восходъ луны», «Могила на Волгѣ», «Жатва», «Вечеръ», «Близъ Сухаревой башни». Во всѣхъ своихъ картинахъ покойный художникъ проявлялъ замѣчательное умѣнье передать кистью настроеніе въ природѣ. Его пейзажи отличаются при незатѣйливости сюжета подкупающею вѣрностью дѣйствительности и своеобразною прелестью. Занимаясь свободной художественной дѣятельностью, А. К. одновременно былъ преподавателемъ въ училищѣ живописи и важенія. Последнія двадцать лѣтъ онъ не могъ уже серьезно работать и исполнялъ лишь небольшіе рисунки, дававшіе ему кусокъ хлѣба. Причиной было воспаленіе глазъ, перенесенное покойнымъ въ первый разъ въ 1876 году и затѣмъ часто повторявшееся. Последнее же время А. К. провелъ въ крайней бѣдности. Картины, доставившія ему извѣстность, были давно уже проданы, рисунки же давали очень мало. Умеръ онъ въ московской городской больницѣ для бѣдныхъ. («Нов. Вр.», № 7757; «Русск. Вѣд.», № 269; «Нов.», № 270).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I

По поводу актовъ о смерти Шуйскаго.

Въ № 270 «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 1-го октября, нѣкто Т-кій обвиняетъ меня за помѣщеніе въ сентябрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» актовъ о смерти Шуйскихъ, въ Гостыиннѣ и описи оставшагося послѣ нихъ имущества, такъ какъ и акты и опись давно де извѣстны, что я этого не зналъ, ибо «ни словомъ не упоминалъ о печатной литературѣ предмета» и что ввелъ въ заблужденіе читателей относительно редакціи описи, не указавъ мѣста нахождения этого документа и не опредѣливъ «сравнительное научное достоинство его съ извѣстнымъ (?) чрезъ Акты историческіе».

Хотя, въ сущности, отрицать на подобное нелѣпое обвиненіе и не стоило бы, но я желаю лишь разъяснить недоумѣніе, въ которое могутъ быть поставлены читатели «Историческаго Вѣстника», которымъ случайно могла попасться замѣтка московской газеты, и потому покорнѣйше прошу редакцію не отказать въ помѣщеніи нижеслѣдующихъ строкъ.

I. Такъ какъ въ мою задачу не входило дѣлать обзоръ печатной литературы предмета, то я этого и не сдѣлалъ, а ограничился лишь напечатаніемъ точнаго перевода двухъ актовъ (о смерти царя Василія и его брата) и помѣщеніемъ въ подлинникъ третьяго документа — о смерти Екатерины Шуйской. Свое дѣйствіе объясню тѣмъ, что существующіе до сихъ поръ переводы документовъ о смерти Шуйскихъ грѣшатъ неточностію¹⁾, и самые документы помѣщены въ сборникахъ мало доступныхъ²⁾ и мало извѣстныхъ³⁾.

II. Сборники и изданія, какъ русскіе, такъ и иностранные, въ которыхъ напечатаны метрическіе акты о смерти Шуйскихъ и перечень ихъ имущества, мнѣ хорошо извѣстны; въ этомъ можно убѣдиться, обратившись къ моей статьѣ «Гостыинскій замокъ» («Русск. Стар.», т. LXXIV), гдѣ, въ соответственномъ мѣстѣ, мною сдѣланы ссылки на источники, въ незнааніи коихъ меня укоряетъ г. «Т-кій».

Опись вещей, оставшихся послѣ Шуйскихъ, напечатана, если не по повому, то во всякомъ случаѣ по мало извѣстному списку въ «Acta Mag. Duc. Lithuaniae»⁴⁾, которымъ пользовался и авторъ очень любопытной книжечки «Grabowies sądów (?) Szujskich» (Краковъ, 1894)⁵⁾. Дополнять же эту опись

¹⁾ Напр., въ актѣ о смерти царя Василія проф. Варшавскаго университета г. Цѣтановъ («Паризск. унив. извѣстія» 1894 г.) слово dworzani (придворный въ смыслѣ царедворецъ) переводитъ: «придворный служитель... и т. п.

²⁾ Какъ, напр., «Акты историческіе», изданные 57 лѣтъ тому назадъ.

³⁾ Въ родѣ «Варшавск. универс. лѣтестій».

⁴⁾ Г. «Т-кій», какъ человекъ всезнающій, разумѣется, самъ долженъ знать мѣсто нахождения этого источника...

⁵⁾ Отзывъ объ немъ данъ въ № 7248 «Нов. Вр.» Постараемся когда нибудь поближе познакомить читателей «Ист. Вѣстника» съ ея содержаніемъ, весьма интереснымъ во многихъ отношеніяхъ для русскихъ.

перечисленіемъ предметовъ, вошедшихъ уже въ перечень, напечатанный въ «Акт. Историч.» (т. II), я на этотъ разъ опять-таки не имѣлъ намѣренія, такъ какъ давать подробную сводную опись не входило въ программу моей безпретенціозной замятки.

Г. А. Воробьевъ.

II.

Къ воспоминаніямъ И. Н. Пономарева.

Въ помѣщенной въ октябрьской книгѣ «Ист. Вѣст.» статьѣ г. Пономарева «Воспоминанія о польскомъ мятежѣ 1863 года» мною замѣчено нѣсколько ошибокъ въ собственныхъ именахъ, устраненіе которыхъ, по моему мнѣнію, было бы необходимо.

На стр. 143 описывается казнь «начальника польскаго отдѣла Подлѣскаго». Такого не было, а былъ Сигизмундъ Подлевскій, одинъ изъ видныхъ повстанцевъ, бывший русскій офицеръ. Его дѣйствительно разстрѣляли въ Плоцкѣ, за такъ называемыми Плонскими рогатками.

На стр. 144—146 нѣсколько разъ упоминаются мѣстечко «Вижунь, Млавскаго уѣзда» и «маленькій городишко Серпецъ»... Такихъ тоже нѣтъ. А существуютъ въ Плоцкой губерніи: посадъ Вежунь (Wieżun) нынѣ Серпецкаго уѣзда и уѣздный городъ Серпецъ (Sierpc), или, какъ называютъ его официально, «Серпецъ».

Г. В.

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА НЕЛИДОВА (въ 1776 г.).
Оъ портрета, находящагося въ Петергофскомъ дворцѣ.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1898 году

(ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1898 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія восемнадцать лѣтъ (1880—1897).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ.

(Посвящается гостеприимнымъ хозяйкамъ Драготина)¹⁾.

IX.

ОГДА послѣ обѣда ребъ Пинхось съ гостемъ удалились въ кабинетъ, куда имъ подали кофе, между будущими родственниками произошелъ довольно оригинальный торгъ.

— И такъ, ребъ Пинхось,—началь Брайнесь, закуривая сигару и удобно усаживаясь въ мягкомъ креслѣ,—надѣюсь, вы поняли, что я задумалъ женить моего сына на вашей дочери?.. Такого счастья вы вѣрно никогда не ожидали... Я и самъ не думалъ и не предполагалъ съ вами породниться. Между нами такое великое разстояніе: вы провинціальный подрядчикъ, а я... Вы сами знаете, кто такой Брайнесь!.. Ну, да что объ этомъ говорить: мнѣ ваша дочь нравится, и породниться съ вами я не прочь, если...—Брайнесь вздохнулъ...—если дадите ей приличное приданое... Ну, сколько даете за ней?..

— Гм... сколько даю? Признаюсь вамъ, Аркадій Павловичъ, объ этомъ предметѣ я еще почти не думалъ. Дочь моя еще такъ молода: она еще гимназію не кончила. Когда же мнѣ было думать о ея замужествѣ и приданомъ?

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. I, XX, стр. 885.

— Что же,— усмѣхнулся Брайнесь,— раньше не думали, такъ подумайте теперь и скажите...

— Дайте срокъ,— я подумаю...

— Какой же вамъ срокъ нуженъ?

— Ну, дня два, три...

— Вы хотите меня, Брайнеса, такъ долго заставить ждать?.. Нѣтъ, ребъ Пинхось, подумайте скорѣй...

— Если вы этого непремѣнно желаете, я могу и скорѣй подумать... Завтра я вамъ скажу...

— И это большой срокъ... Скажите сейчасъ... Вы знаете, я люблю скоро дѣлать дѣло...

— Если вы такъ настаиваете,— извольте: я дамъ за дочерью 25 тысячъ...

— Это очень мало...

— Больше не могу...

— Нѣтъ, можете...

— Увѣряю васъ, не могу. Еслибъ могъ, развѣ пожалѣлъ бы для Эсеиры? Она моя любимица...

— Прибавьте, ребъ Пинхось... Неужели не понимаете, что такое мизерное приданое прямо неприлично для моего сына!.. Захоти и породниться съ Оршанскими (а вы знаете, дочь Оршанскихъ прелестная дѣвушка), они полъ-милліона дадутъ...

— Конечно, дадутъ,— согласился ребъ Пинхось.— Отчего имъ не дать, когда у нихъ есть... Еслибъ у меня было, я бы за моей Эсеирью далъ не полъ-милліона, а цѣлый милліонъ... Я вамъ сказалъ, она моя любимица, и для нея мнѣ не было бы жалко.

— Я у васъ столько не прошу, но 25 тысячъ, согласитесь, ужъ очень мало...

— Даю вамъ слово еврея, не могу больше.

Брайнесь впился глазами въ ребъ Пинхоса, словно желалъ насквозь пронзить его взглядомъ.

— Вы больше не хотите дать, ребъ Пинхось,— произнесъ онъ съ укоромъ,— а еслибъ захотѣли, то могли... Развѣ я не знаю, что у васъ состояніе довольно солидное?.. Вѣдь у васъ сотня, другая тысяча найдется. Такъ неужели не дадите за дочерью, и еще за любимой, тысячу 50?.. Стыдитесь, ребъ Пинхось...

— Вы говорите, Аркадій Павловичъ, съ такой увѣренностію о моемъ состояніи, словно знакомы съ моими карманами, какъ съ своими собственными... Желалъ бы я знать, когда вы успѣли побывать въ моихъ карманахъ?..— Въ голосъ ребъ Пинхоса одновременно слышались и упрекъ и раздраженіе.— Впрочемъ,— окончилиъ онъ дѣловымъ тономъ,— къ дѣлу это не относится: даю, сколько могу—и ни одной копейки не прибавлю.

— Зачѣмъ же вы сердитесь, ребъ Пинхось?.. Лично для себя я на ваши капиталы не посягаю, а хлопочу для вашей же дочери...

Брайнесъ нѣсколько подумаль и продолжалъ.—Пусть будетъ по-вашему... Хорошо, я согласенъ...

— И прекрасно,— съ живостью перебилъ его ребъ Цинхось.— Такъ по рукамъ, Аркадій Павловичъ...

И ребъ Цинхось стремительно подаль ему обѣ руки.

— Не торопитесь такъ, ребъ Цинхось,— жестомъ остановилъ его Брайнесъ.— Дайте договорить... Если вы такъ упорствуете и не хотите ничего прибавить наличными, то дайте, по крайней мѣрѣ, слово, что не только не помѣшаете, но посодѣйствуете мнѣ въ полученіи приглашенія на торги въ военномъ округѣ... Всю прибыль, которую получу,— прибавлю къ приданому Эсоири, и выйдетъ тогда сумма вполне приличная для моего сына...

Ребъ Цинхось постарался выразить всей своей фигурой изумленіе, хотя въ тайникахъ души своей онъ положительно ликоваль: значить, сильный своими связями въ Петербургѣ Брайнесъ пріѣхаль безъ надлежащихъ рекомендацій и думаль получить приглашеніе на торги при его, ребъ Цинхоса, содѣйствіи! Но этому не бывать!.. Ужъ меньше всѣхъ онъ будетъ ему въ этомъ содѣйствовать, ибо нельзя же самому себѣ быть врагомъ и «вынуть изъ собственного рта кусокъ и передать его другому»... Онъ, должно быть, меня дуракомъ воображаетъ,— подумаль ребъ Цинхось,— если считаетъ способнымъ на такую глупость... Ну, и пусть себѣ считаетъ, отъ этого убытка не будетъ, а напротивъ— прямая выгода...

— Какъ вамъ нравится мой планъ?— перебилъ Брайнесъ его размышленія.— Надѣюсь, ничего не имѣете противъ?..

— Вы умный, очень умный человекъ, Аркадій Павловичъ,— отвѣтилъ съ улыбкой ребъ Цинхось.— Вы хорошо придумали. Только одна маленькая тутъ есть закавычка... Ужъ очень преувеличиваете мое значеніе въ округѣ, если думаете, что могу вамъ устроить приглашеніе на торги... Не могу же я приказать генералу...

— Зачѣмъ генералу!.. Вы чрезъ его племянника дѣйствуете... Онъ для васъ все сдѣлаеть...

— И откуда вы это знаете, чрезъ кого могу дѣйствовать?..

— Не даромъ же я уже прожилъ здѣсь три дня... Я все знаю...

— Можетъ быть, вы и все знаете, только насчетъ племянника генерала вы ошибаетесь: онъ для меня ничего не сдѣлаеть. Увѣряю васъ...

— Значить, вы не желаете добровольно принять меня компаніономъ по постройкамъ даже при предлагаемыхъ мною условіяхъ!.. Берегитесь, ребъ Цинхось!.. Не забудьте, съ кѣмъ дѣлать имѣете!.. Напомню вамъ, вѣдь я — Брайнесъ!..

— Ни на минуточку не забываю, что вы Брайнесъ, и очень даже помню... Но скажите, Аркадій Павловичъ, какъ же это случилось, что вы, такой большущій левъ, ищете моей протекціи, чтобы получить приглашеніе на торги?..

— Протекиіи я не ищю,— вспылилъ Брайнесъ.— И стоитъ мнѣ захотѣть, завтра по телеграфу изъ Петербурга будетъ приказъ приглашать меня на торги!..

— Въ такомъ случаѣ, все обстоитъ благополучно, и я не понимаю, зачѣмъ намъ спорить...— перебилъ ребъ Пинхосъ.

— Эхъ, ребъ Пинхосъ,—заговорилъ, овладѣвъ собою, Брайнесъ.— Вижу: вы дѣйствительно не понимаете, и буду весьма жалѣть, когда ваше непониманіе вамъ очень дорого обойдется. Онъ поднялся съ мѣста, раза два прошелся по кабинету, сталъ противъ ребъ Пинхоса и медленно продолжалъ:—Вѣдь вы въ душѣ меня дуракомъ обозвали. Подумали: какъ глупъ Брайнесъ — всѣ свои карты мнѣ открылъ и выдалъ себя мнѣ головой: безъ моего содѣйствія онъ не можетъ получить приглашенія на торги, а я не такой дуракъ, чтобы таковое ему добыть, чтобы на пользу конкуррента работать... Признайтесь, вѣдь таковы были ваши мысли?.. Вѣдь именно такъ вы подумали?..

— Зачѣмъ мнѣ такъ скверно думать о васъ!.. — произнесъ ребъ Пинхосъ, покраснѣвъ.

— Ничего тутъ сквернаго нѣтъ, и я на это не обижаюсь. На вашемъ мѣстѣ, можетъ, и я бы такъ подумалъ. Виновать тутъ я, что не объяснилъ вамъ все толкомъ. Какъ уже сказалъ вамъ: могу устроить, чтобы завтра по телеграфу изъ Петербурга былъ приказъ о допущеніи меня къ торгамъ. У меня ужъ тамъ все налажено, но, разумѣется, это не дешево обойдется. Вотъ я подумалъ: зачѣмъ зря деньги тратать? Мы съ вами желаемъ породниться и должны дѣйствовать сообща. Тѣмъ болѣе, когда моя часть будущаго заработка пойдетъ въ пользу нашихъ дѣтей... Разумѣется,—продолжалъ онъ, смотря на реба Пинхоса въ упоръ,—пріѣхалъ я сюда не съ такими миролюбивыми цѣлями относительно васъ. У меня было рѣшеніе высадить васъ изъ округа, какъ спеченную булку хлѣба изъ печи... Что вы противъ меня значитъ? Можете развѣ сравниться со мной?.. Я бы васъ даже въ компанію не взялъ!.. На что вы мнѣ?.. Положимъ, чтобы отбить у васъ постройки, пришлось бы на первый разъ даже прикладывать много. Но что изъ этого? Развѣ это меня остановило бы? Я вѣдь Брайнесъ! И, чтобы поставить на своемъ, не имѣю привычки гнаться за заработкомъ. Не могу же возвратиться въ Петербургъ, побѣжденный какимъ нибудь провинціальнымъ подрядчикомъ?.. Если же на ваше счастье у васъ ока залась такая прелестная дѣвушка, которая подходитъ въ жены моему сыну, и я, желая съ вами породниться, не прочь даже вступить съ вами въ компанію,—вамъ остается только согласиться. Не желать бы я съ моимъ будущимъ «мехутономъ» (родственникомъ) быть въ дѣловой враждѣ. Вотъ и все... Если же вамъ, ребъ Пинхосъ, хочется войны со мною, дѣлать нечего,—будемъ воевать...

Ребъ Пинхосъ все время внимательно слушалъ своего будущаго род-

ственника и хотя внутренно трепеталъ предъ «большущимъ львомъ», какъ онъ мысленно называлъ Брайнеса, и логика подсказывала ему, что надо согласиться на его условія; но, съ другой стороны, самолюбіе дѣльца и привычка къ риску удерживали его отъ этого рѣшенія. Къ тому же ему не вѣрилось, что Эсеиръ ужъ такая выдающаяся красавица и настолько плѣнила Брайнеса, что изъ-за нея этотъ «большущій левъ» дѣлаетъ ему такія уступки. Чѣмъ больше Брайнесъ старался склонить его къ миролюбивому рѣшенію, тѣмъ больше ему казалось, что онъ хитритъ съ нимъ, что онъ мало надѣется на Петербургъ... При одной только мысли, что онъ разгадалъ своего противника и одержитъ побѣду надъ Брайнесомъ, ребъ Пинхось чувствовалъ себя на такой высотѣ, что для подобной побѣды былъ готовъ рискнуть всѣмъ своимъ благосостояніемъ.

— Какой же вы дадите мнѣ отвѣтъ, ребъ Пинхось?—перебилъ его размышленія Брайнесъ.

— Дѣйствуйте чрезъ Петербургъ... Здѣсь, при всемъ желаніи, не могу быть вамъ полезнымъ...

— И это ваше послѣднее слово?..

— Къ величайшему моему сожалѣнію...

— Да будетъ такъ!..—Брайнесъ весь выпрямился.—Если война—такъ война! Но помните, это вы захотѣли войны, а не я!..

Тонъ, которымъ Брайнесъ произнесъ послѣднія слова, не понравился ребъ Пинхосу. Ужъ очень много было въ немъ увѣренности. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не хотѣлъ сейчасъ же пойти на мировую: ужъ очень казалось это ему унизительнымъ. Ребъ Пинхось упалъ было духомъ, но тутъ ему пришло въ голову выяснитъ окончательно вопросъ: вѣдумалъ ли Брайнесъ вступить съ нимъ въ компанію по дѣловымъ соображеніямъ, или изъ-за Эсеири? Если его дѣвочка дѣйствительно такъ плѣнила Брайнеса, то, пожалуй, еще ничего не потеряно, и пойти съ нимъ на мировую и вступить въ компанію никогда не будетъ поздно.

— Я такъ полагаю,—началъ онъ неувѣренно, избѣгая взгляда Брайнеса.—Я такъ полагаю, что очень васъ разсердилъ, и вы, пожалуй, раздумали со мной породниться!..

— Ну, это зачѣмъ же?.. Отъ вашей дочери я не отказываюсь... Въ дѣлахъ мы можемъ быть самыми большими врагами и въ то же время можемъ остаться самыми лучшими родственниками на свѣтѣ... Дѣла и родство вещи разныя, и незачѣмъ ихъ смѣшивать... Я вамъ даже вотъ что скажу: такъ какъ изъ-за меня вы будете лишены большого заработка, то желаю поступить съ вами снисходительно,—я согласенъ на предлагаемое вами приданое и отъ прибавки къ назначеннымъ 25 тысячамъ отказываюсь... По рукамъ, ребъ Пинхось... будемъ хорошими родственниками.

— По рукамъ, Аркадій Павловичъ,—поспѣшилъ отвѣтить Местрегеръ, подавая ему руку.

Было рѣшено, что Брайнесъ телеграммой вызоветъ сына изъ Петербурга, и чрезъ три дня отпраздновать «тнoимъ» (обрученіе) молодого Брайнеса съ Эсэирью.

Торгъ такимъ образомъ состоялся, и участь Эсэири, даже безъ ея вѣдома, была рѣшена.

X.

Вѣсть о состоявшейся помолвкѣ облетѣла весь городъ съ быстротою молніи. Объ этомъ постарался самъ ребъ Пинхось, для котораго это было великимъ торжествомъ. Разумѣется, ему всё завидовали. Шутка ли: какой нибудь провинціальный подрядчикъ вдругъ вступаетъ въ родство съ такимъ милліонеромъ, какъ Брайнесъ. Наружно всё старались выказывать ребъ Пинхосу свою радость по поводу этого счастливаго событія, и ребъ Пинхось, принимая горячія поздравленія отъ знакомыхъ, очень хорошо зналъ, какъ были эти поздравленія не искренни. Но это не портило его расположенія духа. Напротивъ: онъ наслаждался выпавшимъ на его долю счастьемъ и внутренно подсмѣивался надъ своими знакомыми. Счастье ребъ Пинхоса тѣмъ болѣе было полное, что ему даже не пришлось выдерживать никакой сцены съ матерью, когда онъ ей объявилъ о помолвкѣ дочери. Онъ былъ увѣренъ, что старуха выскажется противъ предполагаемаго брака, такъ какъ ей не могло быть неизвѣстно, что женихъ воспитанъ на христіанскій манеръ, что онъ даже читать не умѣетъ поеврейски, что брѣшетъ онъ бороду и не имѣетъ никакого понятія о религіи. Однимъ словомъ, что онъ настоящій «гой» и «амъ-горецъ» (невѣжда, въ еврейскомъ смыслѣ), только не перекрещенный. Онъ былъ увѣренъ, что матери даже извѣстно о связи жениха съ христіанкой: Брайнесъ былъ весьма крупной величиной среди Израиля, и неудивительно, что по всѣмъ еврейскимъ городамъ было рѣшительно все извѣстно, что дѣлается въ его домѣ, какъ живетъ онъ самъ и члены его семейства. Говорили, что сынъ Брайнеса яли совсѣмъ никогда не женится, а если и женится, то непременно на христіанкѣ, такъ какъ онъ «пейреръ ісроель» (врагъ евреевъ), стыдится своего происхожденія и всѣми силами старается замаскировать его. Сколько разъ онъ самъ въ присутствіи матери рассказывалъ объ отступничествѣ Брайнеса и о поведеніи его сына, настоящаго «гоя», и вотъ теперь ему предстояло заявить матери, что этотъ «кофөр-бе-икеръ» (отвергающій существо Божіе), «махъ-шемейникъ» (человѣкъ, имя котораго должно быть стерто съ лица земли) предназначенъ въ мужа ея внучкѣ. Ребъ Пинхось готовился къ борьбѣ съ матерью и сочинялъ доводы противъ предполагаемыхъ съ ея стороны возраженій, рѣшивъ, разумѣется, во всякомъ случаѣ, поставить на своемъ. И вотъ все кончилось такъ благополучно. Старуха не только не возражала противъ этого брака, но какъ будто даже обрадовалась ему.

— Ну, и слава Богу,—проговорила старуха, выслушавъ сына.— Теперь я спокойна. Какимъ бы ни былъ сынъ Брайнеса евреемъ, но онъ все же еврей... Я рада, очень рада, что Эсэиръ будетъ скоро женою еврея... Только объ одномъ прогну тебя, поторопи свадьбой...

— Зачѣмъ же торопиться? Эсэиръ еще такъ молода...

— Если тебѣ хоть немножко дорога твоя дочь... если ты самъ въ душѣ еврей, то слушайся меня... исполни просьбу мою...

Въ другое время, еслибъ ребѣ Пинхось не былъ такъ поглощенъ съ одной стороны своими дѣлами (умъ его всецѣло былъ занятъ комбинаціями, чтобы устранить отъ торговъ Брайнеса), а съ другой стороны этимъ неожиданнымъ счастьемъ, выпавшимъ на долю его дочери,—слова матери несомнѣнно заставили бы его задуматься. Теперь же онъ обрадовался, что мать такъ одобрительно отнеслась къ затѣваемой свадьбѣ, и не обратилъ никакого вниманія ни на зловѣщій смыслъ ея словъ, ни на тонъ, еще болѣе зловѣщій, которымъ эти слова были произнесены.

— О мама, не беспокойся,—отвѣтилъ онъ весело. — Если тебѣ такъ хочется, то дѣло откладывать не будемъ и отпразднуемъ свадьбу какъ можно скорѣе...

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!—рѣшительно произнесла старуха.— Ты это помни!..

М-ме Местрегерь, если только это было возможно, чувствовала себя счастливѣе даже мужа. Воображеніе ея рисовало ей заманчивыя картины будущаго въ такомъ свѣтѣ, что сердце ея переполнилось торжествомъ и радостью. Эсэиръ, ея любимый ребенокъ, займетъ первое мѣсто въ петербургскомъ свѣтѣ, а ея собственный домъ, который до сихъ поръ считался однимъ изъ первыхъ въ родномъ городѣ, благодаря родству съ Брайнесомъ, станетъ теперь самымъ первымъ домомъ... Конечно, она будетъ часто и подолгу гостить у дочери въ Петербургѣ... Будетъ тамъ жить въ дворцѣ Брайнеса, о чудесахъ котораго такъ много рассказываютъ... Теперь это будетъ дворецъ ея дочери... Голова ея мутилась отъ счастливаго восторга. Въ особенности она чувствовала себя на вершинѣ счастья, когда представляла себѣ Эсэиръ въ роли ховяйки на балахъ въ ея собственномъ петербургскомъ дворцѣ. М-ме Местрегерь, несмотря на то, что ей ужъ перевалило за вторую половину пятаго десятка лѣтъ, была особа немножко легкомысленная и, что чрезвычайно рѣдко среди евреекъ, которыя вообще очень скоро старятся, отличалась молоджавостью. Кромѣ того, она любила жизнь и съ трудомъ мирилась съ строгимъ режимомъ, который предписываетъ еврейская религія и выполненіе котораго охраняла въ ея домѣ старая Годе.

Счастливое настроеніе м-ме Местрегерь длилось недолго. При-сматриваясь къ Эсэири, она убѣдилась, что дочь ея не смотритъ счастливою невѣстой. Въ какіе нибудь два дня дѣвушка сильно измѣнилась: она похудѣла замѣтно, потеряла аппетитъ и сдѣлалась

молчалива. Мать недоумѣвала и старалась вызвать ее на откровенность, но попытки ея успѣхомъ не увѣнчались: Эсэирь упорно от-малчивалась и не захотѣла посвящать мать въ свои думы, стараясь избѣгать ее. Наконецъ, м-ше Местрегеръ не выдержала и, увидя удобный моментъ, обратилась къ Эсэирь съ вопросомъ:

— Неужели тебя не радуетъ предстоящее замужество?..

Эсэирь устремила на мать какой-то странный взглядъ, немного подумала и въ свою очередь спросила:

— А ты очень рада моему предстоящему замужеству?

— Разумѣется, — поспѣшила отвѣтить м-ше Местрегеръ. — Это такое большое счастье. Ни мнѣ, ни отцу твоему не могло даже сниться, что намъ суждено породниться съ Брайнесомъ, и вотъ Богъ послалъ намъ такое счастье... Ты, Эсэирь, въ сорочкѣ родилась на радость мнѣ и отцу твоему...

Глубокій вздохъ Эсэирь прервалъ рѣчь матери.

— О чемъ же ты вздыхаешь, моя дорогая?

Эсэирь ничего не отвѣтила.

— Зачѣмъ ты молчишь? Отчего ты не хочешь сказать мнѣ, своей матери, какія «черныя мысли» волнуютъ тебя? Дитя мое, моя Эсэирь, ты знаешь, какъ ты дорога мнѣ!.. Твое счастье для меня дороже собственной жизни... Зачѣмъ же ты со мной скрывать хочешь? Ну, скажи же мнѣ, что съ тобой случилось? Облегчи мое материнское сердце... Подѣлись со мною своимъ горемъ...

— Не могу!—словно стонъ, вырвалось изъ груди Эсэирь.

— Не можешь?.. Родной, любящей матери не можешь сказать о своемъ горѣ?.. О дитя мое, о моя Эсэирь, кто же тебѣ ближе меня? Кто же тебя такъ любитъ, какъ я? Неужели ты во мнѣ сомнѣваешься? Неужели ты мнѣ не довѣряешь?

— Не мучь меня,—простонала Эсэирь.— Не приставай ко мнѣ!..

— Нѣтъ, не отстану я отъ тебя!.. Ты должна мнѣ все сказать!.. Мое материнское сердце обливается кровью... Все мое спокойствіе исчезло... Посмотри на себя, моя дорогая, чѣмъ ты стала за послѣдніе дни: краше въ гробъ кладутъ... Куда дѣлась твоя веселость?.. Похудѣла ты вся, поблѣднѣла... Не отстану отъ тебя до тѣхъ поръ, пока не скажешь мнѣ, что тебя такъ угнетаетъ... Повѣрь мнѣ, Эсэирь, тебѣ стоитъ только подѣлиться своимъ горемъ, и тебѣ станетъ легче... Почему знать, можетъ, я могу помочь тебѣ... М-ше Местрегеръ обняла дочь, крѣпко поцѣловала ее, положила обѣ руки ей на плечи и съ чувствомъ прибавила:

— Ну, говори же, говори, моя дѣточка!..

— Мама, милая мамочка!..—заговорила Эсэирь прерывающимся отъ слезъ голосомъ. — Помочь ты мнѣ не можешь. Отецъ рѣшилъ мою судьбу, не справляясь съ моими чувствами и безъ моего даже вѣдома, но я покориться ему не могу!.. Я не буду женой сына Брайнеса!..

— Что ты имѣешь противъ такого выгоднаго жениха?.. пере-
била ее мать.

— Я не могу любить его...

— Но ты его совсѣмъ не знаешь, ты его никогда не видѣла...
Подожди, онъ пріѣдетъ, ты съ нимъ познакомишься... Говорятъ,
онъ образованъ, красивъ... Шутка ли, онъ сынъ Брайнеса... Ты его
непремѣнно полюбишь, вѣдь онъ же будетъ твоимъ мужемъ, и развѣ
можно не любить мужа?

— Потому-то, что мужа слѣдуетъ любить, я никогда не буду
женой сына Брайнеса, котораго полюбить не могу...

— Но ты должна его полюбить...

— Никогда!..

Произнося послѣднее слово, Эсэирь вся выпрямилась и устре-
мила свои глаза на мать въ упоръ. М-тѣ Местрегеръ вдрогнула
вся: во взглядѣ дочери было столько непоколебимой рѣшимости. Она
не узнала Эсэирь въ этой стоявшей предъ ней блѣдной дѣвушкѣ съ
сжатыми губами и блестящимъ взоромъ. «Это не моя, не моя дѣ-
вочка,—съ тоской подумала она,—какая она страшная». Она расте-
рялась.

— Но почему ты думаешь такъ? — произнесла она послѣ до-
вольно продолжительной паузы, избѣгая взгляда дочери. — Отчего
ты такъ увѣрена, что никогда его не полюбишь?

— Оттого, — отвѣтила прежнимъ рѣшительнымъ голосомъ Эс-
эирь, — что я люблю уже и люблю другаго...

— Другаго? Кого же?..

— Леонида Михайловича Наумова!..

М-тѣ Местрегеръ отшатнулась отъ дочери. Глаза ея затумани-
лись, и голова закружилась. То, что она услышала, было такъ не-
вѣроятно, такъ дико, что она потеряла способность думать, сообра-
жать. Помутившимися глазами она уставилась на дочь и хотя гля-
дѣла на нее въ упоръ неподвижнымъ взглядомъ, не видѣла ея, не
чувствовала ея присутствія. Испугалась и Эсэирь отъ дѣйствія сво-
ихъ словъ на мать. Она бросилась къ ней, обхватила руками ея
шею, стала ее цѣловать и, лаская ее, словно ребенка, умоляла успо-
коиться, прійти въ себя.

— Мама, мамочка,—лепетала испуганная Эсэирь, — не смотри
на меня такъ страшно, успокойся... Ради Бога, успокойся... И она
продолжала ласкать ее и цѣловать.

Но вотъ м-тѣ Местрегеръ глубоко вздохнула и начала прихо-
дить въ себя.

— Повтори мнѣ, что ты сказала,—произнесла она печально.

— Послѣ, послѣ, мамочка, когда ты совсѣмъ успокоишься,—
отвѣтила Эсэирь, стараясь удвоивать свои ласки.—Мы еще успѣемъ
поговорить...

Вдругъ м-ше Местрегеръ встрепенулась, отстраняла отъ себя дочь и властно произнесла:

— Повтори свои слова!.. Скажи мнѣ еще разъ: кого ты любишь?..

Мать и дочь опять встрѣтились взглядомъ, и обѣ онѣ прочли въ глазахъ другъ друга настойчивость и рѣшимость.

— Я люблю Леонида Михайловича Наумова!—твердо произнесла Эсоири.

— «Гоя»?..—словно прогремѣвъ въ отвѣтъ голосъ м-ше Местрегеръ.

— Да, «гоя»...

— И тебѣ не стыдно признаваться въ этомъ мнѣ, своей матери?..

— Вы сами требовали моей откровенности... Вы сами вынудили у меня признаніе...

— Но чѣмъ плѣнилъ тебя этотъ иновѣрецъ?

— Тѣмъ же, чѣмъ и васъ!.. Развѣ вы не говорили всегда, что лучше его въ нашемъ городѣ человѣка нѣтъ? Что характеръ его возвышенный, что онъ добръ, какъ ангелъ, что онъ уменъ, что онъ благороденъ!.. Развѣ ты сама мнѣ этого не говорила тысячу разъ?

— О горе мнѣ, горе!..—м-ше Местрегеръ всплеснула руками.— Я это говорила на свою собственную погибель!.. О Эсоири,—вдругъ опустила она предъ дочерью на колѣни.— О мое единственное, любимое дитя!.. Откажись отъ него!.. Забудь его!.. Вѣдь онъ не нашъ!.. Онъ чужой, чужой!..

— Не могу...

— Ты не можешь отказаться отъ «гоя»?.. Такъ пеняй на себя, мерзкая дѣвченка!.. Сейчасъ пойду къ отцу, къ бабушкѣ, расскажу имъ все!.. Они заставятъ тебя отъ него отказаться...

И м-ше Местрегеръ поднялась съ пола и стремительно направилась къ дверямъ.

— Остановись, мама!.. — раздался умоляющій голосъ Эсоири.

Она догнала мать, крѣпко уцѣпилась за ея платье и чуть слышно, надъ самымъ ея ухомъ, прошептала:

— Неужели ты хочешь, чтобы я умерла?..

М-ше Местрегеръ посмотрѣла на дочь, и весь ея гнѣвъ, вся ея энергія пропали. Ея любимая дочь стояла предъ ней съ поникшей головой, словно къ смерти приговоренная. Губы Эсоири дрожали, на лицѣ не было кровинки, а ея чудные глаза смотрѣли на мать съ такой мольбой, что у м-ше Местрегеръ навернулись слезы отъ жалости. «Да,—промелькнуло въ головѣ Ревеки,— если я ее выдамъ, я свекровь, ни мужъ не пожалѣютъ ее. Съ нею поступать строго, и она не выдержитъ мученій и умретъ»... Добрая, легкомысленная женщина не могла сладить съ своими мыслями. Съ одной стороны ее обуялъ страхъ: если она все скроетъ, мужъ и свекровь выльютъ свой гнѣвъ и на нее, когда все обнаружится: ее выѣстѣ

сь дочерью сживуть со свѣта. А что они будутъ безпощадны—это она хорошо знала. Съ другой стороны, она втайнѣ не могла не почувствовать дочери. М-ме Местрегеръ по натурѣ своей не могла быть истой еврейкой, и фанатизмъ былъ ей чуждъ и если она исполняла обряды, предписываемые религіей, то она это дѣлала подъ давленіемъ окружающаго и по привычкѣ. До религіи ей въ сущности не было никакого дѣла. И вотъ страхъ предъ свекровью и мужемъ и тайное сочувствіе любимой дочери, которой грозитъ великая опасность, боролись въ ней. Мать побѣдила въ ней трусливую женщину. «Будь, что будетъ,—рѣшила она,—но я не выдамъ имъ мое любимое дитя на съѣденіе»... Глаза ея сверкнули ненавистью, но ненависть эта не относилась къ Эсѣри, а къ тѣмъ, которые стояли на дорогѣ счастья ея дочери.

— Я защищу тебя отъ нихъ... отъ всего свѣта! Дорогое, милое дитя мое!..

И, какъ это свойственно людямъ, привыкшимъ всю жизнь подчиняться чужой волѣ и жить чужимъ умомъ, выходя изъ зависимости и почувствовавъ себя освобожденными, непремѣнно тотчасъ же хотять реально, фактически удостовѣриться, что они дѣйствительно приобрѣли самостоятельность, м-ме Местрегеръ тоже почувствовала настоятельную потребность самой себѣ немедленно доказать, что можетъ дѣйствовать на своей собственной страхъ и рискъ, не руководствуясь больше умомъ и волей мужа и свекрови. Она почувствовала въ себѣ достаточно силы, чтобы сбросить съ себя въ теченіе многихъ лѣтъ тяготѣвшее надъ нею ненавистное иго и смѣло идти на встрѣчу опасностямъ.

— Я защищу тебя отъ нихъ, отъ всего свѣта!..—повторила она, воодушевляясь. — Если я всю жизнь прозябала, если всю жизнь была пѣшкой въ рукахъ мужа и свекрови, то теперь—баста!.. Не желаю больше имъ подчиняться... Не желаю больше служить игрушкой для нихъ!.. Я—мать!.. Я хочу, я жажду, чтобы ты, мое дитя, была счастлива! О Эсѣри!.. — Она обняла дочь и задыхающимся голосомъ, посѣбно, глотая слова, продолжала: — Развѣ я не вижу, какъ уныла, безотраднa жизнь еврейки въ семьѣ... Развѣ мужъ-еврей можетъ любить?.. Развѣ твой отецъ приблизилъ меня къ себѣ?.. Была я ему совѣтницей, другомъ?.. Не жертвовалъ ли онъ моимъ счастьемъ и даже спокойствіемъ для своей злой матери?.. Развѣ онъ не отнял у меня сына?..

Усадивъ дочь и усаживаясь съ нею рядомъ, м-ме Местрегеръ, перебивая свою рѣчь поцѣлуями, долго продолжала свои жалобы на мужа, на свекровь и на ненавистный ей семейный режимъ, отъ котораго страдала всю жизнь. Все, что накопилось на душѣ ея въ теченіе десятковъ лѣтъ, неудержимо вылилось наружу, и чѣмъ больше она говорила, тѣмъ больше вырисовывалось предъ ней прошлое, и тѣмъ больше духъ возмущенія, обиды и влобы обуялъ ее.

— Ты должна быть счастлива! Я такъ хочу!..—закончила она свои жалобы съ упрямою рѣшимостью.

— Значить, ты ничего не имѣешь противъ любви моей къ ино-вѣрцу? И даже, если захочу переимѣнить религію, ты тоже не будешь противъ?—спросила Эсеиръ, заглядывая ей въ лицо.

— Религія?.. Религія...—какъ бы въ раздумьи дважды повторила ш-ше Местрегеръ.—Да, конечно, это страшно переимѣнить религію... Нашъ грозный, беспощадный Богъ будетъ мстить... Вдругъ она тряхнула рѣшительно головой и продолжала съ прежнимъ увлеченіемъ:—Что намъ, женщинамъ, за дѣло до религіи!.. Мы существа слабыя, подчиненныя... Въ библии прямо сказано: «да прильпится она къ нему»... Значить, къ кому мы прильпляемся — тотъ нашъ руководитель, и ему мы должны подчиняться и слѣдовать его указаніямъ... Ха, ха, ха... вдругъ засмѣялась она.—Какой неудачный текстъ подобрала: сама иду противъ мужа и говорю о томъ, что слѣдуетъ къ нему прильпиться... Но это надо понимать такъ: если ты прильпилась къ нему, то-есть полюбила, то слѣдуй во всемъ его указаніямъ и будь ему покорной и вѣрной женой...

— О мама,—перебила ее Эсеиръ.—Какая ты умница!.. Какая ты хорошая и еслибъ ты знала, какъ я люблю тебя...

— Знаю, знаю, дѣточка... Не бабушку же любить тебѣ... Я вѣдь мать тебѣ, я родила тебя...

ХІ.

Ребъ Пинхось Местрегеръ переживалъ весьма тревожный моментъ и очень волновался, хотя по наружности замѣтить это нельзя было. Тѣмъ болѣе было ему удобно скрыть отъ всѣхъ свое внутреннее безпокойство, что въ этотъ вечеръ былъ назначенъ въ его домѣ балъ по случаю помолвки Эсеири съ сыномъ Брайнеса. Еслибъ что и замѣтили по его лицу, то приписали бы его волненіе радостному безпокойству отца за участь нѣжно любимой дочери. Такимъ образомъ, у ребъ Пинхоса былъ наготовѣ отвѣтъ на случай, еслибъ его волненіе обнаружилось, и кто либо присталъ съ разспросами. Но этого не случилось: ребъ Пинхось умѣлъ владѣть собой. Что же волновало ребъ Пинхоса и отравляло ему радость предстоящаго торжества? Конечно, не будущность дочери, за которую онъ былъ вполне спокоенъ. Вѣдь она выходитъ за единственнаго миллионера Брайнеса и сама будетъ миллионершей; какое же можетъ быть большее счастье? Меньше всего онъ думалъ въ этотъ вечеръ о дочери, судьба которой такъ счастливо устроилась. Онъ всецѣло былъ поглощенъ дѣлами, которыя его не веселили. Съ того памятнаго послѣ-обѣда, когда онъ такъ выгодно просваталъ дочь и смѣло принялъ вызовъ Брайнеса по поводу предстоящихъ торговъ, прошло пять дней. Ребъ Пинхось все время слѣдилъ за своимъ будущимъ

родственникомъ, стараясь въ то же время ему противодѣйствовать. Сегодня увѣренность въ своей побѣдѣ надъ нимъ оставила его. Брайнесъ былъ принятъ генераломъ и остался у него болѣе получаса. Изъ этого ребъ Пинхось вывелъ заключеніе, что дѣло Брайнеса выгорѣло, и онъ получить приглашеніе къ торгамъ. Попробовалъ онъ во время обѣда поговорить о дѣлахъ съ Брайнесомъ, но послѣдній категорически заявилъ ему, что въ такой счастливый для него день, когда единственный сынъ его празднуетъ свою помолвку съ прекраснѣйшей изъ дочерей израиля, онъ о дѣлахъ разговаривать не желаетъ.

— Сегодняшній день я считаю величайшимъ праздникомъ моей жизни, а въ праздникъ приличествуетъ развѣ о дѣлахъ разговаривать? Сами знаете, сказано: «чти праздники, израиль»...

— Ваша набожность не помѣшала вамъ, однако, быть сегодня у генерала...

— Ну, да, я былъ у него съ визитомъ. На то и праздникъ, чтобы дѣлать визиты...

— И о дѣлахъ вы съ нимъ не говорили? Такъ я вамъ и повѣрю...

— И не вѣрьте. Я васъ объ этомъ не прошу,—отрѣзалъ Брайнесъ и заговорилъ о другомъ.

Пробовалъ ребъ Пинхось заманить послѣ обѣда въ свой кабинетъ жениха, чтобы отъ него вывѣдать, въ какомъ положеніи находится дѣло отца въ инженерномъ округѣ, но и тутъ потерпѣлъ фіаско. Женихъ былъ очень сдержанъ и заявилъ ему, что въ дѣла отца не вмѣшивается, что у него своя сфера дѣятельности, а у отца — своя, что у нихъ существуетъ условіе другъ другу не мѣшать.

— Я завѣдываю исключительно дѣлами нашей банкирской конторы, а о подрядахъ отца понятія не имѣю. Это и не мой факъ, и я этимъ совсѣмъ не интересуюсь...

— Какъ вы можете это говорить? У васъ миллионные подряды, и вы ими не интересуетесь? Развѣ это возможно? Придется же вамъ когда нибудь (никто не вѣченъ) самимъ ими заниматься...

— Конечно, придется,—согласился женихъ.— Ну, такъ чтожь? Тогда и займусь?..

— Но для этого надо къ этимъ дѣламъ привыкнуть, изучать ихъ...

— Э,—перебилъ его женихъ,—не боги же горшки лѣпятъ... Понадобится—лицомъ въ грязь не ударимъ.

Такъ и не добился ничего ребъ Пинхось и отъ жениха. Тѣмъ не менѣе, обругавъ въ душѣ будущаго мужа своей дочери «продуктивной шельмой», онъ остался доволенъ его дѣловитостью. «Такъ еще молодъ и такъ уменъ и практиченъ, — мысленно подумалъ онъ!—О, онъ превзойдетъ отца и умножитъ его богатство! Моя дѣ-

вочка родилась подъ счастливой звѣздой, если ей достался такой выдающійся женихъ! Конечно,—продолжалъ онъ думать,—на этотъ разъ мнѣ было бы гораздо выгоднѣе, еслибъ онъ оказался менѣе умнымъ и менѣе практичнымъ, и мнѣ удалось бы вывѣдать отъ него то, что мнѣ нужно...». Онъ глубоко вздохнулъ и весь ушелъ въ свои думы.

— Надо принять рѣшительныя мѣры!.. На полдорогѣ оставаться нельзя!.. — Ребъ Пинхось тряхнулъ головой, видимо стараясь ободрится. — Да, рѣшительныя мѣры, тѣмъ болѣе, когда отъ этого никто не пострадаетъ, никому не будетъ убытка...

Ребъ Пинхось посмотрѣлъ на часы. Было 7 безъ десяти минутъ. Онъ позвонилъ.

— Пововн ко мнѣ т-ше. Скажи, чтобъ пришла немедленно! — приказалъ онъ появившемуся слугѣ.

Когда Реввека пришла, мужъ встрѣтилъ ее съ напускнуою веселостью.

— Хорошій день далъ Богъ... Давно мы съ тобой ждали этого дня, а вотъ и дождались... Ты рада, жена?.. Ну, конечно... Какъ же не радоваться, когда Господь далъ такъ счастливо устроить дочь... Ну, садись... Потолкуемъ...

М-ше Местрегеръ искоса посмотрѣла на мужа, удивленная его многословіемъ.

— Садись же, Ривочка; надо мнѣ съ тобой поговорить...

— Развѣ время теперь? Скоро гости съѣдутся, а у меня еще не все готово...

— Богъ съ ними, съ гостями... У меня дѣло важное...

М-ше Местрегеръ насторожилась. Ей вдругъ стало страшно. А что, если преждевременно обнаружилось, о чемъ замышляла Эсвѣрь, и объ ея участіи въ этомъ замыслѣ? Со страхомъ посмотрѣла она на мужа въ упоръ, но въ его близорукыхъ глазахъ она прочла одно только безпокойство, но не гнѣвъ.

— Что же ты не садишься?—произнесъ между тѣмъ ребъ Пинхось, и въ голосѣ его послышалось нетерпѣніе.—Знаешь, не люблю повторять по нѣсколько разъ одно и то же... Вотъ тутъ и садись.— Онъ указалъ стулъ рядомъ съ собой.— Садись, и поговоримъ серьезно...

— Я слушаю тебя,—проговорила т-ше Местрегеръ, усаживаясь на указанное мѣсто.

Ребъ Пинхось дотронулся рукой до колѣна жены, пытливо посмотрѣлъ ей въ лицо, какъ-то весь насунился и не безъ видимаго усилія заговорилъ:

— Ривочка, а вѣдь дѣла скверны... Брайнесь настоящій разбойникъ... Онъ меня нищимъ сдѣластъ...

— Чѣмъ же я могу помочь?.. — безучастно перебила т-ше Местрегеръ.

— Объ этомъ надо подумать весьма много...

Ребъ Пинхось чувствовалъ себя неловко. Призывая жену, онъ зналъ, какое дать ей порученіе, но ему трудно было придумать, въ какой формѣ это сдѣлать. Порученіе было изъ ряду вонъ выходящее, «деликатное», какъ мысленно назвалъ его ребъ Пинхось, и передать его просто, безъ предисловія, онъ считалъ невозможнымъ.

— Зачѣмъ Богъ далъ человѣку жену? Въ Библии прямо сказано: «и да будетъ она ему помощницей...». Жена должна помогать мужу... Мужъ и жена составляютъ одно, ибо тоже сказано: «да прильбнитъ она къ нему...». И какъ хорошо это сказано въ святой Торѣ... Помнишь, тоже: «Не хорошо человѣку быть одному...». Сколько мудрости въ этихъ святыхъ словахъ!..

М-те Местрегеръ впилась глазами въ мужа. Она рѣшительно недоумѣвала. Никогда онъ съ нею такъ не разговаривалъ. Онъ больше ей всегда приказывалъ поступать, какъ считалъ нужнымъ, и серьезныхъ порученій никогда ей не давалъ. Если случалось, онъ и приласкалъ ее, то дѣлалъ это всегда или высокомерно, властно, или шутливо, пренебрежительно. Во всякомъ случаѣ, въ его отношеніяхъ къ ней чувствовалось всегда, что онъ къ ней снисходитъ, но никоимъ образомъ не считаетъ ее себѣ равной. И вотъ онъ заговорилъ съ ней такъ необычно. Что бы это могло значить? Во всякомъ случаѣ, онъ не подкупилъ ее своей искательностью, а лишь только возбудилъ ея любопытство и заставилъ насторожиться.

— Что же ты все молчишь, Реввека?

— А что я должна говорить?.. Ты не любишь, чтобы тебя перебивали... И что я могу тебѣ сказать?

— Да, конечно, что ты можешь мнѣ сказать?..

Ребъ Пинхось сердито нахмурилъ лобъ и весь выпрямился. «Зачѣмъ я тяну эту канитель? Съ кѣмъ я церемонюсь? Съ собственной женой!.. Какъ это глупо... Я прикажу, и она исполнитъ все въ точности... Зачѣмъ трачу свое и ея время на глупыя слова?»...

Онъ поднялся съ мѣста и обычнымъ, властнымъ голосомъ, которымъ всегда разговаривалъ съ женой, произнесъ:

— Сегодня, на «тноимъ» (помолвкѣ) у насъ будетъ Наумовъ, я его пригласилъ. Такъ передай Эсеэри, чтобы она упросила его разстроить планы Брайнеса... Чтобы она взяла съ него слово, что онъ не допуститъ, чтобы Брайнесъ получилъ приглашеніе на торги... Сдѣлай это, жена... Такова моя воля!..

Реввека подобнаго порученія не ожидала и уставилась на мужа съ широко открытыми глазами.

— Развѣ можно дать Эсеэри подобное порученіе? — произнесла она чуть слышно.

— Я приказываю, значитъ — можно! Скажи ей, дѣло не шу-

точно!.. Отъ него зависить все мое благосостояніе... Если нужно будетъ, — понизилъ онъ голосъ до шепота, — если нужно будетъ, пускай она скажетъ ему, что очень его любитъ... Она можетъ его и поцѣловать.

— Она ему это скажетъ!.. Она его поцѣлуетъ!.. — вся фигура m-me Местрегеръ преобразилась: она гнѣвно подняла голову, глаза ея засверкали злобой, и въ голосъ ея послышались ненависть и презрѣніе.— Она все сдѣлаетъ по твоему приказанію!.. Даю тебѣ слово объ этомъ постараться!..

Еслибъ въ этотъ моментъ ребѣ Пинхось посмотрѣлъ на всегда ему покорную, тихую жену свою, ему бы стало страшно. Но онъ такъ былъ радъ кажущейся ему ея покорности, что даже не обратилъ никакого вниманія на ея голосъ, возвысившійся до крика.

— И прекрасно, — проговорилъ онъ съ самодовольной улыбкой, вздохнувъ полной грудью, словно свалилась съ него многопудовая тяжесть.— И прекрасно, Ривочка. Я всегда зналъ, ты у меня жена хорошая, покорная... Ты именно такая женщина, о которой говорилъ псалмопѣвецъ: «Ейшипъ хайлъ ми імцо вырохожъ мининимъ микро» (кто найдетъ хорошую жену? ибо приобрѣтеніе таковой дороже рѣдчайшихъ камней)...

M-me Местрегеръ между тѣмъ спохватилась, что чуть не выдала дочь и себя своимъ гнѣвомъ, и сдѣлала надъ собой невѣроятное усиліе, чтобы казаться спокойной.

— Все это хорошо, — произнесла она искусственно дѣловито, — но ты забываешь, Пинхось, что твоя мать непременно помѣшаетъ Эсенри переговорить съ Наумовымъ наединѣ... Послѣдніе дни она слѣдитъ за мной и Эсенрю неотступно, какъ тѣнь... Словно мы собираемся совершить преступленіе...

M-me Местрегеръ усмѣхнулась и посмотрѣла на мужа.

— Объ этомъ не беспокойся... Мать я на этотъ разъ ограничу, и она помѣхой моимъ планамъ не будетъ... Дѣло слишкомъ крупное, и я не позволю ей мнѣ его испортить... А на тебя, Ривочка, я надѣюсь, крѣпко надѣюсь... Ну, иди, дорогая, приготовляйся къ приему гостей... Я тебя больше не задерживаю...

XII.

Съѣздъ гостей начался рано, и къ девяти часамъ вечера вся квартира Местрегеровъ была настолько переполнена, что уже чувствовалась тѣснота и даже давка. А гости все еще продолжали прибывать. Гости евреи были одѣты попраздничному, въ черномъ, а еврейки — въ свѣтлыхъ платьяхъ. Нѣкоторые молодые евреи появились даже во фракахъ. Центромъ для любопытства служили главнымъ образомъ Брайнесъ и его сынъ. Всякій гость и всякая гостья, при входѣ, стремились прежде всего увидѣть знаменитаго «гвира»

и его единственнаго наслѣдника. Съ трепетнымъ любопытствомъ приближался всякій къ Брайнесу и почтительно приносилъ ему свои поздравленія. На реба Пинхоса, его жену и даже на невѣсту никто не обращалъ вниманія: все было сосредоточено на Брайнесѣ и его сынѣ. И не удивительно: въ городѣ было много богатыхъ евреевъ, но милліонеровъ между ними не было ни одного, и каждому и каждой захотѣлось поближе посмотрѣть на милліонера! Брайнесъ зналъ своихъ единовѣрцевъ и чувствовалъ, что царить надъ всей этой собравшейся толпой, готовой пасть ницъ предъ его милліонами. Ему это веселило и доставляло ему большое удовольствіе. Онъ былъ весьма милъ и любезенъ со всѣми, а нѣкоторыхъ особенно отличилъ. Но это не помѣшало ему все-таки сохранить свое достоинство и быть величественнымъ. Совершенно иначе держался сынъ Брайнеса. Онъ свысока оглядывалъ подходившихъ къ нему съ поздравленіями евреевъ и на ихъ униженные поклоны презрительно улыбался имъ въ отвѣтъ. Холодомъ вѣяло отъ всей его молодой еще фигуры. Ему было не больше 26 лѣтъ, но измятое лицо его уже носило на себѣ слѣды пресыщенія. Высокаго роста, чрезвычайно худой, съ длинной шеей и маленькой головкой, которую держалъ прямо,—онъ всей своей фигурой напоминалъ восклицательный знакъ. Носъ его былъ очень длиненъ и къ концу немного искривленъ и приплюснутъ: казалось, что онъ искусственно придѣланъ къ его маленькому круглому лицу. Рыжіе, непокорные волосы его, коротко остриженные, торчали ежикомъ на головѣ, а маленькіе, сѣрые глазки изъ-подъ рыжихъ же бровей смотрѣли тускло, безъ всякаго выраженія. Но что составляло гордость наслѣдника милліонеровъ—это его руки, которыя были дѣйствительно красивы: удивительно бѣлыя, съ длинными, выхоленными пальцами, украшенными множествомъ колець,—онъ держалъ ихъ постоянно такъ, чтобы ихъ замѣтили. Одѣтъ былъ Михайль Аркадьевичъ (такъ звали жениха) во фракъ, отчего фигура его еще больше выдавалась своей худобой. Видъ у него былъ скучающій. Неизвѣстно: дѣйствительно ли ему было скучно, или же онъ притворялся, чтобы придать себѣ побольше важности въ глазахъ окружающихъ. Слѣдя за сыномъ, Брайнесъ-отецъ остался недоволенъ.

— Что ты на себя такъ много важности напускаешь, Михайль?—шепнулъ онъ ему. — Будь внимательнѣе къ гостямъ. Нельзя такъ пренебрегать единовѣрцами...

— Какое мнѣ до нихъ дѣло?—высокомѣрно отвѣтилъ сынъ.

— Разумѣется, тебѣ до нихъ никакого дѣла нѣтъ, но имъ есть дѣло до тебя: они явились поглядѣть на тебя, моего наслѣдника, и ты долженъ быть съ ними любезнѣе: они твои гости...

— Я за ними не посылаю...

— Но ты долженъ это сдѣлать для меня... Я такъ хочу!.. Въ голосѣ Брайнеса-отца послышалась настойчивость. — Михайль! не

серди меня... И тутъ же онъ бѣлѣе мягко прибавилъ:— Сдѣлай это для отца Эсеири, который выростилъ для тебя такую прелестную дочь...

Въ тусклыхъ глазахъ Михаила какъ будто что-то блеснуло.

— Постараюсь понравиться твоимъ жидамъ,—произнесъ онъ съ усмѣшкой.

— Тише!.. Тебя могутъ услышать!—съ тревогой произнесъ Брайнесъ-отецъ.—Ты скандала хочешь, что ли?

Михаилъ опять усмѣхнулся и проговорилъ:—Посмѣютъ они скандалъ сдѣлать, эти жидаы...

Странныя отношенія существовали между отцомъ и сыномъ. Брайнесъ любилъ свое единственное дѣтище, но уже давно потерялъ всякое влiянiе на сына. Юдофобство Михаила служило для его отца источникомъ постояннаго смущенiя и горя. Михаилъ былъ единственнымъ сыномъ, и отецъ въ немъ души не чаялъ. Всѣ его желанiя и даже капризы исполнялись безпрекословно. Къ его услугамъ были пѣлый штатъ учителей и воспитателей. Для своего наследника Брайнесъ ничего не жалѣлъ. Привыкнувъ въ домѣ отца къ постоянному поклоненiю передъ своей особой, Михаилъ съ самаго дѣтства отличался заносчивостью. Поступивъ въ гимназiю, онъ съ его характеромъ не могъ прiобрѣсти любовь товарищей, которые возненавидѣли его за высокомерiе и чванство. Скоро за нимъ утвердился тамъ кличка «жидъ». Эта ненавистная кличка сопровождала его вплоть до самаго окончанiя курса. И вотъ, когда онъ выросъ, то сталъ мстить своимъ единовѣрцамъ за обиды, претерпѣнныя въ гимназiи отъ товарищей: онъ сталъ юдофобомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ всякiй убѣжденный юдофобъ-христiанинъ. При этомъ одинаково ненавидѣлъ, какъ культурныхъ, такъ и некультурныхъ евреевъ. Всею душой онъ стремился войти полноправнымъ членомъ въ христiанское общество и старался во всемъ походить на христiанъ и подражать имъ, хотя въ душѣ ненавидѣлъ и ихъ. Погрузившись въ дѣла отца, онъ весь ушелъ въ наживу и, несмотря на свои молодые годы, уже считался выдающимся дѣльцомъ. Все свое свободное время онъ отдавалъ наслажденiямъ: о его кутежахъ, лошадахъ и любовницахъ говорилъ весь Петербургъ. Сорить деньгами было его страстью, и онъ бросалъ десятки тысячъ, лишь бы заставить говорить о себѣ... Старый Брайнесъ слѣдилъ за поведенiемъ сына съ великимъ сокрушенiемъ. Попытки его направить сына на путь истины успѣха не имѣли. Сынъ выказывалъ ему не только непокорность, но и явное пренебреженiе. На упреки отца онъ обыкновенно отвѣчалъ:

— Не съ жидами же мнѣ возиться и жить поживовски... Работая много, наживаю гораздо больше твоего и имѣю право тратить частицу заработка по своему усмотрѣнiю... Дѣло отъ этого не страдаетъ.

Это была правда: Михаилъ въ своей конторѣ работалъ больше

всѣхъ, и дѣло у него дѣйствительно не страдало. При такомъ положеніи дѣлъ старый Брайнесь видѣлъ спасенію сына въ женитьбѣ. «Женится—перемѣнится», думалъ онъ: въ особенности, когда у самого пойдутъ дѣти. Но сколько до сихъ поръ ни предлагали ему невѣсты, ни одна не пришлась ему по вкусу. Отъ каждой изъ нихъ, по его выраженію, пахло жидовкой.

— Не на христіанкѣ же тебѣ жениться, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ обоввала тебя жидомъ,—зло замѣчалъ ему отецъ почти послѣ каждаго отказа отъ той или другой невѣсты-еврейки...

— Къ сожалѣнію, это вѣрно, а то непременно бы женился на христіанкѣ,—было всегда неизмѣннымъ отвѣтомъ сына.

Старый Брайнесь зналъ, что дѣйствительно его сына удерживало отъ перехода въ христіанство и женитьбы на христіанкѣ только страшное самолюбіе и боязнь, что будущая жена будетъ смотрѣть на него, какъ на жида. Разумѣется, ему это было неприятно, но въ то же время это его успокоивало, ибо вселило въ немъ увѣренность, что никогда сынъ его формально не измѣнитъ еврейству. При этомъ, онъ не отчаивался найти ему такую жену еврейку, которая придетъ ему по вкусу, и тогда, пожалуй, Михаилъ перемѣнится и перестанетъ быть юдофобомъ.

Когда старый Брайнесь увидѣлъ въ первый разъ Эсеиръ, онъ догадался, что она не можетъ не понравиться его сыну. И такъ какъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ она была вполне подходящая для него партія, то, не задумываясь долго, уговорился съ ея отцомъ и немедленно вытребовалъ сына. Дѣйствительно, Михаилъ пораженъ былъ красотою Эсеири и, къ великой радости отца, далъ свое согласіе на бракъ.

ХІІІ.

— Не пора ли приступить къ «тноимъ» (обрученію) и «мекаболъ киніонъ» (совершенію сдѣлки)?—обратился къ Брайнесу ребъ Пинхось.—Десятый часъ, а женихъ желаетъ, чтобы религиозная церемонія была окончена до появленія гостей-христіанъ...

— Это вы дѣло говорите... Зачѣмъ намъ христіане при совершеніи религиознаго обряда?—согласился Брайнесь.—Прикажете приступить...

Черезъ нѣсколько минутъ появился среди гостей кагальный «шамесъ» (служитель) и зычно крикнулъ:

— «Работимъ» (раввины) и «даіонимъ» (судьи) ждутъ!.. Пора приступить къ «тноимъ»!..

Всѣ гости устремились въ комнату, гдѣ засѣдали раввины и судьи, и гдѣ все уже было приготовлено для религиознаго обряда. За большимъ столомъ, на почетномъ мѣстѣ воссѣдалъ главный раввинъ города, ребъ Герцеле. Это былъ древній, полуслѣпой старикъ, съ длинной сѣдой бородой и длинными рѣсницами. Голова его тряс-

лась отъ старости. Съ обѣихъ его сторонъ сидѣли по два раввина помоложе; за раввинами засѣдали судьи. Сзади кресла стараго раввина сталъ кагалный «шамесъ». Онъ благоговѣнно наклонилъ голову и приставилъ ладони рукъ, въ видѣ рупоровъ, къ ушамъ, чтобы не проронить ни одного слова, когда старый рабби заговорить.

— Гдѣ же женихъ?..—шамкая произнесъ ребъ Г'ерцеле, когда вся комната наполнилась народомъ.

— Вотъ онъ... предъ вами, рабби... — произнесли одновременно ребъ Пинхосъ и Брайнесъ, подводя Михаила къ старику.

Раввинъ устремилъ на него тусклый взглядъ, долго и упорно разсматривалъ его и чуть слышно, такъ что одинъ «шамесъ», благодаря своимъ искусственнымъ рупорамъ, могъ разобрать его слова, произнесъ:

— И это еврей, прости Господа!.. Грѣхи, грѣхи!..—Онъ поникъ головой, болѣзненно вздохнулъ и, обратившись къ раввину, который сидѣлъ по правой сторонѣ отъ него, прошамкалъ:

— Рабби Шабсай!.. Старъ я... дрильть... Трудно мнѣ руководить обрядомъ... Берите на себя эту «мицве» (святую обязанность)!..

Въ средѣ столпившихся гостей произошло движеніе. Изъ груди старой Годе вырвался болѣзненный крикъ, словно ее рѣзнули по живому мѣсту. Всѣ поняли, что старый, чтимый рабби не то что не можетъ, а не желаетъ руководить обрядомъ, такъ какъ женихъ показался ему подозрительнымъ евреемъ. Ребъ Пинхосъ поблѣднѣлъ и боялся поднять голову, чтобы не встрѣтиться съ взглядомъ матери, поблѣднѣлъ и старый Брайнесъ отъ обиды. Виновникъ же всей этой суматохи, молодой Брайнесъ смѣрилъ стараго раввина наглымъ взглядомъ, а на губахъ его появилась саркастическая улыбка, и тѣмъ же наглымъ взглядомъ обвелъ онъ гостей: такъ и казалось, что вотъ-вотъ съ устъ его сорвется его любимое слово «жиды». Слѣдившій за сыномъ, старый Брайнесъ постѣшилъ шепнуть ему на ухо: «Ради Бога, не срами меня: не увеличивай скандала».

Ребъ Шабсай между тѣмъ поднялся съ мѣста, чтобы исполнить приказаніе рабби Г'ерцеле, руководить обрядомъ, но старая Годе сдѣлала ему знакъ, чтобы не смѣшилъ, и, приблизившись къ рабби Г'ерцеле, произнесла умоляющимъ голосомъ.

— Святой рабби! Рѣшеніе твое мудро и не мнѣ, преклоняющейся предъ святостью твоею, протестовать противъ рѣшенія твоего. Я и не протестую. Ты сказала, и быть такъ должно. Но, славный среди Израиля, рабби Г'ерцеле! Всѣмъ извѣстно, какъ печешься ты о бѣдныхъ, какъ жаждешь и алчешь облегчить имъ ихъ участь... И вотъ, если ты сдѣлаешь надъ собой усиліе и будешь самъ руководить обрядомъ,—я отдамъ тебѣ все мое состояніе для раздачи бѣднымъ... Заявляю объ этомъ при всѣхъ...

— Сейчасъ же, при жизни вы все отдадите?—перебилъ ее ребъ Шабсай, и глаза его разгорѣлись.

— Хоть завтра... Мой сынъ не нуждается въ наслѣдствѣ, а мнѣ оно на что?..

— А я обязываюсь построить новый флигель въ «талмудъ-торѣ» (учебное заведеніе для бѣдныхъ),—проговорилъ ребъ Пинхосъ.

— Я же внесу сейчасъ тысячу рублей для бѣдныхъ,—подхватилъ Брайнесь отецъ.

Наступила довольно продолжительная тишина. Всѣ взоры устремились на рабби Герцеле.

— Не могу... Старъ я... дряхль...—произнесъ, наконецъ, рабби Герцеле.

— Но, рабби,—перебилъ его ребъ Шабсай.—Святой рабби, вѣдь тутъ предлагаютъ цѣлое богатство на добрыя дѣла... Шутка ли: все состояніе почтеннѣйшей Гюде, которое на худой конецъ составитъ сумму въ нѣсколько сотъ рублей; новый флигель для «талмуд-торы» обойдется ребъ Пинхосу тоже въ добрую копейку и, наконецъ, тысячу рублей наличными... Сколько сиротъ еврейскихъ можно накормить на эти деньги, сколько несчастныхъ вдовъ можно утѣшить, сколько нищихъ можно одѣть и обуть!.. Отъ такихъ щедрыхъ даровъ вы, святой рабби, не должны отказываться, не имѣете права!..

Ребъ Шабсай говорилъ горячо и убѣдительно, а послѣднія слова произнесъ съ особенной силой.

Рабби Герцеле еще ниже опустил свою трясущуюся голову, закрылъ глаза и чуть слышно прошепталъ: «Утѣшеніе и помощь придетъ къ Израилю изъ другаго мѣста»...

Вдругъ рабби Герцеле всталъ, энергично выпрямился и внятно, отчеканивая каждое слово, продолжалъ:—Мнѣ, недостойному, вручилъ Ты, Богъ Адонай, Богъ-Цавооть, руководство святой В—ской общиной... По мѣрѣ слабыхъ силъ моихъ исполнялъ свои святые обязанности и полустолѣтіе служилъ Тебѣ!.. Я денно и ночью пекся о врученномъ мнѣ Тобою стадѣ!.. Но Ты захотѣлъ, и мои старанія и труды на пути служенія Тебѣ не достигли цѣли... На моихъ глазахъ распаталось зданіе... Ты сдѣлалъ меня свидѣтелемъ большихъ бѣдъ и великихъ несчастій!.. О горе мнѣ, горе!.. «Палъ Израиль и не поднимется больше!..» Погрязъ онъ въ порокахъ и не хочетъ больше знать Бога своего!.. Кто вы такіе...—Рабби Герцеле энергичнымъ жестомъ указалъ на кучку молодыхъ евреевъ, одѣтыхъ во фракахъ.—Кто вы такіе?.. Развѣ вы еврей?.. Гдѣ ваши бороды?.. Что это за хвосты торчатъ у васъ сзади?.. Я вижу какихъ-то переодѣтыхъ скомороховъ, но не вижу евреевъ!.. А ты,—обратился онъ къ жениху,—ты развѣ еврей?.. Когда ты приблизился ко мнѣ, своему раввину, я прочелъ въ очахъ твоихъ презрѣніе и ненависть!.. Гордо ты держалъ и держишь голову и ослѣпленный ничтожнымъ могуществомъ своего богатства не только не думаешь о Богѣ отцовъ своихъ, но даже презираешь Его!.. Но я скажу тебѣ: твое богатство тлѣнъ; твое могущество—ничтожно!.. Твои дворцы превратятся

въ прахъ; твое могущество разсѣется, какъ дымъ, и когда предстанешь ты предъ Богомъ своимъ, — будешь голъ, беспомощенъ и нищъ!..

— Рабби, святой рабби, — перебилъ ребъ Шабсай. — Вѣдь мы въ частномъ домѣ. Насъ сюда пригласили на семейный праздникъ, на «тноимъ», а вы вздумали читать здѣсь «дроше» (проповѣдь)... Для проповѣди мѣсто въ синагогѣ... Тамъ вы ее и говорите, а мы съ благоговѣніемъ будемъ ее слушать...

Страдальческая улыбка промелькнула на лицѣ рабби Герцеле, и онъ какъ будто растерялся, но вдругъ лицо его стало суровѣе прежняго, и онъ съ гнѣвомъ произнесъ:

— Шабсай!.. Не смѣй больше перебивать меня!.. Когда твой рабби говоритъ, внимай и молчи!..

Онъ перевелъ духъ и, собравшись съ силами, заговорилъ громче и выразительнѣе прежняго.

— Айзикъ! Я еще понимаю твоего сына. Онъ отвернулся отъ Бога, потому что никогда не зналъ Его, потому что ты, отецъ его, не постарался внушить ему, что Богъ существуетъ, что Онъ всемогущъ, что Ему надо служить, что предъ нимъ надлежитъ трепетать!.. Но ты?! Какъ могъ ты забыть Бога?! Я зналъ твоего отца Пейсаха... Это былъ праведный еврей. Въ своей бѣдности онъ былъ богаче тебя своими добродѣтелями!.. Онъ зналъ Бога, вѣрилъ въ Него, трепеталъ предъ Нимъ!.. Его хоронили на общественный счетъ, что не помѣшало ему предстать предъ грознымъ Судіей на ряду съ праведными!.. Да живетъ навѣки память среди Израиля о твоёмъ отцѣ — онъ былъ праведный еврей!.. Наслѣдовалъ ли ты добродѣтели своего отца? Я этого не вижу! Ты нажилъ миллионы! Ты живешь въ дворцахъ! Ты генералъ!.. Но скажи мнѣ, Айзикъ, гдѣ на тебѣ «целемъ Елогимъ» (отраженіе Божьяго образа)? Гдѣ твоя борода? Похожъ ли ты, сынъ Пейсаха, на еврея? Когда предстанешь ты предъ Предвѣчнымъ, что скажешь Ему въ свое оправданіе? Ты, знавшій Бога, но измѣнившій Ему?! Или тамъ, предъ престоломъ Его, какъ и здѣсь предо мною, ты предложишь частицу своего богатства, чтобы подкупить Бога, какъ хотѣлъ подкупить меня?.. Но вѣдь предъ Нимъ ты предстанешь такимъ же бѣднякомъ, какимъ явился на свѣтъ!.. Твоихъ богатствъ съ собой не возьмешь и Бога подкупать будетъ тебѣ нечѣмъ!.. Какъ и твой нищій отецъ, ты предстанешь предъ Нимъ въ «талетъ» (молитвенное одѣяніе) и «тахрихимъ» (савагъ), и другаго богатства у тебя не будетъ...

Рабби Герцеле перевелъ духъ и, обращаясь къ ребъ Пинхосу, продолжалъ болѣе мягкимъ голосомъ:

— И ты, потомокъ славнаго во Израилѣ рода Местрегеровъ!.. И ты, чьи предки изъ рода въ родъ занимались богоугоднымъ дѣломъ, жили скромно, тихо, какъ подобаетъ праведнымъ евреямъ, и добивались только царства небеснаго... И ты, Пинхось, забылъ Бога своего, совершаешь великій грѣхъ, выданая сною единственную дочь за

сына Айзика!.. Если Богу угодно будетъ благословить этотъ бракъ потомствомъ тѣмъ хуже для тебя: потомство это будетъ также не угодно Богу, какъ негоденъ Ему явбранный тобою для дочери женихъ!..

— Рабби, святой рабби,—перебилъ ребъ Шабсай,—вашими мудрыми словами вы не поможете... Вы себя только разстроиваете... Успокойтесь, рабби, прекратите вашу проповѣдь... Всѣ ждутъ: пора приступить къ обряду...

— Знаю, что трачу слова на вѣтеръ... О горе мнѣ, горе!..—голова ребъ Герцеля затряслась болѣе обыкновеннаго, и голосъ его задрезжалъ.—Но я хотѣлъ имъ напомнить, что существуетъ Богъ! Что богатство и слава Израиля не въ земныхъ благахъ... Если не я имъ это скажу, кто имъ скажетъ? Если не я имъ это напомню, кто имъ напомнить?.. Но я больше не могу... Я старъ... я дряхль... Немоощенъ я!.. О Боже, Боже Израиля, укрѣпи вѣру въ сынахъ своихъ...

Рабби Герцеле вдругъ оборвалъ свою рѣчь и не сѣлъ, а упалъ въ кресло. Вся энергія его исчезла, и онъ опять обратился въ дряхлаго старца. Унылая, миниатюрная фигурка его напоминала теперь обиженнаго ребенка.

— Я приступлю къ обряду, рабби,—послѣ нѣкотораго молчанія, шепнулъ ему надъ ухомъ ребъ Шабсай.

— Къ обряду?.. Хорошо... Приступите къ обряду, а я не могу... Я старъ... Я дряхль... Я не могу...

Силы, казалось, совершенно оставили старика, но вдругъ онъ опять поднялся съ кресла и капризно, точно ребенокъ, плаксиво произнесъ:

— Домой... Я хочу домой... Уведите меня домой...

Рабъ Шабсай и «шамесь» подхватили старика подъ руки и вывели изъ комнаты.

XIV.

— Вѣдь вы его хорошо знали!.. Фанатизмъ его извѣстенъ всему міру!.. Зачѣмъ вы пригласили этого изувѣра?!—со злобой накинулся Брайнесъ на ребъ Пинхоса, лишь только рабби Герцеле съ провожатыми скрылись за двери.—Развѣ можно было меня, Брайнеса, поставить въ такое положеніе?..

— Что же я могъ сдѣлать?..

— Надо было зажать ему ротъ!.. Выгнать его вонъ!..

Но тутъ рядомъ съ ними очутилась старая Годе.

— Молчите, ребъ Айзикъ... Что вы говорите?.. Не смѣйте произносить такихъ словъ въ нашемъ домѣ... Рехнулись вы, что ли?.. Выгнать рабби!.. Зажать ему ротъ!.. Развѣ можно говорить такія слова?..

— Но такое оскорбленіе!.. Онъ осрамилъ насъ!..

Старуха посмотрѣла на Брайнеса въ упоръ, глаза ихъ встрѣтились.

— Онъ вамъ, всѣмъ намъ, сказалъ правду!—произнесла она рѣшительно и твердо.—И да послужать его святыхъ слова всѣмъ намъ на пользу...

— Устами святаго рабби говорилъ Всевышній!.. слышался восторженный пискъ Натана.

— Молчи!—крикнулъ на него ребъ Пинхось.

Старая Годе любовно посмотрѣла на внука и примирительно произнесла:

— Отецъ не хочетъ, чтобъ ты говорилъ, ну, и молчи... Молчи, внучекъ...

Не успѣла старая Годе произнести послѣднія слова, какъ среди молчавшихъ до сихъ поръ гостей произошло сильное движеніе. Всѣ точно опомнились, пришли въ себя. Со всѣхъ сторонъ раздался шумъ и говоръ. Словно прорвалась плотина, и бушующій, грохотный потокъ, почувствовавъ просторъ, съ шумомъ и трескомъ, не подчиняясь больше удержу, разлился во всю свою мощную ширь.

— Это скандалъ!.. заорали въ одинъ голосъ фрачники, приступая къ ребъ Пинхосу.—Это скандалъ!..

— Что вы «изъ-подъ себя» думаете?.. Что вы «изъ-подъ себя» воображаете?.. старался перекричать всѣхъ одинъ изъ нихъ.—Мы азіаты какіе нибудь?.. Дикари проплаго столѣтія?.. Ошибаетесь!.. Да, ошибаетесь!.. Мы просвѣщенные люди, мы люди девятнадцатаго столѣтія!..

— Мы люди девятнадцатаго столѣтія!.. поддержали крикомъ оратора окружающіе.

— И мы требуемъ удовлетворенія!..

— Требуемъ удовлетворенія!..

— Но, господа, господа!.. пытался заговорить ребъ Пинхось, но ему не дали продолжать.

— Разумѣется, мы господа, а не пархатые, длиннополые жида!.. крикнулъ кто-то.

— Мы не пархатые, длиннополые жида!..

— Вы не господа, а «трефняки» (употребляющіе «трефную», недозволенную пицу)!—крикнулъ старый еврей.

— Га!.. Кто это говоритъ?.. Кто осмѣлился?!

— Я!.. Я это сказалъ и повторяю: вы не господа,—вы скверные еврей!..

Старый еврей выступилъ впередъ и злобымъ, угрожающимъ взглядомъ смѣрилъ фрачниковъ.

— Какъ ты смѣешь?.. накинулись на него со всѣхъ сторонъ.— Ты нищій, ты «шлеперъ» (бѣднякъ)!..

— Да, я нищій!.. Я «шлеперъ»!.. Но я еврей!..

— Онъ еврей!.. Онъ праведный еврей!.. слышалось много голосовъ.

Ребъ Пинхость, старая Годе, Реввека и самъ Брайнесь, взволнованные и растерянные, подходили то къ одному, то къ другому изъ гостей, стараясь успокоить ихъ, но напрасно: страсти разгорались, и никто примирителей не слушалъ. Одинаково пренебрежительно и злобно отнеслись къ ихъ увѣщаніямъ и фразички и ветхозавѣтные гости. Но кто остался чуждъ всему происходившему, это—женихъ. Михайль Брайнесь сначала наблюдалъ за происходившимъ съ скупающимъ видомъ, но когда замѣтилъ, что тутъ дѣло можетъ окончиться дракой, онъ отыскалъ невѣсту, вывелъ ее въ сосѣдную комнату и съ свойственнымъ ему пренебреженіемъ произнесъ:

— Какъ они ввбеленились, наши жидки... Когда начнутъ драться будетъ потѣха... Великолѣпный спектакль выйдетъ... Въ Петербургѣ такого и за деньги не увидишь, а здѣсь даромъ...

— Вы бы помогли ихъ успокоить,—умоляющимъ голосомъ произнесла Эсоирь.

— Зачѣмъ же?.. Пусть подерутся... Пускай выкажутъ храбрость... Говорятъ, жиды трусы, а выходить: вотъ какіе они храбрые, я и не предполагалъ...

— Что вы все—жиды, жиды!... съ раздраженіемъ произнесла Эсоирь.—А мы съ вами кто?

— Мы съ вами?.. Вы спрашиваете, мы съ вами—кто?.. Вы это узнаете, м-де, въ Петербургѣ... Вы это узнаете, когда увидите меня въ приличномъ обществѣ, а не среди жидовъ...

— Развѣ евреи не люди?

— Какіе же они люди? они жиды...

Эсоирь ничего не отвѣтила и отвернулась отъ жениха, который сталъ ей противенъ. Какая разница между нимъ и тѣмъ, котораго она любитъ. Наумовъ — «гой», инновѣрецъ, но онъ не сталъ бы такъ издѣваться надъ евреями, какъ издѣвается этотъ женихъ еврей. «И папа думаетъ, что я могу быть съ нимъ счастлива, потому что онъ богатъ...». До сихъ поръ она относилась къ жениху индифферентно, терпѣла его присутствіе около себя, притворялась довольной его ухаживаніями. Теперь же она его возненавидѣла. Ее, собирающуюся чрезъ нѣсколько часовъ оставить навсегда евреевъ и сказать прости еврейству, оскорбило его высокомерное, наглое отрицаніе человѣческаго достоинства къ племени, къ которому принадлежитъ онъ самъ и къ которому принадлежитъ она, ея отецъ, мать. Конечно, все, чему она только что была свидѣтельницей, безобразно, гадко... Но... инстинктивно она была на сторонѣ стараго рабби Герцеле, дѣйствій котораго хотя не понимала, но въ поступкѣ котораго чувствовала скрытый для нея нравственный смыслъ. «Онъ иначе не можетъ, онъ иначе не долженъ поступать!»... Почему онъ не можетъ? Почему онъ не долженъ? Этого формулировать съ достаточной ясностью она не могла, но что именно такъ онъ долженъ былъ поступать, она была

убѣждена, потому что онъ еврей, настоящій еврей. Ну, а эти, одѣтые во фракахъ? А этотъ женихъ? Они что такое? Это именно жида и есты!.. «И не еврейка, но я и не жидовка, мнѣ не могло быть и нѣтъ мѣста ни среди первыхъ, ни среди вторыхъ»...

— Вы не согласны со мной, m-lle, — перебилъ женихъ ея размышленія.

— Въ чемъ?

— Что жида далеко не люди... Слушайте, слушайте, что тамъ происходитъ... Право, будетъ драка...

Эсфиръ подняла на жениха сверкающіе гнѣвомъ глаза, готовая высказать ему, какъ онъ ей гадокъ и мерзокъ, но во время остановилась: она вспомнила, что не должна подавать и вида о своихъ чувствахъ къ нему, чтобы не возбуждать подозрѣнія въ окружающихъ. «Крѣпись, крѣпись, Эсфиръ, — мысленно успокаивала она себя, — недолго ужъ останется притворяться».

— Пойдемте туда, — произнесла она вслухъ. И, не дожидаясь его отвѣта, пошла впередъ.

Въ залѣ между тѣмъ шумъ, гамъ и крикъ еще болѣе увеличились. Всѣ сбились въ одну безпорядочную кучу съ потными физиономіями и угрожающими жестами. Кто что говорилъ и кричалъ, разобрать нельзя было. Больше всѣхъ нествозествовали фрачники. На ребъ Пинхоса, на Брайнеса-отца, на Годе и m-me Местрегеръ просто жалко было смотрѣть. Они стояли поодаль отъ бушующей кучки съ блѣдными, растерянными лицами, ничего ужъ не предпринимая для ея успокоенія: они совершенно выбились изъ силъ.

— И чѣмъ только все это кончится? — произнесъ Брайнесь-отець, беспомощно разводя руками.

— Это только одному Богу извѣстно, — со вздохомъ отвѣтилъ ребъ Пинхосъ.

— Кончится это очень хорошо, — слышался визгъ Натана, который очутился рядомъ съ Брайнесомъ. — Побьютъ этихъ трѣфняковъ!.. Подомаютъ имъ шеи, чтобы не смѣли впередъ поносить святого рабби...

— Молчи, щенокъ!.. — крикнулъ на него Брайнесь и гнѣвно отстранилъ его отъ себя.

— Молчи!.. Молчи!.. — слышался голосъ старой Годе, которая на этотъ разъ не раздѣляла фанатическаго экстаза любимаго внука. — Молчи, Натанъ, и не подливай масла къ пылающему костру...

— А вѣдь я ихъ усмирю!.. Усмирю тотчасъ же!.. — крикнулъ Брайнесь съ оживленіемъ. — И какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову?.. Ребъ Пинхосъ, гдѣ у васъ доски?.. Гдѣ синагогальныя доски?..

— Доски? Зачѣмъ вамъ доски?.. — растерянно спросилъ Местрегеръ.

— Не спрашивайте, а дайте ихъ мнѣ скорѣй!.. Доски сослужать намъ великую службу... Вотъ увидите...

Ребъ Пинхось бросился искать синагогальныя доски, нашель ихъ и подалъ Брайнесу...

— Скоро всей суматохѣ конецъ будетъ, — увѣренно произнесъ Брайнесъ.

Онъ влѣзъ на столъ и трижды ударилъ досками другъ о друга. Неожиданно раздавшіеся стуки, привывающіе обыкновенно евреевъ къ тишинѣ и порядку во время молитвы въ синагогѣ, — произвели свое дѣйствіе. Толпа вздрогнула, затихла моментально. Всѣ вворы обратились къ Брайнесу, который, гнѣвный, съ высоко поднятой головой, въ величественной позѣ, стоялъ на столѣ, и въ свою очередь оглядывалъ окружающихъ, стараясь гипнотизировать ихъ своимъ взглядомъ.

— «Ша-а-а»!.. — произнесъ онъ торжественно и важно, воспользовавшись наступившей тишиной. — «Ша-а-а»!..

И это синагогальное «Ша-а-а»! (тише), какъ и удары досками, успокаивающе подѣйствовали на гостей.

— Ша-а-а!.. Ша-а-а!.. — повторили за Брайнесомъ много голо- совъ, какъ это обыкновенно происходитъ въ синагогѣ, и водворилась совершеннѣйшая тишина.

Брайнесъ воспользовался благопріятнымъ моментомъ и заговорилъ:

— То, что здѣсь произошло, я буду помнить на всю жизнь!.. Мнѣ, генералу Брайнесу, нанесено кровное оскорбленіе!.. Какъ могли вы забыть, что я, я самъ, присутствую здѣсь, въ домѣ ребъ Пинхоса, и что здѣсь же находится мой сынъ?.. Въ присутствіи насъ обоихъ вы осмѣлились учинить безобразный скандалъ!.. Такъ-то вы уважаете мое высокое положеніе, мой большой чинъ и мои несмѣтныя богатства?.. И чѣмъ заслужилъ я это?.. Развѣ тѣмъ, что постоянно скорблю о моихъ единовѣрцахъ, пекусь о нихъ и трачу ежегодно громадныя суммы для ихъ поддержки?! Развѣ оскудѣваетъ рука моя, когда это бываетъ нужно?.. Развѣ мой петербургскій дворецъ не служитъ убѣжищемъ всякому еврею, ищущему пристанища? — Мало ли среди васъ, — онъ указалъ гнѣвнымъ жестомъ на кучку фрачниковъ, — мало ли среди васъ моихъ стипендіатовъ, которые, только благодаря мнѣ и моимъ деньгамъ, окончили ученіе и вышли на дорогу?.. А вы, — онъ повторилъ гнѣвный жестъ, указывая на ветхозавѣтныхъ евреевъ, — а вы можете отрицать, что я жертвую на синагоги, больницы, «ешиботы» и на всякія общественныя дѣла?.. Вы можете это отрицать?.. И вотъ мнѣ, вашему благодѣтелю, генералу и миллионеру Брайнесу, вы учинили скандалъ!.. И гдѣ же вы его учинили? Въ домѣ его «мехутона» (будущаго родственника)!.. И когда же?.. Когда васъ, какъ гостей, пригласили на семейный праздникъ!..

— Во всемъ виноватъ рабби Герцеле... Зачѣмъ было приглашать этого завѣдомаго фанатика?.. — послышался несмѣлый голосъ изъ кучки фрачниковъ.

— Рабби Герцеле... Вы хотите свалить все на рабби Герцеле!.. Нѣтъ, рабби Герцеле тутъ не причѣмъ... Не онъ меня оскорбилъ... Старикъ не вмѣняемъ... Что и говорить, онъ выкинулъ скверную штуку... Но, во-первыхъ, его годы... А затѣмъ... а затѣмъ... Откуда ему знать приличія?.. И развѣ онъ понимаетъ все мое значеніе?.. Слыхали — для него я не генераль и миллионеръ Брайнесь, а сынъ нищаго Пейсаха... Онъ со мною такъ и разговаривалъ, какъ съ сыномъ «шлепера»!.. Меня это не оскорбило и оскорбить не могло... Но когда вы всѣ настолько забылись, что въ моемъ, генерала Брайнеса, присутствіи позволили себѣ устроить такой большущій скандалъ, чуть ли не драку, — этого я простить не могу!..

Брайнесь сошелъ со стола и гнѣвно закончилъ: — Не могу вамъ этого простить и никогда не прощу!..

Дѣйствіе грозной рѣчи Брайнеса на окружающихъ было ошеломляющее. Когда всѣ опомнились и пришли въ себя, то невольно опустили головы. И фрачники и ветхозавѣтные евреи одинаково сознали, что своимъ поведеніемъ въ лицѣ Брайнеса унизили значеніе самаго капитала. Что могли они сказать въ свое оправданіе? Развѣ они не оплевали миллионера? И развѣ они не заслужили справедливый гнѣвъ Брайнеса?.. Всякій чувствовалъ, что ему необходимо оправдаться, но какъ?..

Но вотъ къ все еще гнѣвному и грозному Брайнесу подошелъ одинъ изъ молодыхъ «даіоновъ» и почтительно-вкрадчивымъ голосомъ произнесъ:

— Ваше превосходительство! Не пристало вамъ гнѣваться... И причины къ тому никакой нѣтъ... Развѣ можетъ надолго ничтожное облако застилать свѣтъ солнца?.. Развѣ можетъ ничтожная мушка наносить рану льву?.. Вы наше солнце! Вы наша гордость! Вы нашъ левъ!.. Въ лучахъ вашего свѣта намъ весело смотрѣть на міръ Божій!.. Не отнимайте же у насъ лучей своихъ, не лишайте же насъ свѣта!.. Ну, увлеклись мы (Израиль всегда увлекался... Въ своихъ увлеченіяхъ онъ даже во времена библіи измѣнялъ Богу: помните исторію съ золотымъ тѣльцомъ!..). Ну, наглупили... Но развѣ солнце можетъ обращать вниманіе на ничтожные тучки?.. Развѣ громадный левъ, царь лѣсовъ, можетъ серьезно сердиться на ничтожную мушку?.. Ваше превосходительство! Солнце наше, нашъ левъ!.. Своими умными словами вы разогнали ничтожные тучки, вы уничтожили надоедливыхъ мушекъ... Посмотрите, какія у всѣхъ грустные, унылыя, виноватыя лица... Освѣтите же ихъ снова своими лучами, забудьте, что здѣсь произошло, простите намъ всѣмъ...

— Какъ ваше имя? — перебилъ Брайнесь «даіона».

— Довидъ... мое имя Довидъ, ваше превосходительство...

— Вы, ребъ Довидъ, очень умный человекъ. Я васъ буду имѣть въ виду. Такіе люди нужны намъ въ Петербургъ...

«Даіонъ» Довидъ пріятно улыбнулся и отвѣсилъ Брайнису низкій поклонъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, — гордо произнесъ Брайнесь, — «даіонъ» Довидъ правъ: мнѣ сердиться не пристало, и я больше не сержусь... И все забыть, забудьте и вы...

Всѣ бросились къ Брайнису съ просіявшими лицами, окружили со всѣхъ сторонъ, подобострастно жали ему руки и осыпали лестью. Слова: «Вы наше солнце!.. Вы нашъ левъ»!.. восторженно раздавались со всѣхъ сторонъ.

— Однакожъ пора приступить къ «тноимъ», — напомнила старая Годе.

— Да, пора, — согласился Брайнесь. — Надо кончить скорѣе обрядъ, а то скоро придутъ гости христіане...

Гостей христіанъ пригласили къ 11 часамъ вечера, прямо на балъ. Евреи же собрались рано, чтобы покончить съ обрядовой стороной помолвки въ отсутствіи христіанъ, безъ стѣсненій.

Почетное мѣсто за столомъ занялъ ребъ Шабсай, который, проводивъ рабби Герцеле, успѣлъ возвратиться назадъ вмѣстѣ съ «шамесомъ». Раввины и «даіонимъ» усѣлись съ обѣихъ его сторонъ. «Шамесь» ударилъ досками и произнесъ: «ша-а-а!».

Водворилась тишина.

— Ребъ Михель, сынъ ребъ Айзика! — громко произнесъ ребъ Шабсай. — Вы сегодня приступаете къ выполнению важнѣйшей обязанности еврея... Собираетесь вступить въ бракъ, чтобы осуществить повелѣніе Господне, которое гласитъ: «плодитесь, умножайтесь и наполняйте землю»... Установившійся среди Израиля обычай отводитъ первое мѣсто исполняющему законъ, а потому приблизьтесь ко мнѣ и сядьте вотъ тутъ...

Когда женихъ подошелъ, ребъ Шабсай съ поклономъ усадилъ его на свое мѣсто, а самъ сѣлъ рядомъ.

— А ты, прекрасная дочь Израиля, добродѣтельная и мудрая Эсоиръ, стань за стуломъ жениха... — И когда и это было исполнено, ребъ Шабсай добавилъ: — «Мехутонимъ» (свойственники), «крейвымъ» (родственники) и гости, займите мѣста, и съ Божьей помощью приступимъ къ священному обряду...

— «Шамесь» читайте «тноимъ» (брачный контрактъ)!..

«Шамесь» взялъ со стола заранѣе приготовленный «тноимъ» и провозгласилъ:

— Внимай, Израиль!.. Се въ рукахъ моихъ «тноимъ», составленный по формѣ, провѣренный мудрыми раввинами и даіонами и засвидѣтельствованный правоспособными евреями... Если кому любопытно, можетъ осмотрѣть актъ со всѣхъ сторонъ... Нѣтъ въ немъ изъяновъ, нѣтъ въ немъ погрѣшностей... Все по формѣ, все какъ слѣдуетъ... Приступаю къ чтенію...

И когда среди наступившей тишины раздалось чтеніе, всѣ съ

затаеннымъ дыханіемъ прислушивались къ нему, стараясь навсегда запечатлѣть въ памяти содержаніе акта. Любопытство вполнѣ понятное. Въ «тноимѣ» подробно перечислялись имущественныя условія предполагаемаго брака, и каждому было интересно знать, насколько раскошелся ребъ Пинхось, и какъ велико личное состояніе жениха. Когда «шамесь» особенно внятно и громко произнесъ, что ребъ Пинхось даетъ въ приданое своей дочери двѣсти тысячъ (по предварительному настоянію Брайнеса было рѣшено скрыть отъ постороннихъ мизерность приданого Эсэири, какъ не соответствующаго состоянію жениха), всѣ ахнули отъ изумленія, но изумленіе это еще болѣе возросло, когда было приступлено къ перечисленію личнаго состоянія жениха. Последнее вызвало даже нѣкоторое волненіе и нарушеніе тишины.

— Съ такими капиталами жить можно!..

— Одни проценты за годъ равняются цѣлому состоянію!..

— Можно быть спокойными за Эстерку!.. На весь вѣкъ ея хватить!..

— Съ такими деньгами можно съ ума сойти!..

— Скорѣе и дуракъ поумнѣетъ!..

— Но какъ же ихъ сосчитать!.. Вѣдь собьешься!.. Непремѣнно собьешься!..

Всѣ эти и тому подобныя возгласы какъ-то разомъ заглушили чтеніе «шамеса». Точно побѣдитель, оглядывая гостей старый Брайнесъ. Онъ прислушивался къ этимъ возгласамъ, въ которыхъ сквозила несомнѣнная зависть, и ему это было приятно.

— Если столько у сына, сколько же у отца?— дошелъ до слуха его возгласъ.

Ему стало радостно на душѣ отъ сознанія своего богатства, и точно музыка раздавалась въ его ушахъ всѣ эти возгласы.

Приятное волненіе вызвало это и у ребъ Пинхоса, но, желая подѣлиться своей радостью съ близкими, онъ старался ловить взгляды то жены, то матери, то дочери, и сердился, что ни въ комъ изъ нихъ не встрѣчаетъ сочувствія. Напротивъ. Если старая Годе осталась безстрастной свидѣтельницей всего предъ нею происходившаго, то Реввека Местрегеръ смотрѣла печально въ своемъ праздничномъ нарядѣ, и губы ея были сложены въ страдальческую улыбку. Что же касается самой невесты, то Эсэири стояла сзади кресла жениха съ опущенной понуро головой, блѣдная и трепещущая.

— Вотъ, дуры, — мысленно обругалъ ребъ Пинхось жену и дочь: — не понимаютъ, какое счастье выпало нашему дому!..

«Шамесь» постучалъ своими досками и, когда гости опять успокоились, докончилъ чтеніе «тноима».

— Правовѣрные и правоспособные евреи, — обратился ребъ Шабсай къ свидѣтелямъ. — Ваши подписи на «тноимѣ» вами собственно-ручно начертаны?..

— Да, это наши подписи... Мы их начертали собственноручно, — отвѣтили хоромъ оба свидѣтели.

— Вы слышали, еврей?.. Свидѣтели подтвердили свои подписи... Прочитанный актъ имѣетъ законную силу, и съ настоящаго момента онъ въ свою силу вступаетъ... Можно и «мекабель киніонъ» (завершить сдѣлку), какъ предписываетъ законъ.

Ребъ Шабсай досталъ изъ кармана шелковый фуляръ и, подавая одинъ конецъ его старому Брайнесу, произнесъ:

— Ваша первая очередь... Завершайте сдѣлку...

Старый Брайнесь правой рукой прикоснулся къ фуляру. Затѣмъ, ребъ Шабсай подаль конецъ фуляра ребъ Пинхосу, обнимъ свидѣтелямъ, жениху и, наконецъ, невѣстѣ. Всѣ они прикоснулись къ нему, и лишь это продѣлала невѣста, какъ раздался страшный стукъ разбитой посуды. Это старая Годе изъ всѣхъ силъ бросила на полъ заранѣе приготовленный старый горшокъ огромныхъ размѣровъ, который разбился на мелкіе куски. Стукъ разбитой посуды послужилъ сигналомъ окончательнаго «завершенія сдѣлки», и обрядъ былъ конченъ.

— «Мазоль-товъ!.. Мазоль-товъ» (добрая доля, счастливая судьба)... раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Мазоль-товъ, хосанъ (женихъ)!.. Мазоль-товъ, кале (невѣста)!.. Мазоль-товъ, мехатонимъ (свойственники).

Старый Брайнесь и ребъ Пинхось, оба сіающіе счастьемъ, принимали поздравленія. Даже женихъ, и тотъ снизошелъ съ высоты своего величія и крѣпкими рукопожатіями отвѣчалъ на поздравленія.

— А вотъ и мои «матонесь такале» (подарки невѣстѣ)!..— произнесъ онъ громко, подавая Эсоири два футляра.—Надѣюсь, моя невѣста не побрезгаетъ моими скромными дарами...

Крикъ восторга вырвался изъ устъ присутствующихъ, когда футляры были раскрыты ребъ Пинхосомъ, послѣшившимъ взять ихъ изъ рукъ дочери, и предъ ихъ глазами засверкали камни громадной цѣнности.

— Царскій подарокъ!..—пронесся восторженный шепотъ.

— Да, царскій!.. Смотрите, настоящій царскій подарокъ!..—ликующе произносилъ ребъ Пинхось, обходя гостей и держа въ рукахъ раскрытые футляры.

— Риввочка, дорогая моя супруга, — обратился ребъ Пинхось къ женѣ, когда гости успѣли вдоволь налюбоваться драгоценностями, — отдай это Эсоири, это ея собственность, и пускай она немедленно надѣнетъ ихъ...

М-ме Местрегеръ молча взяла изъ рукъ мужа футляры, приблизилась къ дочери и молча же надѣла драгоценности на Эсоирь.

Когда камни засверкали на шеѣ и въ ухахъ невѣсты, женихъ невольно залюбовался ею и громко произнесъ:

— Для такой красоты, какъ твоя, ничего не жалко... Ты лучше этихъ драгоценностей...

Услышавъ въ первый разъ «ты» изъ устъ чловѣка, котораго еде знала, и который устремилъ на нее взглядъ собственника, Эсэиръ еще ниже опустила голову, и стыдливый румянецъ покрылъ ея щеки.

— Крѣпись, дочь моя,—шепнула надъ самымъ ея ухомъ м-ше Местрегеръ. — Сдѣлай надъ собой усиліе и выдержи эту пытку... Скоро конецъ твоимъ мученіямъ...

XV.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Съ появленіемъ гостей христіанъ все приняло болѣе приличный видъ. Вѣтхозавѣтные евреи успѣли удалиться. Старый Брайнесь съ ребѣ Пинхосомъ занимали солидныхъ гостей въ кабинетѣ, а въ парадныхъ комнатахъ молодой Брайнесь разыгрывалъ гостепріимнаго хозяина. Съ несвойственнымъ ему оживленіемъ онъ переходилъ отъ одного гостя къ другому, изъ всѣхъ силъ стараясь быть со всѣми любезнымъ. Въ особенности былъ онъ галантенъ съ подругами невѣсты, за которыми ухаживалъ съ изысканною любезностію, и, дирижируя танцами, громко командовалъ, выкрикивая каждое слово, очевидно, желая щегольнуть своимъ французскимъ выговоромъ. Михаилъ Брайнесь былъ такъ оживленъ потому, что ему казалось, что онъ даже влюбленъ въ невѣсту. Эсэиръ ему, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно нравилась. Ему даже нравилось, что она въ его присутствіи мало разговариваетъ и какъ будто теряется и блѣднѣетъ, когда онъ къ ней приближается. Онъ это приписывалъ ея застѣнчивости провинціалки предъ нимъ, петербуржцемъ и милліонеромъ. Иначе онъ и думать не могъ. Нельзя же было даже предполагать, что Эсэиръ не чувствуетъ своего счастья, не глупа же она. Могла ли она сдѣлать болѣе блестящую партію, и развѣ среди еврейскихъ дѣвушекъ всего міра можетъ найтись хоть одна, которая не сознавала бы, что большаго счастья, какъ стать женою Брайнеса, на свѣтѣ не можетъ быть и не будетъ... Такъ думалъ молодой Брайнесь, гордый своими милліонами...

Иначе думалъ о милліонерѣ и объ Эсэирѣ Михель Магидъ. Молчаливый юноша все время слѣдилъ и за нимъ и за ней. Онъ видѣлъ мученія дѣвушки и зналъ настоящія нхъ причины. Ему было за нее больно, и еслибъ это было въ его власти, онъ пришелъ бы ей на помощь. Но что могъ онъ сдѣлать,—онъ, Михель Магидъ, котораго всѣ въ домѣ считали бѣднымъ «бахуромъ», которому благодѣтельницамъ? Развѣ голосъ его въ защиту Эсэири могъ имѣть значеніе? Стоило бы ему только заговорить, и его бы выгнали изъ дома. Это сознаніе своего безсилія причиняло ему страшныя страданія, заставляло его мучиться. И вотъ, теперъ, наблюдая изъ темнаго уголка за Эсэирью, онъ вдругъ затрепеталъ весь. Онъ видѣлъ, какъ къ ней подошелъ этотъ высокій, стройный, съ черными огнен-

ными глазами христіанинъ, какъ бережно, чуть ли не благоговѣнно обнялъ ее за талію, и они пошли вальсировать... Этотъ красавецъ-атлетъ, вальсируя съ ней, въ то же время жадно заглядывалъ ей въ лицо. Эсеиръ довѣрчиво опиралась на него, и на ея личикѣ въ первый разъ за эти дни Михель Магидъ подмѣтилъ оживленіе и увидѣлъ счастливую улыбку... Онъ почувствовалъ зависть къ этому иновѣрцу, ему сдѣлалось очень больно... То, что онъ тайно подозревалъ, перешло теперь въ увѣренность: несомнѣнно, Эсеиръ его любитъ, ея сердце принадлежитъ ему... Онъ прочелъ это на ея лицѣ, въ ея глазахъ, въ ея улыбкѣ. Но почему это его такъ взволновало? Равнѣ для него лично это не все равно? Не будь этого, равнѣ Эсеиръ досталась бы ему. Да и этому красавцу иновѣрцу она не достанется, она обручена съ другимъ, она невѣста Брайнеса. И продолжая слѣдить за танцующими и видя, какъ Эсеиръ счастливо улыбается своему кавалеру, онъ горько усмѣхнулся и подумалъ: «чѣмъ не пара?.. И равнѣ не должна она отдать ему преимущество предъ всѣми прочими?»...

— Славная парочка, — неожиданно для него самого сорвалось съ его устъ.

— Глупости говоришь... Ты говоришь глупости... — раздался съ боку хорошо знакомый ему старческій голосъ.

Онъ обернулся. Рядомъ съ нимъ стояла старая Годе. Губы ея были сжаты больше обыкновеннаго, а на лбу особенно рельефно выступили частыя морщины—признакъ крайняго раздраженія. Она подняла на Михеля Магида свои подслѣповатыя глаза и со злобой произнесла:

— Допрыгается!..

— Кто допрыгается?—спросилъ Михель Магидъ машинально.

— Конечно, не я... Куда мнѣ въ мои годы прыгать?.. Но я еще жива!.. Я не допущу!.. Своими руками задушу!..—И она такъ зловѣще посмотрѣла на своего собесѣдника, что ему стало страшно отъ ея взгляда.—Каркаетъ старуха... По-твоему, каркаетъ, да?.. Запомни мои слова, быть великой бѣдѣ!..

— Зачѣмъ вы такъ говорите?..

— Пойдемъ!.. Не могу тутъ больше оставаться... Пойдемъ!—властно произнесла старуха. — Мнѣ противно смотрѣть на это... Противно мнѣ, да и грѣхъ большой!..

Она пошла впередъ, а Михель Магидъ послѣдовалъ за ней.

Старая Годе привела его въ свою комнату. Молча она опустилась въ старинное кресло съ высокой спинкой. Долгое время хранила она молчаніе, вперивъ въ Михеля Магида строгій взглядъ. Она словно хотѣла гипнотизировать его этимъ взглядомъ. Онъ почувствовалъ внутренній трепеть.

— Зачѣмъ я дожила до этого?..—не то проговорила, не то простонала старуха и опять погрузилась въ молчаніе, опустивъ глаза

и освободивъ Михеля Магида отъ нестерпимаго, насъвозъ пронизывающаго, взгляда подслѣповатыхъ глазъ своихъ.

Прошло нѣсколько минутъ, показавшихся Михелю Магиду вѣчностью. Старая Годе была вся погружена въ свои думы и казалась такою жалкой, такою ничтожной...

Но вотъ старая Годе опять подняла глаза на Михеля Магида и пискливо произнесла:

— Садись.

Онъ сѣлъ.

— Пододвинь стулъ поближе ко мнѣ.

Онъ исполнилъ ея приказъ.

— Скажи, Михель,—произнесла старуха, наклонившись къ нему и опять устремивъ на него глаза въ упоръ.— Скажи, вѣруешь ты въ Бога?..

— Станный вопросъ...

— Было время,—съ несвойственнымъ ей оживленіемъ заговорила старуха,—когда подобный вопросъ, обращенный къ еврею, мнѣ самой казался бы страннымъ, но теперь—другое дѣло, теперь я даже тебѣ, будущему великому раввину, должна задавать этотъ вопросъ. Скажи же мнѣ: вѣруешь ты въ Бога?

— Разумѣется, вѣрую...

— И боишься Его?..

— И боюсь...

— Если же это такъ, и я нѣ тебѣ не ошиблась... Если ты вѣруешь въ Бога и боишься Его, то дай мнѣ клятву, что во всемъ мнѣ поможешь!.. что во всемъ повинешься мнѣ!.. Ну, дай же мнѣ клятву!.. Я жду!..

— Но что вамъ нужно отъ меня?..

— Мнѣ нужно твое полное повиновеніе! Ты долженъ исполнить то, что я тебѣ прикажу!..

Старая Годе поднялась съ кресла, вся выпрямилась и властно продолжала:—Неужели ты посмѣешь отказать мнѣ, я этого требую?! Когда отъ этого зависить спасеніе души еврейки и спасеніе отъ поворота дома, пріютившаго тебя?.. Ты долженъ мнѣ повиноваться!.. Неужели ты осмѣлишься отказать мнѣ?.. Говори же!..

— Я... я сдѣлаю все, что вы прикажете...

Голосъ Михеля Магида дрожалъ. Онъ былъ робокъ и застѣнчивъ, но не трусъ. Старуха съ своимъ требованіемъ застала его врасплохъ и больше всего смутила его своею таинственностью. «Что замышляеть она?»—задалъ онъ себѣ вопросъ. Несомнѣнно, старуха затѣваетъ что-то противъ Эсеири. Но что именно? Спрашивать ее онъ не отважился. Да и бесполезно—старуха скажетъ тогда, когда сочтетъ нужнымъ. Онъ печально опустилъ голову и ждалъ... Но старуха, очевидно, не считала нужнымъ договорить до конца, время еще не настало.

Старая Г'оде, между тѣмъ, продолжала стоять противъ него молча, какъ будто, что-то обдумывая, какъ будто, къ чему-то прислушиваясь.

— За что караешь Ты меня?..—плаксиво-взвгливомъ голосомъ снова заговорила она, опутивъ голову.—Шлешь такія испытанія?! И ли не была Тебѣ вѣрна дѣломъ и помышленіемъ? Не трепетала предъ именемъ Твоимъ, не исполняла долга матери и жены?.. За что же, за что караешь Ты меня?..

Михелю Магиду стало жутко отъ ея голоса, и онъ перебилъ старуху.

— Вы ропщете противъ Бога—это грѣхъ, большой грѣхъ...

— Ты правъ... Нельзя роптать противъ Бога... Спасибо, что напомнилъ... Не буду роптать, а буду молить Его, пресмыкаться предъ Нимъ, дабы отвратилъ Онъ великое несчастье, дабы сжалился надъ нами, недостойными рабами Его!..—Старуха молитвенно сложила руки и продолжала:—Богъ-Адонай, Богъ-Цавоотъ! Богъ, възскаивающій до третьяго и четвертаго колѣна! Богъ кары и мести! Къ Тебѣ, владыка неба и земли, взываю я изъ глубины «моихъ внутренностей» и молю Тебя!.. Приклони ухо Твое къ воплямъ моимъ! Внемли стонамъ души моей!.. Сжался, сжался надо мной!.. Не дай мнѣ сдѣлаться праматерью иновѣрцевъ!.. Не карай меня въ потомствѣ моемъ!.. И если мнѣ назначено было,—за мои ли грѣхи, за грѣхи ли предковъ, — произвести плодъ, Тебя недостойный, то дай мнѣ силу и крѣпость уничтожить этотъ плодъ, сокрушить его собственными руками!..

По мѣрѣ того, какъ старуха произносила свою молитву, внутренній трепетъ охватывалъ Михеля Магида. Онъ прислушивался къ словамъ ея и ужасался. Старуха собиралась уничтожить Эсенрь. Но что случилось? Она только что на его глазахъ помолвлена съ Брайнесомъ. Тутъ, рядомъ, гости веселятся по случаю этого событія; сама старуха дала согласіе на эту помолвку, а теперь она замышляетъ противъ нея что-то страшное. Въ позѣ старухи было что-то зловѣщее, ужасное, и онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что она приведетъ въ исполненіе это ужасное. Чудный образъ молодой дѣвушки предсталъ предъ нимъ, и душа его возмутилась противъ грозной старухи. Нѣтъ, онъ не будетъ ей содѣйствовать; мало того, онъ пойдетъ противъ старухи, онъ спасетъ Эсенрь... Но для этого ему надо знать, что грозитъ ей, и онъ узнаетъ...

Вдругъ дверь съ шумомъ раскрылась, и на порогѣ появился Натанъ. Старуха бросилась на встрѣчу.

— Ну, что?—произнесла она, наступая на внука.

— Она сегодня же оставляетъ нашъ домъ!.. Она сегодня же уходитъ къ нему!..

Мальчикъ говорилъ, задыхаясь, и глаза его злобно сверкали.

— Вѣрно ли?—спросила старуха.

— Самъ, своими ушами слышалъ, какъ они сговорились!.. О,

я не проронилъ ни одного звука!.. Бабушка, бабушка! Она цѣловалась съ нимъ, съ «гоемъ»; она говорила ему, что онъ дороже ей всего свѣта!.. Что его Богъ будетъ ея Богомъ!..

— Она это говорила?

— Это и еще многое другое, что выговорить страшно!..

— Я такъ и знала!.. Я это предчувствовала!.. Самъ Господь умудрилъ меня и открылъ мнѣ ея измѣну... Значить, не совѣмъ еще Онъ отдѣлился отъ меня... Теперь, слушай меня, Михель Магидъ: если завтра въ двѣнадцать часовъ дня мнѣ не дадутъ обвинять ее съ тобой, — я задушу ее вотъ этими руками...

И какъ будто въ подтвержденіе своихъ словъ старуха выставила впередъ свои костлявыя руки.

— Но, бабушка, — перебилъ ее Натанъ, — она хочетъ сегодня уйти...

— Не уйдетъ!.. Не уйдетъ она!.. Мы примемъ мѣры!.. Михель Магидъ!—продолжала она,—завтра ты будешь обвинчанъ съ Эстеркой по закону Авраама, Исаака и Иакова!.. Завтра ты будешь ея мужемъ, и горе тебѣ, если не сумѣешь удержать ее при себѣ... Если, получишь власть надъ ней, по закону, дашь ей уйти къ «гоямъ»!.. Съ завтрашняго дня ты будешь за нее отвѣтствовать предъ Богомъ!.. Принимаешь ли ты на себя эту тяжелую отвѣтственность?.. Будешь ли ты въ состояніи выполнить такое большое дѣло?.. Хватить ли у тебя силъ?..

Михель Магидъ стоялъ передъ старухой весь блѣдный и ничего не отвѣтилъ. Такъ вотъ въ чемъ заключается несчастіе: тайна Эсоири, которую онъ отгадалъ, обнаружена... Надъ нею собирается страшная гроза; счастью ея хотятъ помѣшать и помѣшаютъ. Ему стало безконечно жаль Эсоиръ. Въ данную минуту онъ забылъ и думать о себѣ, и о своемъ чувствѣ къ ней. Онъ зналъ, что ожидаетъ ее! Какимъ мукамъ ее подвергнуть?.. Старуха требуетъ, чтобы онъ на ней женился. Долженъ ли онъ это сдѣлать? Выдержать ли онъ эту пытку?.. Ему представилось, какъ стоитъ онъ подъ балдахиномъ рядомъ съ Эсоирью, надѣваетъ кольцо на средній палецъ ея правой руки и произноситъ брачную формулу: «Се освящаешься мнѣ въ жены по закону Авраама, Исаака и Иакова!... Нѣтъ, нѣтъ, онъ не выдержитъ такой пытки. Онъ не хочетъ насильно вѣять въ жены Эсоиръ... Пусть ее завтра обвинчаютъ съ кѣмъ угодно, только не съ нимъ...

— Что же молчишь ты, Михель Магидъ?—грозио перебила старуха его размышленія.— Или я ошиблась въ тебѣ?.. Ты—не еврей, и спасеніе еврейки тебя не касается?..

— Бабушка!—крикнулъ Натанъ,—онъ колеблется; значитъ, онъ не еврей!.. Онъ «месумедъ» (перекрещенецъ)!.. Онъ «коферъ бен-керъ» (отвергающій существо Южіе)!.. Онъ «махъ-шемейнинъ» (имя котораго должно быть забыто)!.. Не даромъ засталъ я его съ «Ірисъ

ходоша» (Евангелиемъ) въ рукахъ!.. Онъ «гой», проклятый «гой»!.. Вонъ изъ дома нашего, извергъ!..

Натанъ съ сжатыми кулаками подступилъ къ Михелю Магиду, дыша злобой и ненавистью. Глаза ихъ встрѣтились, и они прочли во взорахъ другъ друга непримиримую вражду. Вдругъ Михель Магидъ весь выпрямился. Въ головѣ его блеснула счастливая мысль: онъ сообразилъ, что можетъ спасти Эсеиръ и сдѣлать ее счастливой, и для этого ему надо согласиться на предложеніе старухи. Онъ завтра обвиняется съ Эсеирью, получить надъ нею права и воспользуется этими правами для ея счастья: онъ уступитъ ее христіанину...

— Ты, Натанъ, напрасно наговорилъ мнѣ такъ много жесткихъ словъ,— проивнесъ онъ, отстраняя отъ себя мальчика.— Я еврей!.. Я хочу спасти Эсеиръ и спасу ее!.. Я согласенъ завтра вѣнчаться съ ней...

— И да поможетъ тебѣ Богъ! — проговорила старуха съ облегченнымъ сердцемъ. — А ему, — указала она на внука, — прости... Онъ вѣдь еще дитя...

— Я не сержусь на него... Развѣ можно сердиться на мальчика?— отвѣтилъ Михель Магидъ въ тонъ старухи, чтобы окончательно ее успокоить и усыпить ея подозрительность.

— Спасибо тебѣ... И да вознаградитъ тебя за это Богъ... Завтра,— закончила старуха,— ты исполнишь принятое тобою обяательство, а теперь иди и оставь насъ... Намъ еще сегодня предстоитъ сдѣлать многое и да поможетъ намъ Богъ...

XVI.

За тѣмъ же самымъ столомъ и въ той же самой комнатѣ, гдѣ наканунѣ засѣдали раввины и «даіоны», и гдѣ мы присутствовали при обрученіи Эсеири, опять собрались и засѣдали тѣ же раввины и «даіоны» съ рабби Герцеле во главѣ. Только гостей было мало, всего десять человѣкъ мужчинъ и все старики. Лица у всѣхъ были суровы и строги. Ребъ Пинхось стоялъ съ опущенной головой, весь блѣдный: за нѣсколько часовъ онъ постарѣлъ и измѣнился до неузнаваемости. М-ме Местрегеръ съ заплаканнымъ лицомъ, забившись въ уголокъ, продолжала и теперь при постороннихъ отъ времени-до-времени всхлипывать. У старой Годе лицо было строгое, но спокойное. Въ движеніяхъ ея проглядывала особая торжественность. Она стояла отдѣльно отъ мужчинъ, рядомъ съ Натаномъ, опираясь правой рукой на его лѣвое плечо. Рядомъ съ рабби Герцелемъ сидѣлъ Михель Магидъ. Лицо юноши было опущено и задумчиво. И онъ за послѣдніе нѣсколько часовъ осунулся и измѣнился въ лицѣ.

Торжественная тишина царствовала въ комнатѣ. На порогѣ появился кагальный «шамесъ» съ «хупой» (балдахиномъ).

— Вотъ и «хупе»,— произнесъ одинъ изъ раввиновъ,— можетъ приступить къ вѣнчанію.

Михель Магадъ вдрогнулъ. Сейчасъ онъ очутится рядомъ съ Эсэирью подъ балдахиномъ, и она по закону станетъ его женой. Ему было страшно. Какъ предупредить ее? Какъ успокоить ее немедленно сообщеніемъ, что для ея спасенія онъ согласился на это? Сколько Михель Магадъ ни добивался, старуха не допускала его до внучки, которая находилась взаперти въ своей комнатѣ, ключъ отъ которой находился въ карманѣ старой Годы.

Безъ слезъ не могъ вспомнить Михель Магадъ о происходившемъ въ послѣдніе нѣсколько часовъ. При самыхъ событіяхъ онъ не присутствовалъ, онъ не былъ ихъ свидѣтелемъ. Уходя изъ комнаты старой Годы, онъ не возвратился къ гостямъ, а пошелъ бродить по улицамъ, чтобы на свободѣ обдумать случившееся. Когда уже подъ утро онъ весь измученный пришелъ домой, то засталъ лишь конецъ семейной сцены. Онъ видѣлъ, какъ самъ ребъ Пинхось гнѣбный и негодующій направился къ валявшейся на полу Эсэири, около которой стояла m-me Местрегеръ и громко рыдала, какъ ребъ Пинхось отстранилъ жену, поднялъ дочь и понесъ ее... Старая Года съ Натаномъ пошли за ними. Больше онъ ничего не видѣлъ. Только недавно, въ присутствіи раввиновъ, старуха рассказывала, какъ все произошло. Богъ умудрилъ ее, и она спасла свою внучку отъ гибели. Она знала, что сынъ ея Пинхось, ослѣпленный наживой, дошелъ до того, что хотѣлъ сдѣлать орудіемъ этой наживы дочь свою. Эсэирь должна была просить «гоя» за отца. Ее, старуху, которая предупредила сына, что близость къ «гою» погубитъ его дочь, не хотѣли слушать. Что права она, а не Пинхось, надо было, чтобы доказалъ самъ Богъ, и Онъ это доказалъ при ея посредствѣ. Она прочла измѣну въ глазахъ внучки, когда увидѣла ее танцующей, въ объятіяхъ «гоя», она тутъ же почувствовала, что должно было случиться, и поручила Натану слѣдить за ними. Когда Пинхось думалъ, что дочь его уединилась съ «гоемъ», чтобы устроить ему его дѣла, она воспользовалась этимъ уединеніемъ, чтобы окончательно уговориться съ нимъ о своемъ бѣгствѣ изъ дома. Все это подслушалъ Натанъ и сообщилъ ей. Тогда она рѣшила дать внучкѣ бѣжать и возвратитъ Эсэирь съ дороги, чтобы Пинхось имѣлъ неопровержимыя доказательства ея, Годы, правоты.

— Когда все было совершено, какъ я думала,— продолжала свой рассказъ старуха,— и предъ отцомъ предстала его преступная дочь, мой Пинхось вспомнилъ о Богѣ!.. Онъ понялъ, надъ какой пропастью стоялъ онъ, какъ былъ онъ далекъ отъ Бога!.. И всей душой почувствовалъ онъ приближеніе Его!.. Онъ согласился, наконецъ, со мной, своей матерью, что надо поступать такъ, какъ повелѣ-

ваетъ Онъ, что съ Богомъ шутить нельзя!.. Онъ сталъ достойнымъ сыномъ своего отца и моего мужа,—да сохранится навѣки память о немъ среди Израиля!.. Онъ раскаялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ, повинился предъ Богомъ и отнынѣ всегда и во всемъ будетъ слѣдовать Его законамъ и поступать по указаніямъ Его!..

Старуха ликующе осматрѣла присутствовавшихъ и торжественно закончила:

— Теперь въ нашемъ домѣ все обстоитъ благополучно!.. Въ немъ поселился и живетъ Богъ!..

— Да, въ вашемъ домѣ живетъ Богъ!.. Онъ васъ не оставитъ,—раздался дребезжащій голосъ рабби Герцеля.— Когда вчера я сидѣлъ на этомъ самомъ мѣстѣ, мнѣ казалось, что Онъ отдѣлился отъ васъ, теперь я вижу, что онъ съ вами!.. Пинхось,—продолжалъ онъ,—отчего ты печаленъ сегодня, когда былъ радостенъ вчера? Или тебя смущаетъ преступность твоей дочери? Но вѣдь она еще не согрѣшила и преступленія не совершала!.. По молодости лѣтъ своихъ она поскользнулась, но не упала!.. Богъ не захотѣлъ ея паденія и не только спасъ ее отъ «гоя», но и отъ жениха-еврея, который гораздо хуже «гоя»!.. Въ домѣ твоёмъ мы собрались для веселія: ты выдаешь замужъ дочь, и мы всѣ должны радоваться и веселиться!.. Или тебѣ все еще жаль отказаться отъ прежняго жениха?.. Тебѣ жаль разстаться съ его богатствомъ?..

— Нѣтъ, святой рабби, я ничего не жалью... Мнѣ не нужно больше богатства... Оно не принесло мнѣ счастья...

— Такъ радуйся же, будь весель—ты выдаешь свою единственную дочь за еврея, за праведнаго еврея...

— Я весель, я счастливъ...—улавнившій голосомъ, чуть слышно произнесъ ребъ Пинхось.

Но, несмотря на призывъ стараго раввина къ радости и веселью, въ комнатѣ воцарилась торжественная и тягостная для всѣхъ тишина, которая продолжалась очень долго, пока «памесь» не принесъ «хупе», и одинъ изъ раввиновъ напомнилъ, что можно пришить къ вѣнчанію.

— Святой законъ нашъ,—раздался голосъ рабби Герцеля,—установилъ для брака тройкую форму: «бексевъ, убишгаръ и убибіе» (куплей, записью и фактическимъ завладѣніемъ). Мы совершимъ предстоящій бракъ «бексевъ» (куплей). Вотъ тебѣ монета изъ чистаго серебра,—обратился онъ къ Михелю Магиду,—и на эти деньги ты купишь себѣ жену и освятишь ее себѣ по закону Авраама, Исаака и Іакова!.. Въ виду особыхъ обстоятельствъ,—продолжалъ онъ,—мы исполнимъ только необходимую сущность обряда!.. Евреи! поставьте «хупе»..

И когда приказаніе его было исполнено, онъ добавилъ:

— Теперь идите къ невѣстѣ, закройте ей лицо и голову, какъ повелѣваетъ законъ, и приведите ее сюда.

— Сейчасъ, рабби, я приведу ее, — проговорила старая Годе. Она вынула изъ кармана ключъ и вышла.

Но когда она очутилась въ комнатѣ, гдѣ была заточена Эсеиръ, глазамъ старухи представилось ужасное зрѣлище. Молодая дѣвушка висѣла на крюкѣ по срединѣ комнаты, личико ея уже успѣло посинѣть, а солнечные лучи, пробиваясь чрезъ окно, какъ будто нарочно, чтобы поддразнить старуху, весело играя, любовно освѣтили маленькую фигурку несчастной дѣвушки-самоубійцы...

Старуха въ ужасѣ отступила... Что почувствовала она при видѣ жертвы своего фанатизма?..

— Это я!.. Это я тебя убила!.. чуть слышно прошептала она поблѣвшими губами и, сколько она ни старалась, не была въ состояніи отвести глаза отъ своей жертвы. Потухающій взоръ ея не могъ оторваться отъ посинѣвшаго личика: страхъ, недоумѣніе и ужасъ одновременно овладѣли ею...

— Но, нѣтъ же!.. вдругъ крикнула она.—Причемъ же тутъ я?.. Тебя убилъ самъ грозный Богъ нашъ, нечестивая!..

Она нашла, наконецъ, въ себѣ силы отвернуться отъ своей жертвы и оставить ее.

— Гдѣ же невѣста? — спросилъ рабби Герцеле, когда старая Годе вся согбенная предстала предъ нимъ.

Старуха вся выпрямилась, подняла вверхъ обѣ руки, воздѣла очи къ потолку и твердымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово, торжественно и громко произнесла:

— Богъ-Адоная дагъ, Богъ-Адоная взягъ, будь благословенно имя Бога-Адоная!..

— Умерла?!.. — не своимъ голосомъ крикнулъ ребъ Пинхось.

— Да, умерла!.. Богъ взягъ ее къ себѣ!..

— Дочь моя!.. Дочь моя!.. Это вы ее убили!.. — раздался раздирающій крикъ м-ше Местрегеръ, и она бросилась на свекровь съ сжатыми кулаками.

Старуха отстранила отъ себя невѣстку.

— Прочь отъ меня, преступная жена и мать!.. Ты содѣйствовала грѣху и не тебѣ обвинять меня въ убійствѣ твоей дочери!.. Ее убилъ самъ Богъ!.. Онъ, карающій и грозный, въ милосердіи Своемъ, призвалъ ее къ себѣ чистою и незапятнанною «гоемъ»!.. Будемъ хвалить Его!.. Будемъ превозносить Его за эту милость къ дому нашему во вѣки вѣковъ. Аминь!..

— Аминь! — подхватили раввины и даіоны.

— Аминь! — громче всѣхъ произнесъ Натанъ.

С. Литвинъ.

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА НЕЛИДОВА (1758—1839).

(Историческая характеристика)¹⁾.

(Посвящается дорогой моей крестной).

Х.

Главные дѣятели Павловскаго царствованія.—Вліяніе Маріи Осодоровны и Нелидовой на дѣла внѣшней политики и внутренняго управленія.—Образованіе партій, враждобной императрицъ и Нелидовой.—Возбродко, Кутайсовъ и Ростопчинъ.—Рожденіе великаго князя Михаила Павловича.—Увольненіе Ростопчина.—Отъѣздъ императора Павла въ Москву.

Ы ДОЛЖНЫ были подробно остановиться на выясненіи военнаго режима императора Павла, чтобы указать точнѣе характеръ роли Нелидовой въ той области его дѣятельности, которая несомнѣнно имѣетъ въ общемъ рѣшающее значеніе для оцѣнки его царствованія. Увлеченіе императора мелочами военнаго дѣла было для него тѣмъ пагубнѣе, что мѣшало ему болѣе внимательно относиться къ дѣламъ внѣшней политики и внутренняго управленія: внѣшняя политика сдѣлалась для него политикой сердца, а дѣла внутренняго управленія, требовавшія при выполненіи задуманныхъ Павломъ реформъ постоянной систематической работы, часто находились въ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXX, стр. 461.

зависимости отъ личности докладчиковъ, умѣвшихъ иногда, хотя не всегда безнаказанно, направлять сообразно личнымъ выгодамъ волю государя, стремившагося къ справедливости и общей пользѣ, а между тѣмъ часто, хотя безсознательно, слѣдовавшаго чужимъ, своекорыстнымъ внушеніямъ. Главными дѣателями являлись князь Александръ Куракинъ, вице-канцлеръ, — по дѣламъ внѣшнимъ, и князь Алексѣй Куракинъ, генераль-прокуроръ, — по дѣламъ внутреннимъ; оба были поддерживаемы и императрицей, и Нелидовой, и оба ничѣмъ не заслуживали этого покровительства. Князь Безбородко, осыпанный милостями императора, тѣмъ не менѣе оставался въ тѣни этихъ двухъ братскихъ свѣтилъ и естественно былъ крайне недоволенъ своимъ положеніемъ; хотя съ нимъ продолжали совѣтоваться по всѣмъ важнымъ вопросамъ, но въ сущности онъ игралъ лишь роль живой справочной политической энциклопедіи, опытомъ и знаніемъ которой часто пользовались для достиженія цѣлей, вовсе ему несимпатичныхъ. Другъ его, Рожерсонъ, писалъ Воронцову 1-го августа: «Князь Безбородко почти закончилъ свое лѣченіе и, слѣдовательно, принужденъ будетъ проводить больше времени въ Павловскѣ. Онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы ограничиться своимъ департаментомъ (коллегіею иностранныхъ дѣлъ), и даже говоритъ довольно открыто о своемъ непреложномъ намѣреніи выйти чрезъ годъ въ отставку. Онъ не успѣетъ въ этомъ. Между тѣмъ, дѣла внутренняго управленія почти цѣлкомъ находятся въ рукахъ генераль-прокурора, который, въ то время, какъ нашъ государь почти исключительно сосредоточилъ свое вниманіе на военныхъ порядкахъ, имѣетъ значеніе какъ бы совѣтника... Вице-канцлеръ болѣе ничтоженъ, чѣмъ когда либо, но человекъ онъ добрый, совсѣмъ другой, чѣмъ братъ его, который имѣетъ несчастіе быть ненавидимымъ всѣми»¹⁾). Безбородко былъ въ особенности недоволенъ направлениемъ, которое подъ давленіемъ французскихъ эмигрантовъ принимала внѣшняя политика императора, постепенно измѣнявшаго своей политикѣ невмѣшательства въ дѣла Европы и готовившагося уже обнажить свой мечъ противъ революціонной Франціи. Въ этомъ случаѣ рыцарскія, легитимныя чувства государя вполне совпадали съ нравственно-сентиментальными чувствами императрицы и Нелидовой, искренно сожалѣвшихъ объ участи жертвъ революціи и ласково принимавшихъ эмигрантовъ. Еще въ Москвѣ, во время коронаціи, повелѣно было, 14-го апрѣля, тремъ дивизіямъ готовиться къ походу, чтобы оказать помощь Австріи, которая однако не дождалась ея и поспѣшила заключить миръ съ Франціей, а вслѣдъ затѣмъ началось, уже явное со стороны Россіи покровительство Бурбонамъ и разнымъ французскимъ выходцамъ, выдававшимъ себя за приверженцевъ монархіи. Изъ эмигрантовъ особеннымъ вниманіемъ императрицы и Нелидо-

¹⁾ Арх. кн. Воронцова, XXX, 104—106.

довой пользовались графъ Шуазель-Гуфье и княгиня Тарантъ, бывшая статсъ-дамой несчастной Маріи-Антуанеты и начавшая заниматься въ Россіи пропагандой католицизма¹⁾. Панскій нунцій Литта и братъ его, графъ Литта, убѣдившій Павла принять подъ свое покровительство Мальтійскій орденъ, также пользовались поддержкой Нелидовой чрезъ г-жу Гейкингъ, дочь Делафонъ, вполнѣ преданной нунцію²⁾. Последнее обстоятельство было особенно важно въ томъ отношеніи, что открыло дверь ко вліянію при дворѣ іезуитовъ. «Эти эмигранты, — писалъ Рожерсонъ, — похожи на чуму: повсюду, гдѣ только они являютъся, они грызутъ руку, которая ихъ кормитъ»³⁾. Масса эмигрантовъ принята была въ русскую военную службу, въ томъ числѣ весь эмигрантскій корпусъ принца Конде; многимъ пожалованы были имѣнія и назначены пенсіи; наконецъ, самъ претендентъ на французскую корону, будущій Людовикъ XVIII, приглашенъ былъ прибыть въ Россію и въ 1798 году поселился въ Митавѣ. Усиленіе въ Россіи католицизма, съ іезуитами во главѣ, преслѣдованіе чуждыхъ для Россіи интересовъ Мальтійскаго ордена и бурбонской династіи, разрывъ съ Франціей — вотъ что было послѣдствіемъ вліянія эмигрантовъ. Все это производило въ обществѣ тяжелое впечатлѣніе⁴⁾. Безбородко былъ противъ допущенія эмигрантовъ въ Россію и особенно противъ принятія на службу корпуса Конде и въ концѣ концовъ едва добился того, что корпусу Конде назначена была стоянка въ юго-западной Россіи, а не въ Петербургѣ или около него⁵⁾. Новая неудача, постигшая старый проектъ брака великой княжны Александры Павловны съ шведскимъ королемъ Густавомъ IV, также не свидѣтельствовала объ успѣхѣ русской политики и повела только къ разладу въ средѣ императорскаго семейства. Такъ какъ Густавъ вслѣдъ затѣмъ женился на баденской принцессѣ, сестрѣ великой княгини Елизаветы Алексѣевны, то это подало поводъ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ горько упрекать великую княгиню въ интригѣ. Любопытно, что молчаливой свидѣтельницей этой сцены была одна лишь Нелидова, которая была также довѣренной посредницей Маріи Феодоровны съ шведскимъ посланникомъ Клингспоромъ. Ожидали даже разрыва съ Швеціей. «Шведская свадьба, — писалъ Безбородко, — здѣсь неприятна. Императоръ, казалось бы, взиралъ на нее равнодушно, но съ другой стороны его поджигаютъ.

¹⁾ Chounigorsky: «Lettres» etc., 22. Др. и Нов. Росс., 1876, III, 396—397; Русскій Арх., 1886, I, 168; Арх. кн. Воронцова, VIII, 182—183.

²⁾ Морозкинъ. Іезуиты въ Россіи, I, 202, примѣчаніе.

³⁾ Арх. кн. Воронцова, XXX, 106. Объ эмигрантахъ и дурномъ впечатлѣніи, произведенномъ ими въ Россіи, сохранилась масса современныхъ свидѣтельствъ. Въ особенности важны показанія Ростопчина (Арх. кн. Воронцова, VIII), Протоцова (XV), Николаи (XXII) и Рожерсона (XXX).

⁴⁾ Арх. кн. Воронцова, XXX, 100.

⁵⁾ Арх. кн. Воронцова, XV, 96.

Мнѣ нѣсколько разъ императрица давала чувствовать, что я будто бы съ лишней флегмой смотрю на сіе событіе. Вчера прислали меня спросить, какимъ образомъ дѣлается запрещеніе на вывозъ хлѣба въ Швецію... По адмиралтейству, сказываютъ, секретно велѣно приготовить гребной флотъ... Выйдутъ одиѣ демонстраціи не къ времени и не у мѣста¹⁾. Завязавшіеся переговоры съ Австріею отвлекли затѣмъ вниманіе императрицы отъ дѣлъ шведскихъ, но съ того времени охлажденіе между нею и Елизаветой Алексѣевной было весьма замѣтно.

Вліяніе Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой на дѣла внутреннія также возбуждало опасенія. «Жаль,—писалъ врагъ ихъ Ростопчинъ дѣтотомъ 1797 года,—что на императора дѣйствуютъ внушенія императрицы, которая вмѣшиваясь во всѣ дѣла, окружаетъ себя нѣмцами и позволяетъ обманывать себя нищимъ (т. е. эмигрантамъ). Чтобы быть увѣреннѣе въ своемъ значеніи, она соединилась съ м-ше Нелидовой, которую она ранѣе съ полнымъ основаніемъ презирала и которая однако сдѣлалась ея интимнымъ другомъ, съ 6-го ноября прошлаго года²⁾. Мы, три или четыре чело-вѣка, — отверженные люди для этихъ дамъ, потому что мы служимъ только одному императору, а этого не любятъ и не хотятъ. Онѣ желали бы удалить князя Безбородко и замѣстить его княземъ Александромъ Куракинымъ, глупцомъ и пьяницей, поставить во главѣ военныхъ дѣлъ князя Репнина и управлять всѣмъ посредствомъ своихъ креатуръ. Это—планъ князя Алексѣя Куракина, величайшаго бездѣльника, который грабитъ и запутываетъ все и безстыдно выпрашиваетъ себѣ милостыни»³⁾. Алексѣй Куракинъ дѣйствительно возбуждалъ противъ себя всеобщее негодованіе своимъ корыстолюбіемъ и стремленіемъ къ достиженію личныхъ цѣлей; неудовольствіе многихъ вліяніемъ на Павла Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой объясняется исключительно дѣйствіями Куракина. Павелъ Петровичъ не любилъ инициативы своихъ докладчиковъ по дѣламъ внутренняго управленія, допуская выраженіе ихъ мнѣній лишь по текущимъ дѣламъ⁴⁾; между тѣмъ Алексѣю Куракину и въ этомъ отношеніи предоставлено было широкое поле для дѣйствій. Что касается князя Александра Куракина, то вотъ какъ отзывался о немъ близко знавшій его по дѣламъ Гейкингъ, преданность котораго къ Нелидовой не подлежитъ сомнѣнію. «Онъ страдалъ,—гово-

¹⁾ Тамъ же, XIII, 383.—О сношеніяхъ Нелидовой съ Клингсноромъ см. «Вѣсти Европы», 1897, май, 152, 155.

²⁾ Гейкингъ свидѣтельствуетъ, что Ростопчинъ былъ личнымъ врагомъ Нелидовой, хотя не объясняетъ повода этой вражды. Peuking, 135. — Чтобы достойно оцѣнить пристрастность отзыва Ростопчина, вспомнимъ отзывъ его о Маріи Ѳеодоровнѣ за два года передъ симъ.

³⁾ Арх. кн. Ворошцова, VIII, 182—183.

⁴⁾ Тамъ же, XIII, 386.

ригъ онъ, — положительнымъ отсутствіемъ способностей и трудолюбія. Человѣкъ тщеславный, занятый своимъ туалетомъ и своими брильянтами, онъ интересовался лишь женщинами, музыкой да дурачествами. Будучи холоднымъ эгоистомъ, онъ никому не приносилъ ни вреда, ни пользы. Впрочемъ, онъ хорошо объяснялся по-русски, по-нѣмецки и по-французски, обладалъ представительною наружностью и хорошими манерами, но лицо его не имѣло никакого выраженія и смѣхъ былъ дурацкій»¹⁾. Императоръ былъ недоволенъ имъ еще лѣтомъ 1797 года: Куракинъ думалъ тогда о своей отставкѣ, но заступничество Нелидовой помогло ему еще удержаться за собою свое мѣсто²⁾.

Мы знаемъ уже, что главными и ближайшими къ Павлу Петровичу лицами, враждебными Маріи Ѳеодоровнѣ и Нелидовой, были Кутайсовъ и Ростопчинъ. Но оба они были новичками въ дѣлахъ государственныхъ; для двора и общества это были еще рагченус, выскочки, въ особенности первый изъ нихъ, Кутайсовъ. Ничтожные пока сами по себѣ, и Кутайсовъ, и Ростопчинъ, почувствовали подъ собою твердую почву, когда во враждебномъ императрицѣ смыслъ сталъ проявлять свою «инфлюенцію» такой авторитетный и испытанный государственный умъ, какъ Безбородко. Подробности сношеній его съ Кутайсовымъ остаются пока неизвѣстными. Тѣмъ важнѣе для насъ свидѣтельство Гельбига о перемѣнѣ отношеній Безбородка къ Маріи Ѳеодоровнѣ и Нелидовой и о сближеніи его съ Кутайсовымъ. «Хитрый Безбородко, — говоритъ онъ, — сумѣвшій скоро раскусить избранника, снизошелъ съ своей высоты и присоединился къ Кутайсову, чтобы при помощи его подняться еще выше. Союзъ этихъ двухъ лицъ породилъ неограниченную власть, которую она и практиковали. Безбородко руководилъ Кутайсовымъ, а Кутайсовъ направлялъ императора по волѣ своего друга. Дѣвицу Нелидову необходимо было удалить. Благодаря своимъ достоинствамъ, она стала подругой императрицы. Въ императорской семьѣ не было согласія, чего они и не желали, такъ какъ оно могло быть опасно ихъ вліянію. Поэтому-то имъ было необходимо разрушить дружбу, гровившую имъ опасностью»³⁾. «Кутайсовъ, — говоритъ Гельбигъ въ другомъ мѣстѣ, — убѣжденный, что имъ руководить мужъ болѣе умный, чѣмъ онъ, говорилъ и дѣлалъ лишь то, что предлагалъ ему Безбородко»⁴⁾. Легко было раздражать Павла, указывая ему на ошибки и противозаконныя дѣйствія сановниковъ — ставленниковъ императрицы и ея подруги: въ рукописныхъ и печатныхъ свидѣтельствахъ сохранились, напримѣръ, анекдотическія, хотя

¹⁾ Поукинг, 145—146.

²⁾ Correspondance etc., 308—316.

³⁾ Русск. Старина, 1887, IV, 448.

⁴⁾ Тамъ же, II, 41.

весьма правдоподобныя, свѣдѣнія о рѣзкихъ формахъ, въ которыхъ выражался гнѣвъ Павла на Алексѣя Куракина: однажды онъ собственноручно наказалъ его палкой и часто бранилъ его самымъ безцеремоннымъ образомъ ¹⁾. Но разорвать дружбу Павла съ Нелидовой возможно было лишь не иначе, какъ удаливъ его отъ императрицы и обративъ его вниманіе на другую женщину, которая могла бы, вмѣсто Нелидовой, служить предметомъ его рыцарскаго поклоненія.

Обстоятельства благопріятствовали интригѣ. Кутайсовъ, достигая высокихъ чиновъ, продолжилъ ежедневно брить государя и попрежнему находился при его особѣ, пользуясь своимъ значеніемъ, чтобы интриговать противъ всѣхъ лицъ, казавшихся ему опасными для его вліянія. Въ случаяхъ, когда обнаруживалась невинность оклеветаннаго, возмущенный Павелъ собственноручно наказывалъ его палкой, снявъ предварительно съ него ленту; однажды Павелъ Петропичъ до того разсердился на Кутайсова, что прогналъ его, не велѣлъ ему показываться на глаза, и предъ его квартирой постоянно стояла кибитка, запряженная почтовыми лошадьми, которыя перемѣнялись каждые два часа, какъ бы въ ожиданіи, куда вести любимца. Привычка къ Кутайсову брала, однако, у отходчиваго Павла верхъ надъ гнѣвомъ, и государь, самъ того не замѣчая, часто слѣдовалъ его внушеніямъ, вполне полагаясь на его преданность и за нее многое ему извиняя. «Еще въ началѣ царствованія Павла,—пишетъ Чарторыжскій въ своихъ мемуарахъ,—я видѣлъ Кутайсова въ экзерциргаузѣ, гдѣ производились смотры войскъ, подносящимъ государю бульонъ. Какъ камердинеръ, онъ былъ въ утренней ливрѣ, и въ этомъ костюмѣ, какъ мнѣ казалось, онъ имѣлъ большое сходство съ Фигаро. Но уже тогда онъ былъ предметомъ предупредительныхъ привѣтствій и рукопожатій большинства генераловъ и лицъ, присутствовавшихъ на смотрахъ и окружавшихъ его толпою. Вокорѣ, благодаря значенію своему при государѣ, онъ сдѣлался вельможей и всемогущимъ фаворитомъ» ²⁾. Къ нему для достиженія общихъ цѣлей примкнулъ также постоянно находившійся при государѣ, въ качествѣ его генераль-адъютанта, Ростопчинъ. «Въ теченіе двухъ лѣтъ,—объяснялъ онъ впоследствии свое поведеніе,—я почиталъ Кутайсова человѣкомъ честнымъ и привязаннымъ къ государю, какъ и я, чувствомъ благодарности. Съ нимъ можно было говорить о его неровностяхъ, перемѣнчивости, причудахъ... Мы искренно любили государя: я по чувству чести, онъ же постоянно оставаясь слугою» ³⁾.

Подъ вліяніемъ этихъ лицъ отношенія императора къ его су-

¹⁾ См., напр., Русск. Стар., 1896 г., II, 49 (Записки А. М. Тургенева).

²⁾ Czartoryski, Memoires, I, 176.

³⁾ Арх. кн. Воронцова, VIII, 296. Ср. Русск. Арх., 1887, I, 169.

другъ начало ухудшаться еще въ концѣ 1797 года, когда Марія Ѳеодоровна ожидала уже скорого разрѣшенія своего отъ бремени. «Дорогой государь,—писала въ это время Павлу Нелидова,—подумайте, что страданія, которыя императрица испытываетъ уже четыре недѣли, истощаютъ ея силы. Ея нездоровье приближается къ концу. Вы ее любите: подумайте, чѣмъ можно ее поддержать; она же сдѣлаетъ все, что можетъ. Она, быть можетъ, не желала бы, чтобы я безпокоила васъ, но развѣ я не могу разсчитывать на вашу человечность? Я не прошу у васъ отвѣта». — «Я вспоминаю,—писала она вслѣдъ затѣмъ,—что когда вы вчера вечеромъ оставили меня, у меня сердце сжалось, что вы холодно относились къ императрицѣ, тогда какъ причиной вашего гнѣва была одна лишь я, а на ней вы только сорвали свое раздраженіе. Увѣдомьте меня однимъ только словомъ, что вы отъ всего сердца поцѣловали свою добрую жену, и тогда я успокоюсь и скажу вамъ сегодня же послѣ обѣда, что вы достойны чувствъ, которыя она питаетъ къ вамъ».

Между тѣмъ вниманіе императрицы Маріи въ началѣ 1798 года поглощено было семейными горестями и заботами. Въ концѣ 1798 года, скончался ея отецъ, владѣтельный герцогъ виртембергскій; едва оправившись отъ этого удара, императрица 28-го января разрѣшилась отъ бремени сыномъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Роды императрицы, по словамъ современниковъ, были очень трудные, хотя специально для этого случая приглашенъ былъ заранѣе берлинскій профессоръ-акушеръ Мекель ¹⁾.

Вслѣдъ затѣмъ генераль-адъютантъ Ростовчинъ 4-го марта уволенъ былъ отъ службы. По словамъ Чарторыжскаго, Ростовчина считали при дворѣ душою партіи, враждебной Маріи Ѳеодоровнѣ ²⁾, такъ какъ онъ былъ болтливъ и выдѣлялся своими рѣзкими и недержанными отзывами, а Кутайсова, «Ивана», очевидно, слишкомъ уже презирали. «Я былъ прямъ и честенъ,—писалъ потомъ Ростовчинъ,—за это я подвергся преслѣдованіямъ; думалъ вслухъ, за это меня прогнали» ³⁾.

Павелъ Петровичъ, обрадованный рожденіемъ четвертаго сына, продолжалъ въ это время относиться къ своей супругѣ внимательно, окружая ее своими заботами и попеченіями. Въ мартѣ мѣсяцѣ Марія Ѳеодоровна со дня на день ожидала пріѣзда въ Петербургъ горячо любимой ею матери своей, вдовствующей герцогини Виртембергской, Софіи-Доротей; для постоянного жительства герцогини въ Павловскѣ спѣшно строился деревянный дворецъ, нынѣ Константиновскій, а въ то время именовавшійся «дворцомъ вдовствующей герцогини Виртембергъ-Штутгартской» ⁴⁾. Въ самомъ

¹⁾ «Русская Старина», 1873 года, VIII, 363, переписка Паянна съ Куракинныиъ.

²⁾ Czartoryski, Memoires, I, 176.

³⁾ Архивъ князя Воронцова, XXIV, 274.

⁴⁾ «Павловскъ», 100—101.

разгарѣ приготовленій къ приему матери, Марія Феодоровна получила внезапную вѣсть о ея смерти, послѣдовавшей 9-го марта 1798 года. Императрица была въ отчаяніи, и Павелъ Петровичъ снова оказывалъ ей самое нѣжное вниманіе и заботливость. Но, по горькой проиіи судьбы, этотъ ударъ, постигшій Марію Феодоровну, оказался роковымъ для нея: недовольные императрицей и, какъ говорятъ, подкупленные противной ей партіей медики объявили, что состояніе здоровья императрицы не позволяетъ ей участвовать въ предположенной еще зимою поѣздкѣ императорской семьи по восточной Россіи, и предписали ей тихій и спокойный образъ жизни въ любимомъ ею Павловскѣ¹⁾; въ этомъ случаѣ, медики, какъ это часто бывало въ XVIII в., сыграли одну изъ главныхъ ролей въ интригѣ, оставаясь однако въ тѣни со своими диагнозами и медикаментами. 5-го мая 1798 года, Павелъ Петровичъ, съ великими князьями: Александромъ и Константиномъ Павловичами, выѣхалъ въ Москву и Казань, сопровождаемый военной и придворной свитой своей и алымъ своимъ гениемъ... Кутайсовымъ. Еще наканунѣ выѣхалъ въ Москву Безбородко. Впечатлительный, увлекающійся государь оказался совершенно и надолго подъ влияніемъ людей, стремившихся уже давно, исподоволь, къ униженію Маріи Феодоровны и Нелидовой и собственному возвышенію. Слѣдуетъ еще замѣтить, что Ростопчинъ, уволенный отъ службы 4-го марта, оставался еще въ Петербургѣ довольно долго подъ разными предлогами и, разумеется, не потерялъ даромъ времени²⁾. «Ростопчинъ, — говоритъ Чарторыжскій, — не былъ способенъ прощать обиды; онъ хотѣлъ отомстить тѣмъ, кто былъ причиной его паденія, и сблизился съ Кутайсовымъ. Нужно было отвлечь Павла отъ Нелидовой и поссорить его съ его женой³⁾. Планъ дѣйствій былъ составленъ искусно: Кутайсовъ уѣхалъ исполнять его въ Москву, а Ростопчинъ остался выжидать результатовъ попрежнему въ Петербургѣ.

XI.

Прибытіе Павла Петровича въ Москву. — Интриги Кутайсова. — Анна Петровна Лопухина. — Разсказъ Гейкинга и Тургенева. — Возвращеніе Павла въ Петербургъ. — Отношеніе его къ императрицѣ и Нелидовой. — Усиленіе подозрительности въ императорѣ. — Тяжелое положеніе императрицы и невниманіе къ ней Павла Петровича.

Павла Петровича встрѣтили въ Москвѣ тепло, даже съ любовью. Чарторыжскій, вообще неблагоклонно отзывавшійся о Павлѣ, пишетъ въ своихъ мемуарахъ, что общественное настроеніе было въ

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, XV, 102—103; XXII, 67.

²⁾ Ростопчинъ уѣхалъ изъ Петербурга только 29 іюня (Архивъ князя Воронцова, XXIV, 268), а не былъ высланъ изъ Москву послѣ отставки, какъ увѣряетъ Чарторыжскій (томъ I, 176).

³⁾ Czartoryski, I, 176—177.

это время спокойное. «Порядокъ вещей, — говоритъ онъ, — казался установленнымъ на долгое время. Причуды императора уменьшились, благодаря соединенному вліянію императрицы и ея подруги. Общество мало-по-малу привыкало къ странностямъ и неровностямъ поведенія Павла ¹⁾. Притомъ въ Москвѣ и въ провинціи всѣ мелочныя и строгія до жестокости распоряженія государя, касавшіяся быта жителей, далеко не были такъ чувствительны, какъ въ Петербургѣ; напротивъ, простой народъ, крестьяне и раскольники, преимущественно Павлу обязаны были облегченіемъ своей участи, и всѣ сословія испытывали ослабленіе злоупотребленій администраціи, достигшихъ своего апогея въ концѣ царствованія Екатерины; отъ Павловскаго времени, напримѣръ, до сихъ поръ сохранилась поговорка: «положеніе хуже губернаторскаго», такъ какъ губернаторъ фактически являлся отвѣтственнымъ за благосостояніе губерніи, ему ввѣренной, и за ущербы, наносимые чиновниками казнѣ или частнымъ лицамъ, долженъ былъ часто платиться даже собственнымъ карманомъ. «Съ начала вступленія Павла Петровича на тронъ, — говоритъ А. М. Тургеневъ, ярый его порицатель, — въ кабакахъ не подталкивали, въ лавкахъ не обвѣшивали, а въ судахъ не брали вятокъ. Всѣ боялись кнута: школы правовѣднія тогда не существовало» ²⁾. Неудивительно, поэтому, что самъ Павелъ въ теченіе шести дней, проведенныхъ имъ въ Москвѣ, присутствуя на балахъ, смотряхъ, посѣщая различныя учрежденія, былъ очень веселъ и убѣдился въ народной къ нему любви; раскольники подъ Москвой, при одной вѣсти о случайной прогулкѣ Павла, выбѣжали ему на встрѣчу 20-ти-тысячной толпой, окруживъ его въ открытомъ полѣ и выражая ему преданность. Замѣтили, что именно во время пребыванія своего въ Москвѣ Павелъ всего болѣе обнаружилъ природную свою любезность и склонность къ великодушнымъ порывамъ... Кто могъ думать тогда, что въ эти минуты совершается пагубный переломъ въ исторіи его царствованія?

Любопытенъ разсказъ объ этомъ переломѣ, лица, близко стоявшаго къ Нелидовой и ко двору Павла, — Гейкинга, знавшаго всѣ подробности событій отъ самой Нелидовой и смотрѣвшаго на придворныя перемѣны преимущественно съ ея точки зрѣнія.

«Орудіемъ, которымъ агитаторы всегда пользуются столь же ловко, какъ и успѣшно, — всегда служили дураки. Для привлеченія ихъ на свою сторону агитаторы начинаютъ съ того, что сверхъ мѣры превозносятъ ихъ честность; дураки хотя внутренно и удивляются этимъ незаслуженнымъ похваламъ, но такъ какъ онѣ

¹⁾ Czartoryski, I, 167.

²⁾ Записки А. М. Тургенева, «Русская Старина», 1886 года, IV, 62—9. Ср. между прочимъ воспоминанія Лубяновскаго, Русск. Арх., 1872 года, I, 148.

льстятъ ихъ тщеславію, то они беззавѣтно отдаются въ руки коварныхъ льстецовъ. Такимъ-то порядкомъ произошло и то, что Кутайсовъ вдругъ оказался образцомъ преданности своему государю, стали приводить примѣры его безкорыстія; стали даже приписывать ему извѣстную тонкость ума и выражать притворное удивленіе, какъ это государь не сдѣлаетъ чего нибудь побольше для такого рѣдкаго любимца. Кутайсовъ, въ концѣ концовъ, самъ началъ вѣрить, что его пріятели правы; но онъ далъ имъ понять, что императрица и фрейлина Нелидова его не любятъ и мѣшаютъ его возвышенію. Этого только и ждали: стали еще больше превозносить его и увѣрять, что отъ него самого зависить господство надъ Павломъ, если онъ подставитъ ему фаворитку по собственному выбору, которой предварительно поставитъ свои условія. Напомнили ему о дѣвицѣ Лопухиной и внушили ему, что онъ долженъ дѣлать нѣтъ Москвѣ. Кутайсовъ обѣщалъ все исполнить, а такъ какъ ему намекнули, что и князь Безбородко тоже желалъ бы видѣть государя избавленнымъ отъ опеки императрицы, г-жи Нелидовой и братьевъ Куракиныхъ, то онъ всецѣло примкнулъ къ этому заговору, хотя и не предвидѣлъ его результатовъ.

«Встрѣча, оказанная государю въ Москвѣ, была восторженная, а такъ какъ сердце у него отъ природы было мягкое, то онъ былъ живо тронутъ этими выраженіями преданности и любви. Бѣдный монархъ обладалъ любящей и чувствительной душою. И зачѣмъ это такъ случилось, что его раздражительный характеръ и болѣзненно-настроенное воображеніе вѣчно заставляли его идти ложнымъ путемъ! Исполненный радости, онъ въ тотъ же вечеръ сказалъ Кутайсову:

— «Какъ отрадно было сегодня моему сердцу! Московскій народъ любить меня гораздо болѣе, чѣмъ петербургскій; мнѣ кажется, что тамъ меня гораздо болѣе боятся, чѣмъ любятъ.

— «Это меня не удивляетъ, — отвѣчалъ Кутайсовъ.

— «Почему же?

— «Не смѣю объяснить.

— «Такъ приказываю тебѣ это.

— «Объщайте мнѣ, государь, никому не передавать этого.

— «Объщаю.

— «Государь, дѣло нѣтъ томъ, что здѣсь васъ видятъ таковымъ, какой вы есть дѣйствительно, — благимъ, великодушнымъ, чувствительнымъ; между тѣмъ какъ въ Петербургѣ, если вы оказываете какую либо милость, то говорятъ, что это или государыня, или г-жа Нелидова, или Куракины выпросили ее у васъ, такъ что когда вы дѣлаете добро, то это — они; если же когда наказываютъ, то это вы наказаете.

— «Значить, говорить, что... я даю управлять собою.

— «Такъ точно, государь.

— «Ну, хорошо же, я покажу, какъ мною управляютъ! — Гнѣвно приблизился Павелъ къ столу и хотѣлъ писать, но Кутайсовъ бросился къ его ногамъ и умолялъ на время сдержать себя.

«На слѣдующій день государь посѣтилъ балъ, гдѣ молодая Лопухина неотлучно слѣдовала за нимъ и не спускала съ него глазъ. Онъ обратился къ какому-то господину, который какъ бы случайно очутился по близости отъ него, но принадлежалъ къ той партіи. Господинъ этотъ съ улыбкою замѣтилъ:

— «Она, ваше величество, явѣ-за вастъ голову потеряла.

«Павелъ разсмѣялся и возразилъ, что она еще дитя.

— «Но ей уже скоро 16 лѣтъ, — отвѣтили ему.

«Затѣмъ онъ подошелъ къ Лопухиной, поговорилъ съ нею и напелъ, что она забавна и наивна, а послѣ бесѣды объ этомъ съ Кутайсовымъ все было устроено между симъ послѣднимъ и мачихою дѣвицы. Рѣшено было соблюдать величайшій секретъ между тѣмъ, и родители, и вся семья должны были быть переведены туда»¹⁾.

Чарторыйскій, бывшій въ это время въ Москвѣ, какъ адъютантъ великаго князя Александра Павловича, выражается кратко: «государю дали понять, что онъ въ онекъ, что императрица и Нелидова царствуютъ его именемъ, и что въ этомъ всѣ убѣждены. Ему представили дѣвицу, болѣе молодую и болѣе красивую, чѣмъ Нелидова, — притомъ такую, которая не имѣла претензіи управлять имъ. Всѣ эти средства подѣйствовали...»²⁾. Павелъ уѣхалъ въ Казань, а семья Лопухиныхъ стала готовиться къ переѣзду въ Петербургъ.

Императрица и Нелидова «узнали свою бѣду», по выраженію самой императрицы³⁾, лишь на возвратномъ пути Павла изъ Казани, въ городъ Тихвинъ, куда 8-го іюня Марія Ѳеодоровна, вмѣстѣ съ Нелидовою, выѣхала на встрѣчу Павлу Петровичу⁴⁾. Вѣрнѣе сказать, это было пока только лишь предчувствіе бѣды, еще не вполне сознанный и не выясненной, такъ какъ Павелъ Петровичъ, до пріѣзда Лопухиныхъ, слѣдуя совѣтамъ Кутайсова, не желалъ еще проявлять своихъ чувствъ и мыслей, получившихъ въ

¹⁾ Houking, Aus den Tagen Kaiser Pauls, 113—116. «Русская Старина», 1887 г., IV. 784.—786.

²⁾ Czartoryski, Memoires, I, 177.

³⁾ Записки Мухомовой, «Русскій Архивъ», 1878, I, 308.

⁴⁾ Изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно, что императрица въ 10-мъ часу утра прибыла изъ Павловска въ Тихвинъ и отправилась по Ярославской дорогѣ на встрѣчу государю. Въ 5-мъ часу по полудни государь прибылъ въ селонію Горки, гдѣ встрѣченъ былъ императрицею съ камеръ-фрейлиною Нелидовою, оберъ-камергеромъ графомъ Строгоновымъ и оберъ-штабмейстеромъ графомъ Зубовымъ. Пили кофе, и въ 6-мъ часу государь отправился въ путь въ каретѣ съ императрицею. Въ 6-мъ часу ихъ величества, пріѣхавъ въ Тихвинъ, посѣтили тамошній монастырь. Почивали въ приготовленномъ для высочайшаго пребыванія домѣ...».

Москвѣ другое направленіе. Еще изъ Москвы онъ писалъ Маріи Ѳеодоровнѣ о Лопухиной, сообщая въ шутивомъ тонѣ, что дѣвица Лопухина на багѣ объяснила ему свою любовь, и выражая свое негодованіе противъ наглости московскихъ дѣвицъ. «Велико было удивленіе императрицы, — рассказываетъ фрейлина ея, Муханова, — когда при встрѣчѣ Павелъ обошелся съ нею холодно, а о дѣвицѣ Лопухиной отзывался уже совсѣмъ иначе¹⁾». По словамъ одной придворной дамы, императрица выглядывала въ это время до того похудѣвшей, что дама эта съ удивленіемъ замѣтила объ этомъ Нелидовой, которая отвѣтила ей, что императрица еще не оправилась со времени послѣднихъ родовъ²⁾. Тѣмъ не менѣе, по наружности все шло хорошо и гладко. Въ Тихвинѣ государь и государыня присутствовали при перенесеніи чудотворнаго образа Тихвинской Божіей Матери во вновь выстроенную церковь монастыря, и затѣмъ дорогу до Павловска государь проѣхалъ большей частью въ одной каретѣ съ императрицею.

Скрывать долго свое настроеніе было, однако, невозможно для такого непосредственнаго, несдержаннаго человѣка, какъ Павелъ Петровичъ. «Хотя Павелъ, по возвращеніи изъ Москвы, — рассказываетъ Гейкинъ, — довольно удачно скрывалъ свои тайныя намѣренія и даже пожаловалъ подарки мнимымъ креатурамъ императрицы, однако нѣкоторыя слова, сорвавшіяся съ языка у вернувшихся изъ Москвы лицъ, возбудили подозрѣнія относительно того, что замышлялось. Негодяи часто бываютъ болтливыми, это, можетъ быть, благодѣяніе природы, снабдившей и ядовитыхъ змѣй погрешками. Олопухинской интригѣ скоро узнали, хотя и притворились ничего не знающими. Меня поражало, однако, выраженіе лица Павла, когда онъ смотрѣлъ на свою супругу и на фрейлину Нелидову. Я сказалъ объ этомъ одному изъ приближенныхъ ко двору людей, но тотъ мнѣ отвѣтилъ: «Это только переходящая туча. Извольте дуться, но ненадолго». Наиболѣе поразило меня то, что креатуры Безбородко пошли въ ходъ, постоянно получали знаки благоволенія и рѣзко критиковали финансовыя операціи генераль-прокурора, князя Куракина. Правда, что его вспомогательная касса для дворянства была неудачно придумана, но теперь стали распространять слухъ, что онъ, создавая это учрежденіе, руководится низкими расчетами личнаго интереса. Закулисные интриганы чувствовали, что ихъ комедія можетъ держаться и привести къ желаемой цѣли лишь въ томъ случаѣ, если должности генераль-прокурора и петербургскаго генераль-губернатора будутъ въ ихъ рукахъ. Прежде всего, поэтому, они стали подкапываться подъ князя Алексѣя Куракина и генерала

¹⁾ Записки Мухановой, «Русскій Архивъ», 1878, I, 308.

²⁾ Архивъ князя Воронцова, XV, 102. Письма Протасова.

Буксгевдена... Планъ—окрыжить государя новыми людьми, какъ ни тщательнао былъ скрываемаъ, однако, не могъ ускользнуть отъ прощательности многихъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ; наконецъ, внезапное повелѣніе г. Лопухину, который былъ сенаторомъ въ Москвѣ, прибыть въ Петербургъ, достаточно ясно указало на близкое развитіе какого-то обширнаго проекта. Затѣмъ, государь такъ дурно обошелся съ вице-канцлеромъ княземъ Куракинымъ, что тотъ вслѣдствіе этого захворалъ. Императрица хотѣла было поговорить въ его пользу, но этимъ тоже заслужила гнѣвъ своего супруга»¹⁾. Лично къ императрицѣ и Нелидовой Павелъ Петровичъ относился, однако, весьма сдержанно и любезно, и жизнь въ Павловскѣ, съ внѣшней стороны, текла обычной мирной колеи; въ скоромъ времени послѣ возвращенія Павла, по мысли Маріи Ѳеодоровны, въ садахъ Павловска устроены были цѣлый рядъ идилическихъ картинъ, иллюстрировавшихъ стихъ Люциліа: «гдѣ можно чувствовать себя лучше, какъ по илѣ нѣдрахъ собственной своей семьи?» Осторожность Кутайсовской партіи была такъ велика, что душа ея, Ростоичинъ, продолжавшій еще жить въ Петербургѣ, 29-го іюня выѣхалъ отсюда въ Ливенскую свою деревню²⁾, чтобы тамъ выждать окончательныхъ результатовъ своей интриги. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя дѣйствія императрицы Маріи Ѳеодоровны вызвали явный гнѣвъ на нее Павла Петровича, и безъ того склоннаго, по своей подоврительности, всюду видѣть неуваженіе къ его особѣ и противорѣчіе его волѣ. Въ концѣ іюня, когда обыкновенно дворъ переселялся въ Петергофъ, Павелъ Петровичъ сталъ выражать нетерпѣливое свое желаніе, какъ можно скорѣе совершить это переселеніе. Степень удовольствія, производимаго на императора его пребываніемъ въ Павловскѣ, была всегда для придворныхъ мѣркой расположенія императора къ его супругѣ. Къ несчастію, случилось, что Марія Ѳеодоровна заболѣла трехдневной лихорадкой почти въ ту минуту, когда дворъ готовился къ переѣзду въ Петербургъ. Подозрительный государь вообразилъ себѣ, что болѣзнь эта была лишь притворствомъ со стороны императрицы, чтобы имѣть предлогъ противиться его волѣ, сталъ рѣзко выражать ей свое недовольство, и съ того времени для Маріи Ѳеодоровны наступилъ цѣлый рядъ жестокихъ испытаній. Императоръ, вышедши изъ границъ сдержанности, не скрывалъ истинныхъ своихъ мыслей и чувствъ даже отъ великаго князя Александра Павловича.

---

¹⁾ Heyking, 117—118.

²⁾ Архивъ князя Воронцова, XXIV, 268.

XII.

Письмо императрицы къ Лопухиной.—Гнѣвъ Павла.—Чувства Нелидовой.—Письмо императрицы къ Павлу Петровичу.—Ея надежды въ письмѣ къ Нелидовой.—Явный разладъ въ императорской семьѣ.—Увольненіе Последискаго-Моленкаго.—Настроеніе двора и общества.—Замѣна графа Вуксгофена графомъ Паленомъ.—Увольненіе Алексѣя Куракина и возвышеніе П. В. Лопухина.

Подозрительность Павла Петровича, постоянно находившая себѣ пищу во внушеніяхъ Кутайсова, вскорѣ нашла себѣ видимое и блестящее оправданіе: оскорбляемая въ самыхъ лучшихъ своихъ чувствахъ, императрица Марія, слѣдуя, какъ говорили ¹⁾, совѣтамъ нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ, прибѣгла къ крайнему средству, чтобы воспрепятствовать пріѣзду въ Петербургъ Анны Петровны Лопухиной: она написала ей угрожающее письмо. Эта неудачная мысль, по свидѣтельству Гейкинга, только ускорила развязку: письмо это пришлось тайнымъ согласникамъ какъ разъ на руку, и его доставили Павлу... Можно представить себѣ неопикуемый гнѣвъ императора. Онъ сталъ дурно относиться къ императрицѣ, а когда Нелидова вдумала защищать ее, то и съ ней обошелся безпощадно ²⁾.

По поводу одной изъ происходившихъ въ это время неприятныхъ сценъ, Нелидова писала однажды Маріи Феодоровнѣ: «Я вполнѣ сознаю, насколько ваше величество, можетъ быть, огорчены тѣмъ, что совершается въ настоящую минуту, и я не осмѣлилась бы представить вамъ, что бесполезно принимать такъ близко къ сердцу скоро проходящія неудовольствія, которыя, какъ каждый знаетъ по собственному примѣру, бывають между самыми любящими другъ друга людьми. Увы, кто могъ бы себѣ вообразить, что ваше величество и я, если осмѣлюсь затѣмъ себя наименовать, — эти два лица, быть можетъ, самыя преданныя императору, могли бы подать ему дѣйствительный поводъ къ недовольству! Всякій легко пойметъ, что во всякомъ случаѣ мотивы, руководившіе вашимъ величествомъ, были чисты. Признаюсь, что вчера вечеромъ нѣкоторыя лица замѣтили мнѣ, что императоръ нехорошо обходился со мною, но я отвѣтила имъ, что это меня нисколько не беспокоитъ, потому что его величество всегда приходитъ въ концѣ концовъ къ тому, что отдастъ справедливость тѣмъ, кто истинно къ нему привязанъ, и что ошибки его вскорѣ признавались и исправлялись имъ же самимъ. Я убѣждена, что онъ самъ недоволенъ собою за несправедливость, и нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ успокоитъ въ недалекомъ будущемъ слишкомъ впечатлительную душу вашего величества» ³⁾.

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, XV, 134. Письма Протасова. Онъ обвинилъ въ этомъ Плещеева и Румянцова. II. II.

²⁾ Heyking, 118—119.

³⁾ «Correspondance» etc., 367—368. Письмо это безъ даты.

Но поведение Павла Петровича становилось рѣвче, и уже 13-го іюля Марія Оеодоровна написала ему трогательное письмо, умоляя его блюсти ея достоинство, какъ его супруги и какъ императрицы.

«Осуждайте мое поведение,—такъ заключила она свое письмо,— подвергните его суду всякаго, кого вамъ будетъ угодно: будучи выше всякаго порицанія и подоврвнїя, всякаго упрека, я нечувствительна къ оцѣнкѣ моихъ дѣйствій, но не могу быть такою къ характеру публичнаго обращенія со мною, и это не ради себя, какъ отдѣльной личности, но ради васъ, какъ императора, который долженъ требовать уваженія къ той, которая имѣетъ честь носить ваше имя, потому именно, что она ваша жена и мать вашихъ дѣтей. Я ограничиваюсь лишь единственной просьбой относиться ко мнѣ вѣжливо при публикѣ. Вѣрьте мнѣ, другъ мой, что во времена, въ которыхъ мы живемъ, государь долженъ заставлятъ относиться къ своимъ съ уваженіемъ: это нужно ему для самого себя. У меня нѣтъ ни горечи, ни раздражительности. Углубляясь въ свою душу и испытывая ее предъ Богомъ, я нахожу въ ней только чувство глубокой привязанности и, быть можетъ, такой же печали»¹⁾.

Несомнѣнно, что въ это время Маріи Оеодоровнѣ было еще неизвѣстно, что о письмѣ ея къ Лопухиной уже довели до свѣдѣнїя императора, и главная причина его гнѣва поэтому оставалась еще скрытою для нея. Но письмо императрицы къ Нелидовой отъ 18-го іюля носитъ уже другой характеръ: она какъ бы свыкается съ своимъ положеніемъ. Ожидая ее въ Петергофъ къ 22 іюля, дню своего тезоименитства, Марія Оеодоровна писала: «*Chère et bien-aimée Nélidow*, чрезъ три дня вы у меня, за моимъ столомъ. Мы будемъ разговаривать, сердца наши будутъ понимать другъ друга, и мы будемъ имѣть сладостное утѣшеніе сказать, что мы любимъ другъ друга. Я получила ваши новости вчера вечеромъ, милый другъ мой. Дорогая моя Нелидова, интриганы не стали ожидать вашего возвращенія, чтобы сызнова начать свои происки. Вчерашній день безъ всякой сцены, безъ всякаго дурнаго поступка, но имѣлъ отгѣнокъ, который доказывалъ, что исподтишка поработали таки: жалобы возобновились. Сегодня опять погода прекрасная. Благодаря Богу, по крайней мѣрѣ соблюдается вѣжливость и приличіе, и это—много. Въ остальномъ будемъ надѣяться, что небо откроетъ глаза нашему дорогому императору и покажетъ ему разницу, существующую между истинными и ложными друзьями, — то, что онъ выигрываетъ съ одними и теряетъ съ другими. Я надѣюсь, что моя добрая Нелидова прїѣдетъ 21-го пораньше, чтобы мы имѣли возможность хотя немного побыть вмѣстѣ»²⁾.

День тезоименитства государыни оказался, однако, очень тяже-

¹⁾ Ркн. Черновал этого письма императрицы было сообщена ею Нелидовой.

²⁾ Ркн.

лымъ для нея и ея приверженцевъ. «22-го іюля,—разсказываетъ Гейкинъ,—дворъ находился въ Петергофѣ. Такъ какъ то былъ день рожденія (sic) императрицы, то и я былъ принужденъ туда отпра- виться. Государь былъ въ явно дурномъ настроеніи: со мною обо- шелся холодно и не сказалъ мнѣ ни слова. Фрейлина Нелидова ка- залась мнѣ погруженною въ глубокую печаль, которую она напрасно старалась скрыть. Балъ этотъ скорѣе былъ похожъ на похороны, и всѣ предсказывали новую грозу»¹⁾.

Легко понять, кто владѣлъ въ это время душевнымъ настро- еніемъ впечатлительнаго и уже достаточно разгнѣваннаго государя. Наканунѣ 22-го іюля, статсъ-секретарь его Нелединскій, родствен- никъ Куракиныхъ, покровительствуемый императрицей, Нелидовой, проходя довольно поздно внутреннимъ коридоромъ петергофскаго дворца изъ комнатъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, встрѣтился съ Павломъ Петровичемъ, шедшимъ въ сопровожденіи Кутайсова. Увидавъ Нелединскаго, Кутайсовъ сказалъ государю: «вотъ кто слѣ- дить за вами днемъ и ночью и все передаетъ императрицѣ». Не- трудно себѣ представить, какое дѣйствіе произвели эти слова на вспыльчиваго и подозрительнаго Павла. Немедленно было прика- зано Нелединскому удалиться отъ двора. Но такъ какъ слѣдующій день, то-есть 22-го іюля, былъ день высокаторжественный, то испол- нить это было невозможно безъ огласки, а потому Нелединскій съ- женою и дѣтьми долженъ былъ провести весь этотъ день въ своей квартирѣ, выходявшей окнами на гулянье, съ опущенными шторами, взаперти, не смѣя ни самъ выходить, ни выпускать дѣтей изъ ко- наты»²⁾ «Въ сей несчастливый для меня день,—разсказываетъ самъ Нелединскій,—благоугодно было его величеству удалить меня отъ себя, повелѣвъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ и тамъ ожидать дальнѣй- шаго повелѣнія. Въ непродолжительномъ времени данъ былъ се- нату указъ о томъ, что я отставляюсь отъ службы, и я немедленно, однакожъ не бывъ высланъ (sic), выѣхалъ въ Москву»³⁾.

Дѣйствительно, друзьямъ Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой, окру- жившимъ особу государя и стоявшимъ во главѣ управленія, при- ходилось волей и неволей очищать свои мѣста. Прежде всего, по- терпѣлъ графъ Буксгевденъ, замѣщенный приказомъ отъ 25 іюля въ должности петербургскаго генераль-губернатора генераль-лейте- нантомъ графомъ Паленомъ. Въ началѣ царствованія императора Павла графъ Паленъ своимъ угодничествомъ предъ княземъ Зу- бовымъ возбудилъ противъ себя гнѣвъ государя и получилъ отъ него выговоръ въ самыхъ оскорбительныхъ для себя выраженіяхъ⁴⁾;

¹⁾ Neuking, 119.

²⁾ Хроника недавней старины, 42—48.

³⁾ Тамъ же, 86.

⁴⁾ Вотъ раскритикъ къ нему Павла отъ 26 февраля 1797 г. «Господинъ гопо-

вслѣдъ затѣмъ онъ былъ уволенъ отъ службы. Обладая всѣми свойствами тонкаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проницательнаго ума, Паленъ затѣмъ оскорбленіе въ сердцѣ своемъ и уже осенью 1797 г. униженно просилъ о принятіи его вновь на службу; главною поддержкою его при дворѣ была въ это время графиня Ливень, воспитательница великихъ княженъ, пользовавшаяся довѣріемъ Маріи Феодоровны. Первоначально онъ назначенъ былъ командиромъ полка конной гвардіи; но честолюбіе его смотрѣло въ даль, и онъ вкрался въ довѣріе Кутайсову, умѣя въ то же время сохранить уваженіе къ себѣ императрицы и Нелидовой. «Послѣ возвращенія императора изъ Москвы,—разсказываетъ Гейкинъ,—Кутайсовъ только и зналъ, что расхваливалъ Палена и доводилъ до ушей государя многочисленныя восхваленія человѣка, которому желали дать мѣсто. Однажды Павелъ, находясь въ небольшомъ кружкѣ своихъ приближенныхъ, выразился такъ: «Странно! Никогда я не слыхалъ, чтобы о комъ либо говорили такъ много хорошаго, какъ о Паленѣ. Я, значить, довольно ложно судилъ о немъ и долженъ эту несправедливость поправить». Предавшись такому теченію мыслей, государь все милостивѣе и милостивѣе сталъ обращаться съ Паленомъ, который вскорѣ такъ опуталъ его своими оригинальными и лицемерно чистосердечными рѣчами, что сталъ ему казаться самымъ подходящимъ человѣкомъ для занятія должности, требующей вѣрнаго взгляда, ретиваго усердія и безграничнаго послушанія. Такимъ образомъ важнѣйшая послѣ генераль-прокурорской должности очутились въ рукахъ согласниковъ; съ этой минуты пошли одна за другой перемѣны»¹⁾). Одновременно съ Буксгевденомъ, 25 іюля, уволенъ былъ отъ службы старый другъ Павла, вице-адмиралъ Плещеевъ, а послѣ пріѣзда П. В. Лопухина, явившагося въ Петербургѣ сначала безъ семьи, рѣшена была и участь Алексѣя Куракина, переведеннаго въ первый департаментъ сената, а на его мѣсто назначенъ былъ Лопухинъ. Братъ Алексѣя, вице-канцлеръ Александръ Куракинъ, также постоянно испытывавшій гнѣвъ императора, самъ поспѣшилъ подать въ отставку, но Павелъ, не любившій, чтобы его предупредили, приказалъ объявить ему, что онъ самъ лучше знаетъ, когда настанетъ время для его увольненія²⁾).

раль-лейтенантъ Паленъ. Съ удивленіемъ освѣдомляя я обо всѣхъ поддостихъ, нами скланныхъ въ провѣдѣ князя Зубова чрезъ Ригу, пѣз сего и дѣлаю я сродное о свойствѣ нашемъ заключеніе, по коому и поведеніе мое противъ васъ совершенно будетъ. Сіе письмо можете показать генераль-лейтенанту Венкендорфу. Павель». «Русская Старина», 1880 г., I, 144.

¹⁾ Нейкинг, 117—118.

²⁾ Тамъ же.

XIII.

Причины упадка вліянія Нелидовой. — Жалобы императрицы на интригановъ и довѣріе ея къ характеру своего супруга. — Письмо къ Павлу Нелидовой. — Высылка изъ Петербурга графини Вукосавдеиъ. — Письма Нелидовой къ Павлу по этому поводу. — Отъѣздъ изъ Петербурга въ замокъ Люде.

Всѣ эти событія, происходившія передъ глазами Нелидовой, живо напоминали ей интриги 1796 года, когда царственный другъ ея также подпалъ подъ вліяніе враждебной ей партіи, и на этотъ разъ Нелидова не могла не чувствовать, что вліяніе ея пало уже навсегда: союзъ ея съ императрицей, возбудившій столько неудовольствія, былъ самъ по себѣ достаточной причиной, что Павелъ потерялъ къ давнему своему другу всякое довѣріе; точно также партія, окружавшая Павла, въ удаленіи Нелидовой видѣла залогъ дальнѣйшихъ своихъ успѣховъ. Говоря короче, сливши свои интересы съ интересами Маріи Ѳеодоровны, Нелидова, благодаря этому, сама подготовила свое удаленіе съ политической сцены. Едва ли, впрочемъ, она и горевала за себя объ этомъ, не имѣя личнаго честолюбія и уже достигнувъ 40-лѣтняго возраста; притомъ сентиментально-нравственное ея міросозерцаніе не позволило бы ей во всякомъ случаѣ остаться при дворѣ Павла при измѣнившихся условіяхъ его личной жизни. Тѣмъ не менѣе, Нелидова считала своею обязанностію употребить всѣ усилія, чтобы содѣйствовать водворенію нарушеннаго согласія въ царственномъ семействѣ и предохранить императора отъ опаснаго пути, на который вступалъ онъ, уже не сдерживаемый въ своихъ увлеченіяхъ совѣтами преданныхъ ему людей. Усилія эти были, однако, безуспѣшны, хотя Марія Ѳеодоровна и продолжала обольщать себя надеждами на прочность привязанности Павла къ Нелидовой: «Пусть Господь проститъ тѣмъ, кто разрушилъ наше общее счастье, — писала Марія Ѳеодоровна Нелидовой 4-го августа изъ Петербурга, — но, будьте увѣрены, добрый другъ мой, что нашъ дорогой государь не можетъ быть счастливъ. Ваша отчужденность, неловкость его положенія по отношенію ко мнѣ и моего — по отношенію къ нему, какъ слѣдствіе его поведенія, недовѣрчивость, подозрѣнія, которыя эти презрѣнные постоянно внушаютъ ему противъ насъ, — все это должно возмущать его сердце. Онъ не можетъ давать имъ вѣру: голосъ совѣсти навѣрно кричитъ ему, что онъ несправедливъ по отношенію къ намъ, и эта внутренняя борьба разрушаетъ его счастье. Сколько бы Иванъ ни говорилъ ему, если онъ хочетъ этого, что, по мнѣнію общества, вы и я вмѣстѣ управляемъ императоромъ, онъ не можетъ повѣрить этому, не припомнивъ себѣ, что мы только противодѣйствовали его горячности, его гнѣвнымъ вспышкамъ, его подозрительности, заклиная его оказать какую либо милость или пробуи воспринимать какой либо

жестокости, которая могла бы уронить его въ глазахъ его подданныхъ и отвратить отъ него ихъ сердца. Преслѣдовали ли мы когда либо другую какую либо цѣль, кромѣ его славы и блага его особы, да и могли ли мы, великій Боже, имѣть что либо другое въ виду, вы — какъ вполне преданный, истинный его другъ, я — какъ его другъ, какъ его жена, какъ мать его дѣтей? У насъ никогда не хватало нивости одобрять императора, когда этому препятствовала наша совѣсть, но зато какое счастье испытывали мы, когда имѣли возможность отдавать полную справедливость его великодушнымъ поступкамъ, его добрымъ и лояльнымъ намѣреніямъ!¹⁾ На слѣдующій день, 5-го августа, Марія Теодоровна писала Нелидовой: «Образъ дѣйствій презрѣнныхъ, которые окружаютъ государя, никогда не поведетъ къ тому, чтобы изъ его сердца вырвано было глубокое чувство уваженія, которое онъ питаетъ къ вамъ; такимъ образомъ онъ въ глубинѣ своей души самъ одобряетъ наши чувства. Какъ бы ни старался Иванъ очернить насъ въ его глазахъ, сколько бы клеветъ онъ ни изобрѣталъ на насъ, императоръ, обманутый имъ на минуту, не останется такимъ навсегда. Этотъ негодяй ни на шагъ не отходитъ отъ государя, потому что онъ чувствуетъ хорошо, что, узнавъ его какъ слѣдуетъ, нашъ дорогой императоръ можетъ возвратитъ намъ довѣріе»²⁾. Съ своей стороны, Нелидова писала Павлу Петровичу: «Если я отваживаюсь доводить до вашего свѣдѣнія вопли нужды или раскаянія, то это для того, чтобы дать вамъ истинное понятіе о тѣхъ, надъ которыми вы царствуете, и сердца которыхъ не могутъ быть извѣстны вамъ въ отдѣльности; но никогда въ жизни, ни на одну минуту, не имѣла я самонадѣянности говорить съ вами съ увѣренностью въ успѣхѣ. Вы заблуждаетесь, полагая, что меня можетъ одушевлять какое либо иное побужденіе, кромѣ истины, которую я обязана раскрывать предъ моимъ царемъ, и, быть можетъ, внушеніе отъ Царя всѣхъ, ибо онъ ставитъ меня въ положеніе, приближенное къ вамъ, несмотря на всѣ мои рѣшенія провести остатокъ дней моихъ вдали отъ васъ. Тутъ дѣло идетъ не о какомъ либо лицѣ въ отдѣльности, когда меня одушевляетъ усердіе къ вашей славѣ, никакая личность своимъ частнымъ интересомъ не можетъ его обусловливать: клянусь въ этомъ предъ Богомъ, Владыкою и Судьею сердецъ нашихъ. Говорю вамъ это даже не для того, чтобы внушить вамъ довѣріе ко мнѣ, но потому, что я не люблю, чтобы ваше сердце, столь способное на все доброе, пребывало въ заблужденіи насчетъ тѣхъ, которыхъ деликатность простирается до того, что они не позволяютъ себѣ относительно васъ даже самой невинной лести. Чего

¹⁾ Въ «Correspondance» надано за 1798 годъ всего лишь одно письмо Маріи Теодоровны.

²⁾ Ркп.

можете вы опасаться съ людьми, дающими вамъ такое доказательство уваженія? Мнѣ не нужна ваша милость, она не льститъ моему самолюбію, но отдавайте справедливость моимъ намѣреніямъ и намѣреніямъ священной особы, которая поклялась предъ Богомъ посвятить всю свою жизнь единственно и невозвратно вашимъ интересамъ, и вы испытаете, быть можетъ, неизвѣданное вами удовлетвореніе имѣть истинныхъ друзей, изъ которыхъ одна всегда имѣетъ возможность доказывать вамъ свою привязанность, а другая никогда не перестанетъ возносить къ Богу горячія молитвы о вашей славіи и вашемъ благополучіи¹⁾.

Строки эти лучше всего доказываютъ, что, смотря на все съ сентиментальной точки зрѣнія, Нелидова не въ состояніи была бороться съ людьми жизни и всякаго рода политики, окружавшими государя и не стѣснявшимися въ средствахъ для достиженія своей цѣли. Недостаточность умѣнья Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой познавать людей, отличать внѣшность отъ ихъ сущности, всего лучше сказала въ томъ фактѣ, что съ тайной просьбой повліять на Павла въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ Марія Ѳеодоровна обратилась въ это время не къ кому другому, какъ . . . къ Безбородку²⁾. Попытка эта, конечно, должна была остаться безуспѣшной, если только не привела къ совершенно противоположнымъ результатамъ. 19-го августа, уже уволенъ былъ отъ службы родной братъ Нелидовой, генералъ-адъютантъ императора Нелидовъ, что ясно указывало на окончательную немилость къ ней императора; 24-го августа призванъ былъ ко двору Ростопчинъ, а вслѣдъ затѣмъ отданъ былъ приказъ о высылкѣ изъ Петербурга графини Буксгевденъ, подруги Нелидовой, за нѣсколько необдуманныхъ словъ противъ новыхъ порядковъ³⁾.

«Однажды въ воскресенье, — рассказываетъ Гейкинъ, — встрѣтилъ я у графини Буксгевденъ, кромѣ офицеровъ полка, котораго Буксгевденъ былъ шефомъ, еще одного господина, образъ мысли котораго былъ мнѣ извѣстенъ. Графиня между многими хорошими свойствами имѣла одно дурное: высказывать все, что у нея было на умѣ; она позволила себѣ нѣсколько необдуманныхъ выходокъ противъ новыхъ мѣропріятій, но когда во время этого разговора обратилась ко мнѣ, то я возразилъ ей, что не могу съ точностью судить объ этихъ дѣлахъ, что я умѣю лишь повиноваться и...

— «И молчать, — подхватила она. — Урокъ этотъ хорошъ и достоинъ вашей политики, господинъ сенаторъ. Но я — женщина и говорю, что думаю.

«Я пристально взглянулъ на нее и показалъ глазами на извѣстнаго господина. Она меня поняла, но продолжала:

¹⁾ «Осьми. Вѣстн.», III, 443—444.

²⁾ Ржп. Письмо отъ 30 іюли 1798 г.

³⁾ Графъ Буксгевденъ уволенъ былъ отъ всѣхъ дѣлъ 2-го сентября.

— «Ахъ, я не стану стѣсняться, потому что окружена друзьями только нашего дома; не правда ли?.. — прибавила она, обратясь къ г-ну К.

— «Конечно, сударыня, — отвѣчалъ тотъ, нѣсколько смутившись, и затѣмъ чрезъ нѣсколько минутъ удалился.

«Черезъ три дня послѣ этого жена моя пріѣхала къ графинѣ. Изъ прихожей она застала приготовленія къ отъѣду, увидѣла г-жу Нелидову въ слезахъ, а графиню въ величайшемъ волненіи.

— «Какъ, милая графиня, вы уѣзжаете?

— «Да развѣ вы не знаете, что насъ выгоняютъ изъ Петербурга?

— «Но за что же?

— «Это уже его тайна. Счастье еще, что имѣніе мое (Лигово) всего въ 30 верстахъ отъ Петербурга, такъ какъ мнѣ остается всего 48 часовъ времени, чтобы покинуть столицу.

«Разговоръ этотъ, конечно, заключается слезами и мольбами. Всѣ три дамы вмѣстѣ воспитывались въ институтѣ и любили другъ друга.

— «Я поѣду вслѣдъ за моею милой Буксгевденъ, — сказала Нелидова, — и оставлю дворъ, гдѣ... — рыданіе прервало ея слова.

«На слѣдующій день мы посѣтили г-жу Нелидову, которая показала намъ письмо, которое только что написано было ею государю и въ которомъ она испрашивала у него позволенія послѣдовать за своею подругою. Письмо было написано превосходно. Государь на другой же день прислалъ весьма любезный отвѣтъ, но въ немъ ничего; Нелидова написала другое письмо слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ умолчаніе вашего величества относительно моей просьбы я принимаю, какъ разрѣшеніе оной, то намѣрена воспользоваться этимъ и завтра уѣзжаю». Одновременно съ симъ она просила Палена о выдачѣ ей подорожной. Паленъ прислалъ ей подорожную, но просилъ воспользоваться ею лишь на другой день, а въ то же время онъ отправилъ гонца къ государю, находившемуся въ Гатчинѣ. Рассказывали, что Павелъ, получивъ извѣстіе объ этой твердой рѣшимости Нелидовой уѣхать, ужасно разгнѣвался и воскликнулъ:

— «Хорошо же, пускай ѣдетъ; только она мнѣ за это заплатится!»¹⁾

Этотъ рассказъ Гейкинга вполне подтверждается извѣстною намъ перепиской ея съ Павломъ за это время.

5 сентября, Нелидова выѣхала уже изъ Петербурга вмѣстѣ съ семействомъ Буксгевденъ, направляясь въ замокъ Лоде въ Эстляндской губ., пожалованный ранѣ Павломъ Буксгевдену и уже извѣстный въ исторіи, какъ мѣсто жительства и смерти принцессы Виртембергской Августы, екатерининской Зельмиры. Вслѣдъ затѣмъ

¹⁾ Heyking, 127—129.

раздраженіе императора проявилось въ цѣломъ рядѣ новыхъ увольненій приверженцевъ императрицы и Нелидовой. 9-го сентября, уволенъ былъ отъ службы вице-канцлеръ кн. Александръ Куракинъ, 13-го, добродѣтельный сенаторъ Гейкинъ, авторъ воспоминаній, женатый на одной изъ подругъ Нелидовой; въ октябрѣ — генералъ Ховенъ, женатый на другой ея подругѣ; въ то же время Кутайсовъ сдѣланъ былъ егермейстеромъ и получилъ орденъ св. Анны 1-й ст. съ брильянтами, а Паленъ—Андреевскую ленту, и оба они сдѣланы были графами Россійской имперіи; Ростовчинъ переименованъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сдѣланъ членомъ иностранной коллегіи, но постъ вице-канцлера достался племяннику Безбородка, Кочубею.

XIV.

Личность Анны Петровны Лопухиной и характеръ ея отношеній къ Павлу.—Увольненіе преданныхъ императрицѣ лицъ, проявленіе крайностей въ характерѣ государя.—Тревожное состояніе общества.—Горестъ Маріи Осодоровны о разлукѣ съ Нелидовой.—Подозрительное отношеніе къ нимъ Павла Петровича.—Образъ жизни Нелидовой въ замкѣ Лодэ.—Переписка ея съ императрицей.—Переписка Нелидовой съ Павломъ и возвращеніе ея изъ Петербурга.

Окончательный разрывъ съ Нелидовой предшествовалъ пріѣзду въ Петербургъ Анны Петровны Лопухиной, сопровождаемой ея мачихой, извѣстной Екатериной Николаевной. 6-го сентября, Анна Петровна пожалована была камеръ-фрейлиной, а Екатерина Николаевна—статсъ-дамой; тогда же П. В. Лопухинъ произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники... 29-го сентября, дворъ перѣхалъ изъ Гатчины въ Петербургъ, куда уже явилось къ этому времени семейство Лопухиныхъ, а 3-го октября при дворѣ былъ балъ. Анна Петровна въ первый разъ ужинала при дворѣ. Императоръ за столъ не садился, а, какъ сказано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, «навоилить проводить время въ обзорѣніи засѣдающихъ за столомъ персонъ». По отзыву современника, быть можетъ, пристрастному, такъ какъ онъ принадлежитъ дамѣ, «Лопухина имѣла красивую голову, но была невысокаго роста, дурно сложена и безъ граціи въ манерахъ; красивые глаза, черныя брови и волосы того же цвѣта, прекрасные зубы и пріятный ротъ были ея единственными прелестями; небольшой вздернутый носъ не придавалъ изящества ея фигурѣ. Выраженіе лица было мягкое и доброе, и дѣйствительно Лопухина была добра и неспособна ни желать, ни дѣлать чего либо злого, но въ то же время она была недалекаго ума и не получила должнаго воспитанія (*peu d'esprit et point d'education*). Ея вліяніе проявлялось только въ раздачѣ милостей; у нея не было данныхъ, чтобы распространить его на дѣла, хотя любовь государя

и нивость людей давали ей возможность вмѣшиваться во все. Часто она спрашивала прощенье невиннымъ, съ которыми императоръ поступалъ очень строго въ минуты гнѣва: тогда она плакала или дулась и такимъ образомъ достигала желаемого. Императрица относилась къ ней всегда очень хорошо, чтобы угодить своему супругу». Въ этомъ портретѣ Анны Петровны Лопухиной легко увидѣть черты, которыя привязывали къ ней суроваго, беспокойнаго духомъ государя, съ излишней мнительностью видѣвшаго вокругъ себя лишь предателей, эгоистовъ, стремившихся завладѣть его умомъ и направлять государственныя дѣла; нельзя не видѣть, что молодая Лопухина во многомъ напоминала Нелидову, теперь постарѣвшую. Очевидно, что Павелъ Петровичъ личной привязанности къ нему Лопухиной придавалъ огромную цѣну: онъ чувствовалъ, что она видѣла въ немъ человѣка, тогда какъ для всѣхъ прочихъ онъ былъ прежде всего суровымъ и безграничнымъ властелиномъ. Къ несчастію для Павла, Лопухина владѣла его умомъ гораздо въ меньшей степени, чѣмъ Нелидова; по молодости и неопытности она не видѣла опасностей, которыми окруженъ былъ ея царственный поклонникъ, не понимала его государственныхъ стремлений и всего менѣе могла руководить имъ, внушая ему осторожный, мягкій образъ дѣйствій по отношенію къ его окружающимъ. Мало того, Лопухина, по своей недальновидности, часто была безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ партіи, которая, группируясь постепенно вокругъ особы государя, стала затѣмъ преслѣдовать, во вредъ ему, свои особыя цѣли... Во всякомъ случаѣ, при дворѣ рады были возвышенію Лопухиной, тѣмъ болѣе, что отецъ ея П. В. Лопухинъ, замѣнившій князя Алексѣя Куракина, въ должности генераль-прокурора, отличался, по всеобщему отзыву современниковъ, справедливостію, безкорыстіемъ и умѣренностію. Но Павелъ не довѣрялъ молчаливому терпѣнію своей супруги, и недовѣріе это постоянно поддерживалось Кутайсовымъ и его согласниками. «Съ этого времени,—говоритъ Чарторыйскій,—Павелъ постоянно мучился тысячью подозрѣній: онъ думалъ, что сыновья его недостаточно ему преданы, что его супруга хочетъ сама царствовать вмѣсто него. Ему успѣли внушить глубокое недобѣріе и къ ней, и къ его старымъ слугамъ. Тогда-то началось для всѣхъ тѣхъ, кто приближался ко двору, время боязни и вѣчной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Каждый рисковалъ быть высланнымъ, получить оскорбленіе въ присутствіи всего двора, благодаря какой либо несправедливой вспышкѣ императора, который обыкновенно поручалъ эту неприятную комиссію гофмаршалу... Придворные балы и праздники были мѣстомъ, гдѣ рисковали потерять свое положеніе и свободу. Императоръ воображалъ иногда, что бываютъ не совсѣмъ почтительны къ особѣ, которую онъ уважалъ, или къ ея родственницамъ и подругамъ, и что это есть слѣдствіе злоумышленій императрицы. Этого было достаточно, чтобы импера-

торъ приказывалъ тотчасъ удалить предполагаемаго виновного отъ двора. Недостаточно глубокой поклонъ, невѣжливый поворотъ спины во время контраданса, или какой либо другой промахъ въ этомъ родѣ, были поводомъ къ тому, что балы и другія придворныя собранія по вечерамъ, подобно тому, какъ утромъ парады, сопровождались прискорбными послѣдствіями для лицъ, на которыхъ падало подозрѣніе или неудовольствіе государя. Проявленіе его гнѣва и его рѣшенія были внезапны и тотчасъ приводились въ исполненіе... Всѣ тѣ, кто составлялъ дворъ или появлялся передъ императоромъ, находились въ состояніи постоянной боязни: никто не былъ увѣренъ въ томъ, что останется на своемъ мѣстѣ до конца дня; ложась спать, никто не могъ поручиться за то, что ночью или рано утромъ не явится къ нему фельдъегеръ и не посадить его въ кибитку. Это были привычные случаи, которые сдѣлались даже предметомъ постоянныхъ шутокъ. Такое положеніе вещей началось со времени немилости къ m-lle Нелидовой и продолжалось, все усиливаясь, въ теченіе всего царствованія Павла. M-lle Нелидова вела себя, съ самаго начала своей опалы, съ большимъ достоинствомъ и гордостію. Она оставила дворъ, ничѣмъ не показывая своего желанія тамъ оставаться, не сдѣлала для того ничего, чтобы туда возвратиться. Она говорила всякому, кто хотѣлъ ее слушать, и говорила съ замѣтнымъ пренебреженіемъ, что нѣтъ ничего болѣе скучнаго, какъ жизнь при дворѣ, и что она счастлива, оставивъ его наконецъ¹⁾.

Дѣйствительно, въ этихъ чувствахъ не могло быть сомнѣнія, такъ какъ симпатіи Нелидовой влекли ее постоянно вдаль отъ придворныхъ интригъ, и Смольный монастырь былъ попрежнему ея убѣжищемъ, гдѣ она предавалась тихимъ своимъ занятіямъ и гдѣ расточала она свои ласки юнымъ воспитанницамъ. Оттого и удаленіе Нелидовой въ Лодѣ возбудило тамъ всеобщее сожалѣніе²⁾. Въ обществѣ же лишь немногіе здравомыслящіе люди понимали все значеніе этого событія, а большинство смотрѣло на нее, какъ на отставную фаворитку; враги Павла, впрочемъ, воспользовались ея опалой, чтобы распуścić слухъ, перешедшій и въ потомство, будто бы Нелидова была выслана изъ Петербурга по приказанію государя³⁾. Но сильнѣе всѣхъ горевала объ отъѣздѣ Нелидовой императрица Марія Ѳеодоровна: съ этимъ отъѣздомъ она теряла уже всякую надежду на возвратъ своего вліянія, на возможность удерживать Павла Петровича отъ крайностей всякаго рода, лишалась единственнаго друга, съ которымъ она могла постоянно совѣто-

¹⁾ Czartoryski, Memoires, I, 177—179.

²⁾ Арх. кн. Воронцова, XV, 133. Письма Протасова.

³⁾ Русск. Арх., 1873 г., II, 216—2170. Причиной высылки выставили то, будто Нелидова вступилась за Марію Ѳеодоровну.

ваться и дѣлать свое горе. Оттого Марія Ѳеодоровна въ теченіе двухъ дней въ цѣломъ рядѣ писемъ и записочекъ¹⁾, умоляла Нелидову отказаться отъ ея рѣшенія и остаться въ Петербургѣ; особенно огорчала ее мысль, что Нелидова какъ бы предпочитаетъ разлуку съ нею разлукѣ съ Буксгевденъ, хотя въ то же время Марія Ѳеодоровна и отдавала полную сираведливость чувствамъ, руководившимъ ею. «Поведеніе нашей доброй Нелидовой,—писала императрица Плещееву,—дѣлаетъ ей величайшую честь: она сопровождаетъ своихъ друзей въ изгнаніе. Вотъ рѣдкое доказательство дружбы!» «Я страдаю,—прибавляетъ она,—отъ переменъ чувствъ общества по отношенію къ императору: это раздираетъ мое сердце, которое желало бы видѣть его любимымъ и уважаемымъ»²⁾.

Чувства дружбы и уваженія, которыя Марія Ѳеодоровна питала къ Нелидовой, особенно выразились въ постоянной перепискѣ, которую она вела съ нею по почтѣ во время ея пребыванія въ замкѣ Лоде въ 1798—1799 годахъ.

Переписка эта вообще носила грустный характеръ, заключаая преимущественно въ воспоминаніи пропыхъ счастливыхъ дней и скорби обѣихъ подругъ о постигшей ихъ разлукѣ. Современныхъ событій онѣ касались весьма мало, лишь иногда императрица сообщала Нелидовой новости о семейныхъ или придворныхъ дѣлахъ, благоразумно умалчивая о государѣ и его дѣйствіяхъ. Умолчаніе это имѣло свои основанія. Въ XVIII вѣкѣ въ большомъ ходу была такъ называемая «перлюстрація» — вскрываніе и чтеніе на почтѣ писемъ разныхъ лицъ, почему либо остановившихъ на себѣ подозрительное вниманіе правительства. Не избѣгла этой участи и переписка Маріи Ѳеодоровны съ Нелидовой.

Подозрительность Павла послѣ отъѣзда Нелидовой такъ увеличилась, что 19 ноября онъ приказалъ графу Палену написать встлянскому генераль-губернатору Нагелю, чтобы онъ отъ себя далъ знать въ Шлоссъ-Лоде, «дабы тѣ, кои избрали сіе мѣсто добровольно для своего пребыванія, тажъ бы оставались». «Тѣмъ не менѣе, — прибавляетъ Гейкингъ, — Павлу была весьма досадна эта непоколебимая привязанность его супруги, которая въ то время, когда онъ былъ великимъ княземъ, сильно, напротивъ того, не жаловала Нелидову. Досада Павла отразилась на его обращеніи съ супругою...»³⁾. Вѣрнѣе, кажется, предположить наоборотъ, что Павлу не нравилась привязанность Нелидовой къ императрицѣ, не нравилась, при его боязни къ заговорамъ, эта постоянная возможность пересылокъ между лицами, на которыхъ обращена была его подозрительность. Само собою разумѣется, что какъ Марія Ѳеодоровна,

¹⁾ Ркп.

²⁾ Ркп. — Письмо отъ 24-го августа 1798 г.

³⁾ Neuyking, 131.

такъ и Нелидова прекрасно знали, что письма ихъ вскрываются или могутъ быть вскрыты и прочтены императоромъ, а потому къ содержанію нѣкоторыхъ изъ этихъ писемъ нужно относиться съ большою осторожностью: въ сущности эти письма писаны были обѣими подругами именно въ надеждѣ, что они будутъ прочтены императоромъ; такимъ образомъ, очевидно, перлюстрація этихъ писемъ оказывалась о двухъ концахъ и приводила, въ концѣ концовъ, къ тому, что Павелъ могъ узнавать изъ нихъ только то, что Марія Ѳеодоровна и Нелидова хотѣли довести до его свѣдѣнія. Съ этой точки зрѣнія весьма любопытно ознакомиться съ содержаніемъ письма, отъ 27-го декабря 1798 года, такъ какъ именно послѣ этого письма повелѣно было прекратить перлюстрацію.

«Это въ первый разъ, моя добрая императрица,— писала Нелидова,— я ничего не говорю императору, по случаю наступающаго Новаго года. У меня не было во всей моей жизни ни одного друга, относительно котораго я была бы въ такомъ положеніи. Это не препятствуетъ мнѣ искренно пожелать ему счастья; но, дорогая моя императрица, то, что я говорю теперь, отнюдь не должно побуждать напоминать ему мое имя подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Я не хочу существовать для него, такъ какъ сердце его не признаетъ меня. Мое сердце было бы затронуто, если бы до его ушей дошло что либо, имѣющее какое либо ко мнѣ отношеніе. Моя добрая императрица знаетъ, что все, высказываемое мною на ея груди, должно тамъ и умереть»¹⁾.

Нѣсколько ранѣе она писала объ императорѣ: «Было бы для него болѣе похристіански прощать ошибки тѣмъ, кто приблизится къ нему, и тѣмъ, кого онъ удаляетъ отъ себя, хотя, по истинѣ, я никогда не пожелала бы приблизиться къ его особѣ. Я чувствую себя болѣе счастливою вдали отъ его присутствія и одинаково спокойною вдали или вблизи. Но онъ имѣетъ несчастье никогда не думать о горѣ, которое онъ причиняетъ другимъ, и считаетъ за ничто всѣ ихъ лишенія. Я думаю, однако, что онъ не поступалъ бы такимъ образомъ, если бы онъ проникалъ иногда въ глубину своего собственнаго сердца. Но честолюбцы такъ хорошо умѣютъ скрывать свои страсти, что, слѣдуя весьма часто ихъ внушеніямъ, онъ воображаетъ, что повинуется движеніямъ своего собственнаго сердца. Мы, однако, видѣли его въ его истинномъ нравственномъ состояніи и знали его другимъ. Но какой человѣкъ можетъ льстить себя мыслию, что онъ никогда не имѣлъ своей минуты ослѣпленія? Но его ослѣпленіе продлится, безъ сомнѣнія, очень долго, быть можетъ, даже будетъ продолжаться всегда»²⁾.

¹⁾ Correspondance, 353—354. Письмо это надатольницей неправильно отнесено къ 1799 году.

²⁾ Тамъ же, 331—332.

Нельзя не вѣрить искренности Нелидовой, когда она писала императрицѣ объ удовольствіяхъ тихой и спокойной жизни, которую она вела въ Муде.

«Добрая и дорогая моя императрица,— сообщала она 29 ноября,— послѣ письма отъ 12-го ноября я ничего отъ васъ не получала и напрасно прождала отъ васъ новостей въ тотъ день, когда я привыкла получать ихъ почтою (письмо Маріи Оеодоровны къ Нелидовой, отъ 21-го ноября, какъ видно изъ «Дневника» Ростопчина, было сожжено). Эта задержка беспокоитъ меня, возбуждая опасенія за здоровье моей доброй императрицы. Такое чувство поддерживается даже моимъ образомъ жизни. Встаю я между шестью и семью часами; помолившись Богу за всѣхъ, кто намъ дорогъ, кто любитъ насъ и кто любимъ нами, выпиваю чашку чая иногда съ аппетитомъ, иногда безъ него; потомъ собираю карандаши и начинаю рисовать. И въ это время дорогія воспоминанія, иногда мучительно, невольно тѣснятъ въ головѣ; слезы умиленія, иногда печали, падаютъ на рисунокъ, который вамъ угодно было изукрасить. Это занятіе задерживаетъ васъ до одиннадцати часовъ, когда нужно заняться туалетомъ, чтобы выйти въ 12 часовъ къ обѣду. Послѣ этого, замѣняющаго завтракъ, вы пользуетесь небольшимъ остаткомъ дня, чтобы заняться чтеніемъ — серьезнымъ ли то, или легкимъ, или просто усыпительнымъ. Въ три часа по полудни нужно уже зажигать свѣчу, а часомъ позже уже прекращать чтеніе, чтобы пощадить бѣдные глаза, которые пригодятся на завтрашній день; потомъ я обращаюсь къ музыкѣ, которая продолжается до восьми часовъ вечера... Когда, говорю я, всѣ семь дней недѣли проводить всегда однимъ и тѣмъ же образомъ, бываетъ весьма пріятно, что восьмой день приноситъ вамъ утѣшеніе знатъ по крайней мѣрѣ, что тѣ, кто васъ интересуютъ, пользуются добрымъ здоровьемъ. Я просила также въ Смольномъ увѣдомить меня о музыкѣ, но также не получила отвѣта. Богу угодно, чтобы я могла считать себя забытой на нѣкоторое время моей доброй императрицей и моимъ дорогимъ обществомъ. Нѣтъ, благое Провидѣніе не покинетъ меня, и я сохраню и милости одной, и привязанность другого. Все мое честолюбіе ограничивается обладаніемъ этими сокровищами, и Богъ поможетъ мнѣ сохранить ихъ.

«Но этотъ недостатокъ въ новостяхъ о всемъ томъ, что мнѣ дорого, располагаетъ мою душу къ меланхоліи, которую, вѣроятно, замѣчаетъ моя добрая императрица. Но я слагаю на ея грудь всѣ свои мысли и чувства, въ полной увѣренности, что онѣ умрутъ тамъ. Ахъ, чего стоила бы жизнь, если бы дружба не услаждала ея и отъ времени до времени не успокивала сердце, подчиняющагося ея мягкому вліянію! Письма доброй моей императрицы являются всегда бальзамомъ для меня; уже ради этого она не лишитъ меня ихъ. Она знаетъ, насколько они для меня необходимы

и драгоценны, особенно съ тѣхъ поръ, когда получила основаніе думать, что я никогда болѣе ея не увижу (намекъ на распоряженіе Павла о невыѣздѣ изъ замка Лоде). Я рано привыкла ко всѣмъ жизненнымъ лишеніямъ, но чувствительна только къ потерѣ дружбы. Наконецъ довелось мнѣ испытать и эту потерю, но Богъ не покинетъ меня никогда, такъ какъ я имѣю утѣшеніе по совѣсти сознавать себя чистою по отношенію къ тѣмъ, кто пользовался моею дружбой. Я знала это счастье въ различныя эпохи своей жизни и буду имѣть еще счастье не быть забытой моею дорогою императрицей въ разлукѣ, которая, быть можетъ, продлится въ теченіе всей моей жизни. И самая долгая жизнь не покажется ли намъ самой короткой, когда жизнь приходитъ къ своему концу, и когда начинаютъ думать о вѣчности? вѣчность представляется душѣ нашей лишенной всѣхъ приманокъ жизни, и самый міръ тогда—уже ничто для насъ. Къ счастью, я никогда не была привязана къ этимъ обманчивымъ призракамъ и не могу сожалѣть объ удовольствіяхъ, которыя другихъ приводятъ въ опьяненіе (on s'y enivre). Такимъ образомъ, исторгаетъ у меня сожалѣнія не мой образъ жизни, а отсутствіе всякой надежды увидѣться когда либо съ тѣми, кто дорогъ моему сердцу... Не питаю сама ни къ кому ненависти, я желала бы также оставаться нечувствительной къ ненависти другихъ¹⁾.

Въ этомъ грустномъ положеніи Нелидова прожила въ замкѣ Лоде почти полтора года, до января 1800 г. Живя такъ долго вдали отъ своихъ родственниковъ и друзей, лишенная, благодаря усердному участію эстляндскихъ чиновниковъ къ опальной фавориткѣ, почти всякихъ связей съ вѣшнимъ міромъ, Нелидова наконецъ рѣшилась смириться и, поздравляя императора съ наступившимъ новымъ годомъ, просила у него разрѣшенія возвратиться въ Петербургъ и поселиться попрежнему въ Смольномъ. Мотивомъ своей просьбы она выставила болѣзнь глазъ, грозившую ей слѣпотю; одновременно съ этимъ она ходатайствовала и за графа Буксгевдена, который желалъ отправиться съ своимъ семействомъ за границу²⁾.

За полтора года много утекло воды въ Невѣ, и хотя составъ враждебныхъ Нелидовой лицъ, окружавшихъ государя, остался почти неизмѣннымъ, но уже никто изъ нихъ не боялся возврата вліянія императрицы, а самъ Павелъ Петровичъ, очевидно, сохранялъ къ ней всегда чувство искренняго уваженія. На просьбу Нелидовой онъ отвѣчалъ ей слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ³⁾:

¹⁾ Correspondance, 333—336.

²⁾ Heyking, 188.

³⁾ Р. к. и.

«Я былъ по истинѣ тронутъ мнѣніемъ, которое вы сохранили о моемъ сердцѣ; оно слишкомъ старо, чтобы противорѣчить самому себѣ. Я просилъ императрицу сказать вамъ и напомнить, чего мнѣ никоимъ образомъ не возможно дѣлать. То, чего вы желали, уже сдѣлано. Искренно вашъ
Павель».

«9 января 1800 г.

Одновременно съ этимъ письмомъ Павель отправилъ за Нелидовой придворные экипажи.

XV.

Уединенная жизнь Нелидовой въ Смольномъ.—Характеръ дѣйствій графа Палена.—Возвратъ въ вѣнныя вліянія Нелидовой на Павла.—Ослѣпленіе Павла Петровича.—Дѣйствіи враждебной ому партіи.—Отношеніе къ Павлу Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой.—Скорбь ихъ по кончинѣ императора.—Ворьба ихъ съ Паленомъ и его увольненіе.

По возвращеніи въ Петербургъ, Нелидова, въ тиши своего уединенія, слѣдила за всѣми перипетіями конца царствованія Павла Петровича. Императрица Марія Ѳеодоровна, посѣщая весьма часто Смольный институтъ, изливала предъ Нелидовой свои горести и опасенія; въ тѣ дни, когда императрица не могла быть въ Смольномъ, она постоянно извѣщала ее о себѣ и о придворныхъ событіяхъ письменно. Изъ переписки этой видно, впрочемъ, что ни государыня, ни Нелидова, не представляли себѣ ясно характера и причинъ происходившихъ предъ ихъ глазами событій: онѣ не понимали, что Павель Петровичъ уже былъ въ сѣтяхъ собственныхъ своихъ враговъ, которые управляли его гнѣвомъ и милостію. Такъ, въ письмахъ своихъ къ Нелидовой, Марія Ѳеодоровна восхваляла гр. Н. П. Панина и гр. Палена, не подозревая даже того, что въ цѣляхъ Палена, не стѣснявшася въ средствахъ, было исподволь, но постоянно возстановлять общественное мнѣніе противъ государя и выставять его дѣйствія въ смѣшномъ видѣ; недаромъ одинъ изъ изслѣдователей этой темной эпохи, нравственно возмущенный предательски—иезуитскимъ образомъ дѣйствій Палена, назвалъ его душой «мрачной, непроницаемой, какъ глубина ада»¹⁾. При такихъ обстоятельствахъ даже новое сближеніе Павла съ Нелидовой едва ли могло отозваться благоприятнымъ образомъ на исходѣ его царствованія, такъ какъ направленіе дѣлъ въ это печальное время главнымъ образомъ опредѣлялось придворными интригами, сокровенный смыслъ и цѣли которыхъ даже для большинства участниковъ сдѣлались понятны гораздо позже. Какъ бы то ни было, но постарались устранить даже возможность такого сближенія.

¹⁾ Морошкинъ, Іезуиты въ Россіи, II, 5.

«Возвращеніе Нелидовой, — рассказываетъ Гейкинъ, — сильно обезпечило придворныхъ интригановъ: они стали бояться легко предвидимыхъ послѣдствій этого свиданія. Пущены были въ ходъ всѣ подпольныя интриги, чтобы удержать монарха отъ посѣщенія своего стараго друга. Его прогулки стали уже направляться въ сторону Смольнаго; но Кутайсовъ, сопровождавшій его повсюду по обязанности новой своей должности— оберъ-штальмейстера, сумѣлъ встревожить самолюбіе Павла и этимъ удержать его отъ перваго шага къ этому сближенію. Императрица, съ другой стороны, узнавъ, что Павелъ колеблется и, повидимому, желаетъ опять увидѣться съ Нелидовой, старалась придать этому примиренію торжественный отгѣнокъ. Она устроила у себя блестящій вечеръ, и государь обѣщалъ явиться на ея приглашеніе. Клика интригановъ сочла себя погибшею; но княгиня Лопухина, — бывшая въ это время уже замужемъ за княземъ Гагариннымъ, — и Кутайсовъ напрягли всѣ свои усилія для внушенія Павлу, что онъ снова бросается въ сѣти тѣхъ, отъ которыхъ успѣлъ избавиться. Послѣ долгихъ колебаній Павелъ перемѣнилъ свое намѣреніе и въ 7 часовъ вечера назначеннаго дня послалъ сказать императрицѣ, что онъ не прибудетъ на ея собраніе. Онъ пошелъ еще дальше: торжественно обѣщалъ Лопухиной никогда не посѣщать Смольнаго, пока тамъ будетъ проживать г-жа Нелидова»¹⁾. Послѣ этого Нелидовой оставалось только окончательно запереться у себя въ Смольномъ. «Я поставила себѣ за правило, — писала она женѣ Гейкинга, — не видѣться ни съ кѣмъ, кромѣ моихъ институтскихъ пріятельницъ, и отъ этой неизмѣнной рѣшимости ни за что не отступлю»... «И дѣйствительно, — прибавляетъ Гейкинъ, — она нисразу не была въ городѣ и постоянно жила въ глубочайшемъ уединеніи»²⁾. Единственнымъ ея развлеченіемъ была постоянная переписка съ Куракинымъ и Нелединскимъ-Мелецкимъ³⁾.

1800 годъ является особенно характеристичнымъ для царствованія императора Павла: начало его ознаменовано было цѣлымъ рядомъ крутыхъ мѣръ, направленныхъ или противъ отдѣльныхъ личностей изъ высшаго общества, по преимуществу военнаго и придворнаго, или къ выставленію Павла Петровича въ непривлекательномъ видѣ; конецъ 1800 года, напротивъ того, ознаменованъ былъ цѣлымъ рядомъ милостей для всѣхъ штрафованныхъ и исключенныхъ изъ службы. «Всѣ эти перемѣны, приписываемыя Павлу, — говоритъ современникъ, — были только послѣдствіемъ глубокозаходившихъ соображеній и такой тонкой интриги, которая можетъ сравниться лишь съ адскою ловкостью, съ какою она приведена была въ исполненіе»⁴⁾. Крутыя мѣры, исторгаемыя у

¹⁾ Hauking, 188—189.

²⁾ Тамъ же, 190.

³⁾ Хроника недавней старины, 48 и далѣе, письма къ Нелидовой Нелединскаго. Куракинская переписка за это время еще находится въ рукописяхъ.

⁴⁾ Тамъ же, 187.

Павла несомнѣнными и злонамѣренно преувеличенными доносами или столь же злонамѣреннымъ умолчаніемъ, имѣли цѣлью вызвать овлобленію общества противъ императора, искаженіе смысла императорскихъ повелѣній или каррикатурно-точное ихъ выполненіе (графъ Паленъ, напримѣръ, лично вымылъ голову, въ буквальномъ смыслѣ слова, одной высокопоставленной дамѣ), представить ясныя, повидимому, доказательства разстройства государя; когда же почва была уже достаточно подготовлена, тогда въ концѣ 1800 года умышленно наполнили Петербургъ массой людей, хотя и прощенныхъ, но дважды овлобленныхъ, такъ какъ, по представленію Палена, написано было всѣмъ прощеннымъ лицамъ, прежде опредѣленія ихъ вновь на службу, непремѣнно явиться въ Петербургъ для представленія государю, идѣ бы эти люди ни имѣли свое мѣстопробываніе. Это привело въ отчаяніе людей, которые, уже впавъ въ нужду, должны были теперь совершить путь въ три или четыре тысячи верстъ до столицы, чтобы потомъ пройти, можетъ быть, столько же до назначенныхъ имъ полковъ. Многимъ изъ офицеровъ пришлось просить милостыню, чтобы добраться до Петербурга ¹⁾. Дѣйствительнымъ хозяиномъ положенія былъ графъ Паленъ, вкравшійся въ безграничное довѣріе Павла и пользовавшійся постоянной и горячей поддержкой несмысленнаго Кутайсова, въ оберъ-шталмейстерскомъ мундирѣ оставшагося холопомъ въ полномъ смыслѣ этого слова и пользовавшагося близостью къ государю для того только, чтобы набивать себѣ карманы и выгодно пристраивать своихъ дочерей за знатныхъ баръ, что страшно льстило его тщеславію; къ оправданію Кутайсова можно сказать только то, что онъ никакъ не догадывался о сокровенныхъ цѣляхъ Палена, какъ, впрочемъ, не догадывался въ то время о нихъ никто, за исключеніемъ гр. Н. П. Панина, да англійскаго посла Витворта, оставившаго Россію въ маѣ 1800 г. Съ Англійей въ это время былъ у насъ разрывъ, Павелъ, въ союзъ съ первымъ консуломъ французской республики Наполеономъ Бонапартомъ, готовился къ военнымъ дѣйствіямъ противъ нея,—и, какъ передаютъ многіе современники, англійскія гинеи текли обильною рѣкою въ руки Палена ²⁾ и другихъ единомышленниковъ его чрезъ пріятельницу Витворта, О. А. Жеребцову, сестру прощенныхъ, по просьбѣ Кутайсова, и также возвратившихся въ Петербургъ въ концѣ 1800 г. друзей Палена: князя Платона и графовъ Николая и Валеріана Зубовыхъ. Правой рукой Палена сдѣлался ганноверецъ, подданный англійскаго короля, генераль-лейтенантъ русской службы, Бенингсенъ, въ числѣ прощенныхъ также возвратившійся въ Петербургъ.

¹⁾ Тамъ же, 190.

²⁾ Графъ П. А. Толстой въ мартѣ 1801 г. видѣлъ у Палена цѣлые свертки англійскихъ гиней. Вудучи уже въ опалѣ, Панинъ игралъ съ Зубовымъ, разв. поставилъ на карту 200.000 рублей (Русскій Архивъ, 1882 г., II, 68).

Въ февралѣ 1801 года, уволенъ былъ отъ службы Ростовичинъ, единственно остававшійся при дворѣ изъ числа лицъ, преданныхъ Павлу, и Паленъ, уже командовавшій въ Петербургѣ войсками и полиціей, назначенъ былъ, кромѣ того, управлять и почтами. Но, кажется, Павелъ Петровичъ сталъ уже догадываться въ это время, что слишкомъ много власти далъ онъ въ руки одного человѣка... За нѣсколько дней до своей кончины онъ вызвалъ, не говоря о томъ Палену, обратно въ Петербургъ Аракчеева, жившаго въ опалѣ въ пожалованномъ ему Грузинѣ, и въ то же время обдумывалъ какой-то важный планъ, долженствовавшій измѣнить порядокъ въ управленіи. Вечеромъ, 11-го марта, Аракчеевъ прибылъ въ Петербургъ, но, по приказанію Палена, былъ задержанъ у заставы...

Вмѣстѣ съ другими, императрица Марія Ѳеодоровна, несмотря на свое печальное положеніе, горячо любившая своего супруга, также введена была въ заблужденіе угодливостью и коварнымъ образомъ дѣйствій Палена. Оплакивая въ перепискѣ съ Нелидовой печальныя событія 1800 года и сожалея о непослѣдовательныхъ и суровыхъ распоряженіяхъ Павла Петровича, окруженнаго недостойными людьми, она такъ выражалась о Паленѣ: «Паленъ достойный и почтенный человѣкъ, единственный изъ всѣхъ, занимающихъ высокія должности, котораго я еще уважаю»¹⁾. Въ другомъ письмѣ она говорила еще рѣшительнѣе: «Боже сохрани, чтобы онъ оставилъ Петербургъ!»²⁾. Мысли Нелидовой были только отзвукомъ въ этомъ отношеніи мыслей Маріи Ѳеодоровны, которая, находясь въ центрѣ совершавшихся событій, была, быть можетъ, единственнымъ источникомъ, откуда Нелидова могла получать достовѣрныя свѣдѣнія о дѣйствующихъ лицахъ³⁾.

Скоропостижная кончина императора Павла Петровича въ ночь съ 11 на 12-е марта 1801 года произвела страшное нервное потрясеніе въ Нелидовой; но, забывая о своемъ личномъ горѣ, она должна была сдерживать себя, чтобы успокаивать и утѣшать царственную свою подругу, императрицу Марію Ѳеодоровну, среди радостнаго настроенія, охватившаго высшіе круги общества при восшествіи на престолъ Александра Павловича, находившую себѣ отраду единственно въ обществѣ Нелидовой, столь преданной почившему несчастному государю. Горестъ Нелидовой дѣйствительно была глубока и непритворна, какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, велико было и ея негодованіе на

¹⁾ Письмо отъ 21 декабря 1800 г.

²⁾ Письмо отъ 20 декабря 1800 г.

³⁾ Извѣстіе (Русскій Архивъ, 1873 г., II, 2169), будто Нелидова много узнавала тогда чрезъ петербургскаго полиціймейстера Рачинскаго, своего племянника, который будто бы незадолго до 11 марта докладывалъ государю о необходимости принять мѣры, — опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что Рачинскій уволенъ былъ отъ должности еще 28 октября 1800 г., по вліянію, конечно, Палена (Сенатскій архивъ, 614).

Палена. Навѣстивъ ее тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ, по смерти Павла Петровича, Гейкингъ нашелъ Нелидову страшно измѣнившуюся. «Волосы ея посѣдѣли,—пишетъ онъ,—лицо покрылось морщинами, цвѣтъ лица сдѣлался желтовато-свинцовымъ, и глубокая печаль отражалась на этомъ прежде столь улыбавшемся лицѣ. При третьемъ свиданіи я засталъ ее одну. Я заговорилъ о своей женѣ, минувшемъ времени, и глаза ея наполнились слезами, когда я рассказалъ, что мнѣ пришлось вытерпѣть. «О, несчастный государь былъ менѣе виноватъ,—сказала она,—чѣмъ тѣ, которые окружали его. Вы оба имѣете полное право не любить этого Палена». При этихъ словахъ лицо ея оживилось, и это поразило меня тѣмъ болѣе, что обычная ея сдержанность часто доходила до притворства. «Этого недовольно,—продолжала она,—что онъ сдѣлался виновникомъ интригъ противъ своего государя и благодѣтеля; онъ стремится еще поссорить мать и сына, чтобы управлять государствомъ, какъ первый министръ. Но я сомнѣваюсь, чтобы второй его планъ удался ему такъ же, какъ и первый. Государь любитъ свою мать, и она его обожаетъ: такую связь не разорвать Палену, при всемъ его искусствѣ въ интригахъ». Въ эту минуту въ комнату вошли двѣ дѣвицы, и разговоръ былъ прерванъ. Но при этомъ случаѣ я въ первый разъ въ жизни видѣлъ Нелидову въ гнѣвномъ настроеніи духа и въ той крайней осторожности, которою она всегда такъ отличалась¹⁾.

Дѣйствительно, было отъ чего Нелидовой возмутиться поведеніемъ Палена, тѣмъ болѣе, что и она сама, и императрица, какъ мы видимъ, были о немъ высокаго мнѣнія; чрезвычайно строгая къ себѣ самой, Нелидова могла даже скорбѣть о томъ, что Паленъ прощенъ былъ Павломъ и вновь принятъ на службу именно въ періодъ ея всемогущества, какъ тогда же, благодаря ея же заступничеству, оставленъ былъ при особѣ государя и гардеробмейстеръ Кутайсовъ, нынѣ оберъ-италмейстеръ, графъ и Андреевскій кавалеръ. Паленъ, тотчасъ послѣ кончины императора Павла, думалъ управлять Россіей¹⁾, но въ то же время онъ не могъ не видѣть, что въ лицѣ императрицы-матери приобрѣлъ себѣ ожесточеннаго врага. Считая императора Александра, по его молодости и неопытности, вполне подчинившимся своему вліянію, графъ Паленъ сталъ интриговать противъ императрицы Маріи Феодоровны, доложивъ императору, что она содѣйствуетъ возмущенію народа распространеніемъ иконъ съ необыкновенными надписями. Кончилось тѣмъ, что и слѣдовало ожидать; императрица, бывшая въ то время въ Гатчинѣ, объявила Александру Павловичу, что она не возвратится въ Петербургъ до тѣхъ поръ, пока тамъ останется Паленъ («so lange Pahlen in Pe-

¹⁾ Heyking, 231—232.

²⁾ Czartoryski, Memoires, I, 225.

tersburg ist, kehre ich nicht dahin zurück¹⁾). Тогда императоръ Александръ обратился за совѣтомъ къ вновь назначенному имъ генераль-прокурору Беклешову, какъ поступить ему съ Паленомъ. Беклешовъ, пользовавшійся у нѣмецкой партіи репутаціей «старога русскаго» (un vieux russe), человѣкъ прямой и преданный монарху, «Беклешовъ, — рассказываетъ Чарторыжскій, — съ обычною ему грубостію выразилъ императору свое удивленіе, какъ можетъ русскій самодержецъ жаловаться и не приводить въ исполненіе своей воли. «Когда мухи, — прибавилъ онъ, — вертятся около моего носа, я ихъ прогоняю». Тогда императоръ, 1-го апрѣля 1801 года, подписалъ указъ объ увольненіи Палена отъ службы съ приказаніемъ ему немедленно выѣхать изъ Петербурга. Беклешовъ, бывший другомъ Палена, лично привелъ этотъ указъ въ исполненіе²⁾. Уже въ началѣ мая Нелидова сообщила о томъ Нелединскому-Мелецкому въ Москву. «Ничто не можетъ быть пріятнѣе, утѣшительнѣе, живительнѣе, — отвѣчалъ онъ, — для сердца каждаго вѣрнопопданнаго, какъ то единеніе, которое господствуетъ, по словамъ вашимъ, въ царской семьѣ. Подлинно всеобщее благосостояніе не можетъ покоиться на болѣе прочномъ основаніи, и въ то же время это служить вѣрнѣйшимъ средствомъ къ подавленію интригъ и къ смущенію интригановъ³⁾».

Съ кончиной императора Павла завершилась и главная историческая роль Нелидовой, такъ какъ почти все ея политическое значеніе основано было на личныхъ отношеніяхъ ея къ своеобразно-порывистому и, что бы ни говорили современники, рыцарски-чистому въ своихъ побужденіяхъ императору Павлу, не въ природѣ котораго, по мѣткому выраженію одного изъ его приближенныхъ, было пользоваться покоемъ въ здѣшнемъ мѣрѣ⁴⁾. Въ этихъ чистыхъ отношеніяхъ, въ теплой преданности Нелидовой памяти ея царственнаго поклонника коренился залогъ постоянной привязанности къ ней вдовствовавшей государыни. Оставаясь попрежнему главной начальницей Смольнаго института, Марія Ѳеодоровна весьма часто посѣщала его и каждый разъ бывала у Нелидовой, а во время отсутствія своего изъ Петербурга письменно бесѣдовала съ нею. Въ первое время послѣ смерти Павла Петровича Нелидова почти вовсе не выѣзжала изъ Смольнаго, гдѣ занимала старыя свои комнаты, занятыя теперь лазаретомъ Воспитательнаго Общества благородныхъ

¹⁾ Heuking, 287. Рассказъ Нелидовой объ этомъ поступкѣ Палена тамъ же, 284—286.

²⁾ Czartoryski, I, 226; Heuking, 286—288.

³⁾ Хроника недавней старини, 68.

⁴⁾ Тамъ же, 67. «Veuille l'Être Suprême, — писалъ Нелидовой Нелединскій-Мелецкій 7-го апрѣля 1801 года, — lui accorder dans une autre vie la paix dont (oserais-je le dire) il n'était pas en lui de jouer dans celle-ci!».

дѣвицъ; но, съ теченіемъ времени, она была постоянной гостей двора императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ особенности лѣтомъ и осенью, въ Павловскѣ и Гатчинѣ. Здѣсь ее принимали, какъ стараго друга императорской фамиліи, и во всѣхъ чисто семейныхъ ея дѣлахъ совѣты Нелидовой имѣли большой вѣсъ въ глазахъ подвоствующей императрицы, голосъ которой, въ свою очередь, имѣлъ большое значеніе для императора Александра: вліяніе Нелидовой въ этомъ отношеніи еще ждетъ своей оцѣнки. Проживая въ Смольномъ подъ покровительствомъ августѣйшей своей подруги, Нелидова занималась воспитаніемъ племянницы своей, Александры Александровны Нелидовой, вышедшей потомъ замужъ за князя Трубецкаго, и составляла свой дневникъ (journal), вѣрнѣе сказать, воспоминанія о своей жизни. Къ сожалѣнію, воспоминанія эти едва ли не утрачены навсегда, какъ утрачены для потомства мемуары другой ея современницы, также подруги Маріи Ѳеодоровны, известной княгини Шарлоты Карловны Ливенъ¹⁾.

Оглядываясь на свое прошлое, Нелидова не могла не видѣть, какъ безсильны были ея добрая воля и добрыя чувства въ борьбѣ съ жизнію, со страстями человѣческими, не могла не чувствовать постоянно, что къ ней постепенно относятся все съ меньшимъ и меньшимъ вниманіемъ. Послѣ смерти ея покровительницы въ 1828 г. она испытывала самое худшее для самолюбиваго человѣка: о ней просто забыли, и въ это время, уже въ преклонные свои годы, она проявляла болѣе раздражительности и мелочности въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, видѣвшимъ въ Нелидовой лишь отставную фаворитку. «По отзывамъ людей, знавшихъ Нелидову въ этотъ послѣдній періодъ ея жизни, — говоритъ князь Лобановъ-Ростовскій, — нельзя было не уважать ея за образованный, своеобразный и пылкій умъ ея; нельзя было не плѣняться ея бесѣдою, когда она находилась въ добромъ расположеніи духа. Но тѣ же лица помнятъ о ея несносномъ характерѣ и о томъ, сколько терпѣли отъ ея ворчливости и требовательности близкіе къ ней люди. До самой старости сохраняла она свои притязанія и важничала (sic), какъ во время оно. Въ Смольномъ монастырѣ вообще ея больше боялись, нежели любили». Для характеристики того, какъ съ ней иногда обращались и какъ она «важничала», князь Лобановъ рассказываетъ слѣдующее: «По кончинѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, вздумали было отплатить ей за ея воркотню и докучливость, въ той увѣренности, что она не имѣетъ уже при дворѣ прежняго значенія. Въ числѣ разныхъ льготъ, которыя она сохранила за собою, поселившись въ монастырѣ, пользовалась она правомъ имѣть въ своемъ распоряженіи придворную карету и камеръ-лакея. Однажды ей надо было вы-

¹⁾ Князь Вяземскій. Полное собраніе сочиненій, IX, 184: «У Нелидовой, — сообщаетъ онъ, — сундукъ съ письмами Павла и своимъ журналомъ».

ѣхать, и она приказала подать карету. Ей отвѣчали, что нѣтъ ни кареты, ни камеръ-лакея, и что они взяты у нея по высшему распоряженію. Тотчасъ написала она письмо къ императору Николаю, съ выраженіемъ своей признательности за милости, которыя онъ постоянно ей оказывалъ, и съ просьбой въ послѣдній разъ одолжить ей, по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней, ту карету, которою она до сихъ поръ пользовалась, покамѣстъ она не распорядится покупкой собственнаго экипажа. Черезъ нѣсколько дней послѣ того государь пріѣхалъ въ Смольный и, обошедши женскій институтъ, пошелъ тѣмъ коридоромъ, который велъ къ помѣщенію Нелидовой. Сопровождавшіе суетятся, перешептываются, и наконецъ кто-то осмѣливается доложить, что подъѣздъ совсѣмъ въ другомъ концѣ, и что его величество идетъ совсѣмъ не туда. Государь отвѣчалъ, что онъ знаетъ дорогу, и направился прямо къ Нелидовой. Онъ объявилъ ей, что ему никогда не приходило въ голову отнимать то, что ей было дано, былъ очень любезенъ и предупредителенъ. Съ того дня Нелидова не знала, куда дѣваться отъ посѣтителей; къ ней бросались лица, почти никогда у нея не бывавшія. Нечего добавлять, что происшествіе съ каретой было истолковано, какъ простое недоразумѣніе, и что съ тѣхъ поръ Нелидовой не надо было опасаться какой либо непріятности въ этомъ родѣ. Она любила рассказывать этотъ анекдотъ въ доказательство своего умѣнья бороться съ интригами и отстаивать свои права¹⁾. Мы даемъ теперь иное объясненіе ея поведенію въ этомъ случаѣ. Несправедливо заподозриваемая, неволью оскорбляемая въ лучшихъ своихъ чувствахъ и воспоминаніяхъ, Екатерина Ивановна, по свидѣтельству того же кн. Лобанова, всегда горделиво молчала объ отношеніяхъ своихъ къ императору Павлу: она слишкомъ уважала себя и слишкомъ хорошо познала людей, чтобы открывать кому либо свою душу. Вниманіе, оказанное ей императоромъ Николаемъ, было самымъ дорогимъ для нея и самымъ осязательнымъ для другихъ доказательствомъ глубокаго уваженія, которое питалъ онъ къ самому искреннему и самому безкорыстному другу царственныхъ своихъ родителей.

Послѣдніе годы жизни своей Нелидова провела въ Смольномъ съ сестрой своей, дѣвицей Любовью Ивановной, которой послѣ смерти брата ея, почетнаго опекуна Аркадія Ивановича, бывшаго прежде генераль-адъютантомъ Павла I,—дозволено было, по высочайшему повелѣнію, занять въ зданіи Смольнаго института комнаты рядомъ съ комнатами Екатерины Ивановны. Окна этихъ комнатъ выходятъ въ садъ, расположенный на берегу рѣки Невы, а у самой Невы устроенъ былъ Нелидовой, во вкусъ того времени, такъ называемый эрмитажъ (хижина пустытника), который былъ лѣтнимъ ея мѣсто-

¹⁾ Русскій Архивъ, 1878 г., 2170—2171.

пребываніемъ. Въ настоящее время комнаты эти, благодаря позднѣйшимъ ремонтамъ, почти утратили свой первоначальный видъ, и прекрасная живопись прошлаго столѣтія сохранилась только на потолкѣ одной комнаты, бывшей прежде залой, а въ остальныхъ замазана штукатуркой. Обстановка этихъ комнатъ также почти не сохранилась. Несомнѣнно, что Смольный институтъ, столь любимой Нелидовой, сдѣлаеть что нужно, чтобы воздать должное памяти самой знаменитой своей воспитанницы, одной изъ благороднѣйшихъ русскихъ женщинъ и искренней подруги императрицы Маріи (Леодоровны, заботамъ которой институтъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ).

Екатерина Ивановна Нелидова дожила до глубокой старости. Она скончалась 82-хъ лѣтъ, 2-го января 1839 года, на рукахъ племянницы своей, княгини Трубецкой, которую она любила и воспитывала, какъ дочь. «Предсмертная болѣзнь ея, — говоритъ одинъ современникъ, — продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ; это было истощеніе физическихъ силъ, но умъ и душа бодрствовали неослабно. Она сподобилась причастія за нѣсколько недѣль до кончины своей. Въ ночь съ 1-го на 2-е января, часто засыпая, она думала, что она уже въ лучшемъ мірѣ, и когда, потомъ, пробуждалась вновь къ этой жизни, то скорбѣла, что душа ея, послѣ 82-лѣтняго странствованія, не возвратилась еще въ свѣтлую отчизну. Тѣло покойной отпѣто было въ дѣтской церкви Общества благородныхъ дѣвицъ. Здѣсь во дни младенчества своего, за 75 лѣтъ предъ симъ, она впервые услышала наставленіе въ Законѣ Божіемъ и здѣсь же возлежала она теперь предъ тѣми же иконами Спасителя и Божіей Матери, какъ бы предъ судилищемъ небеснымъ, отдавая отчетъ въ томъ, сколько свято соблюла она во всю жизнь внушенныя ей съ дѣтства правила. Глубокое благочестіе, отлично образованный умъ, любовь къ изящнымъ искусствамъ, тонкое знаніе сердца человеческого, веселый дѣтскій нравъ, привлекали къ ней всѣхъ ее окружающихъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. Уклоняясь всегда съ рѣдкимъ самоотверженіемъ отъ выспихъ почестей и богатствъ, она старалась только облегчать, по возможности, участь ближнихъ своихъ, преимущественно тѣхъ, которые, страдая болѣе другихъ, болѣе нуждались въ помощи. Она жила по слову Евангельскому: «будьте яко дѣти». Любила все страждущее, все безпомощное, несмотря ни на какое различіе, не требуя взаимности, не ожидая благодарности... Заведеніе, въ которомъ развились эти рѣдкія качества души, должно по справедливости этимъ гордиться. Жаль только, что немногіе исполнѣ понимали и достойно цѣнили покойную»¹⁾.

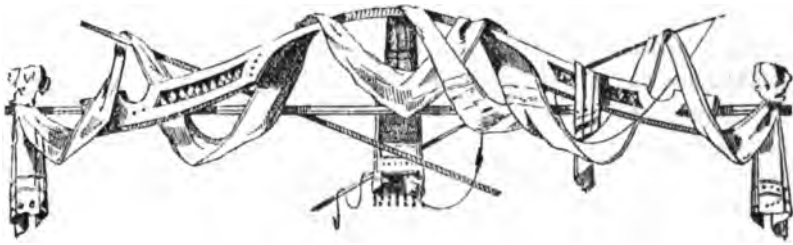
Мѣстомъ своего погребенія Нелидова избрала кладбище Большой Охты, по ту сторону Невы, которое всегда ясно созерцала она изъ

¹⁾ Осьми. Вѣкъ, III, 458—459.

оконъ своихъ комнатъ и своего эрмитажа. Она какъ бы ждала и по смерти своей не разлучаться съ младенческимъ своимъ приютомъ. Дѣйствительно, съ этого кладбища Смольный—какъ бы на ладони, хотя возлѣ кладбища много новыхъ построекъ. Нынѣшнимъ глѣтомъ я ѣздилъ поклониться могилѣ Нелидовой. Она оказалась у сѣверныхъ дверей церкви святителя Николая, но никто изъ служащихъ на кладбищѣ не зналъ о ней. На Больше-Охтенскомъ кладбищѣ находили себѣ вѣчное успокоеніе охтенцы и охтянки—люди бѣдные, простые, безхитростные, чуждые всякой политики, и среди нихъ имя Нелидовой, всегда при жизни своей скромной, участливой, сіявшей внутреннимъ, душевнымъ блескомъ,—такъ отвѣчаетъ всей непритязательной, бѣдной кладбищенской обстановкѣ! На могилѣ Нелидовой существуетъ памятникъ, не огороженный рѣшеткой. Хорошо сохранился гранитный саркофагъ, съ простою надписью, но могильныя плиты уже вошли въ землю одной своей стороною, и, безъ поправки, памятнику грозитъ паденіе. Кругомъ тѣсный глѣсъ деревянныхъ могильныхъ крестовъ, рядъ куческихъ мавзолеевъ, а возлѣ—ни деревца, ни зелени... Пройдетъ еще нѣсколько глѣтъ, и, быть можетъ, отъ могилы Екатерины Ивановны Нелидовой, отъ одного слова которой зависѣло въ свое время счастье и несчастье столькихъ людей, не останется и слѣда. Невольно, при кладбищенскомъ сторожѣ, я съ грустью произнесъ вслухъ старья, но вѣчно юныя слова: «Sic transit gloria mundi!»... Одного не сотретъ, не уничтожитъ безпощадное время: историческаго имени Нелидовой и тѣхъ лучшихъ свойствъ русской женщины, которыхъ она была для своего времени столь благородной выравительницей.

Евгеній Шумигорскій.

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ ¹⁾.

XV.

Петька Крокодилъ.

I.

ТО БЫЛО на третій или четвертый день послѣ того, какъ я поселился въ мезонинѣ, у вдовы Шабарихи, сдававшей свой домишко дачникамъ. Сама Шабариха, женщина лѣтъ пятидесяти, въ началѣ мая перебиралась въ баньку и жила тамъ до конца августа, а иногда и до половины сентября, смотря по тому, долго ли оставались на дачѣ «пожилыцы».

Я собирался спать и уже началъ раздѣваться, когда вдругъ, среди мертвой тишины, на улицѣ раздался окрикъ:

— Эй, честна вдова, Марья, дочь Климентьева... не спишь? Голосъ кричавшаго былъ низкій и хриплый. Въ отвѣтъ на окрикъ залилась цѣпная собака, охранявшая домъ Шабарихи.

— Не лай попусту, не боюсь! — проговорилъ тотъ же хриплый голосъ, и чрезъ мгновеніе раздалось вычно:

— Уснула, што ли... аль отовваться не хочешь? Марья—я!

Я подошелъ къ открытому окну. Въ этотъ же мигъ отворилось окно внизу, и густой басъ внушительно нарушилъ тишину:

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIX, стр. 625.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1897 г., т. LXX.

— Чего орешь! Пошелъ прочь!

— Господинъ, я не вамъ!.. Не извольте тревожиться!

— Люди спать ложатся, а ты безчинствуешь...

— Мы, господинъ, до Марьи имѣемъ дѣло... Васъ это не касательно.

— Такъ иди къ ней, а не безобразничай!

— А вы отойдите воротца, мы и войдемъ!

— Ахъ, ты, скотина! Да ты еще смѣешься, дерзничаетъ! Я вотъ урядника позову!

Нижній дачникъ, отставной «профессоръ семинаріи», прибавилъ очень энергичное словечко.

— Ругаться, господинъ, не полагается... на это тоже можно жаловаться хошь уряднику, а то и самому приставу...

— Убирайся прочь, или я тебя сейчасъ отправлю въ арестантскую!—внѣ себя отъ гнѣва закричалъ профессоръ.

— Ха, ха, ха!.. Руки коротки, господинъ! Выходи-ка: кто кого осилить. За себя постоимъ, сдѣлайте вашу милость!.. Не хорохорьтесь очень, ваше благородіе!

Окно внизу захлопнулось. Сознавъ свое безсиліе, профессоръ кинулся къ хозяйкѣ. Я тоже спустился на дворъ.

— Марья—я! Слышишь, аль нѣтъ?—продолжалъ буянить.

Въ ту минуту, какъ я вышелъ на крыльцо, профессоръ уже объяснялся съ хозяйкой.

— Скажите ему, чтобы онъ убирался... вѣдь это ни на что не похоже!.. Какое тутъ, къ чорту, дачное отдохновеніе!..

— Я-то чѣмъ виновата, Самсонъ Христофоровичъ? — жалобно возразила Шабариха:—я нешто могу быть въ отвѣтъ за какиннаго пьянчужку?

— Но онъ васъ вызываетъ!

— Такъ что же, родной мой?

— Значить, имѣетъ право.

Профессоръ подчеркнул послѣднее слово.

— Баринупка, да что вы? Ужли худое что помыслили? Въ мои ли годы такими дѣлами заниматься?.. Богъ съ вами!

Профессоръ смягчился и даже нѣсколько сконфузился.

— Я не про что такое... да зачѣмъ же онъ васъ вызываетъ?—нерѣшительно проговорилъ дачникъ.

— А кто его знаетъ!.. Захотѣлъ выпить—и ореть...

— У васъ не кабакъ.

— Я лавеча поднесла ему...

— Ну, вотъ!..

— Да нельзя было не поднести, Самсонъ Христофоровичъ, потому что этотъ сквернословецъ корову помогъ найти... А онъ вотъ хватилъ, и пошло: видно еще мало.

— Марья—я!

Собака опять залилась лаемъ и заметалась на цѣпи.

— Молчи, Дружокъ!—крикнула вдова и направилась къ воротамъ.

Не отворяя калитки, она крикнула буяну:

— Что орешь, оглашенный!.. Господь безпокоишь... да славу на меня наносишь, безпутный! Чего тебѣ надо?

— А! вылъвала!.. Слышь, Марья... это ничего, что господа... И господа не святѣ насъ... такіе же, какъ мы, грѣшныи...

— Чего тебѣ надо-то?—сердито перебила его Шабариха.

— А вотъ чего... честна мать, вдова: дай-ка ты мнѣ семь копеекъ!..

— Еще что надумалъ!

— Да ужъ надумалъ... дай!

— Съ какой радости?.. Не допилъ еще, что ли?

— То-то и дѣло, что нехватка... Экая ты у меня догадливая!

— Убирайся... у меня не питейный... что ты, очумѣлъ!

— Я не водки и прошу, а денегъ...

— Не дамъ!..

— А ты дай, потому корова не этого стоитъ.

— Уходи!.. Что это еще за дань выдумалъ... Получилъ, и полно съ тебя!

— Дай, Марья, а то не отстану... до вари буду кричать...

— И угодишь въ копилку. Вотъ пойдетъ ночной сторожъ, такъ я скажу, чтобы уряднику далъ знать.

— Урядника, Марья, пѣтуги... уѣхалъ въ Смирное. А сторожа я пальцемъ шибу... Дай лучше!

— Говорятъ тебѣ, уходи!.. А то, ей-Богу, Дружка спущу,—пригрозила вдова.

— По мнѣ хоть пару спушай: у меня гирька есть, разомъ духъ вонъ!

— Это совсѣмъ разбойникъ,—произнесъ профессоръ, пожимая плечами.

— Хуже всякаго разбойника,—сказала Шабариха:—того хоть въ тюрьму засадятъ, а этотъ ходить на волѣ, и унять не могутъ.

— Онъ здѣшній?—спросилъ я.

— И не здѣшній... вблизихъ деревня тутъ...

— Зачѣмъ же онъ здѣсь шляется?

— Да вотъ около кабаковъ околачивается да скандалить... Не даромъ его и зовутъ Крокодиломъ... Настоящій крокодилъ!

— Какъ крокодилъ?—удивленно выкрикнули мы съ профессоромъ въ одинъ голосъ.

— А такъ...

— Не фамилія же это?

— Просто Петька Крокодилъ... такъ его всѣ зовутъ.

— Марья—я!.. Дашь, что ли? Долго ли мнѣ стоять-то? Я ворота буду на приступѣ брать...

— Что же это такое? Онъ еще окна начнетъ бить... Ну, деревня... а еще народолюбцы... молебны поютъ этимъ меразавцамъ!

— Да здѣсь какая же деревня... не то выселокъ, не то, кто знаетъ, что такое...

— Послушайте,—перебилъ я вдову,—дайте ему лучше денегъ, а то онъ не отвяжется...

— Нешто у меня деньги-то на полу валяются, господинъ хорошій, что я буду ихъ пьяницамъ раздавать!

— Я вамъ дамъ. Пусть только уйдетъ онъ. Завтра я скажу все уряднику, а вѣдь сегодня все равно ничего не подѣлать...

— Конечно,—поспѣшно согласился и профессоръ:—спать не даетъ, и окна еще перебьетъ, напугаетъ Женичку. Я съ своей стороны тоже готовъ...

— Ну, ужъ такъ-то баловать его не къ чему: просить семь копеекъ, и ладно. А то эстолько съ какой благодати...

Она взяла отъ меня семь копеекъ и, пріотворивъ калитку, крикнула:

— Гдѣ ты, безстыжіе твои глаза... Возьми!

Она кинула деньги на землю, захлопнула калитку и добавила:

— Больше и дороги не знай ко мнѣ... На грѣхъ даве и попросила-то, какъ путнаго какого...

— Вотъ это, Марья, хорошо... Выпьемъ за твое здоровье!—закончилъ Крокодилъ, поднимая деньги съ земли.

— Опился бы хошь, другимъ-то бы далъ свободу!—сердито промолвила Марья.

— Это ты напрасно... Я по-хорошему, а ты...

— Ну, будетъ,—крикнулъ профессоръ,—дали, и убирайся!

— Уйду, господинъ, уйду! А вы не гнѣвайтесь, печенки заболятъ.

— Ахъ, негодяй!

Негодяй захохоталъ, присвистнулъ и пошелъ. Собака проводила его лаемъ. Мы отправились по своимъ комнатамъ.

— Завтра же уряднику скажу, а то становому прямо напишу,—проговорилъ профессоръ, прощаясь со мною, какъ бы утѣшая себя этимъ и отчасти возстановляя поруганное достоинство «барина».

II.

На другой день профессоръ отправился къ уряднику.

Я узналъ объ этомъ отъ Шабарихи, встрѣтившись съ нею въ огородѣ.

— Попусту только все,—замѣтила вдова увѣренно.

— Почему?

— Забубенная головушка—этотъ Петька... Что ему коптылка? Посидить, а тамъ опять за свое... нешто его проймешь? Да и урядникъ едва-ль что подѣлаетъ... онъ ужъ рукой махнулъ на

Петьку... Знаете, господинъ хорошій, страшно начальство для того, кто себя блюдетъ и штрафу боится, а потерянному человѣку никто не страшнѣ. Миколай Андреичъ—это урядникъ—и самъ говорилъ какъ-то: мы такимъ не начальство. И истинно такъ: ему все нипочемъ, и себя-то недолго изъ-за него замарать... Передъ чѣмъ такой человѣкъ остановится? Недалеко ходить... Надняхъ исторія была... Ёдетъ Овсовъ, лавочникъ изъ Мартыновки, съ гостями,—ѣдетъ, а Петька ему и кричитъ: «ваше степенство, каково ваша дочка съ полюбовничкомъ поживаетъ!» На-ка тебѣ, скушай эту-кую дулю при чужихъ-то!

— За такіе поступки можно и къ суду привлечь!

— А если правда? Дочка-то у Овсова съ актеромъ бѣжала и живетъ по сію пору неповѣчанная... Какой судъ? Извѣстно, другой не осрамить такъ... а Петькѣ что!.. Онъ за штофъ водки и человѣка порѣшить!..

— Развѣ?

— А вы думали бы что? Вона домъ Прорѣхиной сгорѣлъ... дѣло-то евоныхъ рукъ, всѣ говорятъ.

— Поджогъ?

— Да, а только не со злобы, по уговору. Домъ-то былъ заштрафованъ, вотъ она и подговорила Петьку!.. Конечно, поймали бы—крышка крокодилу, ну, онъ ловокъ, шельма... чисто работаетъ.

— Да вы его знаете?—спросилъ я Шабариху.

— Какъ не знать... всю семью знаю. Братъ-то ховяйственно живетъ... въ сторожахъ былъ... не бѣдные!

— Отчего же Петька такой вышель?

— Нешто человѣкъ одинъ на другого схожъ? Изъ одной семьи, да разные выходятъ... Я такъ полагаю, господинъ милый, Питеръ испортилъ его. Еще по юности Петька жилъ въ портерной, потомъ-то въ трактирѣ служилъ и въ дворникахъ живалъ... компанію-то подобралъ недобрую, съ шатунами связался, и на мѣстахъ-то не стали держать. Онъ сюда заявился, ну, а въ деревнѣ еще не слаще, деревенская работа не по немъ... потомъ у брата, пошли покоры да укоры, онъ опять въ Питеръ, да тамъ совсѣмъ ужъ и сбился съ пути. Этакъ съ года полтора тому назадъ его сюда по этапу пригнали, пачпорта не оказалось, и прогнали его. А здѣсь онъ уже пить началъ, компанію съ бродягами да съ пьяницами повелъ... такъ вотъ и дошелъ до эдакаго безобразія.

— Гдѣ же онъ живетъ?

— Да гдѣ: то дома, то гдѣ Богъ приведетъ... Братъ-то и радъ бы не пустить, а не смѣетъ...

— Боятся Петьки?

— А то какъ же не бояться? Карахтеръ у Петьки рѣшительный, все трынъ-трава... Долго ли, пустить краснаго пѣтуха—и на тебѣ!.. Тамъ суди его, а брату—разоренье!

- Отчего общество его не выселяетъ?
- Безпремѣнно выселить, только бы подь судъ-то угодить... Изъ острога опороченнаго не примутъ.
- И безъ суда можно, общество имѣетъ право.
- А деньги-то, баринушка? Общество—вноси! Коли отъ суда—такъ на казенный счетъ, значить, а такъ-то—общество плати... Пытали, было, да вотъ и польза! Стало, безъ денегъ... а денегъ нѣту.
- Изъ-за этого и терпятъ?
- Что подѣлаешь!.. И боятся негодника: потому когда тамъ пымаютъ, да осудятъ, а тутъ бѣда какъ разъ отъ него, собаки бездомной... Его ужъ и бить-то намѣревались, да увёрнулся... И что еще: парня-то тово, который, стало, другихъ подговаривалъ, бродяжки, товарищи Петьки, такъ вдули, что онъ чуть Богу дупу не отдалъ.
- Вотъ и жаловались бы.
- На кого? Бродяжки-то били, да ихъ и слѣдъ простыгъ... Петька себя отгородилъ. А все-таки не сносить ему башки, нарвется: либо подь судъ угодить, либо порѣшати съ нимъ... Былъ тоже вотъ, въ родѣ Петьки, Климъ рыжий... Такъ его въ омутъ напихи связаннымъ... И Петькѣ придетъ карачунъ...
- А жаль все-таки его, парень здоровый, должно быть!—заѣтять я.
- Быкъ, а не человѣкъ, вотъ кто онъ! Силища огромная... Тутъ одиноко на споръ пошли... такъ Петька-то такой кулъ поднялъ, что всѣ диву дались, какъ у него хребетъ не хрустнутъ... Здоровъ, хошь отбавляй... Наградилъ Богъ, а только сила-то не на Бога, а на чорта работает!
- Холостой онъ?
- Ну, куда ему жениться? И кто пойдетъ? Хоша дѣвки и зря иногда въ петлю лѣзутъ, да тутъ ужъ виданое дѣло... такой дуры и не найдется...
- Могъ раньше.
- Богъ милостивъ, спасъ его отъ такой бѣды. А то былъ бы еще лишній грѣхъ на Петькиной душѣ...
- Профессоръ вернулся домой торжествующій и довольный.
- Ну, что, баринушка, видѣли урядника?—спросила Шабариха.
- Какъ же! Я ему прямо сказалъ: уберите этого негодяя, а то и буду жаловаться... Сказалъ, что непременно засадить его. Только вотъ полвится здѣсь, его сейчасъ и въ арестантскую. Вапъ урядникъ такой славный, вѣжливый.
- Это вѣрно,—согласилась Марья:—онъ уважительный и обхождение хорошее знаетъ. А только ничего ему съ Петькой не подѣлать.
- Онъ сказалъ, что непременно сдѣлаетъ все...
- Это ужъ онъ всегда такъ, баринъ, потому обходительный человѣкъ, а только...

Она не кончила фразы, махнула рукою и пошла въ баню.
 — Глухая баба! — тихо произнесъ профессоръ.
 Онъ пренебрежительно улыбнулся и добавилъ:
 — Порядкомъ запугаль ихъ этотъ негодяй! Ну, да онъ увидить
 теперь, что съ нимъ не шутять.

III.

Около трактира «Золотой Бережокъ» собралась толпа; тутъ были и мужики и бабы, но преимущественно ребятишки обоого пола.

Еще за нѣсколько шаговъ я услыхалъ выкрики «Петрушки» и звуки разбитой шарманки. Толпа съ наслажденіемъ слушала эту музыку, раздражающую нервы, и «Петрушкины» остроты, съ запахомъ рынка и площади.

— Ай да ловко, вотъ такъ! — закричалъ кто-то въ порывѣ восторга, когда «Петрушка» началъ бить по головѣ будочника: — валяй его, ишь, тоже начальство выискалось!

Толпа раздѣляла восторгъ одного изъ своихъ членовъ, и одобрительный хохотъ огласилъ воздухъ.

— Нравится? — спросилъ я у парня съ мѣшкомъ на плечахъ.

Парень, у котораго блестяли глаза отъ удовольствія, и удовольствіе было написано на широкомъ лоснящемся лицѣ, осклабился и отвѣтилъ коротко:

— Потѣха!

Онъ приподнялся на пальцы, чтобы лучше ридѣть «представленіе».

Вдругъ изъ воздухъ пронесся крикъ:

— Держите... э-э!..

Голосъ потерялся, заглушенный стукомъ колесъ и топотомъ лошадей.

Толпа встрепелась. Стоявшіе позади повернули головы. Я вмѣстѣ съ парнемъ, державшимъ на плечахъ мѣшокъ, выбѣжалъ на средину дороги. Прямо на насъ неслась пара взбѣсившихся лошадей. Бѣлыя гривы рывались по воздуху, коляска прыгала, какъ маленькая игрушечная телѣжка; вожжи волочились по землѣ, вмѣстѣ съ полуоборванными построжками.

— Никоновскія лошади сбѣсились! — крикнулъ парень и кинулся черезъ дорогу къ забору огорода.

Слова парня имѣли дѣйствіе электрической искры на толпу. Она разсыпалась въ разныя стороны. Послышался крикъ, плачь, шарманку опрокинули, и жидокъ, изображавшій «Петрушку», упалъ, придавленный ширмами. Одна женщина присѣла на землю у края дороги.

— Прочь, прочь!

Но съ испугу ноги «подкосились», и она не могла встать. Я подбѣжалъ къ ней и едва успѣлъ оттащить ее въ сторону.

Въ эту минуту бѣшенныя лошади пронеслись мимо насъ.

Подушка съ кучерскаго сидѣнья слетѣла на землю. Въ коляскѣ безъ чувствъ лежала дама въ соломенной шляпкѣ, и громко плакала дѣвочка, уцѣпившись рученками за ободокъ сидѣнья.

— Батюшки мои, Господи! Онѣ разобьются! — крикнулъ кто-то позади меня.

— Держите лошадей!

— Онѣ сейчасъ свалятся въ прудъ!

— Гдѣ же кучеръ?

Поднялась невообразимая суматоха. Пришедшая въ себя толпа бросилась вслѣдъ за мчавшимися лошадьми.

— Эхъ, никто не удержалъ.. сколько народу, и никто! — сказала баба, обращаясь къ человѣку въ «спинжакѣ», повиданному, мужу или родственнику.

— Больно смѣла!... Ишь какъ несутся!

— Все же бы.... какъ же такъ-то?

— Чего жъ не держала?

— Я что же.. я баба.. гдѣ жъ видано это!

— А мужику нешто жизнь опостылѣла?

— Остановили! остановили! — крикнула дѣвушка, шедшая впереди насъ.

— Кто? кто?

Отвѣта не послѣдовало. Толпа росла. Гулъ голосовъ стоялъ въ воздухѣ.

Я подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ задержали лошадей.

Онѣ поднялись было на дыбы; толпа въ испугѣ шарахнулась, и коляска чуть не опрокинулась. Чьи-то сильныя руки осадили лошадей.

— Дѣвочку-то возьмите!

— Барыня.... ишь, она... словно мертвая!

— Чего рты разинули.... берите! — крикнулъ чей-то повелительный голосъ.

Я ускорилъ шаги. Повади меня слышался топотъ бѣгущаго человѣка. Я оглянулся. Бѣжалъ урядникъ.

— Лошади взбѣсились! — сказалъ я.

— Никоновскіе.... звѣри, а не кони! — отвѣтилъ онъ на бѣгу.

— А гдѣ кучеръ?

Урядникъ только махнулъ рукою по направленію переулка, потомъ, какъ бы догадавшись, что его жестъ ничего не объясняетъ, прибавилъ отрывисто, обернувшись назадъ:

— Разбился.... въ больницу понесли!

Урядникъ растолкалъ толпу и вскочилъ на подножку коляски.

Когда я подошелъ, дѣвочку уже держали на рукахъ, а даму бережно вынимали изъ коляски.

— Мамочка! — закричала дѣвочка.

Дама пріоткрыла глаза и едва промолвила:

— Катя.. жива?

— Не безпокойтесь, сударыня! Барышня въ полномъ здоровьи,— отозвался урядникъ, поддерживая голову дамы.

— Куды ее, Миколай Дреичъ?—спросили мужики.

— Несите въ аптеку.. прямо въ садъ, въ бесѣдку!

И едва протискался сквозь толпу, къ лошадямъ. Мнѣ хотѣлось узнать, кто остановилъ ихъ.

Лошади дрожали, били копытами и пугливо озирались кругомъ. Ихъ гладили, стараясь успокоить.

— Молодчина Петька!

— Ай да Петруха! Вотъ тебѣ и Крокодилъ!—воскликнулъ мужикъ въ посконной рубахѣ.

— Какъ Петька? Развѣ это онъ остановилъ?—спросилъ я.

— А то кто же? Теперь-то вишь сколько помощниковъ явилось, а остановить, небось, никто не посмѣлъ!

Держали лошадей нѣсколько мужиковъ, но посреди нихъ выдѣлялся плотный, высокій блондинъ, лѣтъ тридцати трехъ, съ одутловатымъ краснымъ лицомъ, по которому потъ катился градомъ.

— Это онъ въ красной рубахѣ?—спросилъ я мужика.

— Онъ самый... Гляди, какой Аника-воинъ... Шея то чтó у быка!

Толстая, съ напряженными жилами, она дѣйствительно говорила о силѣ, и вмѣстѣ со лбомъ, выдававшимся впередъ, сообщала что-то упорное, именно бычачье, всей фигурѣ Петьки...

Онъ держалъ лошадей подъ уздцы обѣими руками—большими, толстыми, съ мускулами, вылитыми словно изъ стали. Онъ былъ возбужденъ и глядѣлъ на лошадей съ какимъ-то побѣднымъ торжествомъ. Въ глазахъ читалось сознание своей силы. Но бахвальства не было замѣтно въ Крокодилѣ. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ и только смотрѣлъ въ упоръ на лошадей, которыя все порывались подняться на дыбы.

— Ишь, неуспокоенный!—произнесъ одинъ изъ «помощниковъ» Петьки, не безъ страха взглядывая на сытыхъ и красивыхъ животныхъ.

При каждомъ движеніи ихъ, державшіе мужики нѣсколько отстранялись. Такъ и чувствовалось, что только отпусти Петька—и всѣ они бросились бы бѣжать съ испуга, сознавая свое безсилье.

— Ну, и силища же!—сказалъ опять мужикъ въ посконной рубахѣ.

— Какъ онъ ихъ остановилъ!

— Да какъ!.. схватилъ подъ уздцы, да и остановилъ. Повисъ это сперва на оглобли-то, а тутъ и остановилъ... отчаянная башка!

— Гдѣ же онъ былъ?

— Въ кабакѣ у Егоркина... Вышелъ это, увидать и кинулся... Безстрашный!

Петька ухмыльнулся, услыжавъ послѣднюю фразу.

Мало-по-малу лошади начали успокаиваться.

— Пусти-ка! — промолвилъ Петька, и я узналъ его низкій охриплый голосъ.

Стоявшіе близко митомъ отскочили въ сторону. Лошади нервно вздрогнули, но Крокодилъ повелъ ихъ увѣренно, и онѣ, прядая ушами, уже не порывались подняться на дыбы, — пошли покорно.

— Утихомирилъ таки! — сказалъ парень, все время гладившій лошадей.

— Да-а... Смирились!...

Крокодилъ заворотилъ лошадей и велъ ихъ обратно, когда опять появился урядникъ.

— Гдѣ онъ.. герой-то нашъ? — крикнулъ онъ, улыбаясь. — Ишь, богатырь! Иди, Самсонъ, къ барынѣ.. тебя хочеть видѣть!.. Возьмите у него лошадей!...

Но никто не рѣшался взять ихъ у Петьки.

— Я самъ доведу ихъ, — сказалъ Крокодилъ, прозванный Самсономъ начитаннымъ урядникомъ.

Въ словахъ Петьки послышалось презрѣніе къ трусливымъ мужикамъ.

— Ну, веди! — согласился урядникъ, пропуская Крокодила.

Замѣтивъ меня, урядникъ промолвилъ, кивнувъ головою вслѣдъ Петькѣ:

— И его сила пригодилась!

— Да, хорошее дѣло сдѣлалъ. Наградить барыня.

— Всеконечно. Какъ только пришла въ себя, да узнала, кто ее съ дочерью спасъ, сейчасъ же велѣла позвать его. Конечно, наградить... И закутить же онъ теперь.

— Вы объяснили бы ей все.

— И слушать не хочеть. «Нашъ спаситель», говорить... Да и точно, если бы не онъ, Богъ знаетъ, что вышло бы... Она за дочку-то больше всего рада... Одна дочка... не надышатся...

— Какъ можно ѣздить на такихъ бѣшеныхъ лошадяхъ...

— Это бы ничего... Испугались чего-то, а кучеръ навеселѣ... и не сдержалъ... Народъ тоже нынѣ... эхъ! А вы, кажется, у Ша-барихи изволите жить? — вдругъ закончилъ урядникъ.

— Да, а что?

— Внизу учитель живетъ...

— Отставной профессоръ... Онъ былъ у васъ?

— Былъ-съ. Насчетъ Петьки все... Я имъ обѣщалъ... Да теперь его какимъ манеромъ засадить? За что? За такія дѣла медали даютъ, а я его вдругъ бы въ кутузку!

Урядникъ засмѣялся.

— Вотъ опять закутить!

— Тогда другое дѣло.

Никонова дала Крокодилу десять рублей.

Въ этотъ же день, около восьми часовъ вечера, я снова встрѣтилъ Петьку. Совсѣмъ пьяный, съ мутными глазами, съ всклокоченными волосами и въ изорванной рубахѣ, онъ стоялъ у кабака и ругалъ кабатчика.

— Я тебѣ задамъ!.. Я тебя разнесу!

— Полно, Петька, иди!—попробовалъ его остановить какой-то мужикъ.

— А ты кто? что тебѣ требуется?—крикнулъ Крокодилъ.—Подходи-ка, я тебя распишу!.. Прочь, трусъ!.. Всѣхъ распишу!

Онъ сжалъ кулаки и погрозилъ ими въ пространство.

— Ишь, шальной!—проговорилъ вполголоса мужикъ, спѣша уйти.

Я былъ увѣренъ, что Петьку заберутъ, но его не тронули, и онъ долго еще бушевалъ на улицѣ.

Увидѣвъ на другой день урядника, я сказалъ ему:

— А вѣдь Петька дѣйствительно загулялъ.

— Да—а... долго вчерась бушевалъ.

— Что же вы его не забрали?

— Страшно было и подступиться... Да вѣдь и то сказать: героемъ выказалъ себя... Что ужъ тутъ! Вчерась надо было простить!..

Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я: «побѣдителей не судятъ».

IV.

Профессоръ, похвалившій урядника послѣ первой бесѣды съ нимъ, скоро перемѣнилъ о немъ свое мнѣніе.

— Нѣтъ, онъ никуда не годится... Развѣ такой нуженъ для разнужданной деревни? Что это за полиція! Это не урядникъ, а баба, слоний! Надо будетъ писать становому, а то прямо губернатору.

Онъ брюзжалъ, но никуда не писалъ.

Шабариха, выслушавъ его нападки на урядника, замѣчала:

— Я жъ говорила, баринушка... Ну, гдѣ Петьку урезонить!.. Тоже себя человекъ охраняетъ.

Петька просто-на-просто не казался такимъ исключеніемъ, какимъ его находилъ профессоръ, привыкшій въ столицѣ къ инымъ порядкамъ.

Крокодилъ пьянствовалъ, это вѣрно. Пьяный онъ буянилъ, ругался, но все это не выходило изъ ряда обычнаго безобразія, столь нерѣдкаго теперь въ деревняхъ, тѣмъ болѣе въ селеніяхъ пристанціонныхъ (около станцій желѣзныхъ дорогъ), и особенно въ правдники. Ругаются, буянятъ многіе. Петька только пилъ и буянилъ больше другихъ. Онъ пилъ ежедневно; трезвымъ совсѣмъ его никто и не видалъ. Но когда онъ былъ, по выраженію Шабарихи, «такъ себѣ»,—онъ не подлежалъ «заключенію». Вѣдь и въ городѣ у насъ на пьяныя безобразія смотрятъ не очень строго. Я помню такой слу-

чай въ Москвѣ. Пьяный рабочій, одѣтый въ пиджакъ, сидѣлъ на Кокоревскомъ бульварѣ и ругался коснѣющимъ языкомъ, причеми въ бранныхъ словахъ превзошелъ даже Крокодила. Когда заявили городовому о поведеніи пьянаго, блюститель порядка промолвилъ:

— Вѣдь онъ не вась собственно ругаль?

— Нѣтъ, но тутъ публика, дѣти...

— Такъ и проходите... не ваше дѣло... Нечего заводить скандалъ.

Можно ли отъ села требовать болѣе строгаго отношенія къ пьянству? Если въ Москвѣ можно скверными словами ругаться вслухъ на бульварѣ, гдѣ гуляютъ дамы и дѣти, то въ деревнѣ—простительно и большее безобразіе. Урядникъ общалъ профессору «засадить» Петьку, и это уже много, когда городской такому же профессору сказалъ бы: «не заведите скандала». Урядникъ не засадилъ, но онъ все-таки нашелъ въ отвѣтъ «обходительныя слова», какъ выражалась Шабариха; онъ желалъ хотя на словахъ угодить барину... Что немногимъ кажется преступленіемъ и безобразіемъ, для большинства, для толпы—заурядное явленіе, мелочь, на которую не стоитъ обращать вниманія. Полиція вѣдь выходитъ изъ толпы, и городовые, урядники не могутъ смотрѣть на явленія жизни глазами меньшинства. Обычай—сильнѣе приказа.

Я видѣлъ нѣсколько разъ, какъ пьяные, здороваясь съ урядникомъ, сейчасъ же ругались громко, и урядникъ шелъ дальше, не возмущаясь бранью. Иногда уряднику просто не хочется связываться и заводить «исторію». Разъ, одинъ пьяный началъ пристаывать къ уряднику, и этотъ долгое время отдѣлывался миролюбивыми фразами, въ родѣ слѣдующихъ: «проходи, чего пристаешь. Слышишь, Савелій, проходи!»...

Савелій не отставалъ.

— Право слово, заберу!—пригрозилъ урядникъ.

— И забирай!.. Экое кушанье! А по какому праву? Ты мнѣ отвѣть: по какому праву? Гдѣ такой законъ, чтобы въ праздникъ и значить въ кутувку?

— Говори съ нимъ!

Урядникъ слѣшать уйти отъ пьянаго.

— Каждаго такого забираетъ, такъ и дѣла другого не будетъ,—говорилъ урядникъ.

Когда буяны переходили «границы», «власть» принималась дѣйствовать. Но это случалось рѣдко. Бывали зато и такіе случаи, когда урядникъ или сотскій скрывались отъ толпы пьяницъ.

— Помилуйте,—признавался мнѣ блюститель:—что я одинъ подѣлаю? Намнутъ шею, вѣкъ помнить станешь. Тамъ судись потомъ... кто докажетъ? Я одинъ... а ихъ орава... осиль ихъ, попробуй!

Пьянство и не ставилось въ вину Петькѣ. Не за пьянство Крокодиломъ его прозвали.

— Пьянство что... кто не пьетъ новѣ!—промолвилъ односелъ

чанинъ Петьки, привезшій на базаръ дрова: — пусть пьеть, не наши деньги...

— Такъ пить, и умереть не долго,—сказалъ я.

— А поколѣеть, и плакать некому, — хладнокровно возразилъ мужикъ.—Нѣтъ, это, баринъ, что... водка ничего... Другое неладно...

— Что же?

— Художества за нимъ водятся...

— Какія художества?

— Совѣсть пропилять... Ему рази что срамно, аль онъ чего боится? Онъ за пкалаикъ отца родного продасть, либо подъ присягу ложную пойдеть... Скажи ему, что человекъ отъ этого самаго въ Сибирь угодить, ему нипочемъ... Одно слово—крокодилъ, такъ крокодилъ и есть.

— А ты знаешь, что это значить?

— Гдѣ намъ знать, мы люди темные... а коли крокодилъ, такъ стало человекъ пропащій, крестьянину пусто не дадутъ такого собачьяго имени.

V.

Петька не только пьянствовалъ и безобразничалъ. Онъ и работалъ, хотя ради той же водки. Онъ таскалъ бочки со станціи, грузилъ дрова, исполнялъ нѣкоторыя порученія. Разъ мнѣ пришлось самому обратится къ его услугамъ. Мнѣ нужно было послать кого нибудь за газетами къ знакомому помѣщику за 16 верстъ. Время стояло рабочее, и никто не брался.

— Пошлите, баринъ, Крокодила... Онъ тамъ дрыхнетъ за тыномъ, въ огородѣ,—сказалъ лавочникъ, у котораго я забиралъ кое-что.

— Онъ добѣжить; что другое... а онъ ходокъ,—замѣтилъ мужикъ, покупавшій въ лавкѣ.

— Можно ли ему довѣрить?—спросилъ я.

— Отчего же? Если что такое иное... а газеты ему на что? Это ничего-съ...

Въ самомъ дѣлѣ: отчего не попытаться?—подумалъ я.—Куда ему газеты? А рубль—деньги.

Я согласился. Петьку разбудили и привели.

Онъ былъ теперь одѣтъ въ бѣлую, ситцевую, затасканную рубаху и въ нанковые широкіе штаны. На босыхъ ногахъ—опорки. Шапки не было. Онъ глядѣлъ сонливо.

— Можешь сходить въ Залѣское?—спросилъ я у него.

— Отчего не сходить, могу. Вамъ къ Алексѣю Дмитричу?

— Ты его знаешь?

— Слава Богу! Сколько разъ угощаль!

— За что?

— Баринъ добрый, потому... Что ему чарка? Ребягью онъ—ленцы, а нашему брату по чаркѣ... Настоящій баринъ!

— Стало быть, ты сходишь... Отлично. И принесешь аккуратно, что тебѣ онъ дастъ?

— А куда-жъ я подѣваюсь!.. Принесу, конечно.

— Если только не водка—принесетъ!—сострижь мужикъ.

Крокодилъ посмотрѣлъ на него искоса и буркнулъ:

— Молчи, шершавый!.. Самъ не пронеси мимо, а туда же...

Лавочникъ засмѣялся.

— Ладно, — сказала я... — Такъ вотъ я напишу письмо, отдай его Алексѣю Дмитриевичу и принеси отъ него газеты. Понялъ?

— Экая мудрость какая!.. Дуракъ и то пойметъ... А на дорожку будетъ?

— Тебѣ что?

— Известно что: водчонки!

— Зачѣмъ же?

— Какъ же... для маху! Ногамъ слободы больше...

— Когда вернешься — получишь цѣлковый.

— Это само собой... Вы не бойтесь. Неужто, полагаете, я отъ чарки охмелѣю?—произнесъ Петька съ гордостью пьяницы.

Я написалъ записку, далъ ему на шкаликъ, и онъ отправился.

— Къ вечеру вернешься?

— До заката вернусь!

Но онъ вернулся только на другой день къ вечеру. Мой пріятель его угостилъ, а затѣмъ онъ пошелъ на крестный ходъ, и его пригласили нести тяжелую хоругвь. вмѣсто четырехъ человекъ Петька несъ ее одинъ. Его за это напоили, и онъ прогулялъ весь день. Газеты онъ доставилъ мнѣ всѣ, только позапачкалъ ихъ въ грязь, да отъ одной оторвалъ клинъ на «цыгарку».

Поэтому поводу онъ высказалъ очень своеобразный взглядъ.

— Я, господинъ, тутъ оторвалъ, стало, отъ листка (всѣ газеты онъ называлъ «листочками»), да это ничего, я отъ чистаго края, безъ пропечатки.

Послѣ этого, нѣсколько дней, я не встрѣчалъ Петьки и думалъ, что онъ или ушелъ куда, или захворалъ.

Но вотъ однажды вечеромъ сидимъ мы съ профессоромъ въ саду и пьемъ чай. Вдругъ передъ нами появляется Петька съ корзиной въ рукахъ,

— Ты зачѣмъ? Какъ ты смѣлъ прійти сюда?—закричалъ гнѣвно профессоръ.— Убирайся вонъ сейчасъ!

— Баринъ, да вы не кричите... Я вамъ щенковъ хорошихъ принесъ... чудесные... наилучшей породы.

— Не надо мнѣ никакихъ щенковъ... убирайся!

— Графа Моренскаго, баринъ.

— Вонъ, вонъ!..

— А вамъ, господинъ, не требуется щеночковъ? — обратился ко мнѣ съ предложеніемъ. Петька, какъ бы игнорируя гнѣвъ профессора.

— И мнѣ не надо,—отвѣтилъ я съ улыбкой.—А покажи-ка, что за щенки?

Петька вообразилъ, что я соблазняюсь, — быстро снялъ тряпку съ корзины и показалъ щенковъ.

— Самые лучшіе-съ... мать ейная сто рублевъ стоитъ...

— Что ты врешь,—перебилъ я его:—это простыя дворняги.

— Никакъ не можетъ быть, господианъ... Графа Моренскаго... За мать сто рублевъ дано.

— Врешь все!

— Побожиться готовъ...

— Стыдись!..

— Ну, вотъ!

Крокодиль обиженно махнулъ рукою и вышелъ изъ сада.

— Напрасно не изволили вять... самой лучшей породы,— промолвилъ Петька, уже выйдя.

Зная хорошо, какой породы щенки, онъ нахально продолжалъ утверждать, что они отъ графской дорогой собаки.

— Каковъ мошенникъ! И какой дерзкій!—сказалъ профессоръ...— Гонимъ каналю, а онъ и не уходитъ... твердить свое... Сталъ бы графъ черезъ него продавать щенковъ...

— Конечно, нѣтъ.

Петька, какъ оказалось потомъ, взялся у кабатчика потопить щенковъ, но его вдругъ осѣнила мысль: а нельзя ли хоть парочку продать господамъ?.. Навратъ и нажить денегъ...

— Не выгорѣло! Не довелось объегорить барина, — откровенно признавался Петька въ кабацѣ.

VI.

Я ходилъ купаться на рѣку, хотя было неудобно раздѣваться на сырой землѣ,—да и берегъ низкій: пока доберешься до одежды—ноги перепачкаешь въ глину. Разговорился я какъ-то по этому поводу съ лавочникомъ.

— Да ходите въ мою купальню, — сказалъ онъ.

— Очень благодаренъ; я не зналъ, что у васъ есть купальня.

— Какже-съ! Нельзя безъ этого: супружница и дочь невѣста, на виду-то у всѣхъ стѣснительно...

Я сталъ ходить въ купальню лавочника. Вблизи нея рабочіе, выгружавшіе дрова, купались на открытомъ воздухѣ, не стѣсняясь проходившей мимо публики.

Разъ я купался одинъ (чаще же всего мы ходили вмѣстѣ съ профессоромъ). На противоположномъ берегу узкой рѣчки слышались мужскіе голоса.

— А что, Петька, давай, побулькаемся! — промолвилъ кто-то.

— Можно. Я и то ввопрълъ весь!

Я узналъ по голосу Крокодила.

Через минуту оба дружно кинулись въ воду.

— Давай на перегонки!

— На что держишь?

— Эво!

— А ты как?

— На «стоклю»!

— Жяла!

Слышалось фыркание, и раздавался плескъ воды, точно отъ удара весель.

— Ну, ты къ дьяволу... буде! усталъ! — сказалъ Петька.

Онъ схватился рукою за купальню и шумно опустился на ея выступъ!

— Ишь, усѣлся... что твой баринъ!

Говорившій подплылъ въ купальню и сѣлъ также на ея выступъ...

— И вода же... теплынь...

— Доколѣ въ ней — хорошо, а вышелъ — опять погѣзай!

Я уже одѣвался и дѣлалъ все чрезвычайно осторожно, чтобы не узнали о моемъ присутствіи.

— А славно, Петька, такъ-то, — заговорилъ опять товарищъ Крокодила: — пригрѣваетъ... любо!.. Вотъ бы только цыгарку — и на что тебѣ лучше!

— Такъ достань изъ кармана, — отвѣтилъ Петька.

Онъ захохоталъ и забулькалъ ногами.

— Ишь, удумалъ что, идолъ!

Другой пловецъ тоже засмѣялся и ударилъ Петьку ладонью по спинѣ.

— Ты чего, слюняй!

— А что? Ужли хребетину попортилъ?

— Я тебѣ дамъ — хребетину!..

— Я же играючи, Петруха... шуткой, стало!

— Смотри у меня: приложу печать, только тебя и было...

— У, чортъ! И откуда у тебя такая силища?

— Оттуда, откуда и у всѣхъ!

— Ужли отъ Бога?

— Отъ дьявола, что ли?

— Вѣстимо...

— Ахъ, ты, обезьяна!

— Чего ругаешься!.. Слухай, Петька, — какъ никакъ, а ты взялъ на душу грѣхъ... ей-Богу, взялъ!

Я пересталъ одѣваться и весь превратился въ слухъ.

— Чего это? — освѣдомился Петька.

— На судѣ-то. Вѣдь ты же не видалъ, какъ Павлуха въ амбаръ лазилъ? А присягу принялъ...

- Ты почему знаешь, что не видалъ?
- Ужъ знаю.
- А коли знаешь, такъ молчи. Въ дѣлежку что-ль ладишься?
- Зачѣмъ въ дѣлежку... Жаль Павлухи.
- Больно жалостливъ... А что онъ тебѣ: свать аль братъ? Или по дѣвчонкѣ какой свойственникъ?
- Жаль Павлухи... гляди, въ острогъ угодить...
- Развѣ тамъ холодно?
- Садись-ка самъ!
- Придется, и сяду.
- Жизнь-то, знаешь, Петька...
- Что жизнь?
- Жизнь, братъ, одна... вотъ что!
- Павѣстно одна... Дуракъ ты, я вижу!
- Не дуракъ... а только ты...
- Ну, ну... Что я? Говори!
- Ужъ такой... никого тебѣ не жалко.
- Я и себя не жалѣю... а что мнѣ другіе-прочіе!
- Это вѣрно: себя ты не жалѣешь... Э-эхъ, Петька!
- Чего еще? Расхныкался, словно баба!
- Дивлюсь я все... братъ у тебя не бѣдный... чего бы тебѣ, право, не жить, да не заниматься...
- Чѣмъ?
- По крестьянству, стало.
- Это не твоего ума дѣло.
- Ужли такъ-то лучше?
- Мнѣ хорошо... А ты чего не въ свое дѣло носъ суешь?.. Добро бы кто... а то самъ безъ штановъ ходить, да супъ изъ рѣчки хлебаеть... а туда же... голова съ мозгами!
- Я что... я...
- Я да я, и вышла свинья!.. Засохни!.. Плыдемъ навадь... ну! Петька бросился въ воду, за нимъ послѣдовалъ и товарищъ.

VII.

Прошло нѣсколько дней.

Подъ вечеръ, такъ около часовъ шести, мы возвращались съ профессоромъ домой изъ Ивановскаго погоста.

Намъ нужно было переходить полотно желѣзной дороги.

— А вѣдь придется ждать, — сказалъ профессоръ, — смотрите: путь занятъ.

На станціи стоялъ поѣздъ.

— Можно обойти... Зайдемъ впередъ — и мы успѣемъ, — предложилъ я.

— Да отчего не подождать? А, впрочемъ, пожалуй!

«истор. вѣстн.», декабрь, 1897 г., т. LXX.

Мы пошли въ обходъ, параллельно полотну.

— Что это тамъ за толпа собралась? — произнесъ профессоръ, указывая на кучку народа впереди насъ, но на другую сторону полотна.

— Должно быть, рабочіе... Видите, одинъ въ рубахѣ...

— Но зато и въ цилиндрѣ кто-то... и кричать...

Мы уже приближались къ группѣ, какъ поѣздъ вдругъ тронулся.

Профессоръ побоялся переходить.

— Подождемъ лучше... еще заппешся... налетитъ... Знаете, кто-то каблуконъ между рельсами попалъ, да и застрягъ... Да что же это! — вдругъ вскрикнулъ профессоръ, прерывая рассказъ и хватая меня за руку, — вѣдь это подъ поѣздъ кинулся!..

Онъ выпустилъ мою руку и бросился впередъ.

Я за нимъ. Человѣкъ въ рубахѣ уже лежалъ на шпалахъ. Онъ лежалъ вдоль, на груди, вытянувшись и прижавъ лицомъ къ землѣ. На другой сторонѣ полотна слышались голоса, кто-то кого-то ругалъ, крича:

— А какъ задавить?

— Не задавить... Онъ знаетъ ужъ...

Мы съ профессоромъ въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга. Не знаю, что чувствовалъ профессоръ, но меня била лихорадка. Кинуться и стащить человѣка съ полотна не было возможности. Это значило самому попасть подъ колеса. Я закричалъ машинисту, указывая на шпалы... Машинистъ замѣтилъ самъ и далъ свистокъ. Человѣкъ продолжалъ лежать. Еще немного, и паровозъ прошелъ бы надъ лежавшимъ на шпалахъ, но машинисту удалось остановить поѣздъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

Мы кинулись къ лежавшему; соскочилъ съ паровоза кочегаръ; отъ будки бѣжалъ сторожъ. Стоявшіе на пригоркѣ также начали спускаться на полотно дороги.

Человѣкъ въ рубахѣ продолжалъ лежать безъ движенія, словно онъ умеръ.

— Эй, вставай... Что ты это выдумалъ? — крикнулъ кочегаръ, дергая лежавшаго за плечо.

— Ну, ну... не трогать...

— Да ты очумѣлъ что ли? Эй!

Кочегаръ вмѣстѣ со сторожемъ приподняли лежавшаго и повернули его лицомъ.

— Да вѣдь это Крокодилъ! — воскликнулъ профессоръ.

— И пьянъ, какъ стелька!..

— Съ чего это онъ задумалъ порѣшить-то себя?..

Я обратился къ одному изъ тѣхъ, которые стояли на пригоркѣ:

— Какъ же вы могли допустить?

— Да онъ самъ вызвался, помилуйте!

— Вызвался?

— Конечно.

— На что? Я не понимаю васъ.

— Да онъ нарочно... пари... Пролежу, говорить, все время, пока пройдетъ поѣздъ...

— Шабашъ, Петька,— произнесъ другой изъ той же кучки, самъ едва державшійся на ногахъ:— пропаль твой штофъ!..

Это было уже возмутительно. Профессоръ вышелъ изъ себя и требовалъ протокола.

— Онъ самъ-съ... мы не толкали!... — оправдывались безобразники.

— Кто это?—спросилъ я у сторожа.

— Заводскіе... изъ конторы заводской... Знаете, тутъ фарфоровый заводъ...

— Кто же въ цилиндрѣ?

— Старшой конторщикъ... Максимъ Иванычъ... Они весь день въ буфетѣ хороводились, я какъ былъ на станціи, до смѣны, такъ видалъ... сколько водки выпито... страсть!.. Ну, и допились... до чертиковъ... Ишь, какую игру устроили!

Петька былъ пьянъ и едва стоялъ на ногахъ. Надо было только удивляться, какъ онъ могъ добраться до шпаль и лечь такимъ манеромъ, что, пожалуй, поѣздъ дѣйствительно могъ пройти надъ нимъ, не задѣвъ его.

— Давай штофъ! — пролепеталъ Петька, тараща глаза.

— Ей-Богу, онъ не былъ такъ пьянъ сейчасъ... Это его отъ страху, отъ волненія, такъ... — промолвилъ конторщикъ въ свое оправданіе.

— Полно вамъ, стыдно!.. — оборвалъ его машинистъ, — вѣдь какую кашу заварили бы... Человѣка изуродовали бы, да и меня подъ отвѣтъ подвели бы... Это чистое безобразіе...

— Какое безобразіе... прямая подлость! — воскликнулъ профессоръ.

Онъ снова заговорилъ о протоколѣ.

— Эхъ, господинъ, что поднимать булгу, — промолвилъ сторожъ, — слава тебѣ, Господи, все благополучно... невредимо... а тутъ канитель... и люди молодые... что же: грѣхъ... выпимши...

— Водки! — заоралъ Крокодилъ. — Надуть хочешь? палишь!

— Ведите его въ кутузку! — сказалъ машинистъ. — Чего валандаться... Ну, отходите...

Онъ вскочилъ на паровозъ.

Петьку повели. Онъ разсвирѣпѣлъ и началъ вырываться.

— Убью!.. Искрошу!.. — грозился онъ коснѣющимъ языкомъ.

Подбѣжали еще два служащихъ, связали Петькѣ руки и повели. Онъ оралъ благимъ матомъ, обѣщалъ всѣхъ убить, спалить...

— Однако не дорожить же своей жизнью этотъ негодяй!—сказалъ профессоръ.

Онъ пересталъ настаивать на протоколѣ.

Мнѣ припомнилось признанье Петьки во время купанья.

Да, онъ не лгалъ, не рисовался тогда: онъ въ самомъ дѣлѣ не дорожилъ не только чужой, но и своей жизнью!

— Не сносить ему башки на плечахъ! — порѣшила Шабариха, когда узнала о случившемся.— Либо убьютъ его, либо самъ убьется... нарвется!

Шабариха не угадала.

Петька «нарвался», но иначе.

Это случилось ужъ послѣ нашего отъѣзда, поздней осенью.

Онъ «гулялъ» въ трактирѣ Семенова. Тамъ же пьянствовалъ и мѣстный сапожникъ Евлампій. Евлампій началъ ссориться съ Семеновымъ и назвалъ его «поджигателемъ». Семеновъ разозлился, но, безсильный и хромой, онъ не могъ справиться съ сапожникомъ и натравилъ Крокодила. Этотъ за водку былъ готовъ на все. Онъ взялъ за шиворотъ Евлампія и вышвырнулъ его за двери. На утро сапожника нашли мертвымъ на улицѣ, съ прошибленной головой. Началось слѣдствіе, и Крокодилъ попалъ въ острогъ. Семеновъ увернулся.

— Этотъ жохъ,—говорили про него въ селеніи,—два раза трактиръ палилъ, и то ничего...

Петьку еще не судили. Но уйдетъ онъ въ Сибирь или оправдается—это все равно. Онъ могъ и не попасть въ острогъ, а кончить жизнь подъ заборомъ или въ дракѣ... Онъ попалъ случайно въ тюрьму. Но вѣдь такъ или иначе, а всякая развязка была бы случайной, и не въ развязкѣ этой погубленной жизни весь вопросъ.

Крокодилъ своимъ существованіемъ задаетъ намъ вопросъ со-всѣмъ иного рода.

[Алекс. Кругловъ.]

БЕЗЪ РУЛЯ И ЯКОРЯ ¹⁾.

V.

Питсбургъ.—Ядѣлаюсь художникомъ.—Портретъ ребенка и кража красокъ.—Жизнь въ убѣжищѣ для бездомныхъ.—Снова въ роли служителя ресторана.—Славное житье и опять въ дорогу.

ПИТСБУРГЪ намъ понравился своими большими прекрасными постройками и гладко вымощенными улицами. Мы тотчасъ же отправились искать подходящей «Boardinghouse» (маленькой гостиницы), гдѣ бы насъ приняли на полный пансіонъ, не требуя впередъ денегъ; но всадѣ требовали отъ насъ за недѣлю впередъ. Обходя почти весь городъ, мы только къ вечеру отыскали такую гостиницу, подъ названіемъ «Король Вильгельмъ», хозяинъ которой оказался сговорчивѣе другихъ и, не сомнѣваясь, что мы найдемъ заработокъ, я въ качествѣ художника, а мой товарищъ въ званіи музыканта, согласился открыть намъ временный кредитъ, поставивъ, однако, условіемъ, чтобы я ему немедленно нарисовалъ на большихъ листахъ бумаги, синимъ и краснымъ карандашомъ, для входной стеклянной двери его кабачка карикатуры пьянаго негра и матроса. Я тотчасъ же выполнилъ его желаніе и заслужилъ полное одобреніе далеко нетребовательнаго хозяина. Зарекомендовавъ себя такимъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ, т. LXX, стр. 498.

образомъ, я довольно смѣло уже заказалъ себѣ ужинъ, при чемъ, не стѣсняясь, потребовалъ джину и элю.

Уже на слѣдующій день мой авторитетъ художника получилъ должную оцѣнку среди завсегдаево кабачка, большая часть которыхъ были фабричныя рабочіе и, конечно, не ахти что понимали въ живописи. Одинъ изъ нихъ до того очаровался рисунками моего пьянаго негра съ матросомъ, что порѣшилъ заказать портретъ своего шестилѣтняго ребенка. Чтобы въ Америкѣ не умереть съ голоду, ничто не должно считаться невозможнымъ или невыполнимымъ. Я твердо усвоилъ себѣ это и принялъ заказъ весьма самоувѣренно, хотя рѣшительно не зналъ, какъ выполнить эту превышающую мое умѣніе задачу. Будучи знакомъ, хотя очень поверхностно, съ употребленіемъ акварельныхъ красокъ, я объявилъ, что именно этими красками нарисую требуемый портретъ. Заказчику было совершенно все равно, такъ какъ онъ едва ли даже понималъ разницу между акварелью и масляными красками. Плата за оконченную работу назначена была въ пятнадцать долларовъ; но заказчикъ былъ твердъ, какъ камень, когда я обратился къ нему съ просьбой выдать необходимый авансъ на покупку красокъ, бумаги, карандашей и кистей. Хозяинъ кабачка, видя мое затруднительное положеніе, согласился помочь мнѣ лишь на столько, что я могъ приобрести карандашъ и бумагу. Для прочихъ расходовъ онъ не хотѣлъ рисковать своими капиталами.

Когда я съ купленнымъ матеріаломъ явился на другой день въ квартиру рабочаго, оригиналъ мой еще спалъ. Послѣ часового, съ моей стороны, ожиданія мать вынесла свое произведеніе, и я увидѣлъ толстаго, жиромъ заплывашаго, неистово кричавшаго ребенка, безъ единой опредѣленной черты на лицѣ, за которую я бы могъ ухватиться для установленія сходства. Безъ всякой увѣренности въ успѣхъ, но съ безграничною вѣрою въ свое счастье, я выждалъ, что бы ребенокъ успокоился, и принялся за контуръ. набросокъ былъ сдѣланъ быстро и рѣшительно, и—о чудо!—мать пришла въ неописанный восторгъ, не переставала меня хвалить и, угостивъ кофеемъ, объявила, что съ нетерпѣніемъ будетъ ждать того дня, въ который я обѣщалъ прийти снова. Хозяинъ кабачка, знавшій лично ребенка, нашелъ рисунокъ тоже поразительно похожимъ, но тѣмъ не менѣе все-же отказался ссудить меня деньгами на покупку красокъ.

Мнѣ пришла тогда въ голову мысль отправиться къ живописнымъ мастерамъ и, объяснивъ свое затруднительное положеніе, просить выручить бѣднаго собрата изъ бѣды. Къ несчастію, мнѣ нигдѣ не встрѣчалась вывѣска маляра. Только проходя мимо подъѣзда одного большого дома, я замѣтилъ дощечку, съ надписью «Архитекторъ N. N». Зная, что у архитекторовъ водятся акварельныя краски, я смѣло поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ и остановился у дверей квартиры, занимаемой архитекторомъ. Дверь оказалась не запертой. Я постучалъ; отвѣта не послѣдовало даже и послѣ третьяго

стука. Тогда я вошелъ въ переднюю; дверь слѣдующей комнаты, представлявшей собою кабинетъ, была открыта, я вошелъ—никого; ведущая изъ этой комнаты дверь въ слѣдующую была также открыта. Я кашлянулъ нѣсколько разъ, но никто не отозвался и не вышелъ. Затѣмъ я громко произнесъ «Good morning, sir» (доброе утро),—никто не заявилъ о своемъ присутствіи въ квартирѣ. Я осмотрѣлся: передо мной, на большомъ рабочемъ столѣ кабинета, лежали равныя рисовальныя принадлежности и, между прочимъ, черный лакированный ящичекъ, въ какихъ обыкновенно хранятся хорошія акварельныя краски. Я вздрогнулъ отъ радости, и въ то же время страхъ охватилъ меня, но сейчасъ же мысль объ уходящихъ отъ меня пятнадцати долларахъ вернула мнѣ смѣлость. Я громче прежняго провнесъ еще нѣсколько разъ машинально: «Good morning, sir». Молчаніе. Я кашлянулъ еще разъ, какъ только могъ, громче, и затѣмъ, затаивъ на мгновеніе дыханіе и настороживъ уши, съ замираемъ сердца подкрался, безъ всякой надобности, къ столу,—и цапъ—царапъ, схватилъ, трепеща всѣмъ тѣломъ, ящичекъ съ красками и, какъ шальной, выскочилъ на улицу, совершенно не помня, какъ спустился съ лѣстницы. По улицѣ я пустился бѣжать. Мнѣ казалось, что весь Питсбургъ въ погонѣ за мной, и, сквозь страшный шумъ въ головѣ и ухахъ, я все какъ будто различалъ крики: «воръ, воръ, держите вора!». Я уже видѣлъ себя въ тюрьмѣ, видѣлъ, какъ въ позорной колесницѣ меня палачъ подвозитъ къ висѣлицѣ, но на мое счастье никто не поинтересовался моею бѣгущей фигурой, и я благополучно добрался до дома.

Въ ящичкѣ, кромѣ красокъ, я напелъ нѣсколько кистей и тотчасъ принялся за работу. Мнѣ хотѣлось приготовить общій тѣльной колоритъ, чтобы на мѣстѣ, передъ оригиналомъ, разрабатывать только детали.

У рабочаго съ нетерпѣніемъ ожидали моего прихода. Ребенка разодѣли въ лиловое платьѣ, фартучекъ и кружевной чепецъ, и хотя такой нарядъ былъ ему очень къ лицу, но сходство съ моимъ рисункомъ было окончательно утрачено. Я пририсовалъ чепецъ и фартучекъ, мазалъ кистью весьма энергично, въ особенности, налегая на красныя щеки, къ которымъ я все больше и больше подкладывалъ кармину,—но нѣтъ, ничего не выходило! Краски ложились плохо, лицо испещрялось пятнами, и когда, наконецъ, я пустилъ ярко-лиловый цвѣтъ платья, вышла не то пестрая птица, не то какой-то особенный цвѣтокъ, но уже никакъ не этотъ шестимѣсячный здоровякъ, сидѣвшій противъ меня и самодовольно улыбавшійся. Я былъ въ отчаяніи и утѣшалъ себя и мать ребенка тѣмъ, что завтра портретъ приметъ совсѣмъ другой видъ; но матери, оказалось, этого совсѣмъ не было нужно; она и такъ была въ восторгѣ, особенно, отъ ярко-красныхъ щекъ и лиловаго платья, и угощала меня кофею и сладкимъ хлѣбомъ.

Вечеромъ этого дня я познакомился съ однимъ господиномъ, который, узнавъ, что я владѣю иностранными языками, предложилъ мнѣ должность агента для сбыта дамскихъ кружевныхъ воротничковъ, манжетъ и носовыхъ платковъ. Это, конечно, было проще портретной живописи, и я обѣщалъ явиться къ мѣсту по окончаніи моего заказа.

Помучившись еще два дня за портретомъ, я прекратилъ дальнѣйшее размазываніе кистью, убѣдившись, что лучшихъ результатовъ не добьюсь. Но, несмотря на то, что рисунокъ мой представлялъ ребенка совсѣмъ другихъ родителей, работникъ съ женой остались имъ чрезвычайно довольны, и я получилъ условленную плату.

На слѣдующій день я бродилъ уже по улицамъ Питсбурга, не пропуская ни одного подлѣзда, въ качествѣ агента торговаго дома. Лицикъ съ красками я переслалъ архитектору черезъ посыльнаго, при анонимномъ письмѣ, съ чистосердечивѣйшимъ разъясненіемъ, какъ все было, съ безконечными извиненіями и съ безпредѣльною благодарностью.

Въ новой сферѣ я сначала зарабатывалъ довольно много денегъ, но потомъ заработокъ мой становился все меньше и меньше. Это происходило въ значительной мѣрѣ отъ свойствъ самаго дѣла: чтобы проникнуть въ богатый домъ, мнѣ приходилось одарить раньше прислугу, а иногда и по личной симпатіи я дарилъ какой нибудь хорошенькой дѣвочки платочекъ или воротничекъ, и въ концѣ концовъ изъ вырученной суммы на мою долю ровно ничего не оставалось, такъ что и самому на ѣду не хватало, а мнѣ нужно было еще кормить своего товарища, который все оставался безъ занятій. Въ остальномъ это шатанье съ картонкой было дѣломъ весьма пріятнымъ: цѣлый день разгуливая, я былъ безпрестанно въ обществѣ дамъ, и подчасъ весьма интересныхъ.

Оставшись вновь безъ заработка и безъ денегъ, мы опять вопли въ долги у ховяина нашей гостиницы и совершенно потеряли его кредитъ. Онъ вдругъ пересталъ отпускать намъ обѣды и, не обращая на наши протесты никакого вниманія, сердито потребовалъ, чтобы мы убирались вонъ. Разжалобить его не удалось никакими обѣщаніями, и, чтобы не очутиться на улицѣ, мы порѣшили отправиться въ такъ называемый «Home of destitute men» (убѣжище для бездомныхъ). Это—въ высшей степени благотворительное заведеніе, какого въ Европѣ мнѣ не приходилось встрѣчать,—огромное, каменное, имѣющее довольно каварменный видъ зданіе, но въ которомъ сотни бѣдняковъ получаютъ пріютъ, пищу и одежду, и чрезъ посредство его администраціи всякій находитъ со временемъ подходящій заработокъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается большое зало, столовая и библіотека. Въ верхнемъ, всѣ комнаты, обращенныя во дворъ, служатъ спальнями для бесплатныхъ жильцовъ, муж-

чинъ и женщинъ; комнаты, выходящія окнами на улицу, отдаются платнымъ жильцамъ, которые за пять долларовъ въ недѣлю имѣютъ покойный пріютъ, въ чистой веселой комнаткѣ, на полномъ пансіонѣ. Нужно, однако, подчиниться нѣкоторымъ стѣсненіямъ. Такъ, напримѣръ, курить не разрѣшается; за утренней и вечерней молитвой всѣ жильцы должны присутствовать, и никто не смѣетъ выходить или возвращаться послѣ девяти часовъ вечера. Бесплатнымъ жильцамъ, кромѣ желѣзной кровати съ досками и одѣяла съ подушкою, выдаютъ утромъ и вечеромъ чай съ хлѣбомъ и въ обѣдъ супъ и довольно большой кусокъ говядины; хлѣба—сколько угодно. Что всего интереснѣе въ этомъ домѣ, такъ это вечерняя молитва. Она совершается въ большомъ залѣ перваго этажа. Посреди зала, какъ въ церкви, ставятся скамейки; на каждомъ сидѣннн лежитъ печатный листъ съ молитвами и псалмами. Предъ скамейками ставится кафедра для пастора. Первый ударъ колокола приглашаетъ въ залу; за вторымъ ударомъ всѣ должны садиться на мѣста.

Когда всѣ займутъ свои мѣста, на кафедру входитъ пасторъ съ большимъ евангеліемъ и молитвенникомъ въ рукахъ. Начинается чтеніе молитвъ. Послѣ каждой молитвы пасторъ провозглашаетъ номеръ псалма, и всѣ сидящіе хоромъ подтягиваютъ пѣнью пастора, читая текстъ на листкахъ, которые каждый держитъ передъ собою. Послѣ такого рода получасового служенія, пасторъ, каждый вечеръ, обращался къ собранію съ рѣчью, которую, однако, каждый воленъ былъ слушать или уходить себѣ спать. Большая часть слушателей оставалась, тѣмъ не менѣе, на своихъ мѣстахъ. Рѣчь пастора была постоянно одного содержанія; измѣнялась имъ только нѣсколько ея редакція. Онъ громилъ пороки, всего больше пьянство, такъ какъ считалъ его причинойъ всѣхъ человѣческихъ бѣдъ; начиналъ пасторъ, обыкновенно, слѣдующими словами: «Вы, здѣсь передъ мной сидящіе ньяницы, бродяги и всякіе бездомники, внимайте и поймите, что Богъ отвратился уже отъ васъ, отвратился съ тѣхъ поръ, какъ вы стали поклоняться Мамону и Бахусу, съ тѣхъ поръ, какъ, измѣнивъ человѣческому образу, по которому Онъ васъ создалъ, и забывая Всемогущаго Творца, вы сдѣлались скотами», и т. д. Послѣ такого громового вступленія, онъ, проклиная алкоголь, приглашалъ присутствующихъ вступить въ члены общества трезвости и тутъ же, на святомъ евангеліи, дать святую и нерушимую клятву не вкушать впредь сіе мерзопакостное зеліе. «Каждый, дающій такой обѣдъ и вступающій въ названное общество,—присовокуплялъ пасторъ,—получать тотчасъ нужное пособіе и можетъ постоянно разсчитывать на поддержку и рекомендацію, когда найдетъ подходящее занятіе. Въ случаѣ же нарушенія влятвы, виновный подвергается отлученію отъ общества, и дальнѣйшая судьба его въ Америкѣ можетъ оказаться весьма печальной».

Послѣ такой рѣчи пастора наступала обыкновенно большая

пауза; затѣмъ слышались между присутствующими перешептываніе, совѣщанія, недовольное ворчаніе, наконецъ, уже усиленный говоръ. Послѣ этого отдѣлялся иногда отъ своихъ товарищей и подходилъ къ кафедрѣ какой нибудь несчастный оборванецъ, рѣшившій, конечно, въ сердцѣ своемъ, что виновникомъ его несчастій былъ, дѣйствительно, алкоголь, и ощутившій желаніе принять мудрые совѣты пастора. На лицѣ такого субъекта всегда отражалась внутренняя борьба: горькая улыбка выражала смущеніе, холодный потъ выступалъ на лбу, и всѣ движенія были нерѣшительны. Обрядъ присяги передъ евангеліемъ совершался тутъ же, сейчасъ, и пасторъ, поздравляя вернушагося на путь спасенія, запечатлѣвалъ его возвращеніе братскимъ поцѣлуемъ. Съ этого поцѣлуя новичекъ поступалъ на попеченіе общества трезвости.

Въ числѣ бесплатныхъ бездомниковъ находились мы только два дня; на третій день я получилъ уже мѣсто маляра у вывѣсочнаго мастера, а мой товарищъ попалъ приказчикомъ въ книжный магазинъ, и такимъ образомъ мы могли оплачивать нашъ пансіонъ въ «Home of destitute men».

Большая часть вывѣсокъ въ Питсбургѣ писалась, въ то время, на подобіе хоругвей; висѣли онѣ на проволокахъ, протянутыхъ изъ-подъ крыши одного дома къ другому, надъ самою серединою улицы. Размѣры такихъ хоругвей были иногда чудовищныя, а чтобы вѣтеръ ихъ не металъ, въ нихъ прорѣзывались три большихъ круглыхъ отверстія, а къ концамъ ихъ прикрѣплялись гири. Самымъ распространеннымъ и излюбленнымъ изображеніемъ на этихъ вывѣскахъ было съ одной стороны плачущее, а съ другой смѣющееся лицо. Два верхнихъ отверстія изображали собою глаза, а отверстіе подъ ними изображало ротъ. На лбу, щекахъ и подбородкѣ такихъ рожекъ помѣщались разныя надписи. Работа была самая незатѣйливая и тѣмъ болѣе удовлетворяла хозяина, чѣмъ была комичнѣе нарисованная рожа. Фантазіи моей было предоставлено широкое поле, и я зарабатывалъ въ недѣлю шестнадцать долларовъ, жилъ, можно сказать, припѣваючи, и по нѣсколько разъ въ недѣлю ходилъ въ театръ. Въ то время какъ разъ играла тамъ нѣмецкая труппа изъ Европы, съ знаменитой гастродершей—Маріей Зэбахъ, первой женой знаменитаго нѣмецкаго тенора, лучшаго исполнителя вагнеровскихъ оперъ—Нимана.

Мой хозяинъ-маляръ, замѣтивъ во мнѣ большія способности и желая доказать мнѣ свою личную симпатію, порекомендовалъ меня черезъ нѣкоторое время на болѣе выгодную должность, къ пріятелю своему, въ литографію, въ качествѣ рисовальщика этикетокъ и разныхъ фантастическихъ виньетокъ. Послѣ испытанія моихъ композиторскихъ способностей, я принять былъ въ литографію, съ содержаніемъ въ два съ половиною доллара въ сутки.

Тутъ я вновь оперился и вскорѣ приобрѣлъ совершенно прилич-

ный видъ. Но эти мои удачи были всегда предтечами неудачъ, несмотря на то, что я не боялся труда, ко всякому дѣлу очень скоро приспособлялся и отдавался ему съ увлеченіемъ.

Хозяинъ литографіи, гдѣ я работалъ, вообразилъ меня болѣе искуснымъ художникомъ, нежели я былъ на самомъ дѣлѣ, и въ одинъ прекрасный день поручилъ мнѣ нарисовать для большого объявленія, съ птичьяго полета, лежащій по другую сторону рѣки, противъ Питсбурга, фабричный городокъ Бирмингамъ.

Я не отказался, хотя понятія не имѣлъ, какъ приняться за это. Я отправился на нѣсколько дней въ Бирмингамъ, гдѣ, поселившись въ гостиницѣ, получалъ, кромѣ двухъ съ половиной долларовъ, еще пять долларовъ суточныхъ.

Я бродилъ по улицамъ города, присматриваясь къ каждому дому, лазилъ по окрестнымъ горамъ, по крышамъ фабричныхъ строеній, взбирался на колокольни,—все разыскивая ту точку, откуда бы мнѣ начать мой художественный «птичій полетъ» города. Но тщетно: я не могъ ничего придумать. На второй день въ тоскливомъ безпокойствѣ дрожащими руками сталъ я по одиночкѣ срисовывать разныя строенія, думая потомъ по этимъ наброскамъ составить общій рисунокъ; но—увы! ничего не выходило. Сидя передъ множествомъ набросанныхъ мною рисунковъ, на четвертое утро, я уже съ отчаяніемъ подумывалъ о томъ, чѣмъ все это должно кончиться, какъ вдругъ передо мной разгнѣваннымъ привидѣніемъ предсталъ неожиданно самъ патронъ. Онъ потерялъ терпѣніе, ожидая моего возвращенія. Увидавъ результаты моего трехдневнаго пребыванія въ Бирмингамѣ, онъ не могъ побороть своей злобы и, бѣшено схвативъ меня за воротъ сюртука и теребя во всѣ стороны, бѣшено рычалъ: «Такъ это птичій полетъ? это вы называете рисунками съ птичьяго полета?» и т. д. Потокъ его брани остановился только потому, что его стало, наконецъ, душить. Разорвавъ въ клочки всѣ мои рисунки, онъ сталъ рвать себѣ волосы, приговаривая: «а я-то оселъ; а я-то оселъ: не могъ сразу расчухать этой бездарности!». Затѣмъ, швырнувъ на столъ бумажку въ десять долларовъ, онъ выбѣжалъ, какъ ужаленный.

Я стоялъ уничтоженнымъ, сознавая его правоту. Долго я не могъ опаматоваться. Наконецъ, дошелъ до сознанія, что «слава Богу, могло бы кончиться хуже».

Послѣ этого инцидента нѣсколько дней я былъ опять простымъ маляромъ при постройкѣ новаго театра въ Питсбургѣ, и тутъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ тѣмъ самымъ архитекторомъ, у котораго были похищены мною краски. За веселой бесѣдой въ одномъ ресторанчикѣ, гдѣ собирались въ субботу, послѣ получки недѣльнаго заработка и рабочіе, и подрядчики, и даже самъ архитекторъ,—я ему открылся въ моей виновности. Случай этотъ показался ему крайне забавнымъ,—онъ много хохоталъ,—и въ концѣ концовъ подружилъ даже его со мной.

Изъ маляровъ я скоро попалъ снова въ гарсоны одной извѣстной въ то время въ Питсбургъ кондитерской и ресторана—Шильдекера. Въ красивомъ зданіи помѣщалась внизу кондитерская, и въ загѣ верхняго этажа—столовая, гдѣ обѣдало ежедневно нѣсколько сотъ посѣтителей.

Въ началѣ участь моя тамъ была незавидна, и двое помощниковъ раздѣляли со мной слѣдующій ежедневный трудъ: утромъ чистили мы столовое серебро и все, что только было въ домѣ металлическаго, затѣмъ принимались за мытье щетками и мыломъ покрытаго клеенкой пола въ столовой. Это была работа, вызывающая даже теперь отвращеніе во мнѣ, при одномъ воспоминаніи. Для такого мытья приготовлялось специальное мыло. Оно варилось изъ разнаго жира, сальныхъ отбросовъ и другихъ пакостей. Отъ этой варки получалась липкая, грязная и убійственно зловонная какая-то мазь, запахъ которой настолько располагалъ меня къ тошнотѣ и рвотѣ, что я на третій день сталъ отказываться отъ должности, если меня не избавятъ отъ этой работы, или не разрѣшатъ, по крайней мѣрѣ, приходящееся на мою долю пространство мыть порядочнымъ мыломъ, которое я и долженъ былъ покупать на собственный счетъ.

Просьба моя была уважена, и я остался на мѣстѣ. Что касается остальныхъ работъ—мытья оконъ, гѣстницъ, мраморныхъ столовъ, вывоза пепла изъ каминна, привоза каменнаго угля, топки каминовъ и проч., то я исполнялъ все это безропотно. Къ полудню мнѣ слѣдовало быть уже умытымъ и одѣтымъ и присутствовать въ загѣ, выжидая приказанія старшихъ лакеевъ. Въ качествѣ гарсона, я прошелъ уже настолько хорошую школу въ Гобокенѣ, что превосходилъ въ ловкости всѣхъ своихъ питсбургскихъ коллегъ, а знаніе языковъ и предупредительность обратили на меня такое вниманіе хозяина и гостей, что черезъ двѣ недѣли я былъ произведенъ въ старшіе гарсоны, а черезъ мѣсяцъ былъ уже самымъ оберъ-кельнеромъ и зарабатывалъ сравнительно очень много, имѣлъ въ своемъ управленіи цѣлую стаю бѣлыхъ и черныхъ прислужниковъ, глядѣвшихъ на меня, конечно, съ завистью, но ловившихъ на лету мои приказанія. Я на китобоѣ еще позналъ дисциплину и научился отдавать безапелляціонныя приказанія.

Вскорѣ я сталъ вхожъ въ семью Шильдекера, какъ родной, а затѣмъ и поселился въ домѣ ихъ окончательно. На это крайне недружелюбно смотрѣлъ распущенный сынъ дома, ревнуя меня къ расположенію всей семьи, которая дѣлила со мной и всякое горе, и всякія радости, называя меня своимъ вторымъ сыномъ.

Младшей хозяйской дочери (а ихъ всѣхъ было три) я въ свободные вечера давалъ уроки французскаго языка. Средняя дочь, работавшая со мной въ ресторанѣ, воспыдала ко мнѣ открытой симпатіей, и старуха мать твердила мнѣ, что если я буду и впредь

такимъ же милымъ и трудолюбивымъ, то, годика черезъ два, она надѣется сыграть свадьбу своей дочери.

Воскресные дни я проводилъ вмѣстѣ въ развлеченіяхъ со всей семьей; денегъ у меня было всегда въ изобиліи, и за удовольствованіемъ личныхъ своихъ прихотей я могъ безъ стѣсненія содержать еще и своего товарища, котораго ввелъ въ семью, но который, потерявъ мѣсто въ книжномъ магазинѣ, ни за что на свѣтѣ не соглашался принять, хотя бы на время, мѣсто гарсона, которое я могъ всегда дать ему.

Вотъ уже, гдѣ дѣйствительно мнѣ казалось, что царствію моему не будетъ конца, такъ это здѣсь. Но вѣчныя не заслуженныя мною придирки ховайскаго сына выводили меня безпрестанно изъ себя, и я въ непродолжительномъ, сравнительно, времени попросилъ расчета. На это никто въ домѣ не согласился. Приввавъ на помощь все свое терпѣніе, я остался; но пробылъ все-таки недолго. Настѣдникъ дома до того изводилъ меня своими приставаніями, что я, выйдя одинъ разъ изъ себя, помялъ ему порусски бока и затѣмъ уже рѣшительно отказался отъ дальнѣйшей службы. Я былъ крайне доволенъ случившимся; и на этотъ разъ меня уже болѣе не удерживали.

Такъ кончились, словами Шиллера, мои хорошіе дни въ Аранжуецѣ. Вся семья, въ душѣ оправдывавшая мое поведеніе, разсталась со мной въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и, кромѣ наилучшихъ пожеланій, каждый одарилъ меня какой нибудь вещицей на память.

VI.

Второй періодъ путешествій.—Занорты въ вагонѣ.—Валтиморскіе пороски.—Опять пѣшкомъ.—Въ гостихъ у лѣснаго жителя.—Въ сообществѣ бродяги до Чикаго.

Въ это время мною снова овладѣла жажда путешествій, а товарищъ мой горѣлъ нетерпѣніемъ разстаться съ Питсбургомъ. Денегъ у меня было немного, но хорошій гардеробъ представлялъ извѣстную цѣнность, и, чтобы не имѣть лишняго багажа, я реализировалъ все свое имущество. Мы рѣшили отправиться въ Чикаго.

Собравшись въ путь, мы попрежнему зашагали по рельсамъ. На дворѣ стояло лѣто, да и морозъ намъ теперь былъ бы не особенно страшень: имѣя при себѣ достаточно денегъ, мы пока не ночевали подъ открытымъ небомъ и утоляли свой аппетитъ, безъ всякаго стѣсненія. Но такое легкомысліе ввергло насъ опять въ нищету. Скоро намъ опять пришлось ночевать подъ мостами и въ пустыхъ будкахъ, опять пришлось голодать и продавать съ себя лишнее. Продана была сначала цѣпочка отъ часовъ, потомъ часы, потомъ сувениры, полученные мною отъ семейства Шильдекеровъ. Разъ,

измученные усталостью и голодомъ, мы рѣшительно не въ состояніи были продолжать путь, а шедшій въ это время дождь не позволилъ намъ сдѣлать привала на полѣ. Надвигалась ночь, когда мы встрѣтили у одной желѣзнодорожной станціи большой товарный поѣздъ. Вагоны были всё на подобіе нашихъ, безъ площадокъ, съ задвигающимися заслонами, на цѣпяхъ и замкахъ. У двухъ вагоновъ замки не были, однако, наложены. Мы вынули у одного изъ нихъ цѣпь, отодвинули дверь и, желая тотчасъ расположиться ко сну, влѣзли въ него и задвинули за собой плотно щитъ изнутри. Мы услышали вскорѣ, какъ послѣ перваго свистка кондукторъ, быстро проходя мимо вагоновъ, поднялъ болтавшуюся у нашего вагона цѣпь и забросилъ ее въ крючекъ. Мы были, такимъ образомъ, заперты, и выбраться на волю собственными средствами намъ уже не представлялось возможности. Поѣздъ тронулся. Страхъ насъ объѣлъ: если будемъ открыты, насъ сочтутъ за воровъ, укравшихся съ злымъ намѣреніемъ въ товарный поѣздъ, и расправятся съ нами жестоко. Въ ужасѣ мы не могли спать всю ночь. Но, наконецъ, представленіе всёхъ ожидающихъ насъ ужасовъ до того истомило насъ, что мы, въ отупѣніи, совершенно успокоились на мысли, что все равно: двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать. Зато, какъ только мы успокоились, насъ сейчасъ же сталъ пробирать снова голодъ, и еще пуще жажда. Между тѣмъ, утренній свѣтъ сталъ понемногу пробиваться сквозь щели вагона, и мы могли различить сложенный въ противоположномъ отъ насъ углу товаръ. Это были все небольшіе деревянные четырехугольные ящики. Когда стало свѣтлѣе, мы на нихъ разобрали надпись: «Peaches of Baltymore» (балтиморскіе персики). Мы только переглянулись, и затѣмъ я, ни слова не говоря и ощущая уже на своемъ изсохшемъ языкѣ очаровательный вкусъ сочнаго персика, имѣвшимъ при мнѣ небольшимъ перочиннымъ ножомъ приподнять, безъ особеннаго труда, верхнюю крышку одного изъ деревянныхъ ящиковъ. Подъ нею оказались двѣ довольно высокія, круглыя герметически запаенныя жестянки. Останавливаться было повдно; да мы и не могли бы остановиться. И хотя ножъ, при дальнѣйшей работѣ, сломался, но верхнія доньшки жестянокъ были прорѣзаны. Въ каждой жестянкѣ было заключено по два большихъ персика въ собственномъ соку. Этотъ сокъ казался намъ нектаромъ. Ничего болѣе вкуснаго мнѣ никогда не приходилось ѣсть. Съ звѣрскою алчностью мы поглотили содержимое, но аппетитъ нашъ при этомъ только разыгрался. Никакой тигръ, навѣрное, не жаждалъ такъ крови, какъ мы новой порціи персиковъ. До того велика и неудержима была наша жадность, что когда, открывая вторыя жестянки сломаннымъ ножомъ, мы не могли уже дѣйствовать съ достаточной быстротой, то, не жалѣя своихъ рукъ, мы рвали жуть пальцами, перерѣзали ихъ до крови и, не ощущая никакой боли, не обращали на текущую кровь ни малѣйшаго

вниманія. Каждый изъ насъ представлялъ изъ себя въ ту минуту, въ полномъ смыслѣ слова, звѣря въ образѣ человѣческомъ. За вторымъ ящикомъ послѣдовалъ третій, четвертый. Пятаго мы уже не добили, но все-таки сломали его. Тутъ, ровно уже ничего не понимая, мы развалились и заснули. Только проснувшись, мы поняли, что мы натворили. Если бы не было поломанныхъ ящиковъ, мы могли бы еще ожидать какого нибудь къ себѣ снисхожденія, но теперь, когда слѣды нашего грабительства были на лицо,—раньше цѣпей, кандаловъ, арестантскаго платья, тюрьмы, намъ предстояло принять унижительные и жестокіе побои кондукторовъ. Это было всего ужаснѣе. И мы порѣшили имъ въ руки живыми не отдаваться.

Еще во время моей службы матросомъ я постигъ боксерство въ совершенствѣ и съ двумя, даже, въ случаѣ крайности, съ тремя противниками, незаправскими, конечно, боксерами могъ отважиться вступить въ свалку. Товарищъ мой тоже могъ постоять за себя. И мы условились: когда будутъ отодвигать дверь вагона, помѣститься передъ выходомъ, на корточкахъ, въ боксерской позиціи, и хотя бы передъ нами оказалось два кондуктора, быстрымъ нападеніемъ отбросить ихъ въ сторону и, прыгнувъ, проскользнуть въ мгновеніе ока подъ вагономъ и спастись бѣгствомъ въ противоположную сторону. Въ ожиданіи остановки поѣзда, мы привели въ прежній порядокъ всѣ ящики, какъ будто мы ни до чего и не дотрогивались. Поѣздъ гдѣ-то остановился, и слышно было, что на этой станціи выгружаютъ товары. Замки открывались, цѣпи сбрасывались, шумъ, говоръ, а у насъ въ груди—адскія муки тревожнаго ожиданія. Вотъ отбросили цѣпь нашего вагона, и когда дверь стала тяжело отодвигаться, мы увидѣли передъ собой только одного кондуктора. Изумленный, при неожиданной встрѣчѣ съ нашими устремленными на него глазами, онъ, очевидно, вознамѣрился произнести подходящее къ случаю проклятіе: «God dam»¹⁾, но я не далъ ему договорить, заткнувши ротъ кулачнымъ ударомъ, и не успѣлъ онъ издать и одного звука, какъ мы уже были подъ вагономъ и, мгновеніе спустя, вынырнувъ въ противоположную сторону, пустились бѣжать, какъ угорѣлые.

Намъ прямо пришлось взбѣжать по очень крутому подъему, но для нашихъ молодыхъ ногъ это не представило трудности. Въ нѣсколько мгновеній мы уже были внѣ опасности, такъ какъ погони за нами не послѣдовало. Насъ вообще замѣтили только, когда мы уже были на горѣ и, остановившись, смотрѣли, какъ снизу нѣсколько человѣкъ желѣзнодорожной прислуги что-то кричали, угрожая кулаками и бросая въ насъ камнями. Мы ядовито имъ поклонились и пустились опять бѣгомъ. Насъ спасло то, что на время скрыты были слѣды произведеннаго нами опустошенія. Благодаря

¹⁾ Англійское проклятіе: «будь проклять» (годъ-дамъ).

въ душѣ Бога за счастливое избавленіе, мы поклялись впредь, при подобномъ случаѣ, принять лучше голодную смерть. Слѣдующіе два дня мы все же сочли за лучшее идти проселками и держаться подальше отъ желѣзной дороги. Прошли день и ночь, въ теченіе которыхъ, кромѣ воды, мы ничѣмъ не наполняли своихъ желудковъ. Повдно утромъ мы замѣтили одиноко въ полѣ стоящую хижину съ пристройками, къ которой мы и направили свои шаги, въ надеждѣ выпросить здѣсь хоть стаканъ молока.

Издали мы увидѣли вышедшаго изъ этой хижины мужчину; но когда приблизились, то оказалось, что это не мужчина, а женщина; но что за женщина! Ужасъ и отвращеніе внушали ея лицо, копна спутанныхъ волосъ на головѣ и огромная вздутая верхняя губа, покрытая настоящими солдатскими усами! Одѣта она была въ широкія брюки, высокіе сапоги, а прочее голое тѣло покрывала рваная цвѣтная женская кофта. Въ рукахъ она держала метлу, а въ зубахъ—объемистую трубку, изъ которой клубами выпускала табачный дымъ. Еще на нѣсколько шаговъ разстоянія, она окликнула насъ грубымъ, сирымъ голосомъ, спрашивая, что намъ нужно. Услышавъ, что мы зашли попросить, не угостить ли она насъ молокомъ, она злобно закричала: «Что-о-о? Вы развѣ грудные младенцы! И вы осмѣливаетесь беспокоить такимъ требованіемъ бѣдную вдову? Ахъ, вы, заѣзжіе псы! Да я васъ»... При этихъ словахъ она бѣшено взмахнула огромной метлой и, какъ фурія, бросилась на насъ съ такой быстротой, что мы еле увернулись и, не желая связываться съ этой бѣшеной бабой, пустились поскорѣе назадъ. Видя, что намъ удалось уйти отъ ея метлы, она стала бросать мѣтко въ насъ камнями, выкрикивая какія-то проклятія, и гровила кулаками, пока мы не потеряли ее изъ виду.

Къ полудню разыгравшійся въ насъ волчій голодъ былъ утоленъ совершенно неожиданно. Намъ попался по дорогѣ великолѣпный вѣковой лѣсъ. Мы невольно зашли въ его тѣнь и стали углубляться въ его дремучую глушь. Какъ вдругъ, въ самой чащѣ, подъ громаднымъ раскидистымъ деревомъ, мы увидѣли очаровательный маленькій домикъ, у дверей котораго стоялъ поразившій насъ своимъ необычайнымъ ростомъ мужчина среднихъ лѣтъ. Большая, свѣтлая борода окаймляла темное загорѣвшее лицо; изъ-подъ полей широкой плантаторской шляпы добродушно глядѣли голубые глаза, съ нависшими надъ ними густыми бровями; длинныя его ноги обуты были въ длиннѣйшія голенища грубыхъ сапогъ и казались принадлежащими Голіаѳу; въ общемъ, вся эта своеобразная фигура производила на насъ впечатлѣніе людоеда изъ міра сказокъ, и мало внушала къ себѣ довѣрія. Мы уже намѣревались свернуть нъ сторону, какъ Голіаѳъ окликнулъ насъ мягкимъ, глубокимъ голосомъ, разогнавшимъ мгновенно весь нашъ страхъ. Онъ пригласилъ насъ подойти къ нему и безбоязненно принять его го-

степрїимство. Разспросивъ насъ, кто мы, куда и зачѣмъ идемъ, онъ ввелъ насъ въ домикъ, чистая комнатка котораго была такъ низка, что хозяинъ ея не могъ стоять въ ней выпрямившись. Къ потолку былъ прикрѣпленъ гамакъ, въ который онъ тотчасъ и улегся, а непомѣщающіяся въ него длинныя ноги вдѣлъ въ петлю, висѣвшую рядомъ и нарочно для того приспособленную. Стѣны были увѣшаны какими-то холщевыми мѣшками, оружіемъ и чулками разныхъ птицъ. Между прочими украшеніями висѣло тоже потертое зеркало и лошадиный черепъ. Въ глубинѣ комнаты, рядомъ съ печкой, стояла безукоризненной чистоты убранная постель. Столъ и два-три стула довершали убранство. Хотя въ общемъ комнатка эта казалась уютной, но, тѣмъ не менѣе, мы переглядывались, опасаясь, что попали въ ловушку. Только тогда мы просіяли, когда Голіаозъ своимъ бархатнымъ голосомъ кликнулъ: «Мэри!» И изъ-за занавѣски, въ глубинѣ комнаты, до того нами незамѣченной, показалась, какъ яркій лучъ среди ночи, прелестная, молодая женщина, съ кроткимъ и сердечнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Голіаозъ, представивъ намъ вошедшую женщину, какъ свою жену, отдалъ приказаніе, чтобы она поспѣшила испечь свѣжій хлѣбъ (въ Америкѣ, въ деревняхъ, пекутъ къ обѣду и къ ужину, каждый разъ, свѣжій хлѣбъ) и принесла что есть изъ мяса и другого съѣдобнаго. Пока жена готовила угощеніе, бесѣда наша съ Голіаозомъ приняла совершенно дружескій характеръ. Онъ разсказалъ намъ, что жилъ тоже нѣкогда въ свѣтѣ, въ обществѣ людей; но вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ, устранившись отъ свѣта, поселился въ этомъ лѣсу. Два раза въ годъ онъ отправляется въ Чикаго, гдѣ сбываетъ за хорошія деньги разныя цѣлебныя травы и корни, собираемые имъ въ лѣсахъ. Кромѣ табаку, верховой лошади и хорошаго яблочнаго вина, ему ничего не нужно; а у жены его, съ которою онъ обвѣнчался пять лѣтъ назадъ, прихоти еще скромнѣе. Оба они обожаютъ лѣсъ съ его чарующими тишиною и шумомъ и предпочитаютъ общество звѣрей и птицъ людскому обществу. «Тутъ,—говорилъ онъ,—среди звѣрей я всегда останусь человѣкомъ; а тамъ, въ вашемъ живомъ свѣтѣ, среди людей, я легко могу сдѣлаться звѣремъ». Вообще этотъ лѣсной житель оказался добродушнѣйшимъ оригиналомъ и, повидимому, былъ счастливѣе многихъ невольниковъ общественныхъ нашихъ условій. Мы сѣли, наконецъ, за столъ, уставленный всѣмъ лучшимъ, что было въ домѣ. Даже десертъ, въ видѣ сушеныхъ и сахаромъ обсыпанныхъ фруктовъ, стоялъ между прочими яствами, а яблочное вино такъ и подливалось гостепрїимнымъ лѣсникомъ въ наши стаканы. «Я людей вижу рѣдко и такимъ, какъ вы, гостямъ очень радъ»,—сказалъ въ заключеніе нашъ хозяинъ. Мы распростились съ нимъ и его хозяйкой, рассыпаясь въ благодарностяхъ.

Чикаго былъ уже недалеко, и мы рѣшили выйти опять на жѣзнодорожную линію, чтобы скорѣе до него добраться. Замѣчу мимоходомъ, что мы уже второй день ощущали невыносимое раздраженіе кожи по всему тѣлу, заставлявшее насъ ежеминутно почесываться, въ особенности, когда, при быстрой ходьбѣ, намъ становилось жарко. Мы не могли объяснить себѣ причины такого явленія. Ночь провели мы подъ открытымъ небомъ. Утромъ, проходя селомъ, мы зашли въ какой-то домъ, около котораго замѣтно было движеніе, и тамъ угостили насъ яблочнымъ пирогомъ. Причиной такого угощенія былъ находившійся въ домѣ покойникъ. Оказывается, что какъ у насъ варятъ кутю, такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Америки пекутъ яблочные пироги. Голодный товарищъ мой, чувствуя отвращеніе къ покойникамъ, не пожелалъ откусать этого блюда, а я ушелъ немалую порцію за новопреставленнаго раба Божія, съ пожеланіемъ ему вѣчной памяти.

Въ слѣдующую ночь, несмотря на данный зарокъ, мы опять примостились въ товарномъ поѣздѣ, съ вагонами того же типа, какъ въ послѣдній разъ, и такъ удачно, что незамѣченными удобно проѣхали остатокъ ночи и все слѣдующее утро, вплоть до самаго города Чикаго.

Въ послѣдній день, когда первые лучи солнца пробивались сквозь щели вагона, мы проснулись. Поѣздъ стоялъ. Когда онъ вновь тронулся, дверь занимаемаго нами вагона быстро отсунулась, и какой-то оборванецъ, съ толстой дубинкой ловко вскочилъ въ наше помѣщеніе и хотѣлъ опять задвинуть за собой дверь. Неожиданно насъ замѣтивъ, онъ снова готовъ былъ выпрыгнуть, но спросилъ предварительно: «Кто тамъ?». Я отвѣтилъ: «Свои друзья, такіе же странники». Тогда онъ задвинулъ дверь и, протянувши намъ руку, выразилъ удивленіе, что нашелъ еще, кромѣ себя, любителей такой даровой ѣады. Усѣвшись рядомъ съ нами, нашъ подвѣрительный коллега попросилъ покурить, и мы его угостили послѣднимъ имѣвшимся при насъ табакомъ. Онъ, въ свою очередь, вынулъ изъ кармана бутылку съ джиномъ и просилъ откусать на здоровье. Оборванецъ оказался неутомимымъ рассказчикомъ и прентереснымъ собесѣдникомъ, исходившимъ вдоль и поперекъ Сѣверную и Южную Америку, и побывавшимъ уже неоднократно въ Чикаго. Живая бесѣда укоротила время настолько, что мы и не замѣтили, какъ подѣхали къ самому Чикаго. Когда поѣздъ замедлилъ ходъ, нашъ новый товарищъ, простившись съ нами, выпрыгнулъ раньше насъ съ удивительною ловкостью, а когда мы соскочили на землю, въ свою очередь, онъ уже былъ далеко.

VII.

Чикаго. — Инцидентъ съ паразитами. — Встрѣча съ аптекаремъ. — Гибельный коньякъ. — Битва съ жуликами. — Въ участкѣ за рѣшеткой. — Ноожиданный спаситель. — Работа въ фотографіи. — Новое путешествіе.

Быль чудный солнечный день. Чикаго, какъ городъ, произвелъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Улицы прямыя, широкія, съ великолѣпными каменными многоэтажными домами, богатые магазины, громадныя гостиницы и чудное Мичиганское озеро. Все казалось въ этомъ городѣ такъ массивно и устойчиво, что я до сихъ поръ не могу понять, какъ могла эта столица штата Илинойса такъ скоро послѣ того сгорѣть дотла. Набродившись до утомленія по главнымъ улицамъ, мы свернули въ предмѣстья, чтобы найти себѣ пріютъ въ одной изъ безчисленныхъ мелкихъ гостиницъ. Усвоенныя нами, въ послѣднее время, самоувѣренность рѣчи и манера обращенія съ хозяевами тѣхъ гостиницъ, гдѣ мы останавливались, не давали послѣднимъ повода сомнѣваться въ нашей платежной способности; а потому мы весьма скоро нашли себѣ подходящій пріютъ. Это было въ небольшой третьеразрядной гостиницѣ «Hotel zur Krone», содержимой однимъ изъ безчисленныхъ нѣмецкихъ переселенцевъ.

Позавтракавъ, мы поднялись въ отведенную намъ комнату и приступили къ тщательному омовенію, стараясь при этомъ изслѣдовать причину ужъ столько времени безпокоившаго насъ зуда по всему тѣлу. Но всѣ наши изслѣдованія не привели ни къ какому результату. Тѣмъ не менѣе, мы рѣшились на слѣдующій день навѣстить непременно какого либо врача и просить помощи, такъ какъ боялись, что намъ откажутъ повсюду отъ мѣста, какъ только замѣтятъ наше постоянное почесываніе. Послѣ полудня, велѣвъ себѣ подать еще кое-чего съѣстнаго въ комнату и плотно закусивъ, мы порѣшили серьезно выспаться въ манящей своею опрятностью большой и мягкой постели. Мы уснули, конечно, немедленно и проспали безмятежно до слѣдующаго утра. Умывшись и почистивъ платье, мы попросили у горничной нѣсколько булавокъ и, заколовъ воротники сюртуковъ повыше къ шеѣ, дабы не примѣтили нашихъ грязныхъ рубахъ, спустились въ столовую, и потребовавъ себѣ кофе, принялись просматривать объявленія въ газетахъ, гдѣ и къ какому труду требуются люди.

Прошло съ полчаса, какъ вдругъ мы услышали изъ номеровъ доходившій до насъ шумъ; нѣсколько голосовъ не то спорили, не то выражали негодованіе, а минуту спустя, быстро сбѣжавъ съ лѣстницы, влетаетъ къ намъ разсвирѣпѣвшій хозяинъ и хватаетъ перваго меня за шиворотъ съ громкимъ крикомъ:

— Какъ, вы, мѣрзавцы, осмѣлились прійти въ мой домъ, чтобы внести въ него заразу? Вонъ! тотчасъ вонъ изъ моего дома, если жизнь вамъ мила еще!—За этими словами слѣдовалъ потокъ ругани.

Вскочивъ со своихъ мѣстъ, мы стояли, какъ молніей пораженные, ровно ничего не понимая. По дальнѣйшему требованію хозяина, мы должны были подняться съ нимъ въ нашу комнату, чтобы узрѣть содѣянное нами преступленіе, и о ужасъ!—тамъ мы нашли разгадку бывшаго непонятнымъ для насъ и тревожившаго насъ явленія—нашей чесотки, послѣдствія нашихъ ночевокъ по грязнымъ товарнымъ вагонамъ, съ отсутствіемъ необходимыхъ перемѣнъ бѣлья и вообще со всѣми неудобствами пѣшаго нашего путешествія. Насъ обвиняли въ томъ, что, выйдя изъ своей комнаты, мы не взяли съ собой приведенныхъ туда нашихъ товарищей; и эти товарищи безцеремонно, цѣлыми сотнями, ползали теперь по чистымъ простынямъ постели. Мы были заражены паразитами, и паразитами самыми злокачественными! А не могли мы ихъ замѣтить потому, что на тѣлѣ ихъ не было видно; всѣ гнѣздились по складкамъ бѣлья и, плодясь безконечно, безжалостно насъ беспокоили. Мы стояли уничтоженные, въ полномъ отчаяніи. Несмотря, однако, на такое удрученное состояніе, я все-таки нашелъ изъ него выходъ. Меня осѣнила мысль соврать, будто мы порѣшили пройтись пѣшкомъ изъ Питсбурга въ Чикаго, а багажъ нашъ отправили въ тотъ же день, поѣздомъ впередъ, и вотъ именно послѣ кофе мы и намѣревались за нимъ отправиться. Я просилъ хозяина успокоиться, повѣрить нашей чистоплотности и не обвинять насъ въ томъ, что случилось по нашему невѣдѣнію и нашей неосторожности. Еле успокоивъ взволнованнаго хозяина и вызвавъ въ немъ даже чувство состраданія, мы быстро вышли изъ гостиницы, будто бы отправляясь на вокзалъ за вещами, чтобы поскорѣе переодѣться. Очугившись на улицѣ, мы стали соображать, какъ и чѣмъ помочь нашему горю. Отчаяніе отнимало у насъ всякую сообразительность. Мы даже одно мгновеніе задумались, не броситься ли намъ въ воду. Но, видимо, такія причины еще не приводятъ къ самоубійству, а потому, утѣшая другъ друга и серьезно взвѣсивая всѣ обстоятельства, мы, наконецъ, рѣшили, прежде всего, отправиться къ Мичиганскому озеру и сначала выкупаться въ немъ самимъ, а потомъ выстирать собственноручно свое бѣлье, употребивъ вмѣсто мыла песокъ, и высушить его на солнцѣ, которое въ этотъ день обѣщало грѣть особенно сильно. Такъ мы и сдѣлали. Во время супки бѣлья нашего, разложеннаго на камняхъ, обдумывая дальнѣйшій планъ дѣйствій, мы рѣшили, что жилеты, при застегивающихся сюртукахъ, совершенно лишни, почему мы и рѣшили продать ихъ жиду (и тамъ жиды, какъ и въ Россіи, торгуютъ старымъ платьемъ), а на вырученныя деньги купить себѣ бумажные воротнички, нагрудники, манжеты и даже галстуки.

Убълье напе скоро просохло. Изслѣдовавъ и убѣдившись, что можемъ безъ риску вновь надѣть наши сорочки, какъ и всѣ остальные принадлежности туалета, мы одѣлись и отправились искать лавку жиды. Въ первой людной улицѣ, мы сейчасъ нашли нѣсколько такихъ лавокъ и, войдя безъ разбора въ первую попавшуюся, предложили свои жилеты. Жидъ, осмотрѣвъ и ощущавъ товаръ, нашель его для себя подходящимъ и, не выпуская жилетовъ изъ рукъ, посоветовалъ намъ продать и остальное, бывшее на насъ платье, находя, что оно черзчуръ тепло для сезона, а взамигъ приобрѣсть у него же легкія, черныя люстриновыя пиджачныя пары, хотя и лоношенныя, но на видъ, какъ будто и новыя. Стоили онѣ, сравнительно, очень дешево, а за наше платье жидъ предлагалъ намъ столько, что, очутившись въ новыхъ костюмахъ съ блестящимъ бумажнымъ бѣльемъ и при галстукахъ, мы сохраняли еще два доллара на иные карманные расходы. Сдѣлка показалась намъ очень выгодной, и мы ее съ радостью приняли; но при этомъ меня постигло несчастье. Боясь, чтобы жидъ не передумалъ и не отказался отъ сдѣланнаго намъ предложенія, мы страшно суетились, спѣшили выйти изъ лавки,— и въ этой горячкѣ я забылъ въ карманѣ сюртука заграничный мой паспортъ и,—что для меня было еще больнѣе,—оставилъ въ карманѣ жилета амулетъ, хранившійся у меня всегда на груди, и который я положилъ въ карманъ единственно потому, что шнурокъ, на которомъ онъ висѣлъ, безпрестанно рвался. Это была ладонка, гдѣ была защита рубашка счастья, въ которой я родился, и на которой покойный мой отецъ отмѣтилъ собственноручно время моего рожденія.

Увившись въ нашу гостиницу такъ чисто и заново одѣтыми, мы поразили нашего хозяина, и онъ старался своею предупредительностью заставить насъ забыть про утренній инцидентъ. Я выразилъ удивленіе, что вещи наши съ вокзала, гдѣ мы успѣли переодѣться, не привезены еще въ гостиницу, несмотря на обѣщаніе какого-то артельщика. Хозяинъ предлагалъ немедленно послать на вокзалъ и узнать причину такого замедленія, но я просилъ его не беспокоиться, такъ какъ теперь это уже было не къ спѣху, причемъ выразилъ ему желаніе имѣть его нашимъ собесѣдникомъ за кружкой элю, при завтракѣ, который мы заказали.

Усаживаясь за общій большой столъ, я былъ радостно пораженъ, увидѣвъ въ числѣ сидящихъ за столомъ хорошаго моего знакомаго изъ Гобокена.

Это былъ милѣйшій аптекаръ. Онъ, какъ я тутъ же узналъ, переселился въ Чикаго и занималъ здѣсь очень хорошую должность управляющаго большою аптекою... Разставаясь съ нами, аптекаръ приглашалъ быть его гостями и потребовалъ съ меня слово навѣстить его на слѣдующій же день, причемъ обѣщалъ, благодаря своему знакомству, пристроить насъ обоихъ къ мѣстамъ.

На другой день, около полудня, я явился къ моему гобокенскому

знакомому. Въ то время большая часть американскихъ аптекъ торговали, кромѣ лѣкарствъ, настоящими винами, ликерами и также самыми дорогими сигарами. Поэтому аптекарь, въ качествѣ радушнаго хозяина, угостилъ меня не только вкуснымъ обѣдомъ, но еще и самыми лучшими напитками. Такъ какъ вино не особенно меня опьяняло, то любезный хозяинъ, желая непременно довести меня до охмелѣнія, ввдумалъ угостить меня старымъ коньякомъ, — старѣйшимъ, какой только имѣлся въ его аптекѣ. Это была ароматная, густая маслянистая влага, столько же пьяная, сколько вкусная. Нѣсколько глотковъ ея приводили уже въ возбужденное состояніе. Я сталъ немножко хмелѣть; но это не удовлетворило аптекаря, и онъ, предлагая тостъ за тостомъ, ухитрился напоить меня, что называется, до положенія ризъ.

Былъ уже вечеръ, когда я, пошатываясь, распростился съ аптекаремъ и направился восвояси. Улицы были освѣщены и казались мнѣ особенно оживленными. Въ первыя минуты я различалъ все довольно ясно; но затѣмъ я долженъ былъ призывать на помощь уже всю свою энергію, чтобы противостоятъ какому-то странному влеченію идти бокомъ, то въ правую, то въ лѣвую сторону. Ноги заплетались, и поднимавшаяся нота осложняла еще мои движенія, конвульсивно толкая меня то взадъ, то впередъ.

Городъ мнѣ не былъ еще знакомъ; я позабылъ путь, которымъ пришелъ къ аптекарю, и двигался куда-то безъ цѣли. По угламъ улицъ, по вечерамъ, всегда толпится кучка людей, почти во всѣхъ большихъ городахъ Америки; Чикаго не былъ въ этомъ случаѣ исключеніемъ. Люди эти — такъ называемые «*crowdies*», по-нашему, уличные мазурики, которыхъ въ Америкѣ нужно считать не сотнями, а тысячами. Жулики эти имѣютъ удивительный нюхъ на прѣжаго и, фланируя вечеромъ и ночью по угламъ улицъ или сидя въ портерныхъ и кабакахъ, высматриваютъ себѣ жертву. Они всегда стараются быть зачинщиками какого либо уличнаго скандала, ссоры, драки, и ловко, во время суматохи, обираютъ карманы толпящагося люда. При удобномъ случаѣ, они не прочь сдѣлать и открытое нападеніе на прохожаго, пустивъ въ ходъ все имѣющееся въ ихъ распоряженіи оружіе; а оружія у этихъ мерзавцевъ цѣлый арсеналъ. Кромѣ револьвера и ножа, у нихъ въ употребленіи тяжелая свинцовая пуля, прикрѣпленная къ резиновому ремню, привязанному подъ мышкой и спрятанному въ рукавъ. Оттягивая пулю, жуликъ сильнымъ взмахомъ мечетъ ея свади въ голову прохожему, пуля ударяетъ и мгновенно исчезаетъ въ рукавъ. Кастетъ, нюхательный табакъ для засыпки глазъ, усыпительные порошки и т. п. имѣются у большей части этихъ бездѣльниковъ. Все это, сплошь и рядомъ, мальчишки.

И вотъ, когда я безцѣльно двигался по тротуарамъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону и спотыкаясь, вдругъ на углу какой-то

улицы нѣсколько человѣкъ загородили мнѣ дорогу и, насмѣхаясь надъ моимъ состояніемъ, пытались при этомъ, будто бы не намѣренными толчками, довести меня до паденія. Я равнодушно отстранялся отъ нихъ и старался, какъ могъ, проложить себѣ между ними путь впередъ; но когда одинъ изъ нихъ толкнулъ меня локтемъ въ бокъ черезчуръ уже чувствительно и очевидно умышленно, то я не задумался вкатить неосторожному шутнику такую пощечину, что онъ кубаремъ отлетѣлъ отъ меня на нѣсколько шаговъ. Эта удача зажгла во мнѣ воинственный пылъ, и я рѣшился вступить въ капитальный бой, но трусы тотчасъ разбѣжались, услышавъ смѣхъ прохожихъ.

Такимъ образомъ, я могъ продолжать свой путь. Подозрѣвая, однако, что эти негодяи будутъ меня преслѣдовать, я былъ насторожѣ и постоянно оглядывался. Пройдя двѣ—три улицы, я замѣтилъ, что за мной, дѣйствительно, слѣдятъ, и, желая предупредить нападеніе свади, я остановился подъ воротами одного дома, чтобы прикрыть спину (первое условіе на боевомъ положеніи), и, закуривъ трубочку, выжидалъ, что будетъ. Въ это время подходитъ ко мнѣ какой-то молодой человѣкъ, весьма симпатичной наружности, и говорить, что, бывши свидѣтелемъ моего недоразумѣнія съ уличными жуликами и идя одною со мной дорогою, онъ замѣтилъ, что мои враги не покидаютъ меня изъ виду. Онъ считаетъ долгомъ предупредить меня объ этомъ и, въ случаѣ надобности, готовъ оказать мнѣ даже помощь.

Я обрадовался такой неожиданной любезности и принялъ съ благодарностью предложеніе.

Мы отправились дальше вмѣстѣ, дружелюбно бесѣдуя о недостаткахъ американской полиціи. Прошли еще какую-то улицу и затѣмъ вышли на неизвѣстную мнѣ большую слабо освѣщенную площадь. Кромѣ насъ, другихъ прохожихъ тутъ не было. Спутникъ мой поминутно озирался кругомъ, и, когда мы вышли на середину площади, онъ вдругъ озабоченно прошепталъ мнѣ, что насъ преслѣдуютъ. Я самъ различалъ свади себя шумъ шаговъ, но онъ меня мало беспокоилъ, такъ какъ насъ было двое. Но вотъ шаги все ближе и ближе, я инстинктивно повернулся назадъ, по привычкѣ становиться къ врагу лицомъ, какъ вдругъ у меня невольно вырвался возгласъ удивленія: мой спутникъ, этотъ милый, симпатичный, молодой человѣкъ, схватилъ меня обѣими руками за горло, и въ тотъ же моментъ я ощутилъ сильный ударъ чѣмъ-то твердымъ по головѣ и какую-то тяжесть, обвившую мою шею и навалившуюся на спину. Я упалъ навзничь, назадъ. Державшій меня за горло разжалъ руки и, освободивъ ихъ, вывернулъ карманы моихъ брюкъ, гдѣ, кромѣ трубки, табаку и нѣсколькихъ центовъ, ничего не было; напавшій свади ощупалъ карманы пиджака и приказалъ своему товарищу вынуть ножъ. Все это совершилось въ

одно мгновеніе, и, можетъ быть, также скоро наступилъ бы мой конецъ, если бы я не разслышалъ приказанія о ножѣ. У меня пропала хмель моментально; неожиданно для моихъ враговъ, я, точно подброшенный, вскочилъ на ноги и, отшвырнувъ отъ себя грабителей, превратился внезапно въ нападающаго. Я такъ быстро и такъ рѣшительно ухватывался то за одного, то за другого, нанося ударъ за ударомъ, что противники мои не успѣвали защищаться и не имѣли времени взять въ руки какое либо оружіе; поэтому они стали неистово кричать о помощи. Откуда ни возьмись, изъ земли выросъ полицейскій, предъ которымъ негодяи стали обвинять меня, со всею наглостью, въ открытомъ на нихъ нападеніи. Никакіе протесты съ моей стороны почтенный стражъ не принималъ во вниманіе и, безапелляціонно обвиняя меня въ нарушеніи тишины и въ оскорбленіи дѣйствіемъ мирныхъ гражданъ, пригласилъ меня въ участокъ.

Тамъ составили немедленно, согласно съ обвиненіемъ, протоколъ, а пока судъ да дѣло, отвели меня, раба Божьяго, въ арестантскую и втокнули за рѣшетчатую желѣзную дверь небольшой зловонной камеры, гдѣ уже находились какіе-то два субъекта.

Бѣшенство отъ причиненной мнѣ несправедливости не имѣло границъ. Всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ и съ нетерпѣніемъ ожидать слѣдующаго дня. Ночь эта показалась мнѣ вѣчностью. Наступило утро. Коридоры арестантскихъ камеръ оживились. Полицейскіе пшырали взадъ и впередъ. Арестованныхъ вызывали по именамъ, и сторожъ открывалъ рѣшетчатыя двери разныхъ камеръ, выпуская изъ нихъ то одного, то другого заключеннаго. Мои два сотоварища были тоже вызваны, а до меня все очередь не доходила. Это повергало меня въ сильное волненіе. Ужъ не забыли ли про меня? Наконецъ, и я былъ вызванъ и препровожденъ въ кабинетъ участковаго начальства, гдѣ меня заставили подписать какую-то бумагу и объявили, что я приговоренъ къ десяти долларамъ штрафа, а въ случаѣ несостоятельности къ восьмидневному аресту въ рабочемъ домѣ. Я соглашался уплатить штрафъ, но просилъ подождать, пока заработаю. Объ этомъ и слышать не хотѣли; но, желая мнѣ сдѣлать снисхожденіе, соглашались прождать наступившій день, чтобы я подумалъ, кто бы могъ внести за меня десять долларовъ. Что дѣлать? Къ кому обратиться? Первымъ спасителемъ и даже, въ нѣкоторомъ родѣ, обязательнымъ, представлялся мнѣ аптекаръ, ибо я вѣдь стараніями его доведенъ былъ до того положенія, которое было, конечно, основною причиною моего заключенія.

Сторожъ при камерахъ согласился дать мнѣ посыльнаго. Но на любезную мою записку, содержавшую изложеніе всего происшедшаго, послѣдовалъ на моемъ же письмѣ коротенькій и выразительный отвѣтъ, что «денегъ не имѣется». Это же письмо, съ припиской, я послалъ въ гостиницу къ моему товарищу, прося его

найти, во что бы то ни стало, необходимую сумму и прийти самому ко мнѣ въ участокъ.

Товарищъ мой явился, испуганный и озабоченный моимъ положеніемъ, но денегъ найти не могъ. Охотнѣе всего онъ просидѣлъ бы со мною въ рабочемъ домѣ, такъ какъ въ гостиницѣ онъ не рѣшался оставаться одинъ, не зная, какъ выпутаться.

Въ это время входитъ какой-то человѣкъ съ бумагами, которыя подаетъ къ столу писмоводителя, прося его о чемъ-то, и, случайно къ намъ повернувшись, радостно восклицаетъ: «А, русскій пріятель,— какими судьбами?». Это былъ одинъ изъ племянниковъ хозяина гостиницы «Hotel Lievre», въ Гобокенѣ, съ которымъ я тогда очень подружился. Послѣ краха въ Гобокенѣ онъ переѣхалъ въ Чикаго, гдѣ занялъ должность главнаго кондитера въ первѣйшей въ то время гостиницѣ города. Этотъ великодушный пріятель, узнавъ про мое горе, выручилъ меня тотчасъ изъ участка, уплативъ присужденные десять долларовъ, и далъ мнѣ еще столько же, прося какъ можно скорѣе его навѣстить.

Итакъ я былъ свободенъ. Какое это было блаженное состояніе! Его можно надежданцимъ образомъ чувствовать только послѣ того, какъ посидишь нѣкоторое время за рѣшетчатую дверь. А оно было для меня теперь пріятно вдвойнѣ, такъ какъ у меня имѣлось еще десять долларовъ въ карманѣ. День спустя, мой товарищъ получилъ занятія по письменной части въ одной конторѣ; а я пошелъ, по художественной части, въ качествѣ рисовальщика и ретушора углемъ въ фотографіи. Фотографъ, къ которому я поступилъ, дѣлалъ большіе портреты на особенной какой-то бумагѣ, принимающей уголь, ибрънѣ, черный и бѣлый мѣлъ. Этимъ мѣломъ покрывалась штрихами фотографія, и получалось нѣчто въ видѣ рисунка углемъ отъ руки.

Такіе портреты нравились публикѣ, и фотографъ былъ заваленъ заказами, почему онъ всякому помощнику и былъ радъ. Работа эта была самая грубая и незамысловатая; оплачивалась она великолѣпно и обеспечивала даже комфортабельное существованіе.

Товарищъ мой былъ тоже доволенъ мѣстомъ, и мы продолжали жить въ «Hotel Zug Kropе», гдѣ мы уже считались почтенными жильцами, а случай съ паразитами и багажемъ вспоминался ужъ очень изрѣдка, и то, какъ веселый лишь эпизодъ.

Но въ фотографіи я пробылъ недолго, и послѣ одного эпизода, не имѣющаго прямого отношенія къ моимъ мытарствамъ, я воненавидѣлъ Чикаго, какъ городъ, гдѣ царятъ жулики, мошенники и просто грабители. Ненависть моя къ городу насилія возросла до такой степени, что я рѣшился, несмотря на обезпеченный кусокъ хлѣба здѣсь, покинуть его и снова пуститься въ странствованія по пути неизвѣстности.

VIII.

Неблагодарный другъ и моя месть. — Путешествіе въ одиночку. — Битва съ негромъ и его собакой. — Побѣда. — Въ кастрюльщикахъ, въ агентахъ по страхованію жизни, на постройкѣ желѣзнодорожной вѣтви. — Охота на змѣй. — Китайцы.

На этотъ разъ мнѣ предстояло путешествовать одному, такъ какъ мой товарищъ получилъ прекрасное мѣсто въ редакціи газеты, жилъ безбѣдно, обзавелся особымъ кружкомъ знакомыхъ и не только позабылъ обо мнѣ, но, очевидно, избѣгалъ даже встрѣчи со мною. Проходя однажды по набережной канала, я увидѣлъ множество баржъ, привезшихъ каменный уголь. Для разгрузки этой массы угля требовались въ огромномъ количествѣ рабочія руки, а такъ какъ трудъ чернорабочаго оплачивается въ Америкѣ весьма хорошо, то мнѣ представлялся случай заработать нѣсколько долларовъ для будущаго путешествія. Я былъ принятъ немедленно. Съ утра до вечера, по доскѣ, проложенной отъ баржи къ берегу, перевозился въ тачкѣ каменный уголь. Работа въ высшей степени скучная и для спины крайне утомительная. Проработавъ шесть дней, я получилъ расчетъ и шелъ въ компаніи нѣсколькихъ чернорабочихъ въ кабачекъ, какъ это принято, угоститься. Мы проходили по маленькому мостику, черезъ грязный ровъ, въ которомъ воды почти не было, и все дно его состояло изъ жидкаго ила. Вдругъ я тутъ сталкиваюсь съ нязачно одѣтымъ молодымъ человѣкомъ, который, завидя меня, отвернулся и хотѣлъ быстро пройти мимо. Я узналъ моего товарища по прежнимъ злоключеніямъ. Я не понялъ сначала его маневра и, простодушно обрадованный этой встрѣчѣ, любовно повернулъ его къ себѣ за шею и, возгласивши: «дружище», протянулъ къ нему обѣ руки. Но онъ, имѣя обѣ руки опущенными и отстраняясь, точно боялся запачкаться обѣ меня, окинулъ меня взглядомъ и спросилъ: «что вамъ угодно?». Шедшіе со мною рабочіе остановились. Вся кровь кинулась мнѣ въ голову. Но я еще все не могъ понять, какъ это могъ онъ забыть меня, своего вѣрнаго друга, несшаго его на своихъ плечахъ во все время его бѣдствій и гореваній. Я было началъ опять: «друж...», но онъ хотѣлъ пройти мимо меня, безъ отвѣта. Тутъ я схватилъ моего тонконогаго фертика вокругъ груди, моими углемъ запачканными руками, перебросилъ его черезъ перила моста, какъ перебрасываютъ черезъ свои ширмы петрушекъ шарманщики; поддержавъ его немножко на воздухѣ, я, наконецъ, развелъ свои руки. Вышина паденія была не болѣе двухъ аршинъ. При общемъ взрывѣ смѣха и грубыхъ остротахъ рабочихъ, мой неблагодарный другъ погрузился въ волючій илъ въ своихъ свѣтлыхъ брюкахъ, выше колѣнъ, и съ озабоченнымъ глупымъ видомъ спѣшилъ оттуда выбраться. И же, взволнованный, продолжаетъ свой

путь и долго не могъ успокоиться, размышляя о неблагодарности коварнаго друга,

Черезъ день я шагаль уже по проселочной дорогѣ, по направленію къ Сень-Луису. Опять прежняя исторія; опять я не рассчиталъ своихъ средствъ и снова первую половину пути прошелъ, пользуясь нѣкоторыми излишними удобствами, а во вторую пришлось опять переносить и жажду, и голодь, и терпѣть отъ непріязненныхъ отношеній со стороны поселянъ, у которыхъ мнѣ приходилось просить иногда куска хлѣба, такъ какъ ни къ какому дѣлу по дорогѣ мнѣ не удалось пристроиться и не довелось заработать ни одного лишняго доллара. Проходя однажды, поутру, небольшимъ селомъ, я увидѣлъ на самой окраинѣ его сидящимъ у дверей одиноко стоявшей хижины добродушнѣйшаго съ виду негра. Остановившись передъ нимъ, я спросилъ, не утолитъ ли онъ моего голода кускомъ хлѣба. Онъ молча всталъ и вошелъ внутрь хижины. Я остался у дверей, ожидая возвращенія ласковаго хозяина. Не прошло, однако, и минуты, какъ негръ неожиданно выскочилъ изъ двери и, какъ дьяволъ, оскаливъ зубы и злобно сверкая глазами, направилъ на меня почти въ упоръ дуло большого пистолета. Зная, что при грозящей опасности мѣшкать и раздумывать нечего, во мгновение ока, я выбилъ пистолетъ изъ рукъ озадаченнаго негра и вслѣдъ затѣмъ, безъ промедленія, нанесъ ему двойной боксерскій ударъ, въ которомъ одновременно бьютъ лѣвымъ кулакомъ подъ подбородокъ, а правымъ сверху, мимо глазъ, по носу, и, отбросивъ его этимъ ударомъ назадъ, быстро обратился въ бѣгство. Спустя минуту, я уже былъ далеко и, полагая, что нахожусь внѣ всякой опасности, продолжалъ свой путь шагомъ. Только нѣсколько минутъ спустя, мнѣ стала угрожать, совершенно неожиданно, двойная опасность. Негръ, очевидно, скоро оправился отъ моего удара и рѣшился мнѣ отомстить. Я услышалъ сзади себя отдаленный крикъ. Оглянувшись, я увидѣлъ несущагося по направленію ко мнѣ большого рыжаго пса, а вслѣдъ за нимъ кричащаго и руками размахивающаго негра.

Не зная, куда укрыться, и не ожидая отъ кого либо помощи, я понималъ ясно, что у меня съ негромъ и его собакой должна произойти борьба не на животь, а на смерть. Я ускорилъ бѣгъ; но собака была быстрѣе меня и черезъ минуту грозила вѣшниться мнѣ въ икры. Дорога повернула вдругъ круто въ сторону, и тутъ, къ моему несказанному счастью, за кустами увидѣлъ я небольшое озеро. У самаго берега, въ двухъ шагахъ отъ меня, плавалъ небольшой плотъ. Я на него; онъ оказался крѣпко притянутымъ веревкою къ сваѣ, и мнѣ, чтобы спастись отъ собаки, ничего не оставалось больше, какъ прыгнуть въ воду. Собака вслѣдъ за мной; но, сдѣлавъ слишкомъ сильный прыжокъ, она погрузилась въ воду на нѣсколько шаговъ дальше меня. Затѣмъ, вынырнувъ

и касаясь задними ногами дна, она стала прыжками бросаться на меня. Собака была огромная; налитые кровью глаза и злобно закрытая пасть въ одно мгновеніе были отъ меня на четверть аршина. Но мнѣ удалось ухватить животное одной рукой за горло, а другой за затылокъ. Повернувъ его на спину, я сталъ сейчасъ же топить его, окуная въ воду разъ за разомъ. Въ это время подбѣжалъ къ берегу негръ и, не рѣшаясь войти въ воду, но желая, конечно, спасти своего пса и убить меня, открылъ по мнѣ бомбардировку камнями. Отъ десятка камней мнѣ удалось отстраниться; но, наконецъ, одинъ камень больно ударилъ меня въ лѣвое плечо. Тутъ я понялъ, что негръ разможжитъ мнѣ, наконецъ, черепъ, и что у меня болѣе будетъ шансовъ спасти жизнь, если я выйду на берегъ и вступлю со своимъ противникомъ въ открытый бой. Я оттолкнулъ отъ себя, на сколько могъ, дальше пса, который все еще боролся со смертью и то высовывалъ изъ воды свою голову, то безсильно опять погружался въ воду, и, прикрываясь руками отъ летѣвшихъ въ меня камней, быстро выбрался изъ воды на берегъ. Негръ остановился въ выжиданіи, принявъ боксерскую позу. То же самое сдѣлалъ и я. Мы стояли, вперивши другъ въ друга глаза и устрашая одинъ другого своими свирѣпыми взглядами, нерѣшительно оба подавались то взадъ, то впередъ, готовые каждый мигъ вступить въ отчаянный бой, но ни одинъ изъ насъ не отваживался сдѣлать рискованный шагъ перваго нападенія. Вдругъ негръ, потерявъ первый терпѣніе и полагая, вѣроятно, встрѣтить во мнѣ менѣе опытнаго боксера, рѣшился на самый опасный приемъ въ этомъ кулачномъ искусствѣ. Внезапно согнувшись и втянувъ голову между плечъ, онъ кинулся впередъ, чтобы ударить меня головой подъ ложечку. Силѣ такого удара невозможно противостоять; онъ мгновенно спшибаетъ съ ногъ и весьма часто бываетъ смертельнымъ. Но бѣда нападающему, если противнику знакомъ этотъ ударъ, и если онъ можетъ предупредить его. Нападающаго, не допуская до удара, схватываютъ лѣвой рукой сзади за волосы и бьютъ въ обращенное внизъ лицо правымъ колѣномъ, а правымъ кулакомъ бьютъ въ спину, бока и куда попало. Это—звѣрская расправа, при которой жертвѣ перебивается и носовой хрящъ, и зубы, и глаза, и вообще человѣкъ избивается до полусмерти; и если онъ останется живъ, то ужъ непременно будетъ изуродованъ. Я предупредилъ, приготовленный мнѣ негромъ, смертельный ударъ, и какъ ни рвался мой противникъ, колотя мнѣ кулаками по ногамъ, ничто его не спасало; я его билъ, билъ ожесточенно, билъ до тѣхъ поръ, пока онъ мнѣ показался достаточно обезсиленнымъ для новаго нападенія. Вѣдь ужъ на этотъ разъ онъ навѣрно не пощадилъ бы меня, а съ жизнью расставаться мнѣ еще не хотѣлось! Когда я выпустилъ изъ руки его волосы, онъ навалился лицомъ къ землѣ

и тяжело стоналъ. Усталый и дрожа всѣмъ тѣломъ, я не могъ себѣ ясно дать отчета въ томъ, что случилось. Мнѣ было, прежде всего, стыдно, странно и гадко. Наскоро омывшись водой, я вышелъ на дорогу и быстрыми шагами направился дальше, все время себя утѣшая, что иначе поступить было невозможно. На совѣсти моей была соотвѣстно только смерть собаки; что касается негра, то надо думать, онъ скоро пришелъ въ себя. Негръ выносливъ и живучъ, какъ кошка; а потому, вѣроятно, я не загубилъ его душу. Теперь, почти четверть вѣка спустя послѣ этого событія, мнѣ приходитъ въ голову еще другое безпокойное, мучительное соображеніе: что, если этотъ негръ не замышлялъ противъ меня ничего злого, если онъ просто хотѣлъ пошутить со мною, вытаращивъ на меня глаза и наведя на меня свой пустой пистолетъ, для того, чтобы потомъ дружески предложить мнѣ и вина, и хлѣба? Но послѣдствія этой шутки оказались жестоки, и мнѣ хочется думать, что онъ дѣйствительно намѣревался меня убить.

Нѣсколько дней спустя, я очутился въ городѣ Сентъ-Луисѣ и не успѣлъ еще присмотрѣться къ городу, какъ сейчасъ же, случайно, получилъ должность кастрюльщика на одномъ изъ безчисленныхъ пароходовъ, курсирующихъ по рѣкѣ Миссиссипи, между городами Сентъ-Луисомъ и Новымъ Орлеаномъ.

Каждому извѣстны обязанности кастрюльщика; поэтому ихъ описывать нечего.

Это занятіе мое продолжалось нѣсколько недѣль, пока я не познакомился на пароходѣ съ агентомъ одного общества страхованія жизни, въ Новомъ Орлеанѣ. Этотъ господинъ предложилъ мнѣ должность своего субъ-агента, увѣривъ меня, что это крайне доходное мѣсто, и, снабдивъ меня бланками полисовъ и другими документами, совѣтовалъ, для пріобрѣтенія скорѣйшимъ способомъ кліентовъ, входить безцеремонно въ каждый домъ и лавку и вербовать желающихъ, представляя имъ всѣ преимущества страхованія въ новомъ обществѣ.

Соблазнительныя стороны, представленныя мнѣ милѣйшимъ агентомъ, не оправдались, однако, нисколько. Почти изъ всякаго дома меня гнали также безцеремонно, какъ безцеремонно туда входилъ я самъ.

Въ это время представился мнѣ случай попасть въ артель рабочихъ, клавшихъ шпалы на желѣзнодорожной линіи близъ Новаго Орлеана. Работа была тяжелая, но оплачивалась очень хорошо, именно, благодаря своей тлгости. Время было такое, что при 40° тепла день не считался еще особенно жаркимъ, а линія шла по вонючей, болотистой почвѣ, гдѣ свирѣпствовала желтая лихорадка. Кто, однако, и не былъ ей подверженъ, и не боялся солнечнаго удара, и тотъ, все равно, настолько утомлялся этою тяжелою работою, что ослабѣвалъ физически до послѣдней степени и не былъ

въ силахъ работать подъ рядъ нѣсколько дней. Мнѣ этотъ трудъ не казался, впрочемъ, особенно тяжелымъ, и тѣмъ болѣе, что я развлекался новизною своего положенія. Мнѣ пришлось, между прочимъ, проходить дѣвственнымъ лѣсомъ, если можно такъ назвать пальмовый лѣсъ, чрезъ который пролегла тропинка, настолько узкая, что двое встрѣтившихся должны были бокомъ просунуться другъ мимо друга. Вправо и влѣво стояли сплошныя непроходимыя стѣны кактусовъ и другихъ колючихъ и вьющихся растений, между гигантскими пальмами. Тропинка вся въ полумракѣ, такъ какъ скрещивающіеся листья пальмовыхъ верхушекъ пропускаютъ только немногіе лучи свѣта. Чрезвычайно эффектенъ видъ этой тропинки, когда солнце стоитъ надъ самымъ лѣсомъ. Лучи его падаютъ внизъ, какъ горящія искры. Стаи разноцвѣтныхъ пернатыхъ щебечутъ несмолкаемымъ хоромъ мелодію, въ которой не разберешь ни конца, ни начала. Проходя, однако, такимъ лѣсомъ, нужно быть всегда очень внимательнымъ, потому что чащи такихъ лѣсовъ кишатъ змѣями. Въ большинствѣ случаевъ, змѣя уходитъ сама, услышавъ шумъ шаговъ; но если какъ нибудь неосторожно съ нею столкнешься, она нападаетъ, ужалитъ и быстро скроется.

Наша артель включила охоту на змѣй въ число любимыхъ своихъ развлеченій. Приемы такой охоты самые обыкновенные: оружіемъ служить длинная палка съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ; приближаясь осторожно къ змѣѣ, стараются вонзить остріе палки въ затылокъ гадины и быстро, большимъ ножомъ или топоромъ, отсѣкаютъ голову. Опасности для охотниковъ особенной не представляется, а змѣй такое множество, что въ короткое время можно убить нѣсколько десятковъ. Къ такому же приему прибѣгаютъ, встрѣчая змѣй на желѣзнодорожныхъ шпалахъ, на которыхъ онѣ любятъ погрѣться и иногда располагаются цѣлыми семьями. Случалось мнѣ видѣть цѣлый десятокъ такихъ змѣй, вѣроятно, уснувшихъ на рельсахъ и раздавленныхъ колесами локомотива. Описанная охота такъ привлекательна, что я къ ней пристрастился и, много лѣтъ спустя, у насъ, на югѣ Россіи, истреблялъ тѣмъ же способомъ немалое количество опасныхъ мѣдянокъ. Самая большая змѣя, которую мнѣ удалось убить въ Америкѣ, была около двухъ аршинъ длины.

При описываемой прокладкѣ шпалъ мнѣ пришлось также впервые познакомиться съ китайцами. Тогда они тысячами переселялись въ Америку и вездѣ предлагали свой трудъ за половинную цѣну, противъ американскихъ рабочихъ. И понятно: ихъ житейскія потребности крайне ограничены; немного чаю да рису, и китаецъ доволенъ. За то они во всѣхъ случаяхъ должны были выносить ненависть американца. Борьба за существованіе не разбирала средствъ для уничтоженія этихъ желтокожихъ. Ихъ били, травили, умышленно затѣвали свалки, при недѣльныхъ расчетахъ, когда рабочіи, послѣ шестидневнаго труда, шель въ разгулъ, чтобы убить нѣ-

сколько китайцевъ. На подобные случаи мѣстное управленіе смотрѣло сквозь пальцы, такою общеою ненавистью пользовались эти несчастные выходцы.

IX.

Участіе въ преступленіи.—Знакомство въ ночлежномъ домѣ, и я уличный пѣвецъ.—Встрѣча съ капитаномъ китобоя.—Письмо изъ Россіи.—Возвращеніе на родину.—Влудный сынъ подь родительскимъ кровомъ.

Когда работа на желѣзной дорогѣ окончилась, я встрѣтился съ однимъ охотникомъ, который предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ въ Мексику. Получивъ мое согласіе, онъ назначилъ мнѣ свиданіе на слѣдующій вечеръ.

Въ условленный часъ я былъ на мѣстѣ, и послѣ заката солнца явился мой новый незнакомецъ, верхомъ на прекрасной лошади, держа другую, такую же красивую, на поводѣ. Поздоровавшись, онъ безмолвно пригласилъ меня сѣсть на другую лошадь, осѣдланную мягкимъ одѣяломъ, и бросилъ мнѣ поводья крѣпкой и новой уздечки. Легкой рысью поѣхали мы по незнакомому мнѣ направленію, черезъ поля и кустарники, все проселочными дорогами. Смѣняя рысь шагомъ, потомъ быстрымъ галопомъ, мы безостановочно ѣхали до наступленія полной ночи, не обмѣниваясь ни единымъ словомъ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ такой ѣзды, спутникъ мой крикнулъ: «стойте!». Это было подь сѣнью группы деревъ. Вдали еле замѣтно мелькали огоньки, вѣроятно, какого нибудь мѣстечка. Спутникъ мой приказалъ мнѣ слѣзть съ лошади, а самъ, оставаясь верхомъ и взявъ мою лошадь за поводъ, обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: «Милый мой мальчикъ,—онъ бросилъ мнѣ какой-то мѣшокъ,—въ этомъ мѣшкѣ ты найдешь ветчину, хлѣбъ и водку, для подкрѣпленія твоихъ силъ. А вотъ тебѣ еще долларъ денегъ, и большое спасибо за то, что ты мнѣ помогъ провести въ сохранное мѣсто эту пару уворованныхъ лошадокъ. Прощай!». Съ этими словами онъ въ карьеръ умчался отъ меня, прежде нежели я успѣлъ оглянуться. Но у меня волосы стали дыбомъ, когда я опомнился. Смѣльчакъ рѣшился украсть лошадей совершенно самостоятельно, но въ случаѣ, если бы его нагнали, онъ не хотѣлъ одинъ быть избитымъ и нашелъ себѣ во мнѣ подходящаго дурака. Ночь была теплая, и я предпочелъ провести ее подь открытымъ небомъ, тѣмъ болѣе, что чувствовалъ сильное утомленіе отъ верховой ѣзды. Кстати, мнѣ не было надобности и объ ужинѣ заботиться.

Два дня спустя, я опять находился въ Новомъ Орлеанѣ, и, уставъ отъ бродяжнической жизни, порѣшилъ вновь пріискать себѣ службу на кораблѣ, отправляющемся въ какое нибудь дальнее плаваніе. Съ этой цѣлью я направился въ матросскія таверны у гавани. И здѣсь ихъ было много; и вездѣ царилъ полный разгулъ. Къ ночи я во-

шелъ въ одну изъ тавернъ, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, служила и ночлежнымъ домою, и, уплативъ, по положенію, впередъ за ночлегъ, отправился тотчасъ спать. Ночлежная комната изображала въ себя низкое, длинное помещеніе, съ проходомъ по серединѣ; а влѣво и вправо къ стѣнамъ была постлана солома для ночлежниковъ. Вмѣсто подушки служила косо къ стѣнкѣ прибитая доска. Тусклая лампа освѣщала эту уютную комнату, наполненную какимъ-то ѣдкимъ специфическимъ запахомъ. Нѣкоторыя мѣста были уже заняты, и повсемѣстно раздавался громкій храпъ. Я занялъ одно изъ свободныхъ мѣстъ и немедленно уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Когда я проснулся, на другое утро, я увидѣлъ, что, кромѣ меня и сосѣда моего съ правой стороны, никого въ комнатѣ болѣе не было. Вѣроятно, было уже поздно. Протеревъ глаза, я присѣлъ и, какъ-то бессознательно устремивъ взглядъ на моего храпящаго сосѣда, оставался нѣкоторое время въ автоматическомъ состояніи. Потомъ меня почему-то заинтересовало выраженіе лица спящаго, и я съ особеннымъ удовольствіемъ сталъ прислушиваться къ его безмятежному храпу. Это былъ маленькій, толстый человекъ, съ совершенно лысой головой и заплывшимъ добродушнымъ лицомъ. Маленькіе вздернутые усики и жидкая эспаньолка придавали его лицу нѣкоторую артистическую типичность, а поднятыя брови и наивная улыбка выдавали его комическія наклонности. На видъ ему было лѣтъ за пятьдесятъ. Онъ лежалъ головой на смятой широкополой шляпѣ, самъ обернутый въ заплатанный черный плащъ, подъ которымъ прижималъ къ груди своей гитару. Мнѣ стало ясно, что это былъ странствующій музыкантъ.

Когда я всталъ и оправлялся, собираясь уйти, мой сосѣдъ тоже проснулся и, зѣвнувъ, тоже приподнялся и сѣлъ на солому. Увидавъ меня, онъ вдругъ улыбнулся удивительно симпатично и сладкимъ голоскомъ сказалъ мнѣ: «Bon giorno, signore!»¹⁾ Не зная итальянскаго языка, я отвѣтилъ на его привѣтствіе пофранцузски. Какъ большая часть забравшихся въ чужіе края итальянцевъ, и онъ достаточно зналъ французскій языкъ, чтобы мы могли объясниться. По его словамъ, онъ былъ когда-то опернымъ лирическимъ баритономъ и пожиналъ лавры, а теперь, подъ старость, съ остаткомъ разбитаго голоса и неразлучной гитарой, находитъ себѣ, по превратностямъ судьбы, пропитаніе въ качествѣ уличнаго пѣвца. Когда онъ узналъ, что и я претендую на нѣкоторые голосовые ресурсы, онъ умолялъ меня пропѣть ему что либо изъ моихъ національныхъ пѣсенъ, такъ какъ никогда въ жизни не слышалъ ни русскаго языка, ни русскои музыки. Я не заставилъ себя долго просить, тѣмъ болѣе, что мой итальянецъ просилъ меня необыкновенно любезно. О пѣніи я, конечно, не имѣлъ тогда ни малѣй-

¹⁾ Съ добрымъ утромъ, господинъ.

шаго понятія, но обладалъ, какъ увѣряли слышавшіе меня, симпатичнымъ небольшимъ теноркомъ и весьма тонкимъ слухомъ. Я зналъ почти наизусть цѣлыя оперы и безчисленное множество романсовъ и пѣсенъ.

Я запѣлъ. Итальянецъ сталъ мнѣ сейчасъ же тихими аккордами подыгрывать на гитарѣ, а дальше сильнымъ своимъ голосомъ мнѣ безсловесно подтягивалъ. Такой неожиданный дуэтъ мнѣ понравился, я, запѣвъ смѣлѣе, увлекся; итальянецъ тоже. Въ это время дверь распахнулась, и на порогѣ образовалась кучка изъ нѣсколькихъ человѣкъ, которые находились въ тавернѣ и прислушивались къ нашему пѣнію. Итальянецъ пришелъ въ восторгъ, и результатомъ этой встрѣчи было то, что съ этого же дня мы бродили уже вмѣстѣ по задворкамъ Новаго Орлеана, останавливаясь передъ открытыми окнами и балконами и преподнося обывателямъ разныхъ домовъ нѣчто въ родѣ серенадъ. Я пѣлъ, что мнѣ на умъ приходило, порусски или понѣмецки; итальянецъ вторилъ каждой пѣснѣ одинаково удачно и съ увлеченіемъ ударялъ по струнамъ гитары, которою, надо отдать ему справедливость, владѣлъ мастерски. Когда я уставалъ, онъ, въ видѣ антракта, игралъ какое либо соло; въ тавернахъ онъ зачастую подыгрывалъ матросской пляскѣ.

Успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія; вездѣ пѣніе наше щедро вознаграждалось; кромѣ мелочи, намъ перепадали и доллары, а въ нѣкоторые дома насъ зазывали и, сверхъ платы, угощали чрезвычайно радушно. Нашъ ежедневный заработокъ былъ не менѣе десяти долларовъ, и, конечно, мы могли бы жить припѣваючи; но мой итальянецъ такъ умѣлъ запутывать себя и меня въ игру и въ кутежи, что мы ежедневно выходили на заработокъ съ совершенно пустыми карманами. Спустя нѣсколько недѣль такого безобразнаго существованія, я порѣшилъ, во что бы то ни стало, разстаться со своимъ веселымъ спутникомъ, тѣмъ болѣе, что онъ запивалъ все сильнѣе и сильнѣе и сталъ мнѣ надоѣдать.

А тутъ, какъ разъ, по совершенно неожиданной случайности, я встрѣтился въ одной изъ матросскихъ тавернъ съ милѣйшимъ моимъ капитаномъ китобоя. Онъ чрезвычайно обрадовался, увидя меня, и предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ въ его помѣстье, въ Гаванну, а оттуда, заключивъ съ нимъ контрактъ на три года,—въ австралийскія воды, куда онъ черезъ мѣсяцъ намѣревался отправиться.

И бы охотно согласился принять сдѣланное мнѣ предложеніе, если бы неожиданный случай не вырвалъ меня окончательно изъ этой американской моей безтолочи.

Изъ Питсбурга, отъ имени Шильдекера, у которато я когда-то былъ оберъ-кельнеромъ, дано было въ разныя газеты объявленіе, что меня розыскиваютъ по важному какому-то дѣлу. Передалъ мнѣ объ этомъ, опять таки случайно познакомившійся со мною, какой-то человѣкъ, который не зналъ даже моей фамиліи. Попалось ему на

глаза въ мѣстной газетѣ объявленіе, что ищутъ такого-то русскаго, и онъ, зная, что я русскій, освѣдомился, неизвѣстно ли мнѣ что нибудь о томъ моемъ землякѣ, до котораго касается объявленіе. Не трудно себѣ представить мою радость, когда я прочелъ въ объявленіи свою фамилію. На немедленный запросъ въ Питсбургъ я получилъ отвѣтъ, что меня ожидаетъ тамъ денежное письмо изъ Россіи, за полученіемъ котораго я долженъ явиться лично.

Для переѣзда въ Питсбургъ помогъ мнѣ добрый капитанъ китобоя. Черезъ два дня я былъ у Шильдекера, гдѣ нашелъ денежное письмо отъ лучшаго друга моей семьи, впоследствии моего отчима, въ которомъ онъ предлагалъ мнѣ вернуться въ Европу, для чего и присылались мнѣ деньги, переводомъ на извѣстный банкирскій домъ въ Питсбургъ, на мое имя. Я нѣсколько разъ пересчитывалъ эти дорогія для меня строки и былъ какъ въ чадѣ: во снѣ это или наяву? Неужели наступить конецъ моему бездѣльному скитальчеству? Неужели я опять не одинъ на бѣломъ свѣтѣ и могу повернуть къ тихой пристани мою уже привыкшую биться съ жизненнымъ моремъ ладью? Все пережитое представлялось мнѣ какимъ-то давившимъ душу кошмаромъ, и я, въ самомъ восторженномъ настроеніи отъ своего пробужденія, благодарилъ судьбу, что она, наконецъ, надо мною сжалилась. При этомъ совѣсть моя была спокойна: я былъ радъ, что вернусь въ мою семью съ душой, такой же чистой, съ какой и уѣхалъ. Подонки общества, въ которыхъ я вращался, всѣ превратности, которыя я перенесъ, не истребили (конечно) ничего, что было во мнѣ свѣтлаго или добраго.

Вся Америка мнѣ вдругъ показалась такой омерзительной, что я, точно убѣгая отъ злого духа, со всею поспѣшностью собрался въ путь. Я направился черезъ Балтимору, съ пароходомъ бременскаго ллойда «Цымбрія», на Бременъ.

Но на этотъ разъ я уже ѣхалъ съ большимъ расчетомъ. Присланныхъ денегъ оказалось недостаточно для всего предстоявшаго мнѣ переѣзда. И не мудрено: онѣ посланы были на всякій случай. Меня считали погибшимъ, и мать не выходила изъ безконечнаго по мнѣ траура. На переѣздъ до Европы съ полнымъ комфортомъ ихъ было достаточно, а тамъ я могъ послать телеграммы. Но я этого не хотѣлъ. Я хотѣлъ вернуться на то, что мнѣ прислано, и вернуться совершеннымъ сюрпризомъ. Поэтому съ самаго начала я возложилъ на себя самое суровое воздержаніе. На пароходъ я поимѣстился палубнымъ пассажиромъ и, чтобы имѣть нѣкоторыя льготы, помогалъ кочегарамъ при топкѣ машины. Изъ Бремена я поѣхалъ на Берлинъ, гдѣ долженъ былъ остановиться, чтобы получить въ посольствѣ какую либо бумагу для пропуску чрезъ границу, такъ какъ паспортъ мой былъ потерянъ. Получивъ бумагу и повидавъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, я спѣшилъ въ Эйдкуненъ. На границѣ потребовали паспорта. Мою бумагу признали недостаточною для про-

пуска, а потому меня задержали до выясненія личности и, какъ бродягу, отдали подъ присмотръ двухъ жандармовъ. Пришлось снести телеграммами съ паспортнымъ отдѣленіемъ въ Петербургъ, откуда мнѣ выданъ былъ заграничный паспортъ, и когда по пограничнымъ книгамъ выяснилось, что я дѣйствительно такого-то года и числа переѣзжалъ границу, мнѣ позволили ѣхать дальше съ тѣмъ, чтобы, по прибытіи въ мой родной городъ, я немедленно позаботился о необходимомъ видѣ на жительство. Для всей этой исторіи понадобилось мнѣ просидѣть на границѣ болѣе двухъ сутокъ и потратить мои послѣдніе гроши, такъ что, когда я сѣлъ въ поѣздъ, въ карманѣ у меня былъ только оплаченный билетъ до Курска; на пропитаніе ничего не осталось. Ѣхать мнѣ предстояло, однако, до Кіева еще болѣе двухъ сутокъ. Но это меня ни малѣйшимъ образомъ не печалило. Я былъ счастливъ, я дышалъ полной грудью и мысленно твердилъ благодарственную молитву, что я вновь на родинѣ, въ Россіи, въ моей дорогой, широкой, далекой, лучшей изъ лучшихъ, вольной изъ вольныхъ, славной, святой и могучей!

На первой же станціи я упалъ на землю и, орошая ее слезами, горячо цѣловалъ ее.

Въ Курскѣ я застрялъ; дальше ѣхать было не на что. Сжалились надо мной какіе-то два лавочника и, взявъ мой чемоданчикъ подъ залогъ, дали необходимыя деньги на дальнѣйшій проѣздъ. И вотъ, наконецъ, это было 3-го іюня, раннимъ утромъ я прибылъ въ Кіевъ.

Вотчима я поразилъ своимъ видомъ. Я, конечно, за эти годы вытянулся и возмужалъ. Загаръ отъ дороги и отъ парходныхъ печей еще увеличивалъ впечатлѣніе этой возмужалости. На мнѣ былъ длинный черный сюртукъ, который я нѣсколько укоротилъ перочиннымъ ножикомъ, и такъ какъ матерія была въ родѣ вязанки, то у полъ сюртука висѣло нѣчто въ родѣ бахромы; потертыя брюки, истоптанные сапоги не свидѣтельствовали, конечно, что изъ Америки всѣ возвращаются милліонерами; на головѣ мятая шляпа и вокругъ шеи бумажный воротничекъ, который я уже нѣсколько разъ въ дорогѣ подчищалъ резинкою.

Возвращеніе мое въ Кіевъ мой вотчимъ держалъ въ секретѣ и готовилъ этимъ неожиданный подарокъ для моей матери, которая жила въ это время на дачѣ и все была въ неутѣнномъ горѣ. А явился я ей дѣйствительно подаркомъ ко дню именинъ, 5-го августа.

Меня, прежде всего, подчистили, приодѣли и, вообще, привели въ обликъ европейскаго человѣка.

Встрѣча съ матерью... Но я этого не стану описывать; скажу только одно: страшное дѣло—жизнь! нужны годы страданій для того, чтобы заслужить одинъ моментъ нестерпимо мучительнаго благополучія...

И вотъ я снова былъ въ нѣдрахъ моей семьи и сейчасъ же

опять сталъ приводить ее въ отчаяніе. Во время сравнительно недолгаго моего пребыванія въ Америкѣ, я приобрѣлъ невозможныя для порядочнаго дома привычки: я пилъ водку, какъ воду, не выпускалъ трубки изъ зубовъ, жевалъ табакъ, во время чтенія газеты, послѣ обѣда, закидывалъ ноги на обѣденный столъ и выплевывалъ свою жвачку на шпалеры стѣны и на мебель, куда попало; въ манерахъ я былъ неуклюжъ, съ огрубѣлымъ говоромъ, и постоянно находился въ боевомъ расположеніи духа, готовый съ кѣмъ бы то ни было затѣять ссору, чтобы имѣть случай показать свое искусство въ боксерствѣ. Но это не было дѣломъ моей души, а потому это было дѣло поправимое. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я снова принялъ свой прежній видъ. Не мѣняется въ человѣкѣ только душа. Съ этою ничего не подѣлаешь. А манеры, привычки, все это, поддающееся вліянію среды, въ которой мы обрѣтаемся, можетъ въ насъ измѣняться, какъ измѣняются моды въ европейскомъ обществѣ.

Когда я обрѣлъ свой прежній видъ, мнѣ предоставлена была полнѣйшая свобода въ выборѣ моего дальнѣйшаго жизненнаго поприща, о которомъ разскажу когда нибудь въ другой разъ.

Э. Бостуновъ.

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

I.

ДѢДЬ МОЙ, Василій Васильевичъ Артемьевъ, служилъ въ гвардіи; былъ ревностнымъ массономъ и, увлекшись этимъ тогда моднымъ ученіемъ, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, чтобы безъ помѣхи отдаться своимъ любимымъ мистическимъ занятіямъ.

Въ селѣ Шоскомѣ (Ефремовскаго уѣзда, Тульской губерніи), которое дѣдъ выбралъ для постоянного жительства, до сихъ поръ разсказываются легенды о немъ, какъ о колдунѣ и чародеѣ,—такъ сильно поражало дворяно и крестьянъ рѣдкое въ то время явленіе, что богатый помѣщикъ не занимается охотой и кутежами, а проводитъ дни и ночи въ своемъ кабинетѣ за толстыми фоліантами книгъ. Погрузившись въ туманную философію, дѣдъ не удостоивалъ заниматься землей. Самъ онъ не тѣснилъ своихъ крестьянъ и отличался скорѣе гуманнымъ отношеніемъ къ нимъ, но несчастнымъ крестьянамъ жилось отъ этого не легче, такъ какъ безчисленная свора приказчиковъ, старостъ и конторщиковъ, нещадно ихъ обирала, не жалѣя и господскаго кармана, пользуясь тѣмъ, что ховяинъ ни до чего не касался, ни во что не вникалъ. Дѣдъ, распоряжаясь всѣмъ изъ своего кабинета, никогда не провѣрялъ, исполненъ ли приказъ его, такъ какъ даже не допускалъ мысли, чтобы нашелся послушникъ его барской воли.

Ученость не могла, однако, переменить его крепостническо-барской натуры. Человекъ онъ былъ крутой, непоколебимо упрямый. Больше всего отъ его упрямства пострадалъ мой отецъ, а его старшій сынъ, Николай Васильевичъ. Съ большими способностями и страстной жадью знанія онъ напрасно стремился въ университетъ; дѣдъ неумолимо настаивалъ на военной службѣ. «Дѣдъ и отецъ твой были военными, и ты имъ будешь». И, конечно, настоялъ. Отецъ поступилъ въ гвардію. Попавъ въ Петербургъ, въ 20-хъ годахъ, красивый, сильный и веселый гвардеецъ сдѣлался общимъ любимцемъ и заправилой всѣхъ кутежей. Въ короткій срокъ онъ спустилъ половину отцовскаго состоянія въ азартной игрѣ, которой отдался со страстью, какъ бы желая забыть въ ней свои несбывшіяся мечты и стремленія. Смерть отца, послѣдовавшая въ то время, развязала сыну руки. Печальное было время, когда дѣти начинали жить только послѣ смерти родителей, а при ихъ жизни не должны были имѣть ни воли, ни разсудка. Только очень сильные характеры могли сохранить свое «я», не ступенаться и не превратиться въ полное ничтожество. Послѣ смерти дѣда отецъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ гвардіи подпоручика, и посѣлился въ деревню.

Хорошо еще, что старикъ, хотя и самодуръ, былъ справедливъ и упорно отказывался перевести имѣніе на имя жены, на чемъ настаивали всѣ окружавшіе его.

— Я знаю сына своего Николая, онъ хотя и могъ, но мать и родныхъ не обидитъ, и я умираю спокойно, — отвѣчалъ дѣдъ на ихъ просьбы.

Старикъ не ошибся въ сынѣ. Если послѣдній кого и обидѣлъ при раздѣлѣ, то развѣ только себя. Сестрѣ и матери онъ далъ одинаковыя доли съ собой, предоставивъ матери, сверхъ того, пользоваться нераздѣльно движимымъ имуществомъ и деньгами, оставшимися послѣ покойнаго мужа. Младшему же брату, Петру Васильевичу, удѣлилъ село Плоское, съ прекрасною усадьбой, а себѣ неустрашенные хутора Любовшу и Дубронку.

Раздѣливъ наслѣдство, отецъ посѣлился уѣхать за границу, предоставивъ матери заниматься хозяйствомъ.

Сначала онъ поступилъ вольнослушателемъ въ Гейдельбергскій университетъ на медицинскій факультетъ. Прѣжній кутила-гвардеецъ превратился въ скромнаго студента. Жажда знанія просто пожирала его. Онъ не только запоемъ изучалъ любимыи предметъ, но поражалъ всѣхъ необыкновенными способностями, въ самый короткій срокъ въ совершенствѣ сталъ говорить на восьми языкахъ. Замѣчательная легкость, съ которой онъ имъ научился, тѣмъ болѣе поражала всѣхъ, что онъ началъ свое ученіе на тридцатомъ году. Правда, практика много помогла, такъ какъ онъ объѣздилъ всю Европу, а кое-гдѣ прошелъ и пѣшкомъ, не какъ любитель-туристъ, но какъ человекъ, пріѣхавшій учиться и которому время дорого.

Пока отецъ находился за границей, имѣніями управляла, какъ я уже сказала, бабушка Вѣра Николасвна. Это была женщина бо-лѣзненная, тучная, а потому нявъ дому никуда не выходила. Даже и въ церковь, которая отстояла въ двухъ шагахъ отъ усадьбы, она ѣздила въ экипажѣ. Это не мѣшало ей воображать, что она прекрасная, образцовая хозяйка, потому что конторщикъ каждый вечеръ подавалъ ей журналъ, гдѣ было отмѣчено, что выдано столько-то сальныхъ свѣчъ, фунтъ коношянаго масла, курица, утка и такая-то и такая-то провизія въ вастольную. Записывали также, сколько обмолочено копень и, вообще, приходъ и расходъ хлѣба, а сколько его родилось и вымолочено на самомъ дѣлѣ, никому и въ голову не приходило провѣрить на мѣстѣ.

Отдавая приказанія своему приказчику, толстому, краснорожему Якову Ивановичу, бывшему камердинеру покойнаго мужа, и выслушивая его доклады, сидя на диванѣ въ гостиной, старушка вообразала, что все дѣлается по ея желанію. А на самомъ дѣлѣ полнымъ и безконтрольнымъ властелиномъ былъ Яковъ Ивановичъ.

Задумала, напримѣръ, старая барыня пристроить къ сельскому храму теплый придѣлъ, приказала приказчику равномерно распре-дѣлить между всѣми крестьянами подвожъ кирпича и глины. Но Якову Ивановичу не захотѣлось заставить своихъ помещанскихъ мужиковъ надрывать лошадей, въ глубокую осень, подвозомъ строительнаго матеріала. Вѣдь вся деревня была ему сродни, кто братъ, кто свать, кто кумъ, а кто и просто пріятель. Гораздо было проще ввалить эту обязанность на хуторскихъ мужиковъ, принадлежавшихъ старшему барину, онъ же кстатѣ и за границей, пожаловаться некому. И увѣрилъ пронырливый приказчикъ свою барыню, что любовшинская глина и песокъ много лучше помещанской, и потому тамъ удобнѣе выдѣлывать кирпичъ и подвозить его за семь верстъ. Разумѣется, барыня согласилась съ его доводами. Несчастные 150 ревизскихъ душъ въ глубокую осень, въ невылазную грязь, должны были возить кирпичъ и глину за семь верстъ на постройку церковнаго придѣла, и лошадей заморили и сами порядкомъ поразорились, а весь матеріалъ подъ бокомъ около самой церкви, но тогда пришлось бы работать и помещанскимъ мужикамъ.

Но это были цвѣточки, а ягодки послѣ.

Въ 1839 году, урожай былъ посредственный; цѣны на хлѣбъ стояли въ Мценскѣ довольно высокія, а Мценскъ находился въ семидесяти верстахъ отъ Артемьевскихъ имѣній, такъ что казалось бы вполне выгоднымъ и удобнымъ доставить туда хлѣбъ. Но не такъ рассудилъ Яковъ Ивановичъ. Въ этомъ же году, по случаю большихъ маневровъ въ Бородинѣ, туда стянулась масса войскъ, и цѣны на всѣ припасы, въ особенности на хлѣбъ, поднялись неслыханныя. Подкупленный смоленскими купцами, Яковъ Ивановичъ уговорилъ ничего не понимающую старушку запродавать 1.000 чтв. ржи, по

6 рублей ассигнаціями за четверть, съ доставкой въ Бородино (т. е. версть за 500). Дѣло было въ ноябрѣ, въ началѣ зимы голоднаго 1840 года, оставившаго по себѣ страшную память. Лютая, безснѣжная зима выморозила не только фруктовые сады, но и дубъ не устоялъ, а зеленыя еще съ осени всѣ пропали. Хорошіе хозяева берегли хлѣбъ на голодный годъ, но приказчикъ ожидалъ нѣчто худшее, чѣмъ голодный годъ,—пріѣзда старшаго барина, а потому надо было спѣшить наживаться.

Младшій баринъ, Петръ Васильевичъ, служилъ въ губернскомъ городѣ, пріѣзжая домой, получалъ доходы съ своей части и провѣрялъ ихъ. Конечно, его доходы были вдвое больше братниныхъ, и онъ отсѣялъ и сохранилъ свой хлѣбъ.

Жестокая была осень и начало зимы въ этомъ несчастномъ году. Взвыли мужики,—овесъ родился плохой, и доставка обошлась дороже выручки. Предлагали такую же цѣну на мѣстѣ, но Яковъ Ивановичъ, ссылаясь на то, что господское слово дороже золота, настоялъ на томъ, чтобы всѣ 1.000 четвертей были вывезены до зерна. Почти всѣхъ лошадей лишились мужики и, наравнѣ съ пожаромъ, голодомъ и холерой, поминали бѣдственныя бородинскіе обозы.

Наконецъ, вернулся изъ-за границы мой отецъ и рѣшилъ, поселившись въ деревнѣ, заняться самъ хозяйствомъ. Тѣ обстоятельства, при которыхъ ему пришлось начать хозяйничать, были ужасны. У усадьбы не было ни кола, ни двора, никакого хозяйственнаго инвентаря; ни у него, ни у мужиковъ—ни зерна хлѣба; поля черныя. Мужики обнищали, лошади пропали, избы развалились, да и въ нихъ самый плохенькій народъ остался, такъ какъ рекрутчину за площадскихъ мужиковъ отбывали любовшинскіе да дубровскіе. Изъ 1.500 десятинъ унавожено не больше 8 десятинъ, да и то ближняго поля.

— Отчего же такъ мало?— съ отчаяніемъ спрашивалъ молодой помѣщикъ.

— Нечѣмъ было. Здѣсь только жеребята да мелкій скотъ находились, а весь крупный въ Плоскомъ, тамъ и наводили.

— Да вѣдь мы съ братомъ шесть лѣтъ тому назадъ поровну дѣлили скотъ и лошадей, отчего же крупный очутился весь у него, а мелкій у меня?

— Въ Плоскомъ теплыя конюшни и скотные дворы, а здѣсь гнилые сараишки, того и гляди, завалятся.

— Что ты глупости болтаешь! При раздѣлѣ было оговорено, что мнѣ выстроить новыя конный и скотные дворы. Что же ты смотришь?

— Не было времени припасти матеріалу, надо срубить лѣсъ, чтобы высохъ, а мужички были заняты постройкой церковнаго придѣла.

Вспылилъ, зашумѣлъ, выругался баринъ и, прогнавъ приказчика, взялся самъ за дѣло.

Когда отецъ оглядѣлся въ своемъ разоренномъ ховяйствѣ, то оказалось, что на самомъ дѣлѣ онъ не четвертую часть получилъ, а едва десятую, такъ какъ бѣольшая часть строевого лѣса, несмотря на раздѣлъ, оказалась собственностью Петра Васильевича. Гнѣвъ отца дядя сумѣлъ успокоить слѣдующимъ аргументомъ: «Богъ далъ братцу умку побольше, а мнѣ лѣску». Отецъ разсмѣялся и махнулъ рукой. «Не судиться же съ братомъ». Гораздо труднѣе ему было помириться съ вандальскимъ поступкомъ Петра Васильевича, протершаго свое владычество до того, что сжегъ всю богатую библиотеку дѣдушки, Василя Васильевича, какъ еретическую.

Но, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, неусыпные труды и ничѣмъ не подавляемая энергія сдѣлали свое. Хозяйство начало постепенно процвѣтать, мужики богатѣли, а самъ помѣщикъ, послѣ цѣлаго ряда лишеній и ограниченія всѣхъ своихъ вкусовъ и привычекъ, получилъ опять возможность жить, согласуясь съ потребностями и наклонностями барина и образованнаго человѣка, и дать дѣтямъ то, чего онъ добился для себя съ такимъ трудомъ,— заграничное воспитаніе.

Но чтобы дать маленькое понятіе о томъ, что можетъ создать человѣкъ съ одной твердой волей, обращаюсь къ воспоминаніямъ своей матери, которыми я больше всего руководствуюсь. Вотъ что она пишетъ:

«Жутко вспомнить, какъ это начало было пережито. Тѣ, кто видѣли 20 лѣтъ спустя плодородныя, отлично обработанныя поля, гумно, полное скирдовъ; широко раскинувшуюся барскую усадьбу, выглядывающую изъ большого, тѣнистаго, молодого парка, разбитаго между столѣтнихъ дубовъ; кто видѣлъ длинный рядъ новыхъ, просторныхъ избъ и крестьянъ, выѣзжающихъ въ ряду на пяти и шести породистыхъ, крѣпкихъ лошадяхъ изъ каждаго двора,—тѣ не повѣрили бы, какую жалкую картину запустѣнія представляла Любовьша, когда въ ней поселился ея владѣлецъ».

Несмотря на европейское образованіе, отецъ мой и по воспитанію и по натурѣ былъ все-таки кореннымъ русскимъ помѣщикомъ, и для него было бы немислимо другое ховяйство, какъ крѣпостное. Но этотъ закоренѣлый крѣпостникъ сдѣлалъ для своихъ крестьянъ больше, чѣмъ многіе просвѣщенные гуманисты и прогрессисты, которые проливали слезы надъ бѣднымъ, поработеннымъ мужикомъ, а сами палець о палець не ударили, чтобы облегчить его положеніе. Въ цвѣтѣ лѣтъ (отцу было 36 лѣтъ, когда онъ навсегда поселился въ деревнѣ), въ полномъ развитіи умственныхъ силъ, имѣя возможность наконецъ насладиться тѣмъ, къ чему онъ напрасно стремился съ юныхъ лѣтъ, у него хватило характера оторваться отъ всего, что его манило, и поселиться на цѣлую жизнь

въ степной глуши, гдѣ онъ не могъ найти ничего, кромѣ труда. И вотъ блестящій гвардеецъ превратился въ сельскаго ховяина и доктора и занялся не только устройствомъ своего разореннаго гнѣзда, но и крестьянскаго быта, а также и лѣченіемъ народа.

Въ двухъ верстахъ отъ Любовши находился хуторъ Лутовиновка, принадлежавшій матери знаменитаго писателя, Ивана Сергѣевича Тургенева, и перешедшій къ нему по наслѣдству. Даже несприятно останавливаться мыслью на томъ, что тамъ дѣлалось; но главное зло заключалось не въ матеріальномъ разореніи крестьянъ, а въ нравственномъ растлѣніи. Лутовиновка, благодаря разврату разныхъ прикащиковъ, бурмистровъ и прочаго сельскаго «начальства», уже въ тридцатыхъ годахъ представляла изъ себя гнѣздо заразы и поголовно гнила отъ «французской болѣзни». Болѣзнь распространялась съ ужасающей быстротой, такъ какъ ей на подмогу спѣшили голодъ, холодъ, нечистоплотность и невѣжество.

Въ короткій срокъ всѣ сосѣднія деревни, а больше всего ближняя Любовша, были надѣлены Лутовиновской заразой.

Поселившись на своемъ хуторѣ, отецъ наскоро выстроилъ флигель для житья, и первой заботой его было заняться лѣченіемъ своихъ крестьянъ. Строгою помѣщичью властью было прекращено всякое сообщеніе, сватовство и кумовство съ зараженной деревней, а успѣвшихъ заполучить заразу принялись лѣчить и отдѣляли отъ здоровыхъ. Уже одно это отдѣленіе, соединенное со страхомъ передъ строгимъ барининомъ, заставило больныхъ слѣпо слѣдовать предписаніямъ доктора-помѣщика. Отецъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни расходовъ, и лѣченіе его достигло такихъ блестящихъ результатовъ, что изъ 200 человѣкъ больныхъ почти всѣ выздоровѣли.

Въ короткій срокъ изъ запущеннаго и разореннаго хутора Любовши выросла помѣщичья усадьба. Конскій заводъ, мельница и тщательное хлѣбопашество удесятирили доходы имѣнія. Основнымъ правиломъ отца было то, что богатство помѣщика основывается на благосостояніи крестьянъ. И зажиточнѣе любовшинскихъ мужиковъ не было во всемъ округѣ.

Строгъ былъ покойникъ, горячъ и скоръ на расправу, но справедливъ и милостивъ. Врагъ всякихъ сантиментовъ, онъ, подавая скорую и дѣятельную помощь своимъ крестьянамъ, всегда увѣрялъ, что это дѣлаетъ только для своей пользы. Тщательно слѣдилось за хорошимъ уходомъ за лошадьми, неумолимо преслѣдовалось жестокое съ ними обращеніе, но если лошадь или скотъ падалъ, то онъ замѣнялся другимъ. Ни одинъ мужикъ не могъ разориться ни отъ несчастья, ни отъ собственной вины. За нерадѣніе его наказывали, часто даже жестоко, но убытокъ всегда покрывался изъ господскаго кармана.

Отецъ мой и женился такъ же оригинально, какъ и жилъ. Въ глубокую осень онъ однажды возвращался изъ Тулы. Подъѣзжая къ

постоялому двору, онъ увидѣлъ въ стоявшемъ около него тарантасѣ фигуру, покрытую чудными, распушенными, капитановыми волосами. Не видѣвъ еще лица этой особы, но увлекшись ея прекрасными волосами, отецъ далъ себѣ слово, что если она дѣвица, то будетъ его женой. Вскорѣ тарантасъ тронулся; тяжелый, шестимѣстный, онъ, не успѣвъ еще отъѣхать далеко, застрялъ въ грязи. Кучеръ, фрейторъ и лакей напрасно хлопотали и суетились около него, стараясь вытащить.

Въ это время легкій фэтонъ моего отца нагналъ злополучный тарантасъ, и отецъ, выскочивъ изъ экипажа, поспѣшилъ на помощь. Увидѣвъ, что заднее колесо соскочило, онъ попросилъ дамъ сидѣть смиренно, а самъ со всей поклажей тарантаса и съ сидящими въ немъ дамами поднялъ ось и держалъ ее, пока не надѣли колесо и не вбили втулку.

Конечно, подобный подвигъ не замедлилъ произвести должное впечатлѣніе на молодую дѣвушку, Вѣру Павловну Яблочкову, ѣхавшую съ матерью въ имѣніе своего брата Тихона Павловича; имѣніе это, по странному совпаденію, было одного Юфремовскаго уѣзда и наименованія съ Артемьевскимъ Плоскимъ и отстояло отъ него на 80 верстъ.

Къ счастью отца, особа, покрытая лѣсомъ великолѣпныхъ волосъ, оказалась не только высокой и стройной, но въ полномъ смыслѣ русской красавицей, съ чудными темно-синими глазами, окаймленными длинными рѣсницами, прелестнымъ ротикомъ и свѣжимъ цвѣтомъ лица.

И увѣрена, что будь она горбатой или хромой, или даже уродомъ, отецъ хотя бы и опрометчиво, но разъ далъ себѣ слово, женился бы все-таки на ней. Но отцу везло. Дѣвушка, которую онъ, не выдавъ еще, обрекъ во что бы то ни стало сдѣлаться его женой, была не только изъ прекрасной семьи, но красивой, стройной, идеально-кроткой, самоотверженной и доброй. При всемъ этомъ она отличалась феноменальной памятью, страстью и способностью къ ученю и чрезвычайно быстро изъ деревенской, малообразованной барышни, сдѣлалась по своему развитію и знаніямъ выдающейся женщиной того времени.

Мужа-деспота и умницу-мать боготворила, не позволяя себѣ и тѣни критики ихъ поступковъ. Почти не зная нѣмецкаго языка, она въ короткій срокъ выучила всего Гегеля наизусть. Къ сожалѣнію, несмотря на все развитіе и умъ отца, онъ не въ состояніи былъ оцѣнить всю безыскусственную прелесть своей молодой жены. Прилькнувъ къ извращенному кокетству великосвѣтскихъ женщинъ, онъ не сумѣлъ понять душевную красоту наивно-чистаго ребенка-женщины, какимъ мать осталась до самой смерти. Она проходила въ жизни около житейской грязи, не только не замѣчая ее, но просто ей никогда не приходила въ голову мысль, что есть что нибудь

нечистое на свѣтѣ. Единственнымъ ея порокомъ въ глазахъ отца было полное отсутствіе кокетства. Пожившій, пожилой мужчина не только не цѣнилъ слѣпой любви молодой женщины, бывшей почти на двадцать лѣтъ моложе его, но третировалъ ее свысока. И напрасно мать усовершенствовалась умственно, выучилась прекрасно говорить на иностранныхъ языкахъ, прочитывала неудобоваримыя книги тяжеловѣсныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, запоминая ихъ почти отъ строки до строки, даже латынь она усвоила себѣ легко и по рецептамъ отца составляла всѣ лѣкарства въ богатой и разнообразной отцовской аптекѣ. Отецъ, конечно, по-своему ее любя, отдавая справедливость ея доброму сердцу, уважая въ ней мать двѣнадцати человѣкъ дѣтей и часто, не сознавая этого, дѣйствуя подъ ея влияніемъ, всегда съ насмѣшкой относился къ ней, какъ къ женщинѣ. Умѣй мать со вкусомъ причесать свои чудныя косы и знай цѣну своей красоты, и отецъ преклонялся бы передъ ней. Но все-таки, несмотря на наружный разладъ, такъ какъ отецъ былъ прежде всего бариномъ съ головы до ногъ, а мать, несмотря на то, что по рожденію была выше и родовитѣе, ничего барскаго (въ смыслѣ стараго барства) не имѣла,—внутренняя гармонія была у нихъ удивительная. Оба они до старости лѣтъ продолжали учиться и учиться и все рвались еще впередъ, а приносить пользу окружающимъ для нихъ составляло органическую потребность.

Впрочемъ, мать была такой своеобразно-оригинальной женщиной, что ей слѣдуетъ отвести особую страничку, а теперь въ заключеніе этой главы приведу опять подлинныя ея слова изъ начатаго, но не конченнаго ею, разсказа о своей жизни.

«Женился Николай Васильевичъ на безприданницѣ и напелъ въ женѣ усердную помощницу въ своихъ трудахъ на благо крестьянъ. Молодая женщина горячо любила и уважала мужа, только и думала, какъ бы сдѣлать его счастливымъ, но еще больше любила она свои обязанности. Мужъ ея, можетъ быть, во многомъ перенялъ ея сознаніе долга къ зависящимъ отъ него людямъ, а дѣти ея съ раннихъ лѣтъ узнали долгъ всякаго человѣка къ ближнему¹⁾, и потому между семействомъ Артемьевыхъ и крестьянами ихъ деревни и при крѣпостномъ правѣ, и по освобожденіи отъ него установилась такая близкая, сердечная, какъ бы семейная связь, которая продолжается даже годы и будетъ продолжаться, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока хоть кто нибудь изъ рода Артемьевыхъ сохранитъ хотя клочекъ земли изъ отцовскаго наслѣдія».

Эти преданія, эти отношенія къ народу были единственнымъ до-

¹⁾ Мать не ошиблась. Владѣтельница Любонши въ настоящее время—сестра моя, Любовь Николаевна Вобрнщева-Пушкина. Въ голодные годы, только благодаря ея энергіи и настойчивости, сотни крестьянъ спаслись отъ голодной смерти. Впрочемъ, въ свое время отчеты о ея дѣятельности были напечатаны во многихъ журналахъ и газетахъ.

стояніемъ, которое мать принесла изъ родительскаго дома и завѣщала своимъ дѣтямъ. Раннія впечатлѣнія дѣтства и воспоминанія о жизни отца ея, Павла Михайловича Яблочкова, хранимыя ею, какъ святыня, имѣли такое вліяніе на всю ея жизнь, а черезъ нее и на дѣтей, что я расскажу о дѣдѣ особо, потому что молодому поколѣнію не мѣшаетъ узнать, что и въ старину не все было плохо, и встрѣчались такіе люди, которымъ можно подражать, и память о которыхъ сохранится изъ рода въ родъ.

II.

Рѣдко и теперь встрѣчаются такіе люди, какъ Павелъ Михайловичъ Яблочковъ, отецъ моей матери, а лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ и подавно.

Отецъ его, Михайлъ Алексѣевичъ, благодаря уму и энергіи, устроилъ свое наслѣдственное состояніе. Въ то время по Волгѣ и Новороссіи земля была баснословно дешева, такъ какъ правительство при Екатеринѣ Великой заботилось о заселеніи голыхъ степей. Михайлъ Алексѣевичъ купилъ по рублю и дешевле пять тысячъ десятинъ земли въ Саратовской губерніи, да шесть тысячъ въ Харьковской. Онъ переселилъ туда купленныхъ у мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ въ малоземельныхъ губерніяхъ Калужской и Смоленской самыхъ бѣдныхъ и разоренныхъ крестьянъ, а также изъ своей наслѣдственной вотчины одинокихъ и безземельныхъ дворовыхъ и устроилъ ихъ на привольной землѣ. Обстроилъ ихъ на свой счетъ и обзаведя всѣмъ нужнымъ, выдѣлилъ на каждое тягло десятинъ по двадцати. Земля была плодородная, завѣдывалъ Михайлъ Алексѣевичъ хозяйствомъ самъ, а когда онъ былъ въ отсутствіи, то за всѣмъ наблюдали сыновья, и въ самый короткий срокъ имѣніе со всѣми расходами по переселенію окупилось.

Когда Михайлъ Алексѣевичъ все устроилъ, то рѣшилъ, что ему пора на покой, а дѣло могутъ продолжать сыновья, и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

— Довольно я, дѣти, потрудился на своемъ вѣку и свято исполнилъ свои обязанности, какъ христіанинъ, отецъ и помѣщикъ; семь церквей построилъ. Сестрѣ вашей далъ приданое отдѣльно, а вамъ тремъ оставлю пять деревень, слишкомъ тысячу крестьянъ, обстроенныхъ, важиточныхъ, надѣленныхъ волюю землей, лошадьми и скотомъ. Дѣлите же между собой, какъ знаете, нажитое мною добро; нѣтъ на немъ ни чужихъ слезъ, ни чужого гроша. Все приобрѣтено честнымъ трудомъ. Вы же въ такомъ уже возрастѣ, что понимаете, какъ жить и хозяйничать.

Подѣлились братья еще при жизни отца. Такъ какъ у старшаго, бездѣтнаго, жена была родомъ изъ Малороссіи, то онъ по-

просилъ себѣ обѣ тамошнія деревни, чтобы женѣ ближе быть къ роднымъ. Младшій, холостой, давно ховаяничалъ въ Саратовской губерніи и обжился тамъ, поэтому настоялъ, чтобы ему выдѣлили тамъ эти шесть тысячъ десятинъ земли и 500 душъ крестьянъ, такъ какъ онъ давно смотрѣлъ на саратовское имѣніе, какъ на свое собственное.

Среднему брату, Павлу Михайловичу, досталась наслѣдственная вотчина въ Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, 700 десятинъ земли съ 120 душами крестьянъ, и при ней усадьба съ домомъ въ 36 комнатъ, да сто человекъ дворовыхъ.

— Такъ какъ у тебя одного дѣти,—убѣждали его братья,—и батюшка съ матушкой не хотятъ съ тобой разлучаться, то тебѣ приличнѣе жить въ каменныхъ палатахъ. Тѣмъ больше, что родители привыкли къ большому дому, да и намъ будетъ куда прѣхать вась провѣдать.

Замужняя сестра Павла Михайловича получила имѣніе въ двухъ верстахъ, и вся родня почти живымя жила у добродушнаго брата; всѣхъ надо было пріютить, накормить, а откуда было брать изъ такого маленькаго по тому времени имѣнія,—родственники въ толкъ взять не хотѣли.

Возмутились этимъ дѣлежомъ старики, и Михаилъ Алексѣевичъ хотѣлъ уже самъ по-своему раздѣлить сыновей, чтобы они брата не обидѣли, но Павелъ Михайловичъ упросилъ его не вмѣшиваться въ это.

— Оставьте ихъ, батюшка,—говорилъ онъ,—не хочу я изъ-за денегъ да изъ-за вами нажитаго раздоры заводить. У насъ на Руси человекъ съ головой никогда не пропадетъ. Дайте вы мнѣ свое благословеніе, да хотя цѣлковый денегъ, если Богъ благословитъ мои труды, я и самъ не хуже вапего наживу, да и дѣтямъ еще оставлю. Не даромъ царь Давидъ въ Псалтирѣ говоритъ: «не обвиняютъ дѣти праведнаго», а я законъ Господень ношу въ сердцѣ и никогда его не преступлю, такъ Онъ, милосердный, не оставитъ моихъ дѣтей и не предастъ ихъ нуждѣ.

Такъ и состоялся дѣлежъ по желанію братьевъ.

Послѣдніе годы жизни отца и матери Павелъ Михайловичъ такъ успокоилъ, что они и не замѣтили перемѣны отъ уменьшенія состоянія. За женой своей, Елизаветой Накитишной, урожденной Бѣличевой, Павелъ Михайловичъ получилъ семь тысячъ ассигнаціями. Какъ ни малы были эти деньги, а онъ сталъ съ нихъ жить.

Лѣсу было въ то время вволю, и Павелъ Михайловичъ построилъ въ своемъ имѣніи небольшой винокуренный заводъ. Кромѣ того, закупить, бывало, быковъ, откормить ихъ бардой и продать съ прибылью весной; навоза наберется много, поля унавожены отлично; земля ближняя, хорошая. Въ какихъ нибудь пять, шесть лѣтъ удобрилъ онъ ее, какъ огородъ, и стала земля давать вдвое уро-

жая противъ сосѣдей. За всякую работу, сверхъ полевой, онъ положилъ своимъ крестьянамъ особую плату, и мужики богатѣли вмѣстѣ съ своимъ помѣщикомъ.

Какъ будто особенное благословеніе Господне было на всѣхъ его трудахъ и предпріятіяхъ. Пришелъ голодный годъ, а у Павла Михайловича и его крестьянъ на хорошо удобренной, глубоко вспаханной землѣ неурожаевъ не бываетъ. Но Павелъ Михайловичъ не считалъ себя въ правѣ пользоваться одинъ Богомъ дарованнымъ и потому отъ каждаго урожая отдѣлялъ извѣстную часть на улучшение быта крестьянъ не только своихъ, но даже и чужихъ. Трудно повѣрить, но въ семьѣ сохранились преданія и старики-сосѣди долго помнили и дѣтямъ рассказывали, что въ голодные годы на большомъ красномъ дворѣ у Павла Михайловича не снимались столы, ежедневно кипѣли котлы съ похлебкой и кашей и напекались нуды хлѣба. Когда приходили нищіе просить милостыню, то садились также за столы, ѣли вволю и даже мѣшки набивали хлѣбомъ и хотя масса народа стекалась, но никому отказа не было. За то ни жена, ни дочери, какъ стали подростать, о нарядахъ и думать не смѣли. Въ день свадьбы онъ вынулъ у жены серьги изъ ушей; ни одной золотой вещицы надѣть не позволялъ. За столъ садилось человекъ тридцать и больше, и всѣ сыты бывали, но шампанскаго и другихъ иностранныхъ винъ въ домѣ не водилось, да и вообще ни на какую роскошь не давалъ онъ ни копейки, говоря, что это у бѣднаго кусокъ отнимать. Только въ одномъ Павелъ Михайловичъ дѣлалъ поблажку женѣ своей Елизаветѣ Никитиннѣ, давая ей довольно крупную сумму на устройство домашнихъ спектаклей (что составляло ея слабость), на которыхъ разыгрывались крѣпостными пьесы ея собственнаго сочиненія.

Используясь необычайной добротой Павла Михайловича, въ домѣ у него всегда жила масса всевозможныхъ приживалокъ, приживальщицъ и даровыхъ нахлѣбниковъ. Насколько просто было подвореніе этихъ «милыхъ» и нахальныхъ существъ, я приведу одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ. Однажды, онъ нанялъ для мальчиковъ учителя. Учитель оказался женатъ и съ дѣтьми. Ему выстроили около барскаго дома особый флигелекъ (въ домѣ все уже было переполнено). Вскорѣ къ учителю пріѣхала теща и, увидѣвъ, что житье здѣсь привольное, водворилась навсегда. Къ ней присоединилась вдовая дочь съ взрослыми дѣтьми. Доложили Павлу Михайловичу, что семья учителя такъ увеличилась, что флигель сталъ тѣсенъ; онъ приказалъ выстроить другой побольше, и эта совершенно чужая семья, со всѣми правами близкихъ родственниковъ, жила у Павла Михайловича, плодясь и размножаясь до самаго разоренія ихъ благодѣтеля.

Вообще, Павелъ Михайловичъ благотворилъ такъ, что лѣвая рука не знала, что творила правая. Много лѣтъ спустя, послѣ уже

его смерти, дѣти узнали, сколько погорѣлыхъ деревень онъ обстроилъ и сколько семействъ вывелъ изъ нищеты. Но сколько онъ ни раздавалъ, имѣніе его не уменьшалось, а все увеличивалось. Всѣ предпріятія ему необыкновенно удавались. Впрочемъ, если онъ иногда и терпѣлъ неудачу, то не унывалъ, а принимался за дѣло снова еще съ большей энергіей, пока не добивался своего.

Бывало, соберется съ деньгами изъ доходовъ, да займетъ и купить задешево небольшое, разоренное имѣніе съ обнищавшими крестьянами. Въ нѣсколько лѣтъ урожай удвоится, крестьяне поправятся, бездоходное имѣніе сдѣлается выгоднымъ, и онъ его перепродаетъ съ большимъ барышемъ, но всегда въ хорошія руки.

Полученную послѣ тетки въ наслѣдство небольшую деревеньку онъ, устроивъ тоже, выгодно продать, оставивъ людей за собой. На эти деньги купилъ довольно значительное имѣніе, только мало-земельное съ разоренными крестьянами. Онъ выстроилъ домъ, при томъ же надѣлѣ земли оставилъ только половину мужиковъ, продалъ опять его, а самъ перевелъ остальныхъ мужиковъ въ Малороссію, гдѣ приобрѣлъ 1.500 десятинъ прекрасной земли на границѣ трехъ губерній: Екатеринославской, Полтавской и Харьковской, такъ что сбытъ хлѣба всегда могъ быть хорошій. По обыкновенію своему онъ, переселивъ крестьянъ, обстроилъ ихъ и обзавелъ лошадьми и скотомъ, при чемъ вволю надѣлилъ землей. Когда внукамъ его, послѣ отгѣны крѣпостного права, пришлось размежеваться съ крестьянами, то они оказались тысячниками, а гумна и стада ихъ были такія, что позавидовалъ бы иной помѣщикъ.

Такъ какъ по случаю Отечественной войны цѣны на хлѣбъ поднялись неслыханныя, а первый же урожай пшеницы былъ заломный, то, несмотря на воровство приказчика, которому Павелъ Михайловичъ поручилъ новое имѣніе и всѣ расходы по переселенію и обзаведенію крестьянъ, а также дороговизну земли (по 25 рубл. ассигн.),—имѣніе окупилось.

Въ 1820 году, Павлу Михайловичу опять предложили купить имѣніе въ Рязанской губерніи, въ которомъ была желѣзная руда, много строевого лѣса и воды, а при нихъ 700 десятинъ песку и болотъ. Никто не рѣшался купить это имѣніе, такъ какъ о немъ шла дурная слава. Прежній его помѣщикъ, составивъ изъ крѣпостныхъ разбойничью шайку, неистово грабилъ и убивалъ проѣзжихъ купцовъ и дворянъ, да и простому люду не было пощады. На сотни верстъ онъ держалъ всѣхъ въ страхѣ, и когда его наконецъ поймали и сослали, и шайка безъ предводителя распалась, то окрестные жители не знали, какъ Бога благодарить. Но крестьяне, отвыкнувъ отъ всякаго труда, да и не имѣя возможности прокормиться на плохой землѣ, живя въ какихъ-то берлогахъ вмѣсто избъ, просто потеряли образъ человѣческій и кормились нищенствомъ да воровствомъ. Но такая неприглядная картина не испу-

гала Павла Михайловича, напротивъ, побудила его скорѣе пріобрѣсти имѣніе, чтобы испробовать свои колонизаторскія способности.

Правительство (такъ какъ за ненахожденіемъ наслѣдниковъ имѣніе перешло въ казну) поспѣшило отдѣлаться отъ него, не гонясь за цѣной.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ Желѣзновку узнать нельзя было. Со-сѣди и до сихъ поръ удивляются богатству, честности и трудолюбію дѣтей и внуковъ бывшихъ разбойниковъ и душегубцевъ, и все благодаря умѣлому и человѣчному отношенію помѣщика къ крестьянамъ.

Вступивъ во владѣніе имѣніемъ, Павелъ Михайловичъ передѣлалъ изъ какой-то развалившейся двухъэтажной фабрики домъ, перевезъ семью, и закипѣла у него работа. Лѣсъ, плотники, столяры и прочіе мастера были свои, и постройка подвигалась быстро. За деньгами тоже дѣло не стояло, кредитъ у Павла Михайловича, извѣстнаго честной расплатой, былъ неограниченный.

Только самъ онъ отъ непрерывныхъ заботъ и трудовъ сдѣлался слабъ и хилъ; хотя члены у него сводились нервной судорогой, но какъ его ни корчило и ни дергало, онъ все-таки ни на минуту не оставлялъ заведеннаго дѣла безъ личнаго наблюденія.

Въ четыре, пять лѣтъ онъ выстроилъ водяную мельницу, поташный, мыльный и винокуренный заводы. Паровикъ, пущенный въ ходъ въ 1825 году на винокуренномъ заводѣ, былъ изобрѣтенъ самимъ Павломъ Михайловичемъ. Паровикъ этотъ лопнулъ и принесъ 40 тыс. убытку, но Павелъ Михайловичъ не унывалъ. Второй паровикъ вышелъ удачнымъ, и дѣло пошло прекрасно. Въ первый же годъ винокуренный заводъ далъ 80 тыс. рублей дохода. Поташный и мыльный заводы не давали почему-то прибыли, и онъ передѣлалъ ихъ на фабрику солдатскаго сукна, которая много лѣтъ приносила доходы. Но во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ его увлекала не нажива, а самое дѣло и желаніе облегчить крестьянамъ тяжелое положеніе и дать возможность заработковъ. Себѣ же, какъ самъ онъ говорилъ, онъ желалъ только пріобрѣсти то, что можно унести въ загробную жизнь и что «ни моль, ни ржа не ѣстъ и воры не крадутъ».

Для дѣтей онъ тоже не мечталъ о богатствѣ.

— Я самъ, — говаривалъ онъ имъ, — не получилъ состоянія и вамъ не обязанъ его оставлять. Наслѣдіе отцовъ — честное имя, передаю вамъ незапятнаннымъ. Объ образованіи вашемъ позаботился и трудиться васъ научилъ, а дальше ваше дѣло, живите, какъ знаете, но помните одно: что посѣете, то и пожнете.

Такъ какъ въ Желѣзновкѣ земля была песчаная, то Павелъ Михайловичъ прикупилъ къ ней десятинъ двѣсти годной для хлѣбопашества, и такъ удобрилъ и обработалъ этотъ клочекъ, что хлѣба съ него вполне хватало на прокормленіе пятисотъ человѣкъ фа-

бричнаго народа. Желѣзновскимъ же крестьянамъ некогда было заниматься хлѣбопашествомъ, да оно бы ихъ и не прокормило, такъ какъ земля была ужъ очень плоха; но по приказанію барина завели они коноплянники и огороды, даже садики около всякой избы, и строго наблюдалось за ихъ удобреніемъ и хорошей обработкой, чтобы овощей на домашній обиходъ и конопли на пряжу хватало. Грязныя лачужки превратились въ красивыя кирпичныя избы, съ нѣсколькими окнами въ каждой и крылечкомъ посерединѣ. Выстроены онѣ были по только что введенной тогда Герардовой системѣ, то-есть въ полтора кирпича съ поволокомъ между двумя стѣнами. Теперь, слава Богу, такія избы не рѣдкость, но лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ онѣ представляли диловинку.

За всякую работу крестьяне получали надѣльную плату. Каждую субботу около конторы толпились сотни мужиковъ, бабъ и ребятшекъ, получая правильный расчетъ за работу деньгами или хлѣбомъ, такъ что они крѣпостной зависимости почти не знали, кромѣ отеческой руки, которая ими руководила.

Ходилъ Павелъ Михайловичъ, всегда опираясь на толстую, суковатую палку; если бывало разсердится и найдетъ безпорядокъ, то сначала прогонитъ виноватаго съ глазъ долой, запрется въ кабинетъ и долго молится, а потомъ, успокоившись, разсудитъ, насколько вина произошла по нерадѣнію, насколько по злобѣ человѣка; тогда ужъ позоветъ провинившагося и или отчитаетъ его до десятаго пота, или отдубаситъ палкой. Въ томъ и другомъ случаѣ виновный долго помнилъ науку; но сѣчь никогда не сѣкъ, даже и за большую вину. Дѣтей своихъ, напротивъ, сѣкалъ частенько, такая ужъ метода воспитанія была въ то время, — и за ложь, и за шалости; но строже всего преслѣдовалъ онъ нерадѣніе къ молитвѣ. Избави Богъ, чтобы во время всенощной, на которой обязательно должна была присутствовать не только вся семья, но и дворовые, кто нибудь шепнулъ слово или оглянулся; тогда лучше было на глаза ему не показываться. Въ воскресенье у обѣдни, къ которой ѣздили въ ближайшее село, онъ также строго наблюдалъ за всѣми.

Удивительная была страсть у Павла Михайловича строить церкви, при которыхъ онъ даже на свой счетъ содержалъ причтъ. Только не построилъ онъ ни одной церкви въ собственной деревнѣ.

— Я да и мужики мои, — говаривалъ онъ, — достаточно богаты, чтобы ѣздить по церквамъ, а вотъ бѣднымъ мужикамъ пришлось бы идти въ грязь или морозъ въ плохой одежонкѣ пѣшкомъ, чтобы помолиться, а они поэтому не пойдутъ, Бога забудутъ.

Вотъ и строилъ онъ церкви въ самыхъ бѣдныхъ чужихъ деревенькахъ.

Ослабѣлъ ли силой воли Павелъ Михайловичъ въ послѣдніе годы своей жизни, или Богъ испытаніе ему послалъ, но все, нажи-

тое кровавымъ трудомъ, расхитили добрые люди, да и его самого погубили.

Вотъ какъ это произошло.

«Павла Михайловича страшно возмущали откупа. Это было его большимъ мѣстомъ, такъ какъ, дѣйствительно, откупщики того времени были положительно пиявки, высасывающія изъ крестьянъ потъ и кровь. Нѣсколько человекъ, желавшихъ и умѣвшихъ нажиться на чужой счетъ, воспользовались отвращеніемъ Павла Михайловича къ откупщикамъ и уговорили его взять самому цѣлую губернію на откупъ, чтобы уничтожить злоупотребленія и вырвать добычу у ненавистныхъ кровопійцевъ. Павелъ Михайловичъ сталъ отговариваться неимѣніемъ залоговъ, но многіе ему навязались съ залогоми сами, и онъ, давъ себя уговорить, поѣхалъ на торги. Тамъ другіе любители наживы нарочно стали ему набивать цѣны, чтобы сорвать съ него отступного. Павелъ Михайловичъ, увлекшись ужъ разъ новой затѣей, не умѣлъ отступать. Откупился онъ и порядочно насудилъ отступныхъ, положимъ, оговорившись, что если дѣло дастъ барыши, то они получаютъ кто пять, кто десять тысячъ, а если будетъ убытокъ, то ничего. Документовъ, конечно, никакихъ не дѣлали, въ то время еще вѣрили другъ другу на слово, а Павелъ Михайловичъ былъ честнымъ человекомъ, всѣ это знали и повѣрили бы хоть на сто тысячъ.

Взявъ на откупъ цѣлую губернію, Павелъ Михайловичъ по всѣмъ городамъ рассадилъ ближнихъ и дальнихъ родственникововъ, въ которыхъ недостатковъ у него не было, а комиссіонерами разослалъ своихъ крѣпостныхъ. Понадѣялся Павелъ Михайловичъ на нихъ, какъ на дѣтей родныхъ, и горько ошибся. Только еще нѣкоторые сберегли ему конейки, но это были люди простые, а родственники и помощники въ два года окончательно его разорили. Нѣкоторые же дѣйствительно не сумѣли повести дѣло, а большинство спѣшило только потуже набить карманы. Да что бѣдняки! Богатые люди брали по ста, до по ста пятидесяти тысячъ подъ векселя, а имѣнія переводили на имя жены. Уже послѣ смерти Павла Михайловича опекуны тягались съ такими богачами, надѣясь для вдовы и сиротъ хотя что нибудь удержать; судились долго, просудили столько, что новое имѣніе можно было купить, а толку никакого. Пятнадцать лѣтъ продолжалась тяжба, кончилась въ пользу сиротъ, да оказалось, что должникамъ, имѣвшимъ въ то время по тысячѣ пятисотъ душъ крестьянъ, заплатить нечѣмъ.

Какъ Іуда предалъ Христа, такъ и преданные друзья продали больного, разореннаго друга! Градомъ посыпались на него взысканія за залогов имѣній, за срывки, завязались тяжбы. Увѣреніямъ Павла Михайловича не вѣрили, указывая на товарищей его, которые нажились. Сталъ онъ требовать съ нихъ уплаты, а съ нихъ взятки гладки, несостоятельны, да и все тутъ, а имѣнія жонваны.

Не выдержалъ старикъ посыпавшихся на него ударовъ, сломалась его желѣзная воля, пропали послѣднія силы... Разлетѣлись во всѣ стороны всевозможныя приживалки, родственники, учителя, получавшіе ни за что огромныя деньги; почували, что бѣда стряслась надъ домою, нечѣмъ больше поживиться, и съ тѣхъ поръ слухъ о нихъ пропалъ. Съ каждымъ днемъ пустѣлъ большой гостепріимный домъ и тѣ флигеля, въ которыхъ еще такъ недавно кипѣла жизнь и все было переполнено массой этихъ негодныхъ тварей, которыя нагло обманывали въ глаза бѣднаго человѣка, говоря, что готовы жизнь за него отдать, и тутъ же доказали это, отступившись совершенно отъ больного, убитаго горемъ старика, на рукахъ у котораго была огромная семья, и который не зналъ, что онъ станетъ дѣлать съ ней, чѣмъ ее прокормить, и что изъ его имущества уцѣлѣетъ отъ продажи. Остались только около Павла Михайловича любящія родныя дѣти, которыя рады были, что хотя бѣда, да избавила ихъ отъ нашествія чужихъ; съ любовью жались они къ дорогому имъ человѣку, котораго не только любили, но положительно боготворили! И словно чуяли малютки, что не долго имъ придется пробыть съ милымъ отцомъ, который былъ имъ милѣе всего на свѣтѣ, что уже не придется имъ насмотрѣться на его кроткіе, голубые глаза, послушаться его мудрыхъ и въ то же время дорогихъ рѣчей!

Убѣдившись, что его мечта уничтожить зло откуповъ, благодаря полному равнодушію окружающихъ къ судьбѣ беззащитныхъ крестьянъ, повела только къ полному его разоренію, а откупщики попрежнему обирали народъ и цѣловальники попрежнему спавали его, Павелъ Михайловичъ не успокоился. Онъ задумалъ поѣхать въ Петербургъ и добиться у государя отміны откуповъ, изложивъ ему лично всю суть дѣла.

Домашніе, увидѣвъ, что Павелъ Михайловичъ повеселѣлъ и рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ, думали, что онъ ѣдетъ хлопотать о своемъ дѣлѣ, и охотно отпустили его. Живо собрался Павелъ Михайловичъ и уѣхалъ, взявъ съ собой шестнадцатилѣтняго сына Тихона и стараго, вѣрнаго слугу, Якова. За тысячу слишкомъ верстъ, осенью, по ухабамъ, болотамъ и гатямъ, въ тяжелой и тряской бричкѣ, потогдашнему называвшейся «самокатомъ», потащился больной старикъ защищать интересы дорогого ему народа.

Добрался онъ, наконецъ, до Петербурга, но не на радость. Въ своей губерніи онъ былъ вездѣ первымъ. Встрѣчали и провожали его съ почетомъ, слова его и сужденія имѣли вѣсь и выслушивались со вниманіемъ. А тутъ ему пришлось со своими записками да проектами по переднимъ большимъ людямъ таскаться да пороги обивать. Не только не нашлось охотниковъ выслушивать его, но смотрѣли на него, какъ на юродиваго, и послѣ первыхъ же словъ выпроваживали вонъ. Но онъ переносилъ всѣ насмѣшки съ необыкновеннымъ терпѣніемъ.

Семь или восемь мѣсяцевъ искалъ онъ случая увидѣть государя. Гдѣ смотрѣть, парадъ или праздникъ, туда непременно тащился бѣдный старикъ. Отпихнуть его жандармы, онъ опять пробьется, но «до Бога высоко, а до царя далеко» — такъ и не удались его попытки. Полицеймейстеръ, узнавъ замыслы Павла Михайловича, велѣлъ за нимъ слѣдить и никуда не пускать безъ надзора; за нимъ постоянно ходили два переодѣтыхъ жандарма. Сынъ же съ Яковомъ тоже ходили за нимъ по пятамъ, но Павелъ Михайловичъ даже не замѣчалъ этого, такъ былъ погруженъ въ свои мысли. Мучительное время пережилъ Тихонъ Павловичъ; эти нѣсколько мѣсяцевъ совсѣмъ разстроили его умственные способности. Наконецъ, полицеймейстеръ приказалъ сыну и камердинеру увести Павла Михайловича въ деревню, въ противномъ же случаѣ грозилъ посадить больного въ сумасшедшій домъ. Когда Павелъ Михайловичъ увидѣлъ, что всѣ его труды напрасны, съ нимъ сдѣлалась нервная горячка; его безъ памяти положили въ тряскую бричку и въ бреду и безпамятствѣ довели до Москвы. Тутъ онъ и умеръ и похороненъ на Воганьковомъ кладбищѣ, далеко отъ своихъ, отъ всего, что ему въ жизни было дорого. Такъ погибъ этотъ рѣдкій, замѣчательный человекъ и истинный другъ народа.

Послѣ смерти Павла Михайловича рухнуло почти все прибрѣтенное его трудами и заботами. Чужіе долги пришлось платить изъ имѣнія малолѣтнихъ сиротъ, а долги эти, какъ оказалось, превышали все его состояніе. Старшихъ дочерей онъ устроилъ, еще при жизни выдѣливъ, онѣ мало пострадали отъ общаго разоренія. Меньшимъ ничего почти не досталось. Крохи, уцѣлѣвшія отъ отцовскаго наслѣдства, пропали отъ безтолковаго распоряженія опекуновъ. Долго пришлось дѣтямъ Павла Михайловича бороться съ нуждой. Образование сыновья и двѣ младшія дочери не кончили; нечѣмъ было платить. Здоровье ихъ пострадало, молодые силы искалѣчила и подорвала нужда и тяжелая зависимость отъ опекуновъ. Но прошло все дурное, какъ все проходитъ на землѣ, и сыновья выросли, поженились, получили по наслѣдству отъ дяди Ивана Михайловича саратовскія имѣнія. Отцовскія двѣ деревни съ тяжелыми долгами уцѣлѣли, долги мало-по-малу выплатились. Такимъ образомъ исполнились пророческія слова Павла Михайловича: дѣти праведнаго не лишены были хлѣба насущнаго.

Саратовскія имѣнія достались Николаю Павловичу, у котораго, кромѣ дочерей, было два сына; младшій учился въ Николаевской военно-инженерной академіи, кончилъ ее и былъ убитъ въ Ахаль-Текинской экспедиціи (это—Николай Николаевичъ), такимъ образомъ имѣніе перешло цѣликомъ къ старшему сыну, Павлу Николаевичу, извѣстному электротехнику и изобрѣтателю электрическаго освѣщенія («свѣча Яблочкова»), умершему въ мартѣ прошлаго года, успѣвшему прожить большія деньги и почти ничего не оставившему

дѣтямъ, Желѣзновку же по раздѣлу получилъ Дмитрій Павловичъ, но, несмотря на огромное приданое, полученное за женой, имѣніе скоро было прожито, и одно время онъ даже терпѣлъ нужду. Жена его, Софья Ивановна, получила мѣсто начальницы Усачевско-Чернавскаго заведенія въ 1868 году и съ такимъ умѣніемъ, любовью и тактомъ повела дѣло, что въ скоромъ времени добилась превращенія обыкновеннаго сиротскаго приюта сначала въ семиклассный, съ правомъ держать экзамены воспитанницамъ при университетѣ, а потомъ и въ самостоятельный институтъ. Ея долгое директорство оставило самую добрую память. Дмитрій Павловичъ былъ долгое время инспекторомъ народныхъ училищъ. Эти прожившіеся и прокутившіеся баре нашли въ себѣ достаточно духовной силы не только трудомъ зарабатывать хлѣбъ, но и, полюбивъ этотъ трудъ, вложить въ него всю любовь и привязанность бездѣтныхъ людей. У нихъ былъ только одинъ сынъ глухонѣмой и горбатый, который умеръ четырехъ лѣтъ.

Село же Плоское поступило во владѣніе Тихона Павловича. Подъ управленіемъ умной и дѣльной жены, такъ какъ Тихонъ Павловичъ, вслѣдствіе пережитыхъ въ юношескихъ годахъ потрясеній, былъ всегда слабаго здоровья и предоставилъ женѣ хозяйничать, имѣніе процвѣтало; предполагаемъ, оно и теперь процвѣтаетъ въ рукахъ сына его Михаила Тихоновича Яблочкова.

Матери моей, Вѣрѣ Павловнѣ, какъ меньшей, досталось очень мало въ сравненіи съ другими; но зато до самой смерти она неуклонно слѣдовала примѣру и правиламъ отца.

Ю. Н. Карпинская.

ВИЛЬНА ВЪ 1812 ГОДУ¹⁾.

I.

ГДѢ повѣтрія, мора, глада, огня и войны спаси насъ, Господи!—ежедневно вьываемъ мы къ Богу. Трехъ первыхъ бичей человѣчества за мое время Богъ не попустилъ на нашъ край; огонь — ну, какъ же безъ него? Что же до войны, то нашъ городъ и ранѣе ее испыталъ, испытываетъ и нынѣ со всѣми ея ужасами: грабежомъ, разореніемъ и насиліями всякаго рода.

Что за тѣмъ наступить—Богъ вѣдаетъ. Вѣроятно, не избѣгнуть намъ и прочихъ обычныхъ спутницъ войны—повѣтрія, голода и мора. Но что наиболѣе насъ тревожитъ и пронизываетъ острою болью сердца наши, такъ это поруганіе святыхъ Божіихъ, пренебреженіе къ Его слугамъ и глумленіе надъ нашею святою вѣрою. Видно, ужъ и впрямь близится кончина міра.

Въ теченіе двухъ лѣтъ послѣдняго житія моего въ Вильнѣ, въ нашемъ монастырѣ и въ городѣ, не замолкали толки о войнѣ. Съ ранней весны нынѣшняго 1812 года толки эти еще болѣе усили-

¹⁾ Мы получили эту статью отъ Е. С. Туганъ-Мирза-Варановской при слѣдующемъ письмѣ: «Послѣ большаго Врестскаго пожара мнѣ была доставлена найденная на пожарницѣ обгорѣлая польская книга, безъ начала и конца, напечатанная на синой бумагѣ, стариннымъ шрифтомъ. Изъ уцѣлѣвшихъ главъ ея я обратила вниманіе на главу носящую названіе: «1812 rok». Она показалась мнѣ настолько интересной, что я перевела ее и препровождаю переводъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника».

лись. Говорилось о приближеніи французовъ; рассказывали, что они уже близко, за Нѣманомъ, и что если не сегодня, то завтра они къ намъ пожалуютъ.

Въ этотъ достопамятный годъ въ Вильнѣ былъ большой съѣздъ,—такой, какого нашъ городъ никогда еще не видывалъ и, вѣроятно, никогда и не увидитъ. Императоръ Александръ, имя котораго всѣ его подданные одинаково благословляютъ, и ангеломъ добродѣтели признаютъ, избралъ Вильну своею резиденціею.

Когда бывало государь на конѣ выѣзжалъ изъ города черезъ Антоколь ¹⁾ на военное поле, то отъ грохота пушекъ и гула колоколовъ всѣхъ церковей земля тряслась.

Кто бы только ни хотѣлъ, а кто же не хотѣлъ?—всякій имѣлъ къ нему свободный доступъ, и всякій могъ свободно его лицезрѣть: то прогуливающимся по чуднымъ окрестностямъ Вильны, то дѣлающимъ смотръ войску, котораго въ этотъ годъ въ городѣ было видимо-невидимо. Одной гвардіи было столько, что когда ее вывели на маневры за городъ, то она покрыла собою сплошь все огромное поле и лѣса, что между городомъ и Закретомъ ²⁾.

А сколько при этомъ было блеску, красоты! Сколько генераловъ! князей! графовъ!.. Было и нѣсколько чужеземныхъ пословъ. Узналъ я среди нихъ шведскаго посла, по богатому шитому золотомъ мундиру и желтому плюмажу на шляпѣ, рѣзко отличающемуся отъ серебрянаго шитья и бѣлыхъ султановъ государя и всей его свиты. Массы народа высыпали за городъ, а между ними и нѣсколько насъ, черноризцевъ, чтобы поглазѣть на эту мирную войну... а недалеко, изъ-за горы, близилась другая... уже настоящая...

И въ нашу мирную обитель новости стекались цѣлымъ потокомъ. Многіе изъ прихожанъ и посѣтителей нашего монастыря еще долго оставались послѣ вечеренъ въ нашемъ монастырскомъ саду и подъ шумокъ приносили намъ вѣсти обо всемъ, что говорилось и творилось въ городѣ. Въ городѣ же движеніе и тревога были невыразимы. Однажды, рано утромъ, когда я отбывалъ обычное послушаніе у отца настоятеля, къ нему въ келью стремительно вбѣжалъ нашъ монастырскій архитекторъ, крича:

— Батюшка! уже перешли Нѣманъ!

— Что вы говорите? Неужели правда!

— Болѣе, чѣмъ правда! Фактъ! Вчера мои молодцы, т. е. студенты, живущіе въ моемъ домѣ, были на царскомъ балѣ въ Закретѣ и своими глазами видѣли курьера, который, какъ былъ, съ дороги, прямо явился на балъ съ этою новостью. Сегодня объ этомъ знаетъ и говоритъ уже весь городъ.

— Значить, будетъ война?

¹⁾ Одно изъ живописнѣйшихъ предмѣстій.

²⁾ Лѣтній императорскій дворецъ.

— Какъ это будетъ, когда она уже есть. Да, батя! Уже она есть! Только пока еще не здѣсь, не у насъ, не около Вильны, и, какъ говорятъ, около насъ ея и не будетъ, потому что, какъ болтають, наши войска предполагается отвести назадъ, въ глубь имперіи, втѣнуть за ними французовъ и, понимаете ли, дать имъ... того... знаете... Однако за эту новость велите-ка, отецъ настоятель, подать рюмочку... кажется, стоитъ того.

Выпили по одной.—Что же теперь дѣлать?—спросилъ отецъ настоятель.

— Что же дѣлать? полагаю, что пока еще ничего, или, вѣрнѣе, то, что дѣлали вы раньше. Сидите тихо и смирно въ своемъ монастырѣ, да молитесь Богу. А на всякій случай припрячьте-ка все, что у васъ поцѣннѣе, вотъ и я, на тотъ же случай, сегодня ночью притащу къ вамъ свою кубышку.

— А это зачѣмъ еще?

— Какъ зачѣмъ? я вѣдь говорилъ вамъ—на всякій случай. Впрочемъ, если хотите знать суцную правду, то скажу вамъ... прибавилъ онъ нѣсколько тише и бояливо:—въ городѣ погонаривають, что эти самые французы грабятъ, даже... даже и церквамъ спуску не даютъ.

— Быть не можетъ! Вранье! Да вѣдь они же христіане!

— Ну, батя, вы думайте, что хотите, что же до меня, то я не особенно склоненъ вѣрить въ ихъ христіанскія чувства. Чай вѣдь слышали, что Бонапартъ папу изъ Рима изгналъ, а сына своего нарекъ королемъ римскимъ, а потому... А впрочемъ, батя, поступайте, какъ знаете, а я вечеркомъ еще къ вамъ забѣгу, а теперь, прошу извиненія, спѣшу въ городъ, да какъ же и не спѣшить, когда, что ни часъ, то новость.

Какъ только удалился архитекторъ, такъ сейчасъ же отецъ настоятель собралъ старшую братью на совѣтъ. Привлекся, опираясь на костыль, и мой давній благодѣтель, добрый мой отецъ архимандритъ, первый мой настоятель и наставникъ, нынѣ уже совсѣмъ дряхлый старецъ, давно уже живущій не у дѣлъ и на покоѣ въ нашей же обители. Отъ него я принялъ постриженіе, онъ руководилъ первыми шагами моею монашеской жизни, большую часть которой я провелъ подъ его началомъ, да и теперь я почти не разлучаюсь съ нимъ и почитаю и люблю его все одно, какъ роднаго отца. Любить и почитать его и вся братья наша, ибо знаютъ его заслуги церкви и его великую мудрость, нисколько не ослабѣвшую съ годами.

Когда всѣ собрались, отецъ игуменъ сообщилъ отцамъ новость и поставилъ имъ для рѣшенія вопросъ: что же дѣлать?

Всѣ молчали. На этомъ, вѣроятно, и закончился бы нашъ совѣтъ, если бы отецъ игуменъ не догадался обратиться къ нашему велемудрому старцу, архимандриту, съ слѣдующими словами: «Отче, ожидаемъ вашего мнѣнія».

— Вы говорите, французы грабятъ церкви? — произнесъ архимандритъ:—весьма возможно, потому что нынѣ въѣкъ разнузданности всѣхъ страстей людскихъ. Вотъ оно что! Впрочемъ, сомнѣваюсь, чтобы въ большомъ городѣ, на глазахъ начальства, а, можетъ быть, даже и самого Наполеона, они могли бы дойти до мародерства или безпорядка. А если бы это и случилось, не ограбятъ же въ самомъ дѣлѣ они насъ такъ, чтобы хоть деревяннаго креста въ церкви не оставили. Что-жъ, вѣдь и передъ нимъ Господа Бога славословить будемъ. Вотъ оно что! Бросьте же всѣ ваши сомнѣнія и безпокойства, и лучше возложимъ упованіе на Бога, предадимъ себя Его святой волѣ и милосердію и вмѣсто суетной тревоги будемъ молиться Царю Небесному о дарованіи мира и согласія между земными царями христіанскихъ народовъ. Вотъ оно что!

Мудрыя слова эти успокоили насъ. Всѣ лица точно просвѣтлѣли.— «Да будетъ Его святая воля! Самъ Господь провѣщаль намъ вашими устами, отче!» — произнесли всѣ. На этомъ и кончился нашъ совѣтъ.

Это было въ среду 12-го іюня.

На другой день, въ четвергъ, тревога и движеніе въ городѣ еще болѣе усилились. Полкъ за полкомъ проходили черезъ городъ, направляясь частью за Зеленый мостъ, частью, и наиболѣе, черезъ Антоколь къ Нѣменчину. Вѣсти о приближеніи французовъ все росли и росли. Въ монастырь со всѣхъ сторонъ сносили цѣнное имущество на сохраненіе.

Въ пятницу, 14-го іюня, императоръ Александръ отбылъ изъ города, напутствуемый любовью и благословеніемъ всѣхъ... да сохранить его ангелъ хранитель своею опекою.

Увѣжая, государь назначилъ генерала Ляхницкаго президентомъ города, приказавъ ему, во избѣжаніе разрушенія и разоренія города, сдать оный безъ сопротивленія. Повелѣніе это всѣми принято, какъ новый знакъ монаршей милости государя къ городу.

Въ субботу приказано было, чтобы всѣ городскія ворота были забаррикадированы, ставни закрыты, чтобы никто по улицамъ безъ дѣла не шатался. Всѣ мы, какъ крысы, попрятались по норамъ и лишь иногда, кто посмѣлѣе, рѣшались вылѣзть на улицу для развѣдокъ, но такихъ было немного, да и отходить далеко отъ дома опасались, ибо городъ былъ положительно переполненъ войсками всѣхъ родовъ и видовъ, массою пушекъ... а извѣстно, что при отступленіи самый взглядъ каждаго солдата способенъ былъ навести страхъ на всякаго.

Отецъ игуменъ выслалъ и меня на развѣдки. Моя ряса была мнѣ наилучшею охраною отъ всякихъ неожиданностей и недоразумѣній и подъ ея защитою я безпрепятственно добрался къ Шоазелевскому дворцу, въ которомъ квартировалъ самъ главнокомандующій Барклай-де-Толли, который все еще не оставлялъ города. Узнавъ

объ этомъ, братья нѣсколько было успокоились, придя къ выводу, что, вѣроятно, непріятель ужъ вовсе не такъ близко, если главный вождь не оставляетъ города; но выводъ нашъ былъ истинно настоящій монашескій. Отецъ архимандритъ и здѣсь доказалъ, что онъ всѣхъ разумнѣе и мудрѣе.

— А гдѣ же по-вашему мѣсто вождя во время войны? — спросилъ онъ.

— Гдѣ? разумѣется, ужъ не въ тылу арміи, если не на челѣ ея, — отвѣтилъ отецъ игуменъ.

— Ну, а гдѣ же находится чело арміи, когда армія ретируется?

— Не исполнѣ васъ понимаю, отче, — отвѣтилъ игуменъ.

— Ну, такъ вотъ что, какая часть арміи ближе всего къ непріятелю, тамъ и чело ея, тамъ и главный вождь. Теперь понимаете ли, почему генералъ Барклай-де-Толли въ Вильнѣ, хотя уже за гороу французы. Вотъ оно что!

Вечеромъ вышелъ приказъ, чтобы городская муниципальная стража заняла всѣ караулы. Нечего сказать! И красиво же было это сермяжное воинство въ долгополыхъ балахонахъ и куцыхъ коцевейкахъ. Сами они надъ собою смѣялись, а всѣ надъ ними. Такъ или иначе заняли они всѣ гауптвахты, ворота и тюрьмы, а между тѣмъ цѣлую ночь войско плыло и плыло, какъ вода.

Наступилъ наконецъ и праздникъ Св. Троицы, день 16-го іюня, достопамятный день, который умирая буду помнить... день, въ который впервые я уврѣлъ великаго вершителя судебъ народовъ и царствъ, самого Наполеона Бонапарте, во главѣ его войска, составленнаго изъ двенадцати языковъ, вступающаго въ нашъ городъ.

Но буду, однако, держаться порядка въ моемъ рассказѣ.

Дорогой мой благодѣтель, отецъ архимандритъ, занималъ въ нашемъ монастырѣ двѣ просторныя и удобныя кельи, въ которыхъ нашлось мѣстечко и для меня, чему я былъ очень радъ, имѣя возможность за нимъ ухаживать и служить. Цѣлые бывало дни читалъ онъ газеты, переводилъ и объяснялъ мнѣ, что тамъ было писано, но я, какъ ничего не понимающій въ политикѣ, слушалъ его черезъ пятое въ десятое и, правду говоря, мало что и понималъ. Во всѣхъ газетахъ тогда только и писалось одно въ одно, а именно выхвалялись великія побѣды, великія дѣянія и великая мудрость Бонапарта. Во всей Руси и Литвѣ, что я говорю, во всемъ, кажется, мірѣ, въ то время только объ немъ одномъ и была рѣчь. Не удивительно поэтому, что и мой дорогой, нынѣ, увы, покойный отецъ архимандритъ, почти весь конецъ жизни своей слыша вездѣ и всегда только о немъ, естественно жаждалъ его увидѣть.

— Не умру, братъ мой, — часто говорилъ онъ, — не умру, пока его не увижу. Вотъ оно что!

Его слова сбылись пророчески: увидѣлъ и дѣйствительно въ тотъ же день умеръ.

Любопытный мой игуменъ опять выслалъ меня раннимъ утромъ на развѣдки. На небѣ еще чуть-чуть мерцали первые проблески утренней зари. Городъ какъ будто бы спалъ, или это такъ только казалось; на улицахъ никого не было видно, только казаки шмыгали то тамъ то сямъ, да на плацу передъ театромъ стоялъ составившій ружья въ козлы гвардейскій полкъ, солдаты котораго носятъ каски на подобіе сахарныхъ головъ ¹⁾ съ широкими мѣдными бляхами впереди. Нѣкоторые солдаты варили кашу въ котелкахъ, иные же дремали, лежа на землѣ. Офицеры сидѣли на лавкахъ и на барабанахъ, а нѣкоторые прохаживались по площади, ведя между собою тихую бесѣду. Большинство офицеровъ окружало своего полковаго командира, котораго можно было узнать по его густымъ эполетамъ.

Вскорѣ отъ этой группы отдѣлился офицеръ и, пересѣкши мнѣ путь, спросилъ:— Куда, отче, и отчего такъ рано?

— Къ больному, напутствовать... г. капитанъ,— отвѣтилъ я, нѣсколько оробѣвъ.

— Двойная ложь, отче,— отвѣтилъ съ улыбкою офицеръ: — ты идешь не для напутствія, ибо не въ клубкѣ, а я еще не капитанъ; а, можетъ быть, третья ложь и самая наихудшая кроется въ твоей рясѣ... Отвѣчай же,— прибавилъ онъ суровѣе,— мнѣ приказано тебя допросить.

Пока онъ это говорилъ, моя первая робость успокоилась, я пришелъ въ себя и подумалъ: совралъ, вотъ те и бѣда. Лучше-ка буду говорить чистую правду,—что же мнѣ сдѣлается.

— Ваше благородіе! — отвѣтилъ я ему,— что я дѣйствительно монахъ нашего здѣшняго монастыря, то въ томъ хоть сейчасъ при васъ поцѣлюю крестъ. Что же дѣлать! каюсь! Струсилъ я, а страхъ, какъ всѣ это знаютъ, самый наихудшій совѣтникъ.

— Если такъ, то говори, что тебя выгнали въ такую рань изъ монастыря.

— Любопытство, благодѣтель вы мой, самое искреннее любопытство и больше ничего. И не такъ мое собственное, какъ нашихъ старшихъ отцовъ, которые, желая знать, что творится въ городѣ, выслали меня на развѣдки.

— Э! такъ значить ты шпионъ! Вратель мой! А знаешь ли, чѣмъ это пахнетъ?... Но, впрочемъ, не бойся, шпионъ отъ монашеской арміи не опасенъ, возвращайся же скорѣй въ свой монастырь и передай любопытнымъ отцамъ, чтобы сегодня же передъ полуднемъ приготовились къ приему гостей.— Сказавъ это, офицеръ было отошелъ, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вдругъ остановился и, быстро повернувшись ко мнѣ, крикнулъ:— Стой! Подожди, прями мою убогую жертву,— произнесъ онъ, кладя въ мою руку серебряный

¹⁾ Павловскій.

рубль,— отдай это на молебень отъ отца, молящаго Господа Бога, чтобы вражья пуля жены и маленькихъ дѣтокъ не осиротила, — при этомъ вздохнулъ глубоко, смахивая съ глазъ набѣжавшую слезу.

— Сегодня, сейчасъ же, будетъ отслуженъ молебень по твоему желанію,— сказалъ я, благословляя его крестнымъ знаменемъ.

— Благодарю тебя, отецъ!— произнесъ онъ, крѣпко пожавъ руку, и быстро побѣжалъ къ полку, который уже становился въ ружье и выстраивалъ ряды, а я также бѣгомъ въ монастырь, гдѣ, рассказавъ собравшейся и ожидавшей меня братіи свое приключеніе, передалъ жертву офицера, и въ ту же минуту самъ отецъ игумень со всей братьею, облачившись, вышелъ изъ алтаря соборнаго для служенія молебна за здравіе неизвѣстнаго офицера, а я—опять въ калитку на дальнѣйшія развѣдки.

На улицахъ, какъ будто бы стало побольше людей, хотя большая часть ихъ боязливо прошмыгивала переулками и выглядывала изъ воротъ. На небѣ свѣтало; я отправился ко дворцу, въ который, по отъѣздѣ государя, перенесъ свое мѣстопробываніе фельдмаршалъ Барклай-де-Толли.

Во дворѣ передъ подъѣздомъ уже стояла карета, запряженная осьмерникомъ, а около нея на коняхъ около сотни казаковъ.

Раздался топотъ копытъ, и въ то же мгновеніе ко дворцу подскочилъ маршъ-маршемъ весь покрытый пылью молодой офицеръ, крикнувъ на скаку:

— Здѣсь ли еще фельдмаршалъ?

— Здѣсь,— послышался отвѣтъ.

Офицеръ соскочилъ съ коня, котораго подхватилъ какой-то казакъ, и бѣгомъ пустился на верхъ по лѣстницѣ во дворецъ.

— Ба! Да это карета фельдмаршала,— подумалъ я:—если насъ не прогонятъ, то постою я здѣсь и все увижу. Никто, однако, и не думалъ прогонять. Мало-по-малу одинъ за другимъ собралась около меня кучка любопытныхъ. Откуда-то явился и нашъ монастырскій архитекторъ, любитель латинскихъ цитатъ, а еще болѣе свѣжихъ новостей. Рассказалъ ему все, что видѣлъ.

— Ну, по моему мнѣнію, — сказалъ онъ,— здѣсь самое удобное *locum standi*,— отсюда мы все увидимъ.

Между тѣмъ на небѣ уже совсѣмъ настала день. Ко дворцу прискакалъ еще одинъ курьеръ. Улицы стали шевелиться людьми. Послышался шумъ, разговоры, болтовня. Болтали и то и сѣ. Каждый спрашивалъ сосѣдей, но никто ничего не зналъ вѣрнаго или отвѣчалъ, что ввредало на умъ. Мы терпѣливо ждали. Вскорѣ прискакалъ на взмыленномъ конѣ и третій гонецъ и, запыхавшись, побѣжалъ на верхъ во дворецъ. Въ ту же почти минуту изъ дворца выбѣжалъ офицеръ и стремглавъ бросился на замковый плацъ. А я и еще нѣсколько вѣвакъ—за нимъ. Не успѣли мы добѣжать, какъ загремѣли барабаны, солдаты побросали недоѣденную кашу и въ

нѣсколько мгновеній полкъ подѣ звуки музыки, въ полномъ порядкѣ, стройно двинулся ускореннымъ шагомъ по направленію къ Антоколию.

Я опять назадъ ко дворцу. Нашъ архитекторъ уже былъ тамъ, весь превратившись въ слухъ и вниманіе.

— Послѣдній полкъ,—сказалъ я ему,—сейчасъ выступилъ къ Нѣменчину.

— А за симъ...—началъ было архитекторъ, но не окончилъ, ибо на дворѣ въ эту минуту все засуетилось и пришло въ движеніе. Нѣсколько верховыхъ выскочило за ворота и помчалось въ разныя стороны. На крыльцѣ, сопровождаемый губернаторомъ Лавинскимъ и нѣсколькими адъютантами, показался самъ фельдмаршалъ. На лицѣхъ ни малѣйшаго безпокойства, а фельдмаршалъ такъ даже чему-то улыбался.

— Вотъ хватъ, такъ хватъ! Прошу покорно!—произнесъ мнѣ на ухо архитекторъ:—Бонапартъ за горой, а онъ себѣ и въ усть не дуесть.

Фельдмаршалъ между тѣмъ остановился на крыльцѣ, посмотрѣлъ направо и налѣво, кинулъ глазомъ и на нашу кучку, усмѣхнулся чему-то еще разъ, потомъ не слѣша вынулъ часы, взглянулъ на нихъ, а за симъ, не торопясь, сошелъ съ крыльца, сѣлъ въ карету, пригласивъ съ собою и губернатора Лавинскаго. Вся осталная свита, сѣвъ на коней, окружила экипажъ, который съ мѣста крупною рысью тотчасъ же покатылъ по направленію къ Антоколию.

— Ну! по моему мнѣнію, теперь у насъ *interregnum*,—произнесъ архитекторъ.

Не успѣла карета выѣхать за черту города, какъ вдругъ раздался грохотъ страшнаго взрыва, а вслѣдъ за нимъ и второго, да такого, что все задрожало, стекла повывлетѣли изъ рамъ, и земля заходила подѣ ногами. Люди, какъ сумасшедшіе, бросились въ разныя стороны, не понимая, что все это могло бы значить, и орали, какъ оболтѣлые.

У меня также со страху заколотилось сердце въ груди, но все на свѣтѣ проходить, прошло и впечатлѣніе взрывовъ; оказалось, что съ первымъ взрывомъ взлетѣлъ Зеленый мостъ, а вторымъ высажены на воздухъ провіантскіе склады на Лукишкахъ, осыпавъ мукою все предмѣстіе. Все успокоилось, но не надолго; внезапно съ горъ, окружающихъ городъ, послѣдовательно одинъ за другимъ прогрохотали три пушечные залпа.—Стрѣляють по городу!—крикнулъ кто-то. И этого крика какого-то трусишки было достаточно, чтобы въ городѣ поднялась страшная паника. Всѣ кидались, ничего не слыша и не понимая. Улица давила улицу. Все это бѣжало, падало, подымалось и опять бѣжало, крича во все горло: «гвалтъ! спасайте!». Раньше всѣхъ пришелъ въ себя нашъ архитекторъ.

— Подождемъ,—сказалъ онъ,—все это вздоръ! Какой смыслъ стрѣлять по мирному городу? Глупая толпа подавить другъ друга.

По моему мнѣнію, эти залпы есть не болѣе, какъ послѣдніе сигналы, предвѣщающіе, чтобы все военное уходило изъ города, и что непріятель близко.

Мнѣніе архитектора оказалось вполнѣ вѣрнымъ. Переположъ успокоился; населеніе пришло въ себя, хотя волненіе не вполнѣ улеглось, и страхъ уступилъ мѣсто любопытству; движимыя имъ массы народа, подобно волнамъ, перекатывались и переливались отъ одного конца города къ другому. Я же побѣжалъ въ монастырь, чтобы объявить отцамъ о наступившемъ въ городѣ междуцарствіи, наскоро перехватить чего нибудь и опять на развѣдки.

Братія ожидала меня съ нетерпѣніемъ. Рассказавъ имъ все по порядку, подкрѣпившись пищею, я снова побѣжалъ на охоту за новостями, имѣя на этотъ разъ товарищами нѣсколькихъ болѣе смѣлыхъ отцовъ и братій, любопытство которыхъ пересилило страхъ.

Шумъ, гамъ, суетка на улицахъ были такіе, какихъ никогда еще мнѣ видѣть не случалось. Весь городъ былъ на улицѣ. Всѣ окрестныя горы сплошь были покрыты людьми, чающими первыми увидѣть французовъ. Многіе съ этою цѣлью потѣпали на крыши домовъ, башни церквей и колокольни. Огромныя толпы побѣжали за Ковенскую заставу, откуда ожидались французы. Все это бѣжало, сталкивалось, галдѣло, напоминая собою въ общемъ одинъ громадный домъ сумасшедшихъ. Между тѣмъ, новонареченный президентъ города, генераль Ляхницкій, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ себѣ, окруженный ратманами въ главной залѣ городской думы, а передъ нимъ на столѣ, на красивомъ серебряномъ блюдѣ, наготовѣ уже лежали два золотые, а, можетъ быть, только позолоченные, ключа, якобы отъ городскихъ воротъ, которыхъ впрочемъ въ Вильнѣ уже нѣтъ и въ поминѣ, за исключеніемъ никогда не запиравшихся Замковыхъ, лежащихъ въ центрѣ города, да Острой Браны, и послѣднія тоже ничѣмъ не запираются; да и не нуждаются ни въ какихъ запорахъ, ибо наилучшею защитою имъ и городу всегда была и будетъ Пресвятая Пречистая Богородица, чудотворный образъ которой, одинаково почитаемый и христіанами и нехристіанами, уже спасъ однажды городъ отъ шведовъ. Это знаютъ всѣ. Въ такомъ хаосѣ прошло около двухъ часовъ. Побывавъ я у епископскаго дворца, оттуда народное теченіе повлекло меня было къ городской думѣ, но движеніе это было остановлено встрѣчною волною народа, быстро бѣгущаго и воющаго: колютъ!.. колютъ!.. — Кто колетъ, кого колютъ?—спрашивалъ я, но никто не давалъ отвѣта, въ изступленіи продолжая орать: колютъ! колютъ!—Глупые трусы,—подумалъ я, продолжая пробираться впередъ къ думѣ, откуда неслись другіе крики, отъ которыхъ и у болѣе храбрыхъ душа начала перемѣщаться по направленію къ пяткамъ. Въ мгновеніе ока все объяснилось. Изъ всѣхъ улицъ, переулковъ, непрерывнымъ потокомъ, точно изъ мѣшка горохъ, сыпались съ гикомъ и крикомъ польскіе уланы.

Пики на перевѣсъ, сабли наголо — точно къ атакѣ. Почти мгновенно вся обширная площадь передъ зданіемъ городской думы запестрѣла флюгерами уланскихъ пикъ и въ то же время уланами, какъ по писанному, была занята городская дума и главная гауптвахта.

Тогда генераль Ляхницкій, сопровождаемый нѣкоторыми старѣйшими представителями города, вышелъ на крыльцо, переговорилъ о чемъ-то съ командиромъ уланъ, а за симъ, забравъ съ собою блюдо съ ключами, сѣлъ въ карету и поѣхалъ къ Ковенской заставѣ навстрѣчу Бонапарту.

Между тѣмъ конница наполняла городъ, точно наводненіе. Впереди всѣхъ мчались уланы, за ними конные егеря, а за этими—гусары. Впереди гусарь, на чудномъ ворономъ скакунѣ, въ сплошь залитомъ золотомъ доломанѣ, въ фантастической, на подобіе турецкаго турбана съ развѣивающимися страусовыми перьями, шапкѣ, гарповалъ, обращая на себя всеобщее вниманіе, какой-то всадникъ. Потрясая высоко поднятой надъ головой саблей, которая искрилась и сверкала, точно молнія, всадникъ горячилъ своего коня и не переставая кричалъ: вивать Наполеонъ! Ура, Наполеонъ! То былъ Мюратъ, король Неаполитанскій и шуринъ Бонапарта.

Съ любопытствомъ и боязнью присматривались мы всѣ къ этому невиданному у насъ войску, имѣя одну общую цѣль и мысль увидѣть среди него самого Бонапарта, но тамъ его не было... Вдругъ, такъ около полудня, по городу разнеслась вѣсть, а вѣсти тогда летали съ быстротою молній, что Бонапартъ уже въ городѣ и находится на берегу Вилии у Зеленаго моста.

Моментально все бросилось туда, а впереди всѣхъ я, подобравши руками полы рясы, и что есть духу, чтобы никому не дать опередить себя. Хотя мнѣ это и удалось, однако не вполнѣ, потому что еще ранѣе у Зеленаго моста, тамъ, гдѣ былъ Наполеонъ, успѣла уже собраться порядочная толпа. Работая и ногами, и локтями, полчивъ и самъ немало пинковъ, я все-таки добрался до середины и, очутившись всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ, почти лицомъ къ лицу съ всеильнымъ императоромъ, могъ вдоволь на него насмотрѣться. Надъ самымъ берегомъ рѣки, лѣвѣе моста, на простой деревянной скамейкѣ, сидѣлъ онъ, тотъ самый, отъ взгляда котораго милліоны людей трепетали и мановеніе руки котораго способно было направить милліоны эги на вѣрную смерть и хоть на самый конецъ свѣта. Такъ вотъ онъ. Да неужели же это въ самомъ дѣлѣ онъ, тотъ самый, имя котораго вездѣ и всюду повторяется на всѣхъ языкахъ челоуѣческихъ, и слава о которомъ гремитъ изъ конца въ конецъ міра? Думалъ увидѣть что либо особенное, но, правду сказать, право, не на что было смотрѣть... Фигура самая обыкновенная, даже невзрачная, но когда онъ, повернувъ голову на нашу сторону, случайно посмотрѣлъ на меня, то, сознаюсь, дрожь прошла по всему моему тѣлу, и поджилки на ногахъ затряслись... Никогда

въ жизни не забуду этого огненнаго взгляда. Хотя мостъ былъ взорванъ, но вся поверхность рѣки была покрыта плотами, на которыхъ уже копошились понтонеры, устроявая изъ бревенъ плывучій мостъ. Пока все это дѣлалось, Бонапартъ попрежнему сидѣлъ на берегу и велъ разговоръ съ отцомъ Глоговскимъ, монахомъ ордена Ціаровъ, котораго замѣтилъ въ толпѣ и велѣлъ подойти къ себѣ. Выборъ Наполеона оказался какъ нельзя болѣе удаченъ, ибо отецъ Глоговскій былъ умнѣйшій и просвѣщеннѣйшій человекъ, а пофранцузски зналъ не хуже, чѣмъ на родномъ языкѣ. Всѣ дивились, какъ это простой монахъ такъ смѣло можетъ говорить съ самѣмъ императоромъ; но я нисколько не удивлялся, и если бы Наполеонъ обратился ко мнѣ, то, можетъ быть, полатыни и я съ нимъ бы объяснился и, пожалуй, нисколько не хуже, чѣмъ этотъ монахъ пофранцузски. Побуждаемый этою мыслью, я всѣми силами старался лѣзть впередъ, думая: а, ну-жъ... но въ это время мостъ былъ готовъ. Бонапарту подали небольшую бѣлую лошадку— мерина (какое сравненіе съ огненнымъ скакуномъ Мюрата!), сбѣвъ на котораго онъ переѣхалъ первымъ черезъ наведенный изъ плотовъ мостъ и, окруженный огромною свитою генераловъ, поѣхалъ правымъ берегомъ, по направленію къ Антоколю. Мы же всѣ лѣвымъ берегомъ за нимъ. Противъ Замковой горы кортежъ остановился, и императоръ долго ее разсматривалъ, нѣсколько разъ указывая на нее рукою. Наблюдали мы за нимъ, сколько было возможно, наконецъ всѣ вернулись къ мосту, гдѣ опять увидѣли Наполеона, вернувшагося назадъ. Толпа народа бѣжала за нимъ, по пути ко дворцу, неистово крича: вивать! Наполеонъ отвѣчалъ на эти восторги то небрежнымъ движеніемъ руки, то едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы. Какая разница съ пріятливостью и доброю Александра.

— Братъ мой! — обратился ко мнѣ мой добрый старецъ архимандритъ, когда я, утомленный и физически и морально, подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и пережитаго и не чувствуя подъ собою ногъ, вернулся въ монастырь и все ему разсказалъ.—Братъ мой, — продолжалъ онъ, — ты долженъ меня туда проводить, чтобы я его могъ увидѣть. Говорилъ я тебѣ, а теперь повторяю: не умру, покуда его не увижу. Вотъ оно что! Но торопись, торопись, другъ мой! — прибавилъ онъ, — ибо съ каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ чувствую себя слабѣе и слабѣе... но... не умру, — бормоталъ онъ уже почти самъ съ собою, — покуда его не увижу.—

Даль я обѣщаніе нашему уважаемому отцу, подкараулить время, когда императоръ по обыкновенію будетъ выѣзжать изъ дворца, и привести его подъ ворота св. Іоанна, какъ разъ насупротивъ дворцоваго подъязда.

Но что теперь дѣлается въ городѣ! Что за внезапный переворотъ въ порядкѣ вещей? Что за сумятица, безтолочь, путаница, безпо-

рядокъ... Всѣ и все какъ будто бы выскочило изъ своей обычной колеи и рамокъ и все идетъ не путемъ и не по пути. Всѣ точно въ какомъ-то умопомраченіи... Даже въ нашей тихой и мирной обители все пошло по-другому, точно будто бы кто-то сразу упразднилъ нашъ уставъ, снялъ всѣ обѣты и открылъ двери въ суету міра. Еще старѣйшіе наши отцы съ трудомъ кое-какъ могли удержатъ себя въ кельяхъ и съ грѣхомъ пополамъ править установленную службу Божію, но болѣе молодыхъ никакая сила не могла удержатъ въ монастырѣ; все это безъ цѣли и толку слонялось по улицамъ, не отдавая себѣ отчета, не зная, зачѣмъ и для чего. Во время обѣда болѣе половины приборовъ пустовало. Едва, едва собирались къ ночи, да и вся ночь проходила не во снѣ, а въ безконечной болтовнѣ и разсказахъ о томъ, гдѣ кто былъ и что видѣлъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ въ то достопамятное время было на что посмотреть. День и ночь безостановочно проходили черезъ городъ разнородныя, разнovidныя и разноязычныя войска. Кирасиры, въ латахъ, которыя на солнцѣ блестяли, какъ золотыя, огромныя дѣтны на исполинскихъ коняхъ, въ желѣзныхъ шипакахъ съ конскими хвостами позади, чтó придавало этимъ и безъ того страшнымъ конникамъ еще болѣе страшный видъ. Какіе-то новѣроютныя и странныя бородачи въ огромныхъ косматыхъ шалкахъ съ широкими бердышами, какъ у палачей, на плечахъ и съ кожаными фартуками точно у кузнецовъ... и наконецъ, прости и помилуй насъ, Господи, ни болѣе ни менѣе, какъ цѣлый полкъ чертей, а, можетъ быть, и турокъ, что, впрочемъ, почти одно на одно выходитъ; на головахъ чалма, у каждаго на поясѣ огромный кинжалъ, а на боку кривая и широкая саблицца. Говорятъ, что это какіе-то мамелюки съ береговъ Краснаго моря, того самого, въ которомъ когда-то египетскій фараонъ утонулъ.

Въ городѣ, однако, начинаетъ чувствоваться что-то неладное. Улицы завалены трупами лошадей, сотнями ежедневно гибнущихъ отъ зеленаго овса и ржи, которыми приходится кормить кавалерію по недостатку сухого фуража и сѣна. Стада рогатаго скота и барановъ непосредственно гонять за полками, и гдѣ полкъ остановился, то тутъ же и бойня и кухня, откуда при страшной жарѣ и гнилъ и зараза. На большихъ дорогахъ и селахъ не лучше. Стали появляться слухи о грабежахъ и безчинствахъ, да что за городомъ, и въ городѣ были случаи самаго наглаго грабежа и насилія. Два какихъ-то негодия пробрались въ маленькій монастырь св. Троицы, чтó на Антоколѣ, и начали было сдирать ризы съ образовъ и разныя золотыя и серебряныя жертвы, которыми благочестивые богомольцы украсили чудотворное изображеніе Христа. Подобное святотатство, однако, не прошло имъ даромъ; схваченные на мѣстѣ преступленія, они въ двадцать четыре часа были осуждены военно-полевымъ судомъ и тутъ же на Антоколѣ разстрѣляны. Видѣтъ я

обоихъ и удивился ихъ безвѣрію и сердечной окаменѣлости этихъ еретиковъ... ни духовника, ни исповѣди и никакого напутствія въ другой міръ принять не пожелали. Идя на мѣсто казни, одинъ грызъ бублики, а другой курить трубочку, и оба весело разговаривали и безопасно шутили съ тѣми самими, которые, не далѣе какъ черезъ минуту, должны были въ нихъ выпалить. Боже! Боже! Ужасно было видѣть такое закоренѣлое невѣріе и равнодушіе къ спасенію душъ своихъ, которыя они сознательно прямымъ путемъ направляли въ адъ кромѣшный... Никогда бы въ жизни не повѣрилъ, еслибъ не видѣлъ своими глазами.

Смотря на все, что было и что дѣлалось, нашъ монастырскій политикъ, архитекторъ, глубокомысленно говорилъ: по моимъ соображеніямъ, съ такимъ безчисленнымъ воинствомъ Бонапартъ, можетъ быть, и пройдетъ весь свѣтъ, но при такомъ неладѣ и безпорядкѣ, кто знаетъ—вернется ли назадъ? А впрочемъ одинъ Богъ это знаетъ.

Каждый разъ при встрѣчѣ напоминалъ мнѣ мой незабвенный отецъ-архимандритъ мое обѣщаніе о доставленіи случая видѣть Наполеона. Положимъ, исполнить это обѣщаніе не представлялось труднымъ, ибо онъ ежедневно выѣзжалъ изъ дворца верхомъ на встрѣчу и осмотръ проходящихъ черезъ городъ войскъ, но такъ какъ эти выѣзды дѣлались въ неопредѣленное время, то толпы народа, желающія его видѣть, съ ранняго утра наполняли собою дворцовую уллицу, иногда по нѣскольکو часовъ ожидая появленія императора. — Если бы мнѣ цѣлый день пришлось просидѣть на мостовой,—отвѣтилъ отецъ-архимандритъ на мое возраженіе о трудности видѣть императора,—веди меня, ибо не умру, пока его не увижу, вотъ оно что.—Пришлось исполнить его настойчивое требованіе. Повелъ его. Когда мы шли, я диву дивился: въ монастырѣ мой старецъ едва, едва былъ въ состояніи, и то только опираясь на мое плечо, дойти черезъ коридоръ отъ кельи до церкви, а тутъ точно вдругъ къ нему прежняя сила вернулась, онъ шелъ такъ быстро и легко, что я едва за нимъ поспѣвалъ. Придя на мѣсто, я усадилъ его на ступеньку какъ разъ насупротивъ арки дворцоваго выѣзда.

— Какъ же я узнаю его, *carissime*?—спросилъ онъ.

— А вотъ какъ, отче! Перво-на-перво выскочать изъ воротъ, какъ у нихъ тамъ называется,—нѣскольکو гидовъ, значить, проводниковъ по-нашему, изъ которыхъ одинъ впереди, а прочіе за нимъ, а всѣ они въ голубыхъ, серебромъ вышитыхъ мундирахъ; за ними двѣ пары гвардейскихъ конныхъ стрѣлковъ съ заряженными и взятыми на изготовку карабинами, а за ними уже, на бѣломъ или чаломъ конѣ въ простомъ темно-синемъ гвардейскомъ стрѣлковомъ мундирѣ съ краснымъ, безъ всякаго шитья, воротникомъ, съ одною только звѣздою на груди и въ небольшой тре-

уголкѣ на головѣ—онъ! за нимъ безъ счета и числа разныхъ генераловъ, адъютантовъ, ординарцевъ съ головы до ногъ въ золотѣ и серебрѣ, а въ заключеніе конвой изъ нѣсколькихъ десятковъ гвардейскихъ конно-егерей и столькихъ же уланъ, которыми обыкновенно и завершается кавалькада.

Точно на наше счастье, едва успѣлъ я окончить свой рассказъ, какъ за воротами грянули барабаны; а это было знакомъ, что императоръ садится на коня. Толпа бросилась къ выходу; насилу успѣлъ я очистить мѣстечко моему старцу. Изъ воротъ выскочилъ предшествующій императору отрядъ тѣлохранителей... Судорожнымъ движеніемъ стиснулъ старецъ мою руку и дрожа, какъ осиновый листъ, съ усиленіемъ простоналъ: «Это онъ! Вотъ оно что! Это онъ!»

Впереди насъ, шага на два, стоялъ солдатъ въ высокой медвѣжьей шапкѣ на головѣ. Мы никакъ не могли догадаться, зачѣмъ онъ здѣсь поставленъ. Но потомъ порѣшили, что вѣрно такъ это и быть должно. Но когда Бонапартъ приблизился къ нему, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, взялъ ружье на караулъ и замеръ... Императоръ остановилъ лошадь... Это было какъ нельзя болѣе на руку моему доброму старцу, ибо теперь онъ могъ видѣть его, что называется око въ око. Императоръ что-то спросилъ солдата, вѣроятно, о томъ, какую имѣетъ просьбу. Солдатъ подалъ ему какую-то надѣтую на штыкъ бумагу. Бонапартъ ее развернулъ и внимательно сталъ читать; въ серединѣ еще было нѣсколько бумагъ, и ихъ всѣ пересматрѣлъ. Еще спрашивалъ о чемъ-то солдата, за снѣгъ, снявъ съ груди одного изъ генераловъ крестъ, нагнулся съ коня, собственно ручно пристегнулъ его солдату... и съ мѣста тронулъ въ галопъ.

Солдатъ, какъ полоумный, заоралъ: «вивъ лямпереръ!»—что по-нашему значить «да здравствуетъ императоръ», какъ мнѣ это перевелъ мой спутникъ, впрочемъ я и самъ давно уже зналъ, что значить этотъ возгласъ, такъ какъ въ послѣдніе дни онъ покрывалъ собою всѣ прочіе звуки. Странно было видѣть этого здоровеннаго усача съ широкимъ шрамомъ черезъ весь лобъ и лицо, который въ какомъ-то изступленіи, не переставая орать во все горло, цѣловалъ свой крестъ, обтиралъ обильно льющіяся слезы и въ то же время, въ припадкѣ безумной радости, хохоталъ и точно сумасшедшій бросался обнимать, какъ собравшихся около него камрадовъ, такъ равно и всѣхъ безъ разбору, кто только ни попадался ему на встрѣчу...

— Ну, идемъ же домой, *reverendissime*,—обратился я къ старцу.— Но тотъ стоялъ точно остолебенѣлый, и не на шутку было испугалъ меня.

— Видѣлъ я его. Да видѣлъ!..—говорилъ онъ самъ съ собою, не обращая на меня никакого вниманія.—Да, видѣлъ его! Вотъ оно что!..

— Идемъ!—повторилъ я...

— А! да!.. идемъ, — очнулся онъ наконецъ; но бѣдный теперь еле ногами могъ двигать, и едва только черезъ полчаса мы доплелись до своего монастыря.

— Что же вы обо всемъ видѣнномъ думаете?—спросилъ я моего reverendissimus'a, давъ ему немного успокоиться и отдохнуть, видя его всецѣло погруженнаго въ размышленія.

— Что думаю?—спрашиваешь ты! Что я думаю? Охъ, этого не выразить словами!!! Прожилъ столько лѣтъ! Видѣлъ на своемъ вѣку столько людей, дѣяній людскихъ, событій, превратностей судьбы, и въ послѣдніе часы моей жизни пришлось увидѣть.... высшую степень напряженія человѣческаго могущества, силы и власти и все это въ одномъ только человѣкѣ!!! Вотъ оно что! Довольно же жить для свѣта!..

— Но, отче, будемъ молить Всевышняго,—перебилъ его я:—чтобы продолжить нашу жизнь, дабы мы могли, по крайней мѣрѣ, еще увидѣть, чѣмъ все это кончится?

— Чѣмъ все это кончится?... чѣмъ все это кончится?—продолжалъ онъ рѣчь свою... Вещи необычайныя необычайно и кончаться должны... Миръ очищается огнемъ, такъ же, какъ желѣзо въ литейномъ горнилѣ. Человѣчество бурлитъ, кипитъ, клокочетъ, плавится и бродитъ... Вотъ оно что!.. Революціи, безбожія, невѣрія, заблужденія, накапливаются и всплываютъ наверхъ въ видѣ грязныхъ, черныхъ и нечистыхъ отбросовъ... Шумятъ и шипятъ они, выбрасываются прочь и будутъ совершенно выброшены... Такою огненною переработкою масса разнородныхъ элементовъ мыслей и чувствъ человѣческихъ очистится и сплавится въ одинъ чистый однородный металлъ, который сольется въ форму древняго Христова креста. Вотъ оно что!

— Немного понять я изъ вашего разсказа, отче!—сказалъ я:—но что же во всемъ этомъ общаго съ Бонапартомъ?

— О! праведная ты голова! Что общаго! Что, говоришь ты, общаго?... Да общее то, что самый онъ-то и есть тотъ великій литейщикъ, который ту руду плавить, размѣшиваешь, отдѣляетъ и подымаетъ вверхъ нечистые шлаки, разжигаетъ и раздуваетъ пламя, и желая не желая, самъ того, можетъ быть, не сознавая, подготавливаетъ матеріалы, которые чистымъ металломъ должны слиться и остыть въ крестовой формѣ. Вотъ оно что! Судьбы Божія не исповѣдимы; это и персть Божія... а, можетъ быть, бичъ Его.... а въ концѣ концовъ все это вмѣстѣ современемъ послужить еще разъ явнымъ подтвержденіемъ того, что одинъ лишь Господь Богъ всемогущъ и всемогущъ.... а человѣкъ, хотя бы и всевластный... Однако у меня въ головѣ начинается что-то путаться. Вотъ оно что! Оставь же меня въ покоѣ съ своими вопросами!.. Господи! Да будетъ воля Твоя.... произнесъ онъ и, поднявъ глаза къ небу, сталъ шептать молитвы, нарушить которыя я не посмѣлъ, хотя и очень интересовался концомъ его пророчества.

Ночью того же дня его не стало.

II.

Не мало прошло лѣтъ со дня смерти моего незабвеннаго благодѣтеля, но и теперь послѣднія минуты его жизни ясно встають въ моей памяти.

Къ вечеру описаннаго мною достопамятнаго дня совсѣмъ почти упали силы моего дорогаго наставника. Ночью, впрочемъ, онъ какъ будто бы нѣсколько успокоился и, казалось, даже заснулъ. Я также тихонько прикурнулъ въ передней кельѣ, готовый по первому звуку явиться къ моему старцу. Около полуночи онъ вдругъ всталъ и такъ внезапно приблизился ко мнѣ, что со сна я даже испугался и былъ не въ силахъ произнести ни одного слова.

— Что это ты, братъ мой, думаешь, что я умеръ?—произнесъ онъ.—Иди же со мною въ церковь! Собралъ остатки силъ, чтобы въ послѣдній разъ предать свой духъ Господу въ домъ Его. Отведи же меня, ибо одинъ не дойду! Вотъ оно что!

— Но, отецъ мой, церковь вѣдь заперта въ эту пору.

— Знаю это, но по дорогѣ постучимъ къ отцу ризничему, разбудимъ его, онъ пойдетъ съ нами и отворитъ намъ церковь со стороны алтаря.

Повелъ я его, и хотя путь проходилъ темными коридорами, но намъ былъ знакомъ, а потому все сдѣлалось такъ, какъ онъ желалъ.

Отецъ ризничій, не то удивленный, не то недовольный внезапнымъ нарушеніемъ его сна, хотя и съ кислой миной, но все же отворилъ намъ церковь, оставя насъ однихъ въ погруженномъ въ глубокой мракъ храмѣ, темноту котораго нарушалъ лишь слабый свѣтъ одиноко мерцающей лампы передъ ликомъ Пресвятой Богородицы.

Старецъ снялъ съ себя единственную свою драгоценность, свой наперсный золотой крестъ, благоговѣнно къ нему приложился, далъ и мнѣ сдѣлать то же и, положивъ его на алтарь, въ жертву Богу, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Помнишь ли ты, братъ мой, ту достопамятную ночь въ Минскѣ, когда я такъ же, какъ и теперь, молился вмѣстѣ съ тобой въ церкви, прося Бога очистить твою душу отъ суеты мірской и склонить ее къ служенію Ему? Вотъ этотъ же полночный часъ повторился, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ... Помолись же теперь и ты со мной, прося Бога, чтобы нынѣ освобождающуюся отъ тлѣнной оболочки душу мою Онъ принялъ на вѣковѣчное Ему служеніе за гробомъ. Вотъ оно что!

Сказавъ это, онъ опустился на колѣна у подножья престола, но, не будучи уже въ силахъ держаться на колѣнахъ, палъ ницъ... Колѣнопреклоненный рядомъ съ нимъ, всѣми чувствами и помы-

плениями души и сердца я обратился къ Господу силъ, въ отчаяніи моля отдалить роковую минуту... но, увы! она уже приближалась... казалось, я точно уже чувствовалъ вѣяніе крыль ангела смерти.

Отецъ ризничій между тѣмъ далъ знать отцу игумену, который неслышно вошелъ въ церковь и тихо опустился рядомъ съ нами на колѣни. Понемногу стала собираться и вся прочая наша братья, искренно любящая и почитающая своего дорогого старца... Оглянувшись на шорохъ, при вспыхнувшемъ огонькѣ единственной лампы, я увидѣлъ всѣхъ нашихъ отцовъ, молча неподвижно колѣнопреклоненныхъ, точно тѣни умершихъ... Дрожь пропла по моему тѣлу, а на душѣ жутко стало... Спустя нѣкоторое время, не слыша болѣе ни шопота, ни вздоховъ старца, коими сопровождалась его молитва, и боясь, чтобы столь долгое лежаніе ничкомъ на холодномъ полу не повредило ему, я привсталъ и, взявъ его за руку, сказалъ: «встаньте, отецъ мой!»...

О Боже! Уже это былъ трупъ! Въ ужасѣ и тоскѣ я пронзительно закричалъ.

Отецъ настоятель и братія бросились ко мнѣ... зажгли огни и освѣтили ими усопшаго. Онъ уже охладѣлъ. Глаза закрыты; но лицо совершенно спокойное, блѣдное, точно спящее, а не мертвое. Да и какъ же иначе и быть могло, когда онъ дѣйствительно почилъ въ Возѣ у Его престола. И плакалъ же я тогда, охъ! какъ плакалъ, такъ плакалъ, какъ никогда еще въ жизни не плакалъ!!!.

Положивъ трупъ на землю и покрывъ его гробовымъ покровомъ, всѣ мы вновь стали вокругъ него на колѣни... и звуки заупокойной молитвы стройно и величественно огласили своды храма... Въ глубокомъ молчаніи братья одинъ за другимъ стали подыматься съ своихъ мѣстъ и неслышно никнуть въ темнотѣ за колоннами храма... при останкахъ моего благодѣтеля остались лишь я, колѣнопреклоненный, молясь за его душу, да догоравшая лампада, мигающій лучъ которой слабо скользилъ по покрову.

По смерти моего благодѣтеля я не въ силахъ былъ дольше оставаться въ Вильнѣ. Тоска по немъ лишила меня здоровья и силъ. Ни ѣсть, ни спать я не могъ. Отецъ игуменъ утѣшалъ меня, чѣмъ и какъ только могъ, освободивъ отъ всѣхъ обязанностей и службы. Однажды, войдя ко мнѣ въ келью, онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующей рѣчью:

— Братъ мой! Грѣшно такъ предаваться горю, это равносильно ропоту на волю Божью. Этимъ я вовсе не хочу сказать, чтобы ты забылъ о своемъ духовномъ отцѣ и благодѣтелѣ. Молись лучше о его душѣ, это съ твоей стороны будетъ наилучшей благодарностью за его благодѣланія къ тебѣ; но ты самъ понимаешь, что въ Вильнѣ,

гдѣ все напоминаетъ о твоёмъ горѣ и о твоей вознагражденной потерѣ, тебѣ трудно будетъ успокоиться. Я поэтому, для твоего же блага, рѣшилъ удалить тебя на нѣкоторое время. Вотъ видишь ли, въ нашемъ монастырѣ въ Беницѣ нуженъ сборщикъ. Отецъ благочинный назначаетъ тебя. Вотъ и предписаніе его. Должность тебѣ знакома, обязанности тебѣ извѣстны и симпатичны. Я надѣюсь, что твое усердіе и долготѣнная опытность дадутъ возможность подняться этой бѣдной обители. Все дѣло только въ томъ, какъ ты туда доберешься? Дать тебѣ нашу монастырскую подводу— это на вѣрную ея потерю, ибо еще и до заставы не дойдешь, какъ твоя телѣга будетъ полна пассажировъ, вѣрнѣе гонора, ее у тебя отнимутъ, когда ты еще не дойдешь до конца города.

— Что объ этомъ толковать, отче,— отвѣтилъ я ему,— не разъ и не два отпраивался я и прежде пѣшкомъ отъ монастыря до монастыря; тѣмъ не менѣе помощью Бога и милосердіемъ встрѣчаемыхъ благодѣтелей мнѣ удавалось почти всегда на хорошихъ экипажахъ добираться до мѣста. Итакъ, завтра тронусь, отче! Сегодня же дозвольте мнѣ еще разъ помолиться на могилѣ моего незабвеннаго отца.

— Зачѣмъ же такъ спѣшить, мой милый? Дѣло терпитъ. Выбери самъ наиболѣе для тебя удобный день; тѣмъ временемъ я еще поговорю съ отцомъ благочиннымъ, расскажу ему всю трудность твоего путешествія, такъ какъ и пѣшкомъ-то не легко туда добраться, ибо по всѣмъ дорогамъ кишмя кишатъ мародеры, грабятъ и обдираютъ.

— Нѣтъ, отче,— отвѣтилъ я,— вы правильно рѣшили, что мнѣ не слѣдуетъ оставаться въ Вильнѣ, ибо самъ чувствую, что я здѣсь даромъ бы ѣлъ хлѣбъ монастырскій, не принося за него какой либо пользы; въ отдаленіи же отъ рокового для меня мѣста мнѣ будетъ легче на сердцѣ, а въ исполненіи своихъ обязанностей, можетъ быть, я найду кое-какое для себя успокоеніе. Итакъ, завтра утромъ рано, принявъ ваше благословеніе, отправлюсь въ путь. Мародеровъ не боюсь. Да и что имъ отъ меня взять? Рясы, вѣдь, надѣюсь, не снимутъ, ибо и она вся въ заплаткахъ.

Утромъ, на другой день, послѣ ранней обѣдни, получивъ напутственное благословеніе отца игумена и одинъ французскій червонецъ на придачу, я, поблагодаривъ его за то и другое, зашелъ проститься къ нашему доброму отцу ризничему, которому оставилъ на сохраненіе, унаслѣдованные мною отъ незабвеннаго моего благодѣтеля, красивую жестянку, полную нюхательнаго табаку, и табакерку изъ накладнаго серебра; другую же его табакерку, простую, берестяную, которая для меня была дороже всякой золотой, ибо это была его любимая, я взялъ съ собой, вкопавъ глубоко въ нее, полученный отъ отца игумена, золотой. Охъ! зачѣмъ я не оставилъ ризничему и моихъ записокъ? Но что дѣлать, привыкнувъ все въ нихъ запи-

сывать, я просто не въ состояннiи былъ съ ними разстаться. Уложивъ все въ мой походный чемоданчикъ и привязавъ его себѣ на плечи, я взявъ палку въ руку и, во имя *Vojsie*, потихонечку, *per pedes apostolorum* пустился въ дорогу.

III.

Бонапартъ въ то время уже выѣхалъ изъ Вильны за своей арміей, которая, подобно наводненію, потекла по направленію къ Дриссѣ. По всѣмъ путямъ и трактамъ, вслѣдъ за войскомъ, брели отсталые, которые, невзирая ни на строгія наказанія, ни на суровыя кары, грабили и безъ всякаго милосердія истребляли все, что только имъ попадалось. Всѣ помѣщичьи усадьбы, деревни и фольварки, не только по трактамъ, но и на нѣсколько миль въ стороны, были дочиста опустошены, а частью и истреблены. Богъ послалъ въ этомъ году особенно обильный урожай, но некому было ни косить, ни убирать.

Не успѣлъ я выйти за заставу, какъ меня нагнали четыре француза. Идемъ рядышкомъ, посматривая другъ на друга. Пройдя такимъ образомъ нѣкоторое время, одинъ изъ нихъ о чемъ-то затараторилъ ко мнѣ по-своему.

Думаю про себя, что вѣдь эти французы, какъ говорятъ, народъ просвѣщенный. Между четырьмя, вѣроятно, хоть одинъ понимаетъ полатыни, а потому, набравшись смѣлости, я обратился къ нимъ:

— *Non intellego linguam gallicam, dic mihi latine, vestra dominatio.*

Посмотрѣли другъ на друга, и снова ко мнѣ пофранцузски.

Отвѣтилъ я имъ на удачу:

— *Ego sum ex conventu Vilenſi Fratrum Minorum, Bienitiam proficiſcor.*

— Бонъ, бонъ, се бонъ, — отозвались они, а потомъ безъ всякихъ церемоній двое изъ нихъ схватили меня за руки, а двое быстро и мигомъ обшарили меня съ головы до ногъ и, увидя, что въ карманахъ пусто, отвязали мой чемоданчикъ и, усѣвшись тутъ же на землѣ, начали штыками отламывать замочекъ.

— Стойте! — крикнулъ я, ужъ не помню на какомъ языкѣ: — денегъ тамъ нѣтъ! — и далъ имъ ключикъ.

— Бонъ, бонъ, се бонъ, — хоромъ произнесли они, похлопавъ въ знакъ одобренія меня по плечу. Живо открыли чемоданчикъ, вытащили и раскидали всѣ бумаги, но, не найдя и тамъ того, что имъ требовалось, швырнули все это на землю, а сами пошли было дальше.

Кое-какъ собравъ мою худобу, увязавъ все это опять за спину, я подумалъ: «ну, теперь, значитъ, я съ ними въ расчетъ, и меня болѣе не тронутъ». Но не тутъ-то было. Черезъ нѣсколько десят-

ковъ шаговъ они опять меня задержали, сняли съ себя два ранца и, не говоря дурного слова, навьючили ихъ на меня. Отбойривался я отъ нихъ, какъ только могъ: кричалъ и порусски, и попольски, и полатыни.

— Non possum, senex et debilis sum! Да что! я имъ свое, а они свое:

— Бонъ, бонъ, се бонъ! Маширъ, камрадъ, маширъ.

И при этой okazji преподносили мнѣ такое убѣдительное доказательство, какъ штыкъ.

Дѣлать было нечего, пришлось покориться. Я подумалъ даже, что, пожалуй, оно и къ лучшему, ибо, таща на своей спинѣ ихъ ранцы, я все-таки буду безопаснѣе подъ ихъ конвоемъ и охраной отъ другихъ, быть можетъ, еще худшихъ, чѣмъ они, камрадовъ.

Что ни часть, то привалъ и смѣна на моемъ хребтѣ ранцевъ; это для того, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ одинаковое облегченіе. Впрочемъ, долженъ сознаться, что на каждомъ привалѣ они угощали меня водкой изъ своихъ манерокъ. И доброй же старинки гдѣ-то добыли эти Иродовы дѣти! Хватилъ съ горя, хотя отъ жары и тяжелой ноши потъ градомъ съ меня катился. Они хохотали, что-то болбоча по-своему, и снова — маширъ, камрадъ! Что было дѣлать!

Такъ дотащились мы до Мѣдниковъ, древней резиденціи великихъ князей литовскихъ, о чемъ напоминаютъ и нынѣ тамъ находящіяся развалины ихъ замка. Я едва двигалъ ногами, несмотря на весьма чувствительныя подбадриванья. Мои спутники, видимо, также устали, а потому и рѣшили здѣсь отдохнуть. Я усѣлся на камнѣ, а они вокругъ меня; достали манерки, опять выпили, а я, открывъ свою тавлинку, предложилъ каждому изъ нихъ табаку. Поюхали, и ну чихать, а я за каждымъ разомъ кричу «ура», а они хохочутъ и «бонъ, камрадъ!». И я также въ душѣ смѣюсь надъ ними:

— Хотя вы и не дураки,—думаю себѣ,—а не угадаете, что у васъ подъ самымъ носомъ, на днѣ табакерки, подъ табакомъ, закопанъ червонецъ. Нюхайте же, нюхайте, а все-таки золотого не нанюхаете. И весело мнѣ... Иду и дружелюбно пересмѣиваюсь съ моими добрыми камрадами, а, право же, они не дурные ребята. Однако же... Что же это они, бездѣльники, съ меня ранцевъ не снимаютъ?

Въ Мѣдникахъ опустошеніе. Усадьба, село, корчма, домъ всендаа—безъ оконъ, безъ дверей. Костель настезъ и тоже весь дочиста обобранъ. Могильные склепы и тѣ даже не пощажены, а гробы раскрыты и опрокинуты. Внутри костела кучи навоза. Безбожники! Домъ Божій превратили въ конюшню. Нигдѣ ни живой души, кромѣ еще нѣсколькихъ откуда-то явившихся камрадовъ. Пять, шесть топчихъ одичалыхъ собакъ бродили, жалобно воя, около брошенныхъ жилищъ, да еще нѣсколько забитыхъ пѣтуховъ перелетали съ крыши

на крышу, громкимъ и побѣднымъ кукареку гордо выражая свой протестъ противъ видимаго ими нарушенія чужой собственности. Но, увы! не дологъ былъ ихъ триумфъ, какъ только гдѣ раздастся кукареку, такъ сейчасъ: «или! пафъ!» и пѣтухъ на землѣ. Кукареку совсѣмъ замолкло; перебили всѣхъ. Откуда-то взявшійся тощій поросенокъ, слышавъ людскіе голоса, выставилъ было нѣ-за-плетня свою любопытную мордочку, но тутъ же и получилъ пулю въ лобъ за свою несвоевременную любознательность. Горшки въ деревнѣ нашлись, а потому рѣшено было варить здѣсь обѣдъ.

Страшно утомленный, я прилежъ на землю. Всѣ снимали свои ранцы. Сняли и съ меня, а вмѣстѣ съ ними сняли мой чемоданчикъ и положили около себя, это для того, чтобы я не убѣжалъ. Какъ же, далеко убѣжишь отъ такихъ молодцовъ, которые пулею сейчасъ же догнать могутъ.

Зажгли костеръ въ чьемъ-то вишневомъ садикѣ и, обратившись ко мнѣ, хоромъ начали кричать:

— Клѣба, клѣба!

— А откуда я вамъ возьму? — крикнулъ я имъ въ отвѣтъ: — нѣтъ клѣба!

— Нѣту клѣба, — печально повторяли они на разные голоса и тутъ же, поднявъ меня, потащили съ собою во дворикъ.

Но напрасенъ былъ нашъ трудъ. Да и можно ли было найти что нибудь съѣстнаго тамъ, гдѣ ужъ тысячи такихъ камрадовъ перебивало. Крутили головами, бранились, вымѣщая свою неудачу на всемъ, что еще уцѣлѣло, и превращая все это въдребезги. Вся наша добыча состояла лишь въ половинкѣ тарелки да сломанныхъ щипцахъ. Каждый изъ нихъ подходилъ ко мнѣ и жалобно повторялъ:

— Нѣту клѣба!

— Ну, да! Нѣту клѣба! — отвѣчала я имъ.

Вернулись съ фуражировки ни съ чѣмъ. Но какое же горе встрѣтило меня по возвращеніи! Я увидѣлъ... что чемоданчикъ мой раскрытъ, а одинъ изъ этихъ еретиковъ преспокойно рветъ мои записки и подкладываетъ подъ дрова, чтобы лучше горѣли! Вырвать я у него изъ рукъ бумагу, которая еще не попала подъ растопку, и, схвативъ свой чемоданчикъ, въ ужасѣ обнаружилъ, что половины моихъ записокъ уже нѣтъ...

Удивленный и озлобленный моимъ смѣлымъ поступкомъ, поджигатель въ началѣ было оторопѣлъ, но, придя въ себя, бросился на меня съ обнаженнымъ тесакомъ, но неожиданно для себя встрѣтилъ заступничество за меня въ своихъ камрадахъ, которые, выхвативъ тесаки, въ свою очередь кинулись на него. Видя, что нѣ-за-моихъ записокъ можетъ пролиться человѣческая кровь, я бросился между дерущимися, чтобы предупредить свалку. Они остановились удивленные, а я тутъ же отдалъ свой чемоданчикъ поджигателю.

Посмотрѣлъ онъ на меня съ удивленіемъ, затѣмъ поставилъ около меня чемоданчикъ, а самъ сѣлъ въ сторонкѣ, поодаль, весьма сконфуженный.

Всѣ же прочіе бросились ко мнѣ, и ну меня обнимать и цѣловать, да такъ, что едва не задушили.

— Бонъ, бонъ, се бонъ! Вивать, камрадъ! — кричали они, какъ сумасшедшіе.

— Эге! — подумалъ я, — люди эти все же понимаютъ честь...

Однако какъ же съ этимъ согласить ихъ грабежи и мародерство? Поразительная и непонятная смѣсь добра и зла!..

И какъ же вкусенъ оказался мнѣ сваренный ими супъ, приправленный рисомъ, который былъ у нихъ въ манеркахъ, и набранною съ огорода зеленью. Впрочемъ, какъ кажется, наилучшею приправою въ данномъ случаѣ былъ нашъ прекрасный аппетитъ, при которомъ всякая ѣда могла показаться райскимъ кушаньемъ. Теперь всѣ они уже относились ко мнѣ съ большимъ почтениемъ, посадили на первое мѣсто и въ знакъ особаго ко мнѣ уваженія предложили серебряную ложку, которую, очевидно, стащили въ какой нибудь барской усадьбѣ.

Когда, пообѣдавъ, мы собирались въ дальнѣйшій путь, я замѣтилъ, что каждый изъ моихъ камрадовъ надѣвалъ на себя свой ранецъ, мой же разоренный чемоданчикъ поджигатель надѣлъ на себя, давъ мнѣ знаками понять, что это онъ дѣлаетъ не ради присвоенія себѣ его, а изъ благодарности за оказанное мною ему заступничество. Я пожалъ ему руку и не хотѣлъ ему этого позволить, но онъ не обратилъ на это никакого вниманія, настоявъ на своемъ, и всю дорогу несъ его на себѣ.

Къ вечеру прибрали мы въ Опшяны, гдѣ ужъ нельзя было грабить, такъ какъ тамъ былъ комендантъ и даже кое-какой порядокъ.

Солдатамъ были даны квартиры, а я на прощаніе собралъ ихъ всѣхъ около себя; вынулъ табакерку, въ послѣдній разъ угостилъ ихъ табакомъ, а затѣмъ, выкопавъ изъ-подъ него червонецъ, показалъ его каждому изъ нихъ... Они посмотрѣли на меня, потомъ другъ на друга и расхохотались отъ чистаго сердца. Размѣнявъ мой золотой, я на цѣлый полтинникъ купилъ знаменитыхъ опшянскихъ бубликовъ и поровну одѣлилъ ими всѣхъ камрадовъ.

— Бонъ, бонъ, камрадъ, — кричали они; а я, получивъ мой чемоданчикъ, отправился ночевать на наше подворье, а на утро съ знакомымъ попутчикомъ, прихожаниномъ нашего монастыря, благополучно добрался до мѣста.

Игуменъ нашего Беницкаго монастыря, когда-то очень давно учитель латинской грамматики въ 1-мъ классѣ духовной семинаріи, увидя меня, страшно обрадовался и, не давъ еще мнѣ выгнать изъ

повозки и сказать слово, первый затрепалъ тоненькимъ голоскомъ, быстро, точно твердилъ заданный урокъ.

— *Salve*, братъ мой, братецъ, братуша! *Salve*. Поѣзжай! Поѣзжай! Поѣзжай сейчасъ! Собирай! Проси! Умоляй, братъ мой, братъ мой, братецъ, братуша! иначе всѣ съ голоду помремъ. Объяли насъ совсѣмъ эти французы... Чтобъ имъ!.. Живемъ на большой дорогѣ... Карауль!.. Когда я былъ еще учителемъ латинской грамматики, маменьки привозили мнѣ пироги, а теперь *panem nostrum quotidianum carum*. Поѣзжай же! бери, что давать будутъ! Птички по зернышку клюютъ и сыты бываютъ! Спасай, братъ мой, братецъ, братуша!.. Всѣхъ нашихъ лошадей позабирали. Поѣзжай!..

— На чемъ же я поѣду, если, какъ вы говорите, всѣхъ лошадей позабирали!

— Оставили одну свою, еле живую клячу. Тощая, запаленная и набитая, но подъ сѣдломъ хорошо ходить. Мажь ее саломъ и поѣзжай, братъ мой, братецъ, братуша!

— Хорошо, но еще имѣется одно *impedimentum grave*.

— *Impedimentum*,—прервалъ меня мой почтенный игумень,— *est generis neutrius. Gravis, grava, gravum vel grave*, хорошо согласовано. *Latine scis, bene et valde bene*. Теперь латыни не услышишь ни за какія деньги, *amantissime fratercule*—то-есть братъ мой, братецъ, братуша! Когда, давно это было, я преподавалъ еще латинскую грамматику, то мои ученики лучше знали полатыни, чѣмъ всѣ нынѣшніе доктора и юристы, что же касается до согласованія *generis masculini cum foeminini*..

— Но, *reverendissime*, не о томъ теперь рѣчь...—прервалъ я его нѣсколько невѣжливо:—*impedimentum grave* состоитъ теперь въ томъ, что какъ же я буду собирать, когда всюду и вездѣ снуютъ мародеры? Если бы и досталъ гдѣ нибудь нѣсколько барановъ или какихъ либо иныхъ припасовъ, то вѣдь ихъ навѣрно у меня отнимутъ. Дай Богъ, чтобы самому-то отъ нихъ цѣлымъ убраться.

— Оврагами, братъ мой, братецъ, братуша! Лѣсами, болотами и пустырями поѣзжай! Доѣзжай, гдѣ и какъ можно. Барана пренодыря я припряталъ въ лѣсу, заѣдешь за нимъ. Спасай же, поѣзжай!..

Видя, что ничего не подѣлаешь съ моимъ голоднымъ игуменомъ, я попелъ на конюшню приготовить въ дорогу, хотя очень мало вѣрилъ въ успѣхъ моей поѣздки.

На другое утро, кое-какъ обрядивъ повозку и заложивъ ее безъ труда большого, куцаго, какъ скелеть, коня, я подѣхалъ къ крыльцу.

— Поѣзжай, поѣзжай, братъ мой, братецъ, братуша!—отозвался изъ окна почтенный учитель грамматики.

— Именно я и прибылъ за вашимъ, *reverendissime*, благословеніемъ въ дорогу.

— Adde, reverendissime pater! Братъ мой, братецъ, братуша! Потому что когда я преподавалъ еще латинскую грамматику, то иначе меня и не называли. А впрочемъ да благословить тебя Богъ, и я благословляю, но смотри, справляйся такъ, чтобы и мы имѣли, что благословлять на столѣ.

— По крайней мѣрѣ, reverendissime, велите мнѣ дать хоть другого возницу. Что я подѣлаю съ этимъ мальченкой? Куда ему меня возить? Кто же будетъ стеречь лошадь, повозку, барановъ... если ихъ Богъ пошлетъ.

— А откуда я тебѣ возьму другого? Тотъ, что прежде возилъ брата Плакиду, смолоду служилъ въ войскѣ. Прострѣленный, какъ сито, весь исполосованный шрамами, притащился онъ къ намъ, еле живой, не вѣсть откуда и пристроился при монастырѣ, прося позволенія остаться при престолѣ Божиѣмъ, какъ онъ заявилъ, яко бы до смерти. Подумалъ я... Богъ съ нимъ — *restat*. При томъ же, когда я его назначилъ въ свѣчную, онъ сразу же сталъ лѣпить отличныя свѣчи. Ну, потомъ вдругъ ему ни съ того, ни съ сего захотѣлось ѣздить съ сборщикомъ... Рясъ же надѣтъ не пожелаешь... а потому на это я ему сказалъ него, потому что, когда я преподавалъ еще латинскую грамматику...

— Но, reverendissime, время не ждеть...

— Ничего это, ничего! Братъ мой, братецъ, братуша! Слушай же дальше! Ну, вотъ уперлись они съ братомъ Плакидомъ. Я имъ свое. Кончилось тѣмъ, что я сказалъ имъ, а они свое. *Concedo*. И хорошо вѣдь вышло, ибо, когда этотъ бывалецъ начиналъ рассказывать вездѣ разныя *mirabilia* своей жизни о краяхъ, гдѣ бывалъ и воевалъ, о баталіяхъ и штурмахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, то брагъ за это барановъ, какъ грибы. Мы бывало сами слушали его, развѣсивъ уши и разинувъ рты, потому что, когда я преподавалъ еще латинскую грамматику, то географію 1-го класса зналъ наизусть, но какъ онъ начнетъ бывало рассказывать, то ни я, да и никто не могли разобратъ и сообразить, въ которой части свѣта онъ бывалъ и воевалъ. Вскорѣ затѣмъ; когда сюда пришли войска, то въ одинъ прекрасный день, то-есть, я хотѣлъ сказать, прескверный день, онъ узналъ своихъ боевыхъ товарищей. Навелъ ихъ полный монастырь. Не грабили они ничего; это грѣхъ сказать; но за то все, что только было, поѣли и выпили дочиста, а намъ *semi-questarius*, схвативъ въ руки ружье, замаршировалъ вмѣстѣ съ ними въ добрый часъ. *Ad felix videndum!* Братъ мой, братецъ братуша! — сказалъ я, на томъ и успокоился. Но безъ него братъ Плакидъ ѣхать не желаетъ, и возницу гдѣ либо найти нельзя. Впрочемъ, все это пустяки. Поѣзжай. Мальчонка твой хоть и малый, но шустрый. Держи только его въ дисциплинѣ и субординаціи, потому что, когда я преподавалъ еще латинскую грамматику, то бывало *corona asinorum* на голову и *flectat*... однажды...

— Vale,—прервалъ я его, усаживаясь на повозку,—reveren-
dissime, vale! Ad felix videndum!

— Поѣзжай! Поѣзжай! Братъ мой, братецъ, братуша! благо-
словляю и ожидаю! Спасай! Ожидаю и благословляю!..

Стукъ колесъ моей повозки заглушилъ дальнѣйшія пожеланія
и благословенія достопочтеннаго игумена.

Выѣхавъ изъ монастыря, я направился по самымъ глухимъ
мѣстамъ, исполнивъ этимъ единственный дѣльный совѣтъ моего про-
стодушнаго отца, преподавателя латинской грамматики, съ которымъ
нелзя было не согласиться, такъ какъ все существовавшее на боль-
шихъ дорогахъ было уже опустошено войной.

Не могу пожаловаться на то, чтобы меня холодно принимали.
Сбитые съ обычной колеи ни о чемъ другомъ не думаютъ и не
говорятъ, какъ только о томъ, что видятъ у себя передъ глазами.
Положеніе же дѣлъ было вообще очень неопредѣленное, тревожное,
а ужъ извѣстно, что когда тревога, то всѣ бѣгутъ къ Богу, а по-
тому не одинъ хозяинъ, видя на своихъ поляхъ прекрасный уро-
жай и желая заручиться помощью Бога, чтобы свезти оный въ
гумно, давалъ обѣтъ пожертвовать и прислать въ монастырь, въ
случаѣ успѣха, денежное пожертвованіе; не одна маменька, ото-
звавъ меня въ сторону, съ слезами совала мнѣ въ руку рублевку
на молебень, чтобы сыночекъ благополучно вернулся съ войны... Но
были и инныя встрѣчи.

Ужъ болѣе сотни верстъ отъѣхавъ я отъ монастыря, когда
вдали увидѣлъ знакомые, по давнимъ воспоминаніямъ, берега Нѣ-
мана и столь же памятную мнѣ барскую усадьбу, владѣльцы ко-
торой двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ такъ радушно и го-
степріимно приняли меня при первомъ выѣздѣ моемъ для сбора
подаяніи. На селѣ я съ горестью узналъ, что давніе господа уже
умерли, а имѣніемъ владѣеть сынъ, котораго я помнилъ еще кро-
шечнымъ мальчикомъ, пожертвовавшимъ мнѣ отъ себя цѣлый зо-
лотой.

Помня все это, я, хотя было уже и поздно и темно, завернулъ
на барскій дворъ. На дворѣ было пусто. Велѣвъ своему мальчонку
поискать конюшни, самъ я направился на свѣтъ, ливнійся изъ
оконъ боковаго флигеля господскаго дома.

Въ снѣгахъ ни души. Прошелъ я еще нѣсколько комнатъ, на-
правляясь на шумъ и раздававшіеся веселые голоса и очутился
въ обширной комнатѣ, передъ большой компаніей, по большей ча-
сти военныхъ, приносившихъ одновременно жертвы и египетскому
фараону и Бахусу, ибо почти передъ каждымъ лежали кучки зо-
лота и карты, и стояли стаканы вина.

— Да прославится имя Господа нашего Иисуса Христа!

— А это еще что за погѣ?!—одновременно раздалось съ обѣихъ сторонъ, но на это ни съ той, ни съ другой не послѣдовало никакого отвѣта.

Я снова повторилъ свое христіанское привѣтствіе, но отвѣтомъ было:— Откуда это тебя сюда черти принесли?

— Ну,—подумалъ я,— и славно же, однако, я попалъ сюда...

— Авъ емь смиренный сборщикъ на монастырь,—сказалъ я,— думалъ, что я попалъ въ христіанскій домъ, но вижу, что ошибся, ибо на христіанское привѣтствіе не получаю никакого отвѣта.

— А, впрочемъ, во вѣки вѣковъ...—отозвался одинъ изъ нихъ,— но кто же тебя пустилъ сюда?

— Никто не впускалъ, вошелъ же я потому, что прежде входъ въ этотъ самый домъ не былъ закрытъ ни для одного нуждающагося человѣка.

— Ну, ну, батка, не сердись! А развѣ ты здѣсь бывалъ когда нибудь?

— Бывалъ, бывалъ, и никогда не забуду того дня, когда я впервые узналъ здѣшняго добраго и богобоязненнаго владѣльца... Вѣчная ему память! Разсчитывалъ, что встрѣчу здѣсь достойнаго отца сына, котораго помню крохотнымъ мальчикомъ, радовавшимъ и отца и всѣхъ, ибо въ младенческой душѣ его и тогда уже сказывались и христіанскія и человѣческія добродѣтели, но очевидно, что его нѣтъ здѣсь, а потому на прощаніе еще разъ...

— Стой, батя!—произнесъ, вставая и бросая карты, видный офицеръ, въ богатомъ вышитомъ серебромъ гусарскомъ мундирѣ.— Я сынъ бывшаго владѣльца и теперь самъ владѣлецъ этого дома...

— Да, да,—добавилъ одинъ изъ подвыпившихъ гостей, поднимая стаканъ,—это нашъ полковникъ и графъ... Ну, бей же челомъ, погѣ! Не то окроплю твой лобъ!

— Что же, легко можешь учинить это, благодѣтель мой, ибо держишь полный стаканъ, а самъ, какъ я вижу, ужъ достаточно таки... накропился.

— Bravo!—крикнули всѣ.—Что получилъ за свое? И по дѣломъ! Въ наказаніе тебѣ окропи же его, то-есть, предложи ему свой стаканъ.

Но мнѣ было не до вина. Я съ участіемъ и вниманіемъ глядѣлъ на молодого хозяина, онъ же не то съ любопытствомъ, не то смущенный разглядывалъ меня.

— Вы говорите, знали меня еще ребенкомъ?—спросилъ графъ.

— Зналъ ли я? Да, зналъ! Зналъ и помню, тогда вы еще имѣли около себя двухъ наставниковъ: одного представителя неба, почтеннаго отца Ефима, а другого—представителя ада—француза. О! который же изъ нихъ побѣдилъ?

— Да,—произнесъ онъ задумчиво,—припоминаю, дѣйствительно, тогда былъ при мнѣ какой-то фанатикъ... а впрочемъ... можетъ быть, былъ онъ и достойный человѣкъ... умеръ уже...

— Да, но благодаря этому, какъ вы его назвали, фанатику,— прервалъ я его,—ваше младенческое сердце и тогда уже имѣло наклонность ко всему доброму и честному. Пожертвовали вы тогда мнѣ изъ своихъ сбереженій червонецъ, который я со слезами и благословеніемъ принялъ.

— Что же!.. Отче! Если нынѣ считаете меня немилосерднымъ, то вотъ вамъ еще десятокъ такихъ же самыхъ золотыхъ,—сказалъ онъ, взявъ ихъ изъ кучки золота на столѣ.

— Милостивецъ мой!—сказалъ я,—если бы вы мнѣ даже отдали все то золото, что лежитъ здѣсь на столѣ, то и тогда бы въ глазахъ моихъ оно имѣло бы менѣе цѣны, чѣмъ тогдашній червонецъ. Понимаете ли вы почему?

Графъ ничего не отвѣтилъ, но было видно, что слова мои глубоко и болѣзненно затронули струны его сердца. Пройдясь задумчиво нѣсколько разъ по комнатѣ, онъ, какъ бы пересиливая себя, внезапно обратился ко мнѣ со словами:

— Капризничаете, отче! Что было, то было... прошло... червонцы же, какъ тогда, такъ и теперь, всегда одинаковы.

Возгласъ денщика: купать подано!—прервалъ нашъ разговоръ.

— Милости прошу,—произнесъ хозяинъ,—поужинать въ нашей компаніи—миска борща при стаканѣ добраго вина авось помогутъ намъ лучше разобратъся въ нашихъ воспоминаніяхъ... и смягчатъ ихъ... Идемъ же!

Усѣлись! Всѣ ѣли и особенно пили съ аппетитомъ. Доброе вино восстановило веселость и развязало языки. Мнѣ же было не до ѣды. Я сосредоточенно молчалъ, думая совсѣмъ о другомъ, и даже, кажется, не отвѣтилъ на нѣсколько обращенныхъ гостями ко мнѣ задорныхъ вопросовъ. Мое молчаніе среди общаго шума и говора, очевидно, большинству было не по сердцу, и вотъ одинъ изъ нихъ, тотъ самый задира, который хотѣлъ было меня окропить, сильно таки заплетавшимся голосомъ закричалъ:

— Однако же, что же это нашъ попъ все молчитъ! А ну-ка! загну же я его изъ богословія! Скажи ты намъ: а гдѣ у человѣка душа сидитъ?

Я вздрогнулъ, какъ отъ удара. Дерзкій тонъ возмутилъ меня.— А ну, стой же! Я же тебя срѣжу,—подумалъ я.

— У солдата,—отвѣтилъ я ему,—который держитъ въ рукахъ не оружіе, а рюмку, душа сидитъ въ пяткахъ.

Большинство такъ и прыснуло со смѣху; нѣкоторые же надулись, сконфуженно поглядывая другъ на друга, а вопрошавшій яростно вскочилъ и, хотя ноги ему не вполне повиновались, обратившись ко мнѣ, грозно закричалъ:

— Слушай ты, чортовъ попъ! Прошу не забываться! А не то твою собственную душу вышибу изъ твоего поповскаго тѣла.

— «Ну,—подумалъ я,—лучше убраться отсюда подобру да по-

здорову, а то, пожалуй, еще и въ самомъ дѣлѣ накладываютъ въ за-
гровку»,—и съ этими мыслями я потихоньку началъ было пятиться
къ двери, но меня остановилъ самъ хозяинъ.

— Куда? подождите, отецъ мой!—произнесъ онъ, загоразивая
мнѣ дорогу,—куда бѣжите? Или этимъ хотите показать, что и у
васъ душа въ пяткахъ? Извиняю васъ за шутку и извиняюсь пе-
редъ вами за моихъ гостей. Будьте увѣрены, что когда нужно, то
и мы съ оружіемъ въ рукахъ не посраимъ чести нашего мундира..
Не бойтесь... Въ моемъ домѣ никто васъ пальцемъ не посмѣетъ
тронуть. А ты,—прибавилъ онъ, обращаясь въ сторону самозван-
наго богослова:—сиди и пей! Не знаешь богословія, ну, и не суйся.
Ты получилъ за свое по заслугамъ, а изъ-за тебя и намъ за ком-
панію влетѣло. Но не о томъ рѣчь, гдѣ душа сидитъ, а о томъ:
есть ли душа у человѣка. А ну-ка? Не можете намъ отвѣтить?
Если докажете намъ, что у человѣка есть душа, то сейчасъ же
прикажу вамъ выдать десять барановъ, или лучше десять червон-
цевъ, такъ какъ, вѣроятно, во всемъ имѣніи и пяти барановъ не
наберется; всѣхъ поѣла французская саранча.

— Ну, что же? Или не хватаетъ тебя на отвѣтъ?—поддразни-
вали меня.

— Милостивые господа,—произнесъ я,—сегодня намъ всѣмъ не
до словопреній; особенно же о такомъ важномъ предметѣ. Завтра
постараюсь отвѣтить на вашъ вопросъ, а на сегодня всѣмъ бы
вамъ посовѣтовалъ оставить идолослуженіе Бахусу, ибо это божокъ
языческій, а лучше лечь спать, чтобы хоть, по крайней мѣрѣ,
завтра съ душами встать.

— Ну, ладно. Дозавтра, такъ дозавтра,—произнесъ хозяинъ,—
пусть будетъ такъ.

Выйдя изъ зала, тщетно искалъ я ночлега, но такъ какъ никто
мнѣ такового не указывалъ, и вообще обо мнѣ не заботился, то я
и легъ на первомъ попавшемся диванѣ и спокойно проспалъ до
утра. Утромъ, проснувшись и помолившись Богу, я зашелъ въ ко-
нюшню провѣдать мою повозку и моего мальчугана-кучера, кото-
рыхъ не безъ труда отыскалъ, а затѣмъ, возвратившись въ домъ,
я увидѣлъ на крыльцѣ уже вставшаго полковника или графа и всю
его вчерашнюю компанію въ сборѣ.

— Доброга утра,—произнесъ онъ, завидѣвъ меня издали,—а по-
жалуйте-ка къ намъ.

Подойдя къ крыльцу и отдавъ поклонъ, я замѣтилъ, что мой
хозяинъ-полковникъ что-то не по себѣ. Блѣдность его лица, не то
грустное, не то утомленное какъ будто бы его выраженіе какъ-то
невольно вызвали съ моей стороны вопросъ:

— Ужь, не больны ли вы, благодѣтель мой?..

— Почему вы это думаете?

— Да потому, что кажетесь и блѣднымъ и усталымъ, сравнительно со вчерашнимъ днемъ.

— Быть можетъ,—отвѣтилъ онъ,—не совсѣмъ себя хорошо чувствую. Дурно спалъ, вѣрнѣе, вовсе не спалъ. Кошмаръ какой-то все душилъ меня. Вѣроятно, вино, а, можетъ быть, и внезапное прибытіе ваше, отецъ мой, было тому причиною, а вѣрнѣе всего, что и то и другое вмѣстѣ. Видѣлъ себя на днѣ какой-то пропасти. Змѣи, гады и какія-то страшилища вились и кипѣли вокругъ меня... Потомъ будто бы плыть я по какому-то морю; лодка опрокинулась, и я пошелъ ко дну, но не утонулъ, а чувствовалъ себя живымъ на днѣ моря, и точно въ какомъ-то прозрачномъ кристаллѣ... видѣлъ сквозь него все далеко, далеко. Тысячи, сотни тысячъ, миллионы видѣній, самыхъ разнообразныхъ, бѣлыхъ, сѣрыхъ, прозрачныхъ, мутныхъ, окружали меня со всѣхъ сторонъ, то появляясь, то исчезаая вдали, а съ ними волнами уносился и я, то погружаясь въ глубину, то вновь поднимаясь на поверхность. Хваталъ я множество какихъ-то рукъ, протягивавшихся ко мнѣ, точно для спасенія, но эти руки были всѣ изъ морской пѣны... Проснулся я наконецъ, и хотя во снѣ находился въ водѣ, но наяву (да и какая же это явь?) голова моя пылала, и грудь давила точно какой-то огромный камень. Ни глазъ не въ силахъ былъ открыть, ни очнуться вполнѣ не могъ. Силился приподняться, чтобы стряхнуть этотъ тяжкій кошмаръ, но чувствовалъ себя совершенно безсильнымъ. Снова овладѣлъ мною тяжелый, гнетущій сонъ. Увидѣлъ я себя одного въ какомъ-то огромномъ, пустомъ и темномъ храмѣ... хотя въ то же время вокругъ меня слышался какой-то странный шопотъ невидимыхъ существъ... Потомъ вдали, гдѣ-то далеко, далеко, отозвался аккордъ колоколовъ; храмъ вдругъ озарился блѣднымъ свѣтомъ, и подъ сводами его печально пронеслись стройные звуки погребальнаго хора, а изъ-за каждой колонны стали появляться какія-то бѣлыя тѣни, въ числѣ которыхъ я тотчасъ узналъ и отца и мать... хотѣлъ было я броситься къ нимъ, но былъ точно прикованъ къ мѣсту... При другихъ колоннахъ стояли какія-то другія тѣни... Были и вы, отецъ мой, въ видѣ пастыря добраго, имѣя около себя ягненка съ крестомъ... былъ и давній мой наставникъ, покойный отецъ Ефимъ... Взоры всѣхъ, особенно же родителей моихъ, были съ упрекомъ направлены въ меня и жгли меня насквозь... Страшно было состояніе мое... Чувствовалъ, что самъ каменью... Только подъ утро могъ спокойно заснуть.

— Дивный сонъ,—сказалъ я,—какъ знать, ужъ не въ предостереженіе ли онъ вамъ.

Полковникъ задумчиво молчалъ...

— Предостереженіе—да!—отвѣтилъ вчерашній мой кропитель,—предостереженіе, что мѣшать напитокомъ не слѣдуетъ. Шампанское шумить, а испанское кидаетъ и давитъ. Вы вчера, по уходѣ попа,

наслуя себя, или попеременно то одно, то другое, точно желая утопить и память и соображеніе. Ну, и вотъ: во снѣ утонули въ шумящемъ морѣ, волны котораго кидали васъ то вверхъ то внизъ. Ха! ха! ха! А развѣ я не хорошо объясняю сны? Живи я во времена Фараона, навѣрное былъ бы вторымъ Іосифомъ.

— Прекрасно! Если ужъ вы такой отличный снотолкователь, то, можетъ быть, и мнѣ объясните мой сонъ? Ибо и онъ не менѣе странный,—обратился я къ нему.

— Какъ такъ? и вы видѣли сонъ?—обратился ко мнѣ хозяинъ.

— Да,—отвѣтилъ я,—и даже мой сонъ имѣетъ много общаго съ вашимъ.

— Такъ рассказывайте же,—отозвались всѣ, видимо заинтересованные.—Слушаемъ.

— Ну, такъ вотъ. Былъ я въ аду. Какъ ужъ туда я попалъ, право, не могу объяснить, да и не буду утруждать васъ подробнымъ описаніемъ всего того, что я тамъ видѣлъ, ибо со временемъ и сами вы все это отлично увидите и узнаете, когда тамъ будете.

— А откуда, батъка, такая увѣренность, что мы всѣ тамъ должны быть?—обиженно отозвался толкователь сновъ.

— Какова заслуга, такова и награда,—отвѣтилъ я ему,—но не о томъ теперь рѣчь. Довольно того, что, осматривая котлы, въ которыхъ жарятъ въ смолѣ грѣшниковъ, какъ оладьи въ салѣ, я вдругъ услышалъ, что кто-то зоветъ меня по имени, умоляя о помощи. Оборачиваясь на голосъ, думаю, кто бы это могъ быть здѣсь изъ моихъ знакомыхъ, и къ удивленію вижу... кого бы вы думали?—Вашего отца! Сидитъ бѣдный по шею въ смолѣ; а французъ, вапъ бывший учитель, который исполняетъ въ аду обязанности истопника, то поддуваетъ огонь, то мѣпаетъ и подливаетъ смолу, точь въ точь, какъ старательный поваръ на кухнѣ, и при этомъ еще насмѣхается надъ вашимъ бѣднымъ отцомъ. Чѣмъ же я могу вамъ помочь, благодѣтель мой! Но за какіе же грѣхи, однако, вы, всегда такой добрый и милосердный, сюда попали? За сына моего,—отвѣтилъ онъ съ глубокой горестью,—онъ меня сюда засадилъ за то, что, пренебрегая совѣтами умныхъ и доброжелательныхъ людей, я далъ ему воспитателемъ вотъ этого самаго воплощеннаго дьявола француза, который меня теперь мучитъ и который испортилъ его сердце, посѣявъ въ немъ начала дурнаго. Какъ только сынъ мой сдѣлаетъ на землѣ что либо нехорошее или богопротивное, такъ сейчасъ же этотъ самый его бывший воспитатель и вольетъ ко мнѣ въ котелъ лишнее ведро смолы и подброситъ лишнюю охапку дровъ...

— Не правда! Никогда не можетъ быть этого,—прервалъ меня полковникъ, бросая трубку, которую куритъ,—мой отецъ былъ достойный человекъ, имѣлъ богобоязненную душу и навѣрное теперь не въ аду, а на небѣ.

— А имѣлъ душу! На небѣ... значить...

— Значить то, что душа у человѣка есть, и я проигралъ закладъ,—вновь прервалъ меня успокоившійся полковникъ:—съ удовольствіемъ сознаюсь въ этомъ и плачу мой проигрышъ.

— Bravo, батя!—крикнула, какъ одинъ, вся компанія.—Вотъ такъ доказалъ!

— Но это еще не все, государи мои, мало того, чтобы имѣть душу, но надо еще имѣть душу добрую, высокую, честную и христіанскую... Итакъ, кто такую имѣетъ, тотъ можетъ дать мнѣ на монастырь... но кто такой не имѣетъ, тотъ лучше пусть ничего не даетъ, ибо предупреждаю, отъ животныхъ ничего не приму.

Взглянули всѣ другъ на друга, расхохотались до упаду и разомъ вынули свои кошельки. Полковникъ далъ мнѣ еще десять золотыхъ, а всѣ остальные каждый по нѣскольку, такъ что сразу образовалась порядочная сумма, съ которою я могъ уже смѣло возвратиться въ монастырь.

IV.

Закопавъ свое золото и рублики поглубже въ табакерку, по опыту зная, что это мѣсто надежное, ибо хотя носы мародеровъ по части табаку и се болѣ! но, что подъ нимъ закопано, пронюхать не могутъ, я потихоньку направилъ свои оглобли въ Беницу. Барановъ также набралось нѣсколько штукъ, и я надѣялся ихъ въ цѣлости доставить моему почтенному преподавателю латинской грамматики.

Когда я миновалъ Крево и поднялся на пригорокъ, моимъ глазамъ неожиданно представилось невиданное еще мною зрѣлище. Насколько глазъ могъ охватить, все пространство было густо покрыто небольшими, меньшими, чѣмъ помѣщичьи, но болѣшими, чѣмъ крестьянскіе, двориками. Вездѣ и всюду садики. Домики все чистенькіе, аккуратные; передъ большинствомъ изъ нихъ—пруды. Въ серединѣ на горкѣ возвышалась какая-то странная постройка, не то церковь, не то часовня, съ тонкой и острой, какъ шило, башенкой. Удивился я еще болѣе, когда увидѣлъ, что на концѣ башенки не крестъ, а полумѣсяцъ.

— Это что же такое?—спросилъ я моего возницу.

— Это? А это Лостае, значить и Беница близко.

— А что это за Лостае?

— Это татарская околица, здѣсь живутъ татары, вотъ усадьба ротмистра улана Малюшицкаго, а та поручика Туганъ-Барановскаго, вотъ та, что при мечети, это ихъ муллы, а вотъ эта, мимо которой сейчасъ поѣдемъ, такъ эта самага наибольшаго и наистаршаго ихъ мирзы, господина майора Амурата Бѣляка. Мы съ отцомъ частенько таки бывали здѣсь на работѣ, покуда онъ меня въ монастырь не отдалъ.

— «Ну!—подумалъ я,—не стоить забѣгать къ мусульманамъ... а вотому крикнулъ мальчику:

— Мимо! — но въ это время на встрѣчу намъ показався самъ майоръ Амуратъ и крикнулъ:—стой!

— Да прославится... добраго утра, то-есть...—скомфузилась я.

— Во вѣки вѣковъ... Добро пожаловать, — отвѣтилъ улыбаясь майоръ.—А почему это, батя, обязываете своихъ добрыхъ сосѣдей? Вѣроятно, вѣдь изъ Беницы?

— Тороплюсь,—отвѣтилъ я путаясь,—спѣшу въ монастырь.

— Сочиняешь, батя! Вижу, что вы новичекъ въ нашей сторонѣ, ибо и самъ васъ впервые вижу, а не забѣгаете къ татарамъ, думая, что мусульманамъ запретъ перечь твоиго носогъ ворота и скажетъ: гайда! Но ошибаетесь. Ваши предѣстники никогда не жили нашь, мы также никогда не обязываемъ вашего монастыря. На томъ свѣтѣ разсудимся о вѣрѣ, а на этомъ лучше будетъ жить пососѣдски и поприятельски. Забѣгайте же ко мнѣ и увидите, что татарскіе колдуны вполне достойны монашескаго чрева.

Полдень приближался; апетитъ у меня всегда хорошій, при томъ же... какъ бы нарочно, я очень люблю колдуны... Пришло мнѣ было на умъ, что у нихъ тамъ и жеребятинка, будто бы, иногда идетъ въ начинку, однако же, не особенно этому вѣри и не желая обижать отказомъ такому искреннему, радушному приглашенію, я велѣлъ заворачивать въ ворота.

На видъ майору Амурату могло быть лѣтъ за пятьдесятъ. Весь лысый, усы огромные, сѣдые, висячіе, лице смуглое, симпатичное, глаза умные и привѣтливые. Одѣтъ онъ былъ въ нѣчто въ родѣ военнаго мундира, а въ рукѣ держалъ охотничій арапникъ.

— Гей! Айша!—крикнулъ майоръ, входя въ сѣни; на зовъ его выбѣжала молоденькая и для татарки очень хорошенькая дѣвушка; увидя посторонняго, она сперва было сконфузилась.

— Рекомендую, моя единственная дочурка!—произнесъ майоръ.

— Не бойся же, дочка! Видишь, Богъ послалъ намъ гостя, а потому всыпь въ кастрюлю еще копу колдуновъ. А тѣмъ временемъ мы клюкнемъ водочки. Магометъ намъ, видите ли, запретилъ пить вино, ну, а о водочкѣ въ коранѣ цытъ, и вотъ мы вину даемъ квитиъ, а трубочку да водочку тянемъ себѣ полегоньку. Проншу васъ въ мою комнату, ибо тамъ налѣво по нашему klauzura, а по-нашему гаремъ.

— Какъ такъ! — спросилъ я.—Развѣ вы держите гаремъ?

— Ого! Что испугался, батя! А если бы и впрямь держалъ, кому до этого дѣло? Вѣдь, если бы ты въ моиъ глазахъ ѣлъ свинину, я бы ничего на это не сказалъ? Впрочемъ, успокойся! мы также давно уже пришли къ убѣжденію, что часто и съ одною женою трудно дойти до ладу, а что же было бы тогда, если бы ихъ была

цѣлая дюжина? Тамъ комната моеѣ дочери и болѣе ничего, а самъ я вдовець.

Вошли мы въ комнату майора Амурата. Комната чистая, обширная. Посрединѣ дубовый столъ. Кругомъ покрытыя коврами широкія лавки. Въ углу кровать. Надъ кроватью на стѣнѣ многое множество всякаго и военнаго и охотничьяго оружія, между которымъ обратилъ мое вниманіе какой-то стародавній лукъ, который я съ любопытствомъ и началъ разсматривать.

— А что, батя, любишь оружіемъ, которымъ предки моя воевали? Да! да! это самая драгоценнѣйшая напа реликвія, это лукъ нашего родоначальника Кара Мирзы, который долгое время воевалъ противъ Литвы, но въ одной изъ битвъ, весь покрытый анами, со всею своею ордою попалъ въ плѣнъ къ великому князю Витольду. Благородный и великодушный князь порыцарски обошелся со своими плѣнниками и, наградивъ ихъ землею, расселилъ по разнымъ мѣстамъ своего государства. Нѣкоторые изъ насъ поселились въ Трокахъ, другіе около Вильны, а мой предокъ Кара Мирза получилъ землю здѣсь въ Лостаѣ, но при этомъ князь Витольдъ такъ полюбилъ моего предка, что назвалъ его Бѣлякомъ, вмѣсто Кара, что потатарски значитъ Черный. И служилъ же ему послѣ того Бѣлякъ во всѣхъ походахъ и бояхъ, давая все новые и новые доводы вѣрности и мужества и снискивая все большія и большія милости князя. Давно уже это было, братъ мой, можетъ быть, лѣтъ четырехста тому назадъ, а то и болѣе. Татарское племя размножилось по Литвѣ и всегда честно служило своимъ государямъ и родинѣ. И вотъ мы, потомки, какъ зѣницу ока, хранимъ и передаемъ изъ рода въ родъ вмѣстѣ съ пожалованной землей и оружіе нашихъ предковъ. Вотъ и лукъ этотъ, какъ наибольшая напа драгоценность, переходитъ отъ отца къ сыну, и ни одинъ Бѣлякъ ни за какіе миліоны его никому не отдастъ. Хозяйство у насъ маленькое, не богатое; часто на байрамъ послѣдняя корова идетъ подъ ножъ, но тѣмъ не менѣе никто себѣ по носу играть не позволитъ, каждый изъ татаръ смолоду понюхалъ пороху, а труса или пьяницу мы бы сами съ турецкимъ абшидомъ выгнали бы изъ околицы, и ни одна татарка не согласилась бы взять его себѣ въ мужья.

Во время этого разсказа майоръ досталъ съ полки флягу съ водкой и, наливъ до краевъ большую чару и обращаясь ко мнѣ, произнесъ: *tacto pectore*.

— *Tacto pectore!* это еще что?—спросилъ я его:—откуда вы это знаете?

— Изъ устъ достойныхъ людей, другъ мой! Ибо хотя почти всѣ мы въ школѣ не бывали, розги не видали, но хорошимъ пословицамъ и поговоркамъ учимся и сами и наследуемъ ихъ отъ отцовъ нашихъ, которые хотя также латыни никогда не учились, но если

бы кто изъ нихъ или изъ насъ, положивъ руку на сердце, сказать: *tacto rectore*, то все одно, что какъ бы на главѣ самого Магомета присягнуть. Пейте же, отче! ибо сквозь стѣну уже слышу, какъ бурлятъ колдуны въ укрогѣ.

Въ ту же минуту въ комнату вошла молоденькая хозяйка, а за нею служанка, неся большую миску съ дымящимися колдунами. Вкусный, ароматный запахъ разнесся по всей комнатѣ. Засѣли мы только вдвоемъ, такъ какъ, по обычаю татаръ, женскій полъ съ мужчинами обѣдать не садится, а прислуживаетъ имъ, какъ бы своимъ господамъ.

И что за прелесть были эти колдуны! Чѣмъ больше ѣлось, тѣмъ больше хотѣлось, тѣмъ они казались вкуснѣе; ни нахвалиться, ни наѣсться положительно ими не могъ, тѣмъ паче, что хозяйникъ просьбой и пригѣромъ еще больше заохачивалъ. Миска между тѣмъ опустѣла; еще залили водочкой. Подали слѣдующія блюда. Да развѣ пойдесть что либо на умъ и въ ротъ послѣ такихъ чудныхъ колдуновъ!!

Вставъ отъ стола, помолившись Богу каждый по-своему и поблагодаривъ взаимно другъ друга, оба, отяжелѣвъ послѣ такого вкуснаго обѣда, отправились мы вмѣстѣ на сѣноваль отдохнуть на свѣжемъ сѣнѣ. Уже солнце сильно склонилось къ западу, когда мы пробудились отъ сладкаго сна.

— Ну, батя, теперь для начала нашего знакомства я дамъ вамъ славнаго барана, — сказалъ майоръ.

— Какъ такъ? Да развѣ у васъ здѣсь на Лостаѣ еще не побывали мародеры?

— Ого! какъ не такъ! Такъ близко живемъ отъ главнаго пути, да чтобы они не сдѣлали намъ визита. Какъ же! какъ же! Дождался и я старыхъ знакомыхъ, ибо хорошо познакомился съ французами въ прошлыхъ войнахъ, знаю и я ихъ, знаютъ и они меня. Ну, и приняли же мы ихъ здѣсь, какъ слѣдуетъ: потатарски да посолдатски. Нашла коса на камень, вѣрнѣе, попали ихъ ружья и штыки на наши винтовки, сабли и пистолеты. Слухи о безчинствахъ, творимыхъ по сосѣдству этими непрощенными гостями, давно уже доходили до насъ, а потому мы каждую минуту готовы были оказать имъ пріемъ. Наконецъ, и пожаловали они къ намъ. Всѣ мы быстро собрались на окраинѣ нашей околицы, одѣтые въ наши отставные мундиры и вооруженные съ ногъ до головы. Было ихъ до сотни, насъ же было до тридцати. Съ нами вмѣстѣ было еще столько же крестьянъ, которые явились, кто съ чѣмъ могъ, съ топоромъ, съ вилами, кое-кто и съ ружьями, а нѣкоторые такъ и просто съ добрыми дубинами. Мародеры везли съ собой цѣлый обозъ. Нѣсколько десятковъ повозокъ тащили награбленное добро и ихъ ранцы. Приблизившись къ околицѣ и внезапно увидѣвъ насъ, они было замаялись, очевидно, боясь втянуться въ улицу. Наконецъ,

надумавшись, варадивши ружья и сомкнувшись, двинулись они на насъ; а я съ своимъ отрядомъ, взявъ двухстволки на перевѣсъ, пошелъ въ свою очередь на нихъ.

— *Ces les russes!* — крикнули они, подымая на прицѣлъ свои ружья.

— *Ces les tartares!* — закричалъ я въ отвѣтъ, также изготовивъ отрядъ къ пальбѣ.

Французы въ недоумѣніи опустили ружья, смотря то на насъ, то на себя; мы же, не давая имъ очухаться, мигомъ винтовки за плечи, въ одной рукѣ сабля, а въ другой пистолеть, и на нихъ; въ ту же минуту по моему свистку и моя крестьянская засада бросилась изъ ржи и конопли съ дикимъ визгомъ на нихъ съ другой стороны. Не было имъ времени ни выстрѣлить, ни примкнуть штыковъ, такъ какъ у каждого изъ нихъ былъ или пистолеть у груди, или сабля надъ головой.

— *Пардонъ! или капуть!* — крикнулъ я, и, если бы кто нибудь изъ нихъ хоть пальцемъ иневельнулъ въ то время, то навѣрно или бы лишился головы, или получилъ бы пулю въ сердце. Неожидавшіе такого внезапнаго отпора мародеры мгновенно побросали оружіе. Забравъ обовъ и оружіе, я велѣлъ перевязать этихъ храбрыхъ воиновъ и подъ конвоемъ отправилъ ихъ въ Опшяны. Награбленное же имущество поразбирали сосѣди, каждый свое. Было послѣ того и еще нѣсколько стычекъ, и всякій разъ съ успѣхомъ для насъ. Въ одной изъ нихъ я своею отцовской дамасской шашкой перерубилъ пару штыковъ, какъ пару сальныхъ свѣчей, что привело въ ужасъ и изумленіе французовъ. Въ концѣ концовъ оставили таки они насъ въ покоѣ, къ счастью и для себя и для насъ, а для насъ, отецъ мой, въ особенности, ибо иначе я не могъ бы сегодня дать вамъ барана.

— А покажите-ка, милостивецъ мой, — сказалъ я по возвращеніи въ комнату, гдѣ юная Айпа уже наливала намъ кофе, — ту самую отцовскую сабельку, которою вы перерубаете штыки, точно сальныя свѣчи?

— Эге! А откуда это у монаха можетъ быть такая склонность къ оружію?

— Что же вы думаете? Полагаю, вѣдь не родился же я монахомъ. Было время, и я на боку носилъ саблю, — отвѣтилъ я, нѣсколько обиженный.

— Ну, вотъ смотрите, если нравится, — сказалъ онъ, снимая со стѣны и обнажая саблю: — это мое наслѣдство послѣ моего отца, извѣстнаго и вамъ, генерала Вѣляка. Достояна она висѣтъ рядомъ съ лукомъ Кара-Мирзы, ибо была въ рукахъ его прямого потомка.

— Да! — произнесъ я, любуясь чуднымъ оружіемъ, — клинокъ замѣчательный, настоящій татарскій, но оправа — наша.

— Да, братъ мой, — отвѣтилъ майоръ Амурать, — какія сабли носимъ мы при бодрѣ, таковы же и мы сами.

Не понявъ ничего изъ его отвѣта, я съ недоумѣніемъ смотрѣлъ ему въ глаза, которые внезапно засвѣтились огнемъ и одушевленіемъ...

— Да, именно татарское правое и огненное сердце — это клинокъ; прямаи же душа и голова — это оправа. Теперь поняли?

Въ эту минуту мулла зарычалъ на башенкѣ мечети. Почтенный майоръ отправился на молитву, а я, простившись и поблагодаривъ радушнаго хозяина, — въ путь.

Уже за вечерѣло, когда, наконецъ, я выбрался отъ этого почтеннаго и гостепріимнаго мусульманина. До монастыря осталось всего какихъ нибудь полторы мили. Я надѣялся сдѣлать конецъ моего пути благополучно. Одно лишь меня смущало, это нѣсколько верстъ по большой дорогѣ. Что, если вдругъ, не дай Богъ, опять встрѣчусь съ какимъ нибудь се бонъ камрадъ? Одна минута, и меня освободятъ отъ всего сбора, а главное отъ всѣхъ моихъ барановъ. Что же касается золота — это еще дудки! кукишъ получать.

Въ тревогѣ, часто привставая на своей повозкѣ, я внимательно, точно журавль, всматривался во всѣ стороны. Выѣхали наконецъ и на большой трактъ. Вдали уже показался куполь нашего монастыря. Ну, думаю, слава тебѣ, Господи! Подъѣзжаю далѣе къ какой-то брошенной корчмѣ... какъ вдругъ изъ нея высыпало на дорогу нѣсколько десятковъ камрадовъ и прямо ко мнѣ. — Прощайте, мои бараны!!!

Въ одно мгновеніе переводыръ и нѣсколько его товарищей по стаду легли тутъ же, закончивъ свою жизнь на штыкахъ грабителей. Бѣдный, злополучный, честный мой переводыръ! Обладая вовсе не бараньимъ умомъ, привыкъ онъ ко мнѣ и всегда отъивался веселымъ блянніемъ на данную ему мною кличку Іона. Какъ же сжалось мое сердце, когда я услышалъ его предсмертное, жалобное блянніе! Во всѣхъ монастыряхъ, гдѣ я находился, оставлялъ я по себѣ прекрасно вправленныхъ въ дѣло переводырей, и часто они одни только и были моими искренними друзьями, которыхъ, уходя, я оставлялъ съ сожалѣніемъ.

Съ шумомъ и гамомъ сволокли меня грабители съ повозки и втащили въ пустую корчму. Вслѣдъ затѣмъ началась подробная ревизія: сперва повозки, а потомъ и моей собственной особы.

— *Latrones estis!* — крикнулъ я въ негодованіи, но на крикъ мой они обратили ровно столько же вниманія, сколько и на блянніе барановъ и въ отвѣтъ на него безъ церемоніи стащили съ меня шляпу, поясъ и сапоги. Другіе въ это время уже снимали шкуры съ барановъ и раскладывали огни. Вдругъ одинъ изъ нихъ, пристально всмотрѣвшись въ меня, хлопнулъ меня по плечу и крикнулъ:

— А! камрадъ! Вильна, Осмина!

Словомъ призналъ меня.

— Ну, слава Богу,— подумалъ я,— этотъ оказался старый мой знакомый, авось окажется мнѣ также и покровительство.

Обнялъ я его съ увлеченіемъ, а онъ, въ свою очередь, меня.

Затѣмъ, обратившись къ камрадамъ, что-то заговорилъ имъ; тѣ внимательно слушали его съ улыбками одобренія, поглядывая на меня. Очевидно, онъ разсказывалъ исторію нашего совмѣстнаго путешествія въ Опшяны и приключенія на привалѣ въ Мѣдникахъ... Потомъ, вдругъ, точно вспомнивъ что-то важное, онъ внезапно обратился ко мнѣ съ крикомъ:

— Камрадъ! Табакъ!

Я невольно смутился! Подлый французишка, по моему смущенію, сразу открылъ мою тайну, и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ шастъ ко мнѣ въ карманъ; вынувъ табакерку, онъ открылъ ее, предложивъ понюхать сперва мнѣ, потомъ всѣмъ остальнымъ, понюхалъ и самъ, а затѣмъ, поставивъ свой киверъ на землю, высыпалъ изъ него изъ табакерки весь табакъ, а съ нимъ вмѣстѣ и мои бѣдные червончики. Увидя золото, всѣ, точно звѣри, бросились было къ нему, но мой знакомецъ остановилъ ихъ и приступилъ къ честному дѣлежу. Себѣ взялъ за открытіе два червонца, а каждому изъ камрадовъ сталъ давать по одному, а когда золота не стало, началъ одѣлять рублями, спрашивая меня знаками, сколько рублей заключается въ одномъ червонцѣ. По окончаніи дѣлежки, которая, правду сказать, сдѣлана была и справедливо и вполнѣ прилично, онъ бережно собралъ весь табакъ и, высыпавъ вновь въ табакерку, вѣжливо возвратилъ мнѣ.

— Бонъ! Бонъ! Се бонъ, камрадъ! — одобрительно говорили мнѣ всѣ.

Не успѣла еще закончиться эта болѣзненная для меня операція, не успѣли еще негодяи досыта надо мною насмѣяться и наглумиться, какъ на дорогѣ послышался конскій топотъ, и въ ту же минуту на дворѣ раздалась громкая команда:

— Стой! Равняйся!

Встревоженные французы начали выскакивать изъ корчмы. Полуэскадронъ уланы съ саблями наголо во мгновеніе ока окружилъ корчму.

— Ребята! — крикнулъ, обращаясь къ уланамъ, молодой офицеръ, — вотъ это и есть тѣ самыя птицы, которыя вчера отъ насъ улизнули. Бери ихъ.

Осторопѣлые французы бросились было къ корчмѣ, гдѣ находились ихъ ружья, но у двери стояли уже уланы; не будь этого, дѣло кончилось бы кровавымъ боемъ, судя по свирѣпымъ лицамъ мародеровъ, попавшихся благодаря своей безпечной оплошности и жадности, какъ мыши въ мышеловку.

Уланы быстро окружили безоружное стадо мародеровъ и согнали

ихъ въ кучу. Бѣгство было немислимо, и всякая попытка къ нему стояла бы головы.

— Э! А этотъ монахъ какъ попалъ между ними?—грозно крикнулъ офицеръ.—Что, отецъ, вѣрно тоже грабишь съ ними вмѣстѣ, берите и его!..

— Ваше благородіе! Господинъ офицеръ!—крикнулъ я въ отчаяніи.— Не граблю! Я самъ ими здѣсь дочиста ограбленъ. Я смиренный монахъ изъ монастыря, который вотъ виденъ вдали. Бѣдаль по міру, собирать на нашу голодающую обитель. Богъ послалъ мнѣ нѣсколько десятковъ барановъ, а главное, червонцовъ, которые везъ я настоятелю! И вотъ, въ виду монастыря, эти негодяи обобрали меня начисто. Голый, босый, такъ какъ и сапоги сняли, возвращаюсь теперь къ моей голодной братіи.

Какъ разъяренный левъ, крикнулъ офицеръ на французовъ, кто-то изъ нихъ было отвѣтилъ, но въ тотъ же мигъ свалился на землю отъ удара саблей плашня.

— Луни ихъ, но плашня! Не погань сабель кровью этихъ мерзавцевъ! Ихъ ждетъ веревка!

Французы, видя, что дѣло ихъ плохо, покорно начали кричать: пардонъ! пардонъ! и отдавать червонцы.

— Сосчитай! Всѣ ли? — спросилъ онъ меня, отдавая горсть золота.

— Вѣроятно, всѣ, — отвѣтилъ я, не считая,—спасибо вамъ, да простить ихъ Богъ!

— Нѣтъ, не всѣ, вотъ тебѣ еще одинъ отъ меня,—сказалъ онъ, вынимая изъ своего кошелька червонецъ.

— Богъ да вознаградить тебя сторицею,—отвѣтилъ я,—и за твою собственную жертву и за возвращенныя, благодаря тебѣ, пожертвованія добрыхъ людей. Будемъ горячо молить Бога за твое здоровье и благополучіе. Можетъ быть, удостоишь насъ чести переночевать въ нашемъ монастырѣ, если тебѣ по пути.

— Именно мой маршрутъ какъ разъ на Веницу, а потому охотно принимаю твое приглашеніе,—отвѣтилъ онъ.— Ну, ребята! Забирай зарѣзанныхъ барановъ на коней! Отвеземъ ихъ въ монастырь и, вѣроятно, отцы святыя не пожалѣютъ и намъ одного изъ нихъ на ужинъ.

— Отъ всего сердца! И на ужинъ и на завтра на дорогу! — отвѣтилъ я,— но у меня въ сараѣ здѣсь повозка, которую также конфисковали мародеры; я сложу на нее зарѣзанныхъ барановъ и не буду обременять вашихъ коней.

— Дѣло! — сказалъ весело офицеръ.— А теперь забрать оружіе этихъ негодяевъ; окружить и вести ихъ подъ конвоемъ, а если кто заартачится—плашня, хоть не мѣшало бы и лезвеемъ, да только не хочу пачкать подлою кровью этихъ мерзавцевъ мою Лизу, — закончилъ онъ, вкладывая саблю въ ножны.

Лиза! Слово это, точно молнія, оварило мой мозгъ.

— Лиза!—крикнулъ я,—покажи! Бога ради, покажи!

Взглянулъ я на саблю, она, точно, она самая. Посмотрѣлъ на офицера... славное, открытое, симпатичное лицо... черты, какъ будто бы, очень знакомы...

— Что такъ смотришь на меня?—спросилъ офицеръ.

— Прости!—произнесъ я робко, дрожащимъ отъ волненія голосомъ.—Ты свою саблю Лизою зовешь? Если такъ, то отъ кого ее имѣешь?

— Да!—отвѣтилъ онъ,—рекомендую, это моя милая женка Лиза и, навѣрное, лучшая, навѣрнѣйшая изъ всѣхъ женъ, и, я увѣренъ, будетъ мнѣ таковою до самой смерти. Заботливо хранить и бережетъ она мою жизнь и здоровье, и не разъ уже и то и другое спасала. А обручилъ меня съ нею отецъ мой, отпуская на службу. Старшему моему брату далъ, въ качествѣ друга, старый свой папашъ, Герасимъ, а мнѣ—подругой, вотъ ее, Лизу.

— Такъ ты, значитъ, Володя Свобода?

— Откуда ты узналъ меня! Отецъ мой! И что все это значить?—сказалъ онъ, слѣвая съ коня.

— Откуда? Да на рукахъ тебя я носилъ! Былъ я наилучшимъ товарищемъ и другомъ твоего отца! Молюсь ежедневно за его душу. Эту самую саблю я отослалъ ему на память, надѣвая смиренную монашескую рясу...

— А! такъ это ты и есть, тотъ самый Михаилъ Лавриновичъ, наилучшій другъ и товарищъ молодости моего отца, о которомъ онъ такъ часто намъ рассказывалъ и котораго любилъ до самой смерти... о которомъ столько тосковалъ... и, благословляя меня на службу вотъ этою саблею, еще разъ со слезами о тебѣ вспомнилъ. Такъ это ты, тотъ самый...

— Я, — крикнулъ я, — я тотъ самый!!!...

И мы бросились другъ другу въ объятія...

.....

М. Лавриновичъ.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ ЖИВОКИНИ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

В НАЧАЛѢ шестидесятыхъ годовъ, въ драматической труппѣ императорскаго московскаго Малаго театра было такъ много выдающихся талантовъ, что ей могъ позавидовать любой изъ европейскихъ театровъ. Въ то время въ составѣ труппы находились такіе замѣчательные артисты и артистки, какъ М. Д. Синецкая, Н. М. Медвѣдева ¹⁾, Е. Н. Васильева, С. П. Акимова, А. П. Косицкая, А. И. Колосова, М. С. Щепкинъ, С. В. Шумскій, П. М. Садовскій, С. В. Васильевъ, И. В. Самаринъ и К. Н. Полтавцевъ. Къ числу ихъ долженъ быть причисленъ и Василій Игнатьевичъ Живокини, талантъ котораго былъ дѣйствительно великъ. Про такіе таланты говорятъ, что они рождаются вѣками. И въ самомъ дѣлѣ, со смерти Василія Игнатьевича прошло 23 года, а до сихъ поръ ни на одной изъ русскихъ сценъ не появилось ни одного артиста, дарованіе котораго напомнило бы о дарованіи Василія Игнатьевича. Повторяю еще разъ: талантъ Живокини былъ настолько обаятеленъ и силенъ, что артисту стоило выйти на сцену, сказать нѣсколько словъ, и онъ уже захватывалъ вниманіе публики. Его веселость, его непринужденный, заразительный смѣхъ, какъ электрическая искра, сообщались зрителю, и послѣдній, увлеченный игрою актера, забывалъ о себѣ и жилъ одною жизнію съ тѣмъ лицомъ, которое артистъ

¹⁾ Н. М. Медвѣдева до сихъ поръ украшаетъ сцену императорскаго Малаго театра и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свято храниитъ традиціи, завѣщанныя ей ея великими учителями и товарищами.

изображалъ на сценѣ. Это духовное сліяніе зрителя съ артистомъ можетъ вызвать только могучая сила истинно высокаго дарованія.

Я узналъ Василю Ігнатъевича въ началѣ шестидесятихъ годовъ, когда ему было 55—56 лѣтъ; онъ игралъ комическія роли и по характеру своей игры принадлежалъ къ школѣ Щепкина, т. е. къ натуральной школѣ, и впродолженіе своей 30-лѣтней артистической дѣятельности не измѣнилъ ученію этой школы. Какъ актеръ, онъ постоянно стремился къ правдѣ и естественной игрѣ на сценѣ, какъ учитель драматическаго искусства въ театральномъ училищѣ, онъ постоянно говорилъ своимъ ученикамъ о той же самой правдѣ, которой самъ поклонялся. Мнѣ передавали артисты П. Г. Степановъ и Н. М. Никифоровъ (друзья Василю Ігнатъевича по школѣ и по театру), что Живокини, бывши учителемъ въ театральномъ школѣ, заставлялъ своихъ учениковъ играть преимущественно въ комедіяхъ и въ водевиляхъ, и рѣдко, очень рѣдко въ драмахъ. Онъ говорилъ, что ученики, играя въ комедіяхъ, скорѣе приобрѣтутъ умѣнье ходить по сценѣ, приобрѣтутъ хорошія манеры и усвоятъ правильныи тоны рѣчи, тогда какъ, играя въ драмахъ, большинство изъ нихъ приобрѣтаетъ неестественную декламацию, неестественную походку и неестественные жесты. Этотъ разсказъ уважаемыхъ артистовъ недавно подтвердилъ одинъ изъ учениковъ Василю Ігнатъевича — А. А. Разсказовъ¹⁾.

Изъ сказаннаго мною каждый пойметъ, что талантъ Живокини принадлежалъ къ разряду самыхъ яркихъ, самыхъ сильныхъ талантовъ, и что имя этого замѣчательнаго артиста тѣсно связано съ славой и исторіею московской сцены. Но между тѣмъ у насъ до сихъ поръ нѣтъ ни вѣрной біографіи Живокини, ни вѣрныхъ свѣдѣній о его сценической дѣятельности²⁾. А вѣдь біографіи замѣчательныхъ людей, воспоминанія и разсказы, написанные о нихъ ихъ современниками, всегда интересны и желательны. Эти воспоминанія, давая матеріалъ исторіку, даютъ возможность и простому читателю составить болѣе вѣрное понятіе о выдающемся общественномъ дѣятелѣ. Кромѣ того, эти воспоминанія знакомятъ съ обычаями и нравами того времени, когда жило лицо, о которомъ говорится въ нихъ. Поэтому я и рѣшаюсь разсказать здѣсь все, что лично мнѣ извѣстно о Живокини, и что мнѣ приходилось слышать о немъ отъ его родныхъ и знакомыхъ.

Василій Ігнатъевичъ Живокини родился въ Москвѣ, 29-го октября 1807 г. Отецъ его, Дживокини де ля Мома, по разсказамъ

¹⁾ «Театраль», 1896 г., № 70.

²⁾ Есть краткая біографія Живокини, но въ этой біографіи, написанной г. З. и напечатанной въ «Русск. Вѣд.» 1874 г., встрѣчаются свѣдѣнія, идущія прямо въ разрѣзъ съ тѣми разсказами, которые мнѣ приходилось слышать о Вас. Ігн. отъ его близкихъ родственниковъ и знакомыхъ. Въ свое время я пазову фамиліи всѣхъ лицъ, сообщившихъ мнѣ тѣ или другія свѣдѣнія о Живокини.

Дарья Карповны Вороновой¹⁾, былъ архитекторомъ, жилъ въ Италіи и принадлежалъ къ числу австрійскихъ подданныхъ²⁾. Въ концѣ XVIII столѣтія де ля Мома, вслѣдствіе важныхъ причинъ (а какихъ именно, Дарья Карповна не могла припомнить), оставилъ Италію и, вмѣстѣ съ знаменитымъ Растрелли, пріѣхалъ въ Россію. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда онъ поступилъ на службу къ бывшему фавориту Екатерины II—Зоричу.

При удаленіи отъ двора Екатерины II, Зоричъ получилъ въ подарокъ мѣстечко Шкловъ (Могилевской губерніи) и 13 тысячъ душъ крестьянъ. Онъ выстроилъ въ Шкловѣ великолѣпный дворецъ, окружилъ себя роскошью и многочисленною свитою, которую составляли: камергеры, пажы, доктора, секретари и архитекторы. Зоричъ имѣлъ свой театръ, своихъ актеровъ, танцовщицъ, танцовщиковъ и музыкантовъ³⁾. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Шкловъ де ля Мома влюбился въ одну изъ танцовщицъ зоричевской труппы, Пелагею Васильевну Азаревичъ, женился на ней и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вмѣстѣ съ своею женою переѣхалъ въ Москву, гдѣ завелъ макаронную фабрику. Дѣла де ля Мома шли прекрасно; но когда въ 1812 году наполеоновская армія нахлынула на Москву, когда начались московскіе пожары, а вмѣстѣ съ ними и грабежи, тогда, въ одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ дней, отецъ Василя Игнатьевиче лишился всего своего состоянія.

Что касается искаженія фамиліи Василя Игнатьевича, то оно, по рассказамъ той же Дарья Карповны Вороновой, произошло слѣдующимъ образомъ. Послѣ крещенія Василя Игнатьевича⁴⁾, дьячку приказали записать имя только что крещеннаго ребенка, при этомъ назвали имя и фамилію его отца. Дьячекъ былъ страшно озадаченъ мудреными словами, долго о чемъ-то размышлялъ, наконецъ, глупо улыбнувшись, проговорилъ: «ну, прозвище! кака-то Ламома!» и, вмѣсто Джіовоккини де ля Мома, написалъ: «Живоккини».

Я уже сказалъ, что во время московскаго пожара 1812 года де ля Мома лишился всего состоянія, а въ то время онъ уже имѣлъ четырехъ сыновей, и для двухъ изъ нихъ наступила та пора, когда надо было подумать объ ихъ образованіи, а средствъ не было никакихъ. Только въ 1817 году, черезъ протекцію извѣстной въ то время петербургской танцовщицы, Азаревичъ, ему удалось помѣстить въ театральную школу одного изъ своихъ сыновей—Василя.

Театральное училище того времени съ его узкою учебною программой, съ его индифферентнымъ отношеніемъ къ умственному раз-

¹⁾ Д. К. Воронова, урожденная Лобанова, родная сестра жены Вас. Игн., скончалась 1895 г. августа 31-го, на 82-мъ году отъ рожденія.

²⁾ Вас. Игн. Живоккини только въ 1840 или 1841 году перешелъ въ русское подданство.

³⁾ Записки Л. Н. Энгельгардта.

⁴⁾ Отецъ его былъ католическаго, а мать православнаго вѣроисповѣданія.

витію воспитанниковъ, конечно, не дало Василю Игнатьевичу никакихъ образовательныхъ знаній. Я зналъ не мало воспитаницъ и воспитанниковъ дореформенной театральной школы и долженъ сказать, что многіе изъ нихъ могли написать безъ орфографической ошибки только свою фамилію, а нѣкоторые и этого сдѣлать не могли.

Василій Игнатьевичъ Живокини.

Развитіемъ своихъ умственныхъ способностей Живокини былъ обязанъ самообразованію, а ужъ никакъ не школѣ. Находясь въ послѣднемъ классѣ училища, Василій Игнатьевичъ сталъ прилежно заниматься музыкою и хотѣлъ, послѣ окончанія курса, выйти музыкантомъ, но пріѣздъ въ Москву извѣстнаго петербургскаго актера, И. И. Сосницкаго, перемѣнилъ его мнѣніе.

Какъ всѣ воспитанники театральной школы, Василій Игнатьевичъ танцевалъ въ балетахъ, но одинъ разъ, изображая въ какомъ-то

балетъ амура, онъ поскользнулся и упалъ, но такъ некрасиво, что вызвалъ взрывъ смѣха со стороны публики. Директору театровъ приказалъ убрать неловкаго амура, и съ тѣхъ поръ Василій Игнатьевичъ уже не появлялся въ балетахъ.

Покойный Николай Матвѣевичъ Никифоровъ говорилъ мнѣ, что Живокини, находясь въ школѣ, принадлежалъ къ числу отъявленныхъ шалуновъ, и что его любимыми занятиями были фехтованіе и музыка. Я уже сказалъ, что Василій Игнатьевичъ не мечталъ о сценѣ, а готовился быть музыкантомъ, но, увидя игру Сосницкаго, онъ воспыласть желаніемъ — быть актеромъ. Тогда онъ немедленно взялъ роль Луцкаго въ комедіи «Женщина лунатикъ», выучилъ ее и отправился къ Кокошкину, бывшему въ то время директоромъ театровъ ¹⁾.

Зная, что Кокошкинъ всегда принимаетъ артистовъ, какъ друзей, Живокини отправился къ нему безъ боязни, вполне увѣренный, что директоръ приметъ его радушно ²⁾; но, дойдя до Воздвиженки, гдѣ въ то время жилъ Кокошкинъ, Живокини почувствовалъ непреодолимый страхъ: передъ нимъ стоялъ образъ не того добраго директора, который любилъ воспитанниковъ, какъ отецъ своихъ дѣтей, а образъ строгаго судьи, отъ одного слова котораго зависѣла его участь. Боязнь за успѣхъ своего чтенія и безсиліе преодолѣть свое душевное волненіе, которое росло все сильнѣе и сильнѣе, заставилъ Живокини повернуть домой. Дойдя до первой церкви, онъ остановился и началъ молиться; въ молитвѣ прошло нѣсколько минутъ, онъ почувствовалъ, что волненіе стихаетъ, что прежняя увѣренность въ успѣхъ возвращается, и снова повернулъ къ Кокошкину.

Директоръ принялъ его радушно, съ удовольствіемъ прослушалъ его чтеніе, похвалилъ и тутъ же назначилъ ему роль Посошкова въ комедіи «Романъ на большой дорогѣ». Живокини, конечно, былъ въ восторгѣ отъ похвалы директора. Вскорѣ послѣ этого событія, въ школѣ начались репетиціи названной комедіи, подъ руководствомъ самого Кокошкина. Наконецъ, послѣ множества репетицій, состоялся школьный спектакль, который прошелъ блестящимъ образомъ. И Кокошкинъ, и всѣ, бывшіе на спектаклѣ, были восхищены игрою воспитанника Живокини.

Въ августѣ 1824 года, Василій Игнатьевичъ въ первый разъ по-

¹⁾ Кокошкина многіе признавали за знатока драматическаго искусства; но странно: про этого знатока въ то же время говорили, что онъ никогда не читалъ Шекспира и что Расина ставилъ выше Шекспира, не читая послѣдняго.

²⁾ Н. М. Никифоровъ говорилъ мнѣ, что Кокошкинъ любилъ артистовъ и воспитанниковъ театральной школы, для послѣднихъ онъ нерѣдко давалъ блестящіе вечера, на которые собиралось высшее московское общество. Цѣль этихъ вечеровъ была та, чтобы воспитанникамъ дать возможность приобрести хорошій тонъ и свѣтскія манеры.

явился на императорской московской сценѣ. Какъ я ни старался узнать, въ какой именно роли и пьесѣ состоялся первый дебютъ Василія Игнатьевича, его родные и сослуживцы всегда отвѣчали мнѣ, что не помнятъ этого дебюта. Г-нъ Z. говоритъ, что первый дебютъ Живокини состоялся въ роли Глупдобридовка въ пьесѣ «Глухой или полный трактиръ» и прошелъ съ полнымъ успѣхомъ; съ такимъ же успѣхомъ прошелъ и второй дебютъ Живокини въ роли Митрофанушки въ комедіи «Недоросль». Въ 1826 году, Василій Игнатьевичъ былъ выпущенъ изъ школы и принятъ въ число артистовъ драматической труппы. По выходѣ изъ училища, онъ нанялъ маленькую квартиру въ домѣ артиста императорскихъ московскихъ театровъ Ивана Карповича Лобанова, извѣстнаго въ то время танцовщика, куда и переѣхалъ съ своею матерью и братомъ Петромъ. Вскорѣ послѣ переѣзда на квартиру, Василій Игнатьевичъ познакомился съ сестрою домовладѣльца, Матреною Карповною, они понравились другъ другу, а черезъ полгода были обвѣнчаны. На деньги, которыя Василій Игнатьевичъ получилъ въ приданое за женою, онъ купилъ въ Староконюшенномъ переулкѣ, близъ Арбата, небольшой домикъ, въ который и переехалъ съ своимъ семействомъ¹⁾.

Во время моей службы въ императорскомъ московскомъ театрѣ мнѣ часто приходилось слышать, что игра Василія Игнатьевича была основана на фарсахъ, но это не совсѣмъ правда. Живокини позволялъ себѣ фарсы только въ водевиляхъ, которые были основаны на фарсахъ, и во французскихъ мелодрамахъ; но въ комедіяхъ Грибоѣдова, Гоголя, Островскаго я не замѣчалъ въ игрѣ Василія Игнатьевича даже намекъ на фарсъ; напротивъ, его игра въ комедіяхъ названныхъ писателей была правдива и высоко талантлива. Вотъ что говоритъ Вѣлинскій объ игрѣ Живокини, а словамъ Вѣлинскаго, полагаю, вѣрить можно. «Г. Живокини артистъ съ истиннымъ талантомъ и, когда не играетъ въ угожденіе райку, то его умная и обдуманная игра доставляетъ зрителю большое удовольствіе. Я разъ пять былъ на водевилѣ «Хороша и дурна» и не откажусь еще быть 20 разъ и все для г. Живокини». Правда, въ безчисленномъ множествѣ водевилей, сыгранныхъ Василіемъ Игнатьевичемъ, онъ большею частью былъ однообразенъ. Но какъ же талантлива была игра артиста, если, несмотря на ея однообразіе, она не только увлекала, а восторгала зрителя въ продолженіе 50 лѣтъ! Къ изученію ролей, игравшихъ Василіемъ Игнатьевичемъ въ водевиляхъ, онъ относился очень легко: онъ ихъ почти никогда не зналъ твердо; а потому съ нимъ нерѣдко бывали курьезные случаи на сценѣ, но, благодаря

¹⁾ Этотъ домъ до 1896 года принадлежалъ четыремъ внучкамъ Вас. Игн.; но вслѣдствіе семейныхъ непріятностей онъ, въ томъ же году, перешелъ во владѣніе А. Д. Живокини, по мужу Шаровой, которая въ началѣ 1897 года продала его г-жѣ Скворцовой.

своему таланту, онъ почти всегда выходилъ счастливо изъ того неловкаго положенія, въ которое его ставило незнаніе ролей¹⁾. Въ подобныхъ случаяхъ Живокини, обыкновенно, начиналъ говорить что нибудь отъ себя и прибѣгалъ къ какому нибудь фарсу, который вызывалъ у публики врывъ смѣха, а въ то время, когда зрители смѣялись, суфлеръ громко подавалъ артисту тѣ слова, которыя были забыты имъ. Но бывали случаи, хотя и очень рѣдкіе, когда и Василию Игнатьевичу приходилось почти что признаваться передъ публикою въ незнаніи роли. Бывало, слышишь, что Живокини начинаетъ говорить совсѣмъ не то, что должно говорить по пьесѣ; видишь, что онъ уже стучитъ ногою по сценѣ, а этотъ стукъ былъ условнымъ знакомъ для суфлера, чтобы послѣдній подавалъ громче; но суфлеръ (Николай Ивановичъ Витнебенъ) и самъ уже растерялся: глаза его бѣгаютъ со страницы на страницу той книги, по которой онъ суфлируетъ. Онъ понялъ, что Живокини пропустилъ нѣсколько явленій въ пьесѣ и перехватилъ почти къ концу, и вотъ онъ бросается къ послѣдней страницѣ; но когда находитъ желанныя слова, слышитъ, что артистъ говоритъ что-то другое... Начинаются новые поиски, а между тѣмъ краснорѣчіе Живокини изсякаетъ; онъ видитъ, что суфлеръ растерялся до послѣдней степени, что онъ уже не подаетъ ему необходимыхъ словъ, чтобы продолжать сцену,—и вотъ тогда Василій Игнатьевичъ, сознавая свое безвыходное положеніе, принимаетъ, бывало, комическую позу, дѣлаетъ смѣшную гримасу, потомъ нагибается къ суфлерской будкѣ и, проговоривъ (иногда довольно громко): «Э-э-эхъ, Ни́колушка!»—отходить въ глубину сцены. Въ залѣ раздаются смѣхъ и аплодисменты, а лицо, находящееся въ это время съ Васи́ліемъ Игнатьевичемъ на сценѣ, подсказываетъ ему необходимыя слова.

Мнѣ много разъ приходилось быть свидѣтелемъ неловкаго положенія Васи́лія Игнатьевича на сценѣ, вслѣдствіе его незнанія своихъ ролей, но я никогда не видалъ, чтобы публика выказала неодобреніе своему любимцу за его иногда не совсѣмъ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Только одинъ разъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я видѣлъ, что московская публика наградила Живокини за его игру нехорошимъ смѣхомъ; но это случилось не въ водевилѣ, а въ драмѣ Островскаго «Мининъ», гдѣ Васи́лія Игнатьевичъ игралъ стрѣльческаго сотника, умирающаго на сценѣ. Глядя на игру Живокини, и публика, и артисты, и даже вечеровые рабочіе хорошо сознавали, что Живокини игралъ не того стрѣльца, горячо стоящаго за свободу своей родины и умирающаго отъ ранъ, полученныхъ имъ на полѣ битвы, а Фрелафа изъ «Аскольдовой могилы». Какъ ни смѣшна была крайне комическая фигура Живокини, одѣтаго въ

¹⁾ Я нѣсколько разъ слыхалъ отъ самого Вас. Иг., что онъ всѣ свои роли училъ, лежа въ постели.

панцырь, и съ племомъ на головѣ, но зрители впродолженіе четырехъ актовъ сдерживали свой смѣхъ, а артисты—свои язвительныя улыбки; но когда наступила сцена смерти стрѣльца Живокини, то въ зрительной залѣ раздался гомерической смѣхъ, такой же смѣхъ охватилъ и артистовъ и даже рабочихъ, стоявшихъ за кулисами. Но дѣйствіе кончилось, Василию Игнатьевичу помогли встать со сцены; онъ грустно улыбнулся, проговорилъ: «кажется, моя смерть уморила всѣхъ со смѣху. О-охъ, ужъ эти драмы!» и отправился въ уборную. Онъ ясно понялъ, что драматическія роли—не его дѣло, и съ тѣхъ поръ никогда не игралъ ихъ.

Я уже говорилъ, что веселость Василя Игнатьевича на сценѣ была безпредѣльна и такъ заразительна, что зритель иногда смѣялся до слезъ, до боли въ груди. Сколько же тысячъ грустно настроенныхъ людей прѣвзжало въ театръ въ продолженіе 50-ти-лѣтней сценической дѣятельности артиста и, благодаря его талантливой игрѣ, его неподдѣльной, захватывающей душу веселости, нѣкоторые изъ нихъ, хотя на время, забывали свои душевные недуги, а нѣкоторые совсѣмъ исцѣлялись отъ своего тяжелаго настроенія и уѣзжали домой вполне спокойными.

На мою долю выпало счастье служить со многими изъ тѣхъ великихъ артистовъ, таланты которыхъ создали славу нашего Малаго театра; но никто изъ нихъ не пользовался такою безграничною любовью московской публики, какою пользовались Вас. Иг. Живокини и П. М. Садовскій. Имена послѣднихъ были извѣстны во всѣхъ слояхъ московскаго общества, начиная съ самаго высшаго и кончая тѣмъ обществомъ, которое населяетъ чердаки и подвалы.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, я слышалъ отъ Александры Васильевны Живокини ¹⁾ и отъ Дар. Карп. Вороновой (послѣдняя за три мѣсяца до своей смерти повторила свой давнишній разсказъ слово въ слово), что Василій Игнатьевичъ, бывши еще очень молодымъ человѣкомъ, обратилъ на себя вниманіе государя Николая Павловича. Въ 1831 и въ 1834 г. государь, находясь въ Москвѣ, часто посѣщалъ театръ. Въ одинъ изъ названныхъ годовъ вернулся изъ-за границы въ Москву извѣстный богачъ и отъявленный фатъ помѣщикъ С. и сталъ каждый вечеръ появляться въ театрѣ. Однажды государь съ государынею Александрою Феодоровною находились въ театрѣ; въ зрительный залъ вошелъ С. въ крайне оригинальномъ костюмѣ и, черезъ нѣсколько минутъ, развалился въ креслѣ перваго ряда, навелъ свой лорнетъ на царскую ложу, продолжая лорнировать ее во все время 1-ю дѣйствія. Государь замѣтилъ поступокъ С. и, разсердясь, велѣлъ позвать директора театровъ, который и не замедлилъ явиться.

¹⁾ Алекс. Вас. Живокини—невѣстка Василя Игнатьевича.

— Ты знаешь вот этого шута?—обратился государь къ директору, указывая на С.

— Ваше императорское величество, это С., только что вернувшійся изъ-за границы,—отвѣтилъ директоръ.

— Нѣтъ ли въ московской труппѣ актера, который могъ бы скопировать его?

Директоръ на минуту задумался и потомъ отвѣтилъ: есть, ваше императорское величество,—и назвалъ Живокини.

Государь приказалъ позвать послѣдняго, и когда Живокини явился, то императоръ, указывая на С., сказалъ: «вглядись хорошенько вотъ въ этого шута,—можешь скопировать его?»

— Ваше императорское величество,—отвѣчалъ Живокини,—я приложу всѣ силы, чтобы исполнить ваше желаніе.

— Такъ изучи его поскорѣе. Ступай!

Когда Василій Игнатьевичъ вышелъ изъ царской ложи, государь обратился къ директору и сказалъ: «дать ему всѣ средства, чтобы изучить С.»

Директоръ театровъ употребилъ всѣ усилія, чтобы помочь Живокини бывать тамъ, гдѣ бывалъ С., и артистъ скоро усвоилъ тонъ, манеры и привычки того фата, котораго изучалъ.

Черезъ недѣлю директоръ театровъ доложилъ государю, что Живокини достаточно изучилъ С., и назвалъ піесу, въ которой артистъ, играя отъявленнаго франта, будетъ загримированъ С. Государь назначилъ день для спектакля, и когда спектакль состоялся, то онъ пріѣхалъ въ театръ до начала піесы. С. тоже былъ въ театрѣ и не подозрѣвалъ о сюрпризѣ, который ему готовился. Когда дѣйствіе началось, и появился Живокини, то въ театрѣ оказалось два С.: одинъ на сценѣ, а другой въ первомъ ряду креселъ. Василій Игнатьевичъ былъ одѣтъ такъ же, какъ С., и замѣчательно удачно подражалъ и тону голоса и манерамъ послѣдняго. Государь смѣялся все время, пока Живокини находился на сценѣ, и былъ очень доволенъ игрою артиста, а по окончаніи піесы приказалъ позвать его въ свою ложу и милостиво благодарилъ за доставленное удовольствіе. Взбѣшеннѣй С. пытался въ первомъ же антрактѣ ускользнуть изъ театра, но флигель-адъютантъ государя приказалъ ему остаться до окончанія піесы. Черезъ нѣсколько дней послѣ названнаго спектакля Василій Игнатьевичъ получилъ отъ государя дорогой подарокъ.

И дѣйствительно, въ формулярномъ спискѣ Живокини я видѣлъ такія отмѣтки: 1831 г. ноября 13-го награжденъ брилліантовымъ перстнемъ за отличную игру. 1834 г. марта 9-го награжденъ золотую табакеркою за отличную игру.

Мнѣ однажды пришлось слышать, какъ самъ Василій Игнатьевичъ рассказывалъ о случаѣ, крайне похожемъ на тотъ, который я только что передалъ и о которомъ я много разъ слышалъ, какъ

отъ Алекс. Вас. Живокини, такъ и Дар. Карп. Вороновой. Василій Игнатьевичъ говорилъ:

— Мнѣ разъ пришлось представить въ одной роли одного очень знатнаго и извѣстнаго господина. Я всмотрѣлся въ его лицо, подмѣтилъ манеры, досталъ черезъ камердинеровъ знатнаго господина его платье, загримировался и достигъ замѣчательнаго сходства съ оригиналомъ. На другой день знатный господинъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ благодарилъ за доставленное ему удовольствіе, и въ которомъ, кромѣ благодарности, было написано слѣдующее: «вы были бы совсѣмъ похожи на меня, если бы не стравова запонки, которыхъ я никогда не ношу, а потому посылаю вамъ брильянтовая». Я поблагодарилъ за запонки, но не принялъ ихъ. За исполненіе той же роли я получилъ подарокъ, который, какъ знакъ вниманія высокою особы, былъ для меня крайне дорогъ»¹⁾.

Государь Александръ Николаевичъ зналъ лично Живокини. Въ одинъ изъ своихъ прїѣздовъ въ Москву, императоръ пробылъ въ своей древней столицѣ полтора мѣсяца, и въ это время вмѣстѣ съ государынею часто посѣщалъ театр. Я живо помню, что государь, бывая въ театрѣ, нерѣдко, во время антрактовъ, приходилъ на сцену, часто говорилъ съ артистами и благодарилъ ихъ за доставленное удовольствіе. Помню также, что государь нерѣдко приглашалъ въ Кремлевскій дворецъ артистовъ: Шумскаго, Садовскаго, Живокини и Самарина, чтобы послушать ихъ замѣчательное чтеніе, и всегда милостиво благодарилъ ихъ за то эстетическое наслажденіе, которое доставляли ему ихъ чудные таланты; онъ жалъ артистамъ руки, и въ знакъ своего вниманія къ нимъ награждалъ ихъ дорогими подарками.

Вскорѣ послѣ того, какъ Василій Игнатьевичъ узналъ, что ему назначенъ царскій подарокъ, онъ задумалъ по этому случаю справить пирушку. Забравъ съ собою своихъ любимыхъ внучекъ, Ольгу и Анну, Василій Игнатьевичъ отправился въ Охотный рядъ за покупками для задуманнаго вечера. Закупивъ все, что было нужно ему, Василій Игнатьевичъ усадилъ въ пролетку своихъ малолѣтнихъ спутницъ, усѣлся самъ и очутился окруженнымъ съ одной стороны внучками, а съ другой — всевозможными кулками большихъ и малыхъ размѣровъ, корзинками, коробочками и приказалъ кучеру ѣхать домой. Но только что пересѣкъ Тверскую, по направленію къ университету, какъ увидѣлъ, что на встрѣчу ему ѣдетъ государь; Василій Игнатьевичъ успѣшилъ освободить свои руки

¹⁾ Думалъ, что разсказъ Алекс. Вас. Живокини и Дар. Карп. Вороновой про С. есть вариантъ разсказа самого Василія Игнатьевича о «знаменитомъ господинѣ», я нѣсколько разъ обращался къ нимъ за разъясненіемъ, и онѣ всегда говорили мнѣ, что хотя эти два случая и похожи другъ на друга, но что они безусловно различны.

отъ разныхъ свертокъ и коробочекъ, чтобы поклониться государю; но пока онъ хлопоталъ объ этомъ, коляска государя поравнялась съ нимъ; Василій Игнатьевичъ вскочилъ съ мѣста, государь узналъ Живокина, который въ одной рукѣ держалъ шляпу, а другою рукою подымалъ внучекъ, чтобы онѣ встали предъ государемъ. Государь замѣтилъ замѣшательство Живокина, замѣтилъ, что изъ его пролетки летѣли на мостовую кульки, свертки, корвинки, улыбнулся, милостиво поклонился ему и, крикнувъ «садись!»—проѣхалъ дальше.

Объ этой встрѣчѣ съ государемъ Василій Игнатьевичъ рассказывалъ всегда съ восторгомъ.

Имя Василя Игнатьевича въ провинціи было такъ же громко, какъ и въ Москвѣ; провинція такъ же горячо любила его, какъ и Москва. Стоило кому нибудь изъ антрепренеровъ упросить Василя Игнатьевича, чтобы онъ пріѣхалъ на 3—4 спектакля, и этотъ счастливецъ-антрепренеръ могъ быть вполне увѣренъ въ томъ, что нѣсколько полныхъ сборовъ уже лежатъ въ его кармагѣ.

Однажды, Василій Игнатьевичъ, возвращаясь изъ Саратова или изъ Самары въ Москву, остановился на одинъ день въ Казани, чтобы отдохнуть отъ дороги. Содержатель казанскаго театра, какъ хорошая охотничья собака чуетъ бекаса или дупеля, скоро почувялъ дорогого гостя, немедленно явился къ нему и сталъ просить Василя Игнатьевича, чтобы онъ сыгралъ хотя одинъ спектакль. Живокинъ отказалъ антрепренеру, говоря, что онъ усталъ отъ дороги и не совсѣмъ хорошо чувствуетъ себя. Антрепренеръ удалился. Вечеромъ Василій Игнатьевичъ задумалъ поѣхать къ кому-то изъ своихъ знакомыхъ и по дорогѣ заѣхалъ въ театръ. Просьба антрепренера возобновилась, но на этотъ разъ къ просьбѣ содержателя театра присоединилась просьба голодающихъ актеровъ, и Василій Игнатьевичъ согласился сыграть для нихъ одинъ спектакль. Поблагодаривъ Живокина за согласіе, антрепренеръ началъ убиваться о томъ, какъ распространить въ городѣ извѣстіе о пріѣздѣ Василя Игнатьевича.

— Афиша выйдетъ поздно; половина города не будетъ знать, что вы завтра играете.

Въ это время къ директору подошелъ полупьяный господинъ, носящій названіе режиссера, и хриплымъ басомъ доложилъ: все готово; можно начинать!

— Начинайте,—отвѣтилъ директоръ.

Занавѣсъ ввѣлся; директоръ снова заговорилъ объ афишѣ.

— Афиша? Э-эхъ, головастикъ!—сказалъ Василій Игнатьевичъ.— и, какъ былъ, въ енотовой шубѣ, пляпѣ и въ ботикахъ вылетѣлъ на сцену. Шла какая-то французская мелодрама, сцена представляла невысокія горы, съ которыхъ сходили разряженные пейзажки и пейзажане.—Кажется, я не туда попалъ... Извините, ради Бога! Извините! И куда только меня занесло?—сказалъ Василій Игнатьевичъ,—и прошелъ на другую сторону сцены. Въ зрительномъ залѣ

раздался оглушительный смѣхъ, а за смѣхомъ послѣдовали аплодисменты: казанцы узнали своего любимца Василия Игнатьевича Живокини.

— Вотъ тебѣ и афиша! — сказалъ Василий Игнатьевичъ, обращаясь къ антрепренеру.

На другой день театръ былъ полонъ ¹⁾.

Однажды, Живокини, играя слугу Алина въ комедіи Мольера «Школа женщинъ», долженъ былъ выбѣжать на встрѣчу къ своему господину, забывая снять шляпу: этого требовала роль. Актеръ, игравшій Арнольфа, долженъ былъ сшибить съ головы своего слуги шляпу. Послѣдовалъ ударъ—шляпа полетѣла на сцену, но вмѣстѣ съ шляпою полетѣлъ и рыжій парикъ, который былъ надѣтъ на головѣ Живокини. Василий Игнатьевичъ не растерялся, онъ поднялъ шляпу, поднялъ парикъ и, надѣвая послѣдній, проговорилъ: «виновать, опростоволосился!». За находчивость онъ былъ награжденъ громкими аплодисментами ²⁾.

Г. Нильскій въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ, что однажды Василий Игнатьевичъ, играя Мордашева (вод. «А и Ф»), роль котораго начинается очень большимъ монологомъ, чуть ли не при первомъ словѣ своего разсказа замѣтилъ, что изъ кресель поднялся какой-то офицеръ и направился къ выходу, Василий Игнатьевичъ крикнулъ ему со сцены: «не уходите! Пожалуйста, не уходите!.. Вы вѣдь не знаете, въ чемъ дѣло, такъ я вамъ расскажу». Офицеръ сконфузился, и при общемъ хохотѣ всего театра сѣлъ на свое мѣсто. Василий Игнатьевичъ окончилъ свой монологъ, и офицеръ вмѣстѣ съ другими сталъ аплодировать артисту.

Я позабылъ, въ какомъ именно театрѣ произошелъ тотъ случай, о которомъ говоритъ г. Нильскій въ своихъ воспоминаніяхъ; но я живо помню, что однажды въ Москвѣ Василий Игнатьевичъ, игралъ того же Мордашева, до того запуталъ и себя и суфлера, что, обратясь къ послѣднему, громко сказалъ: «ну, Николушка, закрой книжку! Я и безъ тебя поговорю»,— и началъ рассказывать анекдоты и происшествія, которыя составляли злѣбу того дня. Онъ говорилъ до тѣхъ поръ, пока режиссеръ не выпустилъ на сцену другого актера.

Въ одномъ изъ благотворительныхъ концертовъ Василий Игнатьевичъ вышелъ на сцену съ маленькою книжкою въ рукѣ и, остановясь передъ публикою, сказалъ: «Свинья». Публика обомлѣла; она не знала, что ей дѣлать: разсердиться или засмѣяться. Артистъ выдержалъ нѣсколько секундъ паузу и прибавилъ: «Разсказъ Слѣпцова». Въ залѣ раздались смѣхъ и оглушительные аплодисменты.

Если бы можно было вспомнить всѣ случаи, когда проявлялась

¹⁾ Этотъ разсказъ я слышалъ отъ самого Василия Игнатьевича.

²⁾ Пантеонъ, 1889 г.

находчивость Василя Игнатьевича, его остроты и каламбуры, то, право, пришлось бы написать цѣлую книгу.

До сихъ поръ я говорилъ о Живокини, какъ объ артистѣ, теперь скажу о немъ, какъ о человѣкѣ.

Я сталъ бывать въ домѣ Василя Игнатьевича въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда знаменитому артисту было 55—56 лѣтъ, а мнѣ 19. Сначала я бывалъ у него очень рѣдко, но когда узналъ, что его сынъ, Дмитрій Васильевичъ, такой же страстный ружейный охотникъ, какъ и я, тогда мое появленіе у Живокини сдѣлалось болѣе частымъ. Бывая у Дмитрія Васильевича, который жилъ въ одномъ домѣ съ своимъ отцомъ, я рѣдкій разъ не встрѣчался съ Василюмъ Игнатьевичемъ, всегда относившимся ко мнѣ съ любовью, да и всѣ Живокини любили меня, какъ родного.

Въ моей памяти такъ сильно запечатлѣлась фигура Василя Игнатьевича, что иногда онъ, какъ живой, стоитъ передо мною. Онъ былъ брюнетъ, средняго роста, немного сутуловатъ, имѣлъ очень тучную фигуру, широкое, толстое, слегка красноватое лицо, толстыя губы, жирный красносизый носъ, похожій на луковицу. Ясно, что фигура Василя Игнатьевича была крайне некрасива и производила невыгодное впечатлѣніе для ея владѣльца; зато каріе, умные и добрые глаза Василя Игнатьевича, его добродушная улыбка, рѣдко исчезающая съ его лица, его мягкій тонъ, непринужденная заразительная веселость, мѣткая, но въ большинствѣ случаевъ безобидная, острота не только располагали, а привлекали къ нему. Каждый, кому приходилось говорить съ Живокини, чувствовалъ, что онъ говоритъ съ человѣкомъ, у котораго доброе сердце.

Я очень рѣдко видѣлъ Василя Игнатьевича разсерженнымъ, а если и видѣлъ его такимъ, то исключительно въ театрѣ, гдѣ иногда его раздражала неисправность костюмера, парикмахера или бутлера; но его сердитое настроеніе проходило очень скоро. Онъ имѣлъ добрый, уступчивый характеръ. Его обращеніе съ мелкими служащими было просто, сердечно. Я никогда не видалъ, чтобы Живокини не отвѣтилъ на поклонъ маленькаго актера; напротивъ, отвѣчая на поклоны «выходящихъ», онъ постоянно подавалъ имъ руку и разговаривалъ съ ними, тогда какъ нѣкоторые изъ первыхъ артистовъ конца 1860-хъ и начала 1870-хъ годовъ никогда не разговаривали съ «выходящими» и никогда не подавали имъ руки; на ихъ поклоны они только одинъ разъ изъ десяти отвѣчали едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы, а девять разъ проходили мимо кланяющихся имъ маленькихъ актеровъ, какъ бы не замѣчая ихъ присутствія.

Несмотря на свою природную веселость и замѣчательную находчивость, Живокини не принадлежалъ къ числу людей, которые при каждомъ удобномъ случаѣ говорятъ и говорятъ лишь для того, чтобы только что нибудь говорить, говорятъ даже и тогда, когда

уже и не слушаютъ ихъ. Василій Игнатьевичъ больше молчалъ, чѣмъ говорилъ, а если и рассказывалъ что нибудь, то въ очень сжатой формѣ. И все-таки довольно было его присутствія и нѣсколькихъ словъ, чтобы въ обществѣ, въ которомъ онъ находился, царило веселое настроеніе. Но было совсѣмъ другое, когда Василій Игнатьевичъ былъ окруженъ только своими друзьями, а на столѣ искрилось вино «вдовы Клико или Моэта», тогда его рассказы и каламбуры лились неудержимо и вызывали дружный и искренній смѣхъ. Онъ любилъ жить въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и бралъ отъ жизни все, что только можно было взять.

Василій Игнатьевичъ, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, вставалъ въ 8 часовъ и, нарядившись въ свой неизмѣнный сѣрый халатъ, выходилъ въ столовую пить кофе. (Чай онъ пилъ только въ шестомъ часу вечера). Разговаривая съ женою и просматривая «Московскія Вѣдомости», онъ просиживалъ въ столовой иногда часъ, иногда болѣе. Въ эту же столовую являлись каждое утро внушки Василя Игнатьевича, чтобы поздравить своего дорогого дѣдушку съ добрымъ утромъ и вмѣстѣ съ нимъ пить чай.

Если у Василя Игнатьевича была чему нибудь репетиція, то онъ послѣ кофе отправлялся въ театръ; но если утро было свободно, то онъ изъ столовой переходилъ въ кабинетъ, закуривалъ трубку, усаживался въ кресло и до 11 часовъ читалъ газеты. Въ 11 часовъ онъ приказывалъ запрягать лошадь и начиналъ медленно одѣваться. Онъ былъ всегда одѣтъ истиннымъ джентльменомъ. Покончивъ съ одѣваньемъ, Василій Игнатьевичъ забиралъ съ собою двухъ внучекъ и отправлялся въ Охотный рядъ—иногда за покупками, а иногда, чтобы только прокатиться. Домой же возвращался постоянно или съ гостинцами, или съ новыми игрушками для внучекъ. Обѣдалъ Василій Игнатьевичъ въ 3 часа, потомъ ложился отдохнуть и если вечеромъ игралъ въ спектакль, то въ 5½ часовъ ѣхалъ въ театръ, а послѣ окончанія своей роли—въ купеческій клубъ; если же былъ свободенъ, то каждый вечеръ отправлялся въ упомянутый клубъ и возвращался домой, большею частію, поздно. Въ клубъ Василя Игнатьевича влекла не картежная игра (онъ игралъ по маленькой или въ пикетъ или въ преферансъ), его влекли туда друзья и веселая компанія.

Лѣтомъ, часовъ въ 11 утра, я нерѣдко заставалъ Василя Игнатьевича на дворѣ; онъ сидѣлъ, бывало, подъ огромною старою ивою и почти постоянно былъ окруженъ своими внучками; иногда въ его рукахъ была скрипка, онъ бралъ на ней ноты, заставляя Ольгу водить смычкомъ по струнамъ скрипки. Заработывая массу денегъ, Василій Игнатьевичъ никогда не говорилъ своей женѣ, сколько онъ получаетъ; онъ каждый мѣсяць утаивалъ 100—200 рублей на свои тайные расходы, а эти расходы заключались въ слѣдующемъ. Въ каждомъ спектаклѣ, въ которомъ игралъ

Василій Игнатьевичъ (и онъ игралъ почти каждый вечеръ), его можно было встрѣтить въ тѣхъ кулисахъ, которыя были освѣщены темнѣе, чѣмъ другія, съ какою нибудь молоденькою жрицею Мельпомены, жрицею, носящею на закулисномъ языкѣ названіе «выходящая»; а иногда онъ сидѣлъ въ кулисахъ, окруженный толпою молоденькихъ, но безсловесныхъ служительницъ искусства, и почти всегда угощалъ ихъ конфетами или фруктами; той же изъ нихъ, которая заставляла его сердце биться сильнѣе, онъ дѣлалъ изящныя подарки, рассчитывая, что они скорѣе пріобрѣтутъ ему расположеніе его избранницы.

Такъ проходили годы, а время, между тѣмъ, вело свою, хотя и незамѣтную, но разрушительную работу, подрывая и силы и жизнь артиста. Онъ сталъ дряхлѣть, часто прихварывать, его душевное состояніе становилось мрачно и, наконецъ, въ 1873 году, онъ почувствовалъ себя настолько дурно, что принужденъ былъ уѣхать на воды въ Карлсбадъ. Но ни путешествіе, ни заграничное лѣченіе не вернули ему потеряннаго здоровья: онъ возвратился домой такимъ же мрачнымъ и такимъ же больнымъ, какимъ уѣхалъ... Въ томъ же году, 18-го октября, полѣ непродолжительной болѣзни, скончалась его жена, и ея смерть еще болѣе потрясла его разстроенное здоровье.

Мнѣ говорила Ольга Дмитріевна Живокини¹⁾, что Василій Игнатьевичъ за мѣсяцъ до своей смерти написалъ свое первое и послѣднее стихотвореніе; это стихотвореніе она отдала мнѣ. Я передаю его здѣсь, не мѣняя въ немъ ни одной буквы, ни одного знака препинанія.

Друзьямъ Вас. Игн.

Живокини

только избраннымъ.

Люди всѣ съ начала вѣка
Очень схожи межъ собой
И нѣтъ въ мірѣ челоуѣка
Ктобъ доволенъ былъ судьбой.
Только я, одинъ, ей Богу,
Не похожъ на родъ людской
Я нашелъ свою дорогу
И не надо мнѣ другой.
Я хожу съ веселымъ взоромъ
По утру и ввечеру
Я родился быть актеромъ
Я актеромъ и умру.
На смѣхъ критикамъ недантамъ
Я нашехъ чего искалъ
И хотѣ маленькимъ талантомъ
А любовь къ себѣ снискалъ

¹⁾ Внука Василія Игнатьевича.

И не бывши экономомъ
 Я въ точномъ этихъ лѣтъ
 Завелся шридинимъ домою.
 И живу въ немъ, какъ поэтъ.
 Домъ мой тѣсонъ въ маломъ видѣ
 По пословицѣ идетъ:
 Въ тѣсотѣ да не въ обидѣ
 Всякой щастливо живетъ
 Пышныхъ баловъ и банкетовъ.
 Не заводите вѣдь нашъ братъ
 И у насъ божь этикетовъ
 Чѣмъ богатъ такъ тѣмъ и радъ.
 И придти кому случится
 Только въ дворъ постучи
 Просимъ милости садиться
 Что въ печи на столъ мочи.
 Есть тарелка, ложикъ, вилка,
 Ложка, хлѣба по куску,
 Миска щей, вина бутылка,
 Кто курить есть табаку.
 Но стоитъ швейцаръ въ прихожей
 Такъ за то въ моемъ кругу
 Слава Богу нѣтъ вельможей
 Отъ которыхъ я бѣгу.
 Знатный кругъ по мнѣ оковы
 Вылибъ вы со мною друзья
 Тутъ Юрловъ, тутъ Корожевы
 Вотъ мнѣ графы и князья.
 Никого не звалъ я кромѣ
 Добрыхъ милыхъ мнѣ гостей
 И я радъ что въ старомъ домѣ
 Вижу старыхъ и новыхъ друзей.
 Изъявивъ за посѣщенье
 Вамъ приемательность мою
 Я въ сердечномъ восхищеньи
 За здоровье ваше нью.

Василій Живокини

1873 г.

— На Рождествѣ, — рассказывала мнѣ Ольга Дмитріевна, — дѣдушка устроилъ для своихъ друзей вечеръ, а для насъ — елку съ дорогими подарками; раздавая намъ красивыя и цѣнныя вещи, онъ говорилъ: «милыя, любите вашего дѣдушку такъ же, какъ онъ васъ любитъ!» Въ этотъ же вечеръ онъ отдалъ нѣкоторымъ изъ своихъ друзей написанное имъ стихотвореніе. Послѣ смерти своей жены, Василій Игнатьевичъ почти затворился въ своемъ кабинетѣ и проводилъ время въ обществѣ своей невѣстки, Александры Васильевны, которая почти не отходила отъ больного, и своихъ любимыхъ внучекъ, играя съ ними въ лото и нарочно проигрывая имъ. Въ театръ онъ выѣзжалъ уже очень рѣдко.

Спектакль 9-го января 1874 года былъ послѣднею пѣсенкою знаменитаго артиста. Онъ игралъ въ послѣдній разъ въ водевилѣ

«Прежде скончались, потомъ повѣнчались». Публика встрѣтила и проводила своего больного любимца дружными, громкими рукоплесканіями.

Василія Игнатьевича доводило до отчаянія все, что такъ или иначе напоминало о смерти. Мѣсяца за два до своей кончины онъ положительно не могъ слышать, когда при немъ провозносили число 18. Какъ-то случилось, что одна изъ его маленькихъ внучекъ сказала ему: «сегодня 18-е число, ужъ мѣсяць, какъ умерла бабушка». Напоминаніе о смерти и о 18-мъ числѣ такъ сильно взволновало и раздражило Василія Игнатьевича, что онъ черезъ нѣсколько минутъ упалъ въ обморокъ. 18-е число положительно страшило его, и не даромъ: ужасное предчувствіе сбылось, и дѣйстви-тельно 18-го января 1874 года Василія Игнатьевича не стало.

Я живо помню тотъ день, когда десятка тысячь москвичей собрались около церкви св. Николая Явленнаго, въ которой происходило отпѣваніе усопшаго артиста. Огромная церковь, прилегающую къ ней переулки и половина Арбата были наполнены народомъ. И эта многотысячная толпа, среди которой находились люди науки, люди, горячо любившіе искусство, пришла не для того, чтобы посмотреть на богатые похороны, нѣтъ! она пришла для того, чтобы въ послѣдній разъ и навсегда проститься съ своимъ любимцемъ.

Я помню, что на могилѣ Василія Игнатьевича было пролито не мало искреннихъ слезъ: плакали его малолѣтнія внуки, которыхъ горячо любили своего добраго дѣдушку, плакали родные, плакали и посторонніе... Слезы чужихъ людей, быть можетъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ Василію Игнатьевичу при его жизни, конечно, были несомнѣннымъ доказательствомъ той горячей любви, какую москвичи питали къ нему, и въ то же время эти слезы были выспею и послѣднею наградою артисту. Но слезы кончились, рѣчи и говоръ затихли, близкіе и посторонніе разошлись, и на Ваганьковскомъ кладбищѣ осталась только свѣжая насыпь въ видѣ небольшого холмика, забросаннаго цвѣтами и множествомъ вѣнковъ; на насыпи — металлическій крестъ съ мѣдною дощечкою, надпись которой говорила: «подъ этимъ крестомъ покоится тѣло усопшаго артиста Императорскихъ московскихъ театровъ Василія Игнатьевича Живокина».

Могила, увядшіе цвѣты и металлическій крестъ — вотъ все, что осталось отъ великаго артиста! Грустно, до боли грустно, когда подумаешь, что такіе великіе таланты, какъ Щепкинъ, Шумскій, Садовскій и Живокина, не оставляютъ послѣ себя ничего, кромѣ нравственнаго вліянія на современниковъ; но и это вліяніе — результатъ вдохновенной игры артиста — быстро исчезаетъ!

«Да! скоро и безслѣдно поредѣ мыслью
Скользнуть искусство пламенное мнѣ,
А образцы рѣзца и пѣсьнъ поэта
Тысячелѣтны могутъ порежить»¹⁾.

¹⁾ Шиллеръ.

Если мы, какъ говоритъ древняя мудрость, должны быть благодарны человѣку, который посадить хотя одно дерево, прежде чѣмъ умереть, то какъ же мы должны быть благодарны человѣку, который въ продолженіе 50-ти лѣтъ дарилъ намъ высокое духовное наслажденіе,—человѣку, который, нерѣдко страдая самъ, нерѣдко глотая свои жгучія, но невидимыя зрителю слезы, заставлялъ себя смѣяться и своимъ благотворнымъ смѣхомъ, хотя на время, врачевалъ больныя души?

М. Лавровъ.

ПРОФЕССОРЪ А. И. КИРПИЧНИКОВЪ.

(По поводу 30-лѣтя учено-педагогической дѣятельности).

ОЛЪЕ или менѣе продолжительная дѣятельность извѣстнаго лица на одномъ и томъ же поприщѣ обращаетъ обыкновенно на себя вниманіе окружающихъ, такъ какъ предполагается, что данное лицо принесло извѣстную пользу своему дѣлу.

Но если дѣятельность юбиляра является не предположительно только полезной, а и весь его трудъ, вся его служба тому или другому дѣлу были дѣйствительно на общую пользу, то такой юбилей уже будетъ фактомъ выдающагося значенія, и мы должны не только остановить на немъ свое вниманіе, но отнестись съ полнымъ почтеніемъ къ заслугамъ юбиляра, отмѣчая періодъ времени, посвященный имъ общественному служенію, какъ явленіе, замѣчательное по тому, что дѣятельность такого лица оставляетъ глубокій слѣдъ въ жизни нашего общества.

Къ числу такихъ юбилеевъ относится и 30-лѣтіе ¹⁾ учено-педагогической дѣятельности профессора Новороссійскаго университета и члена-корреспондента академіи наукъ Александра Ивановича Кирпичникова.

Имя это хорошо извѣстно всѣмъ, кто такъ или иначе соприкасался за послѣднія тридцать лѣтъ съ нашей школой или, хотя немного, интересовался разными историко-литературными вопросами, такъ какъ профессоръ А. И. Кирпичниковъ, работая и для школы, и для науки, дѣлалъ очень много, и все, имъ сдѣланное, отличается и глубиной мысли, и серьезностью разработки.

¹⁾ 13-го декабря текущаго года.

А. И. Кирпичниковъ¹⁾ окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету въ Москвѣ въ 1865 году, т.-е. въ ту пору, когда на этомъ факультетѣ дѣйствовали въ полной силѣ здоровья и энергіи недавно скончавшійся колоссъ нашей родной науки—О. И. Буслаевъ.

Значеніе трудовъ, лекцій, а главное—отношеніе Буслаева къ студентамъ, давно уже стало общеизвѣстнымъ, такъ какъ его многочисленные ученики не разъ дѣлились съ публикой своими воспоминаніями; изъ нихъ мы знаемъ, какое благотворное вліяніе имѣлъ Буслаевъ на всѣхъ, кто не бѣжалъ его. Онъ своимъ примѣромъ увлекалъ студентовъ къ труду, и для тѣхъ, кто шелъ къ нему за совѣтомъ, дѣлалъ все, чтобы облегчить работу, чтобы помочь усвоенію того или другого вопроса. Вслѣдствіе этого, около Буслаева и группировались лучшіе студенты, такъ какъ они понимали, что можно многому научиться у учителя, который являлся идеаломъ ученаго и педагога. Благодаря всему этому, изъ учениковъ Буслаева вышло много выдающихся дѣятелей на поприщѣ специальностей, сродныхъ съ наукой, которой онъ прослужилъ всю жизнь, т.-е. какъ бы образовалась буслаевская школа, такъ какъ большинство учениковъ Буслаева являются непосредственными представителями его направленія и въ наукѣ, и въ дѣлѣ руководства занятіями студентовъ.

Одно изъ видныхъ мѣстъ въ этой школѣ мы должны отвести А. И. Кирпичникову, такъ какъ несомнѣннымъ нужно признать, что въ немъ именно, подъ вліяніемъ Буслаева, образовался весь складъ ученой дѣятельности и сложилось то высоко гуманное отношеніе къ людямъ вообще, а въ частности къ своимъ ученикамъ, вслѣдствіе котораго онъ и является такимъ выдающимся дѣятелемъ на учено-педагогическомъ поприщѣ.

Серьезное стремленіе къ научной разработкѣ различныхъ историко-литературныхъ вопросовъ обнаружилось въ А. И. Кирпичниковѣ немедленно же послѣ окончанія имъ университетскаго курса, когда онъ сталъ преподавателемъ (сперва въ 1-й, а потомъ въ 5-й московской гимназій), такъ какъ онъ не прекратилъ своихъ университетскихъ работъ по специальнымъ вопросамъ; вмѣстѣ съ этимъ

¹⁾ Род. 18-го августа 1846 г. въ гор. Мценскѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ 1-й московской гимназій, курсъ которой окончилъ съ золотой медалью въ 1861 г. и тогда же поступилъ въ число студентовъ Московскаго университета. Биографическія данныя объ А. И. Кирпичниковѣ приводятся А. И. Маркевичемъ: «Двадцатипятилѣтіе Имп. Новороссійскаго университета» (Одесса, 1890), и проф. Л. Ю. Шепеловичемъ въ статьѣ «Каеодра исторіи всеобщей литературы въ Имп. Харьковскомъ университетѣ» («Записки Харьковскаго университета», 1897, № 1); обзорніе трудовъ А. И. Кирпичникова, посвященнахъ археологін, въ этой статьѣ сдѣлано проф. Е. К. Рѣдинымъ. Проф. Л. Ю. Шепеловичъ приводитъ списокъ трудовъ А. И. Кирпичникова; списокъ этотъ можетъ быть значительно пополненъ.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1897 г., т. LXX.

онъ не остался равнодушнымъ и къ педагогическому дѣлу, стараясь внести въ него больше свѣта, стремясь сдѣлать для учениковъ болѣе доступнымъ и легкимъ приобрѣтеніе знаній и заботясь объ ихъ развитіи.

Результатомъ этихъ непосредственныхъ по окончаніи университетскаго курса занятій были работы: «Письма темныхъ людей» ¹⁾ и «Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы» ²⁾. Читая объ эти работы, невольно обращаешь вниманіе на то, что онѣ написаны не по пособіямъ, а исключительно по источникамъ; напр., статья «Письма темныхъ людей» не имѣетъ ссылокъ на какія либо руководства или пересказы памятниковъ въ курсахъ исторіи литературы, въ ней на каждомъ шагу видно серьезное изученіе отдѣльныхъ произведеній даннаго дѣятеля эпохи, отчего автору и удалось сдѣлать живую и увлекательную характеристику средневѣкового образованія съ его схоластической наукой, средневѣковыми университетами и борьбой схоластики съ гуманизмомъ; не менѣе удачно поэтому опредѣлено авторомъ значеніе сатиры «Похвала глупости» и «Писемъ», которыя, — какъ авторъ замѣчаетъ, — «составляютъ поворотъ отъ абсолютнаго средневѣкового господства авторитета къ свободному новому времени». Также серьезно и самостоятельно изучены авторомъ и многіе средневѣковые литературные памятники, которымъ посвящены «Очерки»; вслѣдствіе этого и въ нихъ мы находимъ цѣнные и справедливыя характеристики ³⁾.

Та же серьезность и вдумчивость обнаружена была А. И. Кирпичниковымъ и въ первыхъ педагогическихъ статьяхъ; очевидно, что молодой гимназическій учитель не закрывалъ глазъ на то, что дѣлалось вокругъ него въ средѣ учениковъ, онъ присматривался къ ихъ нуждамъ, болѣлъ ихъ горестями и много думалъ надъ тѣмъ, какъ улучшить условія, при которыхъ долженъ учиться и развиваться ученикъ нашей школы. Отсюда и его заботы «о домашнемъ надзорѣ», «о внѣклассномъ чтеніи», «о разборѣ образцовъ иностранной литературы въ нашихъ гимназіяхъ», объ «обученіи ореографіи» ⁴⁾. Въ статьяхъ, посвященныхъ этимъ вопросамъ,

¹⁾ «Журн. М. Н. Пр.» 1868 г.

²⁾ Москва, 1869 г.

³⁾ «Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы» посвящены разсмотрѣнію и подробному пересказу цѣлага ряда памятниковъ. Писемъ, романа Круглаго Стола, средневѣковой сборники, средневѣковой драма и др. изучены для этой работы очноъ серьезно, а потому «Очерки» немедленно по выходѣ въ свѣтъ были отмѣчены критикой, какъ книга весьма полезная (см., наприм., «Заря» 1869 г., августъ; рецензентъ съ особенною похвалой отзывается о достоинствѣ переводовъ приведенныхъ отрывковъ).

⁴⁾ Этимъ вопросамъ посвящены А. И. Кирпичниковымъ статьи подъ тѣми же заглавіями; онѣ въ 1867—1870 годахъ напечатаны въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, а въ 1890 г. собраны и издааны отдѣльною книгой «Педагогическіе очерки» (1867—1888) въ Москвѣ.

мы прежде всего отмѣчаемъ глубокую любовь автора къ дѣтямъ, къ которымъ онъ относится тепло и которымъ всѣми силами стремится помочь жить счастливѣе, стать умнѣе, добрѣе и сердечнѣе. Авторъ всюду сторонникъ гуманнаго отношенія, онъ во всемъ находитъ примѣненіе ласки, а потому родителямъ и учителямъ рекомендуетъ лишь желаніе помочь дѣтямъ, такъ какъ при желаніи все можно исполнить хорошо. У него нѣтъ иныхъ мѣръ, какъ только сила убѣжденія системой разговоровъ и бесѣдъ съ ребенкомъ; ничего иного онъ не рекомендуетъ для чтенія внѣ класса, какъ лишь такія произведенія, въ которыхъ юный читатель найдетъ пищу для развитія добрыхъ чувствъ и нравственныхъ взглядовъ. Вслѣдствіе этого и теперь, несмотря на то, что со времени написанія этихъ статей прошло много времени, указанія автора о выборѣ книгъ для чтенія должны считаться весьма рациональными и цѣнными; не утратили своего значенія и общіе взгляды автора на задачи школы, такъ какъ едва ли нужно доказывать, что предлагаемыя имъ положенія могутъ потерять когда нибудь свою цѣну; мысли автора относительно гуманнаго образованія и стремленія его указать преимущества этого образованія весьма полезно почаще вспоминать въ настоящую минуту ¹⁾. Авторъ на каждомъ шагѣ заботится о выработкѣ изъ дѣтей хорошихъ людей, съ сердцемъ, безъ узкаго эгоизма, способныхъ употреблять свое спеціальное образованіе и заботиться объ интересахъ общества, о принципахъ чести и порядочности; для этого-то имъ и рекомендуются творенія бессмертныхъ носителей великихъ идеаловъ, для этого-то онъ стремится показывать учителю всю отвѣтственность его воспитательнаго дѣла, дать ему рядъ руководящихъ идей и совѣтовъ и при этомъ сопровождаетъ свои положенія живыми историческими справками и параллелями.

Поработавъ такимъ образомъ и въ такомъ направленіи до 1871 г., А. И. Кирпичниковъ выходитъ въ отставку и отправляется въ первую свою заграничную поѣздку, изъ которой возвращается въ Россію весной 1873 года. Поѣздка эта должна быть признана, какъ переходный моментъ въ жизни А. И. Кирпичникова изъ работающаго преподавателя гимназіи въ выдающагося преподавателя университетскаго, такъ какъ въ 1873 году онъ выдерживаетъ экзаменъ на степень магистра исторіи всеобщей литературы, защищаетъ при-

¹⁾ Позволимъ себѣ привести одно изъ замѣчаній автора по этому поводу: «Отъ пониженія уровня общаго, гуманнаго образованія страдаетъ Западная Европа, гдѣ это образованіе, такъ сказать, въ воздухѣ носится. Ужели намъ, съ нашей дѣвственной культурой, броситься, очертя голову, въ тотъ омутъ, на краю котораго ее стараются удержать лучшіе люди? Ужели человечество четыре столѣтія работало для того, чтобы дойти до того же гибельнаго развитія утилитарнаго, спеціальнаго обученія, отъ котораго спасъ его гуманизмъ?» («Педагогическіе очерки», стр. 40).

готовленную за этотъ періодъ магистерскую диссертацию «Поэмы Ломбардскаго цикла» (Москва, 1878 г.) и становится доцентомъ въ Харьковскомъ университетѣ. Диссертация эта, написанная на основаніи серьезнаго изученія подлинныхъ рукописей въ бібліотекахъ берлинской и вѣнскаго, обнаружила въ молодомъ ученомъ точность метода и осторожность въ приложеніи его къ фактамъ. Авторъ обнаружилъ основательное знакомство съ германскими нарѣчіями, а потому его изслѣдованіе цѣлаго ряда нѣмецкихъ народно-поэтическихъ сказаній о Дитрихѣ Бернскомъ явилось серьезнымъ приобретениемъ для русской литературы тѣмъ болѣе, что автору удалось указать связь между эпосомъ нѣмецкимъ и русскимъ, что и было вмѣнено ему въ особую заслугу, такими учеными авторитетами, какъ Н. А. Лавровскій и Ф. И. Буслаевъ.

Для исполненія этой работы автору во время заграничной поездки пришлось многое перечитать, многое изучить, но онъ и въ это время не забывалъ вопросовъ педагогическаго характера, находя время дѣлиться съ русскою публикой своими внимательными наблюденіями надъ жизнью заграничныхъ школъ и ученыхъ учреждений. Благодаря этому, мы и имѣемъ нѣсколько прекрасныхъ статей, посвященныхъ этимъ вопросамъ, напримѣръ, «Урокъ исторіи въ классической гимназіи Фридриха-Вильгельма въ Кельнѣ», «Учитель гимназіи въ Германіи и въ Россіи», «Лицей Данта во Флоренціи», «Институтъ Терезіанумъ въ Вѣнѣ»¹⁾.

Статьи эти написаны живо и увлекательно, проникнуты тѣмъ же искреннимъ желаніемъ принести возможную пользу русскому ученику, русскому учителю. Пускай, напримѣръ, современный намъ учитель русской гимназіи со вниманіемъ прочтетъ великолѣпную параллельную характеристику учителя русскаго и германскаго, сколько хорошихъ мыслей она можетъ въ немъ пробудить и, быть можетъ, даже заставить призадуматься надъ тѣмъ, какъ онъ живетъ и исполняетъ свое важное дѣло преподаванія. Во всѣхъ этихъ статьяхъ дается масса полезныхъ указаній о веденіи преподаванія того или другого предмета, дѣлаются замѣчанія о значеніи того или другого педагогическаго приѣма и попутно сообщаются весьма цѣнные научныя указанія²⁾. Во всемъ виденъ образованный внимательный

¹⁾ Статьи эти перопечатаны въ тѣхъ же «Очеркахъ».

²⁾ «Тамъ, гонорить авторъ, все дѣло основано на энѳргіи или, лучше сказать, способности не уставать со стороны учителя и на постоянномъ повтореніи одного и того же въ продолженіе многихъ разъ, пока, наконецъ, всѣ или почти всѣ ученики усвоятъ себѣ необходимый фактичекій матеріалъ. Хорошая сторона видаа сразу: ученики отвѣчаютъ быстро, правильно; они усваиваютъ себѣ на весь курсъ ученія, если не на всю жизнь, извѣстные года и факты...» («Очерки», стр. 69). Въ другомъ мѣстѣ авторъ, говоря о роли воспитателя, замѣчаетъ: «Какъ можетъ уставъ разъяснить учителю, какимъ образомъ и въ какой силѣ долженъ онъ имѣть нравственнае вліяніе на своихъ воспитанниковъ? Онъ можетъ заире-

наблюдатель, умѣющій всюду найти для себя и для другихъ полезное и цѣнное.

Въ Харьковѣ А. И. Кирпичниковъ оставался до 1876 года; за эти три года — первые изъ числа лѣтъ, собственно посвященныхъ университетскому преподаванію, — онъ усиленно занимается разработкой нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ и издаетъ за это время нѣсколько монографій, напимѣръ, «Кудруна» (Харьковъ, 1874 г.) и «Греческіе романы въ новой литературѣ» (Харьковъ, 1876 г.), а также печатаетъ отдѣльныя статьи, среди которыхъ находятся весьма цѣнныя изслѣдованія (напимѣръ, «Бодмеръ и Годшедъ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1874 г.). Насколько серіозны были занятія А. И. Кирпичникова въ это время, видно изъ того, напимѣръ, что нѣкоторые выводы его и положенія, высказанные въ этюдѣ «Кудруна», сдѣлались, благодаря рефератамъ профессора Гейнцеля, извѣстными и нѣмецкой наукѣ¹⁾. Но условія провинціальной жизни, далеко не всегда подходящія для исполненія широко задуманной ученой работы, заставили А. И. Кирпичникова переѣхать въ 1876 году въ Петербургъ, гдѣ онъ, исполняя различныя порученія министерства народнаго просвѣщенія, усиленно работалъ надъ изслѣдованіемъ «Св. Георгій и Егорій Храбрый»²⁾, за которое въ 1879 году и получилъ степень доктора всеобщей исторіи и литературы. Книга эта, названная Буслаевымъ «прекрасной», а О. Э. Миллеромъ «замѣчательной»³⁾, была выдающимся явленіемъ въ нашей литературѣ, какъ по матеріалу, такъ и по тѣмъ точкамъ зрѣнія, которыя въ ней намѣчены. Трудная тема — изслѣдованіе литературной исторіи христіанской легенды — требовала отъ автора обширныхъ изысканій по всеобщей литературѣ, такъ какъ сказаніе о св. Георгіи должно быть признано общимъ достояніемъ исторіи цивилизаціи, а потому для ея разрѣшенія нужно было отыскать нить, которая связываетъ русскія сказанія со сказаніями другихъ народовъ, что автору удалось прекрасно исполнить, почему онъ въ своей работѣ и далъ генезисъ легенды — отъ ея основы, коренящейся въ религіозныхъ представленіяхъ Востока, до житія и его варіантовъ, а также и до все-

---

тить ему драться; но можетъ ли приказати ему внушать чувство гуманности своимъ воспитанникамъ, или можетъ ли имѣть такое приказаніе силу? Ходъ воспитанія въ странѣ болѣе, нежели отъ устава, зависитъ отъ уровня развитія и обстановки учителей (ib., стр. 75). Кромѣ этихъ чисто педагогическаго характера статей, авторомъ за этотъ періодъ написаны еще: «Вѣнскій университетъ и его реформа», «Вѣнскія бібліотеки», «Академія новыхъ языковъ въ Верлигѣ»; въ нихъ также даются многія цѣнныя указанія для всѣхъ, кто интересуется названными учрежденіями. Къ сожалѣнію, статьи эти не переизданы отдѣльною книгой, а потому мало доступны.

¹⁾ Л. Ю. Шенелевичъ, «Кудруна» (Харьковъ, 1894), стр. 1.

²⁾ С.-Петербургъ, 1879 года.

³⁾ Офіціальные отзывы; они приведены въ указанной статьѣ профессора Л. Ю. Шенелевича.

возможныхъ измѣненій въ народной поэзи. Точность и правильность метода видна во всемъ, что сдѣлано авторомъ для рѣшенія намѣченной задачи: обстоятельно изучены редакціи житія, дано ясное объясненіе легенды и строго разобраны варианты русскихъ духовныхъ стиховъ, а, кромѣ того, даны сравнительныя параллели съ южно-славянскими и ново-греческими пѣснями. Благодаря всему этому, книга А. И. Кирпичникова остается и до сихъ поръ не замѣнимымъ руководствомъ для разработки матеріала по исторіи русскихъ духовныхъ стиховъ¹⁾.

Получивъ степень доктора, А. И. Кирпичниковъ былъ назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ въ Харьковъ и оставался въ этой должности до 1884 года, когда вышелъ въ отставку и переселился снова въ Петербургъ; въ слѣдующемъ (1885) году онъ становится ординарнымъ профессоромъ въ Новороссійскомъ университетѣ, въ которомъ и заканчиваетъ теперь 30-лѣтіе своей службы. Весь періодъ этотъ въ дѣятельности А. И. Кирпичникова является самымъ плодотворнымъ и блестящимъ; исполнивъ всѣ обязательныя для профессора работы, онъ съ прежней энергіей продолжаетъ трудиться на учено-педагогическомъ поприщѣ, и вопросы, которыми онъ занимается, становятся еще болѣе разнообразными.

Пользуясь своей предыдущей подготовкой и примѣняя на дѣлѣ всѣ свои богатые знанія, А. И. Кирпичниковъ сдѣлалъ для науки очень много, и для того, чтобы разобрать всѣ многочисленныя труды его, нужна специальная монографія, такъ какъ высказанныя имъ одновременно по всевозможнымъ вопросамъ мнѣнія и положенія могутъ быть соединены въ цѣльную систему, по своимъ методическимъ приемамъ вполне пригодную для руководства при разработкѣ всевозможныхъ историко-литературныхъ вопросовъ²⁾, а потому въ настоящемъ очеркѣ мы можемъ ограничиться лишь общей характеристикой этихъ трудовъ.

Во главѣ всѣхъ этихъ трудовъ должна быть поставлена капитальная «Всеобщая исторія литературы»; изданіе это, начатое подъ редакціей В. Θ. Корша, было съ успѣхомъ доведено до конца подъ редакціей А. И. Кирпичникова³⁾, которымъ въ немъ написаны

¹⁾ Духовными стихами А. И. Кирпичниковъ занимался и впоследствии и, пользуясь своей глубокой подготовкой, далъ о нихъ двѣ прекрасныя статьи — въ «Исторіи русской литературы» Галахова (Спб., 1880) и въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Врокгауза; статьи эти отличаются серьезностью и строго-научною формулировкой положеній.

²⁾ Въ этомъ отношеніи особенно важною является его истинно блестящая лекція, читанная въ Новороссійскомъ университетѣ въ 1885 году; она напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1886 годъ. Здѣсь даны цѣнныя наблюденія и разсужденія о методахъ исторіи литературы. Много методологическихъ указаній заключается и въ статьѣ: «Гдѣ взять матеріалы для исторіи византійской литературы?» (Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія, 1889 года, кн. 5). Она профессоромъ Дестунисомъ переведена на греческій языкъ (Δελτιον, 1891 года).

³⁾ Изданіе Риккера въ 4 т., С.-Петербургъ, 1880 - 1892 года.

большіе и важные отдѣлы; ему, напримѣръ, принадлежатъ «Средне-вѣковая литература Западной Европы», «Очеркъ исторіи литературы XIX вѣка», «Вѣкъ просвѣщенія въ Италіи» и проч. Все написанное А. И. Кирпичниковымъ въ этомъ изданіи является прекраснымъ пособіемъ для изученія различныхъ моментовъ исторіи западно-европейскихъ литературъ, такъ какъ, отличаясь серіозностью содержанія и живостью изложенія, даетъ возможность ознакомиться не съ одними только именами авторовъ, но представляетъ обстоятельные пересказы содержанія главнѣйшихъ и важнѣйшихъ произведеній, которыя разбираются всегда въ связи со временемъ, когда жилъ и дѣйствовалъ ихъ авторъ. Кромѣ всего этого, въ отдѣлахъ, принадлежащихъ въ этомъ изданіи А. И. Кирпичникову, весьма важными являются библиографическія указанія; благодаря имъ, можно, напримѣръ, обстоятельно ознакомиться со многими выдающимися произведеніями иностранныхъ авторовъ и въ русскихъ переводахъ, такъ какъ они весьма старательно отмѣчаются въ соответствующихъ мѣстахъ. Вокругъ этого изданія, которое одно уже можетъ создать имя редактору, группируются многочисленныя отдѣльныя статьи и изданія, посвященныя А. И. Кирпичниковымъ частнымъ вопросамъ по западно-европейскимъ литературамъ; такъ, напримѣръ, за этотъ періодъ А. И. Кирпичниковымъ изданы—«Похвала глупости Эразма Роттердамскаго» (переводъ съ предисловіемъ, Москва, 1884 года); «Исторія средневѣковой французской литературы» (IX—XV в.в.); «Двѣ біографіи: Ж. Зандъ и Гейне»; «Вальтеръ Скоттъ и В. Гюго»¹⁾ и другія работы, дающія возможность повнакомиться съ различными выдающимися литературными дѣятелями.

Работая надъ изученіемъ различныхъ явленій западно-европейскихъ литературъ, А. И. Кирпичниковъ не забывалъ попутно отмѣчать аналогичные факты въ русской литературѣ, стараясь обстоятельными параллелями уяснить различные моменты жизни нашего общества. Вслѣдствіе этого, рядъ статей его, посвященныхъ всецѣло изученію произведеній русскихъ писателей, имѣетъ большую цѣнность и значеніе. Специально русской литературѣ А. И. посвятилъ изслѣдованія—«Московскія Вѣдомости» 1789 года», «Кургановъ и его Письмовникъ», «Антоній Погорѣльскій (Перовскій)», «А. В. Дружининъ», «Пушкинъ, какъ европейскій поэтъ», «Замѣтки о Крыловѣ», «Достоевскій и Писемскій (опытъ сравнительной характеристики)», «Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и гр. Л. Толстого», «П. Я. Чаадаевъ», «Н. М. Коншинъ» и др.²⁾

¹⁾ Переработанныя публичныя лекціи.

²⁾ Здѣсь названы только болѣе крупныя статьи (большая часть изъ нихъ перепечатана изъ различныхъ журналовъ въ отдѣльной книгѣ: «Очерки по

Каждая изъ этихъ статей отличается тщательною разработкой матеріала, который, однако, не дается въ сыромъ видѣ, а старательно освѣщается, а потому каждый фактъ получаетъ осмысленное значеніе и толкованіе.

Достаточно остановиться, напримѣръ, на статьѣ о Кургановѣ, чтобы видѣть, съ какимъ умѣніемъ авторъ обращается съ изучаемымъ русскимъ писателемъ. «Письмовникъ» Курганова (род. въ 1725 году) былъ книгой въ свое время весьма у насъ на Руси распространенной, и на немъ воспиталось не одно поколѣніе, а между тѣмъ имъ почти не занимались, и никто изъ нашихъ историковъ не постарался уяснить, чѣмъ зачитывались въ этой книгѣ. Внимательное изученіе ея А. И. Кирпичниковымъ показало, что въ ней мы находимъ не пустую болтовню, изъ-за которой слѣдуетъ пренебрегать Кургановымъ, а литературную обработку матеріала, главная часть котораго оказывается заимствованною у нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей (напримѣръ, Roger Bontems), что дѣлаетъ «Письмовникъ» любопытнымъ явленіемъ нашей литературы прошлаго вѣка, такъ какъ онъ можетъ послужить для уясненія того, чѣмъ интересовались въ данное время наши предки, а это, кажется, важно для выясненія умственного состоянія нашего общества. Настолько же важнымъ для изученія внутренней жизни нашего общества оказался и тотъ литературный матеріалъ, который заключается въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1789; пользуясь имъ, авторъ прекрасно нарисовалъ колебанія политическихъ взглядовъ правительства нашего и представителей различныхъ классовъ общества на разыгрывающіяся на далекомъ Западѣ событія. И другія изъ названныхъ статей, благодаря тому, что въ нихъ также не оставлено А. И. Кирпичниковымъ безъ вниманія современное научасому явленію теченіе обще-европейской мысли, являются весьма важными для всѣхъ желающихъ ознакомиться съ извѣстною эпохой нашей жизни, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, «Пушкингъ» (юбилейная рѣчь 1887 года), должны быть признаны среди многихъ однородныхъ—явленіями выдающимися, что отмѣчалось не разъ и критикой нашей. Во всѣхъ работахъ А. И. Кирпичникова виденъ строгій критическій тактъ, нѣтъ никакого пристрастія или желанія тенденціозно истолковать въ нашей жизни то или другое явленіе. Въ подтвержденіе этого я позволю себѣ привести слѣдующія слова А. И. Кирпичникова изъ статьи, посвященной памяти И. С. Аксакова: «Если пред-

---

исторіи новой русской литературы» (С.-Петербургъ, 1896 года). Кроме этихъ статей, А. И. Кирпичникову принадлежитъ еще рядъ другихъ, написанныхъ на разные случаи (по поводу юбилеевъ и т. п.), напримѣръ—«Нѣсколько словъ объ И. С. Аксаковѣ», «Женитьба» Гоголя, «Памяти Ор. Ф. Михлера», «Памяти М. Е. Салтыкова», «И. И. Новикова» и др.; онъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія, но, къ сожалѣнію, пока еще не собранъ въ отдельную книгу.

полагать, что термины славянофильство и западничество имѣютъ жизненный смыслъ и до сихъ поръ, конечно, не такой, какъ 40 лѣтъ назадъ, пишущій эти строки долженъ отнести себя скорѣе ко второй группѣ; но это не мѣшаетъ ему признавать важность заслуги вожаковъ другой партіи, не можетъ препятствовать ему и

Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.

никому другому признать связь между основнымъ ихъ принципомъ и самымъ здравымъ и вліятельнымъ принципомъ современной исторической науки; эта-то связь, по моему мнѣнію, придавала жизненную силу славянофильству даже въ томъ періодѣ, когда увлеченіе доводило славянофиловъ до странныхъ крайностей, до стремленія повернуть назадъ, непризнанія смысла Петровской реформы, неру-

шимаго презрѣнія къ западной цивилизаціи. Этотъ принципъ уваженія къ народу и его преданіямъ, признаніе разумности, высокой гуманности и непобѣдимой силы въ этой темной массѣ,—этотъ великій принципъ проникаетъ собою не только всю науку, но и все художественное творчество нашего столѣтія отъ Диккенса и В. Гюго до Льва Толстого и Достоевскаго включительно... Энергичное и высокоталантливое проведеніе этого принципа, органически проникавшего весь духъ Ив. Аксакова, сдѣлало его народнымъ русскимъ публицистомъ»¹⁾. Пользуясь такимъ образомъ данными западно-европейскихъ литературъ для уясненія явленій нашей литературы, А. И. Кирпичниковъ не оставилъ безъ вниманія также исторію и археологію христіанскаго искусства, и въ указанный періодъ своей дѣятельности посвятилъ этой важной наукѣ рядъ изслѣдованій, такъ какъ не могъ не признать значенія разработки вопроса о взаимодѣйствіи искусства и литературы, изученіе котораго необходимо для выясненія тѣхъ идей и интересовъ, которые являются характеристичными для извѣстной эпохи культурной жизни народа того или другого періода. Посвятивъ исторіи искусства цѣлый рядъ весьма важныхъ специальныхъ изслѣдованій («Сказанія о житіи Дѣвы Маріи и ихъ выраженіе въ средневѣковомъ искусствѣ», «Миніатюры часослововъ Императорской Публичной бібліотеки по отношенію къ легендѣ о Мадоннѣ», «Успеніе Богородицы въ легендѣ и въ искусствѣ» и др.), А. И. Кирпичниковъ и въ этой области даетъ рядъ руководящихъ положеній, необходимыхъ для опредѣленія правильныхъ взглядовъ на общіе вопросы въ этого рода работахъ. «Ясно,—говоритъ онъ,—что полное и всестороннее изслѣдованіе общаго вопроса о взаимодѣйствіи иконописи и словесности, при тѣхъ существенныхъ пробѣлахъ, которыми пока страдаетъ и исторія христіанскаго искусства, и исторія средневѣковой поэзіи, въ настоящее время не мыслимо. Но теперь, въ самый разгаръ видительной работы въ этихъ областяхъ, возможно и желательно сговориться относительно его рамокъ, попытаться установить нѣкоторыя общія положенія и привести нѣсколько характерныхъ примѣровъ различныхъ видовъ этого взаимодѣйствія»²⁾. Намѣченныя этими словами задачи и разрабатываются А. И. Кирпичниковымъ, какъ въ названныхъ выше статьяхъ по искусству, такъ и другихъ: написаны онѣ живо, увлекательно, какъ и нѣсколько популярныхъ статей по искусству (напримѣръ, «Рафаэль Санціо», «Древне-христіанскія катакомбы»³⁾), которыя прекрасно знакомятъ читателя съ разбираемымъ предметомъ.

¹⁾ «Одесскій Вѣстникъ», 1886 г., № 85.

²⁾ «Взаимодѣйствіе иконописи и словесности и народиой и книжной». Труды VII Археол. съѣзда (1890), т. II, стр. 218.

³⁾ «Русская Мысль», 1888, кн. 7, и «Ист. Вѣстн.», 1888, кн. 10. Статья о Рафаэлѣ весьма живо представляетъ эпоху, когда жилъ Рафаэль, и дитъ рельефную оцѣнку

Для того, чтобы исполнить такъ много работъ по разнымъ вопросамъ и при томъ исполнить ихъ такъ основательно, А. И. Кирпичникову нужно было бы, конечно, не мало энергии и времени, но онъ, несмотря на это, не забылъ среди этихъ работъ и педагогическихъ вопросовъ, которыми интересовался еще въ началѣ своей дѣятельности; напротивъ, онъ подошелъ къ нимъ теперь съ болѣею подготовкой, съ большимъ опытомъ, посвятивъ имъ и въ этомъ періодѣ своей дѣятельности нѣсколько весьма цѣнныхъ статей. Среди ихъ числа на первомъ мѣстѣ нужно поставить актовую рѣчь «Диккенсъ, какъ педагогъ», которая, какъ самъ авторъ говоритъ, есть какъ бы «сводъ его педагогическихъ вѣрованій»¹⁾. «Вѣрованія» эти сложились изъ главнѣйшихъ положеній о воспитаніи, высказанныхъ во многихъ романахъ Диккенсомъ, который, будучи однимъ изъ гуманнѣйшихъ писателей вѣка, могъ высказывать лишь такія мысли по этому поводу, которыя могутъ составить большую честь человѣку, принявшему ихъ за свои «вѣрованія». «Диккенсъ въ основу воспитанія кладетъ любовь, а гдѣ любви больше, чѣмъ въ материнскомъ сердцѣ? Слѣдовательно, мать есть естественная воспитательница и наставница дѣтей своихъ, и чѣмъ дольше можетъ она вести дѣтей своихъ, чѣмъ позднее будетъ нуждаться въ помощи постороннихъ людей, тѣмъ лучше; а чтобы, какъ слѣдуетъ, учить 10—11 лѣтняго сына, чтобы быть его помощницей и совѣтницей позднее, въ его школьный періодъ, она сама должна получить прочное и серьезное образованіе...»²⁾. Такъ заканчиваетъ свою рѣчь А. И. Кирпичниковъ и этимъ даетъ намъ возможность судить, какъ объ основѣ его педагогическихъ вѣрованій, такъ о взглядѣ на женское образованіе, которому онъ посвятилъ специальную статью³⁾, вполне обстоятельно доказывающую на основаніи личныхъ жизненныхъ наблюденій автора и при помощи разсмотрѣнія цѣлаго ряда литературныхъ типовъ мысль о необходимости предоставленія возможности женщинамъ нашимъ получать широкое и полное образованіе; соображенія, высказанные здѣсь авторомъ, не должны быть оставлены безъ вниманія всѣми, кому дороги интересы высшей женской школы. Весьма важною является и статья «Женское образованіе въ Баваріи»⁴⁾, такъ какъ въ ней авторъ, на основаніи личныхъ наблюденій, говоритъ объ устройствѣ женскихъ школъ въ «ученой Германіи», указываетъ, что въ нихъ заслуживаетъ вниманія и подражанія, а что

дѣятельности знаменитаго живописца эпохи возрожденія. Въ статьяхъ о катакомбахъ на основаніи соч. Шульце («Die Katakomben», Leipzig, 1882) авторъ описываетъ архитектурныя формы катакомбъ, способы ихъ росписи и проч.

¹⁾ Первоначально напечатана въ Харьковѣ (1881 г.), но вошла и въ вышесказанные «Педагогическіе очерки».

²⁾ «Педагогическіе очерки», стр. 156—157.

³⁾ Ibidem, 158 и слѣд.

⁴⁾ «Русская Школа», 1893.

должно быть оставлено, как неподходящее. Въ нашемъ очеркѣ мы могли лишь коротко разсмотрѣть учено-педагогическіе труды А. И. Кирпичникова за 30 лѣтъ его дѣятельности и при этомъ назвали далеко не все, что имъ написано ¹⁾. Но и эта краткость, надѣемся, позволяетъ намъ сдѣлать выводъ объ общемъ характерѣ и направленіи въ учено-педагогическихъ трудахъ высокоуважаемаго профессора.

Мы видѣли, что, направляя всѣ свои силы и знанія къ изученію специальныхъ вопросовъ и обстоятельно выяснивъ многіе изъ нихъ, А. И. Кирпичниковъ на первомъ мѣстѣ ставилъ задачу и желаніе осмыслить всякое явленіе, истолковать его со стороны значенія для пониманія фактовъ общественной жизни, то-есть дать руководящую нить для разбора того, что совершалось и совершается въ вѣковомъ движеніи народовъ по пути совершенствованія; «чувствованіе памяти великихъ дѣятелей прошлаго, справедливая и благодарная оцѣнка заслугъ ихъ—лучшій залогъ сѣтлаго будущаго» ²⁾, вотъ тотъ главный принципъ, который положенъ въ основу всѣхъ работъ А. И. Кирпичникова и руководствуясь которымъ онъ далъ намъ рядъ прекрасныхъ статей по нашей литературѣ и выяснилъ въ ней много важныхъ моментовъ. Стремленіе научить извлекать пользу изъ уроковъ прошлаго невольно побуждаетъ обращать вниманіе и на чисто воспитательные вопросы; дѣти—это люди будущаго, нужно помочь имъ научиться болѣе умѣло дѣлать предстоящее дѣло, а потому необходимо теперь же готовить изъ нихъ хорошихъ, добрыхъ, честныхъ людей. Вотъ та важная задача, которой А. И. Кирпичниковъ, какъ хорошій знатокъ прошлой жизни нашего общества, не могъ не поставить коренною въ своихъ педагогическихъ работахъ, положивъ въ основу своихъ воззрѣній по этому вопросу правило, что «человѣкъ и съ дѣтства долженъ при-

¹⁾ Приводимъ списокъ тѣхъ изданій, въ которыхъ А. И. помѣщались смир статьи и рецензіи: «Ист. Вѣстн.», «Русскій Вѣстникъ», «Русская Мысль», «Русская Школа», «Русская Старина», «Сѣверный Вѣстникъ», «Заграничный Вѣстникъ», «Новь», «Художественныя Повести», «Педагогическое Обзорѣніе», «Пантеонъ Литературы», «Arch. für slav. Phil.», «Журн. М. Народн. Просв.», «Revue Critique», «Критическое Обзорѣніе», «Миръ», «Библиографъ», «Русское Обзорѣніе» (редакція ки. Цортелева), «Vuz. Zeitschrift», «Византийскій Временникъ», «Извѣстія Имп. Акад. Наукъ», «Записки Имп. Русск. общ.», «Этнографическое Обзорѣніе», «Записки Имп. Новор. унив.», «Чтенія въ Имп. Общ. исторіи и древностей», «Лѣтопись Историко-филолог. общ. при Имп. Новоросс. унив.», «Словарь писателей Венгерова», «Энциклопедическ. словарь» (Брокгауза и Ефрона) и др., а также многія газеты («Русск. Вѣдомости», «Московск. Вѣдомости», «Новое Время» и др.). Уже одинъ этотъ списокъ исключаетъ возможность разсмотрѣть всѣ статьи г. Кирпичникова. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что А. И. Кирпичниковымъ издавъ рядъ пользующихся большимъ успѣхомъ школьныхъ пособій: «Исторія русской литературы для учащихся», «Теорія словесности», «Русская хрестоматія для низшихъ классовъ», «Историческая хрестоматія», «Этимологін», «Синтаксисъ» и т. и.

²⁾ Очерки по исторіи новой русской литературы, стр. 153.

учаться отличать добро отъ зла и любовь къ людямъ отъ эгоизма, вѣруя въ силу добра и его побѣду надъ зломъ»¹⁾, и предложивъ рядъ гуманныхъ мѣръ и совѣтовъ для исполненія его.

Такое направленіе въ ученыхъ работахъ сдѣлало имя А. И. Кирпичникова однимъ изъ почтенныхъ и авторитетныхъ среди современныхъ представителей науки нашей²⁾, а, благодаря своимъ педагогическимъ взглядамъ, онъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ гуманнѣйшихъ и сердечныхъ педагоговъ и руководителей въ занятіяхъ. Вслѣдствіе всего этого вліяніе и значеніе его печатныхъ трудовъ очень велико, и мы должны потому съ почитательною признательностью привѣтствовать 30-лѣтіе его служенія на поприщѣ учено-педагогическомъ. Но дѣятельность свою за этотъ большой періодъ времени А. И. Кирпичниковъ не ограничилъ лишь дѣятельностью строго литературной; работая безъ усталы надъ наученіемъ различныхъ вопросовъ своей обширной спеціальности, онъ не заперался въ своемъ кабинетѣ и не выходилъ изъ него лишь для чтенія обязательныхъ университетскихъ лекцій. Въ немъ всегда было живо сознаніе, что нашему обществу, особенно въ провинціи, необходимы руководители, нужны учителя, которые желали бы работать ему на пользу. Вслѣдствіе этого онъ и является постоянно душой всякаго дѣла, направленаго для образованія народнаго, никогда не уклоняясь отъ чтенія публичныхъ рѣчей, лекцій и участія въ народныхъ чтеніяхъ. Отсюда и происходитъ, что многія учено-благотворительныя учрежденія и общества болѣе или менѣе успѣшную дѣятельность свою должны объяснять лишь тѣмъ, что ими или руководить или дѣятельно помогать имъ А. И. Кирпичниковъ, вносящій всегда всюду свою энергію, дѣлясь со всѣми своими богатыми знаніями, любовно помогая своимъ трудомъ и никогда не уклоняясь оказать поддержку тѣмъ лицамъ, которыя нуждаются въ ней для хорошаго, полезнаго дѣла. Этимъ и объясняется та искренняя любовь, то глубокое уваженіе, которыми А. И. Кирпичниковъ пользуется у всѣхъ, кому приходилось обращаться къ нему. А обращались и обращаются къ нему очень многіе; къ нему идетъ студентъ за помощью и совѣтомъ въ трудную минуту, къ нему за руководствомъ въ занятіяхъ обращается молодой начинающій ученый, къ нему безъ стѣсненія является недоумѣвающій и затрудняющійся въ своихъ трудахъ педагогъ... И никто не получитъ отказа; всѣхъ онъ научить, всѣмъ онъ поможетъ, всѣхъ поддержитъ, не останавливался въ хлопотахъ, для которыхъ не затруднится воспользоваться своимъ почетнымъ поло-

¹⁾ Предисловіе къ «Обзору книгъ для дѣтскаго чтенія» (Одесса, 1890 г.), стр. VI.

²⁾ Этимъ объясняется то, что императорская академія наукъ постоянно поручаетъ ему отзывы о сочиненіяхъ на промін; многіе изъ этихъ отзывовъ (напримѣръ, о переводѣ «Нибелунговъ» Кудряшева, о соч. Фаминцына, о переводахъ Вейльберга) весьма цѣнны и являются серьезными изслѣдованіями.

женіемъ въ обществѣ, своими обширными знакомствами и учеными связями.

Въ доказательство справедливости всего этого не трудно было бы привести массу фактовъ съ обозначеніемъ именъ тѣхъ лицъ, которыя многимъ и многимъ обязаны А. И. Кирпичникову, воспользовавшись его совѣтами, указаніями, помощью и руководствомъ... Но это совершенно лишнее, такъ какъ все это хорошо извѣстно въ тѣхъ городахъ, гдѣ за время своего служенія наукѣ жилъ и дѣйствовалъ А. И. Кирпичниковъ, и намъ лишь остается, отмѣчая юбилей его, какъ юбилей, выдающійся и имѣющій крупное значеніе, — пожелать, чтобы дѣятельность А. И. Кирпичникова не прекращалась еще много лѣтъ на пользу русской науки и русскаго общества, а вмѣстѣ съ этимъ высказать и убѣжденіе, что вліяніе его на тѣхъ, кто встрѣчался и встрѣчается съ нимъ, какъ съ учителемъ и руководителемъ, не осталось и не останется безслѣднымъ, а потому его научныя взгляды и педагогическія идеи будутъ всегда руководящими для его многочисленныхъ учениковъ.

Слово, сказанное искренно, отъ сердца и съ любовью, не можетъ не оказать своего благотворнаго дѣйствія и стать «забытымъ словомъ».

М. Попруженко.

ДОМИКЪ КОТЛЯРЕВСКАГО И ПАМЯТНИКЪ ЕГО ВЪ ПОЛТАВѢ.

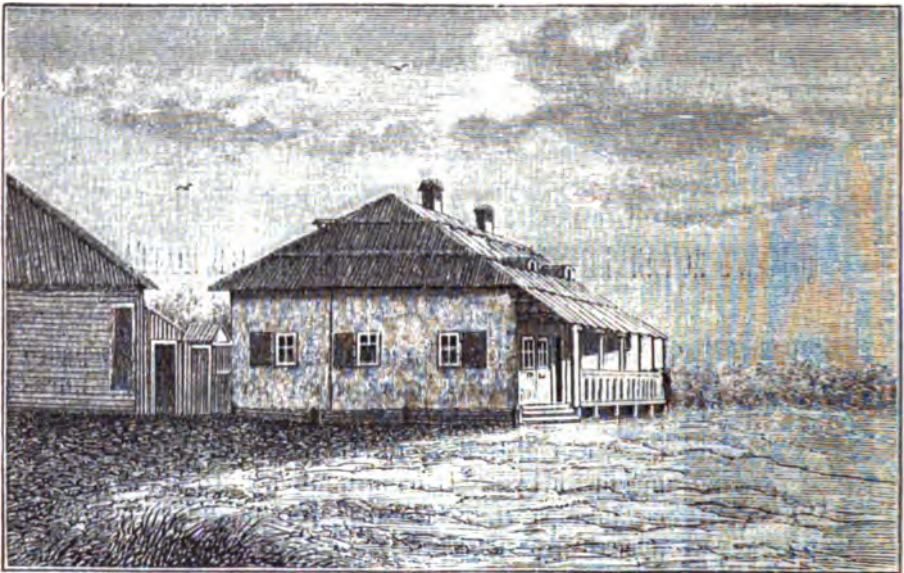
В 1898 ГОДУ, исполнится сто лѣтъ со дня перваго изданія «Энеиды» извѣстнаго малорусскаго писателя И. П. Котляревскаго, которому тогда же предложено поставить въ Полтавѣ на собранную по подпискѣ сумму ¹⁾ памятникъ по проекту мѣстнаго скульптора Л. В. Позена. Не лишнимъ считаемъ прослѣдить вкратцѣ исторію тѣхъ памятниковъ, которые сохранились о Котляревскомъ въ Полтавѣ до настоящаго времени.

Первый изъ нихъ—это домикъ Котляревскаго, находится за соборомъ, надъ обрывомъ, идущимъ на предмѣстье Полтавы—Подоль. Во времена Петра I онъ принадлежалъ купцу Панченку, потомъ г-жѣ Куровой, а затѣмъ, впоследствии, достался И. П. Котляревскому. Въ этомъ домѣ онъ родился и умеръ. Такъ какъ Котляревскій не имѣлъ особенно близкихъ родственниковъ, то, по духовному завѣщанію, самый домъ перешелъ въ руки его экономки Веклевицовой. Послѣ ея смерти онъ достался женѣ губернскаго секретаря Надеждѣ Педченковой, и въ 1855 году, по словамъ Г. Данилевскаго, посѣтившаго тогда Полтаву, домикъ этотъ, подъ № 57, 2-й части 1-го квартала, отдавался ею подъ постройку, и въ немъ помѣ-

¹⁾ До настоящаго времени на этотъ предметъ собрано болѣе 7.500 рублей.

щалась часть солдатъ мѣстной гарнизонной команды. Уже въ то время домикъ этотъ приходилъ въ значительное разрушеніе. Данилевскій тогдашнее его состояніе описываетъ такимъ образомъ:

«Домикъ помѣщается въ полуразвалившемся дворѣ, бокомъ противъ воротъ. Направо, противъ длиннаго крыльца,—обрывъ надъ Никольскимъ оврагомъ. Налѣво—амбаръ и сарай, далѣе—садъ, куда выходитъ задняя часть дома. Крыша на домѣ обваливается, трубы едва держатся. Противъ воротъ—три окна. На крытое крыльцо выходить двѣ двери и еще три окна. Домъ весь длиною въ двадцать

Домикъ Котляревскаго въ Полтавѣ въ 1855 году.

пять шаговъ. Въ садъ выходятъ—четыре. При входѣ съ крыльца, въ сѣняхъ, три двери—налѣво, прямо и направо. Комната прямо, мимо печки въ сѣняхъ, съ огромною печью и палатами. Направо изъ сѣней—комната также съ печью. Изъ этой комнаты еще двѣ свѣтелки: одна—налѣво, въ садъ, другая, съ тремя окнами,—къ сторонѣ обрыва надъ Ворсклой, и со второю дверью на крыльцо. Потолокъ здѣсь подпертъ бревномъ, потому что грозитъ паденіемъ. Комната изъ сѣней налѣво, въ два окна противъ воротъ и въ два окна на крыльцо,—вся длиною въ семь шаговъ. Въ этой комнатѣ замѣчательно поперечное толстое бревно подъ потолкомъ, по мѣстному названію—«сволокъ». Въ старину домъ внутри не бѣлился, поэтому иногда дерево его украшалось рѣзьбою. На упомянутомъ

«сволокъ» находилась слѣдующая надпись, вырѣзанная церковными буквами:

«СОЗДАСА ДОМЪ. СЯН. КО. ИМА ОЦА. И. СНА. И. СТАГО. ДУХА. АМИНЬ.
РОКУ. АЖЕ (1705) МЯА АВ. А.» (августа 1)¹⁾.

Въ настоящее время домъ этотъ, нѣсколько разъ перепроданный и совершенно перестроенный, принадлежит дворянкѣ В. А. Сухиновой. Домикъ Котляревскаго, говорятъ, стоялъ тамъ, гдѣ теперь проходитъ заборъ, раздѣляющій усадьбу на двѣ части. Въ кухнѣ флигеля отъ стараго дома сохранился одинъ лишь «трамъ», или «сволокъ», но уже не въ цѣломъ видѣ. Очевидно, съ двухъ

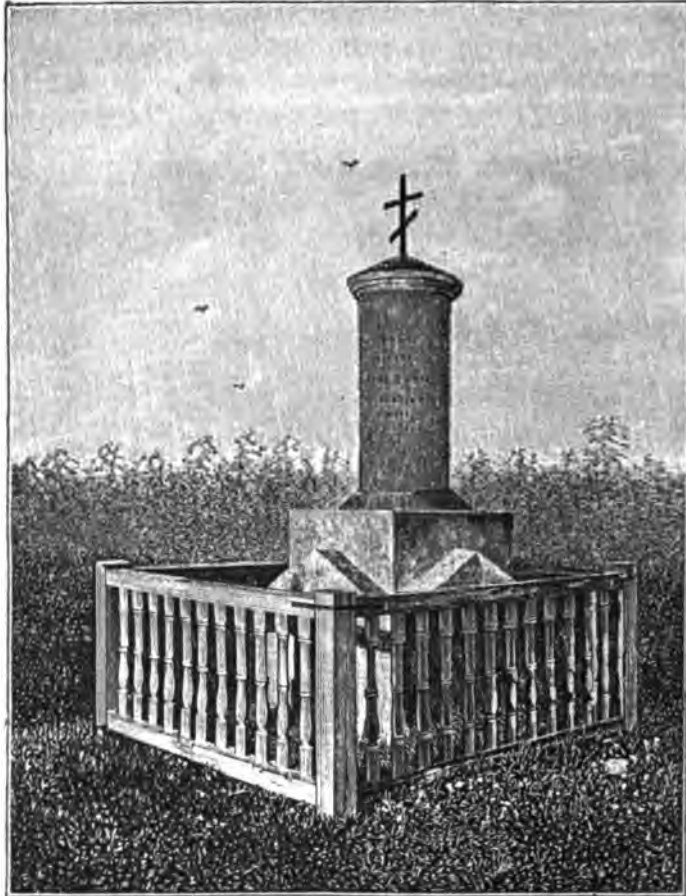
Домикъ Котляревскаго въ Полтавѣ въ настоящее время.

концовъ онъ урѣзанъ, такъ что изъ вышеприведенной надписи, бывшей на немъ, можно прочесть лишь слѣдующія слова: «... сей во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Року 1705, мѣсяца авг...». Посреднѣ этихъ словъ есть пустое мѣсто, какое оставляется на такихъ же трамахъ и въ настоящее время.

Второй—памятникъ Котляревскаго. Котляревскій, какъ извѣстно, скончался въ Полтавѣ 29-го октября 1838 г. Прахъ его, согласно желанію, положенъ на южномъ углу стараго Полтавскаго кладбища (открыто въ началѣ XIX столѣтія), подъ тѣнью вѣтвистаго тополя, вблизи дороги, идущей на гор. Кобеляки.

¹⁾ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1856 г., февраль, часть LXXXIX, отд. II, стр. 144.

Въ 1839 г. другомъ покойнаго Котляревскаго, надв. сов. П. С. Стеблинъ-Каменскимъ, надъ могилою его былъ воздвигнутъ на собственный счетъ небольшой кирпичный памятникъ, оштукатуренный, въ родѣ низкой колонны, на четырехугольномъ пьедесталѣ, обитый сверху желѣзомъ, съ маленькимъ позолоченнымъ крестомъ;

Памятникъ надъ могилою Котляревскаго на старомъ Полтавскомъ кладбищѣ.

съ одной стороны пьедестала тогда же была вдѣлана мѣдная доска съ слѣдующею надписью: «Маіоръ И. П. Котляревскій, сочинитель «Энеиды» на малороссійскомъ нарѣчїи, род. 1769 года, августа 29, скончался 1838 г., октября 29». Памятникъ этотъ отъ времени сильно пострадалъ и лишь въ 1869 г., въ день столѣтняго рожденія Котляревскаго, почитателями памяти покойнаго на собранную

по подпискѣ сумму снова былъ возобновленъ, и вокругъ него сдѣлана деревянная рѣшетка, а вмѣсто украденной еще въ 1863 году доски съ надписью вѣлана вновь мѣдная съ слѣдующею надписью: «Иванъ Петровичъ Котляревскій, авторъ «Энеиды», «Наталки-Полтавки» и «Москаля-Чаривныка» на малороссійскомъ нарѣчїи, родился 29 августа 1769 года, скончался 29 октября 1838 года». Сверху доски, въ лавровомъ вѣнкѣ, «1869» — годъ столѣтняго юбилея, а внизу — изображеніе лиры. Въ 1881 г. памятникъ вновь былъ исправленъ, вокругъ него сдѣлана новая ограда вмѣсто уничтоженной неизвѣстно кѣмъ старой.

Въ настоящее время онъ пришелъ уже въ значительное разрушеніе, а мѣдная доска съ надписью, къ сожалѣнію, вторично въ 1885 г. украдена съ кладбища. Ко дню юбилея знаменитой «Энеиды» предложено капитально ремонтировать этотъ памятникъ.

В. Е. Бучневичъ.

УСПАЛЬНИЦА ШУЙСКИХЪ ВЪ ВАРШАВѢ.

(1620—1897).

КОРО будетъ пять лѣтъ, какъ проходящіе и проѣзжающіе по Варшавскому Краковскому предмѣстью съ удивленіемъ смотрятъ на описанную «лѣсами» безобразную каменную громаду, возводимую на углу этой улицы и улицы Новый Свѣтъ. А между тѣмъ у всѣхъ еще въ памяти стоявшее недавно на томъ мѣстѣ зданіе прекрасной архитектуры. Оно было извѣстно подъ именемъ дворца Сташица (pałac Staszica). Знаменитый министр-филантропъ построилъ его въ 1820 г. для «Общества друзей наукъ» (towarzystwo przyjaciół nauk).

Въ 1893 году, дворецъ Сташица, въ которомъ съ 1863 года помещается I-я гимназія, начали разваливать...

Что за причина? Почему?

Отвѣтъ на это находимъ въ очеркѣ профессора Варшавскаго университета, г. Цвѣтаева, посвященномъ пребыванію царя Василія Ивановича Шуйскаго въ Польшѣ, въ качествѣ военнопленнаго («Варшавскія Университетскія Извѣстія», 1894 г.).

«При Александрѣ I,— говоритъ онъ,— состоялся указъ соорудить на мѣстѣ бывшей варшавской усыпальницы Шуйскаго церковь для русскаго населенія. Церковь и русская школа возникли при императорѣ Александрѣ II и получаютъ въ настоящее царствованіе наиболѣе соответственное устройство».

Теперь посмотримъ, насколько точно приводится въ исполненіе указъ императора Александра I, на который ссылается г. Цвѣтаевъ. А для этого предварительно сдѣлаемъ экскурсію въ область исторіи.

Усыпальница Шуйскихъ въ Варшавѣ.

12-го (22-го) сентября, 1612 года, умеръ въ Гостынинскомъ замкѣ царь Василій Шуйскій¹⁾, черезъ пять дней, 17-го (27-го), послѣдовалъ за нимъ братъ его Дмитрій, а 15-го (25-го) ноября, сошла въ могилу жена Дмитрія—Екатерина. Такая быстрая смерть знат-

¹⁾ О пребываніи его въ Гостынинѣ— наша замѣтка: «Гостынский замокъ» («Русская Старина», 1892 г., кн. VI).— Г. В.

ныхъ московскихъ плѣнниковъ—одного за другимъ, какъ и слѣдовало ожидать, породила разные слухи и толки. Говорили, напримѣръ, что Шуйскіе отравились сами, не будучи въ состояніи отъ стыда переносить своего положенія. Но въ официальныхъ актахъ о смерти ихъ, составленныхъ по тогдашней юридической формѣ, мы не находимъ подтвержденія подобныхъ толковъ. Равнымъ образомъ неосновательны, пущенные кѣмъ-то и достигшіе Москвы, слухи, будто Шуйскихъ отравили. Послѣдніе опровергаются тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ относился къ Шуйскимъ король Сигизмундъ III при жизни и даже по смерти ихъ.

Послѣ Деулинскаго перемирія, Сигизмундъ пожелалъ перенести тѣла Шуйскихъ изъ усыпальницы Гостынинскаго замка въ Варшаву. Здѣсь, за городскою чертою, у окраины Краковскаго предмѣстья, по дорогѣ къ Кракову, былъ выстроенъ каменный круглый мавзолей. Въ немъ помѣщена капличка, а подъ нимъ, въ склепѣ, выложенномъ камнемъ, поставлены гробы царя Василя, его брата Дмитрія и невѣстки. Надъ входною дверью въ мавзолей, скоро получившей названіе «московской часовни» (*capella moschovitica*) и фигурирующей подъ такимъ именемъ на старыхъ планахъ Варшавы, красовалась снаружи мраморная плита съ слѣдующею надписью, покрытою золотомъ:

Jesu Christi Dei Filii
Regis Regum Dei Exercitus gloriae Sigismundus III
Rex Poloniae et Sueciae,
Exercitu Moscovitico ad Clusium caeso,
Moschoviae Metropoli deditione accepta,
Smolensco Reipublicae restituto,
Basileo Szujscio Magno Duce Moscoviae,
et fratre ejus Demetrio militiae praefecto,
captivis jure belli receptis et in arce Gostinensi sub
custodia habitis, ibique vita functis:
Humanae sortis memor
Ossa illorum huc deferri
Et ne se regnante, etiam hostes
Injusteque sceptrā parantes
Justis, ac sepultura carerent,
In hoc, a se, ad publicam posteritatis memoriam
Regnique sui nomen
Extracto trophaeo deponi jussit.
Anno a partu Virginis M. D. C. XX
Regnorum nostrorum Poloniae XXXIII
Sueciae XXVII ¹⁾.

¹⁾ Вотъ точный переводъ этой надписи: Во славу Иисуса Христа, Сына Божія, Царя царей, Бога воинствъ, Сигизмундъ III, король Польши и Швеціи, когда мо-

Пятнадцать лѣтъ тутъ почивали останки Шуйскихъ. Но вотъ, весною, 1635 года, прибыло изъ Москвы въ Варшаву посольство для закрѣпленія вѣчнаго мира королевскою присягою. Посламъ — князю Львову и Проѣстеву, въ тайномъ наказѣ, повелѣвалось просить короля Владислава IV объ отдачѣ и отпускѣ въ Россію тѣла Шуйскихъ. Въ наказѣ говорилось: «если за тѣло царя Василія поляки запросятъ денегъ, то давать до 10.000 и прибавить, сколько пригоже, смотря по мѣрѣ, сказавши, однако: «этого нигдѣ не слыхано, чтобъ мертвыхъ тѣла продавать»; а за тѣло Димитрія Шуйскаго и жены его денегъ не давать,— то царскому не образецъ» Когда послы сказали объ этомъ сенаторамъ, послѣдніе стали упираться.

— Отдать тѣло не годится,— твердили они.— Мы славу себѣ учинили вѣковую тѣмъ, что московскій царь и братъ его лежатъ у насъ въ Польшѣ, и погребены они честно, и устроена надъ ними каплица каменная.

— Царя Василія тѣло уже мертво, прибыли въ немъ нѣтъ никакой,— урезонивали сенаторовъ послы,— а мы вамъ за то поминки дадимъ.

Сенаторы сдались, обѣщали доложить королю и «совѣтовать ему, чтобы тѣло отдать».

Послы дали канцлеру коронному, Якову Жадіку, десять сороковъ соболей, а прочимъ сенаторамъ цѣнные подарки. Пришелъ королевскій отвѣтъ, что «его королевское величество тѣло царя Василія Ивановича и его брата велѣлъ отдать, любя брата своего, великаго государя вашего». При этомъ прибавлялось, что «еслибъ былъ Сигизмундъ король, то онъ бы ни за что не отдалъ, хотя-бъ ему палаты золота насыпали». Московскіе послы отправились въ каплицу вмѣстѣ съ королевскимъ шатерничимъ и будовничимъ, которые имѣли наблюденіе за нею. Когда отбили полъ, увидѣли три гроба, одинъ — царскій — направо, а два — князя Димитрія и жены его, одинъ на другомъ — налѣво. Послы заказали новые гробы, приказали ихъ высолить и поставить въ нихъ старые. Король прислалъ золотые и серебряные гвозди и плотной турецкой матеріи для обивки гроба царя Василія, зеленого бархату на гробъ Димитрія

сковское войско было разбито при Клунишѣ, когда онъ принялъ подъ свою власть Московскую столицу, когда Смоленскъ былъ возвращенъ республикѣ, когда Василій Шуйскій, великій князь московскій, и его братъ Димитрій, предводитель войска, были взяты въ плѣнъ, въ силу военнаго права, и содержались въ замкѣ Гостыинскомъ подъ стражею, и тамъ окончили свою жизнь, помни о человѣческой участи, кости ихъ перенести сюда (повѣстѣ), и чтобы въ его царствованіе даже враги и вопреки права прибрѣтшіе скипетръ не лишены были справедливости и погребеніи, въ этомъ имъ построеномъ для всеобщей памяти въ потомствѣ и для чести своего королевства трофеѣ (положить повелѣлъ) въ годъ отъ рожденія Дѣвою 1620, королевствованія въ Польшѣ 88, въ Швеціи 27». Г. В.

Шуйскаго и зеленой китайки—на гробъ его жены. Затѣмъ, въ торжественной церемоніи, въ которой принимали участіе сеймовые послы и дворяне, останки Шуйскихъ были перенесены на Прагу, а оттуда уже отправлены въ Москву, которой и достигли 10-го іюня 1635 года.

Съ этого времени часовня утратила свое значеніе и стала постепенно приходять въ упадокъ.

Музыкантъ Владислава IV, Адамъ Яжембскій, въ своемъ стихотворномъ «Gościńc»¹⁾ъ, или краткомъ описаніи Варшавы (1643 года), представляющемъ нынѣ огромную библиографическую рѣдкость, такъ описываетъ московскую часовню:

Niedaleko tuż kaplica
 Moskiewska, na niej tablica
 Marmurowa, z literami
 Złotemi charakterami.
 Tam znajdziesz wielkie zwycięstwo
 Królewskie odważne mężstwo
 Wtenczas Cara Moskiewskiego
 Pójmał z bracią Szujskiego,
 Których na sejm do Warszawy
 Stawiono więźniów. Ich sprawy
 Do Gostynina posłano,
 Do więzienia odesłano,
 Struli się sami, udają,
 Dla wstydu, tak powiadają
 Potym ich tu pochowano,
 W tej kaplicy w grób schowano.
 Przyjechał poseł moskiewski
 Prosił. Majestat królewski
 Darował mu w podarunku
 Ciało, w wielkim obwarunku,
 Które z ceremoniami
 Zawieziono z tryumfami
 Do stolice. Wieczna sława
 Za czwartego Władysława¹⁾.

Послѣ побѣды надъ шведами въ 1656 году, король Янъ-Казимиръ пожелалъ построить новый костелъ. Мѣсто для него было вы-

¹⁾ «Тутъ же, недалеко, московская каплица. На ней мраморная доска съ золотыми буквами. Тамъ ты найдешь великую побѣду, королевское мужество, когда онъ захватилъ (въ плѣнъ) московскаго царя—Шуйскаго съ братьями. Представилъ ихъ на сеймъ въ Варшаву. Послѣ ихъ послали въ заключеніе, въ Гостынинъ. Тамъ, какъ говорятъ, они отравились; рассказываютъ, отъ стыда. Потомъ ихъ тутъ, въ этой каплицѣ, похоронили. Приѣхалъ московскій посолъ, сталъ просить (тѣла). Его королевское величество отдалъ ему тѣла въ подарокъ и ихъ, съ церемоніями, триумфально, отвезли въ столицу (т.-е. Москву). Вѣчная слава вѣку четвертаго Владислава».

брано на углу Краковскаго предмѣстья и нынѣшней улицы Новый Свѣтъ (гдѣ послѣ стоялъ домъ Сташица). Такимъ образомъ возникъ костель Пресвятыя Дѣвы съ монастыремъ доминикановъ-обсервантовъ. Костель и монастырь существовали до настоящаго столѣтія. Въ 1818 году, Сташицъ приобрѣлъ остатки стѣнъ и построилъ свой дворецъ. Къ этому времени о московской часовнѣ мало кто уже помнилъ. Явилось убѣжденіе, будто она стояла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возникъ костель съ монастыремъ доминикановъ-обсервантовъ, будто она была часовнею «православнаго обряда»¹⁾, что опровергается тѣмъ, что еще въ 1705 году при ней (былъ пріоромъ ксендзъ Ант. Лепарскій. Наконецъ, въ сравнительно недавнее время, слѣпой случай заставилъ вспомнить объ ней...

Съ «дворцомъ Сташица» граничитъ заброшенный, бывшій монастырскій садъ. Въ этомъ саду, въ сторонѣ Ординацкой улицы, у забора, примыкающаго къ недвижимости, принадлежащей доктору Эстрейхеру, и находится «московская часовня», изображенная на прилагаемомъ рисункѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ учениковъ I-й гимназіи, играя со своимъ товарищемъ въ саду, забѣжалъ въ полуразрушенный мавзолей и провалился... Произведеннымъ, затѣмъ, осмотромъ этой постройки было установлено существованіе подъ нею мраморнаго склепа, или погреба. Самая постройка напоминаетъ собою бесѣдку. Въ нее ведетъ дверь. Надъ дверью углубленіе довольно значительныхъ резбъровъ — мѣсто доски съ надписью, поставленной по повелѣнію Сигизмунда III²⁾. По сторонамъ двери—двѣ колонки. По бокамъ—два окна. Крыша—конусообразная, крытая гонтомъ, очень ветхая. Зданіице покривилось, штукатурка съ него почти вся отскочила. Внутри его въ полномъ смыслѣ слова господствуетъ «мерзость запустѣнія»... Однако, несмотря на это, слѣды каплицы сохранились: прямо противъ входа—ниша, въ которой помѣщался надалтарный образъ, а внизу ниши можно еще замѣтить отстатки выстуна, или помоста для алтаря. Впрочемъ, — считаеиъ долгомъ оговориться, — все это было, когда мы осматривали разрушенный памятникъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, а есть ли уже теперь, не знаемъ, ибо разрушеніе идетъ прогрессивно... Во время перестройки палаца Сташица рабоче сваливали въ каплицѣ всякій хламъ...

¹⁾ Валнискій и Липинскій, «Staroz. Plocka», I, 475.

²⁾ О судьбѣ этой доски существуютъ различныя версіи. По одной — выдачи ея домогалось московское правительство во времена Хмѣльницкаго, по другой — она уничтожена по настоянію русскаго министра-резидента князя Репнина, по третьей — ее взяли монахи-нири и потеряли. Э. О. Турау, сообщая въ 1878 г. въ «Русской Старинѣ» копію надписи на гробницѣ царя В. П. Шуйскаго (напечатана въ LXV т. «Русской Старины», стр. 91), явлеченную имъ изъ «Калишскаго архива древнихъ актовъ», къ сожалѣнію, ничего не говоритъ о томъ, съ чего имъ сдѣлана эта копія — съ самой ли доски, или съ какого либо документа. Г. В.

Итакъ, усыпальница Шуйскихъ въ Варшавѣ существуетъ и существуетъ вотъ въ какомъ видѣ!

Зачѣмъ же — спрашивается — было уродовать палацъ Сташица, да еще съ затратю на эту цѣль громаднѣхъ денегъ?

Не проще ли было бы привести въ благопріятный видъ мавзолей Шуйскихъ? Этимъ былъ бы исполненъ указъ императора Александра I, удовлетворено національное достоинство и дана возможность каждой благочестивой душѣ вознести молитву за многмяжнущую душу Василя Ивановича Шуйскаго на мѣстѣ его первоначальнаго царскаго погребенія.

Г. А. В—въ.

КЪ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКАГО ТЕАТРА ВЪ РОССИИ.

В КОНЦѢ прошлаго вѣка, въ Петербургѣ, все французское было въ большой модѣ. Петиметры, надъ которыми смѣялись русскіе сатирическіе обличители екатерининскаго времени, злоупотребляли французскимъ лоскомъ. Модныя лавки и французскія модистки поставляли любителямъ самыя новѣйшіе товары и наряды, и барыни ходили въ «шельмовкахъ» (шубки-безрукавки), душились «вздохами амура» и носили прическу въ полъ-аршина вышиною, которая называлась «le chien couchant». Мужчины не отставали отъ женщинъ. Даже при императорѣ Павлѣ, когда были запрещены французскія платья, Франція продолжала быть страной, откуда русская интеллигенція черпала не только свои нравственныя идеалы, но и образцы домашняго и общественнаго обихода. До тридцатыхъ годовъ нѣкоторые вельможи появлялись въ обществѣ во французскихъ кафтаныхъ, въ башмакахъ и въ жабо. Моды революціонной Франціи, разумѣется, отразились на Петербургѣ, и наши аристократы стригли головы а la Титусъ и а la Гильотенъ. Стилъ empire заявилъ себя въ архитектурѣ, въ обстановкѣ и въ одеждѣ. На сценѣ тоже царяла Франція. Французскій псевдоклассицизмъ нашелъ себѣ усердныхъ подражателей среди нашихъ драматурговъ. Французы агрономы, французы гувернеры, французы лѣкаря, французы пѣвцы, были совершенно обычнымъ явленіемъ въ то время. Писать порусски съ грамматическими ошибками считалось признакомъ хорошаго тона; и многіе русскіе генералы говорили и писали пофранцузски безукоризненно, тогда какъ порусски они писали ничуть не грамотнѣе своихъ фельдфебелей. Въ первые годы либеральнаго царствованія Александра I французоманія достигла высшей степени;

и ничего нѣтъ удивительнаго, что французскій театръ имѣлъ въ Петербургѣ большой успѣхъ. Но когда загорѣлась война съ Наполеономъ, французы вдругъ сдѣлались ненавистны русскимъ; даже французскій языкъ, на которомъ объяснялось высшее петербургское общество, сталъ предметомъ гоненія. Бывшій въ то время вице-директоромъ императорскихъ театровъ, князь Тюфякинъ, какъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Р. Зотовъ, имѣлъ привычку каждый праздникъ ходить въ Казанскій соборъ. Однажды, будучи въ соборѣ и увидавъ кого-то изъ знакомыхъ, князь подошелъ къ нему и заговорилъ пофранцузски: «Едва стоявшіе по близости услышали иностранную рѣчь, какъ стали перешептываться между собою и тѣсниться около разговаривавшихъ. Кто-то далъ знать объ этомъ квартальному, и тотъ, пробравшись сквозь толпу, попросилъ князя Тюфякина послѣдовать за нимъ. Тотъ обидѣлся на это предложеніе и сказалъ ему свое званіе и фамилію. На это полицейскій чиновникъ объявилъ князю Тюфякину, что знаетъ его; но все же просилъ его пожаловать съ нимъ къ главнокомандующему (впослѣдствіи графу) Вязьмитинову. Князь Тюфякинъ повиновался, и толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ, думая, что поймали шпиона, послѣдовала за нимъ на Большую Морскую, гдѣ тогда жилъ Вязьмитиновъ. Когда пришли къ главнокомандующему, квартальный подробно объяснилъ ему о приключеніи съ княземъ Тюфякинымъ и о грозившей ему опасности. Генералъ Вязьмитиновъ попросилъ князя выйти изъ другихъ воротъ и отправиться домой, а къ ожидавшемуся передъ домомъ народу выслалъ полицеймейстера Чихачева съ объясненіемъ, что приведенный человѣкъ былъ вовсе не шпионъ, а природный русскій князь. Толпа была этимъ совершенно удовлетворена и немедленно разошлась. Подобные приведенному случаи бывали въ то время нерѣдко и кончались иногда далеко не такъ благополучно, какъ кончилось приключеніе князя Тюфякина, котораго спасла находчивость полицейскаго чиновника» (Опочининъ. Русскій театръ, его начало и развитіе. Выпускъ четвертый. Спб. 1888). При такомъ возбужденіи противъ французовъ, французскій спектакль потерялъ прежнюю прелесть въ глазахъ русскихъ; французская труппа осталась праздною. Зотовъ, авторъ «Театральныхъ воспоминаній» (Спб., 1859 г.), рассказываетъ о слѣдующемъ случаѣ, характеризующемъ отношеніе Петербурга къ французскому театру въ эпоху Отечественной войны: «Тогда былъ обычай возвѣщать на сценѣ спектакли на слѣдующій день. Французы, выходя всегда съ тремя обычными поклонами, говорили: «Messieurs, demain nous aurons l'honneur de vous donner»—и проч. Когда же началась война, то однажды первый актеръ Дюранъ, выйдя для анонса и начавъ свою всегдашнюю фразу: «Messieurs...», увидалъ, что въ залѣ всего сидитъ одинъ зритель, и то было, кажется, должностное лицо, а потому тотчасъ же перемѣнилъ начало рѣчи и сказалъ съ яснымъ

удареніемъ: «Monsieur! demain nous aurons l'honneur...». Дальнѣйшее существованіе французской труппы было немислимо, и ее распустили 19-го ноября 1812 г., по высочайшему рескрипту, полученному директоромъ театра Нарышкинымъ. Государь писалъ: «Александръ Львовичъ. По настоящимъ обстоятельствамъ находя французскую труппу ненужною, повелѣваю всѣхъ актеровъ и актрисъ, какъ по здѣшнему, такъ и по московскому театрамъ, оную составляющихъ, изъ службы моей отпустить, удовлетворивъ ихъ по настоящей числу жалованьемъ. Относительно же тѣхъ изъ нихъ, которые, на основаніи постановленія 28-го декабря 1809 года о театральныхъ артистахъ, выслужили сроки, для полученія пенсіоновъ назначенные, далъ я повелѣніе управляющему кабинетомъ о производствѣ слѣдующихъ пенсіоновъ. Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный». Въ тотъ же день послѣдовалъ указъ кабинету, какъ производить пенсіонъ актерамъ, и былъ приложенъ списокъ увольняемыхъ съ пенсіей, причемъ названы слѣдующіе артисты и артистки: актеры—Деглиньи, Франсъ Лизьеръ, Деспасси, Дюкруассе, Фрожеръ, Андриэ, Анри Мессъ; актрисы: Фелись Андриэ, Бертель, Эвра, Марія Мессъ, Бонне, Туссенъ-Мевьеръ, Вальвиль, Фрожеръ Вальвиль и Ксавье 1-я. Труппѣ было предоставлено получить на дорогу деньги, кто пожелаетъ, взамѣнъ назначенныхъ пенсіоновъ.

Французскій театръ былъ исключительно замѣненъ русскимъ, и стали даваться, главнымъ образомъ, такія пьесы, какъ «Димитрій Донской», «Пожарскій» и др. Когда актеръ произносилъ со сцены— «разбитый ханъ бѣжитъ, Россія свободенна!»—актеру не давали по получасу говорить, театръ гремѣлъ отъ аплодисментовъ и изступленныхъ криковъ. М. И. Пыляевъ рассказываетъ, что при исполненіи драмы Висковатаго «Всеобщее ополченіе» одинъ изъ зрителей, видя, какъ на сценѣ всѣ приносятъ въ даръ отечеству свое имущество, бросилъ на сцену бумажникъ, вскричавъ: «Вотъ возьмите и мои послѣдніе семьдесятъ пять рублей!». Даже балеты ставились въ то время патріотическіе и носили странныя названія, напримѣръ, «Любовь къ отечеству», съ хорами и пѣніемъ; балетъ этотъ былъ сочиненъ Кавасомъ. Однажды шла пьеса «Старинныя святки»; актриса Сундунова запѣла пѣсню: «Слава Богу на небѣ! слава!» вдругъ остановилась, подошла къ рампѣ и прошѣла отъ себя: «Слава храброму графу Витгенштейну, поразившему силы вражески, слава! Слава храброму генералу Торماسову, поборовшему супостата нашего, слава!» Театръ загремѣлъ и потрясся отъ рукоплесканій и криковъ: ура! Пѣвицу заставили повторить. Она снова подошла къ рампѣ и медленно запѣла тихимъ дрожащимъ голосомъ: «Слава храброму генералу Кульневу, положившему животь свой за отечество, слава!» — и всѣ зрители залились слезами вмѣстѣ съ Сундуновой.

Французы, оставшись безъ работы и безъ публики, думали под-

дѣлаться къ русскимъ и стали играть патриотическія русскія пьесы на французскомъ языкѣ. Они перевели «Димитрія Донскаго» (трагедію Озерова), и знаменитая Жоржъ исполнила роль княжны Ксенія. Но Петербургъ продолжалъ относиться холодно къ французскимъ спектаклямъ. Въ Москвѣ до вступленія французскихъ войскъ французскій театръ вызывалъ тоже ненависть. Въ Арбатскомъ театрѣ играли попережънно русскіе и французскіе актеры. Нѣкто Гусятниковъ, пожилой человекъ, купецъ, врачавпійся, однако, въ лучшемъ московскомъ обществѣ и бывшій большимъ театраломъ, сталъ во главѣ недовольныхъ, и когда пріѣхала на гастроли изъ Петербурга Фелись Андриѣ, извѣстная французская пѣвица, онъ пошелъ на спектакль, сѣлъ въ первомъ ряду креселъ и, какъ только начинала Фелись пѣть, затыкалъ себѣ уши, вставалъ и съ заткнутыми ушами торжественно проходилъ всю залу (М. И. Пыляевъ, «Старое жите»). При приближеніи непріятеля къ столицѣ, изъ нея бѣжали всѣ русскіе актеры. Князь Долгорукій рассказываетъ, что онъ видѣлъ знаменитую русскую пѣвицу Носову, бравшую въ свой бенефисъ не меньше четырехъ тысячъ сбора, помпо кошелекы, которые летѣли къ ней на сцену изъ партера,—видѣлъ у простой телѣги; она сама подмазывала колеса дегтемъ и впрягала лошадь. Зато въ Москвѣ возникъ французскій театръ. Въ то время удѣлѣлъ отъ пожара одинъ только частный театръ Познякова на Никитской улицѣ, онъ славился своей роскошью, зимнимъ садомъ и прекрасной труппой. Генераль Боссе, префектъ императорскаго двора, найдя въ домѣ князя Гагарина пріютившуюся французскую труппу подъ управленіемъ г-жи Бюссе поручилъ ей въ нѣсколько дней поставить рядъ спектаклей въ Позняковскомъ театрѣ. Тамъ были слѣдующіе артисты и артистки: Адне, первый трагикъ парижскаго театра, Леонъ Мартенъ, Перру, Госсе, Лефевръ и г-жи Андриѣ, Перигюи, Лекенъ, Фюзи, Лямираль и Адне. Боссе ужаснулся, когда увидѣлъ ихъ въ первый разъ; французы, ворвавшись въ Москву, не разбирали своихъ и чужихъ и всѣхъ грабили; первый трагикъ явился къ генералу во фризовой шинели и ополченской шапкѣ, первый любовникъ въ семинарскомъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ, благородный отецъ безъ сапогъ, другой трагикъ въ испанскомъ плацѣ, но безъ самага необходимаго нижняго платья, г-жа Бюссе была въ душегрѣйкѣ на заячьемъ мѣху и въ чалмѣ, въ которой играла въ «Заарѣ». Объ этомъ можно найти интересныя подробности въ статьѣ О. Кони въ «Пантеонѣ» за 1840 годъ, часть первая. М. И. Пыляевъ дѣлаетъ выдержки изъ статьи Кони («Старое жите», 1892 г.) безъ обозначенія источника, не желая, очевидно, придавать тѣмъ своему труду научный характеръ. Мы не будемъ повторять интересной выдержки; напомнимъ только читателямъ, знакомымъ съ книгой г. Пыляева, что Позняковскій театръ при французахъ представилъ собою примѣръ небывалой роскоши: ложи были украшены разноцвѣтными драпи-

ровками, занавѣсъ спита изъ цѣльной парчи, съ потолка спускалось стосемидесятимѣстное паникадило изъ чистаго серебра, богатѣйшая мебель, драгоценныя украшенія, живые цвѣты, мраморъ и бронза, столь дешевыя въ военное время, блестяли и сверкали, извлеченныя изъ-подъ пепла, изъ подземныхъ тайниковъ, куда москвичи скрывали свои сокровища, предавая жилища огню. Въ первое представленіе была сыграна трехъ-актная комедія Мариво: «Игра любви и случая». Графъ Боссе въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ, что императоръ задумывалъ разныя улучшенія касательно Позняковскаго театра и хотѣлъ выписать изъ Парижа артистовъ, не вредя составу театра «Большой комедіи»; онъ даже отмѣчалъ карандашомъ на лоскуткѣ бумаги ихъ имена. Списокъ былъ еще не конченъ, когда явился адъютантъ Мюрата. «Что новаго?»—спросилъ императоръ, все еще просматривая списокъ.—«Государь, мы разбиты». Въ тотъ же день французы начали выступленіе изъ города, строясь за Калужской заставой. Выступленіе продолжалось нѣсколько дней. Немногіе изъ французскихъ актеровъ вернулись на родину. Г-жа Широне отморозила себѣ ноги, была брошена на большой дорогѣ и умерла съ голоду; Адне тоже отморозилъ себѣ руки и ноги, а при переправѣ черезъ Березину утонула его жена; г-жа Андриѣ была ранена ядромъ и умерла во время пути; директоръ московскаго наполеоновскаго театра графъ Боссе отморозилъ себѣ обѣ ноги. Однимъ изъ первыхъ вошелъ въ покинутую французами столицу извѣстный драматическій писатель, князь Александръ Александровичъ Шаховской, съ полкомъ тверскаго ополченія, которымъ онъ командовалъ. Придворный театръ императора Наполеона представилъ князю Шаховскому печальное зрѣлище. На сценѣ валялись нечистоты. Лѣстницы, коридоры и зала были загромождены мебелью, зеркалами, инструментами. Въ уборныхъ валялись обрѣзки парчевыхъ и бархатныхъ одѣяній, изъ которыхъ актеры выкраивали себѣ французскіе кафтаны, а актрисы сооружали токи, береты и другія принадлежности своего костюма (Опочининъ, 24).

Послѣ окончанія Отечественной войны былъ поставленъ французомъ Огюстомъ балетъ, подъ названіемъ «Геній благодати»; на сценѣ побѣжденные и побѣдители вмѣстѣ праздновали торжество генія благодати или Александра Благословеннаго и называли Александра царемъ царей («Старое житее»). Французскій театръ не возобновлялся въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ. Въ 1818 г. актеръ Мезьеръ, бывшій въ составѣ прежней труппы, вмѣстѣ съ Дюраномъ и пѣвцомъ Брисъ и его женой, задумалъ основать частный французскій театръ. Военныя страсти улеглись, и снова французы стали пользоваться прежними симпатіями. Въ составъ мезьеровской труппы вошли Фелисъ, дочь знаменитой Фелисъ Андриѣ, Денисъ, Туссенъ (дочь Мезьера), теноръ Жено и актриса Данжевилъ (пріѣхавшая позднѣе). Мезьеровская труппа вскорѣ поступила въ вѣдомство

императорской дирекціи. Въ то время директоромъ былъ уже не Нарышкинъ, а прежній вице-директоръ князь Тюфякинъ, съ которымъ разыгрался въ началѣ французской войны печальный случай въ Казанскомъ соборѣ за его пристрастіе къ французскому языку. Французскіе спектакли шли въ Большомъ театрѣ въ общемъ абонементѣ съ русскими спектаклями. Первые же французскіе спектакли были даны у вдовствующей императрицы въ сентябрѣ 1819 года (Араповъ, стр. 29). Артистъ французской труппы, принятый тогда на службу императорской дирекціей Де-Сво Сенъ-Феликсъ (Араповъ о немъ не упоминаетъ), издалъ въ сентябрѣ 1847 г. въ Парижѣ книгу подъ заглавіемъ: «Russie et Pologne», въ которой много болтовни, много ненужныхъ и никому неинтересныхъ политическихъ и социальныхъ разсужденій, напримѣръ, о возможности національной гвардіи въ Петербургѣ, составленной изъ иностранцевъ, но зато есть нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, касающихся театральной службы того времени въ Петербургѣ.

Де-Сво съ дѣтства обнаруживалъ страсть къ путешествіямъ и къ приключеніямъ. Наконецъ, онъ почувствовалъ призваніе къ сценѣ. Въ цвѣтущую пору своей жизни и въ расцвѣтѣ таланта онъ былъ приглашенъ въ Петербургъ, между прочимъ, вмѣстѣ съ Дорвалемъ, Шатофоромъ, Гюби, съ m-me Картины, Куло и m-elle Шатофоръ— въ 1819 г. Труппа пріѣхала въ Петербургъ осенью, и въ Кронштадтѣ таможенныя чиновники арестовали у французовъ театральные парики, какъ предметы неизвѣстнаго употребленія, что очень удивило и разсмѣшило актеровъ. Разумѣется, инцидентъ кончился благополучно. Артисты остановились въ Малой Милліонной, въ меблированныхъ комнатахъ Ватель. Де-Сво отзывается съ особенной похвалой о Денисъ Туссенъ, дочери режиссера Мезьера. Она была очаровательна, граціозна, и въ ней было что-то такое, что плѣнило бы самого чорта; ее считали соперницей неподражаемой Марсь, и она приводила въ восторгъ русскую публику. О ней долго сохранялись воспоминанія; теперь, разумѣется, она забыта. Другая артистка того времени m-elle Шатофоръ была тоже очаровательная дѣвушка и безподобно исполняла роли jeunes amoureuuses. Подобно нѣкоторымъ русскимъ выдающимся артисткамъ двадцатыхъ годовъ, m-elle Шатофоръ была неграмотна. Тѣмъ не менѣе, она имѣла массу поклонниковъ.

Когда артисты отдохнули, начались репетиціи въ Большомъ театрѣ. Де-Сво избралъ для дебюта комедію «*Ci-devant jeune homme*». Онъ игралъ въ этой комедіи съ большимъ успѣхомъ въ Парижѣ въ театрѣ Варьетэ въ то время, когда тамъ еще блисталъ Потье. Роль «бывшаго молодого человека» онъ считалъ своей коронной ролью. Когда въ Мобежѣ близъ Валансьена съѣхались коронованныя особы для смотра своихъ войскъ, герцогъ Веллингтонъ пригласилъ Де-Сво, и онъ тоже игралъ въ «*Ci-devant jeune homme*». По-

его словамъ, успѣхъ былъ полный, и онъ видѣлъ прусскаго короля, сидѣвшаго въ бенуарѣ, въ ложѣ, ближайшей къ сценѣ, и хохотавшаго, какъ самый простой смертный. Де-Сво съ горечью вспоминаетъ, что Веллингтонъ заплатилъ ему всего тысячу франковъ; онъ думалъ, что англійскіе лорды великодушнѣе.

Мимоходомъ Де-Сво описываетъ Большой театръ. Зданіе расположено на большой площади, въ кварталѣ, называемомъ Коломной. По четыремъ угламъ горятъ костры въ желѣзныхъ клѣткахъ: тепло необходимо для кучеровъ, ожидающихъ своихъ господъ. Лошади кажутся совсѣмъ бѣлыми, потому что во время спектакля обыкновенно идетъ снѣгъ. Онъ рассказываетъ невѣроятный случай, свидетелемъ котораго онъ, впрочемъ, не былъ. Вечеромъ была оттепель, вдругъ наступилъ морозъ. По окончаніи спектакля лакеи стали выкликать свои кареты, но тщетно: ни кареты, ни лошади не могли двинуться, онѣ примерзли къ землѣ. Пущены были въ ходъ топоры и факелы, которыми расплавляли ледъ, и только тогда можно было освободить экипажи.

На первомъ представленіи Де-Сво присутствовали великіе князья Николай и Михаилъ. Де-Сво былъ награжденъ громомъ аплодисментовъ, и великіе князья удостоили его личнаго милостиваго разговора; вельможи приглашали его къ себѣ, Де-Сво былъ упоенъ и гордо поднималъ голову.

Но онъ жалуется, что было два отношенія къ французскимъ артистамъ: высшее общество ихъ ласкало, театральная же дирекція обращалась съ ними грубо. На первыхъ же порахъ французовъ непріятно поразило, когда за ними по домамъ стали ѣздить кареты, называвшіяся придворными; они ждали великолѣпныхъ экипажей; но каково было ихъ удивленіе, когда, выслушавъ докладъ капельдинера: «каре́та готова», они увидѣли передъ подъѣдомъ жалкую колымагу, запряженную двумя клячами и похожую на погребальную колесницу самаго низшаго разбора. Это были кареты, которыя употреблялись еще при императрицѣ Аннѣ для театральной же службы. Рессоръ почти не было, колеса патались въ разныя стороны, цвѣта онѣ были неопредѣленнаго, до того облѣзали отъ времени. Ъхали онѣ необыкновенно медленно и останавливались у разныхъ квартиръ, забирая по дорогѣ артистовъ, такъ что тотъ, кто сѣлъ въ карету первымъ, сидѣлъ въ ней, по крайней мѣрѣ, цѣлый часъ, прежде чѣмъ его привозили въ театръ. Придворныя кареты для артистовъ были прекраснымъ средствомъ схватить насморкъ и даже воспаленіе легкихъ. Такъ и случилось съ Де-Сво: онъ простудился и десять дней не могъ выйти изъ комнаты. Наконецъ, докторъ, г. Моненъ, позволилъ ему выйти и, пригласивъ его къ себѣ обѣдать, прислалъ за нимъ свою карету. Де-Сво надѣлъ теплую шубу и отправился къ доктору. Но Де-Сво не зналъ, что онъ долженъ былъ предупредить о томъ начальство. Князю Тюфякину донесли, что

Де-Сво вышелъ изъ дому, не представивъ рапорта, и на другой же день къ артисту явился квартальный и подвергъ его домашнему аресту. «Русскіе любятъ много спать», замѣчаетъ Де-Сво; квартальный спалъ у Де-Сво, поѣдалъ его завтракъ и сильно ему надоѣдалъ. Де-Сво освободили черезъ десять дней, когда онъ въ самомъ дѣлѣ выздоровѣлъ. Кучера и артисты строго наказывались за малѣйшія отступленія отъ правилъ. Де-Сво приводитъ эти правила. За опаздываніе на репетицію всего на четверть часа виновный подвергался штрафу, равняющемуся половинѣ его суточного содержанія; а кто опаздывалъ часъ, съ того взыскивали за четыре дня; опоздавшій болѣе часа платилъ за восемь дней. Наказанія удваивались въ дни генеральныхъ репетицій. Отговорки, что карета опоздала, не принимались въ расчетъ; артистъ долженъ былъ ѣхать на извозчикѣ, а казна возмѣщала ему расходъ; но если карета не заставала артиста, и онъ уже ѣхалъ въ театръ, ему не только не возвращалась плата за извозчика, но съ него взыскивалась цѣна наемной кареты за весь день. Тому же самому подвергался артистъ, если онъ отказывался пользоваться пріѣхавшей за нимъ каретой.

Французскіе артисты играли только три раза въ недѣлю; у нихъ было много досуга. Успѣхи Де-Сво росли съ каждымъ днемъ, и, наконецъ, онъ сталъ бывать у великихъ князей Николая и Михаила. Николай производилъ болѣе серьезное впечатлѣніе, чѣмъ Михаилъ, хотя ему было тогда двадцать три или двадцать четыре года. Онъ еще не зналъ тогда, что будетъ царствовать, недавно женился на дочери Вильгельма III, короля прусскаго, и наслаждался семейнымъ счастьемъ. Взглядъ его, наводившій впослѣдствіи такой страхъ на приближенныхъ, не пріобрѣлъ еще своего фатальнаго выраженія. Правда, великій князь Николай былъ малообщителенъ и въ особенности холодно велъ себя съ сановниками и съ генералами; было видно, что онъ ихъ презираетъ, понимая, что они лебезятъ передъ нимъ изъ личныхъ выгодъ. Однажды Де-Сво сидѣлъ у великаго князя Михаила. Вошелъ великій князь Николай. Онъ поздоровался съ артистомъ совершенно просто, а артистъ отвѣчалъ на привѣтствіе въ выраженіяхъ, соотвѣтствовавшихъ его общественному положенію.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста!—сказалъ Николай Павловичъ.— Надоѣли мнѣ эти «высочества», я слышу ихъ на каждомъ шагу. Поменьше этикета. Мнѣ хочется похохотать, пошутить. Право, такіа минуты большая для меня рѣдкость. Давайте же пользоваться случаемъ.

Великіе князья и артистъ взяли зажженные канделябры, поставили на полъ, чтобы устроить театральную рампу, и начали декламировать сцены изъ «Вертера». Подобно Александру I, великіе князья обладали необыкновенной памятью, и одинъ изъ нихъ наизусть говорилъ роль Шарлоты, другой Альберта. Тогда «Вертеръ»

пользовался огромнымъ успѣхомъ въ Петербургѣ. Такъ прошло два часа. Великіе князья острили и сыпали каламбурами.

Жизнь артиста мирно текла, и спокойна была жизнь Петербурга; мирное время, послѣдовавшее за вихрой войнъ и великихъ походовъ, давало себя знать. Торговля процвѣтала въ Петербургѣ; въ Кронштадтѣ лѣтомъ легко было насчитать каждый день болѣе двухъ тысячъ кораблей. Де-Сво удивляло, что въ сѣверной столицѣ можно было получать какіе угодно экзотическіе фрукты, и десятокъ самыхъ лучшихъ апельсиновъ стоилъ отъ пятнадцати до двадцати копеекъ.

Помимо домашняго ареста, которому подвергся на первыхъ порахъ Де-Сво, были у него и другіе черные дни, впрочемъ такого же комическаго характера; въ общемъ они неособенно нарушали теченіе его счастливой жизни. Былъ съ нимъ, напримѣръ, такой случай.

Однажды, вечеромъ, будучи свободнымъ, онъ въ антрактѣ стоялъ за кулисами и разговаривалъ съ однимъ французомъ, не принадлежавшимъ къ труппѣ. Князь директоръ находился въ десяти шагахъ отъ него. Увидѣвъ незнакомца, онъ подозвалъ одного изъ лакеевъ и передалъ приказаніе выйти невѣстному господину сейчасъ же изъ театра. Такъ какъ французъ не понималъ порусски, то Де-Сво перевелъ ему приказаніе. Князь страшнымъ голосомъ закричалъ:

— Милостивый государь, вы не имѣете права удерживать его здѣсь!

— Князь, — отвѣчалъ Де-Сво: — я угадалъ вашу мысль, попросивъ моего знакомаго удалиться.

Тюфякинъ, не слушая, повторилъ еще громче:

— Говорю вамъ, что вы не имѣете права!

Де-Сво тоже повторилъ слово въ слово свой отвѣтъ.

Но князь любилъ сухую мадеру, и въ этотъ день онъ чрезмѣрно отвѣдалъ ея. Поэтому онъ приказалъ людямъ взять самого Де-Сво и вытолкать его вонъ.

Де-Сво сталъ отбиваться, но, овладѣвъ собой, онъ возможно спокойно и почтительно заявилъ князю просьбу приказать оставить его въ покоѣ. Князь настаивалъ. Де-Сво снова сталъ отбиваться, и его не могли взять.

— Возьмите, говорю вамъ!

Тогда артистъ, въ свою очередь, закричалъ:

— Если я виноватъ, прошу васъ сказать, куда мнѣ идти, и я повинуюсь; но если вы употребите силу, никогда нога моя не будетъ больше въ театрѣ!

— Возьмите его! — кричалъ князь.

Пять человекъ окружили артиста; два взяли за ноги, два за руки, а пятый поперекъ тѣла, и его понесли. Едва кортежъ спустился съ десяти или двѣнадцати ступенекъ, какъ на носильщи-

ковъ напали турки. Это были тоже актеры, собиравшіеся выходить на сцену. Турки побѣдили, и Де-Сво увидѣлъ вокругъ себя людей въ чалмахъ, въ доломаняхъ, самого даже халифа, потому что шла пьеса «Багдадскій халифъ». Въ числѣ турокъ были Жено и Дарваль; оба они еще были полуодѣты, одинъ въ одной зеленой туфлѣ, другой съ половиной усовъ. Товарищи привели Де-Сво назадъ. Директоръ, прійдя въ ярость, велѣлъ позвать полицеймейстера и отвести артиста на сѣвзую (которую Де-Сво переводитъ *siège de police*). Въ коридорѣ у выхода артистъ былъ переданъ четыремъ жандармамъ.

— Господинъ полковникъ,—началь Де-Сво,—я не преступникъ; скажите мнѣ, куда идти, я самъ пойду, но я не желаю, чтобы меня провожали жандармы.

— Повинуйтесь, милостивый государь!

— Нѣтъ, полковникъ, это произволъ. Можете тащить меня, но самъ я не сдѣлаю ни шага.

Началась опять битва. Артиста хватили, онъ не давался. Полицеймейстеръ махнулъ рукой, подозвалъ квартальнаго и передалъ Де-Сво ему, а жандармовъ удалилъ. Де-Сво вѣжливо поблагодарилъ полицеймейстера. Впрочемъ, на нѣкоторомъ разстояніи за нимъ шелъ капельдинеръ въ красномъ кафтанѣ, можетъ быть, изъ опасенія, что артистъ убѣжитъ.

Разсказъ о случившемся, между тѣмъ, уже передавался изъ устъ въ уста во всемъ театрѣ, начиная отъ ада, т. е. отъ партера, и до самаго райка. Не прошло и четверти часа, какъ артиста посѣтили какіе-то генералы, адъютанты, офицеры, желавшіе узнать, за что его арестовали. Каждому Де-Сво постарался объяснить, и никого не удивилъ. Одинъ изъ посѣтителей сказалъ только:

— Если бы князь Тюфякинъ могъ переменить часы своихъ завтраковъ и обѣдовъ, перенеся ихъ на время послѣ спектакля, то, право, онъ былъ бы однимъ изъ самыхъ любезныхъ людей.

Ночью, актриса Жени Фились успѣшила послать пльничку ужинъ, матрацъ и подушку. Но черезъ четверть часа генералъ Горголи, петербургскій оберъ-полицеймейстеръ, узнавъ, въ чемъ дѣло, самъ явился въ часть, посадилъ артиста въ дрожки и отвезъ его домой.

На другой день товарищи Де-Сво написали жалобу и принесли ее къ нему съ просьбой подписать. Но онъ отказался, не желая вцутываться товарищей: дѣло касалось только его одного. Несмотря на совѣтъ его устраниваться, жалоба была подана, и тогда Де-Сво предоставилъ товарищамъ хлопотать за него, а самъ не пожаловался. Жалоба ихъ не имѣла послѣдствій.

Несмотря на столкновеніе съ княземъ Тюфякинымъ и на то, что Тюфякинъ терпѣть не могъ Де-Сво, авторъ мемуаровъ отдаетъ ему должное. При Тюфякинѣ театральная администрація процвѣ-

тала и сдѣлала большую экономію. Обиліе сбереженій объяснялось тѣмъ, что Тюфякинъ никогда не заимствовалъ изъ кассы, онъ самъ былъ богатый человѣкъ. Къ тому же, жалованья артистовъ были незначительны; самое большое жалованье было шесть тысячъ, Де-Сво получалъ пять тысячъ. Въ сороковыхъ годахъ платили уже пятнадцать тысячъ, не считая бенефиса. М-ме Вольнисъ получала шестьдесятъ тысячъ!

О князѣ П. И. Тюфякинѣ въ воспоминаніяхъ современниковъ и въ ихъ запискахъ (главнымъ образомъ актеровъ) сохранились свѣдѣнія, болѣе или менѣе неблагопріятныя для его личности; но, какъ справедливо замѣчаетъ Опочининъ, подобнымъ отзывамъ нельзя вполне довѣряться, такъ какъ они во многихъ случаяхъ представляютъ собой слѣдствія личныхъ отношеній. Секретарь Тюфякина Р. М. Зотовъ сообщаетъ о своемъ принципалѣ слѣдующія свѣдѣнія. До своего вступленія въ должность, князь Тюфякинъ нигдѣ прежде не служилъ. Онъ воспитывался съ малолѣтства вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ Павловичемъ. 30 августа 1814 года, ему былъ данъ орденъ св. Анны перваго класса. Передъ этимъ онъ много путешествовалъ, долго жилъ въ Парижѣ и хорошо ознакомился съ тамошнимъ театромъ. Отецъ князя былъ еще живъ и выдавалъ сыну опредѣленное содержаніе; отъ дирекціи онъ получалъ четыре тысячи рублей въ годъ. «Князь П. И. Тюфякинъ,—пишетъ Р. Зотовъ,—былъ человѣкъ обходительнаго нрава и благороднѣйшихъ правилъ, часто очень вспыльчивъ, но снисходителенъ. Болѣе же всего, онъ былъ хорошій хозяинъ и берегъ каждую казенную копейку. Эта система не нравилась тогда многимъ, но она произвела неожиданные результаты: до тѣхъ поръ были ежегодные дефициты по театру, онъ первый успѣлъ заплатить долги, пересталъ ихъ дѣлать вновь и доказалъ, что театръ можетъ существовать своими средствами».

Де-Сво, какъ уже выше было замѣчено, на каждомъ шагѣ вдается въ политическія бесѣды и описываетъ нравы русскихъ, какъ путешественникъ. О театрѣ же говоритъ мелькомъ. Такимъ образомъ, остается неизвѣстнымъ, какъ онъ вышелъ изъ императорской труппы и очутился въ Севастополѣ; точно такъ же неизвѣстно, что онъ тамъ дѣлалъ. Онъ рассказываетъ между прочимъ объ актерѣ Ивановѣ, котораго постигла трагическая участь. Актеръ Ивановъ былъ женатъ на крѣпостной дѣвушкѣ, которую онъ выкупилъ. Это былъ мирный и добрый человѣкъ, хотя любилъ выпить. Иванова завела интригу съ какимъ-то офицеромъ. Между мужемъ и женой начались ссоры, которыя кончились тѣмъ, что однажды въ Черномъ морѣ былъ найденъ трупъ Иванова съ отрубленными пальцами и съ веревкой на шеѣ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ Ивановъ видѣли въ портерной, гдѣ онъ игралъ въ карты съ товарищами; къ нему подошли два матроса и сказали, что его требуютъ къ себѣ

офицеры сообщить что-то важное. Съ тѣхъ поръ его больше не видѣли. Жена Иванова была арестована и затѣмъ выпущена; дѣло передано волѣ Жошіей; офицеръ даже не былъ допрошенъ.

Затѣмъ Де-Сво былъ нѣкоторое время въ Одессѣ и, наконецъ, вернулся на родину.

Возмущаясь жестокостью русскихъ рабовладѣльцевъ и взяточничествомъ русскихъ чиновниковъ, безнаказанностью преступлений, совершаемыхъ дворянами и угодничествомъ придворныхъ, Де-Сво остается до конца поклонникомъ императора Николая; онъ даже написалъ поэму «Николаиду». Характерны его авторскія страданія съ «Николаидой». Онъ отправился въ «Journal de Debats». Редакторъ, выслушавъ его чрезвычайно внимательно, сказалъ, что идея, лежащая въ основѣ поэмы, совершенно противоположна его собственнымъ убѣжденіямъ. Тогда Де-Сво пошелъ въ редакцію «Presse», гдѣ уже напечаталъ нѣсколько статейъ о Россіи; онъ надѣялся на болѣе благосклонный пріемъ. «Обо мнѣ доложили,—разсказываетъ онъ.—Я вошелъ и объяснилъ причину моего появленія. Но уже предварительныя краткія свѣдѣнія о поэмѣ вывели редактора изъ терпѣнія; онъ отвѣтилъ мнѣ, не давъ мнѣ кончить, даже не удостоивъ меня взглядомъ, убѣгая отъ меня, что такими вещами не занимается». Де-Сво не успокоился и понесъ свою поэму въ «Union Monarchique». Тутъ его встрѣтили вѣжливѣе; редакторъ выслушалъ его стихи и прозу. Но, въ концѣ концовъ, и этотъ редакторъ отказалъ напечатать «Николаиду», подъ предлогомъ, что поэма раздражитъ оппозицію. Де-Сво явился съ поэмой въ «Revue de deux Mondes». Редакторомъ почтеннаго журнала былъ молодой двадцатичетырелѣтній человекъ; Де-Сво неприятно поразило уже то, что ему не сорокъ лѣтъ. «Но въ вѣкъ нара все идетъ быстро впередъ,—острить Де-Сво:—когда нибудь во главѣ толстыхъ журналовъ будутъ стоять пятнадцатилѣтніе мальчики». Авторъ самымъ вѣжливымъ образомъ обратился къ редактору съ просьбой выслушать его поэму.

— Не угодно ли вамъ оставить ее?—отвѣчалъ редакторъ.—Черезъ два дня будетъ данъ отвѣтъ.

— Но въ ней всего сто семьдесятъ стиховъ; право, это такъ коротко. Мнѣ хотѣлось бы выслушать отъ васъ лично мнѣніе, и притомъ сейчасъ же.

— Милостивый государь,—возразилъ редакторъ:—мы рѣшаемъ вопросъ о принятіи или непринятіи рукописей тремя голосами.

— Милостивый государь,—наставлялъ Де-Сво:—вы знаете товарищей своихъ и, выслушавъ поэму, можете сами рѣшить, найдутъ ли они возможнымъ напечатать ее.

— Милостивый государь!

— Милостивый государь, безъ сомнѣнія, на этой же недѣлѣ у васъ будетъ редакціонное собраніе; будьте такъ добры, укажите часъ, и я явлюсь, вы выслушаете стихи въ моемъ чтеніи и тогда произнесете вашъ судъ.

— Милостивый государы!

Де-Сво взялъ стихи съ собой обратно. Онъ увѣряетъ, что ему легко было бы напечатать стихи, если бы онъ предложилъ редакторамъ по пяти франковъ за строчку. Пришлось напечатать «Николаиду» на свой собственный счетъ. А въ книгу свою онъ вставилъ нѣсколько прочувствованныхъ тирадъ противъ упадка французской литературы. Изъ «Николаиды» мы приведемъ въ заключение слѣдующее мѣсто, взятое на удачу:

«Вотъ тотъ царь, на котораго злой геній всегда и вездѣ клевететь и котораго оскорбляетъ. Онъ одинокъ. Укажите мнѣ преступленіе, которое забрызгало его сѣверный пурпуръ? Пролилъ онъ незаконно хоть каплю крови? Назовите хоть одну жертву его каприза? Продажные газетчики, вы тщетно печатаете памфлеты и искажаете истину. Лжете! Вы не знаете правовъ Россіи, вы чужды ея законовъ, ея дипломатіи! Вамъ невѣдомо, что тамъ власть одна должна все знать, должна все предвидѣть, что тамъ человѣкъ, не повинующійся монарху-самодержцу, все равно долженъ былъ бы подчиниться кровавому скипетру мужика, что Богъ въ своей мудрости постановилъ царей быть исполнителями и толкователями Его предназначеній!» и т. д.

Понятно, почему «Николаида» не могла появиться ни въ одномъ органѣ французской печати.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ФРАНЦІЕЙ СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

В ВИДУ франко-русскаго союза, сдѣлавшагося совершившимся фактомъ послѣ торжественнаго посѣщенія Россіи президентомъ республики, Форомъ, не лишне бросить взглядъ на отношенія новыхъ союзниковъ сто лѣтъ тому назадъ. Тогда въ Россіи царствовалъ Павелъ I, восшедшій на престолъ 17 ноября 1796 года, а Франціей управляла директорія, и съ обѣихъ сторонъ были сдѣланы попытки къ возобновленію дипломатическихъ сношеній, прерванныхъ за четыре года передъ тѣмъ, при Екатеринѣ II. Эти попытки хотя и не увѣнчались успѣхомъ, очень любопытны, тѣмъ болѣе, что онѣ отличались драматическою таинственностью, и переговоры велись конфиденціально, на нейтральной почвѣ, преимущественно въ Берлинскомъ паркѣ, Thiergarten, русскими посланниками при прусскомъ дворѣ: сначала Колычевымъ, а потомъ графомъ Н. П. Панинымъ и французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, Кальяромъ. Исторія сношеній между Франціей и Россіей во время директоріи впервые подробно изложена во французской литературѣ въ небольшой, но обстоятельно и добросовѣстно составленной, книжкѣ Жоржа Грожана ¹⁾; она основана преимущественно на перепискѣ Кальяра съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, хранящейся въ архивѣ этого министерства, но обнаруживаетъ и знакомство съ русскими матеріалами,

¹⁾ La France et la Russie pendant le directoire, par Georges Grosjean.—Paris. 1896.

такъ что сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія отличаются не только новизной, но и достоверностью. Если же дополнить разсказъ Грожана тѣми данными, которыя можно почерпнуть въ русскихъ источникахъ, именно въ XIII томѣ «Архива князя Воронцова», въ VI томѣ «Собраній трактатовъ и конвенцій» Ф. Мартенса, въ первомъ томѣ «Дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I» А. Трачевскаго и въ «Матеріалахъ для жизнеописанія графа Н. П. Папина» А. Брикнера, то получится возможность вполне уяснить собѣ отношенія между Россіей и Франціей въ 1797 году.

I.

Въ 1793 году, Екатерина II прекратила всякія отношенія между Россіей и Франціей, которыя незадолго передъ тѣмъ отличались такимъ дружественнымъ характеромъ, что едва не былъ заключенъ формальный союзъ между обѣими странами ¹⁾. Не только удалены изъ Россіи французскіе консулы и повѣренный въ дѣлахъ, Жена, а изъ Франціи отозваны всѣ русскіе дипломатическіе агенты, но запрещено было русскимъ подданнымъ оставаться во Франціи, а французскимъ въ Россіи. Въ послѣднемъ отношеніи было сдѣлано исключеніе для многочисленныхъ эмигрантовъ и тѣхъ французовъ, которые согласились принять присягу въ томъ, что они отрекаются отъ революціи и республики. Мало того, дѣйствіе торговаго трактата, заключеннаго графомъ Сегюромъ въ 1787 г., было приостановлено до возстановленія во Франціи законной власти, и запрещено французскимъ судамъ входить въ русскіе порты, а русскимъ въ французскіе ²⁾. Другъ французскихъ философовъ и всего либеральнаго, Екатерина превратилась въ опору реакціи: въ письмахъ къ Гриму и въ разговорахъ съ Храповицкимъ она называла революцію «*egtrillarde*», учредительное собраніе «гидрой о 1200 головахъ», аристократовъ, согласившихся на уничтоженіе своихъ привилегій «негодяями», а ненависть ко всему французскому простирала до того, что хотѣла уничтожить даже «слово французъ». Однако въ своей политикѣ императрица никогда не руководствовалась личными пристрастіями и знала одно мѣрило—интересы государства, а потому, по мѣткому выраженію Рамбо, «она, несмотря всѣ свои демонстраціи противъ революціи, не выставила противъ нея ни одного солдата» ³⁾. Понимая очень хорошо, что изъ всѣхъ дер-

¹⁾ Русско-французскій союзъ при Екатеринѣ II. «Историческій Вѣстникъ», май и декабрь 1894 г.

²⁾ Recueil des instructions, données aux ambassadeurs et ministres de France en Russie, avec notes; par A. Rambaud, tome II. Paris. 1888, p.p. 544—516.

³⁾ Catherine II et la révolution française, par A. Rambaud. Histoire générale du IV siècle à nos jours, par S. Laviisse et A. Rambaud. Tome VIII. La révolution française. Paris. 1896, p. 366.

жавъ одной Россіи нечего было бояться французской революціи относительно своихъ подданныхъ, она только косвенно и платонически поддерживала «правое дѣло», а если всячески подбивала Австрію, Пруссію, Англію и Испанію дѣйствовать противъ Франціи съ цѣлью «сохраненія порядка» и «обузданія революціи», то въ сущности лишь заботилась о томъ, чтобы, вовлекая другія страны въ общую борьбу, имѣть самой свободныя руки. Конечно, она прикрывала свои дѣйствія громкими фразами о крестовомъ походѣ противъ атеистовъ и увѣряла, какъ въ рескриптѣ къ русскому посланнику въ Мадридѣ, Зиновьеву, что «слабѣ она удѣлила малую часть своихъ силъ въ пользу союзниковъ, то лишь ослабила бы къ общему вреду тѣ мѣры обороны и предосторожности противъ дальнѣйшаго распространенія заразы неистовствъ и развратовъ французскихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ сѣвера и особливо на востокъ»¹⁾. Но ясно было, что она занимала другія державы французскими дѣлами для расчищенія почвы своей дѣятельности въ Польшѣ, Швеціи и Турціи; прусское правительство наконецъ это раскусило и начало уклоняться отъ коалиціи, что Екатерина клеймила корыстолюбивою измѣной, называя даже прусскаго короля «злымъ животнымъ и большой свиньей»²⁾. Чтобы подогрѣть союзниковъ, Екатерина передъ самой своей смертью объявила, что пошлетъ на помощь Австріи, поколебленной въ своихъ основахъ французскими побѣдами въ Италіи, армию въ 60.000 человекъ подъ начальствомъ Суворова, но ея неожиданная кончина оставляетъ открытымъ вопросъ, дѣйствовала ли она наконецъ искренно противъ Франціи, или, какъ предполагаютъ нѣкоторые историки, армія Суворова предназначалась для войны съ Персіей. Конечно, революціонная Франція не могла въ пылу тогдашнихъ грозныхъ событій и великой борьбы, которую она одна вела противъ всей Европы, оцѣнить тѣ услуги, которыя въ сущности оказывала ей Екатерина, поселяя своей политикою раздоры въ средѣ союзниковъ, и платила за видимую враждебность императрицы тѣмъ же. Конвентъ и директорія ненавидѣли Россію, постоянно препирались съ петербургскимъ кабинетомъ по случаю притѣсненій французовъ въ русскихъ предѣлахъ и сочувственно относились къ различнымъ проектамъ о поднятіи противъ зловерной Россіи всего міра вообще и въ особенности поляковъ, турокъ, татаръ, персіянъ и казаковъ, «этихъ рожденныхъ враговъ Россіи, готовыхъ, какъ слышно, возстать»³⁾.

Екатерина умерла 17-го ноября 1796 года, и положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Павелъ сразу заявилъ самыя миролюбивыя

¹⁾ Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I; под редакціей А. Трачевскаго. Томъ первый. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 70. Введеніе, стр. II. Прим. 2, стр. 631.

²⁾ Тамъ же, прим. 8, стр. 631.

³⁾ Тамъ же, введеніе, стр. III.

стремленія и отмѣнилъ военныя приготовления матери; въ послѣдствіи, въ рескриптѣ Колычеву отъ 1-го февраля 1799 года, онъ съ гордостью указывалъ, что не послѣдовалъ правиламъ родительницы своей, которыя основывались на видахъ приобрѣтеній, потому что не хотѣлъ «отказать любезнымъ подданнымъ въ пренужномъ и желанномъ ими отдохновеніи послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній»¹⁾. Хотя въ первомъ сообщеніи петербургскаго кабинета иностраннымъ державамъ послѣ его воцаренія и говорится, что «государь не мѣнѣе, какъ покойная родительница его, чувствуетъ нужду противиться всевозможными мѣрами неустой Французской республикѣ», но это говорилось лишь потому, что Павелъ, какъ онъ писалъ тогда же прусскому королю Фридриху-Вильгельму II, былъ теоретически «врагомъ модной системы философскихъ потрясеній»²⁾, а практически онъ желалъ жить со всѣми въ мирѣ, въ томъ числѣ и съ Франціей. Эту мысль онъ ясно выразилъ въ письмѣ къ тому же Фридриху-Вильгельму II, говоря, что «онъ не считаетъ себя находящимся въ войнѣ съ Франціей», и на основаніи этихъ словъ, переданныхъ первымъ министромъ Гаугвицемъ французскому повѣренному въ дѣлахъ въ Берлинѣ, Кальяру³⁾, а также полученныхъ имъ свидѣній изъ Петербурга, этотъ дипломатъ увѣдомилъ директорію, что являлась возможность возстановить дружескія отношенія между обѣими странами, такъ какъ новый царь разорвалъ договоръ съ Англіей о субсидіяхъ, удалилъ враждебнаго Франціи Моркова и вообще хочетъ вступить на дорогу, вполне противоположную той, по которой шла Екатерина⁴⁾. Неожиданно проектъ примиренія съ Россіей сдѣлался популярнымъ во Франціи, и со всѣхъ сторонъ стали подавать въ министерство иностранныхъ сношеній записки, совѣтовавшія правительству войти въ соглашеніе съ новымъ императоромъ и могущественной сѣверной державой, съ цѣлью главнымъ образомъ унижить Англію и отбить у нея торговлю съ этой страной. Въ одной изъ этихъ записокъ, сохранившихся во французскомъ архивѣ, Гютенъ, жившій въ Россіи 12 лѣтъ и потомъ постоянно писавшій политическіе планы для директоріи, консульства и имперіи, указываетъ на всѣ выгоды для Франціи заключить союзъ въ Россіей, при чемъ онъ совѣтуетъ отдать Павлу Турцію подъ условіемъ возстановить Польшу въ старинныхъ предѣлахъ подъ властью короля—

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ 70. Введеніе, стр. VI.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ *La France et la Russie pendant le directoire*, par G. Grosjean. *Depeche de Caillard à Delacroix, ministre des relations exterieures*, p. 17.

⁴⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ 70. Введеніе, стр. IV, прим. 9.

великаго князя Константина Павловича. Въ другихъ запискахъ Тото Дарфланъ, бывшій двадцать лѣтъ генеральнымъ консуломъ въ Петербургѣ, Сулаво, французскій посланникъ въ Женевѣ, секретарь того же посольства Дарневиль, и Флассанъ, впоследствии написавшій исторію французской дипломатіи, представляли краснорѣчивые доводы въ пользу франко-русскаго союза; а послѣдніе двое совѣтовали обратиться въ этомъ дѣлѣ къ посредничеству отца русской императрицы Маріи Ѳеодоровны, герцога Виртембергскаго, котораго Павелъ очень любилъ и которому можно было обѣщать титулъ курфюрста и территориальное вознагражденіе за утраченное имъ графство Монбельяръ. Тогдашній министръ иностранныхъ сношеній, Делакуръ, сочувственно отнесся ко всѣмъ этимъ проектамъ, въ особенности къ послѣднимъ двумъ, и даже вступилъ въ сношенія по этому поводу съ находившимися тогда въ Парижѣ виртембергцами, изъ числа которыхъ баронъ Норманъ представилъ подробную записку о возобновленіи дружбы съ Россіей и объ избраніи ея въ посредники для заключенія общаго мира, при чемъ предлагалъ свести письмо директоріи къ герцогу и слѣдить въ Петербургъ для подготовленія почвы къ переговорамъ. Директорія не нашла возможнымъ согласиться на такое предложеніе, но предписала 17 декабря 1796 г. Кальяру объясниться съ прусскимъ министромъ Гаугвицемъ и при его содѣйствіи съ русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ Колычевымъ о возобновленіи съ Россіей старой дружбы и торговыхъ сношеній¹⁾.

Лицо, которому было поручено такое важное дѣло, вполне заслуживало оказаннаго ему довѣрія. Одинъ изъ лучшихъ французскихъ дипломатовъ того времени, Кальяръ, былъ умнымъ, образованнымъ, разсудительнымъ и дѣловымъ человекомъ. Ученикъ знаменитаго Тюрго, при которомъ служилъ нѣсколько лѣтъ, онъ сначала былъ консуломъ въ Копенгагенѣ, а потомъ секретаремъ посольства въ Петербургѣ при маркизѣ Веракѣ и повѣреннымъ въ дѣлахъ тамъ же отъ 3 ноября 1783 г. по 1 октября 1784 г. передъ назначеніемъ въ посланники графа Сегюра. Затѣмъ онъ занималъ высокіе дипломатическіе посты и въ Берлинѣ пользовался уваженіемъ двора и министровъ²⁾. Обрадованный тѣмъ, что его мысль о сближеніи съ Россіей, которую онъ хорошо зналъ и съ которой поддерживалъ тайныя сношенія, одобрена директоріей, Кальяръ ревностно, но осторожно сталъ осуществлять ее на дѣлѣ. Прежде всего онъ нашелъ, что французское правительство слишкомъ торопилось и нарушало всѣ дипломатическія традиціи, чѣмъ подрывало шансы

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, т. 70. Введ. IV. Прим. 10, 12 и 14, стр. 684—685.

²⁾ Recueil des instructions. Russie, tome II, p. 373—378. La France et Russie pendant le directoire, p. 19—20.

на успѣхъ. Конечно, онъ, какъ представитель республики, готовъ былъ топтать подъ ногами всѣ «несчастныя старыя формальности», но европейскіе дипломаты, а въ особенности Колычевъ, не отличавшіяся блестящими способностями, нерѣшительный и боявшійся потерять свой постъ, такъ какъ новый императоръ прежде къ нему не благоволилъ, стояли горой за канцелярскую рутину, потому было невозможно пойти противъ всѣхъ международныхъ обычаевъ и прямо обратиться съ нотой къ русскому посланнику въ Берлинъ, или вступить съ нимъ въ прямыя отношенія, тѣмъ болѣе, что Колычевъ, по всей вѣроятности, уклонился бы отъ всякаго шага, не испросивъ предварительно распоряженій своего правительства. Наконецъ, онъ не надѣялся на вѣрную передачу Колычевымъ сдѣланнаго ему сообщенія, что могло погубить дѣло въ самомъ зародышѣ. На основаніи этихъ соображеній, Кальяръ полагалъ, что лучше и правильнѣе было обратиться сначала къ Гаугвицу, который тогда дружилъ съ Франціей, и просить его навести въ Петербургѣ справки черезъ прусскаго посланника, Тауенцина, расположено ли русское правительство возобновить сношенія съ Франціей, а въ случаѣ благопріятнаго результата дать дѣлу такой оборотъ, чтобъ Колычеву было предписано не увертываться отъ авансовъ Кальяра. Не только съ формальной стороны, но и по существу порученнаго ему дѣлу, этотъ ловкій, осторожный дипломатъ расходился съ директоріей. Она не довольствовалась возобновленіемъ торговаго трактата 1787 г., а хотѣла еще включить въ него новую статью о предоставленіи обѣимъ странамъ пользованія правами наиболѣе благопріятствуемыхъ націй. Кальяру же казалось, что подобнымъ требованіемъ можно было испортить все дѣло, и онъ считалъ, что достаточно было для перваго шага добиться снятія запрета на ввозъ французскихъ товаровъ въ Россію, а затѣмъ все остальное устроилось бы само собою и мало-по-малу.

Согласно этимъ благоразумнымъ соображеніямъ, Кальяръ приступилъ къ дѣлу, смѣло измѣнивъ инструкцію своего правительства. Онъ переговорилъ съ Гаугвицемъ, который одобрилъ его планъ, такъ какъ «слѣдовало начинать сначала и ничего не компрометировать», а потому обѣщаль написать соотвѣтственно Тауенцину. Дѣйствительно, онъ не преминулъ это сдѣлать, и прежде всего, согласно указанію Гаугвица, была спрошена у русскаго правительства отъзна наложеннаго Екатериной II запрета на французскіе товары. Павелъ милостиво отнесся къ этому дѣлу, но согласился только допустить въ русскіе порты изъ Франціи вина и предметы продовольствія; товары должны были находиться на нейтральныхъ судахъ, вышедшихъ изъ нейтральныхъ портовъ. Предметы роскоши оставались попрежнему запрещенными къ ввозу, и даже эти уступки входили въ силу только «съ того дня, когда во

Франціи установится твердое правительство»¹⁾. Хотя въ указѣ императора говорилось о твердомъ, а не о законномъ правительствѣ, какъ при Екатеринѣ II, но все-таки Кальяръ былъ правъ, что дѣйствовалъ осмотрительно: Россія шла на сближеніе съ Франціей, но черепашинымъ шагомъ. Однако, директорія была очень недовольна самовольнымъ измѣненіемъ ея инструкціи и не только предписала Кальяру въ рѣзкихъ выраженіяхъ исполнить ея приказанія, но сообщила проектъ ноты, которую слѣдовало передать русскому посланнику, для пересылки ея въ Петербургъ. Въ виду столь определенно выраженной воли своего правительства, Кальяръ подчинился ему по существу дѣла, но все-таки поступилъ по-своему относительно формы. Онъ не вступилъ въ прямые отношенія съ Колычевымъ, а передалъ ноту, и притомъ совершенно измѣненную съ внѣшней стороны, въ Петербургъ черезъ Гаугвица и Тауенцина. Въмѣсто лаконическаго заявленія директоріи о желаніи Французской республики возстановить мирныя и дружескія отношенія, которыя существовали между обѣими странами до войны, и о готовности ея вступить въ переговоры съ лицами, которыхъ укажетъ императоръ, Кальяръ написалъ слѣдующій документъ по всѣмъ правиламъ дипломатическаго искусства и канцелярскихъ традицій: «Нижеподписавшійся полномочный министръ Французской республики при его величествѣ королѣ прусскомъ уполномоченъ исполнительною властью республики довести до свѣдѣнія министерства его величества о желаніи республики возстановить мирныя и дружескія отношенія, которыя существовали до войны между Франціей и Россіей, и о готовности директоріи войти въ переговоры по этому предмету съ тѣми лицами, которыхъ императору будетъ угодно снабдить своимъ довѣріемъ. Увѣренный, что министерство его величества не можетъ ожидать ничего болѣе, соотвѣтствующаго его желаніямъ, какъ подобное предложеніе содѣйствовать возстановленію гармоніи между двумя націями, предназначенными самой природой оказывать пользу другъ другу, при невозможности прямо вредить одна другой, нижеподписавшійся проситъ съ полнымъ довѣріемъ кабинетъ его величества хорошенъко обдумать этотъ важный вопросъ, довести съ наивозможной поспѣшностью до свѣдѣнія русскаго императора намѣренія директоріи, выраженныхъ въ этой нотѣ, и употребить всѣ средства, доставляемыя ему интимными сношеніями съ петербургскимъ дворомъ, чтобъ добиться отъ императора рѣшенія, соотвѣтствующаго желаніямъ директоріи, а равно и всего человечества, такъ какъ ничто такъ не ускоритъ возвращенія общаго мира»²⁾.

¹⁾ La France et la Russie pendant le directoire, p. p. 28—29.

²⁾ Ibidem, p. p. 32—33.

Гаугвицъ старательно взвѣсилъ каждое слово этой ноты, вполне ее одобрилъ и обѣщалъ немедленно переслать ее Тауенцину, который предстанитъ ее императору и поддержитъ желанія директоріи при первомъ удобномъ случаѣ. Но пришлось долго ждать этого удобнаго случая, благодаря коварству Пруссіи и отбытію русскаго двора въ Москву для коронаціи. «Наши дѣла въ Петербургѣ,—донесли Кальяръ своему министру отъ 18-го марта,—идутъ не такъ, какъ желательно, хотя они не безнадежны»¹⁾. Дѣйствительно, помимо ноты Кальяра и посредничества Пруссіи, съ обѣихъ сторонъ дѣлались шаги къ сближенію. Делакруа не дождался результата начатыхъ переговоровъ и представилъ 10-го февраля директоріи подробную записку о русскихъ дѣлахъ; этотъ любопытный документъ, который приводится цѣликомъ на французскомъ языкѣ въ примѣчаніяхъ къ труду Трачевскаго, озаглавленъ: «Общія разсужденія по вопросу: пришло ли время послать агента въ Россію и какъ?» Сначала Делакруа излагаетъ исторію сношеній Франціи съ Россіей при Екатеринѣ II и указываетъ на дружбу съ французами императрицы и вообще русскихъ до революціи; потомъ онъ выражаетъ мнѣніе, что, несмотря на перемѣну политики императрицы, послѣ смерти Людовика XVI и ея открытой вражды къ своимъ прежнимъ друзьямъ, русскіе не были врагами французомъ, желали имъ успѣховъ, вѣрили въ окончательное торжество свободы и ненавидѣли нѣмцевъ. Поэтому, прибавляетъ министръ, «несомнѣнно, что Россія съ удовольствіемъ увидитъ сближеніе своего государя съ Франціей, или по крайней мѣрѣ соблюденіе имъ строгаго нейтралитета». О самомъ Павлѣ онъ отзывался, какъ о человѣкѣ мрачномъ, жестокомъ, подозрительномъ, но выражающемъ въ то же время человѣчныя чувства въ своихъ заботахъ объ улучшеніи народной доли, о больныхъ и узникахъ, изъ которыхъ онъ выпустилъ многихъ на свободу. Переходя къ вопросу о возобновленіи торговыхъ сношеній между обѣими странами, Делакруа приводитъ полученныя имъ свѣдѣнія отъ посланника въ Гагѣ, Ноеля, что Голландія могла бы служить посредникомъ, но склоняется въ пользу предоставленія этой роли Испаніи, которой совѣтники новаго императора: Репинтъ, Румянцевъ и Безбородко, видимо сочувствуютъ. «Однако,—оканчиваетъ министръ свой докладъ,—прежде чѣмъ послать агентовъ въ Россію, въ какомъ бы то ни было качествѣ, надо предварительно собрать всѣ справки, чтобы не сдѣлать ошибки, и необходимъ для этого человѣкъ, знающій языки, обычаи и привычки сѣвера, а главное, хладнокровный и благоразумный»²⁾. Подходящее лицо для такого

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, томъ 70. Введеніе, стр. V.

²⁾ Ibid., томъ 70. Прим. 16, стр. 635—638.

порученія нашлось въ лицѣ бывшего секретаря посольства въ Берлинѣ и консула въ Остенде, дю-Бэ. Онъ предложилъ свои услуги министру, сослался на свои связи съ Дашковой и нѣкоторыми другими русскими, составилъ планъ поѣздки въ Петербургъ подъ предлогомъ продажи своихъ винъ и обѣщалъ добиться нейтралитета Россіи¹⁾. Однако, Делакруа не клюнулъ на эту удочку и отдѣлался однимъ восхваленіемъ патріотизма дю-Бэ.

Съ своей стороны и Павелъ самостоятельно сдѣлалъ авансы въ дѣлѣ сближенія съ Франціей, но въ качествѣ примирителя всей Европы. Боясь, чтобы побѣды Бонапарта, Гоша и Дессэ, съ одной стороны, а съ другой коварная политика Пруссіи, которая, по словамъ Колычева, энергично содѣйствовала республикѣ, окончательно не погубили бы союзную ему Австрію, онъ предложилъ взять на себя роль посредника для заключенія общаго мира и рѣшился послать для этой цѣли въ Берлинъ и въ Вѣну князя Н. В. Репнина. Въ инструкціи отъ 15-го апрѣля 1797 года и въ рескриптѣ отъ 19-го апрѣля изложены: взглядъ императора на общее положеніе Европы и на условія, при которыхъ, онъ полагалъ, можетъ состояться миръ между враждующими сторонами. Для этого слѣдовало бы, по словамъ перваго документа, «признать Францію республикой и положить въ послѣдней крайности ей предѣломъ отъ стороны Италіи Альпійскія горы, такожъ и Нидерланды въ пользу ея оставить; а для прусскаго короля возстановить штатгальтера въ Голландіи, попрежнему, въ домѣ принцовъ Оранскихъ; въ самомъ же крайнемъ случаѣ согласиться на границу отъ Германіи, по Рейну»²⁾. Въ рескриптѣ, однако, отъ послѣдней уступки Павелъ отходитъ и говоритъ: «легко, однако, быть можетъ, что правленіе французское, послѣдними успѣхами надменное, возвыситъ свои требованія даже до той степени, чтобы рѣку Рейнъ опредѣлить границей; въ такомъ случаѣ полагаемся на ваше усердіе и искусство, что вы, въ разговорахъ вашихъ съ королемъ прусскимъ и съ его министрами, съ твердостью мысль сію отражать станете, утверждая, что вышесказанное наше ручательство на трактатѣ Тешенскій и наше достоинство не позволяютъ намъ согласиться на такую крайность, которая, распространяя внутрь Европы французскія владѣнія, открываетъ сей націи способы къ удобнѣйшему расширенію зла, котораго, конечно, первыя слѣдствія у сосѣдей почувствованы будутъ»³⁾. Что касается до самой формы посредничества русскаго императора, то въ инструкціи выражалось, что оно можетъ состояться не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы Франція формально предложила его, и чтобы Пруссія присоединилась къ «медиацин». Выѣстъ съ тѣмъ князю Репнину

¹⁾ Сборн. Имп. Русск. Истор. общ., томъ 70. Прим. 16, стр. 688—689.

²⁾ Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. VI, стр. 250—251.

³⁾ Тамъ же, стр. 251.

предписывалось встрѣтиться въ Берлинѣ съ Кальяромъ, «но безъ всякаго исканія и какъ бы не нарочно», причѣмъ «постараться завести рѣчь о мирѣ, о сдѣланномъ отъ насъ внушеніи воюющимъ и о наипемъ желаніи способствовать тому по всей нашей возможности». Вообще, Репнинъ долженъ былъ говорить свысока и высказываться грозно въ томъ случаѣ, если республика «простретъ буйство свое на крайнее угнетеніе вѣнскаго двора»¹⁾. Однако, посольство Репнина не состоялось, потому что Австрія заключила съ Франціей перемиріе въ Леобенѣ.

Хотя, въ виду новыхъ обстоятельствъ, Павелъ уже не могъ явиться въ качествѣ «арбитра Европы», но онъ желалъ все-таки приобрести «дѣятельную инфлюенцію» въ европейскихъ дѣлахъ, а для этого ему представлялось выгоднымъ войти въ сношенія съ Франціей, приобрести все большую и большую силу, а потому онъ приказалъ вице-канцлеру, князю Бевбородко, наконецъ, дать словесный отвѣтъ, или, какъ тогда называлось, словесную ноту, прусскому посланнику Брюлю на давно представленную ноту Кальяра. Въ этомъ важномъ документѣ указано, что Россія не можетъ считать себя находящейся въ войнѣ съ Франціей, и что не только императоръ не выражалъ никогда никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ этой страны, но отиѣнилъ выступленіе русской арміи противъ нея и дѣйствовалъ на своихъ союзниковъ съ цѣлью заключенія мира, а потому его величество съ удовольствіемъ соглашается принять предложеніе французскаго правительства, тѣмъ болѣе, что сближеніе съ этой страной, какъ выражается французскій посланникъ въ своей нотѣ, можетъ ускорить общее замиреніе. Прямымъ послѣдствіемъ этого отвѣта, переданнаго въ копіи французскому правительству, былъ приказъ, посланный Колычеву, о томъ, чтобы онъ не искалъ, но и не избѣгалъ встрѣчи съ Кальяромъ, а, встрѣтившись съ нимъ, выражалъ должное его официальной особѣ уваженіе и въ частномъ разговорѣ съ нимъ развивалъ бы содержаніе словесной ноты²⁾.

Такимъ образомъ, въ половинѣ іюля состоялось первое свиданіе между русскимъ и французскимъ дипломатами при очень странной обстановкѣ. Они обѣдали вмѣстѣ у Финкенштейна, и Колычевъ, подойдя къ Кальяру, тайно сообщилъ ему желаніе переговорить съ нимъ наединѣ, въ тотъ же вечеръ, въ загородномъ берлинскомъ паркѣ (Гиргартенѣ). Оба они отправились туда порознь, и въ тѣнистой аллеѣ, среди окружающаго ихъ мрака, Колычевъ, по словамъ Кальяра, въ его депешѣ къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, «объяснилъ, что царь вполне чувствовалъ своевременность возобновить прежнія естественныя отношенія

¹⁾ Сборникъ Импер. Русск. Ист. Общества, т. 70, введеніе, стр. VII.

²⁾ Тамъ же. Ввод., стр. VIII, прим. 20, стр. 639.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1897 г., т. LXX.

между двумя державами, которыя одинаково нуждались другъ въ другѣ и по своимъ производительнымъ силамъ могутъ оказать одна другой взаимныя услуги». Потомъ онъ прибавилъ, что императоръ непремѣнно желалъ, чтобы это сообщеніе было сдѣлано безъ свидѣтелей, а Кальяръ, какъ онъ самъ выражается, отвѣчалъ русскому посланнику «просто и дружественно»¹⁾. Такъ какъ ни время, ни мѣсто не дозволяло войти въ подробное обсужденіе серьезныхъ политическихъ вопросовъ, то, обмѣнявшись любезностями, дипломаты разстались. Спустя нѣсколько дней, Колычевъ, котораго не любили въ Берлинѣ, и къ которому не благоволилъ Павелъ, былъ неожиданно смѣненъ, и на его мѣсто назначенъ графъ Никита Панинъ. Только что начавшіеся переговоры о сближеніи между Франціей и Россіей были прерваны, а когда они снова возобновились по приѣздѣ въ Берлинъ Панина, то приняли новый характеръ, хотя продолжались при прежней странной обстановкѣ и главнымъ образомъ въ тиши того же загороднаго парка.

II.

Трудно было подыскать человѣка, болѣе неподходящаго для веденія переговоровъ о сближеніи Россіи съ республиканской Франціей, чѣмъ графъ Никита Петровичъ Панинъ. Молодой, двадцатисемилѣтній аристократъ, отличавшійся свѣтскимъ лоскомъ и утонченными, изящными манерами, онъ, несмотря на свою юность и неопытность, обнаруживалъ знаніе всѣхъ дипломатическихъ тонкостей, но питалъ къ революціи и республикѣ пламенную ненависть, а потому считалъ недостойнымъ русскаго императора войти въ сношенія съ якобинцами или, какъ онъ выражался, «режиссидами». При самомъ своемъ назначеніи онъ писалъ князю Куракину, отъ 7-го іюня 1797 года: «Одна изъ депешъ Колычева раздосадовала императора, и было рѣшено отозвать его и назначить меня на его мѣсто, не спросивъ моего согласія. Я узналъ объ этомъ съ искреннимъ горемъ, и мое сожалѣніе еще усилилось, когда мнѣ объявили, что я долженъ продолжать позорные переговоры съ Кальяромъ. Но всѣ мои представленія были тщетны, и приходилось повиноваться»²⁾. Такимъ образомъ, отправляясь неохотно въ Берлинъ, котораго онъ не терпѣлъ, благодаря его «нечестивому двору», и обязанный дѣйствовать въ разрѣзъ съ своими убѣжденіями насчетъ сближенія съ Французской республикой, Панинъ находился въ самомъ странномъ и затруднительномъ положеніи, но его утѣшала только надежда, что

¹⁾ La France et la Russie pendant le directoire, pp. 47—48.

²⁾ Матеріалы для жизнеописанія графа Панина. Изд. Врижнора. С.-Петербургъ, 1888. Томъ 1, стр. 302.

данное ему порученіе не удастся, и мало того, по выраженію Брикнера, «онъ намѣревался употребить всѣ средства для образованія коалиціи противъ революціонной Франціи». Впрочемъ, и данныя ему инструкціи Павломъ допускали широкое толкованіе ихъ въ анти-французскомъ смыслѣ. Рескриптъ императора къ Панину, отъ 5-го іюля 1777 года, начинался словами¹⁾: «Вамъ извѣстно, что настоящее во Франціи правленіе сдѣлало первый шагъ къ примиренію съ нами нотою, министромъ его Кальяромъ поданною Берлинскому двору и отъ того двора намъ сообщенною... Хотя мы непосредственными дѣйствіями въ войнѣ съ французами и не находимся, ибо, что касается до помощи союзникамъ, въ силу оборонительныхъ договоровъ доставляемой, она, по принятымъ давно въ политикѣ правиламъ, не даетъ права почитать помощную державу воюющей, доколѣ та держава не усилитъ мѣръ своихъ до такой степени, что уже общее составитъ дѣло; тѣмъ не меньше, однако-жь, настоялъ между нами нѣкоторый родъ разрыва пресѣченіемъ всякаго сношенія и другими по обстоятельствамъ происшествіями. Для прекращенія потому непрязни и для восстановленія спокойствія и добраго согласія, мы не токмо не излишнимъ, но паче нужнымъ почитаемъ заключить съ правленіемъ французскимъ актъ, или конвенцію мирную, въ таковой силѣ и изложеніяхъ, которыя съ нашимъ достоинствомъ и пользою согласовать могутъ, тѣмъ болѣе, что Франція, примирясь съ нами, не будетъ уже тогда имѣть затрудненія въ предложеніи, или принятіи нашего посредничества къ заключенію общаго мира, а чрезъ то и представится намъ случай быть полезнымъ нашимъ союзникамъ». Далѣе предписывалось Панину, «по прибытіи въ Берлинъ, безъ дальняго исканія, когда случится встрѣтиться съ помянутымъ Кальяромъ, не оставитъ кстати повторить ему то же самое и сказать, что, соотвѣтствуя съ нашей стороны изъявленному отъ правленія ихъ желанію восстановить прежнее доброе согласіе съ нами, уполномочили мы его вступить въ трактованіе съ тѣмъ, кто изъ республики Французской къ сему же назначенъ будетъ, и какъ скоро онъ или кто другой, съ надлежащей полной мочью отзовется, можетъ съ нимъ войти въ переговоры и заключить мирный договоръ, сообразный проекту, при семъ сообщаемому, избѣгая въ немъ всякаго раздробленія или распространенія и предоставляя будущему времени и обстоятельствамъ дальнѣйшія распоряженія». Но, несмотря на свое желаніе снова сблизиться съ Франціей, Павелъ не хотѣлъ ни возобновленія бывшаго коммерческаго трактата, ни установленія посольствъ. Первое онъ считалъ излишнимъ, такъ какъ торговля въ Россіи «отвергта» для всѣхъ, а если запрещены къ ввозу предметы роскоши, то это постановлено для охраны русскихъ подданныхъ отъ

¹⁾ Матер. для жизнеопис. графа Панина. Томъ II, стр. 26—30.

ненужныхъ расходовъ и распространено на товары англійскіе и другихъ странъ. Относительно же дипломатическихъ сношеній, то покуда Павелъ находилъ достаточнымъ довольствоваться консулами, а отложить возстановленіе посольствъ до упроченія настоящихъ французскихъ порядковъ. Наконецъ, что касается посредничества императора, Панину поручено было не настаивать, но буде «французское правленіе окажетъ свое желанье такового, то увѣрить оное въ готовности императора споспѣшествовать въ прекращеніи народныхъ бѣдствій».

Вотъ какой человекъ былъ уполномоченъ продолжать переговоры съ Кальяромъ, и вотъ какія онъ получилъ уполномочія. Неудивительно, что эти переговоры приняли странный, таинственный, отрывочный характеръ, то прерываясь, то снова возобновляясь. Благодаря, съ одной стороны, перепискѣ Панина съ Павломъ, наполняющей второй и третій томы матеріаловъ Брикнера, а съ другой — депешамъ Кальяра и новаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Талейрана, помѣщеннымъ въ книгѣ Грожана и отчасти приводимыхъ Панинымъ, который подкупилъ камердинера французскаго посланника и получалъ черезъ него копии со всѣхъ его дипломатическихъ бумагъ, — можно составить полную картину этого любопытнаго дипломатическаго эпизода. Въ большинствѣ случаевъ свѣдѣнія, доставляемые съ обѣихъ сторонъ, складются и лишь отличаются другъ отъ друга окраской, но встрѣчаются и противорѣчія, которыя трудно примирить и даже объяснить, но такъ какъ они главнымъ образомъ касаются внѣшней стороны переговоровъ, то сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется.

Согласно разсказу Грожана, основанному на документахъ архива французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, личнымъ переговорамъ между Панинымъ и Кальяромъ предшествовали объясненія того и другого съ Гаугвицемъ, который разыгрывалъ роль посредника. Панинъ первый объяснилъ прусскому министру цѣли и намѣренія русскаго правительства, напирая на медиацию, а когда Гаугвицъ передалъ свой разговоръ Кальяру, то послѣдній заявилъ, что онъ получилъ новыя инструкціи отъ преемника Делакура, Талейрана, въ силу которыхъ директорія отклоняла посредничество русскаго царя подъ тѣмъ предлогомъ, — какъ осторожно выражался Кальяръ, — «что переговоры, уже начатые съ Англійей и вѣнскимъ дворомъ, въ виду усилій директоріи, по всей вѣроятности, вскорѣ придутъ къ желанному окончанію, и что мѣсто переговоровъ отстоитъ такъ далеко отъ Петербурга, что вмѣшательство уполномоченнаго его величества не только не ускоритъ заключенія мира, но напротивъ отсрочитъ его и тѣмъ вмѣсто исполненія задушевнаго желанія императора пойдетъ ему наперекоръ». По словамъ Кальяра, Панинъ призналъ означенный доводъ уважительнымъ и прямо сообщилъ объ

этомъ Гаугвицу, хотя не могъ не сознаться, что «при всей любезности французскихъ выраженій медиация была отклонена». Послѣ этой предварительной подготовки почвы состоялась первая конференція Панина и Кальяра у Гаугвица, куда они прибыли въ восемь часовъ вечера, чтобы не возбуждать посторонняго вниманія¹⁾.

Совершенно иначе рассказываетъ начало переговоровъ Панинъ. Въ своихъ донесеніяхъ Павлу онъ вовсе не упоминаетъ о предварительныхъ объясненіяхъ черезъ Гаугвица, а говоритъ, что нарочно дожидался перваго шага со стороны Кальяра, который и былъ сдѣланъ на вечерѣ у жены принца Гейнриха, 24-го августа. Онъ подошелъ къ Колычеву и спросилъ, не угодно ли будетъ графу Панину принять его въ извѣстный день и часъ, въ сумерки, на что Панинъ согласился, и первое свиданіе между ними состоялось въ домѣ послѣдняго, а спустя два дня послѣдовало и второе. Панинъ остался очень доволенъ Кальяромъ, который, по его выраженію, «вполнѣ оправдываетъ свою репутацію скромнаго и спокойнаго человѣка, враждебнаго во всемъ революціоннымъ мѣрамъ»²⁾. Устранивъ вопросъ о медиации до болѣе удобнаго времени, дипломаты прямо приступили къ обсужденію проекта мирнаго трактата между обѣими странами. У каждого былъ свой проектъ, и послѣ долгихъ преній, споровъ и препирательствъ, они составили общую редакцію, которую препроводили своимъ правительствамъ. Хотя ни Брикнеръ, ни Грожанъ не напечатали первоначальныхъ проектовъ, и окончательная редакція встрѣчается только у послѣдняго, но въ виду подробнаго обсужденія въ депешахъ Панина ея статей и ссылки въ рескриптахъ Павла къ Панину на нѣкоторыя изъ нихъ можно признать этотъ важный документъ подлиннымъ. Поэтому мы его и помѣщаемъ цѣликомъ; тѣмъ болѣе, что его нѣтъ даже въ извлеченіи ни у Трачевскаго, ни у Мартенса.

«Исполнительная директорія Французской республики и его величество императоръ всероссійскій, желая возстановить миръ и доброе согласіе, которыя существовали до нынѣшней войны, назначили для этой цѣли и т. д., которые размѣнявъ свои полномочія постановили слѣдующее:

СТАТЬЯ I.

Миръ и дружба установятся между Французской республикой и его величествомъ императоромъ всероссійскимъ.

СТАТЬЯ II.

Вслѣдствіе этого враждебныя дѣйствія прекратятся между обѣими державами, со времени ратификаціи настоящаго трактата, и ни одна

¹⁾ La France et la Russie pendant le directoire, pp. 55—56.

²⁾ Матеріалы Брикнера, стр. 59—68.

изъ нихъ не будетъ доставлять врагамъ другой, ни вѣ, ни внутри своихъ предѣловъ, какой либо помощи, ни людьми, ни деньгами, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

СТАТЬЯ III.

Порты обѣихъ націй будутъ открыты для судовъ, которыя онѣ другъ другу найдутъ нужнымъ послать, и ихъ купцы получать право попрежнему ввозить и вывозить всякаго рода товары, ввозъ или вывозъ которыхъ не противенъ мѣстнымъ законамъ, подъ условіемъ оплаты, установленной трактатами, пошлины.

СТАТЬЯ IV.

Частныя лица обѣихъ націй получаютъ возможность свободно путешествовать въ той и другой странѣ, вести свои дѣла и пользоваться покровительствомъ мѣстнаго правительства. Однако, само собою разумѣется, что означенные путешественники не могутъ никоимъ образомъ вмѣшиваться въ дѣла внутренняго правленія странъ, или поддерживать сношенія, нарушающія общественный порядокъ, съ врагами, внутренними и вѣшними, существующаго правительства въ каждомъ государствѣ, но должны безусловно сообразоваться съ законами, обычаями и порядками той страны, гдѣ они находятся; а, въ случаѣ какого либо съ ихъ стороны нарушенія, они подвергнутся отвѣтственности по всей строгости законовъ.

СТАТЬЯ V.

Какъ только вполнѣ возстанутся прежнія отношенія между обѣими державами, онѣ предоставляютъ себѣ право опредѣлить положеніе взаимной торговли новымъ трактатомъ, на основаніи справедливости, довѣрія и общей пользы обѣихъ странъ.

СТАТЬЯ VI.

Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ съ той и другой стороны втеченіе шести недѣль со дня его подписи, а, если возможно, то и ранѣе¹⁾.

Этотъ проектъ былъ основанъ на взаимныхъ уступкахъ, и съ одной стороны Кальяръ отказался отъ требуемаго имъ включенія статьи о предоставленіи каждой націи правъ наиболѣе благопріятствуемыхъ странъ, а Колицевъ принесть въ жертву настанваемому имъ усиленію IV статьи трактата въ томъ смыслѣ, что лица, нарушающія общественный порядокъ въ одной изъ странъ, могутъ подвергнуться ссылкѣ, и ихъ правительства не въ правѣ требовать выдачи виновныхъ, но все-таки онѣ встрѣтятъ одинаковое осужденіе Павла и директоріи. Несмотря на то, что Безбородко призналъ

¹⁾ La France et la Russie pendant le directoire, pp. 61—63.

условія проекта «совершенно умѣренными и приличными», императоръ нашелъ требованія Франціи «невмѣстными и большею частью излишними». Что же касается до французскаго правительства, то оно, черезъ посредство Талейрана, подвергло строгой критикѣ проектъ, въ особенности, ту статью, которая устанавливала преслѣдованія за политическія убѣжденія, и представило свой контръ-проектъ. Въ этомъ документѣ, послужившемъ потомъ исходной точкой для переговоровъ Бонапарта съ русскимъ правительствомъ, повторены двѣ первыя статьи съ незначительнымъ добавленіемъ, и послѣдняя статья цѣликомъ, а третья, четвертая и пятая — замѣнены другими, и прибавлено еще двѣ статьи. Вотъ эти статьи по контръ-проекту, который напечатанъ на французскомъ языкѣ и въ совершенно одинаковомъ спискѣ у Брикнера, Трачевскаго и Грожана:

СТАТЬЯ III.

Всѣ политическія и коммерческія отношенія между обѣими странами будутъ установлены въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до настоящей войны.

СТАТЬЯ IV.

Такъ какъ трактатъ о навигаціи и торговлѣ, заключенный въ 1787 году, вскорѣ достигаетъ своего срока, то обѣ державы немедленно приступятъ къ заключенію новаго трактата, на основаніи справедливости, довѣрія и наибольшей пользы обѣихъ странъ. До заключенія означеннаго трактата положеніе дѣлъ останется въ томъ видѣ, въ какомъ установлено предыдущей статьёй.

СТАТЬЯ V.

Всѣмъ гражданамъ и купцамъ французскимъ предоставлена полная свобода путешествовать по Россіи, возобновить тамъ ихъ прежнія торговныя учрежденія и создавать новыя, согласно ихъ желанію и подѣ условіемъ подчиненія законамъ и обычаямъ страны. Русскіе будутъ пользоваться во Франціи такими же правами и подѣ тѣми же условіями.

СТАТЬЯ VI.

Частнымъ людямъ обѣихъ націй будутъ возвращены секвестрованные, движимыя и недвижимыя имущества во время войны между республикой и его величествомъ императоромъ всероссійскимъ, также будутъ произведены немедленныя взысканія по обязательствамъ, могущимъ принадлежать лицамъ обѣихъ странъ.

СТАТЬЯ VII.

Согласно шестой статьѣ трактата, заключеннаго въ Гагѣ, 22-го флоріала третьяго года, республика Батавская пользуется всѣми

правами означеннаго трактата относительно возстановленія мира между ею и Россіей¹⁾.

Этотъ контръ-проектъ былъ врученъ Панину Кальяромъ во время третьей конференціи, которая происходила, по обоюдному ихъ свидѣтельству, въ томъ самомъ загородномъ паркѣ, гдѣ состоялось первое свиданіе между представителями Россіи и Франціи. Съ тѣхъ поръ и до окончанія переговоровъ, они уже иначе не встрѣчались, какъ въ этомъ паркѣ, съ цѣлью скрыть отъ всѣхъ свои сношенія, тѣмъ болѣе, что Панинъ считалъ не только необходимымъ таить эти переговоры, но не находилъ возможнымъ открыто поддерживать самыя простыя свѣтскія сношенія съ делегатомъ непризнанной Россіи республики. Онъ даже доходилъ до того, что, дважды принявъ Кальяра у себя, не только не былъ у него съ визитомъ, но даже не послалъ ему карточки. Все это доказывало, какъ мало онъ сочувствовалъ сближенію съ Франціей, хотя официально былъ обязанъ вести объ этомъ переговоры. Впрочемъ и въ своихъ официальныхъ донесеніяхъ русскому правительству онъ совѣтовалъ не торопиться съ согласіемъ на проектъ трактата, такъ какъ былъ убѣжденъ, что во Франціи вскорѣ произойдетъ государственный переворотъ, и будетъ возстановлена монархія.

Но случилось нѣчто совершенно противоположное, именно: произошелъ во Франціи государственный переворотъ, 18-го фруктидора, въ пользу нероялистовъ, и директорія, усиливъ свой революціонный образъ дѣйствій съ точки зрѣнія европейскихъ державъ, стала въ глазахъ Павла еще болѣе якобинскимъ правительствомъ, чѣмъ прежде. Снова поддавшись вліянію Австріи и Англіи, онъ рѣшилъ приостановить переговоры съ Кальяромъ и увѣдомилъ объ этомъ Панина, указавъ предлогомъ перерыва на арестъ французскимъ генераломъ Жентили русскаго консула, Загурскаго, на островѣ Занте. Но, какъ и прежде, Панину было вмѣнено въ обязанность съ одной стороны «рушить всякое сношеніе съ Кальяромъ», а съ другой— «не разрывая положенія, въ которомъ онъ находился съ французскимъ дипломатомъ, дать ему почувствовать, что Россія можетъ возобновить переговоры послѣ того, какъ получитъ удовлетвореніе по дѣлу Загурскаго». Вслѣдствіе этихъ предписаній, Панинъ написалъ Кальяру, 20-го октября, краткую записку, приглашая его на новое свиданіе въ Тиргартенъ. Послѣдній обрадовался и явился въ паркъ къ назначенному часу, надѣясь получить удовлетворительный отвѣтъ относительно проекта трактата. Но каково же было его удивленіе, когда онъ услышалъ, что императоръ сильно потрясенъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ агенту русскаго правительства, и при-

¹⁾ La France et la Russie pendant le directoire, p.p. 75—77.—Сборн. Импер. Русск. Историч. общ., т. 70, прим. 24, стр. 642.—Матеріалы для жизнеописанія графа Н. И. Панина, т. II, стр. 108—110.

казаль прекратитъ всякія сношенія съ французскимъ посланникомъ. Кальяръ всячески старался доказать, что не было никакихъ основаній прерывать переговоры, и что, если русскій консулъ дѣйстви-тельно былъ неправильно арестованъ, то его тотчасъ выпустятъ на свободу. Но Панинъ не хотѣлъ ничего слушать и, внутренно торжествуя по поводу неудачъ ненавистнаго ему сближенія съ Франціей, холодно раскланялся.

Прошло полтора мѣсяца, и оба дипломата тщательно избѣгали всякой встрѣчи. Наконецъ, 11-го декабря, какъ бы случайно, Панинъ подошелъ къ Кальяру, все въ томъ же паркѣ, и спросилъ его, не получилъ ли онъ какихъ либо свѣдѣній о дѣлѣ Загурскаго. «Вы должны помнить,—отвѣтилъ Кальяръ,—что вы объяснились со мною объ этомъ частнымъ образомъ, для моего свѣдѣнія, и хотя я тотчасъ увѣдомилъ объ этомъ директорію, но не получилъ никакого отвѣта, такъ какъ необходимо произвести слѣдствіе на мѣстѣ». На это Панинъ возразилъ, что если бы директорія, хоть на словахъ, признала неправильность ареста Загурскаго, о чемъ онъ могъ бы увѣдомить императора, то онъ не видѣлъ бы препятствій къ возобновленію переговоровъ. Кальяръ обѣщаль снестись съ своимъ правительствомъ, и они снова разстались. Это странное заигрываніе съ Кальяромъ со стороны Панина, оказывавшаго всегда такое упорное сопротивленіе сближенію съ Франціей, объяснялось новой перемѣной въ русской политикѣ. Въ промежутокъ времени между свиданіями дипломатовъ въ берлинскомъ паркѣ произошли важныя событія. Австрія, помимо Россіи, заключила съ Бонапартомъ миръ въ Кампормію, и Павелъ пришелъ въ негодованіе. Онъ немедленно увѣдомилъ Панина, что въ виду примиренія Австріи съ Французскою республикой онъ считаетъ себя свободнымъ отъ всякаго обязательства съ союзниками и не видитъ болѣе препятствій къ возобновленію переговоровъ съ Кальяромъ, если только уладится какъ нибудь дѣло съ Загурскимъ. Что въ Петербургѣ вѣтеръ снова измѣнился, доказываютъ лучше всего слѣдующія слова изъ письма Безбородка къ графу Воронцову, отъ 23-го ноября: «мы теперь станемъ стараться помириться съ Франціей, сожалѣя только, что начатое и къ концу доведенное дѣло испорчено. На графа Панина я надѣялся напрасно, ибо онъ оказалъся причиною разрушенія сей негоціаціи, такъ какъ слишкомъ зачерпнулъ правилъ графа Моркова»¹⁾. Вотъ по какой причинѣ Панинъ неожиданно сдѣлалъ шагъ впередъ и протянулъ руку французскому посланнику. Этой надеждой на возобновленіе переговоровъ окончился 1797 годъ, и оказался правъ Кальяръ, который не задолго передъ тѣмъ писалъ своему правительству: «я надѣюсь, что Россія вернется къ намъ».

Однако, это возвращеніе было не надолго. Съ начала года все

¹⁾ «Архивъ князя Воронцова», т. XIII, стр. 279.

казалось, шло хорошо, и 22-го января Кальяръ, не желая въ холодную погоду и съ насморкомъ отправиться въ паркъ, гдѣ исключительно видѣлся съ нимъ Панинъ, письменно увѣдомилъ его объ отвѣтѣ директоріи по вопросу о Загурскомъ. Въ этомъ отвѣтѣ, очень умѣренномъ и приличномъ, говорилось ¹⁾, что «французское правительство не вѣдало о событіи, которое привело въ негодование русскаго императора, и приказало произвести о немъ слѣдствіе, но уже теперь заявляетъ, что если Загурскій арестованъ съ нарушеніемъ правилъ международнаго права, то онъ тотчасъ будетъ освобожденъ, такъ какъ нарушеніе правилъ международнаго права нарушало виды директоріи, [но если даже Загурскій вызвалъ свой арестъ военной властью, поставивъ себя внѣ покровительства международнаго права, и русскій императоръ будетъ настаивать на его освобожденіи, то онъ будетъ все-таки немедленно выпущенъ на свободу, такъ какъ директорія съ удовольствіемъ воспользуется этимъ случаемъ, чтобы доказать, какъ она уважаетъ желанія его величества». Панинъ успѣшилъ отвѣтить, что «такъ какъ арестъ Загурскаго былъ главной причиною пріостановленія ихъ взаимныхъ отношеній, то онъ полагаетъ, что затрудненія, которыя могли воспрепятствовать восстановленію добраго согласія между обоими государствами, могутъ устраниться, какъ только намѣреніе французскаго правительства оказать должное вниманіе на справедливыя требованія русскаго двора будетъ приведено въ исполненіе» ²⁾. По несчастію, около этого времени стали распространяться слухи о сношеніяхъ французскаго правительства съ поляками насчетъ восстановленія Польши, и даже въ копіяхъ депешъ Кальяра, доставленныхъ Панину его камердинеромъ, нашли слѣды этихъ сношеній. Павелъ снова воспылялъ гнѣвомъ, заподозрѣлъ соучастіе директоріи въ оказаніи помощи полякамъ и написалъ Панину ³⁾: «На настоящее время предписанія наши ограничиваемъ въ томъ только, чтобъ вы продолжали не искать, но и не убѣгать французскаго министра Кальяра, а если онъ самъ собою паки вызовется къ вамъ по дѣлу, касающемуся до восстановленія взаимнаго согласія, да и сообщите вамъ точнымъ и рѣшительнымъ образомъ объ освобожденіи вице-консула Загурскаго, которое мы предварительнымъ и необходимымъ шагомъ съ ихъ стороны почитаемъ, тогда, входя въ изъясненія, дайте ему вѣло разумѣть, что какъ намъ непосредственно, такъ и вамъ доходятъ извѣстія о замыслахъ правленія ихъ возбуждаютъ намъ безпокойство въ пограничныхъ нашихъ областяхъ, что таковыя извѣстія тѣмъ меньше для насъ сообразны и равнодушны быть могутъ, когда видимъ, что съ одной стороны оказывается желаніе

¹⁾ Матеріалы А. Брикнера, т. II, стр. 807.

²⁾ Тамъ же, стр. 808.

³⁾ Тамъ же, стр. 832—833.

о сближеніи съ нами, а съ другой—намѣренія, совсѣмъ дружбѣ и доброй вѣрѣ противныя, и коихъ мы противъ себя тѣмъ меньше ожидать могли, что всѣ поступки наши отъ начала царствованія нашего направлены были къ восстановленію тишины и общаго всѣхъ державъ спокойствія, и, наконецъ, что по собственному убѣжденію вашему до тѣхъ поръ ни о какомъ сближеніи помышлять нельзя, покуда не будемъ удостовѣрены въ искренней къ тому рѣшимости французскаго правленія и отложеніи всякихъ вредныхъ видовъ насчетъ нашей имперіи. Отъ дальнѣйшаго изъясненія Кальяра на подобныя внушенія будетъ зависѣть продолженіе производства сей негодяціи».

10-го февраля, еще разъ, но уже въ послѣдній, Кальяръ и Панинъ встрѣтились въ паркѣ. По словамъ перваго въ его депешѣ къ Талейрану, «представитель Россіи жаловался, но безъ гнѣва, или афектаціи, на обнаруженныя польскія интриги и прибавилъ, что его величество не находилъ подобное поведеніе французскаго правительства соотвѣтственнымъ тѣмъ мирнымъ намѣреніямъ, которыя его правительство до сихъ поръ выказывало». Кальяру казалось, что хотя «Панинъ не обращалъ большаго вниманія на этотъ предметъ, но онъ желалъ, чтобъ это было доведено до свѣдѣнія директоріи», и французскій посланникъ оканчиваетъ свою депешу такъ: «мы разстались довольные другъ другомъ; по моему расчету переговоры могутъ начаться черезъ три недѣли» ¹⁾). Совершенно иначе отзывается объ этомъ свиданіи Панинъ. Правда, въ официальномъ донесеніи Павлу на русскомъ языкѣ и которое было отправлено по почтѣ, онъ говоритъ, что «всѣ рѣчи Кальяра имѣли въ виду увѣрить въ умѣренности и миролюбіи его правительства, и что онъ старался удостовѣрить, что оно никогда не обѣщало помощи полякамъ, и что вообще директорія съ нѣкотораго времени воздержалась отъ всякаго участія въ внутреннихъ дѣлахъ чужихъ державъ» ²⁾). Но въ двухъ шифрованныхъ депешахъ на французскомъ языкѣ ³⁾, которыми онъ преимущественно сносился съ императоромъ, русскій дипломатъ выливаетъ все свое негодованіе на республиканца, какъ онъ называетъ Кальяра, и выворачиваетъ его «ужасную душу наизнанку, чтобъ показать настоящую причину его кажущейся умѣренности». По его словамъ, «Кальяръ, отвергая сношенія директоріи съ польскими агитаторами, сказалъ: «Быть можетъ, имъ выразили интересъ, который возбуждаетъ несчастная судьба ихъ родины, вычеркнутой изъ числа націй, но, конечно, удовольствовались этой демонстраціей. Вамъ извѣстенъ,—прибавилъ онъ:—тотъ уклончивый и осторожный языкъ, къ которому прибѣгаютъ дипломаты, желая

¹⁾ *Id France et la Russie pendant le directoire*, p. 86 — 87.

²⁾ Матеріалы А. Врикнера, томъ II, стр. 340 — 341.

³⁾ Тамъ же, стр. 341, 356 — 347.

отдѣлаться отъ пристающихъ къ нимъ лицъ, не причиняя имъ непріятности». — «Да, — отвѣчалъ я, — эту манеру, по несчастью, я хорошо знаю; конечно, очень далеко отъ пассивнаго интереса до формальнаго обѣщанія помощи. Не пользуясь противъ васъ тѣмъ оружіемъ, которое даетъ ваше поведеніе относительно Венеціанской республики, также вычеркнутой изъ политической картины, и не спрашивая у васъ, почему анархія, подъ игомъ которой находилась Польша, лучше того спокойствія, которымъ она пользуется подъ скипетромъ государей, я вамъ замѣчу, что доказательства подобнаго интереса поддерживаютъ безумныя надежды среди недовольныхъ, и это именно возбуждаетъ наше законное недовѣріе». Смущенный республиканецъ сталъ разглагольствовать о добрыхъ намѣреніяхъ директоріи, о томъ, что она не принимала участія въ заговорахъ, открытыхъ въ Литвѣ, о томъ, что у Франціи не было даже средствъ помочь полякамъ, такъ какъ арміи не падали ей съ неба, и что для пріобрѣтенія здравыхъ понятій о внутреннихъ дѣлахъ Франціи было бы всего лучше русскому правительству послать въ эту страну молодыхъ людей, которые, путешествуя по ней, убѣдились бы, что въ ней нѣтъ никакой заразы. Только одинъ изъ его аргументовъ былъ основательный — это указаніе на то, что онъ въ началѣ своего посольства отклонилъ предложенія какихъ-то польскихъ инсургентовъ, даже не выслушавъ ихъ. Если вѣрить прусскимъ министрамъ, то дѣйствительно такой фактъ былъ, и я замѣталъ ему, что подобный поступокъ дѣлалъ честь его личности, но вовсе не доказывалъ благонамѣренности директоріи, такъ какъ предложенія нѣсколькихъ частныхъ лицъ могли быть отвергнуты безъ нарушенія общаго плана дѣйствія. Наконецъ, мнѣ надобно всѣ эти увертки, и я съ нимъ разстался... Но вернусь еще къ этому предмету, когда самъ Кальяръ представитъ къ этому случай, заявивъ мнѣ объ освобожденіи Загурскаго».

Но этого случая Кальяръ не представилъ, хотя очень удивлялся долгому молчанію Панина и 27-го марта спросилъ у своего министра: не слѣдуетъ ли ему взять на себя почина и сдѣлать первый шагъ къ возобновленію переговоровъ. Талейранъ отвѣчалъ 18-го апрѣля, что нечего удивляться молчанію Панина, такъ какъ его дворъ предается всегда страшнымъ капризамъ и такимъ рѣзкимъ колебаніямъ, что излишне добиваться понять его намѣренія и рѣшенія. «Вамъ слѣдуетъ, гражданинъ, — прибавляетъ министр: — дожидаться, чтобъ Панинъ вернулся къ вамъ; тогда будетъ время дать ему почувствовать все неприличіе поведенія его двора, а до тѣхъ поръ вы должны обнаруживать лишь полное равнодушіе и холодное презрѣніе»¹⁾. Въ свою очередь и Панинъ не вернулся къ Кальяру. Въ своихъ депешахъ къ Павлу онъ все враждебнѣе и

¹⁾ Матеріалы А. Врикнера, томъ III, стр. 88.

враждебнѣ относился къ нему, называя его низкимъ агентомъ якобинцевъ, а его дѣйствія «негодяйствомъ и коварствомъ». Конечно, эта странная брань, особенно въ служебныхъ донесеніяхъ къ государю, объясняется не столько различіемъ ихъ политическихъ убѣжденій, какъ неблагопріятными отзывами Кальяра о Панинѣ и русскомъ правительствѣ въ его депешахъ къ Талейрану, копіи которыхъ подкупленный камердинеръ доставлялъ Панину.

Время шло. Французскій и русскій дипломаты болѣе не выдались и не имѣли между собою никакихъ сношеній. Весною 1798 г. Кальяръ былъ отовванъ изъ Берлина за свою умѣренность и его замѣнили знаменитый Съезъ, котораго Панинъ не называлъ иначе, какъ «режиссидомъ», «негодяемъ изъ негодяевъ» и т. д. Самъ же Панинъ дѣятельно подготовлялъ вторую коалицію и гордился неудачей своихъ переговоровъ съ Франціей. Но не такъ смотрѣли на это дѣло благоразумные люди въ Петербургѣ, и князь Бебородко писалъ графу С. Р. Воронцову ¹⁾: «Ваше сіятельство одобрили все, что было сдѣлано со стороны нашей къ примиренію съ французами. Дѣло сіе имѣло хорошій успѣхъ. Но надобно знать, что императрица весьма недовольна была податливостью нашей на сближеніе съ французами. Уже однажды затруднилось дѣло сіе по первымъ извѣстіямъ изъ Берлина. Сколько я ни старался отвратить мнимое опасеніе, но видѣлъ, что не во всемъ успѣваю. Князь Репнинъ и премудрый вице-канцлеръ всегда оказывали мнѣ боязнь ихъ отъ сообщенія французамъ съ нами. Между тѣмъ подоспѣли внушенія англичанъ, что они не надѣются мира въ Лилѣ, почему просятъ, чтобъ мы не спѣшили нашимъ примиреніемъ съ французами. Я былъ въ отсутствіи въ Гатчинѣ по несовершенному еще моему выздоровленію. Вдругъ получилъ приказаніе чрезъ Обрѣзкова отправить къ графу Панину рескриптъ, затрудняющій всякое окончаніе дѣла; ибо тутъ предписывается выставить даже общія слова, наприимѣръ, *la paix*, для того, что мы съ ними въ прямой войнѣ не были, *l'amitié*—для того, что съ ними дружбы имѣть не хотятъ, включить (въ проектъ трактата), чтобъ до времени производить торговлю не на своихъ, но на нейтральныхъ корабляхъ, и чтобъ никто изъ взаимныхъ подданныхъ безъ соглашенія другой державы, предварительно испрошеннаго, не въѣзжалъ въ ея области, а наконецъ, чтобъ всю негоціацію поставить въ зависимость успѣховъ Австрійской и Англійской и не прежде ее кончить. Я сдѣлалъ самое сильное представленіе, представляя повелѣнный проектъ, но притомъ приложу и мой. Въ отвѣтъ получилъ, что лучше новаго контръ-проекта не посылать, а дать графу Панину просто приказаніе остановить негоціацію, удерживая Кальяра въ добрыхъ расположеніяхъ, сказавъ однакожъ ему, что мы по связи нашей съ союзниками не можемъ не имѣть вниманія

¹⁾ «Архивъ князя Воронцова», томъ XIII, стр. 397 — 399.

на ихъ переговоры и по тѣмъ не учреждать себя. И послѣдъ вчера же еще новый рескриптъ, въ которомъ старался по крайней мѣрѣ дать оборотъ приличный достоинству, хотя сіе происшествіе есть весьма *inpolitique*; ибо, доведя дѣло до такой степени, и послѣ его испортить, лучше было не начинать. По отправленіи ко мнѣ повелѣнія, императрица сказала Обрѣзкову, что она рада, что государь отдался совсѣмъ отъ французовъ, а вице-канцлеръ, изъявляя свою радость, прибавилъ, что добрые совѣты ея величества и Екатерины Ивановны Нелидовой произвели столь полезную рѣшимость. Князю Репнину и прочимъ пограничнымъ даны приказанія наблюдать по границѣ и во всей точности исполнять указы покойной императрицы, касающіеся французовъ. Довольно, чтобъ вы могли судить о слѣдствіяхъ, изъ коихъ, я признаюсь, добра не ожидаю.

Такъ печально окончились странные, таинственные франко-русскіе переговоры въ Берлинскомъ паркѣ сто лѣтъ тому назадъ между искреннимъ, хотя умѣреннымъ республиканцемъ и яркимъ ненавистникомъ республики. Потребовалось цѣлое столѣтье и еще рядъ неудачныхъ попытокъ, изъ которыхъ одна при томъ же Павлѣ, который возбуждалъ мертворожденный дипломатическій опытъ 1797 года, чтобъ наконецъ состоялся союзъ между двумя глубоко сочувствующими другъ другу народами, при чемъ предварительные переговоры уже велись не тайно дипломатами подъ тѣнью аллея пустыннаго парка, а народными массами, громко, открыто выразившими свои сочувствія и желанія.

В. Тимирязевъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КОНВЕНЦІЯ.

I.

ОПРОСЪ о литературной конвенціи между Россіей и Франціей снова поставленъ на очередь. Въ печати уже раздаются голоса въ пользу того или другого рѣшенія, въ учено-литературныхъ обществахъ происходятъ о томъ же горячія пренія. Въ этомъ обмѣнѣ взглядовъ, пока еще не оживленномъ и не интересномъ, поражаетъ уже и теперь то, какъ смѣшиваются принципиальныя мотивы рѣшеній, какъ объ однихъ изъ нихъ умалчивается, другіе выдвигаются на первый планъ, и какъ нерѣдко сторонники и противники соглашенія подкрѣпляютъ свою мысль самыми разнородными доводами, не замѣчая, что эти доводы въ отдѣльности вытекаютъ изъ взаимно между собою несогласимыхъ точекъ зрѣнія. Обсужденіе идетъ по-вольтеровски:

Tout est bon, tout va bien, tout sort, pourvu qu'on tuet!

Но не надо забывать, что если Самсонъ избилъ филистимлянъ ослиною челюстью, а Илья Муромецъ, предвосхищая гомеопатическій принципъ *similia similibus*, избилъ татаръ—татаринномъ, то вѣдь это были Самсонъ и Илья Муромецъ. Ослиная челюсть и татарингъ въ ихъ рукахъ являлись только символами того, что по народному убѣжденію правое дѣло непобѣдимо даже тогда, когда безоружно. Наоборотъ, въ занимающемъ насъ вопросѣ главная трудность именно въ необходимости рѣшить, на чьей сторонѣ права дѣла, какой исходъ правильнѣе и предпочтительнѣе: при такихъ условіяхъ не

всякій аргументъ убѣдительно, ибо требуется не подтверждать и защищать несомнѣнно установленный тезисъ, а, напротивъ, построить изъ множества разнообразныхъ положеній устойчивый выводъ. Окончательный судъ о надобности конвенціи должно представить обществу, а не случайностямъ полемического успѣха. Общество должно знать всѣ доводы обѣихъ сторонъ, а не подтасованные подборы фактическихъ данныхъ и неискреннихъ умозаключеній: только тогда можетъ оно сознательно слѣдить за борьбою мнѣній и понимать, гдѣ побѣдилъ болѣе сильный спорщикъ, а гдѣ правое дѣло. Между тѣмъ, не только читающая публика поддерживается до сихъ поръ въ совершенномъ туманѣ, но даже и нѣкоторые вершители газетныхъ судебъ литературной конвенціи въ своей погонѣ за доказательствами нерѣдко сами не замѣчаютъ, какъ подъ флагомъ ихъ убѣжденій ихъ многочисленные аргументы взаимно уничтожаютъ другъ друга. А въ то же время, если безпристрастно выдѣлить и обособить отдѣльные доводы за и противъ конвенціи и затѣмъ сопоставить ихъ между собою, то въ результатѣ оказывается довольно убѣдительное рѣшеніе вопроса, для иныхъ, быть можетъ, нежелательное, но имѣющее за себя важное безотносительное достоинство—объективную логическую стройность и цѣльность.

Предлагая въ дальнѣйшемъ такое сопоставленіе, небезполезно, впрочемъ, оговориться, что въ немъ новы только классификація, изложеніе и анализъ основныхъ аргументовъ за и противъ заключенія конвенціи; самые же аргументы давно уже составляютъ общее достояніе, такъ что при ихъ изложеніи и приведеніи въ порядокъ достаточно стремиться только къ точности и полнотѣ. Притомъ, въ настоящемъ случаѣ личныя сочувствія или несочувствія тому или другому воззрѣнію не играютъ никакой роли, ибо, съ раздѣляемой авторомъ точки зрѣнія, такъ называемая, литературно-музыкально-художественно-изобрѣтательская собственность или авторское право представляется лишь уродливимъ юридическимъ заблужденіемъ, неуловимо превратившимся въ одинъ изъ устоевъ современнаго оборота. Эта мнимая собственность въ своей исторической основѣ есть не что иное, какъ привилегія, т.-е. сознательная непослѣдовательность законодательной власти, иными словами, злоупотребленіе, которое вначалѣ стало закономъ только потому, что было учинено при посредствѣ законодательнаго акта. Въ настоящее же время первоначальная промышленная привилегія печатниковъ, освященная давностью столѣтій, такъ расширена, что многіе приравниваютъ ее къ другимъ общимъ институтамъ гражданскаго права, и мы встрѣчаемъ ее въ новыхъ законодательствахъ въ видѣ закона, относящагося, казалось бы, ко всѣмъ гражданамъ безразлично. Но какова бы ни была форма, по своему содержанію такъ называемое авторское право является въ сущности лишь перенесеніемъ въ область духовнаго творчества феодальныхъ хозяйствен-

ныхъ понятій, перенесеніемъ, уцѣлѣвшимъ донинѣ главнымъ образомъ потому, что критика и возраженія противъ него могутъ исходить только изъ среды тѣхъ, кто прямо и непосредственно заинтересованъ въ его сохраненіи, а, кромѣ того, потому, что отиѣна его явилась бы обширнымъ социальнымъ преобразованиемъ во имя отвлеченной справедливости и безличныхъ интересовъ, при чемъ, за отсутствіемъ историческаго примѣра и опыта, невозможно и предугадать всѣхъ послѣдствій такого преобразования. Во всякомъ случаѣ, неестественность настоящей привилегіи до того очевидна, что послѣдняя ни въ одномъ современномъ законодательствѣ не проведена послѣдовательно до конца и пространство дѣйствія этой мнимой собственности опредѣляется со всѣхъ сторонъ не внутреннею логическою послѣдовательностью, а лишь исторически выработавшимися внѣшними компромиссами. Достаточно указать на срочность права, которому присвоивается наименованіе собственности, не говоря уже о безчисленныхъ другихъ непослѣдовательностяхъ. Ясно, что съ только что установленной точки зрѣнія мы нуждаемся не въ заключеніи конвенцій, лишь стѣсняющихъ на будущее возможность справедливыхъ внутреннихъ преобразованій международными осложненіями, а, напротивъ, въ измѣненіи феодальныхъ ховяйственныхъ основъ современнаго гражданскаго строя въ области духовнаго творчества. Какою представляется эта реформа и ея вѣроятныя послѣдствія, объ этомъ въ настоящемъ случаѣ не мѣсто распространяться: достаточно лишь заранѣе установить личную точку зрѣнія автора, чтобы устранить излишніа пререканія и свободно обсуждать вопросъ не съ высотъ отвлеченной теоріи, а на почвѣ положительнаго законодательства, такъ какъ вопросъ о конвенціи есть вопросъ чисто юридическій, который долженъ быть рѣшенъ не по соображеніямъ о тѣхъ или иныхъ народныхъ или классовыхъ выгодахъ, но единственно по указаніямъ справедливости.

II.

При разсмотрѣніи всякаго законодательнаго предположенія, всегда надлежитъ прежде всего точно разрѣшить вопросъ, является ли оно принципиальнымъ преобразованиемъ дѣйствующихъ, положительныхъ постановленій, или же ихъ дополненіемъ, развитіемъ или логическою и практическою провѣркою. Въ примѣръ перваго можетъ быть приведено изданіе судебныхъ уставовъ, въ примѣръ втораго — ихъ пересмотръ, происходящій въ настоящее время. Совершенно ясно, что, насколько принципиальная реформа нимало не стѣснена ни духомъ, ни формою преобразуемыхъ постановленій, настолько пересмотръ и дополненіе могутъ касаться лишь формы положительныхъ правилъ, строго согласуясь даже въ мельчайшихъ частностяхъ съ основными принципами и только ради такого же согла-

сованія формально видозмѣня дѣйствующее законодательство. При малѣйшемъ отступленіи отъ указаннаго начала вся юридическая цѣнность закона утрачивается, и онъ неизбежно превращается въ Салтыковское правило съ примѣчаніемъ: «Правило: обывателямъ разрѣшается ходить по улицамъ. Примѣчаніе: а ну-ка, попробуй!». Въ частности, разъ наше законодательство стоитъ на общеевропейской феодальной точкѣ зрѣнія на авторское право, то всякое упорядоченіе или развитіе его должно быть согласовано съ этимъ общимъ руководящимъ началомъ, если только цѣлью законодателя не является коренное преобразование.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что международныя соглашенія объ авторскихъ правахъ являются необходимымъ послѣдствіемъ принятой нашимъ законодательствомъ точки зрѣнія. Сообщая защиту тѣмъ или другимъ гражданскимъ отношеніямъ въ своихъ предѣлахъ, Россія не можетъ отказывать въ такой же точно защитѣ этихъ отношеній иностранцамъ, поскольку того не требуетъ, конечно, политическая безопасность и тому подобныя соображенія. Признавая за русскими гражданами авторскія права, наше правительство должно признавать ихъ во всемъ объемѣ и за иностранцами, такъ какъ никакихъ политическихъ побужденій къ ограниченію правоспособности послѣднихъ въ области авторскихъ правъ не существуетъ. Отсутствіе до настоящаго времени соотвѣтствующихъ международныхъ соглашеній является лишь непослѣдовательностью нашею, какъ чисто гражданской, такъ и международной, ибо принципомъ русской политики было всегда строгое соблюденіе относительно другихъ государствъ тѣхъ началъ, которыя заложены въ основаніе внутренняго законодательства. При томъ, надо замѣтить, эта непослѣдовательность не проявилась еще ни въ какомъ положительномъ постановленіи, а имѣетъ исключительно характеръ пробѣла, историческою причиною котораго явилось опять-таки не умышенное отступленіе отъ общихъ принциповъ законодательства, но просто отсутствіе осязательной потребности въ соотвѣтствующихъ законоположеніяхъ въ виду незначительности оборота, который могъ бы имъ подлежать. Въ настоящее время, когда такого рода операціи развились до значительныхъ размѣровъ, и указанная потребность становится замѣтнымъ реальнымъ фактомъ, ничего болѣе не остается, какъ удовлетворить ее согласно съ общимъ духомъ законодательства. Передъ нами дилемма: или мы должны уничтожить авторскія права въ предѣлахъ Россіи, или признавать ихъ и за ея предѣлами, т.-е. вступить въ цѣлый рядъ международныхъ соглашеній объ авторскихъ правахъ.

... Недавно по поводу второй альтернативы было выдвинуто возраженіе, что наше законодательство не признаетъ права перевода на другіе языки за авторами изданныхъ въ Россіи сочиненій, съ однимъ только маловажнымъ исключеніемъ относительно научныхъ

ислѣдованій. Но эта мнимая «свобода перевода», въ сущности, та-кой же историческій пробѣлъ, какъ и отсутствіе международныхъ соглашеній, а не умышленное отступленіе отъ общаго духа нашего законодательства. Если даже иностранные писатели до сихъ поръ не считали важнымъ особенно настаивать на охраненіи ихъ авторскихъ правъ въ Россіи, то еще менѣе поводовъ имѣли къ тому наши русскіе инородцы, такъ какъ выходящія въ Россіи на какомъ угодно языкѣ, кромѣ русскаго, изданія такъ немногочисленны и малонинтересны для русскихъ читателей, что смѣшно и говорить о нихъ. Единственнымъ исключеніемъ должно признать польскую литературу; но и тутъ переводы съ русскаго на польскій и съ польскаго на русскій лишь очень недавно стали появляться въ значительномъ количествѣ. Въ цѣломъ, разбираемое возраженіе можетъ быть формулировано такъ: иностранцы требуютъ восполненія непослѣдовательнаго съ нашей стороны и невыгоднаго для нихъ пробѣла въ нашихъ международныхъ соглашенияхъ; но въ нашемъ гражданскомъ законодательствѣ существуетъ столь же непослѣдовательный и столь же невыгодный для русскихъ подданныхъ пробѣлъ; отсюда дѣлаютъ выводъ: слѣдовательно, домогательства иностранцевъ должны быть отклонены, такъ какъ несправедливо предоставлять имъ большія права, чѣмъ собственнымъ подданнымъ. Совершенно очевидно, что это лишь очень неловкій софизмъ. Всякая непослѣдовательность въ законодательствѣ есть несправедливость и, разъ она обнаружена, должна быть устранена, а никакъ не возводима въ принципъ и сопровождается дальнѣйшими непослѣдовательностями, т.-е. несправедливостями. Правильное умозаключеніе должно быть таково: иностранцы требуютъ восполненія непослѣдовательнаго съ нашей стороны и невыгоднаго для нихъ пробѣла въ нашихъ международныхъ соглашенияхъ; но въ нашемъ гражданскомъ законодательствѣ существуетъ столь же непослѣдовательный и столь же невыгодный для русскихъ подданныхъ пробѣлъ; слѣдовательно, необходимо восполнить оба пробѣла, ибо несправедливо предоставлять иностранцамъ большія права, чѣмъ собственнымъ подданнымъ.

III.

Кромѣ чисто юридическихъ, къ вопросу о конвенціи примѣниваютъ еще и «просвѣтительныя» соображенія. Однако, рѣшеніе юридическихъ вопросовъ, построенное на какихъ бы то ни было соображеніяхъ, хотя бы и самыхъ возвышенныхъ, но не юридическихъ, не имѣетъ ни убѣдительности, ни силы. То просвѣщеніе, которое питается нарушеніемъ правъ, будетъ послѣдствіемъ нарушенія правъ, а не просвѣщеніемъ, какъ кража книгъ для чтенія будетъ кражею книгъ, а не самообразованіемъ. «Законы молчатъ среди оружія»,

говорили римляне; но вѣдь и этотъ принципъ въ настоящее мирное время считается устарѣвшимъ. Если мы даже войною не извиняемъ нарушенія частныхъ правъ, то можемъ ли оправдывать его потребностями культуры? Припомните, какъ язвительно клеймилъ Байронъ лорда Эльджина, который съ самыми «культурными» цѣлями ограбилъ развалины Акрополя для лондонскихъ музеевъ. Кто ради интересовъ просвѣщенія отрицаетъ какія бы то ни было права, тотъ въ сущности вертится въ томъ же бѣлицемъ колесѣ, что и социалисты: одни отрицаютъ права во имя равноправности, а другіе— во имя просвѣщенія, которое не можетъ же исключать изъ себя справедливости, т. е. правъ.

... Помимо этой принципиальной несообразности, въ приводимомъ аргументѣ усматриваются и другія, не менѣе нескладныя. Такъ, прежде всего, спрашивается, въ какой мѣрѣ могутъ быть затронуты конвенціей интересы просвѣщенія? Предполагаемый отвѣтъ заключается въ томъ, что, при необходимости платить авторамъ за право изданія перевода, переводныя изданія неизбежно вздорожаютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшатся въ размѣрахъ и числѣ, т. е. станутъ менѣе доступны или доступны меньшему кругу читателей, чѣмъ въ настоящее время. Однако, не слѣдуетъ забывать, что произведенія почти всѣхъ великихъ ученыхъ, мыслителей и художниковъ давно уже освобождены теченіемъ времени отъ преградъ авторскихъ правъ, такъ что конвенція можетъ коснуться лишь литературы послѣдняго полустолѣтія, — вѣрнѣй, — охватить собою текущую литературу, при чемъ все, что въ ней сохраняетъ постоянный интересъ, т. е. такой, который способенъ пережить какія нибудь пятьдесятъ лѣтъ (въ дѣлѣ культуры—ничтожный періодъ времени), неизбежно сдѣлается приблизительно черезъ этотъ срокъ неограниченнымъ общимъ достояніемъ. Слѣдовательно, если размѣры и количество современныхъ переводныхъ изданій обуславливаются дѣйствительно общественною потребностью и наличнымъ спросомъ, которые не могутъ зависѣть и прекратиться или уменьшиться отъ конвенціи, то единственнымъ результатомъ заключенія послѣдней окажется численное преобладаніе переводовъ истинно классическихъ и долговѣчныхъ произведеній, свободныхъ отъ авторскихъ правъ въ отношеніи переводовъ, надъ переводами сочиненій, получившихъ случайный или скандальный успѣхъ и имѣющихъ только интересъ минуты. А такое послѣдствіе, несомнѣнно, будетъ предпочтительнѣе въ интересахъ просвѣщенія, чѣмъ теперешнее положеніе дѣлъ, когда русскій читатель за безцѣнокъ получаетъ переводы эфемерныхъ произведеній всевозможной современной мелюзги (литературной и научной) и либо вовсе лишень русскихъ переводовъ множества истинно великихъ произведеній, либо принужденъ платить очень крупныя, сравнительно, деньги за устарѣлыя или библиографически рѣдкія изданія прежнихъ лѣтъ. Замѣтите, далѣе, что на учебную

литературу конвенція, по существу дѣла, не можетъ оказать никакого рѣшительно вліянія, а на литературу научную ее, сколько извѣстно, и не предполагается вовсе распространять. Впрочемъ, даже, если бы и распространили (чего, повторяю, вовсе не имѣется въ виду), то это не имѣло бы никакого рѣшительно значенія. Научныя книги въ Россіи могутъ только издаваться или въ чистый убытокъ, или, приближительно, на смарку, а съ выгодною, да и то самою незначительною, лишь въ особенно счастливыхъ случаяхъ. При томъ, при теперешнемъ упадкѣ у насъ искусства перевода, не только всякій ученый, но и вообще всякій серьезный читатель, способный интересоваться научными сочиненіями, предпочтетъ русскому переводу подлинникъ или переводъ на какой либо другой европейскій языкъ, такъ какъ едва ли возможно представить себѣ въ Россіи человѣка съ научными интересами, не знающаго ни одного иностраннаго языка. Остается, правда, еще научно-популярная литература, которая почти вся живетъ у насъ переводами. Однако, въ этой отрасли книжнаго промысла можно различить два рода произведеній: 1) имѣющія характеръ самостоятельныхъ изслѣдованій и 2) имѣющія характеръ компилятивный. Первые изъ нихъ должны, разумѣется, раздѣлить судьбу сочиненій чисто научныхъ, относительно же вторыхъ едва ли можетъ быть и рѣчь объ авторскихъ правахъ. Къ этому должно еще прибавить, что современная наша переводная популярная литература, яко бы научная, является величайшимъ зломъ, какое только можно себѣ представить, такъ какъ, благодаря ей, подлинныя мысли и воззрѣнія выдающихся умовъ распространяются у насъ профильтрованными сквозь посредственную понятливость иностраннаго компилятора, сквозь непосредственнѣйшую непонятливость русскаго полуграмотнаго переводчика или, того хуже, переводчицы, и, наконецъ, непосредственную понятливость «редактора» перевода, въ огромномъ большинствѣ случаевъ «редактирующаго», не справляясь съ оригиналомъ, — *sine libris, pro viribus ingenii*, какъ отмѣчали средневѣковые корректоры (редакторы тожъ). Можно себѣ представить, что даютъ читателямъ подобные «переводы»! А нерѣдко ко всѣмъ изложеннымъ надругательствамъ надъ великими людьми присоединяются и еще большія: въ переводѣ подлинникъ «сокращается», а частью — «излагается своими словами», при чемъ инныя части вовсе выкидываются, а другія замѣняются выдержками изъ сочиненій совершенно противоположнаго автору направленія. Заграничнымъ соловьямъ нынче нѣтъ надобности учиться у нашихъ пѣтуховъ: усердные переводчики своею властью изглаживаютъ пробѣлы ихъ развитія. Согласитесь сами, что въ прямыхъ интересахъ просвѣщенія нельзя не желать, чтобы хоть какънибудь сократились и уменьшились у насъ эти варварскія пародіи на навсегда счастливыя компиляціи изъ заслуживающихъ лучшей участи подлинниковъ.

Остается, стало быть, лишь одна отрасль словесности, именно, такъ называемая беллетристика и драматургія. Но какъ бы высоко ни ставили мы значеніе художественныхъ наслажденій читателя или зрителя, едва ли кто либо рѣшится безъ оговорокъ утверждать, чтобы интересы просвѣщенія были связаны съ общедоступностью современной иностранной беллетристики, — кромѣ какъ развѣ того «просвѣщенія», съ которымъ долженъ бороться не только каждый семьянинъ и педагогъ, но и каждый хоть столько нибудь порядочный человекъ. По крайней мѣрѣ защитниками приведенной мысли никакого опредѣленнаго аргумента, кромѣ слова «просвѣщеніе» и ссылки на его необходимость, особенно же «въ столь отставшей» странѣ, какъ наше отечество, не приводится. Напротивъ, противники ея строятъ свое отрицаніе на двоякаго рода основаніяхъ. Во-первыхъ, указываютъ на то, что всякая беллетристика является отраженіемъ жизни и жизненнаго строя того народа, къ національной словесности котораго принадлежитъ. Положительное или отрицательное изображеніе дѣйствительной жизни (у всякаго художника непремѣнно въ извѣстной степени одностороннее) всегда можетъ, какъ бы ни было даровито, встрѣтить провѣрку и сочувствіе или отпоръ въ умѣ и даже простомъ непосредственномъ чувствѣ тѣхъ, кто является личнымъ и непосредственнымъ участникомъ изображаемой жизни. Даже поработавъ себѣ своего читателя, художникъ тѣмъ лишь тѣснѣе связываетъ его съ окружающею дѣйствительностью, которая уже сама безпристрастно сообщаетъ каждому развивающій и отрезвляющій опытъ. Нужна страшная, титаническая сила дарованія, чтобы подавить умы односторонностью автора, притупить и ослѣпить ихъ ко всякому трезвому воздѣйствію реальной жизни; да и передъ этою силою почти всякій умъ — Антей. Между тѣмъ, непосредственнаго опыта, прикосновенія къ родной землѣ, совершенно лишены читатели переводной беллетристики, которая возникла въ подлинникѣ на почвѣ совершенно другой жизни, совершенно другого быта и религіознаго и государственнаго строя. Такія произведенія не могутъ встрѣтить ни провѣрки, ни опроверженія въ личномъ опытѣ читателя даже при очень рѣзкой односторонности автора, и тѣмъ сильнѣе поражаютъ воображеніе, память, и вліяютъ на мировоззрѣніе этого читателя своимъ увлекательнымъ своеобразіемъ. Въ иностранномъ, иноплеменномъ авторѣ читатель долженъ одолѣть не только обаяніе его таланта, но еще и провѣрить самое творчество, самыя произведенія, изученіемъ совершенно незнакомой и сложной, нерѣдко тысячелѣтней, культурной жизни. Даже для того, кто съ нею знакомъ непосредственно, бываетъ порою трудна такая провѣрка; тѣмъ болѣе она трудна для читателя неподготовленнаго, и тѣмъ труднѣе, чѣмъ онъ менѣе подготовленъ. Между тѣмъ, самая рѣшимость читать художественное произведеніе въ переводѣ зачастую свидѣтельствуетъ о незнакомствѣ читателя съ языкомъ подлинника, т. е. не-

доступности ему необходимѣйшаго, можно сказать, единственнаго способа ознакомиться съ жизнью, породившею произведение, его занимающее, и такимъ образомъ о его неподготовленности къ трезвой оцѣнкѣ этого произведенія. Послѣдствіемъ же чтенія при этихъ условіяхъ является необычайная власть надъ умами иностранной художественной словесности, нерѣдко соответствующая вовсе не таланту или уму писателей, а лишь неразвитости читателя. Послѣдній, подчиняясь этой силѣ и увлекаясь впечатлѣніями жизни, ему неизвѣстной и непонятной, которыхъ провѣрить онъ не въ состояніи, утрачиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ясность пониманія жизни окружающей, а, стало быть, и способность къ провѣркѣ ею впечатлѣній своего воображенія. Идеалы его заслоняются новыми, чуждыми, и притомъ заслоняются, во-первыхъ, отрывочно, а, во-вторыхъ, бессознательно и неуловимо; отсюда—бездна противорѣчій, несогласимыхъ и беспокойныхъ, въ которыхъ эти идеалы тускнѣютъ, мутнѣютъ и расплываются. Дѣйствительность постепенно теряетъ всю свою власть надъ воображеніемъ, фантастическія бредни вытѣсняють самосознаніе, и въ концѣ концовъ въ головѣ читателя образуется полный сумбуръ, съ которымъ онъ не въ состояніи сладить, а который, между тѣмъ, отвлекаетъ его отъ жизни, заманиваетъ въ бесполезное для нея одиночество миражемъ мнимаго просвѣщенія. Если даже и гениальные художники, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, подчинялись Байрону до какого-то нравственнаго самозабвенія, до полной измѣны ихъ природнымъ идеаламъ и склонностямъ, то что сказать о среднемъ обыкновенномъ читателѣ? Наконецъ, возьмите весь псевдоклассицизмъ: развѣ это не стихійное подчиненіе героизму чужой жизни, которому не могла служить провѣркой европейская дѣйствительность? А при этомъ современная дешевизна переводной беллетристики дѣлаетъ ее доступною предпочтительно передъ оригинальною наименѣе подготовленнымъ читателямъ, т. е. тѣмъ, которые наиболее передъ нею безсильны и кому она всего болѣе опасна. Такимъ образомъ, если говорить о просвѣщеніи, которое возможно только при тѣсной и непосредственной связи его съ живою дѣйствительностью, то нельзя не признать прямою для него помѣхою современную общедоступность переводной беллетристики, такъ что, если конвенція дѣйствительно поведетъ къ вздорожанію соответствующихъ изданій, то она тѣмъ самымъ послужитъ на пользу истиннаго просвѣщенія.

Во-вторыхъ, сторонники конвенціи съ излагаемой точки зрѣнія указываютъ еще и на то, что иностранная беллетристика въ очень сильной степени, неизмѣримо болѣе, чѣмъ русская, изобилуетъ соблазнительными и нравственно опасными образами и картинами. Къ тому же, она, по всеобщему признанію, находится теперь въ глубокомъ упадкѣ. Оскудѣніе нравственныхъ идеаловъ, крайній пессимизмъ и, какъ выводы изъ него, полный произволь страсей съ

анархическимъ отрицаніемъ всякой идеи долга, или же, напротивъ, истерическій, истушенннй аскетизмъ,—вотъ господствующій духъ современнаго западнаго искусства. Съ другой стороны, грубый реализмъ, изображеніе преимущественно грязныхъ, темныхъ и отвратительныхъ явленій жизни, часто вовсе не свойственныхъ нашей дѣйствительности, никоимъ образомъ не могутъ служить среди неподготовленныхъ читателей цѣлямъ просвѣщенія, которое именно исключаетъ всякую односторонность, вырабатывая въ людяхъ прежде всего положительныя и всеобъемлющія идеалы добра и знанія окружающей жизни. Для стремленія къ духовному совершенству нѣтъ надобности изучать чужіе пороки и недостатки, точно также, какъ для просвѣщенія не нужны образы недоступныхъ нашему личному опыту извращеній чужой жизни. Между тѣмъ, именно произведенія такого печальнаго свойства дѣлаютъ, по преимуществу, общедоступными дешевизна переводной беллетристики наименѣ развитымъ и подготовленнымъ читателямъ. Само собою разумѣется, что даже ослабленіе, не только устраненіе, такого зла должно послужить во благо истинному просвѣщенію.

IV.

... Кромѣ юридической и культурной точекъ зрѣнія, конвенція можетъ быть обсуждаема и съ точки зрѣнія экономической. Замѣтимъ, однако же, и здѣсь, что принципиальное юридическое рѣшеніе вопроса не можетъ быть ни на волосъ поколеблено никакими посторонними соображеніями. Такъ, напримѣръ, никакими народными выгодами нельзя оправдать нарушенія чьихъ бы то ни было правъ,—въ родѣ, напримѣръ, злостнаго банкротства какого нибудь государства,—и обратно, никакія невыгоды не могутъ и не должны быть помѣхою къ соблюденію справедливости. Всякое возстановленіе права непремѣнно невыгодно тѣмъ, кому выгодны хотя бы косвенныя послѣдствія его нарушенія или отрицанія. Быть можетъ, въ Англіи политика выгоднаго беззаконія и имѣетъ привлекательную силу для умовъ: въ Россіи она никогда не вызоветъ ничего, кромѣ глубокаго, всеобщаго негодованія. Тѣмъ не менѣе случается встрѣчать въ печати поборниковъ конвенціи на исключительно экономически-просвѣтительныхъ началахъ, точно и не существуетъ доводовъ юридическихъ, и, наоборотъ, ея противниковъ на основаніяхъ мнимо юридическихъ, убѣжденныхъ, однако же, въ ея экономической выгоды. Разберемъ поэтому съ особымъ вниманіемъ и тщательностью народно-хозяйственную сторону вопроса, поскольку это возможно теоретически, безъ опытныхъ данныхъ и помимо частныхъ, которыя должны быть оговорены въ самомъ текстѣ конвенціи.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что международное признаніе Россіей авторскихъ правъ доставитъ больше выгодъ писателямъ

иноязычнымъ, чѣмъ русскимъ. Наша словесность еще далеко не пустила такихъ глубокихъ и сильныхъ корней на западѣ, какъ любая изъ западныхъ литературъ въ Россіи. Стало быть, гонораръ нашихъ авторовъ отъ заграничныхъ переводчиковъ никоимъ образомъ не уравниваетъ гонорара заграничныхъ авторовъ отъ переводчиковъ русскихъ. А такъ какъ безъ конвенціи такого обмѣна гонораровъ не существуетъ вовсе, то вступленіе Россіи въ международныя литературныя соглашенія будетъ равносильно увеличенію нашихъ нетто-платежей за границу,—увеличенію, едва ли особенно замѣтному, но съ финансовой точки зрѣнія всегда нежелательному, хотя бы оно и совпало съ увеличеніемъ нашего международного брутто-баланса.

Нѣкоторые изъ признающихъ неизбежность этого послѣдствія указываютъ, однако, что оно вскорѣ сгладится и вознаградится, ибо литературное соглашеніе окажется какъ бы протекціонною мѣрою для внутренняго литературнаго производства. Можно ли исчерпать вопросъ такой общою постановкой? А если можно, то вѣрно ли предлагаемое рѣшеніе? А если вѣрно, то желательно ли оно?—Вотъ три вопроса, очень существенныхъ и напрасно пренебрегаемыхъ нашими журналистами. Однако, по внимательномъ разсмотрѣніи они предрѣшаются отвѣтомъ на первый изъ нихъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что теперешній огромный спросъ на переводныя изданія созданъ въ значительной мѣрѣ широкимъ предложеніемъ, обусловленнымъ въ свою очередь отсутствіемъ конвенціи объ авторскихъ правахъ. Слѣдовательно, съ заключеніемъ такихъ конвенцій должно сократиться хоть отчасти предложеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и спросъ (по крайней мѣрѣ экстенсивно, если не интенсивно), и такимъ образомъ ожидаемая иностранными авторами выгоды едва ли достанутся имъ на самомъ дѣлѣ. Ждать отъ русскихъ переводныхъ изданій особенно замѣтныхъ барышей—тщетная мечта, которая разсѣется при ближайшемъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, такъ какъ и вообще развитіе у насъ переводной литературы обусловлено дешевой переводной «матеріаломъ». Съ другой стороны отъ ожидаемаго уменьшенія предложенія переводной дешевки трудно ожидать повышенія авторскихъ гонораровъ въ Россіи. Дешевку можетъ замѣнить только дешевка же, точно такъ же, какъ дешевка и теперь не составляетъ конкуренціи цѣннымъ изданіямъ. Слѣдовательно, никому, кромѣ полуграмотныхъ поставщиковъ отечественной «оригинальной» дешевки, конвенція не принесетъ существенной пользы; да и тѣмъ она не столько повыситъ заработокъ, сколько упрочитъ его и обезпечитъ за болѣе широкимъ кругомъ лицъ. Даровитые же писатели при конвенціи останутся съ тѣми же гонорарами, какіе получаютъ и безъ конвенціи; а ждать гонораровъ изъ-за границы имъ особенно нечего, такъ какъ тамъ переводы съ русскаго и теперь еще новинка, далеко не укоренив-

шаяся въ книжномъ дѣлѣ. И такъ, въ качествѣ протекціонной мѣры конвенція развѣ расчиститъ вакансіи поставщикамъ «оригинальной» дешевки, подъ перьями которыхъ у насъ расплодятся столь же обильное безобразіе мѣстнаго производства, какъ наши дикіе теперешніе переводы. По крайней мѣрѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что выгода отъ конвенціи для русскихъ писателей будетъ обратно пропорціональна ихъ не только даровитости, но и просто грамотности. Вотъ въ какомъ смыслѣ правильны ожиданія оживленія нашего внутренняго литературнаго производства отъ заключенія конвенціи. Въ экономическомъ отношеніи оно, какъ расширение заработка для пишущей нищей братіи, пожалуй, утѣшительно, но для художественной литературы въ лучшемъ случаѣ бесполезно.

Кромѣ писателей, конвенція можетъ коснуться издателей и главнымъ образомъ лицъ, живущихъ заработкомъ отъ переводовъ. Относительно издателей несомнѣнно, что чѣмъ серьезнѣе и научнѣе преслѣдуемыя ими задачи и чѣмъ, стало быть, полезнѣе ихъ дѣятельность, тѣмъ менѣе должна отразиться на ихъ предпріятіяхъ предполагаемая конвенція. Напротивъ, барышниковъ переводной дешевки она дѣйствительно можетъ побудить направить ихъ предпримчивость къ другимъ, болѣе для нихъ подходящимъ, отраслямъ промышленности. Притомъ конвенція не конверсія, и ея неспѣшное и гласное заключеніе всегда предоставляетъ возможность заблаговременно ликвидировать предпріятія, которымъ оно угрожаетъ. Другое дѣло переводчики и переводчицы: ихъ конвенція несомнѣнно должна лишить послѣдняго заработка, и безъ того покупаемаго нѣрѣдко вонистину каторжнымъ трудомъ. Трудно себѣ и представить, что будутъ дѣлать тогда эти люди, особенно переводчицы. Женскому благотворительному обществу слѣдовало бы заблаговременно подумать о нихъ.

Оглянемся въ заключеніе на сдѣланный обзоръ доводовъ за и противъ конвенціи. Россіи предстоитъ на выборъ: или уничтожить авторское право въ ея предѣлахъ, или признать его въ полномъ объемѣ, какъ за своими гражданами, такъ и за иностранцами. Однако даже тѣмъ, кто убѣжденъ въ предпочтительности первой альтернативы, трудно надѣяться на ея скорое осуществленіе. Споръ можетъ затянуться еще на столѣтія. До его разрѣшенія, государства должны быть, по крайней мѣрѣ, вѣрны своимъ принципамъ и послѣдовательны, то-есть, въ частности, намъ приходится остановиться на второй альтернативѣ. Къ интересамъ просвѣщенія, правильно понятымъ, эта рѣшимость не имѣетъ близкаго отношенія, но, поскольку ея влияніе въ этомъ направленіи можетъ быть предусмотрѣно, постольку оно должно быть признано желательнымъ. Финансовымъ результатомъ конвенціи должно оказаться нѣкоторое увеличеніе нашего международнаго баланса, съ значительнымъ переѣсомъ въ

предѣлѣ этого увеличенія пассива надъ активомъ. Для благосостоянія собственно литературныхъ дѣятелей конвенція пройдетъ почти совершенно незамѣтно, какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ, въ области книжной торговли она отразится лишь нѣкоторымъ сокращеніемъ оборотовъ по переводной дешевкѣ и улучшеніемъ выбора переводимыхъ авторовъ и произведеній, и, наконецъ, для чернорабочихъ силъ писче-кустарнаго промысла она скажется расширеніемъ заработка поставщиковъ «оригинальной» дешевки на счетъ сокращенія заработка поставщиковъ дешевки переводной. Въ цѣломъ, помимо требованій справедливости, то-есть юридической послѣдовательности, на одной чашѣ вѣсовъ мы видимъ достоинство Россіи и русской политики и нѣкоторыя культурныя выгоды, а на другой — небольшой финансовый ущербъ и незначительный профессиональный кризисъ. Не трудно рѣшить, что должно перевѣсить.

V.

Ради полноты очерка необходимо, хотя бы вкратцѣ, указать и на такіе аргументы, которые не нашли мѣста въ предшествующей классификаціи, и которыхъ не берусь налагать своими словами. Приблизительно ихъ можно охарактеризовать названіемъ аргументовъ уснастительныхъ. Дѣло въ томъ, что вопросъ о конвенціи постоянно возбуждаютъ и возобновляютъ французскіе беллетристы и издатели, несовсѣмъ ловко пристегивая его къ различнымъ проявленіямъ франко-русскаго сближенія. Если откинуть послѣднее обстоятельство, смѣшное, но для вопроса объ авторскихъ правахъ безразличное, то съ юридической точки зрѣнія образъ дѣйствій французовъ заслуживаетъ безусловнаго уваженія. Никакая жизнь не проникнется ни законностью, ни правосудіемъ, если люди не будутъ заботиться о своихъ правахъ и настаивать на соблюденіи всѣхъ, требуемыхъ этими правами, обязанностей. Какъ бы ни былъ малъ тотъ или иной интересъ, но его настойчивая и упорная защита всегда почтенна. Чѣмъ культурнѣе народъ, тѣмъ онъ чувствительнѣе къ своимъ правамъ, тѣмъ онъ болѣе уважаетъ права чужія. Будучи плодомъ солидной культуры, такая юридическая впечатлительность въ то же время является ея надежнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ оплотомъ. Ложное великодушіе, столь всеобщее въ Россіи, во имя котораго мы небрежно дозволяемъ нарушать наши мелкіе, а не рѣдко и крупныя, интересы всѣмъ, кому не лѣнь ихъ нарушать, есть лучший выразитель зачаточнаго состоянія нашей правовой жизни. Когда иные публицисты во имя, будто бы, интересовъ просвѣщенія встаютъ противъ уваженія къ авторскимъ правамъ иностранцевъ, то въ ихъ воззрѣніи нельзя не усмотрѣть проявленія величайшей некультурности, самаго первобытнаго варварства, которому именно свойственно тянуться къ верхамъ культуры, не научившись даже простому уваженію къ чужимъ правамъ.

Далѣе, какому бы недостойному человѣку ни принадлежало то или иное право, мы обязаны чтить это право, хотя бы не могли питать никакого почтенія къ тому, кто имъ располагаетъ: это — азбука справедливости. Между тѣмъ, иные противники конвенцій, научившись кое-какъ складать правовѣдѣнія, считаютъ себя въправѣ уже пренебрегать этой азбукой и въ необыкновенномъ изобиліи наполняютъ свои статьи уснастительными упреками французамъ, напоминая, что наши дѣльцы переводной дешевки наживаются, въ нѣкоторомъ родѣ, на ихъ счетъ. За это требованіе уваженія къ своимъ правамъ французскіе писатели объявляются чрезмѣрно «настойчивыми» и «откровенными» буржуа, которые «съ упрямствомъ и даже неделикатностью, которую (sic!) трудно было ожидать отъ представителей народа, справедливо гордящагося своею тонкою чувствительностью, хватаются за всякій удобный и неудобный случай, чтобы возобновить свое старое причитанье объ убыткахъ¹⁾, причиняемыхъ имъ русскими переводами», и имъ преподается (по мнѣнію автора, полный идеализма) совѣтъ «бросить этотъ надобѣвшій всѣмъ вопросъ (нѣсколькими строками раньше встрѣчается выраженіе «старая кляуза, давно всѣмъ надобѣвшая») о воспрещеніи переводовъ, не имѣющій никакихъ шансовъ на желательное для ихъ любостыжательныхъ наклонностей рѣшеніе». Слѣдуетъ прежде всего замѣтить по части уснастительнаго слога статьи, что французы заботятся никакъ не о воспрещеніи переводовъ, а что, напротивъ, ихъ мечтой является именно возможное обиліе таковыхъ, но подъ условіемъ уваженія къ авторскимъ правамъ. Во-вторыхъ же, если бы, положимъ, автору цитируемой статьи не заплатили за нее въ редакціи гонорара, ссылаясь на то, что въ интересахъ просвѣщенія и распространенія его здравыхъ мыслей статью слѣдуетъ признать бесплатною, автору же поступиться въ тѣхъ же видахъ «интересами кармана», то едва ли бы онъ этимъ остался доволенъ, или счелъ себя за свое недовольство упрямымъ, неделикатнымъ буржуа съ любостыжательными наклонностями, который «съ грубою требовательностью предъявляетъ претензію» къ редакціи «за то, что она обогащается на его счетъ». Всего забавнѣе, впрочемъ, въ этихъ уснастительныхъ доводахъ, что авторъ ихъ, увѣряя, будто стоитъ на юридической точкѣ зрѣнія, называетъ чужія права «старою кляузою, давно всѣмъ надобѣвшею». Съ юридической точки зрѣнія ссылка на чьи либо права можетъ «надобѣдать» только тому, кому часто приходится ее слышать, т. е. тому, кто ихъ часто нарушаетъ или обходитъ. Чтобъ избавиться отъ докучи, достаточно начать уважать эти права.

В. Никольскій.

¹⁾ Слово «убытки» авторъ цитируемой статьи снабдилъ почему-то вопросительнымъ знакомъ въ скобкахъ. Не зналъ, какое именно французское слово перевелъ онъ (дѣйствительно неудачнымъ) выраженіемъ «убытки», пользя рѣшитель, въ какой мѣрѣ этотъ вопросительный знакъ уместенъ, и что онъ собственно можетъ обозначать.

БАЙОНСКАЯ ТРАГИКОМЕДИЯ 1808 ГОДА¹⁾.

IX.

ММАНУИЛЬ Годой, князь Мира, пріѣхалъ въ Байонну 25-го апрѣля вечеромъ въ сопровожденіи французскаго офицера.

«Этотъ несчастный человѣкъ,—писалъ императоръ Наполеонъ Талейрану,—вызываетъ сожалѣніе. Онъ цѣлый мѣсяцъ находился между жизнью и смертью подѣ постоянной опасностью погибнуть. Повѣрите ли, что въ теченіе этого времени онъ ни разу не перемѣнилъ рубашки, и что его борода отросла на семь дюймовъ? Испанскій народъ проявилъ въ данномъ случаѣ безпримѣрное безчеловѣчіе. На его (Годоя) счетъ распускаютъ самыя вздорныя слухи. Велите печатать статьи, но не такія, которыя оправдывали бы князя Мира, а такія, которыя яркими красками рисовали бы все зло, происходящее отъ народныхъ движеній, и вызывали бы сожалѣніе къ этому несчастному человѣку».

Когда, по приказанію императора, великій герцогъ Бергскій (Мюрать) отправилъ князя Мира въ Байонну, послѣдняго сопровождалъ одинъ изъ адъютантовъ Мюрата и его камердинеръ, единственный изъ слугъ, оставшійся вѣрнымъ ему. «Я имѣлъ случай,—передаетъ Констанъ,—разговаривать съ этимъ преданнымъ слугою, говорившимъ очень хорошо пофранцузски, такъ какъ онъ воспи-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ I.XX, стр. 603.

тывался около Тулузы. Онъ передалъ мнѣ, что не могъ добиться позволенія остаться со своимъ господиномъ на время заключенія послѣдняго, что этотъ несчастный князь перенесъ страданія, которыя трудно и вообразить себѣ, что не проходило дня безъ того, чтобы не являлись къ нему въ тюрьму объявлять, чтобы онъ готовился къ смерти, такъ какъ онъ подвергнется казни въ тотъ же вечеръ или на слѣдующее утро. Онъ говорилъ мнѣ, что иногда узника оставляли безъ пищи по тридцать часовъ сряду, что постелью ему служила одна солома, что у него не было ни бѣлья, ни книгъ, ни свѣта, никакого общенія съ внѣшнимъ миромъ. Когда его выпустили изъ тюрьмы, чтобы передать полковнику Мартесу (адъютанту Мюрату), страшно было смотрѣть на него. Его глаза отвыкли отъ солнечнаго свѣта, ему пришлось закрыть ихъ, и онъ почувствовалъ себя дурно, выйдя на воздухъ».

По дорогѣ въ Байонну князь получилъ письмо отъ короля и королевы. Оно все было омочено слезами. Прочтя его, князь сказалъ своему камердинеру: «Вотъ единственное утѣшеніе, полученное мною въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Чѣлохранители, предавшіе и продавшіе своего короля, точно такъ же предадутъ и продадутъ его сына. Что касается меня, то я ни на что не надѣюсь болѣе; лишь бы только мнѣ позволили найти во Франціи убѣжище для моихъ дѣтей и для себя». Когда Мартесъ показалъ ему газеты, въ которыхъ рассказывалось, что князь владѣеть состояніемъ въ пять сотъ милліоновъ, онъ энергически протестовалъ, говоря, что это гнусная клевета, «что онъ предлагаетъ своимъ самымъ неутомимымъ врагамъ предъявить доказательства этого».

Изъ вниманія къ Фердинанду, Наполеонъ приказалъ помѣстить Годоя въ окрестностяхъ Байонны, а не въ самомъ городѣ. На слѣдующій же день за нимъ явился Савари и свезъ его въ Марракъ, гдѣ онъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ Наполеономъ.

Х.

Въ виду приближавшагося пріѣзда короля и королевы испанскихъ, Наполеонъ успѣшилъ выписать въ Байонну изъ Бордо императрицу Жозефину. Въ интересы Наполеона входило придать возможно большій блескъ приему низложеннаго Карла IV, а по свидѣтельству современника, «никто не былъ болѣе способенъ, чѣмъ императрица Жозефина и сопровождавшія ее дамы, принимать съ изяществомъ и достоинствомъ».

Въ то же время Наполеонъ старался принять мѣры, которыя подготовили бы общественное мнѣніе Испаніи къ осуществленію задуманныхъ имъ плановъ. 25-го апрѣля онъ писалъ Мюрату: «важно хорошенько вселить въ общественное сознаніе, что короля не имѣется».

Когда король и королева приехали въ Витторію, въ этомъ городѣ находился испанскій отрядъ тѣлохранителей, сопровождавшій Фердинанда; отрядъ этотъ занялъ караулы во дворцѣ, въ которомъ, проѣздомъ, должны были остановиться король и королева испанскіе. Но какъ только король замѣтилъ ихъ, онъ сказалъ имъ строгимъ голосомъ: «Вы найдете естественнымъ, что я попрошу васъ оставить мой дворецъ; вы измѣнили своему долгу въ Аранжуецѣ; я не нуждаюсь въ вашихъ услугахъ и не хочу ихъ. Ступайте прочь». Слова эти, сказанныя съ энергіей, къ которой не привыкли со стороны Карла IV, остались безъ возраженія. Караулы удалились, и король попросилъ генерала Вердые дать ему охрану изъ французскихъ солдатъ.

Между прочимъ въ Вилла-Реале между королевой и герцогомъ Магономъ произошелъ разговоръ, въ продолженіе котораго, на вопросъ Маріи-Луизы о новостяхъ, тотъ отвѣтилъ, что увѣренъ, что Наполеонъ собираетъ въ Байоннѣ всѣхъ членовъ испанской королевской семьи для того, чтобы лишить ихъ престола. Услышавъ эти слова, королева казалась удивленной, но, подумавъ нѣсколько мгновений, проговорила: «Наполеонъ постоянно былъ большимъ врагомъ нашей семьи, но онъ неоднократно обѣщалъ Карлу покровительствовать ему, и я не думаю, чтобы онъ оказался столь вѣроломнымъ».

Если приемъ, сдѣланный Наполеономъ Фердинанду, былъ холоденъ, то, напротивъ того, онъ желалъ, чтобы королю и королевѣ испанскимъ были оказаны всевозможныя почести. Это, такъ сказать, входило въ его планъ, состоявшій въ томъ, чтобы признать Карла IV и Марію-Луизу единственными и бесспорными государями Испаніи. Никто не былъ столь щепетиленъ по части мелочныхъ требованій этикета, какъ Наполеонъ, и въ этомъ отношеніи при приготовленіяхъ къ встрѣчѣ Карла IV ничего не было упущено изъ виду.

Карлъ IV и Марія-Луиза тѣмъ болѣе торопились своимъ приездомъ въ Байонну, что письмо Наполеона, помѣченное 29-мъ апрѣля, казалось, обѣщало имъ быстрое отомщеніе. «Я не призналъ и никогда не признаю принца Астурійскаго королемъ Испаніи,— писалъ онъ.— Я велѣлъ официально заявить ему объ этомъ. Я радуюсь увидѣть ваше величество, но мнѣ досадно знать, что вы не здоровы. Вы можете рассчитывать на мое желаніе быть пріятнымъ намъ и дать вамъ доказательства участія, внушаемаго вами мнѣ, и истинной дружбы, которую я чувствую къ вамъ».

29-го король и королева ночевали въ Толозѣ, а 30-го въ полдень приехали въ Ирэнъ, гдѣ ихъ ожидалъ генералъ Лебрэнъ, вручившій имъ письмо императора; при въѣздѣ на французскую территорію они были встрѣчены княземъ Невпательскимъ, сопровождавшимъ ихъ до Байонны.

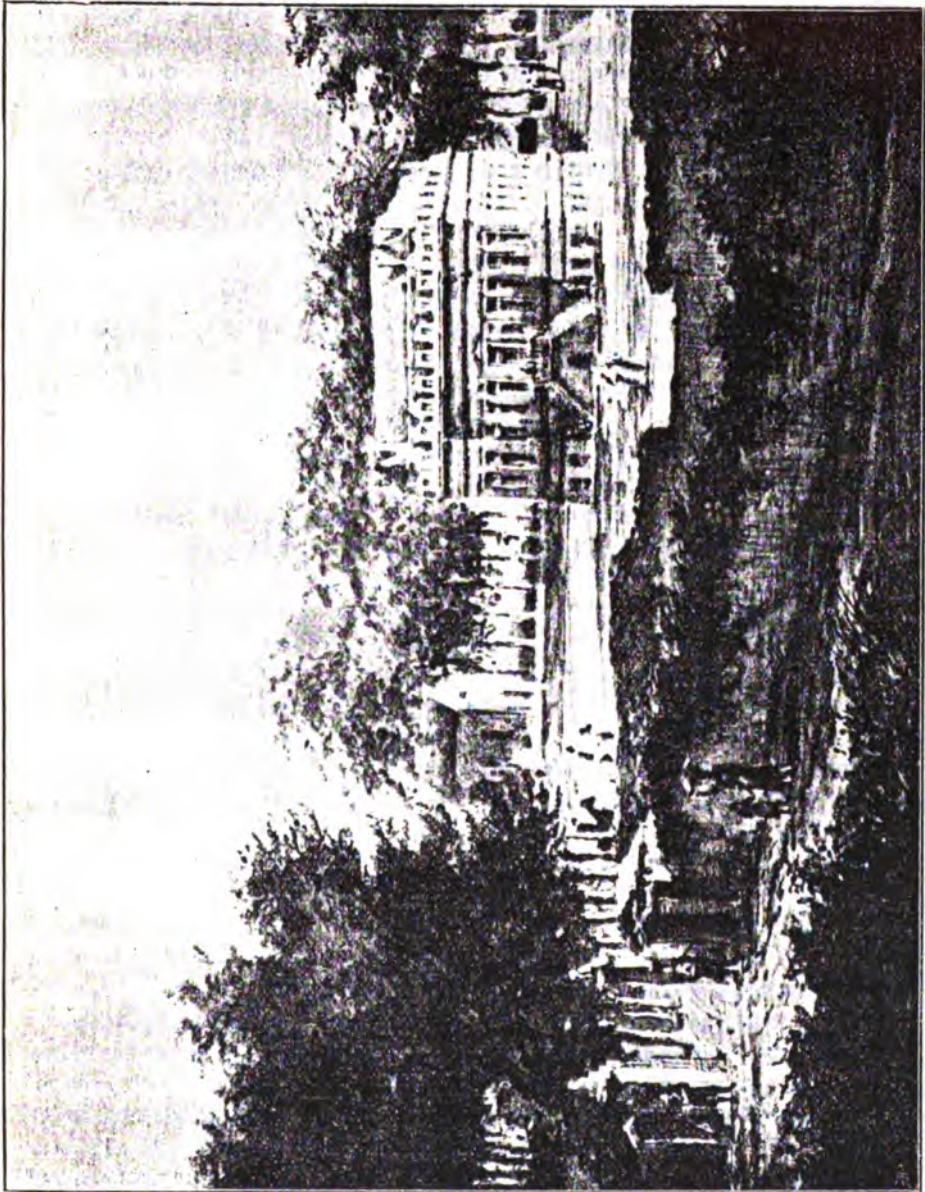
Въ 2 часа, того же дня, Карлъ IV и Марія-Луиза вмѣстѣ съ помѣщавшеюся въ ихъ каретѣ герцогиней Алькудией, дочерью князя Мира, вѣхали въ Байонну. Съ ними почти никого не было, но за ними слѣдовало значительное количество повозокъ и фургоновъ, заключавшихъ въ себѣ все наиболѣе цѣнное, что они хотѣли увести съ собою. Всѣ байонскія власти собрались для встрѣчи ихъ на гласисѣ крѣпости. Цитадель и портъ салютовали имъ изъ всѣхъ своихъ орудій. При входѣ ихъ въ приготовленный для нихъ дворецъ маршалъ Дюрокъ представилъ имъ лица, назначенныхъ императоромъ состоять при нихъ.

Какъ только пушечные выстрѣлы возвѣстили о прибытіи короля и королевы, Фердинандъ и инфантъ донъ-Карлосъ отправились къ нимъ на встрѣчу. Карлъ IV, нашедшій нѣсколько любезныхъ словъ для каждаго изъ встрѣчавшихъ его, даже для тѣхъ, которыхъ онъ не зналъ, сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ своихъ сыновей, стоявшихъ въ ожиданіи его у подножія лѣстницы. Затѣмъ, только поднимаясь на лѣстницу и проходя мимо нихъ, онъ сказалъ инфанту: «Здравствуй, Карлосъ». Но онъ ничего не сказалъ Фердинанду. Когда же тотъ выступилъ впередъ, чтобы поцѣловать его, король остановился, выразилъ жестомъ свое негодованіе и, не останавливаясь, прошелъ въ свои апартаменты. Въ королевѣ же, слѣдовавшей за мужемъ, сказала мать, и она поцѣловала Фердинанда.

Когда вновь прибывшіе вошли во дворецъ, всѣ находившіеся въ Байоннѣ испанцы явились туда для совершенія церемоніи *bai-seshain*, состоявшей въ томъ, что каждый становился на колѣни и цѣловалъ руку у короля и королевы. Присутствовавшіе при этомъ зрители-французы, утромъ того же дня читавшіе въ «Байонской газетѣ» и документы, относящіеся къ событіямъ, разыгравшимся въ Аранжуецѣ, и протестъ короля, и видѣвшіе, какъ этотъ несчастный государь, прибывшій безъ свиты, безъ охраны, принималъ изъявленія почтенія отъ тѣхъ самыхъ людей, которые всѣ были причастны къ мартовскому заговору, всѣ эти лица переживали тягостныя чувства, отражавшіяся также на лицахъ короля и королевы.

Утомленные этой церемоніей, король и королева удалились въ свои апартаменты. Фердинандъ хотѣлъ послѣдовать за ними, но король остановилъ его, сказавъ по-испански: «принцъ, развѣ вы недостаточно надругались надъ моими сѣдинами?» Эти слова произвели, повидимому, на Фердинанда потрясающее впечатлѣніе и смутили испанцевъ, сопровождавшихъ его и вышедшихъ вмѣстѣ съ нимъ изъ комнаты.

Пріемъ, оказанный королевѣ и королевой испанскими князю Мира, былъ самый трогательный. По свидѣтельству современниковъ, самый близкій и преданный родственникъ не могъ бы быть

Марракскій замокъ.

встрѣченъ съ болѣе сильными изъясненіями радости. Всѣ трое при встрѣчѣ расплакались.

Въ пять часовъ къ нимъ пріѣхалъ съ визитомъ Наполеонъ. Свиданіе было продолжительно и трогательно. Карлъ IV и Марія-Луиза рассказали Наполеону объ оскорбленіяхъ, которымъ они подвергались все время. Они выразили огорченіе, которое испытали, видя неблагодарность столькихъ лицъ, облагодѣтельствованныхъ ими, и презрѣніе, которое пробудили въ нихъ намѣнившіе имъ тѣлохранители. Король нѣсколько разъ повторялъ слѣдующія слова: «ваше величество не знаете, что значить имѣть основанія жаловаться на своего сына: это несчастіе — самое тяжелое изъ всѣхъ, которыя можно испытывать». Наполеонъ оставался у нихъ цѣлыхъ два часа и пригласилъ ихъ къ обѣду въ тотъ же день въ Марракъ.

Когда императоръ вернулся къ себѣ, то прошелъ на половину императрицы и сказалъ ей между прочимъ:

— У короля типъ и лицо Бурбоновъ; онъ выглядитъ очень милымъ человѣкомъ. Что же касается королевы, то она въ высшей степени безобразна; съ своей желтой кожей она напоминаетъ мумію. У нея злой и фальшивый видъ, и невозможно представить себѣ что либо болѣе смѣшное; въ шестьдесятъ лѣтъ она носитъ совершенно декольтированное платье съ короткими рукавами, безъ перчатокъ.

«Король Карлъ славный человѣкъ, — писалъ Наполеонъ Талейрану. — Я не знаю, зависитъ ли это отъ его положенія или отъ обстоятельствъ, но у него видъ добраго и прямодушнаго патріарха. У королевы ея сердце и ея исторія запечатлѣны на ея лицѣ: большаго вамъ нечего сказать. Это превосходить все, что только позволено воображать. Оба они обѣдаютъ сегодня у меня. Князь Мира напоминаетъ собою быка. Онъ начинаетъ овладѣвать своими духовными силами; съ нимъ обошлись съ безпримѣрнымъ варварствомъ. Хорошо было бы снять съ него всякое лживое обвиненіе, но необходимо оставить его покрытымъ легкимъ отгѣнкомъ презрѣнія».

Какъ уже было замѣчено выше, король и королева прибыли безъ многочисленной свиты, но за то ихъ сопровождало множество фургоновъ, наполненныхъ мебелью, матеріями и драгоценными вещами. Ихъ кареты, античной формы, старые рыдваны, восходившіе къ временамъ Людовика XIV, возбудили удивленіе и даже насмѣшки среди населенія и придворныхъ Наполеона. Боссе былъ пораженъ тѣмъ, что четыре огромныхъ лакея въ парадной ливреѣ во все продолженіе пути отъ Мадрида до Байонны стояли на запяткахъ кареты короля, какъ будто дѣло шло о поѣздкѣ съ визитомъ куда нибудь по близости дворца.

Однако, самъ Карлъ IV прекрасно чувствовалъ себя въ своей низкой каретѣ, запряженной мулами. Когда онъ усаживался въ

нее, это являлось нескончаемой церемоніей; его нужно было приподнимать руками и съ помощью подвижной подножки, въ формѣ скамеечки, прикрѣпленной ремнями къ спинѣ лакея. На обѣдѣ въ Марракъ Карль IV и Марія-Луиза должны были отправиться въ придворной каретѣ, присланной за ними Наполеономъ. Тогда явилось новое затрудненіе: король долго колебался сѣсть въ карету съ двойной подножкой. Онъ не рѣшался ступить ногою на одну изъ этихъ тонкихъ ступенекъ, опасаясь сломать ее и упасть, а подвижность кузова вселяла въ него панической страхъ при мысли увидѣть карету падающею на него.

Одинъ изъ современниковъ рассказываетъ о стеченіи лицъ, столпившихся возлѣ кареты короля, когда, прѣхавъ изъ Байонны въ Марракъ, онъ готовился выйти изъ нея. Наполеонъ спустился внизъ съ крыльца, чтобы встрѣтить его, и былъ вынужденъ прождать нѣсколько минутъ, чтобы дать королю время освободиться отъ шпаги, стѣснявшей его не менѣе его подруги, и отважиться довѣриться ступенькамъ подножки, на которыя онъ боялся ступить. Король первый смѣлся надъ своимъ затруднительнымъ положеніемъ. Когда онъ съ трудомъ поднимался по ступенькамъ крыльца, императоръ сказалъ ему:

— Обопритесь на мою руку, я силенъ.

По словамъ же Савари, самъ король сказалъ Наполеону, поддерживавшему его на лѣстницѣ:

— Потому только, что я не въ силахъ болѣе, они и захотѣли прогнать меня.

На это Наполеонъ возразилъ ему:

— О, мы еще посмотримъ! Опирайтесь на меня: у меня хватить силъ для насъ обоихъ.

При этихъ словахъ король остановился и сказалъ, глядя на императора:

— Что касается этого, то я увѣренъ въ этомъ и надѣюсь на васъ.

Затѣмъ онъ снова взялъ его руку и продолжалъ подниматься по лѣстницѣ.

Поднявшись на крыльцо и какъ бы желая удовлетворить любопытство собравшейся толпы, онъ довольно долго оставался на немъ и при этомъ держалъ себя съ тѣми спокойствіемъ и непринужденностію въ манерахъ, которыя являются слѣдствіемъ привычки повелѣвать. Въ немъ сказывался человекъ, чувствовавшій себя королемъ всюду, гдѣ бы онъ ни находился.

На встрѣчу къ королю и королевѣ вышла императрица Жозефина, привѣтствовавшая ихъ съ отличавшими ее изяществомъ и любезностію.

До обѣда поговорили нѣсколько о туалетѣ. Императрица предложила королевѣ своего парикмахера Дюплана, который могъ бы дать

ея придворнымъ дамамъ нѣсколько уроковъ французской манеры одѣваться. Это предложеніе было принято, и вскорѣ затѣмъ королева выпла изъ рукъ Дюплана лучше одѣтой и причесанной, но не похорошѣвшей, такъ какъ это уже выходило за предѣлы искусства Дюплана.

Когда императору было доложено, что обѣдъ поданъ, онъ предложилъ руку испанской королевѣ. Имъ предшествовалъ префектъ дворца, замѣтившій, что императоръ ускорялъ свой шагъ нѣсколько болѣе, чѣмъ обыкновенно. Наполеонъ самъ обратилъ вниманіе на это и тотчасъ же спросилъ королеву:

— Быть можетъ, ваше величество находите, что я иду нѣсколько слишкомъ быстро?

— Но, государь, — возразила ему смѣясь королева, — вѣдь это вполне въ вашихъ привычкахъ.

«Было ли это комплиментомъ или легкимъ упрекомъ? — пишетъ Боссэ, — я не знаю, потому что не могъ обернуться и прочесть въ глазахъ королевы выраженіе ея лица, которое разъяснило бы мнѣ этотъ двусмысленный отвѣтъ».

Наполеонъ замедлилъ свой шагъ и сказалъ ей, также смѣясь, что «его любезность къ женщинамъ постоянно вмѣняетъ ему въ долгъ сообразоваться съ ихъ вкусами».

Князь Мира сопровождалъ въ Марракъ короля и королеву, но такъ какъ его фамиліи не значилось въ спискѣ приглашенныхъ къ столу Наполеона, то префектъ дворца отдалъ приказаніе, чтобы, въ случаѣ, если Годой захотѣлъ бы пройти въ столовую, онъ былъ вѣжливо удержанъ отъ этого, что и было исполнено. Но въ моментъ, коода сѣли за столъ, король Карлъ замѣтилъ отсутствіе своего любимца.

— А Мануэль, государь, а Годой? — обратился онъ съ вопросомъ къ Наполеону.

Императоръ, улыбаясь, повернулся въ сторону префекта дворца и приказалъ ему ввести Мануэля.

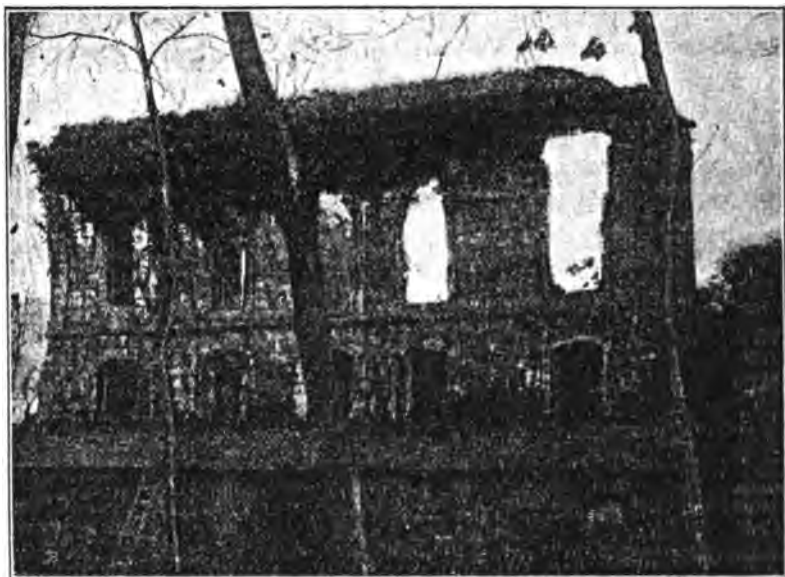
Во время обѣда окружающіе императора имѣли полную возможность производить свои наблюденія надъ его гостями.

«Во время стола, — пишетъ Констанъ, — я могъ свободно разсматривать короля и королеву. Карлъ IV не былъ красивъ, но у него былъ добрый видъ, очень большой носъ, отрывистый и громкій голосъ. Онъ ходилъ, переваливаясь съ ноги на ногу, что я приписалъ его подагрѣ. Онъ ѣлъ помногу отъ каждаго подававшагося блюда, за исключеніемъ зелени, которой никогда не ѣлъ, говоря, что трава хороша лишь для животныхъ. Онъ пилъ одну воду». Воалгъ него ставили три графина съ водою: одинъ съ водою со льдомъ, другой съ горячей водою, а третій съ обыкновенной. Каждый разъ, когда онъ хотѣлъ пить, онъ наливалъ попеременно изъ всѣхъ трехъ

графиню до тѣхъ поръ, пока не получалась вода требуемой температуры.

Императоръ, зная, что король любитъ поѣсть, приказалъ позаботиться объ обѣдѣ. «Онъ сдѣлалъ честь французской кухнѣ, которая, повидимому, припала ему по вкусу, такъ какъ при каждомъ блюдѣ, которое ему подавали, онъ говорилъ королевѣ: «Луиза, покушай этого, это вкусно». Это очень забавляло Наполеона, какъ извѣстно, отличавшагося воздержностью въ ѣдѣ.

«Королева была мала ростомъ и толста, одѣвалась очень дурно и совершенно не отличалась ни манерами, ни изяществомъ; ея лицо

Развалины Марракскаго замка.

было красновато, взглядъ гордъ и суровъ; она высоко держала голову и говорила очень громко и еще болѣе рѣзкимъ и отрывистымъ голосомъ, чѣмъ ея мужъ. По общимъ отзывамъ, она отличалась большими энергіею и умомъ, чѣмъ онъ».

«Во время обѣда, между прочимъ, говорили немного о различіи въ привычкахъ и этикетахъ обоихъ дворовъ. Король Карлъ много распространялся о своей страсти къ охотѣ, которой приписывалъ отчасти свои подагру и ревматизмы.

— «Каждый день,— говорилъ онъ,— несмотря ни на какую погоду, зимою и лѣтомъ, я отправлялся послѣ завтрака и, прослушавъ обѣдню, охотился до конца дня. Вечеромъ Мануэль говорилъ мнѣ,

какъ идти дѣла, дурно ли, или хорошо, и я отправлялся спать съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день начать то же самое, если только какая нибудь важная церемонія не принуждала меня оставаться».

Рассказъ о первомъ обѣдѣ короля и королевы въ Марракскомъ замкѣ облетѣлъ въ свое время всю Европу и послужилъ темою для англійскаго каррикатуриста. Воспроизводимая въ статьѣ карриатура озаглавлена «Billingsgate (название рыбнаго рынка въ Лондонѣ) at Bayonne or the imperial dinner», что въ переносномъ смыслѣ значитъ: «говоръ торговкоу въ Байоннѣ или императорскій обѣдъ». Содержаніе карриатуры слѣдующее: члены испанскаго королевскаго дома, завлеченные въ западню въ Байоннѣ, въ большомъ оживленіи обѣдаютъ у Наполеона. Королева встала изъ-за стола и въ страшномъ гнѣвѣ, какъ истая торговка, кричитъ своему сыну Фердинанду:

— Я сейчасъ скажу вамъ это въ лицо и предъ моимъ дорогимъ другомъ Боней¹⁾: вы не сыны короля!.. Поэтому вамъ остается только молчать... Фердинандъ же отвѣчаетъ ей: «Милостивая государыня, я знаю какъ ваши хитрости, такъ и хитрости князя Мира».

Испанскіе инфанты ободряютъ сына короля, говоря ему: «братецъ, не слушайте ея: мы, инфанты, признаемъ васъ за своего государя».

Человѣкъ, по виду не особенно уживчивый и имѣющій на спинкѣ своего кресла эмблему королевскаго достоинства, грозитъ кулаками и кричитъ: «Развѣ не я главный? Не угодно ли вамъ оставаться спокойными?»

Король же Карль IV, не горюющій объ утраченномъ бременіи королевской власти, восклицаетъ: «Позвольте же несчастному королю играть спокойно на скрипкѣ!»

Что касается Наполеона, то, сидя во главѣ стола, на тронѣ, отвѣчающемъ по высотѣ достоинству императорской власти, онъ дѣлаетъ видъ, что крайне разсерженъ общими пререканіями, искусно подготовленными имъ же самимъ, и кричитъ, ударяя кулакомъ по ручкѣ трона: «если, чортъ возьми, вы будете продолжать такъ шумѣть за моимъ столомъ, то я всѣхъ васъ отправлю на гауптвахту».

XI.

Наполеонъ еще не закончилъ всѣхъ приготовленій для полнаго достиженія своей цѣли, такъ какъ для этого ему было необходимо держать въ своей власти всѣхъ членовъ королевской семьи. Когда, по его наущенію, Карль IV декретомъ объявилъ себя единственнымъ и законнымъ королемъ Испаніи, онъ послалъ этотъ декретъ

¹⁾ Прозвище, данное Наполеону въ Англии.

Мюрату съ приказаніемъ немедленно выслать изъ Мадрида всѣхъ членовъ королевскаго дома, которые еще находились тамъ, то-есть, самаго юнаго изъ инфантовъ, дона Франческо, дядю Фердинанда дона Антоніо, президента юнты, и королеву Этрурию, нездоровье которой не позволило ей слѣдовать за ея родителями. Принявъ всѣ эти мѣры, онъ уже готовился положить конецъ байонскимъ спенамъ въ желательномъ для него направленіи, когда розыгравшіяся въ Мадридѣ событія облегчили ему его задачу, избавивъ его отъ необходимости прибѣгнуть къ силѣ.

Повидимому, онъ предвидѣлъ это мятежное движеніе, потому что 5-го мая писалъ Мюрату: «главное — удалить дона Антоніо. Если произойдутъ какія нибудь усложненія, виновными будутъ признаны тѣ, которые разжигаютъ Испанію, нисколько не стараясь потушить пожаръ».

2-го мая въ Мадридѣ разразился мятежъ, предоставившій Наполеону полную свободу дѣйствій. Населеніе столицы, желая воспротивиться отъѣзду инфантовъ, взялось за оружіе и убивало французскихъ солдатъ, встрѣчавшихся по одиночкѣ на улицахъ. Подавленіе возмущенія было кроваво и ужасно. Мюратъ занялъ улицы Мадрида своею кавалеріею, и ятаганы мамелюковъ оставили въ памяти участниковъ мятежа страшныя воспоминанія.

Извѣстіе о возмущеніи 2-го мая Наполеонъ получилъ 5-го мая. Онъ катался верхомъ съ Савари, когда встрѣтилъ по дорогѣ офицера, посланнаго Мюратомъ съ донесеніями.

Прочтя полученныя депеши, Наполеонъ тотчасъ же отправился къ королю. Едва войдя въ комнату, онъ сказалъ ему:

— Посмотрите, что я получилъ изъ Мадрида; я ничѣмъ не могу объяснить этого.

Король прочелъ письмо, только что полученное императоромъ отъ Мюрата, и тотчасъ же твердымъ голосомъ обратился къ князю Мира со словами: «Мануэль, пошли за Карлосомъ и Фердинандомъ».

Такъ какъ тѣ медлили своимъ появленіемъ, Карлъ замѣтилъ Наполеону:

— Или я ошибаюсь, или негодяи знаютъ что нибудь о происшедшемъ; я въ отчаяніи, но нисколько не удивляюсь этому.

Наконецъ, Карлосъ и Фердинандъ явились. «Чѣмъ не менѣе,— пишетъ Савари,— я не могу утверждать съ увѣренностью, что Карлосъ тоже пришелъ, потому что, какъ мнѣ помнится, это происходило въ то время, когда ему нѣсколько нездоровилось. Но, что касается принца Астурійскаго, то онъ явился въ гостиную, гдѣ находились его отецъ, императоръ и королева, его мать».

Савари не упустилъ ни одного слова изъ исторической сцены, разыгравшейся между названными лицами. Онъ остался въ передней

вѣстѣ съ княземъ Мира, тоже прислушивавшимся, и сквозь плохо закрытыя двери могъ все хорошо слышать.

— У тебя есть извѣстія изъ Мадрида?—спросилъ Карлъ IV сына.

Отвѣта принца не было слышно, но старый король съ живостью возразилъ ему:

— Ну, такъ вотъ я сейчасъ сообщу тебѣ ихъ, — и онъ передалъ о происшедшемъ.

— Или ты думаешь, — сказалъ онъ, — что ты нисколько не причастенъ этой рѣзнѣ, ты лично или тѣ негодяи, которые руководятъ тобою? Или ты поспѣшилъ заставить меня удалиться съ престола для того, чтобы губить моихъ подданныхъ? Скажи мнѣ, ты считаешь долго царить при помощи подобныхъ средствъ? Кто тотъ, кто посоветовалъ тебѣ прибѣгнуть къ подобной чудовищности? И развѣ тебѣ не остается одна слава — слава убійцы? Говори же!

Фердинандъ, по всей вѣроятности, молчалъ, такъ какъ въ соседней комнатѣ не было слышно его голоса.

— Ну-съ, вѣдь я говорилъ тебѣ, что ты погубишь себя, — продолжалъ король, — вотъ въ какое положеніе ты поставилъ и себя и насъ тоже: значить, если бы мы еще были въ Мадридѣ, ты бы погубилъ насъ? Какъ бы ты могъ помѣшать этому?

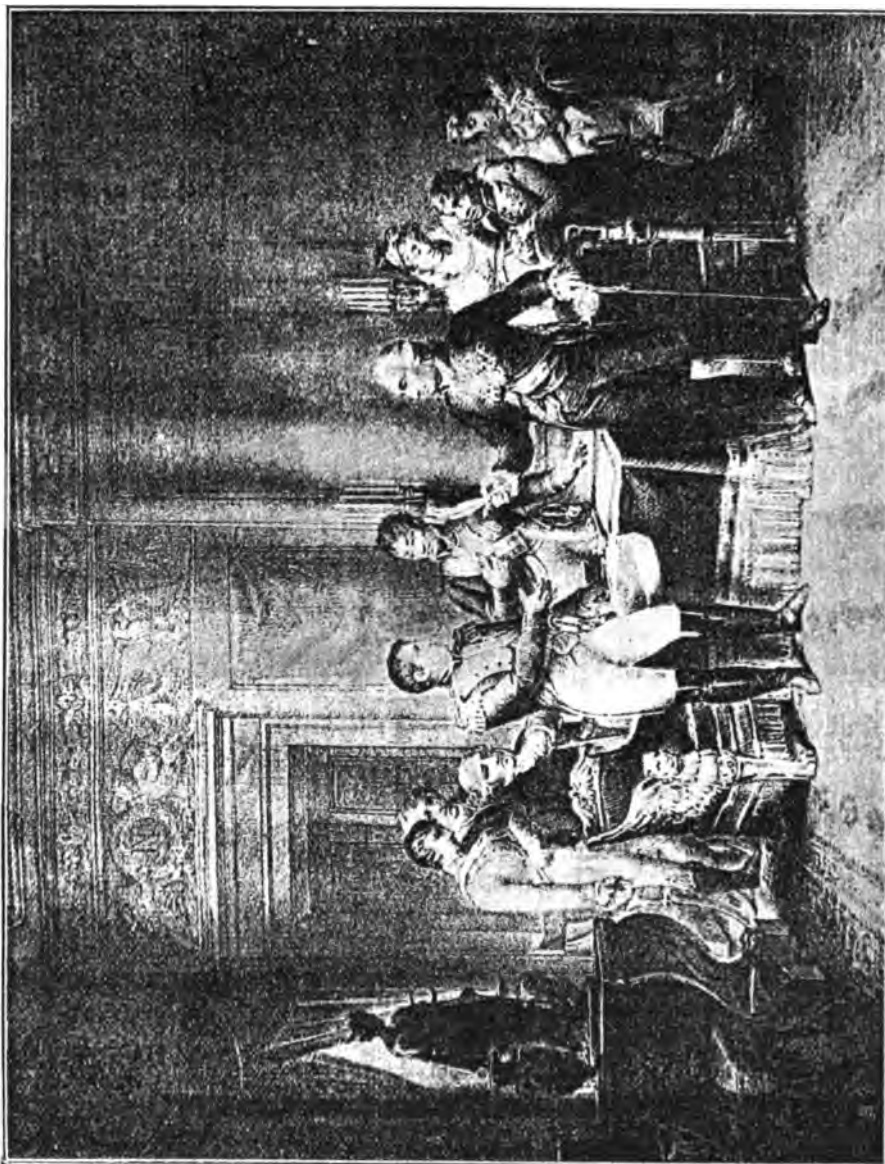
Вѣроятно, Фердинандъ продолжалъ молчать, потому что было слышно, какъ королева сказала ему:

— Ну, ты будешь говорить? Вотъ какъ ты поступаешь: при каждой изъ твоихъ глупостей ты никогда ничего не знаешь.

Савари увѣряетъ, что при этомъ королева приблизилась къ сыну, какъ бы намѣреваясь дать ему пощечину. Во всякомъ случаѣ безспорно, что положеніе Фердинанда должно было быть ужасно, потому что присутствіе императора страшно стѣсняло его. Наконецъ, заговорилъ Наполеонъ, и было слышно, какъ онъ сказалъ увѣреннымъ голосомъ:

— Припѣцъ, до настоящаго момента мною не было принято никакого рѣшенія относительно событіи, приведшихъ васъ сюда; но кровь, пролитая въ Мадридѣ, кладетъ конецъ моимъ колебаніямъ. Эта рѣзня можетъ быть дѣломъ лишь партіи, отъ которой вы не можете отречься, и я никогда не признаю королемъ Испаніи того, кто первый порвалъ союзъ, издавна связывавшій ее съ Франціею, и приказалъ произнести избіеніе французскихъ солдатъ въ то самое время, когда онъ явился сюда просить меня санкціонировать беззаконный поступокъ, при помощи котораго онъ хотѣлъ войти на престолъ. Вотъ результатъ дурныхъ совѣтовъ, которыми васъ увлекли; вы должны пенять лишь на нихъ. У меня есть обязательства лишь по отношенію къ королю, вашему отцу; его я признаю и готовъ, если ему угодно, проводить его въ Мадридъ.

— Что касается меня, то я не хочу этого, — съ живостью возразилъ Карлъ IV. — И что я буду дѣлать въ странѣ, въ которой

Заключеніе Байонскаго договора.

онъ разжегъ противъ меня всё страсти? Я найду повсюду лишь возмутившихся подданныхъ; и неужели послѣ того, какъ я былъ довольно счастливъ пережить безъ потерь потрясеніе всей Европы, я покрою позоромъ свои сѣдины, объявивъ войну провинціямъ, которыя я имѣлъ счастье сохранить, и посылая на эшафотъ своихъ подданныхъ? Нѣтъ, я не хочу этого; онъ лучше меня выполнить эту задачу.

Затѣмъ, посмотрѣвъ на сына, онъ продолжалъ:

— Значить, ты думаешь, что царствовать ничего не стоитъ? Посмотри на бѣдствія, которыя ты przygotowляешь Испаніи. Ты послѣдовалъ дурнымъ совѣтамъ, я ничего не могу подѣлать тутъ; выпутывайся, какъ можешь; я не хочу мѣшаться въ это, уходи!

Фердинандъ, оставаясь невозмутимымъ, продолжалъ утверждать только одно, что онъ ничѣмъ не повиненъ въ безпорядкахъ 2-го мая.

Наполеонъ, чувствующій себя неловко, почти смущенно, присутствуя при подобной сценѣ, хотя она и приводила къ нужной ему раввязкѣ, положилъ конецъ ей, сказавъ Фердинанду холоднымъ, но повелительнымъ тономъ, что если въ тотъ же вечеръ онъ не возстановитъ правъ своего отца на престолъ, съ нимъ будетъ поступлено, какъ съ мятежнымъ сыномъ, виновникомъ или соучастникомъ заговора, приведшаго въ мартѣ мѣсяцѣ къ лишенію законнаго государя престола.

Фердинандъ вышелъ, а за нимъ послѣдовали испанцы его партіи, ожидавшіе его въ сосѣдней комнатѣ.

Наполеонъ остался съ королемъ еще съ четверть часа, а затѣмъ вернулся верхомъ въ Марракъ.

«Онъ не ѣхалъ такъ быстро, какъ обыкновенно, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Савари. — Дорогою онъ сказалъ намъ: «лишь существо, злое отъ природы, способно поддаться мысли отравить старость столь почтеннаго отца». Въ то же время онъ приказалъ одному офицеру отправиться къ князю Мира и сказать ему, что онъ желаетъ видѣть его, чтобы подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ мадридскихъ событій прійти съ нимъ къ окончательному соглашенію».

Пріѣхавъ въ Марракъ, Наполеонъ въ волненіи прошелъ черезъ комнаты, вышелъ въ садъ и затѣмъ, два или три раза обойдя его, подозвалъ всѣхъ присутствовавшихъ и сталъ рассказывать о томъ, что произошло только что.

— Это былъ король Пріамъ, — сказалъ онъ и послѣ нѣкоторой остановки продолжалъ: — сцена становилась въ высшей степени интересной, по мѣрѣ того, какъ королева стала прерывать короля, раздражаясь ругательствами и угрозами по адресу своего сына, и когда, послѣ упрековъ за то, что онъ лишилъ ихъ престола, она потребовала отъ меня отправить его на эшафотъ. Какая женщина такая мать! — воскликнулъ онъ. — Она привела меня въ ужасъ, пробудила во мнѣ сочувствіе къ нему. Затѣмъ онъ прибавилъ: «князь

Мира, безспорно, очень недалекій человекъ, и все-таки даже онъ является наименѣе неспособнымъ среди этого выродившагося двора».

Онъ долго говорилъ на эту и на другія темы; затѣмъ, осудивъ другихъ, онъ осудилъ и самого себя, такъ какъ прибавилъ слѣдующія слова:

— Я знаю, что то, что я дѣлаю, въ извѣстномъ отношеніи нехорошо, но политика требуетъ, чтобы я не оставлялъ въ своемъ тылу, такъ близко отъ Парижа, династію, враждебную моей.

Въ тотъ же день императоръ писалъ Мюрату: «Продолжаю мое письмо отъ шести часовъ вечера. Даненкуръ пріѣхалъ сюда въ четыре часа съ вашимъ письмомъ отъ 2-го мая, сообщающимъ мнѣ о Мадридскомъ возмущеніи. Я очень доволенъ проявленною вами строгостью. Я надѣюсь, что вы приступите къ обезоруженію съ величайшей энергіей. Немедленно послѣ того, какъ я получилъ ваше письмо, я отправился къ королю Карлу; я приказалъ повзвать туда обоихъ принцевъ; король и королева говорили съ ними съ величайшимъ негодованіемъ. Что же касается меня, то я сказалъ имъ: «Если отъ настоящаго момента до полуночи вы не признаете вашего отца законнымъ королемъ и не сообщите объ этомъ въ Мадридъ, съ вами будетъ поступлено, какъ съ мятежниками. Завтра принцъ Астурійскій и его отецъ будутъ далеко отъ Байонны. Такимъ образомъ, все будетъ кончено. У меня имѣются доказательства, что это возмущеніе было подготовлено донемъ Антоніо и юнтой: я нашелъ ихъ въ перехваченныхъ письмахъ. Я предполагаю, что инфантъ донъ Антоніо находится на дорогѣ въ Байонну подъ сильнымъ и надежнымъ конвоемъ. Велите везти его день и ночь и примите мѣры, чтобы онъ не могъ ускользнуть».

Послѣ разговора съ Наполеономъ, король Карлъ тотчасъ же принялъ рѣшеніе назначить намѣстникомъ королевства великаго герцога Бергскаго и вслѣдствіе этого послалъ соответствующіе рескрипты юнгѣ и кастильскому и военному совѣтамъ. Онъ отзывался съ его поста дона Антоніо, остававшагося во главѣ юнты, но не проявившаго твердости и оытности, необходимыхъ при столь серьезныхъ обстоятельствахъ.

Между императоромъ и королемъ Карломъ былъ заключенъ договоръ, къ которому примкнули Фердинандъ и инфанты донъ Карлосъ, донъ Франческо и донъ Антоніо. За Наполеономъ были признаны всѣ права испанской династіи.

За уступку своихъ правъ на испанскій престолъ члены королевскаго дома получили слѣдующее вознагражденіе: Карлъ IV — замокъ и лѣсъ въ Компіенѣ въ пожизненное владѣніе, а замокъ Шамборъ — въ потомственное, и, сверхъ того, семь съ половиною милліоновъ ежегодной пенсіи за счетъ французскаго государственнаго казначейства; Фердинандъ VII — замокъ Наваръ въ полное владѣніе и милліонъ ежегоднаго дохода, а каждый изъ инфантовъ по четыреста тысячъ франковъ въ годъ.

XII.

Дальнѣйшее пребываніе Карла IV и его семьи въ Байоннѣ становилось безцѣльнымъ, а въ виду близости испанской границы, пожалуй, и не безопаснымъ для замысловъ Наполеона. Поэтому онъ поспѣшилъ отправить ихъ внутрь Франціи. Король съ королевой должны были поселиться въ Компіенѣ, а Фердинандъ съ инфантами въ Наваррѣ; но такъ какъ замокъ въ Наваррѣ не былъ еще готовъ для ихъ приѣма, то для ихъ временнаго жительства былъ избранъ замокъ Валансэ, принадлежавшій Талейрану. Отдавая послѣдному приказанія относительно приѣма ихъ въ Валансэ, Наполеонъ писалъ между прочимъ: «Вы могли бы привести туда и 3-ше Талейранѣ съ четырьмя или пятью дамами. Если принцъ Астурійскій пристрастится къ какой нибудь хорошенькой женщицѣ, въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго, въ особенности, если можно положить на нее. Для меня крайне важно, чтобы принцъ Астурійскій не сдѣлалъ какого нибудь ложнаго шага. Поэтому я желаю, чтобы его занимали и развлекали. Неумолимая политика требовала бы, чтобы его помѣстили въ Бичъ или въ какую нибудь крѣпость, но такъ какъ онъ самъ отдался мнѣ, общалъ безъ моего приказанія ничего не дѣлать, и такъ какъ въ Испаніи все идетъ такъ, какъ я хочу, то я и рѣшилъ отправить его въ деревню, окруживъ удовольствіями и надзоромъ». За нѣсколько дней до этого письма Наполеонъ сообщилъ Талейрану слѣдующую характеристику Фердинанда: «Что касается принца Астурійскаго,—писалъ онъ,—то этотъ человѣкъ представляетъ слишкомъ мало интереса. Онъ глупъ до такой степени, что я не могъ извлечь изъ него ни одного слова. Что бы ему ни говорили, онъ ни на что не отвѣчаетъ; ругаютъ ли его или хвалятъ, его лицо не мѣняетъ своего выраженія».

Послѣ заключенія байонскаго договора Карлъ и Марія-Луиза еще нѣсколько разъ обѣдали въ Марракѣ, причѣмъ король забавлялъ Наполеона своими наивностями. Наканунѣ ихъ отъѣзда изъ Байонны, послѣ послѣдняго обѣда у Наполеона, въ домѣ, рядомъ со дворцомъ, который занимала испанская королевская семья, произошло пожаръ, вызвавшій большую тревогу. Явилось предположеніе, опровергнутое затѣмъ немедленно произведеннымъ слѣдствіемъ, что пожаръ возникъ вслѣдствіе поджога и имѣлъ цѣлью облегчить похищеніе и бѣгство короля и королевы испанскихъ. Тѣмъ не менѣе, весь дворъ всю ночь былъ на ногахъ, а самъ Наполеонъ легъ спать лишь тогда, когда пожаръ былъ потушенъ, и все успокоилось.

12-го мая король и королева выѣхали изъ Байонны въ Бордо въ сопровожденіи князя Мира, его дочери и одного или двухъ испанцевъ. Карлъ IV покидалъ испанскую границу съ глубоко стѣсненнымъ сердцемъ, но народныя возмущенія, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть, поселили въ немъ глубокое отвращеніе къ вѣвцу,

оказавшемуся слишкомъ тяжелымъ для его чела. Императоръ предписалъ префекту Нижнихъ Пиренеевъ привѣтствовать Карла при его выѣздѣ изъ Байонны. Префектъ, генераль Кастелланъ, попалъ въ крайне затруднительное положеніе, увидѣвъ себя вынужденнымъ чествовать рѣчью короля, только что лишеннаго престола, и онъ сказалъ ему нѣчто въ родѣ того, что «желаю вамъ счастливаго пути». Карлъ поблагодарилъ его, прося передать императору, что онъ всегда останется его искреннимъ другомъ и вѣрнымъ союзникомъ.

По пути слѣдованія Карла и Маріи-Луизы черезъ Бордо и Фонтенебло въ Компіенъ имъ всюду воздавались соотвѣтствующія ихъ положенію почести.

Однако, Карлъ оставался въ Компіенѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ климатъ этой части Франціи оказался слишкомъ суровымъ для его здоровья. Онъ переѣхалъ оттуда въ Марсель, гдѣ оставался до 1811 года, когда тѣ же причины принудили его перебраться въ Италію, въ Римъ.

Относительно жизни короля и королевы въ Римѣ въ книгѣ г. Дюсере приведено много любопытныхъ подробностей, дополняющихъ характеристику этихъ «выродившихся», по выраженію Наполеона, лицъ, не сумѣвшихъ сохранить своего достоинства даже въ своемъ паденіи.

Жители Рима, по свидѣтельству Боссе, въ общемъ добрые и мягкосердечные, ожидали прибытія королевской семьи съ живѣйшимъ интересомъ. Но когда они увидѣли вереницу готическихъ каретъ, запряженныхъ мулами, они не могли не отдаться охватившему ихъ веселью и остроумію. Впрочемъ, они быстро привыкли къ этому зрѣлищу, являвшемуся для нихъ вторымъ карнаваломъ, и ежедневное катанье короля и королевы по Корсо съ теченіемъ времени перестало служить для нихъ предметомъ любопытства и насмѣшекъ.

Римскія власти относились къ ех-королю со всевозможнымъ вниманіемъ. Такъ какъ любовь Карла къ занятіямъ музыкой была известна, то въ его распоряженіе были предоставлены четыре артиста изъ оркестра Большаго театра, съ которыми онъ могъ бы разыгрывать различные квартеты. Карлъ, въ качествѣ короля, привыкъ играть первую скрипку. Однажды, онъ предложилъ имъ сыграть подъ его управленіемъ извѣстные квинтеты Боккерини. Концертъ начался по знаку, данному королемъ со всею важностью настоящаго капельмейстера. Однако, получилась такая ужасная какофонія, что черезъ нѣсколько минутъ король вернулся въ сосѣднюю гостиную, гдѣ находились королева, инфанты и Годой, предоставивъ музыкантовъ самимъ себѣ. «Вы видите,—проговаривалъ онъ, усаживаясь съ разстегнутымъ отъ жары жилетомъ, вытирая лобъ краснымъ платкомъ и держа скрипку подъ мышкой, а смычекъ въ рукѣ,—вы видите, вы слышите, они не могутъ слѣдовать за мною! О, если бы со мною былъ здѣсь мой знаменитый віолончелистъ Дюпанъ!.. Онъ

поспѣвалъ бы за мною!.. Но эти римляне не въ состояніи... Это слишкомъ трудно для нихъ!»... Въ дѣйствительности, римскіе музыканты оказывались болѣе щепетильными по отношенію къ музыкѣ, чѣмъ Дюпанъ, такъ какъ они не рѣшались, подобно ему, перескакивать черезъ три или четыре строчки въ тѣхъ случаяхъ, когда это случалось съ королемъ.

Кромѣ любви къ охотѣ, къ музыкѣ, у короля была еще одна страсть—къ часамъ, тоже доходившая у него до смѣшнаго. Слѣды ея можно найти во многихъ прежнихъ резиденціяхъ испанскаго двора. Когда онъ находился въ Фонтенебло, онъ приказывалъ одному изъ своихъ камердинеровъ носить на себѣ съ полъ-дюжины часовъ и столько же носить самъ, говоря, что карманные часы улучшаются отъ носки.

Когда онъ еще царствовалъ, онъ заказалъ въ Парижѣ часы съ такимъ сложнымъ механизмомъ, что изготовленіе ихъ потребовало пятнадцать-двадцать лѣтъ работы. Эти часы предназначались для одной изъ самыхъ большихъ галлерей королевскаго дворца въ Мадридѣ и стоили громадныхъ денегъ. Когда они были окончены, Карлъ уже не былъ королемъ Испаніи и жилъ въ Римѣ. Онъ пришелъ въ такой восторгъ отъ нихъ, что, несмотря на совѣты Годоя придавать своему двору отбѣнокъ бѣдности, щедро заплатилъ за нихъ мастеру. Страсть къ часамъ не оставила Карла и послѣ потерн престола, когда строгое распредѣленіе времени являлось менѣе необходимымъ для него; но страсть эта до такой степени овладѣла имъ, что можно сказать, что только забота о карманныхъ и прочихъ часахъ являлась для него заботой, которую онъ признавалъ достойною себя. Коллекція часовъ составляли единственную часть его драгоценностей, за упаковкой которыхъ онъ лично наблюдалъ при отбѣдѣ изъ Испаніи. Этажъ дворца Боргезе, въ которомъ онъ жилъ, былъ переполненъ часами. Въ спальняхъ короля и королевы висѣли на стѣнахъ большіе щиты, обтянутые чернымъ бархатомъ, на которыхъ было размѣщено по нѣскольکو дюжинъ часовъ, и король придавалъ громадное значеніе тому, чтобы стрѣлки на всѣхъ часахъ показывали одно и то же время.

Дворъ испанской королевской чѣты не отличался пышностью. Обязанности оберъ-мажордома, оберъ-камергера, оберъ-штальмейстера и проч. совмѣщались въ одномъ лицѣ графа Мартэнъ, пользовавшагося дружбой короля, давашаго ему высшее доказательство своего довѣрія, поручивъ ему наблюденіе за своими часами.

И въ свою жизнь въ Римѣ Карлъ внесъ отличавшую его регулярность и неизмѣнность привычекъ, при чемъ эта его особенность проявлялась наиболѣе ярко въ заботѣ, чтобы обѣдъ подавался ровно въ часъ, минута въ минуту. По этому поводу въ книгѣ г. Дюсере приведенъ интересный анекдотъ. Къ одному изъ обѣдовъ былъ приглашенъ нѣкій М. Онъ вошелъ въ гостиную ровно въ

часть, назначенный для обѣда, и не могъ не замѣтить на лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ явнаго смущенія; даже королева и Годой хранили сумрачное молчаніе. Пораженный, онъ обратился за объясненіемъ къ графу Мартѣну, воспользовавшись для этого минутой, когда король вышелъ неожиданно въ сосѣднюю комнату. «Дорогой мой другъ,—отвѣтилъ ему тотъ,—на часахъ гостиной уже часть, а мажордомъ не явился доложить моему доброму королю, что обѣдъ поданъ, въ то мгновеніе, когда часы били часть; вотъ причина его нетерпѣнія... Онъ пошелъ посмотрѣть другіе часы, и, вернувшись, спросить меня, гдѣ часы, которые я ношу на себѣ». Когда графъ

Англійская карриатура.

де-Мартѣнъ произносилъ послѣднія слова, на немъ послышался бой курантовъ: «При мнѣ ихъ шесть,—пояснилъ графъ,—это лѣтніе часы, которые король заставляетъ меня носить». Въ это время вернулся король и сказалъ, обращаясь къ графу: «Сень-Мартѣнъ, покажи-ка свои часы». Къ счастью, прежде чѣмъ была произведена повѣрка часовъ, явился мажордомъ и доложилъ, что обѣдъ поданъ. Король бросилъ на него раздраженный взглядъ, принявшій однако вскорѣ обычное ему выраженіе доброты.

Князь Мира со своей дѣйствительной женой графиней Касти-фіоре и съ ея матерью жилъ тоже во дворцѣ Боргезе, занимая половину этажа надъ помѣщеніемъ короля. Другую половину того же этажа занимала королева. Каждое утро этотъ небольшой кружокъ съ королевемъ во главѣ собирался въ гостиной Годой. Во время этихъ

интимныхъ собраній всякій этикетъ изгонялся, за исключеніемъ запрещенія садиться безъ разрѣшенія королевы... Утренніе туалеты дамъ отличались крайней непринужденностью и небрежностью. Что касается Годоя, то онъ послѣ байонскихъ событій одѣвался во все черное.

О характерѣ этихъ собраній даетъ нѣкоторое представленіе слѣдующій случай, рассказанный въ воспоминаніяхъ Боссе. Одинъ изъ его пріятелей, знакомый Годоя, пріѣхалъ къ послѣднему съ визитомъ, но узнавъ, что у него король и королева, рѣшилъ удалиться и уже спустился на одинъ этажъ, какъ вдругъ, услышавъ, что его зоветъ король, кричавшій сверху: «Поднимайтесь, кавалеръ, поднимайтесь же!.. Вотъ кавалеръ!»—проговорилъ онъ, вводя его въ гостиную своего фаворита, гдѣ его маленькій дворъ находился въ полномъ сборѣ. Среди собравшихся царило самое мирное веселье. Вновь прибывшій былъ встрѣченъ съ величайшей привѣтливостью. Королева пригласила его сѣсть, и нѣкоторое время разговоръ велся довольно непринужденно. Вдругъ, совершенно неожиданно, королева обратилась къ другу Боссе съ вопросомъ: «А что, кавалеръ, вы видѣли когданибудь князя Мира въ его красивыхъ костюмахъ?»— «Нѣтъ, я видѣлъ его лишь въ черномъ платьѣ, которое на немъ теперь».— «О, необходимо, чтобы вы посмотрѣли на него въ его парадныхъ костюмахъ; вы увидите, какъ это идетъ ему!»— «О, да,— проговорилъ король, восхищенный этой счастливою мыслью, — да, нужно показать его кавалеру!» Годой улыбался, жеманясь, какъ красная дѣвица. Королева приказала дочери своей статсъ-дамы герцогини Бранчифорте и дочери графини Кастифіоре принести парадные костюмы Годоя. Вскорѣ молодыя дѣвушки вернулись, обремененныя цѣлымъ ворохомъ платья, расшитаго золотомъ и разукрашеннаго всевозможными орденами и звѣздами, которые Годой носилъ въ Испаніи, и гостиная превратилась въ лавку костюмера, въ которой разыгралась сцена, напоминавшая карнаваль.— «Какимъ же костюмомъ начать?»—спросилъ князь, краснѣя отъ удовольствія.— «Этимъ»,—отвѣчала королева. И вотъ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ короля и королевы, Годой снялъ бывшее на немъ платье и при помощи юныхъ барышень надѣлъ мундиръ, сплошь покрытый шитьемъ, галунами и орденами... Король хотѣлъ явиться въ роли толкователя, но королева предупредила его. «Кавалеръ, это форма перваго министра»,—поспѣшила она объяснить.— «Пройдитесь, Мануэль!»— «Да, пройди!»—прибавилъ король, не будучи въ силахъ сдержать своего восхищенія. Графъ Мартэнъ тоже принялся повторять: «пройдитесь, князь, пройдитесь!» и князь, ко всеобщему удовольствію, прошелся, выступая съ гордостью павлина. «Какъ онъ красивъ!»—воскликнула королева.— «Какъ онъ красивъ!»—воскликнулъ король, и прочіе присутствовавшіе хоромъ вторили имъ: «Вожо, какъ онъ красивъ!» Это своеобразное предста-

вление было повторено съ тою же искренностью съ формами генераль-адмирала, генералиссимуса, генераль-капитана и др.; оно длилось болѣе часа, и трудно сказать, кто остался болѣе доволенъ имъ: король, королева или ихъ фаворитъ, такъ какъ онъ былъ фаворитомъ ихъ обоихъ. Король повторялъ въ это время: «Послѣ моего великаго друга Наполеона у меня нѣтъ лучшаго друга, какъ Мануэль». Другими словами, при политической обстановкѣ того времени, это значило, что онъ любилъ Годоя болѣе всѣхъ въ мірѣ.

Политическою задачей этого двора и, повидимому, единственною, озабочивавшею его, была готовность говорить постоянно о своей бѣдности. А между тѣмъ ни въ Байоннѣ, ни въ Компьенѣ, ни въ Марсели, ни въ Римѣ правительство Наполеона не касалось вопроса о тридцати или сорока милліонахъ, вывезенныхъ королевой въ своихъ фургонахъ какъ золотою монетою, такъ и различными драгоценностями. Князь Мира тоже обладалъ колоссальными суммами, полученными имъ, благодаря покровительству Наполеона, не считая капиталовъ, размѣщенныхъ имъ съ давнихъ поръ въ разныхъ банкахъ Европы. Никто въ Римѣ, какъ и повсюду въ другихъ мѣстахъ, не обратилъ бы вниманія на это, если бы Годой былъ настолько уменъ, чтобы не говорить постоянно о своей нищетѣ, о кускѣ хлѣба, который нужно оставить своимъ бѣднымъ дѣтямъ, и о необходимости въ виду этого отказывать себѣ во всемъ, чтобы не увидѣть себя вынужденнымъ обратиться къ собиранію милостыни. — «Я покупаю картины,—говорилъ онъ,—но лишь для того, чтобы перепродавать ихъ моему большому другу Неаполитанскому королю, и чтобы такимъ образомъ обезпечить своимъ дѣтямъ кусокъ хлѣба... это спекуляція».

Въ 1815 году король Карлъ IV примирился со своимъ сыномъ Фердинандомъ, ставшимъ королемъ Испаніи, и подтвердилъ свое отреченіе 1808 года. Марія-Луиза умерла 27-го декабря 1818 года, а Карлъ 20-го января 1819 года.

Послѣ смерти короля и королевы Годой переселился въ Парижъ, гдѣ жилъ очень скромно и умеръ въ 1852 году.

Жизнь инфантовъ въ Валансѣ не представляла ничего особеннаго. Талейранъ только отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что угодливость Фердинанда передъ Наполеономъ доходила до того, что онъ унижался до поздравленій его съ побѣдами надъ испанцами. Какъ относился къ Фердинанду Наполеонъ, лучше всего видно изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ Талейрану: «Принцъ Фердинандъ,—писалъ онъ,—въ письмахъ своихъ ко мнѣ называетъ меня «cousin» (двоюроднымъ братомъ). Постарайтесь дать понять г. де-Санъ-Карлосу, что это смѣшно, и что онъ попросту долженъ называть меня государемъ».

XIII.

Если отъѣздъ изъ Байонны испанскихъ Бурбоновъ и переселеніе ихъ въ Валенсѣ и Римъ можно считать эпилогомъ байонской трагикомедіи, то принесеніе кортесами присяги на вѣрность Іосифу является ея апоѳеозомъ.

Не осмѣлившись противиться волѣ своего могущественнаго брата, нисколько не скрывая отъ себя всѣхъ трудностей предстоявшаго поприща, томимый грустными предчувствіями, Іосифъ въ началѣ іюня пріѣхалъ въ Байонну, чтобы здѣсь, точно какое нибудь служебное повышеніе, принять изъ рукъ Наполеона вмѣсто неаполитанской испанскую корону.

Собравшіеся въ Байонну, по приказанію Наполеона, кортесы, вынужденные признать Іосифа своимъ королемъ, должны были принести ему присягу въ вѣрности.

Для этой цѣли въ главной залѣ городской ратуши былъ поставленъ тронъ, вокругъ котораго сгруппировались гранды Испаніи. За нѣсколько минутъ до прибытія Наполеона пріѣхалъ Іосифъ и сѣлъ на тронѣ. Когда же, вслѣдъ за тѣмъ, пріѣхалъ самъ императоръ, онъ не вошелъ въ залу, а остановился въ передней, приказавъ только пріоткрыть двери въ залу, чтобы слышать рѣчь, которую долженъ былъ произнести президентъ кортесовъ герцогъ Инфантадо. Послѣдній говорилъ пофранцузски совершенно внятно и безъ малѣйшаго акцента. Рѣчь уже приходила къ концу, а императоръ выслушивалъ лишь однѣ похвалы характеру и нравственнымъ достоинствамъ Іосифа. Онѣ кончались слѣдующими словами: «Когда испанскій народъ узнаетъ добродѣтели вашего величества, всѣ сердца обратятся къ вамъ, и народъ поклонится вамъ въ вѣрности».

Услышавъ эти слова, императоръ страшно разсердился, съ шумомъ раскрылъ обѣ половинки дверей, кинулся между трономъ и испанскими грандами и, бросивъ крѣпкое словцо, прервалъ герцога Инфантадо.

— Вы зачѣмъ находитесь здѣсь? — сказалъ онъ. — Нужно было думать раньше, а разъ вы явились сюда, чтобы признать моего брата, говорите съ нимъ, какъ говорятъ съ королями, и принесите присягу.

Какъ только Наполеонъ появился въ залѣ и произнесъ первое слово, его братъ поспѣшилъ сойти съ трона, какъ будто кто нибудь гналъ его съ него, а испанскіе гранды въ одно мгновеніе сняли шляпы, хотя и пользовались привилегіей находиться въ присутствіи королей съ покрытыми головами.

Тогда герцогъ Инфантадо прочелъ клятву въ вѣрности, а всѣ присутствовавшіе испанцы повторили ее¹⁾.

¹⁾ Mémoires du général Chlapowski. «La Nouvelle Revue», 1897.

XIV.

Жизнь каждого выдающегося человека имеет свою анекдотическую сторону, и очень часто въ этихъ-то анекдотическихъ сказаніяхъ, въ большинствѣ случаевъ прикрашенныхъ народною фантазією, и которыми строгій историкъ готовъ пренебречь, какъ чѣмъ-то недостойнымъ себя, пробиваются многія интимныя черты характера государственнаго или общественнаго дѣятеля. Короткое пребываніе Наполеона въ Байоннѣ тоже имѣетъ свою анекдотическую исторію; она является своего рода дивертисементомъ къ байонской трагикомедіи, и, какъ упомянуто выше, нѣсколько заглаживаетъ тяжелое впечатлѣніе, которое, въ противномъ случаѣ, оставляло бы чтеніе книги Дюсере.

Однимъ изъ главныхъ развлеченій императора и императрицы во время ихъ пребыванія въ Байоннѣ являлись ихъ прогулки по живописнымъ окрестностямъ города. Иногда Наполеонъ выѣзжалъ въ экипажѣ, но болѣе часто верхомъ, въ сопровожденіи небольшого конвоя, едва поспѣвавшаго за нимъ. Случалось, онъ выходилъ совершенно одинъ и гулялъ по парку или по полямъ, окружавшимъ домъ, въ которомъ жила его сестра Каролина.

Во время этихъ-то прогулокъ съ Наполеономъ произошли два слѣдующихъ забавныхъ случая, рассказываемые Дюсере.

Простой костюмъ Наполеона не былъ способенъ обращать на него вниманіе людей, не знавшихъ его, и вотъ однажды, возвращаясь по полямъ пѣшкомъ въ Марракъ, онъ замѣтилъ пожилую женщину, исполнявшую тяжелую полевою работу. Наполеонъ любилъ разспрашивать простой народъ, и разговоръ между нимъ и старухой быстро завязался. Онъ разспрашивалъ ее, кто она, сколько ей лѣтъ, и почему она одна работаетъ въ полѣ. Вѣдная женщина, не подозрѣвая, кто ея собесѣдникъ, отвѣтила, что ея мужъ — калѣка, что ихъ единственный сынъ, поддерживавшій ихъ, посланъ въ Испанію, гдѣ этотъ каналья-императоръ погубитъ его, какъ уже погубилъ такую массу другихъ. Императоръ ничего не сказалъ ей на это, но на слѣдующій день его адъютантъ свезъ крестьянкѣ сто наполеондоровъ, а нѣсколько времени спустя, къ ней вернулся и ея сынъ, стоявшій съ своимъ полкомъ въ Бургосѣ.

Въ другой разъ Наполеонъ ѣхалъ верхомъ по узкой тропѣ, между двухъ густыхъ живыхъ изгородей. Его сопровождали офицеръ и два почетныхъ байонскихъ стражника. «Чортъ возьми, — воскликнулъ вдругъ императоръ, — тутъ не пахнетъ розами!». Въ то же мгновеніе по другую сторону изгороди поднялась высокая фигура гвардейскаго гренадера, который, не оборачиваясь, принялся кричать: «Что же, по-твоему, съѣдая на пять су въ день, тебѣ еще..... мускусомъ?».

Взрывъ хохота императора заставилъ гренадера обернуться. Узнавъ Наполеона, онъ бросился бѣжать по полю, не успѣвъ даже привести въ порядокъ свой туалетъ.

Нагулевскій рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ неоднократно видѣлъ, какъ властелинъ вселенной отдавался порывамъ чисто юношеской веселости. Такъ, однажды, онъ вогналъ Жозефину въ воду, въ маленькую бухточку на берегу океана, носившую названіе «Комнаты любви». Въ другой разъ, когда Жозефина выходила изъ коляски и уронила съ ногъ туфли, онъ поднялъ ихъ и отбросилъ далеко въ сторону. Нагулевскій хотѣлъ подать ихъ ей, но Наполеонъ запретилъ ему сдѣлать это, и императрицѣ пришлось сѣсть въ коляску и вернуться во дворецъ безъ туфель.

Повидимому, подобнаго рода забавы нравились Наполеону, отвлекая его отъ серьезныхъ заботъ, такъ какъ въ «Воспоминаніяхъ воркуна старой гвардіи»¹⁾ мы находимъ рассказъ о новой шуткѣ Наполеона въ томъ же духѣ.

Однажды, въ воскресенье, разодрѣвшись поправдничному, гренадеръ Жирару отправлялся на одинъ изъ «баловъ». «Иди по песчаному берегу, — пишетъ онъ, — я увидѣлъ, что маленькій капралъ рѣзвится съ императрицей, и сказалъ себѣ: «ну, это тебя не касается». И что же я вижу? Этотъ дьяволъ, маленький капралъ, стащилъ съ ногъ императрицы одну изъ ея красивыхъ, бѣлыхъ туфельекъ и бросилъ ее въ море; сопровождавшія ихъ лица хотѣли искать ее, императрица, подпрыгивая на одной ногѣ, умоляла всѣхъ объ этомъ, складывая свои ручки съ очаровательной гримаской, а императоръ смѣялся, какъ сумасшедшій, грозя каждому, кто ослушается его, чтобы повиноваться Жозефинѣ.

— Право, я рискну, — сказала я себѣ, — къ чорту балъ! Просьбы императрицы тронули меня. Я быстро очутился въ водѣ по поясъ, и черезъ минуту маленькая бѣлая атласная туфелька была на ногѣ ея собственницы.

«Императоръ пришелъ въ ярость. «А, это ты, Жирару! Старый солдатъ, и такъ нарушаешь дисциплину?» «Что дѣлать, государь, женскій полъ!» «Животное, мнѣ слѣдуетъ разстрѣлять тебя!» «Какъ вамъ угодно, государь, ваша воля!» «Возвращайся въ городъ, переодѣнься, затѣмъ отправляйся отъ моего имени къ полковнику Солезе и скажи ему чтобы посадилъ тебя на мѣсяць въ темную, по-няль?» «Слушаю, мой императоръ!».

«Черезъ часъ я былъ уже подъ арестомъ. Но императрица взглянула на меня съ такою ласкою! Я нѣжился на коленкоровыхъ простыняхъ и наслаждался фрикасе изъ курицы и бордосскимъ виномъ вмѣсто обыкновеннаго... Съ нами не шутите!».

¹⁾ Souvenirs d'un grognard de la vieille.

«Черезъ три дня меня выпустили и повели на аудіенцію къ императрицѣ... Славная женщина, что и говорить!..».

Ко времени пребыванія Наполеона въ Байоннѣ относится его романъ съ нѣкоей Гильбо, лектрисой Жозефины. Будучи страшно и не безъ основанія ревнива, Жозефина въ то же время любила окружать себя красавицами. Благодаря этой склонности, къ ней цюкала и Гильбо, ирландка по происхожденію, хотя едва ли императрицѣ могло оставаться неизвѣстнымъ, что юная красавица уже успѣла навлечь на себя преслѣдованія ея невѣстки, жены Мюрата, принцессы Каролины: послѣдняя, подъ вліяніемъ ревности, прогнала ее съ одного изъ баловъ въ Елисейскомъ дворцѣ, на который ее привезла королева Гортенвіа въ костюмѣ, дѣлавшемъ ее слишкомъ привлекательною. Ухаживанія Наполеона за Гильбо кончились тѣмъ, что въ одинъ прекрасный вечеръ мамелюкъ Рустанъ возвѣстилъ ей, что императоръ посѣтитъ ее въ ея комнатѣ. Однако, этотъ романъ былъ непродолжителенъ. На почтѣ было перехвачено и доставлено Наполеону письмо къ красавицѣ отъ ея матери, въ которомъ ей давались очень практичныя совѣты относительно того, какъ подчинить своему вліянію Наполеона. Нечего говорить, что Гильбо немедленно была удалена отъ двора. Впослѣдствіи Наполеонъ рассказывалъ, что душою разстроенной интриги являлся самъ Талейранъ, рассчитывавшій воспользоваться вліяніемъ красавицы-ирландки для достиженія своихъ личныхъ цѣлей.

Быть можетъ, ко времени романа Наполеона съ Гильбо относится слѣдующій анекдотъ, приводимый Дюсере. Однажды, ночью, во дворцѣ былъ балъ, ярко освѣщенные окна были широко раскрыты. На часахъ передъ главнымъ балкономъ стояли одинъ гвардейскій гренадеръ и одинъ изъ гражданъ Байонны, составлявшихъ почетную стражу императора. Оба они смотрѣли на балконъ и окна и слушали звуки доносившейся до нихъ музыки. Въ это время на балконъ вышла одна изъ дамъ въ нарядномъ туалетѣ и забилась въ уголокъ балкона; почти вслѣдъ за нею вышелъ самъ императоръ и, приблизившись къ ней, обнялъ ее за талію, причемъ оба часовыхъ явственно различили звукъ поцѣлуя. Они, безмолвные, пораженные, продолжали смотрѣть на происходившую передъ ними сцену, какъ вдругъ императоръ замѣтилъ ихъ. Онъ быстро нашелся, какимъ образомъ этихъ непріятныхъ свидѣтелей превратить въ слѣпыхъ. «На караулъ!» скомандовалъ онъ. «Кругомъ!» Команда была исполнена съ математическою точностью, и часовые оказались обращенными ко дворцу своими спинами. Императоръ уже давно ушелъ съ балкона, а они все еще, держа ружья на караулъ, продолжали смотрѣть въ разстилавшуюся передъ ними тѣноту парка.

Такъ какъ въ Марракѣ не было большого выбора въ развлеченияхъ, то ежедневно вечеромъ въ гостиной императрицы собира-

лось небольшое, но избранное общество. Очень часто на эти собранія приглашался префектъ Нижнихъ Пиринеевъ, Каstellанъ, пользовавшійся, по словамъ современниковъ, привилегіей все высказывать Наполеону, и съ которымъ послѣдній охотно разговаривалъ. Однажды Наполеонъ сказалъ ему:

— Каstellанъ, здѣсь вы являетесь настоящимъ папою. Префекты въ разстояніи ста лье отъ столицы пользуются большою властью, чѣмъ я.

— Да, государь, — возразилъ тотъ, — префекты заставляютъ платить подати, доставляютъ вамъ людей для веденія войны, обеспечивая въ то же время внутреннее спокойствіе страны, однимъ словомъ, префекты являются поварами: они готовятъ кушанья, ваши генералы съѣдаютъ ихъ.

Каstellанъ часто рассказывалъ, что съ Наполеономъ можно было говорить откровенно, въ особенности, наединѣ. «Онъ слушалъ и позволялъ говорить, что бываетъ не со всѣми государями».

Въ погонѣ за развлеченіями Жозефина не останавливалась передъ невинными мистификаціями. Какъ-то разъ во дворецъ былъ потребованъ байонскій настройщикъ. Приодѣвшись, съ своими инструментами подъ мышкой, онъ робко явился въ замокъ и былъ проведенъ въ великолѣпную гостиную, въ которой стоялъ клавесинъ, требовавшій его услугъ. Едва только онъ принялся за дѣло, какъ въ комнату вошла молодая женщина, очень просто одѣтая; облокотившись на клавесинъ, она съ любопытствомъ стала слѣдить за его работой. Она задавала ему массу вопросовъ, на которые онъ отвѣчалъ, какъ могъ. Въ свою очередь онъ признался ей, какъ бы онъ хотѣлъ видѣть императрицу, по всеобщимъ отывамъ, отличающуюся необыкновенною красотою. Постепенно увлекаясь лицомъ своей собесѣдницы, онъ сталъ увѣрять ее, что императрица далеко не такъ красива, какъ она, и, въ концѣ концовъ, разошелся до того, что приготовился обнять ее. Но въ это самое мгновеніе дверь въ гостиную раскрылась, и появился Наполеонъ. Удѣнный настройщикъ понялъ свое заблужденіе и, забывъ о своихъ инструментахъ, бросился со всѣхъ ногъ изъ комнаты. Его бѣгство сопровождалось громкимъ смѣхомъ Наполеона и Жозефины.

Наполеонъ никогда не задумывался долго надъ средствами удовлетворить внезапно обнаружившейся потребности. Во время его пребыванія въ Байоннѣ ему понадобилось послать очень важныя депеши на Антильскіе острова. Для этой цѣли былъ избранъ славившійся своимъ ходомъ каперъ «Адмиралъ Мартенъ», находившійся подъ командой испытаннаго моряка, капитана Даррибо. Предстоявшая ему задача была вдвойнѣ трудна: не говоря уже о долгомъ переходѣ океаномъ, нужно было не только избѣжать встрѣчи съ англійскимъ флотомъ въ открытомъ морѣ, но и сумѣть выбраться изъ Байонны, прорвавшись сквозь блокировавшія берегъ непріятельскія суда.

Наполеонъ пожелалъ лично присутствовать при отплытіи «Адмирала Мартэна». Въ послѣдній моментъ онъ спросилъ у капитана Даррибо, снабженъ ли онъ всѣмъ необходимымъ для столь опаснаго и долгаго путешествія.

— Всего, что мнѣ нужно, у меня въ избыткѣ, государь, — отвѣчалъ капитанъ, — но на борту не хватаетъ только одного и очень существеннаго, чего, однако, мнѣ не удалось достать: нѣтъ хирурга для ухода за ранеными въ случаѣ сраженія.

Наполеонъ тотчасъ же направилъ свой бинокль на оба берега рѣки, усѣянные зрителями, и безъ труда отыскалъ среди нихъ какого-то военнаго доктора, прогуливавшагося подъ руку съ женою. За нимъ немедленно была послана лодка. Когда онъ очутился передъ Наполеономъ, послѣдній объяснилъ ему, что судно нуждается въ его услугахъ, и приказалъ ему сопровождать его въ плаваніи.

Несчастный докторъ пробормоталъ какія-то извиненія, среди которыхъ можно было разобрать указаніе на его жену, оставшуюся на берегу и не подозрѣвающую ничего подобнаго. Но императоръ сталъ успокаивать его, говоря, что онъ позаботится о ней, доставить ее въ городъ, и что она будетъ находиться при императрицѣ вплоть до его возвращенія. Докторъ, и огорченный, и польщенный, поневолѣ долженъ былъ подчиниться приказанію императора и покориться судьбѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ «Адмиралъ Мартэнъ» неустрашимо направился къ выходу въ море, прегражденному англійскимъ судномъ.

Когда черезъ 58 дней «Адмиралъ Мартэнъ» возвратился къ Байоннѣ, Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить, что онъ успѣлъ побывать на Антильскихъ островахъ и вернуться обратно.

Онъ былъ готовъ разразиться страшнымъ гнѣвомъ, и лишь отвѣтныя депеши, привезенныя Даррибо, разсѣяли его подозрѣнія. Онъ предложилъ неустрашимому моряку просить какой угодно награды, но, оскорбленный выраженными Наполеономъ сомнѣніями, Даррибо наотрѣвъ отказался отъ всего. Несчастный докторъ благополучно возвратился къ своей женѣ.

Какъ ни любилъ Наполеонъ парады и смотры, часть времени, которую онъ удѣлялъ имъ въ Байоннѣ, была самая незначительная. Онъ работалъ и работалъ неутомимо. Нужно употребить усиліе, чтобы представить себѣ не только количество труда, о которомъ говорятъ его письма, написанныя изъ Байонны въ промежутокъ времени съ 15-го апрѣля по 21-е іюля, но и то не постижимое обиліе общихъ понятій и частныхъ идей, которое они содержать въ себѣ; ясность, подвижность, всесторонность, которыя они обнаруживаютъ въ этомъ умѣ, подкрѣплялись еще воображеніемъ и памятью, до того необычайными, что, если бы, благодаря дару вездѣсуція, онъ могъ по произволу перенестись моментально въ какое нибудь мѣсто Европы, онъ уже точно зналъ бы число расположенныхъ тамъ своихъ войскъ, лошадей, количество оружія,

припасовъ, платья, головныхъ уборовъ и обуви въ магазинахъ. Какъ бы ни были сложны заботы, которыя, повидимому, поглощали его, среди нихъ не было ни одной настолько сильной, чтобы она могла совершенно отвлечь его отъ прочихъ, и ни одной настолько незначительной, чтобы онъ пренебрегъ ею для текущихъ дѣлъ; и даже тогда, когда онъ, кажется, болѣе всего поглощенъ Мадридомъ, онъ не забываетъ того, что происходитъ въ Варшавѣ, Берлинѣ, Петербургѣ и даже въ Неаполѣ, Миланѣ или Рагузѣ. Однимъ изъ вопросовъ, занимавшихъ его въ то время, былъ вопросъ о пользѣ, которую онъ можетъ извлечь изъ своего пребыванія въ Байоннѣ для своего флота, и въ этомъ отношеніи онъ проявляетъ неутомимую дѣятельность, почти ежедневно посѣщая адмиралтейство и входя во всѣ мелочи морскаго строительнаго искусства. Онъ закидываетъ морскаго министра своими письмами, и они служатъ «самымъ нагляднымъ доказательствомъ того, насколько у него всѣ идеи, готчасъ по своему зарожденіи, тяготеютъ къ какой либо одной цѣли, стоящей въ дѣйствительности и, на сколько только возможно, лишенной теоретическаго и метафизическаго характера».

«Рабочій кабинетъ Наполеона, — пишетъ Дюссере, — помѣщался въ углу праваго крыла Марракскаго замка... Съ дороги, проходившей мимо замка, и иногда очень поздно ночью, можно было видѣть блестяще освѣщенныя окна кабинета, и заповдаые байонцы замѣчали, какъ повади занавѣсей ходила взадъ и впередъ какая-то тѣнь, то останавливавшаяся, то съ еще большей скоростью возобновлявшая свое движеніе. Это былъ Наполеонъ, диктующій секретарю свои приказы, это былъ императоръ за работой».

Казалось бы, что испанскій вопросъ, приведшій Наполеона въ Байонну, долженъ былъ бы болѣе чѣмъ достаточно поглощать все его вниманіе. Но извѣстно, что занятія являлись могущественнѣйшимъ средствомъ разсѣянія для этого необыкновеннаго человѣка, и поэтому неудивительно, что какъ разъ въ Байоннѣ онъ разработывалъ планъ экспедиціи, которая привела бы къ величайшимъ послѣдствіямъ, если бы соглашеніе, существовавшее въ то время между Франціей и Россіей, постепенно не разсѣялось и тѣмъ самымъ не лишило Наполеона возможности осуществить свои замыслы. «Хотя самый главный изъ нихъ, — пишетъ Дюссере, — давно занималъ его и, вѣроятно, зародился въ его умѣ во время пресловутаго свиданія въ Тильзитѣ, однако, можно сказать, что онъ началъ проростать лишь во время пребыванія Наполеона въ Байоннѣ и въ тотъ самый моментъ, когда онъ, казалось, былъ всецѣло поглощенъ серьезнымъ испанскимъ вопросомъ. Планъ этотъ заключался въ снаряженіи экспедиціи изъ русскихъ и французскихъ войскъ, которыя, «направляясь черезъ Константинополь въ Авію, не успѣли бы дойти до Евфрата, какъ уже заставили бы трепетать Англію и привели бы ее къ ногамъ континента». Конечно, цѣлью его замысловъ былъ походъ въ Индію.

XV.

Загадочная судьба постигла Марракскій замокъ. Онъ погибъ въ 1825 году отъ пожара, причины котораго остались невыясненными. Одни утверждали, что онъ подоженъ испанцами; другіе— что, такъ какъ правительство намѣревалось устроить въ немъ іезуитскую коллегію, то, во избѣжаніе этого, артиллерійскіе офицеры, стоявшіе въ Марракѣ и почти поголовно республиканцы или бонапартисты, обратили его въ пепель или, по крайней мѣрѣ, не приняли мѣръ для борьбы съ пламенемъ. Сохранилась также и такая версія, что пожаръ былъ вызванъ слухами о превращеніи замка въ загородную резиденцію байонскаго епископа.

Но были и другія предположенія, заставлявшія искать причинъ пожара болѣе глубоко и имѣвшія за собою нѣкоторую правдоподобность.

Тотчасъ послѣ паденія имперіи, правительство реставраціи распорядилось произвести въ замкѣ тщательный обыскъ. Повидимому, при этомъ руководились желаніемъ найти важныя бумаги, будто бы спрятанныя въ немъ. Нѣсколько разъ архитекторы изучали стѣны и подвалы, плотники изслѣдовали крыши. Всѣ поиски ни къ чему не приводили. Тщетно возобновляли ихъ нѣсколько разъ и въ послѣдующее время: въ 1825 году не были болѣе счастливы, чѣмъ въ 1815 году. И вотъ тогда будто бы, по приказанію свыше, и былъ совершенъ поджогъ. Достоверно лишь одно, что, когда народъ толпами сбѣжался къ мѣсту пожара, онъ встрѣтилъ цѣпь войскъ, воспрещавшихъ всякій доступъ къ нему. Замокъ былъ уничтоженъ огнемъ съ поразительною быстротою.

Въ настоящее время отъ Марракскаго замка сохранились лишь двѣ голыя стѣны, обвитыя плющемъ. Окружавшій его паркъ сильно порѣдѣлъ. Уцѣлѣли также башенка, служившая голубятней, и терраса, съ которой открывался видъ на всю окрестность вплоть до подножія Пиренеевъ. Не было дня, чтобы Наполеонъ не поднимался на нее и не устремлялъ своихъ взоровъ на цѣль зубчатыхъ вершинъ, по другую сторону которыхъ разстилалась страна, повидимому, неотразимо привлекавшая его къ себѣ. Онъ не могъ предвидѣть своей судьбы, не могъ подозрѣвать, что онъ, покорившій себѣ почти всю Европу, найдетъ тамъ, за линіей этихъ горъ, начало своего паденія. Позднѣе, на святой Еленѣ, онъ въ слѣдующихъ словахъ выразилъ все роковое значеніе для него испанской войны: «Эта несчастная война погубила меня. Всѣ нити моихъ несчастій исходятъ изъ этого рокового узла. Она усложнила мои затрудненія, раздѣлила мои силы, открыла одинъ флангъ англійскимъ солдатамъ, разрушила мое вліяніе въ Европѣ. И, при всемъ томъ, развѣ можно было предоставить полуостровъ кознямъ англичанъ, интригамъ, надеждамъ, притязаніямъ Бурбоновъ?»

Н. Шильдеръ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

К. К. Случевскій. По сѣверо-западу Россіи. 2 тома. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1897.

ВЕДАВНО я напечаталъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» отзывъ о прекрасной книгѣ архангельскаго губернатора, г. Энгельгардта—«Русскій Сѣверъ», а теперь съ неменьшимъ сочувствіемъ привѣтствую второе изданіе путевыхъ очерковъ извѣстнаго поэта и балетриста К. К. Случевского. Такія книги, какъ его «По сѣверо-западу Россіи», должны быть настольными книгами у каждаго русскаго челоѣка, онѣ должны стоять на первомъ планѣ въ библіотекахъ для юношества и ихъ слѣдуетъ давать въ награду учащимся. Въ книгѣ г. Случевского важно не только то, что онъ описываетъ, но и то, какъ онъ описываетъ. Онъ смотритъ на все, какъ русскій челоѣкъ, и этотъ характеръ письма придаетъ его очеркамъ особенное значеніе. Талантъ поэта далъ ему возможность многія «сухія матеріи» представить читателю въ интересной и заманчивой формѣ, но поэтъ, помогшій фактическому матеріалу быть не скучнымъ, не подавляетъ этнографа и не вводитъ въ область правды фантазію и шаржъ. Особенныя счастливыя условія, въ которыхъ авторъ находился при своихъ наблюденіяхъ, дали ему возможность видѣть то, чего обыкновенный туристъ могъ и не узнать. Конечно, эти же условія, быть можетъ, кое-что и укрыли отъ взоровъ автора, но это только отчасти сузило поле его наблюденій, а не внесло фальши въ то, что онъ видѣлъ и описалъ.

Главною отличительною чертою путевыхъ очерковъ К. К. Случевского является историческій элементъ, который въ нихъ занимаетъ видное мѣсто. Настоящее даетъ автору поводъ углубиться въ прошлое, которое и возстаетъ передъ читателемъ въ яркихъ краскахъ, освѣщаемое и согрѣтое патриотическимъ чувствомъ поэта-путешественника. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ:

«человѣку, проѣзжавшему этии мѣстами, на первый взглядъ легко можетъ показаться, что ничего тутъ особеннаго, исторически вѣрнаго, не было, ничего замѣчательнаго не совершилось. Но если коснуться историческаго прошлаго этихъ мѣстностей, то впечатлѣнiе сразу измѣнится. Край населится удивительными картинами, добри оживуть и воспоминанiя о самыхъ отдаленныхъ историческихъ событiяхъ невольно возстануть въ памяти путешественника» (т. I, стр. 5). Можно проѣхать всю Россiю и не найти ничего важнаго, можно въ одномъ забытомъ уголку найти драгоцѣнное и замѣчательное.

Что ни шагъ — передъ тобой
Родной исторiи живая
Страница, только понимать
Умѣй безмолвную печать.

Авторъ обладаетъ этимъ пониманiемъ, и безмолвный, забытый край населяется удивительными картинами, и добри оживаютъ. Это драгоцѣнное качество дѣлаетъ очерки еще болѣе интересными и поучительными, тѣмъ болѣе, что и настоящее авторомъ ихъ не игнорируется, хотя и рисуется нѣсколько эскизно.

Первый томъ начинается очеркомъ Грузина, затѣмъ идутъ описанiя Боровичей, Устюжы, Череповеца, Кириллова, Бѣлозерска, и очерки перваго путешествiя заканчиваются Ладогой и Шлиссельбургомъ.

Очень интересна глава о Кирилловѣ, въ которой, между прочимъ, авторъ дѣлаетъ любопытную параллель между Ниломъ Сорскимъ и Иосифомъ Волоцкимъ. Обрисовавъ того и другого, авторъ справедливо замѣчаетъ: «Оба они были современниками, и сравненiе ихъ обоихъ свидѣтельствуетъ чрезвычайно ясно противъ тѣхъ, кто, благодаря поверхностности взгляда, обвиняетъ нашу православную церковь въ какой-то никогда небывалой умственно-правственной неподвижности: Нилъ и Иосифъ достаточныя тому доказательства, и оба они пригнаны нашей церковью «преподобными». Немногими штрихами авторъ прекрасно очертилъ обитель св. Кирилла и его высокую личность. Касаясь древняго пустынножителства, К. К. Случевскiй («Онежское озеро», стр. 60) отмѣчаетъ его заслуги внѣ сферы подвиговъ. Пустынничество не ограничивалось одними подвигами, но люди пустыни несли и образованiе. Соловецкiй лѣтописецъ сообщаетъ, что игумень Филиппъ, въ XV вѣкѣ, завелъ такую телѣгу, что сама насыщается и привезется, сама и высыпаетъ рожъ на сушило; онъ сѣялку построилъ съ 10 рѣшетами: сѣетъ одинъ человѣкъ, а другое рѣшето - то само насыпаетъ и сѣетъ отруби и муку; Филиппъ вѣтеръ порядилъ мѣхамъ рожъ вѣять и кирпичные заводы завелъ и стекольчатыя окна дѣлалъ; старецъ Тарасiй научилъ разсолъ отъ воды отлучать и соль варить. Св. Трифонъ, просвѣтитель лопарей, основалъ рыболовство, звѣроловство, ловлю устриць, соляныя варницы, мельницы, обзавелся морскими крупными судами.

Въ описанiи «Кивача» въ авторѣ сказался поэтъ, которому такъ прекрасно даются картины природы. Я очень жалѣю, что мѣсто не позволяетъ мнѣ привести этой чудесной поэтической картинки, набросанной мастерской рукой.

Олонекцiй край крайне любопытенъ, и онъ, въ описанiи автора, обрисованъ достаточно выукло, ярко и всесторонне.

Я не имѣю возможности шагъ за шагомъ слѣдить за поѣздкой нашего путешественника и отмѣчать детально то, что интересно, стоитъ вниманія. Но характеризовалъ письмо К. К. Случевского и къ этому достаточно прибавить, что онъ вездѣ, на пространствахъ тысячи страницъ, остается вѣрнѣе себя. Встрѣчаются, конечно, нѣкоторыя неточности, какъ, напримѣръ, положительное утвержденіе, что Іоаннъ Грозный замазалъ въ Вологдѣ огромное подземное зданіе для казнохранилища. О Соборной горѣ, въ которой будто бы находилось зданіе, писано не мало, но нѣтъ никакого прямого и точнаго указанія относительно закладки Грознымъ, это доказано покойнымъ митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ. Но это мелочи, не имѣющія никакого значенія; къ этимъ же мелочамъ надо отнести и то, что, напримѣръ, къ статьѣ «Вологда» приложенъ видъ собора со старой колокольней, и это не оговорено.

Путешествуя на сѣверъ, г. Случевскій испыталъ одно изъ глѣхъ неудобствъ, какія выпадаютъ на долю всѣхъ туристовъ по русскому краю; это — скудость мѣстныхъ матеріаловъ и изысканій. Наши губернскіе города только за послѣднее время начали подумывать о путеводителяхъ. Такъ, Новгородъ предлагаетъ путеводитель Вураковскаго, дающій сжатое, но толковое представленіе о городѣ. Въ 1885 году, когда я посѣтилъ Новгородъ, то не нашелъ никакого путеводителя; и, быть можетъ, горькій укоръ «вѣчному городу», высказанный мною въ monkъ наброскахъ «На исторической рѣкѣ», побудилъ одного изъ новгородцевъ составить путеводитель. Не то мы видимъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Здѣсь обиліе всевозможныхъ книжныхъ источниковъ. Съ нѣмецкою добросовѣстностью, съ полнымъ знаніемъ дѣла, разработаны мѣстными людьми самыя подробныя свѣдѣнія по исторіи, этнографіи, статистикѣ. Это черта крайне характерная. Говорятъ, что нашей интеллигенціи въ провинціи нечего дѣлать, и оттого она предается картежной игрѣ. Положимъ, «многіе пути», благодаря канцелярской рутинѣ, дѣйствительно, если не «замазаны», то крайне затруднены, но все же остается много живого и интереснаго дѣла, которое, какъ, напримѣръ, изслѣдованіе края, почему-то игнорируется.

Очерки Калуги, Тулы и Троице-Сергіевской лавры, вслѣдствіе самыхъ условій поѣздокъ, вошли во 2-й томъ, то-есть въ очерки Западной Россіи, что, конечно, безотносительно должно показаться страннымъ: Сергіева лавра на Западѣ Россіи! Но планъ путешествія объясняетъ дѣло. Очеркомъ обители св. Сергія Радонежскаго заканчиваются путевыя записки г. Случевского. Это одна изъ лучшихъ главъ сочиненія, и по причинѣ этого, а равно и въ силу огромнаго значенія лавры «въ дѣлѣ вѣры и защиты и строенія отечества», я останавливаю вниманіе читателя на заключительномъ очеркѣ разбираемой книги. Если принять въ расчетъ, что во время жизни Сергія учениками его основано до 25 монастырей, а вообще отъ Сергіевой обители и ея подвижниковъ возникло впоследствии до 70 монастырей; повсюду сѣявшихъ вѣру, трудъ, грамотность и развитіе, то одно уже культурное значеніе насажденій Сергія чрезвычайно велико. Несомнѣнно, — говоритъ авторъ, — что въ жизни смиреннаго отшельника, основателя лавры, свѣтится чрезвычайно ярко ему одному принадлежащая, если такъ можно выразиться, политическая окраска. Сергій проводилъ еще не существующую Россію и поработалъ для силоченія удѣльной

Руси въ Русь единоподержавную. Онъ уговорилъ ростовскаго князя признать власть Москвы, и онъ же, — когда нижегородскій князь Борисъ задумалъ бороться съ Москвой, — явился въ Нижній и затворилъ храмы и прекратилъ богослуженіе, тѣмъ и смирилъ непокорность Бориса. Онъ же благословилъ Дмитрія Ивановича на борьбу съ Мамаемъ и послалъ на бой двухъ иноковъ. Сергій скрѣпилъ и духовное завѣщаніе Дмитрія, установившаго новый порядокъ въ престолонаслѣдіи. «Всѣ перечисленные историческіе факты, — заключаетъ авторъ, — являются, такъ сказать, цѣлымъ ожерельемъ сознательныхъ, ясною системою проступающихъ дѣяній, въ политическомъ смыслѣ чрезвычайно вѣснкихъ, которыми можетъ быть украшена историческая дѣятельность св. Сергія. Но если въ нашемъ быломъ историческая дѣятельность его высится вполнѣ опредѣленно и своеобразно, то и въ длинномъ ряду нашихъ святыхъ она помѣчена тоже нѣсколькими исключительными, только ей принадлежащими, особенностями». Уже знаменателенъ тотъ фактъ, что мощи открыты всего черезъ 30 лѣтъ по кончинѣ святаго, явленіе поразительное и чуть ли не единичное. Св. Сергій видѣлъ наяву Богородицу, слышалъ ея голосъ и даже испыталъ ея прикосновеніе. Лаврскій образъ этого видѣнія вполнѣ единственный тѣмъ, что довелось ему видѣть. Такъ, въ 1654 году царь Алексѣй бралъ икону въ походъ польскій; въ 1703 г. Петръ послалъ ее въ станъ во время войны со шведами; въ 1812 году митрополитъ Платонъ вручилъ Александру I для московскаго ополченія; въ 1877 году она находилась при войскахъ въ Турціи до самаго мира. Сергій, «печальникъ земли Русской», безмолвно слѣдитъ за судьбами Россіи, для возростанія которой такъ много сдѣлалъ. Не даромъ говоритъ Муравьевъ: «время общественныхъ бѣдствій—это его, Сергіева время; когда все уже кажется погибающимъ, тогда воздвигается Сергій. Полюби св. Сергія: онъ былъ русскій въ душѣ».

Изъ ничтожной, бѣдной обитель Сергіева стала богатѣйшей лаврой. Изъ раздираемой раздорами, удѣльной Руси Русь стала мощной, единоподержавной, охраняемой благодатію своихъ печальниковъ-святыхъ. Надо полюбить ее, многострадальную родину, всѣмъ сердцемъ, полюбить ее такъ, какъ любили ее печальники. Нельзя закрывать глаза на ея грѣхи и недостатки, но надо работать на ея пользу, скорбя о грѣхахъ ея, а не высокомерно осмѣивая ее на подобіе Хама, смѣявшагося надъ наготою отца. Эта любовь, не отрицающая хорошаго у другихъ, но не предающая своего ни изъ страха, ни по другому чувству, пріобрѣтается знаніемъ своей родины, ея прошлаго. Кто внимательно познакомится съ нимъ, тотъ почувствуетъ сердцемъ своимъ всю скорбную лѣтнюю народную жизнь, пойметъ, за что можно любить тѣхъ ея сыновъ, про которыхъ надо сказать: «что это были за крѣпкіе люди!». Книги, способствующія такому знанію, лучшія книги, и, какъ одну изъ нихъ, я еще разъ рекомендую читателямъ оба тома путевыхъ очерковъ Случевского, образный, интересный текстъ которыхъ снабженъ массой отличныхъ иллюстрацій.

А. Кругловъ.

Краткая исторія средних вѣковъ, Виктора Дюрюи. Переводъ слушательницъ педагогическихъ курсовъ при училищѣ ордена св. Екатерины. Подъ редакціей преподавателя курсовъ К. А. Иванова. Сиб. 1897.

Трудно спорить съ тѣми словами предисловія редактора перевода, гдѣ говорится, что книга Дюрюи «не можетъ служить учебникомъ при прохожденіи курса средневѣковой исторіи и по составу своего содержанія, и по характеру изложенія», но никакъ нельзя согласиться съ редакторомъ, когда онъ немедленно послѣ этого начинаетъ утверждать, что книга эта «могла бы оказать пользу учащимся въ качествѣ повторительнаго курса по исторіи средних вѣковъ». Въ послѣднемъ отношеніи она такъ же никуда не годится, какъ и въ роли учебника. Дѣйствительно, чего требуемъ мы вообще отъ тѣхъ книгъ, которыя извѣстны у насъ подъ названіемъ повторительныхъ курсовъ?

Можно раздѣлить всѣ подобныя книги на двѣ категоріи: одна изъ нихъ ставитъ себѣ цѣлью возобновить въ памяти учащихся только главнѣйшіе факты, но разработать ихъ по возможности во всѣхъ подробностяхъ, дать всѣ необходимыя разъясненія, такъ, чтобы о характеристическихъ особенностяхъ каждой важнѣйшей эпохи въ головахъ учащихся сложилось самое точное, полное и ясное представленіе. Къ такого рода повторительнымъ курсамъ принадлежатъ составляемые многими профессорами нашихъ университетовъ своды собственныхъ изустныхъ лекцій, къ сожалѣнію, рѣдко выходящія въ свѣтъ въ видѣ печатныхъ книгъ, а болѣею частью падаваемыя для студентовъ въ литографированномъ видѣ, — и, надо отдать имъ справедливость, многіе изъ нихъ, какъ, напримѣръ, своды лекцій Петрова и Вауера, вполнѣ достигаютъ поставленной себѣ ихъ авторами цѣли. Хотя Дюрюи также профессоръ, но его небольшая книжонка, въ которой даже главнѣйшимъ фактамъ средневѣковой исторіи отведено всего по нѣскольку строчекъ, не носитъ на себѣ даже и тѣни характера такихъ повторительныхъ курсовъ.

Авторы повторительныхъ курсовъ второй категоріи задаются цѣлью дать учащимся въ краткомъ видѣ какъ можно болѣе фактическихъ данныхъ, не стараясь нисколько на нихъ останавливаться и подвергать ихъ подробному разбору, но располагая ихъ зато въ такомъ систематическомъ порядкѣ, чтобы учащійся въ томъ случаѣ, если забылъ о существованіи какого нибудь факта въ промежуткѣ времени между двумя другими, ему извѣстными, могъ немедленно безъ особыхъ затрудненій найти его въ книжкѣ и восстановить въ своей памяти послѣдовательность цѣпи событій. Еще такія книги особенно полезны тогда, когда желательно прослѣдить одновременность извѣстныхъ фактовъ въ жизни различныхъ государствъ и народовъ. Какъ на довольно удовлетворительный примѣръ подобнаго рода курсовъ, мы можемъ указать на существующую у насъ «Хронологію всеобщей и русской исторіи» М. Острогорскаго; здѣсь событія расположены одно за другимъ въ хронологическомъ порядкѣ въ вертикальныхъ столбцахъ, изъ конѣхъ каждый соответствуетъ какому либо опредѣленному государству, а одновременныя событія въ различныхъ государствахъ находятся на одной горизонтальной линіи. Такая расиланировка крайне облег-

чаетъ пользованіе книгой для повторенія исторіи. Недостатками таблицъ Острогорскаго приходится признать малую ихъ подробность и множество пропусковъ. За границей, особенно въ Германіи, существуютъ такія таблицы, которыя въ отношеніи полноты и подробности могутъ удовлетворить самымъ строгимъ требованіямъ.

Но и съ такими таблицами книга Дюрюи никакъ не можетъ быть поставлена на одну доску: по виду она представляетъ самый обыкновенный учебникъ съ весьма несовершеннымъ выработаннымъ планомъ, — учебникъ, который былъ бы пригоденъ развѣ только для народныхъ школъ, если бы въ нихъ стали преподавать среднюю исторію. Да и то нѣтъ: въ ней слишкомъ много хронологическихъ датъ для того, чтобы быть учебникомъ, а расположены онѣ въ слишкомъ большомъ безпорядкѣ для того, чтобы книга могла служить повторительнымъ курсомъ. Вообще говоря, «Краткая исторія среднихъ вѣковъ» Дюрюи совсѣмъ не нужна русскимъ читателямъ и для русской исторической литературы не можетъ быть признана ничѣмъ инымъ, какъ только совершенно излишнимъ балластомъ.

Если на этой книгѣ практиковались слушательницы педагогическихъ курсовъ въ переводахъ съ французскаго языка на русскій, то онѣ бы поступили во сто кратъ лучше, оставивъ ее у себя на память въ рукописи, какъ это всегда дѣлается съ учебными переводами, а не предавая ее тисненію, такъ какъ, не говоря уже о полной бесполезности книги Дюрюи, она въ переводѣ можетъ удивить всякаго русскаго читателя крайне свободнымъ обращеніемъ съ роднымъ языкомъ и употребленіемъ русскихъ словъ въ не совсѣмъ обычномъ для нихъ смыслѣ. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ слѣдующій примѣръ, — прибавимъ, — далеко не единственный: сообщая на стр. 142 о томъ, какъ почти совершенно обнищавшіе византійцы, возмущенные огромностью налоговъ, возстали противъ Исаака Ангела, слушательницы преподносятъ намъ такую фразу: «тогда тщедушный народъ пришелъ въ отчаяніе». Слово «тщедушный» употреблено здѣсь, вѣроятно, для краткости слога, но нельзя же жертвовать краткости смысломъ. Если ужъ такъ необходима была краткость, то г. редакторъ перевода лучше бы опустилъ такія совершенно лишнія анекдотическія подробности, вообще говоря, избыточныя въ книгѣ въ ущербъ болѣе вѣрнымъ свѣдѣніямъ, какъ разсказъ о Робертѣ Брюсѣ (стр. 193), который послѣ побѣды англичанъ, коимъ помогалъ и самъ, надъ шотландцами, сѣлъ за столъ съ окровавленными руками и, услышавъ слова англичанъ о томъ, что шотландецъ пьетъ свою собственную кровь, устыдился, измѣнилъ англичанамъ и всталъ на защиту своей родины. Въ повторительномъ курсѣ такіе анекдоты представляютъ явленіе довольно странное, тѣмъ болѣе, что самому факту защиты Шотландіи Брюсомъ отъ нашествія англичанъ удѣлено втрое менше мѣста.

К. Лосскій.

Ю. Белохъ. Исторія Греціи. Переводъ съ нѣмецкаго М. Гершензона. Томъ I. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897.

Переводчикъ въ краткомъ предисловіи прекрасно опредѣляетъ значеніе труда профессора Белоха для науки.

«Среди новѣйшихъ общихъ работъ по исторіи Греціи, книга Белоха представляетъ, безъ сомнѣнія, самое оригинальное явленіе. Греческая исторія не имѣла своего Нибура; тѣ точные методы изслѣдованія, которыми римская исторія пользуется уже болѣе полувѣка, только на нашихъ глазахъ начинаютъ проникать въ историографію Греціи. Критическій пересмотръ традиціи, тамъ почти законченный, здѣсь едва начатъ; поэтому неудивительно, что въ то время, какъ въ области римской исторіи послѣднее десятилѣтіе не отмѣчено ни одной новой работой общаго характера, греческая историографія, именно, въ послѣднія шесть лѣтъ, обогатилась цѣлымъ рядомъ подобныхъ трудовъ—Аббота, Белоха, Гольма, Эдуарда Мейера и др. Общія отличительныя черты всѣхъ этихъ произведеній—недовѣріе къ традиціи и ея источникамъ и стремленіе примѣнить къ изученію греческой исторіи тѣ научныя приемы, которые выработаны новѣйшей историографіей въ другихъ ея областяхъ; каждый изъ авторовъ задается цѣлью изложить только то, «что мы дѣйствительно знаемъ». Эти принципы нигдѣ не были проведены съ такою строгою послѣдовательностью, какъ въ книгѣ Белоха. Правда, онъ не свободенъ отъ увлеченій. Осторожность часто переходитъ у него въ недовѣріе, скептицизмъ—въ подозрительность; отвергая старыя гипотезы, какъ недостаточно обоснованныя, онъ нерѣдко замѣняетъ ихъ иными, если не болѣе произвольными, то и не болѣе убѣдительными. Таково его отношеніе къ хронологіи греческой исторіи, къ достоверности показаній позднѣйшихъ авторовъ (напр., Аристотеля въ «Афинской Политіи»), его гипотезы о микенской культурѣ, переселеніи дворянъ (чит. дорянъ) и пр. Тѣмъ не менѣе, съ методологической стороны его «Исторія Греціи» болѣе всякой другой удовлетворяетъ требованіямъ современной науки.

Она удовлетворяетъ имъ еще болѣе въ другомъ отношеніи. Глубокій переноротъ, совершающійся теперь въ области историческаго знанія вообще, неизбежно долженъ былъ отразиться и на греческой историографіи.

И здѣсь, какъ въ исторіи среднихъ вѣковъ и новаго времени, на первый планъ должно было выступить изученіе социальныхъ и экономическихъ явленій, т. е., именно, той стороны греческой исторіи, на которую обѣ предшествовавшія школы—политическая съ Гротомъ во главѣ и культурная во главѣ съ Курціусомъ—обращали меньше всего вниманія. Между учеными, наиболѣе потрудившимися въ этой области, Белоху принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ, и тѣ главы его книги, которыя посвящены экономическому развитію Греціи, представляютъ собою, можетъ быть, лучшее, что есть по этимъ вопросамъ въ литературѣ.

Изъ дальнѣйшихъ разъясненій переводчика оказывается, что русскій переводъ имѣетъ важное преимущество передъ нѣмецкимъ оригиналомъ, такъ какъ Белохъ любезно сообщилъ переводчику длинный рядъ поправокъ, заготовленныхъ имъ, безъ сомнѣнія, для втораго изданія его книги.

Это 2-е издание, конечно, не замедлит появиться, такъ какъ молодые эллинисты всѣхъ странъ очень довольны его книгою.

Настоящій томъ заключаетъ въ себѣ введение (оцѣнка источниковъ, стр. 1—27) и 17 главъ, излагающихъ событія отъ древнѣйшихъ временъ до похода Алкивиада на Сицилію. Изъ этихъ 17 главъ восемь посвящены умственному развитію, культурѣ и экономическому быту Греціи, и это, безъ сомнѣнія, лучшія и наиболѣе талантливыя главы книги Белоха. Но и остальные девять главъ изложены очень хорошо: просто, ясно и убѣдительно, при замѣчательной краткости. Авторъ замѣчательно трезвый историкъ, не дающій со-всѣмъ роли воображенію; оттого и рассказъ его не отягчается картинностью, и мы не нашли у него ни одной блестящей характеристики; даже такіе дѣятели, какъ Перикль (по его мнѣнію, не гениальный государственный человѣкъ, а только выдающійся парламентскій боецъ, стр. 369) и Алкивиадъ (стр. 443), обрисованы блѣдно, двумя-тремя штрихами; но зато всякая черточка, здѣсь изображенная, основана или на солидномъ свидѣтельствѣ, или на выводѣ, логически необходимомъ, и читатель можетъ быть твердо увѣренъ, что здѣсь все наука и ни капли фантазіи.

Насколько далека историческая истина отъ традиціи, еще такъ недавно царствовавшей даже въ университетскихъ курсахъ, увидитъ всякій, хоть пробѣжавъ рассказъ о персидскихъ войнахъ. Оказывается, что при Маравонѣ греки и персы были почти въ равномъ числѣ, что при Фермопилахъ Леонидъ не могъ отпустить своей арміи и оставить при себѣ только 300 спартанцевъ, и т. д.

Глава о народномъ эпосѣ, при всей своей краткости (стр. 102—116), съ замѣчательною полнотою, но съ явнымъ предпочтеніемъ къ болѣе радикальнымъ мнѣніямъ, излагаетъ современное положеніе гомеровскаго вопроса.

Чуть ли не въ первый разъ у новаго и не у французскаго ученаго встрѣчается столь категорически выраженное предпочтеніе Эврипида Софоклу, какое мы находимъ въ XVI гл. книги Белоха (стр. 453).

Переводъ безусловно хорошій.

А. К.

**Сборникъ источниковъ по исторіи Трапезунтской имперіи. Изда-
далъ А. Шападопуло-Керамевсъ. Томъ первый. Спб. 1897.**

Когда латиняне, послѣ четвертаго крестоваго похода, завоевали въ 1204 году столицу Византійской имперіи Константинополь и прочно утвердились въ различныхъ пунктахъ обшпрнаго греческаго царства, послѣдніе потомки византійской царской династіи Комниновъ основали отдѣльное греческое государство въ Азіи, на отдаленнѣйшемъ сѣверо-восточномъ углу прежняго царства, съ городомъ Трапезунтомъ въ центрѣ. Основателемъ Трапезунтской имперіи былъ сынъ византійскаго императора Андроника I Комнина (1183—1185 г.) Алексѣй, воспитывавшійся вмѣстѣ съ своимъ братомъ Давидомъ на Кавказѣ подъ руководствомъ тетки, грузинской царицы Тамары (1184—1212 г.), знаменитой своимъ образованіемъ, меценатствомъ и истинно монаршею властью. Въ 1204 году, Алексѣй Комнинъ, при помощи сильнаго имеретинскаго вой-

ска, завладѣлъ богатѣмъ черноморскимъ и нафлагонскимъ побережьемъ, вступилъ въ Трапезунтъ, былъ провозглашенъ византійскимъ царемъ и, какъ законный потомокъ великой древней династіи, сталъ именоваться «Великимъ Комниномъ». Съ этого времени Трапезунтская имперія сдѣлалась оплотомъ православія и греческой народности противъ постепеннаго распространенія турецкаго владычества на востокъ и сохранила свою самостоятельность до 1462 года, когда и она была поглощена (при царѣ Давидѣ) мусульманствомъ и вошла въ составъ Турецкой имперіи, переживши самостоятельность Константинополя почти на десять лѣтъ. Въшняя и внутренняя исторія славной Трапезунтской имперіи представляетъ въ общемъ и въ подробностяхъ глубокий научный интересъ и весьма любопытна по тѣмъ разнообразнымъ проявленіямъ національнаго эллинскаго духа, которыя наиболѣе ярко и рельефно выразились въ вѣковой блестящей борьбѣ высоко-культурнаго и благороднаго византійскаго народа съ жестокимъ и дикимъ варварскимъ міромъ за православіе, національные идеалы и политическую независимость. Къ сожалѣнію, исторія эта очень темна и мало въ наукѣ разработана. Причина этого кроется въ недостаточномъ ознакомленіи съ источниками исторіи Трапезунта. Въ этомъ отношеніи существенную услугу оказали наукѣ покойный баварскій академикъ Фальмерайеръ, издавшій нѣсколько документовъ по исторіи Трапезунтской имперіи. Но изданіе Фальмерайера, какъ и нѣкоторыя другія, явившіяся послѣ него, въ настоящее время оказываются недостаточными и по малочисленности заключающихся въ нихъ документовъ, и по невысокой сравнительно ихъ научной важности, и по разбросанности памятниковъ въ разныхъ сборникахъ. Вызывается, поэтому, нужда въ новомъ, болѣе полномъ и систематическомъ собраніи источниковъ по исторіи Трапезунтской имперіи. Г. Паладопуло-Керамевъ, уже упрочившій за собою въ наукѣ почетное имя, и выступилъ навстрѣчу этой научной потребности, опубликовавъ въ текущемъ году первый томикъ документовъ по трапезунтской исторіи. Въ этомъ томикѣ содержится шесть самостоятельныхъ памятниковъ, извлеченныхъ изъ рукописнаго кодекса конца XIV вѣка въ бібліотекѣ Аеонскаго монастыря св. Діонисія и относящихся къ трапезунтскому святому мученику Евгенію, изображеніе котораго служило девизомъ и гербомъ на монетахъ временъ трапезунтскихъ императоровъ изъ дома Великихъ Комниновъ, и въ честь котораго въ Трапезунтѣ былъ основанъ монастырь, весьма замѣчательный въ исторіи имперіи. На первомъ мѣстѣ въ книгѣ (стр. 1—32) поставлено похвальное слово трапезунтскимъ мученикамъ Евгенію, Канндію, Валеріану и Акилѣ, написанное Константиномъ Лукитомъ изъ Византіи, занимавшимъ высокое положеніе въ имперіи при Алексѣѣ II (1297—1330 гг.) и послѣ него. Далѣе слѣдуетъ (стр. 33—51) описаніе замѣчательныхъ чудесъ св. Евгенія, сдѣланное трапезунтцемъ Іоанномъ Ксифиллиномъ, патріархомъ константинопольскимъ (1064—1075 гг.). На третьемъ мѣстѣ изданія (стр. 52—77) находится слово митрополита трапезунтскаго Іосифа Лазаропула (1364—1370 гг.) о праздникѣ рождества св. Евгенія, а на четвертомъ (стр. 78—136) его же сокращенное описаніе чудесъ св. Евгенія. Пятый документъ содержитъ анонимное продолженіе описанія чудесъ трапезунтскаго мученика (стр. 137—149), а шестой (стр. 150—165)—разсказъ въ стихахъ о

захватъ турками въ 1665 году нѣкоторыхъ православныхъ церквей и монастырей, въ томъ числѣ обители св. Евгенія. Всѣ литературные памятники, изданные г. Нанадопуло-Керамонсомъ въ настоящемъ сборникѣ, очень полезны для исторіи, этнографіи и географіи Трапезунтской имперіи, а его научныя приемы, выразившіяся въ этомъ трудѣ, заслуживаютъ полной похвалы.

Σ.

**И. Гнѣдичъ. Исторія искусствъ. Изданіе А. Ф. Маркса.
Спб. 1897.**

Передъ нами лежитъ предпоследній выпускъ этого обширнаго и роскошно изданнаго сочиненія. Для тѣхъ, кто знакомъ съ первымъ изданіемъ этого же сочиненія г. Гнѣдича, замѣтитъ, что между первымъ и вторымъ изданіемъ «Исторіи искусствъ» нѣтъ почти ничего общаго. Первое изданіе было только огромнымъ наброскомъ избранной г. Гнѣдичемъ темы, — наброскомъ, въ которомъ многіе отдѣлы «Исторіи искусствъ» ограничивались всего нѣсколькими страницами текста и нѣсколькими рисунками; во второмъ изданіи тѣ же отдѣлы разрослись въ десятки листовъ, и количество рисунковъ, которое исчислялось десятками, перешло за 2.000. Въ первомъ изданіи рисунки, украшавшіе книгу, были исключительно политипажными, заимствованными изъ заграничныхъ изданій; въ нынѣшнемъ для украшенія «Исторіи искусствъ» приложены всѣ многоразличныя отрасли художественно-техническихъ производствъ, какія только могутъ служить цѣли воспроизведенія и совершеннѣйшей передачи произведеній искусствъ... Тутъ, рядомъ съ гравюрою на деревѣ, вы видите и гравюру на стали, на мѣди, и автотипіи, и фототипіи, и цинкографіи, и образцовыя хромолитграфіи — и впечатлѣніе получается очень полное, такъ какъ читатель, перелистывая книгу, пробѣгаетъ глазами огромную массу снимковъ съ различныхъ картинъ и эскизовъ съ произведеній скульптуры, съ художественныхъ произведеній по различнымъ техническимъ производствамъ, — съ мебели, посуды, комнатныхъ украшеній и даже костюмовъ различныхъ эпохъ. «Исторія искусствъ» г. Гнѣдича, въ этомъ смыслѣ, можетъ многимъ сослужить значительную услугу, знакомя каждого съ различными стилями и въ живой галереѣ прекрасныхъ снимковъ указывая непрерывную связь, отъ древнѣйшихъ временъ существовавшую между искусствомъ и жизнью. Вообще говоря, авторъ прекрасно сдѣлалъ, что, не вдаваясь въ слишкомъ туманныя разсужденія о теоріи прекраснаго или о философскихъ задачахъ искусства, далъ въ своей книгѣ текстъ, вполне популярно и легко излагающій исторію различныхъ отраслей искусства, въ видѣ краткихъ обзоровъ важнѣйшихъ школъ и эпохъ, причемъ благоразумно избѣгалъ излишества въ художественной терминологіи, недоступной большинству читающей публики.

Книга г. Гнѣдича, при той вѣншности и томъ богатѣйшемъ художественномъ матеріалѣ, который ей приданъ издателемъ, должна занять видное мѣсто въ томъ еще весьма ограниченномъ у насъ кругѣ художественныхъ популярныхъ книгъ, которыя одновременно могутъ служить и справочными пособиями по той или другой научной отрасли и богатымъ клипсекомъ на столѣ

въ любой гостиниой. Подобныя изданія въ значительной степени способствуют распространенію научныхъ и общеподготовительныхъ свѣдѣній во всѣхъ слояхъ общества.

II—окія.

Исторія Харьковскаго полка (11 драгунскій Харьковскій ея императорскаго высочества великой княгини Александры Петровны полкъ). Составилъ Евгеній Альбовскій. Москва. 1897.

Въ обширномъ и, говоря по правдѣ, нѣсколько наивномъ предисловіи къ своему труду, г. Альбовскій подробно объясняетъ свои зловключенія въ тщетныхъ поискахъ матеріаловъ для исторіи Харьковскаго драгунскаго полка. Оказывается, что въ полковомъ архивѣ, разбросанномъ въ разныхъ мѣстахъ, не сохранилось почти никакихъ дѣлъ, — всѣ они погибли во время революціи въ Варшавѣ въ 1794 году, что же касается «полковаго формуляра», или краткой лѣтописи, которая должна вестись въ каждомъ полку, то событія, случившіяся послѣ революціи, заносились въ формуляръ «старшимъ писаремъ» съ пропусками, искаженіями фактовъ и т. п., не сохранилось даже журнала военныхъ дѣйствій такого недавняго времени, какъ усмиреніе польскаго мятежа 1863 года. При такихъ условіяхъ, разумѣется, трудно было написать подробную исторію полка, и составитель ея самъ сознается, что «ничего не могъ подѣлать, располагая ничтожнѣйшимъ матеріаломъ, или, вѣрнѣе, никакимъ». Тѣмъ не менѣе, г. Альбовскій старательно собралъ всѣ отрывочныя свѣдѣнія о Харьковскомъ полку, которыя ему удалось отыскать въ печатныхъ источникахъ и въ архивахъ Главнаго Штаба въ Петербургѣ и Москвѣ, и изъ всего этого составилъ довольно полное описаніе внѣшней исторіи полка. Отсутствие самаго интереснаго матеріала, который рисовалъ бы внутренній бытъ, вынудило автора написать исторію своего полка по избитому шаблону большей части полковыхъ исторій, ограничиваясь, главнымъ образомъ, изложеніемъ военныхъ дѣйствій, въ которыхъ участвовалъ Харьковскій полкъ. И это очень жаль, потому что г. Альбовскій весьма добросовѣстно относится къ источникамъ, умѣло группируетъ факты и излагаетъ ихъ живо и легко. Съ такими данными, располагая болѣе обширнымъ матеріаломъ, онъ могъ бы внести гораздо лучшій вкладъ въ нашу полковую историографію.

О. III.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ДРЕВНІЙ РИМЪ и новыя раскопки. Профессоръ Ланчіани, занимающій кафедрю древней топографіи въ Римскомъ университетѣ, продолжаетъ издавать одинъ трудъ за другимъ по древнему Риму, который онъ знаетъ, какъ свои пять пальцевъ. Въ нихъ онъ не только картинно восстанавливаетъ вѣчный городъ времямъ республики и цезарей, но подробно описываетъ всѣ постепенныя превращенія Рима и пропавшныя въ послѣдніе годы раскопки. Большая часть его трудовъ появляется на англійскомъ языкѣ, и въ числѣ ихъ наибольшей славой пользуются: Древній Римъ при свѣтѣ новѣйшихъ открытій, а также Латышскій и христіанскій Римъ; надіяхъ же мышло новое его сочиненіе: Развалины и раскопки древняго Рима ¹⁾. Признанный всѣми компетентными людьми однимъ изъ первыхъ авторитетовъ по предмету своихъ научныхъ занятій, профессоръ Ланчіани и въ своей новой книгѣ вполне поддерживаетъ репутацію человѣка, который, быть можетъ, лучше всѣхъ на свѣтѣ знаетъ всѣ ходы и выходы классическаго Рима. По мѣткому выраженію одного англійскаго критика, если бы часы времени были вдругъ поставлены назадъ на двѣнадцать столѣтій, то Ланчіани также бы легко нашелъ себѣ дорогу въ Капитолій и по Via Sacra, какъ Гораций, или Меценатъ. Подъ руководствомъ такого опытнаго и знающаго путеводителя читатель, сидя въ своемъ креслѣ, можетъ совершить самую интересную прогулку по республиканскому и императорскому Риму. Въ своемъ предисловіи почтенный профессоръ предостерегаетъ читателя отъ часто замѣчаемой съ нѣкото-

¹⁾ The Ruins and excavations of Ancient Rome. By, Rodolfo Lanciani. London. 1897.

рыхъ поръ наклоности многихъ писателей о топографіи Рима проводить новыя оригинальныя теоріи, и онъ указываетъ, что предметъ, которымъ основательно занимаются 450 лѣтъ и по которому впродолженіе одного года, именно 1891 года, вышло 424 сочиненія, — долженъ быть достаточно «вымолоченъ». Поэтому онъ не предлагаетъ никакихъ новыхъ и поразительныхъ теорій, а представляетъ старательный отчетъ о всѣхъ новѣйшихъ открытіяхъ, опредѣляя принадлежащее имъ мѣсто въ общей картинѣ древняго Рима, окончательно начертанной авторитетными учеными. Выраженная авторомъ надежда, что даже обыкновенному читателю его описаніе римскихъ развалинъ и раскопокъ не покажется слишкомъ техническимъ и безынтереснымъ, вполне основательна, и всякій прочтетъ съ интересомъ его книгу, особенно ея заключительную главу, подъ заглавіемъ: Общій взглядъ на древній городъ. Въ этомъ общемъ взглядѣ встрѣчаются очень любопытныя и мало извѣстныя до сихъ поръ подробности о положеніи городскихъ построекъ въ древнемъ Римѣ, о цѣнѣ тогдашнихъ жилищъ и т. д. Напримѣръ, Ланчіани рассказываетъ, что въ древнемъ Римѣ такъ же, какъ и въ наше время, разрушались и шатались дома; послѣ знаменитаго наводненія 54 года до Рождества Христова многіе дома рухнули, благодаря тому, что солнцемъ высушенный кирпичъ стѣнъ былъ подмытъ водою, такъ что пришлось очищать дно Тибра отъ обвалившихся въ рѣку зданій, а отъ наводненія въ 69 году послѣ Рождества Христова пострадало нѣсколько сотенъ домовъ, и императоръ Оттонъ, предпринявъ походъ противъ Вителія, долженъ былъ пробивать себѣ дорогу на протяженіи 20 миль, среди развалинъ зданій, по обѣ стороны Via Flaminia. Паденіе дома, построеннаго для отдачи внаемъ, было такимъ обычнымъ фактомъ, что, по словамъ Цицерона, на это даже не обращали никакого вниманія, хотя иногда дѣло не обходилось безъ человѣческихъ жертвъ. Сенека упоминаетъ о такихъ домахъ, гдѣ обитатели должны были постоянно бояться огня и разрушенія стѣнъ; для безопасности этихъ обитателей существовали даже цѣлыя компаніи, ставившія себѣ цѣлью поддерживать и сохранять дома, фундаменты которыхъ были ненадежны. Что касается до дороговизны квартиръ, то въ древнемъ Римѣ можно было жаловаться на нее не менѣе, какъ въ современныхъ столицахъ. Напримѣръ, при Юліѣ Цезарѣ бѣдные люди платили за несчастный чердакъ 2.000 сестерцій, т. е. около 170 рублей въ годъ, а вѣкто, Целій, платилъ за третій этажъ 30.000 сестерцій, или 2.600 рублей.

Въ видѣ иллюстрацій къ любопытному труду профессора Ланчіани объ археологическихъ открытіяхъ въ Римѣ служатъ извѣстія, напечатанныя о недавнихъ замѣчательныхъ раскопкахъ на Палатинскомъ холмѣ и на сосѣднемъ озерѣ Ними, въ послѣднихъ нумерахъ *Pall Mall Gazette* и *Revue Encyclopedique*¹⁾. Въ послѣднее время началось замѣтное движеніе въ археологическихъ работахъ на Палатинскомъ холмѣ и вокругъ него. Долго этотъ холмъ, составляющій центръ всей жизни Рима отъ его основанія до паденія, оставался сравнительно мало изслѣдованнымъ, и раскопки на немъ производились въ столь небольшомъ раз-

¹⁾ *Pall Mall Gazette*. September 11, October 5. *Revue Encyclopedique*. Mouvement archeologique, par P. Monceaux. 2 octobre.

нѣрѣ, что нѣкоторыя изъ важныхъ его зданій, напримѣръ, храмъ Аполлона, до сихъ поръ точно топографически не опредѣлены. Полному изслѣдованію Палатинскаго холма мѣшала крупныя раскопки и принадлежность многихъ мѣстностей частнымъ лицамъ. Профессоръ Вачелли, откапывающій съ 1882 г. Форумъ, подъ Палатиномъ, обнаружилъ весь кварталъ восталокъ и мало-помалу возвратилъ на свѣтъ всю Via Nova, но церковь Santa Maria Liberatrice, построенная надъ храмомъ Весты, до сихъ поръ мѣшаетъ полному возсозданію Форума. Въ 1893 году Stadio Palatino вполне открыто, для чего снесено много зданій въ Via di Lorchì, а въ прошедшемъ году приступлено къ раскопкѣ мѣстности вокругъ дома Ливіи и найдена большая круглая мраморная цистерна. Въ настоящее же время начаты работы въ той части Палатинскаго холма, выходившей на Via Triumphalis, гдѣ были великолѣпныя зданія, возведенныя Септимиємъ Северомъ и которыя до сихъ поръ скрыты отъ изслѣдованій ученыхъ, благодаря, главнымъ образомъ, находившемуся тамъ монастырю св. Вонавентуры. Быть можетъ, всего интереснѣе изъ новѣйшихъ археологическихъ работъ въ Римѣ открытіе на днѣ озера Неми древней римской триремы. Существовать легенды, что Августъ построилъ на этомъ озерѣ плавучую виллу, а Тиверій, Калигула или Траянъ держали на немъ великолѣпную трирему, на которой происходили оргіи. Еще въ XVI столѣтіи кардиналъ Колонна искалъ въ глубинѣ Неми остатковъ этой легендарной триремы, и дѣйствительно его труды увѣнчались находкой нѣсколькихъ деревянныхъ корабельныхъ украшеній, которыя хранятся въ музеѣ Кирхера. Но недавно одному англичанину удалось, съ помощью водолазовъ, найти на глубинѣ 30 метровъ и на разстояніи 30 метровъ отъ берега цѣлое судно, длиною въ 25 метровъ и шириною въ 9 метровъ. Оно крѣпко засѣло въ илѣстомъ днѣ озера, но удивительно сохранилось, и водолазамъ удалось уже вытащить нѣсколько массивныхъ металлическихъ колецъ, посредствомъ которыхъ трирема прикрѣплялась къ берегу, а также великолѣпную голову медузы, очевидно украшавшую носъ судна. Въ дѣло вмѣшалось правительство, и теперь приступлено къ поднятію цѣликомъ всей триремы.

— Провинціальное французское общество въ средніе вѣка. Шарль де-Риббъ посвятилъ себя изслѣдованію домашней и общественной жизни во Франціи въ доброе старое время, и въ новомъ своемъ трудѣ «Провансальское общество въ концѣ среднихъ вѣковъ»¹⁾ онъ рисуетъ картину быта и нравовъ своей родины, Прованса, 400 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ самую цвѣтущую эпоху этого сада Франціи. Новымъ, неизданнымъ доселѣ, матеріаломъ для его послѣдней книги служили многочисленные документы, сохранившіеся въ архивахъ провансальскихъ нотаріусовъ отъ XIV до XVII вѣка, и въ особенности дневникъ, носящій оригинальное названіе: Книга разума, который веденъ Жомомъ Дедье, обывателемъ маленькаго городка Оліуля, близъ Тулона отъ 1477 по 1521 г. Постепенно разсматривая положеніе семьи, земельной собственности и общины въ Провансѣ, во времена короля Ренэ и

¹⁾ La Société provençale à la fin du moyen âge, par Charles de Ribbe. Paris, 1897.

Людовика XII, авторъ даетъ точныя и вѣрныя свѣдѣнія о частной жизни, экономическомъ положеніи и общественномъ строеѣ въ этой провинціи, въ означенную отдаленную эпоху. Наибольше интересны тѣ главы его почтеннаго труда, которыя относятся до сельскихъ общинъ, отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, о дворянствѣ и коммерческомъ классѣ, о брачныхъ контрактахъ, о деревенскихъ судьяхъ и мировыхъ трибуналахъ. Хотя въ своемъ ученоемъ изслѣдованіи де-Риббъ ограничивается предѣлами Прованса, но онъ постоянно сравниваетъ положеніе этой провинціи съ сосѣдней мѣстностью и тѣмъ придаетъ своему труду характеръ общей картины Франціи въ XV вѣкѣ. Что же касается до характеристикки своего любимаго Прованса, то онъ приходитъ къ заключенію, что, только благодаря своему трудолюбію, мирнымъ стремленіямъ и строгимъ семейнымъ нравамъ, провансальцы достигли въ концѣ среднихъ вѣковъ той высокой степени процвѣтанія, которая возбуждала зависть въ сосѣднихъ провинціяхъ, и которой они лишались спустя пятьдесятъ лѣтъ въ виду гражданскихъ междоусобій.

— Англійская городская жизнь въ старину. Книга П. Дичфильда объ англійскихъ городахъ служить очень интереснымъ и хорошо составленнымъ введеніемъ въ муниципальную исторію Англій¹⁾. Обыкновенно подобныя сочиненія отличаются слишкомъ специальнымъ характеромъ, а потому скучны для общихъ читателей, но автора этого труда, напротивъ, скорѣе можно упрекнуть въ томъ, что онъ слишкомъ заботится объ общемъ читателѣ и въ своемъ разказѣ старательно избѣгаетъ специальныхъ подробностей. Отъ этого его книга теряетъ научное значеніе, но за то прочтется всякимъ съ интересомъ. Начавъ съ эпохи римлянъ и бриттовъ, онъ постепенно рисуетъ картину англійскихъ городовъ: саксонскихъ, церковныхъ, средневѣковыхъ, приморскихъ, университетскихъ и т. д. Въ главѣ, посвященной древнему римскому городу Сильчестеру, встрѣчается любопытное замѣчаніе о томъ, что въ настоящее время на той мѣстности, гдѣ находился встарину этотъ городъ, на поляхъ замѣтны полосы, на которыхъ хлѣбъ растетъ скуднѣе, чѣмъ направо и налѣво: эти полосы означаютъ именно улицы нѣкогда существовавшаго стариннаго города, и объ этомъ еще упоминалъ Леландъ въ 1586 году. Наибольшій интересъ, быть можетъ, представляетъ та часть книги Дичфильда, которая посвящена описанію городскихъ корпорацій, власть которыхъ была неограничена. По словамъ автора, самая тяжелая пени налагались корпораціями въ случаѣ несоблюденія ими установленныхъ правилъ. Напримѣръ, въ Ридингѣ въ 1443 году было запрещено брадобрямъ исполнять свое ремесло послѣ девяти часовъ зимой и десяти лѣтомъ, подъ опасеніемъ заплатить пеню въ 300 череницъ для крыши мѣстной ратуши. Станный видъ этой пени объяснялся тѣмъ, что въ то время соломенные крыши на домахъ въ Ридингѣ стали замѣняться черепицами. Одинъ брадобрей, Джонъ Вристорль, провинился тѣмъ, что выбрилъ семь человѣкъ послѣ установленнаго часа, и съ него взыскали 2.100 череницъ. Для приданія большаго колорита своему разказу, Дичфильдъ постоянно вставляетъ въ него сохранившіяся подлинныя свидѣтельства совре-

¹⁾ The Story of our English Towns. By P. Ditchfield. London. 1897.

менниковъ, такъ между прочимъ онъ приводитъ извѣстное живописное описаніе, Стпленомъ, Лондона въ XII вѣкѣ. Въ предисловіи, принадлежащемъ перу профессора Джексона, очень рельефно и графически выяснено постепенное приоб-рѣтеніе англійскими городами все большихъ и большихъ правъ, благодаря упорной борьбѣ съ феодальными лордами и королями.

— Кромвель и учрежденіе протекторства. Одинъ изъ лучшихъ, если не лучший, изъ современныхъ историковъ Англій, Гардинеръ, продол-жаетъ свою исторію англійской революціи и протекторства отъ 1649 до 1660 г. Въ только что вышедшемъ второмъ томѣ, обнимающемъ эпоху отъ 1651 по 1654 г., онъ рассказываетъ съ обычнымъ своимъ мастерствомъ, знаніемъ и добросовѣстностью, первую войну съ Нидерландами, учрежденіе протекторства и дипломатическія сношенія Кромвеля съ Франціей и Испаніей, которыя за-скупивали союза съ нимъ ¹⁾. Хотя въ этой части его замѣчательнаго труда нѣтъ такихъ высокодраматическихъ эпизодовъ, какъ въ первомъ томѣ, но все-таки ученый авторъ умѣетъ придать интересъ безконечнымъ парламентскимъ и дипломатическимъ интригамъ, а также скучнымъ подробностямъ мало любопытной морской войны съ Нидерландами. Онъ не только сопоставляетъ въ живомъ разсказѣ всѣ уже извѣстные факты по старымъ источникамъ, но приводитъ новыя подробности и проливаетъ новый свѣтъ на знакомыя уже всѣмъ обстоятельства. Конечно, борьба Кромвеля съ двумя парламентами и созданіе лорда-протектора въ его лицѣ составляетъ главный предметъ только что вышедшей книги, и Гардинеръ старается, съ помощью свидѣтельствъ современниковъ, доказать, что если его герой прибѣгалъ къ насилію, то лишь въ крайности и подъ давленіемъ обстоятельствъ, но для общаго читателя интереснѣе обстоятельнаго изслѣдованія старой уничтоженной Кромвелемъ конституціи и новыхъ, созданныхъ имъ порядковъ, мастерски выясненная Гардинеромъ перемѣна, происшедшая въ теченіе трехъ лѣтъ отъ 1652 до 1654 г., въ настроеніи Кромвеля и всего англійскаго народа. Прѣжній энтузіазмъ, какъ того, такъ и другого, къ возстановленію на землѣ Божьяго царства постепенно замѣнился болѣе практическимъ стремленіемъ къ наилучшему устройству дѣлъ на сей землѣ, съ цѣлью забрать въ руки Англій всесвѣтную торговлю. «Кромвель, по словамъ автора, жаждалъ въ XVII вѣкѣ такъ же, какъ Чагамъ въ XVIII, расширить англійскую торговлю и необходимую ей поддержку—морскую силу. Благодаря именно этой комбинаціи нравственныхъ и практическихъ стремленій, Кромвель сдѣлался героемъ Англій XIX вѣка. Подобно ему, современная Великобританія вела войны, завоевывала территоріи, расширяла торговлю и высоко поднимала голову среди другихъ европейскихъ націй. Подобно ему, она при этомъ тѣшила себя мыслью, что ея политическая дѣятельность не только приноситъ пользу ей самой, но и другимъ странамъ, что естественно давало поводъ къ обвиненію въ лицемеріи».

— Шведская королева Луиза-Ульрика. Одна изъ сестеръ Фридриха-Великаго, принцесса Луиза-Ульрика, какъ извѣстно, была замужемъ за швед-

¹⁾ History of the Commonwealth and Protectorate, 1649—1660. By S. Gardiner. Vol. II, 1651—1654. London, 1897.

скимъ королевемъ и разыгрывала видную, хотя далеко не благотворную роль въ исторіи Швеціи, гдѣ враги прозвали ее бичемъ страны. До сихъ поръ о ней нѣтъ довольно скудныхъ свѣдѣній въ общихъ исторіяхъ, и только теперь шведскій ученый Гейденштамъ собралъ въ различныхъ архивахъ ея переписку съ братомъ и другими лицами. На основаніи этихъ матеріаловъ онъ написалъ на французскомъ языкѣ любопытную монографію, а бывшій французскій посланникъ въ Стокгольмѣ, Рене Милле, предислалъ ей мастерски составленное предисловіе¹⁾. Судьба этой принцессы, красивой, умной, образованной, была по истиннѣ трагическая. Проведя довольно мрачную юность при прусскомъ дворѣ, она явилась въ Швецію невѣстой наслѣднаго принца, съ блестящимъ ореоломъ на своемъ челѣ: все ей улыбалось. Пруссія и тогдашняя ея союзница Франція провожали ее самыми свѣтлыми пожеланіями, а въ новомъ ея отечествѣ не только женихъ, но и весь народъ стали носить ее на рукахъ. Ранѣ Екатерины ей дали прозвище Сѣверной Семпраниды, но недостатокъ благоразумія и гордый, надменный, всцѣпчивый характеръ испортили всю ея будущность, открывавшуюся передъ ней въ такомъ розовомъ свѣтѣ. Когда умеръ отецъ ея мужа, человѣка хорошаго, но слабого и мягкаго, она вздумала управлять страной его именемъ. Она такъ гордилась своимъ умомъ и познаніями, которыя дѣйствительно для того времени были замѣчательны, что все хотѣла дѣлать по-своему и подчинить неограниченной королевской власти конституціонную Швецію. Въ то время эта страна была такъ раздираема политическими партіями, что достиженіе подобной дѣлы было возможно при умѣломъ веденіи дѣла, какъ впоследствии доказалъ ея сынъ Густавъ III, но королева Луиза-Ульрика возстановила противъ себя своимъ надменнымъ тономъ всѣхъ государственныхъ дѣятелей ея родины, въ особенности самаго могущественнаго изъ нихъ, графа Тессина, который сначала былъ безумно влюбленъ въ нее, а потомъ ее возненавидѣлъ и энергично дѣйствовалъ противъ нея. Всѣ ея попытки совершить государственный переворотъ не удались, а когда, наконецъ, ея сынъ, вставъ во главѣ арміи, возвратилъ шведской коронѣ ея древнія прерогативы, то онъ учинилъ этотъ переворотъ въ свою пользу, а не въ пользу матери. Конечно, королевѣ это было не по нутру, и она начала интриговать противъ сына, причѣмъ зашла такъ далеко, что оклеветала его жену въ связи съ его любимцемъ, Мункомъ. Густавъ пришелъ въ ярость, и объявилъ матери, что имъ обонимъ тѣсно жить въ Швеціи, но гордая королева не поддавалась и манифестомъ заявила всей Швеціи, что наслѣдникъ молодого короля не его сынъ. Подобный неслыханный скандалъ окончательно погубилъ сестру Фридриха Великаго въ глазахъ всей Швеціи, и хотя Густавъ не изгналъ ее изъ предѣловъ страны, какъ онъ сначала хотѣлъ, но прекратилъ всякія сношенія съ ней, и она до своей смерти, въ 1782 году, вела въ своемъ замкѣ уединенную жизнь, среди книгъ, ученыхъ занятій и садовыхъ работъ. Передъ самой смертью она помпировалась съ сыномъ и даже горячо обняла внука, который впоследствии, быть

¹⁾ Une soeur du grand Frederic.—Louise-Ulrique, reine de Suède, par O. Heidenstam. Paris. 1897.

можетъ, имѣлъ право упрекать се за поднятый ею при его рожденіи скандалъ, какъ одну изъ причинъ сверженія его съ престола. Подробно разказавъ, на основаніи новыхъ матеріаловъ, исторію этой политической неудачницы, Гейденштамъ справедливо указываетъ на то, что всѣ ея неудачи объясняются отсутствіемъ въ ней здраваго смысла и равновѣсія ума, которые, напротивъ, составляли отличительныя черты ея великаго брата.

— Невѣдомые общественные дѣятели Франціи XVIII вѣка. Современные французскіе историки стали съ нѣкотораго времени обращать вниманіе на изслѣдованіе дѣятельности второстепенныхъ и мало извѣстныхъ государственныхъ людей прошедшаго вѣка на томъ основаніи, что часто подобныя изслѣдованія проливаютъ новый свѣтъ на крупныя историческія событія. Въ этомъ отношеніи они совершенно правы, и если только личности, которыхъ они изыскиваютъ въ герои своихъ трудовъ, заслуживаютъ вниманія и найденный авторами матеріалъ служитъ къ болѣе ясной характеристикѣ данной эпохи, то знакомство съ невѣдомыми общественными дѣятелями прошедшаго гораздо интереснѣе, чѣмъ пережевываніе всѣмъ извѣстныхъ фактовъ о первоклассныхъ, часто набившихъ читателямъ оскомину, историческихъ фигурахъ. Къ подобнымъ любопытнымъ біографіямъ принадлежатъ, недавно вышедшія, сочиненія г. Шелля—объ экономическомъ дѣятелѣ первой половины XVIII столѣтія, Гурнеа¹⁾, и В. Барюкана—о якобинцѣ Шодѣ²⁾. Первый изъ этихъ невѣдомыхъ дѣятелей Франціи XVIII вѣка былъ, какъ оказывается, замѣчательнымъ экономистомъ, предшественникомъ Тюрго и настоящимъ создателемъ знаменитой системы *laissez faire, laissez passer*. Сытъ богатаго торговца въ Сень-Мало, онъ въ юности посѣтилъ, съ торговою цѣлью, Испанію, Англію, Германію и Голландію, при чемъ, познакомившись на мѣстѣ со всѣми прелестями промышленнаго протекціонизма, онъ сталъ развивать противоположныя экономическія теоріи. Возвратясь на родину, онъ представилъ доклады о всемъ, что онъ видѣлъ за границей, министру Морена, и, занимая мелкія административныя должности по финансовой части, оказалъ серьезныя услуги государству своей экономической дѣятельностью; между прочимъ раньше своего ученика, Тюрго, онъ старался уничтожить привилегированныя феодальныя корпораціи. Хотя въ послѣдніе годы своей жизни онъ и называлъ себя маркизомъ, но никогда не достигъ высшихъ государственныхъ постовъ и преждевременно умеръ тридцати семи лѣтъ. Представляя любопытную характеристику Гурнеа на основаніи новыхъ матеріаловъ, его біографъ въ то же время нарисовалъ полную картину экономической жизни Франціи въ первой половинѣ XVIII столѣтія, что, конечно, еще болѣе возвышаетъ интересъ его труда.

В. Барюканъ нашолъ въ публичной бібліотекѣ г. Анжера мемуары и различныя замѣтки Пьера Шодѣ, который, по его словамъ, былъ настоящимъ типомъ искренняго, честнаго якобинца, въ бурные дни французской революціи. Эти мемуары и замѣтки онъ привелъ въ порядокъ и напечаталъ съ своими

¹⁾ Vincent de Gourneigh, par G. Schelle. Paris. 1897.

²⁾ Memoires et notes de Chondieu (1761—1838), publiés avec des remarques, par V. Barrucand. Paris. 1897.

примѣчаніями и предисловіемъ, въ которомъ мѣтко охарактеризовалъ личность своего героя. Сынъ маленькаго чиновника въ Анжерѣ, Пьеръ Шодьё воспитывался въ военной школѣ въ Мецѣ, потомъ былъ адвокатомъ въ своемъ родномъ городѣ и членомъ конвента, который послалъ его въ качествѣ комиссара республики въ вандейскую и сѣверную арміи. Отличаясь безусловной честностью и пламенной преданностью республикѣ, онъ твердо вѣрилъ въ республиканскіе идеалы, а когда наступилъ переворотъ 18 Брюмера, онъ переселился въ Голландію и долго жилъ тамъ простымъ крестьяниномъ. Во время имперіи и реставраціи онъ перебрался въ Брюссель и занимался тамъ производствомъ уксуса. Только послѣ революціи 1830 года онъ вернулся въ Парижъ и умеръ тамъ, спустя семь лѣтъ. Оставшіеся послѣ него мемуары, теперь впервые напечатанные, вполне обрисовываютъ личность этого суроваго республиканца и представляютъ много интересныхъ подробностей о крупныхъ событіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ личное участіе въ качествѣ искренняго патріота.

— Теронна де Мерикуръ. Въ парижской газетѣ «Le Journal», въ сентябрѣ и октябрѣ, помѣщено обширное историческое изслѣдованіе, Леопольда Лакура, о знаменитой народной героинѣ революціи Тероннѣ де Мерикуръ¹⁾. Ни одна изъ женщинъ, игравшихъ роль въ эту бурную эпоху, не пользовалась такой популярностью, какъ Теронна, хотя она, конечно, не была идеаломъ свободы, какъ рисовалъ ее Мишле, красавицей Литтиха, какъ воссѣиваетъ ее Ламартинъ, и рубensoвской амазонкой, какой представляютъ ее Гонкуры. Въ сущности, какъ справедливо характеризуетъ ее Лакуръ, она была, физически, пикантной гризеткой и нравственно пламенной, фанатичной поклонницей революціи, культъ которой превратилъ ее изъ куртизанки въ искреннюю патріотку. Быть можетъ, ни одна историческая личность не подвергалась такимъ безконечнымъ клеветамъ, какъ эта народная героиня, одинаково ненавистная роялистамъ и якобинцамъ, такъ какъ она стойко отстаивала жирондистовъ, а если Мишле, Ламартинъ и Гонкуры старались освободить ее отъ такъ долго тяготѣвшаго надъ ней обвиненія въ кровавомъ звѣрствѣ и грязномъ развратѣ, то они все-таки, повторяя безчисленныя, сложившіяся о ней, легенды, не рисуютъ вѣрнаго, безпристрастнаго образа Теронны. Только въ послѣднее время, благодаря труду Марсалина Пеле и настоящему изслѣдованію Лакура, она выступила передъ нами со всѣми ея достоинствами и недостатками въ истинномъ свѣтѣ исторической науки, одинаково не признающей ни клеветъ и легендъ современниковъ, ни сантиментальной идеализаціи потомковъ. Богѣ ста лѣтъ потребовалось на такое если не объявленіе Теронны де Мерикуръ, то, во всякомъ случаѣ, на возстановленіе правды о той, которая долго служила какому-то козыремъ отпущенія за всѣ крайности революціонныхъ дѣятелей, вынужденныхъ обстоятельствами и ради спасенія отечества сойти съ того пути идеальныхъ политическихъ стремленій, на который они вступили въ 1789 году. Далекое не безупречная въ нравственномъ отношеніи, но возбуждающая сочувствіе своимъ героизмомъ и патріотической любовью къ дѣлу освобожденія Франціи и

¹⁾ Théroigne de Mericourt. Par Léopold Lacour. Le Journal. 4 septembre—10 octobre.

всего человечества, Тероина въ трезвомъ, безпристрастномъ и основанномъ на новыхъ матеріалахъ разскажѣ Лакура, является любопытной фигурой не только въ историческомъ и политическомъ отношеніи, но и въ психологическомъ. По происхожденію бельгійка, она родилась въ 1762 году въ деревнѣ Маркуръ, и ея родители были простые поселяне, по фамиліи Тервань; изъ этихъ двухъ названій: Маркуръ и Тервань, она составила себѣ впоследствии болѣе громкое имя Теронины де Мерикуръ. Объ ея дѣтствѣ и юности почти ничего не извѣстно достовернаго, а только не подлежитъ сомнѣнію, что она, послѣ смерти своей матери, лѣтъ 15 или 16, навялась служанкой и плѣвила одного богатаго англичанина, который обольстилъ ее и увезъ въ Лондонъ. Тамъ она вела шумную жизнь блестящей куртизанки и называла себя графиней Кампинадосъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, она искренно влюбилась въ извѣстнаго итальянскаго пѣвца Тендуччи и прожила съ нимъ, въ Парижѣ и Италіи, почти всѣ свои, тогда значительныя средства. Попытка сдѣлаться пѣвицей ей не удалась, и до революціи она продолжала въ Парижѣ и Лондонѣ вести жизнь модной куртизанки; но какъ только наступилъ 1789 годъ, она совершенно преобразилась и, по словамъ Луи Бсена, уже болѣе никогда и ничего не любила, кромѣ свободы. Въ революціонная дѣятельность и популярность началась со ваятія Вастилии, въ чемъ она приняла личное участіе. При этомъ она выказала такую храбрость, что получила почетную саблю. Съ этой минуты она уже жила одной пламенной жизнью съ народной толпой, и во всѣ знаменитые революціонныя дни она являлась въ первыхъ рядахъ защитниковъ свободы. Она не только принимала участіе въ народной борьбѣ, но краснорѣчиво говорила въ народныхъ собраніяхъ, жертвовала все, что имѣла, для вооруженія патриотовъ и принимала въ своемъ домѣ на Гренобльской улицѣ всѣхъ передовыхъ революціонныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ Мирабо, Петіона, Брессо, Камиля Демулена, Шенью, Барнава, Сень-Жюста и т. д. Роялистская пресса называла всѣхъ этихъ лицъ ея любовниками, а въ сущности достоверно только, что она имѣла нѣжную связь съ суровымъ республиканцемъ, математикомъ Ромомъ, воспитателемъ молодого графа Строганова, который, по его собственнымъ словамъ, не разъ бывалъ у соблазнительной революціонной Аснави. Съ паденіемъ Жиронды, которую она энергично и преданно защищала, кончилась героическая эпоха романическаго существованія Теронины. 15-го мая 1793 года, произошелъ трагическій эпизодъ въ ея жизни, который различно разсказывается въ безчисленныхъ легендахъ въ трудахъ французскихъ историковъ. Главнымъ образомъ рассказы объ этомъ печальномъ событіи раздѣляются на два рода: одни утверждаютъ, съ многочисленными вариантами, что бѣдную Тероину схватили разъяренные якобинки, преданныя Робеспьеру, и задали ей на улицѣ жестокую порку, а другіе увѣряютъ, что она сдѣлалась жертвой мужской толпы, которая ее безжалостно избивала и совершенно покончила бы съ ней, если бы ее не спасъ Маратъ. По словамъ легендъ, эта экзекуція свела съ ума революціонную героиню, и во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что вскорѣ послѣ этого она дѣйствительно лишилась разсудка. Лакуръ нашолъ неизвѣстные до сихъ поръ документы, по которымъ оказывается, что 27-го іюня 1794 года Тероина де Мерикуръ была арестована, какъ лицо подозрительное, но на четвертый день была освобождена, какъ

сумасшедшая. Затѣмъ она прожила еще тринадцать лѣтъ, находясь въ различныхъ больницахъ, и умерла въ 1817 году. Конечно, роялисты приписывали ей сумасшествіе справедливому приговору Провидѣнія надъ этой кровожадной амазонкой, но, по справедливому замѣчанію Лакура, непристрастная исторія можетъ только выразить сожалѣніе о печальномъ эпилогѣ драматической жизни республиканской героини.

— Герцогъ Ришелье и Шатобрианъ въ эпоху реставраціи. О времени реставраціи во Франціи, т. е. о царствованіяхъ Людовика XVIII и Карла X, сравнительно говоря, писано немного и за исключеніемъ, быть можетъ, классической Исторіи Реставраціи Виель-Кастеля, нельзя указать на общій авторитетный трудъ объ этой эпохѣ французской исторіи. Поэтому первые выпуски X тома Всеобщей исторіи отъ IV вѣка до нашихъ дней, Лависа и Рамбо¹⁾, представляя сводъ всего, что извѣстно о пятнадцатилѣтнемъ періодѣ, протекшемъ отъ возвращенія во Францію бурбоновъ до ихъ изгнанія, значительно пополняютъ этотъ пробѣлъ, такъ какъ сочиненіе Виель-Кастеля уже устарѣло и отличается пристрастнымъ взглядомъ автора, пламеннаго защитника июльской монархіи. Къ исторіи отдѣльныхъ эпизодовъ этой эпохи относятся только что напечатанный въ *Revue de Paris* любопытный рассказъ герцога Ришелье, перваго министра Людовика XVIII, о томъ, какъ онъ удалился отъ власти²⁾, и помѣщенное въ *Revue des deux Mondes*, отъ 1-го октября и 1-го ноября, изслѣдованіе маркиза Габріака о роли Шатобриана въ политикѣ реставраціи и франко-испанской войнѣ того времени³⁾. Хотя герцогъ Ришелье написалъ свою политическую исповѣдь, тотчасъ по удаленіи отъ дѣлъ, въ декабрѣ 1821 года, и она находилась въ рукахъ его друзей, но они не нашли возможнымъ обнародовать этотъ интересный историческій документъ, а теперь его отыскалъ Сетернъ-де-Вель и напечаталъ въ извлеченіи въ *Revue de Paris* отъ 15-го октября и 1-го ноября; полный же его текстъ будетъ приложенъ къ подготавливаемой имъ къ печати книгѣ: Герцогъ Ришелье. Хотя, собственно говоря, искренній рассказъ герцога о его борьбѣ съ либеральной оппозиціей, съ одной стороны, и клерикальной реакціей, съ другой, не представляетъ особенно важныхъ новыхъ фактовъ, но очень рельефно рисуетъ его симпатичную личность и между прочимъ отличается любопытной защитой его министерства отъ обвиненія въ рабѣнномъ подчиненіи интересовъ Франціи русскому императору Александру I. «Я не отрицаю, говоритъ онъ, что я питаю привязанность къ странѣ, въ которой провелъ двадцать пять лѣтъ и нашелъ не только убѣжище въ самую плачевную эпоху моей жизни, но и почетное положеніе, а также, что я сохраняю почтительную благодарность къ государю, который постоянно оказывалъ мнѣ милости и удостоивалъ меня своимъ довѣріемъ. Но въ какихъ обстоятель-

¹⁾ Histoire générale du IV siècle à nos jours, par E. Lavisse et A. Rambaud. T. X.—Les monarchies constitutionnelles. 1815—1817. 109, 110, 111 fascicules. Paris. 1897.

²⁾ Ma retraite du pouvoir, par le duc de Richelieu. *Revue de Paris*, 15 octobre—1 novembre.

³⁾ Chateaubriand et la guerre d'Espagne d'après de documens inédits, par le marquis de Gabriac. *Revue des deux Mondes*, 1 octobre—1 novembre.

ствах могъ я жертвовать ему интересами Франціи, даже если бы я былъ способенъ на подобную низость? и были ли мы въ состояніи оказать ему какія бы то ни было услуги, со времени Ста Дней и моего вступленія въ министерство? Напротивъ того, не ему ли мы были обязаны тѣмъ, что избѣгли чрезвѣрныхъ требованій и притязаній другихъ державъ? У меня хранится карта, которую я считаю для себя великой честью и славой; императоръ Александръ далъ мнѣ ее послѣ подписи трактата 20-го ноября, и на ней отмѣчены тѣ провинціи, которыя союзники хотѣли отнять у Франціи и непремѣнно бы отняли, если бы этому не помѣшалъ Александръ. По этой картѣ отъ Франціи отрѣзали: часть Франшъ-Конте, весь Эльзасъ, большую часть Лотарингіи и Трехъ Епископствъ, Стене, Седанъ, Мезьеръ, Живе, всю Генегау и всю французскую Фландрію до моря. Извѣстно, чѣмъ ограничались жертвы, принесенныя Франціей, благодаря заступничеству Александра. Когда потомъ возникъ вопросъ о сокращеніи арміи на 30,000 человѣкъ, то мы обязаны были тому же Александру эгипъ облегченіемъ, и онъ же устранилъ всѣ затрудненія къ быстрому платежу нами военной контрибуціи. Все это сдѣлалъ Александръ для насъ, а чѣмъ же мы вознаградили его за такія великія услуги? Рѣшительно ничѣмъ. Я говорю это увѣренно и вызываю кого угодно доказать противное. Самъ Александръ былъ столь преданъ своимъ союзникамъ и такъ боялся, чтобы его не заподозрѣли въ пристрастіи къ одному изъ нихъ, что отвергъ бы всѣ авансы, которые мы могли бы ему сдѣлать. Но я хочу здѣсь высказать всѣ мои мысли, а потому не скрою, что если бы пятерной союзъ былъ расторгнутъ и пришлось бы заключать отдѣльные союзы, то я всегда посоветовалъ бы Франціи оказать предпочтеніе Россіи передъ Англіей. Отдѣленные другъ отъ друга громаднымъ пространствомъ, уничтожить которое могло задумать только безуміе счастливаго завоевателя, Франція и Россія не могутъ никогда имѣть причинъ вредить одна другой; ихъ интересы не могутъ быть противоположны, между ними не мыслимо соперничество, а благоденствіе одной не можетъ мѣшать другой, наконецъ соединенія ихъ сила достаточно, чтобы поддержать всеобщій миръ. Того же самаго нельзя сказать объ Англіи, съ которой, благодаря сосѣдству и различію интересовъ, какъ политическихъ, такъ и коммерческихъ, мы находились вѣкамъ во враждѣ, прекращавшейся только на короткое время и то въ виду необыкновенныхъ и неестественныхъ условий. Никогда союзъ Франціи съ Англіей не можетъ быть надежнымъ, долгосрочнымъ и приносящимъ пользу. Напротивъ, повторяю, союзъ съ Россіей одинаково полезенъ обѣимъ націямъ, и только при подобномъ условіи союзы бываютъ твердыми и солидными». Эти строки какъ нельзя болѣе кстати обнаружены въ настоящее время, когда послѣ столькихъ неудачныхъ попытокъ наконецъ заключенъ столь давно желанный франко-русскій союзъ.

Какъ извѣстно, и Шатобріанъ не менѣе Ришелье былъ защитникомъ этого союза. Хотя маркизъ Габріакъ въ своей статьѣ исключительно описываетъ дѣятельность Шатобріана, въ качествѣ представителя Франціи на Веронскомъ конгрессѣ и министра иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Виллеля, во время возбужденной имъ франко-испанской войны, но и на страницахъ его труда мы встрѣчаемъ свидѣнія о томъ, что Шатобріанъ находился въ очень близкихъ

сношеніяхъ съ Александромъ и настаивалъ на обоюдной пользѣ тѣснаго союза между Франціей и Россіей. Какъ извѣстно, на Веронскомъ конгрессѣ было рѣшено вмѣшательство во внутреннія дѣла Испаніи, съ цѣлью поддержать короля Фердинанда VII противъ его народа, требовавшаго конституціонной реформы, и Франціи предоставлено дѣйствовать самостоятельно въ этомъ случаѣ объявленіемъ войны Испаніи въ защиту ея короля. Шатобріанъ, бывшій душою этой войны, объяснилъ на прощальной аудіенціи императору Александру, чѣмъ онъ руководствовался въ возбужденіи подобной борьбы среди общаго мира. «Ваше величество,— сказалъ онъ,— я думаю, что Франція должна возвыситься до той высоты, съ которой ее свелъ вѣнскій трактатъ, и когда она возстановитъ свое достоинство, то сдѣлается и для вашего величества болѣе полезнымъ и почетнымъ союзникомъ?». Александръ ничего не отвѣчалъ, задумался, и потомъ молча пожалъ руку Шатобріану. Съ тѣхъ поръ и во все время управленія Шатобріаномъ дипломатическими дѣлами Франціи русскій императоръ искренно его поддерживалъ. Хотя маркизъ Габріакъ, повидному, ярый лигитимистъ, въ своей статьѣ, основанной на новыхъ, открытыхъ имъ, документахъ въ казенныхъ и частныхъ архивахъ, слишкомъ превозноситъ Шатобріана за франко-испанскую войну, которая въ сущности была торжествомъ реакціи, но все-таки надо отдать ему справедливость, что съ исключительно французской національной точки зрѣнія испанская экспедиція возвысила Францію въ Европѣ и поставила ее снова на первое мѣсто среди европейскихъ державъ. Конечно, нельзя упускать изъ вида и другой, болѣе широкой, политической точки зрѣнія, которая проведена въ исторіи франко-испанской войны въ X томѣ колоссальнаго труда Лависа и Рамбо. Уже не говоря о томъ, что эта война погубила надолго либеральное дѣло въ Испаніи, она печально отозвалась на внутренней политикѣ Франціи, гдѣ реакція, пользуясь своею побѣдой въ Испаніи, дошла до геркулесовыхъ столбовъ, что, въ концѣ-концовъ, не только отразилось вредно на либеральномъ развитіи Франціи, но и послужило основной причиной паденія бурбоновъ.

— Жоржъ Зандъ и Альфредъ де-Мюссе. Второй годъ французская литература обсуждаетъ со всѣхъ точекъ зрѣнія знаменитую, классическую любовь двухъ свѣтилъ романтизма: Альфреда де-Мюссе и Жоржа Зандъ. Сначала журналы и газеты переполняли свои страницы и столбцы безконечными статьями объ этомъ не выдуманномъ, а пережитомъ романѣ, а теперь появляются книга за книгой о томъ же модномъ предметѣ. Не только комментаріи и сужденія о роли того и другого изъ героевъ жизненной драмы нагромождаются одни на другіе, но напечатана масса подлинныхъ документовъ и обнародованы всѣ письма Жоржа Занда къ Мюссе, ея переписка съ Сентъ-Веномъ и другими лицами, отрывки изъ писемъ Мюссе къ ней и воспоминанія третьяго лица въ этомъ романѣ, доктора Поджелло, такъ что недостаетъ только появленія на свѣтъ всѣхъ писемъ поэта къ Жоржу Зандъ, старательно еще охраняемыхъ отъ печати его сестрой г-жей Ларденъ де-Мюссе, чтобъ исчерпать всѣ источники для полнаго изслѣдованія литературной любви, которая болѣе шестидесяти лѣтъ интересуется и волнуетъ весь образованный свѣтъ. Впрочемъ и теперь, благодаря безконечной литературѣ, возникшей по этому поводу, и въ особенности письмамъ

Жоржа Занда къ Альфреду де-Мюссе и Сент-Беву, напечатаннымъ съ предисловіемъ Рапблэ ¹⁾, послѣдованія Шпельберка де Лавенжаля «Истинная исторія ея и его» ²⁾ и труду Поля Марьетона «Исторія любви: Жоржъ Зандъ и Альфредъ де Мюссе» ³⁾ можно составить себѣ ясное понятіе объ этомъ предисловіемъ эпизодѣ литературной жизни Франціи XIX столѣтія. Хотя послѣдній пазъ этихъ новѣйшихъ комментаторовъ, пламенный защитникъ Мюссе, такъ же рьяно отстаиваетъ Жоржа Зандъ, а первый старается ихъ примирить, но они приводятъ въ порядокъ весь богатый матеріалъ подлинныхъ писемъ и различныхъ документовъ, обнаруженныхъ до сихъ поръ, искусно группируютъ его и даютъ возможность читателю составить себѣ вполне основательное мнѣніе о спорномъ вопросѣ. Но въ виду того, что Жоржъ Зандъ, какъ женщина, отъ этого безжалостнаго разоблаченія ея внутренней, частной жизни терять въ нравственномъ отношеніи болѣе, чѣмъ Альфредъ де-Мюссе, то совершенно справедливо поклонники и безпристрастные цѣнители этой замѣчательнѣйшей женщины XIX столѣтія нашия нужнымъ напомнить особенно новѣйшимъ поколѣніямъ, что она не была только легкомысленной, чувственной женщиной, переменявшей друзей сердца, какъ перчатки, во однимъ изъ передовыхъ умовъ своего времени, выдающейся представительницей социальныхъ стремленій бурной эпохи, крупной литературной силой, имѣвшей громадное вліяніе не только на французскую, но и на иностранную литературы, въ томъ числѣ русскую, а подъ старость типомъ добраго человѣчнаго друга всѣхъ страдающихъ и нуждающихся. Въ этомъ духѣ написаны общая характеристика Жоржа Занда молодымъ писателемъ Мишелемъ Реваномъ, удостоенная преміи Французской академіи ⁴⁾, и «Добрая дама Ноана» другихъ двухъ молодыхъ авторовъ Гюга Лапэра и Фирмена Роза, ⁵⁾ мастерски воскресившихъ симпатичный образъ великой романистки въ послѣдніе годы ея жизни. Если рисуемая въ послѣдней книгѣ мирная, отрадная картина идиллической жизни Жоржа Занда въ ея любимомъ помѣстьѣ Ноанѣ примиряетъ съ нею читателя, возмущеннаго ея двойнымъ романомъ въ Венеціи и безконечными романами во Франціи, то мастерской этюдъ Ревана представляетъ ея колоссальную фигуру такую, какою она явится передъ безпристрастной исторіей и будущими вѣками. «Одни писатели, все болѣе и болѣе рѣдкіе, — справедливо говоритъ онъ. — живутъ безусловными артистами, чуждыми ихъ странѣ и ихъ времени, замкнутыми въ четырехъ стѣнахъ своей башни изъ слововой кости среди своихъ мечтаній, а другіе, большинство, сходятъ въ арену, гдѣ копошится низкій муравейникъ эгоистичныхъ, корыстныхъ стремленій. Истинные же мудрецы, тѣ немногіе писатели, которые, не покидая великаго искусства, служенія безсмертной красотѣ и возвышенныхъ вершинъ,

¹⁾ George Sand: lettres à Alfred de Musset et à Saint Benve, avec une introduction de S. Rochefolay. Paris. 1897.

²⁾ La véritable Histoire de Elle et Lui, par V. de Spoelbochde Lovenjaul. Paris. 1897.

³⁾ Une histoire d'amour; George Sand et A. de Musset, par Paul Marieton. Paris, 1897.

⁴⁾ George Sand, par Michel Revan. Paris. 1897.

⁵⁾ La bonne dame de Nohant, par Hugues Lapaire et Firmin Rose. Paris. 1897.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1897 г., т. LXX.

съ которыхъ шире и дальше видно, живутъ общею жизнью съ народомъ, думаютъ и чувствуютъ вмѣстѣ съ нимъ, работаютъ для него, соединяя служеніе красотѣ съ служеніемъ народному благу и человѣчеству. Жоржъ Зандъ по своему женскому инстинкту и здравому характеру своего гения избрала этотъ средній путь. Она поняла, что крупный, сильный умъ не можетъ терять время на чеканку фразъ и на воспѣваніе художественныхъ идеаловъ, и принявъ участіе въ общественной борьбѣ своей эпохи, она сохранила свой художественный пылъ и сдѣлалась душой того общественнаго органа, среди котораго жила. Это не мѣшало ей быть идеалисткой въ лучшемъ значеніи этого слова и въ то же время однимъ изъ передовыхъ выразителей XIX вѣка. Оба пола соединялись въ ней самымъ поразительнымъ образомъ: отъ женщины она брала живое воображеніе, романтичныя стремленія, довѣрчивость и доброту, отъ мужчины—твердую волю, благородство, честность, преданность въ дружбѣ, трудолюбіе. Благодаря этому сліянію мужскихъ и женскихъ качествъ, она съ одной стороны не поддавалась безумнымъ увлеченіямъ, и отличалась женской нервною и мужскимъ благоразуміемъ, съ другой же обнаруживала отсутствіе строгой логики и неослѣдовательность, что особенно видно въ ея идейныхъ романахъ. Но все-таки при всѣхъ ея недостаткахъ она обладала почти всѣми высшими качествами мужчины и женщины. Естественно, что, смотря на Жоржа Занда съ этой точки зрѣнія, единственно справедливой, легко понять, что для нея любовь въ жизни была лишь эпизодомъ, лишь случайнымъ препровожденіемъ времени, которому она не придавала всепоглощающаго значенія; главное для нея было работать перомъ и идти рука въ руку съ человѣческимъ прогрессомъ, а любовь играла для нея второстепенную роль, хотя по временамъ, конечно, и она ощущала страданія и муки, неизбежные спутники любви. Одаренная чувственной натурой, она умѣрляла ее своимъ благоразуміемъ и послѣ вспышекъ страсти спокойно садилась за работу. Этимъ и объясняются ея безконечные романы съ Жюлемъ Сандо, Альфредомъ Мюссе, Сентъ-Бовомъ, Шопеномъ, Полемъ Деларошемъ, Пьеромъ Леру, Мишелемъ изъ Буржа и т. д. При этомъ, когда ей попадались юные, слабѣйшіе темпераменты, какъ Мюссе и Шопенъ, она всецѣло подчиняла ихъ себѣ, а напротивъ, имѣя дѣло съ сильными, могучими натурами, какъ народный трибунъ Мишель изъ Буржа и радикальный мыслитель Пьеръ Леру, она поддадала подъ ихъ вліяніе. Однажды установивъ такую точку зрѣнія на Жоржа Занда въ романтическихъ приключеніяхъ ея жизни, а она одна безпристрастна и справедлива, не трудно понять, что въ основѣ ея знаменитой драмы съ Мюссе было одно громадное недоразумѣніе. Альфредъ де-Мюссе въ противоположность Жоржу Занду признавалъ въ жизни и въ поэзіи одно — любовь; для любви онъ исключительно жилъ, любовь онъ исключительно воспѣвалъ въ своей поэзіи. Всецѣло отдаваясь любви, онъ пламенно, безумно любилъ, но не признавалъ для себя въ любви никакихъ границъ, никакихъ обязательствъ. Юный, вдохновенный поэтъ, онъ велъ жизнь самую распутную среди пьянства и разврата. Встрѣтившись съ Жоржемъ Зандомъ, онъ полюбилъ ее со всѣмъ азартомъ своей огненной, поэтической натуры, но терзалъ ее ревностью, своей разгульной жизнью, постоянными намѣнами, даже доходилъ до побоевъ, о чемъ

свидѣтельствуеть Сень-Бевъ, видѣвшій на ея плечѣ громадныя синяки. Жоржу Занду вскорѣ надоѣла эта лихорадочная любовь, не дававшая ей покоя для литературной работы, и когда онъ заболѣлъ отъ послѣдствій своихъ кутежей въ Венеціи, она ухаживала за нимъ съ самоотверженіемъ сестры, но нашла себѣ утѣшеніе въ объятіяхъ глупаго, по ея собственному признанію, но красиваго, а главное мужественнаго итальянскаго доктора Наджелло. Сначала Мюссе въ какомъ-то романтическомъ экстазѣ благословилъ новую чету, но потомъ началъ терзать себя и Жоржа Занда нестерпимыми муками. Они разстались въ Венеціи, но потомъ снова свидѣлись въ Парижѣ и въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ то снова сходились, то снова разлучались послѣ самыхъ пламенныхъ вспышекъ любви, сценъ ревности, ссоръ и т. д. Наконецъ романъ, тянувшійся болѣе полутора года, прекратился по настоянію Жоржа Занда, видѣвшей, что эти обоядныя мученія ни къ чему хорошему не поведутъ. Но тутъ ей пришлось убѣдиться, что она не всегда господиятъ Донъ Жуанъ, а Мюссе— дѣвица Вапронъ, какъ ихъ въ шутку называли остряки; на нее неожиданно нашла сентиментальная линія, и она, быть можетъ, разъ въ жизни почувствовала искреннюю любовь, но Мюссе по наущенію друзей не захотѣлъ еще разъ поддаться ея могучему влиянію, и всѣ ея попытки возобновить съ нимъ прерванныя ею же отношенія остались безуспѣшны. Однако она терзалась не долго и вскорѣ нашла себѣ утѣшеніе въ литературной работѣ и любви къ другимъ. Напротивъ, Мюссе до конца жизни любилъ ее, и эта несчастная любовь была одной изъ причинъ его преждевременной смерти. Вотъ и весь пресловутый Мюссе-Зандскій романъ, который только потому болѣе шестидесяти лѣтъ интересуеетъ весь образованный свѣтъ, что его герои великій поэтъ и великая романстка. Впрочемъ и они сами постарались разжечь общее любопытство, сдѣлавъ эту любовь предметомъ своихъ произведеній: *Les nuits, La confession d'un enfant du Sebuile, Lettres d'un voyageur, Elle et lui*. Къ ихъ собственнымъ рассказамъ, не мало грѣшившимъ противъ истины, примѣшались разглагольствованія другихъ авторовъ, въ особенности надѣлалъ много шума романъ *Lui et elle* брата Мюссе Поля, на который Жоржъ Зандъ отвѣчала гнѣвнымъ опроверженіемъ взнеденныхъ на нее клеветъ и впервые не пожалѣла памяти любимаго человѣка, выливъ на него ушатъ грязи. Такимъ образомъ венеціанскій романъ принялъ легендарный характеръ и только теперь, благодаря напечатаннымъ подлиннымъ документамъ, онъ выяснился во всей своей правдѣ. Однако какъ ни грустно, что эти литературные Ромео и Джулиетта, эти юные Элоиза и Абеларъ, предстали по собственной своей винѣ передъ потомствомъ во всей неприглядной наготѣ ихъ частной жизни, но однажды, что уже поднята завѣса, скрывавшая ихъ «таинственную и мрачную исторію», какъ выражается самъ Мюссе, то слѣдуетъ напечатать рядомъ безъ всякихъ комментариевъ всѣ письма Мюссе и Жоржа Занда. Они составятъ такой поэтическій, жизненный, реальный романъ, какого еще не писалъ ни одинъ авторъ.

— Ренанъ чрезъ очки англійской поэтессы. Въ Англійи вышла еще одна образцовая біографія, но на этотъ разъ предметомъ служить иностранецъ, Ренанъ, а авторъ англичанка по происхожденію и французенка по замужеству, а также по постоянному пребыванію въ Парижѣ при жизни и

послѣ смерти ея мужа, мистриссъ Джемсъ Дармстетеръ. Поэтъ въ англійской литературѣ подъ своимъ дѣвичьимъ именемъ Мэри Робинсонъ и беллетристъ во французской, гдѣ она извѣстна сборникомъ разсказовъ въ стилѣ XIII и XIV вѣка подъ заглавіемъ: «*Maguerites du temps passé*», и историческимъ очеркомъ о Фруассарѣ, эта талантливая и высокообразованная женщина задумала написать поанглійски біографію Ренана ¹⁾, любимымъ ученикомъ котораго былъ ея мужъ, замѣчательный французскій ученый, быть можетъ, наиболѣе подходившій по своимъ глубокимъ знаніямъ и интеллектуальному построению къ великому эссеисту. Вся англійская критика признаетъ, что она исполнила свою задачу мастерски и составила такую мастерскую біографію, хотя, быть можетъ, слишкомъ краткую, которая останется, по крайней мѣрѣ, на англійскомъ языкѣ окончательной біографіей великаго ученаго и философа. Впрочемъ, мистриссъ Дармстетеръ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для образцоваго біографа Ренана; она поэтъ, а необходимо поэтическое чутье, чтобъ понять сложную натуру Ренана; она достаточно свѣдуща въ научныхъ предметахъ, чтобы оцѣнить его ученую обаятельность, наконецъ она совершенно усвоила себѣ французскую жизнь, безъ чего нельзя выяснитъ той роли, которую игралъ Ренанъ въ современномъ французскомъ обществѣ. Раздѣливъ свою книгу на четыре части, г-жа Дармстетеръ въ первой рассказываетъ очень поэтично и художественно дѣтство и юность Ренана на основаніи его собственныхъ воспоминаній и писемъ къ сестрѣ и его другу Бертелю; вторая посвящена интеллектуальной и нравственной борьбѣ, которая сдѣлала его изъ католическаго семинариста свободнымъ мыслителемъ, а потомъ изъ социалистовъ, въ которые онъ пошелъ, благодаря вліянію отца Бертелю, социалиста-доктора, проповѣдникомъ странной теоріи, что человечество существуетъ съ цѣлью лишь созданія аристократіи ума. Это убѣжденіе, запавшее въ его душу послѣ ужасныхъ беспорядковъ 1848 года, окончательно утвердилось во время коммуны 1871 года, и его біографъ очень тонко выясняетъ развитіе этого настроенія подъ вліяніемъ не только барикадъ, но и франко-прусской войны, въ четвертой части его книги, а третью часть составляетъ мастерской очеркъ ученой и литературной дѣятельности Ренана. Тутъ въ самомъ сжатомъ, но ясномъ и конкретномъ видѣ мистриссъ Дармстетеръ рекомпируетъ всѣ его сочиненія, даже самыя спеціальныя и трудно усвоиваемыя, какъ: «*Fragments philosophiques*», «*Ecclesiaste*» и «*Drames philosophiques*». Отзываясь о нихъ очень сочувственно, она, однако, сохраняетъ полное безпристрастіе и, наиримѣръ, говоря о «*Жизни Христа*», указываетъ на недостаточность его ученой подкладки. Въ своемъ общемъ философскомъ взглядѣ на Ренана она вполне правильно характеризуетъ его въ слѣдующихъ немногихъ, но мѣткихъ словахъ: «Его умъ былъ самымъ широкимъ въ нашъ вѣкъ, а потому наименѣе страстнымъ; онъ былъ не въ состояніи пристать къ одной какой нибудь партіи, или какому нибудь толку; онъ не могъ поставить предѣла законамъ разума. Если устами его противника говорила правда, то онъ пламенно выражалъ свое одобреніе. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ высказывалъ положительные доводы, Ренанъ никогда не забывалъ, что

¹⁾ The life of Ernest Renan, by Madame James Darmsteter. London. 1897.

у всякаго предмета есть невидимая сторона, которая можетъ противорѣчитьъ всѣмъ заключеніямъ, выводимымъ нами изъ того, что видно. Это происходитъ отъ того, что человѣческій глазъ и глазъ человѣческаго ума такъ построены, что они не могутъ сразу объять всѣ стороны даннаго предмета. Однако Ренанъ видѣлъ всѣ эти стороны такъ быстро одну за другой, какъ въ быстро измѣняющемся калейдоскопѣ, что его понятіе о предметахъ было всегда сложное, состоявшее изъ противоположностей. Ни одна сторона правды не вліяла на него столь всепоглощающимъ образомъ, чтобъ онъ терялъ изъ виду остальные ея стороны. Благодаря основному свойству его ума, допускавшему сочетаніе противоположностей, онъ считалъ, что признаніе правды допускало возможность и видимаго ея отрицанія. Атмосфера, чрезъ которую мы видимъ міръ, въ сущности свѣтящаяся, лучезарная призма, къ которой только такъ привыкъ нашъ глазъ, что не замѣчаетъ всѣхъ ея лучей, а Ренанъ сохранилъ всю свѣтовую способность своего умственного глаза и различалъ всѣ лучи призмы. Правда его утвержденій была всегда ограничена самыми тонкими оговорками, и единство его ума, чрезвычайно искренняго и правдиваго, состояло изъ сліянія тысячи разновидностей, подобно тому, какъ бѣлый цвѣтъ получается на палитрѣ художника изъ соединенія многихъ красокъ.

— Воспоминанія Макса Мюллера. Цѣлый годъ «Cosmopolis» печаталъ почти изъ номера въ номеръ воспоминанія извѣстнаго оксфордскаго профессора, Макса Мюллера. Семидесяти-четырёхлѣтній англо-нѣмецкій ученый, оказывается, очень много видѣлъ и очень многихъ зналъ въ своей жизни, хотя проведенной преимущественно въ тиши кабинета среди, повидимому, скучныхъ филологическихъ изслѣдованій; а рассказываетъ онъ о всёмъ видѣнномъ и слышанномъ такъ живо, интересно и безпристрастно, что его воспоминанія займутъ видное мѣсто среди матеріаловъ для изученія людей XIX вѣка. Дѣйствительно, люди нашего времени во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности составляютъ главный предметъ его мемуаровъ, и ихъ можно было бы смѣло назвать: «Люди, которыхъ я зналъ». Онъ самъ раздѣляетъ свои воспоминанія на четыре отдѣла, посящящіе различныя названія: «Музыкальные воспоминанія»¹⁾, «Литературныя воспоминанія»²⁾, «Лица королевской крови»³⁾ и «Нящіе»⁴⁾. Сынъ поэта и внукъ перваго министра герцога Ангальтъ-Дессаускаго, Максъ Мюллеръ провелъ дѣтство въ скромномъ, уединенномъ уголкѣ своей германской родины, на берегу Эльбы и, благодаря тому, что въ его ранніе годы онъ находился въ музыкальной атмосферѣ, среди своего крестнаго отца, Вебера и Мендельсона, Паганини, Спора, Зонтага и другихъ музыкальныхъ знаменитостей, постоянно посѣщавшихъ Дессау, мальчикъ пристрастился къ музыкѣ и, повидимому, его предназначали къ музыкальной карьерѣ. Онъ игралъ на фортепьяно и пѣлъ, но, перейдя въ высшую школу къ Лейпцигѣ, онъ вынужденъ былъ выбрать

¹⁾ Musical recollections, by Max Muller. Cosmopolis. October, 1896.

²⁾ Litterary recollections, by Max Muller. Cosmopolis. December, 1896. January, March, May, 1897.

³⁾ Royalties, by Max Muller. Cosmopolis. July, September, 1897.

⁴⁾ Beggars, by Max Muller. Cosmopolis. October, 1897.

одно изъ двухъ: или музыку, или классическіе языки. Его выборъ остановился на послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что вся его семья страдала глухотой и съ такимъ наследственнымъ недостаткомъ трудно было выступить на поприще, гдѣ главное условіе хорошій слухъ. Однако не сдѣлавшись присяжнымъ музыкантомъ, Максъ Мюллеръ всю жизнь очень любилъ музыку, и среди его ближайшихъ друзей были Мендельсонъ, Листъ, Шуманъ, Клара Викъ, впоследствии жена Шумана, Джейнъ и Линдъ, о которыхъ онъ рассказываетъ много интереснаго въ своихъ музыкальныхъ воспоминаніяхъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, литераторы и ученые занимаютъ наиболѣе видное мѣсто въ этихъ интересныхъ мемуарахъ. Изъ нѣмецкихъ писателей онъ близко зналъ романиста Теодора Фонтана и поетовъ Гарвега, Аридта и Рюккерта; старика Уланда онъ видалъ нѣсколько разъ, а Гейне встрѣтилъ однажды въ Парижѣ больнымъ, умирающимъ. Послѣдній очень уважалъ отца профессора, который приводитъ его письмо къ отцу, оканчивающееся словами: «за исключеніемъ Гете, изъ всѣхъ лирическихъ поетовъ люблю всего болѣе васъ». Переехавшись въ Англію и занявъ въ Оксфордѣ мѣсто профессора, которое онъ сохраняетъ до сихъ поръ, Максъ Мюллеръ подружился въ особенности съ историкомъ Фрудомъ и социально-религіознымъ беллетристомъ, пасторомъ Чарльсомъ Кастлп, которые были женаты на теткахъ его жены; съ помощью ихъ онъ вступилъ въ литературный міръ и близко зналъ Теннисона, Браунинга, Матью Арнольда, Роскина, Карлайля, Маколея и американцевъ: Эмерсона, Ловеля и Оливера Вендела Гольмса. Среди же ученыхъ онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Фарадеемъ, Лайелемъ, Дарвиномъ, Гротомъ и Вевелемъ; Теккерей и Диккенсъ онъ встрѣчалъ, но не часто. Съ наибольшимъ сочувствіемъ онъ отзывался въ своихъ воспоминаніяхъ о Роскинѣ, Теннисонѣ и Браунингѣ. Первый, по его словамъ, былъ самымъ очаровательнымъ собесѣдникомъ, не выказывалъ ни малѣйшей претензіи на авторитетъ, напротивъ обнаруживалъ въ спорахъ добродушную терпимость, терпѣливо слушалъ своихъ собесѣдниковъ и оставлялъ своему перу всю отличавшую его жалкую рѣзкость. «Онъ,—прибавляетъ Мюллеръ,—былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ извѣстныхъ мнѣ англичанъ, которые не бросаютъ одно за другимъ слова, какъ чемоданы, сундуки и мѣшки изъ желѣзнодорожнаго вагона въ тележку, а съ удовольствіемъ строятъ изъ своей рѣчи художественное зданіе. Его публичныя лекціи въ качествѣ профессора изящнаго искусства были очень привлекательны и сначала чрезвычайно популярны. Но онъ слишкомъ его утомляли, и по совѣту докторовъ онъ долженъ былъ прекратить ихъ». Какъ Роскинъ былъ типическимъ представителемъ Оксфорда, такъ Теннисонъ былъ истиннымъ сыномъ Кембриджа; хотя, по мнѣнію Мюллера, онъ не занималъ передоваго мѣста въ англійской поэзіи, и его нельзя назвать однимъ изъ величайшихъ поетовъ Англіи, но въ немъ было столько прекраснаго и возвышеннаго, какъ въ поэтѣ, такъ и въ человѣкѣ, что послѣ его смерти вся Англія почувствовала, что осталась пустота, которую никто не могъ пополнить. Изъ анекдотовъ о Теннисонѣ, приводимыхъ профессоромъ, заслуживаютъ вниманія два. Однажды поэтъ жаловался королевѣ, что долженъ покинуть любимый имъ островъ Вайтъ, благодаря толпамъ туристовъ, которые не даютъ ему покоя, и на ея замѣчаніе, что ей не приходится страдать отъ подобной неспрiятности, онъ отвѣчалъ:

«О, еслибъ я могъ ставить часовыхъ повсюду, то и меня никто не беспокоилъ бы». Какъ извѣстно, Теннисонъ былъ страстный курильщикъ и почти никогда не выпускалъ изо рта своей маленькой трубочки; часто друзья упрекали его, что онъ по слабохарактерности не можетъ бросить эту вредную для здоровья привычку, и онъ наконецъ объявилъ имъ, что съ того дня отказывается навсегда отъ куренія. Дѣйствительно, въ ту же ночь онъ выбросилъ въ садъ свои и трубки и табакъ; весь слѣдующій день онъ былъ въ прекрасномъ настроеніи духа, но на второй день сталъ мраченъ, на третій домашніе уже не знали, что съ нимъ дѣлать, а на четвертое утро онъ всталъ на зарѣ, подобралъ свои трубки и остатокъ табаку, закурилъ постарому и уже болѣе никогда не бросалъ куренія. Мюллеръ восторгается поэзіей Браунинга, хотя она не такъ изящна по формѣ, какъ муза Теннисона, но «зато она умѣряетъ грусть читателя, придаетъ серьезность его чрезырному веселью, утоляетъ его жажду, дѣлаетъ богатымъ бѣдняка и высѣкаетъ воду изъ камней, наполняющихъ пустыни нашей жизни». По словамъ профессора, знанъ такихъ людей, какъ Теннисонъ и Браунингъ, было рѣдкимъ счастьемъ и въ особенности отрадно было видѣть послѣдняго въ Венеціи, которая такъ подходила къ его настроенію. Въ галлерей ученыхъ, съ личностями которыхъ знакомятъ читателей Максъ Мюллеръ, первое мѣсто занимаютъ: Фарадей, Тиндаль и Дарвинъ, первый изъ нихъ производилъ съ перваго взгляда сильное впечатлѣніе своимъ величіемъ, достоинствомъ и добротой. Онъ поддерживалъ профессора своимъ могучимъ авторитетомъ во время его первыхъ публичныхъ лекцій о сравнительномъ языкознаніи въ королевскомъ институтѣ, и когда Мюллеръ пришелъ въ отчаяніе отъ замѣчанія одной титулованной слушательницы, что отрадно было слышать о происхожденіи англійскаго языка отъ еврейскаго, которымъ говорили Адамъ и Ева въ рай, то ветеранъ науки произнесъ: «Не унывайте, послѣ окончанія почти каждой моей лекціи какая нибудь герцогиня подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «Послушайте, мистеръ Фарадей, вѣдь вы не хотите же увѣрить меня, что вода, которую я пью, не что иное, какъ вашъ кислородъ и водородъ». Продолжайте, молодой человекъ; что нибудь да пристанетъ къ слушателямъ изъ вашихъ лекцій». Дарвина ученый филологъ высоко цѣнилъ, но, восхищаясь его великими трудами, онъ смѣло указывалъ въ своихъ лекціяхъ и статьяхъ, что его польза считать творцемъ системы эволюціи, и что человекъ не могъ постепенно развиваться изъ животной формы, такъ какъ языкъ былъ непреборимой преповой между человекомъ и животнымъ, которое никогда не можетъ научиться говорить. Свою теорію онъ однажды развилъ передъ самимъ Дарвиномъ, и тотъ молча, выслушавъ его доводы, сказалъ: «вы опасный человекъ», и не вступилъ съ нимъ въ споръ. Когда же Мюллеръ послалъ ему свою статью, въ которой были подробно развиты тѣ же аргументы, то онъ поблагодарилъ его запиской, которая кончалась юмористическимъ замѣчаніемъ: «Что касается до нашего спора, хотя нѣкоторые изъ вашихъ замѣчаній довольно колки, но они облечены въ такую любезную форму, что ставятъ меня въ положеніе того сказочнаго героя, который гордился, что его подвергнулъ встрѣлкѣ герцогъ». Очень тепло отзываясь оxfordскій профессоръ о своемъ предпественникѣ въ этомъ университетѣ, полурусскомъ, полушвей-

царѣ по происхожденію, мисторѣ Тритонѣ, который отличался необыкновенными способностями и поражалъ всѣхъ своимъ знаніемъ многочисленныхъ языковъ. Онъ былъ очень молодъ, представлялъ «настоящій типъ привлекательнаго русскаго» и сдѣлался бы съ теченіемъ времени новымъ Меццофанти, еслибъ не сошелъ съ ума и не умеръ въ цвѣтъ лѣтъ. Переходя къ лицамъ королевской крови, которыхъ онъ близко зналъ, Мюллеръ прежде всего и въ самыхъ сочувственныхъ краскахъ рассказываетъ исторію Ангальт-Дессаускаго дома и подробно рисуетъ портретъ стараго герцога, при которомъ онъ родился и жилъ въ дѣтствѣ на своей родинѣ. Рядомъ съ картиной патриархальныхъ нравовъ въ этомъ мирномъ уголкѣ теперь уже не существующей старинной Германіи, надо поставить блестящія характеристики прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV, Вильгельма I и въ особенности императора философа, съ которымъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Темерешнаго императора онъ такъ же, какъ отца, принималъ къ Оксфордѣ еще юношей и хорошо отзывается объ его удивительномъ трудолюбіи. Объ англійской королеви, принцѣ Альбертѣ и принцѣ Уэльскомъ, Мюллеръ рассказываетъ много интереснаго, но, можетъ быть, самая оригинальная часть его воспоминаній—это послѣднія ея страницы, посвященныя нищимъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться и которые, повидимому, очень ловко его эксплоатировали.

— Теннисонъ съ точки зрѣнія его сына. Официальный поэтъ викторіевской эпохи, лордъ Теннисонъ, при своей жизни боялся попасть въ руки несочувственныхъ ему біографовъ и поручилъ сыну составить послѣ его смерти такую біографію, которая, представивъ всѣ факты его жизни, по возможности безъ комментариевъ, уничтожила бы вѣроятность появленія дальнѣйшихъ, неавторитетныхъ, біографическихъ о немъ трудовъ. Такимъ образомъ, только что появившееся жизнеописаніе поэта имѣетъ строго официальный характеръ, и читатели видятъ передъ собою Теннисона такимъ, какимъ сынъ желаетъ его представить ¹⁾. О безпристрастной оцѣнкѣ жизни и литературной дѣятельности поэта не можетъ быть тутъ и рѣчи; всякое критическое отношеніе къ нему, какъ къ писателю и человѣку, не мыслимо. Поэтому, хотя этотъ трудъ представляетъ богатый матеріалъ для характеристики Теннисона, но самую характеристику надо ждать отъ другого автора, у котораго руки были бы совершенно развязаны. Во всякомъ случаѣ эта біографія любимаго англійскаго поэта нашего времени возбуждаетъ большой интересъ во всѣхъ странахъ, говорящихъ англійскимъ языкомъ, и не только англійская, но и американская журналистика наполнена безчисленными статьями по поводу этой книги; авторы этихъ статей, относясь съ единодушнымъ сочувствіемъ къ Теннисону, или реакционируютъ трудъ его сына, или высказываютъ свои собственные взгляды на него, или, наконецъ, рассказываютъ свои воспоминанія о той, или другой фазѣ его жизни. Послѣднія статьи, конечно, наиболѣе интересны и по сообщаемымъ новымъ свѣдѣніямъ всего любопытнѣе очеркъ Альфреда Гресса о посѣщеніи Теннисономъ Ирландіи въ ноябрьской книжкѣ *Cornhill Magazine* ²⁾, и картина,

¹⁾ Alfred, lord Tennyson: a memoir, by his Son. 2 vols. London. 1897.

²⁾ Tennyson in Ireland. By A. Graves. *Cornhill Magazine*. November.

рисуемая С. Оконоромъ о жизни Теннисона въ его помѣстьхъ Фарингфордъ, въ ноябрьскомъ номерѣ Century Magazine ¹⁾. Что касается до критическихъ эюдовъ о Теннисонѣ, то большинство ихъ только хвалебные гимны на всѣ лады, и лишь взглядъ Лесли (Стивенса ²⁾), напечатанный въ National Review за ноябрь, выражаетъ серьезное, вполне литературное мнѣнiе о поэтическомъ бабовнѣ современныхъ англичанъ. По словамъ этого почтеннаго критика и публициста, до сихъ поръ сохраняется мода на идолопоклоннической кулъть придворнаго поэта Викторiи, и принято одинаково восторгаться всѣми его произведенiями, хотя существуетъ большое различiе между рисуемымъ поэтомъ съ натуры фермеромъ сѣверной Англiи, котораго онъ видѣлъ собственными глазами, и воспѣтымъ имъ рыцарями, которые производятъ впечатлѣнiе чучель въ рыцарскихъ доспѣхахъ. Относительно философи Теннисона, которую такъ высоко ставятъ его поклонники, Стивенсъ справедливо говоритъ, что онъ похожъ на человѣка, который, спасшись съ погибшаго корабля, упорно держится осколка доски, хотя знаетъ, что онъ его не спасетъ, и никакъ не можетъ рѣшиться смѣло поплыть противъ волнъ, мужественно идя навстрѣчу или спасенiю, или смерти. «Что, быть можетъ, и мило, и трогательно, — прибавляетъ Стивенсъ: — но не такъ долженъ поступать поэтъ, призванiе котораго вести людей на борьбу, или философъ, который не труситъ вызывать прѣзрковъ ума». Дѣйствительно, идеаломъ Теннисона въ поэзи и жизни было благоразумiе, и онъ во всемъ держался золотой середины, ненавидя болѣе всего крайности. Этимъ и объясняется его громадная популярностъ, сохраняющаяся до сихъ поръ. Конечно, не таковъ взглядъ его сына, и для этого биографа Теннисона все въ немъ было одинаково прекрасно и возвышенно, какъ его дѣйствительно поэтическия, по формѣ, произведенiя, такъ напыщенные оды, по случаю различныхъ придворныхъ событiй, и всѣ событiя его жизни, мирно проведенной въ тиши кабинета, гдѣ онъ гордо, прѣзрительно игнорировалъ все, что дѣлалось въ свѣтѣ, и всѣхъ угнетенныхъ, страдающихъ вокругъ него. Но если читатель этого чисто официальнаго жизнеописанiя отрѣшится отъ всякихъ критическихъ требованiй, то онъ найдетъ въ его двухъ объемистыхъ томахъ много любопытнаго и интереснаго, тѣмъ болѣе, что они изобилуютъ не только семейными воспоминанiями о Теннисонѣ, но многочисленными отрывками изъ его переписки съ друзьями и отзывами о немъ королевы Викторiи, Гладстона, профессора Гиндала и другихъ выдающихся его современниковъ.

— Мемуары фельдмаршала лорда Робертса. Въ настоящемъ году не было въ Англiи книги популярнѣе мемуаровъ лорда Робертса, и продолженiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они вышли въ двадцати двухъ изданiяхъ. Съ перваго взгляда трудно понять такой необыкновенный успѣхъ этой специально военной книги ³⁾, но если взять въ соображенiе, что всѣ англичане гордятся своими героями, что ихъ въ наше время очень мало, и что мемуары лорда Робертса изображаютъ въ

¹⁾ Mrs Cameron, her Friends and her Photographs: Tennyson, Watts, Taylor, Herschel. By S. O'Connor. Century Magazine. November.

²⁾ Life of Tennyson. By L. Stephen. National Review. November.

³⁾ Forty-one Years in India. By field-marshal lord Roberts. London. 1897. 2 vols.

простою, безхитрою, вполне искреннею рассказъ его службу въ Индіи въ продолженіе сорока одного года, то станеть ясно, почему такъ жадно набрасывается англійскій читатель на эти два громадные тома, снабженные многочисленными портретами, иллюстраціями, планами и картами. Съ того времени, какъ Индія стала принадлежать Англій, она постоянно возбуждала въ англійчанахъ интересъ, а тѣмъ болѣе для нихъ любопытна долговременная дѣятельность одного изъ блестящихъ ея генераловъ въ настоящую минуту, когда борьба съ туземцами снова ставитъ на очередь вопросъ о лучшемъ способѣ для Англій поддерживать свою власть въ величайшемъ изъ ея проконсульствъ. Что касается до самой личности фельдмаршала лорда Робертса, военныя способности котораго, какъ извѣстно, очень цѣнили Скобелевъ, жаждавшій когда нибудь сразиться съ этимъ достойнымъ противникомъ на англо-русской границѣ, то, по мѣткому выраженію Стюда въ его статьѣ о мемуарахъ Робертса, онъ солдатъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, хотя и съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ рукахъ. Для него ничего не существуетъ на свѣтѣ, кромѣ военнаго дѣла; оно наполняло всю его жизнь; и ему исключительно посвящены его мемуары, которые, конечно, отъ этого пріобрѣтаютъ нѣсколько однообразный, но зато искренній характеръ. Сынъ англо-индійскаго генерала, Робертсъ, родился въ Клаунпорѣ въ 1832 году, воспитывался въ Англій и двадцати лѣтъ началъ военную службу подъ начальствомъ отца, подпоручикомъ бенгальской артиллеріи. До оставленія сплавъ въ 1857 году онъ велъ скучную, лагерную жизнь, но какъ только началась знаменитая борьба туземцевъ съ англійчанами, то онъ быстро выказалъ свое мужество и военныя способности, особенно во время осады Дели и спасенія гарнизона Лукиова, окруженнаго туземцами. Въ концѣ этой геройской борьбы, когда успѣхъ Англій былъ уже неизгладимъ, молодой Робертсъ заболѣлъ и повѣхалъ въ Англій для поправленія своихъ изнуренныхъ силъ. Тамъ онъ женился на миссъ Норѣ Бьюзъ и вскорѣ вернулся съ нею въ Индію, гдѣ мало-по-малу дошелъ до генеральскаго чина, командовалъ авганскою экспедиціей 1871 года, былъ втеченіе восьми лѣтъ главнокомандующимъ англійскою арміею въ Индіи и въ 1893 году покинулъ страну своихъ военныхъ успѣховъ. Съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ Англій и, награжденный за свои подвиги титуломъ лорда, чиномъ фельдмаршала и всевозможными почестями, считается наравнѣ съ лордомъ Вольслеемъ высшимъ военнымъ авторитетомъ страны. Съ этой точки зрѣнія и въ особенности при теперешнемъ новомъ, хотя и не столь громадномъ, какъ въ его юности, возстаніи индійскихъ туземцевъ противъ англійской власти, все, что онъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ о причинахъ прежняго возстанія и возможности новаго, такъ какъ его книга написана до послѣднихъ событій въ Индіи, — имѣеть большое значеніе, не только военное, но и политическое. По его мнѣнію, главная причина неудовольствія туземцевъ въ Индіи заключается въ чрезмѣрной англійской централизаціи, въ стѣсненіи туземцевъ санитарными и лѣсными законами, въ разореніи сельскаго населенія кулаками, которымъ покровительствуетъ англійское правительство, наконецъ, въ излпшнемъ вмѣшательствѣ англійскихъ властей въ туземный дѣла. Къ этимъ вполне справедливымъ и разумнымъ аргументамъ онъ прибавляетъ чисто военное соображеніе о томъ, что для избѣжанія новаго возстанія необходимо уменьшить

число туземныхъ войскъ и увеличить число англійскихъ сплбъ. Но что касается до его нападокъ на туземную прессу, въ которой онъ видитъ могучаго противника Англїи и подстрекателя возстанїя, то, конечно, въ этихъ взглядахъ Робертса нельзя не видѣть обычной несправедливости военныхъ людей къ свободной печати.

— Султанъ Абдуль-Гамидъ. Вѣтъ извѣстно, что Гладстонъ заклеилъ теперешняго повелителя правовѣрныхъ грознымъ эпитетомъ «великаго убійцы», что одинъ популярный англійскій поэтъ иначе не называетъ его въ своихъ стихахъ, какъ «проклятымъ Абдуломъ» и что европейская печать надѣляла его прозвищами «жестокаго, безумнаго, фанатичнаго», но врядъ ли кто ожидалъ, что появится въ американской журналистикѣ и за подписью бывшего американскаго посланника въ Константинополѣ, А. Терреля, статья, въ которой этотъ самый султанъ будетъ превозноситься до небесъ, какъ первый государь въ современной Европѣ, коронованный филантропъ, защитникъ свободы совѣсти и покровитель армянь. И, однако, такой курьезъ напечатанъ въ ноябрьской книжкѣ Century Magazine¹⁾, и ея авторъ придаетъ своему описанію бесѣды съ Абдуль-Гамидомъ офиціальный характеръ, такъ какъ, по его словамъ, султанъ выразилъ желаніе, чтобы его слова были переданы американскому народу. Такимъ образомъ нельзя не обратить вниманія на то, что устами бывшего посланника величайшій деспотъ Стараго Свѣта считаетъ нужнымъ передать величайшей республикѣ Новаго. Прежде чѣмъ изложить самозащиту истребителя армянь, Террель рисуетъ его портретъ съ своей оригинальной точки зрѣнія: «султану теперь пятьдесятъ лѣтъ съ небольшимъ; онъ средняго роста и отличается чистымъ оливковымъ цвѣтомъ лица, черными волосами, высокимъ лбомъ и большими темно-карими глазами, которые обычно выражаютъ задумчивую печаль. Хотя окружающіе его паши, во время приѣма посланниковъ, сіяютъ блестящими костюмами, онъ всегда одѣтъ просто, въ красной фескѣ, въ синемъ длинномъ сюртукѣ, такихъ же брюкахъ и черныхъ башмакахъ. Простую саблю онъ всегда держитъ въ одной рукѣ, и очень рѣдко на груди его виднѣется звѣзда. Ни одинъ государь въ Европѣ не обращается съ своими посѣтителями съ такой утонченной учтивостью, какъ султанъ, и не многіе такъ прїятны въ разговорѣ, какъ онъ. Въ своихъ сношеніяхъ съ представителями иностранныхъ государствъ онъ однаково далекъ отъ ходульной важности, которая уничтожаетъ довѣріе, и отъ полнаго отсутствія благороднаго достоинства, которое допускаетъ фамильярность». Свою бесѣду съ американцемъ султанъ началъ съ увѣренія, что всѣ обвиненія его въ преслѣдованія армянь несправедливы, что въ сущности нѣтъ никакихъ армянскихъ звѣрствъ, а есть только армянскіе безпорядки, милостиво усмиряемые турками, что въ продолженіе четырехсотъ лѣтъ армяне всегда пользовались покровительствомъ Порты, и что вообще не мыслимо избиеніе армянь мусульманами, такъ какъ коранъ воспрещаетъ убивать людей, вѣрующихъ въ Бога, и наравнѣ съ кораномъ мусульмане уважаютъ книгу Конфуція, талмудъ евреевъ и біблію христіанъ. Переходя къ практическому дока-

¹⁾ An interview with sultan Abdul-Hamid, by A. Terrell. Century Magazine, November.

зательству своихъ теоретическихъ тезисовъ, Абдуль-Гамидъ указалъ своему собесѣднику на нѣсколько примѣровъ особой милости его отца Абдуль-Меджида и его самого къ армянамъ, такъ Дадіанъ, Куецрогліанъ и Агопъ-эфенди пользовались щедротами Абдула-Меджида: первый изъ нихъ былъ начальникомъ казеннаго порохового завода, находился съ султаномъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и Абдуль-Гамидъ хорошо помнитъ, какъ однажды онъ провелъ съ отцемъ два дня у этого богатаго армянина въ его роскошной виллѣ; второй поставлялъ всѣ необходимые предметы для дворца и также часто удостоивался личныхъ посѣщеній султана, а третій стоялъ во главѣ казеннаго монетнаго двора. Еще болѣе милостивъ къ армянамъ теперешній султанъ: къ нему принадлежитъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, Артимъ-паша, министръ двора—Михаилъ-эфенди и сто восемь придворныхъ чиновъ, списокъ которыхъ султанъ сообщилъ американцу, а американецъ напечаталъ въ своей статьѣ, съ обозначеніемъ получаемаго ими жалованья. Этотъ курьезный списокъ начинается министромъ, получающимъ 24.000 піастровъ, и кончается поваромъ, довольствующимся восьмьюдесятью. «За всѣ эти милости, которыя мой отецъ и я изливали на армянъ,—прибавилъ султанъ:—они отплатили черною неблагодарностью, составивъ заговоръ противъ Оттоманской имперіи. Революціонное движеніе среди нихъ поддерживается богатѣйшими армянами. По несчастью, христіанскія газеты никогда не пишутъ правды о столкновеніи между нами христіанскими и мусульманскими подданными. Хотя ни одинъ истинный мусульманинъ никогда не поднимаетъ руку на человѣка, вѣрящаго въ Бога, изъ религіозныхъ причинъ, но этому христіане не хотятъ вѣрить и закрываютъ глаза на то, что дѣлаютъ ихъ братья. Такъ европейскія державы были возбуждены противъ жестокости турецкихъ солдатъ во время греческой революціи 1827 года и не хотѣли вѣрить, что въ одномъ городѣ, послѣ его капитуляціи, греки умертвили 27.000 беззащитныхъ турокъ, въ томъ числѣ много женщинъ и дѣтей». По словамъ султана, то же происходитъ и теперь, а въ доказательство своей личной милости даже къ армянскимъ бунтовщикамъ онъ сослался на примѣръ одного армянскаго переплетчика, который работалъ на Терреля: этотъ армянинъ принялъ участіе въ константинопольскихъ беспорядкахъ и бѣжалъ въ Америку, но тамъ ему не повезло, и султанъ, узнавъ о его несчастномъ положеніи, разрѣшилъ ему вернуться въ Константинополь, а на дорогу велѣлъ выдать ему тысячу франковъ. Странная, чтобы не сказать болѣе, бесѣда султана съ представителемъ американской республики кончилась филантропическимъ заявленіемъ Абдуль-Гамида, по случаю удовольствія, выраженнаго имъ на счетъ успѣшныхъ результатовъ разведенія въ Месопотаміи и Смирнской провинціи особаго сорта американскаго картофеля, благодаря которому въ этихъ мѣстностяхъ уже немислимъ часто бывавшій тамъ голодъ: «оказывать добро своимъ ближнимъ лучшее доказательство религіознаго чувства; пророкъ однажды сказалъ, что если человѣкъ доведетъ себя до низкаго нѣяства и заснетъ, какъ свинья, то ему это простится, въ случаѣ раскаянія, но тому, кто намѣренно разобьетъ сердце ближняго, не будетъ прощенія». Съ своей стороны Террель оканчиваетъ эту курьезную статью словами: «Повелителя турокъ принято называть большимъ человекомъ, но у него миліонъ усовершенствованныхъ магазинныхъ ружей, онъ

купилъ второй милліонъ такихъ ружей и обучилъ ими владѣть солдатъ, которые всѣ фаталисты и видятъ небо чрезъ пороховой дымъ на полѣ брани». Такимъ образомъ, начавъ за здравье, американскій дипломатъ свелъ за упокой, а его герой государствовѣднія и филантропін сводится къ фанатическому вожаку фанатическихъ солдатъ. Стэдъ, говоря о статьѣ Терреля, остроумно замѣчаетъ, что, восхваляя султана и его фаталистовъ солдатъ, онъ забылъ только указать на ихъ способность не только видѣть небо сквозь пороховой дымъ, но и устранивать адъ на землѣ. Тому, кто сомнѣвается въ этомъ, стоитъ только прочесть справедливую и вполне противоположную характеристику Абдула Гамида въ *Revue des Revues* ¹⁾, гдѣ дипломатъ, близко знакомый съ Константинополемъ и скрывающийся подъ тремя звѣздочками, нарисовалъ вѣрный портретъ повелителя правотѣрныхъ, который въ сущности представляетъ «сложный типъ смѣльчака и труса, любезнаго собесѣдника и дерзкаго грубияна, буржуазнаго отца семейства и кровожаднаго чудовища, мечтателя и безумнаго убійцы, подражателя Европы по формѣ и распространителя самой ужасной анархіи, самаго огульнаго разоренія въ управляемой имъ странѣ».

— Царство женщинъ. Въ сентябрьскомъ и ноябрьскомъ номерахъ *English Illustrated Magazine* помѣщены двѣ любопытныя статьи Альберта Вандама о прошедшихъ правительницахъ Голландіи ²⁾ и Маріи Ворренъ о теперешней юной королевѣ этой страны ³⁾. По справедливому выраженію перваго изъ этихъ авторовъ, надъ Голландіей тяготѣетъ впродолженіе четырехсотъ шестидесяти лѣтъ странный рокъ, карающій Филиппа Добраго за то что онъ отнялъ у Жакелины Баварской ея владѣнія подъ тѣмъ предлогомъ, что женщины не могутъ наследовать престола. По злой ироніи судьбы съ тѣхъ поръ и до настоящей минуты женщины играли первенствующую роль въ исторіи Голландіи, которую Вандамъ имѣетъ полное право называть царствомъ женщинъ. Послѣ смерти самого Филиппа страна перешла не къ его сыну, который преждевременно умеръ, а къ дочери Карла Бургундскаго, Маріи Австрійской, а затѣмъ дочь послѣдней Маргарита Савойская много лѣтъ управляла «цвѣтущими провинціями» съ такимъ умѣніемъ, что зарождавшееся народное возстаніе было отсрочено и всѣ передовые государственные люди удивлялись дипломатическимъ способностямъ, которыя она выказала на камбрійскомъ конгрессѣ. Вскорѣ послѣ заключенія ея знаменитаго «Дамскаго мира» съ матерью Франциска I, Луизой Савойской, она умерла, и кормило правленія перешло въ руки ея племянницы и сестры Карла V, Маріи, королевы Венгерской. Эту, не менѣе умную, правительницу Мянне и Мотлей обвиняютъ въ чрезмѣрной жестокости и ненависти къ Нидерландамъ, но туземные историки, называя ее «христіанской вдовой», оправдываютъ ее тѣмъ, что она была вынуждена исполнять драконовскія мѣры брата, хотя онъ и противорѣчилъ ея мирнымъ стремленіямъ, которыя она воочію доказала, отказавшись отъ власти по вступленіи на престолъ ненавистнаго

¹⁾ Le maître et les serviteurs d'Yeldiz, par ***. *Revue des Revues*. 15 août et 1 septembre.

²⁾ A Woman's kingdom, by A. Vandam. *Illustrated English Magazine*. September.

³⁾ The Childhood and Girlhood of the queen of the Netherlands, by Mary Warren. *English Illustrated Magazine*. November.

ей Филиппа II. Спустя четыре года, Нидерланды снова подпадаютъ женской власти въ лицѣ Маргариты Пармской, побочной дочери Карла V отъ фламандки; ученица Игнатія Лойолы, она главнымъ образомъ отличалась хитростью и ловко вела борьбу съ возставшими провинціями, но когда Филиппъ послалъ ей на помощь жестокаго Альбу, а послѣдній арестовалъ графовъ Эгмонта и Горна, то она удалилась изъ страны, которая неудержимо ускользала изъ испанскаго владычества. Съ ней прекращается рядъ правительницъ въ сѣверной части страны, собственно Голландіи, а въ южной, теперешней Бельгій, еще управляли послѣ того: Изабелла Испанская, Марія-Клизовета Австрійская и Марія-Христина Саксонская. Хотя въ Голландіи женщины перестали быть открытымъ политическимъ факторомъ, но онѣ отъ времени до времени играли видную роль. Такъ двѣ послѣднія жены Вильгельма Молчаливаго, Шарлота, принцесса Бурбонская, и Луиза де-Колінья пользовались значительнымъ влияніемъ на государственныя дѣла; Амалія Сольмсъ, жена штатгальтера Фридриха-Генриха, отличалась большимъ дипломатическими способностями, вела переговоры съ Рипелье и устроила бракъ своего сына съ дочерью англійскаго короля Карла I, Маріей Стюартъ, а потомъ вела борьбу съ своей невѣсткой за регентство во время малолѣтства сына послѣдней, Вильгельма III, а еще большее значеніе имѣла жена Вильгельма III, дочь англійскаго короля Іакова II, Марія, которую голландскій народъ до сихъ поръ вспоминаетъ съ любовью и которая доставила своему мужу англійскій престолъ. Не меньшую роль играли жены штатгальтеровъ: Вильгельма IV, Анна, дочь англійскаго короля Георга II, бывшая регентшей во время малолѣтства ея сына, и Вильгельма V, Фредерика-Софія, принцесса Прусская, которая, однако, неудачно сопротивлялась республиканскому духу, овладѣвшему Голландіей, тщетно призывала на помощь Пруссію и должна была вмѣстѣ съ мужемъ удалиться въ Германію передъ напоромъ французской революціи, отразившейся и въ сосѣдней странѣ. Первой голландской королевой была дочь Жозефины, Гортенвія, жена Людовика, брата Наполеона и мать Наполеона III, отличавшаяся такъ же, какъ жены Вильгельма I великая княжна Анна Павловна и Вильгельма III—Софія-Фредрика Вюртембергская дипломатическими способностями. Наконецъ вторая жена Вильгельма III, Кимма, принцесса Вальдекъ-Ширмонтская съ большимъ тактомъ исполняетъ вотъ уже семь лѣтъ трудныя обязанности регентши по случаю малолѣтства ея дочерц, королевы Вильгельмины, которая только 31 августа будущаго года достигнетъ 18 лѣтъ, срока совершеннолѣтія для коронованныхъ особъ, и послѣ коронаціи приметъ отъ матери бразды правленія. По словамъ Мари Ворренъ, юная королева получила прекрасное воспитаніе подъ руководствомъ матери и при старательныхъ попеченіяхъ сначала англійской гувернантки, а потомъ опытныхъ педагоговъ и ученыхъ профессоровъ: она хорошо знаетъ, кромѣ голландскаго языка, французскій, англійскій и нѣмецкій, но любимый ея предметъ— исторія, хотя она внимательно изучила конституцію своей родины и международное право, столь необходимыя ей въ будущемъ. Вмѣстѣ съ этимъ она рисуетъ, играетъ на фортепьяно и поетъ, а равно, какъ всѣ голландки, съ дѣтства научилась кулинарному искусству, молочному хозяйству и другимъ работамъ на фермѣ. Все это вмѣстѣ дѣлаетъ ее вполне образованной и практиче-

ской женщиной. Что касается до ея личныхъ свойствъ, то она отличается стремленіями къ независимости, хотя умѣетъ сдерживать себя въ предѣлахъ благоразумія; такъ недавно она купила себѣ велосипедъ и очень жалала ѣздить на немъ, но мать воспротивилась и передала вопросъ объ этомъ въ государственный совѣтъ, который обратился съ просьбой къ королеви, прося ея не подвергать себя возможной опасности. Вильгельмина очень мило уступила, заранѣе привыкая къ своему положенію конституціоннаго государя. Въ особенности голландцы любятъ свою юную королеву за ея пламенный патриотизмъ, разительный примѣръ котораго она представила во время недавняго ея посѣщенія Англіи, отказавшись принять дочерей одной почтенной голландской дамы, живущей въ Лондонѣ, на томъ основаніи, что онѣ не говорятъ по голландски, а голландской королеви, по ея собственнымъ словамъ, не подобаешь говорить съ своими соотечественницами на другомъ языкѣ, кромѣ родного.

— Смерть патера Тости и Генри Джорджа. Старый и Новый свѣтъ понесли чувствительныя потери въ лицѣ недавно умершихъ — итальянскаго историка патера Тости и американскаго социолога Генри Джорджа. Первый былъ типическимъ представителемъ кабинетнаго ученаго, а послѣдній передовымъ общественнымъ дѣятелемъ; поэтому и вполнѣ умѣстно Тости скончался въ своей мирной кельѣ живописнаго монастыря, на Monte Cassino, а Генри Джорджъ въ самомъ разгарѣ набирательной борьбы, которую онъ велъ въ качествѣ популярнаго кандидата на второй по политическому значенію общественный постъ въ американской республикѣ — нью-іоркскаго мэра. Европейская печать сочувственно откликнулась на эти оба печальныя событія, и наиболѣе интересныя статьи появились о патерѣ Тости въ «Revue Encyclopedique» отъ 6-го ноября ¹⁾, а о Генри Джорджѣ въ «Review of Reviews» отъ 15-го ноября ²⁾. Авторъ первой изъ нихъ, профессоръ Ринальди, рисуетъ очень живой портретъ патера Луджи Тости. Сынъ графа Джіовани Тости и маркизы Викторіи Риньяно, онъ родился въ Неаполѣ въ 1811 г. и, вступивъ въ молодости монахомъ въ бенедиктинскій орденъ, вскорѣ обратилъ на себя общее вниманіе своими замѣчательными умственными способностями и выдающимися историческими трудами. Первое мѣсто среди его сочиненій занимаютъ: «Исторія обители на Монте-Кассино», «Исторія Бонифація VIII», «Абеляръ и его время», «Исторія Констанцкаго собора», «Исторія греческой ереси» и «Графиня Матильда». Славная и романтичная эпоха борьбы папства съ имперіей въ особенности привлекала его къ себѣ и составляла главный предметъ его занятій, но на блестящихъ страницахъ его трудовъ, краснорѣчиво воскрешавшихъ прошедшее, но мѣткому выраженію Ринальди, витала великая тѣнь итальянской родины и жили описанія геройскихъ подвиговъ, слышался вдохновенный голосъ Данте, лирическая муза Петрарки и пророческія предостереженія Макиавеля». Благодаря своей учености, патеръ Тости былъ назначенъ бібліотекаремъ въ Ватиканѣ, и тутъ-то въ 1887 г. онъ падалъ свою знаменитую брошюру «Примиреніе», въ которой онъ смѣло отстаивалъ идею Данте о раздѣленіи духовной и

¹⁾ Le p. Luigi Tosti, par B. Rinaldi. Revue Encyclopedique, 6 novembre.

²⁾ Henry George, character sketch. «Review of Reviews», 15 novembre.

свѣтской власти, а слѣдовательно о примиреніи Ватикана и Квиринала. Сначала распространился слухъ, что Тости проводилъ мысли Льва XIII, и его брошюра произвела громадный шумъ во всей Италіи, но вскорѣ Конгрегація Индекса запретила ее, и смѣлому патеру пришлось отречься отъ своего сочиненія. Онъ сдѣлалъ это, однако, въ родѣ того, какъ отрекся отъ своей системы Галлией, и просто написалъ папѣ: «Святой отецъ, я сожалею, что причинилъ вамъ огорченіе, но вѣдь я не содѣйствовалъ паденію свѣтской власти». Послѣ этого бурнаго эпизода своей мирной жизни Тости удался въ свою келью на Монте-Кассино, а итальянское правительство назначило его генералъ-инспекторомъ религіозныхъ памятниковъ королевства. Среди своихъ любимыхъ историческихъ трудовъ онъ спокойно умеръ, оставивъ въ рукописи обширное сочиненіе о католической церкви.

Совершенно иной личностью былъ Генри Джорджъ, и хорошо его знавшій Стэдъ, въ своемъ журналѣ «Review of Reviews», посвящаетъ ему очень горячую статью. По его словамъ, онъ былъ одинъ изъ передовыхъ представителей не американской, а англо-саксонской расы, и вліяніе этого боевого мыслителя и энергичнаго общественнаго дѣятеля одинаково отражалось на всѣхъ странахъ, говорящихъ англійскимъ языкомъ. Такъ, самый главный литературный успѣхъ онъ одержалъ въ Лондонѣ, гдѣ его знаменитая книга «Прогрессъ и бѣдность» расходилась уже въ тысячахъ экземпляровъ, когда въ Америкѣ она еще продавалась десятками; какъ журналистъ, онъ наиболѣе прославился въ Ирландіи; какъ агитаторъ, онъ распространялъ свою систему націонализаціи земли преимущественно въ горной Шотландіи; наибольшій слѣдъ своихъ теорій въ законодательствѣ онъ оставилъ въ австралійской колоніи Новой-Зеландіи, а умеръ онъ, защищая свою кандидатуру въ мэры Нью-Йорка. Жизнь такого человѣка естественно полна интереса. Онъ родился 2-го сентября 1839 года въ Филадельфіи, былъ сыномъ мелкаго издателя религіозныхъ книгъ и, выйдя изъ школы, 13-ти лѣтъ, поступилъ мальчикомъ въ посудную лавку. Затѣмъ онъ отправился на коммерческомъ кораблѣ въ дальнее плаваніе и посетилъ Лондонъ, Калькутту, Мельбурнъ. Вернувшись на родину, онъ пошелъ въ наборщики, но вскорѣ страсть къ морю заставила его снова сдѣлаться матросомъ, и онъ долго плавалъ по Тихому океану. Въ Санъ-Франциско онъ впервые сталъ работать въ газетахъ, и, несмотря на свои стѣсненные обстоятельства, женился. Во время французской экспедиціи въ Мексику, онъ едва не отправился волонтеромъ на помощь республиканцамъ, но американское правительство помѣшало отправка волонтернаго отряда, и онъ поступилъ въ репортеры въ «Alta California» и въ «Herald», а затѣмъ редактировалъ «Recorder» въ Сакраменто. Въ 1880 г., послѣ выхода въ свѣтъ его книги «Прогрессъ и бѣдность», прославившей его имя во всемъ свѣтѣ, Джорджъ поселился въ Нью-Йоркѣ, а въ слѣдующемъ году отправился въ Ирландію корреспондентомъ «World». Въ 1884 году онъ велъ пропаганду за идею націонализаціи земли въ Горной Шотландіи, гдѣ пользовался въ народѣ громадной популярностью. То же самое можно сказать о его посѣщеніи Англійи и многихъ австралійскихъ колоній. Въ 1885 году, онъ въ первый разъ является кандидатомъ въ мэры Нью-Йорка, но получилъ

только 18.000 голосовъ, теперь же его вторая кандидатура, какъ апостола націонализаціи земли, свободной торговли и интересовъ рабочаго класса, была очень популярна въ пародныхъ массахъ. Его неожиданная смерть наканунѣ выборовъ отъ переутомленія произвела сильное впечатлѣніе во всемъ свѣтѣ и горько оплакивается въ Америкѣ. По словамъ Льва Николаевича Толстого, сказаннымъ Стэду и которыя послѣдній приводитъ въ своей статьѣ: «мысли Джорджа о націонализаціи земли будутъ черезъ тридцать лѣтъ такимъ же достояніемъ прошедшаго, какъ рабство. Осуществленіе ихъ произойдетъ такъ же, какъ эмансипація. Сначала всюду распространится идея о томъ, что стыдно владѣть землею, въ качествѣ ея собственника; кто нибудь напишетъ новую «Хижину дяди Тома»; послѣдуетъ агитація, и дѣло будетъ сдѣлано, причѣмъ многіе собственники земли добровольно отъ нея откажутся, какъ показали примѣръ собственники рабовъ; остальныхъ же государство вознаградитъ по справедливой оцѣнкѣ, чтобъ предупредить жалобы на конфискацію».

С М Ъ С Ъ.

РЕХСОТЛѢТІЕ Свято-Духовской церкви. Въ минувшемъ октябрѣ, въ Вильнѣ состоялись два торжества. 3-го октября происходила закладка памятника М. Н. Муравьеву, а 4 и 5-го торжественно праздновался 300-лѣтній юбилей существованія виленской Св.-Духовской церкви.

Ровно 300 лѣтъ тому назадъ, въ 1597 году, началось и закончено сооруженіе этой церкви, посреди самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Сооруженіе Св.-Духовской церкви было дѣломъ возникшаго въ Вильнѣ въ 1584 году Св.-Троицкаго православнаго братства. Въ это самое время только что провозглашена была унія съ Римомъ на Брестскомъ соборѣ 1596 года. На православныхъ обрушились гоненія со стороны католиковъ и униатовъ. Несмотря на всѣ препятствія и противодѣйствія враговъ православія, Св.-Духовская церковь все-таки была сооружена (29 авг. 1596 г. польскій король Сигизмундъ III указомъ запретилъ постройку этой церкви, хотя разрѣшилъ ее въ 1592 году). Первоначально это была небольшая деревянная церковь. Не отличаясь на первыхъ порахъ богатствомъ и великолѣпіемъ, она вскорѣ же по своему возникновенію приобретаетъ весьма важное значеніе въ исторіи православія Западнаго края, дѣлается центромъ православія, какъ въ Вильнѣ, такъ и во всемъ краѣ, и оцогомъ въ борьбѣ съ латинствомъ и уніей. Подъ сѣнью этого храма вскорѣ приютился мужской православный монастырь; здѣсь же сосредоточило свою дѣятельность православное виленское Св.-Троицкое братство, которое съ 1609 года стало называться Св.-Духовскимъ (въ этомъ году Св.-Троицкая православная церковь, возлѣ которой первоначально группировалось братство, была отнята униатами). Отсюда Св.-Духовское братство

вело свою знаменитую борьбу противъ латинянъ и униатовъ, которые теперь обрушились на православныхъ страшными гоненіями и преслѣдованіями. Отнятіе церквей у православныхъ, всевозможныя насилія, лишеніе ихъ свободы, должностей и имущества — все это получило теперь самое широкое примѣненіе въ Литовско-Польскомъ государствѣ, во главѣ котораго стоялъ фанатичный Сигизмундъ III. Въ эту тяжкую минуту Виленское братство и Св.-Духовскій монастырь сослужили весьма важную службу православной церкви. Братство разсылало свои грамоты во всѣ города и мѣстности сѣверо-западнаго края, которыя поощряли православныхъ и поддерживали въ нихъ мужество и твердость въ борьбѣ и вѣрность въ праотеческомъ исповѣданіи. Здѣсь, въ Св.-Духовской церкви, раздавалось огненное слово лучшихъ тогдашнихъ проповѣдниковъ: Стефана Зиванія, Мелетія Смотряцкаго, впоследствии Амвросія Юшкевича, и знаменитаго ростовскаго святителя св. Димитрія. При Св.-Духовскомъ монастырѣ была устроена братская типографія и школа, которая служила разсадникомъ православнаго просвѣщенія въ край и выпускала изъ своихъ стѣнъ защитниковъ вѣры и борцовъ противъ уніи и латинства.

Въ началѣ XVII столѣтія, въ первую эпоху борьбы съ уніей, виленское братство стояло на высотѣ своего призванія и занимало первенствующее положеніе въ этой борьбѣ. Но уже около половины этого столѣтія, вслѣдствіе усилившихся интригъ и гоненій со стороны униатовъ и латинянъ, во главѣ которыхъ стояли извѣстные іезуиты, дѣятельность Св.-Духовскаго братства падаетъ. Впоследствии, особенно въ XVIII столѣтіи, мы уже не встрѣчаемъ замѣтныхъ слѣдовъ его существованія... Всѣ виленскія православныя церкви попадаютъ въ руки униатовъ и католиковъ. Только одна Св.-Духовская остается у православныхъ, число которыхъ все болѣе и болѣе сокращается... Въ послѣдующей исторіи Св.-Духовской церкви главнѣйшими были слѣдующіе моменты. Въ царствованіе короля Владислава IV православные Вильны выхлопотали себѣ разрѣшеніе построить вмѣсто тѣсной деревянной Духовской церкви новую каменную (1633—1640 г.). Въ такомъ видѣ эта церковь существовала до 1749 года, когда страшный пожаръ уничтожилъ не только церковь, но и всѣ монастырскія зданія. Нѣкоторое время все это лежало въ развалинахъ, потому что у православныхъ не было достаточно средствъ возстановить сторѣвшія постройки. Къ этому обстоятельству придрались было униаты и подъ тѣмъ предлогомъ, что развалины безобразятъ городъ, едва не отняли у православныхъ самого мѣста, гдѣ находилась Свято-Духовская церковь. Все-таки Св.-Духовскій храмъ былъ возстановленъ (въ 1755 г.). Въ 1796 г. (19 мая) высочайшимъ указомъ Св.-Духовскій монастырь назначенъ второкласснымъ, и ему опредѣлено было содержаніе изъ доходовъ Литовской губ.; въ 1833 году послѣдовало высочайшее повелѣніе о возведеніи его въ первый классъ. Въ 1836—1837 гг. Свято-Духовская церковь была перестроена и получила свой настоящій наружный видъ. Въ настоящее время (съ 1845 г.) настоятелемъ (священно-архимандритомъ) Виленскаго Св.-Духова монастыря состоитъ преосвященный литовскій и виленскій. Такова внѣшняя исторія этого храма. Подъ стѣнью Св.-Духовской церкви нетлѣнно почиваютъ мощи свв. виленскихъ мучениковъ Автонія, Іоанна и Евстаѳія, пострадавшихъ при Ольгердѣ въ 1347 г. Эти мощи первоначально

находились въ Св.-Троицкой церкви. Во время пожара 1655 года онѣ были скрыты въ склепѣхъ подъ алтаремъ Св.-Духовскаго храма. Полтора столѣтія онѣ оставались въ неизвѣстности и только въ 1814 году обрѣтены, а въ 1826 открыты для благоговѣйнаго поклоненія. Въ началѣ настоящаго столѣтія православное братство уже не существовало въ Вильнѣ. Оно вновь вызвано къ жизни высокопреосвященнымъ митрополитомъ Іосифомъ въ августѣ 1865 года. Въ 1868 году, братство было осчастливлено высокимъ вниманіемъ покойнаго государя императора—тогда наследника цесаревича, который принялъ на себя званіе его почетнаго члена. Въ настоящее время оно состоитъ подъ августѣйшимъ покровительствомъ благополучно царствующаго государя императора Николая Александровича.

И въ настоящее время братство продолжаетъ ревностно трудиться въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія и укрѣпленія православія и русскои народности въ край. Оно даетъ средства на содержаніе нѣсколькихъ начальныхъ школъ въ Вильнѣ и пособія при построеніи церквей въ епархіи. Въ самое послѣднее время, благодаря главнымъ образомъ дѣятельности Св.-Духовскаго братства, построены въ Вильнѣ два благолѣпные храма на окраинахъ города и при нихъ начальныя церковно-приходскія школы для мальчиковъ и дѣвочекъ. Воспоминанія завѣты прошлаго, братство въ недавнее время обзавелось своей типографіей и издаетъ популярныя книжки для народа, религіозно-нравственнаго содержанія, имѣющія отношеніе къ прошедшей исторіи края и его мѣстнымъ особенностямъ.

300-лѣтній юбилей былъ отпразднованъ 4 и 5 октября торжественнымъ богослуженіемъ и крестнымъ ходомъ. Происходило также торжественное собраніе членовъ братства (5 окт.), на которомъ было прочитано множество пріятственныхъ адресовъ, присланныхъ отъ различныхъ лицъ и учрежденій со всѣхъ концовъ Россіи, а главнымъ образомъ изъ сѣверо-западнаго края. На собраніи братство постановило построить еще одну церковь въ Вильнѣ на отдаленнѣйшей окраинѣ города. Ознаменованъ былъ юбилей также открытіемъ братской пѣвческой школы для подготовленія псаломщиковъ и учителей пѣнія.

Закладка памятника графу М. Н. Муравьеву въ Вильнѣ была обставлена возможно для Вильны торжественностью. Наканунѣ (2-го октября), по распоряженію мѣстной епархіальной власти, во всѣхъ виленскихъ церквяхъ были отслужены всенощныя бдѣнія, а 3-го—заупокойная литургія и панихида по М. Н. Муравьевѣ. Генераль-губернаторскій дворецъ, зданіе окружнаго штаба и нѣкоторыя другія казенныя учрежденія были убраны флагами. Въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщенія уроки были прекращены въ 11 часовъ утра 3-го числа. Въ половинѣ двѣнадцатаго въ генераль-губернаторскій дворецъ стали съѣзжаться представители мѣстной администраціи, а къ мѣсту закладки направились изъ учебныхъ заведеній группы воспитанниковъ православнаго исповѣданія. Закладка совершена на Дворцовой площади. Это небольшая, довольно низменная, площадь въ формѣ треугольника, ограниченная, съ одной стороны—фасадомъ генераль-губернаторскаго дома, съ другой—стѣной зданія бывшаго Виленскаго университета, занятыхъ нынѣ учрежденіями учебнаго округа, а съ третьей—домомъ умали-

шенныхъ. На площади этой разбитъ тѣнистый скверъ, среди котораго и будетъ стоять памятникъ. На мѣстѣ закладки, 3-го октября, былъ устроенъ небольшой павильонъ, красиво декорированный національными русскими флагами и зеленью. Къ этому павильону и направилась въ 12 часовъ дня процессія изъ генералъ-губернаторскаго дома; ее открывали архіерейскіе пѣвчіе, за ними шли воспитанники духовно-учебныхъ заведеній, за которыми слѣдовали священники, по два въ рядъ, а за ними шелъ высокопресвященный Іеронимъ, архіепископъ литовскій и виленьскій, сопровождаемый блестящей толпой военныхъ и гражданскихъ чиновъ, во главѣ съ командующимъ виленьскимъ военнымъ округомъ, генералъ-адъютантомъ В. Н. Троцкимъ, председателемъ высочайше утвержденнаго комитета по сооруженію памятника гр. М. Н. Муравьеву; во время шествія этой процессіи оркестры военной музыки, разставленные по пути, играли «Коль славень». По прибытіи процессіи на мѣсто закладки, былъ отслуженъ молебенъ, въ концѣ котораго протоіакопъ прочиталъ надпись на закладной доскѣ. Затѣмъ эта доска высокопресвященнымъ Іеронимомъ и генераломъ Троцкимъ была вложена въ ящикъ, сдѣланный въ камнѣ бута; туда же были опущены нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ серебряныя и золотыя монеты и затѣмъ ящикъ этотъ тутъ же былъ задѣланъ и залитъ цементомъ. Провозглашеніемъ многолѣтія царствующему дому и вѣчной памяти графу Михаилу закончилось церковное торжество. Памятникъ будетъ сооруженъ по проекту академика Чицова, разработанному известнымъ виленьскимъ художникомъ В. В. Грязновымъ, на пожертванія, собранныя, съ высочайшаго разрѣшенія, по всей Россіи. Внѣшній видъ памятника по проекту приблизительно таковъ: на высокомъ четырехугольномъ гранитномъ пьедесталѣ стоитъ фигура графа М. Н. Муравьева во весь ростъ; онъ въ генеральскомъ скруткѣ, съ непокрытою головою, выраженіе лица спокойное, — человѣка, исполнившаго свой долгъ и спасающаго западную Россію; правою рукою старецъ-питязъ опирается на посохъ, а лѣвая лежитъ на эфесѣ сабли. Производителями работъ назначены: военный инженеръ генералъ-лейтенантъ Бертгольдъ, военный инженеръ генералъ-майоръ Пасынкінъ и гражданскій инженеръ Винеръ. Послѣ молебна въ военномъ собраніи состоялся завтракъ по подпискѣ, на которомъ были всѣ высшія духовныя, военныя и гражданскія власти и проч. Вечеромъ въ залѣ военнаго собранія былъ литературный вечеръ въ память гр. М. Н. Муравьева, устроенный мнѣнстерскими средними учебными заведеніями г. Вильны. Залъ былъ роскошно декорированъ; на эстрадѣ въ зелени стоялъ портретъ гр. М. Н., писанный съ него, уже старика, и статуетка модель заложенаго памятника въ $\frac{1}{6}$ его настоящей величины. Публикѣ, биткомъ наполнившей залъ, былъ прочитанъ преподавателемъ второй виленьской гимназіи И. М. Шнекомъ обстоятельный и весьма живо написанный имъ очеркъ жизни и дѣятельности гр. М. Н. Муравьева, при чемъ лекторъ съ особенною подробностью очертилъ дѣятельность М. Н. въ Сѣверо-Западномъ краѣ и значеніе его для этого края. Предъ началомъ и по окончаніи этого чтенія, а также и въ антрактѣ оркестръ и хоръ учащихъ исполнили нѣсколько пьесъ патріотическаго содержанія; было также произнесено нѣсколько стихотвореній, какъ-то: «Клеветникамъ Россіи» — Пушкина, «Русь» — Никитина и др.

Открытие памятника - бюста Е. М. Богдановскому. 11-го октября, въ хирургической аудиторіи военнаго клиническаго госпиталя (въ военно-медицинской академіи) былъ открытъ памятникъ-бюстъ покойнаго профессора хирургіи Е. И. Богдановскаго, скончавшагося девять лѣтъ назадъ среди своихъ учениковъ и ассистентовъ, не докончивъ операціи, и оставившаго по себѣ самыя теплыя и сочувственныя воспоминанія. Койка, на которой угасла послѣдняя искра его жизни въ сосѣдней съ аудиторіей комнатѣ, была обвита зеленью, и бюстъ, затянутый бѣлымъ покрываломъ, былъ осѣненъ вѣтвями пальмъ. Торжество открылось рѣчью протоіерея Л. И. Богдановскаго, который, въ полномъ облаченіи, сказалъ нѣсколько трогательныхъ словъ о почившемъ братѣ, приглашая не скорбѣть о немъ и уповать на безсмертіе. Затѣмъ была отслужена панихида, послѣ которой проф. М. С. Субботинъ, предсѣдатель комиссіи по сооруженію бюста, прочелъ краткій историческій очеркъ хода работъ комиссіи отъ момента, когда конференція академіи постановила увѣковѣчить въ стѣнахъ послѣдней память почившаго, и до настоящаго дня открытія. Послѣ этой рѣчи профессора В. А. Ратимовъ и М. С. Субботинъ сняли съ бюста покрывало, и у мраморнаго подножія были возложены два роскошныхъ вѣнка: одинъ отъ хирургической клиники и другой — отъ классаго фельдшера А. М. Пассельцара, служившаго при покойномъ профессорѣ. Слѣдующая рѣчь принадлежала замѣстителю каведры покойнаго — профессору В. А. Ратимову, подробно очертившему личность Е. И. Богдановскаго, какъ человѣка, врача, хирурга и профессора, и сдѣлавшему перечень и научную критику ученыхъ трудовъ покойнаго. Е. И. любилъ анатомію, любилъ хирургію и далъ иное, болѣе совершенное направленіе ея преподаванію. Лекціи его привлекали множество слушателей — студентовъ и врачей. Онъ обладалъ въ широкой степени искусствомъ постановки діагноза и полнымъ знаніемъ операціоннаго поля. Девизомъ его была осторожность. Онъ былъ выдающимся хирургомъ-клиницистомъ, водворившимъ у насъ въ Россіи новое патолого-анатомическое направленіе, возникшее на западѣ подъ вліяніемъ Вирхова. Отличительными чертами его были глубокія познанія, широкая опытность и критическій умъ. Это былъ русскій хирургъ; идеи его были — собственныя и строго продуманныя; но высшимъ нравственнымъ качествомъ его было высоко-гуманное отношеніе къ больному. Ораторъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы современные хирурги постарались, если не сравнятся со своимъ учителемъ, то, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ нему. Рѣчь была покрыта аплодисментами. Далѣе проф. В. А. Ратимовъ прочелъ письмо рыбннскаго врача г. Фролова, очевидца послѣднихъ минутъ Е. И. Богдановскаго. Прочитанныя строки были написаны подъ живымъ впечатлѣніемъ, вызваннымъ въ чуткой душѣ студента трагизмомъ неожиданной смерти профессора. Дѣло было такъ. Въ той комнатѣ, гдѣ теперь поставленъ бюстъ, Е. И. Богдановскій 11-го октября 1888 г. руководилъ среди студентовъ операціей надъ плечевымъ суставомъ больнаго. Сначала все шло хорошо, и профессоръ не переставалъ по поводу каждаго движенія ножа давать совѣты. Между тѣмъ оперировавшему потребовалось приподнять слегка руку больнаго для того, чтобы перенести операцію на другую часть плеча. Е. И. Богдановскій замѣтилъ, что безыконтъ

оперируемаго не слѣдуетъ, взявъ ножъ изъ рукъ оператора и сталъ въ неудобной для себя позѣ мастерски продолжать дѣло. Работая, онъ не переставалъ давать совѣты и, между прочимъ, сказалъ, что хирургъ долженъ беречь больного и, если понадобится, долженъ даже пронаводить операцію, наклонившись. Чтобы пояснить свои слова примѣромъ, профессоръ нагнулся самъ. Это движеніе было для него роковымъ. Поднявшись, онъ передалъ ножъ оператору и сталъ мыть окровавленные руки. Въ это время съ нимъ сдѣлался обморокъ, ноги подкосились, и онъ упалъ на руки студентовъ, которые тотчасъ же перенесли его въ сосѣднюю комнату и уложили на стоявшую здѣсь койку. Обморокъ черезъ нѣсколько времени прошелъ. К. И. Богдановскій открылъ глаза и произнесъ, когда ему хотѣли подложить вторую подушку: «Не надо подушки. Не держите меня: я здоровъ. Производится ли операція?» Эти слова были послѣдними его словами. Несмотря на быстро подоспѣвшую помощь товарищей-профессоровъ, несмотря на эфиръ, мускусъ и искусственное дыханіе, онъ скончался. Койку, на которой онъ испустилъ духъ, академія сохранила свято на томъ же мѣстѣ и съ тѣмъ же скромнымъ больничнымъ рыжымъ одѣяломъ. Теперь желѣзная кровать эта обнесена золоченой рѣшеткой и въ стѣну надъ нею вдѣлана доска съ надписью: «Здѣсь, среди своихъ учениковъ, не окончивъ операціи, начатой имъ въ аудиторіи, 11-го октября 1888 г. скончался профессоръ Евстаѣій Ивановичъ Богдановскій».

Торжество закончилось чтеніемъ привѣтственныхъ телеграммъ отъ врачей-учениковъ покойнаго, отъ врачей московскихъ клиникъ, отъ врачей одесской городской больницы, отъ общества врачей Могилевской губерніи, отъ профессора Праксина изъ Казани и друг.

Присужденіе пушкинскихъ премій. Въ малой конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ, 19-го октября, въ 2 часа дня, председателемъ словеснаго отдѣленія академіи А. Ѳ. Бычковымъ, въ присутствіи академиковъ М. И. Сухоминова и П. Ѳ. Дубровина и многочисленной публики, былъ прочитанъ отчетъ о двѣнадцатомъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина. На соисканіе этихъ премій въ текущемъ году поступило 19 сочиненій, въ томъ числѣ три перевода въ стихахъ. Изъ первыхъ 19 сочиненій два были признаны не подходящими подъ правила пушкинскихъ премій и возвращены авторамъ, пять были взяты на разсмотрѣніе членами отдѣленія, а къ оцѣнкѣ остальныхъ двѣнадцати были приглашены сторонніе ученые и литераторы. Комиссія по присужденію премій состояла, подъ предсѣдательствомъ августѣйшаго президента академіи, изъ пяти членовъ отдѣленія и двухъ постороннихъ лицъ — В. П. Острогорскаго и И. Н. Потапенко. Полной преміи въ этомъ году не удостоилось ни одно изъ сочиненій. Половинныхъ же премій удостоены два изъ нихъ, а именно: I. «Стихотворный переводъ графа Де-ла-Барта Пѣсни о Роландѣ». Оцѣнку этого труда принялъ на себя членъ-корреспондентъ отдѣленія А. П. Кириичниковъ. По его мнѣнію, переводчику удалось не только сохранить приблизительно объемъ оригинала, но и художественно передать одинъ изъ самыхъ поэтичныхъ памятниковъ средне-вѣковой старины, который несомнѣнно найдетъ читателей; онъ поступилъ цѣлесообразно, съ одной стороны, удержавъ не стѣснительный размахъ ори-

гинала, а съ другою — отказавшисьъ отъ воспроизведеній его ассонансовъ, мало обычныхъ, кромѣ пословиць, въ русскомъ языкѣ. Указавъ нѣсколько трудныхъ для передачи стиховъ и фразъ, переведенныхъ замѣчательно удачно, рецензентъ перечислилъ въ своемъ отзывѣ и тѣ мѣста, которыя, по его мнѣнію, переведены неудачно или не вполне удачно и въ заключеніе призналъ несомнѣнными и крупными достоинства перевода графа Де-ла-Барта, какъ со стороны его вѣрности оригиналу, такъ и со стороны художественной. Въ виду этого коммиссія признала этотъ трудъ заслуживающимъ половинной преміи. II. «Стихотворенія М. А. Лохвицкой (Жиберъ)». Рецензентомъ этой книги былъ членъ-корреспондентъ академіи гр. А. А. Голеніщевъ-Кутузовъ. Въ книгѣ помѣщено болѣе 100 стихотвореній и, по словамъ рецензента, всѣ они имѣютъ одно содержаніе, которое исчерпывается словомъ любовь; они, за весьма рѣдкими исключениями, воспѣваютъ и изображаютъ это, старое какъ міръ, какъ человѣчество, чувство. Но это — не упрекъ. Въ поэзіи г-жи Лохвицкой силосошь просвѣчиваетъ истинное дарованіе, а внѣшняя форма стихотвореній весьма привлекательна. Стихомъ г-жа Лохвицкая владѣетъ хоронно: онъ звученъ, безыскусственно-просто, читается легко и также легко запоминается — несомнѣнный признакъ правильности и красоты; къ достоинствамъ внѣшней формы стихотвореній г-жи Лохвицкой слѣдуетъ еще причислить богатство рѣчь, которыми, къ сожалѣнію, многіе изъ современныхъ поэтовъ пренебрегаютъ. Автору присуждена половинная премія.

Для разбора представленныхъ на соисканіе пушкинскихъ премій VI и VII томовъ 10-го изданія сочиненій П. В. Гоголя, намечатанныхъ подъ редакцію Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, отдѣленіе обратилось къ содѣйствію своего члена-корреспондента А. И. Шпина. Предварительно до разбора этихъ двухъ томовъ, рецензентъ изложилъ соображенія Н. С. Тихонравова, которыми онъ руководился при 10-мъ изданіи сочиненій Гоголя. Они состояли въ установленіи правильного ихъ текста и въ возможной полнотѣ собранія, необходимою для основательнаго историческаго изученія произведеній и личности поэта. Но Тихонравовъ не успѣлъ докончить своего изданія. Смерть застигла его среди работъ надъ шестымъ томомъ. Для окончанія этого труда собственникъ изданія пригласилъ г. Шенрока, уже многіе годы посвящавшаго свой досугъ ревностнымъ изслѣдованіямъ по біографіи Гоголя. Г. Шенрокъ продолжалъ программу Тихонравова. Помимо примѣчаній редактора и вариантовъ, собраніе крупныхъ и мелкихъ разнорѣчій потребовало отъ г. Шенрока большого труда. Съ такимъ же стараніемъ, — заявляетъ рецензентъ, — исполнилъ онъ другую сторону задачи — объясненіе исторіи писательской дѣятельности. Каждая пѣса, крупная и мелкая, каждый набросокъ и отрывокъ находятъ свое историческое объясненіе. Въ цѣломъ трудъ г. Шенрока заслуживаетъ полнаго уваженія. Въ виду этого рецензентъ считалъ бы справедливымъ вознаграждать работу г. Шенрока полною преміею, но коммиссія, за отсутствіемъ денежныхъ средствъ, ограничилась лишь присужденіемъ ему почетнаго отзыва. Точно такой же награды удостоень и сборникъ В. П. Авенаріуса автобіографическихъ рассказовъ подъ заглавіемъ: «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній». Отъѣску этого труда принялъ на себя

В. П. Острогорскій. Въ дѣтской беллетристикѣ приблизительно до 1860 годовъ, за рѣдкими исключеніями, отмѣчаеть рецензентъ, господствовала надобѣдливая мораль, сентиментальность, искусственность; писавшіе для дѣтей почти никогда не отличались талантливостью художника, и дѣтскія книги не давали почти ничего ни уму, ни сердцу, ни воображенію ребенка. Мало-малыски даровитыя дѣти не любили этой «своей» литературы, ница художественной иници въ книгахъ для взрослыхъ. Но, подъ вліяніемъ измѣнившихся въ русскомъ обществѣ взглядовъ на задачи воспитанія, измѣнились и требованія отъ дѣтской книги. Въ настоящее время изъ беллетристики признаются годными для дѣтей единственно только тѣ произведенія, которыя, воспитывая художественно-этически дѣтскую душу, возбуждаютъ въ ней благородныя и прекрасныя мысли и чувства, и въ то же время могутъ быть занимательными и художественными и для взрослыхъ. Среди писателей этой новой художественной дѣтской литературы одно изъ наиболѣе видныхъ и почетныхъ мѣстъ уже много лѣтъ занимаетъ В. П. Авенаріусъ. Къ числу достоинствъ автора рецензентъ относитъ также прекрасный, живой и необыкновенно простой языкъ.

Почетнымъ отзывомъ награждены также и стихотворенія покойной Ек. Андр. Бекетовой. Книгу эту разсматривалъ членъ-корреспондентъ отдѣленія А. Н. Майковъ, но ему не суждено было выполнить это порученіе, такъ какъ онъ самъ скончался 8-го марта текущаго года. Маститый поэтъ успѣлъ, однако, заняться просмотромъ сборника Бекетовой, сдѣлать кое-какія замѣтки на экземплярѣ, бывшемъ у него въ рукахъ, и даже набросалъ первыя строки задуманной рецензіи. Вотъ эти строки, дающія понятіе о томъ, какое сужденіе слагалось у критика. «Милое и грустное висцѣтливѣе производить эта маленькая книжечка. Ни претензій, ни самонадѣянности, ни протестовъ, ни ходуль—все искренно, все натурально, и что всего болѣе плѣняетъ, это—душевная чистота, поэтическое чувство какъ бы бессознательно; натура невозможная. Къ книжечкѣ можно примѣнить строчки, находящіяся въ стихотвореніи «Ожиданіе»: «А въ роцѣ молодой, прохладной и тѣнистой, душистыхъ ландышей селеніе растеть; раскрывшись, каждый ихъ цвѣточекъ серебряный волнебный аромать далеко разольеть»... Противъ этого стихотворенія Аннолонъ Николаевичъ написалъ: «мило и оригинально», и дѣйствительно оно принадлежитъ къ числу наиболѣе своеобразныхъ произведеній Е. А. Бекетовой, какъ по изяществу формы, такъ и по красотѣ образовъ. Замѣтки поэта были собраны его братомъ академикомъ Л. Н. Майковымъ. Изъ нихъ видно, что покойный А. Н. Майковъ, намѣреваясь въ своемъ отзывѣ обратить вниманіе отдѣленія на поэтическое дарованіе преждевременно скончавшейся писательницы, говорилъ, что почетный отзывъ, присужденный ей произведеніямъ, будетъ справедливою данью ея памяти, поэтическимъ вѣнкомъ, возложеннымъ на ся могилу. Въ изъясненіе признательности академіи гг. постороннимъ рецензентамъ, отдѣленіе, пользуясь дарованнымъ ей правомъ, присудило золотыя Пушкинскія медали: членамъ-корреспондентамъ: графу А. А. Голенциеву-Кутузову, А. Н. Кириичникову, Я. П. Полюнскому и А. Н. Пыцину, и гг. П. Θ. Анненскому, П. П. Вейнбергу, В. П. Острогорскому, И. П. Потаненку и П. А.

Шлянкину. Въ заключеніе отдѣленіе помянуло теплымъ словомъ А. Н. Майкова. Покойный поэтъ принималъ близко къ сердцу интересы Пушкинскихъ конкурсовъ, такъ какъ по нимъ можно было слѣдить за движеніемъ и успѣхами отечественной литературы. Онъ постоянно присутствовалъ на этихъ конкурсахъ и первѣдко по просьбѣ отдѣленія, о чемъ оно съ благодарностью вспоминаетъ, составлялъ для нихъ исполненные тонкаго и вѣрнаго художественнаго вкуса разборы сочиненій, поступавшихъ на сопсканіе Пушкинскихъ премій, и въ нихъ съ похвальнымъ безпристрастіемъ отдѣлялъ шпеницу отъ плевелъ и даже въ послѣднихъ старался находить то, что заслуживало вниманія. Оцѣнкою сочиненія А. Н. Майкова — «Два міра», открылись Пушкинскіе конкурсы, а въ этомъ заведеніи было прочтано его посмертное слово. Отсутствіе настигаго поэта при присужденіи Пушкинскихъ премій въ нынѣшнемъ году было весьма замѣтно и, несомнѣнно, будеть чувствоваться и при послѣдующихъ конкурсахъ. Слѣдующее присужденіе Пушкинскихъ премій состоится въ 1899 году. Сочиненія могутъ быть представляемы до 29-го января 1899 года.

Диспутъ А. А. Прозоровскаго. 3 ноября, въ Московской духовной академіи состоялся диспутъ А. А. Прозоровскаго, защищавшаго магистерскую диссертацию на тему: Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность. (Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія). Диспутантъ, сынъ исаеломщика Калужской губерніи, Лихвинскаго уѣзда, обучался въ мѣстной семинаріи, а затѣмъ въ Московской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1892 году. Съ 1893 года А. А. Прозоровскій былъ опредѣленъ преподавателемъ гомилетики въ Саратовскую духовную семинарію, гдѣ служить до сихъ поръ.

Предъ диспутомъ г. Прозоровскій произнесъ рѣчь о значеніи личности Сильвестра Медвѣдева и его эпохи. Офіціальныя оппоненты профессора, В. О. Ключевскій и І. А. Татарскій, отмѣтивъ выдающіяся качества труда — собраніе и обнародованіе многихъ рукописныхъ матеріаловъ, умѣнье разобраться въ нихъ и сдѣлать соответствующія обобщенія, въ то же время указали нѣсколько важныхъ недостатковъ. В. О. Ключевскій указалъ на преувеличеніе въ характеристикѣ исторической роли Медвѣдева, парадоксальность мнѣнія о неподлинности дошедшихъ до насъ документовъ о соборѣ 1690 года и на существенные недостатки изложенія. І. А. Татарскій указалъ на неправильное пониманіе историческаго начала «споровъ о пресуществленіи», нѣкоторыхъ чертъ жизни Медвѣдева, какъ-то: его близости къ Симеону Полоцкому и его учительскихъ занятій. Въ качествѣ неофіціального оппонента выступилъ Н. Ѳ. Каутеревъ, сдѣлавшій нѣсколько возраженій по вопросу о началѣ греко-латинскихъ школъ въ Москвѣ.

Защита была признана вполнѣ удовлетворительною, и совѣтъ академіи постановилъ ходатайствовать предъ святѣйшимъ синодомъ объ утвержденіи А. А. Прозоровскаго въ степенн магистра богословія.

Общество исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Въ заведеніи 31-го октября почетнымъ членомъ общества Ю. Д. Филимоновымъ былъ сдѣланъ, по словамъ «Нов. Дня», докладъ о происхожденіи знаменитой шапки Мономаха. Реферсигтъ доказывалъ, что, вопреки су-

иствующему мнѣнію ученыхъ, шапка Мономаха не носить на себѣ никакихъ признаковъ византійскаго происхожденія и, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна быть отнесена къ произведеніямъ арабскаго искусства XIV в. Предположеніе свое Ю. Д. Филимоновъ подтвердилъ представленными имъ многочисленными рисунками, изображающими собой точныя копія съ работъ извѣстныхъ арабскихъ ювелировъ. Рисунокъ орнаментовъ на этихъ работахъ оказался по стилю тождественнымъ съ филигранной работой, украшающей шапку Мономаха. Референтъ доказывалъ, что шапка эта сработана въ Каирѣ въ XIV вѣкѣ и прислана ханомъ Золотой орды Узбекомъ собрателю земли Русской, великому князю Іоанну Калитѣ. Узбеку же шапка эта досталась отъ египетскаго султана Эль-Мелика Энъ-Насира Ибнъ-Калуана. Всѣ свои предположенія, относящіяся къ происхожденію знаменитой шапки, Ю. Д. Филимоновъ доказывалъ документальными данными, относящимися къ послѣдывасмой эпохѣ. Однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ справедливости своего мнѣнія относительно происхожденія Мономаховой шапки, почтенный референтъ считаетъ то обстоятельство, что рисунокъ цвѣтка лотоса, служившій главнымъ украшеніемъ шапки, есть точный сколокъ съ орнаментовъ, украшающихъ дамаскированный столъ султана Колауна, находящійся въ арабскомъ музеѣ въ Каирѣ. Выяснивши происхожденіе шапки Мономаха, Ю. Д. Филимоновъ перешелъ къ изложенію нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, доселѣ не принимавшихся въ расчетъ нашими историками и археологами. Шапка эта впервые появилась при Іоаннѣ Калитѣ подъ названіемъ «золотой» и подъ тѣмъ же названіемъ передавалась изъ рода въ родъ первому въ родѣ по завѣщанію, причѣмъ о происхожденіи ея въ завѣщаніяхъ не упоминается; свѣдѣнія о ней прекращаются вплоть до коронованія царя Ивана Васильевича, когда она въ первый разъ появляется подъ названіемъ «Мономаховой». Тождественность «золотой шапки» съ шапкой Мономаха можетъ быть вполне доказана, если сравнить весьма точное описаніе «золотой шапки», составленное въ XV вѣкѣ нѣмецкимъ ученымъ Герберштейномъ, съ существующей нынѣ шапкой, извѣстной подъ именемъ Мономаховой. Въ заключеніе Ю. Д. Филимоновымъ высказана была мысль, что хотя шапка Мономаха и носить на себѣ явные признаки произведенія арабовъ и никонимъ образомъ не можетъ считаться предметомъ византійскаго происхожденія, тѣмъ не менѣе, она всегда останется весьма чтимой святыней для русскаго народа, такъ какъ ею короновались русскіе цари отъ Ивана Васильевича до принятія Петромъ Великимъ титула императора.

Общество любителей руссійской словесности въ Москвѣ. 10 октября, въ университетѣ происходило первое въ наступившемъ сезонѣ засѣданіе общества любителей руссійской словесности, состоящаго при Московскомъ университетѣ. За послѣднее время общество лишилось почетнаго члена Ф. И. Буслаева и дѣйствительнаго члена Е. Ф. Корша. Общество рѣшило устроить два засѣданія, посвященныя памяти знаменитаго русскаго ученаго Ф. И. Буслаева. Одно засѣданіе предположено въ актовомъ залѣ университета, а другое—въ Историческомъ музеѣ. Послѣднее засѣданіе будетъ платнымъ; на полученную сумму рѣшено образовать при университетѣ премію за лучшее студенческое сочиненіе по русскаго словесности. На этомъ засѣданіи лекторами выступятъ профессоръ

В. Ө. Миллеръ и Л. П. Вѣльскій. Ближайшій литературно-музыкальный вечеръ (въ ноябрѣ) общество посвятитъ памяти недавно умершаго поэта А. Н. Майкова. Общество поручило своему секретарю Д. Д. Языкову составить исторію общества за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, въ виду приближающагося 150-лѣтія со дня основанія Московскаго университета. По докладѣ на собраніи о возложеніи вѣнка французскими путешественниками на памятникъ А. С. Пушкина, было рѣшено послать благодарность на имя профессора Леже въ Парижъ. По духовному завѣщанію поэта Н. Ө. Щербинны обществу переданы для изданія народныя пѣсни, записанныя поэтомъ съ нотами народной музыки. Было постановлено просить Н. А. Янчука рассмотреть полученные матеріалы. Въ томъ же засѣданіи были произведены выборы. Временнымъ предсѣдателемъ вновь избранъ А. Н. Веселовскій, членами распорядительнаго комитета—М. А. Веневитиновъ и В. А. Гольцевъ.

Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. I. 30-го сентября, въ засѣданіи антропологическаго отдѣла были заслушаны четыре сообщенія. Секретарь отдѣла А. А. Ивановскій доложилъ о занятіяхъ секціи антропологіи бывшаго въ Москвѣ, въ августѣ текущаго года, XII-го международнаго съѣзда врачей. Секція антропологіи, по желанію членовъ съѣзда, была соединена съ секціями анатоміи и гистологіи. Изъ 36 докладовъ, прочитанныхъ на 5 засѣданіяхъ этихъ секцій, 15 были посвящены различнымъ антропологическимъ вопросамъ. Нѣсколько рефератовъ, за непробытіемъ референтовъ на съездъ, остались не доложенными и послужатъ предметами сообщеній на засѣданіяхъ антропологическаго отдѣла. Е. И. Луценко прочелъ предварительный отчетъ о своей поѣздкѣ минувшимъ лѣтомъ на Алтай съ цѣлью собиранія матеріаловъ по антропологіи теленгетъ. Въ началѣ референтъ далъ краткій очеркъ народностей, населяющихъ русскій Алтай: черныхъ татаръ, кумандинцевъ, алтайскихъ калмыковъ, теленгетъ и телеутовъ, раздѣливъ ихъ на двѣ группы—сѣверо-алтайскую и южно-алтайскую. Свои антропометрическія изслѣдованія г. Луценко производилъ исключительно среди теленгетъ и въ общей сложности измѣрилъ, за все время пребыванія среди нихъ, 238 человекъ. Прекраснымъ дополненіемъ къ этимъ изслѣдованіямъ является краниологическая коллекція, собранная докладчикомъ на Улаганѣ и Чулышманѣ и состоящая изъ 95 теленгетскихъ череповъ. Коллекція эта жертвуется г. Луценко антропологическому музею Московскаго университета. Кромѣ краниологической коллекціи, экскурсантъ собралъ небольшую коллекцію по этнографіи теленгетъ и произвелъ фотографическіе снимки. Предсѣдатель отдѣла, проф. Д. Н. Анучинъ, выразилъ отъ имени отдѣла благодарность референту, поможившему своими изслѣдованіями начало детальному антропологическому изученію разнороднаго населенія Алтая. Третій докладъ М. С. Сапожникова былъ посвященъ также предварительному отчету референта объ его поѣздкѣ, совершенной минувшимъ лѣтомъ въ Верхоненскій округъ, Иркутской губ., для антропологическихъ изслѣдованій ангинскихъ бурятъ. Всего референтомъ измѣрены 201 человекъ (150 мужчинъ и 51 женщина), въ возрастѣ отъ 10 до 70 лѣтъ. По наблюденіямъ г. Сапожникова, изъ изслѣдованныхъ имъ особей только немногія сохранили чисто-монгольскія черты, большинство

же представляет собою особый типъ, характерные признаки котораго встрѣчаются и въ прочемъ населеніи Сибиря. Современный типъ англійскихъ бурятъ выработался, по мнѣнію докладчика, подъ вліяніемъ долгаго и неизвѣстнаго намъ смѣшенія ихъ съ другими инородцами или русскими. Кромѣ антропометрическихъ данныхъ, докладчикъ произвелъ около 50 фотографическихъ снимковъ бурятъ, вывезъ нѣкоторые этнографическіе предметы и собралъ случайно найденныя имъ вещи въ одномъ полуразрушенномъ курганѣ, недалеко отъ оз. Очуунъ. Предсѣдатель отдѣла и этому докладчику выразилъ отъ имени отдѣла глубокую благодарность за его изслѣдованіе. Четвертый докладъ д-ра Д. П. Никольскаго о башкирахъ, за отсутствіемъ референта, былъ прочитанъ секретаремъ отдѣла. Д-ръ Никольскій въ теченіе многихъ лѣтъ занимался антропологическимъ изученіемъ башкиръ въ Пермской, Уфимской и Оренбургской губ. По его мнѣнію, типъ современныхъ башкиръ носятъ многія черты смѣшенія съ другими народностями; особенно значительна разница въ физическомъ типѣ башкиръ лѣсныхъ и башкиръ степныхъ. По вопросу о вымриваніи башкирскаго населенія докладчикъ склоняется къ тому мнѣнію, что оно уменьшается, и это явленіе обуславливается не столько смертностью (въ среднемъ она ниже, чѣмъ у русскихъ, — изъ 1.000 человекъ умираетъ ежегодно 25—30), сколько уменьшившимся, вслѣдствіе неблагопріятныхъ экономическихъ условій, количествомъ браковъ (на сто жителей въ среднемъ приходится отъ 5-ти до 8-ми браковъ) и низкимъ процентомъ рождаемости, — одинъ родившійся приходится на 26—30 человекъ. Мужчинъ въ башкирскомъ населеніи болѣе, нежели женщинъ; въ то время, какъ у русскихъ на 100 мужчинъ приходится 102—104 женщины, у башкиръ — только отъ 80 до 95. II. 4-го октября, въ засѣданіи географическаго отдѣленія А. А. Круборъ сдѣлалъ сообщеніе о болотахъ и озерахъ Мещерской стороны Рязанской губ., посвященнаго имъ истекшимъ лѣтомъ. Обиліе здѣсь болотъ доставляетъ богатый матеріалъ для изученія ихъ различныхъ типовъ и переходовъ отъ нихъ къ лѣсу и озерамъ, что и послужило предметомъ доклада, причѣмъ референтъ иллюстрировалъ свое изложеніе засушенными экземплярами мховъ, фотографическими видами, картами и профилями озеръ. Секретарь отдѣленія Л. Д. Спичикій доложилъ извлеченія изъ обширнаго, присланнаго въ общество труда капитана Леонтовича — о природѣ и населеніи бассейна р. Тумни, въ Приморской области. Горная область эта, пространствомъ до 40 т. кв. верстъ, отличается суровымъ климатомъ и пустынностью. Лѣса довольно обширны и состоятъ изъ лиственныхъ и хвойныхъ породъ, но сильно пострадали отъ пожаровъ; въ числѣ животныхъ водятся медвѣдь, соболь, лось и др., а воды богаты породами изъ семейства лососевыхъ. На всемъ этомъ пространствѣ живетъ около тысячи инородцевъ — ороченъ, въ 15-ти селеніяхъ, да около 20 русскихъ (солдатъ и ихъ женъ) въ портѣ Константиновскомъ. Ороченъ живутъ охотой и рыбной ловлей, находясь на довольно примитивной стадіи развитія, но представляя изъ себя народъ простодушный, честный и по-своему неглупый. III. 15-го октября, состоялось торжественное общее собраніе. Секретарь общества Г. А. Кожевниковъ прочелъ обширный отчетъ о дѣятельности общества и всѣхъ состоящихъ при немъ учрежденій за 34 годъ его существованія. Въ отчетномъ году общество лишилось двухъ почетныхъ членовъ: Эмиля

Дюбуа Реймона и Иоганна Смита Стенструпа, пяти непрѣмныхъ членовъ: О. И. Вуслава, Н. А. Любимова, В. Е. Румянцева, А. Н. Корчагина и Вруунъ-Гуда. Въ томъ же году общество выбрало въ почетные члены трехъ лицъ, въ непрѣмные члены шесть членовъ, въ дѣйствительные—10 и въ члены сотрудники—34. Общество и его отдѣленія имѣли 65 засѣданій, на которыхъ было сдѣлано 128 сообщеній. Крутымъ событiемъ въ жизни общества было открытiе новаго отдѣленія физиологiи. Кромѣ обычной ежегодной субсидiи въ 3.500 р., общество получило отъ министерства народнаго просвѣщенiя 400 р. на изданiе журнала Этнографическое Обзорѣнiе. К. Т. Солдатенковъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, предоставилъ на печатанiе трудовъ общества 360 р. Кромѣ того, А. А. Лосева пожертвовала на нужды отдѣленiя физиологiи 800 руб., которое постановило считать эту сумму неприкосновеннымъ капиталомъ имени Лосевой. Основанный обществомъ Политехнической музей заканчиваетъ первое двадцатипятилѣтiе своего существованiя. Музей получилъ приращенiе въ своемъ помѣщенiи и обогатился многими коллекциями по фабрично-заводской промышленности. Кромѣ того, на средства комитета музея приобрѣтались научныя и учебныя коллекции какъ въ Россiи, такъ и на заграничныхъ выставкахъ. Въ отчетномъ году, несмотря на четырехмѣсячное прекращенiе доступа публики въ музей, общее число посѣтителей приближается къ 80.000 лицъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, многiе члены общества совершили экскурси по Россiи съ научною цѣлью. По прочтенiи отчета слѣдовало объявленiе лицъ, удостоенныхъ премiй и медалей за научныя труды и другiя услуги, оказанныя обществу. Премiя имени его императорскаго высочества великаго князя Сергѣя Александровича присуждена И. Я. Никифоровскому за напечатанную имъ работу подъ заглавiемъ: «Простонародныя примѣты и повѣрья, суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанiя о лицахъ и мѣстахъ, собранныя въ Витебской Вѣлоруссiи». Премiя имени В. И. Мошнина по физикѣ присуждена преаратору физическаго кабинета Московскаго университета, И. Ф. Усагину, за открытiе имъ трансформации электрическихъ токовъ. Нужно замѣтить, что это открытiе сдѣлано было г. Усагинымъ въ 1872 году и въ то же время было опубликовано въ журналѣ «Электричество». Тогда г. Усагинъ не имѣлъ средствъ должнымъ образомъ эксплуатировать свое изобрѣтенiе, а въ 1873 году иностранцы Голаръ и Гибсъ обнародовали открытiе ими трансформациа токовъ, между тѣмъ какъ приоритетъ въ этомъ открытiи принадлежитъ И. Ф. Усагину. Другая премiя В. И. Мошнина по химiи присуждена М. Н. Соболеву за его работу: «Поликислоты молибдена и вольфрама и ихъ соли». Въ вышнемъ году подлежали присужденiю двѣ премiи имени почетнаго члена А. П. Разцвѣтова, за 1896 и 1897 годы, но общество не признало возможнымъ присудить полныхъ премiй, присудивъ три половинныя премiи: Н. Л. Геккеру за напечатанное имъ изслѣдованiе къ характеристикѣ физическаго тина якутовъ, В. Э. Пайсалу за напечатанное имъ изслѣдованiе «Материалы для антропологiи таранчей» и И. К. Тварьяновичу за напечатанное имъ изслѣдованiе «Материалы къ антропологiи армявъ». Золотая медаль имени А. П. Разцвѣтова присуждена Е. Н. Луценко за произведенныя имъ антропологическiя изслѣдованiя телягеть и за пожертвованную антропологическому музею коллекцию ихъ череновъ. Большая серебряная медаль при-

суждена М. С. Саножикину за антропологическія послѣдованія бурятъ, произведенныя въ Верхояленскомъ округѣ, Иркутской губерніи, откуда имъ доставленъ антропологическій матеріалъ. Малыя серебряныя медали присуждены: В. Г. Богоразу и В. И. Иохельсону за пожертвованіе обществу антропологическихъ и этнографическихъ матеріаловъ изъ Якутской области, М. Н. Соболеву, А. М. Беркенгейму и И. К. Голубеву; послѣднему въ благодарность за представленіе въ даръ обществу этнографическихъ предметовъ и богатой коллекціи сибирскихъ видовъ и типовъ. Въ почетные члены общества были избраны: Густавъ Видеманъ за пятидесятилѣтнюю плодотворную научную дѣятельность въ области электричества и магнетизма и А. Х. Ропманъ за непрерывное въ теченіе двадцати пяти лѣтъ плодотворное участіе въ дѣлахъ общества и за дѣятельность по Политехническому музею въ званіи директора отдѣла прикладной физики. Провозглашеніе лицъ, награжденныхъ преміями и медалями, а также избранныхъ въ почетные члены, сопровождалось рукоплесканіями. Затѣмъ слѣдовали научныя сообщенія. Профессоръ Н. Е. Жуковский ознакомилъ собраніе съ новою летательною машиной Лангеля. С. Н. Блажко сдѣлалъ весьма интересное сообщеніе о наблюденіи двухъ послѣднихъ солнечныхъ затмѣній (1893 и 1896 гг.). В. М. Михайловскій высказалъ рядъ соображеній о предпріятіи Е. Э. Паприць-Линевой, пользующейся графофономъ для записыванія народныхъ пѣсенъ. Затѣмъ г-жа Линева сообщила о своихъ опытахъ записыванія народныхъ пѣсенъ лѣтомъ текущаго года при помощи графофона, какъ извѣстно увѣнчавшихся успѣхомъ. Послѣ этого публикъ было предложено прослушать записанныя приборомъ пѣсни, которыя затѣмъ исполнялись хоромъ.

Антропологическое общество. 31-го октября, въ университетѣ состоялось подѣ председательствомъ Э. Ю. Петри первое засѣданіе русскаго антропологическаго общества, въ которомъ дѣйствительный членъ Г. П. Ивановъ сдѣлалъ сообщеніе подѣ заглавіемъ: «Несторіанцы съ озера Иссыкуль» (съ демонстраціями череповъ и снимковъ надписей). Основаніемъ для этого сообщенія послужили двѣ находки: девяти череповъ и до 3.000 надгробныхъ камней, найденныхъ въ окрестностяхъ озера Иссыкуля Поярковымъ и Андреевымъ. Часть этихъ камней была доставлена въ Петербургъ, гдѣ профессоръ Д. А. Хвольсонъ занялся разсмотрѣніемъ надписей на нихъ. Оказалось, что языкъ этихъ надписей тюркскій, собственныя имена христіанскія, иногда искаженныя. Надписи эти относятся приблизительно къ 1250 г. По мнѣнію профессора, эти памятники принадлежатъ потомкамъ какихъ нибудь выходцевъ изъ Сиріи. Докладчикъ взялъ на себя трудъ изслѣдовать разложившіяся и полуразрушенныя черепа и пришелъ къ заключенію, что эти черепа не монгольскіе, а принадлежатъ скорѣе арійскому племени. Но въ этомъ случаѣ возникаетъ вопросъ, какъ могли тамъ оказаться въ то время христіане. Правильнѣе всего предположить, что это памятники несторіанъ. Какъ извѣстно, несторіане—христіанская секта, ведущая свое происхожденіе отъ Несторія, бывшаго при императорѣ Феодосіѣ II константинопольскимъ патріархомъ. Когда на ефесскомъ соборѣ ученіе Несторія было осуждено, на приверженцевъ его было воздвигнуто гоненіе, принудившее ихъ бѣжать въ Персію. Въ VIII вѣкѣ имъ удалось обратиться въ христіанство тюркскихъ князей; они имѣли свои цер-

кви и школы, нерѣдко диспутировали съ католическими священниками. Въ XII вѣкѣ нашествіе Тамерлана нанесло имъ страшный ударъ, отъ котораго они никогда не могли оправиться. Съ тѣхъ поръ образованіе у нихъ пало, школы были уничтожены, внутренняя жизнь совершенно исчезла. Часть ихъ приняла въ XVII вѣкѣ унию, а на другую часть несторіанцевъ — не-униатовъ обратили свое вниманіе въ послѣднее время почти всѣ церкви, и теперь происходитъ въ Персіи горячая борьба въ этомъ отношеніи. Тамъ есть теперь миссіонеры Франціи, Германіи, Англіи, Америки и Россіи. Вопросъ о побѣдѣ скорѣе вопросъ политическій, а не религіозный. Несторіанство само по себѣ не имѣетъ крѣпкихъ основъ, и нерѣдки случаи, что несторіане переходятъ постепенно отъ одной церкви къ другой; такъ, въ 1880 году, несторіанскій епископъ былъ сирва въ Петербургѣ, затѣмъ поѣхалъ въ Англію и т. д. Э. Ю. Петри указалъ на то, что вопросъ въ дѣйствительности гораздо болѣе обостренъ въ настоящее время, чѣмъ это указано докладчикомъ, и несомнѣнно имѣетъ только политическое основаніе: кому господствовать въ Персіи—Россіи или Англіи. Самы же несторіанцы видятъ, что на нихъ цѣна повысилась, и смотрятъ, какъ бы подороже продать себя. Однимъ изъ членовъ общества былъ возбужденъ вопросъ о необходимости изученія астраханскихъ татаръ, такъ какъ теперь происходитъ ихъ смѣшеніе и измѣненіе быта. Общество постановило составить программу подобнаго изслѣдованія и поручить лицамъ, интересующимся этимъ вопросомъ, заняться имъ на мѣстѣ.

Общество исторіи и древностей въ Одессѣ. 19-го октября, состоялось засѣданіе общества подъ предсѣдательствомъ вице-президента В. П. Юревича. На засѣданіи рассмотрѣно было отношеніе г. министра народнаго просвѣщенія на имя президента отъ 14-го іюня 1897 года о высочайшемъ соизволеніи на принятіе его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ званія почетнаго члена императорскаго общества исторіи и древностей. Собраніе постановило занести объ этомъ въ протоколъ. Отношеніе г. министра народнаго просвѣщенія на имя президента о томъ, что государь императоръ соизволилъ принять экземпляры: 1) отчета общества и 2) перваго систематическаго описанія памятниковъ, хранящихся въ музеѣ императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей, причемъ общество высочайше повелѣно благодарить за эти приношенія. Собраніемъ постановлено принять къ свѣдѣнію. Далѣе обществомъ получены отношенія съ выраженіемъ благодарностей ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Михаила Николаевича и Сергія Александровича за подношенія ихъ высочествамъ экземпляровъ перваго выпуска систематическаго описанія важнѣйшихъ памятниковъ, хранящихся въ музеѣ общества. Также получены отношенія отъ министра народнаго просвѣщенія съ благодарностью за присылку тѣхъ же трудовъ. Далѣе, получены благодарности отъ управляющаго конторой его высочества великаго князя Александра Михайловича за присланные каталоги отъ 2 и 19 отписковъ записокъ общества и отъ управляющаго дѣлами его высочества великаго князя Георгія Михайловича за присылку трудовъ общества. Докладъ Э. Р. фонъ-Штерна: «Графиты на предметахъ античнаго гончарнаго промысла, найденные на югѣ Россіи», постановлено напечатать въ запискахъ XX тома.

Докладъ В. В. Шкорнила: «Три христіанскихъ амулета, найденные въ окрестностяхъ Керчи», постановлено помѣстить тамъ же.

Общество древностей и искусствъ въ Кіевѣ. Несмотря на кратковременное существованіе (уставъ утвержденъ въ февралѣ 1897 г.), общество занято въ настоящее время устройствомъ выставки древностей. Предсѣдателемъ общества состоитъ графиня М. П. Мусина-Пушкина, а вице-предсѣдателемъ В. И. Ханенко. Къ участию въ выставкѣ приглашены владѣльцы различныхъ собраній древнихъ предметовъ, главнымъ образомъ относящихся къ юго-западному краю. Въ Кіевѣ есть нѣсколько лицъ, обладающихъ весьма цѣнными и интересными собраніями предметовъ старины. По количеству и цѣнности собранныхъ предметовъ коллекціи В. И. Ханенко принадлежатъ едва ли не первое мѣсто. Домъ его на Алексѣевской улицѣ представляетъ своего рода музей, въ которомъ, кромѣ картинной галлерей въ нѣсколько сотъ картинъ, находится множество археологическихъ рѣдкостей. Другое весьма цѣнное и интересное въ научномъ отношеніи собраніе принадлежитъ профессору университета св. Владиміра В. В. Антоновичу. Въ теченіе почти тридцати лѣтъ профессоръ производилъ раскопки въ различныхъ мѣстностяхъ юго-западнаго края. Имъ разрыто нѣсколько тысячъ кургановъ. Въ коллекціи особенно богатъ отдѣлъ до исторической археологіи: различнаго рода орудія каменнаго вѣка, бусы, украшения и т. п. Значеніе собранія заключается главнымъ образомъ въ томъ, что владѣльцу извѣстны мѣста находокъ большинства предметовъ и условія, при которыхъ они найдены. Какъ опытный и ученый археологъ, профессоръ Антоновичъ вѣлъ всегда самыя подробныя дневники своихъ раскопокъ. Большой интересъ представляетъ также собраніе до-историческихъ древностей г. Хвойка. На выставкѣ будетъ также выставлена замѣчательная коллекціи К. В. Богарновскаго, заключающаяся главнымъ образомъ въ собраніи драгоцѣнныхъ пломбъ, т. е. товарныхъ знаковъ, употреблявшихся въ древнія времена. Коллекціи имѣетъ важное значеніе для исторіи торговыхъ сношеній. Нѣсколько лѣтъ назадъ г. Богарновскій издалъ цѣнный трудъ, въ которомъ даетъ описаніе важнѣйшихъ пломбъ своей коллекціи. На выставкѣ будетъ фигурировать также часть богатѣйшаго собранія извѣстнаго любителя малороссійской старины В. В. Тарновскаго. Свою коллекцію онъ принесъ въ даръ г. Чернигову, гдѣ она будетъ помѣщена въ такъ называемомъ Мазеппинскомъ домѣ. Жаль, что онъ не нашелъ возможнымъ оставить ее въ Кіевѣ, гдѣ она заняла бы выдающееся мѣсто въ учреждаемомъ обществомъ древностей и искусствъ историческимъ и торгово-промышленномъ музеѣ. Закладка этого музея происходила надняхъ. Нельзя также не упомянуть о собраніи Э. Хайновскаго, который въ теченіе около тридцати лѣтъ занимается собираніемъ различныхъ древностей, главнымъ образомъ—художественныхъ предметовъ. Къ сожалѣнію, большинство предметовъ собранія г. Хайновскаго имѣютъ случайный характеръ. Всѣ эти собранія, принадлежащая частнымъ лицамъ, предназначены для выставки въ концѣ октября.

Историко-филологическое общество при Новороссійскомъ университетѣ. Въ засѣданіи общества предсѣдатель его профессоръ А. А. Кочубинскій сдѣлалъ сообщеніе о фотографическомъ изданіи Супрасльской рукописи.

Рукопись представляет историческій памятникъ церковно-славянскои письменности кирилловскаго письма XI вѣка и принадлежала некогда Суурасельскому монастырю, основанному въ началѣ XVI вѣка, въ западной части нынѣшней Гродненской губернии. Сохранившійся отрывокъ рукописи обнимаетъ житія святыхъ, читаемыя въ теченіе марта. Когда-то рукопись составляла полный циклъ житій святыхъ на всѣ 12-ть мѣсяцевъ. Послѣ обращенія монаховъ монастыря въ унию, богатая монастырская бібліотека распредѣлилась по униатскимъ монастырямъ. Въ началѣ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія каноникъ профессоръ Вобровскій нашель эту рукопись въ Жировницкомъ монастырѣ. Объ этой находкѣ узналъ, чрезъ академика Востокова, извѣстный меценатъ и собиратель рѣдкостей графъ Румянцевъ и просилъ каноника Вобровскаго уступить ему рукопись, но Вобровскій отказалъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ значительная часть рукописи тайкомъ переслана была въ Вѣну Кошитару, который занялся изученіемъ ея. По смерти Кошитары, бібліотека его вмѣстѣ съ рукописями поступила въ собственность бібліотеки юридическаго лица въ Люблинѣ. Нынѣ, по инициативѣ академіи наукъ, рукопись, состоящая изъ 120 печатныхъ листовъ, издана фотографическимъ способомъ. По изслѣдованіи фотографическаго изданія профессоръ А. А. Кочубинскій приходитъ къ заключенію, «что рукопись написана по предварительно выскобленному, болѣе старому славянскому тексту».

Выборгская старина. Если въ Выборгѣ есть что заслуживающее вниманія, такъ это прежде всего его старина, его археологія. Главная его достопримѣчательность—Выборгскій замокъ, или Шлоссъ, основанный въ 1293 г. Предъ этимъ Шлоссомъ прошла вся исторія восточной Финляндіи; къ его укрѣпленіямъ не разъ «ходила молодежь новгородскіе», а затѣмъ и войны царя Ивана III Васильевича московскаго. Около пяти вѣковъ выборгскій великанъ служилъ передовымъ постомъ Швеціи, отражая нашихъ ратниковъ, пока не принужденъ былъ сдаться войскамъ императора Петра I-го. Дальнѣйшія о немъ свѣдѣнія относятся къ настоящему столѣтію. Въ 1834 году молнія разрушила часть башни, въ 1856 г. илюминація окончилась пожаромъ въ его стѣнахъ. Крыша сгнила и провалилась, стѣны стали обрушиваться и вывѣтриваться. Въ такомъ полуразрушенномъ видѣ онъ простоялъ многіе годы, пока развалинами не озаботилось военное вѣдомство. Благодаря щедрости императора Александра III, умѣвшаго цѣнить историческую старину, замокъ былъ прекрасно отремонтированъ. Надо при этомъ замѣтить, что финляндцы усиленно домогались захватить въ свои руки этотъ историческій замокъ и воздвигнуть въ немъ памятникъ его основателю Торкелю Кнутсону. Изъ другихъ мѣсто видныхъ достопримѣчательностей города отмѣтимъ: зданіе гофгерихта, гдѣ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія жилъ юный выборгскій намѣстникъ, зять императора Павла Павловича, Фридрихъ-Вильгельмъ-Карль, впоследствии король Виртембергскій, много содѣйствовавшій поднятію и украшенію павѣстнаго парка Мон Вероз; затѣмъ укажемъ на покоевъ, въ которыхъ останавливалась Екатерина II. Отъ нихъ уцѣлѣла часть стѣны—алькова, во второмъ этажѣ почтамта. Екатерина II дважды посѣтила Выборгъ: первый разъ въ 1772 г., во время поѣдки со свитой (въ 26 экипажахъ и на 129 лошадахъ) къ Вуоксонскому порогу

Иматра, а второй въ 1782 г. проѣздомъ въ Фридрихсгамъ для свиданія съ Густавомъ III. Укажемъ еще на «крестъ и вензель Петра Великаго», высѣченные въ скалѣ и обнесенные рѣшеткой, недалеко отъ военнаго собранія. Противъ гостиницы Андраа находится массивный каменный двухэтажный магазинъ военнаго вѣдомства. Имѣются данныя утверждать, что основаніемъ магазина служить самая древняя выборгская церковь, послѣдовательно побывавшая католическимъ костеломъ и лютеранской киркой. На торговой площади высится грубой отески круглая башня съ несимметрично расположенными бойницами; исторія ея начинается на зарѣ шестнадцатаго столѣтія. У одного конца длиннаго городского моста, около гауптвахты, виднѣется прежняя городская ратуша, которой насчитывается болѣе 350 лѣтъ; недавно въ этомъ зданіи помѣщались лавазы и лавки. Православному Преображенскому собору съ 1888 г. пошло второе столѣтіе. Какъ на памятники выборгской старины, можно указать еще на Панцерлякскій бастионъ, зданіе навигаціоннаго училища и лютеранскую кирку, которой даровано было право называться пиенемъ императора Павла. Слѣды средневѣковаго города, которые можно было наблюдать въ Выборгѣ лѣтъ 30 назадъ, теперь быстро исчезаютъ за перестройками и перекрасками.

† Е. О. Коршъ. Въ ночь на 6-ое октября, въ Москвѣ, скончался одинъ изъ старѣйшихъ литераторовъ Евгений Ѳедоровичъ Коршъ. Покойный родился 26-го декабря 1810-го года. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ дома подъ руководствомъ своего родственника Ландграфа, нѣмца по происхожденію, но долго жившаго во Франціи и превосходно знавшаго французскій языкъ. Въ числѣ наставниковъ Е. Ѳ. былъ извѣстный Сергій Глинка. Потомъ онъ былъ помѣщенъ въ частный пансіонъ, откуда 14-ти лѣтъ отъ роду поступилъ въ Московскій университетъ. Окончивъ въ 1828 г. курсъ наукъ по юридическому факультету со степенью кандидата, Е. Ѳ. былъ опредѣленъ на службу въ состоявшаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ департаментъ внешней торговли, который командировалъ его, какъ человѣка, хорошо знающаго французскій и нѣмецкій языки, въ Кронштадтъ на должность переводчика. Имѣя по должности частныя сношенія съ англійскими купцами, Е. Ѳ. скоро овладѣлъ англійскимъ языкомъ и приобрѣлъ репутацію отличнаго переводчика. Когда въ 1834 г. была основана «Библиотека для Чтенія», то Сенковскій счелъ полезнымъ пригласить Е. Ѳ. для переводовъ съ иностранныхъ языковъ. Первымъ трудомъ Е. Ѳ. былъ переводъ съ англійскаго повѣсти «Страсть на двухъ различныхъ ступеняхъ общества», помѣщенной во второмъ томѣ «Библиотеки для Чтенія» и подписанной Е. К. Съ этихъ поръ вплоть до 1836 г. чуть не въ каждой книжкѣ «Библиотеки» попадались то переводныя, то оригинальныя статьи Е. Ѳ. Къ послѣднимъ, на примѣръ, относится статья «Новости изящной словесности въ Германіи» («Библиографическое Чтеніе», 1835 г., т. XII); въ томъ же томѣ журнала помѣщена повѣсть «Турецкая цыганка», переведенная Е. Ѳ. съ англійскаго, которую ловкій редакторъ подписалъ псевдонимомъ Пушкина, А. Бѣлкинъ, не безъ основанія полагая, что публика смѣшаетъ А. Бѣлкина съ пушкинскимъ И. П. Бѣлкинымъ, а журналъ отъ этого смѣшенія только выиграетъ. Затѣмъ съ 1835 года въ чинѣ титулярнаго совѣтника онъ былъ опредѣленъ библиотекаремъ Московскаго университета и вмѣстѣ съ тѣмъ библиотекаремъ общества

исторіи и древностей (съ 12 іюня 1837 года). Эта первоначальная дѣятельность продолжалась до 1841 года, когда покойный переселился въ Петербургъ. Но онъ пробылъ тамъ не долго и съ 1843 года вернулся въ Москву и занялъ мѣсто редактора-издателя Московскихъ Вѣдомостей. Онъ велъ изданіе этой газеты до 1848 года и опять отправился въ Петербургъ, гдѣ, состоя на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ обязанности редактора Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи (съ 128 № 1849 года до 278 № 1851 года), а также былъ помощникомъ Надеждина по изданію Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ (1851—1855 гг.). Съ ноября 1855 года вторично и уже навсегда Е. Θ. пріѣхалъ въ Москву, такъ какъ былъ приглашенъ раздѣлить труды редакціи по изданію «Русскаго Вѣстника» вмѣстѣ съ главными руководителями журнала—М. Н. Катковымъ и П. М. Леонтьевымъ. Сначала онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ журналѣ и вмѣстѣ съ П. Н. Кудрявцевымъ завѣдывалъ политическимъ отдѣломъ, но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ отношенія между нимъ и редакціей «Русск. Вѣстн.» до того обострились, что дѣло доходило даже до третейскаго суда. Выйдя изъ состава редакціи, Е. Θ. основалъ въ Москвѣ съ 1858 года свой собственный журналъ «Атенеи», въ которомъ помѣстилъ нѣсколько своихъ статей подъ псевдонимомъ Тушцына. Но, несмотря на то, что въ «Атенеи» участвовали многія выдающіяся литературныя силы, журналъ все-таки не пошелъ и въ скоромъ времени прекратилъ свое существованіе, а Е. Θ. долженъ былъ принять на себя редакцію «Вѣдомостей Московской Городской Полиціи» (1859—1861 гг.). Вслѣдъ за такою непрерывною издательскою дѣятельностью Е. Θ. снова началъ свои библиотечарскія занятія: со времени открытія въ Москвѣ Публичной бібліотеки и Румянцевскаго музея (1862 г.) онъ состоялъ въ этихъ учрежденіяхъ бібліотекаремъ, пока болѣзнь, старость и потухающее зрѣніе не заставили его съ 1892 года выйти въ отставку. Онъ употреблялъ всѣ свои силы, чтобы бібліотека была на высотѣ своей задачи и пополнялась систематически по всѣмъ отраслямъ знанія. Не имѣя возможности достигнуть этого при отпускаемыхъ на бібліотеку болѣе чѣмъ скромныхъ средствахъ, онъ приходилъ въ отчаяніе. Эта горькая нота слышится во многихъ его отчетахъ. Всѣ свои силы онъ посвятилъ своему любимому дѣлу и оставилъ свой постъ только тогда, когда зрѣніе совершенно отказалось служить ему.

Уже давно, еще при жизни покойнаго Е. Θ. Корша, появились о немъ сочувственные отзывы. Напримѣръ, П. П. Панаевъ замѣтилъ: «Евгеній Коршъ, уступавшій многимъ относительно литературной дѣятельности, былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ собесѣдниковъ» (Литературныя Воспоминанія, стр. 267). «Это, — писалъ о немъ П. В. Кирѣевскій, — человекъ весьма образованный, честный, благородный до тончайшей скрупулезности и при томъ очень дѣятельный» («Русск. Стар.» 1883 г., кн. 9, стр. 633). Наконецъ проф. С. М. Соловьевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» назвалъ покойнаго «человѣкомъ необыкновенно остроумнымъ, съ громадною начитанностью и пресимпатичною натурой» («Русск. Вѣстникъ», 1896 г., кн. 3, стр. 69). («Моск. Вѣд.» № 276; «Русск. Вѣд.» № 278; «Нов. Вр.» № 7765).

† **О. Э. Шеркъ.** 8-го октября, въ санаторіи Халила по Финляндской жел. дор. скончался молодой писатель Теодор Эдуардовичъ Шеркъ. Покойный, сынъ извѣстнаго учсана и практика Э. Э. Шерка, директора института экспериментальной медицины, родился въ 1872 году и, окончивъ курсъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій, поступилъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, гдѣ, впрочемъ, не окончилъ курса, прекративъ экзаменъ вслѣдствіе личнаго столкновенія съ однимъ изъ профессоръ. Къ этому же времени относится и начало его литературной дѣятельности — издавіе имъ въ 1893 году брошюръ «Система Спинозы» и «Метафизика міровыхъ процессовъ», за которыми послѣдовали «Мысль и рефлексія», Сиб., 1895 г.; «Философія индивидуальности», Сиб., 1895 г.; «О страхѣ смерти и принципѣ жизни», Сиб., 1895 г., «Книга о духѣ моемъ. Поэма», Сиб., 1896 г. и «Диалектика бытія», Сиб., 1897 г. Въ то же время покойный сотрудничалъ въ разлпчныхъ журналахъ (особенно въ «Вопросахъ философіи и психологіи», а позднѣе въ «Гражданинѣ»). Его независимые и крайне своеобразные взгляды съ трудомъ проходили редакціонныя цензуры, что, между прочимъ, и побуждало его выступать съ отдѣльными брошюрами, тратя на нихъ свои послѣдніе скудные средства. Раюно женвшись и смѣло пожертвовавъ для этого всякими матеріальными выгодами и даже родственными связями, покойный естественно долженъ былъ тратить напряженно свои и безъ того слабыя силы на литературную работу.

При содѣйствіи покойнаго Н. П. Страхова, принявшаго въ немъ самое горячее участіе, Шеркъ началъ появляться въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и главнымъ образомъ въ «Нов. Времени», гдѣ постепенно и началъ пріобрѣтать нѣкоторую извѣстность библиографическими замѣтками, которыя подписывалъ то своимъ инициалами Э. Ш., то своимъ полнымъ именемъ, то псевдонимомъ Оръ-Апокрифъ и * * *.

Благодаря сочувственному отношенію В. П. Вурепина и особенно А. А. Суворина, ему наконецъ удалось этими послѣдними работами обезпечить себѣ постоянный заработокъ, но его надорванное уже здоровье не вынесло безпокойной газетной работы, и весною нынѣшняго года у него открылась запущенная скоротечная чахотка. Заоздавніи участіе и поддержка, которыя тогда явились ему на помощь, оказались уже бесполезными, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его не стало. Несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, покойному удалось въ его произведеніяхъ отразить свой безпокойный, порывистый, неровный, но смѣлый и зоркій умъ. Его философскія произведенія слабѣе всего, что имъ было написано, и лишь въ отдѣльныхъ мысляхъ или положеніяхъ выдерживаютъ безпристрастную критику. Напротивъ его библиографическія замѣтки и небольшія критическія статьи обнаруживаютъ несомнѣнное литературное дарованіе. Всего болѣе дѣйствуютъ въ нихъ на читателя необычайная прямота и смѣлость сужденія нерѣдко парадоксальнаго, часто пристрастнаго и односторонняго, но всегда сильнаго какою-то внутреннею цѣльностью. Его независимость и рѣзкая оригинальность, не справлявшіяся ни съ какими ходячими догматами и господствующими воззрѣніями, какъ-то сразу выдѣляли его, несмотря на узкую сферу дѣятельности, вызывая безчисленныя нападки и создавая ожесточенныхъ враговъ. Образъ мыслей его трудно подвести подъ какую нибудь готовую ка-

тегорію; но всего правильнѣе было бы видѣть въ немъ типичный образецъ чловека не русскаго покроя, но проникнувашагося духомъ истинно русской культуры и по свободному убѣжденію преклонившагося предъ ея высшими началами.

† А. Д. Чуркинъ. 27-го сентября, послѣ продолжительной болѣзни, скончался въ селцѣ Зеленая Гора, Мценскаго уѣзда, Орловской губерніи, одинъ изъ севастопольскихъ героевъ, художникъ Александръ Дмитріевичъ Чуркинъ. По выходѣ изъ перваго московскаго кадетскаго корпуса артилерійскимъ офицеромъ, А. Д. участвовалъ, какъ передаютъ «Русск. Вѣдомости», въ венгерской кампаніи, а потомъ и въ славной защитѣ Севастополя, гдѣ за свои подвиги былъ награжденъ золотой саблей. Художникъ по призванію, покойный, по окончаніи крымской кампаніи, поспѣшилъ въ Италію, гдѣ отдался любимымъ занятіямъ живописью. Въ шестидесятыхъ годахъ А. Д. вернулся къ себѣ въ Орловскую губернію и прослужилъ нѣсколько лѣтъ мировымъ посредникомъ. Стремленіе развить свой талантъ побудило его вернуться въ Италію къ художественнымъ занятіямъ. По возвращеніи вновь въ Россію онъ принялъ дѣятельное участіе въ организаціи товарищества «передвижниковъ» и десять лѣтъ ѣздилъ бесплатно съ передвижной выставкой картинъ по разнымъ городамъ Россіи. А. Д. писалъ пейзажи, а главнымъ образомъ лошадей. За картину «Бѣлая лошадь» онъ получилъ медаль.

† А. И. Парвовъ. 25-го сентября, въ Царскомъ Селѣ, послѣ долгой и тяжелой болѣзни скончался предсѣдатель учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, протоіерей синодальной седмии вселенскихъ соборовъ церкви А. И. Парвовъ. Покойный родился въ 1831 году и былъ сынъ бѣднаго сельскаго священника Крестецкаго уѣзда, Новгородской губерніи. Годы дѣтства ему пришлось провести въ нуждѣ и горѣ. Тяжела и скудна была его жизнь и въ школьную пору, когда онъ учился сперва въ Старорусскомъ духовномъ училищѣ и въ Новгородской духовной семинаріи. Какъ лучший воспитанникъ послѣдней, А. И. Парвовъ былъ посланъ семинарскимъ начальствомъ на казенный счетъ въ С.-Петербургскую духовную академію. Здѣсь онъ заявилъ себя, какъ талантливый и усердный юноша. Въ 1857 году, онъ съ отличіемъ кончилъ академію третьимъ магистромъ. Первые два мѣста заняли: И. О. Осининъ и И. Ѡ. Нилскій. Ректоромъ академіи тогда былъ Макарій, извѣстный просвѣщенный богословъ, вносѣдствіи митрополита московскій. Его свѣтлый, проникающій ужъ угадалъ дарованія молодыхъ людей; онъ всѣхъ троицъ оставилъ при академіи и не ошибся: петербургская академія гордится этой триадой; всѣ трое оказались даровитѣйшими профессорами, сдѣлавшими богатые вклады въ богословскую науку. Къ сожалѣнію, всѣ трое уже въ могилѣ... А. И. Парвовъ былъ назначенъ бакалавромъ по кафедрѣ гомилетики; одновременно съ этимъ онъ читалъ лекціи по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ. Въ 1859 году А. И. перешелъ на кафедру церковнаго законовѣдѣнія. 30-го апрѣля 1860 года Парвовъ рукоположенъ былъ въ священника къ церкви св. архистратига Михаила въ Инженерномъ замкѣ и назначенъ законоучителемъ нижнихъ чиновъ гальванической учебной роты. Въ то же время онъ не оставлялъ чтенія лекцій въ академіи. Наука «каноническое право» была тогда новая въ академіи, и потому о. Алексѣю приходилось разрабатывать ее вновь. Благодаря своимъ

богатымъ способностямъ, онъ трудился на этомъ ученомъ поприщѣ съ честью для себя и съ пользою для науки. Лекціи его вызывали живѣйшій интересъ и всегда усердно посѣщались студентами. Плодомъ его занятій былъ замѣчательный трудъ, наданный имъ въ 1864 году и не потерявшій своего значенія до сихъ поръ: «Практическое изложеніе церковно-гражданскихъ постановленій въ руководство священнику при совершеніи важнѣйшихъ требъ церковныхъ». Около того же времени въ «Христіанскомъ Читаніи» онъ напечаталъ свои ученые статьи: «Охраненіе православной вѣры въ древней вселенской церкви», «Изложеніе каноническихъ постановленій о бѣломъ духовенствѣ», «Постъ св. четыредесятиницы по древнимъ правиламъ и обычаямъ». Во вниманіе къ ученымъ заслугамъ, 2-го іюля 1864 года, о. Алексѣй былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ академіи. 6-го октября 1865 года, къ прискорбію сослуживцевъ и студентовъ, о. Алексѣй покинулъ службу въ академіи. По ходатайству принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, онъ былъ перемѣщенъ на должность священника, законоучителя и профессора церковнаго права въ императорское училище правовѣдѣнія. Новое мѣсто служенія о. Алексѣя въ аристократическомъ привилегированномъ заведеніи насколько было заманчиво и лестно, настолько же тяжело и отвѣтственно, особенно въ шестидесятые годы, когда въ обществѣ происходило сильное броженіе и въ него проникли съ запада антихристіанскія вѣянія. Тѣмъ не менѣе о. Парвовъ оказался на высотѣ своего призванія. Далекій отъ всякаго низкопоклонничества, Парвовъ сумѣлъ заслужить общее уваженіе и имѣлъ доброе вліяніе и на своихъ питомцевъ-правовѣдовъ. Кромѣ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, о. Алексѣй преподавалъ еще (1867 г. 15 августа—1871 г.) Законъ Божій въ Марининской женской гимназіи, богословіе на педагогическихъ курсахъ с.-петербургскихъ женскихъ гимназій (съ 1-го января 1868 г.); состоялъ членомъ-корреспондентомъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ (съ 31-го октября 1866 г.), членомъ учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ (съ 21-го мая 1871 года) и членомъ петербургскаго губернскаго училищнаго совѣта (17-го іюля 1874 г.—20 декабря 1877 г.). 6-го мая 1869 года, о. Алексѣй награжденъ былъ саномъ протоіерея, а 6-го ноября 1882 года, назначенъ заслуженнымъ профессоромъ императорскаго училища правовѣдѣнія. 22-го января 1883 года, по высочайшему повелѣнію Парвовъ занялъ вакантное (за смертью протоіерея о. І. В. Васильева) мѣсто предсѣдателя учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ. Конечно, ему пришлось оставить прежнюю службу и всецѣло посвятить себя административной дѣятельности. Высшій надзоръ за духовно-учебными заведеніями, педагогическое въ нихъ дѣло, выборъ и назначеніе туда преподавателей и воспитателей, постановка въ духовныхъ школахъ учебнаго дѣла и дисциплины, выборъ наукъ и составленіе ихъ программъ и учебныхъ пособій, ревизія заведеній, отчеты о состояніи духовно-учебнаго дѣла, поправки и измѣненія въ его постановкѣ и т. д.—вотъ та сфера, въ которой вращался съ 1871 года и которою съ 1883 года до самой смерти руководилъ Парвовъ. При его дѣятельнѣйшемъ участіи произведена была въ 1884 году реформа нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, такъ много улучшившая ихъ состояніе. О. Алексѣй подготавливалъ новую ихъ реформу, какъ вдругъ былъ отозванъ въ новый міръ..

Почившій былъ неутомимый труженикъ и подавалъ собою примѣръ самоотверженнаго служенія долгу; онъ отличался рѣдкою прямою характера, независимостью сужденія, правдивостью и неподкупною честностью. Его высокія качества по достоинству цѣнились. Онъ имѣлъ всѣ высшіе знаки отличія, доступные блгому духовенству: митру, ордена: Владимира 2-й степени, Анны 1-й степени и наперсный крестъ изъ кабинета его величества. 28-го сентября, тѣло его перевезено было въ Александро-Невскую лавру; гдѣ 29-го, послѣ отпѣванія, совершеннаго высокопресвященнымъ архіепископомъ рижскимъ Арсеніемъ и пресвященными—Гуріемъ, Іоанномъ и Пазаріемъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства, было предано землѣ на Никольскомъ кладбищѣ.

**This book is a preservation photocopy.
It was produced on Hammermill Laser Print natural white,
a 60 # book weight acid-free archival paper
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
☐
1995**

3 2044 024 593 782

